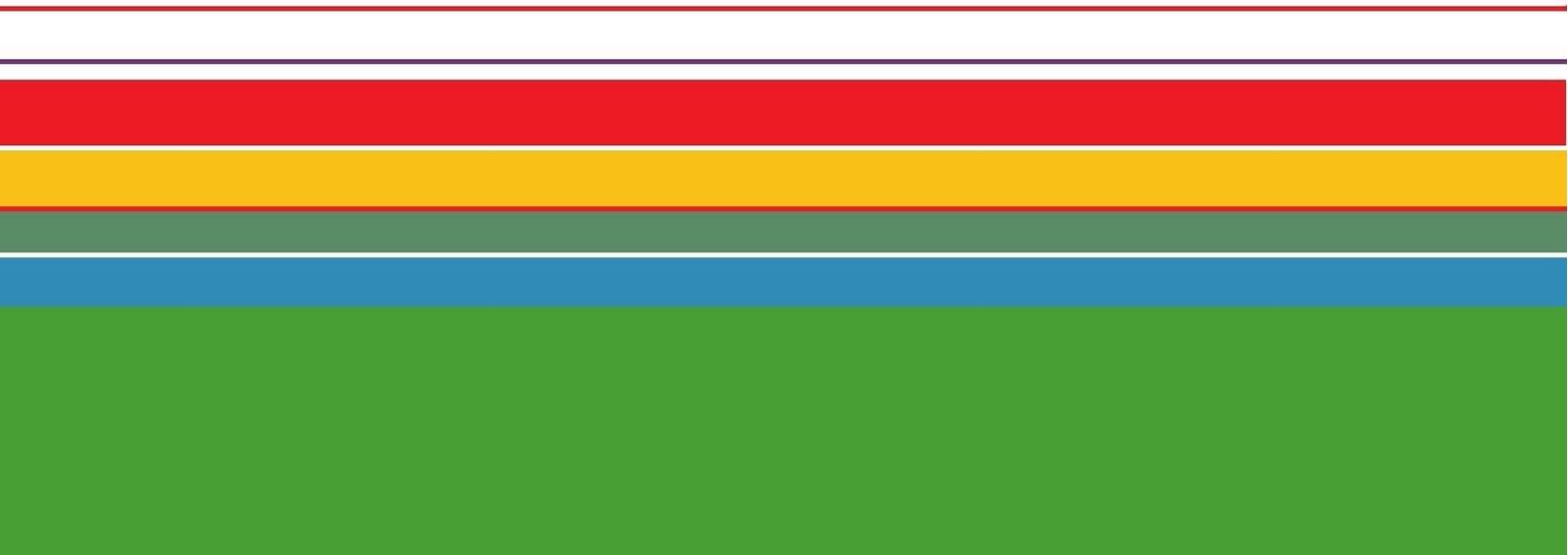
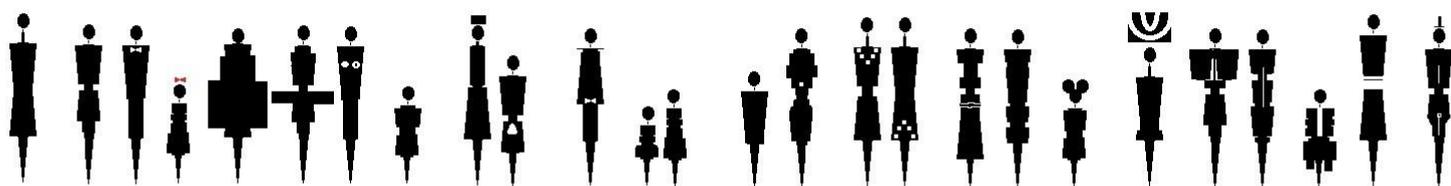

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РУСИСТИКИ

Главные редакторы

Жоан Кастельви
Андрей Зайнудинов
Иван Гарсия
Марк Руис-Соррилья

**Актуальные проблемы
и перспективы русистики**

*Current trends and Future Perspectives in
Russian Studies*

**Актуальные проблемы
и перспективы русистики**

*Current trends and Future Perspectives in
Russian Studies*

Редакторы
Жоан Кастельви
Андрей Зайнульдинов
Иван Гарсия
Марк Руис-Соррилья

Trialba Ediciones

 МКР-Барселона 2018

Актуальные проблемы и перспективы русистики

Ред.: Жоан Кастельви, Андрей Зайнульдинов, Иван Гарсия, Марк Руис-Соррилья

Current Trends and Future Perspectives in Russian Studies

Eds.: Joan Castellví, Andrey Zainouldinov, Ivan Garcia, Marc Ruiz-Zorrilla

Материалы по итогам Международной конференции русистов в Барселонском университете,
МКР-Барселона 2018.

Proceedings of the International Conference on Russian Studies at the University of Barcelona,
MKR-Barcelona 2018.

Copyright © текстов: коллектив авторов

Copyright © издания: Estudis Eslaus, Departament de Llengües i Literatures Modernes i Estudis
Anglesos, Universitat de Barcelona

ISBN: 978-84-949838-0-1

D.L.: 29.600-2018

Издательство / Published by: Trialba Ediciones
Diputació 216, 08007 Barcelona, Spain

Введение

Настоящий сборник статей включает в себя материалы по итогам Конференции МКР-Барселона 2018. Для участия в конференции было получено 376 заявок, из которых после рецензирования было принято 246 докладов. Статьи, опубликованные в настоящем сборнике, созданы на основе принятых докладов и сохраняют авторскую редакцию.

На конференции были представлены доклады, посвященные новым направлениям исследований, которые отражают современное состояние русской лингвистики, литературы и преподавания русского языка как иностранного (РКИ).

Главы сборника соответствуют секциям конференции:

- Глава 1. Современная русская литература.
- Глава 2. Русская литература в мировой культуре: восприятие, переводы, рецептивная эстетика.
- Глава 3. Теоретическая и прикладная лингвистика.
- Глава 4. Русский язык как иностранный: новые подходы и авторские школы в преподавании РКИ; тестирование и оценка уровня владения русским языком; мультимедийное обучение (E-learning).
- Глава 5. Описание и анализ русского языка: фонетика, фонология, морфология, лексикология, фразеология, семантика, синтаксис.

Статьи расположены по алфавитному порядку фамилии авторов. Сначала предлагаются работы на русском языке, а в конце каждой главы – на английском.

Многие представленные здесь материалы позволяют нам по-новому взглянуть на возможности создания моделей аналитических средств и инструментов, обуславливающих эффективность прогресса в понимании научных явлений и данных. Этим подчеркиваются приоритеты настоящего сборника: отметить важность инновационных работ в современном состоянии русистики.

Цель данной публикации – предложить заинтересованному читателю сборник статей, в значительной степени обобщающий исследования разных областей литературы, теоретической, прикладной и дескриптивной лингвистики, а также РКИ.

Редакторы сборника пользуются возможностью искренне поблагодарить всех авторов, Научный комитет конференции и рецензентов за плодотворное сотрудничество. Также выражаем благодарность Барселонскому университету за административную помощь и поддержку, без которых было бы невозможно проведение такого масштабного мероприятия.

Надеемся на дальнейшее сотрудничество!

Жоан Кастельви

Андрей Зайнудинов

Оглавление

Введение	i
Оглавление	iii
Глава 1	
Современная русская литература.	
Представление о жестокости как этический и эстетический феномен в индоевропейских культурах	
<i>Анастасьева Ирина Леонидовна</i>	3
Роман Елены Чижовой «Китаист» в контексте современной культурно-языковой ситуации в России	
<i>Арзамова Ольга Витальевна</i>	12
Образы Испании в «Гении места» Петра Вайля	
<i>Банах Ирина Вячеславовна</i>	20
Ранняя анархистская (анти)утопия и ее трансформация в современной русской литературе	
<i>Буренина-Петрова Ольга Дмитриевна</i>	33
Мария Степанова «Памяти памяти»: память, история, еврейство	
<i>Васильева Элина</i>	44
Специфика интертекстуальности в литературе русского постмодернизма	
<i>Витковская Леокадия Васильевна, Головченко Игорь Федорович</i>	53
Усадебный текст в современной русской поэзии: семантика, синтактика, прагматика	
<i>Гриневич Ольга Артуровна</i>	64
«Современность современной литературы» в оценках литературной критики 2000-2010-х гг.	
<i>Житенев Александр Анатольевич</i>	74
История в пространстве «Петербургского текста» Михаила Кураева	
<i>Исаева Елизавета Ильинична</i>	84
Философские идеи В. Соловьева в <i>Сонечке</i> Л. Улицкой	
<i>Йвович Татьяна</i>	93
«Свой чужой мир»: травелог как синтетическая жанровая модель в современной русской литературе	
<i>Кислова Лариса Сергеевна, Эртнер Дарья Евгеньевна</i>	106

Б. Л. Пастернак и революция: иллюзии и реальность <i>Кишондзер Мария Карловна</i>	116
Прецедентные антропонимы русской культуры в польских переводах <i>Мальса Оксана</i>	127
Художественно-эстетический потенциал малой прозы в. Г. Распутина <i>Митрофанова Ирина Анатольевна, Старовойтова Ольга Альбертовна</i>	137
Роль литературных журналов «Эхо» и «Стетоскоп» в культурной жизни русской эмиграции во Франции <i>Осипова Нина Осиповна</i>	149
Дискурс «подпольного сознания» в современной русской литературе <i>Подчиненов Алексей Васильевич</i>	158
Визуальность современной литературы: от типографики до медиапоэзии <i>Семьян Татьяна Федоровна</i>	168
Зачеркивание vs дополнение: редакторская и кинематографическая версии романа В. Аксенова «Таинственная страсть» <i>Снигирева Татьяна Александровна</i>	177
Культурно-литературная среда русского севера в 1950–1960-е гг. <i>Столетова Анна Сергеевна</i>	184
Модернистские коды в поэтике постмодернистской русской драмы рубежа XX – XXI веков <i>Страшкова Ольга Константиновна, Купреева Ирина Валерьевна, Бабенко Ирина Андреевна</i>	195
Мотив – образ курительной трубки в романе С. И. Щепотьева «Преданья русского семейства» <i>Стрельникова Наталия Даниловна</i>	208
Традиция иного памятника в дружеских посланиях XX – XXI вв. <i>Толысбаева Жанна Женисовна</i>	219
«Ситуация поезда» – метафора творчества Елены Долгопят. Русский вариант современного магического реализма <i>Трояновская Уршуля</i>	231
«Поэта возвратный путь в рай»: <i>райский текст</i> в русской поэзии первой половины XX века <i>Цимборска-Лебода Мария</i>	243
‘Anti-akathist’ by Joseph Brodsky <i>Olga Gasselblat</i>	254

Глава 2.

Русская литература в мировой культуре: восприятие, переводы, рецептивная эстетика.

Трансформация «творческого потенциала» стихотворного наброска А.С. Пушкина «В голубом эфире поле...» в русской литературе XIX – XX вв. <i>Абрамовских Елена Валерьевна</i>	263
Восприятие образа императрицы Екатерины II в исторических биографиях конца XVIII – начала XIX века: мифологизация – демифологизация – ремифологизация образа «просвещенной государыни» <i>Акимова Татьяна Ивановна</i>	278
Рецепция приемов стернианского повествования в «Былях и небылицах» Екатерины II <i>Алпатова Татьяна Александровна</i>	288
Из грузинской «пушкинианы» <i>Гоголадзе Тамар Ахмедионовна</i>	296
«Приклады, како пишутся комплементы разные» и эпистолярная норма в дипломатической переписке русских государей с венецианской республикой (XVII-XVIII вв.) <i>Карданова Наталия Борисовна</i>	302
Стратегии перевода интертекстуальных единиц в прозе Б. Акунина <i>Ковалевич Елена Павловна, Томашева Ирина Владимировна</i>	315
Свобода чувства и свобода воли в исполнении интеллектуального героя (на материале провинциальной прозы начала XX века) <i>Коковина Наталья, Михайлова Ирина</i>	323
Постановка «Ревизора» Н.В. Гоголя на турецкой сцене: актуальность и универсальность <i>Ключюк Камиле Синем</i>	331
«Женитьба» Николая Гоголя в польских переводах <i>Любоха-Круглик Иоланта</i>	338
Некоторые аспекты изучения русской и советской литературы студентами медицинского вуза в рамках раздела «Русская философия» <i>Ненашев Егор Сергеевич</i>	346
Концептуализация художественного мира Марины Цветаевой чешского периода в контексте диалога культур <i>Полехина Майя Мударрисовна</i>	354
«Двенадцать стульев» как феномен переводной множественности <i>Разумовская Вероника Адольфовна</i>	365
История и особенности развития перевода русской литературы на баскский язык: 1956-2017 <i>Sancho Insausti Iker</i>	375

Русский интертекст в драмах П. Хакса <i>Сейбель Наталия Эдуардовна</i>	387
Тайна книги как сюжетобразующий элемент в романах В.В. Набокова «Дар» и К.Р. Сафона «Тень ветра» <i>Степанова Надежда Сергеевна</i>	397
Русская литература в арабском мире <i>Тунси Мохсен</i>	410
Способы нулевой квантификации в русском и английском тексте романа И. Бунина «Жизнь Арсеньева» <i>Фан Цзяньвей</i>	421
Глава 3.	
Теоретическая и прикладная лингвистика.	
Сопоставительный анализ коллокационных сетей с целью обучения иностранному языку (на материале русского, французского и грузинского корпусов) <i>Адамия Зоя Константиновна, Саная Нино Тенгизовна</i>	433
Высказывания с неопределенными местоимениями в медийном дискурсе: прагматический потенциал <i>Байгарина Герта Петровна</i>	444
Неопределенные местоимения как способы выражения оценки <i>Газарова Диана Юрьевна</i>	456
Грамматическая норма и узус: причины расхождений <i>Григорьян Елена Леонидовна</i>	465
Эвфемизмы в текстах СМИ: прагматический и семантический аспекты <i>Зверева Марианна Ивановна</i>	474
Взаимосвязь тематики диалектного текста и пола говорящего (на материале Томского диалектного корпуса) <i>Земичева Светлана Сергеевна</i>	483
Аналитические тенденции в терминообразовании (на материале русской лингвистической терминологии) <i>Маринова Елена Вячеславовна</i>	493
Способы придания достоверности информации в нативной рекламе <i>Миронова Наталия Изяславовна</i>	502

Говорящий вчера, сегодня, завтра, или ролевой набор участника коммуникации <i>Попова Татьяна Ивановна</i>	514
Концепция преподавания русского языка будущим специалистам лингвистических служб международных организаций (уровень магистратуры) <i>Поршнева Елена Рафаэлевна, Макшанцева Наталия Вениаминовна</i>	525
Анализ «прецедентных феноменов» в лингвистической экспертизе российских медиатекстов <i>Радбиль Тимур Беньюминович, Юматов Василий Алексеевич, Гранева Ирина Юрьевна, Наговицына Наталья Валерьевна</i>	536
Русские прилагательные и наречия со значением положительных эмоций (на корпусном материале) <i>Рудык Анна</i>	547
Возможности Национального корпуса русского языка в лингвокультурологии и исследовании текста <i>Фролова Ольга Евгеньевна</i>	559
Lexical Knowledge in Heritage Russian: Linguistic and Cultural Aspects <i>Gridneva Ekaterina Mikhailovna</i>	571
 Глава 4.	
Русский язык как иностранный: новые подходы и авторские школы в преподавании РКИ; тестирование и оценка уровня владения русским языком; мультимедийное обучение (E-learning).	
Прецедентные онимы в лингвокультурологическом и лингводидактическом аспектах <i>Бугаева Ирина Владимировна</i>	583
Дидактический потенциал использования интернет-технологий в обучении русскому языку как иностранному <i>Бусел Татьяна Викторовна</i>	591
Возможности развития творческих способностей китайских учащихся на уроке РКИ <i>Вертунова Нина Леонидовна, Ковалева Наталья Анатольевна, Мартынова Маргарита Александровна, Боровикова Марина Владиславовна</i>	599
Использование ТА подхода на занятиях по РКИ в Государственной школе языков <i>Голубятникова Анна Владиславовна</i>	609
Обучение русскоязычному дискурсу иностранных студентов через культуру и образ жизни народов Сибири <i>Гураль Светлана Константиновна, Петрова Галина Ивановна</i>	621

Дистанционное взаимодействие преподавателя и иностранных студентов-филологов в рамках курса РКИ на базе платформы ТУИС (уровень В2)	
<i>Дерябина Светлана Александровна, Митрофанова Ирина Игоревна</i>	634
Лексическая основа тестирования по иностранным языкам на уровнях А1, А2, В1 в системах ТРКИ, Cambridge English, DELF, DELE, HSK: сходство и различия	
<i>Дунаева Лариса Анатольевна, Руис-Соррилья Крусате Марк</i>	
<i>Варламов Александр Александрович</i>	647
Определение уровня владения русским языком как иностранным в Испании как часть международной системы тестирования	
<i>Зайнульдинов Андрей Ахметович</i>	655
Мобильные приложения как инструмент формирования мотивации греческих учащихся к изучению русского языка	
<i>Калита Оксана Николаевна, Павлидис Георгий Стельевич</i>	664
Словообразовательное моделирование на уроках РКИ и развитие языковой эмпатии у будущих филологов-лингвистов	
<i>Карпенко Илья Евгеньевич</i>	675
Резервы повышения эффективности обучения лексике с учетом данных психолингвистики (на материале уроков РКИ в турецкой аудитории)	
<i>Климкина Ольга Игоревна</i>	682
Специфика профессионально ориентированной коммуникации иностранных выпускников экономических вузов РФ	
<i>Клобукова Любовь Павловна, Нестерская Лия Александровна,</i> <i>Норейко Лариса Николаевна</i>	696
Экскурс в систему русского словообразования: что дает методике «строгая» лингвистика	
<i>Ласкарева Елена Ромуальдовна</i>	708
Соотношение нормы и узуса (к проблеме преподавания курса «русский язык и культура речи» в иностранной аудитории)	
<i>Литвинова Галина Михайловна, Есакова Мария Николаевна</i>	719
Освоение семантического пространства русского языка иностранцами	
<i>Макшанцева Наталия Вениаминовна</i>	728
Особенности обучения монологическим формам научного стиля речи студентов-иностранцев	
<i>Митрофанова Ирина Игоревна</i>	736
Решение задач довузовского этапа обучения средствами российской антропологической лингводидактики	
<i>Мухаммад Людмила Петровна, Татаринова Наталья Васильевна</i> <i>Халеева Ольга Николаевна, Бертякова Анна Николаевна</i>	746

Использование видеоматериалов на уроках РКИ в Сербии <i>Наумович Гордана</i>	759
Субтест «письмо» на высоком уровне владения РКИ: проблемы продуцирования самостоятельного текста (третий сертификационный уровень/С1) <i>Некрасова Людмила Николаевна, Норейко Лариса Николаевна</i>	765
Интернет-радиоресурсы как основа новой технологии в обучении русскому языку как иностранному <i>Нестерова Наталья Георгиевна</i>	773
Лингвокраеведческий подход в обучении русскому языку как иностранному <i>Никитина Татьяна Геннадьевна, Роголёва Елена Ивановна</i>	782
Использование аутентичных видеоматериалов в обучении РКИ: цели и виды работы <i>Новикова Виктория Викторовна</i>	791
Формирование лингвистических умений анализа внутренней формы на занятиях по РКИ <i>Полонникова Екатерина Геннадьевна</i>	802
Незнакомое в знакомом: разговорные и жаргонные значения некоторых русских глаголов <i>Полухина Яна Петровна</i>	806
Взаимопроверка как форма контроля усвоения знаний в системе мультимедийного обучения <i>Попова Татьяна Игоревна</i>	817
Обучение научно-профессиональному общению: лингвокультурный аспект <i>Пугачев Иван Алексеевич, Будильцева Марина Борисовна, Варламова Ирина Юрьевна</i>	825
Тестирование как одна из форм контроля и обучения русскому языку как иностранному <i>Раудла Елена</i>	834
Специфика обучения фразеологизмам в неязыковой среде <i>Сихарулидзе Жужуна, Авидзба Лейла</i>	845
Организация рефлексивной деятельности учащихся в ходе онлайн-переписки на иностранном языке <i>Сологуб Ольга Павловна</i>	851
Совершенствование социокультурной и лингвистической компетенций иностранных студентов при изучении произведений русской классики на основе мультимедийного обучения <i>Стенина Наталья Семеновна</i>	863

Компетентностный подход к оцениванию коммуникативной компетенции студентов <i>Тарева Елена Генриховна</i>	871
Учебно-методический комплекс по русскому языку как иностранному на начальном этапе обучения: опыт создания и использования <i>Тихоненко Елена Викторовна, Лазовская Анна Ивановна, Ивашень Елена Ивановна, Кузьмина Татьяна Васильевна</i>	880
Роль этноязыковой картины мира в национально – ориентированном обучении русскому языку <i>Треблер Светлана Моисеевна</i>	890
Содержание обучения РКИ и формы контроля (уровни В2-С1) в учебном комплексе «В мире людей» <i>Ускова Ольга Александровна, Макова Марина Николаевна</i>	903
Новый подход в обучении пониманию и смысловому моделированию русскоязычных учебно-научных текстов и его интерактивная компьютерная поддержка <i>Харзеева Светлана Элезаровна, Бочанова Наталья Николаевна</i>	911
Использование документальных фильмов в обучении чтению на уроках русского языка как иностранного на довузовском этапе <i>Черкашина Елена Леонидовна</i>	923
Интертекстуальность как основа интерпретации художественного текста на иностранном/русском языке <i>Яценко Ирина Иосифовна</i>	933
The Use of a Case Method on Russian as a Foreign Language Lessons for Formation Cultural Competence <i>Antonova Lina Nikolaevna</i>	941
A Contrastive and Qualitative Approach to the Discussion of Phonetic Errors in the Study of Russian as a Foreign Language for Hispanophones <i>Camilo-Pietri Marco-Andrés</i>	950
Assessment Literacy of Russian as a Foreign Language (RFL) Teachers <i>Drackert Anastasia, Stadler Wolfgang</i>	963
Teaching Russian Language Discourse to Foreign Students Through the Culture and Ways of Life of the Peoples of Siberia <i>Gural Svetlana, Petrova Galina</i>	974
“Tellers of Us”: The Use of Digital Storytelling in the Heritage Classroom <i>Korshunova Svetlana</i>	986

The Use of Folklore Materials in Russian as a Foreign Language Lesson: The Case of Ivan The Fool	
<i>Roitberg Natalia</i>	994
A Business Russian Textbook for Advanced Learners: Criteria for the Selection of Materials	
<i>Tsiskarashvili Dmitri</i>	1003

Глава 5.

Описание и анализ русского языка: фонетика, фонология, морфология, лексикология, фразеология, семантика, синтаксис.

К вопросу о семантическом соотношении трансформированного фразеологизма-заголовка с текстом статьи	1009
<i>Аймагамбетова Малика Муратовна</i>	
Роль словообразовательной категоризации в формировании языковой картины мира (на материале разноструктурных языков)	
<i>Араева Людмила Алексеевна, Ли Станислав Игоревич</i>	1023
Образная экспансия окказиональных метафор: динамический аспект рассмотрения	
<i>Барбазюк Вера Юрьевна</i>	1033
Арготическая лексика в современной русской поэзии	
<i>Бирих Александр</i>	1040
Русская устная речь в диалоге культур, или что слышат от нас носители других языков	
<i>Богданова-Бегларян Наталья Викторовна</i>	1048
Сравнения с параметрическими прилагательными <i>большой</i> и <i>малый</i> в аспекте лингвокультурологии	
<i>Боева Наталья Евгеньевна</i>	1058
Динамика функционирования зоолексем во фразеологизмах русского, китайского и телеутского языков	
<i>Булгакова Ольга Анатольевна, Денисова Эльвира Степановна</i>	1065
Метаграфемика в создании эмотивного кода русского рассказа XXI века	
<i>Вяткина Светлана Вадимовна</i>	1075
Символика вкуса в русской, сербской и испанской лексике и фразеологии	
<i>Голяк Светлана Владимировна, Пейович Анджелка</i>	1085
Процессы терминологизации и детерминологизации экономической лексики	
<i>Григорянова Татьяна</i>	1098

Общие и частные закономерности порождения специфического анекдотного текста: черный юмор в русской и французской лингвокультурах <i>Диасамидзе Виктория Григорьевна</i>	1097
<i>Не по хорошу мил, а по милу хорош</i> : к вопросу о значении кратких и полных форм прилагательных в современном русском языке <i>Дреер Игорь</i>	1117
Эмотивные конструкции в произведении С. Довлатова и их перевод на китайский язык <i>Е Сянлин, Сюй Каваи, Цай Цзели</i>	1130
Взаимосвязь тематики диалектного текста и пола говорящего (на материале Томского диалектного корпуса) <i>Земичева Светлана Сергеевна</i>	1137
Вставные конструкции в романе П. Крусанова «Железный Пар» <i>Зорина Екатерина Сергеевна</i>	1147
Аксиологическая сфера концепта „успех“ в русском и болгарском языках <i>Иванова Неля Стефанова</i>	1156
Вариативность реализации ключевого концепта <i>хлеб</i> в разных типах русской речевой культуры <i>Иванцова Екатерина Вадимовна</i>	1164
Концепт «закон» в языке современных СМИ (сквозь призму лексической сочетаемости) <i>Ивина Мария Константиновна, Селиверстова Елена Ивановна</i>	1174
К вопросу о синтаксической обособленности звукоподражательных глагольных междометий <i>Канерва Оксана</i>	1184
Пословицы и поговорки на уроках русского языка как иностранного (анализ польских учебников для гимназистов) <i>Карольчук Мажанна</i>	1193
«Идут лавины одна за одной»: к лексикографическому описанию русского и французского существительных со значением ‘лавина’ <i>Кользун Лидия Юрьевна, Крылосова Светлана Геннадьевна,</i> <i>Польгер Ален</i>	1204
Устойчивые выражения как этносемантическая реализация синонимов концепта «трусость» в разноструктурных языках <i>Керексибесова Урсула Валерьевна</i>	1217

Аутентичные видеоматериалы в процессе обучения русским фразеологизмам на уроках РКИ	
<i>Кишиневская Ольга</i>	1225
Совпадающие образы и исходные смыслы в русских поговорках и идиомах	
<i>Ковшова Мария Львовна</i>	1236
Обратный машинный перевод как инструмент описания глагольной семантики (на материале конструктивных глаголов русского языка)	
<i>Константинова Нина Анатольевна, Лебедева Наталья Борисовна</i>	1247
Синтаксис и языковая картина мира (на материале русского, английского и испанского языков)	
<i>Коровкина Марина Евгеньевна</i>	1256
Ментальные глаголы в метатекстовых конструкциях	
<i>Кустова Галина Ивановна</i>	1263
Фразеологическая картина художественного текста в ментальной карте для отражения языковой картины мира	
<i>Лежнева Ольга Владимировна</i>	1274
Интернет во фразеологии и фразеология в Интернете	
<i>Ломакина Ольга Валентиновна</i>	1282
Сфера действия в русских инфинитивных конструкциях с контролем	
<i>Лютикова Екатерина Анатольевна, Татевосов Сергей Георгиевич</i>	1290
Макроконцепт «род, семья» в русской поговорочной картине мира	
<i>Марфина Жанна Викторовна</i>	1302
Особенности ассоциативного поля «удивление» в русском языке (на материале ассоциативного эксперимента)	
<i>Мисисян Серине Седраковна</i>	1310
Древняя славянорусская переводная письменность и мировая культура	
<i>Наванович Людмила Михайловна</i>	1319
"Широкое" и "узкое" понимание фразеологии. К проблеме лексикографического описания фразеологического состава русского языка	
<i>Найдина Татьяна Евгеньевна, Полякова Елена Константиновна</i>	1329
Предикативный атрибут в русском языке. Проблемы грамматики и семантики	
<i>Найдич Лариса Эриковна, Павлова Анна Владимировна</i>	1340

Название верхней и зимней одежды в архангельских говорах <i>Ненашева Лариса Викторовна</i>	1354
<i>Что гласит мудрость...</i> (о современном использовании фразеологических метаоператоров) <i>Николаева Елена Каировна</i>	1364
Вербализация категории количественности лексическими средствами в русском языке. Ономасиологический анализ <i>Нобис-Влязло Катажина</i>	1372
Становление и развитие медицинского жанра «сказка» в документах «Аптекарского приказа» XVII в. <i>Олехнович Ольга Георгиевна</i>	1383
Эвфемизмы на тему рождения и смерти в современной русской речи <i>Орлова Ольга Сергеевна</i>	1394
Проект создания информационно-поисковой системы на базе «Словаря метафор и сравнений русской литературы XIX-XXI вв.» <i>Петрова Зоя Юрьевна, Ребецкая Наталья Александровна, Фатеева Наталья Александровна</i>	1406
Записки путешественников в XIX веке: особенности прагматики и языка <i>Пушкарева Наталья Викторовна, Руднев Дмитрий Владимирович</i>	1417
Читатель в зеркале текста: языковой и социолингвистический аспекты <i>Пушкарева Наталья Викторовна</i>	1428
Лексико-словообразовательные инновации в современных российских масс-медиа <i>Рацибурская Лариса Викторовна</i>	1440
Приемы экспрессивного синтаксиса в русской рекламе <i>Анна Романик</i>	1453
Синтаксические особенности текстов-комментариев социальной сети Twitter <i>Романова Татьяна Владимировна</i>	1464
Внешность человека в семантике пословиц как модель ценностей повседневной культуры <i>Рябова Марина Юрьевна, Маринова Елена Дмитриевна</i>	1476
Имперфективы типа <i>ходить</i> и перфективы типа <i>сходить</i> : статус аспектуальных отношений <i>Самедова Незрин Гусейнгузы</i>	1482
Речевой этикет и распределение социальных ролей (на материале русских пословичных запретов) <i>Сванидзе Кетеван Автандиловна</i>	1495

Актуальные проблемы современной этнонимии	
<i>Сироткина Татьяна Александровна</i>	1504
Семантических особенностях глаголов вторичной имперфективации: их не/совместимость со значениями длительности и законченности	
<i>Соболева Валентина Савельевна</i>	1516
Динамика интернационального ядра русской фразеологии	
<i>Степанова Людмила</i>	1529
Сопоставительная фразеология: корпус зооморфизмов в русском и испанском языках	
<i>Суарес Куадрос Симон Хосе</i>	1538
Русские и хорватские фразеологизмы с компонентом бомба (bomba)	
<i>Финк Желька</i>	1547
Основные тенденции развития русско-турецкой учебной глагольной лексикографии	
<i>Хамуркопаран Джахит</i>	1557
История полиэтнического региона в «зеркале» народной речи: о проекте регионального диалектного корпуса	
<i>Харламова Марина, Лавров Дмитрий</i>	1564
Реализация семантики 'ущерб' и 'возмещение ущерба' в русской правовой лексике X – XIV вв.	
<i>Чащина Елена Анатольевна</i>	1573
Русские пословицы в диалоге: дискурсивно-прагматический подход к описанию	
<i>Шаронов Игорь Алексеевич</i>	1582
Единица такой в русской спонтанной речи: на пути от значения к функции?	
<i>Шклярук Екатерина Ярославовна</i>	1590
Сакрализация и десакрализация концепта «благополучие» в восточнославянском языковом пространстве	
<i>Шкуран Оксана Владимировна</i>	1598
Russian among the European Languages	
<i>Holger Baumann</i>	1609
German Borrowings in the Russian Language Form the Age of Peter the Great and their Existence Today (On Materials from N. Smirnov's Dictionary Словарь иностранных слов, вошедших в русский язык в эпоху Петра Великого, 1910)	
<i>Paraskova Mladenova Marinela</i>	1617
Grammatical Gender in Ninilchik Russian	
<i>Steriopolo Olga</i>	1631

Глава 1.

Современная русская литература.

**ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ЖЕСТОКОСТИ КАК ЭТИЧЕСКИЙ И
ЭСТЕТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН
В ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ КУЛЬТУРАХ**

*Анастасьева Ирина Леонидовна
МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия
anastasyevairina@gmail.com*

**A CONCEPTION OF CRUELTY AS AN ETHICAL AND AESTHETIC
PHENOMENON
IN INDO-EUROPEAN CULTURES**

*Anastasyeva Irina
Lomonosov Moscow State University, Russia*

АННОТАЦИЯ

Николай Евреинов в книге "Телесные наказания в Русском Праве" исследовал генезис физических расправ и репрессий в Древней Руси и царской России. Если проявление жестокости в русской культуре прежних веков связывали с проникновением в нее элементов азиатской культуры во время монгольского нашествия, то Евреинов уверен в греко-римском влиянии, проявившемся в характере и формах юридических расправ, устраиваемых на Руси. Будучи не только юристом по образованию, но и театральным постановщиком, Николай Евреинов интересовался возможностью избавления от жестокости с помощью театра. О театре жестокости писал и французский теоретик театра Антонен Арто.

ABSTRACT

Nikolai Evreinov researched on the genesis of physical reprisals and repressions in Ancient Rus and Tsarist Russia in the book "Corporal Punishment in Russian Law". Although the manifestations of cruelty in ancient Russian culture were associated with Asian cultural elements during the Mongol invasion, Evreinov is sure of the Greco-Roman influence on the nature and forms of legal reprisals that were being arranged in Russia. Being not only a lawyer by training, but also a theater director, Nikolai Evreinov was interested in the possibility of getting rid of cruelty with the help of the theater. The French theater theorist Antonin Artaud also wrote about the "cruelty theater" in his works.

Ключевые слова: Н. Евреинов, А. Арто, театротерапия

Keywords: N. Evreinov, Antonin Artaud, theater as therapy

Человеческие интенции, мотивация, переживания, духовный мир, психологически амбивалентные чувства — все эти дефициты принадлежат к категории тех сторон

человеческого бытования и бытия, причины возникновения которых общество тревожат так же сильно, как и сам факт их существования. Осмысление подобных чувств характерно не только для представителей социально-психологических направлений в науке; в не меньшей степени они интересны деятелям искусства, культуры, театральным режиссерам, литераторам.

Среди личностных качеств, которые вызывали и продолжают вызывать огромный интерес исследователей, находятся такие, как человеческая жестокость и агрессия. Каковы факторы, порождающие их, насколько эти стороны характера имманентны человеку — на данные вопросы культурологи, философы, литературные деятели пытаются найти ответ, начиная, пожалуй, не ранее чем с XIX века, т.е. с того времени, когда культурное развитие общества достигло стадии, установившей рамки дозволенного и недозволенного в человеческих отношениях, определяемых как гуманные. К числу художников, предугадавших тенденции формирования этических и эстетических законов драматургии XX столетия и сформулировавших основные постулаты нового искусства, принадлежали, в частности, Николай Николаевич Евреинов (автор книги «Театр для себя») и Антонен Арто (автор сборника «Театр и его двойник»). Хотя Евреинов изложил основные концепции своего учения ранее Арто более чем на пятнадцать лет (книга Евреинова была издана в трех частях Петрограде в 1915-1917 гг., хотя издательство Н.И. Бутковской получило рукопись книги в июне 1915 года; «Первый манифест Театра жестокости» Арто, позднее включенной в сборник «Театр и его двойник», был впервые опубликован в 1931 году, сама книга появилась позднее — в 1938 году), его манифесты долгое время находились в забвении, и даже в постперестроечный период его творчество все еще мало известно в неакадемических кругах.

Интересная биографическая деталь: будущий реформатор русского театра Н. Евреинов получил юридическое образование в Петроградском Училище Правоведения у русского криминалиста, доктора уголовного права, профессора Петербургского университета, сенатора Таганцева Николая Степановича, автора книги «О преступлениях против жизни по русскому праву» (1870 г.). По окончании училища он пишет магистерскую диссертацию «История телесных наказаний в России»; сам факт появления подобной работы может свидетельствовать об обнаружении Евреиновым тесной связи, существующей между театральностью жизни и человеческой жестокостью. Будучи уже хорошо известным в России теоретиком театра, Николай Евреинов пишет книгу «Театр для себя», в Первую (теоретическую) часть которой он помещает статью «Преступление как атрибут театра»; в ней он и заявляет о том, что человеку присуща «воля к театру» в той же степени, в какой ему присуща «воля к преступлению».

Итак, основной темой его произведений были театр и «театрализация». Законы театра («театральность») он распространял на всю человеческую деятельность. Полемизируя с К. Станиславским, он утверждал, что не театр должен подражать жизни, а жизнь должна учиться у театра, ибо рефлекс театральности — врожденный, он обнаруживается у животных и даже у представителей растительного мира (в статье «Театр у животных» он описывал «устраивающих представления» животных и растения, мимикрирующие в минуту опасности, принимающие форму минерала). Переведя театр на уровень психофизиологический, Евреинов провозглашает театральность импульсом, вскрывающим истинную сущность человека в момент его перевоплощения, — и тогда он предстает в ином свете перед людьми и перед самим собой. Человек естествен не в ту минуту, когда он снимает с себя маску, а тогда, когда выбирает ее, ибо этот выбор — имманентное свойство его души, он продиктован внутренними пристрастиями. «Природный инстинкт театральности живет в нас наравне с инстинктами самосохранения, половым и пр., вытравление этого инстинкта равносильно физическому оскотлению, а удовлетворение его представляет собой одну из эвдемонических стадий, поскольку счастье понимается в смысле удовлетворения потребностей души», — поясняет эстетические принципы Евреинова футурист В. Каменский (Каменский:1917: 28). Важно в контексте нашей темы подчеркнуть, что будущий драматург в течение пяти лет изучал философию под руководством Арсения Введенского, исследуя эвдемоническую теорию.

К феномену преступления Евреинов подходит не как дилетант, в своей книге «История телесных наказаний в России» он цитирует труды многих как европейских, так и российских предшественников, обратившихся к исследованию тех же вопросов, что и он сам. В частности, его внимание привлекает труд Александра Георгиевича Тимофеева «История телесных наказаний в русском праве», впервые опубликованная в 1904 году. Если предшественники русского юриста в своих публикациях представляли исключительно *описание* пыток, которым подвергались заключенные, то Тимофеев, по собственному замечанию, исследует *историю возникновения* телесных наказаний в Германии и Франции с тем, чтобы сравнить с ними карательные и дисциплинарные меры в русской юридической и бытовой практике. Помимо классификации наказаний, он одним из первых среди криминалистов поднимает вопрос о нравственных муках, испытываемых человеком, и они часто несоизмерны физическим страданиям. «Как можно предположить, телесные наказания возникли в семье, в роде, с того времени, когда один человек оказался в подчинении и власти другого. При грубости первобытных нравов, естественно, эта власть главы семьи или рода, часто зависевшая от его силы, и высказывалась в проявлении физической силы — в телесных наказаниях» (Тимофеев:1904: 6-7).

С момента возникновения государственности система наказания трансформируется в зависимости от специфических особенностей родовой культуры, принадлежности к религиозной конфессии, а также общественного положения, которое занимает человек, подвергающийся наказанию. На территории будущей Европы членовредительские телесные наказания возникают еще в первобытные времена и совпадают с идеей талиона (равного возмездия за преступление, «око за око»). Талион был актуален для всех европейских культур. По замечанию Тимофеева, Л. Гюнтер узрел проявление идеи талиона в Ветхом Завете.

В русской практике наказания распространялись на все сословия, но в европейских государствах членовредительства были более изощренными, т.к. «там отсекалось у виновных все, что можно было отсечь». Поначалу телесные наказания не имели и ритуального характера, не преследовали цели причинить моральное оскорбление, процедурность была заимствована российской карательной системой позднее. «И эта простота, — подмечает Тимофеев, — это равнодушно-спокойное отношение к телесным наказаниям, быть может, не мало послужили их распространению и сохранению в широких пределах на долгое время, делали их как бы незаметными, тогда как на западе на них уже направлялись непрерывные удары критической оценки литературы и общественного мнения. <...> в русской литературе <...> время появления телесных наказаний связывается с татарским игом» (Тимофеев:1904: 62,63). Однако Тимофеев, проанализировав «Русскую правду» и ряд других документов, дошедших до нашего времени из далекого прошлого, уверен в том, что телесные наказания не были чем-то необычным на Руси еще и до появления татар.

Представители монгольского ига, безусловно, отличались жестокостью, однако они оставили самоуправление на территории княжеств, следовательно, в России существовала благодатная почва для бытования телесных наказаний. Власть, которую князья приобрели над холопами во времена татарского ига, превратила их в деспотов, в русичах же с этого времени развивается раболепие в таких формах, которые поражали иностранцев. Таким образом, телесные наказания существовали в России как наследие византийского права, однако в России с момента татарского ига они усугубились, и это обстоятельство стало причиной расхождения в истории телесных наказаний на западе и в России, где экзекуциям подвергались любые представители светского и церковного слоев общества, поэтому система наказаний в России с этого времени напоминает восточные деспотии. Если в европейских государствах вопрос об отмене телесных наказаний поднимался со времен Великой французской революции, то в России эта система была актуальна вплоть до отмены крепостного права в 1861 году.

Книга А.Г. Тимофеева косвенно подтверждала точку зрения Н. Евреинова на то, что человеческая «воля к преступлению» находится в корреляционной связи с волей к жизни. Однако Евреинов несколько иначе детерминирует понятие преступления, раскладывая его на две составляющие: с одной стороны, преступление — это проявление свободной воли личности, подвергаемой насилию со стороны государственных юридических законов, ограничивающих личность в совершении тех или иных поступков. В этом случае приходится говорить о несовершенстве правовой системы («Почему, спрашивается, преступление — вина перед законом, а не закон — вина перед преступлением? т.е. оскорбительное запрещение, обидная квалификация поступка и намерения, вторжение в интимную жизнь, угроза насилием?») (Евреинов:2002: 143). С другой стороны, преступление — это патологическое проявление агрессии, свойственной человеку в той или иной степени как представителю животного мира. Для того чтобы понять человека, важно знать, не воспитывался ли он в бесчеловечных условиях, уверен Евреинов. То же самое применимо к народу. «Возможность телесно наказывать превращалась на Руси в настоящую страсть к истязанию, страсть, находящую себе полное объяснение лишь в планомерной истории развития телесных наказаний в России» (Евреинов:2010: 7). Страсть к порке подчиненных была настолько велика, что воспринималась как нечто естественное; выбившись в люди, бывшие крепостные начинали пороть своих подопечных. Не случайно эта тема находит широкое отражение в литературных произведениях (Лермонтов «Монго», Чехов «Трифон», «За яблочки», рассказы М.Е. Салтыкова-Щедрина, Л. Толстой «После бала» и многие другие). Таким образом, система насилия, имманентного человеку, прививалась в обществе, принимая еще более искаженные, противоестественные формы, ведь деспотичный режим усугубляет патологические качества личности; если человек был достаточно культурен, то он был в состоянии существовать в рамках дозволенного права, если нет, — тогда присущая ему жестокость вырывалась наружу, и личность не могла ее контролировать.

Осознавая необходимость борьбы общества с этим разрушительным человеческим пороком, русский театральный деятель Евреинов и французский драматург Арто предложили способ избавления от него через посредство театра. Оба реформатора полагали, что театр будущего лежит вне рамок привычного, традиционного театра; они говорили о вещах близких, пусть и не всегда тождественных: театр не нуждается в глубоком содержании, пьеса может иметь самый ничтожный сюжет, основной постулат театра — его форма. При таком способе воплощения сценической идеи артист достигает высшего проявления театральности, заключающегося, по Евреинову, в эстетической монстрации, т.е. в умении показать себя, свое «Я». Зритель учится у актера выражению эмоций, но что важнее — переживает эти эмоции

вместе с актером, стоящим на сцене. Тогда театр становится учебником жизни, способствует зарождению ее новых форм и освобождению человека от разрушительных чувств. «Задача искусства — творчество новых ценностей, — уверял драматург. — Я утверждаю и настаиваю на том, что не столько сцена должна заимствовать у жизни, сколько жизнь у сцены» (Евреинов:2003: 27). Театру он приписывал терапевтическую функцию, ибо его задача — коррелировать патологические пристрастия, помогая человеку избавиться от них, т.к., согласно закону театрократии, человеку пре-эстетически свойственно ощущать себя актером в жизни.

Что происходит с человеком, если он подавляет в себе жажду поступать не так, как предписано законом? В этом случае он идет против Природы, которая не согласуется с юридическим правом, уверен Евреинов. Если предположить, что развитие природы (и человеческой психики как ее составляющей) осуществляется по законам индетерминизма, то, соответственно, человеку свойственно совершать поступки, идущие вразрез с логикой, «против выгод», и в этом выводе проявляется теснейшая связь преступления и театра. Иначе говоря, воля к театру определяется как преступная, т.е. она проявляется в преступлении/переступлении через ряд преград, которые личность преодолевает для достижения эстетического эффекта, подобно тому, как акробат, клоун, наездник и т.д. совершают чудеса на сцене, преображаясь и преображая свое «Я».

Эти формулировки нужны Евреинову не только для того, чтобы доказать наличие преступного или quasi-преступного характера театральных постановок. Он ставит задачу снять различие между преступлением и театральным инстинктом с тем, чтобы соединить явления жизни культурной и обыденной и подвести читателя к собственному представлению о катарсисе, не отменяя, а дополняя то определение, которое этому понятию было дано Аристотелем: «<...> если б я был хоть чуточку посмелее, я бы прибавил ко всем этим толкованиям пресловутого катарсиса такое, которое раскрывало бы сущность трагического театра как арены преступлений, сопричащаясь коим и в коих временно исчерпывая свою злую волю (волю к преступлению), душа зрителя очищается. <...> трагический театр, призывая зрителя к идеальной соучастию в представляемых преступлениях, соблазнительно увлекая его волнуемую страстями душу в самый омут заразительно разыгрываемого преступления, — является, в аристотелевском понимании, сам по себе преступлением (хе, хе!) Разве в самом деле учение о катарсисе не выигрывает от такого простейшего объяснения, что раз воля к преступлению существует в человеке, надо дать ей надлежащий исход; театр же как раз обманным образом, через сопереживание и дает такой исход!..» (Евреинов:2003: 148).

Речь в данном случае идет, конечно, не о юридическом преступлении, но о преступлении в философском значении, о «преступлении ради преступления», о «театре для себя». Именно этой стороной оборачивается убийство, совершенное Раскольниковым, не искавшим славы, а желавшим утвердить себя, «пресуществиться», уверен Евреинов. Его театр для себя не выглядит как актуальная для его времени попытка реализовать синтез жизни и искусства, в его идеях не проявляется также желания поставить жизнь или театр выше друг друга. Во всех статьях этого теоретика и драматурга видится проявление его аксиологических установок, психологически утилитарной готовности драматурга сконструировать с помощью сценических приемов новую реальность, замешанную на гуманизме, эвдемонистическом приятии мира и гедонистического блага.

О театре жестокости писал и французский теоретик театра Антонен Арто в книге «Театр и его двойник», отнюдь не предлагая сакрализировать жестокость. В современном театральном представлении зритель имеет возможность перевоплотиться в героя, а это является своеобразной формой насилия над собой, уверен французский драматург. Театр обладает сильнейшей коммуникативной мощью, но зритель должен наблюдать происходящее как бы извне, со стороны, и для того чтобы воздействовать на чувствительность реципиента, на его подсознание, необходимо создать новые динамические способы ретрансляции текста, прежде всего, избавившись от этого текста, заменив его жестом, полагает режиссер. М. Мамардашвили объясняет идеи французского драматурга таким образом: «Все мы все время что-то изображаем. А то, какие мы есть, можно показать лишь изображением изображения, то есть театром театра. Тогда-то и происходит катарсис» (Мамардашвили:1988). Человеческое сознание устроено таким образом, что одного визуального или слухового впечатления ему недостаточно для того, чтобы вникнуть в смысл сказанного/прочитанного: «Оказывается, читая и слыша слова, мы не имеем мыслей – вот в чем драма. Сами по себе значения всех наших письменных и звуковых записей не содержат состояний понимания и мысли, поэтому, собственно, становятся необходимыми изображения изображений», т.е. требуется новая постановочная форма (Мамардашвили: 1988)

В своих работах Арто не дает четких формулировок нового театра, он прежде всего отрицает право на существование театра традиционного, ибо тот потерял способность воздействовать на зрителя, добираться до потаенных уголков его души. В этих уголках и затаилась человеческая жестокость, о которой Арто заявляет вслед за Ф. Ницше. Как подчеркивает один из исследователей творчества французского драматурга В. Максимов, и Арто, и Ницше считали, что христианство вульгаризировало естественнонаучное представление о хищнической натуре человека, ныне он «обеспечивает себе жизнь на земле,

создав идею ада, превышающего земную жестокость, и идею неба, оправдывающего жизнь среди жестокости» (Арто: 2000: 403). Борьба с жестокостью, провоцирующая ответную жестокость, лишь усугубляет положение, закольцовывает движение, бессмысленно и бесконечно порождая большую безжалостность и открывая варварству вечность. Поэтому Арто предлагает новые пути для рождения человеческого в человеке: это произойдет через художественное переживание, вскрытие духовных язв при помощи кротоического театра, «уязвляющего сердце». Арто уверен, если театр «предъявит зрителю неоспоримые свидетельства его собственных грез и сновидений, где тяга к преступлению, эротические кошмары, зверства и химеры, несбыточные представления о жизни и мире, даже позывы к каннибализму вырвутся наружу уже не в мирном иллюзорном плане, но из глубин его собственного бытия» (Арто:2000: 183), произойдет прорыв в человечность, т. е. человек сумеет вырваться из пут ужасных страстей и жестокости, он обретет свободу и станет ницшеанским сверхчеловеком. «Арто ведет к идее великого освобождения, великого нарушения условностей, к идее очищения через насилие и жестокость; он предполагает, что выведение слепых сил на сцене должно защитить нас от них в жизни» (Гротовский:2009: 129). Для достижения такой сверхзадачи и нужны новые художественные решения, действие должно напоминать кошмарный сон, только наши грезы имеют силу воздействия на подсознание, ибо мы в ответе за наши сны.

И Евреинов, и Арто, как видно из сказанного, пытались придать театру доселе неведанную целительную функцию, визуализируя тех химер, которые владеют человеческими душами: «либо человек разыграет все это в своем воображении и справится тем самым с определенными силами, либо эти силы — кровь и насилие — будут не в театре, а в реальности» (Мамардашвили: 1992).

Список литературы

- Арто А. Театр и его двойник: Манифесты. Драматургия. Лекции. Философия театра / Сост. и вст. ст. В. И. Максимова, Комм. В. И. Максимова и А. Ю. Зубкова. СПб.; М.: Симпозиум, 2000. 443 с
- Гротовский Ежи. Он не был полностью самим собой // Гротовский Е. К Бедному театру / Составит. Э. Барба, предисл. П. Брука. М.: Артист. Режиссер. Театр, 2009.
- Евреинов Н.Н. Преступление как атрибут театра. // Демон театральности / Николай Евреинов; Сост., общ. ред. и комм. А. Зубкова и В. Максимова. - М., СПб.: Летний сад, 2002.
- Евреинов Н.Н. История телесных наказаний в России. - М., Книжный Клуб Книговек, 2010.

Евреинов Н.Н. Апология театральности. // Театр как таковой. - Одесса: Студия Негоциант, 2003

Каменский Василий. Книга о Евреинове. Петроград. 1917.

Мамардашвили М. Метафизика Антонена Арто. 1988 / URL:

<https://mamardashvili.com/archive/interviews/arto.html> (дата обращения 07.06.2018)

Мамардашвили М. Как я понимаю философию. М., Прогресс, 1992 / URL:

<https://studfiles.net/preview/5993345> (дата обращения 07.06.2018)

Тимофеев А.Г. История телесных наказаний в русском праве. СПб, тип. В. Безобразова и К°, 1904.

**РОМАН ЕЛЕНЫ ЧИЖОВОЙ «КИТАИСТ» В
КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВОЙ
СИТУАЦИИ В РОССИИ**

*Арзамова Ольга Витальевна
Воронежский государственный педагогический университет, Россия
arzyamovuyu@yandex.ru*

**NOVEL BY ELENA CHIZOVA «SINOLOGIST» IN THE CONTEXT OF
CULTURAL AND LINGUISTIC SITUATION IN MODERN RUSSIA**

*Arzyamova Olga Vitaluevna
Voronezh State Pedagogical University, Russia*

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена проблеме описания основных способов трансляции лингвокультурной информации в рамках художественного дискурса. На материале романа Елены Чижовой «Китаист» описываются актуальные языковые и социокультурные процессы современной русской речи. Отмечается доминирование просторечного, сниженного типа речевой культуры; упрощение произносительных норм языка; преобладание бранных слов; немотивированное смешение родного и неродного языков (так называемого «нем-русского»); изменение значений традиционных слов и выражений. В романе опосредованно представлена ситуация, передающая глобальное разрушение фонетического, смыслового и грамматического строя русского языка в результате деструктивного влияния нелитературных форм русской речи.

ABSTRACT

The article is devoted to the problem of describing the main ways of translating linguistic and cultural information in the framework of artistic discourse. By the material of Elena Chizhova's novel "the Sinologist" actual linguistic and socio-cultural processes of modern Russian speech are described. The author notes the dominance of vernacular, reduced type of speech culture; simplification of pronunciation norms of the language; prevalence of swear words; unmotivated mixing of native and non-native languages (the so-called "German-Russian"); changing the meanings of traditional words and expressions. The novel indirectly presents the situation that conveys the global destruction of the phonetic, semantic and grammatical structure of the Russian language as a result of the destructive influence of non-literary forms of Russian speech.

Ключевые слова: текст, художественный дискурс, лингвокультурные проблемы, языковые девиации, процессы деструкции.

Keywords: text, literary discourse, linguistic-cultural problems, linguistic deviation, the processes of destruction.

Роман «Китаист» Елены Чижовой (Чижова 2017) – это антиутопия, которая обращена одновременно и в советское прошлое, и в неокapиталистическое настоящее. Являясь номинантом премии «Русский Букер» 2017 года, роман был неоднозначно оценен читателями и литературными критиками, многие из которых выразились о его содержании резко отрицательно, хотя и отметили, что в нем показана политическая, идеологическая и языковая ситуация нашего времени.

Не вдаваясь в литературные коллизии вокруг содержания романа, нам хотелось бы обратить внимание на то, что в нем обозначены актуальные проблемы, которые свидетельствуют о разрушительных и негативных процессах, происходящих в русском языке новейшей эпохи.

Как известно, художественный текст репрезентирует фикциональную (ирреальную, вымышленную) модель окружающего мира, в которой опосредованно передаётся национально-культурная специфика как вербального, так и невербального поведения этноса, сформировавшегося под воздействием определенных исторических, социальных, культурных и идеологических факторов. Как пишет Т. Н. Сумина: «Язык художественной культуры не столько формирует, сколько создаёт некоторую проекцию генерируемой художником реальности в социум» (Сумина 2014: 41).

Проблемы русского языка и русской речи поднимаются в «Китаисте» в гротескной, саркастической форме. Согласно выражению Сергея Костырко, в романе воссоздается «страна, напоминающая ту, в которой мы живем сегодня» (Костырко 2017), так как характерные черты речи персонажей становятся своеобразными маркерами лингвокультурной ситуации современной России.

Применительно к новейшему этапу развития русского языка и речи (первым двум десятилетиям XXI века) обозначим основные способы трансляции лингвокультурной информации, передаваемой в тексте романа.

Одной из глобальных проблем современного общества (в том числе и не только российского) становится доминирование просторечного, сниженного типа речевой культуры.

Для того чтобы воспроизвести естественную речь граждан так называемого «Нового Рейха», аннексировавшего территорию Советского Союза от западных границ и до Урала, автор использует в речи персонажей редуцированные, предельно сжатые формы слов: *чо, ваще, хошь, ничо, грит* и др., например:

«– Так ты чо, не с Москвы?» (Чижова 2017: 21); «– У вас, грю, цех или чо?» (Чижова 2017: 22); «– Да ты чо! – она махнула рукой...» (Чижова 2017: 23); «– Да ты чо, мля, – девица откликнулась, растягивая гласные...» (Чижова 2017: 25); «– Кухуёк ничо себе, натуральный, – она сделала глоток на пробу. – А то бывает, растворимый сыплют – ваще отравя» (Чижова 2017: 25).

Подобный «аллегривый» (Пальшина 2016: 60) тип произношения соответствует современному сниженному типу речевой культуры и косвенно свидетельствует о количественном и качественном обеднении русского языка новейшего этапа развития.

Наряду с упрощенным способом употребления произносительных норм, в романе активно используются бранные матерные слова. В реальной действительности экспансия матерного слова сопоставима с общенациональной угрозой, направленной против культурной целостности русского языка новейшего периода. Подобные грубые, бранные слова на корню разрушают родной язык, безжалостно уничтожают культурные и нравственные ценности русского народа. Мы считаем употребление бранных слов явлением недопустимым, поэтому воспользуемся для их воспроизведения многоточием:

«– А ты думал – б..., – девушка улыбнулась открыто и дружелюбно...» (Чижова 2017: 22);
«– Ну ни х... себе! – она пропела восхищенно...» (Чижова 2017: 22);
«Ваша докторская – г...» (Чижова 2017: 22);
«Или так, или х... тебе» (Чижова 2017: 35);
«Меня-то х... разведешь!» (Чижова 2017: 41);
«Хоть ж... ешь» (Чижова 2017: 42);
«Мне-то на х...» (Чижова 2017: 43) и др.

Резкое снижение лингвоэтического критерия, наблюдаемое в современной речи, проявляется в использовании оскорбительных слов:

«– От желтые, ничо-то им не дается. Чисто тараканы. Понаедут, мля, и стоят...» (Чижова 2017: 131).

Характерной чертой романа становится так называемый «нем-русский язык», который представляет собой смесь искаженных немецких и русских слов, а также просторечных, диалектных и жаргонных, которые характеризует автор как «со временем потерявшие естественную живость и красоту» (Чижова 2017: 143):

«Дети переселенцев, горожане в первом поколении, приняли новый язык безоговорочно», подобное единодушие объяснялось тем, что «арийским гражданам Нового Рейха была обещана новая собственность: дома, квартиры и земельные участки на завоеванных восточных территориях. А значит, и новый язык» (Чижова 2017: 143).

Автор даёт оценку «новому» языку: *«...мелькало определение нем-русские, в котором слышался другой, подспудный смысл: русские, но немые, лишённые родного языка» (Чижова 2017: 54).*

Для воспроизведения особенностей эрзац-языка активно используются варваризмы: *арбайтали* (работали), *кухуёк* (кофе), *ферботен* (запрещено), *шпрехаешь* (говоришь), *ауфидерзейн* (до свидания). Активно перемежаясь с просторечными и жаргонными выражениями, (например, *у фатера бабла как грязи; чо, облом; ваще жесть; клёво; с дуба рухнул; чо, бабосы готовь; с бабосиками плохо*), они свидетельствуют о низком уровне речевой культуры носителей языка:

«– Да хрен там... - она вздохнула. – Арбайтали. В смысле, эта... работали. У ваших схема полетела. Делаю замеры, влажность ваще зашкаливает. У вас, грю, цех или чо? (Чижова 2017: 22);

«– Ну чо, кухуёчку тяпнем? – Её спутница оживилась. – А потом, эта, будем покурить. Надеюсь, ты не рёхнутый на своем здоровье?

– А тут разве можно? – он спросил вопросом на вопрос.

– На вашей стороне – ага. Это у нас ферботен. О народе заботятся. Козлы!» (Чижова 2017: 23);

«– Обо... што? А! В смысле, не делать обшчих выводов. Не, классно ты ваще шпрехаешь! – она щелкнула зажигалкой» (Чижова 2017: 28);

«– Да ты чо! Чистая Европа, – девица отставила ногу, демонстрируя высокий сапог на молнии. – Меня-то хрен разведешь! Кrotchе, элементарно. – Куда все смотрят? На лицевую. А главное – чо? Изнанка. Выворачиваешь, шупаешь: нашел косяк – всё, ауфидерзейн вашей баушке...» (Чижова 2017: 41);

«– Территория ваша. А деньги наши, – девица хмыкнула. – Ист аус халява. Ауфидерзейн, эсэсэр» (Чижова 2017: 99).

В «Китаисте» намеренно смешивается немецкий и русский язык, что несколько расходится с реальной действительностью, так как на самом деле, русский язык новейшего периода испытывает глобальное влияние со стороны не немецкого, а английского языка. Автор сознательно заменяет английский язык немецким: для него важным становится показать идеологическую основу происходящих событий. На завоеванных территориях превалярующим языком становится язык врага, который провозглашает ценности «Новой России». Нем-русский язык всячески стремится разрушить духовную и нравственную культуру русского народа, сделать её примитивной, грубой и циничной.

Примером тотального разрушения языка становится перевод на нем-русский язык романа Ф. М. Достоевского «Идиот», с фрагментом которого знакомится главный герой романа:

«В конце новембера, хотя снега ваще-то не было, по утрянке, часов эдак в девять, цуг Питерско-Варшавской железки на быстрой скорости гнал к Петербургу. За окном стоял такой собачий холод и туман, что, казалось, хрен рассветет. В десяти шагах, вправо и влево от дороги, фиг разглядишь чо-нибудь из вагенфенстера. Из пассажиров были те, которые валили назад из-за бугра; но больше всего набилось в отделение для желтых, какая-то мелкая сволочь и подонки с ближних станций. Все обалденно устали, у всех глаза в кучу, мозги раком, к тому же продрогли как собаки, морды бледно-желтые, вроде под цвет тумана...» (Чижова 2017: 340).

Представленный выше фрагмент, на наш взгляд, следует рассматривать как пример «глобальной трансформации» (Арязмова 2018: 153) языка и речи, в результате которой создается лингвотоксичный, «патогенный текст» (Грибанова 2016: 181-182), оказывающий деструктивное воздействие на сознание и речевое мышление носителей русского литературного языка

Следующей проблемой, которая находит своё отражение в тексте романа, становится проблема стереотипности речи.

У каждой из сторон (и немецко-русской, и советской) есть свой тоталитарный, ходульный язык, активно используемый для «промывания мозгов» населения (например: *оккупированные территории; миролюбивая политика Партии; всеобщее и полное одобрение; оголтелое потребительство; чума капиталистического мира* и др.). Приведем характерные примеры:

«Начиная с этой даты (листая желтоватые подшивки, он невольно это отметил), исчезло, будто кануло в Лету, прежнее газетное словосочетание, привычное советскому уху: временно оккупированная территория. Уйдя из официальной, оно сохранилось в разговорной речи» (Чижова 2017: 17).

«Нет, память о пережитых страданиях не ушла. Советские люди не хотели войны – ни тогда, ни теперь, по прошествии десятилетий. В этом смысле миролюбивая политика Партии и правительства встречала всеобщее и полное одобрение» (Чижова 2017: 53);

«...но оголтелое потребительство, эта чума капиталистического мира, постепенно распространялась на другие городские слои, а судя по многочисленным радиопередачам, посвященным растущей зажиточности колхозников, и на сельское население» (Чижова 2017: 56).

Также обращает на себя внимание лексика и фразеология, передающая идеологию и атмосферу «холодной войны» (например: *удалось урегулировать множество политических конфликтов; потенциальный агрессор; серьезные экономические санкции; вплоть до полной изоляции: цинично игнорируя решения международного сообщества; наладили взаимовыгодное сотрудничество с российской хунтой; обладавший правом вето и др.*).
Например:

До войны этой всемирной организации – в той или иной степени успешно – удалось урегулировать множество политических конфликтов. Называли даже цифру: более сорока. Основным ее успехом считалось предотвращение нападения на Маньчжурию со стороны Японии: потенциальному агрессору пригрозили серьезными экономическими санкциями вплоть до полной изоляции. Однако санкции, наложенные на Новую Россию, к успеху не привели. Главным образом по вине США. Соединенные Штаты, цинично игнорируя решения международного сообщества, наладили взаимовыгодное сотрудничество с российской хунтой. Дошло до того, что, окончательно утратив связь с реальностью, Россия попыталась вступить в Лигу Наций, но СССР, еще с довоенных времен обладавший правом вето, эти попытки пресек (Чижова 2017: 55).

Милитаристская лексика (например: *бойцовский поступок, проверенный боец, старый пехотинец*) в тексте романа сопровождается пояснениями:

«Или, например, «бойцовский» – слово, для него самого связанное исключительно с петухами. Но здесь, в России, оно считалось синонимом смелости, например, «бойцовский поступок» – будто смелость россиян обязана петушиться, на скакивать на противника, лезть на рожон. Еще одну характерную деталь он обнаружил на последних страницах местных газет, где помещались частные некрологи. Каждый усопший из черных, вне зависимости от его биографии, именовался «проверенным борцом». Синим покойникам полагался эпитет «старый пехотинец» (Чижова 2017: 148).

Ложная патетика, называемая «немецкой велеречивостью», основывается на употреблении устойчивых штампов:

«Впрочем, следы нацистской велеречивости встречались не только в смерти, но и в обычной жизни, как она была представлена в местных газетах: не результат, а конечная победа; не достижение, а геройское свершение; не цель, а высота или плацдарм, который надо взять. Попадались и более прикровенные выражения, чьи национал-исторические корни обнажались далеко не сразу: знамя – полыхающий стяг; случай – историческое событие; решение – воистину историческое решение; не субботник, а труд народного единения; не летопись, а сага; не суп, а похлебка; не черные, а выходцы из народа» (Чижова 2017: 148-149).

Советская Россия, представленная в романе, во многом напоминает СССР периода и сталинизма, и брежневского застоя. Обращают на себя внимание характерные детали –

нехватка одежды и продуктов питания, идеологическая пропаганда, тотальный контроль над гражданами, изоляция и ликвидация инакомыслящих.

Кодированность (шифрованность) речи проявляется в том, что некоторые нейтральные слова изменяют своё значение, оказываясь под запретом. Например, в Новой России к числу табуированных, запретных слов относится *мандарин*, которое имеет «тайное» значение «гомосексуалист», «человек, нетрадиционной половой ориентации»:

– *Знаешь, кто такой – мандарин?*
– *Манда... рин?* – *она повторила кисло и сморщилась. – Ты чо, спятил? Тут же... люди!*
– *И что?* – *он оглянулся. – Пусть послушают, в конце концов, долгая история мандаринов...*
– *Да тихо ты!*
– *Ладно, не злись, – она заговорила нормальным голосом. – Мандарин, натурал – лично мне фиолетово. У меня и друзья из этих. А чо, клёвые парни. Тока болтать-то чево? Потом ходи, объясняй, на рожки ихние любуйся, – она передернула плечами. – Бр-р-р!* (Чижова 2017: 103).

Курсив, используемый в романе как визуально-графическое средство, также передает утрату традиционных значений слова, отображая процесс десемантизации, с помощью которого «утрачивается предметно-понятийная отнесенность слова, его номинативная функция» (Радбиль 1995: 35).

Таким образом, в романе Елены Чижовой «Китаист» находят отражение следующие языковые/речевые деструктивные явления, обнаруживаемые в современной русской речи, а именно:

- 1) поглощение просторечными формами литературных единиц языка;
- 2) огрубление речи, замена нейтральных слов сниженными и табуированными;
- 3) использование стандартных фраз и выражений, имеющих идеологический и политический характер;
- 4) усиление влияния жаргона в повседневном общении;
- 5) экспансия варваризмов.

Все обозначенные процессы свидетельствуют о глобальных деструктивных культурно-языковых проблемах современности, заставляя задуматься об их негативных последствиях.

Список литературы

Арзямова О. В. (2018): Языковая репрезентация качественных трансформаций в русском новейшем художественном дискурсе (на материале романа Елены Чижовой «Китаист»), Известия Воронежского государственного педагогического университета, 1, 151-154.

Грибанова И. В. (2016): «Вестей горючих письма»: патогенный текст в русскоязычном интернет-пространстве, Проблемы безопасности в современном мире, Севастополь: Издательство филиала МГУ в Севастополе.

Костырко С. П. (2017): Два в одном, Знамя, 10. URL:
<http://magazines.russ.ru/znamia/2017/10/dva-v-odnom.html>

Пальшина Д. А. (2016): ЩАС: путь слова из «речи в язык», Мир русского слова, 2, 60-63.

Радбиль Т. Б. (1995): О мифологизации картины мира языковой личности, Лексика, грамматика, текст в свете антропологической лингвистики, Екатеринбург: Издательство Уральского университета.

Суминова Т. Н. (2014): Текст и контекст художественного произведения: философско-культурологический анализ, Вестник Московского государственного университета культуры и искусства, 5, 39–43.

Чижова Е. С. (2017): Китаист. Москва: АСТ Издательство Елены Шубиной.

ОБРАЗЫ ИСПАНИИ В «ГЕНИИ МЕСТА» ПЕТРА ВАЙЛЯ

Банах Ирина Вячеславовна

Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, Беларусь

banah_irina@mail.ru

IMAGES OF SPAIN IN PETER VAIL'S "GENIUS OF PLACE"

Iryna Banakh

Yanka Kupala State University of Grodno, Belarus

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается специфика функционирования городского текста в книге Петра Вайля «Гений места» (1999); выявляется мотивно-образный комплекс испанских городских текстов; определяются их основные смысловые константы, обусловленные, с одной стороны, этнографическими стереотипами и жанрово-стилевыми традициями путевой прозы, с другой стороны, – философско-эстетическими установками автора; реконструируется индивидуально-авторский вариант единого образа Испании.

ABSTRACT

The article deals with the specifics of the functioning of the city text in the book of Peter Vail "Genius of Place" (1999); reveals a motivic-shaped complex of Spanish urban texts; defines their basic semantic constants, due, on the one hand, ethnographic stereotypes and genre-style traditions of travel prose, on the other hand, – philosophical and aesthetic settings of the author; reconstructs the individual-author's version of the unified image of Spain.

Ключевые слова: образы Испании; городской текст; локальный текст; сверттекст; гений места; genius loci; П. Вайль.

Keywords: images of Spain; city text; local text; hypertext; genius of place; genius loci; P. Vail.

Образ Испании формировался в русской культуре на протяжении нескольких столетий и видоизменялся в зависимости от социально-политических и культурно-исторических обстоятельств. Отметим, что Испания не принадлежала к числу главных интересов русских путешественников, которых в большей степени привлекала Франция, Германия, Швейцария и др.; русско-испанские культурные отношения на протяжении всей истории имели спорадический характер (Багно, 2004: 199). При этом в сознании русского человека XVIII - начала XX веков существовало два диаметрально противоположных этнографических мифа

об Испании – т.н. «черная» и «желтая» («белая») легенды - пишет в своем исследовании Елена Васильевна Астахова (Астахова, 2011: 61). С одной стороны, это негативный образ Испании как «страны суеверия, деспотизма и религиозного гнета», зафиксированный в «черной легенде» и связанный с мрачными страницами испанской истории – с кровавыми деяниями инквизиции и захватническими походами конкистадоров. В рамках этого мифа испанцы изображались как патриархальный отсталый, необразованный и даже дикий народ с необузданными страстями. В противоположность «черной» «желтая» легенда, позаимствованная в основном из французских источников, представляла Испанию как страну любовной героики и заморской экзотики – «страну плаща и шпаги, серенад и кастаньет» (Н. Маргулис). Именно последний вариант этнографических стереотипов был особенно расхож в романтической культуре первой трети XIX века. Достаточно вспомнить «Каменного гостя» А.С. Пушкина, его стихотворения «Ночной зефир струит эфир» и «Я здесь, Инезилья» (заметим, что поэт в Испании никогда не был, но это не помешало ему создать вполне убедительный и колоритный образ «пленительной Испании»). В.Г.Белинский в своей рецензии на «маленькую трагедию» два этих стереотипа сводит воедино: «роскошные картины волшебной страны, где ночь лимоном и лавром пахнет», «где религиозность доходит до фанатизма, храбрость до жестокости, любовь до исступления, где романическая настроенность делает героем и кавалера и разбойника» (Белинский, 1955: 569). В.Е. Багно считает образ Испании вариантом утопический «средиземноморской мечты» русского человека: «Испания – наименее известная грань "средиземноморских пристрастий" русской творческой интеллигенции, главным образом музыкантов и художников, ибо именно они, в большей степени, чем писатели, опираясь на представления европейских романтиков, создавали в России образ Испании» (Багно, 2004: 199).

Вполне обоснованно примерно с середины XIX века возникает и противоположная тенденция, продиктованная желанием противопоставить мифологизированному образу Испании его реальный аналог. Начинается процесс демифологизации, развенчания этнографических стереотипов, как в пародийном («Желание быть испанцем» Козьмы Пруткова, «Село Степанчиково и его обитатели» и «Дядюшкин сон» Ф.М. Достоевского и др.), так и в серьезном планах. Характерен, к примеру, насыщенный узнаваемыми сигнатурами (паттернами) испанского сверткста пародийный макаронический образ, созданный Козьмой Прутковым:

Тихо над *Альямброй*,
Дремлет вся натура,

Дремлет замок *Памбра*.
Спит *Эстремадура*!
Дайте мне *мантилью*,
Дайте мне *гитару*,
Дайте *Инезилю*,
Кастаньетов пару. (Сочинения Козьмы Пруткова, 1976: 69)

Появляются «Письма об Испании» В.П. Боткина (1845), «Очерки современной Испании» И. Яковлева (И.Я. Павловского) (1889), историко-этнографическое исследование Е.Н. Водовозовой «Испанцы» (1896) и др. В конце XIX – начале XX в. Испанию посещают русские художники (К. Коровин, В. Суриков, А. Бенуа, В. Серов, И. Репин, Н. Гончарова и др.) и публикуют увлекательные воспоминания о культуре и этнографии этой страны.

Еще один всплеск интереса к Испании произойдет уже в советские годы в связи с событиями испанской революции 1931–1939 гг. («Письма об Испании» Льва Никулина, «Испанские репортажи» Ильи Эренбурга, «Испанская весна» и «Испанский дневник» Михаила Кольцова и др.). Но, как показывает исследование Н. Маргулис, путевые записки советских писателей, следуя законам соцреалистического канона, нацелены были не столько на познание «чужого» пространства, сколько на пропаганду советской идеологии: «Советского путешественника влечет на чужбину не столько стремление к познанию или же к потерянному раю, сколько жажда самоутверждения, экспансии. Рай, царство счастья и справедливости, центр мировой революции находятся на родине, и люди путешествуют, чтобы это «свое» распространить за ее пределами» (Маргулис, 2010: 294-295). Доминантой перечисленных тревелогов становится впечатление нерациональности, искусственности, обусловленное отсутствием «правильной» революционной идеологии. К примеру, в «Письмах об Испании» Льва Никулина испанская коррида представлена как бессмысленное и brutальное сражение, отвлекающее народ от серьезных социально-политических проблем; здесь убивают животных, о которых у нас мечтал бы любой колхоз и совхоз; а мадридская ночная жизнь изображается как бесцельная поездка по кварталу красных фонарей.

Петр Вайль (1949–2009), российский писатель, журналист и путешественник, эмигрант третьей волны, создает свою книгу «Гений места», в которую входят очерки об Испании, уже в другое – постсоветское – время: книга вышла в 1999 году и состояла из очерков, публиковавшихся в 1995-1998 годах в журнале «Иностранная литература». В очерках, посвященных Испании, он пересматривает как романтические, так и соцреалистические стереотипы. В этой книге, подготовленной к пятидесятилетию автора, Вайль создает неповторимый жанр, который не проходит «ни по ведомству искусства, ни по ведомству

географии» – своеобразный гибрид путевых заметок, литературно-художественных эссе и мемуаров: «результат путешествий по миру в сопровождении великих гидов» (П. Вайль). Так, например, путевые заметки о Барселоне перемежаются эссеистическими вставками о жизни и творчестве Антонио Гауди, экфрастическими набросками его архитектурных сооружений и, наконец, личными воспоминаниями автора о своих первых впечатлениях от Барселоны и Андорры. В этом оригинальном синтезе остроумного травелога, самоироничной исповеди и «веселой науки» с помощью парадоксального взгляда, раскрепощенного слова и свободного постмодернистского дискурса автор, во-первых, портретирует города и страны, а во-вторых, – изживает травматичный опыт советской действительности и догматичной советской литературной критики.

Замысел и название книги отсылает, с одной стороны, к римской мифологии, в пантеоне которой существовало божество *genius loci* (гений места) – дух-покровитель того или иного конкретного места (города, деревни, горы, дерева), связывающий интеллектуальные, духовные, эмоциональные явления с их материальной средой. По мнению П. Вайля, облик современного города как «точки приложения и проявления культурных сил» определяется гением места, «и представление об этом – сугубо субъективно», т.е. в любом объективно существующем локальном тексте Вайль оставляет зазор для проявления авторской субъективности. С другой стороны, в названии содержится скрытая отсылка к другой книге – «Душа Петербурга» Н.П. Анциферова (1922), впервые предпринявшего попытку описать город «как живую индивидуальность, которой хочешь не только поклониться (это знал и древний мир), но и познать ее», «раскрыть душу города», «провести процесс спиритуализации города» (Анциферов 1990: 9).

Аналогичную процедуру «спиритуализации» городского пространства предпринимает и Петр Вайль, избирая в качестве нарративного фокуса судьбу и творчество определенного культурного деятеля (писателя, художника, скульптора, режиссера и проч.). При этом повествование о разных городах выстраивается, как в «Сравнительных жизнеописаниях» Плутарха, – попарно: Афины – Рим, Руан – Париж, Вена – Прага и т.п. «Идея любой главы этой книги и состоит в двойном со- или противопоставлении: каждый город, воспринятый через творческую личность, параллелен другой паре “гений-место”» (Вайль 2006: 9). Поэтому, например, сущность Мадрида становится понятнее благодаря Веласкесу, а Веласкес – благодаря Мадриду, при этом соседняя пара «места и его гения» (Толедо и Эль-Греко) придает дополнительные коннотации. Авторский замысел поддерживается и соответствующим оформительским решением: с колонтитулов на смежных сторонах книжного разворота смотрят друг на друга портреты тех культурных персонажей, которых автор избрал для

подобного со- и противопоставления. «Это глубоко субъективная книжка о том, что не только место влияет на человека, но и человек на место» (Вайль 2006: 62).

Вайль акцентирует произвольность своего субъективного прочтения локальных текстов, справедливо полагая, что в эпоху постмодерна автору путевой прозы нет нужды ставить перед собой энциклопедические задачи – для этого существует обильная научно-популярная литература, в которой о мире «все уже сказано». Гораздо более важным представляется путешественнику опыт самопознания и самовыражения, свободный от идеологических клише и литературоведческих штампов: «Чем больше вижу жизненных укладов, – пишет Петр Вайль, – тем точнее осознаю свой. Путешествия – для чего существуют? Это же не просто так – поехать и глазеть, не бегство от чего-то, это постановка самого себя в разные декорации» (Вайль 2012: 58).

В книге три очерка посвящены Испании – это «Город в раме», «В сторону рая» и отчасти «Любовь и окрестности». Свои испанские путевые заметки Вайль предваряет метаописательным размышлением об этнографических стереотипах и признанием их действенной – охранительной – силы в качестве «концентрата исторической мудрости», «сгустков человеческого опыта», игнорировать которые неразумно и непродуктивно (Вайль 2006: 133). «Этнографические стереотипы не исчезают совсем и не то чтобы решительно меняются, но размываются, и следить за этим процессом — увлекательно и тревожно, как за взрослением своего ребенка» (Вайль 2006: 134). Поэтому поиски «хрестоматийной» Испании автор книги начинает с пересмотра наиболее распространенных стереотипных образов и доминантных тем, отмечая при этом, что «мир нивелируется, и Испанию хрестоматийную найти куда труднее, чем раньше»: в эпоху глобализации специфические национальные черты стираются.

Пытаясь уловить единый образ Испании, Вайль отмечает два противоположенных процесса. С одной стороны, многовековая раздробленность «лоскутного» государства порождает его внутренние противоречия. В Галисии, например, «все не по-испански: от чайников и каких-то восточноевропейских фольклорных нарядов до карпатского пейзажа» (Вайль, 2006: 295). И море здесь «не каталонское и не андалусское» и фьорды «на манер норвежских». Галисия для Испании – «уже скорее Шотландия», Барселона ближе Франции, Кордова и Гранада – Африке, а коренных андалусийцев с мурсийцами и вовсе воспринимают в качестве иммигрантов. Иные ландшафтные и природные условия порождают и отличный (в смысле – другой) национальный характер, особенно очевидный в противостоянии кастильцев и каталонцев. Показательно описание спектакля уличного кукольного театра в Барселоне, представляющего кастильцев как «ленивых и наглых» обладателей еврейских носов и

знаменитой *flema castiliana* (кастильской флегмы). «Мадриленьос тоже не молчат: барселонцы – самодовольные, ограниченные, скупые, озабоченные материальными благами» (Вайль, 2006: 286) Национальной инаковостью, инородностью обладают и жители других испанских регионов: «Для кастильца галисиец — как поляк в Америке, бельгиец во Франции, чукча в России» (Вайль, 2006: 303) и т.п.

С другой стороны, писатель отмечает унифицирующие последствия глобализации, превратившей национальные стереотипы в чистую условность и, более того, в театральное действо. Сегодняшняя коррида, например, – это зрелище для иностранцев или иммигрантов: «что делать испанской провинциалке на мадридской Пласа-де-Торос, где разносят по трибунам шотландское виски «Катти Сарк», справа сидят две японки, следящие за ареной через объективы своих «минольт», а в спину тычутся колени кровожадной немки, ничего не понимающей и недовольной, похоже, тем, что в корриде применяется только холодное оружие» (Вайль 2006: 135). Итогом глобализационных процессов становится стирание национальных границ и утрата этнографической самобытности: уникальная Испания с ее «мантилей и Инезильей» постепенно уходит в небытие, а знаменитый афоризм Людовика XIV («Нет больше Пиренеев!») становится в очередной раз особенно актуальным.

Однако прежде всего Вайля интересует не обобщенный образ Испании, а города и городские локальные тексты, ведь «современная Европа все более и более состоит не из стран, а из городов» (Вайль 2006: 283). Неповторимый образ Испании создается в книге через попарное со- и противопоставление таких городов, как Толедо и Мадрид («Город в раме»), Барселона и Сантьяго-де-Компостела («В сторону рая»), Севилья и Верона («Любовь и окрестности»). В каждом из перечисленных городов автор находит своего «гения места», и, руководствуясь личным опытом эстетико-литературной интерпретации, выявляет формы взаимосвязи между пространством и человеком. Так, самобытный образ Толедо оказывается неразрывно связан с гротескными полотнами Эль-Греко, образ «эkleктического гиганта» Мадрида – с детализированными парадными портретами Веласкеса, непокорная Барселона вырастает из архитектурных шедевров Гауди, а Сантьяго-де-Компостела с его «кельтским духом» и неизменным паломническим антуражем – с сюрреалистическими кинокартинами еретика-парадоксалиста Бунюэля.

В поисках образцовой испанской натуры Вайль обращается к Толедо, который в силу исторических причин сохранил свою историко-национальную аутентичность, пережив после переноса столицы в Мадрид «процесс консервации»: «не столько Толедо захирел в тени Мадрида, сколько Мадрид разросся как раз потому, что Толедо расти было некуда» (Вайль 2006: 137). Не коснулись изменения и толедских городских стереотипов: «Сталь, шелк,

керамика. Марципаны и перепелки. Самый правильный кастильский язык. Образцовые идальго... «Лучшие женщины, мечи и айва»» (Вайль 2006: 137-138).

Вайль обращается к таким аспектам городского текста, как:

- 1) *ландшафтный*: расположение на скале в излучине Тахо, ограничивающее пределы города;
- 2) *топографический*: неизменность города, совпадение городской топографии XVI и XX веков;
- 3) *архитектурный*: теснота города-лабиринта с узкими и пустынными улочками («Страшно тесен этот город, узок в плечах и в бедрах») (Вайль 2006: 137);
- 4) *конфессиональный*: центр католицизма («суперхристианский оплот испанского католичества оказался более мусульманским, чем мусульманские города»; «защитил Толедо все-таки именно католицизм: в то время как старинные испанские города рушились под ударами строительного бума 60-х, Франко не позволил тронуть церковные центры – Сантьяго и Толедо») (Вайль 2006: 137);
- 5) *психологический*: безлюдность и суровость («в безлюдной Венеции жутко только в туман, в Толедо – всегда»; «тут неуютно и дико»), пустынные улицы вызывают ассоциации со смертью;
- 6) *социально-культурный*: Эль-Греко и его исполненные гротеска картины.

В качестве эстетической аналогии образу Толедо он указывает гротескные полотна Эль-Греко, биографически, эстетически и психологически связанного с городом: «Толедо всегда на пределе, на острие, живая гипербола и гротеск. Как Эль Греко» (Вайль 2006: 137). Писатель отмечает изоморфность города, живописца (гения места) и стиля его полотен: «Они и есть взаимные персонажи – художник и город. Трудно найти большую степень соавторства – столько они сделали друг для друга»; «Толедо стоит в Испании отдельно и одиноко – так, как поставил его и как сам стоит в мировом искусстве Эль Греко» (Вайль 2006: 139). «Тугой, напряженный, взвинченный настрой» полотен Эль-Греко (упоминаются «Вид Толедо», «Погребение графа Оргаса», изображения святых) вполне соответствует общей психологической атмосфере города.

В качестве территориальной антитезы самобытному, «законсервированному» Толедо Вайль представляет образ унифицированного, «эkleктичного и текучего» Мадрида, стремительно изменявшегося на протяжении всего XX века. Достаточно проследить динамику описания испанской столицы в путевых записках от В.П. Боткина до П. Вайля. Боткин в большей степени отмечал свойственное городу природное начало: «Мадриду, который стоит тут бог знает зачем, потому что среди этих пыльных, совершенно обнаженных полей

решительно нет никакой причины стоять не только столице, даже ничтожному городишке... Окрестности Мадрита состоят из пустого поля; бедный Мансанарес высыхает еще весною, и от него теперь остался маленький ручей; палящее солнце и сухая песчаная почва истребляют всякую растительность; словом, вы ничего не можете себе представить печальнее этой природы» (Боткин 1976: 10). Эренбург в городском пейзаже уже видит нелепое эклектическое смешение природы и цивилизации, создающее гротескный эффект: он описывает высящиеся в голой пустыне небоскребы, «среди пустыни сидят изысканные кабальеро и, попивая вермут, обсуждают, кто витиеватей говорил вчера в кортесах – дон Мигуэль или дон Алесандро?.. Они окружены ночью и камнями» (Эренбург 1991: 321). Взору Вайля на месте нецивилизованного некогда Мадрида уже предстает «блестящая столица: шумная, суетливая, деловая, веселая», «настоящий соперник Парижа, Рима и Лондона» (Вайль 2006: 140).

Вайлевский образ Мадрида оказывается последовательно противопоставленным образу Толедо – все в тех же аспектах («субстратах», по В.Н. Топорову) локального текста:

- 1) *ландшафтный*: расположение на плато у подножия Гаударрамы;
- 2) *топографический*: динамизм, последовательное разрастание города вширь;
- 3) *архитектурный*: простор, образ города-веера;
- 4) *конфессиональный*: светский город, вместо духовных ценностей (отсутствие главного собора) предлагающий заботу о теле (упоминание «Музея ветчины» на главной площади города, перечисление разнообразных гастрономических изысков на улицах города: «жареные кальмары, почки в хересе, моллюски немислимых конфигураций и все прочие tapas — закуски, в образцы которых тычешь пальцем и получаешь в маленьких тарелочках со стаканом вальдепеньяса. Слюноотделение непрерывно в этом городе и даже при воспоминании о городе, лучше не продолжать») (Вайль 2006: 140). В этом же «телесно-гастрономическом» ряду – увлеченность городских жителей спортом;
- 5) *психологический*: живость, динамичность жизни города, противопоставленная мертвенной тишине Толедо («Движение, la movida, раскручивается здесь тогда, когда даже в Риме и Париже оно затихает») (Вайль 2006: 140).
- 6) *социально-культурный*: Мадрид как «виртуоз нарядного обрамления», «несравненный мастер фасадов», по мнению Вайля, соприроден парадным портретам кисти Веласкеса.

Итак, городское пространство Испании изображается автором в сложной диалектике, с одной стороны, этнографических стереотипов, исторически сложившихся и утвердившихся в сознании путешественников-иностранцев (прежде всего, русских путешественников – П.И. Потемкина, В.П. Боткина, И. Эренбурга и др.), с другой стороны, – образов обновленного

испанского мира (через оппозицию «старого» и «нового»), эти стереотипы изживающего и размывающего.

При анализе локальных сверткестов важен не только предмет изображения, но и способ развертывания урбанистического дискурса. И здесь следует отметить несколько значимых для стилистики Вайля аспектов.

Во-первых, это обращение к **телесному коду**. Так, испанские фрагменты «Гения места» изобилуют вкусовыми (кулинарно-пищевыми) образами: «Когда впервые приехал в Испанию, все представало иным. В *bodegas* было меньше алюминия и больше чеснока. *Вино* наливали из бочек и пыльных бутылей, и день не отмывалось пятно от капнувшей на руку черной малаги. Копченые *окорока* по-прежнему свисают с потолка по всей стране, но больше напоминают муляжи: как если бы в средневековой скульптуре существовал натюрморт. Хочется самобытности, *пропахшей хамоном и ахо* — так приятно произносить эти по-русски звучащие слова: *ветчина и чеснок*» (Вайль 2006: 135). Эта стилевая черта книги не ускользнула от рецензента Льва Лосева: «Вайль описывает еду и питье толково, находя точные слова для продуктов, приправ, кулинарных процессов и гастрономических впечатлений» (Лосев 2006: 483)

Подобное акцентирование телесной образности можно объяснить не только стремлением писателя-эмигранта освоить инокультурный опыт Запада последней трети XX в., ориентированного на осмысление опыта повседневности, или влиянием постмодернизма с его актуализацией кулинарно-гастрономического кода (уместно вспомнить еще одну книгу П. Вайля, написанную в соавторстве с А. Генисом, – «Русская кухня в изгнании»), но и воздействием закона компенсации: советская идеология – наследница христианского догматизма – вытесняла сферу телесного из сознания своих граждан, отдавая предпочтения высокому (духовному) и нарушая тем самым принцип жизненного баланса. Вырвавшись из догматического пространства «совка», Вайль словно пытается компенсировать этот недостаток телесности. В одном из своих интервью он признавался: «Я очень долго, лет до тридцати пяти, считал, что ничего увлекательнее книг нет, а сейчас, просто не задумываясь, предпочту любой книжной реальности любую жизненную мимолетность, самую на вид незначительную» (Вайль 2012: 44). Так вайлевский литературоцентризм со временем был существенно потеснен «жизнецентризмом» – «доверием к потоку жизни». Именно «жизнецентрическим» пафосом продиктовано пристрастие автора к корриде: «Лично мне очень жалко корриду, о любви к которой стесняюсь упомянуть в разговоре со своими интеллигентными знакомыми в Испании. Жалко этой редкой сырой эмоции, апелляции не к напластованиям культуры, а напрямую к спинному мозгу» (Вайль 2006: 135).

Во-вторых, **пародийно-игровой дискурс**, реализуемый посредством:

1) снижения эмоционального пафоса и стиля:

- «Города стильные либо музеевуют, либо коробят эстетическое чувство... позднейшими добавками с претензией на современность. А эклектические гиганты легко переносят любые удары судьбы, *по принципу «молодца и сопли красят»* — и за ними будущее. Таковы Нью-Йорк или Москва. Таков Мадрид» (Вайль 2006: 141).
- «Можно себе позволить обывательское предположение: практик, рационалист и сибарит Эль Греко *знал напряженную «духовку»* для душевной компенсации?» (Вайль 2006: 139)

2) обращения к приему парадокса (парадоксального сравнения):

- «Когда *Веласкес устраивает игру зеркал*, то попадаешь в некий *живописный «Расемон»* — это не эстетское самоценное упражнение, не поиск двойного видения ради пушного объективизма, а наглядное свидетельство его невозможности: точки зрения не совмещаются, а сосуществуют» (Вайль 2006: 142).
- «*Крыша Каса Мила* — отдельный аттракцион: трубы, вентиляторы, лестничные выходы — все даже не биоморфное, а антропоморфное. Не то *средневековые рыцари*, не то *арабские женщины в чадрах*, не то *звездные воины из фильмов Лукаса*, не то все-таки *монахи в капюшонах* — что ближе к образу неистово набожного Гауди. Веет триллером» (Вайль 2006: 288).

3) обращения к приему каламбура: «*Кармен* нужна, чтобы мужья и любовники меньше хамили. Совсем не перестать, — *держи Кармен шире!* — но хоть не так часто, не так уверенно» (Вайль 2006: 198)

4) насыщенного культурно-аллюзийного фона: «*Ортега* сетовал, что *Веласкеса* окружала некрасивая королевская семья, оттого и лица на портретах невдохновенные. Но во-первых, урод, повторенный две дюжины раз, становится красавцем, если его повторяет такая кисть, а во-вторых, *Филипп* (Филипп IV — *И.Б.*), притом что действительно дурен, — все-таки король, а не *водонос* (имеется в виду «Портрет водоноса» Веласкеса — *И.Б.*). Но сказать, что Веласкес ограничен двором — все равно как о *Джойсе*, что он лимитирован одним днем *Блума*. А главное — это совершенно неважно: Веласкес везде и всюду ровен и принципиально безоценочен. *Придворные шуты и монстры* изображены без аристократического снисхождения и демократического сочувствия — точно так же, как герцоги и принцессы. Точно так же, как бесконечно одинокий *Христос в Прадо* (картина Веласкеса «Христос на кресте» — *И.Б.*), — только это и можно сказать о изображенном на

картине человеке. Только! Но отношения нигде нет, точка зрения отсутствует, как в тех же «Менинах», – где находится художник?» (Вайль 2006: 144–145)

- 5) аналогий между «своим» и «чужим», выполняющих различные функции. Во-первых, освоение «чужого» через сравнение со «своим» есть общая черта познания, в том числе и для авторов-путешественников, подставляющих незнакомые реалии «чужого» пространства в известный контекст «своего». Поэтому крыша барселонского дворца Гуэля с ее радостной майоликой и печными трубами сопоставляется с дымковской игрушкой, а галисийская керамика – с русским гжелем. Во-вторых, посредством проведения аналогий автор обращает внимание и на общность исторических судеб Испании и России: многолетнее чуже*земное иго, экстенсивное развитие, власть церковных институтов, многонациональность и многовековая раздробленность, борьба почвенников (Унамуно) и западников (Ортега-и-Гассет), духовные споры о народности («испанскости») и проч. – всё это факторы, доказывающие парадоксальную формулу «Испания – метафора России». Так, актуальное и по сей день противостояние Мадрида и Барселоны-«вдовы», сформировавшее у каталонцев «комплекс обиды и неполноценности», изображается Вайлем как противостояние Москвы и Ленинграда-Петербурга: «Что угодно может считать *закомплексованная (на ленинградский манер) Барселона*, но главный – не просто административно столичный, а главный по всем статьям и по сути – город Испании, конечно, Мадрид» (Вайль 2006: 140). И, наконец, в-третьих, «свое» зачастую ассоциируется в сознании диссидента Вайля с недавним советским прошлым. Учитывая тот факт, что книга адресована по преимуществу русскому читателю, живущему на постсоветском пространстве, все это помогает читателю приблизиться не только к пониманию и переживанию испанского городского колорита, но и к внутреннему освобождению (преимущественно смеховому) от штампов советской идеологии и от т.н. советской «травмы». Показательно в этом отношении упоминание о переименовании барселонских улиц: «В городе меняли то каталонские названия улиц на испанские, то испанские на каталонские, то и вовсе: улицу Марка Антония переименовали в улицу Марка Аврелия. Никак философы у власти. Это как в Москве пивной завод Бадаева стал бы пивным заводом Бердяева» (Вайль 2006: 286). Или сравнение паломнического восторга возле Собора в Сантьяго-де-Компостела с коллективным энтузиазмом «сборов, слетов, собраний»: «Собор распахнулся на улицы и площади: там кричали, пели и танцевали люди в кроссовках и джинсах с посохами и флягами. В который раз пожалел, что в жизни не испытывал коллективного восторга, даже в пионерских лагерях» (Вайль 2006: 296)

Рассуждая о структуре географии русской культуры, Ю.М. Лотман выделяет две исторически сложившиеся пограничные модели, определяющие один из «доминирующих конфликтов культурного пространства России»: «центристскую» и «эцентристскую». В рамках первой модели «свой» мир (Москва как его безусловный центр) располагается «в центре религиозной и культурной ойкумены». Именно такими были путевые записки 1920–1930 годов, формировавшие в сознании советского читателя мысль о том, что СССР – это центр мировой революции. Об этом пишет и Вайль как об «общем месте» русского травелога: «Русский путешественник видит то, что он хочет видеть, а перед его умственным взором всегда одна страна – родина.» И далее – с иронией: «из всех вопросов внешних сношений по настоящему нас волнует единственный, Веничкин: “Где больше ценят русского человека, по ту или по эту сторону Пиренеев?”» (Вайль 2006: 303) В рамках же второй модели ценностный центр располагался за пределами «своего» государства. В «Гении места» Петр Вайль создает компромиссный вариант деидеологизированного и децентрированного путешествия: расценивая свое мировосприятие как глубоко антисоветское, он по собственной воле эмигрировал из СССР, долгое время жил за пределами Союза и ощущал себя свободным гражданином мира. В эмиграции Вайль с интересом осваивал новое для себя социокультурное пространство Западной Европы, но освоение «чужого» сопровождалось изживанием старых советских комплексов и обостренной самоидентификацией в непривычной среде. Поэтому писатель воспринимал Запад, не идеализируя его, но пристально вглядываясь в его экзотику, узнаваемую по этнографическим стереотипам, по отраженным в литературе и искусстве культурным моделям, а также по культурному коду, зафиксированному в повседневной жизни советского человека.

Список литературы

- Анциферов Н.П. (1990): Душа Петербурга. Ленинград: Лира, 249 с.
- Астахова Е.В. (2011): Испания как метафора (к перекрестному году России в Испании и Испании в России), Вестник МГИМО-Университета, 6, 60-65.
- Багно В. Е. (2004): Испания русских писателей XX века, Русская литература, 1, 199–209.
- Белинский В. Г. (1955): Статьи о Пушкине, Полное собрание сочинений в 13 томах, том 7, 99–579.
- Боткин В. П. (1976): Письма об Испании. Ленинград: Наука, 365 с.
- Вайль П. (2006): Гений места. Москва: Колибри, 488 с.
- Вайль П. (2012): Свобода – точка отсчета. О жизни, искусстве и о себе. Москва: Corpus: Астрель.

Лосев Л. (2006): Петр Вайль: an appreciation, Вайль, П. Гений места, Москва: Колибри, 481–485.

Лотман Ю. М. (1997): Современность между Востоком и Западом, Знамя, 9, 152–157.

Маргулис Н. (2010): «Откуда у хлопца испанская грусть?» «Свое» и «чужое» в советских очерках об Испании 1930-х годов, Беглые взгляды: Новое прочтение русских травелогов первой трети XX века, Москва: Новое литературное обозрение, 286–314.

Сочинения Козьмы Пруткова (1976), Москва: Художественная литература, 381 с.

Эренбург И. (1991): Испания. 1931-1932, Собрание сочинений, в 8 томах, том 4, 319–434.

РАННЯЯ АНАРХИСТСКАЯ (АНТИ)УТОПИЯ И ЕЕ ТРАНСФОРМАЦИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

*Буренина-Петрова Ольга Дмитриевна
Университет г. Цюриха, Швейцария
olga.burenina@access.uzh.ch*

EARLY ANARCHIS ANTI-UTOPIA AND ITS TRANSFORMATION IN CONTEMPORARY RUSSIAN LITERATURE

*Burenina-Petrova Olga
Zurich University, Switzerland*

АННОТАЦИЯ

В данной статье анализируются, с одной стороны, антиутопические проекты писателей 1910-1920-гг., обращенные к фантастической футурологии (Герберт Уэллс) и к анархистскому скептицизму философов-анархистов, отрицающих государственность как таковую. С другой стороны, прослежена взаимосвязь ранней анархистской антиутопии с антиутопическим дискурсом в современной русской литературе.

ABSTRACT

In this paper we analyze anarchist antiutopian projects in Russian literature of the 1910s–1920s and modern Russian literature. On the one hand, the works by Ivan Morskoj, Andrej Marsov, Abba und Wolf Gordins reveal a “futurological dimension” typical of Herbert Wells’ novels (approaching at the sametime the “futurology” of Russian science-fiction writers and the anarchist scepticism in relation to the State. On the other hand, Viktor Pelevin, Vasilij Aksenov and Anatolij Gladilin created their own modern anarchist antiutopian projects.

Ключевые слова: анархизм, философия анархизма, научная фантастика, антиутопия, русская литература.

Keywords: anarchism, philosophy of anarchy, science-fiction, antiutopian projects, Russian literature.

Пришедший на смену историческому анархизму и связанный с революционным движением начала XX в. русский позднеклассический анархизм не представлял собой целостного учения. Это были разные группировки, группы и направления, а также о круг отдельных авторов, для которых отказ от структурно-иерархического принципа организации образа жизни и общественного уклада сделался основным предметом дискуссий, борьбы, а

также творческим и биографическим экспериментом. Попытку каталогизации русского постклассического анархизма можно свести к двум периодам, первый из которых был спровоцирован русской революцией 1905 г. и продолжался вплоть до 1916 г. Именно в это время сторонники анархизма создают многочисленную и разветвленную систему анархистских групп, организаций и печатных изданий, преимущественно политического характера. Исключение составляли лишь некоторые литературно-эстетические сборники и альманахи («Перевал», «Факелы», «Орало» и некоторые другие), публиковавшие на своих страницах статьи об анархизме, написанные деятелями искусства и культуры, в частности, Александром Блоком и Максимилианом Волошиным. Из философско-теоретического дискурса и политической программы анархизм быстро превратился в эстетику и психологию художественного творчества. Именно как художественную анархию, отказ от структурного принципа организации текстов, смешение феноменов и проблем разного уровня, установление абсолютной эквивалентности между неэквивалентными явлениями трактовали анархизм представители искусства эпохи модернизма.

К периоду позднеклассического анархизма относится и актуализация жанра антиутопии.

Жанр антиутопии по сути своей анархичен, поскольку, с одной стороны, отказывается от центра власти положительного будущего, а с другой стороны, на художественном уровне зачастую связан с отказом от структурирования текста. В целом не совсем легко провести грань между утопическим дискурсом и антиутопическим. В сочинении «Метафизические предпосылки утопизма» Георгий Флоровский пишет о том, что мечта в достижение абсолютного идеала одновременно оказывается в утопическом пространстве и дискредитацией мечты: «Космическая одержимость, – так можно определить утопическое самочувствие. Чувства безусловной зависимости, всецелой определенности извне, полной вовлеченности и включенности во вселенский строй определяет утопическую самооценку и оценку мира. Человек чувствует себя «органым штифтиком», звеном какой-то всеобъемлющей цепи, – он чувствует свою однозначно-неизменную скованность с космическим целым. Он исповедует свою захваченность мировым круговоротом, в котором раскрывается и осуществляется жизнь этого всецелостного надличного организма и – свое исчезновение во «всепоглощающей и миротворной бездне», из которой непрестанно изводятся миры за мирами и снова рушатся в урочный час в первозданную бездну хаоса. Это – безвольность. Пред лицом мировой стихии с ее принудительной неотвратимостью утопический человек сознает призрачность и ничтожество своей «жизни частной», и даже колеблется себе приписать свою жизнь, свою волю. Слишком уж остро ощущает он чужую, природную, роковую, безликую силу, струящуюся во всем его существе. Его тянет кинуться в

«самовластный океан» божественной природы. Он признает себя чужим порождением, чужим орудием, органом внешних велений, продуктом «среды», рабом судьбы или рока... Он живет в тенетах мировой необходимости. Это – чистый, беспримесный пафос вещи» (Флоровский 1926: 38-39).

Таким образом утопическое всегда превращается в свое негативное подобие, поскольку предполагает, по Флоровскому, веру в *последнее* слово, в имманентное историческое совершенство и одновременно завершенность, не допускающую, дальнейшего усовершенствования и, следовательно, налагающей запрет на свободную волю человека.

Кстати, уже в эпоху Просвещения, когда в окончательном виде сформировалась система утопических архетипов, модель безупречного идеального общества подвергалась в жанре утопии радикальной критике» (Артемьева 2005: 8). Так, в романе Михаила Хераскова «Кадм и Гармония» (1793) мудрец Гифан в беседе с Кадмом рассказывает ему притчу о перерождении основанного на утопических идеях государства в свою противоположность. Философы, собравшиеся на острове с целью создания просвещенного лишенного давления власти общества, постепенно сами овладевают механизмами власти, вводят четкую иерархию и в конце концов становятся диктаторами. Тем самым, в недрах утопического дискурса происходило формирование дискурса антиутопического.

Характерно, что генерализация жанра утопии происходит в период позднеклассического анархизма в рамках произведений, написанных сторонниками или прямыми идеологами анархизма. С одной стороны, в этих текстах постулировались последствия идеи освобождения от государственной власти, причем не только на земле, но и на других планетах; с другой стороны, в них отражалась вера в возможность реализации тотального освобождения от власти божественной и, соответственно, преодоления локализма человеческой жизни, расширение «принципа личности» до признания и реализации индивидуального бессмертия.

В пределах данной статьи я коснусь лишь тех аспектов утопического, которые представляли собой попытку вообразить идеальное и одновременно его негативное подобие. Для анархистов жанр утопии, эксплицирующий главные постулаты их философских построений, носил на себе черты одновременно и художественного произведения и теоретического. При этом изображение идеальных представлений и их нереализованность заставляет задуматься о жанровой специфике утопии этого периода: границы утопии и антиутопии постоянно колеблются и смещаются в произведениях представителей анархизма. Очевидно, что в как раз в это время зарождается особый гибридный жанр анархистской (анти)утопии, в котором утопическое и антиутопическое накладываются друг на друга таким

образом, что переключатели жанровых слоев оказываются почти заметными, поэтому в дальнейшем я буду условно дефинировать этот гибридный жанр как (анти)утопию.

Первая анархистская (анти)утопия была написана близким анархизму писателем Иваном Морским в 1907 г. и называлась она «Анархисты будущего (Москва через 20 лет)». Время романа смещено в будущее и локализуется конкретной датой – 20 ноября 1927 г. – и определенным местом – это «залитая волнами электрического света Москва» (Морской 1907: 3) Примечательно, что изображение мира Москвы, разделенного надвое техникой и людьми, обладает сходством с современными интерактивными топографическими картами, в которых возможно активировать режим переключений и просмотров и даже получать аудиовизуальные сообщения. «Расширенная реальность» топографических – предвестник медиавласти в позднем утопическом дискурсе.

С сигнала-сообщения «Победа анархистов в Риме...» (Морской 1907: 3), передаваемого мальчишками-газетчиками, начинается завязка действия романа. Этот сигнал отсылает к идее *translatio imperii*, в частности к концепции Филофея «Москва – третий Рим» и предупреждает о том, что Москва должна стать завершающим воплощением идеального топоса. В проекции на формулировку Филофея «Два Рима пали, третий стоит, а четвертому не бывать», Москва – метафизическое место, не допускающее дальнейших сдвигов в области идеальных представлений. Здесь уместно вспомнить о том, что Джордж Оруэлл в очерке «Литература и тоталитаризм» (1941) на примере тоталитарного государства писал о том, что государственная власть контролирует мышление, но не способна установить его раз и навсегда. Чтобы добиться безусловного послушания и подчинения подданных, государственная власть первоначально устанавливает непререкаемые догмы, однако императивы силовой политики неизменно заставляют вносить коррективы в выдвинутые догмы. Тем самым, провозгласив себя незыблемым, тоталитарное государство в то же самое время отторгает от себя понятие объективной истины как таковой. Таким образом, по Оруэллу, навязанный порядок, сколь бы он ни претендовал на завершенность, не в состоянии противостоять установлению хаоса.

В качестве «третьего Рима» Москва в (анти)утопии Ивана Морского – не только метафизическое место, в котором установленные идеалы становятся догмами, вступающими в противоречие с самими собой, но и место эсхатологическое, сигнализирующее об остановке развития идеальных построений. И на самом деле, роман начинается с того, что в одном из московских театров на просмотре пьесы Леонида Андреева «Конец мира» (перефразированное название его же пьесы «Жизнь человека», поскольку именно как предвестницу конца России демократического периода воспринимала интеллигенция эту пьесу Леонида Андреева) (Могильнер 1999: 70-71) собираются представители разных

политических кругов, в том числе анархисты, которые затем транспонируют апокалиптический сюжет «Конца мира» со сцены в жизнь. По ходу (анти)утопии Морского в 1927 году анархисты под командованием их главного идеолога Дикгофа предпринимают попытку захватить власть в России. Они строят воздушный корабль «Анархия», обстреливают из него Москву, превращая в руины все ее технические достижения и останавливая работу метрополитена и телевидения: «Воздушный корабль анархистов «Анархия» держал в осаде всю центральную часть европейской России. Говорили про ужасные истребления, которые совершал этот корабль. Бомбы падали с неба на все казенные здания и разрушали их до основания [...] Вагоны метрополитена и трамваев перестали циркулировать [...] Вся Москва была взрыта. Городская управа сооружала на каждой улице блиндажи, в которых могла бы спастись публика, домовладельцы сооружали блиндажи на своих дворах, повсюду была проведена электрическая сигнализация, извещавшая моментально всю Москву о появлении страшного чудовища» (Морской 1907: 75-76). Все государственные институты были эвакуированы в Финляндию, а финансовые учреждения – в Англию. Отдельные регионы России, в частности Сибирь и Крым, отделились, образовав независимые республики. Новгород и Псков объявили себя «вольными городами». «Вольные города» – прямая цитата из работы Петра Кропоткина «Речи бунтовщика» (1883), в которой классик анархизма постулировал устройство нового общежития по примеру средневековых коммун.

Москва, в которой царил голод, превратилась в пустой город руин: «Развалины встречались на каждой улице. В развалинах была и часть кремлевской стены, обращенная к Александровскому саду» (Морской 1907: 172).

Обороняясь, представители власти создают в свободном от анархистов Петербурге управляемый боевой летательный аппарат «Генерал-адъютант Куропаткин», который, некоторое время спустя был взорван во время боя летающей торпедой «Анархии». Следом за этим поражением противниками анархии в достаточно быстрые сроки был сформирован военно-воздушный флот. В конце концов, армии удается сбить воздушный корабль анархистов и восстановить контроль над Москвой и государственностью в целом. Так или иначе, но категориальная специфика жанра фантастической (анти)утопии усиливается именно благодаря сюжету об анархистах. Их действия – отражение вселенского хаоса, анархии, распада языка и отсутствия гармонического образа человечества. Анархия изображается как противостоящий рационалистическому систематизму и допускающий множество парадоксов и противоречий модус бытия, вышедшая из под контроля тоталитарной завершенности «ситуация». Однако в то же самое время сама тоталитарная завершенность, за сохранение которой, казалось бы, ратуют многие героя романа, на деле оказывается опаснее анархизма.

Тюремные надзиратели, т.е. представители власти, совершают насилие над анархистской Аней. Парадокс в том, что она ожидает ребенка, но это «дитя власти» должно стать стать, согласно ее последней воле, инструментом мести («мстителем») власть имущим.

До выхода отдельного издания роман Ивана Морского печатался на страницах московской газеты «Утро», (выходившей с 1906 г. и прекратившей свое существование в 1911 г.) под заголовком «В тумане будущего». Параллели с этим романом обнаруживаются в антиутопии «Любовь в тумане будущего» (История одного романа в 4560 году), опубликованной в 1924 году Андреем Марсовым. Вполне вероятно, что именно на это произведение Морского ориентировался не только Марсов, но и Замятин при создании антиутопии «Мы».

В период с 1917 до 1927- гг. в русской литературе появляется целый ряд анархистских произведений, написанных в гибридном (анти)утопическом жанре. На прудоновском вопросе о равенстве и собственности построен текст ранней утопии Гординых «Почему или Как мужик попал в страну „Анархия“», пытливый герой которой еще в раннем детстве стал задумываться над вопросами социальной справедливости: «Видит дети идут. Два мальчика, за ними следом идет дева. Мальчики так чудно одеты, так чудно одеты. Белые штанишки. Белые сандалии. Белые рубашонки. Белые шапочки. И оба они такие белые, чистые. А за ними во след дева, тоже вся белая, вся в белом. Идут они и разговаривают. Но говорят они по-иному, по-иному язычному, не как он говорит. И он ничего не понимает. Как завидел их маленький гусопас, так и пустился бегом с пригорка с хворостиной в руках прямо к ним, прямо к ним. Хотел он их спросить: *Почему* они гусей не пасут? *Почему* они по-иному говорят? *Почему* они с девой ходят? *Почему* они так чудно одеты? Они, завидя его, видимо испугались и бросились бежать со всех ног» (Бр. Гордины 1917: 4-5).

Утопия Гординых публиковалась и в 1918 г. на страницах «Анархии» в номерах: 64, 66, 67, 70, 78, 81, 89, 90, 91, 93, 95 (также время от времени под псевдонимом Н. Гордый). Окончание так и не было напечатано: вскоре после ареста московских анархистов 12 апреля 1918 г. ЧК объявила о закрытии газеты «Анархия». Поэтому Гордины год спустя выпустили отредактированный вариант, озаглавив его «Анархия в мечте: Страна анархия (Утопия-поэма)» и превратив социальную утопию в научную фантастику (об этом свидетельствуют, в частности, пассажи о вере в чудо жителей страны Анархия) (В.Л. Гордин, А.Л. Гордин 1919: 35, 82). Однако во всех трех вариантах текста изображение идеального общества перерастает в самокритику. На страницах этих произведений-инвариантов собирается картина бесгосударственного мира, в котором несмотря внешне выраженные позитивные тенденции развития, ощущается кризис идеала. «Анархия в мечте» – это негативное подобие реализованного идеала.

В 1918 г. идеолог и теоретик анархизма Аполлон Карелин опубликовал утопию «Россия в 1930 году», где в художественной форме воплотил свои представления о государстве, одновременно изложенные им в философских трактатах, в частности, в работе того же периода «Государство и анархисты» (1918). Перефразируя Герберта Спенсера, утверждавшего, что государство родилось из нападения, Карелин делает считал, что в тех общественных устройствах, в которых не было и нет принуждения – насилия, не был государственности. Анархистское общество будущего, по мысли автора, содержательно будет приближено к лишенным конфликтов общинам, к примеру, эскимосов (Карелин 1918, 10-11). Модель этих общин соответствует анархистским представлениям о насильственной природе государства. Анархистское общество, согласно Карелину, не приемлет принудительной власти в какой бы форме она ни выступала.

В своей утопии Карелин как раз и описывает созданное по анархистской модели лишенное государственной власти общество, в котором царит натуральный обмен, отсутствуют деньги, а вместе с ними – мошенничество и воровство. В «стране победившего анархизма» не знают алкогольных напитков, поскольку анархисты уничтожили водочные и пивные заводы: «Водки достать в Княжеве нельзя. Нам рассказывали, что революционные организации «братства» разрушили и уничтожили весь инвентарь водочных и пивных заводов [...] Здания водочных и пивных заводов были заняты разными мастерскими, а кое-где приспособлены для школ» (Карелин 1921: 35-36). Как и Морской, Карелин вслед за Кропоткиным описывает «вольные горда» будущего общества (Карелин 1921: 54-61).

Все жители одеваются в основном в красное. Однако демонстрация позитивных черт будущего превращается у Карелина по ходу повествования в свое негативное подобие. В сущности Карелин демонстрирует несвободу человека при условии рефлексивного существования какой бы-то ни было власти. Не случайно последняя глава названа «Конец сказки».

И наконец, наиболее последней анархистской (анти)утопией можно считать написанный в 1926 году роман Александра Ярославского «Аргонавты Вселенной». Александр Ярославский, некоторое время входивший в группу биокосмистов Святогора, как и все анархисты-биокосмисты был сторонником теории того, что личное бессмертие должно сделаться целью и идеологией общества в романе-утопии «Аргонавты Вселенной» (1926), в котором чувствуются определенные параллели с фантастическими сочинениями Алексея Апухтина «Между смертью и жизнью» (1892) и Константина Случевского «Профессор бессмертия» (1892). В его тексте появляется топос «кладбища бессмертных», символически означающий, что утопическое видение возможных социальных перемен неизменно натывается на отрицание утопизма, содержащего в себе самом, несмотря на видимость бесконечности,

завершенность и остановку: «Луна служит нам лишь складочным пунктом космической гавани, – временным кладбищем для тех из нас (мы ведь давно победили старость и смерть), кто захочет отдохнуть ненадолго от жизни, устав от бессмертия, чтобы снова воскреснуть в грядущем; ты можешь видеть их, – усыпленных по их же желанию, – в гигантских сотах за прозрачными стенами перед тобой» (Ярославский 1926: 165).

Тот факт, что (анти)утопия и анархизм функционируют как типологически родственные нарративные категории четко просматривается и в произведениях современной литературы. Стиранию государственных границ посвящен роман Анатолия Гладилина «Французская советская социалистическая республика» (1984), в котором показано как в результате всевозможных хитроумных интриг советских функционеров, с одной стороны, Германия – почти двойник Советского Союза, а с другой стороны, в мире формируется новая государственная система, именуемая Французской ССР. Стирание государственных границ приводит к образованию новых государственных устройств, а отнюдь не к ликвидации государственности.

В романе Василия Аксенова «Остров Крым» остров ассоциируется с государственной властью, сила которой на самом деле может зависеть от простой случайности – один из кораблей английского флота, стоявший в Черном море, внезапно открыл огонь, из-за чего власть советов оборачивается ее поражением. Альтернативная история, рассказанная в романе, показывает, как постепенно развенчивается механизм идеального. Полуостров Крым, превращенный в романе Аксенова в остров, т. е. в замкнутое, завершенное пространство, также оказывается негативным подобием идеального, топосом, в котором реализация представлений об идеальном общественном устройстве принципиально невозможна: «Андрюша, ты знаешь, на какой пороховой бочке мы живем, в какую клоаку превратился наш Остров [...] Тридцать девять одних только зарегистрированных политических партий. Масса экстремистских групп. Идиотская мода на марксизм распространяется, как инфлуэнца. Теперь любой богатей-яки выписывает для украшения своей виллы собрания сочинений прямо из Москвы. Врэвакуанты читают братьев Медведевых. Муллы цитируют Энвера Ходжу. Даже в одном английском доме недавно я присутствовал на декламации стихов Мао Цзэдуна. Остров наводнен агентурой. Си-Ай-Эй и Ка-Гэ-Бэ действуют чуть ли не в открытую [...] С правительством никто не считается. Демократия, которую Арсений Николаевич с сотоварищами вырвали у Барона в 1930 году, доведена сейчас до абсурда» (Аксенов 1981: 27-28).

В романе «S.N.U.F.F.» Виктора Пелевина показано негативное подобие любой государственности будущего. При этом мир будущего представлен как переход в эпический

мир, обладающий сходством с «абсолютным прошлым» «эпического прошлого» в характеристике, данной Михаилом Бахтиным в работе «Эпос и роман»: «Эпическое прошлое недаром названо «абсолютным прошлым», оно, как одновременно и ценностное (иерархическое) прошлое, лишено всякой относительности, то есть лишено тех постепенных чисто временных переходов, которые связывали бы его с настоящим. Оно отгорожено абсолютной гранью от всех последующих времен, и прежде всего от того времени, в котором находятся певец и его слушатели. Эта грань, следовательно, имманентна самой форме эпоса и ощущается, звучит в каждом слове ее» (Бахтин 1975: 459).

В мире будущего романа Пелевина нем, как и в бахтинском «эпическом прошлом», соблюден временной разрыв с настоящим и, кроме того, подобно эпическому прошлому, эпическое будущее этого романа является абсолютным, завершенным, замкнутым. Но если мир бахтинского эпоса – это мир начала, близкий к первичной сущности вещей, то мир пелевинского эпического будущего – мир конца, стоящий на пороге деконструкции истоков. Не случайно Алена-Либертина, жительница верхнего мира, офшара-Бизантиума, говорит пришедшему из нижнего мира Уркаины Грыму: «На самом деле мир сворачивается в точку, и то, что мы видим как прошлое, есть будущее. Эра багрового солнца позади. Ты не убежал из Оркланда, Грым. Ты возник здесь, среди людей. Потом ты пойдешь в свое прошлое спиной вперед, станешь крохотным комком кричащей плоти, войдешь в лоно своей матери, растворишься в нем и сольешься с первоосновой. Или, как это называют теологи, вновь станешь информационной волной в перпендикулярном времени» (Пелевин 2012: 387-388).

У Бахтина герой эпоса *еще* одинок, поскольку он погружен в мир начала; в пелевинском эпосе герой *уже* одинок, так как он находится на стыке размыкающегося круга: «Во-первых, мир стал страшен. Он сделался невероятно опасен. Яркая переливающаяся опасность исходила от всего: от окон, за которыми затаилась оркская столица, от стола, заваленного объедками и пустыми бутылками, от комода с дешевыми рюмками из синего стекла и даже от иконы с образом Маниту – символическим изображением черной дыры с аккреционным нимбом и двумя узкими фонтанами излучаемой в пустоту благодати. Маниту, похоже, был вовсе не на стороне Грыма. Во-вторых, мир стал не только опасен, но и гнусен – невыразимо и густопсово. В-третьих, он стал окончательно безвыходен. Спрятаться было некуда. И убежать тоже» (Пелевин 2012: 81).

Мир «эпического будущего» оказывается труднопрогнозируемым, лишенным иерархии и вообще какого-либо центра. Бизантиум – это «висящий в небе» (Пелевин, 2012: 29) искусственный спутник Уркаины. Его жители под предлогом утверждения демократии в оркских племенах, провоцируя кровавые войны на их территории, пытаются завоевать власть

над обитателями Уркаины, лишенных, на первый взгляд, государственности. Последняя для них – «просто контора», в которой «государственных функционеров приходится даже прятать» от непочтительных выходок орков (Пелевин, 2012: 13). Государственности противостоит ее симулякр: CINEWS INC. Это корпорация, снимающая снафы, представляющие собой гибрид новостей из «горячих точек» и игровым кино. Тем самым, Пелевин предостерегает не от власти государственности, а от власти тотальной медиальности, с одной стороны, навязывающей человеку будущего иллюзию свободы, а с другой стороны, отнимающей у него с помощью «расширенной реальности» медиатехнологий фактический мир. Подробное предупреждение присутствует и в книге Ивана Морского «Анархисты будущего».

Медиа будущего – по сути ничто иное, как аналог государственной и божественной власти будущего, вытесняющей духовную и физическую жизнь человека на периферию: «Теперь ты понял? – спросила Алена-Либертина. – Мы не снимаем снафы. Мы создаем мир, проецируя их вовне. Снафы – это семена мира, угодные Маниту. В высшей реальности они существовали до событий, которые на них сняты. А на физическом плане они растворяются во Вселенной, когда Свет Маниту, пройдя сквозь храмовый целлулоид, превращает чертеж в реальность. В точке, где будущее смыкается с прошлым, мы, люди, становимся орудием Маниту. Мы раз за разом зачинаем Вселенную в любовном объятии наших храмовых актеров, и одновременно питаем Небо добываемой при этом кровью воинов. Постиг ли ты смысл таинства? – Питаем кровью воинов, – тихо повторил Грым. – Так... Но если время идет в другую сторону, как же тогда мы можем питать... – Можешь не продолжать, – улыбнулась Алена-Либертина. – Поверь, мальчик, если Маниту захочет принять наш дар, он найдет способ сделать это за пределами физики, логики и рассудка. Его чертог – вне времени, и для Него никаких ограничений нет. Но ты сейчас постиг другую глубочайшую тайну нашей веры. То, что выглядит как наша жертва Ему, в высшей реальности есть Его дар нам. Воины не умирают во время игры в Цирке. Они оживают» (Пелевин, 2012: 389).

Резерв Маниту, управляющий всеми медиасферами, будучи неподконтрольным «никому, кроме истины» – эрзац экзистенциальной полноты (Пелевин, 2012: 13). Даже любовь в будущем становится суррогатом. Суррогатная женщина с искусственным интеллектом постепенно превращает и своего возлюбленного в биологически запрограммированный суррогат лишенного свободы выбора человека.

Таким образом, близость к анархизму весьма сближает пелевинскую (анти)утопию с гибридным (анти)утопическим анархистским дискурсом первой трети XX века. Как было показано, (анти)утопия и анархизм функционируют как типологически родственные

нарративные категории: рассказ об анархизме возможен в жанре фантастической (анти)утопии, а смысл (анти)утопического раскрывается им на фоне тематизации анархизма. Происходящее в текстах современной литературы освоение предшествующего материала продолжает размывать границы между философским и утопическим, тем самым, создавая почву для целого ряда новых анархо-(анти)утопических проектов.

Список литературы

- Аксенов В. (1981): Остров Крым. Heatherway, Ann Arbor, Michigan: Ardis Publishing.
- Артемьева Т.В. (2005): От славного прошлого к светлому будущему. Философия истории и утопия в России эпохи Просвещения. Санкт-Петербург: Алетейя.
- Бахтин М. (1975): Вопросы литературы и эстетики. Москва: Художественная литература.
- Пелевин В. (2012): S.N.U.F.F. Утопия. Москва: Эксмо.
- Гордины Бр. (1917): Бр. Почему или Как мужик попал в страну «Анархия». Москва: Издательство Московской федерации анархистских групп.
- Гордины Бр. (1919): Анархия в мечте: Страна анархия (Утопия-поэма). Москва: Первый центр социотехникум Врем. техникум пропаганды и агитации.
- Карелин А. (1918): Государство и анархия. Москва: Бунтарь.
- Карелин А. (1921): Россия в 1930 году. Москва: Всероссийская Федерация Анархистов.
- Марсов А. (1924): Любовь в тумане будущего: (История одного романа в 4560 г.). Ленинград: Изд. авт.
- Марина Могильнер. (1999): Мифология «подпольного человека»: радикальный микрокосм в России начала XX века как предмет семиотического анализа. Москва: Новое литературное обозрение.
- Морской И. (1907): Анархисты будущего (Москва через 20 лет). Фантастический роман. Москва: товарищество типо-литографии «Владимир Чичерин».
- Флоровский Г. (1926): Метафизические предпосылки утопизма, Путь, 27-53.
- Ярославский А. (1926): Аргонавты Вселенной (Роман-утопия). Москва, Ленинград: Биокосмисты.

МАРИЯ СТЕПАНОВА «ПАМЯТИ ПАМЯТИ»: ПАМЯТЬ, ИСТОРИЯ, ЕВРЕЙСТВО

Элина Васильева
Даугавпилсский Университет, Латвия
elina.vasiljeva@du.lv

MARIA STEPANOVA “IN MEMORY OF MEMORY”: MEMORY, HISTORY, JEWRY

Elina Vasiljeva
Daugavpils University, Latvia

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена вышедшему в 2017 году роману Марии Степановой «Памяти памяти», ставшим знаковым событием русской литературы. Автор задает определенную ориентацию на западноевропейскую литературу, что находит отражение как в моделировании нарратива, так и в развернутом цитатном ряде. Знаковым в ретрансляции еврейского текста становится субъективное начало в осмыслении и передаче исторических событий. Многоплановость картины мира романа и принципов нарратива позволяет говорить о книге «Памяти памяти» как о примере культурной гибридизации (совмещение лирического и эпического начала, документалистики и вымысла, объективного и субъективного, сочетание элементов реалистической, модернистской и постмодернистской литературы, национального и глобального).

ABSTRACT

The article is devoted to Maria Stepanova's novel "In memory of memory" («Памяти памяти») published in 2017, which became a landmark event in Russian literature. The author sets a certain orientation to Western European literature, which is reflected both in the modelling of the narrative and in the expanded range of quotations. Subjectivity in comprehension and transmission of historical events turns out to be of significance in the retranslation of the Hebrew text. The multidimensionality of the novel's world view and principles of narrative allows to consider the book "In memory of memory" an example of cultural hybridization (unification of lyric and epic, documentary and fiction, the objective and the subjective, combination of features of realistic, modern and postmodern literature, the national and the global).

Ключевые слова: память, история, семья, Холокост, евреи, фотография, документ

Keywords: memory, history, family, the Holocaust, Jews, photography, document

* Исследование осуществлено при поддержке Государственного фонда культурного капитала Латвии (Valsts Kultūras kapitāla fonds)

Роман поэта Марии Степановой «Памяти памяти», выходит в свет в 2017 году и сразу целым рядом критиков и литературоведов определяется как знаковое событие русской литературы. Роман/романс (именно такой гибридной формулой можно определить жанровую структуру произведения) строится как своеобразный пограничный текст, сочетающий элементы эго-литературы документальной прозы и художественного текста. Несмотря на непродолжительный период осмысления текста Марии Степановой, уже опубликован целый ряд рецензий и откликов на «Памяти памяти». При общем совпадении высокой оценки каждый из критиков выделяет в анализе свою доминанту, через которую рассматривается специфика произведения: так Дмитрий Буторин выделяет языковой аспект и работу автора со словом (Буторин 2018, <https://www.kommersant.ru/doc/3475839>), Ирина Шевеленко (Шевеленк 2018, <https://seance.ru/blog/memory-memory-review/>) обращается к структуре романа, многими осмысляется жанровое своеобразие романа-романса, на авансцену выдвигается тематический ряд, связанный в первую очередь с концептом памяти. Гибридный жанр, заданный Марией Степановой, включает целый ряд теоретических трудов, посвященных проблемам памяти. При этом, их обширного регистра теоретических материалов, автор выбирает труды и концепции, в российском пространстве минимально распространённые: Марианна Хирш (Hirsch 1997, 2012), Винфильд Зебальд (Sebald 2001).

В основе авторской модели триада памяти: личная – семейная – социальная (историческая), через которую протягивается вектор времени из прошлого в настоящее. С одной стороны, роман М. Степановой попадает в мейнстрим современной русской литературы, актуализируя процесс осмысления истории, в частности событий революции, Второй мировой войны и советского периода. С другой стороны, автор нарушает принципы стандартного подхода. В некотором плане «Памяти памяти» – это продолжение нестандартного взгляда на исторические события, заявленного в таких текстах как «Живые картины» Полины Барсковой и «Июнь» Дмитрия Быкова. Без сомнения «Памяти памяти» выстраивается как текст ориентированный на постмодернистское мышление с его обильным использованием культурного цитатного ряда, подмены авторского слова «чужим», восприятия времени как времени после истории, после современности, стирание границы художественной и документальной литературы. При этом исходный авторский замысел сознательно прост – исследовать и написать историю своей семьи, разобраться в истории своего рода, своих корнях и в жизни предков. Начало повествования выполняет функцию своего рода фольклорного зачина: «Умерла моя тетька, папина сестра, было ей немногим за восемьдесят. Мы не были близки, и за этим тянулся длинный хвост семейных разночтений и обид; мои папа и мама были с ней, что называется, в сложных отношениях, виделись мы нечасто, и между нами почти

ничего не выросло, Время от времени мы перезванивались, виделись и еще реже, и с годами, отключая телефон («Не хочу никого слышать!»), она все дальше уходила в собственноручно выстроенную раму: в толщу вещей и вещиц, которыми была заставлена ее маленькая квартира» (Степанова 2018: 11). Подобно традиционному сказочному зачину, события начинается как новая ступень жизни: умирает представитель старшего поколения, оставляя после себя наследство. Дальнейшая судьба главного героя/героини связана с тем, каким образом он/она распорядится этим наследством. Автор-нарратор романа и становится наследницей тех вещей-предметов памяти, которые оставляет после себя тетя. Именно эти вещи и вещицы, включая дневник и письма, сохраненные тетей Галей и заставляют героиню повествователя (звучащее на протяжении всего повествования авторское «я», что является важным и показательным для эго-литературного текста) заглянуть в историю своей семьи. Хотя далее по тексту возникает указание на то, что замысел написать роман о семье возник давно, еще в юношеские годы, именно это знаковое сочетание - смерть, сохраненные предметы в доме, дневниковые записи – и становятся отправной точкой в обращении к памяти. Квартира тети загромождена ненужными предметами, между которыми не просматривается логическая связь, нет этой связи в сохраненных семейных документах, которые документами как таковым не являются (это несколько писем, фотографии, многие из которых не подписаны и поздравительные открытки). Таким же странным по текстуре является и дневник тети Гали, который автор сравнивает с крупноячеистой сеткой (само по себе такое сравнение роднит текст дневника с текстами постмодернизма, где разрушаются причинно-следственные связи, исчезает система бинарных оппозиций, отсутствует линейность и определенность центра и периферии). Знакомство с «наследством» и в частности дневником меняет и взгляд повествовательницы на субъект памяти, тетя. Обращает на себя внимание удаленность родственных отношений. Отправной персоной в истории семьи оказывается близкий родственник, с которым нет близких отношений. Трансформируется номинация субъекта. Если в самом начале упоминается «моя тетя», то далее у тети появляется имя – тетя Галя, и буквально через четыре страницы она уже именуется «Галкой». В подобной трансформации есть своя логика и настрой на последующую повествовательную специфику. Удаленный человек становится не просто близким. Имя «Галка» не принадлежит собственно нарративу автора: это скорее обращение отца автора к своей сестре. Но знакомясь через предметы и записи со своей тетей, узнавая ее, автор становится на позицию другого, знавшего ее хорошо и близко человека. В дальнейшем именно этот прием вживания и становится основообразующим в повествовательной системе книги, когда чужое слово становится своим, рассказ о событиях прошлого строится как рассказ о лично увиденном и пережитом.

Рассказ, изначально заданный как сюжетный замысел об истории своей семьи, выливается в своеобразную философию памяти, в которой неразрывно сливается концепция самой Марии Степановой с положениями и концепциями философов, историков, писателей, антропологов, художников, обращавшийся к этой же проблеме, и открывших в свое время, что память это не просто знание о событиях прошлого, это сложный и амбивалентный механизм.

Книга строится по принципу сознательного нагромождения информации. Это огромный культурный текст, поток памяти. Объем информации, заданный на 400 страницах романа слишком масштабен для запоминания, события из истории, пересказ романов, картин, фотографий, развернутое цитирование научной, философской, мемуарной литературы и архивных документов задано в таком калейдоскопическом режиме, что усвоить все это за один прием проблематично. Автор как бы демонстрирует этим свой главный постулат: невозможность сохранения всего в памяти и относительность механизма памяти как таковой. Нелинейное повествование с чередованием глав (текст от автора Марии Степановой) и неглав (письма родственников, данные курсивом) – это обильное и неожиданное в своей последовательности и ассоциативности упоминание цитат и родственников, это рассказ об истории рода, состоящий из такого множества имен и указания степени родства, что генеалогическое древо с трудом воссоздается в сознании читателя. Степанова самим текстом подчеркивает: наша память не всеильна, она не способна сохранять бесконечный поток информации, память индивидуальна, память отрывчата.

Роман Марии Степановой, апеллируя к категории памяти, затрагивает еще одну, специфичную для русской литературы тему – еврейство, и более частный момент - судьбы еврейства в годы Второй мировой войны. Отображение событий Холокоста в традиции русской литературы достаточно специфично. В романе «Памяти памяти» автор задает определенную ориентацию на западноевропейскую литературу, что находит отражение как в моделировании нарратива, так и в развернутом цитатном ряде. Но одновременно еврейский вопрос – это вопрос семейный. Развернутое генеалогическое древо рода Марии Степановой – это, по сути, генеалогия еврейского рода, в который вплетается одна русская линия – дед по линии отца – Николай – единственный русский в этой родословной, но именно его фамилию Степанов носит автор романа. Формула «мы евреи» становится обязательной для всех поколений Гуревичей, Гинзбург, Фридман, Гиммельфарб, Либерман, Аксельрод. Это формула оказывается оборотной стороной избранничества еврейского народа, поскольку в этой формуле заложена не ситуация избранничества, а исключительности, точнее исключенности: «Мы евреи, напоминали мне в десять лет. Ты не можешь позволить себе не учиться» (Степанова 2018: 322). «Напоминали» - указание на повторяющийся характер формулы, это то, что нужно

усвоить, что является обязательным. «Евреи» - выделено курсивом. Здесь следует отметить, что в структуре романа курсив возникает часто, и именно курсив связан с цитатностью: употребление автором чужого слова, которое осталось именно чужим, это не обязательно несогласие, но это та позиция, которую автор не впускает в себя, это чужое слово, которое должно звучать в оригинале, а не в собственной авторской озвучке. Курсивом выделены все письма, курсивными оказываются отдельные слова, в употреблении которых автор подчеркивает чужое высказанное мнение, произнесенное когда-то, таким образом в нарративе используется принцип «так говорили» и «он сказал». Номинация «евреи» - это стороннее определение. Это выведение другими еврейского народа за границы своего мира, а для включения в этот мир необходимо исполнение определенных условий. Одно из важных – учиться, получать образование, профессию. Именно, исполняя формулу «мы не можем позволить», отправляется в Париж изучать медицину прабабушка Сарра, именно эту формулу она воспроизведет в отношении к своей дочери, и потом под знаком этой же формулы пройдет детство автора. Напоминание о еврействе сочетается с отказом от еврейства, которое заявлено на уровне семейной истории (в письмах и записках прабабки Степанова замечает одну особенность: «Ничего в этих записочках не отсылало к еврейству, как бы поверхностно его не понимать. Помимо того, что не упоминалось (праздники, обряды, все, что было связано с религиозной традицией, что и понятно: прабабка в старости называла себя беспартийной большевичкой), было еще и то, что не применялось, - в первую очередь идиш, язык изгнания и унижения» (Степанова 2018: 115)), и на уровне большой истории, истории литературы (в качестве подобного примера приведен рассказ о судьбе Мандельштама, который для многих современников остался *жидочком*, и чью не единственную судьбу Степанова определит следующим образом: «Принадлежность к миру культуры по умолчанию подразумевала отказ от еврейства» (Степанова 2018: 117)). Степанова не ставит перед собой цель обличения антисемитизма, антисемитизм возникает как постоянный исторический и культурный повторяющийся фон. Так внутри семейной истории возникает упоминание сестры деда Николая Маши (Мария Степанова своим именем и фамилией повторяет именно ее), которая после смерти бабушки Доры пишет: «Теперь-то наконец на русской женишься» (Степанова 2018: 383). В истории литературы таким вариантом становится модный роман конца 19 века «Трильби» Джорджа Дю Морье, в котором выводится образ ужасного еврея Свенгали, в чьей истории воплощены все стереотипы о об отвратительном еврее. Приводятся и более секундарные, но не менее знаковые примеры: изымание еврейского компонента происходит даже при редактировании дневника Анны Франк и комментария работ Шарлотты Саломон.

Разговор о еврействе у Степановой связан с размышлениями о еврейском самосознании и, как следствие, о специфике еврейской памяти. Обильно цитируя разного рода источники, автор предлагает свою трактовку модели еврейского сознания и памяти: логика этой модели вытекает из логики свитка Тора, эта модель определена основами иудаизма. Прежде всего память вменяется народу как обязанность, (со ссылкой на Второзаконие) для Степановой это становится ключевым моментом. В еврейской традиции в чтении и трактовке книги Захор (и в случае разговора об этой книге Степанова ссылается на Иосифа Хайма Йерушалми) выделяется два глагола действия, выполняющих функцию заповедей повеления: «помни» и «не забудь». Традиция дифференцирует значение этих заповедей. Здесь «не забудь» будет обозначать «храни в сердце» (т.е. носи в себе), а «помни» – значит «пересказывай» (т.е. передавай другим). Многие специфические моменты традиции объясняются построением Торы (Пятикнижия Моисеева). Для Степановой (со ссылкой на того же Йерушалми) важным оказывается отсутствие понимания принципа историзма: история ограничивается событиями Пятикнижия. Это круг, цикл Торы, за пределами которого ничего не заслуживает внимания. События, описанные в Торе, являются определяющими, первостепенно значимыми. Это события, размещенные в далеком прошлом, но посредством чтения свитка перемещающиеся в настоящее и повторяющиеся в настоящем. Еврейская традиция признает циклический, а не хронологический календарь, в котором важны дни и месяцы, но летоисчисление не актуально. И именно с этой точки зрения автор подходит к рассмотрению событий Холокоста. Получается, что Катастрофа – это событие из ряда прошлого. Но когда оно оказывается в этом ряду, на него распространяется заповедь «не забудь». Для Степановой бесспорным становится факт вторжения истории в еврейскую попытку внеисторичности. На этом стыке и возникает авторское видение поведения нацистов: «Но и воображение нацистов работало как бы внутри логики еврейского мира – так, словно им мучительно хотелось что-то подтвердить или опровергнуть, проверить на прочность договор этих людей с их Б-гом. Карательные акции планировались в соответствии с чужим календарем, не различая при этом праздников и постных дней. Расстрел евреев в киевском Бабьем Яру был назначен на канун Судного дня; уничтожение Минского гетто приурочено к Симхат-Торе; зачистка Варшавского гетто началась на Песах. Исполнение заповеди «не забудь»- это тяжелый труд. Поэтому книга Захор заканчивается молитвой о том, чтобы забвение перестало быть грехом.

Тем не менее бесспорно, прошлое не хочет оставлять. И это видно в попытке самой Степановой воссоздать историю своей семьи, впуская в себя истории своих предков. Именно такое отношение к семейной истории она находит в фотоцикле Рафаэля Голдчейна “I am my family”, который автор подробно пересказывает, перелагая зрительные образы в словесный

ряд. Суть цикла Голдчейна в том, что фотохудожник создает ряд автопортретов, в которых предстает в образах своих родственников (стариков и молодых, женщин и мужчин).

В рассмотрении событий Холокоста постоянно возникает идея того, что возможно в памяти вообще нет необходимости. И именно это «не помнить» связано с личными переживаниями, с человеческим. Степанова приводит убедительный пример с фотографиями другого рода – обнаженные женщины перед расстрелом и газовой камерой (фоторгафии, которые часто используются как документальные иллюстрации событий Холокоста) – хотели ли они, чтобы такие их фотографии выставлялись для публичного осмотра? Необходима ли память такого рода?

Определенным пересечением пространственных и временных координат становится музей. В нелинейном повествовательном ритме моменты посещения автором музеев акцентируются: Берлинский еврейский музей, Вашингтонский музей Холокоста, музей естественной истории Нью-Йорка, Амстердамский Еврейский исторический музей. Музеи становятся не просто хранилищами истории, в их пространстве сам человек становится экспонатом всемирной выставки. Большая часть экспозиции музеев представлена визуальным рядом – это фотографии и видеохроника. Эти материалы – части какого-то семейного архива. И Степанова подробно описывает этот видеоряд, превращая это описание в своего рода романс (художественное произведение, авторский вымысел, а не документалистика). Визуальный ряд (фотографии, фильмы, рисунки, картины) перекладываются в развеонутый словесный ряд, подробно описываются. Степанова как бы реализует формулу Захор: «помни» - передай другому. Так целая глава посвящена подробному описанию фильма Хельги Ландауэр, составленного из кадров документальной хроники, где каждый кадр – отрывок чьей-то жизни. Авторская позиция режиссера заявлена как комментарий: «Финальные титры фильма с долгим перечнем имен заканчиваются единственной авторской фразой: последние сцены фильма были сняты на пляжах Европы в конце августа 1939-го. То есть сразу перед концом всего, добавляем мы, будто это не очевидно» (Степанова 2018: 90). Свидельства Холокоста – это свидетельства уничтоженного мира, мира, которого уже нет, даже в случае если изображенные в кино или на фоторгафии остались в живых.

В истории Холокоста для Степановой есть традиционное (гибель) и не традиционное (остались в живых). В экспозиции Берлинского еврейского музея внимание автора обращает на себя очередной визуальный экспонат – семейная хроника семьи Ашер. Фамилия семьям символична в контексте той темы, в рамках которой их история и заявлена в музее – они пепел, «Когда я смотрю на кинохронику семейства Ашеро́в, на снежную горку конца 1934, на темную лыжню и освещенные окна, видео – лишь проводник готового знания о том, что случилось

тогда с людьми, похожими на этих. Пепел к пеплу, снежный прах к снежному праху, общая судьба неуспевших; траектория кажется настолько ясной, что отклонение поражает, как явленное чудо. Просидев полчаса в интернете, узнаешь, что родители и дети с лыжами и лодками, принадлежат к невеликому числу спасшихся, уехавших в 1939-м, живших в Палестине, перебравшихся в Америку – ушедших от общей судьбы» (Степанова 2018: 95-96). Степанова подчеркивает явное искажение, продиктованное феноменом постпамяти (теория Марианны Хирш) – чудесным отпадением от ожидаемой нормы становится факт спасения.

Для Степановой характерно понимание конца, финала как непреложной данности. Окончание обязательно как для исторических событий, так и для жизни конкретного человека. Но логика автора восстает против того, чтобы любое событие прошлого возводилось именно к финалу. История семьи Ашероф имеет неожиданно счастливый финал. История Шарлотты Саломон демонстрирует две составляющие: существование ее нетипичного творчества (история своего рода в серии гуашей «Жизнь? Или Театр») и типичной судьбы (в 1943 году отправлена в Аушвиц, где она сразу направлена в камеру, потому что была на третьем месяце беременности).

Разветвленная история семьи Марии Спетановой – это тоже неожиданная история. Семья проходит через все перипетии 20 века – в семье никто не погибает, за исключением Ледика (двоюродного брата деда), который в начале войны попадает в действующую армию, поскольку объявляется обязательный призыв. Тем не менее автор определяет историю своей семьи как перечень несбывшихся надежд. В этой истории нет ничего необычного. В финале романа автор подводит некий итог своего путешествия во времени и пространстве: «Если я ждала, что в конце путешествия для меня припрятана коробочка-секретик, вроде корнелловских, из этого ничего не вышло. Места, где ходили, сидели, целовались люди моей семьи, где они спускались к реке или прыгали в трамвай, города, где их знали в лицо и по именам, не стали со мной брататься» (Степанова 2018: 403). Возвращение в прошлое невозможно, потому что прошлое не принадлежит нам. Но с точки зрения Степановой и мы не должны принадлежать прошлому. Не отрицая память (поскольку весь роман строится как описание памяти, заповедь «помни»), автор тем не менее создает своеобразный некролог памяти «Памяти памяти», при этом воплощая формулу Михаила Гронаса – «забыть значит быть» (Степанова 2018: 403).

Список литературы:

Буторин Д. (2018) Путешествие не особым путем. URL <https://www.kommersant.ru/doc/3475839> (дата обращения: 15.05.2018)

Степанова М. (2018) Памяти памяти. Москва «Новое издательство».

Шевеленко И. (2018) «Памяти памяти»: роман воспитания. URL <https://seance.ru/blog/memory-memory-review/> (дата обращения: 15.05.2018)

References

Hirsch M. (1997) Family Frames: Photography, Narrative, and Postmemory. Harvard University Press.

Hirsch M. (2012) The Generation of Postmemory: Writing and Visual Culture After the Holocaust. Columbia University Press, 2012.

Sebald W. G. (2001) Austerlitz. London: Hamish Hamilton.

СПЕЦИФИКА ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ В ЛИТЕРАТУРЕ РУССКОГО ПОСТМОДЕРНИЗМА

Витковская Леокадия Васильевна
Пятигорский государственный университет, Россия
lvv23@yandex.ru

Головченко Игорь Федорович
Пятигорский государственный университет, Россия
i_golovchenko@yahoo.com

INTERTEXTUALITY SPECIFICS IN THE LITERATURE OF RUSSIAN POSTMODERNISM

Vitkovskaya Leokadia Vasilievna
Pyatigorsk State University, Russia

Golovchenko Igor Fedorovich
Russia Pyatigorsk State University, Russia

АННОТАЦИЯ

В статье представлен анализ специфики интертекстуальности в творчестве современного прозаика Т.Н. Толстой, автора многочисленных рассказов и романа-антиутопии «Кысь», в которых данная категория проявляется как универсальная, воплощающая одновременно концепцию, метод, стратегию, код, элементы поэтики, приемы, свойства идиостиля и другие качества, благодаря которым тексты разнообразными способами ссылаются друг на друга и являются основополагающими принципами, формирующими систему литературы русского постмодернизма.

ABSTRACT

The article presents the analysis of intertextuality specifics in the works by T.N. Tolstaya – a modern novelist and the author of multiple short stories and a dystopian novel called “The Slynx”, wherein this category appears as universal encapsulating a concept, a method, a strategy, a poetic element, a technique, idiostyle features, and other characteristics which enable the texts to refer to one another and represent the underlying principles shaping the framework of Russian Postmodernism.

Ключевые слова: постмодернизм, интертекстуальность, Т.Н. Толстая, автор, идиостиль, текст, читатель.

Keywords: postmodernism, intertextuality, T.N. Tolstaya, author, idiostyle, text, reader.

Вокруг литературного постмодернизма (как и суперструктурализма, трансавангарда и др.) накопилось множество понятий, определений, теорий, трактовок, поскольку проявление

принципов и черт постмодернистской поэтики отмечается задолго до установления принципов этого художественного метода (у Шекспира, Рабле, Сервантеса, Стерна и др.). Разумеется, однозначно установить точные даты или назвать определенные явления, обозначающие наступление постмодернизма, не представляется возможным. Естественно, постмодернизм предвосхищен и предопределен всем предшествующим эстетическим опытом. Среди классических произведений, существенно повлиявших на поиск нетрадиционных нарративных форм, называют «Дон Кихот», «1001 ночь», «Декамерон», «Кандид» и др. Философы Жак Деррида и Мишель Фуко в поисках истоков постмодернизма обращались к Хорхе Луису Борхесу, начинавшему свое творчество еще в 1920-ые годы, но его эксперименты с магическим реализмом и приемами метапрозы были оценены только со становлением постмодернизма. Симптоматичным является, например, наблюдение хорватского набоковеда М. Медарич о модели русского романа (формирующейся у Сирина в течение 20-30-х гг.), которая «предзнаменует одно из явлений в так называемой постмодернистской литературе – в частности, «нарциссистский роман» (Медарич 1997: 456).

В культуре второй половины XX века обозначается разочарование в прежних эстетических традициях и закладывается установка на художественное изображение реальности как другой действительности, на восприятие мира как хаоса, которая образует философскую основу постмодернизма. Текст, как известно, начинают строить как мир. Точкой отсчета постмодернизма считают различные литературные события – выход «Каннибала» Джона Фокса (1949), спектакль по пьесе С. Беккета «В ожидании Годо» (1953), публикации «Голого завтрака» (1959) Уильяма Берроуза, произведений Ионеско, Камю, Хулио Кортасара, Габриэля Гарсиа Маркеса, Милорада Павича, Умберто Эко, которые внесли существенный вклад в эстетику нового направления и выработали его общие темы и приемы – ирония, черный юмор, игра, пастиш, метапроза, симулякр, максимализм, фрагментация. Наиболее характерным свойством формирующейся поэтики признается, начиная с М. Бахтина и Ю. Кристевой, интертекстуальность, которая в постмодернизме артикулирует феномен взаимодействия текста с семиотической культурной средой и приобретает статус универсального художественно-изобразительного приема, так как наиболее отличительная черта постмодернистского стиля – опора на интертексты.

Интегративные общественно-политические и многие другие процессы конца XX-начала XXI века приводят к функционированию различных философско-эстетических систем и художественных течений (постромантизма, необарокко, неонатурализма, литературного экзистенциализма, концептуализма, многих видов «нового реализма, даже реактуализации модернизма и др.), которые формируют синкретический характер искусства, влияющий на

разработку комплексной стратегии творчества и на создание индивидуального стиля каждого автора данной эпохи: «По моим понятиям, идеальный писатель постмодернизма не копирует, но и не отвергает своих отцов из двадцатого века и своих дедов из девятнадцатого... Идеальный роман постмодернизма должен каким-то образом оказаться над схваткой реализма с ирреализмом, формализма с „содержанизмом“, чистого искусства с ангажированным, прозы элитарной – с массовой» (Дж. Барт 1984: 46).

Радикальная смена в этот период литературных стилей отчетливо обнаруживается и в творчестве таких русских писателей, как А. Битов, Д. Галковский, В. Ерофеев, Е. Попов, В. Сорокин, Л. Петрушевская, А. Синявский, Л. Улицкая, В. Нарбикова и др., в сочинениях которых отражается стремление авторов выразить собственное миропонимание, предпринимаются попытки создать новую картину мира. Многие герои в их произведениях – чудаки и странные странники, среди которых «дураки» Саши Соколова («Школа для дураков» 1973), неудачники Э. Лимонова («Дневник неудачника» – 1977), чудаковатые персонажи В. Пелевина и др. Они создаются на обращении авторов к мифам и даже религиям, к многочисленными прецедентным текстам, более того совершается деперсонификация личности и человек рассматривается как недоразумение, как часть общего лица массы, чему Е. Замятин в романе «Мы» (1924) нашел оптимальное обозначение – его герои вообще не имеют имен, они лишь номера в едином потоке.

Формирование особенностей русского постмодернизма имеет свои закономерности и национальные корни. Одним из видных его представителей считается Т.Н. Толстая.

В 2000 году она издает роман с интригующим названием «Кысь», который сразу привлекает широкое внимание и читателей, и исследователей, хотя и получает самые противоречивые оценки. В 2001 г. он признан «Лучшей книгой года», автор становится лауреатом многих премий, а произведение вызывает множество рецензий, отмечающих, что роман не похож ни на одно из предшествующих сочинений писателя (вошедших в сборники «На золотом крыльце сидели», «Любишь – не любишь», «Река Оккервиль» и др.). В «Кыси» одновременно наблюдаются черты реализма, присущие всему ее творчеству, – обращенность к вечным темам, юмор и ирония в изображении действительности, многозначность, игровой модус, а также элементы постмодернизма, в большей степени аллюзии на русскую и мировую литературу.

Об отношении автора «Кыси» к постмодернизму свидетельствует ее характеристика нашумевшего в свое время сочинения А. Макина «Французское завещание»: «Роман многоплановый, постмодернистский, постбартковский, постструктуралистский, постфрейдистский, насыщенный культурными аллюзиями, в меру исповедальный» (Толстая

2004: 494). Данная оценка дает представление о системе литературных взглядов Т.Н. Толстой, позволяющих при рассмотрении композиции произведения А. Макина отметить, что оно «хорошо задумано и продумано», «имеет точки схода всех линий», но вместе с тем выражает наблюдение, что роман «без неожиданностей, без юмора, слишком расчисленный, слишком эстетский, густо нашпигованный банальностями, клише, стертыми метафорами» (Там же) и подчеркнуть особенности поэтики, во многом основанной на интертекстуальности.

Специфика толстовской интертекстуальности видится в том, что автор «Кыси» прежде всего объемлет весь логоцентрический комплекс (буквы, слова, тексты), а главы романа называет буквами старославянского и современного русского алфавита. Подобный способ именования глав буквами дореволюционной азбуки «лапидарным образом обозначает претензию на энциклопедическую всеохватность», позволяющую утверждать, что Т.Н. Толстая создает «самую настоящую модель русской культуры. Работающую модель. Микрокосм» (Парамонов 2000). В ее повествовании реальность формируется на основе духовного кода славянского алфавита; писателю будто близка мысль Платона о том, что азбука – модель универсума. По собственному признанию, Толстая сначала намеревалась просто пронумеровать главы, но далее решила: «...раз роман про книгу, так и сделаем из него книгу. Расставив эти буквы, а у меня уже было написано 75 процентов текста, я обнаружила, что их «имена» – аз, или глаголь, или покой – каким-то образом – не полностью, но заметно – отражаются в тексте главы» (Толстая 2004: 334-335). В соответствии с авторской логикой перестраивается дореволюционный алфавит и используется два варианта славянской азбуки (собственно кириллицу и гражданскую азбуку, просуществовавшую до 1918 г.), однако в оглавление вынесены не все буквы: отсутствуют литеры «кси», «пси», «омега», «юс большой» и «юс малый», йотированные буквы. Выбор останавливается только на тех литерях, которые отражают ментальные основы цивилизации и воспроизводят глубинные когнитивно-концептуальные структуры, определяющие этническую и национальную самобытность русского народа.

Тем самым складывается впечатление, что Т.Н. Толстая иронически обыгрывает значимое для теории постмодернизма понятие «диктат языка». Ее язык скорее устный, не книжный, условно говоря, язык «русского средневековья», т.е. предметом изображения в романе оказывается история русской литературной традиции и особенности функционирования языка в эпоху эстетического мультикультурализма. По многим оценкам, в романе «Кысь» парадоксальным образом деконструирована сама идея постмодернистской деконструкции.

Роман создавался в течение 14 лет, в конце текста автор не только ставит дату («1986-2000»), но указывает и места его написания (а именно «Москва–Принстон–Оксфорд–остров Тайри–Афины–Панормо–Федор-Кузьмичск–Москва» [Толстая 2004: 325].), которые воспринимаются в роли маркеров топоса, вызывающего многочисленные ассоциации и аллюзии к перечисленным местам создания текста, что делает роман принципиально важным не только для толкования эстетических взглядов, но позволяет проследить их эволюцию. Фактически граница между авторским временем и фантастическим будущим размывается, так как к реальным топонимам подключается место ирреального художественного действия, а цикличность времени повествования маркируется упоминанием Москвы и в начале, и в конце списка, что дает основание интерпретировать текст в тесной связи с биографией (Т.Н. Толстая в 90-е гг. проживает в США, читает лекции во многих американских университетах, в том числе в Принстоне).

Действие романа происходит через триста лет после некоего Взрыва, приведшего к изменению биологических форм жизни на земле. По словам автора, замысел родился под впечатлением от чернобыльской катастрофы. В романе представлена как бы двойная модель мира. С одной стороны, это мир, который ассоциируется с тоталитарным государством, в котором любые мысли о социальной справедливости считаются своеволием. С другой стороны, в романе представлен мир, «мутировавший» нравственно и духовно. И взрыв воспринимается как катастрофа, которая произошла в сознании людей, в их душах. Изменились точки отсчета: нет прошлого, непонятное настоящее, невидимое, но устрашающее будущее.

Автор изображает город с абсурдным названием Федор-Кузьмичск, который раньше назывался Москвой, он расположен «на семи холмах.., а вокруг городка поля *необозримые*, земли *неведомые*» [Толстая 2004: 7). Его населяют бывшие люди, уцелевшие от Взрыва (которые не стареют), а также родившиеся после него. Главная проблема "Кыси" – поиск утраченной после Взрыва духовности, внутренней гармонии, преемственности поколений. Важным сквозным интертекстуальным предметом в романе является книга как символ цивилизации и культуры, как знание о прошлом, настоящем, будущем и, что важно, – как знание себя. Неслучайно главный герой Бенедикт – писарь в Рабочей Избе, где «перебеляют» сочинения, созданные единственным автором современности «Набольшим Мурзой» – Федором Кузьмичом, который на самом деле выполняет функцию скриптора: он переписывает классические и любые другие тексты от «Колобка» до Шопенгауэра, вовсе не понимая их смысла, и отдает их затем в Рабочую Избу, передоверяя свою функцию другим скрипторам.

Сюжет строится на том, что главный герой Бенедикт постепенно проникается патологической жадой чтения. Основным мотив его поведения – где достать книг. В силу своей профессиональной деятельности Бенедикт оказывается погруженным в постмодернистскую ситуацию интертекста, причем в его сознании сталкиваются фрагменты прежних текстов.

Интертекстуальность позволяет Т.Н. Толстой через включение в текст различных по происхождению цитат ввести в роман и недавнюю российскую реальность 90-ых годов, и элементы различных наук и искусств: скульптуры, философии, русского песенного искусства и др. и Т.Н. Толстая оправданно признана одним из наиболее видных представителей литературы русского постмодернизма.

Роман Т.Н. Толстой – исключительно своеобразная жанровая разновидность, наполненная оригинальных, сугубо авторских находок, среди которых образ именно Кыси, в котором воплощен навязанный, беспричинный в душе каждого обитателя городка страх, который отгораживает их от окружающего мира. Город описан не как общество будущего, где царит порядок и целесообразность, а как хаотичный мир, в котором экономические, социальные, нравственные связи оказываются разрушенными до основания. Обитатели Федор-Кузьмичска – пленники не тоталитарной идеологии, а собственного невежества, безкультурия, эгоизма. Характерной чертой «Кыси» является хронотоп, отличающийся замкнутостью пространства и статичностью времени.

В придуманном мире невероятно все – и природа, и люди: персонажи уродливы, они наделены жабрами, гребнем, петушиным хвостом. В текст включены многие артефакты культуры – суеверия, приметы, поверья. Здесь верят в русалку, лешего, в лесах растут сказочные фрукты и живет, по преданию, хищная кысь – символ жестокости изображенного в романе общества. Раскрытию идеи произведения во многом способствует именно система образов-символов – кысь, Княжья Птица Паулин, мышь и даже пушкин. Неслучайно, в название романа вынесено имя центральной мифологемы. Автор признается, что лексема «кысь» придумана мужем Т.Н. Толстой во время филологической игры, что «слово ей понравилось», поскольку фоносемантически оно отражает нашу природу, наш менталитет: «мне нужен был густой лес, поляны, речки, чудь и водь, родная сторонка. Тут ведь раньше до нас чудь жила. Есть такая легенда, что когда пришли славяне, то «чудь в землю закопалась...». По-моему, она и сейчас тут, уже совсем прозрачная, ее днем не видно. Но по ночам она в лесу шуршит – передвигает что-то, устраивается. Слова шепчет, и если прислушаться – они попадают в голову и там застревают. А через слова уже видны другие миры. Из одного слова можно целый мир вытянуть» (Толстая 2004: 327-328). Исследователи указывают на

фонетическую связь между словами «кысь» и «Русь», дополняя ассоциативный ряд. Для Б. Парамонова это «кысь – брысь – рысь – Русь» (Парамонов 2000). Данный список расширяется лексемами «кис» и «кышь», подчеркивается, что «Татьяна Толстая удачно придумала это слово; соединила ласково-подзывательное: кис-кис, резко-отпугивательное: кышшш! и присовокупила к этим древним словам хищную рысь и брезгливое – брысь! (Елисеев 2000). Автор действительно даже на одном слове (причем, несуществующем, придуманном) пытается объяснить отличие русских от других славян влиянием культуры и ментальности народа, «проживавшего здесь раньше и словно растворившегося в окружающей нас природе и в нас самих». Описание кыси близко тому, как Толстая характеризует чудь: кысь живет в лесу, «видеть ее никто не может» и она способна помутнить разум (Толстая 2004: 7). Однако изображенная Кысь способна пробудить интеллектуальный и духовный потенциал, но только в том случае, если человек готов прислушаться к ее голосу. В романе толкование данного символа достаточно неоднозначное, высказывается предположение, что кысь – воплощение бессознательных страхов человека, в котором видят прообраз русской души, нередко томящейся от неясной беспричинной тоски. Видимо, в контексте данных автором интервью кысь точнее интерпретировать как alter ego русского человека, как сокрытую в нем тягу к познанию смысла бытия. Кысь выступает символом некоего тайного начала в русской душе, тяжелого томящего чувства – стремления обрести истину. Вообще кысь – многозначный символ, это хитрый кровожадный хищник, который способен повредить разум, другое же значение символа – своеобразное, необходимое человеку табу, «пугало» в самом абстрактном смысле слова. В системе романа, наполненного внутрикультурными пересечениями, фольклорными реалиями, такой символ-запрет не воспринимается чуждым. Зачастую в мифологии подобные символы воплощаются в образах птиц: Алконост, Сирин, птица Гамаюн, Жар-птица. В романе благодаря интертекстуальности совершается перекодировка мифов о русской истории, культуре, самобытности национального бытия: «Русский мир» в понимании Т.Н. Толстой «оказывается миром, в котором неразличимы хаос и космос, история и вечность, культура и природа» (Липовецкий 2007: 38). В одном интервью Т.Н. Толстая отмечает, что ее целью было показать не будущее, а «наше вечное настоящее» (Толстая 2004: 331). Внимание автора обращено не столько к социальной утопии, сколько к проблеме нравственного разрушения, к гуманитарной катастрофе.

Герой Т.Н. Толстой Бенедикт своей обреченностью в духовных поисках напоминает Венечку из поэмы Вен. Ерофеева «Москва – Петушки» (1990), Петровича из «Андеграунда» В. Маканина (1998), Вавилена Татарского из «Generation P» В. Пелевина (1999) и др. В этом образе, хотя и несколько сниженно, прослеживаются черты Цинцинната из «Приглашения на

казнь» В.В. Набокова. Принцип интертекстуальности реализуется Толстой в смешении весьма известных образов и символов, в диалогической отсылке к известным произведениям посредством реминисценций, в самом образе кыси, что вполне вписывается в традицию русской литературы изображать диалектику русской души через зооморфные символы, среди которых «недотыкомка» из романа «Мелкий бес» Ф. Сологуба (1905), «махроть» из поэмы «Махроть всея Руси» Д. Пригова (1984). Ее карикатурный персонаж, Набольший Мурза Каблуков, по многим чертам схож с героями А. Гофмана – Крошкой Цахес, М. Салтыкова-Щедрина – Угрюм-Бурчеевым, санитары в Федор-Кузьмичске выполняют роль замятинских бюро и оруэлловских министерств.

Интертекстуальность – основной стилевой признак романа Т.Н. Толстой. Специфика его интертекстуальности рождает споры о жанровой природе романа, который называют антиутопией, «постантиутопией», ретроантиутопией и даже пародией на антиутопию, вобравшей в себя черты фольклорной сказки, научной фантастики и газетного фельетона (Иванова 2001: 40), его считают «одной из первых русских антиутопий, генетически связанных с Брэдбери (Черняк 2014: 13). Жанр «Кыси» определяется также как «лингвистическая фантастика» (Данилкин 2000). Обращение автора к псевдокарнавалу сближает «Кысь» с мениппеей и обуславливает специфическую композицию романа, для которой характерно широкое использование вставных жанров: новелл, писем, ораторских речей и смешение прозаической и стихотворной речи. В романе отмечаются влияние многих произведений отечественной словесности – от фэнтези братьев Стругацких до мира чудищ в духе Алексея Ремизова. «Кысь» ставят в ряд творений от Замятина до Оруэлла, находят связи с романом В. Войновича «Москва 2042» (1987), рассказами В. Рыбакова «Носитель культуры» (1988), «Не успеть» (1989), произведениями А. Курчаткина «Записки экстремиста» (1989), Л. Петрушевской «Новые Робинзоны» (1989), роман А. Кабакова «Невозвращенец» (1990), А. Бородыни «Парадный мундир кисти Малевича» (1992), В. Маканина «Лаз» (1991). Выявляются аллюзии на сочинения Тэффи, А. Аверченко, А. Афанасьева и др. Тем не менее «Кысь» сравнивают с романом-фельетоном И. Оренбурга «Хулио Хуренито» (Елисеев 2000). У Т.Н. Толстой обнаруживается сходное с Е. Замятиным («Мы», 1920), М. Булгаковым («Собачье сердце», 1925), А. Платоновым («Чевенгур», 1926-1928), В. Набоковым («Приглашение на казнь», 1934) стремление к выражению собственной концепции общественного устройства. Подчеркивается авторская самобытность постмодернизма: «В «Кыси» Толстая не перестала быть постмодернистом, но теперь она перевела в эту модель самый предмет ее описания, творения (сотворения) – русскую историю. Россия у нее стала постмодерном: пародийным самовоспроизведением» (Парамонов 2000).

Интертекстуальности Т.Н. Толстой присуща особая центонность. Так, внутренний монолог главного героя в главе «Фита» включает в себя центон из прецедентных текстов А.С. Пушкина, Н.А. Некрасова, А.А. Блока, М.Ю. Лермонтова, Б.Л. Пастернака: «Что в имени тебе моем? Зачем кружится ветер в овраге? Чего, ну чего тебе надобно, старче? Что ты жадно глядишь на дорогу? Что тревожишь ты меня? Скучно, Нина! Достать чернил и плакать! Отворите мне темницу! Иль мне в лоб шлагбаум влепит непроторенный инвалид? Я здесь! Я невинен! Я с вами! Я с вами!» (Толстая 2004: 316).

Наибольшую аналитическую сложность представляет разгадка аллюзий – скрытых цитат, использованных в романе в измененном виде. Как отмечает Т.Н. Толстая, выбор цитируемых претекстов зависит непосредственно от ее эстетических взглядов: «Это мой личный круг чтения, частица его, смутный абрис души...» (Толстая 2004: 330). Характерно, что синтез приемов различных литературных школ, смешение разнообразных претекстов в романе не приводят к конфликту стилей в первую очередь потому, что язык «Кыси» подчеркнуто эклектичный: автор сочетает архаичную, просторечную лексику с неологизмами и элементами новояза. Для него характерны метафоричность и обилие уменьшительно-ласкательных форм. Языковой код, созданный в романе Т.Н. Толстой, составляет ее творческий феномен, основанный на литературоцентричности и шире – филологоцентричности романа. Интертекстуальная игра осуществляется в произведении на семантическом, лингвостилистическом и ассоциативном уровнях.

Воссоздавая архетипический уровень национального сознания, Т.Н. Толстая через интертекстуальность выявляет в «Кыси» центральные компоненты русской ментальности: особое тяготение к Слову, сакрализацию литературы. Однако свойственная эстетике реализма и модернизма идея воспитывающей роли словесного искусства подвергается переосмыслению в соответствии с философией постмодернизма. Сам концепт постмодернизма воспринимается как явление культурного полифонизма (Н.Б. Кириллова). Подмена образа-символа библиотеки концептом каталога (по законам его организации расставлены книги в кабинете главного героя романа) свидетельствует о новом решении актуальной для постмодернизма проблемы соотношения «автор – текст – читатель». Но, по Толстой, исповедуемая постмодернизмом теория о «смерти Автора» (Р. Барт) не обязательно приводит к «рождению Читателя», так как малообразованный человек не способен стать сотворцом текста ввиду непонимания его имплицитного смысла, т.е. в романе одновременно совершается и разрушение постмодернизма изнутри средствами самой постмодернистской эстетики, осмысления тупиков, в которые заводит тотальная постмодернистская деконструкция.

Благодаря интертекстуальности роман Т.Н. Толстой «Кысь» вводится в более широкий литературный контекст, разумеется, в другой культурной среде, например, в Испании он приобретает иные смыслы и вполне может быть сравним с произведениями таких испанских авторов, как Карлос Луис Сафон, Артуро Перес-Реверте, Антонио Муньос Молина, Камило Хосе Села (лауреат Нобелевской премии 1989 года), которые внесли существенный вклад в развитие постмодернизма. Как соблюдающие свои классические традиции, произведения испанской и русской литературы нередко сравниваются: Карлоса Луиса Сафона называют «испанским Булгаковым» за перекличку мотивов его романа «Игра ангела» с сюжетными линиями «Мастера и Маргариты») в контексте проблем испанского постмодернизма.

Интертекстуальность у Т.Н. Толстой как универсальная в искусстве постмодернизма категория лежит в основе текстопостроения и смыслообразования романа «Кысь» и она одновременно обозначает концепцию, метод, средство, элементы поэтики, код, прием, свойство идиостиля и другие качества, выявляющие наличие общих свойств текстов, благодаря которым они разнообразными способами явно или завуалированно могут ссылаться друг на друга и выступают как основополагающие принципы, формирующие систему литературы русского постмодернизма.

Список литературы

Данилкин Л.А. (2000): Рецензия на «Кысь», Современная литература. URL: <http://www.guelman.ru/slava/kis/danilkin.htm> (дата обращения: 13.04.2018).

Давыдова Т.Т. (2002): Роман Т. Толстой «Кысь»: проблемы, образы героев, жанр, повествование, Русская словесность, 6, 25-30.

Елисеев Н.Л. (2000): Рецензия на «Кысь Т. Толстой»: Кысь, Брысь, Рысь, Русь, Кис, Кыш! Современная литература. URL: <http://www.guelman.ru/slava/kis/eliseev.htm> (дата обращения 05.05.2018).

Иванова Н.И. (2001) И птицу паулин изрубить на каклеты, Знамя, 3, 39-44.

Липовецкий М.Н. (2007): Бесконечный конец истории, или Кысь vs. «Кысь», Текст и его интерпретация, Вып. 2. СПб: Фил. Фак. СПбГУ. С. 37-58.

Медарич М. (1997): Владимир Набоков и роман XX столетия, Pro et Contra. СПб.: РХГИ

Мелешко Т.А. (2001): Современная отечественная женская проза: проблемы поэтики в гендерном аспекте. Кемерово: КГУ.

Парамонов Б.М. (2000): Застой как культурная форма (О Т. Толстой), Звезда, 4, 234-238.

Парамонов Б.М. (2000): Русская история наконец оправдала себя в литературе. Рецензия на роман Т.Толстой «Кысь», Современная литература. URL: <http://www.guelmen.ru/slava/kis/paramonov.htm> (дата обращения: 20.05.2018).

Толстая Т.Н. (2004): Русский человек на randevу, Не кысь. Москва, Эксмо.

Barth J. (1984): «The Literature of Replenishment» in The Friday Book. Baltimore: Johns Hopkins University Press. Minneapolis and London.

References

Danilkin L.A. (2000): Retsenziya na «Kys'», Sovremennaya literatura. URL: <http://www.guelman.ru/slava/kis/danilkin.htm> (data obrashcheniya: 13.04.2018).

Davydova T.T. (2002): Roman T. Tolstoy «Kys'»: problemy, obrazy geroyev, zhanr, povestvovaniye, Russkaya slovesnost', 6, 25-30.

Eliseyev N.L. (2000): Retsenziya na «Kys' T. Tolstoy»: Kys', Brys', Rys', Rus', Kis, Kysh! Sovremennaya literatura. URL: <http://www.guelman.ru/slava/kis/eliseev.htm> (data obrashcheniya 05.05.2018).

Ivanova N.I. (2001) I ptitsu paulin izrubit' na kaklety, Znamya, 3, 39-44.

Lipovetskiy M.N. (2007): Beskonechnyy konets istorii, ili Kys' vs. «Kys'», Tekst i ego interpretatsiya, Vyp. 2. SPb: Fil. Fak. SPbGU. S. 37-58.

Medarich M. (1997): Vladimir Nabokov i roman KHKH stoletiya, Pro et Contra. SPb.: RKHGI

Meleshko T.A. (2001): Sovremennaya otechestvennaya zhenskaya proza: problemy poetiki v gendernom aspekte. Kemerovo: KGU.

Paramonov B.M. (2000): Zastoy kak kul'turnaya forma (O T. Tolstoy), Zvezda, 4, 234-238.

Paramonov B.M. (2000): Russkaya istoriya nakonets opravdala sebya v literature. Retsenziya na roman T.Tolstoy «Kys'», Sovremennaya literatura. URL: <http://www.guelmen.ru/slava/kis/paramonov.htm> (data obrashcheniya: 20.05.2018).

Tolstaya T.N. (2004): Russkiy chelovek na randevу, Ne kys'. Moskva, Eksmo.

Barth J. (1984): «The Literature of Replenishment» in The Friday Book. Baltimore: Johns Hopkins University Press. Minneapolis and London.

УСАДЕБНЫЙ ТЕКСТ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПОЭЗИИ: СЕМАНТИКА, СИНТАКТИКА, ПРАГМАТИКА

Гриневич Ольга Артуровна

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, Беларусь

olga.grinevich.1994@mail.ru

COUNTRY HOUSE TEXT IN CONTEMPORARY RUSSIAN POETRY: SEMANTICS, SYNTACTICS, PRAGMATICS

Grinevich Olga

Yanka Kupala State University of Grodno, Belarus

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается структура усадебного текста русской литературы в постусадебный период. Современные варианты усадебного текста занимают периферийное положение, как в диахроническом (по отношению к семантическому ядру – усадебному мифу И. С. Тургенева), так и в синхроническом (трансформация усадебного канона) аспектах. Трансформация затрагивает все уровни усадебного текста как семиотического объекта: его семантику (устойчивый комплекс значений), синтактику (расположение усадебных мотивов и образов в тексте), прагматику (отношения в триаде «автор–текст–читатель»). Периферийный характер данного сверхтекста отражает переходный характер современной культуры, амбивалентное отношение к историческому и культурному прошлому. Актуализация смыслов на коммуникативно-прагматическом уровне отражает функции усадебного текста как средства автокоммуникации культуры.

ABSTRACT

The article deals with the structure of the country house text of Russian literature in the modern period. Modern variants of the country house text occupy a peripheral position, as in the diachronic (with respect to the semantic kernel – the estate myth of I. Turgenev), and in the synchronic (transformation of the estate canon) aspects. Transformation affects all levels of the country house text as a semiotic object: its semantics (stable complex of meanings), syntactics (location of country house motifs and images in the text), pragmatics (relations in the triad «author–text–reader»). The peripheral character of this super-text reflects the transitional nature of modern culture, an ambivalent attitude toward the historical and cultural past. The actualization of meanings at the communicative-pragmatic level reflects the functions of the estate text in the system of cultural autocommunication.

Ключевые слова: усадебный текст, культурный код, образ, мотив, современная русская поэзия, семантика, синтактика, прагматика.

Keywords: country house text, cultural code, image, motive, modern Russian poetry, semantics, syntactics, pragmatics.

Усадебный текст относится к так называемым «сквозным» текстам, или сверткестам, объединённым вокруг пространственного феномена (в этом ряду разновидности городского текста – московский, петербургский, римский и т.д.). С точки зрения семиотики, усадебный текст является знаковой системой со структурно оформленным центром и «размытой» периферией (как в диахроническом отношении – тексты, отдаленные во времени от тургеневского усадебного мифа, так и в синхроническом срезе – тексты, разрушающие усадебный канон). На уровне семантики усадебный текст представляет собой комплекс устойчивых значений и ассоциативных представлений, связанных с топосом дворянской усадьбы (дачи), оформленных специфическими мотивами и образами (приезд в родовое гнездо, впечатления у открытого окна, прогулки по аллеям и т.д.) Классический усадебный текст выработал систему «расположения» (подобно *dispositio* риторического канона) образов и мотивов в пространстве текста. Она тиражировалась в эпигонской литературе тургеневской эпохи и находит свое применение до сих пор в массовой литературе с усадебным хронотопом (чаще всего в готическом или любовном жанре). Чертой коммуникативного уровня классического усадебного текста (прагматика) является монологизм повествования, который иллюстрирует пространственно-временную замкнутость усадебного топоса, его отгороженность от внешнего мира, в том числе от проникновения других «инстанций сознания». По мнению В. Г. Щукина, характерные черты усадебной повести И. С. Тургенева – «постоянная парадигматическая связь, соединяющая персонажей, и всеведущий рассказчик, который постепенно открывает перед читателем всю правду об изображаемом, единственным авторитарным обладателем которой он является» (Щукин 2007: 303). Произведения современных авторов как «периферийные» усадебные тексты на всех трех уровнях размывают усадебный канон.

Семантика усадебного текста, которую нагляднее всего представляет система оппозиций, – наиболее устойчивый его элемент. Устойчивость семантического уровня объясняется, если обратиться к определениям термина «значение», данным Б. А. Успенским и К. Шенноном: «ряд ассоциаций и представлений, связываемых с тем или другим символом» и «инвариант при обратимых операциях перевода» (Успенский 1962: 125). Разрушение инвариантной системы значений усадебного текста приводит к его полной деконструкции.

В современной поэзии часты случаи сохранения усадебного семантического инварианта при частичном разрушении связей внутри образно-мотивной системы на синтагматическом

уровне. Различное оформление усадебных оппозиций, тем не менее, может сохранять общую семантику усадебного текста. Рассмотрим этот процесс на примере стихотворений Х. Ольшванг и А. Кушнера:

Яблоки благоухают в траве, сушатся на столах,
Остаются на дне компота и жаркого дня.
Дом наш словно корабль в горах,
Пенный облук – над.
И ещё летает, но реже и реже, мяч
За сараем, и вечер, особенно по краям
Неба, реки и веранды ещё слепящ,
И комары, трепеща, приникают к нам,
Но уже унесён творог и ребёнок – в другой руке,
И посуда тонет в раковине, скрипя,
И сердцевинки яблок ежам достаются, и молча стоят в
реке
Толпы неба, выше самих себя (Ольшванг 2013: 146).

Однажды на вырицкой даче, в компании шумной,
Я был поражен приоткрывшимся видом на реку,
С какой-то неслышанной грацией полубезумной
Лежавшей внизу и смотревшей в глаза человеку,
Как будто хозяин держал у себя под обрывом
Туманную пленницу в тайне от всех, за кустами,
Турчанку, быть может, и прятал глаза, и счастливым
Был, и познакомиться никак не хотел ее с нами.

Поэтому в дом пригласил и показывал комнат
Своих череду затененных, с кирпичным камином:
“Легко нагревается и хорошо экономит
Дрова”, и вниманье привлечь к полутемным картинам
Хотел, и на люстре дрожали густые подвески,
И плотными шторами окна завешены были,
Вином угощал нас, чтоб мы позабыли о блеске,
Мерцанье в саду — и его ни о чем не спросили
(Кушнер 2000)

Оба стихотворения построены на оппозиции «природа – цивилизация (культура)». Содержанием классического усадебного хронотопа является гармонизация природы и культуры, посредством которой создается ощущение счастья, безмятежности, покоя. Это ощущение становится содержанием стихотворения Х. Ольшванг, однако оно парадоксально выражается разорванностью синтагматических и логических связей: единство всего сущего показано соединением несоединимых понятий, принадлежащих к разным членам оппозиции: «на дне компота *и* жаркого дня», «неба, реки *и* веранды». Живое и неживое (принадлежащее цивилизации) уравниваются с помощью своеобразной параллели: «посуда тонет в раковине» и «толпы неба» «молча стоят в реке». А. Кушнер, напротив, сохраняет противопоставление: его стихотворение распадается на две строфы. В первой строфе река (природный образ) уподобляется пленной турчанке (ср., например, с другим «восточным» образом русской поэзии – пушкинской черкешенкой из «Кавказского пленника», идеалом «естественного» человека). Во второй строфе, напротив, в центре внимания образы культуры и цивилизации – камин, люстры, картины. Несмотря на эту антитезу (сияние реки – полутемные картины,

задвинутые шторы) усадебный хронотоп сохраняется: хозяин «прятал глаза, и *счастливым / был*».

Принадлежность стихотворения Х. Ольшванг к усадебному тексту подтверждается интертекстуальными переключками с усадебным стихотворением И. А. Бунина «Вечер» («О счастье мы всегда лишь вспоминаем»). Трудно определить, является ли отсылка к Бунину сознательной. Усадебный текст и связанная с ним модель миромоделирования стали частью культурной памяти, и авторы могут бессознательно воспроизводить элементы усадебной парадигмы, подобно тому, как это делали авторы петербургского текста, по наблюдению В. Н. Топорова: «“субъективность” целого парадоксальным образом обеспечивает ту “объективность” частного, при которой автор или вообще не задумывается, “совпадает” ли он с кем-нибудь еще в своем описании Петербурга, или же вполне сознательно пользуется языком описания, уже сложившимся в Петербургском тексте, целыми блоками его, не считая это плагиатом, но всего лишь использованием элементов парадигмы неких общих мест, клише, штампов, формул, которые не могут быть заподозрены в акте плагиатирования» (Топоров 2003: 9).

Сохранение усадебной семантики, восходящей к мифологическим и библейским представлениям об утрачиваемом рае, *locus amoenus*, в современной поэзии может сопровождаться утратой некоторых мотивно-образных компонентов, отражающих историческую и социокультурную специфику дворянских гнезд, как факультативных. Усадьба заменяется дачей или загородным домом, сохраняя семантические доминанты и идиллическую модальность высказывания.

Возможна и другая модель трансформации усадебного текста: сохранение связи элементов мотивно-образной системы при разрушении семантических доминант усадебного мифа. Примером служат циклы стихотворений Б. Херсонского «Стихи о русской прозе» (2008), «Посвящается Карамзину» (2007), «Гоголь-фест» (2010). Сам феномен циклизации стихотворений, содержащих усадебный код, свидетельствует о сохранении синтагматических нарративных связей. Наиболее последовательно усадебная синтагматика реализуется в цикле «Посвящается Карамзину». Цикл содержит традиционные усадебные образы (усадебная героиня – карамзинская Лиза, к которой восходит классический образ тургеневской девушки, усадебный герой, напоминающий самого Карамзина; место действия по некоторым чертам имеет сходство с усадьбой Остафьево, в которой долгое время жил Карамзин). Автор использует тургеневские приемы, например, прием характеристики персонажа с помощью описания его жилища: «За спиной у него колонна в честь красоты идеалов / классицизма, а впереди — обелиск во имя реалий / обыденной жизни и подлинных чувств. В каждом из залов

/ его усадьбы, на ковриках, пара античных сандалий / соседствует с парой лаптей» (Херсонский 2007).

Стихотворения цикла обыгрывают отдельные усадебные мотивы, например, мотив прогулки по аллеям парка в стихотворении «Статуя». Известно, что прогулка по «темным аллеям» тесно связана с мотивом усадебной любви. Однако в русской литературе он имеет свою специфику: ««на фоне западной теории и практики, реальности и художественного вымысла, касающихся сферы садовой любви в замках, поместьях, загородных домах, русская усадебная любовь отличается поразительным целомудрием и вместе с тем особой литературностью, всю меру которой можно оценить лишь понимая, в каком густом поле чувственности она развивалась» (Дмитриева, Купцова 2008: 121). Наполнение рассматриваемого мотива у Херсонского иное. Автор, с одной стороны, подчеркивает клишированность усадебного текста, искусственность образа жизни в усадьбе, показывая, что для каждого действия существует предписанное ему место в усадебном пространстве: «Дама вскрикивает и, отвернувшись, / от бесстыдной статуи, прижимаясь / к груди хозяина, дрожит и тихо рыдает, / вернее сказать, поскуливает. / Это входит в программу. / Если она боится и плачет, / ее нужно ободрить и утешить. / Для этого и существует беседка» (Херсонский 2007). С другой стороны, опровергается целомудрие усадебной любви: «Когда хозяин выходит и смотрит / на мускулистую спину обнаженного Минотавра, / черную с прозеленью бронзовую спину, / он уже не помнит, кто оправляет платье в беседке. / Он смотрит на Минотавра и думает: это подделка!» (Херсонский 2007).

В стихотворении «Статуя» внимание заостряется на оппозициях «свое–чужое», «естественное–искусственное»: отсутствует характерное для усадебного мифа органичное встраивание европейской культуры в русский усадебный ландшафт, о чем свидетельствует повтор в конце стихотворения: «и думает: это подделка! / Ну конечно, подделка! / Итальянцы меня обманули» (Херсонский 2007). Экспансия культуры («искусственного») по отношению к природе («естественному») подчеркивается образом регулярного парка-лабиринта, по которому гуляют герои.

Таким образом, у Б. Херсонского сохраняются традиционные мотивы усадебного текста (прогулка по саду, впечатления у открытого окна) при серьезной трансформации их семантики. Лиза не просто прогуливается по усадебному парку, а «идет топиться», любовные отношения утрачивают свой платонический характер, органичное сосуществование античной и русской культуры отсутствует, как и семантика покоя и умиротворенности, – усадебный топос Херсонского связан с чувством тревоги и неблагополучия.

Мотив заброшенности и усадебного увядания лишен поэтизации, характерной для литературы пореформенного и особенно постреволюционного периода. Вопреки представлению о том, что усадебный топос аккумулирует прошлое, показан «декоративный характер» искусственно возведенных руин: «Часть этих сооружений / строилась как руины, / романтическое прошлое / создавалось задним числом. / Так придумывают, домысливают, / досказывают свою жизнь люди, / с которыми ничего не случилось» (Херсонский 2007). Автор выходит на уровень широких обобщений, имея в виду не строительство усадьбы, а исторические преобразования. Стихотворение содержит имплицитные сигналы петербургского текста, связанные с пророчеством, приписываемом царице Евдокии («Петербургу быть пусту»): «С самого начала / нужно понимать, / что ты строишь, / что будет на этом месте. / На этом *пустом* месте» (Херсонский 2007).

Автор избирает усадебный хронотоп, с его стремлением к закрытости и самосохранению, чтобы подчеркнуть постоянную сменяемость декораций: «Леса уступают место садам и паркам. / Исключение — заросли мыслящего тростника» (Херсонский 2007). Образ мыслящего тростника в контексте рефренного сюжета «Лиза идет топиться» несет идею о неизменности человеческой природы и традиционном для русской литературы образе «маленького человека», который всегда выступает в роли жертвы истории, о чем свидетельствует продолжение фразы: «Должно быть, сахарного, ибо два старика / машут своими мачете (и как не устанет рука?), / прорубая дорогу в завтрашние века. / Это идут барбудос, братья Фидель, Рауль, / увертываясь от посвистывающих американских пуль». Обращение к образу Карамзина обуславливается позицией писателя, который в конце жизни писал: «Бог – великий музыкант, вселенная – превосходный клавесин, мы лишь смиренные клавиши. Ангелы коротают вечность, восхищаясь этим божественным концертом, который именуется случай, неизбежность, слепая судьба» (Цит.: Лотман 1987: 302). Позиция Карамзина, стоявшего у истоков усадебного текста, близка Тургеневу, сформировавшему его инвариант: невозможность личного счастья героя усадебного романа требует создания хронотопа, сохраняющего иллюзию защищенности от исторических преобразований и «слепой судьбы».

Прослеживается трансформация коммуникативной структуры усадебного текста. Прежде всего, это проявляется в разрушении монологизма, характерного для тургеневского усадебного текста, в усложнении субъектной структуры. Стихотворения цикла демонстрируют смену лирических субъектов – третьего лица (Лиза, помещик, живущий в усадьбе), первого лица: «Я умираю, хоть пока не чувствую этого. Сидя за книгой, / старинной церковной книгой в кожаном переплете, / я не могу увести мысли из привычного круга»

(Херсонский 2007); появляются местоимения второго лица, обозначающие взгляд на героя со стороны: «Если не приближаться, тебе все равно, кто такой / на белом листе бумаги размещает строку за строкой» (Херсонский 2007). Тем не менее, некоторые из мужских персонажей субъектной структуры по своим чертам совпадают в образе Карамзина. Множественность субъектов создает эффект нескольких точек зрения. По определению Д. Бака, художественный мир Б. Херсонского стереоскопичен (Бак 2015). Сложная субъектная структура подводит к мысли о роли дистанции, взгляда со стороны: «Пять гробовых крышек прислонены к стене / церкви — мал мала меньше, но все это не / имеет значения, если близко не подходить, / а глядеть с парходика, как тянется серая нить / унылой дороги, на домики большака, / просто стоять, ощущая, как подергивается щека»; «Если смотреть с лужайки, кажется: / перед тобою квадратная зеленая крепость – / ни входа, ни выхода. / Это иллюзия. Вход и выход, / как всегда, существуют, / просто они незаметны. / Если смотреть с балкона / третьего этажа, понимаешь сразу: / здесь лабиринт» (Херсонский 2007). Приоритетность исторического взгляда на события («Большое видится на расстоянье», согласно есенинской формуле), предполагающего временную дистанцию, которая обесценивает беды «маленького человека», ставится под вопрос. Дистанцированный взгляд героини в стихотворении «Статуя» видит лабиринт – символ запутанности, замкнутости. В то же время микромир усадьбы расширяет свои границы, выступая одновременно ареной для исторических действий и для «лизино» сюжета.

Трансформация усадебного текста на коммуникативном уровне наиболее наглядно демонстрирует разрушение классических канонов, отдаление от структурно оформленного ядра. Актуализация коммуникативной стороны произведения является следствием разрушения усадебной семантики – содержание текста смещается в область непосредственной коммуникации между автором и читателем. Например, в отрывке цикла Л. Рубинштейна «С четверга на пятницу» отдельные усадебные «сигналы» служат для активизации читательской культурной памяти, что подтверждается открытым обращением к читателю: «Мне приснились погруженные в глубокую задумчивость деревья старинного парка. По его тенистой аллее навстречу мне двигалась одинокая фигура. Я еще издали заметил ее и почти сразу догадался, кто это. Да и вы, наверное, догадались...» (Рубинштейн 1985). В этом проявляется отмеченная Ю. М. Лотманом характерная для языка искусства «постоянная тенденция к формализации содержательных элементов, к их застыванию, превращению в штампы, полному переходу из сферы содержания в условную область кода» (Лотман 2018: 27).

Формализация содержательных элементов усадебного текста характерна в целом для поэтов-концептуалистов. На примере поэмы Т. Кибирова «История села Перхурова.

Компиляция» видно, как усадебный текст русской литературы превращается в обширную цитату, отсылающую к комплексу представлений о дворянской культуре. Монологизм усадебного повествования нарушается включением «фольклорных» фрагментов, восходящих, в свою очередь, к народной былинной традиции. Оппозиция «свое–чужое» иллюстрирует разрыв между дворянской и народной культурами, который стал источником рефлексии многих поколений русских писателей. Данная оппозиция проблематизирована в эпитафии из «Тараса Бульбы»: «– Что, сынку, помогли тебе твои ляхи? Андрий был безответен». Герой тургеневского «усадебного» фрагмента Петр Павлович (Павел Петрович из «Отцов и детей») открыто высказывает свою приверженность идеологии западничества: «“Я – западник! Я предан всей душою / Европе, то есть, говоря точнее, / Цивилизации! <...> Одно / Лишь это слово чисто и понятно, / А все другие – слава ли, народ, / Славянство, воля ваша, пахнут кровью”» (Кибиров 2009). Петр Павлович оказывается прав, потому что сюжет «былинной» части заканчивается кроваво: его составляет битва Ильи Муромца с женщиной-богатырем поляницей. Поляница – представительница «чужого» мира, иностранка, поэтому битва выглядит как противостояние «своего» и «чужого»: «тут он стал у полянички выпрашивать / да й скажи-тко поляница попроведай-ка / ты коей земли скажи да коёй литвы <...> / когда стал ты у меня да и выпрашивать / я про то тебе ведь стану и высказывать / есть я родом из земли да из тальянской» (Кибиров 2009). Не только стиль, но и сюжет «былинных» и «усадебных» отрывков антонимичны: если классический усадебный сюжет представляет собой любовную историю, в которой герой, как правило, демонстрирует свою несостоятельность, не пройдя любовного испытания (мотив неудавшегося свидания), а женский образ усадебного романа, напротив, оказывается нравственным эталоном и воплощением национального идеала, то в «былинном» фрагменте победителем из битвы выходит Иван Муромец, а поляница в силу своего иностранного происхождения и коварности (она бьет спящего Илью Муромца) далека от народного идеала и оказывается побежденной («а он надвое ее да ведь порозорвал / да он перву половинку дал серым волкам / а другую половинку черным воронам»).

Кибиров оставляет неизменными семантику и синтаксику усадебного текста (семантика довольства и покоя жизни в усадьбе сохраняется в «державинском» фрагменте, сюжет усадебной любви – в «тургеневском»), сосредоточив внимание на коммуникативном уровне: смысл поэмы возникает в диалогическом соотношении двух типов дискурсов и в осмыслении усадебных оппозиций, то есть находится в области рецепции. Возникает своеобразный косвенный речевой акт, непосредственное содержание которого является отсылкой к смысловому полю, находящемуся за пределами данного текста и восстанавливаемому с

помощью контекстов. В отличие от монологичного тургеневского усадебного текста, автор которого «открывает перед читателем всю правду об изображаемом, единственным авторитарным обладателем которой он является» (Щукин 2007: 303), Кибиров делегирует «свое высказывание какому-то вторичному субъекту» (Шеффер 2010: 83) – литературной и фольклорной традиции, диалогические отношения между которыми конструируются читателем. В других стихотворениях Кибиров также обращается к усадебному тексту, осмысляя его в элегико-идиллической модальности (цикл «Послание Ленке и другие сочинения»).

Актуализация коммуникативного уровня усадебного текста в современной поэзии определяет одну из его функций, которую можно обозначить термином Ю. М. Лотмана «автокоммуникация» культуры. В случае, когда в качестве адресата и адресанта текста выступает один и тот же индивид, сообщение передается не в пространстве, а во времени и «служит средством самоорганизации личности» (Лотман 2018: 16). Когда адресатом и адресантом является не индивид, а национальная культура, целью автокоммуникации становится самоорганизация культуры. Это касается не только содержания сообщения, но и художественного языка: «Культура заинтересована в своеобразном полиглотизме. Не случайно искусство в своем развитии отбрасывает устаревшие сообщения, но с поразительной настойчивостью сохраняет в своей памяти художественные языки прошедших эпох. История искусств изобилует “ренессансами” – возрождением художественных языков прошлого, воспринимаемых как новаторские» (Лотман 2018: 25–26).

Художественный язык усадебного текста актуализируется, становясь средством моделирования идиллического или элегического содержания усадебного текста. Синтагматические связи в этом случае могут быть редуцированными (Х. Ольшванг) или более упорядоченными (А. Кушнер), однако очевидной остается связь автора с культурной традицией. Периферийный характер современных усадебных текстов выражается в проблематизации усадебных оппозиций, трансформации всех уровней усадебного текста как семиотического объекта – семантического, синтагматического и коммуникативного. Наиболее очевидным вектором трансформации является коммуникативный уровень: почти каждый текст построен как диалог двух членов оппозиции или различных идеологических, эстетических, аксиологических систем.

Список литературы

Бак Д.П. (2015) Борис Херсонский или «История нового мифа застит глаза пеленой...», Книжный сайт. <https://librolife.ru/g3194691> (дата обращения: 13.05.2018).

- Дмитриева Е. Е., Купцова О. Н. (2008) Жизнь усадебного мифа. Утраченный и обретенный рай. Москва: ОГИ.
- Кибиров Т. (2009) Стихи. Москва: Время.
- Кушнер А.С. (2000) Огорчаться поздно! Журнальный зал. http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2000/1/kushner.html (дата обращения: 12.05.2018).
- Лотман Ю. М. (1987) Сотворение Карамзина. Москва: Книга.
- Лотман Ю. М. (2018) Структура художественного текста. Анализ поэтического текста. Санкт-Петербург: Азбука, Азбука-Аттикус.
- Ольшванг Х. (2013) Версии настоящего. Москва: Русский Гуливер.
- Рубинштейн Л. (1985) С четверга на пятницу. Вавилон. <http://www.vavilon.ru/texts/rubinstein/1-4.html> (дата обращения: 07.06.2018).
- Топоров В. Н. (2003) Петербургский текст русской литературы. Санкт-Петербург: Искусство–СПБ.
- Успенский Б. А. (1962) О семиотике искусства, Симпозиум по структурному изучению знаковых систем. Москва: издательство Академии наук СССР, 125–128.
- Херсонский Б. (2007) Посвящается Карамзину, Журнальный зал. <http://magazines.russ.ru/kreschatik/2007/3/h2.html> (дата обращения: 13.05.2018).
- Шеффер Ж.-М. (2010) Что такое литературный жанр? Москва: Едиториал УРСС.
- Щукин В. Г. (2007) Российский гений просвещения. Исследования в области мифопоэтики и истории идей. Москва: Российская политическая энциклопедия.

«СОВРЕМЕННОСТЬ СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ» В ОЦЕНКАХ ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ 2000-2010-Х ГГ.

Житенев Александр Анатольевич
Воронежский государственный университет, Россия
superbia@mail.ru

"THE PRESENT OF THE MODERN LITERATURE" IN LITERARY CRITICISM OF THE 2000-2010TH.

Aleksandr Zhitenev
Voronezh State University, Russia

АННОТАЦИЯ

В литературной критике XXI века постоянно предпринимаются попытки понять, в чем состоит специфика современной ситуации в культуре, но социальная стагнация «останавливает» время культуры. Настоящее ускользает от рефлексии и в этом смысле оказывается зависимо от культурных паттернов прошлого – советского прежде всего. «Современность», связанная с философским понятием «модерности», связывается в критике с понятиями социального «активизма» и «проблематизации» представлений о литературе. Среди важнейших идей, обсуждаемых в связи с эффектом «остановившегося времени», можно назвать идею сосуществования разных систем координат и версий современности; идею открытия прошлого литературы как «неизвестного» и «нового».

ABSTRACT

In the literary criticism of the XXI century, attempts to understand the specifics of the modern situation in culture are constantly made, but the social stagnation "stops" the culture time. The present escapes reflection and in this sense it is dependent on cultural patterns of the past. Among the major ideas discussed in connection with the effect of "the stopped time", it is possible to talk about the idea of coexistence of different versions of the present; the idea of revealing the past of the literature as "unknown" and "new"; perception of the author's manifesto as alternative of the literary text.

Ключевые слова: модерность, литературная критика, будущее

Keywords: modernity, literary criticism, the future

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00476 А «Эстетическая новизна и литературность как проблемы теории и творческой практики XX века: авангардизм 1920-1930-х гг. и постмодернизм 1970-1980-х гг.».

Осмысление современности литературы всегда представляет собой попытку определить ее сущностные особенности на пересечении эстетического и внеэстетического рядов. Обозначить современность – значит вписать текущую литературу в исторический контекст как закономерное звено. Борьба писателя за право называться современным – это борьба за осмысленность и неслучайность своего бытия в литературе. Закономерно, что споры о современности самым прямым образом связаны с переопределением структуры литературного поля, с обозначением преимуществ авторской позиции и в текущей литературе, и в «большом времени».

Начало XXI века в российской литературе примечательно тем, что в нем нет выраженной точки отсчета, отчетливо обозначившей смену культурных и эстетических координат. Это современность, которая никак не может определить себя на хронологической оси российской истории. Ее характеристики смазаны, поскольку смазаны ее границы, то отодвигаемые к началу постсоветской эпохи, то приближаемые к протестным движениям недавнего времени.

Современность литературы поставлена под вопрос, поскольку ее не удастся артикулировать в системе существующих культурных кодов. Этот факт можно интерпретировать двумя способами: как свидетельство растворенности в паттернах предшествующих эпох и как внеположность наличным языкам культуры. Однако и в том, и в другом случае это знак «потенциальности» времени, которое не может либо проявиться, либо найти свой язык.

Начало века кажется «не состоявшимся», а цепь исторических и культурных событий – рассыпавшейся на факты, не объединенные общей логикой. Бесструктурное, неподлинное время вызывает отторжение, и для того, чтобы принять его как свое, требуется специальное интеллектуальное усилие. О необходимости такого усилия в своем эссе «Предполагая жить» (2015) пишет М. Степанова.

Имитационный, поверхностный характер вовлеченности в мировую повестку дня; неспособность «ощутить настоящее как свое, не имеющее прецедентов, аналогов, образцов», одновременность всему XX столетию, в котором прошлое никак «не становится прошедшим, совершившимся или завершившимся» создают комплекс апокалипсических ожиданий, в котором катастрофический фон «выписан куда тщательней, чем первый план» (Степанова 2015).

Преодоление этого комплекса, полагает М. Степанова, – необходимое условие личностной и творческой самореализации: «Ущербная, лежалая, с бочком, жизнь, данная нам в ощущении – то самое настоящее, которое приходится обживать <...> То, что важно сейчас

– нашить логику, которая была бы совместима с жизнью: работала на утверждение повседневности» (Степанова 2015).

Магистральная тема многих публикаций 2010-х гг., так или иначе связанных с рефлексией над современностью, – историзация настоящего, типологизация инерционных решений и обозначение зон, допускающих возможность эстетического открытия. Среди других материалов, описывающих «симптомы» непроявленной современности, заслуживает внимания интервью И. Гулина. Констатируя общее для эпохи ощущение усталости и бессилия, критик в то же время пытается наметить принципы продуктивной работы и найти возможные векторы новизны.

Точкой отсчета оказывается обманутость надежд на социальное обновление и переживание стагнации: «У меня, как и у всех, депрессия и никакого позитивного образа нет. Был очень оптимистический момент на волне протестов, когда всем казалось, что сейчас мы выйдем из катакомб, новая литература сформирует новый язык, который в какой-то мере станет языком общества, языком новой социальности и новой политики, сейчас все будут всех слушать. <...> А потом все это либо схлопнулось, либо превратилось в самопародию» (Гулин 2016).

Возможное решение связывается с рефлексией над узловыми точками смыслообразования модерной эпохи, обозначенными еще в первой половине – середине XX века: «Мне нравятся уже слегка «устаревшие» авторы: Нанси, Джеймисон. <...> Они же как бы фиксировали кризис современного, модерного общества, модерной культуры. Наша постмодернистская культура этот кризис скорее не осмыслила, а заморозила, обезболила и обустроила. Эта заморозка больше не работает, и мне кажется, очень полезно именно в эту точку первого описания его возвращаться, чтобы понять, куда двигаться дальше» (Гулин 2016).

Хотя очерченная критиком картина не располагает даже к осторожному оптимизму, он пытается обозначить «рецептуру» обновления литературного поля. Решение этой задачи связывается с проблематизацией границ художественного высказывания: «В первую очередь я хочу печатать такие тексты, чтобы читатель не очень понимал, почему он это читает, что это вообще такое: либо нечто слишком странное, либо, наоборот, слишком традиционное, либо слишком новаторское. Чтобы читатель немного сомневался: литература это или нет, философия или нет, не графомания ли это. Такие тексты должны подвешивать читательский опыт» (Гулин 2016).

Эффект остановившегося времени, сомнительность современности как области приложения творческих сил в большинстве публикаций связывается с непроработанностью

советского опыта – и в концептуальном, и в оценочном смысле. Постсоветское невозможно определить, поскольку советское не вполне освоено. Об этом, в частности, идет речь в диалоге К. Кобрин и М. Липовецкого на Colta.ru.

В материале «Страх настоящего. Русская литература сегодня» Кирилл Кобрин и Марк Липовецкий обозначены разные разрезы несостоявшейся современности, при этом круг самых важных вопросов задан М. Липовецким: «Почему современность и будущее перестали быть интересными писателям и читателям? Результат ли то ресентимента или исчерпанности современного импульса? Или причины сугубо политические и экономические? <...> Кто из писателей вопреки доминирующему состоянию продолжает интересоваться настоящим? И что из этого получается?» (Кобрин, Липовецкий 2017).

Отвечая на эти вопросы, К. Кобрин их переформулирует, изменяя ракурс взгляда на проблему. Так, оценивая концептуальную невыстроенность современности, он связывает ее не только с недостаточностью временной дистанции, но и с экспансией медиа, постоянно удерживающим вещи слишком близко: «Неотрефлексированное настоящее не является “|настоящим настоящим”, неототрефлексированная реальность – “реальностью”, пусть даже реальностью рефлексии. Для рефлексии рамочка необходима, дистанция нужна» (Кобрин, Липовецкий 2017). Замкнутость культуру в кругу известного он соотносит с иллюзиями первого постсоветского десятилетия, с эйфорией безответственности, совпавшей с традициями патернализма: «Расплатой за иллюзию – что, мол, можно <...> отказаться от надоевшей советской модерности [и в то же время от – А.Ж.] мучительного демократического процесса и одновременно с наслаждением потреблять – и стало восприятие современности в постсоветском обществе как неподлинной, ненастоящей, временной, не стоящей внимания» (Кобрин, Липовецкий 2017).

Позиция К. Кобрин при всей ее специфичности очень показательна для контекста истории идей, поскольку важнейшими линиями развития дискуссий о литературной современности стали, во-первых, осмысление модерности в русской культуре, типологизация исторической «паузы», мира «без будущего» и, во-вторых, изучение литературных сообществ и способов маркировать новизну, типологизация «горизонта ожиданий»).

Примером первого рода могут служить многочисленные публикации о российской и постсоветской модерности в журналах «Новое литературное обозрение», «Неприкосновенный запас», «Логос» в 2000-е и 2010-е гг.

Теоретическая рамка для этих дискуссий может быть пояснена формулой И. Калинина из редакторского предисловия к блоку материалов в «Неприкосновенном запасе» за 2010 год: «Постмодерн был не концом модерна, но его проверкой на прочность <...>. Нынешняя

опасность состоит в том, что эта прогрессивная, эмансипирующая и критическая роль постмодерна сейчас успешно апроприруется той самой властью, против которой была направлена эта критика <...> Именно поэтому разговор о современности <...> становится вновь особенно актуален – и в теоретическом смысле, и в общественно-политическом» (Калинин 2010).

Схожее объяснение высокой научной престижности «модерности» как предмета исследований в области истории России можно найти и в редакторском предисловии Н. Поселягина к блоку материалов о российской модернизации в «Новом литературном обозрении» за 2016 год: «Дискуссия, публикуемая в этом номере, возникла вокруг термина “modernity”, сколь популярного в современной международной гуманитаристике, столь и проблематичного. <...> “Модерность” предстала не только трудной для концептуализации, но и ключевой для понимания того, как <...> исследователи в целом видят и оценивают историю России последних полутора сотен лет. В центре дискуссии – вопрос о советской и постсоветской модерности как таковой: была ли она в России в принципе, и если да, то в каком виде и качестве?» (Поселягин 2016)

В широком наборе методологических подходов к определению “modernity” и осмыслению особенностей ее российской версии особое место принадлежит критической теории, акцентировавшей идею воспроизводящейся новизны как важнейшего признака «современности». В своих главных чертах эта модель интерпретации современности также освоена российской гуманитарной наукой и литературной критикой. Ценностные и концептуальные основания этой модели эксплицированы в обзорной статье В. Фурса: «Модерный мир как мир “новый” отграничивается от “старого” тем, что он открыт будущему, и начало эпохи вновь и вновь повторяется с каждым моментом настоящего, рождающим из себя новое. Именно настоящее, как продолжающееся обновление, как воспроизводящийся разрыв с прошлым, наделяется в рамках модерна исключительным достоинством» (Фурс 2004: 48).

Актуальность и уязвимость этого критицизма поставлена в центр рассуждений Б. Гройса. Философ отмечает, что современность в культуре XX века – это современность редуccionистская и скептическая; в наступившем веке она предполагает постоянное переписывание представлений о прошлом и пересмотр творческой проективности. Самая насущная проблема - проблема непродуктивного, растраченного времени, которое не может быть опредмечено ни в каком культурном продукте: «Настоящее перестало быть точкой перехода из прошлого в будущее. Вместо этого оно стало местом постоянного переписывания <...> истории <...>. Сегодня мы застряли в настоящем: оно самовоспроизводится, не ведя ни

к какому будущему. Мы просто растрачиваем наше время, не имея возможности надежно его вложить, накопить – ни утопически, ни гетеротопически. Потеря бесконечной исторической перспективы порождает феномен непродуктивного, растраченного времени» (Гройс 2010).

Противостоять этой «растраченности» можно, как полагает философ, «со-трудничая» со временем. Так идея «проблематизации» (дискурса, традиции, самосознания) как важнейшая примета «модерности» соотносится с практиками, позволяющими создать и структурировать сообщество. Сам факт возникновения сообщества рассматривается как выход из безвременья в историю, как опыт освоения современности. Именно в этом ключе разговор о сообществе ведется в резонансной работе Г. Дашевского, написанной на волне воодушевления массовыми протестами: «Весь интерес нынешнего момента в переходе от семейного тепла к публичному свету <...> Вот это пространство, голодное, холодное и освещенное, будет теперь создаваться параллельно – на площади, в суде, в парламенте, внутри человека и внутри стихов» (Дашевский 2012).

Такая формула современности позволяет соотносить ее прежде всего с развитием гражданских инициатив, с деятельным и ответственным встраиванием «новой социальности». Эта взаимосвязь «социального» и «нового», среди прочего, прямо тематизирована в пояснительных документах премии «НОС», присуждаемой фондом М. Прохорова: «Современность/инновационность текущей прозы организаторы премии рассматривают, прежде всего, под углом “новой социальности” литературного текста: как создание новых смыслов, новой системы художественных координат, новой ментальной и метафорической карты мира» (Концепция 2018).

Дискуссионность «новой социальности» позволила отчетливо обозначить многовариантность интерпретации современности и сопутствующей ей эстетической новизны. В обзоре одной из первых конференций о современности, XI Банных чтений «НЛО» («Концепт «современности» в истории культуры и гуманитарных наук», Москва. 3-5 апреля 2003 г.), дается целый ряд альтернативных дефиниций: современность – это ситуация «после» – наций, систем, литературы, дисциплин, контекстов и т.д. (И. Кукулин), это препятствие, установленное на пути эпохи, мешающее ей прийти к завершению (А. Магун), современность идентифицируется нами как «наше», простирающееся в прошлое (С. Зенкин) и т.д. (А.Л., И.К. 2003).

В номере «Нового литературного обозрения», посвященном современной поэзии и вызвавшем длительную дискуссию, современность тематизируется в наборе дополняющих друг друга признаков: «В отборе значимы параметры: а) отнесенность к уровню профессионализма: профессиональная – дилетантская словесность; б) отнесенность к

доминирующей на данный момент части поля литературы: мейнстримная – маргинальная литература; в) отнесенность по шкале инновационности: инновационная – неинновационная (традиционная) литература; г) отнесенность по шкале актуальности: актуальная – неактуальная литература» (Бондаренко 2003: 60).

Множественность определений современности, резонируя с эстетическим консерватизмом и ограниченностью представлений о пределах возможного, обусловила такое специфическое явление начала XXI века, как «ретромания», с позиций которой литературная современность просто нелегитимна перед лицом «большой» культуры. Отличительная черта литературной критики, основанной на этой предпосылке, – широкое распространение редукционизма, сознательная тривиализация высказываний литературных оппонентов, лишение собеседника права на речь, поиск ложных прецедентов, экспансия негативизма, сведение на нет разговора о художественном качестве «нового» в новейшей литературе.

В версии Н. Ивановой форсирование современности как главного оправдания творческой практики – это стремление превратить творческую односторонность в достоинство: «Современность в современной литературе воспринимается современниками как “смещение системы”, “выпад из системы”, “диковина”, “tout de force” <...> Сейчас понимание современного в искусстве разделяет литературу на два разнонаправленных условных русла, вне зависимости от идеологии, на литературу актуального исполнения и литературу злободневного наполнения» (Иванова 2007). В этом смысле современность – вовсе не фетиш литературной критики.

В понимании И. Шайтанова акцентирование современности – это прежде всего полемический ход, связанный с попыткой поменять местами условные «центр» и «периферию» литературного процесса. Претенциозность такого жеста нуждается в отпоре, и потому само представление о ценности «современного» можно поставить под вопрос: «Существует ли поэзия, отмеченная современностью? Иными словами, в каком веке мы сейчас находимся: все еще длится вчерашний день или мы уже не по календарю, а по сути перемен стали людьми двадцать первого столетия? <...> Когда я год назад писал пародию на “новейшую поэзию”, то одновременно пародировал и “новейшую” критику <...> остающуюся вдалеке от вкуса и понимания» (Шайтанов 2006).

Эстетическая проблематичность «современного» актуализирует универсальную для XX века коллизию неприятия практик, приближающихся к границам эстетического поля или выходящим за них. Даже апология художественного плюрализма в этой связи может приводить к смещению основных акцентов на литературную классику, как в работах Е. Ермолина.

Так, с одной стороны, в книге «Медиумы безвременья» (2015) обозначается продуктивность многовекторного развития литературы: «Настоящая литература и настоящий художник начинают опережать время и становятся к нему в оппозицию. Это их шанс случиться вопреки ничтожеству момента. <...> Современная словесность замкнула на себя предшествующую русскую и мировую литературную традицию в очень широком диапазоне» (Ермолин 2015: 37, 41). А с другой стороны, в книге «Последние классики» (2016) современность, даже «трансавангардная», кажется несомненно проигрывающей классике XX века в своей значимости и творческих возможностях: «По контрасту с былым величием русского духа – как низка и пуста едва ли не вся наша актуальщина. Как пусты и жалки эти ежедневные кумиры массмедиа, эксплуатирующие остаточные рефлексии культуры» (Ермолин 2016: 11).

Несостоятельность современности как предмета эстетического интереса, с которой готовы согласиться представители самых разных сегментов литературного поля, обуславливает интерес к поиску альтернатив. В этой связи поиск современности часто оказывается поиском направлений бегства из профанной и обесмыслившейся «сиюминутности». В этом отношении типологически особенно показателен пример М. Амелина, выступавшего в 2000–2010-е гг. не только в роли поэта, но и роли литературного критика: «Когда в будущем надеяться не на что, а настоящего стыдно, остается искать утешения в прошлом, любить прошлое и гордиться прошлым» (Амелин 2011: 294).

Актуализируя забытые реалии литературного процесса XVIII-XIX веков, Амелин не просто модернизирует прошлое, но создает в самой современности пространство ретроспективных альтернатив. Реновация канона, переоткрытие старого и опыт перечтения осознается им как ресурс новизны, позволяет акцентировать идею сосуществования разных современностей: «Современный человек пытается искать в стихах ответы на свои животрепещущие вопросы – и не находит. <...> Если ребенок рождается с хвостом или шестым пальцем на руке, в цивилизованном мире принято удалять лишний нарост. Что же делать с поэтом, в голове которого незримо копошится мифологическое существо, хотя с виду он ничем не отличается от других?» (Амелин 2011: 292-293). Открытость вопроса размыкает и поле разговора о современности.

Таким образом, в литературной критике первых десятилетий XXI века современность ускользает от рефлексии и в этом смысле оказывается зависима от культурных паттернов прошлого – советского прежде всего. «Современность», связанная с философским понятием «модерности», связывается с понятиями социального «активизма» и «проблематизации» представлений о литературе. Среди важнейших идей, обсуждаемых в связи с эффектом

«остановившегося времени», можно назвать идею сосуществования разных систем координат и версий современности; идею открытия прошлого литературы как «неизвестного» и «нового».

Список литературы

А.Л., И.К. XI Банные чтения «НЛО» («Концепт «современности» в истории культуры и гуманитарных наук», Москва. 3-5 апреля 2003 г.) URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2003/62/alik.html> (retrieved: 09.09.18)

Амелин, М. (2011). Гнутая речь. М.: Б.Г.С.-Пресс. 464 с.

Бондаренко М. (2003). Текущий литературный процесс как объект литературоведения. Новое литературное обозрение. 2003. № 62, 57-76.

Гройс, Б. (2011). Товарищи времени. URL: <http://moscowartmagazine.com/issue/16/article/218> (retrieved: 09.09.18)

Гулин, И. (2016). Мы лепим из мертвечины големов. URL: <https://gorky.media/context/my-lepim-iz-mertvechiny-golemov/> (retrieved: 09.09.18)

Дашевский, Г. (2012). Как читать современную поэзию. <http://os.colta.ru/literature/events/details/34232/> (retrieved: 09.09.18)

Ермолин Е. (2015). Медиумы безвременья. Литература в эпоху постмодерна, или Трансавангард. М.: Время. 208 с.

Ермолин Е. (2016). Последние классики. М.: Совпадение.

Иванова Н. (2007). Ускользящая современность. Русская литература XX–XXI веков: от «внекомплектной» к постсоветской, а теперь и всемирной. URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/2007/3/iv7.html> (retrieved: 09.09.18)

Калинин И. (2010) Ностальгическая модернизация, или: Россия, вперед! URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2010/6/mo1.html> (retrieved: 09.09.18)

Концепция, цели и задачи (2018). URL:<http://www.prokhorovfund.ru/projects/own/108/61/> (retrieved: 09.09.18)

Кобрин К., Липовецкий М. (2016). Страх настоящего. Русская литература сегодня. URL: <http://www.colta.ru/articles/literature/15386> (retrieved: 09.09.18)

Поселягин Н. (2016). Испытание модерностью (От редактора). URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2016/4/isyptanie-modernostyu.html> (retrieved: 09.09.18)

Степанова М. (2015). Предполагая жить. URL: <https://www.colta.ru/articles/specials/6815> (retrieved: 09.09.18)

Владимир Фурс (2004). Критическая теория «современности». Логос. №1 (41), 42-71.

Шайтанов И. (2006). Двадцатый или двадцать первый? URL:
<http://magazines.russ.ru/voplit/2006/5/sh2-pr.html> (retrieved: 09.09.18)

ИСТОРИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ «ПЕТЕРБУРГСКОГО ТЕКСТА» МИХАИЛА КУРАЕВА

Исаева Елизавета Ильинична
Театральный институт имени Бориса Щукина, Россия
Elizaveta50@list.ru

HISTORY IN “PETERBURG TEXT” BY MIKHAIL KURAEV

Isaeva Elizaveta Ilinichna
Theatre Institute named after Boris Schukhin, Russia

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена творчеству писателя Михаила Кураева, чей путь начался в новый период развития русской литературы – в 80-90-е годы. Своеобразие его произведений состоит в том, что они обращены к осмыслению событий тех событий отечественной истории, которые в переломные для России годы *ощущались как остро злободневные*. Эстетически повести Кураева – «Капитан Дикштейн» (1987), «Ночной дозор» (1988), «Зеркало Монтачки» (1993) — следуют традициям «петербургского текста» русской культуры и могут рассматриваться как тематически-художественное единство — метатекст.

ABSTRACT

The article is devoted to the stories by Mikhail Kuraev – “The Captain Dikshtein” (1987), “The Night Garde” (1988), “Montuchky Mirror” (1993). They embody the most tragic pages in Russian history of the XX century, according to the traditions of so called “Petersburg text”. Both plots and characters are strongly determined by the mysterious image of the city. Classical associations pave the way to up-to-date issues: loss of personal identification, problems of crossed out generations. These novels could be regarded as a new unit , metatext.

Ключевые слова: история, осмысление, петербургский текст, зачеркнутое поколение, метатекст

Keywords: history, embody, Petersburg text, crossed out generation, metatext.

В истории современной русской литературы период 80-х - начала 90-х годов был отмечен снижением интереса к новым именам. В то время внимание читателей и издателей сосредоточилось главным образом на публикации прежде недоступной литературы русского зарубежья и «запретного воздуха» советской литературы. В центре внимания оказалось осмысление прошлого, каким оно представало в творчестве этого круга авторов.

В подобном контексте творчество Михаила Кураева, чей литературный дебют состоялся в 1987 году, заняло особое место. Кураев был писателем уже нового времени, хотя и не новой, молодой генерации. Родившийся в 1939 году, биографически он принадлежит к поколению «детей войны». Его ровесники — Венедикт Ерофеев, Владимир Высоцкий, Иосиф Бродский, Сергей Довлатов. Но творчески они не синхронны, писатель не был обозначен ни в официально существовавшей литературе, ни в самиздате 60-70-х годов. До своего собственно литературного дебюта Кураев многие годы служил редактором на «Ленфильме» и был автором сценариев немалого числа кинокартин, что писательству близко, но не тождественно. Такой биографический парадокс и может стать ключом к пониманию своеобразия творчества писателя, чей жизненный опыт определялся советской эпохой, а его художественное воплощение — временем перемен. Не случайно стоящие под его произведениями даты — время зарождения замысла и его завершения — далеко отстоят друг от друга: «Капитан Дикштейн» (1977-1987), «Ночной дозор» (1966-1988). Кураев вышел на литературную авансцену, когда появилась возможность не стесненной идеологией высказывания. Его проза при этом совпала с доминирующими в 80-90-х годах тенденциями: она была обращена к осмыслению болевых точек отечественной истории, которые ощущались в те годы как жгуче злободневные.

В своей первой повести «Капитан Дикштейн» писатель обратился к началу начал — событиям революционной эпохи, определившей судьбу России в XX веке. В центре сюжета — Кронштадтское восстание 1921 года, полузапретное для советской историографии, не нашедшее и сколько-нибудь заметного художественного воплощения. «Где еще прикажете искать фантастических героев и фантастические события, как не в черных дырах истории?» — этот полу-иронический-полу-риторический вопрос автора может рассматриваться как эпиграф к произведению и мотивация его жанрового обозначения — «фантастическое повествование о мятежном кондукторе».

В повести обозначены три пространственно-хронологических среза. События разворачиваются в Гатчине 60-х годов, ретроспективно — в период Кронштадтского восстания, а голос повествователя принадлежит некой условной современности, времени рождения текста.

Пространство, замкнутое треугольником «Гатчина — Кронштадт — Петроград», сдвигает повесть по направлению к «петербургскому тексту» русской литературы. Это придает и жанровому определению традиционный петербургско-мистический оттенок, фантастическое прочитывается в гоголевском ключе — как иррациональность, миражность самой жизни. Таким образом повествование обретает еще один пласт — ассоциативный, хронологически

связанный с классикой XIX века. Этой эпохой и подсказан образ «маленького человека», велением истории брошенного в «неслыханные перемены, невиданные мятежи».

В кронштадтском пласте повествования спрятана завязка истории о капитане Дикштейне — человеке, которого на самом деле словно и не было. В художественной реальности повести существовали и служили на мятежном кронштадтском линкоре «Севастополь» двое: кондуктор Игорь Иванович Дикштейн и так и не названный по имени «чубатый матрос», кочегар из третьей котельной. Общий план – хроника восстания - словно чередуется с крупным, на котором и появляются эти два персонажа. Появляется освященный временем образ «маленького человека», волею судьбы вовлеченного в революционный круговорот. Судьба Игоря Ивановича Дикштейна в эту линию вполне вписывается в освященную традицией трактовку образа «маленького человека», вне своей воли вовлеченного в революционный круговорот. У него было «тихое заведование - погреба второй башни главного калибра». Свое место в революции он видел «посередине», из своего погреба предпочитал не выходить и погиб случайно — просто от того, что курсанту, выводящему моряков на расстрел, приглянулись его добротные сапоги.

Но у Кураева принципиально нетрадиционно развитие сюжета, что и становится уже знаком новой эпохи. Писатель обозначил не поворот или перемену, а подмену, фальсификацию судьбы своего второго героя, которого «может оказаться, и не было вовсе». Под именем Игоря Ивановича Дикштейна, к которому «у советской власти претензий не было», смог спрятаться, да так и прожил всю жизнь приговоренный к расстрелу «чубатый матрос».

Приняв чужое имя, он вошел и в чужую биографию. Бывший кочегар из третьей котельной перестал быть равным самому себе и полученную жизнь прожил как воображаемый им Игорь Иванович Дикштейн: «... отделившись от своего подлинного носителя, имя и фамилия не перешли революционным псевдонимом к новому владельцу, а напротив, как бы оторвали его от себя. В соединении нового лица с новым именем возникли черты и характер нового человека, мало похожего и на кочегара из третьей котельной, и на старшину боезапаса второй башни главного калибра». Настоящее имя «чубатого» позабыто даже его женой.

Новый человек возникает как новый образ — Капитан Дикштейн: «Все попытки его друзей и знакомых узнать подробности его морской службы встречали самый решительный отпор, что послужило сначала поводом для сочинения легенд, а потом, уже неведомо как, вдруг обернулось прозвищем — Капитан. <...> Правда, Капитаном звали Игоря Ивановича только за глаза, уважая его серьезность и вспыльчивость, поэтому и умер он, не подозревая о своем третьем имени...»

Кураев занимают не столько исторические и социальные, сколько психологические знаки времени потрясений и катастроф, когда люди оказались выброшенными из своих жизней, как «шары из луз» (выражение Мандельштама). Не случайна переключка жизни безымянного матроса с кронштадтского корабля с судьбами реальных людей. Некоторые из них оказались запечатленными в истории литературы благодаря своей близости к писательскому кругу. В этой связи может быть упомянута судьба младшего брата Анны Ахматовой Виктора, воссозданная биографом поэта Светланой Коваленко: «Когда рухнул оплот Белого движения на Юге России — Севастополь, морским офицерам в обмен на жизнь было предложено прекратить сопротивление, сложить оружие и пройти регистрацию. Хорошо известно, чем это закончилось: весь молодой состав Черноморского флота был зверски уничтожен. < ... >

Виктор Горенко не захотел иметь дело с «советами», не принял от них бесчестия и не поверил их обещаниям. Он раздобыл неприметную штатскую одежду и ночью через Старый Крым выбрался из смертельно опасной зоны». (Коваленко С.А. 2009: 55-56)

Человек уже не мог оставаться самим собой, он исторически словно был обречен проживать не одну, а несколько жизней, и какая их них подлинная, определить подчас было невозможно. Знаки таких подмен разбросаны в литературе послереволюционной эпохи. Смена костюма становится равной смене судьбы. «Срывайте погоны!» — кричит юнкерам полковник Малышев в «Белой гвардии» Булгакова, и это становится для них знаком спасения. Офицер Шервинский в мундире и певец Шервинский во фраке — это возможность разных судеб одного (или уже двух?) людей.

Модель биографии «В каких рождались/В тех и умирали гнездах» (Иосиф Бродский) перестала существовать.

Мотив проживания своей-не своей жизни в многообразных вариациях звучит в прозе Гайто Газданова (рассказы «Товарищ Брак», «Превращение», «Нищий», «Письма Иванова»).

В этих эстетически очень разных произведениях зафиксировано разрушение единства человеческой личности, рожденное и обусловленное историческими потрясениями XX века.

Поэтическое определение этому дала Анна Ахматова в «Северных элегиях»:

Меня, как реку,
Суровая эпоха повернула.
Мне подменили жизнь. В другое русло,
Мимо другого потекла она,
И я своих не знаю берегов.

В «Капитане Дикштейне» воплощена общая для эпохи утрата героем чувства своей неизблемой прежде психологической идентичности. Эстетическая параллель этих процессов — разрушение традиционного понятия «характер», с его постоянными свойствами и четко обозначенными границами.

Образ «маленького человека» у Кураева выходит за рамки социальных характеристик — в нем проецируются психологические следствия событий исторического масштаба.

В историческое пространство помещен и образ повествователя. Он летописец Кронштадского восстания и, не утрачивая интонации историка, воссоздает последний день жизни Игоря Ивановича Дикштейна.

Совмещение масштабов -микрокосма человеческой жизни и макрокосма истории.

Следующее произведение Кураева – «Ночной дозор» — тематически и эстетически продолжило линии, обозначенные в «Капитане Дикштейне» — и в пересечении эпох, и в парадоксальном переосмыслении образа героя. Тема сталинских репрессий, столь широко представленная в литературе этого времени, была переведена в категории того же излюбленного Кураевым «петербургского текста».

Проблематика «Ночного дозора» заметно отличалась от доминирующих в ту пору принципов художественного осмысления эпохи сталинизма. Возможность или невозможность человека сохранить в себе человеческое определяла проблематику уже ставших классическими произведений Александра Солженицына, Варлама Шаламова, Юрия Домбровского. У Кураева ракурс изображения сдвигается: у него предметом анализа становится не тот, кто оказался в тюремной камере или лагерном бараке, а тот, кто его арестовывал, допрашивал, сажал. К этой сложнейшей теме отважился обратиться Георгий Владимов в «Верном Руслане», но и он все-таки создал «повесть о караульной собаке»: для нее не существует возможности нравственного выбора и, служа человеку, она обречена на свою «собачью верность». Этим и обуславливается возможность читательского сочувствия Руслану. Кураев рискнул дать голос такому, уже заранее нравственно скомпрометированному персонажу.

Жанр «Ночного дозора» обозначен как «ноктюрн на два голоса при участии стрелка ВОХР тов. Полуболотова». Архаичное и тем самым стилистически романтизированное понятие «ночной дозор» отнесено к вполне рутинному ночному дежурству на некой неназванной ленинградской фабрике. Это позволяет сразу приподнять происходящее над бытовыми категориями и сделать возможным рождение «ноктюрна» — ночной песни, тем

более, что действие происходит в преддверии майских праздников, в наступающие белые ночи, воспетые в литературе многократно.

Солирующий голос отдан «стрелку ВОХР», в прошлом — сотруднику «органов» — именно так, без ставших оценочными аббревиатур НКВД или КГБ, обозначена его служба: «Сколько поучительных историй хранится под этой синей вохровской тужуркой! Бури прошел, ураганы, можно сказать, и уцелел, и это особенно ценно... Оглянусь, бывало, и сам не понимаю – как уцелел?» Второй дежурный, в сущности, не собеседник, а лишь слушатель, чьи вопросы и реплики вмонтированы в монолог-воспоминание рассказчика. Так что вторым является скорее голос повествователя. Эти два голоса и начинают «ноктюрн». Сразу за первой репликой рассказчика — «Я белые ночи до ужаса люблю...» — начинает свою партию повествователь, утверждая мотив белых ночей как эмоциональную, тематическую и ассоциативную доминанту произведения: «...Ну что за чудо этот ночной свет, что изливается на всю землю разом, на все дома, мосты, арки, купола, шпили, да так, что не падает от них тени, отчего каждое творение рук человеческих вступает в справедливое соревнование с подобными себе, не обманывая зрения ни солнечными блестками, ни летучей мишурой лунного сияния».

Белые ночи предполагают традиционные, вошедшие в петербургский миф ассоциации, отсылающие к XIX веку, к пушкинскому «Медному всаднику» и «Белым ночам» Достоевского.

В фантастическом свете белых ночей предстает и фигура «тов. Полуболотова». Любимые им «до ужаса», они становятся фоном, действующим лицом и отправной точкой его рассказов, в которых сразу же задан трагический парадокс — поэзия белых ночей соединена с ночным кошмаром арестов и обысков.

«... Вот я и говорю... Хорошо в такую ночь на обыск идти или на изъятие! Случись мне сейчас доставлять кого-нибудь, так я бы, наверное, и машину отпустил, а прошелся бы пешочком по улицам... Под трамвай бросится? Да не ходят же трамваи! Убежит? А куда ему бежать? Никуда не убежит...»

Логика воспоминаний «первого голоса» ноктюрна капризная, ассоциативная.

Для этого ретроспективного повествования писатель нашел драматургический ход — лента воспоминаний движется в обратном направлении, и постепенное психологическое раскрытие персонажа происходит лишь к финалу «ноктюрна», к начальной точке биографии — к истории о том, как он попал в органы.

Ключ к образу героя — то, что «...пусть чинов не нахватал, в скромном звании прослужил, зато жив». Но Кураева рассказывает не историю превращения человека в «винтик», пусть маленький, беспощадной машины. Его герой утверждает: «я как-никак боевой штык...».

Монолог героя авторских оценок не предполагает, прямой исповедальности в нем тоже нет. Единственным знаком человечности оказывается петербургская нота ноктюна - любовь к белым ночам.

Как же парень из едва не раскулаченной семьи превратился в «боевой штык»?

Кураев показал формирование в человеке «боевого штыка» языковыми средствами. Речь его героя двойственна. В ней звучит мотив «белых ночей» как символа красоты жизни, внятной для него. Вместе с тем речь рассказчика пропитана штампами, и идеологическими формулировками. Они не цитатны, а освоены, присвоены и вполне органично вплетены в его речевое поведение. Этот словесный портрет и создает портрет психологический и социальный. Эта идейная модель определила сознание героя, оно впитало предписанные оценки, готовые объяснения, они и помогают ему организовать свое восприятие происходящего, через эту призму он и видит мир. Словесный портрет и создает портрет психологический и социальный.

«...эпоха была прекрасная, каждый день приносил на алтарь новые успехи благодаря сознательному отношению кадров к своему делу».

«...тогда вопрос стоял четко: взбесившиеся псы капитализма не могут пережить наших триумфальных успехов и пытаются разорвать на части самых лучших из лучших людей нашей земли».

Голос повествователя ведет линию не сюжетно, а ассоциативно связанную с воспоминаниями «тов. Полуболотова». Точкой пересечения становится причудливая судьба Дома политкаторжан, связывающая современность с эпохой декабризма, что дает повествованию исторический масштаб.

Таким образом, «маленький человек» Кураева и в этой повести осмысливается не в социальном, а в историческом измерении.

В пространство истории погружено повествование и в следующем произведении писателя — «Зеркало Монтачки». Через традиционно петербургский мотив миражности человеческого существования введена глубоко трагическая тема — смена исторических векторов, обесмысливая жизнь целых поколений, сделала ее призрачной — не отражаемой зеркалами. Мистическое событие — люди перестали видеть свое отражение в зеркалах —

помещено Кураевым в бытовой контекст, подробно и достоверно описанный. Местом действия становится коммунальная квартира № 72 в доме по каналу Грибоедова, время действия — ноябрь 1961 года. Событие, начавшее этот год, — полет Юрия Гагарина в космос, открывшее новую эру в истории человечества, в тексте упомянуто. Но не упомянуто то, что завершало не только год, а целую эпоху, которой и принадлежала жизнь обитателей квартиры. 31 октября, по решению закрывшегося накануне XXII съезда КПСС, из Мавзолея было вынесено тело Сталина. Жильцы квартиры 72 теряют свое отражение спустя две недели после этого символического действия — 12 ноября. Эпоху упразднили, и вместе с ней словно вынули из реальности тех, кто ее проживал. В Ноевом ковчеге коммунальной квартиры соединены и те, кто служил тому, что временем диктовалось, и те, кто стал его жертвой. и те, кто создавал для такой службы интеллектуальное обрамление, кто был способен простодушно существовать параллельно происходящему, каким бы оно не было.

Тонкость художественного рисунка «Зеркала...» в том, что здесь под одной крышей соединены не плоско-жестокие палачи со своими жертвами. Мысль Кураева иная — он пишет о судьбе поколений, жизнь которых равно обесмысливается. Они словно вычеркнуты из истории. По аналогии с «потерянным поколением» их можно назвать поколением *зачеркнутым* — в истории и в жизни.

Начало этих трагических переломов Кураев видит в рождении Петербурга, который сам стал потом их жертвой, превращаясь из Санкт-Петербурга в Петроград, Ленинград и вновь в Санкт-Петербург. Для обитателей квартиры спасительный катарсис наступает. Смерть капитана Иванова, чья жизнь, с ее жертвенностью и героизмом, безусловна, снимает с них проклятие призрачного существования. Но не снимаемый трагизм происходящего — в его повторяемости. В некоем послесловии к «Зеркалу Монтачки», названном «Читателю доверительно», повествователь вводит в этот круговорот и самого себя: «... 12 ноября 199... года, в семь часов сорок шесть минут утра, встав со сна, автор не обнаружил своего отражения ни в одном из пяти домашних зеркал, был этим обстоятельством сначала смущен, а вскоре и напуган. После мучительной растерянности автор собрался с духом, привел себя в спокойное расположение и, не считая свою жизнь единственной и неповторимой, не признавая себя лицом посторонним по отношению к внутренней и внешней жизни сограждан, обитающих по обоим берегам канала им. Грибоедова, предпринял поиск похожих происшествий в ближайшей истории». Автор словно с иронией констатирует повторяемость трактовок прошлого как неких досадных ошибок, которые в очередной раз лучше зачеркнуть и начать с чистого листа. Отсутствие исторической преемственности видится им как своего рода преемственность —

парадоксальная и трагическая. «История нации есть процесс единый и непрерывный, хотим мы этого или даже делаем вид, что не хотим», - с горечью заключает он.

«Зеркало Монтачки» можно рассматривать как завершение своеобразной петербургской трилогии Кураева, позволяя определить эти произведения как некий метатекст, единый содержательно и эстетически.

Список литературы

Коваленко С.А. (2009): Анна Ахматова. Москва: Молодая гвардия, 55-56.

ФИЛОСОФСКИЕ ИДЕИ В. СОЛОВЬЕВА В *СОНЕЧКЕ* Л. УЛИЦКОЙ

Татьяна Йовович
Университет Черногории, Черногория
tatjana.d.jovovic@gmail.com

**THE PHILOSOPHICAL IDEAS OF V. SOLOVYOV IN L. ULITSKAYA'S
*SONECHKА***

Tatjana Jovovic
University of Montenegro, Montenegro

АННОТАЦИЯ

В работе исследуются отклики некоторых идей В. Соловьева в повести *Сонечка* Л. Улицкой. Это, прежде всего, идея всеединства и, связанная с ней, идея софийности, на которую достаточно прозрачно указывает название повести. Особое внимание уделено роли телесности в концепции всеединства и сочетании персонажей на фоне их сексуальности, духовности и душевности. В какой степени жизнь и судьба предназначены телесной оболочкой, и как она способствуют достижению гармонии всеединства – один из вопросов, который мы попытались исследовать.

ABSTRACT

The simple title of Lyudmila Ulitskaya's short novel, *Sonechka*, carries a complex history of humanity, principally of the feminine existence, which intertwines the physical, the psychic and the spiritual. The analogies with Solovyov and Dostoyevsky are revealed in the mystic meaning of the number three and a triad arising among the characters of the short novel providing them with an impetus to reach the apex of their lives and personalities. To what extent is life and fate of characters determined by their appearance and in what ways they might achieve the harmony of unity-in-all – still remains a legitimate question for analyses.

Ключевые слова: Улицкая, софийность, идея всеединств, Соловьев, телесность

Key words: Ulitskaya, sophianism, unity-in-all, Solovyov, corporality

*Статья первый раз опубликована под названием «Идея всеединства в *Сонечке* Людмилы Улицкой» на хорватском языке в журнале *Književna smotra* XLVII/2015, № 178 (4): С. 145-150.

Идея Владимира Соловьева о Софии (2015) как мировой душе, отражающейся в стремлении к преодолению разногласий, дисгармонии и вражды среди эгоистичных индивидов, воюющих друг с другом, реализовалась в одном из своих литературных воплощений в повести *Сонечка* Л. Улицкой (2011). Главный образ, Сонечка, приобретает личную целостность,

соединяясь с другими. Хотя дух, душа и тело никогда не уравновешены (в одном персонаже), они налаживаются в взаимодействиях с другими. Сохраняя свою и принимая чужую уникальность, они из дисгармоний личных микрокосмосов создают гармонию единого.

От софиизации к соматизации текста и обратно

Название повести Улицкой (первый раз опубликованной в 1992 г. в журнале № 7), перекликается с рядом одноименных русских героинь: исследователи обыкновенно обращали внимание на тех персонажей русской классики, которых сближают признаки мудрости, кротости, самоотдачи и/или душевности. За эволюцией литературного образа Софии можно следит, начиная от Софьи из комедии Фонвизина «Недоросль, 1959» и «Горя от ума, 2000» Грибоедова до Сони Мармеладовой из романа *Преступление и наказание* (Достоевский, 1989). Этот ряд из классической продолжается и в современной литературе, в которой образ вечной Софии наделяется новыми нюансами. В связи с данной темой, Ковтун в новейшей русской прозе выделяет произведения «Дом на набережной» Ю. Трифонова, «Соня» и «Река Оккервиль» Т. Толстой, «Софичка» Ф. Искандера (2001: 53). Помимо упомянутых, среди литературных аналогий есть и более плотские Софии и Сонечки, как например две Софии, ярко окрасившие жизнь и творчество Марины Цветаевой: великая поклонница телесных удовольствий, поэтесса София Парнок и страстно-душевная и нежно-телесная Софья Евгеньевна Голлидэй, актриса Второй студии Художественного театра, в истории русской культуры запомнившаяся как Сонечка. Можно отметить подчеркнутый параллелизм между названиями выше упомянутой повести Улицкой (которая именно и есть повесть о Сонечке) и «Повести о Сонечке» Цветаевой, в которой она в своей мемуарной прозе представляет мифологизированную биографию Софьи Голлидэй. Но, поскольку аналогии между характерами женских персонажей в повести Улицкой и перекликающимися с ними одноименными персонажами русских классиков часто нарушены, так и в данном случае: истинное сходство с ними проявляется в образах Тани (чувствительно-плотская как Парнок) и Яси (соблазнительная и сложная женщина-ребенок подобно Голлидей).

Более чем с русскими одноименными литературными (и историческими) героинями, Сонечка Улицкой, по истинной софийной природе своего существа, схожа с Сольвейг, персонажем пьесы «Пер Гюнт» Генрика Ибсена. Прославляя заворожившую их андрогинную цельность героини норвежской пьесы, свой поэтический долг ей отдали и поэты русского серебряного века, Блок (два стихотворения посвящена этой теме: «Сольвейг» (1980: 389–390) и «О Сольвейг! О Сольвейг! О, солнечный путь!.. (Там же, 419–420)») и Гиппиус (стихотворение «Вечноженственное» с символическими стихами: «Сольвейг, Тереза, Мария,/ Невеста-Мать-Сестра! 2002: 437–438»). Сольвейг – символ долготерпения, верности и ожидания, не

воспринимающая свою участь как страдание, а именно наоборот – как великое счастье любви. Сонечка как и Сольвейг – мать и жена (хотя Сольвейг в биологическом смысле не является матерью, а в законном также не является матерью, несмотря на то, через эти роли проявляется ее основное отношение к миру). Сольвейг последний приют Пер Гюнта, Сонечка последняя остановка в жизненной стихии Роберта Викторовича. Ибсеновского героя, сладострастного и легкомысленного, утомленного бытом, озаряет душевная солнечность Сольвейг и он поет ей: «Мать и жена, ты святое творенье!/Дай мне укрыться! Даруй мне спасенье! (2015)». Отсутствие телесного начала не портит полноту ощущения Пер Гюнта, напротив, его дух преисполнен глубиной чувства, вызванного чистотой Сольвейг. Вопреки отсутствующим признакам внешней красоты (и не только, поскольку героиня также не наделена особыми интеллектуальными дарами) Роберт Викторович, чутьем художника и светского человека, узнает в Сонечке идеальную жену и мать. Из глубин коллективного, ему в этом помогает мерцающий образ фригийской богини Кибелы, олицетворения матери-природы.

Семиотика подвала и кодирование личного счастья

Образы анализируемой повести нереальны, их трудно представить в ежедневной жизни, но теоретически, – они могли бы существовать в одном возможном мире. Как таковые они являются литературными моделями, способными преодолеть конфликты и проложить дорогу в лучший и более совершенный мир. Они «сочетаются» на принципах взаимоотношений их сексуальности, духовности и душевности. Сексуальность и душевность Сони обратно пропорциональны. Ее роль однозначна – материнская. Таня сексуальна и умна, но она не душевна, Яся красива и внешне сексуальна.

Абсолютная внешняя некрасивость Сони, почти комическая внешность, травестирование эротичности женского тела (плоский зад, грушевидный нос, несоразмерность частей тела) предопределяют ее будущую жизнь. Benjamin Sutcliffe (2009: 617) замечает важность раннего любовного опыта для образования женской сексуальности. Травма, пережитая Сонечкой в возрасте четырнадцати лет прекратила процесс образования ее сексуальности, и вообще, процесс ее индивидуации. Счастливое детство, прекрасные отношения с отцом и удачный первый сексуальный опыт возбудили в ее дочери Тане здоровое и смелое отношение к телесному, а отсутствие родительских фигур, жизнь сироты и продажа тела как единственный экзистенциальный выход, привели до совершенного телесного холода у Яси.

Отсутствие красоты вызывает у Сонечки безмолвное соглашение на жизнь без любви, которой она не достойна, и ее женская сексуальная энергетика остается подавлена в подполе ее личности. Стыдливо меркнувший Эрос навсегда табуирован, а из глубокого осознания

собственной непривлекательности родилось особо гипертрофированное восприятие счастья. Каждый момент со своим мужем она ощущает как незаслуженную благодать, а поскольку она ничего не требует, получает дважды.

Вся внешность Сони лишена красоты: движения, одежда, жесты, физиологические и биологические процессы беременности и старения (в конце повести она «толстая усатая Софья Иосифовна» (Улицкая 2011: 34; Все цитаты по *Сонечке* далее приводятся по этому изданию с указанием страницы.), с очевидными признаками болезни Паркинсона В этом необыкновенном словосочетании, визуальная составляющая главной героини на самом низком эстетическом уровне, но в первый раз она в тексте наделяется статусом цельной личности и бывает названа полным именем и фамилией, что одновременно является одним из моментов максимальной софиизации текста.

Даже большая грудь, обыкновенно считающаяся одним из самых эротических женских признаков (после родов она у Сонечки тоже становится карикатурной – подушкообразной), у Сони лишена малейшего женского обаяния: она только сигнализирует исконное предназначение женщины: быть матерью и кормить. Символизируя суть Сони, большая грудь выступает в роли *pars pro toto*. Материнский аспект подавляет все другие аспекты ее личности. Она даже инстинктивно преодолевает биологические препятствия: она рожает, вопреки недоразвитой детской матке. Физиология грудного вскармливания описана весьма подробно и пластично (12). В каждый момент этого процесса, тело Сони волшебным образом наслаждается близостью. Это редкие моменты, когда она не отрицает его и наслаждается им.

Забывая о себе, она всегда заботится о других и в этом находит суть своего существования. Эту постоянную второстепенную позицию в жизни она не воспринимает как несправедливость и не хочет другого. Находя неподдельное счастье в альтруистической службе другим и живя на окраине настоящей жизни, или, лучше сказать, в ее подполье, тем она ярче чувствует свет семейной жизни. Не привыкшее получать эротическое наслаждение, тело автоматически отдается ежедневным требованиям быта, погружаясь в него без пощады. Его основной признак – эротический аутизм. Формула счастья Сонечки основана на отсутствии гордости и эгоизма и на том, что она в отношениях не ожидает никакой взаимности.

Хронотоп подвала прослеживается через всю ее жизнь, в буквальном и метафорическом смысле: она работает в подвальном хранилище библиотеки, живет с Робертом, человеком из подполья в подвале заводоуправления. Даже живот Сонечки является какой-то формой подвала тела, а подвал в ее топографии – пространство персонального счастья. Указанная парадигма амбивалентна, подвал представляет собой и фундамент, на нем стоит дом. Семиотика подвала подчеркивает второстепенную позицию Сони в жизни, постоянное скрывание. Приют от

волнующих мыслей об опасных знаниях своего мужа она находит внутри своего тела, сосредоточиваясь на своем животе, темный источник жизни, и воображая пульсы зародившегося существа. Живот обладает всеми признаками подвала: он скрытый, темный, влажный, безопасный. Хотя отказывается от своей внешней оболочки, она чувствует важность своей внутренности и внимательно прислушивается к ней:

[...] А Сонечка долго лежала в темноте, мучаясь от недоговоренности и отодвигая от себя еще более ужасную, чем эта недоговоренность, догадку: муж ее обладал знанием столь опасным, что лучше было этого не касаться, - и она уводила свою тревожную мысль в другое место, к томным и тонким переборам внизу живота, и пыталась представить себе, как пальчики размером в четверть спички в такой же темноте, которая окружает сейчас и ее, легко проводят по мягкой стенке своего первого жилища, и улыбалась 8–9).

Идея живота как центра тела (вспомним, что у этого слова есть и архаичное значение жизнь), как органа, показывающего через телесные рефлексy настоящее состояние души, содержится и в описании восприятия красоты Яси Робертом Викторовичем: «В момент, когда дверь захлопнулась, он почувствовал сильное и гулкое сердцебиение, но не в груди, а где-то в глубине живота. Сердцебиение восходило в нем вверх, как солнце от горизонта, морской гул наполнил голову, виски, даже кончики пальцев. (26–27)»

В персонаже Сони сочетаются ветхозаветное прославление жизни и христианское милосердие. Ее жизнь – это гимн ежедневному, она королева здешнего, обыкновенного. Поскольку ее Эрос глубоко спрятан, она не знает пыток ревности и зависти и безропотно принимает запрет на страсть, считая это вполне справедливым и логическим последствием отсутствия внешней красоты. Литература для нее только компенсация, позволяющая ей остаться в пассивной роли потребителя и наблюдателя настоящей жизни. Не понимая искусство, оно прекрасно понимает его важность. Хотя сама Соня не творческая натура, на ней стоит микромир, окружающий ее. Единственное что беспокоит личную жизнь героини – тоска по многодетности, так как она воспринимает деторождение как свою должность: «Ей все казалось, что она недостойна любви своего мужа, если не может приносить ему новых детей (как было принято в ее племени). (25)»

Свою главную роль – матери и кормилицы, Соня отстает не только в отношении к собственному ребенку, но и к другим близким людям: мужу, Ясе, несмотря на позицию, которую Яся занимает в ее жизни: сначала как сирота, подруга дочери или потом как любовница ее мужа. Принимая Ясю в свою семью, она частично реализует свою мечту о увеличении семьи. Отношение *мать:дочь* между Соней и Ясей остигает кульминации после смерти Роберта

Викторовича, когда Яся снова еще раз теряет мужскую и отцовскую, защищающуюся ее фигуру: «Была она сирота, а Соня была мать» (33).

Восприятие истории и эпохи в повести Улицкой очень схожи с философией времени и истории, за которую заступает и которую применяет Юрий Живаго в романе Пастернака *Доктор Живаго* (2014), по сути атемпоральной, поскольку герою удается преодолеть границы линейного времени и через личный опыт ощутить пересечение синхронной и диахронной перспектив. Персонажи равнодушны к сменам территорий и эпох. Все города соединяются в большое тело единственной территории, а все эпохи сливаются в единственный континуум, служащий только фоном для разыгрывания личных судеб героев. История и география не очень важны для жизни героев, поскольку они своевольно запираются в крепости своих личных жизней. Несущественность временных внешних рамок, Роберт Викторович обобщает в нескольких предложениях: «Я хотел сказать, что меня никогда не интересовало, чья лошадь придет первой. Для нас это не важно. В любом случае гибнет человек, его частная жизнь. (8)»

Уравновешивание неустойчивых треугольников

Треугольники, образующиеся среди героев в повести Улицкой, совсем особого типа. В отличие от деструктивных треугольников Достоевского или Набокова, например, в которых почти всегда существуют садистические и мазохистские отношения мучителя и жертвы, поскольку ими владеют эротические, всегда исполненные жестокости начала, в треугольниках Улицкой отношения налаживаются до полной гармонии. Между каждой парой в треугольнике образуется другой вид отношения. Основные триады, между которыми непременно изменяется качество связи – Соня/Роберт/Таня, Таня/Роберт/Яся, Яся/Роберт/Соня.

Триада между Соней, ее мужем и Ясей уравновешена и гармонична, потому что восстанавливается четкое перераспределение ролей и женщины не претендуют на одну и ту же роль: это не *ménage à trois*, это почти настоящая семья, вид того, что сегодня называем восстановленной семьей. Яся занимает место дочери и между ней и Соней не создаются сопернические отношения, но искренние отношения матери и дочери. Такого типа отношения не безызвестны в биографических реалиях писателей, вспомним треугольник, осуществленный в реальной жизни Иваном Буниными, его женой Верой Муромцевой и молодой помощницей Галиной Кузнецовой.

Милосердная София – всепонимающая опора, спасающая и облагораживающая распадающиеся частные жизни. Ни один из персонажей не исполнен гармонии и соответствия между телесным, духовным и душевным, визуальным и тактильным. Именно из этого неравновесия между биологическими и физиологическими предпосылками, личными

желаниями, физическими преимуществами и недостатками образуется разнообразие отношений, благодаря которым они зреют и находят собственные жизненные дороги.

Мудрость Сони заключена в том, что она прекрасно понимает, что у каждого в мире есть своя роль, и что гармония между всеми ведет к высшей цели. Она та, которая кормит (владелица кухни), понимает и сохраняет. Самая обыкновенная, самая традиционная, но самая душевная и единственная, которая способна прервать канон и пожертвовать собой ради чужого счастья: «Как это справедливо, что рядом с ним будет эта молодая красотка, нежная и тонкая, и равная ему по всей исключительности и незаурядности, и как мудро устроила жизнь, что привела ему под старость такое чудо, кото-рое заставило его снова обернуться к тому, что в нем есть самое главное, к его художеству...» – думала Соня... (28)»

Если прекрасная душа Сони не соответствует некрасивому бесформенному телу, то у Яси красота тела несоразмерна ее осязательной неотзывчивости. Относительный душевный холод Тани диспропорционален ее телесной чувственности, в то время как сочувствие отстает от развитой самочувственности. Неполноценность персонажей дополняется и уравнивается в их взаимоотношениях, создавая наконец в этом умении быта что-то выше их самих – искусство жизни.

В треугольниках Улицкой нет трагических концовок, что представляет собой самое типичное литературное решение данных ситуаций: наоборот, они инициируют новые качества в жизни и в искусстве, налаживаясь по принципу компенсации и тяги к противоположному. Треугольники открыты – последовательно изменяются их края. Один член всегда выпадает, уступая место другому, но всегда быстро находит место в новообразованной структуре.

Функция Яси вертикально развивается в повести. Из первоначальной роли любовницы и объекта сексуального наслаждения она достигает вершину своего существования, становясь музой. Ее сексуальность также неполноценная, подобная мифологической заманчивости русалок, которые несмотря на то подчинены холоду своего хтонического мира. Она объект, осознающий силу своей красоты. Быть красивой и нравиться – ее единственный способ выжить. Это функция зависит только от восприятия другого, поскольку ее интеллектуальные действия почти как сексуальность Сони – нулевые.

Телесное своеобразие Тани заключено в нестандартной красоте вне классических пропорций, чей канон нарушает несоразмерностью тела, неуклюжими движениями, ловкостью всегда занятых рук (в которых постоянно происходит маленький театр, 17), что создает одну из преобладающих эротических составляющих ее физики.

С самого рождения она была окружена чудесными игрушками, и игра, самостоятельная, не требующая иных участников, была главным содержанием ее жизни. Так и получилось, что,

выйдя из развлечений своего затянувшегося детства, года два проспала она, промаялась на известном переходе и, рано поняв, какую именно игру предпочитают взрослые, отдалась ей с ясным сознанием своего права на удовольствия и свободой не подавленной личности.

Отношение к фаллосу поляризует различное восприятие плоти у Яси и Тани. Существо Тани пронизано физиологией здоровой сексуальности и хаптической одаренностью. Сексуальное любопытство и свободное отношение к сексу отражаются в ее восприятии фаллоса как интересного объекта, с помощью которого она исследует пределы телесного удовольствия. Неукротимые кудри «упругие волосы, не продираемые гребнем, не заплетающиеся в косички» (14), символизируют такой-же неукротимый характер. Творческое существо героини воплощается и в телесных экспериментах, в которые она погружается с свободой, присущей только незаурядным личностям, и с подчеркнутой автоэротичностью: «Самым увлекательным для Тани было новое осознание своего тела: оказалось, что каждая его часть - пальцы, грудь, живот, спина - обладает разной отзывчивостью к прикосновениям и позволяет извлекать из себя всякие прелестные ощущения, и это взаимоисследование доставляло обоим массу удовольствия. (17).»

С другой стороны, отвращение к сексу представлено через отношение Яси к фаллосу (ихние противные штучки, 23). Похожую банализацию секса и индифферентность в отношении его замечаем у Марфиньки в романе *Приглашение на казнь*: «[...] это такая маленькая вещь, а мужчине такое облегчение» (Набоков: 2001: 27). Как сирота, она связывается с старшими мужчинами, все время ища потерянную фигуру отца и отцовскую защиту. Это причина образования патологической сексуальности, с полным отсутствием любого удовольствия. Несмотря на грязь жизни, которую ведет, она остается чистоплотной, поскольку все это не касается ее переживаний. В повести подчеркнуты отношения этой героини к гигиене и эстетике, а также и абсолютное осознание красоты собственного тела и ее влияния на других. Оттуда и недостаток стыда и естественное восприятие собственной наготы, как это бывает у детей или у Адама и Евы во время их невинности. Она очень легко раздевается в публичном туалете (20), в одном, почти лунатическом ритуале снимает ночную рубашку перед Робертом Викторовичем (обнажение в данном контексте на символическом уровне связано с душевным оголением и ранимостью) и, в конце повести, совсем голая бежит к соседке за помощью (20, 23, 32).

Качество любовного отношения между ней и Робертом Викторовичем не обусловлено количеством страсти, которая обратно пропорциональна, поскольку Яся наслаждается только возможностью подарить художнику наслаждение ее красотой. Вся хроника ее телесных отношений с мужчинами исполнена полным эмоциональным и телесным равнодушием, так что она в первый раз, хотя и в очень низком уровне, связываясь с ним, отпирает свое тело в

хаптическом смысле: «Яся смеялась, плакала, вскрикивала: «Езус Мария!» – и гордилась, и восхищалась, и так радовалась, что даже научилась испытывать некоторые приятные ощущения, о коих прежде и не догадывалась, невзирая на ранний и долгий опыт общения с мужчинами. (32)»

Мы не согласны до конца с аналогией, которую Ковтун проводит между Ясей и мифологической Лилит (2011: 64–65). Считаем, что ее соблазнительность проявляется через визуальное, а ее внешность более сравнима с русалками, и тут аналогия кончается, поскольку русалки недоброжелательны и летальны для мужчин. Правда, Р. В. умирает в постели, но его смерть не является результатом ее недобрых намерений. Яся более пассивный женский принцип, она скорее Ева, в том смысле очень похожа на Соню. Она хотела бы быть супругой, она удовлетворяет, по-кошачьи умеет приспособиться. Лилит, с другой стороны, - активный женский принцип, символ независимости, свободы и непокорности, ищущий одинаковости и даже верховенства (эта легенда первый раз упоминается в Альфавите Бен-Сиры, 2018). Она та, которая отказалась лежать под Адамом, и из-за того, что не хотела подчиниться, убежала от него (это легенда первый раз упоминается в Альфавите Бен-Сиры: 2015). Принцип Лилит в большей степени является маркером образа Тани. Ее сексуальность более мужского, чем женского типа, она очень активная, смелая, готовая к изменам, с определенной примесью бисексуальных привлечений (очарование красотой Яси), скорее всего возникающих из ее андрогинной сущности и сильного либидинального потенциала. Между Таней и Сонечкой царит полное недопонимание: дочь негатив матери. Телесная пыль у Тани противопоставлена душевному холоду.

Софиизация соматического

Индивидуация личности наиболее целостно реализуется в образе Тани. Она прототип современной женщины, подлинный субъект, самодостаточна, вдохновительница, она одновременно и муза и творческий человек, устремленная к Абсолюту. Ее телесность дионисийского типа, рождена в красоте дисгармоничного, непредсказуемого и неконтролируемого.

Красота Яси покоится на аполлонийском принципе: полное соответствие телесных пропорций, мелодичная музыка движений, чистота и высокая самооценка собственной внешности, основные причины, в результате которых она становится последней и самой важной

музой в жизни художника. Хотя роль Яси преобладающая, творческая дорога художника проложена влияниями всех трех женских образов, и оба начала, – и аполлонийское и дионисийское, вплетены в нее. Соня вдохновляет его первый портрет после долгого периода творческой абстиненции и забвения, после чего чередуется фазис, когда делает игрушки для дочери Тани, – но все это лишь медленное пробуждение творческого толчка до настоящей иллюминации, возникающей после романа с Ясей.

Красота Яси лунного холодного типа, и по отсутствию чувственности и по визуальном впечатлении (металлическая белизна тела). Самое большое количество литературных мест, где она описывается, вызывают ассоциации холода, и, одновременно, – возвышенности. Когда Соня первый раз увидит белые портреты, сразу понимает, кто такая «настоящая снежная королева» (28), а первое показывание тела Яси, которое заодно будет и художественным откровением для Роберта Викторовича, оказывает почти ослепительное действие на него: «Никогда не видел он такой лунной, такой метал лической яркости тела» (24).

Ковтун трактует вылезание Яси из огромной рубашки Сони как рождение (2011, 64).. Скорее всего, мы в этой сцене усматриваем аналогию с Русалкой, восхождение из подполья быта в свет настоящей жизни. Эротика Яси воздушная, прозрачно-призрачная. Аурой такого типа она пленяет Таню, понимающую силу ее хрупкости: «Ах, мама, она кажется слабой, воздушной, а сильная – необычайно!» (22); «Крупная и размашистая Таня с обожанием смотрела на прозрачную, вроде отмытого аптечного пузырька, Ясю [...]» (19).

Как раз свойство «прозрачности», присущее внешности Яси, возбуждает последнюю вспышку творческой энергии художника. Яся визуально ясная, – она же прозрачна как вода или воздух, совершенная молодая материя. Прозрачность внушает мир, спокойствие. Художник с помощью кисти и холста пытается разгадать секрет материи, из которой сделана его муза, пробует проникнуть через ее прозрачность, то есть объяснить ее, сделать ясной фактуру ее кожи и завораживающую силу красоты. Творческим актом совершается интеллектуальное проникновение в визуальное. Прозрачность – не просто требование познания, но высшая человеческая ценность, в сущности, неустранимая, как неустранимо наше желание быть, существовать в видимом мире. Видеть и быть – одно и то же.» – пишет Подорога (1995: 157), в главе «Эрос и физика “прозрачности”», посвященной анализу одноименного текста П. Флоренского.

Этот лозунг можно применить к философии существования Роберта Викторовича, а в несколько модифицированном виде и к Ясе, для которой «быть усмотренной (замеченной) и существовать» одно и то же. В отличие от Тани, движущейся шумно, «с невоспитанной свободой жеребенка», не беспокоясь о том, как это выглядит со стороны, движения Яси

отмечены «женской музыкой тела, требующего внимания и восхищения» (21).

«Феномен прозрачности есть символ, указывающий на присутствие в нашем опыте желания, – желания реальности. Эротика познавательного акта.» – замечает Подорога, и именно из указанного выводит заключение о частоте подчеркнутости оппозиции прозрачное – призрачное у Флоренского. (1995: 159). Та же оппозиция в качественном и количественном смысле усматривается и в внешности Яси.

Яся вся проявляется в визуальном, так что и эстетика одежды для нее обладает экзистенциальным значением, поскольку она ее воспринимает как продолжение тела, подчеркивание телесной красоты:

Одежда – часть тела. В обычной жизни это – внешнее продолжение тела, аналогичное волосяному покрову животных и птичьему оперению; она приложена к телу полумеханически, – я говорю “полу”, потому что между одеждой и телом есть отношения более тесные, нежели только соприкосновение: пронизанная более тонкими слоями телесной организации, одежда отчасти врастает в организм. В порядке же зрительно-художественном одежда есть *явление* тела и собою, своими линиями и поверхностями, строение тела она проявляет. (Флоренский 1994: 112).

Наблюдая, художник пытается понять – из акта наблюдения и восхищения рождается творческая тоска по познанию. В поисках разгадки заманивающей белизны Ясиной плоти и «драгоценности молодой материи» (32), он достигает вершины собственной жизни. Тело художника – достаточно дематериализованное тело, с отсутствием ярких визуальных следов в тексте, а даже несколько присущих представляют собой только проявление его ума (малый рост, глубокие вертикальные морщины, умные и угрюмые глаза) (4, 7), и по мере приближения биологическом концу, его лицо становится более светлым, что намекает на достижение высших слоев познания и духовности. Тела музы и художника представлены в оппозициях старое: молодое, живое: неживое. Тело художника из периферии сюжета перемещается в центр текста, лишь лежа на смертном одре (33), который по Бруксу представляет «привилегированное литературное место» (2000: 250). Телесный код, интенсивно пронизывающий повесть и умножающийся в ней, определяя судьбы героев, наконец исполняется настоящего смысла. Рисуя портреты Яси, Роберт Викторович добивается художественной расшифровки метафизического смысла белого цвета и четким визуальным образом переносит сложную философию красоты: «все то, что житейскому взгляду кажется белым, а Роберту Викторовичу представлялось мучительной дорогой в поисках идеального и тайного.» (Улицкая 2011: 26). Белые портреты смотрятся как иконы, тело Яси с позиции объекта желания перемещается в торжественное пространство искусства, где останется

вечно молодым. Из эротической сферы тайного и частного оно возвышается в сферу общественного и сакрального.

Хотя повесть следит за тремя женскими биографиями, выясняется, что весь этот опыт оказывается средством для осуществления мужского творческого начала. Настоящий герой – это Роберт Викторович, художник, и все линии быта и события подчинены рождению того, что выше самих героев – искусству. Спокойствие душевного, свет духовного и стихия телесного обнимают космос, сообщая, что тела и души в своем разнообразии необходимы для абсолютной гармонии, и заканчивая повесть о всеобщей, одной и единственной любви. Происходит большой синтез разбросанных кусков, которые, если разделены, весьма слабы, но необходимы для функционирования цельности и равновесия в вселенной. Мятежно соматизированный текст превращается в софийский, предлагая модель примирения и смирения, показывая как различия способствуют чуду единого.

В художественном обыгрывании указанных тем и есть высшая мудрость данной повести

Список литературы

- Блок, А. А. (1980): Собрание сочинений в 6 томах. Том 1. Стихотворения и поэмы 1898—1906. Ленинград: Художественная литература, с. 389–390, 419–420.
- Бродская, Г. (2003): Сонечка Голлидэй. Жизнь и актерская судьба. Москва: ОГИ.
- Цветаева, М. (2010) Повесть о Сонечке. Санкт-Петербург: Азбука классика.
- Достоевский, Ф. М. (1989) Собрание сочинений в 15-ти томах. Т. 5. Л.: Наука.
- Фонвизин, Д. И. (1959) Собрание сочинений в двух томах. Т.1. М.: Гослитиздат.
- Флоренский, П. Л. (1994) Иконостас. Москва.
- Гиппиус, З. Н. (2006): Собрание сочинений в девяти томах. Т.6. Живые лица. Воспоминания. Стихотворения. Москва: Русская книга, 2001–2006, с. 437–438.
- Грибоедов, А.С. (2000) Горе от ума. Москва: Детская литература.
- Ибсен, Г. (1972): Пер Гюнт, в: Драммы. Стихотворения (перевод: П. Карпа). Москва: Художественная литература, на: http://www.lib.ru/INPROZ/IBSEN/ibsen1_2.txt (дата обращения: 7.05.18)
- Ковтун, Н. (2011): Сонечки в новейшей русской прозе: к проблеме художественной трансформации мифологемы софийности. *Literatūra* 53 (2), 2001. Vilnius, с. 53–70.
- Набоков, В. (2001): Приглашение на казнь. Москва: Фолио.
- Пастернак, Б. (2014): Доктор Живаго. Санкт-Петербург: Азбука.
- Подорога, В. А. (1995): Эрос и физика прозрачности, в: Подорога В. А. Феноменология тела. Москва: Ад Маргинем, с. 156–180.

Соловьев, В. Смысл любви, на: URL: http://www.vehi.net/soloviev/smysl_lubvi.html (дата обращения: 16.02.18)

Улицкая, Л. (2011): Сонечка. Москва: Астрель.

References

Bril, J. (1981): *Lilith ou la Mère obscure*, Paris: Payot.

Bril, Ž. (1993): *Lilit ili Mračna majka* (Prevela s franc. Jelena Stakić).

Sremski Karlovci. Novi Sad: Izdavačka knjižarnica Zorana Stojanovića.

Brooks, P. (1993): *Narrative and the Body in: Body Work. Objects of Desire in Modern Narrative*. Cambridge, Mass. and London. Harvard University Press, pp. 1–28.

Bruks, P. (2000) *Telo i pripovedanje*. (Sa engl. prevela Brana Miladinov) *Reč*, 57.3 (2000), str. 247–269.

Koltuv, B. (2004): *Knjiga o Lilit*. (Prevod s engleskog: Branislava Jurašin) Beograd: Esotheria.

Kovtun, N. (2014) “Muza i umjetnik” u stvaralaštvu L. Ulicke, u: Vojvodić, J. (ur.). *Nomadizam*. Zbornik znanstvenih radova u spomen na profesora Aleksandra Flakera. Zagreb: Disput, str. 349-362.

Sutcliffe, B. (2009): *Mother, Daughter, History: Embodying the Past in Liudmila*

Ulitskaia's *Sonechka* and the Case of *Kukotsky*, in: *The Slavic and East European Journal*, Vol. 53, No. 4, 2009, pp. 606-622.

The Story of *Lilith*, in: *The Alphabet of Ben Sira*, URL:

<http://jewishchristianlit.com/Topics/Lilith/alphabet.html> (дата обращения: 25.05.18)

«СВОЙ ЧУЖОЙ МИР»: ТРАВЕЛОГ КАК СИНТЕТИЧЕСКАЯ ЖАНРОВАЯ МОДЕЛЬ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Кислова Лариса Сергеевна

*Тюменский государственный университет, Россия
lorkis05@mail.ru*

Эртнер Дарья Евгеньевна

*Тюменский государственный университет, Россия
edasha@mail.ru*

“YOUR ALIEN WORLD”: TRAVELOGUE AS A SYNTHETIC GENRE MODEL IN CONTEMPORARY RUSSIAN LITERATURE

Larisa Kislova

Tyumen State University, Russia

Daria Ertner

Tyumen State University, Russia

АННОТАЦИЯ

Травелог, предполагающий высокую степень рефлексии как личное путешествие, оставался привлекательным для художников во все времена, но на рубеже XX–XXI веков он является чрезвычайно востребованным во многом потому, что превращается в многоуровневый, синкретический жанр. Фиксируя в тексте личные ощущения от перемещений во внешнем пространстве, автор травелога, как правило, создает собственную модель мира и транслирует только свою концепцию духовного путешествия. Сегодня в русской и русскоязычной литературе травелог приобретает отчетливую этническую и гендерную окраску, что способствует его популяризации и превращению в явление массовой культуры.

ABSTRACT

Travelogue as a personal journey suggests a high degree of reflection. Thus, writers have turned to this genre at all times. However, at the turn of the 20th–21st centuries, it has become extremely popular due to its transformation into a multi-level, syncretic genre. A travelogue writer fixes his or her personal experiences of movements in the external space, creates his or her own model of the world and broadcasts an individual concept of the spiritual journey. The genre of travelogue gets definite ethnic and gender-related overtones in much of today’s Russian and Russian-language literature, helping the latter get across to a wider range of readers and transforming it into a mass culture phenomenon.

Ключевые слова: синтетический, травелог, пространство, герой, оппозиция "свое - чужое", ландшафт.

Keywords: synthetic, travelogue, space, hero, friend/foe opposition, landscape.

В массовой литературе последних лет жанр травелога – один из наиболее активно развивающихся жанров: «Жанр нынче не просто востребованный, а популярный. Но потому и размытый. <...> Ведь в традиционном виде травелог – не только документальный рассказ о поездке, экспедиции, исследовании, но повествование, подкрепленное историческими свидетельствами (зарисовками, картами), не чуждое сопоставительного анализа (что было на территории в прошлом, что теперь) и рефлексии пишущего (ожидания и увиденная реальность)» (Бондарева 2012: 165). Современный травелог, при всех его специфических характеристиках, тем не менее, обладает классическими признаками жанра: наличием образа повествователя-путешественника и пространственно-временной дискретностью. Травелог – литературное произведение, описывающее путешествие героя-рассказчика и объективирующее социокультурное и ментальное взаимодействие с другой реальностью, усвоение культурных кодов, открытие новых географических объектов, особенности восприятия чужого пространства. Смыслообразующей для травелога выступает дихотомия «свое–чужое». В современных травелогах анализируются различные географические и культурные ландшафты, подробно описывается перемещение автора-персонажа в пространстве, особое внимание уделяется посещению знаковых мест, влияющих на судьбу и мировосприятие путешественника. Собственно, популярность травелога в XXI веке свидетельствует и об упразднении многих внешних географических границ: «В самой идее “путешествия” продолжает оставаться нечто весьма привлекательное для общекультурного сознания. Неспроста тексты о путешествиях, переводные и оригинальные, продолжают появляться в изобилии» (Балла 2013). Современный травелог, по мнению ряда исследователей, находится в стадии становления, но многочисленные тексты, опубликованные в последнее время, позволяют воспринимать его как наиболее востребованную литературную форму. Таким образом, «оставаясь удобной формой непосредственной фиксации впечатлений, путевая проза становилась универсальной матрицей постижения “иного”, создания и закрепления “образа другого” на разных уровнях художественного обобщения вне зависимости от задач автора, а следовательно, и его нарративной стратегии» (Мамуркина 2013: 112). Среди наиболее известных текстов можно назвать «Остров, или оправдание бессмысленных путешествий», «Пространство и лабиринты» В. Голованова, «На пути в Итаку» С. Костырко, «Город заката» А. Иличевского, «Вернись и возьми» А. Стесина, «Матрос на мачте» А. Таврова, «Книга перемещений» К. Кобрин, «Внутренняя Венеция» Д. Бавильского, «Дегустация Индии» М. Арбатовой,

«Небесные тихоходы» М. Москвиной, «Дорога» М. Гончаровой, «Translit» Е. Клюева, «Галопом по европам» А. Экслера, «Перу. С Бобом и Джерри тропой инков» П. Романова.

Травелог – жанр, зарождение которого связано с потребностью человека, вернувшегося из путешествия, рассказать о нем, вспомнить все произошедшее в пути и зафиксировать полученный опыт: «Сам факт перемещения в пространстве выступает недостаточным условием для его фиксации: путешествие должно быть описано, о нем необходимо рассказать» (Львова 2016:38). Автор травелога описывает увиденное во время путешествия, фиксирует эмоции и размышления, посещавшие его в пути, и рассказывает о полученном духовном опыте. Сегодня, когда окружающая действительность активно исследуется, внутренний мир человека по-прежнему остается загадкой и представляет интерес для читателя. Цель автора современного травелога – не только рассказать об объективной стороне путешествия, но, как правило, ретранслировать и субъективный опыт героя-рассказчика, исследовать его внутренний мир, что позволяет продемонстрировать яркие ощущения и эмоции, полученные в пути: «Передача точных и достоверных знаний, равно и как искренних эмоций в мире, где абсолютно каждый способен оперативно обнаружить самые разнообразные сведения и стать ньюсмейкером, теряет свою актуальность. В этой ситуации значимым становится вопрос: носителем какого уникального знания или переживания я являюсь, что я могу открыть в мире еще неоткрытого, какую “землю”. И это не пафос первопроходца, а жажда некоего переживания, имеющего эстетическую окраску и которое по определению недоступно в реальном, повседневном мире» (Тузова–Щёкина 2016: 203). Ключевой задачей автора травелога становится не столько формирование у читателя представления о новых пространствах, сколько трансляция опыта восприятия «чужого» и как результат – узнавания «своего»: «Есть предположение, что само существование и непреходящая популярность травелогов – в формировании жизненно важного опыта у читателей и осмысление полученного опыта – у авторов. Но для этого процесса необходимы обязательные условия. Многие исследователи-путешественники отмечали, что переход некоей границы (не обязательно государственной, а мира, за пределы которого человек ранее не выходил) чрезвычайно обостряет все органы чувств: начинаешь внимательно вглядываться в окружающие тебя предметы и людей, словно надеешься увидеть нечто совершенно незнакомое ранее. Свои собственные улицы и дома путешественник никогда не будет разглядывать с такой степенью внимательности, потому что мыслит их как “свои”, а в путешествии сталкивается с “чужими”. Не менее важен и фактор “островного” положения, когда воспринимающий субъект материально, физически вырван из привычного пространства и помещен в столь же конкретное, но иное. И островное положение, и та степень

интенсивности переживаний, которые испытывает путешественник, не могут длиться достаточно долго. Поэтому чувство конечности, завершенности этих переживаний возникает почти сразу же с чувством их осознания (появления)» (Тузова–Щёкина 2016: 203).

Таким образом, перемещение героя в пространстве (переезд в незнакомое место) является возможностью не только продемонстрировать читателю другой мир, но и пригласить его вслед за героем по-новому взглянуть на мир собственный: «Оформившаяся стратегия движения актуализирует не только дихотомию “свое-чужое”, но и идею границы как линии соприкосновения маргинальных миров. С развитием литературы рассказ о путешествии все больше опирается не на идею движения как физического перемещения в пространстве и визуализации ландшафта, погружения в чужую культуру, а переход в качественно иное эго-состояние» (Львова 2016: 40).

Мотив изменения, перерождения личности – основной мотив, сопутствующий мотиву движения в травелоге: «Путешествие в пространстве – перемещение из точки А в точку Б – связано с путешествием во времени; прибыв в другой пункт, человек меняется духовно <...> Изменения могут оказаться столь серьезными, что вернувшегося обратно человека даже не узнают, как, например, Одиссея, вернувшегося в Итаку после двадцати лет скитаний, – он, безусловно, изменился внешне, но также пережил и серьезную духовную эволюцию» (Головченко 2017: 32–33). Одним из ключевых мотивов становится мотив возвращения в исходную точку, поскольку новое пространство, вызывающее у путника сильные эмоции, все же не становится для него родным: «Мотив путешествия неразрывно связан и с мотивом возвращения: всякий путешествующий рано или поздно возвращается в точку отправления либо переживает, что у него нет шансов вернуться» (Головченко 2017: 33). Однако путешественник объективно не может вернуться, не получив нового духовного опыта и не претерпев внутренней трансформации: «Мотив возвращения связан архетипически с мотивом принятия изменившегося вернувшегося человека в его старую семью (мотив возвращения блудного сына)» (Головченко 2017: 33).

В травелоге герой «вписан» в окружающее пространство, вовлечен в его эмоциональное «освоение», поскольку «пространство в травелоге становится фрагментом личного опыта, происходит своеобразная интериоризация реальности» (Шпак 2016: 266). Массовая литература осваивает сегодня особую форму травелога – синтетическую, основанную на жанровом слиянии, поскольку «травелог – свободная жанровая схема, в которой главное – мобильность пишущего» (Черняк 2015: 60). Современному тексту, вбирающему и комбинирующему элементы различных жанров, свойственна синкретичность. Таким образом, можно говорить и о такой разновидности жанра, как синтетический травелог.

Синтетический травелог – литературное произведение, синтезирующее травелог, любовный роман, детектив, триллер, путеводитель, описывающее путешествие героя-рассказчика, погруженного в чужую реальность (ментальность) и попадающего в те или иные авантурные ситуации. В процессе путешествия автор-персонаж обретает личный опыт, но при этом репрезентирует локус, в котором находится. Герои такого рода произведений помимо открытия новых пространств попадают в авантурные ситуации, находят любовь, бегут от преследования. Одним из самых востребованных синтетических травелогов стал роман Элизабет Гилберт «Есть, молиться, любить».

В русской и русскоязычной популярной литературе синтетический травелог приобретает отчетливую этническую и гендерную окраску. Автор-персонаж путешествует по разным странам, где, как правило, происходят сакральные для него встречи: Индии (Ю. Монакова «Подвенечное сари»), Турции (Л.Бокова «Мое тело – Босфор»), Испании (А.Казенкова «Испания. Фиеста, сиеста и манифесто!»), Италии (Т. Сальвони «Италия. Любовь, шопинг и dolce vita!», «Италия. Море Amore»). Оказавшись в ином географическом пространстве и знакомя читателей с культурой, обычаями, образом жизни той или иной страны, автор-персонаж переживает личные драмы, попадает в авантурные ситуации, но при этом погружается в чужую реальность и репрезентирует тот локус, в котором находится. Мотив преследования путника (уход от погони) сближает травелог с авантурным и приключенческим романами, поскольку обитатели нового пространства могут быть настроены к герою не всегда дружелюбно. Таким образом, синтез травелога и любовного романа, детектива, триллера и даже путеводителя открывает новую грань дискурса популярной литературы.

В романе Юлии Монаковой «Подвенечное сари» (2009) оппозиция «свое-чужое» преодолевается путем полного погружения героини в индийскую реальность. Роман Ю. Монаковой автобиографичен: героиня воплощает свою детскую мечту – приезжает в Индию, встречает любовь и остается в этой стране. Книга Ю. Монаковой является в некотором смысле синтетическим травелогом. Автор-персонаж полностью ассимилирован в пространстве Индии и воспринимает его как собственное, продолжая при этом открывать для себя специфику индийской повседневности: «Индия вросла в мою душу, влилась в мою кровь, стала моим дыханием, моей судьбой, моей любовью, моей песней и жизнью...» (Монакова 2009: 397). Героиня романа «Подвенечное сари» принимает Индию со всеми особенностями, и это скорее бытовое, нежели символическое восприятие, но сама специфика текста Ю. Монаковой предполагает некоторую легкость и незамысловатость. Таким образом, автор-персонаж отказывается от «своего» и растворяется в «чужом». Следует отметить, что

ольфакторность, визуальность, чувственность, тактильность индийских образов способствует созданию в романе Юлии Монаковой единой культурно-географической парадигмы, включенной в бесконечное мифологизированное пространство Индии. Мотивы Востока сегодня более чем популярны в синтетическом травелоге. В романе Лолы Боковой «Мое тело – Босфор» (2006) показано путешествие героини по современной Турции. Даша (так зовут героиню), можно сказать, мечется по Турции, гонимая сильными чувствами. Ее Турция – это страна любви, героиня путешествует по ней, рассматривая каждый город сквозь призму очередной сакральной встречи. Для героини Лолы Боковой жизнь в Турции становится реальностью, а московская повседневность представляется симулякром, воспринимается как чужое неяркое существование: «Это моя вторая весна в Турции, и моя жизнь теперь делится на “до” и “после”» (Бокова 2006: 7). Таким образом, «Соблазн Другого всегда обесценивает собственную культуру, которая представляется ненастоящей и несерьезной, как симулякр.<...> Люкримакс есть тяга субъекта к “настоящему” и отрицание им собственной жизни как “неподлинной”. Люкримакс непременно ведет к размножению симулякров: чем сильнее вера в недоступную подлинность Другого, тем чаще явления собственного мира признаются фальшивыми и пустыми» (Эткинд 2001: 9–10). Именно «люкримакс» позволяет автору-персонажу романа Л.Боковой погрузиться в турецкий социальный, гендерный, географический и культурный контексты, хотя происходит это достаточно своеобразно. Даша одержима мечтой о турецких путешествиях, поскольку именно в Турции она получает необходимую ей энергетику, в Москве же героиня просто существует, ожидая очередного возвращения в страну своих грез. Существование вне турецкой сказки представляется ей бессмысленным и бесполезным, поскольку пульс жизни Даша ощущает только в Турции: «Мысль о том, что через месяц мы с Ниф-Нифом отправимся в нашу зону жизни – единственное, что удерживает меня на плаву. Понятно, что это будет совсем небольшой глоток воздуха – всего неделя, – и хватит его опять ненадолго...» (Бокова 2006:158–159).

Внутреннее перерождение героя травелога после возвращения зачастую приводит к конфликту с привычным окружением: «Движение, путешествие противопоставлено спокойствию и инертности, что получает свое развитие в дальнейшем в мотивах противопоставления романтического бунтаря обществу: его духовный рост – антитеза той инертности, которая характерна для окружающего общества» (Головченко 2017: 33).

В синтетическом травелоге внутреннее перерождение также возможно. Героев такого рода текстов, как правило, интересуют не только и не столько новые локусы, сколько люди, находящиеся в той или иной географической точке. Социокультурное взаимодействие с другой реальностью, усвоение культурных кодов, открытие новых географических объектов,

особенности восприятия пространства для синтетического травелога не являются ключевыми характеристиками.

Сборник «Контурные карты для взрослых» (2010), составителем которого является Алмат Малатов, безусловно, можно отнести к формам синтетического травелога. Рассказы Эльчина Сафарли, Кити Карлсон, Ники Муратовой, Татьяны Соломатиной, Аглаи Дюрсо, Лидии Торти посвящены описанию чужих нравов и традиций: краски Турции, Африки, Японии, Америки, Италии переплетаются в текстах, рождая яркую, выразительную картину мира. Автор-путешественник, посещая те или иные уголки земли, погружается в чужую реальность и взаимодействует с непривычной ментальностью, что позволяет ему не просто пережить те или иные жизненные перипетии, но и репрезентировать локус, в котором путешественник оказывается.

Героиня рассказа Эльчина Сафарли «Угол ее круглого дома» за год прожила словно три жизни. Три города – Москва, Стамбул и Кемер – помогли ей понять себя, почувствовать абсолютное счастье, пережить глубокую внутреннюю драму и ощутить долгожданную гармонию. Героиня одинока в Москве, но счастлива в Стамбуле: «Стамбул стал нашим городом. В первый же день он пленил наши сердца бархатными закатами, суетливым галдежом чаек, перламутровыми водами Босфора, солидными гудками паромов, яркостью весенних тюльпанов. Расположения Стамбула – шумного мегаполиса почти с пятнадцатимиллионным населением – не надо завоевывать» (Сафарли 2010: 39). Потеряв возлюбленного, героиня уезжает в Кемер для того, чтобы, примирившись с действительностью, научиться жить без дорогого ей человека. Внутренняя метаморфоза происходит с героиней неожиданно: она не планировала менять место жительства, но переезд позволил ей наконец обрести долгожданный покой. Таким образом, путешествие превращается в жизнь и способствует обретению собственного мира: «Иду по тропинке из выжженной травы, огибая кустарники диких роз. Мне жалко срывать миниатюрные бутончики, но иногда я все-таки не выдерживаю и отламываю пару колючих веточек с красно-бордовыми соцветиями на конце. Прячу их за спиной, будто готовлюсь сделать кому-то сюрприз. А потом оставляю розы на камнях побережья. Они будут смыты волной. Той же ночью, когда ветер наведается в Кемер, в мой турецкий город-спаситель у самого сердца Таврских гор» (Сафарли 2010: 63).

Китя Карлсон в своем рассказе «Три части суши» репрезентирует Японию через разнообразие и уникальность местных традиций, таких как традиция дарения подарков: «Не удивляйтесь, дарить продукты питания в Японии – и важная часть социальной традиции, и огромная индустрия. В этом есть своя логика. Я, пожалуй, не знаю ни одного другого народа,

который бы дарил столько подарков друг другу, с такой частотой и такой регулярностью. Когда общественные порядки требуют от каждого дарить буквально тысячи подарков ежегодно, брильянтовые кольца, ясное дело, отпадают» (Карлсон 2010: 79). Герой, живущий несколько лет в Японии, встраивается в токийскую реальность во многом с помощью особенностей традиционной кухни, с которой он активно знакомится: «Концепция японской кухни очень проста. Любая еда должна быть совмещением простой, базовой, дешевой еды, доступной каждому и используемой в качестве основы, и небольшого количества деликатесов» (Карлсон 2010: 89). Именно кухня является предметом исследования путешественника, и, стремясь разобраться в ее тонкостях, герой постепенно начинает постигать и японскую идентичность.

Вообще образы еды в сборнике «Контурные карты для взрослых» становятся некими символами погружения в чужую культуру. Так, героиня новеллы Эльчина Сафарли «Угол ее круглого дома» приводит подробные рецепты приготовления сютлача – турецкого десерта из риса и молока и симита – турецкого бублика с кунжутом. Героиня рассказа Лидии Торти «Итальянской кухне посвящается» признается, что ассимилироваться в Италии, прочувствовать эту страну и погрузиться в итальянскую действительность, понять Италию, полюбить ее помогла именно итальянская кухня: «Сейчас – с высоты, так сказать, опыта – я подсмеиваюсь над этой ситуацией. Теперь-то я понимаю, что еда для итальянцев – святое. Культ, традиция, культура, а традиции надо чтить» (Торти 2010: 272).

В сборнике присутствуют и гендерные мотивы. В рассказе Ники Муратовой «Эсса» показана Африка с ее особенностями, традициями, спецификой гендерного общения, ментальностью, так и не понятая европейской героиней. Жестокое столкновение африканских гендерных традиций с европейскими представлениями о жизни заставляют героиню бежать из Сенегала – этой абсолютно чужой, даже чуждой ей страны, поскольку все попытки приблизиться к Африке, подружившись с юношей Эссой, которому героиня бескорыстно помогает, приводят ее к глубочайшей внутренней драме: «Не думаю, что смогу для себя объяснить все произошедшее понятным мне языком. Не думаю, что смогу понять себя до конца в этой истории. Не уверена, что смогу продолжать верить в возможность того, что когда-либо все народы смогут понять друг друга, что есть еще возможность всех примирить и понять. Всем помочь. Нет, это невозможно. Поэтому есть они и есть мы. Нам предстоит жить и прощать, в том числе самих себя. Предстоит учиться любить, в том числе самих себя. Предстоит пытаться быть счастливыми. А им предстоит всегда жить так, как они считают нужным, оставаясь для нас другой планетой» (Муратова 2010: 175).

Таким же чужим для героини рассказа Аглаи Дюрсо «Небо над Берлином» становится пространство, в котором она не то что не пытается раствориться, но к которому даже и не пытается приблизиться: «Откуда такая мрачность? Это музыка из мультфильма “Розовая пантера”. На ваш запрос в sms: “Уже летишь?” Отвечаю: “Да. Уже в небе над Берлином”. Этот город внизу – как на ладони. Но это ничего не меняет, потому что, даже если я закрою глаза, он отпечатается целиком на веках. Как вспышка. <...> Но и это ничего не меняет, потому что знание не сделает нас ближе. И хорошо. Хорошо, Доктор, быть счастливым счастьем сироты» (Дюрсо 2010: 270).

Все новеллы в сборнике эмоционально связывает эссе Алмата Малатова: «Иногда мне кажется, что городов не существует. Существует только наше отношение к ним. Я успел намотать много километров – поездами, самолетами, автобусами, даже междугородными троллейбусами. И новые города воспринимаются мною как сложноорганизованные живые существа» (Малатов 2010: 3). Автор рассуждает о «магии места», чудесном влиянии локуса, ощущениях и эмоциях, полученных в разных городах, эклектике восприятия этих чужих городов, способных тем не менее стать своими, пусть даже и на короткое время: «В этом сборнике есть место памяти о жестокой завораживающей Африке, о хайвеях Америки, о Японии, которую можно пытаться постичь всю жизнь и так и не суметь, поскольку Япония не принимает чужаков. О турецких сладостях и итальянской пасте.

“Этот мир придуман не нами”... Мы лишь запоминаем и запечатляем его, стены нашей памяти увешаны полароидными снимками городов. Хотите посмотреть?» (Малатов 2010: 7). Таким образом, основным художественным принципом для такого рода текстов становится гармоничное проникновение путешественника в таинственную ментальность аборигенов, поскольку синтетический травелог – это своего рода попытка погружения автора-персонажа в абсолютно иную реальность, которая, возможно, никогда не станет своей, но при этом не останется и абсолютно чужой.

Список литературы

- Балла О. (2013): Нефотографизмы: Преодоление травелога, Примечания к ненаписанному. URL: <http://gertman.livejournal.com/152260.html> (дата обращения: 27.07.2018).
- Бокова Л. (2006): Мое тело – Босфор. Москва: Зебра Е.
- Бондарева А. (2012): Литература скитаний, Октябрь, 7, 165–169.
- Головченко И.Ф. (2017): Литературное путешествие: проблема жанра, Вестник Тверского Государственного Университета. Серия «Филология», 1, 32–38.

- Дюрсо А. (2010): Небо над Берлином, Контурные карты для взрослых, Москва: издательство АСТ: Астрель, 245–270.
- Карлсон К. (2010): Три части суши, Контурные карты для взрослых, Москва: издательство АСТ: Астрель, 79–107.
- Львова О.В. (2016): Рассказ о путешествии: формы литературной рецепции травелога, Филологические науки. Вопросы теории и практики, 9, Часть 3, 38-40.
- Малатов А. (2010) Этот мир придуман не мной, Контурные карты для взрослых, Москва: издательство АСТ: Астрель, 3–7.
- Мамуркина О.В. (2013): Травелог в русской литературной традиции: стратегия текстопорождения, Филологические науки. Вопросы теории и практик, 9, Часть 2, 110–113.
- Монакова Ю.В. (2009): Подвенечное сари. Русские девушки в объятиях Болливуда. Москва: РИПОЛ классик.
- Муратова Н. (2010): Эсса, Контурные карты для взрослых, Москва: издательство АСТ: Астрель, 109–176.
- Сафарли Э. (2010): Угол ее круглого дома, Контурные карты для взрослых, Москва: издательство АСТ: Астрель, 9–63.
- Торти Л. (2010): Итальянской кухне посвящается, Контурные карты для взрослых, Москва: издательство АСТ: Астрель, 271–279.
- Тузова-Щёкина С.М. (2016): Современный травелог в поисках «нового» смысла, Художественная литература как культурный ансамбль, II Международная конференция, посвященная Году Литературы в России. Московский институт телевидения и радиовещания «Останкино», 203–206.
- Черняк В.Д., Черняк М.А.(2015): Травелог – новый старый жанр: случай Дины Рубиной, Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты, 20, 59–62.
- Шпак Г.В. (2016): Травелог: поиск универсальной дефиниции. Четыре стратегии репрезентации пространства, Преподаватель XXI век, 3–2, 261–277.
- Эткинд А. (2001): Толкование путешествий. Россия и Америка в травелогах и интертекстах. Москва: Новое литературное обозрение.

Б. Л. ПАСТЕРНАК И РЕВОЛЮЦИЯ: ИЛЛЮЗИИ И РЕАЛЬНОСТЬ

Кшондзер Мария Карловна
Литературное общество «Арион», Любек, Германия
mkkshondzer@googlemail.com

PASTERNAK AND REVOLUTION: ILLUSIONS AND REALITY

Kshondzer Maria
Literature society "Arion", Germany, Lubek

АННОТАЦИЯ

Художественное и публицистическое наследие Б.Л. Пастернака вызывает неоднозначные, порой взаимоисключающие оценки. Это связано с амбивалентностью всей мировоззренческой системы художника, его отношения к общественно-политическим, историческим и социальным катаклизмам эпохи. Отношение к революции в ее идеальном варианте как к неизбежности, призванной освободить людей от привычного хода событий и осуществить их мечту о «мужественной и чистой жизни», оставалось неизменным у Пастернака до конца дней, однако реальные последствия революционных событий, (хаос, анархия, развал государственного аппарата), вызвали у поэта противоположные чувства, не совместимые с его представлениями о всеобщей гармонии. .

ABSTRACT

Pasternak's literary and publicistic heritage has been receiving mixed, ambiguous reviews. It has something to do with the ambivalence of his world view and his attitude towards historical, social and political cataclysm of his time. Pasternak viewed the revolution in its ideal version as an inevitable event designed to free people from their everyday routine and fulfill their dream of "brave and pure life", and this view remained unchanged up to the end of his life. However, the real consequences of revolutionary events (such as chaos, anarchy, collapse of the government machine) provoked in him opposite feelings which were incompatible with the idea of universal harmony.

Ключевые слова: революция, гармония, амбивалентность, неизбежность, катаклизм, история

Key words: revolution, harmony, ambivalence, inevitability, cataclysm, history.

Характерные черты творчества Пастернака – отсутствие однозначных оценок событий, личностей, философский подход к таким явлениям и категориям, как революция, гражданская война, власть, художник, интеллигент. Любые философские понятия у Пастернака, будь то революция, история или человек, трактуются как социально-нравственные явления, нуждающиеся во всестороннем рассмотрении. Пастернаковедение в настоящее время превратилось в отдельную науку, существует множество работ, посвященных тем или иным аспектам творчества поэта, в частности, его отношению к революции, однако сегодня, когда стали доступными не публиковавшиеся ранее документы, возникает потребность вновь

обратиться к известным текстам и взглянуть на них без предвзятости и идеологических перехлестов в ту или иную сторону.

Отношение к революции на разных этапах творчества Пастернака не оставалось неизменным, более того, его оценки были часто противоречивыми и взаимоисключающими. Лирическая книга «Сестра моя жизнь», написанная в «промежутке между двумя революционными сроками», (Пастернак 2003:3:532) стала эстетическим и жизненным кредо Пастернака, выявила основные особенности его художественной системы (книга датирована летом 1917 года, однако была издана в 1922 году, поэтому события Октября 1917 года могли быть в ней косвенно отражены). Подобно многим поэтам и писателям того времени, поэт воспринял революцию восторженно, как вихрь, как очистительную стихию. В автобиографической заметке 1956 года, оценивая события того времени и их отражение в «Сестре моей жизни», Пастернак так характеризует атмосферу всеобщего подъема: «В это знаменитое лето 1917 года ...вместе с людьми митинговали и ораторствовали дороги, деревья и звезды. Воздух из конца в конец был охвачен горячим тысячеверстным вдохновением и казался личностью с именем, казался ясновидящим и одушевленным.» (Пастернак 2003:3:532) Хотя прямых упоминаний о революции в книге нет, она вся наполнена духом свободы и перемен, «лихорадочной деятельностью одушевленной природы», подчинившей себе и человеческую жизнь, и личность поэта, что близко определению революции как природной стихии, которое Живаго дает Ларе в главе «Назревшие неизбежности» (Bames1979:319-320). Состояние восторга, которое испытывал поэт в это время, объясняется как личными обстоятельствами (Пастернак был влюблен в Елену Виноград и ей посвятил «Сестру мою жизнь»), так и убежденностью в том, что только серьезные катаклизмы могут обнаружить в человечестве «под бытовой поверхностью обманчивого покоя, полного сделок с совестью и подчинения неправде, большие запасы высоких нравственных требований». (Пастернак 2003:3:533)

Отношение к революции в ее идеальном варианте как к неизбежности, призванной освободить людей от привычного хода событий и осуществить их мечту о «мужественной и чистой жизни», оставалось неизменным у Пастернака до конца дней, не случайно в «Докторе Живаго» он устами Живаго говорит о революции как о «великолепной хирургии». Однако реальные последствия революционных событий, которые стали очевидны уже в августе 1917 года, когда Пастернак ехал по Камышинской жеезной дороге к своей возлюбленной Елене Виноград (хаос, анархия, развал государственного аппарата), вызвали у поэта противоположные чувства, не совместимые с его представлениями о всеобщей гармонии. В стихотворении с символическим названием «Распад» дух «солдатских бунтов и зарниц»

описывается уже не с восторгом, а со смятением и ужасом перед разбуженной стихией революционного пожара, который приносит только распад и разрушение:

Куда часы нам затесать?
Как скоротать тебя, Распад?
Поволжьем мира, чудеса
Взялись, бушуют и не спят.

И где привык сдаваться глаз
На милость засухи степной,
Она, туманная, взвилась
Революционную копной...

И воздух степи всполошен:

Он чует, он впивает дух
Солдатских бунтов и зарниц.
Он замер, обращаясь в слух.
Ложится – слышит: обернись!

Там- гул. Ни лечь, ни прикорнуть,
По площадям летает трут...(Пастернак 2003:1:139)

Как видим, на фоне эйфории, пронизывающей лирическую книгу, уже в «Сестре моей жизни» появляются мотивы прямо противоположные, т.к. честность художника, этическим кредо которого было стремление всегда говорить правду, не позволяла ему скрывать свое постепенное отторжение происходящего. Еще в одном стихотворении из «Сестры моей жизни» «До всего этого была зима», написанном до Октября, но опубликованном в 1922 году, явно звучат мотивы ужасной октябрьской «стужи» и «жути», явно вызывающие у читателей ассоциации с революционными событиями:

Что ни просьба, что ни стон,
То кряхтя,
Заступаются шестом
За октябрь...

Снег все гуще, и с колен –
В магазин
С восклицаньем: «Сколько лет,
Сколько зим!» (Пастернак 2003:1:122)

Последние две строки перекликаются с автографом из Верлена: «Возможно ли, -было ли это?», а также со знаменитыми строчками «Какое милые, у нас тысячелетье на дворе?», вызвавшими столько нареканий относительно аполитичности Пастернака и его индифферентности к реальным событиям. Стихотворение «До всего этого была зима» – одно из ранних свидетельств глубокого понимания Пастернаком реальности, амбивалентности его отношения к революции и ее последствиям. Противоречивость его взглядов и суждений о революционных катаклизмах 20 века может объясняться диалектическим пониманием взаимосвязи и в то же время противостояния сиюминутных событий и вечных, непреходящих ценностей. Ожидание «неслыханных перемен», грандиозных изменений и в то же время ощущение наступающей гармонии и «звонкого» покоя на фоне неизменной и вечной природы звучат и в стихотворном цикле «Осень» из «Тем и вариаций»:

И стынула кровь. Но, казалось, не стынут
Пруды, и – казалось, с последних погод
Не движутся дни, и, казалось – вынут
Из мира прозрачный, как звук, небосвод...

И день сгорал, давно остановив
Часы и кровь, в мучительно великом
Просторе, долго, без конца горев
На остриях скворешниц и дерев... (Пастернак 2003:1:207-208)

Однозначно прямолинейных высказываний о революции у Пастернака очень мало. Пожалуй, в качестве примера можно привести стихотворение «Русская революция», в котором мирная и бескровная Февральская революция противопоставляется страшным событиям Октябрьского бунта, в результате которого в кровавом «полыханьи топки» оказались «людская кровь, мозги и пьяный флотский блев» По справедливому мнению, К. Поливанова, «основываясь на стихотворении «Русская революция», казалось бы, можно было вывести однозначные «плюс» и «минус» в отношении соответственно Февраля и Октября, однако внимательное рассмотрение других источников вынудит нас отказаться от столь прямолинейных выводов». (Поливанов 2006:75)

Лазарь Флейшман также считает, что «включение в понятие русской революции не только „марта“, но и „октября“ повлекло за собой отказ от первоначально демонического изображения руководителя большевистского переворота. Пересматривая свою оценку Ленина, Пастернак, однако, оставался верным исконной идеализации революционной стихии и коренным этическим ценностям, обусловившим тот энтузиазм, с которым он эту стихию встретил весной 1917 года.» (Флейшман 1992: 126-127)

Еще один важный аспект в восприятии Пастернаком революции в целом, будь это революция 1905 года, Февральская или Октябрьская, – это восприятие революционных событий с точки зрения художника, для которого главным является свобода творчества. Во вступлении к поэме «905 год» поэт дает емкое и, как всегда, неоднозначное определение революции, говорит о ее стихийности и катастрофичности, о ее внезапности, с «неземной новизной» взрывающей «прозу с ее безобразьем», о ее величии и творческой неудовлетворенности, подобной деятельности поэта:

Как собой недовольный художник,
Отстраняешься ты от торжеств.

Как поэт, отпылав и отдумав,
Ты рассеянья ищешь в ходьбе.
Ты бежишь не одних толстосумов:
Все ничтожное мерзко тебе. (Пастернак 2003:1:263)

Обращение к исторической тематике и к осмыслению революционных событий для Пастернака как для художника было необходимо не только в плане «осознания своей миссии в истории и современности», но и в «непосредственном воздействии на современников и своим творчеством, и своей общественной позицией, какой бы противоречивой она ни казалась при поверхностном сопоставлении слов и поступков поэта в разные годы». (Поливанов 2006:80)

Письма Пастернака 20-х годов свидетельствуют о его попытках понять происходящее в контексте исторических событий и в то же время отчетливо показывают его глубокое расхождение с их реальным воплощением в действительности: «Передо мной опять современность. Я понимаю свое ничтожество перед лицом ее реальных и бесспорных исторических основ. Но с бытовым их завершением у меня одно расхождение, и время не изменило его. Это – разность мирозерцаний. Этого нельзя уступить, не обессмыслив жизни.» (Пастернак 2005:8:26) Письмо адресовано сестре Жозефине и датировано 1927 годом. В этом же году Пастернак пишет стихотворение «К октябрьской годовщине», которое он, по его же словам, не собирался писать, и тема которого была бы сильнее «в большой прозе», в которой «Октябрь был бы ...еще больше, чем в данных стихах, приравнен к горизонту и отождествлен с природой, с сырою тайной времени и его смен, во всем их горьком, неприкрашенном разнообразии».(Пастернак 2005:8:72) Очевидно, что, говоря о большой прозе, автор уже имеет в виду задуманный им роман, в котором он в полной мере выскажет свое отношение к революционным событиям века. Однако уже в данном стихотворении

можно увидеть многомерность пастернаковского взгляда на события Февраля и Октября 1917 года, его умение в сиюминутном увидеть проявления вечности, в трагедийном-начало возрождения.

В 30-е годы в творчестве поэта наступает новый период, связанный с его влюбленностью и женитьбой на З.Н. Нейгауз, а также с тем, что это было время, когда Пастернак испытывал некую эйфорию, пытаясь найти общий язык с властью и жить «заодно с правопорядком». Особенно это отразилось в книге «Второе рождение» и в открывающем ее цикле «Волны», написанном в результате поездки в Грузию. Этот момент очень важен для понимания пастернаковской позиции того времени: Грузия для Пастернака явилась как бы той воплощенной мечтой о гармонии и цельности, которую он искал на своей родине и в которой пытался преодолеть амбивалентность своего отношения к реальности. Воспринимая Грузию как страну, не испытавшую перерыва в своем развитии, соединившую в себе абстракцию и вещественность (что было недостижимым идеалом Пастернака), он создает в цикле «Волны» вторую реальность, которая может быть понята только в контексте общемировоззренческих, социально- политических и философских воззрений поэта. Грузия была для него не просто темой творчества, а одной из ипостасей души, в ней он видел цельность и гармонию.

Духовная связь с Грузией, став частью поэтического «я» автора, влияет на его мировоззрение и в такой опосредованной форме воплощается не только в стихах, непосредственно посвященных Грузии, но и в общефилософских установках поэта. Грузия существует в мировоззренческом пространстве Пастернака в одном ряду с такими важнейшими понятиями, как «Скрябин», «Венеция», «отцовская деятельность», «русская ночь в деревне» и, наконец, «революция». Поэт стремится обрести единство с миром, понять смысл происходящего - и тогда могла бы осуществиться его мечта о слиянии поэзии с жизнью, о всеобщей гармонии, в которую он включает и такие понятия, как «социализм» и «революция». Безусловно, это был период последних иллюзий, когда Пастернак верил в возможность сотрудничества с властью: «Поэт, оказавшийся рядом с мечтой о социализме, готов верить ее — но только ее — поправке: исправлению «даль» на «близь». То есть, проще говоря, готов поверить в ее приближение, в ее реальность, если она действительно будет приближаться» (Горелик 2013:57)

Творчество Пастернака нужно рассматривать не только как эволюцию, а скорее, как «цикличность поэтической биографии» (Флейшман 1977:5), т.е. при анализе его отношения к революции нельзя выстроить определенную схему «принятие- неприятие», «восторг- разочарование и отторжение». Мы не ставим своей целью в данной работе дать однозначные ответы на вопрос об отношении Пастернака к революционным событиям 20 века. Как уже

отмечалось, противоречивые и даже взаимоисключающие высказывания поэта свидетельствуют не об отсутствии у него определенной позиции, а скорее, подтверждают его отрицательное отношение к каким-либо догматическим концепциям, вступающим в противоречие с живой жизнью, которая всегда была для него единственным и главным критерием. В этом контексте чрезвычайно показательным высказыванием Пастернака об основной идее его главного произведения – романа «Доктор Живаго», в какой-то мере раскрывающее его замысел и философскую направленность: «Это мое суждение о нашей протекшей жизни, о судьбе нашего поколения, о странной попытке бесчеловечным образом построить человеческое счастье, основу личности заменяя хвастливой и слепой механичностью». (Пастернак 2005:10: 157) Не случайно, главный герой романа Юрий Живаго – alter ego автора – утверждает: приоритет живой жизни над любыми надуманными теориями: «Переделка жизни!.. Она сама, если хотите знать, непрерывно себя обновляющее, вечно себя перерабатывающее начало, она сама вечно себя переделывает и претворяет, она сама куда выше наших с вами тупоумных теорий». (Пастернак 2004:4:236)

Революция, так же, как и история в целом, для Пастернака была сродни природным явлениям, которые нельзя ни отменить, ни изменить, а нужно только воспринимать как данность. Величие революции, по Пастернаку, в ее «неуместности» и «несвоевременности», в «повседневности», становящейся «вечностью», поэтому можно простить ее издержки, связанные с сиюминутными трудностями. Одновременно важнейшим критерием любого явления для художника являлось нравственное начало, в том числе и в революции, в которой он дорожил в первую очередь ее «нравственным смыслом» (Пастернак 2004:5:224) и сравнивал с влиянием Толстого. В очерке 1943 года «Поездка в армию», написанном в результате поездки в составе писательской бригады на фронт, поэт снова обращается к теме революции на фоне размышлений о причинах и логике победы, и вновь нравственная составляющая революции становится приоритетной в контексте мыслей Пастернака о природе гениальности и национальной самобытности: «Начало гениальности, подготовлявшее нашу революцию как явление нравственно-национальное,...было поровну разлито кругом и проникало собой атмосферу исторического кануна. Этот дух особенно сказался во Льве Толстом, русскими средствами выразившем природу гения и его предвзятость...

Гений есть кровно осязаемое право мерить все на свете по-своему, чувство короткости со вселенной, счастье семейной близости с историей и доступности всего живого. Гений первичен и ненавязчив. Те же черты новизны и оригинальности сложили нашу революцию». (Пастернак 2004:5:264)

Формирование взглядов Пастернака на революционные катаклизмы сложилось в какой-то степени под влиянием мировоззренческой системы Когена и его теории «эстетического социализма», в свою очередь непосредственно связанной с философией Канта. (Дмитриева 2013:59-81) Однако жестокая практика революции оказалась страшно далека от ее романтической теории, и это стало катастрофой для главного героя романа «Доктор Живаго» Юрия Живаго, который одновременно является и выразителем сокровенных мыслей автора, и в то же время отделен от него. Если Пастернак пытался найти общий язык с властью и жить «заодно с правопорядком», то для Живаго это неприемлемо, для него личная свобода и свобода творчества превыше всего. Возможно, в образе Живаго Пастернак изобразил тот идеал свободного художника, к которому стремился сам и которого не сумел достичь в силу жизненных обстоятельств. Безвольность Живаго становится его достоинством, его нежеланием принимать ужасные изменения, которые привнесла революция и последовавшие за ней перемены. Если в начале романа Живаго восторгается революцией, называя ее «великолепной хирургией», разом вскрывшей все старые язвы общества, то, пройдя через плен и все ужасы послереволюционного периода, он начинает постигать ее реальную кровавую сущность: «Таким новым была революция, не по-университетски идеализированная под девятьсот пятый год, а эта, нынешняя, из войны родившаяся, кровавая, ни с чем не считающаяся солдатская революция, направляемая знатоками этой стихии, большевиками». (Пастернак 2004:4:160) Живаго претерпевает эволюцию в своих взглядах на ход истории, его высказывания о революции в конце романа становятся более резкими и негативными, что отмечает и Лара: «Раньше вы судили о революции не так резко, без раздражения.

- В том-то и дело, Лариса Федоровна, что всему есть мера. За это время пора было прийти к чему-нибудь. А выяснилось, что для вдохновителей революции суматоха перемен и перестановок единственная родная стихия, что их хлебом не корми, а подай им что-нибудь в масштабе земного шара». (Пастернак 2004:4:296) Очевидно, что Пастернак вкладывает в уста героя свои мысли о последствиях революции, которые он, в отличие от своего героя, умершего в 1929 году, мог наблюдать с полувековой исторической дистанции: «Революции производят люди действенные, односторонние фанатики, гении самоограничения. Они в несколько часов или дней опрокидывают старый порядок... а потом десятилетиями, веками поклоняются духу ограниченности, приведшей к ревероту, как святыне.» (Пастернак 2004:4:452)

Пастернак не приемлет фанатизма, неоправданной жестокости и непредсказуемых последствий, присущих любой революции, ставит интеллигента в лице Живаго над схваткой и признает его позицию невмешательства и отстранения единственно правильной в ситуации той неизбежности исторических событий, в водоворот которых он оказался вовлечен не по

своей воле. Не случайно Пастернак делает Живаго врачом, а не поэтом: с одной стороны, это отмежевание подчеркивает дистанцию между автором и героем, а, с другой стороны, будучи дилетантом в поэзии, Живаго мог позволить себе ту свободу самовыражения, которой профессиональный поэт (имеется в виду профессиональная литературная деятельность, налагающая на художника определенные обязательства) лишен в силу необходимости подчиняться жестким установкам и канонам. Профессиональная идентичность в обстановке резких социальных катаклизмов становится «символом несвободы» (Сергеева-Клятиц 2015:310-312), мешающим художнику открыто и бескомпромиссно выражать свои мысли и чувства: «Освобожденный от комплексов рождения, происхождения, безответной любви и «позорной» биографии поэта, Юрий Живаго мог писать стихи без расчета на современного читателя, как свидетель и прямой участник Евангельских событий, стихи, которые сам Пастернак не мог позволить себе написать от своего имени, отягченного происхождением и писательской биографией.» (Пастернак Елена 1993:106) В то же время художественный талант Живаго, которому Пастернак не случайно передает авторство своих стихов, не вызывает сомнений относительно его литературного дарования.

Мы не ставим своей целью давать всесторонний анализ романа, тем более, что его философская направленность, христианская составляющая и сюжетное своеобразие достаточно широко освещены в критике и литературоведении. Нашей целью была попытка взглянуть на некоторые аспекты творчества Пастернака с точки зрения его оценки революционных событий 20 века. Ни в коей мере не пытаюсь оправдать или опровергнуть мировоззренческую и творческую позицию художника, мы попытались показать всеохватность и глубину его оценок, их кажущуюся противоречивость и несовместимость, а, с другой стороны, взаимообусловленность.

Противоречия в оценке Пастернаком революционных событий 20 века связаны как с противоречивостью эпохи, так и с особенностями мировоззрения самого художника, в основе которого лежат христианские мотивы жертвенности и «благоговения перед жизнью». В творчестве Пастернака уживаются два противоположных начала: интерес к любому проявлению жизни (быт, природа, человеческие отношения) и в то же время высокое духовное начало, определяющее жизненное и эстетическое кредо автора. Эта двойственность отразилась и в оценке революции и ее последствий. Оценивая революцию с точки зрения художника, для которого основным критерием является свобода творчества, поздний Пастернак, уже не стремящийся к сближению с властью, устами доктора Живаго говорит о ее величии, о «чуде истории», об «откровении, ахнутом в самую гущу обыденщины». С другой

стороны, именно отсутствие свободы творчества, к которой всегда стремился художник, стало причиной его трагического разрыва с эпохой и нашло отражение в позиции Живаго.

Однозначного ответа на вопрос об отношении Пастернака к революции в целом (не разделяя ее на Февраль и Октябрь) быть не может, ибо амбивалентность в оценке исторических событий является частью общего мировоззрения Пастернака, и это отнюдь не свидетельствует об отсутствии у него определенной позиции, а наоборот, подтверждает утверждение самого поэта о том, что он должен быть «равен самому себе». Даже пытаясь найти общий язык с властью, Пастернак был «равен самому себе» и «ни единой долькой» не отступался «от лица» (при этом необходимо осознавать, что поэту была присуща высокая степень самоцензуры, которая позволяла ему оставаться самим собой даже в самых тяжелых ситуациях и не опускать ту нравственную планку, которую он сам себе ставил). Обращаясь к зарубежным читателям в 1957 году, поэт дает характеристику революции, определяя ее как величайшее событие века, определившее дальнейший ход истории. Его слова сегодня звучат более чем актуально и прозорливо (хотя несколько идеалистически), напоминая нам о повторяемости истории и о необходимости извлекать из нее уроки: «Наша революция, как бы ни были велики различия, задала тон и вам, наполнила смыслом и содержанием текущее столетие... Это детище века принято в родильном доме, называемом Россия... Если же суждено грянуть несчастью, вспомните, какие события воспитали нас и какую для нас были суровою закаляющею школой. Нет людей отчаяннее нас и более готовых к несбыточному и баснословному, и любой военный вызов превратит нас в поголовно в героев, как в предшествующее недавнее испытание.» (Пастернак 1965:1:9)

Список литературы

Пастернак Б.Л.(2003-2005): Полное собрание сочинений. В 11 т., Москва:Слово.

Пастернак Б.Л. (1965): Друзьям на Востоке и на Западе. Новогоднее пожелание, Литературная Россия,1, 9.

Пастернак Е.В.(1993) Значение автобиографического момента в романе «Доктор Живаго»,Beiträge zum Internationalen Pasternak- Kongress1991 in Marburg.München.,106

Горелик Л.Л (2013):«Волны» Бориса Пастернака: тема жизни, «В тысячу обхватов». Сборник материалов, посвященных памяти Е.Б. Пастернака и его 90-летию/Составители: Сергеева-Клятис Анна, Лекманов Олег. Санкт-Петербург,:РХГА, 57

Дмитриева Н. А.(2013):Неокантианские мотивы в мировоззрении Бориса Пастернака, «В тысячу обхватов». Сборник материалов, посвященных памяти Е.Б. Пастернака и его 90-летию/Составители: Сергеева-Клятис Анна, Лекманов Олег. Санкт-Петербург, РХГА, 59-81.

Поливанов К.М.(2006): Политический аспект биографии Бориса Пастернака. 1920-1930-е годы (на материале новейших документов), . Пастернак и современники. Биография.Диалоги.Параллели.Прочтения. Москва:Издательский дом ГУ ВШЭ, 75.

Сергеева-Клятис А.Ю. (2015): Пастернак. Москва: Молодая гвардия, 310-312.

Флейшман Л. С.(1977): Статьи о Пастернаке.Bremen:K-Pressе Verlag/ In Verbindung mit dem Center for The Study of Slavic Languages and Literatures(The Hebrew University of Jerusalem) herausgegeben von Frank Boldt und Inge Paulman,.5

Флейшман Л.С.(1992):Пастернак и Ленин,Literature,Culture an Society in the Modern Age. In Honor of Josephh Frank.Part 2.Stanford,1992.126-127

References

Barnes, Ch.(1979): Борис Пастернак и революция 1917 года , Boris

Pasternak. 1890–1960.Paris: Colloque de Cerisy-la-Salle, 319-320

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ АНТРОПОНИМЫ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ В ПОЛЬСКИХ ПЕРЕВОДАХ

Малыса Оксана
Силезский университет в Катовице, Польша
omalysa@us.edu.pl

APPELLATIVE ANTRONYMS OF RUSSIAN CULTURE IN POLISH TRANSLATION

Oksana Malysa
University of Silesia in Katowice, Poland

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются вопросы, связанные с прецедентными наименованиями лиц. Они соотносятся прежде всего со стереотипными именами, известными литературными произведениями, популярными мотивами интернет-действительности. Входя в культурный фонд разных социумов, они являются его важным элементом. Предметом анализа стали национальные прецедентные антропонимы, встречаемые в книгах современных российских авторов, а также их соответствия в польских переводах.

ABSTRACT

The article presents issues connected with people's names which are appellatives. They make reference to stereotypical names, well-known literary works, popular motives from the Internet reality etc. Through entering the scope of various communication communities, they constitute important elements of culture. This type of antroponyms, used in the works of contemporary Russian writers and their translation into Polish, is a subject of the analysis presented in this article.

Ключевые слова: антропоним; прецедентное имя; художественный текст; русско-польский перевод.

Keywords: antroponym; appellative proper names; artistic text; Russian-Polish translation.

Имя собственное привлекает внимание исследователей во многом благодаря некоторой парадоксальности своего функционирования: «с одной стороны, оно выполняет функцию называния отдельного лица, имеет назывное единичное значение, а с другой стороны, оно может приобретать обобщенный смысл, отличающийся глубиной, многомерностью, наложением пластов знаний и ощущений, в результате чего имена собственные становятся полноправными участниками процесса имятворчества» (Алексеева 2014: 78–79). Расширение референционного значения собственных имен, в том числе наименований лиц, способствует

их стереотипизации и благодаря этому вхождению в языковой узус (Брагина 2007: 368). Такие имена, вслед за Юрием Карауловым называемые прецедентными (Караулов 1987), становятся символами разного рода характеристик и способов поведения, судеб и событий.

Наряду с универсальными антропонимами, воспроизводимыми в различных лингвокультурных социумах, в каждой культуре встречаются национальные прецедентные обозначения лиц, составляющие ее своеобразие. Причем иначе способны актуализироваться имена как в разных культурах, так и в пределах одного культурного пространства. К примеру, имя Наполеона у поляков символизирует романтические идеи и свободу, у русских же вызывает не только образ победителя, но также горделивого человека и самовластного неприятеля. В свою очередь, имя Сталина по-другому воспринималось в середине прошлого века, чем сейчас, а в настоящее время его восприятие различно на постсоветском пространстве у представителей разных поколений и людей, придерживающихся иных политических взглядов (Нахимова 2007).

В художественной литературе использование антропонимов вообще и прецедентных имен в частности играет «заметную роль в воплощении авторского замысла, в создании избранной писателем системы образных средств, в формировании идиостиля и т.п.» (Васильев 2015: 112). Являясь самобытными элементами с определенными коннотациями и ассоциативными связями, многие прецедентные онимы представляют собой особую сложность для переводческой практики. Какие решения предлагают переводчики в этой области рассмотрим на примере передачи на польский язык монокультурных антропонимов, которые встречаются на страницах книг современных российских писателей – Виктора Пелевина, Бориса Акунина, Виктора Ерофеева и др. Несмотря на стилистическую и жанровую дифференциацию их творчества, тексты этих авторов вписываются в общую парадигму, отличающуюся интертекстуальными соотношениями как особым приемом, свойственным литературе нашего времени. Как подчеркивает Магдалена Граф (Graf 2015: 255), онимы ведут в ней специфический диалог с другими названиями, а их интердискурсивный характер предопределяет либо открытие дополнительных значений текста, либо прекращений этих поисков. Это обусловлено тем, что интер- и интратекстуальность имен в этой прозе часто является сигналом языковой игры.

Особое место в исследуемых текстах принадлежит прецедентным именам реальных лиц (исторических деятелей, писателей, поэтов, художников, политиков, спортсменов, топ-моделей и др.), вымышленных героев (литературные и фольклорные персонажи), а также экземпликативным номинациям. Остановимся несколько подробнее на некоторых из них.

Безусловно, проблема их передачи на другие языки появляется не только в текстах постмодернистского плана. Так, на популярные в России собственные имена Вера, Надежда, Любовь обращается внимание в аспекте перевода стихотворения Булата Окуджавы «Опустите, пожалуйста, синие шторы...» на многие иностранные языки, в том числе на польский (Чайковский Р.Р., Вороневская Н.В., Лысенкова Е.Л., Харитоновна Е.В. 2016: 186–195). В связи с тем, что эти имена омофоничны нарицательным обозначениям трех христианских добродетелей, формула которых является семиотически значимой, в тексте оригинала создается глубокий художественный образ-символ, благодаря которому произведение обогащается в аксиологическом, эмоциональном и стилистическом планах. Напомним только небольшой фрагмент:

*Вот стоят у постели моей кредиторы
Молчаливые: Вера, Надежда, Любовь.*

В польских переводах как Ежи Чеха, так и Михала Ягелло очередность имен не сохраняется:

*Wiara, Miłość, Nadzieja – poznaję, to one,
Moje trzy wierzytelki odwiedzić mnie chcę (перевод Ежи Чеха).
Oto trzech wierzytelce zjawili się przy mnie.
Wiara, Miłość, Nadzieja – po swój przyszły dług (перевод Михала Ягелло).*

Однако в религиозном сознании поляков триединство имен выступает в такой же последовательности, как в русском языке: *wiara, nadzieja, miłość*. Так озаглавлено и одно из стихотворений польского лауреата Нобелевской премии Чеслава Милоша – *Wiara, Nadzieja, Miłość*. Эти слова написаны с прописной буквы, хотя в польской культуре в определенной степени прижилось только личное имя *Nadzieja*. Прием же персонификации углубляет здесь философское звучание размышлений поэта на тему основных ценностей, которые могут составлять кредо каждого человека. В свою очередь, дополнительные смыслы, присущие словесной триаде, которую воссоздает Окуджава, в переводе на польский язык не передаются.

Нарушение устойчивого характера формулировки приводит и к утрате переключки со структурой текста, поскольку последующие четверостишия соотносятся с перечислением имен так, как в оригинале. Кроме того, Ежи Чех еще заменяет одно из них, *Любовь*, сочетанием *ta trzecia*, что полностью искореняет живую внутреннюю форму исходного слова: *A gdy usta przycisnę do dłoni tej trzeciej* (ср. *Протяну я Любви ладони пустые*).

Символичность имен прослеживается также в антропонимах-экземпликативах, к которым относятся стереотипные номинации, указывающие, к примеру, на национальный признак. В русском языке к ним принадлежат мужское имя *Иван* и его диминутив *Ванька* (ср. идиоматическое выражение *русский Ванька*), имя и отчество *Иван Иванович / Иваныч*, а также фамилия *Иванов*, в том числе в ряду *Иванов, Петров, Сидоров* как обозначение условных, произвольных либо рядовых, ничем не выделяющихся среднестатистических жителей России.

Обращение к имени *Ванька* в характеризующей функции встречается в романе Бориса Акунина «Декоратор». Оно непосредственно соотносится с главной сюжетной линией детектива – преступник действует в Москве подобно серийному лондонскому убийце Джеку Потрошителю:

Если даже предположить, что у нас объявился свой собственный, доморощенный Ванька Потрошитель, так и от этого не легче (Акунин 1999).

Отметим, что суффикс субъективной оценки *-к-* в личных именах взрослых людей часто маркирует их низкий социальный статус – до революции, к примеру, *ванькой* звали дешевого извозчика на лошади с плохой упряжью (Верещагин, Костомаров 2014: 102). Польский перевод включает номинацию *Wania* – транскрипцию другого производного имени от *Иван* – *Ваня*. Эта форма считается самой распространенной, особенно в прошлом, но звучит в русском языке более мягко по сравнению с имеющим фамильярный оттенок словом *Ванька*, которое может выражать также раздражение и недовольство по отношению к называемому таким образом лицу. Польский перевод сглаживает эти эмоциональные нюансы, из-за чего описание становится более нейтральным:

Nawet jeżeli przyjmujemy, że pojawił się u nas własny, domorosły Wania Rozpruwacz, nie poprawia to sytuacji (Акунин 2003).

Кроме того, в переводе исчезает яркое противопоставление английского и русского имен, поскольку в соответствии с ранее существовавшей в польской культуре традиции подбора этимологического эквивалента прозвище *Jack the Ripper* содержит уменьшительную форму имени *Jakub – Kuba*, что приводит к утрате экстралингвистической информации, заключенной в английском антропониме.

Удачная попытка сохранения такой информации наблюдается при переводе одинакового отчества, *Иванович*, двух персонажей из романа Виктора Ерофеева «Русская красавица». Прецедентный характер этого патронима указывает здесь на обезличенных представителей советского государственного аппарата и служит пародированию их

иллюзорных неформально-услужливых отношений с небанальной главной героиней, от лица которой ведется повествование, часто в язвительно-иронической тональности:

А Ивановичи, со своей стороны, мне услужливо газеты показывают, а в газетах снимочки усеченные, у итальянцев даже полоски, будто они меня этими полосками приделали, стесняясь, и говорят Ивановичи: вы посмотрите, Ирина Владимировна, как использована ваца красота! Не по назначению! (Ерофеев 2014).

Еще большую саркастическую окраску отчество приобретает в сочетании с краткими формами имен, ср.:

Однако вместо этого меня посещают Сережа и Коля Ивановичи [...] (Ерофеев 2014).

Сохранение самого отчества в польском переводе или, как в вышеприведенном примере, в сочетании с двумя именами не только не раскрыло бы нюансов его употребления, но привело бы к недоразумениям, проецируя соотнесение с фамилией. Именно поэтому переводчик заменяет его существительным *rodak* со значением ‘человек той же самой национальности, земляк, соотечественник’, позволяющим передать символический смысл первоисточника. Знаменательно, что оно пишется с прописной буквы – это может быть указанием на фамилию либо прозвище:

Jednakże nic z tego, nazajutrz odwiedzają mnie Rodacy, Sierioża i Kola [...] (Jerofiejw 2004: 142).

Наряду с уже перечисленными прецедентными наименованиями на страницах книг появляются и новые актуализации антропонимических экземплятивов. К ним, в частности, принадлежит имя виртуального фольклорного героя Рунета *Василий / Вася Пупкин*, ставшее обозначением абстрактного, анонимного пользователя Сети, а также олицетворением массового российского интернет-пользователя. Данная номинация переигрывается, к примеру, в одном из фрагментов романа Виктора Пелевина «t», в котором приводится текст граффити –

Бог умер. Ницше.

Ницше умер. Бог.

Оба вы педарасы. Vassya Pupkin (Пелевин 2009: 212) –

с дальнейшим комментарием героя:

Пробегая взглядом по этим строкам, Т. представлял себе [...] белобрысого Васю – надменного наследника мудрости веков, пугающего и одновременно прекрасного в своем равнодушном максимализме (Пелевин 2009: 212).

В первом отрывке имя написано буквами латинского алфавита, что воспринимается в русском тексте как очевидный сигнал чуждости. В польском языке написание сохраняется, однако его восприятие другое, чем у первичных адресатов, что обусловлено алфавитом на латинской основе:

*Bóg umarł. Nietzsche.
Nietzsche umarł. Bóg.
Obaj jesteście pedały. Vassya Pupkin (Pielewin 2012: 228).*

В переводе утрачивается языковая игра, основанная в романе Пелевина на приеме контраста. С одной стороны, происходит столкновение русского экземпликатива в иноязычном оформлении с фамилией немецкого философа Ницше, написанного кириллицей, что, как известно, общепринято в русском языке. С другой, довольно вычурное, стилизованное на английский манер имя *Vassya* выделяется на фоне слова *Pupkin* – простой в транслитерации комической русской фамилии. Не случайно раньше фамилия *Пупкин* употреблялась в сниженном стиле речи в значении ‘случайно взятый обыватель’, а в военном жаргоне называет абстрактного матроса с коннотациями гадкой и трусливой личности (Каланов 2011). Учитывая, что польским читателям имя Васи Пупкина, которое в оригинале в следующем абзаце появляется уже в привычной записи, абсолютно неизвестно, его передача как *Wasia Pupkin* ничего не оставляет из онимической игры (Lubocha-Kruglik, Małysa 2018: 138).

Противопоставляются имена и в другой части пелевинского романа, в котором один из героев, Ариэль Брахман, говорит об истоках своего мировоззрения:

*В школе нас заставляли зубрить бесконечные стихи про Ленина, это брат царевубийцы Ульянова, про которого вы, наверно, слышали. Тоска жуткая. А старшие мальчики в это самое время обучали меня всяким пошлым и неприличным песенкам. И вот однажды я услышал такое четверостишие: «В каюте класса первого Садко почетный гость, гандоны рвет о голову и вешает на гвоздь...»
– Садко? – переспросил Т. – Это, если не ошибаюсь, былинный герой? Ариэль кивнул.
– Почему-то меня это потрясло, – продолжал он. – [...] Я, разумеется, ничего не знал тогда о постмодерне, но все равно ощутил ветер свободы, веющий от этих строк. Они отменяли все стихи о Ленине и Родине [...] (Пелевин 2009: 61).*

Прецедентные онимы *Ленин* и *Ульянов*, последний хотя менее известный, но в данном контексте выясненный, не требуют уточнений для польских читателей. Имя же *Садко* снабжается примечанием, в котором указывается на то, что это слова популярной песни, непристойная пародия былины о богатом новгородском купце Садко:

Popularna piosenka, sprośna parodia byliny o bogatym nowogrodzkim kupcu Sadku (Pielewin 2012: 67).

Отдельные сведения на эту тему польский читатель уже может почерпнуть из основного текста, в подтверждение чему достаточно, как нам кажется, привести следующий отрывок:

„W kajucie pierwszej klasy chla Sadko, bogaty gość, kondomy drze na własnym łbie i ciągle nie ma dość”.

– Sadko?– powtórzył T. – Jeśli się nie mylę, to bohater bylin? (Pielewin 2012: 67).

При некоей избыточности информации паратекст наряду с этим не восстанавливает существующих у носителей исходной культуры представлений об этом фольклорном герое, что в принципе свойственно передаче имен такого типа на другие языки (Казакова 2006: 123). В русской же среде имя *Садко* вызывает в памяти и его образ как гусяря, и как человека с непростым характером, который способен бросить вызов окружающим или выиграть с морским царем, и как торговца, путешествующего по морю, – отсюда в песне и отсылка к каюте. Все это, как видим, привлекает и в качестве мотива для обыгрывания в разных жанровых канонах и с разными подтекстами.

Следует отметить, что для передачи прецедентных имен русской литературы применяются и другие переводческие техники. К примеру, при соотнесении с известными именами в «Турецком гамбите» Акунина в польском переводе в главный текст вводится ссылка на первоисточник: *Вера Павловна и Лопухов – Wiera Pawłówna i Łopuchow z „Co robić” Czernyszewskiego* (обратим внимание, что в отчестве допущена ошибка, так как формант *-ówna* в польском языке указывает на незамужнюю женщину и дочь обладателя фамилии, в данном случае эта был бы *Pawłow*). Имя и отчество *Агафья Тихоновна* заменяется здесь на сочетание *bohaterka Ożenku*, поскольку сама пьеса Николая Гоголя «Женитьба» по сравнению с именем ее героини в Польше более известна. В свою очередь, крылатая фамилия *Печорин* из

лермонтовского героя превращается в более универсального байроновского – по польски это *bajroniczny bohater* (Lubocha-Kruglik, Małysa 2005: 95).

Интересным представляется также прием сопоставления прецедентных имен в исходной и принимающей культурах. Так, в глоссарии, который сопровождает польский перевод «Энциклопедии русской души» Виктора Ерофеева гончаровский Штольц «приравнивается» к Вокульскому – персонажу из романа Болеслава Пруса «Кукла», который стал символом предприимчивости:

Sztolc – rosyjski „Wokulski”, przeciwieństwo Oblomowa w powieści Gonczarowa (Jerofiejew 2003: 210).

В некоторых случаях, в частности, когда прецедентное имя характеризует лицо по внешнему облику, переводчиками предлагаются разные решения. К примеру, в качестве эквивалентов для прозвищ, название которым дал герой русской народной сказки *Колобок*, используются такие интенциональные онимы, как *Bochniaczek* (от *bochen* – буханка, каравай) в переводе провинциального детектива Акунина «Пелагия и красный петух», а также *Pączek* (пончик) – в переводе цикла Александры Марининой о Каменской. Дело осложняется тем, что и в переводе самой сказки на польский язык имеется несколько вариантов: *Kołobok*, *Kołaczyk*, *Bochenek*. Получатели транслята, таким образом, не могут уловить некоторые аллюзии, базирующиеся на интертекстуальных связях – ведь при обращении к знаковому имени так или иначе в памяти актуализируется весь прецедентный текст.

Таким образом, исследованный материал подтверждает тезис о том, что при переводе прецедентных имен часто возникают ассоциативные лакуны (Сорокин, Марковина 2006: 380), неизбежно приводящие к утрате эмоционального эффекта у вторичного реципиента. Во многих случаях выяснение культурного фона в примечании решает эту проблему только в некоторой степени. Перифрастический перевод помогает сохранить специфику национального компонента. Вместе с тем замена прецедентного имени на аналогичное из культурного фонда принимающей культуры либо универсальное имя может стать наиболее приемлемым для снятия барьеров и создания соответствующего восприятия.

Список литературы

Акунин Б. (1999): Декоратор. Москва: Захаров.

URL: <http://www.akunin.ru/knigi/fandorin/erast/dekorator/glava2/> (дата обращения: 15.05.2018)

Акунин Б. (2002): Турецкий гамбит. Москва: Захаров.

Алексеева Е.А. (2014): Имя собственное в аспекте перевода, Вестник Московского университета, Серия 22, Теория перевода, 2, 77–87.

Брагина Н.Г. (2007): Память в языке и культуре. Москва: Языки славянских культур.

Васильев А.Д. (2015): Интертекстуальность: прецедентные феномены. Москва: Флинта, Наука.

Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. (2014): Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы. Москва–Берлин: Директ-Медиа.

Ерофеев В. (2014): Русская красавица. Москва: Рипол Классик.

Казакова Т.А. (2006): Художественный перевод. Теория и практика. Санкт-Петербург: ИнЪязиздат.

Каланов Н. А. (2011): Словарь морского жаргона. Москва: Моркнига.

URL: <http://www.kalanov.ru/index.php?id=254> (дата обращения: 10.06.2018)

Караулов Ю.Н. (1987): Русский язык и языковая личность. Москва: Наука.

Пелевин В. (2009), Т, Москва: Эксмо.

Сорокин Ю.А., Марковина И.Ю. (2006): Текст и его национально-культурная специфика, Казакова Т.А.: Художественный перевод. Теория и практика. Санкт-Петербург: ИнЪязиздат, 375–387.

Нахимова Е.А. (2007), Прецедентные имена в массовой коммуникации, Екатеринбург, <http://www.philology.ru/linguistics2/nakhimova-07a.htm> (дата обращения: 12.09.2016).

Чайковский Р.Р., Вороневская Н.В., Лысенкова Е.Л., Харитоновна Е.В. (2016): Художественный перевод как вид межкультурной коммуникации (основы теории). Москва: Флинта, Наука.

References

Akunin B. (2003): Dekorator. Пер. Małgorzata Buchalik. Warszawa: Świat Książki. URL: <https://docer.pl/doc/ss800x> (дата обращения: 16.05.2018).

Jerofiejew W. (2003): Encyklopedia duszy rosyjskiej. Пер. Andrzej de Lazari. Warszawa: Czytelnik.

Jerofiejew W. (2004): Rosyjska piękność. Пер. Danuta Ulicka. Warszawa: Czytelnik.

Graf M. (2015), Literackie nie-nazywanie. Onomastykon polskiej prozy współczesnej. Poznań: Wydawnictwo Naukowe UAM.

Lubocha-Kruglik J., Małysa O. (2005): Potyczki z przekładem, czyli Akunin po polsku, Kultura popularna a przekład. Ред. P. Fast. Katowice: Śląsk. 91–102.

Lubocha-Kruglik J., Małysa O. (2018): Gra (z) tekstem, gra z czytelnikiem. Kilka uwag o polskim przekładzie powieści Wiktora Pielewina T, Przegląd Rusycystyczny, 1, 129–142.

Pielewin W. (2012), T, Пер. Ewa Rojewska-Olejarczuk, Warszawa: Wydawnictwo W.A.B.

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЭСТЕТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ МАЛОЙ ПРОЗЫ**В. Г. РАСПУТИНА***Митрофанова Ирина Анатольевна**Санкт-Петербургский государственный университет, Россия
a_blum@mail.ru**Старовойтова Ольга Альбертовна**Санкт-Петербургский государственный университет, Россия
o.starovoytova@spbu.ru***ARTISTICAL AND AESTHETIC POTENTIAL OF V. RASPUTIN'S
STORIES***Mitrofanova Irina**St. Petersburg State University, Russia**Starovoitova Olga**St. Petersburg State University, Russia***АННОТАЦИЯ**

Произведения малой формы (рассказы 1990–2000-х гг.) позволили В. Г. Распутину своевременно воплощать обусловленные меняющейся действительностью темы и образы, его духовные поиски. Они заключают в себе мощный потенциал: преодоление разрушительных тенденций в реальной действительности потребовало от писателя напряженных духовных поисков, созидательная энергия которых воплотилась в новые эстетические формы, способствовавшие развитию повествовательной прозы рубежа веков.

ABSTRACT

V Rasputin's works of small form (stories of the 1990-2000's) allowed him timely to implement the themes and images caused by the changing reality, his spiritual quest. They contain a powerful potential because of the writer's tense spiritual quest which was caused by the overcoming destructive tendencies in real life. The creative energy of this spiritual quest was embodied in new aesthetic forms that contributed to the development of narrative Russian prose of the 1990-2000's.

Ключевые слова: современная русская литература, В. Г. Распутин, малая проза.

Keywords: modern Russian literature, V. Rasputin, stories.

В течение 1990-х годов и далее – на рубеже веков – творчество Валентина Григорьевича Распутина (1937–2015), признанного классиком еще в 1970–80-е гг., ушло с авансцены

литературной жизни России. Кардинально изменилась литературная ситуация в целом: писателей и читателей увлекла эстетика постмодернизма; в продвижении произведений на книжный рынок определяющую роль стал играть медийный имидж автора; писательское сообщество оказалось разобщено политическими противостояниями; критики переключили внимание с эстетических оценок на идеологические предпочтения.

В этот непростой период распутиноведение было в значительной степени поддержано преподавателями и учеными Иркутского университета, где проводились научные конференции, регулярно выходили сборники статей, посвященных в т. ч. новейшим произведениям писателя. Большой интерес к Распутину не угасал в этот период в Китае: были переведены и изучались произведения 1990–2000-х годов (Ся Чжунсянь 2018). Подобная востребованность определялась близостью эстетики, мировоззренческих позиций писателя современному китайскому литературному сообществу.

Отсутствие имени В. Г. Распутина, резонансных критических откликов на его произведения в федеральных СМИ, в первую очередь на телевизионных каналах, некоторые критики списывали на то, что писатель предпочел художественному творчеству публицистику, исчерпал талант, устарел так же, как завершившаяся традиция деревенской прозы, к которой его причисляли (Беляков 2004).

Между тем в 1990–2000-е годы, одновременно с публицистикой, создававшейся в разных жанрах (статьи, интервью, рецензии, выступления на съездах писателей, учителей, участие в создании документального фильма Сергея Мирошниченко «Река жизни») и публиковавшейся главным образом в специализированных и региональных изданиях («Литературная Россия», «Сельская жизнь», «Литературный Иркутск») Распутин написал 16 (из 39 всего им написанных) рассказов. В этих произведениях разрабатывались новые художественно-эстетические идеи, при том что этическая платформа писателя оставалась неизменной.

Распутинская этика преемственно определила самые заметные тенденции новейшей прозы: вошедшие в литературу в начале XXI века и ставшие известными авторы называют его одним из своих учителей. Через несколько дней после смерти Распутина (14 марта 2015 г.) Захар Прилепин опубликовал статью «Он не придет никогда»: «Леонов в свое время говорил, что русская литература передается через теплопожатие: Пушкин жал руку Гоголю, Гоголь – Тургеневу, Тургенев – Толстому, Толстой – Горькому, Горький – Леонову. Леонов – Распутину. Для меня Валентин Григорьевич – после того как я прочел «Деньги для Марии», «Живи и помни» – все его удивительные, пушкинской прозрачности и силы повести – был в том же ряду» (Прилепин 2015). О том же говорил прозаик Роман Сенчин: «Открыть настоящую литературу мне помог отец – однажды, когда мне было лет двенадцать-тринадцать,

он прочитал вслух «Деньги для Марии» Распутина. И тогда я понял, что о современной жизни можно **писать по правде...**» (Сенчин 2009: 266).

Распутин начинал с малой прозы: первый рассказ «Я забыл спросить у Лёшки» был напечатан в 1961 г., затем в 1966–1967 гг. была написана первая группа рассказов. Событием в русской литературе стали «Уроки французского», опубликованные в 1973 г. В нескольких рассказах начала 1980-х Распутин воплотил личный мистический опыт, понимание природы творчества («Наташа», «Что передать вороне?»). Однако рассказы данного периода воспринимались скорее как фон для повестей «Последний срок», «Живи и помни», «Прощание с Матёрой», принесших Распутину славу классика современной литературы, как рабочие этюды к масштабным полотнам.

В 1990-е годы В. Г. Распутин писал исключительно в жанре рассказа, обеспечивавшем творческую мобильность, разнообразие – в создании образов героев, в экспериментах с новыми социальными типажам, рождавшими неожиданные, до сих пор не встречавшиеся сюжеты. Писатель множил субъектные сферы, разрабатывал новые техники диалога, чтобы выразить сложные отношения между катастрофически и радикально менявшейся в масштабах огромной страны российской действительностью и человеком, оказавшимся «среди бурь гражданских и тревоги» (Ф. И. Тютчев, «Оратор»).

В рассказах 1990-х годов именно Распутин одним из первых в современной русской литературе уловил и осмыслил имевшие колоссальные последствия социальные процессы – выразил провидческие идеи относительно близкого и отдаленного будущего, судя по всему, всей земной цивилизации. В отличие от предшествовавшей «перестройке» повести «Пожар» (1985), в целом продолжавшей художественные идеи Распутина 1970–80-х гг., в рассказах воплотилась новая авторская концепция, эстетическое основание которой писатель сформулировал в произведении «Мой манифест» (1997). Перед лицом губительных для народа политических сил Распутин «по праву русского писателя» взял на себя роль его защитника. Он прямо манифестировал необходимость жизнеутверждающей литературы, способной создать образ героической личности, могущей постоять за свое достоинство, за унижаемый народ, за будущее раздираемой борьбой за власть и национальную собственность страны (Распутин 2007а: 89).

Концептуально новый тип героя Распутин создал в цикле рассказов о Сене Позднякове («Сеня едет», «По-соседски», «Поминный день», «Вечером», «Нежданно-негаданно»). Первый – «Сеня едет» (1994) – запечатлел тяжелейшую для народа эпоху первой половины 1990-х годов. Принятый в 1991 году закон о СМИ, закрепивший свободу не только от политической, но и этической цензуры, переход СМИ на рыночные отношения и отсутствие

государственного контроля за их деятельностью – все это привело к тому, что медиарынок был заполнен порнографической и подобного рода продукцией, невероятной для общенародных нравственных представлений, закрепленных в национальной культурной модели. Распутин первым в художественной форме осмыслил работу механизмов осуществлявшегося СМИ тотального воздействия на общественное сознание – внедрения в социум новой системы ценностей, уничтожившей вековые нравственные законы.

Образ жителя современной сибирской деревни Сени Позднякова новый для творчества писателя. Распутин наделил его бурной биографией, подчеркнув в его прошлом пьянство и бродяжничество. В предшествовавший период (повести «Живи и помни», «Прощание с Матёрой», «Пожар») склонность к бродячей жизни, гонимость составляли главную черту отрицательных персонажей, поскольку в авторской концепции доминировал принцип взаимообусловленности человека и окружающего мира: устроенный мир подразумевал следование его законам, укорененность в пространстве и в родовой жизни, определявшие положительных героев; отрицательные герои, «обсевки», характеризовались подвижностью, склонностью к перемене мест, отсутствием связей с гармонией макрокосма; неустроенность окружающего мира обуславливала неустроенность человека и наоборот. В новой авторской концепции данная закономерность была снята: отношения героя с окружающим миром становились независимыми. На первый план выступил человек как исключительно самостоятельно мыслящая и действующая личность.

Распутин индивидуализировал характер Сени любознательностью, горячностью, врожденным чувством социальной справедливости – чертами, наличие которых и позволяло ему сохранять житейскую и духовную устойчивость в неустроенном мире. Распутин показывает активность народного героя: Сеня – деревенский житель с простым сознанием, нравственно небезупречный, социально незащищенный – самостоятельно постигает, как осуществляется манипулятивный механизм внедрения в сознание прежде всего юной телевизионной аудитории системы ценностей, абсолютно лишенной нравственных основ, и осознает свою ответственность за молодое поколение, за будущее в целом: «У Сени не хватало сердца смотреть на мордашки девчоночек, как на крючок с наживкой вытянутых из детства, где только в куклы играть, а они уж через такие игры проходят, через такое воспитание!.. Господи! Немцы, татары не трогали, давали подрасти, а тут свои... едва из колыбели – и на растяжку <...> Двенадцатилетние рожают – Господи! Подряд. Одна за другой. Показывают их в каком-то приемнике – глаза свернувшиеся, нечеловечьи, а гонор друг перед дружкой держат. Кого они нарожают? Какой народ придет после этого?» (Распутин 2007b: 291).

Еще более остросоциальный рассказ «Нежданно-негаданно» представил трагическую историю. Сюжет строится на невероятной для сформированного в советскую эпоху читателя перипетии: в большом сибирском городе на рынке Сеня Поздняков наблюдает за шестилетней девочкой-попрошайкой ангельской красоты; позже к нему, собирающемуся возвращаться в родную деревню, подходит женщина и предлагает эту девочку купить. В конечном итоге Сеня делает все, чтобы спасти маленькую Катю: забирает с собой в деревню, вместе с женой ухаживает за ней, пытается отогреть, вернуть к нормальной человеческой жизни. Однако Распутин моделирует трагический финал: «хозяева» девочки приезжают в деревню и угрозами заставляют Катю уехать с ними.

Рассказы 1990-х годов создавал честный по отношению к «правде жизни» писатель: в них запечатлена эпоха беззащитности народа, бесправия, господства криминала, детской беспризорности. Не смягчая изображаемое приемами литературной условности, Распутин свободно моделировал ситуации, кажущиеся невероятными, однако происходившие в реальности той эпохи. Именно жесткость, журналистская репортажность письма были подхвачены прозаиками начала XXI века. Тот факт, что с Распутиным полемизирует, например Р. Сенчин, посвятивший ему роман «Зона затопления» (2015), говорит о «ревнивом», вызывающем дух соперничества отношении к его творчеству. О том же свидетельствуют переключки сюжетов: так, уникальный эпизод похорон отца в романе З. Прилепина «Санька» (2006) генетически восходит к сюжету распутинского рассказа «В ту же землю» (1995), в котором стареющая нищая Пашута сама хоронит свою мать в леске на окраине города, не желая унижать собственное человеческое достоинство хождением по чиновничьим инстанциям.

Проблема формирования в юной телевизионной аудитории системы ценностей, абсолютно лишенной нравственных оснований, осмысляется в рассказе «Женский разговор» (1995): 16-летняя школьница Вика после аборта отправлена «на высылку, на перевоспитание» в глухую деревню, где декларирует бабушке внушаемые телевизионной пропагандой идеи: «Женщина сейчас ценится... та женщина ценится, которая целеустремленная» (Распутин 2001: 290). В системе персонажей девушке противопоставляется 80-летняя бабушка Наталья. Старая женщина начинает непростой разговор, пытаясь найти общий язык с внучкой: «Она <Наталья> умолкла: продолжать, не продолжать? Но рядом совсем было то, что могла она сказать, искать не надо. Пусть слышит девчонка – кто еще об этом ей скажет» (Распутин 2001: 287).

Распутин моделирует речь Натальи таким образом, чтобы сама выбираемая ею словесная форма выражала понятие «целомудрие», неизвестное юной героине, воспитанной на

декларирующих сексуальную свободу телевизионных сюжетах. В откровенном «женском разговоре» Наталья рассказывает о самых близких отношениях мужа и жены, но ее речь метафорически перифрастична – и таким образом сохраняет запрет на бесстыдство в слове, т. е. старая женщина одновременно нелицемерно правдива и целомудренна: «К нему прижаться потом надо, к родному-то мужику, к суженому-то. – И подчеркнула «родного» и «суженого», поставила на подобающее место. – Прижаться надо, поплакать сладкими слезами. А как иначе: все честь по чести, по закону, по сговору. А не по обнюшке. Вся тут, как Божий сосуд: пей, муженек, для тебя налита. Для тебя взросла, всюю себя по капельке, по зернышку для тебя сневестила. Потронься: какая лаская, да чистая, да звонкая, без единой без трещинки, какая белая, да глядистая, да сладкая! Божья сласть, по благословиению. Свой, он и есть свой. И запах свой, и голос, и приласка не грубая, как раз по тебе. Все у него для тебя приготовлено, нигде не растеряно. А у тебя для него. Все так приготовлено, чтоб перелиться друг в дружку, засладить, заквасить собой на всю жизнь» (Распутин 2001: 287).

Судя по всему, манипулятивные технологии, активно применяемые в 1990 гг. средствами массовой информации в расчете на «наивность» неподготовленной российской массовой аудитории, и были направлены в первую очередь на уничтожение незыблемых нравственных оснований жизни всего социума, что вызывало у Распутина самое решительное неприятие. В рассказах, с одной стороны, отражались эти необратимые социальные процессы, с другой – писатель в художественной форме обыгрывал возможности преодоления героем губительных для всей окружающей действительности обстоятельств. Так, в упомянутом выше рассказе вступают между собой в органичную связь явления природного мира и внутренние волевые усилия героя: «неслучайно пришедшаяся к разговору мистическая атмосфера застывшей в торжестве звездного сияния и замершей в безмолвии ночи невольно настраивает внучку и бабушку, прежде душевно не связанных между собой, на высокую ценность сообщаемого и услышанного» (Митрофанова 2009: 148).

Во взаимосвязи с названными глобальными процессами в распутинской прозе 1990-х решаются важнейшие вопросы современной европейской цивилизации, например дальнейшее существование традиционной семьи как социального института. В имеющем биографический слой рассказе «Под небом ночным» (2002) создан образ старика, по необъясненным причинам ушедшего из деревни и живущего в зимовейке в тайге. Про умершую жену он говорит: «да, хорошая была старуха, *одна на тысячу*» (Распутин 2007b: 409). Другой герой рассказа вспоминает научную поездку в Швецию, где на встречах с экологами среди разного рода представительниц феминистского движения он встречает девушку из народа саами, которую называет ангелом. Размышления приводят его к выводу о невозможности утрат

современной цивилизации, лишаящей женщину черт, определяющих ее главную роль в духовном прогрессе человечества.

Стоит отметить, что, несмотря на все вышесказанное, не следует упрощать позицию Распутина, определяя ее стереотипно как консервативную или архаичную. Речь идет о целом комплексе идей, которые по-разному воплощаются в различных ситуациях, в субъектных сферах многочисленных героев, в разной степени близких автору или дистанцированных от него, и имеют прямое отношение к футурологическим представлениям Распутина о будущем человека на Земле. Реалистический рассказ «В непогоду» (2003) завершается шутливой репликой личного повествователя «И мудро отступил в сторонку Апокалипсис» (Распутин 2004: 444). Между тем торжество разразившейся снежной бури описывается в рассказе с символическими акцентами, так что у читателя возникает возможность воспринимать происходящее в природном мире как победу над человечеством.

В системе героев своих рассказов писатель особо выделяет социальный тип, который все более утрачивается урбанистической цивилизацией. В рассказе «Поминный день» (1996), описывающем поминки по 40-летнему деревенскому мужику Толе Прибыткову, создан образ живущего в сибирской деревне мастера, ни на кого не надеющегося, настоящего хозяина жизни. Предметное описание изображает крепко, навек построенные самим Толей дом, двор, баню, стайки для скотины. Таковы же образы Савелия и Агафьи, самолично перевезшей и поставившей свою избу в новом поселке в рассказе «Изба» (1999). В современной прозе продолжают данный образный ряд герои Михаила Тарковского, которые вызывают у читателя такое же восхищение талантом к созиданию, способностью к разнообразным ремеслам, обеспечивающей человеку автономное, независимое от условий социума существование (напр., образы братьев Василия и Евгения из романа «Гойота-Креста»).

В рассказе «Поминный день» описываются отношения в Толиной семье, которые автор вовсе не идеализирует, однако он создает эпизод, эмоционально воздействующий с такой силой, что читатель не может не возлюбить традиционную семейную жизнь героя. Иногда Толя собирал своих дочек и пел вместе с ними свою любимую песню: «На дальней станции сойду, / Трава – по пояс! / И хорошо, с былым наедине, / Бродить в полях, / Ничем, ничем не беспокоясь, / По васильковой, синей тишине» (слова Михаила Танича; в силу своей популярности в нескольких поколениях песня может быть отнесена к прецедентным текстам современной русской культуры). Теплый деревенский вечер, в размягченном душевном покое окруженный дочками человек – в переживании данного эпизода читатель приобщается к идеалу гармонического устройства бытия, упорядоченности внутренней жизни человека, истинной людской сердечной близости. Когда старшая из осиротевших Толиных дочек поет

на поминках эту любимую песню отца, в описании исполнения песни подчеркивается зрелость души все унаследовавшей от отца 12-летней девочки.

Распутин подробно, разными приемами и всесторонне открывает внутренний мир многочисленных героев рассказа – людей из современной сибирской деревни. Причем герои представляют среднее поколение, переживающее «перестройку» и низвергнувшие народ в нищету и обездоленность 90-е годы. В сценках передаются разговоры, создающие светлую, несмотря на трагизм ситуации, художественную атмосферу. Вот молодая героиня кормит грудью младенца – сидящие за поминальным столом посмеиваются: «Ты его в Илью Муромца выкормишь» (Распутин 2007b: 326).

Подобного рода эпизоды многочисленны в разных рассказах – благодаря им возникает стереоскопический эффект восприятия народной жизни исторического периода, определившего будущее существование России. В рассказах «Тетка Улита», «Изба», «В ту же землю» созданы образы прекрасных людей из народа – мудрых, сильных, способных за себя постоять, могущих все преодолеть. За всем этим прослеживается следующая идея: такая степень мастерovitости, трудовой азарт, самоотдача, такая выносливость, выпестованная душевной отзывчивостью, способностью к высоким переживаниям, становятся для народа залогом будущего. Сказанное опровергает суждения ряда критиков, уверявших, что для позднего Распутина характерен человеконенавистнический пафос (Быков 2015). В рассказе «Новая профессия» (1998) создается имеющий значимый символический слой образ бывшего физика Алеши Коренева, в настоящей жизни нашедшего невероятное применение своим способностям: его приглашают на богатые свадьбы как необычного гостя, имеющего дар импровизировать о любви так, что свадебная толпа немеет. В описанной ситуации Алеша рассказывает притчу о женской красоте и о завещанной человечеству любви между супругами. Таким образом, смыслы рассказов коррелируют между собой: долг социума сохранять целомудрие молодых поколений, роль женщины, сущность духовной любви, важность супружества – названные идеи способны разрешить грозящие катастрофическими последствиями проблемы человечества.

Внутренняя жизнь современных людей воссоздается Распутиным в сложных субъектных структурах и не сопровождается авторским аналитическим комментарием. Одна из героинь вспоминает на Толиных поминках: «Всё с улыбкой, всё с улыбкой <...> Спросишь его: Толя, ты чего всё лыбишься? Ты какую перед собой радость видишь, что лицо у тебя нараспашку? Смеется» (Распутин 2007b: 325). Однако в рассказе Толя Прибытков, «здоровый сорокалетний мужик», неожиданно для всех умирает и тайна его смерти в окончательном авторском объяснении не раскрывается: под вечер, никому не объяснив зачем, он сел в моторную лодку,

далеко отплыл от берега и на виду у поселка долго запуская заглохший мотор – «лодку рвануло, вырвало из-под Толи», и, пока люди плыли ему на помощь, он утонул. Собравшиеся на поминках пытаются понять, куда плыл и почему так бессмысленно погиб умелый и умный, сильный мужик. А ночью после поминок, влекомый какой-то тайной, может быть смерти Толи, неожиданно для себя также отправляется на лодке по реке его сосед Сеня Поздняков. Можно предположить, что здесь подразумевалась идея переизбытка душевных, духовных сил, определяющего непостижимую сложность отношений героев с миром.

Одновременно идею мощного творческого потенциала народа В. Г. Распутин утверждал через смех. В рассказе «По-соседски» анекдотичный сюжет строится на ситуации войны между деревенскими мужиками – соседями Сеней Поздняковым и Васей Хохряковым. Осуществляя враждебные действия, Сеня мечет в заснеженный огород Васи бутылки из-под водки и случайно отправляет туда полную бутылку. В рассказе царит балагурство, названное Д. С. Лихачевым «одной из национальных русских форм смеха» (Лихачев 1984: 21), в которой задействована «лингвистическая» его сторона. Вызывающая смех речь повествователя, самого Сени, присутствующих гостей Кеши и Гены Солодовых, деревенских старух представляет собой непрекращающийся диалог/полилог, целью которого является реализация витальных, в том числе творческих сил каждого говорящего, средствами исключительно разнообразных приемов языковой игры. Балагурство Сени Позднякова во всех рассказах цикла как сущностная и дорогая автору черта образа было отмечено исследователями: «В описании рефлексии героя вышел на волю дар лирическо-иронического письма, легкого и остроумного, которым писатель отличался в юности» (Плеханова 2016: 160–161). В рассказах «смех, рождающийся в разнообразной, изобретательной словесной игре героев, выражает абсолютно положительное начало, подразумевая представления автора о гармоническом идеале народной жизни, о заключенной в героях из народа свободной, безграничной созидательной энергии» (Митрофанова 2017: 186).

Названный неисчерпаемый потенциал творческих сил проявляется в героях рассказов по-разному, объединяет же современных деревенских и городских жителей и персонажей, в образах которых сильно биографическое начало, способность переживать минуты мистического прозрения, дарующие ни с чем не сравнимый духовный опыт, позволяющий, например, Алеше Кореневу служить людям на свадьбах, когда они более всего нуждаются в выяснении «смысла любви» (название труда Вл. Соловьева). В рассказах «Под небом ночным», «Видение», «Поминный день», «Новая профессия» создаются ситуации, в которых герои погружаются в созерцание природного мира. Это происходит в определенные минуты и часы, чаще поздним вечером и ночью. Данные состояния длятся неопределенно долгое время,

в течение которого увеличивается масштаб созерцаемого мира, вовлекается звездное небо – а через него все мироздание. Герои переживают не поддающиеся вербализации наивысшие духовные состояния.

Подобный тип героя и письма Распутина получил следующую интерпретацию: «Исключительная художественная интуиция Валентина Распутина ведет его к постижению не только зримого и земного мира, но и сверхбытия» (Галимова 2014: 69) Здесь открывается «реальность особого, высшего порядка. Писатель фиксирует и, как нам представляется, стремится с документальной точностью передать нам свой опыт, который основан на встрече с Богом лицом к лицу – таинственной и сверхъестественной встрече с Реальностью, превышающей всякое человеческое восприятие» (Галимова 2014: 69).

В малой прозе Распутин развивает данную, характеризующую его творчество, редкую в истории русской литературы эстетику духовного (мистического) реализма. Однако, в отличие от знаменитых повестей, способностью переживать подобные состояния наделяются герои многих рассказов.

С 1994 по 2003 год почти ежегодно В. Г. Распутин писал рассказы, представляющие собой «чистое свидетельство» происходивших в России и в мире изменений такой силы, что их следовало бы воспринимать как катаклизм: жизнь европейского человечества перевернулась именно в нравственном плане. Поэтому возникла необходимость пересмотреть законы устройства социума в целом, возможности влияния социума на формирование отдельной личности, связь человечества с всеприродным бытием на Земле; заново выяснить метафизические вопросы: как человек осуществляет связь со сверхчеловеческим миром, как происходит борьба Добра и Зла в пределах физического существования каждого человека.

Новая художественная концепция Распутина заключалась предположительно в следующем: человек не жестко детерминирован окружающим миром, поэтому, задавая для героев катастрофические обстоятельства, писатель создавал образы сильных в нравственном и трудовом смысле, не поддающихся губительным внешним воздействиям людей. Новый герой – самостоятельная личность, черпающая силы для активного вмешательства в окружающую жизнь из самой себя – обыгрывается в образах Сени Позднякова, бабки Натальи, Агафьи, Алеши Коренева, Пашуты, в образах старух, женщин, мужчин разного возраста и социального статуса. Изобретательные сюжеты давали писателю возможность в мире каждого рассказа воссоздавать подлинную, реальную жизнь и одновременно утверждать утраченный идеал человеческой жизни на Земле. Рассмотрение всех рассказов в целом как живой системы позволяет выявить многоплановый комплекс авторских тем и идей: отношение к семье, к

женщине, к воспитанию детей, способность современного человека к самообеспечивающему созидательному труду, к духовной жизни, к активному волевому противостоянию злу.

С большой долей уверенности можно утверждать, что в рассказах 1990–2000-х годов авторский взгляд на будущее был жизнеутверждающим. Именно эта концепция была, как представляется, поддержана писателями, вошедшими в литературу в начале XXI века.

Список литературы

Беляков С. (2004): Живи в России, Журнальный зал: Урал, 3. URL: <http://magazines.russ.ru/ural/2004/3/bel-pr.html> (дата обращения: 03.06.18)

Быков Д. (2015): Жертва: Уроки Распутина, Новая газета URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2015/03/16/63427-zhertva> (дата обращения: 03.06.18)

Галимова Е. Ш. (2014): Мистическое в художественном мире Валентина Распутина, Творчество Валентина Распутина: ответы и вопросы. Иркутск: Издательство Иркутского университета, 66–76.

Лихачев Д. С. (1984): Смех в Древней Руси. Ленинград: Наука.

Митрофанова И. А. (2017): Аксиология смеха в художественных системах Валентина Распутина и Александра Вампилова, Александр Вампилов и Валентин Распутин: творческий потенциал «иркутской истории»: материалы Междунар. науч. конф. Иркутск: Издательство Иркутского ун-та, 173–188.

Митрофанова И. А. (2009) «Любовь никогда не перестанет, хотя и пророчества прекратятся...»: художественная парадигма творчества В. Распутина, Писатели русской традиционной школы второй половины XX века в контексте современности. Сургут: РИО СурГПУ, 146–152.

Плеханова И. И. (2016): Александр Вампилов и Валентин Распутин: диалог художественных систем. Иркутск: Издательство Иркутского ун-та.

Прилепин З. (2015): «Он не придет никогда», Свободная пресса. URL: <http://svpressa.ru/culture/article/115915/> (дата обращения: 03.06.18)

Распутин В. Г. (2001): В ту же землю: Повесть, рассказы. Москва: Вагриус.

Распутин В. Г. (2004) Дочь Ивана, мать Ивана: Повесть, рассказы. Иркутск: Издатель Сапронов.

Распутин В. Г. (2007а): В поисках берега: Повесть, очерки, статьи, выступления, эссе. Иркутск: Издатель Сапронов.

Распутин В. Г. (2007b) Собрание сочинений в 4 т. Т. 3. Живи и помни. Повесть, рассказы. Иркутск: Издатель Сапронов.

Сенчин Р. (2009): «Если слушать писателей – всё развалится», Прилепин З. Именины сердца: разговоры с русской литературой. Москва: Астрель, 262–281.

Ся Чжунсянь (2018): В. Г. Распутин и журнал «Русская литература и искусство»: перевод, исследование и культурный обмен, Валентин Распутин. Правда памяти: материалы Всерос. конф., посвящ. 80-летию со дня рождения писателя. Иркутск: Издательство Иркутского ун-та, 213–217.

РОЛЬ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЖУРНАЛОВ «ЭХО» И «СТЕТОСКОП» В КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ ВО ФРАНЦИИ

Осипова Нина Осиповна
Вятский государственный университет, Россия
nina.osipova@list.ru

THE ROLE OF “THE ECHO” AND “THE STETHOSCOPE” IN THE CULTURAL LIFE OF THE RUSSIAN EMIGRATION IN FRANCE

Nina Osipova
Vyatka State University, Russia

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается содержание и роль русскоязычных журналов «Стетоскоп» и «Эхо» (1970–2000-е гг.) в жизни русской эмиграции во Франции, представляющих картину русской литературы – как в реальном времени её развития, так и в ретроспективе. Подчеркивается своеобразие жанровых исканий их авторов, художественная новизна неподцензурных публикаций, развивающих традиции русского модернизма, вербально-визуальных и игровых практик авангарда.

ABSTRACT

The paper examines the contents of the Russian-language magazines “The Stethoscope” and “The Echo” and their role in the life of Russian emigration in France. These magazines provide the scope of Russian literature at its present development as well as in its retrospective. Special attention is paid to the genre search, uncensored publications which develop the traditions of Russian modernism, avant-garde verbal, visual and game practices.

Ключевые слова: русское зарубежье во Франции, литературные журналы

Keywords: Russian emigration in France, Russian-language magazines

Третья волна эмиграции по своему качественному составу очень напоминала статус первой эмиграции: достаточно высокий интеллектуальный уровень, разнопрофессиональный и разноконфессиональный состав, сходные условия эмиграции – «выдавливание» из страны, принудительное или добровольное изгнание.

Роль журналов «Эхо» (1978-1986) и «Стетоскоп» (1993-2004), объединенных в том числе одними и теми же авторами, определялась их мировоззренческим влиянием не только в

русской эмигрантской среде, но и в кругу зарубежных читателей. Публикуя неподцензурную («Эхо») или «экспериментально-эпатажную» («Стетоскоп») литературу, литературную критику и эссеистику, журналы отражали процесс литературно-художественных исканий как в СССР, так и в постперестроечный период, формируя культурное пространство эмиграции, способствуя интересу французских издательств и переводчиков к лучшим текстам новой русской прозы

Соотнесенность в одном сообщении разнонаправленных журнальных векторов («Эхо», «Стетоскоп») обусловлено тем, что «Стетоскоп» начал свою деятельность уже в новых условиях российских реалий, когда прекратили свою деятельность многие эмигрантские периодические издания, что обусловило вектор его направленности и прежде всего в художественно-эстетической сфере.

Примечателен и тот факт, что названия обоих журналов имели общий подтекст, связанный со фоносемантикой (слушания, отклика – отзвука): в случае с «Эхо» – это идея «возвращения» к читателю самиздатовской и нелегальной прозы, в случае со «Стетоскопом» – это вслушивание в глубины, преодолевающее глухоту, стесняющую свободу, чувство внутреннего биения живой речи и символ врачевания как борьбы за жизнь. Вполне возможно, что издатели ориентировались на известную метафору М. Булгакова из «Тьмы египетской»: «Потянулась пеленою тьма египетская... и в ней будто бы я... не то с мечом, не то со стетоскопом. Иду... борюсь...» (Булгаков 1989: 121).

Общая направленность и редакционная стратегия публикаций «Эха» (вышло всего 14 номеров) формировалась тремя векторами: запрещенной в СССР прозы и поэзии (А. Платонов, Д. Хармс, А. Введенский), современной эмигрантской литературы (Э. Лимонов, А. Хвостенко, В. Марамзин, И. Бродский, С. Довлатов, С. Бобышев и др.), современной неподцензурной литературы СССР, преимущественно самиздатовской (Б. Вахтин, Б. Иванов, Б. Улановская, А. Битов, Г. Горбовский, Г. Шеф, А. Кондратов, Рид Грачев). Основанный на личные средства издателей (А. Хвостенко и В. Марамзина), журнал сразу же определился в своей тенденции, общие характеристики которой были обозначены в русской зарубежной и отечественной печати.

Открывающее 14 номер журнала (1986) пространное эссе Б. Вахтина «Человеческое вещество?» расширяет пространство русской философии, опираясь на петербургский текст русской классики (Г. Успенский и Н. Гоголь, Ф. Достоевский) от которого цепь свободных ассоциаций переходит на современную европейскую философию. Здесь Б. Вахтин выступает не только как писатель-эссеист и философ, но и как ученый-антрополог, естествовед, социальный философ. Размышления о свободе и рабстве, коммунистической утопии и

социалистической реальности. В контексте реалий сегодняшнего дня актуальна прогностическая мысль Б. Вахтина о том, что «современный мир не только не обнаруживает стремления к объединению...повсюду мы видим желание государственного обособления <...>Не нужно быть пророком, чтобы предсказать неизбежное столкновение вооруженных стран и групп...» (Вахтин 1986: 81). В его художественных текстах («Лётчик Тютчев, испытатель», «Одна абсолютно счастливая деревня»), вереница пёстрых лоскутов жизни, проникнутых иронией, доведенной до хармсовского абсурда и в то же время насыщенных лиризмом, проработанных до мельчайших подробностей, совсем не случайно соседствуют с «Ювенильным морем» А. Платонова.

Дм. Савицкий, А. Кондратов, Н. Аловерт, И. Стеблин Каменский, Б. Улановская, представляющие ленинградскую литературную школу, преимущественно самиздатовскую, не только открывают русскоязычному зарубежному читателю и исследователю новый неподцензурный пласт русской литературы, но и демонстрируют многообразие стилевых векторов этой литературы, а кроме того, прекрасно уживаются на одних страницах с постмодернистской поэтикой А. Лосева и Г. Сапгира. Многие из них впервые были опубликованы в журнале.

Уникальным явлением публикационного проекта журнала является «ленинградский текст» русской литературы, представленный авторами-ленинградцами, объявившими принцип социальной и литературной маргинальности, отразившейся в осколочности реального мира, т.н. «стилистическом протесте», выражающимся ломке грамматики, орфографии, синтаксиса, свойственным традиции обериутов. Семиотические параллели «петербургский текст» – «ленинградский текст» позволяют вписать новую русскую прозу и поэзию в контекст протяженной классической традиции.

Большинство авторов, опубликованных в «Эхе», именно через эти публикации обрели писательскую известность, судьба некоторых была трагичной. Так, «русский Кафка» (как называли писателя Генриха Шефа, 1937–1991), печатавшийся в основном в самиздате, покончил с собой, такая же судьба ожидала другого талантливое писателя, автора «Эха» – Рида Грачева (1935-2004), оказавшего в свое время огромное влияние на ленинградскую прозу. Блестящие представители психологической прозы, владеющие мастерством создания малых прозаических жанров, Г. Шеф и Р. Грачев оставили на страницах «Эха» такие рассказы, как «Митина оглядка» и «Жизнь в непрерывном беге» Г. Шефа, «Бессмертие Логинова» Р. Грачева. Неся на себе следы влияния гоголевской традиции, эти произведения смещают ракурс этой традиции: если трагедия «маленький человека» в русской классической традиции определялась уничтожающим насилием над личностью государственного аппарата, то в

новых условиях эта функция переходит к массовой культуре, уничтожающей личность своей пустотой.

Мистика и фантасмагория Петербурга расширяются до размеров целой страны, создавая ощущение абсурда жизни, где стерты границы между реальностью и вымыслом. В то же время авангард «Эха» – это особый тип авангардной эстетики, которая ближе к синтезу традиций А. Платонова и Д. Хармса и отчетливо прослеживается, например, в «Рамане» В. Лапенкова, где в беспорядочном нагромождении деталей, разваливающемся синтаксисе видится метафора агонизирующей державы. Внешне напоминающая «поток сознания», проза В. Лапенкова таковым не является – это действительно «поток», но не «сознания», а того, что в терминах сегодняшней эстетики можно было бы назвать «пикселированной прозой», которая придает тексту объемность и глубину. К. Сапгир выразила эту особенность метафорически: этот «выговор – сквозь непохожую гортань, дает ломкость – словно отражение улицы в треснувшем зеркале» (Сапгир 1981).

Эстетика журнала «Стетоскоп» («маленького журнала русской речи за рубежом», издатели Митрич, Богатырь, он же Михаил Богатырев) представляла уникальный опыт художественных исканий эмигрантской литературы, восходящих к художественным экспериментам русского авангарда, рафинированного модернизма, поэтики русского соцарта (журнал выходил с 1993 по 2004 гг., не считая отдельного выпуска 2008 года).

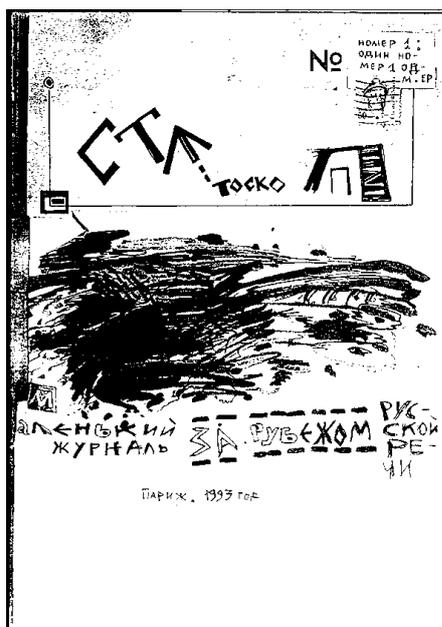

Рисунок 1. Обложка первого номера журнала «Стетоскоп» (1993)

Интеллектуально-эстетический контекст журнала, свободного от идеологической ангажированности, формировался в русле «визуальной поэзии и философии», или

«поэтической (философской) визуальности». К концу 90-х годов, в связи с уходом с литературной арены других эмигрантских литературных журналов, «Стетоскоп» значительно расширил свои границы, публикуя на своих страницах русскоязычных авторов со всех уголков мира, не изменяя, тем не менее, собственной художественной стратегии «интеллектуального авангарда». Журнал попытался решить одну из важнейших задач русской эмигрантской литературы: не последовав за другими журналами и альманахами (в частности того же «Эха») в установлении связей с традициями метрополии и не претендуя на роль общественно-публицистического рупора эмиграции, он создал свою уникальную концепцию, которая заключалась в отсутствии всякой концепции и сосредоточился на формальных экспериментах. Стилистика журнала, дополненная рафинированным русским модернизмом и ультрасовременным уличным граффити-стилем, придает журналу, имевшему еще и необычный формат, характер магической игры, иногда хулигански экстремальной, порою социально-иронической, обращенной как к раннему русскому авангарду и западноевропейскому сюрреализму, так и к современным постмодернистским практикам. Новая «поэтическая революция» в рамках «Стетоскопа» обнаружила повышенную лингвистичность мышления, что проявилось не только в традиционном отказе от синтаксиса, знаков препинания, использовании новых словоформ (не случайно промелькнувшее в это время в критике слово «лингвоартист»), но и в постмодернистских экзерсисах (как это наблюдается, например, в повести М. Богатырева (он же Богатырь) «Яйцо» с подзаголовком «Потусторонне-биографическая повести из лагерной жизни» (1993, № 1), представляющая жизнь как конструкцию, как карнавал.

Нельзя сказать, что подобных экспериментов не было в современной российской поэзии (в частности, у петербуржца А. Мирзаева, чьи стихи также помещены на страницах «Стетоскопа»), Л.Рубинштейна, Дм. Пригова и др. Стетоскоповцы представили «сгущенный бульон» подобных экспериментов на одном маленьком пространстве в двадцать с лишним страниц, отразив как общеевропейскую, так и отечественную тенденцию «семиотической катастрофы», «символ становится грубой реальностью, а реальность – эфемерным, ускользающим символом», который «бретает способность к самым решительным и, главное, вполне реальным действиям, включая убийства, которые в свою очередь и сами практически сразу же становятся знаком, картинкой, летучей строчкой в ленте новостей» (Рубинштейн 2015).

В передаче этого семиотического сдвига журнал ориентировался на интермедийные жанрово-стилевые эксперименты с ярко выраженной визуальной составляющей, функция

которых – создание контрапунктного ритма, напоминающего «танго, которое танцуют кортасаровские персонажи, блуждающие по Парижу» (Бавильский 2002).

Каждый номер имел подзаголовок, который отражал (где явно, где приблизительно) его программную стратегию (правда, «программой её можно назвать с известной долей условности): «Прокруст импровизаций» (№41), «Городдорог» (2003, №35), «Палимпсест – сборник невидимых текстов» (2000, №28) и др. По мере выхода журнала редакция расширила тематический и стилистический диапазон публикаций, выходя за рамки словесно-визуальной игры, и «шершавое» экспериментаторство футуристического толка приобретает явно выраженный модернистски рафинированный изыск. Но общая тенденция издания остается неизменной, осваивающей интермедиальное пространство искусства. Страницы журнала предоставляются российским авторам, литераторам, вполне зарекомендовавшим себя в других эмигрантских изданиях, расширяется философско-эссеистический компонент. И даже интервью театрального критика и художника М. Смирновой-Несвицкой с А. Пятигорским (2003, № 37) органично вписывается в пространство журнала, объединяя традицию философствования (так, как её понимал европейский XVIII век) с постмодернистским дискурсом.

«Структурно-динамический текст», «Мыслесплетение», «Наивные макабры», «Уморизмы шутейской пудрости», «Лингвогобелены» - подобные жанрообозначения отражали не только поведенческую игровую эпатажность их создателей, но и их претензию на поиск новых художественных форм в рамках семиотической модели языка искусства. Так в журнале появляются микроэссе парижанина Камиля Чалаева («Пересечения судеб», «Мумия с полуслова» и др.), стихи Натальи Горабаневской, Игоря Лоцилова (Россия), литературные эссе «Три текста о всаднике и городе» российского критика Кирилла Кобрин (2003, №35), «словесная поэзия» в № 37 (2003) А. Очеретянского (США), самиздатовская литература альтернативных форм письма, Кстати, творчество А. Очеретянского наиболее близко по эксперименту задачам «Стетоскопа» - не случайно в 1989 году в США он начинает издавать близкий по концепции и стилистике альманах «Черновик» (снабженный подзаголовком «альманах литературный, визуальный»), используя термин «смешанная техника», объединяющая драматургию, коллаж, графику.

Жанр «Лингвогобелены» (так обозначил Вилли Мельников свои творения в № 37 «Стетоскопа» за 2003 г.), создавая иероглифический визуальный текст «многоязычных коввропрядений», по его собственному признанию, «не стремится к эпатажной иероглифичности, а лишь пытается овизуализировать взаимопревращения культур и эпох» путем

«использованием неологизмов-кентавров (муфтолингва) показывая безграничные возможности симбиоза контрастов...» (Мельников 2003).

Рисунок 2. Вилли Мельников. Начальная страница цикла «Лингвогобелены»

Несмотря на то, что в «Стетоскопе» отчетливы следы самиздатовской литературы, граничащей с соцартовскими мотивами (как, например, в художественном эссе челябинского автора Д. Бавильского), основной регистр журнала – это метафизическая эклектика, сочетающая «образы лестниц с начертательной геометрией диска» (Богатырев, 2001). Это особенно заметно в тех произведениях, в которых отчетливо заметна рефлексия классической традиции, в частности в выпуске № 35 («Городдорог»), посвященном «городским текстам» культуры. Городские мотивы в целом вписаны в мифологический контекст времени и пространства – от «городомузыки» А. Лебедева до «опыта спонтанной импрессионистической филологии в «Субъекте и субстанции в городе, огороде и пригороде» Митрича с их фото графически-ремарковой стилистикой, сопровождающей рисунки автора.

В поисках новых жанрово-стилевых моделей и интермедиальных конструкций авторы «Стетоскопа» выходят на причудливые пересечения документа и художественной условности (А. Козлов. Энтропия. 2002, № 34), постмодернистской игры с классикой (И. Даурова «Один

день Александра Сергеевича», Вацлав Ас «Подражания», 2002, № 3), кинематографических приемов и циркизации письма (в частности художника, поэта, музыканта М. Богатырева называют представителем школы «эксцентрической словесности», что демонстрируют все тексты, опубликованные как на страницах журнала, так и в отдельных авторских изданиях самиздата (Богатырев, Платонова: 2014). Следует подчеркнуть, что «Стетоскоп» стал ступенькой творческой активности публикуемых там авторов – возможно, он и прекратил свое существование потому, что они «переросли» его рамки, либо уйдя в сетевую литературу, либо издавая собственные сборники. В этом смысле показателен опыт и М. Богатырева, который в последующие годы значительно расширил сферу своих научных интересов, о чем свидетельствует двухтомное издание его философских эссе «Consonantia roenitentiae» (Париж, 2016), в котором автор осмысляет наследие русско-парижской интеллектуальной школы. В 2016 году он стал лауреатом международной премии «Эмигрантская лира» сразу в двух номинациях – поэзии и эссеистики.

В одной из глав первого тома («Совесь и психоанализ. Совесь и художественное творчество»), значительно переработанной позже в статью, автор определяет её жанр как «”фасеточное эссе”, напоминающее по своей структуре пчелиный глаз» (Богатырев 2016). По сути, это стилевая тенденция, которая начала оформляться еще в рамках художественной стратегии «Стетоскопа».

Опыт издания «Стетоскопа» продемонстрировал возможность преодоления культурной изоляции русского журнала в Париже, где были сосредоточены научные школы по изучению русского авангарда и, соответственно, французские исследователи получили возможность для анализа дальнейших трансформаций художественно-стилевых систем русской литературы.

В заключение отметим, что оба журнала сыграли важную роль в консолидации литературной жизни русской Франции и расширении связей с российской литературой (как в сфере преемственности традиций, так и в области формальных экспериментов), что, по сути, восстанавливало единое художественное пространство «двух Россий».

Список литературы

- Бавильский Д. (2002): Парижский литературный журнал «Стетоскоп» //Топос. 27. 11 URL: <http://new.topos.ru/article/705> (дата обращения: 12.06. 2018)
- Богатырев М. (2001): Эхо механической лестницы, Стетоскоп, № 32. URL: <http://www.aesthetoscope.info/stetoskop/32/06.htm> (дата обращения: 07. 06. 2018).

- Богатырев М. (2016): Совесть и психоанализ. Совесть и художественное творчество. URL: <https://syg.ma/@mikhail-bogatyrev/soviest-i-psikhoanaliz-soviest-i-khudozhiestviennoie-tvorchiestvo> (Дата обращения 09.05.2018).
- Богатырев М., Платонова О. (2014): На стыке богословия и лингвистического авангарда, (совместно с О. Платоновой), Париж, б.и.
- Булгаков М. А. (1989): Тьма египетская, Собр.соч. в 5 т. Т.1. Москва: Художественная литература.
- Вахтин Б. (1986): Человеческое вещество? Эхо, 14, 5–104.
- Мельников В. (2003): Лингвогобелены, Стетоскоп, 37. URL: // <http://www.aesthetoscope.info/stetoskop/37/19.htm> (дата обращения: 07. 06. 2018).
- Рубинштейн Л. (2015): Пожатые каменной десницы, URL: <http://stengazeta.net/?p=10045251> (дата обращения: 09.05.2018).
- Сапгир К. (1981): Выговор «Эха». Русская мысль, 15.10.

ДИСКУРС «ПОДПОЛЬНОГО СОЗНАНИЯ» В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Подчиненов Алексей Васильевич
Уральский федеральный университет, Россия
A.V.Podchinenov@urfu.ru

DISCOURSE OF "UNDERGROUND CONSCIOUSNESS" IN MODERN RUSSIAN LITERATURE

Alexey Podchinenov
Ural Federal University, Russia

АННОТАЦИЯ

В статье анализируется эволюция художественного воплощения авторской позиции в повести Ф. М. Достоевского «Записки из подполья» и романа Э. Лимонова «Это я – Эдичка». Несмотря на внешнее сходство в изображении подпольной реальности своего героя, современный автор отходит от этической и эстетической традиции русской классики. В книге В. Ерофеева «Хороший Сталин» подпольное сознание не конструируется писателем, а являет себя, скорее всего, вне авторской воли. В результате автор не «держит» романного жанра, личная биография оказывается сильнее писательской судьбы.

ABSTRACT

The changes that the author's attitude has in artistic representation of the novel "Notes from the Underground" by F. M. Dostoevsky and in the novel "It's me – Edichka" by E. Limonov are analyzed in the article. Having visible similarity of internal experience the present-day author excuses the underground reality of the character by departing from ethic and aesthetic traditions of Russian classics. In the book "Good Stalin" by Vic. Erofeev underground consciousness is not designed by the writer, but reveals itself, most likely, beyond the author's will. As a result, the author does not "hold" the novel genre, personal biography is stronger than the writer's fate.

Ключевые слова: нравственные традиции русской классики, подпольное сознание, Достоевский, Лимонов, Вик. Ерофеев.

Key words: aesthetic traditions of Russian classics, underground consciousness, Dostoevsky, Limonov, Vic. Erofeev.

Впервые тема подполья со всей очевидностью заявлена в русской литературе Ф. М. Достоевским («Записки из подполья», 1864), который позже писал в черновом наброске «Для предисловия» (1875), находящемся среди подготовительных материалов к роману «Подросток»:

«Я горжусь..., что впервые разоблачил его уродливую и трагическую сторону. Трагизм состоит в сознании уродливости. <...> Только я один вывел трагизм подполья, состоящий в страдании, в самоказни, в сознании лучшего и в невозможности достичь его и, главное в ярком убеждении этих несчастных, что и все таковы, а стало быть, не стоит и исправляться! Что может поддержать исправляющихся? Награда, вера? Награды – не от кого, веры – не в кого! Еще шаг отсюда, и вот крайний разврат, преступление...<...> Причина подполья – уничтожение веры в общие правила. Нет ничего святого» (Достоевский 1976: 329–330).

Спустя более века другой русский писатель, Э. Лимонов, обратился к этой же теме больного, парадоксального, рефлектирующего, разорванного сознания в романе «Это я – Эдичка». Интересно проследить, хотя бы в общих чертах, сходство и различие двух сознаний, двух подполий, являющих собой обособление, духовное одиночество, крайний эгоизм, душевную злость. Роман XX века читается как своеобразный духовный сиквел повести века XIX, иллюстрация к тому, во что вылилась философия «человека из подполья», «норы» через столетие.

Повесть Ф. М. Достоевского начинается с эпатажирующей апологетики злобы как естественной и единственно возможной сути человеческой жизни:

«Я человек больной... Я злой человек. Непривлекательный я человек <...>. Нет-с, я не хочу лечиться со злости. Вот вы этого, наверно, не изволите понимать. Ну-с, а я понимаю. Я, разумеется, не сумею вам объяснить, кому именно я насолю в этом случае моей злостью; я отлично хорошо знаю, что и докторам я никак не могу «нагадить» тем, что у них не лечусь; я лучше всякого знаю, что всем этим я единственно только себе поврежу и никому больше. Но все-таки, если я не лечусь, так это со злости. Печенка болит, так вот пускай же ее еще крепче болит» (Достоевский 1973: 99).

В ином лексическом поле, но в том же интонационном ключе представлен в начале романа монолог Эдички как апология злобы, при том герой решительно отбрасывает проблемы подпольного парадоксалиста путем полного оправдания и даже своеобразного опозитивирования своего поведения и отношения к миру:

«Я считаю, что я подонок, отброс общества, нет во мне стыда и совести, потому она меня и не мучит, и работу я искать не собираюсь, я хочу получать ваши деньги до конца дней своих. И зовут меня Эдичка. И считайте, что вы еще легко отделались, господа. <...> Иногда мной овладевает холодная злоба. Я гляжу из своей комнатки на вздымающиеся вверх стены соседствующих зданий, на этот великий и сташный город и понимаю, что все очень серьезно. Или он меня – этот город, или я его. Или я превращусь в того жалкого старика-украинца, который приходил к моим приятелям посудомойкам на наш пир, к униженным и жалким, он – еще более униженный и жалкий, или ... Или подразумевает

победить. Как? А <...> его знает как, даже ценой разрушения этого города. Чего мне его жалеть - он-то меня не жалеет» (Лимонов 1993: 4, 21).

Выдающийся русский философ Н. О. Лосский, анализируя природу мирового зла, писал: «... чрезмерная любовь к себе, предпочтение себя другим личностям есть уже нарушение ранга ценностей; она есть первичное, основное нравственное зло, грехопадение тварного существа. Все остальные виды зла, все несовершенства в мире суть следствие этого основного зла себялюбия, эгоизма. <...> ... эгоистическая любовь к себе есть в целом любовь не к тому, что заслуживает любви, она есть любовь к своему искаженному облику <...> себялюбец принимает живое участие лишь в весьма ограниченной области этого грандиозного потока жизни, только в тех отрезках его, которые имеют непосредственное значение для его обедненной, сосредоточенной на себе жизни» (Лосский 1994: 347, 350, 352).

Погружение в сознание и психику героя, для которого важнейшим принципом является «сосредоточенность на себе», диктует особый тип повествования от «я», позволяющий в случае «Записок из подполья» и «Это я – Эдичка» однотипно охарактеризовать жанр и того, и другого текста как роман-самоопределение, а точнее – роман мнимых тождеств.

Оба героя стремятся к установлению тождества там, где действуют всевозможные запреты. И это не случайно, ибо ни подпольному парадоксалисту, ни Эдичке не свойственен главный закон бытия, утверждающий, что «всякому существу как таковому присуще тождество, единство с самим собой» (Хайдеггер 1991: 7). Носители подпольного сознания принимают «живое участие лишь в весьма ограниченной области грандиозного потока жизни», ибо им в высшей степени присуще основное зло тварного мира – чудовищный эгоцентризм. Характерно, что Достоевский, в отличие от Лимонова, дарует ощущение «хромоты» собственного «я» своему герою, тем самым, пусть через парадокс отрицания, но все же приобщает его к общей жизни: «Ведь рассказывать, например, длинные повести о том, как я манкировал свою жизнь нравственным растлением в углу, недостатком среды, отвычкой от живого и тщеславной злобой в подполье, – ей-богу не интересно; в романе надо героя, а тут нарочно собраны все черты для антигероя, а главное, все это производит пренеприятное впечатление, потому что мы все отвыкли от жизни, все хромаем, всякий более или менее» (Достоевский 1973: 178). Однако эпитафией к обоим романом может быть знаменитая формула подпольного парадоксалиста: «А впрочем: о чем может говорить порядочный человек с наибольшим удовольствием? Ответ: о себе. Ну так и я буду говорить о себе» (Достоевский 1973: 101).

Концептуальные узлы потока сознания героев связаны с поиском и обретением формул самоидентификации. Ведущими из них становятся формулы возраста и особенностей характера, которые есть производные от возрастной характеристики. Возраст – мальчик, отношение к миру и людям – злоба. У подпольного парадоксалиста, обидчивого как незащищенный ребенок и злобного как злопамятный старик, отождествление себя с мальчиком дано чаще всего скрытно, через сравнения (нередко анималистического характера), воспоминания о детстве, о процессе социологизации, реже – прямо: «Я, например, ужасно самолюбив. Я мнителен и обидчив, как горбун или карлик... <...> Там, в своем мерзком, вонючем подполье, наша обиженная, прибитая и осмеянная мышь немедленно погружается в холодную, ядовитую и, главное, вековечную злость. Сорок лет сряду будет припоминать до последних, самых постыдных подробностей свою обиду и при этом каждый раз прибавлять от себя подробности еще постыднейшие, злобно поддразнивая и раздражая себя собственной фантазией. <...> Да и вообще терпеть я не мог говорить: «Простите, папаша, вперед не буду», – не потому, чтоб я не способен был это сказать, а напротив, может быть, именно потому, что уж слишком способен на это бывал, да еще как? <...> Мучило меня тогда еще одно обстоятельство: именно то, что на меня никто не похож и я ни на кого не похож. «Я-то один, а они-то все», – думал я и – задумывался. Из этого видно, что я был еще совсем мальчишка. <...> ... я бросался, как злая собачонка, на Аполлона. Воскреситель-то, бывший-то герой, бросается как паршивая, лохматая шавка, на своего лакея, а тот смеется над ним!» (Достоевский 1973: 103, 104, 107, 125, 174).

У Эдички определение себя как мальчика происходит настойчиво и прямо, что нередко связано с гомосексуальным сюжетом романа: «– Я этого блюда есть не могу, – сказал он, – толстеешь от этого, а тебе можно, ты мальчик. Мальчик подумал про себя, что да, конечно, он мальчик, но если бы долбить в голове дыру, вынуть ту часть мозга, которая заведует памятью, – промять как следует, было бы роскошно. Вот тогда мальчик. <...> По желанию Раймона, хвалившегося моей фигурой, я должен был вертеться перед французом, показывая себя. Мне казалось, что мне пятнадцать лет, и что родители показывают меня своим друзьям. Куда пятнадцать, меньше лет. Десять, восемь. <...> Я познакомился с ней (Кэрл) в мае, в Квинсе, вечером. У нас много общего – у меня отец коммунист, у нее родители фермеры-протестанты. И она для своих родителей «анфан-террибль», и я тоже для своих блудный сын и «анфан террибль». <...> Идут. Не так много их сегодня. То девочка лет 50–60, то мальчик с седой бородой. Редко взрослый, как нужно, человек. Что-то с нами со всеми произошло. И я юноша 30 лет» (Лимонов 1993: 56, 86, 199).

Не озлобленность, но именно всепоглощающая злоба становится основным дискурсом сознания и самосознания героев. В поисках социально-психологических тождеств, призванных вписать «я» в «мир» звучит шокирующий вызов. У Достоевского он усилен интонационной аранжировкой – «захлебывающийся бюрократизм» (И. Бродский) плюс провокационная имитация обращения прямо к читателю, ложного самоуничижения: «...вздумаете спросить меня: кто ж я таков именно? – то я вам отвечу: я один коллежский асессор. <...> Пусть, пусть я болтун, безвредный, досадный болтун, как и все мы. <...> О, если б я ничего не делал только из лени. Господи, как бы я тогда себя уважал. <...> «Лентяй!» – да ведь это званье и назначенье, это карьера-с. <...> Тут, впрочем, целая психология. Может быть, и то, что я просто трус. <...> Ну, а я вот знаю, что я мерзавец, подлец, себялюбец, лентяй. <...> ...потому что я мерзавец, потому что я самый гадкий, самый смешной, самый мелочной, самый глупый, самый завистливый из всех на земле червяков» (Достоевский 1973: 101, 109, 123, 174).

У Лимонова шокирующий вызов дан непосредственно и грубо и чаще всего связан с активным использованием табуированной лексики, которая является и способом оценки мира и органичной формой мышления, одной из черт сознания. Не случайно она активнее возникает в дискурсе размышлений, внутренних монологах героя, нежели в дискурсе описания внешнего мира, поступков, разговоров других. Эдичка признается: «Я не стеснительный. <...> Я не раб по натуре своей, прислуживать умею плохо. <...> И вот я, оставаясь русским поэтом, был самой незначительной личностью. Крепко дала мне жизнь по морде. <...> Я не хотел быть справедливым и спокойным. Справедливость, еб вашу мать – это я оставляю для вас, для меня несправедливость. <...> «Босьяк, как есть босьяк», – подумал я с удовольствием о себе. <...> ...если бы я делал революцию, я опирался бы в первую очередь на тех, среди которых мы идем – на таких же как я, – деклассированных, преступных и злых. <...> Я - человек улицы. На моем счету очень мало людей-друзей и много друзей-улиц» (Лимонов 1993: 3, 31, 40, 42, 85, 103, 227). Наконец, вспомним знаменитый финал романа, практически весь состоящий из обценных слов, выражающих не только крайнее пренебрежение общепринятыми нормами морали, но бессильное отчаяние и тоску одинокого сознания. Это своеобразная спонтанная речевая реакция, реализующая себя как средство вербальной агрессии, как катартическая функция и одновременно инвектива как бунт (Жельвис 2001).

Другим усилителем эпатажа, на котором во многом зиждится скандальная слава книги (ее рабочие названия: «Русский поэт предпочитает больших негров», «Я предпочитаю больших негров»), стала двусмысленная сексуальная ориентация героя. Гендерное самоопределение во многом является главной интригой «романа тождеств»: «Меня и раньше иногда пронизывали острые приступы вражды к женщинам, настоящей злобной вражды. <...>

Какой из меня Геракл, я женоподобный, слегка аполлонический тип. Спать со мной для женщины все равно, что спать с подругой или сестрой. Нет, я не настоящий мужчина. Где моя густая растительность и жгучие глаза? Где мой тяжелый подбородок и грубая сила? <...> Мужчина и женщина, я иду на каблуках. Иду, двигаюсь. На меня смотрят» (Лимонов 1993: 34, 201, 203).

При обилии конструкций «Я есть то-то и то-то» и «Я не есть то-то и то-то» оба героя проговаривают одну и ту же мечту, формулируя ее почти идентично: они хотят быть героем. Подпольный парадоксалист постоянно повторяет: «Я делался вдруг героем. <...> Либо герой, либо грязь, середины не было. Это-то меня и сгубило» (Достоевский 1973: 132, 133). Ему словно вторит Эдичка: «К сожалению, моя профессия – герой. Я всегда мыслил себя как героя. <...> Даже книгу с таким названием еще в Москве написал: «Мы – национальный герой» (Лимонов 1993: 131).

В отличие от Эдички, подпольный парадоксалист понимает, что героем он быть не может, достаточно посмотреть на себя в зеркало: «Я случайно погляделся в зеркало. Взбодораженное лицо мое мне показалось до крайности отвратительным: бледное, злое, подлое, с лохматыми волосами. «Это пусть, этому я рад, – подумал я, – я именно рад, что покажусь ей отвратительным; мне это приятно...» (Достоевский 1973: 151).

Герой романа XX века, видя себя в зеркале в кружевной черной рубашечке и туфлях на высоких каблуках, откровенно любит себя, что выглядит как проявление болезненного нарциссизма. Аномалия, отклонение от нормы, патология, наконец, болезнь становятся неким садомазохистским комплексом, который определяет жизнь героев, становится ее важнейшей составляющей, способом досадить миру и быть не как все. Лейтмотив болезненности, аномальности всегда ведет к повышенной, интенсивной физиологичности текста: «Стоны его становятся какие-то скверные, пакостно-злые и продолжаются по целым дням и ночам. И ведь знает сам, что никакой себе пользы не принесет стопами; лучше всех знает, что он только напрасно себя и других надрыгает и раздражает; знает, что даже и публика, перед которой он старается, все семейство его уже прислушались к нему с омерзением, не верят ему ни на грош и понимают про себя, что он мог бы иначе, проще стонать, без рулад и вывертов, а что он только так со злости, с ехидства балуется» (Достоевский 1973: 107).

Болезнь становится одним из самых явных знаков проявления злобы как природной, коренной греховности героев. По этому поводу уместно еще раз обратиться к рассуждениям Н.О. Лосского: «Недовольство собой, неудовлетворенность семейною и общественною жизнью, невозможность найти полное удовлетворение в чем бы то ни было на земле есть источник истерии и других психоневрозов, а также и настоящих душевных болезней. Эти

бедствия неустроенности нашей души не суть наказания, наложенные на нас извне, они суть естественные следствия себялюбия, неизбежно нарушающего гармонию и внутри человека, и вне его во всех отношениях к миру и к Богу» (Лосский 1994: 355).

Характерно, что герой романа «Это я – Эдичка» не только культивирует в себе психическую аномальность, но делает ее чертой своего больного поколения: «Я воспитывался в культе безумия. «Шиза», «шиз» – укороченное от шизофреник, так мы называли странных людей, и это считалось похвалой, высшей оценкой человека. Странность поощрялась. Сказать о человеке, что он нормальный, значило обидеть его. Мы резко отделяли себя от толпы «нормальных». Откуда пришел к нам, провинциальным юношам и девушкам, этот сюрреалистический культ безумия? Конечно, через искусство. Человек, не побывавший в свое время в психбольнице, достойным человеком не считался. Покушение на самоубийство в прошлом, едва ли не в детстве, вот с каким аттестатом пришел я, например, в эту компанию. Самая лучшая рекомендация» (Лимонов 1993: 173).

Насилие, агрессия и одновременное стремление продлить собственную боль, страдания и мучения присущи героям и в их отношениях с женщинами. Оба лишены любви, оба готовы убить свою возможную или утраченную любовь. Отношение подпольного парадоксалиста к Лизе можно охарактеризовать как интеллектуальный садизм, готовый смениться физическим насилием: «... и злое чувство обхватило меня. «Постой же», – подумал я. <...> Иногда мне приходила мысль самому съездить к ней, «рассказать ей все» и упросить ее не приходить ко мне. Но тут, при этой мысли, во мне подымалась такая злоба, что, кажется, я бы так и раздавил эту «проклятую» Лизу, если бы она возле меня вдруг случилась, оскорбил бы ее, оплевал бы, выгнал бы, ударил бы! <...> Пей чай! – Проговорил я злобно. Я злился на себя, но, разумеется, достаться должно быть ей. Страшная злоба против нее закипела вдруг в моем сердце; так бы и убил ее, кажется» (Достоевский 1973: 159, 166, 172). Эдичка неоднократно признается в том, что он предпринял реальную попытку убить Елену, предварительно «проигрывая» в своем сознании сцену убийства множество раз. Принципиальное различие героев в том, что, одинаково упиваясь своей болезненной злобой, они, по велению своих создателей, различно оценивают это состояние своей души. Парадоксализм мышления и своеобразная глубина авторефлексии героя «Записок из подполья» заставляют его признаться: «Да в том-то и состояла вся штука, в том-то и заключалась наибольшая гадость, что я поминутно, даже в минуту самой сильнейшей желчи, постыдно сознавал в себе, что я не только не злой, но даже и не озлобленный человек, что я только воробьев пугаю напрасно и себя этим тешу. У меня пена у рта, а принесите мне какую-нибудь куколку, дайте мне чайку с сахарцем, я, пожалуй, и

успокоюсь. Даже душой умилюсь, хоть уж, наверно, потом буду сам на себя скрежетать зубами и от стыда несколько месяцев страдать бессоницей. Такой уж мой обычай.

Это я наврал про себя давеча, что я был злой чиновник. Со злости наврал. Я просто баловством занимался и с просителями и с офицером, а в сущности никогда не мог сделаться злым. Я поминутно сознавал в себе много-премного самых противоположных тому элементов. Я чувствовал, что они так и кишат во мне, эти противоположные элементы» (Достоевский 1973: 100).

У Эдички внутренней парадоксальности уже нет, в нем не кишат «эти противоположные элементы», а есть внешняя прямолинейная парадоксальность отношения к миру: любовь и ненависть, которая, конечно, заменится любовью, как только ему предложат «какую-нибудь куколку». Для него невозможны горечь признания «человека из подполья»: «Я не только злым, но даже и ничем не сумел сделаться: ни злым, ни добрым, ни подлецом, ни честным, ни героем, ни насекомым» (Достоевский 1973: 100). Лимонов к финалу романа идет на подмену: «злой мальчик» превращается в принца: «Но когда принц Эдичка приходит, вмешивается в дело зло, хаос ведь ненавидит любовь, он шепчет девочке, что это не принц...» (Лимонов 1993: 272). Автор романа применяет известный прием встречи «злого мальчика» с «хорошим мальчиком из хорошей семьи», но при этом полностью переворачивает ситуацию: «Возле меня бегают дети, обычно это хорошие дети, попадаются и плохие – один мальчик, например, в течение более чем двух часов с дикой злобой ломал и рвал мой любимый куст на Детской горе. Я ничего не мог сделать, мне оставалось молча страдать, ибо рядом сидел отец этого кретина и поощряюще улыбался. Отец тоже был кретин. Когда они ушли, я пошел и расправил куст. <...> Меня растения не боятся, но мне мало что удалось поправить после этого дьявола-мальчика» (Лимонов 1993: 244).

Но сама интонация «молитвы», придуманной Эдичкой, выдает его, поскольку это скорее революционный или военный марш, нежели молитва:

В обеих книгах присутствует обязательное авторское объяснение-оценка своего героя, что стало традицией, сопровождающей появление эпатажного для своего времени произведения. В сноске к названию первой части повести Достоевский пишет: «И автор записок и самые «Записки», разумеется, вымышлены. Тем не менее такие лица, как сочинитель таких записок, не только могут, но даже должны существовать в нашем обществе, взяв в соображение те обстоятельства, при которых вообще складывалось наше общество. Я хотел вывести перед лицо публики, повиднее обыкновенного, один из характеров протекшего недавно времени. Это – один из представителей еще доживающего поколения. В этом отрывке, озаглавленном «Подполье», это лицо рекомендует самого себя, свой взгляд и как бы хочет

выяснить те причины, по которым оно явилось и должно было явиться в нашей среде» (Достоевский 1973: 99). Но если автор XIX века со всей очевидностью отчуждается от своего создания, то автор XX любит его так же, как Эдичка любит собой. В послесловии "The absolut beginner или правдивая история сочинения «Это я – Эдичка»" вылезает «физиономия сочинителя», автора Эдички, оказавшегося настоящим писателем с точки зрения «буржуазного мира», отрехнувшего «викторианскую паутину с русской литературы» (Лимонов 1993: 284) и постоянно отслеживающего коммерческий успех своей книги. Но одновременно он ощущает себя Настоящим Русским Писателем, а Эдичку «созданием русского духа», который останется в русской литературе «вместе с девочкой Лолиткой и донским казаком Григорием Мелеховым» (Лимонов 1993: 288). Таким образом, Эдичка становится воплощением мучительной, но глубокой любви (Лолитка) и носителем универсальной, всечеловеческой истины (Мелехов). И в самом тексте неоднократно звучат отсылки к предшественникам Эдички. Если отель «Винслоу» и его обитатели – это ночлежка Корыстылева из пьесы «На дне», то «убийство любви», «продажная любовь» и далее «Долой ваш мир!» – это уже знаменитая злость Маяковского, столь же знаменитая, как ненависть Горького к сытому миру.

«Записки из подполья» – открытие реальности подпольного сознания, роман «Это я – Эдичка» («я последний», «я тему закрыл»), снимая парадоксальность, изменяя отношения автора к герою, возможно, перешагнул уже за грань этического и эстетического риска. Подпольное сознание представлено в книге XX века не только как реальность, но как реальность одобренная автором.

В книге В. Ерофеева «Хороший Сталин» (Ерофеев 2017) подпольное сознание не конструируется писателем, а являет себя, скорее всего, вне авторской воли. Повествование довлеет над своим создателем, подчиняет его своим законам, в результате чего текст несет в себе разные интертекстуальные слои, которые воспринимаются не как углубление смысла, но как некое амбициозное самолюбование. Подпольное сознание автора «маскируется» литературностью: тщательно, по-набоковски выписанным предметным миром; аксеновской эротикой воображения (которая трансформируется в агрессивную сексуальность); аксеновской же социальностью (в которой главное – стремление к личностной свободе, превращающееся в злобную обиженность на власть); упрощенным трифоновским психологизмом.

В результате автор не «держит» романного жанра, личная биография оказывается у него сильнее писательской судьбы.

Список литературы

Достоевский Ф.М. (1973): Записки из подполья, Полное собрание сочинений в 30 т., 5. Ленинград: Наука, 99–179.

Достоевский Ф.М. (1976): {Заметки, планы, наброски. Январь – ноябрь 1875}, Полное собрание сочинений в 30 т., 16. Ленинград: Наука. 252–439.

Ерофеев В. В. (2017): Хороший Сталин. Москва: РИПОЛ классик.

Лимонов Э. (1993): Это я – Эдичка. История его слуги. Москва: Мока.

Жельвис В. И. (2001): Поле брани. Сквернословие как социальная проблема. Москва: Ладомир.

Лосский Н. О. (1994): Бог и мировое зло. Москва: Республика.

Хайдеггер М. (1991): Разговор на проселочной дороге. Москва: Высшая школа.

ВИЗУАЛЬНОСТЬ СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: ОТ ТИПОГРАФИКИ ДО МЕДИАПОЭЗИИ

Семьян Татьяна Федоровна
Южно-Уральский государственный университет, Россия
tatyana_semyan@mail.ru

THE VISUALITY OF MODERN LITERATURE: FROM TYPOGRAPHY TO MEDIA POETRY

Semyan Tatyana F.
South Ural State University, Russia

АННОТАЦИЯ

В статье описан один из векторов литературного процесса — процесс визуализации текста, активно развивающийся на протяжении веков. Современная литература пользуется всеми способами и приёмами визуализации — шрифтовыми акцентами, расположением текста на плоскости страницы, различными видами иконических знаков, рисунками, фотографиями. В статье проанализированы визуально-графические особенности текстов ключевых писателей актуального русскоязычного литературного процесса. В их произведениях визуальное является ключевым элементом поэтики и определяет структурные особенности произведения. В современной литературе ярко визуализированы тексты всех родов. Поэзия как наиболее мобильный вид литературы в процессах визуализации продвинулась в сторону медийного пространства и приобрела формы видеоклипа, имеет интерактивную сетевую форму.

ABSTRACT

The article describes one of the vectors in literary process — visualization of the text, actively developing for those centuries. Modern literature uses all methods and techniques of visualization - font accents, placement of text on the page, various types of iconic signs, drawings, photographs. The article analyzes visual-graphic features of the texts of most important writers of the actual Russian-language literary process. In their works the visual consists of elements of poetics and determines the structural features of the work. In modern literature, the texts of all types are vividly visualized. The video has an interactive network form.

Ключевые слова: визуальность, визуально-графический облик текста, креолизованный, поликодовый текст, видеоклип.

Keywords: visuality, visual-graphic appearance of text, creolized, polycode text, video clip.

На протяжении веков существования литература всегда была внимательна к внешнему облику текста: этот интерес проявлялся и со стороны писцов рукописных книг, и позже — со стороны авторов. Накопленный значительный эмпирический материал позволил обобщить

теорию визуального облика текста, который создаётся не только шрифтовыми акцентами и особенностями расположения текста на странице, но также авторскими рисунками, превращающими литературное произведение в поликодовый текст, существующий в измерении синкретичных явлений.

Следует специально оговориться, что определённые визуальные качества есть у любого текста: абзацные отступы, шрифтовые выделения, заглавие — тоже визуальные знаки, выполняющие семантико-композиционные функции. Но ниже речь пойдет о текстах активно визуализированных.

Современность визуализирует всё пространство существования человека. При этом визуальное, несмотря на свою внешнюю выраженность, является амбивалентным по сути и выражает концептуальный, глубинный уровень того или иного явления. Так, в литературе визуально-графический облик текста манифестирует сюжетный, композиционный, нарративный уровни, репрезентирует интонацию, эффект суггестивной речи, имитирует момент физического присутствия автора. В современной литературе визуальное может являться ключевым элементом поэтики и определять структурные особенности произведения.

В современной литературе активно визуализированы тексты всех родов. В прозе необычный визуальный облик имеют, например, произведения Дениса Осокина, Анатолия Королёва, Линор Горалик, Лены Элтанг.

Денис Осокин творчески свободно обращается с пространством страницы, создавая различные комбинации из заполненных и незаполненных вербально фрагментов, используя в качестве основной визуальной фигуры немотивированно увеличенные пробелы между словами и буквами в слове, что создаёт причудливый орнамент, словесную арабеску:

ветер ветер
ветер во всем
основная — фигура ветра

в мире
в небе
в пустых домах
на улицах
в траве
в ветвях
на воде (Осокин 2003: 461).

Приведённый пример аналогичен так называемым фигурным стихам, визуальный акцент здесь изобразителен, внешняя форма «рисует» содержание: фрагмент наполнен воздухом-ветром.

Родовую природу книг Д. Осокина сложно определить однозначно. Активизируя белое поле страницы, Осокин смешивает визуальные маркеры прозаического, стихотворного и драматического родов, в том числе через увеличение ширины левого и правого полей. Текстовые фрагменты книги «Барышни тополя» расположены симметрично оси страницы и формируют неклассический визуальный облик:

в петлях и ловушках
несомые домой из леса
чующие (демонов) (Осокин 2003: 444).

Визуальные лакуны в тексте обладают глубокой семантикой, освобождённое и акцентированное пустое пространство страницы наполнено особым смыслом. Учитывая концепцию автора, согласно которой его литература делится на «примитивизм и литературу для мертвых» (Осокин 2003: 5), можно предположить, что лакуны между текстовыми блоками представляют собой своеобразные переходы из мира живых в мир мертвых. Пробелы затрудняют, деавтоматизируют восприятие текста:

засохшие куски пирогов — хлеба —
л е п ё ш е к
п у л и
и г р у ш к и
деревянный чурбан (полено или большой
как плаха) (Осокин 2003: 434).

Другой стили- и формообразующей особенностью книги Осокина «Барышни тополя» являются авторские графические рисунки, выполненные в нарочито непрофессиональной манере, в стилистике рисунков в черновике, на полях рукописи, которые выполняют не столько традиционную иллюстративную функцию, сколько являются органической частью повествовательного дискурса. Современная лингвистика и текстология называют тексты, в которых соединён вербальный и авербальный компоненты, креолизованными, поликодовыми, и считают, что компоненты разнокодовых систем, органически вращаясь, сосуществуют в семиотическом континууме. В книгах Осокина иконический компонент эквивалентен тексту словесному, рисунок выступает в качестве графического слова, эманации смысловой энергии.

В рисунках книги «Барышни тополя» словесный текст и изображение находятся в комплиментарных отношениях; и текст, и изображение оказываются в данном случае фрагментами более крупной синтагмы, так что единство сообщения достигается на некоем высшем уровне — на уровне сюжета, рассказываемой истории, диегесиса. В книге «Барышни

тополя» рисунок и текст представляют собой единое целое — не только смысловое, но и визуальное. Визуальный ряд увеличивает содержательность вербального уровня и представляет вторую информационную систему генерирования смысла. Стилистика рисунков в книге Осокина обнаруживает подтекстовый уровень произведения, таким образом, многомерность текста выражается не только вербально, но и сверхсловесно.

Современные писатели активно задействуют иконический потенциал визуальных знаков в самых разных аспектах. В прозе Анатолия Королёва, перу которого принадлежат такие известные произведения, как «Голова Гоголя», «Человек-язык», «Быть Босхом», акцентирована визуальная составляющая как в виде экфрастических описаний, так и в визуально-графических знаках — фигурных приёмах расположения текста, шрифтовой акциденции, графических эквивалентах. Анализ явления литературной визуальности в творчестве Анатолия Королёва позволяет сделать вывод об иконизме как стилевой доминанте творчества писателя.

В романе «Человек-язык» есть яркий, необычный пример актуализации иконического потенциала пунктуационных знаков:

По крыше, саду и тексту всё реже и реже забарабанили капли густого дождя, превращая точки в полосы воды. (Буквы, орошённые слезами.) Примерно вот так:

Это песок на садовой дорожке (текст):

.....

Это дождь, идущий над знаками:

!!

Это размытые следы пост/прикосновений вещей капели:

.....

.....,попадая в русло потока,
 сверху вниз,
 от зенита к преисподней,
 буквы сливаются по вертикали, как побеги воды на стекле, образуя божественнейшие
 средостения смысла:

..... а..... е.....
 л..... л.....
 л..... о..... к.....
 и..... р.....
 д..... е..... а.....
 с..... л.....
 т..... б.....
 н.....

.....о..... (Королёв 2001: 105).

Иконичность графического эквивалента очевидна: песок изображён точками; дождь — восклицательными знаками, как ливневые потоки; капли — запятой, которая сама по себе имеет каплевидную форму; побеги воды на стекле изображены сбегающими по диагонали страницы отдельными буквами. Королёв продолжает и трансформирует одну из тенденций современной прозы — создание имитации разрушенного текста, как, например, в прозе Генриха Сапгира, романе «Доро» Веры Хлебниковой.

В этом же романе иконически выражен лейтмотив произведения: из вертикально акцентированного слова «жертва» и горизонтально выделенного слова «сострадание» составлено фигурное очертание креста. Мотив крестной ноши как зловещего рока является главным в этом произведении и неоднократно зафиксирован визуально:

Визуализация мотива креста создаётся также шрифтовым рисунком:

Душа бродит в про**Ж**илках приборя, в тени от солнца.

Текст побега н**Е**уничтожим

Он по**Р**ождаёт одно никогда и грозу бытия.

Сумасшес**Т**вия ни в чём нет.

Влага с небес...

Аллилуйя.

(жертва)

Душа бродит в прожилках приборя, в тени от **С**Олнца. Тек**С**Т побега неуничтожим. Он

по**Р**ожд**А**ет одно никог**Д**А и грозу бытия. Сумасшестввия **Н**И в чём нет. Влага с

неб**Е**с... Аллиллуйя.

(сострадание) (Королёв 2001: 106).

Отдельно следует сказать о визуализации в прозаических опытах всемирно известного художника Гриши Брускина. Его книги «Подробности письмом», «Мысленно вами», «Прошедшее время несовершенного вида», «Прямые и косвенные дополнения» относят к феномену *прозы художника*, в них соединяется вербальное в виде миниатюрных автобиографических рассказов и визуальное в виде фотографий из семейного архива или репродукций картин художника.

В литературное творчество художник переносит ключевые композиционные приёмы своей живописи — фрагментарность, коллажность. Структура его книг выражает основную идею всего творчества — жизнь как коллекция впечатлений и событий (вспомним одну из его относительно недавних выставок «Коллекция археолога»).

Визуальное воплощение книг Брускина являет собой продолжение идей русского философа, писателя Василия Розанова, который хотел печатать в книгах жанра «опавшие

листа» каждый фрагмент на отдельной странице и в нарративной стратегии своей прозы «преодолеет литературу», сделав повседневное и личное всеобщим и художественным.

Эти идеи в книгах Брускина усилены включением фотографий из семейного архива. Фотографии стали повествовательным элементом книг художника. Синтез фотографий и текста усиливает эмоциональную составляющую и договаривает не высказанное словами. Соединяясь в коллаж, вербальное и визуальное являют читателю идею жизни как коллекции.

Неожиданный пример визуализации текста даёт современная драматургия в творчестве Оли Мухиной. Ориентированность драматурга на визуальное, картинку проявилась в поэтике её пьес, жанр которых автор определяет как «пьесы с картинками». Сохраняя традиционные внешние драматургические каноны (список действующих лиц, деление на части, картины, реплики, ремарки), Оля Мухина включает в тексты своих произведений невербальный компонент в виде рисунков и фотографий. Такие картинки или фотографии выполняют ряд сложных функций: коммуникативную, эстетическую, орнаментальную, служат созданию необходимой атмосферы, стилистически представляют эпоху и даже визуализируют персонажей пьесы в фотографиях. Например, в пьесе «Ю» один из персонажей (Степан Иванович) представлен фотографией легендарного советского военачальника, командующего Первой конной армией в годы Гражданской войны — Семёна Михайловича Будённого, личности в советской истории легендарной и мифологизированной. Поскольку в данной пьесе не конкретизирован хронотоп, то такие визуальные элементы создают и поддерживают атмосферу эпохи.

Эта особенность творчества Оли Мухиной, не конкретизируя историческое время, создавать его ощущение, проявляется и в пьесе «Летит», имеющей две редакции, одна из которых представлена в стилистике глянцевого журнала с рекламными разворотами, фотографиями селебрити и прочими атрибутами гламурной жизни. Эта редакция пьесы выводит литературный текст на новый медийный уровень (в котором уже существует театр).

Следует заметить, что современная драма в целом очень изменила визуально-графическое представление текста пьесы, предлагает неожиданные и даже экспериментальные формы. Пьесы М. Угарова, Е. Гришковца, И. Вырыпаева, В. Сигарева имеют неканонический визуальный облик, в котором значительно трансформируется ремарка, увеличиваясь в объемах и функционально беря на себя функции повествования.

Современной поэзии уже мало бытования даже в виде визуальной поэзии, которая уже существует многоаспектно, например, в коллажной технике (А.Федулов, У Заворотинская, Е. Бабушкин) или в каллиграммах (С. Сигей, Е. Мякишев); поэзия развивается дальше в видео- и медиаформах. Область видеопэзии так быстро развивается, что появившиеся в 2000-х годах

поэтические клипы А. Горнона уже стали классикой жанра, а самый представительный фестиваль видеопэзии «Пятая нога» проводится с 2007 года.

Развитие и доступность новых информационных технологий (видео, аудио, всемирная информационная сеть) активно влияет на бытование художественных текстов. В результате медиализации словесности появились новые виды искусства, сочетающие в себе вербальное и невербальное: видеопэзия, саунд-пэзия, визуальная поэзия. Эти виды медиапэзии активно развиваются, стремятся выделиться в отдельные области искусства.

В сфере медиапэзии наиболее известным и востребованным жанром является видеопэзия, где в рамках одного поэтического клипа объединены визуальные и вербальные (слово-титр, шрифтовая акциденция, слово-аттракцион), аудиальные (мелодия, звуковые выделение, специфическая декламация) и кинематографические (монтаж, эстетика кадра, кинематографический интертекст) приёмы.

Видеопэзия является синтетическим видом искусства, органично сочетающим визуальный ряд и поэтический текст, который может быть представлен графически или декламироваться. Ниже предложен материал о развитии жанра видеопэзии в уральском регионе, где проживает автор настоящей статьи.

В уральском поэтическом контексте жанр видеопэзии стал развиваться одновременно с общероссийским процессом. За эти годы появились такие работы, как «Простыни» и «Пью» (на стихи Яниса Грантса), «Из природы сна и воды» (на стихи Вадима Балабана), «Синоним» (на стихи Евгении Рябининой), «Примерно 15 лет» (на стихи Андрея Черкасова), «Толкаться» Евгения Горбачева, «Подъехал» и «Сосед» А. Самойлова и пр. Челябинские поэтические видеоклипы выполнены в разных техниках: игровое видео, документальное видео, flash-анимация, 3D-анимация, коллаж.

Видеопэзия Яниса Грантса продолжает литературную стратегию автора, главный элемент которой — игра с читателем, мифологизация образа автора. В произведениях Яниса Грантса присутствуют сознательные отсылки к творчеству ОБЭРИУтов, в частности к Даниилу Хармсу, которые прочитываются как в прямой цитации, так и на мотивно-образном уровне и в абсурдистских приёмах.

Обращение Яниса Грантса к абсурду — важная особенность поэтики автора, отражающаяся и в его поэтических клипах. Например, в клипе на стихотворение «Мои» умелое использование компьютерной графики режиссёром Арсением Креховым работает в технике абсурдистских приёмов — это инверсия коммуникативных последовательностей, многозначность смыслов, соскакивание с темы, несоответствие ситуационному контексту. Режиссёр подчёркивает основные абсурдистские приёмы автора и компенсирует рецептивный

разрыв между словом и текстом за счет аттракционного жеста и провокативного содержания изображения, строящегося на принципах гэга — комедийного приёма, в основе которого лежит очевидная нелепость (маски Хакамады, Сталлоне).

В видеопоззии, имеющей генетическое родство с кинематографом, за режиссёром закреплена роль интерпретатора: то есть, по сути, он идеальный читатель, который вступает с автором в творческий диалог. Фотограф, режиссёр и художник Анастасия Богомолова сняла поэтический клип на стихотворение «Офелия», написанное известным челябинским автором Константином Рубинским. В результате режиссёрской рефлексии над образностью поэтического текста получился поэтический видеоклип, в котором видеоряд и текст связаны не буквально, а ассоциативно.

Шекспировский образ «Офелии, невинно утонувшей» воплощается в клипе с помощью приёмов монтажа: размытой картинке, эффекта расфокусировки. Камера позволяет зрителю глубже воспринять и осмыслить образы и словно бы смотреть на мир глазами Офелии, «сквозь зыбчатый пруд, со дна, где мертва». Аудио-трек группы «The Chemical Brothers» и медитативное прочтение текста самим автором расширяют смысловое поле клипа.

Медиализация современной поэзии, пожалуй, актуальнейший этап развития современной поэзии. Внедрённость поэтического текста в медийное пространство происходит самым неожиданным образом. Челябинский поэт Александр Самойлов создал поэтический проект «Маршрут 91» — это книга, объединяющая стихи, посвящённые названию тех остановок городской маршрутки, которые проезжает поэт по пути на работу. Книга изначально существовала только в пространстве сети — она была выложена на гугл-карте и была интерактивна: можно было кликнуть на кружок остановки и прочитать соответствующее стихотворение:

Плодоягодная
Вперёд, дружок. Пока за восемнадцать
рублей мы катимся отсюда вон туда,
нам может многое в дороге показаться,
что не покажется в покое никогда.

Смотри в окно или послушай речи
твоих попутчиков, а вдруг они поймут,
кто тыщу лет готовил эту встречу,
кто ногтем этот прочертил маршрут

Замечательно то, что эта книга позже появилась в виде серии открыток, где на каждой открытке была фотография описанного места города Челябинска, а на обороте было размещено стихотворение.

Рассуждения о процессах визуализации в современной литературе хочется закончить, напомнив о специфическом жанре комикса или графического романа, блестящие образцы которого знает весь мир, поскольку этот вид литературы продвигается дальше в сторону тотальной визуализации, воплощаясь в широко известных и популярных экранизациях.

Но интересен факт внимания этого жанра к собственно литературе: известны так называемые графические адаптации хрестоматийных произведений мировой литературы, где авторы графических историй цитируют выбранный ими для визуализации претекст. Например, в адаптацию романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» авторов А. Климовского и Д. Шейбала включен знаменитый булгаковский пассаж «Следуй за мной, читатель...»; «Анна Каренина», адаптированная Катей Метелицей, начинается с известного выражения Л. Н. Толстого «Все счастливые семьи похожи друг на друга...». Возможно, тем самым авторы визуальных историй обозначают ценность и ключевую роль слова в культуре.

Список литературы

Королёв А. (2001): Человек-язык. Москва: Текст.

Осокин Д. (2003): Барышни тополя. — Москва: НЛО

**ЗАЧЕРКИВАНИЕ VS ДОПОЛНЕНИЕ:
РЕДАКТОРСКАЯ И КИНЕМАТОГРАФИЧЕСКАЯ ВЕРСИИ
РОМАНА В. АКСЕНОВА «ТАИНСТВЕННАЯ СТРАСТЬ»**

*Снигирева Татьяна Александровна
Уральский федеральный университет, Россия
tas0905@rambler.ru*

**STRIKETHROUGH VS ADDING:
EDITORIAL AND CINEMATOGRAPHIC FORMS OF V. AKSENOV'S
NOVEL "MYSTERIOUS PASSION"**

*Tatiana Snigireva
Ural Federal University, Russia*

АННОТАЦИЯ

Текстологический анализ первой и второй редакций обнаруживает романа «Таинственная страсть» показывает, что сокращения, предпринятые в первой публикации романа касаются не только перипетий личной истории поэта, но в какой-то степени искажают художественную концепцию романа. В телесериале (реж. В. Фрумкин) действует иной закон интерпретации текста, связанный с увеличением роли любовной интриги, введением не присутствующих в романе героев как реальных, так и вымышленных, дополнением романной канвы как известными фактами биографии Аксенова, так и культурными фактами эпохи «оттепели». Информационная избыточность сериала продиктована как формально-содержательными законами жанра, так и, возможно, учетом культурного багажа современного зрителя.

ABSTRACT

The textual analysis of the first and second editions of the novel "The Mysterious Passion" reveals the reductions made in the first publication of the novel concern not only the vicissitudes of the poet's personal history, but to some extent distort the artistic conception of the novel. In the television series (directed by V. Frumkin) another law of interpretation of the text operates, which is connected with the increasing of love intrigue role, the introduction of both real and imaginary heroes, that are not present in the novel, the complement to the novel in form of well-known facts of Aksenov's biography and cultural facts of the "thaw" epoch. Information redundancy of the series is dictated by both the formal content of the genre and its laws, and, perhaps, the cultural baggage of the modern viewer.

Ключевые слова: Аксенов, роман, авторская воля, редакторское решение, кинематографическая версия

Keywords: Aksenov, novel, author's will, editorial decision, cinematographic version

В центре нашего внимания – сопоставительный анализ двух редакций романа Аксенова (Аксенов В. Таинственная страсть (роман о шестидесятниках). Печатается в авторской редакции. Журнальный вариант. М.: «Издательство «семь дней», 2009 – далее 1-я редакция; Аксенов В. Таинственная страсть (роман о шестидесятниках). Авторская версия. М.: Издатель Д. В. Бирюков, 2015 – далее 2-я редакция) и телеверсия романа, предпринятая режиссером В. Фрумкиным (2016).

Разница в объеме двух изданий составляет около 80 страниц, что свидетельствует о серьезности купюр. Из первого издания романа в Книге первой вырезано 6 глав: «1963, дальнейший март. Гарсоньерка» (начало романа Роберта Эра с Милкой Колокольцевой); «1963, апрель – май. Депрессуха» (роман Роберта с Милкой Колокольцевой); «1963, май. Шестирукий» (завершение романа, закончившегося «алкогольным кошмаром»); «1963, июнь. Всенародная», «1968, начало августа. Ралисса» (начало отношений Ваксона с «главной женщиной его жизни»). «1968, 15 августа. Сердолик» (любовные метания главных героев)). В Книге второй нет полностью опущенных глав, но есть купюры, порой на две-три страницы. Например, в главе «1963, март. Чакры» вырезан финал, описывающий момент решения Роберта Эра прекратить отношения с Милкой Колокольцевой. Далее именно эта сюжетная линия – тайный роман, ставший явным для всех, в том числе и для жены одного из главных героев книги, полностью вырезан в так называемом «журнальном варианте».

Текстологический анализ «журнального варианта» и «авторской версии» обнаруживает, что сокращения, предпринятые в первой публикации романа, как свидетельствуют пресса и многочисленные интернет-дискуссии, сделанные по настоянию семьи Р. Рождественского, касаются не только перипетий личной истории поэта, но в какой-то степени искажают художественную концепцию романа.

Уже сопоставление аннотаций двух изданий, при всей текстологических совпадениях, свидетельствуют о том, что первый сокращенный вариант нацелен на этическое, да и политическое «облегчение текста».

1-я редакция: ««Таинственная страсть» – последний роман Василия Аксенова. Его герои – кумиры шестидесятых: Роберт Рождественский, Андрей Тарковский, Евгений Евтушенко.

<...> Аксенов представил нам уникальную возможность узнать, как жили эти люди – сопротивлялись власти или поддавались ей, любили, предавали, отбивали чужих жен, во что верили, чем дышали. И продолжали творить, несмотря ни на что, именно эту жажду творчества, которую невозможно убить никаким режимом, и называет Аксенов таинственной страстью» (Аксенов 2009: 4).

2-я редакция: «Перед нами полная версия нашумевшего романа Василия Аксенова “Таинственная страсть”. Он впервые публикуется в том виде, в каком передал его нам автор. Герои «Таинственной страсти» – кумиры шестидесятых: Булат Окуджава, Роберт Рождественский, Белла Ахмадулина, Владимир Высоцкий, Андрей Вознесенский, Андрей Тарковский, Евгений Евтушенко, Иосиф Бродский и их оппоненты, непримиримые враги. <...> Аксенов представил нам уникальную возможность узнать, как жили эти люди, как сопротивлялись власти, поддавались ей, любили, предавали, отбивали чужих жен, во что верили, чем дышали. И движет всем этим таинственная страсть, которая делает одних великими художниками, а других – предателями и приспособленцами» (Аксенов 2015: 4).

В. Аксенов – писатель, которого сложно охарактеризовать как мастера тонкого психологического рисунка, но он редко бывает прямолинеен, никогда не упрощает ни характеров, ни мотивировок поведения своих героев. В. Аксенов всегда подсвечивает мощный социополитический пафос своих произведений проекцией на приватную, личную, нередко интимную жизнь своих героев, что характерно и для романов «Ожог» и «Остров Крым», для «Московской саги» и в не меньшей мере для последнего романа писателя. После воспоминаний о разгромной встрече в Кремле, В. Аксенов последовательно дает описание того, как каждый из героев переворачивает свою жизнь: «грехопадение» Роберта Эр, встреча в Дубне Андреотиса с Софкой / Фоской и появившиеся стихи к ней, открытый разлад в первой семье Ваксона, завершившийся встречей с Ралиссой, главной любви героя. О значимости адюльтеров как своеобразном синониме европейской «свободной любви» и – одновременно – чисто российской форме протеста против советскости автор пишет прямо: «это можно назвать массовой карнавальной игрой новых свободных – или – жаждущих свободы – людей в несвободном государстве. Так в Москве с ее вечной кошмой серых небес жаждут интенсивных красок, калейдоскопа. Эротическая авантюра приносит эти краски и окрашенные звуки: утреннее солнце, ночь, молодой серп луны, густая полоса серебра, любовная игра вытесняет бесконечный грохот пустых самосвалов, в тишине начинает звучать тема Бизе, сближается стук его каблучков и цоканье ее каблучков» (Аксенов 2015: 255).

Но в первой редакции из оставленной главы «1968, 20 августа. Сезон!!!» вырезан фрагмент разговора двух жен (Ваксона и Роберта), обсуждающие возможные измены своих мужей и способы разрешения этой ситуации: «Анка (понижив голос): Нам надо, Мирка, отвечать им тем же. Мы с тобой еще молодые бабы. Мне мой врач говорил, ревность – это лучший афродизиак» (Аксенов 2015: 358). Из нее же убраны финальные страницы, посвященные важнейшей для художественной концепции романа и всего творчества В. Аксенова теме дружбы и ее предательства. Роберт Эр, узнав об измене своей возлюбленной с

его лучшим другом, приходит к выводу, с которым в конечном счете соглашается и автор: «Отлетела твоя любовь. Рухнула дружба. Вернись хотя бы в стихи. Держись хотя бы за них, пока не сдуло!» (Аксенов 2015: 373).

Вырезая куски, связанные с «запретной любовной связью» героев, издатели первого варианта романа вынуждены вырезать и важнейшее для автора подчеркивание связи любви – дружбы – поэзии. Так в главе «Похмелье» убрано целое стихотворение, рожденное после мыслей об одновременности любви к жене и возлюбленной, оборачивающимся размышлением о мужестве и невозможности остаться самим собой, не предавать себя:

Вернуться б к той черте, где я был мной.
Не возвращаться б к той черте, когда
Становится всеильной немота.
Ты бьешься об нее. Кричишь, хрипя.
Но остается крик внутри тебя (Аксенов 2015: 417 – 418).

Чрезвычайно важна саморефлексия поэта после написанного, в которой приватность и политичность идут «через запятую»: «Это какой-то ответ, думал он. Но кому? Другьям? Пропавшей женщине? Этому дню? Чехословакии?» (Аксенов 2015: 418).

Не менее существенно и то, что купюры приводят к существенному затемнению основной изначальной установки В. Аксенова: писать, как чувствовал и как запечатлелось в его художественной памяти. Отсюда – своеобразное решение проблемы достоверности и документальности в «рассказе о времени и о себе»: Василий Аксенов «не вполне уверен в хронологической точности событий» (Аксенов 2015: 5). Абсолютно не доверяя мемуарам, он доверился мемуарному роману, резко разводя эти жанры: «Что касается мемуарного романа, то он, несмотря на близость к реальным людям и событиям, создает достаточно условную среду и отчасти условные характеры, то есть художественную правду, которую не опровергнешь» (Аксенов 2015: 6).

Только в 2015 году стараниями друзей Вас. Аксенова, прежде всего Анатолия Гладилина и Виктора Есипова, удалось опубликовать собственно авторский текст романа. Однако восстановив текст, редакторы провели кропотливейшую работу по восстановлению документальной достоверности романа, что реализовалось в разветвленной системе постраничных сносок. Они могут носить уточняющий характер. Но основная направленность сносок свидетельствует о том, что редакторская работа направлена на указания документальной непрописанности или недостоверности текста, который, повторим, и не претендовал на эту точность. Несколько примеров. Аксенов дает эпизод выставки в Манеже, когда Хрущев, все более приходя в негодование, обрушивается на картину Фалька

«Обнаженная»: «Никто так и не понял, к кому персонально обращается вождь, но все стояли вокруг драматическими истуканами», сноска: «Картина Р. Фалька была представлена в Манеже, но сам художник умер в 1958 г.» (Аксенов 2015: 60). Фразу «Это была Екатерина Алексеевна Фурцева, министр культуры СССР. Ее, оказывается, никто и не известил об историческом событии» сопровождает сноска: «Министр культуры СССР Е. А. Фурцева присутствовала на выставке в Манеже» (Аксенов 2015: 66). В главе, описывающий март 1963 («Встреча в Кремле»), А. Налбандян аттестован как «народный художник», который «размножил Сталина». Здесь же дается сноска: «Народным художником СССР А. Налбандян стал в 1969 г.» (Аксенов 2015: 93). И такие документальные сноски / уточнения / документальные справки и поправки продолжаются на протяжении всего романа: «... Политбюро Чехословакии и особенно генсек Дубчек подвергаются избиениям и особенно старается товарищ Шелест...», сноска: «Александр Дубчек был первым секретарем ЦК КПЧ» (Аксенов 2015: 392). «Потом он записал, может быть, лучшую свою песню, которую сочинил для фильма Митты “Арап Петра Великого”, где играл главную роль», сноска: «Фильм “Сказ про то, как царь Петр арапа женил”» (Аксенов 2015: 449).

В результате обилие сносок, переводящих романный жанр в жанр документальный, ставит прочтение «авторской версии» на рельсы сопоставления было / не было, что, конечно, спровоцировано в какой-то мере и самим автором (прозрачность переименования прототипов), и сопровождающим роман «Фотоальбомом», публикацию которого вряд ли одобрил писатель, особенно с расшифровывающими надписями, сделанными, видимо, для совсем уже недогадливого читателя: Василий Аксенов (Ваксон) и Роберт Рождественский», Владимир Высоцкий (Влад Вертикалов) и т. д.

Об особенностях своей «художественной метафизики», в которой правда искусства доминирует над правдой жизни, В. Аксенов говорит сразу же в авторском предисловии («Булат и Арбат»), описывая постановочную фотографию, «на которой изображены два нерасторжимых образа – Булат и Арбат», и, предупреждая возможные гипотетические недоуменные вопросы и реплики «придирчивого зрителя» («Откуда взялся стул на спящем Арбате?» и «Так не бывает»), отвечает: «Почему же не бывает, если это уже случилось и было запечатлено? <...> искусство дополняет – или даже отчасти – заменяет – реальность» (Аксенов 2015: 6). Книга В. Аксенова – «роман» со своим поколением, с самим собой, но и собственно роман. Однако в парадигму «правда / ложь» в «романе о шестидесятниках» переведены все дискуссии о «Таинственной страсти», как позже и о телесериале.

Характерно, что в одной из аннотаций книги и телесериала вопрос так и поставлен: «Что правда, а что вымысел в «Таинственной страсти». В развернутой рекламе телесериала

снимается вся вымышленность: «Экранизация последнего романа писателя и диссидента Василия Аксенова, в котором под вымышленными именами представлены самые яркие люди эпохи шестидесятников – Роберт Рождественский, Евгений Евтушенко, Андрей Вознесенский, Булат Окуджава, Белла Ахмадулина, Владимир Высоцкий, Эрнст Неизвестный, сам Аксенов». И далее составлены своеобразные триады «актер – роль – прототип»: «Алексей Морозов – Ваксон – Василий Аксенов», «Филипп Янковский – Ян Тушинский – Евгений Евтушенко», «Чулпан Хаматова – Нэлла Аххо – Белла Ахмадулина» и диады: «Галина Волчек – режиссер», Леонид Кулагин – Василий Аксенов в пожилом возрасте» и т. д. (https://ru.wikipedia.org/wiki/Таинственная_страсть)

Учитывая законы массового искусства, определенных (весьма жестких) требований к современному сериалу со стороны заказчика («Первый канал») и запросов телезрителей, режиссер идет на значительное увеличение роли любовной интриги, которая во второй половине экранного времени, исчерпав себя, носит инерционный характер, вводит не присутствующих в романе героев как реальных, так и вымышленных (Борис Пастернак, Зинаида Пастернак, Круглов, сотрудник КГБ СССР и т.д.), дополняет романную канву как известными фактами биографии Аксенова (например, его работа врачом), так и культурными фактами эпохи «оттепели» (например, введены фрагменты «Обыкновенной истории», знаменитого спектакля театра «Современник», причем в фильме роль Петра Адуева играет Кирилл Казаков, а роль Александра – Антон Табаков).

Информационная избыточность сериала, продиктована как формально-содержательными законами жанра, так, возможно, и учетом культурного багажа современного зрителя. Но в фильме есть режиссерский ход, свидетельствующий о понимании художественной концепции Вас. Аксенова. Вводом еще одного героя, проходящего через все кинодействие – «Василия Аксенова в пожилом возрасте» – Влад Фрумкин точно передает мысль автора «Таинственной страсти» об относительности памяти, заставившей его, лидера шестидесятников, отказаться от жанра мемуаров и предложить своим читателям «роман о шестидесятниках».

Список литературы

Аксенов В. (2009): Таинственная страсть. Роман о шестидесятниках. [Печатается в авторской редакции. Журнальный вариант]. Москва: Издательство «Семь дней».

Аксенов В. (2015): Таинственная страсть (роман о шестидесятниках). Авторская версия. Москва: Издательство ИП Бирюкова О.А.

Таинственная страсть, Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Таинственная_страсть
(дата обращения: 01.06.18)

КУЛЬТУРНО-ЛИТЕРАТУРНАЯ СРЕДА РУССКОГО СЕВЕРА В 1950– 1960-Е ГГ.

Столетова Анна Сергеевна

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Вологодский государственный университет» (ВоГУ), Россия
Stoletowa-A-S@yandex.ru*

THE CULTURAL AND LITERARY ENVIRONMENT OF THE RUSSIAN NORTH IN THE 1950-1960'S.

Stoletova Anna Sergeevna

*Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «Vologda State University»
(Vologda State University), Russia*

АННОТАЦИЯ

Предпринята попытка комплексного анализа социально-культурных изменений, произошедших в российском обществе в середине XX в., в том числе трансформации важнейших ресурсов механизма чтения: библиотечной, книготорговой систем, издательского дела, писательских объединений в Архангельской и Вологодской областях Европейского Севера России. Выдвигается тезис об участии органов власти Вологодской области в создании уникального локального писательского анклава. Рассматривается общественное самосознание писателей, решавшихся на противоречивое изображение жизни деревни. Акцентируется внимание на становлении художественного направления именуемого «деревенская проза». Отмечено, что в регионе была создана качественно новая инфраструктура чтения, особенностью которой являлось концентрирование крупнейшей плеяды литераторов и усиление их роли в культурном пространстве Русского Севера.

ABSTRACT

The attempted comprehensive analysis of socio-cultural changes that occurred in Russian society in the mid-20th century, including the transformation of the most important resources of the mechanism: the library, bookselling system, publishing, writers' associations in the Arkhangelsk and Vologda regions of the European North of Russia. The thesis on the participation of the authorities of the Vologda region in the creation of a unique local writers' enclave is being put forward. The social self-consciousness of writers is being considered, which was decided on a contradictory picture of the life of the village. Attention is focused on the formation of the artistic direction called «village prose». It is noted that a qualitatively new reading infrastructure has been created in the region, the feature of which is the concentration of the largest players in the cultural space of the Russian North.

Ключевые слова: Русский Север, библиотека, читатель, литература, культурно-массовая работа, писатели-деревенщики, деревенская проза, инфраструктура чтения.

Key words: Russian North, library, reader, literature, cultural work, village writers, village prose, reading infrastructure.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Президента РФ, проект МК-2952.2018.6 «Писательская среда Русского Севера в контексте советской действительности середины – второй половины XX в.: проявления урвной общественного самосознания»

Инфраструктура чтения – это система организаций, обеспечивающих процесс и создающих условия для чтения, с которыми взаимодействует читатель. Данное понятие закреплено в «Национальной программе поддержки и развития чтения», разработанной Федеральным агентством по печати и массовым коммуникациям совместно с Российским книжным союзом и рассчитанной на 2007–2020 гг. в значении, синтезирующем все институты, имеющие отношение к чтению в государстве. Таким образом, библиотечная, книготорговая системы и литературная жизнь являются отдельным кластером культурной сферы одного из крупных регионов страны – Русского Севера. Изучение развития, осмысление опыта формирования и стратегии совершенствования инфраструктуры чтения исследуемой территории в 1950–1960-е гг. позволит судить о социально-культурных изменениях, произошедших в российском обществе в середине XX в.

Вопрос о специфике инфраструктуры чтения Европейского Севера России представляется весьма важным. В течение 1950–1960-х гг. было издано свыше 20 постановлений и приказов центральных органов власти, в которых обозначались приоритетные для государства задачи по расширению и выстраиванию упорядоченной библиотечной и книготорговой сети, усовершенствованию их материально-технической базы, усилению книготорговли, книгоиздания, комплектования и пропаганды книги, качества обслуживания читателей и удовлетворения их запросов. Был создан механизм государственного контроля за формированием данной структуры (Культура в нормативных актах 2011; Культура в нормативных актах 2012; ГАВО 1; Столетова а 2015; Столетова а 2016). Воплощение решений государственных органов в регионе привело к оформлению качественно новой платформы для чтения. В 1950–1960-е гг. были проведены мероприятия по укрупнению учреждений довольно сложно организованной библиотечной системы, увеличению числа точек книготорговой сети, изменению форм деятельности писательских объединений. Вместе с тем неравномерность динамики численности библиотек выразилась в движении к росту до середины 1950-х – начала 1960-х гг. Уменьшение общего числа массовых библиотек к концу 1960-х гг. отражало общероссийские тенденции и было связано с процессом становления организованной библиотечной сети, устранения параллелизма в работе. В период с 1951 по 1957 гг. в РСФСР количество библиотек в среднем возросло в 1,2 раза, а с 1957 по 1969 гг. сократилось в 1,2 раза (Культурное строительство 1958: 395, 396; Народное хозяйство 1966: 483; Народное хозяйство

1970: 417; Народное хозяйство 1980: 341). В рассматриваемом регионе выявляется та же статистика: в течение 1950–1955 гг. – рост в 1,2 раза, а с 1957 по 1969 гг. сокращение в 1,4 раза (см. табл. 1).

Таблица 1 Количество массовых библиотек в Архангельской и Вологодской областях в 1950–1960-е гг.

Области	1950 г.	1955 г.	1957 г.	1959 г.	1965 г.	1969 г.
Архангельская область	764	954	955	882	780	740
Вологодская область	1380	1530	1440	1366	1002	1029
Итого:	2144	2484	2395	2248	1782	1769

Составлено по: Культурное строительство 1958: 28–29, 40–41, 396–397; Народное хозяйство 1966: 486–487; Народное хозяйство 1970: 419; Народное хозяйство Вологодской области 1967: 159; Народное хозяйство 1980: 343.

Как свидетельствуют данные таблицы 1, на протяжении первой половины 1950-х гг. в рассматриваемых областях наблюдался рост числа библиотек, а с середины 1950-х гг., в связи с объединением и укрупнением, их сокращение.

Основу библиотечной сети составляли массовые библиотеки. При этом процесс централизации управления культурой обусловил увеличение среди массовых учреждений библиотек системы Министерства культуры. В целом в Архангельской и Вологодской областях за период с 1955 по 1969 гг. их стало в 1,4 раза больше (см. табл. 2), по РСФСР с 1957 г. по 1970 г. – в 1,2 раза (ГААО 2: 14,21; ГААО. ОДСПИ 1: 34; ГАВО 2: 25; ГАВО 3: 28; ГАВО 4: 37; ГАВО 5: 42; ГАВО 7: 60; ГАРФ 1: 186, 201; ГАРФ 2: 5, 8; ГАРФ 4: 43, 58; ГАРФ 5: 10; ГАРФ 6: 12; Культурное строительство 1958: 396–397; Народное хозяйство 1980: 341). Следовательно, темпы формирования библиотечной структуры региона соответствовали средним показателям в республике.

Таблица 2 Общее количество массовых библиотек системы Министерства культуры в Архангельской и Вологодской областях в 1950–1960-е гг. (учтены городские, районные, сельские и детские библиотеки)

Год	Архангельская область	Вологодская область
1955	358	460
На 1 января 1957	436	602
1958	452	655
1960	450 (др. данные 456)	669
на 1 января 1966	459	666
1968	469	Нет сведений
1969	480	701
1970	Нет сведений	706

Составлено по: ГААО 2: 14, 21; ГААО. ОДСПИ 1: 34; ГАВО 2: 25; ГАВО 3: 28; ГАВО 4: 37; ГАВО 5: 42; ГАВО 7: 60; ГАРФ 1: 186, 201; ГАРФ 2: 5, 8; ГАРФ 4: 43, 58; ГАРФ 5: 10; ГАРФ 6: 12; Культурное строительство 1958: 396–397.

В городской среде была образована разветвленная сеть библиотек, но расположение учреждений характеризовалось неупорядоченностью, лишь половина горожан являлась читателями библиотек (ГААО 2: 14, 21; ГААО 3: 34; ГААО 4: 71, 75; ГАВО 2: 25; ГАВО 3: 28; ГАВО 4: 37; ГАРФ 2: 5, 8; ГАРФ 3: 21, 31; ГАРФ 4: 43, 58; ГАРФ 5: 10; ГАРФ 6: 12; ГАРФ 7: 102, 116; Культурное строительство 1958: 396–397; Народное хозяйство Вологодской области 1967: 160; Вологда 2004: 200). Если в 1957 г. в Архангельской области функционировало 11 библиотек системы Министерства культуры, а в Вологодской – 10, то в 1969 г. в Архангельской области вели работу – 20 учреждений, в Вологодской – 18 (ГААО 2: 14, 21; ГААО 3: 34; ГАВО 2: 25; ГАВО 3: 28; ГАВО 4: 37; ГАРФ 2: 5, 8; ГАРФ 3: 21, 31; ГАРФ 4: 43, 58; ГАРФ 5: 10; ГАРФ 6: 12, ГАРФ 7: 102, 116; Культурное строительство 1958: 396–397). К 1970 г. на территории города Архангельск располагалось 162 библиотеки (15 – государственной сети, 19 – высших и средних учебных заведений, 68 школьных, 60 профсоюзных). При этом в Октябрьском районе находились 3 государственных, 16 профсоюзных, 3 технические, 7 научных библиотек и все они располагались в центре города (ГААО 4: 71, 75). В конце 1970 г. в Вологде на каждые 10000 жителей приходилось 3 массовые библиотеки (Вологда 2004: 200).

Основным звеном библиотечной сети в 1950–1960-е гг. выступала сельская библиотека. Их число также планомерно сокращалось. В РСФСР за 1957–1969 гг. количество библиотек уменьшилось в 1,4 раза (Культурное строительство 1958: 396; Народное хозяйство 1970: 417). В Вологодской области количество массовых библиотек в сельской местности снизилось с 1274 в 1950 г. до 720 в 1970 г., т.е. в 1,8 раз (Культурное строительство Вологодской области 1958: 156; Народное хозяйство 1967: 159; Народное хозяйство 1971: 173). В Архангельской области к 1 января 1957 г. сельские территории располагали 758 массовыми библиотеками, а к началу 1970 г. – 503 (снижение состава в 1,5 раза) (Культурное строительство 1958: 396; Народное хозяйство 1970: 419).

Численность сельских библиотек Министерства культуры в регионе возросла за исследуемый период в 3,3 раза (см. табл. 3), в РСФСР – в 3,7 раза (ГАРФ 6: 12; ГААО 1: 17; ГАВО 6: 121; Культурное строительство 1958: 395; Народное хозяйство 1980: 341).

Таблица 3 Сеть районных и сельских библиотек системы Министерства культуры в Архангельской и Вологодской областях в 1950–1960-е гг.

Год	Архангельская область		Вологодская область	
	Районные	Сельские	Районные	Сельские
1950	30	105	Нет сведений	198
1952	30	170	Нет сведений	214
1953	Нет сведений	Нет сведений	41	231
1957	30	371	42	512
1958	27	386	42	565
1960	29	380	43	574
1965	28	389	41	569
1968	28	389	Нет сведений	Нет сведений
1969	28	395	41	590
1970	Нет сведений	Нет сведений	41	594

Составлено по: ГААО 1: 17; ГААО 2: 14, 21; ГААО 3: 34; ГААО ОДСПИ 1: 34; ГАВО 2: 25, ГАВО 3: 28; ГАВО 4: 37; ГАВО 5: 42–43; ГАВО 6: 108, 121; ГАВО 7: 60; ГАРФ 2: 5, 8; ГАРФ 3: 21, 31; ГАРФ 4: 43, 58; ГАРФ 5: 10; ГАРФ 6: 12; ГАРФ 7: 102, 116; Культурное строительство 1958: 396–397; Платионов 1958: 44.

При этом в обеспечении учреждениями сельской местности наблюдалось некоторое отставание и инертность процессов развития инфраструктуры чтения, что не могло не отразиться на привлечении и качестве обслуживания читателей. Важно отметить, что отдаленные районы, как правило, содержали небольшое количество библиотек и книжных магазинов, их материально-техническая база была неразвита, а набор литературы не отвечал спросу. Вместе с тем, государство направляло большие усилия на урегулирование данной проблемы. Методом решения сложившегося положения стало систематическое проведение общественных смотров библиотек и магазинов, месячников книги, а также организация подворных обходов, передвижек, книгоношества, внемагазинной торговли и работы межбиблиотечного абонемента. Эти формы работы способствовали доведению книги до каждой колхозной семьи. Осмысление значимости чтения на государственном уровне в 1950–1960-е гг. способствовало становлению библиотеки как центра общественной жизни и важнейшего канала популяризации чтения. Одновременно с этим остались нерешенными задачи усиления материально-технического оснащения и удовлетворения читательского спроса (Столетова а 2016; Столетова б 2016).

В развитии государственной политики в области чтения ярко проявился идеологический подход. При этом наибольшее отражение его принципы получили при формировании книжного фонда библиотек и магазинов, а также в деятельности отделений Союза писателей. В течение исследуемого периода общий книгофонд массовых библиотек региона возрос в среднем в 3,9 раз, по РСФСР – 4,6 раз. За 1955–1970-е гг. число книг в библиотеках системы

Министерства культуры Архангельской и Вологодской областей, как и республики, увеличилось в 2,4 раза (ГАРФ 1: 186, 201; ГАРФ 6: 12; Культурное строительство 1958: 28, 40, 395; Народное хозяйство 1980: 341, 343). Важной характеристикой в этом процессе выступала содержательная сторона доставляемых к читателю изданий. Комплектование библиотек определялось идеологическими принципами и задачами, поставленными государством перед обществом. Чтение должно было содействовать росту политического сознания и самообразования граждан, поэтому художественная, общественно-политическая, детская литература, сюжеты которой были связаны с освещением тем труда, достижений советского народа, патриотизма и отражали линию партии, являлась основой тиражей государственных издательств. Органы власти также устанавливали требования к выпуску книг, проводили акции проверок книжных фондов на предмет наличия «политически вредной» литературы. То же было характерно и для книжных магазинов и других книготорговых учреждений. Двойственность периода «оттепели» определялась сочетанием возвращения многих изданий в открытые фонды и систематическим проведением акций изъятия запрещенной литературы (Столетова с 2014; Столетова а 2016: 84–91; Столетова 2018).

В период 1950–1960-х гг. менялся состав читательской аудитории. Среди пользователей библиотек возросло число специалистов разнообразных отраслей хозяйства и рабочих. На привлечение этих категорий читателей была направлена основная часть пропагандистской и культурно-массовой работы учреждений, в соответствии с чем определялась ее специфика. В фондах крупных библиотек накапливалась техническая литература, начинали применяться новые формы работы – дни специалиста, информации, библиографии. Библиотечные работники, исполняя функции агитаторов, через проведение читательских конференций, литературных вечеров, выставок, обзоров и др. рекомендовали к прочтению литературу, способствующую культурному подъему и росту производительных сил. Получило распространение «руководство чтением». Читатель, в т.ч. сельский, обращался в среднем к 20-ти книгам в год, что являлось показателем высокоэффективной работы. В течение исследуемого периода состав читателей библиотек менялся в сторону роста числа людей с высшим и средним специальным образованием. Сообразно этому процессу повышался профессиональный уровень библиотекарей, развивались традиционные и внедрялись новые формы культурно-просветительской работы (Столетова б 2015; Столетова в 2016).

Место художественной интеллигенции в общественной жизни определялось увеличением доли ее участия в культурно-массовой деятельности. Ввиду этого важной характеристикой времени стало создание и развитие отделений Союза писателей РСФСР.

Органы государственной власти принимали непосредственное участие в процессе сплочения литературных сил, повлияли на формирование литературного сообщества в регионе. Были оформлены формы воздействия на творческую активность литераторов: приглашение в обком КПСС, участие представителей власти в собраниях писателей, выделение жилплощади. От писателей, в свою очередь, ждали произведений о текущих событиях, описывающих труд северных рабочих и колхозников. Эти импульсы были восприняты творческими объединениями (Столетова 2013; Столетова а 2014; Столетова б 2014).

Особенность региональной литературы заключалась в тяготении авторов к описанию жизни деревни и труда рабочего класса. Вологжане А.Я. Яшин, С.В. Викулов, В.И. Белов стали родоначальниками «деревенской прозы» – художественного направления, которому свойственно изображение быта, судеб, социальных проблем и традиций северного крестьянства. Спецификой творчества архангельских авторов стало увлечение морской и рабочей тематикой. Существенным отличием литературы рассматриваемого региона являлось то, что авторы, преимущественно следовали позициям социалистического реализма, но создавали также произведения не соответствующие официальной партийной линии, чему способствовало и ослабление цензурной политики в первой половине 1960-х гг. В данной связи нельзя не назвать рассказ А.Я. Яшина «Вологодская свадьба» (1962 г.) и повесть В.И. Белова «Привычное дело» (1966 г.) (Столетова д 2014). Фигуры Александра Яковлевича Яшина и Василия Ивановича Белова стали примерами в стремлении к гражданской смелости и правдивости. Неслучайно литературная критика периода 1960–1980-х гг. говорила о вологодской литературной школе как о «вологодском феномене», о «вологодском чуде» (Смирнова 2011).

Итогом развития литературной жизни Русского Севера в рассматриваемый период стало сотрудничество писателей с Северо-Западным книжным издательством и активное участие в съездах и собраниях, разнообразных мероприятиях, а также межобластном журнале «Север» (Столетова б 2017), внесшем особый вклад в развитие писательских сил региона. Одновременно совместная деятельность способствовала творческому единению. На фоне этого совершенствовались и формы взаимодействия с населением. В традицию вошло участие литераторов в днях поэзии и днях литературы, книжных базарах, встречах с публикой в книжных магазинах, на предприятиях и в различных учреждениях. Принципиально новой формой культурно-массовой работы стали поездки на агиттеплоходах, в ходе которых писатели знакомились и общались с жителями различных районов – впоследствии прототипами героев художественных произведений. В то же время литераторы выполняли свою главную функцию, заключающуюся в побуждении населения к реализации конкретных

трудовых целей, установленных государственной властью. К числу известных архангельских и вологодских авторов относились Н.К. Жернаков, Ш.З. Галимов, В.Н. Ледков, К.И. Коничев, Е.С. Коковин, А.А. Романов, О.А. Фокина, Н.М. Рубцов, Н.В. Угловский и др. (Столетова а 2017).

В целом Европейский Север России представлял собой значимый регион структурно изменяющихся, формирующихся библиотечной и книготорговой систем, сосредоточения крупнейшей плеяды северных писателей. Как показал анализ, к концу 1960-х гг. в Архангельской и Вологодской областях были сформированы основные элементы качественно новой инфраструктуры чтения, их работа строилась на осуществлении своей основной задачи приобщения потенциальных читателей к литературе, официально выпускаемой и тиражируемой государством, а темпы становления соответствовали общероссийским тенденциям. При этом особенностью библиотечной системы являлись дробная структура и слабая доступность новых книгоизданий. В сельской местности ее развитие характеризовалось неупорядоченностью сети, нерегулярным комплектованием книжных фондов, несформированностью материально-технической базы, отсутствием квалифицированного персонала. Создание Вологодского областного отделения Союза писателей (1961 г.), открытие в Архангельске Северо-Западного книжного издательства (1964 г.), функционирование журнала «Север» (с 1965 г.) привело к усилению пропаганды книги и росту популярности северных писателей. Специфика Вологодской области заключалась в наличии более развитой сети библиотек, концентрации писательских сил Севера, характерном особом подъеме и энтузиазме в творческой обстановке.

Список литературы

Вологда в минувшем тысячелетии: очерки истории города. Вологда: Древности Севера, 2004.

ГАОО. ОДСПИ 1 – Отдел документов социально-политической истории Государственного архива Архангельской области (далее – ГАОО. ОДСПИ). Ф. 296. Оп. 3. Д. 306.

ГАОО 1 – Государственный архив Архангельской области (далее – ГАОО). Ф. 5790. Оп. 3. Д. 165.

ГАОО 2 – ГАОО. Ф. 5859. Оп. 2. Д. 1139.

ГАОО 3 – ГАОО. Ф. 5859. Оп. 2. Д. 1388.

ГАОО 4 – ГАОО. Ф. 5932. Оп. 1. Д. 389 а.

ГАВО 1 – Государственный архив Вологодской области (далее – ГАВО). Ф. 309. Оп. 1. Д. 3

ГАВО 2 – ГАВО. Ф. 635. Оп. 10. Д. 24.

ГАВО 3 – ГАВО. Ф. 635. Оп. 10. Д. 45.

ГАВО 4 – ГАВО. Ф. 635. Оп. 10. Д. 66.

ГАВО 5 – ГАВО. Ф. 635. Оп. 10. Д. 69.

ГАВО 6 – ГАВО. Ф. 4794. Оп. 1. Д. 488.

ГАВО 7 – ГАВО. Ф. 4795. Оп. 1. Д. 170.

ГАРФ 1 – Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. А–501. Оп. 1. Д. 68

ГАРФ 2 – ГАРФ. Ф. А–501. Оп. 1. Д. 3296.

ГАРФ 3 – ГАРФ. Ф. А–501. Оп. 1. Д. 3297.

ГАРФ 4 – ГАРФ. Ф. А–501. Оп. 1. Д. 3298.

ГАРФ 5 – ГАРФ. Ф. А–501. Оп. 1. Д. 4929.

ГАРФ 6 – ГАРФ. Ф. А–501. Оп. 1. Д. 6050.

ГАРФ 7 – ГАРФ. Ф. А–501. Оп. 1. Д. 6051.

Культура в нормативных актах Советской власти (2011): [сборник] / М-во культуры Российской Федерации; [сост., введ. К.Е. Рыбак], 5: 1938–1960. М: Юридический Дом «Юстицинформ».

Культура в нормативных актах Советской власти (2012): [сборник] / М-во культуры Российской Федерации; [сост., введ. К.Е. Рыбак]. 6: 1961–1968. М. Юридический Дом «Юстицинформ».

Культурное строительство Вологодской области (1958): Сборник статей / Ред. коллегия: Е.И. Макаровский и др. Вологда: Областная книжная редакция.

Культурное строительство РСФСР (1958): Статистический сборник / ЦСУ РСФСР. М.: Госстатиздат.

Народное хозяйство Вологодской области в восьмой пятилетке (1971): Статистический Сборник / ЦСУ РСФСР, Статистическое Управление Вологодской области. Вологда: Северо-Западное книжное изд-во.

Народное хозяйство Вологодской области за годы Советской власти (1967): Статистический сборник / ЦСУ РСФСР, Статистическое управление Вологодской области. Вологда: Статистика, Вологодское отделение.

Народное хозяйство РСФСР в 1965 г. (1966): Статистический ежегодник / ЦСУ РСФСР. М.: Статистика.

Народное хозяйство РСФСР в 1969 г. (1970): Статистический ежегодник / ЦСУ РСФСР. М.: Статистика.

Народное хозяйство РСФСР в 1979 г. (1980): Статистический ежегодник / ЦСУ РСФСР. М.: Статистика.

Платионов А.Н. (1958): Культурно-просветительные учреждения, Культурное строительство Вологодской области: Сборник статей / Ред. коллегия: Е.И. Макаровский и др. Вологда: Областная книжная редакция, 42–58.

Смирнова В. (2011): Вологодский литературный феномен [Интервью с первым заместителем губернатора Вологодской области И.А. Поздняковым], Красный Север, 27 сентября, 4.

Столетова А.С. (а 2016): Библиотечная и книготорговая сеть на Европейском Севере России в 1950–1960-е гг. (на примере Архангельской и Вологодской областей), Проблемы российской и региональной истории XIX–XX веков: сборник научных статей / М-во образ. и науки РФ, Вологод. гос. ун-т ; [редкол.: Т. М. Димони (отв. ред.), Л.В. Изюмова, С.Г. Карпов]. Вологда: ВоГУ, 79–94.

Столетова А.С. (а 2014): Взаимоотношения писателей и местной власти в Архангельской и Вологодской областях в 1950–1960-е гг., Вопросы территориального развития, 6 (16). URL: <http://vtr.isert-ran.ru/article/1421/full> (дата обращения 27.07. 2018).

Столетова А.С. (b 2014): Деятельность Архангельской писательской организации в 1950–1960-е гг., Вестник Череповецкого государственного университета, 1 (54), 38–41.

Столетова А.С. (а 2015): Инфраструктура чтения на Европейском Севере России в 1950–1960-е гг. (на материалах Архангельской и Вологодской областей): дис. ... канд. ист. наук. Место защиты: Иван. гос. ун-т.

Столетова А.С. (с 2014): История формирования спецфонда Вологодской областной библиотеки, Экономика региона: реальность и перспективы: материалы VI межрегиональной научно-практической конференции, 14 февраля 2014 г., Вологда / Отв. ред. Ю.В. Уханова. Вологда: Филиал СПбГЭУ в г. Вологде; ИСЭРТ РАН, 6, 178–181.

Столетова А.С. (а 2017): Культурно-массовая работа вологодских писателей с читательской аудиторией в 1950–1960-е гг., Вестник Вологодского государственного университета, 3 (6), 10–14.

Столетова А.С. (b 2017): Образование журнала «Север» и его роль в развитии писательских сил Архангельской и Вологодской областей в 1960-е гг., «Разумное, доброе, вечное...»: проблемы производства, сохранения и распространения культуры в России от Некрасовской эпохи до современности (усадыба, литература, музей): материалы научной конференции (Ярославль, 29–30 июня 2017 г.) / Департамент культуры Ярославской области; Государственный литературно-мемориальный музей-заповедник Н.А. Некрасова «Карабиха» / Оторочкина А.Е., Макеев М.С, Маркина Е.В. (ред.кол.). Ярославль: ООО «Академия 76», 87–92.

Столетова А.С. (2013): Образование и деятельность Вологодской писательской организации в 1950–1960-е гг., Вопросы территориального развития, 1 (1). URL: <http://vtr.isert-gan.ru/article/1313/full> (дата обращения 27.07. 2018).

Столетова А.С. (b 2015): Работа массовых библиотек по обслуживанию читателей в 1950–1960-е гг. (на материалах Архангельской и Вологодской областей), Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики, 7–2 (57), 169–173.

Столетова А.С. (d 2014): Роль А.Я. Яшина в становлении Вологодской областной писательской организации, Ярославский педагогический вестник, 2, 1. (Гуманитарные науки), 301–306.

Столетова А.С. (b 2016): Роль библиотек в организации культурно-досуговой сферы жизни населения Европейского Севера России в 1950–1960-е гг. (на примере Архангельской и Вологодской областей), Вестник Томского государственного университета. История, 6 (44), 53–59.

Столетова А.С. (2018): Русский Север: особенности процесса книгоиздания в 1950–1960-е гг., Новые исторические перспективы: от Балтики до Тихого океана, 1 (10), 65–68

МОДЕРНИСТСКИЕ КОДЫ В ПОЭТИКЕ ПОСТМОДЕРНИСТСКОЙ РУССКОЙ ДРАМЫ РУБЕЖА XX – XXI ВЕКОВ

Страшкова Ольга Константиновна
Северо-Кавказский федеральный университет, Россия
olga.strashkova8@gmail.com

Купреева Ирина Валерьевна
Северо-Кавказский федеральный университет, Россия
88888888_87@mail.ru

Бабенко Ирина Андреевна
Северо-Кавказский федеральный университет, Россия
irinababenko17488@yandex.ru

MODERN CODES IN THE POETICS OF THE POSTMODERN RUSSIAN DRAMA OF THE TURN OF THE XX - XXI CENTURIES

Strashkova Olga Konstantinovna
North-Caucasian Federal University, Russia

Kupreeva Irina Valeryevna
North-Caucasian Federal University, Russia

Babenko Irina Andreevna
North-Caucasian Federal University, Russia

АННОТАЦИЯ

В статье осуществляется сопоставительный анализ на уровне интертекстуальности генетически родственных поэтик: модернистской «новой драмы» Серебряного века и современной постмодернистской драмы. Доказывается, что интертекстуальная сущность «новой драмы» заключается в диалогическом существовании хронологически многоярусного и полисемантического прототекста, направленного на «просвещенного» элитарного реципиента. Демонстрируются вариативные формы рецепции прототекста, используемые драматургами-модернистами: игра с художественным методом, эстетическим феноменом или устойчивой жанровой формой; интерпретация традиционных мифологических систем; автоцитация; пародирование. В постмодернистской драме также выявляются перечисленные способы трансляции чужого слова, однако отмечается, что в современной эстетической парадигме принципиально меняется сам характер интертекстуальности: она служит не только расширению смыслов, но указывает структурные параллели трансгрессивного текста, что позволяет утверждать, что модернистский полифонизм сменился на постмодернистский полиморфизм.

ABSTRACT

The article compares the intertextuality of genetically related poetics: the modernist "new drama" of the Silver Age and the modern postmodern drama. It is proved that the intertextual essence of the "new drama" consists in the dialogic existence of a chronologically multi-tiered and polysemantic prototext directed at the "enlightened" elitist recipient. Demonstrated variative forms of reception of prototext used by playwrights-modernists: a game with an artistic method, an aesthetic phenomenon or a stable genre form; interpretation of traditional mythological systems; auto-citation; parodying. In the postmodern drama, the listed ways of translating another's words are also revealed, however, it is noted that in the modern aesthetic paradigm fundamentally changing the essence of intertextuality: it serves not only to broaden meanings, but also indicates structural parallels of the transgressive text, which allows us to assert that modernist polyphony was replaced by postmodern polymorphism.

Ключевые слова: модернизм, постмодернизм, «новая драма» рубежа XIX - XX веков, постмодернистская драма, «новая волна», «новая новая драма», интертекстуальность, прототекст, неомифологизм, трансгрессия.

Keywords: modernism, postmodernism, the "new drama" of the turn of the XIX - XX centuries, postmodern drama, "new wave", "new new drama", intertextuality, prototext, neomifologizm, transgression.

* Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 16-34-00034 «Истоки жанрового синтеза в поэтике отечественной драматургии XX—XXI вв.»

Модернизм рубежа XIX-XX веков во многом наметил эстетические координаты постмодернистского культурного периода. Не случайна в определении художественного метода двух «порубежий» этимологическая доминанта – «модерн». Уже только этот, формальный, на первый взгляд, морфологический показатель даёт основание для соотнесения эстетических эпох в парадигме «сходство/различие». Наш научный интерес ограничен исследованием поэтики и функционирования драматургического рода, а точнее модернистской и постмодернистской драмы, получивших соответственно коррелирующие названия «новой драмы» по отношению к модернистским драматургическим экспериментам и «новой новой драмы», составляющей постмодернистский дискурс.

«Новая драма» Серебряного века, являя собой не жанр и не жанровую форму, а искусственно создаваемую и гипотетически восстанавливаемую нами модель (См.: Страшкова 2006), распознаётся по нескольким содержательным и формальным признакам. К содержательным относятся: мистицизм (точнее – мистериальность), маргинальность, интертекстуальность, особый тип психологизма, с ярко выраженным лиризмом. Здесь мы остановим внимание на параметре «интертекстуальность», поскольку коды её наглядно проявляются и в современной постмодернистской «новой новой драме», что даёт нам основание для сопоставительного анализа. Под интертекстуальностью мы понимаем наличие

в тексте маркированных – в большей или меньшей степени – следов других текстов в форме цитации, реминисценции, аллюзии, стилизации, пародирования, варьирующих один или несколько сходных элементов.

«Новая драма» формировалась, среди прочего, в диалогической ситуации отстранения от недавних предшествующих (реалистических) и рецепции давно ушедших (дореалистических) культурных текстов за счет обновления «забытых смыслов» (М. Бахтин). Произведения прошлых эстетических эпох воспринимались самыми презентативными модернистами – символистами как предначальные знаки, требующие распознавания, современной интерпретации. Обращение к предшествующему тексту было для них актом «раскодирования» прототекста, воспринимаемого в качестве «мощнейшего акта воспоминания, а это воспоминание, в свою очередь, атрибутировалось как «попытка ухватить множественность означивания, укрывшегося в генотексте» (Кристева 2004: 343).

Поскольку в отдельном модернистском тексте прочитывается глобальная художественная «картина мира», она, эта картина, закодированная столетие назад в модели «новой драмы», обнаруживается нами в процессе исследования в драмах и символистов, и акмеистов, и даже «отвергателей былого» – футуристов. Прочтение драматургических опытов знаковых для Серебряного века художников – Иннокентия Анненского, Андрея Белого, Александра Блока, Валерия Брюсова, Зинаиды Гиппиус, Николая Гумилева, Вячеслава Иванова, Дмитрия Мережковского, Фёдора Сологуба и др. – на уровне творческой рецепции смыслов и форм предшествующих эстетических систем и интерпретации собственных художественных прозрений позволяет говорить об интертекстуальной сущности «новой драмы» как одной из ярко выраженных её парадигм.

Владимир Соловьев, идеолог символизма, в статье 1895 г. «Поэзия гр. А.К. Толстого» подчеркивал: «Истинный источник поэзии, как всякого искусства, – не во внешних видениях, и также не в субъективном уме художника, а в самобытном мире вечных идей и первообразов» (Соловьев 1996: 143). Семиотическое понимание художественной реальности как циклической повторяемости культурных эйдосов инспирировало интертекстуальную сущность культурного диалога, а точнее полилога символистов. Смысловая полифоничность символа, к которому они апеллировали, позволяла множественное его прочтение в границах текста/произведения, текста/эстетической эпохи, текста/рода-жанра,

Создатели «новой драмы» активно использовали обобщенный исторический, эстетический опыт, архетипы художественного мышления. Эту особенность мы тезисно обозначим, указав основные интертекстуальные признаки, выявленные в пьесах вышеназванных драматургов Серебряного века.

1. В культурном и географическом пространстве Испании закономерным является обращение, для примера презентации формы интертекстуальной связи, к сопоставительному анализу пьесы барочного испанского драматурга Кальдерона «Жизнь есть сон» и фантастической драма Дм. Мережковского «Сильвио» (1887г.). Почти двухсотпятидесятилетнее «проживание» в духовном мире Европы наполнило прототекст («моделируемую область», по Л. Гинзбург) разнообразными смыслами, бесконечно развивающимися по горизонтали и вертикали, в пространстве и во времени.

Обращение к «вечным образам» искусства было не случайным для эстетической позиции Мережковского, утверждавшего «художественный идеализм» как одну из форм отражения действительности, доказывающего уже в первом «Манифесте символистов», что каждый эстетический факт содержит в себе «не только прошлое, но и неизвестное будущее всего человечества» (Мережковский 1991: 86). В авторском примечании к прологу своей драмы предтеча русского символизма указывает на целенаправленное следование предтексту, но только на одном уровне: «Основной сказочный мотив предлагаемой драмы тот же, что в известной пьесе Кальдерона» (Мережковский 2000: 676).

Сопоставительный анализ двух произведений показал, что драматург XIX в. отчетливо осознавал границу «своего» и «чужого», сохраняя «конструктивную упругость» (М. Бахтин) прототекста. Пьеса Кальдерона «Жизнь есть сон» подсказала Мережковскому, ищущему формулу религиозно-нравственного идеала, сложную интригу, располагающую человека в метафизическом пространстве здесь/нездесь, вступающего в борьбу с роком, небесным предопределением. Собственно, смысл барочного текста в транскрипции Мережковского стирается, обретая очертания идеи «третьего человечества», формируемой теоретиком символизма, начиная уже с трактата «Мистическое движение нового времени» и до фундаментального труда «Тайна трех». Начиная драматург как бы апробировал в художественной форме в монологах и репликах героев свои теоретические, «не выписанные» еще философские размышления о христианстве, мистицизме, оккультизме, естественном и социальном равенстве, о Вечной женственности и конечности человеческой жизни.

Интертекстуальное поле фантастической драмы Мережковского включает в себя серию цитат в цитате, аллюзий, реминисценций; цитат смысловых, ритмических, метафорических от гётевского «Фауста» до лирических текстов Лермонтова, Тютчева и Некрасова. «Сильвио» – рефлексия не только на барочный мистицизм, выводящий к инобытию, но и ориентир на современные для автора конца XIX столетия творческие идеи «расширения художественной впечатлительности». Дм. Мережковский, обратившись к вечной проблеме борьбы Человека с Роком в барочной интерпретации Кальдерона, находит ей своё «мистическое обоснование». В

архаическом прошлом он, как и все символисты, искал истоки настоящего, и в этом был типичным представителем нового искусства. Константин Бальмонт – переводчик Кальдерона – не случайно в статье «Кальдероновская драма личности» находил у барочного драматурга черты декадентского мировоззрения, комплекс ницшеанских идей. Это ещё раз указывает на особое творческое мировидение символистов, включающих свою художественную систему в глобальный культурный процесс.

2. Ещё одним источником интертекстуальных интенций символистов является античный миф, античная трагедия, что продиктовано особым – *неомифологическим* – типом их диалогического мышления. Драматургические опыты Мережковского, Брюсова, Анненского, Сологуба, Иванова, Блока демонстрируют мифотворческую направленность символистов. На соотнесенности различных смыслов мифа и многомерности прочтения символа Вяч. Иванов выстраивал свою концепцию символизма, чем и объясняется полифонизм смыслов образов-мифологем в его трагедиях «Прометей» и «Тантал». Трагедия «Тантал» овеществляет несколько мифологических мотивов внутренне антиномичных и в то же время проецированных вовне, составляющих логически завершённый новый миф о заслуженном наказании, роковой неизбежности судьбы бессмертных и смерти. Т.е. мифологический герой Иванова – образ-символ, соотносимый со множеством других мифологем, являющих вполне осязаемое «реальное» воплощение в драматургическом действе. Трагедия «Тантал», интерпретирующая античный прототекст, вбирает в себя архетипические символы других эпох. Необходимо отметить, что раскодирование современным исследователем любой мифологемы, не имеющей четкого указания автора, допускает не одно толкование. Если образы-символы античной трагедии к XX веку обрели прозрачные смыслы, то у Вяч. Иванова они осложнены «многомысленностью» автора, смешением культур, эстетических оснований. Вот почему мифологический герой здесь цитирует гётевского Фауста и утверждает идею Достоевского о «восторге-искуплении».

Сопоставительный анализ трех трагедий о Лаодамии (Страшкова 2002: 65-81) на один миф – «Лаодамия», «Протесилай умерший», «Дар мудрых пчёл» – показал, что И. Анненский, В. Брюсов, Ф. Сологуб при всем стремлении к воссозданию сюжета и формы античного прототекста приносили в миф новые знаки нового времени: мистериальность, ритуальность, психологизм, экспрессионизм, – расширяя границы смысла мифа и формы трагедии, дополняя их новыми кодами «открытого произведения» (У. Эко).

Акмеисту Гумилёву также было свойственно неомифологическое сознание, о чём свидетельствуют его драматургические этюды «Актеон», «Гондла», «Дитя Аллаха». В моделируемой Н. Гумилевым «новой драме» актуализированы модернистские стратегии,

интертекстуальность, в том числе. В пьесе на античный сюжет «Актеон» драматург создаёт собственный миф, соединив в финальной сцене две мифологические судьбы – Актеона и Пентея. В драматической поэме «Гондла» рецепируются прототексты различных уровней: «исторический», письменные и фольклорные источники, архетипические образы общекультурного и скандинавского ареала. В арабской сказке «Дитя Аллаха» редуцируется неведомый, фантастический мир Востока для утверждения идеи теургической функции поэта. Манифестируя отказ «от соблазна блуждать по сферам метафизики и оккультизма», Н. Гумилёв эстетизировал всё ирреальное, экзотическое, наполненное мистическими смыслами, что составляет не только особенность творческого самовыражения поэта-странника, обращенного к всемирной культуре, но и вообще специфику модернистской «новой драмы».

3. Другой показатель интертекстуального творческого видения символистов – это *самоцитация* как способ осознания, формирования, «вырисовывания» собственной концепции в её различных вариациях. В трех «лирических драмах» Блока («Балаганчик», «Король на площади», «Незнакомка») и примыкающих к ним «Песня Судьбы» и «Роза и Крест» выявляется смыслообразующая доминанта: вариация софийно-теургического мотива, эксплицированного в философских прозрениях Блока и других символистов, воспринявших соловьевскую Софию.

4. Показательным фактом диалогического эстетического мышления драматургов, конструирующих модель «новой драмы», является их *ирония*, самоирония, инспирирующая создание пародии. Для модернистов пародирование стало эстетической игрой, наиболее симптоматично проявляющейся в автопародии, когда «вторым планом», предтекстом выступает исповедуемый художественный метод, свои произведения или теоретические концепции. Иронический дискурс воссоздания собственных мистических иллюзий выявляется в драматических шутках идеолога символизма, философа Вл. Соловьева «Вечера в Каире», «Белая Лилия, или Сон в ночь на Покрова», в пьесах А. Блока «Балаганчик», «Король на площади», «Незнакомка». Драматургические эксперименты В. Брюсова «Любовь», «Дачные страсти», «Проза», «Декаденты» демонстрируют ироническую рецепцию теории и практики феномена символизма самими символистами. Самоирония, пронизывающая первые пьесы вождя символистов, инспирировала их автопародийную игру не только с образом «нового поэта», но и моделью «новой поэзии» так же, как и «новой драмы».

В своем интертекстуальном понимании каждого текста как прототекста драматурги-модернисты, воспринявшие эстетические коды предшествующих культурных эпох, вступали в диалог и с «морфемами» своего времени, своей литературы (реалистической в том числе). Анализ символистской драмы показывает, что она формировалась в промежуточном

межтекстовом пространстве, когда, с одной стороны, предтекст откровенно указывался («Сильвио», мифы о Протесилае, Прометее, Тантале), а с другой, – прочитывался в подтексте на уровне реминисценций и аллюзий (пьесы Блока, Белого, Брюсова, Гумилёва). «Игра» с прототекстами (античными, европейскими, восточными), творческое сознание модернистов, ищущих новые формы, обусловило формирование на рубеже XIX-XX вв. модели «новой драмы», способы рецепции прототекста в которой различны. Она (рецепция) осуществляется за счёт 1) игры с художественным методом и эстетическим феноменом (барокко); или 2) устойчивой жанровой формой; 3) интерпретации традиционных мифологических систем, архетипических образов; 4) за счёт переосмысления собственной авторской интенции, высказывания, обретающим форму автоцитации; 5) и благодаря пародированию как форме воплощения интертекстуального художественного мышления.

Все эти формы интертекстуальной стратегии вычитываются нами и в современной постмодернисткой «новой новой драме», также отличающейся интертекстуальными отсылками и нарочито обнажающимися связями с предшествующими культурными и литературными традициями, являя или своеобразную самоидентификацию, или полемическое ниспровержение смысла прототекста. Иногда интертекстуальные стратегии выступают в текстах современных постмодернистов наиболее удобным механизмом создания трансгрессивного письма, обретая характер формального художественного приёма, используемого для семантического варьирования, демонстрации относительности любого высказывания-текста. Так, большинством современных драматургов интертекстуальность продолжает использоваться для смыслового удвоения как чужого, так и своего художественного опыта, зачастую обращающегося карнавализацией, «выворачиванием наизнанку» этико-эстетических основ человеческих отношений, культуры, литературной традиции. При этом определение границ между собственным словом автора и чужим становится все более неочевидным, границы стираются, трансгрессивные стратегии становятся все более агрессивными.

Подобные тенденции особенно последовательно развиваются в творчестве создателей «новой новой драмы», демонстрирующей изнаночный антимир, в произведениях, так называемого, «бесчеловечного театра» (традиция, идущая от Альфреда Жарри, Тристана Тцара, Антонено Арто, Даниила Хармса, Александра Введенского). Так, в драме (в авторском жанровом определении – «текст для одного исполнителя») Ивана Вырыпаева «Июль», в пьесе Владимира и Олега Пресняковых «Паб», в постановках Кирилла Серебренникова (особенно наглядно, – в фильме 2016 года «Ученик») в качестве атрибута глобальной лжи и манипуляций, разрушения и экстремизма неожиданно выступает текст Священного писания, а, напротив, дьявольское,

демоническое становится знаком-заместителем истины, реагентом выявления подлинной сущности человека, характера человеческих отношений с вещным миром.

Если модернистская «новая драма» в диалоге с предшествующим текстом искала воплощения гуманистических, философских идеалов, трансформируя в новой эстетической ситуации традиционные проблемы поиска Истины, борьбы Добра и Зла, то постмодернистская эстетика тяготеет к тотальной деконструкции, к разрушению устойчивых норм. К примеру, в трагифарсе О. и В. Пресняковых «Терроризм», представляющем своеобразный манифест «новой новой драмы» и изображающем мир, расщепленным в тине повседневности насилия, цитация стихотворения Н. Некрасова «Несжатая полоса» парадоксальным образом служит травестированию интимной сцены, в которую вовлечены персонажи, и вырастает в глобальный символ пустоты и никчемности человеческого существования (см.: Пресняковы 2018 а). Интертекстуальная отсылка в пьесе тех же авторов «Изображая жертву» к «Преступлению и наказанию» Ф. М. Достоевского выступает опровержением истины, которую, по замыслу классика, должен был выстрадать Раскольников: нет воздуха и света в мире «право имеющего» сверхчеловека. В художественном мире Пресняковых все герои – «твари дрожащие», однако считающие себя в праве проявлять жестокость: они попеременно выступают то в роли палача, то в роли жертвы, не ведая ни сожаления, ни жалости, ни покаяния (см.: Пресняковы 2018 б).

Необходимо отметить, что дегуманистическая тенденция постмодернистской драмы на русской сцене соседствует с прямо противоположной – мы бы сказали, «ренессансной», – вновь обращающей человека к самому себе. Здесь постмодернизм сопрягается с традиционализмом и реализуется эта интенциональность именно через апелляцию к прототексту. Образцы последовательно «человеческого» театра представлены в творчестве представителей «новой волны» Л. Улицкой, Л. Петрушевской, Е. Гришковца, Н. Коляды, выступающих предтечами авторов «новой новой драмы» и одновременно их идейными антагонистами.

В драматургии Н. Коляды обретение человеком личностной целостности через обращенность к Другому даже отсылает к эстетике сентиментализма XVIII – начала XIX веков, направленного на выявление и демонстрацию родовой человеческой сути. В его пьесе «Полонез Огинского» развитие отношений персонажей определяется виртуозным интертекстуальным диалогом с повестью Ф. Достоевского «Двойник» (1846), осмысленной как современниками писателя, так и литературоведами в контексте «натуральной школы», обращающей к эстетическим кодам сентиментализма. Художественный мир «Полонеза Огинского» взаимодействует с поэтикой «Двойника» на *персонажном* уровне (Татьяна /

Голядкин), на уровне *сюжетной «переключки»* (неоднозначно освещаемое автором и неочевидное для самой Татьяны сумасшествие; постоянно мучающие героиню страхи преследования сотрудниками КГБ; идиллическая картина прощания, предваряющая ее отъезд в Америку, но, может быть, и в психиатрическую лечебницу, эквивалентна сцене отъезда из дома Олсуфия Ивановича Голядкина в сопровождении психиатра Крестьяна Карловича Рутеншпица), а также благодаря функционированию *мотива двойничества* в обоих произведениях.

Подчеркнем, что в «Двойнике» Достоевский развивает основанную Гоголем, сосредотачивавшим повествование на изучении диалектики добра и зла в человеческой душе, реалистическую разработку мотива двойничества. У Достоевского двойник предстает деструктивной, отколовшейся от целостности личности частью, не самодостаточной, но претендующей на самодостаточность (вытеснение Голядкиным-младшим Голядкина-старшего из всех сфер его жизни, начиная с социальной – квартиры, продолжая внутриличностной – лишение героя самосознания, вплоть до экзистенциальной, – разрабатываемый в планах одной из редакций повести эпизод похорон героев в одном гробу). Двойники же в рецепции Коляды представляют равноценных и равнозначных, зеркальных заместителей друг друга. Это персонажи не из разных противопоставленных субстанциональных плоскостей: реальности/ирреальности, мира/антимира, сознания/подсознания, но представители единого кромешного пространства. Они безуспешно пытаются обрести счастье в общении друг с другом, но не узнают – не видят в условиях расколотого человеческого единства Другого как части собственной родовой сущности.

Таня, дочь убитого партийного работника, затерявшаяся после его смерти за границей, и Дима, сын няни, нанимаемой советским послом для дочери, ныне проживающий «на птичьих правах» вместе с остальными бывшими слугами в заброшенной квартире погибшего хозяина, выступают зеркальным отражением друг друга:

*«Таня... Что с тобой стало ... Что с тобой стало ...
Смотрит на себя и на Диму в зеркало, которое стоит в коридоре»* (Коляда 2016).

В каждом из героев преломляется общая дисгармония метафизического и эмпирического планов: предполагаемой мечты и осуществленной реальности. Таня – балерина, ставшая проституткой, Дима – скрипач, ставший профессиональным нищим. Слияние героев в зеркальном отражении имеет символическое значение: как самодостаточные субъекты в глазах друг друга Таня и Дима существовать не могут. Таня любит свою фантазию – придуманного

Диму, тогда как подлинный Дима ей совершенно не интересен. Дима любит свою придуманную Таню, а всё, что связано с Таней «подлинной»: её родные, судьба, чувства и даже облик, – им бескомпромиссно осуждается и отрицается:

«Дима. Прости меня. Прости. Смешно было надеяться. Как ненавидел я твою жирную маму, твоего тупого, безмозглого отца, как стыдился за мать, которая порабски ползала за ними. И как я любил тебя. Год, два, три, четыре – каждый день, каждую минуту, только ты, и с каждым днём ты становилась лучше, ты занимала больше места в моём мире, я говорил с тобой, я писал тебе письма, не зная, куда их отправить, - девять лет, девять лет ради фальшивой куклы ...» (Коляда 2016).

При этом Коляда как современный автор, обостряет конфликт: «Мой мир» Тани отвергает «Мой мир» Димы и наоборот. Герои Коляды блуждают в собственных иллюзиях-заблуждениях, страстно веруя в них и отстаивая их жизненную силу. В отчаянных попытках сохранить свой мир Таня поражает самую сердцевину мира Димы, сжигая его письма к ней и обращая в пепел его лучшие чувства. Звучание темы изнасилования в жёстком монологе Татьяны, маркирует тему уничтожающего посягательства на личное пространство человека, что соответствует принципиальной установке постмодернизма, реализующего себя в натуралистической «чернухе» современной драматургии.

Одним из интертекстуальных мостов произведений Н. Коляды выступает также использование типичных приёмов поэтики Н. Гоголя. В цикле повестей «Миргород» появление животного в сюжетной линии выступает гоголевским маркером вмешательства потусторонних сил в размеренную и привычную повседневность человеческих взаимоотношений (см.: Манн 1988). В пьесе Коляды «Откуда-куда-зачем?» использован означенный код художественной индивидуальности Гоголя: появление кошки служит показателем метафизического разлома-портала между хрупким миром людей и могущественным потусторонним миром смерти и небытия.

Ещё один пример интертекстуального творческого мышления постмодернистов – пьеса Л. Улицкой «Русское варенье», демонстрирующая связь с драматургической традицией А. Чехова, точнее – с комедией «Вишневый сад». Пьесы объединены темой исторического вырождения русской интеллигенции, бессмысленного расходования человеческих возможностей и угнетения таланта. В «Русском варенье» наблюдаются чеховские параллели в обрисовке действующих лиц, использовании приёма построения подтекстного действия (см.: Улицкая 2008).

Множество точек соприкосновения с драматургической системой А. Чехова прослеживается и в драматургии Л. Петрушевской. Ключевые моменты чеховской поэтики не

просто «заимствованы» современным драматургом, а выведены на новый, постмодернистский, уровень художественной рецепции. В пьесе «Три девушки в голубом» (см.: Петрушевская 2018), к примеру, переосмыслен тип чеховского героя. Очевидны аналогии системы образов драмы Петрушевской и драмы классика «Три сестры» (сестры Татьяна, Светлана, Ирина соотносятся с чеховскими Ириной, Ольгой, Машей; подобные параллели можно обнаружить и среди мужских персонажей). При этом героини Петрушевской являют собой некий обобщенный образ Женщины, которая лишена опоры, а потому обречена на одиночество. В их словах и поступках уже нет осознанного неудовлетворения действительностью, а только тоска и отчаяние. Мечты о лучшей жизни, желание вырваться из повседневности, быта («В Москву, в Москву..!») трансформированы в попытке улучшения конкретного быта (Татьяна и Светлана настойчиво пытаются занять половину дачи Ирины, потому что там не течет крыша). Героини воспринимают жизнь упрощенно как череду обстоятельств и вещей. Любовь и забота о близких – неотъемлемые элементы женского характера – также переосмыслены в пьесе Петрушевской в направлении эгоистического вырождения. Дети Татьяны и Светланы оказываются заложниками материнской чрезмерной опеки. Ирина, казалось бы, заботливая мать, оставляет сына на попечение больной бабушки и уезжает в Коктебель. Все женские персонажи пьесы имеют опыт неудачного брака; попытки найти мужское плечо оборачиваются трагикомичными отношениями (Ирина и Николай Иванович, Татьяна и Валерий). В пьесе современного автора «Три девушки в голубом» налицо измельчание чеховского героя, абсолютное погружение в быт вне какого-либо стремления вырваться. Петрушевская лишает своих героинь возможности мечтать, их жизненные цели мелки, они безропотно живут в сфере быта и повседневности, из которых так настойчиво хотели вырваться чеховские герои.

Итак, анализ только этих образцов драматургии постмодернизма позволяет отметить, что интертекстуальные связи выступают наиболее адекватным способом создания трансгрессивного поля постмодернистской драматургии как источника организации художественного целого, модификации его структуры и жанра. Под трансгрессией мы понимаем взаимопересечение и взаимопереходность различных, порой антитетичных текстуально-смысловых элементов драмы, что указывает на их гомогенность. «Традиционное и инновационное, высокое и низкое, комическое и трагическое, цитация и авторский текст, реальное и виртуальное, карнавальное, ритуальное и обыденное органически сопрягаются в пределах одной пьесы с целью достижения принципиальной эстетической новизны», - отмечает А.В. Макаров (Макаров 2012: 87).

В современном пост-постмодернистском пространстве осуществляется процесс перерождения авторского текста в мобильный художественный код, смысловую единицу или

строительный блок глобальной и универсальной культуры рубежа XX-XXI веков. Сегодня для большинства драматургов интертекстуальность служит смысловому обогащению индивидуально-творческой рецепции действительности. При этом нарочитое размывание границ между Своим и Чужим словом становится типичным постмодернистским приемом, трансгрессивные практики начинают носить характер самоценного, не направленного в хронологическую «гущу культуры» эстетического кода. В то время как предшествующая модернистская концепция интертекстуальности строилась на прозрачности рецепируемого текста, будь то цитация, реминисценция или аллюзия.

Таким образом, нам представляется, что интертекстуальная парадигма «новой драмы» Серебряного века воплощала диалогическую рефлексивность модернистов, ищущих философское и эстетическое обоснование своему элитарному мировидению, направленному на элитарного реципиента, в предшествующих культурных срезах. Постмодернистская драма, имеющая двойную ориентированность как на элитарного, так и на массового читателя, и, тем самым, предстающая, в том числе, и как продукт массовой литературы, с её неизменными признаками: *занимательностью* сюжета – отсюда актуализация фантастического и мистического (не мистериального, как в модернистской «новой драме») элемента; *«энциклопедизмом»*, восходящим к традициям «массовой литературы» последней трети XVIII века; подчёркнутой *демократизацией* героя, располагающегося в бытовом пространстве, – «использует» интертекстуальность преимущественно как приём расширения не смыслов (отсутствие символа-знака полифонизма), а структурных параллелей в содержании, пересечении интриг. Т.е. на смену модернистскому полифонизму пришёл постмодернистский полиморфизм, «играющий», по большей части, с известными массовому читателю предтекстами.

В трактате «Эмблематика смысла» Андрей Белый, поясняя причины неомифологической устремленности нового искусства начала XX, по существу определил и постмодернистскую его направленность в XXI: «В этом неослабевающем стремлении сочетать художественные приёмы разнообразных культур, в этом порыве создать новое отношение к действительности путём пересмотра серии забытых мирозерцаний – вся сила, вся будущность так называемого нового искусства; отсюда своеобразный эклектизм нашей эпохи...» (Белый 1994 : 26).

Список литературы

- Баранов С. (2008): Популярная проза XVIII века // Ванька Каин. Москва: Эксмо, 5-33.
Белый А. (1994): Символизм как миропонимание. Москва: Наука.

- Зедльмайр Х. (2008): Утрата середины. Революция современного искусства. Смерть света. Москва: Издательский дом «Территория будущего».
- Иванов Вяч. (1979): Собрание сочинений. Т. III. Брюссель.
- Коляда Н. В. Полонез Огинского <http://biblioteka.teatr-obraz.ru/node/2647> (retrieved: 05.02.18)
- Кристева Ю. (2004): Избранные труды: Разрушение поэтики. Москва: РОССПЭН.
- Кузьмина Н.А. (2004): Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. Москва: Едиториал УРСС.
- Макаров А. В. (2012): «Новая драма»: поиск литературоведческой оптики для описания метатеатральных экспериментов // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 6, 85-89.
- Манн Ю. В. (1988): Поэтика Гоголя. Москва: Художественная литература.
- Мережковский Д. (1991): Акрополь: Избранные литературно-критические статьи. Москва: Книжная палата.
- Мережковский Д. С. (2000): Сильвио. Фантастическая драма // Дмитрий Сергеевич Мережковский. Драматургия. Томск: Водолей, 102-172.
- Петрушевская Л. С. Три девушки в голубом URL: <http://lib-drama.narod.ru/petrushevskaya/girls.html> (retrieved: 02.06.18).
- Пресняков О., Пресняков В. Изображая жертву URL: <https://knigogid.ru/books/268669-izobrazhayazhertvu-pesa/toread> (retrieved: 11.03.18 а) .
- Пресняков О., Пресняков В. Терроризм URL: <https://knigogid.ru/books/268669-izobrazhayazhertvu-pesa/toread> (retrieved: 10.03.18 б).
- Соловьев В. С. (1997): Собрание сочинений / Под. ред. С.М. Соловьёва и Э.Л. Радлова. Фототип. изд. Т. VII. Брюссель, 135-158.
- Страшкова О.К. (2002): Валерий Брюсов – драматург-экспериментатор. Ставрополь: Издательство Ставропольского государственного университета.
- Страшкова О.К. (2006): Новая драма как артефакт Серебряного века. Ставрополь: Издательство Ставропольского государственного университета.
- Топоров В. Н. (2004): Из истории Петербургского аполлинизма: его золотые дни и его крушение. Москва: ОГИ.
- Улицкая Л. (2008): Русское варенье и другое. М.: Эксмо.

**МОТИВ – ОБРАЗ КУРИТЕЛЬНОЙ ТРУБКИ В РОМАНЕ С. И.
ЩЕПОТЬЕВА «ПРЕДАНЬЯ РУССКОГО СЕМЕЙСТВА»**

*Стрельникова Наталия Данииловна
СПбГЭТУ «ЛЭТИ», Россия
tashastrel@mail.ru*

**THE PIPE AS A CHARACTER AND A MOTIF OF THE NOVEL "LEGEND
OF THE RUSSIAN FAMILY" BY S. I. SHCHEPOTIEV**

*Strelnikova Natali
Saint-Petersburg State Electrotecnic University «LETI», Russia*

АННОТАЦИЯ

Статья знакомит с творчеством С. И. Щепотьева и его романом-эпопеей «Преданья русского семейства». В основе романа – история жизни нескольких поколений одной семьи на протяжении трёх веков. Личность и власть, путь русского интеллигента, судьба России, семья, вечные ценности – темы, звучащие в книге. Особое внимание уделено мотиву курения трубки и образу героя с трубкой. В статье обосновывается неслучайность появления мотива, значимого в структуре романа, важного для создания образа героя и тесно связанного с личностью и имиджем автора.

ABSTRACT

The article represents the writing of S.I.Shchepotiev and his epic novel "Legend... " The life history of multigeneration family over three centuries underlies in the groundwork of the book. The writer deals with the different problems of the fate of Russia, a conflict between an individual and the authorities, timeless values. Special attention is given to a motif of pipe smoking and a hero/a character with a pipe. The pipe and smoking are significant for the novel structure, important for the image of the protagonist and is bounded up/associated with the personality and image of the writer/author.

Ключевые слова: эпопея, курительная трубка, образ, романтизм, мотив, автор, герой

Keywords: epos, pipe, image, romanticism, motif, author, the hero in the novel

Сергей Щепотьев – современный русский петербургский писатель, член правления Союза писателей Ленинградской области и Санкт-Петербурга, живущий в Павловске, по образованию филолог и киновед, а также автор литературоведческих очерков и поэт. Он неоднократно выступал с концертами как исполнитель своих стихов и авторских песен. Почти 30 лет С. И. Щепотьев работал над, вероятно, главным романом – эпопеей в шести книгах

«Преданья русского семейства» (1973 – 2000). В 2016 году в Санкт-Петербурге были изданы первые три части книги: «Перебежчик», «Пока сердца для чести живы», «Пора унылых сожалений» под одной обложкой. Четвёртая книга эпопеи «Ангелы ночи, демоны рассвета ...» появилась в печати первой, в 2005 году; пятая книга – в четырёх томах – «Поколение (Такая наша доля)» – в 2006 году и, наконец, последняя, шестая, «Путь» увидела свет в 2017 году.

Главные герои повествования – представители рода Алфёровых – оказываются вовлечёнными в эпохальные события России XVIII – XX веков, становясь их свидетелями и очевидцами, знакомятся с известнейшими людьми своего времени, проходят испытания временем и судьбой.

Эпопея Щепотьева соответствует законам жанра: большой объём и временной диапазон (от эпохи Екатерины Великой до наших дней); широкий охват пространства – Воронежская область и Америка, Петербург и Турция, Харьков и Варшава, Иркутск и Марокко – далеко не полная география цикла романов. В эпопее представлены разные слои населения, несколько основных сюжетных линий и много героев, наконец, все события происходят на широком историческом фоне, в центре которого – судьба семьи и судьба народа, вечные темы власть и личность, интеллигенция и народ.

Кроме того, название определяет жанр – предание – и адресует к поэме «Руслан и Людмила» и роману «Евгений Онегин» А. С. Пушкина. Легенды одной семьи, рассказы о прошлом, передаваемые из поколения в поколение, как и принято в преданиях, история семьи во взаимоотношении и отталкивании с другими семьями, почти по-толстовски. Здесь «мысль семейная» – главная, но и неизбежное сравнение эпох и времен, соотношение событий прошлого с настоящим днём – в центре внимания автора. Широкомасштабное повествование об истории рода, вплетённой в историю народа, на фоне российской жизни трёх последних веков, замечательно само по себе и представляется заслуживающим внимания читателей и критики, к этому же народу относящимся.

Автор подобно Пушкину и, как кажется, не без влияния последнего, стремится создать по-своему и свою «энциклопедию» народной жизни. Он использует различные кинематографические приёмы, например, приём монтажа, когда хроника бытия семьи разворачивается на широком историческом фоне, и приметы времени в виде отрывков из газет, объявлений, строчек романсов представляют тот фон, на котором разворачиваются события. «Придвинемся же ближе к очагу романтики, раскурим свои трубки, и пусть в клубах ароматного дыма возникнут очертания далёкой старины, где теряется след преданий русского семейства...» (Щепотьев 2017: 7), – обращается к читателям писатель, приглашая к чтению.

Так уже в предисловии «От автора» возникает образ, звучащий во всех шести книгах и становящийся мотивом. Этот мотив является значимым в структуре романа и важным для понимания образа центральных героев и автора.

Герои *«Преданий русского семейства»* обращаются к курительной трубке в разных случаях. Во-первых, в состоянии отчаяния, горя, раздражения: «Он вошёл, затворил за собою дверь. Упал навзничь на кровать, разжёл длинную трубку. Долго лежал, глядя в тёмное окно, потягивая сладкий пьянящий дым» (Щепотьев 2016: 29).

Во-вторых, когда надо остановиться и подумать, чтобы принять правильное решение: «Выйдя на крыльцо, он присел на пороге и, глядя на копошащегося с самоваром мужика, неторопливо набил трубку, высек огонь, закурил, а выпустив длинную струю дыма, сказал себе: «С приездом, Алексей Сулейманыч» (Щепотьев 2016: 114).

Курение трубки помогает в размышлениях, успокаивает, мобилизует и гармонизирует. «Он шёл по Иркутску медленным, но широким шагом, как всегда, когда бывал раздражён или взволнован. Ходьба успокаивала его, давала время поразмышлять о причинах волнений и прийти к какому-нибудь решению. На ходу Алфёров посасывал незажжённую трубку, покусывал крепкими зубами тонкий мундштук. Хотелось набить трубку табаком и закурить, но волнение вело его вперёд и вперёд, не давая остановиться» (Щепотьев 2016: 115). «Алфёров разжёл давно набитую трубку и выпустил в потолок первые, обильные клубы дыма <...> Крепко стиснув зубами мундштук, он ритмично пыхтел трубкой, думая...» (Щепотьев 2016: 146).

С другой стороны, курение трубки неотделимо от уютного праздного времяпрепровождения и сопутствует неторопливой дружеской беседе. «Вечерами, после ужина, собирались в кают-компани на корме, покуривали трубки...» (Щепотьев 2016: 149); «... заказал пиво и раскурил трубку <...> отставил кружку, затынулся табачным, горько-сладким дымом» (Щепотьев 2016: 522); «Из погреба явилось шампанское в замшелых бутылках<...> ящик захваченного в Одессе <...> красного греческого вина, да коробку сигар, да ящик турецкого табаку для алфёровской трубки <...>. Запивая сытный ужин пенящимся шампанским, а затем дымя излюбленными сортами табаку...» (Щепотьев 2016: 530); «С наступлением зимних долгих вечеров сживали друзья у каминов то в той, то в другой комнате, и дымились трубки, и пела скрипка, и тихо шагали по шахматной доске важные фигуры, и лилась дружеская беседа <...>, да дремала в углу, изредка вздыхая, борзая Грета» (Щепотьев 2016: 513).

Чаще курение трубки есть насущная необходимость в силу привычки. «Магуа сел подле кровати, раскурил украшенную перьями глиняную трубку» (Щепотьев 2016: 227). Яркий образ

курящего трубку Магуа заставляет вспомнить романтических героев романов Фенимора Купера и Майн Рида и трубку мира.

Иногда в романах эпопеи следует прямое указание, почему тот или иной герой закуривает: «Я даже закурил по вашей милости <... >. Так вы меня рассердили...» (Щепотьев 2005: 48); «Я киваю, пыхтя трубкой, из которой вырываются первые, мощные, клубы дыма. – Ну, ты даёшь, Алладин! – отмахивается она от дыма и, загасив собственный окурок в пустом спичечном коробке» (Щепотьев 2017: 40); «резюмирую я, выколачивая трубку» (Щепотьев 2017: 41). Примеры можно множить. Стоит заметить при этом, что к мотиву курения автор чаще прибегает в первой и последней книге, и именно это даёт ключ к пониманию, зачем он так настоятельно обращается к этому образу, превращаемому в мотив и становящемуся образом – символом. В последней книге «Путь», во многом автобиографической, где героя отчасти можно назвать alter ego автора, объясняется пристрастие к курительной трубке. Олег отвечает матери, что не хочет бросать курить свою «английскую трубку, привезённую из Болгарии» (Щепотьев 2017: 93): «Вкусно очень. И потом, трубка – это занятие» (Щепотьев 2017: 93).

Действительно, курение табака и все этапы сего действия: не только сам неспешный процесс курения, но и сопровождающие его ступени – процедура набивания трубки табаком и несуетное вытряхивание трубки после курения – есть ритуал, родственник медитации или сродни чайной китайской церемонии. Автор же пишет об этом со вкусом, с чувством, с наслаждением, со знанием дела и не жалеет места для этих описаний, из которых становится ясно, что он сам курит трубку и давно. Да и сама трубка, её изысканный образ заслуживают особого внимания. Курительные трубки изящны и разнообразны по форме. Как и из чего мастера делают курительные трубки есть тема отдельного увлекательного разговора, требующая подробностей; ограничимся в рамках данной статьи лишь отдельными замечаниями. Трубки для курения могут быть пенковыми, глиняными, деревянными. Чубуки деревянных трубок в зависимости от породы используемой древесины впечатляют изысканностью запахов, долго остающимся, почти гастрономическим, послевкусием. Размеры трубок, особенно их длина, часто поражают воображение, так как фантазия трубочников поистине неисчерпаема. Иногда трубки украшали, например, барельефами. Искусно сделанная трубка есть произведение искусства. Среди ремесленников-изготовителей до сих пор существуют свои Страдивари... С. И. Щепотьев не скупится на эпитеты при описании табачного дыма – *сладкий, пьянящий, обильные клубы, горьковато-сладкий, сизый, ароматный* – и табака. Табак упоминается чаще турецкий, что связано, возможно, и с происхождением писателя, с семейными преданьями. «По семейной легенде, – пишет автор, –

наш дальний предок был турок. Я почти уверен, что это анекдот. Однако нос у меня крючкообразный, темперамент горячий <...>. В турецкий гимн мы с отцом влюблены» (Щепотьев 2017: 9).

Мотив курения трубки ассоциируется также с неким образом и стилем жизни, с эпикурейством, сибаритством, негою и отдыхом. Выражаясь гоголевским слогом, «преприятнейшим» времяпрепровождением, несуетным и неторопливым, где важной составляющей является именно курение. «Там ждёт ужин, особенно вкусный по пятницам. Там ждёт мой любимый крымский мускат. И зеленый глазок радиолы, и музыка Вивальди, и трубка, набитая по пятницам контрабандным голландским табаком» (Щепотьев 2017: 65 – 66). Кроме того, несомненно, присутствует и некий эротический мотив, так как трубка подчеркивает мужественность, придает мужчине некую «брутальность», вызывает романтические ассоциации с капитанами и пиратами, с «гусарством», в конце концов.

Образ – мотив курительной трубки в русской литературной традиции восходит, как представляется, к А. С. Пушкину, но, прежде всего, к Денису Давыдову и его знаменитому стихотворению «Гусарский пир» (1804), буквально взрывающемуся словами мольбы: «Ради бога, трубку дай!». После чего следует естественное залихватское и бесшабашное продолжение:

Ставь бутылки перед нами,
Всех наездников сзывай
С закрученными усами!
Чтобы хором здесь гремел
Эскадрон гусар летучих,
Чтоб до неба возлетел
Я на их руках могучих

Этот романтический мотив неразрывно связан с идеями свободы, даже – воли, являясь своеобразным маркером независимости, особенности, инакости. Д. В. Давыдов был одним из самых страстных и заядлых курильщиков или на языке XIX века *курителей*. «Трубку не оставлял он ни на минуту, уверяя, что без неё он был бы совершенный дурак, оттого мало бывал в обществах, а навещал только самых близких друзей и приятелей» (Встречи с прошлым 2000: 54). А. С. Пушкин также не отказывался от курения трубки. Почти в каждом пушкинском музее можно увидеть пенковые трубки поэта. Это трубки с длинным чубуком, но чаши трубок разные. Находясь в ссылке в селе Михайловском, Пушкин в ноябре — декабре 1824 года вкладывает в одно из писем к брату в Петербург записку с перечнем вещей, которые были ему необходимы, среди них упомянуты табак, спички и глиняная трубка с черешневым чубуком.

Кстати, при раскопках территории в имении Ганнибала в деревне Суйда Гатчинского района Ленинградской области, села, подаренного прадеду А. С. Пушкина Петром Великим, были найдены глиняные курительные трубки, что позволило предположить, что Ганнибал, «арап Петра Великого» также курил трубку. Курение трубки Пушкиным было, таким образом, и наследственным, если можно так сказать, и данью моде, и удовольствием, которое он испытывал подобно многим своим современникам. О том, что курительная трубка сопровождала Пушкина в его странствованиях, свидетельствуют стихи и письма. Пушкин курил трубку, отдыхая, и в минуты раздражения, в одиночестве ли, при приступах *хандры*, или в компании друзей и «увечивал» ее в стихах: «... когда же вновь засядем вчетвером с <...>. вином и чубуками» («27 мая 1819»); «...пускай драгун усатый <...> из трубки пенковой дым гонит сероватый...» («Красавице, которая нюхала табак»). В письме П. В. Нащокину в январе 1835 года А. С. Пушкин писал: «Когда бы нам с тобой увидеться! много бы я тебе наговорил; много скопилось для меня в этот год такого, о чём не худо бы потолковать у тебя на диване, с трубкой в зубах...» (Пушкин 1962: 223).

В романе «Евгений Онегин» трубка как необходимая деталь интерьера кабинета Онегина оживает в первой главе романа: «янтарь на трубках Цареграда»; также в одесских строках, отрывках из «Путешествия Онегина» А. С. Пушкин пишет:

Потом за трубкой раскаленной,
Волной соленой оживленный,
Как мусульман в своем раю,
С восточной гущей кофе пью. (Пушкин 1960: 190).

Здесь описывается целый ритуал, когда пили густой и крепкий кофе по-турецки в маленьких чашечках после выкуривания трубок или одновременно с трубкой. Описание подобного ритуала встречается не только у А. С. Пушкина, но и в «Воспоминаниях о Бессарабии» Ф. Вельтмана, и в повести Н. В. Гоголя «Коляска», и в дневниках А. Н. Вульфа, который в 1830 году, будучи на военной службе в Петербурге, записывает: «Как не иметь женщину, которая выходила со мной одна в кабинет мужа, оставляя гостей, чтобы сидеть со мной, пока я с кофеем курю трубку!» (Вульф 1994: 330).

В XIX веке (и это соображение особенно любопытно в контексте данной статьи) трубка воспринималась и как символ принадлежности к избранному сословию. Например, в декабристской среде, к которой некоторое время Пушкин был близок. Находясь в заключении в Петропавловской крепости, единственное, о чём просили декабристы, – это разрешение курить трубку. «Что за дворянин, согласитесь, без трубки в зубах, а ведь я ещё дворянин!..

Если в дарованной дворянской грамоте не упомянуто о праве курения табаку, то это потому, что это право само собой подразумевается за дворянами» (Поджио 1989:114). Кстати, в XIX веке *курильная* или курительная комната была почти в каждом богатом доме, обычно она примыкала к кабинету хозяина дома. Иногда, впрочем, курили прямо в кабинете. Вспомним «Мёртвые души» Н. В. Гоголя и сибаритствующего Манилова, в кабинете которого «больше всего было табаку» (Гоголь 1949 :32) и горок «выбитой из трубки золы, расставленных не без старания очень красивыми рядками» (Гоголь 1949:32). Трубки служили непременно предметом угощения гостей. «Позвольте мне вас попотчевать трубочкою», – обращается Манилов к Чичикову. Сам оборот «попотчевать трубочкою» любопытен тем, что вызывает вкусовые ощущения. Когда же гость отказывается, хозяин дома «ласково и как бы с видом сожаления» (Гоголь 1949: 32), удивлённый подобной странностью, пускается в рассуждения о том, что «курить трубку гораздо здоровее, нежели нюхать табак. В нашем полку, – рассказывает он, – был поручик, прекраснейший и образованнейший человек, который не выпускал изо рта трубки не только за столом, но даже, с позволения сказать, во всех прочих местах. И вот ему теперь уже сорок с лишним лет, но благодаря бога до сих пор так здоров, как нельзя лучше» (Гоголь 1949: 32).

Для писателя С. И. Щепотьева трубка – необходимая деталь, не только дополняющая, но и создающая образ, как крылатка, трость или цилиндр у А. С. Пушкина, пенсне у А. П. Чехова, котелок и тросточка у Чарли Чаплина, наконец, шляпа с полями у современного артиста Михаила Боярского. На обложке первой книги стихов «Осеннее танго ушедшего века» (Щепотьев 2001) изображён графический силуэт автора с трубкой, такие же силуэты на киноплёнке – на обложке книги «Путь» (Щепотьев 2017). Таким образом, курительная трубка служит средством создания особого имиджа, позволяющего запомнить поэта и писателя, узнать его по этой выразительной детали.

Между тем, постепенно на смену трубкам приходят сигары. Сигары присутствуют и в «Преданьях русского семейства». «Он смотрел на нее бесстрастно, иногда поднося к губам тонкую сигару, которой он глубоко затягивался и медленно выпускал через ноздри крепко пахнущий сизый дым <...> выпустил в потолок очередную сизую струю дыма <...>. Сигара? Табак, завернутый в широкий лист, тоже табачный. – Какой приторный запах. <...>. Напоминает запах ладана» (Щепотьев 2016: 223). Чуть позже появляются пахитоски, потом – папиросы и сигареты.

Стоит, пожалуй, заметить, что процесс курения, мотив и образ сигареты также широко представлен в русской литературе и отражен в русской поэзии. Приведем несколько примеров: «Ой! ты, зелие кабашное, Да китайские чаи, Да курение табашное! Бродим сами не свои»

(Некрасов 2000: 224); «Непогода - осень - куришь,/ Куришь - все как будто мало./ Хоть читал бы - только чтение / Подвигается так вяло» (Фет 1988: 88); «Почему мои речи резки/ В вечном дыме моей папиросы, – / Сколько темной и грозной тоски/ В голове моей светловолосой» (Цветаева 1965: 59).

А трубка никуда не пропала. Как никогда не исчезнет смокинг, носовой платок в верхнем кармане, бабочка. Вновь и вновь она появляется в поэзии и прозе XX века, например, в стихотворении Д. Самойлова «Когда мы были на войне», где является очень важным атрибутом: «Да он, конечно, думать мог, / Когда на трубочку глядел, / На голубой её дымок, / <... >/ А он не думал ни о чём, / Да он не думал ни о чём, / Он только трубочку курил / С турецким горьким табачком ...» (Самойлов 2018). Можно ли забыть женский образ бабушки, курящей трубку, возникающей как недалёкое будущее: «Когда я буду бабушкой – / Седой каргою с трубкою!» (Цветаева 1965: 148), буквально воплотившийся в строках и песне Гарика Сукачева: «Трубку курит бабушка моя!»

Итак, трубка придает некий шарм и уверенность в себе, задает стиль, говорит о независимости, свидетельствует о брутальности того, кто её курит, иными словами, служит маркером, меткой личности. Можно вспомнить, например, портреты С. Есенина, К. Симонова, Д. Хармса, И. Сталина, А. Эйнштейна и Петра Великого, артиста О. Янковского и режиссера С. Говорухина с трубками. Конечно, трубка помогает создать образ современного денди, есть в этом некий аристократизм, стильность, изящество, «лица необщее выраженье».

Напомним, что герой книги «*Путь*» курит английскую трубку. Представляется, что и это подчеркивание не случайно. Будучи филологом, специалистом по английской литературе, Сергей Щепотьев является автором литературоведческих трудов, таких как «*Краткий конспект истории английской литературы и литературы США*» (Щепотьев 2003), «*Диккенс и Теккерей*» (Щепотьев 2006), «*Пионеры и потерянные. Очерки о писателях США и Великобритании*» (Щепотьев 2013). Кстати, любимые английские писатели автора «*Преданий русского семейства*» – Ч. Диккенс и У. М. Теккерей – были заядлыми курильщиками. Диккенс, правда, курил сигары, а Теккерейю принадлежит одно крайне любопытное высказывание: «Джентльмены с трубками и сигарами имеют огромное психологическое превосходство в разговоре. Они могут в любой момент прервать мысль на середине и затянуться. Такая пауза не раздражает и возвращение к прерванной мысли не выглядит неприлично. Трубка успокаивает, позволяет выразить свои мысли спокойно, не проявляя эмоций. Трубка черпает мудрость из уст философа, а глупцам их затыкает. В разговоре придает благородной задумчивости мыслям, пробуждает доброжелательность, гасит раздражение» (Что такое мемы 2018). Трудно возразить. И великолепно звучит в контексте данной статьи, лишь подтверждая

наши размышления. Конечно, невозможно не вспомнить колоритные образы стильных английских джентльменов, и первый из них Шерлок Холмс, буквально не выпускающий трубку изо рта, в исполнении артиста Василия Ливанова, его классический силуэт и профиль в клубах табачного дыма .

Наконец, в заключение хотелось бы обратиться к современным блогам. Так, в блоге Сергея Бунтмана под названием «Сигара или трубка» представлены участники проекта «Сноб», рассуждающие, как у них возникла привычка курить именно трубку, чей образ повлиял на это решение и где можно купить хороший табак. К. Крюков рассказал о деде, известном советском актере и режиссере С. Бондарчуке: «Мой дед всю жизнь курил трубку. Везде, где он появлялся, помещение тут же наполнялось приятным запахом хорошего табака <...> Безусловно, - считает актер, – трубка является частью образа: выбор курительного набора похож на то, как мужчины выбирают себе костюм для пошива. Все должно сидеть идеально. Мундштук должен ложиться тебе в руки, как будто он продолжение твоей ладони, форма и вид самой трубки должны говорить о твоём стиле, о том, какой ты внутри. А выбор табака схож с выбором духов и в прямом, и в переносном смысле, ведь именно так ты будешь пахнуть во время курения. Этот запах будет в дальнейшем с тобой ассоциироваться» (Бунтман 2018). Михаил Аркадьев продолжает тему: «Моя любовь к трубкам началась с детских впечатлений: отец много курил, <...> Трубка же всегда была моим предметом романтической мечты. Конечно, это было связано с романами Жюль Верна. Есть мастера, по сравнению с которыми я дилетант. Мастер очень долго выбирает трубку, чтобы затем ее обкуривать в течение года, а то и больше. Это невероятно сложная, тонкая процедура, огромное искусство. Трубка должна быть лично обкурена трубочником. В итоге она приобретает собственный вкус». Сергей Бунтман курит трубку больше тридцати лет, она сопровождает его везде. Он также вспоминает детство: «мне нравились люди, которые курят трубку, моей любимой игрушкой была трубка, из которой можно было выдувать мыльные пузыри. Мне казалось, это так славно, романтично, с любовью к морю и к морякам. Решающее влияние оказало то, что я учился во французской школе, и мы много слушали и пели Жоржа Брассенса. Брассенс — один из самых знаменитых курильщиков трубок XX века» (Бунтман 2018). Автор блога увлекательно рассказывает о замечательных трубочных мастерах, удивительных жизненных историях, изумительных, изящных, прекрасных творениях искусства – курительных трубках. «Нельзя сказать, – заключает автор блога, – что эти трубки чудовищно дорогие или редчайшие, но они сделаны руками, с любовью, здесь есть человеческий подход. В чем главное отличие трубки или сигары от сигарет? Сигару какая-нибудь кубинская женщина

сворачивала своими руками, вкладывала тепло. То же самое с трубками. Сигареты — это что-то безличное» (Бунтман 2018).

Не теряя семантики и эстетики, вечная курительная трубка снова появляется как символ в современной русской прозе, в романе-эпопее С. И. Щепотьева *«Преданья русского семейства»*. Для автора этого произведения курительная трубка важна как средство создания образа, значима в позиционировании собственного писательского облика и поэтического имиджа.

Список литературы

Бунтман С. (2018): Сноб. 29.06.12. Блог. Трубка или сигара, [snob.ru>profile/25776/blog/50155](http://snob.ru/profile/25776/blog/50155) (дата обращения: 18.06.2018)

Вульф А. Н. (1994): Дневники, Любовный быт пушкинской эпохи: В 2 томах. Москва. Т. 1

Гоголь Н. В. (1949): Собрание сочинений в 6 томах. Т. 5. Москва: Гос. изд-во художественной литературы.

(2000): Из «Современных записок и воспоминаний ...» А. Я. Булгакова. Записи 1836 – 1859 гг. //Встречи с прошлым. Вып. 9. Москва.

Некрасов Н. А.(2000): Стихотворения и поэмы. Москва: ООО «Издательство АСТ»; «Олимп».

Поджио А. В. (1989): Записки. Письма. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство.

Пушкин А. С. (1960): Собрание сочинений: в десяти томах. Т. 4. Москва: государственное издательство художественной литературы.

Пушкин А. С. (1962): Собрание сочинений: в десяти томах. Т.10. Москва: государственное издательство художественной литературы.

Самойлов Д. (2018): «Когда мы были на войне...», /<http://songspro.ru/5/D-Samoylov/tekst-resni-Kogda-my-byli-na-voyne> (дата обращения: 05.09.2018)

Фет А. А. (1988): Стихотворения. Поэмы. Современники о Фете. Москва: Правда.

Цветаева М. И. (1965): Избранные произведения. Москва – Ленинград: Советский писатель.

Что такое мемы (2018): [liveinternet.ru>user/marina_deti/post](http://liveinternet.ru/user/marina_deti/post) (дата обращения: 12.09.2018)

Щепотьев С. И.(2001): Осеннее танго ушедшего века. СПб: «Арт-город».

Щепотьев С. И. (2003): Краткий конспект истории английской литературы и литературы США. СПб: ООО «Лекс Стар».

Щепотьев С. И. (2005): Поколение. (Такая наша доля). СПб: ООО «Центр охраны...»

Щепотьев С. И. (2006): Диккенс и Теккерей. Санкт-Петербург: ООО «Центр охраны...».

Щепотьев С. И. (2013): «Пионеры» и «потерянные»: очерки о писателях США и Великобритании. СПб: издательство Политехнического университета.

Щепотьев С. И. (2016): Преданья русского семейства. СПб: издательство Политехнического университета.

Щепотьев С. И. (2017): Путь. СПб: издательство Политехнического университета.

ТРАДИЦИЯ ИНОГО ПАМЯТНИКА В ДРУЖЕСКИХ ПОСЛАНИЯХ XX – XXI вв.

Толысбаева Жанна Женисовна
Казахская Национальная академия хореографии, Казахстан
Zh_kazpoetry@inbox.ru

THE TRADITION OF OTHER *MONUMENT* IN FRIENDLY MESSAGES OF THE XX - XXI c.

Tolysbaeva Zhanna
Kazakh National Academy of Choreography, Kazakhstan

АННОТАЦИЯ

В исследовании доказываемся, что развивающаяся литературная традиция «Памятника» способствует укреплению преемственности и определению самобытности современного поэтического поколения. Цель исследования – определить природу дружеского послания и код памятника в существующих формах «Двадцати сонетов». Материалом для исследования стали тексты поэтических посланий, созданные вслед за «Двадцатью сонетами к Марии Стюарт» (1972) И.Бродского в разные временные периоды: «Двадцать сонетов к Саше Запоевой» Т.Кибирова (1994), «Двадцать сонетов с Васильевского острова» Э.Крыловой (1995), «Двадцать сонетов к М» М.Степановой (1998), «Двадцать сонетов к Шокану Валиханову» Рены Жумановой (2015). Логику построения анализа определяет принцип жанровой организации дружеского послания, сонетного циклического контекста, преемственности избранных контекстов.

ABSTRACT

The study argues that the developing literary tradition of the "Monument" contributes to strengthening of continuity and definition of the identity of contemporary poetry generation. The purpose of the research is to determine the nature of a friendly message and the code of the monument in the existing forms of the "Twenty Sonnets". The texts of poetic messages created after «Twenty Sonnets to Mary Stuart» (1972) by I. Brodsky in different time periods like "Twenty Sonnets to Sasha Zapoeva" by T. Kibirov (1994), "Twenty Sonnets from Vasiliev Island" by E. Krylova (1995), «Twenty Sonnets to M» by M. Stepanova (1998), «Twenty Sonnets to Shokan Valikhanov» by R. Zhumanova (2015) served as the material for the study. The logic of analysis determines the principle of genre formation of the friendly message, the sonnet cyclic context, the continuity of selected contexts.

Ключевые слова: памятник, дружеское поэтическое послание, литературная традиция, Бродский.

Key words: monument, friendly poetic message, literary tradition, Brodsky.

Сильна только та традиция, которая изменчива... За 2000 лет благодаря различным переводам и переложениям стихотворение Горация «Памятник» приобрело статус совершенно самостоятельного жанра художественной литературы с собственным поэтическим кодом. Особым разнообразием традиция «Памятника» отмечена в русской и русскоязычной литературе XIX-XXI столетий. И если одним из первых реформаторов в традиции устанавливать поэтические памятники был Александр Пушкин, то его преемником стал Иосиф Бродский – поэт, повлиявший на сознание своей эпохи. Именно он раскачал комплекс жанровых канонов «Памятника», “усомнившись” в вечности и этичности самой категории памятника. Обновленная трактовка темы «Памятника», философия образа, смысловая амбивалентность явлений «Памятник-статуя», проявившиеся в творчестве И.Бродского, не могли не мотивировать активного интереса со стороны поэтов постмодернистской формации. Вслед за И.Бродским, в 1972 году написавшим «Двадцать сонетов к Марии Стюарт», к этой форме обратились Тимур Кибиров (Кибиров, 1994), Элла Крылова (Крылова, 1995), Мария Степанова (Степанова, 1998), Генрих Сапгир (Сапгир, 1999), Рена Жуманова (Жуманова, 2015). Культурный диалог, в который вступили поэты-современники, приобрел черты традиции, закрепился в количестве входящих текстов («двадцать») и в жанре сонетного лирического цикла. Задача настоящего исследования – определить природу данного литературного явления, факторы, повлиявшие на его образование, сходство и отличие дружеского послания конца XX – начала XXI веков от предшествующих текстов.

Дружеское послание, не имеющее строгих законов, композиционных, стилистических, поэтических ограничений, вписывается поэтами XX века в рамки самого каноничного жанра сонета, с одной стороны, и привязывается одновременно к двум текстам мировой литературы: к оде Горация «Памятник» и форме «Двадцати сонетов» И.Бродского. Соответственно, для понимания природы установившейся традиции следует обратить внимание на субъектно-субъектные отношения автора и адресата, на способы создания лироэпической целостности каждого сонетного цикла как универсальной картины мира, на характер соподчиненности сонетного и циклического, интекстуального и интертекстуального, конкретно-исторического, узнаваемо-топонимического, индивидуально-личностного – и вневременного, внепонимического планов выражения.

Со стихотворения Горация в «Двадцати сонетах» Бродского считается желание «победить» смерть силой поэзии (тогда как традиция увековечивать в камне подвергается сомнению), узнаваемы мотивы эпитафии и реквиема, сосредоточенные на прославлении заслуг умершей Марии Стюарт. Даже 20 строк, в которые Гораций вложил текст своего

шедевра, Бродский культивировал в заглавии и структуре своего цикла. Но наибольшее сходство поэтических почерков наблюдается у Бродского с Державиным, «Памятник» которого «...не имеет торжественно-трагического пафоса, присущего образцу Горация, напротив, игровая тональность, «сердечная простота» модифицируют этот пафос» (Жилияков, 2011: 18).

«Цепная реакция», произошедшая в сознании поэтов, пришедших в литературу после Бродского, вызвана не только оригинальной жанровостью «Двадцати сонетов...», но и полисемантизмом словообраза «статуя», раскрывающим новые перспективы для участия в мировом культурном диалоге, а также высоким уровнем привлечения цитатного материала: «Земной свой путь пройдя до середины...», «Сад выглядит, как помесь Пантеона/ со знаменитой "Завтрак на траве"», «Она ушла куда-то в макинтоше», «Я вас любил. Любовь еще (возможно,/ что просто боль)», «Я Вас любил так сильно, безнадежно,/ как дай Вам бог другими...» (Бродский, 1990: 337-345)). Можно с уверенностью говорить о том, что эквивалентом образу памятника в цикле Бродского стала вся предшествующая культура и литература.

В «Двадцати сонетах к Саше Запоевой» Т.Кибиров трансформировал ситуацию из цикла Бродского и принципы жизни лирического героя также подверглись переоценке во время встречи отца с новорожденной дочерью: «Но в первый раз, когда передо мной/ явилась ты в роддоме...» (Кибиров, 1995: 4). Коррелятом образа статуи стал ребенок. Примечательно, что в цикле Кибирова почти отсутствуют перефразировки из «Памятника» Пушкина (за исключением «...чьи тексты читает всяк сущий здесь славист...» (Кибиров, 1995: 6)), но весь текст насыщен проблематикой бытийно-философского уровня. По Кибирову, категория Детства как функциональный заместитель образа Памятника позволяет более универсально решить проблему «Вечность – Личность»: именно жизнелюбивое детское начало, а не Поэт с его потугами на миссионерство, в состоянии разомкнуть во времени одинокое существование человека:

... снова в лужах тучи ходят хмуро...
но это все с тобою рядом, Шура,
спираль уже, а не порочный круг... (Кибиров, 1995: 9).

Интересно, что, на первый взгляд, «Двадцать сонетов» Т.Кибирова нарушают основное требование дружеского поэтического послания – обязательную отдаленность автора от адресата. Но сюжет цикла вскрывает самый главный парадокс и таким образом обосновывает правомерность появления послания: существование отца и дочери в одном бытовом

пространстве не устраняет, но, наоборот, подчеркивает наличие непреодолимой дистанции между идиллическим топосом детства и грешностью взрослой сути.

Интересную интерпретацию художественного образа статуи предлагает Э.Крылова в «Двадцати сонетах с Васильевского острова», построенных как обращение лирической героини-поэта к И.Бродскому. Первое предложение цикла «подключает» текст к эстетическим системам А.Пушкина и И.Бродского одновременно. На интертекстуальную соотнесенность сонетных циклов Э.Крыловой и И.Бродского указывает не только тождество организации заглавий и выделенность Васильевского острова как одного из сакральных топосов поэзии Бродского, но и отсылка в первых строках первого сонета к характеру и местонахождению «адресата» послания. В цикле Крыловой переложение ситуации «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» на биографию поэта-современника сопровождается очередными модификациями образа памятника в «истукан», «фотографию». Реминисцентная полемическая соотнесенность словобразов цикла со стихами Г.Державина («Мой истукан»), В.Маяковского («Ленин - / фотографией на белой стене» (Крылова, 1996: 5)) обнаруживает категоричность взглядов Э.Крыловой, в фокусе критики которой оказались все те поэты, которые когда-то поддержали традицию пушкинского «Памятника». Контекст обнаруживает устойчиво-ироническое отношение лирического героя к перечисленным словообразам:

... Ты украшаешь стену над моим
столом. Ну просто лик евангелиста
под гримом голливудского артиста.
Фотограф расстарался... (Крылова, 1996: 6).

Лексически сниженный «истукан» (в духе Бродского) символизирует творческую самоудовлетворенность, «забронзовелость», «осоловелость» от славы, в то время как задача Поэта – разрешение «князьмышкинского» проблемного узла. «Истукан» - не лучшая альтернатива народной памяти. Тем более, что традиция фетишизировать творчество поэта (устанавливать памятники и другие места паломничества) обернулась обратной стороной, вместо почитания она обнаружила в людях ханжество и лицемерие:

... Как к вечному огню, цветы слагают
к твоим стопам. При сем предполагают,
соловушка, что ты осоловел
от славы. Вот за это и ругают
влюбленно и завистливо... (Крылова, 1996: 7)

Лирическая героиня выбирает наиболее мудрую, в ее понимании, форму памяти: «Душа глядит, как в зеркало живое,/ вокруг себя, воздвигнув легкий крест/ внутри себя...» (Крылова, 1996: 9). «Крест» как признак причастности к Мировой Памяти.

Значимость заглавий циклов Т.Кибирова и Э.Крыловой обуславливается не только апелляцией к тексту-предшественнику, но и сложным жанровым составом художественного целого. С одной стороны, заглавие устанавливает отношения соотнесенности между данным контекстом и каноническим сонетом, с другой стороны, с другой - определяет своеобразие структуры современного текста, осмысливаемого на фоне традиции. Читательский опыт необходим и для воспроизведения канона, и для констатации его нарушения. Так указание в заглавии количественного показателя стихотворений приобретает двойную эстетическую значимость: как код Горация и как альтернатива твердой форме "венка", состоящего из 15 сонетов.

Цикл М.Степановой «20 сонетов к М» вводит форму «Двадцати сонетов» в разряд традиционных: замена прописного варианта числительного «двадцать» на его цифровое выражение создает эффект автоматизма выбора жанровой формы. Соответственно, традиция «наследования» мотива «Памятник - статуя» также принимает статус закономерности. «20 сонетов» Степановой интересны тем, что в них содержатся аллюзии и реминисценции к «Двадцати сонетам» Бродского, Кибирова, Крыловой одновременно. В решении мотива «Памятника» М.Степанова продолжает развивать линию Бродского: система замещений «Памятник» – «статуя» – «прелестный истукан», существующая в «Двадцати сонетах» Бродского и Крыловой, нашла свое крайне обесцененное выражение в словообразе «скульптурица»: «Скульптурицею полны палисады...» (Степанова, 1998: 4). Память – понятие слишком личное, чтобы его выносить на всеобщее обозрение. И в этом убеждении М.Степанова не склонна к компромиссам. Автор «20 сонетов к М» полемизирует с Т.Кибировым об этичности и целесообразности увековечивания образа дочери:

Заснеженный, с вороной на носу
С гвоздикой под чугунную пятою,
Я истукан, как девочку, несу
И как грудную грудью питаю... (Степанова, 1998: 9).

Последний, XX, сонет реконструирует авторскую (альтернативную пушкинскому «Памятнику») модель бессмертия: «Две жили мышки во одном тазу... И всё, что я вложу в ушко и ушко,/ Суть коридор, который прогрызу...» (Степанова, 1998: 12). Образ мыши, противостоящей Истории, заимствован из поэзии И.Бродского, восходит к У. Шекспиру, А.

Пушкину, Ф. Достоевскому, а также к «Счастливому домику» В. Ходасевича. Ореол уюта и покоя, которым окружено существование мыши, есть поэтизация того мироощущения, которое *еще* нерешительно, но *уже* вступает в свои права и заявит о себе более активно в более поздних стихотворениях поэтов рубежа XX-XXI веков. Как видим, традиция обращения к авторитетам А. Пушкина, затем И. Бродского на наших глазах уходит в прошлое. В сознании М. Степановой «каменный истукан» Бродского начинает проецировать в совершенно иное измерение – в «Камень» акмеизма.

Удивительно, что в казахстанской поэзии, пережившей в 1990-е – 2000-е годы самое активное развитие, никто из поэтов не подключился к диалогу с Бродским в традиции «Двадцати сонетов». Появился оригинальный цикл Нурлыбека Садыкова «Письма Иосифу от римского друга» (Садыков, 1997), выдержанный в жанре дружеского послания; заметно подражая Бродскому, писал Игорь Полуяхтов, пишут Ербол Жумагулов, Тигран Тунияц, Асель Кусаинова, Ануар Дуйсенбинов. Но только в 2012 году в региональном литературно-художественном журнале «Кокшетау» (2012, №1(17)) будут опубликованы «Двадцать сонетов к Шокану Уалиханову» Рены Жумановой, автора книги стихов «Подушечка для иголок» (Жуманова, 2015).

Соотнесенность «Двадцати сонетов к Шокану Уалиханову» с контекстом «Двадцати сонетов» И. Бродского, в первую очередь, считается с наименования цикла. Название "сонетного" цикла Р. Жумановой апеллирует не только к жанровой памяти, но и к другим внетекстовым рядам. В заглавии цикла «Двадцать сонетов к Шокану Уалиханову» содержится отсылка к жизни правнука знаменитого Аблай-хана, известного ученого, просветителя, историка, этнографа, путешественника, офицера Генерального штаба Российской армии, разведчика Уалиханова. Когда-то И. Бродский создавал диалоговое пространство в «Двадцати сонетах к Марии Стюарт», чтобы еще раз обратить внимание на проблему жизни незаурядной личности в обществе, философию соотнесения частного и публичного, общепринятого и уникального, временного и вечного, проблему исторической памяти. Рена Жуманова вторит своему предшественнику, положив в основу отношения к личности Шокана Уалиханова подростковую влюбленность и в романтический образ «принца крови», и в телеэкранный образ Саги Ашимова:

Блеск эполет, еще живой Саги
красив как бог – и детские мозги
оторвались от будней без пейота.
Принц крови Мухаммед Ханафия
в мундире на известной фотографии –

в шкафу, за неимением киота (Жуманова, 2015: 110).

Но Р.Жуманова только на первый взгляд калькирует структуру субъектно-объектного построения «Двадцати сонетов» И.Бродского. Воссоздавая конкретику своего исторического пространства и времени:

Я четверть века мыслью отмотала
туда, где был генсек с пятном во лбу,
где гласность по талонам в дар рабу
крошили у крутого перевала (Жуманова, 2015: 109),

в суждениях об исторических событиях, фактах, поступках людей лирическая героиня выражает собственное мировосприятие, позволяет обнаружить высокий интеллект, способность к диалектическому мышлению и гармоничному мироощущению. Устойчивой характеристикой субъекта циклического повествования становится ее филологическая осведомленность, что, в свою очередь, мотивирует и философский склад мышления.

Движение авторской идеи в сонетном контексте Р.Жумановой интересно маркировано двумя типами исторически отмеченных групп слов, из которых одна принадлежит лексике XIX века (эпохе Шокана), а другая – XXI веку (современному времени), причем, обе группы включают слова высокой, официально-деловой, сниженно-бытовой, вульгарной, терминологической и других языковых сфер. Достаточно частым приемом в цикле Р.Жумановой является использование словообразов с ярко выраженной принадлежностью к разным эпохам в одной фразе, что позволяет придать художественному образу более яркое содержание (например, «десницей виртуальной», «асфальтного степного трубадура», «Приязни механизмы/ запущены твоей, Шокан, *харизмой*»).

Движение и взаимодействие всех лексических групп активно участвует в формировании ассоциативного пространства «Двадцати сонетов к Шокану Уалиханову» Р.Жумановой. Если в диалоговом пространстве цикла И.Бродского «лирический герой-эмигрант (он же поэт, неудобный власти) – Мария Стюарт (королева Шотландии, открыто нарушившая традиции)» всегда находится “третий”, т.е. читатель, сознание которого вбирает «классическую картечь» абсолютно свободной поэтической мысли, то в тексте казахстанского автора читатель работает уже не на отрезке «автор - герой», но в более информативно насыщенном пространстве, у истоков которого – сонетный контекст Иосифа Бродского. Наличие претекста обязывает читателя на понимание онтологии отдельных тем, мотивов, образов, приемов, за счет которой образуется бесценная культурная многослойность этого послания: и в прошлое (к И.Бродскому, Шокану Уалиханову, А.Пушкину, Н.Гоголю, Ф.Достоевскому, Абаю, Г.Уэллсу и другим), и в будущее, и в сегодняшний день.

Доминирующим типом композиции «Двадцати сонетов к Шокану Уалиханову» является ассоциативный принцип организации контекста: память является прихотливым ведущим по лабиринту сюжета данного цикла. Мотив "встречи" героя цикла И.Бродского с отраженным в воде изображением статуи Марии Стюарт спровоцировал в сознании субъекта цикла Р.Жумановой идею "развенчания" политически-зависимого решения темы памяти и памятника, соответственно. Тема памятника, получившая ироническое переосмысление Иосифом Бродским в 1974 году, спустя 40 лет в «Двадцати сонетах к Шокану Уалиханову» Р.Жумановой разворачивается в кардинально ином направлении.

В «Двадцати сонетах к Шокану Уалиханову» не встретить ни одного словообраза, близкого к семантике памятника. Автор как будто избегает этого определения. Воспроизводя иные образы, нацеленные на кодировку культурно-исторической памяти, Р.Жуманова постоянно акцентирует мысль на тщетности сохранения некоей единственной достоверности в отношении к историко-культурному прошлому, на абсолютной зависимости от доминирующей общественной идеологии:

...с архивами кассета
Размотана и спутана уже... (Жуманова, 2015: 116),
Упал колосс на глиняных ногах (Жуманова, 2015: 117)
...и в старое пальто
Не втиснуть плечи, тело уж не то (Жуманова, 2015: 117)
/словообраз «пальто» работает в заданной семантике гоголевской Шинели –
Т.Ж./.

Но в цикле Р.Жумановой есть интересная метафора памятника – «точка икс», определяющая отношение героини к заданной идее текста:

Непараллельные прямые в точке икс
Скрестились, мой загадочный кумир,
И в прорубь головой с идеей фикс
Бросаюсь... (Жуманова, 2015: 109).

Целомудренно-бережное отношение к памяти о Ш.Уалиханове позволяет лирической героине не упираться в камень изваяния, а увидеть за неодушевленностью вещества статуи Другое живое бытие: «Ты рядом...» (Жуманова, 2015: 109), «...как бог» (Жуманова, 2015: 109).

Вместо «гирлянд каменных подруг», «затвердевших седин мыслителей, письменников» И.Бродского – очень личное, вочеловеченное восприятие своего «загадочного кумира».

Анахронизм фразы: Он – рыцарь мой, я – дама сердца в башне (Жуманова, 2015: 108), соотносящий культурно-философский код «Стихов о Прекрасной даме» А.Блока с образами и представлениями самой героини цикла, задает глубоко личные, невыразимые и необобщаемые параметры восприятия исторической личности.

Художественное наполнение заключительного образа тропы также коррелирует со словообразом памятника:

Кричу в бездонный времени каньон:
«Не порастет тропа твоя быльём,
Гори бессмертно в небесах Звездой Востока!» (Жуманова, 2015: 121).

Нетрудно заметить, что эта «тропа» не совсем пушкинская. Если поэт XIX века выражал абсолютную уверенность, что к им воздвигнутому памятнику не зарастет *народная* тропа, то тропа Ш.Уалиханова вопреки «быльЮ» (тому, что протекало вне его внутренней жизни или тому, что было приписано-отнято у него после смерти?) сама вьется к таинственной цели, к той самой блоковской «башне». Так снимается помпезная величественность темы поэта и поэзии, образ памятника выведен за пределы его морально и физически ограниченного измерения: Гори бессмертно в небесах Звездой Востока! (Жуманова, 2015: 121).

Культурная многослойность «Двадцати сонетов» Р.Жумановой считается с богатого цитатно-аллюзивного материала. Реминисценции и аллюзии из классики XIX века (на пушкинскую Татьяну, блоковскую Прекрасную Даму, некрасовскую музу, романтический образ Пророка), из детского песенного репертуара XX столетия («Прекрасное далеко, не будь ко мне жестоко...») оригинально сочетаются с аллюзиями к «Двадцати сонетам к Марии Стюарт». Обращение «Шокан, позволь...» Р.Жумановой коррелирует с первой фразой сонетного цикла И.Бродского: «Мари, шотландцы все-таки...». Ситуация анахроничной встречи прошлого с «прекрасным далёко» пародирует сюжет первого сонета И.Бродского. «Я трачу что осталось русской речи» Бродского перерождается в более «трудоемкие» образы Р.Жумановой: «перо – моя соха», «хомут накинула себе». Хочется отметить единую суть образа пера у авторов XX и XXI веков: перо-соха и «перо простое» («пером простым – неправда, что мятежным! / я пел про встречу...» (Бродский, 1990: 345)) являются знаками тождественного понимания сути поэтического творчества.

Примечательно, что реминисценции из цикла Бродского всегда разворачивают течение мысли в «Двадцати сонетах к Шокану Уалиханову» в особое русло, вступают в полемический диалог с текстом-наследником. Сравним, например, образ билета в «Двадцати сонетах к Марии Стюарт»:

Там две картины, очередь на обе.
И лишнего билета нет... (Бродский, 1990: 338)

и в «Двадцати сонетах к Шокану Уалиханову»:

...тавро «шала» на нашем багаже,
И в кассу не вернуть билеты... (Жуманова, 2015: 116) /”шала” в переводе с казахского означает “маргинальный” – Т.Ж./.

Аллюзивный образ «лишнего билета» перерос в *ненужный билет* и в контексте темы обрусения казахов стал маркировать отношение автора к сложившейся историко-политической ситуации. Аналогичным образом соотносятся между собой цитаты «Река не потекла еще обратно» (Бродский, 1990: 340) и «Развернутое русло в берегах родных опять» (Жуманова, 2015: 117), «Понадобились вряд ли бы слова нам...» (Бродский, 1990: 341) и «наш диалог отнюдь не чепуха...» (Жуманова, 2015: 108), «Я думаю, сведи удача нас,/ ты просто бы ...» (Бродский, 1990: 340) и «Не подпишусь... / не поменяла б ни аза в твоей судьбе» (Жуманова, 2015: 111).

В «Двадцати сонетах» Р.Жумановой наблюдается активная трансформация формальных элементов классического сонета. Цикл "Двадцать сонетов..." И.Бродского является монометрически организованной структурой, выдержанной в традиционном для русского сонета Я5; сонетный контекст Р.Жумановой предельно “раскачан”: почти все сонеты написаны ЯВ на базе Я5, имитирующим разговорную речь (только 19 – ХВ, также на базе Х5). Если к этому добавить отдельно встречающиеся дольниковые строки, сверхсложные ударения, большое число фразовых анжамбеманов, то станет достаточно узнаваемым стиль письма Бродского. Кроме того, в «Двадцати сонетах к Шокану Уалиханову» не соблюдены внешние приметы сонетной строфической композиции, все сонеты имеют вид моностроф, закономерность развития темы сонета постоянно нарушается синтаксическими переносами, создавая прихотливые речевые интонации и "изнутри" еще более увязывая сонеты в единый неделимый текст. Сонетный образ мира держится только логикой авторской мысли, которая по-прежнему проходит через диалектическую триаду канонического сонета.

Рифменная система в «Двадцати сонетах» Р.Жумановой также далека от соблюдения традиционного канона. Рифменную организацию цикла Р.Жумановой отличает высокий коэффициент новаторства. Оригинальность контекста, состоящего из 20 стихотворений, ни метрически (ЯВ), ни строфически не наследующих традиции классического сонета,

усиливается за счет рифменного эксперимента: в каждом сонете используются новые типы рифменных отношений. Отказ от традиционно сонетной строфической композиции и введение разнообразных рифменных конструкций, метрических схем сонетов видоизменяют лишь некоторые из формальных признаков классического жанра, но не задевают ядро жанра сонета, его картину мира. Наблюдения над характером наследования литературной традиции И.Бродского Р.Жумановой позволяет обнаружить уникальность этого поэтического эксперимента. Наблюдаемая форма преемственности нацелена на сохранение традиции интертекстуального взаимодействия.

Как видим, дружеское поэтическое послание использовано поэтами как общеизвестный культурный код, позволяющий создавать новые литературные контексты, вкладывать новые смыслы и интонации в длящийся поэтический диалог, расставлять акценты на актуальных этому времени вопросах. Изучение характера трансформации традиции послания в творчестве поэтов конца XX – начала XXI столетий дает основание утверждать одну и ту же онтологическую суть этого явления и в творчестве предшественников, и в поэзии современников, а именно: факт наличия непреодолимой дистанции между топосом желаемой и реальной действительности, между автором и читателем, между вербализацией *можно* и *нельзя*.

Жанр дружеского опосредованного послания удовлетворяет эстетическим требованиям поэтов-современников как форма *самовыражения*, избегающая активного диалога по горизонтали (ибо горизонт предполагает породнение в истории) и восходящая к вертикали несовпадений в пространстве и во времени (Гораций, Бродский, Чокан Валиханов). Если в свое время А.Жолковский (один из первых исследователей творчества И.Бродского) заметил: «Иосиф Бродский как бы перебивает, комкает и отодвигает в сторону пушкинский оригинал, чтобы в конце выступить со своим собственным номером» (Жолковский, 1992: 261), то для поэтов, пришедших в литературу после Бродского свойственно «двойное» культурное зрение. Культурная многослойность в поэтическом послании выполняет, на наш взгляд, взаимоисключающие функции: с одной стороны, выступает в роли кода к пониманию сверхцели поэтического послания (т.к. накопленная в веках традиция дружеских посланий только поможет осведомленному читателю воссоздать новое повествование «о времени и о себе»); в ситуации же, когда поэтическое послание оказывается в руках читателя, не знакомого с культурной традицией, эти же знаки становятся препятствиями на пути постижения смысла текстового и сущностного.

Значительно усложнилось культурное осознание поэта начала XXI века. Характер дружеского поэтического послания также свидетельствует о том, что полистилизм перестает

быть актуальным самодостаточным способом проявления авторской позиции. Потому в современных стихотворных текстах уже не так часто можно обнаружить прямое копирование «чужих» форм, жанров, тем, образов. Идеи классической поэзии все чаще подвергаются полемической переоценке. Ощущение хаоса, характерное для поэтического мировосприятия 1990-х годов, уступает место новой нарождающейся эстетико-гуманистической ценностной иерархии.

Код памятника, существующий в современном поэтическом послании как метафора непорядка и дисгармонии, как фигура удаления и замыкания на самом себе, поворачивает вспять свою тысячелетнюю интенцию существования: от нацеленности на вечность до сворачивания в точку “икс”.

Список литературы:

Белунова Н.И. (2000): Дружеское письмо творческой интеллигенции как эпистолярный жанр, Филологические науки, 5, 81-90.

Бродский И. (1990): Часть речи. Избранные стихи 1962-1989 гг. М.: Флинта, 337-345.

Жолковский А. (1992): «Я вас любил...» Бродского, Блуждающие сны. Из истории русского модернизма. М.: СП, 261.

Жуманова Р. (2015): Подушечка для иголок. Кокшетау, 128.

Кибиров Т. (1995): Двадцать сонетов к Саше Запоевой, Знамя, 9, 4-11.

Крылова Э. (1996): Двадцать сонетов с Васильевского острова, Дружба народов, 4, 3-10.

Лотман Ю.М. (1971): Поэзия 1790-1810-х годов. Л.: Просвещение, 284.

Садыков Н. (1997): Письма Иосифу от римского друга, Стихотворения конкурса «Сорос – Казахстан - дебют». Алматы: Жибек Жолы, 119-122.

Сапгир Г. (1999): 20 хрустальных Генрихов, Знамя, 1, 4-9.

Степанова М. (1998): 20 сонетов к М, Знамя, 1, 4-12.

**«СИТУАЦИЯ ПОЕЗДА» – МЕТАФОРА ТВОРЧЕСТВА ЕЛЕНЫ
ДОЛГОПЯТ. РУССКИЙ ВАРИАНТ СОВРЕМЕННОГО МАГИЧЕСКОГО
РЕАЛИЗМА**

*Уршуля Трояновская
Ягеллонский университет, Польша
ula.trojanowska@gmail.com*

**"THE TRAIN SITUATION" - A METAPHOR OF JELENA DOLGOPIAT'S
WORK. A RUSSIAN VARIANT OF CONTEMPORARY MAGICAL
REALISM**

*Urszula Trojanowska
Jagiellonian University, Poland*

АННОТАЦИЯ

В статье творчество современной русской писательницы – Елены Долгопят – рассматривается как продолжение традиции магического реализма. Метафорой ее прозы становится определение Вячеслава Курицына – «ситуация поезда», под которым понимается перемещение между разными мирами. Герои Долгопят или путешествуют на поездах на самом деле, или находятся между различными измерениями действительности и вариантами своей жизни. Понятие реальности в прозе Долгопят значительно расширяется, так как включает в себя также то, что выходит за рамки материального измерения действительности.

ABSTRACT

In the article, the work of the contemporary Russian writer - Jelena Dolgopiat - is considered as a continuation of the tradition of magical realism. The term of Vyacheslav Kuricin - the "train situation", understood as moving between different worlds - becomes the metaphor of her prose. The heroes of Dolgopiat either really travel by trains or are located between different dimensions of reality and various variants of their lives. The notion of reality is significantly expanded, as it also contains what goes beyond the framework of material dimension of reality.

Ключевые слова: современная русская проза, Елена Долгопят, магический реализм, поезд, путешествие, реальность, жизнь

Keywords: contemporary russian prose, Elena Dolgopyat, magical realism, train, journey, reality, existence

„Сквозь «реальное» просвечивает «иное»,
в этом мире мы прозреваем другой – как раз **ситуация поезда**,
сочетающего-соединяющего концы и начала,
черное и белое, жизнь и смерть” (Курицын 1992: 297).

Среди многих существующих дефиниций магического реализма, удачным кажется определение Елизаветы Масловой, которая называет его «особым типом художественного мышления, свойственным разнородным явлениям в литературе XX века, при котором писатель отрицает плодотворность рационалистического мышления в стремлении выразить и художественно осмыслить мифически-магическую модель мировоззрения и для которого характерно органичное использование элементов фантастики наряду с обязательным наличием черт легко опознаваемой исторической реальности» (Маслова 2012: 255).

В общественном восприятии магический реализм функционирует как явление, характерное для латиноамериканской литературы. Действительно, его расцвет приходится на «бум» в письменности испаноязычной Америки, т. е. на 50.-70. гг. XX столетия. Родиной течения является однако Европа. Понятие создал в 1925 немецкий критик и историк искусства Франц Ро, дав своей книге название: *Nach-Expressionismus. Magischer Realismus. Probleme der neuesten Europaischen Malerei*. Изначально понятие функционировало по отношению к живописи и только потом его стали употреблять также касательно литературы (Mroczkowska-Brand 2009: 32-53 и др.). Факт настоящего происхождения течения имеет большое значение, особенно в связи с выдвигаемыми иногда аргументами, что это понятие неприменимо к европейской литературе и в исследованиях над ней, им не следует пользоваться.

Противоположный подход представляют, однако, многие литературоведы, среди них польская учная – Катажина Мрочковска-Бранд, которая убедительно показывает, как магический реализм функционирует в литературе многих стран и континентов (Mroczkowska-Brand 2009). В современной литературе (с 90. гг.) учная замечает две тенденции в разговоре о магическом реализме. Первая считает его существование законченным. Такой подход характерен прежде всего для писателей из Латинской Америки, которые устали от отождествления всей литературы их континента с данным течением, и хотят писать совершенно по-другому.

Вторую тенденцию представляет прежде всего мировая критика, которая не видит магического реализма как замкнутого направления, а как раз наоборот – интересно развивающееся. Эта тенденция обращает внимание на стилистические и философские

преображения магического реализма в направлении универсального течения (Mroczkowska-Brand 2009: 51-52).

Ольга Овчаренко пишет, что «употребление термина «магический реализм» давно уже вышло за пределы латиноамериканской литературы» (Овчаренко 2001: 428), а Маслова называет его «одним из важнейших культурно-художественных ориентиров, характерной тенденцией в развитии западного литературного сознания XX века» и «международным явлением, преодолевающим национальные и языковые границы, уходящем корнями во множество литературных традиций» (Маслова 2012: 254-255). Мрочковска-Бранд в своей книге создает «карту магического реализма» в XX и XXI веке (Mroczkowska-Brand 2009: 49-52) и считает, что «Латинская Америка была, но уже не является сокровищницей этого течения» а «магический реализм развивается и даже расцветает на других континентах» (Mroczkowska-Brand 2009: 260-261).

На карте магического реализма она обозначает Среднюю и Южную Америку - место самого большого расцвета течения и родину его классиков. Кроме того она пишет о представителях течения из Северной Америки, Канады, Африки, Азии, Австралии, Новой Зеландии и Европы. Много интересных явлений она находит в Польше и странах Восточно-Центральной Европы. Большой потенциал для исследований над развитием магического реализма видит в Литве, Украине, Чехии, Словакии, Венгрии и Румынии.

Ученая подчеркивает, что литература обеих Америк выросла из традиции европейской литературы и культуры, а в Европе «есть и были [...] писатели, принадлежащие к кругу магического реализма. Здесь создавались и продолжают создаваться разные его варианты» - пишет она и называет имена Исаака Зингера, Бруно Шульца и Михаила Булгакова. Исследовательница обращает внимание на то, что каждый из этих писателей – настолько большая личность, что нет возможности объединить их в одну группу. Их творчество было так разнородным и богатым, что они только частично принадлежат магическому реализму, но не смотря на это, значительно обогатили его философию, взгляд на действительность, а также набор стилистических средств (Mroczkowska-Brand 2009: 264).

По мнению Мрочковской-Бранд, для Европы довольно типичным является своеобразный вариант магического реализма, в котором он сочетается с постмодернистским дискурсом и использует сверхъестественные элементы, почерпнутые из мифов, переработанных в процессе литературной традиции (Mroczkowska-Brand 2009: 264).

Гжегож Газда считает, что именно благодаря постмодернизму эстетика магического реализма получила новый импульс и утверждает, что это «дух постмодернизма вернул магический реализм кругу европейской культуры» (Gazda 2000: 550).

Мрочковска-Бранд констатирует, что Россия занимает на карте магического реализма особое место, хотя бы из-за интересных разновидностей литературы с элементами фантастики, которые встречаются уже в XIX веке – некоторые рассказы Николая Гоголя и Федора Достоевского (Mroczkowska-Brand 2009: 265). За представителей магического реализма в России, исследователи считают ср. др. Сергея Клычкова, Андрея Платонова, Леонида Леонова, Фазиля Искандера, Анатолия Кима, Чингиза Айтматова, Тимура Зульфикарова, Юрия Буйду, Анатолия Курчаткина.

Изучение прозы Елены Долгопят приводит к выводу, что ее произведения без сомнения являются своеобразной реализацией данного течения, хотя не находятся близко его «твердого ядра» (Mroczkowska-Brand 2009: 252). В интервью 2012 года, на вопрос о соединении в своих рассказах подробностей будничной жизни с явной фантастикой, Долгопят ответила, что обладает способностью к сослагательному наклонению: «Смотрю на реальность и думаю: что получится, если она чуть-чуть сдвинется? А потом остается только написать, что из этого получилось, **своеобразные варианты реальности**” (Долгопят 2012, выделение мое – У. Т.). Это понятие ассоциируется не только с «расширенной действительностью» художественного мира, о которой пишет Мрочковска-Бранд (Mroczkowska-Brand 2009: 249), но также с высказыванием Габриэля Гарсии Маркеса, который повторял, что считает себя реалистом, а магический характер его прозе придает лишь тот факт, что там, где он живет, действительность просто является магической, что должно отразиться в ее описании (Mroczkowska-Brand 2009: 48).

Необыкновенное слияние в прозе Долгопят будничного и фантастического, подчеркивали многие исследователи (напр. Фрумкина 2006: 210). Ирина Каспэ обращает внимание на значение метафоричности заглавия ее первого сборника (*Тонкие стекла*). Сквозь тонкие стекла писательница присматривается к людям и их жизни. По мнению Олега Аронсона, эти стекла сделаны именно из повседневности (Каспэ 2002). За обыкновенным, даже скучным существованием, Долгопят замечает что-то важное, другое, иногда пугающее – иные миры. К подобному выводу приходит Даниил Чконя, который утверждает, что в произведениях Долгопят из-за медленно, монотонно развивающихся мотивов, будничных подробностей и флегматически разворачивающихся событий, проглядывают кошмар и парадокс жизни (Чконя 2007: 211).

Сквозь ежедневные заботы героев просвечивает другая реальность, что создает как раз «ситуацию поезда», о которой пишет Вячеслав Курицын. Его определение кажется очень подходящим не только для характеристики творчества Долгопят, но также магического реализма в целом.

Ученый пишет: «Железная дорога в России – не средство передвижения. Ее не используют для перемещения в пространстве, ее переживают как один из мистических символов страны» (Курицын 1992: 297). Исследователь подчеркивает, что в России путешествие на поезде набирает особенного значения, которое непосредственно связано с преодолением огромных расстояний:

«Железная дорога в России – таинственна, ирреальна, загадочна. **В ней катится некая Иная мощь**; быть может, она ведет в царство мертвых. Поезд – лодка Харона. Или же он сам есть царство мертвых или **нечто расположенное на границе яви и сна** [...]. В поезд у нас не сядешь так просто, но непременно с *идеями* [...]. В железнодорожном всегда присутствует идея *длительности*; ехать – долго и далеко, ехать – решение, действие. Расстояния так велики, что вполне можно и не вернуться. Затеряться в перспективе. [...] Мистичность России неотделима от необъятности пространств; железнодорожная сеть, сумевшая объять необъятное, покрыв собой страну, соразмерна, следовательно, сомистична» (Курицын 1992: 297, выделено мною – У. Т.).

Особенный характер поезда замечает также Мишель Фуко, который называет его «интересным узлом отношений, поскольку он представляет собой то, сквозь что мы проходим, то, с помощью чего мы можем проехать от одной точки до другой; и затем, это то, что само проезжает» (Фуко 2006: 195). Таким образом поезд соединяет в себе семантику места (временный дом, безопасность) и пространства (путешествие в неизвестное, чувство свободы) по терминологии И-Фу Туана (Tuan 1987: 13). К подобному выводу приходит Тадеуш Климович, который констатирует: «Поезда – это животворное движение, интенсивность ощущений, чувство безопасности, место позволяющее погрузиться в воспоминания...» (Klimowicz 1992: 62).

Богатство потенциальных дополнительных смыслов делает поезд фигурой очень популярной также среди современных русских писателей (например: Виктор Пелевин, Анатолий Курчаткин, Наталья Ключарева). В творчестве Долгопят он играет чрезвычайно важную роль: может являться не только местом действия, но и суррогатом дома, а даже порталом в другой мир. В образе поезда, созданном писательницей, можно найти почти все его, перечисленные выше, значения.

Александр Котюсов видит в образе железной дороги в прозе Долгопят объемный символ России и отмечает, что стук колес и фигура пути появляются чуть ли не в каждом ее рассказе (Котюсов 2017). Он обращает также внимание на автобиографический характер мотива пути: Долгопят как жительница Подмоскovie ежедневно проводит на электричках по несколько часов. Сама писательница говорит, что в своей прозе пишет на «языке электричек», что черпает из окружающей ее стихии, признавая этим, что поезда и состояние «нахождения в

пути» являются важной частью ее жизни. Анализ фигуры поезда в текстах писательницы позволяет сделать вывод, что именно она становится чаще всего элементом, благодаря которому, в произведениях проявляется реалистически-магический взгляд на мир. Значения, которые несет образ поезда, расширяют понимание действительности, открывая ее на другие измерения. Когда же фигура поезда отсутствует в тексте, герои вероятнее всего находятся в «ситуации поезда».

Произведение *Страна забвения*, выделяется среди других формой дневниковых записей, в которых запечатлены услышанные на электричке разговоры, запомненные сцены и сопровождающие их ощущения. В одно целое записи соединяет персонаж рассказчицы и образ жизни-путешествия. Кроме сцен из жизни пассажиров, представленных в тексте без комментариев, в него входят также фантастические фрагменты, которые, однако, никак не выделяются из потока спокойного, объективного повествования. Итак, рассказ о убитом мужчине, упрямо возвращающемся к своему убийце, начинается вполне вероятно: «В не слишком большом городе вроде Муром находят труп неизвестного. [...] Труп находят на станции, в зале ожидания. Уборщица вызывает дежурного...» (Долгопят 2005 а: 337-338) и весь ведется в таком тоне. Следующая запись в дневнике звучит: «В Москве оттепель, даже выше нуля днем, снег киснет, сижу дома, пеку печенье, думаю о течении своей жизни» (Долгопят 2005 а: 343). Таким образом отчетливо демонстрируется полное равноправие всех аспектов существования, что так важно для магического реализма. Голос вагонного продавца зубочисток так же настоящий и важный как являющегося привидения или самой рассказчицы. Поезд становится общим пространством многих субъектов, чему способствует его вневременный и «внепространственный» характер.

Аспект «безвремени» - отделения от собственной жизни, подчеркивается во фрагменте о недельном путешествии на поезде в рамках главного выигрыша в лотереи: «Пассажиры в поезде – как в полусне. Им хорошо, уютно, им даже не хочется шевелиться. Они как пришельцы на космическом корабле на чужой, далекой планете, чьим воздухом дышать опасно» (Долгопят 2005 а: 337). Путешествие и характерная для него изоляция делает возможным посмотреть на свою страну с большой дистанции, открыть ее заново.

Путешествие на поезде вырастает до ранга символа человеческой жизни, в которой, как в вагоне, непрерывно меняются и попутчики, и пейзажи за окном. Незаметный (или бегущий совершенно по-другому) в пути ход времени отражает внезапная перемена героев в стариков (Долгопят 2005 а: 377).

В рассказе *Старухи. История в стиле ЖЖ* действие проходит главным образом на поезде. Развитие событий не ограничивается его пространством, но именно там главная

героиня-рассказчица знакомится со старухой; с поездом связано также исчезновение старушки и ее поиски. Решение загадки приносит спонтанное путешествие в неизвестное: героиня не сходит с электрички на своей станции, а едет дальше:

«Он увозил меня от дома, И я была бы не прочь, если бы он увез меня как можно дальше. Мы бы ехали и ехали, и сутки, и двое, и десять лет. Правда, Земля маловата для такого путешествия. Во всяком случае, я сделала то, о чем много раз думала, подъезжая к своей станции: поехала дальше. Туда, не знаю куда» (Долгопят 2014).

Сход с проторенной дороги открывает новые возможности и перспективы: выходя из поезда на той станции, что всегда, героиня не встретила бы мужчину, который, защищая свое право на спокойствие в собственном доме (за какой принимает поезд), совершил на электричке убийство.

Как суррогаты дома поезда представлены в рассказе *Архитектура*. Герой называет их «домами на колесах» и будучи ребенком убежден, что в них живут люди. Он очень любит наблюдать за «пробегающей мимо» чужой жизнью. Свое собственное существование кажется ему так же мало реальным, как проезжающих мимо него людей: «[...] он думал о людях, чьи жизни проходят мимо, его не касаясь. От их движения лишь сквозняком веет. Он жалел, что не может почувствовать их полностью. Он и свою-то жизнь не всегда полностью чувствовал» (Долгопят 2005 б: 247). С годами Григорий приходит к выводу, что позиция наблюдателя, которую выбрал в жизни, не зависит от его места пребывания:

«Поезда останавливались на нашей станции, пассажиры выходили, прогуливались по платформе, пили чай в буфете и – с ударом колокола – спешили в свои жилища, смотреть из окон на текущую мимо жизнь. Позже я понял, что из любого окна ты видишь ее течение» (Долгопят 2005 б: 254).

Пассажиры сравниваются с марсианами, что совпадает с образом поезда из произведения *Страна забвения*. Поезд, своим отличием от повседневной жизни, напоминает космический корабль, из окон которого можно присматриваться к совершенно чужой действительности. Григорий сам называет себя марсианином: собственное существование видит как путешествие по неизвестной территории, которое характеризуется постоянным удивлением и чувством отчуждения: «Жители поездов стали для меня особым племенем, вроде марсиан. Когда я сам увидел землю с той стороны вагонного стекла, я понял, что уже давно был марсианином» (Долгопят 2005 б: 254). Он ищет, однако, попутчиков, ему необходимо чувство принадлежности к общине, даже состоящей из таких же отшельников, как он сам.

В повести *Путь домой* случайная поездка на метро навсегда соединяет друг с другом всех пассажиров. После неожиданной стоянки во время маршрута оказывается, что они уже не смогут вернуться на землю. В связи с переменами климата, жизнь на поверхности стала не возможной и для них открыли «дополнительные пространства» (Долгопят 2001: 54). Поезд становится для путешественников Ноев ковчегом. «Самое лучшее убежище мира» (Долгопят 2001: 54) оказывается огромным царством с собственным электричеством, интернетом, мобильной связью, необходимыми для жизни продуктами (хлеб, кофе, сахарная свекла) и инфраструктурой. Пространство подземного мира соединяет все минувшие времена: «[...] наше царство хранит вещи чуть не всех эпох. Можно столкнуться и со стариной допотопной и с тонкими новейшими приборами» (Долгопят 2001: 58). Оно является как будто суммой опыта человечества, что рождает чувство пребывания вне времени.

Герой чувствует себя как во сне, где деформации подлечит не только время, но и пространство: за хорошо знакомой дверью появляется совершенно чужое место. «Я вошел в метро, а очутился в подземном царстве» (Долгопят 2001: 56) - говорит Сережа. Таким образом поезд исполняет функцию ворот в другой мир.

В произведении очень выразительно противопоставляются категории «там» и «здесь», что напоминает композиционный прием Владимира Набокова в романе *Приглашение на казнь*. У Долгопят «там» - это идеализированное прошлое, мир, в котором остались близкие, небо, солнце, море, дождь. «Здесь» - необходимость и вызов, так как жизнь в «дополнительных пространствах» трудная – переполнена одиночества и тоски. Попытку соединить эти два измерения предпринимает газета Брумбергов, в которой Сережа находит работу: «Кроме сведения о текущем состоянии климата там, у нас есть раздел всяких происшествий здесь» (Долгопят 2001: 70). Но все равно «там» остается для героя главной точкой отсчета: «Человек лежал в саду и, казалось, как будто не здесь, а там». „Первый мой знакомый здесь и последний – там”. „Окна ее кабинета тоже смотрят в парк, и казалось, мы – там, и день тянется, серый, пасмурный, очень тихий” (Долгопят 2001: 70, 71, 73). Благодаря своей связи с «там», самыми ценными для жителей «дополнительных пространств» являются предметы из прошлой жизни, а также хранящиеся в памяти воспоминания.

Метафорой существования героев можно считать любимую компьютерную игру Сережи – *Путешествие на Луну*:

«Игра эта – что-то вроде путешествия по фантастическим мирам в бесконечно разнообразной вселенной. Ты можешь путешествовать по мирам, которые предусмотрены программой, а можешь создать собственные. Планета, условия жизни,

персонажи. Все должно быть согласовано. При таких-то условиях возможны такие-то персонажи, а при таких-то – невозможны» (Долгопят 2001: 81).

Все жители подземного царства находятся в ситуации созданных неизвестным игроком персонажей. Но этот игрок оказывается неряшливым – забыл о старательной отделке своих героев:

«Предположим, это нас кто-то придумал, а об отпечатках пальцев позабыл. Придумал и сделал. Может быть, мы вроде биологических роботов. Нас можно потрогать, мы живые, но с какого момента? Когда наша жизнь началась? Когда поезд остановился под землей?» (Долгопят 2001: 83).

Следовательно, поезд исполняет в произведении не только роль Ноев ковчега и ворот в другой мир, но также портала, активирующего персонажей в игре-жизни. Это открытие выбивает героям почву из-под ног, они уже не знают, что является настоящим и каков статус их существования:

«На дискете [...] огромный блок информации, – список всех жителей подземного царства с их прошлым. Мое прошлое – мой тайна – изложено во всех подробностях. И прошлое Брумбергов, и прошлое Груши. Кстати, она свое прошлое выдумала, не было никакой бабки-дежурной по метрополитену, а была мать-учительница... Ты понимаешь, что никакой разницы нет?» (Долгопят 2001: 83).

Сережа, однако, без колебаний совершает выбор – как говорит, прошлое: «[...] для меня [...] единственная реальность, якорь, надежда – будущее! То, ради чего можно жить и можно умереть» (Долгопят 2001: 84). То, что хранится в памяти и вызывает живые чувства, несомненно является настоящим, независимо от абстрактных категорий правды и фальши. Поэтому факт, что воспоминания всех жителей подземелья оказываются искусственно созданы, не имеет для него малейшего значения. «От прошлого, даже вымышленного, никуда не денешься, оно существует» (Долгопят 2001: 84) – заявляет уверенно.

Можно сделать вывод, что Вселенная явится в повести как набор разнообразных измерений существования, а исчезновение границы между ними (оказывается, что идеализированное «там» никогда не существовало и «здесь» является единственной действительностью) вписывается в образ мира, не ограниченного тем, что кажется очевидным. Более значительным считается факт, что Сережа принимает за настоящую жизнь свои счастливые годы, прожитые в маленьком городке на поверхности Земли, чем вопрос, действительно ли это имело место и что следует понимать под словом «настоящий».

Память, как особенный вариант человеческого существования, является частым мотивом творчества Долгопят. Итак, в рассказе *Репетитор*, героиня узнает, что то, что она помнит из своей жизни – никогда не случилось. «Моя болезнь заключается в разнице между тем, что я помню о себе, и тем, что помнят обо мне другие» (Долгопят 2005 в: 299) - говорит Светлана. Но почему то, что помнят другие, должно быть более настоящим? «То, что в моей памяти, – полно звуков, запахов, живой жизни. То, что в их, – мертво для меня» – объясняет героиня (Долгопят 2005 в: 299). Как и в случае Сережи, воспоминания о прошлом создают независимую действительность, которая побеждает в столкновении с «реальной жизнью».

Существование как Сережи, так и Светланы можно назвать «ситуацией поезда», так как оно располагается где-то между «живым» прошлым и мертвой «правдой», собственной, субъективной памятью и «объективным» рассказом свидетелей.

В повести *Повествование о двух встречах* эта ситуация отражается в параллельной жизни Сережи, которую он сам создает в интернете, и которая совершенно доминирует его существование. В произведении *Кровь* другой мир врывается в жизнь главного героя вместе со случайно найденным аппаратом, при помощи которого можно воскресить умерших. Жизнь и смерть сочетаются также в повести *Потерпевший*, когда герой начинает дружить с навещающим его убитым ретушером. В рассказе *Совет* герои узнают, что их жизнь транслируется по специальному телевизионному каналу (не известно кем, не известно как – выяснить этот феномен не удастся ни ученым, ни военным, ни следователям), но иногда эти кадры не имеют ничего общего с действительностью. Вроде бы обыкновенная жизнь, показана со всеми малейшими деталями, но – на самом деле чистая выдумка. Невозможность однозначно отличить правду от фальши, явь от сна (героиня повести *Гардеробщик* говорит: «[...] жизнь есть сон, а вернее сны. Бывшие когда-то и будущие» (Долгопят 2005 г: 94)) значительно расширяет пространство мира героев текстов Долгопят. Все возможные измерения существования, также те недоступные разумному познанию, еще не проявившиеся, или просто – не ограниченные материей, создают реальность их жизни. Взаимное проникновение и слияние различных сфер и плоскостей мира вынуждает бесконечное перемещение между ними. Определение «ситуация поезда» отражает суть проблематики прозы Долгопят, характеризует экзистенциальную кондицию современного человека, а также является, на наш взгляд – основной чертой магического реализма.

Список литературы

- Гугнин А. А. (1998): Магический реализм в контексте литературы и искусства XX века: феномен и некоторые пути его осмысления. Москва: Российская академия наук, Институт славяноведения, Научный центр славяно-германских исследований.
- Долгопят Е. О. (2001): Путь домой, Тонкие стекла. Москва: У-Фактория.
- Долгопят Е. О. (2005 а): Страна забвения, Гардеробщик. Москва: Престиж книга.
- Долгопят Е. О. (2005 б): Архитектура, Гардеробщик. Москва: Престиж книга.
- Долгопят Е. О. (2005 в): Репетитор, Гардеробщик. Москва: Престиж книга.
- Долгопят Е. О. (2005 г): Гардеробщик, Гардеробщик. Москва: Престиж книга.
- Долгопят Е. О. (2012): Слегка смещаю реальность..., Грани, URL: <http://www.grani21.ru/pub/elena-dolgopjat-slegka-smeshhaj-realnost> (дата обращения: 23.01.2017)
- Долгопят Е. О. (2014) Старухи. История в стиле ЖЖ, Искусство Кино, 5, URL: <http://kinoart.ru/archive/2014/05/starukhi> (дата обращения: 16.04.2018)
- Каспэ И. (2002): И ни птица, ни ива слезы не прольет. Вишневый сад и глобальное похолодание в новеллах Елены Долгопят, NG. Ex libris, 7, URL: <http://dlib.eastview.com/browse/doc/2793596> (дата обращения: 25.02.2015)
- Кислицын К. Н. (2011): Магический реализм, Знание. Понимание. Умение, 1, 274-277. URL: www.cyberleninka.ru/article/n/magicheskiy-realizm (дата обращения: 16.04.2018)
- Костырко С. (2017): Тот, кто отбрасывает тень, Новый мир, 4, 174-181.
- Котюсов А. (2017): Девятнадцать короткометражек про жизнь, Дружба Народов, 4, URL: <http://magazines.russ.ru/druzhba/2017/devyatnadcat-korotkometrazhek-pto-zhizn-pr.html> (дата обращения: 16.02.2018)
- Курицын В. (1992): Мы поедem с тобой на «А» и на «Ю», Новое литературное обозрение, 1, 296-304.
- Маслова Е. Г. (2012): Магический реализм как парадигма культурно-художественного сознания современного общества, Вестник ЧГУУ, 10, 254-269, URL: <http://www.twirpx.com/file/1042558/> (дата обращения: 16.04.2018)
- Овчаренко О. (2001): Магический реализм (продолжение), Теория литературы. Литературный процесс. Москва: ИМЛИ РАН, «Наследие», 425-442.
- Фрумкина Р. (2006): Тушь, перо, Знамя, 11, s. 210.
- Фуко М. (2006): Другие пространства, в: Того же, Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью, пер. Б. М. Скуратова под общей ред. В. П. Большакова, ч. 3: Статьи и интервью 1970 – 1984. Москва: Праксис.
- Чкония Д. (2007): Воплощенные сны, Дружба Народов, 2, s. 211.

References

Gazda G. (2000): Słownik europejskich kierunków i grup literackich XX wieku. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN.

Klimowicz T. (1992): Aneks do kolejowego rozkładu jazdy. Motyw pociągu i dworca w literaturze rosyjskiej, *Slavica Wratislaviensia*, LXX, 55-69.

Mroczkowska-Brand K. (2009): Przeczucia innego porządku. Mapa realizmu magicznego w literaturze światowej XX i XXI wieku. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego.

Sobieska A. (2007): Realizm magiczny rosyjskich symbolistów (na materiale Srebrnego gołębia Andrieja Bielego), *Realizm magiczny. Teoria i realizacje artystyczne*. Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 263-271.

Tuan Y. (1987): *Przestrzeń i miejsce*. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy.

**«ПОЭТА ВОЗВРАТНЫЙ ПУТЬ В РАЙ»:
РАЙСКИЙ ТЕКСТ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX
ВЕКА**

*Мария Цимборска-Лебода
Университет Марии Кюри-Склодовской, Люблин, Польша
mcyborska-leboda@o2.pl*

**"THE POET'S WAY BACK TO PARADISE":
"PARADISIAC TEXT" IN THE RUSSIAN POETRY OF THE FIRST HALF
OF THE 20TH CENTURY**

*Maria Cymborska-Leboda
University of Maria Curie-Sklodowska, Lublin, Poland*

АННОТАЦИЯ

Исходной точкой исследования является концептуализация роли поэта в рефлексии Шарля Бодлера, ее отголоски и ее трансформация в поэзии К. Бальмонта, Вяч. Иванова, Ф. Сологуба, И. Бунина. Предлагается и эксплицируется понятие «райского текста», как единства поэтических высказываний, создаваемого присутствием топоса рая/Эдема: «общего места» художественного мышления и образа блаженного края. Анализируются модели интерпретации топики (потерянного) рая, его связь с категорией Совершенства бытия и абсолютных ценностей: Красоты, Любви и Правды. Предметом рассуждений становится категория памяти в ее соотношении с художественной проекцией образа рая в выбранных произведениях и с мышлением о призвании поэта быть заместителем божественного Мастера.

ABSTRACT

The starting point for the article is the conceptualisation of the poet in Charles Baudelaire's reflections, its transformations in the poetry of K. Balmont, V. Ivanov, F. Sologub and I. Bunin. The paper introduces the term "paradisiac text" as a unity of poetic utterances connected with the commonness of sense and related to the topos of paradise lost. Author identifies models interpretations of paradise/Eden in the studied works as well as its ontological and axiological meanings. The categories which are subject to consideration here are those of memory/forgetting, related to the idea of the poet/a vicar of the Divine Master.

Ключевые слова: «райский текст», память, Красота, поэт/наследник божественного Мастера-Демииурга, эстетическая телеология, Бальмонт, Иванов, Сологуб

Key words: "paradisiac text", memory, Beauty, poet/vicar of the Divine Master, aesthetic teleology, Balmont, V. Ivanov, Sologub

«Творя огонь, иду к святому гаю
И пусть себя, как факел, я дожгу,
Клянусь опять найти дорогу к раю»
(Бальмонт 1983: 331)

Одним из лучших произведений, свидетельствующих о наличии и значимости топики рая и «эдемского смысла» (мифологема) в русской поэзии I половины XX века, является Венок сонетов Константина Бальмонта, озаглавленный «Адам». И это не только потому, что его заглавие отсылает к первому жильцу Эдема (ср. у Сологуба: «Я был один в моем раю / И кто-то звал меня Адамом (...))», но также по той причине, что в трех сонетах находим отчетливое эхо перефразированной формулы Шарля Бодлера, вынесенной в заглавие предлагаемого сообщения, т.е. слов о назначении лирического поэта – найти первичный путь в потерянный рай (Baudelaire 1971: 207). Так, отголоски бодлеровской мысли находим в XII, XIII и XV сонетах Бальмонта. Соответственный фрагмент из XII сонета в качестве эпиграфа приводится выше. Здесь процитируем особо показательный отрывок из XIII сонета: «Клянусь опять найти **дорогу к раю**, /И в отчий дом **возврат мне будет дан** (...)» (Бальмонт 1983: 331). Заключительный же фрагмент Венка сонетов (т.е. два трехстишия из XV сонета), в качестве эпиграфа к своему стихотворению-посланию 1915 г., озаглавленному *Бальмонту*, использовал Вячеслав Иванов. Приведем эти слова (в записи и пунктуации поэта):

«Всею силой, что в мирах зажгла зарю,
Клянусь опять найти дорогу к Раю:
Мне Бог — закон, и боль — боготворю.» (Иванов 1987: 31).

Приобщаясь мысли автора «Будем как солнце», посвященное ему стихотворение (сонет) Иванов заканчивает словами:

«Живой, чье слово „вечно умираю”,
Чей Бог – Любовь, пчела в его рою,
Ты по цветам найдешь дорогу к раю.» (там же).

Приобщение «эдемскому смыслу» у автора мелопеи «Человек», где миф об Адаме приобретает ключевую роль, – конечно, не случайное. Топос рая в творчестве поэта занимает важное место, и не только в мелопее или «Римском дневнике 1944 года», но и в других произведениях («Младенчество»). Знаменательно, что топики рая оказывается существенной у многих поэтов интересующего нас периода, а именно у Федора Сологуба, Ивана Бунина, Владимира Набокова. Значимость и частотность этой топики дает нам основание для того, чтобы сделать выбранные произведения предметом исследования, а также, чтобы, учитывая

Бахтинское понимание текста – «взаимосвязи всех смыслов» (Бахтин 1997: 308), ввести понятие «райского текста», как единства поэтических высказываний, создаваемого общим присутствием топоса рая/Эдема. Причем под *топосом* здесь понимается: 1) *общее место* художественного мышления интересующих нас поэтов; 2) образ (и его осмысление) утраченного первоизданного блаженного *места* (рая).

Тезис, который верифицируется в статье, таков: «райский текст» – это текст *par excellence*, ибо как таковой он «помнит о сформировавшей его культуре эхом интертекстуальности или диалогичности» (Махлина 2009: 607). Наша основная цель: опираясь на анализ поэтических текстов, подвергнуть интерпретации содержащиеся в них модели осмысления топоса рая. В качестве продуктивного инструментария, способствующего экспликации «эдемского смысла» и его трансформации в анализируемых стихотворениях, используем понятия *бытия* и *ценности* в рефлексии Николая Лосского, а также идею о их нераздельности в Полноте и блаженстве бытия божественного (Лосский 1931: 39).

Итак, сосредоточимся на первой модели, думается, репрезентативной, отражающей способы мышления о рае, его концептуализацию.

Рай – хронотоп красоты и гармонии

Наличие и частотность топоса рая в исследованных нами произведениях проявляет органическую связь с доминантным у русских символистов и окоლოსимволистов концептом красоты и мышлением о Красоте как высшей, непреходящей ценности. Ради пояснения следует ввести некоторые замечания и уточнения, нюансирующие проблематику. Так, концепт Рая как такового обнимает собой мини-концепты или метафоры, не всегда совпадающие друг с другом, а именно «мой рай», «земной рай», «мечтательный рай», первобытный рай/Эдем или Божий рай. Именно эти метафоры, депонирующие символические значения, встречаем у Бальмонта и Сологуба. Известное стихотворение поэта «Я был один в моем раю ...» (Сологуб 2002: 9; Gozdek 2006: 48 и др.) – есть свидетельство созидания авторского мифа о рае, нового мифа, хотя в известной мере учитывающего библейские первообразы. Так или иначе, красота в этом мифологизированном раю – один из его основополагающих атрибутов. Однако что такое красота, о которой Достоевский говорил, что она «спасет мир», а Василий Зеньковский, интерпретируя мысль Достоевского и слова одного из братьев Карамазовых (Дмитрия), отмечал ее амбивалентность (божественное и демоническое в ней) в земном мире (Зеньковский 1933: 36 и др.). Знаменитый же Бродский в «Нобелевской речи», используя формулу Достоевского, выявил ее не платонический, а прикладной смысл: эстетический опыт человека воздействует на его нравственный выбор,

делает его «свободнее». Существенно и то, что нобелиант подчеркивает первенство красоты (эстетики) перед этикой: «В антропологическом смысле, повторяю, человек является **существом эстетическим прежде чем этическим**» (Бродский 2006: 246). Будем понимать это «прежде» в иерархическом плане, и во временном (прежде времени). В этом мыслительном, но лишь бегло начерченном, контексте нижеприводимые слова стихотворения Бунина «Эпитафия» выявляют еще один важный аспект красоты и ее эдемского смысла:

«Красота лишь в Эдеме
Не знает запретных границ» (Бунин 2013: 197).

Бытийственность Эдема, его онтологическое значение, обуславливает качественность и абсолютность той несомненной ценности, какой является красота: причастная совершенству и гармонии бытия, она не может быть ущербной и амбивалентной, ей чужды земные грани. Особого внимания в этом плане заслуживают два стихотворения Федора Сологуба, в которых тематизируется мотив красоты и выявляется ее связь с «эдемским смыслом». Знаменательно, что в них появляется мотив «святыни новой красоты», просвечивающей в мире «порабощенной суеты», а также представление о том, что мир есть Символ, его же означающим (*signifié*) является святая красота («Высокий Символ» истинной красоты в «красоте земной и пленной» (Сологуб 2002 а: 83, 422). Из-за рамок сообщения остановимся лишь на одном стихотворении, подтверждающем центральное место красоты в пространстве рая. Это стихотворение 1922 года с инципитом «Дон-Кихот путей не выбирает,/ Росинант дорогу сам найдет», которое заканчивается мотивом смерти Дульцинеи, не пережившей вести о гибели своего рыцаря, Дон Кихота:

«Дульцинея, светлая царица
Радостного рая, умерла!» (Сологуб 2003: 240).

Рай – время – вечность

С точки зрения семантической инновации особо интересным представляется присутствие райского мифа в более поздних стихотворениях Сологуба (цикл «Очарования земли»). Понимание и интерпретация присущей им райской мифологемы, думается, должны исходить из значащей концептуализации пространства и времени, выраженной в поэтических текстах. В этом аспекте наиболее характерным является стихотворение с инципитом «Все мы, отвергнутые раем / Или отвергнувшие рай (...)), где наблюдаем соединение двух экзистенциальных ситуаций человека. С одной стороны, в стихотворении в духе культурной традиции человек воспринимается в качестве изгнанника из рая, обреченного жить в земном

пространстве. (Ср. в раннем стихотворении поэта: «С изнемогшей душой неразрывны / Впечатленья погибшего рая. / И по-прежнему нежно призывны / **Отголоски** далекого мая.» (Сологуб 2002: 226) С другой стороны, небесный, эдемский хронотоп вполне человеком не утрачен, он как бы вливается в земной, в качестве счастливых островов или блаженных миггов («Переживаем хмельный май») (Сологуб 2002а: 312). Поэтическая интуиция Сологуба позволяет ему прикоснуться к вопросу, который несколько позже тематизируется в философском дискурсе Николая Бердяева, констатирующего «ложный разрыв между временем и вечностью», между земным и небесным. Основная и продуктивная мысль Бердяева такова: «(...) возможен и **разрыв замкнутости времени и выход времени в вечность**, когда какое-то **вечное начало в нем действует**». И далее: «Это значит, что существует не только наше земное время в нашей земной действительности, но существует истинное небесное время, в котором это время [земное] внедрено и которое оно отражает и выражает» (Бердяев 2016: 76). Присутствие «вечного», «райского» начала, внедряющегося в наше земное бытование (время) в томе Сологуба «Очарования земли» (а также в других) акцентируется совершенно отчетливо. Ради подтверждения достаточно назвать стихотворение с инципитом «Земной, желанный сердцу рай! / К тоскующим приник равнинам» или «Земли смарагдовые блюда / И неба голубые чаши, / Раскройте обаянья ваши.» (Сологуб 2002а: 240, 353). В стихотворении же «Все мы, отвергнутые раем» вечное начало маркируется значащей фразой: «Переживаем хмельный май / **В согласии** с забытым раем» (Там же: 312). Принцип *согласия* уничтожает разрыв времени – разрыв двух миров. (Ср. «И умирало время / Для жизни неземной» – Сологуб 2002б: 20.) Тем самым желанный рай в определенном смысле не трансцендентен, он существует в пределах внутреннего человеческого мира, духовного бытия человека. Иными словами, «возвратный путь в рай» для Сологуба означает моделирование такой новой реальности, в которой мир небесный и земной соприкасаются, эротически соединяются. Это происходит за счет поэтического вымысла, но не только; также проекции или повторения первичной эдемской ситуации поэта, отсылающей к библейскому источнику: «Всему даешь ты имена, / и воскресают времена / Первоначального Эдема. (...) Все, пламенея словом, блещет. / Эдем твой не пребудет пуст. / Огnezвучащие скрижали / Ты понесешь в земные дали» (Сологуб 2003: 285). Таким образом, Эдем является отправной точкой в мышлении Сологуба о функции и статусе человека здесь на земле. (Ср. слова Изольды: «Завтра, завтра вспыхнет рай». (Там же: 222) Не случайно в приводимом выше стихотворении посредством двух весьма значащих лексем «все мы, отвергнутые» или «отвергнувшие рай», имплицитно выражается мысль о роли, какую сыграл сам человек, теряя рай. Иначе говоря, затрагивается вопрос о свободной воле человека и сделанном им выборе. Это очевидно уже в

известном стихотворении «Я был один в моем раю...». В нем важным оказывается смысловой момент, кажется, не замеченный исследователями в его полном семантическом объеме. Имеется в виду мотив «кризисного сна», символизирующего онтологический скачок в существовании героя (потеря счастья), «падение» в земное измерение. Но только ли? Думается, этот мотив семантически многослоен, особенно если учесть смысловой контекст, т.е. вслед за Рикером (Ricoeur 1975: 311), отсутствующую часть дискурса, имплицитную значимостью слов и их сцеплений. С этой точки зрения сон адамического героя в первозданном эдемском пространстве означает замутнение сознания и провинение («но я заснул у злого древа»). Потеря рая (и очаровательной Лилит) – это итог вины человека, горькая участь, вызванная им самим. Сологуб предугадывает потенциальности эдемского смысла – его этический аспект, связанный с ответственностью человека и дарованной ему свободой, с одной стороны, и соблазном зла, с другой, определившими «свободное» грехопадение, отпадение от Бога (Зеньковский 1938: 32-33).

Любопытно, что этот аспект вопроса и «райской истории» человека находит ответное понимание (в Бахтинском смысле) у Вяч. Иванова в его мелопее «Человек». В первой ее части указана демоническая прелесть зла, его привлекательность. Подобно Сологубу, также Иванов творит на мифопоэтической основе но в инверсионном порядке. Иначе чем у Сологуба, где Лилит («и не желать бы мне иной») – это желанная жена, у Иванова она есть первичный демон (или в духе средневековых представлений) женоподобное обличие Сатаны (Иванов 1912: 41), соблазнившее Адама и в итоге изменившее первичное, до грехопадения, отношение на линии Бог – человек. «Райский хмель» заменяется «уксусом изгнания», падший человек становится «личиною змея» (Иванов 1979: 533, 540). В философском плане мелопея Иванова открывает осмысление дальнейшей перспективы этих отношений, которая сказывается в исторической судьбе человека и связывается с мистерией появления *нового Адама*. «Пролог на небе» получает тем самым свое реальное, бытийственное продолжение. Отвлекаясь от анализа этой темы в поэме Иванова, предпочтем указать на ее наличие в последних произведениях поэта, а именно в «Римском дневнике 1944 года». Привлечем лишь одно стихотворение, датированное 6 января, где эксплицитно присутствует эдемская тема, соединяющая в одно целое два Эдема; древний, первозданный и новый «девственный Эдем», увиденный пришельцами в ночь Эпифании:

«Как древний рай покрыла схи́ма,
С ним стала нам и ты незрима,
Звезда, венчавшая Эдем (...)» (Иванов 1979: 586).

И истолковании Иванова «Новый Эдем» есть дар небес, а его откровение – это призвание человека. Тем самым Христос, новый Адам, центральная фигура «нового Эдема», внедренная в историческую судьбу человека, становится настоящим Символом символов, *прототипическим символом*, в своей функции трансфигурации реальности (Borella 1990: 358, 360).

Согласно теории символизма (А. Белый), символ (носитель памяти) отсылает к тому, *что было* и зовет к тому, *что будет*, т.е. он действует в двойном направлении. Поэтому концепт «возвратный путь в рай» имплицитно интересуется персональным фигурам, связанным с пространством Эдема. Отсюда в русском «райском тексте» частотной оказывается семантическая фигура или символ Бога-Отца. Он появляется уже у раннего Сологуба и прежде всего у Вяч. Иванова, о чем мне приходилось писать в другой работе (Цимборска-Лебода 2018a). Здесь хочется лишь отметить, что в эпилоге «Rosarium» (книга лирики «Cor Ardens»), в стихотворении «Eden» фигуры рая и эдемского Бога-Отца получают у Иванова онтологически-ценностное и персоналистское осмысление: существования вместе с Богом, Полноты и Совершенства бытия, причастности подлинному счастью и вечности («кто счастье не на миг»). Фигура Отца имеет важное значение также в поэтической антропологии Бальмонта (см. в цитируемых сонетах о возврате в Отчий дом), Сологуба и Бунина. У всех трех поэтов топос рая и возвратного пути в рай ассоциируется с возвращением в «отцовскую обитель». Однако иначе чем у Иванова, символ Отца это не столько теологема, вскрывающая свое религиозно-богословское содержание и акцентирующая ситуацию богосыновства (хотя это значение у них присутствует имплицитно), сколько знаковая фигура рая и его *центра* в их проксемическом значении (обитания в пространстве интимного общения с Отцом).

Так, у Сологуба оно осмысляется как место блаженства и «неземное бытие» (Сологуб 2002: 353), это и «родимый край», «неведомая отчизна», насыщенная библейским подтекстом. Ср.:

«И промечтаю до конца,
И, мирно улыбаясь жизни,
Уйду к неведомой отчизне,
В чертоги вечного Отца.» (там же: 355)
Или с явной библейской отсылкой:

«Что селения наши убогие,
Все пространства и все времена!
У Отца есть обители многие, —
Нам неведомы их имена.» (там же: 359)

Похожим образом, как «отчая обитель», о которой молит субъект стихотворения, прочитывается рай в произведении Бунина 1919 года «Потерянный рай»:

«- Иисусе Христе, миленький!
Прости душу непотребную!
Вороти в обитель отчую!» (Бунин 2013: 209).

Или в стихотворении 1917 года:

«О радость радостей! Нет, знаю,
Нет, верю, Господи, что ты
Вернешь к потерянному раю
Мои томленья и мечты!» (Бунин 2013: 198)

Подобный смысл эдемского обитания с Богом – «радости радостей» находит продолжение в стихотворении Бунина 1938 года. Рай – **райский сад** – это место встречи тех, кто был на «земле любим» и тех, кто дарил любовь (в духе Послания св. Иоанна).

Рай – память – забвение

В пределах этой статьи мы не можем остановиться на *претекстах*, инспирирующих европейское мышление об изначальном рае («Исповедь» Бл. Августина), где топос Эдема появляется в связи с категорией памяти. Отзвук этого находим у Вяч. Иванова («и первозданный вспомнит [Адам] свой Эдем») и, конечно, у Сологуба. У Иванова в стихотворении «Eden» память сопоставляется с категорией забвения («Отец, Тебя забыли мы, (...) / О, избылья Океан!» Иванов 1974: 531), соотносимой с экзистенциальным положением человека в цивилизации, забывшей Бога и вечность, забывшей основные, с Эдемом связанные ценности. Кроме уже отмеченных (Любовь, Красота, счастье) к ним принадлежит и правда/Истина. И именно она является тем, на что устремляет свой взор и что собирает, отделяя правду от лжи, прежде чем заново обрести путь в потерянный рай, лирический герой сонета Бальмонта из его поэмы «Адам». Прочитируем его, акцентируя важную у символистов топику зерна/семени:

«Клянусь опять найти дорогу к Раю,
И в Отчий Дом возврат мне будет дан,
Когда сполна **исчерпаю обман**,
В котором **зёрна правды** я собираю.» (Бальмонт 1983: 331)

Впрочем, автор поэмы «Адам» принадлежал к числу поэтов / славословов, прославляющих истинные эдемские ценности и верящих в возможность их осуществления в духовном опыте человека:

«Мы говорим, но мы не знаем,
Что **есть воистину любовь**.
Но если ты *овеян раем*,
Своё блаженство славословь.» (Бальмонт 1983: 288)

С этим связана Бальмонттовская концепция сакрализации роли поэта/ наместника божественного – хранителя памяти о райском блаженстве:

«Среди людей ты божества наместник,
Так помни, чтоб в словах твоих был Бог» (Бальмонт 1983: 335).

Любопытно и знаменательно, что подобную концептуализацию поэта в статье «О художнике» (из «Спорад») выразил Вяч. Иванов (разделявший с Бальмонтом общее им славословие). В определенном смысле статья есть диалогический *ответ* (в Бахтинском смысле) Бодлеру и продолжает его идею, выраженную в эпитафии к нашим рассуждениям. Так, согласно Иванову, творец искусства/поэт осуществляет изначальный завет данный Художником-Творцом Адаму, который не исполнил его, ибо не ограничил свои занятия доверенной ему ролью – «возделыванием прекрасного рая». В такой перспективе художник-поэт мыслится Ивановым не только как хранитель памяти о древнем рае, ибо он есть тот, кто **пребывает** в нем, делая свое творческое дело. «И не в древний ли, сокровенный рай всякий раз чудесно проникает художник, чтобы творить успешно? (...) И не вдохновенные ли искусства доньше хранят и возделывают сад Божий?» (Иванов 1979: 114-115).

Первозданная и сокровенная истина об обитании человека в Эдеме, не понятая и не принятая первым его жителем, осмысляется поэтом в эстетических и онтологических категориях, как противопоставление двух неравноценных замыслов, между которыми человеку дано было выбирать: Мастера-Демиурга и мудрого Змия. В духе эстетической телеологии и теодицеи, присутствующей у Плотина и Бл. Августина (Вышеславцев 1928: 27), Иванов отмечает высокую ценность и эстетическую значимость Божьего замысла – приобщить человека к творчеству и искусству. «Не больше ли „хорошего вкуса“ и искусства в этом завете [возделывать рай] Мастера-Демиурга, чем в искушении мудрого Змия? ...» И далее: «Бог – художник; и, суд его, думается, будет судом художника, и Его осудительный взор – взглядом Мастера, обманутого в своих ожиданиях, ленивым или недаровитым

учеником. Кто скажет, что наши добро и зло – критерии божественной критики Художника? И не хочет ли от нас Он только того, что мы назвали бы талантом? И всякий талант – не воспоминание ли о едином Мастере и Его искусстве?» (Иванов 1979: 115-116) Символическое осмысление изначальных событий и экзистенциальной ситуации, имевших место в Эдеме, в тексте Иванова задает бессмертную модель «вечно живой действительности». Выделяя *семена* Возможного, эта *иная* действительность вписывается в «мифическую летопись мира и человека, более истинную чем история» (Иванов 1979: 113).

Список литературы

- Бальмонт К. (1983): Избранное. Стихотворения. Переводы. Статьи. Москва: Художественная литература.
- Бахтин М. (1997): Собрание сочинений в семи томах. Т. 5. Москва: «Русские словари».
- Бердяев Н. (2016): Смысл истории. Санкт-Петербург: Азбука-Классика.
- Бродский И. (2006): Поклониться тени. Эссе. Санкт-Петербург: Азбука-Классика.
- Бунин И. (2013): Темные аллеи. Стихи и проза. Москва: Книговек.
- Вышеславцев Б. (1928): Трагическая теодицея. Путь, 9, 14-32.
- Зеньковский В. (1938): Зло в человеке. Путь, 56, 19-36.
- Зеньковский В. (1933): Проблема красоты в мирозерцании Достоевского. Путь, 37, 36-60.
- Иванов Вяч. (1974): Собрание сочинений в IV томах. Ред. Д. Иванов, О. Дешарт, Т. II. Брюссель: Foyer Oriental Chrétien.
- Иванов Вяч. (1979): Собрание сочинений в IV томах. Ред. Д. Иванов, О. Дешарт, Т. III. Брюссель: Foyer Oriental Chrétien.
- Иванов Вяч. (1987): Собрание сочинений в IV томах. Ред. Д. Иванов, О. Дешарт, Т. IV. Брюссель: Foyer Oriental Chrétien.
- Иванов Вяч. (1912): Marginalia, Труды и дни, 4-5, 38-45.
- Лосский Н. (1931): Ценность и бытие. Бог и Царство Божие как основа ценностей. Париж: YMCA-PRESS.
- Махлина С. (2009): Словарь по семиотике культуры. Санкт-Петербург: Искусство.
- Сологуб Ф. (2002): Собрание стихотворений. Т 2. Санкт-Петербург: Навьи Чары.
- Сологуб Ф. (2002 а): Собрание стихотворений. Т 4. Санкт-Петербург: Навьи Чары.
- Сологуб Ф. (2002 б): Собрание стихотворений. Т 6. Санкт-Петербург: Навьи Чары.
- Сологуб Ф. (2003): Собрание стихотворений. Т 8 (I). Санкт-Петербург: Навьи Чары.

Цимборска-Лебода М. (2018): «Благоухающая прелесть слов поцелуйных»: «соблазны тела» и «очарования чувств» – земной рай и блаженное строительство в поэзии Федора Сологуба, *Rusistica Latviensis*, 7, 38-50.

Цимборска-Лебода М. (2018a): «Рай незабывчивой души» и «христианская истина о человеке»: «Eden» Вячеслава Иванова, *Slavia Orientalis*, 2, 215-229.

References

Baudelaire Ch. (1971): *Sztuka romantyczna. Dzienniki poufne*. Tłum. Kijowski A., Warszawa: Czytelnik.

Borella J. (1990): *La crise du symbolisme religieux*. Lausanne: L'Age d'Homme.

Gozdek A. (2006): *Topika mityczna i figury miejsca w twórczości Fiodora Sołoguba*. Lublin: Wyd. UMCS.

Ricoeur P. (1975): *La métaphore vive*. Paris: Éditions du Seuil.

‘ANTI-AKATHIST’ BY JOSEPH BRODSKY*Olga Gasselblat**Herzen Russian State Pedagogical University, St. Petersburg, Russia
olyah77@mail.ru***АНТИ-АКАФИСТ ИОСИФА БРОДСКОГО***Ольга Гассельблат**Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия***ANNOTATION**

This article is devoted to question of how religious discourse is represented in Joseph Brodsky's poetry. It explores the presence of some genre characteristics of various religious texts such as prayer, funeral dirge and akathist. Through an analysis of 'Farewell Ode' by J. Brodsky and its referring biographical background - the poem was written after Brodsky's breakup with M. Basmanova - I investigate the use of lexical structures inherent in prayers of burial service. Also my article describes the application of akathist's composition form in 'Portrait Of The Tragedy' poem. I conclude that Brodsky fulfills this poem with semantically and stylistically opposite content by including 12-line form of akathist, while keeping imperative as a dominant of the text and repeatedly addressing to the glorified object.

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается явление архитектуральности, а именно, заимствование жанровых особенностей некоторых текстов религиозного дискурса, таких как молитва, панихида, акафист, в стихотворениях И. Бродского. Анализируется обращение И. Бродского к лексическим конструкциям из текста панихиды в стихотворении «Прощальная ода», которое возможно объяснить референциальной ситуацией: стихотворение написано в период разрыва отношений с М. Басмановой, возлюбленной поэта. В статье анализируется употребление композиционной формы религиозного жанра акафиста в стихотворении «Портрет трагедии» И. Бродского. Употребляя двенадцатистрофную форму акафиста, сохраняя в качестве текстовой доминанты глагол-императив, повторяющиеся обращения к прославленному объекту, автор наполняет форму абсолютно противоположным семантическим и стилистическим содержанием.

Keywords: religious discourse, akathist, composition.

Ключевые слова: религиозный дискурс, акафист, жанровая композиция.

Ceslav Milos defined Joseph Brodsky's poetry as a 'huge building of strange architecture which is full of paradoxes' (Milos 1980:23). Many researchers have devoted their papers to describing the genre characteristics in Brodsky's poems, for example 'The Genre Keyboard of J. Brodsky' by V. Polukhina or in various works of the above-mentioned Ceslav Milos.

Still, there is a lack of attention to the presence of religious genres in Brodsky's poems. There are few articles on this topic, for example ones by D. Akhapkin and S. Kalashnikov. Their articles pay particular attention to the Odic tradition of the transformation of the Psalms, and how Brodsky continues this tradition in his works. It is important to say that Brodsky's appeal to the genres of religious discourse is an important characteristic of his poetical system in general. Of course, Brodsky's reproduction of religious genre forms corresponds to his poetical principles, such as the desire for prosaic form, transformation, filling poems with unpredictable content and removing borders between genres, which is a general tendency in 20th century literature.

The key term of this article is *architext*. It was originally introduced by N. Fateeva and it means the connection of various genres within a text. Brodsky uses architext as a literary device by including religious genre forms, such as prayers, psalms, funeral dirge (*panikhida*) and akathists in his poems.

In 'Farewell Ode', a syncretic text of multiple meaning, we can trace the connection of the poem to liturgical text of Orthodox funeral service. Brodsky uses lexical constructions which are very similar to those in liturgical material. It is difficult to imagine that this resemblance might be unintentional. In the text of funeral dirge we read:

«Ты Сам – один бессмертный, / сотворивший и создавший человека: / мы же, смертные, из земли были созданы, / и в ту же землю пойдём, / как повелел Ты, создав меня и сказав мне: / «Ты земля, и в землю отойдешь», / куда все мы, смертные, пойдём, / надгробное рыдание претворяя в песнь «Аллилуия!»».

In the Brodsky's poem we can point out the similar intentions - a deep awareness of human sinfulness, temporary nature of earthly existence, requests for God's help and protection:

*«Грешен – молитв не смею»;
«Кто я? – пришел – исчезну... Странник я в этом мире; обращения к Богу: Где ты! Вернись! Ответь! Боже, зачем скрываешься? / Боже, зачем молчишь? Грешен – молитв не смею... Правды своей не прячь! Кто я? – пришел – исчезну»;
«Не оставляй меня! Странник я в этом мире. / Дай мне в могилу пасть, а не сорваться в бездну».*

According to A. Ranchin, the background of 'Farewell Ode' is Brodsky's breakup with Marina Basmanova, her abandonment, and therefore, the death of love. One can speculate that this, then, is the main reason why Brodsky appeals to the text of funeral dirge in this poem.

The poem, 'Portrait of Tragedy', is also an example of architext. Here we can recognize the composition of *akathist*, also a religious genre. Akathist is a type of hymn dedicated to Savior, Mother of God or a saint. The akathist is composed of 12 parts, each one consisting of a large stanza called

an *icosa*, and a smaller stanza, the *kontakion*. Icoses end with *kharetism* which has a ‘rejoice’ refrain, while ‘*hallelujah*’ finishes the *kontakion*. The *kharetism* forms the majority of the text. Each icos has 12 *kharetisms*, formed of pairs with syllabic verse and with a similar metric scheme to the original Greek version (Ludogovsky, 2015). Each line of the icos, after the *kharetism*, follows a description of the life and virtues of the glorified subjects (spiritual wealth, purity, virginity, kindness, devotion), their miracles (raising the dead, healing, unperishability), and gratitude for them. All together they represent ‘overcoming of earthly laws’ in a life of holiness. Here’s an example of such an icos from the akathist to Theotokos:

*Разум недоразумеваемый разумети Дева ищущи, возопи к служащему: из боку чисту,
Сыну како есть родитися мощно, рцы Ми? К Нейже он рече со страхом, обаче зовый
сице: Радуйся, совета неизреченнаго Таиннице; радуйся, молчания просящих веро.
Радуйся, чудес Христовых начало; радуйся, велений Его главизно. Радуйся, лествице
небесная, Еюже сниде Бог; радуйся, мосте, преводяй сущих от земли на небо.
Радуйся, Ангелов многословущее чудо; радуйся, бесов многоплачевное поражение.
Радуйся, Свет неизреченно родившая; радуйся, еже како, ни единого же научившая.
Радуйся, премудрых превосходящая разум; радуйся, верных озаряющая смыслы.
Радуйся, Невесто Невестная.*

In the Kingdom of God the souls of saints are in a state of bliss, and we can see that the passive verb ‘rejoice’ is dominant in the akathist. Each ikos addresses to the glorified subject, for example, “радуйся, Невесто невестная”.

A feature of this composition, listing qualities, can also be found the poem ‘*Portrait of Tragedy*’. It consists 12 stanzas that correlate to the 12 ikoses of the akathist. It is as solemn a song as the akathist, as the content indicates. “Услышим ее контральто с нотками чертовщины: / хриплая ария следствия громче, чем писк причины». The singing process is also indicated by the following units: *гастроли, в общем гаме, клавишами, нового в репертуаре, бурной овацией; из гласных, идущих горлом*. But, unlike the akathist, this song is not dedicated to the holy object of worship. Before us is the “glorification” of the main heroine of Russian 20th century history. It is Tragedy.

Let us take a closer look at the semantic structure of the poem. The text represents three phases of the subject’s behavior (the lyrical ‘myself’) towards this tragedy. Firstly, it is the representation of the object. The “look in the face” construct is a transformation of the Russian set phrase “face-to-face”, which has a second meaning; “to be courageous in difficult, dangerous situations, to not be afraid of something” (Fedorov 2008). Secondly, it is a description of the tragedy. Thirdly, of overcoming the tragedy. In the akathist these phases correspond to glorification, the description of the life and deeds of saints, and gratitude towards the saint. In ‘Portrait of Tragedy’, Brodsky therefore

describes the ‘laws of the fallen world’ (violence, allusions to national history) instead of describing the overcoming of earthly laws.

Each stanza has a three-part structure: the action of the subject, then addressing the object (which is tragedy), and finally the object’s actions or the description of the object. For example,

- A. Заглянем в лицо трагедии. Увидим ее морщины,
- B. ее горбоносый профиль, подбородок мужчины.
- C. Услышим ее контральто с нотками чертовщины:
- D. хриплая ария следствия громче, чем писк причины.
- E. Здравствуй, трагедия! Давно тебя не видали.
- F. Привет, обратная сторона медали.
- G. Рассмотрим подробно твои детали.

Lines A, B, C, D - the action of the subject; lines E, F - the subject addressing the object; line G - a description of the object

- A. Прижаться к щеке трагедии! К черным кудрям Горгоны,
- B. к грубой доске с той стороны иконы,
- C. с катящейся по скуле, как на Восток вагоны,
- D. звездой, облюбовавшей околыши и погоны.
- E. Здравствуй, трагедия, одетая не по моде,
- F. с временем, получающим от судьбы по морде.
- G. Тебе хорошо на природе, но лучше в морге.

Lines A, B, C, D - the action of the subject; line E - the subject addressing the object; lines E, F, G - the action or description of the object.

A similar structure can be traced in each septime. Therefore there are 12 addresses to the tragedy in the complete poem. As in the akathist, the addressing to the "glorified" object is framed by a description of the subject's action by using the present tense (заглянем, услышим, вложим, задерем, рухнем и др.), and a description of the action of the object - tragedy, or the tragedy itself. In this case, the object's action is more often expressed by the present constant or abstract verb tense, i.e. it isn't related to time constraints (тебе хорошо на природе, но лучше в морге; не проходишь мимо, пробуешь; не требуешь времени, маячит твой абрис).

It should also be noted that the passive akathist kharetisms (*rejoice*) are replaced by active verbs with the semantics of violence. They're representing, above all, just the opposite of the blissful state of action of the subject or object. In this poem, the verb is a structural and organizing device. The first three stanzas and the fifth stanza include plural third person forms of the verb in the present tense: заглянем, услышим, рассмотрим, заглянем, вложим, задерем, рухнем, прободаем. The

list indicates the degree of the strengthening of the subject's action towards the object. The distance between subject and object is narrowing - it starts with a 'gaze' and ends with a 'passage through'. The lyrical subject first tries to look at the face of the tragedy (it's a game with a play on set phrases). Then he overcomes his fear by intentionally cynical actions (вложим, задерем подол, рухнем в объятья, прободаем до пружин) with special mixed markers of corporeality, which creates a simultaneous representation of the sexual act and the image of an old, decaying body. The "cognition" of tragedy (contamination of the high / spiritual and low / corporeal) puts the poet above the tragedy. In some religious traditions (we can find examples in the Old Testament), it is said that to know the name means having power over the object. In a different light, it seems as though the subject becomes the mythical hero, who descends into a dark and dangerous place to fight a rival mythical hero, who is also descending into this dark, dangerous space to confront his adversary (the use of archaic "masks" being a common motif in Brodsky's poetry).

The description of the tragedy, which begins in the 4th stanza, continues in the 6th. We should emphasize several pairs of rhymes: горгоны - иконы - вагоны - погоны (gorgons, icons, carriages, epaulettes) - allusion to Soviet repressions and prison camps within four words. L. Losev comments: "Carriages full of people of Brodsky's generation are primarily being associated with prison carriages that take victims of Stalin's repressions right into the belly of GULAG" (Brodsky, volume II, 2012:479). In rhyming pairs *не по моде - по морде - в морге* (not in a fashion, (punch) in the face, in the morgue) we can find an allusion to Soviet everyday life, intolerance, a lack of freedom and the persecution of so called 'тунеядцы' (social parasites). Brodsky himself was charged with 'social parasitism' and was sentenced to five years hard labor and served 18 months on a farm in the village of Norenskaya. Here the poet places himself firmly within the context of this epoch. The face of the tragedy isn't just seen and detected, the features are described with a horrifying accuracy: searching for the fifth corner (horror), irreparability, trying to dust an udder (nothing is sacred), hitting the top of the skull with a cleaver, wrists slit. The poet follows the inner structure of akathist throughout all the 12 stanzas of his 'anti-akathist'. Utilised within this structure are crude constructs of address - which describe 'tragedy's biography' (the tragic history of country and its people - «недаром тебе к лицу и пиджак, и тога») rather than the biography of a saint or one of the beings of the Holy Trinity - with the verb dominating the text, specifically verbs with violent semantics, which take the place of 'rejoice'.

In the 10th stanza the description of the tragedy continues, and it resembles a verbal 'teasing' of the rival (one of the features of the fight): «Врежь по-свойски, трагедия. Дави нас, меси как тесто»; «Плюй нам в душу, пока есть место / и когда его нет! Преврати эту вещь в трясиину, / которой Святому Духу, Отцу и Сыну / не разгрести. Загустей в резину, вкати ей кубик

аминазину». As an 'Inverted akathist', it doesn't offer thanks for healing, resurrection and support, but describes the actions that destroy a person.

Each following stanza contains imperative verbs that imply the rival's actions are opposite to the healing or resurrection in the akathist - не брезгуй, давай, сделай, врежь, дави, меси, плюй, преврати, загустити (жарг.), вкати (жарг.), воткни, валяй (жарг.), отворяй. The style here is colloquial, including slang and the vernacular. Again, it's the opposite of the solemn high style of the akathist. In this situation slang is the most appropriate allusion to violence and its unlawful nature.

The phrase «вкати ей кубик аминазину» refers to punitive methods used by Soviet psychiatry on falsely accused patients.

Again, many parts of the poem are autobiographical. The subject of the poem predicts tragic actions. We can assume that the naming of these actions in some mystical way allows for the overcoming of them. These actions, aimed at the body, are thoroughly corporeal. The poet finds himself playing the part of a prophet who wins a spiritual victory over tragedy. Indifference towards the rival follows this victory: «раньше, подруга, ты обладала силой», «валяй».

The text is a mirror image of the akathist, "the reverse side," "a rough board from that side of the icon." While maintaining the form of akathist, Brodsky fills it with new content, semantic and stylistic, which correspond to the glorification of the true heroine of the 20th century - Tragedy. This, therefore, is the reason why repressions, tortures, betrayal, lack of rights, prosecution and ugliness, which form the tragic content, are being described by verbs with the semantics of violence and profanity.

According to A. Nesterov, we have 'an attempt to speak about the horror of the 20th century' and of all human life (Nesterov, 2001). This horror is emphasized by utilising the form of a religious composition. This poem isn't just speaking out, but is an act of poetic exorcism, purification and liberation. Brodsky appeals to the ancient Aristotelian view of the tragic which culminates with catharsis, but in his version it ends only with indifference. Brodsky combines an ancient understanding of the tragic with a form from the religious genre, thereby realizing one of his basic principles for creating the poem.

The theme of grief is the backbone for the creative work of J. Brodsky. «Боже, услышь мольбу: дай мне взлететь над горем / выше моей любви, выше стенанья, крика...» (Farewell Ode, 1964); «Когда так много позади / всего, в особенности – горя, / поддержки чьей-нибудь не жди...» (A View to the Sea, 1969); «Только с горем я чувствую солидарность...» (I Entered Instead of a Wild Beast in a Cage, 1980). Brodsky came early to the conclusion that despair, grief and pain are the rules of life in the 20th century, and not a violation of them. The essence of life reveals itself not in what is happening, but in our attitude towards it (Polukhina, 2009:154-155). In

poetry, the theme of grief is often associated with the themes of courage and stoicism. The poem "Portrait of Tragedy" is striking evidence of the author's position.

Another interesting fact is that the poem was written in 1991 - the year of the coup attempt against the former Soviet president which precipitated the dissolution of the USSR in December of the same year. It is also a time when the name of Brodsky's native city reverted from Leningrad back to Saint-Petersburg. With this knowledge, the poem could be interpreted as an epitaph for a fallen state built on violence.

On the other hand, during the last years of Brodsky's life, his relationships with Soviet friends and poets deteriorated. One of the reasons was the growing popularity of Orthodoxy amongst his friends in the 90s. Brodsky had a conflict with A. Naiman, who had called the poem 'Burning' "an insult to his religious feelings". He had forgotten that the poet embodies the moment of passion, and it is most likely that in this case, the feeling of passion towards woman is stronger than others. Following religious forms, Brodsky describes the 'passionate state' of the lyric hero. Perhaps therefore, 'Portrait of Tragedy' is one poet's challenge to the sensitivities of religious people.

References

- Бродский И. (2012): Стихотворения и поэмы: в 2 т. СПб.: Издательство Пушкинского дома.
- Ахапкин, Д. Н. (2018): «Прощальная ода»: у истоков жанра больших стихотворений [Электронный ресурс]. URL: <https://www.academia.edu/5104371/> (дата обращения: 18.01.2018).
- Нестеров А. (2018): «Портрет трагедии» – опыт анализа [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/slo/2001/2/nest.html> (дата обращения: 18.01.2018).
- Полухина В. (2009): Больше самого себя. О Бродском. Томск: ИД СК– С.
- Фатеева Н. А. (2000): Контрапункт интертекстуальности, или Интертекст в мире текстов. Москва.
- Фёдоров А. И. (2008): Фразеологический словарь русского литературного языка. М.: Астрель: АСТ.

Глава 2.
Русская литература в мировой культуре.
Восприятие, переводы, рецептивная эстетика.

**ТРАНСФОРМАЦИЯ «ТВОРЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА»
СТИХОТВОРНОГО НАБРОСКА А.С.ПУШКИНА «В ГОЛУБОМ ЭФИРА
ПОЛЕ...» В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX – XX ВВ.**

*Абрамовских Елена Валерьевна
Самарский государственный
социально-педагогический университет, Россия
ariadna2@list.ru*

**TRANSFORMATION OF THE "CREATIVE POTENTIAL" OF THE
PERSISTENT PACKAGE AS PUSHKIN "IN THE BLUE AIR OF THE FIELD
..." IN THE RUSSIAN LITERATURE OF THE XIX - XX CENTURY**

*Abramovskih Elena Valerievna
Samara State Social and Pedagogical University, Russia*

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются «творческий потенциал» незаконченного отрывка А.С.Пушкина «В голубом эфире поле», парадоксальное единство бесконечности и предельности «творческого потенциала» текста, креативная рецепция отрывка. Под «творческим потенциалом» незаконченного текста понимается некая «система указателей», формирующая читательские стратегии, своеобразные «лакуны» текста, провоцирующие читателя на со-творчество. Такими указателями могут стать: жанровая доминанта, композиционная форма, сюжет и событие, система образов, поэтический язык и др. Провоцирующая сила «творческого потенциала» незаконченного текста определила следующие типы креативной рецепции: формальная (количественная) реконструкция, антитетичная авторскому замыслу; нейтральная реконструкция, реализующая те или иные стратегии творческого потенциала, не противоречащие логике авторского замысла; рецепция, аутентичная авторской интенции или максимально к ней приближенная.

ABSTRACT

In the article the «creativity» of the unfinished passage of Alexander Pushkin «The blue ether field» paradoxical unity of infinity and limit «creativity» of the unfinished text passage creative reception. Under the «creativity» of the unfinished text refers to a kind of system of «signs», forming reader strategy, a kind of «gap» of the text, provoking the reader to co-creation. Such indicators may include: a dominant genre, compositional form, story and event imagery system, poetic language, and others. Provoking power of «creativity» of the unfinished text identified the following types of creative reception: formal (quantitative) reconstruction, antithetical author's intention; neutral reconstruction implementing certain strategies of creativity, do not contradict the logic of the author's intention; reception, authentic authorial intention or maximum approximation to it.

Ключевые слова: незаконченный текст, «творческий потенциал», креативная рецепция, «лакуны».

Keywords: unfinished text, «creativity», the creative reception, «gaps».

В стихотворном наброске «В голубом эфире поле» А.С.Пушкин обращается к сквозному сюжету мировой литературы. Истоки формирования творческого замысла «О доже и догарессе» у Пушкина связаны с образом венецианского дожа Марино Фальери (1354), правящего в эпоху, когда в республике господствовал олигархический режим купеческой патрицианской верхушки и роль дожа была ничтожна. Готовилось восстание, к которому примкнул 80-летний дож. Он был арестован, и 17 апреля 1355 года с «лестницы гигантов» дворца Дожей скатилась голова Марино Фальери, отсеченная палачом.

Т. Цявловская приводит предание, согласно которому Фальери вошел в заговор по личному поводу. Один патриций позволил себе оскорбить молодую жену дожа, а затем и его самого. Разгневанный старик подал жалобу в сенат, который наложил на обидчика ничтожное взыскание. Этой обиды дож вынести не мог (Цявловская 1952).

Соответственно в самом пратексте заложены противоречащие друг другу мотивы поведения героев (личные и общественные). Без всякого сомнения, продолжатели пушкинского фрагмента отталкиваются от строчки «Старый дож плывет в гондоле с догарессой молодой», в данном случае выступающей дифракцией классического текста, и не могут не обращаться к культурной проекции в целом.

Примером серийности этого сюжета служат следующие произведения: новелла Гофмана «Дожд и догаресса» (1819), драма Байрона «Марино Фальеро, дож венецианский» (1820), трагедия Каземира Делавиня «Марино Фальери» (1829), картина Эжена Делакруа «Казнь дожа Марино Фальеро» (1826), опера Доницетти «Марино Фальеро» (1835).

Принципиальными для нас являются две противоположные версии сюжета о венецианском доже, представленные Гофманом и Байроном, поскольку и тот и другой текст в равной мере мог стать источником пушкинского отрывка.

В новелле Гофмана «Дожд и догаресса» сюжетные доминанты связаны с любовью героя к юной догарессе, жене старика дожа, в которой он узнает прекрасное дитя, товарища своих детских игр, а также со старой полусумасшедшей няней героя, знахаркой, прорицательницей, являющейся главной действующей силой сюжета. Заговор и казнь дожа остаются на периферии сюжета, который построен на исполнении предсказаний: поскольку дож был, по венецианскому обычаю, обручен с морем, то ревнивая стихия мстит за него овдовевшей догарессе, перевернув лодку, на которой она и ее возлюбленный пытаются спастись бегством. Здесь догарессу зовут Аннунциата, «возвещенная». У Гофмана есть упоминание о девственности догарессы, на которой старик женится из тщеславия.

Байрон в трагедии «Марино Фальеро, дож венецианский» нетрадиционно рассматривает семейную драму: он полностью отвергает все возможные подозрения в адрес догарессы и дает ей «ангельское» имя Анджолины. Она — нравственное совершенство и искренне любит дожа. Старый Фальеро преувеличенно реагирует на насмешку над своим браком и требует смерти обидчика, возглавляет заговор низов. Внутреннюю пружину байроновской драмы и составляют эта перепутанность личных и общественных мотивов и недовольство собой старика, видящего, во что в устах кровожадных заговорщиков превращается его благородная идея заговора во имя восстановления прав народа.

Так, у Гофмана внимание акцентировано на психологии отношений героев, у Байрона — на общественных мотивах.

Стихотворный набросок А.С.Пушкина «О доже и догарессе» в ПСС датируется весьма неопределенно — 1824 – 1836 гг. Впервые был опубликован в 1856 году. История его темна и загадочна, как и у большинства незаконченных произведений. Разночтения связаны с творческим потенциалом самого фрагмента, с вариативным прочтением первой строки («В голубом эфира поле» или «Ночь светла; в небесном поле...»), с наличием второй строфы, открытой по рукописям Румянцевского музея (соответственно знакомой не всем реципиентам, поскольку в собраниях сочинений Пушкина до 1951 года публиковалась только первая строфа).

Пушкинская разработка данной темы далеко не однозначна. Очевидно движение авторского замысла в процессе работы. Творческий потенциал пушкинского наброска моделирует основные читательские стратегии. Их можно выстроить по следующим доминантам:

– Жанровая доминанта непосредственно определяет содержание и форму: песня, романс, баллада, лирическое стихотворение. Соответственно, если в концепции реципиента доминантным становится жанр баллады, то дописывание строится по законам баллады, в основе которой лежит сюжетность. Если реципиент импровизирует в жанре лирического стихотворения, акцент переносится на внутренние переживания героев. Первая строфа Пушкина содержит в себе равные возможности для развития каждого из указанных жанров.

– На уровне композиции перед нами экспозиция, вводящая в обстановку действия, и завязка, знакомящая с основными героями, дающая просторное поле воображению читателей для прогнозирования дальнейшего развития действия.

– Намечены основные линии сюжета, ими могут стать дальнейшее развитие отношений дожа и догарессы (конфликт в противопоставлении старого дожа и молодой догарессы); ревность дожа (из-за гондольера, молодого патриция, из-за молодости догарессы); возможная

измена догарессы или, напротив, чистота и невинность; трагическая «любовь поневоле». Тем более значимым становится отношение самого Пушкина к сюжету о венецианском доже Марино Фальеро и споры литературоведов по поводу источников развития сюжета: Гофман или Байрон. В соответствии с этим может быть определена доминанта сюжетного развития психологических отношений или исторических событий.

– Реконструкция классического «венецианского текста» — (дож, догаресса, лунная ночь, гондола) — предполагает итальянские страсти, поэтому так актуален внешний колорит города, вовлекающего каждого в любовную игру. Принципиальным тогда оказывается образ Венеции как «разлучницы» дожа и догарессы, силы, подчиняющей дожа своим законам, по которым он вынужден прилюдно мстить обидчику.

– Система образов: старый дож, молодая догаресса, возможное присутствие кого-то третьего. Лирический субъект проникнут любованием и сочувствием к догарессе (в пушкинских черновиках присутствует пятая строчка — «Догаресса молодая», очевидно, что Пушкина интересует точка зрения догарессы). Он сам смотрит на нее глазами молодого патриция и осознает свое превосходство над старым дожем. С другой стороны, лирический субъект видит себя в старом доже. Возможно появление соперника дожа (об этом говорит и колорит романтической ночи, гондола, в которой обязательным персонажем является молодой гондольер).

– Поэтический язык (тропы, синтаксическая организация текста, звуковые и ритмические ряды, размер, характер рифмовки и др.).

Вторая строфа, опубликованная в 1951 году, могла быть включена в творческое сознание реципиентов не ранее указанного времени, что мы и наблюдаем в истории дописываний. Творческий потенциал второй строфы репродуцируется только в продолжении Г. Сапгира, пристально работавшего с пушкинскими черновиками и литературоведческими исследованиями.

Воздух полн дыханьем лавра,
морская мгла,
Дремлют флаги бучентавра,
Ночь безмолвна и тепла (Пушкин 1959: 30).

Итак, определим лакуны, семантизирующие творческий потенциал фрагмента с восстановленной второй строфой. Знаком, цепляющим творческое сознание, в данном случае становится одорическая характеристика «дыханье лавра» и упоминание о «флагах бучентавра».

Почему Пушкин отказывается от одоризмов, возникших в черновых редакциях (запах мирта и розы), и оставляет запах лавра, гипотетически можно объяснить движением замысла. Очевидно, что, развивая замысел, Пушкин колеблется между двумя вариантами, и два контрастных обозначения запахов — розы и лавра, подтверждают это сомнение. Запах розы, как и мирта, вписывается в романтическую традицию. А запах лавра, тонизирующий, бодрящий, побуждающий к действию, тянет за собой шлейф устойчивых ассоциаций — венок победителю, слава герою, и, соответственно, иной смысловой обертоном всего текста — общественное в дожде превалирует над личным.

Очевидно, что вторая строфа акцентирует общественный характер конфликта, возможно, намечает сюжетные перипетии, связанные с реализацией социального статуса дожа (обручение с морем), с гибелью дожа (преувеличенная реакция на насмешку над его браком, участие в заговоре), с гибелью догарессы (месть морской стихии, с которой был обручен дождь, за его гибель).

Это подтверждает и изменение внешней обстановки. Если в первой строфе мы видим спокойную поэтическую картину романтической ночи («ночь светла» или «в голубом эфира поле»), то во второй строфе появляются тревожные знаки — «морская мгла», «ночь безмолвна».

Таким образом, творческий потенциал самого фрагмента провоцирует «идеальных» читателей на варианты прочтения, связанные с акцентуацией того или иного образа — дожа, догарессы, патриция, Венеции; с сюжетностью (развитие отношений или проработка серийного сюжета); с возможным психологическим объяснением их отношений; реконструкцией итальянского колорита (пейзажная зарисовка Венеции и теплой ночи в Адриатическом море); с ориентированностью на определенную форму, заданную жанром (песня, баллада).

Актуализация произведения того или иного автора специфицируется особенностями национальных литератур. Для русских поэтов и писателей знаковой фигурой становится А.С. Пушкин. В штрихах и набросках Пушкина писатели обнаруживали пружины и импульсы к собственному творчеству. Соблазн продолжения или самостоятельного решения именно пушкинских незаконченных отрывков оказывался тем большим, чем очевиднее в русском обществе утверждался статус Пушкина как великого национального Поэта (Загидуллина 2001).

И не случайно в истории русской литературы нет иных текстов, которые дописываются столь часто, как пушкинские.

В зависимости от избранной читательской стратегии (заполнение определенных лакун), реализуется та или иная программа, «творческий потенциал» текста. Комбинации в дешифровке лакун, пустых мест на уровне композиции, образной системы, жанра — бесчисленны. Однако в сознании каждого «творческого читателя» они накладываются на предшествующий культурный код, стиль и такую важную характеристику творческой личности, как гениальность. Заключительный этап креативной рецепции — конституирования смысла и рождения нового произведения.

Нами установлены следующие варианты «внутрицеховой» рецепции пушкинских произведений.

Варианты продолжений отрывка «В голубом эфира поле...»: А. Н. Майков «Старый дождь» (1887, 1888), М. Славинский «Догаресса» (1896), С. Головачевский «Догаресса» (1906), Н. О. Лернер «В темном аде под землёю» (1920), В. Ходасевич «Романс» (1924), Г. Шенгели «В голубом эфира поле...» (1925), Д. Иванов «Дождь и догаресса» (1930), В. Итин «Догаресса» (1937), Г. Сапгир «Баллара» (1985, 1987), Л. Токмаков «Миссия» (1995), Т. Щербина «Старый дог плывет в гондоле» (1996).

Представленный репрезентативный материал позволяет сделать некоторые наблюдения:

1. Хронология создания текстов-дописываний показывает, что пушкинские незаконченные тексты привлекали внимание как в XIX, так и в XX веке.

2. Количество найденных текстов-дописываний указывает на серийность этого явления в истории литературы, что подтверждает идею о статусе Пушкина как великого национального поэта, с одной стороны, и с другой, что существует феномен незаконченного текста, который провоцирует сознание читателя на дописывание.

3. Уже на уровне анализа заголовочного комплекса очевидна реализация внутренней запрограммированности самого отрывка. В пяти из предложенных вариантов окончания отрывка «В голубом эфира поле...» акцентировано внимание прежде всего на образах главных героев. По мнению Майкова, это дождь, причем с качественной оценкой «старый»; по мнению Головачевского, Славинского и Итина — догаресса. В варианте заглавия Д. Иванова сохраняется баланс, равномерное распределение семантической нагрузки между дождем и догарессой. Ходасевич и Сапгир ориентируются на жанровую модификацию. Заглавия Г. Шенгели и Д. Иванова даны по первой строчке (характерный прием для поэтики Пушкина). Выбивается из общей тенденции метафорическое заглавие рассказа Л. Токмакова «Миссия»; пародийное Т. Щербины «Старый дог плывет в гондоле», тоже по первой строчке, но какой! и игровой вариант первой строки центона Лернера, каждое слово которой контрастно пушкинскому тексту: «В темном аде под землёю».

Представленные варианты заглавий: персонажное, жанровое, пародийное и метафорическое определяют соответствующие художественные доминанты в самом незаконченном тексте, актуализованные в дописываниях творческих читателей.

Рассмотрим различные типы креативной рецепции незаконченного отрывка А.С.Пушкина «В голубом эфире поле...».

Антитетическое дописывание предполагает субъективную интерпретацию текста реципиентом, иногда полностью противоположную авторской интенции. Однако благодаря такому варианту интерпретации определяется иной ракурс восприятия.

Образец антитетического дописывания мы видим в стихотворении М. Славинского «Догаресса» (Славинский 1896: 997 – 1000). Перед нами вариант количественного, формального дописывания, связанный с вольным гипотетическим достраиванием сюжета, далёким от авторского замысла. Текст не вписывается в общую культурную традицию, не связан с мотивами Гофмана и Байрона. Полностью представляется плодом творческого воображения автора.

Исходная ситуация пушкинского наброска раскрывается благодаря двойному «сну» героев. Сон Дожа в данном случае даёт возможность автору вывести героя из сюжетной ткани повествования. Функциональным оказывается лишь сон Догарессы, в котором трансформируются реальные (воспоминания) события, связанные с отношениями героини и молодым соперником дожа.

Во сне догарессы возникает картина пышного пира во дворце (что, кстати, напоминает пародию на пушкинские «Египетские ночи» («Пир Клеопатры»)), хотя самой догарессе далеко до inferнальной Клеопатры, ее стремления весьма ограничены). Догаресса ищет взглядом возлюбленного, буря противоречивых эмоций переполняет ее, затем следуют их краткое свидание и разлука (он уезжает на войну).

В указанном варианте продолжения характер дожа не выписан, догаресса представлена как женщина, томящаяся от нереализованных желаний, ее возлюбленный — как «настоящий» рыцарь, который ее никогда не забудет, но ничего не готов предпринять для счастья.

Интересна эта творческая реализация особым вниманием к любовнику догарессы (ему посвящены семь строф из восемнадцати). Он — воплощение романтических штампов, которые, как оказывается, вполне соответствуют горизонту ожидания догарессы.

«Догаресса» Славинского представляет собой вариант антитетического дописывания. Единственной гранью сближения с пушкинскими текстами становится попытка проникнуть во внутренний мир догарессы, стремление понять ее состояние. «Творческий потенциал» пушкинского наброска, оторванный от пратекста о Марино Фальери, условен. И вариант

продолжения Славинского, далекий от литературоведческого дискурса, можно рассматривать как пример вольной интерпретации.

Нейтральное дописывание. Реконструкция авторского замысла при таком типе рецепции производится с учетом историко-литературного контекста. При этом реализуются те или иные стратегии, не противоречащие логике авторского замысла, но в то же время и не усиливающие продуцирующую способность творческого потенциала (А. Майков, С. Головачевский, Вл. Ходасевич, Д. Иванов).

У А. Майкова (Майков 1977: 285) в варианте дописывания отрывка «В голубом эфире поле...» пушкинские строки даны в качестве цитаты, тем самым подчеркивается интенция соавтора вступить в творческий диалог с текстом предшественника на равных. После пушкинских строк меняется ракурс изображения, внимание сосредоточивается на доже, который обращается к догарессе с мудрой речью.

«Лакунами» пушкинского отрывка для Майкова являются: воссоздание характера дожа, его внутреннего мира, его отношения к догарессе. На уровне сюжета мотив ревности дожа связан с появлением «возлюбленного» догарессы. Очевидно, обозначение «кто-то в маске» атрибутирует романтический образ влюбленного юноши и венецианского маскарада. Зеркально отражены в композиции стихотворения два фрагмента — речь дожа и песня незнакомца. Показательно, что речь дожа, занимающая четыре строфы текста, не воспринимается догарессой, это самолюбование дожа.

«Кто сказал бы в дни Аттилы,
Чтоб из хижин рыбарей
Всплыл на отмели унылой
Этот чудный перл морей.

Чтоб, укрывшийся в лагуне,
Лев Святого Марка стал
Выше всех владык — и втуне
Рев его не пропадал! <...>

Дождь представлен как государственный деятель, гордящийся мощью Венеции. Его речь пафосна (характерно использование высокой лексики: «перл», «втуне», «перуны») и является своеобразной одой городу, что позволяет рассматривать Венецию как соперницу догарессы. Примечательно, что догаресса не дана в восприятии дожа, а Венеция описывается как прекрасная возлюбленная, сравнивается с жемчужиной («этот чудный перл морей»). Догарессе же чужды все общественно-политические амбиции дожа, и ее реакция на эту речь

однозначна — «догаресса — мирно спит!» Характерно, что именно после этой речи возникает в тексте мотив спящей женщины во власти мужчины — знак неразбуженной страсти.

Второй вставной фрагмент связан с песней незнакомца:

Тот «другой» — о догаресса! –
Самый ад не сладит с ним!
Он безумец, он повеса,
Но он любит и любим!..

Однако реакция догарессы на «чье-то пенье», «цитры звон» не выдает глубоких чувств, переживаний, она по-прежнему «так ровно дышит», «спит она или не спит», то есть внешне остается такой же равнодушной. В финале двойная репрезентация ревности — слышала она песню или нет, спит или не спит, неуверенность в улике. На этот вопрос читатель так и не получит ответ, поскольку финал стихотворения Майкова по-пушкински открыт.

Вспышкой ревности дожа («рванул усы седые», «целый ад») и завершается этот вариант дописывания. Характер догарессы, который явно интересовал Пушкина, здесь не реализован. Характер дожа выписан по контрасту: на протяжении всего текста он испытывает сложные и противоречивые чувства – любовь, отеческая нежность к догарессе и укол самолюбию из-за невнимания догарессы к его мудрой речи, умение прощать и тяжелые муки ревности.

Таким образом, в стихотворении Майкова можно увидеть реализацию творческого потенциала фрагмента, связанную с ревностью дожа к молодому сопернику. Причем измена догарессы ничем не подтверждена (слова песни «Он безумец, он повеса, / Но он любит и любим!» — только намеки на гипотетическое развитие отношений). Здесь мы видим и сложный, глубокий характер дожа, рефлектирующего по поводу своего положения.

С. Головачевский (Головачевский 1906: 31-34), поэт, переводчик, в своем варианте дописывания лирического наброска под названием «Догаресса» смещает акцент на образ догарессы, что обозначено и в заглавии. Первая часть стихотворения содержит подробное портретное описание героини. Она сравнивается с «ярким жемчугом в море» (ср. у Майкова Венеция — «перл морей»), а также с мифологическим образом Дианы с полотен Тициана. Эти сравнения создают идеальный образ возлюбленной. Для дожа в догарессе сосредоточен смысл жизни (и Венеция, и море гармонично ей послушны, подчинены).

С. Головачевский также использует мотив сна. Однако сон догарессы не эксплицирован (как у Славинского), но очевидно, что догарессе снятся те же нереализованные мечты. И таким прорывом из сна становится имя возлюбленного. Вся вторая часть стихотворения —

репрезентация ревности и мести дожа: «перед ним раскрылась тайна, — / Убежден в измене он».

Далее внешнее пространство не меняется («по волнам скользит гондола / мимо храмов и дворцов»), но безумные мысли дожа, одержимого страстью и ревностью, разрушают всю идиллию волшебной ночи — «яд, оковы, казематы». Гипотетически можно достроить нереализованный финал — мечь дожа в духе шекспировской трагедии («Отелло»).

Головачевский использует кольцевую композицию с характерным многоточием «Тихо все... в небесном поле / блещет месяц золотой...», замыкая бурю страстей всепримирающей вечностью. Он не ставит целью проникнуть в байроновский и гофмановский сюжеты. Актуальным для Головачевского становится мотив ревности, именно эту лакуну пушкинского отрывка он восполняет в своем варианте завершения.

Следующий вариант продолжения, относящийся к данному типу рецепции, — «Романс» В. Ходасевича (Ходасевич 1996: 307). Пустыми местами пушкинского незаконченного наброска для Ходасевича являются: характер догарессы, мотивы ревности дожа.

Догаресса задана на сплошных отрицаниях, через них прорисовывается тихий кроткий, но и своевольный характер героини. Через отрицание дан своеобразный протест догарессы — «на супруга не глядит», «ничего не говорит». Песня гребца про высокое преданье будит мысли дожа. Состояние дожа определено в предпоследней строфе — «охлаждаясь поневоле, / дож поникнул головой», что отсылает к ремарке Шенгели по поводу догарессы «Догаресса поневоле / прикрывает взор живой» — перевернутая ситуация. Деспотизм дожа изображен через характерную динамическую деталь:

С Лидо теплый ветер дует,
И замолкшему певцу
Повелитель указывает
Возвращаться ко дворцу.

В. Ходасевич в новом сюжете воссоздает пение венецианского гондольера. По мнению И. А. Балашовой, «мы узнаем особенности пушкинской поэтики, своеобразие передачи его музыкальных впечатлений...», но в то же время «у Ходасевича дож наделяется главной ролью, которая у Пушкина принадлежала догарессе, замещавшей великолепие и благостность мира. Такое перераспределение ролей обнаружило, что система образов пушкинского наброска не была вполне понята и усвоена Ходасевичем» (Балашова 2000: 24).

По словам Н. Меднис, «В.Ходасевич полностью снимает в своем стихотворении исторические аллюзии, которые были бы неуместны в нем и из-за жанровой ориентации

текста. Исключает он и ту не вполне реализованную линию, которая намечена у А. Майкова. В «Романсе» В. Ходасевича сохранен заданный Пушкиным романтический колорит, в который вписан пушкинский же образ поющего Тассовы октавы гондольера, но при этом представлена вполне бытовая ситуация неравного брака без какого бы то ни было намека на реальную или возможную измену. В этом плане жанровое определение В. Ходасевича более соответствует стихотворению Г. Шенгели (1925), также пытающегося завершить пушкинский отрывок и вновь воскрешающего шекспировскую коллизию. Тема кары за измену, ставшая у него едва ли не центральной, роднит данное стихотворение (по сюжету, а не по стилистике) с жестоким романсом» (Меднис 1999: 306).

В «Романсе» Ходасевича следует отметить принципиальную установку на незавершенность, лирическую недоговоренность, эмоциональную многозначность, песенный характер. Соответственно в жанре лирического стихотворения Ходасевич отходит от намеченного у Пушкина сюжета балладного характера.

Аутентичная рецепция. Варианты дописываний указанной модификации максимально приближены к авторской интенции (Г. Шенгели, Л. Токмаков).

Варианты творческого диалога с Пушкиным В. Ходасевича и Г. Шенгели достаточно подробно рассмотрены в статье В. Перельмутера (Перельмутер 1996), поэтому мы лишь наметим интересующие нас аспекты проблемы.

В варианте продолжения Г. Шенгели (Шенгели 1997: 130) однозначно задан психологизм, тем более очевидный в сравнении с сюжетностью, доминирующей у Майкова и Головачевского. Намечен тонкий баланс между двумя гранями, Шенгели не склоняется ни к одному из предложенных Гофманом и Байроном вариантов решения ситуации. В этом и заключается тайна пушкинского текста, предполагающего неоднозначные интерпретации. Шенгели необыкновенно тонко попытался ее разгадать.

(...)

Глянул дож и поникает,
Думой сумрачной томим:
Ах, опять красой сверкает
Тот патриций перед ним.

Тот прелестник и повеса...
Вдруг донесся дальний крик,
И пугливо догаресса
Обратила бледный лик.

Молвил дож, помедлив мало,
Указуя на волну:
«То спустили в рябь канала

Долг забывшую жену».

Состояние догарессы — задумчивая влюбленность. Дождь ее слишком хорошо понимает, от этого его дума тяжела. В данном случае очевидно обращение Шенгели к семантическим доминантам варианта продолжения Майкова. Двоеточие объясняет причину конфликта — в патриции, который «сверкает красотой». Многоточие после стиха «тот прелестник и повеса» предполагает реконструкцию мыслей догарессы об этом герое, как ее возлюбленном. «Вдруг» выступает маркером, отмечающим, что произошло что-то неожиданное, и прогнозирующим дальнейшее развитие сюжетной ситуации. Объяснение дождя — то утопили изменницу — завершает действие. Кольцо смыкается — никнет Веспер. Веспер в данном случае является своеобразным двойником патриции, то есть никнет звезда любви.

В. Перельмутер рассматривает пример дописывания Шенгели как образец тонкого знания творчества Пушкина: «Превосходный знаток творчества Байрона (и впоследствии — переводчик всех его поэм), Шенгели убедительно связывает пушкинский замысел не с Гофманом, совсем с другим источником — с поэмой Байрона “Марино Фальери, дож Венеции”, несомненно, знакомой Пушкину (во французском переводе). Трагическая история Марино Фальери, вступившегося за честь молодой жены и погибшего, естественно ассоциируется с полутора последними годами жизни Пушкина (что, кстати, дает основания датировать набросок, первоначально отнесенный к 1822 году, а затем — с ничуть не большей достоверностью — к 1830; наиболее вероятной датой представляется 1836 год). Таким образом, стихотворение Шенгели — редчайший пример историко-литературной полемики: пушкинист Шенгели с пушкинистом Ходасевичем — лаконично и поэтически аргументированно» (Перельмутер 1996: 478).

Однако если у Байрона догаресса задана идеальным и невинным образом, то у Шенгели ее мотивы неоднозначны — «тот прелестник и повеса...», очевидно, эта фраза раскрывает внутренний мир догарессы, влюбленной девушки. Это проявляется и в таких психологических жестах, как «пугливо догаресса / обратила бледный лик», «догаресса поневоле / прикрывает взор живой».

Вряд ли можно согласиться с трактовкой Н. Меднис продолжения Шенгели как пародийного; напротив, нам кажется, что этот вариант наиболее приближен к пушкинскому.

Литературная игра с различными уровнями структуры текста предшественника относится к более сложному типу креативной рецепции.

Подобный тип рецепции представляет собой «свободную игру» понятий и слов, «галактики обозначающих» (термин Р. Барта). Тексты, созданные по этому закону, открыты и

многозначны; они будто бы бесконечно переписываются и дополняются автором и читателем одновременно, вовлекая всё новых читателей в процесс со-творчества.

Примером подобной рецепции являются варианты Г. Сапгира в «Черновиках Пушкина», а также игровые тексты Н.О.Лернера, Т. Щербины.

В рассматриваемом типе рецепции усиливается продуцирующая сила творческого потенциала незаконченного текста. Он усложняется, обрастает новыми коннотатами.

Вариант окончания пушкинского отрывка «В голубом эфира поле...» Г. Сапгира выдает тот кропотливый литературоведческий труд (знакомство со всеми черновыми редакциями, с творческой историей отрывка и т. д.), который позволил реконструировать пушкинский замысел. Особенно интересен этот вариант продолжения в том отношении, что включен в большую работу, названную автором «Черновики Пушкина» (Сапгир 1992). Сапгир пытается постичь замыслы Пушкина через повторение его эстетического опыта, поэтому пробует себя в разных ипостасях творческого читателя. Он выступает и как *поэт*, и как *прозаик*, и как *литературный критик*. Соответственно выстраивает интертекстуальные связи с различными текстами Пушкина, прозаическими и поэтическими, законченными и незаконченными, различными редакциями этих текстов, играя с ними и через эту игру моделируя сам процесс творчества.

Значимой в дописывании Сапгира становится жанровая установка. «Баллара» (ит. ballare — танцевать) — танцевальная песня шутивно-любовного содержания, что выносится в заголовок (см. у Ходасевича «Романс»). У Сапгира мы наблюдаем нечто среднее между балладой и балларой. «Балладный конфликт, — по словам Р. В. Иезуитовой, — обычно связан с нарушением героем каких-либо запретов, мотивы которых весьма разнообразны и коренятся в устойчивости этики, морали, религии. Эти нарушения обусловлены тем, что психология балладного героя не совсем обычная, с какими-то отклонениями от принятых норм (иногда патологического, но чаще всего эмоционально-импульсивного свойства)» (Иезуитова 1974: 167). Таким мотивом отклонения от общепринятых норм является ревность дожа (ничем в данном случае не мотивированная), ведущая к гибели молодого патриция и, в конечном счете, его самого. Сапгир четко следует в разработке данного сюжета за Байроном. В «Балларе» творческий потенциал пушкинского фрагмента раскрывается именно через мотив обручения дожа с морем:

*Воздух полн дыханьем лавра,
С лодок музыка звучит,
Дремлют флаги бучентавра,
Море темное молчит.*

Обручаясь, с бучентавра
Бросил в волны он кольцо.
И печально и коварно
В полутьме его лицо. <...>

Это действие можно рассматривать как символ государственной власти и могущества дожа, что и заявлено у Пушкина во второй строфе. Тем самым Сапгир отказывается от психологической прорисовки ситуации (отношения дожа, догарессы и патриция), акцентируя внимание на общественном характере конфликта: месть дожа своему обидчику («ждут убийцы кондотьера»; «никому еще Фальеро / оскорбленья не прощал») и казнь дожа («по ступеням с гулким стуком покатила голова...»). Кстати, это единственный вариант дописывания данного отрывка с кровавой развязкой.

В стихотворении сохраняется кольцевая композиция, как и во всех упомянутых вариантах продолжения: «Ночь тиха. В небесном поле / Гаснет Вечер золотой». Только в данном случае повторяющаяся строфа заставляет по-новому взглянуть на весь текст: несмотря на смерть дожа, исходная ситуация — ревность старого мужа молодой жены — вечна. Глагол же «гаснет» в этой строфе указывает на исчерпанность конкретной сюжетной ситуации и в то же время переворачивает ее, превращая героев в марионеток, разыгравших небольшой спектакль, а венецианский фон — в театральную декорацию.

Для Г. Сапгира ключ к разгадке замысла найден именно во второй строфе, она выводит действие из стадии завязки на новый уровень решения конфликта. Для баллады характерна сюжетная завершенность, что и присутствует у Г. Сапгира.

Итак, Г. Сапгир воплощает «творческий потенциал» пушкинского фрагмента, в частности, ориентированной на байроновский текст второй строфы, тем самым подтверждает научную гипотезу, высказанную в художественной форме Г. Шенгели.

Таким образом, мы рассмотрели «творческий потенциал» пушкинского незаконченного отрывка. Его отличительными чертами являются: соотношение реального и возможного сюжета; наличие указаний, заложенных в структуре текста, на противоположные линии развития в сюжете героев (гофмановская или байроновская линия развития сюжета о доже и догарессе). Очевидной является «оставленность» текстов на пороге ситуации, дающей равные шансы для противоположных прочтений.

Провоцирующая сила «творческого потенциала» незаконченного текста определила следующие типы креативной рецепции: формальная (количественная) реконструкция, антитетичная авторскому замыслу (М. Славинский, В. Итин); нейтральная реконструкция,

реализующая те или иные стратегии творческого потенциала, не противоречащие логике авторского замысла (А. Майков, С. Головачевский, В. Ходасевич, Д. Иванов), и реконструкция, аутентичная авторской интенции или максимально к ней приближенная (Л. Токмаков, Г. Шенгели).

Список литературы

- Головачевский С. (1906): Догаресса // Мене текел парес : стихотворения. М. : Т-во скоропеч. А. А. Левенсон, 31–34.
- Загидуллина М. В. (2001): Пушкинский миф в конце XX века. Челябинск : Челяб. гос. ун-т.
- Иванов Д. Вяч. (1938): Дождь и догаресса // Литературные игры : пособие для руководителей литературных кружков и библиотекарей. Л. ; М. : Учпедгиз, 182.
- Иезуитова Р. В. (1974): «Легенда» // Стихотворения Пушкина 1820–1830-х гг. Л. : Наука, 139–176.
- Ингарден Р. (1962): Исследования по эстетике. М. : Изд. иностр. лит.
- Итин В. (1937): Догаресса // Сибирские огни : Литературно-художественный журнал, 2 (март-апрель), 72.
- Майков А. Н. (1977): Старый дождь // Избранные произведения. Л. : Сов. писатель, 285.
- Меднис Н. Е. (1999): Венеция в русской литературе. Новосибирск : Новосибирский гос. пед. ун-т.
- Перельмутер В. (1996): «Потаенная полемика» // Октябрь, 6, 165–171.
- Пушкин А. С. (1959): Полное собрание сочинений. В 16 т., 17, М. : АН СССР.
- Сапгир Г. (1992): Баллара // Черновики Пушкина. М. : Раритет, 73–75. Экз. № 87.
- Славинский М. (1896): Догаресса // Север, 29, 997–1000.
- Тюпа В. И. (1998): Творческий потенциал пушкинских набросков // А. С. Пушкин : филологические и культурологические проблемы изучения : материалы международной научной конференции 28–31 октября 1998 г. Донецк : ДГУ, 16–18.
- Ходасевич В. Ф. (1996): Романс // Собр. соч. : в 4 т. М. : Согласие, 1, С. 307.
- Цявловская Т. (1952): Вновь найденный автограф Пушкина «В голубом небесном поле» (Публикация Т. Цявловской) // Литературное наследство. М.: ИМЛИ РАН, 58, 279–286.
- Шенгели Г. (1997): «В голубом эфира поле...» // Иноходец : собрание стихов. М. : Совпадение, 130.

**ВОСПРИЯТИЕ ОБРАЗА ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II В
ИСТОРИЧЕСКИХ БИОГРАФИЯХ КОНЦА XVIII – НАЧАЛА XIX ВЕКА:
МИФОЛОГИЗАЦИЯ – ДЕМИФОЛОГИЗАЦИЯ – РЕМИФОЛОГИЗАЦИЯ
ОБРАЗА «ПРОСВЕЩЕННОЙ ГОСУДАРЫНИ»**

*Акимова Татьяна Ивановна,
МГУ имени Н.П. Огарева, Россия
akimova_ti@mail.ru*

**PERCEPTION OF THE IMAGE OF THE EMPRESS CATHERINE II IN
HISTORICAL BIOGRAPHIES OF THE END OF XVIII – BEGINNINGS OF
THE 19TH CENTURY: MYTHOLOGIZATION – DEMYTHOLOGIZATION –
REMIFOLOGIZATION IMAGE OF "THE EDUCATED MONARCHESS"**

*Akimova Tatiana Ivanovna
N.P. Ogarev university, Russia Federation*

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается проблема воздействия на восприятие образа императрицы Екатерины II литературного творчества как самой просвещенной государыни, так и историографов (Танненберга, Ланжюине, Колотова). Танненберг акцентирует внимание на «чудесном» в жизни и деяниях императрицы, олицетворяющей собой скромность и кротость. Эту же линию развивает Ланжюине, еще дальше уводя от читателей реальный портрет Екатерины II. Колотов в шеститомном исследовании акцентирует внимание на деяниях государыни, которые он выстраивает в хронологическом порядке, но при этом сентименталистский портрет государыни сохраняется. Он вписывает деяния Екатерины II в замысел Петра I, тем самым окончательно мифологизируя ее имя. Срезневский содействует этому процессу, собирая и публикуя анекдоты о Екатерине II.

ABSTRACT

In the report the problem of impact on perception of an image of the empress Catherine II of literary creativity as the most educated monarchess, and historiographers is considered (Tannenberg, Lanzhyuin, Kolotova). Tannenberg focuses attention on "wonderful" in life and acts of the empress personifying modesty and mildness. Develops the same line Lanzhyuin, taking away a real portrait of Catherine II from readers further away. Kolotov in a six-volume research focuses attention on acts of the monarchess which he builds in a chronological order, but at the same time the sentimentalistsky portrait of the monarchess remains. He enters Catherine II's acts in Peter I's plan, thereby finally mythologizing her name. Sreznevsky promotes this process, collecting and publishing jokes about Catherine II.

Ключевые слова: творчество Екатерины II, мифологизация имени, демифологизация, ремифологизация.

Keywords: Catherine II's creativity, name mythologization, demythologization, remifologization.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00452 «Екатерина II: личность, творчество, эпоха. Энциклопедический словарь». The research is executed with financial support of the Russian Federal Property Fund within the scientific project No. 18-012-00452 "Catherine II: personality, creativity, era. Encyclopedic dictionary".

Образ Екатерины II – один из самых мифологизированных среди образов российских государей, представленных в исторической и биографической литературе на протяжении двух с лишним веков. Имя Екатерины II стоит в одном ряду с императором Петром I и царем Иваном Грозным – правителями Российского государства, значительно определившими его облик и развитие в последующие эпохи. И потому именно эти исторические личности подвергались мифологизации с целью воздействия на общественное сознание. Отличие Екатерины II от «венценосных коллег» состоит в том, что в акте мифологизации своего имени она принимала деятельное участие, используя литературу в качестве коммуникативного канала как со своими подданными, так и с зарубежными корреспондентами.

Под «мифологизацией» мы вслед за А.Ф. Лосевым будем понимать «узрение сущности в образах и понятиях ума» (Лосев: 2015, 685). Это объясняет тот факт, что такая рационалистическая эпоха, как Просвещение способствовала возникновению многочисленных мифов об исторических личностях, деяния и поступки которых подводились под определенный канон, служащий для читателей образцом для подражания. По определению Лосева, «миф есть в словах данная чудесная личностная история» (Лосев: 1994, 195). И это соединение «чудесного» и «рационального» наблюдалось в правление Екатерины II и находило отражение в ее творчестве.

XVIII век явился этапом осознания писателями мифотворческой сущности слова, освобожденного от строгой привязанности к религиозному содержанию. Екатерина II, читательница книг Вольтера о Петре I или Людовике XIV, училась конструировать образ привлекательной для публики исторической личности. Заимствованные приемы она переносила сначала в переписку, затем в мемуары и анекдоты, наконец, – в комедии и сказки. Однако наибольшую силу воздействия на адресатов демонстрировал именно эпистолярный жанр, который и выполнял в жанровой системе писательницы-императрицы важную функцию мифологизации имени Екатерины II как «просвещенной государыни». Способствовала этому процессу такая авторская стратегия, как «галантный диалог» (Акимова: 2015, 19-23).

Для процесса мифологизации Екатерине необходимо было дистанцироваться от собственной личности, чтобы посмотреть на себя глазами адресатов. Так, например, она в письмах часто говорила о воспринимаемом ее корреспондентами собственном образе, тем самым не только укореняя этот образ в их сознании, но и подключая адресатов к его конструированию. В то же время личные письма не являлись в представлении Екатерины II каналом общения с потомками, они играли роль новостного сообщения – обмена информации о сиюминутных новостях, обращением же к будущему поколению с целью укоренения своего положительного образа стали «Мемуары» императрицы.

Приемами мифологизации имени Екатерины в «Мемуарах» становятся: 1) структурирование пространства иерархической вертикали елизаветинского двора по принципу ценностного «верха» – «низа». «Верх» принадлежит Абсолюту, оценивающему поступки, совершаемые малым двором: великой княгиней Екатериной Алексеевной и великим князем Петром Федоровичем. «Низ» – будущему Петру III не принимающему просветительские ценности;

2) отказ от летописного описания мемуарного повествования и сосредоточие на личностном времени – времени максимального проявления автобиографической героиней личностных качеств, необходимых для утверждения имиджа разумной и дальновидной женщины;

3) привидение высказываний о себе третьих лиц как доказательство правдивости и искренности автобиографического повествования, причем автор сначала описывает разумное поведение этого третьего лица с целью придания ему достаточного авторитета в глазах читателей, а затем останавливается на его репликах о великой княгине;

4) конструирование диалогов с окружающими лицами при описании общения Екатерины Алексеевны с подданными двора Елизаветы Петровны по принципу анекдотического или афористического повествования;

5) акцентирование автором-повествователем на практической деятельности своей героини, приносящей пользу окружающим.

Разные редакции мемуаров свидетельствуют о меняющихся авторских стратегиях императрицы в соответствии с политическими задачами конструировать образ положительной героини. На момент обретения политического веса после рождения сына Павла авторской стратегией Екатерины являлось привлечение на свою сторону максимального числа сторонников и потому в этих мемуарах образ героини более соответствует естественному и непосредственному образу поведения романских героинь. В семидесятых годах конструируется образ положительной и разумной жены – коррелирующей с обстановкой

выбора невест для вступающего в брачный период сына Павла. В девяностые годы образ героини резко контрастирует с образом великого князя Петра Федоровича и доказывает мысль о предопределенности получения власти великой княгиней Екатериной Алексеевной.

Знакомство избранного круга читателей с рукописью «Мемуаров», как известно, начинается сразу после смерти императрицы Екатерины II по повелению сына Павла, с целью демифологизировать имя предшествующего правителя. Уходящая эпоха екатерининского царствования оценивалась не с точки зрения содеянного императрицей, а с позиции аристократов, интересующихся частной жизнью двора Елизаветы Петровны. Ценностное снижение имени Екатерины II при сложившейся в ее царствование традиции ориентироваться на двор во вкусах и поведении создало предпосылку к массовому развитию жанра мемуаров, в котором началось «самоосмысление эпохи» (Лотман, Успенский: 1992).

По мнению Е.М. Мелетинского, демифологизация в западноевропейской культуре XVIII века проявлялась двояко. В первом случае – «через сознательный отказ от традиционного сюжета <...> ради окончательного перехода <...> к отражению действительности в адекватных жизненных формах» (Мелетинский: 2000, 280). Во втором случае – через поэтическое мифотворчество, то есть в качестве «попытки сознательного, совершенно неформального, нетрадиционного использования мифа» (Мелетинский: 2000, 280).

Появление и распространение анекдотов о Екатерине II в салонном творчестве – свидетельство того, что демифологизация имени императрицы пошло по второму пути. Поэтому в новую, Александровскую эпоху, внуком Екатерины ставилась задача ремифологизировать ее имя и правление ради утверждения мифологии нового царствования. Эту задачу и требовалось выполнить историкам, обратившимся к описанию царствования Екатерины II. У истоков этого процесса стоит Н.М. Карамзин, который в «Историческом похвальном слове Екатерине II» задает вектор для последующих повествовательных стратегий в исторических биографиях.

В первой такой книге, появившейся в 1801 году, Г. Танненберг указывает в ее названии на сугубо личностный аспект воскрешения имени императрицы «Жизнь Екатерины Великой, императрицы и самодержицы Всероссийской». Некоторые высказывания автора свидетельствуют о ее знакомстве с «Мемуарами» венценосной писательницы. Так, он сообщает, что «она еще в юных летах Своих занималась лучшими, как древними, так и новейшими писателями, и творениями славнейших политиков, которые наполняли свет своими проектами» (Танненберг: 1801, 10).

В еще большей степени в этом уверяет сообщение автора о понимании Екатериной Алексеевной еще в бытность великой княгиней наследования российского трона: «в юных

годах благодетельная судьба поселила в ней какое-то решительное предчувствие той великой роли, которую Она некогда наряду с великими монархами света принять должна была» (Танненберг: 1801, 10). Как известно, фразой о разумности счастья, выпадающего на долю человека, начинается тот вариант мемуаров Екатерины II, который был вывезен впоследствии за границу и опубликован А.И. Герценом в 1858 году.

В целом рецепция Танненбергом жизни и деяний государыни подается в сентименталистском стиле, подчеркивается гармония внутреннего и внешнего во всем ее облике: «Красота души сообразна была красоте тела» (Танненберг: 1801, 252). Особенно акцентируются при описании портрета душевные качества императрицы, которые особенно проявлялись в отношении к окружающим ее придворным: «Кротость души Ея имела такую силу, что все те, которые были к Ней приближены, с сильнейшим чувством преданности, уважении с Нею расставались» (Танненберг: 1801, 11). Эти качества ее личности многожды повторяются: «Величайшее удовольствие сердца Ея было благодетельствовать, творить счастливыми» (Танненберг: 1801, 253).

Обязательным элементом подобных биографий еще со времен Плутарха было обращение к анекдотам для создания личностной характеристики исторического лица, поэтому Танненберг прибегает к этому приему для усиления опять-таки сентименталистского тона повествования. Он пишет: «скромность Ея была столь велика, что Она отказалась от наименования Великой, Премудрой матери Отечества, поднесенного Ей Сенатом в лице всего народа: «Один Бог Премудр; ни одно из Его творений не имеет права на сие высокое светило. Потомство будет судить дела мои; Любить народ – это моя должность; его благо для Меня выше собственного Моего блага». Вот бессмертный ответ Ея Сенату, могущий служить уроком для всех управляющих народами» (Танненберг: 1801, 255). Как видим, ремифологизация имени Екатерины II происходит у Танненберга путем создания образа душевной, чувствительной и гармоничной природы императрицы, распространяющей такую же гармонию в социуме. Но при этом остающейся скромной, ничем не выделяющейся от остальных подданных героиней истории, главная задача которой – не совершать выдающихся поступков, а служить примером для подражания другим своей скромностью и чувствительностью.

В 1802 году на французском языке создает биографию о Екатерине II Ж. Ланжюине «Екатерина Великая», которая пишется по той же матрице, что и предыдущая. Так, Ланжюине усиливает провидческое свойство личности императрицы, в остальном лишь повторяет сказанное его предшественником: «Еще в самой юности открылись в ней свойства Великих Государей: сердце чувствительное к истинной славе; пронизательный ум, небесная, кроткая

душа; тихий нрав; благородный вид; величество во взорах; красота, пленяющая сердца, редкая, удивительная дальновидность. Можно сказать, что сия Государыня знала судьбу Свою, знала наперед, что будет царствовать над Россиею; еще в юности училась Она повелевать сердцами» (Ланжюине 1802, 8).

В большей степени усиливается и сентименталистский пафос создаваемого автором портрета: «Монархиня ознаменовала вступление свое на Престол кротостию и милосердием: Увидев недовольных, Она тотчас привязывала их к Себе, воспользовавшись первыми минутами их почтения и покорности, истинной или ложной, которую изъявлял Ей весь народ, ожидающий в таких случаях всегда чего-нибудь чрезвычайного; Она тотчас же успокоила Вельмож, народ и солдат – мудрые учреждения, щедроты, милости снискали Ей высочайшую любовь; все стали к ней чрезвычайно привержены; Она привела обе стороны в такое равновесие, что они могли держать одна другую в одинаковом положении» (Ланжюине 1802, 9).

Подобные приемы приводят к ремифологизации образа императрицы, далеко уводящие от объективного портрета. Например, это касается знания Екатериной языков. Ланжюине значительно расширяет ее языковые умения, он пишет: «Она знает языки: Греческий, Латинский, Итальянский, Французский, знает столь же совершенно, как и Немецкий, который есть Ея природный, и Русский, который есть язык Ея подданных» (Ланжюине 1802, 31). При этом основная мысль автора, рисующего портрет государыни, касается опять-таки кроткого поведения государыни: «Она разговаривает с кротостию и всем умеет пользоваться» (Ланжюине 1802, 14).

В 1811 году П. Колотов выпускает многотомное (в шести частях) сочинение об императрице, называемое «Деяния Екатерины II, императрицы и самодержицы Всероссийской». Следует заметить, что уже в названии акцент с личного портрета властительницы смещается в сторону ее поведенческого портрета. Подобное смещение происходит и в содержательном плане, в котором основное внимание автора сосредоточивается на отношениях Екатерины с дворянством и на созданных императрицей для него благах.

Во введении к книге Колотов писал, обращаясь к Александру I: «я посвятил свободные минуты мои на описание деяний сей Великой в Женах Законодательницы, и в продолжении 20 лет собрал все то, что по ныне о сей Премудрой Монархине было писано. – Многие народы имеют уже на своем отечественном языке Историю громких дел сей Государыни. – Одна только Россия, которую возвела Она на верх славы и блаженства, лишена сего памятника! Екатерина достойна того, дабы предать его потомству. Она из премудрых намерений Великого

Законодателя Петра исполнила, а многому положив начало, представила Приемникам Своим совершить» (Колотов 1811, 1).

В этом обращении автора можно увидеть, с одной стороны, желание писать действительно исторический портрет государыни – с этой целью повествование ведется по годам царствования с привлечением писем как Екатерины II, так и ее заграничных корреспондентов (принца де Линя), с использованием материалов камер-фурьерских журналов. С другой стороны, П. Колотов сам намечает способ мифологизации образа императрицы, ставя ее в один ряд с именем Петра I и тем самым включая имя Екатерины в запущенный ею же самой процесс сопоставления своих деяний с результатами правления первого российского императора.

Миф о Петре I, по утверждению Лотмана и Успенского, создавался с опорой на обновление всего, что было в России до этого. Миф о Екатерине II строится с выделением благополучия как доминанты ее правления. Колотов пишет: «Екатерина, вникая в состояние своего Государства, и имея неусыпное попечение о благоденствии Своих подданных, приступила к разным Государственным распорядам» (Колотов Ч.1.82). Особенно много внимания уделяется ее просветительским проектам, в частности, открытию Воспитательного дома: «Почему Императрица, презирая бедных и стараясь о умножении полезных обществу членов, сии две верховные должности и добродетели питала в сердце Своем» (Колотов Ч.1.72). В то же время не отходит Колотов от принятого в предшествующих екатерининских биографиях пафоса и, описывая родителей Екатерины, акцентирует внимание на чувствительной стороне их воспитания: «Только благородным и чувствительным душам предоставлено сие, чтоб при великих деяниях слезами веселия и удовольствия обнаруживать движения приятных и кротких чувствований; между тем как бесчувственный, видя изливание благородного сердца при великих делах, только изумляется, только изумляется, и не понимая ни того, ни другого, пропускает без всякого внутреннего движения» (Колотов Ч.1, 2).

В последних частях книги Колотов заключает свое историческое повествование о Екатерине анекдотом, чтобы показать черты ее личности:

«Однажды Обер-Шталмейстер Нарышкин, самый любезный и вместе резвый человек, пустил посреди нас волчок, у которого голова была больше его собственной. После жужжания и высоких скачков, которые довольно нас позабавили, он разлетелся с ужасным свистом на три или четыре куска, прошел между императрицею и мной, поразил двух наших соседей и ударил в голову Принца Нассау, который два раза велел пустить себе кровь. Императрица сказала нам за столом: «Для меня кажется странно, отчего *вы*, означающее множественное число, вошло в употребление: и для чего изгнали *ты*?» Оно еще не совсем изгнано В.В. и

может быть употребляемо между великими особами, потому, что Ж.Б. Руссо говорил к Богу: Господи! В божественной славе Твоей; и что Богу во всех молитвах так же говорят, на прим. *Nunc de mittis servum tuum, domine*. Скажите, для чего ж вы обходитесь со Мною с большей церемониею? – «Посмотрим, Я вам тем же буду отвечать» «Будешь ли ты со мною так гооврить, сказала Она Обер-Шталмейстеру?» - «Для чего же не так, отвечал он, если только Ты Сама будешь со мной учтливой» - Тут полились целые тысячи *ты*, одни смешнее других. Я свои мешал с именем Величества, и Твоего Величества, было уже для меня довольно. Другие не знали, что сказать, и Величество, осыпанное грубыми *Ты*, возвращая оное обратно, не смотря на сие, имело вид Владычицы Всероссийской, и почти всех частей света» (Колотов Ч.4, 218-219).

В связи с этим появление в 1814 году книги «Дух Екатерины Великая, императрицы Всероссийская, премудрая матери отечества, или черты и анекдоты, изображающие характер, славныя деяния и великая добродетели сея бессмертной Монархини, с присовокуплением краткого описания Ея жизни», составленной И. Срезневским, было уже подготовлено предыдущими публикациями.

Ракурс повествования в книге Срезневского вполне вписывается в сложившуюся традицию: «Екатерина рождена была для Самодержавия. Кротость, приятность ума, врожденное искусство пленять душу людей единым словом, единым взором, произвели всеобщую к ней любовь Двора. Он был училищем для Екатерины, которая имела выгоду примечать его волшебную игру, не будучи еще на троне. Тут пронизательный взор ее открыл слабые стороны человеческого сердца, опасности Царей, и хитрые способы, употребляемые лукавством для их обольщения: открытие важное для науки царствовать! Тут прочитала она в добрых сердцах все тайные желания истинных сынов Отечества; тихий глас патриотов доходил до ее нежного слуха» (Срезневский 1814, 33-34).

Из этого фрагмента книги можно сделать вывод опять-таки о знакомстве автора с «Мемуарами» Екатерины II или о сложившейся традиции упоминать об этом ее сочинении, которое мало кто читал, но все слышали. И. Срезневский во введении к своей книге подчеркивает ее компилятивный характер и тем самым лишь усиливает закрепление сложившегося мифа об императрице Екатерине II: «Главная цель издаваемых ныне анекдотов, под названием Дух Екатерины Великая, состоит в том, чтоб в одной книге представить Мудрость, величие души, Милосердие, благотворительность и многия другие добродетели сея бессмертной Монархини. Анекдоты сии частью собраны из других книг, прежде сего изданных, частью же переведены с Иностраннных языков, а многие заимствованы из оригинальных сочинений» (Срезневский Ч.1. С.1.).

Следует подчеркнуть, что подборка анекдотов выдержана в том же стиле, что и предшествующие публикации. Так, о воспитательном доме благородных девиц, сообщалось, что императрица «любила сама посещать сей малой вертоград, собственными руками насаженный, и любила смотреть на веселых питомцев, которые, узрев Ее, оставляли невинные игры свои и спешили встречать Мать свою; они окружали Ее многочисленными толпами, целовали руки Ея и одежду, единогласно называли Ее своею Матерью, и своими беспечными и неосторожными играми, своею резвостию в присутствии Монархини доказывали, что они только любили Ее, а не боялись. Она знала имена их и самые их нравы; награждала добрые успехи их Своим благоволением, ласковыми взорами и похвалами. Короче сказать, была Матерью сего многочисленного, цветущего семейства (Срезневский Ч.1. 61-62).

Таким образом, миф о Екатерине II, создаваемый усилиями сначала самой императрицы, а потом многочисленными авторами биографий, претерпевал изменения в сторону его большей интимизации, для чего требовались личные высказывания и суждения государыни. Все это приводило к усилению анекдотической части повествования о Екатерине, вылившееся в собственно сборник анекдотов об императрице и продвижению ее имени в массовом сознании как благодетельницы народа.

Список литературы

- Акимова Т.И. (2015): Литературное творчество Екатерины II: «галантный диалог» в системе авторских стратегий (истоки, функции, жанры): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Москва: ИМЛИ РАН.
- Колотов П.С. (1811): Деяния Екатерины II, императрицы и самодержицы Всероссийской Ч. 1-6. Санкт-Петербург: Тип. Ф. Дрехсмера.
- Ланжюине Ж. (1802) Екатерина Великая. Перевод. Москва: В Губернской тип. у А. Решетникова.
- Лосев А.Ф. (2015): На рубеже эпох. Работы 1910-1920-х гг. Москва: Прогресс-Традиция.
- Лосев А.Ф. (1994): Диалектика мифа // *Лосев А.Ф.* Миф. Число. Сущность. Москва: Мысль.
- Лотман Ю.М., Успенский Б.А. (1992): Миф – имя – культура // Лотман Ю.М. Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллинн: Александра, 58-75.
- Мелетинский Е.М. (2000) Поэтика мифа. Москва: «Восточная библиотека» РАН.
- Срезневский И.Е. (1814) Дух Екатерины Великия, императрицы и самодержицы Всероссийския <...> или Черты и анекдоты, изображающие характер, славные деяния и великие добродетели сия бессмертная монархини, с присовокуплением краткого описания ее жизни. Ч.1., 2. Санкт-Петербург.

Танненберг Г.Ф. (1801) Жизнь Екатерины II, императрицы и самодержицы Всероссийской, описанная Бароном Танненбергом. Перевел с немецкаго студент Иван Тимковский. Санкт-Петербург, в типографии Ив. Глазунова.

РЕЦЕПЦИЯ ПРИЕМОВ СТЕРНИАНСКОГО ПОВЕСТВОВАНИЯ В «БЫЛЯХ И НЕБЫЛИЦАХ» ЕКАТЕРИНЫ II

Алпатова Татьяна Александровна
Московский государственный областной университет, Россия
alpatova2005@rambler.ru

RECEPTION OF RECEPTIONS OF STERNIAN RELIGION IN CATHERINE II'S "BYLI I NEBYLITSY"

Tatiana Alpatova
Moscow State Regional University, Russia
alpatova2005@rambler.ru

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается литературное творчество Екатерины II в контексте новых направлений западноевропейской литературы XVIII века. Сделаны выводы о своеобразии рецепции художественных приемов прозы Л.Стерна и их места в екатерининской журнальной прозе: Екатерина II усваивает в первую очередь формальный аспект построения повествования, разработанного Стерном. Сентименталистский культ сочувствия в художественной системе Екатерины трансформировался в связи с мотивами непостоянства и изменчивости мира, а также духу «сатиры на пороки», юмора, отстаиваемого журнальной прозой российской императрицы.

ABSTRACT

The article deals with the literary work of Catherine II in the context of the new directions of West European literature of the 18th century. Conclusions are drawn about the peculiarity of the reception of the artistic devices of L. Stern's prose and their place in the Catherine's prose: Catherine II absorbs in the first place the formal aspect of the construction of the story developed by Stern. The sentimentalist cult of sympathy in Catherine's art system was transformed in connection with motives of volatility and variability of the world, as well as the spirit of "satire on vice", the humor defended by the journalistic prose of the Russian empress.

Ключевые слова: Екатерина II, Лоренс Стерн, повествование, поэтика, русская литература XVIII века, классицизм, сентиментализм.

Keywords: Catherine II, Lawrence Stern, narrative, poetics, Russian literature of the 18th century, classicism, sentimentalism.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-001-00001» - «Екатерина II: личность, творчество, эпоха. Энциклопедический словарь»
The reported study was funded by RFBR according to the research project № 18-001-00001:
"Catherine II: personality, creativity, era. Encyclopedic Dictionary"

Вопрос о Екатерине II – писательнице тесно связан с проблемой творческого взаимодействия ее художественного наследия с западноевропейской литературной традицией. При этом наиболее актуальным оказывается рассмотрение тех параллелей, которые возникают между творческими исканиями императрицы и новыми литературными явлениями, среди которых особое значение имел художественный опыт Л.Стерна. Впервые обратившийся к этой проблеме в начале XX века В.Маслов сформулировал основную предпосылку такого рассмотрения (Маслов 1924): не столько проблемно-тематическая и эмоциональная сфера стернианства, сколько построение повествования, механизмы ведения рассказа, стернианские «беседы» с читателем, создание литературных иллюзий, использование игровых возможностей текста, – те, в первую очередь, по-видимому, типологические взаимосвязи, которые позволяют соотнести столь, казалось бы, несопоставимые явления, как литературное творчество Екатерины II и стернианский сентиментализм.

При этом подход к проблеме рецепции стернианского повествования должен учитывать общие черты творческой манеры Екатерины II как писательницы: и зависимость ее литературных инициатив от решения достаточно конкретных культурно-политических задач, и глубоко вкоренившийся в ее писательскую натуру рационализм, не позволивший слишком увлечься чувствительностью новой литературной школы – сентиментализма. Г.А.Гуковский писал о специфике литературных воззрений и политики императрицы: «Не будучи талантливой писательницей, Екатерина II очень чутко присматривалась и прислушивалась к тому, что делалось в области литературы и на Западе, и в России. Она быстро воспринимала и улавливала последние веяния и новинки литературной жизни и немедленно реагировала на них. <...> каждое из новых и новейших литературных открытий, направлений, форм Екатерина не только усваивала, но и старалась применить к своим собственным идеологическим задачам» (Гуковский 1947: 368). Об эстетической чуткости Екатерины к литературным новинкам и новым источникам вдохновения писал также И.И.Замотин, связавший шекспиризм «исторических представлений» императрицы с появлением «ранних романтических веяний» в России последней трети XVIII века (Замотин 1900).

Постановка данной проблемы актуальна уже потому, что на смену рассмотрению «содержательной», политико-сатирической сферы журнальной прозы XVIII века сегодня все чаще приходит анализ ее поэтики. Стремление исследователей видеть в сатирических журналах «целостное, внутренне согласованное литературное произведение», представляющее собой особую литературную форму, со своим речевым, образным и жанровым своеобразием (Трахтерберг 2016: 23), позволяет расширить представления в том

числе и о повествовательных структурах в журнальной прозе; усложнение повествования при этом соотносилось с различными источниками, в том числе с художественным опытом прозы Стерна, становившейся все более популярной у читателя.

Анализ приемов рецепции стернианского повествования затрагивает в основном «Были и небылицы», опубликованные в 1783 г. в журнале «Собеседник любителей русского слова». По словам современного исследователя, сочинение это, «выдержанное в манере шуточной болтовни», можно сопоставить как с английскими журналами начала XVIII века, так и с произведениями Л.Стерна (Былинин, Одесский, 1990: 512). С этой точки зрения «Были и небылицы» могут быть оценены как едва ли не первое в России обращение к художественному опыту стернианского повествования, особой манере ведения авторского голоса, создававшей особый эффект читательского соприсутствия (а не только «сочувствия» на эмоциональном уровне), – эффект, изменявший повествовательную перспективу текста, что и оказалось принципиально важным для оформления прозы как искусства (Шкловский 1921).

Подобные оценки, учитывающие многосторонность художественных открытий Стерна-повествователя, представляются чрезвычайно важными – в том числе для оценки раннего этапа рецепции произведений английского писателя в России. Существует своеобразная концепция «двух Стернов» – с одной стороны, чувствительного сентименталиста, с другой – юмориста и ироника, разрушавшего штампы и стилевые клише чрезмерно чувствительного повествования. Об этом, в частности, пишет Ф.З.Канунова, осмысляя эволюцию карамзинского стернианства: по мысли исследовательницы, оба эти начала – как чувствительность, так и ирония, – были важны для Карамзина-писателя, притом именно в синтезе несочетаемого, благодаря которому и происходило разрушение рационалистической эстетики.

Таким образом, иронико-юмористическое начало оказывалось не противоположностью сентименталистской поэтики (явлением некоего «второго Стерна»), но ее неотъемлемой частью: подвижность, динамика этой модели повествования расширяла возможности для пробуждения читательского сочувствия.

Важное средство для этого – усложнение системы повествовательных «точек зрения» в тексте, введение в него элементов своеобразного «самоописания», вследствие чего творческий процесс тематизируется и становится центральным предметом художественного наблюдения, превращающегося в таком контексте в метаописание, что разрушало главную установку нормативно-традиционалистской поэтики классицизма на дидактизм и пользу искусства (ср. анализ поэтики русских сатирических журналов в кн.: Трахтенберг 2016: 117-181).

«Стернианское» начало появляется в «Былях и небылицах» не сразу. Выявление и анализ элементов его рецепции в тексте позволяет уловить одну из тенденций их творческой истории. В самом начале публикации «Былей...» (во второй книге журнала «Собеседник любителей русского слова», 1783 г.) в зарисовках преобладали «сатирические портреты» – дидактико-рационалистический жанр, предполагавший одномерность и исчерпанность характеристики портретируемого лица (универсализм подхода при этом подчеркивался неизменным сходством с «Характерами» Теофраста и Лабрюйера). К данному жанру не раз обращались русские сатирические журналы конца 1760-х – 1770-х годов. В «Былях и небылицах» это портреты «Опыт самолюбия» и «Есть у меня сосед...» и др.

Значимой фигурой в оформлении этих «портретов» оказывается сквозной персонаж текста – некий «Дедушка», рассказы которого становятся мотивировкой для введения различных зарисовок и портретов. При этом характеристика центрального рассказчика («человек глубокомыслящий и словоохотный», «обыкновенно чрезвычайно остер и умен, а иногда непонятно как недогадлив...» (Екатерина II 1990: 34)) оставляет достаточно широкий спектр возможностей как для развертывания дидактических мотивов, так и отступления от них в самую неожиданную сторону. Эта готовность становится в «сюжетных» частях «Былей и небылиц» свидетельством непредсказуемости жизни, ее непостоянства – как странная недогадливость глубокомысленного обычно Дедушки. Своеобразная авторская ирония по поводу попыток предсказывать то, что невозможно предугадать, связана и с мотивом «метеорологии», несколько раз появляющимся в размышлениях рассказчика в осуждение привычки поверхностно судить о причинах и следствиях, которые на поверку оказываются слишком ничтожны: «Когда я грущу без дела или с лишком печален, не имея на то причины, тогда верно знаю, что будет переменная погода <...> Когда жена разворчитя и брюзжит, то наверное ожидать можно бурной погоды...» и др. (Екатерина II 1990: 40-41)

Впоследствии рационалистический жанр «сатирического портрета» практически не возвращается в зарисовки, предлагаемые автором «Былей и небылиц» читателю, и его сменяют более гибкие, антидидактические по своей сути стернианские приемы, сам процесс творческого освоения которых, по-видимому, оказывался важен для императрицы в ее пути к читательскому сочувствию. Этот переход был связан прежде всего с мотивом самоиронии – рассказчику попадается на улице книжка журнала, разорванная на папильотки, листы, прожженные парикмахерскими щипцами или служащие оберткой для апельсинов и лимонов. Сам по себе тип «читателя», готового уничтожить книгу для того, чтобы найти более практичное применение бумаге, был хорошо знаком русской сатирической литературе начиная с «Сатиры Первой» А.Д.Кантемира. В данном случае обращает на себя внимание

именно готовность к самоиронии, которая едва ли не превосходит по силе осуждение не слишком благосклонных подписчиков: «разглядев поближе, получил я полное сведение обширного употребления той драгоценной книги, которая издается для исправления нравов, очищения языка и пользы общества» (Екатерина II 1990: 42). Рассказчик отнюдь не возмущен этим казусом, видя в нем лишь «достойное примечания происшествие», предоставляя читателям распорядиться книгой, «как ... угодно» (Екатерина II 1990: 42). Многочисленные в «Былях и небылицах» примеры сочетания несочетаемого («Мысли мои сего дня находятся между Невтона и его предвозвещения; и бее, бее, бее, моего барана» (Екатерина II 1990: 67) также связано с ироническими возможностями неожиданного развития сюжета – внезапность приходящего в голову сравнения при этом усиливает эффект иронии, в своей парадоксальности не сводимой к рационально выводимому, собственно «сатирическому» эффекту.

На первом месте по частоте среди этих «обнаженных» приемов стерновского повествования оказывается описание процесса письма: «Я взял лист полубелой бумаги, положил перед собою, и, обмакнув перо в желтобурые чернила, написал сие...» [3; 43]; «часы бьют семь часов. Что бишь вчерась я думал написать?» (Екатерина II 1990: 43); «я не могу видеть чистого пера, чтоб не пришла мне охота обмакнуть онаго в чернила; буде де еще к тому лежит на столе бумага, то конечно рука моя очутится с пером на той бумаге. Начав же, не знаю я никогда что напишу, а как рукою поведу я по бумаге, то мысль сматывается, как нитка с клубка» (Екатерина II 1990: 44-45), «Были и небылицы, на верное знаю на опыте, гораздо свободнее пишутся на маленьких лоскутках бумаги, нежели на большом листе...» (Екатерина II 1990: 69), «Тут труднее всего наполнить страницу...» (Екатерина II 1990: 68) и мн. др. К этому же ряду относится автохарактеристика формы и заглавия журнала: «Были и небылицы писать я не подрядился, ни с кем переторжки в том не имел; и когда начал писать, право не знал, что то будет слыть Были и небылицы. <...> написав несколько страниц, начал я придумывать заглавие, или, лучше сказать, как всякая вещь имеет свое имя, то как назвать и новорожденное дитя, тут как молния выскочило из моего пера громкое название Были и небылицы» (Екатерина II 1990: 52-53).

Приметой стернианского стиля, которая легко усваивалась и воспроизводилась как устойчивый узнаваемый литературный прием, способствовавший своеобразной «диалогизации» текста, были появляющиеся в «Былях и небылицах» заочные «беседы» с критиками: «Не знаю, в котором ящике памяти отыскать теперь; вот ужо критики скажут, что у памяти ящиков нет...» (Екатерина II 1990: 43). В виде подобных «бесед» здесь были представлены и традиционные для нормативной литературы «грамматические критики» -

вероятно, благодаря иронично-шутливой повествовательной интонации терявшие свою безусловность.

Перекликается со стернианским повествованием и специфический прием «возможного сюжета», позволяющий повествователю заявить и тут же «снять» заявленный сюжетный ход, причудливо усложняя при этом сам повествовательный рисунок и обманывая читательские ожидания. Такова нарочито обытовленная фабула фрагмента «Проснулся я поутру рано...», подчеркнута бессодержательного – однако также связанного мотивировкой с образом Дедушки (который мечтал, «чтоб кто нинаесть и чистосердечно написал один день с утра до вечера свои мнения и поступки (Екатерина II 1990: 43)). Дидактический смысл этого мотива («для убавления высокомерия высокомерных, гордости гордых и проч. и проч. и проч.» (Екатерина II 1990: 43)) преодолевается у Екатерины действительно ускользящим характером подробностей, замеченных рассказчиком, но тут же «снятых» внезапным поворотом повествования (рассказчик любит на «пестрого петуха, которой бодро и отменно высоко подымая ноги, и разиня рот, поет кукуреку» (Екатерина II 1990: 43) – но уже на следующей странице, в следующем фрагменте повествователь погружается в глубокие размышления «...пока моего пестрого петуха щиплют...» (Екатерина II 1990: 43).

Таким образом, на первом месте в «Былях и небылицах» Екатерины II оказываются в первую очередь внешние приметы стернианского повествования, позволявшие реализовать один из главных его конструктивных принципов - возможности развертывания письма как процесса, протекающего на глазах у читателя. Все рассмотренные приемы позволяли сделать процесс письма предметом авторского и читательского наблюдения; однако в ряде случаев динамика повествования проникает и в более глубокие уровни текста, когда при внешне-описательном объекте тем не менее «обнажаются» механизмы его введения в текст, позволяя таким образом развертывать «рассказывание» как действительно становящееся и развивающееся явление. В «Былях и небылицах» таким средством оказываются достаточно знакомые для литературы XVIII столетия «перечни». Об их значении для рационалистической поэтики классицизма писал Л.В.Пумпянский, видевший в подобных элементах «исчерпывающего деления» особое проявление рационалистической логики, когда развертывание предмета ничего не добавляет к его характеристике, но лишь «исчерпывает» ее логически представимые возможности (Пумпянский 2000: 234-238). В данном же случае функциональная природа перечня становится иной: («Дедушка мой говорит, будто не смотря на рождение, на происхождение, чины, достоинства, прибыли, убыли, знания, вежество, невежество и прочее и прочее, всякий человек имеет преимущественную склонность, которая принуждает его быть плотником, стихотворцем, хлебником, рыбаком, конюхом, математиком,

хвастуном, лгуном, садовником, хлебопашцем, воином, скакуном, пустомелей, и прочее, и прочее» (Екатерина II 1990: 51)) не логическая исчерпанность возможных предметов описания, но именно всеохватность и неисчерпаемость бытия оказывается функциональным смыслом приема. Все движется, меняется, и в результате ни в картине мира, ни во взгляде на него повествователя нет ничего однозначно-устойчивого – а значит, единственно правильного и застывшего ни в мире внешнем, ни во внутреннем пространстве текста, в живой динамике самого письма.

Можно предположить, что наряду с собственно формальными возможностями свободное стернианское повествование в интерпретации Екатерины II оказывалось созвучным своеобразной философской антропологии, согласно которой не следует думать, «чтобы людей совершенных найти было можно». «Ускользящий», «рассыпающийся» характер стернианского сюжетосложения соответствовал достаточно знакомой и распространенной в русской литературе той поры темой «непостоянной фортуны». Ироничная интонация «в стерновом духе» не противоречила уже отработанным на страницах «Всякой всячины» формам «улыбательной сатиры». Таким образом, «Были и небылицы» оказываются вписаны в контекст литературных исканий эпохи, одним из главных направлений которых и было усвоение различных граней художественного опыта Л.Стерна, сыгравшего значительную роль в оформлении самобытной русской прозы рубежа XVIII-XIX веков.

Список литературы

- Былинин В.К., Одесский М.П. (1990) Примечания, Екатерина II. Сочинения. Москва: Современник.
- Гуковский Г.А. (1947) Екатерина II, История русской литературы: в 10 томах Том IV. Литература XVIII в. Ч. 2. Москва; Ленинград: Наука.
- Екатерина II (1990) Сочинения. Москва, Современник.
- Замотин И.И. (1900) Ранние романтические веяния в русской литературе, Варшава.
- Канунова Ф.З. (1975) Карамзин и Стерн, XVIII век. Сборник 10. Русская литература XVIII века и ее международные связи. Памяти чл.-корр. АН СССР Павла Наумовича Беркова. Ленинград: Наука.
- Маслов В. (1924) Интерес к Стерну в русской литературе конца XVIII и начале XIX в., Историко-литературный сборник. Посвящается В.И.Срезневскому. Ленинград.

Пумпянский Л.В. (2000) Об исчерпывающем делении, одном из принципов стиля Пушкина, Классическая традиция. Собрание трудов по истории русской литературы. М.: Языки русской культуры.

Трахтенберг Л.А. (2016) Русские сатирические журналы XVIII века: очерки поэтики. Москва: Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова.

Шкловский В.Б. (1921) «Тристрам Шенди» Стерна и теория романа. Ленинград: ОПОЯЗ.

ИЗ ГРУЗИНСКОЙ «ПУШКИНИАНЫ»

*Гоголадзе Тамар Ахмедионовна
Горийский государственный учебный университет, г. Гори, Грузия
Tamilagogoladze@gmail.com*

FROM THE “GEORGIAN – PUSHKIN STUDY -2”

*Gogoladze Tamar Ahmedionovna
Gori State University of Education, Georgia*

АННОТАЦИЯ

Перевод творчества А.С. Пушкина всегда привлекал внимание литераторов и поэтов разных стран на протяжении двух веков. Ещё в 30-ые годы XX века Марина Цветаева отмечала, что Пушкин переводим, но „переводить... должен поэт“. Творчество А.С. Пушкина ещё при его жизни (с 30-ых годов XIX века) привлекло внимание грузинских поэтов, общественных деятелей (Тэймураз Батонишвили, Соломон Размадзе, Александре Чавчавадзе и т.д.). Исследования по этой теме принадлежат литературоведам (К. Дондуа, С. Хуцишвили, Гоголадзе – Миндиашвили и др.). Здесь мы предлагаем вторую часть наших исследований, касающихся перевода произведения А.С. Пушкина «Каменный гость». Первый перевод поэмы А.С. Пушкина принадлежит грузинскому поэту и публицисту Михэилу Туманишвили (1818-1875). Это «Кавказский пленник», дошедший до нас по фрагментам (И. Балахашвили). После смерти Туманишвили в архиве поэта, его сыном, Георгием Туманишвили, были обнаружены и другие переводы произведений А.С. Пушкина, среди которых и был перевод «Каменного гостя» под названием «Дон Жуан», напечатанный в 1879 году в «Альманахе» (II книга). Редакция газеты «Дрозба» (1879 год, №21, 23, 29) опубликовала рецензию на этот перевод. Газета отмечала, что перевод сделан правильно, но язык архаичен. Видимо, автор старался приблизиться к стилю оригинала. Надо учесть и то обстоятельство, что 70-80 годы XIX века считаются важными для активного внедрения литературного языка, в особенности, в переводимых произведениях;

Второй перевод «Каменного гостя» принадлежит грузинскому поэту-символисту Паоло Яшвили (1892-1937), который, незадолго до своей трагической кончины (1937 г.), перевёл это произведение. Оно было внесено в сборник переводов произведений А.С. Пушкина (1936 г.). Как отмечал поэт-символист Валериан Гафриндашвили, этот перевод характеризуется типичным для адекватного перевода стандартом, что, в частности, касается и перевода П. Иашвили.

ABSTRACT

The translation of creative works of A.S. Pushkin always attracted the attention of writers and poets of different countries during the period of two centuries. In the 30s of the twentieth century, Marina Tsvetaeva noted that it is possible to translate Pushkin's works but "a poet must translate ...". Creative works of A.S. Pushkin attracted the attention of Georgian poets and public figures even during his lifetime (from the 30s of the 19th century) (TeimurazBatonishvili, Solomon Razmadze, AleksandreChavchavadze, etc.). The studies on this topic belong to literary critics (K. Dondua, S. Khutsishvili, Gogoladze - Mindiashvili, etc.). Here we present the second part of our study concerning the translation of the "The Stone Guest". The first translation of the poem by A.S. Pushkin

belongs to Georgian poet and publicist Mikheil Tumanishvili (1818-1875). This is the "Caucasian Captive", which reached to us with fragments (I. Balakhashvili). After the death of Tumanishvili other translations of the creative work of A.S. Pushkin were found in the archives of the poet. Among them, his son Giorgi Tumanishvili found the translation of the "Stone Guest" by the name "Don Juan", which was published in 1879 in the "Almanac" (II volume). The editorial office of the newspaper Droeba (1879, No. 21, 23, 29) published a review of this translation. The newspaper noted that the translation was done correctly, but the language was archaic. Apparently the author tried to be close to the original style. One should also take into consideration the fact that 70-80s of the XIX century are considered to be important for the active introduction of the literary language, especially in translations. The second translation of the "Stone Guest" belongs to the Georgian poet-symbolist Paolo Iashvili (1892-1937), who, shortly before his tragic death (1937), translated this work. It was included in the collection of translations by A.S. Pushkin (1936). As the poet-symbolist Valerian Gaprindashvili noted, this translation is characterized as an adequate translation, which, in particular, concerns the translation made by P. Iashvili.

Ключевые слова: «Каменный гость», Дон Жуан, Перевод на грузинский язык.

Keywords: "Stone Guest", Don Juan, the translation from Georgian

С 1830 года начинается перевод произведений А.С. Пушкина на грузинский язык. Петербургские грузины лично знали известного поэта, первый же перевод его произведений принадлежит царевичу Теймуразу («Ангел»), его примеру последовали поэты-романтики Соломон Размадзе, Александр Чавчавадзе и др.

А поэт и театральный рецензент Михаил Туманишвили (1818-1875), прекрасно владея русским языком, переводил поэму А.С. Пушкина «Кавказский пленник». Уже после смерти отца, его сын Георгий Туманишвили публикует сборник литературных произведений «Альманах», где вошли переводы Байрона (И. Бакрадзе) и отрывок первого перевода «Каменного гостя» А.С. Пушкина, под названием «Дон-Жуан» (сцена III). С примечанием издателя: «-Мы здесь предлагаем сцены из «Каменного гостя», но только две главные сцены, остальные части не имеют отношения к предыдущим». («Альманах»: II 1879:2-25). Такое самовольное решение издателя нас очень удивляет, но главное то, что первая пьеса одного из «Малых трагедий» - «Каменного гостя» была переведена на грузинский язык (до 1833 года) под названием «Дон Жуан» (К. Дондуа «Пушкин в мировой литературе» - 1926 на русском языке» - и С. Хуцишвили «Грузинская пушкиниана» - 1979, на груз. яз.).

Наша статья является*¹ второй частью «Грузинской пушкинианы», где мы старались проследить за переводами «Каменного гостя» в XIX-XX века. Всего существует 3 перевода на

1 см. «А.С. Пушкин в переводах грузинских символистов» Т.А. Гоголадзе, Н.М. Миндиашвили в сборнике материалов II международной научной конференции в Гранаде (Испания), т. II, 2010, стр. 1138-1141

этот период: перевод М. Туманишвили (до 1833 года), Паоло Иашвили (1930 г.) и Тамаза Чхенкели (до 1975 года).

Чем был вызван интерес в Грузии к «Каменному гостю» А.С. Пушкина, или, вообще, к теме Дон Жауна?

«Говорят, что по свету бродят сто литературных Дон Жуанов. Вряд ли, испанский автор Тирсо де Молина, породивший этого героя в XVII веке, пророчил такую счастливую судьбу своему герою. Знаменитые литературные мэтры посвящали ему свое вдохновение: Мольер, Байрон и теперь вот Пушкин («Каменный гость») (Артамонов Кн. IV:1997)

У Тирсо де Молина драма называлась «Севильский соблазнитель или «каменный гость» (1616). И у А.С. Пушкина «Каменный гость» (1830 г.). Пьесу Пушкин окончил 4 ноября 1830 года, но не была опубликована при его жизни, а позднее, в 1839 году в сборнике «Сто русских литераторов».

Несмотря на то, что тема очень популярна, многие видные писатели старались своеобразно выявить суть повесы-соблазнителя. «Сохранив традиционную развязку легенды, Пушкин придал ей многообразный смысл. Фантастическая, легендарная форма развязки символически запечатлела губительность своеволия, совместились холодная жестокость и наивная беспечность... Статуя командора представляет уже не только старый мир, но и высшую справедливость» (<http://www.kritika24.ru/page.php?id=2610>)

Оказывается, А.С. Пушкин писал эту трагедию перед женитьбой и в ней выявились все страхи и опасения, которые преследовали в дальнейшем его женитьбу. В начале XIX века в России ставилась пьеса «Мольера «Дон Жуан или каменный гость» (1665 г.) и опера Моцарта «Дон Жуан».

До 40-ых годов XIX века в Грузии не ставили Мольера, но знали его пьесы и Байрона через французские оригиналы и русские переводы.

Тема Дон Жауана, распространённая по всей Европе, стала интригующим для грузинского читателя.

Пушкина знали в Грузии, читали его произведения и новая интерпретация героя-соблазнителя привлекла переводчиков и поэтов.

Известно, что Пушкин сам переводил и писал о проблемах перевода: «Нет сомнения, что стараясь передать Мильтона слово в слово, Шатобриан однако не мог соблюсти в своём предложении верности смысла и выражения. Подстрочный перевод никогда не может быть верен. Каждый язык имеет свои обороты, свои установленные риторические фигуры, свои усвоенные выражения, которые не могут быть переведены на другой язык соответствующими словами» (Пушкин, V, 1936:294).

До II половины XIX века переводы на грузинский язык осуществлялись по старым традиционным методам. И поэтому первый переводчик «Каменного гостя» Михеил Туманишвили переводит почти своевольно, изменяет название пьесы, вместо «Каменного гостя», – «Дон Жуан», тем более, что у А.С. Пушкина Дон Гуан – известны несколько рукописей пьесы: тетрадь №2376, тетрадь вставки №2377.

«В первой сцене имя героя, преимущественно, пишется Дон Жуан, но в дальнейшем написано уже Дон Гуан; старая форма имени, Пушкиным исправлялась в Дон Гаун. Эта же форма господствует в дальнейших сценах» (Пушкин т. VII, 1948:307). – пишется в примечаниях пьесы.

В «Комментарии: А.С. Пушкин. «Каменный гость» С.М. Бонди пишет: «Пушкин, очевидно, стремился передать имя своего героя не на французский лад, а ближе к испанскому произношению (Don Yuan). Поэтому он называет его не Гуаном, а Гауном. (с придыхательным «г»); точнее было бы Хуан» (<http://rvb.ru/puskin/02comm/0840.htm>).

В переводе М. Туманишвили он называет героя Дон Жуаном, наверно с аналогией Мольеровского героя Дон Жуан.

Текст перевода ритмичен и по передаче лексическо-синтагматических фразеологизмов передаёт суть пушкинского текста. Переводчик местами использует грузинские фразеологизмы и сравнения, напр.:

«То и скажу, без предуготовленья,
Импровизатором любовной песни»

М. Туманишвили передаёт фразой, сравнивая импровизацию влюблённого Дон Жуана с импровизацией грузинского свирельщика, сказателя, создавая текст шаири для любовного стиха.

Но и здесь, местами, встречаются архаизмы, которые не характерны новому грузинскому литературному языку.

Второй перевод «Каменного гостя» был выполнен почти через 100 лет, в 1930 году грузинским поэтом –символистом Паоло Иашвили (1894-1937), который вместе с другими поэтами –модернистами «Цисферканцелеби» («Голубороговцы»), уже заботясь об обновлении грузинского стихотворчества, заботятся и о переводе. В маленькой статье «Переводная литература», П. Иашвили с досадой отмечал, что писатели-предшественники соревновались в переводе Крыловских басень и очень уж забыли Пушкина, который освещает солнцем поэзию (Иашвили 1975:288). А его товарищ Валериан Гаприндашвили, уделив огромное значение переводимой литературе, предлагает адекватный перевод. К 100-летней годовщине смерти А.С. Пушкина был подготовлен сборник (1936 г.), где вошли новые переводы стихотворений

и поэм русского поэта, переводимые П. Яшвили. В предисловии видный грузинский литератор, философ Сергей Данелиа отмечает, что эти новые переводы будут способствовать популяризации имени Пушкина, сочинениями которого не могут ознакомиться грузинские читатели в оригинале (Пушкин 1936:XXVII). Здесь, в этом сборнике под заглавием «Поэмы», помещены и «маленькие трагедии», в том числе и «Каменный гость».

В переводе, в отличие от посвящения, отсутствует слово лепорело – (из оперы Моцарта).

П. Иашвили переводит 10-слоговым стихом, но сам перевод немножко простоват, что упрощает смысл фразы. Но оценка грузинских литературоведов насчёт А. Иашвили, как переводчика Пушкина, такова: «Паоло Иашвили перешагнул через пушкинский мост. Его шаги издали такой звук, как шаги самого строителя этого моста» (Джгубуриа 2017:8).

Третий перевод сделан уже в 70-ые годы Тамазом Чхенкели и был помещен в сборник сочинений А.С. Пушкина, под эгидой «Библиотеки мировой литературы».

В переводе Т. Чхенкели тоже отсутствует вышеуказанное посвящение, переведено почти 14-слоговым стихом. Но местами переходит в прозу. Перевод утончён, передаёт пушкинскую смысловую нагрузку и эстетичен.

Все три перевода пьесы А.С. Пушкина «Каменный гость» значительны как в историческом, так и в художественном значении. Но думаем, что настолько многообразен и многолик «Каменный гость», что его можно переводить бесконечно.

Список литературы:

- Пушкин А.С. (1948): Полное собрание сочинений, т.7., Москва: Акад. наук СССР;
- Гачечиладзе Г.Р. (1966) Введение в теорию художественного перевода (на груз. яз.). Тбилиси: Ганатлеба;
- Гоголадзе Т.А., Миндиашвили Н.М. (2010), А.С. Пушкин в переводах грузинских символистов. Сборник материалов II международной научной конференции в Гранаде (Испания), т. II.
- Гаприндашвили В.И. (1990) Стихи, поэмы, переводы, эссе, письма, материалы из Архива (на груз.яз.), Тбилиси; Мерани;
- Иашвили П.Д. (1975). Сочинения (на груз. яз.) Тбилиси; Накадули
- Пушкин А.С. (1975). Избранные произведения. Сборник. Библиотека всемирной литературы (на груз. яз.). Тбилиси: Сабчота Сакартвело
- Пушкин А.С. (1936) Стихи и поэмы (на груз.яз.), Тбилиси, Изд. университета;
- Туманишвили М. (1879) Дон Жуан. Сборник «Альманах». Тифлис.
- Хуцишвили С.Г. (1979). Грузинская пушкиниана (на груз.яз.), Тбилиси: Сабчота Сакартвело;

Федоров А.В. (1968): Основы общей теории перевода. Москва; Высшая школа;

URL: <http://www.kritika24.ru/page.php?id=2610>

<http://goldlit.ru/pushkin/807.kamenny-gost-analiz;>

<http://rvb.ru/pushkin/02comm/0840/htm>

**«ПРИКЛАДЫ, КАКО ПИШУТСЯ КОМПЛЕМЕНТЫ РАЗНЫЕ» И
ЭПИСТОЛЯРНАЯ НОРМА В ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ПЕРЕПИСКЕ
РУССКИХ ГОСУДАРЕЙ С ВЕНЕЦИАНСКОЙ РЕСПУБЛИКОЙ (XVII-
XVIII ВВ.)**

*Карданова Наталия Борисовна
Генуэзский университет, Италия
natasha.kardanova@gmail.com*

**“PRIKLADY KAKO PIŠUTSJA KOMPLIMENTY RAZNYJE” AND
EPISTOLARY NORMS IN DIPLOMATIC CORRESPONDANCE BETWEEN
THE TSARS OF RUSSIA WITH THE REPUBLIC OF VENICE (XVII-VIII
CENTRURIES)**

*Kardanova Nataliya
University of Genoa, Italy*

АННОТАЦИЯ

Предмет анализа – роль письмовника «Приклады како пишутся комплименты разные» (1708), переведенного во внешнеполитическом ведомстве (Посольский приказ) и напечатанного по распоряжению Петра I, в формировании эпистолярной нормы в дипломатической переписке. Анализ проводится на материале грамот Петра I и его наследников (вплоть до грамот Екатерины II) венецианским дожам по оригиналам, хранящимся в Государственном архиве г. Венеция) в контексте предшествующей традиции и дипломатических отношений двух государств.

ABSTRACT

The subject of our analysis is the role of the pismovnik “Priklady kako pišutsja komplimenty raznye” (1708), translated in the foreign policy department (the Diplomatic chancellery) and printed at the behest of Peter I, in the formation of epistolary norms in diplomatic correspondence. Our analysis is based on an examination of the gramoty found in the State Archives of Venice written by Peter I and his heirs (all the way to Catherine II) in the context of prior tradition and of diplomatic relations between the two states.

Ключевые слова: Петр I; Венецианская Республика; дипломатическая переписка; эпистолярная норма; письмовник.

Keywords: Peter I; Republic of Venice; diplomatic correspondence; epistolary norms; *pismovnik*.

Второй книгой (как подчеркивал Г.А.Гуковский: Гуковский 1999), напечатанной в апреле 1708 г. гражданским шрифтом по распоряжению Петра I, был письмовник «Приклады, како пишутся комплементы разные на немецком языке, то есть писания от потентатов к потентатам, поздравительные и сожалетельные, и иные, такожде между сродников и приятелей». Перевод с немецкого был выполнен вице-канцлером М.П.Шафировым (1669-1739) – вторым лицом внешнеполитического ведомства – Посольского приказа, преобразованного Петром I в Коллегию иностранных дел в 1720 г. Его сотрудники подготавливали по заданному содержанию черновики, а затем, с одобрения царя – автора дипломатического послания – оформляли набело царские грамоты иностранному адресату. Эта практика, существовавшая при царе Алексее Михайловиче (Котошихин 2000: 45-46), было подтверждена при Петре (ПСЗРИ 1830, VI: 130). Петр I, сделавший переписку инструментом государственного управления (Богословский 2001), придавал этикету эпистолярному значение не меньшее, чем дипломатическому или этикету бытового поведения: «Приклады» появились раньше знаменитого «Юности честного зеркала» и быстро стали популярным чтением. В качестве эпистолярных образцов («прикладов», ср. польск. *przykład*) российскому читателю были предложены «писания от потентатов к потентатам» (Приклады 1712), то есть послания венценосных особ друг другу.

Предметом анализа в настоящем докладе будет роль «Прикладов» в формировании эпистолярной нормы, за которой стоит новая концепция вежливого обращения с адресатом, сначала в грамотах Петра I, а затем и его наследников (вплоть до грамот Екатерины II) венецианским дожам (по оригиналам, хранящимся в Государственном архиве г. Венеция) в контексте предшествующей традиции и дипломатических отношений двух государств.

До Петра этикет дипломатического послания предполагал, как следует из анализа текстов, в первую очередь указание на высочайший дипломатический статус автора грамоты, который не следовало компрометировать, к примеру, прямым выражением просьбы. Этикет подчинялся принятым в Посольском приказе нормам оформления текста: как и полнота царских титулов, размер и тип бумаги, количество используемой золотой краски в оформлении текста зависели от дипломатического статуса адресата (Котошихин 2000: 45-46). Формуляр воспроизводился из грамоты в грамоту, он не был регламентирован, и постепенное расширение его состава отражало изменение представлений об этикете царского письма иностранному правителю. Изначально включались формулы, подтверждающие царское происхождение автора и законно принадлежащие ему титулы: это invocatio (ссылка на Божественное Провидение), интитуляция, финальный протокол (дата и место написания грамоты). При царе Алексее Михайловиче в грамотах в Венецию появилось приветствие

адресату, открывающее послание, в регентство царевны Софьи, когда внешнеполитическими делами ведал Василий Васильевич Голицын, – формула специального приветствия, завершающего письмо. Данный формуляр, равно как и графико-декоративное оформление грамот в Венецию, сохранился при Петре I, тогда как средства, используемые в таких формулах речевого этикета, как благодарность, просьба, поздравление, ответ на поздравление, эволюционировали на протяжении правления первого русского императора. Появились и новые жанры послания – поздравительная грамота и грамота, содержащая ответ на поздравление, – позволявшие автору вежливо поддерживать отношения с адресатом (ранее поздравительные формулы и формулы-ответ на поздравление могли быть частью письма, но становились отдельным письмом). Все это позволяет говорить об изменении главного принципа этикета, о том, что «в качестве регулятора, доминирующего принципа ... выступает не дипломатический статус автора, а статус вежливого собеседника» (Карданова 2013: 386).

Наблюдаемая в правление Петра I эволюция эпистолярного этикета дипломатического послания в значительной мере отражает тенденции, представленные в переведенном по распоряжению русского царя немецком письмовнике. В частности, содержащееся в названии слово «комплимент» («комплемент», «куплемент», «куплюмент») вошло в русский язык в начале XVIII в. в значении «письменное вежливое, лестное обращение, приветствие», «вежливое приветствие», «вежливая речь», «церемониальное приветствие» (Сергеев 1978: 75), в дипломатическом языке стало означать «определенные формы письменной вежливости, принятые обычно в началах и концовках различного рода дипломатических документов. В языке дипломатической переписки вырабатываются образцы, стандарты таких обязательных приемов оформления и обязательных формул вежливости, которые варьируются в зависимости от адресата и характера послания» (Там же. С. 76), причем «слово *комплимент* в специальном значении — “принятые формулы письменной вежливости” — используется в языке современной дипломатии» (Там же).

На наш взгляд, внимания заслуживает еще одно значение слова *комплимент*, то, которое мы встречаем в названии письмовника, переведенного Шафировым: «то есть писания от potentатов к potentатам, поздравительные и сожалетельные, и иные, также между сродников и приятелей». Как нетрудно заметить, мы имеем дело с обозначением эпистолярного жанра («писания»): этот жанр ограничен высочайшим статусом автора и адресата – правителей государств («от potentатов к potentатам»), характером отношений между последними – родственными или дружескими («между сродников и приятелей») и конечной целью, побуждающей автора братья за перо, – поддерживать отношения с адресатом. В последнем убеждает тематика, заявленная в названии сборника – «поздравительные и сожалетельные, и

иные», где под «поздравительными и сожалетелными» посланиями имеется в виду письменная реакция автора на некое важное событие в жизни адресата, не затрагивающее напрямую интересы автора.

Монархов России с республиканской Венецией связывали сначала общие военные интересы: в регентство царевны Софьи Россия и Венеция стали союзницами по антиосманской лиге (попытки заключить такой союз делались обеими сторонами еще при царе Алексее Михайловиче), и оставались ими и в начале единоличного правления Петра, вплоть до заключения Карловицкого договора в 1699 году. В дальнейшем Петр вплоть до конца своего правления поддерживал со Светлейшей республикой отношения, на которые влияли различные векторы политики русского царя, в частности, подготовка Прутского похода 1711 г., и, позднее, стремление установить новые торговые связи, повлекшее, в частности, появление постоянного дипломатического представительства в Венеции.

Руководствуясь внешнеполитическими соображениями, Петр сообщил дожу и Сенату о военных победах России в Северной войне: под Полтавой в грамоте от 8 июля 1709 г., (оригинал в государственном архиве г. Венеция не обнаружен, ниже цитируется по: Письма и бумаги 1952: N. 3287) и в Прибалтике в послании от 7 декабря 1710 г. (ASV. Collegio. Lettere princìpi. Filza 13. № 60, опубликована) и, разумеется, о заключении Ништадтского мира (ASV, Lettere princìpi, filza 13, № 76, опубликована).

Каждую из этих грамот открывает формула обязательного сообщения: «Мы не могли оставить Вашей Светлости и всей Яснейшей Речи Посполитой по всегдашней к вам имеющей дружбе, не объявля, коим образом всевышший наше справедливое оружие в 27 день июня преславною викториєю против нашего неприятеля, короля шведцкого, благословити благоволил» (1709); «Хотя мы не сумневаемся, что ваша светлость и вся яснейшая речь посполитая известны о счастливых предшествахъ нашего справедливого оружия, которое всевышший сей прошедшей компании паки противъ нашего неприятеля короля шведцкого знатными виктории благословити изволил; однако жъ не могли мы оставить о том Вашей Светлости и яснейшей речи посполитой не объявля коимъ образомъ толь щастливо чрез его всевышшаго помощь ... от неприятеля сех знатных и крепких городов нашим оружиемъ взяты» (1710); «Хотя Вашей Светлости не может без известно быть о вечном мире, которой прошедшаго августа в 30 чрез полномочных с обеих стран министров между нами и королем и королевством шведким на Нейштатцком конгрессе заключен, однако ж мы по имеющей дружбе с вашею светлостию и Яснейшею Речью Посполитою за благо разсудили сообщить вам чрез сию нашу грамоту оные ведомости» (1721). Далее следует выражение надежды на участливое отношение адресата к сообщению: «И уповаем мы, что ваша светлость и яснейшая

Речь Посполитая в том, по имеющей к нам приязни своей, достойное участие воспринять благоволите» (1709), «и уповаем мы что ваша светлость и яснейшая речь посполитая в том по имеющей к нам своей приязни, достойное участие воспринять благоволите» (1710); «и уповаем мы что ваша светлость и яснейшая речь посполитая в том по имеющей к нам своей приязни, достойное участие воспринять благоволите; якоже и мы о всяких ваших счастливых поведениях и благополучии всегда охотно слышати желаем, и уповаем, что ваша светлость сие во знак нашей склонности, которую мы имеем к Вашей Светлости и Яснейшей Речи Посполитой примете» (1721).

Три грамоты Петра объединяет не только структура, которая, как мы увидим ниже, в «Прикладах» характерна для писем-сообщений о различных событиях, но и специальные речевые средства, которые были выработаны для нового формуляра царской грамоты.

До Петра автор царской грамоты не мотивировал (пусть и формально) необходимость сообщения информации и не выражал надежды на то, каким образом она будет воспринята адресатом: по-видимому, этого не допускал этикет царского дипломатического послания.

Формула обязательного сообщения («не могли мы оставить, о том Вашей Светлости и Яснейшей Речи Посполитой, не объявляя») возникла в грамоте от 8 июля 1709 г. о Полтавской битве. Формула-сообщение информации (новая лексема *сообщить*) как результат выбора автора царской грамоты (*за благо разсудили*) появилась в грамоте о Ништадтском мире от 14 сентября 1721 г., однако клише *за благо разсудили* было использовано ранее в грамоте от 7 декабря 1710 г., в царском разрешении венецианским купцам торговать в новых русских землях на Балтике (*разсудили мы за благо ... и сие объявить*).

В грамоте Петра от 7 декабря 1710 г. (ASV. Collegio. Lettere principi. Filza 13. № 60, опубликована) о победах на Балтике появилась формула подтверждения информации, известной адресату из других источников: уверенность автора («Хотя мы не сомневаемся») в известности адресату («ваша светлость и вся Яснейшая Речь Посполитая известны о»), которая впоследствии была воспроизведена в грамоте-сообщении о Ништадтском мире.

Выражение надежды (*уповаем*) на то, что испытываемая автором грамоты радость будет разделена в Венеции, впервые находим в грамотах о победе под Полтавой и на Балтике (от 8 июля 1709 г. и от 7 декабря 1710 г.) и затем в грамоте 1721 г. о Ништадтском мире, но использоваться лексема *уповать* начинает намного раньше, как только это позволяет новый этикет, начиная с 1700 г.: сначала в ходатайствах Петра I о содействии (о венецианских о корабельных мастерах от 8 июля 1700 г., о греческой церкви от 7 декабря 1710 г. и офицере Змаевиче от 30 апреля 1716 г. (ASV. Collegio. Lettere principi. F. 13, N 51, 59, 68, опубликованы), а затем в его в верительных грамотах (формально – ходатайствах) русским

послам Урбиху от 9 января 1711 г. и Беклемишеву от 18 января 1716 г. (ASV. Collegio. Lettere principî. F. 13, N 61, 70).

Во всех трех грамотах от венецианских властей, дружественных России (*по имеющей к нам приязни своей*), ожидается соответствующая реакция на радостные новости: *достойное участие воспринять благоволите*. Отметим, что до Петра I о чувствах, испытываемых венецианским адресатом, получившим известия от русского царя, речь не шла: впервые об уверенности (*не сомневаемся*) в реакции адресата (*примеете себе за общую с нами христианскую радость*) было заявлено в грамоте Петра от 30 октября 1697 г. (ASV. Collegio. Lettere principî. F. 13, N 46), но там речь шла об общих для Венеции и России интересах – о выполнении Россией союзнических обязательств.

Царское сообщение как символическое выражение (*примете во знак*) расположения (*нашей склонности*) царя к Венеции появляется в грамоте о Ништадтском мире, однако вырабатываются данные речевые средства – в грамоте царей Ивана и Петра Алексеевичей от 5 мая 1686 г. (ASV, Lettere principî, filza 13, № 14) формула «благоизволили восприняти, яко свидетелство особенейшаго вашего почитания несумневая» была переводом из послания дожа – в грамотах Петра о помощи греческой православной церкви в Венеции от 7 декабря 1710 г. и о приеме Савы Владиславича от 14 июня 1716 г. (ASV. Collegio. Lettere principî. F. 13, N 68): в этих ходатайствах автор писал дожу, что воспримет помощь венецианцев (*к нам покажется – 1710 и воспримем – 1716*) как выражение *приязни* (1710) и *имеющего доброг намерения* (1716). В грамоте 1721 г. при помощи подобных средств говорится о реакции, ожидаемой от дожа. Отметим, что расположение царя передано при помощи лексемы *склонность*, которую находим в «Прикладах» (Приклады 1712: 9); ср. ранее лексему *любовь*, значение которой уточнялось контекстом дипломатического послания, и которая, как мы увидим ниже, появится впервые в поздравительной грамоте Петра дожу от 18 января 1719 г. («подтверждаем нашу *добрую склонность* во всех публичных интересах к вам»).

Республиканская форма правления Венецианской республики (грамоты Петра адресовались дожу, фигуре выбираемой, и Сенату) не предполагала получения сообщений о династических событиях. Повод поздравить бывшую союзницу русскому царю дважды дала военная история Светлейшей республики. В грамоте от 16 октября 1716 г., написанной из Копенгагена, Петр поздравил дожа с тем, что турецкая армия сняла осаду с принадлежавшего Венеции греческого острова Корфу, а в грамоте от 18 января 1719 порадовался новости о заключенном в Пассаровичах мире между Венецианской республикой и Османской империи.

В этих поздравительных грамотах Петра: пересказ полученных от дожа сведений о победе, включающий описание эмоций, вызываемых этими сведениями, и собственно поздравительную часть.

В грамоте 1716 г. о том, сколь радостна для Петра полученная из Венеции весть, свидетельствует характеристика послания дожа как приятного («приятное писание» и «приятное ваше сообщение») и благодарность за приятную новость («Мы Вашей Светлости и всей Яснейшей Речи Посполитой весьма обязаны за приятное ваше сообщение»).

Положительная реакция царя («с особливимъ удовольствомъ уразумели и обрадовались») на информацию о военных победах Венеции связана (соотносительный союз *яко ... так и*) с хорошими отношениями между двумя странами: «И яко же мы во всем том, что благополучию и к авантажу Яснейшей Речи Посполитой касатца может радостное участие приемлем, так и о сей щастливой ведомости с особливым удовольствием уразумели и об оной от сердца обрадовались».

Завершают грамоту поздравление («И поздравляем вас дружечно таким великим сукцессом ваших оружий») и пожелание дальнейших военных успехов («желая, дабы всемогущий Бог и впредь оружия ваши благословить и оным все саможелаемые сукцессы над сим вашим гордым неприятелем подать изволил»).

В грамоте 1719 г. ссылка на добрые отношения с адресатом («По особливой приязни, которую имеем к Вашей Светлости и Светлейшей Речи Посполитой») объясняет положительную реакцию Петра («мы зело увеселились и приемлем приятелския ваши изяснения, котория Ваша Светлость нам сообщили в грамоте своей от 6 августа прошедшаго году с совершенным удоволствованием»), тогда как вместо поздравлений находим формулу подтверждения добрых отношений между двумя государствами («И при сем подтверждаем нашу добрую склонность во всех публичных интересах к вам, желая Вашей Светлости и всей вашей Светлейшей Речи Посполитой всякого счастливейшаго поведения»).

Положительная реакция царя описывалась в грамотах в Венецию и раньше, но то было в ответ либо на похвалы военным успехам России (*приимаем в великую любов* – грамота царя Алексея Михайловича от 23 ноября 1655 г. (ASV. Lettere principî, filza 13, № 1), либо на сведения о военных действиях Венеции в союзных с царями Иваном и Петром Алексеевичами интересах: *ваше объявление и благожелателство любително приемлем* (грамота от 5 мая 1686 г.), *приемлем за радость* – от 26 октября 1687 г. и от 13 февраля 1688 г. (ASV. Collegio. Lettere principî. F. 13, N 23, 13 опубликованы), *приемлем то себе за радость* (от 18 марта 1695 г. (ASV. Collegio. Lettere principî. F. 13, N 36, 16), то есть лишь в контексте союзнических отношений – потенциальных (1655 г.) или реальных. В поздравительных грамотах Петра 1716 и 1719 гг.

расширяется набор средств, выражающих положительную реакцию: дается специальная характеристика послания, содержащего такую новость (*к нам отправленного приятного писания* – 1716), самой новости (*о сей щастливой ведомости* – 1716) и сообщения (*приятное ваше сообщение* – 1716); описываются эмоции (*об оной от сердца обрадовались* – 1716), в том числе и в момент рецепции информации (*с особливым удовольствием уразумели* – 1716; *зело увеселились, получа уведомление* – 1719), высказывается благодарность (*весма обязаны за приятное ваше сообщение* – 1716). Как видим, прямое выражение радостных чувств по поводу, не имеющего непосредственного отношения к внешнеполитическим делам России, не считалось более недостойным царского статуса.

Петр не считал необходимым писать дожу о событиях в царской семье даже в период наиболее интенсивного обмена посланиями с Венецией и даже о смерти своего соправителя, Ивана Алексеевича в 1696 г., и ограничился тем, что сообщил о случившемся через русского посла Нефимонова (ему была адресована царская «записка»), который вел в то время переговоры в Вене по заключению военного союза. Не писал он ни о заключении брака со своей второй супругой, ни о короновании последней императрицей, ни о рождении (дочери были рождены до официального брака) и смерти сына, однако передал о произошедшем трагическом событии через постоянного представителя России в Венеции Петра Беклемишева (Карданова 2016).

Грамоты в Венецию правителей, следовавших за Петром, представляют собой по большей части (если не считать верительных грамот Екатерины II русским посланникам – именно на период ее правления приходится активизация российско-венетских отношений) сообщения о событиях в императорской семье: рождение, бракосочетание, смерть членов императорской семьи. Уже в первой грамоте вдовы Петра, Екатерины I в Венецию от 12 февраля 1725 г., говорилось о кончине русского императора и о восприятии престола, что было официальным подтверждением как произошедшего, так и намерения продолжать дипломатические отношения. Эту же цель в дальнейшем преследовали регулярные сообщения о бракосочетании, рождении и смерти членов императорской семьи.

Сообщение о смерти Петра I (Понеже всевышнему и всемогущему Богу по его неиспытанной судьбе и воле угодно было его императорское величество ... по претерпевшей двенадцати дневной тяжкой болезни в двадесять осмый день месяца гендаря поутру в пять часов от сея временныя жизни в вечную радость и блаженство отозвати) содержало ссылку на волю Провидения (*Понеже всевышнему и всемогущему богу по его неиспытанной судьбе и воле угодно было*), ссылку на болезнь с точным указанием ее длительности (*по претерпевшей двенадцати дневной тяжкой болезни*), указание на физический конец (*его императорское*

величество от сея временная жизни в вечную радость и блаженство отозвати), точную дату и время смерти (*двадцать осмый день месяца гендаря поутру в пять часовъ*), имя и полный титул усопшего («его императорское величество, нашего любезнейшаго супруга и государя, пресветлейшаго и державнейшаго князя и государя ПЕТРА ПЕРВОГО, императора и самодержца всероссийского [...]»). Как нетрудно заметить, и состав формулы, и используемые в ней речевые средства по большей части схожи с используемыми в «Объявление о смерти принца принцу» в «Прикладах»: «Мы не можем Вашей любви от печального сердца утаить, коим образом всевышшему и всеумудрому богу по его непостижимому совету и изволению милостиво угодно учинилось: светлейшую княжну любезнейшую нашу дочь и княжну и по претерпенной болезни чрез несколько недель в 20 день сего месяца после полудня о 2 м часу в нашей резиденции хотя обло легкою и блаженною смертию от сего временного отозвати и к себе в вечную небесную радость воспряти (Приклады 1712: 16-17).

Формула обязательного сообщения (*Мы не можемъ оставить Вашей светлости, о сем не объявля*) и выражение уверенности (*и пребываемъ совершенно уверены*) в соответствующей реакции дружественного Петру и Екатерине адресата («ваша светлость по своей к его императорскому величеству высокоблаженной памяти всегда имевшей истинной дружбе *о сем нечаянном смертном случае* и с своей стороны не токмо *неохотно услышите*, но и нашу о том имеющую болезненную чювствительнейшую печаль чрез дружественное сожаление некоторымъ образом утолите и облегчите»), также могут быть соотнесены с приведенными в «Прикладах»: «И понеже мы из приятносущей склонности вашей приятносроднически обнадежены быти можем, что *ваша любовь о сем нечаянном прилучившемся печальном случае с нами христианское княжское сожаление имети будете*, сего ради мы *сей смертной случай объявити не оставили*» (Приклады 1712: 17). В отличие от автора «Прикладов», Екатерина I сочла нужным сказать дожу о скорби своей и подданных («То Ваша светлость сами лехко разсудите, в какую чувственноболезненную печаль мы и все наше империиум вкупе с нами чрез то приведены»), но, разумеется, не стала желать властям Республики того, что можно было пожелать княжескому немецкому дому: «однако со присовокупленным верным желанием, дабы Всевышший Вас со всем Вашим княжим домом от таких и иных печальных случаев сохранил долгое время, против того же многими благословенными благополучии благословити изволил» (Приклады 1712: 18).

Дочь Петра I, Елизавета I, в грамоте от 26 августа 1745 г. первой сообщила в Венецию о бракосочетании наследника престола (племянника, наследника престола Петра Третьего с будущей Екатериной Второй), сославшись на волю Провидения (*Яко по особливому всевышшаго Бога предусмотрению*), на собственное волеизъявление (*и по нашему*

соизволению), указав место и дату заключения брачного союза («в здешней нашей императорской столице в 21 сего месяца»), назвав имена и перечислив полностью титулы новобрачных («наш вселюбезнейший племянник, его императорское высочество, великий князь всероссийский ПЕТР [...] с ея императорским высочеством, великою княгинею всероссийскою ЕКАТЕРИНОЮ [...] *благополучно в брачное сочетание вступил*»). Незамедлительность («Тако мы ни мало умедлить не хотели, чтоб Вашей Светлости и Яснейшей Речи Посполпитой *о таком благополучном и нам толь радостном произшествии чрез сие известно не учинить*»), с которой была сообщена эта радостная новость, автор грамоты мотивировал своей уверенностью в том, что венецианский адресат будет обрадован не меньше в силу того участия, которое принимает он в делах императорской семьи: «никако не сумневаясь, что Ваша Светлость и Яснейшая Речь Посполитая не токмо нам и нашему императорскому дому, все то, еже к нашему и онаго удовольствию и благополучию касается, охотно желать, но и ваше в том участие принять, следовательно же всем счастливо совершившемся брачном сочетании порадоваться и вышеупомянутым высоким новосочетанным и с Вашей стороны от милости всевышнего всякого благословения и благополучия возжелать соизволите». От «Объявительного писания о супружестве» (Приклады 1712: 10), грамоту русской императрицы, отличает главным образом то, что в немецком «писании» речь идет сначала о помолвке и лишь затем о венчании (в квадратных скобках в письмовнике предлагался вариант описания скромной свадьбы): «Вашей любви мы *в приятносродническом уповании сим утаить не могли, что несумненным изволением Всевышшаго по учененной ревностной молитве к его Божией Всеможности, по учененному соизволению обоих княжеских родителей, и иных ближних сродственников, между светлейшаго государя и князя, нашего приятнолюбезнаго сына и светлейшей княжны нашей приятнолюбезнейшей дщери княжны и ландграфини и княгини мы христианское княжское супружество недавно заключили, и вчерашнего дня в прибытии некоторых высоких сродников венчанием священническим [без особливой церемонии и пространности по случаю нынешняго времени] во имя Божие совершили. И понеже мы не сумневаемся, что Ваша сие заключенное и скончанное супружество, ради прежде между нами, нашим и высокославным домом и пред давными годы между собою держанным наследным братством и союзством охотно услышите, и новым княжским супругом всякого благополучия желати, их в нынешнем благоволении еще содержати склонны будете. Сего ради мы сие объявление учинить за должность свою почли» (Там же: 11-12).*

Сообщая в Венецию в грамоте от 20 сентября 1754 г. о рождении великого князя Павла Петровича, императрица Елизавета I, сославшись на волю Всевышнего и описывая

переполняющие семью чувства, сообщила о появлении на света младенца («Всевышний Бог по неизреченной своей благости и к крайнему порадованию нашему даровал нам и нашему императорскому дому великаго князя»), уточнив время родов, имя и полный титул матери и данное младенцу имя («коим наша вселюбезная племянница, ея императорское высочество, великая княгиня всероссийская Екатерина Алексеевна [...] сего дни перед полднем в десятом часу благополучно от бремени разрешилася, и которому наречено имя Павел»), подчеркнула, что не могла не сообщить в дружественную Венецию о происшедшем и выразила надежду, что радостная весть будет воспринята должным образом («Мы по сем оставить не хотели, чтоб о сем благополучном произшествии Вашей Светлости и Яснейшей Речи Посполитой чрез сие дружески не сообщить в том уповании, что в нынешней радости нашей Ваша Светлость и Яснейшая Речь Посполитая искренное участие примете»).

Структуру данной царской грамоты от формуляра, представленного в двух образцах «Объявления о княжском рождении» (Приклады 1712: 13), отличает лишь то, что в последних ничего не говорится о здоровье матери. В первом письме в «Прикладах» она нуждается в выздоровлении: *«Вашей любви с радостного сердца объявити мы не оставили, коим образом милостивый Бог соизволил нашу любезнейшую супругу от с ношенного бремени вчера между 9 и 10 часов пред полуднем милостиво свободить, и наши курфирстрской дом паки младым принцом благословити. За что мы его милость достойно благодарим, и оного о совершенном возвращении здравия высокопомянутой нашей от сердца любезнейшей супруги и о содсржании сего младого принца от сердца призываем. И понеже мы обнадежены есмы, что ваша любовь ради ближняго сродства и по суцей любви к нам, часть воспримете в радости сси, того ради мы не оставили Вашей любви сие приятносроднически открыти, и есмы в протчем к приятным благодеяниям и угодным приятствам всегда готовы и прилежны (Там же: 13-14). Во втором образце письма «княжская родилница» пребывает в добром здравии: *«Вашей любви не можем мы с радостного сердца утаити, коим образом милостивый Бог светлейшую княгиню нашу приятно от сердца любезную супругу госпожу и княгиню ныне ночью около первого часа от ея княжского бремени милостиво освободил, и нас обоих благообразною дщерию благословил, и оное с княжскою родилницею еще при добром здравии и состоянии содержал. И якоже Вышшему за такую показанную милость сердечное благодарение воздати должны, того ради хотим мы без сумнения быть, что Ваша любовь по ближнему сродству сие нам от Бога дарованное супружеское благословение охотно пожелаете и с нами обрадуетея, о том мы по нашей должности Вашей любви сообщить не оставили» (Там же: 15-16).**

Как показывает проведенный в настоящем докладе анализ, появившиеся в правление Петра I жанры письма-сообщения о важном событии и письма-поздравления с таким событием свидетельствуют об изменениях в этикете дипломатического послания: новая структура и новые речевые средства были постепенно выработаны в грамотах Петра. В то же время, сходство структуры и некоторых речевых средств с теми, что представлены в «Прикладах, како пишутся комплементы разные» – письмовнике, который был впервые опубликован в 1708 г., то есть в год появления грамоты Петра о Полтаве – первой грамоты интересующего нас жанра, а также то, что и над переводом «Прикладов», и над царскими грамотами работали сотрудники Посольского приказа, позволяет предположить, что в новом эпистолярном этикете собственно дипломатического послания вырабатывались – с некоторым опережением – нормы (структура и речевые средства), зафиксированные в «Прикладах» и составившие в дальнейшем и новый эпистолярный этикет, вошедший в употребление в России, которому подчинялись и члены императорского дома (разумеется, с поправкой на изменения, происходившие в русском языке на протяжении XVIII столетия).

Список литературы

- Богословский М. М. (2001) Петр Великий по его письмам, Петр Великий: Pro et contra: Личность и деяния Петра I в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология. СПб. Изд-во Рус. христ. гуманит. ин-та, 429–462.
- Гуковский Г. А. Русская литература XVIII в. М, 1999.
- Карданова Н. Б. (2016) О некоторых особенностях дипломатической коммуникации между Петром Первым и Светлейшей республикой в 1716-20-х гг. через российского посланника в Венеции Петра Беклемишева, IV Международный научно-практический форум. Языки. Культура. Перевод. 3-10 июля 2016 г. Материалы. Москва: «Форум», 120-138.
- Карданова Н. Б. (2013) Дипломатические послания Петра Великого дожам Венецианской республики: тематика, жанр, стиль, эпистолярный этикет. М.: «Индрик», 2013.
- Котошихин Г. К. (2000) О России в царствование Алексея Михайловича. М.: РОССПЭН.
- ПСЗРИ (1830) Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года: 1720-22, СПб. 1830. Т. VI.
- (1952) Письма и бумаги императора Петра Великого М.; Л.: Изд-во АН СССР. IX.
- (1712) Приклады, како пишутся комплементы разные на немецком языке, то есть писания от potentатов к potentатам, поздравительные и сожалетелные, и иные, также между сродников и приятелей. Переведены с немецкого на российский язык и напечатаны повелением благочестивейшаго великого Государя царя и великого князя Петра

Алексеевича, всея Великия, и Малыя, и Белыя России самодержца. При благороднейшем государе царевиче и великом князе Алексии Петровиче. В царствующем великом граде Москве лета Господня 1712 Февраля.

Сергеев Ф. (1978) Формирование русского дипломатического языка. Львов: Изд-во при Львов. гос. ун-те.

Используемые сокращения

ASV – Archivio di Stato di Venezia

СТРАТЕГИИ ПЕРЕВОДА ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫХ ЕДИНИЦ В ПРОЗЕ Б. АКУНИНА

Ковалевич Елена Павловна

*Армавирский государственный педагогический университет, Россия
600horsepower@mail.ru*

Томашева Ирина Владимировна

*Армавирский государственный педагогический университет, Россия
Itoma07@rambler.ru*

STRATEGIES FOR TRANSLATING INTERTEXTUAL UNITS IN B. AKUNIN'S PROSE

Elena Kovalevich

Armavir State Pedagogical University, Russia

Irina Tomasheva

Armavir State Pedagogical University, Russia

АННОТАЦИЯ

В статье анализируются различные стратегии перевода на примере романов Бориса Акунина. Перевод включенных элементов интертекстуальности в форме различного рода цитат, в том числе эпитафия, способствует полифоничности художественного произведения и его переводов. Оптимальное сочетание переводческих приёмов позволяет разрабатывать стратегии, необходимые для осуществления диалога между писателем и читателем переводов его произведений.

ABSTRACT

In the article, various strategies of translation on the example of novels by Boris Akunin are analyzed. The translation of inter-textual elements in the form of different quotes, including the epigraph, promotes polyphony of the art work and its translations. The optimum combination of translation techniques allows to develop strategies necessary for establishing the dialogue between the writer and reader.

Ключевые слова: пространство художественного текста, интертекстуальные единицы, цитация, эпитафия, переводческие стратегии.

Key words: space of the art text, inter-textual units, citation, epigraph, translation strategies.

Художественный текст – это особым образом устроенный механизм, заключающий в себе высоко сконцентрированную информацию. Структура построения художественного текста и техник создания текстового пространства выбирается каждым автором самостоятельно, что служит не только материалом для организации всего художественного целого, но и определённым образом программирует читательское восприятие. Среди техник читательского восприятия выделяются техника создания интертекстуальности и техника прямой отсылки к отдаленной антологической картине за счёт включения в текст элементов интертекстуальности (Руденко, 2015). Для решения поставленной автором задачи реализации техники восприятия в переводных произведениях необходимо разрабатывать специфические стратегии в зависимости от своеобразия стиля автора.

Интертекстуальные включения могут быть предтекстовыми (эпиграф); внутритекстовыми (цитаты, ссылки, включенные в текст); затекстовыми (комментарии, библиографические ссылки, приведенные после основного текста); подстрочными (цитаты и ссылки, расположенные внизу страницы).

Специфическим видом интертекстуального включения является эпиграф, который размещается перед текстом произведения. Особое положение эпиграфа определяется тем, что он тяготеет к статусу мини-текста, «текста в тексте» (Козицкая, 1998: 53). Среди других интертекстовых компонентов произведения именно эпиграф предельно автономен, отстранен от текста, что выражается одновременно и в его структурной организации, и в семантической специфике, и графическом расположении. В романе Б.Акунина «Турецкий гамбит», например, в функции эпиграфа выступают газетные сообщения о военных действиях.

Будучи по своим внешним характеристикам достаточно факультативным, эпиграф отмечен и рядом семантических особенностей. Его семантическая автономность обусловлена цитатностью. Кроме этого, в отличие от ряда интертекстовых компонентов, только эпиграф представляет собой семантически законченную и синтаксически оформленную мысль.

Как композиционный приём, он выполняет роль экспозиции после заглавия перед текстом и предлагает разъяснения или загадки для его прочтения:

«Петербургские ведомости», 8(20) января 1878 г.

ТУРКИ ПРОСЯТ МИРА!

После *капитуляции Вессель-наши*, после *взятия Филиппополя* и *сдачи древнего Адрианополя*, распахнувшего вчера ворота перед *казаками Белого Генерала*, участь войны окончательно решилась ... Когда глава турецкой делегации *76-летний Намык-паша* ознакомился с предварительными условиями мира, то в отчаянии воскликнул: «Votre armee est victorieuse, votre ambition est satisfaite et la Turkie est d'truite!» (Акунин, 2000).

The St Petersburg Gazette
8 (20) January 1878
Turks Sue For Peace!

After *the capitulation of Vessel-pasha, the capture of Philippopol and the surrender of ancient Adrianople*, which yesterday flung its gates open to admit *the Cossacks of the White General*, the outcome of the war has finally been settled ... When the head of the Turkish delegation, *76-year-old Namyk-pasha*, learned the provisional terms of the peace settlement, he exclaimed in despair: 'Votre armee est victorieuse, votre ambition est satisfaite et la Turquie est detruite!' (Akunin, 2005).

Упомянутые в сводке боевые операции, топонимы, войсковые подразделения, имена собственные и нарицательные заставляют переводчика Э. Бромфилда выстраивать свои переводческие стратегии в соответствии с такими испытанными приёмами, как транскрипция, транслитерация, смешанный перевод и калькирование, позволяя ощутить англоязычному читателю атмосферу военных действий. Основываясь на данной стратегии, автор перевода оставляет французские включения без изменений, передавая тем самым социально-языковую ситуацию эпохи, для которой было характерно функционирование двух языков в коммуникативном пространстве великосветского общества России: русского и французского. В начале 19 века взаимодействие культур было настолько масштабным, что заимствованными оказались не только внешние проявления этого процесса, но было усвоено само западноевропейское мировоззрение. В последующее время уровень знания языка оставался настолько высоким, что перевод с французского часто не требовался: большая часть образованных людей свободно читала оригинальную литературу.

Среди интертекстуальных включений особое место занимает цитирование как один из способов создания полифоничности художественного произведения, введения в него иной, по сравнению с авторской, точки зрения. Именно в *экспликациях* этой точки зрения и состоит *основная функция цитаты* как художественного интертекста в прагма-семантической структуре текстового фрагмента (Davydova et aliis, 2016). Структура цитат разнообразна – от словосочетания и простого предложения до значительного отрывка текста:

Женщина есть тварь хилая и ненадёжная, сказал Блаженный Августин. Прав мракобес и женоненавистник, тысячу раз прав. Во всяком случае, в отношении одной особы по имени Варвара Суворова (Акунин, 2000).

According to Saint Augustine, woman is a frail and fickle creature, and the great obscurantist and misogynist was right a thousand times over – at least with regard to a certain individual by the name of Varvara Suvorova (Akunin, 2005).

Внутренняя речь персонажа содержит цитату из трудов знаменитого христианского богослова, переведённую на английский язык путём перестановки и грамматической замены, что позволяет сохранить смешанную эмоцию героини в отношении идей святого. С одной стороны, героиня, придерживающаяся передовых взглядов, мысленно даёт однозначно отрицательную оценку известному философу, с другой – не может не признать его правоту, ощутив свою полную беспомощность в придорожной корчме (механе).

Цитаты могут по-разному вводиться в текст: следовать после авторских слов и включаться в прямую и/или косвенную речь персонажей, присоединяться с помощью вводных слов и вставных конструкций:

У меня, Варвара Андреевна, есть одно странное свойство. Я т-терпеть не могу азартных игр, но когда приходится играть, неизменно выигрываю. *Les caprices de la f-fortune*. Я и свободу у видинского паша в нарды выиграл (Акунин, 2000).

'*Varvara Andreevna, I happen to possess one unusual quality. I absolutely detest games of chance, but whenever I do happen to play I am sure to win without fail. Les caprices de la f-fortune! I even won my freedom from the pasha of Vidin at backgammon*' (Akunin, 2005).

Особенности прямой речи, интертекстуальное включение – французский афоризм, предметная и коммуникативная ситуации в переводе сохраняют форму, содержание и, соответственно, свои функции характеристики главного героя, которого капризная Фортуна наделила способностью выигрывать всегда и во все игры (споры), связанные с азартом и риском, если результат полностью определяется случайностью.

В других случаях цитата не в столь явной форме отличается от текста и воспринимается читателем как органическая часть целого. Однако, подобная цитата может вообще не восприниматься получателем, будучи цитатой для автора и для более внимательных читателей. Это – скрытая цитата, к ней может иметься комментарий, чаще принадлежащий филологу-исследователю. Но не всегда цитата сопровождается таким пояснением, что делает еще более значимой роль художественного несущего текста как источника понимания интертекста-цитаты:

Здравствуйте, – очень сухо сказал он, сурово нахмурился и мысленно прибавил: «В жалкой роли меня представить вздумали? Он был титулярный советник, она – генеральская дочь? Нет уж, сударыня, не дождетесь! Мне и до титулярного-то еще служить и служить» (Акунин, 2009).

– ¡Buenas tardes! – respondió con tono áspero, arrugando adustamente el entrecejo. Y añadió para sí mismo: «¿En qué lastimosa situación me ha dejado usted, padre? ¡Menudo petimetre para la hija de un general! ¡Por favor, señora, no me espere! ¡Con años y años de servicio sólo alcanzaría el triste grado de consejero titular!» (Akunin, 2002).

В приведённом фрагменте перевода романа «Азазель» на испанский язык цитата из стихотворения П.И. Вейнберга «Он был титулярный советник, Она – генеральская дочь; Он робко в любви объяснился, Она прогнала его прочь» отсутствует интертекстуальное включение, перевод выполнен на лексико-семантическом уровне. Стратегия переводчика направлена на прагматическую составляющую речи персонажа (в данном случае это – самоирония), которая передается на семантическом (*menudo petimetre, con años y años de servicio*) и на синтаксическом уровне (парцелляция, коммуникативный тип высказывания). К сожалению, фоновая информация, присутствующая в стихотворении и имплицитно выраженная в тексте оригинала, оказывается при этом полностью утраченной в тексте перевода.

В следующем примере стратегия переводчика Э. Бромфилда основывается на приёме добавления в виде имени автора и названия произведения, с целью облегчить восприятие интертекстуальной единицы англоязычному читателю, едва ли знакомому с романом Н.Г. Чернышевского:

С унижительной зависимостью от родительских подачек было покончено. На Выборгской сняли квартиру – с мышами, но зато в три комнаты. Чтобы жить, как Вера Павловна с Лопуховым: у каждого своя территория, а третья комната – для совместных бесед и приёма гостей (Акунин, 2000).

She had put an end to humiliating dependence on her parents' handouts and they had rented a flat on the Vyborg side – with mice, but also with three whole rooms – in order to be able to live like Vera Pavlovna and Lopukhov in Chernyshevsky's *What is to be Done!* They each had their own territory and the third room was reserved for one-to-one discussions and receiving guests (Akunin, 2005).

Определяющее свойство интертекстуальной единицы заключено в способе обозначения: через отсылку к тексту-источнику:

– Не тушуйтесь, господа, подходите. Я тут Эразму свою шахерезаду рассказываю. – Одиссею, – вполголоса поправил Эраст Петрович, ретируясь за спину полковника Лукана. – Одиссея – это когда в Греции, а у меня была именно что шахерезада (Акунин, 2000).

'Don't be shy, gentlemen; come closer. I'm relating my Scheherazade to my friend Erasmus here.' 'Odyssey,' Erast Petrovich corrected him in a low voice, retreating behind the back of Colonel Lukan. 'An Odyssey is what happens in Greece, but what happened to me was a genuine Scheherazade' (Akunin, 2005).

Комический эффект возникает благодаря упоминанию произведения античной литературы и имени главной героини Книги сказок «Тысяча и одна ночь» в качестве названий

для историй, приключившихся с одним из героев, который намерен их рассказать со всеми подробностями.

Перевод имеющихся в отрывке культурно-исторических включений решается переводчиком достаточно прогнозируемо, путём обращения к регулярным соответствиям в английском языке, выстраивая переводческие стратегии на основе транскрипции и транслитерации имён собственных, которые не требуют комментариев в силу того, что являются классическими общекультурными реалиями древнегреческой и арабской литературы.

Получателю, воспринимающему цитату, необходимо совершить ряд метаязыковых процедур, чтобы включить её в заимствующий текст. Это особенно заметно, когда цитата приводится на языке, отличном от языка всего текста:

Порядок есть порядок, – кивнула Эмма Готлибовна. – Я, Лизхен, всегда вам повторила: Ordnung muss sein. Надо быть послушным закону (Акунин, 2009).

El orden es el orden – asintió con la cabeza Emma Gotlibovna. – Yo, Liza, siempre le repito: Ordnung muss sein. Siempre hay que respetar la ley. Así que puede quedarse (Akunin, 2002).

Немецкая пословица в устах героини выступает в качестве речевой характеристики типичной представительницы немецкой культуры, которой свойственны обстоятельность, упорядоченность и чёткое следование правилам.

Стратегическая задача в приведённом примере успешно решена переводчиком, однако следует учитывать, что для таких вариантов интертекстуальных включений необходим дополнительный лингвистический анализ единиц перевода другого языка.

В романах Б.Акунина встречаются интертекстуальные единицы не только на немецком, но и французском, английском и латинском языках, активизируя интеллектуальную деятельность читателя, с одной стороны, и мотивируя переводчика к поиску оптимальных единиц перевода, обусловленных особенностями когнитивно-семантической организации текста, с другой:

Но поднимем в тамошней прессе скандал по поводу неблагоприятного поведения британского корреспондента. Английской публике проделки Маклафлина не понравятся, ибо в рамки пресловутой *fair play* они никак не вписываются (Акунин, 2000). But we will stir up a scandal in the English press about the British correspondent's inappropriate behaviour. The English public will not approve of McLaughlin's exploits, because they do not fit their much-vaunted idea of "fair play" (Akunin, 2005).

Автор перевода на английский язык заключает идиому *fair play* в кавычки с тем, чтобы акцентировать внимание читателя на лингвокультурной специфике описываемого персонажа, ибо иной вариант переводческой стратегии попросту отсутствует.

С интертекстуальным включением на латыни мы встречаемся в следующем отрывке:

Нет среди пленных и советника Осман-паши пресловутого Али-бея. Того самого бородача, который сорвал нам первый штурм и который, как мы предполагаем, является alter ego самого Анвара-эфенди. О сем последнем я представлял вашему величеству докладную записку (Акунин, 2000).

Nor is Osman-pasha's infamous adviser Ali-bei among the prisoners – the bearded gentleman who ruined our first assault for us, and whom we assume to be the alter ego of Anwar-effendi. I have already presented Your Majesty with a report concerning the latter' (Akunin, 2005).

Прецедентная фраза служит индикатором уровня образованности собеседников – российского императора Александра и генерала Мизинова, их эрудированности, чего и сам автор ждёт от читателя. Стратегия переводчика в данном случае проста – он сохраняет латинское включение в тексте перевода, усиливая тем самым авторскую интенцию интеллектуальной провокации.

Особую роль интертекстуальные единицы имеют в художественно-исторических произведениях. Они призваны наполнить повествование исторической достоверностью и воссоздать колорит эпохи, нередко они приводятся из документальных источников на языке эпохи. В приведённых единицах перевода стратегия сохранения колорита эпохи решена частично, в связи со значительными различиями в историческом и социально-экономическом развитии России и Испании:

...на Знаменской улице в доходном доме коммерции советника Вартанова / donde se ubica el lucrativo centro comercial del consejero Vartano; .., приват-доцент / un tutor; ...статский советник / El consejero estatal; ...адские машины для террористической организации нигилистов / explosivos para la organización terrorista de los nihilistas (Akunin, 2002).

Основываясь на проведенном выше анализе, подчеркнём, что интертекстуальные единицы в большинстве случаев могут быть опознаны иноязычным читателем без труда благодаря вариативности переводческих приёмов, хотя в отдельных случаях необходимо расширить социолингвистический и переводческий комментарий. На наш взгляд, гарантией успешного восприятия текста служит оптимальное сочетание таких приёмов, позволяющее переводчику разработать необходимые стратегии.

Таким образом, в художественном гипертекстовом фрагменте цитаты и эпитафии выполняют роль мощного средства воздействия на читателя, они несут в тексте большую функциональную нагрузку, связанную с реализацией основной идеи произведения или созданием глубоких психологических образов героев и их анализ является важной частью в понимании авторского замысла и в интерпретации художественного текста.

Список литературы

- Козицкая Е.А. Цитата в структуре поэтического текста Дисс. ... канд. филол. наук. – Тверь: Тверской гос. университет, 1998. – 237 с.
- Руденко К.В. Особенности передачи и восприятия интертекстуальных включений русским и английским переводчиками на примере текстов Б. Акунина. Международный научный журнал «Инновационная наука», 2015 – №10. – С.190-192.
- K. Davydova, O. Egorova, E. Kovalevich, I.Tomasheva. Quotation As An Element Of Intertextuality. Journal of Language and Literature, ISSN: 2078-0303, Vol. 7. No. 1. February, 2016 DOI: 10.7813/jll.2016/7-1/8.
- Борис Акунин. (2000). Сочинения. Турецкий гамбит [Электронный ресурс] URL: http://www.akunin.ru/knigi/fandorin/erast/turetsky_gambit/glava1.
- Акунин Б. (2009). Азазель, [Электронный ресурс] URL: <http://e-libra.ru/read/223417-azazel.html>.
- Boris Akunin. (2002). El Angel Caido / Traducciyon: Rafael Cacete Fuillerat, [Электронный ресурс] – режим доступа: <http://www.espaebook.com/book/el-angel-caido>.
- The Turkish Gambit by Boris Akunin. (2005) [Электронный ресурс] URL: http://www.freereadbook.net/The_Turkish_Gambit.html.

**СВОБОДА ЧУВСТВА И СВОБОДА ВОЛИ В ИСПОЛНЕНИИ
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ГЕРОЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ПРОЗЫ НАЧАЛА XX ВЕКА)**

Наталья Коковина

Курский государственный университет, Россия

natzak@rambler.ru

Ирина Михайлова

Юго-Западный государственный университет, Россия

mihailovairin@mail.ru

**FREEDOM OF FEELING AND FREEDOM OF WILL IN THE
PERFORMANCE OF AN INTELLECTUAL HERO
(BASED ON PROVINCIAL PROSE OF THE EARLY TWENTIETH
CENTURY)**

Natalia Kokovina

Kursk state University, Russia

Irina Mikhailova

South-Western state University, Russia

АННОТАЦИЯ

В докладе анализируются романы Д.А. Абельдяева, для которых в духе модернистского романа начала XX века характерны синкретизм романной формы, фрагментарность, экзальтированный драматизм, «самосозерцание» героя, актуализация философских идей А. Шопенгауэра и Ф. Ницше, тотальное разочарование и разрушение христианской концепции этики. Автор пытается социально мотивировать болезненные психологические состояния, эротические похождения героя перемежающиеся обширными философскими рассуждениями.

ABSTRACT

The report analyses the novels of D.A. Abildaev for which in the spirit of the modernist novel of the early twentieth century are characterized by the syncretism of novelistic form, fragmentation, exalted drama, "the contemplation" of the hero, the actualization of the philosophical ideas of A. Schopenhauer and F. Nietzsche, the total disappointment and the destruction of the Christian concept of ethics. The author tries to motivate socially painful psychological condition, the erotic adventures of the hero alternating with extensive philosophical arguments.

Ключевые слова: Серебряный век, свобода чувства, свобода воли, жанровые новации, беллетристика, модернистский роман, Абельдяев, «Тень века сего», «Лилии»

Key Words: Silver age, freedom of feeling, free will, genre innovations, fiction, modernist novel, Abeldyaev, "The shadow of this century", "Lilies"

На рубеже веков явно обозначились усталость и разочарование массового читателя в общественных идеалах. В 1905 году Андреевич, приведя поговорку «трудно сохранить величие в болоте и на проселочной дороге», характеризует ситуацию следующим образом: «Русская жизнь попала на самом деле на проселочную дорогу. В грязи и под дождем великое становилось смешным; в общем тумане большое равнялось с малым, смелое и характерное стало как бы ненужным и серым», «на любимый настойчивый русский вопрос – что же делать, не находилось ответа ни в обносках народнических формул, ни, конечно, в молчании русской жизни», а в результате на сцене появилось «обреченное» поколение «без цели, без воли, без будущего», которое «ищет Свободы Прекрасного, преклоняясь порою перед знанием, но ему нечего больше делать с Моралью» (Андреевич 1922: 324, 325, 370). На этой почве герой, а порой и антигерой-индивидуалист становится объектом притяжения литературы, литературы прежде всего массовой.

Следует сказать, что исследователями не раз отмечалось: беллетристика, как «срединное пространство литературы» (В.Е. Хализев), активно, хотя и упрощенно аккумулировала в себя новейшие политические, философские, научные и эстетические теории, включая их в адаптированном виде в идейную основу произведений.

Расцвет русской беллетристики пришелся на 1900-е–1910-е гг. Именно в это время она становится предметом не только чтения, но и широкого общественного обсуждения. Споры по поводу нашумевших произведений происходят как в читательской среде, так и на страницах разнообразных, даже сугубо элитарных критических изданий. После 1905 года появляются «романы-бестселлеры» (А.М. Грачева), вызвавшие необыкновенный интерес у читательской аудитории – «Санин» (1907) М. Арцыбашева, «Дух времени» (1907) и «Ключи счастья» (1909–1913) А. Вербицкой, «Люди» (1910) А. Каменского, «Гнев Диониса» (1911) Е. Нагродской, обеспечивая транскрипцию оригинальной философии Ницше в массовое сознание.

В этом ряду уместно представить и творчество Дмитрия Алексеевича Абельдяева, известного в начале XX столетия, но забытого впоследствии писателя.

Необходимо отметить, что литературное наследие Абельдяева ранее не попадало в поле зрения исследователей, известны лишь некоторые высказывания современников (В.Г. Короленко, В.Я. Брюсова, Н.К. Михайловского), раскрывавшие творческий метод писателя. Между тем, романы Абельдяева ярко демонстрировали, как провинциальная проза усваивала

достижения романа Серебряного века. Так, для его произведений были характерны синкретизм романной формы, фрагментарность, экзальтированный драматизм, болезненное психологическое состояние и «самосозерцание» (Н.Т. Рымарь) героя, актуализация философских идей А. Шопенгауэра и Ф. Ницше, тотальное разочарование и разрушение христианской концепции этики.

Данная статья посвящена осмыслению одной из особенностей литературного процесса начала XX в. – интерпретации массовой литературой образа «интеллектуального» героя на материале романов Абельдяева «Тень века сего (записки Абашева)» и «Лилии».

Период рубежа веков отмечен сильнейшим ростом субъективного в искусстве: от внимания к нюансам личного мироощущения – до крайних проявлений индивидуализма. На первый план выходит культурный герой-демиург, генетически восходящий к нигилисту Базарову, «разумным эгоистам» Чернышевского, всеразрушающим «бесам» Достоевского, Лескова, Гончарова («Марком Волоховым лакейской» назовут одного из героев Абельдяева).

Роман «Тень века сего (записки Абашева)», несомненно, был рассчитан на «интеллигентного читателя». В этой связи интересна обнаруженная нами в архиве программа публичной лекции «Индивидуализм. Религия», прочитанной 2 ноября 1912 года в Киеве Александром Закржевским, ранее уже опубликовавшим отзыв о романе. Если в первом отделении лекции рассматривалась тема «Достоевский и Ницше перед ликом Христа», то второе отделение полностью было посвящено недавно опубликованному роману Абельдяева. Интересно посмотреть, на что обратил внимание известный критик: «Тень века сего (записки Абашева)» Д. Абельдяева – роман нашего времени».

Конечно, критика в романе прежде всего интересовал образ главного героя, от лица которого ведутся записки. Анонсируя программу публичной лекции, Александр Закржевский утверждает: «Абашеев – символ современной души» и вписывает его в ряд литературных героев *Онегин–Печорин–Базаров–Рудин–Абашев*, видя в них «фазы развития русской личности». Еще один пункт программы – «Герцен, Ницше и Гейне в мировоззрении Абашева и современности. «Сверхчеловек» и «человекобог» в современном творчестве. Личность и новый религиозный путь» (Абельдяев 1912: 1). Кстати, сам Абельдяев в письме к Короленко упоминает, что Михайловский рекомендовал ему в качестве образца «некоторые работы Герцена и Гейне».

И. Турский (псевдоним И. П. Дриженко) увидит в Абашеве «портрет современного русского Фауста», «духовный эклектизм», ощущения утонченного эстета, образы умного и усердного книжника», выражающего «тоску и томление нашего единомышленного современника». Критик предвидит возможную реакцию читателя и по существу соглашается

с ней: «Ну, конечно, скажут,— новая вариация разночинного интеллигента. Растерял силы без борьбы и погрузился в мещанское самосозерцание. Жалкое порождение реакции. Но разве нет красоты в сумеречном пейзаже, в музыке души, в тайне человеческих отношений, загадке любви, в самом таинстве жизни и мысли?» (И. Турский 1912: 3–4).

Использование данных входившей в моду теории психоанализа З. Фрейда оказало влияние на изменения поэтики художественной прозы. А.М. Грачева отмечает, что «как ни парадоксально, именно в беллетристике эти идеи послужили основой для создания новых принципов художественного психологизма <...>, идея оказалась выброшенной на улицу – то есть упрощенной и даже доведенной до абсурда, но тем не менее она входила в массовое сознание» (Грачева 2011: 36). Не случайно в романах Абельдяева так много внимания отведено показу внутреннего мира героя, детальному описанию его мыслей, эмоций: «...мне, просто-напросто, весело и приятно, по горячим, как говорится, следам, прямо с натуры, бросать на бумагу свои впечатления; весело и приятно говорить откровенно, как думается и чувствуется, ни с кем и ни с чем не считаясь. Есть, ведь, известного рода наслаждение, и очень острое в этой возможности распахнуться и, так-таки, до самого дна всю правду сказать» (Абельдяев 1913: 25); а также сном, бредовым состояниям, когда сознание, «как брошенная на пол ртуть разбилось, рассыпалось в разные стороны... Оно унеслось в бешеной скачке мимо промчавшейся пары...» (Абельдяев 1913: 25).

Главный герой романа «Тень века сего (записки Абашева)», Валентин Николаевич Абашев, стремившийся осознать свое место в этом мире, проповедует свободу чувств и свободу духа, свободу взаимоотношений мужчины и женщины, свободу выбора вплоть до свободы ухода из жизни.

Утверждение абсолютной ценности личности в полноте ее волевых самопроявлений, конечно, вырастает именно на ницшеанской почве. Редуцируя до клише идеи немецкого философа, герой Абельдяева нацелен на поиски «свободного духа» исключительно в глубинах индивидуального сознания, ибо небеса немые, а «Бог умер».

В письме к Короленко 5.11. 1910_Абельдяев пишет: «... Моя книга – сплошной ужас перед христианством, которое «вывихнуло» нас и надело ремень нашей воли не на тот шкив» (Абельдяев 1910: 6). Действительно, его герой категорически не приемлет религии: «Правда великого Назаря – не моя правда, и я в эту правду не верую и не исповедую ее» (Абельдяев 1913: 106). Он отстаивает своё право на самоопределение: «в вопросах чувства и совести авторитетов нет. Здесь законодатель — сама личность» (Абельдяев 1913: 110).

На несколько страниц растянется его патетический монолог. Вот лишь отрывок: «этот прекрасный мир – не переход и не ступень к чему-то иному, не грязная передняя, где только

снимают калоши, и не тесный, временный номер гостиницы, где позволяют себе быть неопрятными и самые чистоплотные люди, и не «мастерская» даже, как это рисовалось демону в пиджаке и бакенах – Базарову, который смысл жизни видел в том, чтобы *потеть*; нет! мир это – храм (лучший из храмов), и в нем обитает Бог (лучший из всех богов!) – радость, довольство и счастье всего человечества... И пока этого нет –нет у нас Бога, и пуст его храм! Пора понять, что цивилизация европейца должна быть по существу своему *атеистическая*» (Абельдяев 1913: 110).

Протест против стереотипов моральных, идеологических, эстетических установок определяет поступки героя, он вынужден своими усилиями преодолевать пессимизм, состояние стресса, как следствие отчужденности и непонимания смысла своего существования. «Не перепроизводство ли идеалов и губит нас всех? – размышляет герой Абельдяева. – Не отказаться ли от них, или, по крайней мере, не урезать ли их, соответственно и силам своим, и тем условиям среды и обстановки, при которых приходится жить, мыслить и чувствовать? <...> Словом, долой идеалы и да здравствуют просто цели» (Абельдяев 1913: 87). А в итоге жизненные цели сводятся к наслаждению: «Наслаждение – это коренной, основной и единственный стимул всякого поступка; это – та основная пружина, которая и руководит механизмом наших волевых отправлений» (Абельдяев 1913: 13), или: «жизнь – наслаждение. И наслаждение это – единственная цель и оправдание жизни. Я живу потому, что хочу жить» (Абельдяев 1913: 16).

Самосознание героя – Абашева становится в произведении художественной доминантой построения образа. Показ противоборствующих начал в психологии героев «переходного времени», неоднозначность, дисгармония человеческого естества, «текучесть» человеческого «я» определяют поэтику романа. Ассоциативное построение воспоминаний героя отсылает к «потoku сознания»: «ассоциации наших представлений так своеобразно капризны».

Как некий вектор опустошённости человека во враждебном ему мире является проблема сексуальной свободы (она прослеживалась в творчестве Л.Н. Андреева, А.И. Куприна, М.П. Арцыбашева). Герой Абельдяева также приходит к мысли, что и мораль, и любовь не могут быть опорой человеку в его жизненном поведении; они не могут преодолеть власть пола, отступают перед пробуждением в человеке животных страстей. Но в своём поведении, в реализации своих инстинктов герой романа только схематически напоминает об идее сильного и свободного человека.

Следующий роман Абельдяева «Лилии» по типу сюжета укладывается в привычную схему любовного романа, обогащенного «прогрессивной» идеей преодоления социальных

пут. Но, как выразится герой, «не одна только социальная рознь разделяла их. Нет! Это – вопрос угла зрения» (Абельдяев 1914: 24).

Автора интересует внутреннее, психологическое преодоление героем состояния «чужого», как определяет его героиня романа.

Герой романа сельский учитель Павел Гаврилович Голошапов обуреваем страстью к Елене Талызиной, юной дочери генерала, в усадьбе которого он живет. Но теперь эта страсть окрашена мотивом социального неравенства, объясняющего все поступки героя. Он говорит о себе: «Я – мужик. И мои интересы с ними» (Абельдяев 1914: 22). Его «молодая плебейская гордость неудержимо дыбилась под хлыстом грубого сарказма», но реализуются его взгляды только по отношению к его страсти. Он сожалеет, что недавние бунты крестьян, сжигавших помещичьи усадьбы не привела к «девятому валу»: «рука раба уронила свой стяг, а согнутая шея его снова покрылась привычным ярмом», но сожалеет, потому что «тогда бы все было не так, как теперь; тогда бы белые ручки светской барышни искали работы (как это было когда-то во Франции), и он – смел бы любить эти ручки» (Абельдяев 1914: 24).

Высказывание Гейне о том, как «лилии, которые не занимались никакой пряжей и никакой работой и однако же были одеты так великолепно, как царь Соломон во всем своем блеске, будут вырваны из почвы общества, разве только они захотят взять в руки веретено», неоднократно варьируясь, по существу становится лейтмотивом романа. Не случайно оно вынесено и в качестве эпиграфа. «Милые сердцу картины послушно мелькали одна за другой, и во всех этих картинах «веретено» не разлучалось с «белыми ручками», которые пряли и пряли ему бесконечно-длинное счастье» (Абельдяев 1914: 12).

Его чужеродность миру дочерей генерала определяется через эстетические предпочтения: «Он был разночинец. Он был человеком иной касты. Его внутренний мир был чужим для них миром. Он не умел понимать их Бетховена. Тягучая русская песня была ему ближе, понятней всех этих Шопенов, Моцартов и каких-то там Мендельсонов и Григгов ... Он не читал Гейне. Он не любил их Байрона, который был для него куда хуже Некрасова и бледнел перед незатейливой песней Кольцова. И даже Шекспир, которого он пробовал читать, казался ему высокопарным, манерным и малоестественным... Один только Гете был ему близок. И ему по душе был образ русоволосой Маргариты, ручки которой не боялись "веретена", – и это, однако, ничуть не мешало ей быть поэтичной и покорить сердце Фауста» (Абельдяев 1914: 24).

По существу весь ход повествования – это накопление аргументов в пользу права индивидуума на любовь и обладание («эта всепокоряющая сила страсти, закравшись в мощную грудь, не перед чем не остановится! Она все сокрушит и все сломит!»). Героя в этом

убеждает всё: и таинственный сон, и природа, «где сглаживаются все шероховатости, бледнеют и тают все людские условности, где невозможное становится близким, доступным, и где он – лицом к лицу с этой картиной – был уже не учитель, попович и регент, а просто человек, молодой, здоровый и сильный, имеющий право на все блага мира», и совместное чтение Гейне, и музыка, и подслушанный разговор доктора Шлакова с Катей («Не тогда любят, когда хотят любить, а – когда любится. Ведь, это вне нашего сознания. Это – стихийная сила. Это – алчущая потребность нашей "клеточки", которая не рассуждает с нами, а просто и безапелляционно пишет свои декреты, и ничего и знать не хочет. Отсюда – и все наши драмы») (Абельдяев 1914: 54), и даже рассуждения его оппонента – жениха Елены («Любовь вероломно врывается и в кабинет ученого, и в келью монаха, и восторженно кружит голову юноши, не обращая внимания на те двери, которые властно отворяет она. Ей все равно: идет ли это вразрез с установленными принципами и обычаями, ломая все нормы наших многообразных установлений») (Абельдяев 1914: 40).

Эстетическое оказывается неразрывно связано с эротическим и логически его предполагает, вне зависимости от возможного ценностного отношения к этим сферам человеческого бытия. Телесное для героя становится исключительным объектом эстетического переживания. Угрюмая, озлобленная страсть сводится к потребности обладания. «После того, как он зажмет поцелуями её трепещущий ротик и первый (он! и никто другой!) развяжет её девственный пояс» (Абельдяев 1914: 63) он готов умереть и убить предмет страсти, но не уступить другому.

Автор очевидным образом оказывается на стороне героя, видя в его страсти преодоление социальных пут: «Вы у нас отняли все: и землю, и хлеб, и образование, искусства, науки, и наш досуг, и наше достоинство человека (все!), – и вам все еще мало! Вы хотите отнять у нас и наше право любить», – говорит он отцу убитой им девушки, и, что показательное, «недавнее чувство омерзения и брезгливости к "этому человеку", которое дыбилося в груди генерала, сменилось вдруг чувством жалости и виноватости перед этим, недавно еще говорившим с ним юношей, с мученическим, бледным лицом и связанными руками» (Абельдяев 1914: 87–88).

Оправданию страсти должны служить и мистические скрепы, обусловившие неизбежность наказания за преданную и поруганную любовь – нож, подаренный оставленной генералом возлюбленной, которым и воспользовался убийца, история, рассказанная старым пасечником о давнем самоубийстве крепостных влюблённых. Даже то, что герой кончает жизнь самоубийством укладывается в схему жертвенной страсти по сравнению с поведением жениха Елены. Преступление, таким образом, теряет этическую сущность. Не случайно В.Г.

Короленко в письме к Абельдяеву указывал на узость и негуманность авторской позиции (Короленко 1956: 460).

Ощущение враждебности мира приводит героев обоих романов Абельдяева к мысли о смерти. Идея ухода из этого мира захватывает все их существо, мысль о жестокости, несправедливости, пошлости жизни и о милосердии, справедливости смерти тщательно и многосторонне рассматривается героем и повествователем, занимающим внутреннюю по отношению к описываемым событиям позицию. На первый план выдвигается онтологический конфликт жизни и смерти, моральный бунт воплощается в особом, сугубо национальном апокалиптико-суицидальном регистре.

Как видим, романы Абельдяева демонстрируют, как беллетристика начала XX в., выполняя запросы «своего» читателя, отчасти совпала, отчасти сознательно мимикрировала под литературу одного из модных направлений высокого искусства, как формируются образные и сюжетноповествовательные клише «ницшеанской» этики и «аморально сверхчеловеческого» поведения – вульгаризирующие основные идеи философа, но тем самым адаптирующие их для восприятия неискушенным читателем.

Список литературы

- Абельдяев Д.А. (1912): Письма Абельдяева Д.А. к В.Я. Брюсову из Курска (Программа публичной лекции Александра Закржевского). Рукописный отдел Российской Государственной Библиотеки (РО РГБ): 386. Ед.хр. 1.к. 1.
- Абельдяев Д.А. (1913): Тень века сего (Записки Абашева). Москва: Товарищество А.А. Левенсон.
- Абельдяев Д.А. (1914) Лилии. Москва: типография П.П. Рябушинского.
- Андреевич [Соловьев Е.А.] (1922): Опыт философии русской литературы. Изд. 3-е. Москва Госиздат.
- Грачева А. (2011): Диалоги Януса: Беллетристика и классика в русской литературе начала XX века: Портреты. Этюды. Разыскания. Санкт-Петербург: Пушкинский Дом.
- И.Турский [И.П. Дриженко] (1912): Роман культуры духа, Южный край, Харьков, 25.06, 3–4.
- Короленко В.Г. (1956): Собрание сочинений в 10 т. Москва, Т. 10, Государственное издательство художественной литературы.

ПОСТАНОВКА «РЕВИЗОРА» Н.В. ГОГОЛЯ НА ТУРЕЦКОЙ СЦЕНЕ: АКТУАЛЬНОСТЬ И УНИВЕРСАЛЬНОСТЬ

Кючюк Камиле Синем
Стамбульский Университет, Турция
ksinemkucuk@gmail.com

THE STAGING OF GOGOL'S "THE GOVERNMENT INSPECTOR" ON TURKISH THEATRE: THE ACTUALITY AND THE UNIVERSALITY

Kucuk, Kamile Sinem
Istanbul University, Turkey

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена осмыслению роли русской литературы на сцене турецкого театра. В статье излагается краткая история постановки «Ревизора» Н.В. Гоголя на турецкой сцене и подчёркивается его актуальность и универсальность.

ABSTRACT

This article is devoted to understanding the role of Russian literature in Turkish theatre. It presents a brief history of the staging of N.V. Gogol's "the Inspector General" on Turkish stage, also emphasizes its actuality and universality of the play.

Ключевые слова: Гоголь, Ревизор, Постановка «Ревизора», Турецкая сцена.

Keywords: Gogol, The Inspector General, The Staging of "The Inspector General", Turkish theatre.

Произведения русской литературы XIX века играют важную роль в формировании репертуара турецких театров. Объектом исследования является постановка «Ревизора» Н.В. Гоголя на турецкой сцене, наибольшее внимание уделяется её актуальности и универсальности.

С 1973 года до сегодняшнего дня «Ревизор» Н.В. Гоголя неоднократно ставится в турецких государственных и частных театрах и с большим интересом смотрится турецкими зрителями. Следует отметить, что актуальность и универсальность пьесы стали причиной большого интереса у турецких зрителей.

Необходимо подчеркнуть, что в пьесе «Ревизор» Н.В. Гоголь критикует общественное устройство, раскрывая взяточничество, двуличность, пошлость, жажду денег, невежество. В 1960 годах такие насущные проблемы существовали и в пьесах турецких драматургов. Например, в пьесе «Пока не растаял лёд» турецкий драматург Джеват Фехми Башкут затрагивает подобные проблемы.

Целью нашей исследовательской работы является изучение роли русской литературы в турецком театральном процессе. Эта цель достигается решением следующих задач:

1. изучение истории постановки пьесы Н.В. Гоголя «Ревизор» в турецких современных театрах.
2. выявление актуальности и универсальности пьесы «Ревизор» на примере пьес турецких писателей.

Краткая история постановки «Ревизора» Н.В. Гоголя в турецких театрах

Н.В. Гоголь является одним из знаменитых русских писателей в Турции. После того, как была провозглашена Турецкая Республика в 1923 году, его произведения начали переводиться на турецкий язык с русского. Впоследствии его драматические произведения были представлены в турецких театрах, где турецкие зрители оценили их по достоинству.

К 1937 году наблюдается увеличение количества переводов произведений русских писателей, что можно объяснить постоянно растущим интересом к русской литературе в Турции (Олджай 2010:32). Одним из таких является «Ревизор» Н.В. Гоголя. Он впервые был переведен на турецкий язык Авни Инселом и Веджихи Гёрком в 1937 году. С 1940 года по указанию Министерства просвещения в стране началась настоящая государственная «переводческая мобилизация» (Олджай 2010:32). С этой целью, бюро переводов было учреждено по указанию Министерства народного образования специально для перевода зарубежной классической литературы на турецкий язык, где работали Эрол Гюней (Миша Ротенберг) и Мелих Джевдет Андай (Ханелис 2013:273). В 1942 году пьеса была переведена им.

Небольшой экскурс в историю развития театрального творчества Турции дает возможность вспомнить создание Стамбульского городского и Государственного театров. Стамбульский городской театр, который раньше назывался Дарюльбедайн Османи (Османский Дом Эстетики), был основан в 1914 году с большими усилиями Джемила Топузлу Паши (1868 – 1958), одного из мэров Стамбула. Художественным руководителем театра был назначен французский актёр Андре Антуан. В 1916 году Дарюльбедайн стал профессиональным театром, а в 1931 году был переименован в Стамбульский городской театр.

Следует отметить, что «Ревизор» уже был поставлен в Стамбульском городском театре с помощью неизвестного перевода, прежде чем пьеса была переведена Авни Инселом и Веджихи Гёрком (Аукут 2006: 16). А в театральных сезонах 1990-1991 и 1991-1992 гг. он был поставлен известным режиссёром Ишыл Касапоглу. Эрол Гюней и Мелих Джевдет Андай были переводчиками пьесы.

Значимым культурным заведением является Государственный театр. При содействии немецкого актёра и режиссёра Карла Антона Эберта в 1940 году были открыты театральная и оперная студии, которые спустя девять лет были официально переименованы в Государственный театр. Сегодня его сцены находятся в 21 городе Турции.

«Ревизор» впервые выходит на сцене Государственного театра в театральном сезоне 1946 – 1947 гг. в столице Турции г. Анкара (рис. 1). Режиссёром был Махир Джанова. Известный турецкий режиссёр поставил пьесу на сцене ещё и в 1973 году (рис. 2).

Пьеса была много раз поставлена на сцене государственных театров больших и маленьких городов. К примеру, в Адане пьеса была поставлена под руководством режиссёра Ишыка Топрака (в 1985 г., рис. 3), в Трабзоне – Шакира Гурзумара (в 1990 г., рис. 4), в Диярбакыре – грузинского режиссёра Зураба Шихарулидзе (в 1999 г.), в Сивасе (в 2001, рис. 5) и в Стамбуле – Мюге Гюрмана (2003 г.), в Эрзуруме – Хакана Бояра (в 2005 г., рис. 6). Следует отметить, что с 2001 года перевод «Ревизора» Нихал Ялаза Талуи предназначен для сцены.

Пьеса ставится на сцене не только в государственных и городских, но и частных театрах. Кроме того пьеса поставлена в сельской школе, чтобы дать детям представление о театре как о виде искусства, воспитывать эмоционально положительное отношение к театру. В сельском институте Хасаноглан, действовавший в 1942-1947 гг. в Анкаре, «Ревизор» был поставлен под руководством переводчика той же самой пьесы и писателя Мелиха Джевдета Андая. На представлении присутствовали крестьянские дети, впервые смотревшие спектакли (Algül 2015:197). Принимая во внимание, что «Ревизор» имел большой успех в деревне, Андай подчеркивает, что только высокохудожественное произведение воздействует на народа (Anday 2012:231).

Пьесы, поставленные во многих городах разными режиссёрами, позволяют познакомить зрителей различных регионов Турции с русским театром, и таким образом устанавливаются разные подходы к «Ревизору». Однако эти подходы в государственных театрах не выходят за пределы русского стиля, и в пьесах не наблюдается никаких изменений. К примеру костюмы, выбранные режиссёром Хаканом Бояром, раскрывают чрезмерную и неестественную манеру того времени с точки зрения реализма (Boyav 2005:4). А в частных театрах приобретаются несколько иные образы.

Со временем ревизор стал одним из любимых пьес турецких зрителей. Таким образом, «Ревизор» практически не исчезает с турецкой сцены.

Актуальные и универсальные темы «Ревизора» с точки зрения турок

Белинский подчёркивает, что в «Ревизоре» мы видим пустоту, наполненную деятельностью мелких страстей и мелкого эгоизма (Белинский, 1839). Эта *пустота* известна турецким зрителям, так как турецкие драматурги в 1940-1960 годах обращали внимание на подобную проблему.

Турецкие драматурги обращаются к проблемам, с которыми сталкиваются жители пригорода, села из-за желания городской жизни и невозможности удержаться перед реалиями больших городов (Прушковская 2014:29). Главными примерами являются «*Фабрика ног и рук*» (Аяк баджак фабрикасы, 1964) Сермета Яагана, «*Мы все за одного*» (Хепимиз биримиз ичин, 1965), «*Пока не растаял лёд*» (Бузлар Чозулмеден, 1965) Джевдета Фехми Башкута и «*Болотистое Озеро*» (Батак голь, 1969) Зеки Озтуналы.

Обратим внимание на пьесы «*Пока не растаял лёд*» Джевдета Фехми Башкута и «Ревизор» Н.В.Гоголя. В обеих пьесах действие происходит в провинции, и провинция представляет всю страну, народ – всего народа, чиновники – всех чиновников и события – все события, происходящие в стране (Aydın 2017:71).

В пьесе «*Пока не растаял лёд*» действие происходит так: однажды молодой мужчина, заявив, что он мэр, приезжает со своими друзьями в один городок Восточной Анатолии, и начинает управлять городком. Скоро он приобретает симпатию народа, так как он честно борется с беззаконием. В конце пьесы понимается, что мэр и его друзья, оказывается, сумасшедшие, сбежавшие из психиатрической больницы. В пьесе Башкут подчёркивает, что самый лучший способ борьбы против беззакония – это авторитет с добрым намерением (Şener 1972:27).

В обеих пьесах Городничий является главным героем. В отличие от Городничего Башкута, как Белинский отмечает, Городничий Гоголя – не карикатура, не комический фарс, не преувеличенная действительность и в то же время несколько не дурак, но, по-своему, очень и очень умный человек, который в своей сфере очень активен, умеет ловко взяться за дело – своровать и концы в воду схоронить, подсунуть взятку и задобрить опасного ему человека (Белинский 1839). Башкут в пьесе уточняет, что правители городка до сумасшедшего мэра не служили народу, а своим личным интересам.

В обеих пьесах характеризуются не только хитрые и нечестные чиновники, но и торговцы. В пьесе «*Пока не растаял лёд*» описываются торговец, продающий вредные для здоровья продукты, перекупщики, хранящие продукты и уголь, после покрытия снегом дорог, а в «*Ревизоре*» – взяточник-судья, сплетники-помещики, пьяный милиционер, почтмейстер, ворующий чужие письма, попечитель богоугодных заведений, который не думает, что нужно хорошо ухаживать за больным. К сожалению, бегство за личными интересами и гниющее из-

за системы общество – всемирная и актуальная тема, с которой можно встретиться и сейчас, и в будущем во всех обществах.

Драматург и переводчик пьесы «Ревизор» Мехил Джевет Андай объясняет причину актуальности и универсальности пьесы такими словами: «Вот произведение, которое будет жить, пока мир существует! Настолько мало произведений, о которых с твёрдой уверенностью можно высказать такое мнение, если даже присмотреться ко всей художественной литературе! О таких произведениях говорят, что они уже «стали классикой». Поэтому нужно понять причины, почему «Ревизор» стал актуальным. Если взглянуть на «Мёртвые Души» и другие повести, тайна бессмертности этого произведения, на мой взгляд, состоит в том, что Н.В. Гоголь с невероятно естественной гармонией соединяет «старое» с «новым». Безупречный подход «старого» в его произведении образовал суть современной литературы (Anday 1974:42).

Сущность вышеизложенного сводится к тому, что отрицание в обществе, указанные в «Ревизоре» характерно не только в России, но и во всем мире. То, что в основе пьес, поставленных на сцене со второй половины XX века в Турции, лежат те же темы и такая же манера поступков общества. Это объясняет актуальность и универсальность «Ревизора». Иначе говоря, до сих пор актуальны проблемы, затронутые писателем 200 лет тому назад. Будучи зеркалом общества того времени, писатель напоминает нам о пословице «на зеркало неча пенять, коли рожа крива».

Проведённое исследование даёт возможность сделать вывод о том, что «Ревизор» Н.В.Гоголя всеобъемлющая и значительная пьеса в настоящее время.

Рисунок 1. «Ревизор» на сцене Государственного театра в театральном сезоне 1946 – 1947 гг. в столице Турции г. Анкара.

Рисунок 2. «Ревизор» на сцене Государственного театра в столице Турции г. Анкара в 1973 году.

Рисунок 3. «Ревизор» на сцене Государственного театра в Адане в 1985 году.

Рисунок 4. «Ревизор» на сцене Государственного театра в Трабзоне в 1990 году.

Рисунок 5. «Ревизор» на сцене Государственного театра в Сивасе в 2001 году.

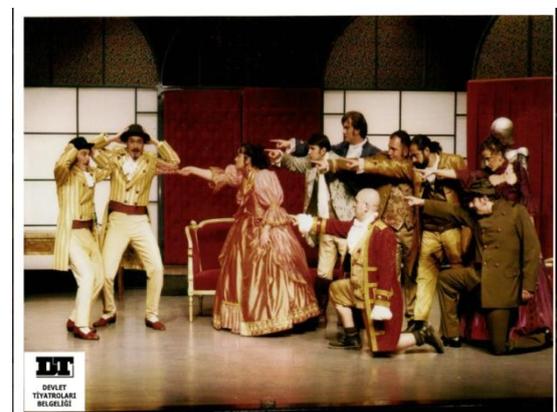

Рисунок 6. «Ревизор» на сцене Государственного театра в Эрзуруме в 2005 году.

Список литературы

Белинский Виссарион Григорьевич (1839): "Горе от ума", Комедия в 4-х действиях, в стихах, Сочинение А. С. Грибоедова. http://az.lib.ru/b/belinskij_w_g/text_0020.shtml (дата обращения: 15.05.2018)

Олджай Тюркан (2010): Рецепция переводов русских литературно – художественных произведениях в Турции, International Journal of Russian Studies, 3/1, 23-44.

Прушковская И.В. (2014): История развития турецкой авторской драмы (республиканский период до 1980 г.), Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. Москва: Научно-информационный издательский центр, 2/2, 26-30.

Ханелис Владимир (2013): Родились и учились в Одессе. Иерусалим: Филобиблон.

Algül Ali (2015): Melih Cevdet Anday'ın Düşünce Yazılarında Sanat, Yazın ve Dil. Ankara: Ankara Üniversitesi.

Anday Melih Cevdet (2012): Gökyüzü Haritası Toplu Yazılar 3. İstanbul: Everest Yayınları.

Anday Melih Cevdet, Müfettiş Üzerine Birkaç Söz, Devlet Tiyatrosu Dergisi, 58, 42-45.

Aydın Onur (2017): N. V. Gogol'ün "Müfettiş" ve C. F. Başkut'un "Buzlar Çözülmeden" Adlı Oyunlarında Toplumsal Düzensizlik: Komparatistik Bir İnceleme, Turkish Studies, 12/22, 65-78.

Aykut Altan (2006): Türkiye'de Rus Dili ve Edebiyatı Çalışmaları Rus Edebiyatından Çeviriler ve Rusça Öğrenimi. Ankara: Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi Dergisi, 46/2, 1-27.

Boyav Hakan (2005): Müfettiş, Erzurum Devlet Tiyatrosu Dergisi, 3-4.

Şener Sevda (1972): Popüler Yazar Cevat Fehmi Başkut, Tiyatro Araştırmaları Dergisi. Ankara: Ankara Üniversitesi, 3, 5-40.

«ЖЕНИТЬБА» НИКОЛАЯ ГОГОЛЯ В ПОЛЬСКИХ ПЕРЕВОДАХ

Любоха-Круглик Иоланта
Силезский университет в Катовице, Польша
jolanta.lubocha-kruglik@us.edu.pl

„MARRIAGE” BY NICOLAI GOGOL IN POLISH TRANSLATIONS**АННОТАЦИЯ**

Настоящая статья посвящена двум польским переводам одной из самых известных пьес Николая Гоголя – «Женитьбе». Автором первого из них (1937) является знаменитый польский поэт и переводчик – Юлиан Тувим. Второй перевод выполнен Агнешкой Любомирой Пётровской – одной из самых известных в настоящее время переводчиков русской литературы в Польше. «Женитьба» в переводе Юлиана Тувима считалась весьма новаторским проектом, который в свое время воспринимался литературной критикой как противопоставление не только переводческой традиции, но также навыкам читателей.

Агнешка Любомира Пётровска, объясняя причины и необходимость появления нового перевода, заявляет, что она не пыталась осовременить текст Гоголя. Ее целью был перевод, который позволит сохранить стиль Гоголя, но согласно темпу и ритмы польского языка.

ABSTRACT

The article is devoted to two Polish translations of Marriage – one of the best-known plays by Nikolai Gogol. The author of the first of them is an outstanding poet and translator Julian Tuwim. The second one is made by Agnieszka Lubomira Piotrowska – one of the best-known contemporary translators of Russian literature in Poland. The translation by Julian Tuwim was considered to be very innovative in his times. It can be seen as strong opposition not only to the translation tradition, but also to the reader's habits.

Agnieszka Lubomira Piotrowska claims her text was not updated, but she translated it in accordance with the rhythm and pace of the contemporary Polish language trying to preserve Gogol's style.

Ключевые слова: Перевод, повторный перевод, переводческая традиция, Гоголь.

Keywords: translation retranslation, translation tradition, Gogol.

Женитьба Николая Гоголя – произведение, опубликованное в 1842 году, – продолжает быть предметом интереса не только литературоведов, но также театральных режиссеров. Также в Польше эта пьеса является одним из самых популярных произведений русских классиков. Причин этой популярности можно усматривать хотя бы в том, что, «речь идет в ней о делах личных, об интимном мире людей, об устройстве их собственной судьбы» (Вишневская 1976: 165). Польские читатели и зрители многие годы общались с этим произведением благодаря переводу, выполненному гениальным поэтом Юлианом Тувимом.

Каждый выполненный перевод является, как известно, началом переводческой серии, т.е. набором, по крайней мере, двух переводов данного литературного произведения. Все очередные элементы серии соотносятся таким образом не только с оригинальным произведением, но и с первым его переводом. Помимо прочего, очевидным является тот факт, что все элементы серии в какой-то степени всегда воздействуют друг на друга. Французские ученые считают, что благодаря каждому очередному переводу данного произведения появляется новое пространство для того, чтобы совершенствовать последующие элементы серии. Итак, Антуан Берман выдвигает интересный тезис, называемый *retranslation hypothesis*, т.е. «гипотезой повторного перевода» (Berman 1990: 1–7), согласно которому первый перевод является неполным и незаконченным актом. Полноту он может приобрести только благодаря очередным попыткам перевода данного произведения. Французский теоретик обращал также внимание на так наз. «категорию неудачи», которая, по его мнению, присуща всем переводам. Эта «неудача» понимается и как неспособность перевести данный текст, и как сопротивление, которое оказывает сам текст. Гипотеза повторного перевода часто сопровождается суждением о старении перевода, что далеко не всегда находит подтверждение. Отметим, однако, что не все разделяют это мнение. Американский переводчик и теоретик перевода Лоренс Венути считает, например, что очередные переводы одного и того же произведения несут с собой угрозу нежелаемой доместикации (Venuti 2004: 25). Тем не менее очередные переводы продолжают появляться. Критерии их оценки могут быть разными, так как явления абсолютной верности перевода по отношению к оригиналу не существует. Это можно объяснить тем, что переводчик сам решает о выборе переводческой доминанты, решает о том, какие элементы структуры и семантики данного предложения являются самыми важными. Чаще всего предметом исследований в области повторного перевода являются литературные произведения классиков, в том числе драматические произведения, так как новых постановок иностранных пьес требуется, как правило, новый или обновленный перевод.

Итак, В 2015 году в Польше появляется новый перевод *Женитьбы* Николая Гоголя, заказанный для театра. Его автором является Агнешка Любомира Пётровска – в последнее время одна из самых активных и rozpoznawаемых переводчиков русской литературы в Польше. Появление нового перевода всегда вызывает интерес переводоведов – особенно в случае классической литературы. И это неудивительно, так как новые переводы «вступают в диалог» с предыдущими, выявляя маловажные на вид детали, которые, как правило, имеют существенное значение для восприятия произведения. Перевод ведь является интерпретацией, которая представляет собой чью-то точку зрения. По словам Антона Поповича, исследование перевода является также исследованием стилистических переводческих приемов [Popovič

1973: 93-96]. Любой перевод указывает также на самого переводчика, на его индивидуальные признаки, которые, однако, не должны предопределять переводимого произведения. Сопоставление с легендой Юлиана Тувима – задача довольно сложная, поскольку его переводческая практика является последствием оригинальной поэтики и его поэтического творчества. В этой поэтике присутствуют элементы, связанные с русской формальной школой, т.е. с литературным направлением, которое сосредоточивало свое внимание на искусстве слова и было тесно связано с лингвистикой. Немаловажным является также тот факт, что Тувим интересовался русской литературой, отлично ее знал и подходил к ней весьма эмоционально. По мнению многих поэтов (Анатоль Стерн), он считал себя хозяином, который отвечает за всё, что связано с переводами русской поэзии на польский язык. Помимо прочего, по словам Ежи Путрамента, русскую классику он трактовал как закрытую зону, в которую только он имеет доступ (Urbanek 2013: 108). Николай Гоголь появляется в сфере интересов поэта ок. 1929 г. (раньше он переводил русских символистов, затем – футуристов). Это может удивлять, поскольку Тувим никогда не скрывал своего очарования этим писателем. Переводы произведений Н. Гоголя, выполненные Тувимом, выявляют характерные для 30-х годов методы работы с языком – использование языковой игры, анекдотов и стилизации. Тувим удачно находил в словах суть их смыслов, интересовался жаргоном и диалектом и умело применял эти знания в повествовании. В мире Гоголя он чувствует себя непринужденно. В переводах поэта появляются многочисленные полонизированные лексемы, попытки осовременения текста, лексические шутки, словесная эквилибристика. Специфический стиль Гоголя предоставляет Тувиму огромные возможности введения различных трансформаций, каламбуров (даже тогда, когда они не выступают в исходном тексте), использования жаргона, диалекта и этимологии слова. Всеми этими и многими другими средствами он мастерски пользуется.

Тувим в своей работе стремился к совершенству, т.е. к максимальной передаче черт оригинала. Это проявлялось, среди прочего, в верификационной точности, в подборе отдельных лексем, а также в попытках найти все возможные контексты. Однако, даже при таком подходе, в переводе всегда остаются недоопределенные места, которые требуют уточнения, конкретизации. Другими словами – это места, которые переводчик интерпретирует согласно своим знаниям. Именно эти места являются наиболее привлекательными для исследователей.

Поиск собственных оригинальных переводческих решений с использованием всех возможных и доступных языковых средств кажется необходимым в ситуации, когда оригинальное произведение написано жаргоном, диалектом. В таком случае оно никогда не

будет полностью переводимым. Язык героев произведений Гоголя представляет поэтому особую сложность для переводчика. В результате переводчик вынужден искать способов передачи таких явлений. Эффектом таких поисков стал для Тувима дискуссионный для многих способ перевода *Женитьбы* (Gogol 1951: 169-260). В переводе этой пьесы Тувим применил эксперимент, который шокировал критику, а именно использовал в нем так наз. «язык Веха», т.е. язык, характерный для польского сатирика и журналиста Стефана Вехоцкого. Николай Гоголь, а за ним и Тувим использовали диалект для подражания языковым чертам высоких чиновников. Именно поэтому применение диалекта (а не официально-делового стиля) позволило сохранить сатирическую функцию исходного текста. Отвечая своим критикам, Тувим подчеркивал, что язык Гоголя – это особое явление, которое по существу менее общего имеет с языком Пушкина, чем с языком Веха. Язык Гоголя настолько специфичен, что Тувим иногда отказывается от перевода, чтобы сохранить как можно больше черт оригинала. Экзотизацию текста он объясняет следующим образом – «Такие слова, имеющие *Couler docale*, оставляются без перевода» (Sawicka 1986: 408).

Интерес к явлениям *minorum gentium* как в отношении литературных жанров, так и языка, можно понимать как проявление неодобрения официального, корректного, делового языка. Осознавая то, что он имеет дело с разговорной речью, что «гоголизмы» (как их называют в Польше) это неотъемлемая черта героев Гоголя, Тувим сосредоточился на проблеме сказа. Его задачей было создать у читателя впечатление, что он общается с автором, который применяет яркую жестикуляцию и мимику. Перевод, выполненный Юлианом Тувимом, можно в таком случае считать инновационным, можно его даже воспринимать не только как противопоставление переводческой традиции, но также навыкам читателя, который, трактуя Гоголя как классика, ожидает совсем другого перевода.

Очередной существенной чертой произведений Гоголя было противопоставление обыкновенного человека власти и учреждению. Тувим в своих переводах подчеркивает жестокость власти даже сильнее, чем Гоголь (Тувим перевел *Нос*, *Шинель*, *Повесть о капитане Копейкине* и *Женитьбу*). Его переводы отличаются высоким качеством, многие из них считаются конгениальными.

Неудивительно поэтому, что попытка бросить вызов Тувиму-переводчику всегда привлекает внимание многих. Такой шанс не упустила Агнешка Любомира Пётровска, переводчица, которая, несмотря на свой большой опыт, считает, что «Самым большим вызовом для переводчика является перевод классического текста, шедевра, который был уже переведен раньше знаменитыми поэтами, переводчиками». Она подчеркивает, однако, что в англосакской традиции существует мнение, что каждое новое поколение должно иметь свой

перевод шедевров классической литературы. Это вытекает из того, что переводы стареют быстрее, чем оригинальные произведения. Переводы театральных пьес Агнешки Любомиры Пётровской присутствуют на польских сценах уже с 2003 г. Благодаря ей польские зрители могли ознакомиться с творчеством братьев Пресняковых, Владимира Сорокина, Василия Сигарева, Ивана Вырыпаева и многих других. Пётровская подчеркивает, что произведения для перевода она выбирает сама. С этой целью она посещает театральные фестивали, встречается с авторами и режиссерами пьес, которые ее заинтересовали. Выбирая текст для перевода, она применяет несколько постоянных критериев. Во-первых, текст должен ей нравиться, во-вторых, пьеса должна заинтересовать какой-то театр, который ее поставит. Появляется тогда вопрос, почему Пётровская решила перевести еще раз произведения, уже переведенные, при этом отлично. Причину стоит усматривать, по ее мнению, в необходимости показать возможности новой интерпретации, нового восприятия мира писателя. Согласно Пётровской, устаревшие переводы усложняют контакт с произведением. Переводчица в интервью часто подчеркивает, что переводить литературный текст – это как будто писать его заново. Невозможно избежать своей интерпретации. Она говорит, что передает текст так, каким она его слышит, передает его мелодию. Сохранение стиля и мелодии, по ее словам, для нее очень важно. Переводчица замечает, что при переводе Чехова, например, очень важным был синтаксис, потому что Чехов писал очень современным для сегодняшнего читателя языком. Чехов в оригинале не звучит архаически в отличие от Гоголя, который, по ее мнению, относительно архаичен.

В своих переводах она применяет разные стратегии и не всегда является последовательной в своих выборах. По-разному, например, Пётровская относится к словам-реалиям. Специфика перевода пьес такова, что зритель данную сцену может увидеть только один раз. В связи с этим текст должен выяснять все сразу. Именно поэтому, как говорит сама Пётровская, она оставляет в переводе некоторые слова и выражение, которые, по ее мнению, понятны зрителям: *raz, dwa, tri, pojechali; molodiec*. Она предполагает также, что поляки знают, кем является Анна Курникова, но название группы «Любе» она заменяет презрительным *disko rusko*.

В классических текстах ее современный подход проявляется, в частности, в использовании имен в оригинальной версии. Согласно давней переводческой традиции имена, как правило, переводились на польский язык. Переводчица отказывается также от использования традиционных русских форм обращения, т.е. не применяет отчества, что в традиционных польских переводах считалось доминантой. Герои ее произведений используют

современные польские выражения, такие как *dokładnie* в значении *da, jasne* или *a jak*, которое считается ненормативным.

В немногочисленных критических текстах, посвященных переводческой деятельности Агнешки Любомиры Пётровской, – немногочисленных, возможно потому, что большинство ее переводов не опубликовано (в том числе обсуждаемый нами текст перевода *Женитьбы*), можно встретить мнение о том, что она старается осовременить язык классиков. Сама переводчица, однако, отрицает это, объясняя, что делала так только при переводе *Ревизора*, так как такой был заказ театра. При переводе «*Женитьбы*» же старалась, как говорит, передать стиль автора таким, каким слышит его современный русский зритель. Но в языке Гоголя есть некоторые странности – Гоголь старался украсить разговорный стиль красивыми выражениями, красивыми словами, так что ей приходилось тоже этими слоями воспользоваться.

В принципе, оба переводчика – и Юлиан Тувим, родившийся в 1894 году, и Агнешка Любомира Пётровска, родившаяся в 70-х годах XX века, воспринимают язык и стиль Гоголя похоже, хотя принадлежат к разным поколениям и отличаются во многом – по достижениям – Тувим – это прежде всего гениальный поэт, а только потом – переводчик; Пётровска – это прежде всего переводчица, но также, как сама о себе говорит, «куратор русской культуры в Польше».

Принимая во внимание хотя бы указанные даты, переводческую серию, начало которой положил Тувим, следовало бы рассматривать переводы *Женитьбы* в диахроническом аспекте. Это имеет место тогда, когда серия развивается медленно, отвечая меняющимся временам. Такой подход мотивировали бы также высказывания самой Пётровской, которая, объясняя в интервью необходимость нового перевода классики, подчеркивала потребность нового прочтения произведения, вызванную эволюцией языка, взглядов на театральное и актерское искусство, а также на другие знания об авторе и самом произведении. Говоря, однако, о *Женитьбе*, переводчица признается, что перевела текст согласно темпу современного польского языка, сохраняя однако стиль Гоголя, каким она его слышит и воспринимает.

Такая интерпретация принципиально меняет подход к обоим переводам и позволяет рассматривать их параллельно.

Перевод, выполненный А.Л. Пётровской, театральные критики называют «новым, освеженным». Однако, анализ материала показывает, что сопоставляемые здесь переводы отличаются друг от друга лишь применяемой стратегией, причем Пётровска ставит своей целью приспособить его к сценическим требованиям. Что же касается языка, ее перевод моментами представляется более архаическим, чем перевод Тувима (несмотря на то, что их

разделяет свыше 60 лет). Это подтверждают многочисленные примеры из текста, в частности подбор глаголов речи, ментальных глаголов и пространственных предлогов, напр.: *Skazywał – mówilem* (Тувим) – *powiadałem* (Пётровска).

Сложно также признать, что Пётровска пользуется языком, приспособленным к нуждам молодого поколения. Многие аналоги, предложенные переводчицей, – это слова архаические или такие, которые употребляются редко. Проанализированные примеры не подтверждают мнения переводчицы о том, что язык Гоголя сильно устарел. Даже если это правда, то перевод, выполненный Пётровской, этой проблемы не решает. Во многих фрагментах теста имеем также дело с попыткой осовременения текста, в случаях, когда нейтральные предложения оригинального произведения она пытается перевести с помощью разговорных выражений:

Сселёдочку съел с хлебцем (Гоголь).
Śledzika przetrząłam z chlebkiem (Пётровска).
Śledzik z chlebem zjadłem (Тувим).

Сложно также найти в переводе Пётровской изысканность и желание играть словами, которые предлагает Гоголь, а которые охотно использует Тувим.

Оценка достижений обоих переводчиков требует, конечно, более тщательного анализа фактографического материала в аспекте отдельных явлений – перевода имен собственных, использования определенных форм обращений, архаизации и осовременения, лексики подстандарта, аксиологических показателей, перевода фразеологизмов, игры слов и показателей категории чужого. Каждое из перечисленных здесь явлений – это в принципе тема для отдельной статьи.

Проблема, на которую в контексте перевода драмы обязательно стоит обратить внимание, – это перформативный уровень языка, который состоит из рифмы и звукового слоя. Критерий сценичности это в театральном переводе условие *sine qua non*. Текст на сцене должен хорошо звучать, должен быть приспособленным к театральному чтению, сценической речи, должен разрешать дышать.

В этом аспекте сравниться с Тувимом весьма сложно, так как он обращал внимание не только на фонические аспекты языка, но также на соотношение звука и семантики. Одним из главных принципов переводческой деятельности Юлиана Тувима является принцип звуковой верности перевода оригиналу – эквилинеарность и эквиритмичность.

У Агнешки Любомиры Пётровской принцип соотношения рифмы и ритма уже не так очевиден.

О том, однако, какой перевод лучше, в конечном итоге будут решать сами читатели и зрители. Тем не менее стоит в конце обратиться к словам Эдварда Бальцежана (Balcerzan 1999: 34), который обращает внимание на то, каким иллюзорным оказывается иногда уверенность некоторых переводчиков в необходимости предлагать новые, лучшие решения. Этот знаменитый критик и литературовед справедливо замечает, что психологическая опасность корректирующей функции, которая угрожает многим сериям, развивающимся во времени, заключается в том, что очень легко можно подумать, что тот переводит лучше, чей перевод является последним.

Список литературы:

- Вишневская И. Л. (1976): Гоголь и его комедии. Москва: Наука.
- Balcerzan E. (1999): Tajemnica istnienia (sporadycznego) krytyki przekładu. P. Fast (ред.) Krytyka przekładu w systemie wiedzy o literaturze. Katowice: Śląsk.
- Berman A. La retraduction comme espace de la traduction. „Palimpsestes” 1990, vol. 13 (4).
- Gogol M. (1951): Ożenek, M. Gogol. Utwory wybrane. Warszawa: Czytelnik.
- Popovič A. (2009): Teoria przekładu w systemie nauki o literaturze. Пер. М. Papierz. Bukowski P., Heydel M. (ред.), Współczesne teorie przekładu, Kraków: Znak.
- Sawicka J. (1986): Julian Tuwim. Warszawa: Wiedza Powszechna.
- Urbanek M. (2013): Tuwim, wylękniony bluźnierca. Warszawa: Znak.
- Venuti L. (2004): Retranslations: The Creation of Value. In: Translation and Culture. NJ: Associated Presses.

**НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОЙ И СОВЕТСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ СТУДЕНТАМИ МЕДИЦИНСКОГО ВУЗА В РАМКАХ
РАЗДЕЛА «РУССКАЯ ФИЛОСОФИЯ».**

Ненашев Егор Сергеевич

Северный государственный медицинский университет, Россия

Tolkegor@yandex.ru

**SOME ASPECTS OF THE STUDY OF RUSSIAN AND SOVIET
LITERATURE BY STUDENTS OF A MEDICAL UNIVERSITY WITHIN
THE FRAMEWORK OF THE SECTION "RUSSIAN PHILOSOPHY".**

Egor Nenashev

Northern State Medical University, Russia

АННОТАЦИЯ

Данное исследование посвящено вопросу: «Как изучать литературу в рамках раздела русской философии?». На примере разных курсов стоматологического, лечебного и педиатрического факультетов автор разбирает, какие аспекты исследовались студентами этих курсов и направлений, а какие нет. Также рассматривались конкретные методики, позволяющие изучать непрофильным факультетам определенную литературу через изучение разделов русской философии. Как показывает практика, изучать философию на негуманитарных факультетах не совсем интересно, поэтому, чтобы привлечь внимание студентов к предмету, для этого используются литературные произведения. Студенту проще объяснить тот или иной раздел русской философии через произведения Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, А.А. Фета, Н.В. Гоголя и других писателей и поэтов.

ABSTRACT

Our research is devoted to the question: "How to study literature in the section of Russian philosophy?". On the example of different courses of dental, medical and pediatric faculties, the author analyzes which aspects were studied by students of these courses and directions, and which weren't. Also, specific methods were considered, allowing students of non-core faculties to study certain literature through studying specific sections of Russian philosophy. As practice shows, it may be not very interesting to study philosophy in non-humanitarian faculties, therefore literary works are used to attract students' attention to the subject. It is easier to explain a student different sections of Russian philosophy through the works of LN. Tolstoy, F.M. Dostoevsky, A.A. Fet, N.V. Gogol and other writers and poets.

Ключевые слова: русская философия, литература, аспекты, методы познания, метод, философия.

Keywords: russian philosophy, literature, aspects, methods of cognition, method, philosophy.

В XIX веке русская философия становится самостоятельной от западноевропейской мысли, а литература, благодаря писателям-философам, четко определяет состояние общества и индивида. А.А. Фет, например, переводил Шопенгауэра «Мир как воля и представление» и «О четвероюм корне закона достаточного основания», хотел переводить Канта «Критика чистого разума», но русский философ Николай Николаевич Страхов указал ему, что перевод уже есть. Главная тема, которую поднимали авторы «золотого века» русской философии, особенно в художественной литературе, был некий синтез сферы нравственности, познания и действий. Вопросы этики, религии, альтруизма, эгоизма, добра и зла были актуальны. Тема «избранного народа» и «особого пути» хорошо прослеживалась в трудах славянофилов, а также в произведениях А.С. Пушкина «Капитанская дочка» и «Дубровский».

В рамках курса «Философия» также рассматриваются вопросы веры и отрицания на примере романа И.С. Тургенева «Отцы и дети». Вечная тема конфликта поколений «отцов и детей» интересна всем студентам, и, анализируя это произведение на практических занятиях, студенты сами начинают вникать в суть основных философских категорий. Например, используя один из эмпирических методов – сравнительный анализ, – мы можем сравнить одно произведение с другим. Та же тема противостояния старшего и младшего поколения у И.С. Тургенева хорошо подходит в сравнении с романом Ф.М. Достоевского «Бесы», который подает эту тему совершенно иначе, и студенты могут посмотреть на проблему с другой стороны.

В данном исследовании были применены разные методики и средства контроля, проведен сравнительный анализ русских и зарубежных авторов по схожим темам и проблемам, которые стали объектом изучения студентами медицинского вуза в рамках дисциплины «Философия».

При изучении философии на негуманитарных факультетах медицинского вуза привлекаются литературные произведения русских писателей. В трудах авторов «золотого века» русской философии и в произведениях русских писателей наблюдается некий синтез сферы нравственности, познания и действий, также рассматриваются вопросы этики, религии, альтруизма, эгоизма, добра и зла, так как эти проблемы всегда были актуальны. Для этого привлекаются произведения А.С.Пушкина, И.С.Тургенева, Ф.М.Достоевского и других писателей.

Сам раздел «Русской философии» достаточно большой, и для того чтобы все успеть и охватить, мы со студентами использовали основные шесть вопросов, которые применяли при

обсуждении к каждому произведению. На прочтение заданных произведений и индивидуальное осмысление обозначенных проблем давалось 3 недели:

1. Главная мысль произведения; определить тему и идею.
2. Сбор материала о персонажах.
3. Обозначить проблему.
4. Выяснить авторское отношение к теме, идее и героям произведения (пафос).
5. Обоснование самостоятельной оценки характеров героев произведения, их поступков, переживания.
6. Составить свое эмоционально-оценочное отношение к прочитанному.

Вопросы были подобраны совместно с обучающимися, так как вариантов анализа художественного произведения достаточно много. На наш взгляд, эти шесть основных вопросов являются наиболее подходящими, но некоторые вопросы мы могли менять или трансформировать по ходу занятия, углубляясь в анализ произведения. Надо сказать, что данные вопросы не совершенны, что показал эксперимент, о котором мы будем говорить дальше. Как и было сказано выше, интерес – основной «двигатель прогресса» в данной ситуации, студентам было предложен целый список произведений, а также они могли самостоятельно предложить свой аспект, не вошедший в перечисленный список. В рамках данного исследования остановимся на одном произведении и попробуем проследить динамику усвоения материала после прочтения и общего анализа в группе. Контролем знаний выступает единый для всех студентов тест после всего курса, а также промежуточные тесты после каждого занятия. Так как тест не может являться полностью объективным показателем знаний студентов, а оценка преподавателя на занятии сугубо субъективна, то на данном этапе наше исследование носит экспериментальный характер. Мы постараемся сравнить результаты студентов, полученные в ходе тестирования, которые применяли данную методику изучения материала по разделу «Русская философия», и данные тестирования студентов, которые не применяли данную методику.

На занятиях особое внимание уделяем таким произведениям, как: Л.В.Толстой «Война и мир», «Исповедь», «В чём моя вера?», И.С.Тургенев «Отцы и дети », «Дневник лишнего человека», что повлекло за собой понятие «Лишние люди» (в целом, студенты отмечают произведения И.С.Тургенева как русско-экзистенциальные и сравнивают с настроением романов Э.М. Ремарка, Альберта Камю и Жана-Поля Сартра). Федор Михайлович Достоевский, занимает особое место в изучении вопроса «нравственно-религиозные поиски в русской философии XIX – начале XX вв.» («Преступление и наказание», «Бесы», «Братья Карамазовы»). Не обходим вниманием Николая Александровича Бердяева, который был семь

раз номинирован на Нобелевскую премию по литературе, а также он является автором оригинальной концепции философии свободы.

Студенты особо выделяют философию Толстого и Достоевского. Вопросы, обозначенные при изучении творчества Ф.М. Достоевского на занятиях:

1) Ф.М. Достоевский признает достижения запада, но народная почва для него была главной. Высоко ценил роль человека в обществе.

2) Основная тема, которую выделяют студенты – поиск себя в этом мире, драма происходящего вокруг человека и внутри себя.

3) Попытка выхода из состояния давления общества на человека и попытка возвыситься себя над ним.

4) «Русская идея» – русский народ как миссия для мира.

5) Человек находится рядом с Богом, а иногда пытается возвыситься над ним. Тема судьбы и фатума.

Вопросы, выделенные в ходе изучения произведений Л.Н. Толстого:

1) Толстовство – непротивление злу насилием, основная тема в русской философии, всепрощение, любовь ко всему и морально-нравственное самосовершенствование человека.

2) Критика власти и церкви. Они подавляют Человека.

3) Внимание крестьянству (народ), отсюда и любовь к земле.

4) Основная тема – быть ближе к народу, человеку.

После определения основных аспектов философии в произведениях этих авторов, мы переходим к описательной части. На примере романа «Бесы» мы посмотрим поэтапно, как проходит анализ произведения. Открывая книгу, студенты первым делом примечают слова А.С.Пушкина в эпитафии к роману, а ниже Евангелие от Луки, глава VIII, 32-36. Используя знания по разделу «Русская философия», студенты сразу отмечают, что автор будет отсылаться в романе на религиозную и историческую тематику. Надо сказать, что студенты перед практическими занятиями получают знания общего курса «История философии», что позволяет им без углубленной подготовки вести дискурс и диалог по той или иной теме курса. Обычно, эпитафии мы оставляем на конец занятия, после обсуждения всего произведения студенты анализируют эпитафию и проводят рефлексию. Методика анализа может отличаться от занятия к занятию. Для этого анализа была выбрана постановка проблемной ситуации в семинаре дискуссии. Это очень эффективно для таких занятий, так как постановка проблемы становится «пуском» для будущих специалистов в области «человек-человек», умение решать проблемные, а порой конфликтные ситуации. Студенты сами определяют проблему произведения. Как правило, это напрямую относится к главным персонажам произведения. В

романе «Бесы» это Ставрогин. Прототипом его был Н.А.Спешнев, так что студенты сразу начинают проводить параллели с исторической личностью. Если этого не происходит, то ведущий практического занятия должен указать на этот факт аудитории и попросить найти информацию, а после провести анализ художественного образа и реального существовавшего человека (прототипа). Это дает возможность понять студентам, что художественная литература не всегда вымысел автора.

Далее переходим к характеристикам персонажа. Каким он был, чем так важен для данного произведения. Студенты отмечают, что он обладает железной волей, красив, аристократ по натуре, и все это дает ему возможность подчинять всех вокруг своей воли. Герой ведет аморальный образ жизни, находясь в Петербурге, много путешествует. Однажды попадает в США и там налаживает контакт с двумя выходцами из России. И тут появляются еще два ключевых персонажа для анализа. Студенты отмечают это и анализируют разговоры героев. Сначала герои отмечают взгляды героя Шатова: без веры в Бога народ существовать не сможет, тут же отмечается миссия русского народа, которая заключена в том, что миру надо показать образ этого Бога в самой России. И даже если не будет доказано, что истина может существовать вне Христа, то все равно надо остаться с ним, а не с истиной, и не отречься, как весть Мир. Главный персонаж Кирилов говорит, что Бог умер. Студенты указывают на связь с немецкой классической философией и философией жизни Шопенгауэра и Ницше. Все это наглядно показывает связь западной философии и ее влияние на мыслителей русской философии.

Следующий ключевой момент, на который обращают внимание студенты при изучении «Бесов», связан с героем Петрушей Верховенским. Вступая в революционную организацию, главный персонаж для нас является неким транслятором ярких образов. Мрачные фигуры современности для Ф.М. Достоевского лишь повод показать бесовщину человеческого развития. Студенты заключают, что человек пришел к следующему этапу своего развития: атеизму и нигилизму. Прототипом Петруши был С.Г. Нечаев. Следующий важный момент в романе – это убийство Шатова, тело которого сбрасывают в пруд. Прямая отсылка к историческим событиям с убийством студента Иванова.

В конце обсуждения романа возвращаемся к эпиграфу, после чего студенты делают вывод, что автор предсказывает революционное будущее России. Но надо сделать поправку, так как автор не ставил такую цель: «предсказать будущее», надо дать понять аудитории, что автор описывает общество на тот момент, его развитие и состояние.

Основные выводы к которым студенты приходят, изучая русскую философию, опираясь на произведения русских писателей:

1. Историческая память (влияние) – опыт прошлого России. Славянофилы и западники. Предсказание будущего русского народа и России.

2. Религия – основные религиозные философские вопросы не обсуждаются, но ищут ответы в нравственности и этике – это центральные темы.

3. Тема «избранного народа» и «особого пути».

4. Социально-бытовые темы в романах / философских размышлениях. (Например, «Отцы и дети» – отношение к помещичьей собственности, дворянское культурное наследие, вопросы науки и культуры, нравственные принципы, воспитание молодежи, долг перед отечеством, будущее России.)

5. Отдельно можно выделить аспект образования, искусства, поэзии, природы, любви. (Например, Базаров и бесполезность поэзии, поэтому природа не Храм, а мастерская)

Хотелось бы остановиться на методической части данного исследования. Для обсуждения той или иной книги, были реализованы разные формы проведения семинара. Чаще всего мы использовали формат беседы или круглого стола. Также проводился коллоквиум. Дискуссия, или семинар-дискуссия, может являться моделью социальных и предметных отношений коллектива. Студент учится точно выражать свои мысли, отстаивать свою точку зрения, доказывая ее, и опровергать мнения оппонентов по дискуссии. Проблемные вопросы становятся ключевыми в ходе практических занятий, так как являются средством взаимодействия студентов. Главные условия для эффективности семинара-дискуссии – это знания студентов, полученные в ходе лекций, домашней самостоятельной подготовки, и знание курса. Также возрастает необходимость учить культуре дискуссии, обращать внимание студентов на важность слушать своих коллег, критически переосмысливать сказанное оппонентом. Управляя дискуссией, важно опираться на знания студентов, на заранее подготовленные вопросы, например, план анализа произведения, который был описан в начале статьи. Также дискуссия может развиваться в разных направлениях. Например, на одном из вопросов плана можно остановиться поподробнее, задать дополнительные вопросы для аудитории, эти вопросы могут возникнуть и сами в ходе работы. Надо быть готовым к любым поворотам дискуссии, поэтому у преподавателя должны быть домашние заготовки. Тут дискуссия может принимать два хода развития событий: учащиеся могут сами сформулировать проблему и ее решение в ходе занятия, но если студенты не могут сами найти решения проблемы (поставленной задачи), то преподавателю следует самостоятельно выдать это решение аудитории. Если это сделать с давлением на аудиторию, заставляя найти это решение, давая наводящие вопросы, то не факт, что студенты сами смогут потом повторить этот путь. Скорее всего, и в следующий раз при анализе произведения они будут уже заранее

рассчитывать на помощь из вне. Лучшим выходом из ситуации будет показать это решение проблемы, переведя на время дискуссию в мини-лекцию. Тут главное – изложить метод решения задач и проблемы и проанализировать вместе со студентами, почему они не смогли прийти к этому решению. В завершении дискуссии от преподавателя требуются следующие действия: во-первых, вести дискуссию до тех пор, пока знаний и аргументов у студентов хватает для решения поставленных задач, и, во-вторых, психологический накал дискуссии должен достигнуть своего пика, если дискуссия проходит в правильном направлении и по плану. Продолжением семинара-дискуссии может быть такая форма, как «мозговой штурм». Здесь главное – дать понять аудитории, что нужно выдвинуть как можно больше идей по поставленной задаче. Дальше эти идеи должны быть подвергнуты анализу, а самые лучшие оставлены в списке, остальные отвергнуты. Затем идет проверка их возможности быть доказанным (Водяникова И. Ф., Фатхи Т. Б. 2008: 60-66)

Также эффективной формой, которую можно применить на таких занятиях, – это семинар как самоподготовка. Тут на роль ведущего практическим занятием будет не преподаватель, а сам студент или малая группа студентов. Но тут важно провести большую подготовительную работу. Преподаватель должен с тем, кто будет проводить занятие, заранее разработать план занятия, вопросы, которые будут заданы для обсуждения, продумать дополнительные вопросы к занятию, материал и учебную литературу для студентов, на основе которого и будут готовиться студенты. Когда ведущий занятия будет готов, то можно начинать работу. В таком семинарском занятии преподаватель становится или сторонним наблюдателем, не вмешивающимся непосредственно в сам рабочий процесс, или становится участником внутри самой рабочей группы. Но когда работа будет закончена, то преподаватель возвращает себе функции руководителя и подводит итоги работы. Также важно отметить и самостоятельную работу студентов, которую они должны провести перед самой работой в аудитории. Важно дать конкретную задачу и выдать заранее список тем, которые будут рассматриваться на занятии. Если мы даем прочитать конкретное произведение, которое будет разбираться и анализироваться на занятии, то нужно выдать конкретные вопросы, тогда при подготовке студенты будут заранее обращать на это внимание при прочтении произведения, а может, и пополнят список вопросов.

Сейчас мы посмотрим на результаты студентов, которые писали контрольный тест по разделу «Русская философия» с применением методики анализа художественных произведений, и без нее. В сравнении участвуют две группы стоматологического факультета, где первая не применяла данную методику, а вторая группа применяла.

В первой группе тест написали одиннадцать студентов со средним баллом 84,3% по знанию раздела. Во второй группе тест писали также одиннадцать студентов, но их средний бал курса составил 93%. Мы видим, что знание студентов, применявших методику выше, чем у тех студентов, которые этого не делали (Блинов В. И., Виненко В. Г., Сергеев И. С. (2018): 212-235). Главное, что можно тут отметить, это появление интереса у студентов к предмету, отсюда и желание готовиться к занятию, внимательно слушать на лекциях, а самое главное, это желание учиться анализировать материал, которые они изучают. Подводя итог, хочется отметить важность проявления заинтересованности у студентов к предмету. Если человек не заинтересован в том, что он делает, то и развитие его как профессионала и личности не будет.

Список литературы

Водяникова И. Ф., Фатхи Т. Б. (2008): Методика преподавания философии» для магистров-философов: Учебное пособие. Ростов-на-Дону.

Блинов В. И., Виненко В. Г., Сергеев И. С. (2018): И. Методика преподавания в высшей школе. Москва: Юрайт

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО МИРА МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ ЧЕШСКОГО ПЕРИОДА В КОНТЕКСТЕ ДИАЛОГА КУЛЬТУР

Полехина Майя Мударрисовна
МГИМО МИД России (Одинцово), Россия
illusio2008@yandex.ru

CONCEPTUALIZATION OF THE ARTISTIC WORLD OF MARINA TSVETAEVA CZECH PERIOD IN THE CONTEXT OF THE DIALOGUE OF CULTURES

Polekhina Mayya Mudarrisova
MGIMO University Russia (Odintsovo), Russia

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются концепты как смыслообразующие константы художественной картины мира писателя, отражающие особенности его художественного сознания. Исходная позиция автора - представление о концепте как философско-эстетическом феномене, имеющем социопсихическую природу, обладающем ценностной значимостью, многомерностью объективации и текстопорождающей функцией. Художественная концептосфера поэзии Цветаевой чешского периода выстраивается на основе осмысления концептов *чужбина и конец*. основополагающими в представлении о художественном пространстве поэта становятся концепты *чужой, другой, любовь, гибель, смерть, небытие* и соответствующие им понятия. Осмысление ассоциативных связей внутри констант в авторском дискурсе дает в результате знание, оформившееся в концепцию о *творчестве художника*, ядром которой становится концепт «конец», знаменующий границу своего - чужого внутреннего и внешнего пространств, означающий завершение определенного жизненного цикла.

ABSTRACT

The article discusses the concept as a sensemaking constant of a writer's artistic picture of the world, reflecting special features of his artistic consciousness. The author of the article states that the concept is a philosophical-aesthetic phenomenon of sociopsychological nature, that forms cultural values, that has the multidimensionality of objectivation and the text-generating function. The artistic conception and sphere of Tsvetaeva poetry during her Czech period is built on the base of ideas the strange land and the end. The fundamental ideas in her artistically space (strange land) becoming the words strange, other, love, destruction, death, oblivion. Looking and thinking about these concepts in the author's discourse gives you, as a result, a knowledge about the artist, that can be called as end - in that case the symbol of the boundary between my and not-mine space, the end of a vital cycle.

Ключевые слова: поэзия М. Цветаевой; концепт *конец*; репрезентанты концепта; интеллектуальный дискурс.

Keywords: poetry of M. Tsvetaeva; the concept of *the end*; representatives of the concept; of

intellectual discourse.

Концептуальная картина мира М. Цветаевой чешского периода связана с изменением системы ее ценностных координат, с репрезентацией нового характера социально-культурных концептов в творчестве поэта. Если исходить из того, что образные ассоциации всегда индивидуальны и обусловлены жизненным опытом личности, то метафорические образы вносят дополнительные коннотации в художественное содержание текстов. Образные репрезентации М. Цветаевой в рассматриваемый нами чешский период нередко негативны и включают в себя элементы аффективно-когнитивного плана. Исследование ключевых концептов в творчестве поэта (*жизнь, смерть, судьба, любовь, творчество*) как философско-эстетических феноменов, имеющих социопсихическую природу, аксиологическую значимость и многомерность объективации, расширяет перспективы глубинных интерпретаций художественных текстов.

С одной стороны, Чехия для М. Цветаевой - это место, где она встретила свою настоящую любовь, здесь родился ее долгожданный сын, в Чехии она обрела друзей, с которыми переписка продолжалась всю жизнь, здесь были написаны проникновенные страницы ее эпистолярного наследия, лучшие произведения о любви (*«Поэма Горы», «Поэма Конца», «Крысолов» и др.*), с другой стороны, Чехия - это обостренное осознание конечности жизни и непрочности человеческих отношений, настойчивые рефлексии по поводу смерти, это потеря читателя, ситуация, драматично воспринимавшаяся поэтом, это бедность, граничащая с нищетой, и одиночество.

Центром художественной концептосферы в творчестве Марины Цветаевой 1922-1925гг. становится концепт *чужбина*, который образует вокруг себя особое смысловое поле - периферию, состоящую из концептов, находящихся с ядерным концептом в различных взаимосвязях. Это такие концепты, как *жизнь, смерть, любовь, судьба, творчество, земля, родина, дорога, путь, конец* и др. Все концепты художественной концептосферы объединены общим содержательным компонентом, связанным с эмиграцией, с Чехией, который наиболее явно представлен в центре концептосферы и постепенно угасает к периферии. Структура концептосферы динамична, содержательный состав центра и периферии находятся в постоянном движении и имеет тенденцию к изменениям. Значимыми являются все выше выделенные нами концепты, максимальную смысловую нагрузку несут блоки, выражающие когнитивную доминанту. Исходя из того, что субъектом научных достижений является исследователь, в качестве определяющих концептов мы выделяем такие как *чуждой, другой, ограничение, завершение, финал, гибель, небытие* и соответствующие им понятия.

Осмысление связей внутри этих концептов в авторском дискурсе дает в результате знание, оформившееся в концепцию о *творчестве художника чешского периода (1922-1925гг.)*, ядром которой становится концепт *конец*, означающий завершение жизненного цикла, знаменующий границу *своего – чужого, внутреннего - внешнего* пространств и окончание временного цикла. На периферии исследовательского замысла концепт *конец* рассматривается как апокалиптическое явление, смерть, уход, торжество небытия. Если концепт *конец* имеет для поэта условно временной характер, то с концептом *небытие* связаны прежде всего пространственные характеристики. Идея *конца* становится базовым для обозначения конца бытия, являет собой завершение временного цикла с прекращением существования как такового. Концепт *конец* таким образом заключает в себе последнюю грань, за которой не может быть ничего, у конца в этом случае нет будущего. *Небытие* - это иное, другое существование, потенциальная возможность иного бытия, и является условно пространственной категорией. Если смерть - естественное завершение жизненного цикла, окончание жизненного пути, за которым однако нет конца, в этом смысле смерти как таковой нет, это начало нового бытия - в иной сфере, *небытие* же как пространственная категория - это нечто неизведанное, непознанное, но всегда наделенное определенной авторской коннотацией.

В цикле «Сивилла», датированном 1922 - 1923 гг., поднимается вопрос о жизни и смерти, о жертвенном пути художника, его высоком предназначении: «Сивилла: *выжжена...*», «Сивилла: *выпита...*», «Сивилла: *выбыла...*» (Цветаева 1995: II, 136). «Сивилла: *выбывшая из живых*» для обретения вечной жизни в духе, в «*дивном голосе*», в *слове Бога* - концептуализируется утверждением «*То, что в мире смертью/ Названо - паденье в твердь*» (Цветаева 1995: II, 138). Образ цветаевской героини близок трактовке пророчицы Рильке из одноименного стихотворения поэта (Рильке 1907). Бессмертие воспринимается Цветаевой как осуждение на пребывание в мире дольном, мире земном, мире явлений, но не сущностей. Отсюда рождаются строки заключительного стихотворения цикла: «*Плачь, маленький, и впредь, и вновь:/ Рождение - паденье в кровь,/ И в прах,/ И в час...*» (Цветаева 1995: II, 138). Жизнь в пространстве «земных примет» оценивается как пребывание в мире преходящих ценностей, мимолетных радостей и суетных намерений. Грядущая смерть сулит познание высшего бытия, божественного света и вечного блаженства. Твердь рассматривается как небесный свод, божественный купол. Первый шаг в жизнь - первая ступень феноменального мира, «*ступень оставлена*», «*из днесь - в навек*» (Цветаева 1995: II, 138). Человек, как часть Космоса, по Цветаевой, вовлечен в его непрерывное движение и подобно Космосу заключает в себе все его качественные характеристики: светлое чередуется с темным, добро со злом, жизнь со смертью. Обозначенные противоположности составляют нерасторжимое единство, более того, все эти

понятия относительны. Смерть есть становление ее противоположности, и наоборот; умирая, человек тем самым просыпается от смерти плотского существования. Гераклит, горячо почитаемый Цветаевой, писал: «Человек в (смертную) ночь свет зажигает себе сам; и не мертв он (потушив очи), но жив» (Гераклит Эфесский 1910: 13). Так идет непрерывная смена рождений и умираний: «Смерть, маленький, не спать, а встать, / Не спать, а вспать» (Цветаева 1995: II, 138). Со смертью человека рождается его душа, душа умершего имеет собственный свет и как таковая, она предсуществующая душа. «Но узришь! То, что в мире - век/ Смеженье - рожденье в свет// Из днесь -/ В навек» (Цветаева 1995: II, 138), - пророчествует Сивилла Цветаевой. С точки зрения земной жизни, Высший мир полон чудес и щедрот: радостной легкости и света, и единственным утешением человеку может служить мысль о вечной жизни за пределами реального мира. Ср. у П. Флоренского: «Смерть и рождение сплетаются, переливаются друг в друга. Колыбель - гроб, и гроб – колыбель. Рождаясь - умираем, умирая - рождаемся. И всем, что ни делается в жизни - либо готовится рождение, либо зачинается смерть. Звезда Утренняя и Звезда Вечерняя - одна звезда. Вечер и утро перетекают один в другой: «аз есмь Альфа и Омега» (Флоренский 1995: II, 6). Душа бессмертна, считала М. Цветаева, и только меняет место своего обитания. С точки зрения обычного земного существования, смерти нет, это лишь «календарная ложь». Дата смерти - это начало новой жизни за пределами реальности. «Путем обратным» называет М. Цветаева жизнь, путем в Вечность, в иное бытие, где нет временного, преходящего. Представления эти вполне соответствовали традиционным христианским представлениям: «По своей внутренней, таинственной стороне смерть есть **конец** земной временной жизни и начало иного, вечного жития, есть неизбежный путь, которым человек вступает в будущую жизнь. Поэтому, первенствующие христиане называли обыкновенно день кончины верующего днем рождения его для вечной жизни со Христом» (Тихомиров: 2011, 26).

Развивая тему судьбы поэта в стихотворении «Но тесна вдвоем...», Цветаева говорит о ригоризме земного бытия творческого человека, об избраннической судьбе поэта, его одиночестве и гордо стоической позиции перед земными соблазнами: «Ты и путь и цель/, Ты и след и дом./ Никаких земель/ Не открыть вдвоем.// В горный лагерь лбов/ Ты и мост и взрыв./ (Самовластен - Бог/ И меж всех ревнив» (Цветаева 1995: II, 139]. И. Шевеленко называет позицию поэта максимальной автономизацией собственного бытия, от которого после смерти не должно остаться «земных примет» (Шевеленко 2002). «Ибо раз голос тебе, поэт, / Дан, остальное - взято» (Цветаева 1995: II, 324).

В «Орфее и Эвридике» Цветаева продолжает диалог о жизни и смерти, о судьбе художника. Смерть представляется только видимой частью всецелой жизни, не концом, а началом подлинного существования. Уход поэта расценивается как ритуальное

жертвоприношение. Неслучайно в письме к Б. Пастернаку Цветаева писала: «Будь я Эвридикой, мне было бы... стыдно – назад!» (Цветаева 1995: VI, 254). Строки эти созвучны признанию Р. Рильке в его «Реквиеме по одной подруге», где поэт упрекает умершую подругу за ее суетность и непонимание всей сущности происшедшего: она как будто все время стремится назад, в мир живых, *«теряя вечности кусок/ на вылазки сюда, мой друг, где все/ в зачатке, что впервые пред лицом/ вселенной, растерявшись, ты не вдруг/ вникаешь в новость бесконечных свойств...»* (Рильке 1977: 20). В тексте Цветаевой в отличие от рильковского «Реквиема» героиня - «внутри зрящая» - наделена более зрелым видением сути вещей. Поступок Орфея, нисходящего в Аид, оценивается героиней как «превышение полномочий»: *«Не надо Орфею сходить к Эвридике/ и братьям тревожить сестер»* (Цветаева 1995: II, 183). В данном стихотворении прозвучали реминисценциями темы «Дочери Иаира» и «Молодца» - тексты-резонансы с установкой на мотив «ухода поэта». Цикл «Дочь Иаира», состоящий из двух художественных текстов - предтеча замысла «Молодца». В первом стихотворении – о смерти дочери царя: *«Дочь Иаира простилась/ С куклой (с любовником!) и с красотой»* (Цветаева 1995: II, 96) утверждается автором, что смерть «юным к лицу». Второе стихотворение повествует о воскрешении героини Христом, которое совершается против ее воли. История дочери Иаира излагается в Евангелиях от Матфея (Библия 1991: 18-26), от Марка (Библия 1991: 35-43) и от Луки (Библия 1991: 41-56). В цветаевской же интерпретации дочь Иаира не желает возвращения к земной жизни. Если в предшествующих произведениях М. Цветаева писала о порыве из земного пространства в небытие, о чаемом перемещении в другую реальность как венце индивидуального существования, то теперь темой творчества становилась история о возвращении на землю той, кто уже изведал мир иной, на ком уже навсегда запечатлён «бессмертный загар Вечности». Подчёркивается обретенное в смерти благо и бросается упрёк Христу за воскрешение «душе вопреки». Возвращение к земной жизни чревато неразрешимым конфликтом – *«между любовником / И ею – как занавес / Посмертная сквозь»* (Цветаева 1995: II, 97). Впредь, в земной жизни, «в мире хлеба и лжи» героине суждено сохранять связь с потусторонним миром, в котором она недолго пребывала: пережитое по другую сторону «занавеса» будет иметь неуничтожимую власть над ней.

В стихотворении М. Цветаевой эмоционально-содержательным центром повествования является образ Эвридики, самый драматичный момент мифа – оборот Орфея – М. Цветаева опускает. В ее вариации мифа фабулы нет как таковой, психологический сюжет подчинён определённой задаче – передать размышления Эвридики о непреодолимости преграды между миром живых и миром мёртвых. Примечательны наблюдения И. Шевелевой относительно типа повествования в произведении, восходящего к медитативной лирике (Шевеленко 2002).

Последние две строки произведения обретают значение закона: умершая и пребывающая в мире «бессмертья» Эвридика объясняет Орфею, что ей уже не дано вернуться к прежнему переживанию любви. «Просторный покроя бессмертья», которым отмечена обитательница Аида, прямо «цитирует» облик умершей дочери царя Иaira, но в отличие от последней, Эвридика не переживает драму возврата, а постигает драму своей неспособности к возврату. Она пребывает в мире, где нет ни рук, ни уст, том самом мире, которым соблазняла доброго молодца героиня поэмы «Переулочки». Этот мир находится по ту сторону страсти: «С бессмертья змеиным укусом/ Кончается женская страсть» (Цветаева 1995: II, 183)], - утверждает Эвридика. Однако страстность речи героини противоречит её признанию. «Покой беспамятности» – это лишь вожденная мечта, а действительность - в невозможности забыть любовь, даже отрицая свою способность к ней. В 1923 году М. Цветаева говорила устами Эвридики о том, как мучительно осознание своего земного естества после уже совершенного выбора в пользу неземного покоя и отрешённости, того выбора, что сделан М. Цветаевой в «Ремесле» и в стихах 1922 года. Трагическое состояние *промежутка* между покоем и страстностью, между жизнью и небытием – вот что открывает для себя и переживает цветаевская Эвридика. Приобретённое знание не позволяет героине вернуться к её первоначальному состоянию, и здесь М. Цветаевой близка позиция рильковской Эвридики. В стихотворении Р. Рильке «Орфей, Эвридика, Гермес» Орфей терпит поражение в силу своего ограниченного опыта и знаний о жизни и смерти. Он стремится вернуть возлюбленную к жизни, но Эвридика слишком далека от этой мысли, она «вкусила» от сладкого плода и в полной мере познала радости и жизни, и смерти. Орфей для нее сегодняшней просто не существует: «Она – плод созревший – сладостью и мраком...». Здесь просматривается отношение Рильке к онтологическим проблемам жизни и смерти. Смерть для Рильке – это часть действительности, и пренебрегать этим знанием – значит сознательно игнорировать отдельными сторонами жизни в её естественных проявлениях. Человек живёт в мире снов, в мире своих представлений о жизни, и что-то бесконечно важное ускользает от его сознания. Что значит опыт смерти? По Рильке, истинную цену жизни возможно познать, только вкусив опыт смерти. Умершая Эвридика становится частью природы, мира, красоты – «растраченным залогом» - «все - в ней, она – во всем...». В ней, мёртвой, сосредоточено больше смысла, больше жизни, чем в нем живом. «Ибо в призрачном доме /Сем – призрак ты, сущий, а явь – /Я, мёртвая...» (Цветаева 1995: II, 183). Эвридика, постигая «просторный покроя бессмертия», становится самой сущностью, «подземным корнем», началом, из которого произрастает жизнь.

В чешский период на пике эмоционального взлета, в период переоценки всех ценностей и морально-этических установок Цветаевой были написаны самые проникновенные стихи о любви, вдохновленные короткой, но очень яркой историей взаимоотношений с К.Б. Радзевичем («Поэма Горы» (1924), как и «Поэма Конца» (1924), стихотворения «Брожу - не дом же плотничать...» (1923), «Люблю - но мука еще жива...» (1923), «Ты, меня любивший фальшью...» (1923)). М. Цветаева всегда мечтала о «любви на воле, под небом, о вольной любви, тайной любви, не значащейся в паспортах, о чуде чужого. О там, ставшем здесь» (Цветаева 1995: VI, 365). Из письма к Пастернаку: «Знаешь, чего я хочу - когда хочу. Потемнения, посветления, преображения. Крайнего мыса чужой души - и своей. Слов, которых никогда не услышишь, не скажешь. Небывающего. Чудовищного. Чуда» (Цветаева 1995: VI, 264).

Попытка художественного осмысления такого чуда была осуществлена в «Молодце», несколько позже чудо засвидетельствовано в жизни. Так была воспринята встреча с Константином Болеславовичем Радзевичем. «Вы сделали надо мной чудо, - писала она ему, - я в первый раз ощутила единство неба и земли. О, землю я и до Вас любила: деревья! Все любила, все любить умела, кроме другого, живого. Другой мне всегда мешал, это была стена, об которую я всегда билась, я не умела с живыми! Отсюда сознание: не женщина, - дух! Не жить - умереть. Вокзал» (Цветаева 1995: VI, 660). Вокзал становится одним из образов-репрезентантов концепта *конец* в чешский период Цветаевой, образ вокзала представляет пространство ожидания, промежутка между и между. В октябре 1922г. еще близки воспоминания поэта о прошлом, о России, о родине: поэт ощущает сопричастность к ее судьбе: «Покамест день не встал/ С его страстями стравленными,/ Из сырости и шпал/ Россию восстанавливаю» (Цветаева 1995: II, 159). И здесь же: «Точно жизнь мою угнали/ По стальной версте - / В сиром мороке - две дали.../ (Поклонись Москве!)//. Точно жизнь мою убили./ Из последних жил/ В сиром мороке в две жилы/ Истекает жизнь!» (Цветаева 1995: II, 161). Но уже в апреле 1926 года в письме к Пастернаку, отвечая на предложенную им анкету, Цветаева заметит: «Жизнь - вокзал, скоро уеду, куда - не скажу» (Цветаева 1995: VI, 624). Необходимо отметить, что в середине 1920-х годов стихи Цветаевой буквально прорастают железнодорожной метафорикой: кассы, вокзалы, платформы, рельсы, шпалы, провода, насыпи, столбы и т.д., за каждым образом возникает целая цепь ассоциаций: вокзалы соединяют героев через пространства и расстояния и навсегда разводят их. В письме к Радзевичу, упоминая о пяти вокзалах Праги, Цветаева пишет, что при определенных «счастливых» обстоятельствах они могут превратить его жизнь в «сплошное расписание поездов» (Цветаева 2001: 43). С вокзальной топикой так или иначе связаны такие стихи, как «Рассвет на рельсах», «Какая разлилась Россия - в три полотнища!», «В сиром воздухе загробном...», «Хвала времени», циклы «Провода», «Рельсы», «Побег»,

«Крик станций», «Поед жизни» и др. Все настойчивее проводится мысль, что жизнь - временное пристанище, вокзал. Он олицетворяет собой разрыв человеческих связей, отношений, разминовение с самой жизнью. «В Бессмертье что час - то поезд! / Пришла и знала одно: вокзал./ Раскладываться не стоит» (Цветаева 1995: II, 230). «Мы мясо - не души! / Мы губы - не розы! / От нас? Нет - по нас / Колеса любимых увозят!» (Цветаева 1995: II, 227) и «Жизнь - рельсы! Не плачь! »/ Полотна - полотна - полотна...» (Цветаева 1995: II, 227). Трагично заканчивается одно из самых экспрессивных стихотворений этого периода «Поезд жизни»: «Так через радугу всех планет/ Пропавших - считал-то кто их? / - Гляжу и вижу одно: конец. / Раскаиваться не стоит» (Цветаева 1995: II, 231) и «...Под ногой/ Подножка - или не ног уж, Ни рук? Верстовая снасть / Столба... Фонари из бреда... О нет, не любовь, не страсть,/ Ты поезд, которым еду? В Бессмертье...» (Цветаева 1995: II, 233).

Любовь в ее вершинном проявлении, вдохновляющая и окрыляющая поэта, в конечном счете обернулась разрывом, трагедией как для самой Цветаевой, так и для героев ее произведений («Поэма Горы», «Поэма Конца»), познавших ад несвободы, боли и отчаяния («любовь – живодерня!»): «Любовь – это плоть и кровь./ Цвет, собственной кровью полит» (Цветаева 1995: III, 35), любовь — это «ирам /на ираме» (Цветаева 1995: III, 35), это «лук/ натянутый» (Цветаева 1995: III, 35), это «все дары/ В костер, — и всегда — задаром!» (Цветаева 1995: III, 35). «Жестком к белку/ Леплюсь, самоедом к меху/ Теснюсь, леплюсь, Моцусь»; «И жмусь,/ И жмусь... И неотторжима»; «Плю - щом впилаь,/ Клещом - вырывают с корнем!» (Цветаева 1995: III, 35). Эмоциональное проявление чувств героев всегда диссонировало с предощущением конца, предчувствием неминуемой разлуки возлюбленных: «Сверхъестественнейшая дичь!/ Звук, от коего уши рвутся,/ Тянутся за предел тоски...»; «Расставаться - ведь это гром / На голову.../Океан в каюту! / Океании крайний мыс!» (Цветаева 1995: III, 45).

Вкусившие плод любви не в силах отказаться от его упоительного аромата, «зерно гранатовое», символизирующее стихию страсти, испытанную однажды, будет порождать мириады перевоплощений через свои бесчисленные семена. Миф о божественной Персефоне символизирует вечные поиски человеческой души своего рая. Душа вечна, но она часто оказывается во власти преходящего, причастна судьбе преходящего. Вкусившая плод нового знания, душа не может долго пребывать на вершинах божественного, безграничного и будет снова и снова возвращаться в мир преходящего, влекущего своими соблазнами. В конечном счёте, она оказывается прикованной к материальному миру и становится рабой страстей. Земная жизнь - искупление предыдущих существований, но в человеке всегда живёт надежда на очищение, возрождение души через приобщение к высшим, божественным сферам. Пока душа хранит память о своём небе, не смотря

ни на какие земные испытания и соблазны, она не потеряет своей сущности. *«Говорят - тягую к пропасти / Измеряют уровень гор»* (Цветаева 1995: III, 26).

В «Поэме Конца» смысл заглавия восходит не только к гибели любви, но и концу самой жизни, в ее бытийном, космическом плане. Сквозная метафора - *конец*, отражая мироощущение поэта, становится ключевым образом произведения. Уже начало поэмы знаменует экспрессия формы и смысла: *«В небе, ржавая жести, / Перст столба...»* (Цветаева 1995: III, 31). Предощущение гибели, конца обретает всеобъемлющий характер: *«Небо дурных предвестий: / Ржавь и жесть»* (Цветаева 1995: III, 31). Если исходить из того, что образные ассоциации индивидуальны и обусловлены жизненным опытом, то метафорические образы вносят дополнительные коннотации в представление о художественном содержании текстов. Цветаевой близки герои, противостоящие миру обыденных вещей и явлений, предпочитающие быть вечными пленниками другого пространства, граничащего с инобытием. Свое в таком случае становится чужим, неприемлемым для полноценной духовной жизни, а поэтому «конец» (мнимый или действительный) рассматривается героями как естественный финал поисков и обретений. Но пока души героев хранят память о своем небе, они остаются на прежней высоте, не теряя своей первоначальной сущности; при этом всегда сохраняется ощущение хрупкости бытия, страх потерять возлюбленного, и отсюда - осознание близости любви и смерти: *«Та гора на мне - надгробием»* (Цветаева 1995: III, 28). *«Душа, в ранах сплошных, / Рана – сплошь»* (Цветаева 1995: III, 29), *«Смерть - и никаких устройств!»* (Цветаева 1995: III, 36), *«Смерть с левой, с правой стороны - / Ты. Правый бок как мертвый»* (Цветаева 1995: III, 33), *«Уедем. - / А я: умрем, / Надеюсь»* (Цветаева 1995: III, 35-36). *«Любовь, это значит: жизнь». <...> «Смерть - и никаких устройств!»* (Цветаева 1995: III, 35-36).

Цветаева сопрягает лежащие в разных плоскостях понятия, достигая высочайшей выразительности и глубокого индивидуального смысла. С образами любви и смерти связан мотив верности: *«Мертвые верны»* (Цветаева 1995: III, 33). Лишь «интранзитивная» любовь, по М. Цветаевой, любовь непереходящая, ни накого не направленная, не требующая взаимности, является подлинным, глубинным, а по сути своей религиозным (эротическим) опытом любви. Истинное проявление любви, по Цветаевой, это проблески идеального, должного, оттого конец всегда неизбежен. Но если исходить из того, что конец – это завершение всякого действия, как смерть – предел существования, завершение жизненного цикла, сила и полнокровность жизни обуславливает трагизм и величие конца: *«Преувеличенность жизни / В смертный час»* (Цветаева 1995: III, 32), *«С этой горы, как с крыши / Мира, где в небо спуск...»* (Цветаева 1995: III, 22). Чудесным полетом в “огнь-синь”

завершаются судьбы героев поэмы «Молодец» («Свились,/ Взвились:/ Зной - в зной, /Хлынь - в хлынь!/ До -мой/ В огонь синь»), Песней Песен венчается история возлюбленных «Поэмы Горы» и «Поэмы Конца», драматичен финал поэмы «Крысолов», где увод детей Флейтистом и их трагическая гибель в озере завершают историю города Гаммельна, лишённого будущего.

Исследование ключевых концептов в творчестве поэта (*жизнь, смерть, судьба, любовь, творчество* и др.) как философско-эстетических феноменов, имеющих социопсихическую природу, нравственно-этическую и аксиологическую значимость, расширяет перспективы глубинных интерпретаций художественных текстов. Актуальность изучения художественных концептов определяется важностью установления соотношения вещи и имени как свидетельства бинарности мира, для которого не приемлемы однозначность и категоричность. Номинативные доминанты художественных текстов обладают ярко выраженной индивидуальной коннотацией, актуализирующей особенности авторского художественного сознания, самоаффектацию души поэта. Перспективность апробированного подхода к концептному анализу литературных произведений М. Цветаевой чешского периода, открывающего новые грани в постижении особенностей ее литературного творчества, обнаружении характера динамики ее художественных достижений, очевидна.

Список литературы

- Библия. Новый завет (1991): Санкт-Петербург: Духовное просвещение.
- Гераклит Эфесский (1910): Фрагменты. Москва: Мусажет.
- Рильке Р.М. (1977): Новые стихотворения. Вторая часть. Москва: Наука.
- Тихомиров Е. (2011): Загробная жизнь или последняя участь человека. Москва: Отчий дом.
- Флоренский П.А. (1990): Собр. соч. в 2-х томах. Т. 2. Москва: Изд-во: Правда.
- Цветаева Марина (1995): Собрание сочинений в 7 томах. - Том 2. Стихотворения. Переводы Москва: Эллис Лак.
- Цветаева Марина (1995): Собрание сочинений в 7 томах. - Том 3. Поэмы. Драматические произведения Москва: Эллис Лак.
- Цветаева Марина (1995): Собрание сочинений в 7 томах. - Том 6. Письма. Москва: Эллис Лак.
- Цветаева Марина (2001): Письма к Константину Родзевичу / Сост. Е. Б. Коркина. Ульяновск: Ульяновский Дом печати.
- Шевеленко И. (2002): Литературный путь Цветаевой: Идеология – поэтика – идентичность автора в контексте эпохи. М.: Новое литературное обозрение.

References

- Bibliya. Novyj zavet (1991): Sankt-Peterburg: Duhovnoe prosveshchenie.
- Geraklit Ehfesskij (1910): Fragmenty. Moskva: Musaget.
- Ril'ke R.M. (1977): Novye stihotvoreniya. Vtoraya chast'. Moskva: Nauka.
- Tihomirov E. (2011): Zagrobnaya zhizn' ili poslednyaya uchast' cheloveka. Moskva: Otchij dom.
- Florenskij P.A. (1990): Sobr. soch. v 2-h tomah. T. 2. Moskva: Izd-vo: Pravda.
- Cvetaeva Marina (1995): Sobranie sochinenij v 7 tomah. - Tom 2. Stihotvoreniya. Perevody Moskva: EHllis Lak.
- Cvetaeva Marina (1995): Sobranie sochinenij v 7 tomah. - Tom 3. Poehmy. Dramaticheskie proizvedeniya Moskva: EHllis Lak.
- Cvetaeva Marina (1995): Sobranie sochinenij v 7 tomah. - Tom 6. Pis'ma. Moskva: EHllis Lak.
- Cvetaeva Marina (2001): Pis'ma k Konstantinu Rodzevichu / Sost. E. B. Korkina. Ul'yanovsk: Ul'yanovskij Dom pečati.
- Shevelenko I. (2002): Literaturnyj put' Cvetaevoj: Ideologiya – poehtika – identichnost' avtora v kontekste ehpohi. M.: Novoe literaturnoe obozrenie

**«ДВЕНАДЦАТЬ СТУЛЬЕВ»
КАК ФЕНОМЕН ПЕРЕВОДНОЙ МНОЖЕСТВЕННОСТИ**

*Разумовская Вероника Адольфовна
Сибирский федеральный университет, Россия
veronica_raz@hotmail.com*

**“THE TWELVE CHAIRS”
AS TRANSLATION MULTIPLICITY PHENOMENON**

*Razumovskaya Veronica Adolfovna
Siberian Federal University, Russia*

АННОТАЦИЯ

Настоящая статья посвящена рассмотрению явления переводной множественности, предполагающей существование многочисленных вторичных текстов, возникших как результат внутриязыкового, межъязыкового и межсемиотического видов перевода. Материалом исследования стал центр переводной аттракции, формируемый оригиналом «сильного» текста русской культуры («Двенадцать стульев») и различными видами его переводов. В рамках центра образуется синкретический и мультимедийный «политекст», имеющий гетерогенную природу и представляющий уникальный семиотический объект. Интерпретации художественного текста И. Ильфа и Е. Петрова средствами вербальных и невербальных семиотических систем увеличивает переведённость романа, значительно расширяет аудиторию его «читателей» и способствует «сохраняемости» произведения во временном и культурном пространствах.

ABSTRACT

The present article is devoted to the analysis of translation multiplicity phenomenon, which presupposes the existence of numerous secondary texts that were generated as a result of intralingual, interlingual and intersemiotic types of translation. The center of translation attraction formed by the original “strong” text of Russian culture (“The Twelve Chairs”) and various types of its translation was used as the research material. A syncretic polylingual and multimedia “polytext” of heterogeneous nature and representing a unique semiotic object is formed within the framework of the center. The interpretations of I. Il’f and E. Petrov’s literary text by means of verbal and non-verbal semiotic systems noticeably increases the translatedness of the novel, expands the audience of its “readers” and promotes the “preservation” of the literary work in the temporal and cultural spaces.

Ключевые слова: «сильный» текст, интерпретация, неисчерпаемость оригинала, переводная множественность, повторный перевод, яacobsonianские виды перевода, центр переводной аттракции.

Keywords: “strong” text, interpretation, original inexhaustibility, translation multiplicity, retranslation, Jakobsonian types of translation, center of translation attraction.

История художественного переводоведения регулярно демонстрирует многочисленные примеры интерпретации одного текста, выполненные переводчиками в разное время на различные языки мира. Бесспорное лидерство в данном случае принадлежит тексту Библии – самой переводимой книгой за всю историю человечества. Статистические данные (октябрь 2017 года) свидетельствуют о том, что полный текст Библии или отдельные части Ветхого или Нового Заветов переведены на более чем 3200 языков (Wycliffe 2017). В соответствии с базой данных переводов ЮНЕСКО самыми переводимыми авторами мира являются А. Кристи, Ж. Верн и У. Шекспир, возглавляющие список из 50 авторов (Index Translationum). В указанном списке наиболее переводимые русскоязычные авторы представлены: В. И. Лениным (7 позиция), Ф. М. Достоевским (16 позиция), Л. Н. Толстым (23 позиция), А. П. Чеховым (42 позиция). Высокой степенью переводимости обладают тексты и других русскоязычных авторов, которые не вошли в список 50: А. С. Пушкин, М. С. Горбачев, М. Горький, Н. В. Гоголь, И. С. Тургенев, Л. И. Брежнев. Необходимо отметить, что используемая база данных выстраивает рейтинг по сумме зафиксированных переводов всех текстов перечисленных авторов. Среди текстов каждого автора, бесспорно, имеются несомненные лидеры по переводимости. Так, из текстов Шекспира наиболее популярным объектом перевода является «Гамлет» – одна из самых знаменитых пьес в мировой драматургии. Только на русский язык «Гамлет» переводился более тридцати раз. Известны и повторные обращения одного переводчика на различных этапах его профессиональной деятельности к тексту, который был им переведен. Так, в историографии английских переводов пушкинских текстов представлены варианты «Евгения Онегина» (новые переводы или существенные редакции выполненных ранее переводов), в авторстве одного переводчика: В. В. Набоков (1964 и 1975), Б. Дейч (1936, 1943 и 1964), У. Арндт (1963 и 1992), Ч. Джонстон (1977 и 2003), В. Либерсон (1975 и 1987). Примечательно, что появление новой версии происходит обычно через значительные временные интервалы после продолжительной рефлексии переводчика. Яркой иллюстрацией повторного обращения переводчика к ранее переведенному тексту может служить историография переводов сонетов У. Шекспира, которые были и продолжают оставаться популярными объектами перевода уже несколько веков. Так, русский поэт и переводчик Ф. Червинский предлагал варианты перевода 66 сонета на протяжении почти 25 лет: в 1880, 1882 и 1903 годах.

Каждый новый перевод одного художественного текста, выполненный как одним, так и несколькими переводчиками, не составляет с существующими переводами ортогональную ленту, некий «переводческий меандр», демонстрирующий высшую степень жесткой

регулярной повторяемости в переводе одного текста. Художественный оригинал и его иноязычные варианты представляют собой не пространство идентичных меандров, а сложную и многоцветную мозаику текстов, объединяемых на смысловой основе.

В современном научном дискурсе широко представлена тенденция к онтологической и методологической унификации, позволяющей обращаться к творчеству в науке и искусстве и его результатам с привлечением категорий из «чужих» областей науки и искусства, к которым изучаемые объекты непосредственно не принадлежат. Устойчивая тенденция к унификации созвучна с универсальным научным принципом дополнительности (по Н. Бору), который связан с проблемой единства знаний (во многом остающимся пожеланием к организации творческой деятельности) и предполагает описание объекта исследования с позиций различных (порой взаимоисключающих) подходов, которые находятся в отношении дополнительности.

В свете научной унификации особый интерес представляют «сильные» тексты культуры (Кузьмина 2009), формирующие центральную часть национальных литератур и традиционно рассматриваемые как интердисциплинарные научные объекты. «Сильные» тексты известны большинству «своих» носителей, знакомых с содержанием или знающих об их существовании, поскольку такие тексты включены в образовательные каноны наций. Важнейшей характеристикой «сильных» текстов является высокая реинтерпретативность – переводимость на другие формы «своего» языка, иностранные языки и на «языки» других искусств. Е. Эткин, обращаясь к выдающимся литературным текстам («сильным» текстам в терминологии Н. А. Кузьминой) в аспекте перевода, отмечал их «бесконечную смысловую перспективу», что определяет возможность появления не одного переводческого решения, а бесконечного множества таких решений (Эткин 1963: 395-396). Использование понятия перевода в широком смысле позволяет говорить о том, что «сильные» тексты являются регулярными объектами внутриязыкового, межъязыкового и межсемиотического перевода (Jakobson 1959), что увеличивает переводимость вербального оригинала и выводит «сильный» текст из моносемиотического пространства в пространство полисемиотическое.

Способность текста к высокой переводимости напрямую определяется неоднозначностью его информации, а также является убедительным свидетельством его эстетической ценности и культурной значимости. Информационная неоднозначность художественного оригинала напрямую связана с информационной неисчерпаемостью и, как следствие, генерирует переводную множественность – понятия, недавно пополнившие категориальную парадигму художественного переводоведения (Чайковский, Лысенкова 2001). Понятие неисчерпаемости оригинала, прежде всего, предполагает возможность

многочисленных интерпретаций его информации читателем (и, конечно, переводчиком как «сверхчитателем»). Количество вероятных интерпретаций информации художественного текста гипотетически бесконечно, поскольку оно может соответствовать потенциальному количеству читателей (переводчиков) данного текста. И это только в случае единичной интерпретации информации «сильного» оригинала одним субъектом. Но даже у одного читателя может быть несколько вариантов интерпретации информации одного текста в зависимости от внутренних и внешних факторов в различные периоды его жизни. К явлению переводной множественности, традиционно понимаемой как возможность существования нескольких переводов текста (чаще всего художественного) на один или более иностранных языков, переводоведы обратились сравнительно недавно. Тем не менее, уже можно говорить о выделении нескольких этапов изучения данного явления в историко-хронологическом аспекте (Шерстнева 2008). Появление в категориальной парадигме современного переводоведения переводной множественности связано с возникновением и развитием когнитивно-дискурсивного подхода к переводческим проблемам. Изменение статуса переводчика, смещение центра научного интереса в лингвистике от коммуникативно-прагматических вопросов к вопросам дискурсивно-лингвистического плана, выдвижение на ключевые позиции лингвокультурологии позволяют по-новому осмыслить эквивалентность и адекватность, являющиеся традиционными категориями переводоведения, и значительно расширяют зону переводческого выбора (Приказчикова 2012). Впервые понятие переводной множественности было введено в научный оборот А. В. Федоровым, а термин «переводная множественность» принадлежит В. Е. Шору. В дальнейшем явление переводной множественности было описано в специальных работах, посвященных причинам и условиям возникновения нескольких переводных вариантов одного художественного текста.

К основным (но далеко не единственным) причинам переводной множественности могут быть отнесены следующие: указанная выше неоднозначность информации оригинала, порождающая возможность его различных интерпретаций, а также эволюция литературной традиции языка и культуры перевода (смена требований к переводным текстам). Переводная множественность является проявлением творческого соревнования переводчиков, которые могут быть разделены во времени и пространстве. Также необходимо отметить, что понятие переводной множественности, традиционно используемое в российском переводоведении, сопоставило с понятием повторного перевода, представленном в зарубежных теориях перевода (Brownlie 2006; Koskinen K., Paloposki 2003; Wardle 2008) и определяемом как полиморфный жанр, потенциальное многообразие которого происходит из полиморфизма его функции и функций переводчика (Станиславский 2016). Зарубежные переводоведы часто

связывают повторный перевод с проблемой старения, а также несовершенства предыдущего перевода. Э. Пим предлагает разграничивать пассивные (разделены географическим расстоянием и временем и не влияют друг на друга) и активные (имеют общее культурное и временное местоположение) повторные переводы (Pym 1998). Понятия переводной множественности и повторного перевода, связанные явление поливариантности, тем не менее, не являются идентичными понятиями. Если о повторном переводе можно говорить относительно одного переводящего языка (и культуры) и наблюдать монолингвальностью вторичных текстов, являющихся результатом процесса перевода, то переводная множественность предполагает полилингвальность вторичных текстов, охватывает различные «чужие» культуры и устанавливается относительно всех возможных языков перевода.

Оригинал и генерируемые вторичные тексты формируют центр переводной аттракции, в котором оригинал выступает в роли аттрактора перевода, а переводы формируют поле переводимости аттрактора (Разумовская 2011; Разумовская 2016). «Сильные» художественные тексты традиционно формируют обширные центры переводной аттракции. Для русской культуры наиболее крупными являются центры со следующими аттракторами – «Слово о полку Игореве», «Евгений Онегин», «Преступление и наказание», «Мастер и Маргарита». Полевая структура центра формируется ядром (оригинал-аттрактор и все существующие и активно используемые переводы) и периферией (гипотетические переводы будущего и неактивные переводы, вышедшие из употребления в силу различных причин). Количество переводов оригинала-аттрактора определяет объем поля переводимости, служит индикатором переводимости и переведённости (как результата переводимости) оригинала в процессе взаимодействия национальных литератур, индексом его политекстуальности, отражающей степень интеграции художественного текста-перевода в единое пространство мировой литературы и культуры. Художественный оригинал и генерируемые им вторичные тексты взаимодействуют друг с другом, обеспечивая непрерывный межкультурный диалог национальных литератур в синхронии и диахронии. Вторичность как онтологическое свойство текста перевода отражает отношения перевода с оригиналом. В ряде случаев перевод начинает существовать сам по себе, обеспечивая рост оригинала и продолжая его жизнь (Benjamin 2002).

В отношении «сильного» оригинала межъязыковая полилингвальность и межсемиотическая поливариантность регулярно сочетаются по принципу дополнительности. Ярким примером такого комплементарного сочетания служат историографии переводов на иностранные языки романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» и его киноадаптаций.

Особым случаем сочетания поливариантности и полилингвальности является дублирование киноверсий для зарубежного проката.

«Двенадцать стульев» вышли в свет девяносто лет назад и стал первой совместной работой И. Ильфа и Е. Петрова. Все эти десятилетия роман остаётся одним из наиболее читаемых художественных произведений русской литературы XX века. Об этом убедительно свидетельствуют многочисленные переиздания романа большими тиражами. Так, только в 2016-2017 годах роман публикуется следующими издательствами: Азбука, Мартин, Вече, КМ-БУКС, Эксмо, Детская литература, АСТ. «В истории отечественной литературы роман И. А. Ильфа и Е. П. Петрова “Двенадцать стульев” занимает особое место. Впервые опубликованный в 1928 году, многократно переизданный, переведенный на десятки иностранных языков, он уже ко второй половине 50-х годов официально признан советской классикой» (Одесский, Фельдман 2000). Роман (как и последующее произведение авторов «Золотой теленок») часто называют «энциклопедией первых пятилеток советской власти» (Лурье 1997), а главного героя Остапа Бендера – «первым политехнологом». В романе детально описываются атрибуты быта, культура питания, работа различных учреждений, жизнь столицы и провинции и многие другие черты российской жизни 20-30-х годов. Следуя основной сюжетной линии, авторы рисуют образ современной им России. Каждый из героев романа представляет собой клише на представителей конкретной профессии, сословия или психотипа, а их имена стали именами нарицательными. Произведение, которое писалось по заказу власти, намного пережило описываемое в нем время и стало неотъемлемой частью русского культурного кода. Необходимо подчеркнуть – это сатирическая «энциклопедия», что объективно затрудняет восприятие, декодирования и, соответственно, перекодирование произведения. Если художественный текст представляет собой отображение реальной или вымышленной действительности посредством особого семиотического кода, то сатира является «кодом в коде» (двойным кодом) и требует от читателя особых знаний, умений и усилий для его дешифровки. Исследователи отмечают, что роман отражает комическую картину мира (Попченко 2005). Трудно найти другое произведения советской литературы, которое бы так быстро разошлось на цитаты и не утрачивает своей высокой цитатности уже почти сто лет. Можно с уверенностью утверждать, что роман стал первым советским бестселлером. Примечательно, что нередко цитаты из текста романа активно используются даже без его прочтения и знания авторства и происхождения высказываний. О «силе» текста также свидетельствует регулярное появление межъязыковых переводов романа. Уже в 1929 году был опубликован английский перевод. На настоящий момент известны четыре английских полнотекстовых перевода (1929 год – переводчик Э. Конкол; 1940 – Э. Хилл и Д.

Мунди; 1997 – Дж. Ричардсон; 2011 – А. Фишер). В 1929 году была создана и первая французская версия (перевод Ж.-В. Бинсток). Немецкий перевод Э. Брод и М. фон Прусс-Головатски издан в 1930 году в Цюрихе и Вене. Первый немецкий перевод переиздавался более десяти раз. Всего существует четыре немецкоязычных версии романа. Известны и четыре китайских перевода (1954 – Фэй Минцзюнь; 1984 – Ань Юйсень и Чжун Дин; 1985 – Сюй Чанхань; 2004 – Чжан Пэйвэнь). Д. Маркон и М. Лавон перевели роман на иврит. Роман неоднократно переиздавался на языках народов СССР, а также переводился на испанский, польский, голландский, норвежский, чешский, венгерский, шведский, сербский, болгарский, румынский, греческий, финский, датский, словацкий, итальянский языки.

Примечательно, что роман неоднократно «переписывался» и средствами других семиотических систем. Произведение И. Ильфа и Е. Петрова легло в основы киносценариев. Большой зарубежной популярностью роман обязан, прежде всего, киноадаптациям, а не «классическим» переводам. Интересно, что первая киноадаптация появилась не в СССР, а была создана польско-чешской киногруппой. Первая российская киноверсия романа (телеспектакль) появилась только в 1966 году (режиссер А. Белинский). Заметным культурным событием стала полная экранизация романа, вышедшая на экраны в 1971 году (режиссер Л. Гайдай). Через пять лет на экраны вышла киноверсия М. Захарова. Именно версии Гайдая и Захарова получили наибольшую известность в России. Нередко знакомство с «Двенадцатью стульями» ограничивается кинотекстами, которые часто воспринимаются как первичные тексты, а не как киноадаптации опубликованных ранее художественных произведений. Для англофонной культуры, несмотря на существование нескольких английских и американских переводов и кинопереводов, подобной первичностью обладает фильм «The twelve chairs», снятый в 1970 году американским кинорежиссером и актером Мелом Бруксом. Критические отзывы о «переводе» Брукса не умоляет его культурного значения и ценности для знакомства представителей «чужих» культур с русской культурой. Указанный «перевод» на язык кино является самым известным для зарубежных (прежде всего, американских) зрителей. Киноверсия Брукса достаточно точно следует русскому первоисточнику (несмотря на ряд сокращений и изменений), тогда как большинство кинорежиссеров очень вольно трактовали события книги, меняли образы героев (возраст, пол, национальность), переносили действие в другие страны и временные периоды. Важно отметить, что вторичность киноверсии Брукса подчеркивается её автором наличием в титрах наряду с английской версией названия фильма на русском языке. Создатели киноверсий нередко использовали в их названиях число «12» на «13», которое с древних времен символизирует несчастье и имеет устойчивые негативные коннотации. Использование числа

«13» в названии сигнализирует зрителям фильма о его неудачном финале. В некоторых случаях создание новой киноверсии представляет собой «перевод» предшествующего фильма. Так, немецкий фильм 1938 года «13 Stühle» является ремейком польско-чешской киноверсии 1933 года «Dvanáct křesel», в названии которой сохранено число оригинала «12», но стулья заменены на кресла.

Помимо киноверсий формами «новой жизни» вербального оригинала, возникшим в результате межсемиотического перевода, являются скульптуры, аудиокниги, балет, мюзикл, а также иллюстрации к книжным изданиям. В рамках центра переводной аттракции, образованного вокруг вербального оригинала различными видами перевода и являющегося результатом информационной неисчерпаемости оригинала и, как следствие, переводной множественности, формируется синкретический и мультимедийный «политекст», который имеет гетерогенную природу и представляет собой уникальный семиотический объект.

Рассмотренные теоретические вопросы и анализ конкретных примеров переводной множественности на материале романа «Двенадцать стульев» и его вторичных текстов различной семиотической природы позволяет утверждать, что данная научная категория не может ограничиваться только областью перевода (прежде всего, художественного). Генерирование многочисленных иноязычных и иносемиотических вариантов «сильного» оригинала увеличивает его переводимость и степень переведённости, что напрямую способствует проникновению романа в многомерное культурное пространство мира и его успешной культурной «судьбе» там. Таким образом, переводная множественность является универсальной культурной категорией, обеспечивающей культурное разнообразие мира. Исследование переводной множественности только начинается и, соответственно, требует ответов на вопросы о пределах переводимости, причинах непереводаемости, а также о природе единиц перевода.

Список литературы

- Кузьмина Н. А. (2009): Интертекст: тема с вариациями. Феномены культуры и языка в интертекстуальной интерпретации. Омск: Издательство Омского государственного университета.
- Лурье Я. С. (1997): В краю непуганых идиотов, Россия древняя и Россия новая (Избранное), СПб.: Дмитрий Буланин, 266-269.
- Одесский М., Фельдман Д. (2000): Литературная стратегия и политическая интрига: «Двенадцать стульев» в советской критике рубежа 1920 -1930-х годов, Дружба народов, 12. URL <http://magazines.russ.ru/druzhba/2000/12/odess.html> (дата обращения: 01.08.2018).

- Попченко И.В. (2005): Комическая картина мира как фрагмент эмоциональной картины мира (на материале текстов И. Ильфа и Е. Петрова): автореф. дис. ... канд. филол. н., Волгоград.
- Приказчикова Е. В. (2012): Перевод: подходы к интерпретации понятия и обоснованность существования категории переводной множественности, Лингвистика. Вестник МГОУ, 6, 70-75.
- Разумовская В. А. (2011): «Евгений Онегин» как центр переводческой аттракции: к вопросу о неисчерпаемости художественного оригинала, Материалы конференции «Congreso Internacional “Investigaciones comparadas ruso-españolas: aspectos teóricos y metodológicos”». (Granada, 7–9 de septiembre de 2011), Granada: Jizo, 584-589.
- Разумовская В. А. (2016): Центры переводной аттракции как результат переводной множественности «сильного» оригинала, Материалы конференции «Русский язык в мировом контексте и международных организациях: международный форум; 28.09-3.10, 2016 г., Рим, Италия», М.: Издательство «Форум», 348-356.
- Станиславский А. Р. (2016): Расширяя научные горизонты: повторный перевод vs. переводная множественность, Гуманитарные научные исследования, № 1. URL: <http://human.snauka.ru/2016/01/13734> (дата обращения: 01.08.2018).
- Чайковский Р. Р., Лысенкова Е. Л. (2001): Неисчерпаемость оригинала. 100 переводов «Пантеры» Р.М. Рильке на 15 языков. Магадан: Кордис.
- Шерстнева Е. С. (2008): Переводная множественность как категория переводоведения: история, статус, тенденции, Известия РГПУ им. А.И. Герцена, 73-1, 525-532.
- Эткинд Е. (1963): Пoesия и перевод. М.-Л.: Советский писатель.

References

- Benjamin W. (2002): The task of the Translator, Selected writings, vol. I, Cambridge, Mass.; London: The Belknap Press of Harvard University Press, 253-263.
- Brownlie S. (2006): Narrative Theory and Retranslation Theory, Across Languages and Cultures, 7 (2), 145-170.
- Jakobson R. (1959): On Linguistic Aspects of Translation, On Translation, Cambridge: Harvard University Press, 232-239.
- Koskinen K., Paloposki O. (2003): Retranslations in the Age of Digital Reproduction, Cadernos de Tradução, 11 (1), 19-38.
- Рым А. (1998): Method in Translation History. Manchester: St. Jerome.
- Wycliffe Global Alliance. (2017): http://resources.wycliffe.net/statistics/Tall%20Infographic_2017_EN.pdf (retrieved: 01.08.18).

Index Translationum. (n.d.): <http://www.unesco.org/xtrans/> (retrieved: 01.08.18).

Wardle M. L. (2008): Re-translation: a literary and/or commercial phenomenon, Sapienza Università di Roma. URL: <http://seai.uniroma1.it/?q=en/node/106> (retrieved: 01.08.18).

ИСТОРИЯ И ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ПЕРЕВОДА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НА БАСКСКИЙ ЯЗЫК: 1956-2017

Iker Sancho Insausti
Университет Страны Басков (EHU-UPV), Испания
iker.sancho@ehu.eus

HISTORY AND FEATURES OF DEVELOPMENT OF TRANSLATION OF RUSSIAN LITERATURE IN BASK LANGUAGE: 1956-2017

Iker Sancho Insausti
EHU-UPV, Испания

АННОТАЦИЯ

В 1956-ом году увидел свет первый баскский перевод русского литературного текста – рассказ «Отец семейства» А.П. Чехова, а в 2017 году вышла баскская версия повести Л.Н. Толстого «Хаджи Мурат». Между этими произведениями – 61 год истории перевода русской литературы на баскский язык, которые можно разделить на три этапа: первый этап (1956-1970) охватывает вторую половину правления Франко, очень отрицательно сказывающегося в развитии баскского языка. Второй этап (1982-1994) начинается уже после становления демократии, и длится до 1994 года. Третий этап (1995-2017), начинается с момента опубликования романа «Мать» М.А. Горького, первое произведение русской литературы, переведённое непосредственно с русского языка, и заканчивается в 2017 году.

ABSTRACT

In 1956, a short story by A. Chekhov became the first Basque translation of a Russian literary work. In 2017, Tolstoi's Hadji Murad was published in Basque. Between these two translations, the agenda of translating Russian literature into Basque has elapsed more than 60 years. Its history can be divided into three stages: the first stage (1956-1970) covers the second half of Franco's dictatorship. The second stage (1982-1994) ranges from the restoration of the democracy to 1994. The third period (1995-2017) begins in 1995 with the first direct translation from Russian into Basque and ends in 2017, when the last Russian novel was published in Basque.

Ключевые слова: баскский язык, перевод, русская литература, периодизация, Чехов, Толстой, Горький.

Keywords: Basque language, translation, Russian literature, periodisation, Chekhov, Tolstoy, Gorky.

Введение

Начиная с 70-ых годов, исследователи в области переводоведения почувствовали необходимость отказаться от норм, заранее предписывающих процесс перевода (прескриптивного переводоведения) и перейти к дескриптивному (описательному)

переводоведению. Важный теоретический и методологический вклад в развитие описательного переводоведения внесли теория полисистем (Эвен-Зохар 1978) и концепция «переводческих норм» (Тури 1980, 1985, 1995), в рамках которых при анализе переводных текстов центр внимания перемещается от исходной системы к целевой системе. Таким образом, общество, которое принимает переводную литературу, оказывает существенное влияние на процесс её создания. По словам Г. Тури, «...очевидно, что с точки зрения исходного текста и исходной системы, переводы не имеют большого значения, даже если все члены исходной культуры знают о существовании этих переводов. Переводы покинули исходную систему, они уже не в состоянии повлиять на исходный текст. Зато они безусловно могут повлиять на целевую культуру, на целевой язык» (Тури 1985: 19).

В рамках теории полисистем, Эвен-Зохар делает открытие, которое крайне актуально именно для баскского языка: он выделяет 3 ситуации, когда центральное место может занять именно переведенный текст (Эвен-Зохар 1990: 47):

- Первая из них – это ситуация, когда «молодая» литература находится в процессе становления и еще не сложилась в полисистему. В этом случае авторы «молодой» культуры обращаются к более зрелым литературам в поисках готовых моделей текстов разного типа.

- Вторая ситуация – это случай, когда литература небольшого народа периферийна или слаба по отношению к литературам доминирующим, более развитым.

- Третья ситуация развивается в переломные моменты, в периоды культурных или политических кризисов: вакуум, образовавшийся после отмирания старых моделей, быстро заполняется потоком новых идей и понятий, проникающих в культуру целевого языка через перевод.

Первые две ситуации явно относятся к баскской культурной системе, а третью можно связать с 60-ыми годами, которые действительно оказались переломными – это время становления единого для всех литературного языка, основания полуполигальных школ, где обучение велось на баскском языке.

Переводная литература может играть в полисистеме целевого языка самые разные роли: как подкреплять уже существующие модели, так и вводить в систему новые, оригинальные элементы. Из всего этого следует, что перевод занимает не периферийное, а центральное положение в полисистеме баскского языка.

Баскские переводы русской художественной литературы: 1956-2017

В 1956 году увидел свет рассказ «Отец семейства» А.П. Чехова на баскском языке. Это первый известный нам факт перевода русского литературного произведения на баскский язык. А совсем недавно, в 2017 году, вышла баскская версия повести Л.Н. Толстого «Хаджи Мурат». Между этими двумя произведениями – 61 год неравномерной и относительно скромной истории перевода русской литературы на баскский язык.

Учитывая разные факторы, влияющие как на переводческую деятельность, так и на баскскую литературную систему в целом, можно выделить 3 этапа в истории распространения русской литературы на баскской литературной и, следовательно, культурной почве.

Среди факторов, оказывающих влияние на проникновение русской литературы в баскскоязычный читательский мир, можно назвать в первую очередь те процессы, которые характерны для баскской культурной среды второй половины XX века и начала XXI века.

Первый этап (1956-1970) охватывает вторую половину диктатуры генерала Франко, очень отрицательно сказавшийся на развитии языков всех меньшинств в целом и баскского языка в частности. Тем не менее, именно данный период нашей истории является основополагающим для дальнейшего развития русской литературы на баскском языке.

Второй этап (1982-1994) начинается уже после становления демократии и длится до 1994 года. Этот этап можно назвать промежуточным периодом между появлением первых баскских переводов русских писателей и обретением относительной зрелости в данном направлении.

Третий этап (1995-2017) начинается с того момента, когда был опубликован роман «Мать» М.А. Горького, первое произведение русской литературы, переведённое непосредственно с русского языка, что представляет собой первый случай владения в высокой степени русским языком баскским переводчиком.

Первый этап: 1956-1970

0.1. Общая обстановка

Первый этап развития в области перевода произведений русских писателей на баскский язык относится ко второй половине диктатуры генерала Франко. В сверхцентралистской послевоенной Испании трудностей для развития баскского языка, баскской культуры было более чем достаточно. Помимо ограничения свобод и жестоких репрессий, которые касались всех без исключения регионов страны, у нацменьшинств были и другие дополнительные проблемы: запрет открыто пользоваться другими языками, кроме испанского, наряду с политикой языковой ассимиляции всех меньшинств. Испанский стал единственным языком образования, культуры, общественной жизни. Пресекалась любая попытка хоть как-то развивать баскский язык и культуру на нём, которая и без внешнего воздействия была в

довольно плачевном состоянии. Не следует забывать, что речь идёт о маленьком, генетически изолированном языке, который помимо внешних агрессий, никогда не пользовался особым престижем у своих же носителей.

Существовали также ограничения в человеческих ресурсах: все, кто до войны хоть как-то участвовал в развитии миноритарных языков и культур или защищал право регионов Испании на автономию, оказались на стороне, потерпевшей поражение в гражданской войне. Однако, несмотря на трудные условия работы и порой на непростые личные судьбы (ссылка, репрессии, тюрьма, запрет на въезд в Страну Басков и т.д.), даже в такой ситуации нашлись первооткрыватели, решившиеся заниматься неблагодарным и в те времена опасным делом развития баскского языка в условиях полной диктатуры.

0.2. Баскские переводы русской литературы в 1956-1970 гг.

Издание русских литературных текстов на баскском языке в период с 1956 по 1970 год ограничивается 7 короткими произведениями, переведёнными четырьмя разными переводчиками (таблица 1).

Таблица 1. Переводы 1956-1970

ГОД ИЗДАНИЯ (БАСК.)	НАЗВАНИЕ (БАСК.)	НАЗВАНИЕ (РУС.)	ПИСАТЕЛЬ	ПЕРЕВОДЧИК	ИЗДАНИЕ	ГОД ИЗДАНИЯ (РУС.)	ЖАНР	ПРЯМОЙ ПЕРЕВОД
1956	<i>Guraso zintzoa</i>	<i>Отец семейства</i>	ЧЕХОВ А.П.	Elizalde (Кольдо Мичелена ?)	Журнал EGAN	1885	РАССКАЗ	НЕТ
1959	<i>Getseman i'ko baratza</i>	<i>Гетсуманский сад</i>	ПАСТЕРНАК Б.Л.	Juan San Martin	Журнал OLERT I	1949	ПОЭЗИЯ	НЕТ
1960	<i>Udaberri a da</i>	<i>Весна</i>	ПАСТЕРНАК Б.Л.	Juan San Martin	Журнал OLERT I	1918	ПОЭЗИЯ	НЕТ
1965*	<i>Errusiako mintzoa</i>	<i>Русский язык</i>	ТУРГЕНЕВ И.С.	Bingen Ametzaga	SUSA (2006)	1882	ПОЭЗИЯ	НЕТ
1967	<i>Bide-laguna/Eztegu ospatua</i>	<i>Спутница/Свадьбы</i>	ЕВТУШЕНКО Е.А.	Santi Onaindia	Журнал OLERT I	1954/1955	ПОЭЗИЯ	НЕТ

1968	<i>Damia/G izon bat il dabe/Jazo ten yatana/G ure belaunald iko onenai</i>	<i>Сожале ние?/Че ловека убили/Со мною вот что происход ит/Луч шим из поколения</i>	ЕВТУ ШЕНКО Е.А.	Santi Onaindia	Журнал OLERT I	1956/195 7/1957/1 957	ПОЭЗИЯ	НЕТ
1970	<i>Biotz on, mutillak!</i>		ЕВТУ ШЕНКО Е.А.	Santi Onaindia	Журнал KARM EL (Календ арь Богомат ери Кармен ской)	1960??	ПОЭЗИЯ	НЕТ

За 14 лет переведены один рассказ А.П. Чехова и 6 стихотворений: две поэмы Б.Л. Пастернака, три стиха Е.А. Евтушенко и одно стихотворение И.С. Тургенева. Очевидно, что на первый взгляд 7 коротких переводов за 14 лет кажется ничтожным показателем. Этот первый этап отличается от двух последующих тем, что он состоит из отдельных, ярких личностей, работающих в культурной «пустыне» послевоенных лет.

Первым русским литературным произведением, которое стало доступным для баскскоговорящих читателей, стал рассказ А.П. Чехова *Отец семейства*, перевод которого был опубликован в 1956 году в журнале *Эган*. Автором перевода указан некий Элисальде. Очевидно, что это псевдоним, так как по форме он очень напоминает баскскую фамилию, но без упоминания имени, что крайне необычно в Стране Басков. По всей видимости, за псевдонимом Элисальде скрывается никто иной, как Кольдо Мичелена Элиссальт (1915-1987), знаменитый лингвист, писатель и общественный деятель, ставший впоследствии «отцом» стандартизации баскского языка, которая проводилась во многом благодаря его исследованиям в области баскского языка.

Мичелена родился в 1915 году в городе Рентерия, недалеко от Сан Себастьяна, в семье мастера-корзинщика. В детстве он сильно заболел и ему пришлось провести долгое время прикованным к кровати, в результате чего он проникся страстью к чтению. Когда ему было десять лет, он получил стипендию и смог учиться дальше. В 15 лет он стал работать на заводе после того, как его отец стал нетрудоспособным. Тем не менее Мичелене удалось совместить работу с учёбой. В 18 лет он стал членом Баскской Националистической Партии (БНП) и профсоюза ЭЛА. Представители довоенного расцвета баскской культуры и литературы

оказали на него большое влияние, но началась война и Мичелена стал членом баскского народного ополчения, зависящего от баскского правительства, за что его после поражения в войне посадили в тюрьму и даже приговорили к смертной казни, которую вскоре заменили заключением сроком на 30 лет. В конце концов, он провёл в тюрьме около 5 лет. Во время заключения, он имел возможность общаться со многими представителями интеллигенции, которые подтолкнули его заниматься классическими языками и лингвистикой, что он и сделал в 1948 году, после уже второго периода заключения по обвинению в подрывной деятельности против франкистского режима. В 1953 г. он был назначен членом редколлегии журнала *Эган*, где он и опубликовал в 1956 году рассказ *Отец семейства*, под названием *Guraso zintzoa* (букв. *Добрый родитель*), первое русское литературное произведение, опубликованное на баскском языке.

Второй и третий переводы появились в 1959 и 1960 гг., то есть 3 и 4 года спустя после выхода рассказа *Отец семейства*. Хуан Сан Мартин опубликовал два стихотворения Б.Л. Пастернака в журнале *Ольерти: Гефсиманский сад* (баск. *Getsemani'ko baratza*), *Весна* (баск. *Udaberria da*).

Хуан Сан Мартин родился в баскском городе Эйбар. Его отец, рабочий оружейного завода, придерживался левых, либеральных идей, и соответственно оказался на стороне побеждённых в гражданской войне. Семья была вынуждена покинуть родной город, однако фашисты перехватили корабль, на котором плыла семья Сан Мартина и заставили их вернуться в Эйбар, где они обнаружили, что от их дома остались одни развалины. После войны, в 17 лет, Сан Мартин стал токарем и работал на заводе в родном Эйбаре. Затем он проходит военную службу в Мадриде и Бургосе, и тут происходит событие, о котором рассказывает сам писатель: он начал писать письмо матери на испанском, потому что его никогда не учили писать на баскском, и в этот момент он задумался о том, почему он пишет матери по-испански, если он с ней всю жизнь говорил только по-баскски.? Этот случай из жизни Сан Мартина, одного из главных деятелей этого периода, показывает крайне бедственное положение баскского языка в 40-ые годы XX века. Сан Мартин писал под разными псевдонимами (*Эгигурен, Ауньяменди, Очалар...*) и был прежде всего поэтом.

В 1965 году, пять лет спустя после выхода *Весны* Пастернака, Бинген Амецага (1901-1969) перевёл знаменитое стихотворение И.С. Тургенева *Русский язык* (баск. *Errusiako mintzoa*), причём он сделал это в Каракасе, столице Венесуэлы, где он находился в вынужденной ссылке. Это стихотворение было опубликовано только в 2006 году, в сборнике произведений Амецаги, выпущенном издательством SUSA.

Бинген Амецага (1901-1969) родился в 1901 в бискайском городе Гечо, что неподалёку от Бильбао, в семье преуспевающего адвоката и предпринимателя. В результате дружбы его отца с основателем Баскской Националистической Партии, Амецага стал членом партии и активно участвовал в её деятельности. Когда в 1931 году республиканская коалиция победила на муниципальных выборах, Амецага и другие члены коалиции провозгласили вторую испанскую республику и одновременно выступили перед общественностью с заявлением о проекте баскской республики. Во время войны, незадолго до падения города, Амецага занялся эвакуацией детей из Бильбао. Потом он вместе с женой эмигрировал в Англию, а оттуда в Южную Америку. Некоторое время они жили в Аргентине, а затем окончательно поселились в Венесуэле. В столице Венесуэлы Каракасе он, кроме создания многочисленных рассказов, стихов и эссе, перевёл стихотворение *Русский язык*, четвёртое по счёту русское произведение, изданное на баскском языке.

С 1967 по 1970 года в журнале *Кармель* (расшифровывается как *Календарь Богоматери Карменской*) и в поэтическом приложении к нему *Ольерти* (переводится как «стихи») появилось несколько стихотворений Е.А. Евтушенко. Их переводчик – Санти Онаиндия (1909-1996), больше известен как *Айта* (баск. *отец, батюшка*) Онаиндия – незаурядный для своего времени человек, священник ордена босых кармелитов, известен в литературных кругах прежде всего как поэт. Он занимался переводами поэзии под разными псевдонимами (*Якоба*, *Игоц*). *Айта* Онаиндия родился в 1909 в деревне Аморото, недалеко от Бильбао. В 1921 его отдали на воспитание в монашеский орден босых кармелитов, где он принял постриг в 1934 году. В 1936 участвовал в войне в качестве духовника батальона баскского народного ополчения. С 1937 по 1940 года сидел в разных тюрьмах, но несмотря на то, что получил длинный тюремный срок, вышел на свободу, но с запретом на въезд в Страну Басков. Этот запрет длился 11 лет, до 1951 года. его возвращения на родину и до самой смерти в 1996 году, он будет активно участвовать в развитии баскского языка и его литературы, прежде всего поэзии. В 1959-м он основал *Ольерти*, поэтическое приложение к журналу *Кармель*. Именно в *Ольерти* он опубликовал в 1967 году *Спутницу* (баск. *Bide-laguna*) и *Свадьбы* (баск. *Eztegu ospatua*) Е.А. Евтушенко и ещё четыре стихотворения в 1968 году, а именно *Сожаление* (баск. *Damua*), *Человека убили* (баск. *Gizon bat hil dabe*), *Со мной вот что происходит* (баск. *Jazoten yatana*), *Лучшим из поколения* (баск. *Gure belaunaldiko onenai*). Наконец в 1970 году Айта Онаиндия перевёл ещё одно стихотворение Евтушенко: «*Biotz on, mutillak!*». Вопрос о названии оригинала на русском языке остаётся пока открытым.

1. Второй этап: 1982-1994

1.1. Общая обстановка

Второй этап начинается в 1982 году, то есть уже после смерти Франко и становления демократии, и длится, условно говоря, до 1994 года. Этот период можно назвать промежуточным между появлением в 50-ые, 60-ые годы первых отдельных переводов русских писателей и обретением относительной зрелости в этом направлении к середине 90-ых годов XX века.

Ситуация 80-х годов-начала 90-х принципиально отличается от предыдущей эпохи не только с точки зрения культуры, но и с учётом социального и политического положения страны. В эти годы Страна Басков, как и вся Испания переживает большие перемены: кардинально меняются общество, политический строй и практически все стороны общественной жизни. Что касается перевода русской литературы, то в отличие от предыдущего этапа, когда вся переводческая деятельность проводилась отдельными лицами и в очень сложных полузаконных или даже в незаконных условиях, в 80-ые годы проводятся глубокие преобразования в области языковой политики, культуры: создаются местные органы управления, которые обладают широкой автономией; баскский язык становится государственным языком в баскской автономной области на одном уровне с испанским; снимаются все запреты связанные с языком, культурой; баскские дети в массовом порядке начинают обучаться на баскском языке, причём на едином литературном языке, который постепенно внедряется в систему образования; основан Государственный Университет Страны Басков, которого раньше не было; растёт число знающих язык среди тех, кто раньше его не знал или же забыл в силу разных обстоятельств, а также распространяется грамотность среди тех, кто умел говорить, но никогда не имел возможности научиться читать и писать на своём языке.

1.2. Баскские переводы русской литературы в 1982-1994 гг.

С точки зрения количества переводимых текстов это самый плодотворный период во всей истории перевода русской литературы на баскский язык: с 1982 по 1994 г. было издано 45 русских литературных произведений на баскском языке. Речь идёт о 24 русских писателях, переведённых 20 баскскими переводчиками.

Из 24 русских писателей только 6 относятся к XIX веку, а остальные 18 принадлежат к русской литературе XX века.

Однако, так как авторы XIX века переводились чаще чем их более молодые коллеги, разница в числе произведений между этими двумя веками не столь велика: 25 текстов XX века против 20 текстов XIX века.

За исключением 1989 и 1992 годов, с 1982 по 1994 г. каждый год издавалось хотя бы одно произведение на баскском языке. Это означает, что в течение 12 лет в среднем переводилось по 4 произведения в год, что является очень высоким показателем, учитывая то, что речь идёт о направлении перевода с русского на баскский язык.

Большое количество публикаций в 1986 году обусловлено тем, что в этом году литературный журнал *Майац* выпустил специальный номер, посвящённый русской поэзии, и то же самое происходит в 1991 году, когда 6 из 8 произведений были включены в сборник мировой поэзии, выпущенный в этом году. Тем не менее самое главное заключается в том, что в целом отмечается весьма устойчивая тенденция к росту переводческой деятельности в течение этих 12 лет.

Налицо также ещё одна существенная разница по сравнению с предыдущим этапом: жанры, к которым принадлежат переводимые тексты (таблица 2).

Таблица 2. Переводимые жанры: 1956-1994

ЖАНР	1956-1970		1982-1994	
	Число	%	Число	%
ПОЭЗИЯ	6	86	25	56
РАССКАЗЫ/ПОВЕСТИ	1	14	16	36
РОМАНЫ	-		2	4
ПЬЕСЫ	-		2	4
ИТОГО	7	100	45	100

Наблюдается постепенный переход к более повествовательным жанрам, то есть переводимые тексты становятся всё более длинными и сложными: несмотря на продолжающее превосходство поэзии (56% всего переведённого против 86% на предыдущем этапе), увеличивается доля рассказов/повестей до 36% (против 14% первого этапа) и даже переводятся две пьесы (*Медведь* и *Предложение* А.П. Чехова), но наверное самым важным моментом с точки зрения жанра является появление двух первых русских романов на баскском языке: *Дерсу Узала* В.К. Арсеньева (1984) и *Игрок* Ф.М. Достоевского (1993). Разумеется, прозаические жанры, будь то роман повесть или рассказ, с переводоведческой точки зрения более значительны, поскольку переводить роман – намного более длительный и трудоёмкий процесс, который требует больше времени, усилий и средств как от переводчика, так и от других участников литературной полисистемы.

Ещё одно важное изменение касается средств распространения этих переводов. В 50-х-60-х годах все 6 опубликованных переводов появились в трёх журналах, тогда как в 80-х–начале 90-х начинают играть значительную роль первые местные издательства, возникшие в конце 70-х и начале 80-х гг.. В итоге из 45 произведений, переведённых с 1982 по 1994 год 51% (23 произведения) выходят в 7 журналах, а остальные 49% (22 произведения) публикуются в 8 издательствах.

2. Третий этап: (1995-2017)

2.1. Общая обстановка

Третий этап начинается в 1995 году и, можно сказать, что он ещё не закончился.

1995 год знаменателен тем, что впервые русское литературное произведение, роман *Мать* М.А. Горького, было переведено на баскский прямо с русского оригинала. Это представляет собой первый случай, когда баскский переводчик владеет русским языком на том уровне, который позволяет переводить литературное произведение не прибегая к языку-посреднику.

Последнее десятилетие XX века и первые два десятилетия XXI столетия представляют собой самый продвинутый этап развития переводческой деятельности баскских деятелей. Через сорок лет после установления демократии на смену баскскому культурному и языковому возрождению 80-х пришла эпоха бóльшей стабильности, более прочных культурных, языковых, литературных структур. Несколько поколений школьников и студентов способствовали увеличению не только читательской аудитории, но и числа писателей и профессиональных переводчиков. Увеличилось также число издательств, союзов писателей и переводчиков, а также источников финансирования и государственной поддержки со стороны местных органов власти.

2.2. Баскские переводы русской литературы в 1995-2017 гг.

Можно утверждать, что последние 23 года (1995-2017) представляют собой период наибольшего процветания в области перевода на баскский язык произведений русскоязычных писателей, как с количественной, так и с качественной точки зрения. С 1995 по 2017 год издано 38 произведений: 22 баскских переводчика перевели тексты 26 русских писателей. Ещё важно то, что 17 из этих 38 произведений (45%) являются прямыми переводами. Это свидетельствует о нарастающей прямой связи между обоими языками и, соответственно, между культурами и людьми.

За 23 года почти каждый год переводилось хотя бы одно русское произведение. Исключение составляют только 2002, 2003, 2010 и 2012 годы.

Главное преимущество этого периода заключается не в количестве, а в качестве переведённых произведений. Если между первым этапом и вторым наблюдался переход к более повествовательным жанрам, то с 1995 этот процесс усиливается в значительной степени, так как поэзия постепенно теряет позиции в пользу прозаических жанров.

Таблица 3. Переводимые жанры: 1956-2017

ЖАНР	1956-1970		1982-1994		1995-2017	
	Число	%	Число	%	Число	%
ПОЭЗИЯ	6	86	25	56	10	26
РАССКАЗЫ/ПОВЕСТИ	1	14	16	36	9	23
РОМАНЫ	-		2	4	16	42
ПЬЕСЫ	-		2	4	1	4
ПЕСНИ	-	-	-	-	2	5
ИТОГО	7	100	45	100	38	100

Стихи составляют 26% всего переведённого (10 произведений за 23 года), в то время как доля чисто повествовательных жанров – рассказов/повестей и романов – увеличивается до 65%. Рассказы и повести, в свою очередь, уступают место романам. Рассказов/повестей становится меньше (23% всего переведённого против 36% предыдущего этапа или 9 произведений против 16). Кроме того, самым переводимым видом текста становится роман, что с точки зрения переводческой деятельности имеет очень большое значение. С 1995 по 2017 год были переведены 16 романов – на 14 больше, чем на предыдущем этапе, что составляет почти половину всех переведённых текстов (42%).

Что касается средств распространения переводов, то можно сказать, что ситуация меняется в соответствии с изменениями, происходящими в обществе: во-первых продолжается тенденция к росту доли издательств по сравнению с журналами: 28 из 38 изданий (74%) выпускаются издательствами (отдельными усилиями или же в результате совместных проектов), 4 перевода появились в журналах (10%). Интересным и новым является то, что 6 переводов (16%) появились на веб-сайте, посвящённом различным аспектам баскской литературы, хотя его администратором является всё-таки издательство.

Список литературы

Even-Zohar I. (1978): The Position of Translated Literature within the Literary Polysystem, Literature and Translation: New Perspectives in Literary Studies with a Basic Bibliography of Books on Translation Studies. Leuven: Acco, 117-127

Even-Zohar I. (1990): Polysystem Studies, Poetics Today 11(1).Tel Aviv: Porter Institute

Toury G. (1985): A Rationale for Descriptive Translation Studies, The Manipulation of Literature: Studies in Literary Translation. London-Sydney: Croom/Helm, 16-41

РУССКИЙ ИНТЕРТЕКСТ В ДРАМАХ П. ХАКСА

Сейбель Наталия Эдуардовна

*Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, РФ
seibel_ne@mail.ru*

RUSSIAN INTEREXT IN THE DRAMA OF P. HACKS

Nataliya Seibel

South-Ural State Humanitarian Pedagogical University, Russia

АННОТАЦИЯ

Три пьесы немецкого драматурга Петера Хакса написаны на интертекстуальной основе русской драматургии эпохи классицизма «Битва с ордой. По мотивам В. Озерова», «Битва с боярами. По мотивам Я. Княжнина» и «Самозванец. По мотивам А. Сумарокова». Хакс подчеркивает актуальность сюжетов выбора между «вольницей» (демократией) и самодержавием. Боярское вече не воплощает свободы, одержимые гордыней аристократы мешают стране мобилизоваться перед лицом опасности, они не носители народного мнения, их бунт бессмысленен. На этом фоне просвещенный самодержец, способный отказаться от личных интересов ради общего блага и закона, представляется автору гарантом порядка и прогресса. Однако счастливого финала и однозначного решения нет ни в одном из текстов.

ABSTRACT

Three plays by German playwright Peter Hacks are written on the intertextual basis of Russian dramatic art of the era of classicism "The Battle of the Horde. Based on V. Ozerov's motives", "The battle with boyars. Based on the motives of J. Knyazhin" and "Pretender. Based on A. Sumarokov". Hacks emphasizes the relevance of the plots of choice between "freemen" (democracy) and autocracy. The boyar veche does not embody freedom, aristocrats obsessed with pride prevent the country from mobilizing in the face of danger, they are not the bearers of the people's opinion, their rebellion is meaningless. Against this background, an enlightened autocrat, capable of giving up personal interests for the sake of the common good and the law, seems to the author to be the guarantor of order and progress. However, there is no happy ending and unequivocal solution in any of the texts.

Ключевые слова: интертекст; конфликт; политическая драма; Петер Хакс; афоризм

Keywords: intertext; conflict; political drama; Peter Hacks; aphorism

Петер Хакс (1928 – 2003) – драматург, ставший знаковой фигурой для театра ГДР 60 – 90-х годов XX века. Лидер по числу постановок как в Восточной, так и в Западной Германии. Хакса часто называют неоклассицистом за его приверженность к строгой форме и традиционным сюжетам, позволяющим отразить «великие события и большие характеры» (Hacks 1972: 27). Его интересовали проблемы истории, её закономерности, герои и жертвы.

Драматург убежден: основная тема театра – политика, он должен отражать масштабные «противоречия, через которые происходит политическое развитие» (Hacks 1972: 29), «описывать историю так, чтобы описание было ориентировано на будущее» (Müller 1983: 82), в противном случае «сцена будет населена жонглерами, порнографами и авторами идиллий» (Hacks 1972: 29).

«Для своих драматургических опытов Хакс постоянно искал сюжеты в истории и мифологии, они были для него материалом для формулирования и изображения собственного взгляда на современность и аллегорического воспроизведения на сцене происходящего в действительности» (Хексельшнайдер 2011: 344). Как заведующий литературной частью и переводчик он обращался к «чужим» сюжетам, писал «пьесы по пьесам» (Венгерова 1979: 455). Источником вдохновения для него стали тексты Аристофана («Мир», 1962, «Денежный бог», 1991), Плавта («Амфитрион», 1968), Мильтона («Адам и Ева», 1972), Гете («Пандора», 1981) и других авторов.

В 1996 году написаны «русские» пьесы Хакса: «Самозванец. По мотивам А. Сумарокова», «Битва с ордой. По мотивам В. Озерова» и «Битва с боярами. По мотивам Я. Княжнина».

Во всех трех случаях автор концентрирует внимание не просто на смуте, но на принципиальном выборе между «демократией» и монархией: между боярской «вольницей», совещательным способом правления, вече и князем, способным объединить страну сильной волей и решительными действиями. На пути к сильной государственной власти сталкиваются исторически узнаваемые позиции, ни одна из которых не безупречна, имея – каждая свои – плюсы, они антагонистичны: «Конфликт, – писал П. Хакс, – есть противоречие двух взаимоисключающих, но правомочных претензий» (Hacks 1956: 123).

862 – 1380 – 1606 – вехи русской истории, представленные в пятиактных пьесах, выстроенных по всем законам классицистического театра: единство времени, места, действия, исторический сюжет, вопросы судьбы государства – в центре. Ситуация смуты требует решительных действий по спасению отечества. Страна поставлена в положение напряженного внешнеполитического конфликта, требующего срочного решения, консолидации и мобилизации всех, в том числе и оппозиционных, внутренних сил. «Угроза самоистребления» (Хакс. Битва с боярами) под боярскими распрями Новгорода заставляет вече призвать варяга Рюрика («Битва с боярами»). Канун сражения с единой ордой делает объединение русских князей жизненной необходимостью («Битва с ордой»). Зреющий боярский бунт против приведенного к власти поляками Лжедмитрия требует опытного и авторитетного главаря («Самозванец»). Шаткость положения дает Хаксу повод не раз сформулировать свой

«утопический проект», который исследователи часто называют «государственным гуманизмом»: только сильное государство способно обеспечить покой и благополучие граждан. Единство и консолидация всех политических сил вокруг единого центра – залог процветания страны: «Предприятия великие и из ряда вон выходящие должны вдохновляться духом единства» (Битва с ордой).

Надежда и спасение каждый раз связаны с сильной единоличной властью просвещенного монарха, действующего ради общего блага, прекращающего раздор, восстанавливающего внутренний порядок и консолидирующего все силы на борьбу с возможными захватчиками: «Военный совет о четырех головах – это на три головы больше, чем нужно» (Битва с ордой); «Стану царем из преданности царству» (Самозванец).

Хакс, который «любил просвещенный абсолютизм» (Хексельшнайдер 2011: 346), предъявляет к своему утопическому правителю-объединителю целый набор требований. Это твердое следование закону: «Власть, которая не опирается на закон, подобна безумию» (Битва с ордой). Взвешенность решений: «Хладнокровие – страсть государей» (Битва с боярами). Последовательность проводимой политики, верность словам, договоренностям, обещаниям: «Нарушение слова – первый шаг к самодержавию» (Битва с ордой). Принятие единоличного решения только после всенародного обсуждения: «Здесь приказывают... после совета» (Битва с ордой). Соблюдение традиций и уважение к общественному мнению: «Тот, кто хочет править, должен приносить жертвы предрассудкам» (Битва с боярами). Разумный правитель понимает, что «нет на свете ничего дороже согласия и ничего на свете нет более редкого» (Битва с ордой).

Даже при соблюдении всех этих условий существует опасность тирании. Самодержец обречён историческим ходом: он всегда на грани волюнтаризма и беззакония, «в этой работе всё – грязь» (Битва с боярами), «все мы, князья, люди грешные» (Битва с ордой), «для царя все средства хороши. Молодую девушку легко осрамить. Благородного витязя легко обезглавить» (Самозванец), государь «не может не причинять боли своим подданным» (Битва с боярами). Грань между самодержцем и тираном очень тонкая и опасная, её легко перейти, особенно, когда, казалось бы, надёжно завоёванная власть начинает уходить из рук: «Под конец от него было больше вреда, чем пользы» (Самозванец).

Но те, кто выступают против монарха, не руководствуются интересами страны, народа и прогресса. Их ведёт уязвленная гордость, задетая честь, устаревшая традиция («Раз ты полковник, затевай мятеж» (Битва с боярами), «...и всё только из тщеславия» (Самозванец)). В своём честолюбии они «ставят на кон отечество» (Битва с боярами).

У Хакса нет прямого двустороннего конфликта: тиран и общество. Он представляет множество политических сил и партий, из которых к власти рвется только одна – высшая аристократия: её право освящено историей, ей «от века» дана вольность. «Интерес к сознанию множества, к жизни сообщества» (Головчинер 2010: 15) создаёт исходную установку на эпичность драм: здесь сталкиваются не характеры, а позиции, не индивидуумы, а политические силы.

П. Хакс представляет читателю персонажей, воплощающих различные социальные партии. Например, в «Самозванце»: тиран – Дмитрий Иванович, «освободители отечества» – Шуйский, Галицкий, Ксения, народные массы, говорящие устами то Юра, то Начальника царской охраны, приносящих новости во дворец. Рвущийся к власти Шуйский противостоит узурпатору. Он пытается объединить бояр, стрельцов и чернь в борьбе с царем, отстаивающим иноземные интересы, царем, который реализует благие намерения и планы через насилие и угрозы. Возмущенный шум толпы привычен для Лжедмитрия настолько, что он принимает его за «обман слуха». В своем всевластии он замахивается даже на веру, прямо сравнивая себя с Христом: «Я восстал из гроба, воистину как Избавитель». Выступая против него, бунтовщики борются с польской шляхтой, с папским влиянием – со всем, что чуждо России. Вслед за Сумароковым, Хакс пишет о национальной и религиозной самостоятельности страны: «Запад заполнил этим царем русские просторы». При этом, однако, бунтарь-Шуйский не менее аморален: он не верит в добродетель («Смелость и честность весьма похвальны, но я предпочитаю большинство»), скепичен по отношению к соотечественникам, уверен в инертности России и лживости ее народа. Не зря его соратник Георгий Галицкий констатирует: «Мы стали лжецами... Мы уже виноваты. Мы отбросили правду, а она была нашим оружием». Интересы разных групп и сословий легко приходят в противоречие: «Боярам нужно подорвать влияние купцов» (Битва с боярами). «Революционеры» Хакса всегда действуют только в интересах определенного сословия, класса, группы, в то время как общество разнопланово и ответить на все его запросы бунт не в состоянии. Чаще всего бунтующий оправдывает тиранию по отношению к беднейшим и слабейшим, не считается с чужими правами: «Собаки лают, ветер носит. Там, на площади, ропщут лотошники, мелкое ворье, да богословы. Сплошь отребье и голытьба» (Самозванец).

Конфликт между царем и аристократией – это как раз тот конфликт о котором Хакс говорил как о противостоянии взаимоисключающих, но правомочных интересов. Он не может быть разрешен справедливо и морально. Движение истории – случайное совпадение интересов, поддержанное аполитичным и неоднородным большинством. Поэтому политические споры чаще решаются в закоулках государства, в значных заведениях, где

«продают согражданам помышления о свободе» (Битва с боярами), на городских площадях, где главный товар «не столько оружие, сколько пиво» (Битва с боярами). Хакс не рассматривает народ как социально активную силу и не предоставляет стрельцам и толпе на площади проявить себя в ситуации успеха, победы, захвата власти: «На улице никогда не происходит ничего такого, что не замыслили бы в задней горнице... Когда я слышу, что народ изъясляет свою волю, я спрашиваю: Как зовут этого человека?» (Самозванец). Пропаганда – мощное оружие. От новых героев «пахнет чернилами» (Битва с боярами). В использовании толпы нет героизма, как нет и осознанных целей, это лишь «пивная пена», которую можно «сдуть быстро», ведь «когда речь идет о большинстве, дело решают нерешительные» (Битва с боярами).

Социальную дискретность подчеркивает каждый раз и пространство рассматриваемых пьес, построенное на оппозиционности частей. Непроходимой границей кажется река в «Битве с ордой», мешающая возможному отступлению и ставшая камнем преткновения в споре тех, кто допускает мысль о поражении и верящим в победу Дмитрием. Две части города в «Битве с боярами» в финальном монологе Верховного жреца соединяемые «мостом-рукопожатием», по сути, так и не обретают единства. В «Самозванце» роль непреодолимой преграды между гражданами разных сословий выполняет крепостная стена, отделяющая народное волеизъявление от княжеских палат.

В издании «русской трилогии» 1999 года и прижизненном пятнадцатитомном собрании сочинений (2003 года) Хакс выстраивает пьесы по хронологии: битва за власть в Новгороде, победа над ордой, свержение Лжедмитрия. Как пишет Хексельшнайдер, автор видел «в этом расположении последовательность внутривнутриполитических (Княжнин) и внешнеполитических (Озеров) событий, объединенных затем в пьесе Сумарокова» (Хексельшнайдер 2011: 346). Однако в таком построении есть и другой смысл.

Во-первых, «Битва с боярами» – самая очевидная аллегория: пьеса, в которой Хакс прямо говорит о том, что исторические параллели и ассоциации – способ осмысления современности. Здесь автор максимально далеко отходит от классицистического образца, переосмысляя образы, перестраивая сцены и внося дополнительные монологи. Каждая последующая пьеса всё ближе к русскому классицистическому пратексту, и сравнение «Самозванца» с сумароковским «Дмитрием самозванцем» уже демонстрирует тонкость переакцентировки, изящную игру с первоисточником. В первой пьесе автор прямо указывает на сходства и общие законы событий давних и сегодняшних, в последующих современные ассоциации – дело читателя. В связи с задачей актуализации истории кульминационные сцены боя Вадима и Рюрика в пьесах Княжнина и Хакса отличаются принципиальным образом. И по поведению Рюрика: у Княжнина

он воин, рискующий жизнью, у Хакса – сторонний наблюдатель, рассказывающий читателю (зрителю) о происходящем и уверенный, что князь не должен подвергать себя опасности. И по степени эмоционального напряжения. У Княжнина страдающая Рамида наблюдает за боем: «О, как несчастна я! любовник и отец», где «люта брань кипит и кровь течет рекой» (Княжнин 2018). У Хакса полный иронии стратег, уже не раз бывший свидетелем позора своих врагов, бесстрастно распоряжается жизнями воинов, понимая, как и чем должен закончиться бой. Четвертая стена разрушена. Объективный континуум истории нарушен. Зритель целиком на стороне единодержца, который напрямую обращается к тем, кто «играет примерно тысячу лет спустя». При всей очевидности сарказма в монологе Рюрика, обращенном к «нынешнему правителю России» с призывом не критиковать предшественников, фрагмент несет в себе исторически принципиальную мысль о преемственности власти. Если вспомнить, с каким напряжением Хакс следил за перестройкой и о том, что он задержал публикацию своих «русских» пьес до конца президентских выборов (а в 1996 году предвыборная компания была построена на лозунге отречения от ошибок истории и её переосмысления), то мысль, что сильный правитель не отказывается от истории, воспринимается, при всём комизме изложения, как одна из принципиальных. Автор предостерегает: «Грязь, которой вы швыряетесь в прошлое, замарает и вас», призывает не отменить историю, а учиться у неё.

Во-вторых, три пьесы выстраиваются от наиболее оптимистичной: «Битва с боярами» содержит афористически сформулированные уроки, её финал, при всей щекотливости ситуации, всё же решает основной конфликт – к самой противоречивой, показывающей столкновение героев, каждый из которых осознает не только свою правоту, но и свою лживость, приспособленчество, предательство. Политика в каждой следующей пьесе всё более циничное и аморальное дело. Идеалы, даже если они провозглашаются, легко предаются. Новые политики повторяют преступления старых. Ни одна из пьес не заканчивается однозначной победой той или иной позиции, правотой той или иной, участвовавшей в конфликте, политической силы. Идеалы, ради которых лилась кровь, предаются, обещания не выполняются, возникшая, было, надежда тает. «Парадоксальный» финал «Битвы с боярами» (Хексельшнайдер 2011: 348) содержит в себе двойное нарушение тех принципов и идеалов, ради которых велась гражданская война и проливалась кровь. Помилуванный и, как казалось, смирившийся с самодержавием Рюрика Вадим закалывает себя, призывая проклятия на голову дочери и зятя. Стремившийся к законному браку, освещенному благословением отца, Рюрик заключает брак без благословения. Верховный жрец – воплощение мудрости и справедливости юлит в угоду новому монарху. Городской совет, получивший отказ в единственном выдвинутом требовании, тем не менее отдает власть варягу.

В «Битве с ордой» утвердившийся в своей власти и осознавший свою победу над врагом Дмитрий Московский отказывается от всех своих разумных рассуждений о том, что «лучшая победа – это выигранные переговоры», что «мы исходили из того, что наша цель – война, а единство Руси – средство для достижения этой цели; но наша цель – единство, а война лишь средство»; теперь надобность в нём отпала» и объявляет наступление. Финал «Самозванца» переосмысливается трагически: добро не побеждает. Любящий Георгий Галицкий в борьбе за власть готов в итоге пожертвовать жизнью любимой Ксении, утверждавший ценности веры и национальной независимости Шуйский принимает и дает руку для поцелуя посланцу Папы, все участники заговора понимают: «Русь спасибо не скажет. – С какой стати» [10]. Трактровка, которую дает финалу И.С. Роганова («Пьесу венчает торжество исторической справедливости и вера в лучшее будущее» (Роганова, 2007: 73)), относится, скорее, к сумароковскому первоисточнику, в котором самопожертвование Георгия («Оставь невинную, моей лей токи крови» [9]) и спасение Ксении венчает свершенный на глазах народа освободительный переворот. В пьесе же Хакса появление Архиепископа наглядно показывает двуличность политических союзов и беспринципность правителей, готовых отречься от союзников и уверять в дружбе прежних врагов.

«Немецкий писатель конца XX (!) в. Обратился к произведениям русского классицизма эпохи просвещенного абсолютизма, чтобы проверить их актуальность на зрителе XX и XXI вв» (Хексельшнайдер 2011: 342). Создавая свои пьесы «поверх» чужого текста, П. Хакс представляет совершенно иной взгляд на историю и ее закономерности, нежели претекст, положенный в основу их драматургии.

В соответствии с сюжетами русских пратекстов, написанных в эпоху классицизма, фабула строится вокруг выбора между личным счастьем и долгом перед родиной, интересы любви приходят в противоречие с единением политических сил, способных спасти отечество. Любовь Рюрика и Рамиды, Московского князя Дмитрия и Нины, Григория Галицкого и Ксении Шуйской во всех трех случаях легко приносится в жертву политической необходимости. Лирические сцены, наличествующие, например, у Княжнина в «Вадиме Новгородском» (пратексте «Битвы с боярами»), игнорируются и заменяются политическими. Многочисленные доверительные беседы влюбленной Рамиды с наперсницей Селеной в трагедии Я.Б. Княжнина, где позиции любви, побежденной гордостью и долгом (Рамиды), и отказа от чести ради страсти (Селена) отданы разным персонажам сокращены у Хакса до одного монолога в зал, где Радмила признаётся в том, что готова пожертвовать честью ради любви, но тут же отвергает это искушение. Влюбленный Георгий Галицкий Сумарокова

вытесняется образом расчетливого стратега, безоговорочно выполняющего приказы Шуйского. Да и для самой Ксении «всё важнее, чем Георгий Галицкий».

Личный конфликт в пьесах решается за счет системы двойников и отражений. Жестокость завещания, по которому Нина должна достаться нелюбимому, становится очевидна при появлении гарема: бесправные женщины легко признают нового хозяина и готовы любить того, на кого им укажут. Обвиняя их в распущенности, русские князья вдруг осознают, что поставили правительницу Владимира в такое же положение, что «русская княгиня – свободная женщина, что её не имели права обручать против её воли» (Битва с ордой). Выбор Рамиды становится понятнее в связи с тем, что она обещана отцом сразу двум женихам: Вигору и Перенесту – политическим оппонентам, представителям разных сословий, героям, контрастным во всём, кроме отношения к Рамиде.

Комические отражения, ассоциации и контрасты позволяют Хаксу, не углубляясь в психологический конфликт сделать понятным и наглядным его решение. Совместить личные интересы своих героев с их политической волей.

Созданию художественного универсализма новой пьесы, разрабатывающий старый сюжет, способствует сознательная игра характеристиками времени. П. Хакс создает анахроничный мир за счет введения в историческую пьесу современных технических и бытовых подробностей (шум толпы, напоминающий свист чайника, бунт, поднятый благодаря «совсем новой вещи, печатным иконам»). Соединение примет разных эпох лишает повествовательную ткань исторической определенности, придает ей надвременное звучание, ставит дополнительные вопросы, имеющие сугубо актуальный смысл (как в случае со «святым образом в век своего размножения» (Самозванец) – фраза Шуйского не только парафраз названия статьи В. Беньямина «Искусство в эпоху его технической воспроизводимости», но и идеологически очень близка беньяминовской концепции десакрализации и профанации искусства в ходе технического прогресса). Неизменность мира – лейтмотив пьесы.

Во всех трех случаях трагедия усугубляется за счет карнавализации. Черный юмор, нарушающее границы эстетически допустимого соседство страшного и смешного. Тяжелый александрийский стих пратекстов отринут ради иронии, переходящей в сарказм. Автор с блеском демонстрирует владение «гротескным переплетением элементов драмы и трагедии гиньоля и фарса» (Колязин 2008: 463) и «ироническую недоговоренность» (Шмидт 1975: 583). В трагедиях активно используются карнавальные мотивы. «Битва с ордой», например, строится на постоянном столкновении «своего и чужого»: Дмитрий Московский – преемник власти «по назначению великого хана татарского», но – будучи «чужим», он больше всего заботится об интересах «своих». Распри неизбежно ведут к «охоте на ведьм», подозрениям,

поиску врага: «Твоя жена, кажется, татарка?» (Битва с ордой). Однако страшно не становится – комическая кража гарема разрушает атмосферу нагнетающейся опасности. Центральный гротесковый мотив «Самозванца» – мотив «увенчания / развенчания» карнавального короля. Дмитрий предстаёт игрушкой в чужих руках: поляков и Папы римского («Такой мужчина. Чисто кукла»). Он возведен на трон чужой волей и легко ниспровержим силами, не обретающими наименования, но находящими выражение в пьесах в специфически выстроенной звуковой партитуре.

Хакс, умело оперируя ремаркой, создаёт особый мир запахов (в «Битве с боярами»), света («Битва с ордой») и звуков («Самозванец»), работающий на отражение основной идеи. Стихия этих «атмосферных» элементов дополнительно подчеркивает неостановимость движение времени, внеисторичность идеи государственного гуманизма, отстаивая которую, Хакс часто доходит до эпатажных средств и парадоксальных утверждений.

Список литературы

- Hacks P. (1956) Einige Gemeinplätze über das Stückeschreiben. Neue deutsche Literatur. Н. 9. N 4. 120 – 134.
- Hacks P. (1972): Das Poetische: Anstätze zu einer postrevolutionären Dramaturgie. Frankfurt a./M. : Suhrkamp, 146
- Müller H. (1983): Geschichte und Drama, H. Müller. Germania Tod in Berlin. Der Auftrag. Mit Materialien. Stuttgart : Meiner, 81 – 83.
- Венгерова Э.В. (1979): Поэтический театр Петера Хакса. Хакс, П. Пьесы. М. : Искусство, 449 – 483.
- Головчинер В.Е. (2010) Функции протосюжета в русской драме XX века. Сибирский филологический журнал. Новосибирск : НГУ. № 1. 12 – 18.
- Княжин Я.Б. (2018) Вадим Новгородский. Библиотека Сергея Ефимова URL: http://www.theatre-library.ru/authors/k/knyazhnin_yakov_borisovich (дата обращения: 1.08.2018)
- Колязин В.Ф. (2008) Германия XX век. Модернизм. Авангард. М. : РОССПЭН
- Роганова И.С. (2007) Немецкая драматургия конца XX века. М. : ИПЦ «Глобус», 88
- Хакс П. (2004) Гении и музы. М. : РГГУ (все пьесы цитируются по этому изданию)
- Хексельшнайдер Э. (2011) «Русские пьесы» немецкого писателя Петера Хакса и его источники (Сумароков, Княжнин, Озеров). XVIII век. Старое и новое в русском литературном сознании. СПб : Наука, Сб. 26, 341 – 352.
- Шмидт К.Х. (1975) Послесловие. Драматургия ГДР. М. : Искусство, 569 – 588.

ТАЙНА КНИГИ КАК СЮЖЕТООБРАЗУЮЩИЙ ЭЛЕМЕНТ В РОМАНАХ В.В. НАБОКОВА «ДАР» И К.Р. САФОНА «ТЕНЬ ВЕТРА»

Степанова Надежда Сергеевна
ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», Российская Федерация
ns-kursk@yandex.ru

THE MYSTERY OF THE BOOK AS A PLOT-FORMING ELEMENT IN THE NOVELS «THE GIFT» OF VLADIMIR NABOKOV AND «THE SHADOW OF THE WIND» OF CARLOS RUIZ ZAFÓN

Stepanova Nadezhda Sergeevna
Southwest State University, Russian Federation

АННОТАЦИЯ

Тайна книги играет в романах В.В. Набокова и К.Р. Сафона роль сюжетобразующего элемента, который организует художественный текст, соединяя обстоятельства, героев, действие в сложную систему повествования. Тайна книги позволяет рассмотреть проблему интриги как в традиционном смысле (способ организации действия, выраженного в том, что герой стремится осуществить план, свою линию поведения, вступая в борьбу с противодействующими силами), так и с точки зрения современной нарратологии, согласно которой «интрига как интенционально адресованный конструктивный интерес наррации состоит в напряжении событийного ряда, возбуждающем рецептивные ожидания», она есть «сюжет в его обращенности к читателю», единая и завершенная история, приготовленная «для рецептивной "рефигурации" читательским сознанием».

ABSTRACT

The mystery of the book is the plot-forming element in the novels of Vladimir Nabokov and Carlos Ruiz Zafón. It organizes the artistic text, connecting circumstances, heroes, action in a complex narrative system. The mystery of the book allows us to consider the problem of intrigue both in the traditional signification and from the point of view of modern narratology, according to which «intrigue as intentionally addressed constructive interest of narrative consists in the tension of the event series», it is the single and complete story prepared «for the receptive "refiguration" by the reader's mind».

Ключевые слова: Владимир Набоков, Карлос Руис Сафон, интрига, тайна, книга.

Keywords: Vladimir Nabokov, Carlos Ruiz Zafón, intrigue, mystery, book.

Романы В.В. Набокова «Дар» (1937, 1952) и К.Р. Сафона «Тень ветра» (2001) полны тайн. Они окружают главных героев, Федора Годунова-Чердынцева и Даниеля Семпере, создавая

атмосферу мира, в котором каждый из них живет и идет своим путем к разгадке тайн и постижению истины. Как утверждал еще Псевдо-Дионисий Ареопагит, христианский мыслитель рубежа V–VI вв., именно таким и является наиболее верный способ сообщения об истине – «тайным, мистериальным, символическим (иносказательным, намекающим, недоговаривающим)» (Цит. по: Хализев 2000: 22).

Наш подход к исследованию определен стремлением изучить функции мотива тайны книги и их реализацию в романах двух мастеров художественного слова, принадлежащих к разным эпохам и разным литературным традициям; интерпретировать литературные произведения с точки зрения рецептивной эстетики, изучающей жизнь текста во времени, восприятие и истолкование его в разные периоды с учетом социокультурной ситуации; представить опыт прочтения литературного произведения, переведенного с испанского на русский язык, с позиции читателя, который читает и думает на русском языке.

Импульсом к постановке темы исследования и пристальному прочтению романов К.Р. Сафона изначально послужило обнаружение ряда реминисценций, аллюзий на художественные приемы В.В. Набокова, которые для нас «просвечивают» в текстах К.Р. Сафона. Корректность предпринятого соотнесения поддерживается как идеей метатекстуальности художественной литературы, так и бесспорной литературоцентричностью сознания каждого из рассматриваемых писателей, способностью держать в актуальной памяти огромный корпус текстов и устанавливать интертекстуальные и металитературные связи. Общеизвестно, что В.В. Набоков был «гениальным обладателем всеобъемлющей памяти», знал и помнил бесчисленное количество текстов. Его книги, насыщенные реминисценциями, позволяют филологам, их изучающим, проявить весь блеск собственной эрудиции, при этом приходится признать, что этот аспект его творчества представляется неисчерпаемым. К.Р. Сафон производит впечатление чрезвычайно начитанного человека, с изяществом мастера играющего «различными жанрами всемирной литературы, чтобы в итоге суметь сочетать их в одной книге и таким образом предоставить читателю возможность получить наслаждение от увлекательной истории, облеченной в словесную форму литературного произведения» (Сафон 2016).

Тайна, загадка книги играет в рассматриваемых романах роль сюжетобразующего элемента, который организует художественный мир текста, связывая героев, обстоятельства, действие, композицию; держит в напряжении внимание читателя, направляет читательский интерес. Тайна книги – основа интриги, вокруг нее построены сюжет и текст произведения. Отчасти это обстоятельство роднит сюжет романа «Тень ветра» с детективом, но если в

классическом детективе тайна, в конце концов, раскрывается, то в этом случае истинный смысл вынесен за пределы текста.

В центре романа «Дар» – тайны и загадки четырех книг (внутренних текстов романа) Федора Годунова-Чердынцева, которые активно участвуют в сюжетостроении. Первая – небольшая книжка «Стихи», содержащая около пятидесяти двенадцатистиший, посвященных детству; вторая – так и не написанная биография пропавшего при неизвестных обстоятельствах отца главного героя; третья – жизнеописание Н.Г. Чернышевского; четвертая – задуманный Федором роман о любви и методах судьбы, тот самый роман, который читатель уже держит в руках. Метатекстуально с произведением связаны также роман «Приглашение на казнь», написанный В.В. Набоковым во время работы над «Даром»; рассказ «Круг», который, меняя фокус, повествует о семье Годуновых-Чердынцевых с точки зрения человека, никогда к их *кругу* не принадлежавшего. Вокруг каждой из этих книг возникает система тайн, которые играют свою роль в сложной структуре романа, выступая как прием, мотив, тема.

Основная тема книги «Стихи» – тайна воспоминаний; тайна дара, который герой, «как бремя», чувствует в себе, тайна творчества (*«пульсирующий туман, вдруг начинавший говорить человеческим голосом»*). В центре романа о Чернышевском – тайны русской словесности, тайна *великого шестидесятника* (*«как автор, с таким умственным и словесным стилем, мог как-либо повлиять на литературную судьбу России?»*), в попытке разгадать которую и написана книга о нем. В основе замысла романа об отце – тайна его судьбы, тайна жизни и тайна смерти, необычности сущего; тайна потусторонности – *«пустоты преджизненной и посмертной»*; тайна природы и тайной жизни природы. В задуманном Федором романе о методах судьбы – тайные усилия и комбинации судьбы, соединившей Федора и Зину, тайна их отношений; тайна *узора, гармонии мгновения*; тайная жизнь города, его улиц, особняков, домов, переулков, иногда приоткрывающих свои тайны; семейные тайны; тайна Федора – автора этих книг, тайна глубин его души, *«где проходят тени других миров, как тени безымянных и беззвучных кораблей»*, тайна творящего сознания и его обреченности на одиночество (*«я никому полностью не принадлежу и принадлежать не могу»*).

С тайны Кладбища Забытых Книг – «величайшего лабиринта книг», «где книги обретают бессмертие и никто не в состоянии их уничтожить» (Сафон 2015: 45), нереальной, метафизической библиотеки-лабиринта, где законы пространства подчинены воле ее создателя, где *«сходят с ума земные линии»* (В.В. Набоков, «Защита Лужина»), тайного братства «алхимиков, участников тайного заговора, творимого за спиной ничего не подозревающего мира» (Сафон 2017: 7), – начинается роман «Тень ветра». В художественном

образе библиотеки-лабиринта нашло свое отражение восхищение К.Р. Сафоном рукотворными (архитектурными) чудесами, о котором он сказал в одном из своих интервью (*La Vanguardia*, 28 de junio, 2006): «...нет ничего прекраснее Кельнского собора. Мои читатели знают, что у меня особый интерес к готической архитектуре. Когда я вхожу в это здание, его масштаб и запутанность лишают меня дара речи. Я не религиозный человек, но я испытываю трепет перед тем, кто спроектировал и построил все это» (Цит. по: Зверева 2016: 143). Архитектоника романа (как и тетралогии в целом) – это лабиринт историй, огромная головоломка, «которая находится перед нами в постоянном движении, словно гигантский часовой механизм, где в конце концов каждая деталь оказывается на своем месте и приобретает особое значение» (Сафон 2016).

По этому лабиринту предстоит кружить Даниелю, а вместе с ним – *«терпеливому читателю»* (Сафон 2016), *«хорошему читателю, читателю отборному, соучаствующему и созидающему, перечитывателю»* (Набоков 1998: 25) – в поисках разгадки тайны книги, которая выбрала Даниеля, и ее автора, Хулиана Каракса. Разгадка этой тайны для Даниеля – не просто удовлетворение любопытства, но стремление к восстановлению равновесия мира, рухнувшего со смертью матери, и, как окажется в финале романа, возвращение к жизни и автора книги. Мальчику-подростку предстоит разобраться в этом сплетении правды, полуправды и лжи, противоречивых фактов и явлений, пройти путь инициации в драматическом послевоенном мире, созданном взрослыми.

На первых же страницах романа (и тетралогии в целом) К.Р. Сафон обращает внимание читателя на прием, который лежит в основе повествования. Когда Даниель Семпере в первый раз читает роман Хулиана Каракса «Тень ветра», он понимает, что «по мере развития повествования его структура все больше» напоминает ему «русскую матрешку, внутри которой заключено множество ее маленьких копий» (Сафон 2017: 10). Этот прием прямо соотносится с устоявшимся в набоковедении определением одного из излюбленных композиционных приемов В.В. Набокова, с помощью которых он выстраивал многослойный мир своих произведений. С.С. Давыдов в монографии «“Тексты-матрешки” Владимира Набокова» так пояснил выбор термина: «Литературное произведение, которое содержит один или несколько написанных героем текстов, я предлагаю называть “текст-матрешка”, по аналогии с куклой-матрешкой» (Давыдов 1982: 3). Каждая глава «Дара» в известном смысле равна роману, внутри которого находится текст, написанный героем; в «матрешках» внешний авторский текст вступает в диалогические отношения с внутренним текстом героя.

Роман К.Р. Сафона – это тоже текст-матрешка. Как внутренние тексты в нем можно рассматривать рассказ управляющего Молинса о семье Фортунь; воспоминания отца

Фернандо Рамоса об учебе в школе Святого Габриеля (напечатанные другим шрифтом); историю дома «Ангел тумана» семейства Алдаия (рассказ Беа, пересказанный Даниелем); историю любви Хулиана и Пенелопы, рассказанную Марией Хасинтой Коронадо (другой шрифт), рукопись Нурии Монфорт (отдельная глава). Другие книги тетралогии – «Игра ангела», «Узник неба», «Лабиринт духов», а также рассказ «Огненная роза», являющиеся самостоятельными произведениями, – тоже можно рассматривать как структурные элементы «матрешки», так как это отдельные истории: тайна гибели Исабель, матери Даниеля, тайна Давида Мартина, тайна Фермина Ромеро де Торреса, тайна происхождения таинственной библиотеки-лабиринта и др.

У каждого героя есть нечто, скрываемое от других, своя душевная или семейная тайна, тайна любви, тайна судьбы, которая будет раскрыта или так и останется неразгаданной. Есть тайны, которые можно разгадать, и есть тайны, остающиеся нераскрываемыми, разгадки которых не будут получены никогда. Или не в этой жизни. Разгадка тайны не всегда приносит удовлетворение и радость. В.В. Набоков написал о страхе, который вызывают тайны бытия: «И страшно мне не только / мое непониманье, – страшен голос, / мне шепчущий, что вот еще усилье – / и все пойму я...» («Смерть»), «Эта тайна та-та, та-та-та-та, та-та, / а точнее сказать я не вправе» («Слава»), а К.Р. Сафон пишет в финале романа, что Даниель Семпере с облегчением понял, что Хулиан Каракс «по-прежнему не знает, кем приходилась ему Пенелопа» (Сафон 2017: 464).

Рассматривая категорию интриги в современной нарратологии, В.И. Тюпа указывает на то, что П. Рикёр в свое время задался целью осмыслить строй нарративного текста относительно «жизненного мира читателя, без которого не может быть полным значение литературного произведения». Он разработал специальную теоретическую категорию нарративной интриги. Именно «операция конфигурации, составляющая суть построения интриги», согласно Рикёру, «преобразует это множество эпизодов в единую и завершённую историю». Интерес читателя – в рефигурации этой интриги, в разгадывании загадок, подготовленных автором; «в области эстетического словесного творчества ("большая литература", а не литературное ремесло) такого рода интерес сохраняется и после первого и последующих прочтений» (Тюпа 2013: 66).

Дополнительное сюжетное напряжение создает и то обстоятельство, что в то время, как Даниель ищет разгадку тайны Хулиана Каракса и его книги, рядом с ним находится персонаж, который все знает (Нурия Монфорт), но не раскрывает тайну (читатель тоже находится на позиции Даниеля). Этот путь ему надо пройти самостоятельно; разгадка – награда. Более того, разговаривая с Даниелем, Нурия Монфорт намеренно вводит его, а также и читателя, в

заблуждение, и поэтому, когда мы, наконец, вместе с Даниелем читаем ее письмо, в котором написана правда, мы снова возвращаемся к части 20 романа, где Нурия – как это казалось при первом чтении – охотно и долго разговаривала с Даниелем, отвечая на все его вопросы; возвращаемся для того, чтобы сопоставить эти две версии – которая из них правда? В свете открывшегося знания иным смыслом начинают наполняться представлявшиеся прежде не очень важными наблюдения: «Мне показалась, что Нурия очень хорошо знает, о чем говорит, словно исходя из собственного опыта», «Я увидел, как улыбка осветила ее лицо, когда она смотрела на юного Хулиана. Нурию явно терзала ностальгия, словно она потеряла очень близкого человека», «Мне показалось, что Нурию что-то гложет. Я начал подозревать, куда нас может завести весь этот разговор. – Но вы ведь потом вновь услышали о нем, не так ли? Она утвердительно кивнула, заметно нервничая», «Вы знали, что Хорхе Алдаия – брат Пенелопы? Нурия нахмурилась, растерянно посмотрев на меня» (потому что она не ожидала, что Даниелю это известно) (Сафон 2017: 162, 166) и т.д.

Игра, в которую вовлекает читателя В.В. Набоков, заключается в том, что еще только задуманный Федором роман о работе судьбы, занимающейся устройством человеческой жизни, о котором «он накануне вскользь сообщал матери» и о котором он (на последних страницах романа!) говорит Зине (Набоков 1990: III, 327), и есть та самая книга, которую, собственно, сейчас держит в руках и дочитывает читатель. «Дар» – это произведение В.В. Набокова и Ф.К. Годунова-Чердынцева, книга о писательском даре и труде; о работе судьбы, на протяжении трех с лишним лет старательно сводившей Федора и Зину; это книга о самом «Даре», о том, как был задуман и написан этот роман.

Сюжет книги, которую выбрал Даниель в лабиринте Кладбища Забытых Книг, чем-то неуловимо напоминает «Дар»: «Постепенно роман рассыпался на тысячу историй, словно некий предмет, который, попав в зеркальную галерею, теряется в многочисленных отражениях, разных и в то же время схожих» (Сафон 2017: 10); «В романе речь шла о человеке, посвятившем жизнь поискам своего настоящего отца, которого он никогда не знал и о чьем существовании ему на смертном одре поведала мать. История этих поисков представляла собой фантазмагорическую одиссею, в ходе которой герой пытался восполнить все то, чего был в детстве лишен, а за главными событиями маячил образ несчастной любви, преследовавшей его до конца жизни» (Сафон 2017: 9–10).

Так какую же именно книгу под названием «Тень ветра» держит в руках читатель? Кто ее автор – Карлос Руис Сафон или Хулиан Каракс? или, может быть, Даниель Семпере, мечтавший о писательском труде и воплотивший свою мечту? Две сильные позиции, в которые поставлено словосочетание «*тень ветра*» – первые слова текста (название романа) и

последние слова текста («и они навсегда исчезают из вида, сокрытые тенью ветра») создают устойчивое ощущение того, что и в этом случае читатель имеет дело с игрой автора, так как вопросы «Не является ли читаемая нами книга собственно романом Хулиана Каракса?», «Кто написал “Тень ветра”?» пока оставлены без ответа.

Аналогичные вопросы возникают и при чтении романа К.Р. Сафона «Игра ангела». Что за книгу унес с Кладбища Забытых Книг Давид Мартин? Кто автор этой книги «Lux Aeterna. D. M.», напечатанной на машинке, принадлежащей сейчас Давиду, и, возможно, за его письменным столом?

Образ книги, срок жизни которой несоизмерим с временем человеческой жизни, предоставляет писателю возможность использования еще одного сюжетного хода – параллельного развития событий, связанных с книгой, в разных пространственно-временных континуумах. Сам образ Кладбища Забытых Книг – находка К.Р. Сафона, позволяющая создать не поддающееся подсчету количество художественных произведений, в центре каждого из которых будет тайна книги, – ровно столько, сколько книг в этом книгохранилище-лабиринте (а их там бесчисленное множество) – сюжетный ход, генерирующий и гарантирующий неограниченное количество тайн и загадок.

В набоковедении принят термин «patterning» (от «pattern» – «тематический узор», «сквозной мотив»), который обозначает одну из важных особенностей метода В.В. Набокова – поиск в реальной жизни и/или создание в литературном произведении *тайных тем, узоров судьбы, разрозненных частей основной мелодии*; однажды обнаруженная тема прослеживается писателем на протяжении многих лет, а в финале гармонично сплетается с другими узорами судьбы в один «волшебный ковер». Этот творческий метод отвечает набоковскому представлению об искусстве как складывании частей узора или накладывании нескольких реальностей друг на друга, определяет архитектуру повествования в его произведениях: «там время складывается по желанию, как узорчатый ковер, складки которого можно так собрать, чтобы соприкоснулись любые два узора на нем», «совпадение узоров есть одно из чудес природы»; «этот волшебный ковер я научился так складывать, чтобы один узор приходился на другой» (Набоков 1990: IV, 53, 225, 213) и т.п.

В романе «Дар» одним из таких тематических узоров, сквозных мотивов является, например, *ключ / ключи*: пропавшие (или потерянные) *ключи* от комнаты, от парадной двери, отсутствие которых не дает возможности попасть в жилище, замкнувшие в кольцо композицию романа и ставшие символом изгнаннического существования; *ключ* как родник, источник («горячий ключ и в инее цветы» – о поцелуе Зины, музы Федора; Кастальский *ключ* как источник творческого вдохновения); *ключ* как правильный ответ, разгадка узоров судьбы,

идеи шахматной композиции, где внимание сконцентрировано на поиске надлежащих ходов, ключей; *ключи* от тайны бытия, позволяющие вспомнить произошедшее, осмыслить его, понять, в чем заключается промысел судьбы, и т.д. (Степанова 2015: 59–60). Тематический узор *ключ / ключи* есть во всех романах тетралогии К.Р. Сафона: в романе «Тень ветра» звенит не менее десяти разных ключей и трех внушительных связок; в «Огненной розе» есть *ключ* к вратам ада (хрустальная склянка с каплей крови последнего дракона), Фермин Ромеро де Торрес («Узник неба») «восстал из мертвых и хранит ключ от будущего» и т.п.

Как тематический узор можно рассматривать в «Даре» развитие взаимоотношений главных героев и три *попытки судьбы*, пытавшейся познакомить Федора и Зину: первая – судьба перевезла в дом, куда только что въехал Федор, Лоренцов и всю их обстановку (мадам Лоренц давала еще в Петербурге уроки рисования Зине, которая поэтому вечерами часто бывала в их студии на Танненбергской, но так и не встретила с Федором); вторая – предложенная Федору, нуждавшемуся в деньгах, работа – помочь незнакомой барышне (это была Зина) с переводом каких-то документов; третья, оказавшаяся успешной, – Федору, подыскивавшему себе новое жилье, судьба в последний момент показала бальное голубое платье, определившее его выбор (платье, кстати сказать, Зине и не принадлежало).

В качестве тематического узора в романе К.Р. Сафона выступает история ручки «Монблан Майнстерштюк» из номерной серии; ручки, якобы принадлежавшей Виктору Гюго, – предмета восхищения Даниеля. Эта «черная авторучка, изукрашенная причудливыми узорами <...> великолепная сама по себе, была к тому же воплощением барочного бреда из золота и серебра, а ее бесконечные грани сверкали, словно Александрийский маяк»; «чудо мастерства и филигранности», она была выставлена в витрине магазина письменных принадлежностей на улице Ансельмо Клаве (Сафон 2017: 29).

Даниель начал ею любоваться, когда ему было пять лет, и это стало «побудительным мотивом к выбору литературной карьеры»: «Втайне я считал, что из-под прекрасного пера могут выйти только самые достойные сочинения, от романов до энциклопедий, и письма такой силы и выразительности, что их не нужно будет отправлять по почте. Я наивно верил, что все написанное той ручкой может дойти куда угодно, вплоть до той непостижимой дали, куда, по словам отца, навсегда ушла моя мать» (Сафон 2017: 29–30). Отец подарил Даниелю эту ручку на шестнадцатилетие с гравировкой «Даниель Семпере, 1953».

Задолго до описываемых событий эту ручку в середине сентября 1933 года в Париже Хулиан Каракс показал Нурие Монфорт, и она купила ее для него на деньги, которые перед смертью ее мать успела накопить ей на свадебное платье. Этой ручкой были написаны его романы – до того, как он нашел склеп и могилу Пенелопы и Давида; тогда он оставил ее Нурие.

Потом, когда больше не на что было жить, она продала «ее тому, кто дал лучшую цену», и Хулиан лишь ответил, что она «правильно поступила, потому что он ее не заслуживал». Потом эту ручку отец купил для Даниеля.

В последний раз в романе мы видим ручку «Монблан Майнстерштюк» в палате возвращающегося к жизни Даниеля: отец принес ее и тетрадь на случай, если у Даниеля проснется желание что-нибудь написать. Даниель отдает ее Хулиану, попросив, «чтобы он взял с собой ручку Гюго – ведь то была его ручка – и снова начал писать». Единственным доказательством того, что Хулиан действительно приходил к Даниелю, что его посещение не было бредом выздоравливающего человека, становится исчезновение ручки: «Той же ночью, пытаясь заснуть, я повернул голову на подушке и заметил, что футляр на столике открыт, а ручка исчезла» (Сафон 2017: 464).

В романах В.В. Набокова есть автобиографическая сюжетная деталь – карандаш-гигант, выставленный в витрине и купленный герою в подарок его матерью: «фаберовский карандаш в полтора аршина длины и сообразно толстый: рекламный гигант, горизонтально висевший в витрине и возбуждавший как-то мою взбалмошную алчность» («Дар» – Набоков 1990: III, 22); «карандаш действительно оказался желто-деревянным гигантом, около двух аршин в длину и соответственно толстый. Это рекламное чудовище висело в окне у Треймана как дирижабль, и мать знала, что я давно мечтаю о нем, как мечтал обо всем, что нельзя было, или не совсем можно было, за деньги купить» («Другие берега» – Набоков 1990: IV, 149). Однако эта деталь введена писателем с другой целью – как пример ясновидения выздоравливающего после тяжелой болезни ребенка, чья мысль *«омылась, окунувшись недавно в опасную, не по земному чистую черноту»*.

Присутствие сквозных мотивов повышает интенсивность художественного выражения; в процессе повторения и варьирования тематический узор обрастает ассоциациями и приобретает особую психологическую и символическую углубленность, что позволяет считать его одним из композиционных приемов, продуцирующих новые смыслы. Тематические узоры могут выступать и как сквозные антиципации – как опережающее предвидение, предугадывание, предвосхищение дальнейшего развития судьбы, заложенного в описании событий настоящего; как игра писателя с читательскими ожиданиями.

Финал литературного произведения всегда играет особую роль в раскрытии авторского замысла: в финале автор завершает диалог с читателем, даже если финал остается открытым. Многозначность финала может явить собой «гениальный по своей ясности и изяществу художественный ход, самый органичный набоковскому замыслу способ закрытия концовки романа, или, вернее, открытие его текста настезь» (Шраер 2001). А может рассматриваться

как «многосмысленность текста», допускающего, по замыслу автора, разные, но равноправные по истинности толкования, вплоть до принципиальной непереводаемости произведения на язык формальной логики; в этом случае смысл постигается *хорошим, терпеливым читателем* интуитивно. Сюжет романа исчерпан, все узоры совпали, и спираль, завершив оборот, поднимается на новый уровень, чтобы начать новый виток: у Набокова – «и для ума внимательного нет границы – там, где поставил точку я: продленный призрак бытия синее за чертой страницы, как завтрашние облака, – и не кончается строка» (последние слова романа «Дар», онегинская строфа в подарок *хорошему читателю*) (Набоков 1990: III, 330); у Сафона – в завершающем тетралогии романе «Лабиринт духов» все складывается в единую картину, раскрываются все тайны и даются ответы на вопросы, но «тут есть и дополнительный элемент. Эта головоломка, этот механизм делает еще один оборот, открываясь нам с совершенно другой стороны, о существовании которой мы и не подозревали» (Сафон 2016).

Конечно, художественные миры В.В. Набокова и К.Р. Сафона – это разные вселенные, определяемые разными творческими задачами: «Дар» – повествование о трех годах жизни в Берлине молодого русского писателя-эмигранта, о становлении и мужании его дара; «Тень ветра» – история взросления мальчика в послевоенной Барселоне рядом с настоящими злодеями и злодеяниями. При этом оба романа – это «ода литературе, искусству повествования, литературному языку и мастерству слова», «дань уважения литературному искусству», стремление «воспеть мир, связанный с книгой, словом, воображением, интеллектом и знанием» (Сафон 2016); и главная героиня романа, по Набокову, – «не Зина, а Русская Литература».

Каждая книга – это «безбрежный, непознанный мир», «новый друг», «целая Вселенная» (Сафон 2017: 9, 70). Настоящая книга, по мысли автора (Набокова и Сафона), – реальнее самой реальности, а ее персонажи кажутся «такими же реальными, как воздух», которым они дышат (Сафон 2017: 10). Книга, один из главных героев романов, учит «получать удовольствие от текста, от открытий, происходящих в душе, от свободного полета воображения, от красоты и загадочности вымысла и языка», «обнаруживая в тексте каденции и ритмы, сменявшие друг друга, словно музыкальные мотивы, распутывая загадки звуков и пауз» (Сафон 2017: 26, 38).

Оба романа написаны *композиторами*. В.В. Набоков был шахматным композитором, он с удовольствием составлял шахматные композиции и крестословицы (кроссворды). Описывая сложное и восхитительное искусство составления шахматных задач, он написал: «В этом творчестве есть точки соприкосновения с сочинительством и в особенности с писанием тех невероятно сложных по замыслу рассказов, где автор в состоянии ясного ледяного безумия ставит себе единственные в своем роде правила и преграды, преодоление которых и дает

чудотворный толчок к оживлению всего создания, к переходу его от граней кристалла к живым клеткам» (Набоков 1990: IV, 290). К.Р. Сафон пишет музыкальные композиции, связанные с сюжетами книг, над которыми работает, и признается, что зачастую музыка помогала ему «найти решение в тех случаях, когда с повествованием возникали сложности» и он не знал, как поступить дальше (Сафон 2016). В открытом доступе на сайтах писателя есть композиции «La Sombra Del Viento», «Lain Coubert», «Penelope Y Julián», «Bea», «Daniel Recuerda», «Fumero En El Angel De La Niebla», «Clara Barceló» и др.

Оба романа обращены к «своему» читателю. В известном смысле, творчество каждого из рассматриваемых нами писателей требует подготовленного, квалифицированного читателя (творчество В.В. Набокова давно признано «элитарным чтением»), но какова награда! «Мастер лезет вверх по нехоженому склону, и там, на ветреной вершине, встречает – кого бы вы думали? – счастливого и запыхавшегося читателя, и они кидаются друг другу в объятия, чтобы уже вовек не разлучаться – если вовеки пребудет книга» (Набоков 1998: 25); «Я вообще пишу для тех, кто получает удовольствие от процесса чтения, от письменного литературного языка, и кому интересны стиль, фабула, персонажи. Для тех, кто жаждет полностью погрузиться в вымышленный мир литературного произведения, хочет изучать его и способен ярко переживать описанные в нем истории» (Сафон 2016).

Мотив тайны книги выполняет в романах сюжетобразующую функцию, привлекая и удерживая внимание читателя, создавая у него чувство недосказанности и беспокойства, желание поиска ответов на вопросы. Как роман «Дар», так и роман «Тень ветра» являются частью метатекстов, макроконструкций, объединяющих тексты в «метароманы»: в первом случае – так называемого «довоенного» или «русского» метаромана В.В. Набокова, во втором – тетралогии («саги») К.Р. Сафона о Кладбище Забытых Книг. В силу этого каждый отдельный роман может быть прочитан и самостоятельно и как составная часть соответствующего макротекста.

Мотив тайны книги позволяет рассмотреть в романах «Дар» и «Тень ветра» проблему интриги – как в традиционном смысле (как способ организации действия, выраженный в том, что герой стремится осуществить какой-либо план, свою линию поведения, вступая в борьбу с противодействующими этой линии силами), так и с точки зрения современной нарратологии, согласно которой «интрига как интенционально адресованный конструктивный интерес наррации состоит в напряжении событийного ряда, возбуждающем некие рецептивные ожидания», она есть «сюжет в его обращенности не к фабуле <...> а к читателю», единая и завершенная история, приготовленная «для рецептивной “рефигурации” читательским сознанием» (Тюпа 2013: 66).

Список литературы

- Давыдов С.С. (1982): «Тексты-матрёшки» Владимира Набокова. Мюнхен: Otto Sagner.
- Зверева Е.В. (2016): Гений лабиринта или лабиринт гения. Некоторые особенности литературного стиля Карлоса Руиса Сафона, *Древняя и Новая Романия*, 18, 141–155.
- Набоков В.В. (1990): *Собрание сочинений*: в 4 т. Москва: Правда.
- Набоков В.В. (1998): О хороших читателях и хороших писателях, Набоков В.В. *Лекции по зарубежной литературе*. Москва: Издательство «Независимая газета», 23–29.
- Сафон К.Р. (2015): *Игра ангела*. Москва: Издательство АСТ.
- Сафон К.Р. (2016): Эксклюзивное интервью, *Russia Today Documentary (RTД)*. URL: <http://trueinform.ru/modules.php?name=Video&sid=144128> (дата обращения: 11.06.18).
- Сафон К.Р. (2017): *Тень ветра*. Москва: Издательство АСТ.
- Степанова Н.С. (2015): В поисках ключей от тайны бытия: мотив ключа в романе В.В. Набокова «Дар», *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия Лингвистика и педагогика*, 1 (14), 58–64.
- Тюпа В.И. (2013): Категория интриги в современной нарратологии, *Питання літературознавства*, 87, 64–76.
- Хализев В.Е. (2000): *Теория литературы*. Москва, Высшая школа.
- Шраер М.Д. (2001): О концовке набоковского «Подвига», *Старое литературное обозрение*, 1 (277). URL: <http://magazines.russ.ru/authors/s/shraer/> (дата обращения: 11.06.18).

References

- Davydov S.S. (1982): *Teksty Matreški Vladimira Nabokova*. Munich: Otto Sagner.
- Zvereva E.V. (2016): The genius of the labyrinth or the labyrinth of the genius. Some features of the literary style of Carlos Ruiz Zafón, *Drevnyaya i novaya Romaniya*, 18, 141–155.
- Nabokov V.V. (1990): *Collected works*: in 4 vol. Moscow: Pravda.
- Nabokov V.V. (1998): *Good Readers and Good Writers, Vladimir Nabokov. Lectures on Foreign Literature*. Moscow: Independent newspaper, 23–29.
- Zafón K.R. (2015): *The Angel's Game*. Moscow: AST.
- Zafón K.R. (2016): Exclusive interview, *Russia Today Documentary (RTД)*. URL: <http://trueinform.ru/modules.php?name=Video&sid=144128> (retrieved: 11.06.18).
- Zafón K.R. (2017): *The shadow of the wind*. Moscow: AST.

Stepanova N.S. (2015): Looking for the keys to the mystery of existence: the motive of key in the novel of Vladimir Nabokov «The Gift», Proceedings of the South-West State University. Series Linguistics and Pedagogical, 1 (14), 58–64.

Tiupa V.I. (2013): The category of intrigue in contemporary narratology, Problems of Literary Criticism, 87, 64–76.

Khalizev V.E. (2000): Theory of literature. Moscow, Vysshaya shkola.

Shrayer M.D. (2001): On the end of Nabokov's The Glory, Old literary review, 1 (277).

URL: <http://magazines.russ.ru/authors/s/shraer/> (retrieved: 11.06.18).

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА В АРАБСКОМ МИРЕ

Мохсен Тунси
Филологический факультет Сфакса, Тунис
tounsi_mohsen@hotmail.fr

RUSSIAN LITERATURE IN THE ARAB WORLD

Mohsen Tounsi
Faculty of arts and humanities of Sfax, Tunisia

АННОТАЦИЯ

Востоковедение, преподавание арабского языка в России и русского языка в арабских странах и перевод сыграли значительную роль в сближении и взаимодействии русской и арабской литератур. Русская и советская литература пользуются большой любовью и уважением среди арабских читателей, потому что они боролись против всех форм рабства и угнетения и призывали к свободе и равенству. Они также содержат элементы восточного духа, высокие гуманистические принципы и красивые художественные стили. Через русскую и советскую литературу арабские писатели и поэты познакомились с критическим реализмом и с социалистическим реализмом. Русские литературные направления такие, как формализм и структурализм нашли свое отражение в арабской литературной критике.

ABSTRACT

Oriental studies, the teaching of Arabic language in Russia and Russian language in the Arab countries as well as the translation played a significant role in the rapprochement and interaction of Russian and Arabic literatures. Russian and Soviet literatures are respected by the Arab readers, because they fought against all forms of slavery and oppression and called for freedom and equality. They also contain elements of the oriental spirit, high humanistic principles and beautiful artistic styles. Through Russian and Soviet literatures, Arab writers and poets became acquainted with critical realism and with socialist realism. Russian literary trends such as formalism and structuralism are reflected in Arabic literary criticism.

Ключевые слова : русская литература; арабская литература; арабский мир; востоковедение; перевод; взаимовлияние русской и арабской литератур; литературная критика

Keywords : Russian literature; Arabic literature; the Arab world; oriental studies; translation; the mutual influence of Russian and Arabic literatures; literary criticism

Введение

Русская литература распространена во всем мире и пользуется большой популярностью во многих странах. Ее популярность объясняется тем, что она трактует интересные темы, носит гуманистический характер, имеет разные литературные направления и список ее

авторов включает интересных писателей и поэтов, произведения которых были переведены на разные языки мира и повлияли на развитие других литератур.

Большинство арабских читателей познакомилось с русской и советской литературой в переводе на французский или на английский язык из-за того, что русский язык не широко распространен в арабских странах. Перевод русских произведений на арабский язык начался в начале XVIII-ого века после возникновения востоковедения в России. Выпускники русских религиозных семинаров на Востоке арабского мира, выпускники советских вузов, а позже выпускники арабских вузов сыграли важную роль в переводе русской литературы на арабский язык. Количество русских и советских литературных произведений, переведенных на арабский язык считается большим. Были переведены произведения самых известных русских и советских писателей и поэтов. Они отражают разные темы и разные направления русской и советской литературы.

Благодаря своему распространению среди арабской интеллигенции, русская и советская литература повлияли на арабскую литературу, критику и театр. Русская и советская литература пользуются большой любовью и уважением среди арабских читателей, потому что они призывали к свободе, равенству и к социальным реформам и боролись против всех форм рабства и угнетения. Они также содержат элементы восточного духа, высокие гуманистические принципы и красивые художественные стили. Арабские народы всегда боролись за те же принципы и права.

Через русскую и советскую литературу арабские писатели и поэты познакомились с критическим реализмом и с социалистическим реализмом. Русские литературные направления такие, как формализм и структурализм нашли свое отражение в арабской литературной критике.

Обучение русской и советской литературе занимает важное место в программе преподавания русского языка в Тунисе. Обучение предусматривает, наряду с языковой целью познавательные и общеобразовательные цели. Изучение литературы помогает нашим студентам лучше познакомиться с русским обществом, с его историей, бытом, психологией и менталитетом. Программа по русской и советской литературе охватывает все этапы их развития. Важное место в программе советской литературы уделяется национальным литературам народов Советского Союза. Для лучшего восприятия русской и советской литературы нашими студентами, программа включает в себя некоторые взаимодействия между русской и советской литературой и арабской литературой.

Исторические и культурные отношения – важный фактор в ознакомлении арабов с русской и советской литературой

Отношения между арабским и русским народами и между арабской и русской культурами всегда были хорошими, начиная с X-ого века до наших дней.

Русские и арабы всегда стремились к диалогу и общению исходя из национальных ценностей, присущих каждому народу, а также исходя из общечеловеческих ценностей. Диалог между обеими народами и культурами отвечал общим интересам. Благодаря русским востоковедам, русским и арабским переводчикам, он расширился. И русские и арабы имеют большой опыт в области диалога с другими народами.

В начале XVIII-ого века стало развиваться востоковедение в России. Началось также преподавание арабского языка в некоторых русских университетах и появились переводы арабской литературы на русский язык и переводы русской литературы на арабский язык.

В 1820-м году открылось первое русское консульство в арабском регионе (в Палестине). Таким образом начались прямые отношения между обеими народами. В конце XIX-века были созданы религиозные школы в Сирии, Ливане и Палестине. Их выпускники продолжали учебу в России и сыграли позже большую роль в ознакомлении арабских читателей с русской литературой, переводя произведения русских писателей и поэтов.

Востоковедение, преподавание арабского языка в России и преподавание русского языка в арабских странах и перевод сыграли значительную роль в ознакомлении русских с арабской культурой, ознакомлении арабов с русской культурой и в сближении и взаимодействии русской и арабской литератур.

Первая кафедра арабского языка была создана в 1805-ом году в Харьковском университете. Позже преподавание арабского языка распространилось в Казанском, Московском, Вильнюсском и петербургском университетах. Петербург стал одним из важнейших центров востоковедения в мире. В настоящее время преподавание арабского языка ведется в разных российских университетах и научных центрах. Это поощряет распространение арабского языка и арабской культуры в России и помогает в подготовке арабистов для продолжения и углубления деятельности востоковедческой школы и особенно перевода.

С другой стороны русский язык преподается почти во всех арабских странах. Преподавание русского языка стало распространяться в арабских школах и университетах особенно во второй половине XX-ого века после того, как арабские страны получили независимость. Советские, а позже российские культурные центры в арабских столицах сыграли важную роль в распространении русского языка и русской литературы в арабском

регионе. Кроме того, сотни тысяч арабских специалистов получили образование на русском языке в советских и российских вузах. Многие из них преподают русский язык в своих странах, занимаются переводом русской и советской литературы.

Востоковедение имеет длительную и богатую историю. Оно возникло благодаря Петру Первому и Екатерине Второй, политика которых отличалась большой открытостью на Запад и на Восток. Русское востоковедение было очень активным. Русские, а позже советские востоковеды стремились передать правдивое представление об истории, жизни, культуре и духовном богатстве арабов. Их перу принадлежат сотни произведений о классической и современной арабской литературе, о социальной и культурной жизни в арабском мире и о состоянии арабской культуры. Они также вели научные исследования в области арабского литературного языка и описали почти все диалекты арабского языка. С другой стороны, они перевели многие арабские прозаические и поэтические произведения на русский язык и многие русские произведения на арабский язык. Таким образом они сыграли большую роль в ознакомлении арабских читателей с русской литературой, в сближении русской и арабской литератур и в углублении русско-арабского культурного диалога

Русское востоковедение укрепилось созданием Музея восточных культур в 1721-ом году, а также созданием Академии наук, которая издавала публикации о Востоке. Оно особенно активно стало развиваться в начале XIX-ого века после создания кафедр арабского языка в русских университетах (в Харькове, в Москве, в Казани и в Петербурге).

В советскую эпоху размножились востоковедческие заведения после создания Института востоковедения при Советской академии наук в Москве, Института международных отношений при Министерстве иностранных дел и Института мировой литературы. Были также созданы институты востоковедения в разных советских научных центрах. Выпустилось большое количество советских востоковедов, специализированных в арабской культуре. Они приложили большие усилия в переводе русской и советской литературы на арабский язык.

Русская востоковедческая школа отличается большой объективностью. Русские востоковеды передали русским реальное и правдивое представление об арабах и мусульманах, а также об их духовном наследии. Они также старались познакомить арабских читателей с духовным наследием русских и с их бытом и менталитетом посредством перевода русских и советских литературных произведений.

Перевод русских произведений на арабский язык

Перевод играет большую роль в арабо-русском диалоге культур. Он считается одним из важных способов ознакомления арабских читателей с русской и советской литературой и сближения и взаимовлияния арабской и русской литератур.

Русские и советские литературные произведения дошли до арабского читателя в 3-х видах :

- произведения, переведенные на французский или на английский язык;
- произведения, переведенные на арабский язык через французский или английский язык;
- произведения, переведенные на арабский язык прямо с русского языка.

Первые переводы русских литературных произведений с русского языка на арабский язык появились в начале XVIII-ого века. Их выполнили русские востоковеды. Позже переводом стали заниматься выпускники русских семинаров в восточных арабских странах, выпускники советских вузов и, начиная с 60-х годов XX-ого века выпускники арабских вузов.

Басни Крылова являются одними из первых русских литературных произведений, переведенных на арабский язык. В 1898-году переводились «Капитанская дочь» Пушкина и «Тарас Бульба» Гоголя. В начале XX-ого века выпускники русских православных школ в Палестине и Сирии стали переводить на арабский язык русские литературные произведения прямо с русскоо языка без языков-посредников. Но многие арабские переводчики продолжали переводить через посредство французского и анлийского языков. Список русских и советских произведений, переведенных на арабский язык очень широк. Были переведены произведения Пушкина А.С., Гоголя Н.В., Лермонтова М.Ю., Тургенева И.С., Достоевского Ф.М., Толстого Л.Н., Чехова А.П., Есенина С.А., Блока А.А., Ахматовой А.А., Ч. Айтматова и др. Были также переведены на арабский язык многие русские драматургические произведения.

Арабские читатели тепло встретили эти переводы, поэтому многие из них были переизданы много раз, а также появились новые переводы некоторых произведений. В начале 60-х годов XX-ого века советские унивеерситеты начали выпускать арабских молодых специалистов. Они приняли участие в переводе русских и советских литературных произведений прямо с русского языка. Переводы издавались в Египте, Сирии, Ираке, Ливане и Кувейте.

Некоторые советские издательства, особенно «Прогресс» приняли активное участие в переводе русской и советской литературы на арабский язык.

Первый перевод русского рассказа в тунисе появился в 1909-ом году. В первой половине XX- ого века в тунисской прессе было напечатано в переводе на арабский язык]]7 русских

рассказов, 1 драматургическая работа и 1 стихотворение. Во второй половине XX-ого века в тунисских газетах и журналах были напечатаны переводы некоторых русских и советских рассказов и стихотворений. В 1998-году в *Анналах Высшего института языков Туниса* были напечатаны переводы многих советских стихотворений о Великой отечественной войне. Монография Мохсена Тунси «А.С. Пушкин – певец любви и свободы» (2006 г.) содержит переводы большого количества стихов Пушкина. С другой стороны, были также постановлены на арабском языке некоторые русские драматургические работы такие, как «Вишневый сад», «Три сестры», «Шинель», «Ревизор» и др. В египетском кино были постановлены фильмы по мотивам русских литературных произведений таких, как «Преступление и наказание», «Ревизор» и др.

Влияние русской литературы на арабскую литературу

Благодаря переводам русская и арабская литература оказали благотворное влияние друг на друга. Арабские писатели заинтересовались русской литературой, поскольку она призывала к свободе и равенству и боролась против всех форм рабства и угнетения. Через русскую и советскую литературу они познакомились с критическим реализмом и с социалистическим реализмом. Русские литературные направления такие, как формализм и структурализм нашли свое отражение в арабской литературной критике.

Русская литература привлекла интерес арабской интеллигенции с начала XX-ого века, поскольку она содержит элементы восточного духа, высокие гуманистические принципы и красивые художественные стили. Она также отражает борьбу русского народа против рабства и гнета царского режима и призывает к социальным реформам, свободе и равенству. Арабские народы в то время тоже боролись за те же принципы и права. Поэтому переводы русской и советской литературы широко распространились среди арабских читателей. Некоторые русские писатели пользовались большой популярностью у арабской интеллигенции. Лев Толстой пользовался большим уважением среди арабских интеллигентов, благодаря своим важным произведениям и своей борьбе за улучшение условий жизни русского народа и отмену крепостного права.

В последней трети XIX-ого века и начале XX-ого века великий египетский муфтий Мохамед Абду и великий русский писатель и философ Лев Толстой переписывались. Происходил между ними интересный культурный диалог. После смерти Толстого в 1910-ом году великие писатели и поэты, в том числе Ахмед Шауки и Хафед Ибрагим написали стихотворения, в которых оплакивали Толстого и считали его большим другом арабской и мусульманской культуры. Они призывали к ознакомлению арабских читателей с его

произведениями, литературными подходами, с его философией и гуманизмом, а также с его мнениями о политике и религии.

Русская культура повлияла на арабскую культуру, особенно в области литературы в результате перевода русской и советской литературы на арабский язык. Арабские писатели и поэты познакомились с критическим реализмом и попали под его влияние, благодаря произведениям Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тургенева, Достоевского, Толстого и Чехова. Русская и советская литература сыграли большую роль в развитии рассказа, повести и театра в арабских странах. Русский рассказ повлиял на появление рассказа в арабской литературе. Драматургические работы Чехова повлияли на развитие арабского театра. Термин «роман в стихах» в арабской литературе был взят из русской литературной критики. Египетский драматург Нажиб Сурур написал свою пьесу «Ясин и Бахия» (1965 г.) под влиянием «Евгения Онегина» Пушкина и назвал ее «романом в стихах».

Социалистический реализм появился в арабской литературе в результате влияния произведений Максима Горького, Николая Островского, Алексея Толстого, Владимира Маяковского, Михаила Шолохова и других советских писателей и поэтов на арабских писателей и поэтов. В арабской поэзии и прозе появилось много социалистических произведений, которые ярко отражали враждебность к колониализму, поддерживали после независимости создание модернистических режимов.

Некоторые арабские критики приняли теорию Горького о литературной критике, о направлениях, идейном содержании и художественных формах социалистического реализма. Другие арабские критики стали придерживаться русской критической школы Формализма. Советская критическая школа Структурализма также повлияла на многих арабских критиков. В 60-е и 70-е годы XX-ого века в Тунисе широко распространились формализм и структурализм. Сторонники литературного течения «Авангарда» придерживались этих направлений в критике и старались освободить арабскую литературную критику от традиционного импрессионизма, который долго господствовал над ней. Нужно при этом отметить, что арабские писатели и критики познакомились с этими направлениями литературной критики через посредство французского и английского языков.

Преподавание русской и советской литературы в Тунисе

Обучение русскому языку в Тунисе, особенно филологам предусматривает одновременно формирование у учащихся языковой, коммуникативной, лингвострановедческой и лингвокультурологической компетенций, т.е. наши учащиеся должны овладеть системой русского языка, уметь общаться на русском языке и иметь знания

об истории, обычаях, традициях, реалиях быта и мировоззрениях русского народа. Они также должны иметь представление об истории и состоянии арабо-русских политических, экономических и культурных отношениях, а также о взаимовлиянии арабской и русской культур. Важное место в программе обучения русскому языку тунисским филологам уделяется обучению русской и советской литературе, поскольку они играют большую роль в ознакомлении учащихся с жизнью русского народа, его психологией, менталитетом, ценностями и устремлениями. Преподавание русской и советской литературы в Тунисе имеет языковые, познавательные и культурные цели. Оно старается помочь учащимся лучше овладеть русским языком, понять его структурные и стилистические особенности, почувствовать силу и красоту его выражений и познакомиться с богатым литературным наследием.

Высший институт языков в Тунисе является единственным центром в стране, где преподаются русская и советская литература. Это также единственный центр в арабских и африканских странах, где русская и советская литература преподаются на русском языке. На занятиях по литературе русские и советские произведения анализируются на базе исторических, социальных и культурных подходов. Используются разные методы, чтобы раскрыть содержание и значение литературного текста. На Факультете гуманитарных наук в Сфаксе ведется курс по компаративной литературе. Сопоставляются арабская и русская и советская литературы с точки зрения тем и направлений, раскрываются сходства и различия и рассматриваются взаимосвязи и взаимовлияния данных литератур.

Программа по русской литературе охватывает все этапы развития русской литературы с момента ее создания в конце 12-ого века до революции 1917 -ого года. Программа советской литературы охватывает весь советский период, который длился почти 70 лет. Каждый писатель и поэт и каждое литературное произведение ставится в его исторический контекст, так как невозможно понять литературное произведение, если не понимаем социальные проблемы, политические и интеллектуальные вопросы на момент его составления, поскольку русская и советская литература всегда были связаны с жизнью народа, которая влияла на литературу, а литература, в свою очередь, влияли на жизнь людей. Поэтому учебная программа основывается на социальном подходе и акцентирует тесную связь между развитием литературы и возникновением различных литературных течений и событиями, которые происходили в русском и советском обществе на разных этапах развития. Данные события были связаны в основном с устремлениями общества, восстаниями и революциями и войнами, которые отчетливо и ясно отражались в поэзии и в прозе.

Программа преподавания русской и советской литературы арабским студентам может включать в себя некоторые взаимодействия между русской и советской литературой и арабской литературой. Это осуществляется на базе сравнений литератур с точки зрения тем, тенденций и приемов с целью показа точек сближения и сходства, а также точек различия и для выделения особых черт каждой литературы. Приводятся также сведения о взаимном влиянии литератур в разные эпохи в результате взаимодействия между обеими культурами и влияния исторических событий и этапов развития общества на каждую литературу. Важное место уделяется арабо-мусульманским мотивам, которые отражались в творчестве русских и советских писателей и поэтов и влиянию русских и советских критических школ на арабскую литературу. Обращается внимание на личные отношения, которые были между русскими и арабскими писателями. Подчеркивается, что основными причинами взаимного влияния русской и советской литературы и арабской литературы являются ориентализм, перевод и преподавание языков. Приведение взаимодействий между русской, советской и арабской литературами приближает русскую и советскую литературу к арабским студентам

Для того, чтобы учебная программа была всеобъемлющей и обеспечивала полное представление о русской и советской литературе, большой интерес уделяется переходу из русской литературы к советской литературе, основанному на идеологических вопросах и эстетических подходах. Объясняются условия создания главного направления советской литературы - социалистического реализма и его идейные, идеологические и эстетические основы.

Часть программы обучения советской литературе посвящается национальным литературам разных советских народов, в которых общие советские темы сочетаются с национальными темами и особенностями. Это является одним из важнейших элементов богатства советской литературы.

Учебная программа также включает развитие и распространение литературных направлений в русской и советской литературе : классицизм, просветительный реализм, романтизм, описательный реализм, критический реализм, социалистический реализм. Представляются интеллектуальные и эстетические характеристики каждого направления. Каждое литературное направление ставится в его исторический и социальный контекст и даются причины его появления.

После того, как студенты познакомятся с этими историческими, социальными и интеллектуальными фактами предлагаются литературные произведения во всех контекстах : исторический период, литературное направление, творчество писателя или поэта,

интеллектуальные, эстетические и стилистические характеристики литературного произведения.

Следует отметить, что учебная программа основана на принципе «спирали», где информация представляется на первом этапе в целом, а затем она дается на более продвинутой стадии с большей глубиной и точностью.

Заключение

Арабо-русский культурный диалог должен продолжаться и углубляться. Распространение русской и советской литературы в арабских странах и арабской литературы в России играет важную роль в арабо-русском диалоге культур. Литература отражает историю, жизнь, традиции, обычаи, ценности и менталитет народа. Изучение русского языка в арабском мире и арабского языка в России помогает читать литературные произведения в подлинной версии. Преподавание языков помогает подготовить переводчиков. Обучение русской и советской литературе арабским учащимся является необходимым для полного овладения русским языком. Экстралингвистические данные обогащают знания учащихся и дают им возможность лучше понять иностранный язык, легче общаться с носителями иностранного языка и спасает их от культурных столкновений. Сопоставление иностранной литературы с национальной литературой показывает точки соприкосновений и различия между ними. Оно также показывает взаимовлияния и взаимодействия литератур.

Русское востоковедение должно продолжать свои усилия в подготовке арабистов и переводчиков и в переводе русских и советских литературных произведений на арабский язык. Преподавание русского языка и русской и советской литературы в арабских странах должно расширяться. Арабские университеты должны также подготовить переводчиков с русского языка на арабский язык и с арабского на русский. Культурные заведения и средства массовой информации в арабском мире должны играть большую роль в ознакомлении своих соотечественников с русской и советской литературой. Это поощряет взаимное понимание и уважение между арабами и русскими и помогает в установлении мира на планете.

Список литературы

Верещагин Ю.М., Костомаров В.Г. (1990): Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. Изд. 4-е, переработанное и дополненное.

Москва: Русский язык.

Воробьев В.В. (1998): Теоретические и прикладные аспекты лингвокультурологии. –

Диссертация на соискание учёной степени доктора фил. наук. Москва.

Конопелкин А.Ф. (1973) Хрестоматия по русскому языку. Изд. 3-е, исправленное. Москва: Высшая школа.

Костомаров В.Г. (1994): Роль русского язвкв в диалоге культур, РЯЗР, 5/6, 9-11.

Лилеева А.Г. (1998): Научно-методические основы Комплексного лингвокультурологического спецкурса для зарубежных филологов-русистов. –Диссертация на соискание учёной степени доктора педагогических наук. Москва.

Линков В.Я. (1986): Хрестоматия по русской литературе XIX века. Москва: Русский язык.

Основы Комплексного лингвокультурологического спецкурса для зарубежных филологов (2001). Москва: Олма Пресс.

Русская литература. Краткий справочник школьника (2002). Минск: Современный литератор.

Шаклеин В.М. (1997): Лингвокультурология. Ситуация и исследование текста. Москва: Общество любителей российской словесности..

СПОСОБЫ НУЛЕВОЙ КВАНТИФИКАЦИИ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ТЕКСТЕ РОМАНА И. БУНИНА «ЖИЗНЬ АРСЕНЬЕВА»

Фан Цзяньвей

*Высшая школа перевода (факультет) МГУ им. М. В. Ломоносова, Россия
fjwgame@gmail.com*

MEANS OF ZERO-QUANTIFICATION IN RUSSIAN AND ENGLISH TEXT OF THE I. BUNIN'S NOVEL "THE LIFE OF ARSENIIEV"

Fang Jianwei

*Higher School of Translation and Interpreting (Faculty) Lomonosov Moscow State
University, Russia*

АННОТАЦИЯ

Анализируется структура микрополя нулевого количества в русском и английском языках в рамках функционально-семантического поля квантитативности, а также особенности выражения нулевой квантификации в художественном тексте – на материале романа Ивана Бунина «Жизнь Арсеньева» и его перевода. Помимо средств выражения значения полного отсутствия, изучены способы усиления семантики нулевого множества разного рода распространителями, сравнениями, повторами, нанизыванием лексем со значением нулевого множества.

ABSTRACT

The structure of zero-quantity microfield in Russian and English languages is analysed as part of the quantity functional-semantic field, as well as the peculiarities of the expression of zero-quantification in the literary text based on the material of Ivan Bunin's novel "The Life of Arseniev" and its translation. In addition to the means of expressing the value of complete absence, ways of strengthening of the semantics of zero-plurality by the different kinds of distributors, similes, repetition and stringing of tokens with a value of zero set are explored.

Ключевые слова: языковая картина мира, понятийная категория, функционально-семантическое поле, количество, нулевая квантификация.

Keywords: language picture of the world, conceptual category, functional-semantic field, quantity, zero-quantification.

Понятийная категория и функционально-семантическое поле количества

Человек наблюдает и анализирует окружающий его мир, накапливая знания как результат своей духовной активности. Важнейшим способом формирования и существования знаний человека о мире является язык, а совокупность знаний, запечатлённых в языковой форме, представляет собой языковую картину мира. При этом в языке находят своё отражение национально-культурные особенности: каждый язык естественным образом отражает

определённый способ восприятия и организации мира, формирует свою особую языковую картину мира как совокупность знаний, зафиксированных в лексике, фразеологии, грамматике.

Категория количества входит в число наиболее значимых категорий мышления человека, но является при этом настолько обширной и многогранной, что несмотря на устойчивый интерес к ней учёных самых различных областей, в том числе и лингвистов (см., например: Арутюнова 2005; Беляева 2005; Кругликова 1993; Крылов 2005; Ломтев 1971; Чеснокова 1992), всё ещё исследована не в полной мере. В нашей работе мы сосредоточились на эмпирических знаниях о данной понятийной категории, приобретённых носителями русского и английского языков в процессе их практической деятельности.

Количественная характеристика может быть отражена субъектом как в математических, точных, объективных, так и в нематематических, приблизительных, в субъективных формах. Поэтому в рамках функционально-семантического поля (ФСП) количественности мы рассматриваем два макрополя: 1) определенного количества, представленного микрополями нумеральности (в том числе единичности) и нулевого количества, и 2) неопределенного количества, представленного огромным арсеналом лексических и грамматических средств, выражающих количество как размытую величину.

Структуру каждого из этих макро- и микрополей можно представить более или менее чётко на материале русского и английского языков. Однако пополнение «стандартных» средств единицами, отобранными из художественного текста, позволяет расширить представление о возможностях выражения числового значения, заложенных в той или иной языковой системе. Поэтому мы не ограничиваемся изучением традиционного функционально-семантического поля количества, но привлекаем и материалы художественного произведения – романа Ивана Бунина «Жизнь Арсеньева» в оригинале и в переводе на английский язык. Художественный текст, репрезентирующий представление о мире конкретного автора, позволяет обнаружить средства выражения того или иного понятия с позиции оценивания, порой весьма субъективного, но ведь картина мира «это не простое отражение предметов, явлений, свойств и т. д., она включает не только отражённые объекты, но и позицию отражающего субъекта, его отношение к этим объектам» (Власова 2012: 62). Без учёта этого потенциала, заложенного в языке и вскрытого одним из гениев русской литературы, изучение понятийной категории количества представляется нам неполным.

Поставив перед собой цель выявить особенности выражения нулевого количества в русском и английском языке, в ходе работы над данной статьёй мы решили следующие задачи: 1) уточнили термины «понятийная категория» и «функционально-семантическое поле»;

- 2) представили структуру микрополя нулевого количества в русском и английском языках;
- 3) установили средства репрезентации нулевого количества в романе «Жизнь Арсеньева»;
- 4) выявили принципы адаптации указанных компонентов русской художественной речи при переводе на английский язык.

Понятийными категориями считаются «релевантные для языка ментальные категории, ориентированные, с одной стороны, на логико-психологические категории, а с другой – на семантические категории языка» (Шустова 2009: 63). Мы под понятийной категорией будем иметь в виду отвлечённое обобщённое значение, имеющее соответствующее языковое выражение. В этом смысле понятийные категории как бы предваряют языковые категории. Так, понятийная категория количественности формируется в сознании и затем оформляется в языке в результате отражения носителем этого языка количественных параметров объектов окружающей его действительности. Наблюдение над языковыми средствами, репрезентирующими ту или иную категорию, привело к формированию в языкознании теории поля и введением в научное использование термина *функционально-семантическое поле* как результат не только структурирования языковых фактов, но и учёта условий их функционирования. По словам А. В. Бондарко, «система разноуровневых средств данного языка (морфологических, синтаксических, словообразовательных, лексических, а также комбинированных – лексико-синтаксических и т. п.)» образует в языке двустороннюю структуру, именуемую функционально-семантическим полем (Бондарко 1984: 21, 22). Наиболее лаконичное определение *ФСП* находим в Новом словаре методических терминов и понятий: «объединение разноуровневых средств языка, предназначенных для выражения определённых семантических категорий» (Азимов 2009: 342).

В работе «Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры» выделяются два основных структурных типа *ФСП*: моноцентрические и полицентрические. Моноцентрический тип структуры *ФСП* наиболее чётко представлен полями, в центре которых находится определённая грамматическая категория, концентрирующая в целостной системе наиболее специализированное и наиболее регулярное выражение данного круга функций. Полицентрическими являются такие поля, как *количественность*: будучи организованной вокруг грамматической категории числа, она представлена целым рядом разнородных элементов среды (Бондарко 2005: 18) – числительными и отчислительными образованиями (*три / three, триста / three hundred; тройной / triple*), глаголами (*обнулить / nullify, преувеличивать / overstate, кивнуть / to nod once*), адъективными и адвербиальными показателями (*однозначный / single-valued, скалистый / rocky, разветвлённый / branched*;

часто / often), надлексическими единицами (*во весь рост / full-length, всей душой / with all (my) soul; я не в силах был / I was unable*) и пр.

Процедура конструирования ФСП предполагает учёт и описание литературных – лексических и грамматических – средств, прямо или косвенно выражающих соответствующее значение. Сопоставительный анализ русских и английских средств с числовым компонентом позволил сформировать структуру ФСП количества в рассматриваемых языках. В настоящей статье остановимся на одном из его микрополей.

Структура микрополя нулевого количества

Ядро микрополя нулевого количества как в русском, так и в английском языке представлено отрицательными местоимениями, а также лексемой *нуль / zero*, которые непосредственно указывают на отсутствие чего-либо, кого-либо, какого-либо признака.

В русском языке формирование отрицательных местоимений происходит путём присоединения к относительным (вопросительным) местоимениям безударной приставки *ни-* либо ударной приставки *не-*: *никто, никакой, ничей, некого, нечего* и т. д. В английском языке к отрицательным местоимениям относятся слова *no* «никакой», *nothing* «ничто», *nobody* «никто, никого», *no one* «никто, никого», *none* «никто, ничто, ни один», *neither* «ни тот, ни другой (из двух)». При этом структура русского предложения требует двойного отрицания (***Никто не знает его имени***), тогда как в английском языке достаточно одного (***Nobody knows his name***).

В центральную часть рассматриваемого микрополя целесообразно, на наш взгляд, включить русские образования с приставками *не-* и *без-*, которые вносят значение отсутствия у объекта некоторого показателя, признака. При этом однозначно средствами нулевой квантификации можно назвать лишь образования с приставкой *без-* (по крайней мере в одном из значений), независимо от принадлежности к той или иной части речи, например: *безголосица* «(разг.) отсутствие хороших голосов, плохое пение» (Ожегов 1997: 40), *безалкогольный* «не содержащий алкоголя» (Ожегов 1997: 39), *обезоружить* «отнять у кого-нибудь оружие, сделать неспособным к сопротивлению, борьбе», «(перен.) лишить возможности возражать, противодействовать, сопротивляться чему-нибудь» (Ожегов 1997: 426), *безошибочно* «без ошибок, совершенно правильно».

В рамках данной группировки можно говорить и о таких лексемах, в которых в настоящее время приставка *без-* не вычленяется, но этимологически она участвовала в образовании. Данные лексемы не утратили в своей семантической структуре значения отсутствия чего-либо. Такими, например, являются существительное *бездна*, заимствованное

из старославянского языка, где *бездьна* – словообразовательная калька греческого *abyssos* (*a* «без» + *byssos* «дно, глубь») (Шанский 1971: 32), и прилагательное *безалаберный* «(разг.) бестолковый и беспорядочный» (Ожегов 1997: 39) – собственно русское образование с помощью суффикса *-н-* от словосочетания *без алабора* (*алабор* «порядок») (Шанский 1971: 32). Английские эквиваленты имеют похожую структуру: *abyss* «бездна, пропасть», *disorderly* «безалаберный, беспорядочный».

Что касается образований с *не-*, то они могут и не выражать значения полного отсутствия чего-либо. Ср.: *неволя* в зн. «отсутствие свободы, плен, рабство (высок.)» (Ожегов 1997: 402), *невинный* в зн. «не имеющий за собой вины, провинности» (Ожегов 1997: 402), но *невыразимый* «(книжн.) такой, который трудно передать словами, непередаваемый» (Ожегов 1997: 403), *недурной* «удовлетворительный, достаточно хороший» (Ожегов 1997: 405). Два последних примера указывают не на полное отсутствие, а скорее на сложность осуществления действия (в первом случае) или относительную степень проявления признака (во втором случае). При этом в таких словах, как *неоднократный* «происходящий, производимый, имеющий место несколько раз» (Ожегов 1997: 408), значение нулевого количества вообще аннулируется семантикой мотивирующей основы.

В английском языке нулевая квантификация аналогично может быть выражена приставками *un-* (*unmistakable* «безошибочный»), *non-* (*nonsensical* «бессмысленный»), *dis-* (*to disarm* «обезоружить») Эквивалентами русским образованиям, в которых значение нулевого количества обеспечивается приставками, могут выступать английские слова на *-less* (*voiceless* «безголосый»), *-free* (*alcohol-free* «безалкогольный»).

В периферийную зону микрополя нулевого количества как в русском, так и в английском языке входят лексические и лексико-фразеологические элементы, в которых основное значение поля осложнено дополнительными семантическими компонентами. Среди них:

- лексемы, указывающие на отсутствие содержимого, и производные от них: *пустой*, *порожний* / *empty* «ничем не заполненный, полый внутри, лишенный содержимого» (Ожегов 1997: 632), *пустовать* / *to empty* «о помещении, месте: быть пустым, незанятым» (Ожегов 1997: 632), *порожняком* / *empty* «без груза, без пассажиров», а также фразеологизмы типа *ни (одной) души* / *not a soul*; *not a single living creature* «безлюдно»;

- единицы, номинирующие или характеризующие процесс, в ходе которого достигается нулевое количество типа *лишить* / *to deprive* «отнять кого- что-нибудь у кого-нибудь» (Ожегов 1997: 330), *отнять* / *to take away* «взять у кого-нибудь силой, лишить кого-чего-нибудь» (Ожегов 1997: 475), *камня на камне не оставить* / *not leave a stone standing* «уничтожить,

разрушить до основания», *подчистую / without remainder* «без остатка, полностью» (Ожегов 1997: 545);

- слова, констатирующие несуществование кого-либо или чего-либо): *кончиться / to be over, to end* «прийти к концу, прекратиться» (Ожегов 1997: 293), *исчезнуть / to disappear* «прекратить существовать окончательно и не оставить следа» (Ожегов 1997: 256), *отсутствовать / to absent, to lack* «не быть в данном месте, не иметься в наличии» (Ожегов 1997: 481) и пр.

Нулевая квантификация в художественном тексте

В тексте романа И. А. Бунина находим языковые средства из самых разных групп, представленных в составе традиционного для русского языка микрополя нулевого множества:

- отрицательные местоимения и другие единицы с префиксами *не-* и *ни-*: ...дом, *не имевший совершенно **ничего** общего ни с одним из доселе виденных мною домов* (Бунин 2010: 31) / ...house that had absolutely **nothing** in common with any house I had hitherto seen (Bunin 1994: 21); *Это слово часто вспоминалось мне, и я смутно чувствовал то жуткое, чарующее и вместе с тем что-то **неприятное**, что заключалось в нём* (Бунин 2010: 73) / That word often came to my mind, and I was vaguely aware of its uncanny, fascinating, yet rather **unpleasant** meaning (Bunin 1994: 48);

- приставочные образования с *без-* (*бес-*): ...находил страх ... перед тем, что называется какой-то гимназией и ее строгими и **беспощадными** учителями в мундирах... (Бунин 2010: 73) / ...the fear of something called school, with its strict, **stern**, uniformed teachers.... (Bunin 1994: 48); ...мои полубезумные восторженно-горькие мечты о мучениях первых христиан, об отроковицах, растерзанных дикими зверями на каких-то ристалищах, о царских дочерях, чистых и прекрасных, как божьи лилии, **обезглавленных** от руки собственных лютых родителей... (Бунин 2010: 70) / ...my half-crazy, my sweet, tormenting dreams of the early Christians' tortures, of young maidens torn by wild beast in some place called "arena", of kings' daughters, pure and fair as God's lilies, **beheaded** at the hands of their own ferocious parents... (Bunin 1994: 46); ...или ты ее **безжалостно** бросишь, говорил он, или она тебя... (Бунин 2010: 341) / ... 'or you'll drop her **pitilessly**', he said, 'or she you' ... (Bunin 1994: 221);

- производные лексемы с исторической приставкой *без-*: *Возле берега, подо мной, была зыбкая, темно-зеркальная **бездна** подводного неба...* (Бунин 1994: 160) / By the shore, below me, was the vacillating **abyss**, like a dark mirror, of the subaqueous sky... (Bunin 2010: 105);

- лексические единицы в семантической структуре которых представлен соответствующий числовой компонент: ...испытал неожиданную **потерю** желанья жить... (Бунин 2010: 67)

*...I felt a sudden loss of the wish to live... (Bunin 1994: 45); Я был лишён чувства собственности... (Бунин 2010: 157) / I was devoid of the sense of property... (Bunin 1994: 103); ...Лица отняла у меня картуз, села за пианино и заиграла “Собачий вальс” (Бунин 2010: 237) / Lika snatched my cap, sat at the piano, and began hammering out some silly tune on it... (Bunin 1994:154); Я пламенно надеялся быть некогда сопричисленным к лику мучеников и выстаивал целые часы на коленях, тайком заходя в пустые комнаты... (Бунин 2010: 71) / I hoped fervently to be one day canonized as a martyr and would kneel secretly for hours on end in some empty room... (Bunin 1994: 47). При этом, наиболее частотные из таких единиц реализуют в тексте не только своё прямое значение, но и образное. Так прилагательное *пустой*, зафиксировано в прямом значении «ничем не заполненный, полый внутри, лишенный содержимого» (Ожегов 1997: ...): *пустой, обнажённый, по-осеннему печальный сад* (Бунин 2010: 126) / *the empty, bare, autumnal desolation of the garden* (Bunin 1994: 82), а также в переносном «бессодержательный, неосновательный, несерьёзный», например, в составе русского сложного существительного: *...это казалось мне только дурным пустословием* (Бунин 2010: 162) / *...seemed to me mere rhetoric in bad taste* (Bunin 1994: 106);*

- лексико-фразеологические единицы: *К лету от телесных и душевных болезней, пережитых мной зимою, как будто не осталось и следа* (Бунин 2010: 72) / *By summer no trace seemed to remain of the bodily and mental distresses which I had undergone the winter before* (Bunin 1994: 47); *... я впервые почувствовал поэзию забытых больших дорог, отходящую в преданье русскую старину. Большие дороги отживали свой век* (Бунин 2010: 83) / *...I first became aware of the romance of the forsaken highways, of the soul of old Russia that was becoming a thing of the past, a legend. Highways were passing into oblivion... (Bunin 1994: 55).*

Средства усиления значения нулевого множества

Возможности художественного текста и мастерство автора вносят новые, порой неожиданные оттенки числового значения. Так, значение нулевого количества может усиливаться:

- всевозможными распространителями: *Если бы не сказали, я бы теперь и понятия не имел о своем возрасте, - тем более, что я ещё совсем не ощущаю его бремени... (Бунин 2010: 25) / Had I not been told, I would have no idea of my age – the more so as I do not as yet at all feel its burden... (Bunin 1994: 17); Но то был разбойник, – я ни минуты не сомневался в этом... (Бунин 2010: 32) / But he was a brigand – I never doubted that for a moment... (Bunin 1994: 21).*

Для того чтобы подчеркнуть значение полного уничтожения, автор нарушает привычную сочетаемость слов: *...этими местами шел когда-то с низов на Москву и по пути **домла разорил** наш город сам Мамай...* (Бунин 2010: 83) / *...once upon a time Matay himself had marched through those parts on his way to Moscow from the south, and in passing **had razed and sacked our town**...* (Bunin 1994: 55). Это же выражение используется и в переносном смысле, но требует поиска иного эквивалента при переводе: *... человек, зачем-то **домла разоривший** свою жизнь...* (Бунин 2010: 57) / *...the man who for some reason had **utterly ruined his life**...* (Bunin 1994: 38);

- сравнением: *...наш живой, сильный, благородный, великодушный, но **беспечный**, как птица небесная, отец* (Бунин 2010: 66) / *...our father... – he, so strong, noble, magnanimous, yet **carefree as a bird*** (Bunin 1994: 44);

- разного рода повторами: *Великий простор, без всяких преград и границ, окружал меня: где в самом деле кончалась наша усадьба и начиналось это **беспредельное** поле, с которым сливалась она?* (Бунин 2010: 65) / *A vast expanse, **with neither obstacles nor boundaries**, surrounded me: where, in fact, did our estate end, and where began that **boundless plain** into which it merged?* (Bunin 1994: 43); *Откуда взялась моя страстная и **бесцельная** любовь к ней? Впрочем, ведь и все в мире было **бесцельно**, неизвестно зачем существовало, и я уже чувствовал это* (Бунин 2010: 57) / *Whence came my fierce, **aimless** love for it? But then, everything else in the world was **aimless**, existed goodness knows why, and I felt this already* (Bunin 1994: 38).

В тексте романа автор использует повтор слов похожей структуры, однако при переводе такой эффект не всегда удаётся сохранить: *...подолгу глядели друг на друга, **безответно и безмолвно** чего-то друг от друга ожидая...* (Бунин 1994: 160) / *...looked long at each other, **patiently and silently expecting something from each other*** (Bunin 2010: 105);

- нанизыванием лексем со значением нулевого количества: *...в зале на столе, в лампадном могильном свете, лежала **недвижная** нарядная кукла с **ничего не выражающим бескровным** личиком и неплотно закрытыми черными ресницами...* (Бунин 2010: 69) / *...lying still on the table in the hall, in the sepulchral light of the icon-lamp, a **dainty doll with bloodless, inanimate face and black eyelashes almost shut**....* (Bunin 1994: 45-46); *...**беззаботные** игры **ничего еще не** понимающих детей, под скорбным и ласково невнимательным присмотром то и дело тихо плачущей няньки...* (Бунин 2010: 142) / *...the **carefree playing of children, not yet understanding things, under the grieving and kindly inattentive supervision of the nurse, who now and wept quietly to herself**....* (Bunin 1994: 93). Надо сказать, что именно за счёт использования многочисленных средств с семантикой нулевого множества, тема смерти по-особому звучит в романе И. Бунина, автор намеренно поэтизирует уход человека из земного мира. При этом

традиционные средства, символизирующие такой уход, используются автором для того, чтобы изобразить переход человека от одного состояния к другому: *Просто Алёши не стало – теперь был Арсеньев Алексей, ученик первого класса такой-то мужской гимназии* (Бунин 2010: 71) / *Alyesha simply ceased to exist – there was now Arseniev, Alexey, a pupil in the first grade of the boys' school* (Bunin 1994: 47);

- противопоставлением: *...его [Писарева] уже нет, а вот туфли всё стоят и могут простоять ещё хоть сто лет!* (Бунин 2010: 146) / *...he is no longer here, yet here are his slippers still sitting there, and they can sit on for another hundred years!* (Bunin 1994: 96); *...весь мир должен быть в моём обладании, а я не обладаю даже калошами!* (Бунин 2010: 269) / *...the whole world should be mine, and I didn't even own a pair of galoshes!* (Bunin 1994: 175).

Итоги и перспективы исследования

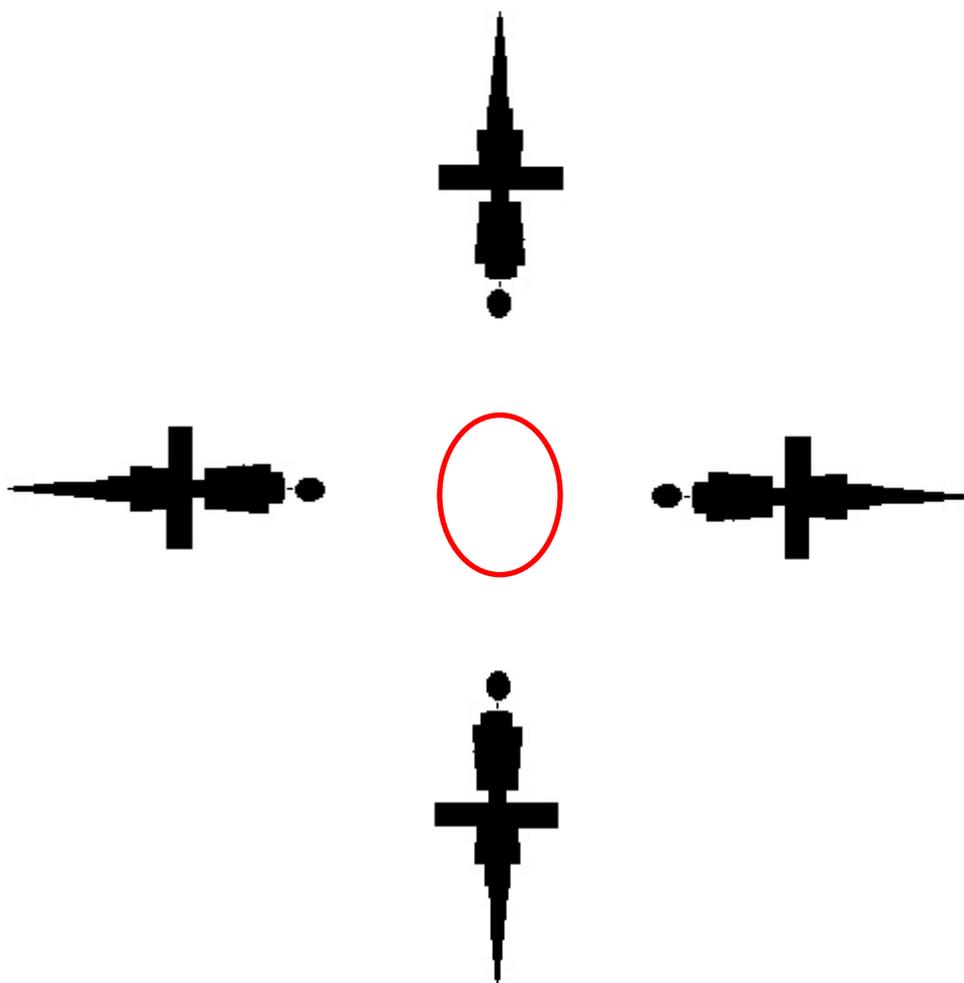
Функционально-системный подход к изучению микрополя нулевого количества позволил выявить разноуровневые языковые средства выражения соответствующей понятийной категории и дал возможность исследовать её как с точки зрения внутреннего строения, так и в плане функционирования в художественном тексте. Изученное микрополе может рассматриваться как модель целого ФСП количества: его ядро включает как числовой компонент, так и специальные номинативные единицы с семантикой нулевого множества; большая роль в выражении указанного значения отведена словообразовательным компонентам и надлексическим средствам, представленными в центральной и периферийной зонах исследованного микрополя. Однако проанализированные нами тексты демонстрируют неограниченные возможности соответствующих языковых систем, дают уникальные иллюстрации того, что даже границы «абсолютного нуля», или «полного отсутствия», могут быть раздвинуты в художественной речи – подтверждением этому могут служить, безусловно, не только произведения Ивана Бунина.

Список литературы

- Азимов Э. Г., Щукин А. Н. (2009): Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). Москва: Издательство ИКАР.
- Арутюнова Н. Д. (2005): Проблема числа, Логический анализ языка. Квантитативный аспект языка. Москва: Индрик, 6-21.
- Беляева И. В. (2005): Прагматическое содержание количественной оценки. Ростов-на-Дону.
- Бондарко А. В. (ред.) (2005): Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры. Санкт-Петербург: Наука.

- Бондарко А. В. (1984): Функциональная грамматика. Ленинград: Наука.
- Бунин Иван (2010): Жизнь Арсеньева. Санкт-Петербург: Издательская Группа «Азбука-классика».
- Власова Е. А. (2012): Соотношение понятий «язык», «культура» и «картина мира», Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 7(18), ч. 1, 61-65.
- Кругликова Г. Г. (1993): Языковая категория квантитативности и аспекты ее изучения, Филологические науки, 3, 77-84.
- Крылов С. А. (2005) Количество как понятийная категория, Логический анализ языка. Квантитативный аспект языка. Москва: Индрик, 44-65.
- Ломтев Т. П. (1971): Квантитативы современного русского языка, Памяти академика В. В. Виноградова: сборник статей. Москва: Издательство Московского университета, 106-116.
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. (1997): Толковый словарь русского языка. Москва: Азбуковник.
- Чеснокова Л. Д. (1992): Категория количества и способы ее выражения в современном русском языке. Таганрог: Издательство Таганрогского педагогического института.
- Шанский Н. М., Иванов Г. В., Шанская Г. В. (1971): Краткий этимологический словарь русского языка. Москва: Просвещение.
- Шустова С. В. (2009): Типы и функции понятийных категорий, Special Issue, Russian, 47, 59-70.
- Bunin Ivan (1994): The Life of Arseniev: youth. Evanston, Illinois: Northwestern University Press.

Глава 3.
Теоретическая и прикладная лингвистика.

**СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОЛЛОКАЦИОННЫХ СЕТЕЙ С
ЦЕЛЬЮ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО, ФРАНЦУЗСКОГО И ГРУЗИНСКОГО
КОРПУСОВ)**

Адамия Зоя Константиновна
Университет им. Эквтиме Такашвили (Рустави), Грузия
a.zoia777@gmail.com

Саная Нино Тенгизовна
Сухумский государственный университет (Тбилиси,), Georgia
nsanaia@yahoo.com

**COMPARATIVE ANALYSIS OF COLLECTION NETWORKS FOR
TRAINING FOREIGN LANGUAGE
(ON THE MATERIAL OF RUSSIAN, FRENCH AND GEORGIAN
CASINGS)**

Adamia Zoia
Ekvtime Takaishvili Teaching University (Rustavi), Georgia

Sanaia Nino
Sokhumi State University (Tbilisi), Georgia

АННОТАЦИЯ

Владение тем или иным языком предполагает знание не только определенного минимума слов, но и освоение достаточного количества словосочетаний, а ошибки в словоупотреблении возникают не только из-за незнания значений слов, а из-за незнания их связей с другими словами. Компьютерная техника и новейшие инструменты поиска лингвистического материала в Корпусе изучаемого языка уже дают возможность охватить огромное число лексических единиц и их коллокаций. В докладе впервые рассматривается возможность использования Корпуса в целях установления комбинаторных свойств слова, техника составления графических билингвистических карт коллокативных сетей и использование сравнения этих графических данных в процессе преподавания иностранному языку.

ABSTRACT

Possession of any language assumes knowledge not only a certain minimum of words, but also mastering a sufficient number of expressions, and mistakes in word usage arise not only because of ignorance of word meanings and because of ignorance of their connection with in other words.

The computer equipment and the newest tools of search of linguistic material in the Corpus of the learned language already give the chance to cover a large number of lexical units and their collocations. In the report for the first time is considered the possibility of use of the Corpus for the purpose of establishing of combinatorial features of a word, technology of drawing up graphic the bilingual maps of the collocation networks and use of comparison of these graphic data in the course of teaching a foreign language.

Ключевые слова: обучение, коллокативная сеть, коллокаты.

Keywords: teaching, collocation network, collocates.

Владение тем или иным языком предполагает знание не только определенного минимума слов, но и освоение достаточного количества словосочетаний. Сама проблема сочетаемости, которой до последнего времени не уделяли достаточного внимания ни исследователи, ни преподаватели языка, заслуживает более пристального изучения. Представление о том, что для овладения языком достаточно выучить определенное количество слов, правильно их произносить и писать, а также освоить грамматические правила их соединения, оказывается ошибочным, так как при этом не учитывается еще один важнейший фактор речеобразования: семантико-грамматическая сочетаемость слов, выражаемая в виде коллокаций. Ошибки в словоупотреблении возникают не только из-за незнания значений слов, а из-за незнания их связей с другими словами.

Компьютерная техника и новейшие инструменты поиска лингвистического материала в интернет пространстве уже дают возможность охватить огромное число номинативных единиц и их коллокаций, и соответственно намного упрощён сам процесс наблюдения и изучения языковых фактов. Всё чаще лингвисты обращаются к национальным или же коммерческим лингвистическим Корпусам с целью изучения, а впоследствии обучения комбинаторным свойствам лексических единиц иностранного языка.

На сегодняшний день, среди прикладных потребностей (целей) автоматизированного извлечения коллокативного материала из больших корпусов текстов наряду с лексикографическими, является обучение иностранному языку (Захаров, Хохлова 2010: 137). Коллокации употребляются нами почти бессознательно и интуитивно, когда говорим или пишем на родном языке, зато возникают немалые трудности в связи с сочетаемостью слов, когда пользуемся иностранным языком.

Из множества определений понятия «коллокаций» мы выбрали, на наш взгляд, самое оптимальное: коллокации – это характерные, часто встречающиеся сочетания двух или более слов, появление которых рядом друг с другом основывается на регулярном характере взаимного ожидания и задаётся семантико-грамматическими факторами (Лескина, Шаронова

2014: 22), (Захаров, Хохлова 2010: 137). В настоящее время термин «коллокация» нашел широкое применение в корпусной лингвистике (Tutin, Grossmann 2002), и подразумевает не только устойчивые словосочетания, как переходный этап между свободными и фразеологическими словосочетаниями (Tutin, Grossmann 2002), а любую устойчивую встречаемость номинативных единиц.

Методологической вершиной более пятидесятилетнего изучения коллокаций (Gries 2013), явилась создание понятия коллокативной (синтагматической) сети (Phillips 1989), которая систематизирует хаотичный множественный материал семантических связей между словами. Была установлена структура сети (Phillips 1989: 142) и критерии описания коллокаций внутри сети (Gries 2013). Теоретической же базой всем перечисленным авторам в данном направлении послужили первые исследования проблематики семантических связей слов Ферта (Firth 1957: 6).

Структура сети характеризуется подобием солнечной системы, в центре которой находится ключевое слово (McEnergy 2015: 76) – (ядро, интересующее нас исходное слово) а на периферии – созвездия слов - коллокатов (McEnergy 2015: 77). Что касается основных критериев описания, это: дистанция (distance), частотность (frequency) и эксклюзивность (exclusivity) связи (Gries 2013: 137-166). Но также возможно их описание основываясь на направлении (directionality) коллокативной силы притяжения слов и дистрибуции типа токена (особенной, необычной формы слова или просто словоформы) (McEnergy 2015: 77). В одну и ту же сеть могут попасть: 1. свободные словосочетания; 2. грамматические анализмы; 3. лексические анализмы; 4. сочетания слов с компонентом метафорического значения (связанные структуры) и 5. фразеологические единицы.

Целью нашего исследования является построение совмещённого графического изображения коллокативных сетей с ключевым словом «сердце» /“ **Sœur** ”/ გული для их сравнения в процессе обучения, как русского, так и французского в грузинской аудитории.

Методологической базой нашего исследования является использование данных лингвистических Корпусов в целях составления графических изображений коллокативных полей с их последующим использованием, как визуального метода преподавания иностранному языку, а целью нашего выступления является демонстрация данного метода.

Процесс работы над созданием коллокативной сети с помощью Интернета состоит из следующих этапов:

1. Поиск национальных/коммерческих лингвистических Корпусов сравниваемых языков;
2. Поиск эмпирического лингвистического материала с ключевым словом (с ядром сети), В нашем случае «сердце» / **Sœur** / გული;
3. Отбор материала по параметрам типа

словосочетания, по принципу *cory-paste*; 4. Классификация словосочетаний вручную по восходящей степени семантической связанности и устойчивости: свободные словосочетания, грамматические анализисы, лексические анализисы, связанные группы слов, фразеологические единицы.

Считаем необходимым отметить, что из трёх используемых Корпусов только Корпус французского языка Лейпцигского университета выдаёт статистическую информацию о частотности употребления того или иного словосочетания. Приводим всего лишь часть наиболее употребляемых коллокатов слова **Cœur** во французском языке :

Коллокаты левой стороны:

au (146574), le (30170.4), plein (17372.6), mon (16153.5), son (9497.09), à (6149.58), bon (2713), grand (1459.81), par (1296.34), tout (1264.57), simple (207.85), gros (114.1), propre (83,47), joli (66.89), crève (62.33), véritable (57.51), pauvre (36), triste (21.21), noble (15), vieux (12.8), énorme (11.39), immense (7.14), mauvais (6.65).

Коллокаты правой стороны:

de (42338.5), du (18935), des (8902.41), joie (6269.3), net (1624.89), même (1426.63), ouvert (1414.52), brisé (1235.55), léger (780.04), pur (649.93), tendre (627.23), artificiel (624.32), gros (572.19), humain (527.79), serré (353.79), vaincu (339.37), lourd (270.24), vaillant (219.5), industriel (136.22), généreux (133.09), plein (130.05), endurci (116.51), solitaire (100.3), fragile (95.02), gonflé (92.04), déchiré (91.37), rempli (85.44), mécanique (85.0), énorme (84.88), sensible (80.44), joyeux (62.6), dur (58.7).

В скобках указана информация о частотности употребления в числах. К сожалению, в Корпусах русского и грузинского языков о такой информации не позаботились.

Корпус выдаёт хаотичный материал, хотя, и в конкретных предложениях (высказываниях), мы же сами извлекаем коллокации и предлагаем следующую классификацию, с целью показать последовательность подачи информации изучающим.

1. Первым делом, считаем нужным описать **свободные словосочетания** со словом «сердце»: *сердце стучит, сердце билось, сердце болит, сердце остановилось, мускулистые сердца; le cœur se bat, s'arrête; გული უცემს, გულის ცემა, გული გაუჩერდა*, которые отображают логические связи между словами.

Аналогичными логическими связями можно считать медицинские термины – коллокаты, как: *пересадка сердца, трансплантация сердца, мышцы сердца, биение сердца, сердечная недостаточность; les maladies du cœur; le cœur droit (oreillette droit), le cœur gauche*

(*oreillette gauche*) *greffe de cœur*; გულის გადანერგვა, გულის ტრანსპლანტაცია, გულის კუნთები, გულის უკმარისობა, გულის დაავადებები.

В обоих случаях наблюдается преобладание параллелизма в сравниваемых языках.

2. И в русском, и во французском существуют **грамматические анализмы с адverbiallyм значением**, как: *par cœur* (наизусть), *au cœur* (в центре, в середине), *Au cœur de* - «в сердце» в значении *в центре, в середине, в сердце Луарской долины, в самом сердце Сочи, в самом сердце жизни*. Что нельзя сказать о грузинском, где слово сердце переосмыслено, но исходя из грамматической специфики этого языка отсутствует предложная форма (в грузинском вообще нет предлогов) თბილისი საქართველოს გულის. Здесь параллелизм наблюдается в использовании слова сердце в значении центра, середины.

3. Третьим видом коллокаций являются лексические **анализмы** типа: *à cœur de joie* (с радостью), *de gaieté de cœur* (с радостью), *de tout son cœur* (от всего сердца). В русском: *от всего сердца, всем сердцем. მთელი გულით და სულით*;

Ощутимые расхождения начинаются на уровне словосочетаний **типа связанных групп** (с языковой метафорой в своём составе). В основном это моральные оценки личности или же душевные переживания:

Открытое сердце, золотое сердце, каменное сердце, горячее сердце, нежное сердце, разбитое сердце; cœur ouvert, cœur d'or; cœur tendre, fragile, sensible; cœur vaillant, cœur de pierre, de marbre ; cœur brisé; მაგარი გული, ოქროს გული, ქვის გული, ათრთოლებული გული,

Коллокации типа: *Сердце надрывается, сердце ёкнуло, сердце горит, сердце сжимается, сердце веселится, надрывать сердце, вырвать из сердца, покорить что-либо сердце; déchirer, crever le cœur; გული მტკივა, გული დაფლეთილი მაქვს, (მისი) გული მოინადირა, გულს უხარია, გულიდან ამოიგდო; გული გადაუშალა, გულს მიკლავს; გულში დაუსადგურებია. გულის ჩაწყვეტა, ამღვრევა.*

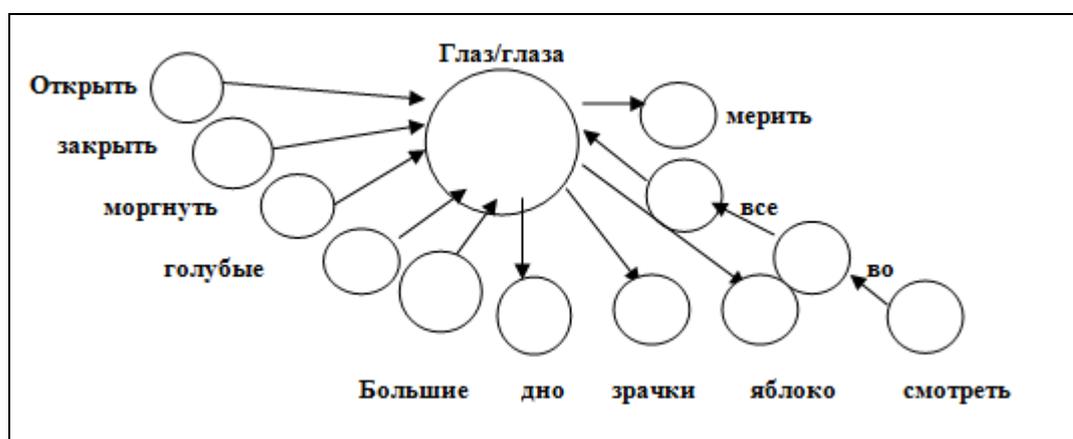
Этот тип коллокаций продуктивен во всех трёх языках.

4. И, наконец, **фразеологические единицы**. *Положа руку на сердце, сердце кровью обливается (заливается), ходить с камнем на сердце, сбросить камень с сердца. Garder dans le fond du cœur, être sans cœur, donner du cœur à un ouvrage, mettre du cœur au ventre, ouvrir son cœur à quelqu'un, parler à cœur ouvert; გულით სევდას დავატარებ, ლხენით, სიარულით აევსო გული; ბრაზისაგან გული ეწურებოდა, გულთან ახლოს მიიტანა, გულიდან*

ადმომხდარი სიტყვები, სმა-ჭაბით (ბრძოლით ან ორთაბრძოლით) გული რა ოჯერეს..., სხვისი გულის მოგება.

Как мы уже отметили следующим этапом исследования является построение графического изображения той или иной коллокативной сети. Подобное мы уже продемонстрировали на XI Международном форуме «Геокультурное пространство: smart-технологии в образовании и социум», который состоялся в Батуми 2017 году (Адамия, Саная, Галобери 2017: 244-248) на примере коллокативной сети с ключевым словом *глаз* для русского языка. См. рис. №1

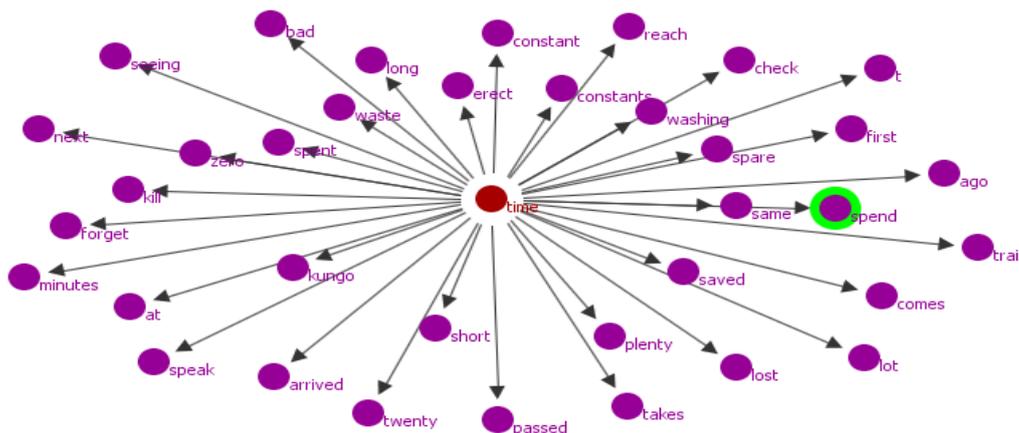
Рисунок №1

Конечно же, такого рода графические рисунки отображают всего лишь часть коллокационной сети.

Для графического построения коллокативной сети также существует специальный Интернет инструмент GraphColl, авторами которого являются: Brezina, V., McEnergy, T. & Wattam, S. (Brezina, McEnergy, Wattam 2015: 139-173), в своём фундаментальном труде «Collocations in context: A new perspective on collocation networks» описаны коллокационные сети слов Love и Time в английском языке. Это специальная программа, которая запускается в Корпус того или иного языка. Вследствие получаем изображение похожее на созвездие с ядром (ключевым словом) в центре и коллокатами вокруг центра. См, рис. №2

Рисунок №2

Такое графическое изображение наилучшим образом освещает близкие и отдалённые семантические взаимоотношения между словами.

Мы же на этот раз построили графические совмещённые изображения коллокативных сетей «сердце» / *Cœur* / გული, поскольку они служат наглядным –визуальным средством обучения лексики и особенно комбинаторным свойствам слов, при обучении иностранному языку. При выборе языкового материала мы руководствовались как изоморфизмом в сравниваемых языках, так и гетероморфизмом.

Рисунок №3

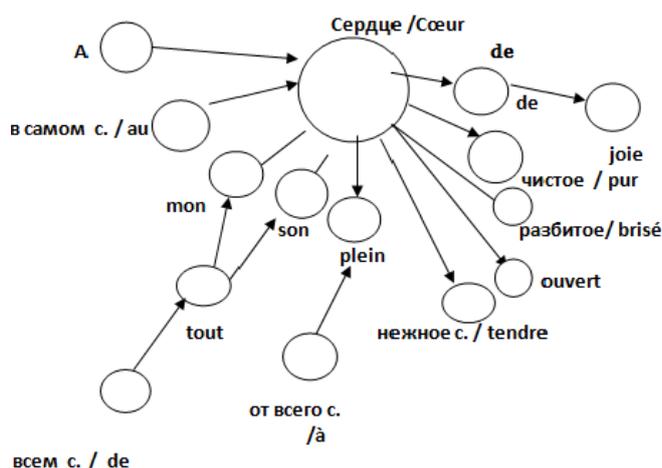

Рисунок №3 является совмещённым графическим изображением коллокаций русского и французского языков

Рисунок №4

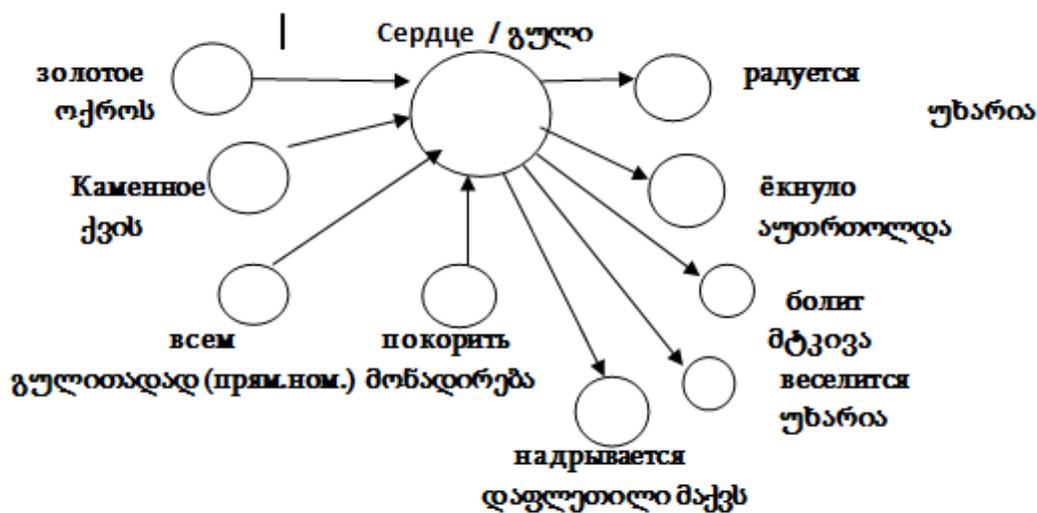

Рисунок №4 является совмещенным графическим изображением коллокаций русского и грузинского языков.

Рисунок №5

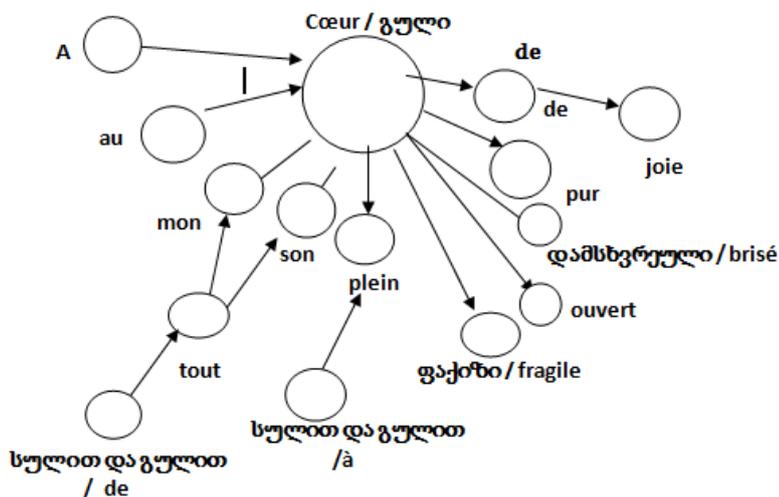

Рисунок №5 является совмещенным графическим изображением коллокаций французского и грузинского языков.

Проведённый нами сравнительный анализ коллокативных сетей с ключевыми словами: **Сердце /Cœur/ გული** показал, что существует множество аналогичных связей слов в сравниваемых языках. Но такого рода исследование нас также привело к заключению, что

сравнение или сопоставление коллокаций слов в разных языках хотя и раскрывает их специфику, но никак не служит раскрытию глубинных языковых (семантических) механизмов заложенных в самом феномене сочетания. Это исследование нам показало, что важнее наблюдения сочетаемости, установление запрещений, т.е. семантической регламентации синтагматических связей между словами и объяснение во время обучения, что, то что возможно в одном языке, невозможно в другом.

Тем не менее считаем полезным обращение к такому визуальному методу как графическое изображение языкового материала и особенно совмещённого разноязычного материала.

Хотим поделиться опытом, как мы проводим практические задания с помощью проектора, компьютера, программы Power Point и доски, на которой высвечивалась определенная для данной лекции номинативная единица, а студенты уже сами рисовали кружочки и вставляли необходимые коллокации, распределяли их по сетям, а также делали сопоставительный анализ с родным (в данном случае с грузинским) языком. Этот метод дает положительный результат – это интересная групповая работа, в которой каждый студент принимает активное участие. Этот метод оживляет лекцию, делает ее более интересной и познавательной.

Мы провели исследование между группами в одном семестре. В одних группах (Группа А – изучала французский язык и группа В - русский) в процесс обучения дозированно вводили изучение и сопоставление коллокативных сетей с разными ключевыми словами, в других группах (группа С - французский и группа Д - русский) в учебный процесс данный метод не вводили.

В конце семестра Группы А и В на 8-10% лучше сдали финальный экзамен (Часть: Лексика и грамматика), чем группы С и Д.

Также мы провели анонимный опрос 100 студентов. Опрос состоял из вопроса и ответа: да, нет и не знаю. Вопрос: Как Вы считаете, изучение иностранного языка на основе сопоставительного анализа коллокативных сетей с ключевыми словами дает положительный результат в учебном процессе?

85% опрошенных студентов ответили – да, 10 % написали - не знаю, 5% считают, что - нет.

Итак, результат налицо. Студенты освоили достаточное количество словосочетаний на иностранном языке (в одних группах на русском, в других на французском в грузинской аудитории).

Исходя из собственной практики, мы считаем необходимым использование такого рода визуального метода (в данном случае при использовании графических изображений

коллокативных сетей и, конечно же, с помощью Power Point и технического оснащения, как проектор и экран) в обучении иностранному языку. Обогащение языка лексикой и другими выразительными средствами на примере сопоставительного анализа коллокативных сетей тесно связано с обменом между языками и достижениями в области изучения языка и культуры.

Список литературы

- Адамия З. К., Саная Н. Т., Галобери К. Использование данных лингвистических корпусов в составлении коллокативных сетей (на материале французского, русского и грузинского корпусов). В материалах: XI Международного форума «Геокультурное пространство: smart-технологии в образовании и социум», Батуми, 2017, с. 244-248
- Захаров, В.П. Хохлова М. В. Анализ эффективности статистических методов выявления коллокаций в текстах на русском языке, Санкт-Петербургский государственный университет Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, 2010
- URL: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2010/materials/pdf/22.pdf>
- Лескина, С. В. Шаронова, В. Б. (2014) Структурная и семантическая соотнесённость коллокаций и фразеологических единиц в русском и в английском языках, Вестник ЮурГУ, Серия «Лингвистика», Том 11, № 1
- Национальный Корпус русского языка
- URL: <http://ruscorpora.ru> (посещение 25. 01. 2018)

References

- Brezina, V., McEnery, T. & Wattam, S. (2015). Collocations in context: A new perspective on collocation networks. *International Journal of Corpus Linguistics*, 20(2).
- Corpus de la langue française (CF de l'Université de Leipzig)
- URL: http://wortschatz.uni-leipzig.de/ws_fra/ (посещение 20. 01. 2018)
- Firth, J. R. (1957). *Papers in Linguistics*. Oxford: oxford University press.- in Gries, S. Th. (2013). 50-something years of works on collocations: What is or should be next. . . *International Journal of Corpus Linguistics*, 18(1)
- Georgian Language Corpus, Ilia State University
- URL: <http://corpora.iliauni.edu.ge> (посещение 15. 01. 2018)
- Gries, S. Th. (2013). 50-something years of works on collocations: What is or should be next. . . *International Journal of Corpus Linguistics*, 18(1)

Margarita Kapstad, Устойчивые сочетания в русском и норвежском языках в аспекте преподавания русского языка норвежцам. FASTE UTTRYKK I RUSSISK OG NORSK MED HENBLIKK PÅ RUSSISKUNDERVISNING FOR NORDMENN, Institutt for litteratur, områdestudier og europeiske språk, Humanistisk fakultet Universitetet i Oslo Våren 2006

https://www.duo.uio.no/bitstream/handle/10852/26197/Masteroppgave_kapstad.pdf?sequence=2

McEnergy, T. (2015) Collocations and Context – Collocation and Collocation Network, Language and Modern technologies, International Conference and Workshop, TSU Press, Tbilisi.

Phillips, M. K. (1989) Lexical Structure of text [Discourse Analysis Monographs]. University of Birmingham, Birmingham, UK

Tutin A., Grossmann F. « Collocations régulières et irrégulières - esquisse de typologie du phénomène collocatif », Sciences du Langage, Université Stendhal Grenoble, 2002.

<http://agnes.tutin.u-grenoble3.fr/Publis/RFLA.pdf>

ВЫСКАЗЫВАНИЯ С НЕОПРЕДЕЛЕННЫМИ МЕСТОИМЕНИЯМИ В МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ: ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ

Байгарина Герта Петровна
Казахстанский филиал МГУ им. М.В. Ломоносова, Казахстан
oirat60@mail.ru

EXPRESSIONS WITH INDEFINITE PRONOUNCES IN A MEDIA'S DISCOURSE: A PRAGMATIC POTENTIAL

Baigarina Gerta
Kazakhstan Branch of Lomonosov Moscow State University, Kazakhstan

АННОТАЦИЯ

Явление смысловой неопределенности как специфической особенности информационно-коммуникативной среды рассматривается на материале медийных текстов. В статье показано, что избираемый способ оформления информации с помощью неопределенных местоимений задается главной целью коммуникации в медийной сфере – информирующим воздействием. Выявляются их прагматические возможности, устраняющие семантические различия между отдельными сериями местоимений. Специальное внимание уделено местоимениям-прилагательным, приобретающим значение «обезразличивающей неопределенности» и тем самым выступающим в функции маркеров «чуждости» в медийном дискурсе.

ABSTRACT

The phenomenon of semantic uncertainty as a specific peculiarity of the informative-communicative environment is considered through the materials of media texts. It is shown in the article that the elected method of designing information with the help of indefinite pronouns is defined by main goal of information's impact on communication in the media sphere. The pragmatic possibilities that eliminating semantic differences among separate series of pronouns are uncovered. A special attention is given to pronouns-adjectives which are acquiring a meaning of "indifferent uncertainty" and thus appearing in the function of the "alienation's" marker in the media discourse.

Ключевые слова: категория неопределенности, семантическая доминанта, язык СМИ, интенциональность, семантические операторы.

Keywords: a category of indefiniteness, a language of mass media, an intentionality, a semantic dominant, semantic operators.

Категорию неопределенности, являющуюся одной из семантических доминант русского языка (Е.В. Падучева 1996), относят и к специфическим свойствам современного

информационно-коммуникативного поля: в неопределенности видят основу «ухода от ответственности за информацию».

Функции информирования и воздействия как основные для механизма действия СМИ объясняют причину конфликта двух тенденций, наблюдаемых в медийной сфере, тенденцию к понятийной точности, определенности и тенденцию к прагматически обусловленной смысловой неопределенности. Способ оформления информации, определённый или неопределённый, зависит в конечном счете от коммуникативной интенции, которая задается «целью коммуникации в массмедиа – информирующим воздействием»: «В интенции усматривается не только вектор (направление) прогнозирующего воздействия, но и уточняется содержание и смысл, поэтому в интенции, кроме того, задается то, о чем информировать, что оценивать и к чему побуждать» (Дускаева 2012:13). Можно к этому ряду добавить, как информировать и как побуждать. Следовательно, интенциональность, выступающая основой речевого поведения в масс-медиа, «определяет содержание информации, речевую организацию и речедетельностную силу высказывания» (Дускаева 2012:15).

У. Чейф помещает категорию неопределенности в один ряд с другими категориями, которые «относятся скорее к способу передачи содержания, чем к самому содержанию. В частности, все они связаны с тем, как говорящий оценивает способность слушающего понять то, что говорится, на основании определенного контекста» (Чейф 1982: 277).

Среди «разветвленных», по выражению Е.В. Падучевой, показателей неопределенности», относящихся к разноуровневым языковым средствам, одними из наиболее востребованных в русском языке являются неопределенные местоимения. Н.Д. Арутюнова характеризует неопределенные местоимения как «знаки невыраженных или невыразимых смысловых компонентов: нескрытых причин событий, неясных мотивов поступков, неопределимых и неопределенных вариантов признаков, следы действия неведомых сил» (Арутюнова 1999: 823). Отмечая возрастание удельного веса категорий безличности и неопределенности в ходе развития русского языка, Н.Д. Арутюнова обращает внимание на то, что «Не язык навязывает их говорящим, а говорящие навязывают их языку» (Арутюнова 1999: 794).

Неопределенным местоимениям, анализу их семантики и функций, употреблению в разных типах дискурса посвящена обширная научная литература, поскольку это лексическое средство выражения категории неопределенности представлено в различных типах текстов. Медиа-тексты, формирующие дискурс массовой коммуникации, в целом можно считать репрезентативными для наблюдения за проявлением смысловой неопределенности в русском языке. В связи с этим специально подчеркнем, что язык СМИ относят сегодня к одной из

основных форм существования языка: язык СМИ, обладающий огромной аудиторией, многообразными средствами информирования и воздействия, «выдвигается в центр национального языка» (Солганек 2012: 8).

Повседневная речь через использование неопределенных местоимений отражает уровень знаний носителей языка о предметах и явлениях действительности, их свойствах и качествах, что находит отражение и в медийном дискурсе. Действительно, как и в реальной разговорной речи к неопределенным местоимениям в медийной коммуникации обращаются из-за невозможности точно сформулировать ту или иную мысль, подобрать необходимое оценочное слово, однако не менее часто – из-за отказа от точных формулировок в силу определенных коммуникативных задач. Нужно иметь в виду, что речевое поведение говорящего, определяемое его коммуникативными намерениями, может быть обусловлено в целом коммуникативной ситуацией, а также социальным и культурным статусом говорящего, его мировоззренческими установками, как и некоторыми характерологическими особенностями личности говорящего.

Стало общим местом, вслед за Н.Д. Арутюновой, утверждать, что «неопределенность в языке и речи – отзвук неопределенности в суждениях человека» (Арутюнова 1999: 815). Она включает показатели неопределенности в фонд «свободной грамматики». Более того, по ее мнению, «они часто избыточны», они «квалифицируются как речевой мусор» (Арутюнова 1999: 794-795). Следовательно, их употребление в медиатекстах можно считать отражением влияния разговорной речи на язык СМИ.

Как известно, медийный дискурс отражает две тенденции, реализующиеся в современном русском языке – к демократизации и интеллектуализации языка. Как полагают, обе тенденции «имеют целью повышение воздействия речи на различных адресатов (Лейчик 2007: 11). В реализации обеих тенденций участвуют и неопределенные местоимения, использование которых обусловлено интенциональными установками участников коммуникации. В ряде ситуаций неидентифицированная форма языкового выражения с отчетливо не проявленным смыслом оказывается более предпочтительной, тем самым более действенной, чем точные формулировки с большой степенью определенности.

В современных медиатекстах представлены все возможные типы серий неопределенных местоимений, однако разной степени продуктивности. Наблюдение за их функционированием заставляет вспомнить замечание Е.В. Падучевой о том, что «будучи навязано говорящему языковой картиной мира, значение неопределенности не всегда должно приниматься за чистую монету» (Падучева 1996).

С учетом двух значимых для семантики неопределенных местоимений семантических компонентов: известность/неизвестность для говорящего и слушающего и референтность/нереферентность, Е.В. Падучева делит их на 3 класса. Это «местоимения неизвестности, то есть неопределенные для говорящего (на *-то*), слабоопределенные (на *кое-, не-*, а также *один*) и нереферентные экзистенциальные (на *-нибудь, -либо*), в том числе общеэкзистенциальное (*иной*) (Падучева 2008: 210].

По нашим наблюдениям, в современном медийном дискурсе среди различных серий неопределенных местоимений наиболее востребованными оказываются местоимения на *-то*, то есть местоимения неизвестности. Обращение к ним во многих случаях действительно объясняется указанием на неизвестное для говорящего лицо или предмет, как, например: *И я не собираюсь убежать, исчезать или плакать по поводу того, что кто-то свистел в мой адрес* (Спорт-Экспресс. 16. 03. 2018). *Кто-то говорил, что не знает мальчика, но тоже хочет поучаствовать в приобретении подарка* (АиФ. 28.02. 2018).

Однако их использование далеко не всегда связано с необходимостью актуализировать этот семантический вариант. Приведем примеры.

1) *Когда-то, – напомнил Президент, – и строительство Астаны было спорным решением, по поводу которого высказывались весьма скептические точки зрения. Кто-то мне написал письмо недавно, что Назарбаеву каменные памятники не нужны. Он построил столицу! Я с ним полностью согласен, – отметил Президент. ...из обычного когда-то города Астана превратилась в город-миллионник.* 2) *Кто-то из них надеется на бесплатное жилье. Если кто-то работает, то другой привык жаловаться* (Казахстанская правда. 26.12. 2017). *Если человек сказал кому-то что-то обидное, или это было так воспринято, мне кажется, что всегда лучше объясниться* (Новая газета. 06. 03.2018).

Здесь местоимение *кто-то*, имеющее конкретно-референтный статус, соотносится с определенным объектом, но неизвестным говорящему. Следовательно, семантика неизвестности также реализуется в значении неидентифицированности. Однако при этом для говорящего определенность упоминаемого лица оказывается совершенно несущественной: в (1) – с учетом статусной роли говорящего более определенная информация о лице является абсолютно незначимой, во (2) – в такого рода обобщенных высказываниях для автора, как и для адресата, не существенна определенность лица, что он и подчеркивает с помощью местоименного слова: *кто-то* – это некое множество из группы.

Можно предположить, что адресанты высказываний использовали неопределенно-референтные местоимения не только потому, что и *кто-то*, и *что-то* обозначают объект, который говорящие не могут идентифицировать, а скорее всего, потому, что они и не ставили

перед собой такую цель: для них гораздо более важным является стремление адекватно донести до массовой аудитории – адресата в массмедиа передаваемое сообщение.

Аналогичный вывод напрашивается и в том случае, когда в высказывании с неопределенным местоимением представлена частично снятая неизвестность, как, например: ***Кто-то из Рокфеллеров, по-моему, сказал: «Объяснить можно все, кроме первого миллиона»*** (Новая газета. 07.08. 2018). Здесь, как видим, присутствует указание на конкретное семейство, к которому принадлежит упоминаемое неопределенное лицо, однако точная его конкретизация не входит в намерение автора информации – для него оно по-прежнему остается неопределенным. Для говорящего значимой является сама сообщаемая информация.

В ряде случаев вообще отсутствует необходимость в идентификации объекта, с помощью неопределенного местоимения подчеркивается отношение в целом к ситуации, причем отношение не безоценочное: *Я сейчас публично всем казахстанцам говорю: не надо этого делать! Надо оставаться в истории своими делами, а не **какими-то** памятниками, – подчеркнул Глава государства* (Казахстанская правда. 26.12.2017). *Еще не было в истории человечества войны, в ходе которой **какие-то** шаманы, жрецы, пророки, пиарицики не рассказывали бы населению, что «мы всех тут раздолбали, что наше дело правое, что мы и тут отомстим* (Эхо Москвы. 17.02. 2018).

Местоимения серии *-нибудь*, продуктивность которых в медийных текстах также велика, как правило, оказываются востребованными в нереферентных ситуациях, когда нужно подчеркнуть, что «участвующий в событии элемент еще не выбран» (Падучева 2008: 215): *Как-то я ему задал «вопрос вопросов», решение которого, как мне казалось, может **что-то** поменять в нашей действительности – как соединить западный прагматизм с российской широтой натуры? Над желанием увидеть **что-нибудь** сохранившееся из той формы только посмеялся* (Новая газета. 03.05. 2018). Местоимение на *-нибудь*, относящееся к нереферентным местоимениям экзистенциального типа, употреблено в контексте модальности желания, то есть еще не состоявшейся ситуации. Как и во многих других высказываниях, где местоимения на *-нибудь* связаны с планом будущего. Употребление местоимений на *-нибудь* наблюдается в контекстах, которые, вслед за Е.В. Падучевой, называют контекстами снятой утвердительности: местоимение «не соотнесено ни с каким конкретным объектом в реальном мире (мире говорящего), а имеет референт только в мире, порождаемом тем или иным оператором снятой утвердительности» (Падучева 2015). При этом актуализруется семантика «безразличия к выбору объекта», что может подчеркиваться частицей *хоть*, эксплицитно или имплицитно выраженной: *«хоть кто/что-нибудь»*: *В августе, когда существовала достаточно напряженная информационная среда, когда каждый говорил из экспертов, что*

скоро закончится ЭКСПО-выставка и после этого произойдет обвал курса тенге, потому что Национальный банк для ЭКСПО держит этот курс. Вот хоть кто-нибудь из вас написал, что те эксперты, которые все прогнозировали, они были неправы (КТК. 22.11. 2017). *Хоть кто-нибудь из западных компаний попросит эту запись и покажет этот монолог, который, кроме нас в России, никому на фиг не нужен?* (Новая газета. 29.03. 2018).

По нашим наблюдениям, в современном медийном дискурсе мало востребованными являются местоимения на *-либо*. Считается, что они синонимичны местоимениям на *-нибудь*, чем можно объяснить их малую употребительность. Однако, представляется, что далеко не во всех случаях возможна такая синонимическая замена.

Действительно в ряде ситуаций говорящий мог использовать любое из двух обсуждаемых местоимений, как, например: *Именно поэтому мы говорим о том, что, прежде чем что-либо предлагать, надо внимательно анализировать все возможные последствия* (Коммерсантъ. 16.05. 2018). *Два источника “Ъ” в Совете федерации сказали, что не слышали о возможном переходе кого-либо из сенаторов на работу в правительство* (Коммерсантъ. 16.05. 2018). *При этом, судя по результатам опроса, жители России меньше всего «сочувствуют беженцам» и не верят, что они могут принести какую-либо пользу стране пребывания* (Коммерсантъ. ru.16.05.2018). Местоимения на *-либо* вполне могут быть заменены на *-нибудь*, так как оба выражают идею безразличия к выбору объекта: (хоть) какую-либо пользу / (хоть) какую-нибудь пользу; кого-либо из сенаторов / кого-нибудь из сенаторов; что-либо предлагать / что-нибудь предлагать. Возможно, выбор в пользу местоимения *-либо* можно объяснить стремлением к книжности речи: контексты с местоимениями на *-либо* более книжные, чем на *-нибудь*, и тем самым их употребление можно рассматривать в рамках тенденции к интеллектуализации речи.

Однако в других случаях такая замена не будет вполне адекватной, например: *В Минздраве сообщили, что получили отзыв Минэкономки, и пообещали рассмотреть его с привлечением экспертного сообщества. Сейчас что-либо комментировать преждевременно, заявили в министерстве* (Коммерсантъ. 16.05.2018). *В результате продукт вроде как живой, а смесь безопасна – предпосылок для размножения чего-либо нет* (АиФ. 16.10. 2016). *Значительная часть рабочих групп и мероприятий проходили без участия какого-либо числа аналитиков Аналитического центра при правительстве* (Коммерсантъ. ru.16.05. 2018). Обращает на себя внимание такая особенность приведенных высказываний: они либо включают отрицание, либо оно предполагается. Е.В. Падучева называет их контекстами «внутрилексемного отрицания» (Падучева 2008: 218).

Н.Д. Арутюновой было сделано наблюдение о специфических для русского языка конструкциях, в которых показатель неопределенности относится не только к предметному, а именно к признаковому значению: «неопределенность более тесно связана с семантикой, – со сферой значения, чем с референцией, признаками, чем с предметами» (Арутюнова 1999: 814, 816, 818], при этом причины той и другой неопределенности разные.

Наиболее продуктивные в медийных текстах местоимения-прилагательные *какой-то*, *какой-нибудь* в составе именной группы могут участвовать как в ситуациях с непрявленностью предмета (референции), так и в ситуациях, когда нужно подчеркнуть неопределенность признака: *Мы работаем над какими-то историями вместе. Но когда сюда приезжают иностранцы, у нас гостеприимство бушует на каком-то генетическом уровне* (Новая газета. 07.08. 2018).

Заметим, что некоторые именные группы с неопределенным местоимением приобретают характер устойчивых выражений, которые никак не предполагают выяснения причин неопределенной референции. Речь идет о сочетаниях типа «в каком-то смысле», «в какой-то степени», «в какой-то момент».

Одна из причин обращения к неопределенным местоимениям как выразителям признаковой неопределенности была охарактеризована Н.Д. Арутюновой следующим образом: «Недоопределенность признаков вызвана ограниченностью семантических ресурсов языка или неумением ими пользоваться» (Арутюнова 1999: 820].

Действительно нередки случаи, когда использование неопределенных местоимений объясняется затруднениями со стороны говорящего определенно охарактеризовать признак упоминаемого объекта информации в связи со сложностью его идентификации. Однако отметим, что столь распространенные в медийном дискурсе высказывания с *какой-то* часто преследуют иную цель – а именно отказаться от пространного объяснения, имеющего отношение к свойствам обсуждаемого объекта: автор вполне обходится без «избыточных сведений» и надеется на подобное отношение со стороны адресата, как, например: *...мы это очень скоро ощутим по всему, по росту цен, по каким-то совершенно, может быть, мы себе даже не представляем, по каким-то ухудшениям всех показателей жизни* (Т/к «Дождь». 11.04. 2018). *Есть какие-то границы, понимаете, «красную черту» нельзя переходить. Давайте тоже с уважением относиться к нашим интересам* (Т/к РБК. 26.05. 2018).

Исследователи давно обратили внимание на использование неопределенных местоимений в качестве средства актуализации признака как «отклонение от нормы, от стандарта». Медийный дискурс содержит такие примеры в изобилии: *15-летняя Алина Загитова, проводящая свой первый сезон на взрослом уровне, должна была доказать, что ее*

победы на двух этапах и в финале Гран-при, а также в короткой программе чемпионата России – это не **какое-то сумасшедшее** стечение обстоятельств, а серьезное, вполне оформившееся мастерство (Газета.ru. 23.12. 2017). Прорекларированы **какие-то туманные** интересы, но эту фантазию нужно все-таки как-то обосновать (Эхо Москвы. 21.02.2018). Надо сказать, что наше правительство **по какой-то странной** инерции остается либеральным, пытается сделать невозможное... (Новая газета. 12.04. 2018). Более того, в российской культуре есть **какое-то поразительное** явление, невероятное уважение к образованию и культуре в целом (Т/к «Дождь». 11.04. 2018).

Как видим, неопределенность значения определений-прилагательных никак не конкретизируется сочетающимися с ними неопределенными местоимениями, которые, подчеркивая значение «отклонения от определенного стандарта», указывают не столько на необычность самого признака, сколько на невозможность определить причины появления подобного признака.

В этой роли неопределенные местоимения могут рассматриваться как разряд слов, выступающих в функции семантических операторов: «Размытые концепты притягивают к себе семантические операторы. ...Нестабильные предикаты нуждаются в доопределении» (Арутюнова 1999: 832). Обращает на себя внимание грамматическая семантика существительного: в большинстве своем это имена с непредметным значением, которые трудно идентифицировать. Назначение неопределенных местоимений заключается в оценивании объекта или в целом явления как трудно определимого, несколько необычного, причины возникновения которого не поддаются точному обоснованию. Причем значение «нестандартности» может быть заложено в самом названии признака и при конкретном существительном, например, *Мероприятие было абсолютно мирное. В его немирной части **какие-то непонятные** бомжи туда пришли и напали на людей – так это власть их привела* (Коммерсант. ру. 15.05. 2018).

Современная общественно-политическая ситуация ввела в широкий обиход новую номинацию «санкционная война», которая сопровождается в ряде высказываний местоимением *какой-то* в роли семантического оператора:.. *Потому что о своей идее развития инновационного производства в стране Н.Назарбаев говорил задолго до того, как начались **какие-то санкционные войны*** (Новая газета.16.11. 2017). На наш взгляд, здесь также можно усмотреть актуализацию признака «отклонение от нормы», то есть от нормального положения дел.

Отмечаем реализацию признаковой неопределенности в контекстах, в которых необходимо усилить значимость признака, как, например: *Объяснять моду на слово легко, а*

вот угадать практически невозможно. Еще одно молодежное слово – «хайп» – попало в какой-то очень важный общественный нерв и взорвало коммуникативное пространство. Слова, похожие на него по смыслу, были популярны, но, конечно же, не настолько. Иногда говорят о какой-то особой звуковой ауре слова (М. Кронгауз).

Влиянием разговорной речи на медийный дискурс можно объяснить высказывания, в которых, напротив, подчеркивается неважность, незначительность признака. В этой функции часто выступает местоимение *кое-какой*, относящееся к разряду слабоопределенных: *Они выплатили 6 миллионов тенге, но это ушло на солярку и кое-какие долги. У нас по договору деньги должны выплачиваться каждые 10 дней, но этого не было (КТК). У России тоже кое-какой опыт имеется. Однако в существующих условиях суверенного капитализма россиянам, возможно, ещё долго будет несладко (АиФ. 04.02. 2009).* Говорящий намеренно умалчивает о свойствах упоминаемого объекта, даже если он владеет знанием об этих свойствах, как, например: *Недавно глава Росфинмониторинга Юрий Чиханчин сообщил, что его служба изучила так называемое «Панамское досье», обнаружила там сомнительные сделки на миллиарды рублей с участием представителей власти и кое-какие материалы передала в правоохранительные органы (Коммерсантъ).* В одних случаях с местоимением-прилагательным *кое-какой* превалирует субъективно-оценочная квалификация объекта, в других – подчеркивается нейтральная количественная его оценка, что позволяет замену *кое-какие* на *некоторые* (*кое-какие-документы / некоторые документы*).

В информационной среде формально выраженная смысловая неопределенность часто объясняется нежеланием использовать соответствующий определенный атрибут с тем, чтобы выразить свое, обычно негативное отношение, как, например: *Но мы жители этой страны, и волей-неволей ответственность ложится тоже на нас, почему же мы не можем сделать так, чтобы нами управляли какие-то другие люди, или не судили нас по каким-то конкретным действиям власти, потому что действительно у нас многообразная, многообразная жизнь, и масса людей, которые совсем не исповедуют этот милитаризм (Т/к «Дождь». 11.04. 2018).*

В рассмотренных высказываниях с формальным показателем неопределенности признака неопределенное местоимение выделяет из класса признаков некую разновидность, которая никак не охарактеризована, причем в большинстве случаев не охарактеризована в силу вполне определенных интенциональных установок говорящих.

В медийном дискурсе проявлена еще одна ситуация, когда актуализируется признак несущественности, безразличия для говорящего при указании как на сам предмет, так и на его характерологические особенности. Семантика неопределенности приобретает оценочную

коннотацию, причем доминирующим над значением неопределенности является именно негативный аксиологический компонент: *Вот и идёт лишённый выбора народ провести выходной в какой-нибудь торгово-развлекательный центр. Но центры эти ставят перед собой одну задачу – заработать. И неважно, как, на чём* (АиФ. 03. 2018). *Потому что в каких-то маленьких городах, в провинции, в глубинках подростки живут брошенные. Ими никто не занимается – ни государство, ни родители* (НСН. 1-2 марта 2018). *Не какая-то там чужая свадьба чужого принца в чужой враждебной нам стране* (Новая газета. 24.05. 2018). *Американский лидер рынка сериалов и телешоу потратит на производство контента сумму, равную бюджету какой-нибудь развивающейся страны* (Life.ru). *Если кандидат ведет кампанию на территории своего государства, давайте теперь, чтобы поехать в какую-нибудь Кемеровскую область, запрашивать у посольства Анголы, например, разрешения на въезд туда* (т/к РБК. 07. 03. 2018). *А для чего вы это делаете? Чтобы завтра на этом месте сделать банк, сделать ресторан, открыть какую-нибудь пивнушку?* (КТК). Следует отметить, что прагматически обусловленная смысловая неопределенность приводит к снятию существующих в семантике неопределенных местоимений различий: местоимения на *-то* и на *-нибудь* актуализируют семантику «безразличия к выбору объекта», свойственную прежде всего местоимениям на *-нибудь*. При этом в приведенных высказываниях отсутствует информация о той совокупности объектов, из которой должен быть выбран упоминаемый объект:

Наряду с отмеченным значением несущественности, безразличия актуализируется значение «умаление значимости». Тимиологическая составляющая обоих признаков групп одинаковая: *какой-то* и *какой-нибудь*, являясь показателями «умаления значимости», относятся к идентификаторам нижнего уровня тимиологической оценки (всякие, разные). Е.И. Шейгал, вслед за А.Б. Пеньковским, называет значение, выражаемое этими местоимениями, как «обезразличивающее обобщение» и «обезразличивающая неопределенность». Эти значения выводят референт за пределы круга «своих» и тем самым индуцируют коннотацию пейоративного отчуждения» (Шейгал 2004: 121-122). Следовательно, подобные показатели этого значения можно отнести к знакам «чуждости», характеризующим полюс «чужой» в шкале ценностей как одной из универсалий медийного идеологического дискурса.

Как видим, вторичные, то есть прагматически обусловленные значения, стирая семантические различия между разными сериями местоимений, редуцируют и значение неопределенности как инвариантное для этой группы местоимений. Во многих случаях различия между конкретной и неконкретной референцией снимаются по той причине, что они

употребляются в контекстах, в которых неважны референциальные свойства обсуждаемых объектов.

Конечно, нужно иметь в виду случаи, когда говорящий действительно не располагает референциальными знаниями об объекте, как и ситуации, для которых трудно подобрать адекватное вербальное выражение. Однако в большинстве своем говорящий, обладая знанием о референте, стоящем за неопределенным местоимением, не проявляет этого знания в коммуникации по вполне осознанным причинам. Для медийной сферы такими причинами являются вуалирование определенной позиции, того или иного мнения, а также намеренное сокрытие истины, сознательное введение в заблуждение, снятие ответственности за сообщаемое. И как следствие – в медийном дискурсе проявлено не просто умолчание, а красноречивое умалчивание как манипулятивное сокрытие истины.

Н.Д. Арутюнова, характеризуя семантику неопределенных местоимений, прямо называет их знаками молчания и умолчания: «НМ – это своего рода пунктир, знаки молчания и умолчания, незаполненные клетки, семантические пробелы, маркеры разрыва между интуитивным постижением мира и возможностями вербализации» (Арутюнова 1999: 823].

В современной лингвистике значение умолчания рассматривается в различных аспектах, в том числе оно представлено и в качестве функционально-семантической категории, обладающей «самостоятельным языковым значением – значением недосказанности» (Сеничкина 2003). При этом базовым для семантики умолчания называют значение неопределенности.

На наш взгляд, умолчание в силу самых разных прагматических причин выступает как одна из стратегий представления информации в медийном дискурсе. Как, например: *были на сутки приостановлены **какие-то** операции по карточкам, но это связано с большим количеством операций, обслуживаемых в порядке очереди. Могут быть **какие-то** сбои в течение 2-3 дней, но это максимум* (Лента новостей. 31.07. 2018). В данном случае говорящий обладает точной информацией, но не может (в силу служебного положения) и соответственно не хочет проявить знание о предмете речи. Он осуществляет это намерение посредством знаков умолчания – неопределенных местоимений.

Срабатывают и другие причины для реализации стратегии «умолчания». См., например: *Путин заявил, что кто-то целенаправленно собирает биоматериал россиян* (РИА Новости). *Я против даже тортика в лицо, но **кое-кто** хайтит на трагедии с Фельгенгауэр* (Газета.ру). *На грязные деньги строились особняки, покупались шикарные машины, **кто-то** даже смог позволить себе конюшню с элитными скакунами* (КТК. 27.02. 2018). Здесь реализован еще

один вариант семантики умолчания, который, вслед за Е.П. Сеничкиной, назовем «умолчанием-намеком» («знаю, не называю, догадайтесь») (Сеничкина 2003).

Реализуемый способ подачи информации в виде умолчания, который предстает как недосказанность, недоговоренность, неидентифицированность, мнимая неопределенность, объясняется причинами прагматического характера, которые определяются одной общей интенцией медийного дискурса – воздействующим информированием. В целом смысловая неопределенность как один из способов вариативной интерпретации действительности во многом обусловлена манипулятивным воздействием массмедиа. Она способствует созданию нужной для говорящих картины мира.

Список литературы

- Дускаева Л.Р. (2012): Интенциональность медиаречи: онтология и структура // Медиатекст как полиинтенциональная система. СПб.: С.- Петерб. гос. ун-т, 2012. С. 10-16.
- Чейф У. (1982): Данное, контрастивность, определенность, подлежащее, топики и точка зрения // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1982. Вып. XI. Современные синтаксические теории в американской лингвистике. С. 277-316.
- Арутюнова Н.Д. (1999): Язык и мир человека. М.: «Языки русской культуры», 1999. 896 с.
- Солганек Г.Я. (2012): Введение // Язык СМИ и политика. М.: Изд. Московского университета, 2012. С. 8-26.
- Лейчик В.М. (2007): Преподавание основ культуры речи в свете новейших тенденций развития русского языка // Вестник РУДН, серия Русский и иностранные языки и методика их преподавания, 2007, №2. С. 7-12.
- Падучева Е.В. (1996): Неопределенность как семантическая доминанта русской языковой картины мира. URL: http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf1/dominanta1_1996.pdf (Дата обращения: 02.08. 2018).
- Падучева Е.В. (2008): Высказывание и его соотнесенность с действительностью: Референциальные аспекты семантики местоимений. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 296 с.
- Падучева Е.В. (2015): Снятая утвердительность и неверидиктальность (на примере русских местоимений отрицательной полярности). URL: http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf1/Non_viridicalK.pdf (Дата обращения: 02.08. 2018).
- Шейгал Е.И. (2004): Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004. 326 с.
- Сеничкина Е.П. (2003): Семантика умолчания и средства ее выражения в русском языке. Автореф. дисс. доктора филол. наук. М., 2003. URL: <http://cheloveknauka.com/semantika-umolchaniya-i-sredstva-ee-vyrazheniya-v-russkom-yazyke> (Дата обращения: 17.10. 2017).

НЕОПРЕДЕЛЕННЫЕ МЕСТОИМЕНΙΑ КАК СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ОЦЕНКИ

Газарова Диана Юрьевна
Ереванский государственный университет, Армения
dgazarova@ysu.am

INDEFINITE PRONOUNS AS A WAYS OF EXPRESSING AN EVALUATION

Diana Gazarova
Yerevan State University, Armenia

АННОТАЦИЯ

Неопределенные местоимения способны выражать оценку говорящим происходящего. Использование местоимений бывает весьма существенным, без них эмоциональный план высказывания гораздо менее убедителен. Как правило, местоимения указывают на пренебрежительное отношение говорящего.

ABSTRACT

Indefinite pronouns are able to express addresser's evaluation. The use of pronouns is very significant, without them the emotional outline of the statement is much less convincing. As a rule, pronouns indicate the scornful attitude of the addresser.

Ключевые слова: неопределенные местоимения, оценка, относительная неопределенность, имя собственное.

Keywords: indefinite pronouns, evaluation, relative indefiniteness, proper name.

Оценка, очевидно, является универсальной категорией: вряд ли существует язык, в котором отсутствует представление о «хорошо/плохо» (Вольф 2002: 9). В современном русском языке существуют самые разнообразные способы выражения оценки, исследователи отмечали прилагательные, существительные, междометия, глаголы, предикативы, фразеологизмы. Местоимения же отмечались в основном в контексте их употребления с оценочными словами (*этот негодяй, такой хам* и др.) либо в аспекте категории определенности/неопределенности (*Какой-то негодяй обидел её*). Между тем, на наш взгляд, местоимения способны не только усиливать оценочность существительных, прилагательных, но и сами выражать оценку.

Оценка более, чем какое-либо другое значение, зависит от говорящего субъекта. Связь оценочного значения с автором речи многогранна (Арутюнова 1998: 6). Местоимения же более, чем другие части речи, выражают мысли, интенции и прагматические задачи говорящего. Не случайно М.А. Шелякин называет местоимения самой эгоцентрической подсистемой языка (Шелякин 1978: 22).

В данной статье мы рассмотрим неопределенные местоимения в аспекте выражения ими оценки. «Местоимения неопределенные дают общее, приблизительное указание на предмет или признак и оставляют невыясненным, неизвестным, точно не определенным конкретное представление о предмете, лице, качестве, свойстве, принадлежности предмета или порядковом месте его в ряду однородных предметов» (Селиверстова 1988: 52-53). Однако это общее, приблизительное указание имеет в то же время множество оттенков значения, сама неопределенность приобретает в некоторых случаях ту или иную конкретность, определенность. Это обусловлено разными причинами. Как отмечает С.М. Кузьмина, «семантика и функционирование неопределенных местоимений определяется практически всеми компонентами высказывания: его модальностью, коммуникативным типом, типом грамматико-категориальной реализации сказуемого, семантикой сказуемого, типом дескрипции имени и т. п.» (Кузьмина 1989: 161).

Амплитуда значений, выражаемых неопределенными местоимениями, достаточно широка. Помимо значения собственно неопределенности, относительной, факультативной неопределенности, неопределенные местоимения способны выражать пренебрежительное отношение со стороны говорящего. В подобных случаях выражается оценка неопределенности, несущественность раскрытия неопределенности. Ср.:

*Я не хуже **какого-нибудь** правоведа или бабы доктора.* (А. Чехов)

В данном примере именно местоимение несет на себе оценочную нагрузку и выражает недостаточно уважительное отношение говорящего к профессии юриста. Или, например:

*Кто же думает о **каком-то** сыне
В восемнадцать лет!* (М. Цветаева)

Если мы представим тот же пример без местоимения, то он окажется гораздо менее убедительным в эмоционально-экспрессивном плане. Местоимение подчеркивает, что в восемнадцать лет отношение к сыну может быть только как к *какому-то*, т.е. несерьезное, неосознанное.

В подобной функции чаще употребляются местоимения с *-нибудь*, поскольку они являются нефиксированно-неопределенными местоимениями, включающими сему

невыворачивания, а значит – порой и несущественности референта. Часто подобное употребление предполагает не просто неопределенность, говорящий выражает свое негативное отношение, употребляя неопределенное местоимение.

*- **Какой-нибудь** мальчишка, молокосос ... нищий ... осмеливается говорить прямо в лицо такие мерзости!* (А. Чехов)

В сочетании местоимений с существительными, лишенными оценочного значения (в отличие от предыдущего примера), эти слова тут же приобретают значение оценки, как правило, негативной, например:

***Какой-нибудь** студент будет мне возражать!*

Безразличие в выборе подчас переходит и в пренебрежительное употребление:

*Мать была занята своей жизнью. Ей исполнилось 30 лет. В этом возрасте женщине нужен муж, и **не какой-нибудь**, а любимый.* (В. Токарева)

Пренебрежительное значение усиливается в сочетании неопределенных местоимений с частицей *хоть*:

*Лучше двинуть в кандидаты. **Хоть каких-нибудь** наук.* (Д. Саврасов)
*Реакция бывает разной, от откровенного страха до истерики, от нервной дрожи до полной апатии, но она обязательно есть. **Хоть какая-нибудь**.* (А. Маринина)

Различие между местоимениями с *-то* и *-нибудь* хорошо иллюстрирует данный пример:

*И Зинзага, сделав большие глаза, потряс кушетку. С Амаранты медленно сползла **какая-то** книга и, шелестя, шлепнулась об пол. Романист поднял книгу, раскрыл ее и побледнел. Это была не **какая-то** и **отнюдь не какая-нибудь** книга, а его последний роман...* (А. Чехов)

Сначала употреблено местоимение *какая-то*, указывающее на неопределенность, затем использовано местоимение *какая-нибудь*, выражающее отношение к этой неопределенности, пренебрежение, так как *какая-нибудь* = «все равно какая».

Следует отметить, что употребление неопределенных местоимений часто обусловлено. Ведь для говорящего в редких случаях бывает неопределенность, связанная с его действиями, состоянием. Сравним невозможность предложения **Я **что-то** читаю* наряду с вполне

употребительным *Он **что-то** читает*. Конструкция *Я **что-то** читаю* возможна только при повторяемости действия. Ср.: *Каждое утро я **что-то** читаю*. В противном случае подобная конструкция неупотребительна, поскольку настоящее время глагола предполагает сам процесс действия и исключает неопределенность для говорящего совершаемого им действия (Газарова 2016: 97).

Как это ни парадоксально, но часто говорящий, употребляя неопределенное местоимение, вполне определенно знает, что он имеет в виду. Налицо, так сказать, противоречие: неопределенное местоимение – и вполне определенный референт. И в таких случаях неопределенное местоимение служит именно для выражения оценки говорящего, ср.:

*Идиоты! Трясутся, что на **какой-то** там кафедре потом узнают, что в **каком-то** лагере томится некий узник Костоглотов.* (А. Солженицын)

В данном примере неопределенное местоимение свидетельствует не о пренебрежительном отношении говорящего, а о его убежденности, что к вполне конкретному лагерю отнесутся как к *какому-то*. С помощью неопределенных местоимений говорящий как бы умаляет значение данных объектов для окружающих.

Этот пренебрежительный оттенок может перейти и в совершенное неприятие существования того или иного явления, качества (*какой-то* = «никакой»):

*По **какому-то** праву (им не приходит в голову спросить себя о праве) они без меня и за меня решаются на страшное лечение.* (А. Солженицын)

Местоимение *какой-то* указывает не на то, что говорящему неизвестно, какое это право, а на уверенность говорящего в несуществовании такого права вообще.

В сочетании с указателями времени, пространства неопределенные местоимения могут выражать и значение незначительности. Например:

*Одним словом, через **какой-нибудь** час я и Софья Павловна были уже друзьями.* (А. Чехов)

*Он был в **каких-нибудь** двух метрах...* (В. Шукшин)

*В **какие-нибудь** две минуты пламя охватило табурет, столы, перешло на кулисы ...* (А. Чехов)

В подобной функции чаще употребляются местоимения с *–нибудь*, однако возможны и случаи с *–то*:

*Он замолчал на **какое-то** мгновение, а затем продолжил.
За **какие-то** полчаса он справился с заданием.*

В данных случаях проявляется значение «очень небольшой», «минимальный».

Интересны случаи сочетания неопределенных местоимений с именами собственными, здесь мы также можем говорить об относительной неопределенности. Сочетание местоимений с именами собственными (ИС) имеет ряд особенностей: и местоимения, и имена собственные прежде всего указывают, а не обозначают. Дж. Ст. Милль иллюстрирует функцию собственного имени известной историей о разбойниках из «Тысячи и одной ночи», где кто-то из шайки помечает меловой чертой городскую дом, чтобы, вернувшись со своими товарищами, узнать его среди множества других домов. Аналогично этому штриху мелом, функция собственного имени, по Дж. Ст. Миллю, сводится к диакритической функции: собственное имя выступает как чисто индивидуальный показатель, своего рода индивидуальный знак (Individualzeichen), в то время как общее имя (Artname) обладает коннотацией (Бюлер 2003: 88).

В этом смысле имена собственные сближаются с местоимениями, которые часто рассматриваются как «пустые слова», слова-заместители. Интересно высказывание по этому поводу английского лингвиста Г. Суита: «Крест в конце квитанции или какого-то другого документа говорит нам лишь о том, что имеется в виду имя без указания, какое именно. Подобно этому местоимения не имеют своего собственного самостоятельного значения – единственная информация, содержащаяся в нем, – это указание на то существительное, к которому оно относится» (цит. по: Селиверстова 1988: 27).

Как отмечает А.Д. Шмелев, всякое употребление имени собственного с местоимением **какой-то** носит «цитатный» характер, содержит непосредственную отсылку к употреблению этого имени собственного другим лицом (Шмелев 1989: 94). Если, увидев незнакомого мальчика, мы можем сказать: «пришел какой-то мальчик», то назвать по имени незнакомое лицо (*Пришел **какой-то** Петров*) мы можем только в том случае, если это лицо представилось нам или было кем-то названо. Например:

*Тебе звонит **какой-то** Петя.
Тебя спрашивает **какой-то** Иванов.*

Данные предложения равнозначны следующим: *Тебя кто-то/какой-то, один человек спрашивает*, с той только разницей, что в предыдущих примерах говорящему известно хотя бы имя референта.

Говоря о случаях сочетания местоимения **этот** с именами собственными и о неопределенной определенности, Б.Л. Иомдин отмечает: «Употребляя лексему *этот*,

говорящий показывает, что повторяет номинации, использованные собеседником или другими людьми. Это явление, неожиданным образом, сближается с так называемой косвенной эвиденциальностью (пересказывательностью), во многих языках выражающейся грамматически» (Иомдин 2006: <http>). То же самое можно сказать и о сочетаниях неопределенных местоимениях с ИС. Но если одной из функций местоимения *этот* в сочетаниях с ИС – это снижение пафоса высказывания, как отмечает Б. Иомдин, то неопределенные местоимения в сочетаниях с ИС выполняют противоположную функцию: повышение пафоса высказывания, однако чаще всего пафоса негативного. В этой функции в основном употребляется местоимение *некто*:

- *Кто этот молодой человек?*
- *А...Это некто Володя Макаров. Замечательный молодой человек..* (Ю. Олеша)
Этим делом занимается некто Петров.

В приведенных примерах при замене на местоимение *какой-то* возникает лишь значение неизвестности говорящему носителя ИС, местоимение же *некто* может вносить и некоторый оттенок пренебрежения.

М.А. Шелякин отмечает, что использование местоимения *некто* при собственных именах аналогично такому же использованию артиклей в «артиклевых» языках, где они приобретают чисто пейоративную функцию (Шелякин 1978: 21).

Местоимение *какой-то* может быть употреблено и перед именем лица, заведомо известного и говорящему, и адресату речи. «В этом случае сочетание «какой-то + ИС» имеет ярко выраженную пейоративную окраску («не заслуживающий того, чтобы его знать») (Шмелев 1989: 95). Ср.:

Какой-то Петров учит меня, как жить!
Какой-то Зайцев не ставит мне пятерку!

Здесь употреблением *какой-то* выражается и пренебрежительная оценка носителя ИС. Интересно отметить, что в данном употреблении невозможно местоимение *некто*, которое в сравнении с *какой-то* более неопределенно и не предполагает известности референта говорящему.

В подобных случаях возможно и усиление пренебрежительного отношения с помощью соответствующего прилагательного с негативным компонентом значения:

А.Д. Шмелев выделяет метонимическое и метафорическое употребление сочетания «какой-то + ИС». При метонимии чаще всего реализуется значение неизвестности говорящему. Например:

*Он читает **какого-то** Маркеса.
Она пишет **какому-то** Коле.*

В данных примерах ИС известно говорящему, но носитель ИС остается невыявленным, неидентифицированным; для говорящего неопределенным является референт, но не его наличие, существование. Здесь возможно употребление и местоимения *некий*. Отметим, что в подобных предложениях употребление ИС является «цитатным», хотя, как отмечает А.Д. Шмелев, не обязательно отсылает к речевому акту: говорящий сам мог увидеть фамилию автора на обложке (Шмелев 2002: 121).

В случае же метафоры носитель ИС должен быть известен говорящему, местоимение имеет значение «своего рода», «что-то вроде»:

*– По-вашему, Рудин Тартюф **какой-то**. (И. Тургенев)*

При метафорическом употреблении носитель ИС предполагается известным не только для говорящего, но и для слушающего, что и дает возможность подобного употребления.

Метафора возможна и в сочетании *какой-нибудь* + ИС, выражая значение «кто-нибудь вроде носителя ИС». Ср.:

- Может, и Ремарк хороший писатель?

- Конечно.

*- И **какой-нибудь** Жюль Верн?*

- Еще бы. (С. Довлатов)

*И волосы подстрижены под призывника в первый день службы, должно быть, у **какого-нибудь** Вячеслава Зайцева. (Т.Устинова)*

*Скажи каким-нибудь итальянцам, **каким-нибудь** Петрарке и Лауре, что любовные истории имеют свойство развиваться под снегопадом, в пурге, не только не поверят, но и перестанут любить. (В. Аксенов)*

Следует отметить, что в сочетаниях «*какой-нибудь* + ИС», в отличие от сочетаний «*какой-то* + ИС», невыбранному референту, уподобленному носителю ИС, приписываются качества носителя данного ИС. В случаях с *какой-то* перед нами лишь известность или неизвестность носителя ИС для говорящего и/или для слушающего; чтобы понять, о ком идет речь, слушающему необязательно знать носителя ИС, поскольку это может быть и

нерелевантным. В сочетаниях же с местоимениями *какой-нибудь* у слушающего должны быть определенные сведения о носителе ИС, о качествах, ему присущих, иначе коммуникативный акт не будет успешным и употребления местоимения и самого ИС будут излишними.

К значению «кто-нибудь вроде носителя ИС» добавляется и значение пренебрежения, несущественности заполнения позиции референта.

В подобных случаях следует учитывать и тот факт, является ли носитель ИС реальным лицом или вымышленным, литературным персонажем. В случае с реально существующим лицом мы можем говорить о его инклюзивности, включении. Ср.:

- *С кем она говорит?*
- *С каким-нибудь Колей Ивановым.*

Не исключено, что в ситуации участвует и сам Коля Иванов. Здесь проявляется и безразличие, несущественность для говорящего соотнесения с референтом. Интересно, что в случае замены на *какой-то, некий* названное ИС является единственно возможным носителем действия. Он просто неизвестен говорящему. Здесь исключается возможность заполнения актантной позиции носителем какого-нибудь другого ИС. Это связано с различием местоимений с *-то* и *-нибудь*, с фиксированностью и нефиксированностью референта.

Так же, как и в вышеприведенных случаях, проявляют себя местоимения и в сочетании с топонимами. В этих случаях возможна неизвестность для говорящего:

Он был рождения 1920 года и при своих полных тридцати четырех годах действительно не женат, что довольно-таки невероятно, и действительно жил в каком-то Уш-Тереке. (А.Солженицын)

Но чаще местоимения выражают оценочное значение:

- *Лена, этими разносолами можно год кормить какую-нибудь Нигерию!* (Т. Соломатина)
- *Ведь в конце завоюет нас какой-нибудь Лихтенштейн!* (В. Пьецух)

В сочетаниях с именами собственными неопределенные местоимения, с одной стороны, выполняют роль артикля (при этом они выполняют интродуктивно-катафорическую функцию), с другой – роль маркеров отношения говорящего к носителю данного имени собственного. При этом носитель может быть как известен, так и неизвестен говорящему.

Отметим, что, сочетаясь с ИС, неопределенное местоимение чаще всего сохраняет свое основное значение.

Таким образом, мы пришли к выводу о том, что неопределенные местоимения весьма красноречиво выражают отношение говорящего к явлению, к участникам ситуации. Как правило, неопределенные местоимения указывают на негативную оценку. Отношение говорящего проявляется и в сочетаниях неопределенных местоимений с именами собственными, когда наблюдается известное противоречие: вполне известное, определенное имя собственное – и неопределенное местоимение.

Список литературы

- Арутюнова Н. Д. (1998): Язык и мир человека. Москва: Языки русской культуры.
- Бюлер К. (2003): Теория языка. Москва: Прогресс.
- Вольф Е. М. (2002): Функциональная семантика оценки. Москва: Едиториал УРСС.
- Газарова Д. Ю. (2016): Об относительной неопределенности в русском языке (на материале неопределенных местоимений). Санкт-Петербург: Издательство Политехнического университета.
- Иомдин Б. Л. (2006): А кто этот **этот**? Имена собственные и неопределенная определенность. URL: <http://www.dialog-21.ru/dialog2006/materials/html/IomdinB.htm> (дата обращения: 09.06.18)
- Кузьмина Е. М. (1989): Семантика и стилистика неопределенных местоимений, Грамматические исследования. Суперсегментная фонетика. Морфологическая семантика. Москва: Наука, 158-232.
- Селиверстова О. Н. (1988): Местоимения в языке и речи. Москва: Наука.
- Шелякин М. А. (1978): О семантике и употреблении неопределенных местоимений в русском языке, Ученые записки Тартуского государственного университета, вып. 442. Тарту: Издательство Тартуского университета, 3-22.
- Шмелев А. Д. (1989): Референциальная интерпретация сочетаний вида «местоимение + имя собственное», Русские местоимения: семантика и грамматика. Владимир: ВГПИ, 93-101.
- Шмелев А. Д. (2002): Русский язык и внеязыковая действительность. Москва: Языки славянской культуры.

ГРАММАТИЧЕСКАЯ НОРМА И УЗУС: ПРИЧИНЫ РАСХОЖДЕНИЙ

Григорьян Елена Леонидовна
Южный федеральный университет, Россия
elenagrigorjan@yandex.ru

GRAMMATICAL NORM AND USAGE: REASONS FOR NON-CORRESPONDENCE

Elena Grigorian
Southern Federal University, Russia

АННОТАЦИЯ

Расхождение грамматической нормы и узуса исследуется на примере употребления в устной речи деепричастных оборотов, в которых субъект действия, обозначаемого деепричастием, не совпадает с подлежащим предложения, и форм совершенного вида возвратных глаголов в страдательном значении. Отклонения узуса от нормы могут объясняться как общими типологическими закономерностями, так и характером устной коммуникации.

ABSTRACT

The paper deals with adverbial participle constructions in contemporary spoken Russian which do not conform to normative usage, and with perfective forms of reflexive verbs in passive constructions. The non-correspondence of usage to norm may result from general typological tendencies and/ or from the nature of spontaneous speech.

Ключевые слова: деепричастные обороты, страдательный залог, совершенный вид, грамматическая норма, узус.

Keywords: adverbial participle constructions, passive voice, perfective aspect, grammatical norm, usage.

Расхождения узуса и нормы могут объясняться действием целого ряда факторов разного порядка. В данной статье будут рассмотрены два случая расхождения нормы и узуса, имеющих разную природу и обусловленных разными причинами: употребление в устной речи (1) деепричастных оборотов, в которых субъект действия, обозначаемого деепричастием, не совпадает с подлежащим, и (2) форм совершенного вида возвратных глаголов в страдательном значении (относительно редких, но не уникальных).

Исследование базируется в основном на материале речи на телевидении (прежде всего канала «Культура» и спортивных передач на разных каналах) и радио (преимущественно «Эхо Москвы»), привлекаются также отдельные примеры из Интернета, печатных изданий и корпуса.

1. Деепричастные обороты

Вопреки утверждению многочисленных учебных пособий, что деепричастия (как и причастия) свойственны исключительно книжному стилю, употребление деепричастных оборотов в устной речи имеет массовый характер, однако едва ли не в большинстве случаев они радикально расходятся с нормой, притом что любому носителю русского языка известен хрестоматийный пример из «Жалобной книги» Чехова.

Разумеется, часть подобных употреблений может быть объяснена общим характером спонтанной речи: говорящий по ходу меняет свой замысел, оборот может возникнуть, когда основной глагол ещё не выбран (в большинстве примеров, хотя и не во всех, деепричастный оборот находится в препозиции к сказуемому); кроме того, устная речь эллиптическая и возможны пропуски звеньев в цепи сообщения. Ср. характерный пример синтаксической рассогласованности высказывания: *Федор Игнатьевич Стравинский, знаменитый бас Мариинского театра, который, живя в 100 метрах от театра, ему подавали извозчика* (М. Воскресенский, «Исторические концерты»). Однако помимо очевидных причин несовпадения нормы и массового узуса (спонтанный характер устной речи; её эллиптичность; ситуативность, которая восполняет нарушение формальной связности, и т.д.), действуют причины иного, в основном прагматического характера, соответствующие некоторым общим типологическим закономерностям.

Тенденция 1: упоминание субъекта (хотя и не совпадающего с подлежащим) – фактор, увеличивающий естественность употребления оборота: так, в уже упоминавшемся хрестоматийном примере *Подъезжая к сией станции и глядя в окно на природу, у меня слетела шляпа* – без указания субъекта (*у меня*) оборот в данном контексте крайне маловероятен.

Тенденция 2: типично совпадение субъекта с темой высказывания: коммуникативный статус важнее формальных признаков. Именно к такому субъекту, формально не являющемуся подлежащим, и относится деепричастный оборот. Ср. *Обладая в принципе неплохой акробатикой, концовка у неё страдает* (Универсиада, спортивная гимнастика, 6.07.15); *Финишировав второй, её дисквалифицировали* (Чемпионат Европы по лёгкой атлетике, 13.08.2006); *Вступая в беременность, будучи уже нездоровой, женищине тяжело придётся* (Анфиса Чехова, телепрограмма 25-31.06.2016); *Приглашая актёров, ему трудно было объяснить, о чём эта картина* (об А. Кончаловском, «Сибириада. Чёрное золото эпохи соцреализма», 27.08.17); *Выбегая на поклонь, силы меня покинули* (Билет в Большой, 29.12.05); *Услышав всё это, у вас чуть-чуть добавилось уверенности?* (В. Познер, «Времена», 21.04.02); *Обрастая вот этими долларами, всё меньше иллюзий остается у руководителя*

театра (А. Смелянский. «После “Моей жизни в искусстве”. Константин Станиславский», 6.08.13).

Тенденция 3: субъект в большинстве случаев (как видно и по приведённым выше примерам) назван личным местоимением (которые уже по своей природе тематичны); часто это сам говорящий (это относится и к примерам, где субъект не назван эксплицитно; хотя чаще он всё же назван): *Вернувшись в 1992 году из армии, никакого колхоза уже не было* (т.е. «когда я вернулся»); *И случайно, сталкиваясь с родителями, с учителями, заходила речь об учебнике Петерсона* (Эхо Москвы, март 2014) – «когда я сталкивался»; *И прилетев в Лондон, в моём номере был букет цветов* (Алла Осипенко, балерина, «Исповедь фаталистки», 2.07.2014); *Есть произведения, прочитав которые, у меня начинают трястись руки* (Виктория Токарева, ТВ 2018); *Какое-то у меня большое сомнение, прочитав о ней немало...* (Н. Басовская, «Всё так» 09.08.14).

Это согласуется с известной в синтаксической типологии иерархией актантов по коммуникативному весу (т.н. иерархия одушевлённости/ агентивности/ эмпатии/ topicality т.д.): *говорящий > слушающий > люди > другие одушевлённые > неодушевлённые* (с некоторыми вариациями).

Если в предложении с деепричастным оборотом, типа рассмотренных выше, и есть формальное подлежащее, то оно, как правило, неодушевлённое, т.е. имеет более низкий коммуникативный ранг, чем у личного местоимения, тем более 1 лица. Более того: во многих случаях подлежащее (с которым как раз не состыкован деепричастный оборот) не называет агенса или иного участника ситуации, а представляет собой – вместе со сказуемым – обозначение ощущения, эмоционального или ментального состояния: *силы покинули, прибавилось уверенности, возникает идея* и т.д.

По удачной формулировке В.П.Недялкова, «... формальная разносубъектность при смысловой равносубъектности»; «Определённые семантические актанты обоих действий нередко оказываются связанными референтным или поссессивными отношениями или же прагматически. Один участник ситуации может задавать координаты, по которым легко опознаётся другой участник» (Недялков 1990: 45). Как видно из большинства приведенных выше примеров, чаще всего такие предложения передают восприятие, описывают перцептивные происшествия – термин Р.И. Розиной (Розина 2000), и даже чисто внутренние состояния человека; известно, что для синтаксического представления такого типа ситуаций типичны дативные или иные конструкции, в которых экспериенцер или наблюдатель представлен в типичной для этой роли него падежной форме: датива, аккузатива, генитива с предлогом *у* (т.е. поссессивного субъекта) и др. Похоже, что именно на структуры этого типа

приходится наибольшая часть употреблений рассогласованных деепричастных оборотов. Именно к этому типу относится и наибольшая часть основная масса «неправильных» оборотов, встречающихся в произведениях русских классиков XIX века: Л. Толстого, Тургенева, Достоевского и др.

Естественно, что общие типологические закономерности. Имеющие раматическое обоснование, оказываются сильнее формального правила одного языка.

Тенденция 4: Невыраженность субъекта, нередко встречающаяся в предложениях рассогласованными деепричастными оборотами, объясняется прагматически: для обобщенного субъекта так же, как и для известного конкретного субъекта, в целом характерен нулевой способ выражения, что обусловлено его низкой коммуникативной значимостью (кстати, это же наблюдается в неопределённо-личных и обобщённо-личных конструкциях); ср. Не понимаю тоску людей по советскому прошлому; потому что, *живя в нём, не было самого элементарного* (Рената Литвинова, анонс цикла «Красота скрытого. История нижнего платья», июль 2013) – т.е. у тех, кто жил в нём; *Услышав её единожды, это запоминается на всю жизнь* («Эхо Москвы», «Винил» 20.08.14) – т.е. для каждого человека; *Травма или не травма – она может случиться даже идя по улице. Можно поскользнуться...* (Универсиада, худ. гимнастика, 13.07.15). *Мало-помалу повышая цену, торги закончились немислимой суммой* («Новости культуры» 7.08.09) – не требуется уточнения, кто повышал цену; и т.д. .

В связи с отмеченными тенденциями стоит отметить, что не все приводимые примеры в равной степени недопустимы. Неприемлемыми представляются предложения потенциально неоднозначные, тем более задающие неверное прочтение (часто нелепое!), что не в последнюю очередь связано с равным или предельно близким статусом актантов: *Оставив его на ночь, путник пробирается в спальню графини...* (Н. Цискаридзе, пересказ сюжета «Графа Нулина», 1.10.2016); *Даже овдовев и женившись второй раз, его жена не смогла заменить её; Переходя из рук в руки сто раз на дню, на них скапливаются микроорганизмы* («Эхо Москвы», «Мединфо» 16.02.07).

Употребление деепричастных оборотов в страдательных конструкциях, также отвергаемое правилами, представлено достаточно широко; при этом проявляется двойственность, свойственная страдательным конструкциям; подразумеваемый субъект деепричастного оборота совпадает либо с агенсом или иным актантом, который был бы подлежащим в соответствующей действительной, либо с подлежащим страдательной конструкции. И те, и другие примеры многочисленны.

Так, в следующих примерах обороты относятся к фактическому деятелю или иному субъекту соответствующей действительной конструкции: *Узнав это, впервые были*

определены причины авитаминоза В1, болезни бери-бери (З.М. Эвенштейн. Популярная диетология. М.: Экономика, 1990 – с. 241) – т.е. определил тот, кто узнал; *И она была тут же пострижена в монахини, закрыв ей навсегда путь к власти* (Э. Радзинский «Воскресшие тени: Иван Грозный и Владимир Старицкий» 2 серия. ОРТ, 28.08.12); *Таблетки принимаются внутрь целиком (не размельчая и не растворяя), запивая достаточным количеством жидкости* (инструкция к кросациду); *Удивительно, что даже не ставя в известность автора, 95 тезисов были переведены на немецкий язык и распечатаны* (сайт obodrenie.info); *Придерживая голову пострадавшего, производится лёгкий массаж* (ТВ «Вокруг света» 9.07.89). Нетрудно заметить, что в этих примерах (за исключением второго) выдерживается приведённая выше иерархия актантов.

Наряду с этим совсем не редки примеры, в которых деепричастный оборот связан с подлежащим страдательной конструкции: *Отсидев в тюремной камере менее года, Тасси был выпущен на свободу* («Искусственный отбор», 12.11.14); *Многие творения оказались недолговечными. Не успев высохнуть, они были беспощадно закрашены* («Искусственный отбор», 14.09.16 – о Бэнкси, представителе стрит-арта); *А затем эта выставка, просуществовав 4 месяца, была возвращена Германской Демократической республике* (И. Антонова, «Пятое измерение», 10.10.17).

Во многих исследованиях, в основном относящихся к синтаксической типологии, отмечается двойственность синтаксического поведения страдательных конструкций, в которых подлежащие свойства распределены между формальным подлежащим и агентивным дополнением (или, если оно отсутствует, соответствующим подразумеваемым участником ситуации), что имеет многочисленные проявления на синтаксическом уровне (Кинэн 1982); (Козинский 1983); см. также применительно и к другим производным конструкциям (Григорьян 1985: 114). Кстати, именно этой двойственностью Д.Э. Розенталь обосновывает недопустимость деепричастных оборотов в страдательных конструкциях (Розенталь 1967: 362).

Примечательно, что деепричастные обороты могут быть и не привязаны (по крайней мере непосредственно) ни к какому актанту в предложении, выраженному или подразумеваемому: *Сделав взнос в размере 5\$ или больше, данная петиция будет показана десяткам пользователям на Change.org* (01.07.2016) – т.е. «если вы сделаете взнос».

Такие случаи, как и многие другие употребления подобных рассогласованных оборотов близки к независимым (абсолютным) конструкциям других языков. Они имеют типичные для подобных оборотов значения времени, причины, условия, уступки и аналогичны номинализациям и некоторым инфинитивным конструкциям, не требующим никакого

согласования; ср., например, *Пройдя курс лечения в Германии, болезнь отступила – после курса лечения в Германии...*; *Обрастая вот этими долларами... – по мере обрастания долларами...*; *После этого выхода, не выставив ещё оценку, все уже поняли, что это золотая команда* (Кубок мира по художественной гимнастике, Матч-ТВ 26.08.18) – *ещё до выставления оценки*; *Принимая эти два документа, появилась правовая яма («Эхо Москвы», 24.04.08) = при принятии: Не имея текстуры, не имея направления, камень легче обрабатывать [по сравнению с деревом]* (Анатолий Камелин, скульптор, «Искусственный отбор» 6.03.18) = *благодаря отсутствию текстуры*; *Почему планируя строительство в ГО Люберцы пяти с лишним миллионов квадратных метров жилья, место под храм нашлось только в единственном парке?* (Change.org) - *при планировании жилья*; *Готовя сейчас выставку Ильязда и Пикассо, которую мы планируем в Малаге, обнаружилась эта матрица* (искусствовед, «Пятое измерение» 31.03.18) = *во время подготовки, в ходе подготовки*; аналогично со страдательными конструкциями: *Восстанавливая монастырь, были обретены мощи преподобного Александра Свирского* («Александр Свирский – защитник и покровитель», 12.09.16).

Можно говорить о превращении деепричастных оборотов в независимые конструкции, с чем безуспешно борется – как отмечает М.В. Гловинская (Гловинская 1996), со времён Ломоносова!) – нормативная грамматика. Хотя считается, что независимые конструкции усложняют синтаксис, и такое представление нередко подтверждается психолингвистическими данными, их употребление обусловлено необходимостью компрессии текста, а также упорядочением пропозиций, составляющих сообщение, по коммуникативному весу.

Тенденция к автономизации деепричастий также подтверждается и постоянно идущей адвербиализацией деепричастий и деепричастных оборотов, и превращением их в модальные слова (типа *судя по всему, короче говоря* и т.д.). Во многих употреблениях деепричастные обороты фактически являются вводными конструкциями: *Зная его, для него это больше чем трагедия* (П. Коган о К. Кондрашине, «Сати» 24.03.14 – о том, что Кондрашин терял слух).

Примечательно также, что деепричастные обороты могут функционировать и как свободные синтаксемы (в терминологии Г.А. Золотовой), в синтаксическом словаре (Золотова 1988: 348) приводятся подобные примеры заголовков и рубрик типа *возвращаясь к напечатанному, перечитывая классику, подводя итоги* и т.д. Подобные примеры, применительно к которым о формальном согласовании говорить в принципе не приходится, свидетельствует о достаточной автономности оборотов; правда, и в таких употреблениях

деепричастные оборот сохраняет характер зависимой предикации, но по отношению к последующему тексту, что является общей чертой любых заголовков.

Как видно из рассмотренного выше, отклонения от нормы в употреблении причастных оборотов следует общим типологическим закономерностям и поддерживается тенденциями, имеющими глобальный характер, тогда как само правило имеет чисто историческое обоснование на уровне отдельного языка; однако в случаях, когда возникает реальная неоднозначность (а не чисто формальная), нормативное правило следует признать оправданным

2. Формы совершенного вида возвратных глаголов в страдательном значении

Характерно, что в литературе нет единого мнения относительно форм совершенного вида возвратных глаголов в пассивном значении: как правило, они признаются устаревшими или окказиональными, т.е. ненормативными или пограничными. (Перцов 2003: 66 – 70) приводит подборку из разных авторов (17 источников) от Виноградова и Щербы до настоящего времени, где представлен широкий разброс мнений, от полного отрицания возможности возвратных форм совершенного вида в страдательном значении до приведения примеров с такими формами в общем ряду и без всяких дополнительных пояснений.

Такие примеры реально присутствуют в современной речи, и они достаточно разнообразны, ср. *Конец ленты лежал на полу, и это накажется судьями* (Универсиада, худ. гимнастика, 15.07.13); *Спектакль не сходил со сцены 19 лет. Пластинки продались – тиражом 2 миллиона* (Алексей Рыбников, композитор); *Он [ансамбль] создан на чистом энтузиазме студентов-теоретиков Астраханской консерватории* («Тайны Астраханского царства», цикл «Тайны Большого Золотого кольца России», 21.08.13); и др. Однако они далеко не так высокопродуктивны, как деепричастные обороты, рассмотренные в предыдущем разделе.

Г.М. Зельдович в статье с характерным названием «Синтетический пассив совершенного вида на –ся: почему его (почти) нет?» (Зельдович 2010) видит причину неупотребительности СВ таких форм в противоречии между свойством пассива отодвигать субъекта на второй план и значимостью субъекта в страдательной конструкции, тем более когда он назван и особенно если он индивидуализирован (типа *Книга прочиталась Иваном*); действительно, в большинстве случаев упоминаемый субъект является обобщённым, типовым. Заметим, однако, что устранение субъекта (обычно агентивного) или сдвиг его на задний план, снижение его коммуникативного статуса – не единственная функция пассива, и она не охватывает всех его употреблений.

Нам представляется, что маргинальность данного явления объясняется его двойственностью и связанной с этим неоднозначностью прочтения. Именно поэтому такие формы не рекомендуется употреблять, ср. из известного справочника по правописанию и литературной правке: «При использовании форм на **-ся** следует учитывать возможность совпадения в них двух значений – страдательного и возвратного, что может породить двусмысленность, например: *Сюда собираются дети, потерявшиеся на улице* (сами приходят или их собирают?). В подобных случаях необходима соответствующая нужному смыслу правка: а) *Сюда приходят дети...*; б) *Сюда собирают детей*. Ср. также *Деталь бросается в ванну* (вместо *Деталь бросают в ванну*). В технической литературе формы на **-ся** целесообразно употреблять в тех случаях, когда на передний план выступает само действие независимо от производителя, например: *Дверь открывается автоматически*. Если же с понятием действия связано представление о его производителе, иногда неопределенном, то правильнее употреблять формы без **-ся** (Розенталь 1967: 271). Однако даже для тех глаголов, семантика которых допускает, казалось бы, только страдательное прочтение, в формах совершенного вида происходит некоторый сдвиг значения. Нам представляется, что дополнительные смыслы, отличающие подобные случаи от типового пассива, связаны именно со спецификой личных форм глагола.

Дело в том, что личная форма и в пассиве сохраняет свою природу. Глагол, тем более совершенного вида, вносит значения динамичности, спонтанности, активности, не свойственные причастному пассиву, что усиливает тенденцию к иному прочтению, это видно в произведениях классиков XIX века: *Но история дуэли, подтвержденная разрывом Пьера со своей женой, разгласилась в обществе* (Л. Толстой); ср. *была разглашена* - в глагольном варианте ситуация в каком-то смысле уподоблена стихийному процессу: действия лиц, разгласивших историю дуэли, оказываются на заднем плане, а кроме того, в таком описании присутствует некоторый динамический момент; *Точно он сам для себя покупал лошадь, точно и в самом деле для него не всё равно было, какая ни купится* (Достоевский), ср. равнозначное *какая ни будет куплена*.

Даже когда агенс назван в той или иной форме (например, указан в контексте) или однозначно подразумевается, возникает момент стихийности, приблизительно «так сложились обстоятельства», «так получилось», «так вышло»

Стремление избежать неоднозначности – один из факторов, определяющих норму, однако в устной речи неоднозначность часто компенсируется наличной ситуацией. Также актуально положение Л.В. Щербы о противоположности интересов говорящего и слушающего: говорящий в данном случае не редактирует своё высказывание, и бремя

дешифровки, в том числе снятие неоднозначности, ложится на адресата. Вместе с тем в коммуникации необходимость передачи смысла сильнее стилистических факторов.

Таким образом, расхождения узуса и нормы могут объясняться как общими типологическими закономерностями (как в случае с деепричастными оборотами), так и характером устной коммуникации.

Список литературы

Гловинская М.Я. (1996): Активные процессы в грамматике (на материале инноваций и массовых языковых ошибок), Русский язык конца XX столетия (1985-1995). Москва: Языки русской культуры. С. 237-304.

Григорьян Е.Л.(1985): Семантические и прагматические аспекты диатезы. Диссертация ... кандидата филологических наук. Москва.

Зельдович Г.М. (2010): Синтетический пассив СВ на –ся: почему его (почти) нет?, Вопросы языкознания, 2

Золотова Г.А. (1988): Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. Москва: Наука.

Кинэн Э.Л. (1982): К универсальному определению подлежащего, Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XI. Москва: Прогресс.

Козинский И.Ш. (1983): О категории «подлежащее» в русском языке, Институт русского языка. Проблемная группа по структурной и прикладной лингвистике. Предварительные публикации. Вып. 156. Москва.

Недялков В.П. (1990): Основные типы деепричастий, Типология и грамматика. Москва: Наука. С. 36-59.

Перцов Н.В. (2003): Возвратные страдательные формы русского глагола в связи с проблемой существования в морфологии, Вопросы языкознания, 4.

Розенталь Д.Э. (1967): Справочник по правописанию и литературной правке. Москва: Книга.

Розина Р.И. (2000): От происшествий к действиям (Семантическая деривация как способ пополнения общего жаргона), Русский язык сегодня, 1. Москва: Азбуковник. С. 418-432.

ЭВФЕМИЗМЫ В ТЕКСТАХ СМИ: ПРАГМАТИЧЕСКИЙ И СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Зверева Марианна Ивановна
Санкт-Петербургский государственный университет,
Военно-космическая академия имени А. Ф. Можайского, Россия
marianna_zz@mail.ru

EUPHEMISMS IN MEDIA TEXTS: PRAGMATIC AND SEMANTIC ASPECTS

Zvereva Marianna Ivanovna
Saint Petersburg State University,
Mozhaysky Military Space Academy, Russia

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрен вопрос эвфемизации современных газетных текстов с позиции прагматики и семантики. Показана взаимосвязь между тематической направленностью текста и спецификой процесса эвфемизации в этом тексте, проанализированы такие функции эвфемизмов, как: 1) замена грубых, неприличных, неприятных слов, 2) выражение политкорректности, 3) манипуляция, 4) юмористическая функция. Кроме этого, в статье представлены результаты сопоставительного анализа эвфемизмов из четырёх языков: русского, французского, португальского и турецкого. Данные результаты анализа свидетельствуют о том, что эвфемизмы бывают как национально специфические, так и интернациональные. И это демонстрирует ещё один аспект понятия – лингвокультурный.

ABSTRACT

In the article the question of euphemisation in modern newspaper texts is considered from the position of pragmatic and semantic. There is shown the relationship between the thematic focus of the text and the specificity of the euphemisation process in this text, also there is analyzed such functions of euphemisms as: 1) replacement of gross, indecent, unpleasant words, 2) expression of political correctness, 3) manipulation, 4) humorous function. In addition, the article presents the results of a comparative analysis of the euphemisms of four languages: Russian, French, Portuguese and Turkish. The results of the analysis shows that some euphemisms are nationally specific and other euphemisms are international. And this demonstrates yet another aspect of this concept - linguocultural.

Ключевые слова: эвфемизм; политкорректность; речевая манипуляция; комический эффект; лингвопрагматика; лингвокультурные особенности; межкультурная коммуникация.

Keywords: euphemism; political correctness; speech manipulation; comic effect; linguopragmatics; linguistic and cultural features; cross-cultural communication.

Эвфемизм как «более мягкое выражение вместо грубого» (Словарь-справочник лингвистических терминов), употребляемое «для не прямого, прикрытого обозначения

какого-нибудь предмета или явления, называть которое его прямым именем в данной обстановке неудобно, неприлично, не принято» (Толковый словарь русского языка), представляет собой «**cualquier** voz o expresión que sustituye a otra que, por razones diversas, resulta inapropiada para el hablante y para el oyente en un determinado contexto» (Lechado García 2000: 14) [**любое** слово или выражение, замещающее собой другое, которое по различным причинам оказывается неподходящим для говорящего и для слушающего в определённом контексте. – перевод М. З.], перспективно рассматривать сразу с нескольких сторон, аспектов: прагматического, семантического, лингвокультурного и т.п. Такой подход позволяет многограннее, а значит, лучше осмыслить сущность этой языковой единицы, понять природу эвфемизма. К тому же, более правильное понимание одного аспекта происходит именно через понимание его связи с другими аспектами, которая, разумеется, существует.

Функциональному аспекту эвфемизма посвящены труды большого ряда российских и зарубежных исследователей (Fowler 1957; Casas Gómez 1986; Крысин 1994; Ковшова 2007; Милоенко 2009; Миронина 2012; Зверева 2015, 2016 и др.), в чьих работах эвфемизмы из разных лексико-семантических групп проанализированы с позиции лингвопрагматики. Причём предметом исследования лингвистов стала не только реализация основной функции (смягчение и нейтрализация), но и реализация дополнительных функций, которые способны выполнять эвфемизмы и которые в рамках конкретного контекста могут даже доминировать над основной функцией смягчения.

Чтобы конкретизировать вышесказанное приведём несколько фрагментов из газетных текстов, в которых обнаруживается доминирование разных функций:

1) замена грубых, неприличных, неприятных слов:

«Женская сборная России по теннису **уступила** команде Белоруссии со счётом 1:3» (Известия. 2016. 18 апреля) – эвфемизм «уступила» мягче и отчасти приятнее звучит, чем прямая номинация «проиграла»;

2) выражение политкорректности:

«Люди, работавшие с "**серебряными**" волонтерами, отмечали, что они стремятся делиться знаниями и опытом, а также очень ответственные» (РИА Новости 2018. 31 января) – эвфемизм «серебряный» не только приводит высказывание в соответствие с требованиями современного «политкорректного мира» (замещая собой номинации, которые прямо указывают на возраст, например, «старые», «пожилые» и т.п.), но и создаёт фантастически красивую образность.

3) манипуляция через размывание, сокрытие смысла:

«Соседствующий с “ПСМА Рус” завод Volkswagen только готовится к остановке и возможному изменению трудовых взаимоотношений с сотрудниками» (Известия. 18.12.2014) – здесь посредством эвфемизма *«изменение трудовых взаимоотношений»* читатель вводится в заблуждение, поскольку такой эвфемизм обладает предельно размывтой семантикой и лишь отдалённо соотносится со словами *«сокращение»*, *«увольнение»*, отражающими суть происходящего;

4) создание комического эффекта, юмористическая функция:

«Среди тех, кто обращался в течение последнего года в государственные медицинские учреждения, 17% попали в ситуацию, когда для получения медицинской помощи необходимо было передать персоналу подарок <...>. При этом сумма, которую в среднем тратят россияне на “благодарность” медикам, составляет 4,2 тыс. рублей. В 2013 году подарки были почти в два раза дешевле — 2643 рубля» (Известия. 2014. 12 декабря) – эвфемизм *«подарок»* в данном контексте использован не столько с целью смягчения негативного значения прямой номинации *«взятка»*, сколько с целью реализации юмора в тексте.

Семантический аспект эвфемизма подробно рассмотрен в работах таких филологов, как Л. П. Крысин, Е. П. Сеничкина и др., и связан, прежде всего, с выделением лексико-семантических групп эвфемизмов, классификацией эвфемистических слов и выражений по семантическому, смысловому признаку (например, как в лексико-семантической классификации эвфемизмов Е. П. Сеничкиной, которая базируется на классификациях А. М. Кацева и В. П. Москвина и представляет более десяти наименований лексико-семантических групп эвфемизмов).

При этом интересно то, что эвфемизмы, относящиеся к разным семантическим группам и используемые в разных тематических газетных рубриках, преимущественно (если не брать во внимание частные случаи, а учитывать лишь обобщённые результаты проведённого контекстуального анализа 5904 текстов из газеты «Известия» за 2014–2016 гг. и результаты анкетирования нескольких десятков респондентов) проявляют себя через определённую доминирующую функцию. В ходе анализа внимание было сфокусировано на обозначенных ранее четырёх функциях: 1) замена грубых, неприличных, неприятных слов, 2) манипуляция через размывание, сокрытие смысла, 3) выражение политкорректности, 4) создание комического эффекта, юмористическая функция. Если кратко, то результаты получились следующие.

В газетных текстах тематической рубрики «Политика» 36% встречающихся эвфемизмов направлено на манипуляцию через размывание, сокрытие смысла; 27% эвфемизмов выполняют функцию замены грубых, неприличных, неприятных слов и столько же – 27% – выражают политкорректность; 10% эвфемизмов выполняют юмористическую функцию, создают комический эффект. Эти данные отражены в первой круговой диаграмме.

Рисунок 1. Диаграмма процентного соотношения выполняемых эвфемизмами функций в текстах тематической рубрики «Политика»

В газетных текстах тематической рубрики «Экономика» юмористическую функцию, функцию создания комического эффекта выполняет так же 10% эвфемизмов; функцию выражения политкорректности – 19% эвфемизмов; функцию замены грубых, неприятных, неприличных слов – 28% эвфемизмов, а вот на манипуляцию через размывание, сокрытие смысла направлено 43% используемых в текстах эвфемизмов. Визуально процентное соотношение выполняемых эвфемизмами функций в текстах тематической рубрики «Экономика» представлено во второй круговой диаграмме.

Рисунок 2. Диаграмма процентного соотношения выполняемых эвфемизмами функций в текстах тематической рубрики «Экономика»

В газетных текстах тематической рубрики «Спорт» результаты несколько иные. Здесь эвфемизмы преимущественно выполняют функцию замены грубых, неприятных, неприличных слов (32%); 26% эвфемизмов выполняют функцию выражения политкорректности и 25% – функцию манипуляции через размывание, сокрытие смысла; 17% эвфемизмов используется для создания комического эффекта и выполняют юмористическую функцию в тексте. Наглядно обозначенные результаты представлены в последней круговой диаграмме.

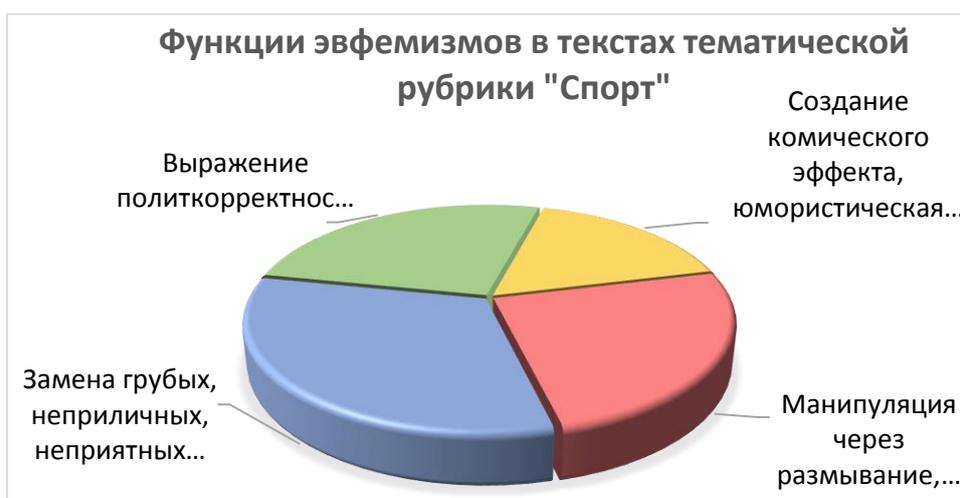

Рисунок 3. Диаграмма процентного соотношения выполняемых эвфемизмами функций в текстах тематической рубрики «Спорт»

Это подтверждает явную связь семантического и функционального аспектов понятия «эвфемизм», а также указывает на то, что характер репрезентации негативной или по каким-либо причинам нежелательной информации во многом определяет доминирующая функция эвфемизма, доносящего эту информацию

Проводя сопоставительный анализ эвфемистических слов и выражений из разных языков обнаруживается ещё одна функция – **отражение лингвокультурных особенностей** (и это уже отражает лингвокультурный аспект понятия «эвфемизм», рассмотрением которого также занимались Л. В. Порохницкая и Н. В. Тишина).

Конечно, такая функция факультативна и необязательна, поскольку проявляет она себя не всегда.

Например, в качестве одного из эвфемизмов к слову «умер» в русском, португальском, французском и турецком языках будет одно и то же слово:

- в русском языке – «скончался»;
- в португальском языке – «*faleceu*» (скончался);
- во французском языке – «*il est décédé*» (скончался);
- в турецком языке – «*vefat etmek*» (скончался).

Следовательно, в данном случае эвфемизм не специфически национальный, а интернациональный, а значит в нём не закодировано никакой лингвокультурной информации.

Однако возьмём другое слово – например, «взятка».

▪ в русском языке нередко в качестве эвфемизма к этому слову выступает «подарок» или «благодарность», «спасибо».

▪ во французском языке «*cadeau*» (подарок) и «*pot de vin*» (бокал вина), что, возможно, как-то связано со значимостью культуры виноделия в основных франкоговорящих странах;

▪ в португальском языке «*oferta*» (подарок), однако, это слово крайне редко используется носителями португальского языка из Анголы и Мозамбика, частотным и самым распространённым эвфемизмом для слова «взятка» у них является слово «*gasosa*» (газировка) – примечательно, что эвфемизмом стало название именно холодного напитка, а не горячего (не чай, например) – в этом, вероятно, есть логическая связь с жарким климатом этих стран;

▪ в турецком языке «*çorba parası*» («деньги на суп») и «*yeşillendirmek*» (в значении «зеленей!»): первое выражение связано с тем, что суп в Турции – это, как правило, очень дешёвая еда, она стоит мало денег, и порция маленькая – таким образом говорящий вуалирует реальную сумму взятки, которая, разумеется, будет в разы превышать

стоимость маленькой тарелки супа; второе выражение, согласно объяснению одного носителя турецкого языка, связано с аналогией весны в природе, т.е. когда природа зеленеет, она даёт какие-то блага человеку, поэтому глагол *«зеленей!»* в значении «давай взятку» тоже побуждает передать определённые «блага» взяточнику.

Похожим образом ментальную специфику, лингвокультурные особенности отражает и факт отсутствия эвфемистических эквивалентов в некоторых языках.

Например, русский эвфемизм *«сомнительный»* (в значении *«мошеннический»*) и *«заинтересовались спецслужбы»* (в значении *«спецслужбы начали расследование / проверку»*) не имеют адекватного эвфемистического эквивалента, в частности, в турецком языке, т.е. там используются прямые номинации, говорят прямо, что, возможно, связано с более строгим отношением к нарушениям законов, запретов.

А если обобщить результаты проведённого сопоставительного анализа и анкетирования носителей четырёх языков (русского, французского, португальского и турецкого), то выводы получатся следующие.

Во-первых, становится очевидно, что эвфемизмы бывают как интернациональные, так и специфически национальные, отражающие особенности определённой лингвокультуры.

Во-вторых, результаты анализа указывают на необходимость знания иноязычного эвфемистического эквивалента для корректного перевода эвфемизмов и их использования в условиях межкультурной коммуникации, поскольку буквальный перевод может привести к коммуникативной неудаче. И это, конечно же, важно учитывать как в процессе интернационального и интеркультурного общения, так и в процессе преподавания русского языка как иностранного.

В-третьих, такого рода результаты позволяют правомерно утверждать то, что эвфемизм – это лингвокультурная единица, а значит при его изучении важно обращать внимание и на лингвокультурный аспект данного понятия.

Исследование граней понятия «эвфемизм» можно продолжить, если проанализировать, например, представителями каких социальных групп, возрастов и профессий чаще используются или не используются какие-либо конкретные эвфемизмы. При таком анализе откроется ещё один аспект понятия – социолингвистический. Что добавит красок в общую картину понимания эвфемизма.

Таким образом, можно констатировать, что эвфемизм – это многогранное, разноаспектное понятие. Именно комплексное, многоаспектное изучение эвфемизма представляется наиболее перспективным, поскольку объясняет его сложную природу, позволяет обнаружить связи внутри понятия. Более того, комплексный анализ открывает

новые возможности для более глубокого и цельного понимания эвфемизма в рамках актуальной научной парадигмы, базирующейся на принципах функционализма, когнитивизма, антропоцентризма, экспланаторности и экспансионизма.

Список литературы

Зверева М. И. (2016): Эвфемизм как средство выражения оценки / XLV Международная филологическая научная конференция, Санкт-Петербург, 14-21 марта 2016 г.: Тезисы докладов. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 418–419.

Зверева М. И. (2015): Эвфемизмы нашего времени и их коммуникативно-прагматический потенциал / Русский язык и литература в пространстве мировой культуры: Материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ (г. Гранада, Испания, 13-20 сентября 2015 года). Т. 8. СПб.: МАПРЯЛ, 104–108.

Кацев А. М. (1977): Эвфемизмы в современном английском языке: опыт социолингвистического описания: автореф. дисс. ... к. филол. н. Ленинград.

Ковшова М. Л. (2007): Семантика и прагматика эвфемизмов. Краткий тематический словарь современных русских эвфемизмов. Москва: Гнозис.

Крысин Л. П. (1994): Эвфемизмы в современной русской речи / Русистика, 1-2, 28–49.

Милоенко Е. О. (2009): Специфика функционирования эвфемизмов в индивидуальном лексиконе / Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Курск.

Миронина А. Ю. (2012): Политические эвфемизмы как средство реализации стратегии уклонения от истины в современном политическом дискурсе / Автореф. дисс. ... канд. наук. Нижний Новгород.

Москвин В. П. (2010): Эвфемизмы в лексической системе современного русского языка. Москва: ЛЕНАНД.

Порохницкая Л. В. (2014): Концептуальные основания эвфемии в языке (на материале английского, немецкого, французского, испанского и итальянского языков): автореф. дисс. ... д. филол. н. Москва.

Сеничкина Е. П. (2006): Эвфемизмы русского языка: спецкурс: учеб. пособие. Москва: Высшая школа.

Тишина Н. В. (2006): Национально-культурные особенности эвфемии в современном английском и русском языке: автореф. дисс. ... к. филол. н. Москва.

Эвфемизм / Словарь-справочник лингвистических терминов. Под ред. Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова / АКАДЕМИК. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/lingvistic/1852/эвфемизм> (дата обращения: 18.01.2015).

Эвфемизм / Толковый словарь русского языка. Под ред. Д.Н. Ушакова / АКАДЕМИК. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/1095558> (дата обращения 18.01.2015).

References

Casas Gómez M. (1986): *La Interdicción Lingüística: Mecanismos del eufemismo y del disfemismo*. Cádiz: Publicaciones de la Universidad de Cádiz.

Fowler H. W. (1957): *Modern English Usage*. Oxford: Oxford University Press.

Lechado García J. M. (2000): *Diccionario de eufemismos y de expresiones eufemísticas del español actual*. Madrid: Editorial Verbum.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ТЕМАТИКИ ДИАЛЕКТНОГО ТЕКСТА И ПОЛА ГОВОРЯЩЕГО (НА МАТЕРИАЛЕ ТОМСКОГО ДИАЛЕКТНОГО КОРПУСА)

Земичева Светлана Сергеевна

*Национальный исследовательский Томский государственный университет, Россия
optysmith@gmail.com*

THE CORRELATION BETWEEN THE TOPIC OF A DIALECT TEXT AND THE SPEAKER'S GENDER (BASED ON THE MATERIALS OF TOMSK DIALECT CORPUS)

Svetlana Zemicheva

National Research Tomsk State University, Russia

АННОТАЦИЯ

На материале записей устной речи сельских жителей, сделанных в диалектологических экспедициях в сибирском регионе в течение 70 лет, проверяется гипотеза о взаимосвязи пола говорящего и выбора тематики текста. Выявлены типично женские, типично мужские и гендерно нейтральные темы. Для исследования использован материал тематически размеченного электронного корпуса.

ABSTRACT

The hypothesis on the correlation between the gender of the speaker and the topic of the text is tested. Typically female, typically male and gender neutral topics are identified. Thematically marked electronic corpus based on the records of oral speech of rural residents made in dialectological expeditions in the Siberian region for 70 years was used for the study.

Ключевые слова: русские говоры Сибири; Томский диалектный корпус; тематическая организация диалектного текста.

Keywords: Siberian dialects of Russian; Tomsk dialect corpus; thematic organization of the dialect text.

*Публикация подготовлена при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02043).

Корпусная лингвистика – активно развивающаяся отрасль науки. При этом всё чаще ставится задача отражения в корпусе региональной специфики языка. С этой целью создаются региональные корпуса (Clua 2006) и корпуса диалектной речи.

Томский диалектный корпус (<http://losl.tsu.ru/?q=corpus/demo>) – электронный ресурс, созданный на материале записей устной речи сельских жителей. Обследовался обширный регион Среднего Приобья – местности, расположенной по течению реки Оби (по современному административному делению это территория Томской и Кемеровской областей в Западносибирском регионе России). Информантами выступали носители русского языка старшего поколения, чья речь имеет диалектные особенности. Время записи – 1946-2016 гг. Цель создания корпуса – исследование народно-речевой культуры и крестьянской ментальности, отражённой в текстах сибиряков. Важной особенностью ресурса является его *полнотекстовый* формат. Виды разметки, реализованные на момент написания статьи, включают *паспортную* (пол, год и место рождения, уровень образования информанта), *тематическую* и *разметку по типу текста* (диалог информантов, полилог информантов, лингвистический опрос, ситуативные вкрапления, фольклор).

Тематическая разметка присутствует почти во всех созданных или проектируемых диалектных корпусах русского языка, однако перечни тем не совпадают на разных ресурсах. Так, в диалектном подкорпусе национального корпуса русского языка выделено 58 тем, среди которых «Быт», «Война», «Досуг», «Природа», «Семья» и др. (URL:<http://www.ruscorpora.ru/search-dialect.html>).

В Томском диалектном корпусе тематическая разметка осуществлялась на основе следующих принципов:

- 1) тема маркируется на уровне отдельного текстового фрагмента, а не текста в целом.
- 2) список тем включает 72 наименования и «атематический фрагмент», которым помечаются фрагменты, не отвечающие критерию связности (чаще всего они встречаются в ранних записях);
- 3) список тем иерархичен, насчитывает 3 уровня обобщения: макротема – тема – микротема;
- 4) используется «мягкая» разметка с возможностью присвоения одному и тому же фрагменту нескольких тематических меток

В начале каждого текста списком даётся перечень тем, привязанных к конкретным фрагментам, при выборе темы из списка соответствующие фрагменты подсвечиваются (см. рис.1).

Темы:

Условия жизни | Образование | Одежда и обувь | Деньги и документы | Вера и суеверия | Работа
 Ловля рыбы | Выращивание растений | Язык и речь | Транспорт | Покупки и продажа
 Другие соцгруппы | Страны, города сёла | **Шишкой** | Прочие работы | Домашние вещи | Еда
 Сбор дикоросов | Праздники | Выращивание животных | Заготовка кормов | Обычаи и обряды
 Местность | Атмосферные явления | Природа | Мораль | Прошлое и настоящее | Досуг
 Дом и усадьба | Стихийные бедствия

Жанры:

Жили бедно, учились в чарочках с опушками. Я училась при царе. Был у меня похвальный лист.
 Приходская школа
 С. 29
 была, три класса. Водили нас в церкву, я пела на крылосе.
 Раньше в крестьянстве работали много. На подёнщину ходили. За двадцать копеек в день. А пуд муки аржаной стоил тридцать копеек, как сходишь два дня, так больше пуда.
 Рыбачили неводами, свои делали. Сеяли конопле', дёртали, мочили, сушили, вязали на и'глицах – дощечка така', наматывашь нитку и вяжешь. Вязали резовки – сети.
 С. 30
 Лодка была – завозка, они длиннее. Были раньше, шас нет. Рыбачить-то раньше откупали озёры. И вот на эти озёры, когда лёд станет, едешь неводить. Приезжали купцы скупать или сами в Томск ходили. Зимой лёд долбишь пешнями. Конец железный, вострый. Рыбу из матки саком выкидывали. Есь ишо самолов, удочки, только большие. Без наживки, рыба
 С. 31
 хвостом и зацепит её. Раньше больше рыбы было: муксун, стерлядь. Ну раньше запрета не было. Сети плавальные, резовки, частушки, они и шас есь.
 На шишку ездили артелями, двадцать копеек фунт. Били ботом – жердь с лесной прибитой. На когтях ходили по кедром. Орешки продавали купцам, сначала кали'ли.
 Были азямы, зипуны. Азям – из шерсти кругом, ткали
 С. 32
 сами. Надее'тся сверху пальта и мороз уже никакой не продерёт. Чарки' с голяшками и шерстяные чулки и валенок не надо. Сами и мыло варили. Базарного не было. Напечёшь пепла и заваривашь, настаивается как смола чёрная и мешаешь с требухой, салом. По сто комов наваривали. Глиняные чашки были, деревянные ложки, туски. Глиняные корчаги для кваса.
 С. 33
 Корчажный квас хороший. Из своего аржаного хлеба. Ва выстоишь хлеб размочен, положишь сена и сливашь. Сперва сусло сбежит. Кулагу делали или с калиной или со смородиной, после обеда пьешь. Шас не сделаешь, мука-то не такая. Хлеб от испечёшь таперь такой! Сами сеяли, был конь с сохой. Молотили деревянными молотильнями. Большинство молотили на озере.

Рисунок 1. Скриншот текста, размеченного по темам.

Всего в Томском диалектном корпусе выделено 73 темы, представляющих «зоны актуального внимания сельского жителя» (по В.Е. Гольдину). Из них 16 имеют статус макротем (ЛИЧНОСТЬ И СОЦИУМ; РАБОТА; БЫТ; ЧЕЛОВЕК ФИЗИЧЕСКИЙ; ЧЕЛОВЕК ДУХОВНЫЙ; ПРИРОДА; ИСТОРИЯ И ПОЛИТИКА; СТРАНЫ, ГОРОДА, СЁЛА; ОБРАЗОВАНИЕ; КРИМИНАЛ; ПРОИСШЕСТВИЯ; ТЕХНИКА; ТРАНСПОРТ; ДЕНЬГИ И ДОКУМЕНТЫ; ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ; АТЕМАТИЧЕСКИЙ ФРАГМЕНТ).

Далее макротемы при необходимости членятся на собственно темы. Это центральный уровень разметки, выделено 54 темы. Наиболее обширна макротема «Работа», включающая 13 тем: «Обработка почвы», «Выращивание растений», «Заготовка кормов», «Выращивание животных», «Лесозаготовка», «Охота», «Ловля рыбы», «Шишкойой», «Сбор дикоросов», «Обработка льна», «Женские работы по дому», «Мужские работы по дому», «Прочие работы», «Профессия». Набор тем отражает основные занятия сельского населения. При необходимости выделяется 3й уровень тематической иерархии – микротемы («Рукоделие» как часть «Женской работы», «Пчеловодство» в теме «Животноводство»). Детализированы также макротемы «Личность и социум», «Быт», «Человек духовный», «Природа», «История и политика». Например, в составе макротемы «Человек духовный» выделяются темы «Досуг», «Праздники», «Вера и суеверия», «Обычаи и обряды», «Язык и речь», «Мораль», «Характер человека». «Атематический фрагмент» маркирует отрезки текста, тему которых определить невозможно (отдельные слова или не связанные между собой фразы, наиболее характерные для ранних записей).

Существуют и теоретические разработки в сфере исследования тематики диалектной коммуникации. В частности, было показано, как происходит тематическое развёртывание диалектного текста в динамике (Косицина 2013). Изучалась также тематическая специфика диалектной речи на фоне литературной (Буранова 2015). Взаимосвязь темы текста и пола говорящего на материале русской диалектной речи, насколько нам известно, не изучалась, чем обусловлена *новизна* настоящей работы.

Гипотеза исследования состоит в том, что существуют темы типично женские и типично мужские. Для её проверки был проведён поиск по каждой теме корпуса с одновременным наложением фильтра «пол». Результаты представлены в таблицах 1, 2 и 3.

Отметим, что Томский диалектный корпус не сбалансирован по гендерному принципу. Из 1000 текстов, включённых в него к моменту написания статьи, более 2/3 являются женскими, 1/3 – мужскими. В связи с этим сравнивалось не абсолютное, а относительное количество определённых тематических фрагментов среди женских и мужских текстов.

Важно отметить, что для большей части тем относительные цифры примерно совпадают (см. табл.1). В таблице приведены: общее число фрагментов данной темы в мужских текстах; процент этих фрагментов среди всех мужских текстов; общее число фрагментов данной темы в женских текстах; процент этих фрагментов среди всех женских текстов. Последняя колонка представляет собой частное от деления столбцов 3 и 5. Она показывает, насколько процент данных текстов выше у мужчин, чем у женщин. Чем эта цифра больше, тем более значительны отличия между мужчинами и женщинами в количестве фрагментов по данной теме.

Коэффициент меньше 1 указывает на преобладание темы в женских текстах, больше 1 – в мужских. В группу гендерно нейтральных попали темы, где этот коэффициент близок к 1 (от 0.8 до 1.2).

В таблице макротемы выделены заглавными буквами, темы – строчными. Проценты приводятся с точностью до сотых долей, итоговый коэффициент – с точностью до десятых.

Таблица 1. Гендерно нейтральные темы диалектной коммуникации

Тема	М всего	М %	Ж всего	Ж %	М% / Ж%
О себе	153	52,76%	464	66,00%	0,8
Жители села	98	33,79%	245	34,85%	1,0
Заготовка кормов	85	29,31%	241	34,28%	0,9
Выращивание животных	120	41,38%	318	45,23%	0,9
Прочие работы	153	52,76%	351	49,93%	1,1
Профессия	76	26,21%	226	32,15%	0,8
Дом и усадьба	105	36,21%	337	47,94%	0,8
Домашние вещи	96	33,10%	309	43,95%	0,8
Покупки и продажа	91	31,38%	248	35,28%	0,9
Условия жизни	14	39,31%	364	51,78%	0,8
Вера и суеверия	87	30,00%	276	39,26%	0,8
Язык и речь	173	59,66%	343	48,79%	1,2
Мораль	67	23,10%	210	29,87%	0,8
ПРИРОДА	16	5,52%	38	5,41%	1,0
Домашние животные	110	37,93%	291	41,39%	0,9
Растения	85	29,31%	225	32,01%	0,9
Погода и атмосферные явления	63	21,72%	185	26,32%	0,8
Стихийные бедствия	31	10,69%	67	9,53%	1,1
Колхозы и совхозы	101	34,83%	230	32,72%	1,1
Репрессии	46	15,86%	93	13,23%	1,2
Великая отечественная война	116	40,00%	274	38,98%	1,0
СТРАНЫ, ГОРОДА, СЁЛА	116	40,00%	232	33,00%	1,2
ОБРАЗОВАНИЕ	117	40,34%	325	46,23%	0,9
КРИМИНАЛ	29	10,00%	78	11,10%	0,9
ТЕХНИКА	51	17,59%	105	14,94%	1,2
ТРАНСПОРТ	104	35,86%	205	29,16%	1,2
АТЕМАТИЧЕСКИЙ ФРАГМЕНТ	94	32,41%	278	39,54%	0,8

В эту группу вошли многие частотные темы диалектного дискурса («О себе», «Жители села», «Дом и усадьба», «Колхозы и совхозы», «Образование», «Криминал»). Сюда попали

также некоторые виды работ («Выращивание животных», «Сенокос», «Профессия»), макротема «ПРИРОДА» и отдельные темы в её составе («Домашние животные», «Растения», «Погода», «Стихийные бедствия»). Хотелось бы обратить внимание, что в число нейтральных тем по результатам подсчётов вошла «Великая отечественная война». Объяснить это можно масштабностью данного события, оно коснулось как мужчин, так и женщин, в значительной степени повлияв на их жизнь. В эту же группу вошли темы «Техника» и «Транспорт», хотя можно было ожидать, что они окажутся специфически мужскими.

В группу типично мужских тем были включены те, для которых коэффициент отношения частотности в мужских и женских текстах составляет 1,5 и более (см. табл.2). «Самыми мужскими» темами оказались «Пчеловодство» (почти в 4 раза чаще у мужчин, чем у женщин), «Охота», «Исторические личности» (почти в 3 раза чаще). В таблице они выделены полужирным шрифтом.

Таблица 2. Мужские темы диалектной коммуникации

Тема	М всего	М%	Ж всего	Ж%	М% /Ж%
Обработка почвы	69	23,79%	112	15,93%	1,5
Пчеловодство	35	12,07%	22	3,13%	3,9
Лесозаготовка	91	31,38%	163	23,19%	1,4
Охота	132	45,52%	116	16,50%	2,8
Ловля рыбы	173	59,66%	207	29,45%	2
Шишкойой	58	20,00%	60	8,53%	2,3
Мужские работы по дому	15	5,17%	23	3,27%	1,6
Вода в природе	108	37,24%	158	22,48%	1,7
Местность	67	23,10%	100	14,22%	1,6
Животные	15	5,17%	11	1,56	3,3
Дикие животные	114	39,31%	107	15,22%	2,6
Экология	19	6,55%	24	3,41%	1,9
История и политика	51	17,59%	69	9,82%	1,8
Исторические личности	44	15,17%	37	5,26%	2,9
Революция, гражданская война	37	12,76%	54	7,68%	1,7

Проведенные подсчёты позволяют довольно чётко выявить доминанты мужского диалектного дискурса. Во-первых, это специфически мужские типы работ: обработка почвы, пчеловодство, лесозаготовка, рыбная ловля, охота, сбор кедрового ореха. Как правило, это работы, связанные со значительными физическими усилиями, а также с пространством за

пределами дома (лес, река). Таким образом, диалектные тексты создают стереотипное представление о мужчине как существе, направленном во внешний мир. С этим связана и частотность тем «Дикие животные», «Вода в природе», которые в текстах часто соседствуют с рассказами об охоте, рыбалке. Показательно, что именно в мужских текстах чаще появляются рассуждения на экологические темы: *Кедра'. Но кедру' эту не резали раньше ши'бко. Она сперва' её считали как она плодовое дерево. Его берегли. А потом это стали срезать. Вот щас много его уничтожили. А оно ведь действительно плодовое.* (муж., 74 года. Шегарский район, Мельниково, 1985).

Направленность «вовне» проявляется и в том, что мужчины чаще говорят о политической жизни. Последнее проявляется в большей, по сравнению с женщинами, частотности тем «Революция и гражданская война», «Исторические личности» в составе макротемы «История и политика» и этой макротемы в целом. Среди исторических личностей при этом чаще всего упоминается руководитель Белого движения во время гражданской войны 1917 г. адмирал Александр Васильевич Колчак, проводивший активные военные действия на территории Сибири: *Сначала пришла сове'тска власть, потом колчаковцы. Они уежжа'ли в Тюмень по Оби. Колчак мобилизовал всё окрестное население.* (муж., 50 лет, Парабельский район, Нарым, 1972) Неоднократно встречаются также рассказы о Сталине, который в 1912 в течение месяца отбывал ссылку в селе Нарым Томской области. Этот исторический факт породил легенды среди местных жителей: *А, правда, приходил какой-то пришелец. Говорил нашему Люберцеву, что он ему дядя родной. Так тот что-то не хотел его признавать. Щас-то он помер. Жена Серафима его жива. Правда, ска'зывают, что тот Сталин приходил. Позже по портретам узнали. Давно эт было. Нет, сельсовета, конечно, не было. Чё-то то ли пятый год был, то ли восьмой. В о'бчем, кода' студентов-то в Сибирь гнали. Вот тода'. <...> А хто его знат. Может, и правда то Сталин приходил. Хто щас скажет. Я-то вишь дома тогда не был.* (муж., Кривошеинский район, Першино, 1958 г.)

Иные тематические доминанты выделены в речи женщин (см. таблицу 3). Для удобства в ней сначала приводятся данные о женщинах, затем о мужчинах; последняя колонка показывает, во сколько раз та или иная тема встречается в женских текстах чаще, чем в мужских.

Таблица 3. Женские темы диалектной коммуникации

Тема	Ж всего	Ж %	М всего	М %	Ж% / М %
Семья и родственники	575	81,79%	173	59,66%	1,4
Межличностные отношения	193	27,45%	42	14,48%	1,9

Характер человека	98	13,94%	23	7,93%	1,8
Выращивание растений	406	57,75%	108	37,24%	1,6
Женские работы по дому	204	29,02%	18	6,21%	4,7
Рукоделие	221	31,44%	35	12,07%	2,6
БЫТ	111	15,79%	28	9,66%	1,6
Одежда и обувь	375	53,34%	95	32,76%	1,6
Еда	447	63,58%	111	38,28%	1,7
Человек физический	275	39,12%	74	25,52%	1,5
Болезнь	376	53,49%	107	36,90%	1,4
Досуг	305	43,39%	75	25,86%	1,7
Праздники	304	43,24%	56	19,31%	2,2
Обычай и обряды	220	31,29%	26	8,97%	3,5

Наиболее значимы отличия в темах, связанных с работой. Так, тема «женская работа по дому» (сюда были включены текстовые фрагменты о стирке, уборке, приготовлении пищи) встречается у женщин почти в 5 раз чаще, чем у мужчин. В 2,6 раза чаще встречается микротема «Рукоделие» (сюда были включены рассказы о вязании и шитье, прядении и ткачестве). Отметим, однако, что упоминание этих видов работ в мужских текстах не исключается полностью. К типично женским видам работ можно отнести также выращивание растений, хотя количественные показатели гендерных различий здесь меньше.

Значимые отличия отмечены в темах «Обычай и обряды» а также «Праздники» – они встречается у женщин чаще в 3,5 и 2,2 раза соответственно. Таким образом, в исследуемом сибирском регионе именно женщины выступают хранительницами традиционной культуры. Приведём фрагмент такого текста: *«О, сёдня там у Аньки, будет просватанье», все бежим, как придётся, де, как-то будут говорить, да как будут сватать. [А как проводили всё это?] Ну, прихо'дют родители, этих, жениха, покло'няются там, боженьке, начинают: «Вот так-то так-то, Марья Ивановна, Иван Михалыч, там кто, вот по таким-то делам, у вас дочка у нас сыночек, вот нам надо как-то подружиться, породниться», и начинают, начинают.* (жен., 81 год, Томский район, Батурино).

Наличие среди «женских» тем таких как «Семья и родственники», «Межличностные отношения», «Характер человека» подтверждает стереотипное представление об ориентации женщины на «ближний круг» а также заинтересованности в психологических аспектах жизни человека. Характерный пример текста, посвящённого межличностным отношениям: *Ну вот эти мячики мы очень любили играть, бегать. С нами мужики взрослые, парни, женатые всё,*

с нами. Ну жили всё мы очень дружно. Если горе случилось, то всей деревней помогали. Если похороны были, свадьба, уже всей деревней. А теперь же ведь случись у тебя, горе-то тебе, если у тебя нет ложки муки, а другого есть, значит никто не прита'шишит вам этого. А у нас было такое, дружные мы были. И нас всё звали это карагазы, оне' так вроде бы староверые, оне', значит, такие дружные (жен., 41 год, Шегарский район, Мельниково, 1984).

Вполне ожидаемо, что женщин также больше волнует быт (темы «Еда», «Одежда и обувь» и макротема «Быт» в целом встречаются в их текстах чаще).

Чаще в женских текстах затрагиваются темы «Болезнь» и «Человек физический». Содержание последней нередко составляют сетования на возраст (*Руки-то как грабли, и в иголку-то не вдернёшь. Глаза не видят*) а также рассказы о рождении детей (*Вечером али днём ли картошку окучивала тут я, а ночью у меня живот заболел. И лежим с мужем и: «Ой, чё-то у меня живот болит». Он: «А ты, – грит, – водички солёной попей, и перестанет болеть». Ну правда, я это... встала, сходила на улицу. Нет, живот болит, свекровке сказала. Она гыт: «Ой, баньку истопим и, и родишь». А такая избёнка ма'ленька была, ну маленько побольше вот как все. А такая орава десять человек. Думаю, ну как я тут рожать буду, все мальчишки». Ну от тут медичку позвали, она посмотрела и говорит – а трамвай ходил по речке, по Парабели, речной трамвай – она говорит: «Сёдня трамвай пойдёт, и поедем в Парабель, и там рожать будешь. И я, – гыт, – с тобой поеду, если чё, дак дорогой приму». Ну я доехала, правда, благополучно, на квартиру пришли мы. Ночью чё-то начало меня схватывать, муж меня повёл в больницу. Ну и родила я Любушку себе. [То есть в больнице рожали, не дома?] В больнице, в больнице, ага. А вторую я рожала дома. Это в декабре было, тоже как раз в субботу, всё прибрала, помыла, баньку истопила, помылись, и схватки начались. Ну медика так же вызвали, и с медиком родила. Ещё одну девочку родила. – жен., 86 лет, Парабельский район, Парабель, 2012).*

Выводы

Томский диалектный корпус представляет собой новый и достаточно репрезентативный ресурс для изучения народной речи, в том числе в ряде новых аспектов (дискурсивном, гендерном). Проведённое исследование подтверждает исходную гипотезу о существовании в диалектной коммуникации типично мужских и женских тем, выявленных на фоне нейтральных. К мужским темам отнесены «Шишкойой», «Охота», «Дикие животные», «Пчеловодство», «Исторические личности», которые встречаются в текстах мужчин в 2-4 раза чаще, чем в текстах женщин, и ряд других, отличия между которыми менее значимы.

Женскими темами, по результатам подсчётов, являются темы «Обычаи и обряды», «Праздники», «Женские работы по дому», «Рукоделие», которые встречаются в 2-5 раз чаще в женских текстах, и ряд других. Таким образом, материалы записей диалектной речи свидетельствуют о сохранении в традиционном сознании типичных гендерных ролей «мужчины-добытчика», ориентированного на внешний, «большой» мир, социум и «женщины-хранительницы домашнего очага», чьё внимание сосредоточено на быте, семейной жизни, традициях и внутреннем мире человека. Дальнейшее исследование заявленной проблематики требует уточнения ряда вопросов, в частности – степени влияния собирателя на выбор темы диалектной коммуникации; ослабления/усиления диспропорции мужских и женских текстов с течением времени; реализации мужчинами и женщинами разных коммуникативных стратегий при раскрытии одной темы и др.

Список литературы

Буранова А.И. (2015): Количественные признаки языковых идиомов: диалектная речь на фоне литературно-разговорной: на материале русского языка: автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Буранова Анна Игоревна. Саратов. 23 с.

Диалектный корпус национального корпуса русского языка
URL: [tp://www.ruscorpora.ru/search-dialect.html](http://www.ruscorpora.ru/search-dialect.html) (дата обращения: 12.03.2018).

Косицина Ю.В. (2013): Статико-динамическая модель тематической организации диалектного монологического текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Косицина Юлия Владимировна. Кемерово. 26 с.

Томский диалектный корпус: Демо-версия [Электронный ресурс] URL: <http://losl.tsu.ru/?q=corpus/demo> (дата обращения: 12.03.2018).

References

Clua E. (2006): New tendencies in geographical dialectology: The Catalan Corpus Oral Dialectal (COD). New perspectives on Romance linguistics. Vol. 2 (Phonetics, phonology, and dialectology), 31–47.

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ В ТЕРМИНООБРАЗОВАНИИ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ)

Маринова Елена Вячеславовна

*Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Россия
marinova@list.ru*

ANALYTICAL TENDENCY IN TERM FORMATION (A CASE STUDY OF RUSSIAN LINGUISTIC TERMINOLOGY)

Marinova Elena

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Russian

АННОТАЦИЯ

Рассматривается проявление тенденции к аналитизму в процессе создания терминологического обозначения объекта (понятия) лингвистики в научном дискурсе. Заметное увеличение специальных номинаций аналитического типа (*бизнес-сленг, Т-категория*), ранее широко представленных лишь в терминологии технических и естественных наук, позволяет уточнить важные вопросы терминологии (границы термина в языке и речи; отражение вариантности в терминографии).

ABSTRACT

The article deals with the tendency towards creating terms of analytical type (*biznes-slang, T-kategoriya*) in Russian linguistic terminology. The author analyses the types of new units distinguished according to different features: nature of the first component, origin. The study reveals active character of some models and term-elements. Special attention is paid to the causes and consequences of new phenomena in the language of linguistics. The study outlines some problems of epistemological character, caused by the tendency towards creating analytical naming units (the problem of borders of a term in language and speech, the question of category of occasionality in terminology).

Ключевые слова: аналитические наименования, русская лингвистическая терминология, терминообразование, типы аналитических наименований.

Key words: analytical naming units, Russian linguistic terminology, term formation, types of analytical naming.

В русской лингвистической терминологии тенденция к аналитизму проявлялась не так широко, как, например, в терминологии других наук. Так, номинации типа *грамм-моль, термодинамика* были редки. Об этом можно судить по текстам научной литературы по лингвистике. Ранее в них фиксировались единичные случаи терминов, образованных подобно

приведённым выше (Маринова 2008: 230). За последнее десятилетие их число увеличилось, а некоторые номинации приобрели статус единственного наименования научного объекта (*бизнес-сленг, фокус-покус приём* и др.).

В статье рассматриваются эти и подобные терминологические образования аналитического типа на материале отечественной терминосистемы лингвистики. Источниками исследования послужили русскоязычные тексты по лингвистике – научные статьи, монографии, доклады (всего более 2 тысяч текстов), из которых извлекались аналитические наименования. Учитывались также окказиональные, авторские термины типа *ТВ-неологизмы, про-глаголы, «мейкер»-слова* и под. В поиске материала использовались словари лингвистических терминов, работа с которыми подтвердила наше наблюдение о том, что в терминологии лингвистики аналитические наименования рассматриваемого типа фиксируются начиная с нулевых годов XXI века (Баранов и др. 2001; Ахманова 2004; Маринова 2013; Немченко 1985а; Немченко 1985б; Немченко 1993; Немченко 1995; Немченко 2011; Панькин, Филиппов 2011; Розенталь, Теленкова 1985).

История вопроса.

В XIX веке, сначала в химической номенклатуре, чуть позже в технической, появляются новые для русского языка типы номинаций – «эмбрионы будущих классов», без которых сейчас ни одна наука или отрасль техники не обходится: *грамм-моль, моногидрат, термодинамика, фотогравюра* и др. (Капанадзе 2005: 53). По словам учёной, эти семантически делимые обозначения способны создавать целые матрицы аналитических наименований (там же: 46). Например, в терминологии ядерной физики существуют *альфа-распад, альфа-облучение* и т.п.; *бета-ветвь, бета-фон* и т.п.; *гамма-поле, гамма-лучи* и т.п. То же в терминологии метеорологии: *изолинии, изоаврора, изотерма* (и ещё примерно с десятков подобных с начальным *изо-*). Аналогичная картина наблюдается в терминологии других естественных и технических наук.

«Стремление к аналитизму, к конструированию таких наименований, в которых общее значение составляется из фиксированных значений его компонентов, является главной характерной чертой всех современных терминологических систем» (там же: 44). Эти строки Л.А. Капанадзе написала ещё в 1965 году, однако в терминологии лингвистики эта черта до последнего времени проявлялась, как уже было сказано, не так заметно, как в терминологии технических и естественных наук.

В конце XX века в повседневной русской речи появились единицы аналитического типа, представляющие собой заимствования, кальки (*бизнес-школа, бизнес-технологии*), а также

образования, полученные результате деривации на русской почве (*шоп-тур*). Как известно, среди учёных нет единого мнения относительно статуса таких образований. Суть спора заключается в следующем: считать ли эти образования особыми сложными словами (с первым неизменяемым компонентом-существительным) или особыми сочетаниями слов (с аналитическим прилагательным в препозиции). В задачи нашей статьи не входит анализ этой теоретической проблемы (подробно мы останавливаемся на ней в (Маринова 20018)). Здесь важно отметить одну стилистическую особенность аналитических номинаций этого типа. Живой разговорной речи они не свойственны; они могут, безусловно, воспроизводиться в ней, однако **новые** единицы в разговорной коммуникации не создаются (Marinova 2017). Неслучайно в ситуации неофициального, неформального общения (устного или письменного – например интернет-общения) нередко возникает конкуренция аналитической конструкции и обычной, «синтетической» (*промоушеневская компания* вместо *промоушн-компания* – в переписке на форуме, *промоушеневский центр* вместо *промоушн-центр* и т.п.).

Напротив, аналитические наименования рассматриваемого типа очень распространены в сферах профессиональной коммуникации, в книжной речи. Терминообразование в лингвистической науке не стало исключением.

Типы терминологических единиц аналитического характера.

Традиционно к аналитическим наименованиям в терминоведении относят термины, аналогичные свободным словосочетаниям и сложным словам в обиходном языке, то есть единицы, обозначающие расчленённые понятия. Это прежде всего составные термины, не обладающие фразеологичностью (например, термины лингвистики *префиксальный способ словообразования*, *постфиксальный способ словообразования* и т.д.), а также некоторые простые термины, образованные сложением, в том числе аббревиацией (*словообразование*; *полукалька*; *НС* < непосредственно составляющие). Типы новых для терминологии лингвистики аналитических наименований различаются характером **препозитивного компонента**. Он может выглядеть как:

- существительное (*бизнес-сленг*),
- усечённый вариант относительного прилагательного: *лингвопоэтика* (*лингво-* < *лингвистический*),
- кодовый определитель, в роли которого выступает сокращение (*T-категория*, где *T* = *таксономический*), аббревиатура (*НС-грамматика*, где *НС* = *непосредственно составляющие*) или номен («**ты**»-общение).

Рассмотрим особенности каждого типа.

Аналитические наименования, в которых препозитивный компонент совпадает с именем существительным, представляют собой наиболее новый тип лингвистических терминов (в нашем материале – самый многочисленный: 42,4%). К ним относятся: *бизнес-коммуникация, интернет-коммуникация, чат-коммуникация, колледж-сленг, интернет-общение, интернет-стилистика, интернет-сленг, кинослова, медиалингвистика, массмедиалингвистика, онлайн-словарь* и др.

Следует отметить тот факт, что первые компоненты некоторых терминов, такие как *бизнес-, интернет-, медиа-, кино-*, весьма частотны в составе общеупотребительных слов или слов других отраслей (ср. *бизнес-встреча, бизнес-план, интернет-кафе, интернет-магазин, медиахолдинг, кинорынок* и т.п. – с разными вариантами написания). Это, с одной стороны, говорит об устойчивости модели образования производных с этими словами в русском языке, с другой – о расширении состава терминоэлементов за счёт «общедоступных» языковых средств.

Выделяются также аналитические наименования, в составе которых в качестве первого компонента выступает термин лингвистики. Например: *дискурс-анализ, дискурс-формирование, пиджин-ситуация* ‘устойчивая социальная потребность в общем средстве вербального общения у людей, не знающих языка друг друга’ [Панькин, Филиппов 2011], *жаргон-энциклопедия* и др.

Несколько меньшей по численности (около 30% единиц от всего собранного материала) является группа аналитических наименований с препозитивным компонентом, представляющим собой усечённый вариант относительного прилагательного (*лингвопоэтика*). Атрибутивный элемент типа *лингво-* в лингвистике трактуется неоднозначно. Его считают аналитическим прилагательным или префиксоидом; используются также понятия *деадъективная морфема* (В. Бениньи), *деадъективный модификатор* (Е.А. Земская), *сокращённый деадъективный радикал* (Z. Opravská), *сокращённое прилагательное, морфологически не выраженное* (О. Martinová) и др. (Marinova 2017). Как и в случае с первым компонентом терминов типа *бизнес-сленг*, также не имеющим однозначной научной интерпретации, дискуссионный вопрос о статусе единиц типа *лингво-* мы оставляем без внимания, оставив за собой право считать их усечёнными вариантами имён прилагательных.

В научной речи нередко наблюдается вариантность в использовании аналитического термина с усечением и составного термина с обычным («неусечённым») прилагательным. Так, в текстах разных авторов можно встретить как *лингвопоэтика*, так и *лингвистическая поэтика*. Заметим, что термин с компонентом *лингво-* не уступает составному термину в

таком важном для терминологии качестве, как наличие мотивированности. Можно предположить, что в последующие десятилетия лингвистические термины будут всё чаще образовываться с помощью подобных единиц. Наряду с мотивированностью, такие термины обладают также продуктивностью, т. к. от них образуются прилагательные. См.: *лингвострановедение* > *лингвострановедческий*; *лингвоэкология* > *лингвоэкологический*; *лингвокультурология* > *лингвокультурологический* и т.д. Ср.: от составных терминов образование таких прилагательных невозможно (ср. *лингвистическая экология* – дериват отсутствует). Кроме того, однословные термины компактнее составных, а по мнению некоторых терминоведов, «следует предпочитать и всячески ускорять внедрение кратких терминов (если при этом не страдает точность)» (Гринёв-Гриневиц 2008: 222).

В настоящее время компонент *лингво-* весьма часто используется в терминообразовании, см.: *лингвоанализ*, *лингвоаргументология*, *лингводидактика*, *лингвоконфликтология*, *лингвокриминалистика*, *лингвокультура*, *лингвополитология*, *лингвопоэтика*, *лингворусистика*, *лингвосемантика*, *лингвотекстология*, *лингвостатистика* и др. Многие такие термины являются обозначениями разных отраслей языкознания. Сходство и в структурном, и в семантическом отношении делает их своеобразной терминологической парадигмой, или матрицей, о которой писала Л.А. Капанадзе.

Менее частотны термины с другими компонентами: *аксио-* (ср. *аксиологический*): *аксиолингвистика*; *аналит-* (ср. *аналитический*): *аналит-конструкции*, *аналит-прилагательное*, *аналит-сочетание*, *аналит-наименование*; *прагма-* (ср. *прагматический*): *прагмалингвистика*; *психо-* (ср. *психологический*): *психофонетика*, *психолингвистика*; *социо-* (ср. *социальный*): *социолингвистика*; *уни-* (ср. *уникальный*): *униморфема*; *этно-* (ср. *этнический*): *этнолингвистика*, *этноязык* и др.

Как и в случае с первой группой, препозитивный компонент в аналитических наименованиях этого типа тематически может относиться к лингвистической терминологии. Так, усечения *аббро-*, *сингармо-*, *термино-*, *фоно-* (*абброморфема*; *сингармофонема*; *терминолексика*; *фоносемантика*, *фоноэстетика*, *фоностилистика*, *фонотактика*) соотносятся с прилагательными, входящими в состав терминов лингвистики – ср. *аббревиатурный*, *сингармонический*, *терминологический*, *фонетический*. В то же время в образовании лингвистических терминов нередко используются и единицы других областей знания: *кибер-* (ср. *кибернетический*), *зоо-* (ср. *зоологический*) или общезыковые элементы: *проф-* (ср. *профессиональный*) и др. См.: *кибертекст*, *зооним*, *зоометафора*, *профжаргон*.

С точки зрения происхождения такие препозитивные компоненты либо заимствуются (англ. *pragma-* > *прагма-*, англ. *ethno-* > *этно-*, англ. *socio-* > *социо-*, англ. *psycho-* > *психо-*,

англ. *phono-* > *фоно-*), либо создаются на русской почве (*аксио-*, *аббро-*, *лингво-*, *сингармо-*, *термино-* и др.).

Наконец, ещё одна группа лингвистических терминов заслуживает внимания: в их составе в качестве первого компонента выступает так называемый кодовый определитель (всего таких терминов около 28%). Как известно, термины с кодовыми определителями широко распространены в терминологиях других наук. См.: *икс-лучи*, *гамма-установка*, *СВЧ-печь* и под. В языке лингвистики в качестве кодовых определителей используются: аббревиатуры (*НС-структура*, *PR-дискурс*, *ТВ-неологизмы*); сокращения, в том числе в написании латиницей: *T-категория*, *f-структура* (от англ. functional structure); номенклатурная единица (номен): *ты-общение*, *Вы-общение*, *ты-форма общения*, *вы-форма общения*, *ты-категория*, *Я-образ*, *Я-субъект*, *я-сообщение*, *«Я»-тема*, *У-локализатор*, *Ing-форма*, *Ing-существительное*, *a-склонение*, *o-склонение*, *быть-языки*, *иметь-языки* и т.д. (подобные образования графически оформляются по-разному: первый компонент записывается либо курсивом, либо с прописной буквы; используются нередко кавычки).

Можно говорить о комплексе причин, следствием которых является рост числа аналитических наименований в терминологии лингвистики.

Во-первых, заметно влияние «западных» образцов терминообразования. Во многих случаях не только отдельные компоненты (см. выше), но и сами термины представляют собой заимствования, кальки или полукальки английских терминов. См. *дискурс-анализ* и англ. discourse analysis; *альфа-фонетика* и англ. термин α -phonetics; *«не»-пассив* и англ. unpassive; *cleft-предложение* и англ. cleft sentence; *f-структура* и англ. f-structure и др. Но «работает» и сама модель. Так, метод, предложенный лабораторией психолингвистики Института психологии РАН, был назван его авторами *интеннт-анализ* (Ушакова... 1998) – при возможном *анализ намерений* или *анализ интенций* (ср. англ. discourse analysis, content analysis).

Заимствуются также образцы создания терминов. Например, из европейской терминологии взята модель типа *e-mail* (атрибутивную функцию по отношению к существительному выполняет однобуквенный компонент). См. англ. *f-structure*, англ. *L-marking* ‘лексическое маркирование’ – ср.: чешск. *L-sémantika*; рус. *T-категория*.

Во-вторых, привлекает компактность этих терминов. Так, номинация *ты-общение* «сворачивает» целый описательный оборот «общение с использованием обращения на *ты*»; *«не»-пассив* – «пассив с необратимым отрицанием»; *у-локализатор* – «реляционное предложение с *У меня...*»; *про-глаголы* – «глаголы с префиксом *про*»; *a-склонение* – «склонение существительных мужского и женского рода на *-а*»; *«мейкер»-слова* – «слова с

посткорневым компонентом *-мейкер*»; *Пушкин-вопрос* (термин В.З. Санникова) – «вопрос типа “А уроки за тебя Пушкин делать будет?”» и т.д.

В-третьих, препозитивный компонент («аналит») нередко восполняет некую лакуну в запасе необходимых терминологических элементов, связанную с отсутствием в языке относительного прилагательного или его периферийным характером. Так, у существительного *бизнес* есть соотносительное производное прилагательное (*бизнесовый*), но оно является редко употребительным, в то время как сочетаний типа *бизнес-встреча* насчитывается более ста (теперь к ним добавились лингвистические номинации: *бизнес-сленг*, *бизнес-слова*, *бизнес-коммуникация*). У слова *интернет* есть производное прилагательное – *интернетовский*, но оно неблагозвучно, «тяжеловесно», поэтому чаще в роли прилагательного используется аналит, см.: *интернет-коммуникация*, *интернет-общение*, *интернет-дневник*, *интернет-самопрезентация*, *интернет-стилистика*, *интернет-поиск*, *интернет-источник*, *интернет-словарь*, *интернет-жанр*; *интернет-сленг*, *интернет-сленгизм*. Прилагательные *онлайновый*, *чатовый*, *пиаровский* имеют ограниченную форму употребления, тяготеют к разговорной речи, поэтому в составе терминов используются аналиты *онлайн-*, *чат-*, *PR-*: *онлайн-словарь*, *чат-коммуникация*, *PR-коммуникация*. Прилагательное может отсутствовать вовсе – у аббревиатуры, например: *НС-грамматика* и т.д.

В качестве причины можно назвать и тенденцию к множественности наименований одного и того же, проявляющуюся в русской речи последних десятилетий прежде всего в неформальном общении, когда каждый выбирает своё вербальное средство обозначения: *имейл*, *электронная почта*, *электронка*, *мыло*, *емеля*; *мобильный*, *мобильник*, *мобила*, *сотовый*, *сотик*, *труба*, *трубка* и т.д. (Маринова 2008: 464). На наш взгляд, нечто подобное происходит в научном словотворчестве, в научном речевом пространстве. Ср.: *дискурс-анализ* – *дискурсивный анализ* – *анализ дискурса*; *лингвистическая аксиология* – *аксиологическая лингвистика* – *лингвоаксиология* – *аксиолингвистика* и другие подобные пары или ряды.

Предварительные выводы.

Одно из последствий новых явлений в терминологическом образовании в российской лингвистике – заметное увеличение числа вариантов одного и того же термина. Более всего расположены к варьированию термины с препозитивным компонентом в виде усечённого прилагательного (*лингво-*), которое заменяется полным. При таком варьировании развёрнутое наименование (составной термин) может быть удобен для восприятия слушателем, адресатом речи, а более компактный аналитический термин служит для удобства говорящего (антиномия «говорящий – слушающий»).

Ещё одно последствие – «матричное» терминообразование, которое постепенно приходит и в язык лингвистики (см.: *PR-терминология, PR-новообразования, PR-дискурс*). Следует подчеркнуть, что в создании аналитических наименований рассматриваемого типа более-менее регулярно используются не только первые компоненты, но и вторые. Часто это собственно лингвистические или общенаучные термины – *лингвистика, семантика, текст, слово, анализ, сленг, жанр, общение, коммуникация, дискурс*. Возможно, созданием одноструктурных единиц с постоянным набором компонентов поддерживается стремление любой терминосистемы к унификации.

Нельзя не отметить и последствия рассмотренных в статье явлений с точки зрения гносеологии. Новый языковой материал, который нам даёт современное терминообразование, позволяет уточнить некоторые важные вопросы терминоведения. Их можно обозначить следующим образом:

- каковы границы термина в языке и речи;
- как проявляется категория окказиональности в отношении к терминам;
- каково оптимальное соотношение «своего» и «чужого» в терминологии каждой конкретной науки;
- в какой мере вариантность терминов должна ограничиваться или поддерживаться и как она должна отражаться (и отражается ли) в терминографической практике.

Список литературы

- Ахманова О.С. (2004): Словарь лингвистических терминов. Москва: УРСС.
- Баранов А.Н., Добровольский Д.О. (2001): Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике. Москва: Азбуковник.
- Гринёв-Гриневиц С.В. (2008): Терминоведение: Учебное пособие. Москва: Изд. центр «Академия».
- Капанадзе Л.А. (2005): Голоса и смыслы. Избранные работы по русскому языку. Москва: Изд-во Института русского языка им. В.В. Виноградова.
- Маринова Е.В. (2008): Иноязычные слова в русской речи: проблемы освоения и функционирования. Москва: ЭЛПИС.
- Маринова Е.В. (2013): Теория заимствования в основных понятиях и терминах. Москва: ФЛИНТА: Наука.
- Немченко В.Н. (1985а): Основные понятия морфемики в терминах: Краткий словарь-справочник. Красноярск: Изд-во Красноярского государственного лингвистического университета.

Немченко В.Н. (1985б): Основные понятия словообразования в терминах: Краткий словарь-справочник. Красноярск: Изд-во Красноярского государственного лингвистического университета.

Немченко В.Н. (1993): Основные понятия фонетики в терминах: учебный словарь-справочник. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского государственного университета.

Немченко В.Н. (1995): Основные понятия лексикологии в терминах. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского государственного университета.

Немченко В.Н. (2011): Грамматическая терминология: словарь-справочник. Москва: ФЛИНТА: Наука.

Панькин В.М., Филиппов А.В. (2011): Языковые контакты. Краткий словарь. Москва: ФЛИНТА: Наука.

Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. (1985): Словарь-справочник лингвистических терминов. Москва: Просвещение.

Ушакова Т.Н., Цепцов В.А., Алексеев К.И. (1998): Интент-анализ политических текстов, Психологический журнал, 4, 98–109.

References

Marinova E.V. (2017): Analytical Adjectives of Foreign Origin: The Pecaliaties of Assimilation and Functioning in Modern Russian, Language and Speech in Synchrony and Diachrony. Papers from International Linguistics Conference, Cambrige: Cambrige Schodlars Publishing, 76–86.

СПОСОБЫ ПРИДАНИЯ ДОСТОВЕРНОСТИ ИНФОРМАЦИИ В НАТИВНОЙ РЕКЛАМЕ

Миронова Наталья Изяславовна
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Россия
miroonnat@rambler.ru

WAYS OF GIVING CREDIBILITY TO INFORMATION IN NATIVE ADVERTISING

Nataliya Mironova
Lomonosov Moscow State University, Russia

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются способы придания достоверности информации в рекламных сообщениях из рубрики «Здоровье». Речь идет об анонсе и основной (целевой) части нативной рекламы, размещенной на следующей странице гипертекста. Основным приемом, используемым для имитации правдоподобия информации, является сочетание в тексте реальных и вымышленных фактов. Это проявляется в выборе формата интервью и использовании в нем имен реальных личностей, названий реально существующих организаций, медицинских препаратов, технических устройств, а также конкретных числовых показателей. Этой цели служит и эксплуатация стереотипных представлений целевой аудитории. Используются также приемы интимизации общения и эмоциональные высказывания. Сила воздействия информации, которую читатель оценивает как достоверную, значительно возрастает.

ABSTRACT

The article deals with the ways of credibility imitation in the advertising heading «Health». It's about announcement and main part of native (hidden) advertising placed on the next page of hypertext. The main method used to simulate the likelihood of information is the combination of real and imaginary facts. This is manifested in the choice of the interview format, using of proper names, names of real organizations, medical products, technical devices and specific numeric indicators. For this purpose the stereotypes of the target audience representatives were used. Intimidation of communication and emotional assessments were used also. Impact force of information estimated as reliable increases significantly.

Ключевые слова: рекламный дискурс, нативная реклама, скрытая реклама, достоверность информации, манипуляция, воздействие, гипертекст.

Keywords: advertising discourse, native advertising, hidden advertising, credibility of information, stereotype, manipulation, impact, hypertext.

Введение.

Аналізу манипулятивных приемов, используемых в рекламных сообщениях, посвящено много литературы, см., например, (Огилви 2013; Иванов 2016). Но с появлением новых форм рекламы, к которым можно отнести и нативную (скрытую) рекламу, список манипулятивных приемов расширяется, совершенствуются формы языковой манипуляции.

Под манипуляцией понимается «воздействие на человека (группу людей) с целью побуждения к действиям, противоречащим его (их) собственным интересам» (Цуладзе 2000: 11). При манипуляции происходит замена убеждения внушением (Копнина 2010: 26).

Важнейшую роль в процессе манипуляции сознанием адресата сообщения играет язык (речь). Языковую (речевую) манипуляцию Г.А. Копнина определяет как «разновидность манипулятивного воздействия, осуществляемого путем искусного использования определенных ресурсов языка с целью скрытого влияния на когнитивную и поведенческую деятельность адресата» (Копнина 2010: 25). В рекламе манипуляция играет особую роль, поскольку функция воздействия, наряду с информативной функцией, является одной из основных функций рекламного дискурса. Реклама должна не только «назвать предмет, выделяя его среди прочих, передать информацию о качествах и месте реализации товара», но и оказать влияние «на поведение людей, их ценности и жизненные установки» (Современный медиатекст 2013: 326).

Достоверность рекламных сообщений в глазах потребителей рекламы существенно повышает ее манипулятивное воздействие.

Нативная (скрытая) реклама.

Объектом нашего внимания является нативная (скрытая) реклама из рубрики «Здоровье». Такая реклама состоит из двух частей: краткого анонса (лидер-абзаца), имеющего еще и функцию заголовка, и основной (целевой) части. Использование гипертекстовых технологий (Баранов 2001: 31-37) дает возможность фрагментировать рекламное сообщение, поместив на стартовой странице только лидер-абзац, а к целевой части рекламы можно перейти по ссылке «Подробнее...». Наш пример взят с сайта rus-news.net (дата обращения: 29.08.18). Во всех приведенных ниже примерах сохранены орфография и пунктуация оригинала.

[Фото А.Л. Мясникова]

[Анонс] *Не забудьте: если ноет тазобедренный сустав и колени, исключите из пищи...*

[Ссылка *Подробнее...*]

Реклама биокрема «Артидекс».

Лидер-абзац «замаскирован» под краткое информационное сообщение, оформленное в соответствии с контентом сайта, на котором оно размещено. При этом анонсы перемежаются с реальными новостными сообщениями, опубликованными на сайте (*Исследователи открыли в Австралии 50 новых видов пауков. Ученые нашли следы жизни на 10 км ниже уровня моря*). Различаются они только формой ссылки (в случае информационного сообщения это *Читать далее...*), а также количеством страниц гипертекста, которые открываются после перехода по ней. После рекламного анонса открывается только одна страница, т.к. трудно предположить, что читателя удастся «заманить» дальше, а в случае информационного сообщения последовательно открываются несколько страниц. На этом же сайте можно найти и рекламные объявления открытого характера:

[На фото – стройная девушка]

*Миостимулятор укрепляет мышцы и сжигает лишний жир.
Только сегодня цена 990 р.*

Структура рекламного сообщения в электронных СМИ в основном повторяет строение типичного новостного сообщения. А. Киклевич, анализируя роль фрагментации информационного сообщения за счет применения гипертекстовых технологий, указывает на две ее важнейшие функции: улучшение перцептивных характеристик текста и усиление его манипулятивного эффекта: «фрагментация текста <...> не только улучшает его визуальность и читабельность (за счет того, что читатель имеет дело с более короткими частями, которые обрабатываются с более высокой интенсивностью), но и способствуют более эффективному воздействию содержания на адресата» (Kiklewicz 2017: 190). Но функции фрагментации текста этим не ограничиваются: к упомянутым выше автор добавляет «пролонгацию коммуникативного контакта» и «идеологическое программирование / конструирование» (Там же: 203).

Лидер-абзац рекламного сообщения имеет свои особенности. Главная из них состоит в том, что он не имеет ничего общего с содержанием основной части рекламного текста (см. пример выше). Его задача – заинтересовать читателя, заинтриговать, а иногда и эпатировать его с тем, чтобы он перешел на следующую страницу гипертекста. Анонс играет роль так называемой «семантической провокации»: «ее эффект, с психологической точки зрения, касается возбуждения интереса и, главное, пролонгации коммуникативного контакта... » (Kiklewicz 2017: 194).

Анонс представляет собой креолизованный текст и всегда сопровождается изображением, не имеющим ничего общего с содержанием целевой части рекламы, а иногда и анонса.

Для того чтобы мотивировать читателя перейти по ссылке на следующую страницу гипертекста, к целевой части рекламы, в лидер-абзац не включается главная информация. Анализ содержательного фрейма рекламных анонсов (Миронова 2017) показал, что для рекламных сообщений из рубрики «Здоровье» это название средства, позволяющего излечить болезнь, или описание способа излечения. Самая важная информация помещена в целевой части сообщения, к которой можно перейти по ссылке «Подробнее...». В конце анонсов практически всех рекламных сообщений помещаются незаконченные предложения с многоточием (источник примера – сайт news.glavnoe.io (дата обращения: 12.07.18):

[Фото старого человека в очках с сильными толстыми линзами]

[Анонс] *127-летний академик поделился рецептом очищения сосудов дома: Натощак раскрошите в воду 10 грамм...*

0. Способы придания достоверности информации в рекламных сообщениях.

Информация, воспринимаемая читателем как достоверная, скорее сыграет роль манипулятивного средства, поэтому создатели рекламы используют самые разные средства для того, чтобы придать ей правдоподобный вид.

Сделать информацию правдоподобной можно только учитывая целевую аудиторию, на которую ориентирована реклама. Это в основном люди среднего и старшего возраста с невысоким уровнем образования, уже имеющие проблемы со здоровьем. Многие из них сейчас владеют элементарными навыками работы на компьютере и часто обращаются к информационным сайтам. Но и хорошо образованные люди попадают на эту «удочку». Так, ведущий программы «О самом главном» доктор А.Л. Мясников неоднократно рассказывал о том, что ему звонят образованные друзья и задают уточняющие вопросы по тем способам лечения, которые он якобы рекомендует как рекламный персонаж.

В нативной рекламе (как в лидер-абзаце, так и в целевой части сообщения) используются самые разные способы придания информации правдоподобного вида.

Формат рекламного текста.

Основной принцип придания достоверного вида рекламной информации – сочетание реальных и вымышленных фактов. Уже на этапе выбора формата рекламного сообщения используется принцип имитации. Анонс (лидер-абзац) «замаскирован» под новостное сообщение и размещается на новостных сайтах. А целевая часть эксплуатирует формат

проблемных статей из реально существующих рубрик (например, рубрики «Специальный корреспондент»), интервью (например, «интервью» В.А. Соловьева с участием Т.А. Голиковой и В.И. Скворцовой) или актуальных телевизионных ток-шоу (ток-шоу Д. Шепелева «На самом деле»).

В целевой части рекламного сообщения всегда переплетаются достоверные и вымышленные факты. В статьях и интервью с участием специалистов-медиков или просто авторитетных личностей сначала дается правдивая информация о реальной ситуации с определенным заболеванием в мире и у нас в стране. В наглядной форме (таблицы, графики и пр.) приводятся данные Всемирной организации здравоохранения и других авторитетных организаций. Обман состоит в том, что препарат, который представляется как новый и чудодейственный (а главное, доступный на рекламируемом сайте), на самом деле не обладает такими качествами. В лучшем случае он представляет собой «пустышку», а в худшем – вредный для здоровья продукт, прием которого может привести к тяжелым последствиям.

Не так давно на телевидении появилась новая программа – ток-шоу Дмитрия Шепелева, в которой используется полиграф – техническое средство, позволяющее определить достоверность сказанного на основе синхронной регистрации параметров дыхания, сердечно-сосудистой активности, электрического сопротивления кожи и других физиологических параметров (ru.wikipedia.org). Героям задают вопросы и проверяют, говорят они правду или лгут, используя полиграф. Создатели рекламы сразу же взяли этот формат на вооружение. И действительно, если не вникать в тонкости использования полиграфа, оценка высказываний участников шоу в плане правды / лжи вызывает определенное доверие публики.

Ток-шоу подобного формата помещается в целевую часть рекламного текста и используется для рекламы многих препаратов. Один из примеров – вымышленное «инсценированное» интервью, в котором принимают участие эксперты-медики (Л.А. Бокерия и И.Е. Чазова), ведущий (Дм. Шепелев), специалист по использованию полиграфа и зрители (Источник: https://medicine-news.net/trek/giperiumfreenew/?utm_medium=483&utm_campaign=20&utm_content=1453053&utm_source=2007&sid1=11477&vcode=kjc2iz1tjo0uj82s&lid=226&out_ids=3520&tr=bWVkaWNp bmUtbmV3cy5uZXQ%3D&ck=1 (дата обращения: 07.02.2018)).

При этом на сайт выложена не запись ток-шоу с указанием точного времени его выхода в эфир, а текст и несколько фотографий ведущего и участников. Можно увидеть и большое количество нарушений процедуры использования полиграфа, которые сводят на нет результат его применения.

При обсуждении проблемы создания и использования в России препарата «Гипериум» создается конфликт, есть положительный и отрицательный герои. Как и положено, конфликт разрешается в конце программы: добро побеждает зло. Участники интервью обращаются к истории создания препарата и рассказывают о том, что давно изобретенный прекрасный препарат для лечения гипертонии много лет не может попасть на рынок потому, что многие медики, даже признавая его качества, по приказу чиновников и из меркантильных соображений рекомендуют пациентам более дорогие, но гораздо менее эффективные препараты. Звучит и драматическая история о преследовании создателя «Гипериума» Виктора Качанова.

И Л.А. Бокерия, и И.Е. Чазова в студии высоко оценивают препарат и заверяют присутствующих в том, что рекомендуют его своим пациентам. Но проверка на полиграфе показывает, что правду говорит лишь Л.А. Бокерия (положительный герой), после чего «пристыженная» Чазова в спешке покидает студию. Затем уже убежденным в правдивости информации о препарате «зрителям» / читателям предлагается приобрести его на сайте, причем делает это лично Л.А. Бокерия. Интересно, что формат ток-шоу с использованием полиграфа используется и в рекламе других препаратов.

Реальные персонажи.

Еще одним средством, использование которого призвано заставить читателя поверить в правдивость информации, является использование имен реальных личностей. Убедительно выглядит рекламное сообщение, в котором упоминаются широко известные публике люди. Для сообщений на тему «Здоровье» это, в первую очередь, медики, особенно ставшие медийными личностями: Е. Малышева, В. Дикуль, доктор Бубновский, доктор Комаровский, И.Е. Чазова, Л.А. Бокерия, А.Л. Мясников, М. Королева и др. Могут использоваться имена и других медийных персонажей, например, ведущих популярных ток-шоу (В.А. Соловьев, В.В. Познер, Д. Шепелев и др.). Все эти люди позиционируются в самых разных амплуа: источник информации, автор анонса рекламного сообщения, автор статьи в основной части рекламного сообщения, участник / ведущий интервью или ток-шоу, эксперт и, наконец, человек, проверивший действие препарата / метода лечения на себе. Но надо помнить, что все они не имеют никакого отношения к рекламным сообщениям и часто даже не знают, что их имя фигурирует в конкретной рекламе: речь идет о фальсификации информации, об обмане, поскольку имена известных личностей используются необоснованно и без их согласия. Вместе с тем практика показывает, что если человек, имя которого используется без его ведома,

предпринимает меры юридического характера, реклама исчезает с сайта или блокируется (так произошло с некоторыми рекламными сообщениями, где использовалось имя В.В. Познера).

Еще один пример использования якобы «реальных персонажей» (на самом деле вымышленных) – это отзывы благодарных покупателей, обязательная составляющая основной части рекламного сообщения. Все они пишут о том, что уже использовали рекламируемый препарат и он помог им или их родственникам полностью избавиться от болезни. Проверить правдивость этих отзывов невозможно, поскольку они подписаны лишь именем или «ником», иногда с указанием города. Еще один тип отзывов – от людей, вдохновленных полученной информацией и уже сделавших или собирающихся сделать заказ на приобретение препарата.

Использование стереотипных представлений читателей.

Для придания информации правдоподобного характера создатели рекламы используют стереотипные представления читателей из целевой группы о некоторых категориях людей или объектов.

А. Ребер (Ребер 2001: 313) определяет стереотип как конструкт, используемый «для обозначения набора довольно устойчивого, упрощенного обобщения относительно группы или класса людей». Польский психолог Л. Войтасик понимает под стереотипом «распространенные с помощью языка или образа в определенных социальных группах устойчивые представления о фактах действительности, приводящие к весьма упрощенным и преувеличенным оценкам и суждениям со стороны индивидов» (Войтасик 1981: 119). С его точки зрения, стереотипы «выступают как условные «ярлыки», наклеиваемые на людей и явления. ... Стереотипы также участвуют в создании устойчивых взглядов, определяющих ложное отношение к некоторым идеям, людям и предметам», искажая реальность (Войтасик 1981: 120).

Стереотип представляет собой одну из разновидностей когнитивной схемы – конструкта, используемого в когнитивной науке для объяснения сложной организации знаний. Схема определяется как «структурированный кластер концептов», она «содержит общие (genetic) знания и может быть использована для представления событий, последовательностей событий, образов восприятия (percepts), ситуаций, отношений и даже объектов» (Eysenck, Keane 2003: 282). Хотя когнитивная схема может принимать разные формы для представления разных видов знаний, все когнитивные схемы имеют общие черты: они содержат информацию не об одной особой ситуации, а скорее, об особом типе ситуаций, служат основой интерпретации действительности и используются в процессе восприятия и понимания (Medin,

Ross 1997: 303-305; Баранов 2001: 14-19). Источником активации схемы могут стать объекты или ключевые слова, а также релевантный контекст (Medin, Ross 1997: 305).

Схема, представляя собой некоторое обобщение, всегда опирается на опыт конкретного человека, т.е. имеет индивидуальный характер. В виде когнитивной схемы можно представить определенную ситуацию или событие, характеристики определенной личности или объекта. Когнитивные схемы (стереотипы) представителей одной социальной группы, имеющих сходный социальный опыт, будут содержать общие черты.

Для создателей рекламы важно, что в фактах, содержащихся в схеме (стереотипной информации), уже не надо убеждать читателя, эти представления о действительности им уже «присвоены», он уже в них убежден. Известный психолог А. Цуладзе в связи с этим подчеркивал, что использование стереотипов, уже существующих в сознании читателя, является одним из путей «внедрения» сообщения в его сознание (Цуладзе 2000: 36-37). Поэтому использование стереотипов дает огромные возможности для манипуляции сознанием читателя: «наша умственная лень предрасполагает к шаблонному мышлению, создавая прекрасные возможности для опытных манипуляторов» (Цуладзе 2000: 51).

Стереотипные представления вступают в действие тогда, когда информация об объекте ограничена. Поэтому чем меньше потребителям рекламы известно об образе жизни людей, тем скорее они будут опираться на стереотипы. Этим принципом руководствуются создателями рекламы при выборе персонажей, выступающих в роли источника информации. Выбор источника информации важен для того, чтобы ее воспринимали как правдивую, это должен быть человек, словам которого люди будут доверять. В представлении читателей такая личность может обладать нетривиальной и ценной для них информацией. Поэтому в качестве источника информации в анонсах рекламных сообщений выбирают врачей или жителей экзотических стран, медицина которых отличается от европейской (*китайский профессор; главный ортопед Китая; хитрые китайцы*). Известно, что медицина в Китае уникальна, там применяются нетрадиционные с нашей точки зрения методы лечения, знания о которых недоступны европейцам. Эти стереотипные представления формируют у публики ожидание того, что в тексте (который люди не относят или не сразу относят к разряду рекламных) могут быть раскрыты некоторые секреты восточной медицины.

Есть и другие категории людей, об образе жизни которых нам мало известно. Так, существует расхожее мнение о том, что отшельник, церковный служитель или долгожительница могут хранить старинные медицинские рецепты, знания, которые уже утрачены. Поэтому среди номинаций источника информации можно встретить такие, как *матушка; отец Георгий; отшельница; сибирская отшельница; 95-летняя долгожительница;*

95-летний сибиряк, 95-летний травник. В пример можно привести анонс одного из рекламных анонсов: *Удалось заполучить секретный рецепт лечения суставов без уколов и операций от отшельницы Агафьи.*

Особыми знаниями в области медицины, с точки зрения среднего статистического представителя целевой группы, может обладать и человек, получивший специальную подготовку (*ВДВшник*). В программу его обучения могут быть включены специальные медицинские навыки, необходимые в экстремальных ситуациях. Такой персонаж также может быть указан как источник информации.

Использование лексики с положительной коннотацией.

Стереотипные представления потребителей рекламы используются и при описании рекламируемых объектов. С понятием стереотипа связывают прагматическую информацию, стоящую за словом (Кобозева 2000: 92), т.е. его коннотацию. Под коннотациями лексемы понимаются «несущественные, но устойчивые признаки выражаемого ею понятия, которые воплощают принятую в данном языковом коллективе оценку соответствующего предмета или факта действительности», а также «отражают связанные со словом культурные традиции, господствующую в данном обществе практику использования соответствующей вещи» (Апресян, цит. по Кобозева 2000: 92). Еще одно определение коннотации непосредственно оперирует понятием «стереотип»: «совокупность... закрепленных в культуре данного общества ассоциаций», образующих сопутствующие лексическому значению «содержательные элементы, логические и эмотивные, которые складываются в стереотип» (Bartmiński, цит. по Кобозева 2000: 92). Важно, что коннотации отсылают не к конкретному индивиду, а к языковому коллективу, чем отличаются от других видов прагматической информации.

Примером эксплуатации стереотипных представлений потребителей рекламы является использование лексических единиц, обладающих в определенном контексте положительной коннотацией. Так, в анонсах рекламных сообщений для характеристики средства, необходимого для лечения, часто используется прилагательное *советский*. Это прилагательное, как выяснилось в ходе опросов, обладает положительной коннотацией у целевой группы – людей среднего или старшего возраста, знакомых с жизнью в СССР. Оно ассоциируется с чем-то *качественным, изготовленным по ГОСТУ, безопасным, простым, натуральным, недорогим, местного производства, доступным, широко распространенным, традиционным* и т.д. Естественно, что средство с такой характеристикой привлечет внимание

читателей. Ср. с телевизионной рекламой: *«Хорошая традиция любить сырки «Советские традиции»!*

Положительной коннотацией в контексте описания средства или способа лечения болезни будут обладать и лексемы *простой, обычный, обыкновенный*.

«Интимизация» повествования.

Доверительное отношение к информации создает и «интимизация» повествования. Рассказы «от себя» представляют собой «такое использование языковых средств, в результате которого создается эффект доверительного общения автора с аудиторией» (Копнина 2010: 92). Этот стилистический прием реализуется в форме обращений, вопросно-ответных конструкций, риторических вопросов и пр. и способствует приданию информации более правдоподобного характера. Примеры:

*Чазова: «Умоляю, лечите гипертонию, не доводите до возможного инфаркта! Я рекомендую...»
Боли в суставах и спине? Врачи нашли эффективное средство...*

Этой же цели служит указание на эмоции, которые вызывает информация о средстве / способе лечения: *Скандал в медицине! Ортопеды ошарашены! Народ онемел! Кардиологи в ужасе! Москва в панике! У медиков шок! Урологи в потрясении!*

Использование визуальных образов.

Помимо изображения, сопровождающего анонс рекламы, обращает на себя внимание частое использование в тексте анонса чисел, что можно рассматривать как пример использования знаковых систем в манипулятивных целях (Кара-Мурза 2001: 45). В анонсе рекламы можно найти различные способы использования чисел, и все они способствуют формированию доверительного отношения к информации.

Это может быть указание на конкретные сроки полного излечения (*папилломы отсохнут за 9 дней; гипертония уйдет за 4 дня; печень можно восстановить за 14 дней; 5 дней пить отвар; головная боль, давление, гипертония уйдут за 6 дней; продукт, кладущий диабет на лопатки за 3 дня*) или полного решения проблемы (*даже глубокие морщины уйдут за 17 дней; бросить курить за 5 дней; избавиться от храпа за 5 дней; даже возрастной живот уйдет за 10-20 дней*).

В некоторых случаях приводится точное количество вещества, необходимого для лечения болезни (*возьмите 300 мг...; 200 грамм прохладенького...; раскрошите в воду 10*

грамм...; крошите в стакан воды 6 г. ...). При этом само вещество в анонсе никогда не называется (подробнее см. Миронова 2017).

Числовые показатели могут использоваться для оценки уровня серьезности проблемы путем ее количественной характеристики (*при давлении выше 130/90 срочно прочистите сосуды; весите 90 кг?*) и для оценки эффективности лечебного средства (*средство, усиливающее тестостерон в 50 раз; средство в 37 раз мощнее ботокса; зрение вернется на 98%*).

Числовые показатели во всех этих случаях призваны убедить читателя в том, что применение определенного метода лечения имеет длительную историю, позволившую точно определить время лечения, необходимое количество средства, степень эффективности препарата и т.д.

Показатель уровня квалификации специалиста или его возраст, подтверждающий его многолетний опыт работы (*диетолог № 1; врач № 1; 127-летний академик*) также может содержать числовой показатель.

В основной части рекламы часто указывается точная дата окончания акции (примечательно, что она всегда совпадает с датой обращения к сайту).

Заключение.

Мы показали, как в нативной рекламе действует основной принцип придания достоверного вида информации – «переплетение» в тексте реальных и вымышленных фактов. Особенно опасная ситуация складывается в медицинской сфере рекламы.

При* этом внимательный читатель всегда обнаружит в рекламных сообщениях указания на вымышленный характер информации. Так, на «фейковый» характер ток-шоу Дм. Шепелева с участием Л.А. Бокерии и И.Е. Чазовой указывает отсутствие записи передачи с указанием времени ее выхода в эфир, канала и прочей обязательной в этом случае информации. В «программе» нарушается процедура использования полиграфа, причем настолько, что получение верного ответа становится в принципе невозможным. И.Е. Чазова якобы по памяти точно воспроизводит полный перечень заболеваний, излечиться от которых поможет рекламируемый препарат, а Л.А. Бокерия лично предлагает приобрести препарат через определенный сайт.

Любую манипуляцию сознанием личности можно рассматривать как агрессию по отношению к ней. Тем более это касается тех случаев, когда в действие вступает обман, ложная информация выдается за правду, маскируется под нее.

Воздействие подобных публикаций на читателя психологи относят к «деструктивным формам общения», оказывающим влияние на представления человека о реальности. Подчеркивается, что подобный «негативный коммуникативный опыт» способен «причинить серьезный ущерб и ментальным механизмам, и продукту их деятельности – картине мира человека» (Ениколопов и др. 2014: 315). Рекламные тексты, содержание которых искажает действительность, оказывают влияние и на эмоциональную, и на когнитивную сферу личности и трактуются психологами как примеры ментальной агрессии.

Список литературы:

- Баранов А.Н. (2001): Введение в прикладную лингвистику. Москва: Эдиториал УРСС.
- Войтасик Л. (1981): Психология политической пропаганды. Москва: Прогресс.
- Ениколопов С.Н., Кузнецова Ю.М., Чудова Н.В. (2014): Агрессия в обыденной жизни. Москва: Политическая энциклопедия.
- Иванов А. (2016): Реклама: игра на эмоциях. Москва: Альпина паблшер.
- Кара-Мурза С.Г. (2001): Манипуляция сознанием. Москва: Эксмо-Пресс.
- Кобозева И.М. (2000): Лингвистическая семантика. Москва: Эдиториал УРСС.
- Копнина Г.А. (2010): Речевое манипулирование. Москва: Флинта; Наука.
- Миронова Н.И. (2017): Особенности когнитивной схемы сетевого сообщения, содержащего скрытую рекламу. Когнитивные исследования языка, Материалы международного конгресса по когнитивной лингвистике, XXX. Москва-Тамбов-Белгород. 605-609.
- Нативная реклама (2016). Нативная реклама: Основные понятия, примеры, эффективность. FB.ru. URL: <http://fb.ru/article/225739/nativnaya-reklama-osnovnyie-ponyatiya-primeryi-effektivnost> (дата обращения: 03.05.17).
- Огилви Д. (2013): Огилви о рекламе. Москва: Манн, Иванов и Фебер; Эксмо.
- Ребер А. (2001): Большой толковый психологический словарь. Т. 2. Москва: Вече-Аст. 313-314.
- Современный медиатекст (2013): Москва: Флинта; Наука.
- Цуладзе А. (2000): Большая манипулятивная игра. Москва: Алгоритм.

References

- Eysenck M., Keane M. (2003): Cognitive psychology. Hove; N.Y.: Psychology Press.
- Kiklewicz A. (2017): Фрагментация текста как средство персуазивности в информационных интернет-сервисах, *Przegląd wschodnieoeuropejski*, VIII/1, 185-205.
- Medin D., Ross B. (1997): Cognitive psychology. Orlando: Harcourt Brace College Publishers.

ГОВОРЯЩИЙ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА, ИЛИ РОЛЕВОЙ НАБОР УЧАСТНИКА КОММУНИКАЦИИ

Попова Татьяна Ивановна
Санкт-Петербургский государственный университет, Россия
tipopova13@gmail.com

SPEAKER YESTERDAY, TODAY, TOMORROW, OR ROLE SET OF SPEAKER

Popova Tatiana
Saint Petersburg State University, Russia

АННОТАЦИЯ

В ходе повседневного общения каждый говорящий выбирает социальную роль из некоторого, присущего лично ему, ролевого набора (мать, жена, друг, коллега и т. п.), и в соответствии с этой ролью в конкретном коммуникативном акте выстраивает свое поведение, в том числе речевое. Можно предположить, что каждая социальная роль имеет определенный набор лингвистических (на всех языковых уровнях) коррелятов, или социолингвистических переменных. Выявление таких коррелятов социальных ролей, типичных для любого говорящего, и их многоуровневый анализ на материале корпуса «Один речевой день» позволят описать механизм использования языка в определенных ситуациях повседневного общения. Интересным представляется выявление и соотношение универсальных и индивидуальных характеристик говорящего в рассматриваемом отношении.

ABSTRACT

In the course of everyday communication, each speaker chooses a social role from a certain role set (mother, wife, friend etc.) and builds their behavior in accordance with this role in a particular communicative act, including speech behavior. It can be assumed that each social role has a set of linguistic (at all language levels) correlates, or sociolinguistic variables. The identification of such correlates and their multilevel analysis on the material of the corpus "One Day of Speech" will describe the mechanism of language use in certain situations of everyday communication.

Ключевые слова: разговорная речь, социолингвистика, социальная роль, лингвистические корреляты, ролевой набор.

Keywords: colloquial speech, sociolinguistics, social role, linguistic correlates, role set.

*Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 17-29-09175 «Диагностические признаки социолингвистической вариативности повседневной русской речи (на материале звукового корпуса)».

Введение.

Стремление исследователей получить точное представление об актуальных процессах и явлениях в языке привело к осознанию невозможности изучать язык в отрыве от его носителей. В процессе коммуникации речь видоизменяется, что зависит от многих факторов, и приобретает черты, нередко индивидуальные, но, как показывают исследования, и общие для определенных групп (гендерных, возрастных, профессиональных и проч.).

Работы У. Лабова (Labov 1970), Дж. Гамперца и Х. Хаймса (Gumperz, Hymes 1964) и некот. др. внесли неоценимый вклад в развитие методологии социолингвистических исследований, которые открывают все больше фактов об организации коммуникации в целом.

На современном этапе развития лингвистики подобного рода исследования стало возможным проводить на больших массивах данных, организованных в корпус. Важным моментом является в этом случае наличие обширной метатекстовой разметки (аннотации). Наиболее представительным для русского языка может считаться корпус повседневной русской речи «Один речевой день» (ОРД), который разрабатывается в Санкт-Петербургском государственном университете (Звуковой корпус ...2015; Asinovski et al 2009).

Корпус «Один речевой день»

Звукозаписи повседневной речевой коммуникации на русском языке, собранные в корпусе ОРД, выполнены по методике непрерывного многочасового мониторинга устной речи. На сегодняшний день общий объем корпуса составляет 1 млн. словоупотреблений и 1250 часов записей от 128 информантов и около 1000 их коммуникантов.

При сборе данных об информантах фиксировались такие параметры, как их пол, возраст, родной язык, национальность, профессия, образование. С помощью этих данных были сформированы 10 основных профессиональных групп современного российского мегаполиса, каким является Санкт-Петербург (Русский язык ... 2016). Более того, от каждого информанта был получен «Дневник речевого дня», в котором он указывал время различных коммуникативных эпизодов в течение дня, место, информацию о собеседнике и виде деятельности во время разговора. В результате удалось получить подробную базу данных в которой используются система сокращений для различных параметров. Например, для типа коммуникативной ситуации, ее условий (NComType): Б – за решением повседневных бытовых дел; Ж – на фоне восприятия внешнего источника (просмотра телевизора и т. п.); Х – на ходу (в дороге, на прогулке, в транспорте); Г – решение организационных, бухгалтерских, паспортных, юридических и пр. дел; Д – деловой – профессиональная беседа; В – общение с

внешними организациями, разговор клиент-сервис (магазины, службы, поликлиника, библиотека и т.п.) и др. (см. рис. 1).

Informants-2016		Episodes-2016						
SCo	SFName	NComType	NSRole	NPlz	SFileWM/	Start	End	EPlace
S106	ordS106-05	УРМ	ПР	ДОМ	K0913_1356:	00:28,7	37:44,5	дом
S106	ordS106-06	УРМ	ПР	ДОМ	K0913_1356:	37:44,5	10:00,1	дом
S106	ordS106-07	БРХ	ДР	УЛ ТР	K0913_2155:	02:35,3	20:48,9	улица, метр
S106	ordS106-08	БРЖ	ДР ЗН КЛ	МАГ	K0913_2155:	42:11,4	58:58,2	публичное
S106	ordS106-09	БРЬ	ДР ЗН	ОМ	K0914_0118:	36:22,3	45:33,7	публичное
S106	ordS106-10	БРШ	ДР	ДОМ	K0914_0813:	00:33,1	46:00,6	дом
S107	ordS107-01	ДД/Б	КО	ОФ	KR09_0003	00:03,9	10:34,6	офис
S107	ordS107-02	ДД/БТ	КО ОТ	ОФ	KR09_0003	18:37,2	01:18,0	офис
S107	ordS107-03	БД/БК	КО	КАФ	KR09_0003	26:31,0	02:14,9	буфет на ра
S107	ordS107-04	ББТ	ОТ	ОФ	KR09_0003	10:37,2	12:28,5	офис
S107	ordS107-05	ВВ	КЛ	ПОЛ	KR09_0004	03:46,0	22:55,6	кабинет вре
S107	ordS107-06	БР	СА КО	ОФ	KR09_0005	0:00:00	0:01:57	офис
S107	ordS107-07	БРТЮЭМ	ОТ БР ЗН	ОФ	KR09_0008	0:00	14:30,5	офис
S107	ordS107-08	ДГТ	КЛ КО	ОФ	KR09_0008	14:30,5	33:48,0	офис
S107	ordS107-09	БРХ	КО	ТР	KR09_0008	0:33:48	37:13,2	машина
S107	ordS107-10	ДДМ	КО	ОФ	KR09_0012	12:00,0	55:35,1	офис
S107	ordS107-11	БРЮ	КО	ОФ	KR09_0012	57:36,2	21:37,4	офис

Рис. 1. Фрагмент базы данных ОРД

Система метатекстового аннотирования организована в ОРД таким образом, что получившаяся база данных содержит обширную информацию и позволяет балансировать материал по разным параметрам. Одним из малоизученных аспектов в корпусе ОРД является категория социальной роли говорящего (СР). Ниже представлен фрагмент классификации СР в ОРД и используемые для их обозначения в базе сокращения (см. рис. 2).

<p>Родственники:</p> <ul style="list-style-type: none"> • МУ – муж, • ЖЕ – жена • ОТ – Отец и пр. <p>Прочие родственники (без указания пола):</p> <ul style="list-style-type: none"> • СР – старшие родственники теть, свекровь, теща, дядя и пр. • МР – младшие родственники – зять, невестка, и пр. <p>Друзья</p> <ul style="list-style-type: none"> • БД – близкий друг (бой-френд) • БП – близкая подруга (гёрл-френд) • ДР/ПО • АД – ассоциируемый друг (друг друзей, родственников) 	<p>Коллеги</p> <ul style="list-style-type: none"> • КО – коллега • КН – коллега-начальник, командир • КД – коллега-друг (подруга) <p>«Парные» отношения</p> <ul style="list-style-type: none"> • КЛ – клиент (в том числе – покупатель, в транспорте с водителем-кондуктором, на вахте, арендатор квартиры, пациент, родители пациента) • СС – сервис, сервисная служба – все кто оказывают услуги за деньги (продавец, фотограф, квартирная хозяйка, врач) • ССВ – врач • УЧ – ученик • ПР – преподаватель, учитель и пр. 	<p>Группы людей</p> <ul style="list-style-type: none"> • СТ – студент(курсант) • ПП – «попутчик», а также посетитель того же кафе, магазина, поликлиники и пр. общественных мест <p>Прочее</p> <ul style="list-style-type: none"> • ЗН – просто знакомый, не друг, не клиент, не обслуга, не «партнер» • ЧУ и пр.
---	--	---

Рис. 2. Общая классификация социальных ролей в корпусе ОРД

Понятие социальной роли

Сам процесс овладения языком тесно связан с усвоением правил (не только грамматических) его использования. Говорящий усваивает абстрактные образцы речевого поведения, реализация которых напрямую связана с понятием социальной роли говорящего.

Под социальной ролью будем понимать «нормативно одобренный обществом образ поведения, ожидаемый от каждого, занимающего данную социальную позицию» (Кон 1967: 23). Образцовый характер и стереотипность роли подтверждается тем, что она определяется с помощью уже существующих в языке обозначений: *муж, сын, клиент, пациент* и др. (Крысин 2004: 427).

Переключение с одних стереотипов на другие касается и речевого поведения, ср.: «ситуативная вариативность проявляется в использовании тех или иных языковых средств – отдельных единиц или целых систем/подсистем в зависимости от социальной ситуации» (Швейцер 2009: 79), которые называют социолингвистическими (ситуативными) переменными, в настоящем исследовании в этом значении будет использоваться термин *лингвистические корреляты*.

Исследователи отмечают, что «для социолингвистики релеванты не любые роли, а лишь те из них, которые имеют эксплицитно выраженные языковые или речевые корреляты» (там же: 82).

Цель настоящего исследования – определить ролевой набор участника коммуникации на основании записей его «речевого дня» и выявить статистические параметры частотного словаря, которые могут послужить потенциальными лингвистическими коррелятами.

Ролевой набор (статистические данные)

На основании корпусных данных удалось определить количество социальных ролей всех информантов на протяжении одного речевого дня (см. табл. 1).

Таблица 1. Социальные роли информантов ОРД (количественные данные)

Информант	СР	Информант	СР	Информант	СР	Информант	СР
S63	12	S140	7	S109	5	S29	4
S113	11	S7	7	S120	5	S31	4
S128	11	S72	7	S125	5	S32	4
S117	10	S77	7	S129	5	S42	4
S30	10	S78	7	S13	5	S43	4
S35	10	S86	7	S132	5	S44	4
S62	10	S89	7	S142	5	S65	4
S107	9	S93	7	S143	5	S69	4
S11	9	S95	7	S144	5	S71	4
S135	9	S1	6	S16	5	S76	4
S24	9	S101	6	S19	5	S8	4
S28	9	S102	6	S20	5	S90	4
S84	9	S103	6	S22	5	S96	4
S110	8	S108	6	S26	5	S119	3
S115	8	S111	6	S39	5	S121	3
S124	8	S123	6	S40	5	S15	3
S130	8	S131	6	S45	5	S17	3
S137	8	S133	6	S61	5	S2	3
S33	8	S134	6	S70	5	S41	3
S36	8	S139	6	S79	5	S66	3
S38	8	S14	6	S87	5	S67	3
S4	8	S18	6	S88	5	S73	3
S6	8	S27	6	S92	5	S100	2
S64	8	S5	6	S104	4	S114	2
S74	8	S60	6	S106	4	S23	2
S98	8	S83	6	S122	4	S37	2
S105	7	S85	6	S136	4	S118	1
S116	7	S9	6	S147	4	S3	1
S126	7	S91	6	S21	4	S80	1
S127	7	S10	5	S25	4		

Статистический анализ полученных данных показал следующее:

Max – 12
 Min – 1
 Mean – 6
 Размах – 11
 Медиана – 5
 Мода – 5
 Станд. откл. – 2
 Коэф. вариации – 0,33

Коэффициент вариации свидетельствует об однородном распределении, несмотря на значительную степень рассеивания данных (*размах* – разница между максимальным (12) и минимальным (1) количеством социальных ролей у одного говорящего в течение его «речевого дня»). Поскольку *медиана* практически совпадает со средним значением (*mean*), что возможно в случае нормального распределения показателей, а *стандартное отклонение* говорит о том, что каждое значение в выборке отклоняется от среднего только на 2, и *мода* – величина, которая указывает самое часто встречающееся значение, – равна 5, можно считать полученные данные вполне достоверными и говорить о том, что ролевой набор участника коммуникации в корпусе ОРД равен 5.

Рассмотрим соотношение наиболее часто встречающихся СР в корпусе (см. табл. 2).

Таблица 2. Соотношение социальных ролей говорящих в ОРД

	СР	Кол-во эпизодов	%
1.	КО (КН, КД, КП)	824	26
2.	СС	269	8,5
3.	МУ	170	5,3
4.	ДР	144	4,5
5.	МА	137	4,3
6.	КЛ	120	3,8
7.	ЖЕ	102	3,2
8.	ОТ	81	2,5
9.	ДО	71	2,2
10.	СЫ	62	2
11.	СА	55	1,7
12.	Полиролевые ситуации ¹	1147	36
	ВСЕГО	3182	100

Первые пять наиболее часто встречающихся ролей: коллега (КО), работник службы сервиса (СС), муж (МУ), друг (ДР), мать (МА) – можно отнести к типичному ролевому набору

¹ Ситуации, в которых говорящий исполняет одновременно несколько ролей.

говорящего. Стоит обратить внимание на то, что две из них принадлежат к группе родственников, то есть роли определяются как семейные. Трудно однозначно говорить без расширения материала, отражает ли это тенденцию русской разговорной речи в целом или это данные, которые актуальны только для данного корпуса.

Роль коллеги (КО) оказывается самой неоднозначной. Интересно, что в трех случаях, когда в ОРД у информанта только одна социальная роль, этой ролью оказывалась роль КО. Трудно оценить саму ситуацию общения между коллегами, так как невозможно исключить фактор межличностных отношений, которые разрушают предписываемую официальность общения.

Более того, в корпусе в ранжированном списке всех эпизодов максимальное время звукозаписи (93,6 часа или почти 42 %) относится к работе или учебе информанта. Эта категория более чем в 4 раза превосходит по объему следующую за ней группу эпизодов – домашние разговоры в вечернее время (9,92 %) (Русский язык ... 2016) (см. табл. 3).

Таблица 3. Фрагмент ранжированного ряда эпизодов ОРД (по суммарному времени) (данные 2007 г.)²

№	Эпизод	минуты	часы	%
1.	<i>работа/учеба</i>	5616	93,6	41,94
2.	<i>дом.разговоры/вечер</i>	1329	22,15	9,92
3.	<i>вечеринка в кафе/в гостях</i>	1312	21,87	9,80
4.	<i>дорога на работу/мероприятие</i>	1175	19,58	8,77
5.	<i>дом.разговоры/утро</i>	724	12,07	5,41
6.	<i>в гостях</i>	460	7,67	3,43
7.	<i>дорога домой</i>	453	7,55	3,38

Данные табл. 2 можно сгруппировать (см. табл. 4) по принципу парности социальных отношений.

Таблица 4. Парное соотношение социальных ролей

СР	Кол-во эпизодов	%
КО	842	26
СС-КЛ	389	12,3 %
МУ-ЖЕ	272	8,5%

² Таким образом, проанализированное распределение эпизодов оказалось крайне неоднородным: первые пять категорий покрывают 75 % всего «речевого дня», а первые 10 – уже 90 %. Полученное значение коэффициента вариации почти в 6 раз превышает показатель, характерный для нормального распределения (*Baker, Hardie, McEneaney* 2006: 123), что подтверждает нашу гипотезу о ярко выраженной неоднородности этого распределения. Следовательно, в структуре «речевого дня» категория «работа/учеба» должна рассматриваться независимо от всех прочих видов деятельности (Русский язык ... 2016).

Видим, что на первые позиции поднимаются роли, которые в теории социолингвистики уже между собой противопоставлены по принципу ассиметричности/симметричности отношений (Беликов, Крысин 2001: 201-202).

Для дальнейшего анализа были отобраны «речевые дни» двух информантов (ИЗ8 – муж., 53 года и И115 – муж., 58 лет), ролевой набор которых равен 8, и у каждого есть эпизоды, в которых информанты выступают в роли как МУ так и СС. Принцип противопоставленности двух ролей должен способствовать выявлению значимых языковых явлений, то есть искомым лингвистических коррелятов СР. Данные о материале см. в табл. 5.

Таблица 5. Материал исследования

	Объем подкорпуса (токены ³)	МУ	СС
ИЗ8	2868	1 533	1 335
И115	6397	2878	3519

Ср., например, употребление единицы *ну* одним информантом в разных социальных ролях:

МУ

- (1) Ж1: *ездят на своей четвёрке и ездят //*
 ИЗ8: *ну да //*
- (2) Ж1: *тот парень какой-то до него в итоге дозвонился ?*
 ИЗ8: *ну какой-то дозвонился //*

СС

- (3) ИЗ8: *это же ... ну это (...) е... это кстати берут все подряд //*
- (4) ИЗ8: *ну (...) ну я говорю мы такие () шили года три назад //*
- (5) ИЗ8: *слушай ну () в самом деле я хочу тебе сказать что лартек по () сегодняшним рыночным ценам / настоящий / он безумно дешёвый просто //*

В примерах (3)-(5) *ну* употребляется перед паузами хезитации, что позволяет предположить хезитативный характер самой этой единицы. Она, скорее всего, отражает трудности речепорождения в ситуации общения в формальной обстановке.

³ В корпусной лингвистике принято называть единицы корпуса – минимальные фрагменты для анализа *токенами*, хотя чаще всего они совпадают со словоформами (Baker, Hardie, McEney 2006: 159).

Однако на первом этапе исследования, прежде чем обращаться к языковым уровням, интересно рассмотреть количественные показатели подкорпусов выбранных двух информантов.

Статистические параметры частотного словаря информантов

Существует ряд параметров, которые применяют при анализе частотных словарей. Эти данные позволяют качественно оценить содержание материала (См. об этом подробнее: Алексеев 2001).

Так, например, показатель количества уникальных слов (*hapaх*), тех, что были произнесены только один раз, характеризует не только лексическое богатство речи информанта, но позволяет также обнаружить специфичные черты языковой личности (особенности идиолекта). Если анализ выявит зависимость *hapaх* от социальной роли говорящего, то исследуемый параметр можно отнести к потенциальным лингвистическим коррелятам. В таком случае он может быть использован, например, в практике судебной лингвистики, особенно при установке авторства, атрибуции текста или в случаях предполагаемого плагиата.

Поскольку у И115 подкорпус значительно больше, то сравнивать показатели *hapaх* нужно для каждого информанта отдельно. Заметно преобладание уникальных слов у И38 в роли МУ (см. табл. 6).

Таблица 6. Параметры частотного словаря

Параметры	И38		И115	
	МУ	СС	МУ	СС
леммы	451	340	606	641
<i>hapaх</i>	375	281	528	530
кол-во полнзначных слов	389	295	550	577
TTR/ TTR (st)	0,3 / 0,4	0,3/ 0,3	0,3 / 0,4	0,2/ 0,4
лексическая плотность	25 %	21 %	20 %	14 %
индекс исключительности	0,7	0,8	0,7	0,65

Лексическая плотность – это доля полнзначных слов в корпусе. Заметно более низкий показатель у информанта И115 в роли СС, как и индекс исключительности – доля однократных употреблений в корпусе, что также может претендовать на статус лингвистического коррелята социальной роли.

Однако важно учитывать *индекс разнообразия* (TTR – token/type relation (ratio) – отношение количества разных словоформ или лексем к объему текста, которое выводится по

формуле L/N (L – лексемы, N – объем текста). При стандартизованном $TTR(st)$ используются выборки одинакового размера. Как видно из таблицы 6, показатели равны для обоих информантов в роли МУ, а вот роль СС и здесь оказалась хоть незначительно, но все же маркирована у И38, что может свидетельствовать о необходимости детального рассмотрения этого аспекта.

Дж. Юр показал что письменные тексты имеют лексическую плотность более 40 %, в то время как устные тексты, как правило, меньше. Разговорные тексты предсказуемы, потому что они обычно тесно связаны с «физической средой» человека и поэтому содержат больше повторений (Ure 1971).

Эту мысль можно развивать на полученных в настоящем исследовании показателях: лексическая плотность в обеих ролях сигнализирует о «разговорности», даже в случаях асимметричных отношений. Однако если разговорная речь предсказуема (от того, что реализуются коммуникативные сценарии в определенных ситуациях?), то можно предположить, что случаи формального общения в рамках повседневной коммуникации могут быть еще более стандартизованы. Эту гипотезу могу подтвердить случаи маркированности некоторых параметров частотного словаря у обоих информантов в роли СС.

Выводы.

В результате проведенного исследования на корпусном материале русского языка повседневного общения был выявлен показатель среднего ролевого набора говорящего. Из 5 наиболее типичных социальных ролей говорящих две противопоставлены друг другу по принципу асимметричности/симметричности отношений, что обусловило выбор материала исследования.

Поиск лингвистических коррелятов СР с помощью применения статистических параметров частотного словаря информантов позволил обнаружить показатели, которые маркируют роль СС у обоих информантов. Дальнейший анализ материала на разных языковых уровнях сделает возможным получение классификации характерных особенностей, которые отличают речь одного языкового регистра от другого. Такие данные могут быть использованы для решения текущих проблем в речевых технологиях, для синтеза речи и систем распознавания, в судебно-лингвистической и судебной фонетике.

Список литературы

- Алексеев П. М. (2001): Частотные словари : Учеб. пособие. СПб.: Изд-во СПбГУ, 153 с.
Беликов В. И., Крысин Л. П. (2001): Социолингвистика. М.: Рос. гос. гум. ун-т, 315 с.

- Звуковой корпус как материал для анализа русской речи. Коллективная монография. Ч. 2. Теоретические и практические аспекты анализа. Том 2. Звуковой корпус как материал для новых лексикографических проектов / Отв. ред. Н. В. Богданова-Бегларян. – СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2015. – 364 с.
- Кон И. С. (1967): Социология личности. Москва: Политиздат, 383 с.
- Крысин Л. П. (2004): Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому и социолингвистике. Москва: Языки славянской культуры, 888 с.
- (2016): Русский язык повседневного общения: особенности функционирования в разных социальных группах. Коллективная монография, Н. В. Богданова-Бегларян (отв. ред.). Санкт-Петербург: ЛАЙКА, 244 с.
- Швейцер А. Д. (2009): Современная социолингвистика: Теория, проблемы, методы. Изд. 2-е. Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 176 с.

References

- Asinovsky, A., Bogdanova, N., Rusakova, M., Ryko, A., Stepanova, S., Sherstinova, T. The ORD Speech Corpus of Russian Everyday Communication «One Speaker`s Day»: Creation Principles and Annotation //Matoušek, V., Mautner, P. (eds.) TSD 2009. LNAI, vol. 5729, 2009. – Springer, Berlin-Heidelberg. – Pp. 250-257.
- Baker, P., Hardie, A and McEnery, T (2006): A Glossary of Corpus Linguistics. Edinburgh: Edinburgh University Press. Journal articles – 123 p.
- Gumperz, J. J., Hymes, D. (1964): The Ethnography of Communication. Special issue of American Anthropologist, Vol. 66, № 6, part 2, 137-54.
- Labov, W. (1970): The Study of Language in its Social Context, Studium Generale, 23, 30-87.
- Ure, J. (1971): Lexical Density and Register Differentiation, Applications of Linguistics, G. Perren and J. L. M. Trim (eds.), London: Cambridge University Press, 443–452.

**КОНЦЕПЦИЯ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА
БУДУЩИМ СПЕЦИАЛИСТАМ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ
СЛУЖБ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ
(УРОВЕНЬ МАГИСТРАТУРЫ)**

Поршнева Елена Рафаэлевна

*Нижегородский государственный лингвистический университет, Россия
eporshneva@gmail.com*

Макшанцева Наталия Вениаминовна

*Нижегородский государственный лингвистический университет, Россия
makshan@lunn.ru*

**CONCEPT OF TEACHING RUSSIAN TO THE SPECIALISTS OF
LINGUISTICS INTERNATIONAL ORGANIZATIONS
(MASTER`S DEGREE)**

Elena Porshneva

Nizhny Novgorod State Linguistics University, Russia

Natalia Makshantseva

Nizhny Novgorod State Linguistics University, Russia

АННОТАЦИЯ

В настоящее время в международных организациях расширяется спектр деятельности лингвистических служб, усиливается значимость таких переводческих специализаций, как переводчик-терминолог, переводчик-документалист, переводчик-референт и др., охватывающих сферы устного и письменного перевода. В подготовке будущих специалистов особую роль играет профессиональное владение родным языком. Представлена магистерская программа «Русистика и перевод: подготовка специалистов для лингвистических служб международных организаций», в которой русский язык занимает приоритетные позиции, являясь основой формирования профессиональной языковой личности. Программу отличают междисциплинарный характер, комплексный подход к обучению (контекстно-компетентностный, когнитивно-дискурсивный, когнитивно-коммуникативный, межкультурный). Для изучения предлагаются дисциплины, нацеленные на совершенное владение родным языком в контексте стратегии переводческой деятельности, направленных на формирование профессионально значимых компетенций.

ABSTRACT

Currently the range of activities of language services in international organizations is increasing. Specialization such as translator-terminologists, documentalist, interpreter, abstracter are becoming widespread. In the training of the specialists, proficiency of the native language is important. The authors developed the master's program "Russian Studies and translation: training of specialists for linguistics services of international organizations", in which the Russian occupies a priority position, as the basis for the formation of a professional language personality. The program is characterized by an interdisciplinary nature, an integrated approach (context-competence, cognitive-discourse, cognitive-communicative, intercultural). Offered subjects are aimed at perfect knowledge of the native language in the context of the strategy of translation activities, as a result the formation of professionally significant competencies is provided.

Ключевые слова: профессиональное владение языком, профессиональная контекстуализация, межкультурная русистика, межкультурный подход.

Keywords: professional proficiency, professional contextualization, intercultural Russian studies, intercultural approach.

Одна из ключевых идей современной языковой политики России – обсуждение возможностей создания безбарьерной межкультурной коммуникации, в основе которой лежит русский язык и его эффективное использование в международном пространстве. Проблема продвижения русского языка как лидирующего в современном мире, а также укрепление его позиций как стратегического национального приоритета РФ, как официального и рабочего языка многочисленных международных организаций не может быть решена без осознания нового подхода к обучению родному (русскому) языку в системе подготовки специалистов межкультурного взаимодействия, которые должны профессионально владеть не только иностранным, но и родным языком.

В настоящее время в интернациональных организациях расширяется спектр деятельности лингвистических служб, охватывающих сферы устного и письменного перевода. Штатный лингвистический персонал в подобных организациях составляют такие специалисты, как переводчик-терминолог, переводчик-стилист, переводчик-референт, переводчик-документалист, протоколист, специалист аудиовизуального перевода, составители стенографических отчетов, референты справочных служб, корректоры, выпускающие редакторы и др. Успешность их работы обусловлена профессиональным владением родным языком. К сожалению, как отмечают руководители международных лингвистических служб, найти выпускников лингвистических факультетов, которые отвечали бы данному требованию, очень сложно. Если судить по результатам отборочного экзамена в ООН, то подавляющая часть кандидатов, окончивших переводческие факультеты, не имеют требуемых навыков и испытывают самые большие трудности при редактировании текста своего перевода на русском языке, т.к. не владеют родным языком как инструментом

профессиональной деятельности. К большому сожалению, преподавание русского (родного) языка в лингвистическом вузе до сих пор остается нацеленным на овладение теоретическими знаниями вне реального функционирования языка в межкультурном аспекте. К тому же в учебных планах бакалавриата по направлению подготовки «Лингвистика» русскому языку отводится всего 6 зачетных единиц. Этого явно недостаточно, чтобы восполнить пробелы школьного образования и построить базу языковой культуры, без которой немыслимо ни становление профессиональной языковой личности, ни формирование элитарного типа речевой культуры специалиста.

Подготовка к профессии, внутри которой сталкиваются различные цивилизационные культуры, традиции, разные уровни развития народов и этносов, разные эпохи, разные типы мышления, разные картины мира, разные личности, требует создания особых условий преподавания родного (русского) языка. Требуется иная методическая организация учебного процесса, опирающаяся на модель переводческой деятельности как образовательного контекста.

В своем исследовании, посвященном анализу деятельностного и культурологического подходов в преподавании иностранных языков, Кр. Пюрэн отмечает, что методы, разработанные начиная с 60х годов прошлого столетия, сделали неоценимый вклад в развитие лингводидактики, поскольку новые подходы были нацелены на удовлетворение социального запроса и дополняли существующую методику обучения своими достижениями. (Puren, 2002). Так революционность коммуникативного подхода проявилась в пересмотре задач обучения иностранному языку, выдвигая на первый план овладение операциональными знаниями и умениями и обогащение коммуникативного опыта.

К важным достижениям современной лингводидактики относится признание необходимости конкретизации условий и контекста, в которых и для которых изучается иностранный язык. Не менее важно, на наш взгляд, и осознание этой необходимости при обучении родному языку. Признание определяющей роли языков в развитии профессиональных и интеллектуальных качеств человека и воплощение этой идеи стало одной из первостепенных задач современной лингвообразовательной парадигмы. Концепция Л.С. Выготского, психологическая теория деятельности А.Н. Леонтьева, компетентностная теория содержания обучения И.А. Зимней легли в основу контекстно-компетентностного подхода, заключающегося в профессионализации высшего образования вообще и лингвистического в частности (Вербицкий 2010).

Необходимость разработки новой концепции обучения будущих специалистов лингвистических служб русскому языку продиктована не только динамично меняющимися

социально-экономическими условиями развития современного общества. Очевидны и недостатки сложившейся системы профессиональной подготовки переводческих кадров, не отвечающей требованиям формирующейся межкультурной образовательной парадигмы XXI века, которая, по определению Н.Д. Гальсковой и Е.Г. Таревой характеризуется усилением проблемности, ситуативности, контекстности в обучении и переходом от «текстовой образовательной парадигмы» к дискурсивной» (Гальскова, Тарева 2013). Методологической базой новой образовательной парадигмы в сфере лингвистического образования становится интеграция современных методических подходов, развившихся на основе теории деятельности, сопоставительной и когнитивной лингвистики, психолингвистики, теорий дискурса и межкультурной коммуникации. На первый план выходит работа со смыслами, усиливается значимость социальных практик сотрудничества, востребованных для организации межкультурного взаимодействия.

Идея интегрирования культуры страны изучаемого языка в теорию и практику преподавания, которая присутствовала в методике уже в 70-80 гг. прошлого века, обрела новую перспективу, которую нужно учитывать в течение всего процесса лингвистического образования. Суть межкультурного образования состоит в обучении пониманию чужого в контексте диалога культур, диалога ментальностей. В процессе диалога в результате рефлексии происходит «расшатывание» монокультурного сознания языковой личности, система восприятия, поведения, действий включается в свое культурное смысловое поле. Соединяются и взаимопроникают диалог культур и диалог в сознании. Это сочетание ведет к рождению «диалогового человека» и формирует основу межкультурной компетенции. Соизучение языка и культуры осуществляется не столько ради самой коммуникации, сколько ради профессионального взаимодействия в различных областях деятельности с представителями иного социума, иной страны.

Внедрение в практику преподавания родного (русского) языка межкультурного подхода носит инновационный характер. Межкультурный подход восходит к концепции межкультурной герменевтики, которая рассматривала проблему межкультурного понимания, значительную роль отводит отношению к собственному и чужому миру, рефлексии ценностей, поведенческих тактик и т.д. (Макшанцева 2011). Межкультурное преподавание предполагает вовлечение студентов в альтернативную интерпретацию мира посредством родного языка и знакомства с феноменами, которые они могут сравнить со своей собственной культурой.

Чтобы соответствовать современной образовательной парадигме, концепция преподавания русского языка как родного должна быть выстроена на основе интеграции взаимодополняющих методических подходов: контекстно-компетентностного, когнитивно-

коммуникативного и межкультурного. Программа обучения, в которой русский язык становится основой формирования профессиональной языковой личности, должна носить междисциплинарный характер и разрабатываться на стыке межкультурной русистики, современного переводоведения, дидактики переводческой деятельности, лингводидактики, теории дискурса и межкультурной коммуникации.

Достижение поставленных целей обеспечивается включением в учебный план таких дисциплин как: «межкультурная русистика», «практикум по риторике и внутриязыковому переводу на РЯ», «сопоставительное терминоведение», «актуальная лексикология в межкультурном аспекте», «коммуникативная грамматика РЯ в аспекте перевода», «РЯ в мировом контексте и международных организациях» и др.

Раскрытие и реализация новых аспектов традиционных дисциплин, изучаемых в русле разработанной концепции, способствует формированию у будущего специалиста компетенций, востребованных лингвистическими службами современных международных организаций, отвечая насущным задачам межкультурного взаимодействия представителей разных лингвосоциумов в поликультурном пространстве. При выстраивании языковой подготовки будущих переводчиков особенно важны осознание и координирование уровней владения речевыми функциями на родном и иностранных языках, поскольку «недоразвитие определенных функций на родном языке может системно отразиться на развитии аналогичных функций на втором языке» (Котик-Фридгут 2002:73). Л.С. Выготский подчеркивал, что при овладении иностранным языком существует разная динамика в развитии отдельных речевых функций (Выготский, 1983:334). Поэтому выстраивание сбалансированной системы преподавания родного и иностранного языков представляет не менее серьезную проблему. Необходимо иметь четкое представление о том, как сосуществуют разные языковые системы в языковом сознании будущего переводчика, какая форма их взаимодействия способствует формированию переводческого мышления. В связи с этим, требуется не только пересмотр приоритетов в языковом образовании, но и иная организация учебного материала, а главное - четкое координирование целей и задач языкового и переводческого этапов обучения. Перифразируя слова Ю.Н. Караулова, можно сказать, что сквозной идеей, позволяющей разрушить границы между отдельными дисциплинами и этапами обучения, может стать лишь идея *формирования профессиональной языковой личности*, отражающей накопление жизненного и речевого опыта, усвоение научных знаний о мире, развитие профессионального мышления и выстраивание языковой картины мира в соответствии с национальной спецификой. Важно осознавать необходимость определенного «запаздывания» иностранного учебного компонента по сравнению с родным. В задачи разрабатываемого курса родного

языка (Риторика и внутриязыковой перевод на русском языке) входит не только закрепление норм русского языка, но и ознакомление со стратегиями будущей профессиональной деятельности, осмысление профессионально значимых компетенций, которые нужно активизировать на родном языке для ее успешной реализации. Для этого требуются упражнения на варьирование передачи смысла, расширение и свертывание информации, составление дефиниций и объяснений специфики культурологических реалий.

Идея профессиональной контекстуализации обучения, представления языка как инструмента профессиональной деятельности была поддержана и реализована на переводческом факультете НГЛУ (Поршнева, Зиновьева, 2013). Наш опыт пока-зывает, что контекстно-компетентный подход способствует осмыслению характерных свойств родного языка и его активизации как средства профессионального освоения переводческой деятельности и межкультурного взаимодействия. Не менее важна его роль в оптимизации процесса овладения иностранным языком, поскольку созданная образовательная среда дает обучающимся возможность прочувствовать специфику профессионального мышления и общения, использовать свой личностный потенциал в профессиональных целях. Профессионально контекстуализированная образовательная среда ориентирует студентов не только на развитие профессионально значимых компетенций, но и способствует формированию психологической готовности к осуществлению профессиональной переводческой деятельности.

Становится очевидным, что в подготовке специалистов межкультурного взаимодействия особую значимость приобретают интегративные качества, умения и способности, развитию которых необходимо уделять внимание в процессе профессионального овладения родным языком. Это, прежде всего, такие качества как:

способность к концентрации и распределению внимания; способность к смысловому и лингвистическому обобщению; значительный объем семантической памяти; высокая скорость вербальной оперативной памяти; мобильность информационного запаса знаний (лингвистических, экстралингвистических знаний, индивидуального опыта); высокий уровень культурологических, лингвострановедческих знаний; социально-перцептивная активность; способность принимать субъективные речевые решения и брать за них ответственность; способность к свертыванию во внутренней речи и развертыванию во внешней речи смыслового содержания высказывания и многое другое.

Важнейшей частью процесса обучения становится обучение профессиональному «активному» чтению и слушанию на родном языке (нацеленному на передачу полученной информации третьему лицу). При этом, обучение ознакомительной, реферативной,

аналитической, интерпретативной, обзорной стратегиям чтения и слушания направлено на развитие профессиональных когнитивно-дискурсивных умений: точное восприятие исходного текста/высказывания, стилистическое редактирование текста перевода, интерпретация и порождение связанных монологических высказываний в письменной форме, владение особенностями официального, нейтрального и неофициального регистров общения, владение различными видами передачи информации (полный, реферативный, аннотированный).

Значительное место должны занимать упражнения на концентрацию внимания и извлечение информации, важной в смысловом отношении (умение различать главную и второстепенную информацию, ключевые и второстепенные детали), употребление текстовых организаторов, позволяющих восстановить логическую последовательность фрагментов текста, устанавливать причинно-следственную связь между последними. Вместе с тем работа с предлагаемыми текстами должна включать задания и упражнения, направленные на обучение специальным приемам преобразования текста: переформулированию смысла, грамматическому перефразированию, компрессии текста, реферированию, комментарию, объяснению, прагматической адаптации и т.п. Особое место занимают упражнения на запоминание и воспроизведение прецизионной лексики, на выявление прецедентных текстов, бродячих сюжетов, осознание роли фоновых знаний.

Мы много слышим о профессиональном владении языками. В основном авторы имеют в виду формирование иноязычной коммуникативной компетенции в контексте будущей профессиональной деятельности. В нашем случае, мы будем говорить о преподавании русского (родного) языка как основы общелингвистической и общегуманитарной переводческой подготовки. И в этом нам помогут высказывания наших крупнейших психологов и лингвистов. М.М. Бахтин подчеркивал, что владение языком – это, прежде всего, владение контекстуальными смыслами, умение реализовать личностные смыслы, производить и воспроизводить всю гамму типовых текстов, осознание многообразия оттенков и значений слова в разных ситуациях, осознание постоянного обновления смысла в разных контекстах (Бахтин 2000). Эти умения развиваются, по словам Б.Гаспарова, благодаря накоплению в памяти говорящего достаточно обширного арсенала коммуникативных фрагментов и достаточно развитой сети аналогий, контаминаций, ассоциативных ходов, придающих каждому фрагменту аллюзионную пластичность и неопределенность очертаний». Коммуникативный фрагмент в его понимании — это «кусочек языкового опыта каждой личности» (Гаспаров 1996: 129). Важнейшим показателем профессионального владения языками становится *осознание* того, что само слово только указывает на предмет или явление,

а смысл появляется лишь в определенной ситуации и контексте, что слово всегда остается в плену у ситуации в контексте действия (Обухова 1981: 178). Так мы приходим к пониманию главной характеристики владения языком, которая заключается во *владении смыслами*. По определению И.А. Мельчука «владение смыслом проявляется у говорящего в способности по-разному выразить одну и ту же мысль, а у слушающего – в понимании смыслового тождества или сходства внешне различных высказываний» (Мельчук 1999: 11). В связи с этим, на первый план выходит *процесс понимания* высказывания (*герменевтический аспект*), толкуемый А.А. Леонтьевым как «*процесс перевода смысла текста в любую другую форму его закрепления*. Это может быть процесс перифразы, пересказа той же мысли другими словами, если, конечно, пересказывается мысль, а не слова; процесс перевода на другой язык; процесс смысловой компрессии, в результате которого образуется мини-текст, воплощающий в себе основное содержание исходного текста в виде реферата, аннотации, резюме и т.д. ... *Понятно, в самом широком смысле, то, что может быть иначе выражено*» (Леонтьев 2001:249). Переводческая речевая деятельность, а перевод «есть разновидность речевого действия» и «факторы, им управляющие, те же, что и у любого речевого действия» (Леонтьев 1970:71), требует овладения фундаментальными механизмами, общими для понимания, воспроизведения и порождения речи на родном и иностранном языках. Как подчеркивает И.А. Мельчук "владение смыслом проявляется у говорящего в способности по-разному выразить одну и ту же мысль, а у слушающего – в понимании смыслового тождества или сходства внешне различных высказываний. Тем самым для нас смысл неотделим от синонимического преобразования, в частности – от перевода, который есть просто межъязыковое перифразирование" (Мельчук 1999: 11).

Подчеркнем, что на этапе языковой подготовки по родному и иностранному языкам студентам необходимо овладеть умениями и опытом осуществления *внутриязыковой* переводческой деятельности на методологическом уровне. А это значит - научиться извлекать и переформулировать смысл, реферировать и развертывать текст, объяснять и определять различные понятия.

На внутриязыковом уровне профессионально ориентированными становятся упражнения, развивающие вербальную лабильность обучающихся на уровне словосочетаний: лексико-синтаксические трансформации (изменение частей речи, замена предложенных слов словосочетаниями, инфинитивных оборотов придаточными предложениями и т.п.); лексико-семантические трансформации (поиск контекстуальных эквивалентов), включающие как синонимические, антонимические, так и фразеологические замены, комбинирование гиперонимических и гипонимических отношений; синтаксические трансформации

(изменение синтаксической структуры высказывания); составление дефиниции; выявление разных способов обозначения окружающих предметов или явлений.

На текстовом уровне: схематизация текста для его последующего пересказа; передача содержания высказывания другими словами, развертывание сокращенного текста, переход от устной к письменной форме и наоборот (передать письменно информацию прослушанного разговора, или монологического высказывания), переход от диалога к монологу, от повествования к информационной заметке и т.п.; перевод диалогического текста в другой стилистический регистр (перевод бытового диалога в официально-деловой и т.п.); преобразование, адаптация текста, например: пересказ сообщения для человека незнакомого с предметной областью текста.

Еще одно упражнение, обычно рекомендуемое при обучении переводу, целесообразно использовать при языковой подготовке. Оно заключается в самопереформулировании, то есть в переформулирование речи самого говорящего, и заключается в поиске наиболее лаконичного и точного словесного выражения высказывания при сохранении его смыслового содержания. При выполнении данного упражнения развивается способность выразить смысл разными грамматическими структурами и лексическими средствами.

При работе с текстами большое значение приобретают творческие упражнения на глубинные трансформации: перепланирование текста, описание ситуации с помощью иных деталей; представление ситуации как описание действия, предполагаемого, совершаемого, или завершенного; представление ситуации как результата действия; представление ситуации через восприятие другого лица, участвовавшего в действиях, участника события; представление ситуации со слов участников события (передача информации, услышанной, прочитанной, рассказанной и т.п.).

Подобные творческие упражнения позволяют развивать умения по-разному представлять ситуацию, решать задачи по отбору важных и второстепенных деталей, выявлять существенные элементы и признаки в зависимости от цели высказывания, адресата и условий представления (по радио, на телевидении, одному слушателю, публично, в знакомой или незнакомой обстановке). При этом используются такие приемы как конкретизация, генерализация /обобщение/, сжатие и расширение высказывания, де/идиоматизация, требующие применения всех видов поверхностных трансформаций.

Среди данных упражнений особое место занимает упражнение на компрессию текста или микрореферирование (передача ключевой информации) и реферативный обзор нескольких текстов, которые обычно вызывают большую трудность у студентов, поскольку

они не умеют это делать на родном языке. Причем эти упражнения необходимо предлагать как при чтении, так и при аудировании текстов.

При обучении родному языку немаловажное значение имеют упражнения, нацеленные на совершенствование когнитивно-дискурсивных стратегий, поскольку студенты часто испытывают затруднения при выполнении заданий типа *сгруппируйте, определите значения, определите степень обобщения, выражаемую словами, составьте классификацию, схему, дефиницию и т.п.*, что обусловлено недостаточным владением такими когнитивными стратегиями, как *идентификация, сопоставление, классификация, дедукция, индукция, систематизация, детализация*, что в свою очередь объясняется тем, что когнитивные стратегии не являются объектом овладения в школе, в частности, на уроках грамматики.

Необходимы и упражнения, нацеленные на выработку интеракционных стратегий, способствующих осмыслению характерных свойств родного языка как средства межкультурного взаимодействия.

В связи с вышесказанным, основной целью профессионального изучения родного языка становится осмысление модели переводческой деятельности, овладение текстовой деятельностью, совершенствование речевой культуры, овладение языковыми ресурсами всех уровней. Поскольку целью переводческой деятельности является осмысление (понимание) содержания устного или письменного текста и передача его аудитории, говорящей на другом языке и представляющей другую культуру, то *процесс понимания (герменевтический аспект)* высказывания становится важнейшим профессионально значимым компонентом. Благодаря современным образовательным герменевтическим практикам, опирающимся на интерактивные, информационные, проектные, рефлексивные, тренинговые технологии, курс родного языка становится практическим, ориентированным на обогащение речевого и коммуникативного опыта, овладение типами и видами дискурса в контексте переводческой деятельности. При таком обучении совершенствуются знания и углубляется понимание основных характерных свойств родного языка как средства межкультурного общения и передачи информации, раскрывается коммуникативный, познавательный и эстетический потенциал *родного языка и культуры*, расширяется лингвокультурологический кругозор.

Раскрытие и реализация новых аспектов традиционных дисциплин, изучаемых в русле разработанной концепции, способствует формированию у будущего специалиста компетенций, востребованных лингвистическими службами современных международных организаций, отвечая насущным задачам межкультурного взаимодействия представителей разных лингвосоциумов в поликультурном пространстве.

Список литературы

- Бахтин М.М. (2000): Проблема речевых жанров, Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук. СПб.: Азбука, 270-298
- Вербицкий А.А. (2010): Контекстно-компетентностный подход к модернизации образования, Высшее образование в России, 5, 32-38.
- Выготский Л.С. (1983): К вопросу о многоязычии в детском возрасте, Собр. соч. Т.3. Москва: Педагогика.
- Гальскова Н.Д., Тарева Е.Г. (2013): Инновации в обучении языку и культуре: pro et contra, Иностранные языки в школе, 10, 2-8.
- Гаспаров Б.М.(1996): Язык, память, образ, Лингвистика языкового существования, Москва: Новое литературное обозрение.
- Котик-Фридгут Б.С. (2002): Системно-динамическая концепция А.Р. Лурия и нейропсихология сегодня, Вопросы психологии, 4, 68-77.
- Леонтьев А.А. (1970): Некоторые проблемы обучения русскому языку как иностранному. Москва: МГУ.
- Леонтьев А.А. (2001): Язык и речевая деятельность в общей и педагогической психологии, Избранные психологические труды. Москва – Воронеж.
- Макшанцева Н.В. (2011): Профессиональная подготовка будущих специалистов по направлению «Лингвистика и межкультурная коммуникация» в вузе: дис... доктор пед. наук: 13.00.08.
- Мельчук И.А. (1999): Опыт теории лингвистических моделей "Смысл↔Текст", Семантика, синтаксис. Москва: Школа "Языки русской культуры".
- Обухова Л.Ф. (1981): Концепция Жана Пиаже: за и против, Москва: издательство МГУ.
- Поршнева Е.Р., Зиновьева И.Ю. (2011): Подготовка профессиональных переводчиков в свете нового государственного стандарта, Высшее образование в России, 3, 63-69.

References

- Christian PUREN (2002): Perspectives actionnelles et perspectives culturelles endidactique des langues-cultures : vers une perspective co-actionnelle co-culturelle, Langues modernes, 3, Paris: APLV, 55-71.

АНАЛИЗ «ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ» В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ РОССИЙСКИХ МЕДИАТЕКСТОВ

Радбиль Тимур Беньюминович

*Национальный исследовательский Нижегородский университет им. Н.И. Лобачевского,
Россия
timur@radbil.ru*

Юматов Василий Алексеевич

*Национальный исследовательский Нижегородский университет им. Н.И. Лобачевского,
Россия
yumatovva@yandex.ru*

Гранева Ирина Юрьевна

*Национальный исследовательский Нижегородский университет им. Н.И. Лобачевского,
Россия
irina.graneva@mail.ru*

Наговицына Наталья Валерьевна

*Национальный исследовательский Нижегородский университет им. Н.И. Лобачевского,
Россия
nagov@list.ru*

THE ANALYSIS OF “PRECEDENT PHENOMENA” IN LINGUISTIC EXPERTISE OF RUSSIAN MEDIA-TEXTS

Radbil Timur Benyuminovich

National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Russia

Yumatov Vasiliy Alekseevich

National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Russia

Graneva Irina Yuryevna

National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Russia

Nagovitsyna Natalya Valeryevna

National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Russia

АННОТАЦИЯ

Важнейшим аспектом прикладного применения идей современной русистики является теория и практика производства лингвистических экспертиз. Исследование посвящено описанию комплексной методики выявления и экспертной квалификации диагностических лингвистических признаков негативной информации при использовании «прецедентных феноменов» как единиц «языка культуры» в текстах российских СМИ, которая включает

элементы герменевтического, контекстуального и референциального анализа. Были проанализированы интертекстуальные вхождения в медиатексты, принадлежащие разным культурным пластам: цитаты, аллюзии и «прецедентные имена» из авторских текстов или фильмов, трансформированные фразеологизмы, содержащие имплицитную негативную информацию. По итогам анализа были выработаны предложения и рекомендации для оптимизации лингвистической экспертизы медийных текстов российских СМИ по разным категориям дел.

ABSTRACT

The most significant aspect of applied usage of ideas of the modern Russian language studies is the theory and practice of processing of linguistic expertise. The work is devoted to description of complex methods of revealing and expert qualification of diagnostic linguistics marks of negative information, when using “precedent phenomena” as units of “culture language” in Russian media-texts, which includes elements of hermeneutic, contextual and referential analysis. Some inter-textual entries in media-texts belonged to various cultural strata: quotes, allusions and “precedent names” from authorial texts or films, transformed idioms containing implicit negative information are analyzed. Following the results of research the proposals and recommendations for optimization of linguistic expertise of Russian media-texts in different categories of criminal cases are elaborated.

Ключевые слова: «прецедентные феномены», лингвистическая экспертиза, негативная информация, медиатексты, русский язык

Keywords: “precedent phenomena”, linguistic expertise, negative information, media-texts, Russian language

1. Введение.

Работа представляет коллективный проект ученых Института филологии и журналистики и юридического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского, посвященный прикладному применению современных идей русистики в практике производства лингвистических экспертиз медиатекстов. В основе проекта лежат идеи, высказанные в исследованиях (Радбиль, Юматов 2013; Радбиль, Юматов 2014; Радбиль, Юматов 2015).

1.1. Цель исследования

— описать методику выявления и экспертной квалификации диагностических лингвистических признаков негативной информации при использовании «прецедентных феноменов» в текстах российских СМИ.

1.2. Методы и материалы исследования

Именно специальные знания лингвиста имеют решающее значение для выявления языковых признаков негативной информации в текстах российских СМИ как доказательной базы в делах по унижению чести и достоинства, оскорблению, экстремизму или

противоречащей общественным интересам рекламе в случаях непрямого, «игрового» или маскировочного, т.е. манипулятивного использования возможностей языка и речи в конфликтогенных высказываниях. Особую трудность представляет экспертная квалификация контекстной семантики «прецедентных феноменов» как элементов «языка культуры» в современной речевой практике, которые используются журналистами для отрицательной образно-метафорической и экспрессивно-оценочной характеристики героев медиатекста. Для решения этих задач предлагается **комплексная методика**, включающая элементы герменевтического, контекстуального и референциального анализа. **Теоретической основой** исследования выступают принципы анализа «языка культуры», разработанные в монографии одного из авторов (Радбиль 2017). **Материалом** для исследования послужили тексты реальных экспертных заключений по статьям в нижегородских СМИ, произведенных авторами по разным категориям дел.

1.3. Практическая значимость исследования

Результаты исследования могут быть использованы в качестве методических рекомендаций по выявлению и квалификации негативной интертекстуальной информации в текстах российских СМИ при производстве лингвистических экспертиз по разным категориям дел.

2. Результаты исследования

Для установления диагностических лингвистических признаков «законодательно запрещенной» вербальной информации в этих случаях недостаточно стандартных методик анализа семантики слов по данным словарей, грамматических форм, синтаксических моделей и конструкций по данным авторитетных грамматик: необходим выход эксперта-лингвиста в сферу экстралингвистического (внеязыкового), культурно-ориентированного («фонового») содержания и ассоциативно-оценочной сферы указанных единиц.

Как указывают Ю.А. Бельчиков, М.В. Горбаневский и И.В. Жарков, это требует от эксперта повышенной тщательности, филологической, культурно-исторической и общекультурной выверенности анализа содержания, композиционно-речевой структуры и языковых средств рассматриваемого текста на фоне исследования его коммуникативно-прагматического характера. При этом необходим максимальный учет: (а) культурно-исторического и социокультурного контекста эпохи (в целом и вплоть до частных деталей), «узких» идеологических смыслов, разного рода ассоциаций, аллюзий, актуальных для соответствующего исторического времени; (б) особенностей менталитета, фоновых знаний,

актуальных для носителей языка (создателей изучаемого текста), этнокультурного своеобразия (или лингвистической картины мира) данного языка (прежде всего — его лексико-фразеологического состава) (Бельчиков, Горбаневский, Жарков 2010: 160–189).

В наши дни интертекстуальность является важнейшим средством выражения авторской позиции в тексте, его выразительности и воздейственного эффекта (Денисова 2003). Применительно к целям нашего исследования укажем, что использование интертекста является, на наш взгляд, одним из самых действенных приемов формирования негативного имиджа физических и / или юридических лиц, о которых идет речь в медийных материалах, потому что задействует фоновые знания читателя, эксплуатирует его культурную компетенцию. При этом интертекстовая подача информации часто является и своего рода средством маскировки, вуалирования журналистом прямой негативной оценки, за что могут последовать правовые санкции, потому что с трудом поддается однозначной экспертной квалификации.

В работе проанализированы интертекстуальные вхождения в медиатексты, принадлежащие разным культурным пластам: цитаты, аллюзии и «прецедентные имена» из авторских текстов или фильмов, трансформированные фразеологизмы, а также расхожие выражения, пословицы и поговорки, которые были использованы авторами СМИ в целях дискредитации героев своих материалов.

Напомним, что юридизированная, т.е. имеющая правоприменительное значение негативная информация может быть порождена в адрес физических и / или юридических лиц и бывает следующих типов:

- обобщающая негативная характеристика лица в целом;
- негативная характеристика отдельных свойств и / или качеств лица;
- негативная характеристика отдельных действий, поступков лица или его деятельности какого-либо рода в целом (профессиональной чаще всего)

2.1. Авторские «прецедентные феномены»

В литературе отмечают разные способы ввода в дискурс «прецедентных феноменов»: это использование прецедентных цитат, использование прецедентных имен (автора или героя исходного пратекста), использование прецедентных названий пратекста, а также косвенные приемы ввода — аллюзии и реминисценции. Все эти способы так или иначе могут быть использованы авторами СМИ для создания негативного образа героев своих произведений.

Прецедентные цитаты. Так, в одной из нижегородских газет для непрямой негативной характеристики представителя администрации Х. задействована аллюзия на систему образов

и текст произведений И. Ильфа и Е. Петрова: в подзаголовке в кавычках использовано словосочетание «*кипучий лентяй*» (характеристика бездельника и приживала Полесова из «Двенадцати стульев»). Автор статьи имел в виду, что его герой только имитирует деятельность на высоком посту, а на самом деле не исполняет своих обязанностей.

В другой статье, критикующей Л., директора градообразующего предприятия районного города А., который попал в Законодательное Собрание с помощью незаконных и нечестных, по мнению автора, средств, использовано выражение «*Сбылась мечта идиота*» (напомним, что эта фраза говорит в «Златом теленке» Остап Бендер, когда получает вождельный миллион).

Статья, посвященная дискредитации деятельности Ф. — директора одного из знаковых культурных учреждений города, обыгрывает в заголовке статьи фразу из «Мастера и Маргариты» М. Булгакова: «*Антракт, негодяи!*» (фраза из сна Никанора Ивановича, которая звучит на фантазмагорическом театральном зрелище, посвященном сдаче незаконно нажитой валюты). Автор данного материала имел в виду экспрессивный призыв к директору и его коллегам прекратить выпады против газеты в затянувшемся конфликте. Данная фраза, вынесенная в сильную позицию заглавия, формирует общую негативную тональность всего материала.

Негативная информация о сомнительных бизнес-схемах крупной энергетической компании, согласно которым доходы выводятся из оборота и обналичиваются за счет выдачи невозвратных кредитов подставным фирмам-однодневкам, выражена путем актуализации фоновых знаний читателей за счет употребления «прецедентного высказывания» из известного фильма «Большая перемена» — «*аттракцион невиданной щедрости*»: «*В итоге общая сумма займов составила свыше 3 миллиардов целковых. Просто какой-то аттракцион невиданной щедрости. Как в дальнейшем тратятся эти средства – тайна за семью печатями*».

Прецедентные имена. Другой способ ввода в дискурс прецедентных феноменов — апелляция к прецедентным именам.

Это что, социально ответственный человек или обыкновенный шалопай, сидящий в соцсетях и развлекающийся вбросами? (Очень наглядно такого рода личности обозначены в сериале «Даешь молодежь» – Кекс и Укроп.)

Мы видим негативно-снижающее, обидное сравнение действий известного политика с дебиловатыми героями молодежного сериала **Кексом и Укропом**. Перед нами — стандартный коммуникативный механизм дискредитации, когда из одного конкретного факта делается неоправданный обобщающий негативный вывод о личности человека в целом. Подобные

явления трактуются как **несправедливые преувеличения** — они обычно направлены на умаление достоинства личности.

Прецедентные имена могут быть использованы в сложной метафорической фигуре, в целом предлагающей непрямую **аллюзию** на весь смысл исходного пратекста в культурном сознании читателя.

Негативно-оценочный культурный фон для создания негативного впечатления у читателей эксплуатирует в статье об инициаторе незаконной застройки на одной из улиц города — чиновнике Г., аллюзия на образы всем известного детского романа А.Н. Толстого про Буратино: В фрагменте: «*Вся эта шатия и устроила в городе театр марионеток имени **Карабаса Барабаса***», — которая, с опорой на фоновые культурные знания читательской аудитории, трактует указанные события как управляемые чьей-то недоброй волей, а самих участников представляет как безвольных «марионеток» в чужих руках.

Прецедентные названия. Иногда для правильной атрибуции источника интертекстуального включения необходимо хорошо ориентироваться в культурных событиях и реалиях современной жизни. Так, например, негативно-сниженная метафора «***Бедный, бедный театр!***», вынесенная в подзаголовок материала об уже упомянутом выше директоре культурного учреждения, отрицательно характеризует результаты сотрудничества данного учреждения с академическим театром оперы и балета. Ее источником является «прецедентное название» знакового в свое время фильма «*Бедный, бедный Павел*» (2003) по пьесе Дмитрия Мережковского «Павел I» (повествующего о трагической судьбе императора). Более далекие культурные ассоциации, связанные с анализируемой фразой, отсылают нас к негативному фону, задаваемому знаменитым шекспировским «*Бедный Йорик!*» из «Гамлета».

Разновидностью этого типа ввода «прецедентных феноменов» в дискурс является обыгрывание популярного рекламного слогана.

В статье, направленной против высшего звена крупной энергокомпании, неоправданно завышающей тарифы на электроэнергию, пародируется рекламный слоган «*сладкая парочка*», уже давно ставший «народным выражением»: «***Сладкая парочка. Повышение тарифов на электроэнергию***». — Данное выражение использует образ, основанный на прецедентном тексте из известной рекламы сладких шоколадных батончиков «Твикс», которые действительно представляют собой два компонента в одной упаковке. В данном случае автор статьи употребляет выражение *сладкая парочка* в переносном значении в ироническом плане с целью выразить негативное отношение к лицам, названным подобным образом. Его примерное иронически-сниженное значение, легко восстанавливаемое из предшествующего

контекста: 'Два известных и богатых лица, занимающих высокие посты и находящихся в сговоре с целью получения незаконного обогащения'.

2.2. Трансформированные фразеологизмы

Трансформация фразеологизмов считается одним из самых эффективных средств актуализации культурно-значимой информации (Кронгауз 1998). Особенную экспрессивность трансформированный фразеологизм приобретает в стилистическом приеме **амплификации** – нагнетании негативно-образных средств с целью формирования отрицательного имиджа героя.

Так, в цикле статей, дискредитирующих уже упомянутого директора градообразующего предприятия Л., используется массив трансформированных фразеологизмов снижено-оценочной окрашенности:

(1) **«зайти во власть с черного хода»:**

«Очевидно и другое: Л. и М. пытаются зайти во власть «с черного хода». Не получив одобрения ни губернатора, ни правительства».

Речь идет о том, что Л., для того чтобы занять высокий политический пост, использовал разные закулисные махинации;

(2) **«поведение слона в посудной лавке»**

*«Эта история стала во многом показательной. Она наглядно продемонстрировала, кто занимается делом, а кто набирает политический вес за счет интриг. ... Впрочем, **поведение слона в посудной лавке** всегда свойственно депутатам-дилетантам первого срока».*

Речь идет о том, что герой статьи в целях карьерного успеха предпринял ряд мер, вызвавших кризисную ситуацию в политической и экономической жизни районного города.

(3) **в уши дуть:**

«Итог выборов: Л. по результатам политического сезона 2015 года потерпел сокрушительное поражение..... А ведь не так давно он считался самым перспективным политиком А. Сгубили наивность и дилетантизм. Кто-то ему постоянно «в уши дул»...

Речь идет о том, что герой статьи, на основе непроверенных слухов и льстивых заверений своих приближенных, сформировал не соответствующее реальности и преувеличенное представление о своей политической значимости и профессиональных качествах как политика

(4) **слухи распускать:**

Но одно дело, когда слухи распускают недобросовестные журналисты, и совсем другое, когда это делает руководитель крупного оборонного предприятия – градообразующего завода А.!

Здесь единичный случай непроверенного сообщения подвергается неоправданному обобщению — вообще всегда или обычно «распускают слухи», причем во множественном числе (получается, что это — обычное, привычное занятие для Л.). Но удивительно, что далее идет совершенно не вытекающая из сути описываемого конкретного события уничижительная обобщающая характеристика Л. как личности — **«обыкновенный шалопай, сидящий в соцсетях и развлекающийся вбросами»**. Перед нами — опять-таки стандартный коммуникативный механизм дискредитации, когда из одного конкретного факта делается неоправданный обобщающий негативный вывод о личности человека в целом.

(5) Негативная роль уже упомянутого выше Ф., директора одного из знаковых культурных учреждений города, в разного рода финансовых нарушениях и сомнительных управленческих решениях, которые, по мнению автора статьи, привели к закономерному спаду в деятельности учреждения, репрезентирована в тексте статьи посредством использования в подзаголовке трансформированного фразеологизма **«“авгиевы конюшни” культуры»**, который предваряет следующий текст: *«Вообще, данная тема годами замалчивалась и была известна только узкому кругу лиц. Мы первыми из СМИ приоткрыли над ней завесу тайны. В связи с этим и разразился такой шум. Кому-то совсем не хочется, чтобы посторонние люди совали нос в финансовую составляющую культуры. Но повторимся: речь идет о бюджетных средствах. Наши читатели-нижегородцы вправе знать, как и насколько эффективно таковые расходуются. Поэтому, даже несмотря на возникшее мощное противостояние, мы продолжим развивать тему»*. — Нетрудно видеть, что именно подзаголовок формирует соответствующий негативный фон восприятия для всего, сказанного ниже.

(6) В статье, посвященной «виновникам» неоправданного завышения цен на электроэнергию, обыгрывается негативно-сниженный оттенок расхожее выражение **«заказывать музыку»**: *«Получается, что именно «XXX» заказывает «музыку ценообразования» в энергетической отрасли»*.

(7) В уже упомянутом цикле статей о директоре градообразующего предприятия Л., ставшего крупным политиком, обыгрывается расхожее «крылатое выражение» **«Кто раскачивает лодку?»**, — которое употребляется для негативной характеристики действий Л., приведших, по мнению автора статьи, к дестабилизации обстановки в районном городе.

2.3. Проблема экспертной квалификации непрямо (косвенно) выраженной культурной информации

В основном имеется две категории дел, по которым в экспертной практике становится необходимым подобного рода анализ. Это гражданские дела по унижению чести и достоинства и уголовные дела по экстремизму. В разных категориях дел возникают разные типы проблем.

В уголовных делах по экстремизму достаточно выявить негативный характер данной информации, что не составляет труда, и определить ее адресный характер, т.е. обращена ли она к лицу как к представителю данной группы или к всем представителям данной группы по признакам, определенным в законодательстве

Гораздо серьезнее данная проблема видится в проведении экспертизы по гражданским делам об унижении чести и достоинства, деловой репутации. Помимо установления референции, т.е. кто имеется в виду в данном высказывании, что легко делается из контекста, необходимо дополнительно квалифицировать языковую форму высказывания (утверждение, мнение (предположение), оценочное суждение). Дело в том, что в соответствии с границами компетенции лингвиста, лингвист не устанавливает соответствие / несоответствие действительности той негативной информации о фактах в адрес лица, которая изложена предположительно в тексте. Он устанавливает только тип (форму) подачи информации, которая впоследствии может быть верифицирована. А это только – утверждение. Т.е. мнение не подлежит правоприменительной оценке. Также и оценочное суждение, в силу его принципиальной неверифицируемости, строго говоря, выводится из зоны правоприменения. А большинство наших примеров как раз не подпадают под языковые признаки утверждения о фактах, так как содержат явным образом оценку (для этого и создавались, собственно). В таких случаях получается, что непосредственно негативные оценки, выраженные в высказывании, вообще не могут быть инкриминируемы данному лицу в силу как раз их неверифицируемости (как можно проверить на соответствие действительности пропозицию, являются ли X и Y сладкой парочкой в реальности или нет?).

В таких случаях в нашей экспертной практике мы обычно пользуемся правом на экспертную инициативу.

В порядке экспертной инициативы мы также хотели бы отметить, что негативные сведения, выраженные в языковой форме негативно-оценочных суждений, сами по себе способны наносить репутационный вред и умалять честь и достоинство, деловую репутацию физических и / или юридических лиц **уже самой языковой формой выражения** — наличием негативной оценочности в словах и словосочетаниях, и потому не нуждаются в установлении соответствия или несоответствия данных сведений действительности (т.е. наличие такого рода негативных сведений устанавливается исключительно лингвистическими методами).

Поэтому считаем необходимым включить в ответ на вопрос установленные нами при лингвистическом анализе фрагментов таких-то негативные сведения о X, выраженные в языковой форме неverifiedируемых **оценочных суждений**, как в прямой, так и в косвенной форме.

3. Выводы.

По итогам анализа были выработаны предложения для оптимизации лингвистической экспертизы медийных текстов российских СМИ. В этих случаях эксперт должен, обратившись к затекстовой информации, не только верно атрибутировать источник интертекстуального вкрапления, но и выявить характер апелляции к культурному фонду адресата, способ взаимодействия семантики претекста и нового текста, коммуникативную направленность высказывания с «прецедентным феноменом», а также с максимальной достоверностью установить область референции спорного высказывания, т.е. определить, имеются ли в виду конкретное лицо / лица (в практике производства речеведческих экспертиз это — несколько нетерминологично — называется «адресный характер высказывания»). Кроме этого, в ряде гражданских дел по унижению чести и достоинства необходимо дополнительно устанавливать языковую форму высказывания, в котором содержится негативная информация — утверждение, мнение (предположение) или оценочное суждение.

Список литературы

- Бельчиков Ю. А., Горбаневский М. В., Жарков И. В. (2010). Методические рекомендации по вопросам лингвистической экспертизы спорных текстов СМИ: Сборник материалов. Москва.: ИПК «Информкнига». 208 с.
- Денисова Г. В. (2003). В мире интертекста: язык, память, перевод. Пред. С. Гардзолио; Пред. Ю.Н. Караулова. Москва: Азбуковник. 298 с.
- Кронгауз М. А. (1998). Энергия клишированных форм, Лики языка: Сб. ст. к 45-летию научной деятельности Е.А. Земской; отв. ред. М.Я. Гловинская. Москва: Наследие, 185-195.
- Радбиль Т. Б. (2007). Язык и мир: парадоксы взаимоотражения. Москва: Издательский дом ЯСК. 592 с. (Язык. Семиотика. Культура.)
- Радбиль Т. Б., Юматов В. А. (2013) Возможности и перспективы применения теории речевых актов в лингвистической экспертизе, Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 1–1, 286–290.

Радбиль Т. Б., Юматов В. А. (2014) Способы выявления имплицитной информации в лингвистической экспертизе, Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 3-2, 18-21.

Радбиль Т. Б., Юматов В. А. (2015) Язык и метод в современной судебной экспертизе: монография. Под ред. докт. юрид. наук, проф. каф. суд. экспертизы ННГУ им. Н.И. Лобачевского А.Ю. Арефьева. Москва: Юрлитинформ. 216 с.

РУССКИЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ И НАРЕЧИЯ СО ЗНАЧЕНИЕМ ПОЛОЖИТЕЛЬНЫХ ЭМОЦИЙ (НА КОРПУСНОМ МАТЕРИАЛЕ)

Рудык Анна
Жешувский университет, Польша
annarudyk@yandex.ru

RUSSIAN ADJECTIVES AND ADVERBS WITH THE MEANING OF POSITIVE EMOTIONS (ON THE CORPUS MATERIAL)

Anna Rudyk
University of Rzeszów, Poland

АННОТАЦИЯ

Предметом настоящей статьи являются слова *рад*, *счастливый*, *радостно* и *весело*, т.е. имена прилагательные и наречия, представляющие собой лексические показатели положительных эмоций. Источником фактического материала является *Национальный корпус русского языка*. Главная задача исследования – анализ синтаксических функций, выполняемых данными словами. В статье анализируются также способы выражения семантического субъекта в предложениях, в которых отобранные лексические единицы выполняют роль предикатов. В собранном материале выделяются как примеры с субъектом, выраженным прямо именной частью речи в именительном падеже, так и предложения, субъект которых обусловлен контекстуально или устранен.

ABSTRACT

The subject of this article are words *рад*, *счастливый*, *радостно* и *весело*, that is adjectives and adverbs, which are lexical exponents of positive emotional states. The source of the factual material is *Национальный корпус русского языка*. The main task of the study is to analyze syntactic functions performed by selected words. The analysis also included ways of expressing the semantic subject in sentences in which selected units perform the predicative function. There are separate examples with the subject expressed directly in the nominative form, as well as sentences whose subject is contextually conditioned or left.

Ключевые слова: положительные эмоции; семантический субъект; синтаксические функции.

Keywords: positive emotions; semantic subject; syntactic functions.

Эмоции и чувства, как интересный и актуальный предмет анализа, все чаще привлекают внимание лингвистов. Их работы, касающиеся человеческих переживаний и их отражения в языке, можно разделить на две группы: исследования, посвященные называнию чувств, способам говорения о них, и такие, в которых описываются средства выражения эмоций (Data

2000: 245). Предметом настоящей статьи являются слова *рад, счастливый, радостно* и *весело*, т.е. имена прилагательные и наречия, представляющие собой лексические показатели радости, счастья и веселья. Суть каждого из этих приятных переживаний дается определить некоторыми общими положениями. Итак, радостью называется «чувство удовольствия, ощущение большого душевного удовлетворения», но также то, что (того, кто) дает счастье, доставляет удовольствие. Бывает, что данное слово употребляется в качестве ласкового обращения (ср.: *Радость ты моя!*) (Кузнецов 2014). Как утверждает К. Изард, «радость – это нечто большее, чем положительная установка на себя и на мир; это особого рода звено; это острое чувство торжества» (Изард 1980: 238). Интересной и учачной является экспликация, предложенная А. Вежбицкой, которая пишет, что радость, это чувство, которое мы испытываем, когда узнаем, что происходит то, что мы жаждем, чтобы происходило (Wierzbicka 1971: 62). Эмоция радости по своей природе самая позитивная, всем приятно ее испытывать (Гусейнова 2011: 97). Счастье, в свою очередь, толкуется как чувство и состояние полного, высшего удовлетворения (Ильин 2001: 478). По мнению Малгожаты Борек, это чувство часто отождествляется с радостью и довольством, отличается от них лишь интенсивностью (Borek 2012: 186). Несмотря на то, что философами предлагаются различные концепции счастья, Вежбицка предлагает одну общую дефиницию: счастье – это то, чего мы все жаждем (Wierzbicka 1971: 228). Последнее из приятных переживаний, лексический показатель которого рассматривается в этой статье, т.е. веселье, можно представить, как радостное оживление, веселое времяпрепровождение или беззаботно-радостное настроение (Кузнецов 2014).

Главной задачей настоящего исследования является анализ синтаксических функций, выполняемых отобранными словами, называющими положительные эмоции. Особенно интересным вопросом показались нам также способы реализации семантического субъекта в предложениях, в которых лексические показатели положительных чувств выступают в роли предиката. Термин *субъект* служит для обозначения компонента, организующего семантическую структуру предложения, выраженного именной словоформой, которая через указание на определенный элемент действительности становится релевантной. Субъект предложения чаще всего выражается именем существительным или личным местоимением в именительном падеже (именно поэтому субъект часто отождествляется с подлежащим). Однако в случае, когда структура предложения не допускает наличия номинатива или присутствующей в предложении словоформе в именительном падеже не свойственно предметное значение, требуются другие формы реализации субъекта – обязательного компонента предложения (Rudyk 2013: 156).

Материал для анализа составляют предложения, отобранные из *Национального корпуса русского языка*, в которых заключаются вышеуказанные лексемы, называющие положительные ощущения. Мы взяли 30 первых результатов для каждого из приведенных слов и, принимая во внимание то, в какие сочетания они вошли, мы выделили в этой группе употребления в качестве лексических показателей эмоций. Количественная характеристика собранного материала содержится в нижеприведенной таблице.

Таблица 1. Количество отобранных слов, называющих положительные эмоции

	Предложения с прилагательным <i>рад</i>	Предложения с прилагательным <i>счастливый</i>	Предложения с наречием <i>весело</i>	Предложения с наречием <i>радостно</i>	Всего
количество предложений, отобранных из корпуса	30	30	30	30	120
количество примеров, в которых избранные слова относятся к лицам или их действиям	30	20	26	27	103

Оказывается, что показателями эмоций нельзя считать лексемы *счастливый*, *весело* и *радостно* во всех отобранных примерах, потому что в некоторых случаях невозможно соотнести их ни с какими лицами, способными переживать положительные ощущения, ни с действиями, которые они могут совершать, испытывая какую-то эмоцию. Итак, в фактический материал не включились, м.пр. следующие словосочетания и предложения: *счастливая развязка, по счастливому совпадению, счастливое переплетение, деревья [...] весело зеленели, водичка весело булькала, палочки [...] весело продавались, звонок звучал [...] радостно*.

Готовый материал для анализа составляют 103 предложения, его характеристику представляет следующая схема:

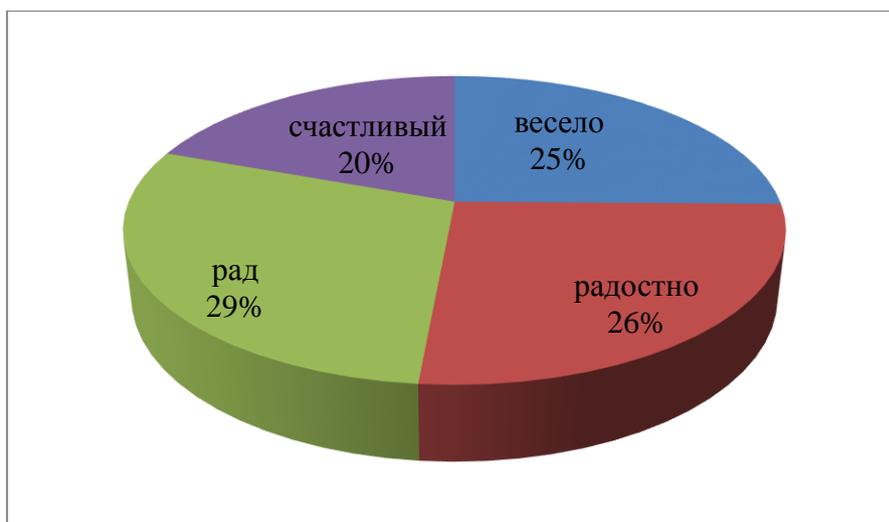

Рисунок 1. Количественная характеристика собранного материала

Мы решили начать анализ с примеров, заключающих прилагательное *рад*, которое имеет лишь краткую форму и применяется в предикативной функции. В конституируемых им предложениях семантический субъект чаще всего совпадает с подлежащим и выражается:

- личным местоимением, напр.:

*А пока, я просто рада, что ты получил заряд положительных эмоций.
Мы очень рады Вас видеть.*

- именами собственными людей, напр.:

*Ольга очень рада.
Думается, что Даниил Борисович был бы рад услышать, что [...].*

- другими наименованиями лиц, напр.:

Правда, подержанный, но сын был рад ему так, будто это был самый лучший и самый новый компьютер на свете.

В нескольких предложениях с предикативом *рад* субъект обусловлен контекстуально, напр.:

*Очень рада тебя видеть, завидую тебе белой завистью, что ты сходил в цирк [...].
— Рад видеть вас, чертей — сказал Мюллер, — снова затеваете какое-нибудь очередное коварство?*

Что касается первого из вышеприведенных примеров, однозначное указание на того, кто рад, имеется в последующем тексте в форме первого лица единственного числа глагола (*завидую*) – субъектом является говорящий. В следующем фрагменте показателем субъекта реплики является личное имя, употребленное в повествовании (*Мюллер*).

Анализ небольшой группы (30) примеров обнаруживает широкую сочетаемость прилагательного *рад*. Рассмотрим следующую таблицу:

Таблица 2. Синтаксическая сочетаемость предиката *рад* (на основе собранного материала)

Сочетаемость	Количество примеров	Примеры
-	4	<i>Он бедный и рад! Просто так рады. Ольга очень рада.</i>
, что	9	<i>Рад, что саундтрек и драки все такие забойные. Рада, что и ты это увидел! Я рад, что эта грязная история принесет пользу хоть кому-нибудь.</i>
+ дательный падеж	6	<i>Я вот был рад присутствию Бил. [...] рады гостю [...]. Но мы рады Вашим успехам [...]</i>
за + винительный падеж	1	<i>Очень рада за тебя [...].</i>
+ инфинитив	10	<i>[...] я рад был увидеть замечательного старикана [...]; [...] был бы рад снова учиться в школе и ни о чем не заботиться</i>

Как показывает таблица, каузатор положительной эмоции в предложениях адъективной модели с прилагательным *рад* очень часто выражается инфинитивом или в придаточной части с союзом *что*.

Значение прилагательного *рад* усиливается за счет лексических интенсификаторов. Рассмотрим следующие примеры:

*Так что мы очень рады Вашему приезду [...].
Просто так рады. Без причины..., не за заслуги, не за достоинства, а вот... рады гостю, то есть – тебе.
Я рад, честно рад, что здесь мы солидарны.*

В то время как наречие меры и степени *очень* доставляет информацию о высокой степени испытываемой радости, наречия *просто* и *честно*, в первичном смысле качественные, подтверждают истинность переживания. В двух последних примерах наблюдается также синтаксический интенсификатор в виде повтора (*Просто так рады [...] рады гостю [...]; Я рад, честно рад [...]*). Другим способом усиления значения являются восклицательные предложения, в которых выражаются эмоции. Сравним:

Рада, что и ты увидел!

Еще иной прием увеличения испытываемого субъектом чувства заключается в применении сравнительной конструкции. Рассмотрим следующую экземплификацию:

*Правда, подержанный, но сын был **рад** ему так, будто это был самый лучший и самый новый компьютер на свете.*

Противопоставление определений *подержанный* ≠ *самый лучший, самый новый* подчеркивает, что радость от полученного сыном компьютера была действительно огромной.

Следующее прилагательное, *счастливый*, употребляется как в предикативной, так в определительной функции, но в исследуемый нами материал можно включить всего 20 из 30 отобранных примеров употребления. В остальных случаях данное прилагательное относится прежде всего к отвлеченным существительным (напр.: *счастливая жизнь, развязка, детство*), поэтому нельзя рассматривать его в качестве показателя чувства. Такая ситуация вполне соответствует словарному толкованию, сравним: '1. чем, с инф., с придат. дополнит. Такой, который испытывает счастье, радость. [...] 2. Приносящий счастье, радость, благополучие, удачу; полный счастья, радости; исключительно благополучный. [...] 3. Такой, которому благоприятствуют счастье, удача, успех. [...] 4. Благоприятный, удачный, хороший. [...]' (Кузнецов 2014). Как выразитель эмоции, прилагательное *счастливый* употребляется, конечно, в первом из вышеприведенных значений. Отметим еще, что предлагаемая в словаре сочетаемость вполне отражается в собранном материале, сравним:

[...] он был не очень **счастлив** женой [...]. → ЧЕМ

Я была **счастлива** [...] работать. → С ИНФ.

Я был **счастлив**, что его предложили мне. → С ПРИДАТ. ДОПОЛНИТ.

Анализ фактического материала мы начнем с примеров, в которых это слово употребляется в самой типичной для прилагательного синтаксической функции определения. Рассмотрим следующие экземплификации:

Самые счастливые люди на земле – те, которые могут обращаться со временем, ничуть не опасаясь за последствия.

В тихом приморском городе жила счастливая семья.

Не все же смотрят сериалы про счастливые и богатые семьи...

В первом из вышеприведенных примеров прилагательное в форме превосходной степени является определением одушевленного существительного *люди*. В остальных предложениях

определяемое существительное, правда, относится к неодушевленным, но ведь слово *семья* обозначает группу лиц, поэтому, по нашему мнению, определение в таких словосочетаниях можно признать показателем положительного переживания.

Выполняя предикативную функцию, прилагательное *счастливый* входит в состав сказуемых разных типов. Сравним:

- составное именное сказуемое с нулевой связкой, напр.:

Все живы, здоровы и счастливы!
Решение принято, награды вручены, победители счастливы.

В первом из вышеприведенных примеров присвязочный член оказывается в ряду однородных. Второй пример – это бессоюзное сложное предложение, сказуемые во всех его частях выражаются краткой формой, причем только последнее из компонентных предложений представляет собой адъективную модель (два первых являются предложениями причастной модели).

- составное именное сказуемое с отвлеченной связкой, напр.:

Я был счастлив, что это предложили мне.
Я была счастлива с ними работать.

В собранном материале связка *быть* всегда употребляется в форме прошедшего времени.

- смешанное сказуемое, напр.:

[...] а если кто-то не захочет быть счастливым?
Они [...] хотели быть счастливыми.
Семья без ребенка счастливой быть не может.
Все семьи должны быть счастливы.

Уместно отметить, что в составе смешанного сказуемого данное прилагательное выступает как в краткой, так и в полной форме.

Что касается способов выражения субъекта в предложениях с прилагательным *счастливый* в предикативной функции, в собранном материале две возможности: совпадение с подлежащим и контекстуальная обусловленность. Субъект выражается прямо:

- личным местоимением, напр.:

Я была счастлива с ними работать.
[...] он был не очень счастлив.

- другим местоимением, напр.:

[...] *а если кто-то не захочет жить **счастливым**?
Все живы, здоровы и счастливы!*

Неопределенное местоимение в первом из вышеприведенных примеров, правда, совпадает с подлежащим, но оно не соотносится с определенным лицом – представляет субъект как любое лицо, так что он имеет обобщенный характер. Определительное местоимение *все* тоже требует дополнительного контекста, чтобы однозначно раскрыть денотата. Поэтому эти примеры, по нашему мнению, особенно интересные – субъект наблюдается в поверхностной структуре предложения, однако, в связи с характером местоимений, некоторый контекст необходимый.

- именами существительными, называющими лиц (иногда вместе с местоимением-прилагательным), напр.:

[...] *победители **счастливы**.
Любой актёр был бы **счастлив** сняться в таком фильме, как "Вечное сияние
страсти".
[...] так хочется, чтобы наши дети были **счастливы**.*

- неодушевленным существительным, обозначающим группу лиц, напр.:

*Семья без ребенка **счастливой** быть не может!
[...] все семьи должны быть **счастливы**.*

Как было сказано раньше, субъект может вообще не выражаться эксплицитно в поверхностной структуре предложения и восстанавливаться на основе контекста, как в следующем примере:

*Да и **счастлива** очень. Мне многие говорят: не по годам ты своим созрела!*

В предложении с краткой формой прилагательного нет указания на субъект, но он дается легко восстановить, так как в дальнейшем тексте наблюдается личное местоимение в дательном падеже (*мне*), указывающее на то, что субъектом предложения адъективной модели является говорящий.

Исследуемые наречия чаще всего употребляются в обстоятельственной функции (*весело* 17 раз, *радостно* – 22). Рассмотрим следущ экземпляфикации:

- *Какая птица, мамаша... – весело отозвался Олег. У него было хорошее настроение.*
- *Что приготовить: голубцы или шурпу? – радостно прокричала Ирина. Чтобы отвлечь меня от ноу-хау, Анна Мазотти радостно обсуждает со мной последнюю церемонию "Оскара".*

Интересно, что можно выделить некоторые семантические группы предикатов, которые определяются анализируемыми наречиями. Они собраны в следующей таблице:

Таблица 3. Семантические группы глаголов, определяемых наречиями *радостно* и *весело* в собранном материале

Семантические группы глаголов	Глаголы, определяемые наречием <i>радостно</i>	Глаголы, определяемые наречием <i>весело</i>
глаголы, называющие речевые действия	говорю, кричал, начали звать, ответил, прокричала, сообщил,	отозвался, попеть
глаголы, называющие паралингвистическое проявление положительных эмоций	улыбаясь, улыбнулась, хохотала	-
глаголы, называющие физические действия, движения человеческого тела и отдельных его частей	выскочил, вскинули руки, дрожала, качнул [...] головой	гуляли, заиграют, катаются, компостируют, приплясывал, порхал, несут, уселись за стол, шагал
глаголы и выражения, называющие психическую/умственную деятельность субъекта, его поведение	обсуждает, отмечает, реагирует, встретил, приветствовал	вправить мозги, заключил, встретить, распоряжались, хозяйничали
глаголы слухового восприятия	загудят, мычит	-

Как вытекает из таблицы, положительными эмоциями – радостью и весельем – сопровождаются как физические, так и психические действия. Языковой материал показывает, что приятные ощущения возможны почти на каждом шагу и отражаются как в наших движениях, так в поведении и совершаемых действиях.

В собранном материале наречия часто выстраиваются в ряд однородных, как в нижеприведенных примерах:

- Всеми весело и шумно распоряжался трактирищик.*
- Наконец-то она встретила того, с кем можно найти общие темы для разговора, можно весело и непринужденно попеть, поиграть на пианино, нашла того, кто понимает ее.*
- А что, девочке, которая мечтала ухаживать за лошадьми, нельзя было весело и нежно вправить мозги, точнее раскрыть перед ней все возможности быть образованным, профессиональным конюхом.*

*Детская аудитория – самая благодарная и независимо от качества спектакля реагирует горячо и **радостно**.
По окончании операции он **радостно** и компетентно сообщил, что все твари были неядовиты.*

Наличие других наречий образа действия, которые трудно объединить принадлежностью к какой-то общей семантической группе, показывает разнообразие реакций, сопровождаемых приятными ощущениями радости и веселья.

В остальных примерах наречия *весело* и *радостно* употребляются в предикативной функции (*весело* – 9, *радостно* – 5 раз), конституируя предложения, семантический субъект которых:

- выражен эксплицитно личным местоимением или существительным в дательном падеже, ср.:

*Но сейчас ей было **весело** [...].
Дети бежали рядом, им было **весело**..
Мне даже **радостно**, что от моего прощения ему станет немного легче.
[...] инопланетянам было **радостно** и хорошо.*

Как пишет З. Чапига, анализируя способы выражения радости в русском и польском предложениях, «в русском языке наречно-предикативная модель оказывается основным средством передачи психического состояния» (Czapiga 2012: 60). В приведенных конструкциях подчеркивается независимость состояния от воли субъекта. Конечно, это может показаться странным, ведь приятные ощущения, конечно, желательны, однако русские конструкции со словом на *-о* специализированы на выражении состояний, на которые их носитель не имеет влияния.

- обусловлен контекстуально, ср.:

*Я это поняла, когда уволилась: сначала было страшно и неуютно, а потом стало очень **радостно**.
С таким удовольствием фотографируешься, фотографируешься, или сам фотографируешь... **весело**.*

Несмотря на то, что субъект не выражается эксплицитно наряду с предикативным наречием, он дается легко восстановить на основе контекста. В первом из вышеприведенных примеров он назван заранее, в главной части сложного предложения личным местоимением (*я*). Предложение в целом кажется нам очень интересным, так как наблюдаются здесь показатели противоположных ощущений: отрицательные, выразителями которых являются слова *страшно и неуютно*, в конце концов заменяются приятным переживанием радости. Такой прием можно считать лексическим интенсификатором положительной эмоции,

которая на фоне слов, вызывающих неприятные ассоциации, становится более положительной. Субъект второго примера можно рассматривать по-разному. Отсутствие более широкого контекста дает разные возможности: во-первых, тем, кто испытывает радость, веселье, может быть собеседник, т.е. тот, на которого прямо указывают окончания второго лица единственного числа глаголов (*фотографируешься, фотографируешь*). Во-вторых, такая форма сказуемых может быть формальным показателем т.наз. обобщенно-личного предложения – в такой ситуации семантическим субъектом можно посчитать любого человека, получающего удовольствие от фотографирования и именно такой субъект имеет дальнейшая часть сложной конструкции, конституируемая предикативным наречием *весело*. В любом случае глагольную форму надо считать показателем субъекта, который может быть уточнен только на основе контекста.

- устраняется, ср.:

Чтобы было веселее, процедуру сопроводили лазерным шоу, песнями-танцами и под конец засыпали весь зал блестками.

Школа: легко, но скучно и однообразно. ВУЗ: сложно, но весело.

В поверхностной структуре вышеприведенных предложений нельзя выделить компоненты, указывающие на того, кто должен быть весел – внимание сосредоточено на обстоятельствах, которые могут вызвать такое переживание. Конечно, можно догадаться, что приятные ощущения должны испытывать зрители лазерного шоу и те, которые учатся в вузе, однако в данных примерах такая информация является второстепенной, просто устраняется в силу коммуникативной избыточности.

Подытоживая проведенное исследование, можно сказать следующее:

1. Избранные прилагательные и наречия, выражающие положительные чувства, могут употребляться как в предикативной функции, так и определять другие слова.

2. Прилагательное *рад* применяется только в краткой форме, являясь главным членом предложения, зато прилагательное *счастливый* в собранном фактическом материале чаще всего выполняет атрибутивную функцию, посредственно сообщая об эмоциональном состоянии субъекта (Чапига 2013: 128).

3. В анализируемом материале в предложениях, в которых предикативную функцию выполняют прилагательные *рад* и *счастливый*, субъект чаще всего выражается именной частью речи в именительном падеже, иногда восстанавливается на основе контекста.

4. В предложениях, конституируемых предикативными наречиями *весело* и *радостно* главным способом формальной реализации субъекта является его низведение в форме

дательного падежа. Мы отобрали также примеры, в которых можно восстановить его на основе контекста или, что не было отмечено в предложениях адъективной модели, субъект устраняется, если содержание сосредоточивается исключительно на обстоятельствах, которые могут вызвать приятное переживание.

5. Наречия *весело* и *радостно* реже употребляются в качестве предикатов, зато определяют большое количество глаголов, называющих как психические, так и физические действия человека, его поведение, речевую деятельность или паралингвистические способы проявления положительных эмоций.

Список литературы

- Гусейнова В. Р. (2011): Языковая репрезентация эмоции радости с помощью вербальных и невербальных средств, Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика», 2, 97–103.
- Изард К. Е. (1980): Эмоции человека, Москва: Издательство Московского университета.
- Ильин Е.П. (2001): Эмоции и чувства, Санкт-Петербург: Питер.
- Кузнецов С. А. (2014), Большой толковый словарь русского языка, <http://gramota.ru>.
- Чапига З. (2012): Выражение положительных эмоций в русском и польском предложении (на примере чувства радости), Коммуникативные параметры текста, Rzeszów: Wydawnictwo Uniwersytetu Rzeszowskiego, 51-77.
- Чапига С. (2013): О лексических средствах выражения положительных эмоций (на материале русских художественных текстов и их перевода на польский язык), Семантика и прагматика языковых единиц, Тюмень: Издательский дом «Титул», с. 126–136.

References

- Borek M. (2012): Uczucia i emocje w rosyjskich i polskich metaforach, Katowice: Uniwersytet Śląski w Katowicach, Oficyna Wydawnicza Waclaw Walasek.
- Data K. (2000): W jaki sposób językoznawcy opisują emocje?, Język a Kultura. Tom 14. Uczucia w języku i tekście, Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 245-252.
- Rudyk A. (2013): Subiekt semantyczny w zdaniach z predykatywami modalnymi i wartościującymi. Konfrontacja polsko-rosyjska, Rzeszów: Wydawnictwo Uniwersytetu Rzeszowskiego.
- Wierzbicka A. (1971): Kocha. Lubi. Szanuje. Medytacje semantyczne, Warszawa: Wiedza Powszechna.

ВОЗМОЖНОСТИ НАЦИОНАЛЬНОГО КОРПУСА РУССКОГО ЯЗЫКА В ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ И ИССЛЕДОВАНИИ ТЕКСТА

Фролова Ольга Евгеньевна
МГУ имени М.В.Ломоносова, Россия
olga_frolova@list.ru

POSSIBILITIES OF THE RUSSIAN NATIONAL CORPUS IN LINGUISTICULTUROLOGY AND RESEARCH OF THE TEXT

Frolova Olga Evgenievna
Lomonosov Moscow State University, Russia

АННОТАЦИЯ

В статье описываются возможности использования Национального корпуса русского языка в лингвокультурологическом исследовании концептов русского языка, коннотаций и переносных значений лексики, мотивной структуры и интертекстуальной природы художественного текста. При выявлении коннотаций номинаций социального статуса единицей поиска целесообразно выбрать прилагательное. История формирования концепта строится при прослеживании функционирования одной и той же единицы по нескольким подкорпусам. Для концепта *Европа* в первой половине его семантика связана с образованностью. В исследовании мотивов текста подкорпус, равный одному тексту, дает возможность определить частотность близких по семантике единиц. Сопоставление подкорпуса, равного одному тексту, и подкорпуса, содержащего тексты одной эпохи, позволяет выявить интертекстуальные единицы.

ABSTRACT

The article describes the possibilities of using the Russian National Corpus in the linguocultural study of the Russian language concepts, connotations and figurative meanings of the vocabulary, the motivational structure and the intertextual nature of the literary text. When identifying the connotations of social status nominations, it is advisable to select the adjective by the search unit. The history of the formation of the concept is built by tracing the functioning of the same unit in several subcorps. For the concept of Europe in the first half of its semantics is related to education. In the study of the motifs of the text, the subcorpus, equal to one text, makes it possible to determine the frequency of units close in semantics. Comparison of a subcorpus equal to one text, and a subcorpus containing texts of one epoch, makes it possible to identify intertextual units.

Ключевые слова: единица поиска, подкорпус, социальный статус, концепт, норма, интертекстуальность.

Keywords: unit of search, subcorpus, social status, concept, norm, intertextuality.

Появление русскоязычного корпуса одновременно сформировало и по-новому организованный материал, и новые методы, и тем самым создало новую отрасль знания —

корпусную лингвистику (Баранов 2001; Захаров, Богданова 2011; Плисецкая 2013; Полинская, Рахилина, Выренкова 2014).

Наша цель — показать возможность НКРЯ в лингвокультурологическом анализе лексики и исследовании художественного текста. Мы намереваемся показать, как, варьируя условия поиска: задание подкорпуса и выбор единицы поиска — можно а) выявить формирование коннотаций и фигуративного значения в речи, б) образование концепта в языке, в) организацию мотива текста, г) описать нормативный узус заданного временного периода, интертекстуальные связи текста и собственно авторскую стилистику.

Будут проанализированы: а) формирование переносных значений и коннотаций у номинациях социальных статусов, б) формирование концепта *Европа*, в) мотива смерти в повести А.Платонова «Котлован», г) диалог А.Платонова в повести «Котлован» с языком его времени.

Формирование переносных значений и коннотаций у номинаций социальных статусов

Номинации социальных статусов, теряя прямое номинативное значение, «обрастают» положительными или отрицательными коннотациями и образуют переносные оценочные значения (см. Фролова 2017б). Мы проанализировали характер функционирования четырех единиц: *интеллигент*, *купец*, *лакей* и *холоп* в постсоветский период. Развитие семантики отражается 1) на формировании нескольких прилагательных, одно из которых описывает принадлежность к социальной группе, другое — оценку поведения вне зависимости от социального статуса, 2) наличии краткой формы и 3) формы сравнительной степени прилагательного, а также 4) появлении абстрактного существительного. Современный толковый словарь отмечает, что у трех личных существительных уже наличествуют переносные значения (см. Таблица 1).

Таблица 1. Номинации социальных статусов в системе языка

Личное существительное	Наличие / отсутствие переносного значения в толковом словаре (БТС 2002)	Наличие двух прилагательных	Краткая форма прилагательного	Сравнительная форма прилагательного	Абстрактное существительное
интеллигент	нет	Интеллигентный интеллигентский	интеллигентен	интеллигентнее	интеллигентность
купец	+ 3. Разг. Покупатель				
лакей	+ <i>Презрит.</i> О раболепствующем, выслуживающемся человеке; подхалим				лакейство
холоп	+ 3. Разг. О человеке, готовом на всё из раболепия, подхалимства; холуй (2 зн.).				ХОЛОПСТВО

Для обнаружения факта переноса в поле социального статуса мы задали подкорпус 1992-2018 объемом 45 124 документа (8 524 504 предложения, 100 718 300 слов), а в качестве единицы поиска выбрали не личное существительное, а прилагательное.

Для прилагательных *интеллигентный*, *интеллигентский*, несмотря на то, что системные данные указывают на возможность формирования переносного значения, такой перенос пока не оформился. Прилагательное *интеллигентный* встречается в 1 051 документе, 2 180 вхождениях и сочетается преимущественно личными существительными, позволяя, однако, представлять объект и обобщенно, и дискретно. Картина сочетаемости прилагательного *интеллигентный* с различными определяемыми существительными в составе атрибутивного словосочетания по НКРЯ такова: *человек* (274 док., 398 вх.), *семья* (74 док., 91 вх.), *вид* (57 док., 59 вх.), *лицо* (35 док., 38 вх.), *публика* (15

док., 16 вх.), *родитель* (9 док., 9 вх.), *голос* (9 док., 9 вх.), *манера* (9 док., 9 вх.), *общество* (7 док., 7 вх.), *круг* (6 док., 6 вх.), *тон* (5 док., 6 вх.), *речь* (4 док., 4 вх.).

Отрицательные коннотации проявляются в сочетаемости прилагательного *интеллигентский*, которое встречается в 312 документах, 500 вхождении: *комплекс* (6 док., 6 вх.), *кухня* (6 док., 6 вх.), *замашки* (5 док., 5 вх.), *штучка* (5 док., 5 вх.), *чувство* (4 док., 4 вх.), *чувство вины* (4 док., 4 вх.), *профессия* (4 док., 4 вх.), *речь* (3 док., 4 вх.), *дискурс* (2 док., 4 вх.), *болтовня* (2 док., 2 вх.), *внешность* (2 док., 2 вх.), *гнильца* (2 док., 2 вх.), *жаргон* (2 док., 2 вх.), *игра* (2 док., 2 вх.), *мифология* (2 док., 2 вх.), *привычка* (2 док., 2 вх.), *подсознание* (2 док., 2 вх.), *самоидентификация* (2 док., 2 вх.), *сопля* (2 док., 2 вх.), *страсть* (2 док., 2 вх.), *страх* (2 док., 2 вх.), *сомнение* (2 док., 2 вх.), *оппозиция* (2 док., 2 вх.), *тусовка* (2 док., 2 вх.), *чистоплюйство* (2 док., 2 вх.). Негативные коннотации имеют существительные *болтовня*, *гнильца*, *страх*, *чистоплюйство*.

(1) [Тина Тина, жен] *Все остальное — интеллигентское бла-бла, верней, плохо скрываемая русофобия* [коллективный. Земляным червяком (2015)] (НКРЯ).

В примере 1 видим негативно маркированное определяемое слово *бла-бла*.

У слов *лакей* и *холоп* словарь отмечает наличие фигуративных значений, прилагательные сохраняют и фактор переноса, и значение, и вектор коннотации.

Слово *лакейский* найдено для обозначенного подкорпуса в 60 документах и 75 вхождениях, круг определяемых существительных таков: *дума/ госдума* (4 док., 4 вх.), *манера* (2 док., 2 вх.).

(2) *Между чиновниками этих ведомств велась скрытая аппаратная война: представители Комиссии не могли простить Солане того интереса, который вызывала его должность в мире; обвиняли его в «лакейской зависимости» от Евросовета ...* [Александр Терентьев. Лиссабонская утопия // «Однако», 2009] (НКРЯ).

Прилагательное *холопский* обнаруживается в 32 документах и 37 вхождениях, оно встречается в контекстах со следующими существительными: *недуг* (3 док., 3 вх.); *звание/ званьё* (3 док., 3 вх.). Как видим, частотность данного прилагательного значительно ниже, однако отрицательные коннотации проявляются вполне отчетливо.

(3) *Если устроители фестиваля не будут принимать во внимание оригинальность приглашаемых ими постановщиков, то Московский Международный окажется аналогом из вестной суматохи вторжественные дни у парадного подъезда, а решающим качеством режиссера окажется его жар **холопского недуга**, желание во что бы то ни стало внести свою фамилию в элитный список* [По торжественным дням? (2003) // «Театральная жизнь», 2003.11.24] (НКРЯ)

В случае с употреблением прилагательного *купеческий* видим рост частотности, поскольку оно встречается в 346 документах и 555 вхождениях, однако словарное переносное значение не отражает характера употребления: *замашка* (4 док., 4 вх.), *жест* (3 док., 3 вх.), *размах* (3 док., 3 вх.), *вкус* (2 док., 2 вх.), *дух* (2 док., 2 вх.), *жадность* (2 док., 2 вх.), *загул* (2 док., 2 вх.),

(4) *Распространенное при раннем Ельцине политическое меценатство, напоминавшее купеческую блажь, изжило себя* [Валерий Выжutowич. Совершенно не секретно // «Московские новости», 2003] (НКРЯ).

Очевидно, что в современном узусе слово *купеческий* описывает демонстративно свободное, отрицающее внешний контроль поведение, нередко связанное с большими деньгами и дурным вкусом.

Итак, задавая прилагательное, образованное от личного существительного, называющего социальный статус, и выявляя частотность контекстов со «смещенной» референцией, когда прилагательное описывает не принадлежность к социальной группе, а особенности поведения, схожие с теми, которые, как полагают носители языка, присущи именно данной группе, мы можем проследить формирование коннотаций и образование переносных значений.

Формирование концепта

При исследовании образования концепта как «основной ячейки культуры в ментальном мире человека» (Степанов 1997: 43) в поиске последовательно задавались подкорпуса, а единицей поиска оставалось, как и в предыдущем случае, прилагательное. Так, некоторые топонимы формируют важные для языка и культуры значения. Топоним *Европа* ведет себя в русском языке подобным образом, обозначая наднациональную общность, а образованное от топонима прилагательное выступает в речи как качественное (Фролова 2016).

Мы задали в НКРЯ два подкорпуса 1700-1800 и 1801-1850, в качестве единицы поиска было прилагательное *европейский*. В словосочетаниях нам была важна семантика определяемого слова и его грамматические характеристики — число. Полученные результаты отражены в Таблице 2.

Таблица 2. Хронология формирования концепта

Подкорпус и его объем	Количественные показатели	Датировка и употребление
1700-1800 1 853 документа общим объемом 291 982 предложения, 5 325 444 слова	115 документов 338 вхождений	1750 — <i>комедия</i> (ед.ч.) (В.К, Тредьяковский) 1762 — <i>народ</i> (ед.ч.) (Стефан Савицкий) 1764 — <i>система</i> (М.В.Ломоносов) 1764-65 — <i>пример</i> (М.В.Ломоносов) 1767 — <i>народ, обычаи</i> , (Екатерина II) 1768 — <i>история</i> (И. А. Третьяков) 1772 — <i>обыкновение</i> (С. Е. Десницкий) 1780 — <i>выговор</i> (Василий Баранчиков) 1782 — <i>оружие</i> (М.И.Веревкин) 1785 — <i>город</i> (ед.ч.) (Д. И. Фонвизин) 1788-1822 — <i>политика</i> (И.М, Долгоруков) 1791 — <i>пышность</i> (обобщенный) 1792 — <i>образец</i> (А.Н.Радищев) 1795 — <i>театр</i> (б/а) 1797 — <i>образец</i> (Иван Голиков)
1801-1850 2 348 документов общим объемом 934 024 предложения, 13 489 490 слов	289 документов 1207 вхождений	1805 — <i>дисциплина</i> (А. А. Чарторыйский) 1809-1822 — <i>правосудие</i> (Н.М, Карамзин) 1811-1818 — <i>ремесло, политика, политическая деятельность</i> (Н.М, Карамзин) 1813-1820 — <i>искусство</i> (Н.М, Карамзин) 1817 — <i>вкус</i> (Ф. Ф. Матюшкин) 1817 — <i>стол</i> (Ф. Ф. Матюшкин) 1817 — <i>манер</i> (Ф. П. Литке) 1822 — <i>женщина, политика, музыка</i> (О. И. Сенковский) 1822 — <i>влияние</i> (А.С.Пушкин) 1823 — <i>принцип</i> (Н.М, Карамзин) 1823 — <i>вольный европейский воздух, образ жизни</i> (А.С.Пушкин) 1823 — <i>жеманство</i> (А.С, Пушкин) 1824 — <i>устройство, образованность</i> (Ф.В, Булгарин) 1824 — <i>образ мыслей</i> (А.С.Пушкин) 1825 — <i>поэзия</i> (ед.ч.) (А.С.Пушкин) 1825-1826 — <i>чувство, образованность, политика</i> (А.И.Тургенев) 1828 — <i>образование, нравственность</i> (А.С.Грибоедов) 1828 — <i>лад</i> (К.Ф.Аделунг) 1829 — <i>обычай</i> (П. Я. Ренненкампф, М. Л. Бегичев) 1830 — <i>достоинство</i> (А.С.Пушкин) 1830 — <i>образование</i> (Ф.В, Булгарин) 1830 — <i>воспитание</i> (А. Н. Вульф) 1830 — <i>просвещение</i> (М. Н. Загоскин) 1830 — <i>беспристрастие</i> (М. Н. Загоскин) 1830 — <i>достоинство, литература</i> (ед.ч.) (А.С.Пушкин)

В первой подкорпусе обращают на себя внимание употребления существительных *народ* и *комедия*, поскольку в обоих случаях подразумевается различие в языках, во втором — *поэзия* и *литература* в единственном числе.

(5) *Россия, распространяясь широко по вселенной, прославясь победами, доказавшими преимущество в храбрости и самым высокомысленным сопостатам, поставив свои пределы в безопасности и привлекиши к себе прилежное внимание окрестных народов, яко важнейший член во всей европейской системе, требует величеству и могуществу своему пристойного и равномерного великолетия...* [М. В. Ломоносов. Слово благодарственное Ея Императорскому Величеству на освящение Академии Художеств, именем ея говоренное (1764)] (НКРЯ).

В примере 5 в атрибутивном словосочетании обращает на себя семантика метаслова *система*, которое для Ломоносова уже в середине XVIII в. обозначало общность, выходящую за пределы границ различных государств.

В начале XIX в. семантика *европеизма* обнаруживает связь с *образованием, образованностью* и *просвещением*: такое употребление находим у Булгарина, Грибоедова, Загоскина, Тургенева.

Значение определяемого слова в структуре словосочетания и датировка употреблений дают возможность описать формирование концепта и его семантику.

Структура мотивов текста

При выявление мотивной структуры текста задается подкорпус, равный одному произведению. Мы анализировали мотив смерти в повести А.Платонова «Котлован» (см. Фролова 2017а). Мотив нами понимается как предикат,двигающий фабулу, сюжет, развертывание «ткани» текста.

Единицами поиска были антонимичные по значению слова-стимулы *жизнь / смерть, жить / умирать, умереть*, а также единицы, образующие семантическое поле *смерти*: однокоренные лексические единицы и слова данной тематической группы. Выбор именно таких единиц был обусловлен тесной связью мотивов жизни и смерти.

Были получены следующие результаты: *жизнь* 121, *живой* 26, *жить* 114, *смерть* 12, *мертвый* 46, *умереть* 45, *умирать* 8, *убить* 6, *убивать* 2, *скончаться* 9, *ликвидировать* в значении 'убить' 9 употреблений, а также *гроб* 40, *кость* 25, *прах* 8, *могила* 5, *хоронить* 1, *труп* 1, *кладбище* 1, *похороны* 1 употребление.

В тексте присутствуют различные «авторские коннотации» смерти: отрицательно маркированная — уход из жизни (примеры 6, 7) и положительно маркированная — радостная жертва (пример 8).

(6) *Женщина осталась лежать в том вечном возрасте, в котором умерла* [Платонов 2011: 454] (НКРЯ).

(7) *Мужик разинул рот и закричал от горя смерти, жалея свои целые **кости** от **сотления в прах**, свою кровавую силу тела от гниения, глаза от скрывающегося белого света и двор от вечного сиротства* [Платонов 2011: 487] (НКРЯ).

(8) *Козлов чувствовал внутри себя горячую социальную радость и эту радость хотел применить на подвиг и **умереть** с энтузиазмом* [Платонов 2011: 454] (НКРЯ).

Глагол *умереть* встречается в контексте личных и неличных имен: *умерший, палый лист; умершая в воздухе птица; умершая трава; умерла вся наша земля; мух теперь тоже нету — они умерли еще в конце лета*.

Грамматически данный глагол 11 раз употребляется в форме будущего времени, а также 3 раза в модальных контекстах.

(9) — *Отчего ж тогда все живут? Лучше б умерли и стали важными!* — *Живут для того, чтоб буржуев не было, — сказал Чиклин и положил последний гроб на телегу* [А.П. Платонов. Котлован (1930)] (НКРЯ).

Прилагательное *мертвый* входит в состав словосочетаний с существительными, называющими живые существа, необъемлемые части целого, вещества, предметы и абстрактные сущности: *лошади, груз, высота, воздух, куски, строительный материал, губы, предметы, инвентарь*.

В ряде контекстов слово *мертвый* выступает как субстантивированное прилагательное.

(10) *Близ **мертвых** в сельсовете активист опечалился вначале, но затем, вспомнив новостроящееся будущее, бодро улыбнулся и приказал окружающим мобилизовать колхоз на похоронное шествие, чтобы все почувствовали торжественность смерти во время развивающегося светлого момента обобществленья имущества* [А.П. Платонов. Котлован (1930)] (НКРЯ).

Анализ употребления слов, входящих в семантическое поле смерти, показывает, что данный мотив в повести «Котлован» сложно устроен и представлен на сюжетном и предметном уровнях. Мотив смерти в «Котловане» описывает три типа ситуаций: а) событие — переход от жизни к смерти, выраженный глаголами *умереть, ликвидировать*; б) процесс перехода, выраженный глаголом *умирать*; а также в) состояние, выраженное прилагательным *мертвый*.

Поиск в подкорпусе, равном одному тексту, позволяет описать мотив как семантическое поле.

Выявление интертекстуальных связей текста

Описание скрытых цитат в тексте, как правило, касается взаимовлияния художественных текстов. Однако значительно труднее выявляется диалог автора с языком его времени. Рассмотрим возможности корпуса для определения границ такого диалога на примере повести А.Платонова «Котлован».

Поскольку стиль Платонова строится на сложном нарушении языковой нормы, мы с помощью НКРЯ попытаемся выявить интертекстуальную природу таких нарушений и в то же самое время продемонстрировать диалогичный характер стиля писателя (см. Фролова 2017в). Мы исходим из предположения, что поэтика Платонова вводит читателя в заблуждение: то, что воспринимается как новаторство, является интертекстуальным диалогом.

Подкорпус в этом случае — 1918-1930 гг. Единицей поиска в этом случае становятся два слова, позволяющие обнаружить словосочетание с интервалом 1 слова или контекстное соседство с интервалом 1-3 слова.

Словосочетание *мертвый инвентарь* является не образным выражением, а термином, вошедшим в текст первой советской конституции (примеры 11, 12).

(11) *Нам не хватает **мертвого инвентаря**, народ свое имущество ждет. Мы те **гробы** по самообложению заготовили, не отымай нажитого!* [А.П. Платонов. Котлован (1930)] (НКРЯ).

(12) *Все леса, недра и воды общегосударственного значения, а равно и весь живой и **мертвый инвентарь**, образцовые поместья и сельскохозяйственные предприятия объявляются национальным достоянием* [Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (1918)] (НКРЯ).

В некоторых случаях Платонов прибегает к компрессии нескольких цитат (пример 13).

(13) *Во время обеденного перерыва товарищ Пашкин сообщил мастеровым, что бедняцкий слой деревни печально заскучал по колхозу и нужно туда бросить что-нибудь особенное из рабочего класса, дабы **начать классовую борьбу против деревенских пней капитализма*** [А.П. Платонов. Котлован (1930)] (НКРЯ).

Чтобы найти конструкции *классовая борьба против* и словосочетание *пни капитализма* были заданы единицы *борьба, против* с интервалом 1-3 слов. Поиск к НКРЯ обнаружил подобное употребление у В.И.Ленина и Н.И.Бухарина (примеры 14, 15).

(14) *Мы — марксисты, сторонники пролетарской **классовой борьбы против мелкобуржуазного угара, шовинизма-оборончества, фразы, зависимости от буржуазии*** [В.И. Ленин. О двоевластии (1917)] (НКРЯ).

(15) *Помещики и капиталисты, ... объединяются в хозяйственной жизни и в **классовой борьбе против** рабочего класса и крестьянства (Н.И. Бухарин. Путь к социализму и рабоче-крестьянский союз (1926))* (НКРЯ).

Что касается словосочетания *гни капитализма*, оно семантически связано с переносным употреблением глагола *выкорчевать* (см. пример 16).

(16) *Еще больше сплотимся вокруг коммунистической партии, заявляют рабочие, ведущей рабочий класс к победе, усилим борьбу с классовым врагом и его агентурой, **выкорчем остатки капитализма** в стране [1 января — второй день ударника // «Правда», 1930]* (НКРЯ).

Явление «сгущения», или компрессии, случаев нарушения языковой нормы и одновременной игры словами революционной эпохи обнаруживаются в примере 17.

(17) *Он с удовлетворением отправил через районного всадника законченную ведомость ликвидации **классового врага** и в ней же сообщил все успехи деятельности; но вот спустилась свежая **директива**, подписанная почему-то областью, через обе головы — района и округа, и в лежащей директиве отмечались маложелательные явления **перегибщины**, забеговщества, переусердщины и всякого сползания по **правому и левому откосу** с отточенной остроты четкой **линии**; кроме того, назначалось обнаружить выпуклую **бдительность** актива в сторону среднего мужика: раз он попер в колхозы, то не является ли этот генеральный факт таинственным умыслом, исполняемым по наущению подкулацких масс, — дескать, войдем в колхозы всей бушующей пучиной и размоем берега руководства, на нас, мол, тогда власти не хватит, она уморится [А. П. Платонов. Котлован (1930)]* (НКРЯ).

Обращение к НКРЯ позволяет выявить векторы деформации узуса у А.Платонова: некоторые ключевые слова эпохи встречаются без изменений, компоненты замещаются или же опускаются в составе словосочетаниях. Устойчивое словосочетание *классовый враг* отражает советскую идеологию и встречается в подкорпусе в 57 документах и 102 вхождениях. Платонов сохраняет его без изменений. Существительное *директива* достаточно частотно, она встречается в 165 документах и 514 вхождениях. Но чаще употребляется в словосочетаниях с глаголами *получать* и *выполнять*. У Платонова подверглись трансформации словосочетания *правый и левый уклон*, *перегиб*. Чрезвычайно частотно в языке эпохи существительное *масса*: 1173 документа, 7044 вхождения. Существительное *линия* в примере 17, как мы полагаем, является частью словосочетания *линия партии* или *генеральная линия*.

Анализ стилистики повести А.Платонова «Котлован» с помощью корпуса показывает, что в подкорпусе 1918-1930 обнаруживаются конструкции, представляющие собой «строительный материал», объединяющий язык автора с языком его времени и характер деформации языковой нормы.

Итак, корпус позволяет описывать семантику в синхронии и диахронии, решать лингвокультурологические задачи, а также описывать структуру мотивов текста и его интертекстуальные связи.

Список литературы

- Баранов А.Н. (2001) Корпусная лингвистика. Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику. Москва, Эдиториал УРСС. 112–137.
- Захаров В.П., Богданова С.Ю. (2011) Корпусная лингвистика. Иркутск, ИГЛУ.
- Кузнецов С.А. (ред.) Большой толковый словарь русского языка. Санкт-Петербург, Норинт, 2001
- Национальный корпус русского языка. Режим доступа — URL: www.ruscoerpora (дата обращения: 29.05.2018)
- Плисецкая А. Д. (2013) Национальный корпус русского языка как один из инструментов анализа фразеологических сочетаний. Корпусная лингвистика - 2013: Труды международной научной конференции. Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет. 387-396.
- Полинская М., Рахилина Е. В., Выренкова А. С. (2014) Грамматика ошибок и грамматика конструкций: «эритажный» («унаследованный») русский язык // Вопросы языкознания. 3, 3-19.
- Степанов Ю. С. Слово. Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. Москва. Academia, 1997. 288-306.
- Фролова О.Е. (2017а) Мотив смерти в повести А.Платонова «Котлован». Вестник Московского университета. Серия 9: Филология, издательство Изд-во Моск. ун-та . № 3, 42-56.
- Фролова О.Е. (2017б) О коннотациях слов аристократ, барин, буржуа и их дериватов в русском языке. Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. том 19, № 3 (166), 174-190.
- Фролова О.Е. (2017в) Диалог Андрея Платонова с языком революционной эпохи (на материале повести «Котлован»). «Скрытая теплота революции». Поэтика Андрея Платонова. Сборник 3 / Ред. Е. А. Яблоков, Москва: ПОЛИМЕДИА, 104-139.

Фролова О.Е. (2016) О формировании концепта «Европа» в русском языке
Лингвокультурологические исследования: Язык лингвокультурологии: теория vs. эмпирия.
Москва: ЛЕНАНД, 138-141.

LEXICAL KNOWLEDGE IN HERITAGE RUSSIAN: LINGUISTIC AND CULTURAL ASPECTS

Ekaterina Mikhailovna Gridneva

*National Research University, "Higher School of Economics", Moscow, Russia
toki91@mail.ru*

ABSTRACT

This study examines knowledge of Russian non-compositional expressions (idioms) of Heritage Russian speakers. In this paper we present the results of interviews and experiments conducted in immigrant families and targeting both parents (first-generation immigrants) and their children (heritage speakers). In the current study Heritage Russian speakers are children who were born in the USA and use Russian language only with their family. Their parents who left Russia around 1980-1990 are baseline speakers. The study has two parts: the first one is dedicated to the general description of their speech while the second section is devoted to the cultural side of their language. In this respect, the recognition and knowledge of Russian non-compositional expressions were tested. As Heritage Russian speakers are bilinguals, their cultural background is rather ambiguous. The current research proves the idea that Heritage Russian speakers do not share the same cultural background as their parents.

Keywords: Heritage Russian language, heritage linguistics, bilingualism, linguoculturology, non-compositional expressions

Heritage speakers

Nowadays there is an increasing scientific interest regarding bilinguals. They have been studied in various ways: from the point of view of language acquisition, cultural identity, competence in both languages, etc. While heritage speakers are bilinguals, it is interesting to consider their cultural identity, as this type of bilingualism is rather specific. Firstly, they are unbalanced bilinguals. There has always been a strong dominant language and a weak minority language, the level of which could range from fluent to barely speaking (Polinsky, Kagan, 2007), (Montrul, Polinsky, 2011). Secondly, their cultural relation is always questioned. It is very difficult to define it, as their parents or guardians belong to the culture of their minor language while the community where they live shares another cultural background (that of the majority language). In this respect, it seems complicated to estimate which influence is stronger.

Furthermore, studies of Heritage speakers and even the definition of “heritage speaker” only started to be used in the late 1990s and took some time to be accepted (Benmamoun, Montrul, Polinsky, 2013). Research concerning heritage language has been conducted by different scholars (Polinsky, Montrul, Kelleher, Chang, Benmamoun, Kogan, Rakhilina, Vyrenkova, Rothman, Valdés and

others). These works have covered different aspects: specific features of heritage languages, acquisition, teaching, and the relationship of heritage language with the field of L2, etc. Moreover, it's important to point out some very significant investigations in this area. Polinsky's studies of heritage speakers are very useful and give general and comprehensive view regarding this phenomena in linguistics. Her works mainly connected to the heritage speakers in the USA. This geographical area is a very good place for study as it is full of immigrants all over the world which means that their children are heritage speakers (Polinsky, 2011), (Polinsky, 2008). Additionally, it's necessary to mention Montrul's research regarding to the acquisition of heritage language. In this paper she deeply describes the process of acquisition, heritage language learners and second language learners correspondences (Montrul, 2010), (Montrul, 2015). Furthermore, Rakchilina's, Vyrenkova's and Polinsky's research connected to the grammar of mistakes and the grammar of specific constructions has made a great impact in this area. This paper discusses the differences of the mistakes made by Russian native speakers and Heritage Russian speakers (Vyrenkova, Polinskaya, Rakhilina, 2014). Finally, the majority of works in this area investigate the special features of heritage language, its differences from the 'usual' language, the process of its acquisition, however, the cultural aspect of heritage language, especially Heritage Russian language has barely been studied. In this respect, the main goal of this research is to examine heritage speakers' level of linguo-cultural development. In order to reach this goal, we have tested their knowledge of non-compositional expressions (hereinafter NCE) or idioms in Russian language. As knowledge of NCE reflects the culture of the speaker to which they belong, this knowledge is informative with respect to the question of whether heritage speakers share the same linguistic culture as their parents or follow the culture of the majority language speaking community (Titone, 1999). Our hypothesis is the following: Heritage Russian speakers do not know, understand or recognize Russian language NCEs as they share the linguistic culture of the community where they live. In our case it is the English-speaking community of the United States.

Materials and Methods

In this part it's necessary to consider the methods of this study but firstly we should define the main terms. A heritage speaker is a sequential or simultaneous bilingual whose dominant language is the main language of the community where he or she lives and whose weaker language is the language of the minority, which typically belongs to his or her parents, guardians and/or relatives (Benmamoun, Montrul, Polinsky, 2013). Baseline speakers are those who help to acquire heritage language or in other words parents or guardians which use this heritage language with their family members. As heritage speakers acquire the weaker language via parents or guardians, we need to determine the

baseline that constitutes their input (Polinsky, 2011). In this paper, the baseline speakers are people who moved to the USA from 1980 to 1990 from Russia, aged 37 - 47 years old. The Heritage Russian speakers are their children aged 6 - 17 years old who were born and live in a non-Russian speaking community. Generally they use Russian with their families and learn it from their parents and/or attend language classes.

Secondly, there is a need to explain the reasons of choosing NCEs as a measure of cultural identity in language. As previously mentioned, the cultural aspect of Heritage Russian speakers can be tested by assessing their knowledge of NCE or idioms. An idiom is a phrase that is commonly used within a given culture and understood to have a meaning different from its literal meaning (Lundblom, Woods, 2012), (Cacciari, Glucksberg, 1991). Cooper compares idioms with the metaphors: “[a]n idiom can have a literal meaning, but its alternate, figurative meaning must be understood metaphorically. Idioms belong to the category of nonliteral or figurative language that also includes metaphors, similes and proverbs” (Cooper, 1998). The meaning of an NCE seems to be hard or even impossible to understand if a person does not make use of their cultural knowledge or has not heard them before. For example, instead of saying that someone has died in Russian the idiom ‘коньки отбросил’ (lit. ‘thrown of skates’, cf. ‘kick the bucket’ in English) could be used. Nippold and Taylor believe that, “idiom understanding begins in early childhood and gradually improves throughout the school-age years adolescence, and well into adulthood” (Nippold, Taylor, 2002). Generally, learning NCEs is a very important stage in acquiring a language and their knowledge and recognition are often signs an advanced learner. Therefore, while NCEs are a big part of most languages, students, or in our case Heritage Russian speakers, should learn and know them in order to be fluent in the target language.

Thirdly, we need to consider the experiment. In our study there are two parts. In the first part, Heritage Russian speakers watched a cartoon (1.5 min.) in a mute mode and were asked to describe what they saw. The second part is composed of ‘riddles’. In other words, the participants should guess the Russian NCEs by explanation and with the help of a picture associated with this NCE and explanation as well. In other words, there were two stages. This paper is devoted to the second part of the experiment mostly, as the first part was used as a filler and to highlight some very basic features of their speech such as: code-switching in vocabulary and phonology, unexpected pauses, simple sentences, use of English speech fillers etc. In principle, the second part of the experiment or ‘riddles’ in this study is divided into three parts: 1) selection of heritage speakers; 2) NCEs’ choice; 3) interviews.

Participants

As it was written before in this paper the Heritage Russian speakers are children, aged 6 - 17 years old, who were born and live in a non-Russian speaking community. Generally, they use Russian with their families and or learn it with their parents and/or attend language classes. In respect of this study children and teenagers were chosen. Additionally, education level was not considered as NCE were taken not from the literary language or anything which could reveal a low level of education or simply its absences as the majority of participants are children. It means that such NCEs as: «А судьи кто?» (lit. ‘and who are the judges?’)¹ were not used. Factually, knowledge of such NCEs shows the level of education as it’s a citation from the famous Russian play. In the table below the Heritage Russian speakers’ families are presented. Additionally, we interviewed families where both parents are Russian in other words they left Russia and moved to the USA some years ago. Simply, if there are mixed families like Russian mother / father and American mother / father, the results and the whole study will be incorrect.

Table 1. Parents (baseline, first generation) vs. children (heritage speakers)

Family 1	Family 2	Family 3	Family 4	Family 5
Parent 1, woman, left Russia in 1989	Parent 2, man, left Russia in 1980	Parent 3, woman, left Russia in 1987	Parent 4, woman, left Russia in 1980	Parent 5, woman, left Russia in 1990
Child 1, boy, 7 y.o. + Child 1.2, girl, 7 y.o.	Child 2, girl, 14 y.o.	Child 3, girl, 6 y.o.	Child 4, girl, 6 y.o.	Child 5, girl, 17 y.o.

Experiment design

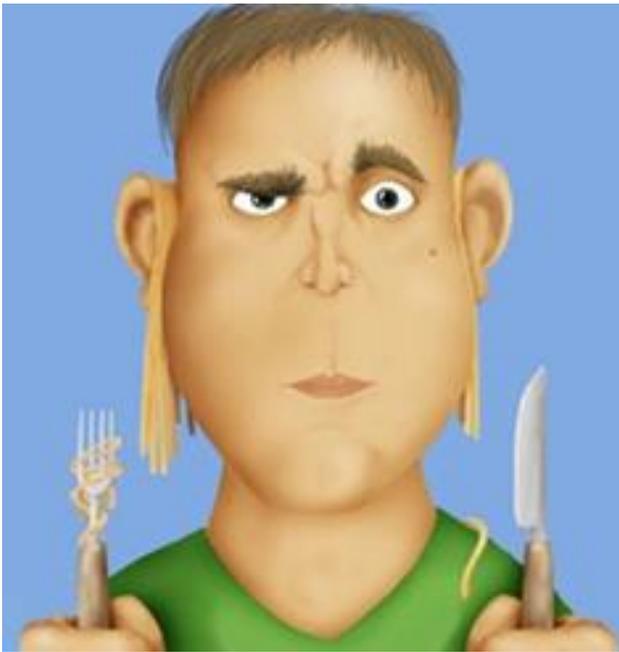
The next part of our research is choice of NCEs. Firstly, a wide range of different kinds of NCEs was made. Then, Russian native speakers of different ages were asked which the most understandable and recognizable NCEs were. This step helped us to analyze what the most popular and well-known NCEs are and how are they used by native speakers. Subsequently, a short list of NCEs was made. Additionally, it is necessary to mention that different types of NCEs were used (Паренко, 2013), (Cacciari, Glucksberg, 1991). 1) Full Russian-English equivalents: водить за нос / lead by the nose. 2) Half equivalents: ставить палки в колеса / lit. ‘put sticks in wheel’ / put a spoke

¹ Alexander Griboyedov's comedy “Woe from Wit”, citation from Chatsky monologue

in someone's wheel; молчит как рыба / lit. 'be silent like a fish' / mute as fish. 3) NCEs which contain different cultural, historical information: «медведь на ухо наступил», «грызть гранит науки» (lit. 'bear stepped on ear', 'gnaw granite of science'). Such choice was made in order to examine whether there is any difference in NCEs recognition between different types of NCEs. One possible hypothesis could be that full or half equivalents are easier to understand as they exist in both languages (Russian and English). Finally, after doing all these steps, a list of NCEs was made. However, it still has two sublists (easy-to-guess vs. difficult-to-guess). For the first list an explanation was only given. For the second list an explanation was given and in addition an associated picture. The first list was easy-to-guess NCEs and the second one difficult-to-guess respectively.

In the **tables two** lists are presented. Additionally, an associated picture is given below.

<p>Explanation without pictures (and their meaning in English) and their types (1) Full equivalent; (2) Half equivalent; (3) NCEs which contain different cultural, historic information</p> <p>1) золотые руки / lit. 'golden hands' / professional / skilled person / hands of gold / type 1 or 2; 2) сидеть на шее / lit. 'sit on neck' / be a burden to somebody / live at somebody's expense / type 3; 3) ставить палки в колеса / lit. 'put sticks in wheel' / put a spoke in someone's wheel / type 2; 4) второе дыхание / lit. 'second breath' / second wind / type 2; 5) на седьмом небе от счастья / in seventh heaven / type 1; 6) два сапога пара / lit. 'two boots are a pair' / as like as two peas / type 2 or 3; 7) ни свет, ни заря / lit. 'neither light, nor dawn' / very early / type 3; 8) под каблуком / lit. 'under heel' / under thumb / type 2; 9) резать ухо / lit. 'cut ear' / affront / offend ear / type 2; 10) сломя голову / lit. 'head breaking' / headlong / do smth very fast and reckless / type 2; 11) медведь на ухо наступил / 'bear stepped on ear' / tin ear / type 3.</p>	<p>Explanation with pictures (and their meaning in English) and their types (1) Full equivalent; (2) Half equivalent; (3) NCEs which contain different cultural, historic information</p> <p>1) водить за нос / lead by the nose / type 1; 2) молчит как рыба / lit. 'be silent like a fish' / mute like a fish / type 2; 3) вешать лапшу на уши / lit. 'put noodles on someone's ears' mislead / lie / type 3; 4) грызть гранит науки / lit. 'gnaw granite of science' / study hard (mainly in the academic sphere) / type 3; 5) сжигать мосты / burn bridges / type 1.</p>
--	--

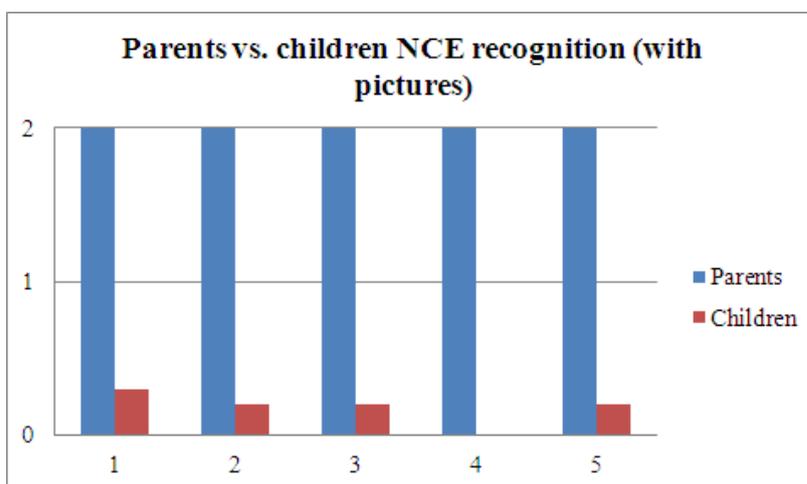
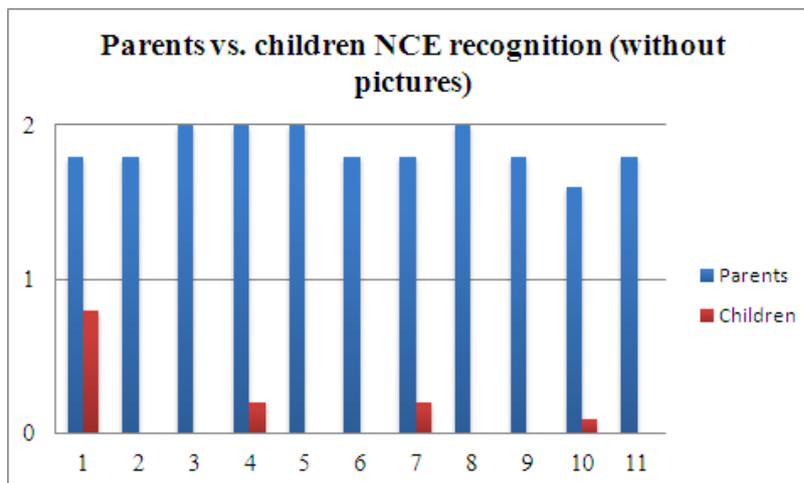
This picture is used for the NCE №3 or *вешать лапшу на уши* / lit. 'put noodles on someone's ears' mislead / lie / type 3.

For the heritage speakers and their parents 3 types of answers were collected:

1. The speaker recognises, knows, and understands the NCE (only by explanation of the NCE in Russian) - 2 points;
2. The speaker does not recognise, but knows and understands the NCE (but only after having been given the answer) - 1 point;
3. The speaker does not recognise, know, or understand the NCE (even after the explanation and having been given the answer) - 0 points.

The second type seems impossible to prove fully as a heritage speaker could lie or be shy; however, preliminary studies describe only two possible variants of NCE knowledge of a heritage speaker: either they know the whole NCE without making any mistake in cases, words etc. or they do not know it at all. However, sometimes a heritage speaker cannot produce an NCE but remembers it. This leads to the need of making the intermediate stage, that is an answer which has one point. Additionally, preliminary studies show that generally heritage speakers are honest, that is they are not too shy or embarrassed to say that they do not know NCE even if they have been given the answer. Also the preliminary results show that this strategy works as the 3rd answer was the most popular which in this respect means that two previous questions including the 2nd were failed to answer.

Results

In this part we present the results of the study. These graphs show the average answers from parents and children (points from 0 to 2 on the y-axis) depending on the particular NCE (the x-axis).

The results show that the majority of parents know and recognise all of the NCEs while their children do not know them at all. Using pictures and explanations made the guessing process for parents much faster and more efficient: all NCEs were recognised and it took parents approximately half a minute for recognition with a picture and 1.5 - 2 minutes with only an explanation. Additionally, in some cases the pictures helped children to recognise the expressions; however, despite this the majority of children did not know the NCEs even with the pictures and having been given answer.

Finally, according to the results of the study, the Heritage Russian speakers do not share the same language culture identity as their parents. Their weak language does not influence them. The majority of Heritage Russian speakers does not know, recognise or produce NCEs or idioms of

Russian language or language of the minority which probably means that the dominant language affects them.

Conclusion and discussion

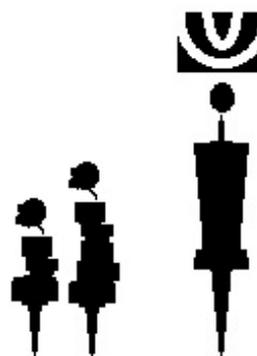
Finally, it's necessary to mention that the field of study connected to the heritage speakers is a developing one. Many aspects haven't been studied yet including the cultural aspect of their speech. The current paper has set out some preliminary ideas regarding their cultural identity. For the further research it's relevant to examine NCE's knowledge of the dominant language of heritage speakers. In other words, we can test the influence of dominant language and make a conclusion regarding their cultural identity. Moreover, non-compositional expressions which present not only culture related information have been always difficult for L2 learners' recognition. Generally, heritage speakers are between native speakers and L2 learners. Consequently, non-compositional difficulties face them as well. In future studies it's possible to compare non-compositional awareness and recognition of three categories of speakers: native speakers, L2 learners and heritage speakers. Additionally, it's important to develop and improve means and methods of revealing NCE knowledge and cultural identity. In this respect, we can use and develop RLC (Russian learning corpus). This corpus contains different texts in Russian which were written by non-Russian speakers (Heritage speakers as well). By using this database it's possible to find typical mistakes connected to non-compositionality in Russian language which were made by Heritage Russian speakers. All in all, non-compositional aspect of speech for heritage speakers seem very relevant and interesting field for the future research.

References

- Benmamoun, E., Montrul, S., & Polinsky, M. (2013). Heritage languages and their speakers: Opportunities and challenges for linguistics. *Theoretical Linguistics*, 39(3-4), 129-181.
- Cacciari, C., & Glucksberg, S. (1991). Understanding idiomatic expressions: The contribution of word meanings. In *Advances in psychology* (Vol. 77, pp. 217-240). North-Holland.
- Cooper, T. C. (1998). Teaching idioms. *Foreign language annals*, 31(2), 255-266.
- Lundblom, E. E., & Woods, J. J. (2012). Working in the classroom: Improving idiom comprehension through classwide peer tutoring. *Communication Disorders Quarterly*, 33(4), 202-219.
- Montrul, S. (2010). Current issues in heritage language acquisition. *Annual Review of Applied Linguistics*, 30, 3-23.
- Montrul, S. (2015). *The acquisition of heritage languages*. Cambridge University Press.
- Montrul, S., & Polinsky, M. (2011). Why not heritage speakers?.

- Nippold, M. A., & Taylor, C. L. (2002). Judgments of idiom familiarity and transparency: A comparison of children and adolescents. *Journal of Speech, Language, and Hearing Research*, 45(2), 384-391.
- Polinsky, M. (2008). Heritage language narratives. *Heritage language education: A new field emerging*, 149-164.
- Polinsky, M. (2011). Reanalysis in adult heritage language: New evidence in support of attrition. *Studies in second language acquisition*, 33(2), 305-328.
- Polinsky, M., & Kagan, O. (2007). Heritage languages: In the 'wild' and in the classroom. *Language and Linguistics Compass*, 1(5), 368-395.
- Titone, D. A., & Connine, C. M. (1999). On the compositional and noncompositional nature of idiomatic expressions. *Journal of pragmatics*, 31(12), 1655-1674.
- Vyrenkova, A. S., Polinskaya, M. S., & Rakhilina, E. V. (2014). Error Grammar and Construction Grammar: "Heritage" ("inherited") Russian language. *Voprosy yazykozvaniya*, (3), 3-19.
- Раренко, М. Б. (Ed.). (2013). Основные понятия переводоведения (Отечественный опыт). Терминологический словарь-справочник. Directmedia.

Глава 4.
Русский язык как иностранный.
Новые подходы и авторские школы в преподавании РКИ; тестирование и оценка уровня владения русским языком; мультимедийное обучение (E-learning).

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ОНИМЫ В ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ И ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКОМ АСПЕКТАХ

Бугаева Ирина Владимировна
Российский государственный аграрный университет
МСХА им. К.А. Тимирязева, Россия
bugaevaiv@mail.ru

PRECEDENT ONYMS IN LINGUOCULTURAL AND LINGUODIDACTIC ASPECTS

Irina Bugaeva
Russian State Agrarian University, Moscow
Timiryazev Agricultural Academy, Russia

АННОТАЦИЯ

Цель исследования – продемонстрировать возможности представления лингвокультурологической ценности precedentных имен собственных на занятиях по русскому языку как иностранному. В центре внимания находятся способы представления семантической, лексической и культурологической информации на примере текстов разных стилей и жанров. Система имен собственных представляет собой особый пласт лексики, который важен для лингвокультурологии и этнолингвистики. Историко-культурный фон онимов позволяет создать своеобразную ономастическую картину мира каждой лингвокультуры. Поэтому книга для чтения, в которой тематически систематизированы и описаны разные значения precedentных имен собственных, собраны фрагменты прозаических и поэтических текстов и визуальные иллюстрации будет полезным пособием для внеаудиторной работы с целью расширения исторических и этнокультурных знаний.

ABSTRACT

The purpose of the research is to demonstrate the possibility of representing the linguistic and cultural value of precedent onyms in Russian lessons. The focus is on ways of presenting semantic, lexical and cultural information on the example of texts of different styles and genres. The system of proper names is a special layer of vocabulary, which is important for cultural linguistics and ethnolinguistics. Historical and cultural background of names allows to create a kind of onomastic picture of the world of each culture. The book for reading, which thematically systematized and described the different meanings of precedent onyms, collected fragments of prose and poetic texts will be a useful tool for extracurricular work.

Ключевые слова: precedentный топоним, культурологические компетенции, метафорические, метонимические, символические значения

Keywords: precedent toponym, cultural competence, metonymical, metaphorical, symbolic meanings

Взаимодействие языка и культуры в процессе преподавания иностранных языков, как это представлено в теории лингвострановедения, возможно в двух направлениях: от языка к фактам культуры и от культуры к языковым явлениям. Объектами изучения первого направления являются фоновые знания и, следовательно, фоновая и безэквивалентная лексика (Верещагин, Костомаров 1990). Развитие второго вектора привело к появлению лингвокультурологии как новой междисциплинарной области языкознания (Пассов 2000). Представители обоих направлений отводят особое место ономастической лексике. По мнению Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова, «имена собственные обладают яркой национально-культурной семантикой, поскольку их групповое и индивидуальное значение прямо производно от истории и культуры народа – носителя языка» (Верещагин 1990: 59). Важным методическим основанием лингвокультурологии является положение о том, что культурологический потенциал ономастической лексики целесообразно максимально полно раскрывать на занятиях по русскому языку, также он должен быть представлен в словарях, учебниках, учебно-методических пособиях, в комментариях к текстам в книгах для чтения, адресованных иностранным учащимся.

Цель данного исследования – продемонстрировать возможности представления лингвокультурологической ценности и значимости прецедентных имен собственных на занятиях по русскому языку как иностранному и предложить оптимальные лингвометодические приёмы семантизации прецедентных топонимов на основе анализа основных и переносных лексических значений с использованием аутентичных текстов разных жанров и стилей. В современных учебниках по русскому языку как иностранному имена собственные только сопутствуют грамматическому или синтаксическому материалу, а их историко-культурный фон и весь спектр значений чрезвычайно редко и неполно представлен в кратких комментариях.

Объектом исследования являются русские прецедентные урбанонимы. Предмет данного исследования – способы представления семантической, лексической и культурологической информации в учебных пособиях по русскому языку как иностранному.

Актуальность данного исследования состоит в том, что предложенная модель изучения прецедентной ономастической лексики может быть применима на занятиях с использованием разного фактического материала. Во-первых, это – общеизвестные российские топонимы: Москва, Красная площадь, Кремль, Санкт-Петербург, Невский проспект. Во-вторых – региональные: Нижегородский кремль, парк Тысячелетия в Казани, Казанский кремль, улица Вайнера в Екатеринбурге, Светланская и Набережная улицы во Владивостоке, Красная площадь в Курске и т.д.

Материалом исследования послужили примеры, извлеченные из Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ), интернет-источников, фрагменты текстов художественной литературы и публицистики.

Выбор прецедентных топонимов не случаен. Для изучающих русский язык иностранцев известные топонимы имеют конкретное значение как символы России. Поэтому, формируя у студентов-иностранцев культурологические компетенции, считаем важным объяснять все значения прецедентного урбанонима. М.В. Горбаневский писал, что «любое географическое название представляет собой определенным образом свёрнутый (компрессированный) текст, который организован несколькими текстовыми модулями, один из которых – историко-культурный, формируемый как знаниями (представлениями, ассоциациями) о самом названии, так и знаниями, представлениями, ассоциациями об объекте» (Горбаневский 1994: 24).

Теоретической основой изучения прецедентности в отечественной науке и, в частности, в ономастике, заслуженно считаются труды Е.Л. Березович, Д.Б. Гудкова, М.В. Голомидовой и др.

Прецедентные имена собственные, характерные разным этнокультурам и российским регионам, сравнительно недавно стали изучаться отечественными исследователями. Это является причиной дискуссионности ряда теоретических положений. В частности, высказывается мнение о нелогичности самого понятия «прецедентный топоним», так как они, по мнению Э.М. Левиной, являются результатом метонимического переноса (Левина 2016: 115-119). Проведенные нами исследования показывают, что прецедентность в ономастике формируется и разными способами, в частности, метафорическим и символическим.

Имена собственные и практика преподавания РКИ

Наглядное и полезное исследование провела Л.С. Головина, которая подсчитала количество онимов и способы их комментирования в двух учебниках русского языка как иностранного (Головина 2003: 95-96). По данным исследователя, в учебнике Ю.Г. Овсиенко встречается 152 онима, из которых 133 (88%) являются культурно детерминированными и содержат фоновую информацию о российской культуре. Во втором учебнике под редакцией А.П. Шумиловой соответственно употреблено 129 онима, 106 (82%) с фоновой семантикой. Далее Л.С. Головина подытоживает: «Объем культурологической информации, отраженной в онимах, огромен, но не вся она раскрыта авторами. Только лишь само употребление имен собственных в текстах и упражнениях не дает возможности обогащения культурного опыта иностранцев, изучающих русский язык. Для этого каждый оним должен так или иначе комментироваться в лингвострановедческом/лингвокультурологическом плане» (Головина

2003: 96). Вступимся в защиту авторов упомянутых учебников: перед ними не стояла задача полного раскрытия культурологического потенциала используемых имен собственных, поэтому процитированные выше упрёки не состоятельны. Подобная цель может ставиться при разработке вспомогательных учебных пособий, таких как книга для чтения, хрестоматия, учебный словарь имен собственных с историческими и этнокультурологическими комментариями и т.д. Иллюстрированная книга для чтения с лингвокультурологическими комментариями и семантическим анализом имен собственных под названием «Кремль и кремли: Прецедентные урбанонимы на уроках русского языка как иностранного» разрабатывается автором данной статьи.

Семантические процессы в ономастике

Имена собственные, как и другие группы лексики, со временем подвергаются различным семантическим процессам. Анализ современных текстов разных жанров на русском языке позволил выделить 14 значений прецедентного урбанонима **Красная площадь** (Бугаева 2017) и 9 значений урбанонима **Кремль** (Бугаева 2018). Кратко остановимся на процедуре семантического анализа прецедентных имен собственных. Методом сплошной выборки были отобраны примеры и лексемой Кремль из Национального корпуса русского языка, а также использовались примеры из художественной литературы, публицистических текстов и официальных сайтов кремлей в разных городах России.

Лексема **Кремль** известна многим людям во всем мире. Но многие иностранцы, посещая нашу страну, с удивлением узнают, что во многих российских городах тоже есть свои кремли, а в Москве их два, Московский и Измайловский. Первый Кремль пишется с прописной буквы, а второй – со строчной.

В семантике топонимов часто содержится важная культурная и историческая информация. Для топонима *кремль* важно отметить такую деталь, что кремли были характерны градостроительной культуре Средневековья и выполняли, по мнению историков архитектуры, «пять главных функций: административную, оборонительную, религиозную, селитебную и торговую» (Шереметьев 2013: 126). Административная функция кремлей заключалась в концентрации всех видов управления городом. Политическая функция до нашего времени сохранилась в кремлях Москвы и Нижнего Новгорода.

Вторая, оборонительная функция реализовывалась в тех случаях, когда враги напали на город, и городское население собиралось в кремле, где находились склады с оружием и продуктами питания, запасы воды.

Религиозная функция кремлей состояла в том, что они являлись духовными центрами городов, на их территории строили соборы и церкви.

Следующей функцией является селитебная, которая состоит в том, что на территории кремлей строились жилые здания для привилегированных горожан.

Кремли редко выполняли торговую функцию, так как обычно рынки располагались на площадях за кремлевскими стенами. В средневековой Москве центром торговли была Красная площадь.

Следовательно, вплоть до XVIII века кремли в городах Руси – «это центральная, укрепленная часть города, в которой были сконцентрированы органы управления, храмы с религиозными святынями, часто располагался военный гарнизон, имелись склады и жили влиятельные граждане» (Бугаева 2018: 97-98).

Появления переносных значений лексемы **кремль** связано с онимизацией нарицательного имени, когда **кремль** становится **Кремлём**. А.В. Иконников пишет: «Московский Кремль, «Кремль с большой буквы», вошел в сознание людей XX столетия как многослойный комплексный образ-символ, встраиваясь во многие контексты: архитектурно-художественные, исторические, идеологические, политические. Для россиян этот образ неразрывен с представлениями о столичности, о центре политической власти и вершине ее иерархии» (Иконников 2003: 8). А прецедентное значение получает после того, когда Московский Кремль в 1918 году официально становится центром государственной власти и резиденцией руководителей страны.

После онимизации наблюдаются два семантических процесса: с одной стороны, у лексемы *кремль* появляются метафорические и символические значения. С другой стороны, даже в сознании носителей русского языка утратилось исконное значение *кремля* как укрепленной части города.

Собранная автором картотека примеров позволила выделить 9 значений лексемы *кремль*, актуальных для современного узуса.

1) Центральная, укрепленная часть города: *На берегу Волги стоит Угличский кремль, его история связана с младшим сыном Ивана Грозного Дмитрием* (Л. Языкова. Путешествие в Углич и Мышкин // За науку, 2013); *Тобольский кремль стал одним из победителей федерального этнографического конкурса «7 чудес России»* (https://tonkosti.ru/Тобольский_кремль); *Каменные кремли – Тульский, Тобольский, Ростовский, Псковский, Порховский, Нижегородский, Вологодский, Астраханский, Изборский и Гдовский, а кроме того, 11 каменно-деревянных и 41 деревянный кремль, 18 ям и крепостей*

(И. Петров. Потомки Ивана Грозного возьмут Казань (2010.08.18) // <http://www.rbcdaily.ru/2010/08/18/focus/503307.shtml>, 2010).

Анализ данных примеров показывает, что произошло сужение лексического значения лексемы **кремль**, так как все названные кремли в настоящее время являются музеями, то есть они утратили защитную, оборонительную функцию.

2) Адресное значение особенно ярко реализуется в известной фразе «Москва. **Кремль**».

3) Резиденция президента страны, центр политической власти: **Кремль** пообещал меры в ответ на расширение санкций; **Кремль** вынес предупреждение; **Кремль** заявил об официальном признании; **Кремль** выразил желание и т.д.

Во всех приведенных и аналогичных примерах слово **Кремль** в результате метонимического переноса употребляется в значении «власть, руководство государством».

4) Символическое значение: **Кремль** в Москве – общерусская национальная святыня, символ России (Онлайн: https://www.msk-guide.ru/moskovskiy_kreml.htm); Байкал для них и для меня такое же достояние и символ России, как **Кремль**, Эрмитаж или, например, матрёшка с водкой (В. Губарев. Слева – Байкал, справа – тайга // Наука и жизнь, 2009).

5) Метафорическое значение: **Кремль** – сердце России; **Кремль** – сердце нашей земли; **Кремль** – сердце Москвы.

6) Сакральное значение связано с обязательным наличием культовых сооружений на территории кремлей: Московский **Кремль** – алтарь России (М. Лермонтов); Мечеть Кул Шариф была построена на территории Казанского **кремля** к 1000-летию юбилею Казани (Онлайн: <http://loveorium.ru/architektura/kazanskij-kreml-2.html>).

7) Значение туристского стереотипа: Во второй части нашей программы вас ждет увлекательная пешеходная прогулка в сопровождении экскурсовода по жемчужине Казани - **Казанскому Кремлю** (Онлайн: <https://kazan.gocitybus.ru/cruise/ekskursii-po-kazani/obzornaya-avtobusnaya-ekskursiya-po-kazani-kreml>); Говорят, что в Москве нет Старого города. А вот и не правда, есть, и им является... **Кремль!** В XX веке его закрыли для свободного прохода горожан, значительно перестроили, но всё же большая часть его уникальных сооружений сохранилась. Обязательно сходите на самостоятельную экскурсию по Московскому **Кремлю**, только при покупке билетов в кассе обязательно уточните, право посещения каких объектов они предоставляют (Онлайн: <https://plan.ever.travel/ru/posts/1093-putevoditel-po-moskovskomu-kremlju>).

8) Торговая марка: водка «**Легенды Кремля**», «**Тульский Кремль**», «**Кремлевская**», **Kremlin Award**, коньяк **Kremlin Award**.

9) Прагматонимы: Торговая марка «*Выбор Кремля*», «*Московский Кремль*» является товарным знаком и принадлежит ФГУП «*Кремль*»; Торговый центр «*Кремль*»; дизайн-студия «*Белый Кремль*».

Лексема **Кремль** и образованное от него имя прилагательное **кремлёвский** часто встречается в рекламных текстах. Например: Торговый Дом «*Кремлевский*», конфеты «*Кремлевский мишка*», торговая марка «*Кремлевское качество*».

Топоним *Красная площадь* на картах российских городов

Аналогично проводится работа по определению значений урбанонима Красная площадь. Но иностранных студентов удивляет не количество значений, а тот факт, что Красные площади есть не только в Москве, но и в других городах России.

Действительно, Красные площади до настоящего времени сохранились на картах Нижнего Новгорода, Выборга, Переяславль-Залеска, Перми, Курска, Ижевска, Тобольска, Оренбурга, Богородска (Нижегородская обл.), Таганрога, Ярославля, Чебоксар и т.д. Во многих городах, где исторически были Красные площади, данный урбаноним был переименован, так, в Санкт-Петербурге эта площадь теперь носит имя Александра Невского.

К каждому из значений анализируемых топонимов предлагаются тексты для чтения из художественных и публицистических произведений, бытовые диалоги. М. Лермонтов, А. Белый, М. Цветаева, М. Волошин, Н. Рубцов и многие другие поэты и писатели обращались в своем творчестве к Москве и ее главным символам.

Выводы

Система имен собственных представляет собой особый пласт лексики, который важен для лингвокультурологии и этнолингвистики. Историко-культурный фон онимов позволяет создать своеобразную ономастическую картину мира каждой лингвокультуры. Сравнительно-сопоставительные ономастические исследования позволяют выявить универсальные и специфические особенности функционирования имен собственных в разных языках.

Книги для чтения и хрестоматии являются неотъемлемой частью учебных комплексов по изучению языков. Поэтому книга для чтения, в которой тематически систематизированы и описаны разные значения прецедентных имен собственных, собраны фрагменты прозаических и поэтических текстов и визуальные иллюстрации (фотографии, картины известных русских художников), не только вызовет интерес у учащихся, но и будет полезным пособием для внеаудиторной работы с целью расширения исторических и этнокультурных знаний. Объясняя на занятиях все значения прецедентных онимов, можно организовать урок так,

чтобы за короткое время дать культурно-историческую информацию и познакомить учащихся не только с этимологией слова, но и вместе с ними выделить другие значения, опираясь на предложенные преподавателем примеры и микротексты.

Список литературы

- Березович Е. Л. (2001): К построению комплексной модели топонимической семантики, Известия Уральского государственного университета, 20, 9–15.
- Бугаева И.В. (2018): Прецедентный топоним как политический символ, Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 9, 1, 124–135. DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-1-124-135
- Бугаева И.В. (2017): Красная площадь в городском пространстве и русской ментальности, Ономастика Поволжья, Т. 1. Ульяновск: ФГБОУ ВО «УлГПУ им. И.Н. Ульянова», 17–23.
- Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. (1990): Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. Москва: Русский язык.
- Горбаневский М. В. (1994): Русская городская топонимия: Проблема историко-культурного изучения и современного лексикографического описания, Дис. д-ра филол. наук. Москва.
- Головина Л.С. (2009): Этнокультурный фон онима и способы его комментирования в учебнике русского языка как иностранного, Филологические науки. Вопросы теории и практики, Тамбов: Грамота, 2 (4), 95–96.
- Голомидова М. В. (1998): Искусственная номинация в русской ономастике, Екатеринбург: Уральский государственный педагогический ун-т.
- Гудков Д. Б. (1999): Прецедентные имена и проблемы прецедентности. Москва: Изд-во МГУ.
- Иконников А. В. (2003): Московский Кремль – формирование метафор и символических значений архитектуры, Кремли России. Москва: Издательство Гос. ист.-культур. музея-заповедника “Московский Кремль”, 8–15.
- Левина Э.М. (2016): Может ли быть прецедентным топоним? Филологические науки. Вопросы теории и практики, Тамбов: Грамота, 4 (58), 2, 115–119.
- Пассов Е.И. (2000): Коммуникативное иноязычное образование: концепция развития индивидуальности в диалоге культур. Липецк: ЛГПИ–РЦИО.
- Шереметьев И. М., Лагунин И. И. (2013): Базисные атрибуты и ключевые определения понятия «русский кремль», Научный потенциал регионов на службе модернизации, 1 (4), 124–131.

ДИДАКТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНТЕРНЕТ-ТЕХНОЛОГИЙ В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

Бусел Татьяна Викторовна

*Минский государственный лингвистический университет, Беларусь
tatsiana-busel@yandex.ru*

DIDACTIC POTENTIAL OF INTERNET-TECHNOLOGIES IN TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

Tatyana Busel

Minsk State Linguistic University, Belarus

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена проблеме интенсификации процесса обучения русскому языку с использованием современных Интернет-технологий (ИТ). Рассматриваются основополагающие условия интеграции ИТ в учебный процесс и их преимущества перед традиционными методами обучения. Описываются информационные Интернет-ресурсы и коммуникационные технологии, которые позволят значительно обогатить языковую и культурную практику студентов, а также создают условия для развития умений самостоятельной учебной деятельности обучающихся. Предлагаемая статья адресована преподавателям РКИ и может помочь педагогам эффективно применять ИТ на своих занятиях.

ABSTRACT

The article is devoted to the issue of intensification of the educational process by the use of modern Internet-technologies (IT). The author describes possibilities of using IT in teaching Russian language, their advantages over traditional methods of teaching and different types of exercises that greatly enrich the language and cultural practices of students, as well as create conditions for the development of skills of independent learning activities. The proposed article is intended to teachers of Russian as a foreign language and may contribute to the successful application of modern educational IT.

Ключевые слова: информационные и коммуникационные технологии, Интернет, русский язык как иностранный, мультимедийные средства обучения языкам

Keywords: information and communication technologies, Internet, Russian as a foreign language, multimedia means of teaching languages.

Вступление общества в современную информационную эпоху определило возможность внедрения Интернет-технологий во все сферы человеческой деятельности и сделало

актуальным их использование в качестве новейшего дидактического средства, эффективной и многофункциональной среды обучения. Под Интернет-технологиями (ИТ) в методике преподавания иностранных языков понимают «совокупность форм, методов, способов, приемов обучения иностранному языку с использованием ресурсов сети Интернет и социальных сервисов» (Сысоев 2010: 12). Актуальность применения Всемирной сети Интернет в качестве информационной, коммуникационной и языковой среды продиктована, прежде всего, педагогическими потребностями, поскольку открывает новые возможности для свободного распространения научных знаний и информации во всем мире, способствует появлению новых видов, методов и форм обучения иностранным языкам, ориентированных на активную познавательную деятельность студентов.

Область преподавания русского языка как иностранного (РКИ), в силу своей специфики, нуждается в этих технологиях особенно остро. С их помощью становится возможным решение многих проблем, которые до сих пор не были решены традиционными средствами. Новые информационные технологии являются не просто вспомогательными средствами. Они принципиально меняют среду обучения и способствуют созданию таких условий, которые позволяют 1) реализовать личностно-ориентированный подход к обучению, основывающийся на учете индивидуальных возможностей и способностей обучающихся; 2) приблизить образовательную среду к реальным условиям функционирования изучаемого языка и культуры; 3) обеспечить полноценную самостоятельную работу студентов (Fitzpatrick 2004).

Результаты, полученные в ходе исследования (Liang Wang 2009: 117), посвященного применению ИТ в крупнейшем британском университете открытого образования, свидетельствуют о том, что свыше 70 % преподавателей и студентов-филологов активно используют Интернет как источник получения информации, как средство общения и как средство обучения.

Таблица 1. Использование Интернет-технологий в обучении языкам

	преподаватели	студенты
Интернет службы и сервисы		
Браузеры и поисковые системы	71%	72%
Электронная почта	60%	35%
Он-лайн справочники по грамматике, фонетике, лексике и т.д.	54%	57%
Веб-страницы с текстовой и видео- информацией	53%	63%
Чаты для обмена сообщениями в режиме реального времени	39%	30%
Блоги	34%	26%
Интернет-мессенджеры	30%	20%
Веб-форумы	28%	31%
Видеоконференции	25%	10%

Интернет как средство получения информации

Для студентов и преподавателей Интернет – это, прежде всего, средство получения информации, которое способствует не только эффективному обучению, но и обогащает дидактический процесс, вносит в него разнообразие.

Сегодня в арсенале преподавателей РКИ также находятся разнообразные материалы, которые предоставляются электронными средствами массовой информации, называемыми электронными медиа или массмедиа, т.е. прессой, радио и телевизионными каналами, представленными в Интернете. Помимо этого, сама глобальная сеть считается четвертым, самым молодым и быстро растущим СМИ современности.

Современная электронная пресса является наиболее сложным для восприятия средством информации, для осмысления сообщений которого иностранному студенту необходимо прикладывать определенные интеллектуальные усилия. Русскоязычные газеты и журналы в своих интернет-версиях содержат как традиционные, линейные тексты, так и тексты нелинейного характера, то есть гипертексты. Классические линейные тексты отличаются четкой внутренней структурой и логикой изложения, информация разворачивается последовательно, постепенно. Тексты нелинейного характера имеют иную структуру информационного поля. Они снабжены системой выделенных ключевых слов, называемых гиперссылками, переходя по которым, студент попадает в новые тексты. Таким образом, информация в данных материалах разворачивается не только линейно, но и вглубь межтекстовых связей.

Гиперссылки могут носить как контекстуальный, так и тематический характер. В контекстуальной ссылке может быть дан материал, углубляющий проблематику текста, например, интервью со специалистами в конкретной области знания и т.п. В тематических ссылках указываются иные статьи по данной проблеме. Помимо этого, гиперссылки можно разделить на внутренние и внешние. Внутренние – дают читателю возможность ознакомиться с аналогичными публикациями сайта или публикациями того же автора по искомой проблематике; внешние – отсылают к другим ресурсам. Преимуществом сетевой прессы (по сравнению с традиционной) является возможность визуализации контента, то есть содержания. Так, в электронных версиях газет и журналов публикуются фотографии и видеоматериалы с места событий. Отсутствие жесткой регламентации объема информации позволяет давать развернутые версии статей, актуализировать новостные сообщения. С методической точки зрения использование в обучении материалов прессы позволяет формировать умение иноязычного чтения, в основе которого лежит восприятие и осмысление

новых сведений. В отличие от других видов сообщений печатные материалы дают возможность многократного прочтения информации, не ограниченного временными рамками.

Русскоязычные радиостанции, представленные в Интернете, транслируют аудиотексты, используемые в обучении с целью развития умения аудирования. Для текстов радио характерен однократный характер предъявления сообщений, естественный темп, а также наличие подготовленной (например, в новостных сообщениях) и неподготовленной речи (к примеру, ответы экспертов на звонки радиослушателей). Методически важным аспектом считаем озвучивание аудиосообщений представителями различной гендерной, возрастной и социальной принадлежности, и, как следствие, использование разных стилей речи с характерным для них языковым наполнением. Особенностью сетевых радиопрограмм является возможность их рецепции в реальном времени, а также поиска архивных материалов, сгруппированных исходя из временного, тематического, жанрового и других принципов. Телевизионные каналы, представленные в Интернете, являются аудиовизуальными СМИ. Они обладают большим потенциалом воздействия на адресата, так как создают «эффект присутствия» при транслируемых событиях и воздействуют на эмоции студентов, что повышает мотивацию к обучению и способствует усвоению иноязычного материала.

Интернет представляет собой канал распространения информации сетевых массмедиа, а также самостоятельное СМИ, по каналам которого поступают сообщения электронной почты, а также содержатся разнообразные платформы, словари, справочная и художественная литература, аудио и видео. Сеть является своеобразным «глобальным архивом», предоставленным в распоряжение пользователей.

Интенсивность использования в обучении (особенно на старших ступенях) материалов электронных медиа объясняется рядом положительных характеристик данного средства обучения. Во-первых, информация русскоязычных СМИ носит исключительно аутентичный характер, она актуальна и современна. Аутентичность медиатекстов является большим преимуществом в сравнении с искусственным характером учебных текстов, написанных авторами пособий. Ведь такой текст представляет собой факт иноязычной реальности, так как был создан и функционирует в иной культурно-языковой общности. Он содержит богатую палитру культурно-специфических языковых средств и иллюстрирует их связь с реальной языковой действительностью. Использование текстов массмедиа в процессе обучения развивает языковую догадку и чувство языка, а также стимулирует познавательную активность обучающихся. Актуальность медиаматериалов способствует повышению интереса к современной политико-экономической и социальной ситуации, культуре страны изучаемого языка, а также расширению кругозора и образовательного уровня студентов.

Во-вторых, во время повсеместного распространения Интернета постоянно доступными становятся и любые русскоязычные СМИ. Данное преимущество удобно использовать не только при аудиторной, но и при самостоятельной работе с электронными медиа. При самостоятельной рецепции и осмыслении иноязычных сообщений реализуются метакогнитивные стратегии, которые позволяют студенту определять, исходя из собственных потребностей, цели занятий и пути их достижения, время работы, а также интересующие его виды материалов. Освоенные таким образом стратегии самостоятельного образования станут залогом успешной учебной и будущей профессиональной деятельности.

Использование в обучении разнообразных материалов СМИ задействует все каналы поступления информации и способствует формированию всех языковых навыков и умений. С точки зрения обучения фонетике опора на аудио- и аудиовизуальные материалы русскоязычных медиа помогает усвоению произносительных норм и поддержанию сформированных произносительных навыков. Из перспективы обучения грамматике осуществляется произвольное запоминание грамматических конструкций и активизация пассивной грамматики. Исходя из цели обучения лексике, достигается усвоение новых и закрепление пройденных лексических единиц, а также контекстная семантизация лексики, иллюстрирующая ее сочетаемость и социокультурный компонент значения. При использовании материалов русскоязычных телерадиокомпаний формируется и развивается умение аудирования, а при рецепции сообщений периодики – умение чтения. Таким образом, активизируется речемыслительная деятельность студентов, что содействует развитию продуктивных умений.

Жанровое и стилистическое многообразие медиаматериалов способствует повышению качества формируемых умений. Ведь прочитанные или услышанные лексические и грамматические конструкции сначала попадают в пассивный запас, а затем (при достаточной тренировке) переходят в активный. Таким образом, устная и письменная речь студентов становится живой и аутентичной, что раньше (в отрыве от языковой среды) достигалось с большими трудностями.

Хотелось бы также отметить возможность создания на основе материалов электронных СМИ мультимедийной культурно-языковой среды, понимаемой в качестве созданного в учебных целях при помощи средств мультимедиа культурно-языкового коммуникативного пространства, в котором реализуется восприятие иноязычной речи и транслируемой ею культуры. Создаваемая при помощи электронных медиа среда способствует освоению новых социокультурных знаний: она снабжает студентов сведениями об особенностях быта,

традиций, произведений искусства и современной культуры, менталитета и ценностных ориентаций носителей русского языка.

Интернет как средство электронной коммуникации

К коммуникационным ресурсам Интернета, способным найти свое место в преподавании русского языка, относится электронная почта, телеконференции (форумы), текстовые и аудиочаты, гостевые книги, сетевые дневники, средства IP-телефонии (Skype). Использование электронной коммуникации в качестве средства обучения помогает частично решить одну из основных задач обучения – создание естественной языковой среды, поскольку дает дополнительные возможности общения на изучаемом языке. Естественная среда общения на базе средств электронной коммуникации может быть использована преподавателями РКИ для поддержания и повышения уровня знаний, оценки речевого поведения студентов в разных коммуникативных ситуациях. При этом, в зависимости от содержания и целей обучения, электронная коммуникация может осуществляться как в синхронном, так и в асинхронном режимах с использованием различных форматов: текстового (электронная почта, чат, форум, сетевые дневники), аудио- или видео- (видеоконференции, голосовая почта, пересылка звуковых и видеофайлов).

В учебном процессе электронная коммуникация может быть эффективно организована следующими способами:

- участие обучающихся в индивидуальном или групповом телекоммуникационном проекте (реализация педагогической технологии «метод проектов»);
- ведение сетевых дневников / он-лайн-журналов/ блогов в качестве инструмента для решения задач профессионального самообразования иностранных студентов;
- общение студентов-лингвистов с носителем языка в режиме реального времени или по переписке;
- использование электронной почты для диалогового обмена информацией между обучающимися и преподавателем в рамках курсов дистанционного обучения (точнее, заочного обучения с применением веб-технологий), в частности, пересылки заданий преподавателю и получения комментариев от преподавателя).

Интернет как средство обучения

Наибольший интерес представляет такая сфера применения Интернет-технологий, как средства обучения, т.е. обучающие ресурсы по иностранному (русскому) языку, размещенные в Интернете. К ним относятся сетевые обучающие программы (сетевые учебно-методические

комплексы, сетевые учебники и учебные пособия), виртуальные образовательные среды, сетевые инструментальные оболочки и сетевые прикладные средства, позволяющие организовывать обучение и создавать учебные материалы (Khannanov 2003). Данный список учебных Интернет-ресурсов постоянно пополняется вновь возникающими ресурсами, например, веб-проекты, ориентированные на распространение знаний о русском языке и культуре речи: портал «Культура письменной речи» (www.gramma.ru), задачей которого является помощь в овладении нормами современного русского литературного языка и навыками совершенствования устной и письменной речи, создания и редактирования текста; портал «Рутения» (<http://www.ruthenia.ru>), содержащий электронные версии труднодоступных изданий и классических работ по русистике, библиографическую и справочную литературу; проект «Русские словари» (www.slovari.ru, www.russkie-slovari.ru), поддерживаемый Институтом русского языка имени В. В. Виноградова РАН и содержащий общедоступную лингвистическую информацию разного типа; интернет-ресурс «Национальный корпус русского языка» (<http://www.ruscorgo.ru>), тексты которого доступны для некоммерческого использования в научно-исследовательских и учебных целях. Тематические ресурсы – сайт etymolog.ru – образовательно-информационный ресурс по этимологии и истории слов русского языка (Гришина 2008).

В обучении РКИ могут быть эффективно использованы и лингводидактические подкасты для изучающих русский язык, т.е. постоянно обновляемыми сериями аудио- или видеофайлов, которые доступны в Интернете (www.tasteofrussian.com; www.masterrussian.com; www.russianpodcast.eu; ochenporuski.com; www.govoriporuski.com; www.ruscomrus.com) и находят все более широкое применение в образовательном процессе.

Лингводидактические подкасты могут быть ориентированы на демонстрацию употребления фонетических, лексических или грамматических явлений изолированно либо в контексте, а также содержать образцы диалогической или монологической русскоязычной речи, реализуемой в определенных коммуникативных ситуациях и в определенном социокультурном контексте. Подкасты данного вида, как правило, сопровождаются интерактивными упражнениями, выполняемыми студентами в онлайн-режиме на предтекстовом, текстовом и послетекстовом этапах работы с аудиотекстами. Лингводидактические подкасты, позволяют студентам сосредоточиться на развитии умений восприятия аутентичной речи на слух с различной глубиной понимания.

Лингводидактические подкасты могут также содержать информацию о фактах культуры изучаемого языка, взаимосвязях между элементами культуры, нормах и ценностях иной культуры, регулирующих поведение людей в определенном социуме. С помощью подкастов

студенты обогащают свои фоновые знания о социокультурных процессах в странах изучаемого языка, знакомятся с социокультурными реалиями и основными речевыми и неречевыми особенностями межкультурного общения.

В заключение отметим, что оперативность, быстрота, доступность коммуникации позволяют использовать Интернет как средство получения информации, средство общения и обучения. Использование существующих на сегодняшний день дидактических возможностей сети Интернет в учебном процессе позволяет иностранным студентам овладеть русским языком в единстве с культурой его носителей, в значительной степени облегчает работу преподавателя и повышает эффективность обучения.

Список литературы

- Бекасов И.К. (2008): Совершенствование иноязычной коммуникативной компетенции студентов-лингвистов с использованием Интернет-технологий (английский язык, продвинутый этап обучения): автореферат дис. канд. филол. наук. СПб, 21.
- Гришина Н.С. (2008): Интернет-портал «Грамота.ру» как лингвокультурологический инструмент развития культуры русской речи: автореферат дис. канд. филол. наук. Москва, 24.
- Сысоев П.В. и др. (2010): Методика обучения иностранному языку с использованием новых информационно-коммуникационных Интернет технологий: учеб.-метод. пособие. М., Феникс, 182.

References

- Fitzpatrick A. (2004): Information and Communication Technology in Foreign Language Teaching and Learning. Information and Communication Technologies in the Teaching and Learning of Foreign Languages: State-of-the-Art, Needs and Perspectives. Analytical Survey. Moscow: UNESCO Institute for information Technologies in Education, 10-26.
- Khannanov A. (2003): Internet in Education. Support Materials for Educators. Moscow: UNESCO Institute for information Technologies in Education, 111.
- Liang Wang (2009): A survey of Internet-mediated intercultural foreign language education. Journal of European Association of for Computer Assisted Language Learning ReCALL. Volume 21, Issue 1. Cambridge: Cambridge University Press, 113-129.

ВОЗМОЖНОСТИ РАЗВИТИЯ ТВОРЧЕСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ КИТАЙСКИХ УЧАЩИХСЯ НА УРОКЕ РКИ

Вертунова Нина Леонидовна

*Российский Новый университет, Россия
vertunova12@yandex.ru*

Ковалева Наталья Анатольевна

*Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте РФ (РАНХиГС), Россия
kna13@yandex.ru*

Мартынова Маргарита Александровна

*Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте РФ (РАНХиГС), Россия
bilingualconnect@ mail.ru*

Боровикова Марина Владиславовна

*Государственный колледж музыкального
и эстрадного искусства, Россия
marinborovikov@yandex.ru*

THE POSSIBILITIES OF DEVELOPMENT OF CREATIVE ABILITIES OF CHINESE STUDENTS ON LESSONS RUSSIAN LANGUAGE AS FOREIGN

Nina Vertunova

RosNOU, Russia

Natalia Kovaleva

*The Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration, Russia*

Margarita Martynova

*The Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration, Russia*

Marina Borovikova

State College pop and jazz art, Russia

АННОТАЦИЯ

В статье предлагается с помощью рисунка раскрыть специфичность представлений и особенности восприятия прецедентных текстов китайскими учащимися. Выполнение предложенного упражнения раскрывает новые возможности вхождения студентов в парадигму национальной речевой культуры страны изучаемого языка, позволяет использовать заложенный в крылатых выражениях речевой, языковой, интеллектуальный потенциал.

ABSTRACT

The article proposes using the figure to reveal the specificity of the notions and peculiarities of perception of precedent texts of Chinese students. Performing creative exercises opens new possibilities of entering students into the paradigm of national language culture of the country of the target language, allows to use the mortgaged sayings speech, language, intellectual potential.

Ключевые слова: художественный текст, прецедентный текст, творческие упражнения, особенности восприятия

Keywords: artistic text, precedent text, creative exercises, especially the perception

В процессе изучения русского языка как иностранного одной из трудностей для иностранных учащихся на продвинутом этапе обучения является умение читать и понимать аутентичные художественные тексты изучаемого языка, поскольку для их понимания необходимо обладать не только знаниями русского языка, но и знаниями русской действительности, культуры, истории.

Языковые единицы, представленные в художественном тексте, способны приобретать новые смыслы, дополнительные семантические фрагменты, они обладают образностью – одной из важнейших отличительных характеристик художественного текста. Благодаря образности художественный текст несет большое количество скрытой в нем информации, которую необходимо увидеть, для того чтобы до конца понять смысл художественного произведения.

Использование художественных текстов в учебном процессе на уроке РКИ преследует следующие цели:

1. Языковые цели – изучение новой лексики, грамматических единиц.

Художественный текст служит отправной точкой для развития монолога, диалога, дальнейшего обучения письму.

2. Неязыковые цели – знакомство с культурой, страной. Развитие прекрасного – эстетическая цель, определяющая работу преподавателя.

Для обеспечения устойчивого интереса к чтению художественных произведений необходимо отбирать художественные тексты, учитывая запросы учащегося, его вкусы, желания, потребности. Текст должен быть таким, чтобы учащийся захотел его прочитать и понять (Кулибина 2001).

Традиционно работу над художественным текстом принято делить на три этапа: предтекстовую, притекстовую, послетекстовую (Журавлева, Зиновьева 1984, Кулибина 2001, Щукин 1990).

1. Задача предтекстовой работы – заинтересовать учащегося, который в данном случае выступает в роли читателя. В содержательный план урока включаются компьютерные кибер- и гипертексты, выполненные учащимися, которые предварительно знакомят с биографией писателя, его творческим методом, фрагменты интервью с ним, фрагментами критических статей, посвященных его творчеству. Предлагаются задания на понимание названия изучаемого произведения. Например, на рисунке или коллаже (выполненным студентом по заданию преподавателя) могут быть изображены герои произведения, город или страна, в которых происходят события, могут быть "зашифрованы" какие-то слова-подсказки, ключевые для данного текста. Учащимся предлагается подумать над возможным названием или попытаться спрогнозировать возможные события (Вертунова 1993).

2. Главная цель притекстовой работы – моделирование естественной деятельности читателя. У иностранных учащихся гораздо чаще возникает потребность в преодолении трудностей, потому что «читатель-инофон имеет дело с текстом, созданным в иной для него лингвокультурной среде, и восприятие художественного языка во многом обусловлено наличием в его сознании лингвокультурных стереотипов, позволяющих ему интерпретировать авторские смыслы, имплицитно выраженные в языке» (Гершанова 2017: 357).

Следовательно, такой читатель нуждается в развитии языковой рефлексии. Механизмы языковой рефлексии универсальны, поэтому иностранцу необходимо создать условия для переноса навыков чтения на родном языке.

При работе с незнакомым словом задания ориентируют учащегося на анализ по частям речи, анализ корней и аффиксов; задания строятся с опорой на синтаксическую структуру, на развитие догадки по текстовому контексту с опорой на знакомые слова текста, на знания, связанные с темой и ситуацией текста.

Общеизвестно, что знание языкового значения слова не гарантирует понимания смысловой единицы текста. Для уточнения смысла используются следующие приемы: подбор синонимов с последующим анализом различий их значений, опора на художественный контекст, привлечение фоновых знаний. Таким образом, понимание значения и смысла составляют единый понятийный уровень освоения текста.

Восприятие художественного текста будет неполноценным, если понятийный уровень не будет дополнен восприятием на уровне представлений. В процессе чтения художественного текста словесные образы преобразуются в сознании читателя в читательские представления и ассоциативные образы, которые могут быть зрительными, слуховыми, осязательными и т.д. У каждого читателя свои собственные представления, поэтому задача преподавателя состоит в пробуждении творческой активности студента. Эту цель позволяют

достичь задания, предлагающие читателю-инофону представить то, о чем он читает, и описать возникающие в воображении образы-представления. Упражнения, развивающие воображение, в частности, создание рисунка к фрагменту художественного текста, побуждают читателя к эмоциональному переживанию. Таким образом, работа над каждой ключевой единицей строится по алгоритму: от значения – к смыслу и представлению (Кулибина 1997).

3. Послетекстовая работа содержит задания обобщающего характера, для того чтобы учащиеся могли высказать свое понимание прочитанного, собственное мнение о тексте. Можно расширить информацию об авторе. К послетекстовым заданиям можно отнести дискуссии по тексту, создание студентом электронного гипертекста, содержащего текст-рассуждение как ответ на проблемный вопрос, использование рисунка как описание художественного образа. Особый вид творческих упражнений позволяет учащемуся извлекать из слов скрытые смыслы, которые в них заложены.

В основу творческих упражнений, разработанных для понимания содержания фрагмента текста классической русской литературы, положена методика, разработанная Мэлоем-Даффом в книге "Драматизация в обучении языку" (Maley, Duff 1982). Термин "драматизация" базируется на естественных природных способностях человека играть с помощью слов, жестов, мимики, рисовать, петь. Выполнение предложенных упражнений, по мнению авторов статьи, раскрывает новые возможности вхождения студентов в парадигму национальной речевой культуры страны изучаемого языка, позволяет использовать заложенный в художественных текстах речевой, языковой, интеллектуальный потенциал путем апелляции к комплексной характеристике фрагмента художественного текста, а также позволяет понять предметно-образный мир китайского учащегося как представителя данного этнотипа.

Семиотические образы, созданные группой студентов на рисунках, можно охарактеризовать по следующим критериям: оригинальность ("сцепление слов" индивидуально-авторски отражается в сознании инофона и в уникальном художественном образе, который выражен рисунком и описан на русском языке) и символичность.

По мнению многих филологов, символ являет собой многозначный, предметный образ, объединяющий собой разные планы воспроизводимой художником действительности на основе их существенной общности, родственности. Коренная черта символа – многозначность, которая обусловлена тем, что он с равным основанием может быть приложен к различным аспектам бытия. Развивая далее это положение, А.Г. Шейкин отмечает такое свойство символа, как «его репрезентативность, эстетическую привлекательность, которая подчеркивает важность и общезначимость символа, но вместе с тем часто сочетается с формальной простотой, актуальной для употребления символа в коммуникативной ситуации.

Нередко следствием коммуникативной актуальности символа является формирование его аналога, выраженного языковыми средствами, наиболее употребительными в обыденной коммуникации (вербальными, жестовыми)» (Шейкин 1997: 407).

Символ является дальнейшим усилением образа или метафоры; он не только заменяет одно представление другим, однородным ему представлением, но дает представление с более богатым содержанием по сравнению с первоначальным. Через символику передается идея, эмоция, ряд метафор в одном рисунке, иероглиф выступает как символ. Это подтверждают рисунки китайских стажеров из Российского нового университета, выполненные при изучении романа М. Булгакова "Мастер и Маргарита" (в форме литературных отрывков). Речь идет об использовании в речи прецедентных текстов, включающих крылатые фразы из названного романа. Задание для студентов было сформулировано следующим образом: Нарисуйте картину, символ, метафорический образ, с которым у вас ассоциируется крылатое выражение "Рукописи не горят". В качестве примера приведем 2 иллюстрации.

На рисунке китайских студентов Пань Вэньбяо и У Шусянь "Вечно цветущее дерево" корнем дерева служит иероглиф "человек", плоды – названия величайших книг, красный фонарь, красный плетеный узел, символизирующий удачу. На земле под деревом лежат упавшие яблоки, внутри которых иероглифы "корона" и "феодализм". В комментарии к рисунку написано: "Китайцы больше всего ценят корень и коренную (традиционную, древнюю) культуру. Почти у всех старых китайцев, живущих за границей, есть одна общая мечта: вернуться на родину и быть погребенным на своей родине, что значит для них стать частью своего корня". Посредством символа, на наш взгляд, студентам удалось передать широчайшую идею (символ-идею) благодаря образам / системе образов.

На рисунке студентки Линь Хуэй "Одуванчик" гармонично в едином рисунке с китайскими иероглифами сочетается стихотворная фраза на русском "На сожженном поле пробивается трава". Комментарий к рисунку таков: "Огонь не способен выжечь дотла, как ветром весенним подует, так вновь возродится трава. Если мы сравниваем книгу с травой, то мысли, изложенные в книге, – будущие семена". Символ (символ-эмоция), несмотря на свою выразительность или невзрачность, всегда берет на себя ведущую роль. Умелое использование символов, выражающих общественные ценности, способствует повышению эмоционального воздействия на зрителя.

«Иероглифы, как известно, передают не звучание слова, а его значение, приучая китайцев к другому типу восприятия информации. Поэтому для китайца очень важно иметь зрительный образ того, что он слышит. И символическое письмо формирует особый тип мышления, фрагментарный и визуальный» (Antropova, Mashkina, Jingyu 2018: 51).

При анализе образа и семантики рисунков китайских студентов, выраженных в том числе и иероглифами, на наш взгляд, целесообразно выделить следующие этапы:

1. Исследование иероглифов, приведенных студентами при создании ассоциативного ряда с целью восстановления и понимания того, что они изображают. Важно воссоздать через рисунок картину китайских ценностей, рисунок, лежащий в ее основании.

2. Обнаружение смысла знака в определенном социальном контексте.

3. Изучение упорядоченности знаков, предметов, "вкраплений" в конкретном рисунке для понимания присущего ему смысла в культурно-историческом контексте.

Предложенное упражнение позволило как бы "сканировать" особое восприятие китайского взгляда на мир, характерное для данного этнотипа.

Таким образом, преподаватель РКИ при работе над художественным текстом в китайской аудитории должен учитывать особенности восприятия учащихся, обусловленного совокупностью артефактов, накопленных этносом в ходе его исторического развития.

Представленный выше опыт работы с художественным текстом реализовывался со студентами на продвинутом этапе обучения. Но не менее продуктивно использование творческих упражнений и на более ранних ступенях изучения языка, предшествующих изучению художественных текстов.

В век научно-технических достижений и гаджетов новые технические средства помогают создавать романы, песни и другой креативный контент, который является объектом изучения нового направления в лингвистике – генераторская лингвистика (Branko Tosovic 2018). Однако многие ученые, в числе которых профессор нейрохирургии университета Нью-Мексико Рекс Джанг, уверены в необходимости "отвлечь" студентов от гаджетов. Таким образом появляется время вынашивать идеи и собирать воедино все творческие мысли. Преподаватель психологии Гарвардского университета и автор книги "Ваш креативный мозг" Шелли Карсон убеждена: «Все время учиться новому – в этом заключается секрет креативности». Своим студентам Карсон советует читать (именно бумажные книги), стать «информационной губкой», впитывая как можно больше информации и различных навыков. «Суть креативности в способности взять кусочки существующего контента и подать его в иной, оригинальной форме для создания новых идей, – уверяет Шелли Карсон. – Если вы увеличите «информационную библиотеку» своего мозга, то сможете стать более креативным человеком». (Сноб)

В книге «Ваш креативный мозг» Шелли Карсон предлагает студентам выполнить упражнение «Буквы и слова». Для этого студентам понадобятся секундомер, ручка и лист бумаги. Преподаватель ставит таймер на три минуты и студенты начинают выписывать в

столбик все слова на определенную букву, которые придут им в голову: названия городов, фильмов и пр. Закончив, необходимо поставить таймер снова на то же время. За следующие три минуты студенты должны разделить выписанные ими слова на две категории по своему усмотрению. Например, это могут быть «плохие вещи» и «хорошие вещи» или «фильмы» и «места», если на память им действительно пришли только недавно просмотренные киноленты или страны, которые они посещали. Разделение может быть произвольным. Как только эта часть работы закончена, преподаватель снова ставит секундомер на три минуты, а студенты придумывают для выписанных слов две другие категории — так, чтобы они полностью отличались от предыдущих. Такое упражнение развивает смекалку и творческое мышление, необходимое при поиске нестандартных идей. Упражнение может использоваться со студентами базового уровня владения русским языком в рамках изучения речевых тем " Пойдем в магазин", " Спорт", Отдых и увлечения" и др.

В качестве предварительного упражнения, развивающего воображение и креативность, можно рекомендовать упражнение «Спросите себя: «А что если бы...»». Студентам предлагается посмотреть вокруг и задать себе вопросы, которые с точки зрения логики не имеют смысла. «А что, если бы собаки могли говорить?», «А что, если бы трава не была зеленой?», «А что, если бы я проходил подготовку в космическом центре?». По мнению психологов, это странное упражнение активизирует участки мозга, ответственные за уровень креативности и выявляет способность посмотреть на проблему с другой стороны.

Упражнение «Мой герб» использовалось при работе со студентами стажерами КНР в Российском Новом университете в 2016-2017 учебном году. Студенты должны были создать свой личный герб: нарисовать символы, обозначающие их страну, будущую профессию, семью и увлечения. Опираясь на рисунок, нужно было составить рассказ о себе.

Ниже представлено выполненное китайской студенткой упражнение в виде рисунка, где посредством символов выражены представления о будущей профессии переводчика, личных увлечениях, семье, родной стране.

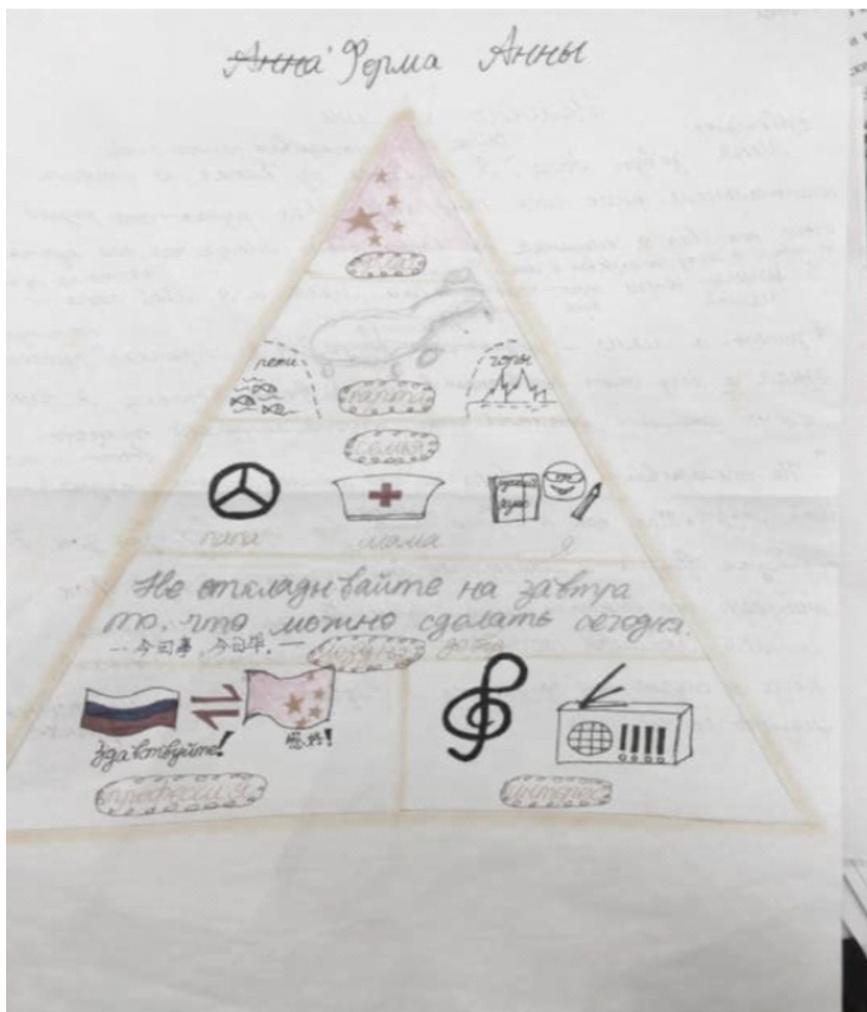

Рисунок 1. Упражнение «Мой герб» в виде рисунка, выполненное китайской студенткой

В качестве иллюстрации к упражнению «Кто живет в тенистом парке? (герои каких литературных произведений, герои каких мифов и сказок, скульптуры каких известных людей)» приведены фотографии фрагментов парка «Музеон» (Москва), на которых представлены скульптуры героев поэмы А.Н. Некрасова «Дед Мазай и зайцы» и скульптура А.С. Пушкина. Задание для студентов: Составьте и опишите маршрут вашей прогулки по воображаемому парку.

Рисунок 2. Фотографии фрагментов парка «Музеон»

Ответы студентов свидетельствуют о том, что творческие упражнения развивают их ассоциативное мышление, воображение, а также стимулируют умение создавать текст/гипертекст.

Таким образом, в статье авторами был описан опыт работы со студентами КНР базового и продвинутого уровней владения русским языком с использованием авторских креативных упражнений, раскрывающих специфику представлений и особенности восприятия художественных текстов и российской действительности китайскими учащимися.

Выполнение предложенных творческих упражнений раскрывает новые возможности вхождения студентов в парадигму речевой культуры страны изучаемого языка, позволяет

использовать заложенный в личности обучаемых студентов-иностранцев речевой, языковой, интеллектуальный потенциал.

Список литературы

Вертунова Н.Л. (1993): Использование приемов драматизации в обучении устному общению студентов-иностранцев продвинутого этапа (на материале текстов художественной литературы), Москва.

Гершанова А.Ф. (2017): Проблемы восприятия оценочных средств художественного текста в процессе изучения русского языка как иностранного, Текст. Структура и семантика: доклады Международной научной конференции «Русский язык в исследованиях отечественных ученых: история и современность» (Москва, РосНОУ, 2–3 декабря 2016 г.): сборник статей / Сост.:Н.А. Ковалева. Москва: РИД РосНОУ, 355-362.

Журавлева Л.С., Зиновьева М.Д. (1984): Обучение чтению (на материале художественных текстов). М.: Русский язык.

Кулибина Н.В. (2001): Зачем, что и как читать на уроке? СПб.: «Златоуст».

Кулибина Н.В. (1997): Образность русского художественного текста в лингвострановедческом рассмотрении, Художественный текст как объект лингвострановедческого анализа. М.: Изд-во ИРЯ им. Пушкина.

Методика преподавания русского языка как иностранного (1990): под ред. А.Н.Щукина. М.: Русский язык.

Мурашев А. (2018): Творческий вопрос. Секретные ингредиенты креативности. Сноб. URL: <https://snob.ru/entry/161270> (дата обращения: 2018.05.26).

Шейкин А.Г. (1997): Символ, Культурология. XX век. Словарь. СПб.

References

Antropova M., Mashkina O., Jingyu X. (2018): Russian language in China: challenges and solutions, «Cross-cultural studies»(научный журнал), 1, Beyer Thomas Robert (Vermont), 43-58.

Branko Tosovic (2018) Generatorska lingvistika. Beograd: Svet knjige.

Maley A., Duff A. (1982): «Drama Techniques in Language Learning» (CUP (the 2nd Edition).

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТА ПОДХОДА НА ЗАНЯТИЯХ ПО РКИ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ШКОЛЕ ЯЗЫКОВ

Голубятникова Анна Владиславовна
Государственная школа языков г.Жирона, Испания
agolubia@xtec.cat

THE THINKING APPROACH IN THE CLASSES OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE IN THE OFFICIAL LANGUAGE SCHOOL

Anna Golubiatnikova
Official Language School Girona, Spain

АННОТАЦИЯ

В статье представлены результаты работы на занятиях по РКИ с использованием ТА подхода. Данный подход использовался с учащимися продвинутого этапа обучения (пятый и шестой год обучения) как при работе с грамматическим материалом, формулируя и проверяя самостоятельно сформулированное правило, так и для развития навыков письменной речи разных жанров. Полученные в ходе занятий наблюдения позволяют сделать выводы о преимуществах данного подхода, а также отметить некоторые сомнительные моменты.

ABSTRACT

The article presents the results of the work in classes of Russian as a foreign language using the Thinking Approach. This approach was used with students in the advanced stage of training (5th and 6th year of instruction) for working with grammatical material developing and testing own grammar rules and for developing writing skills of different genres. The observations obtained during the classes allow us to draw conclusions about the advantages of this approach, as well as note some doubtful points.

Ключевые слова: развитие креативности и мышления, мотивация, автономия учащихся, ТА-задания, рабочий лист

Keywords: development of creativity and thinking skills, motivation, learner autonomy, thinking tasks, worksheet.

*EOI Girona ERASMUS+KA1

Autonomía y motivación del alumnado de nivel avanzado de lenguas extranjeras.

В настоящее время одним из основных направлений работы со студентами, изучающими РКИ, становится создание и поддержка мотивации, особенно когда речь идёт о взрослых учащихся, которые изучают русский язык в качестве хобби и, сталкиваясь с трудностями или

не получая в короткие сроки желаемого результата, теряют мотивацию и перестают посещать занятия.

Другой аспект, которому придаётся большое значение, - развитие автономии, так как сегодня учащиеся играют всё более активную роль в процессе обучения, что требует от них сознательного отношения к процессу изучения языка и умения самостоятельно регулировать этот процесс, учитывая свои интересы и потребности, а также свои индивидуальные способности и характеристики собственного типа учащегося.

Особенно важны эти два аспекта на продвинутом этапе обучения, где уровень требований довольно высок, а прогресс в изучении материала учащиеся замечают не так, как, например, на первых курсах.

В этой публикации мы хотели бы поделиться наблюдениями и результатами работы с использованием ТА подхода, который, позволяет повысить мотивацию учащихся и развивает их автономию.

Нужно отметить, что знакомство с этим подходом началось с участия в Европейском проекте Erasmus+KA1 «Мотивация и автономия учащихся на продвинутом этапе обучения» (2017-2019), в котором в настоящий момент принимают участие преподаватели нашей школы. В рамках этого проекта в июле 2017 года мы прошли обучение в Риге на курсе *Teaching Russian in Europe: Development of creativity and thinking skills of learners*. Группа исследователей и преподавателей из Латвии (Thinking Approach Group, www.ta-group.eu) разработала новый подход (ТА) для применения в преподавании различных дисциплин, в том числе и иностранных языков. Основа этого подхода – развитие мышления как ключевой компетенции, которая в дальнейшем должна позволить учащимся решать возникающие проблемы самостоятельно и используя креативность. Цель использования ТА подхода – сделать процесс обучения более личностно-ориентированным и направленным на развитие мышления учащихся. Задания формулируются таким образом, чтобы был «брошен вызов», чтобы учащиеся вынуждены были отказаться от типового ответа и искали новый пути решения проблемы.

1. Основные характеристики ТА подхода

Работа учащихся при таком подходе строится **на основе ТА-заданий**, которые характеризуются тем, что ответ неизвестен учащимся, способ получения ответа также неизвестен, а способ выполнения задания является одним из результатов работы учащихся над заданием. Таким образом, процесс выполнения заданий (алгоритм) становится одновременно

способом решения поставленной задачи и способом создания инструментов, необходимых для её решения.

Модель ЭИЗ – основа построения таких заданий (Э – элемент; И – имя признака элемента; З – значение признака). При выполнении задания перед учащимися встаёт проблема отбора параметров и определения, какие из них являются важными и почему.

Для развития мышления необходимо формулировать задания с «вызовом», постоянно создавать условия для рефлексии, т.е. спрашивать о том, что неизвестно, требовать создания алгоритма решения проблемы, так как, помимо результата выполнения задания, важен сам способ его выполнения. Основным материалом для работы по данной системе содержится в **рабочем листе**, который представляет собой пошаговую схему работы по теме. Рабочий лист должен помочь учащимся увидеть проблему, самостоятельно выбрать путь её решения и в результате прийти к формулированию правила. Таким образом, учащиеся приобретают навык самостоятельного решения поставленной задачи и создания необходимых для этого инструментов (моделей мышления). При появлении новых проблем учащиеся смогут использовать для их решения те же навыки и инструменты, что способствует повышению эффективности обучения. Рабочий лист должен содержать чётко сформулированные учебные задания и иметь хорошо продуманную структуру (последовательность заданий). Обычно рабочий лист делится на пять частей, каждая из которых соответствует определённому этапу работы и позволяет увидеть способ выполнения заданий, а также связь между этими заданиями. Рабочий лист – самодостаточный документ, т.е. он призван обеспечить возможность самостоятельной работы учащихся. Важной особенностью рабочего листа является обязательное наличие места для записей и для фиксации результатов.

Нужно отметить, что рабочий лист имеет ряд существенных достоинств, так как позволяет учащимся увидеть траекторию развития процесса создания правила: учащийся получает алгоритм, способ действия, который можно использовать не только в данном конкретном случае, но и в других. К тому же в любой момент выполнения задания можно вернуться к тому, что и как было сделано, ведь результаты размышлений и выводы всегда фиксируются. В то же время такая структура задания позволяет индивидуализацию процесса выполнения задания, учащиеся могут работать с разной скоростью. Что касается преподавателя, ему рабочий лист даёт возможность быстрой обратной связи, преподаватель всегда может увидеть, где в данный момент находятся ученики и как они организуют свою работу.

Прежде чем начать использовать ТА-задания на своих занятиях преподаватель должен поставить перед самим собой определённые вопросы и решить, для чего именно он хочет

включить такое задание в учебный план, необходимо ли оно учащимся и, если да, то почему. Не менее важно решить, из скольких частей будет состоять задание и что именно определит их количество, а также, как будут работать учащиеся – индивидуально, в парах или в группах. Основной целью работы над ТА-заданием становится создание правила, которое позволит решить проблему. Процесс создания правила делится на определённые этапы: определение проблемы, сбор банка примеров, определение и отбор необходимых и достаточных признаков элемента, проверка работы правила, при необходимости внесение необходимых исправлений. Существует возможность опустить некоторые части рабочего листа. Например, если проблема уже определена, первая часть не нужна, если уже существует банк примеров, вторую часть можно пропустить. Т.е. существуют необязательные части задания. Однако, пошаговость очень важна при использовании такой системы заданий.

Этапы выполнения задания находят отражение в рабочем листе, который делится на пять частей. Первая часть предполагает выполнение диагностики, которая должна привести учащихся к принятию проблемы. Постановка проблемы сознательно провоцируется преподавателем через коммуникативные контексты, в которых должны появиться типичные ошибки. Вторая часть представляет собой работу с банком примеров, который создаётся самими учащимися или предлагается преподавателем. Когда сами студенты могут предложить примеры для анализа и создания соответствующего правила, это предполагает личностный подход к решению проблемы, т.е. способствует повышению мотивации, так как учащиеся будут делать то, что им интересно. При работе с банком нужно найти в нём наиболее характерные параметры и выделить существенные и несущественные признаки. После выделения в третьей части наиболее существенных признаков в четвёртой части учащиеся создают свой собственный алгоритм решения задачи, что избавляет их от необходимости запоминать правило: они сами его формулируют в этой части задания. Пятая часть, в которой проверяется работа правила, может привести к постановке новой задачи, вывести учащихся на постановку новой проблемы.

2. Использование ТА-заданий на занятиях по РКИ

В течение последнего учебного года (после прохождения профессиональной подготовки на курсе, организованном ТА-группой в Риге в 2017 году) мы применяли ТА подход для решения конкретных проблем, что помогло учащимся старших курсов довольно успешно справиться с определённым материалом, традиционно считающимся трудным. Например, на четвёртом курсе (пятый год обучения) ТА-задания были использованы при работе над темой «Использование полных и кратких прилагательных».

Основной целью выполнения задания было научиться различать контексты, в которых используются краткие формы прилагательных. Предполагалось, что через модель ЭИЗ учащиеся должны были выйти на определение признаков, позволяющих различать структуры, в которых используются краткие формы.

На первом этапе выполнения задания учащимся был предложен созданный преподавателем банк примеров – предложений с полными и краткими формами прилагательных: *На горе стоял высокий дом. Этот ребёнок очень спокойный, у вас не будет с ним проблем. Это очень интересно. Он всегда готов помочь. Ребёнок спокоен, только когда мама рядом. Вход в зрительный зал свободный.* и т.п., всего 10 предложений.

В начале занятия, используя эту группу примеров, учащиеся обратили внимание на то, что в некоторых предложениях знакомые им формы прилагательных имеют другие окончания (без окончания или с окончанием, которое отличается от известного им), т.е. на чисто формальные отличия, на новые формы, которые раньше сознательно ими не использовались. После этого учащиеся увидели, что в банке примеров используются как полные, так краткие формы. Появилась проблема: как узнать, когда нужно использовать ту или иную форму?

Прежде всего учащиеся выделили одну группу примеров: всегда полные формы используются перед именем существительным, т.е. в функции характеристики, определения.

Их второе наблюдение: в конце фразы используется краткая форма. Вопрос преподавателя «Всегда ли это так?». Тогда учащиеся обратили внимание, что и полные формы могут быть в конце предложения, и постепенно самостоятельно пришли к выводу, что в функции сказуемого могут использоваться обе формы.

Таким образом, первая группа примеров была разделена ими на 3 подгруппы (для этого в рабочем листе было предусмотрено место в виде таблицы без деления на колонки, так как количество колонок как раз должны были определить сами студенты) – характеристика имени (всегда полная форма), предикат с полной формой прилагательного, предикат с краткой формой прилагательного.

В результате этого деления появилась вторая проблема: в чём разница между использованием полных и кратких форм в функции предиката?

На этом этапе работы учащиеся работали индивидуально и в небольших группах (3-4 человека).

Проблема, которую учащиеся сформулировали в конце этапа – как можно отличить контексты, где используется полная форма, от контекстов с краткой формой?

Во второй части преподавателем был предложен новый банк примеров (всего 17 предложений): *Эта квартира мала для такой большой семьи. Я вынужден согласиться с*

вами. *Марина весёлая и красивая. Вечер был тих. Жаркая погода ненормальна в этих местах. День был так хорош! Эти старые открытки дороги мне как память. Максим ещё очень молодой. Дом был высокий и напоминал телебашню. Ручки у девочки были такие маленькие. Он слишком молод для такой работы. Ой, какой кошмар! Это ужасно!* и т.п.

В этом банке примеры уже только с предикатами. Учащиеся понимают, что они должны найти и определить отличительные признаки каждого контекста, чтобы приблизиться к формулировке правила использования той или иной формы. Сначала студенты работают индивидуально и пытаются сформулировать критерии, чтобы разделить новые примеры на группы. Потом в небольших группах они предлагают свои критерии деления примеров на подгруппы и вместе определяют, какие из этих критериев являются важными и определяющими, а какие – бесполезными.

Например, среди бесполезных критериев оказались: позиция в конце фразы, позиция перед предлогом *для*, местоимение + краткая форма / имя + полная форма.

С другой стороны, учащиеся определили, что полная форма прилагательных используется, когда фраза переводится на их родной язык с глаголом «*ser*», а краткая, когда для перевода нужен глагол «*estar*». Эти глаголы различают в каталонском языке постоянный и временный признак.

Среди других полезных признаков были выделены: позиция перед инфинитивом, наличие дополнения (и не только с предлогом *для*, как формулировалось ими раньше), связь с формами *так* или *такой*, наличие во фразе слов *что*, *это*, *всё*.

Таким образом, практически без помощи преподавателя учащиеся самостоятельно выделили большинство существенных признаков использования краткой формы прилагательных.

Основная проблема возникла только с чисто стилистическим критерием использования краткой формы (*Вечер был тих*). Только в этом случае понадобилась помощь преподавателя.

Правило, сформулированное учащимися в результате выделения существенных признаков, получилось довольно полным и соответствующим правилу использования этих двух форм прилагательных, которое обычно с трудом усваивается иностранными студентами.

Однако, последняя часть работы над темой, в которой учащимся предлагалось написать небольшой рассказ о персонаже, получилась не такой удачной, потому что рассказы, предложенные учащимися, получились бедными по содержанию и количеству примеров с прилагательными. В результате работы над этой последней частью трудно было определить, насколько материал действительно усвоен студентами, поэтому им было предложено

типичное задание на выбор правильной формы, с которым они довольно успешно справились, и на материале которого смогли проверить, работает ли сформулированное ими правило.

Кроме работы над грамматической темой, как на четвёртом, так и на пятом курсе ТА-задания использовались для развития навыков письменной речи. Объём публикации не позволяет нам подробно описать весь процесс выполнения задания, но хотелось бы отметить, что, например, на пятом курсе студентам было предложено задание для работы с текстами официально-делового стиля. Особенностью этого задания было то, что, с одной стороны, во второй части в качестве банка примеров использовались тексты, созданные самими студентами-пятикурсниками в предыдущие годы, а также образцы официально-деловых текстов, отобранные преподавателем. С другой стороны, коммуникативной основой ТА-задания стала переработка устного текста жалобы (для чего использовались конкретные ситуации недовольства из опыта учащихся) в письменный текст официальной жалобы. Учащиеся должны были проанализировать предложенные тексты, выделить в них отличительные признаки официально-делового стиля (формы обращения, соответствующие термины, клише и т.п.), а затем решить, как, используя полученную информацию и средства, они будут преобразовывать свой устный рассказ о конфликтной ситуации в письменный текст, построенный согласно характеристикам официально-делового стиля. Хочется отметить, что использование ТА подхода при выполнении этого задания стало более эффективным, чем ранее применяемые более традиционные методы работы.

Надеемся, что предложенное выше описание заданий демонстрирует основную особенность ТА подхода, которая заключается в том, что рефлексия присутствует в любой момент в процессе работы учащихся над заданием, учащиеся постоянно находятся в ситуации выбора, когда нужно определить, что делать, чтобы стало возможным решение сформулированной задачи, как её решить, что не получается и почему.

Нужно особо отметить, что все задания всегда вводятся через коммуникативный контекст. Студенты всегда должны понимать, зачем они решают проблему, создают правило, где и как они будут его использовать.

Стоит отметить, что в процессе работы с использованием ТА подхода существенно меняются как роль студента, так и роль преподавателя.

Студенты играют самую активную роль и обладают полной автономией при выполнении задания, следуя инструкциям, сформулированным в рабочем листе. Их работа предполагает творческий подход к решению проблемы, так как нет готовых формул и неправильных ответов, учащиеся сами должны в конечном итоге определить, какие варианты ответов наиболее приемлемы для того, чтобы сформулировать правило или решить поставленную

задачу. Всё это делает необходимым, чтобы учащиеся развивали умение формулировать вопросы, ставить задачи, а также извлекать информацию, необходимую для решения поставленных задач.

Например, на первом этапе работы, когда студентам без всяких объяснений предъявляется новый материал, необходимы их собственные наблюдения, которые в дальнейшем позволят им сделать выводы. Затем на следующих этапах учащиеся должны быть способны на практике проверить, до какой степени предложенное ими правило действительно, и, если нужно, откорректировать это правило. Это предполагает, что, кроме умения анализировать материал и формулировать вопросы, умения обобщать и отбирать необходимую и достаточную информацию, учащиеся должны обладать умением работать в команде, слушать своих товарищей, взаимодействовать с ними, думать, всё ли правильно в том, что предлагают другие члены группы, и формулировать соответствующие вопросы.

Роль преподавателя можно определить как активную роль «в тени». Учащиеся работают практически самостоятельно, но предварительно преподаватель тщательно продумывает их систему работы. Именно преподаватель должен предоставить им инструменты для самостоятельной организации своего собственного учебного процесса. Естественно, что преподаватель изначально чётко представляет, какое именно правило должны сформулировать учащиеся, к каким выводам они придут, каков будет результат их работы и где они смогут его использовать. Именно поэтому преподаватель должен обладать способностью отобрать необходимый и достаточный для анализа материал или проконтролировать правильность и достаточный объём материала, отобранного студентами, так как этот материал призван должен отражать все необходимые признаки для создания полного действительно работающего правила.

Роль «в тени» также называется именно так, потому что весь процесс работы студенты организуют сами, но преподаватель управляет этим процессом при помощи наводящих вопросов. Очень важно не оценивать как верные или нет комментарии учащихся, их выводы, а с помощью вопросов заставить их задуматься, изменить направление размышлений и подвести студентов к правильному решению проблемы.

Наш опыт работы в аудитории показывает, что для того, чтобы решить, можно ли использовать ТА-задания, как их использовать и зачем, необходимо иметь в виду основные характеристики группы, стиль работы студентов и их индивидуальные характеристики. Мы работали в двух разных группах, и нужно отметить, что эффективность ТА подхода и скорость работы учащихся отличались. Группа 4-го курса с большим желанием отнеслась к выполнению задания, чтобы решить проблему использования полных и кратких форм

прилагательных, а также задания по улучшению письменной речи. Это позволило им лучше организовать работу в парах и в группах, увеличить скорость выполнения задания и, в конечном счёте, добиться большей эффективности. В группе 5-го курса преобладал индивидуальный стиль работы, из-за чего учащимся было сложнее организовать конструктивный обмен гипотезами и свободный обмен мнениями для выявления необходимых признаков и получения желаемого результата. Но даже в этом случае эффективность ТА-заданий не вызывает сомнений, так как степень удовлетворённости учащихся и уровень совершенствования их письменной речи (как в аспекте грамматическом, так и в стилистическом) были выше, чем при работе в предыдущие годы с более традиционными заданиями. Уровень совершенствования можно было наблюдать, применяя критерии оценки, используемые в школах языков. А степень удовлетворённости самих студентов отражался в результатах небольшой анкеты, которая была им предложена после работы с ТА-заданием. Хотя, конечно, нужно отметить, что для более точной оценки результатов использования ТА подхода нам ещё не хватает данных, так как задания использовались только в течение одного учебного года и только с двумя конкретными группами. Именно поэтому мы намерены продолжать работу и использовать ТА-задания в будущем с другими группами и для изучения других тем, так как их эффективность очевидна и не вызывает сомнений.

Что касается повышения мотивации учащихся и развития их автономии, нужно отметить, что ТА-задания безусловно позволяют учащимся быть более активными, независимыми, креативными. Эти задания развивают у студентов способность работать самостоятельно, работать в группе с равными, умение формулировать проблему и вопросы для её решения, анализировать увиденное, делать выводы, использовать предварительные знания.

В заключение хотелось бы отметить безусловные преимущества ТА подхода. Кроме повышения мотивации и развития автономии, о которых уже говорилось выше, нужно сказать, что выполнение ТА-заданий предполагает медиацию между равными, т.е. речь идёт о развитии ещё одной компетенции, которой придаётся всё большее значение в современной методике преподавания языков.

Автономия предполагает самоконтроль и контроль между равными. Нельзя не согласиться, что ТА-задания напрямую связаны с развитием этой способности, так как на протяжении всей работы учащиеся вынуждены оценивать свои материалы и предложения по их анализу, а также материалы и гипотезы своих товарищей.

Ещё одной положительной чертой является возможность индивидуального ритма работы. Структура рабочего листа позволяет учащимся выполнять задания согласно собственной скорости работы и не переходить к следующему этапу работы, не решив все вопросы, появившиеся на предыдущем этапе.

Среди других безусловных преимуществ ТА подхода можно выделить то, что главная роль несомненно принадлежит учащимся, именно они реальное действующее лицо процесса обучения. ТА подход позволяет студентам осознать собственный процесс обучения, понять, что именно необходимо, чтобы «поймать рыбу», т.е. получить набор инструментов для организации собственного процесса обучения.

Одно из основных положений ТА подхода заключается в том, что нет неправильных формул и неправильных ответов. Изначально принимается любой ответ и любая гипотеза, возникающие у учащихся. Это способствует развитию креативности, что, с свою очередь, повышает мотивацию учащихся.

Конечно, наблюдения в аудитории не только позволили нам отметить преимущества подхода, но и заставили задуматься над некоторыми минусами применения данного подхода. Например, наша работа строится по определённой учебной программе и обычно основывается на определённом учебном комплексе. Т.е. необходимо естественным образом внедрить занятия с использованием ТА подхода в учебный процесс, не нарушая динамику работы по соответствующему учебнику.

Ещё один момент, который безусловно вызовет сомнения у преподавателей, это язык, который используют учащиеся в процессе работы. Идеальным, конечно же, было бы использование при обсуждении русского языка. Но надо отметить, что в реальной ситуации в аудитории часто можно услышать родной язык учащихся. Нам кажется, что, с одной стороны, использование родного языка на так уж ужасно, если конечный результат – создание правила – предполагает обязательное использование русского языка. Кроме того, можно и нужно настаивать на том, чтобы учащиеся постоянно говорили по-русски и постепенно подготовить их к ведению обсуждения на русском языке (так они параллельно будут развивать и навык ведения дискуссии, если преподаватель будет постепенно вводить отдельные слова и выражения, характерные в данной ситуации). На старших курсах, когда студенты уже больше подготовлены к участию в дискуссии, это займёт меньше времени и не потребует от учащихся больших усилий. На младших курсах, вероятно, требование вести дискуссию на русском языке замедлит процесс работы и сделает его слишком трудным, что, в свою очередь, спровоцирует обратный эффект – демотивирует студентов.

Как уже говорилось выше, чтобы решить, можно ли в данной конкретной группе использовать ТА-задания, необходимо иметь в виду динамику работы каждой группы и индивидуальные особенности каждого студента, так как со слишком пассивными учащимися процесс может занять больше времени и в какой-то момент даже вызвать у студентов нежелание работать с заданиями такого типа. Если преподаватель абсолютно уверен в эффективности задания, он может найти способ заинтересовать учащихся, доказать им, что конечный результат станет для них более удовлетворительным, чем традиционные способы работы с новым материалом, ведь этим результатом будет ими самими самостоятельно созданное правило, которое им не нужно будет даже запоминать, так как они же его и сформулируют. Наш опыт показывает, что, если использовать ТА-задания 2-3 раза в течение курса, студенты привыкают к такого типа заданиями и реагируют на них всё более естественно. Однако, нужно предвидеть, что система работы может занять больше одного занятия, а это значит, что состав студентов может меняться. По опыту мы знаем, что работая со взрослыми учащимися, мы часто встречаемся с проблемой непунктуальности (студенты опаздывают на занятия или должны уйти раньше), а также пропусков занятий. Если выполнение заданий по рабочему листу рассчитано, например, на два занятия, преподавателю необходимо продумать, как включить в процесс работы студентов, которые опоздали, не закончили работу на предыдущем занятии, потому что должны были уйти раньше, или просто пропустили одно из занятий.

Вероятно, одним из самых значительных минусов применения ТА подхода может стать вопрос времени, так как использование ТА-задания предполагает как минимум два занятия, посвящённых данной теме (4-6 учебных часов). Однако, хотелось бы отметить, что, во-первых, не стоит использовать ТА подход при работе с каждой темой. Такого типа задания эффективны только тогда, когда действительно есть какая-либо проблема, когда материал особенно трудно усваивается учащимися и провоцирует большое количество ошибок. Если проблемы нет, то и не нужно тратить время на ТА-задания. Во-вторых, такие задания, в конечном итоге, дают настолько эффективное решение проблемы, что, если тема традиционно сложна, лучше потратить несколько часов на ТА-задание и избежать последующего постоянного исправления одних и тех же ошибок. Кроме того, не нужно забывать, что алгоритм работы, создаваемый учащимися, также становится результатом их работы, т.е. они получают инструмент для будущей самостоятельной работы, самостоятельного решения новых проблем.

И одной из самых сильных сторон ТА подхода является возможность безболезненно и эффективно интегрировать его практически в любую учебную программу, не делая в ней

кардинальных изменений. Его модульная структура позволяет взаимодействие с другими подходами к обучению языкам. Необязательно перестраивать всю систему работы, менять методику. ТА-задания становятся просто ещё одним инструментом, который можно использовать, когда преподаватель посчитает это необходимым в зависимости от материала, характеристик группы и поставленных целей.

Наш собственный опыт работы в аудитории помог нам убедиться, что у этого подхода много преимуществ. Однако, для его практического применения необходимо **критическое осмысление этого подхода**, конечно, нужно иметь в виду перечисленные выше аспекты, которые могут вызвать сомнения. Хотя мы уверены, что ТА-задания, формирующие у учащихся мыслительную компетенцию и развивающие креативность, сделают процесс обучения более интересным и предоставит студентам возможность продемонстрировать, на что они способны. Это, с одной стороны, повысит их мотивацию, а с другой, заставит их задуматься над тем, что и как они делают, что, в свою очередь, позволит им быть более автономными.

Список литературы

Аникина Ж.С., Агафонова Л.И. (2009): Развитие учебной автономии при обучении иностранному языку, Вестник ТГПУ, Выпуск 4 (82), 23-26.

References

Littlewood W. (1996): La enseñanza comunicativa de idiomas. Colección Cambridge de didáctica de lenguas. Cambridge University Press.

Richards J. C., Rodgers T. S. (1998): Enfoques y métodos en la enseñanza de idiomas. Colección Cambridge de didáctica de lenguas. Cambridge University Press.

Williams M., Burden R.L. (1999): Psicología para profesores de idiomas Colección Cambridge de didáctica de lenguas. Cambridge University Press.

Surribas E., Vilaseca L. (2013): Autonomía y motivación, Cuestiones de autonomía en el aula de lenguas extranjeras, Barcelona: Editorial Horsori.

ОБУЧЕНИЕ РУССКОЯЗЫЧНОМУ ДИСКУРСУ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ ЧЕРЕЗ КУЛЬТУРУ И ОБРАЗ ЖИЗНИ НАРОДОВ СИБИРИ

Гураль Светлана Константиновна

*Национальный исследовательский Томский государственный университет, Россия
gural.svetlana@mail.ru*

Петрова Галина Ивановна

*Национальный исследовательский Томский государственный университет, Россия
seminar_2008@mail.ru*

TEACHING RUSSIAN LANGUAGE DISCOURSE TO FOREIGN STUDENTS THROUGH THE CULTURE AND WAYS OF LIFE OF THE PEOPLES OF SIBERIA

Svetlana Gural

National Research Tomsk State University, Russia

Galina Petrova

National Research Tomsk State University, Russia

АННОТАЦИЯ

Рассматривается специфика обучения и усвоения русского языка иностранными студентами в вузах Сибири (Томск, Новосибирск, Ханты-Мансийск, Иркутск, Красноярск, Сургут). В качестве исходного предлагается тезис относительно взаимосвязи языка и культуры. Характерные черты культуры Сибири – сплав традиций и инноваций, гибридность онтологии, её полиэтничность и поликультурность, а также открытость, миролюбивость, широта души как черты сибирского характера – мотивируют иностранных студентов к изучению русского языка. Методическая задача педагога состоит в разработке релевантной методологии, ее базировании на теоретических и эмпирических фактах, способных развить интерес и мотивацию студентов.

ABSTRACT

The article considers the specifics of teaching Russian to foreign students and its acquisition in the higher education institutions of Siberia (Tomsk, Novosibirsk, Khanty-Mansiysk, Irkutsk, Krasnoyarsk, Surgut). As a basic thesis we propose the thesis about the interrelation of language and culture. The characteristic features of the culture of Siberia – a blend of traditions and innovations, the hybridity of its ontology, its polyethnicity and multiculturalism, as well as open-mindedness, peace-loving nature and generosity as traits of Siberian character – motivate foreign students in learning the Russian language. The teacher's methodological goal consists in working out a relevant methodology and its foundation on theoretic and empirical facts that can develop students' interest and motivation.

Ключевые слова: Сибирь, аборигенные этносы, русскоязычный дискурс, поликультурность, полиэтничность.

Keywords: Siberia, aboriginal ethnic groups, indigenous peoples, Russian language discourse, multilinguality, polyethnicity.

Введение

Актуальность темы, обозначенной в названии статьи, обусловлена тем, что изучение русского языка иностранными студентами в Сибирском регионе осуществляется в поликультурных и полиязыковых условиях, когда местные этнические меньшинства проходят (или прошли) ситуацию языковой адаптации – и друг к другу, и к русскому языку (на котором говорит большинство этого региона) тоже. В качестве своего референта языковая адаптация имеет культурную адаптацию этносов, и потому не может быть исследована вне изучения культурных процессов, имеющих место в избранном для исследования регионе. Это относится и к иностранным студентам, которые, изучая русский язык, вынуждены, кроме русской культуры, на местной почве адаптироваться еще и к культуре народов, здесь проживающих. Сибирский регион характеризуется множественностью культур, которые, однако, будучи сосредоточенными в одном месте объединяются в некое культурное единство. Подобного рода единство тоже вызывает специфику адаптационных процессов, что не может не влиять на изучение русского языка иностранными студентами. Им приходится ориентироваться на русский язык, который не мог не подвергнуться определенным изменениям на почве языков народов Сибири.

Таким образом, обучение иностранных студентов в условиях сибирского региона встречается с трудностями, вызванными спецификой полиэтничности и поликультурности, наличием особой сибирской культуры, говора и диалектов. Названные специфические характеристики переходят в образовательную среду и создают проблему, которую и ставит для решения данная статья.

Проблема состоит в том, что иностранный студент в процессе изучения русского языка ориентирован на освоение его именно литературного варианта. В то же время здесь, в Сибири, он встречает множество этнических языков, которые вплетены в русский и создают фонетическую и синтаксическую специфику, которая иностранным студентам оказывается трудна для усвоения. Они не всегда различают диалектные тонкости и говор. Проблема статьи связана с решением обозначенных трудностей.

В этих условиях цель статьи –разработать теоретическую концепцию языковой и культурной адаптации студентов, представить соответствующий категориальный аппарат, способный методически описать, обосновать и передать иностранному студенту названные

процессы, обозначить пути реализации найденных методов языковой адаптации к региону Сибири. Важно соблюсти и принципы гуманитарной экспертизы процессов обучения и образования иностранных студентов русскому языку.

Названная цель требует решения следующих задач: 1. Обосновать и раскрыть содержательно гибридную специфику культуры Сибирского региона и выявить влияние этого фактора на обучение иностранных студентов русскому языку. 2. Выявить социокультурную, социолингвистическую, психологическую специфику студента Сибирского региона как образовательной субъективности, организующей образовательную среду, в которую он помещён.

Ожидаемые результаты исследования и их новизна связаны с тем, что, во-первых, в статье представлено гибридное состояние культуры Сибири и, соответственно, «многоголосье» культурно-образовательной среды, где осуществляется изучение русского языка иностранными студентами. Во-вторых, в исследовании названных процессов предлагается релевантная современности методология и методический аппарат, используемый в преподавании русского языка в условиях полиэтничности и поликультурности. В-третьих, авторы обращают внимание на необходимость разработать понятие этнической адаптации, включающей языковую и культурную адаптацию. Но основной научный результат не только настоящей статьи, но и всей работы современных лингвистов и педагогов должен состоять в том, чтобы накопить, теоретически разработать и практически реализовать в педагогическом процессе такую методику и такой учебный материал, где была бы отражена языковая и культурная специфика региона. Региональная специфика может вызвать (и вызывает) интерес иностранных студентов, а релевантная этой специфике методология помогает эффективно организовать учебный процесс.

Методология

Методолого-теоретическая платформа предлагаемой статьи исходит из поисков такой модели субъекта, которая основывалась бы на идее его постоянного становления, непрерывного процесса движения и поиска этнической целостности. Конечно, от иностранного студента нельзя требовать национальной или этнической целостности, каковая характеризует субъекта конкретного местного сообщества. Он даже при изучении русского языка, никогда не будет находить себя целостным, самоидентифицированным и завершённым. Он отчуждён от мира и от себя, поскольку живёт в знаковой, неподлинной для него среде культурных, и личностных образов, но понимание необходимости движения к целостности и адаптации важно и для него.

Глобализационные процессы, способствующие интеграции России и, в том числе, Сибири в мировое культурное и языковое пространство влекут за собой то внимание, которое сегодня выражает себя в росте интереса к русскому языку как иностранному. В свою очередь, и Сибирь актуализирует свою роль в современном евразийском пространстве, которая была представлена к осмыслению давно, но которая только сейчас ставится как возможная к реализации. Еще Григорий Николаевич Потанин – один из идеологов и инициаторов университетского образования и создания первого за Уралом университета, «Почетный гражданин Сибири» – уделял особое внимание евразийскому направлению в науке. Организованные им научно-исследовательские экспедиции на Алтай, в Монголию и Тибет принесли знание местных культур. Известны также примеры проявления интереса к языкам народов Сибири со стороны западных исследователей. Так, известный лингвист США Эдвард Вайда, проявив интерес к одному из самых загадочных современных языков – к языку кельтов, организовывал научные исследования в области славистики, изучил сам русский язык и в деталях проработал этнографию и фольклор как кельтов, так и других енисейских народов. Его итоговый вывод свидетельствовал о языковом родстве сибирской енисейской среды и аборигенной индейской семьи На-Дене – одного из языков Северной Америки. Этот, тогда гипотетический вывод был представлен и обсуждался на международном симпозиуме, организованном в феврале 2008 г. по инициативе Э. Вайда и при поддержке Института эволюционной антропологии имени Макса Планка (Германия) и университета Аляски в Фейрбенксе и Анкоридже. Сегодня это уже не гипотеза, но одно из величайших открытий в современной лингвистике: открыта новая языковая семья – Дене-Енисейская (Comrie 2010:25-32); (Kari Potter Ben 2010:1-24); (Vajda 2010:33-99). Этот и другие подобные примеры говорят о действительном процессе продвижения русского языка в евразийское пространство через языки и культуры аборигенов и свидетельствуют об актуальности изучения иностранными студентами русскоязычного дискурса на территории Сибири.

Современная Сибирь активно привлекает иностранных граждан вообще, в том числе, иностранных студентов. Нарративная по характеру, культура Сибири несет в себе черты как исторического прошлого (и в этом смысле она может быть квалифицирована как традиционная), так и быстро меняющейся современности, вбирающей инновационность постоянного движения и изменения. Традиция и инновация как механизмы социального развития здесь органически едины и обеспечивают культурную специфику региона, придавая ему особую привлекательность как для своего собственного населения (дают, например, то, что сегодня называется сибирский характер), так и для иностранных туристов, мигрантов и особенно студентов, стремящихся здесь получить образование.

Что конкретно привлекает в Сибири?

Во-первых, привлекает специфика исторического прошлого, которое и сегодня обнаруживает себя в характере сибирских народов, сохраняющих непосредственность в отношении к природе и открытость во взаимоотношениях с людьми. Интересно историческое прошлое Сибири от времени, когда возникло ее название и появилось само слово «Сибирь», до ее современного состояния, когда с Сибирью связывают эффективность современного и будущего состояния всей России. Название «Сибирь» ведется, по одной из версий от древнего «Себур». Так назывались Уральские горы. Другая версия полагает происхождение слова от «Сыбыр» – так назывались живущие здесь в древности племена (Перевозников 2006: 184). Природность, непосредственность и открытость сибирского народа и характера объясняются длительным сохранением традиций первобытнообщинного строя. Традиционализм культуры дает о себе знать до сих пор в сохранении традиционных видов хозяйства – оленеводстве, охоте, рыболовстве.

Во-вторых, Сибирь привлекает своими богатствами: нефть, газ, каменный уголь, золото – все это сибирское достояние. Освоение этих богатств превратило Сибирь в регион, далекий от прежних прочно укоренившихся представлений о медведе как сибирском символе. О потенциальном богатстве Сибири сказал еще в XVIII веке известную теперь всем фразу М.В. Ломоносов: «Российское могущество прирастать будет Сибирью». Эта специфика развития Сибирского региона влечет за собой рост численности его населения. Население Сибири особенно выросло в связи с осуществлением промышленного освоения найденных здесь полезных ископаемых. Здесь проживает порядка 24 млн, человек ([URL: http://biofile.ru/geo/7350](http://biofile.ru/geo/7350)), представляющих многочисленные народы и национальности, среди которых большинство – русские. Всего проживающих в Сибири народов и национальностей – 50, из которых 30 – это коренные сибирские народы (Перевозников 2006: 184).

В-третьих, будучи открытой, современная сибирская культура под влиянием глобализационных процессов и воздействием общих экономических, политических и пр. факторов жизни вбирает в себя заимствования из других культур. Поэтому она являет собой гибрид разных культур, нестабильна в том смысле, что традиционный путь развития и традиция как его социальный механизм, дополняется инновационностью, что способствует быстрому и постоянному развитию. В этом смысле ее социальная онтология постоянно меняется и являет собой синтез различных социальных общностей с их специфическими культурами.

Наконец, Сибирь влечет иностранцев своей экзотической спецификой, когда поражает (даже русского человека) своими территориальными пространствами. Это – восемь часовых

поясов, которые охватывают самые различные природные зоны: арктику, тундру, степные равнины, дикую и по-настоящему непроходимую тайгу, горы. Сибирская экзотика – в мощности природы и безграничности пространства. Здесь – самые большие реки, бесконечные и топкие болота, дикая и суровая тайга, самое глубокое озеро и, пожалуй, самый суровый (морозный зимой и жаркий, хотя и непродолжительное время, летом), и территориально разнообразный климат.

Итак, иностранную молодежь привлекает русская и, в частности, сибирская система образования, ее современные возможности и потенциальная практическая отдача полученных знаний в своих странах после окончания обучения.

Если на теоретическом уровне тезис относительно того, что культура играет конструктивную роль в возникновении и специфическом развитии языка, обосновывая его в лексике, фонетике, грамматике достаточно заявлен, то обратный тезис о влиянии языка на культуру гораздо менее обоснован и разработан. Он не часто и заявляется в работах по славистике (Маслова 2007: 202). Задача статьи состоит в том, чтобы заявить об этом тезисе как актуальном для разработки.

Описание языка региона с позиций лингвокультурологии

Региональная разнородность Сибири, её полиэтничность и поликультурность влекут за собой такую же разнородность языка. В языке регионов присутствуют диалекты и просторечия, различная стилистика, социалекты и арготизмы. Региональный этнический компонент языка и культуры придает особую специфику, которая отражается во всех социальных отношениях. Так, например, регион Томской области является территорией традиционного проживания для селькупов, хантов, чулымцев, томских татар и эвенков (в прошлом также кетов). Но по переписи населения РФ 2010 г. на территории Томской области проживают представители более ста национальностей, из которых 90,8% - русские. Остальные 9,2% населения региона – это автохтонные жители и этнические меньшинства. К ним относятся тюрки (сибирские татары и чулымцы), малочисленные народы Севера (селькупы, ханты, эвенки, эвены, манси, коряки, кеты, нанайцы). Эта группа составляет 0,24% всего населения области. В Томской области живут и этносы, которые имеют свою государственность вне России: немцы, поляки, евреи, корейцы, украинцы, белорусы, молдаване, представители Прибалтики, Закавказья, Казахстана, Средней Азии. Есть и народы, имеющие государственность внутри России – татары, башкиры, чуваша, мордва, удмурты, марийцы. Несмотря на то, что большинство населения области – русские, в языке сохранены этнические названия Сибирских татар, селькупов, хантов (URL: <http://kraeved.lib.tomsk.ru/page/15/>).

Региональная топонимия вызывает интерес иностранных граждан. Более того, поликультурное или этнокультурное образование стало предметом интереса и разных общественных и образовательных структур области. (Новолодская 2015: 4-7); (Kim (1998: 10). В Томске разработана стратегия и программа развития этнокультурного образования, основной целью которых является формирование единого этнокультурного образовательного пространства и описание шагов по обеспечению достижения педагогических эффектов в этом направлении.

Специфика социальной онтологии, её нарративность, гибридность, нестабильность, а также интенсивное экономическое и культурное развитие Сибири рождает релевантный этой специфике интеллектуальный рост, что сказывается на росте образования и, соответственно, численности иностранных студентов. Иностранные студенты вызывают особый интерес, поскольку их присутствие в Сибири рождает новые задачи и проблемы, инициирует возникновение в сибирских вузах структур по обучению русскому языку. Значение русского языка сегодня растёт, и его знание становится принципиально необходимым.

В самом деле, русский язык – это шестой язык во всем мире по численности говорящих (на нем говорят 260000000 человек), он является одним из шести рабочих языков ООН и ЮНЕСКО, это четвертый язык в мире, с которого чаще всего переводятся книги, он занимает второе место по популярности в Интернете. Русский – язык знаменитых писателей, поэтов, философов, деятелей русской культуры и литературы. Это также язык науки и бизнеса (URL: <https://www.nsu.ru/n/education/programs/russian-language/>).

Судя по статистическим данным, такая ситуация привлекает иностранных граждан, студентов, и Сибирь отвечает этому интересу. Курсы русского языка организованы в Томском государственном университете (http://www.tsu.ru/education/csmop/rus_kak_eng.php) в Новосибирском государственном университете (URL: <https://www.nsu.ru/n/education/programs/russian-language/>), в Иркутском государственном университете (http://slovo.isu.ru/ru/lingo/int_student/int_student.html), в Институте филологии, и языковой коммуникации СФУ Красноярска. (<http://structure.sfu-kras.ru/node/2315>), в Нижневартском государственном университете, Сургутском государственном университете Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, Сургутском государственном педагогическом университете. (<http://www.doinhmao.ru/yazykovye-kursy-dlya-migrantov/organizaciya-kursov-po-obucheniyu-russkomu-yazyku-dlya-inostrannyh-grazhdan>). В Сибири обучение русскому языку имеет ту особенность, что оно осуществляется путем объективного и абсолютного погружения, поскольку здесь меньше оказывается возможностей воспользоваться в общении английским языком. Иностранный студент полностью

погружается в реальную языковую среду и потому приобретает столь же реальную мотивацию не заучивать русский язык, а его прагматически осваивать. Более того, яркая культурная специфика Сибири ориентирует его на приобщение к ней как к той культуре, на которой существует живой язык. Сибирская культура дает возможность поместить студента в конкретную практическую социокультурную ситуацию, что положительно влияет на психологическую установку студента и его внутреннюю мотивацию даже не к изучению, а к усвоению языка. Язык невозможно выучить, не будучи знакомым с той культурной почвой, которая ему референтна. То, что было названо абсолютным погружением в языковую среду, и есть культурная почва, знакомство с которой иностранного студента дает ему возможность приобщиться к сибирскому менталитету, узнать русские (сибирские) национальные традиции. Все это способствует развитию диалога культур.

Обоснование необходимости новой методики обучения русскому языку иностранных студентов

Изучение иностранного языка всегда связано с познанием культуры народа, говорящего на этом языке. Погружение в культуру Сибири и усвоение ее специфики есть базовая методологическая установка изучения русскоязычного дискурса иностранными студентами.

Полиэтничность и поликультурность сибирского региона вызывает необходимость разработки методики, рассчитанной на то, чтобы обучать русскоязычному дискурсу, в котором представлено множество региональных компонентов. Поскольку русский язык подается иностранному студенту в окружении языковых контекстов аборигенных народов Сибири, то современная методика его преподавания в сибирских вузах расширяет свои границы и предлагает новую методическую организацию обучения. В такой работе учитываются следующие обстоятельства.

С одной стороны, сопутствие регионального компонента способствует развитию интереса к русскому языку, показывая его адаптивные возможности, с другой, – аборигенные топонимы, антропонимы, фольклор коренных народов, их традиции, верования и т.п. создают дополнительные трудности, поскольку в этом случае возникают препятствия к усвоению литературного языка. Иностранному студенту трудно различить литературный русский язык и язык, адаптированный, принявший на себя коренные этнические наслоения. Трудно также различить еще незнакомый русский и его диалекты, либо русский и язык аборигенов. Здесь-то и помогает знакомство иностранного студента со спецификой культуры Сибири и конкретных этнических регионов.

Для сибирского географического и социального пространства довольно частой оказывается фиксация его поликультурности в этнической терминологии (Ханты-Мансийский национальный округ, Ямало-Ненецкий автономный округ, Чукотский и Корякский национальные округа, Красноселькупский район и др.), которая и предлагается студенту в качестве терминов, обозначающих коренные народы как части общего сибирского и русского народа. Эти народы сохранили историко-культурное и языковое наследие также в названиях сел (Тахтамышево, Курлек – термины сибирских татар; Каргасок, Варгананджино, Колта Куп – селькупские термины), рек (Басандайка, Ушайка), болот (Васюганские) и отдельных социальных объектов. Васюган, Юган, Тух Эмтор – хантыйские термины. Интерпретация этих терминов и названий дается иностранному студенту через русский язык. Это помогает пониманию истории и культуры региона. Русские рассказы, которые они слышат, приобщают к коренному фольклору, знакомят с легендами, которые помогают понять происхождение названий рек Басандайка, Томь, Ушайка, Васюган. Методическая задача преподавателей состоит в том, чтобы, увлекая историко-культурным материалом, вызвать интерес у студента и к языку тоже. Интерес и мотивация изучения – основа методологических разработок по усвоению материала в учебном процессе. Методика иноязычного образования предполагает в качестве предметной основы межкультурную коммуникацию. Это способствует не только более легкому усвоению языка, но и является педагогическим приемом, актуализирующим идею культурной толерантности.

Особый интерес в методическом отношении являет собой региональный компонент как часть методических материалов. Поскольку наибольший процент регионального населения Сибири составляют русские, то и региональный компонент в учебном процессе связан с русской культурой и, соответственно, с русским языком. В то же время сибирская полиэтничность является причиной трудностей в идентификации человека по его этническим характеристикам. Это оказывается следствием активных межэтнических контактов. Так, трудность в определении этнической идентичности представляет понятие «сибиряк». Кто он – сибиряк? Родившийся и долго проживший в Сибири? Живущий в северных климатических условиях, закалившийся и стойкий к морозам, простудным заболеваниям? Человек гостеприимный, добродушный, справедливый, трудолюбивый и т.п.? По переписи населения 2010 г. слово «сибиряк» иногда трактуется в смысле национального самоопределения, обозначения нации (Чернышев 2011: 1-13). Такой сплав этнических, национальных и региональных изменений необходимо учитывать, разрабатывая методику преподавания русского языка как иностранного. В качестве приемов обучения русскоязычному дискурсу обычно в учебный материал включаются диалоги о Сибири, сибирском характере и в целом и

о сибирской идентичности (Гиллеспи, Гураль, Ким-Малони 2007: 8-19). Востребован метод интерактивных заданий, в результате использования которого осуществляется знакомство с аборигенными этносами, с их историей, культурой, фольклором, религией, языками и обычаями.

В названной работе Д. Гиллеспи, С.К. Гураль, А.А. Ким-Малони «Продвижение русского языка в евразийское пространство через культуру и образ жизни народов Сибири» приводятся примеры фольклорных текстов, отражающих региональную специфику и демонстрирующих традиции и культурные ценности аборигенных народов Сибири. Авторы считают, что «аналогичные тексты могут быть положены в основу модели учебных пособий с региональным компонентом» (Гиллеспи, Гураль, Ким-Малони 2007: 15). Итак, первый селькупский текст составлен по мотивам сказки «Хозяйка огня» и записан со слов жительницы п. Каргасок Томской области Д.Н. Чининой (Кузнецова, Казакевич, Тучкова, Ким-Малони, Глушков, Байдак 2004: 380).

«Селькупы относятся к огню с уважением. В огонь не бросают мусор, не плюют. Огонь не трогают металлическими предметами. Огонь не ругают. Старики рассказывают, что одна женщина сидела у костра смаленьким ребенком. Искра огня обожгла ребенка. Ребенок заплакал. Женщина рассердилась и начала ругать огонь: «Что ты делаешь, огонь!? Я тебя дровами кормлю, а ты моего сына обжег. Я тебе дров не дам! Я тебя топором зарублю, водой залью!» Женщина огонь погасила. В чуме стало темно и холодно. Ребенок от холода заплакал. Мать опомнилась, огонь разжигает, но разжечь не может. Она в соседний чум побежала. Только дверь открыла, огонь и погас. Она в другой чум побежала, но и там огонь погас. Она пошла к своей свекрови. Свекровь ее ругает: «Ты злая, ума у тебя нет. Ты огонь ругала?» Свекровь к невестке в чум пошла, там огонь разжигает, но огонь не загорается. Вся деревня без огня осталась. Свекровь на колени опустилась и внизу увидела Хозяйку огня. Долго свекровь просила ее дать им огонь. Хозяйка огня рассердилась на невестку и сказала: «Я тогда огонь дам, когда эта женщина мне сына отдаст. Я из его сердца огонь дам!». Мать мальчика заплакала, а свекровь ей говорит: «Из-за тебя ни у кого огня нет. Как жить будем? Отдай своего сына!». Мать сына отдала. Хозяйка огня так сказала: «Вы, селькупы, огонь берегите и любите». Она сухую ветку пальцем тронула, огонь загорелся. Хозяйка огня и мальчик в огне пропали. Свекровь говорит: «Хозяйка огонь зажгла сердцем сына».

Другой текст – хантыйский – составлен по мотиву легенды «Шестиногий лось», записан со слов жителя п. Новый Васюган / Озерное Томской области С.М. Милимова (Фильченко 2015: 344). «Бог создал шестиногого лося и отпустил, чтобы люди охотились на него. Охотники шестиногого лося догнать не могут и просят Бога о помощи. Бог услышал их жалобы и сказал

сыну: «Надень лыжи и догони этого лося. Как догонишь, отруби две ноги. Сын бога лыжи надел, погнал. Лося гнал-гнал по земле и по небу, еле догнал, две ноги отрубил. Назад вернулся к Богу. Бог говорит: «Пусть люди теперь сами охотятся». Посреди неба остался след от лыж. Так появился Млечный Путь».

Эти и подобные красивые тексты, содержащие легенды не могут не увлекать и не вызывать интерес. Интерес мотивирует к изучению русского языка через приобщению к культуре регионов, которые являются частью Сибири и России в целом.

Заключение

Обучение иностранных студентов русскому языку в Сибирском регионе может быть достаточно эффективным лишь в случае, если этот процесс осуществляется в процессе погружения в культуру и образ жизни народов, живущих здесь. Образовательный процесс осуществляется на русском языке, но учебный материал привлекает данные языка и культуры коренных региональных этносов. Включение регионального компонента следует признать необходимым в целях повышения эффективности образовательного процесса, чему способствует воздействие аборигенного материала на психику и на эмоциональное восприятие учебного материала. Этническое своеобразие региона – яркое и своеобразное – способствует активному восприятию и пробуждает интерес как к культуре, так и к языку народов, проживающих здесь.

Задача современных лингвистов, обучающих иностранных студентов русскоязычному дискурсу, состоит в разработке учебных, планов, методических пособий, учебников, содержащих доступный и интересный материал относительно культуры сибирских регионов. Региональный компонент образовательного процесса, содержащий специфику культуры и языка аборигенов, следует сегодня рассматривать в качестве обязательного для обучения русскоязычному дискурсу. Этот материал может содержать междисциплинарные знания из области истории, этнографии, фольклора, лингвистики и др.

Список литературы

Гиллеспи Д., Гураль С.К., Ким-Малони А.А. (2017): Продвижение русского языка в евразийское пространство через культуру и образ жизни народов Сибири. Язык и культура, 40,8-19.

Кузнецова А.И., Казакевич О.А., Тучкова Н.А., Ким-Малони А.А., Глушков С.В., Байдак А.В. (2004): Мифология селькупов. Энциклопедия уральских мифологий. Томск: Изд-во Том.ун-та. 382 с.

Маслова В.А. (2001):Лингвокультурология.М. : Академия. 208 с.

Новослободская С.Л. (2015):История и современность поликультурного образования. Чита: ЗИПСибУ,. 4-7. 122 с.

Перевозников А.К. (2006): Россия: страна и люди. Лингвострановедение: Учебное пособие для изучающих русский язык как иностранный. Москва: Русский язык. Курсы. 184 с.

Фильченко А.Ю. (2015).Сборник аннотированных фольклорных и бытовых текстов обско-енисейского языкового ареала / авт.-сост. А. Ю. Фильченко, О. С. Потанина, П. М. Фелан, В. Е. Варда, Ю. В. Курганская, Е. А. Крюкова, И. А. Ильяшенко [и др.]; отв. ред. А. Ю. Фильченко. Т. 4. Томск: ТМЛ-Пресс: Вайар. 344 с.

Чернышев С. (2011):Сибирская идентичность. Эксперт Сибирь. 50, 1–13.

Иркутский государственный университет. Институт филологии, иностранных языков и медиакоммуникации.http://slovo.isu.ru/ru/lingo/int_student/int_student.html (дата обращения 13.08.2018).

Краеведение районов.URL: <http://kraeved.lib.tomsk.ru/page/15/> (дата обращения 17.07.18).

Население Сибири. URL: <http://biofile.ru/geo/7350.html> (дата обращения: 17.07.2018).

Обучение русскому языку как иностранному <http://structure.sfu-kras.ru/node/2315>(дата обращения 13.08.2018).

Организация курсов по обучению русскому языку иностранных граждан. <http://www.doinhmao.ru/yazykovye-kursy-dlya-migrantov/organizaciya-kurosov-po-obucheniyu-russkomu-yazyku-dlya-inostrannyh-grazhdan> (дата обращения 13.08.2018).

Русский язык в современном мире URL: <https://www.nsu.ru/n/education/programs/russian-language/> (дата обращения 21.07.2018).

Русский язык как иностранный.http://www.tsu.ru/education/csmop/rus_kak_eng.php (дата обращения 13.08.2018).

Русский язык в современном мире URL:<https://www.nsu.ru/n/education/programs/russian-language/>(дата обращения 21.07.2018).

References

Comrie B. (2010): The Dene-Yeniseian Hypothesis: an Introduction. The Dene-Yeniseian Connection, Anthropological Papers of the University of Alaska.New Series.A special joint publication of the UAF Department of Anthropology and the Alaska Native Language Center, 5, 25–32.

Kari J., Potter Ben A. (2010): The Dene-Yeniseian Connection: Bridging Asia and North America. The Dene-Yeniseian Connection, Anthropological Papers of the University of Alaska. New Series, 5, 1–24.

Kim A. (1998): The Problems of Preserving the Language and Culture of the Selkups. Bicultural education in the North. WaxmannMünster. NewYork; München; Berlin, 10, 76–87.

Vajda E. (2010): A Siberian Link with Na-Dene Languages. The Dene-Yeniseian Connection, Anthropological Papers of the University of Alaska. New Series, 5, 33–90.

**ДИСТАНЦИОННОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ И
ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ-ФИЛОЛОГОВ В РАМКАХ КУРСА РКИ
НА БАЗЕ ПЛАТФОРМЫ ТУИС (УРОВЕНЬ В2)**

Дерябина Светлана Александровна
Российский университет дружбы народов, Россия
deryabina_sa@rudn.university

Митрофанова Ирина Игоревна
Российский университет дружбы народов, Россия
mitrofanova_sa@rudn.university

**DISTANT INTERACTION OF THE TEACHER AND FOREIGN
STUDENTS OF RFL ON PLTAFORM TUIS (LEVEL B 2)**

Svetlana Deryabina
RUDN university, Russian Federation

Irina Mitrofanova
RUDN university, Russian Federation

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются вопросы дистанционного взаимодействия преподавателя и иностранных студентов-филологов в рамках практического курса русского языка на продвинутом этапе обучения, содержание соответствующих электронных курсов на базе платформы ТУИС: структура, виды заданий, приемы презентации информации.

ABSTRACT

The article considers remote interaction of the teacher and foreign students philologists during a practical course of Russian language at the advanced level. The main point in the article is the contents of corresponding electronic courses on the TUIS platform: structure, types of tasks, ways of presenting information.

Ключевые слова: дистанционное взаимодействие преподавателя и студента; современное образовательное пространство; развивающий потенциал дистанционного обучения; роль преподавателя в организации деятельности учащегося в виртуальной среде.

Keywords: remote interaction of the teacher and student; modern educational space; the developing potential of distance learning; a role of the teacher in organizing pupils' activity in the virtual environment.

Одной из задач современного образовательного пространства является формирование личности студента, способной самостоятельно управлять своей учебной деятельностью. Это

приобретает особенную актуальность в связи с увеличением доли самостоятельной работы учащихся. Современный студент – это представитель нового «цифрового поколения», «коренной житель» цифрового общества – digital native (Prensky 2001). Все больше внимания преподавателя вуза направлено на проектирование электронных учебно-методических материалов для дистанционного взаимодействия студентов. Особую актуальность приобретает поиск наиболее эффективных приемов обучения, способов оформления и подачи информации и материала, создание естественной среды обучения, способствующей продуктивной деятельности, развитие личности студента, когнитивных процессов. Поиски методистов направлены на получение таких результатов от дистанционного взаимодействия, которые мы ожидаем в традиционной форме.

Дистанционное взаимодействие преподавателя и студента в процессе обучения становится неотъемлемой частью учебного процесса. В 1999 году в университете Curtin University (Австралия) на базе коммерческих платформ WebCT и BlackBoard был разработан инструментарий расширения возможностей преподавания: дизайн и заложенные в эти платформы принципы легли в основу программы для создания онлайн-курсов Moodle, которая завоевала признание мирового сообщества (Червякова 2014: 8).

На серверах РУДН на базе MOODLE установлена телекоммуникационная учебно-информационная система ТУИС. Пользователь системы – сотрудники и студенты, обучающиеся в РУДН. Электронные курсы системы в настоящее время в основном направлены на поддержку очного обучения и обеспечения самостоятельной работы студентов.

Одна из задач подобных курсов – помощь в самостоятельном нахождении информации обучающимися. Современная образовательная среда имеет в своем распоряжении колоссальные информационные ресурсы, что с одной стороны, делает процесс обучения более доступным, а, с другой, зачастую приводит к поверхностному поиску информации. Поэтому цель педагога сегодня, а особенно педагога вуза, – помочь студенту ориентироваться в информационном пространстве, анализировать предлагаемый учебный материал, способствовать развитию критического мышления.

При этом возникает вопрос о готовности современного учащегося к самостоятельной учебной деятельности. «Значительно облегчая удовлетворение любых потребностей, современные технологии зачастую минимизируют, если не полностью сводят на нет собственную деятельностную активность индивидуума» (Тхостов, Сурнов 2005: 24). В связи с этим одной из задач преподавателя становится формирование ИКТ-компетенции в грамотном поиске необходимой информации в рамках изучаемой дисциплины.

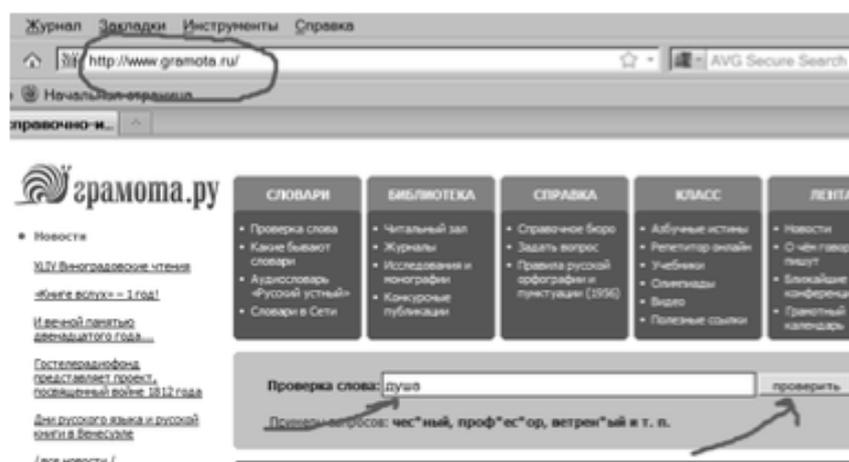
Считаем целесообразным включение в электронные курсы заданий, которые отсылают студента к определенным сайтам. В курсе РКИ для иностранных студентов-филологов и лингвистов для этой цели студент отсылается к справочно-информационному portalу Грамота.ру. Приведем пример такого задания:

Задание 2. Объясните значение идиом, данных ниже. Используйте информацию Большого толкового словаря русского языка, который можно найти на справочно-информационном портале ГРАМОТА.РУ – русский язык для всех (<http://www.gramota.ru>). Составьте свои предложения с этими идиомами.

как душе угодно
 что душе угодно
 плыть по течению
 преподнести кому? на блюдечке (на блюде) что?

? Как работать с толковым словарём, чтобы узнать значение идиомы?

Шаг 1.

Шаг 2.

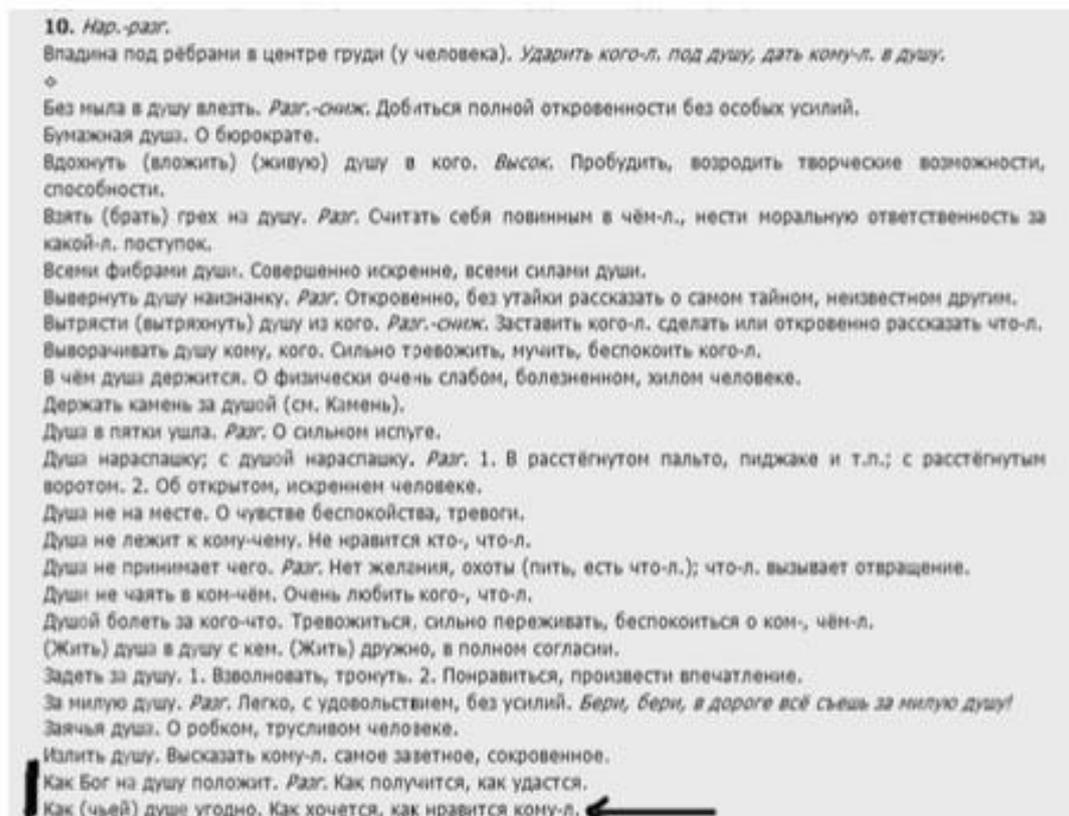

Рисунок 1. Материал учебного пособия «Россия вчера и сегодня» (Шаклеин и др. 2013: 10-11)

В дальнейшем в учебном пособии такого рода задания даются уже без инструкции. Их ценность, по нашему мнению, состоит в том, что они направляют «активную энергию ученика», помогают ему самостоятельно «искать и добывать знания» (Выготский 2010: 385).

Сформировать у учащегося «умение приобретать <...> знания и пользоваться ими» – одна из важнейших задач обучения: (Выготский 2010: 385). В этом случае важна психологическая сторона вопроса: степень подготовленности студента к самостоятельной работе, сформированность мотивационной сферы, степень развитости волевой сферы студентов в условиях дистанционного обучения.

По мнению профессора А.Н. Богомолова, в новой информационной среде требования к профиограмме меняются, что проявляется в повышении информационно-компьютерной грамотности, а также формировании ряда компетенций: ИКТ-компетенция (информационно-коммуникативная компетентность); компетенция, связанная с организацией дистанционного обучения; психолого-педагогические компетенции в области дистанционного обучения (Богомолов 2007; 108-109).

ИКТ-компетенция предполагает целенаправленное, эффективное применение технических знаний и умений в реальной образовательной деятельности), для чего необходимы достаточно высокий уровень функциональной грамотности в сфере ИКТ, эффективное, обоснованное применение ИКТ в образовательной деятельности для решения профессиональных задач; понимание ИКТ как основы новой парадигмы в образовании, направленной на развитие учащихся как субъектов информационного общества, способных к созданию новых знаний, умеющих оперировать массивами информации для получения нового интеллектуального и/или деятельностного результата (17).

В свою очередь у студентов также формируются компетенции: ИКТ-компетенции; компетенция, связанная с выполнением заданий электронного курса, умением ориентироваться и взаимодействовать в рамках курса, компетенция в поиске необходимой информации для решения учебной задачи.

Чтобы работать в системе ТУИС, преподавателю необходимо овладеть компетенцией в области наполнения программы авторскими материалами, приобрести навыки работы с материалом внутри курса (Червякова 2015: 5), а также осуществлять мониторинг работы студентов в заданном формате. Система ТУИС дает возможность разрабатывать курсы, наполнять их содержимым в виде текстов, вспомогательных файлов, презентаций, опросников. Преподаватель может оценивать работу студента в данном формате, комментировать ее результаты.

В программе можно создавать различные типы заданий. По пройденному уроку разрабатываются тесты различных видов.

Рассмотрим содержание некоторых заданий курса по русскому языку как иностранному на продвинутом этапе на базе платформы ТУИС, которые предполагают дистанционное взаимодействие субъектов учебного процесса, дополняют очное обучение.

Неотъемлемые составляющие любого электронного курса – ФОС (фонд оценочных средств), БРС (бально-рейтинговой системы оценки), сведений об успеваемости студентов, УМК дисциплины, рабочей программы дисциплины.

Оценка некоторых заданий электронного курса осуществляется в рамках урока, другие задания оцениваются преподавателем благодаря возможностям интерфейса курса.

Одним из видов работы с электронным курсом является Форум. Он помогает организовывать дискуссии на определенную тему или индивидуально задать вопрос преподавателю. Посредством участия в форумах у студентов развивается письменная речь. Задача педагога мотивировать создание речевых высказываний, стать участником форума, создать речевую ситуацию, которая порождает собственные речевые высказывания.

Тема форума должна соответствовать теме урока. Это методическое задание обычно располагается в конце изучаемой речевой темы и предназначено для продуцирования самостоятельных речевых высказываний на основе полученных лексических и грамматических знаний. В качестве образца студентам предлагается для прочтения и анализа форум, который после они дополняют собственными комментариями.

Приведем пример форум в программе ТУИС.

Прочитайте форум-обсуждение статьи Тины Хеллвиг в Интернете.

Вернуться в раздел Итоговая аттестация...

Василий Россихин Читатель 27 января 2011 в 01:22

Интересно! Сегодня способности к овладению языками могут объективно оценить у детей томографией мозга. Другой вопрос – надо ли? А если способность есть, а лень работать ежедневно над собой?

 Тина Хеллвиг Грандмастер 27 января 2011 в 01:29 Василий Россихин, если есть способность к языкам, а лень, результат будет нулевым. Нужно приложить усилия, чтобы развить этот дар.

Ника Самофракийская Читатель 27 января 2011 в 02:36

Интересная статья! И про лень хорошо сказано в комментариях... Знаю французский, моя профессия связана с ним. А вот «улучшить» английский мешает банальная лень. Есть к чему стремиться!

Евгения Комарова Читатель 27 января 2011 в 02:45 Ника Самофракийская, в случае языков лень, и в самом деле, отнюдь не двигатель прогресса (из собственного опыта)...

У меня тоже немецкий практически вытеснил английский, которым я до выезда в Германию владела на уровне переводчика (впрочем, не синхрониста...), так как отпала в нём надобность... Полностью не забыла, понимаю, когда читаю, но практически не могу говорить... А вот иврит, которым занималась значительно меньше, чем английским, забыла совсем... Что любопытно: сохранился украинский совершенно свободно, хотя родной язык – русский, общаюсь, читаю и пишу вот уже 15 лет только по-русски или по-немецки. «А ось не забула рідну мову!» Хотя вроде бы и не совсем «рідну»...

 Тина Хеллвиг Грандмастер 27 января 2011 в 02:52 Евгения Комарова, когда владел каким-либо языком на хорошем уровне, то он полностью не выветривается, а складывается в мозге до лучших времен. Если жизнь заставит вспомнить английский, вы и оглянуться не успеете, как на нём заговорите опять. Тоже относится и к ивриту. У меня муж был украинцем, так я хорошо понимаю этот язык и даже немного говорила в своё время, но без употребления сейчас у меня – это мёртвый язык.

Тина Хеллвиг Грандмастер 27 января 2011 в 02:47

Ника Самофракийская, спасибо за комментарий. Вы уже в одном шаге от английского! Немножечко усилий и результат будет налицо. Я изучала в школе и в университете немецкий, потом в аспирантуре сдала кандидатский мини-мум, затем с нуля начала английский: 3 года и очередной минимум сдан, плюс 2 года в разговорной группе. Затем взялась за французский тоже с нуля и закончила разговорной группой. Конечно, без языковой практики язык быстро забывается. Мне по роду моей деятельности приходится читать профессиональную литературу на этих трех языках, читаю без словаря. В немецком давно не упражнялась, но после первых трёх дней пребывания в Германии заговорила. Где-то в подкорке что-то включилось... Во Франции тоже пришлось вспомнить этот язык, поскольку народ там принципиально по-английски не говорит. Главное – пересилить себя и процесс пойдет.

Прочитайте форум-обсуждение статьи Тины Хеллвиг в Интернете.

[Вернуться в раздел Итоговая аттестация...](#)

Полиглотами рождаются или становятся?

 Вы подписаны

Полиглотами рождаются или становятся?
от Балжинням Нямсүрэн 1032155561 - Воскресенье, 17 Июнь 2018, 18:10

Главные двигатели, чтобы выучить иностранные языки, это желание, любопытство к открытию новых возможностей с постижением незнакомого языка, практическое использование новых навыков и знаний, плюс большое усердие и трудолюбие, чтобы это получилось.

[Постоянная ссылка](#) | [Редактировать](#) | [Удалить](#) | [Ответить](#)

Re: Полиглотами рождаются или становятся?
от Светлана Александровна Дерябина - Воскресенье, 17 Июнь 2018, 18:16

Полиглотов будет становиться всё больше с ростом глобализации, которая поощряет изучение языков и облегчает доступ к учебным материалам.

[Постоянная ссылка](#) | [Показать сообщение-родителя](#) | [Редактировать](#) | [Отделить](#) | [Удалить](#) | [Ответить](#)

[Вернуться в раздел Итоговая аттестация...](#)

Рисунок 2. Пример работы с форумом в программе ТУИС

Общение в форуме представляет собой беседу в рамках изучаемой темы, позволяет проверить степень усвоения полученных знаний и коммуникативных умений, способствует развитию самоконтроля. Тема форума должна по возможности предполагать разные позиции студентов на проблему, а преподаватель может провоцировать учащихся, добавляя материал, который включает студентов в диалог, проявлять интерес к мнению студентов, возражать, соглашаться.

Работая с форумом, преподаватель может видеть, анализировать и систематизировать ошибки своих учащихся, получая возможность постоянного текущего контроля, наблюдать активность учащихся.

Можно распечатать задания форума и на занятии разобрать ошибки в комментариях при работе в группах или по парам.

Возможность размещать ссылки на видео/аудио материалы, размещенные в Интернете, позволяет организовать работу по аудированию. Такой вид работы может предполагать подготовку устного ответа по прослушанному или просмотренному фрагменту на занятии.

Как, например, работа по подготовке пересказа содержания мультфильма «Просто так» с использованием глаголов движения.

Практический курс русского языка 1-8 ур. (ин.ст.)

Аудирование [Вернуться в раздел Уровень 2 ➔](#)

Просмотрите мультфильм. Перескажите содержание, используя глаголы движения.

[Вернуться в раздел Уровень 2 ➔](#)

Рисунок 3. Пример задания на аудирование после просмотра видеобрагмента в программе ТУИС

Кроме того, включение заданий, предполагающих однозначный ответ, позволяет преподавателю в электронной форме просмотреть выбранные студентами ответы, проверить степень восприятия ими информации.

Аудирование [Вернуться в раздел Уровень 2 ➔](#)

Прослушайте текст. Какие предложения верно передают содержащуюся в тексте информацию?

1. С самого рождения человек оказывается в окружении людей.
2. С первых дней жизни рядом с ним находятся его близкие: мама, папа, дедушки и бабушки, друзья и враги.
3. Со временем мы встречаем людей, которые не разделяют наши взгляды, и тогда у нас возникают общие цели.
4. Творчество также способствует объединению людей, потому что оно запрещает нам проникнуть во внутренний мир другого человека.
5. В итоге, вырастая, дети, которых воспитывали животные, умеют говорить, правильно есть, ходить на двух ногах.
6. Жить в обществе трудно, потому что каждый человек является индивидуальностью.
7. Поэтому, только живя в обществе, человек становится человеком.

утверждение	1	2	3	4	5	6	7
Верно							
Неверно							

Резюме оценивания

Участники 13

Рисунок 4. Пример задания на аудирование, предполагающего однозначный ответ, в программе ТУИС

Сегодня в практике обучения иностранным языкам широко используется такой методический прием, как работа с кейсом, который основан на использовании наборов различного рода заданий и предназначен для самостоятельного изучения студентами учебного материала в ходе подготовки задания при традиционном и дистанционном обучении. Этот прием весьма эффективно включать в электронный курс для подготовки как устного, так и письменного сообщения. При этом выбор актуальных тем способствует повышению интереса к предмету. Например, в этом году значимым в России событием является чемпионат мира по футболу, который смогли посетить свыше полутора миллионов болельщиков из разных стран мира, что может быть отражено в электронном курсе по РКИ и представлено в виде кейса. Приведем пример такого задания.

Представьте, что к вам в гости в Россию приехал друг. Он хочет посмотреть чемпионат мира по футболу. Помогите другу увидеть самые интересные места для болельщиков, расскажите, где пройдут матчи.

1. Подготовьте сообщение о чемпионате мира по футболу 2018 года.

Скажите:

- Где проходит чемпионат мира по футболу 2018 года?
- В каких городах проходят матчи?

2. Посмотрите на табло матчей.

Скажите:

- Кто с кем играет и где?
- Расскажите, когда пройдет какая игра?
- Назовите вашу любимую футбольную команду. Когда, с кем и где она будет играть?
- Какие матчи вы хотели бы посетить? Почему?

Используйте конструкции:

Кто? играет где?

Кто? играет когда?

Кто? играет с кем?

Что? проходит где?

Рисунок 5. Карта ЧМ по футболу 2018, табло матчей

3. Нарисуйте план путешествия для вашего друга. Обозначьте на карте, какие города нужно посетить и какие матчи посмотреть. Подготовьте сообщение.

Рассмотренное выше задание может быть выполнено как в устной, так и в письменной форме. Оно предполагает самостоятельное изучение информации о ЧМ по футболу 2018 года на основе карты, табло матчей и составление связного текста с опорой на вопросы и заданные конструкции, проверка которого уже может быть включена в аудиторную работу.

Другой методический прием – использование инфографики – иллюстрации с текстовым комментарием или без, которая предполагает создание собственных речевых высказываний на ее основе, также удобно использовать при наполнении электронного курса, который позволяет включать фото-, видео- и аудиоматериалы. Наглядность способствует активизации учебного материала, облегчает процесс его усвоения и использования в процессе коммуникации, обеспечивает формирование в сознании обучаемых устойчивых ассоциативно-вербальных связей. Приведем пример задания.

Задание. Рассмотрите карту тура кубка чемпионата мира по футболу. Письменно ответьте на вопросы.

Какой город кубок посетить первым? Какой последним? Сколько дней кубок будет в пути? Сколько всего городов посетит кубок? Какие? Какие из этих городов Вы хотели бы посетить? Почему?

Рисунок 6. Карта кубка ЧМ по футболу 2018

Таким образом, дистанционное взаимодействие преподавателя и студента должно способствовать продуктивной деятельности и развитию личности учащегося. Однако следует отметить, что самостоятельная работа студента с электронным курса не заменяет традиционную форму обучения, общения преподавателя и студентов на занятиях, работы с учебником, а является дополнением, организующим самостоятельную работу студентов по закреплению полученных на занятиях знаний. Это лишь один из дополнительных методических приёмов, способствующий реализации педагогической технологии сотрудничества при современном развитии общества. При этом дистанционная форма взаимодействия весьма трудоёмка для преподавателя. Сегодня средства и способы коммуникации активно вошли в жизнь человека, и для преподавателя приобретает особое значение умения их рационального и результативного использования в учебном процессе.

Дистанционное взаимодействие преподавателя и студента в настоящее время приобретает все большую популярность, занимает прочную позицию в образовательном процессе. Современные вузы все чаще используют в процессе обучения электронные образовательные платформы, на базе которых преподаватели размещают свои курсы, дополняющие аудиторную работу. В связи с этим актуальными сегодня становятся вопросы поиска наиболее оптимальных и эффективных приемов обучения, способов оформления и подачи информации и материала, создание естественной среды обучения и др. Результатом такого обучения студентов-филологов должно стать формирование вторичной языковой личности, которая способна воспринимать и понимать речевые произведения (в том числе

онлайн), и создавать собственные речевые произведения в письменной и устной, контактной и дистантной, непосредственной и опосредованной, монологической и диалогической форме.

Список литературы

Азимов Э.Г. (2006): Методика организации дистанционного обучения русскому языку как иностранному. Москва: Русский язык.

Азимов Э.Г. (2012): Информационно-коммуникативные технологии в преподавании русского языка как иностранного: Методическое пособие для преподавателей русского языка как иностранного. Москва: Русский язык. Курсы.

Барышникова Е.Н., Фредди Пичардо Р. (2017): Поле Watsapp как обучающая среда и методический прием, Сборник статей I Международной научно-практической конференции «Русский язык в Интернете: личность, общество, коммуникация, культура». Москва: РУДН, 105-111.

Богомолов А.Н. (2007) Профессиональный портрет преподавателя в системе ДО, Высшее образование в России, № 9, 106-110.

Выготский Л.С. (2010) Психологическая природа учительского труда, Педагогическая психология. Москва: АСТ Издательство.

Гребенюк Т. Б., Булан И. Г. (2015): Модель педагогического взаимодействия преподавателя и студентов в условиях дистанционного обучения, Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2015. Вып., 7-14.

Литвинова И.В. (2017): К вопросу реализации развивающей цели обучения в системе дистанционного образования, Сборник статей I Международной научно-практической конференции «Русский язык в Интернете: личность, общество, коммуникация, культура». Москва: РУДН, 279-283.

В.М. Шаклеин, Е.Н. Барышникова, С.А. Дерябина, О.С. Завьялова, Т.Ю. Романова, Е.В. Талыбина, Н.В. Чернова (2013): Россия вчера и сегодня: учебное пособие по русскому языку для иностранных студентов гуманитарных специальностей. II сертификационный уровень. Москва: РУДН.

Тхостов А.Ш., Сурнов К.Г. (2005): Влияние современных технологий на развитие личности и формирование патологических форм адаптации: обратная сторона социализации // Психологический журнал. Т.26. № 6, 16-24.

Червякова Л.Д., Масленникова А.А. (2014): Moodle: простые сложности и установки: учебно-методическое пособие. Москва: РУДН.

Червякова Л.Д., Масленникова А.А. (2015): Создаем свой курс в Moodle: научно-методическое пособие. Москва: РУДН.

References

Prensky M. (2001): Digital Natives, Digital Immigrants // On the Horizon. MCB University Press, Vol. 9. No. 5, October 2001 (Part I), Vol. 9. No. 6, December 2001 (Part 2).

URL: <http://edu-lider.ru/chto-takoe-ikt-kompetentnost-uchitelya/> (retrieved: 19.12.11)

**ЛЕКСИЧЕСКАЯ ОСНОВА ТЕСТИРОВАНИЯ ПО ИНОСТРАННЫМ
ЯЗЫКАМ НА УРОВНЯХ A1, A2, B1 В СИСТЕМАХ ТРКИ, CAMBRIDGE
ENGLISH, DELF, DELE, HSK: СХОДСТВО И РАЗЛИЧИЯ**

Дунаева Лариса Анатольевна
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Россия
dunaevalar@gmail.com

Руис-Соррилья Крусате Марк
Университет Барселоны, Испания
m.ruizzorrilla@ub.edu

Варламов Александр Александрович
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Россия
a_varlamov@mail.ru

**THE LEXICAL COMPONENT OF FOREIGN LANGUAGE TESTING AT
THE A1, A2, B1 LEVELS IN THE TORFL, CAMBRIDGE ENGLISH,
DELF, DELE AND HSK SYSTEMS: SIMILARITIES AND DIFFERENCES**

Larisa Dunaeva
Moscow State University M.V. Lomonosov, Russia

Marc Ruiz-Zorrilla Cruzate
University of Barcelona, Spain

Aleksandr Varlamov
Moscow State University M.V. Lomonosov, Russia

АННОТАЦИЯ

Доклад посвящен представлению результатов сравнительного исследования лексического компонента сертификационного тестирования по русскому, английскому, французскому, испанскому и китайскому языкам с целью установления границ соответствия по данному параметру уровней A1-B1 в разных системах тестирования. Описываются методика автоматизированного компаративного анализа лексических минимумов (в системах ТРКИ, Cambridge English, HSK) и лексико-тематических блоков (в системах DELF, DELE), используемый инструментарий и алгоритм его применения, выносятся на обсуждение полученные результаты.

ABSTRACT

This article is devoted to the presentation of the results of the comparative research of the lexical component in the certification system of Russian, English, French, Spanish and Chinese languages with the aim of determining the boundaries of correspondence in this parameter at the levels A1-B1

in the different certification systems. The research offers a description of the methodology of automatized comparative analysis of lexical minimums (in the systems of TORFL, Cambridge English, HSK) and the lexico-thematical blocks (in the systems of DELF, DELE), the tools used and the algorithm of its application, and proposes a discussion of the obtained results.

Ключевые слова: иностранный язык, лингводидактическое тестирование, лексический минимум, лексико-тематический блок, автоматизированный компаративный анализ, системы тестирования ТРКИ, CE, HSK, DELF, DELE.

Key words: foreign language, testing, lexical minimum, lexico-thematic blocks, automatized comparative analysis, testing systems TORFL, CE, HSK, DELF, DELE.

Интеграционные процессы в европейском образовании привели к появлению единых стандартов и требований к уровням владения иностранным языком. Их описание, произведенное Советом Европы в 1996 году и с 2001 года рекомендованное для создания национальных систем оценки языковой компетенции инофонов, устанавливало общие уровни владения для одного языка в разных странах и для разных языков в одной стране, предлагало методы уровневой оценки и методы обучения, применимые ко всем европейским языкам. Со временем в соответствии с этими методами был создан целый ряд систем лингводидактического тестирования не только по основным европейским языкам, но и по азиатским, которые, имея ранее от 8 до 12 уровней, с 2010 года приняли европейский шестиуровневый стандарт. В настоящее время в рамках единого международного куррикулума функционируют в общей сложности 37 систем тестирования.

Придерживаясь общей рамки, системы тестирования по разным иностранным языкам имеют разные шкалы оценки уровня владения и значительно различаются между собой как по структуре и процедуре проведения экзамена, так и по содержательному наполнению. В целом считается, что единственные сертификационные экзамены по иностранному языку, которые в полной мере соответствуют общеевропейским стандартам, градуированному делению на уровни и их оцениванию по критериям, принятым Советом Европы, это экзамены Cambridge English.

Вопрос о том, в какой степени одни и те же уровни владения иностранным языком, обозначаемые одними и теми же литерами (A1, A2, B1 и так далее), в разных системах тестирования сходны между собой, в последнее время обсуждается достаточно активно, и одна из тем для дискуссий вокруг их соответствия связана с лексической основой языковых экзаменов.

Определяя поуровневое расширение словарного запаса инофона как ключевую проблему обучения иностранному языку и языкового тестирования, в данном случае мы обращаемся к рассмотрению лексической основы сертификационных экзаменов по русскому,

английскому, французскому, испанскому и китайскому языкам в системах ТРКИ, Cambridge English, DELF, DELE, HSK, ограничиваясь наиболее распространенными уровнями владения – A1, A2, B1.

Оценка лексического компонента иноязычной коммуникативной компетенции инофона играет существенную роль в суммарном оценивании уровня владения иностранным языком, прямо или косвенно подразумеваясь в разных его критериях.

Например, при оценивании устной речи в системе тестирования Совета Европы, используется 13 категорий (стратегии ведения диалога, стратегии сотрудничества, беглость, гибкость, смысловая связность, развитие темы, точность, социолингвистическая правильность, общий диапазон устной речи, объем словаря, грамматическая правильность, осознанный выбор словаря, контроль фонетических умений), к каждой из которых приписаны критерии определения уровня их сформированности. Например, для категории «социолингвистическая правильность» используются такие критерии, как «эффективность участия в различных ситуациях общения», «понимание значения функции языковых единиц в социолингвистическом контексте», «владение языковыми средствами в разных регистрах общения» [Беликова, Ерофеева 2015: 29]. Для категории «точность» (в зависимости от уровня) – умение передавать информацию, как в общем виде, так и детализированно от ограниченного до самого широкого набора языковых средств. Если обратиться к Кембриджскому экзамену, то мы также увидим среди прочих критериев «правильность и объем», который служит для оценки грамматической правильности речи, общего диапазона, словарного запаса, осознанного выбора словарных единиц.

В любом случае, очевидно, что одним из существенных ориентиров в сравнении содержания уровней владения иностранным языком, заложенных в ту или иную систему тестирования, а также в систему оценивания результатов тестирования, является лексический компонент.

В разных системах тестирования проблема поуровневого выделения необходимой лексики решается по-разному.

В системах HSK, ТРКИ и Cambridge English используется градуальная система лексических минимумов – шестиуровневая (A1-C2), пятиуровневая (A1-C1) и трехуровневая (A1-B1) соответственно. Для тех уровней владения языком, которые концептуально не обеспечены лексическими минимумами (C2 в ТРКИ и B2-C2 в Cambridge English), установлены требования к рецепции и продукции, то есть количественный критерий (количество усвоенных кандидатом словарных единиц) заменен на компетентностный (умения и готовности, которые он должен продемонстрировать с их использованием).

Лексические минимумы отсутствуют во многих системах тестирования, в том числе в DELF/DALF и DELE. В них соответствие требованиям лексических знаний, навыков и умений кандидата так же оценивается в компетентностном ключе.

Для примера можно привести компетентностные критерии, которые используются в системе DELF для одного из уровней владения французским языком, исходя из которых эксперт способен оценить объем словарного запаса инофона и его способность им оперировать [Référentiel de compétences et Test de positionnement pour le français langue étrangère et seconde (FLES)]. Для примера возьмем уровень DELF A2, и отметим, что на других уровнях критериальный подход к оцениванию лексического компонента реализуется аналогично. Оставляя за кадром указанные в требованиях DELF список интенций, набор грамматических конструкций, объем речевых возможностей и типы речевой продукции, так же имеющие прямое отношение к реализации лексического компонента в рецептивных и продуктивных видах речевой деятельности, обратимся к лексико-тематическому минимуму и объему социолингвистической компетенции данного уровня. Так, в составе тематического минимума уровня DELF A2 представлены следующие темы: семья, место (кафе, ресторан, магазины, банк, почта, отель и т.д.); досуг (спорт, кино, театр, прогулки и т.д.); транспорт (метро, автобус, поезд, такси и т.д.); повседневная жизнь (работа, магазины, ежедневные дела); место проживания (части дома/квартиры, бытовые предметы, интерьер); питание (продукты, еда, кухня, рецепты); домашние животные; страны, города, пейзажи; путешествия; погода; повседневные события; телевизионная информация; деньги и платежи. Социолингвистический компонент представлен формулами вежливости при повседневном общении (приветствие и прощание, просьба, запрос информации, вовлечение в общение, поддержание беседы, извинение, благодарность, оправдание, телефонный разговор), а также знаниями о жизни в стране (привычки носителей языка, места проживания, объекты и т.д.), текстовыми жанрами личной, деловой и административной переписки.

С одной стороны, с точностью определить объем словарного запаса в столь широких рамках вряд ли возможно (как это было бы при наличии лексического минимума), но, с другой стороны, перечисленные ориентиры формируют у эксперта, проводящего экзамен, достаточно ясное представление о лексических возможностях инофона интегрированно в общем контексте тестирования.

Для проведения сравнительного анализа лексических минимумов использовался самостоятельно разработанный нашей проектной группой инструментарий. Предварительно весь имеющийся словарный массив был конвертирован в простой текстовый формат в кодировке UTF-8 во избежание потерь в отображении особенностей графических систем

разных языков. Созданные файлы были загружены в базу данных на основе сервера MySQL с присвоением уникального идентификатора для каждой лексемы в русском языке. Далее был использован специально созданный инструмент, написанный на самом подходящем для решения нашей задачи языке программирования PHP (Hypertext Preprocessor), который имеет большие возможности работы с текстовыми данными и обладает расширенной поддержкой систем текстовых кодировок и всех форматов передачи текстовых данных по протоколу HTTP. Язык программирования, широко применяемый для разработки веб-приложений, был намеренно выбран с тем, чтобы в дальнейшем развивать этот инструмент для использования на удаленных рабочих местах.

На первом этапе анализа была проведена выборка из базы данных всех совпадающих лексем в каждой языковой системе на основе русского словаря. Для этой выборки был использован язык запросов БД MySQL. Полученный массив был проанализирован повторно уже средствами языка PHP, который обладает более точным инструментом сравнения текстовых данных. Далее каждому полученному элементу массива эквивалентов был присвоен уже новый идентификатор, маркирующий ядерную составляющую в разных языковых минимумах. Полученные данные имеют возможность конвертации в различные форматы хранения и передачи текстовых данных (XML, JSON), которые могут использоваться для дальнейшего анализа и построения текстовых массивов в иных анализаторах.

Определенные сложности возникли при включении в автоматизированный сопоставительный анализ лексических минимумов HSK. Система уровней этого экзамена заявлена Институтом Конфуция как соответствующая общеевропейским уровням (A1–C2), однако количество единиц в лексических минимумах значительно меньше, чем в ТРКИ и Кембриджских тестах. Так, на уровне HSK1, приравненном к A1, оно равняется 150 единицам (для сравнения в системе ТРКИ на элементарном уровне A1 – 780 единиц); на уровне HSK2 – 300 единиц (в ТРКИ на базовом уровне A2 – 1300 единиц); на уровне HSK3 – 600 единиц (ТРКИ-1 B1 – 2300 единиц); на уровне HSK4 – 1200 единиц (ТРКИ-2 B2 – 10000 единиц, в том числе в активной части словаря – до 6000); на уровне HSK5 – 2500 единиц (ТРКИ-3 C1 – 12000 единиц, в активной части словаря – до 7000); на уровне HSK6 – 5000 единиц (ТРКИ-4 C2 – 20000 единиц, в активной части словаря – до 8000 единиц). Такие существенные расхождения связаны прежде всего с тем, что в китайском языке каждый иероглиф имеет пучок значений, обладающих семантической близостью, от места иероглифа в предложении зависят его принадлежность к той или иной части речи и другие грамматические функции. Например, иероглиф 本, который в лексическом минимуме HSK1 дается как счетное слово, имеет в качестве счетного слова 2 значения (для растений/цветов и книг), в качестве существительного

– 12 групп значений (от 1 до 9 значений в каждой), в качестве местоимения – 2 группы значений (3 и 5 значений соответственно), в качестве наречия – 2 группы значений (до 5 значений в каждой), в качестве глагола – 4 значения и т.д. Кроме того, современный китайский язык тяготеет к двуслогам, в которых исходные значения иероглифов меняются (вернее – уточняются, получают развитие).

В таких случаях сопоставление производилось экспертным методом (вручную) с опорой на тематические и интенциональные минимумы HSK, что в итоге дало возможность говорить о приблизительном соответствии лексической основы этого экзамена общеевропейским требованиям.

По отношению к системам тестирования, не располагающим лексическими минимумами, и системам тестирования типа HSK по азиатским языкам, имеющим совершенно иную, «неевропейскую» природу, вероятно, следует подвергать анализу официальные пособия для подготовки к этим сертификационным экзаменам, выпускаемые международными организациями по распространению национальных языков и культур, такими как Альянс Франсез, Институт Сервантеса, Институт Гёте, Институт Конфуция и др., тем более что каждое из них содержит в приложении лексический список.

Сравнение лексических минимумов Российской государственной системы тестирования иностранных граждан по русскому языку и Кембриджского экзамена производилось с помощью компьютерного инструментария, о котором говорилось выше.

Для рассмотрения полученных результатов обратимся к базовому уровню ТРКИ и Key English Test (KET), приравниваемых к общеевропейскому уровню A2.

Лексический минимум базового уровня ТРКИ (ТБУ/A2) составляет около 1300 единиц (слова разных частей речи), и, кроме того, в приложениях к нему содержатся списки наиболее употребительных русских имен, синонимов и антонимов, лингвистических терминов [Лексический минимум]. Вокабуляр Кембриджского экзамена Key English Test (KET) составляет более 1512 слов (преимущественно существительные и прилагательные) и включает дополнительные лексические единицы в тематических группах, размещенных после алфавитного словника. Основные тематические группы в лексических минимумах КЕТ и ТБУ/A2 в целом совпадают. В то же время, например, тема «Искусство» в КЕТ практически не представлена, в то время как в лексическом минимуме ТБУ/A2 в эту тему входит 6 подтем (более 140 лексических единиц). Тема «Государственное устройство», «Власть» совершенно не отражена в лексическом минимуме экзамена КЕТ. Как пишут авторы в предисловии к вокабуляру: «Кембриджские экзамены ESOL не должны содержать ничего, что могло бы оскорбить или расстроить кандидатов, потенциально повлиять на работу или отвлечь их во

время экзамена. Ряд "чувствительных" тем считается непригодным для использования в КЕТ, например, тема войны и политики, а лексика, связанная с ними, не включена в список словарей КЕТ» [Cambridge English. Vocabulary List 2012: 3]. Вероятно, поэтому таких включенных в лексический минимум ТБУ/А2 «чувствительных» слов, как «государство», «государственный», «республика», «депутат», «политика», «закон», «правительство», «президент», «религия», «родина» и пр. в списке КЕТ мы не находим, как и слов «смерть», «убивать», «бог». Общее выявленное ядро двух рассматриваемых лексических минимумов составляет 615 слов.

Параллельно в рамках настоящего проекта для проверки соотносимости инструментов оценивания уровня коммуникативной компетенции инофона в российской и иных системах тестирования Н.Д. Ющенко было проведено экспериментальное тестирование с участием 21 иностранного учащегося основных факультетов МГУ имени М.В. Ломоносова – граждан КНР, Австрии и Испании, предположительно уже владеющих русским языком в объеме базового уровня (А2) [Ющенко 2018]. Для его проведения были подготовлены следующие методические материалы: 1) оригинальный (реальный) тест ТРКИ для базового уровня (А2); 2) Кембриджский тест для уровня Key English Test (KET, А2), переведенный на русский язык и доработанный по модели КЕТ в тех случаях, когда тестовые материалы не поддавались адекватному переложению на русский язык; 3) оригинальный тест международной системы тестирования Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина по русскому языку как иностранному для Предпорогового уровня (Waystage, А2).

Анализ результатов тестирования и ошибок допущенных учащимися, показал, что ни один из учащихся не продемонстрировал стопроцентного результата ни по одному из тестов, что Предпороговый тест (Waystage, А2) они сдали заметно хуже, чем Кембриджский тест и тест ТРКИ, и связано это во многих случаях именно с лексическими проблемами. По окончании тестирования среди его участников был проведен опрос, который подтвердил этот вывод. Кроме того, больше половины учащихся отметили, что тест Предпорогового уровня оказался для них лексически наиболее трудным, а в качестве наиболее легкого был назван экзамен ТРКИ (ТБУ/А2). Кембриджский тест по сложности занял промежуточную позицию. При этом неудовлетворительную оценку при прохождении теста Предпорогового уровня получили 5 человек, теста ТРКИ – 3 человека, Кембриджского теста – 2 человека.

Побочным результатом исследования стал ответ на некоторые дискуссионные вопросы. Например, часто предъявляемые претензии к экзаменам ТРКИ (излишняя сложность по сравнению с европейскими экзаменами) не подтвердились, как не подтвердилось и суждение о том, что уровень владения языком понятие универсальное. В действительности же

он по-разному интерпретируется в разных системах тестирования. При том что все национальные системы тестирования в рамках ALTE, казалось бы, придерживаются идентичных требований и единообразных критериев оценки, стремятся к объективной сертификации уровней владения любым иностранным языком по единой шкале, ощутимые различия между ними очевидны.

Список литературы

Беликова Л.Г., Ерофеева И.Н. (2015): Шкала суммарной оценки // Русский тест: теория и практика, с. 26-31.

Андрюшина Н.П., Козлова Т.В. (2013): Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Базовый уровень. Общее владение. Санкт-Петербург, Златоуст.

Ющенко Н.Д. (2018): Методика оценивания уровня коммуникативной компетенции в международных системах тестирования (на примере русского языка как иностранного). Магистерская диссертация. Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова.

References

Cambridge English. Vocabulary List. Key English Test (KET). Cambridge: UCLES, 2012. – 29 p.

Référentiel de compétences et Test de positionnement pour le français langue étrangère et seconde (FLES). URL: <http://www.bruxellesfle.be/referentiel-et-test-de-positionnement-pour-le-francais-langue-etrangere-et-seconde>. Дата обращения: 20.06.2018.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ УРОВНЯ ВЛАДЕНИЯ РУССКИМ ЯЗЫКОМ КАК ИНОСТРАННЫМ В ИСПАНИИ КАК ЧАСТЬ МЕЖДУНАРОДНОЙ СИСТЕМЫ ТЕСТИРОВАНИЯ

*Зайнудинов Андрей Ахметович
Барселонский университет, Испания
andrei.zainouldinov@ub.edu*

DETERMINATION OF THE LEVEL OF PROFICIENCY IN RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE IN SPAIN AS PART OF AN INTERNATIONAL TESTING SYSTEM

*Andrey Zaynuldinov
University of Barcelona, Barcelona, Spain*

АННОТАЦИЯ

В настоящей статье рассматривается изучение русского языка как иностранного в испанских и каталонских учебных заведениях; представлена существующая система тестирования в Испании в сопоставлении с другими системами оценивания владения иностранными языками и перспективы развития. Автор ставит вопрос о выборе системы тестирования для определения уровня владения русским языком иностранными учащимися в Испании и Европе.

ABSTRACT

This article deals with the study of Russian as a foreign language in Spanish and Catalan institutions; represented by the existing system of testing in Spain in comparison with other systems of assessment for Languages and the development prospects. The author raises the question of choosing a system of testing to determine the level of proficiency in Russian foreign students in Spain and Europe.

Ключевые слова: тестирование, сопоставление, русский язык как иностранный, системы тестирования, преподавание русского языка в Испании и Каталонии, унификация

Key words: testing, comparison, Russian as a foreign language, testing system, foreign languages, teaching of the Russian language in Spain and Catalonia, unification

* В расширенном виде впервые статья Зайнудинова А.А. под названием «Тестирование русского языка как иностранного в Испании (настоящее и будущее): постановка проблемы» опубликована в спецвыпуске журнала *Русский язык за рубежом*, Москва. 2017, С. 41-46.

Тестирование русского языка как иностранного в Испании

Безусловно, каждый учебный центр в Испании располагает своими собственными программами и стандартами обучения, что, учитывая большую самостоятельность университетов в системе испанского образования, представляет широкий спектр

разнообразных методик и стандартов. Тем не менее, как и в других европейских странах, не существует общей национальной системы официального тестирования владения русским языком как иностранным. К наиболее общепризнанной официальной системе оценивания можно отнести проведение экзаменов и выдачу сертификата Официальными школами языков, предлагающими возможность изучения русского языка на базовом, среднем и продвинутом уровнях (*nivel básico, intermedio y avanzado*) и выдающими сертификат B1 (среднего уровня) и B2 (продвинутого уровня). Для английского, французского и немецкого языков существуют также сертификаты C1 и C2.

На среднем уровне B1 в Официальной школе языков Барселоны и Мадрида учащимся предлагается письменный экзамен со следующими разделами:

1. Чтение (50 минут): понимание трех текста разной длины и типологии объемом в 1.500-1.700 слов; вопросы с заданиями множественного выбора, выбор правильного ответа из списка, ответов типа верно-неверно) в Барселоне и понимание 2 адаптированных текстов в 100 слов с удаленными 15 словами, которые необходимо восстановить, и другим тестом около 180 слов с 10 ответами на вопросы открытого типа в Мадриде;

2. Аудирование трех текстов с использованием видео (репортажа, интервью на 30-40 минут), те же типы вопросов в Барселоне и с 15 ответами на вопросы открытого типа для одного текста и 10 ответами множественного выбора для двух других текстов в Мадриде;

3. Диалогическая речь (30 минут; один или два текста и от 10 до 15 коротких диалогов с заданиями множественного выбора) в Барселоне;

4. Письмо (60 минут), задача 1 – письмо или имейл на определенную тему, задача 2 – создать описательный тест на основе предложенных слов (оба текста приблизительно по 125 слов) в Барселоне и 2 сочинениях на 120-150 слов неформального стиля и на 80-100 слов формального стиля в Мадриде;

1. Устный экзамен (20-25 минут для 2 тестируемых) обмен репликами для создания образа; пересказ содержания текста от 50 до 70 слов и выражение своего мнения о предложенном тексте; вопросы и ответы на основе различных объявлений в Барселоне и монологе на 2-3 минуты в совокупности с диалогами на 4-5 минут в Мадриде (*Estructura y duración de las pruebas 2017; Generalitat de Catalunya 2017a; Generalitat de Catalunya 2017b*).

На продвинутом уровне B2 осуществляется проверка знаний

1. по чтению (75 минут): выбрать заголовок из 6, три лишние; установить соответствия между фрагментами правой и левой таблицы; вставить в текст слова из списка, 5 слов лишние;

2. по аудированию (55 минут; 7 коротких текстов, подобрать заглавия для

звучащих текстов из списка, два лишние; ответы на 8 вопросов самостоятельно; 10 ответов типа верно-неверно)

3. по письму (90 минут) письмо или имейл формального стиля, описательный текст, выражение мнения с аргументацией (около 175 слов) (Generalitat de Catalunya 2017a); письмо в официальную инстанцию, сочинение на общественно-политическую тему 225-250 слов (Generalitat de Catalunya 2017b).

4. по говорению (30-35 минут); при этом комбинируется индивидуальная работа (задание типа: прочитать текст, пересказать своими словами главные идеи текста, рассказать о своем собственном опыте или известном вам факте, связанном с темой) и работа в группе (обсудите вместе предложенную в первой части тему, выразите свою точку зрения, аргументируйте своё мнение, приведите примеры, предложите возможные варианты решения проблем, о которых говорится в текстах); при выполнении задания можно использовать вопросы, отражающие разные аспекты проблемы (список вопросов) (Generalitat de Catalunya 2017a).

В принципе проводимые экзамены не очень отличаются друг от друга и могут быть соотнесены с тестированием на сертификат уровней ТРКИ-1 и ТРКИ-2 (например, экзамен также считается сданным при достижении 65% правильных ответов из 100%) (Generalitat de Catalunya 2017a; Generalitat de Catalunya 2017b), 60% (Estructura y duración de las pruebas 2017).

Системы тестирования русского языка как иностранного

Существует система ТРКИ, в рамках которой через сеть Центров русского языка или по договоренности с одним из ведущих российских вузов в области тестирования (МГУ, СПбГУ, РУДН и СПбГУ) можно сдавать в Барселонском университете, в частности, экзамены российским официальным тестерам и получать сертификат соответствующего образца.

Начало создания системы тестирования ТРКИ относится к 1992 году.

В настоящее время система ТРКИ включает три основных компонента:

1. Тесты общего владения (позволяют определить и сертифицировать уровень владения русским языком как иностранным вне зависимости от места, времени и формы обучения);
2. Профессиональные модули (позволяют определить и сертифицировать уровень владения русским языком как иностранным как средству получения специальности, а также уровень владения РКИ как средству профессионального общения);
3. Тест для приема в гражданство РФ (определяет базовый уровень владения русским языком как иностранным, необходимый для получения гражданства РФ (соотносится с уровнем ТРКИ-1/ B1).

При определении места тестов ТРКИ в системе других типов тестирования утверждается, что «Российская система тестирования включена в европейскую систему языкового тестирования ALTE (Association of Language Testers in Europe) и уровни владения русским языком как иностранным соотносятся с уровнями владения другими европейскими языками» (Государственный стандарт 2001: 5; Балыхина 2006: 57) (таблица соответствий приведена нами в схеме 3 в расширенном виде). Уровни, выделяемые в системе тестирования ТРКИ (общее владение), в принципе соотносимы с уровневыми системами, принятыми в странах Европы. Это позволяет всем заинтересованным лицам (работодателям, организаторам процесса обучения, учащимся и др.) ориентироваться в материале – сравнивать результаты обученности, достигнутые в рамках различных образовательных систем.

В США представлена развитая система преподавания иностранных языков, в рамках которой наряду с другими есть система тестирования русского языка как иностранного.

Организация Международное языковое тестирование (LTI: Language Testing International) определяет уровень владения языком в рамках государственных и федеральных государственных учреждений США, начиная с 1998 года, является членом Межведомственного языкового круглого стола (Interagency Language Roundtable), группы, состоящей из более чем 30 федеральных агентств, участвующих в процессе обучения и языкового тестирования. Стандарты ACTFL (American Council on the Teaching of Foreign Languages) признаны в США наиболее эффективным, надежным и оправданным способом оценки языковых способностей, тестируемых для государственных нужд (LTI 2018). Для определения характера лингвистических задач, которые способен выполнять тестируемый, а также сравнения способностей были разработаны критерии соответствия определённым уровням при учете беглости речи, объема словарного запаса, произношения и грамматики.

Существует целый ряд популярных квалификационных стандартов, среди которых к наиболее распространенным признаваемым LTI относятся: шкала ACTFL, шкала ILR (Interagency Language Roundtable) и шкала CEFR (Common European Framework of Reference). Оценки ACTFL, ILR или рейтинги CEFR приравнены друг к другу, признаются в равной степени, позволяют обеспечить достоверные, надежные результаты, в зависимости от требований клиента.

Разработанная на основе государственных и федеральных стандартов Американским Советом по преподаванию иностранных языков, система оценивания ACTFL насчитывает четыре основных уровня: начальный, средний, продвинутый и профессиональный (Novice, Intermediate, Advanced and Superior). Каждый из первых трех уровней, в свою очередь, разделен на три подуровня (низкий, средний и высокий). Система ACTFL обеспечивает

адекватное определение, особенно на более низких уровнях, владения иностранным языком. Она широко используется во многих сферах, в частности, в академических кругах.

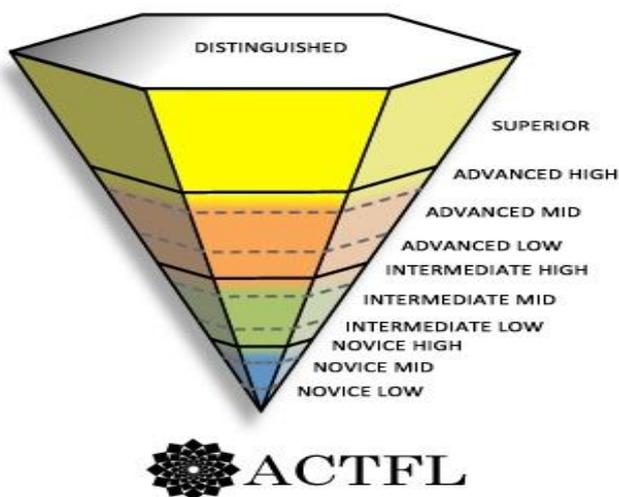

Схема 1. Шкала ACTFL

Для Европы, и в том числе для Испании как члена Европейского союза более привычен рейтинг шкалы Общеввропейского стандарта CEFR (Common European Framework of Reference), ориентированный на языковое употребление, в нем выделяются четыре вида речевой деятельности: рецепция (аудирование и чтение), продукция (говорение и письмо), взаимодействие (устная и письменная форма) и посредничество (письменный и устный перевод) (в английской терминологии Reception (listening and reading), Production (spoken and written), Interaction (spoken and written) and Mediation (translating and interpreting)).

Обеспечивается таксономическое описание четырех областей использования языка – общественной, личной, образовательной, профессиональной – для каждой из которых определяются локации, учреждения, лица, предметы, события, операции и тексты (в английской терминологии public, personal, educational, professional – for each of which it specifies locations, institutions, persons, objects, events, operations, and texts).

Определены шесть общих уровней ссылки (A1, A2, B1, B2, C1, C2) с дескрипторами отнесения знаний учащегося / пользователя к определенному уровню.

Общие контрольные уровни обеспечивают основу для обоснования стандартов второго/иностранного языка, создания учебных программ, учебников, курсов и экзаменов. Эта шкала соответствует рейтингу ILR.

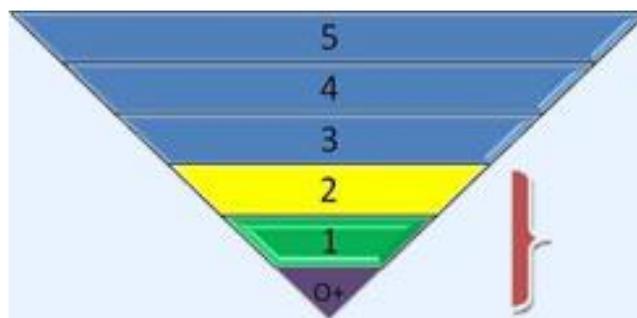

Схема 2. Шкала ILR.

В общем виде существующие рейтинги могут быть представлены в следующей таблице

CEFR LTI	ALTE (ESP.)	IELTS	ACTFL LTI FLPE	FLPE ILR LTI	TORFL
		9	Native	5	
C2	Nivel 5 Usuario óptimo	7.5+	Distinguished	4/4+ Native or bilingual proficiency	ТРКИ 4
C1	Nivel 4 Usuario competente	6.5-7	Superior	3/3+ Full professional proficiency	ТРКИ 3
B2 Vantage level	Nivel 3 Usuario independiente	5-6	Advanced Low Middle High	2/2+ Professional working proficiency	ТРКИ 2
B1 Threshold level	Nivel 2 Usuario del Nivel Umbral	3.5-4.5	Intermediate High	1+ Limited working proficiency	ТРКИ 1
A2 Waystage level	Nivel 1 Usuario del Nivel Plataforma	3	Intermediate Low Middle	1 Elementary proficiency	Базовый уровень
A1 Breakthrough level	Nivel Acceso de ALTE	1-2	Novice Low Middle High	0/0+ No proficiency	Элементарный уровень

Таблица 1. Соотношение уровней обучения согласно разным системам тестирования (см. Marco común 2018: 238-241)

Любопытно, что желание расширить квалификационную шкалу отражается в более дробной классификации, например, в описании учебных планов Мадридского университета Комплутенсе появляются подуровни 1.1 и 1.2, при этом осознается важность соотнесения

учебных планов с уровнем языка, который должны достигать студенты (Universidad Complutense 2018).

Предмет	Уровень ALTE (реально)	Уровень ALTE (как цель)
Русский язык 1-2 (120 аудиторных часов)	A1.1 или A1.2	A1
Русский язык 3 (60 аудиторных часов)	A2.1	A2
Русский язык 4 (60 аудиторных часов)	A2.2	B1
Русский язык 5 (60 аудиторных часов)	B1.1	B1-B2
Русский язык 6 (60 аудиторных часов)	B1.2	B2

Таблица 2. Соотнесение изучаемых курсов и уровня, достигаемого по их окончании.

Возникает закономерный вопрос: возможно ли создание систем тестирования уровня владения иностранным языком вне страны, в которой он является основным (при этом речь не идет о филиалах организации в других странах)?

Дело в том, что наряду с экзаменами DELE Института Сервантеса существует система тестирования CELU (Certificado de Español: Lengua y Uso), созданная в Аргентине; экзамены проводятся университетами Аргентины, сертификаты признаются в Аргентине, в Бразилии и в Китае. С системой сертификации владения португальским языком как иностранным CAPLE сосуществует бразильский вариант CELPE-Bras.

То же относится и к тестированию уровня владения английским языком. В США наряду с существующей системой тестирования уровня владения английским языком Cambridge English, созданной и разработанной в Великобритании в рамках международной системы тестирования английского языка IELTS (International English Language Testing System), существует общенациональная система тестирования ETS (Educational testing service), в рамках которой можно сдавать экзамен TOEFL (Test of English as a Foreign Language). В Японии также есть TOEIC – тест уровня английского языка, созданный для международного использования.

В принципе, может быть аналогичной ситуация в отношении русского языка как иностранного. Либо проведение тестирования осуществляется унитарной системой, и тогда необходимо только развивать сеть Центров русского языка во всем мире и продвигать экзамены ТРКИ, либо другие страны могут создавать свои собственные стандарты, как например, те же США (ILR, ACTFL).

Стандартизованный тест в рамках Европейского языкового сертификата ELC GmbH (The European Language Certificates), созданный в Франкфурте-на-Майне, включает наряду с другими 9 языками тест по русскому языку как иностранному (уровни A1, A2, B1, B2). Существует экзамен уровня владения иностранным языком Foreign Language Proficiency Exam (FLPE) в США. Quanguo Waiyu Shuiping Kaoshi представляет собой серию тестов по иностранным языкам, разработанную агентством NEEAV КНР, в которой наряду с тестами по английскому, французскому, немецкому и японскому языкам существует тест ТПРЯ (Тест по проверке уровня владения русским языком).

Автор считает, что возможно создание национальной (в данном случае испанской) или в более широком контексте европейской системы тестирования уровня владения русским языком как иностранным, которая позволила бы учащимся испанских учебных заведений сдавать экзамен и получать сертификат (по крайней мере на уровнях A1-B2), объективно оценивающий их уровень владения русским языком и соответствующий программам образования и учебным планам испанских учебных заведений. За основу может быть принята шкала CEFR или ALTE.

Безусловно, среди целей тестирования при этом выпадает область миграции (тест для приема в гражданство РФ), речь идет только об обучении в Испании или в Европе и о квалификации при приеме на работу. Естественно, при движении в этом направлении возникнут проблемы гомологизации/нострификации и признания разных систем тестирования, а также результатов экзаменов, которые должны решаться, как они решаются сегодня в отношении других языков.

Автор предлагает всем заинтересованным лицам принять участие в возможной дискуссии по этой теме.

Список литературы

Балыхина Т.Б. Основы теории тестов и практика тестирования М., 2006.

Государственный стандарт по русскому языку как иностранному. Первый уровень. Общее владение. Москва – Санкт-Петербург, 2001.

Зайнудинов А.А. Настоящее и будущее русского языка в Испании и Каталонии // Русский язык за рубежом, Москва. 2009, 2, 102-107

Пуиг М.С. Становление, развитие и состояние русистики в Испании // Язык, культура и образование: статус русского языка в странах мира / сб. статей под ред. Д. Дэвидсона и О. Митрофановой. Москва; Вашингтон, 1997. С. 109-112

Пуиг М.С. Испанская русистика: от и до http://www.vatanym.ru/?an=vs210_mp1

Центр русского языка открыт в Барселоне <http://www.russkiymir.ru/news/205096/>

References

ACTFL American Council on the Teaching of Foreign Languages) www.actfl.org

Estructura y duración de las pruebas (2017). Descripción de cada prueba: tipo y número de tareas. www.educa2.madrid.org/web/eoijm.ruso

Generalitat de Catalunya (2017a) Departament d'Ensenyament. Escoles Oficials d'Idiomes. Certificat de Nivell intermedi. Informació per a les persones candidates.

http://ensenyament.gencat.cat/web/.content/home/serveis-tramits/proves/proves-lliures-obtencio-titols/convocat-ordinaria-idiomes/mostres_proves/rus/RusInt_descrip_recom.pdf

Generalitat de Catalunya (2017b). Departament d'Ensenyament. Escoles Oficials d'Idiomes. Certificat de Nivell avançat. Informació per a les persones candidates.

http://ensenyament.gencat.cat/web/.content/home/serveis-tramits/proves/proves-lliures-obtencio-titols/convocat-ordinaria-idiomes/mostres_proves/rus/RusAvan_descrip_recom.pdf

ILR: <http://www.govtilr.org/Skills/IRL%20Scale%20History.htm>

LTI: Language Testing International <http://www.languagetesting.com/>

Marco común europeo de referencia para las lenguas: aprendizaje, enseñanza, evaluación

http://cvc.cervantes.es/Ensenanza/Biblioteca_Ele/marco/cvc_mer.pdf

Universidad Complutense de Madrid. Lenguas modernas y sus literaturas. Lengua rusa.

<https://www.ucm.es/estudios/grado-lenguasmodernasysusliteraturas-plan>

МОБИЛЬНЫЕ ПРИЛОЖЕНИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ МОТИВАЦИИ ГРЕЧЕСКИХ УЧАЩИХСЯ К ИЗУЧЕНИЮ РУССКОГО ЯЗЫКА

Калита Оксана Николаевна

*Отделение языка, литературы и культуры стран Причерноморского бассейна
Факультета классических и гуманитарных исследований
Фракийского университета имени Демокрита, Греция
kalitaxenia@gmail.com*

Павлидис Георгий Стельевич

*Профессор факультета информатики и вычислительной техники
Университета г.Патры, Греция
pvlds01@upatras.gr*

MOBILE APPLICATIONS AS A TOOL FOR MOTIVATING GREEK STUDENTS TO LEARN THE RUSSIAN LANGUAGE

Kalita Oxana

*Department of Language, Literature and Civilization of the Black Sea Countries Democritus
University, Greece*

Georgios Pavlidis

Computer Engineering and Informatics Department, Patras University, Greece

АННОТАЦИЯ

В статье выявлены категории учащихся, изучающих русский язык в Греции и рассмотрены современные условия обучения русским глаголам движения в греческой аудитории, вызывающие наибольшую трудность. Была предложена модель мобильного приложения «m-RusGr», а также содержание обучения русским глаголам движения начального и среднепродвинутого уровня курсового обучения. Дается описание методических решений, которые способствуют формированию и поддержке высокого уровня мотивации учащихся.

ABSTRACT

This article reveals the categories of students studying Russian in Greece and, in parallel, presents the current conditions for teaching Russian verbs of motion in the Greek audience, causing the greatest difficulties. The mobile application, called m-RusGr, was proposed, as well as the content of the training courses for learning Russian verbs of the motion at the initial and intermediate advanced level of the coursework. The description of methodical solutions that contribute to the formation and support of a high level of student motivation is given.

Ключевые слова: обучение на основе местоположения, мобильное приложение, русские глаголы движения, мотивация студентов, греческая аудитория.

Key words: location-based learning, mobile application, Russian verbs of motion, students' motivation, Greek audience

Введение

Современная геополитическая ситуация в мире и, в частности, потенциал развития отношений между Россией и Грецией во всех областях и с учётом традиционной, культурной и религиозной общности, дают серьёзные основания и открывают новые возможности для повышения уровня значимости, актуальности обучения русскому языку в Греции. В сегодняшней Греции есть реальные предпосылки для реализации самых разнообразных проектов с Россией: большая русскоговорящая диаспора, возрастающие потоки русскоговорящих туристов, благоприятный фон двусторонних политических и экономических отношений, культурная, в том числе религиозная, близость России, наличие многочисленных центров преподавания русского языка на самых разных уровнях.

В целом, можно выделить следующие потребности в области изучения русского языка в Греции:

- применение языка в профессиональной деятельности
- применение языка в учебной деятельности
- познавательные (работа с аутентичными источниками информации, получение знаний о культуре, истории, традициях и обычаях русского народа и т.д.)
- социальные (потребность в коммуникации с носителями русского языка)

Русский и греческий языки генетически связаны между собой. Очевиден общий индоевропейский характер фонетического строя, общее происхождение графических систем алфавита, достаточно много русских слов греческого происхождения. Однако, уместно отметить, что существуют как сходство систем, так и их различия.

Прошедшие годы отмечены появлением большого количества научных работ, посвященных проблемам мобильного обучения (Калита 2014; Тряпельников 2014). В них рассматриваются понятие и типы мобильного обучения, проблемы создания образовательных мобильных приложений, перспективы внедрения мобильных технологий в образование и пр.

Педагогические сообщества активно обсуждают внедрение мобильных технологий в практику преподавания, анализируют их достоинства и недостатки, делятся опытом на специальных форумах по использованию мобильных технологий (Калита 2014; Тряпельников 2014; Keller 2006).

Мобильные устройства (smart mobile devices) успешно используются при изучении различных учебных дисциплин, и иностранный язык не является исключением. Мобильные

технологии в образовании базируются в основном на использовании мобильных телефонов, которые в силу постоянного совершенствования могут рассматриваться не только как средство связи, но и как средство обучения. На сегодняшний день мобильные приложения становятся неотъемлемой частью нашей жизни, встраиваются в процесс изучения иностранных языков и приобретают широкую популярность. Еще в начале 2000-х годов Д. Киган определил мобильное обучение как «предвестник обучения будущего» (Keegan).

Практика показывает, что мобильные приложения имеют немалое преимущество перед традиционными методами обучения: интенсификация самостоятельной деятельности, индивидуализация обучения, повышение познавательной активности и мотивации учения.

В настоящее время пользователям мобильных устройств доступно огромное количество приложений для изучения РКИ, направленных на формирование и развитие лексических и грамматических навыков, ориентированных на разные аспекты. Достаточно широкий их спектр и разнообразие позволяют выбирать их пользователям (обучающимся) приложения в соответствии с индивидуальными потребностями, интересами и уровнем языковой подготовки.

Мобильные приложения изучения РКИ распределяются по следующим категориям:

- приложения, связанные с изучением лексики русского языка
- приложения, связанные с обучением алфавиту и письму
- приложения, связанные с аудированием и видеоматериалом
- приложения, связанные с коммуникативными ситуациями
- приложения, связанные с подготовкой к ТРКИ
- приложения, связанные с практикой отдельных грамматических тем
- комплексные приложения
- дополнительные приложения

Проведенный нами обзор позволяет заключить, что существует значительное количество мобильных приложений и программ для РКИ для разных уровней и аспектов. Таким образом, возникла необходимость создания мобильного приложения для греческой аудитории и использования его в практике современного преподавания РКИ, а в частности русским глаголам движения (ГД). Актуальностью такого приложения является – относительно новый способ в обучении, который усиливает наглядность и увеличивает осознание обучающего материала, а также способствует индивидуализации и дифференциации обучения, повышая его качество и мотивацию.

В этих целях нами была разработана и апробирована модель мобильного приложения, названное нами «m-RusGR», с целью обучения ГД в курсовом обучении по РКИ специально

для греческой аудитории, которое сначала определяет различные объекты, расположенные в их естественном месторасположении, например, театр, музей, станция метро и т.п. и связывает их с учебным материалом.

При изучении русских ГД греки, как правило, сталкиваются с большими трудностями при выборе подходящего глагола. Трудности подобного рода возникают в связи с отсутствием в греческом языке категории глаголов движения, как таковой, а также в силу сложности понимания лексических и семантических свойств этих глаголов. Глаголы, выражающие движение, не соответствуют системе парных глаголов движения русского языка, поэтому в учебном процессе, сопоставительный анализ русских ГД с греческими аналогами, передающими движение, является эффективным вспомогательным средством.

Характерной особенностью, допускаемых ошибок при употреблении русских ГД является то, что они в большинстве случаев носят интерференционный характер. Греческие обучающиеся часто затрудняются в выборе нужного глагола из числа близких по значению. Они не всегда могут самостоятельно определить дифференциальные признаки таких глаголов и нуждаются в соответствующих разъяснениях. К числу типичных, могут быть отнесены ошибки, связанные с неразличением семантических категорий глаголов движения, с нарушением лексической и грамматической сочетаемости указанных единиц, с объединением значений разных глаголов в рамках одного и т.д.

На основе типичных трудностей и ошибок в изучении и употреблении русских ГД на письме и в речи, нами были предложены рекомендации к применению этноориентированного подхода с целью преодоления трудностей в их усвоении. Разработана системная подача заданий и упражнений на основе использования мобильного приложения для формирования необходимых языковых компетенций и навыков у греческих учащихся вне аудитории в удобное для них время.

Применение мобильного приложения «m-RusGR», с учётом этнопсихологических и лингвистических особенностей греческих учащихся, позволило обеспечить эффективность формирования необходимых языковых компетенций и навыков, повысить мотивацию обучения.

Как работает мобильное приложение «m-RusGR» при обучении ГД в курсовой обучении по РКИ уровни А1-В1 специально для греческой аудитории?

Приведём здесь краткое описание учебно-методической разработки из нашего исследования.

При регистрации, учащиеся с общими интересами, одинаковым уровнем образования, преследующие единые цели, имеющие схожий менталитет и т.д., объединяются приложением

в единую группу. Таким образом, для них существует единый набор (set) упражнений / тестов. Для других же групп имеются отличные от предыдущей подборки упражнений / тестов.

Представим, что вышеупомянутый учащийся находится в центре Афин и желает пройти к кассам Национального Театра, чтобы приобрести билеты на новый спектакль и после покупки билетов вернуться к себе домой.

Рассмотрим один из предполагаемых маршрутов одного учащегося:

1. Пункт отправления – место, где в данный момент времени находится студент.
2. Далее студент должен проследовать по направлению к площади.
3. Он пересекает площадь, которая находится на его пути, и обходит ее по кругу.
4. Затем студент садится в автобус.
5. Совершает поездку на автобусе.
6. На автобусе он едет три остановки.
7. Доезжает до Археологического музея.
8. На соответствующей остановке выходит из автобуса.
9. Затем пересекает улицу.
10. Направляется в сторону Национального Театра.
11. Входит в здание Национального Театра, чтобы приобрести билеты на интересующее его представление.
12. Выходит из Театра.
13. Далее подходит к месту стоянки такси.
14. Садится в такси.
15. И доезжает до своего дома с купленными билетами.

На протяжении всего пути, все вопросы и описания заданий, а также вспомогательные окна с пояснением будут появляться на греческом языке. Так же, каждый пункт будет сопровождаться видео заставкой и голосовым произношением.

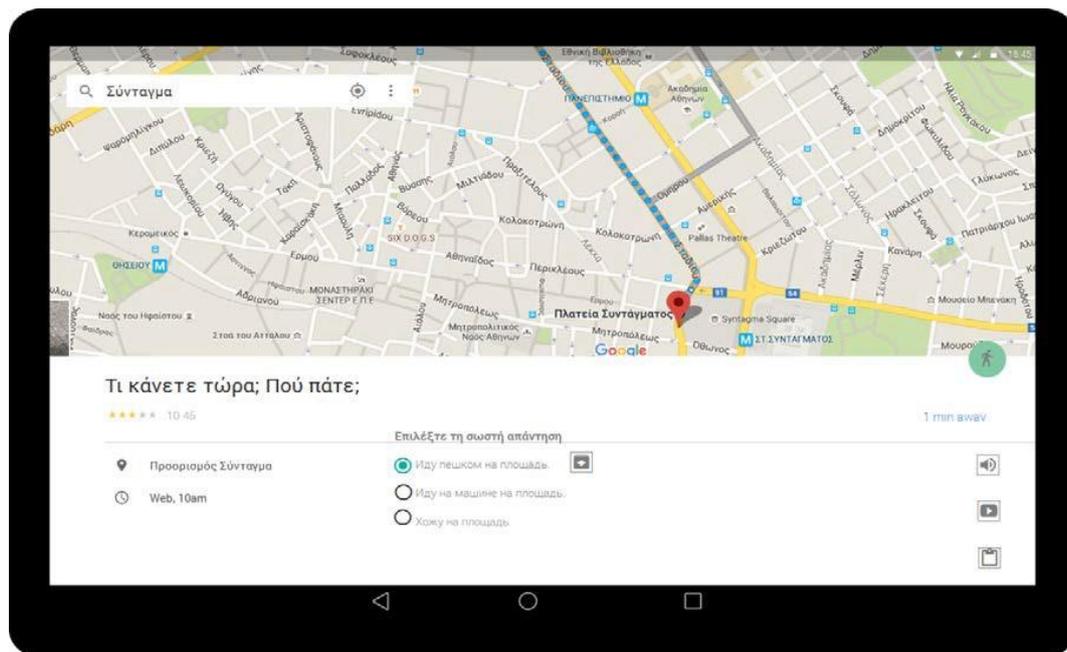
В случае неверного ответа учащемуся будет предоставлена возможность повтора выбора до тех пор, пока он не выберет правильный ответ. В случае правильного ответа, появится заставка с поощрением.

Вначале, после определения системой приложения место нахождения ученика, в первом задании, когда ученик начинает двигаться, появляется вопрос: «Что Вы делаете сейчас? Куда Вы идёте?» Из предложенных ниже вариантов ученик должен выбрать правильный ответ:

Иду пешком на площадь.

А. Иду на машине на площадь.

В. Хожу на площадь.

Ниже видна кнопка, выводящая на вспомогательные окна с пояснением употребления одно- и неоднонаправленных глаголов «Идти - Ходить», в настоящем и прошедшем времени:

Αμετάβητα ρήματα (δείχνουν την κίνηση μόνο του υποκειμένου)			
ΕΝΕΣΤΩΤΑΣ НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ		ΠΑΡΕΛΘΟΝΤΙΚΟΣ ΧΡΟΝΟΣ ПРОШЕДШЕЕ ВРЕМЯ	
Οριστική Κατεύθυνση Οднонаправленное движение	Αόριστη Κατεύθυνση Однонаправленное движение	Οριστική Κατεύθυνση Неоднонаправленное движение	Αόριστη Κατεύθυνση Неоднонаправленное движение
1η ομάδα	2η ομάδα	1η ομάδα	2η ομάδα
ΙΔΤΙ (πηγαίνω με τα πόδια)	ΧΟΔΙΤΉ (πηγαίνω με τα πόδια)	ΙΔΤΙ (πηγαίνω με τα πόδια)	ΧΟΔΙΤΉ (πηγαίνω με τα πόδια)
Ίδω	Χοжу	Ήελ	Χодил
Ίδешь	Ходишь	Ήλα	Ходила
Ίδёт	Ходит	Ήλο	Ходило
Ίδём	Ходим	Ήли	Ходили
Ίδέτε	Ходите		
Ίдут	Ходят		

ΕΝΕΣΤΩΤΑΣ НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ		ΠΑΡΕΛΘΟΝΤΙΚΟΣ ΧΡΟΝΟΣ ΠΡΟШЕΔШЕΕ ВРЕМЯ	
ΙΔΤΙ (πηγαίνω με τα πόδια)	ΧΟΔΙΤЬ (πηγαίνω με τα πόδια)	ΙΔΤΙ (πηγαίνω με τα πόδια)	ΧΟΔΙΤЬ (πηγαίνω με τα πόδια)
Ιду	Хожу	Шёл	Ходил
Идής	Ходишь	Шла	Ходила
Идёт	Ходит	Шло	Ходило
Идём	Ходим	Шли	Ходили
Идёτε	Ходите		
Идут	Ходят		

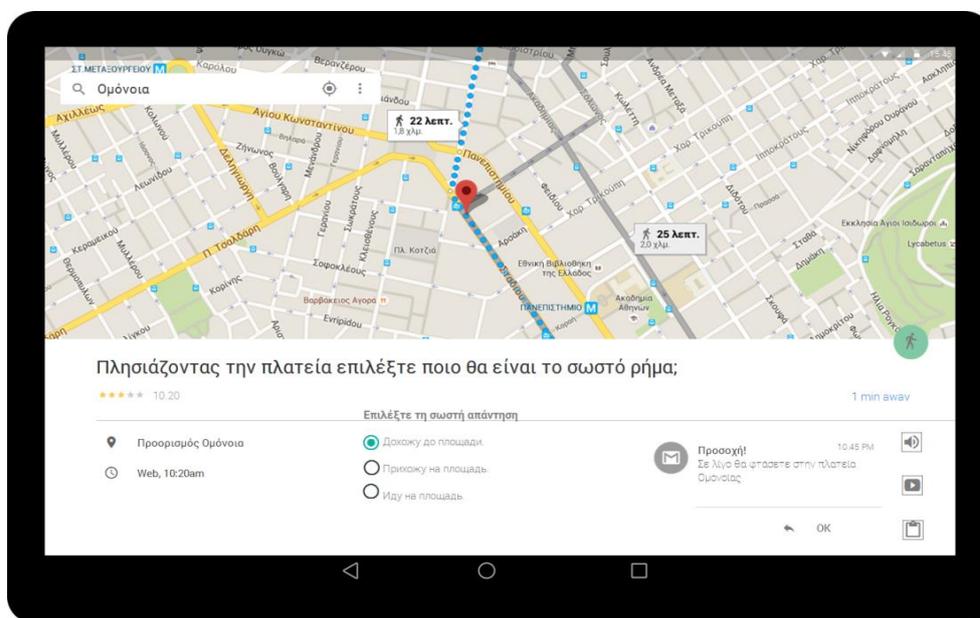
1.Б. Во втором задании, приближаясь к площади ученик должен выбрать правильную форму из предлагаемых ниже глаголов.

Πλησιάζοντας την πλατεία επιλέξτε ποιο θα είναι το σωστό ρήμα; (Κοгда Вы подойдёте к площади какой глагол будет правильным?)

Α. Дохожу до площади.

Β. Прихожу на площадь.

Γ. Иду на площадь.

Ниже видна кнопка на вспомогательные окна с пояснением значений приставок **До-** и **При-** на греческом языке с нужными предлогами:

Πρόθημα	Πρόθεση και πτώση	Σημασία
ΠΡΙ-	με τόπο: в / на + αιτιατική с / из + γενική με πρόσωπα: к + δοτική от+ γενική	Άφιξη στο τελικό σημείο προορισμού της κίνησης
ДО-	до + γενική	Επίτευξη του συγκεκριμένου ορίου ή σημείου της κίνησης

1.В. Следующее задание немного усложняется, предлагая учащемуся представить, что, приближаясь к площади, у него на пути возникнет какая-либо преграда. Из трёх предложенных глаголов ему нужно выбрать только один – правильный.

Εάν πλησιάζοντας την πλατεία εμφανιστεί ένα εμπόδιο, τι θα κάνετε;

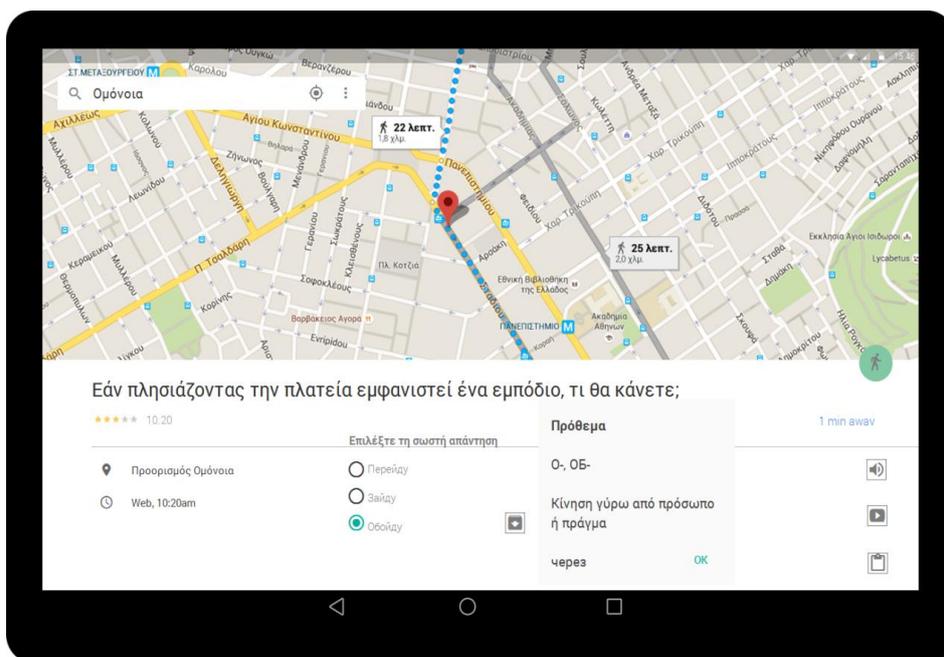
(Если в ходе приближения к площади, у Вас на пути возникнет какая-либо преграда, что Вы предпримите?)

- **Περειду**
- **Зайду**
- **Обойду**

Ниже видна кнопка, выводящая на вспомогательные окна с пояснением значения приставок **пере-, за-, обо-** на греческом языке с нужными предлогами:

Πρόθημα	Πρόθεση και πτώση	Σημασία
ЗА-	за + αιτιατική в / на + αιτιατική με πρόσωπα: к + δοτική за+ αιτιατική	1) Κίνηση καθ' οδόν 2) Κίνηση προς πρόσωπο ή πράγμα για μικρό χρονικό διάστημα 3) Τυχαία απομάκρυνση από την αρχική πορεία της κίνησης 4) Κίνηση πίσω από ένα αντικείμενο 5) Κίνηση προς τα πάνω 6) Κίνηση στο βάθος πέρα από τα όρια κάποιου χώρου

Πρόθημα	Πρόθεση και πτώση	Σημασία
ΠΕΡΕ-	через + αιτιατική (ή χωρίς αιτιατική) в / на + αιτιατική с / из + γενική	1) Κίνηση από μία πλευρά στην άλλη 2) Κίνηση από το ένα σημείο στο άλλο 3) Κίνηση πάνω από κάτι
Ο- ОБ-	за + αιτιατική в / на + αιτιατική με πρόσωπα: к + δοτική	1) Κίνηση γύρω από πρόσωπο ή πράγμα 2) Κίνηση με πολλά σημεία παραμονής

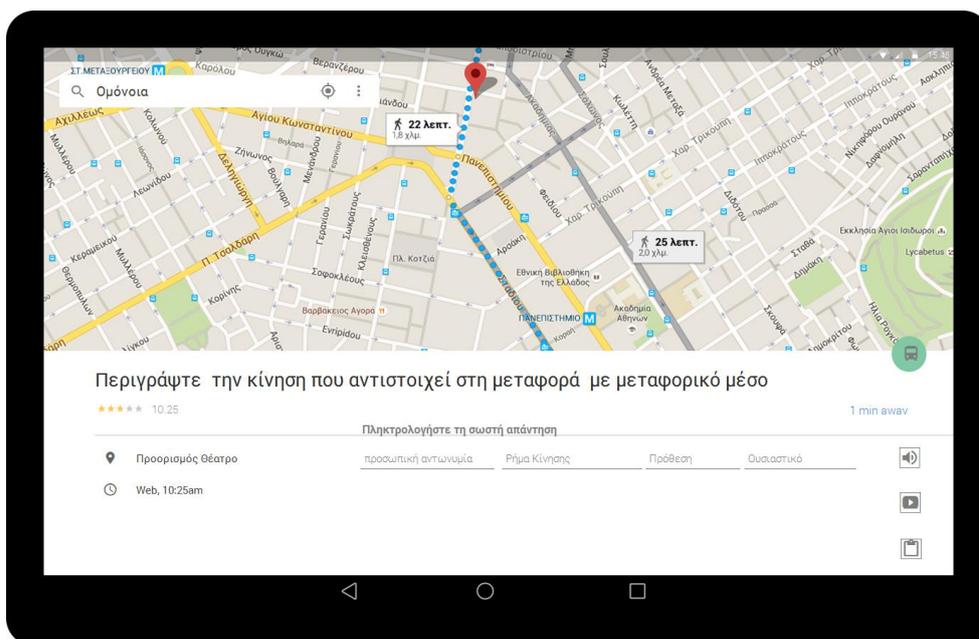

2.A. Здесь учащегося просят описать способ его передвижения с использованием общественного транспорта. Учащийся должен написать предложение, при помощи вспомогательного ряда: <личное местоимение> <глагол движения> <предлог> <существительное>.

Περιγράψτε (πληκτρολογήστε) την κίνηση που αντιστοιχεί στην μεταφορά με το μεταφορικό μέσο. (Οпишите способ Вашего передвижения с использованием общественного транспорта.)

Προσωπική αντωνυμία ρήμα κίνησης πρόθεση ουσιαστικό.

Личное местоимение глагол движения предлог существительное.

Ниже видна кнопка, выводящая на вспомогательный словарь, который при затруднении написания учеником предложения даёт ему несколько вариантов, среди которых имеется правильный ответ, то есть тот, что наиболее всего подходит к данной языковой ситуации:

Я иду на автобусе
Я приеду на автобусе
Я еду на автобусе
Я в автобусе
Я езжу в автобусе

А также на вспомогательное окно с пояснением употребления одно- и неоднаправленных глаголов «Идти- Ходить» и «Ехать- Ездить», в настоящем и прошедшем времени.

Безусловно, такая подача учебного материала с включением мобильного приложения в алгоритмы учебных действий делает интересным выполнение заданий обучаемыми. Правильный подход, помогает поднять заинтересованность учащихся к изучению русского языка, поскольку русский язык труден и требует дополнительной тренировки, а именно мобильные приложения как нельзя лучше подходят для решения данных проблем.

В заключение скажем, что, что разработанное нами мобильное приложение нацелено на то, чтобы максимально снизить языковые трудности, предоставить дополнительную тренировку сложных языковых моментов посредством серии тренировочных упражнений.

Вместе с тем, мы отмечаем, что практическое применение мобильных приложений несет в себе огромный потенциал, поскольку повышает мотивацию и познавательную активность обучающихся, интерес к предмету, помогает индивидуализировать обучение, устраняет психологический барьер при использовании иностранного языка как средства общения. Кроме того, использование интерактивных технологий способствует развитию иноязычных компетенций и интенсификации самостоятельной работы обучающихся (преимущественно внеаудиторной).

Список литературы

Антипова Т.А. / Формирование учебной мотивации в курсе дистанционного обучения // Сибирский Федеральный университет, УДК 378.02

Касаткина, Н.Н. /Формирование мотивации изучения иностранного языка у студентов неязыковых специальностей//автореф. дисс.... канд. пед. наук: 13.00.08 / Н.Н. Касаткина. – Ярославль, 2003. – 22 с.

Калита О.Н.// Министерство образования и науки Российской Федерации, Российский университет дружбы народов (РУДН), Факультет повышения квалификации преподавателей русского языка РУДН Всероссийская (с международным участием) научно-практическая конференция «Инновационное преподавание русского языка в условиях многоязычия». Россия, Москва, 30.09 –01.10 2014.

Калита О.Н./ Структура и особенности профиля обучающегося в системе электронного обучения русскому языку в греческой аудитории/ Structure and features of the greek students' profile in the e-learning environment for Russian / Калита О.Н. Павлидис Г.С. // Международная научная конференция «Перевод как средство взаимодействия культур» Высшая школа перевода (факультет) МГУ имени М.В.Ломоносова 17.10.2014-22.10.2014 Польша, Краков.

Тряпельников А.В. Интеграция информационных и педагогических технологий в обучении РКИ (методологический аспект). М., – 2014. – 80 с.: илл. ISBN 978-5-98269-117-0.

References

Keller, J. M. / The ARCS model: designing motivating instruction. Confidential unpublished draft, Tallahassee, Florida: Instructional Systems Programm. 2006.

Keegan D The future of learning: from Elearning to M-learning. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://eric.ed.gov/?id=ED472435>

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ НА УРОКАХ РКИ И РАЗВИТИЕ ЯЗЫКОВОЙ ЭМПАТИИ У БУДУЩИХ ФИЛОЛОГОВ- ЛИНГВИСТОВ

Илья Евгеньевич Карпенко

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, Россия

ikarpenko@yandex.ru

WORD-FORMATION MODELING AT LESSONS OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE AND DEVELOPING OF LANGUAGE EMPATHY IN FUTURE PHILOLOGISTS-LINGUISTS

Iliia Karpenko

Pushkin State Russian Language Institute, Russia

АННОТАЦИЯ

Развитие лингвистической эмпатии, «чувства языка» особенно актуально при обучении РКИ будущих филологов-лингвистов. Важным подспорьем служит метод словообразовательного моделирования, который предполагает использование на уроках деривационных схем. Исследование показывает, как с помощью такой визуализации будущие лингвисты погружаются в деривационные отношения между лексемами, вникают в лексико-семантические связи, самостоятельно выстраивают словообразовательные парадигмы. Словообразовательные модели, цепочки, парадигмы и создаваемые преподавателем на уроке виртуальные схемы служат не только прекрасным материалом для презентации деривационных отношений в русском языке, помогают усвоить новую лексику, особенности русской морфемики и способы словообразования, но и демонстрируют отношения между группами лексем, словообразовательными типами, а также лексико-семантические отношения, грамматические параллели, лексические заимствования и др.

ABSTRACT

When teaching Russian language to foreigners the development of language empathy is extremely important. This paper considers word-formation modeling, morphemic and etymological analysis of structure of the words as a main productive ways of teaching. This research has enabled us to see which factors are determining for the development of "linguistic sentiment", and also proposes using specialty of word-forming modeling as an effective mechanism for developing the habits of future linguists. Analysis of the word-formation process is a productive method for philology students because is closely connected with grammatical structures and linguistic phenomes and process which lead to new word formation.

Ключевые слова: Русский язык как иностранный, методика обучения РКИ, психология, когнитивная эмпатия, лингвистика, деривация, словообразование, морфемика.

Key words: Russian as a foreign language, methodology of teaching, psychology, cognitive empathy, linguistics, derivation, word formation models, morphemics.

Коммуникативная методика преподавания РКИ применяется не одно и не два десятилетия. Она имеет долгую историю, начавшуюся в прошлом веке, бурно развивалась в 70-80-х годах, была хорошо апробирована и показала свою высокую эффективность (Федосов 2011). Коммуникативный (коммуникативно-деятельностный, коммуникативно-функциональный) подход в обучении РКИ в целом учитывает многие аспекты подачи и усвоения учебного материала – функциональный аспект, речевую направленность процесса обучения, ситуативность общения, индивидуальные запросы учащегося и т.д.

Сутью коммуникативного метода стала попытка приблизить процесс обучения языку к процессу реального общения, сделав речевую направленность одним из основных методических принципов – активное вовлечение учащихся в процесс общения; использование моделей, воссоздающих ситуации общения; игровые задания, а также проблемный, модульный, проектный приёмы обучения. Предлагаемые Е.И. Пассовым и другими «адептами» коммуникативного подхода ЛСС (логико-семантические схемы), ЛГТ (лексико-грамматические таблицы), РС (расширяющиеся синтагмы) и т.д. отлично «работают» и много лет и даже десятилетий дают прекрасные результаты в обучении РКИ (Пассов и др. 2007).

Однако эта методика, при всей своей высокой продуктивности, весьма прагматична и технологична и зачастую не учитывает специфику преподавания будущим лингвистам. Она рассчитана на «быстрый» результат, а не на работу с будущим коллегой-филологом, объектом и субъектом многоаспектного процесса обучения русскому языку. Ведь *обучение профессиональной языковой личности*, то есть подготовка будущих русистов (учителей, преподавателей, переводчиков и т.д.) представляется нам гораздо более трудной и ответственной задачей. И в этом случае коммуникативные технологии «натаскивания» оказываются недостаточными. Тем более на уроках по языку специальности – то есть современному русскому языку.

Известно, что ключевую роль в когнитивных процессах играет *эмпатия* – процесс «сопереживания», «вчувствования» в эстетический объект, художественный образ и т.д.. Он вызывает эстетическую реакцию реципиента, эмоционально и интеллектуально воспринимающего этот объект со всеми заложенными в него продуцентом (нарратором, творящим субъектом) «смыслами».

Этот процесс может затрагивать различные ситуации межличностного общения. Кроме того, он может происходить в результате любой интеллектуальной и творческой деятельности, а также в процессе «индивидуального творчества», то есть перцепции литературного, художественного, музыкального и других произведений.

Известный психолог Карл Роджерс подчёркивает: *«Быть в состоянии эмпатии означает воспринимать внутренний мир другого точно, с сохранением эмоциональных и смысловых оттенков. Как будто становишься этим другим, но без потери ощущения "как будто"»* (Роджерс 1984).

В современных психологических исследованиях принято разделять *предикативную, эмоциональную и когнитивную эмпатию*.

Предикативная эмпатия в психологии – это способность человека угадывать реакции другого человека в определённых обстоятельствах. Обладая ею, можно предотвратить ссору, конфликт, какую-либо опасную жизненную ситуацию.

Эмоциональная эмпатия основана на механизмах психологической защиты, проекции и подражании, когда человек воспринимает боль и переживания другого, как свои. По мнению Жюли Реше, эмоциональная эмпатия более статична, так как *«не продуцирует новых состояний, а лишь множит эмоции и дублирует уже существующие состояния»*. В то время как **когнитивная эмпатия**, указывает Реше, предполагает познание нового, расширение мировоззрения и задействование гибкости человеческого мозга: *«Когда человек прилагает усилие, чтобы понять другого, он меняется и преобразовывает свое мировоззрение»* (Реше).

Жюли Реше считает, что обучение также является результатом способности к когнитивной эмпатии: *«Ведь для того, чтобы учиться, необходимо следить за чьим-то ходом мысли и прикладывать усилия, чтобы его понять»* (там же).

Не менее важна когнитивная эмпатия и в процессе усвоения чужого (иностранного) языка, являющегося многоуровневым и многокомпонентным объектом познавательной деятельности человека. Ведь процесс обучения – это всегда результат «сотворчества» обучающего и обучаемого. То есть предрасположенности последнего к когнитивной эмпатии, его умения улавливать рассуждения и объяснения преподавателя, способности вникать в них, реагировать на них, если нужно – задавать вопросы, а в конечном итоге – понимать и усваивать новый материал. И это тем более важно, когда этот обучаемый – твой будущий коллега-филолог.

Наше исследование основывалось, с одной стороны, на изучении психологических закономерностей восприятия неродного языка и **когнитивной эмпатии** как важной категории в современных психологических исследованиях. С другой стороны, теоретической основой исследования послужило учение *о внутренней форме слова* выдающегося отечественного лингвиста, основателя Харьковской лингвистической школы А.А. Потебни и его учеников (Д. Н. Овсяннико-Куликовского, А. Г. Горнфельда, В. И. Харциева, Б. Лезина и др.).

В книге «Мысль и язык» А.А. Потебня указывал на важность «субстанциональности» существительного: а именно на то, что имя существительное как часть речи «первично» по отношению к другим – прилагательному, глаголу и др. Потебня писал: *«Существование прилагательного и глагола возможно только после того, как сознание отделит от более-менее случайных атрибутов то неизменное зерно вещи, ту сущность, субстанцию, то нечто, которое человек думает видеть за сочетанием признаков и которое не дается этим сочетанием»* (Потебня 1989: 135-136).

Это наблюдение представляется важным на этапе отбора лексических единиц, предназначенных для активного усвоения на начальном этапе обучения будущих лингвистов языку специальности. В обязательный «массив» такой лексики должны войти прежде всего существительные, которые являются: во-первых, важными в лексическом аспекте как несущие важную смысловую нагрузку, *ключевыми* для дальнейшего построения всей системы обучения предмету; во-вторых, продуктивными в деривационном смысле, имеющими актуальные корневые морфемы и могущими показать активные словообразовательные парадигмы.

Как это ни парадоксально, но при правильном подходе к обучению русскому как иностранному развитие «шестого чувства» в отношении изучаемого языка становится не только одной из конечных целей обучения, но и его отправной точкой. Причём как для обучаемого, который поначалу может этого и не понимать, так и для преподавателя, который, в отличие от студента, должен подходить к этому вопросу осознанно. Важным подспорьем при этом может стать *метод словообразовательного моделирования*, который при подаче материала, объяснении темы, толковании новой лексики предполагает использование деривационных цепочек (парадигм, схем, таблиц и т.п.), наглядно их иллюстрирующих.

При обучении русскому языку этот метод, с одной стороны, позволяет объяснять учащимся некоторые важные принципы словообразовательной и формообразовательной системы русского языка, а с другой – развивает «языковое чутьё», без которого невозможно изучение неродного языка до уровня осознанного им владения.

С помощью визуализации словообразовательных и морфологических парадигм студенты как бы погружаются в деривационные отношения между лексемами, вникают в лексико-семантические связи, грамматические отношения, самостоятельно выстраивают словообразовательные ряды, цепочки и даже гнёзда, грамматические парадигмы словоизменения разных частей речи и т.д.

Это не только помогает понять вводимый материал, усвоить новую лексику, способы и средства русской морфематики, важные примеры лексического заимствования, но и рождает

ассоциативные связи, весьма продуктивные в будущем. Кроме того, благодаря словообразовательному моделированию у обучаемых развивается понимание системности русского языка, его типологических особенностей и отличий от других языков, в том числе – родного языка обучаемого.

Словообразовательные модели, парадигмы и создаваемые преподавателем *виртуальные схемы* (морфемного деления, слово- и формообразовательные, грамматические, ситуационно-логические и др.) служат не только прекрасным материалом для объяснения деривационных отношений в русской лексике, но и демонстрируют отношения между группами лексем, словообразовательными типами. А также лексико-семантические отношения, грамматические параллели, лексические заимствования и многое другое. Они являются своеобразной «подводкой» к новым темам и хорошим иллюстративным материалом в ходе работы над ними.

С первых же новых слов, вводимых на уроках по языку специальности, учащимся разъясняются деривационные модели; им предлагается самим «угадать», от каких корней образовано то или иное слово, и даже самим составить «новое» слово по существующей модели – по аналогии:

язык|о|зн|ан|ие (образование сложных слов; соединительные гласные **-о-** и **-е-**)

язык|о|вед|ен|ие ← от **ведать** (архаизм) = (синоним) **знать**

лингвистика (от фр. *linguistique* ← лат. *lingua*) → **лингвистический** (метод), **-кая** (наука), **-кое** (исследование), **-кие** (методы)

имя существительное → *существо, сущность, суть*

имя прилагательное → *прилагать = присоединять* → **присоединение** (суф. существительных, образованных от прилагательных **-ение, -ание**, весьма активных в языке науки) и т.д.

имя числительное → *число*;

СКОЛЬКО? (1, 2, 3...) → *количество* → **количественное**

КАКОЙ? (первый, -ая, -ое, -ые; второй, -ая, -ое, -ые; третий...) →

порядок, ряд; по-рядок т.е. «*по рядам*» → **порядковое**

фразео|логия – изучает **фразеологизмы**

лексик|о|логия – **лексику**

? – **термины**

и др. дериваты.

Конечной целью является привитие иностранным учащимся навыков самостоятельного словообразовательного моделирования, развитие их лингвистической эмпатии. В результате чего они начинают осознавать, что русский язык не есть некая *terra incognita*, что его лексико-грамматическая система прозрачна и логична, а также доступна пониманию, восприятию и усвоению. Таким образом, обучение навыкам словообразовательного моделирования на уроках по языку специальности, несомненно, имеет большое значение для развития всесторонней лингвистической компетенции будущих филологов-русистов.

Итак, не вызывает сомнений, что при обучении русскому языку студентов-иностранцев очень важно развивать то самое пресловутое «чувство языка». На практике, в процессе преподавания РКИ будущим филологам (преподавателям, учителям, лингвистам, переводчикам, а также студентам других специальностей гуманитарного цикла), проходящим обучение в Государственном институте русского языка им. А.С. Пушкина, мы воочию убедились в том, что метод словообразовательного моделирования прекрасно «работает» на уроках по языку специальности.

Презентация студентам конкретных примеров (цепочек, парадигм, схем, таблиц и т.д.) в сочетании с использованием при вводе новой лексики и грамматики некоторых важных принципов (объяснение деривационной преемственности; формальной и семантической взаимообусловленности; типологической связанности/подобия и других) даёт хороший результат, ускоряет её усвоение, значительно повышает лингвистическую компетенцию обучаемых.

Кроме того, наше исследование было подкреплено анкетированием по специально составленной форме, а также «полевыми» исследованиями: опросами, непосредственными реальными наблюдениями, собеседованиями с учащимися, обладающими высоким уровнем языковой компетенции (соответствующей уровню C1 и соответствующей или приближающейся к уровню C2). Анкетирование и опросы проводились среди студентов, магистров, аспирантов, переводчиков и преподавателей различных вузов Москвы (РУДН, Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина), а также представителей других городов и стран мира.

Исследования показали, что для развития языковой эмпатии определяющими являются следующие факторы:

«Природный» – наличие у обучаемого изначально заложенных способностей к языкам (из которых немаловажным представляется наличие способностей к запоминанию и «музыкального» слуха), его общее умственное развитие и уровень образованности.

Внутренний, «ситуативный» фактор – мотивация учащегося, его личная персонифицированная установка на непременно овладение неродным языком; более того, «перфектное» им владение, то есть высокая «планка», которую он перед собой ставит.

Внешний фактор – наличие/отсутствие погружённости изучающего иностранный язык (в нашем случае – русский) в языковую среду, а также «качество» этой языковой среды.

Кроме того, немаловажное значение имеет **родной язык** учащегося и его близость (родственность) русскому языку.

Большую роль в процессе овладения русским языком как иностранным также играет **общелингвистическая компетенция** обучаемого – тот фактор, владеет ли он другими, кроме родного, иностранными языками.

Таким образом, обучение будущих филологов-русистов навыкам словообразовательного моделирования на уроках по языку специальности (современному русскому языку), несомненно, является одним из эффективных приёмов обучения и имеет большое значение для развития у них языковой эмпатии. Кроме того, оно также может стать одним из важных (но далеко не единственных) факторов для формирования всесторонней лингвистической компетенции учащихся и развития их «чувства языка».

Список литературы

Пассов Е.И., Кибирева Л.В., Колларова Э. (2007) Концепция коммуникативного иноязычного образования (теория и ее реализация). Санкт-Петербург: Златоуст.

Потебня А.А. (1989) Слово и миф. Москва: Правда.

Реше, Жюли. Об эмоциональной и когнитивной эмпатии

(URL: <https://www.liveinternet.ru/users/light2811/post366053013/>)

Роджерс, Карл. (1984) Эмпатия, Психология эмоций. Москва: МГУ, 235-237.

Федосов В.А. (2011) О коммуникативной методике преподавания РКИ, Русский язык за рубежом, 1, 25-29.

**РЕЗЕРВЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОБУЧЕНИЯ ЛЕКСИКЕ
С УЧЕТОМ ДАННЫХ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ (НА МАТЕРИАЛЕ
УРОКОВ РКИ В ТУРЕЦКОЙ АУДИТОРИИ)**

*Климкина Ольга Игоревна
Стамбульский университет, Турция
chloja@inbox.ru*

**RESERVES TO IMPROVE VOCABULARY LEARNING EFFECTIVENESS
CONSIDERING FINDINGS IN PSYCHOLINGUISTICS (BASED ON THE
LESSONS OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE FOR TURKISH
STUDENTS)**

*Klimkina Olga Igorevna
Istanbul University, Turkey*

АННОТАЦИЯ

В статье автор обращается к истории становления коммуникативно-ориентированного метода обучения иностранному языку. Описываются условия, способствовавшие выделению лексической составляющей в качестве приоритетного компонента языкового обучения. Рассматривается вопрос об объеме лексических минимумов по РКИ. Выясняется целесообразность создания «психолингвистической версии» методической типологии лексики. Поиск оптимальных стратегий освоения лексики иностранного языка ведется с учетом выводов и рекомендаций психолингвистики. Возможные приемы эффективного запоминания русских слов демонстрируются на материале уроков РКИ для носителей турецкого языка.

ABSTRACT

The article refers to the history of the formation of the communication-oriented method of teaching a foreign language. The conditions that contributed to marking out the lexical component as a priority component of language learning are described. Besides, the vocabulary minimums for teaching Russian as a foreign language are discussed. Practicability of establishing a «psycholinguistic version» of methodological vocabulary typology is ascertained. The search of optimal strategies for mastering the vocabulary of a foreign language is conducted taking into account psycholinguistic conclusions and recommendations. Possible methods of effective memorization of Russian words are demonstrated on the basis of the lessons of Russian as a foreign language for native Turkish speakers.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, преподавание русского языка в Турции, лексический подход, психолингвистический аспект, методический аспект.

Keywords: Russian as a foreign language, teaching the Russian language in Turkey, the lexical Approach, psycholinguistic aspect, methodological aspect.

*Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Стамбульского университета № 30044.

Изучение иностранного языка невозможно представить без освоения его лексики и грамматики. Тот факт, что и грамматика, и лексика важны и нужны, никогда не подвергался сомнению, однако желание определить в этой связке «ведущего» и «ведомого», заставляет выдающихся лингвистов и методистов не одно десятилетие подыскивать убедительные доводы и использовать нетривиальные аргументы в надежде прийти к соглашению о приоритетах: лексика против грамматики: что важнее?

«Глокая куздра» Л.В. Щербы призвана продемонстрировать преимущество абстрактных грамматических структур над словом. Придуманная лингвистом фраза-макет с «чучелами» слов, т.е. искусственно сконструированными из несуществующих корней и подлинных русских аффиксов, оказывается интуитивно и понятна, и объяснима. Это служит, по мнению ученого, неоспоримым доказательством второстепенности лексики: «Когда вам придется учиться иностранным языкам, не думайте, что главное – заучить побольше чужих слов. Не это важно. Важнее во много раз понять, как, какими способами, при помощи каких именно суффиксов, приставок, окончаний этот язык образует существительное от глагола, глагол от существительного; как он спрягает свои глаголы, как склоняет имена, как связывает все эти части речи в предложении. Как только вы это уловите, вы овладеете языком. Запоминание же его корней, его словаря – дело важное, но более зависящее от тренировки. Это придет!» (Успенский 1962).

В то же время для Н.И. Жинкина очевидно совсем другое: содержательная информативность грамматической схемы вне ее лексического наполнения сводится к нулю. По мнению ученого, «слова есть имена вещей, явлений, событий, имена всего того, что есть и может быть в действительности. Любая вещь, даже воображаемая, к какой бы области сенсорики она ни относилась, может стать заметной, если имеет имя. Если имя непонятно для слушающего, оно пусто – такого предмета нет» (Жинкин 1982: 67).

Со становлением в конце XX века современной образовательной парадигмы дискуссии о роли лексики и грамматики в обучении языку уделяется особое внимание. Именно в это время языковой педагогией формулируются новые задачи, актуализируются действенные методы преподавания, нащупываются практические подходы, способные обеспечить «построение эффективной модели обучения иностранному языку в условиях межкультурной коммуникации» (Кузьмина, Кавнатская 2001: 116). Это приводит к переориентации всей системы языкового образования с традиционного грамматико-переводного метода на коммуникативный, т.е. направленный, в первую очередь, на овладение языком как средством общения, и в результате к смещению акцента в пользу лексической составляющей

иноязычного образования. Грамматическая конструкция, хотя и открывает возможности для создания множества сходных фраз, не коммуникативна, а, значит, не отвечает главной задаче сегодняшнего иноязычного обучения – учить общению. В то же время даже одно выученное слово обладает несомненной коммуникативной ценностью: в путешествии каждый из нас захватит скорее словарь, нежели учебник грамматики. Именно за счет лексического накопления осуществляется выход в речь на начальном уровне изучения языка. Лексика (безэквивалентные и фоновые слова, фразеологизмы, пословицы) несет основную культурную нагрузку, помогая проникнуть в «мир изучаемого языка» (термин С.Г. Тер-Минасовой), знание которого является залогом результативного «диалога культур». Разлетевшаяся по научным статьям, предисловиям к учебникам и брошюрам, рекламирующим языковые школы, фраза Д.А. Вилкинса: «Не зная грамматики сообщить можно очень мало. Не зная лексики, сообщить нельзя вообще ничего» (Wilkins 1972), по сути, отразила главный посыл новой образовательной стратегии: лексические единицы отныне становятся центральным компонентом обучения.

Вместе с тем само понимание лексической единицы претерпевает определенные коррективы. Теоретик и практик лексического подхода, разработанного специально для нужд коммуникативно-ориентированного обучения, М. Льюис предлагает взглянуть на дихотомию лексика – грамматика более широко, вводя понятие «лексикализованная грамматика» (Lewis 1993). В рамках такого подхода лексическая единица рассматривается вместе со своим окружением. Единичное слово отодвигается на периферию методического интереса, уступая место «типичным комбинациям слов, хранящимся в памяти в готовом виде, а не собираемым пословно по грамматическим правилам» (Горина 2014: 65). Т.е. при обучении языку упор делается на изучение характерных для его носителя сочетаний со стертой (в результате затренированного до автоматизма воспроизведения) грамматической структурой, которая может быть при желании выявлена и проанализирована, но не актуализуется на этапе усвоения. В результате достигается беглость речи и уменьшается количество ошибок, иностранный язык изучается как родной, как «в детстве»: без особых усилий, напряжения и стресса.

Серьезным «подспорьем» для лексического подхода становится появление и развитие корпусной лингвистики. Используя электронные технологии хранения и обработки огромных текстовых массивов, корпусная лингвистика обеспечила доступ к базам высокочастотных фиксированных лексико-грамматических комплексов – минимальным лексическим блокам (так наз. чанкам ‘кускам’), многокомпонентным лексическим цепочкам (так наз. кластерам ‘пучкам’). Отныне для преподавателя становится возможным при отборе лексических единиц

в учебных целях руководствоваться не только собственной языковой интуицией, но и опираться на объективные данные корпусов.

То, что лексический подход закрепился на методической передовой иноязычного образования, следует из слов Б. Зиммера, по мнению которого «лексические блоки вошли в дом обучения языкам и чувствуют себя там, как дома» (Zimmer 2010).

Уверенно заявивший о себе лексический вектор коммуникативно-ориентированного обучения иностранному языку сфокусировал внимание методистов на трудностях, с которыми сопряжено изучение лексики.

Одним из серьезных препятствий к успешному овладению иноязычным словарем является объемность лексического материала. Если изучение грамматики идет по нисходящей (перечень правил конечен), то освоение лексики движется по нарастающей, словарный запас всегда открыт для своего обогащения и усложнения за счет синонимов, архаизмов и неологизмов, заимствований, языковых и авторских метафор, окказионализмов, профессиональных и социальных диалектов, т.е. возможности его совершенствования поистине безграничны. По справедливому замечанию Н.В. Баграмовой, лексика начинает и завершает изучение языка (Баграмова 2005).

Количественные ориентиры овладения иностранцем русским словарём прописаны в Государственном стандарте по русскому языку как иностранному. Лексический минимум элементарного уровня составляет 780 единиц, базового – 1300 единиц, первого сертификационного – 2300 единиц, второго – 10000 единиц (в активном использовании 6000), третьего – 12000 единиц (в активном использовании 7000). Однако эти цифры условны: в рамках лексического подхода с увеличением лексической единицы от слова до словосочетания соответственно увеличиваются и объемы «актива» и «пассива».

Наивысший четвертый сертификационный уровень требует владения лексикой на уровне, необходимом и достаточном как для понимания художественных аутентичных текстов, так и для адекватного восприятия / продуцирования живой разговорной речи, т.е. близком к уровню носителя языка. При этом учеными отмечается, что словарный запас носителя языка в диахронии демонстрирует тенденцию к возрастанию. В четырехтомном «Словаре языка Пушкина» (М., 2000) – 21 330 слов. Согласно же последним экспериментальным исследованиям, для адекватного понимания усредненного текста среднестатистическому носителю русского языка потребуется от 26 до 42 тысяч слов (Головин 2015: 157).

Количество слов, которые необходимо освоить иностранцу за полтора часа занятий, варьируется от 15 до 25 слов активного словаря (Акишина, Каган 2005: 150). Однако

очевидно, что овладение лексической базой проходит под общим девизом «чем больше, тем лучше» и трудновыполнимо вне дифференцированного подхода к лексике. Методическим ориентиром в системной работе над словарем становится типология лексики, основанная на разграничении типов слов с учетом тех трудностей, которые они вызывают при усвоении.

Стремление не только обеспечить, но и в разы повысить эффективность освоения лексического материала приводит к появлению «психолингвистической версии» методической типологии лексики, учитывающей особенности речевой деятельности обучаемых по усвоению разных типов слов. Подобная типология не может быть создана без прояснения «механизмов овладения и оперирования иноязычным словом, ибо только на этой основе можно обеспечить адекватную особенностям материала и целям работы над ним организацию деятельности по усвоению лексики» (Залевская 1971: 57).

Результаты психолингвистических исследований по выявлению особенностей организации ментального лексикона человека, представленные в экспериментальных работах А.А. Залевской, позволяют сделать ряд выводов относительно специфики воспроизведения, а тем самым и хранения в памяти, слов иностранного языка.

Важным фактором, влияющим на запоминание и дальнейшее воспроизведение иноязычного слова, является количество ассоциативных связей, которые это слово или его компоненты поддерживают: «В процессе вспоминания актуализация в памяти двух или более координированных элементов активизирует некоторую внутреннюю структуру, благодаря чему увеличивается вероятность вспоминания и других элементов» (Залевская 1990: 97). Чем выше ассоциативная сила новой единицы, чем больше ассоциаций она вызывает, тем надежнее ее запоминание и устойчивее воспроизведение.

Важным параметром, определяющим направление поиска иноязычного слова в памяти при воспроизведении, являются его фонетико-графические ассоциации: «слова более активно группируются по их формальным признакам – по созвучию или по правилам чтения, иногда – по первой букве (или звуку)» (Залевская 1990: 90). Общность по звуковой и / или графической форме может сочетаться или не сочетаться с общностью значения исходного слова и ассоциата, а сходство звуковой или графической формы слов может быть более или менее полным или весьма относительным: даже совпадение начальных элементов звуковых или графических образов слов служит «мостиком» для обращения к слову, которое необходимо вспомнить.

Важным переходом внутри ассоциативной сети является переход от связи слов по созвучию или по общности грамматической формы к семантической связи или связи, обусловленной речевым навыком.

Таким образом, можно предположить, что если одновременно с введением новой вербальной единицы будут предложены ассоциативные опоры (в первую очередь, графические и акустические) для ее запоминания, то это ускорит запечатление звукового и графического образа слова, обеспечит введение его в долговременную память и упрочит хранение, упростит поиск и воспроизведение.

Рассмотрим, какие опоры для реализации стратегий ассоциирования и опознания новых слов могут быть использованы при обучении русской лексике в турецкой аудитории.

Опора на морфемный компонент.

В процессе изучения слов следует обратить внимание на **знакомые корни**. Заимствования из тюркских языков в течение многих веков пополняли пласт русской общеупотребительной лексики, входили в социальные диалекты, разнообразили массив онимов, обогащали фразеологию, в конце концов, многие из тюркизмов «обрусели» – утратили явное сходство с языком-источником в результате фонетической или морфологической адаптации, смыслового переосмысления. Правильно «увиденный» и «услышанный» корень способен обеспечить устойчивую поддержку в запоминании русского слова со стороны родного. Например:

РУССКИЙ ЯЗЫК		ТУРЕЦКИЙ ЯЗЫК	
<i>аджика</i>	‘острая приправа’	<i>acı</i>	‘острый’
<i>барыш</i>	разг. ‘прибыль’	<i>barış</i>	‘мир, примирение’
<i>балбес,</i> <i>ни бельмеса</i>	‘бестолковый человек’, ‘совершенно ничего’, о незнании языка, о некомпетентности в каком-либо вопросе	<i>bilmek</i>	‘знать’
<i>баш на баш</i>	о равноценном обмене, буквально <i>голову за голову</i> , первоначально из речи торговцев скотом	<i>baş</i>	‘голова’
<i>вьюк</i>	‘ноша животного’	<i>jük</i>	‘груз’
<i>кайф</i>	жарг. ‘удовольствие’	<i>keyif</i>	‘веселье’
<i>Карадаг</i>	гора в Крыму	<i>kara, dağ</i>	‘черный’ и ‘гора’
<i>карандаш</i>	‘инструмент для письма, рисования’	<i>karataş</i>	‘черный камень’
<i>карга</i>	злая ведьма, старуха	<i>karga</i>	‘ворона’
<i>ковшик</i>	‘емкость с ручкой для зачерпывания чего-либо’	<i>kaşık</i>	‘ложка’
<i>кореш</i>	жарг. ‘друг’	<i>görüştük</i>	‘встретаться’
<i>кулак</i>	‘кисть руки со сжатыми пальцами’	<i>kol</i>	‘рука’
<i>курага</i>	‘сушеные абрикосы’	<i>kuru</i>	‘сухой’
<i>пирог</i>	‘хлеб с начинкой’	<i>börek</i>	‘пирог’
<i>Руслан</i>	мужское имя	<i>aslan</i>	‘лев’

тормоз	‘прибор для остановки движения’	<i>durmaz</i>	‘не останавливаться’
Тузла	остров в Азовском море	<i>tuzlu</i>	‘с солью, соленый’
тюльпан	‘цветок в форме колпачка’	<i>türban</i>	‘тюрбан’
утюг	‘прибор для глаженья белья’	<i>ütü</i>	‘утюг’
черемша	‘дикорастущий лук’	<i>sarımsak</i>	‘чеснок’
чохом	‘оптом, всё вместе’	<i>çok</i>	‘много’
шашлык	‘мясо на вертеле’	<i>şiş</i>	‘вертел’

Опора на одинаковый звуко-буквенный комплекс.

Для запоминания новых слов могут быть привлечены *межъязыковые явления омонимичного характера*. Формальная (полная или частичная) идентичность слов иностранного и родного языков сокращает алгоритм запоминания на одну трудоемкую операцию – усвоение фонетико-графического облика новой вербальной единицы. Русский и турецкий языки не являются родственными, поэтому большая часть межъязыковых омонимов в них случайного происхождения. Графическое соответствие омонимичных слов относительно в силу того, что этими языками используются разные алфавиты – кириллица и латиница. Для носителей русского и турецкого языков также характерна глубоко различная языковая ментальность. Все это служит естественным барьером в использовании «ложных друзей переводчика», замедляет интерференцию родного языка по линии омонимии. При этом новое значение легко «привязывается» к знакомой форме.

Домыслы «народной этимологии» по поводу причин совпадений, имеющих место в двух языках: «Любителю ничего не стоит сочинить какую-нибудь сказку о том, как возникло турецкое слово *durak*, например: «Это турки взяли русское слово дурак, а поскольку дурак – это остановка ума, то у них оно стало значить ‘остановка’» (Зализняк 2010: 30-31), не выдерживают критики с научной точки зрения, однако достаточно результативны в качестве «подсказки» для запоминания значений омонимов: *Дурак говорит без остановки*. Например:

РУССКИЙ ЯЗЫК

<i>бал</i>	‘танцевальный вечер’
<i>баян</i>	‘музыкальный инструмент’
<i>бекар</i>	‘музыкальный знак’
<i>белкі</i>	‘прозрачная часть яйца’, мн. ч.
<i>битки</i>	‘блюдо из мяса’, мн. ч.
<i>дар</i>	‘подарок’
<i>дон</i>	‘звон, издаваемый колоколом’
<i>Кіра</i>	женское имя
<i>компост</i>	‘органическое удобрение’
<i>кулак</i>	‘кисть руки’
<i>кум</i>	‘крестный отец’
<i>лапа</i>	‘нога животного’
<i>ложь</i>	‘обман’

ТУРЕЦКИЙ ЯЗЫК

<i>bal</i>	[бал]	‘мед’
<i> bayan</i>	[байán]	‘женщина’
<i> bekar</i>	[бекáр]	‘холостой’
<i> belki</i>	[белкú]	‘возможно’
<i> bitki</i>	[биткú]	‘растение’
<i> dar</i>	[дар]	‘узкий’
<i> don</i>	[дон]	‘мороз’
<i> kirá</i>	[кирá]	‘аренда’
<i> komposto</i>	[кампóсто]	‘компот’
<i> kulak</i>	[кулáк]	‘ухо’
<i> kum</i>	[кум]	‘песок’
<i> lapá</i>	[лапá]	‘каша’
<i> loş</i>	[лош]	‘темный’

<i>он</i>	местоимение 3-его лица	<i>on</i>	[он]	‘10’
<i>пора́</i>	‘время, период’	<i>pará</i>	[пара́]	‘деньги’
<i>па́ра</i>	‘два вместе’			
<i>серьги́</i>	‘ушное украшение’, Р. п. ед. ч.	<i>sergí</i>	[сергú]	‘выставка’
<i>сарай</i>	‘рабочее строение’	<i>saray</i>	[сарáй]	‘дворец’
<i>спор</i>	‘острая дискуссия’	<i>spor</i>	[спор]	‘спорт’
<i>сыр</i>	‘продукт из молока’	<i>sır</i>	[сыр]	‘секрет, загадка’
<i>табак</i>	‘растение’	<i>tabak</i>	[таба́к]	‘тарелка’
<i>туман</i>	‘непрозрачный воздух’	<i>tuman</i>	[тума́н]	‘панталоны’
<i>уйду</i>	‘уходить’, 1 л., ед.ч., буд. время	<i>uydu</i>	[уйду́]	‘спутник’
<i>я ваш</i>	фраза	<i>yavaş</i>	[йаваш]	‘медленно’
<i>язык</i>	‘орган речи’	<i>yazık</i>	[йазы́к]	‘жаль’
<i>Яша</i>	мужское имя, краткое	<i>Yaşá!</i>	[йаша́]	‘Да здравствует!’

Опора на прагматический компонент.

Активнее происходит запоминание омонимов, которые конфликтны по смыслу со своим иноязычным «партнером», обладают в одном из языков (родном или изучаемом) яркими эмоциональными впечатлениями и оценками, например, коннотацией табуированных форм. Нейтральные русские слова и фразы, созвучные комплексам, произношению которых в турецком языке недопустимо с точки зрения приличия и морали, усваиваются с той быстротой и легкостью, с какой запоминается любой элемент речевого озорства, ставшего возможным под маской языка-«иностранца». В целях предупреждения межкультурных конфликтов и недопонимания этой группе омонимов всегда уделяется особое внимание.

Для русского и турецкого языков подобными неблагозвучиями с точки зрения прагматических канонов одного из языков будут следующие примеры.

Прагматическая асимметрия межъязыковых омонимов

РУССКИЙ ЯЗЫК

<i>бок</i>	‘правая или левая сторона тела’
<i>дурак</i>	‘глупец’
<i>хам</i>	‘грубиян’
<i>топ</i>	‘женская кофта без рукавов’
<i>бардак</i>	‘беспорядок’
<i>панель</i>	‘о занятии проституцией’
<i>Я рак</i>	‘о своем знаке по гороскопу’
<i>пись-пись</i>	говорят русским детям в целях стимулирования их мочеиспускания

ТУРЕЦКИЙ ЯЗЫК

<i>bok</i>	‘дерьмо’
<i>durak</i>	‘остановка’
<i>ham</i>	‘неспелый’
<i>top</i>	жарг. ‘голубой’
<i>bardak</i>	‘стакан’
<i>panel</i>	‘круглый стол’
<i>arak</i>	ненормативная лексема
<i>pis pis</i>	‘говорят турецким кошкам, подзывая их, кис-кис’

Опора на схожий звуко-буквенный комплекс. **

Запоминание новых слов также можно форсировать с помощью **фонетических «ключей»**, которые вызывают эффект «переключения» на нужное слово. Привлекаться могут

ассоциации по сходству звуко-буквенного комплекса как со словом изучаемого языка, так и родного.

Следует упомянуть тот любопытный факт, что первый опыт сопоставления русских слов со словами восточных языков на основе их случайного звукового совпадения имел место в русской литературной журналистике XVIII века. На этом принципе основаны толкования арабских, персидских, турецких и татарских слов, предложенные автором сатирического журнала «Поденщина, или Ежедневные издания 1769 года» Василием Тузовым.

Эффективность изучения лексики (в том числе и такого трудного для иностранцев языка, как русский) с помощью фонетических ассоциаций была в свое время доказана серией экспериментов Р.Ч. Аткинсона и представлена научному сообществу как «метод ключевых слов» (Atkinson, Raugh 1974). Иностранное слово предлагается запоминать с помощью двух «ссылок» – на созвучие-ключ, подобранный в родном языке, и перевод. И то, и другое для удобства можно объединить в одном мини-сюжете. Хорошо известно, что лучше всего запоминается индивидуализированный материал, отобранный в соответствии с собственными «аппетитом, инстинктом, интересами, идеями» (Bartlett 1932). Поэтому стимулировать запоминание простейших фабул рекомендуется с помощью приемов оживления – визуализации сюжета, автобиографичности – дневникового характера сюжета, вхождения в образ – проживания сюжета, соощущений – переживания сюжета (Матюгин 2007: 8-11).

В качестве исходного материала для подбора фонетических ассоциаций была выбрана тематическая группа из учебника «Rusça konuşuyoruz (Говорим по-русски)» Т. Кирилловой, З.Б. Озер (Стамбул, 2006), в котором в каждой из разговорных тем лексика представлена как автономный компонент. Далее приводятся «ключи», предложенные студентами 1-4 курса Стамбульского университета для запоминания русских слов.

Тематическая группа: «Посуда. Кухонная утварь»

РУССКАЯ ЛЕКСИКА	ФОНЕТИЧЕСКИЙ «КЛЮЧ»	ЗНАЧЕНИЕ «КЛЮЧА»	ПЕРЕВОД НА ТУРЕЦКИЙ ЯЗЫК
<i>посуда</i>	<i>Asude</i>	Асуде, турецкое женское имя	‘kap kacak’
<i>кастрюля</i>	<i>pasaklı kostüm</i>	‘неряха’ ‘костюм’	‘tencere’
<i>сковородка</i>	<i>Castrol</i>	марка автомобильного масла	‘tava’
<i>чайник</i>	<i>votka</i>	‘водка’	‘çaydanlık’
<i>заварник</i>	<i>soda ve votka</i>	‘водка с содовой’	‘demlik’
<i>солонка</i>	<i>çaydanlık</i>	‘чайник’	‘tuzluk’
	<i>zavallı</i>	‘несчастный’	
	<i>davar</i>	‘стадо’	
	<i>salon</i>	‘зал’	

	<i>salonda</i>	‘в салоне’	
перечница	<i>pirinç</i>	‘рис’	‘biberlik’
	<i>perçem</i>	‘челка’	
сахарница	<i>Sahra</i>	Сахара	‘şekerlik’
	<i>Sahalin</i>	Сахалин	
	<i>sakar</i>	‘неуклюжий’	
миска	<i>misket</i>	‘шарик’	‘çanak’
	<i>Minsk</i>	Минск	
	<i>muska</i>	‘амулет’	
тарелка	<i>tarak</i>	‘расческа’	‘tabak’
блюдец	<i>bluz</i>	‘блузка’	‘bardak tabağı’
	<i>bütçe</i>	‘бюджет’	
чашка	<i>başka</i>	‘другой’	‘fincan’
	<i>aşka</i>	‘в любовь’	
стакан	<i>Atakan</i>	Атакан, турецкое мужское имя	‘bardak’
	<i>hakan</i>	‘властелин’	
	<i>bakan</i>	‘министр’	
подстаканник	<i>hastalandık</i>	‘мы заболели’	‘bardak altlığı’
ложка	<i>loş</i>	‘темный’	‘kaşık’
вилка	<i>Milka</i>	Милка, бренд шоколада	‘çatal’
	<i>villa</i>	‘вилла’	
нож	<i>boş</i>	‘пустой’	‘bıçak’
	<i>koş</i>	‘бег’	
	<i>ruj</i>	‘помада’	
половник	<i>poliklinik</i>	‘поликлиника’	‘kerçe’
	<i>apolet</i>	‘эполеты’	
поднос	<i>Patnos</i>	город в Турции	‘tepsi’
противень	<i>protein</i>	‘протеин’	‘fırın tepsi’
	<i>pratik</i>	‘практика’	
скалка	<i>sakal</i>	‘борода’	‘oklava’
	<i>skala</i>	‘гамма’	
	<i>kalkan</i>	‘камбала’	
скатерть	<i>sakat</i>	‘инвалид’	‘masa örtüsü’
	<i>sakatat</i>	‘потроха’	
	<i>Katerine</i>	Катерина, русское женское имя	
салфетка	<i>selfie</i>	‘селфи’	‘peçete’
	<i>saf</i>	‘наивный, чистый’	
	<i>kalfa</i>	‘подмастерье’	

Наряду со звуко-буквенными параллелями родного языка (для студентов первого курса) актуальными для старшекурсников являются ассоциации со схожими словами русского языка: *половник* – *полковник*, *скатерть* – *Катерина*, *сковородка* – *водка*, *сахар* – *Сахалин*, *миска* – *Минск*.

Составление сюжета для одновременного запоминания фонетического «ключа» и перевода может осуществляться по следующим моделям.

РУССКОЕ СЛОВО	ТУРЕЦКИЙ «КЛЮЧ»	ПЕРЕВОД НА ТУРЕЦКИЙ ЯЗЫК	СЮЖЕТ
<i>каша</i>	<i>kaşık</i> ‘ложка’	‘lapa’	<i>Rus lapası Türk kaşığı ile yenilebilir.</i> Русскую кашу можно есть турецкой ложкой.
<i>щи</i>	<i>aşçı</i> ‘повар’	‘Şçi Çorbası’	<i>Aşçı Şçi çorbası pişiriyor.</i> Повар варит щи.
<i>борщ</i>	<i>borç</i> ‘долг’	‘borşç’	<i>Dilenci borç karşılığında borşç çorbası yiyor.</i> Нищий ест борщ в долг.
<i>посуда</i>	<i>pasaklı</i> ‘неряха’	‘kap kacak’	<i>Pasaklı kap kacak yıkamaz.</i> Неряха не моет посуду.
<i>чашка</i>	<i>başka</i> ‘другой’	‘fincan’	<i>Başka kimse bir fincan çay ister mi?</i> Кто-то еще хочет чашку чаю?
<i>солонка</i>	<i>salonda</i> ‘в салоне’	‘tuzluk’	<i>Tuzluk salondaki masanın üzerinde duruyor.</i> Солонка стоит на столе в салоне.
<i>скатерть</i>	<i>Katerine</i>	‘masa örtüsü’	<i>Katerine masa örtüsünü seriyor.</i> Катерина кладет на стол скатерть.
<i>салфетка</i>	<i>saf</i> ‘чистый’ (о драгоценном камне)	‘peçete’	<i>Kuyumcu saf elması peçete ile parlatıyor.</i> Ювелир полирует салфеткой чистый алмаз.

Опора на знакомый контекст.

Для запоминания иностранной лексики крайне важна связь вербальных единиц, обусловленная *речевым навыком*. Высокий результат воспроизведения показывают слова, усвоенные в составе устойчивых выражений, источником которых, в первую очередь, служит русский речевой этикет. Стереотипность, формульность, высокая частотность употребления делает «фразы к случаю» идеальным контекстом для запоминания слова. На принципе контекстного изучения лексики основано учебное издание «Этикетные формулы русской речи для говорящих на турецком языке: элементарный уровень» (Klimkina, Zaripova Çetin 2015). Пример включения слова *пора* в этикетные речевые образцы.

Что говорят русские, когда говорят «Порá!»

– *Мне пора! До свидания!* ►

◄ Говорят русские, желая предупредить собеседника, что они не могут продолжать разговор или что им надо идти.

Ruslar, artık sohbete devam edemeyeceklerini veya gitmek zorunda olduklarını bildirmek için böyle derler.

- *Пора, мой друг, пора!* ► ◀ Говорят русские шутливо, чтобы поторопить собеседника.
(А.С. Пушкин) Ruslar, karşıdaki insanı acele ettirmek için şaka yaparak böyle derler.
- *Пора, красавица, проснись!* ► ◀ Говорят русские шутливо, призывая собеседника к активному действию.
(А.С. Пушкин) Ruslar, karşıdaki insanı harekete geçirmek için şaka yaparak böyle derler.
- *Пора и честь знать!* ► ◀ Говорят русские, когда чувствуют, что визит в гости затянулся, и настало время уйти, чтобы дать хозяевам дома отдохнуть.
(Пословица) Ruslar, misafirde fazla kaldıklarını ve artık ev sahiplerine dinlenme imkanı vermek için gitme zamanı geldiğini düşününce, bu Rus atasözünü kullanırlar.

Ассоциации присутствуют на уроке всегда, особенно в трудных для запоминания случаях, однако не всегда обращение к ним происходит осознанно и регулярно. Задача преподавателя сделать этот процесс контролируемым и управляемым.

Опыт работы в различных турецких аудиториях показал, что применение стратегий ассоциирования позволяет обнаружить и мобилизовать резервы повышения эффективности запоминания, является важным условием оптимизации всего процесса обучения лексике и фактором успешного накопления лексического запаса.

Список литературы

- Акишина А.А., Каган О.Е. (2005): Учимся учить: Для преподавателя русского языка как иностранного. Москва: Русский язык. Курсы.
- Баграмова Н.В. (2005): Лингводидактические основы обучения второму иностранному языку. Санкт-Петербург: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена.
- Головин Г.В. (2015): Измерение пассивного словарного запаса русского языка, Социо- и психолингвистические исследования, 3, 148-159.
- Горина О.Г. (2014): Использование технологий корпусной лингвистики для развития лексических навыков студентов-регионоведов в профессионально-ориентированном общении на английском языке. Москва: МГУ им. Ломоносова.

Государственный стандарт по русскому языку как иностранному (2001). Москва, Санкт-Петербург: Златоуст.

Жинкин Н.И. (1982): Речь как проводник информации. Москва: Наука.

Залевская А.А. (1971): Некоторые проблемы подготовки ассоциативного эксперимента и обработки его результатов, Экспериментальные исследования в области лексики и фонетики. Калинин: Изд-во КГУ, 3-119.

Залевская А.А. (1990): Слово в лексиконе человека: Психолингвистическое исследование. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та.

Зализняк А.А. (2010): Из заметок о любительской лингвистике. Москва: «Русский мир», «Московские учебники».

Кузьмина Л. Г., Кавнатская Е. В. (2001): Современные культуроведческие подходы к обучению иностранным языкам, Вестник Воронежского государственного университета, 2, 108-117.

Матюгин И.Ю. (2007): Как запоминать английские слова. Москва: РИПОЛ классик.

Успенский Л.В. (1962): Слово о словах. Ленинград: Лениздат.
URL: http://lib.ru/PROZA/USPENSKIJ_L/slovo.txt_with-big-pictures.html#67 (дата обращения 17.01.2018)

References

Atkinson R.C., Raugh M.R. (1974): An Application of the Mnemonic Keyword Method to the Acquisition of a Russian Vocabulary. Technical Report № 237. Psychology and Education Series. Institute for Mathematical Studies in the Social Sciences, Stanford University. Stanford, California: NTIS. URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/833e/d36c68e4a76731fbea5fdc103033d707f683.pdf> (дата обращения 18.01.2018).

Bartlett F.C. (1932): Remembering: A Study in Experimental Social Psychology. Cambridge: Cambridge Univ. Press. URL: <http://www.bartlett.psychol.cam.ac.uk/RememberingBook.htm> (дата обращения 15.01.2018)

Klimkina O.I., Zaripova Çetin Ç. (2015): Rusça Konuşmanın Etik Formları. Türkçe Konuşan Türk Öğrencilere Yönelik Rus Dili Ders Kitabı. Basit Seviye. Ankara: Kültür Ajans Tanıtım ve Organizasyon Ltd.

Lewis M. (1993): The Lexical Approach: The state of ELT and a Way Forward. Hove / England: Language Teaching Publications.

Wilkins D.A. (1972): Linguistics in Language Teaching. London: Edward Arnold.

Zimmer В. (2010): Chunking, The New York Times Magazine. 19.09.2010.
URL: <http://www.nytimes.com/2010/09/19/magazine/19FOB-OnLanguage-Zimmer.html> (дата обращения 15.01.2018).

**СПЕЦИФИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОЙ
КОММУНИКАЦИИ ИНОСТРАННЫХ ВЫПУСКНИКОВ
ЭКОНОМИЧЕСКИХ ВУЗОВ РФ**

Клобукова Любовь Павловна
МГУ имени М.В.Ломоносова, Россия
klobukov@list.ru

Нестерская Лия Александровна
МГУ имени М.В.Ломоносова, Россия
lianel@yandex.ru

Норейко Лариса Николаевна
МГУ имени М.В.Ломоносова, Россия
nor-larisa@yandex.ru

**SPECIFICITY OF PROFESSIONAL COMMUNICATION OF FOREIGN
GRADUATING STUDENTS OF ECONOMIC FACULTIES IN RUSSIA**

Lyubov Klobukova
Lomonosov Moscow State University, Russia

Liya Nesterskaya
Lomonosov Moscow State University, Russia

Larisa Noreyko
Lomonosov Moscow State University, Russia

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена актуальным проблемам обучения русскому языку как средству профессионального общения иностранных учащихся экономического профиля. В статье охарактеризованы текстовые материалы и ситуации общения, которые позволяют методически эффективно организовать учебный процесс, приближенный к будущей реальной профессиональной деятельности иностранных выпускников, что соответствует важным принципам личностно-деятельностного подхода в обучении.

ABSTRACT

This article focuses on problems of teaching professional communication in Russian for foreign students of economic faculties. The authors state that professionally oriented teaching meet communicative needs of graduating students and makes the academic process closer to their real professional activity in future. It meets the main principles of learner-centered approach.

Ключевые слова: профессиональное общение, профессионально ориентированное обучение, личностно-деятельностный подход к обучению, коммуникативная компетенция, коммуникативные потребности учащихся

Keywords: professional communication, professionally oriented teaching, communicative competence, student-centered approach, communicative needs of graduating students.

Качество профессиональной коммуникации иностранных выпускников экономических вузов Российской Федерации формируется в процессе обучения студентов русскому языку как средству получения специальности и средству профессионального общения. В настоящее время востребованным является подход, предполагающий обучение русскому языку как иностранному (РКИ) с ориентацией на три важные для учащихся сферы деятельности: учебную, научную и собственно профессиональную. Для каждой из названных сфер актуален свой набор ситуаций общения и социо-коммуникативных ролей, коммуникативных задач и способов достижения заданных коммуникативных целей. Подчеркнем при этом, что в последние годы профессиональная сфера занимает все более заметное место в академической сетке часов, а учебный процесс в целом приобретает четко выраженную прагматическую, профессиональную направленность, что соответствует потребностям будущих специалистов в сфере экономики и бизнеса, участников рынка труда.

Сегодня конечная цель обучения РКИ формулируется как достижение заданного уровня коммуникативной компетенции, который определяется на основе выявленных коммуникативных потребностей выпускников той или иной специальности (Битехтина, Клобукова 1986). Такой подход позволяет обучать студентов осуществлению конкретной речевой деятельности в будущем через соответствующую организацию его учебной работы в момент обучения.

В соответствии с этим в учебный процесс вводятся актуальные для члена трудового коллектива виды речевого общения, которые до сих пор, как правило, не включались в содержание соответствующих средств обучения. Такого рода материалы позволяют решать целый комплекс учебных задач по формированию профессиональной языковой личности.

Как реализуются поставленные методические задачи? Важным является создание адекватной языковой, речевой и собственно коммуникативной базы для будущей самостоятельной рецептивной и продуктивной профессионально ориентированной речевой деятельности иностранного студента. В этих целях:

- выделяются актуальные ситуации профессионального общения и соотносятся с видами и формами речевой деятельности;

- определяются социо-коммуникативные роли коммуникантов и их языковое содержание;
- уточняется объем предметного компонента планируемой коммуникативной компетенции учащихся;
- формируется аутентичная текстотека, адекватная реальным ситуациям профессионального общения.

Следует подчеркнуть, что актуальный аутентичный текстовый материал имеет определяющее значение в создании современных профессионально-ориентированных средств обучения РКИ. Текстотека включает как письменные, так и устные (монологические, диалогические и полилогические) тексты разных жанров с четко выраженным набором реализуемых коммуникативных задач (Клобукова, Нестерская, Норейко 2011). Различные типы текстов (в том числе материалы специальных печатных и электронных изданий) позволяют обучать иностранных учащихся эффективно применять полученные в ходе учебного процесса знания, навыки и умения на практике, а также ориентироваться в современном состоянии и тенденциях развития региональной и мировой экономики.

Стремясь определить цели профессионально ориентированного обучения русскому языку иностранных учащихся экономического профиля на завершающем этапе их обучения, авторы предлагаемой методики проанализировали речевое поведение выпускников экономических вузов и факультетов РФ в профессиональной сфере общения, которая стала для них актуальной после завершения обучения в вузе. Данное решение было принято в соответствии с требованиями личностно-деятельностного подхода в преподавании РКИ, который предполагает, в частности, такую организацию учебной работы в процессе обучения, которая ориентирована на будущую профессиональную деятельность (Зимняя 1985: 49). Подчеркнем, что это полностью соответствует ожиданиям иностранных учащихся экономического профиля, которые воспринимают русский язык не только как средство получения специальности, но и как инструмент, который необходим им для эффективной профессиональной деятельности на российском рынке в будущем.

Изучение коммуникативных потребностей выпускников экономических факультетов дает возможность установить, что в профессиональной сфере значительное место занимают диалогические и полилогические формы делового общения. В частности, весьма актуальными для сотрудников компаний являются такие виды профессиональной коммуникации, как официальные/неофициальные встречи с другими специалистами (партнерами по бизнесу, клиентами), рабочие совещания, тренинги, участие в которых предполагает наличие широкого спектра развитых профессиональных речевых навыков и умений, гибких стратегий и тактик

общения. В то же время данные речевые жанры, как правило, не включаются в текстотеку учебных пособий по языку специальности. Однако такого рода тексты позволяют успешно решать целый комплекс учебных задач по формированию профессиональной языковой личности.

Прежде всего, необходимо отметить, что эти формы общения всегда направлены на решение той или иной профессионально значимой проблемы, на достижение определенной коммуникативной цели, поэтому процесс обучения РКИ на их основе естественным образом приобретает ярко выраженный деятельностный характер. Учащиеся получают возможность овладеть стратегиями и тактиками делового общения, осваивают различные способы речевого взаимодействия с коллегами, партнерами и клиентами, учатся «слышать» собеседника, вступать в общение в нужное время с конкретными целями, используя соответствующие языковые средства. Занятие в данном случае ориентировано на использование языка с целью обмена мыслями и решения коммуникативных задач. Для этого первостепенное значение имеет создание у изучающих русский язык потребности в общении и усвоении с его помощью профессионально значимой информации.

Так, например, в процессе обучения учащимся предлагается аналитическая работа, в ходе которой они осваивают структуру и языковое оформление актуального для них диалогического или полилогического профессионального дискурса. В заданиях, как правило, ставится коммуникативная задача, даются структурные опоры и языковые средства для ее решения. Приведем пример подобного комплексного задания, демонстрирующего такую организацию учебного материала.

Задание А. Вам с коллегами необходимо обсудить стратегию вашей компании на рынке. Познакомьтесь с таблицей, в которой представлены этапы обсуждения проблемы и необходимые для этого языковые средства.

Задание Б. Примите участие в обсуждении стратегии вашей компании на российском рынке, используя материал таблицы.

Как отмечалась выше, весьма эффективным является включение в учебные пособия аутентичных материалов авторитетных периодических экономических изданий. Современный специалист должен уметь работать с материалами такого рода: извлекать для себя полезную информацию, интерпретировать ее и применять полученные знания, создавая своё собственное речевое произведение, адекватное ситуации общения. Все многообразие текстов, которые порождают учащиеся в процессе такой работы можно представить в виде следующей классификации:

- тексты информативно-оценочного характера, которые учащиеся создают на основании прочитанного материала;

- тексты-интерпретации (как выражение точки зрения) и тексты-аргументации (подобные типы текстов порождаются, как правило, в ходе коллективного обсуждения проблемы, в процессе дискуссии);

- тексты как поиск решения поставленной проблемы (такие тексты характерны, в частности, для деловых игр);

- тексты-прогнозы (создаются в процессе работы с материалами прессы, посвященными новым тенденциям в развитии бизнеса и экономики).

Необходимо подчеркнуть, что все ситуации и темы общения, а также социо-коммуникативные роли, включаемые методистом в содержание обучения, отражают реальную профессиональную практику в области экономической деятельности. В соответствии с этим в ходе учебного процесса студенты учатся решать разноплановые и актуальные задачи: они могут проанализировать сильные и слабые стороны компании, определить стратегию и миссию предприятия, разработать бизнес-план, создать бренд, принять маркетинговое решение в кризисной для предприятия ситуации, определить способы оптимального распределения доходов предприятия и др.

При таком подходе к обучению профессиональному общению свою специфику обретает понятие *«предметная компетенция»* (или *«предметный компонент коммуникативной компетенции»*), которое сегодня активно используется в теории и практике преподавания РКИ (Клобукова 2003; Лазарева 2013). Предметная компетенция включает не только системные знания теоретических основ дисциплины, но и умения применять эти знания на практике, ориентироваться в современном состоянии экономики, определять тенденции развития бизнеса.

Текстотека учебного пособия в данном случае несет важную смысловую нагрузку. Материалы для изучения, как правило, имеют полемический характер и призваны стимулировать профессиональный интерес учащихся, давать необходимую информацию для развития предметной компетенции учащихся и их профессионального кругозора.

Кроме того, как уже упоминалось, текстовый материал должен отражать все многообразие профессиональных контактов в сфере бизнеса и демонстрировать их интерактивный потенциал (общение с руководителями, клиентами, коллегами, партнерами).

Специфика подобных текстов заключается в том, что традиционно внимание преподавателей РКИ было направлено на устные и письменные жанры текстов, актуальных для учебной и научной сфер деятельности учащихся. Таким жанрами являются конспекты и

рефераты, выступление на семинаре и научный доклад, в редких случаях – научная дискуссия. Однако работа именно с такими жанрами устного делового общения, как рабочие совещания, профессиональные тренинги и семинары, чрезвычайно актуальна для иностранных учащихся, она обеспечивает высокую мотивацию, поддерживает у них стабильный интерес к практическим занятиям по русскому языку даже на завершающем этапе обучения. Знакомство учащихся с актуальными для них жанрами устного профессионального дискурса и его особенностями необходимо для дальнейшей профессиональной коммуникации выпускников.

В то же время не следует забывать и о частотных письменных жанрах профессионального дискурса. Практика реальной коммуникации в профессиональной сфере деятельности такова, что устные формы речи часто являются стимулом для письменных форм и наоборот, и это, разумеется, находит отражение в системе обучающих заданий. В качестве примера можно привести такую ситуацию, когда устное обсуждение бизнес-плана нужно представить в виде письменного отчета, а результаты экспертного анализа работы предприятия изложить в виде резюме.

С другой стороны, материалы письменных источников нередко служат базой для устных сообщений. Так, например, письменный отчет может стать основой для устного профессионального общения коллег, а информация прочитанной статьи может лечь в основу обсуждения эффективной модели развития бизнеса. Иногда возникают целые «цепочки» разных видов речевой деятельности.

В новой образовательной модели особая роль отводится такой форме работы, как *деловая игра*, которая всегда имеет сугубо практическую направленность и стимулирует активную коммуникацию учащихся в ходе решения поставленных проблем. Данный вид учебной деятельности развивает коммуникативную независимость и вариативность речевого поведения учащихся. Сформулированные в заданиях коммуникативные цели и задачи носят творческий, деятельностный характер: учащимся нужно, например, создать бизнес-план и обосновать его целесообразность, принять решение о наиболее подходящем варианте реконструкции предприятия, найти источники финансирования, составить экспертный отчет, определить объем производства продукции, пути увеличения доли продукции на рынке и т.д.

Методическую значимость деловых игр на завершающем этапе обучения иностранных студентов экономического профиля трудно переоценить, потому что данная форма работы позволяет учащимся в полной мере ощутить *речевую готовность и коммуникативную мобильность*. В ходе деловой игры студент овладевает умениями гибко и уместно использовать различные формы коммуникации в аутентичных ситуациях, связанных с его будущей профессиональной деятельностью.

Отметим, что деловые игры, будучи обучающими заданиями творческого характера, могут реализовывать целые цепочки актуальных коммуникативных задач, ориентированных на достижение поставленных целей. Приведем пример развертывания подобной цепочки.

Задание 1. Подготовьтесь к обсуждению основных особенностей деловой культуры в вашей стране.

Задание 2. Посмотрите видеофрагмент семинара «Кросскультурная коммуникация». Составьте тезисный план прозвучавшего выступления. Обсудите с коллегами поднимаемые в выступлении вопросы.

Задание 3. Вы менеджер по персоналу. Проведите тренинг по проблемам межкультурной деловой коммуникации для ваших сотрудников, которые собираются в командировку в Россию.

Задание 4. Ваша компания принимает российских партнеров. Проведите с ними ознакомительную беседу: обсудите основные принципы деловой культуры в вашей стране.

Задание 5. В ходе обсуждения международного проекта у вас возникли разногласия с российскими партнерами по вопросу о сроках принятия решения. Предложите способы разрешения конфликта с учетом понимания разницы в деловых культурах двух стран.

Задание 6. Один из сотрудников вашей компании досрочно вернулся из России из-за сложностей адаптации к новой деловой культуре. Предложите ряд рекомендаций, позволяющих ускорить процесс привыкания к новым условиям работы.

Характеризуя задачи формирования *языкового компонента* профессионально ориентированной коммуникативной компетенции студента, подчеркнем, что важнейшим инструментом получения профессиональных знаний, несомненно, являются термины. В соответствии с этим особое внимание в предлагаемой модели обучения уделяется работе по овладению терминологическим аппаратом избранной специальности. При этом отметим, что функции и правила употребления терминов не раз становились объектом специальных лингвистических исследований (Головин 1987; Лейчик 2006).

Методическая задача адекватного отбора лексических единиц для включения их в активный профессиональный словарь иностранных выпускников экономических вузов РФ приобретает особую значимость на завершающем этапе обучения данного контингента учащихся, ведь терминология представляет собой ядро профессиональной коммуникации. Поэтому свободное владение профессиональной лексикой является неременным условием успешного профессионального взаимодействия иностранного специалиста с носителями русского языка в соответствии с актуальными ситуациями и целями делового общения.

Необходимо отметить, что в словарь современного делового общения, кроме базовой терминологии, входят также лексические единицы устной деловой речи, которые используются в повседневном общении специалистов. Среди них жаргонные эквиваленты экономических терминов (*нал, безнал, кинуть, отбить*), разговорные единицы (*платежка, оперативка, поврежденка, упрощенка, закредитованность, пиарить, раскрутить*), а также идиоматические и фразеологические выражения, делающие речь более точной и выразительной (*иметь сильные позиции, топтаться на месте, не класть яйца в одну корзину, подняться с кресла, заоблачные цены* и др.).

Отбор активного терминологического словаря иностранных выпускников экономических вузов РФ непосредственно связан с задачами формирования предметной компетенции. Обучение будущих специалистов строится, прежде всего, с учетом того, что соответствующие языковые и речевые навыки и умения впоследствии будут использованы ими в практической деятельности. Именно этот факт определяет качественные и количественные границы привлекаемого языкового материала, характер его презентации и интерпретации в средствах обучения.

В качестве высшей единицы обучения, как уже отмечалось, выступает профессионально ориентированный текст. Именно термины обеспечивают функционально стилевую значимость и информативность специальных текстов и являются их смысловой доминантой. Такая оценка текстообразующей роли терминов содержит ряд существенных методических импликаций, важнейшая из которых состоит в том, что без усвоения лингвистических свойств терминов ни о каком правильном понимании или порождении функционально целостного текста говорить невозможно. И наоборот, ключом к овладению конкретным подъязыком любой экономической специальности служит усвоение ее терминов во всем многообразии их семантических, синтаксических и системно-логических связей.

В рамках педагогической лингвистики значение термина понимается как триединая сущность, которая включает в себя абсолютную ценность (соотнесенность термина с научным понятием), относительную ценность (способность вступать в синонимические, антонимические и иные парадигматические системные отношения с другими терминами) и синтагматическую ценность (способность сочетаться с другими терминами и нетерминами). Таким образом, главной задачей в этом направлении является обучение иноязычных учащихся правильному в языковом отношении употреблению терминов, то есть формирование рецептивно-продуктивного словаря, который будет способствовать успешному развитию навыков и умений в осуществлении всех видов речевой деятельности в экономической сфере.

На что же следует обратить внимание при формировании активного терминологического словаря иностранных учащихся? Во-первых, основу словаря должны составлять термины, соотносящиеся с ключевыми понятиями экономики. Во-вторых, важным является требование осуществлять семантизацию «продуктивного» термина таким образом, чтобы она позволяла пользователю русского языка корректно употреблять этот термин в речи. А семантизация «рецептивных» лексических единиц должна помогать учащимся точно определять значение термина в рамках предъявляемого специального текста.

Таким образом, технология формирования активного словаря иностранного выпускника экономического вуза РФ предполагает переход от овладения языковыми средствами (в частности, лексическими), к развитию у него речевых навыков и коммуникативных умений.

Определим основные критерии, которые должны учитываться методистом при формировании терминологической базы пользователей языка профессиональной сферы общения (в нашем случае – экономической). Это, прежде всего, семантический критерий, в соответствии с которым в активный словарь будущего специалиста включаются слова и словосочетания, выражающие понятия, наиболее важные для избранной сферы деятельности. Не менее значимым является критерий сочетаемости, поскольку лексические единицы с широкой сочетаемостью обеспечивают пользователю специального языка бóльшую коммуникативную свободу в профессиональной сфере общения. Учитывается также словообразовательная ценность лексической единицы, входящей в активный терминологический словарь пользователя.

Необходимо особо подчеркнуть, что в целях формирования активной терминологической базы иностранных учащихся экономического профиля обучения методически целесообразно выделять отдельные *номинативные зоны*, которые определяют ключевые понятия современной экономики и позволяют эффективно систематизировать в сознании изучающего русский язык лексико-грамматический материал, актуальный для его профессионального общения.

Приведем два примера. Номинативная зона понятия *финансы* включает в себя следующие словообразовательные ряды и линии сочетаемости: *организация финансов, управление / управлять финансами, финансовый менеджмент / рынок, финансовые потоки / ресурсы, финансировать строительство / проект, источники финансирования*. В данную номинативную зону входят такие тематические группы, как а) наименование участников финансовых отношений (*финансист, инвестор, кредитор*) и б) наименование финансовых учреждений (*банк, кредитная организация, инвестиционный фонд*).

Номинативная зона понятия *бренд* представлена следующей актуальной лексикой, включающей, в частности, номинации различных направлений профессиональной деятельности, связанных с этим понятием: *брендинг, ребрендинг, продвижение бренда, создать бренд, брендинговая политика, бренд-менеджмент, бренд-реклама, бренд-коммуникация* и др.

Отбирая состав активной терминологической базы иностранных учащихся экономического профиля обучения, обязательно учитываем тот факт, что современная профессиональная речь участников рынка является стилистически неоднородной. Это обнаруживается, в частности, в тех случаях, когда происходит соединение терминологических единиц с общелитературной лексикой, в результате чего образуются свободные терминологические словосочетания. Таковы, например, основные понятия рекламного бизнеса: *раскрученный / узнаваемый бренд, яркий / запоминающийся слоган* и др.

Исследования современного языка делового общения показывают, что он активно развивается, трансформируется и на сегодняшний день представляет собой синтез общелитературной, профессиональной, разговорной и научной лексики. В частности, он включает идиоматические выражения, которые стали крылатыми фразами благодаря рекламе: *В нашем деле нет мелочей. Есть детали. / Для одних главное – увидеть, для других – увидеть главное. / Не тормози – сникерсни. / Не теряя времени – теряй годы!*

Решая вопрос о включении в активный словарь пользователя экспрессивных лексических единиц, раскрывающих свой смысл в контексте, необходимо учитывать частотность и востребованность подобной лексики в профессиональной сфере общения. Так, например, к актуальным и широкоупотребительным лексическим средствам относятся следующие устойчивые словосочетания и выражения: *зрелый / незрелый рынок, раскрученный бизнес, свободная ниша, закредитованное население, потребительская корзина, цифровизация экономики, портфель бизнесов, строить бизнес с нуля* и др.

Ещё одной важной характеристикой профессионально ориентированной коммуникации специалистов экономического профиля является строгая стандартизация языковых средств, свойственная, в частности, деловой переписке. Так, для выражения тех или иных интенций существует набор актуальных клишированных выражений и оборотов, которые обязательно должны быть включены в содержание обучения: *В связи с неполучением счета-фактуры...; Ввиду задержки получения груза...; Учитывая социальную значимость объекта...* (выражение причины); *В целях скорейшего решения вопроса...; Для согласования спорных вопросов...* (выражение цели); *Просим сообщить данные...; Просим принять меры...* (выражение просьбы) и др.

Иностранный специалист должен владеть также русскими этикетными формулами делового письма, выражающими различные интенции, актуальные для профессионального общения: *выражаем надежду, приносим извинения, ставим Вас в известность, обращаемся к Вам с просьбой, надеемся на дальнейшее сотрудничество* и др.

Отметим также, что необходимым условием грамотной и точной речи иностранного специалиста экономического профиля является соблюдение им законов корректной сочетаемости профессионально значимой активной лексики. Исходя из этого знакомство с правилами сочетаемости актуальной терминологической лексики – важный компонент содержания обучения. Знание того, какие сочетаемостные ряды образуют ключевые понятия экономики и бизнеса, – существенная составляющая языковой компетенции выпускника. Например: *цена – устанавливается, скидки – предоставляются, сделка – заключается, задолженность – погашается, платеж – производится; сотрудничество – взаимовыгодное, спектр услуг – широкий, скидки – значительные / сезонные* и т.д.

Подведем итоги. Изложенный в статье материал наглядно демонстрирует специфику разработанной авторами модели профессионально ориентированного обучения русскому языку иностранных учащихся экономического профиля. Их учебная деятельность на завершающих этапах обучения организуется таким образом, чтобы будущий специалист был готов эффективно решать на русском языке актуальные практические задачи, связанные с его работой в избранной сфере деятельности. Многолетняя апробация предлагаемой технологии показала свою безусловную эффективность в процессе обучения русскому языку иностранных студентов, магистрантов и аспирантов экономического факультета Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова.

Список литературы

Битехтина Г.А., Клобукова Л.П. (1986): Коммуникативные потребности учащихся и проблемы формирования языковой компетенции студентов-нефилологов гуманитарного профиля, Научные традиции и новые направления в преподавании русского языка и литературы. Доклады участников VI Международного конгресса преподавателей русского языка и литературы. Москва: Русский язык, 12-22.

Головин Б.Н. (1987): Лингвистические основы учения о терминах. Москва: Высшая школа.

Зимняя И.А. (1985): Психологические аспекты обучения говорению на иностранном языке. Москва: Высшая школа.*

Клобукова Л.П. (2003): Коммуникативная компетенция как объект тестирования, Конструирование педагогических тестов по русскому языку как иностранному. Материалы I

Всероссийской научно-практической конференции ЦМО МГУ им. М.В.Ломоносова. Москва: МАКС Пресс, 43-57.

Клобукова Л.П., Нестерская Л.А., Норейко Л.Н. (2011): Текст как основа для решения коммуникативных задач в учебном пособии «Готовимся к профессиональной деятельности», Текст: проблемы и перспективы. Материалы V Международной научно-практической конференции. Москва: МАКС Пресс, 89-98.

Лазарева О.А. (2013): Школа тестора: лингводидактическое тестирование ТРКИ – TORFL. Москва: Русский язык. Курсы.

Лейчик В.М. (2006): Терминоведение: предмет, методы, структура. Москва: КомКнига.

ЭКСПУРС В СИСТЕМУ РУССКОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ: ЧТО ДАЕТ МЕТОДИКЕ «СТРОГАЯ» ЛИНГВИСТИКА

Ласкарева Елена Ромуальдовна
Санкт-Петербургский государственный университет, Россия
laskarevaele@gmail.com

INSIGHT INTO THE SYSTEM OF RUSSIAN WORD FORMATION: WHAT DOES THE "STRICT" LINGUISTICS GIVE TO LANGUAGE TRAINING METHODS

Laskareva R. Elena
St. Petersburg State University, Russia

АННОТАЦИЯ

В данной работе ставится задача показать — на примере аспекта «Словообразование» — как может быть «авторски» преломлен материал академического уровня для практики преподавания русского языка и, в частности, для составления учебников. В качестве иллюстраций используются 2 авторских учебника: по лексике и для начального этапа обучения.

ABSTRACT

This paper aims to show, through the field of Word formation, how the academic level information can be interpreted for the practice of teaching the Russian language, for creating textbooks in particular. Two original textbooks, one on vocabulary and the other one for the basic course, are used to showcase it.

Ключевые слова: русский язык, способы словообразования, исторические чередования, минимизация материала, перспектива в обучении, авторские учебники

Keywords: Russian language, ways of word formation, historical alternations, learning material minimization, prospects of teaching, original textbooks.

Новые подходы и авторские школы в преподавании русского языка как иностранного **Введение.**

Решаемая общим языкознанием проблема отношения мысли к языку диктует обращение к специфике каждого конкретного языка, поскольку объединение либо «разъединение» понятий, выражающих какой-либо факт языковой реальности, часто происходит по-разному даже в родственных языках. Специфика русского языка заключается, в частности, в особенностях словообразования, о чем писали виднейшие российские ученые

(И. А. Бодуэн де Куртенэ, Ф. Ф. Фортунатов, Л. В. Щерба, А. И. Смирницкий, Г. О. Винокур, В. В. Виноградов; Е. А. Земская, Е. С. Кубрякова, И. С. Улуханов). Постараемся выявить квинтэссенцию информации по данной теме в лингвистике и определить основную идею авторской методики.

1. Базовые лингвистические понятия. Принципиальная позиция автора состоит в том, что материал, предлагаемый для изучения, должен быть представлен на базе академических знаний. Однако несмотря на то, что словообразование в русском языке выделяется большинством лингвистов отдельную дисциплину, сложность заключается в том, что многие термины в строгой лингвистической науке не всегда дефинитивны: например, в ряде случаев «стирается» граница в разграничении определения словообразования синхронного и диахронического. В связи с этим некоторые моменты остаются спорными и «непроясненными», в том числе и в достаточно солидных словарях, когда отношения между производными и производящими словами не всегда четко и однозначно определяются¹. Тем не менее это не умаляет заслуг лингвистов: многие наблюдения и выводы интересны. Так, например, заслуживает внимания выявление пяти основных функций, которые может выполнять словообразовательное средство и, соответственно, подразделение словообразования на пять видов: номинативное, экспрессивное, стилистическое, конструктивное (синтаксическое) и компрессивное [Земская Е.А. (2005)]. Во многих исследованиях логично представлена классификация аффиксальных и безаффиксных формантов (см., напр.: [Улуханов И.С.(2012)]). Подобные, если можно так выразиться, «базовые ориентиры», в том числе детальная классификация словообразовательных формантов по нюансам выражаемых ими значений, безусловно, полезны для лингвистических изысканий, однако, как и академические грамматики, далеко не всегда могут служить «рабочим инструментом» в процессе обучения языку² [Русская грамматика (1980): §195 и далее].

На наш взгляд, для практики преподавания русского языка целесообразно обращение как к основам словообразования, так и к понятию морфемного анализа³. Следовательно, необходимо: 1) ознакомить учащихся с понятием словообразовательной производности

1 Множество примеров, один из них - различие в словообразовательной структуре слов *включить* и *открыть*. [Тихонов А.Н. (2003)].

2 Вопросы процедуры выделения словообразовательных значений и определения количества таких значений до сих пор не имеют однозначного решения: так, существительные, обозначающие жителей той или иной страны, имеют словообразовательное значение при наличии разных суффиксов и разных вариантов словообразовательных мотиваций.

3 Динамический ("как делаются слова") и в статический ("как они сделаны") аспекты, по определению Л.В. Щербы.

(мотивирующее слово и мотивированное, то есть производное); 2) показать все возможные способы русского словообразования, акцентируя внимание на наиболее продуктивных из них; 3) научить основам морфемного анализа. Отметим, что при анализе морфемного состава слова, то есть разбиения слова на словообразовательные элементы, анализ словообразовательной структуры слова в плане диахронии и синхронии, как уже отмечалось, в ряде случаев может быть различен. Для анализа производных слов в курсе русского языка как иностранного (РКИ), очевидно, более целесообразно обращение к понятию и термину «морфемика». Морфемный уровень (ярус) языка, как и уровень словосочетания, в общей лингвистике обычно считается промежуточным (производным)⁴, однако он существует и развивается как структура, помогающая «брать» информацию и, в свою очередь, дает «выход» на другие уровни языка. Общепринятой является точка зрения, что морфы, из которых состоят словоформы русского языка, подразделяются на корневые и аффиксальные (префиксальные, суффиксальные, интерфиксальные, постфиксальные и флексийные)⁵.

В связи с этим отметим следующее: одноименные морфы, выступающие в различных словоформах, могут быть объединены в одну морфему, если они тождественны по значению и близки друг к другу формально (то есть по составу фонем). Так, корневые морфы, выступающие в различных словоформах, объединяются в одну морфему, поскольку они тождественны по значению и близки друг к другу формально (по составу фонем), например: *бегать* и *бежать*. Таким образом, наблюдаем еще один важный базовый компонент обучения, который должен быть привнесен в практику преподавания из строгих лингвистических исследований: исторические чередования в корне слова. Ознакомление с историческими трансформациями поможет учащимся — как носителям языка, так и иностранцам — глубже понять процессы изменения русского языка и, кроме того, овладеть механизмом анализа однокоренных слов.

2. Общая информация для практического курса. Итак, проецируем основные, выверенные временем понятия и заключенную в них имплицитно разноплановую информацию на то, как эту информацию организовать для комфортного ею овладения. Речь идет о минимизации материала в практике преподавания русского языка. Минимизации - с возможным сохранением его «глобальности» и «объемности», поскольку это необходимо для того, чтобы показать «широту обзора» в плане ознакомления с материалом: это своеобразная потенциальная «лингвистическая эрудиция обучаемых», отправной момент для выработки

4 См., напр. : [Рождественский (1990): 164]

5 Грамматика-80 выделяет также интерфиксы. Е.А. Земская и некоторые другие ученые выделяют также конфиксы.

лингвистической компетенции при овладении иностранным языком. Однако не менее важным принципом является «расстановка акцентов», то есть выделение - заведомо минимизированное - первоочередных явлений данного сегмента изучения языка.

2.1. Прежде всего, как мы уже отмечали, следует ознакомить учащихся со способами словообразования. Под способом словообразования понимаем конкретный прием создания производного слова в диахронии и важнейшее средство выражения словообразовательного значения в синхронии. Далее - аффиксальные и безаффиксные способы словообразования.

2.1.1. При аффиксальных способах, как известно, в качестве форманта выступает один аффикс или комбинация аффиксов; к аффиксальным способам традиционно (и единодушно – всеми лингвистами) относятся следующие: префиксальный: *говорить* – *за-говорить*; суффиксальный: *стол* – *стол-ик*; префиксально - суффиксальный: *снег* — *под-снеж-ник*; префиксально - постфиксальный: *говорить* – *за-говорить-ся*; суффиксально – постфиксальный: *слава* – *слав-и-ть-ся*; префиксально – суффиксально - постфиксальный: *смелый* – *о-смел-и-ть-ся*; способ нулевой аффиксации, когда словообразовательный формант материально не выражен, но его отсутствие является деривационно значимым: *синий* – *син'-**; *уколоть* – *укол-**. К вышеназванным примыкает и способ сложения основ, соединенных интерфиксом (в случае, если интерфикс признается морфемой), например: *лесостепь*, *черно-белый*. Сложение часто сочетается с аффиксацией: *полн-о-лун-и-э*.

2.1.2. Безаффиксные способы словообразования основаны на использовании таких формантов, как усечение, конверсия и объединение в определенной последовательности самостоятельных слов или их символов. Традиционно выделяются: 1) сокращение производящей единицы (усечение): *заместитель* – *зам*, *зав*; 2) сложение самостоятельных слов или их сокращенных элементов: *вагон-ресторан*, *виноград*, *МГУ*; 3) конверсия, то есть изменение грамматических характеристик слова, связанных с переходом из одной части речи в другую: *военный*, *столовая*. К безаффиксным образованиям можно также отнести и повтор: *умный-умный*.

Независимо от потенциальной «методической ориентированности» обобщаемого лингвистического материала, абсолютно необходимо, на наш взгляд, суммировать традиционно выделяемые академической традицией способы словообразования. Основополагающую информацию можно брать из имеющихся грамматик и излагать тезисно как в учебниках, так и в практических пособиях [см., напр.: *Прогулки по русской лексике* (2018): 73].

2.2. Исторические чередования — это второй ракурс рассмотрения данной темы. Считаю абсолютно целесообразным обращение к проверенным временем спискам вариантов,

представленным в различных справочниках. Речь идет о чередовании гласных (во многих случаях эти чередования стали буквенными) и чередовании согласных [См., напр.: *Словарь-справочник лингвистических терминов* (1976): 138 -139]. Мы предлагаем выделять, соответственно, 14 и 19 рядов чередований. Отметим, что предлагаемый нами список можно при необходимости еще более минимизировать. Либо наоборот: список можно дробить на более мелкие, «частные» сегменты.

2.2.1. Чередования гласных: 1) Е — О: *несу — носит, везу — возит*; 2) Е — О — нуль звука — И: *наберу — набор — набрать — набирать*; 3) Е — нуль звука: *день — дня, верен — верна*; 4) О — А: *приготовить — приготавливать*; 5) О — нуль звука: *сон — сна, ложь — лжи, крепок — крепка*; 6) О — нуль звука — Ё: *посол — послать — посылать*; 7) А (Я) — М — ИМ: *жать — жму — пожимать, взять — возьму — взимать*; 8) А (Я) — Н — ИН: *жать — жну — пожинать, примять — примну — приминать*; 9) У — ОВ: *кую — ковать, радую — радовать*; 10) У — ЕВ: *ночую — ночевать, врачую — врачевать*; 11) Ю — ЕВ: *плюю — плевать, горюю — горевать*; 12) У — О — Ё: *сухой — сохнуть — засыхать*; 13) И — ОЙ: *бить — бой, запить — запой*; 14) Е — ОЙ: *петь — пой*.

2.2.2. Чередования согласных: 1) Г — Ж: *берегу — бережешь, жемчуг — жемчужина, строгий — строже*; 2) К — Ч: *пеку — печешь, мука — мучной*; 3) Х — Ш: *слух — слушать, горох — горошина, сухой — суше*; 4) Г — З — Ж: *друг — друзья — дружный*; 5) К — Ц — Ч: *лик — лицо — личный*; 6) З — Ж: *возить — возжу, мазать — мажу, низок — ниже*; 7) ЗГ — ЗЖ [Ж]: *визг — визжать*; 8) ЗД — ЗЖ [Ж]: *бороздить — борозжу*; 9) С — Ш: *носить — ношу, плясать — пляшу*; 10) Д — Ж: *ходить — хожу, молодой — молодежь*; 11) Т — Ч: *хотеть — хочу, хлопотать — хлопочу*; 12) СК — СТ — Ц: *пускать — пустить — пуцу, густой — гуще*; 13) Б — БЛ: *любить — люблю, колебать — колеблю*; 14) П — ПЛ: *купить — куплю, капать — капля*; 15) В — ВЛ: *давить — давлю, ловить — ловлю*; 16) Ф — ФЛ: *графить — графлю*; 17) М — МЛ: *сломать — сломлю, дремать — дремлю*; 18) Д, Т — С: *веду — вести, плету — плести*; 19) К, Г — Ч: *привлеку — привлечь, помогу — помочь*.

Подобный экскурс в историю языка дает учащимся информацию для ознакомления с темой (умение «видеть» совокупность корневых морфов – корневую морфему, то есть корень слова), а затем - умение овладеть лингвистической компетенцией в области возможных трансформаций — в первую очередь в корневых морфемах. Завершенность, «конечность» списка имеющихся в языке вариантов — перспектива для профессионального овладения языком.

3. Практика преподавания русского языка и составление учебников. На базе квинтэссенции теоретической информации по данной теме нами разработан комплекс

упражнений для курса русского языка по авторской методике интенсивного обучения. Новой является попытка определить, как должен быть структурирован и «подан» материал, чтобы он легко и эффективно — в плане перспективы — воспринимался обучаемыми, поскольку овладение языком — это усвоение не только языковых единиц, но и правил их создания и употребления [Психолингвистика (2003): 24].

Для практики преподавания наиболее актуальным является морфологический способ словообразования (в первую очередь аффиксация, затем уже словосложение и аббревиация). Интересным для стилистики и грамматики представляется также морфолого-синтаксический способ (субстантивация и адъективация) [Русская грамматика (1980): §191].

3.1. Авторские учебники: начальный этап обучения русскому языку как иностранному (РКИ). Учебник для начального этапа включает в себя начальные знания, связанные с «замами» системных словообразовательных явлений и основами морфемного анализа. Эффективное «вхождение» в язык осуществляется уже на втором уроке: показаны законы «оформления» инфинитива (~*любить, читать, смотреть, фотографировать*) и суффиксы прилагательных (~*Российский, садовый, архитектурный, исторический*). Отметим, что для «освоения» иностранными учащимися русского языка «с нуля» лексика должна быть четко минимизирована. Безусловно, эта лексика должна быть частотной, при этом отправной точкой могут послужить существующие лексические минимумы по уровням А1 и А2, однако с соответствующей их коррекцией. Количество словообразовательных элементов (формантов) также должно быть ограничено и сведено к наиболее частотным.

Вышеперечисленные принципы мы соблюдали в авторском учебнике для курса РКИ [Русский язык как иностранный. Практический интенсивный курс (2016)] При этом мы имели в виду, что «вхождение» в русскую словообразовательную и словоизменительную систему, адаптация к звуковой и графической форме слова (с восприятием грамматических характеристик слова) — основная задача обучаемого. На данном этапе не всегда важно, являются ли аффиксальные морфемы словообразовательными (они могут быть и словоизменительными). Так, на первом уроке целесообразным считаем обращение к наречиям в их наиболее «регулярной форме» с суффиксом «о»: *хорошо, интересно, быстро*; на втором уроке даем формант *-те*: *здравствуй-те, извини-те*, а также показываем на примере морфемного анализа глагола варианты «оформления» неопределенной формы глагола: показ вариативности суффиксов для данного урока (*-и+ть, -а+ть, -е+ть: ~любить, читать, смотреть; -иров+а+ть: анализировать, программировать, моделировать, систематизировать, контролировать, фотографировать*), а также на перспективу: *-я+ть, -ну+ть, -о+ть, -сть, -ова+ть, -ти, -чь* (примеры для учащихся даются в следующих уроках).

Абсолютно быстрое и системное «освоение» специфики структуры русского слова — залог успеха для курса РКИ, поэтому во втором уроке также «комфортно берутся» некоторые суффиксы существительных: *артистка* (-к-) и т.п., прилагательных: *Петербургский, архитектурный, садовый, экономический* (-ск-, -н-, -ов-, -ическ-), а также ряд наречий типа *по-русски* («оформленных» конфиксом «по- -ски»). В третьем уроке дается глагол *учиться* с постфиксом «ся», который становится моделью для последующих постфиксальных глаголов. Важным является ознакомление учащихся с историческими чередованиями, причем мы рекомендуем начинать с консонантных чередований, поскольку второй и третий уроки — отработка первого и второго спряжения глаголов, где такие чередования, к несчастью для обучаемых, очень частотны: *б – бл; в – вл; п – пл; т – ч; г – ж; к – ч, д – ж; з – ж, с – ш; х – ш*. При этом мы суммируем основное, затренировываем наиболее частотные глаголы и смотрим информацию на перспективу. Отметим, что нами рассматриваются рассчитанные на 10 уроков 64 частотных глагола (их список приведен в Приложении 1). При этом исторические чередования помещены нами в Приложение 3, поскольку они необходимы для анализа семантики незнакомых слов при чтении и аудировании текстов. Отдельно выделено Приложение 5: «Словообразование и морфемный анализ». Здесь приводится материал для работы на начальном этапе, а также – показ возможного расширения рамок работы на перспективу. В этом ключе важен «баланс» между «минимумом» и, соответственно, «максимумом» предлагаемого для изучения материала - в плане списков лексики и количества составленных упражнений. Изучение состава слова, осмысленный анализ структуры слова дает возможность учащимся не только осознать действие некоторых морфодеривационных механизмов языковой системы, но и во многом решить проблему психологическую: узнаваемые и поэтому понятные русские слова будут легко восприниматься иностранцами, что поможет, по нашему мнению, в некоторой степени снять языковой барьер.

Безусловно, законы русского словообразования необходимо изучать постепенно, однако начальные знания можно и полезно получать уже на начальной стадии обучения, для того чтобы понимать многие и очень многие производные слова. Такие «азы» механизмов словообразовательного и морфемного анализа дают свободу в изучаемом языке. Такого же принципа мы придерживаемся и в другом авторском учебнике.

3.2. Авторские учебники: продвинутый этап обучения. В книге «Прогулки по русской лексике» мы придерживаемся точки зрения В. В. Виноградова, показавшего тесную связь словообразования с лексикологией, и включаем в учебник по лексике раздел «Состав слова» [*Прогулки по русской лексике* (2018): 73-121]. Первые 22 из 222 упражнений посвящены введению в тему на примере практических заданий: начальные знания по анализу

производных слов. Эти упражнения, как и последующие, включают в себя тренинг и контроль изученного.

Особо отметим, что на примере конкретных заданий, организованных в рамках «строгой» грамматики, прослежены отношения между производящими и производными словами. Подобная система работы интересна как для носителей языка, так и для тех, для кого русский язык не является родным. Упражнения составлены по канонам «Русской грамматики», причем выбраны лишь наиболее частотные варианты. Материал учебника просто организован и всегда готов к использованию — как в качестве «разминочных» заданий на комплексных занятиях по различным аспектам языка, так и для овладением информацией на профессиональном уровне. Минимум теоретического материала обязателен для всех, он отрабатывается на конкретных примерах. Корректность с точки зрения теории и показ перспективы в плане конкретных аспектов данной темы, то есть практики и расширения лексического запаса — наше авторское кредо. Прокомментируем структуру некоторых из этих упражнений.

3.2.1. Разнообразие суффиксов при суффиксальном способе образования представлено, например, таким образом: более пятидесяти упражнений на существительные, образованные от глаголов: *преподаватель, шутник, танцовщик, продавец, бегун, знаток* и др. как мы уже отмечали в предыдущих публикациях, некоторые частотные суффиксы не всегда опознают даже русские студенты: *-ант, -ат, -лк(а), -л, -уик(а) : консультант, адресат, читалка, меняла, игрушка; -ант, -ент, -ат, -лк(а), -ловк(а), -л, -к(а), -уик(а) : арестант, ассистент, аттестат, парилка, забегаловка, седло, лейка, болтушка ; -лк(а), -л, -к(а) : гадалка, заводила, лакомка* и др. В рамках этой темы и преподаватели, и обучаемые получают богатейший материал для анализа – как грамматического, так и стилистического, однако в рамках данной статьи можем привести лишь небольшое количество примеров. Существительные могут быть мотивированы прилагательными и другими существительными: *старик, утренник, робость, чистота* и др.; *чайник, моряк, скрипач, москвич, гитарист, космонавтика, драматургия, поэтесса*. Прилагательные, в свою очередь, также могут образовываться от других частей речи, в том числе и от существительных: *собачий холод, птичий рынок, девичий смех* и др. Не следует забывать о контроле полученной информации. Подобный подход позволяет глобально расширить систему знаний учащихся, а также упорядочить эти знания.

3.2.2. Префиксация. В начале курса необходим просто небольшой экскурс: ознакомление с префиксами русского языка как иностранного, так и русского происхождения. Суммируем основное. Префиксы иностранного происхождения: 1) у существительных: *а-, анти-, вице-, де-, дис-, контр-, обер-, ре-, суб-, ультра-, экстра-* ; 2) у прилагательных: *а-, гипер-, интер-,*

пост-, суб-, супер-, транс-, ультра-, экстра; 3) у глаголов: *де- / дез-, дис-, ре-*. Префиксы русского происхождения: 1) у существительных: *без-, не-, после-, пра-, сверх*; 2) у прилагательных: *вне-, внутри-, меж- / между-, наи-, не-, около-, после, через* и др.; 3) у глаголов: *в-, вз-, воз-, вы-, до-, за-, из-, на-, над-, недо-, низ-, о-, об-, от-, пере-, по-, под-, пре-, пред-, при-, про-, раз-, с-, со-, у-*.

Префиксация наиболее активно действует в словообразовании глаголов. Нами предложен ряд упражнений, в которых учащимся предлагается определить, какие префиксы наличествуют в тех или иных глаголах и что они обозначают. С некоторыми из глаголов рекомендуется составить предложения, поскольку это и будет коррекцией понимания семантики глагола в контексте и в ситуации употребления, например: *подсчитать, подойти, подсказать, пожалеть, почувствовать, преувеличить, помолчать, предчувствовать* и др.

Лексики в упражнениях очень много, нет необходимости выучивать весь массив этой лексики. Задача преподавателя и студентов – корректно «взять» нужную информацию, увидеть в ней системность, затренировать новый материал.

3.2.3. Префиксация и суффиксация. Принципиально новой информации для учащихся здесь не будет. Лексика, в том числе и новая, распределена в упражнениях по уровням владения языком — для расширения персонального лексического запаса. В этой части раздела будет много наречий, например: *по-моему, по-твоему, по-прежнему, по-хорошему; по-дружески, по-хозяйски; понапрасну, поровну, вполне, вдвойне; изредка, издалека* и др. В рамках данной статьи позволим себе этим ограничиться, отметив, что для глаголов рассмотрены также случаи, в которых производные глаголы образованы при помощи префиксации, суффиксации и постфиксации.

3.2.4. Сложные слова. Нами рассмотрены существительные, прилагательные, глаголы, наречия и числительные, с комментарием о том, что в некоторых случаях слова образуются путем сложения двух слов (двух основ), как это может происходить у существительных (например: *хлебозавод*), а в некоторых случаях к основам добавляются префиксы и суффиксы (например: *мореплаватель, двухметровый*).

Как и ранее, лексика в заданиях дана для словообразовательного анализа, и, как и ранее, располагается по принципу частотности употребления: от слов *юго-запад, хлебозавод, самообслуживание* до слов *самоопределиться, взаимодействовать, интенсифицировать* и др. Слова в упражнениях сгруппированы, как и ранее, по частям речи. В некоторых случаях учащимся предлагается из данных ниже слов составить сложные слова, например, сложные прилагательные по модели: *светлый + зеленый = светло-зеленый*.

3.2.5. Субстантивация и аббревиация. Следует отметить, что субстантивация и аббревиация в русском языке характерны для существительных. Например, субстантивированные слова: *гостиная, ванная, больной; говорящий, слушающий, подчиненный*. В прошлом они были прилагательными или причастиями, поэтому изменяются по падежам как прилагательные и причастия. Далее. Аббревиация – это сокращение слов, например: *СПбГУ* (Санкт-Петербургский государственный университет), *Госдума* (Государственная дума) и многие другие. Аббревиатуры, то есть сокращения, бывают разных типов, в учебнике рассмотрены наиболее часто встречающиеся. Что касается сферы употребления, то приводится стилистический комментарий: в основном аббревиатуры регулярно используются в средствах массовой информации, то есть в СМИ.

Выводы.

Впервые в предложенной нами методике работы материал по словообразованию представлен конкретными упражнениями, отражающими необходимый минимум теоретических знаний с возможным его расширением. Наиболее эффективным является то, что учащиеся овладевают «инструментом работы» в плане восприятия информации (как звучащей, так и письменной). Что касается иностранных студентов, то они, согласно законам психологии, «автоматизируют», систему понимания иностранного языка, в результате чего начинают комфортно воспринимать новые для них слова. В соответствии с академическими канонами системные знания по теории в «сжатом» виде даны в сочетании с методическими рекомендациями и конкретно разработанным материалом в виде упражнений. Комментариями являются задания.

Мы постарались показать, как могут «координировать» теория языка и ее реальная практика на базе авторской методики интенсивного обучения. Данная система организации материала и конкретные рекомендации и упражнения, на наш взгляд, много дают практике преподавания: 1) учащиеся приобретают лингвистическую компетенцию в «масштабах» данной темы; 2) этот аспект — один из приоритетных, «первоочередных» при овладении русским языком; 3) баланс «минимум — максимум», то есть систематизированное изучение и возможность тренинга; 4) эмоциональный стимул: возможность быстрого запоминания в системе; 5) экономия времени при работе на интенсив; 6) вера в системность: осознание перспективы (в первую очередь — в плане понимания) — для иностранных учащихся; систематизация знаний в области словообразовательной структуры слова, а также закрепление правил орфографии и формирование навыков стилистической правки — для носителей языка; 7) колоссальное расширение «персональной лексики» каждого учащегося.

Список литературы

- Земская Е.А. (2005): Словообразование как деятельность. – Изд. 2-е, стереотипное. – М.: КомКнига.
- Ласкарева Е.Р. (2018): Прогулки по русской лексике. – 6-е изд. СПб.: Златоуст.
- Ласкарева Е.Р. (2016) Русский язык как иностранный. Практический интенсивный курс: учебник и практикум для прикладного бакалавриата. М.: Юрайт.
URL: <http://static.my-shop.ru/product/pdf/183/1826688.pdf>
- Психолингвистика: Учебник/ В.П. Белянин. (2003): М.: Флинта: Московский психолого-социальный институт.
- Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. Пособие для учителей. Изд. 2, испр. и доп. М., «Просвещение», 1976. - с. 138 -139.
- Рождественский Ю.В. (1990): Лекции по общему языкознанию: Учеб. пособие для филол. спец. ун-тов. М.: Высшая школа.
- Русская грамматика. В 2-х тт. Том 1. (1980): М.: Наука.
- Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка. В 2-х т. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003.
- Улуханов И. С. (2012): Словообразование. Морфонология. Лексикология. М.: Логос.

СООТНОШЕНИЕ НОРМЫ И УЗУСА (К ПРОБЛЕМЕ ПРЕПОДАВАНИЯ КУРСА «РУССКИЙ ЯЗЫК И КУЛЬТУРА РЕЧИ» В ИНОСТРАННОЙ АУДИТОРИИ)

Литвинова Галина Михайловна
МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия
bambuk25@mail.ru

Есакова Мария Николаевна
МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия
maria_esakova@mail.ru

CORRELATION BETWEEN NORM AND USUS (TO THE PROBLEM OF TEACHING "RUSSIAN LANGUAGE AND SPEECH CULTURE" IN A FOREIGN AUDIENCE)

Litvinova Galina
Lomonosov Moscow State University, Russia

Esakova Maria
Lomonosov Moscow State University, Russia

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются вопросы, возникающие в связи с преподаванием курса «Русский язык и культура речи» в иностранной аудитории в системе подготовки переводчиков. Мир стремительно изменяется, и язык, как зеркало, отражает в себе эти изменения. Это приводит к тому, что узус не просто отрывается от нормы, но и вступает с ней в активный конфликт. Языковая норма нередко вступает в конфликт с узуальным, а с также окказиональным употреблением. В связи с этим возникает вопрос о том, какому языку учить иностранных учащихся – строго кодифицированному или «живому», разговорному.

ABSTRACT

The article deals with the issues arising during the course "Russian Language and Speech Culture" in a foreign audience in the system of translators training. The world is changing rapidly and language, as a mirror, reflects these changes. This leads to the fact that the usus is not only far away from the norm, but also enters into an active conflict with it. The language norm often comes into conflict with the common use as well as with nonce one. In this connection, there is a question: which language to teach foreign students - strictly codified or "live", colloquial.

Ключевые слова: языковая норма, узус, подготовка переводчиков, иностранная аудитория

Keywords: language norm, usus, translators training, foreign audience

С тем, что язык – живой организм, который постоянно развивается, спорить не приходится: появляются новые слова, изменяются значения старых. В процессе приобретения новых смыслов некоторые словарные единицы меняют свой статус, переходят в иные языковые категории. Порой слово в речи получает неожиданную коннотацию, которая не соответствует тому, что предлагают словари. Так случилось, например, со словами «демократ», «демократия». «Те, кого в России принято называть демократами, в действительности никакими демократами, в общепринятом в мире смысле этого слова, не являются. Демократами в России называют вообще все подряд либеральные и центристские силы, начиная от почти что социал-демократов из Яблока и СР и заканчивая либертарианцами и явновыраженными правыми. Однако чаще всего это слово в России применяется к правым. Самое смешное, что в мировой практике демократы – это левые, как правило – социал-демократы/социал-либералы... И ещё более смешно здесь то, что и правые, и левые умудряются одновременно всячески ругать это слово, да ещё и при этом взаимно переворачивая его достоинства и недостатки: левые упрекают демократию в том, что она ... приводит к власти олигархии; правые упрекают демократию в прямо противоположном, в том, что она приводит раз за разом к власти социальных популистов и вырождается во власть нищей толпы, требующей всё больше и больше колбасы» (Пряну 2012: Интернет-ресурс). Подобную отрицательную коннотацию получили в современном российском обществе и такие слова, например, как «либерал», «толерантность»: «Я-то всегда считал сей термин сугубо медицинским (а применительно к нашей стране – вообще клиническим). Ошибка! «Толерантность» до недавнего времени трактовалась как «терпимость к чужому поведению», а со следующего года обогатится еще и «снисходительностью к особенностям других людей», сообщают «Новые известия». Значит, фраза «Я толерантен к Вашему горбу» прозвучит вполне себе интеллигентно» (Синельников 2010: Интернет-ресурс).

Подобные изменения в словарном составе русского языка связаны прежде всего с политическими и социальными переменами, стремительно происходящими в обществе в последние десятилетия, о чем не раз уже было сказано выступающими самых разных профессий на различных мероприятиях. Изменения касаются не только значений слов, но и их формы. Так, достаточно сложно найти сейчас выступающего по телевидению или радио человека, который правильно бы обращался с числительными.

Кроме того, не надо забывать о том, что в живой языковой среде зачастую существует несколько норм. Они могут быть равноправными, например, твОрог = творОг. Или одна норма может считаться более предпочтительной, например, ракушка, а не рАкушка. Живая речевая стихия, узус приводят к тому, что, например, слово «кофе» повсеместно употребляется в

среднем роде (что, в принципе, как раз соответствует существующему в языке грамматическому правилу, согласно которому несклоняемые неодушевленные существительные должны иметь средний род) и уже многие словари предлагают оба варианта как допустимые, сняв с «кофе – ср.р.» помету «разг.» (см, например, такие словари, как:

1. Орфографический словарь русского языка. Букчина Б.З., Сазонова И.К., Чельцова Л.К. - М.: «АСТ-ПРЕСС», 2008. - 1288 с.

2. Грамматический словарь русского языка: Словоизменение. Зализняк А.А. - М.: «АСТ-ПРЕСС», 2008. - 794 с.

3. Словарь ударений русского языка. Резниченко И.Л. - М.: «АСТ-ПРЕСС», 2008. - 943 с.

4. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий. Телия В.Н. - М.: «АСТ-ПРЕСС», 2008. - 782 с.).

Безусловно, подобные изменения вызывают всегда много споров, особенно в СМИ. Но, с точки зрения специалистов, такие изменения оправданы стихией массового употребления: «Зачем же лингвисты зафиксировали все эти дОговор, кофе (ср. р.), по срЕдам? Это объективная фиксация изменившейся литературной нормы. Главная особенность нормы – ее динамичность. Если в языке ничего не меняется, значит язык этот мертв. В живом языке постоянно рождаются новые варианты и умирают старые; то, что вчера было недопустимо, сегодня становится возможным, а завтра – единственно верным. И если лингвист видит, что норма меняется, он обязан зафиксировать это изменение» (Грамота.ру 2009: Интернет-ресурс).

Однако верно и то, что лингвисты нередко не успевают не только как-то классифицировать происходящие изменения, но и упорядочить их, осмыслить или просто уследить за ними. Полемика по поводу сохранения и классификации языковых норм – вещь не новая. Во все времена ревнители языка считали, что нормы должны сохраняться в неизменном виде и чем больше в языке ограничений, тем выше уровень развития культуры в обществе. Демократическая точка зрения состоит в том, что язык – это живой организм, и живая речевая стихия должна беспрепятственно приникать в литературную речь.

Нельзя не согласиться с мнением Максима Кронгауза, что языком «бессмысленно командовать и его невозможно насильственно переделывать. За ним можно только внимательно наблюдать и осторожно фиксировать изменения». По мнению исследователя, современный русский язык «раскололся на четыре разных «диалекта»: гламурный, бранно-бандитский, иностранно-заимствованный и интернетовский» (Кронгауз 2008: Интернет-ресурс).

Учитывая все вышесказанное, перед преподавателями русского языка и культуры речи, в том числе, а может, и в первую очередь перед преподавателями русского языка как иностранного встает вопрос: какому же языку учить? Безусловно, нормированному – скажет большинство, радуя за красоту родной речи. Но, если учить только нормированному языку, то выпускнику лингвистических факультетов будет не так просто работать переводчиком в самых разных сферах.

Да и вопрос о нормированности сейчас тоже стоит достаточно остро: что считать нормой? Начиная с орфоэпии (обеспечение или обеспечenie? ракушка или ракушка? договоры или договорá? Несмотря на то что, как уже было сказано выше, многими словарями признается равноправие произношения данных слов, согласно требованиям ФИПИ, школьники, сдающие ЕГЭ по русскому языку, должны выбирать варианты обеспечение, ракушка, договоры) и заканчивая нормативной грамматикой, специалисты в области преподавания русского языка сталкиваются с объективными сложностями в выборе материала. Так, при объяснении согласования сказуемого при подлежащем, имеющем в составе собирательные существительные (большинство, ряд, часть, множество) учебные пособия советуют ставить сказуемое в единственном числе, если подчеркивается единство действия или его пассивность, - и во множественном, если подчеркивается активность и раздельность действия.

*Большинство солдат бросилОсь в атаку.
Большинство служащих прошлИ аттестацию.*

На первый взгляд, все понятно и логично. Но, когда встречаются ситуации, при которых говорящему точно неясно, вместе или раздельно совершалось действие, возникает вопрос: какому варианту нужно отдать предпочтение?

Встречаются расхождения и другого рода. Так, известный лингвист В.И. Беликов в своих работах, посвященных трудностям согласования подлежащего и сказуемого, предлагает запомнить, что при согласовании лиц по профессии сказуемое, выраженное глаголом, в книжно-письменных стилях ставится в форме мужского рода, если сказуемое предшествует сочетанию «слово + имя собственное»:

Увлекательные заметки предложил редакции известный автор Н.Петрова.

Однако при подготовке учащихся к тестированию на уровень владения русским языком ТРКИ-2 (Аверьянова Г.Н. и др. 1999: 95) мы встречаем следующее задание:

На заседании Совета с кратким сообщением ... ученый секретарь Смирнова.

(А) выступили (Б) выступал (В) выступила (Г) выступил

И единственно правильный ответ – *выступила*.

Безусловно, смысловое согласование, как правило, побеждает в речи, прежде всего в разговорной. Уже повсеместно можно услышать *Секретарь выступила*, даже при отсутствии рядом имени собственного. В Институте русского языка АН СССР было проведено специальное статистическое обследование, для того чтобы выяснить отношение представителей различных возрастных и социальных слоев к вариантным способам согласования. В результате выяснилось, что более половины опрошенных (51,7%) предпочитают новую форму *врач пришла*, 9,7% — колеблются, а 38,6% — придерживаются грамматического согласования *врач пришел*. Выбор той или иной формы, оказалось, зависит и от возрастной категории: информанты среднего и молодого возраста предпочитают новую форму смыслового согласования - *врач пришла*. Поэтому, на наш взгляд, стоит задуматься над возможностью отказа от избыточных конструкций.

Учитывая вышесказанное, в связи с преподаванием курса «Русский язык и культура речи» в иностранной аудитории в системе подготовки переводчиков возникает ряд вопросов. Иностранец, приезжающий в Россию, сталкивается с тем, что языковая норма вступает в конфликт с узуальным, а также окказиональным употреблением. Опыт преподавания дисциплины «Русский язык и культура речи» в иностранной аудитории демонстрирует, что знаний, полученных на довузовском этапе обучения, недостаточно не только для продолжения обучения по специальности «Перевод и переводоведение», но и для адаптации в языковой среде. Мир стремительно изменяется, и язык, как зеркало, отражает в себе эти изменения. Это приводит к тому, что узус не просто отрывается от нормы, но и вступает с ней в активный конфликт.

Мы учим одному языку – правильному, нормированному, грамматически и стилистически выверенному. Однако, выходя из аудитории в «большой мир», учащиеся тут же сталкиваются с мощной стихией разговорной речи. Конечно, для переводчика нет запретных тем, не существует табу на стилистические регистры: никогда не знаешь, что и в какой ситуации, при каких условиях придется переводить. Поэтому в аудиториях приходится работать не только с нормированным литературным языком. «Завидую Ивану Тургеневу, которому «во дни сомнений и тягостных раздумий» всегда было на что опереться... Окажись Иван Сергеевич вдруг здесь и сейчас – точно грохнулся бы в обморок, лишившись привычной опоры: ведь для него, к примеру, идиома «коврик для мыши» – такой же идиотизм, как и «тапочки для тараканов». А после соответствующих разъяснений (дескать, «жжош») он впал бы даже не в отчаяние, а в глубокую протрацию» (Синельников 2010: Интернет-ресурс).

В России наступил период некой «смены вех». С одной стороны, появился так называемый «новояз» - «огромная волна транснационально-постиндустриального языка

(бизнес-сленг, сетевой язык, рекламная «феня» и т.д. и т.п.)» (Елистратов 2017: Интернет-ресурс). И бороться за «чистоту языка» в традиционном смысле все сложнее, а некоторые исследователи считают, что это уже невозможно в силу появления Интернета. С другой стороны, напряжение на фронте «старояз»-«новояз» явно ослабевает. В реальной жизни нередко можно встретить смешение этих двух языковых стихий. «Условно говоря, цитаты из Пушкина, Булгакова или из «Места встречи изменить нельзя» и «Брата-2» легко уживаются в речи людей со всякими «хайпами» и «хэтчбэками». Наметилась тенденция к лингвокультурологическому синтезу, к «среднеязыку». Всё как в классической диалектике: тезис – антитезис – синтез» (Елистратов 2017: Интернет-ресурс).

Итак, что же должен учитывать преподаватель русского языка и культуры речи при работе в иностранной аудитории?

Прежде всего, мощное влияние разговорной стихии языка, его упрощение (в том числе и фонетическое), нарушение норм, стремление к так называемой демократизации языка, жаргонизация языка, что проявляется не только в устной разговорной речи, но и в сферах Интернета и СМИ. «Сниженная лексика словно бы вьелась в сознание, и её статус как сниженной смещается «вверх». Расшатывается иерархия стилей. Человек перестаёт чувствовать, где высокое, где нейтральное, а где низкое. Подобное явление периодически происходит в языке. Крупный русский лингвист Б. А. Ларин называл его «варваризацией»... (Елистратов 2009, Интернет-ресурс).

Приходится констатировать также, что на рубеже XX и XXI веков демократизация языка достигла таких размеров, что правильнее назвать этот процесс либерализацией, а еще точнее – вульгаризацией. И это, как уже было сказано выше, касается всех уровней языка. Например, в сфере орфоэпии вместо классического «здравствуйте» мы можем услышать и «здрасьте», и «дратути» и даже «зсти», произнесенное без особых усилий со стороны артикуляционного аппарата (не открывая рта). Здесь же можно вспомнить и ставшие, к сожалению, привычными «чё» («что») и «лана» («ладно»).

Ни для кого не секрет, что язык СМИ, особенно язык работников теле- и радиовещания еще несколько десятков лет назад считался образцовым, эталоном. В настоящее время, по наблюдениям специалистов, в сознание населения (прежде всего молодежи) внедряется другая модель. «Речь героев многих популярных в последнее время молодёжных сериалов типа «Универ», «Реальные пацаны», «Счастливы вместе», а также различные реалити-шоу наподобие «Дом-2» зачастую пестрит такими выражениями, как: «пипец» (из «Универа»), «шняга», «общага», «беспонтовый» (оттуда же), «чмо», «лошара», «даун», «бабло» («Счастливы вместе»)» (Чигрина 2016: Интернет-ресурс) В нашу речь стремительно

проникло: *сечешь, гнобить, развести кого-то (обмануть) потрясно, прикольно, срубить бабла, галимый, оторваться по полной, фигеть, фигня, офигенски, фигасебе, стремно, тачка, бухать, отморозок, ни хрена, запасть на кого-то, оттянуться, ни хрена, жесть, зашибись, мобила, круто, отстой, чел, клёво и т.д.*

Употребление сниженного стиля становится модой современной журналистики, способом своеобразного «заигрывания» с молодыми зрителями и слушателями. В результате, если учесть сильное влияние СМИ, оказываемое на население, эта «хорошая речь» «внедряется в массы». Говорить на таком языке становится чуть ли не престижным, потому что именно так говорят успешные знаменитые представители властных, политических и бизнес структур.

Справедливости ради надо отметить, что специалисты говорят и о том, что бывают жаргонизмы довольно точные и образные, поэтому они постепенно входят в разговорно-бытовой язык. Например, выражение: «Надо остановить беспредел с ценами на энергоресурсы» - говорит не только о необоснованном повышении цен на энергоресурсы, но и передает значение оценки. Однако нужно сразу четко ограничивать в сознании учащихся сферу употребления этих слов.

Это влияние разговорного языка широко распространилось не только на молодое российское поколение, но на речь иностранцев, изучающих русский язык, особенно в условиях языковой среды. Так, на экзамене по предмету «Основы теории современного русского языка» на вопрос: «Какие способы словообразования ты знаешь?» - учащийся из Китая первого года обучения в бакалавриате ответил: «Прифигаческий!». Объясняя «новый! Способ словообразования, студент говорит: «Ехать – приехать! При – я прифигачил!» На вопрос: «Какие еще ты знаешь способы словообразования?» - отвечает: «Суффиксаческий, постфиксаческий!» Таким образом, мы видим, что разговорная стихия победила в его языковом сознании терминологию.

Необходимо сказать и еще об одной проблеме, с которой сталкивается преподаватель – это проникновение ненормативной лексики во все сферы общения людей, в том числе и в художественную литературу, театр, кинематограф. Использование обценной лексики и вульгаризмов приводят к речевой вульгарности. Кроме того, зачастую это приводит к утрате первоначального значения слова - к замене его новым. Так, «Дебил» - происходит от медицинского термина «дебил», означающего патологическую умственную отсталость, в большинстве случаев не означает ничего, кроме того, что говорящий хочет обидеть слушающего, иногда употребляется в смысле «глупый человек» (Чигрина 2016: Интернет-ресурс).

Подобные слова проникают во все сферы деятельности человека, и уже в речи людей, которые считают себя культурными, эти слова не редкость. И иностранцы, безусловно, тоже оказываются подверженными этому влиянию. Стремление многих лингвистов к чистоте языка, к отказу от вульгаризмов и просторечий нередко критикуется в СМИ: нельзя ждать от «рядовых» носителей языка знания стилистических норм и навязывать всем завышенные требования. Перед лингвистами, таким образом, на современном этапе стоит непростая задача достичь компромисса.

Нельзя не упомянуть и о такой проблеме, как чрезмерное, неоправданное употребление в речи иноязычных заимствований, которыми говорящий с легкостью заменяет исконно русские слова. В современном общении нередко предпочтение отдается английским словам: «ок» - вместо хорошо, ладно, «easy» вместо русского «легко», «лол» - вместо смешно. Переходя в русский язык, такие слова также имеют тенденцию менять свое значение. Так, слово «брутально», давно вошедшее в лексический состав русского языка неожиданно получает значение – «здорово», «отлично», «круто». И все это тоже входит в языковое сознание иностранных учащихся, которые, что парадоксально, нередко употребление таких слов считают своеобразным знаком «своего» (то есть приближения к «русским»).

Так какому языку учить? Тезис «коммуникация достигнута», который являлся ключевым на протяжении многих лет преподавания иностранных языков, к сожалению, стал причиной возникновения ряда проблем, например, аппроксимации произношения, и обеднения словарного запаса (отказа от синонимии), и упрощения грамматической системы языка (отказа от склонения числительных, и небрежное отношение к предложно-падежной системе языка и т.д.), и отсутствия стилистической дифференциации речи. Все эти проблемы на современном этапе обучения призвана решать, на наш взгляд, дисциплина, получившая название в учебных программах, «Русский язык и культура речи».

Поэтому в задачу преподавателя, безусловно, входит не только работа над грамотным произношением, расширением лексического запаса учащегося, над грамматической правильностью речи, но и объяснение того, какие речевые средства уместно использовать в той или иной ситуации. Необходимо учитывать регистр общения. Нужно привить учащемуся навык переключения с одного стилистического регистра на другой. Бесспорно, на уровнях лексики и фонетики в ситуации непринужденного общения многие легко говорят *клава* вместо *клавиатура* и *чё* вместо *что*. Но на уровне грамматики или же в условиях официального общения такая свобода переключения возможна не всегда: при стилистических различиях между вариантами императивных (приказных) предписаний здесь неизмеримо больше, чем диспозитивных.

В настоящее время очевиден выход культуры речи в теорию коммуникаций. Правила речевого общения определяются речевой ситуацией, поэтому диалог друзей и публичное выступление будут строиться по разным моделям. Однако, на наш взгляд, с первых дней обучения необходимо донести до сознания учащегося, что речь переводчика – его визитная карточка, которая играет решающую роль в формировании профессионального имиджа. Специалист в области перевода должен уметь склонять числительные, знать, что нужно говорить *звонит*, а не *звóнит*, *есть*, а не *кушать*, помнить, что глаголы *одеть* и *надеть* имеют разные оттенки значения, что предлог *благодаря* управляет не родительным, а дательным падежом.

Список литературы

- Аверьянова Г.Н., Беликова Л.Г., Ерофеева И.Н., Иванова Т.А., Нестерова Т.Е., Попова Т.И., Рогова К.А., Селиверстова Е.И., Химик В.В., Хорохордина О.В., Шутова Т.А., Юрко Е.Е. в (1999). «Типовые тесты по русскому языку как иностранному. Второй сертификационный уровень. Общее владение». Издательство «Златоуст», 112 с.
- Елистратов В.Л. (2017) От «новояза» до «старояза» [Интернет-ресурс], Raduga-NTE, URL: http://raduga-nte.de/php/print_artikel.php?id=8994&op=unsleipzig (дата обращения: 17.12.2017)
- Елистратов В.Л. (2009) Тест и культура речи [Интернет-ресурс], Наука и жизнь, URL: <https://www.nkj.ru/archive/articles/16675/> (дата обращения 17.12.2017)
- Кронгауз М. (2008) Как изменится русский язык. Лекции [Интернет-ресурс], URL: <https://snob.ru/selected/entry/945>
- Праяну Алекс. (2020) Отношение к демократии [Интернет-ресурс], Livejournal, URL: <https://alex-prajanu.livejournal.com/7580.html> (дата обращения: 29.04.08)
- Синельников М. (2010) «Тургенев бы «впал в отчаяние» [Интернет-ресурс], КМ.ru Мультимедиапортал URL: <http://www.km.ru/v-rossii/2010/10/15/problemy-kultury-v-rossii/341-turgenev-vpal-v-otchayanie> (дата обращения: 15.05.2018)
- Справочно-информационный портал Грамота.ру (2009) Безумный день, или Женитьба брачущихся [Интернет-ресурс], URL: http://gramota.ru/lenta/news/8_2442
- Чигрина А.В. (2016) Культура речи в современном обществе как одна из проблем экологии языка [Интернет-ресурс], Сборник конференции «Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия», URL: <http://www.ling-expert.ru/conference/langlaw6/chigrina.html> (дата обращения 15.04.2016)

ОСВОЕНИЕ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА РУССКОГО ЯЗЫКА ИНОСТРАНЦАМИ

Макшанцева Наталия Вениаминовна
ФГБОУ ВО НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, Россия
makshan@lunn.ru

THE ACQUISITION OF THE SEMANTIC SPACE OF THE RUSSIAN LANGUAGE BY THE FOREIGNERS

Natalia Makshantseva
Nizhny Novgorod State Linguistics University, Russia

АННОТАЦИЯ

В статье освещается концептуальный подход к решению проблемы освоения семантического пространства русского языка. Обоснован выбор концепта в качестве базовой единицы обучения. Концепт интерпретируется как функционирующая в тексте смылосодержащая единица сознания, получившая выражение в языке и обладающая устойчивой сетью ассоциаций, значимых для носителей данной культуры. Предлагаются приемы освоения семантической модели концепта.

ABSTRACT

This article deals with the conceptual approach to solving the problem of the acquisition of the semantic space of the Russian language. The choice of a concept as a basic educational unit is validated. The concept is interpreted as a unit of conscience, containing the meaning and functioning in a text, which obtained its form in a language and possesses a stable net of associations, meaningful for a certain culture. Methods of the acquisition of the semantic model of a concept are proposed.

Ключевые слова: семантика, концепт, компоненты концепта, культурный смысл, герменевтика, внутренняя форма слова, ментальная среда.

Keywords: semantics, concept, concept components, cultural meaning, hermeneutics, inner form of the word, mental environment.

Поиск новых способов обучения русскому языку студентов-иностранцев в настоящее время связан с такими направлениями в лингвистике, как функционально-семантическое, когнитивное, культурологическое.

В частности, достижения в области когнитивной лингвистики и концептуального анализа позволяют решать вопросы методики не только на основе уже хорошо известных

подходов (лингвострановедческого, социокультурного и др.), но и концептуального, манифестирующего концепт как дидактическую единицу обучения.

Концепт не имеет точного и общепринятого определения. Это один из наименее однозначных дефинируемых терминов. В зависимости от избираемого в исследовании подхода под концептом понимают и базовую единицу культуры, и основную единицу концептосферы, и единицу ментальной информации, и оперативную единицу памяти, и содержательную сторону языкового знака. Термин «концепт» определяется учеными по-разному и в зависимости от того, в какой сфере применяется. В лингвистике концепт - это, прежде всего, «оперативная содержательная единица мышления» или «квант структурированного знания», однако, истолкование концепта в учебных целях предполагает и оперирование культурами, то есть и «вербализованными культурными смыслами».

Интерпретация термина «концепт» ориентируется на смысл, который в наибольшей степени раскрывает его суть. Термин «концепт» и смысл нередко воспринимают как синонимы. Видимо, такое понимание задано работами С. А. Аскольдова-Алексеева: «Концепт - это точки сложнейших соцветий мысленных конкретностей» (Аскольдов-Алексеев 1997: 267), то есть в сущности «соцветий» смыслов. Например, В.И. Карасик полагает, что концепт - это «многомерное смысловое образование, которое представляет собой хранящиеся в памяти человека значимые, осознаваемые, типизируемые фрагменты опыта» (Карасик: 2004). В.В. Колесов трактует концепт как «зерно первосмысла».

В «Антологии концептов» (Карасик, Стернин 2007: 7) представлен концептуарий культурно значимых смыслов, закрепленных в языковом сознании и коммуникативном поведении в контексте семантико-когнитивного подхода (к языку), который определяет направление исследования - «от семантики единиц языка к концепту». Анализ семантики языковых единиц, репрезентирующих концепты, позволяет получить доступ к содержанию концептов как мыслительных единиц.

Учитывая опыт оперирования языковыми единицами, отражающими этнокультурные ценности, мы понимаем концепт как функционирующую в тексте смылосодержащую единицу сознания, получившую выражение в языке и обладающую устойчивой сетью ассоциаций, значимых для носителей данной культуры. Концепт как глубинный слой качественной определенности предмета (явления) характеризуется системными признаками. Компоненты концепта - понятийный, ассоциативно - образный, символический и ценностно-оценочный - составляют взаимодействующее единство языковых средств разных уровней.

На основе анализа исследований по концептологии (Апресян Ю., Воркачев С., Карасик В., Кубрякова Е., Колесов В., Лихачев Д., Попова Е., Прохоров Ю., Стернин И., Слышкин Г.,

Степанов Ю. и др.) нами отмечены необходимые и достаточные признаки концепта как единицы обучения, обеспечивающие осознание студентами сущности, структуры, формы их представления в языке:

- ментальная природа;
- комплексность бытования: это феномен языка, сознания и культуры;
- этноспецифичность как совокупность приемов семантического представления культурно-национальной специфики языковых единиц;
- ценностность;
- способность интенсифицировать духовную жизнь;
- ассоциативная аура в форме образно-метафорических коннотаций и прецедентных связей;
- номинативная плотность;
- полиапеллируемость: существует много способов языковой апелляции к концепту, имеющих специфику в различных культурах.

Признаки концепта как единицы обучения взаимосвязаны и взаимообусловлены. Каждый зависит от других и является частью целого.

Известны разные методы изучения концептов в отечественной и зарубежной лингвистике (Н.Д. Арутюнова, Ю.Д. Апресян, В.З. Демьянков, В.Н. Телия, В.В. Красных, Р.М. Фрумкина, А.Д. Шмелев, Н.Н. Болдырев; Ч. Филлмор, М. Минский, Дж. Лакофф, Ж. Фоконье, Т. ван Дейк и др.). Однако при всем существующем на сегодняшний день арсенале различных методик, приемов, способов анализа вербально выраженных концептов, поиски стратегий их изучения нельзя признать законченными.

Особые возможности в исследовании концептов открываются при обращении к опыту герменевтики и его адаптированию к задачам концептуального анализа в методике. В качестве главного метода изучения концептов следует признать интерпретативный анализ. Сфера концептов - это сфера понимания. В.И. Даль определяет значение слова *понимать* следующим образом: «постигать разумом, познавать, разуметь, обнять смыслом, находить в чем-то смысл и толк (Даль 1978: 286, 287). В словаре под редакцией Д.Н. Ушакова *понимание* - способность, умение проникнуть в смысл чего-нибудь (Ушаков 2000: 582). В словаре под редакцией А.Н. Евгеньевой *понять* - уяснить себе, уразуметь смысл, сущность, содержание чего-либо (Евгеньева 1985-1988: 289, 291). В процессе обучения мы постоянно сталкиваемся с разгадкой смысла и в текстовой деятельности, и в процессе коммуникации. С опорой на герменевтику студенты решают задачу чуда понимания, «а чудо заключается не в том, что души таинственно сообщаются между собой, а в том, что они причастны к общему для них смыслу» (Гадамер

1991: 73). Концепт как интерпретатор смысла рассматривается в качестве опоры для создания смыслопорождающей смыслопостигаемой учебной среды. Именно такая духовная среда выполняет различные функции (обучающую, воспитывающую) и способствует рождению глубоко осмысленного диалога с миром изучаемого языка.

Методическая интерпретация речемыслительной деятельности студентов предполагает совокупность приёмов, дающих ключ к семантической модели концепта.

- Выявление ассоциации - модели речевых знаний носителей языка.

В практике межкультурного образования в контакт вступают представители разных культур, поэтому они не могут предполагать одинаковую интерпретацию концептов. Особенно ярко эти различия проявляются в ассоциациях, которые вызывают слова, репрезентирующие концепт. Ассоциации различны по смыслу, они являются отображением национальной культуры в слове. Приводим ассоциации, данные иностранными студентами на стимул «Рябина» в начале обучения. Ассоциограмма выглядела следующим образом:

Слова-реакции иллюстрируют ориентированность обучаемых в предметно-понятийном уровне. Рябина - дерево или кустарник семейства розовых с гладкой серой корой, с пористыми листьями и ярко-красными ягодами (Черных 1999: 733); дерево или кустарник семейства розоцветных с собранными в кисти горьковатыми оранжево-красными ягодами, а также сами ягоды (Ожегов, Шведова 1995: 679). Лексема «рябина» обладает денотативным значением «дерево», «красная ягода» - превалирует сема цвета, «осень» - ягоды рябины поспевают осенью, «горькая» - ягоды рябины на вкус горьковатые (вкусовые ощущения).

С целью выявления культурных смыслов, которые служат посредником между языком и культурой, осуществлялась реализация следующих приемов:

- Аппелляция к внутренней форме слова как источнику концепта (ВФС). ВФС является первичной семантической мотивировкой концепта. «Рябь» - мелкая пестрина, либо

шероховатость, дающая оттенок цвета (Даль 2000: 572). Название связано с создаваемым зрительным впечатлением пестроты или ряби, множеством ярких ягод на дереве.

- Установление деривационных связей:

рябина (рябинка) - дерево - «Выйдем на долинку да сядем под рябинку»

рябинник - рябиновый лес; большой серый дрозд

рябить - пестреть - рябой

рябчик - лесная птица с пестрым оперением

рябиновка - настойка на ягодах рябины

рябиновая ночь - мотивирована временем цветения рябины

Заметим, что производная лексема «рябинка» имеет в русском языке омонимы - крапина, пятнышко, веснушка, также соотнесенные с внутренней формой слова.

- **Образный компонент структуры концепта** представляет предмет концептуального описания как уподобление кому-либо, чему-либо на основе метафорического переноса. Важен семантический анализ переносных значений слов, воплощающих концепты.

С рябиной связаны цветовые метафоры: «Горит костер рябины красной»(С.Есенин), «Красной кистью рябина зажглась» (М.Цветаева), «Рябины вдалеке будто пламенный закат» (А.Прокофьев).

В фольклорной традиции рябина, ассоциируемая с женским одиночеством, - олицетворение женского начала. Еще Вл.Даль отмечал переносное значение слова «рябина» в народных песнях. Одна из наиболее популярных содержит противопоставление «рябина» - «дуб», идущее от наивной картины мира, которое задается категорией рода: рябина – женщина, тоскующая по дубу, а дуб – мужчина, любящий рябину.

В поэтической интерпретации концепт рябина соотносится с такими понятиями, как любовь, надежда, счастье, пора встреч – время цветения рябины, а с увяданием – пора расставанья, тоска прощанья, одиночество.

- **Выявление символического компонента.** Символический компонент концепта представляет рябину в качестве знака национальной культуры, имеющего признак духовности.

За горечь ягод рябину воспринимают как символ «горькой судьбы».

Мне и доньне хочется грызть

Жаркой рябины горькую кисть (М.Цветаева)

Отсюда у поэтессы рябина – «судьбина горькая».

В стихотворении Н.Рубцова рябина также символизирует горькую судьбу:

Хочу запеть про тонкую рябину

Или про чью-то горькую судьбину

Или о чем-то русском вообще.

Выстраивается смысловой ряд: рябина – горькая судьбина – что-то русское. В русской поэзии рябина – один из символов Родины.

Люблю песчаный косогор,

Перед избушкой две рябины... - писал А.С. Пушкин в романе «Евгений Онегин».

- **Ценностно-оценочный компонент.** Под оценкой понимается мнение о соответствии/несоответствии предмета каким-либо ценностным критериям. Как по-разному отражена прагматика рябины в сознании русского человека, прекрасно иллюстрирует рассказ Л.Яшина «Угощаю рябиной».

Оценочность может входить в денотативный компонент значения (целительное средство, украшение) или в коннотативное значение. Эмоционально-оценочное значение может быть результатом эксплицирующей функции текста без оценочного слова. Марина Цветаева, испытывая сильную тоску по родине, сколько ни уверяла себя и других, будто ее уже ничто не может очаровать, восхитить, что ей все безразлично, писала:

Всяк дом мне чужд, всяк храм мне пуст,

И все – равно, и все – едино.

Но если по дороге – куст

Встает, особенно – рябина...

Рябина – ключевой образ в стихотворении поэтессы «Тоска по Родине».

Исследование оценочного поля «рябины» показало активность колоративов как стилистического средства оценочного отношения к объекту концептуального описания. На оценочном уровне концепта доминируют положительные коннотации. Ценностная сторона предмета выражена в его значимости для концептосферы русской национальной культуры.

В результате применения технологии погружения в ментальную среду по освоению концепта «рябина» студенты расширили первое ассоциативное лексико-семантическое поле (рис.1)

Рисунок 1.

Рисунок 2.

Семантическая единица была включена в эмоциональную и ментальную сферы. Взаимопроникновение понятийной, эмоционально-оценочной и ментальной составляющих привело к рождению новых ассоциаций (рис.2). Одно лексико-семантическое поле охватывает денотативную область, другое – ментальную, эмоционально-оценочную.

В результате словарное понятие «обрастает» приращенными смыслами.

Реализация предложенной методики ориентирована на активизацию когнитивных способностей студентов, на развитие рефлексии, творческого мышления, духовного потенциала, способности непосредственного «вчувствования», переживания, понимания социокультурного смысла языковых единиц и тем самым эффективное освоение семантического пространства русского языка.

Список литературы

- Аскольдов-Алексеев С.П. (1997): Концепт и слово, Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология [Под ред. В.П. Нерознака]. Москва: Academia, 267-279.
- Гадамер Х-Г. (1991): Актуальность прекрасного. Москва, 73.
- Даль В.И. (1978): Толковый словарь живого великого русского языка в 4 томах. Москва: Русский язык, т.3, 286-287.
- Даль В.И. Толковый словарь русского языка. Москва: 2000, 572.
- Карасик В.И. (2004): Этноспецифичные концепты, Введение в когнитивную лингвистику. Кемерово: Комплекс «Графика», 59.
- Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М. 1995, 679.
- Под.ред. А.П. Евгеньевой (1985-1988): Словарь русского языка в 4 томах. Москва: Русский язык. 289, 291.

Под.ред. В.И. Карасика, И.А.Стернина (2007): Антология концептов. Москва: Гнозис, 7.

Ушаков Д.Н. (2000): Толковый словарь русского языка. Москва: ООО «Издательство АСТ», 582.

Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка в 2-х тт. Т. 2. М: 1999, 133.

ОСОБЕННОСТИ ОБУЧЕНИЯ МОНОЛОГИЧЕСКИМ ФОРМАМ НАУЧНОГО СТИЛЯ РЕЧИ СТУДЕНТОВ-ИНОСТРАНЦЕВ

Митрофанова Ирина Игоревна
Российский университет дружбы народов, Россия
Mitrofanovaii @inbox.ru

THE PECULIARITIES OF TEACHING FOREIGN STUDENTS MONOLOGICAL SCIENTIFIC SPEECH

Mitrofanova Irina Igirevna
People's Friendship University of Russia, Russia

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена особенностям обучения монологическим формам научного стиля речи в иностранной аудитории. Именно системные языковые средства в научной речи подсказывают такую организацию учебного материала, которая облегчает процесс обучения монологическим формам научной речи и делает его наиболее эффективным.

ABSTRACT

The article is devoted to the peculiarities of teaching monological forms of the scientific speech style to foreign students. It is systemic linguistic means in scientific speech that help in organizing educational material which facilitates training monologic forms of scientific speech and makes it more effective.

Ключевые слова: научный стиль речи, научное мышление, монологическое выступление, устная научная речь, языковые средства, лексико-грамматическая структура, синтаксическая структура.

Keywords: Scientific speech style, scientific thinking, monological speech, oral scientific speech, language means, lexical and grammatical structure, syntactic structure.

В данный момент ни у кого из лингвистов не вызывает сомнения тот факт, что функциональные стили речи: научный, деловой, публицистический, стиль художественной литературы являются совокупностью взаимосвязанных и взаимозависимых языковых средств, используемых в сфере коммуникации.

Лингвистические методы изучения речевых стилей определяют особенности научного стиля сравнительно с другими стилями речи. Так, стилистический метод, который использовала М.Н. Кожина в своем исследовании «О речевой системности научного стиля сравнительно с некоторыми другими», доказывает противоположность категории

абстрактности (конкретность объясняет употребление глагольных времен в научной речи, употребление формы настоящего времени, реже – форм прошедшего и будущего времени), использование личных местоимений, в особенности местоимения мы насыщенность научной речи отвлеченными существительными среднего рода и др.

Однако эта категория относится к частным категориям, присущим научному стилю речи. Специфика же научного стиля речи определяется особенностями научного мышления: строгой понятийностью, абстрактностью, обобщенностью, отвлеченностью, логичностью и др. Именно эти особенности определяют структуру, композицию того или иного высказывания и принадлежность к научному стилю, независимо от того, к какому жанру относится это высказывание. «Научный язык совпадает с понятийно-логическим языком, понятийный язык выступает как более абстрактный» (Ш. Балли 1961:144,248).

О.Д. Митрофанова в работе «Язык научно-технической литературы» выявляет монотонность, однородность лексики научного стиля и увеличения объема научного текста за счет многократного повторения одних и тех же слов. Например, в текстах по химии на объем текста в 150 тыс. лексических единиц слово вода повторяется 1431, раствор -1355, атом- 1011, кислота 1182 и пр.

Для этого стиля характерно использование специальной научной и терминологической лексики, причем в последнее время все больше места занимает международная терминология.

Что же такое термин? Термин- это слово или словосочетание, обозначающее понятие специальной области знания или деятельности и являющееся элементом определенной системы терминов. Внутри данной системы термин стремится к однозначности, не выражает экспрессии и является стилистически нейтральным. Приведем примеры терминов: атрофия, лазер, сфера, фаза, аффиксация, внутренняя флексия, граммема, линкос(лингвистика космоса), протеза, этнолингвистика и др. Сегодня это особенно заметно в экономической речи, например, фьючерс, хеджирование, девальвация, квотирование, криптовалюта, биткоин и т.д. . Значительная часть терминов являются интернациональными словами, что подтверждает условный язык науки. Термин представляет собой значимую лексическую и понятийную единицу научной сферы. В количественном отношении в текстах научного стиля термины преобладают над другими видами специальной лексики (номенклатурными наименованиями, профессионализмами, профессиональными жаргонизмами и пр.), так, терминологическая лексика обычно составляет 15-20% общей лексики данного стиля.

Языку научного общения присущи и грамматические особенности. Отвлеченность и обобщенность научной речи проявляются в признаках деятельности разнообразных грамматических, морфологических единиц, что наблюдается в выборе категорий и форм, а

также степени их частоты в тексте. Реализация закона экономии языковых средств в научном стиле речи приводит к применению более кратких вариантных форм, в частности форм существительных мужского рода вместо форм женского рода. Названия понятий преобладает над названиями действий, т.е. сокращению употребления глаголов и увеличению количества существительных. При использовании глаголов отмечается тенденция к их десемантизации, то есть утрате лексического значения, что отвечает требованию абстрактности, обобщенности научного стиля. Это проявляется в том, что большая часть глаголов функционирует в роли связочных: быть, являться, называться, считаться, стать, делаться, казаться, заключаться, составлять, обладать, представляться и т.д. Существует группа глаголов, которые выступают в качестве компонентов глагольно-именных сочетаний, где главная смысловая нагрузка приходится на существительное, обозначающее действие: приводить к возникновению, к решению, производить наблюдения и т.д. Десемантизация глагола проявляется в преобладании абстрактной семантики: существовать, происходить, иметь, изменять(ся), продолжать(ся) и т.д. В контексте научной речи вневременное значение приобретает и прошедшее время глагола: Произведено n опытов, в каждом из которых x приняла определенное значение. Следует отметить, что процент глаголов настоящего времени в три раза превышает процент форм прошедшего времени, составляя 67-85 % от всех глагольных форм. Около 80% составляют формы несовершенного вида, являясь более обобщенно-отвлеченными. Формы лица глагола и личные местоимения в научном стиле также употребляются в соответствии с передачей отвлеченно-обобщающих значений. Мало используются формы 2-го лица и местоимения ты, вы, так они являются более конкретными, незначителен процент форм 1-го лица ед. числа. Наиболее частотны отвлеченные по значению формы 3-го лица и местоимения он, она, оно. Местоимение мы, кроме употребления в значении так называемого авторского мы, вместе с формой глагола часто выражает значение разной степени отвлеченности и обобщенности в значении «мы совокупности» (я и аудитория), например: Мы приходим к результату. Мы можем сделать следующие выводы.

Для синтаксиса научного стиля речи характерна тенденция к сложным построениям, что способствует передаче сложной системы научных понятий, установлению отношений между родовыми и видовыми понятиями, между причиной и следствием, доказательствами и выводами используются предложения с однородными членами и обобщающими словами. Распространены разные типы сложных предложений с использованием составных подчинительных союзов: вследствие того что, ввиду того что, в то время как и др. Средствами связи частей текста служат вводные слова и сочетания: во-первых, наконец, с другой стороны, указывающие на последовательность изложения. Обобщенно-абстрактный характер научной

речи, вневременной план изложения материала обуславливают употребление следующих типов синтаксических конструкций: неопределенно-личных, обобщенно-личных, безличных. Неопределенно-личные и обобщенно-личные предложения используются при введении терминов, выведении формул, при объяснении материала в примерах. Рассмотрим следующий пример. Сравним предложения.

Таким образом, научный стиль речи представляет собой определенную речевую систему, которая характеризуется своей спецификой, набором языковых средств, составляющих единство, строем речи и особой функциональной окрашенностью. Например, логичность в научной речи подчеркивается синтаксическими средствами: типами предложений, средствами связи (союзами), лексико-грамматическими средствами (указательными местоимениями, лексико-грамматическими повторами, вводными словами и другими средствами и способами). Все данные наблюдения над научным стилем исключительно важны при обучении русскому языку студентов-иностранцев, т.к. на продвинутом и завершающем этапах обучения, особо важно обучение иностранцев научному стилю речи, как в устной, так и в письменной формах.

Выделяют четыре основных жанра письменной научной речи. Собственно-научный подстиль используют для написания текстов двух типов: первичных и вторичных. К жанрам первичных текстов можно отнести научные статьи, монографии, диссертации, дипломные, курсовые работы, публикуемые тексты докладов и т.д. Жанрами вторичных текстов являются конспекты, рефераты, аннотации, рецензии. Научно-учебный подстиль выступает в учебниках, пособиях, учебных справочника и т.д. Научно-справочный подстиль представлен в энциклопедических и терминологических словарях и различных справочниках. Научно-популярным подстилем пишутся тексты на научные темы для широкого круга читателей: книги, статьи, заметки, рецензии, эссе научных трудов в газетах и журналах, интервью ученых, обзоры научной жизни, научной литературы. Основные жанры устной научной речи – это реферативное сообщение, лекция, доклад и др.

Следует отметить трудности для студентов-иностранцев в работе со статьей, текстом, монографией, учебником и т.д., но здесь на помощь приходят словари, справочная литература, контекст и др. Гораздо больше трудностей возникает у иностранных студентов при устном выступлении на научные темы или при восприятии лекции преподавателя со слуха. Здесь иностранный студент оказывается в некотором роде безоружным, у него нет зрительной опоры, нет образца, нет четкого представления о том, как он должен выступать, он интуитивно подбирает формы выражения мысли.

Наличие системности языковых средств в научной речи подсказывает такую организацию учебного материала, которая облегчает процесс обучения монологическим формам научной речи и делает его наиболее эффективным.

Под монологическими формами научного стиля речи могут пониматься, с одной стороны, любые монологические высказывания научного характера, содержащие повествование, рассуждение или полемику, дискуссию, с другой – завершение в композиционном отношении высказывания по научным проблемам в виде особых форм устной научной речи – доклада, выступление по докладу, реферативного сообщения, лекции и т.д. Анализ монологических форм позволил выделить общие структурно-грамматические модели, языковые средства оформления мысли, синонимичные и антонимичные лексические средства, выбор которых определяется композицией той или иной монологической формы. Все эти языковые средства, необходимые для построения высказывания научного содержания, могут быть систематизированы и представлены в виде следующей таблицы.

Таблица 1. Доклад

Композиция	Структурно-грамматические модели	Оформление мысли	Лексические средства
1. Вступление (краткая характеристика предмета исследования, история вопроса, научное обоснование темы)	1. Дорогие друзья! 2. Тема моего доклада..... 3. Эта проблема актуальна 4. Я хотел(а) бы остановиться на следующих вопросах 5. История вопроса такова.....	1. Во-первых, во – вторых 2. В общих чертах, если можно так выразиться, если можно так сказать 3. А именно, такие, как...	1. Друзья, коллеги 2. Слабо, недостаточно, поверхностно, глубоко, всесторонне 3. Исследован, изучен, разработан 4. Хотел бы остановиться на..., нужно рассмотреть 5. Актуальный, своевременный, злободневный, стоит на повестке дня 6. Дорогие, уважаемые
II. Основная часть (изложение содержания доклада)	1. Особенность выражается в том, что.... 2. Я хотел бы обратить ваше внимание на то, что.... 3. Следует помнить о том, что... Тот факт, что... То обстоятельство, что	1. Разумеется, конечно, бесспорно, очевидно, по всей вероятности.... 2. В сущности, предположим, допустим, точнее, вернее, одним словом...	1. Особенность, признак, характерная черта, сторона 2. Выражается в том, что.... Заключается в том, что.... 3. Исходить из того, что....,

	<p>4.Противоречие состоит в том, что.... В чем состоит суть вопроса? Каково сейчас положение в мире 5.Что бы не предлагали..... Несмотря на то что.... Сколько бы не говорили.....</p>	<p>3.Как отмечается, как сообщает, как говорят... 4.С одной стороны.. с другой..... 5.Причем, при этом, как ...так и, не только...но и..., чем,тем....., сколько., столько, поскольку..., постольку...</p>	<p>4.Приводить к тому, что..... 5.Приложить все силы к тому, что... основан на том, что....., сделать все возможное для того, чтобы 6.Характерно что... доказано, что... 7.Очевидно, что.. ясно, что..., не удивительно, что..., характерно, что... 8.Факт, обстоятельство, пример, мысль</p>
<p>III. Заключение (выводы по теме)</p>	<p>1.В заключение хотелось бы сказать, отметить 2.Подводя итоги вышесказанному 3.Можно сделать следующие выводы....., пришли к выводу о том....., следует сделать следующие выводы.... 4.Анализируя все вышесказанное....., речь идет о том, что..., исходя из этого</p>	<p>1.Итак, следовательно, вследствие, таким образом, так 2.Иначе говоря, одним словом, наконец, в конце концов 3. Значит, кроме того, главным образом</p>	<p>1. В заключение, в итоге, в результате 2.Выводы, итоги, результаты 3. Следующие, некоторые..... 4.Вышесказанное, вышеупомянутое 5.Сказать, отметить, выделить, подвести итоги, сделать выводы, увидеть 6. Нужно было бы, хотелось бы, следовало бы и др. 7.Дело в том, что (вопрос в том, что)</p>

Как доклад, так и любое научное выступление предполагает его обсуждение, возникает необходимость высказать свое мнение по тем научным проблемам, которые были затронуты. Выступление по докладу предполагает несколько иное языковое оформление научных мыслей. Для того, чтобы замечания в выступлении по докладу носили стройный характер и не вызывали затруднений у иностранных студентов, можно предложить таблицу со следующими моделями.

Таблица 2. Выступление по докладу

Композиция	Структурно-грамматические модели	Оформление мысли	Лексика
I. Вступление (общая характеристика исследования)	1. Тема раскрыта глубоко 2. В работе затрагиваются следующие вопросы	1. С одной стороны..., с другой стороны....	1. Тема, проблема, вопрос, исследование 2. Полно (неполно), глубоко (неглубоко), поверхностно, односторонне, со всех сторон правильно (неправильно), схематично, кратко 3. Раскрыта, проанализирован, посвящен, разработан 4. Рассматриваются, анализируются, затрагиваются 5. Является предметом, исследуется
II. Основная часть 1. Положительная характеристика	1. Приведено много конкретных фактов, примеров, изучена литература 2. На протяжении всего выступления автор проводит одну мысль 3. Анализирует события и конкретные факты...	1. Во-первых... во-вторых и т.д. 2. Прежде всего, далее, в частности, например, к примеру, примером может служить, кстати 3. По мнению выступающего, докладчика, мне кажется, если верить докладчику, выступающему, как было сказано раньше	1. Автор, докладчик, выступающий, оратор 2. Приведен, проанализирован, изучен, исследован 3. Основательно, обстоятельно, последовательно, конкретно, абстрактно 4. Примеры, факты, мысли, события, материал 5. Конкретный, обстоятельный фактический материал
2. Отрицательная характеристика	1. Хотелось бы указать на некоторые недостатки 2. Следовало бы высказать ряд пожеланий... следует сделать отдельные замечания	1. Однако, кроме того, между прочим, наоборот, но... 2. Во-первых, во-вторых, первый момент, второй момент и т.д. на первое, на второе и т.д.	1. Хотел бы, можно было бы, следовало бы, следует остановиться 2. Факты опровергают, факты говорят одругом, факты отрицают 3. Не могу согласиться с этим утверждением,

	можно было бы осветить этот вопрос иначе 3. Факты опровергают эту мысль нельзя не согласиться с тем, что...		не согласен с тем, что нельзя согласиться с ... 4. Некоторый 5. Несколько, отдельный ряд, этот 6. Указать на недостатки, высказать пожелания, сделать замечания 7. Изложить, осветить, раскрыть, рассмотреть, опровергать, доказать 8. Пожелания, замечания, недостатки
III. Заключение (выводы по докладу)	1. Несмотря на отдельные замечания, доклад, выступление производит хорошее впечатление 2. Доклад, выступление выполнен на высоком научном и методическом уровне	1. В общем, в целом 2. Итак, следовательно, таким образом, в конце концов 3. Несмотря на допущенные недостатки	1. Доклад, выступление, сообщение, исследование, работа 2. Выполнен, сделан, написан 3. Производит впечатление..... заслуживает оценки 4. Можно оценить, можно сказать, можно констатировать, проиллюстрировать 5. Сделанные замечания, указанные недостатки, высказанные пожелания, допущенные недостатки 6. Высокий научный и методический уровень 7. Слог, стиль 8. Высокая оценка, положительная, отличная, хорошая

При сопоставлении данных таблиц можно заметить то общее, что их объединяет: принцип организации языкового материала, повтор структурно-грамматических форм, обилие модальных и вводных слов, наличие синонимов, антонимов и т.д.

Оформление научного материала посредством научного стиля речи делает более системным и стройным процесс обучения языку специальности, устным его формам.

Обучение монологическим формам научного стиля происходит на базе проработанных, тщательно изученных учебных текстов. Студентам можно предложить, используя таблицы, оформить изученный текст в виде устного выступления, сообщения, дополнения или замечания. После выработки навыков и умений, студентам можно предложить, используя материал таблиц, подготовить небольшой доклад или сообщение, прослушать его и организовать дискуссию. При работе с текстами можно предложить такие задания, как: составить выступление на определенную тему, выделить модальные слова в тексте, определить их значение и роль, выделить вводные слова, определить их роль в тексте, подобрать структурно-грамматические средства для введения к выступлению, для основной части, для заключения, подобрать синонимы к словам и т.д. Также аналогичная форма организации языковых средств может быть организована при обучении студентов-иностранцев реферативной работе, составлению аннотации, рецензии и т.д.

Подводя итоги, хочется отметить, что данная форма работы помогает учащимся овладеть набором лексико-грамматических и синтаксических структур для оформления научного материала в виде доклада, сообщения, выступления, а также упорядочивает и систематизирует процесс обучения монологическим формам научной речи, делает его осмысленным, наполняя лексическим содержанием.

Список литературы

Ш. Балли. (1961): Французская стилистика. Москва. 144, 248.

Ю.А.Гузь, Е.Ю.Юркина (2015): Лингвopsихологические основы обучения монологической речи на иностранном языке// Современные научные исследования и инновации. 12. Электронный ресурс. URL:<http://web/snauka.ru> (retrieved 08.06.2018).

М.Н. Кожина (1972): О речевой системности научного стиля сравнительно с некоторыми другими. Министерство высшего и среднего специального образования РСФР, Пермский государственный университет им.М. Горького. Пермь: издательство Пермского государственного университета, 395.

А.А. Леонтьев (2014): Язык, речь, речевая деятельность. Москва: издательство 7-е книжный дом «Либроком», 216.

О.Д. Митрофанова (1973): Язык научно- технической литературы. Москва: издательство Московский университет, 145.

Е.И. Пассов: (1977): Основы методики обучения иностранным языкам. Москва: Русский язык, 216.

Т.Б. Сиротина(2003): Русский язык как иностранный. Научный стиль речи: Практикум для студентов-иностранцев подготовительных факультетов вузов (филологический профиль): учебное, пособие Москва: издательство ФЛИНТА: Наука, 240.

**РЕШЕНИЕ ЗАДАЧ ДОВУЗОВСКОГО ЭТАПА ОБУЧЕНИЯ
СРЕДСТВАМИ РОССИЙСКОЙ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ
ЛИНГВОДИДАКТИКИ**

Мухаммад Людмила Петровна
ГОС. ИРЯ им. А.С. Пушкина, Россия
ludmilamuh@yandex.ru

Татарина Наталья Васильевна
ГОС. ИРЯ им. А.С. Пушкина, Россия
NVTatarinova@pushkin.institute

Халева Ольга Николаевна
ГОС. ИРЯ им. А.С. Пушкина, Россия
ONKhaleeva@pushkin.institute

Бертякова Анна Николаевна
ГОС. ИРЯ им. А.С. Пушкина, Россия
ANBertyakova@pushkin.institute

**SOLVING OF PROBLEMS OF PRE-UNIVERSITY EDUCATION WITH THE
MEANS OF RUSSIAN ANTHROPOLOGICAL LINGUODIDACTICS**

Liudmila Muhammad
Pushkin State Russian Language Institute, Russia

Natalia Tatarinova
Pushkin State Russian Language Institute, Russia

Olga Khaleeva
Pushkin State Russian Language Institute, Russia

Anna Bertyakova
Pushkin State Russian Language Institute, Russia

АННОТАЦИЯ

Работа посвящена решению задач довузовского этапа обучения иностранцев русскому языку. Актуальность исследования связана с проблемами «выживания» иностранных учащихся в иноязычной образовательной среде (уровень А0-А1). Новизна работы – в использовании ресурса антропологической лингводидактики в целях преодоления иностранцами трудностей вхождения в учебный процесс в условиях России.

ABSTRACT

The research is devoted to the solving of problems of pre-university education of foreign learners at Russian language. The actuality of this research is connected with problems of “surviving” of foreign

learners at foreign academic surrounding (A0-A1 level). The novelty of this research is connected with the use of resources of anthropological linguodidactics to overcome the difficulties of academic adaptation in Russia.

Ключевые слова: Антропологическая лингводидактика; довузовский этап обучения; учебный процесс.

Keywords: anthropological linguodidactics; pre-university education; studying process.

Данная статья посвящена построению эффективной гуманистически ориентированной модели учебной деятельности по русскому языку (далее: РЯ) в довузовский период обучения иностранцев в условиях России.

Объектом описываемого нами исследования является процесс включения иностранных учащихся в учебную деятельность на РЯ, направленную на их поступление на основные факультеты российских вузов. Причём обучение на данных факультетах ведётся на РЯ.

Цель нашего исследования – в определении и решении задач довузовского периода обучения иностранцев, иными словами, задач подготовительных факультетов (ПФ) России за счёт потенциала антропологической лингводидактики.

Проблематика данной статьи определяется следующим: как известно, иностранные учащиеся учатся на ПФ российских вузов с целью поступления в вузы России и успешного обучения в данных вузах. При этом следует отметить, что в ранний период обучения на ПФ эти учащиеся испытывают *острую необходимость в гуманистически ориентированных методиках*, предусматривающих *удовлетворение их элементарных экзистенциальных (жизненно важных) потребностей* как в учебно-профессиональной, так и в обиходно-бытовой сферах общения. В связи с этим в качестве главных задач современных ПФ России необходимо считать следующие:

1. **В ранние периоды довузовского обучения** РЯ необходимо: 1) помочь учащемуся безболезненно включиться в межличностное общение в стране изучаемого языка (данную задачу, опираясь на понятия методики преподавания РКИ, обозначим как задачу *формирования коммуникативно-языковой подготовки уровня «выживания»*, иными словами, *уровня A1*); 2) сформировать *элементарные* навыки общения: а) в обиходно-бытовой; б) в учебно-профессиональной сферах общения.

2. **В более поздние периоды довузовского обучения** (при формировании уровней A2 – B1) следует: 1) помочь иностранному учащемуся оптимально включиться в работу, непосредственно связанную с его будущей специальностью, т.е. специальностью, которой он будет обучаться на РЯ. Для этого учащийся должен: 1) при формировании уровня A2 овладеть

базовым учебным материалом РЯ; 2) при формировании уровня В1 – овладеть, прежде всего, основными способами вербализации предметно значимой информации на РЯ.

Подчеркнём, представленные выше формулировки задач ПФ вытекают не столько из программных документов (хотя, в своей основе, они и сопряжены с программными документами), сколько из лучшего опыта работы ПФ Российской Федерации (РФ), ориентированного, с одной стороны, на коммуникативные потребности учащихся, с другой – на потребности основных факультетов российских вузов в качественной подготовке абитуриентов.

Решая задачи современных ПФ РФ, а также описывая условия их функционирования, необходимо отметить, что в контексте информационного «бума» нам представляется весьма сложным делом выстраивать востребованную ПФ модель обучения и, таким образом, решать обозначенные выше задачи. Однако понятно, что их решение связано прежде всего со сложившейся практикой преподавания РКИ на ПФ, а также выбором более широкого контекста профессионально значимых оценок, чем это предполагают авторы современной методики преподавания РКИ (Капитонова, Московкин 2006, Лингводидактическая программа... 2017, Требования к Первому сертификационному уровню... 2015).

Как показывают наши практические исследования (наблюдения, беседы с учащимися и преподавателями, интервьюирование и т.д.), по приезде в Россию не знающий ни языка (РЯ), ни новой для него культуры иностранный учащийся, действительно, живёт и учится *на грани* «выживания». И дело здесь совсем не в том, что учащемуся нужно *пойти в магазин и купить себе* (с помощью РЯ) *всё необходимое* (а ведь именно на решение подобных коммуникативных задач и направлен заданный программами первый период обучения – период формирования уровня А1, т.е. «уровня выживания»). Дело здесь именно в том, что спустя полтора-два месяца учащийся, уже давно освоивший все ближайшие магазины, должен пойти в специальную лабораторию и сдать тест на тему «*В магазине*» (и т.п.), который, как мы знаем, значительно для него труднее, чем всё остальное, вместе взятое, «выживание». Как показывает практика, современные условия жизни и учёбы иностранцев в России таковы, что проблемы их «выживания» находятся не в обиходно-бытовой сфере общения, а именно в академической среде, которая, на наш взгляд, уже в самый первый период обучения предъявляет к своим «подопечным» *завышенные* требования. В таких условиях невероятно перегруженный иностранный учащийся уже через полтора-два месяца (во время специального тестирования) получает свой первый «культурно-образовательный» шок (первый свой «*неуд*» – отметку «*неудовлетворительно*»). Большинство таких учащихся именно в этот момент теряют веру в

свои силы, в возможности преодолеть трудности образования и получить желаемую специальность.

Думается, что в этой (описанной выше) ситуации решить актуальные задачи ПФ могут только *гуманистически ориентированные методики*, по своей сути *центрированные на личности учащегося*: 1) на реализации его экзистенциальных и коммуникативных потребностей; 2) на внедрении педагогических стратегий, соответствующих психологической организации конкретной личности, индивидуальности. В качестве такой, гуманистически ориентированной, методики преподавания РКИ (а шире – лингводидактики), мы рассматриваем **антропологическую лингводидактику**, опирающуюся на отечественную *психологическую, педагогическую, лингвистическую, этнокультурную и собственно методическую антропологию* (Антология 1990, Большая российская энциклопедия 2006, Российская педагогическая энциклопедия 1993, Выготский 1956, Леонтьев А.А. 1969, 1970, 2001а, 2001б, Лихачев, 1995, Мишатица, Цыбулько 2015, Ушинский 1950).

Актуальность исследования – в его гуманистической направленности, в той помощи, которую могут оказать антропологически заданные модели иностранным учащимся довузовского периода обучения РЯ в условиях России.

Методологической основой исследования послужили психологические, психолингвистические, лингвистические и лингводидактические модели развивающейся личности/языковой личности (ЯЛ) учащегося, предлагаемые отечественными психологами, педагогами и лингводидактами гуманистического направления (Антология, 1990, Выготский, 1956, Гальперин, 1966, Леонтьев А.А. 1969, 1970, 2001а, 2001б, Ушинский, 1950 и др.).

Современная российская *антропологическая лингводидактика* – молодая, складывающаяся, наука. Разумеется, она создана не на «пустом месте» и имеет под собой прочную психологическую, психолингвистическую и педагогическую базу, заложенную великими российскими психологами и педагогами К.Д. Ушинским, П.Ф. Каптеревым, Н.Ф. Бунаковым, Д.И. Тихомировым, Л.Н. Толстым, Л.С. Выготским, П.Я. Гальпериным, И.А. Зимней, А.А. Леонтьевым (Антология 1990, Большая российская энциклопедия 2006, Выготский 1956, Зимняя 1989, Леонтьев А.А. 1969, 1970, 2001а, 2001б, Ушинский 1950).

Так, ещё в XIX веке великий российский педагог-гуманист К.Д. Ушинский создал весьма актуальный для того (и для последующего) времени педагогический труд «Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии» (Ушинский 1950), призывая современников, педагогическое сообщество, обратиться лицом к подрастающему человеку, к ученику. «Педагогическая антропология» – это первая в России научно обоснованная модель «высвобождения» подрастающей личности из стискивающего её «образовательного кафтана»,

мешающего развитию и движению к свету, к будущему. Именно К.Д. Ушинский наметил обширную программу развития личности подрастающего ребёнка на базе: а) его собственного природного потенциала; б) российского этнокультурного ресурса (Антология 1990, Ушинский 1950). Решением поставленных К.Д. Ушинским задач в XIX веке занимались такие отечественные педагоги, как Л.Н. Толстой, П.Ф. Каптерев, Н.Ф. Бунаков, Д.И. Тихомиров, Д.И. Менделеев, В. М. Бехтерев и многие другие (Антология 1990). Так, замечательный педагог и психолог П.Ф. Каптерев обращал внимание соотечественников на *унитарный* (стандартизированный) характер государственной образовательной системы и призывал педагогов перейти от «штудийной» системы образования к личностно ориентированной, опирающейся на возможности и способности личности учащегося. В своих статьях он даёт весьма тонкое (по меркам того времени) психологическое обоснование будущим педагогическим программам и курсам. Например, учёный отмечает: «Органы внешних чувств у людей неодинаковой силы и качества: у одного превосходное зрение и слабый слух, у другого, наоборот, тонкий слух и близорукость. Один живёт преимущественно зрительными, другой – слуховыми впечатлениями» (Антология 1990: 224).

Как показано в психологической и педагогической отечественной литературе (Антология 1990, Российская педагогическая энциклопедия 1993, *Большая Российская энциклопедия* 2006) психолого-педагогические модели развивающейся личности учащегося дореволюционного времени строились на следующих интеллектуально-практических шагах деятелей образования: 1) опора на психологические особенности личности при обучении; 2) развитие самостоятельных форм умственной деятельности у учащихся; 3) развитие самодеятельности и творческого потенциала учащихся; 4) эвристичность обучения; 5) обучение на лучших образцах художественного творчества и т.д. (там же). Все, обозначенные выше, компоненты развивающего личность обучения имеют, как мы сможем убедиться ниже, непосредственное отношение и к *лингводидактике*, к *антропологической лингводидактике*.

Весьма глубокой в педагогическом, дидактическом и лингводидактическом аспектах оказалась психолого-педагогическая антропология Л.С. Выготского и его последователей. Л.С. Выготский как образованнейший человек своего времени был знаком с предшествующей психологической и педагогической антропологией и поставленными перед этими науками задачами. Более того, его психологическая модель, как нам видится, выросла из теории С.К. Ушинского (на это прежде всего указывает её наименование: «национально-культурная теория»), а также его последователей (Антология 1990). Необходимо подчеркнуть, что «национально-культурная модель» личности опиралась на **сознание как центр управления действиями и взаимодействиями** личности. Теоретические посылки Л.С. Выготского прошли

серьёзную проверку, в том числе, и в лабораторных условиях. Однако самым большим достоянием его деятельности являются сотни спасённых детей, переживших психологические шоки гражданской войны в России.

Мы хотели бы обратить внимание на то, что Л.С. Выготский в одном своём лице открыл в отечественной психологии и педагогике самые разнообразные направления. Однако в лингводидактическом аспекте нам в наибольшей мере интересны работы А.А. Леонтьева и П.Я. Гальперина – создателей теории формирования умственных действий и взаимодействий, а также теории РД при изучении ИЯ/РКИ (Гальперин 1966, Леонтьев 1969, 1970, 2001а, 2001б). Именно А.А. Леонтьеву, считавшему себя научным «внуком» Л.С. Выготского, надо отдать должное в развитии и поддержании традиций *антропологической* психологии, педагогики и лингводидактики (Леонтьев 2001а: 328–337, 2001б). Величайшая заслуга А.А. Леонтьева состоит в том, что он развил *психолингвистическое* направление в отечественной психологии и подвёл под отечественную лингводидактику *мощнейшую психолингвистическую базу* (Леонтьев 1969, 1970, 2001а, 2001б и др. работы). Ниже попытаемся выделить инвариантное содержание его лингводидактической модели:

1. Данная модель построена на теории деятельности/учебной деятельности А.Н. Леонтьева (ученика Л.С. Выготского) – П.Я. Гальперина – А.А. Леонтьева и, безусловно, в центре данной модели находится **личность** учащегося. На это указывает психологический феномен «*деятельность*», предполагающий своего «хозяина» – деятеля, субъекта своих действий и взаимодействий.

2. Обучение речевой деятельности (РД) рассматривается как обучение основным видам РД: а) рецептивным: аудированию и чтению; б) продуктивным: говорению и письму. Каждый из этих видов рассматривается как *функциональная система, управляемая личностью* (Леонтьев, 1969, 1970, 2001а, Методика 1988).

3. Обучение РД на РЯ, общению на данном языке осуществляется в соответствии с теорией *поэтапного* формирования умственных (когнитивных) действий и взаимодействий, что предполагает *ориентировочную, исполнительную, контрольную и корректировочную стадии* деятельности/РД (Гальперин 1966, Леонтьев 1969, 1970, Леонтьев 2001а, 2001б).

4. Коммуникативно-деятельностная модель А.А. Леонтьева предполагает методики, которые *коммуникативны по целям обучения и деятельностны по способам учебных действий и взаимодействий* (Арутюнов, Костина 1992). Именно такие методики и развились в отечественной лингводидактике – в теории обучения неродным языкам, в том числе и РКИ.

5. В качестве *основного метода*, реализующего коммуникативно-деятельностные методики (в том числе и методику А.А. Леонтьева) используется *сознательно-практический*

метод, название которого прямо указывает на *психолого-педагогическую модель К.Д. Ушинского – Л.С. Выготского* (в основание данной модели, как отмечалось ранее, заложена стратегия *осознанных* действий обучающейся личности).

При разработке отечественной антропологической лингводидактики попытаемся учесть также и реальную практику преподавания РКИ на ПФ:

1. Несмотря на верифицированность и практические успехи методик, унаследовавших лингводидактическую модель А.А. Леонтьева, данные методики работают прежде всего применительно к успешным и «средним» учащимся. Эти учащиеся, как минимум, «на удовлетворительно» сдают свои испытания (тестовый контроль, зачёты, экзамены). Однако обозначенные методики на сегодняшний день бессильны перед слабыми учащимися, или учащимися, не похожими на «общую массу». Особенно это ярко проявляется на начальном этапе обучения иностранцев, прежде всего на ПФ.

2. Наибольшую трудность иностранные учащиеся испытывают в самый первый период обучения. Стремящийся сохранить свою национальную и личностную идентичность иностранный учащийся особенно болезненно (как было отмечено ранее) интегрирует в академическую среду российских вузов с их, зачастую непривычным для иностранцев, режимом работы, обучающими стратегиями и т.д. Трудности обучения иностранцев на ПФ российских вузов проявляют себя как на поведенческом, так и на когнитивном уровнях. Рассмотрим сказанное на конкретном контингенте – китайских учащихся:

1. **На поведенческом уровне:** в силу китайской культуры и образовательной традиции китайскому учащемуся на протяжении всего периода обучения в Китае внушалось в качестве эталонного «скромное» интровертивное поведение. Здесь же (в России) все коммуникативные методики требуют от учащегося активного, экстравертивного, поведения. И это первый шок учащегося в стенах российского вуза.

2. **На когнитивном уровне:** вся когнитивная система учащегося, связанная с письменной речью, строилась на восприятии *иероглифа* – письменного языкового знака, в принципе отличающегося от звуко-буквенного письма современных европейских языков (в том числе и русского). Китаец привык воспринимать целостную иероглифическую «картинку» и на её основе «доходить» до сущности её предметного мира. Современные же методики (и практические, и теоретические) предлагают «побуквенную», пошаговую, стратегию обучения письменной речи.

Кроме уже отмеченных особенностей иностранных (китайских) учащихся особых педагогических стратегий требуют от преподавателя такие когнитивные системы, как внимание (особенно произвольное) и восприятие. Почти треть учащихся не умеют управлять

своим вниманием, в частности, не могут сосредоточиться на том материале, который даёт преподаватель. Восприятие происходит только в том случае, когда преподаватель непосредственно обращается к учащемуся в индивидуальном режиме. Эти (и другие) психологические особенности современных иностранных учащихся зачастую не позволяют им работать по канонам коммуникативно-деятельностных методик, требующих умений постановки цели и задач, исполнения действия и параллельного с ним самоконтроля.

Таким образом, традиционная лингводидактика весьма остро нуждается в «чистке» и разработке её основных положений как на методологическом, так и на нижележащих уровнях. И помочь методисту в этом сможет только *гуманистически ориентированная лингводидактика*, находящаяся в стадии разработки и восходящая к моделям К.Д. Ушинского – Л.С. Выготского – А.А. Леонтьева. Инвариантная модель данной, *антропологической по своей сути*, лингводидактики может быть описана следующим образом:

1. Её центр составляют коммуникативно-деятельностные методики, описанные в работах А.А. Леонтьева (см. выше), А.Р. Арутюнова, Н.Д. Бурвиковой, В.Г. Костомарова, Л.П. Мухаммад и других учёных (Арутюнов, Костина, 1992, Костомаров, Бурвикова, 1997, Мухаммад Л.П., Мухаммад Х.И., Хетагурова 2007, Мухаммад 2014, Мухаммад, Чайлак 2016, Мухаммад, Ван Лися 2017, Чайлак, Мухаммад 2017). Данная, центральная, часть представлена развивающейся личностью учащегося и динамической, управляемой преподавателем, лингводидактической системой, взаимодействующей с данной личностью на всём протяжении её обучения.

2. Внедрение данной модели в учебный процесс осуществляется *в соответствии с тремя базовыми принципами: 1) антропологическим* (главным принципом современных наук гуманитарного цикла); *2) коммуникативным; 3) когнитивным.*

2.1. Реализация *антропологического* принципа предполагает (как было обозначено ранее) ориентировку на личность учащегося, на его *экзистенциальные потребности в общении и в уединении, в самостоятельности и в творчестве.* Поскольку конструируемая модель направлена на обучение иностранных учащихся РЯ, следовательно, целесообразно также оперировать понятием *языковая личность (ЯЛ)*, а также *национальная ЯЛ, национальное языковое сознание* и т.д. Однако понятием «вторичная ЯЛ» антропологическая лингводидактика *не оперирует в принципе*, поскольку в поле внимания данной науки – формирование **целостной ЯЛ.**

2.2. Реализация *коммуникативного* принципа не требует от нас особых разъяснений, поскольку данный компонент отечественной лингводидактики хорошо представлен прежде всего в работах А.А. Леонтьева (Методика... 1988: 19 – 21). Правда, здесь нам надо уточнить

несколько понятий: 1) понятие «экзистенциальные потребности личности» включает, в том числе, и коммуникативные потребности (см. выше); 2) учебное общение на РЯ в аудитории иностранных учащихся мы рассматриваем как полноценное (коммуникативно ценное) общение, поскольку оно имеет статус межкультурной коммуникации, происходящей между преподавателем (носителем РЯ) и иностранным учащимся.

2.3. Реализация *когнитивного* принципа предполагает организацию учебного процесса, соответствующего когнитивной архитектонике ЯЛ иностранного учащегося. Здесь также требуются некоторые уточнения: поскольку наша модель базируется на коммуникативно-деятельностном подходе к обучению, то следует уточнить понятия *деятельностный* и *когнитивный* в их взаимосвязи. Когнитивный компонент – это один из базовых компонентов ЯЛ учащегося: при обучении ИЯ/РКИ когнитивный компонент, условно говоря, инициирует продуктивную РД коммуниканта (учащегося). Данным компонентом, как правило, завершается рецептивная РД учащегося.

Рассмотрение нижележащих уровней антропологической лингводидактики обязывает нас включить в модель некоторые конституирующие признаки, которые сквозным явлением проходят через дореволюционную и послереволюционную антропологическую дидактику и находят своё яркое воплощение в лингводидактике А.А. Леонтьева (Леонтьев 2001а, 2001б). В качестве важнейших из них – *эвристичность методик* и *формирование образовательных тенденций, связанных с саморазвитием учащихся*. В то же время наше рассмотрение проблем иностранных учащихся ПФ в контексте антропологической лингводидактики наводит нас на мысль, что с частью учащихся (учащихся, которые требуют особого внимания) в период их «выживания» следует работать по педагогическим системам, приближенным к системам *инклюзивного образования*, восходящего к методикам К.Д. Ушинского, Л.Н. Толстого, Л.С. Выготского и т.д. Данная работа предполагает коррекцию функциональных систем ЯЛ учащегося: *внимания, восприятия, памяти, мышления*, а также коррекцию его *интерактивных* особенностей. В этом случае изначально мы можем опираться на уже *сформированные у учащихся психологические структуры*, представляющие *сильную сторону национальной ЯЛ*. Так, с помощью лучших методик *интерактивного* обучения (Татарина 2016) мы, в конечном итоге, сможем из скромного китайского учащегося, воспитанного на интровертивной конфуцианской культуре, сформировать **проактивную личность**, т.е. личность, *способную* решать коммуникативные задачи на изучаемом языке (Мухаммад 2016). Активность такой личности будет определяться ситуацией общения и сформированными коммуникативными стратегиями. С другой стороны, «воспитанные» на иероглифе когнитивно-речевые системы данной личности «требуют» от методиста

педагогических стратегий *от синтеза – к анализу*, от *целостных* языковых единиц – к *поэлементным*: 1) от целостного слова (а не от составляющих его букв); 2) от словосочетания; 3) от предложения; 4) от микротекста.

Как мы полагаем, опора на сильные стороны ЯЛ учащегося *с дальнейшим развитием у него противоположных* стратегий помогает открыть в данном учащемся те психологические «шлюзы», которые ранее закрывали ему доступ к системам восприятия. В этом и заключается философия и педагогическая стратегия новой для нас лингводидактики – *антропологической*.

Безусловно, решение не только языковых, но и поведенческих проблем личности/ЯЛ требует от учебного процесса определённого запаса времени, а от учащегося – сил на преодоление барьеров в обучении. Эти проблемы решаемы только при научно обоснованном отборе учебного материала. При таком отборе необходимо исходить из конечных целей учебного процесса ПФ: готовности учащегося к учебно-профессиональному общению на первом курсе основного факультета. Так, уже в самый первый период обучения иностранцев на ПФ возможно найти интегрирующие учебный процесс единицы обучения: 1) интегративные *коммуникативные единицы*: а) тексты-описания; б) тексты-повествования (микротексты), по своей структуре аналогичные специальным текстам будущих филологов, инженеров и даже медиков (Мухаммад, Ван Лися 2017); б) интегрирующие языковые единицы: а) структурообразующие слова (словоформы), покрывающие отобранные тексты; б) ЛЕ, морфемный состав которых в дальнейшем легко интегрирует в термины (Ван Шутин, Халеева 2017).

Итак, *антропологическая лингводидактика* весьма востребована в современном образовательном процессе. Она вбирает в себя весь исторический опыт и культурно-образовательный потенциал педагогической и психологической антропологии. Её модели учебного процесса базируются на личности учащегося: они исходят из экзистенциальных особенностей и устремлений личности и нацелены на решение задач данной личности в деле успешного преодоления трудностей при подготовке к поступлению в избранный вуз.

Внимание антропологической лингводидактики к личности учащегося предполагает, в том числе, и внимание к культурно-образовательным моделям, в которых формировалась данная ЯЛ ранее. В связи с этим антропологическая лингводидактика концентрирует учебный процесс *на национальной ЯЛ* иностранного учащегося.

Понятно, что решение различного рода проблем обучающейся личности/ЯЛ требует от учебного процесса строгой минимизации учебного материала. При отборе и организации данного материала необходимо опираться на интегративные единицы, фокусирующие в себе разнородный коммуникативно-языковой материал. Осуществление этой стратегии уже начато

разработчиками антропологической лингводидактики, но эту работу необходимо продолжить с учётом конкретного контингента учащихся, конкретной национальной ЯЛ.

Практика показывает, что нахождение и включение в учебный процесс интегрирующих единиц благотворно сказывается, с одной стороны, на качестве усвоения, с другой – на здоровье иностранного учащегося. Мы уверены, что сторонникам именно антропологической лингводидактики с её установками на личность учащегося, на его успехи в деле приобретения новых знаний и формирования умений на ИЯ (РЯ) удастся, в конечном итоге, осуществить ту гуманистическую миссию, которую ждёт от педагога пытливый, но во многом растерянный, молодой человек.

Список литературы

Антология педагогической мысли России второй половины XIX – начала XX в. (1990): Сост. П.А. Лебедев. Москва: Педагогика.

Арутюнов А.Р., Костина И.С. (1992): Коммуникативная методика русского языка как иностранного и иностранных языков (конспекты лекций). Москва: Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина.

Большая Российская энциклопедия (2006): В 30 т. Председатель Науч-ред. совета Ю.С. Осипов. Отв. ред. С.Л. Кравец. Т.6. Москва: Большая Российская энциклопедия, 113 – 114, 341.

Ван Шутин, Халеева О.Н. (2017): Работа с терминологией на подготовительном факультете в группах гуманитарного профиля, Язык. Коммуникация. Культура: Альманах по материалам Первой международной заочной научно-практической конференции молодых ученых. Москва, 15 – 19.

Выготский Л.С. (1956): Избранные психологические исследования, Мышление и речь. Москва: АПН СССР.

Гальперин П.Я. (1966): Психология мышления и учение о поэтапном формировании умственных действий, Исследования мышления в советской психологии: сб. статей/Отв. ред. Е.В. Шорохова. Москва: Наука, 89 – 96.

Зимняя И. А. (1989): Психология обучения неродному языку. Москва: Русский язык.

Капитонова Т.И., Московкин Л.В. (2006): Методика обучения русскому языку как иностранному на этапе предвузовской подготовки. СПб.: Златоуст.

Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д. (1997): Антропологический принцип как перспектива в развитии лингвострановедения, Русский язык как иностранный: лингвистические проблемы. Москва, 8 – 12.

- Леонтьев А. А. (2001а): Деятельностный ум (Деятельность, Знак, Личность). Москва: Смысл.
- Леонтьев А. А. (1970): Некоторые проблемы обучения русскому языку как иностранному (психолингвистические очерки). Москва: МГУ.
- Леонтьев А.А. (2001б): Язык и речевая деятельность в общей и педагогической психологии. Москва – Воронеж.
- Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность (1969): Москва: Просвещение.
- Лингводидактическая программа по русскому языку как иностранному: элементарный уровень (А1), базовый уровень (А2), первый сертификационный уровень (В1): учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению 050300 Филологическое образование (2017): З. И. Есина и др. – 2-е изд., перераб. и доп., Москва: РУДН.
- Лихачев Б.Т. (1995): Этнопсихотерапевтические аспекты воспитания, Педагогика, 1, 40 – 44.
- Методика. Заочное повышение квалификации преподавателей русского языка (1988): Под ред. А.А. Леонтьева, Т.А. Королёвой. Москва: Русский язык.
- Мишати́на Н.Л., Цыбу́лько И.П. (2015): Антропологическая лингвометодика. В поисках смысла содержания и оценивания. Москва: Национальное образование.
- Мухаммад Л.П., Ван Лися (2017): Описательный текст в учебном процессе китайских студентов-филологов (начальный этап обучения). Международный аспирантский вестник. Русский язык за рубежом, 4, 18 – 25.
- Мухаммад Л.П. (2014): Межкультурная коммуникация как фактор построения учебного курса по русскому языку, European Social Science Journal (Европейский журнал социальных наук), 6. Том 1, 283 – 287.
- Мухаммад Л.П., Мухаммад Х.И., Хетагурова Н.Н. (2007): Антропологический аспект разработки понятия субъектности в советском и постсоветском научном пространстве, Мир русского слова и русское слово в мире. Т.4. Варна, 222 – 226.
- Мухаммад Л.П., Чайлак Х. (2016): Интерактивные особенности языковой личности и проблема функционирования механизмов антиципации в процессе работы с текстом, Avrasya Uluslararası Araştırmalar Dergisi» (Электронный научно-образовательный журнал), 8. <http://www.avrasyad.com/OncekiSayilarDetay.aspx?Sayi=8> , 31 – 50.
- Российская педагогическая энциклопедия (1993): В 2 т. Т. 1. Гл. ред. В. В. Давыдов. Москва: Большая российская энциклопедия.
- Татарина Н.В. (2016): Интерактивные методы преподавания на уроках русского языка как иностранного, Всероссийская научно-практическая конференция «Актуальные вопросы реализации образовательных программ на подготовительных факультетах для иностранных

граждан» (16–18 мая 2016 г., Москва): Сб. статей. Отв. ред.: М.Н. Русецкая, Е.В. Колтакова. Москва, 469 – 465.

Требования к Первому сертификационному уровню владения русским языком как иностранным. Общее владение. Профессиональный модуль (2015): 3-е изд. / Н. П. Андриюшина, Г. А. Битехтина, Т. Е. Владимирова и др. Санкт-Петербург: Златоуст.

Ушинский К.Д. (1950): Собрание сочинений в 8 томах. Т. 8, Москва – Ленинград: Академия педагогических наук.

Чайлак Х., Мухаммад Л.П. (2017): Аудиторный дискурс как инновационная площадка по развитию языковой личности инофона, Вестник РУДН, 1, 77 – 90.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВИДЕОМАТЕРИАЛОВ НА УРОКАХ РКИ В СЕРБИИ

Наумович Гордана
Университет Сингидунум, Сербия
lula953@gmail.com

USING VIDEO CLIPS ON RUSSIAN LESSONS IN SERBIA

Naumovic Gordana
University Singidunum, Serbia

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассмотрены аспекты преподавания «языка туризма», при мощном развитии туризма в мире. Акцент поставлен на вне- аудиторной работе студентов (индивидуальная, в парах и групповая (коллективная); анализируется этнокультурный компонент преподавания иностранного (русского) языка и использование ресурсов Интернета в практике преподавания РКИ. Речь идет о работе студентов-нефилологов по созданию документального фильма о прибытии русских беженцев в Сербию после Октябрьской революции.

ABSTRACT

Using of video materials on Russian language classes; the ways of training of foreign students to Russian interrogative sentence at basic level; working with students during class and after class. Individual, in pairs and in groups; ethno-cultural component of foreign language; Internet resources in practice in lectures Russian language as foreign language.

Ключевые слова: внеаудиторная работа, студенты-нефилологи; документальный фильм, коллективная работа.

Keywords: additional work, students who are not philologists, creation of a documentary film; collective student work.

Для того чтобы сформировать положительную мотивацию иностранных студентов в изучении русского языка и добиться наиболее оптимального уровня усвоения учебного материала, преподавателю следует включать в процесс обучения новые приемы и методы обучения, обращаться к новым техническим средствам обучения.

Важнейшим компонентом мультимедийной технологии обучения является видеофильм. Он выступает в двух функциях: служит опорой формирования умений и является источником информационно-познавательных фильмов, которые выражают научное содержание в наглядной дидактической форме. Они должны быть предназначены учащимся определенного уровня образования и соответствовать программе учебной дисциплины.

Особенностью видеофильмов и их преимуществом является:

- динамичность изображения;

- рассмотрение явлений действительности в их развитии;
- наблюдение явлений, недоступных для непосредственного рассмотрения;
- создание обобщенно-индивидуальных образов научных явлений, процессов, законов;
- характер дикторского текста.

Исследователи-практики отмечают, что видеозанятие:

- интенсифицирует учебный процесс;
- способствует прочному усвоению понятия и терминов, обозначающих их;
- способствует увеличению объема монологического высказывания;
- способствует снижению ошибочных речевых действий в монологическом высказывании;
- способствует увеличению темпа речи;
- способствует качественному выполнению предметных действий;
- повышает мотивацию обучения иностранных студентов.

Эффективность использования учебных информационно-познавательных видеофильмов заключается не только в том, что он благодаря синтезу слова и изображения способствует оптимальному усвоению учащимися материала учебной дисциплины, но и в том, что видеофильм оказывает огромное психологическое воздействие на зрителей-студентов.

К особенностям психологического воздействия учебных фильмов относятся: управление вниманием групповой аудитории и каждого студента, влияние на увеличение прочности запоминания и объема долговременной памяти, оказывание эмоционального воздействия и повышение мотивации в обучении.

Психологами установлено, что в процессе восприятия кино-видеоинформации наступает принудительная концентрация внимания, так как специфика видеофильма обуславливает возникновение оптимального очага возбуждения при торможении всех центров коры головного мозга.

С концентрацией внимания тесно связана его напряженность, интенсивность, которая характеризуется степенью направленности внимания на изучаемый предмет и отвлечением от всего остального, что создает условия для более эффективного управления вниманием, чем при восприятии на слух. Интенсивное внимание обеспечивает ясное и отчетливое восприятие и мышление, что повышает эффективность усвоения материала, представленного в видеофильме. Практически невозможно противиться визуальному воздействию – оно не подчиняется нашей воле. Эмоции, вызванные воздействием кинофильма, регулируют работоспособность. Даже и дву- и трёхкратный просмотр кинофильма не снижает интереса к нему, так как у учащихся появляется желание проверить, правильно ли они поняли

определенный момент в кино- или видеофильме. Использование стоп-кадров, повторов, возвратов, замедленной демонстрации, позволяет фиксировать внимание студентов на важных для учебных целей моментах, устанавливая сиюминутную обратную связь. В этих условиях даже невнимательный студент становится внимательным. А интенсивность внимания оказывает влияние на процесс запоминания. Использование различных каналов поступления информации (слуховой, зрительный, моторное восприятие) положительно влияет на прочность запечатления страноведческого и языкового материала.

Психологические особенности воздействия учебных видеофильмов на учащихся способствуют интенсификации учебного процесса и создают благоприятные условия для формирования коммуникативной (языковой и социокультурной) компетенции студентов. Очевидно и то, что видео может иметь сильное эмоциональное воздействие на студентов, служить стимулом и усилением для создания дополнительной мотивации в дальнейшей учебно-поисковой и творческой деятельности.

Технология проектного обучения предусматривает решение индивидуально, в паре, в малой группе учащихся под гибким контролем преподавателя определенной проблемы, оформленной в виде проекта, т. е. разработку и создание конкретного продукта, имеющего практическую значимость, а также публичное его предъявление и защиту.

На пред- и вузовском этапе обучения РКИ нефилологов возможна, в частности, реализация таких проектов:

- создание сообщения-презентации на одну из традиционных разговорных тем – (дикторское чтение текста «Моя страна», «Мой родной город», «Достопримечательности родного города»).

Учебники и учебные пособия по русскому языку не могут являться единственными источниками языковой подготовки, поскольку не гарантируют владение живой разговорной речью. В этих целях большое значение имеют аутентичные материалы – видеофильмы и различные видеоматериалы. Использование видео на уроках помогает повысить мотивацию и интенсифицирует обучение, активизирует студентов и повышает качество знаний. Видеоматериалы, разработанные самостоятельно, могут решить большее количество задач, но для создания таких материалов необходимо тщательное планирование, много времени и наличие технического оборудования.

Изучение русского языка не ограничивается только аудиторными занятиями. Наряду с практическими занятиями, большое внимание уделяется самостоятельной и внеаудиторной работе студентов.

Хочу вам рассказать о большой и интересной работе студентов Университета Singidunum, которые изучают русский язык, по созданию фильма „Русская эмиграция в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев. Этому предшествовала огромная работа по сбору информации не только в Интернете, но и в архивах и библиотеках Белграда.

В фильме речь идет о прибытии в Сербию русских эмигрантов после октябрьских событий 1917 года.

Моими студентами был собран большой и интересный материал о жизни эмигрантов, их воспоминания, переписка, который они использовали при создании фильма. Петр Врангель, чьи останки лежат в Русской церкви в Белграде, главнокомандующий белой армии писал в своих мемуарах. „... В случае необходимости для нас оставить родную землю, нам было трудно рассчитывать на сочувствие других стран. Ни одна из них, вероятно, не согласилась бы дать нам приюта. Исключение могли бы составить лишь славянские страны, прежде всего Сербия, столь много обязана великой России. Я послал письмо сербскому королевичу Александру Карагеоргиевичу, прося его приюта и защиты за случай нашего несчастья. Я писал, что делаю всё возможное, чтобы спасти от красного ига последний клочок русской земли, и хочу верить, что Господь мне в том поможет, и что я должен предвидеть худшее...“

По данным в фильме, в Королевство сербов, хорватов и словенцев – так тогда называлась страна – переселилось несколько десятков тысяч русских эмигрантов, главным образом, в Сербию. Православная Сербия оказала беженцам из России такой сердечный прием, как никакая другая страна мира. А в то время Королевство пребывало в очень тяжелом положении. Первая мировая война фактически выкосила в этой стране основное мужское население. (Показ фильма).

Инженер Г. В. Ярошевич вспоминал: «Было мне тогда 10 лет. Помню, в ноябре 1920 г. наш поезд из Салоник переехал границу. Мы проезжали сербские села, разрушенные и сожженные. Вдоль дороги попадались поля со следами недавних битв. На вокзалах крестьяне встречали наш поезд с горячим супом, чаем, молоком, бутербродами, жареным мясом, сыром... Постепенно нас стали рассредоточивать по городам... Помню, толпа встретила нас на вокзале. «Русские приехали!». Сербки в нарядных национальных костюмах, со сплошной вышивкой тотчас забрали нас, детей, увели в свои дома. Согрели, выкупали, накормили. Кровати стелены чистым, белоснежным бельем. Два года я не знал про кровать. Заботились, как с родными. Взрослых также приняли гостеприимно, сердечно. А на следующее утро все пошли в городское управление. Там происходила регистрация и размещение по домам, кого куда.

– Кто примет отца, мать с тремя детьми?

- Я могу.
- Бери!
- Я могу лишь мужа с женой.
- Принимай!

Всех пристроили. И так мы оказались на прочной почве, на месте, внушающем доверие. Нас ждала новая жизнь».

Фильм: „**Прибытие русских баженцев в Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев**“ – 1. часть <https://www.youtube.com/watch?v=3FB3zN30jgg&t=30s>

Сербский народ в тяжелую годину для России, только что пережившей две революции, (еще не пережившей Гражданскую войну), протянул руку братской помощи русским эмигрантам в знак признательности русскому Отечеству.

Сербы никогда не забывали русского царя. Отдали ему долг памятью и приемом русских эмигрантов в Сербию и после 1918 года.

„Совесть наша заставляет нас плакать, когда русские плачут, и радоваться, когда русские радуются. Велик долг наш перед Россией. Может человек быть должен человеку. Может и народ - народу, но долг, который Россия обязала сербскому народу в четырнадцатом году, не могут возратить ни века, ни поколения. Это долг любви, который с завязанными глазами обязывает идти на смерть, спасая своего ближнего“, – писал святитель Николай сербский Велимирович.

За все междувоенное время Королевство сербов, хорватов и словенцев давала кров и убежище русской белой эмиграции, которая оказала большое влияние на культуру и науку и общественную жизнь восточной части Югославии населенной Сербам.

Все – от написания сценария, поиска и сбора информации до монтажа и озвучивания – сделано самими студентами.

Конечно, преподаватель тоже принимал в этом участие, все вместе сделали такую интересную работу.

Список литературы:

- Булыко А. Н. (2008): Большой словарь иностранных слов. Москва.
- Даль В. И. (2001): Толковый словарь русского языка. Современная версия. Москва.
- Лагута Т. Н. Вержанская О. Н. (2013): Использование видеофильмов в обучении иностранных студентов, Русский язык в поликультурном мире, 2012, VI международная научно-практическая конференция, Киев – 2013.
- Митрофанова О. Д., Костомаров В. Г. Методика преподавания русского языка как иностранного. М., 1990.

Митрофанова О. Д. Мир русского слова и русское слово в мире. Материалы XI Конгресса МАПРЯЛ. Том 6. 2007.

Наумович Гордана (2012). Руски језик: стручни текстови за III и IV разред угоститељско-туристичку школу / Гордана Наумовић. – Београд: Государственный печатный завод, [2015. – с. 183]

Наумович Гордана (2013): Использование видеофильмов в обучении иностранных студентов, Русский язык в поликультурном мире, VI международная научно-практическая конференция, Киев - 2013

Интернет-ресурсы: [http:// www.slova.ru/](http://www.slova.ru/); [http:// www.slovari.ru/ lang/ru/ portrets/ dvi/ index/htmi](http://www.slovari.ru/lang/ru/portrets/dvi/index/htmi).

<https://www.youtube.com/watch?v=3FB3zN30jjg> - Прибытие беженцев с юга России в Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев.

<https://www.youtube.com/watch?v=Met6IdTcF4U> - *Романовы и Сербия, Первая мировая война 1914-1918*

<https://www.youtube.com/watch?v=6afSKbFCBek> 1.део. Духовне везе Русије и Србије кроз векове.

**СУБТЕСТ «ПИСЬМО» НА ВЫСОКОМ УРОВНЕ ВЛАДЕНИЯ РКИ:
ПРОБЛЕМЫ ПРОДУЦИРОВАНИЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОГО ТЕКСТА
(ТРЕТИЙ СЕРТИФИКАЦИОННЫЙ УРОВЕНЬ/С1)**

*Некрасова Людмила Николаевна
МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия
carinjo@mail.ru*

*Норейко Лариса Николаевна
МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия
nor-larisa@yandex.ru*

**THE "WRITING" PART ON THE HIGH LEVEL OF PROFICIENCY IN
RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE: THE PROBLEM OF CREATING
AN INDIVIDUAL TEXT (THE THIRD CERTIFICATE LEVEL/C1)**

*Liudmila Nekrasova
Lomonosov MSU, Russia*

*Larisa Noreyko
Lomonosov MSU, Russia*

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена специфике субтеста «Письмо» 3 сертификационного уровня ТРКИ. *Рассматриваются особенности разных типов заданий, входящих в указанный субтест; отмечаются типичные ошибки, допускаемые тестируемыми при выполнении субтеста «Письмо», даются конкретные рекомендации для подготовки к выполнению данного субтеста.*

ABSTRACT

The article deals with the specifics of the "Writing" part of the TORFL Third certificate level. Features of different types of the tasks are considered; the typical mistakes of the candidates are shown, definite recommendations for preparation for this subtest are made.

Ключевые слова: третий сертификационный уровень ТРКИ, коммуникативная задача, дискурсивная компетенция, субтест «Письмо», высокий уровень владения РКИ.

Keywords: TORFL Third certificate level, communicative task, discourse competence, paper "Writing", the higher command of Russian as a foreign language

Отличительной чертой высоких уровней владения РКИ является наличие широкого социолингвистического диапазона в реализации коммуникативных задач и достижении коммуникативных целей. В рамках сертификационного тестирования по РКИ это означает умение строить самостоятельный оригинальный текст (а также текст-интерпретацию) с учетом параметров ситуации общения, характеристик адресата общения, стилистической дифференциации речи и интерактивного способа изложения содержания, поскольку любое письмо ориентировано на читателя и его интересы.

В процессе создания письменного текста будет востребована не только лингвистическая компетенция (знание языковых норм), но и социолингвистическая и дискурсивная компетенции, то есть способность осуществлять выбор языковых средств и организовывать текст в соответствии с ситуацией и целями общения.

Субтест «Письмо» Третьего сертификационного уровня неслучайно включает в себя три части. Они направлены на проверку указанных компетенций, а также различных стратегических и тактических приемов тестируемого.

Один из типов заданий - написание письма репродуктивно-интерпретационного характера с опорой на текст-источник. Внимание тестируемого при этом должно быть нацелено на создание письма-диалога с элементами анализа и оценки. Так, например, необходимо написать дружеское письмо на основании текста-источника, посвященного актуальной современной проблеме. При этом необходимо интерпретировать содержание, выражая свое отношение к ключевым утверждениям статьи, давая им оценку и иллюстрируя свои размышления.

Суть дружеского письма-диалога заключается в создании интерактивного текста, предполагающего дистанционное взаимодействие пишущего и читающего. Взаимодействие может выражаться:

– в обращениях к адресату в начале и в конце письма (*Здравствуй, дорогой Иван! Как поживаешь? / Как приятно было получить от тебя письмо. / Я знаю, что ты интересуешься ... / Интересно было бы узнать твое мнение о данной проблеме. / Надеюсь, тебе была полезна эта информация.*);

– в использовании риторических вопросов (*Что можно было бы изменить? / А что такое престижная работа?*);

– в апеллировании к совместному опыту в прошлом (*Помнишь, как мы учились? / Помнишь, как мы искали работу?*);

– в вовлечении собеседника в обсуждение проблемы (*Хочу поделиться с тобой*

последними новостями. / А что ты думаешь об этом?).

Отличительной чертой письма-диалога является использование средств авторизации:

– наличие в тексте предложений, включающих пишущего субъекта (*Хочу порекомендовать тебе прочитать эту статью. / Я сомневаюсь в правильности этого вывода*);

– средства субъективации (*на мой взгляд, по-моему, мне кажется, сомневаюсь, к сожалению*).

Самыми распространенными ошибками при выполнении данного задания являются пересказ, а не интерпретация текста, неумение выделить главное и расставить акценты на ключевых моментах изложения. Во многих работах тестируемых очевидно преобладание диктума, а модус отсутствует или слабо выражен, что означает отсутствие личной оценки и субъективного восприятия информации. Оценка может быть представлена посредством различных языковых средств, например:

– конструкциями, выражающими согласие или несогласие с представленными в тексте источнике взглядами (*Мне эта идея нравится/кажется правильной. / Я всецело поддерживаю эту точку зрения. / Я сомневаюсь в правильности этого положения. / Я хотел бы возразить автору статьи. / Я лично представляю это по-другому*);

– лексическими средствами (*прекрасная (идея), правильный (подход), неверное (решение), непродуманное (предложение)*).

При создании письма, как и при выполнении последующих заданий, необходимо обращать внимание на средства организации текста, которые обеспечивают связность, логичность, последовательность изложения мыслей. Средства связи могут обеспечивать присоединение частей информации (*при этом, кроме того, вместе с тем*), сопоставление или противопоставление (*с одной стороны, с другой стороны, наоборот, не только... но и, зато*), а также вводить иллюстрации (*например, в частности*) и оценку (*разумеется, безусловно, очевидно, действительно*) (Добровольская 2017: 223).

Можно дать кандидатам несколько советов по выполнению этой части теста.

1. Внимательно прочитайте задание.

2. Просмотрите текст-источник, найдите главную информацию, ориентируясь на задание (в тексте речь может идти о нескольких проблемах; найдите именно ту, которая обозначена в задании).

3. Начните письмо в соответствии с правилами написания дружеского письма, принятыми в русской традиции. В начале письма установите контакт с адресатом, сообщите ему о теме письма; объясните, чем вызван Ваш интерес к данной проблеме.

4. Не переписывайте текст статьи, интерпретируйте ее содержание. Сообщайте только главную информацию, подчеркивайте ключевые мысли, обобщайте.

5. Следите за логикой изложения. Используйте различные языковые средства для перехода к следующей мысли.

6. Не забывайте демонстрировать свое отношение к излагаемой проблеме, давайте оценку идеям и фактам текста-источника.

7. В конце текста используйте этикетные формулировки завершения дружеского письма.

Еще один тип заданий - создание делового письма с опорой на представленные сведения. Акцент делается на способности тестируемого выделять важную информацию, перерабатывать ее и передавать в лаконичной форме. Важнейшим навыком на высоком уровне владения русским языком является компрессия текста. Эта операция необходима при построении нового авторского текста. Кандидатам предлагается текст информационного или рекламного характера, на основе которого они должны построить деловое письмо с учетом фактора адресата. При этом предполагается, что будут задействованы механизмы просмотрового чтения. Читающему необходимо определить, какую информацию можно исключить из текста как отвлекающую адресата от коммуникативно значимого содержания. Следующий шаг — включить механизмы компрессии текста, то есть от вопроса «что сокращать» перейти к вопросу, как сокращать оставшуюся информацию. Данная операция востребована не только в профессиональной и научной сфере деятельности, но и в повседневной жизни при передаче информации собеседнику в устной и письменной форме. Типичными ошибками являются:

- неумение отделить главное от второстепенного, обобщить информацию, ориентируясь на потенциального адресата,
- пропуск значимых смысловых фрагментов;
- дословная передача информации текста-источника,
- несоблюдение правил оформления официально-делового письма.

Реализация интенции воздействия является ключевой коммуникативной задачей такого типа текста. В процессе передачи информации пишущему необходимо осознавать и поддерживать связь с читающим. Новый авторский текст должен соответствовать ожиданиям потенциального адресата и быть достаточным для принятия решения. Коммуникативная цель письма всегда формулируется в задании, например: «На основании текста рекламы напишите письмо тому, кто интересуется получением образования в данном вузе». Что важно для потенциального адресата такого письма? Условия поступления, программы обучения, наличие общежития, диапазон специальностей, возможности выпускников.

Для успешного выполнения данного задания можно рекомендовать:

1. Представить потребности потенциального адресата.
2. Выбрать из текста информацию, представляющую наибольший интерес для данного читателя.
3. Передать эту информацию, используя механизмы компрессии текста. Не переписывать текст, а трансформировать его.
4. Использовать стандартные конструкции делового письма: *в ответ на Ваше письмо; согласно Вашей просьбе; сообщаю Вам, что; обращаю Ваше внимание на то, что; преимуществом является то, что; надеюсь, что эта информация будет Вам полезна.*
5. Оформить текст в соответствии с правилами этикета официально-делового письма.

Субтест «Письмо» 3 уровня предполагает также создание эссе. При написании текста данного типа главным является умение представить проблему, дать ей оценку и выразить свое отношение к ней. Это самостоятельный текст-рассуждение, предполагающий наличие следующих компонентов: тезис — аргумент — иллюстрация — вывод. Как правило, тексты эссе начинаются с формулирования проблемы. Приведем несколько примеров такого начала: *Современные представления о ... различны. / В наши дни актуальной проблемой является ... / В последнее время представление о ... меняется.* Далее характеризуем значимость этой проблемы для общества и лично для пишущего: *Процесс ... оказывает огромное влияние на все сферы нашей жизни. / В наши дни общество постоянно сталкивается с этой проблемой. / Важность этой проблемы, на мой взгляд, связана с тем, что...*

Поскольку рассуждение является субъективным типом повествования, в процессе создания эссе также актуализируется модусная составляющая. На лексико-грамматическом уровне это находит свое выражение в использовании средств авторизации и оценки, о которых шла речь выше. Распространенной ошибкой при создании текста эссе является отсутствие субъекта речи, прямого/косвенного участия автора в передаче информации: в эссе должна быть видна личность пишущего. Кроме того, важно следить за сохранением причинно-следственных связей в тексте и логической последовательностью изложения мыслей: *С одной стороны ... С другой стороны... / На данное явление влияет ряд факторов... / Оценивая этот пример, можно сказать, что ... / В результате этого...* Помимо описания самой проблемы, ее причин и последствий, необходимо предложить пути решения проблемы. Адекватными средствами в данном случае будут конструкции, выражающие интенции долженствования и необходимости: *Для решения этой проблемы необходимо... / Общество должно ... / Каждому из нас требуется ... / Целесообразным считаю ...*

В жанре рассуждения важно опираться на фактический материал, в том числе привлекая

свой жизненный опыт: *По данным ООН ... / Специалисты утверждают, что ... / В настоящий момент наблюдается такое явление, как... / Исходя из личного опыта, я могу предположить... / Я сам сталкивался с этой проблемой.*

Завершать эссе необходимо выводом. Отсутствие вывода разрушает композицию эссе, так как вывод объединяет всю работу, обеспечивает единство содержания: пишущий движется от формулировки проблемы через оценку, аргументацию и варианты решений к заключению. Вывод не повторяет, а обобщает то, о чем шла речь в тексте, является обобщением на более высоком уровне. Способы формулирования вывода могут быть как традиционными (*итак, таким образом, в заключение я хочу сказать, одним словом*), так и индивидуально-авторскими: *Мне хочется надеяться на то, что ... / Выход всегда есть! / Многое зависит от нас ... / Всем стоит задуматься над ...*

Успешное выполнение данной части предполагает:

1. Формулирование проблемы в начале работы.
2. Выражение личного отношения к проблеме.
3. Использование одной из тактик построения текста: от частного к общему или от общего к частному.
4. Обеспечение логических и синтаксических связей.
5. Употребление разнообразных лексических и синтаксических средств.
6. Умение обобщать рассуждения в заключительной части текста.

Обязательным параметром при оценке любого задания по письму является соответствие использованных языковых средств нормам современного русского языка. Важна способность пишущего осуществлять выбор языковых средств адекватно коммуникативной задаче и ситуации общения. Пользователям высокого уровня РКИ свойственны ошибки стилистического характера, а именно:

- смешение разнородных стилевых элементов или интерференция стилей;
- незнание или неточное понимание значения слова как лексической единицы;
- незнание речевых условий, допускающих употребление той или иной речевой единицы (Мерзон 1972: 159).

Соответствие нормам современного русского литературного языка означает понимание значения лексических и фразеологических единиц и знание контекста их употребления. Именно стилистика используемых средств наиболее точно соответствует коммуникативной цели. Умение адекватно ситуации осуществлять выбор лексических и стилистических средств позволяет наиболее точно выразить свое отношение к излагаемому. На высоком уровне востребована способность осуществлять стилистическую дифференциацию языковых средств

в заданном социокультурном контексте.

Наиболее коммуникативно значимыми являются вопросы сочетаемости слов. В этой области больше всего ошибок, и именно здесь проявляются семантические и экспрессивные свойства речевой единицы (Бельчиков 1988: 3-5).

К первой группе ошибок можно отнести использование разговорных или официально-деловых конструкций в публицистическом стиле: *Вроде бы кажется*, что Интернет играет в нашей жизни только позитивную роль. / *Имеется* проблема насчет образования. / Этой новой технологией нужно *пользоваться с умом*. / Технологии постоянно развиваются, и мы *ничего не можем с этим поделать*.

Ко второй группе относятся ошибки, связанные с незнанием значения лексической единицы или формы фразеологизма:

- *золотая серединка; это будет камень в их пути* (искажение фразеологизма);
- *взаимопонимание друг друга* (лексическая избыточность);
- *российский закон* предоставляет льготы многодетным семьям; с появлением Интернета *сменилось* наше сознание (*смешение паронимов: закон/законодательство, смениться/измениться*);
- *санитарно-курортное* лечение (смешение значений лексических единиц);
- новые технологии дают возможность *немногим людям* держать все человечество под контролем; это позволяет *дирижировать* человеческим сознанием (незнание значения лексической единицы: *немногим* вместо *нескольким*, *дирижировать* вместо *манипулировать*).

В третью группу входят случаи незнания контекста употребления лексической или фразеологической единицы, сужение или расширение контекста употребления:

- *он мастер на все руки, особенно на кухне* (расширение контекста употребления фразеологизма);
- *заядлый отличник* (смешение идиом: *заядлый курильщик/спорщик — круглый отличник*);
- сельскохозяйственная сфера *упадет* в будущем; общество *углубилось в положительные качества* новых технологий; информационные технологии *берут все более важную роль* в жизни человека; *не придают этому большого внимания*; людям нужно научиться *решать свою роль* в современном мире (нарушение сочетаемости);
- *защищать права и льготы детей* (соединение в одном предложении слов с разной сочетаемостью).

При подготовке к тесту Третьего сертификационного уровня требуется корректировка грамматического навыка употребления множественного и единственного числа абстрактных

существительных, иначе в создаваемых текстах появляются ошибки такого типа, как скидки на *оплаты* услуг, *современные общественности*, изменение *ценности* общества в целом, предусматриваются *другие поддержки*, специалисты индустрии развлечений и *красот*.

Таким образом, для успешного продуцирования самостоятельного текста, отвечающего требованиям Третьего сертификационного уровня, необходимо уверенное владение комплексом компетенций: лингвистической (знание языковых единиц), социолингвистической (умение употреблять языковые средства в заданном коммуникативном контексте) и дискурсивной (умение создавать логичный и связный текст в соответствии с заданными параметрами ситуации). Особое внимание претендентам на данный уровень стоит обращать на разнообразие и специфику жанров письменных текстов, их стилистическую дифференциацию и особенности композиции.

Список литературы

- Бельчиков Ю.А. (1988) Лексическая стилистика: проблемы изучения и обучения. - М. Государственный образовательный стандарт по русскому языку как иностранному. Третий уровень. Общее владение (1999) / Иванова Т.А. и др. - М. - СПб: «Златоуст».
- Добровольская В.В. (2017) Изучение связующих средств письменного текста как этап обучения письменной речи // Язык, литература, культура. Актуальные вопросы изучения и преподавания: сборник научных и научно-методических статей. Ред. кол. Л.П. Клобукова и др. - Москва: МАКС Пресс, 220-232.
- Мерзон С.Н. (1972) Некоторые вопросы стилистики в связи с обучением русскому языку иностранцев // Русский язык для студентов-иностранцев: Сб. методич. ст. - М., № 12, 152-174. Типовой тест по русскому языку как иностранному. Третий сертификационный уровень. Общее владение. (1999) / Аверьянова Г.Н. и др. - М. - СПб: «Златоуст».

ИНТЕРНЕТ-РАДИОРЕСУРСЫ КАК ОСНОВА НОВОЙ ТЕХНОЛОГИИ В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

Нестерова Наталья Георгиевна
Томский государственный университет, Россия
nesterovatomsk@mail.ru

INTERNET RADIO RESOURCES AS A BASIS OF NEW TECHNOLOGY IN TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

Natalia Nesterova
Tomsk State University, Russia

АНОТАЦИЯ

В статье обосновывается эффективность применения интернет-радиоресурсов в обучении русскому языку как иностранному. Специальное внимание обращено на радиоканал информационного интернет-портала «Русский мир», который расценивается как значимый для лингводидактики ресурс, актуальный источник аутентичных текстов и основа для новых образовательных технологий. На примере интернет-радиопрограммы «Смыслица», посвящённой русской фразеологии, изучаются особенности реализации коммуникативной стратегии обучения. Разработана методика обучения фразеологизму через анализ в радиотексте коммуникативных тактик и средств их языкового воплощения. Обсуждаются принципы организации программы и её возможности для формирования коммуникативно грамотной и медиаграмотной личности.

ABSTRACT

The article substantiates the effectiveness of the use of Internet radio resources in teaching Russian as a foreign language. Special attention is paid to the radio channel of the informational Internet portal "Russky Mir", which is regarded as a significant resource for linguodidactics, an up-to-date source of authentic texts and a basis for new educational technologies. On the example of the Internet radio program "Smyslitsa", dedicated to Russian phraseology, studied the features of the implementation of a communicative learning strategy. A methodology for teaching phraseology has been developed through the analysis in the radio text of communicative tactics and the means of their linguistic embodiment. The article discusses the principles of the organization of the program and its possibilities for the formation of a communicatively literate and media literate person.

Ключевые слова: русский язык как иностранный; интернет-радиопрограмма; новая технология; медиаграмотность; фразеологизм; стратегия обучения; коммуникативные тактики, коммуникативный ход.

Key words: Russian as a foreign language; Internet radio program; new technology; media literacy; idiom; learning strategy; communicative tactics; conversational turn.

*Исследование выполняется при финансовой поддержке гранта РФФИ № 17-29-09132 «"Новая грамотность" в новых текстах средств массовой коммуникации».

Постановка проблемы

Современные информационно-коммуникационные процессы обуславливают поиск новых образовательных технологий, эффективных в обучении русскому языку как иностранному. Актуальность постановки научной проблемы и выбор источника материала обуславливает соответствие современным тенденциям применения интернет-технологий в обучении иностранным языкам; актуальным подходам в лингводидактике, приоритетом которых является коммуникативный метод; задаче развития у студентов медиаграмотности (Нестерова, Фащанова, 2017); а также то, что радиоресурсы являются важнейшим источником аутентичной речи (Киян, 2014).

Программы о русском языке занимают особое положение в пространстве радиодискурса: они выполняют значимую для социума культурно-просветительскую функцию, активизируют познавательную деятельность слушателей, расширяют их кругозор, формируют систему общечеловеческих ценностей, повышают общую культуру, формируют медиаграмотность (Арсеньева, 2012).

Научную новизну проблемы, связанной с новыми образовательными технологиями, определяет объект исследования – интернет-ресурсы, изучаемые в аспекте их лингвометодического потенциала. На примере радиопрограммы «Смыслица», посвящённой русской фразеологии, стратегия обучения рассматривается через призму коммуникативных тактик и ходов.

Источник материала

Обращение к интернет-порталу «Русский мир» продиктовано следующими его возможностями: ориентацией на иностранных учащихся и на эмигрантов из России; быстрой доступностью подкастов и простотой в использовании; разнообразием тем радиопрограмм; высоким качеством аудиоматериалов.

Радиоканал «Русский мир» удовлетворяет ряду методических принципов. Отметим два основных: 1) принцип ориентации на уровень языковой подготовки: тексты радиопрограмм могут использоваться в самом начале работы иностранных студентов с аутентичным материалом; они не содержат дискуссионных вопросов, которые могли бы осложнить понимание звучащего текста, 2) принцип удобной опциональности: радиоканал имеет привлекательный, удобный интерфейс, возможности для повтора программы в аудиорежиме и для паузы во время прослушивания.

Аутентичность радиотекста делает участников коммуникации включёнными в реальную речь, неадаптированную, в сравнении со специально подготовленными учебными текстами, и, как следствие, более сложную для понимания (Саутова, 2012). Звучащие тексты такого типа обеспечивают формирование языковых компетенций более высокого уровня, в числе которых интонационно-смысловая сегментация текста, узнавание и различение звучащих языковых единиц на слух, пополнение лексического запаса, развитие навыка языковой догадки. В процессе слушания и осмысления аудиотекста развиваются коммуникативные компетенции, связанные с определением коммуникативного намерения говорящего, страноведческие компетенции, проявляющиеся в углублении знаний о стране изучаемого языка, социокультурные компетенции, которые выражаются в способности осознавать ментальность людей, говорящих на другом языке (Нестерова, 2014).

Изучение лингводидактических возможностей интернет-радиоресурсов на примере программы «Смыслица» мотивировано тем, что она посвящена русской фразеологии – пласту русского языка, необходимому для формирования коммуникативной компетенции, но вызываемому закономерные трудности у иностранцев (Носкова, 2015). Программа реализует коммуникативную стратегию обучения; существенной особенностью является то, что выпуски строятся по определённому сценарию, что позволяет рекомендовать её обучающимся для самостоятельной работы. К числу важных факторов отнесём грамотную речь ведущего, чёткую дикцию, приятный тембр голоса, небыстрый темп речи, правильное паузирование, а также наличие заставок, структурирующих звучащий радиотекст и позволяющий следить за развитием обсуждаемой темы.

Анализ

Начиная работать с программой «Смыслица», необходимо познакомить студентов с её структурой и с ведущими: начинала эту программу Ольга Богатырская, в настоящее время ведёт Ксения Тиманина. Выпуски программы непродолжительны (от четырёх до восьми минут), сопровождаются заставками, перебивками, музыкальными включениями и состоят из следующих частей.

Заставка. *«Программа «Смыслица»: будет над чем подумать»; «Слово не воробей, вылетит – не поймаешь. Программа «Смыслица» – думай, перед тем, как говорить».*

Приветствие ведущей традиционное: *Здравствуйте, друзья!*

Объявление темы выпуска: представление фразеологизма, речь о котором пойдет в данном выпуске.

Цитата из художественного произведения, песни, мультфильма. Использование цитаты для подтверждения обсуждаемого значения фразеологизма или доказательства популярности обсуждаемого значения, а иногда для примера неудачного использования фразеологизма.

Рубрики. «Слова имеют значение» – Обращение к словарям, фиксация версий происхождения фразеологизма, констатация современного значения, если оно претерпело изменения; «Эка невидаль», «Кто бы мог подумать», «Любопытно» – после прозвучавших названий обычно приводятся интересные факты, касающиеся обсуждаемого фразеологизма.

Перебивки. Между смысловыми частями текста звучат музыкальные перебивки, которые выполняют функцию короткой паузы и способствуют более комфортному восприятию звучащей содержательно насыщенной речи.

Подведение итогов выражается в повторном обращении к современному значению фразеологизма.

Итоговая заставка. *«Делайте ежедневную разминку по русскому языку вместе с программой «Смыслица». Поговорим о смысле слов»; Программа предоставлена радиоканалом «Русский мир». Другие передачи о русском языке, культуре и жизни русского зарубежья слушайте на сайте www.rtm.fm.*

Модель объяснения значения фразеологизма и ситуации его употребления, принятая в рассматриваемой радиопрограмме, на наш взгляд, отвечает методическим требованиям к обучению и может быть использована преподавателем русского языка как иностранного в качестве методики устного объяснения.

Обучающая работа с фразеологизмом видится в применении ведущей различных коммуникативных приёмов. В данной статье для анализа применяемых приёмов используется научно-понятийный аппарат современных коммуникативно-прагматических исследований: *коммуникативная стратегия, коммуникативная тактика, коммуникативный ход* (Иссерс, 2008).

Коммуникативная стратегия обучения в изучаемой программе представлена разнообразными тактиками, которые реализуются характерными для данной программы коммуникативными ходами. Рассмотрим их на примере выпусков, посвящённых фразеологизмам *у Христа за пазухой и на кругу своя*.

Коммуникативная тактика побуждения к активному участию в программе реализуется несколькими коммуникативными ходами.

Коммуникативный ход использования акцентирующих внимание адресата вопросов, которые позволяют слушателям следить за ходом мысли ведущей: *«У Христа за пазухой» – о чём это?*

Коммуникативный ход поэтапной работы с фразеологизмом маркирует этапы работы: фиксирует начало разговора, подведение итога, план на будущее: ***В прошлый раз мы говорили о воронах; Итак, с этим разобрались; Осталось понять, что такое пазуха. Давайте снова обратимся к толковому словарю.***

Коммуникативный ход побуждения к мыслительному действию слушателей применяется в каждом выпуске программы в заставках и репликах ведущей, выражается императивом: *Делайте ежедневную разминку по русскому языку вместе с программой «Смыслица»; Да-да, не удивляйтесь, произносится... именно так (круги – Н.Н.). А почему? Давайте думать; Обратите внимание на первую строчку из этого отрывка: «И повторится все, как встарь».*

Коммуникативная тактика взаимодействия ведущего и слушателей в форме заставки осуществляется в каждом выпуске программы, в репликах ведущей – в большей части выпусков; выражается глаголом 1 л., мн.ч.: *В эфире программа «Смыслица», где мы с вами разбираемся в тонких и увлекательных материях – устойчивых выражениях русского языка; Это программа «Смыслица», где мы с вами добираемся до сути крылатых выражений великого и могучего русского языка. Сегодня мы поговорим о фразе «на круги своя»; Это значит, что все вернётся на исходную, все циклично, все повторяется – именно такой смысл у нашей с вами фразы «на круги своя».*

Коммуникативная тактика определения значения фразеологизма является ключевым в рассматриваемой программе.

Коммуникативный ход толкования значения фразеологизма, как правило, активен в речи радиоведущей, в одном выпуске используется неоднократно. Обращает на себя внимание следующая закономерность: объяснение значения фразеологизма и слова всегда осуществляется в начале и в конце программы, как будто для объявления темы и закрепления нового знания, но объяснение известных слов русского языка позволяет сделать вывод, что программа ориентирована и на иностранного слушателя. *В России их (ворон – Н.Н.) от безделья считают, а в Великобритании их не просто считают, а кормят, поят и обеспечивают самое что ни на есть комфортное житье. /.../ С тех пор воронам в самой знаменитой башне Лондона живётся как у Христа за пазухой.*

В процессе знакомства с фразеологизмом слушатель получает информацию о старых, теперь уже ушедших в историю, русских традициях. *Крестьяне полесья в Юрьев день*

обходили свои поля с праздничным караваем под мышкой или на груди, чтобы в следующем году урожай был обильным. А покойникам клали хлеб под рубашку, чтобы не беспокоил горюющих родственников, не являлся им во сне.

Коммуникативный ход этимологизации фразеологизма раскрывает историю происхождения фразеологизма (как он появился, как менялся), встречается в каждом выпуске, маркируется языковыми единицами *версия происхождения, выражение родилось, происхождение, пришло* и др.). С **церковнославянского** это переводится так: «*Ветер дует сначала на юг, потом на север, а затем вновь возвращается на то место, с которого он начинал дуть*»; Это место у человека не простое. Грудь – сосредоточие души человека, а пазуха как раз находится у груди. Сюда издавна клали только самое ценное: кошель с деньгами, драгоценности и многое другое. Раньше карманы были не в чести, а пазуху использовали как универсальный резервуар для хранения ценностей. Пазуха имела серьёзное символическое значение. Если девушка хотела научиться красиво рукодельничать, ей нужно было пригреть у себя за пазухой саламандру и отпустить на следующий день; **Выражение** это (на круги своя – Н.Н.) пришло к нам из Библии: в первой главе **Ветхого Завета** находим: «*Идет к югу и обходит к северу, обходит окрест, идет дух и на круги своя обращается дух*».

Коммуникативный ход объяснения контекста употребления фразеологизма утверждает в целесообразности обращения к программе как ресурсу, актуальному при обучении русскому языку как иностранному. Библейское происхождение этой фразы, которая в русском языке есть не что иное, как символ **стабильности, покоя и цикличности Вселенной**, накладывает отпечаток на ее **грамматические характеристики**: так, для русского уха **нетипично, пожалуй, «крУги»**; Это устаревшая форма, использовавшаяся в церковнославянском языке. То же самое можно сказать и о форме множественного числа, винительного падежа для местоимения «свой»: не **свои**, а **своя**, что также досталось русскому языку в **наследство** от своего старшего брата. Впрочем, оригинальное произношение нравилось не всем. Вскоре от него стали **отказываться**.

Коммуникативный ход цитирования фрагмента художественного произведения или художественного фильма, включающего фразеологизм. Данный коммуникативный ход отражает непосредственно прямое цитирование художественного текста или включение фрагмента из фильма: **Гениальный поэт Серебряного века Александр Блок** в стихотворении, которое почему-то так любят разучивать в школе, писал: «...и повторится всё, как встарь: *Ночь, ледяная рябь канала, Аптека, улица, фонарь*». Надо признать, Александр Александрович, сам того не зная, только что объяснил нам суть выражения «на **круги своя**»; Вот и в **фильме «Мэри Поппинс, до свидания!»** слышим **более современный вариант**: «Сотни

лет все ветры возвращаются на круги своя». Нормы русского языка, конечно, нужно блюсти, но стоит понимать, что и они не стоят на месте, и Мэри Поппинс не может со мной не согласиться.

Между смысловыми частями текста звучат музыкальные перебивки. Так, в выпуске, посвящённом фразеологизму у *Христа за пазухой*, используются две цитаты. Первая – из фильма «Женитьба Бальзаминова» (*Господи! Мне теперь гораздо веселее стало*). Вторая – из мультфильма «Ой баюшки-светы новый день!» (*Ой баюшки-светы!*).

Коммуникативная тактика обращения к авторитетному источнику, мнению.

Ведущая делает отсылки к мнению краеведов, академиков, лингвистов, литературоведов; в анализируемых выпусках – к авторам известных толковых словарей: *В толковом словаре Ушакова находим следующее описание этого выражения в статье о слове «пазуха». «У Христа за пазухой» – жить вольготно и спокойно, без забот; Владимир Иванович Даль в своей словарной статье добавляет: «Чувствовать себя в безопасности и достатке, как правило, при помощи другого лица»; У Дмитрия Сергеевича Ушакова: «Пазуха — это пространство между грудью и покрывающей её одеждой».*

Коммуникативная тактика приглашения к продолжению коммуникации обычно заканчивает программу. *А вот про тёмные силы давайте-ка в следующий раз расскажу; До встречи в новом выпуске программы «Смыслица»: Это программа «Смыслица». И я, Ксения Тиманина, прощаюсь с вами. До новых встреч.*

Результаты

В качестве учебного материала программа апробирована в учебном процессе с иностранными учащимися на филологическом факультете Томского государственного университета. В ходе апробации выявлено, что она соответствует основным принципам отбора материала для включения его в учебный процесс.

Материал интернет-радиоресурса используется на занятиях по лексикологии и фразеологии, аудированию, при подготовке к сдаче государственного сертификационного тестирования (ТРКИ2 и ТРКИ 3). Систематическое проведение тренировочных тестов на базе радиопрограмм помогает преподавателю следить за развитием у студентов навыков аудирования, а самим студентам – совершенствовать их.

В качестве самостоятельной работы рекомендуется стенографирование звучащего текста: оно требует от студентов неоднократного прослушивания радиозаписи до полного её понимания. Важно подчеркнуть, что изучаемая программа даёт возможность прослушивания в удобном для студентов темпе. Записав стенограмму, студент будет готов работать в

аудитории со смысловым уровнем текста. При этом преподавателю следует учитывать, что запись стенограммы – трудоемкая работа, требующая больших временных затрат, и не может быть использована в учебных целях слишком часто.

В практике обучения РКИ на филологическом факультете ТГУ различные формы работы с радиоресурсами интернета привлекаются на занятиях по практике устной и письменной русской речи со студентами продвинутого уровня владения языком, а также апробированы в спецкурсах «Российские СМИ» и «Культура и общество современной России», одной из задач которых является формирование медиаграмотности студентов.

Подводя итог, отметим, что коммуникативная стратегия обучения в программе «Смыслица» наиболее активно выражается тактикой побуждения к активному слушанию и тактикой взаимодействия ведущего и адресата. Это доказывает, что рассматриваемая радиопрограмма нацелена на просвещение слушателей посредством активного вовлечения в диалог и продвижения неизвестного знания об известных явлениях. Указанные интенции соответствует стратегии обучения.

Выраженная методичность радиопрограммы «Смыслица» позволяет расценивать её тексты как эффективный материал для работы по фразеологии с русскоговорящими и иностранными студентами. Она может быть использована как в аудиторной работе, так и при самостоятельном изучении русской фразеологии. Этот вывод лингвистически и методически значим в контексте поиска современной наукой новых форм и методов обучения.

Список литературы

Арсеньева Т. Е. (2013): Коммуникативные стратегии и тактики просветительского радиодискурса (на материале программы «Говорим по-русски»). Томск.

Иссерс О. С. (2008). Коммуникативные стратегии и тактики в русской речи. Москва: ЛКИ.

Киян О. Н. Аутентичность как методическая категория в обучении иностранному языку.: URL : <http://www.isuct.ru/konf/antropos/section/4/KIYAN.htm> (дата обращения: 16. 03. 2014).

Нестерова Н. Г. (2014). Роль аутентичных радиотекстов в диалоге культур, Вестник Московского университета, Серия 22: Теория перевода, 4, 73–87.

Нестерова Н. Г., Фашанова С. В. (2017): Радиотекст в аспекте медиаобразования. Медиалингвистика, 64–74.

Носкова Н. Ю. (2015): Инновационные методы обучения фразеологии в контексте новых образовательных стандартов, Концепт. URL: <http://e-koncept.ru/2015/85018.htm> (дата обращения: 25.02.2016).

Саутова Т. А. (2012): Обучение аудированию как одному из видов рецептивной деятельности, Вектор науки ТГУ, 2 (9), 272-273.

Русский мир, Радиоканал информационного портала фонда «Русский мир». URL: <http://www.ruskiymir.ru/media/radio2/> (дата обращения: 20.09.17).

Смыслица, Радиоканал информационного портала фонда «Русский мир». URL: <http://ruskiymir.ru/media/radio2/programs/the-program-smyslina/> (дата обращения: 10.10.17).

ЛИНГВОКРАЕВЕДЧЕСКИЙ ПОДХОД В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

Никитина Татьяна Геннадьевна
Псковский государственный университет, Россия
cambala2007@yandex.ru

Рогалёва Елена Ивановна
Псковский государственный университет, Россия
fno-timgo@yandex.ru

REGIONAL LINGUO-CULTURAL APPROACH TO LEARNING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

Nikitina Tatiana Gennadievna
Pskov State University, Russia

Rogaleva Elena Ivanovna
Pskov State University, Russia

АННОТАЦИЯ

В статье представлена концепция реализации лингвокраеведческого подхода в обучении русскому языку как иностранному. Показаны возможности использования регионально детерминированного учебно-методического обеспечения процесса обучения русскому языку как иностранному на разных этапах, в разных возрастных группах обучающихся. Отмечается целесообразность реализации лингвокраеведческого подхода в целях оптимизации процесса адаптации иностранцев в регионе обучения.

ABSTRACT

The article presents the concept of the implementation of the regional linguo-cultural approach in teaching Russian as a foreign language. The authors show the possibility of using regionally determined educational methodological tools in the process of teaching Russian as a foreign language at different stages, in different age groups of students. The expediency of implementation of the regional linguo-cultural approach in order to optimize the process of adaptation of foreigners in the region of study is emphasized.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, лингвокраеведческий подход, региональный компонент содержания обучения, пособие-путеводитель, лингвосоциокультурологический словарь, адаптационный курс развития речи, магистерская диссертация.

Keywords: Russian as a foreign language, regional linguo-cultural approach, the regional component of the learning content, guide book, linguo-sociocultural dictionary, adaptation course of speech development, master's thesis.

*Исследование выполнено в рамках проекта № 17-16-60001 а(р), поддержанного РФФИ
This research was supported by Russian Foundation for basic Research: project 17-16-60001 а(r)

Реализация лингвокраеведческого подхода в преподавании русского языка как иностранного (РКИ) способствует социокультурной адаптации инофонов в регионе обучения. Региональный компонент в содержании обучения обеспечивает расширение страноведческого кругозора (информация о регионах России) и обогащение словарного запаса регионально маркированной фоновой лексикой.

В различных регионах России созданы лингвокраеведческие материалы, рассчитанные, как правило, на контингент студентов продвинутого этапа обучения. Концепция реализации лингвокраеведческого подхода в обучении РКИ, разработанная нами, предполагает репрезентацию реалий региона в языковом отображении самым разным возрастным группам учащихся на разных этапах обучения. Соответственно разработано учебно-методическое обеспечение школьных и вузовских дисциплин и внеаудиторных мероприятий.

Так, для младших школьников-инофонов, а также магистрантов, проходящих практику в начальных классах с полиэтническим контингентом, разработаны материалы лингвокраеведческой олимпиады и рекомендации по ее проведению. Этой же категории обучающихся адресовано пособие по развитию речи (Рогалёва, Стигина 2017), где вымышленные герои сопровождают учащихся на прогулках по городским достопримечательностям, а затем дети-билингвы, освоив краеведческую информацию и соответствующий лексикон, сами становятся экскурсоводами по старинным улицам исторического центра и новым городским паркам.

Пособие включает в себя пять экскурсионных маршрутных листов, каждый из которых посвящен знакомству с улицами, набережными, площадями города Пскова, названия которых связаны с историей и культурой России: Ольгинской набережной, улицей Александра Невского, улицей Петровской, улицей Кутузова, улицей Воеводы Шуйского, улицей Софьи Перовской и улицей Декабриста Пушкина. Эти улицы представлены в следующих экскурсиях детского пособия-путеводителя: «Прогулка по Ольгинской набережной с экскурсоводом Барсиком», «Улица Александра Невского глазами экскурсовода Снежка», «Псковское путешествие Смайлика-туриста: от улицы Петровской до бастионов Петра Первого», «Экскурсовод Барсик знакомит ребят с воеводой и фельдмаршалом», «Экскурсовод Барсик о лучшем друге Пушкина и дочери вице-губернатора».

Материал маршрутного листа объединяется в рубрики, которые отмечены специальными графическими значками и помимо текста включают многочисленные фотоиллюстрации.

Первая рубрика раскрывает происхождение названия улицы или другого городского объекта, например:

Улица Петровская появилась на карте Пскова в 1947 году. Она названа в честь российского императора Петра Первого.

Петр Первый часто посещал наш город. Псков находится вблизи границы с Прибалтикой, поэтому он стал местом сбора основных сил русской армии в годы Северной войны (1700-1721 г.).

В 1701 году по приказу Петра Первого в Пскове были построены оборонительные сооружения - земляные бастионы. Всего было возведено 11 бастионов. Укрепления находились вдоль крепостных стен у реки Великой, на берегу реки Псковы и в Кремле. Их мы увидим во время наших экскурсий.

Вторая рубрика раскрывает прежнее название улицы, если она была переименована, например:

Улица Воеводы Шуйского когда-то называлась Покровской. Так она была названа, потому что здесь располагалась церковь Покрова Пресвятой Богородицы XVI века. В 1923 году улицу Покровскую переименовали в улицу Карла Либкнехта. А с 2009 года она носит имя Воеводы Шуйского.*

В Примечании дается справка: **Карл Либкнехт – известный политический деятель начала XX века в Германии.*

В третьей рубрике представлено расположение улицы: в каком районе она находится, какие улицы соединяет. Здесь же представлен фрагмент карты города. Обучающимся предлагается выделить на карте карандашом рассматриваемую улицу:

Улица Петровская располагается в районе Завеличья. Начинается она от улицы Максима Горького и, пересекая Рижский проспект, продолжается до улицы Госпитальной. Найди на карте улицу Петровскую и «прокатись» по ней карандашом.

В четвертой рубрике представлена информация о различных культурно значимых объектах, расположенных на данной улице. Обучающиеся имеют возможность рассмотреть фотографии данных объектов, таким образом, они представляют себя участниками виртуальной экскурсии:

Если мы пройдем по улице Петровской до улицы Коммунальной и повернем налево, то увидим Храм Святых Жен Мироносиц. Он построен в 1542 году в честь Святых Жен-Мироносиц, которые принесли к гробу воскресшего Иисуса Христа ароматы и благовония для совершения ритуала. С 1992 года при храме работает церковная школа. Здесь в течение 11

лет дети обучаются хоровому пению, получают православное воспитание. Выпускник приходской школы может стать регентом – дирижером церковного хора.

В пятой рубрике дается страноведческая информация – приводятся топонимические параллели: *Улицы Александра Невского есть также в Калининграде, Мурманске, Санкт-Петербурге, Самаре, Омске, Перми, Уфе, Новосибирске, Ярославле, Саранске, Москве, Нижнем Новгороде.*

В каждом маршрутном листе школьников сопровождают «экскурсоводы», которые знакомят их с особенностями экскурсионной речи. Главный персонаж здесь – экскурсовод Барсик, который является прообразом символа города Пскова – барса. Он сопровождает обучающихся на протяжении всех экскурсий, представленных в детском путеводителе, и ведет занятия в виртуальной «Школе экскурсоводов». Пособие используется при подготовке к реальным экскурсиям по городу, в ходе которых младшие школьники активизируют навыки экскурсионной речи и расширяют свой лингвокраеведческий кругозор.

Иноязычные учащиеся средней школы (приехавшие в регион по обмену или переехавшие сюда на постоянное жительство вместе с родителями) работают с материалами учебного словаря «О чем рассказывают городские названия» (Варламова, Галактионова, Головина 2012), который представляет псковские урбанонимы и эргоурбонимы в культурно-историческом аспекте. Тематическая организация материала по мотивационному принципу позволяет показать, как отразилась в местной урбанонимике история и культура страны и региона. Так, раздел «История России (XIII-XIX в.)» включает словарные статьи, представляющие улицы: *Александра Невского, Бастионная, Воеводы Шуйского, Декабриста Пуцина, Декабристов, Кутузова, Лагерная, Петровская, Полковая, Ротная, Софьи Перовской, Чудская, Шведская Горка*. Сложность текста соответствует уровню владения русским языком у иноязычных учащихся средних классов. Резюме на английском языке помогает освоить лингвокраеведческую информацию тем, кто еще не достиг должного уровня во владении русским языком:

УЛИЦА ДЕКАБРИСТОВ находится в Завокзальном районе и соединяет Железнодорожную улицу с Лунинским переулком. Её прежнее название – 3-я Лунинская улица. В 1964 году она была переименована в улицу Декабристов.

Декабристами традиционно называют членов тайных обществ 1816 – 1825 годов. В общество входили революционно настроенные дворяне, поднявшие 14 декабря (отсюда название – «декабристы») 1825 года восстание против самодержавного устройства России и крепостничества. Их целью было отменить крепостное право, ввести конституцию, предпринять другие шаги по преобразованию страны.

Среди декабристов были и псковичи: на Сенатскую площадь 14 декабря 1825 года вышли А.С. Горожанский, Ф.П. Шаховской и Н.П. Кожевников. После подавления восстания они были лишены дворянских званий, сосланы в отдалённые гарнизоны и умерли в ссылке. Декабристами были также псковичи – братья Креницыны: Александр, Владимир, Павел и Николай, гдович П.П. Коновницын, сын генерала П. П. Коновницына, героя Отечественной войны 1812 года, новоржевский помещик П.С. Пуцин. На Дмитриевском кладбище в Пскове похоронен декабрист М.А. Назимов, который после 20-летней ссылки вернулся на родину.

Decembrists street

It is situated near the railway station and connects Zheleznodorozhnaya (“Railway”) street and Lunin lane. Its former name was The 3rd Lunin street. In 1964 it was renamed and nowadays it is known as Decembrists street. There were pskovites among Decembrists: A.S. Gorozhansky, F.P. Shakhovsky and N.P. Kozhevnikov.

УЛИЦА ПОЛКОВАЯ соединяет Пролетарский переулок с Красноармейской набережной в районе Завеличья. Протяжённость улицы составляет примерно 400 метров. Улица названа в честь 96-го Омского полка, который в конце XIX – начале XX века был расквартирован в Пскове.

В 1892 году 96-й Омский полк входил в 24-ю пехотную дивизию 18-го армейского корпуса, который перевели в столичный Санкт-Петербургский военный округ из Финляндии. В 1893 году было объявлено о постройке для полка казарм в городе Острове Псковской губернии. В конце года, однако, по ходатайству Псковского городского управления, казармы для полка приказано было строить в Пскове. В 1905 году правительство выделило деньги на строительство для полка отдельного храма. В 1907 году недалеко от полковых казарм торжественно заложили храм святого благоверного князя Александра Невского.

96-й Омский полк – участник многих исторических событий. Первая мировая война принесла полку наиболее тяжёлые испытания и громкую славу. Осенью 1914 года ему пришлось участвовать в чрезвычайно жестоких боях на территории Польши. В ночь на 29 сентября 96-й Омский полк попал в окружение. Командир полка погиб. От полка осталось всего 310 человек, были потеряны все пулеметы. Однако благодаря стойкости солдат и уверенным действиям других полков немецкое наступление удалось остановить.

96-й Омский полк был расформирован в 1918 году.

Кроме Полковой улицы, названия связанные с военными частями Пскова, получили: Войсковая улица, Гарнизонный переулок, улица Ижорского Батальона, улица Кузбасской Дивизии, улица 128 стрелковой дивизии.

Polkovaya street (Regiment street)

It connects Proletarsky ("Proletarian") lane and Red Army embankment in the district of Zavelichye. The extension of it is about 400 meters. The street is named after the Omsk regiment that was accommodated there in the late 19th – early 20th centuries. The Omsk regiment is famous for battles in Poland. It was disbanded in 1918.

Старшие школьники-билингвы, а также иностранные студенты, владеющие русским языком в объеме уровня В2-С1, с интересом знакомятся с лингвосоциокультурологическим словарем (Никитина, Роголёва 2016), где представлен молодежный лексикон региона, в контекстах употребления неофициальных городских названий отражается живая речь местной молодежи, а в лингвокраеведческих комментариях раскрывается мотив официального наименования городского объекта, его социокультурная значимость и механизм языковой игры, использованный при образовании сленгового урбанонима:

АЛТАЙ, -ая, м. *Улица Алтаева в Пскове и территория, прилегающая к этой улице.* Наша историчка живет на Алтае, я с ней на автобусе вместе еду по утрам (Запись 2015 г.). < Официальное название улица получила в честь писательницы Маргариты Владимировны Ямщиковой (1872-1959), которая работала под литературным псевдонимом *Александр Алтаев*. Ее отец был родом из Пскова, она часто приезжала в Псковскую область, где и создала многие из своих произведений.

ВЕЛИК, -а, м., шутл. *Река Великая в Пскове.* – Вчера ныряли на Велике, прямо с кафешки на набережной. – Велик утопили? (Запись 2016 г.). < *Комический эффект высказывания или его непонимание возникает в результате звукового совпадения сленговых названий – реки и велосипеда (велик).*

ВОКЗАЛКА, -и, ж. *Улица Вокзальная в Пскове.* Так и идите по Вокзалке, на вокзал и придёте (Запись 2016 г.). < *Улица Вокзальная – одна из самых длинных в Пскове. На ней находится железнодорожный вокзал (здание построено в 1863 году по проекту французского архитектора Пиреля и до настоящего времени сохранено практически в первоначальном виде). Станция Псков-Пассажирский знаменита тем, что 2-го (по старому стилю – 15-го) марта 1917 года в салон-вагоне стоящего здесь царского поезда император Николай II подписал документ о своём отречении от престола.*

ГДОВКА, -и, ж. *Улица Гдовская в Пскове.* (Запись 2016 г.). < *Улица названа в честь города Гдова – районного центра Псковской области, расположенного на берегах реки Гдовки в 2 километрах от её впадения в Чудское озеро. Гдов впервые упоминается в летописи под 1323 годом. Ныне население Гдова около 4,5 тысяч человек. В городе развита в основном пищевая промышленность: имеется рыбозавод, молокозавод, консервный завод. Основная достопримечательность – Гдовский кремль (XIV в.). Кроме улицы Гдовской именами*

районных центров в Пскове названы улицы Великолукская, Дновская, Новоржевская, Опочецкая, Островская, Палкинское шоссе, Печорская.

КАЛИНКА, -и, ж., шутил. *Улица Калинина в Пскове.* Калинка, Калинка, Калинка моя! Была бы еще рядом Малиновского – было бы вообще круто (Запись 2016 г.). < *Намек на русскую народную песню со словами: «Калинка, калинка, калинка моя, в саду ягода малинка, малинка моя». Ср., напр.: сленговое название улицы Малиновского в Волгограде и Ростове-на-Дону – Малинка.* < *Официальное название улицы связано с именем Михаила Ивановича Калинина (1875-1946), известного государственного и партийного деятеля. Работая токарем на Путиловском заводе в Петербурге, он был членом нелегальных рабочих кружков. В 1899 году был арестован за принадлежность к "Союзу борьбы за освобождение рабочего класса". Несколько раз бывал в ссылке. Принимал участие в создании газеты "Правда", был участником Февральской революции 1917 года, после Октябрьского переворота возглавил Петроградскую городскую Думу. В 1919 году его избрали председателем Центрального исполнительного комитета, с 1938 – председателем Президиума Верховного Совета СССР.*

Иностранцам студентам, проходящим предвузовскую подготовку, предназначен адаптационный аудиторно-экскурсионный факультатив, который проводят тьюторы – магистранты программы «Теория и методика обучения русскому языку как иностранному». Цель данного факультатива – познакомить иностранных учащихся не только с культурно-историческими памятниками, но и с современными социально-бытовыми объектами, помочь им ориентироваться в городе. Условно-речевые упражнения раздела «На улицах города» объединены заголовком *Что? Где? Куда?* и традиционно строятся как диалоговые единства. Реплики диалогов, доведенные до автоматизма на занятиях, студенты пытаются использовать в реальной речевой практике: на улицах города они (при обязательном контроле тьюторов) вступают в контакт с носителями языка, задают вопросы, получают ответы и действуют в соответствии с ситуацией, например, добираются до необходимого объекта с помощью городского транспорта или пешком. Так же строятся и другие разделы адаптационного курса, например, «Магазины, покупки», «Спорт, фитнес», где студенты осваивают наименования магазинов и супермаркетов, стадионов и фитнес-клубов, узнают места их расположения, осваивают диалоги покупателя и продавца, спортсмена и тренера.

Особенностью нашей концепции, представляющей реализацию лингвокраеведческого подхода в обучении РКИ, является то, что она охватывает и иностранных магистрантов – будущих преподавателей РКИ. Лингвокраеведческий компонент их подготовки включает разработку всех представленных выше регионально ориентированных учебно-методических материалов совместно с преподавателями, использование данных материалов в ходе

педагогической практики и тьюторской деятельности, обобщение результатов работы в магистерских диссертациях лингвокраеведческой направленности. Этот аспект концепции разработан в учебно-методическом пособии «Выпускная квалификационная работа магистра: Методическое руководство. (На лингвокраеведческом материале)» (Никитина 2017), в котором отражен опыт работы в данном направлении, накопленный кафедрой теории и методики гуманитарного образования, где магистрантами, в том числе иностранными, в 2015-2017 г. подготовлены и защищены диссертации лингвокраеведческой направленности: «Лингвометодическая модель социокультурной адаптации студентов-иностранцев в процессе обучения русскому языку (элементарный уровень)», «Народная речь и культура региона в репрезентации иноязычным студентам-филологам», «Работа над урбанонимами в полиэтническом классе как средство формирования лингвокультурологической компетенции учащихся», «Формирование социокультурной компетенции студентов-иностранцев на материале топонимии Великих Лук», «Лингвокраеведческие аспекты подготовки бакалавров-иностранцев гуманитарных профилей» и др.

Таким образом, основными чертами реализуемой в Псковском государственном университете новаторской концепции лингвокраеведческого подхода в обучении иностранцев является полнота охвата разных возрастных групп обучающихся (от младших школьников до магистрантов), реализация концепции в разных формах учебной работы – от условно-речевых упражнений на краеведческом материале до тьюторского руководства процессом лингвокультурной адаптации иностранцев, достижение иностранными обучающимися положительного результата в формировании лингвокультурологической компетенции на всех этапах обучения - от зачета в рамках лингвокраеведчески ориентированного адаптационного курса до магистерской диссертации лингвокраеведческой тематики.

Список литературы

- Варламова М. В., Галактионова Г. В., Головина Л. С. (2012): О чем рассказывают городские названия. Учебный лингвокультурологический словарь. Псков: Логос Плюс.
- Никитина Т. Г. (2017): Выпускная квалификационная работа магистра: Методическое руководство. Для магистрантов направления «Педагогическое образование», профиль «Теория и методика обучения неродному языку». (На лингвокраеведческом материале). Псков: ЛОГОС.
- Никитина Т. Г., Роголёва Е. И. (2016): Актуальный молодежный лексикон: Псков – 2015-2016. Лингвосоциокультурологический словарь. Псков: ЛОГОС.

Рогалёва Е. И., Стигина И. Ю. (2017): Прогулки по Пскову с экскурсоводом Барсиком. Обучение младших школьников речевому жанру экскурсии: Пособие для бакалавров и магистрантов направления «Педагогическое образование». Псков: ЛОГОС.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АУТЕНТИЧНЫХ ВИДЕОМАТЕРИАЛОВ В ОБУЧЕНИИ РКИ: ЦЕЛИ И ВИДЫ РАБОТЫ

Новикова Виктория Викторовна
Центр русского языка, Великобритания
novikovavic@gmail.com

THE USE OF AUTHENTIC VIDEO IN TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE: WHEN AND HOW TO USE

Victoria Novikova
The Russian Language centre, UK

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются различные цели использования аутентичных видеоматериалов в обучении РКИ, принципы их отбора и виды работы. Автором приводятся примеры упражнений и заданий, направленных на формирование навыков восприятия звучащей речи и социокультурной компетенции и фрагменты методических разработок, иллюстрирующие возможности использования одних и тех же видеоматериалов на разных уровнях обучения РКИ.

ABSTRACT

The article discusses various goals of using authentic video in learning Russian as foreign language, the principles for choosing them and the types of activities. The author gives examples of some exercises and tasks aiming at developing of listening skills and sociocultural competence and presents the fragments of worksheets showing that the same videos can be used at different levels of learning Russian as foreign language.

Ключевые слова: аудирование, аудиовизуальные средства, социокультурная компетенция, РКИ, видеоматериалы

Keywords: listening, audio-visual resources, sociocultural competence, Russian as foreign language, video

Использование в учебном процессе разного рода аутентичных видеоматериалов имеет давнюю традицию в методике РКИ, однако несмотря на большое количество методических разработок и учебных пособий, существует необходимость в систематизации как принципов отбора таких материалов (например, согласно описаниям уровней ТРКИ), так и видов работы с такими материалами. Особую значимость работа с видеоматериалами приобретает при обучении РКИ вне языковой среды, поскольку с их помощью можно добиться хотя бы частичного воссоздания актуальной языковой действительности.

Современные реалии таковы, что огромное количество информации на совершенно разнообразные темы мы получаем из видео, и речь здесь идет не только и не столько о художественных и документальных фильмах и телепрограммах, но и коротких видео-роликах,

размещаемых в соцсетях как профессионалами (журналистами, режиссёрами, музыкантами и др.), так и обычными людьми, которые делятся своим опытом и знаниями в самых разных профессиональных сферах, многие ведут видеоблоги о своей жизни, путешествиях и т.д., поэтому естественно предположить, что изучающие русский язык (особенно молодые люди, для которых подобный способ получения знаний стал естественным) будут очень заинтересованы аудиторной и самостоятельной работой с такими ресурсами.

Работа с видеоматериалами может также обеспечить комплексное обучение всем видам речевой деятельности, что особенно важно при изучении РКИ вне языковой среды. Аудирование – один из самых сложных аспектов для учащихся, не имеющих ежедневного доступа к языковой среде, поэтому целесообразным представляется использовать разного рода видеоматериалы, начиная с самых первых дней изучения русского языка.

Еще одним важным преимуществом хорошо спланированной работы с видеоматериалами может быть организация самостоятельной, внеаудиторной работы учащихся, что особенно важно в ситуации ограниченности учебных часов как в вузах, так и на краткосрочных языковых курсах.

Основными долгосрочными целями использования видеоматериалов можно назвать следующие:

- улучшение навыков аудирования и извлечения информации из звучащего текста
- развитие произвольной и непроизвольной иноязычной памяти
- подготовка к взаимодействию с реальной русскоязычной средой (знакомство с вербальными и невербальными средствами коммуникации)
- частичная компенсация отсутствия языковой среды

Перечисленные цели обуславливают и отбор конкретных видеоматериалов в зависимости от уровня обучения и его краткосрочных целей, а также – возрастом и личными интересами учащихся. Для аудиторной и внеаудиторной работы можно использовать рекламные ролики, музыкальные видеоклипы, мультфильмы, художественные фильмы (полностью или отрывки), документальные фильмы, телепередачи (от выпусков новостей до аналитических и дискуссионных программ).

Видеоматериалы могут быть использованы в качестве:

- элемента занятия (для закрепления изученного грамматического явления (формы падежей и др.,) (ср. родительный падеж - «Ловись, рыбка!» («Ералаш»)), глаголы движения – «Куда идёт слонёнок» и др.), презентации или закрепления разговорной темы (телефонный разговор и др., (телефонный разговор – фрагмент из фильма «Питер ФМ», экзамен – фрагмент из фильма «Операция «Ы» или другие приключения Шурика» и др.)),

иллюстрации лингвокультурологического явления (Масленица – отрывок из фильма «Сибирский цирюльник», жизнь на даче - отрывки из фильмов «Утомленные солнцем», «Москва слезам не верит» и др.);

- основы урока или короткой серии уроков (работа над одним или несколькими фильмами или телепрограммами, объединенными одной темой или эпохой создания);
- основы спецкурса или серии уроков, основанных на разных видеоматериалах (работа над серией художественных или документальных фильмов, телепрограмм – ретроспектива работ известных режиссёров, просмотр сериалов или экранизаций литературных произведений).

Различные цели использования видеоматериалов в учебном процессе обуславливают и отбор самих видеоматериалов в зависимости от уровня обучения, и выбор видов работы над ними (просмотр отрывков или полностью), и типы упражнений (лексико-грамматические, лексические, интерпретационные, стилистические, на определение интенций говорящих и понимание культурно-исторического контекста и др.).

Необходимо отметить, что в некоторых случаях одни и те же видеоматериалы (особенно художественные и документальные фильмы) могут быть использованы для работы на разных уровнях изучения языка для достижения различных целей, в число которых могут входить как развитие навыков аудирования звучащего текста и понимания его буквального смысла (уровни А1-В2) и получение учащимися информации об истории и культуре России, образе жизни и картине мира русских людей, так и формирование умений «воспринимать основную смысловую информацию (на уровне общего, детального и критического понимания), а также коммуникативные намерения, включая имплицитно выраженные намерения говорящих; воспринимать информацию социально-культурного характера, выраженную как в эксплицитной, так и в имплицитной форме» (Иванова и др. 1999: 12) (ниже будут приведены примеры использования отрывка из фильма «Питер ФМ» на разных уровнях обучения, от А2 до В2).

Выбирая видеоматериалы для работы на разных этапах обучения РКИ, целесообразным представляется ориентироваться на требования к текстам (в широком смысле) и компетенциям того или иного уровня. Так, учащимся, достигшим уровня А1, на экзамене предлагаются тексты объёмом в 120-150 слов (для диалогов – около 12 реплик) и содержащие не более 1% незнакомых слов, а задачами являются понимание содержания, информации, коммуникативных намерений участников диалогов (Андрюшина и др. 2001: 8). На уровне А2 объём текста должен быть равен 300-400 словам с 1.5% незнакомых слов, и учащиеся должны понять тему сообщения, главную и дополнительную информацию, а также основное

содержание диалогов и коммуникативные намерения его участников (Нахабина и др. 2001: 8-9).

Очевидно, что подбор аутентичных видеоматериалов для уровней А1-А2 является довольно сложной задачей: лексический и грамматический арсенал учащихся ещё довольно ограничен, однако им уже доступны для понимания короткие видео с минимальным текстовым (и - желательно – качественным и информативным видеорядом) – рекламные ролики, мультфильмы, выпуски тележурнала «Ералаш». Можно использовать и отрывки из фильмов, содержащие разговорную тему (знакомство, прощание, телефонный разговор, заказ еды в ресторане и др.)

Типы упражнений на этих уровнях должны быть направлены как на развитие навыков слушания на иностранном языке (узнавание слов в потоке речи с учётом как нормативных фонетических изменений звуков (редукции, аккомодации, ассимиляции), знакомство с типами интонационных конструкций и т.д.), стилистически обусловленных вариантов произношения некоторых слов (например, «Чё?» вместо «Что?» и др.), так и на понимание основной информации. Хорошо зарекомендовали себя следующие виды заданий:

- Вставить пропущенные слова
- Верно/неверно
- Ответы на вопросы по содержанию (открытого типа, multiple choice)
- Записать важную информацию (даты, время, место и др.)

В качестве примера предлагаем методическую разработку по выпуску тележурнала «Ералаш» «Ловись, рыбка!»

Посмотрите видео и допишите реплики героев

(1 линия = 1 слово):

Голос: Здесь _____ !

Голос: Ты _____ ?

Голос: _____ нет!

Мальчик: _____ ?

Голос: _____ нигде _____ !

Мальчик: А _____ это _____ -то?

Голос: _____, _____ ... _____ !

Проверьте свои ответы:

Голос: Здесь рыбы нет!

Голос: Ты что, глухой?

Голос: Здесь тоже нет!

Мальчик: А тут?

Голос: Тут нигде нет рыбы!

Мальчик: А кто это говорит-то?

Голос: Кто, кто... Директор стадиона!

Грамматика

1) *Найдите в тексте фильма слова в родительном падеже, определите их род. Почему они в этом падеже?*

2) *Объясните разницу между фразами:*

Здесь рыбы нет.

Здесь нет рыбы.

Рыбы нет здесь.

3) *Расскажите историю мальчика в 5 предложениях*

На уровне В1 требования к аудируемым текстам и задачи учащихся сформулированы следующим образом:

- Объем текста – 500-600 слов; до 3% незнакомых слов, задача – понять тему, основную идею, главную и дополнительную информацию каждой смысловой части сообщения в аутентичном тексте
- Объем диалога – не менее 10-12% развернутых реплик; до 2% незнакомых слов, задача – понять основное содержание диалога и коммуникативные намерения его участников (Андрюшина и др. 2009: 8).

Для работы на этом уровне хорошо подходят художественные и документальные фильмы (современные или относящиеся к «золотому фонду» советского и российского кино) и новостные и информационные телевизионные программы, сопровождаемые упражнениями следующих типов: на общее понимание (ответы на вопросы «что, где, когда?», «правда-неправда» и др.); на детальное понимание (заполнение пропусков, multiple choice, восстановление порядка событий); на интерпретацию (устный или письменный пересказ с опорными словами или без них); создание собственных аналогичных просмотренным диалогов, проигрывание ситуаций («делаем своё кино»).

Как уже говорилось выше, некоторые отрывки из фильмов можно использовать для работы на разных уровнях. Проиллюстрируем это с помощью отрывка «Телефонный разговор» из фильма «Питер ФМ». Лексически и грамматически диалог между главными героями довольно прост и может быть использован на уровне А2 со следующими упражнениями:

Посмотрите отрывок и ответьте на вопросы:

1) Как зовут девушку и молодого человека?

2) Они знают друг друга?

3) Почему они хотят встретиться?

4) Где и во сколько они договорились встретиться?

Посмотрите отрывок ещё раз и вставьте пропущенные слова

(1 линия =1 слово)

- Алло.

- Алло.

- Здравствуйте.

- _____

- Скажите, а мой _____ в хороших руках?

- Да, Маш, _____ .

- А откуда вы знаете, что меня зовут Маша?

- Пока _____ только Маше.

- А _____ ?

- Максим. А как вам _____ телефон?

- Вы знаете, я _____ смогу в 9 на «Чкаловской», около памятника.

- Давайте. Как я _____ узнаю?

- Вы меня легко узнаете, я буду в костюме зайца.
- Зайца?
- Да _____. А можно я вам попозже _____?
- Да, конечно.

После просмотра отрывка и выполнения заданий можно предложить учащимся составить свой диалог:

*Вы потеряли свой мобильный телефон на улице (оставили на столике в кафе и т.д.). Позвоните и поговорите с человеком, который его нашёл.
Договоритесь о встрече.*

При использовании этого же отрывка на уровне В1 можно дать студентам его более длинную версию, включающую разговор главной героини с женихом и использовать задание с многовариантным выбором:

Посмотрите отрывок и выберите правильный ответ:

- 1) Маша ...
 - А) опоздала
 - Б) пришла раньше
 - В) пришла вовремя
- 2) Косте не нравится, что ...
 - А) Маша много работает
 - Б) Маша носит смешную шапку
 - В) Маша ревнует его
- 3) Маша звонит Максиму, потому что ...
 - А) давно с ним знакома
 - Б) хочет встретиться с ним
 - В) он нашёл её телефон
- 4) Маша и Максим договорились встретиться ...
 - А) в 8 часов у метро «Чкаловская»
 - Б) в 9 часов в центре
 - В) в 9 часов у метро «Чкаловская»
- 5) Маша и Костя должны купить ...
 - А) кольца

Б) машину

В) новый телефон

Этот же отрывок из фильма может быть использован и на уровне В2 со следующими заданиями (на этом уровне, скорее всего, фильм уже стоит посмотреть целиком, разбив его на 10-15-минутные эпизоды):

- *Опишите героев (Костю, Машу и Максима) и их характеры.*
- *Как вы думаете, почему Костя сердится на Машу? Можете ли вы*
- *предположить, какие отношения у Маши и Кости? Они давно знают друг*
- *друга? Кого мы называем «Маша-растеряша»? Почему Маша назвала Костю «Отелло»?*
- *Как вы думаете, что произойдет в фильме дальше?*
- *Как будут развиваться отношения Маши, Кости и Максима?*

Заданием, на наш взгляд, недооценённым при работе с отрывками из художественных фильмов, является пересказ событий отрывка. Особенно полезным такой пересказ может стать для учащихся, готовящихся к сдаче экзамена на 1 сертификационный уровень (в субтест «Говорение» включено задание на передачу краткого содержания текста). Целесообразным представляется начинать обучение такому пересказу, используя опорные слова (можно совместить задание по говорению с закреплением какой-либо грамматической темы – например, глаголов движения или видов глагола, перечислив в задании те глаголы, которые студент должен использовать в своем рассказе). Для более слабых учащихся или же тех, для кого задание «пересказать текст» является непривычным в силу особенностей их национального образования, можно для начала дать уже готовую версию пересказа, в которую нужно вставить недостающие слова или выражения в нужной форме, затем перейти к пересказу с использованием только опорных слов, затем – к пересказу в свободной форме. Для заданий по пересказу хорошо подходят те отрывки из фильмов, где действующие лица практически не разговаривают, а лишь что-то делают (идут, бегут и др., ср. отрывок из фильма «Питер ФМ», где главные герои бегут на встречу друг с другом, и оба – по разным причинам – опаздывают: на этом отрывке можно прекрасно отработать формы глаголов движения, а также – что немаловажно – наблюдательность учащихся: отрывок полон забавных деталей).

Согласно «Государственному образовательному стандарту по русскому языку как иностранному. Второй уровень. Общее владение» (Иванова и др. 1999: 10), тексты, предлагаемые учащимся для сдачи экзамена на уровень В2, должны отвечать следующим требованиям: монолог - описательно-повествовательного характера с эксплицитно

выраженной оценкой; информационные мини-монологи оперативно-фактического характера, объём монологов – 30-250 слов, тексты могут содержать до 10% незнакомых слов; диалог - воздействующего характера объёмом 250-300 слов (10-40 реплик), содержание незнакомых слов - до 10%.

Тексты для уровня С1 также должны содержать не более 10% незнакомых слов, объём монологического высказывания – от 30 до 450 слов, диалогических – 270-400 слов; характер монологов и диалогов – воздействующий с эксплицитно и имплицитно выраженной оценкой и формами речевого поведения (Иванова и др. 1999: 12).

Для работы на уровнях В2-С1 хорошо подходят документальные фильмы, телевизионные аналитические и дискуссионные программы («Познер», «Намедни» и др.); художественные фильмы, объединённые общей тематикой или историческим периодом и представляющие разные общественные взгляды на эти периоды (фильмы о проблемах молодёжи, фильмы о войне, экранизации литературных произведений и др.); сериалы; ретроспективы фильмов известных режиссёров (Леонида Гайдая, Эльдара Рязанова и др.). Задания, используемые на этих уровнях, можно разделить на следующие несколько типов:

- на понимание намерений, оценок и эмоций действующих лиц по отношению друг к другу или теме разговора, выраженных как эксплицитно, так и имплицитно;
- на понимание социально-поведенческих характеристик говорящих;
- на понимание основных целей и мотивов говорящего, выраженных как эксплицитно, так и имплицитно;
- на понимание информации социально-культурного характера;
- на различение функциональных стилей РЯ.

В зависимости от уровня подготовки студентов можно использовать и те типы заданий, которые используются на уровне В1 – многовариантный выбор, заполнение пропусков и т.д., так как они помогают организовать аудиторную или самостоятельную работу студентов и сфокусировать их внимание при просмотре отдельных частей фильмов или телепрограмм.

В качестве примера приведём методическую разработку по работе с фрагментом 2 серии сериала «Как я стал русским».

Как я стал русским

2 серия

Задание 2 (07:29 – 08:09)

Посмотрите отрывок и вставьте пропущенные слова.

Знаете ли вы, что значат выделенные фразы? Какую ошибку делает

Алекс, покупая именно эти цветы и именно в таком количестве?

Продавщица: Здравствуйте! Выбирайте – хризантемы, пионы? Вам для кого?

Алекс: Для начальницы. Давайте, пожалуйста, эти _____...

Продавщица: Гвоздики? Хорошо, а _____ вам?

Алекс: _____...

Продавщица: Молодая?

Алекс: Что?

Продавщица: Начальница-то молодая была?

Алекс: _____ лет, наверное...

Продавщица: Это ж как я...а уже отмучилась...

Алекс: Вы знаете, она уже всех замучила!

Продавщица: А вы уверены, что вам _____?

Алекс: Ладно... Давайте _____!

Как вы думаете, почему продавщица удивилась выбору Алекса?

Какие цветы и в каком количестве принято и не принято дарить в вашей стране?

«Отмучиться» = «умереть». **Какие другие синонимы/эвфемизмы вы знаете?** (Можно дать студентам для чтения отрывок из романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» - прим. автора)

Посмотрите следующий отрывок. (09:43 – 10:30)

Какую грамматическую ошибку сделал Алекс?

«Покойся с миром, Катюндра»

Марина: У себя...Ну что, как первый день?

Екатерина: Марина...Что это за дрянь?

Алекс (статус в Фейсбуке): Кто же знал, что в России чётное количество цветов не дарят живым людям?

Алекс: Это мой дрянь...Я хотел извиниться, но я не знал...я не знал...Давайте я выброшу!

Екатерина: Не нужно! Я сама выброшу.

В заключение необходимо отметить, что работа с видеоматериалами на любом уровне обучения РКИ предполагает большой объём подготовительной работы со стороны преподавателя, так как, несмотря на многолетний опыт использования видео, количество хорошо работающих учебных пособий невелико, как невелико и количество исследований, посвященных формированию навыков слушания и понимания и обобщению наиболее эффективных методов и приёмов по их формированию. Дискуссионным также является и вопрос об отборе тех произведений советского и российского кинематографа, знакомство с которыми для изучающих РКИ является необходимым для формирования вторичной языковой личности или же для обеспечения эффективной коммуникации учащихся, овладевших РКИ на достаточно высоком уровне с носителями русского языка.

Список литературы

Андрюшина Н.П., Битехтина Г.А., Иванова А.С., Клобукова Л.П. и др. (2009) Требования по русскому языку как иностранному. Первый уровень. Общее владение. Второй вариант. СПб: Златоуст.

Андрюшина Н.П., Владимирова Т.Е., Нахабина М.М., Соболева Н.И. (2001) Государственный образовательный стандарт по русскому языку как иностранному. Элементарный уровень. СПб: Златоуст.

Иванова Т.А., Попова Т.И., Рогова К.А., Юрков Е.Е. (1999) Государственный образовательный стандарт по русскому языку как иностранному. Второй уровень. Общее владение. СПб: Златоуст.

Иванова Т.А., Попова Т.И., Рогова К.А., Юрков Е.Е. (1999) Государственный образовательный стандарт по русскому языку как иностранному. Третий уровень. Общее владение. СПб: Златоуст.

Нахабина М.М., Соболева Н.И., Стародуб В.В., Степаненко В.А. и др. (2001)

Государственный образовательный стандарт по русскому языку как иностранному. Базовый уровень. СПб: Златоуст.

ФОРМИРОВАНИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ УМЕНИЙ АНАЛИЗА ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЫ НА ЗАНЯТИЯХ ПО РКИ

*Полонникова Екатерина Геннадьевна
Санкт-Петербургский государственный университет, Россия
katyapolonnikova@mail.ru*

DEVELOPING LINGUISTIC SKILLS OF INNER FORM ANALYSIS AT RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE LESSONS

*Ekaterina Polonnikova
Saint-Petersburgh State University, Russia*

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена новому подходу к обучению лексике на занятиях по рки. Опираясь на принцип сознательности в обучении, автор предлагает включить анализ внутренней формы фразеологических единиц в структуру занятий с целью формирования у учащихся устойчивых языковых умений, языковой догадки, а также самостоятельного оперирования полученными знаниями в реальных ситуациях межкультурной коммуникации.

ABSTRACT

The article explores a new approach of teaching lexis at Russian as a foreign language lessons. Following the conception principle in teaching the author suggests incorporation of the inner form of idioms analysis into lesson structure in order to develop students' strong language skills, language guess and independent use of acquired knowledge in real situations of cross-cultural communication.

Ключевые слова: принцип сознательности, внутренняя форма, языковая компетенция, ассоциативные связи

Keywords: conception principle; inner form; language competence; association links.

Изучая любой иностранный язык, человек развивает свои способности аналитического мышления, когнитивного восприятия действительности, культурной интерпретации языковых сущностей. Изучение языка – это процесс познания культуры народа, говорящего на этом языке. Язык выступает в роли проводника в мир культурных ценностей другого народа, показывая окружающую действительность чужими глазами.

Познание чужой культуры может осуществляться через знакомство с лексической системой иностранного языка с национально-культурным колоритом, особенно с фоновой, безэквивалентной лексикой, прецедентными именами, фразеологическими и

паремиологическими единицами. Фразеологизмы являются одним из древнейших инструментов передачи информации культурного, нравоучительного характера новым поколениям. Через фразеологические единицы народ даёт оценку окружающим явлениям, ситуациям, выражает своё отношение к миру. Согласно В. М. Мокиенко, «под фразеологической единицей понимается относительно устойчивое, воспроизводимое, экспрессивное сочетание лексем, обладающее (как правило) целостным значением» (Мокиенко 1989: 4). Благодаря устойчивости, фразеологизмы сохраняют изначальный смысл, вложенный в них много лет назад.

В структуре фразеологизмов выделяют поверхностный уровень, или их семантику, и глубинный уровень, или их внутреннюю форму. Внутренняя форма фразеологизма – это образ, ассоциация, передающая информацию о стереотипной ситуации в жизни народа и отношение к происходящему, определённую оценку событий. Внутренняя форма – это ментальная сущность, которая связывает язык и культуру. Образ внутренней формы – это метафора. В образном основании фразеологизмов содержатся символы, которые связаны со смыслом образа (например, *погубить душу, нести крест и др.*); мифологемы (например, *высасывать кровь*); эталоны (например, *смотреть, как баран на новые ворота*); ритуалы (например, *не выносить сор из избы*) и др. Все эти компоненты представляют фольклорный пласт культуры, тот культурный фон, который делает фразеологизмы культурнозначимыми.

Включение фразеологических единиц в содержание обучения русскому языку как иностранному способствует формированию языковой и социокультурной компетенций. Языковая компетенция – это основа иноязычной коммуникативной компетенции, поэтому для того, чтобы учащиеся смогли приблизиться к уровню владения языком носителями языка, необходимо изначально иметь четкое представление о языковой системе изучаемого языка. Принцип сознательности в усвоении иностранного языка является базовым, на который опирается вся система обучения. Осознанность в обучении позволяет не только лучшему пониманию информации, её запоминанию, а также развивает способности самостоятельной речемыслительной деятельности, которая позволит учащимся быть успешными в любой межкультурной коммуникации. «Использование принципа сознательности обучения способствует прочности усвоения и, что представляется нам важным, является условием овладения правильной речью. Сознательность в таком понимании предполагает обращение к аналитическим способностям изучающих язык, к их умению систематизировать, обобщать факты языка, строить аналогии» (Слесарева 1980: 135). Осознанное усвоение языковых явлений приводит к устойчивому формированию языковых знаний и умений, а значит, языковой компетенции.

С целью формирования устойчивых языковых умений в процессе усвоения лексики на занятиях по русскому языку как иностранному можно использовать анализ внутренней формы фразеологических единиц. Поскольку внутренняя форма – это образ, ассоциация, признак, иностранные учащиеся познакомятся с ассоциативными связями, возникающими у носителей языка на те или иные типовые ситуации. В дальнейшем это поможет им догадываться о смысле сказанного самостоятельно, не полагаясь на помощь словарей и справочных материалов.

В ходе анализа внутренней формы фразеологической единицы учащимся предъявляется данная языковая единица в контексте (например, *Тётя Наташа жаловалась, что от вечной беготни по лестнице она к вечеру «без задних ног»*. В. Андреева, *Дом на Чёрной речке. Выпив крепко заваренный чай, я рухнула в кровать и проспала без задних ног до следующего утра*. Д. Донцова, *Сволочь ненаглядная*). Обозначив её в тексте, учащиеся смогут увидеть три компонента: «без», «задних», «ног». Предварительно установив значения всех компонентов, они могут представить в своём воображении ситуацию, которую описывает данная идиоматическая единица, и обозначить ведущий признак слов, составляющих её основу, то есть смогут выделить внутреннюю форму (например, *ноги* – часть тела, у людей и животных, чтобы ходить, бегать; *задние ноги* – только у животных, по сравнению с передними работают больше; *без задних ног* – чего-то не хватает, трудно ходить). Внутренняя форма компонентов фразеологической единицы позволит догадаться о её значении («она к вечеру «без задних ног» значит «она не может ходить, устала»; «*проспала без задних ног*» значит «так устала, что долго спала»). Контекст послужит подсказкой для выявления негативной коннотации, неформального стиля, возможных вариантов употребления. Данный фразеологизм выполняет роль эталона и содержит метафору, в которой «внутреннее состояние человека [чувство усталости, которое испытывает постоянно загруженный делами и не сидящий на месте человек (ср. бегать как собака)] уподобляется обессиленности набегавшегося животного (например, собаки). Метафора образно мотивирована основанная на наблюдении за реальным поведением животных представлением о том, что во время движения (бега, прыжков и под.) основная нагрузка приходится на задние конечности (на лапы, ноги)» (Телия 2017: 29). Во втором примере в основе внутренней формы лежит «метафора, в которой крепкий сон человека уподобляется сну набегавшегося и потому уставшего животного (например, собаки), крайняя степень усталости которого выражается в том, что оно не чувствует задних конечностей» (Телия 2017: 30).

Следующим этапом работы с фразеологизмом должен быть продуктивно-творческий этап создания ситуации употребления данной языковой единицы по аналогии и самостоятельно. Задания должны иметь коммуникативную цель и мотивировать учащихся,

вызывать живой интерес. Наличие визуальных опор будет способствовать закреплению образа в памяти, а сопоставление с родным языком поможет выявить национально-культурный или общекультурный компонент значения фразеологической единицы.

Работа по анализу внутренней формы фразеологизмов может быть использована для обучения русскому языку учащихся лингвистических специальностей, в том числе переводчиков, а также всех тех, кто изучает лексикологию русского языка и интересуется мотивированностью наименования языковых единиц. С разной степенью сложности данная методика может использоваться на разных уровнях владения русским языком.

В дальнейшем после усвоения данной методики учащиеся смогут самостоятельно устанавливать значения фразеологических единиц в устном или письменном контексте, а также адекватно употреблять их в своей речи. Обучение анализу языковых явлений на всех уровнях владения русским языком, а также работа по установлению ассоциативных связей позволит сформировать языковую компетенцию на высоком уровне, языковую догадку, а также научить самостоятельному применению и усовершенствованию полученных знаний в практике межкультурной коммуникации.

Список литературы

Мокиенко В. М. (1989): Славянская фразеология. Москва: Высшая школа.

Слесарева И. П. (1980) Проблемы описания и преподавания русской лексики. Москва: Русский язык.

Телия В. Н. (2017) Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий. Москва: АСТ – ПРЕСС КНИГА.

НЕЗНАКОМОЕ В ЗНАКОМОМ: РАЗГОВОРНЫЕ И ЖАРГОННЫЕ ЗНАЧЕНИЯ НЕКОТОРЫХ РУССКИХ ГЛАГОЛОВ

Полухина Яна Петровна
Тюменский государственный университет, Россия
yanessa7@yandex.ru

THE UNFAMILIAR FAMILIAR: COLLOQUIAL AND SLANG MEANING OF SOME RUSSIAN VERBS

Iana Polukhina
Tyumen State University, Russia

АННОТАЦИЯ

Формирование лексических и коммуникативных навыков, осознание стилистической окраски слова, его сочетаемости и уместности употребления является одной из важнейших задач изучения русского языка как иностранного на продвинутом этапе. Знакомство с некоторыми нестандартными значениями активно используемых в повседневной русской разговорной речи глаголов, особенностями их сочетаемости позволит студенту-иностранцу эффективно решить эту задачу.

ABSTRACT

One of the most important tasks of studying Russian as a foreign language at an advanced stage are the formation of lexical and communicative skills, an awareness of the stylistic coloring of the word, its compatibility and appropriateness of use. Acquaintance with some non-standard meanings of verbs actively used in everyday Russian colloquial speech, peculiarities of their compatibility will allow a foreign student to complete the task effectively.

Ключевые слова: русский как иностранный; разговорная лексика; переносные значения слов.

Keywords: Russian as a foreign language, colloquial lexicon, portable meanings of words.

Преподавание русского языка как иностранного опирается преимущественно на кодифицированный литературный язык. Учебные материалы, литература для чтения и речь преподавателя адаптированы для удобства восприятия информации иностранным студентом. Попадая в русскоязычную среду, иностранцы непременно сталкиваются с другим лексическим блоком, ведь в повседневной жизни носитель пользуется преимущественно разговорной речью. Располагая коммуникативным опытом, основанным лишь на литературном языке, иностранец не понимает говорящего или пишущего. Знакомство студентов с пластом разговорной и жаргонной лексики может частично снять указанную проблему и способствовать успешной коммуникации иностранцев.

Подобная проблема актуальна и для иностранцев, изучающих русский на продвинутом этапе. Практика показала, что инофоны, владеющие русским на довольно высоком уровне испытывают особый интерес именно к разговорной речи и подобным, непонятным им в обыденных коммуникативных ситуациях, случаям. Также они регулярно встречают подобные случаи словоупотребления в публицистических и художественных текстах последних лет.

Большинство слов русского языка являются многозначными. Особенно это характерно для глаголов. Если знакомый глагол не даёт понимания коммуникативной ситуации, то студент логично предполагает, что глагол многозначный и нужно обратиться к словарю. Однако нередко активно используемые в современной повседневной коммуникации слова употребляются в разговорном или жаргонном значении, которое не встречается и не разъясняется в учебниках по русскому языку, как иностранному.

Особенную сложность представляют, казалось бы, знакомые глаголы, употребляющиеся в некоторых коммуникативных ситуациях в нестандартных и неожиданных для иностранца значениях, которые фиксируются толковыми словарями либо в конце словарных статей, либо отсутствуют вообще в авторитетных толковых словарях, таких как Большой академический словарь, Словарь русского языка С.И. Ожегова, Большой толковый словарь русского языка под ред. С.А. Кузнецова.

Речь идет о таких случаях, как

брить – побрить (кого с чем) (помешать человеку выполнить задуманное, то, к чему он стремится);

врубаться – врубиться (во что) (начать понимать, осознавать (услышанное, напечатанное, происходящее и т.п.); вникнуть в суть чего-либо);

обламывать – обломать (кого с чем) (помешать человеку выполнить задуманное, к чему он стремится; доставить человеку неприятные эмоции, расстроить, заставить переживать);

обуть (кого, что) (ловко провести, обмануть кого-либо; установить на автомобиле покрышки);

парить - впарить (кому что) (запутывать, обманывать; нервировать; навязывать ненужную информацию; надоедать кому-то чем-то) и других.

Всего было проанализировано более 50 слов, у некоторых из которых обнаружилось несколько разговорных значений.

Изначально с подобными словами мы сталкивались на занятиях, работая с неадаптированными текстами современных отечественных писателей (М. и С. Дяченко, О. Робски, В. Пелевина) или во время работы с художественными фильмами. Затем функционирование данных глаголов было изучено по материалам толковых словарей,

Викисловаря, НКРЯ, Словаря молодежного сленга и ресурса «Модные слова». Таким образом были выявлены некоторые закономерности и особенности их употребления.

При проверке наличия данных значений у исследуемых слов в авторитетных словарях обнаруживаем такую картину:

Толковый словарь С.И. Ожегова: *пилить (разг.), вылупить (прост., неодобр.), загнуть (прост.), заливать (прост.), копать (прост.), наехать (прост.), отделать (прост.), париться (прост.)*.

Большой академический словарь: *пилить (разг.), подколоть (разг.), вылупить (груб.-прост.), заливать (прост.), отделать (прост.)*.

Максимально быстро реагирует на появление в языке новых слов и значений служба портала Грамота.ру. Там, в большом толковом словаре, находим значения практически всех описываемых слов. Однако есть и такие, значения которых не зафиксированы на Грамоте: *нарыть, гнать (врать), обломаться, бриться, бомбить, отдыхать, спалить, спалиться, парить, рулить (рулит), срастись, оттопыриться, спалить, моросить, зарубить, клинить, сделать, точить, тупить*. Что касается значений, зафиксированных на Грамоте, следует отметить, что не всегда в словарной статье присутствуют примеры употребления глаголов в искомом значении. Либо истинный смысл слова без широкого контекста оказывается неясным иностранцу. К примеру, в словарной статье «попасть» читаем следующее: *(на что). Жарг. Обмануться в своих ожиданиях; оказаться обманутым. Вложил в дело все деньги и попал*. Если бы не предшествующее толкование слова, то из примера значение глагола можно понять двояко: либо «попал в цель, угадал, получил выгоду», либо «проиграл, потерял деньги». Это связано с тем, что в русском языке этот глагол в зависимости от сочетаемости может приобретать как позитивные, так и негативные оттенки значения.

Интересно, что в НКРЯ нередко отсутствуют примеры функционирования данных глаголов в указанных значениях. Частично встречаем их только в устном подкорпусе. В основном, это примеры из кинодиалогов.

Еще один важный момент – стилистическая окраска подобных единиц. Разговорная речь не состоит из одной только нейтральной и обиходно-бытовой лексики. Помимо названных лексических пластов, она включает жаргонизмы и слова со сниженной стилистической окраской. Однако на занятиях по русскому как иностранному о двух последних пластах, как правило, не упоминают, и это приводит к тому, что студенты, находясь в языковой среде и коммуницируя с носителями, перенимают от них эту лексику как нейтральную. Полагаясь лишь на свой коммуникативный опыт и не имея достаточной информации в этой сфере,

иностраннный студент совершает ошибки стилистического характера, не ощущает стилистическую маркировку лексемы и степень ее уместности в той или иной ситуации.

Среди слов, представленных в настоящем исследовании, нет нейтральных, каждое из них стилистически окрашено. Следовательно, иностранцу необходимо быть очень осторожным с употреблением подобной лексики. Она совершенно неуместна в официальной обстановке, в письменных текстах. С осторожностью нужно использовать ее в общении с приятелями и друзьями, в интернет-коммуникации.

Стилистическая окраска исследуемых слов в Большом толковом словаре русского языка под ред. С.А. Кузнецова обозначена следующим образом:

Разговорные: грузить, достать, забодать, завести, загнуть, крутить, заливать, замести, заскочить, квасить, копать, нарисоваться, обломать, оттопыриваться, подколоть, раскрутиться, стучать.

Разговорно-сниженные: валить (уходить прочь), врубиться, вылупиться, вырубиться, гнать (давать), закрутить, засветить, обуть, отделать, отключиться, отрубиться, развести.

Просторечные: нет, а в словарях БАС и Ожегов были!

Жаргонные: гудеть, забить, засветиться, кидать, мочить, наехать, оттянуться, подсесть, попасть, соскочить.

Отдельные глаголы (*мочить, наехать, подсесть, соскочить*), имеющие жаргонные значения, вряд ли встретятся в живой повседневной речи, но в современной публицистике и художественной литературе их можно обнаружить.

При выявлении разговорных значений исследуемых слов в русском тексте в некоторых случаях на помощь иностранцу приходит грамматика. Например, изменение грамматической парадигмы некоторых глаголов несет информацию о смене их семантики в определенных контекстах.

Так, например, русским глаголам *парить, копать, плющить, пилить, сделать, грузить, развести, доставать, кидать, завести* свойственно управление неодушевленными существительными в винительном падеже: *парить ноги, копать картошку, плющить металл, пилить дерево, сделать домашнее задание, грузить мебель* и т.д. Однако в современном разговорном русском языке у этих глаголов возникают иные значения, которые реализуются в ситуации, если эти глаголы управляют одушевленными существительными в винительном падеже: *парить мозг, копать под коллегу, меня плющит, пилить мужа, сделать соперника, грузить собеседника, развести бедолагу* и т.п.

Глагол *нарисоваться* в литературном языке употребляется в конструкции (*кому*) *нарисовалось* (*что*), однако в сочетании (*кто*) *нарисовался* глагол уже означает «появился».

Так же в нестандартных синтаксических конструкциях проявляют свои значения словоформы *забить*, *подсесть*, *стучать*: *забить на здоровье*, *подсесть на марихуану*, *стучать на соседа*.

Обратим внимание, что некоторые глаголы в новых значениях управляют только одушевленными объектами, поскольку действие, обозначаемое этими глаголами, может быть направлено исключительно на человека: *замести*, *мочить*, *обуть*, *спалить*, *обломать*, *оттопыриваться*. Например: *Его снова замели. Да их просто надо мочить! Мой сосед на косарь меня обул. Учитель спалил Илью, когда тот списывал. Завкафедры обломал Славина с зачетом. Ну мы в отпуске и оттопырились!*

В некоторых случаях переходные в литературных значениях глаголы утрачивают узувальную переходность с приобретением новой семантики. Это характерно для глаголов *гнать*, *бомбить*, *загнуть*, *тупить*, *зажечь*, *втыкать*, *соскочить*, *завязать*, *точить*. Сравним: *гнать коров/ зайца/ нефть* – она гонит; *бомбить город/ корабли/ противника* – он весь вечер бомбил; *загнуть край/ рукав/ палец* – это ты загнула; *тупить нож/ инструменты* – Саня постоянно тупит; *втыкать иглу/ цветок* – Ты втыкаешь, как работает эта прога?

Подобные разговорные значения иностранцу, изучающему русский язык, как правило, неизвестны, поэтому при прочтении современных текстов возникает проблема понимания содержания некоторых моментов. Например, в рассказе С. Синякина «Башмачник» встречаем такое предложение: *Ашот Каренович при желании и специалистов из «Адидаса» легко сделать мог, но не хотел*. Здесь глагол *сделать* употребляется в жаргонном значении, которое не зафиксировано в толковых словарях, найти его можно только в Викисловаре (который преподавателями обычно не рекомендуется): «опередить; превзойти кого-либо». Без специальных комментариев преподавателя иностранный студент вряд ли догадается, что речь идет о том, что Ашот Каренович легко мог превзойти в мастерстве специалистов из компании «Адидас».

Еще один «намеки» на нестандартное значение глагола в контексте - образование видовых форм, не сходное с литературным. Большинство исследуемых слов образует видовые пары (с приставками или суффиксами):

брить – *побрить*;
бриться – *побриться*;
врубаться – *врубиться*;
грузить – *загрузить*;
наезжать – *наехать*;
обламывать – *обломать*.

Однако некоторые из глаголов могут употребляться только в форме одного вида: *бомбить* (заниматься частным извозом на автомобиле, таксовать), *копать* (интриговать против кого-либо), *моросить* (рассказывать что-то неинтересное, нудное), *попасть* (оказаться обманутым), *нарисоваться* (появиться, показаться). Это, как правило, обусловлено их семантикой. Если глагол обозначает продолжающееся действие или процесс, то используется в форме несовершенного вида (*бомбить, моросить, копать*). Если подразумевается завершенное, доведенное до результата действие, то мы имеем дело с формой совершенного вида (*попасть, нарисоваться*).

Интересен случай с глаголом *валить*, который имеет два разговорных значения. Разные значения этого глагола образуют формы совершенного вида с разными приставками: *валить-завалить* (умышленно препятствовать сдаче экзамена), *валить – свалить* (убежать).

Одной из грамматических «примет» нестандартного значения являются особенности в образовании залоговых форм.

Не все описываемые глаголы образуют формы с постфиксом –ся. В большинстве случаев с –ся они используются в обычных словарных значениях, в то время как без –ся употребляются в разговорном значении (*попасть, загнуть, бомбить, гнать, валить* и другие). Некоторые глаголы, напротив, разговорные значения приобретают только с постфиксом –ся: *оттянуться, нарисоваться, оттопыриться, отрубиться, отключиться, врубиться, вылупиться*.

В описываемой группе глаголов не так много таких, которые в обеих формах (с –ся и без –ся) имеют разговорные значения: *грузить – грузиться, брить – бриться, раскрутить – раскрутиться, спалить – спалиться*.

Отдельные глаголы в новых значениях образуют залоговые формы с постфиксом –ся, приобретая значения, напрямую не связанные с производящим глаголом: *парить* (запутывать, обманывать) – *париться* (усердно работать над тем, что плохо удаётся); *вырубить* (ударом лишить возможности сопротивляться) – *вырубиться* (крепко уснуть); *засветить* (сильно ударить) – *засветиться* (выдать, обнаружить себя).

В некоторых случаях инофон может догадаться о разговорном (жаргонном) значении слова в контексте, если возникшее вторичное значение достаточно тесно связано с первичным. Например: *отключиться, засветиться, пилить*. Кроме того, у слова *пилить* в английском языке есть сходное разговорное значение. Однако если мы работаем в азиатской аудитории, то здесь эта схема не сработает. Кроме того, если глагол *засветиться* будет использован без возвратной частицы, то о его разговорном значении иностранцу догадаться невозможно: *Вчера вечером дружба́н мне так в глаз засветил, аж искры посыпались!* Первая мысль,

приходящая в голову иностранному читателю: речь идет о том, что друг светил фонариком в глаз. Здесь же глагол используется в значении «ударить».

Наиболее сложный случай представляет группа глаголов, у которых новое значение формируется в рамках стандартной литературной парадигмы (*побрить, обуть, зарубить, срастись, развести*), поскольку никакие грамматические показатели не информируют иностранца о нестандартном значении этого слова. Только широкий контекст заставляет задуматься о нелогичности происходящего.

У глаголов *валить, гудеть* появилось два разговорных значения, а у *гнать* целых четыре, которые очень сложно разграничить и понять не носителю русского языка:

- ВАЛИТЬ** 1) валить – завалить (кого) умышленно стараться сделать так, чтобы студент (диссертант) не сдал этот экзамен (не защитил диссертацию);
2) валить – свалить (куда, откуда) уходить прочь, сбегать.
- ГНАТЬ** 1) (на кого что) упрекать, обвинять, лгать, обманывать кого-л.;
2) говорить чушь, нести ерунду;
3) сочинять, придумывать, шутя, говорить о чем-то невероятном;
4) клеветать, оскорблять, обижать.
- ГУДЕТЬ** 1) праздновать, отмечать что-либо шумно, пировать, кутить, веселиться;
2) пьянствовать.

В редких случаях новые значения реализуются только в определенных грамматических формах. Так, глагол *рулить* в толковом словаре Грамоты имеет два значения, второе из которых разговорное.

РУЛИТЬ *нсв.* [от франц. *rouler* - катить] **1.** Управлять рулём; вести какое-л. транспортное средство в каком-л. направлении. *Один гребёт, другой рулит. Р. к бензоколонке. Рули вправо!* (поворачивай руль в таком направлении). // Ехать, катиться (обычно о самолёте). *Самолёт уже рулил по взлётной полосе.* **2.** Разг. Управлять чем-л.; иметь власть над кем-л. *Ему лишь бы цехом р. Сержант умел р. новобранцами не хуже лейтенанта.*

Но в «Словаре молодежного сленга» находим еще одно значение, возникающее только в форме 3 л. ед. или мн. числа: «быть очень классным». Подтверждает эту информацию и ресурс «Модные слова», где значение этого слова разъясняется следующим образом: «Рулит - это возглас обозначающий положительные эмоции, похожий по смыслу на слово "круто"». Тут же приводятся синонимы: *мегакруто, здорово, класс, отлично, зашибись*. Таким образом,

глагольная форма *рулит* выступает в функции оценочного наречия или слова категории состояния.

В Викисловаре подобное значение «отличаться высоким качеством, вызывать одобрение» сопровождается пометой жарг. и рекомендацией по ударению: *Линукс рули́т*.

Данные глаголы в рассматриваемых значениях способны вступать во **внутрисистемные связи**. Возникают синонимические пары и даже синонимические ряды: *достать* – *забодать*, *втыкать* – *врубаться*, *бриться* – *обломаться*, *оттопыриваться* – *оттягиваться*, *зажигать* – *гудеть* (в значении «тусоваться»), *квасить* – *гудеть* (напиваться), *спалиться* – *засветиться*, *обуть* – *развести*, *рыть* – *копать*, *заливать* – *загибать* - *гнать*, *отключиться* – *отрубиться* – *вырубиться*. Антонимы: *подсесть* – *соскочить*, *втыкать* – *тупить*, *врубаться* – *тупить*, *завести* – *обломать*.

Однако системные связи глаголов в подобных значениях проявляются нерегулярно и подчас неожиданно. Так, не образуют антонимической пары глаголы *врубиться* – *вырубиться*, хотя в первичных словарных значениях они эту пару образуют. Что интересно, словарь Грамоты.ру первичное значение фиксирует стилистически неравноценно: *врубиться* – нейтральное, *вырубиться* – разговорное. Кроме того, глагол *врубиться* имеет три значения, а *вырубиться* – только два. Хотя в разговорной речи довольно активно используется значение, антонимичное второму значению слова *врубиться*. Например, *Комп вырубился* (то есть выключился). И именно это значение дало толчок к развитию у этого глагола значения «заснуть».

ВРУБИТЬСЯ, *1. во что, куда*. Рубя, проникнуть, углубиться куда-л. *В. мотыгой в мёрзлую землю. В. в угольный пласт. В. в неприятельские ряды. 2. Разг.* Включиться, начать действовать. *Аварийные насосы врубились автоматически. 3. во что. Разг.-сниж.* Начать понимать, осознавать (услышанное, напечатанное, происходящее и т.п.); вникнуть в суть чего-л. *В. в тему, в проблему. Не сразу врубился в ваш спор.*

ВЫРУБИТЬСЯ, -блюсь, -бишься; *св. 1. Разг.* Выбраться откуда-л., проложив себе путь рубкой. *В. из чащи леса. 2. Разг.-сниж.* Впасть в забытье; задремать, заснуть. *Устал так, что лёг и сразу вырубился.*

С учетом всех указанных грамматических, стилистических и семантических особенностей данных лексических единиц студентам можно предложить следующие типы упражнений.

Попробуйте догадаться о значении выделенных в тексте слов.

- 1) В автобусе одного гражданина невнимательного карманники *обули* (Интернет).
- 2) Не *зажигает* он зал, одно слово - Франция! (С.Синякин)

3) Вчера мы **зажгли** на танцполе! (Интернет)

4) Водитель утверждал, что **замести** в дурдом удастся далеко не каждого (А.Смирнов).

5) Депутат долго не мог **врубиться**, в чем его пытаются обвинить, а когда до него наконец дошло, то заржал погромче пресловутого сивого мерина. (Т.Сахарова).

6) Ты серьезно или **гонишь**? (Интернет)

7) Препод сегодня **загрузил** на лекции... (Интернет)

8) Да, есть такая традиция — подразнить честолюбивого дебютанта фантастически завышенным комплиментом. В современном речевом обиходе для этого часто используется глагол «**отдыхает**» в сочетании с именем какого-нибудь корифея. Начинающую певицу можно поддержать восклицанием: «Пугачева **отдыхает!**» Молодому автору заковыристого романа ласково шепнуть: «Булгаков **отдыхает!**» (Интернет)

«Переведите» на русский литературный язык:

1) Только во дворе и можно **оттянуться**. Там ребята, ну, туса разная (О. Андреева, Г. Тарасевич).

2) — Молодец, Вован, — сказал Леня, — все лучше, чем у станка весь день **париться** за копейки (А. Моторов).

3) Получается, вы обрекаете себя либо на хроническое метание с диеты на диету, либо вынуждены **подсесть** на таблетки (О. Извекова).

4) В этот момент мне стало ясно, что Гриша решил меня **развести** (Ю.И. Андреева).

5) Помнится, был период в моей жизни, когда **бомбить** приходилось на супре GA 70. Кузов, ес-но, с правым рулём! Вот это экстрим был! Всегда на чай, помимо оговоренного, оставляли. Правда, с её расходом особо не **набомбишь**... (Интернет).

6) Отсюда надо **валить**, хотя бы ради детей (А. Моторов).

Найдите соответствия (Соедините разговорные и жаргонные слова с синонимами из литературной речи):

врубиться	обманывать
забить	понять
нарыть	проигнорировать
стучать	доносить
точить	арестовать
гнать	изводить
замести	есть (кушать)
пилить	найти

Заполните пропуски подходящими по смыслу словами из скобок (Слова для справок: кидать, врубиться, вырубиться, валить, заскочить, гнать, отрубиться, загнуть).

1) Он мог _____, уснуть на месте, откинув назад голову и сотрясая лабораторию храпом, и его сотоварищи могли в этот момент отплясывать жигу, стрелять петардами, щекотать его в носу кисточкой бритвенного прибора — он только отфыркивался и продолжал спать ровно столько, сколько требовала природа его усталости (Г. Щербакова).

2) Ну это уж слишком. Это ты бабуля _____. К сожалению, Марь Алесанна, всё, что вы только что говорили, относится не ко мне (к/ф «Тема»).

3) Тогда, по дороге в Абхазию, Юра стоял в аэропорту посреди зала ожидания и как-то странно, замедленно думал: «Успею домой _____ до самолета на Минводы?» (А. Берсенева).

4) Обычно банк _____ на проценты.

5) Именно поэтому, если вы сдаёте сессию с задержкой, имеет смысл начать с тех предметов, по которым у вас гарантировано будет хорошая оценка. Преподаватель — коллективное существо. Увидев, что остальные поставили хорошие оценки, он решит: «Да чё бы и не поставить повыше? Кузьма Алексеич, вон, и Изольда Семеновна тоже его _____ не стали, они ж не дураки» (Интернет).

б) — И все равно никак _____ не могу, — сказал он, — кто же все-таки этот четвертый? (В. Пелевин)

На финальном этапе работы с подобной лексикой практикуем продуцирование самостоятельных высказываний с использованием данных слов:

Придумайте и запишите собственные предложения со словами обломаться, бриться, отдыхать, спалиться, парить, рулить (рулит), срастись, оттопыриться в разговорных значениях.

Следовательно, существует необходимость включать в учебники по русскому языку как иностранному на продвинутых этапах разделы, посвященные разговорным и жаргонным значениям распространенных глаголов либо же создавать специальные учебные пособия, посвященные толкованию значений подобных лексических единиц с упражнениями. В нашем случае мы вводили серию упражнений (предтекстовых и послетекстовых), разъясняющих подобные значения встретившихся в тексте слов и поясняющих сферу их функционирования, особенности грамматики (если они есть) и контексты употребления.

Список литературы

Большой академический словарь русского языка (2004—): В 30 т./ Под ред.

К.С. Горбачевича. СПб.: Изд-во «Наука».

Большой толковый словарь русского языка (1998). Гл.ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт.

Ожегов С.И. (1973): Словарь русского языка. М.: Советская энциклопедия.

Словарь современного русского литературного языка (1948-1965): В 17 т./ Под ред.

В.И. Чернышёва. М., Л.: Изд-во АН СССР.

Викисловарь. URL:

<https://ru.wiktionary.org/wiki/%D0%92%D0%B8%D0%BA%D0%B8%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%80%D1%8C> (дата обращения: 08.09.18)

Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 08.09.18)

Ресурс «Модные слова». URL: <https://модные-слова.рф/> (дата обращения: 08.09.18)

Словарь молодежного сленга. URL: <http://teenslang.su/> (дата обращения: 08.09.18)

ВЗАИМОПРОВЕРКА КАК ФОРМА КОНТРОЛЯ УСВОЕНИЯ ЗНАНИЙ В СИСТЕМЕ МУЛЬТИМЕДИЙНОГО ОБУЧЕНИЯ

Попова Татьяна Игоревна

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия

t.popova@spbu.ru

CHECKING EACH OTHER AS A FORM OF LEARNING CONTROL IN MULTIMEDIA STUDY SYSTEM

Popova Tatiana

St. Petersburg State University, Russia

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются вопросы объективизации результатов контроля в форме взаимопроверки, используемых в процессе мультимедийного обучения. В качестве материала исследования используются материалы онлайн-курса «Язык современной публицистики» на платформе «Открытое образование», разработанный преподавателями СПбГУ. В статье рассматривается проблема обучения выполнению заданий на взаимопроверку, описывается этапность включения таких заданий в курс, начиная от заданий на самооценку, тренировочную взаимопроверку и заканчивая заданиями на контрольную взаимопроверку. На примере конкретных выполненных заданий на взаимопроверку анализируется их эффективность. Анализируется форум учащихся, позволяющий оценить отношение учащихся от подобного рода форме контроля. Делается вывод об обоснованности использования включения заданий на взаимопроверку в качестве контрольных заданий дистанционного курса.

ABSTRACT

The article is devoted to the problem of control results objectification in the form of checking each other, used in the process of multimedia studying. The study materials of online course "Language of modern journalism" on the platform "Open education", developed by the Faculty of SPbSU were used for research analysis. The article describes the problem of teaching how to train checking each other, the stages of incorporating such assignments in the course, starting from self-assessment tasks, training checking each other tasks and ending with control tasks. The effectiveness of tasks is shown with the help of tasks fulfilled results. The students forum gives possibility to evaluate the attitude of the students to this kind of controls. The conclusion about the validity of tasks on checking each other and the inclusion them as control tasks in distance course is given.

Ключевые слова: дистанционное обучение, формы контроля, задания на взаимопроверку.

Keywords: distance study, form of controls, tasks on checking each other

Постановка проблемы

В современной модели обучения лежит принцип сотрудничества, который предполагает активную роль учащегося в обучении; суть технологии состоит в развитии способности

учащихся к самообучению (Полат и др.2008). Принцип сотрудничества распространяется и на систему контроля усвоения знаний, что проявляется в использовании таких форм контроля, как самооценка и взаимопроверка. Данные формы контроля становятся наиболее актуальными в дистанционной форме обучения, в онлайн-курсах платформ Открытое образование, Coursera, которые исключают непосредственный контакт между преподавателем и студентом на этапе контроля. Выбор стоит между использованием автоматических форм контроля и ручной проверкой (Латыпова 2015). С точки зрения качества преимущество признается за ручной экспертной проверкой, однако в условиях прохождения онлайн-курсов одновременно большого числа слушателей в качестве форм контроля часто используется взаимопроверка.

Взаимопроверка делает учащегося активным участником образовательного процесса. Она используется как правило для проверки заданий открытого типа, предполагающих выполнение проектной работы, написание эссе и т.д. (см. Татарина 2005). Данный тип контроля имеет ряд недостатков: отмечаются проблемы психологической адаптации учащихся при отсутствии личного контакта обучающегося с педагогом, а также отсутствие навыков самоорганизации (Никуличева 2016: 9); субъективность оценок; недостаточные экспертные навыки учащихся (Латыпова 2015). Указанные недостатки, связанные с повышением роли учащегося в процессе обучения, требуют тщательной разработки как алгоритма проверки, так и алгоритма выполнения задания.

В статье рассматриваются вопросы объективизации результатов взаимопроверки, роль заданий в форме взаимопроверки в процессе мультимедийного обучения. В качестве материала исследования используются материалы онлайн-курса «Язык современной публицистики» на платформе «Открытое образование», разработанный преподавателями СПбГУ (Коньков, Попова, Колесова 2017).

Цель курса «Язык современной публицистики» – развить навыки понимания письменного и устного публицистического текста, умения извлекать и интерпретировать информацию разных уровней из печатного новостного текста, телевизионной публицистики (интервью, ток-шоу, авторские программы) и коммуникативной среды нового типа (блоги и посты). Продолжительность курса – 10 недель/ 2 зачетные единицы. Курс состоит из 10 модулей, включающих 4-5 видеолекций (7-10 минут), задания к видеолекциям в тестовой форме, задания для самооценки, статьи для самостоятельного изучения, словарь терминов, задания в форме взаимопроверки. Вся система подачи материала рассчитана на активное усвоение, включающее наблюдение над языковым процессом, аналитическую работу, применение усвоенных знаний при самостоятельном анализе текста, оценку своих и чужих работ.

В статье рассматривается проблема обучения выполнению заданий на самооценку, описывается этапность включения таких заданий в курс, начиная от заданий на самооценку, тренировочную взаимопроверку и заканчивая заданиями на контрольную взаимопроверку.

В статье анализируется эффективность такого рода заданий на основе комментариев на форуме, а также статистических данных, доступных преподавателю на платформе «Открытое образование»).

Механизм составления заданий для взаимопроверки

Механизм составления заданий для взаимопроверки, разработанный в онлайн-курсе «Язык современной публицистики», включает 1) постановку задачи, 2) план (сценарий) выполнения задания, отражающий тип речевого продукта с его качественными и количественными характеристиками, 3) алгоритм оценивания. Особое внимание обращается на корреляцию между характером постановки задачи и характером параметров для оценивания.

Пример задания на взаимопроверку

Выберите одно из интервью Владимира Познера на сайте (<http://www.1tv.ru/shows/pozner>). Проведите анализ речевого поведения участников интервью по первым 15 минутам программы и определите его тип (интервью с личностью, интервью с профессионалом).

Объем Вашего текста: (130-150 слов).

Сценарий выполнения задания/Вам поможет следующий план анализа:

- Определите тип интервью: это интервью с личностью или интервью с профессионалом.
- Обоснуйте Ваш вывод: проанализируйте характер вопросов, которые задает ведущий, определите основные тактики ведущего.
- Проведите анализ речевого поведения *ведущего*: определите, какую коммуникативную стратегию в целом использует ведущий по отношению к собеседнику (кооперативную или некооперативную).

• Проанализируйте речевое поведение *гостя студии*. К каким выводам в отношении гостя студии Вы пришли. Ваш ответ буду оценивать другие учащиеся!

Не забудьте дать ссылку, чтобы учащиеся курса, которые будут оценивать вашу работу, могли познакомиться с текстом интервью.

Параметры оценки

- Верно ли автор работы определил тип интервью – 0/1
- Насколько автор работы сумел подтвердить свой вывод-0/1/2

- Насколько автор работы сумел подтвердить свой вывод в отношении речевого поведения ведущего? - 0/1/2

- Насколько автор работы сумел подтвердить свой вывод в отношении речевого поведения гостя студии? - 0/1/2

- Объем работы 140-150 слов- 0/1/2

Данное контрольное задание в форме взаимопроверки позволяет проверить усвоение учащимися типологии интервью, умение анализировать речевое поведение ведущего с опорой на стратегии и тактики речевого поведения. В задании заложена вариативность выбора интервью, что дает учащемуся возможность выбрать интервью в соответствии со своими интересами.

Приведем один из ответов и его оценку:

«Для анализа выбрано интервью Владимира Познера с Иваном Ургантом. Выпуск от 15.05.2017 (<http://kinorai.tv/2017/05/pozner-ivan-urgant-15-05-2017/>).

Тип рассматриваемого интервью – интервью с личностью. Ведущий использует типы вопросов, характерные для интервью с личностью:

- 1) Запрос самооценки. Как слава, как медные трубы, они вас изменили как-то? Как вы думаете, вас очень любят за что?

- 2) Запрос мнения и запрос разъяснения мнения Какая цель вашей программы? (имеется в виду программа «Вечерний Ургант») У вас есть представление о том, кто ваша аудитория?

- 3) Запрос об отношении к определенному явлению Вы к прямому эфиру, вы, как относитесь?

В целом ведущий использует по отношению к гостю кооперативную стратегию речевого поведения. Познер не задает компрометирующих вопросов, он кивает головой в момент, когда Иван отвечает на его вопросы, как бы в знак согласия с собеседником. Иван Ургант принимает деловой тон беседы. В самом начале передачи герой произносит шутку, на которую ведущий никак не реагирует. Ургант сразу снимает маску улыбчивого весельчака, становится серьезнее. Гость органически вливается в заданный формат передачи и больше не пытается исподтишка вкраплять в нее свои правила. Рассматриваемое интервью призвано сложить у телезрителя позитивный образ героя и раскрыть его личность с другой стороны, показать его ценности и отношение к работе».

Таблица 1. Оценка работы

Критерий	Выбранный вариант	Отзыв	Балл	Возможное количество баллов
Верно ли автор работы определил тип интервью?	Верно		1	1
Насколько автор работы сумел подтвердить свой вывод	Вывод полностью подтверждается анализом тактик/вопросов		2	2
Насколько автор работы сумел обосновать выводы	Вывод о речевом поведении ведущего полностью подтверждается примерами		2	2
Насколько автор работы сумел обосновать выводы в отношении речевого поведения гостя	Вывод о речевом поведении гостя студии полностью подтверждается примерами		2	2
Объем работы	140-150 слов		2	2
Итоговый отзыв				
Рассуждение построено логично и текст читается легко. Однако меня смутили следующие словосочетания с точки зрения синтаксиса "вкраплять в нее свои правила" и "кивает головой в знак согласия" (масло масляное получается)				

Как мы видим, четкая заданность сценария ответа и его оценки позволяют как пишущему, так и проверяющему проявить свои способности к анализу речевого поведения говорящих на основе полученных в онлайн-курсе знаний. Обращает на себя внимание незаполнение графы «Отзыв» к оценке каждого из критериев, что требует, безусловно, большего времени от проверяющего.

Корректное выполнение задания и его взаимопроверка возможны лишь в том случае, когда объекты контроля и критерии оценки ясны учащемуся. Данные знания обеспечиваются методической структурой модуля и местом заданий на взаимопроверку в этой структуре.

Этапность включения заданий на взаимопроверку

Использование заданий на взаимопроверку требуют от проверяющего (учащегося) владения определенными экспертными знаниями. Данные знания формируются при прохождении модуля, который включает в себя следующие элементы:

1. Видеолекция (8-10 минут);
2. Задания в тестовой форме;
3. Задание на самооценку + дополнительный теоретический материал для самостоятельной работы;
4. Задания в форме взаимопроверки (тренировочные и контрольные).

В видеолекции дается теоретический материал, задания в тестовой форме позволяют усвоить основные теоретические положения. Задания на самооценку строятся так же, как задания на взаимопроверку (постановка задачи, сценарий ответа, коррелирующий с критериями оценивания), но в отличие от заданий на взаимопроверку, в заданиях на самооценку после выполнения задания учащемуся доступен образец ответа, который помогает ему развивать рефлексивную компетенцию: учащиеся учатся объективно оценивать свой ответ, о чем свидетельствует тот факт, что обучающиеся снижают сами себе оценки.

Таким образом, к моменту введения контрольных заданий в форме взаимопроверки учащийся овладевает процедурой оценки.

Эффективность заданий на взаимопроверку

Обоснованность включения заданий на взаимопроверку в курс «Язык современной публицистики» подтверждается отзывами учащихся на форуме. К концу курса учащиеся привыкают к заданиям на взаимопроверку и испытывают в них потребность.

Самооценка или взаимопроверка? Форум

«Последнее итоговое задание

обсуждение опубликовано 12 месяца назад пользователем [Ирина Заверюха](#)

Жаль, что последнее задание мы оценивали сами. Я была в предвкушении, что увижу работы сокурсников. Но увы. Хотелось бы хотя бы напоследок почитать, чужие мысли и оценить. Жаль, что так не сделали. Пишите свое мнение по поводу передачи "Это я".

Формализованная оценка и/или отзыв?

Анализ комментариев на форуме показывает, что учащиеся предпочитают оценку в виде отзыва. Показателен следующий комментарий:

«обсуждение опубликовано около года назад пользователем [Алексей Кулёмин](#)

Уважаемая команда курса. При взаимооценке мы можем оставлять комментарии к каждой оценке и в итоге комментариев ко всей работе. Даже такие комментарии как "Отличная работа", или "Отстой" – уже лучше чем просто цифры. Ну а если комментарий развернутый, с рекомендациями и впечатлениями, то уверен, такие оценки вызовут больший интерес и эффект. Поэтому, предлагаю сделать обязательным оставление комментария к оценке. Или хотя бы ко всей работе».

Конфликты при оценке ответов

Иногда возникают конфликты при несогласии с оценкой, выставленной в форме взаимопроверки (1-2 случая за сессию). В этом случае преподаватель проводит повторную ручную экспертную проверку.

Статистика курса/ 4-ая сессия

Панель управления преподавателя позволяет увидеть статистику прохождения заданий в тестовой форме, заданий на самооценку и взаимопроверку.

Таблица 2. Панель управления преподавателя

Оценка	Всего ответов	Обучение	Взаимооценка
Задание 3.4.2 на самооценку	26	0	0
Задание 9.2	13	0	0
Задание 3.3 на самооценку	30	0	0
Задание 1.3 на самооценку	37	0	0
Задание 10.1	10	0	0
Задание 6.4	19	0	0
Задание 4.2	25	0	0
Задание 3.4.1 на самооценку	27	0	0
Задание 7.1 на взаимопроверку	21	0	3

Количественные данные показывают БОльший интерес к заданиям с самооценкой и взаимооценкой, чем к заданиям в тестовой форме. При этом задания самооценку выполняют большее количество обучающихся, что объясняется нестрогой временной заданностью их выполнения, в отличие от контрольных заданий на взаимопроверку.

Заключение

Анализ результатов выполнения заданий на взаимопроверку в курсе «Язык современной публицистики» показал обоснованность включения данной формы контроля в дистанционные формы обучения. Статистические данные и комментарии на форуме свидетельствуют о положительном отношении обучающихся к данной форме контроля.

Обучающиеся демонстрируют способность выполнять задания и оценивать их. Комментарии на форуме свидетельствуют о том, что оценка, выставленная другими обучающимися, так же важна для них, как и оценка преподавателя. В целом обучающиеся доверяют оценке сокурсников.

Задания на взаимопроверку позволяют сделать дистанционный курс настоящей площадкой для сотрудничества, самообучения и взаимообучения.

Список литературы

Коньков В.И., Попова Т.И., Колесова Д.В. (2017): Язык современной публицистики. URL: <https://courses.openedu.ru/courses/course-v1:spbu+MEDIAL> (дата обращения: 20.08.18)

Латыпова В. А. (2015): Методики проверки работ со сложным результатом в условиях смешанного и дистанционного автоматизированного обучения, Интернет-журнал «Науковедение». Том 7, №3. URL: <http://naukovedenie.ru/index.php?p=vol7-3> (дата обращения: 20.08.18)

Никуличева Н.В. (2016): Внедрение дистанционного обучения в учебный процесс образовательной организации. практ. пособие. Москва: Федеральный институт развития образования.

Полат Е.С., Бухаркина М.Ю., Моисеева М.В., Петров А. Е. (2008): Новые педагогические и информационные технологии в системе образования: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Под ред. Е.С. Полат.— 3-е изд., испр. и доп. Москва : Издательский центр «Академия».

Татарина М.А. (2005): Теоретические основы создания и использования дистанционного курса обучения иноязычной письменной речи для студентов 2-3 курсов лингвистического вуза (на материале английского языка). Дисс... канд педагог. наук. Москва.

ОБУЧЕНИЕ НАУЧНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ ОБЩЕНИЮ: ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ

Пугачев Иван Алексеевич

*Российский университет дружбы народов, Россия
pugachev-ivan@mail.ru*

Будильцева Марина Борисовна

*Российский университет дружбы народов, Россия
budiltseva51@bk.ru*

Варламова Ирина Юрьевна

*Российский университет дружбы народов, Россия
varlamova60@mail.ru*

TRAINING SCIENTIFIC AND PROFESSIONAL COMMUNICATION: LINGUISTIC AND CULTURAL ASPECT

Pugachev Ivan Alekseevich

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Russia

Budiltseva Marina Borisovna

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Russia

Varlamova Irina Yurievna

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Russia

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается типологическая и лингвокультурная специфика русского научного стиля, которая проявляется на морфологическом, словообразовательном, синтаксическом, лексическом и фонетическом уровнях. Специфика научной речи любого языка в значительной степени обусловлена его типологическими особенностями. Своеобразие русского научного текста во многом определяется приоритетом синтетизма при выражении грамматического значения, флективным характером строя языка, нефиксированным порядком слов и его связью с актуальным членением, наличием специфических словообразовательных и синтаксических моделей. Подчеркивается, что обучение иностранных учащихся научно-профессиональному общению предполагает приобретение фоновых знаний в области науки и техники, формирующих понимание этнокультурной специфики общения, без которого невозможно полноценное партнёрство в профессиональной межкультурной коммуникации.

ABSTRACT

The article describes the typological, linguistic and cultural specifics of the Russian scientific style, which manifests itself on the morphological, word-formation, syntactic, lexical and phonetic levels. Specificity of scientific speech of any language is largely due to its typological features. The peculiarity of the Russian scientific text is largely determined by the priority of synthetism in the expression of grammatical meaning, the inflectional character of the language structure, the unfixed

order of words and its connection with actual division, the presence of specific word-formation and syntactic models. It is emphasized that the training of foreign students in scientific and professional communication involves the acquisition of background knowledge in the field of science and technology that form an understanding of the ethno-cultural specifics of communication, without which a full partnership in professional intercultural communication is impossible.

Ключевые слова: научно-профессиональное общение, обучение русскому языку как иностранному, лингвокультурный аспект

Keywords: scientific and professional communication, teaching Russian as a foreign language, linguistic and cultural aspect.

Одной из важнейших сфер человеческой деятельности является научно-профессиональная сфера, которую обслуживает научный стиль речи. Известно, что научный стиль отражает ментальную деятельность человека в изучении различных аспектов окружающей действительности и все его жанры служат описанию объекта исследования. По мнению некоторых ученых, лингвокультурный компонент в научно-профессиональной сфере общения значительно ослаблен, и поэтому вопрос о том, как «языковая картина мира» учащегося влияет на восприятие им научной речи, не так существен, как при обучении иностранцев общему владению языком (Комарова 2004; Тер-Минасова 2004). На наш взгляд, с подобным утверждением можно согласиться лишь частично.

Многие выдающиеся лингвисты отмечали, что научный стиль речи обладает характеристиками, отличающими его от других функциональных стилей литературного языка. Например, В.В. Виноградов писал, что «язык науки, будучи орудием создания понятий, формул, раскрывающих законы существования и развития, связей, взаимодействий и соотношений разных предметов, явлений мира и т.д., тяготеет к речевым средствам, лишенным индивидуальной экспрессии, к знакам, обладающим признаками и свойствами всеобщей научно-логической принудительности, системной взаимосвязанности и абстрактной условности» (Виноградов 1981: 120). Основные черты этого стиля, такие как логичность, точность, аналитичность, убедительность, объективность, лаконичность являются универсальными для большинства языков мира. Однако специфика научной речи любого языка в значительной степени обусловлена его типологическими особенностями. Своеобразие русского научного текста во многом определяется приоритетом синтетизма при выражении грамматического значения, флективным характером строя языка, нефиксированным порядком слов и его связью с актуальным членением, наличием специфических словообразовательных и синтаксических моделей.

Иностранные учащиеся допускают ошибки в научно-профессиональном общении на русском языке в тех случаях, когда в их родных языках (или языках посредниках) одно и то

же понятийное содержание выражается различными морфо-синтаксическими и лексическими средствами, отличными от средств русского языка. По мнению ученых, «преодоление возникающих при изучении иностранных языков трудностей достигается не с помощью анализа типичных ошибок или выявления структурно-логического построения произведений научной речи, но путем тщательного описания соответствующих фактов изучаемого языка» (Комарова 2004: 41-42).

Цель настоящей статьи – системное описание морфологических, словообразовательных, синтаксических и лексических особенностей русской научной речи в контексте лингвоориентированного обучения иностранных учащихся – носителей разных языков.

Материалом исследования послужил анализ научных текстов по техническим и естественнонаучным дисциплинам, изучаемым иностранными студентами на основных факультетах. Объем проанализированного материала составил около 10 печатных листов. Анализ русской научной речи проводился в сопоставлении с особенностями систем родных языков учащихся (языков-посредников): английского, французского и испанского, что позволило выявить и систематизировать отличительные черты научного стиля русского языка на разных уровнях.

Лингвокультурная специфика русского научного стиля по сравнению с английским, французским и испанским языками проявляется прежде всего **на морфологическом уровне:**

1) в высокой частотности употребления форм родительного падежа, выступающих в функции определения для выражения таких значений, как принадлежность (*температура тела, прочность изделия*), отношения между предметами и явлениями (*движение молекул, температура плавления*), особенности и свойства (*продукция высокого качества, взрыв огромной мощности*) и др.;

2) в широком использовании достаточно длинных генитивных цепочек (*необходимость срочного решения вопросов защиты и охраны окружающей среды и природопользования, проблема распределения функций обработки данных*);

3) в большом разнообразии предлогов и форм косвенных падежей при выражении определительных отношений (*газ без цвета и запаха, изделие из пластмассы, экзамен по математике, расстояние в 300 метров, тело массой 10 кг, вещество с резким запахом, решение о прекращении эксперимента*);

4) в предпочтении глагольным словосочетаниям с прямым объектом словосочетаний с отглагольными существительными, управляющими объектом в родительном падеже, при выражении процесса, действия и результата (*изобрести сверхмощный прибор → изобретение*

сверхмощного прибора, улучшить экологическую ситуацию → улучшение экологической ситуации, экспортировать нефть и газ → экспорт нефти и газа);

5) в предпочтении стилистически нейтральным глаголам синонимичных им словосочетаний с отглагольными существительными, имеющих ярко выраженную книжную окрашенность (*наблюдать → вести наблюдения, контролировать → осуществлять контроль, решить → принять решение*);

6) в употреблении вещественных и отвлеченных существительных в форме множественного числа (*смазочные масла, грунтовые воды, большие глубины, критические температуры*);

7) в большей частотности употребления глаголов несовершенного вида по сравнению с глаголами совершенного вида (в русском научном тексте 80% составляют глаголы несовершенного вида, использующиеся в настоящем времени во вневременном значении, т.е. имеющие отвлеченно-обобщенный смысл (*металлы легко режутся; вода достаточно быстро приводит в движение турбины электростанции; изменение влажности древесины вызывает изменение объема древесины, что приводит к разбуханию и усушке*);

8) в активности форм будущего времени совершенного вида 1 лица мн.ч. при построении текста-рассуждения (*для доказательства данной теоремы вначале **допустим** ...; **прибавим** к этому числу единицу и получим число ещё большее; **проиллюстрируем** идею неевклидовости пространства ...; **рассмотрим** следующую ситуацию ...*);

9) в использовании глаголов совершенного вида в устойчивых оборотах в форме будущего времени, которое синонимично вневременному (*амплитуда колебаний увеличится, уравнение примет вид...*);

10) в высокой частотности инфинитивных форм совершенного вида после модальных наречий (*можно предположить, важно отметить, необходимо подчеркнуть, нетрудно убедиться ...*);

11) в употреблении местоимения *мы* вместе с формой глагола а) в значении так называемого авторского *мы* (*мы полагаем, нами был проведен эксперимент*); б) для выражения разной степени отвлеченности и обобщенности в значении «мы совокупности» (я и аудитория): *Мы приходим к результату, Мы можем заключить*;

12) в широком использовании краткой формы прилагательного в роли предиката, что можно считать уникальным явлением русского языка, т.к. она не встречается даже в других славянских языках, и яркой чертой русского научного текста (*медь пластична, графит термически устойчив, материал прочен* и т.д.);

13) в предпочтении сложной формы компаратива (*более устойчивый, менее распространенный*) и, наоборот, простой формы превосходной степени прилагательных (*важнейший, кратчайший, крупнейший*).

Также правомерно говорить и о ярко выраженной специфике **словообразования** в научном стиле русской речи. Эта специфика выражается в существовании строго определенных словообразовательных моделей различных частей речи, активно используемых для выражения ключевых понятий научного текста. В качестве иллюстрации назовем некоторые из наиболее активных моделей существительных:

1) модели отглагольных существительных со значением действия, процесса и результата:

- существительные среднего рода, оканчивающиеся на -АНИ(Е), -ЯНИ(Е), -ЕНИ(Е), -ТИ(Е), -СТВ(О): *описание, влияние, изучение, развитие, строительство*;
- от глаголов движения несовершенного вида – существительные мужского рода без суффиксов: *выводить - вывод*;
- от некоторых глаголов совершенного вида – существительные мужского и женского рода без суффиксов с нулевым окончанием: *рассчитать - расчёт, записать - запись*;
- от некоторых глаголов несовершенного и совершенного вида – существительные женского рода без суффиксов: *заменить - замена*;
- от некоторых глаголов несовершенного и совершенного вида – существительные женского рода с суффиксом -К-: *разработать - разработка*;
- от некоторых глаголов несовершенного вида с основой на -ИРОВА(ТЬ) – существительные мужского и женского рода без суффиксов: *анализировать – анализ, пропагандировать - пропаганда*;
- от некоторых глаголов несовершенного вида с основой на -ИРОВА(ТЬ) – существительные женского рода с суффиксом –ЦИ(Я): *деформировать - деформация, ассимилировать – ассимиляция*;

2) модели существительных (одушевленных и неодушевленных) со значением субъекта действия:

- существительные, образованные от глаголов с помощью суффикса -ТЕЛЬ: *исследователь, множитель*;
- существительные с суффиксами –ИК (-ОВИК), -НИК, -ЧИК: *физик, поисковик, сторонник, счётчик*;

- существительные с суффиксами –ТОР, –ОР, –ЁР, –АНТ, –ЕНТ, –ИСТ (как правило, образуются от иностранных корней): *реактор, ревизор, контролёр, аспирант, конкурент, программист*;

3) модели существительных, обозначающих признаки, свойства, физические величины, единицы измерения. Эти существительные образуются с помощью суффиксов: -ОСТЬ/-ЕСТЬ (*пластичность, свежесть*), -ОТ(А) (*высота, частота*), -ИЗН(А) (*кривизна, белизна*), -ИН(А) (*глубина, ширина*), -СТВ(О) (*постоянство*).

Лингвокультурная специфика русской научной речи проявляется также **на синтаксическом уровне**:

1) строгую структурированность русского научного текста, основанную на теморематическом принципе: ***Биметаллические радиаторы** изготавливаются из двух металлов: наружные поверхности и оребрение – из алюминия, проводящие каналы – из стали. Если говорить о главной **их** особенности, это алюминиевые радиаторы. **В них** встроены стальные трубки для прохождения теплоносителя. Преимущество **такой конструкции** состоит в том, что хотя **она** снижает теплоотдачу (а значит и эффективность) прибора, но при этом позволяет увеличить **его** прочность и несколько смягчает требования к качеству теплоносителя*);

2) большую обезличенность научного изложения, выражающуюся в частом использовании безличных, инфинитивных, неопределенно-личных предложений и пассивных конструкций : ***Можно выделить** несколько направлений, на которые **разделяется** геология; **При** составлении геологических карт **пользуются** специальными инструкциями; **Выделяют** несколько типов геологических карт; **В** лабораторных условиях **синтезируются** искусственные минералы.; **Специалистами** одного из университетов США **разработан** самый маленький в мире мотор...*

3) активное использование разнообразных логических средств связи, что выражается а) в существовании предложно-именных словосочетаний (*вследствие, в связи с, в отношении, в соответствии с, в результате, ввиду* и т.п.), б) подчинительных союзов при выражении временных и причинно-следственных отношений (*из-за того что, благодаря тому что, в то время как, по мере того как, прежде чем, и т.п.*), в) вводных конструкций, выражающих оценку автором степени достоверности излагаемой информации (*разумеется, очевидно, вероятно, безусловно, несомненно, бесспорно, по всей вероятности, как правило...*);

4) широкое использование действительных причастий настоящего и прошедшего времени (*сила, **действующая** на тело; ученый, **разработавший** уникальную конструкцию*), а

также страдательных причастий настоящего времени (*метод, применяемый в строительстве; излагаемая информация ...*).

Наконец, **лексика** научного стиля русского языка также имеет свой национально-культурный компонент, связанный со своеобразием русской лексической системы. Так, специфическими чертами русской научной речи на **лексическом уровне** можно считать:

1) более строгий отбор терминологической лексики и стилистически окрашенных речевых стереотипов;

2) полное отсутствие эмоционально окрашенной и экспрессивной лексики;

3) несовпадение семантических объёмов заимствованных терминов в русском и родном языках учащихся (например, такие слова, как *оператор* – ср. англ. *operator*, *композиция* – ср. франц. *composition*, *цитировать* – ср. исп. *citar*, и др., не совпадают в терминологическом значении в русском и многих европейских языках);

4) несовпадение сочетаемости компонентов в устойчивых оборотах русского и других языков (*режим ожидания* – ср. англ. *sleep mode*, *привести доказательства* – ср. франц. *produire/donner des preuves*, *задать вопрос* – ср. исп. *hacer una pregunta* и т.п.).

5) наличие категориальной многозначности терминов: когда в пределах одной терминосистемы одна и та же лексема используется как для обозначения процесса, работы, так и результата этого действия (*облицовка (конструкция) и облицовка (операция), отливка (процесс и результат) построение схемы (процесс и результат)*);

6) большая разветвлённость значений однокоренных отглагольных существительных, соответствующих одному многозначному слову в других языках: ср. рус. *строительство, стройка, построение, строение, конструкция* и англ. *construction*, франц. *construction*, исп. *construcción*;

7) развитая система паронимов, значение которых передается достаточно часто одним и тем же словом в других языках: ср. рус. *экологический* и *экологичный* и англ. *ecological*, франц. *écologique*, исп. *ecológico*; *усложнить* и *осложнить* и англ. *complicate*, франц. *compliquer*, исп. *complicar*;

8) параллельное существование заимствованных слов и их русских «частичных эквивалентов», имеющих разные семантические оттенки и разное употребление (лексическая сочетаемость), переводимых на другие языки одним и тем же словом: ср. рус. *продукция (предприятия)* и *производство (автомобилей)* и англ. *production*; рус. *умственный (процесс)* и *интеллектуальный (труд)* и исп. *intelectual*; рус. *единственный (выход)* и *уникальный (эксперимент)* и франц. *unique*.

Обучение иностранных студентов общению в научно-профессиональной сфере предполагает их обязательное знакомство с фоновыми знаниями, т.е. с культурно значимой информацией о стране изучаемого языка в области науки и техники, формирующей у них понимание национально-культурной специфики общения, без чего иностранный учащийся не сумеет стать полноценным партнёром в профессиональной межкультурной коммуникации (Hymes 1972). Отсюда вытекает необходимость введения в учебный процесс профессионально-коммуникативной подготовки иностранных специалистов актуальных реалий российской научно-профессиональной сферы общения, фоновой лингвопрофессиональной информации, под которой понимается «свод знаний и опыта, позволяющий специалисту конкретной отрасли знаний быть адекватным участником межкультурной коммуникации в сфере своей профессиональной деятельности» (Литвиненко 2007: 129). Например, в области научной сферы общения фоновые знания должны включать: сведения о структуре современного российского общего и профессионального образования, об уровнях высшего профессионального образования (бакалавриат, специалитет, магистратура), сведения об особенностях российского послевузовского обучения в аспирантуре и докторантуре, информацию о специфике российской системы научной аттестации, предусматривающей присуждение ученой степени кандидата наук и доктора наук, присвоение ученых званий доцента и профессора; знакомство с методологией научно-исследовательской деятельности и конструктивно-языковыми особенностями оформления ее результатов в письменной и устной формах профессиональной речевой коммуникации (тексты тезисов, аннотаций, рефератов, квалификационных работ, научных статей и т.д.), социально-статусные позиции речевого поведения общающихся в ситуациях профессионального и делового взаимодействия и т.д. На наш взгляд, для успешного межкультурного взаимодействия в научно-профессиональной сфере иностранные учащиеся должны получить сведения о принятых в России единицах измерения длины и веса, температурных шкалах, названиях больших чисел и их соответствиях в других культурах.

Кроме того, владение фоновыми, социокультурными знаниями, с нашей точки зрения, является неотъемлемой частью формирования профессиональной коммуникативной компетенции специалистов конкретной специальности, конкретного направления. При обучении языку специальности иностранным учащимся необходимо познакомиться с лингвопрофессиональными сведениями об определённых отраслях страны изучаемого языка, связанных с их конкретной узкой специализацией. Например, в области машиностроения лингвопрофессиональные знания могут включать актуальную информацию о достижениях в данной отрасли, об основных заводах-производителях, об основных видах машин,

современного оборудования и т. д. Следует отметить, что подобная информация является не только источником обогащения предметной компетенции студентов, но и значительно повышает мотивацию иностранных учащихся к изучению языка специальности.

Подчеркнём, что все перечисленные в статье лингвокультурные факты русской научной речи представляют собой не только лингвистическую, но и методическую проблему, которая нашла своё практическое решение в создании нового поколения учебников и учебных пособий по научному стилю речи, культуре научной и деловой речи для иностранцев (Пугачев, Черненко 2018; Яркина, Денисенко, Пугачев 2017; Будильцева, Варламова, Новикова, Царёва 2015). Декларируемый нами лингвоориентированный подход к изучению русского языка и учёт морфо-синтаксических и лексических особенностей русской научной речи имплицитно присутствуют в поурочных теоретических комментариях и системе заданий наших учебников и учебных пособий. Данный подход во многом облегчает задачу предупреждения и устранения устойчивых интерференционных ошибок и способствует формированию необходимых навыков адекватного общения иностранных учащихся в научно-профессиональной сфере.

Список литературы

- Комарова А.И. (2004): Функциональная стилистика: научная речь. Язык для специальных целей. Москва: Едиториал УРСС.
- Тер-Минасова С.Г. (2004): Словосочетание в научно-лингвистическом и дидактическом аспектах. Москва: Едиториал УРСС.
- Виноградов В.В. (1981): Проблемы русской стилистики. Москва: Высшая школа.
- Hymes D. (1972): On communicative competence, *Sociolinguistics* / Ed by J. V.Prid, J.Holmes. Harmondsworth, Middlesex: Penguin.
- Литвиненко Е.В. Критерии отбора текстов по специальности в техническом вузе // Психолого-педагогические и лингвометодические аспекты обучения в вузе: Сборник научных статей. - Харьков: ХНАДУ, 2007
- Пугачев И.А., Черненко Н.М. (2018): Русский язык в специальных целях: обучение научной речи иностранных бакалавров технических и естественнонаучных профилей: основной курс. Москва: РУДН.
- Яркина Л.П., Денисенко А.В., Пугачев И.А. (2017): Эврика. Русский язык для молодых ученых: учебное пособие для иностранных учащихся. Москва: РУДН.
- Будильцева М.Б., Варламова И.Ю., Новикова Н.С., Царёва Н.Ю. (2015): Научная и деловая речь: культура общения: Учебное пособие для студентов-иностранцев. Москва: РУДН.

ТЕСТИРОВАНИЕ КАК ОДНА ИЗ ФОРМ КОНТРОЛЯ И ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

Елена Раудла

Таллиннский университет, Эстония

raudla@tlu.ee

TESTING AS A FORM OF EVALUATION AND TEACHING IN RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

Jelena Raudla

Tallinn University, Estonia

АННОТАЦИЯ

В докладе будут представлены тестовые материалы, созданные авторами Еленой Раудлой, Ириной Моисеенко и Натальей Мальцевой-Замковой "Тестовый практикум по русскому языку как иностранному. Проверь себя! (уровни B1-B2)". С помощью этих тестов можно проверить сформированность умений по всем видам речевой деятельности и владение лексикой и грамматикой. В материалах предлагаются разные типы заданий, дающие полное представление о характере задач, которые придется решать учащимся в процессе реального тестирования. Тестовые материалы были апробированы в Таллиннском университете, в работе с иностранными студентами в Италии, Венгрии и в школах Эстонии.

ABSTRACT

During the presentation test materials will be presented by the authors Jelena Raudla, Irina Moisejenko and Natalia Maltseva-Zamkovaja from "Practice Tests in Russian as a Foreign Language. Test Yourself! (Level B1-B2)". With the help of these one can test the skills for all types of speech activities, as well as vocabulary and grammar. The study material comprises different types of tasks that give a complete overview of the format of the tasks that have to be completed by the students in the process of real testing and more in the process of communicating in Russian. Test materials were piloted in teaching Russian as a foreign language at Tallinn University, working with foreign students from Italy, Hungary and Poland participating in the Erasmus programme and they are being used as an additional material in Estonian schools.

Ключевые слова: тестирование, контроль и обучение, тестовые материалы

Keywords: testing, evaluation and teaching, test materials

Обновление содержания образования – главная задача модернизации школы и вуза, в том числе включающая обучение русскому языку как иностранному, современные методы и технологии, современные средства обучения (учебники и учебные пособия), программы и планирование, контроль знаний и тестирование.

Актуальным представляется создание тестовых материалов, внедрение тестовой системы в школе и вузах, проблема обучения нового поколения преподавателей русского языка, владеющих знаниями о системе тестирования, уровневой системой владения русским

языком и методикой обучения учащихся в соответствии с новыми требованиями жизни. В практике преподавания русскому языку как иностранному наблюдается недостаточность учебных пособий, ориентированных на тестовую форму контроля.

В статье будут представлены тестовые материалы «Тестовый практикум по русскому языку как иностранному. Проверь себя! (уровни В1 и В2)». Настоящие пособия представляют собой тренировочные тесты по разным видам речевой деятельности: чтению, слушанию, письму и говорению. Целью пособий являются подготовка к тестированию по русскому языку как иностранному (уровни В1 и В2). Адресатом данных пособий могут быть весьма широкий круг учащихся (от школьника до взрослого), изучающих русский язык как иностранный. Тесты составлены в соответствии с содержанием европейской системы уровней владения иностранными языками уровней В1 и В2 и требованиями новой государственной программы обучения общеобразовательной школы, а также отражают структуру и содержания экзаменов по русскому языку как иностранному для основной школы, для гимназий и высших учебных заведений Эстонии (уровни В1-В2). Они могут быть использованы как в работе под руководством преподавателя, так и при самостоятельной работе учащихся, параллельно с учебниками русского языка и на различных курсах. С помощью этих тестов можно проверить сформированность умений по всем видам речевой деятельности, а также владение лексикой и грамматикой.

Пособия состоят из 5 разделов: тестовых заданий по чтению, аудированию, письму, лексике, грамматике и говорению. Каждый раздел содержит определенное количество заданий, выполнение которых оценивается в баллах. В них предлагаются разные типы заданий, дающие полное представление о характере задач, которые учащимся придется решать в процессе тестирования. В конце пособий предлагаются ключи (ответы) к тестовым заданиям, материалы для аудирования, приводится шкала оценки результатов тестирования, по которой можно определить, достигли ли учащиеся уровня владения русским языком В1 или В2. К пособиям прилагаются CD, которые помогут в подготовке к экзаменам.

Предлагаемые в пособиях виды чтения: изучающее чтение, ознакомительное чтение, просмотровое-поисковое чтение. Цель контроля: а) проверяется детальное понимание содержания текста; б) проверяется общее понимание содержания текста; в) проверяется умение нахождения необходимой информации. Типы текстов: а) связный текст (репортаж, интервью, заметка, рассказ), объявления, расписания, рекламные проспекты, каталоги изданий, аннотации книг, телепередач, фильмов, спектаклей и т.п.

При составлении тестов использовались задания различных типов. 1. Задания с выбором ответа: а) задания альтернативного типа (верно/неверно или да/нет); б) задания с

множественным выбором; в) задания на установление соответствия (абзаца и заглавия; вопроса и ответа; абзаца и его основной мысли). 2. Задания с открытым ответом; 3. Задания на определение последовательности: а) реплик диалога; б) частей (абзацев) текста; 4. Задания на восстановление отсутствующих в тексте слов, словосочетаний, предложений.

Предлагаемые в пособиях объекты контроля, направленные на проверку конкретного вида деятельности – аудирование: а) полное и детальное понимание аудиотекста; б) понимание общего содержания аудиотекста; в) понимание главной мысли аудиотекста; г) понимание основных фактов/положений аудиотекста; д) понимание последовательности фактов и их взаимосвязи в аудиотексте; е) понимание деталей, второстепенной информации. Цель контроля: а) проверяется уровень сформированности навыков и умений, которые необходимы для понимания монологической и диалогической речи; б) определяется способность слушающего воспринимать предлагаемую информацию, необходимую для удовлетворения потребностей, возникающих в социально-бытовой, социально-культурной и учебной сферах общения. Типы текстов: а) сообщения на железнодорожном/ автобусном вокзале, в порту, в общественном транспорте; б) реклама (по радио, в кино, на улице, в метро и т.п.); в) интервью, беседы; г) разговоры и информация по телефону; д) радиопередачи в форме монолога (повествование, описание, рассуждение).

Предлагаемые в пособиях виды тестовых заданий, направленных на проверку конкретного вида деятельности – лексика и грамматика: 1) выбор правильного слова (словоформы) или словосочетания из числа предложенных вариантов; 2) подстановка (заполнение пропусков в предложениях); 3) раскрытие скобок; 4) трансформация предложения или связного текста; 5) определение логической последовательности лексико-грамматических и синтаксических единиц текста; 6) подбор синонимов и антонимов к выделенным словам; 7) составление предложений и связного текста из предложенных слов и словосочетаний (или реплик диалога); 8) составление вопросов к связному тексту; 9) формирование ответов на вопросы; 10) восстановление реплик диалога. Цель контроля: а) проверяется уровень владения основными лексико-грамматическими единицами русского языка; б) проверяется грамматические и лексические навыки и умения, сформированные на нейтрально-книжном и разговорно-бытовом языковом материале.

Предлагаемые виды тестовых заданий, направленные на проверку конкретного вида деятельности – письмо: заполните анкету, полученную...; напишите письмо другу о ...; напишите письмо в центр языков; напишите сочинение-миниатюру на тему; напишите рассказ по серии картинок; напишите рассказ о ...; опишите событие из вашей жизни/ из жизни вашей семьи, класса, школы, родного города и т.д. Объекты контроля (умения по письму):

заполнение анкеты, написание письма, написание связного текста по теме, описание события/событий. Цель: а) проверить умение учащегося продуцировать письменные тесты в соответствии с коммуникативной установкой и владение языковым и речевым материалом, необходимым для письменного общения в рамках тем государственной программы по иностранному языку; б) определить способность пишущего удовлетворять коммуникативные потребности, возникающие в социально-бытовой, социально-культурной, официально-деловой и учебно-научной сферах общения. Оценка: 1) соответствие содержания работы теме (проблеме) и поставленной цели; 2) соответствие объема работы предъявляемым требованиям; 3) содержательность (использование фактов, примеров); 4) соответствие структуры поставленной цели, логичность изложения; 5) достаточность словарного запаса и разнообразие грамматических конструкций; 6) грамматическая корректность, орфография и пунктуация.

Структура теста, направленного на проверку конкретного вида деятельности – говорение: вводная беседа, монологическое высказывание с опорой на текст и вопросы, беседа на одну из предложенных тем и ситуативный диалог. Цель: проверить уровень сформированности речевых навыков и умений, необходимых для устной диалогической и монологической речи. Оценка: 1) содержательность и связность изложения; 2) инициативность речи; 3) словарный запас (разнообразие лексико-грамматических конструкций, соответствие контексту); 4) грамматическая правильность и произношение (артикуляция, ударение, ритм, интонация). В пособиях дается перечень основных тем и ситуаций уровней В1 и В2.

Приводим примеры типового теста по русскому языку как иностранному (фрагменты), направленных на проверку конкретного вида деятельности – чтение (уровень В2), аудирование (уровень В1), лексика и грамматика (уровень В1) и письмо (уровень В2).

А.Задание 1.

Прочитайте объявления о работе и утверждения, данные ниже. Решите, содержанию каких объявлений (1-15) соответствуют эти утверждения. Запишите номер объявления рядом с соответствующим утверждением.

NB! К одному объявлению относится только одно утверждение. Одно утверждение лишнее. *Образец выполнения задания дан под цифрой (0).*

Таблица 1. Пример типового теста по РКИ, направленного на проверку чтения (уровень В2).

<p>Компания «КОЛЕСО» предлагает работу в офисе: ул. Бухаресткая, 120, тел. 701-18-20 <u>Объявление 1</u></p> <p>АДМИНИСТРАТОРА МАГАЗИНА Требования: до 33 лет, опытный пользователь ПК, грамотная речь, работоспособность, стрессоустойчивость, исполнительность, внимательность. Прописка в Санкт-Петербурге или Ленинградской области.</p> <p>Обязанности: управление персоналом, оформление документов, контроль товаров.</p> <p>Условия: з/п 34500 руб, график работы 2/2, обучение</p> <p><u>Объявление 2</u></p> <p>ИНСПЕКТОРА ОТДЕЛА КАДРОВ Требования: высшее образование, женщина до 55 лет, пользователь ПК, опыт работы, коммуникабельность, образцовая речь, работоспособность, выдержанность, внимательность. Прописка в Санкт-Петербурге или Ленинградской области. Обязанности: подбор персонала, делопроизводство, проведение собеседований. Условия: з/п 23500 руб, график работы 5/2, 9-18 ч.</p> <p><u>Объявление 3</u></p> <p>СЕКРЕТАРЯ-РЕФЕРЕНТА Требования: женщина от 18 до 25 лет, высокий уровень исполнительской дисциплины, знание английского языка, пользователь ПК, умение поддерживать беседу, аккуратность, хорошие манеры. Условия: з/п 23000 руб, график работы 5/2.</p> <p><u>Объявление 4</u></p> <p>БУХГАЛТЕРА Требования: высшее или специальное образование, женщина до 35 лет, пользователь ПК, опыт работы желателен, работоспособность, обучаемость, стрессоустойчивость, внимательность. Прописка в Санкт-Петербурге или Ленинградской области. Обязанности: оформление документации, банковские и кассовые операции. Условия: з/п 25000 руб, график работы 5/2.</p> <p><u>Объявление 5</u></p> <p>КУРЬЕРА Требования: до 35 лет, работоспособность, внимательность. Обязанности: доставка документов, отправка почты. Условия: з/п 18000 руб, 1/1, 8-18 ч, оплата проезда и мобильной связи.</p> <p><u>Объявление 6</u></p> <p>ДИСПЕТЧЕРА Требования: до 35 лет, желательно хорошее знание английского языка, грамотная речь, вежливость, исполнительность. Гражданство РФ. Обязанности: консультирование клиентов. Условия: з/п 13800 руб, график работы 3/3. Обучение.</p>
--

Объявление 7

СИСТЕМНОГО АДМИНИСТРАТОРА Требования: мужчина до 33 лет, желательны высшее образование и опыт работы. **Обязанности:** поддержка локальной сети.

Условия: з/п 22000 руб, график работы по договорённости.

Объявление 8

МЕНЕДЖЕРА В ОТДЕЛ МЕРЧАНДАЙЗИНГА Требования: ж/м до 35 лет.

Гражданство РФ. **Обязанности:** составление плановграмм, проведение акций, обустройство торговых площадей. **Условия:** з/п 23000 руб.

Объявление 9

ГРУЗЧИКА Требования: мужчина до 30 лет, выносливость, исполнительность.

Обязанности: разгрузка и выкладка товаров, помощь клиентам. **Условия:** з/п 29000, график работы 5/2

Объявление 10

КАССИРА-КОНСУЛЬТАНТА Требования: женщина от 21 до 35 лет, постоянная прописка в Санкт-Петербурге, вежливость, грамотная речь, ответственность.

Обязанности: консультирование автомобилистов, приём денежной наличности.

Условия: з/п от 20000 руб, график работы 4/2.

Объявление 11

МЕНЕДЖЕРА ПО РАБОТЕ С КЛИЕНТАМИ Требования: до 37 лет, постоянная прописка в Санкт-Петербурге, работоспособность, ответственность, вежливость,

коммуникабельность, респектабельная внешность. **Обязанности:** консультирование автомобилистов. **Условия:** з/п 29000, график работы 5/2

Объявление 12

УБОРЩИЦЫ Требования: работоспособность, исполнительность. **Обязанности:** уборка помещений. **Условия:** з/п от 8600 до 17200 руб., различные графики работы *на складе: Южное шоссе, 37-2 , тел. 26-26-24

Объявление 13

ГРУЗЧИКА Требования: мужчина до 50 лет, выносливость, исполнительность.

Обязанности: разгрузка и погрузка товаров, помощь клиентам. **Условия:** з/п 31000, график работы 5/2

Объявление 14

ШИНОМОНТАЖНИКА Требования: мужчина до 40 лет, выносливость, работоспособность, исполнительность, обучаемость, гражданство РФ. **Обязанности:** ремонт и замена колёс, монтаж шин. **Условия:** з/п 50000, график работы 5/2

Объявление 15

ШИПОВЩИКА Требования: мужчина, обучаемость, гражданство РФ. **Обязанности:** ошиповка автошин, погрузо-разгрузочные работы. **Условия:** з/п 30000 руб, график работы 5/2

Таблица 2. Пример задания, направленного на проверку чтения (уровень В2).

Эта работа подходит

(0)	способным к обучению россиянам без специальной подготовки, которые согласны работать по будням, без ограничения рабочего времени.	15
1	женщинам любого возраста без специальной подготовки, которые хотят работать по скользящему графику	
2	трудолюбивым, активным молодым людям, способным работать через день по 10 часов	
3	сильным мужчинам среднего возраста, не имеющим квалификации, но чётко выполняющим свои обязанности и согласным работать на складе.	
4	трудолюбивым, желающим учиться, способным к конструкторской деятельности мужчинам, которые ищут работу в южной части города	
5	офисным служащим, способным к оформительской и организаторской деятельности, согласным работать менее чем за 25 тысяч рублей	
6	тем, кто способен к руководящей работе и корректному общению, ценит возможность обучения, обладает крепкими нервами и хочет зарабатывать не меньше 30 тысяч рублей	
7	образованным женщинам с практикой офисной работы, умеющим общаться с людьми и оформлять документы,	
8	хорошо воспитанным (в том числе знающим иностранный язык), ответственным и исполнительным девушкам, готовым работать пять дней в неделю за среднее вознаграждение (около 23000 рублей)	
9	молодым пунктуальным и выдержанным женщинам, имеющим опыт работы в финансовой сфере и соответствующее образование	
10	молодым россиянам, склонным к повышению квалификации, на хорошем уровне владеющих русским и английским языками, предпочитающих работать не каждый день	
11	молодым людям с «компьютерным» образованием и опытом работы, предпочитающих свободно планировать своё время	
12	молодым крепким мужчинам без опыта работы и образования, способным к силовым работам и общению с потребителями	
13	молодым, корректным в общении петербурженкам, умеющим обращаться с деньгами	
14	общительным, воспитанным солидного вида людям, умеющим работать с клиентами	

Б. Задание 2. 1) Прочитайте данные ниже предложения за 90 секунд. 2) Прослушайте отрывок из интервью с Бари Алибасовым – известным российским продюсером – и дополните текст.

Пишите не больше 3-4 слов. 3) Прослушайте отрывок второй раз и проверьте правильность ваших ответов.

Бари Алибасов известен как (0) авангардный российский деятель шоу-бизнеса.

Он праздновал на родине (1) _____

Продюсер родился (2) _____

На свой юбилей Б.Алибасов пригласил бы (3) _____

Ему было бы неприятно присутствие (4) _____

Работая с рок-группой «Интеграл», продюсер хотел (5) _____

Группа «Интеграл» стала использовать такие новые идеи, как (6) _____

При работе с группой «На-на» Алибасов впервые в российском шоу-бизнесе (7) _____

Алибасову нравится ставить шоу, а не (8) _____

У Б.Алибасова много хобби, его интересуют (9) _____

Алибасов создал две новые (10) _____

Музыка современного ансамбля «На-на» представляет собой (11) _____

Самым главным достижением своей жизни Б.Алибасов считает (12) _____

Текст для аудирования **Сын – его главное достижение.**

Бари Алибасову – одному из самых ярких и авангардных деятелей российского шоу-бизнеса исполнилось 60. Вот что он рассказал о себе, когда отмечал свой юбилей в родном Казахстане гастрольным туром с группой «На-на»

На свой юбилей я хотел пригласить Аристотеля, Галилея, Коперника, также позвал бы Джордано Бруно, Александра Македонского, Клеопатру, князя Владимира, Клинтона, Магомета, Будду, Христа, Моцарта. Не хотел бы видеть Сталина, Рузвельта, Черчилля, Баха, Достоевског

Первым моим проектом была рок-группа «Интеграл». Я был убежден, что сделаю революцию в музыкальном мире. О деньгах не думал вообще, так как для меня главным были идеи. Много, что я придумал в 60-80-х годах, до сих пор не реализовано на мировой сцене. Пробовал использовать самые разные выразительные средства. Впервые группа начала использовать пиротехнику. Впервые ввели цирковые элементы, акробатов, иллюзионистов. Я создавал образы для музыкантов. Толстый барабанщик, эротичный гитарист, лысый пианист. Также понял, что нужно использовать запахи, ведь тогда уже стали появляться дезодоранты. Я думал о том, как трансформировать зал и заставить кресла двигаться. Сейчас этот прием используют в американских кинотеатрах. Про группу «Интеграл» говорили, что она, не имея ни одного хита, была самым успешным коллективом. Потом была «На-на» – первый бойз-бэнд

в России, который имел огромный успех не только в стране, но и за рубежом. Еще 18 лет назад я купил камеру «Бетакам» и снимал каждый шаг своей группы. Всё это было то, что сейчас называется пиар.

Сейчас шоу-бизнес всё больше ассоциируется с коммерцией, но я всегда как человек творческий предпочитает заниматься шоу, а не бизнесом. Считаю, что больше похож на типичного русского и именно поэтому не могу нормально заниматься бизнесом: не могу, объявлять цену, спорить из-за неё. Но умею организовать производство. В последнее время я увлекаюсь фотографией, литературой, культурологией. Мои новые проекты – молодежные группы «DJ Big Bang» и «PinC@de», музыка которых заставляет думать. А моё любимое детище – группа «На-на», которая недавно отметила свое совершеннолетие, переживает свое второе рождение. Премьеру новой программы «На-на», которая недавно состоялась в театре «Золотое кольцо», сопровождали овации и выкрики «браво!». Новый имидж группы шокирует и ломает стереотипы. Теперь это смесь разных стилей и направлений, которые выливаются в интересные номера. В новых песнях группы слышится не только радость, но и грусть, а иногда и злоба. Концерты группы «На-на» проходят с успехом. Знаете, в 60 принято подводить итоги. В Чарском (там я родился) есть музей Бари Албасова, и там я чувствую себя неуютно, а вот по улице Бари Алибасова гуляю с удовольствием. Но самое великое моё достижение – талантливый и любящий сын, его тоже зовут Бари Алибасов.

В. Задание 3. Прочитайте текст. Найдите в нём информацию об интересном туристическом маршруте и, пользуясь этой информацией, сформулируйте 10 вопросов. Начните их так:

Где _____? Сколько _____? Что _____? Куда _____? Кому _____? Откуда _____?
Когда _____? Какие _____? С чем _____? Почему _____?

- 1) _____
- 2) _____
- 3) _____
- 4) _____
- 5) _____
- 6) _____
- 7) _____
- 8) _____
- 9) _____
- 10) _____

По древним русским городам

Путешествие начинается в Пскове. Более восьмисот лет существует этот город. Псков – один из древнейших русских городов, в котором сохранилось много выдающихся памятников архитектуры XII века. Туристы совершают экскурсию по Пскову и посещают Кремль.

После пребывания в Пскове туристы на автобусе едут в Изборск, где осматривают древнюю Изборскую крепость и Словянские ключи. Словянские ключи – это целебная и чудотворная вода, которая дарит людям здоровье, счастье и помогает любви. Из Изборска туристы отправляются в Псковско-Печорский действующий мужской монастырь, который был основан в 1473 году.

На следующий день путешествие можно продолжить по двум маршрутам. Первый маршрут – экскурсионная программа в Новгороде. В течение двух дней туристы знакомятся с памятниками архитектуры и музеем деревянного прикладного искусства. Новгородские памятники – объекты Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО. Второй маршрут – Пушкинские горы. Всё здесь связано с именем великого русского поэта Александра Сергеевича Пушкина. За два дня в Пушкинском заповеднике туристы познакомятся с Михайловским, Тригорским, Святогорским монастырем и могилой поэта. Три раза в год собираются люди, чтобы отметить памятные пушкинские даты. Выбор за вами!

Г. Задание 4. А. Бывая за границей, мы хотим больше узнать о культуре разных народов. Для этого мы посещаем музеи. Если у нас нет возможности поехать за границу, мы можем сделать это виртуально. Порассуждайте о том, зачем люди ходят в музеи и нужны ли они вообще. Расскажите о реальном или виртуальном посещении вами одного из музеев. Напишите о том, где он находится, чем знаменит, что произвело на вас самое большое впечатление, что бы вы посоветовали посмотреть там своим одноклассникам или друзьям (не менее 200 слов).

Б. Появление Интернета в некоторых регионах иногда приводит к курьёзам. Например, в индийском штате «Орисса» по этой причине недавно были отправлены на пенсию 400 голубей! С середины 1940-х годов связь в штате обеспечивала голубиная почта. Интернет сделал связь с отдалёнными районами более надёжной и потребность в крылатых помощниках отпала. К тому же оказалось, что компьютеры дешевле. Выскажите своё мнение о плюсах и минусах Интернета для современного общества (250 слов).

В. Ваша школа должна принять учащихся одной из московских школ, которые приедут в Эстонию по обмену. Напишите им письмо, в котором познакомьте их со своим родным

городом (посёлком). Составьте план небольшой экскурсии. Кратко опишите объекты, которые, по вашему мнению, гостям будет интересно посмотреть (не менее 150 слов).

На сегодняшний день пособия Е.Радлы, И.Моисеенко, Н.Мальцевой-Замковой «Проверь себя! Тестовый практикум по русскому языку как иностранному (уровень В1) и «Проверь себя! Тестовый практикум по русскому языку как иностранному (уровень В2) находятся в действии и активно внедряются в учебный образовательный процесс учащихся школ и университетов и продемонстрировали свою методическую эффективность.

Список литературы

Государственная учебная программа для основной школы и гимназии (2010) .Таллинн.
Euroopa keeleõppe raamdokument: õppimine, õpetamine ja hindamine (2007). Tartu. Радла Е., Мальцева-Замковая Н., Моисеенко И. (2011): Проверь себя! Тестовый практикум по русскому языку как иностранному (уровень В1). Таллинн: Коолибри. Радла Е., Мальцева-Замковая Н., Моисеенко И. (2012): Проверь себя! Тестовый практикум по русскому языку как иностранному (уровень В2). Таллинн: Коолибри

СПЕЦИФИКА ОБУЧЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМАМ В НЕЯЗЫКОВОЙ СРЕДЕ

Жужуна Сихарулидзе
Агрыйский университет им. Ибрагима Чечена, Турция)
zhuka.sikharuli@gmail.com

Лейла Авидзба
Тбилисский государственный университет им. Ив. Джавахишвили, Грузия
tbilia@gmail.com

THE SPECIFICITY OF TEACHING PHRASEOLOGY IN NON-LINGUISTIC ENVIRONMENT

Zhuzhuna Sikharulidze
Ağrı İbrahim Çeçen University, Turkey

Лейла Авидзба
Iv. Javakhishvili Tbilisi State University, Georgia

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются возможности восполнения культурологического вакуума у иностранных студентов, изучающих русский как иностранный в неязыковой среде, за счёт обучения фразеологизмам с применением комплекса занимательных упражнений и аудиовизуальных средств.

ABSTRACT

In the present article author deals with the issue of replenishment of cultural vacuum of foreign students who study Russian in non-linguistic environment. That replenishment becomes possible due to the teaching of phraseology with the use of engaging exercises and audio-visual aids.

Ключевые слова: неязыковая среда, лексический арсенал, культурологический вакуум, фоновые знания

Keywords: non linguistic environment, cultural vacuum, lexical arsenal, background knowledge

Фразеологизмы, являясь ключом к пониманию культуры страны и народа-носителя изучаемого языка, аккумулируют в себе особенности национальной культуры, истории, повседневной жизни, и в этом смысле представляют собой «волшебную шкатулку», приоткрыв которую иностранный студент сможет не только адекватно понимать русскую речь, богатую идиомами, пословицами и поговорками, но и сумеет постичь «дух народа», поскольку, по определению В.Н. Телия, фразеологизмы (устойчивые словосочетания) - это

«зеркало, в котором лингвокультурная общность идентифицирует своё национальное самосознание». (Телия 1996: 9) Именно поэтому можно утверждать, что изучение фразеологизмов необходимо для формирования социокультурной компетенции, т.е. «совокупности знаний о стране изучаемого языка, национально-культурных особенностей социального и речевого поведения носителей языка и способности пользоваться такими знаниями в процессе общения, следуя обычаям, правилам поведения, нормам этикета, социальным условиям и стереотипам поведения носителей языка» (Азимов, Щукин 2009: 286-287).

Фразеологизмы создавались тем или иным народом веками и в сжатом виде донесли до нас познания о мире, вобрав себя мудрость мысли, меткость слова, живой юмор.

Изучая русский язык в языковой среде, контактируя с носителями языка, иностранный студент имеет преимущество в том плане, что он не только слышит живую русскую речь, но и вникает в суть и смысл идиом, часто употребляемых русскими в повседневном общении, тем самым активизируя и обогащая свой лексический фонд.

Освоение же фразеологизмов в неязыковой среде (Грузия, Турция) на факультетах русского языка и литературы проходит исключительно на занятиях, что, разумеется, исключает естественное «погружение» иностранных студентов в русскую действительность и лишает их возможности восприятия культурно-исторической информации, заложенной в том или ином фразеологизме. К тому же программа обучения, к примеру, турецких студентов на факультетах русского языка и литературы на начальном этапе не включают такую дисциплину, как страноведение России, в то время как «страноведческие фоновые знания очень важны не только для расшифровки и интерпретации прототипов фразеологизмов с национально-культурной семантикой, для их осмысления и правильного толкования» (Мальцева 1991: 27), но и в плане обогащения и расширения лексического арсенала обучаемых.

Работа с турецкими студентами, обучающимися русскому языку на факультетах русского языка и литературы в университетах, расположенных в Восточной Анатолии (Турция, Агрыйский университет), осложняется тем, что присутствуют факторы как различия культур изучаемого (русского) и родного (турецкого) языков, так и различия в системе образования. Однако оснащение университетов Турции аудиовизуальной техникой даёт преподавателю возможность использовать на занятиях видеоматериалы, иллюстрирующие и объясняющие наиболее доступным путём переносное значение фразеологизмов, тем самым восполняя культурологический вакуум и одновременно вызывая интерес к традициям и нравам русского народа.

Фразеология как лингвистическая дисциплина изучается на факультете на продвинутом этапе (4 курс бакалавриата), когда студенты уже в достаточной степени овладели русской грамматикой, основами лексикологии, морфологии, синтаксиса. Но тем не менее, сталкиваясь с «живыми свидетелями исторического прошлого народа-носителя языка» (Мальцева 1991: 159) - фразеологизмами, студенты не сразу могут распознать и тем более уловить смысл тех или иных идиом.

Учитывая фактор неязыковой среды, необходимо строить занятия по фразеологии таким образом, чтобы они были интересными, увлекательными, и продуктивными. Чтение и изучение произведений русской литературы, истории, знакомство с русскими фильмами способствует обогащению лексического арсенала студентов идиомами, однако активизация их в диалогической и монологической речи, в дискуссиях и выступлениях требует кропотливой работы как со стороны преподавателя, так и с стороны студента. Для реализации заданных целей (снятия проблем как фонетического, лексического, информативного, культурологического, страноведческого, а также психологического характера) и, ориентируясь на реальные возможности обучающихся в неязыковой среде, нами был разработан комплекс упражнений, направленных на адаптацию иностранных студентов к русской языковой действительности в неязыковой среде.

Как показал опыт, наибольшую трудность студенты испытывают при изучении «фразеологических сращений», поскольку в них встречаются архаические грамматические формы, устаревшие слова, их характеризует синтаксическая неразложимость. В связи с этим мы посчитали целесообразным сосредоточить внимание на сращениях, наиболее активно встречаемых в речи носителей языка. Толкование значений данных ФЕ желательно сопровождать показом соответствующих видеороликов, иллюстраций, стимулирующих внимание и подключающих зрительную, слуховую память, развивающих языковую догадку.

Надо отметить, что интерес студентов-филологов не ограничивается только пониманием и заучиванием значений фразеологизмов: будущие преподаватели русского как иностранного интересуются историей появления ФЕ, значением каждого слова, входящего в состав сращения. Отвечая их интересам, мы, помимо комментария ФЕ, иллюстрируем соответствующими примерами, даём информацию из истории фразеологизма: **В поте лица** (работать) - усердно трудиться. **Пр.:** Весь этот месяц отец трудился в поте лица, чтобы послать детей на отдых. *Ист.*(Библ.):

Изгоняя Адама из рая, Бог сказал ему: "В поте лица твоего будешь есть хлеб».

Выполнение целого ряда практических заданий лексико-грамматического и коммуникативного характера совершенствует навыки и умения иностранных студентов-

филологов, развивает языковую интуицию, способствует преодолению психологического барьера (который наблюдается на начальном этапе изучения данного пласта языка) и подключению их к участию в интервью, дискуссиях, беседах с использованием в спонтанной речи такого «магического инструмента» как фразеологические единицы.

Разнообразить учебный процесс помогают ролевые и игровые задания, которые приближают студентов к реальной жизненной ситуации, тем более, что «игра – свободная деятельность, игра - это азарт, игра – это отдых, опыт, радость...» (Битехтина, Вайшнорене 2005: 65). Следует подчеркнуть, что студентам, изучающим русский язык в неязыковой среде, сложно воспринимать на слух живую русскую речь, столь богатую фразеологизмами и для снятия этой проблемы мы подключаем аудио-задания, так как именно им отведена функция «приучить ухо» к распознаванию фразеологизмов. С целью оптимизации внимания студентов к проводимой работе желательно максимально повысить занимательность звучащих микротекстов и микродиалогов. Приведём некоторые из заданий:

Задание 1. Слушая микротекст, записывайте фразеологические сращения и дайте их толкование. Скажите, сколько фразеологизмов прозвучало в тексте? О ком из учеников можно сказать «*семи пядей во лбу*», а кто на субботнике «*бил баклуши*»? Почему вы так думаете? Как вы оценили директора школы, можно ли сказать о нём, что он «*на своём месте*»?

Субботник

Вчера, в субботу, ни свет ни заря школьники от мала до велика собрались на школьном дворе убирать территорию. Мальчишки, конечно, работали через пень колоду, а девчонки гнули в три погибели. Когда директор спросил мальчишек, почему они работают спустя рукава, они, ничтоже сумняшеся ответили, что уступают пальму первенства девчонкам. Директор, хотя и держал всю школу в ежовых рукавицах, попал впросак. Но он был человек себе на уме. После субботника директор объявил, что девочки весь день работали в поте лица и потому награждаются поездкой за город. Девчонки диву дались, никто и в ус не дул, что в воскресенье намечалась экскурсия за город, а мальчишки пошли домой не солоно хлебавши.

Задание 2. Слушая микродиалог, записывайте фразеологические сращения. Скажите, кто из персонажей употребил в речи больше фразеологизмов? Согласны ли вы с Серёжкой, что успехи спортсмена зависят от тренера? Постарайтесь пересказать диалог своими словами, заменяя фразеологизмы соответствующими лексическими единицами.

Валя: - Привет, Серёжка! Ты куда это ни свет ни заря направился?

Серёжка: - Привет! Да я на каратэ иду. А ты куда сломя голову бежишь?

Валя: – Тоже на тренировку. А я-то диву даюсь, что это ты моду взял со спортивной сумкой ходить. Чемпионом хочешь стать?

Серёжка: - Я уже чемпион области.

Валя: – Шутка сказать! А я вот художественной гимнастикой занимаюсь. Сейчас все, от мала до велика, спортом занимаются.

Серёжка: – Я в своём тренере души не чаю, а ты своим довольна?

Валя: - Держит меня в ежовых рукавицах, заставляет в поте лица работать, говорит, что малолетки уже на пятки наступают. А вот и он, лёгок на помине.

Серёжка: – Без хорошего тренера пальмы первенства не видать. Твоя победа в его руках - заруби себе на носу, сам знаю.

Задание 3. Вставьте в микродиалог «Разговор по телефону» вместо пропусков соответствующие ФЕ, выбрав из лексической копилки, а затем разыграйте его:

легка на помине; на печке киснуть; рукой подать; души не чаять; хоть куда; бить баклуши

Света: - Привет, Лена! Занимаешься чем-нибудь или ____?

Лена: - Привет, Света, ____, я только что собиралась тебе позвонить.

Света: - Давай сходим на дискотеку, это недалеко, в парке, _____.

Лена: - Да, _____. Надоело дома _____.

Света: - Там будет играть рок-группа «Аквариум», я в ней _____.

Лена: - Вот здорово! Договорились, до встречи.

Завершающим этапом игровых заданий, развивающих спонтанную речь в неязыковой среде является участие студентов в дискуссии. Так называемые дискуссионные упражнения предоставляют студентам возможность выразить своё отношение к поставленной проблеме, поспорить, отстоять своё мнение. Тема дискуссии предлагается заранее и должна отвечать интересам студентов. Аргументировать свою позицию (согласие / несогласие) студенты могут, иллюстрируя соответствующие слайды или видеосюжеты.

Задание 4. Примите участие в дискуссии на тему «**Что такое счастье?»**»: **А)** Счастье – это, когда у тебя *«куры денег не клюют»*; **Б)** Счастье – это, когда ты в любимом человеке *«души не чаешь»*.

Выразите своё мнение и аргументируйте его. Опорные слова и словосочетания: я считаю; я согласен / не согласен с мнением; да, ты прав; мне кажется, по-моему мнению; как известно; несомненно... - помогут вам включиться в беседу.

Использование фразеологизмов, которые «живут-поживают», отражая историю народа, быт, культуру, не только украшает речь говорящего, делая её живой, яркой и экспрессивной, но и раскрывает характер собеседника, привлекает слушателей, приглашая к интересному общению.

Список литературы:

- Азимов Э. Г., Щукин А.Н. (2009): Новый словарь методических терминов и понятий. М.: ИКАР
- Бирих А.К., Мокиенко В.М. и др. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. URL: <https://books.google.de/books?id=tZiTQgAACAAJ&hl=de&sitesec=reviews>
- Битехтина Н.Б., Вайшнорене Е.В. (2005): Живая методика. Русский язык. Курсы, с.64-96
- Бурак А.Г. Роль фразеологизмов в формировании коммуникативных навыков и умений у иностранных учащихся. URL: <https://www.bsmu.by/files/553ffecb3c556973794ce0e55972c223/>
- Быкова О.П. О некоторых особенностях обучения русскому языку как иностранному в условиях отсутствия русской языковой среды. URL: www.vestnik-mgou.ru/Authors/View/6439
- Мальцева Д.Г. (1991): Страноведение через фразеологизмы. Пособие по немецкому языку. М., Высшая школа. URL: <http://superlinguist.ru/nemetckii-iazyk-skachat-knigi-besplatno/maltceva-d-g-stranovedenie-cherez-frazeologizmy.html>
- Мокиенко В.М. (2005): Загадки русской фразеологии. URL: http://tayny-yazyka.ru/knigi/zagadki_russkoj_frazeologii._mokiyenko_v
- Московкин Л. В., Шамонина Г.Н. (2017): Продуктивные инновационные технологии в обучении русскому языку как иностранному. М.: РЯ.
- Новикова А.К. (2012): Лингводидактическая система обучения китайских студентов-филологов русской фразеологии с использованием видеоматериалов. М. URL: web-local.rudn.ru/web-local/prep/rj/index.php?id=894
- Новикова В.В. (2016): Использование видеоматериалов при обучении русскому языку как иностранному как средство формирования социокультурной компетенции вне языковой среды. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26376357>
- Северская О.И. (2010): Фразеология: история и норма. URL: rus.1september.ru/view_article.php?ID=201001102
- Телия Т.Н. (1996): Русская фразеология. Семантический аспект, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.
- Туркулец И.А. (2012) О философских аспектах фразеологизмов в русских сказках. Вестник Бурятского Государственного Университета, 14

ОРГАНИЗАЦИЯ РЕФЛЕКСИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧАЩИХСЯ В ХОДЕ ОНЛАЙН-ПЕРЕПИСКИ НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ

Сологуб Ольга Павловна
Тайваньский национальный университет, Тайвань
olsolpa@mail.ru

ORGANISATION OF STUDENTS' REFLEXIVE ACTIVITY IN THE COURSE OF ONLINE CORRESPONDENCE IN A FOREIGN LANGUAGE

Sologub Olga
Taiwan National University, Taiwan

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются основные направления организации работы студентов по осмыслению их текстовой деятельности в ходе онлайн-переписки как в процессе текстопорождения, так и при анализе готового текста. Основное внимание сфокусировано на проблемных зонах рефлексивной текстовой деятельности (отраженных в соответствующем алгоритме) и способах разрешения этих проблем.

ABSTRACT

The article considers the main directions of students' work on comprehension of their textual activity in the course of online correspondence both in the process of text generation and in the analysis of the finished text. The main focus is on the problematic areas of the reflective textual activity (reflected in the corresponding algorithm) and on how solve these problems.

Ключевые слова: онлайн-переписка, стратегии онлайн-переписки, рефлексия, текстовая деятельность

Keywords: online correspondence, online correspondence strategies, reflection, textual activity

Настоящая работа является результатом осмысления одного из аспектов лингводидактической деятельности, связанной с реализацией проекта «Обучение иностранному языку в ходе онлайн-переписки» (методологическая, мотивационная, организационная и предметно-содержательная базы проекта изложены в работах, указанных в списке литературы), а именно, организации работы студентов по осмыслению их речевого поведения в ситуации онлайн-переписки с носителями языка и формирования на этой основе необходимых умений и навыков общения на иностранном языке. Как правило, студенты, осуществляя переписку, слабо контролируют свои речемыслительные процессы и допускают

массу различного рода ошибок и недочетов, которые затем многократно повторяются в последующих речевых произведениях – все это делает их письменно-речевую деятельность недостаточно эффективной. Наша принципиальная установка состоит в том, чтобы сделать эти процессы более осмысленными, более критически направленными, что вызывает необходимость формирования у студентов двух групп навыков: во-первых, навыков по выявлению проблемных зон речевого поведения и, во-вторых, навыков применения способов разрешения возникающих проблем.

С целью формирования навыков первой группы нами был разработан алгоритм действий, направленный на осмысление стратегий и тактик речевого поведения (в случае текстопорождения) либо на анализ его результатов (при работе над ошибками). Данный алгоритм построен в соответствии с речевыми стратегиями онлайн-переписки, к которым относятся:

а) предметно-тематическая, требующая освоения коммуникативно-речевого материала (производных / непроизводных слов, устойчивых словосочетаний, речевых формул), необходимого для осуществления коммуникации по актуальной теме, а также уяснения лексико-грамматических свойств вводимых в речевой оборот коммуникативно-речевых единиц;

б) содержательно-информативная, подразумевающая усвоение правил оформления текстового содержания: умение членить текст; подавать информацию как в связном, логичном, так и в полном, развернутом виде, а в необходимых случаях, напротив, осуществлять компрессию текста (таким образом у студентов формируется текстовая компетенция);

в) этикетная, предполагающая знакомство учащихся с коммуникативными ситуациями этикетного свойства и, соответственно, с разнообразными способами выражения этикетных действий, особенностями употребления этикетных формул в зависимости от различных параметров коммуникативной ситуации;

г) эмоционально-оценочная, направленная на выражение отношения к излагаемой информации в виде эмоций и оценок;

д) коммуникативно-речевая, призванная устанавливать соответствие используемых коммуникативно-речевых средств характеру ситуации общения.

С учетом сказанного алгоритм будет выглядеть следующим образом.

Предметно-тематическая, содержательно-информативная стратегии. Анализ текста

1. Обозначьте логику изложения, определите ее корректность.

2. Проверьте наличие всех необходимых композиционных частей в тексте. В случае отсутствия / неполноты каких-либо частей добавьте необходимую информацию.
3. Определите, какая информация лишняя, устранили ее.
4. Определите правильность членения текста, его деления на абзацы.
5. Проверьте наличие и корректность употребления связующих компонентов в тексте.

Анализ предложения

6. Определите, какое предложение лучше использовать для выражения смысла – простое или сложное (если сложное, то какое).

А. Сложное предложение

7. Определите корректность порядка следования частей сложного предложения.
8. Определите смысловые отношения между частями, употребив правильно союз.
9. Расставьте необходимые знаки препинания.

Б. Простое предложение / часть сложного предложения

а) неосложненное

10. Обозначьте модель предложения, определив предварительно точное словоупотребление компонентов этой модели. Трансформируйте предложение, если это необходимо, в соответствии с моделью.
11. Определите порядок слов.

б) осложненное

12. Определите возможность использования однородных членов предложения, правильность их использования.
13. Определите возможность использования причастных, деепричастных оборотов, правильность их использования.
14. Определите возможность использования уточняющих конструкций, правильность их использования.
15. Определите возможность использования вводных и вставных конструкций, правильность их использования.
16. Расставьте необходимые знаки препинания.

Анализ слов

17. Определите, какие слова, выражения употреблены неточно, некорректно, часто повторяются. Замените их синонимичными либо трансформируйте их.
18. Какие слова, выражения нужно добавить в это предложение: а) для более полного выражения смысла; б) для уточнения смысла, в) для усиления смысла?
19. В словах с приставками определите правильность их использования.
20. Проверьте правописание слов.

Анализ грамматических форм

21. Определите видо-временной план изложения.
22. Определите правильное употребление: а) глагольных форм (инфинитива, времени, наклонения, лица, залога и др.), б) именных форм (падежа, рода, числа).
23. Определите необходимость употребления предлога.
24. Обратите внимание на употребление степени сравнения прилагательного, наречия.

Этикетная стратегия

25. Определите необходимость употребления этикетных формул и их соответствие условиям коммуникативной ситуации.
26. Добавьте в необходимых случаях дополнительные этикетные формулы.

Эмоционально-оценочная стратегия

27. Определите случаи необходимости выражения экспрессии, произведите в случае несоответствия выражения экспрессии условиям коммуникации необходимые преобразования.
28. Определите случаи необходимости выражения эмоций, произведите в случае несоответствия выражения эмоций условиям коммуникации необходимые преобразования.
29. Определите случаи необходимости выражения оценки, произведите в случае несоответствия выражения оценки условиям коммуникации необходимые преобразования.

Коммуникативно-речевая стратегия

30. Определите характер коммуникативной ситуации и соответствие ей используемых коммуникативно-речевых средств.
31. Произведите в случае несоответствия коммуникативно-речевых средств условиям коммуникации необходимые преобразования.

Данный алгоритм отрабатывается на первых порах совместно, всей группой, под руководством преподавателя путем коллективного составления текста (на этапе текстопорождения), работы над ошибками (на этапе анализа готового речевого произведения). На следующем этапе степень самостоятельности возрастает: студенты продуцируют тексты, а преподаватель лишь отмечает в них характер недочета, ошибки (используя, например, порядковый номер соответствующего пункта в алгоритме), и далее студент самостоятельно исправляет их. И наконец, студент полностью самостоятельно осуществляет рефлексивную текстовую деятельность.

Навыки второй группы вырабатываются в ходе использования как традиционных методов обучения (комментарии преподавателя, интерпретационная деятельность студентов при решении проблемных задач, работа с различного рода словарями и справочниками, выполнение упражнений трансформационного типа, упражнений на расширение и др.), так и инновационных методик, в частности, методики (обратного) машинного перевода (МП /

ОМП), идея применения которой в лингводидактике была высказана профессором Кемеровского университета Н.Д. Голевым. Поскольку последняя лишь начинает внедряться в сферу лингводидактики, считаем необходимым привести предварительные замечания, касающиеся особенностей ее применения.

При продуцировании текста студенты опираются на данную методику либо полностью (обычно это происходит на начальных этапах изучения языка), либо частично (в тех случаях, когда возникают затруднения при выражении сложных смыслов, это происходит на более продвинутых этапах). Работа осуществляется в соответствии с предлагаемой инструкцией: 1) выражение определенного коммуникативного намерения на родном (в нашем случае китайском) языке; 2) перевод составленного текста с помощью компьютерного переводчика на иностранный (в нашем случае русский) язык; 3) обратный перевод на родной язык; 4) определение участков текста, смысл которых оказался выраженным недостаточно точно либо в искаженном виде, более ясное выражение данных смыслов на родном языке; 5) последующий перевод откорректированного текста с родного языка на иностранный. В процессе текстопорождения студенты путем наблюдения самостоятельно осваивают разнообразный коммуникативно-речевой материал, необходимый для выражения актуального смысла; кроме того, данная технология позволяет выявить проблемные зоны в выражении коммуникативного намерения и найти более точные коммуникативно-речевые средства. Прокомментируем данный вид работы на следующем примере. Студентке в ее онлайн-сообщении необходимо было выразить следующую мысль: она разговаривала со своим знакомым-иностранцем, который вновь приехал в Тайбэй (а до этого он был здесь уже два раза) и, как и в предыдущие два приезда, чувствовал себя не очень хорошо из-за жаркой погоды. Выразив данный смысл на китайском языке и произведя его МП на русский язык, студентка получила вариант *Я разговаривала с моим новым иностранным другом. Это его второй раз в Тайбэй, но ему было неудобно в этой жаркой погоде.* Произведя ОМП данного фрагмента на родной язык, определив, а затем устранив недочеты, студентка вновь сделала МП на русский язык и получила новый вариант: *Я поболтала с моим иностранным другом, которого я только что встретила. Это был его второй раз в Тайбэе, но жаркая погода заставила его чувствовать себя некомфортно.* Конечно, второй вариант также не абсолютно совершенен, но тем не менее исходное содержание выражено в нем более корректно: в текстовом фрагменте употреблены более точные синонимы (*поболтала, некомфортно*), найден важный в смысловом отношении глагол (*чувствовать себя*), выражены в более сложной форме (форме сложного предложения) смысловые связи. Дальнейший анализ в указанном направлении помог обнаружить другие недочеты и пути их исправления (обратная

последовательность событий в первом предложении, изменение субъекта действия во втором предложении и в связи с этим изменение моделей частей предложения, изменение характера смысловых отношений между его частями) и выразить исходное содержание в более корректной форме: *Недавно я встретила моего иностранного знакомого и поболтала с ним. Он был второй раз в Тайбэе и чувствовал себя некомфортно, потому что была жаркая погода.* На следующем этапе преподаватель акцентирует внимание студентов на возможностях трансформации выраженного смысла: *был второй раз в Тайбэе – дважды был в Тайбэе; потому что была жаркая погода – из-за жаркой погоды, недавно – не так давно;* а также на возможности расширения некоторых членов предложения: *(немного) поболтала с ним; (уже) дважды был в Тайбэе; (оба раза) чувствовал себя некомфортно.* Таким образом, технология МП / ОМП, дополненная упражнениями на расширение и усложнение (трансформации) помогает студентам самостоятельно обнаруживать недочеты при текстопорождении и устранять их.

Технология МП / ОМП позволяет студенту решить и ряд проблем анализа речевого произведения при работе над ошибками, когда перевод текста (его фрагмента, предложения) на родной, а затем на иностранный язык и последующее сравнение первоначального и конечного вариантов позволяет обнаружить ошибку и послужить стимулом для рефлексивной деятельности по поводу причин необходимости коррекции. Прокомментируем особенности текстовой рефлексии студентов, осуществляемой на основе приведенного алгоритма с применением указанных методик, на примере письма-знакомства – ответа на предложение начать переписку (студенты находятся на промежуточной ступени между уровнями А2 и В1).

Привет, Ксения! Меня зовут Алиса. Мне 22 года. Я учусь в аспирантуре на транспортном факультете. Очень рад познакомиться! Я изучаю русский язык один год, и думаю, что его очень трудно, особенно о надеждах. Также я думаю, что русский язык интересный. Я хочу путешествовать по России, поэтому я изучаю русский язык. К сожалению, я плохо говорю по-русски, и боюсь говорить его, но всё хочу хорошо говорить его. А ты? С какой целью ты хочешь изучать китайский язык? Тебе нравится его? Я родилась в Тайчжуне, это расслабляющий город в центре Тайваня. Сейчас я живу в университетском общежитии в Тайбэй, это очень удобно, но комната очень маленькая. Где ты родилась? А сейчас где ты живёшь? У меня есть друг. Его зовут Олег. Олег знает и интересуется много русские знание по сравнению с другими, особенно русской историей и политикой. Мне нравится читать книги, особенно фантастические романы. Также мне нравится смотреть анимационной фильм, рисовать, слушать музыку. Я очень люблю фильм «Hell Bride». Кроме того, я тоже люблю изучать иноиранные языки. Я изучаю итальянский язык два года, и буду изучать японский язык. А что тебе нравится? Если у тебя есть какие-либо проблемы о китайский язык, я с удовольствием помогу тебе.

Обращаясь к анализу текста, студенты отмечают в первую очередь нарушения логики: сбивчивость, нерасчлененность изложения, невыраженность смысловых отношений. Выстроив логику повествования (знакомство → родной город, семья → учеба → изучение русского и других иностранных языков → жизнь в общежитии → друзья → интересы, хобби), они вычлениают соответствующие смысловые блоки, а затем определяют характер логических связей между ними и внутри них и подбирают соответствующие средства выражения этих связей, такие как: а) частицы: (1) *Я родилась в Тайчжуне <...>. <...> А где ты родилась?*; (2) *И я считаю, что это очень интересный язык*; б) местоимения: (1) *Олег интересуется Россией, особенно российской историей и политикой, и, по сравнению с другими, много знает об этом*; (2) *Я родилась в Тайчжуне, <...>. В нем приятная, расслабляющая атмосфера*; в) местоименные наречия: *После школы я поступила в университет на транспортный факультет и стала жить в Тайбэе. Сейчас я учусь здесь в магистратуре* (здесь и далее в примерах производились преобразования и другого рода, они рассматриваются ниже в соответствии с пунктами алгоритма). В отдельных случаях логика изложения требовала изменения порядка предложений, их перестройки. Так, например, текстовый фрагмент *Также мне нравится смотреть анимационной фильм, рисавать, слушать музыку. Я очень люблю фильм «Hell Bride»* был трансформирован следующим образом: *Также я люблю смотреть анимэ, мой любимый фильм – «Hell Bride». Другие мои увлечения – рисование и музыка.*

Другим направлением текстовой рефлексии студентов является необходимость дополнения либо, напротив, устранения определенной информации. В первом случае уточнялись некоторые детали изложения, например: (1) *После школы я поступила в университет на транспортный факультет и стала жить в Тайбэе*; (2) *В будущем я хотела бы путешествовать по России, поэтому начала изучать русский язык и др.* Устранение же лишней информации вызвано либо изменением логики повествования (*Кроме того, я тоже люблю изучать иностранные языки*), либо фактом выраженности информации в предыдущих частях текста (*Сейчас я живу в университетском общежитии*).

Приступая к анализу текста на уровне предложения, студенты обращают внимание на использование в письме простых и сложных предложений, на средства союзной связи в последних. Правке подверглись следующие предложения: (1) *Я живу в общежитии, оно очень удобное, но* (→ *несмотря на то, что / хотя*) *комната маленькая*; (2) *К сожалению, я плохо говорю по-русски, <...>, но всё хочу хорошо говорить его* → *Хотя я, к сожалению, еще плохо говорю по-русски, <...>, но тем не менее хочу хорошо говорить на нём.* Кроме того, студенты в необходимых случаях создавали сложные предложения путем объединения простых, например: (1) *У меня есть друг, его зовут Олег*; (2) *Я люблю изучать иностранные языки и*

уже два года занимаюсь итальянским, хочу изучать японский и др.

Анализируя простые предложения / части сложного предложения, студенты в первую очередь обращали внимание на корректность использования модели предложения. Определенные ориентиры в этом направлении они получали, используя технологию МП, когда выражалось исходное содержание на китайском языке, затем производился МП китайского варианта на русский язык, сравнивался исходный и полученный в результате МП варианты, выявлялись и критически осмыслялись несоответствия и, наконец, определялась корректная модель предложения. Проиллюстрируем это на примере предложения *Олег знает и интересуется много русские знание по сравнению с другими, особенно русской историей и политикой*. Путем МП был получен вариант *Олег понимает и интересуется многими российскими знаниями, особенно российскими знаниями и политикой, по сравнению с другими друзьями*. Произведенный сравнительный анализ первоначального и полученного в результате МП вариантов позволил студентам оценить как более правильный выделенную часть предложения в последнем варианте (на данном этапе анализа не обращается внимание на конкретное лексическое наполнение модели – это происходит на этапе анализа слова) и скорректировать модель этого предложения: кто? *интересуется* чем?. Применение данной методики позволило скорректировать модели и других предложений: (1) *Сейчас я живу в университетском общежитии в Тайбэе, это очень удобно* → <...>, оно очень удобное; (2) *Я изучаю русский язык один год, и думаю, что его очень трудно* → <...>, он кажется мне очень трудным.

На следующем этапе анализа анализируются примеры осложнений предложения и корректность их выражения. В ряде случаев автор письма довольно успешно выразил свои коммуникативные интенции путем разных типов осложнений: однородных членов предложения (<...> *я плохо говорю по-русски и боюсь говорить на русском языке, но тем не менее хочу хорошо говорить на нём; Олег интересуется <...> русской историей и политикой* и др.), вводных слов (*к сожалению, кроме того*), сравнительного оборота (*по сравнению с другими*), однако в ряде случаев необходима актуализация осложнения с усилительно-уточняющей функцией, поэтому студенты расширяют предложения: *Я изучаю его второй год, и он кажется мне очень трудным, особенно надежи* и под.

Сложной и трудоемкой является работа на уровне слова, особенно это касается случаев неточного словоупотребления, причиной которых являются: смешение близких понятий (*аспирантура – магистратура; фантастические романы – фэнтези*); незнание правил лексической сочетаемости (*расслабляющий город – в городе приятная, расслабляющая атмосфера; Олег <...> интересуется много русские знание – Олег <...> интересуется*

Россией). Эти случаи требуют комментариев преподавателя, а также работы со специальными словарями.

Другим направлением в работе над словом является поиск синонимических замен с целью устранения тавтологии, однообразия повествования (*понимать – знать, изучать – заниматься; думать – считать – казаться каким?; нравиться – любить – увлекаться* и др.). Чтобы устранить этот недочет, студенты вновь прибегают к технологии МП (ср., например, исходное предложение *Также я думаю, что русский язык интересный* и результат перевода данного содержания с китайского на русский язык: *Я также **считаю** это интересным России*). При выполнении этой операции в некоторых предложениях возможна трансформация модели, например: (1) *Я изучаю итальянский язык два года* → *два года занимаюсь итальянским*; (2) *он очень трудный* → *он кажется мне очень трудным* и др. То же самое происходит и с другими предложениями: (1) *Я очень люблю фильм «Hell Bride»* → *Мой любимый фильм – «Hell Bride»*; (2) *Мне нравится смотреть анимационный фильм, рисовать, слушать музыку* → *Также я люблю смотреть анимэ. <...> Другие мои увлечения – рисование и музыка.*

Еще одним направлением в работе над словом является формирование навыков компрессии. Решая данную проблемную задачу, студенты определяют возможные случаи осуществления компрессии в тексте: а) устранение зависимого слова в словосочетании, поскольку семантика главного слова уже подразумевает зависимое (*Я люблю читать [книги]*), б) исключение компонента словосочетания в силу его очевидности: (1) *Я люблю изучать иностранные языки и уже два года занимаюсь итальянским [языком], хочу изучать японский [язык]*; в) универбация (*анимационный фильм* → *анимэ*) и под.

Довольно распространены в словах опечатки, ошибки, допущенные как по невнимательности, так и по незнанию (*мнея, асперантура, чо, мальенкая, рисавать, иносиранный*). Исправляя эти ошибки, студенты приучаются внимательно, бережно относиться к слову.

Обычны в студенческих работах различного рода грамматические ошибки: а) в роде (*я рад* → *рада*); б) в числе (*смотреть анимационной фильм* → *анимационные фильмы* → *анимэ*); в) в предложно-падежных формах (*говорить его* → *на нем* (на русском языке); *тебе нравится его* → *он*; *живу в <...> Тайбэй* → *в Тайбэе* и мн. др.). При анализе глагольных форм обращается внимание на некорректную личную форму глагола *хотешь* → *хочешь*, временную форму: *Если у тебя есть (→ будут) какие-либо проблемы с китайским, я с удовольствием помогу тебе*, а также акцентируется внимание на возможности замены индикатива формой сослагательного наклонения в предложении *<...> я хочу (→ хотела бы) путешествовать по*

России. Данная работа проводится в виде грамматического тренинга.

Поскольку анализируемое письмо является первым письмом, письмом-знакомством, то особое внимание уделяется анализу реализации этикетной стратегии, в частности, особенностям выражения этикетной рамки (приветствия – прощания). При этом студентам рекомендуется ввести в этикетную рамку дополнительные формулы в целях установления более близкой дистанции общения. Студенты легко обнаруживают, что автор письма реализовала лишь первую часть рамки – приветствие – и усилила его этикетной формулой *Очень рада познакомиться (с тобой)!*. Они восстанавливают ее вторую часть (*До свидания!*) и дополняют ее этикетной формулой *Буду с нетерпением ждать твоего ответа*.

Эмоционально-оценочная стратегия предполагает выражение экспрессивного, эмоционального и оценочного начал. Первое связано с выражением интенсивности, и автор реализует его с помощью наречия меры и степени *очень* (*Очень рада познакомиться!*; *это очень удобно* и др.). Студенты оценивают употребление этого наречия с точки зрения частотности и приходят к выводу, что в некоторых случаях следует избегать его повторения. В ходе анализа студенты актуализируют и другие средства выражения интенсивности, например: (1) *Я люблю читать, особенно мне нравятся фантази*; (2) *Хотя я, к сожалению, еще плохо говорю по-русски <...>, но тем не менее хочу хорошо говорить на нём*; (3) *Я люблю изучать иностранные языки и уже два года занимаюсь итальянским*.

Письмо-знакомство является сдержанным по эмоциональному настрою, эмоциональное начало выражается в единичных случаях посредством употребления эмоциональной лексики (*Очень рад познакомиться*), вводных слов (*хотя, я, к сожалению плохо говорю по-русски <...>*). Студенты справедливо оценивают эти употребления как корректные.

Автор данного текста выражает порой оценки посредством оценочных слов (*<...> я, к сожалению, еще плохо говорю по-русски, <...>, но тем не менее хочу хорошо говорить на нём; <...> это очень интересный язык; В нем приятная, расслабляющая атмосфера; <...> оно очень удобное*). В ряде случаев студентам рекомендуется смягчить негативную оценку (*<...> я плохо говорю по-русски → я еще не очень хорошо говорю по-русски*).

Поскольку переписка между студентами только начинается, между ними еще не установились тесные, дружеские отношения, а главная цель письма – рассказ о себе в монологической форме, то в тексте доминирует нейтральный стиль общения. Однако в силу внутреннего диалогизма онлайн-общения неизбежно возникают ситуации необходимости его выражения путем использования элементов разговорности. Студенты пытаются определить эти ситуации и способы выражения разговорного начала – это касается в первую очередь соответствующего оформления вопросов (*А где ты родилась?; А где ты сейчас живёшь?* и

др.). Также студенты интерпретируют как разговорные компрессионные выражения (*Я <...> уже два года занимаюсь итальянским, хочу изучать японский* и др.), неполные предложения (*А ты?*).

Результатом рефлексивной деятельности студентов явился следующий вариант текста письма.

Привет, Ксения!

Очень рада познакомиться (с тобой)!

Меня зовут Алиса. Мне 22 года.

Я родилась в Тайчжуне, это город в центре Тайваня. В нем приятная, расслабляющая атмосфера. А где ты родилась?

После школы я поступила в университет на транспортный факультет и стала жить в Тайбэе. Сейчас я учусь здесь в магистратуре.

Я живу в общежитии, оно очень удобное, несмотря на то, что комната маленькая. А где ты сейчас живёшь?

Я люблю изучать иностранные языки и уже два года занимаюсь итальянским, хочу изучать японский. В будущем я хотела бы путешествовать по России, поэтому начала изучать русский язык. Я изучаю его второй год, и он кажется мне очень трудным, особенно падежи. Хотя я, к сожалению, еще не очень хорошо говорю по-русски и боюсь говорить на русском языке, но тем не менее хочу хорошо говорить на нём. И я считаю, что это очень интересный язык. А ты? С какой целью ты хочешь изучать китайский язык? Тебе он нравится? Если у тебя будут какие-либо проблемы с китайским, я с удовольствием помогу тебе.

Я люблю читать, особенно мне нравятся фантази. Также я люблю смотреть анимэ, мой любимый фильм – «Hell Bride». Другие мои увлечения – рисование и музыка. А что тебе нравится делать? Чем ты увлекаешься?

У меня есть друг, его зовут Олег. Олег интересуется Россией, особенно российской историей и политикой, и, по сравнению с другими, много знает об этом. А у тебя есть друзья? Чем они занимаются?

До свидания!

Буду с нетерпением ждать твоего ответа.

Такова общая схема рефлексивной деятельности студентов над текстом сообщения. Мы усматриваем в ней большой лингводидактический потенциал, поскольку, во-первых, она предполагает работу по формированию целого комплекса умений и навыков, начиная от графических, лексико-грамматических и заканчивая коммуникативно-прагматическими; во-вторых, она ориентирована на формирование навыков самостоятельной работы (на это направлена в первую очередь технология МП / ОМП); в-третьих, она способствует организации учебного материала по двум линиям, способствующим формированию важнейших умений и навыков – линии расширения и линии осложнения.

Представленные в статье соображения были продиктованы целями и задачами осуществляемого нами проекта, однако, считаем, возможности разработанных нами

направлений рефлексивной деятельности студентов над текстом гораздо шире – они применимы для организации любого рода письменно-речевой деятельности.

Добавим также, что на данном этапе исследования детальному анализу подвергались тексты / текстовые фрагменты преимущественно монологического характера. На следующем этапе схема рефлексивной текстовой деятельности студентов должна быть дополнена данными анализа их диалогического общения в соцсетях.

Список литературы

Голев Н. Д., Сологуб О. П. (2014): Электронная переписка как эффективное средство овладения навыками письменной речи иностранными учащимися, Социокультурные и филологические аспекты в образовательном и научном контексте. Киото: издательство Университета Киото Сангё, 177–182.

Голев Н. Д., Сологуб О. П. (2016): О лингводидактическом потенциале естественной письменной речи (на примере использования онлайн-переписки в практике преподавания иностранных языков), Естественная письменная русская речь: исследовательский и образовательный аспекты. Ч. V: Новое в теории письменной речи и инновационная лингводидактика. Кемерово: издательство Кемеровского университета, 17–33.

Голев Н. Д., Сологуб О. П. (2016): Онлайн-переписка как лингводидактическая база изучения русского языка как иностранного: теория и практика, Русский язык, литература и культура в пространстве АТР. Владивосток: издательство Дальневосточного университета, 213–216.

Сологуб О. П. (2016): Онлайн-переписка как самообучение. Вестник Кемеровского университета, 3, 180–186.

Сологуб О. П. (2018): Лингводидактический потенциал Facebook и его использование в практике преподавания иностранных языков, Interface, 6, 67–92. URL: <http://interface.ntu.edu.tw/> (дата обращения: 09.09.18)

**СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ И
ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИЙ ИНОСТРАННЫХ
СТУДЕНТОВ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ РУССКОЙ
КЛАССИКИ НА ОСНОВЕ МУЛЬТИМЕДИЙНОГО ОБУЧЕНИЯ**

*Стенина Наталья Семеновна
Московский государственный академический
художественный институт имени В.И. Сурикова
при Российской академии искусств, Россия
natsten@yandex.ru*

**IMPROVEMENT OF SOCIO-CULTURAL AND LINGUISTIC
COMPETENCIES OF FOREIGN STUDENTS IN STUDYING RUSSIAN
CLASSICAL LITERARY AND CINEMATOGRAPHIC WORKS ON THE
BASIS OF MULTIMEDIA LEARNING**

*Stenina Natalia
Moscow State Academic Art Institute
named after V.I. Surikov of Russian Academy of Arts, Russia*

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются проблемы совершенствования социокультурной и лингвистической компетенций иностранных студентов при изучении произведений русской литературной и кинематографической классики на основе мультимедийного обучения в условиях широкого контекста русской культуры. Расширение образовательного пространства с помощью мультимедийного обучения позволяет сделать урок современным, а учебный материал - понятным молодёжной аудитории.

ABSTRACT

The article deals with problems of improving socio-cultural and linguistic competencies of foreign students in studying Russian classical literary and cinematographic works on the basis of multimedia learning in terms of broad context of Russian culture. Expanding the educational space through multimedia learning allows to make the studying process modern and understandable for youth audience.

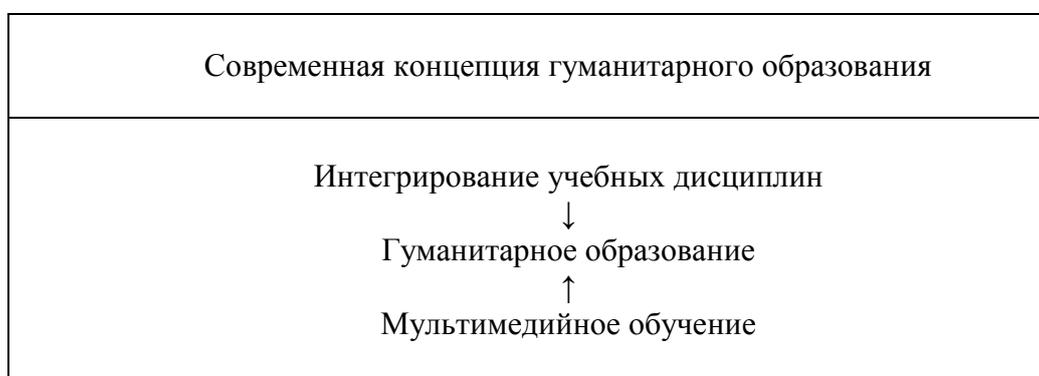
Ключевые слова: мультимедийное обучение, литература, кинематограф, социокультурная и лингвистическая компетенция.

Keywords: multimedia learning, literature, cinematograph, socio-cultural and linguistic competence.

Современное образование расширяет круг изучаемых иностранными студентами материалов и технологий обучения. Интегрированный подход и мультимедийные технологии

предполагают использование не только литературных текстов, но и сведений из других областей знаний, что позволяет наиболее полно раскрыть информацию о предмете (явлении), чтобы у учащегося сложилось всестороннее представление о рассматриваемом объекте, сформировалось понятие об идеалах того или иного времени, мировоззрении, духовных ценностях представителей иноязычной культуры. Это поможет им понять художественный образ и язык литературного или кинематографического произведения и преодолеть трудности социокультурной адаптации. Мультимедийное обучение организует полифункциональный полилог, в котором участвуют различные дисциплины.

Таблица 1. Современное гуманитарное образование

В практической работе преподавателя с литературным текстом в иностранной аудитории выделяют несколько этапов: выбор контекста культуры, его методическое преломление. На первом этапе в центре внимания преподавателя находится литературное произведение, инструментом анализа является история культуры страны изучаемого языка. Источники для формирования контекста литературного произведения могут иметь художественное и нехудожественное происхождение, быть вербальными и невербальными. В состав вербальных источников входят эпистолярное наследие писателя, воспоминания современников, критические статьи и литературоведческие работы. К невербальным источникам формирования культурного контекста литературного произведения относим рисунок, гравюру, фотографию, картину, иллюстрации к литературному произведению, видеоматериалы, которые характеризуются общей установкой на документальное воспроизведение видимого.

Второй этап работы - методическое преломление избранного контекста культуры соответственно целям и задачам обучения. Степень полноты невербального комментария обусловлена страноведческой и культуроведческой подготовленностью студентов. Педагог выделяет характеристики и категории художественного текста, нуждающиеся в пояснении,

определяет визуальный контент, с помощью которого возможно создание оптимальных установок восприятия. Для культурной ситуации XIX-XXI веков может быть избран театр или кино («Бесприданница» А.Н.Островского и «Жестокий романс» Э.А.Рязанова). В каждую эпоху характеристики литературного произведения несут особую историко-культурную нагрузку. Для текстов XIX века наиболее нагруженными стали категории «литературный герой» и «место действия». Поиски любви и необходимость сложного выбора определили поступки героинь многих литературных и кинематографических произведений, том числе и современных фильмов (например, в фильме «Питер FM»). Размышления над историями жизни героев разных исторических эпох, сравнительно-сопоставительный анализ «национального» взгляда на общекультурные ценности и поиск решения проблемы нравственного выбора способствуют формированию личности иностранных учащихся в условиях диалога культур.

Мультимедийное обучение позволяет в зависимости от языковой и страноведческой подготовки иностранных студентов создавать культурные контексты разной степени глубины и развернутости.

Чем объясняется выбор произведений - драмы Александра Николаевича Островского «Бесприданница» и фильма Эльдара Александровича Рязанова «Жестокий романс»? Как известно, пьеса А.Н.Островского и фильм Э.А.Рязанова приобрели статус классических произведений. По словам исследователей творчества писателя, «в драматургии Островского вместились вся Россия – её быт, её нравы, её история, её поэзия. Нам даже трудно себе представить, насколько беднее было бы наше представление о России, о русском человеке, о русской природе и даже о самих себе, если бы не существовало для нас мира созданий Островского» (Холодов 1973: 254). Язык драматурга лаконичен и в целом соответствует нормам современного русского языка. Литературный текст доступен иностранным учащимся уже на этапе В1 при обучении на подготовительном отделении, поэтому отдельные страницы драмы могут быть предложены студентам для чтения в виде, адаптированном только за счет сокращений. Суть конфликта обозначена в названии и поясняется на первых страницах произведения в разговоре литературных персонажей - Кнурова с Вожеватовым.

В экранизации Эльдара Рязанова соблюдены единства времени, места и действия, что делает фильм достоверным источником лингвострановедческой и социокультурной информации. Проблемы, которые затрагивает драматург в «Бесприданнице» и развивает режиссер в «Жестоком романсе», масштабные и значимые, актуальные для жизни общества любого государства: власть денег, бедность и богатство, взаимоотношение женщин и мужчин, брак по любви или по расчету, любовь и предательство, роль и права женщины в обществе.

Иностранный студент, погружаясь в жизнь российского общества (в том числе в историческом аспекте), не должен испытывать чувство полного непонимания и отторжения режиссерских находок, принимая интерпретированные режиссером события за правдивое изложение русской истории. Ему скорее следует задуматься над вечными вопросами, волнующими людей в любом обществе, увидеть что-то родное и через это близкое понять поступки и поведение людей новой для него страны, узнать их культуру и традиции.

Однако, по мнению многих участников образовательного процесса, «объемных текстов сейчас слишком много. Мы уже не ищем информацию, а спасаемся от нее», «пришло время учиться сокращать. И развивать медиа-компетенцию в том плане, в каком она необходима для XXI столетия: как опыт активного взаимодействия с различными носителями информации с целью ее ускоренного восприятия и объективизации (обретения «золотого сечения истины») на стыке ряда инфо-каналов, посвященных одной и той же фактографии» (Кудрявцева, Залепятская 2017).

Возникла необходимость «точно передать или «принять» информацию, понимая, что смысл сказанного/написанного и услышанного не может быть абсолютно идентичен, поскольку существует «лестница контекстов» (термин Е. Эткинда) и каждая ступенька этой лестницы у читателя и автора более или менее различается» (там же).

Рисунок 1. Лестница контекстов.

Задача преподавателя – не дать студенту потеряться в этом море контекстов (Лестница контекстов 2018).

В российском театре испробованы десятки способов «осовременивания классики», но в девяти случаях из десяти их вряд ли можно назвать удачными. Это относится и к неожиданному решению спектакля Дмитрия Крымова «Безприданница» в «Школе драматического искусства», премьера которого состоялась в сентябре 2017 года.

Драматические события пьесы Островского разворачиваются во время футбольного матча Россия - Голландия, который транслируется на экране по ходу театрального действия.

Чтобы составить представление о постановке, процитируем выдержки из некоторых рецензий на спектакль (Райкина 2017). «Футбол бесцеремонно и яростно врывается в жизнь волжского городка огромным экранным изображением и заканчивается ... на патриотическом подъеме: Россия вышла в финал чемпионата Европы, потный Аршавин бежит на фоне трибун. А в это время Лариса Огудалова валяется в сторонке ... с простреленным животом, истекая бутафорской кровью...» (там же). Режиссер компонует серию трагикомических номеров и шаржированных портретов. Персонажи в спектакле даны гротескно. Лариса Огудалова – эстрадная дива, она в рыжем парике и коротком «блескучем» платье. Слова Кнурова о том, что «дорогой бриллиант дорогой и оправы требует», «в Ларисе Дмитриевне земного, этого житейского, нет... тривиального» (Островский 1973: 103), не про сценическую Огудалову: Лариса тут странная, в ней нет ничего необыкновенного. Массовое сознание связывает героиню Островского с гитарными переборами. В спектакле она не попадает в фонограмму песни Жанны Агузаровой. Она скорее блаженная, живущая в своем странном, только ей понятном мире. Дмитрий Крымов часто пересказывает классику «своими словами». В Паратове нет ни удали, ни шарма, наоборот, подчеркнуто его ничтожество. Зрителям показывают видео, как он плывет на «Ласточке», затем «картинно» ныряет в воду, но чуть не тонет, его выносят на сцену в шубе, мокрого, захлебнувшегося, чуть живого. Хариту Игнатъевну играет мужчина в спущенных чулках, он груб, размашист, демонстративно бреет щетину. Нынешняя сценическая версия вполне оправдывает категорию 18+. Вожеватов яростно оттачивает ненормативную лексику. Решающее свидание Ларисы и Паратова транслируется в режиме онлайн - и «камера отражает ритм их страсти буквально, физически, сотрясаясь от мерных толчков», «в «Безприданнице» у спектакля собственная драматургия, театр в пьесу вчитывается, но рассказывает при этом свое (там же). Современные режиссеры допускают крайне вольное прочтение оригинального текста, которое никак не согласуется с задачей преподавателя создавать положительный образ России. Есть ли возможность адекватного представления пьесы Островского? Для этого надо обратиться к литературной и кинематографической классике.

Учебный комплекс «Знакомство с русской культурой на уроках русского языка в иностранной аудитории («Бесприданница» А.Н.Островского и «Жестокий романс» Э.А.Рязанова)» посвящен проблемам обучения иностранных учащихся: ознакомлению их с явлениями русской культуры и жизнью российского общества в историческом аспекте (во второй половине 19 века). Его целью является совершенствование лингвострановедческой,

социокультурной и языковой компетенций учащихся. В материалах намечаются пути улучшения адаптации иностранных студентов в поликультурном образовательном пространстве, возможности вовлечения их в творческую деятельность. Материалы могут быть использованы на разных этапах обучения в зависимости от уровня владения русским языком учащимися.

Комплекс содержит разделы для преподавателя и для студента, необходимость и объём учебных материалов определяется педагогом в зависимости от конкретной группы учащихся, их уровня владения русским языком, их интересов, а также от возможностей использования учебного времени, определённого учебным планом. Занятия предполагают использование возможностей мультимедийного обучения.

*«Знакомство с русской культурой на уроках русского языка в иностранной аудитории
(«Бесприданница» А.Н.Островского и «Жестокий романс» Э.А.Рязанова)»*

Содержание.

Материалы для преподавателя.

Вводная беседа. Знакомимся с автором драмы «Бесприданница» - драматургом Александром Николаевичем Островским.

I. Читаем страницы драмы А.Н.Островского «Бесприданница».

Знакомимся с действующими лицами драмы, местом и временем действия.

Выясняем суть конфликта: знакомимся с героиней.

В поисках любви.

Предательство.

II. Смотрим фильм «Жестокий романс» Э.А.Рязанова, поставленный по драме А.Н.Островского «Бесприданница» (вводная беседа: смысл названия фильма).

III. Обсуждаем судьбу героини.

Материалы для учащихся.

Театральная площадь в Москве. Малый театр. Памятник А.Н.Островскому.

Традиции на Руси: свадьба, приданое.

Город Бряхимов и его прототип Нижний Новгород.

Читаем страницы драмы «Бесприданница», смотрим фильм «Жестокий романс».

Литературный персонаж и кинематографический герой.

Материалы для контроля.

Итоговая беседа.

Литературный, кинематографический и мультимедийный материал, предложенный для изучения, открывает возможности для индивидуального и коллективного творчества учащихся, а также предусматривает совершенствование их профессиональной подготовки.

Так, историки и экономисты имеют возможность более подробно познакомиться с третьей столицей России – Нижним Новгородом – прототипом города Бряхимова, где разворачиваются события драмы (Нижний Новгород 2018).

Таблица 2. Время и место действия драмы

Знакомимся с русской классикой: «Бесприданница». Время и место действия драмы.	
<p>МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ</p> <p>Бряхимов – вымышленный город, но мы можем составить о нём представление, познакомившись с реальным волжским городом - Нижним Новгородом того времени. Прочитайте ремарки автора, найдите указание на то, в каком месте и в какое время происходило действие. Посмотрите видеоматериалы</p> <p>● <i>Материалы для учащихся: Нижний Новгород.</i></p>	<p>МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ УЧАЩЕГОСЯ</p> <p>Ремарки автора драмы: «Действие происходит в большом городе Бряхимове на Волге. Городской бульвар на высоком берегу Волги, с площадкой перед кофейной; направо от актеров вход в кофейную, налево - деревья; в глубине низкая чугунная решетка, за ней вид на Волгу, на большое пространство: леса, села; на площадке столы и стулья: один стол на правой стороне, подле кофейной, другой - на левой».</p> <p>Видеоматериал «Нижний Новгород»: так выглядел город Нижний Новгород, прототип города Бряхимова, во времена А.Н.Островского. (Исторический фон к уроку «А.Н.Островский. “Бесприданница”»).</p>

На занятиях со студентами других специальностей видеоматериал об экономике и хозяйственной деятельности региона может использоваться не в полном объеме. Гидротехникам, например, будут интересны дополнительные сведения о водных ресурсах России и о бассейне великой русской реки Волги, самой длинной в Европе.

Будущие художники углубят профессиональные знания, знакомясь с творениями мастеров кисти, созданными на берегах знаменитой реки (картинами И.Левитана «Свежий ветер. Волга», И.Е.Репина «Бурлаки на Волге», В.И.Сурикова «Степан Разин», Б.М.Кустодиева «На Волге»). Действенным фактором адаптации иностранных учащихся в новом для них социокультурном пространстве может явиться творческая и проектная деятельность - создание театрализованных представлений на основе просмотренного киноматериала и прочитанного литературного текста, знакомство с русской музыкальной культурой, разучивание романсов (прозвучавших в фильме «Жестокий романс» или использованного А.Н.Островским в пьесе - «Не искушай меня без нужды...» и т.п.).

Мультимедийное обучение позволяет в зависимости от языковой и страноведческой подготовки иностранных студентов создавать культурные контексты разной степени глубины и развернутости и обсудить со студентами общечеловеческие проблемы на примере судьбы главной героини драмы. В учебный комплекс включены материалы для контроля.

Таблица 3. Судьба главной героини

Знакомимся с русской классикой: «Бесприданница»: судьба главной героини.
--

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ	МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ УЧАЩЕГОСЯ
<p>Обсуждаем судьбу героини. Мы прочитали страницы драмы «Бесприданница» А.Н.Островского, посмотрели фильм Э.А.Рязанова и можем обобщить то, что мы узнали о главной героине Ларисе Огудаловой. Расскажите историю Ларисы Огудаловой от лица героев фильма (её матери, её жениха Карандышева, её друга детства Вожеватого, от лица Сергея Сергеевича Паратова). Драматург написал пьесу, основываясь на реальных событиях. Как вы думаете, типична ли судьба Ларисы Огудаловой для описанного А.Н.Островским времени. Какова роль женщины в обществе в вашей стране? Как она изменилась за последние 150 лет? Что нового вы узнали о жизни и культуре России, традициях и нравах жителей страны? ● <i>Материалы для учащихся: Лариса Огудалова. Выполняем тест. Ответьте на вопросы теста.</i> <i>Ключи к тесту: 1А, 2Б, 3Б, 4А, 5В, 6Б, 7Б, 8А, 9В, 10Б, 11А, 12А, 13Б, 14В.</i></p>	<p>Обсуждаем судьбу героини. Вы прочитали страницы драмы «Бесприданница» А.Н.Островского, посмотрели фильм Э.А.Рязанова, познакомились с видеосюжетами и можете проверить, хорошо ли вы поняли содержание изученного материала, выполнив тест. Ответьте на вопросы о главной героине Ларисе Огудаловой, выбрав один вариант.</p>

Список литературы

- Холодов Е. (1973): Драматург Александр Островский, А.Н.Островский. Пьесы. Москва: «Детская литература», 254.
- Кудрявцева Е.Л., Залепятская Л.В. (2017): Метод «История в 6 словах» (технология перспективного чтения), ЕДРИД. URL: <https://edrid.ru/rid/217.015.eec6.html> (дата обращения: 10.06.2018).
- Лестница контекстов (2018). Могу писать. Уроки русского языка. URL: <https://mogupisat.ru/upload/medialibrary/011/1.png> (дата обращения: 10.06.2018).
- Райкина М. (2017): Ларчик просто отфутболили, «Московский комсомолец». 22.09.2017. URL: http://www.smotr.ru/2017/2017_shdi_bez.htm (дата обращения: 10.06.2018).
- Островский А.Н. (1973): Пьесы. Москва: Детская литература, 93 – 164.
- Нижний Новгород (2018): Исторический фон к уроку «А.Н.Островский. “Бесприданница”», InternetUrok.ru. URL: <https://interneturok.ru/literatura/10-klass/a-n-ostrovskiy> (дата обращения 10.06.2018)

КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД К ОЦЕНИВАНИЮ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ

Тарева Елена Генриховна

Московский городской педагогический университет, Москва, Россия

elenatareva@mail.ru

COMPETENCE-BASED APPROACH TO TESTING STUDENTS' COMMUNICATIVE COMPETENCE

Tareva Elena G.

Moscow City University, Moscow, Russia

АННОТАЦИЯ

Цель статьи – представить новую концепцию организации и проведения контроля сформированности иноязычной коммуникативной компетенции обучающихся, осваивающих иностранный язык. Новизна концепции заключается в принципиально инновационной модели контроля, связанной с реализацией компетентностного подхода к подготовке студентов. Контроль приобретает особые функции и, как следствие, он должен соответствовать особым требованиям. К числу таких требований относится четкость объектов контроля, его субъектная, а также профессиональная обусловленность, систематичность, непрерывность, комплексность, многокомпонентность, связь с образовательными технологиями, открытость, прозрачность и понятность контроля для всех участников образовательного процесса, способность его «выхода» за пределы образовательного пространства. В этом виде контроль становится частью субъектно развивающей образовательной стратегии.

ABSTRACT

The purpose of the article is to present an innovative concept of organization and testing of foreign language learners' communicative competence. The novelty of the concept lies in a fundamentally innovative testing model applied in the process of implementation of the competence-based approach to the training of students. The testing acquires special functions and, as a result, it must meet special requirements. These requirements include the clarity of the objects of testing, its subjective, as well as professional conditionality, regularity, continuity, complexity, multicomponent structuring, correspondence with educational technologies, openness, transparency and clarity of testing for all participants of the educational process, the ability to "go" beyond the educational space. Such testing becomes a part of learner oriented educational strategy.

Ключевые слова: контроль в обучении иностранным языкам, компетенции, компетентностно ориентированный контроль, требования к системе контроля при подготовке студентов.

Key words: assessment in foreign languages teaching, competences, competence-oriented control, requirements to the system of assessment in students teaching.

Введение

Проблема контроля традиционно является одной из наиболее трудных для решения, спорных для обсуждения в научном сообществе и инертной с точки зрения поиска путей и способов ее модернизационного решения. Реформирование данного компонента образовательного процесса как бы оставляется «на потом»: ввиду необходимости смены всей образовательной парадигмы основной акцент делается на осмыслении новых требований нормативных документов, целеустанавливающих приоритетах, а также на новых образовательных технологиях, обеспечивающих достижение этих приоритетов на практике. Контроль при этом рассматривается порой (и зачастую) в традиционном формате его функционирования. Именно поэтому применительно к обучению иностранным языкам до сих пор применяются такие контролирующие задания как перевод не связанных между собой предложений, что является пережитком давно устаревших переводных методов. По-прежнему активно используются контрольные работы, диктанты, различного рода нетворческие задания (например, выполнение тренировочных упражнений типа «перескажите текст», который все обучающиеся прочитали и перевели, и потребность его пересказывать абсолютно не мотивирована), которые не соответствуют духу времени и нуждаются, если не в отказе от них, то в значительном сокращении их удельного веса в лингводидактической практике.

Доминирование методических стереотипов, связанных с предпочтением классических (явно устаревших) форм контроля, особенно явно демонстрирует себя в вузовском языковом образовании. Стоит вспомнить ставший классикой анализ художественного текста как форму итогового контроля обученности иностранному языку – форму, которая не свидетельствует ровным счетом ни о чем, поскольку этот анализ в жизни производят только узкие специалисты в данной области – литературоведы, текстологи, специалисты в области лингвистической экспертизы. Столь же неэффективными являются устное высказывание студента по одной из пройденных тем, выполнение заданий на перевод, перифраз, написание сочинений и пр.

Некоторое отставание контроля от новых образовательных трендов вступает в явное противоречие с установками сегодняшнего дня, связанными с модернизацией образовательных систем как в России, так и по всему миру. При таких условиях контроль должен занять одну из доминирующих позиций в образовательной системе, поскольку именно он призван свидетельствовать о достижении тех результатов, которые задаются образовательным и профессиональным стандартами. Контроль одновременно должен

показать эффект от происходящих образовательных нововведений: модульной организации образовательного процесса, интегративных образовательных моделей, оптимизационных практик, призванных нейтрализовать сокращение длительности процесса обучения в бакалавриате. Кроме того, (и это является основным в контексте современной антропоцентрической образовательной парадигмы) контроль должен показать *уровень сформированности компетенций*, которые осваивает обучающийся в процессе овладения иностранным языком – коммуникативной компетенции и всех ее составляющих: лингвистической, социолингвистической, прагматической, многоязычной и поликультурной (Common European framework of reference for languages... 2017). Практика показывает, что роль студента в контролируемых процедурах в основном пассивная (*ego* контролируют и оценивают). Явно недостаточно учитываются индивидуальные особенности обучающегося, связь контроля с будущей профессиональной сферой деятельности студента является спорадической. Применение новых технологий (компьютерного тестирования, например) слабо оптимизирует контролируемую функцию образовательного процесса. Таким образом, сегодня контроль далек от того, чтобы служить эффективным средством выявления и измерения сформированных компетенций – компонентов иноязычной коммуникативной компетенции обучающихся.

С учетом такой значимости контроля закономерным становится вывод о том, что с изменением образовательной парадигмы неизбежно должен трансформироваться и контроль степени обученности иностранному языку; эти два процесса должны синхронизироваться, поддерживая и обуславливая друг друга. Требуемые лингвообразовательные результаты подводят к необходимости разработки и применения новых форм и видов контроля, и наоборот, обновленный контроль призван отразить степень достижимости новых задаваемых требований, эффективности педагогических практик, которые применяются для их (требований) реализации.

Необходимо изменение, «омоложение» системы контроля, обусловленное современными образовательными тенденциями, прежде всего, применением компетентностного подхода к высшему профессиональному образованию. Как следствие, значимыми являются ответы на следующие вопросы: *Как контролировать не студента, а со студентом? Как обеспечить ответственное отношение студентов к результатам своего обучения и подготовки к профессии? Как научиться не «ставить диагноз» в ходе контроля, а разрабатывать план ближайшего и отдаленного развития личности?* В данной статье предлагаются некоторые положения, позволяющие надеяться, что ответы на эти вопросы могут быть найдены.

Контроль в компетентностной образовательной реальности: проблемы

Контроль как система процедур, устанавливающих степень соответствия уровня обученности студента требованиям, определяемым программой, должен быть ориентирован сегодня на выявление *компетенций* как главных объектов овладения, как генеральных результативно-целевых доминант. Свойства компетенций представлять собой *ожидаемые, измеряемые* и *прозрачные* достижения студентов позволяют четко определить, что именно будет способен делать обучающийся по завершении части (всей) образовательной программы. «Ожидаемость» означает, что компетенции вбирают в себя требования, с одной стороны, работодателей – субъектов, испытывающих потребность в выпускниках определенного профиля подготовки, с другой стороны, самих студентов, которые тоже (наряду с работодателями) являются заказчиками образования. Представленность компетенций в виде дескрипторов обеспечивает их «измеряемость». «Прозрачность» компетенций предполагает ясный, понятный, доступный вид их формулирования, понятный даже непосвященному. Благодаря таким свойствам оперирование компетенциями обеспечивает сближение академических кругов с «миром» производства за счет общих смысловых координат тех результатов, достижение которых гарантируется в рамках профессионального образования.

Одновременно с перечисленным компетенции призваны отразить индивидуальность и своеобразие каждого обучающегося, сформировать его личностный и индивидуальный портрет как профессионала. Не может быть одного и того же набора компетенций у двух различных выпускников вуза: каждая их присваиваемых компетенций пропускается сквозь призму прежнего опыта студента, его приоритетов в сфере общественной и профессиональной деятельности. Тем самым, будучи присвоенной (интериоризированной), компетенция становится уникальным «кодом» личности, ее новообразованием, которое «вплетается» в индивидуальную подструктуру и меняет конфигурацию последней.

Применительно к обучению иностранному языку речь должна идти о том, что способность к иноязычному коммуникативному взаимодействию с представителем иного лингвосоциума у каждого студента будет проявляться по-своему: кто-то больше тяготеет к устной речи, кто-то к письменной, у кого-то богатый лексикон и склонность к афористичности речи, кто-то ограничивается небольшим набором языковых средств для удовлетворения ограниченного числа коммуникативных потребностей. Тем самым, компетентностный набор демонстрирует уровень развития языковой/коммуникативной личности выпускника, параметры которой не могут быть единообразными.

Применительно к осмыслению контроля в инновационной модели его представления из сказанного могут быть сделаны весьма значимые выводы. С одной стороны, свойства

компетенций – ожидаемость, прозрачность и измеримость – должны облегчать процедуру контроля. С другой стороны, в силу вариативности компетентностного набора каждого обучающегося, необходимости учета его индивидуальности и своеобразия, контролируемые мероприятия существенно затрудняются. Возникает необходимость в пересмотре классической модели проведения контроля сформированности иноязычной коммуникативной компетенции, подбора новых форм и средств контроля с целью его соответствия компетентностному подходу как одной из современных образовательных доминант.

Контроль в компетентностной образовательной реальности: решения

Ниже представляются параметры, которыми должна характеризоваться инновационная *модель контроля сформированности иноязычной коммуникативной компетенции* студентов, осваивающих иностранный язык для своих профессиональных целей. При определении данных параметров учитывались последние разработки в этой области (Тарев 2009; Щепилова 2010; Белькова 2015; Тарева 2015; Бурмистрова, Ступникова 2015; Щепилова 2017; Tareva, Tarev 2017).

Первый параметр – *четкость объектов контроля*. Необходимо разработать классификаторы компетенций: сквозных (метапредметных) и частных (предметных). Следует детализировать и конкретизировать компетенции, представленные в государственных образовательных стандартах, совместить их с функциями и действиями, предусмотренными для конкретного профессионального профиля (они подробно описаны в профессиональных стандартах). Такое подробное классифицирование позволит облегчить осознание и студентом, и преподавателем прагматичности, жизненной значимости объекта контроля, его востребованности в реальной профессиональной деятельности.

Второй параметр – *профессиональная обусловленность контроля*. Следует «погрузить» формы и средства (инструменты) контроля в конкретные профессионально значимые контексты – ситуации, где необходима актуализация той или иной компетенции или совокупности компетенций. Помимо этого, данное требование предусматривает привлечение к контролирующим мероприятиям как работодателей (для компетенций весьма важна внешняя экспертная оценка), так и преподавателей, читающих смежные дисциплины: они способны взглянуть на уровень освоения компетенций со стороны и объективировать контроль.

Третий параметр – *систематичность, непрерывность, комплексность, многокомпонентность контроля*. Необходимо организовать процедуру мониторинга сформированности компетенций на основе периодического отслеживания динамики освоения

компетенций по их дескрипторам. Следует организовать постоянное фиксирование изменений в личностной подструктуре студента, выявляющее степень его изменений на уровне готовности к деятельности, предусмотренной образовательным и профессиональным стандартами. Интересен опыт организации контроля по результатам освоения модуля образовательной программы (Тарева 2016).

Четвертый параметр – *субъектная, личностная обусловленность контроля*. Контроль должен выявлять индивидуальный стиль учебной, профессиональной деятельности студентов, их своеобразный коммуникативный стиль, отличающий одного субъекта от другого. Следует отказаться от сравнения одного студента с другим, отдавая приоритет степени соответствия показателям, зафиксированным в программных документах. Одновременно необходимо предусмотреть совмещение процедур контроля, самоконтроля и взаимоконтроля: все субъекты учебного процесса должны стать равноправными участниками данных комплексных процедур. Студент из объекта контроля превращается в подлинного субъекта, полноценно взаимодействующего с другими участниками образовательного процесса.

Пятый параметр – *связь контроля с образовательными технологиями*, контроль должен стать частью последних. Взаимодействуя с образовательной технологией, включаясь в ее состав, контроль теряет свой отрицательный «заряд»: прекращается его негативное (часто разрушительное) влияние на эмоциональную, мотивационную сферы личности студента. Снижается или исчезает вовсе ошибкобоязнь, не столь разрушительны психологические барьеры, препятствующие реализации личностной коммуникативной интенции, проявлению индивидуального своеобразия в коммуникативной деятельности. Например, широко используемая проектная технология прямо предназначена для реализации контроля. При этом диагностируются те компетенции, которые студенты обязаны (в силу условий проектной деятельности) использовать при выполнении проектной работы. Тому же способствуют кейс–метод, метод тандема, технология обучения в сотрудничестве, игровые методики и т.п. При их применении контроль не становится самоцелью, контролирующая функция не является доминантной, она взаимодействует с обучающей, воспитывающей, развивающей, мотивирующей функциями, целостно воздействуя на личность и одновременно диагностируя уровень её компетентностного становления.

Шестой параметр – *открытость контроля, его прозрачность для всех участников образовательного процесса и потребителей образовательных «продуктов»*. Система контроля должна быть понятна и доступна не только для студентов и преподавателей, но и для менеджеров, управленцев в образовательной среде, а также для работодателей. Её открытость означает возможность изменения данной системы в связи с возникшими инновационными

тенденциями в сфере высшего профессионального образования. Данное требование предусматривает необходимость создания системы информационного сопровождения контролируемых мероприятий.

Седьмой параметр – *«выход» контроля за пределы аудиторного пространства*. Необходимо научить студента осуществлять контролируемые действия во время автономной работы над языком. Обучающегося следует снабдить простой в использовании инструментальной технологией самодиагностики, которая обеспечит отслеживание им самим собственных внутренних личностных изменений. Реализации данного требования во многом способствует «Языковой портфель», нацеленный на организацию самоконтроля обучающимся собственного прогрессирования в языке. Следует при этом отметить, что языковой портфель ориентирует на рубежный и даже на итоговый контроль. К сожалению, он слабо отвечает потребностям ежедневной диагностики уровня сформированности у студентов коммуникативной компетенции.

В качестве примера реализации смоделированного компетентностно ориентированного контроля можно привести задание на проверку уровня понимания устного иноязычного текста и готовности студентов к межкультурной коммуникации с использованием полученной информации (промежуточная аттестация – конец семестра). Экзамен проводится в формате (видео)конференции, посвященной проблемной профессионально обусловленной теме. Объектами контроля могут выступить:

- 1) способность понять общий смысл устной иноязычной речи участников и организаторов конференции / семинара / круглого стола в процессе а) официального общения (пленарное заседание, работа секций, дискуссии в рамках круглого стола) и б) неофициального общения (прием, экскурсия, церемония закрытия);
- 2) способность продемонстрировать общее понимание устного иноязычного текста по профессиональной тематике (в виде ответного доклада, презентации, реплики, отзыва, вопроса, ответа на вопрос, указания, просьбы, приглашения, предложения о сотрудничестве и т.д.);
- 3) способность продемонстрировать детализированное понимание всего устного иноязычного текста по профессиональной тематике и его отдельных частей.

На экзамене студенты погружаются в квазиаутентичную ситуацию профессиональной коммуникации: им предъявляются аудиотексты (видеофрагменты), по итогам прослушивания которых они включаются в обсуждение (устное и/или письменное) прослушанного, участвуют в дискуссии, доказывают собственную точку зрения и пр. Именно такие виды деятельности способны продемонстрировать способности студентов к реальной межкультурной

коммуникации – выявить все составляющие их коммуникативной компетенции. В связи с приведенным примером интересно сослаться на опыт применения игровых технологий в качестве итоговой формы контроля при подготовке будущих переводчиков (Поршнева, Панова 2015).

Выводы

Потребность в реформировании системы контроля уровня сформированности у студентов компетенций, планируемых к освоению, является общепризнанной и крайне актуальной. Привычные классические формы контроля не отвечают современным тенденциям модернизации российского и общемирового образования. Обновление видов, форм и способов контроля должно быть связано с переосмыслением его функций, с переоценкой объектов контроля, с изменением его статуса в системе иноязычного профессионального образования. Идеи, изложенные в статье, позволяют надеяться, что такая система контроля является не утопией, а реальностью, способной быть воплощенной в практику преподавания иностранных языков в вузе и обеспечивающей существенное повышение надежности системы образования в силу того, что преодолевается расхождение между требуемым и проверяемым, желаемым и достигнутым. Контроль из неживого, косного и внесубъектного механизма становится инструментом «с человеческим лицом».

Список литературы

Белькова Е.В. (2015): Эволюция системы тестирования в иноязычном образовании, Магия ИННО: новое в исследовании языка и методике его преподавания. М.: издательство Московского государственного института международных отношений (университета) МИД РФ. 35-39.

Бурмистрова К.А., Ступникова Л.В. (2015): Круглый стол как способ итогового контроля уровня сформированности профессиональной межкультурной коммуникативной компетенции у студентов юридического профиля, Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 1 (17). 94-101.

Поршнева Е.Р., Панова А.Н. (2013): Методика проведения имитационно-деловой игры при обучении переводу, Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. 8. 101-108.

Тарев Б.В. (2009): Условия эффективности контроля сформированности профессионально-коммуникативной компетенции студентов неязыкового вуза, Вестник Бурятского государственного университета. 15. 244-246.

Тарева Е.Г. (2015): Инновационный потенциал лингвообразовательных традиций: компетентностно ориентированный контроль, Иностранные языки в школе. 6. 3-8.

Тарева Е.Г. (2016): К вопросу о диагностике результатов освоения содержания модуля магистерской программы, Модернизация педагогического образования как основа достижения высокого стандарта качества подготовки современных педагогов. М.: издательство Московского городского педагогического университета. 65-73.

Щепилова А.В. (2010): Балльно-рейтинговая система оценивания: некоторые итоги эксперимента в педагогическом вузе, Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 1. 80-87.

Щепилова А.В. (2017): Проблема оценивания компетентности специалиста по межкультурной коммуникации, В диалоге языков и культур. Варшава: Издательство: Lingwistyczna Szkoła Wyższa w Warszawie С. 400-415.

References

Common European framework of reference for languages: learning, teaching, assessment. Companion volume with new descriptors. Provisional edition (2017), Council of Europe. [Электронный ресурс]. URL: <https://rm.coe.int/cefr-companion-volume-with-new-descriptors-2018/1680787989>.

Tareva E.G., Tarev B.V. (2017): Language proficiency assessment: a competence-based approach, SGEM International Multidisciplinary Scientific Conference on Social sciences and Arts. 3-1. 119-124.

УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ОБУЧЕНИЯ: ОПЫТ СОЗДАНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

*Тихоненко Елена Викторовна,
Лазовская Анна Ивановна,
Ивашень Елена Ивановна,
Кузьмина Татьяна Васильевна*
Белорусский государственный медицинский университет, Беларусь
tikhonenko.helen@ya.ru

EDUCATIONAL-METHODICAL COMPLEX ON RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE AT THE INITIAL STAGE OF STUDY: EXPERIENCE OF CREATION AND USE

*Tikhonenko Elena V.,
Lasouska Anna I.,
Ivashen Elena I.,
Kuzmina Tatiana V.*
Belorussian state medical university, Belarus

АННОТАЦИЯ

В докладе сделана попытка описания языковой ситуации в Беларуси, выявлена специфика обучения русскому языку как иностранному в данном регионе, представлен учебно-методический комплекс для начального этапа обучения РКИ.

ABSTRACT

The report attempts to describe the language situation in Belarus, identifies the specifics of teaching Russian as a foreign language in the region are analyzed, an educational complex for the initial stage of learning Russian as a foreign language is presented.

Ключевые слова: коммуникативность, лингвокультурологическая направленность, языковая компетенция, речевая компетенция, профессионально-ориентированное обучение.

Keywords: communication, linguocultural orientation, language competence, speech competence, professional-oriented learning.

В результате распада СССР огромное русскоязычное языковое пространство оказалось разделенным национальными границами. Независимые Беларусь, Россия и Украина продолжили активную работу по привлечению в свои университеты иностранных студентов,

традиции которой были заложены в Советском Союзе. Если преподавание русского языка как иностранного в самой России развивается достаточно линейно и понятно, то в Украине и Беларуси эта область знаний помимо собственно методических и внутриязыковых проблем столкнулась с вопросом выбора языка преподавания для иностранных студентов. И на сегодняшний день они обучаются в Беларуси на русском и английском языках, в Украине – на украинском, русском и английском.

Беларусь – уникальная в языковом отношении страна, поскольку за пределами России только здесь русский язык является государственным, при этом изучается и в качестве родного, и в качестве неродного, и в качестве иностранного. Решающим событием, повлиявшим на всю деятельность в сфере образования и приема иностранцев, стал Референдум 14 мая 1995 года, на котором 83 % граждан проголосовало за придание русскому языку официального статуса государственного языка. Это событие стало определяющим для иностранцев, которые получили возможность обучаться на одном из языков мирового значения за пределами России. И более того, они получили возможность обучаться на русском языке в стране на 93% говорящей по-русски, то есть в русскоговорящей среде.

Отметим, что после распада СССР в Беларуси сложилась сложная ситуация, связанная с нормативным и методическим обеспечением по русскому языку как иностранному. Белорусское общественное объединение преподавателей русского языка как иностранного (БООПРЯИ), опираясь на опыт российских коллег, занялось созданием собственной нормативной базы по учебной нагрузке, типовой учебной программы и норм по комплектованию учебных групп. В 2009 г. была решена наиболее важная для всех кафедр РКИ высших учебных заведений Беларуси проблема: Министерство образования Республики Беларусь придало юридический статус дисциплине «Русский язык как иностранный», были разработаны и изданы «Модели образовательных стандартов по русскому языку как иностранному», «Типовая программа по русскому языку как иностранному для слушателей подготовительных факультетов и отделений высших учебных заведений», утверждена «Сетка часов аудиторных занятий по РКИ». Всё это явилось единой нормативной базой и послужило унификации учебного процесса иностранных граждан во всех учреждениях образования РБ. Так, согласно Типовой программе, на подготовительном отделении русский язык как иностранный изучается в объеме 840 часов.

Специфическим является и формирование социокультурной компетенции. Русский язык воспринимается иностранной аудиторией как факт русской культуры, при этом сам учебный процесс используется преподавателем как естественный канал трансляции иноязычной культуры. Изучая русский язык, иностранные учащиеся не только получают возможности

расширить представления о русской культуре, жизни русского народа, но и на этом фоне лучше понимают своеобразие и уникальность своей национальной культуры. В то же время в культурном и историческом плане Беларусь сохраняет и транслирует свою самостоятельность и независимость от России. Иностранные студенты, выбирая высшее учебное заведение Беларуси, оказываются в регионе со своими национально-культурными особенностями, которые инофону необходимо понять и освоить.

Недостаточная обеспеченность российскими учебными изданиями, их стоимость, а также дисбаланс страноведческого материала книг и окружающей действительности не могли не привести к попыткам создания собственно национальных учебников по РКИ в Беларуси. Белорусские учебные издания по русскому языку как иностранному начали появляться только в 2000-е годы и явились результатом нового подхода к обучению языку. Социокультурный подход к преподаванию русского языка был реализован в Беларуси при составлении национальных учебников по русскому языку как иностранному (РКИ). Они, наряду с функцией собственно языковой подготовки, призваны формировать у иностранцев представление о стране, в которой им предстоит учиться, городе, в котором они живут, культуре, жителях Беларуси и т.д. В соответствии с данной логикой в белорусские учебные пособия постепенно начинает включаться информация о стране пребывания – Беларуси. Таково основное отличие подобных изданий от российских.

Практика работы над учебными пособиями и многолетний опыт работы на подготовительном отделении привели к замыслу создания учебно-методического комплекса (УМК) «Русский язык как иностранный для начинающих» предназначенного для иностранных граждан, приступающих к изучению русского языка под руководством преподавателя, и рассчитанного на один год обучения. Материалы комплекса разработаны в соответствии с Типовой программой по русскому языку как иностранному (для зарубежных студентов-нефилологов) и с учетом требований учебных программ по русскому языку для иностранных студентов подготовительных факультетов. УМК обеспечивает получение знаний по русскому языку на уровне пороговой коммуникативной достаточности, реализуя модуль общего и профессионального владения языком.

УМК включает в себя:

- учебник «Русский язык как иностранный для начинающих. В 2 частях»;
- учебное пособие «Русский язык как иностранный для начинающих. Письменная речь»;
- цикл практикумов «Русские падежи»;

- учебно-методическое пособие «Русский язык как иностранный для начинающих: медико-биологический профиль»;
- практикум «Изучаем язык специальности: анатомия».

Все издания дополняют друг друга и помогают обучать иностранцев четырем видам речевой деятельности в рамках общего владения русским языком и языка специальности. Преподаватель имеет возможность выбора из числа единообразно подготовленных изданий в соответствии с имеющейся у него задачей. Так, например, пособие «Русский язык как иностранный для начинающих: письменная речь», подготовленный вслед за учебником «Русский язык как иностранный для начинающих» особенно актуален в работе с арабской аудиторией и может не использоваться в работе с европейцами. Данный комплекс может использоваться в различных вузах в связи с подготовленными профессиональными модулями для врачей, музыкантов, гуманитариев.

Центральную часть комплекса представляет собой учебное пособие «Русский язык как иностранный для начинающих. В 2 частях», допущенное Министерством образования Республики Беларусь в качестве учебного пособия для иностранных студентов учреждений высшего образования по нефилологическим специальностям. В данном пособии реализованы современные подходы к обучению иностранных учащихся русскому языку: коммуникативность, практическая направленность, учёт культуры народа, язык которого изучается. В соответствии с этими подходами осуществлен отбор языкового и речевого материала, предложена система упражнений по выработке навыков и умений в основных видах речевой деятельности. Формируемая коммуникативная компетенция обеспечивает учащимся использование языка в реальных ситуациях общения в устной и письменной форме.

Данное пособие не ориентировано национально, поэтому может быть использовано в любой национальной аудитории; не ограничено профессиональными рамками, поэтому может быть использовано в группах, которые составляют студенты разных специальностей; предназначено для студентов, которые выбрали для изучения русского языка Беларусь и белорусские высшие учебные заведения, и помогает учащимся ориентироваться в окружающей действительности.

Пособие состоит из двух частей: вводного фонетико-грамматического курса и основного лексико-грамматического курса. Цель вводного фонетико-грамматического курса – познакомить иностранных учащихся с фонетической системой русского языка, преподать основы элементарной грамматики, подготовить к восприятию системной грамматической информации, заложить лексическую базу, необходимую для построения простейших фраз. В рамках данного курса учащиеся знакомятся с русским алфавитом, слогоделением,

особенностями ударения, интонационными конструкциями. Вырабатываются базовые навыки произношения и чтения. Вводный фонетико-грамматический курс построен таким образом, что в течение одного занятия учащиеся знакомятся лишь с несколькими буквами русского алфавита. Последовательность введения букв и соответствующих им звуков обусловлена частотностью их употребления в русском языке и сложностью их фонетической конфигурации. Такая форма построения дает возможность тщательно отрабатывать навыки правильного произношения и способствует лучшему усвоению учащимися сопутствующего лексического материала.

Помимо знакомства с фонетической системой русского языка, во вводном фонетико-грамматическом курсе даются основы элементарной грамматики (род и число существительных, прилагательных и притяжательных местоимений, парадигма спряжения глаголов), отрабатываются законы простейшего синтаксического конструирования, вводится лексика учебного и бытового характера.

Основной лексико-грамматический курс делится на тематические разделы, сохраняющие традиционную последовательность подачи грамматики. Этот курс знакомит студентов с парадигмой склонения существительных и местоимений, временами и видами глаголов, рядом синтаксических конструкций, активными и пассивными конструкциями, образованием причастий и деепричастий. Весь языковой материал учебника подается на синтаксической основе и организован таким образом, чтобы продемонстрировать его функционирование в речи. Теоретическая часть пособия представлена в виде таблиц, что помогает студентам представить конкретное грамматическое явление в целом. После теоретического материала следуют упражнения, которые расположены по принципу нарастающей сложности. Речевые образцы, вводящие новый грамматический материал, обычно включают только знакомую лексику. Грамматические единицы закрепляются в системе соответствующих упражнений, построенных с учетом нарастания трудностей языкового и коммуникативного характера. Многие задания носят творческий и коммуникативный характер, что позволяет студентам активно использовать изучаемое грамматическое явление в связной речи.

В конце каждого тематического блока имеется параграф «Проверь себя!», позволяющий систематизировать знания, проконтролировать уровень усвоения материала учащимися.

В первой части представлены тексты учебно-бытового характера, которые, кроме своей прямой функции – обучению чтению, могут служить моделями создания монологических высказываний на темы «Я студент», «Я учусь на подготовительном факультете», «Моя семья», «Мои друзья», «Мое хобби», «Мой рабочий и выходной день» и др. Тексты обеспечивают

повторяемость слов и словосочетаний, подлежащих активному усвоению, дают возможность свободно беседовать на различные темы, знакомят с рядом синтаксических конструкций. Тексты, имеющие при себе предтекстовые, притекстовые, послетекстовые задания, объединяются с ними в единый комплекс.

Пособие «Русский язык как иностранный для начинающих. В двух частях. Часть 2», предназначено для работы во втором семестре первого года обучения. Цель данного учебного пособия – систематизация, обобщение, расширение и углубление материала первой части пособия, формирование речевых навыков.

Учебное пособие «Русский язык как иностранный для начинающих. В двух частях. Часть 2» имеет традиционную структуру: весь изучаемый материал делится на тематические разделы, в каждом из которых систематизируются и обобщаются уже изученные значения падежа, а также рассматриваются новые; изучается склонение имен существительных, прилагательных и местоимений в форме единственного и множественного числа, предлагаются модели конструирования простого и сложного предложения разных типов. В пособие включены тематические разделы, рассматривающие образование и употребление причастий и деепричастий, активных и пассивных конструкций.

Особое место в учебном пособии занимают тексты культурологического и страноведческого характера, предназначенные для изучающего чтения. Их можно сгруппировать по темам: «Белорусская столица», «Праздники и памятные даты», «Музеи, выставки, театры», «Страна изучаемого языка», «Известные люди Беларуси». Данные темы могут стать моделями создания монологических высказываний и быть предметом дискуссии на занятии и итоговом экзамене. В пособие включены: разнообразный наглядный материал, пословицы, учебные и авторские стихотворения, тексты песен. помогают в работе над лексикой, позволяют преподавателю предложить учащимся дополнительные виды работы на уроке и дома.

«Русский язык как иностранный для начинающих. В двух частях» представляет собой учебный комплекс для иностранных слушателей подготовительных факультетов и отделений высших учебных заведений Республики Беларусь и обеспечивает получение знаний по русскому языку на уровне пороговой коммуникативной достаточности, реализуя модуль общего владения языком.

В дополнение к данному изданию в числе первых было создано пособие «Русский язык как иностранный для начинающих: письменная речь». Обучение русской графике – одна из самых сложно реализуемых задач в арабской и персидской аудитории. И даже в работе с европейцами при обучении письму мы стойко сталкиваемся с рядом проблем, таких как

латинская интерференция и т.п. Учебно-методическое пособие «Русский язык как иностранный для начинающих: письменная речь» подготовлено как часть учебно-методического комплекса по русскому языку для подготовительных факультетов и отделений учреждений высшего образования. Параграфы данного издания соотнесены с информационным блоком первых четырнадцати параграфов базового учебного издания «Русский язык как иностранный для начинающих».

Целью издания является, в первую очередь, обучение графически грамотно оформленному письму, а также обучение письму как виду речевой деятельности на самом раннем этапе изучения языка иностранцами. Ряд заданий направлен на преодоление интерферирующего влияния латинского алфавита, как, например, в случаях начертания русских букв п, т, м, н и т. д., а также «похожих» букв кириллического алфавита, представляющих для иностранцев определенную трудность в различении (например, п и т, ш и м и т. п.).

В пособии представлены задания, направленные на усвоение ряда орфографических, акцентологических и пунктуационных норм русского языка: употребление прописных букв, правописание безударных гласных, глухих и звонких согласных; постановка ударения – неподвижного и подвижного; постановка знаков препинания в конце предложения и внутри него, оформление прямой речи. В связи с тем, что на раннем этапе идет активное усвоение лексики, большое внимание уделяется работе, направленной на постановку ударений, чтение и заучивание слов.

Обучение письменной речи как виду речевой деятельности на первом этапе обучения языку предлагается на уровне, нескольких предложений и микротекста. Данное издание также ставит целью закрепление начальных знаний о русской грамматике (род, число, употребление личных и притяжательных местоимений в форме именительного падежа и некоторых других).

Таким образом, учебно-методическое пособие «Русский язык как иностранный для начинающих: письменная речь» является вспомогательным по отношению к базовому учебному пособию на этапе презентации фонетической системы русского языка, способствует усвоению правил передачи устной речи на письме, выработке норм грамотного письма, а также направлено на закрепление базовых сведений о русской грамматике.

Учебный процесс на начальном этапе обучения характеризуется одновременным овладением иностранными студентами начальным курсом русского языка на уровне пороговой коммуникативной достаточности и естественнонаучными знаниями по ряду изучаемых дисциплин (биология, физика, химия и др.), позволяющими им осуществлять учебную деятельность.

В медицинском вузе введение медицинской терминологии на начальном этапе изучения русского языка как иностранного является важнейшей задачей, поскольку в дальнейшем это должно обеспечить развитие умений, необходимых для осуществления профессиональной деятельности. Язык используется как средство приобщения к будущей профессии, что усиливает мотивацию обучения русскому языку и профессиональную направленность преподавания. Изучая научные тексты по специальности, студенты-медики должны познакомиться с новой терминологией и понять текст как можно точнее, поскольку чтение научных текстов является одним из основных профессиональных умений.

Учебно-методическое пособие «Русский язык как иностранный: медико-биологический профиль» и практикум «Изучаем язык специальности: анатомия» позволяют создать языковую и речевую базу, необходимую для изучения профилирующих дисциплин в период обучения в вузе, подготовить иностранных учащихся к восприятию лекций и чтению неадаптированных текстов по специальности, развить навыки монологической речи учащихся на основе изучаемых текстов, что отвечает их коммуникативным потребностям.

Пособия решают следующие лингвистические задачи в обучении языку специальности:

- 1) формируют необходимую профессионально ориентированную лексическую базу;
- 2) предлагают основные грамматические и синтаксические конструкции научного стиля речи.

При создании пособий авторы руководствовались двумя принципами:

1. необходимость и достаточность содержания для достижения поставленной цели обучения, т. е. предназначенный для обучения материал должен быть достаточным в рамках поставленной цели;
2. доступность содержания обучения для его усвоения. Таким образом, объем рассматриваемого материала должен быть относительно небольшим, тексты лаконичными, написаны просто и доступно.

Учебно-методическое пособие «Русский язык как иностранный: медико-биологический профиль» состоит из Вводной части и Основной части. Вводная часть имеет целью подготовить иностранных учащихся к первым занятиям по химии и биологии, активизировать уже известный им грамматический материал, ввести ограниченный круг общенаучной лексики, развивать навыки чтения, письма, говорения.

В систему работы над текстом входит традиционная серия заданий (предтекстовых, притекстовых и послетекстовых). Предтекстовые упражнения направлены на снятие фонетических трудностей, обогащение лексического запаса учащихся, актуализацию грамматических конструкций, презентацию новых синтаксических конструкций. При работе

по введению грамматических конструкций и выработке навыков их употребления используются разные виды заданий, позволяющих применять грамматические модели научного стиля, например: *что – это что, что является чем, что превращается во что* и др. Пример задания: *сформулируйте определения, употребляя глагол «называться»; охарактеризуйте предметы и явления, используя глагол «являться»; ответьте на вопросы; замените выделенную конструкцию на синонимичную; составьте предложения, используя данные конструкции и т.п.*

Послетекстовые упражнения направлены на понимание и осмысление содержания текстов, развитие оперативной памяти, развитие монологической речи. Для формирования навыков и умений устной речи предлагаются задания на основе прочитанных текстов (например, *передайте содержание текста по предложенному плану, используя схемы* и др.).

В пособии особое внимание уделяется формированию терминологической базы: в каждом параграфе имеются специальные упражнения как языкового, так и речевого характера (*определите значение слов, подберите синонимы, образуйте словосочетания, вставьте необходимые по смыслу слова, объясните значение сложных существительных* и др.).

Основная часть пособия содержит 10 параграфов:

1. Определение предмета и понятия. Качественная характеристика предмета.
2. Выражение локализации предмета.
3. Классификация и отнесение предмета к классу.
4. Характеристика состава вещества, предмета.
5. Характеристика предмета по его свойствам и признакам.
6. Выражение сравнения.
7. Выражение взаимодействия предметов.
8. Характеристика предмета через действие (активные и пассивные конструкции).
9. Характеристика предмета через действие (причастие и деепричастие).
10. Проверь себя.

Каждый параграф разделен на две части согласно дисциплинам (химия и биология), что позволяет отрабатывать грамматическую конструкцию на разных лексических единицах.

Овладение всей терминологией за отведенное на изучение русского языка время представляет собой труднейшую задачу, для облегчения работы пособие снабжено приложениями: лексический минимум терминологической лексики, таблицы основных конструкций научного стиля речи. Приложение, содержащее тексты для самостоятельного обучения, позволяет организовать работу студентов в зависимости от уровня владения языком.

Практикум «Изучаем язык специальности: анатомия» направлен на введение терминологической лексики по анатомии в активный словарь учащихся. С помощью наглядных картинок и специально разработанной системы упражнений студенты могут изучить строение человека, названия костей, внутренних органов на русском языке.

Изучение иностранными студентами анатомической лексики осуществляется поэтапно: изучение одиночных терминов; изучение терминологии в словосочетаниях; изучение терминологии в лексико-грамматических конструкциях; изучение текстов по анатомии. На начальном этапе изучения РКИ студентам-медикам предлагаются для изучения тексты: «Науки о человеке». «Части тела», «Скелет». «Строение черепа», «Системы органов» и др., которые готовят студентов к изучению тем по анатомии.

Таким образом, УМК реализует принцип взаимосвязанного обучения и ориентировано на формирование у студентов языковой и речевой компетенции, в объеме, обеспечивающем возможность осуществлять учебно-профессиональную деятельность.

Список литературы

- Лазовская А.И., Русский язык как иностранный для начинающих // А.И. Лазовская, Е.В. Тихоненко. – В 2 ч. Ч. 1. – 3-е изд. испр. – Минск: РИВШ, 2014. – 282с.
- Лазовская А.И., Русский язык как иностранный для начинающих // А.И. Лазовская, Е.В. Тихоненко. – В 2 ч. Ч. 2. – 3-е изд. испр. – Минск: РИВШ, 2014. – 236с.
- Лазовская, А.И. Русский язык как иностранный для начинающих: медико-биологический профиль: учеб-метод. пособие / А.И. Лазовская, Е.В. Тихоненко. – Минск: РИВШ, 2014, –156с.
- Тихоненко, Е.В. Изучаем язык специальности: анатомия // Тихоненко Е.В., Кузьмина Т.В. – Минск: БГМУ, 2015. – 44с.

РОЛЬ ЭТНОЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА В НАЦИОНАЛЬНО – ОРИЕНТИРОВАННОМ ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ

Треблер Светлана Моисеевна
Казахстанский филиал МГУ им. М.В. Ломоносова, Казахстан
gendel@gmail.com

THE ROLE OF THE ETHNOLINGUISTIC WORLDVIEW IN NATIONALLY ORIENTED TEACHING OF THE RUSSIAN LANGUAGE

Trebler Svetlana
Kazakhstan Branch of Lomonosov Moscow State University, Kazakhstan

АННОТАЦИЯ

В статье ставится актуальная ныне проблема отношения к языку как к системе, моделирующей мир в сознании отдельного человека, этноса, субэтноса и составляющих его социальных групп. Показано, как учет вербальных маркеров, отражающих языковую картину мира русской и казахской языковой личности, является продуктивным при построении национально – ориентированной парадигмы обучения РКИ.

ABSTRACT

In this paper, we define an actual problem of attitude to a language as a system that models the world in the consciousness of an individual, an ethnos and its comprising social groups. It is shown how the allowance for verbal markers reflecting the linguistic worldview of the Russian and Kazakh language personality is productive in the construction of a nationally oriented paradigm of teaching Russian as a foreign language (RFL).

Ключевые слова: языковое сознание, языковая картина мира, национальный характер

Keywords: linguistic consciousness, linguistic worldview, national character, ethnical stereotype

Особенности языковой ситуации в Казахстане в новых геополитических условиях определяются взаимодействием и взаимовлиянием двух языков – государственного казахского и русского, ставших в результате длительных исторических контактов неотъемлемыми составляющими языкового пространства республики. Однако в Казахстане уже выросло поколение казахов, для которых русский язык не является вторым родным, как для их родителей. Президент Н.А. Назарбаев заявил, что русский язык в Казахстане должен быть сохранен в качестве одного из шести великих мировых языков, так как это служит сохранению внутреннего единства и толерантности страны. Все сказанное определило

чрезвычайную актуальность открытия на филологическом факультете Казахстанского филиала МГУ им. М.В. Ломоносова магистратуры по направлению «Русский язык в иноязычной аудитории», целью которой является подготовка высококвалифицированных специалистов, лингвистов, методистов для деятельности в аккредитованных образовательных организациях, предъявляющих высокие требования к профессиональной подготовке преподавателей. Выпускники магистерской программы приобретают также навыки, необходимые для научно – исследовательской работы в области методики преподавания русского языка как неродного.

Специфика изучения русского языка как иностранного, как известно, заключается в том, что язык исследуется в двух аспектах – теоретическом и прагматическом. Прагматический аспект связан с обучением русскому языку как неродному с учетом данных смежных наук – психологии, психолингвистики, этносоциологии, дидактики. Целью специализации РЯИА является формирование у студентов – филологов дополнительных профессиональных компетенций, а именно – компетенций, связанных с межкультурным и межъязыковым взаимодействием.

Задаваясь вопросами «чему учить» и «как учить», дидактика и методика обучения русскому языку как неродному основывается на исследованиях, анализирующих соотношение языка, речи и мышления, мышления и коммуникации, коммуникативного и когнитивного в речи.

Проблема отражения в языке национального духа каждого народа, известная со времен В. фон Гумбольдта, в теоретическом плане многократно обогащена последующими открытиями представителей различных школ в лингвистике и в сопредельных дисциплинах.

Язык признан одним из самых важных и специфических компонентов каждой национальной культуры. Любой естественный язык отражает определенный способ восприятия и устройства мира, или «языковую картину мира». Совокупность представлений о мире, заключенных в значении разных слов и выражений данного языка, складывается в некую единую систему взглядов, или предписаний и навязывается в качестве обязательной всем носителям языка (Апресян 1995: 38). Формируется мир говорящих на данном языке – языковая картина мира предстает как совокупность знаний о мире, запечатленных в лексике, фразеологии и грамматике того или иного языка. Ю.Д. Апресян замечает, что «свойственный языку способ концептуализации действительности (взгляд на мир) отчасти универсален, отчасти национально специфичен, так что носители разных языков могут видеть мир немного по – разному, через призму своих языков» (Апресян 1995: 39).

Знание языковой картины мира другого языка ныне безоговорочно признается необходимым фундаментом любого культурологического изыскания. Погружаться в исследование чужого культурного контекста без знания исходного набора «матриц» национального мировидения – его этических, нравственных и ценностных приоритетов, системы образности и ассоциативного мышления – «все равно, что пытаться прочесть слова и предложения на незнакомом языке, не удосужившись выучить алфавит этого языка» (Корнилов 2003: 80).

В теории межкультурной коммуникации признается, что в ходе интеркультурного диалога представители разных лингвокультур нередко оспаривают чужие когнитивные и эмотивно – аксиологические позиции и установки, защищают свою «точку зрения», предпринимают попытку совместить свое и чужое, исходя из недооценки чужого и переоценки своего. В процессе межкультурного общения национально – специфические особенности взаимодействующих культур могут создавать коммуникативные помехи: контактируя с «чужой» культурой реципиент интуитивно воспринимает ее через призму своей культуры. Особенности «чужой» культуры иногда неадекватно воспринимаются реципиентом, в результате чего неизбежно возникает разная степени непонимание, своего рода «коммуникативная неудача», объясняемая различиями языкового и более широкого культурного сознания.

В современном языкознании терминологический инструментарий для классификации культурно маркированных единиц в национальных картинах мира весьма разнороден: это «лингвокультурологические единицы» (В.А. Маслова), «языковые ревиленты национально – культурного сознания» (И. В.Привалова), «ментефакты культурного пространства» (В.В. Красных), «лакуны» (С. Влахов и С. Флорин) и т.д.

В.В. Воробьев вводит понятие «лингвокультуремы» – основной единицы лингвокультурологического анализа, определяя ее как «диалектическое единство лингвистического и экстралингвистического (понятийного и предметного) содержания» (Воробьев 2008: 44 – 48). Для описания различий между словом и лингвокультуремой используется категория «ближайшего/дальнейшего значения слова» А.А. Потебни. Лингвокультурема, в отличие от собственно языковых единиц, имеет более сложную структуру: план содержания такого знака дробится на языковое значение и культурно – понятийный компонент как внеязыковое содержание лингвокультуремы. Лингвокультурема обладает коннотативными смыслами и «живет до тех пор, пока живет идеологический контекст, ее породивший» (Воробьев 2008: 52).

К носителям национально – культурных смыслов – лингвокультурамам исследователи относят лакунизированные средства речевого контакта, некоторые языковые формулы, метафоры, метонимии, антропонимы, литературные аллюзии, прецедентные тексты, безэквивалентные лексические единицы. Особое место среди языковых ревалентов национально – культурного сознания, несомненно, занимают пословицы, поговорки и фразеологические единицы. Эти языковые единицы создаются на основе триады – язык, культура, человеческая личность и выступают линзой, через которую исследователь может увидеть материальную и духовную самобытность этноса – *Folksggeist* В. фон Гумбольдта и Г. Штейнталя (Воркачев 2001: 65). Знаменательно, что именно этномаркированные языковые единицы – лингвокультурамы – выступают вербальными маркерами в языковой картине мира, именно они содержат ценностные фрагменты культуры того или иного народа.

Реконструкция национального мировидения и мироощущения в его языковом воплощении составляет одну из важнейших задач современной лингвистической семантики. Исследование языковой картины мира ведется в двух направлениях, в соответствии с названными двумя составляющими этого понятия. С одной стороны, на основании системного семантического анализа лексики определенного языка производится реконструкция цельной системы представлений, отраженной в данном языке, безотносительно к тому, является она специфичной для данного языка или универсальной, отражающей «наивный» взгляд на мир в противоположность «научному».

С другой стороны, исследуются отдельные характерные для данного языка (лингвоспецифичные) концепты, обладающие двумя свойствами: они являются «ключевыми» для данной культуры, и одновременно соответствующие слова плохо переводятся на другие языки. Переводной эквивалент либо вообще отсутствует, либо такой эквивалент в принципе имеется, но он не содержит именно тех компонентов значения, которые являются для данного слова национально особенными.

Вышеизложенные теоретические положения лежат в основе разработки программы семинара «Лингвокультурология в общей системе обучения русскому языку в иноязычной среде», предусмотренного магистерской программой направления «Русский язык в иноязычной аудитории» в Казахском филиале МГУ им. М.В. Ломоносова.

Целью работы семинара является попытка обосновать тезис о национально – культурной специфике языкового сознания, в его задачи входит: 1) показать русскую и казахскую языковую личность, отраженную не только в лексике, но и на материале закрытых систем языка – фразеологии и паремиологии, 2) обнаружить связь национально – культурных ценностей с невербальным и вербальным поведением лингвокультурной общности.

Работа в специальном семинаре состоит из нескольких этапов. Вначале участники магистранты вырабатывают определение "национальных ценностей", при этом указывается на необходимость дифференцирования общечеловеческих (универсальных), национальных (присущих одной определенной культуре) и индивидуальных ценностей. Отмечается связь национально – культурных ценностей с невербальным и вербальным поведением лингвокультурной общности.

На втором этапе работы магистранты определяют национально – культурные ценности, присущие русским. Так как наиболее характерным выразителем национально – культурных ценностей является языковое поведение представителей определенной лингвокультурной общности, то участники семинара получают задание собрать всё то, что понимается под лингвокультуремой – слова, пословицы, поговорки и фразеологические единицы русского языка, в которых отражены национально – культурные смыслы.

Результатом этой работы является выделение основных русских ценностей, среди которых: стабильность – *горбатого могила исправит; была бы шея, а веревку сыщем;* фатализм – *чему быть, того не миновать; от судьбы не уйдешь; судьба придет, ноги сведет, а руки свяжет;* откладывание в долгий ящик – *отложить до морковкина заговенья, до второго пришествия; отложить в долгий ящик;*; уважение к власти – *большой да богатый не бывает виноваты; послушание паче поста и молитвы;* коллективизм – *один в поле не воин; лучше жить в тесноте, чем в лихоте; человек без народа – что дерево безплоду;* групповое обсуждение – *один ум хорошо, а два лучше;* веселье как непременная составляющая групповых ценностей: *веселье – от всех бед спасенье; кто умеет веселиться, того горе боится;* ностальгия по прошлому – *что пройдет, то будет мило; добрые старые времена;* при этом нередко – с «отступной» позицией: *былого не вернуть; потерянного времени не воротить; кто старое помянет, тому глаз вон;* предопределенное отношение к жизни – *что на роду написано, пока гром не грянет, мужик не перекрестится;* центральное положение семьи – *дерево держится корнями, а человек семьей; вся семья вместе, так и душа на месте; семейная каша гуще кипит;* традиция экономного расходования своих сил – *тише едешь – дальше будешь; поспешишь – людей насмешишь, отспеху наделаешь смеху;* небольшое рвение в наживании богатства, непрактичность – *чем богат, тем и рад; с собой в могилу ничего не возьмешь!*

При обсуждении национальных ценностей внимание студентов обращается на русский фатализм, который приводит к тому, что жизненные препятствия кажутся непреодолимыми, а, следовательно, и нет смысла предпринимать какие – либо действия, чтобы изменить неблагоприятную ситуацию. Считается, что русский национальный характер и тип мышления

очень точно отражают выражения с частицей *авось*, содержащие в себе надежду на возможность малого шанса на везение: *русский человек любит авось; русский крепок на трех сваях: авось, небось да как – нибудь; держись за авось, пока не сорвалось*.

В некоторых лингвистических работах последнего времени встречаем мысль о том, что русским как нации присущи такие качества, как лень, расхлябанность, необязательность. Между тем языковые факты говорят о другом. Магистранты обнаруживают большое количество фразеологизмов, пословиц и поговорок, отражающих любовь к труду и уважение к тем, кто умеет трудиться: *золотые руки; дело мастера боится; терпение и труд все перетрут; не то забота, что много работы, а то забота, что ее нет; не разгрызешь ореха, так и не съешь ядра*. Работая со словарями, магистранты находят и русские устойчивые выражения, порицающие лень: *под лежащий камень и вода не течет, не откладывай на потом то, что можно сделать сейчас; делу время, а потехе час; на полатях лежать, так и ломтя (хлеба) не видать*.

Следующий этап работы предполагает задание определить, с привлечением вербальных иллюстраций, национально – культурные ценности, характерные для казахов.

Когда говорят о казахах, то многое в их национальном характере связывается с их прежним кочевым образом жизни, хотя в большинстве своем казахи теперь не живут в юртах и не кочуют в степи. В стереотипах о казахах говорится об уважении к старшим. У казахов известны такие фразы, как «*Үлкенге құрмет – кішіге міндет*» и «*Үлкеннің жолын кеспе*», что можно перевести как: «*Уважать старшего – обязанность молодого*» и «*Не перечь старшему*».

Отмечается наличие многочисленной родни у казахов: «Если двух казахов поместить в одну комнату, то через 15 минут выяснится, что они родственники». Вместе с тем известно деление казахов на Жузы и Ру. Первое деление – на Жузы произошло в средние века по политическим причинам, а второе – на Ру – ради сохранения «чистоты» крови: у казахов парень не может жениться на девушке, если в семи поколениях у них совпадут предки. Такое «различение» может заставить думать о внутренних распрях казахов, но это будет ошибкой. Как гласит казахская мудрость: *Қазақ Жүзге бөлінбейді, қазақ Жүзден құралады – Казахи не делятся на Жузы, казахи состоят/строятся из Жузов*.

Казахи любят разного рода церемонии, связанные с неважно какими – национальными, официальными или религиозными событиями. Только казахи могут праздновать Пасху, а через некоторое время говорить *Наурыз құтты болсын! Ораза қабыл болсын! – С праздником Наурыз! Со священным месяцем Рамадан!* Часто на официальных мероприятиях люди

устраивают народные игры, поют песни, танцуют, и все это в национальной одежде. Иностранцы удивляются, но для казахов это *Әншейін нәрсе – Обычное дело*.

Одно из распространенных суждений о казахах – это их гостеприимство. Достаточно просто познакомится с казахом, как он уже пригласит тебя в гости, говоря *Қонаққа келіңіз – Приходите в гости*. У казахов гость занимает особое место. Как только гость появляется в доме, ему с порога заявляют: *төрлетіңіз* или *төрге шығыңыз*, что означает: *проходите на төр*. *Төр* – у казахов особое место на застолье, куда обычно сажают почетных людей. Гости называют *Құдайы қонақ*, т.е. *гость от Бога* или *Гость, посланный Богом*. Известны такие пословицы: *Қонақ келсе, құт келер*, что значит: *Гость придет – счастье в дом войдет*, *Қонаққа келдемек бар, кет демек жоқ – Гостю «приходи» говорят, но никогда не говорят «уходи»*. Но в то же время и у гостя есть свои обязанности: *Қонағым, өз үйіңді де ойлай отыр – Гость, не забывай, что у тебя и свой дом есть*, или *Если казах приходит в гости, то он никогда не позволяет себе ставить себя выше хозяина дома*.

Распространенным является мнение о непунктуальности казахов. Это черта характера берет свои истоки из времен кочевников, когда люди жили в степях на больших расстояниях друг от друга, и порой не всегда можно было добраться вовремя в назначенное место. Но и теперь казахские празднества, тои, куда приглашают гостей к определенному времени, начинаются на несколько часов позже. Сами казахи оправдывают себя фразой *Қазақпыз ғой*, что буквально означает: *Мы же казахи*.

В рамках семинара особенное внимание магистрантов обращается на те национально – маркированные вербальные единицы, которые демонстрируют нам субъективно – ментальное несоответствие мировоззрений, мироощущений, ценностных ориентаций русского и казахского этносов, их национальных характеров. К примеру, в русском лингвокультурном сознании *солнце* существует с положительной коннотацией (ясное солнышко), *луна* же в представлении русских – неотъемлемая часть печального, унылого пейзажа: безжизненная, мертвая, равнодушная, унылая и т.п. В Передней и Центральной Азии, напротив, представления о красоте возлюбленной невысказаны без обращения к лингвокультурной универсалии луны, несущей отдых от раскаленного солнцем дня. Так, большое количество казахских имен начинаются со слова «ай», что в переводе означает «луна»: *Айсұлу = ай (луна) + сұлу (красивая)*, *Айгүл = ай (луна) + гүл (цветок)*. Не только женские, но и мужские имена содержат в себе подобное значение: *Айдар = ай (луна) + дар (сильный, могучий)*; *Айдос = ай (луна) + дос (друг)*.

Наиболее интересны и показательны, с нашей точки зрения, старейшие, ядерные области реального мира, которые ранее всего становились объектами номинации со стороны

языкового сознания и, следовательно, в первую очередь отражены в национальной языковой картине мира. Таковыми, несомненно, являются названия материального мира, мира природы: климатические и погодные явления, водоемы, растительный и животный мир и т.д.

В качестве иллюстративного материала для сравнительного исследования национальной специфики языковой картины мира русских и казахов нами избраны имена из области животного мира (названия птиц, рыб, диких и домашних животных, насекомых), которые способом метафорического переноса, семантической производности, выступают зооморфными характеристиками человека. Определенным подспорьем для анализа послужил «Казахско – русский словарь зооморфных характеристик человека» С.К. Сансызбаевой (Сансызбаева 2000), включающий наиболее употребительные в художественной литературе, публицистике, в живой разговорной речи метафоры – названия животных, являющиеся характеристикой человека в казахском и русском языках.

Названия животных в большинстве языков мира используются для образной характеристики человека. С помощью зоонимов люди высмеивают глупость, упрямство, лицемерие, дурные привычки и иные моральные и интеллектуальные изъяны человека, вызывающие осуждение. Замечено, что образы животных могут использоваться и с положительными коннотациями, если речь идет о мужестве, силе, военной доблести, но это бывает значительно реже.

Наблюдения за поведением, привычками и внешним обликом животных по – разному преломляются в сознании носителей каждого языка. В разных языках складываются свои, специфические системы зоосемических образов, в которые каждое отдельное образное представление о том или ином животном вписывается как элемент.

При сопоставлении русского языка с казахским в той области, какие именно названия животных приобретают функцию образной характеристики человека, находим черты схождения: *тигр – жолбарыс – смелый, храбрый, сильный человек* (Сансызбаева 2000: 31); *змея – жылан – хитрый и коварный* (Сансызбаева 2000: 32); *осел – есек – тупой, упрямый, глупый* (Сансызбаева 2000: 27), *соловей – бұлбұл – краснобай, болтун или человек с красивым голосом* (Сансызбаева 2000: 24); *лиса – түлкі – хитрый, ловкий человек* (Сансызбаева 2000: 77) и некоторые др.

Но для лингвиста существеннее тот факт, что названия одних и тех же животных в разных языках подразумевают нередко совершенно различные качества, характеризуют людей по разным, иногда даже прямо противоположным признакам.

Так, русское существительное *слон* символизирует крупного неуклюжего человека (*слон в посудной лавке, топает, как слон*). Казахи словом *пілдей* называют человека крупного

телосложения, однако, в выражении *пiлдей ауыр мiнез* находим дополнительную в сравнении с русским языком коннотацию *тяжелый невыносимый характер человека* (Сансызбаева 2000: 68 – 69). А индийцы, например, вкладывают в *слон* совсем иной смысл: *слон* для них – олицетворение грации, изящества в каждом движении.

Арабы сравнивают красивую женщину с *верблюдицей*, для французов же *верблюд* – символ упрямства (как для русских и казахов – *осел*) и злобной натуры (Абракова 2008). А в казахском языке мы обнаруживаем метафорический смысл у *бура* – *обозленный человек* (Сансызбаева 2000: 22). В русском же языке в силу сложившихся культурно – исторических обстоятельств имя *верблюд* не имеет устойчивого образного наполнения, однако демонстрирует свою «экзотику» в выражении: *вот и докажи, что ты не верблюд*.

Так, словом *рыба* в русском языке характеризуют вялого, медлительного, нерешительного или холодного, равнодушного человека (*ни рыба ни мясо, ни кафтан ни ряса*). В казахском языке словом *балық* называется *очень полный, упитанный человек*, кроме того в словаре (Сансызбаева 2000: 19 – 20) находим *Сен соққан балықтай – быть в состоянии растерянности, бессилия; бедствовать*. Выражение *балықтай жүзу* – *о том, кто свободно плавает, держится на воде* соотносительно русскому *чувствовать себя как рыба в воде*.

Биоморфный код культуры, связанный с живыми существами, населяющими окружающий мир, является, как известно, одним из базовых кодов культуры, это сетка, «которую культура набрасывает на окружающий мир, членит его, категоризует, структурирует и оценивает его» (Красных 2001:5). Отраженная в зооморфизмах символика тесным образом связана с коннотативной зоной языка, то есть с той частью национальной языковой картины мира, которая является результатом работы ассоциативного компонента национального сознания, запечатленного в культурно – понятийном компоненте значения слова – лингвокультуре.

Коннотативная зона любого языка весьма непростая для ее осознания представителями других культур, иногда в ее «неосвоении» кроется причина многих культурно – коммуникативных сбоев.

Как пример рассмотрим лингвокультуре *волк*. Она содержит в себе представление древних славян о грабителе, убийце, резне, то есть мифологему *волк – разбойник*, которая накладывает отпечаток на метафору *волк зарезал*. Неизменность разбойничьих привычек волка нашла отражение в поговорках: *Волк каждый год линяет, но обычая не меняет, Сколько волка ни корми, он все в лес смотрит*, а затем закрепились во фразеологической единице *волчья хватка*. Волк представляется в сравнении вечно голодным (*голодный как волк*) и рождает определение *волчий аппетит*. Латинская поговорка *Ното homini lupus est* имеет

эквивалент в русском языке *Человек человеку волк* и означает характеристику крайне эгоистичного человека, употребляется при обсуждении крайне подлых поступков, которые совершает человек по отношению к другому. В славянской мифологической символике *волк* обычно был тесно связан с нечистой силой, которую отгоняли крестом, молитвой, колокольным звоном.

Совсем иное субъективно – ментальное отношение к *волку* находим у тюркских народов. Известно существование тотема *волк* в сознании тюркских народов. Так, тюркские племена считали *волка* своим «хранителем» и «защитником» (*көк бөрі*). Как пишет Т. Ф. Вахитова, название *көк бөрі* не было связано с темно – серым окрасом животного, а выражало его принадлежность к синему небу, к высшим небесным силам и выражало свойства «храбрый», «священный», «сильный». Изображение *волка* на флагах тюркских племен было обязательно. У казахов было много поверий, связанных с *волком*. Так, если путнику встречался волк, это считалось хорошей приметой, если в семье после рождения умирали дети, на шею вновь рожденного ребенка вешали амулет из волчьего клыка. Это должно было способствовать долголетию ребенка, защищало его от сглаза (Вахитова 2016: 118).

Животный мир выступает в качестве универсального культурного принципа метафоризации, охватывающего концептуальный каркас национальной языковой картины мира русских и казахов. Обратимся к еще одному зоониму – лингвокультуре *лошадь/конь*, которая весьма значима и для русской, и для казахской национальной культур.

В.В. Красных отмечает, что *лошадь/ конь* – одно из самых мифологизированных животных. Подобно многим другим животным, *конь* амбивалентен: связан одновременно и с плодородием, и со смертью. Издревле использовался как основное транспортное животное, в силу чего он воплощает связи с потусторонним миром, воспринимается как проводник на тот свет. В сказках *конь* часто выступает не только как атрибут положительного героя, но и как его помощник (например, Сивка – Бурка). Может представлять как вещное животное (легенда о коне Ивана Грозного, павшем в Пскове, после чего царь отказался от расправы над псковичами). Он может нести смерть своему хозяину: змея, выползшая из черепа *коня*, убивает героя («Повесть временных лет»; «Песнь о Вещем Олеге» А. С. Пушкина). *Конь* может осознаваться и как символ счастья (отсюда и конек на крыше деревянного дома; см. также песню А. Розенбаума о «сером в яблоках коне»).

От прежних магических представлений, связанных с *конем* и *лошадью*, сохранилось устойчивое представление о подкове, приносящей счастье, удачу. Стереотипный образ *лошади* и *коня* многогранен. С одной стороны, это грациозное, сильное, свободное и быстрое животное, с длинной гривой и хвостом (отсюда и вид прически «конский хвост»). *Конь*

(лошадь) и особенно жеребенок радуется свободе и просторам. С другой стороны, лошадь воспринимается как рабочая сила (аналогично волу). Лошадь (конь) издает особые звуки «ржание» (*ржать как лошадь*). У этого животного крупные зубы (отсюда *лошадиная улыбка, лошадиная физиономия*).

Современные русские могут обращаться к образу этого животного при характеристике: 1) девушки или молодой женщины, крупного телосложения, крепкой и сильной физически (лошадь, кобыла); 2) человека, во внешности которого обнаруживается сходство с чертами лошади; 3) человека, в поведении которого проявляется радость от свободы движения (чаще обращение к образу жеребенка). В современном русском языке существует целый ряд слов и выражений, связанных с образом лошади, коня, например: *быть на коне, въезжать / въехать на белом коне, жеребец, лошадиная доза, лошадиная сила, (старая) кляча, темная лошадка* (Красных 2001: 14 – 15).

Для носителя русского языка лошадь – трудовое животное, ассоциирующееся с большим, тяжелым трудом в поле и на подворье; у русских было в традиции запрягать лошадь в упряжку, перевозить тяжести на лошадях. Именно по этой причине образ лошади в русском национальном сознании ассоциируется с трудолюбивым, выносливым, покорно выполняющим тяжелую работу человеком: *работать (пахать) как лошадь, рабочая лошадка, ломовая лошадь*.

Иначе представлен образ лошади в казахском национальном языковом сознании. Т.Ф. Вахитова приводит синонимический ряд *жылқы, ат, тұлпар*, который ассоциируется с такими качествами человека, как *быстрота, грация, изящество, хорошая порода*. У казахов существовала традиция преподносить лошадь в дар молодоженам, особо почитаемым родственникам. Имела место также возрастная градация, в которой есть определение возраста мальчика, выраженное фразеологизмом *Ат жалын тартып міну* (букв, взбираться на лошадь, ухватившись за ее гриву) в значении «повзрослеть, возмужать» (Вахитова 2016: 119).

У казахов не было традиции запрягать лошадь в упряжку, лошадь, как правило, была свидетельством достатка семьи и предметом гордости хозяина. Лошадь берегли, за ней ухаживали, тем более что, когда она участвовала в национальных скачках (*байге, көкпар* и др.), оценивались не только ее сила, скорость и выносливость, но и внешний вид. Т.В. Вахитова приводит паремиологическое высказывание из «Казахско – русского фразеологического словаря с этимологическими пояснениями»: *Ат өнері білінбес, байгеге түсіп жарыспай*, что означает: *не узнаешь красоту лошади, пока не начнется байга, Ат құлағында ойнау – владеть высоким искусством наездника, лихо джигитовать*. Зооморфизм лошадь выступает в

следующих образных сравнениях: *аттай шабу, тұлпардай ұшу – передвигаться быстро, грациозно, как лошадь.*

Итак, в казахском языке *лошадь* – символ свободы, красоты и грации, не случайно этот факт нашел отражение в геральдике суверенного Казахстана: на гербе республики изображена лошадь с крыльями, которые служат дополнением символа свободы: *ат адамның қанаты – лошадь – крылья человека* (Вахитова 2016: 119).

Таким образом, в национально – ориентированном обучении русскому языку инофонов необходимо учитывать национальную символику, которая содержит информацию об устойчивых в данной национальной традиции ассоциациях, отраженных в коннотативных значениях слов – лингвокультурем. Представления о свойствах животных в сочетании с их использованием в национальной идиоматике являются способом объяснения человеком самого себя и окружающей природы. Незнание иноязычного образа мира, этнического самосознания обучаемых, полагаем, может привести к нарушениям в кросс – культурной коммуникации. Это не просто создаст некоторые «коммуникативные шумы, помехи», но и в целом может сформировать негативное восприятие всей межкультурной коммуникации с представителями данного этноса.

Список литературы

- Апресян Ю.Д. (1995): Образ человека по данным языка: попытка системного описания// Вопросы языкознания, №1. – Стр. 37 – 67.
- Корнилов О.А. (2003): Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. – М.: ЧеРо– 349 с.
- Воробьев В.В. (2008): Лингвокультурология. М.: Издательство РУДН – 340 стр.
- Воркачев С. Г. (2001): Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки, № 1. – С. 64 – 72.
- Сансызбаева С.К. (2000): Казахско – русский словарь зооморфных характеристик человека. Адамның зооморфтық мінездемелерінің казахша – орысша сөздігі. – Алматы. – 87 с.
- Абракова Л.В. (2008): Лингвокультурные особенности французских и русских сравнений с зооморфными характеристиками //Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. Выпуск № 20 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/lingvokulturnye-osobennosti-frantsuzskih-i-russkih-sravneniy-frazeologizmov-s-zoomorfnyimi-harakteristikami>
- Красных В.В. (2001): Коды и эталоны культуры (приглашение к разговору)// Язык, сознание, коммуникация. – М.: МАКС Пресс – Вып. 19. – С. 5 – 19.

Вахитова Т. Ф.(2016): Лакуны как маркер национальной картины мира русского и казахского языков// Перевод и сопоставительная лингвистика. – Выпуск № 12. – с.117 – 120 [Электронный ресурс]. Режим доступа: [https://cyberleninka.ru/article/n/lakuny – как – marker – natsionalnoy – kartiny – mira – russkogo – i – kazahskogo – yazykov](https://cyberleninka.ru/article/n/lakuny%20–%20kak%20–%20marker%20–%20natsionalnoy%20–%20kartiny%20–%20mira%20–%20russkogo%20–%20i%20–%20kazahskogo%20–%20yazykov)

СОДЕРЖАНИЕ ОБУЧЕНИЯ РКИ И ФОРМЫ КОНТРОЛЯ (УРОВНИ B2-C1) В УЧЕБНОМ КОМПЛЕКСЕ «В МИРЕ ЛЮДЕЙ»

Ускова Ольга Александровна

*Московский государственный лингвистический университет, Россия
olgauskova@mail.ru*

Макова Марина Николаевна

*Московский государственный лингвистический университет, Россия
makova_marina@mail.ru*

RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE: CONTENT OF TEACHING AND FORMS OF CONTROL (LEVELS B2-C1) IN THE MANUAL OF RUSSIAN LANGUAGE «IN THE WORLD OF PEOPLE»

Olga Uskova

Moscow State Linguistic University, Russia

Marina Makova

Moscow State Linguistic University, Russia

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются вопросы содержания обучения русскому языку как иностранному и формы контроля уровней владения языком B2-C1, представленные в учебном комплексе по подготовке к экзамену по русскому языку для иностранных граждан «В мире людей»: выпуск 1 «Письмо. Говорение» (B2-C1), выпуск 2 «Аудирование. Говорение» (B2-C1), выпуск 3.1 «Чтение. Говорение» (B2). Материалы учебного комплекса соответствуют Требованиям и Типовым тестам российской системы тестирования иностранных граждан ТРКИ-2/3 и обеспечивают достижение данных уровней владения русским языком. Авторы комплекса придерживаются основного принципа русской школы методики преподавания русского языка как иностранного – взаимосвязанного обучения всем видам речевой деятельности.

ABSTRACT

The article deals with the content of teaching Russian as a foreign language and the forms of control B2-C1 levels (language proficiency) presented in the manual of Russian language examination preparing for foreigners «In the world of people»: Vol. 1. Writing. Speaking (B2-C1), vol. 2. Listening comprehension. Speaking (B2-C1), vol. 3.1. Reading. Speaking (B2). The materials of the manual comply with the Requirements and Tests of the Russian testing system for foreign citizens of TRKI-2/3 and ensure the achievement of these levels of Russian language proficiency. The authors of the manual adhere to the basic principle of the Russian school of teaching methods of Russian as a foreign language – complex teaching for all types of speech activity.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, уровень, содержание обучения, контроль.

Keywords: Russian as a Foreign Language, level, content of teaching, control.

Проблема содержания обучения русскому языку как иностранному на продвинутом этапе обучения, цель которого – достижение высоких уровней владения языком (B2-C1), несмотря на достаточное количество теоретических и методических работ, наличие нормативных научно-методических документов (Требования, Типовые тесты, лексические минимумы) остается достаточно актуальной.

Не менее актуальной остаётся проблема форм контроля и установления уровня владения РКИ. В настоящее время разработано и действует несколько систем уровней владения иностранным языком, главные из которых – CEFR (The Common European Framework of reference for Language Learning and Teaching:1997) и ТРКИ. Каждая из этих систем обладает своими достоинствами, при этом они ориентированы на разных пользователей. Если рассматривать соответствие уровней системы CEFR и ТРКИ, то следует констатировать, что соответствия отмечаются только на уровнях А1 - ТЭУ, А2 - ТБУ, В1 - ТРКИ-1. Что же касается высших уровней (субординативный и координативный билингвизм), то требования систем значительно различаются, при этом в системе ТРКИ они значительно выше. Это отчетливо видно на примере лексического минимума CEFR B2 – 5 000 слов, ТРКИ-2 – 10 000 слов (приказ № 255 Министерства образования РФ, 2014 г.), в то же время действующий лексический минимум системы ТРКИ-2 содержит 5 000 слов (Лексический минимум...: 2011).

Таким образом, стоит задача некоей унификации требований и форм контроля по достижению означенных уровней. Содержание обучения в учебном комплексе «В мире людей» ориентировано одновременно на обе представленные системы и является методическим обеспечением сертификата МГЛУ (Московского иняза имени М.Тореза) по русскому языку как иностранному.

Лингводидактические основы и структура комплекса

Учебный комплекс «В мире людей» адресован иностранным учащимся, владеющим русским языком в объеме, приближенном к уровню ТРКИ-2 (Общее владение). Цели обучения:

- достижение коммуникативной компетенции уровней B2-C1 (ТРКИ-2/3), что определяет содержание обучения на продвинутом этапе;
- подготовка к тестированию по русскому языку как иностранному заявленных уровней, что является одной из форм итогового контроля.

Структура комплекса:

Выпуск 1. Письмо. Говорение (ТРКИ-2/3: B2/C1) (Макова, Ускова: 2013).

Выпуск 2. Аудирование. Говорение (ТРКИ-2/3: B2/C1) (Макова, Ускова: 2016).

Выпуск 3.1. Чтение. Говорение (ТРКИ-2; B2) (Макова, Ускова 2018).

Выпуск 3.2. Чтение. Говорение (ТРКИ-3; C1).

Языковой материал комплекса в целом обеспечивает охват лексического минимума B2 (ТРКИ-2. Общее владение – 5 000 слов) и выход на уровень C1 (ТРКИ-3. Общее владение – 11000 слов).

Основной **принцип** подачи материала базируется на методике взаимосвязанного обучения видам речевой деятельности на визуальной (выпуски 1 и 3 – печатный текст) и аудиовизуальной основе (выпуск 2 – аудиотекст). Таким образом, авторы продолжают традицию русской методической школы, придерживающейся текстоцентричного подхода, в соответствии с которым развитие языковых и речевых навыков происходит на базе текста/аудиотекста.

Тематическая направленность учебного комплекса в целом соответствует Требованиям ТРКИ-2/3 (Требования по русскому языку как иностранному...: 1999).

Выпуск 1 ориентирован на формирование социокультурной компетенции и построен по модульному принципу:

1. *«Мир, в котором мы живем». Проблемы общества.*
2. *«Карьера ... Работа... Дело всей жизни?» Профессиональная деятельность.*
3. *«Личная жизнь». Личность в современном мире.*
4. *«Наука – прогресс или угроза?». Наука и технологии.*
5. *«Вечные ценности». Культура в современном обществе.*

Выпуски 2, 3 ориентированы в первую очередь на развитие умений и навыков различных видов речевой деятельности на базе социокультурной компетенции, чему способствует сквозная тематическая нумерация материалов всех выпусков комплекса, и имеют сходную структуру:

ЧАСТЬ 1 включает в себя два компонента:

1) Текст

а) аудиовизуальный текст (*Выпуск 2*) – монолог/диалог/полилог, нацеленный на формирование навыков различных видов аудирования:

- полного понимания информации,
- понимания основной информации,
- понимания выборочной информации;

б) визуальный текст (*Выпуск 3*), нацеленный на формирование навыков различных видов чтения:

- ознакомительного (нарративные тексты СМИ),
- поисково-просмотрового (аргументативные тексты СМИ; тексты официально-делового стиля),
- изучающего (тексты художественной литературы: современной и классической);

2) Тест на проверку понимания.

ЧАСТЬ 2 нацелена на активизацию языковых и речевых навыков.

Предлагаемые задания учитывают стартовый уровень подготовки учащихся и разные цели обучения, такие как:

- формирование навыков определенного вида речевой деятельности;
- достижение заявленных уровней владения русским языком;
- подготовка к прохождению тестирования.

Рассмотрим более подробно содержание обучения, представленное в каждом выпуске данного комплекса на примере *модуля 5 «Вечные ценности». Культура в современном обществе»*.

Выпуск 1. Письмо. Говорение

Текстоцентричный подход в данном выпуске предполагает извлечение информации текста с целью развития умений и навыков продуктивных видов речевой деятельности – письма и говорения: на уровне В2 в жанре беседы, на уровне С1 – дискуссии.

Однако, взаимосвязанное обучение видам речевой деятельности при текстоцентричном подходе требует обеспечить как минимум проверку понимания при чтении текста. В соответствии с этим предлагаются задания прочитать текст, например, *фрагмент интервью с российским писателем Андреем Битовым «России еще отпущено время»*. В предлагаемом тексте даны ответы, после текста перечислены вопросы интервью. Задача учащегося – определить, на какие вопросы даны ответы. *Вопросов больше, чем ответов в тексте*.

Развитие навыков говорения обеспечивают послетекстовые задания, которые формулируются в соответствии с требованиями Типовых тестов ТРКИ-2/ТРКИ-3 (Типовые тесты по русскому языку как иностранному...: 1999). Например,

- *Вы с друзьями обсуждаете интервью с Андреем Битовым. Примите участие в обсуждении. Ваша задача: а) согласитесь с указанным мнением, используя синонимичные конструкции; б) не согласитесь с указанным мнением, используя антонимы.*

- *Выс другом (подругой) обсуждаете проблему падения интереса к чтению. Примите участие в диалоге. Выразите указанные интенции.*

Удивление: - Сейчас читать книги – немодно./ -

Возмущение: - Да, ладно. Ты сам(а), наверное, ничего не читаешь.../ -

Затруднение с ответом: - Ну, хорошо. Скажи, кто твой любимый современный писатель?/ -

Сожаление: - Вот, видишь, значит, я прав(а). / -

Для развития темы модуля предлагается несколько высказываний:

1. *Хороший писатель – настоящий пророк.*
2. *Мир спасет нравственное самосовершенствование каждого.*
3. *Интернет и аудио/видеотехнологии – соперники книги.*
4. *высказывание российского писателя Виктора Пелевина о ценности книги.*

Задача учащегося – высказать и аргументировать свою точку зрения. В завершение темы модуля предлагается принять участие в дискуссии о месте и роли литературы и искусства в жизни современного общества.

Для развития навыков письма предлагаются задания на продукцию текста:

- *написать неформальное письмо, в котором следует обсудить проблемы, поднятые в базовом тексте модуля;*

- *написать эссе – размышление повествовательного типа на одну из тем, которые были предложены для дискуссии.*

Развитие собственно навыков чтения (ознакомительного, поисково-просмотрового, изучающего) в данном выпуске не предусмотрено, так как он предназначен для аудиторной работы (контактная форма обучения) и является базовым для всего комплекса, в котором два последующих выпуска предназначены для самостоятельной работы, а также в качестве дополнительного материала, ориентированного на индивидуальные коммуникативные потребности учащегося.

Выпуск 2. Аудирование. Говорение

Данный выпуск содержит две части, каждая из которых ориентирована на определенный уровень – B2 или C1. Рассмотрим материалы уровня B2.

В части 1 «Аудирование на полное понимание информации» по модулю «“Вечные ценности“. Культура в современном обществе» предлагаются:

- диалог 1.1.5. (жанр - беседа);
- монологи - 1.2.5. (объявление «Всероссийский конкурс “Алые паруса “»),

1.3.5. (рекламное объявление «Кинозал ЦДЛ»).

В части 2 «Аудирование на понимание основной информации» представлены монологи и диалоги:

- монолог 2.1.1.5. х/ф «Мелодии белой ночи»;
- диалог 2.1.2.5. х/ф «Подмосковные вечера»;
- диалог 2.2.5. интервью с художником Алексеем Кимом.

В части 3 «Аудирование на выборочное понимание информации» представлены монологи – 5 новостных сообщений:

- монолог 3.1.5.1. «Музей под открытым небом»;
- монолог 3.1.5.2. «Фестиваль анимационного кино»;
- монолог 3.1.5.3. «Второй международный конкурс вокалистов имени Муслима Магомаева»;
- монолог 3.1.5.4. «Международный театральный фестиваль имени А.П. Чехова в Москве»;
- монолог 3.1.5.5. «Книга Александра Архангельского «Музей революции».

Для каждого аудиотекста разработаны тесты на проверку понимания и задания по активизации языковых и речевых навыков. Следует особенно отметить, что данный раздел является вариативной частью пособия, поэтому может использоваться в зависимости от целей обучения.

Выпуск 3.1. Чтение. Говорение

Выпуск 3.1. содержит материалы уровня В2. При этом авторы предлагают в каждом разделе выпуска тексты разного уровня сложности, отвечающие минимальным требованиям уровня В2 (66% понимания) и максимальным (выше 80% понимания). Следует отметить, что притекстовые задания имеют коммуникативный характер.

Для модуля ««Вечные ценности». Культура в современном обществе» предлагаются следующие тексты:

В части 1 представлены тексты СМИ для ознакомительного чтения (объем – в пределах 400 слов, время выполнения задания – 15 мин):

Текст 1.5.1. Задание. *В 2012 году отмечалось столетие одного из лучших московских музеев – Государственного музея изобразительных им. А.С. Пушкина (ГМИИ). Прочитайте текст «Детище Цветаева». Закончите предложения, данные после текста, выберите правильный вариант.*

Текст 1.5.2. Задание. В московском Кремле хранится легендарный алмаз «Шах». Прочитайте текст «Плата за пролитую кровь». Закончите предложения, данные после текста, выберите правильный вариант.

В части 2 предлагаются тексты для поисково-просмотрового чтения (объём – в пределах 400 слов, время выполнения задания – 15 мин):

Текст 2.5.1. Задание. 60 часов прямых эфиров из Вашингтона, Берлина, Пекина и десятков городов России – за четыре дня тысяча людей со всего мира прочитали вслух роман Льва Толстого «Война и мир». Прочитайте текст «Марафон чтения “Война и мир”». Закончите предложения, данные после текста, выберите правильный вариант.

Текст 2.5.2. Задание. Прочитайте документы (письмо-благодарность, отчёт о проведении экскурсии в школьный «Музей русского быта», Положение о Международном конкурсе имени П. И. Чайковского) и выполните задания теста.

Материалы части 3 нацелены на формирование навыков изучающего чтения (объём текста – в пределах 600 слов, время выполнения задания – 30 мин).

Текст 3.5.1. Задание. Сохранение культурного наследия – залог будущего развития общества. Прочитайте отрывок из фантастического романа Сергея Лукьяненко «Шестой дозор». Закончите предложения, выбрав правильный вариант.

Текст 3.5.2. Задание. Премьера для артиста – праздник или тяжёлое испытание? Прочитайте отрывок из романа Владимира Орлова «Альтист Данилов» и предложения, которые даны после текста. Закончите предложения, выбрав правильный вариант.

Активизация языковых и речевых навыков нацелена, главным образом, на формирование языковой компетенции (лексико-грамматические навыки: синонимический ряд, антонимические пары, словообразовательные модели, свободные и связанные словосочетания, синтаксические конструкции) и развитие навыков монологической и диалогической устной речи.

Формы контроля

Формы контроля во всех выпусках комплекса соответствуют целям обучения и представлены в двух формах:

- *текущий* контроль: лексико-грамматический тест в конце каждой темы (*выпуск 1*) или части (*выпуск 3.1.*);

- *итоговый* контроль: в формате субтестов системы ТРКИ (*выпуск 2* – субтест «Аудирование», *выпуск 3* – формат экзамена ТРКИ-2/3: субтесты «Чтение», «Письмо», «Аудирование», «Говорение», «Лексика. Грамматика»).

Комплекс может использоваться при различных **формах обучения** РКИ:

контактная форма – *выпуск 1* (базовый);

дистантная форма – *выпуск 2* (самостоятельная работа учащегося);

контактно-дистантная форма – *выпуск 3.1.* (дополнительный материал).

Таким образом, учебный комплекс «В мире людей» является полифункциональным научно-методическим произведением, который обеспечивает как содержание обучения, так и подготовку к прохождению тестирования по русскому языку как иностранному не только на сертификат МГЛУ (Московский иняз имени М. Гореза), но и в системе ТРКИ.

Список литературы

Макова М.Н., Ускова О.А. (2013; 2-е изд. 2017): В мире людей. Выпуск 1. Письмо. Говорение: учебное пособие по подготовке к экзамену по русскому языку для граждан зарубежных стран (ТРКИ-2/ТРКИ-3). СПб.: Златоуст.

Макова М.Н., Ускова О.А. (2016): В мире людей. Выпуск 2. Аудирование. Говорение: учебное пособие по подготовке к экзамену по русскому языку для граждан зарубежных стран (ТРКИ-2/ТРКИ-3). СПб.: Златоуст.

Макова М.Н., Ускова О.А. (2018): В мире людей. Выпуск 3. 1. Чтение. Говорение: учебное пособие по подготовке к экзамену по русскому языку для граждан зарубежных стран (ТРКИ-2). СПб.: Златоуст.

Требования по русскому языку как иностранному. Общее владение. (1999). СПб.: Златоуст.

Типовые тесты по русскому языку как иностранному. Общее владение. ТРКИ-II. ТРКИ-III (1999). СПб.: Златоуст.

Лексические минимумы по русскому языку как иностранному. Общее владение. ТРКИ-II. (2011). ТРКИ-III (2018). СПб.: Златоуст.

References

The Common European Framework of reference for Language Learning and Teaching. (1997). Strasbourg: Council of Europe.

НОВЫЙ ПОДХОД В ОБУЧЕНИИ ПОНИМАНИЮ И СМЫСЛОВОМУ МОДЕЛИРОВАНИЮ РУССКОЯЗЫЧНЫХ УЧЕБНО-НАУЧНЫХ ТЕКСТОВ И ЕГО ИНТЕРАКТИВНАЯ КОМПЬЮТЕРНАЯ ПОДДЕРЖКА

Харзеева Светлана Элезаровна
Юго-Западный государственный университет, Россия
sekharzeeva@mail.ru

Бочанова Наталья Николаевна
Юго-Западный государственный университет, Россия
nnbochanova@mail.ru

THE NEW EDUCATIONAL APPROACH TO COMPREHENSION AND SEMANTIC MODELLING FOR RUSSIAN EDUCATIONAL-SCIENTIFIC TEXTS AND ITS INTERACTIVE COMPUTER SUPPORT

Svetlana Kharzeeva
South-West State University, Russia

Natalia Bochanova
South-West State University, Russia

АННОТАЦИЯ

В статье описывается новый подход к смысловому моделированию и пониманию читателем русскоязычного учебно-научного текста на основе использования авторских обобщенных когнитивных контекстуальных смысловых репрезентативных моделей («схем»), представляющих смысл текста в виде системы взаимосвязанных смысловых элементов и смысловых связей между ними как его целостной смысловой контекстуальной репрезентации. Разработана технология обучения и ее компьютерная интерактивная поддержка, включающая предоставление обучающемуся помощи и оценку его действий.

ABSTRACT

The paper reports on new educational approach to comprehension and semantic modelling of Russian educational-scientific texts with using author's summarized cognitive contextual semantic representative models, which described text's contextual semantic representation as the system of cooperated semantic elements and its semantic relations. The paper also describes the corresponding educational technology and its interactive computer support, which give help and appreciation of reader's actions.

Ключевые слова: учебно-научный текст, понимание, смысловое моделирование, компьютерная поддержка

Keywords: educational-scientific text, comprehension, semantic modelling, computer support

Эффективность профессиональной деятельности любого современного специалиста определяется, помимо узкопрофессиональных компетенций, уровнем развития его способности к продуктивному мышлению, владения способами приобретения знаний, поиска, восприятия и осмысления новой информации, в том числе, иноязычной. Эти способности определяют возможность и характер процессов развития, структурирования и интеграции индивидуального знания, расширения его функциональных возможностей и доступности для использования при решении учебных и профессиональных задач, развития способности и готовности личности к непрерывному самообразованию, к эффективной профессиональной коммуникации и обмену знаниями для совместной деятельности, в том числе, в иноязычной среде.

Реализация этих требований к образовательной подготовке специалиста сопряжена с особыми трудностями и проблемами в условиях обучения иностранных студентов на неродном языке, в том числе, при освоении ими программ повышенных уровней подготовки.

В этой связи очевидно, что совершенствование современной профессиональной образовательной подготовки включает решение задач разработки и совершенствования обобщенных познавательных (метакогнитивных) стратегий, умений и навыков, усваиваемых обучающимся и связанных с эффективной обработкой учебно-научной информации, с усвоением, моделированием, организацией и структурированием знаний, с развитием системной структуры и методологической обоснованности его научного мышления, а также с развитием коммуникативных умений и способностей.

Общепризнано, что многие студенты испытывают трудности, связанные с отсутствием навыков работы с учебной литературой, анализа информации большого объема, даже для старшекурсника данная работа остается не до конца освоенной и осознанной. Стихийное развитие у студентов подобных умений в процессе обучения отнимает слишком много времени, а усвоенные приемы остаются неосмысленными и не всегда эффективными, что ограничивает возможности понимания и усвоения все более возрастающего объема необходимой будущему специалисту информации (Харзеева, 2006, 2007).

В последние десятилетия исследования механизмов понимания текстов ведутся в разных странах достаточно интенсивно на основе различных подходов (в лингвистике, когнитивной психологии, психологической антропологии, психосемантике, теории искусственного интеллекта, педагогике, лингводидактике). В этих исследованиях, начавшихся в 1960-1970 годах с психолингвистического исследования отдельных предложений как смысловых единиц

текста, постепенно происходит укрупнение смысловых единиц и переход к исследованию текста как целостного высказывания и к исследованиям дискурса.

Такой переход обусловлен тем, что ментальный процесс понимания не должен быть лимитирован изолированным от контекста предложением. При этом психологическое или когнитивное исследование дискурса значительно отличается от более формального грамматического или стилистического исследования.

Необходимость целенаправленного обучения специальным методам работы с учебно-научными текстами констатируется и российскими, и зарубежными авторами. Так, предлагаются способы обработки учебно-научной информации, включающие следующие действия: дать тексту адекватный, полный и репрезентативный заголовок, выделить главную идею (идеи) и подчиненные идеи, составить связную и полную аннотацию (не длиннее пяти строк), выделить пять ключевых слов, выявить возможные несоответствия в тексте.

Одним из известных рекомендуемых многими авторами методов обучения студентов структурированию и пониманию учебно-научного текста является композиционно-структурный анализ текста. Последний ориентирован на выделение в тексте так называемых сильных позиций: внимание читателя обращается на композиционную структуру текста (введение, основная часть, заключение, выводы), на заголовки, параграфы, абзацное деление, петит, курсив и так далее. Принято считать также, что основная мысль абзаца, как правило, выражается в его первом предложении.

Однако экспериментальные исследования констатируют, что студенты, выделяя основные положения текста, ориентируются в основном на определения, формулировки, правила, формулы, даты. Нами было показано, что многие студенты выделяют в тексте только те понятия, которые вводятся посредством логических, а не контекстных определений, не концентрируют внимания на объяснениях, так, при составлении вопросов к тексту реже ставят вопросы, связанные с объяснениями, не реагируют на изъятие объяснений из текста и т.д. (Харзеева, 2011).

Решение указанных задач требует разработки соответствующих методологических подходов, средств и методов обучения. Одной из неперенных составляющих этих задач является развитие способности обучающегося к продуктивной работе с иноязычным научным текстом.

Обработка информации читателем при чтении иноязычного учебно-научного текста и его понимание требуют активного рефлексивного мышления, специальных умений контекстуального смыслового анализа и структурирования материала, т.е. его понимания и интерпретации/осмысления.

Решение обучающимся задач понимания сложной информации, развития структуры научной мысли, совершенствования обобщенных метакогнитивных стратегий, умений и навыков, связанных с восприятием и осмыслением сложных научных и научно-технических текстов, моделированием, организацией и структурированием знаний в иноязычной образовательной среде, требует определенной психолого-педагогической поддержки. Последняя может быть организована на базе соответствующего научного психолого-дидактического обоснования и реализована в отвечающей его требованиям информационно - образовательной интерактивной компьютерной среде, способствующей продуктивной работе обучающегося с учебно-профессиональными и научными текстами..

Главным условием эффективности обучения, несомненно, является его осмысленность и достижение глубины понимания когнитивного материала. С точки зрения когнитивной науки, понимание субъектом когнитивного материала в процессе его обработки определяется имеющимися у него концептуальными структурами. В связи с вышесказанным проблема моделирования внутренних репрезентативных структур мышления и семантической памяти выходит на первый план в современных когнитивных науках при исследовании высших когнитивных процессов – мышления, понимания и решения задач. При этом, однако, отмечается как парадоксальный факт недостаточная разработанность образовательных аспектов современной когнитивной науки.

В современной когнитивной науке мышление рассматривается как манипулирование внутренними (ментальными) репрезентациями. В качестве ментальных репрезентаций рассматриваются гипотетические конструкторы, выявляемые в экспериментальных исследованиях, называемые «схемами».

Подчеркнем, что известные в настоящее время исследования подобного рода ведутся, как правило, в сфере обыденного сознания и на примерах отдельных предложений. Между тем, работа с внутренней, ментальной моделью ситуации рассматривается как важнейшее допущение когнитивного подхода в целом.

Как указывалось выше, когнитивное исследование дискурса существенно отличается от более формального грамматического или стилистического исследования. Согласно когнитивному подходу правильность понимания обеспечивается не только правильным восприятием читателем языковых единиц, но и активным использованием общего фонда имеющихся у него знаний, пониманием коммуникативных функций сообщения. В современной психолингвистике в качестве составляющих процесса понимания выделяются процессы «конструирования», которые заканчиваются интерпретацией глубинной смысловой структуры сообщения, и процессы «использования», связанные с извлечением субъективно

новой информации, выполнением предписаний и т.д. Когнитивный анализ дискурса в отличие от традиционного лингвистического анализа принимает во внимание не только структуры текста, но и ментальные структуры, а также имеющиеся знания, поскольку смысл текста находится не «в тексте», на бумаге, а привносится в текст читателем и определяется тем, как текст репрезентирован в его уме.

В свете образовательных задач особую актуальность в когнитивной модели обучения в высшем профессиональном образовании приобретает проблема моделирования ментальных (внутренних) структур индивидуального знания в той форме, в которой оно способствует пониманию и может применяться к решению задач.

С целью формирования и развития указанных способностей и умений обучающегося одним из авторов настоящей статьи разработан методологический подход к контекстуальному смысловому моделированию учебно-научного текста на основе разработанных авторских обобщенных когнитивных репрезентативных моделей («схем»), представляющих смысл текста в виде целостной смысловой контекстуальной репрезентации как системы определенных взаимосвязанных смысловых элементов и системы смысловых связей между ними (Харзеева, 2011, 2012). Разработаны обобщенные смысловые репрезентативные модели, представляющие смысл определенных классов объектов научного познания (предметный объект, процесс/явление, формы научного знания (проблема, гипотеза и др.), технологии (переработки, обработки, сборки) и др.)

Обобщенные смысловые модели («схемы»), абстрагирующие смысл различных видов научного знания, конструируются на основе разработанных нами общих для всех предложенных моделей правил, определяющих системный характер моделей.

Правила разработаны на основе законов порождения субъектом смысловой конструкции высказывания, которые сформулированы в психосемантике в результате исследований смысловой структуры сознания.

1. Правило смыслового соответствия между признаками каждого данного элемента ситуации и его смысловой ролью в целостной ситуации;

2. Правило максимального смыслового согласования (смысловой непротиворечивости) признаков всех элементов ситуации в ее целостной модели.

Суть смысловых элементов определенных классов обобщенных смысловых репрезентативных структур не зависит от особенностей конкретного языка, на котором представлен текст, что облегчает для читателя его смысловую обработку. Модели обладают объяснительными, прогностическими, комбинаторными, рекурсивными и креативными свойствами, которые доказаны нами в процессе использования моделей при обучении

иностраннных студентов пониманию и смысловому моделированию русскоязычных учебно-научных текстов.

Модель как концептуальное целое активирует дополнительную информацию («фоновые» знания читателя, необходимые для ее разработки). Если отдельные смысловые элементы модели не обеспечены содержанием исходного текста в расчете на наличие соответствующих знаний у читателя, модель направляет его поисковую деятельность, определяя ее цель. Правила модели и ее системный характер облегчают также информационный поиск читателя и при наличии в тексте многозначных терминов.

Разработанный нами методологический подход основан на представлении о том, что в образовательном процессе в ходе обработки учебно-научной информации происходит обобщение и абстрагирование смысла определенных классов мыслительных задач и формирование отображающих их внутренних (ментальных) обобщенных относительно устойчивых концептуальных структур знания как смысловых инвариантов, содержащих определенные смысловые элементы и их смысловые связи. По отношению к подобной обобщенной модели определенного класса задач возможные характеристики смысловых элементов конкретной задачи (ситуации) представляют собой переменные, при подстановке которых обобщенный смысловой инвариант преобразуется в модель смысловой репрезентации данной конкретной задачи. Подчеркнем, что репрезентация задачи, согласно данным многочисленных исследований, является ключевым компонентом ее решения.

Опираясь на эти представления, мы предлагаем в качестве репрезентативных моделей знаний с целью когнитивной поддержки обучения использовать представленные во «внешней» знаковой форме обобщенные смысловые структуры знаний об объектах, явлениях и событиях предметной области, представляющие собой системные смысловые относительно устойчивые обобщенные структуры, включающие определенные смысловые элементы и систему смысловых связей между ними. Такие структуры («схемы») имеют концептуальный характер, они интегрируют различные виды знаний (теоретические и феноменологические, декларативные и процедурные) и представляют собой средство межкатегориальной интеграции и организации знания, представленного в ситуативно – адекватной форме и доступного в процессе решения задач.

Генеративный характер моделей обусловлен их комбинаторными и рекурсивными свойствами. Благодаря этим свойствам моделей их использование открывает возможности моделирования и декомпозиции сложных мыслительных задач и рассмотрения представленных в них ситуаций на разных уровнях детализации.

Нами показано, что разработанные модели обладают как описательными, так и объяснительными, прогностическими и креативными свойствами.

В отличие от известных коннекционистских и синтаксоцентрических моделей, а также моделей генеративной грамматики, разработанный нами методологический подход ориентирован на доминирование смысла, семантической составляющей, что, по нашему мнению, позволяет, с учетом генеративных свойств моделей, считать их моделями супраструктурной семантики. Семантическая ориентация разработанного нами подхода соответствует и традициям отечественного подхода к разработке моделей представления естественного языка и моделированию дискурса.

Разработанный нами когнитивный подход к смысловому моделированию научного знания учитывает особенности ментальных действий субъекта в ходе осмысления информации: обращение субъекта как к «фоновым» знаниям предметной области, имплицитно включенным в структуру информации, так и к знанию языка, а также использование релевантных содержанию информации обобщенных смысловых структур, в форме которых знания могут репрезентироваться, храниться и использоваться субъектом при решении задач.

Одна из функций разработанной нами процедуры и реализующей ее технологии – способствовать осознаваемой читателем постановке цели при чтении текста, т.е. цели его понимания на основе его смыслового анализа и моделирования. С психологической точки зрения активность знаний – это процесс, вплетенный в решение задачи и инициируемый сознательной постановкой цели деятельности. Привлечение схем способствует осознанной актуализации и активному использованию имеющихся знаний. Схема работает как средство активизации имеющихся знаний, поскольку она требует заполнения недостающих элементов и (или) их признаков, актуализирует смысловые связи и отношения, требуя взаимного согласования элементов, способствует трансформации и переносу знаний из одной ситуации в другую.

Нами были проведены исследования, связанные с достаточно продолжительным (в течение 10—15 лет) применением разработанной когнитивной системы обучения и развития в реальном вузовском образовательном процессе, включая такие его аспекты, как смысловое моделирование научной информации, смысловая репрезентация и решение задач, смысловой анализ и моделирование русскоязычного и иноязычного научного текста, изучение научной методологии путем объективации различных форм научного знания в виде их обобщенных смысловых моделей, разработка методов педагогической диагностики достижения понимания

и усвоения знаний, разработка и использование методов смысловой визуализации знаний и т.д.

Анализ результатов исследований, подтвержденный обработкой полученных данных методами математической статистики, корреляционного и кластерного анализа, показал наличие качественных и количественных изменений когнитивной деятельности студентов, связанных с организацией системы индивидуального знания, углублением смысловой основы знания, расширением возможностей оперирования знаниями и переноса знаний, переноса умений и навыков на новые задачи и в новые области знаний, повышением эффективности процесса обучения. Указанные изменения сопровождаются развитием познавательной мотивации обучающихся как следствие их когнитивного развития, осознания и освоения ими метазнаний и метапроцедур когнитивной деятельности.

В настоящее время показано, что перевод — это не просто операция по превращению одной поверхностной формы в другую, и даже не превращение одной текстовой репрезентации в другую, но скорее соотнесение текстовых представлений через посредство модели ситуации. Это не так легко заметить, если у двух языков примерно одна и та же база знаний, которая во втором языке столь же имплицитна, что и в первом. Но если дело обстоит по-другому, когда, например, культурный код языка-источника сильно отличается от языка перевода, тогда для перевода требуется эксплицитная модель ситуации, иначе его не удастся сделать осмысленно, как подчеркивал Хатчинз (Hutchins).. По нашему мнению, такие же затруднения, требующие соотнесения с эксплицитной моделью ситуации, возникают в процессе обучения в случае различия систем индивидуального знания автора и переводчика или обучающегося, работающего с иноязычным научным текстом.

На основе разработанного теоретического подхода, процедуры и правил смыслового анализа и моделирования нами разработана образовательная инновационная технология обучения смысловому анализу и моделированию научного текста, ее дидактическое обеспечение, а также программные средства для ее компьютерной поддержки. Предлагаемая технология предусматривает возможности организации обучения на различных уровнях сложности в зависимости от исходного уровня образовательной (профессиональной и лингвистической) подготовки обучающегося.

С целью реализации предлагаемой образовательной технологии понимания и смыслового моделирования учебно-научного текста нами разработана компьютерная обучающая программа, позволяющая организовать активную деятельность читателя по анализу, пониманию и осмыслению текста и предоставляющая ему необходимую поддержку.

Разработаны также средства не только для оценки результатов работы с текстом и отдельных действий читателя, но и для оказания помощи в формировании последних. Для поддержки этой активной рефлексивной деятельности читателя программой предусматриваются возможности возврата к уже выполненным действиям, что обусловлено системным характером модели, ее целостным смыслом и правилами конструирования модели. Указанные возможности не обеспечиваются, как показывает анализ, существующими программными средствами.

В ходе работы с предложенной обучающей программой читатель активизирует и развивает две взаимосвязанные подсистемы когнитивных процессов: поиска информации (подсистема приобретения знаний об объекте) и обработки поступающей информации (подсистема преобразования и использования знания). Как установлено в современной когнитивной психологии, эти процессы, использующие различные стратегии и средства познавательной деятельности, развиты неодинаково у разных людей – успешный поиск информации часто сопровождается затруднениями в ее обработке, понимании и осмыслении, и наоборот.

Нами разработаны и реализованы в программном обеспечении оценочные средства, направленные не только на общую оценку результата работы с текстом, но и на оценку отдельных действий читателя и на помощь в их формировании и выполнении.

С целью поддержки активной рефлексивной деятельности читателя разработанная компьютерная обучающая программа предусматривает не только стандартные линейные и разветвляющиеся стратегии, но и возможности возврата к любым уже выполненным действиям, поскольку каждый шаг в создании системной смысловой модели сопоставляется с ее целостным смыслом в соответствии с разработанными нами правилами конструирования модели.

Более развернутое описание и некоторые примеры реализации предлагаемого подхода к пониманию и смысловому моделированию русскоязычного учебно-научного текста содержатся в авторских публикациях, указанных в списке литературы.

Ниже в качестве одного из возможных примеров решения задач, связанных с пониманием и смысловым моделированием русскоязычного учебно-научного текста, приводится пример текста о взаимной растворимости веществ, что связано с важными экологическими проблемами (например, загрязнение воды природных водоемов в случаях разлива нефти).

«Растворимость вещества зависит как от его природы, так и от природы растворителя.

Так, структура жидкого бензола определяется в основном дисперсионным взаимодействием неполярных молекул, и при введении в бензол другого вещества с

неполярными молекулами, ... характер взаимодействия между молекулами не меняется. Структуру возникающего раствора, как и взятых жидкостей, обуславливают те же ненаправленные и ненасыщаемые дисперсионные силы. ...Если же внести бензол в воду, то разрыв водородных связей (и нарушение структуры воды) не будет компенсирован образованием более прочных новых связей. Отсюда ясна причина плохой растворимости бензола в воде».

Смысловой анализ и моделирование приведенного выше текста в соответствии с разработанным подходом, технологией и с использованием разработанного программного обеспечения позволяет обучающимся не только понять смысл текста, но и решить основанную на этом понимании новую задачу, касающуюся, например, указанной выше экологической проблемы.

Таблица 1. Пример решения задачи с использованием смысловой модели ситуации

Научная область, направление	Базовые понятия	A ₁	A ₂	Д	И	У _р	У _и	Р
...	...	Вода	Этиловый спирт
...	...	Вода	Нефть

(Здесь: A₁ и A₂ - Агенты указанных взаимодействий, Д – описываемое в тексте действие (взаимная растворимость или ее отсутствие), И – инструмент (механизм) этого действия, объясняющий его природу, У_р и У_и – соответственно, разрешающее (принципиальное) и инструктирующее (ситуативное) условие действия, Р – его результат.

Понимание текста, достигаемое в процессе его смыслового моделирования в соответствии с правилами смыслового анализа и моделирования, позволяет решить задачу описания результатов разлива нефти в природном водоеме, предсказать и объяснить его последствия.

Разработка информационно-обучающей компьютерной среды реализуется на языке html5 и выполняется под управлением любого из существующих браузеров, что позволяет реализовать все предусмотренные разработанной технологией требования:

- предъявление и просмотр изучаемого текста, возможность выделения и переноса выбранных слов текста в заполняемые обучающимся ячейки любых элементов смысловой модели,

- запоминание текстового ответа обучающегося на каждом шаге прохождения программы по созданию смысловой модели текста с возможностью последующего вызова его для редактирования с учетом правил моделирования,

- возможность перехода к любому шагу моделирования в произвольном порядке, определяемом самим обучающимся в соответствии с ходом и текущими результатами выполняемого им процесса смыслового анализа и моделирования текста,

- выдача подсказок в организации познавательной и рефлексивной деятельности обучающегося в текстовом и графическом видах,

- возможность выхода в Интернет для поиска необходимой для создания модели, но отсутствующей в тексте в явном виде (имплицитной) информации, а также для информационного поиска по любым другим запросам обучающегося,

- возможность фиксации ответов обучающегося и порядка прохождения им шагов обучающей программы для формирования результирующего сообщения и возможность передачи это

й информации в систему MOODL.

Авторы имеют возможность предложить коллегам, интересующимся разработанным подходом, его возможностями и способами их реализации, совместную исследовательскую работу по созданию обучающих материалов (учебного пособия), и были бы признательны за обращения с замечаниями и предложениями по указанному электронному адресу профессора С. Харзеевой.

Список литературы

Харзеева С.Э. (2012): Моделирование и формирование категориальных структур индивидуального знания. Научные материалы V Съезда Российского психологического общества. - М., Институт психологии РАН, 14-18 февраля 2012 г. Т. 1, 493-494

Харзеева С.Э., Аникина Е.И. (2011): Контекстуальное смысловое моделирование научного дискурса в обучении иноязычных студентов: теоретический подход и образовательная технология на его основе. Материалы II Международной научной конференции "Русский язык в современном мире: традиции и инновации в преподавании русского языка как иностранного и в переводе. Салоники, Греция. Изд-во Высшая школа перевода МГУ, 717-722

Харзеева С.Э. (2007): Слово и значение: развитие индивидуальной системы значений в образовательном процессе. Журн. "Мир русского слова". Изд. Дом МИРС, СПб гос. университет: СПб, СПбГУ, № 3, 63-68

Харзеева С.Э. (2006): Смысловый анализ и моделирование научного текста: образовательные аспекты. Журн. "Мир русского слова", Изд. Дом МИРС, СПб государственный университет: СПб, СПбГУ, №1, 37-43.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ ФИЛЬМОВ В ОБУЧЕНИИ ЧТЕНИЮ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО НА ДОВУЗОВСКОМ ЭТАПЕ

Черкашина Елена Леонидовна
Национальный исследовательский московский государственный строительный университет (НИУ МГСУ), Россия
bazilik@mail.ru

DOCUMENTARY FILMS APPLYING IN STUDYING OF READING ON LESSONS OF RUSSIAN LANGUAGE AS FOREIGN ON THE PRE-UNIVERSITY STAGE

Cherkashina Elena
Moscow State (national research) university of civil engineering, Russia

АННОТАЦИЯ

В статье говорится об использовании документальных фильмов в обучении чтению как виду речевой деятельности в процессе изучения русского языка иностранными учащимися на предвузовском этапе обучения, отмечается содержательная сторона и проблематика текстов для чтения. Проводится подробный анализ работы над текстом, взятым из документального фильма о бразильском фотографe Себастьяне Сальгадо «Соль земли» и фильма «Касаюсь пустоты» о двух альпинистах, совершивших восхождение на гору Сиула Гранде.

ABSTRACT

The article deals with the applying of documentary films in teaching of reading as a type of speech activity in the process of studying Russian by foreign students on the pre-university stage, notes the content and problems of texts for reading, a detailed analysis of the work on the text taken from the documentary about the Brazilian photographer Sebastian Salgado "Salt of the earth" and a film "Touching the Void" about two climbers who made an ascent to the summit of Seoul Grande.

Ключевые слова: текст, документальный фильм, чтение, проблемы, довузовский этап обучения.

Keywords: text, documentary, reading, problems, pre-university stage of training.

Чтение как отдельный вид речевой деятельности является одним из важных навыков владения русским языком как иностранным, влияющий на его качество и результат. Цель чтения состоит в восприятии и переработке содержания текста в смысл в соответствии с коммуникативной установкой, которая может видоизменяться и уточняться по мере постижения текстовой информации. [Гасанова 2012: 372]. В процессе обучения чтению преподавателю необходимо подбирать тексты, содержащие проблемы, являющиеся универсальными для всех национальностей (социальное неравенство, бедность, экология,

деградация человека и общества, война, расовая сегрегация, проблема самоопределения личности и т.д.). Как правило, информация, вызывающая эмоции, связанные с обсуждением острых социальных проблем, развивает когнитивные способности слушателей и их мотивацию к чтению. Традиционно в преподавании русского языка для обучения чтению предлагаются тексты лингвострановедческого характера. Иностранные учащиеся изучают тексты о России: о культуре, традициях, политической системе, экономическом развитии, научных открытиях и изобретениях и др. Это, несомненно, важный фактор при изучении русского языка. Однако учащимся необходимы и полезны тексты не только о России, но и тексты с интернациональной социально-политической проблематикой, в данном случае переводные. Главным критерием отбора текстов является их «доступность и познавательный аспект, а не вопрос о том, какой текст выбрать, оригинальный или переводной. Переводной текст также может отвечать образовательным и воспитательным целям» [Ляпидовская 2014: 308].

Большую ценность в процессе обучения чтению представляют такие переводные документальные фильмы, как «Дом. История путешествия», режиссера Яна-Артюса Бертрана, «Неудобная планета» (Бонни Козн, Джон Шенк), «Спасти планету» (Фишер Стивенс), посвященные экологическим проблемам на Земле и изменению климата, «Соль земли», в котором обозначены проблемы социального неравенства, расовой дискриминации, бедности и нищеты, показанные через призму восприятия фотографа Себастьяна Сальгадо, фильм Кевина Макдональда «Касаясь пустоты», в который выявляются проблемы самоопределения личности, смысла жизни человека, находящегося между жизнью и смертью. Фильм, воздействуя на зрителя, одновременно может воспитывать и обучать его, причем можно говорить о «природе сопереживания» происходящему на экране (своего рода катарсис, открытый для сценического театрального действия – зритель «очищается» сопереживанием, открывает в себе новые эмоциональные возможности) [Кудрявцева 2013: 228]. Поскольку просмотр всего фильма занимает большое количество времени, для чтения предлагается выбрать только его отрывок, чаще всего вводную часть, поскольку в ней содержится основная идея киноленты.

Чрезвычайно интересным с точки зрения социальной проблематики является текст из документального фильма Вима Вендреса и Джулиано Рибейру Сальгаду «Соль земли» 2014 года о бразильском фотографе и путешественнике Себастьяне Сальгаду. Для чтения выбирается отрывок из вводной части фильма. Работа с данным текстом строится следующим образом. Слушателю выдается на руки записанный со слов автора фильма

переведенный текст, который заключен в таблицу. Слева выписаны незнакомые слова с толкованием на русском языке, а справа написан текст, предназначенный для чтения.

Таблица 1. Текст из фрагмента фильма «Соль земли»

<p>стоит - надо тень-силуэт</p> <p>рудник-место, где есть руда (минералы и металл)</p> <p>край ямы - граница ямы</p> <p>волосы встали дыбом – волосы поднялись от удивления</p> <p>ничего подобного - ничего похожего, такого же</p> <p>развернулась - открылась воображению</p> <p>копошиться - двигаться туда сюда</p> <p>возгласы - бурчание - разговоры</p> <p>вперемешку – беспорядочно, бессистемно (без порядка, без системы),</p> <p>вытащить наружу – поднять вверх, взять и показать куча -много</p> <p>сбить людей – переместить людей, чтобы они упали</p> <p>свалиться вниз- упасть(падать) вниз</p> <p>поработила - сломила</p> <p>слаженный - гармоничный</p> <p>натякался на жилу - находил цель - золото</p> <p>рабство - несвобода, отсутствие воли и свободы</p> <p>явно- точно, по-настоящему, реально.</p> <p>отважный – смелый, который ничего и никого не боится</p> <p>они поразили меня - впечатлили меня</p> <p>чуть не плачу – почти плачу</p>	<p><i>Фильм о жизни фотографа...</i></p> <p><i>Наверное стоит начать с происхождения самого слова. По-гречески «фото» означает свет, «граф» – писать, рисовать. Фотограф – это тот, кто рисует светом, тот, кто переписывает мир при помощи света и теней.</i></p> <p><i>Серра Пелада – бразильский золотой рудник лежал передо мной. Когда я подошел к краю огромной ямы, все волосы на моем теле встали дыбом. Я никогда не видел ничего подобного. Передо мной за какие-то доли секунды развернулась вся история человечества: воздвижение пирамид, Вавилонская башня, Копи Царя Соломона...</i></p> <p><i>Не слышно было ни одной машины, доносилось только бормотание 50000 человек, копошащихся в этой яме... Разговоры, возгласы, бурчание вперемешку с отзвуками тяжелой работы. Я как будто попал в начало времен, я почти слышал как в душах этих людей шепчется золото: всю эту землю надо было вытащить наружу.</i></p> <p><i>Не только золото, люди ползли вверх сначала по маленьким лестницам, а потом по большим и вылезали наверх.</i></p> <p><i>Не хотелось бы свалиться вниз. Если падать с самого верха по дороге, собьешь еще кучу людей. Я лазил туда сюда по много раз в день, но даже не думал, что могу упасть, потому что не падал никто.</i></p> <p><i>Люди туда съехались не падать, а таскать мешки или фотографировать тех, кто это делает. Люди проделывали этот путь по 50-60 раз в день. Спускаться по такому склону можно было только бегом. Остановишься – упадешь...</i></p> <p><i>В целом, этот мир удивительно слаженный, но абсолютно безумный. На первый взгляд они казались рабами, но ни один из них не был рабом, разве что жажда наживы их поработила. Все хотели разбогатеть.</i></p> <p><i>Кого там только не было: интеллектуалы, люди с высшим образованием, обычные фермеры, рабочие из города – самые разные люди съехались попытать счастья. Если кто-то натякался на жилу, каждый из тех, кто работал на этом участке рудника, имел право выбрать один мешок, и в этом самом мешке, вот где оно – рабство, могла быть куча земли, а мог быть и килограмм золота. В такие моменты человек теряет свободу. Стоит только один раз прикоснуться к золоту и ты принадлежишь ему...</i></p> <p><i>Я впервые увидел этот снимок в галерее лет 20 назад, я не знал, кто его сделал, но это был явно отличный фотограф, отважный путешественник. На обороте был штамп и подпись: «Себастьян Сальгадо».</i></p> <p><i>Я купил фотографию. Галерист принес мне другие фотографии этого автора. Они поразили меня, особенно вот этот снимок - портрет слепой женщины из народа туарегов.</i></p> <p><i>Я до сих пор чуть не плачу. Я вижу его каждый день: он висит над моим столом.</i></p>
---	--

<p>Соль земли (·ритор.) - основная творческая сила какого-нибудь народа. [4]</p>	<p><i>Я сразу кое-что понял об этом Себастьяне Сальгадо: у него болит сердце за людей. Это многое значит. Ведь люди – соль земли.</i></p>
---	---

Перед прочтением текста преподавателю необходимо рассказать учащимся информацию о фотографе, показать некоторые его фотографии. Кроме этого необходимо познакомить учащихся с мировыми географическими объектами и сооружениями, о которых упоминается в тексте: *Серра Пелада, Копи царя Соломона, Вавилонская башня, пирамиды.*

Следующий этап - объяснение значения фразеологизмов, встречающихся в тексте: *соль земли, волосы встали дыбом и натывать на жилу*. Преподавателем русского языка объясняется библейское происхождение фразеологизма *соль земли*. Здесь же можно процитировать отрывок из рассказа Куприна «Молох» с пояснением незнакомых слов *«Не забывают, что мы [инженеры] соль земли, что нам принадлежит будущее... Не мы ли опутали весь земной шар сетью железных дорог? Не мы ли разверзаем недра земли и превращаем ее сокровища в пушки, мосты, паровозы, рельсы, колоссальные машины»* [Куприн 1896: 15] При объяснении идиомы *волосы встали дыбом* дается значение слова *дыб* (приспособление для растягивания тела жертвы). И, наконец, выражение *натывать на жилу* объясняется через фразеологизм *золотая жила* как источника неограниченного обогащения).

Затем учащиеся выполняют предтекстовые задания, предложенные преподавателем.

1. Прочитайте значение незнакомых слов на русском языке или переведите их на родной язык (*тень, вперемишу, копошиться, отважный, рабство и др*).

2. Напишите слова, от которых образованы данные прилагательные и существительные *золотой, воздвижение, бормотание, бурчание, разговор, безумный*.

3. Подберите синонимы, данные в скобках, к словам *огромный, отважный, копошиться, слаженный, поразить, поработить (смелый, подчинить, удивить, гармоничный, искать, большой)*

4. Подберите антонимы, данные в скобках, к словам *молчание, подниматься, внутрь, свобода, подниматься, центр, обеднеть, куча (край, наружу, бормотание, рабство, спускаться, падать, мало, разбогатеть)*.

5. Выберите в скобках подходящий по смыслу глагол движения и поставьте его в правильную форму.

Когда я (идти-подойти, ходить-подходить) к краю огромной ямы, все волосы на моем теле встали дыбом. Я никогда не видел ничего подобного. Люди (лезть-ползти, лазать-ползать) вверх сначала по маленьким лестницам, а потом по большим и (вылезти-

выползти, вылезать-выползть) наверх. 3. Я (лазить-лезть) туда-сюда по многу раз в день, но даже не думал, что могу упасть, потому что не падал никто. Люди туда (разъехаться-съехаться) не падают, а таскать мешки или фотографировать тех, кто это делает.

6. Поставьте слова в скобках в правильную форму.

Фотограф – это тот, кто рисует (свет), тот, кто переписывает мир при помощи света и теней. Серра Пелада – бразильский золотой рудник лежал перед (я).

Следующий этап работы с текстом – изучающее чтение. Учащиеся читают текст дважды: сначала вслух и самостоятельно, а затем дважды смотрят отрывок из фильма и обсуждают вместе с преподавателем проблемы, которые они увидели.

После прочтения и просмотра фильма предлагается ответить на вопросы по тексту:

- 1) *Что такое фотограф?*
- 2) *Где происходит действие фильма?*
- 3) *Что вы знаете о руднике Серра Пелада?*
- 4) *Сколько человек было на руднике?*
- 5) *Кто делал фотографии?*
- 6) *Люди каких профессий приехали туда?*
- 7) *С какой целью люди приехали на рудник?*
- 8) *Почему у рассказчика волосы встали дыбом?*
- 9) *Как вы думаете, кто рассказчик?*

В процессе беседы учащиеся должны объяснить значение следующих высказываний автора, чтобы в дальнейшем применить их в своем пересказе.

- *в целом, этот мир удивительно слаженный, но абсолютно безумный;*
- *ни один из них не был рабом, разве что жажда наживы их поработила;*
- *стоит только один раз прикоснуться к золоту, и ты принадлежишь ему;*
- *у него болит сердце за людей;*
- *люди – это соль земли*

Заключительное задание по данному тексту – это пересказ текста на русском языке от лица одного из множества людей, приехавших «покорять» рудник Серра Пелада или иного лица, но не фотографа.

Следующий текст, подготовленный для чтения, анализа и пересказа – это записанный в виде интервью отрывок из фильма «Касаясь пустоты», снятого по одноименной книге британского альпиниста Джо Симпсона, совершившего вместе с другом Саймоном Йетсом восхождение на одну из высочайших вершин Сиула Гранде (Перу). Тема покорения вершин альпинистами и проблемы, с которыми им приходится сталкиваться при восхождении

представляет интерес для большинства слушателей, особенно тех, кто приезжает в Россию из высокогорных мест Азии или Южной Америки.

Текст состоит из двух частей, первая из которых рассказывает о целях восхождения альпинистов, а вторая - о некоторых трудностях, которые возникали у них при спуске.

Предтекстовые задания:

1) поиск и анализ незнакомых слов с толкованием на русском (работа с левой частью таблицы) *пологий, отвесная стена, пустота, восхождение, покорять вершины, амбициозный* и др.

2) словообразовательный анализ (*касясь – касаться, не оглядываясь – не оглядываться, труднодоступный – трудный, доступ – доступный – недоступный, шеститысячник – б тысяч, таить – тайна, спускаться-спуск, покорить – не покорить – непокоренный, осуждать – судить- суд, гореть – горелка*)

3) анализ предложений с причастными и деепричастными оборотами

Мы жили как придется, ни на кого не оглядываясь.

Перед спортсменами стояла сложная задача – покорить никем не пройденную западную стену знаменитого шеститысячника Сиула Гранде

4) анализ устойчивых сочетаний: *дело в шляпе*

знакомство с географическими объектами: *Альпы, Анды, Сиула Гранде, Ерупаха.*

В таблице приводятся фрагменты интервью двух британских альпинистов Джо Симпсона и Саймона Йейтса и слова автора из документального фильма «Касаясь пустоты». Текст разделен на две части.

Таблица 2. Фрагменты интервью из фильма «Касаясь пустоты»

<p>касясь (касаться) - трогая (трогать) пустота – место, которого нет. альпинизм – вид спорта, лазанье по горам. подчиняться правилам – делать все по правилам не оглядываясь (не оглядываться) – не смотреть назад покорять вершины – залезать на горы. было не до веселья – было невесело, было опасно и трудно.</p> <p>труднодоступный район – район, в который трудно приехать. амбициозный- гордый, уверенный в себе. восхождение (восходить) - лазать излазить – много лазить в разных местах.</p>	<p><i>1. Джо: Альпинизм – это здорово. Нам всегда нравились горы. Мы не подчинялись правилам, жили как придется ни на кого не оглядываясь. Главное – покорять вершины, ведь это здорово! Необыкновенно здорово! Хотя, случилось и такое, что было не до веселья...</i></p> <hr/> <p><i>В 1985 году, двое друзей, молодые британцы Джо Симпсон и Саймон Йейтс отправились в труднодоступный район Перу. Перед амбициозными спортсменами стояла сложная задача – покорить никем не пройденную западную стену знаменитого шеститысячника Сиула Гранде. Это восхождение стало легендой.</i></p>
---	---

<p>вдоль и поперек – по вертикали и по горизонтали, везде.</p> <p>непокоренный пик – вершина горы, на которую еще никто не залезал.</p> <p>присматривался – внимательно смотрел, изучал.</p> <p>вписать имя в историю – стать известным</p> <p>таить - скрывать</p> <p>неведомое – то, чего никто не знает</p> <p>спуск- движение вниз с горы заранее – перед чем-либо</p> <p>пологий склон – некрутой, почти горизонтальный наклон горы.</p> <p>веревка- ткань.</p> <p>густая облачность – много облаков</p> <p>рассчитывать на – надеяться на</p> <p>растопили снег- нагреть снег, чтобы получить воду</p> <p>горелка – предмет для разогрева снега (газовая горелка)</p> <p>уткнулся в отвесную стену – подойти близко в отвесной стене.</p> <p>боль пронзила ногу – почувствовать боль в ноге</p> <p>кость треснула и шатается – кость сломалась и двигается при переломе</p> <p>жутко – ужасно</p> <p>совершить восхождение в планы не входила</p> <p>выходить из себя-становиться агрессивным и эмоциональным</p>	<p>Джо: Когда мы отправились в Перу мне было 25 лет, а Саймону 21. Но мы уже успели излазить вдоль и поперек все Альпы. Моей целью было вписать свое имя в историю альпинизма, подняться на непокоренный пик или проложить новый маршрут... Это был последний горный маршрут в Андах, оставшийся непройденным. Он таил в себе неведомое, и к этому неведомому очень хотелось прикоснуться.</p> <p>2. Джо: Что мне не нравится в горах – так это спуск. 80% несчастий происходит на обратном пути. Мы заранее продумали, как будем возвращаться. Решили, что пройдем по Северному хребту в седловину между Сиула Гранде и соседней горой Ерупахой., а там спустимся по веревке по пологому склону. С востока надвигалась густая облачность... Мы рассчитывали на легкий спуск, думали, можно будет просто идти. Прогулки у нас не вышло. Мы надеялись спуститься в тот же день, но наступила ночь, а мы по-прежнему торчали на высоте 6000 метров. А ночью, когда мы растопили снег, в горелке кончился газ.</p> <p>Саймон: На утро стало ясно, что худшая часть спуска позади, поэтому я был уверен за день мы доберемся до базы, я уже было решил, что дело в шляпе, гора, можно считать уже пройдена.</p> <p>Джо: Я шёл первым и вдруг я уткнулся в отвесную стену, разделяющую хребет пополам. Я встал на четвереньки, вбил оба ледоруба в ледяную корку и сполз по уступу...</p> <p>...Боль пронзила ногу от бедра до колена... Если я сломал ногу, мне конец! Веревка провисла. Значит Саймон спускался за мной... Я попробовал встать, но почувствовал, что кость треснула и шатается. Все-таки перелом...</p> <p>Саймон: Я немного успокоился, собрался с мыслями и начал придумывать как нам, то есть как мне спустить его в лагерь. Мы придумали, как нам лучше это сделать.</p> <p>Джо: У нас были две пятидесятиметровые веревки, Если их связать, получится почти сто метров с узлов посередине, если мы закрепим концы веревок на себе, то теоретически, Саймон сможет спустить меня на сто метров... И Саймон начал меня спускать...</p> <p>Саймон: Тут я вспомнил, что в рюкзаке у меня был нож...</p> <p>Джо: Мне было очень и очень одиноко и очень жутко. И, потом, мне едва стукнуло 25, я был полон сил, грандиозных планов, это было мое первое серьезное восхождение. Я собирался</p>
---	---

	<p><i>покорить весь мир, и смерть в мои планы не входила.</i></p> <p><i>Альпинист не должен терять самообладание в любой ситуации. Выходишь из себя - значит все, контроль потерян... Я вел себя, как ребенок, рыдал и плакал...</i></p> <p><i>Джо продолжает заниматься альпинизмом. Саймон вернулся в Англию. Многие альпинисты осуждали его за то, что он перерезал веревку и бросил напарника. Джо всегда стойко защищал своего друга.</i></p> <p><i>Повторить восхождение Джо и Саймона на Сиула Гранде до сих пор никому не удалось.</i></p>
--	--

Далее учащиеся читают текст по ролям два раза, поскольку в тексте несколько рассказчиков (Джо, Саймон, автор), отвечая на вопросы, подготовленные заранее преподавателем.

- 1) *Каков смысл жизни альпинистов?*
- 2) *Где происходит действие?*
- 3) *В каком году альпинисты совершали восхождение?*
- 4) *Где находится гора Сиула Гранде?*
- 5) *Откуда приехали альпинисты, чтобы совершить восхождение?*
- 6) *Сколько было лет альпинистам?*
- 7) *Зачем Саймон хотел покорить вершину Сиула Гранде?*
- 8) *Почему альпинисты решили делать восхождение?*
- 9) *Почему Джо не любит спуск?*
- 10) *Почему друзья- альпинисты рассчитывали на легкий спуск?*
- 11) *Как вы думаете, что случилось с Джо?*
- 12) *Как вы думаете, что сделал Саймон?*
- 13) *Почему альпинисты его осуждали?*
- 14) *Почему рассказчик называет альпинистов амбизиозными?*
- 15) *Можно ли после всего, что случилось с героем, быть слишком уверенным в себе и в своих силах?*

После работы с текстом следует показ отрывков из фильма. При желании учащийся может досмотреть данный фильм, но во внеурочное время. После просмотра картины преподаватель переходит к обсуждению наиболее острых проблем отрывка или фильма. В ходе беседы слушатели объясняют смысл некоторых фраз отрывка:

- *Главное – покорять вершины, ведь это здорово! Необыкновенно здорово!*

- *Моей целью было вписать свое имя в историю альпинизма, подняться на непокоренный пик или проложить новый маршрут...*
- *Альпинист не должен терять самообладание в любой ситуации. Выходишь из себя - значит все, контроль потерян...*
- *Повторить восхождение Джо и Саймона на Сиула Гранде до сих пор никому не удалось.*

Наконец, после просмотра фильма и проделанной работы с текстом слушатели пересказывают текст от лица автора или от лица одного из участников восхождения.

Итак, в процессе работы над текстом решается несколько задач. Во-первых, это знакомство с новой лексикой, во-вторых, умение делать словообразовательный анализ, в-третьих, повторение грамматики русского языка, в-четвертых, выработка навыка обсуждения социальных проблем текста на русском языке. Подобным образом анализируются и другие документальные фильмы, упомянутые нами выше. Цель работы с текстом, взятым из отрывков фильма с последующим просмотром – выработка когнитивной мотивации у слушателя с последующим ее развитием, а также развитие мыслительной деятельности и коммуникативных способностей иностранных учащихся.

Традиционным методом обучения иностранных слушателей чтению считаются тексты о России, истории, культурном развитии. Мы считаем целесообразным провести работу с переводными текстами с использованием документальных фильмов, так как целью отбора текстов является их острая социальная проблематика и когнитивная задача. Тексты, предлагаемые для чтения иностранным учащимся, необходимо частично обновлять, дополнять, актуализировать. Поэтому документальные фильмы должны быть современными, отражающими основные реалии жизни, которые близки иностранным учащимся факультетов довузовской подготовки. Это делает процесс обучения более эффективным и занимательным. Данный вид работы можно использовать в качестве факультатива, поскольку в некоторых российских вузах приветствуется кружковая работа со слушателями и студентами. С помощью документального фильма проверяется умение слушателя, владеющего русским языком не ниже первого сертификационного уровня, воспринимать важную информацию из фильма с последующим анализом текстов.

Список литературы

Гасанова П. М. Буйских Т.М. (2012) Обучение иностранных студентов-нефилологов чтению как виду речевой деятельности (научный стиль), Известия МГТУ «МАМИ», 2, 372-379.

Кудрявцева Е. Л. (2013) Прочтение фильма как текста: художественный фильм на занятиях РКИ и РКДР, Текст в системе обучения русскому языку и литературе. Т. 2., Астана: ЕНУ имени Л.Н. Гумилева, 226–234.

Куприн А.И. (1896) Молох, Электронная библиотека Profilib, URL: <https://profilib.net/chtenie/43737/aleksandr-kuprin-molokh-15.php> (дата обращения: 4.07.2018)

Ляпидовская М.Е. (2014) Чтение в практике обучения русскому языку как иностранному. Филология и культура, 4, 308-311.

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ КАК ОСНОВА ИНТЕРПРЕТАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА НА ИНОСТРАННОМ/РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Яценко Ирина Иосифовна
МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия
irinayat@mail.ru

INTERTEXTUALITY AS THE BASIS FOR INTERPRETING AN ARTISTIC TEXT IN A FOREIGN / RUSSIAN LANGUAGE

Yatsenko Irina Iosifovna
Lomonosov Moscow State University, Russia

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена проблеме анализа интертекстуальности художественного текста при обучении чтению на иностранном/русском языке. Предложен вариант поэтапной работы с художественным текстом как гипертекстом. Описаны и проиллюстрированы три этапа учебной работы с художественным текстом, основанной на исследовании его интертекстуальных связей.

ABSTRACT

The article is devoted to the problem of analyzing the intertextuality of a literary text in the practice of teaching reading in a foreign / Russian language. The variant of stage-by-stage work with the artistic text as a hypertext is offered. Three stages of educational work with an artistic text based on the study of its intertextual relations are described and illustrated.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, анализ художественного текста, интертекстуальность.

Key words: Russian as a foreign language, analysis of artistic text, intertextuality.

Интертекстуальность – одна из значимых категорий художественного текста, основанная на межтекстовом диалоге. Возникновение этого диалога может быть объяснено по меньшей мере тремя причинами: во-первых, исчислимостью литературных сюжетов, во-вторых, пиететом более поздних авторов по отношению к классикам и, в-третьих, все большей проблематичностью для современных писателей оригинального, неизбитого высказывания. Возможности интертекстуальности как приема текстообразования (а значит, и смыслообразования – при читательском восприятии) активно используют писатели-постмодернисты, реализуя игровую природу используемого ими художественного метода. Однако общеизвестно, что интертекстуальность свойственна не только постмодернизму: выполняя определенные эстетические задачи, межтекстовые связи весьма обогащают арсенал писателей, далеких от постмодернистских пристрастий.

Осознавая это, можно выразить сожаление о том, что все (или почти все), связанное с интертекстуальными переключками художественного текста, остается за пределами восприятия иностранных учащихся, когда они читают литературные произведения на иностранном/русском языке.

Вместе с тем углубление представлений инофонов о русскоязычном художественном тексте, содержащем отсылки к другим текстам, вполне достижимо при организации поэтапной работы с ним как с гипертекстом. Прежде чем пояснить данное утверждение, уточним терминологию, которая будет использоваться далее.

Претекст – текст, уже существующий, известный (во всяком случае – автору), который используется при порождении нового текста. **Интертекст** – это текст, обнаруживающий присутствие в себе иных текстов или отсылок к ним, это своего рода концепт претекста, сформировавшийся и зафиксированный в сознании автора. Языковая актуализация интертекстуальности осуществляется через **интексты** – включения в текст фрагментов претекста, который при этом выполняет функцию комментария при тексте. Таким образом претекст и интекст представляют иерархию текстов и образуют гипертекст. Однако интекст в составе нового текста присутствует не механически, а как часть авторской картины мира, и реализует некие задачи автора. Интекст является материальным воплощением интертекстуальности. (См: Текст 2011: 196-213).

Итак, вернемся к идее о работе с художественным текстом как с гипертекстом. Эту работу целесообразно предварять знакомством с претекстом, т.е. текстом-источником. Так, для рассказа «Ника» В. Пелевина это новелла И.А. Бунина «Легкое дыхание», для бунинской «Холодной осени» это стихотворение А.А. Фета «Какая холодная осень...», для рассказа Романа Сенчина «Сеанс» это «Студент» А.П. Чехова, для УІ сонета из «Двадцати сонетов к Марии Стюарт» И. Бродского – стихотворение А.С. Пушкина «Я вас любил...» и т.д.

Однако при этом следует помнить, что претекст – это не самоцель, что при его анализе необходимо сделать акцент на том, что может помочь в декодирования ориентированного на него интертекста. Проиллюстрируем это утверждение обращением к стихотворению А. Фета «Какая холодная осень...» (1854 г.), которое цитируется и даже в определенной мере интерпретируется героем рассказа Бунина «Холодная осень». Это достаточно типичное для Фета стихотворение, в котором состояние природы созвучно душевным переживаниям героя.

Афанасий Фет

Какая холодная осень!
 Надень свою шаль и капот;
 Смотри: из-за дремлющих сосен
 Как будто пожар восстает.
 Сияние северной ночи
 Я помню всегда близ тебя,
 И светят фосфорные очи,
 Да только не греют меня.

Холод осени, сияние северной ночи не могут охладить *пожар* чувств в душе героя А. Фета. Пожар, конечно, может быть связан с восходом или закатом солнца, но одновременно он отражает и страдания лирического героя Фета от неразделенной любви, от холодности его избранницы. С ней у героя ассоциируется северная ночь, в которой светятся, но не греют ее глаза. В рассказе Бунина нет второй строфы стихотворения Фета, но именно она дает ответ на вопросы, которые возникают у читателя. Почему героиня Бунина так бесстрашна, когда говорит о своей жизни после гибели жениха? Почему в ней равнодушна девочка, которую она вырастила? И испытывает ли героиня какие-то чувства к ней?

Интерпретацию бунинского рассказа целесообразно строить на мотивном анализе, поскольку в тексте ясно прослеживаются два конкурирующих мотива – мотив тепла и мотив холода. Первый связан с атмосферой дворянской семьи, с чувствами жениха и невесты, с мирной жизнью и свойственными ей планами и ожиданиями, с прощальным семейным вечером, после которого жених уходит на войну, где вскоре погибает. Мотив холода – это мотив вторжения в частную жизнь героев жестокой истории (война, революция, гражданская война, эмиграция), которая разрушает их счастье и порождает холод в душе пережившей трагедию героини.

Вот как эти мотивы взаимодействуют в рассказе Бунина.

мотив тепла	мотив холода	смысловая нагрузка
В доме: <i>отец курил, над столом жаркая лампа, запотевшее стекло.</i>	В саду, за окном: <i>на черном небе ярко и остро сверкали чистые ледяные звезды.</i>	Мир дома, семьи <i>теплый</i> , спокойный, уютный. Мир вне дома <i>холодный</i> , враждебный.
Герои в саду: <i>швейцарская накидка, пуховый платок, по-осеннему светят окна дома.</i>	Сад: <i>черные сучья, осыпанные минерально блестящими звездами.</i> Герой – своей невесте: <i>Как блестят глаза. Тебе не холодно? Воздух совсем зимний.</i>	Герои отдаляются от защитного тепла дома, семьи и начинают погружаться в <i>холодный</i> , жестокий мир.
Героиня после гибели жениха, потери родных,	Бесстрастность, с которой героиня рассказывает о своей	Мотив холода победил. Когда героиня сказала своему

дома: <i>продавала ... кое-что из оставшегося... - то какое-нибудь колечко, то крестик, то меховой воротник, побитый молью.</i>	жизни после гибели жениха, о смерти родителей, о замужестве, о воспитанной ею девочке, которая не испытывает к героине никаких чувств, как и героиня к ней.	жениху, что не переживет его гибели, она предсказала свою судьбу: она живет, растит девочку, зарабатывает <i>тяжелым черным трудом</i> , но душа ее мертва, она во власти холода, бесчувственна. Однако этому нужно найти подтверждение в тексте!
Героиня: <i>И я верю, горячо верю: где-то там он ждет меня.</i>		Мотив тепла связывается с надеждой героини на встречу с женихом после смерти.

После анализа данных мотивов уместно обратиться к стихотворению Фета, особенно к той строфе, которая в тексте не приведена, но которая дает ясный ответ на возникшие при чтении вопросы: *как блестят твои глаза* – эта фраза ассоциируется с *фосфорными глазами*, но в них нет тепла (*не греют*), нет жизни – отсюда неспособность героини дать тепло девочке и, соответственно, не может быть ответного тепла. Трагедия героини в том, что душа ее холодна, мертва (как и предсказывала героиня, она *не пережила его смерти*), она живет лишь по обязанности, в ожидании встречи с женихом.

Таким образом, мы убедились, что знание претекста дает материал для декодирования текста, который вступает в диалог с текстом-предшественником.

Второй этап учебной работы с текстом может быть связан с поиском в нем интекстов, т.е. разного рода отсылок к претексту (цитаты, пересказы, намеки на детали текста-предшественника, разного рода аллюзии), которые помогают читателю реконструировать смысл текста, приближаясь тем самым к авторскому замыслу. Интексты реализуют некие интенции автора, которые проявляются в выборе им определенной интертекстуальной стратегии.

Продemonстрируем поиск интекстов на материале VI сонета из «Двадцати сонетов Марии Стюарт» И. Бродского, пародирующего стихотворение А.С. Пушкина «Я вас любил...». Текст Бродского является интертекстом по отношению к пушкинскому стихотворению, который в данном случае выступает как претекст.

И. Бродский. 20 сонетов к Марии Стюарт

VI

Я вас любил. Любовь еще (возможно,
что просто боль) сверлит мои мозги,
Все разлетелось к черту, на куски.
Я застрелиться пробовал, но сложно

с оружием. И далее, виски:
 в который вдарить? Портила не дрожь, но
 задумчивость. Черт! все не по-людски!
 Я Вас любил так сильно, безнадежно,
 как дай Вам бог другими - - - но не даст!
 Он, будучи на многое горазд,
 не сотворит - по Пармениду - дважды
 сей жар в груди, ширококостный хруст,
 чтоб пломбы в пасти плавилась от жажды
 коснуться - "бюст" зачеркиваю - уст!

Чтобы интерпретировать сонет Бродского, необходимо выделить в нем интексты и определить их роль в авторском дискурсе. Бродский разрушает и синтаксис, и словарь Пушкина. Первая фраза у Бродского – прямая цитата из претекста (т.е. интекст), однако точка после нее (у Пушкина – точка с запятой), свидетельствует о категоричности лирического героя: любви больше нет, в то время как у Пушкина герой колеблется, сомневается и страдает. Поэтическая инверсия *быть может* заменяется нейтральным – и потому прозаическим – *возможно* (интекст в виде антонимической замены), вместо возвышенного слова *душа* у Бродского *мозги* (интекст!), а неразделенная любовь «огрубляется до физической боли» (по справедливому замечанию А. Жолковского). Там, где у Пушкина набор отрицаний (*не совсем, не тревожит, не хочу, ничем*) и жертвенная сосредоточенность героя на благополучии возлюбленной, у Бродского – полная противоположность в выражении чувств влюбленного героя (*все разлетелось к черту на куски*) и абсолютная его сосредоточенность на своих страданиях – вплоть до комического *застрелиться пробовал*, но помешало отсутствие оружия и проблема выбора – в какой висок *вдарить*. Кстати, просторечное *вдарить* не оставляет сомнений в осознанном стремлении Бродского снизить, даже вульгаризировать текст оригинала. И опять-таки сложно отказать себе в удовольствии процитировать А. Жолковского, что Бродский «нарочито убого имитирует изящные пушкинские параллелизмы» (Жолковский 1994: 203): вместо *безнадежно* – осовремененное *безнадёжно*, глуповатое *так сильно*. Итак, выделенные нами интексты являются «строительной» базой интертекста, созданного поэтом конца XX века.

Какова же цель Бродского, посягнувшего на «наше всё»? Какую смысловую нагрузку несет его интертекст? Какие интенции автора реализованы в нем? Ответы на эти вопросы могут быть даны на следующем, третьем, завершающем, этапе интерпретации художественного текста, взаимодействующего с другими текстами.

Итак, о чем же свидетельствует стратегия Бродского, который откровенно вульгаризирует, осовременивает претекст. Несмотря на явную тенденцию к внешнему снижению классического текста, Бродский фактически повторяет смысл пушкинского

стихотворения: лирический герой Бродского «присваивает» себе переживания пушкинского героя, но перед нами чувства и мысли человека конца XX века, который более открыт в проявлении своих эмоций и желаний, но вместе с тем ограничен нравственными нормами.

Стихотворение Пушкина о неразделенной любви, но любви не угасшей, о любви-страсти, о чем свидетельствуют повторы (анафоры, синтаксические параллелизмы), передающие волнение лирического героя, усложнение синтаксиса и неожиданная концовка, которая, с одной стороны демонстрирует уступание возлюбленной *другому*, а с другой – убежденность в невозможности повторения такого чувства.

Бродский добивается такого же эффекта в своей пародии, показывая нарастание страсти героя к концу стихотворения, но делает это вызывающе, показывая физиологию страсти. Бродский актуализирует скрытый пушкинский подтекст: дважды такого чувства быть не может, но при этом демонстрирует атеистическое мышление современного человека (*как дай вам бог другими...; он* (т.е. Бог – примеч. И.Я.), *будучи на многое горазд*). Последние пять строк – это одно предложение с усложненным синтаксисом, аллитерациями, вынуждающими медленно и четко артикулировать текст. Последняя строка у Бродского повторяет прием обманутого ожидания в концовке пушкинского текста: как Пушкин уходит от ожидаемой рифмы *томим – любим*, так и Бродский не позволяет себе зарифмовать *хруст-бюст*. Вместе с тем Бродский не только обнажает прием Пушкина, но и идет дальше. Во-первых, слово *бюст* имеет здесь ироничный подтекст: если это грудь женщины, то заявление о желании коснуться ее выглядит дерзким, но, с другой стороны, сонет обращен к бюсту, т.е. скульптурному изображению, Марии Стюарт в Люксембургском саду – и тогда автор ерничает, забавляется своей игрой. Тем не менее и Пушкин, и Бродский пишут о неугасшей страсти. И если пушкинский герой – воплощение альтруизма и жертвенной любви, то герой Бродского – поэт, для которого творчество – это сублимация, спасение от любовной страсти. Следовательно, пародируя Пушкина, Бродский демонстрирует тонкость восприятия первоисточника и, идя вслед за ним, производит его адаптацию применительно к другому времени, к другому типу героя, но при этом демонстрирует пиетет, какого достоин Пушкин.

По завершении работы с текстом, ориентированном на интертекстуальность, нередко возникает потребность вернуться к претексту и посмотреть на него сквозь призму уже прочитанного и подвергнувшегося интерпретации текста. При этом актуализированными единицами, служащими вехами для дешифровки смысла исходного текста, являются не «подсказки» автора этого текста (т.е. актуализированные автором языковые единицы, с помощью которых он ведет читателя за собой, по им обозначенному пути), а на основе актуализации интекстов в тексте-последователе. А эта актуализация управляется уже автором

интертекста и его интерпретацией исходного текста. Если интертекст предполагает возможность декодирования через него текста-предшественника, возможен и четвертый этап работы с художественным текстом как с гипертекстом, когда читатель опять возвращается к претексту.

В результате такого взгляда на текст, через другой текст, восприятие претекста нередко насыщается новыми смыслами, которые конструируются не автором оригинала, а создателем интертекста. Он как бы предлагает попробовать оценить претекст по-новому, посмотреть на него с неожиданной стороны. В этом случае интертекст выполняет референтную функцию, при которой активизируется информация претекста. Это своего рода занимательная игра, которая показывает, как писатель может управлять читательским восприятием.

Обычно такой «пересмотр» смысла исходного текста предлагают писатели-постмодернисты. В качестве примера обратимся к рассказу В. Пелевина «Ника», в котором автор мистифирует читателя, повествуя о кошке как о женщине. Мистификация удается благодаря интертекстуальной связи рассказа Пелевина с «Легким дыханием» Бунина.

Интертексты, на которых строится игра автора с читателем, представляют собой цитирование претекста и отсылки к ситуациям текста-источника. В результате этого отношения героя Пелевина с Никой выстраиваются по аналогии с отношениями Оли Мещерской с Алексеем Михайловичем Малютиным, другом отца. Но у Бунина эта сюжетная линия присутствует в очень сжатом виде – о Малютине становится известно только из дневника Оли и только в ее интерпретации. Пелевин, описывая кошку, которая была ленива и нелюбопытна, равнодушна к книгам, любила поспать перед телевизором, поесть, была эгоистична и подчинена только своим физиологическим потребностям, писатель фактически проецирует все эти качества на образ Оли Мещерской. Да, она была одарена красотой, изящностью, жизнелюбием, но при этом эгоцентрична (ветреность, разговоры о гимназисте Шеншине, покушавшемся из-за нее на самоубийство, коварство и жестокое равнодушие к судьбе казачьего офицера, которого она спровоцировала на убийство), лишена душевных качеств, подчинена своим физиологическим желаниям. В интерпретации образа Оли Мещерской с Пелевиным нельзя не согласиться, ведь рассказ Бунина не о драматичной судьбе хорошенькой и ветреной гимназистки, а о легком дыхании (см. Выготский 1987: 140-156). А вот образ Малютина В. Пелевин разворачивает, «дописывает», отождествляя с ним своего героя, мыслящего, неудовлетворенного своим существованием интеллигента, который мечтает об обновлении, об обретении смысла жизни, от которой он уже изрядно устал. И эта позиция оправдывает через пелевинского героя Малютина, совратившего юную гимназистку. Но это уже совсем иная история. Не бунинская. И постмодернистская игра.

Таким образом, не остается сомнений, что интертекстуальность художественного текста обладает большим лингводидактическим потенциалом и может украсить занятия по интерпретации русскоязычного художественного текста в продвинутой и мотивированной иностранной аудитории.

Список литературы

Выготский Л.С. (1987): Психология искусства. Москва: Педагогика.

Жолковский А.К. (1994): Блуждающие сны и другие работы. Москва: Наука.

Текст (2011): Текст: теоретические основания и принципы анализа: учеб.-науч. Пос./ под ред. проф. К.А. Роговой. СПб: Златоуст.

THE USE OF A CASE METHOD ON RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE LESSONS FOR FORMATION CULTURAL COMPETENCE

Antonova Lina Nikolaevna
Amnosov North-Eastern Federal University, Russia
linaneustroeva@gmail.com

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КЕЙС-МЕТОДА НА ЗАНЯТИЯХ РКИ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

Антонова Лина Николаевна
Северо-Восточный федеральный университет, Россия

ABSTRACT

In the paper the case method is considered as an effective way when forming culture through language study (lingvostranovedchesky) competence on Russian as a foreign language (RFL) classes. The case method is used in Russian as a foreign language lessons for retention of the studied material, extension of culture through language study (lingvostranovedchesky) including national and regional vocabulary, development of skills of oral speech.

АННОТАЦИЯ

В данной статье кейс-метод рассматривается как эффективный способ при формировании лингвострановедческой компетенции на занятиях РКИ. Кейс-метод используется на уроках РКИ в целях закрепления пройденного материала, расширения лингвострановедческой лексики, в том числе национально-региональной, развития навыков устной речи.

Key words: case method, case study, Russian as a foreign language, culture through language study, language and country study competence

Ключевые слова: кейс-метод, кейс-стади, РКИ, лингвострановедческая компетенция

Introduction

It is as far back as in the late seventies that methodologists raised questions of including regional country study as a component of culture through language study (lingvostranovedchesky) aspect of teaching Russian as a foreign language (Goryansky 1979: 39). It was noted that usually the textbooks issued in publishing houses of Moscow and Leningrad are used, and unfortunately, there are no textbooks constructed on local regional country study materials. Thus, the regional universities started to publish their own manuals including the materials about culture, traditions, history of their cities and areas.

Republic of Sakha (Yakutia) is a national republic where 2 official languages coexist: Yakut and Russian. Indigenous people of the republic are Yakuts, with the original culture, national customs and traditions. In this regard teachers of our university are faced by a task to acquaint foreign students not only with the Russian country study but also with regional study.

Culture through language study (Lingvostranovedeniye)

It is well known that the leading approach in teaching foreign languages is a communicative approach. It is based on the idea that learning language successfully comes through having to communicate in real life situations. So the main task is providing the skills for effective communication, which we can get by involving learners in real communication. In such communication situations natural learning strategies for language acquisition are used.

According to the Common European Framework of Reference (CEFR), communicative language competence is considered as comprising several components: linguistic, sociolinguistic, sociocultural, pragmatic etc (CEFR). As we see in this document, referred to in RFL teaching methodology of culture through language study (lingvostranovedchesky) competence is not mentioned. The question of translation of this term from Russian into English should be examined in other works.

However, in the E.G. Azimov and A. N. Shukin's "New dictionary of methodical terms and notions" the authors note that this concept is close to sociocultural competence (Azimov, Shukin 2009: 128).

Culture through language study (lingvostranovedchesky) competence of a foreign student includes a knowledge of national customs, traditions, realities of the country of the target language, ability to extract country study/ cultural information from language units and to use it, trying to obtain full communication (Azimov, Shukin 2009: 128).

Speaking about a culture through language study (lingvostranovedeniye) in this paper, we mean a local or regional study. In any case, the concept "regionovedchesky competence" isn't enshrined in dictionaries yet.

A case method

How to develop culture through language study (lingvostranovedchesky) competence of students, for example, who study Russian language at preparatory faculties, in the conditions of limited time where the program is short term – at best 10 months (because many students for various reasons come late), foreigners have mastered Russian from beginners to the B1 level. To distract from

monotone works with textbooks, to enliven educational process with application a case method can help, or a method of situation analysis, also called a method of concrete situation.

The method was created in the United States of America. It was applied for the first time at Harvard Law School in 1870. However active use began in the 1920's at the Harvard Business School, later the first selections of cases began to be published. Recently this method was widely used not only in studying economic sciences, but also natural, medical, law, etc.

The case method is a pedagogical technology of problem and situational type that suggests the use of real or close to situations of economic, production and administrative character with the further analysis and adoption of reasoned decisions. In a general view its main ideas are a definition and solution of important real problems in the situations of uncertainty which don't have one correct decision. (Makhotin D.A. 2014: 94-95). In contrast to the traditional methods of education directed to studying something the case method helps to apply the available knowledge to a certain situation, to solve a practical problem.

However the case method is considered by some experts as a way of studying a subject (if a main goal in studying is the acquisition of a system knowledge) and as a way of mastering a certain content of training, some of the components of which are skills and abilities to carry out activities, i.e. it is a way of formation of skills and abilities as well in different types of activity (Niyazova, 2014: 164).

The educational role of this method is shown in the fact that it allows to unite the theory from a position of real events. With its help it is possible to interest students in studying training material, to increase activity in knowledge assimilation and skills of independent study of information for further decisions, and discussion of a concrete situation. The case method gives the chance to sort a circle of problems that are important for students, provides food for thought, comparisons, conclusions, allows to attract additional material, stimulates desire to express the thoughts spontaneously. Two principles are combined here: the principle of modeling a real speech situation and principle of problematical character. Interaction is carried out not only and not just between the teacher and the student, but also directly between students in groups or microgroups.

In Russian classes this method can be applied to develop the communicative skills, to improve the ability to communicate in groups and also for retaining and using the studied lexical and grammatical material. The main ideas of a case method have multiple alternatives, when there is no definite answer; the goal is not to obtain information in finished form, but to form a private individual judgment, also for the teacher and students' coworking. The results are not only knowledge but also set and acquired skills. The technology of this method is that by certain rules the model of the situation, which is closer to life, is developed, the teacher acts as the leader correcting answers and

supporting a discussion. The undoubted advantage of this method is the formation of practical skills, development of a system of values for students, vital installations and a worldview (Bestsennaya, Fedyaeva, 2014: 32).

Also it should be noted that in a case method the creative potential of a teacher is implemented. Here considerable efforts by teachers, everyday creative work on assessment and selection of situations, the analysis of training material and creation of cases as works of art are necessary.

For whom?

The cases chosen or created by the teacher for Russian class work should correspond to the level of students' preparedness by the volume and complexity. Generally the case method is used in classes with the A2 level students and above. The offered situation should be sufficiently real so that foreign students can imagine it in real life, also it should allow them to choose from a set of decisions and containing a number of factors which lead to discussions, reasoning, estimation of options in Russian with use of the studied vocabulary. The presentation of answers assumes a speech by one or several representatives of a group, microgroup, and then summing up. In some cases it is possible to entrust it to students, but the teacher always reserves the right to interfere with a situation, to add or correct what was said.

In a case method the following stages can be divided:

1. Introduction to a situation.
2. Division of students into groups.
3. Studying of a situation.
4. Discussion of a situation in groups. (optional to cast in group)
5. Game process (analysis of a situation, decision-making, its presentation).
6. Summing up. The analysis of groups activity (optionally - estimates of execution/playing of roles by students).
7. Analysis of an optimal variant.
8. General discussion (Kazabeyeva, 2015: 67-69).

As applied to teaching foreign languages it is necessary to include pre-teaching work/ preparatory activities: explaining the meaning of unfamiliar words (especially culture-specific vocabulary), learning new grammatical forms and cultural comment if necessary).

The composition of the lesson plan was based on the model stated above. As cases have to be based on the real material or close to real situations, the topic "Souvenir from Yakutia" was chosen. The topic of a case is versatile: it is almost possible to adapt it for the A1 level too, using the minimum speech patterns. For example, "Я думаю, что №3 – это хороший вариант". Such cases broaden

students' minds, promote mastering communicative competence and acquaint them with elements of the national culture of the region.

As we already mentioned, to hold successfully classes with use of the case method it is expedient to give a homework to students in advance. The list of words which they have to use during the class is offered; also for advanced level learners an independent search of lingvostranovedchesky data according to information in the situation is possible; for basic level prepared texts are given. For example, during the work with this case it is possible to give a task to A2 level students to look in local shops at what souvenirs are presented there.

Practical exercise “Souvenir from Yakutia”

We will consider use of a case method in the example of practical exercise on the topic "Souvenir from Yakutia". As it has been stated above, in a lesson students come with the offered vocabulary and some data on the set subject.

1. Introduction to a topic "Souvenir from Yakutia".

Students receive the small text about the main character of the case and about his girlfriend. Then they work with computers. Here we use Microsoft PowerPoint presentation as a use of visual methods. On the first slides the photo of the Korean student and summary of him is placed (see Picture 1). Further there is information on his girlfriend (See Picture 2).

2. Division of students into groups.

After the first stage students are divided into teams or groups (depending on the number of people in the group the number of teams can vary) and receive a case situation. It is desirable to divide them into groups of 3-4 people. It is obvious that in a multicultural group it is expedient to create mixed teams where, for example, all the participants of one group should not have the same native language. There are many Chinese students in our groups so when we divide them into teams, there should be at least one student from a different country. The teacher can also appoint a leader of a group.

3. Studying a situation.

At this stage the teacher suggests one student to read the offered situation aloud. In this case the main character of the case has to choose a souvenir gift in the local national style. In the case one of three options is offered: a book, a choroon and silver ring in Yakutian style (see Picture 3). The book is about Yakutia and is published in 5 languages (Russian, English, French, German and Chinese). Choroon is one of the most popular Yakutian souvenirs. It is not just a cup, but also a sacred Yakut vessel. They pour koumiss in it and worship deities, saying blessing – algys. Here the lingvostranovedchesky comment that you can in no way use it as a vase or as a pen and pencil holder

is necessary. The silver products are also of particular importance: for Yakuts silver is a symbol of purity, it was called "white gold" and they appreciated its ability to protect the owner against evil spirits.

4-5. Discussion of a situation in groups.

Having studied a situation in general, having checked photos, the presentation and having analyzed information, students begin discussions in groups. Time for this stage is about 10 - 15 minutes. During this time they have to present "an ideal gift" for the girlfriend of the main character of the case and choose the most suitable option. Each student has to express their opinion, but at the end of the discussion the team has to come to what they believe is the correct decision. At the same time one person has to undertake the function of secretary - to write down arguments in favor of this or that option.

6-8. Summing up.

After a stage of discussion teams go to the center of classroom, represent and defend their choice. In our class there were 4 teams of 3 people. On average, there were 3 arguments therefore each participant has presented one argument, i.e. the communicative objectives of this case have been achieved. The teacher entered the choice of each team on a board so that the overall picture was presented in a table. 2 teams chose the book. Students gave the following arguments in favor of the book: 1. She likes to read. 2. She learns English (the book is written in 5 languages, English included). 3. Doesn't cost much. The third team chose churoon because of interesting drawing. There was a discussion: other teams reminded them that the girlfriend doesn't love things, which just stand on the shelf.

All the teams agreed that nobody chose the "silver ring" option because of its cost. For development of communicative skills work should be continued with a poll of teams as to why they haven't chosen this or that souvenir.

Conclusion

Thus, the case study is a very productive method: the teacher can develop a case on the most varied of subjects, transfer a situation to any country, city, etc. The proximity to a real life situation makes this method really effective. Work with cases promotes activation of speech activity of students. Work with a situation is built so that the communicative task is 100% implemented: at first students speak in groups, then all participants bring one argument before other teams. Thus, a case technology allows us to do interesting and useful classwork and develops necessary communicative skills. Also the *lingvostranovedchesky* competence is implemented: the student gets acquainted with the cultural elements of the region of stay.

References

Azimov E. G., Shukin A. N. New dictionary of a methodical terms and notions (theory and practice of learning languages). M.: IKAR publishers, 2009. – 448 p.

Bestsennaya V.V., Fedyayeva E.V. Specificity of the case method usage in the teaching Russian as a foreign language // Vestnik of Omsk State Pedagogy University. Humanitarian researches. - 2014. № 1 (2). p. 32-35

Goryansky V. D. Questions of local country study as a component of culture through language study aspect of teaching // Lingvostranovedeniye in teaching Russian as a foreign language. Proceedings of scientific and methodological papers edited by Vereschagin E.M., Kostomarov V. G., “Russkiy yazyk” publishers, 1979. – 216 p.

Kazabeyeva V.A. Case technologies in teaching Russian as a foreign language (upper-intermediate level) // Contemporary scientific technologies. 2015. № 6. p. 67-69.

Makhotin D.A. Method of analysis of concrete situations (cases) as a pedagogical technology / D.A. Makhotin // Vestnik RIAT. – 2014. – № 1 (10). – p. 94-95.

Niyazova A.E. Professional qualification process activation of a foreign language teacher by using a case method // «Language and culture» journal №2 (26) 2014 p. 163-173

<https://www.coe.int/en/web/common-european-framework-reference-languages>

Picture 1

Пак Сангмун

- Учится в университете в г. Инчхон (Южная Корея) на 3 курсе экономического факультета.
- Сангмун изучает русский язык 3 года.
- Он выиграл грант университета, благодаря которому он поехал учиться в Северо-Восточный федеральный университет на 1 год.

Picture 2

Девушка Пака Сангмуна.

Она увлекается рисованием, обожает чтение, изучает русский и английский языки, ей нравятся необычные вещи. Она не любит, когда вещь просто стоит на полке. Она предпочитает практичные подарки.

Picture 3

Вариант 1.

- **Чороон** – это кубок, из которого якуты пьют кумыс*.
- Стоимость: 800 рублей.

Вариант 2.

- Серебряное кольцо с якутскими национальными узорами.
- Стоимость: 2000 рублей.

Вариант 3.

- Книга-фотоальбом «Якутия»
- Самые интересные факты, места и достопримечательности Якутии в одной книге.
- На 5 языках.
- Стоимость: 520 рублей.

A CONTRASTIVE AND QUALITATIVE APPROACH TO THE DISCUSSION OF PHONETIC ERRORS IN THE STUDY OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE FOR HISPANOPHONES

Marco-Andrés Camilo-Pietri
University of Puerto Rico – Río Piedras
ma.camilopietri@yandex.com

ABSTRACT

The study of Slavonic languages by Spanish speakers is much underrepresented in foreign language didactics, however most papers consider the English speaker. While many consider FL errors as “acceptable variants”, they become acceptable only as part of the literary language. Therefore, a generalizable definition for error must be set. This article develops this and studies the constituency and origin of common phonetic errors in Russian as a FL from a contrastive and qualitative perspective, considering the students’ native language. It measures the approach’s accurateness using data from a two-year study of Puerto Rican Spanish speakers learning Russian.

Keywords: Russian didactics; Spanish ; Puerto Rican Spanish speaker; Foreign language learning; Contrastive Analysis; Error definition; phonetics; phonology

Introduction

The field of Russian didactics has seen many contributions to the improvement of teaching methods of Russian as a foreign language. The discussion of student errors is often overlooked while trying to develop new strategies to bring students to understand the Russian language. However, very few literature considers the Spanish speaker as an object of study, worth noting in order to develop responsive approaches for Spanish speakers learning Russian. In other words, while many studies consider the English-speaker, few consider the context of the Spanish speaker, the differences in acquisition, and his difficulties. One of the most recent articles, *Типические фонетические ошибки студентов-латиноамериканцев в изучении русского* (Богатырева 1970), appears to study the Latin-American Spanish speaker without considering the major differences among Spanish dialects, while also leaving out many of the particularities of foreign language errors, such as their origin, and constituency.

Considering the typological relationships between the L1 and the FL can be useful to identify possible areas of difficulty, understand the reasons why some errors are more common than others, and why specific errors persist. Therefore, this article centers itself on the problem of recurring phonetic errors among Hispanophones in the study of Russian as a foreign language, approached from a contrastive

and qualitative perspective. The article firstly develops a generalizable definition of the concept *error*, analyses the use of Contrastive Analysis in theory and in practice by observing the relationships between Standard Latin-American Spanish and Russian, and presents a qualitative study based on two years of observations of mostly Puerto Rican Spanish speakers.

Theoretical Background

The Definition of Error

In the study of foreign language errors, a proper theoretical framework must begin with a system of premises that define the object of study and identify it among the possible outcomes. This system should result in a generalizable definition of *error*. *The Study of Second Language Acquisition* (Rod 1994) presents an initial general definition for the concept error, defined as “a deviation from the norms of the target language” (Rod 1994). This definition presents many levels of ambiguity. Firstly, the concept “deviation” is imprecise, since it does not specify its quantity nor the frame of reference. Then there is the concept of norm not clearly contextualized, to indicate if the norm defines the use or if this norm is defined by this use. Finally, the concept of target language does not consider the role and importance of language varieties in foreign language instruction, especially the exposure to varieties outside of this norm.

This paper proposes adding two more criteria to the definition of *foreign language error*: *incomprehensibility* and *ambiguity*. Incomprehensibility will be defined as a deviation that hinders comprehension by a native speaker or another speaker. It is a problem where a word cannot be understood, simply because it cannot be processed as an appropriate word pertaining to the language. Ambiguity is deviation that causes confusion with other words. It is a problem where the precise meaning of a word cannot be understood due to the unclarity of the pronunciation. In short, an error will be a problem from either an *unclear code* or an *imprecise intended meaning* due. In addition, “norms of the target language” should be specified to “the standard dialect taught in the classroom setting”, in order to clearly define both the relationship between norm and use in the context of a foreign language classroom, and the standardized nature of the chosen dialect as the main frame of reference for any deviation.

This paper therefore proposes that an FL phonetic error is “any production that deviates from the standard dialect taught in a classroom setting, that hinders communication due to incomprehensibility (an *unclear code*) or ambiguity (an *imprecise intended meaning*)”. The criteria serve as framework to process foreign language utterances. The initial level of analysis filters normative and deviating productions (creative inventions and other deviating productions, due to extralinguistic causes do not fall within this definition). Deviating productions pass on to the second level of analysis regarding

the source of the deviation: an *unclear code* or an *imprecise intended meaning*. Thus, through this definition, one can filter normative productions from erroneous ones, and classify this latter by the deviation source.

Role of Contrastive Analysis in Research

Based on structuralism, Robert Lado in his *Linguistics Across Cultures* (Lado 1957) laid down the foundation of Contrastive Analysis, claiming that the elements of the target language that are similar to a student's native language will be simple for him and those elements that are different will be difficult. After being the favored approach during the 60s, its effectiveness and use in the study of foreign language learning came into question.

Firstly, although it sought to identify areas of difficulty, Contrastive Analysis was used to *predict* errors. However, Contrastive Analysis can only result in impacting contributions to foreign language didactics under the premise that it can only *identify* areas of *potential* difficulty, and not predict errors. Secondly, the approach was also criticized for assuming that errors derive exclusively from interference. However, the *potentiality* of the identified areas of difficulty mentioned in the first premise implies the existence of other possible influencing factors. Thirdly, the model works best with phonology, but progressively fails at higher levels because “they are far more under the control of the learner” (Lennon 2008). Contrastive Analysis works very well with the phonological level of linguistic analysis. However, higher levels require different approaches.

(Fisiak 1981: 7) mentioned that “the value and importance of Contrastive Analysis lies in its ability to indicate potential areas of interference and errors. Not all errors are the result of interference. Psychological and pedagogical, as well as other extra linguistic factors contribute to the formation of errors” (Khansir 2012). Therefore, Contrastive Analysis in this paper will serve to identify the patterns and correspondences between observed errors and the interactions between foreign and native languages. The accurateness of this approach will be initially examined by analyzing the relationship between these languages, hypothesizing the potential errors based on this analysis, and observing the resulting errors.

Contrastive Analysis of Russian and Spanish Phonetics

Overviewed Characteristics of Spanish and Russian Phonetics and Phonology

The Spanish language is known for its phonetically substantial dialectal variation, seen not only in the variation per country, but also in the multiple varieties within each country. Its extension over more than 22 countries results in approximately more than 70 dialects, grouped into 8 main dialectal groups. Spanish's phonetic inventory consists of 45 segments, from which there are 27 standard

segments (common to all dialects) and 17 dialectal segments: 5 standard vowels, 17 standard consonantal phonemes, 5 standard allophones, along with 10 dialectal phonemes and 7 dialectal allophones among the dialect groups. A Spanish dialect may contain approximately 28 segments, as it is the case for the Puerto Rican dialects. The Russian language, on the other hand, has low dialectal variation with only 3 main dialects. Its phonetic inventory consists of 36 standard consonantal phonemes, 5 standard allophones, 6 vowels, and 4 iotified vowels, for a total of 51 standard segments. Despite having a close number of segments (only a 6-segment difference), the phonetic difference between both languages appears to lie in the particular list of segments that compose each inventory. However, this difference lies not only in the different phonological processes in each language, moreover, it is found in the particular segments to which these already different processes apply. In short, not only are the segments in each language and their phonological processes different, but also the segments to which they apply. This results in the difference in phonological systems.

Phonological Processes of Spanish and Russian

Two major phonological process types were identified: assimilation, and neutralization. Assimilation in both languages affects both voicing as well as manner of articulation.

Assimilative voicing is one of these shared processes in both languages, namely as a regressive assimilation. In Spanish, the only case occurs facultatively when the letter *s* is before a voiced consonant. In some dialects, like Puerto Rican Spanish, the *s* before a consonant is normally aspirated or elided, therefore no voicing can occur (except when slowly or emphatically pronounced); however, in Mexican Spanish, as well as Peninsular Spanish, this regressive assimilation is almost normative (i.e. *mismo* ['mizmo]). In Russian, on the contrary, regressive voicing is a regular phonological rule, occurring at: the joint of morphemes (i.e. сделать ['zdełatʲ]), between prepositions and words (i.e. к дому ['gdomu]), and between words and particles (i.e. не́с бы ['nʲozbʲi]). Another, more common case for assimilation in both languages is regressive devoicing. In Spanish, this occurs only with the voiced stops [b], [d], [g], before voiceless consonants, producing the voiceless equivalents [p], [t], [k], respectively (i.e. *subtítulo* [sup'titulo]). Russian also exhibits regular devoicing but applied to: any word-final consonant (i.e. год [got]), or before a voiceless consonant in one same word (i.e. мужской [muʂ'skoj], водка ['votka]).

Another common phonological process is neutralization. In Spanish, this process occurs in the pronunciation of the letters *s* and *z* (and *c* before an *e* or *i*), neutralized to the phoneme [s]. This type of neutralization is a strong phonological marker of Latin American and South Peninsular Spanish called *seseo*, resulting in the absence of a particular phoneme for the letter *z* (pronounced in other cases as [θ]). In Russian, however, neutralization occurs with vowels, producing a high level of

allophony in the form of vowel reduction. The two standard types of vowel reduction in Russian include *akanje* (reduction of unstressed [a] and [o] to [ɐ] or [ə], according to their syllable position) and *ikanje* (reduction of most iotified vowels and the front vowels to [ɪ]).

Other processes are limited to Spanish and Russian, therefore contrasts worth noting. Lenition, for example, is particular to Spanish, and appears in two forms. Firstly, in many Spanish dialects, such as Puerto Rican Spanish, Andalusian dialects, and Rioplatense Spanish, deaffrication of [tʃ] to [ʃ] is extremely common. Another type of lenition, characteristic to Standard Spanish is approximation, where the voiced obstruents [b], [d], [g] are reduced to [β], [ð], [ɣ], respectively. Russian, despite not showing cases of lenition, shows one of the most known phonological processes among Slavic languages (absent in Spanish): palatalization, occurring with consonants in front of ь (МЯГКИЙ ЗНАК) or an iotified vowel.

Consonant Articulatory Contrasts

Omitting allophones, phonological (contextual) variations of a phoneme, all varieties of Spanish share 17 consonantal phonemes and 5 vocalic phonemes. However, all varieties consist of more consonantal phonemes (and allophones), depending on the dialect. Because of Spanish's huge dialectal variation, the number of consonantal phonemes and allophones can vary from 23 to 28 phones. Under the same consideration (without counting allophones), Russian's phonetic inventory consists of a total of 37 consonantal phonemes and 10 vocalic phonemes. The large difference is a result of the phonological processes previously mentioned, especially palatalization, which almost doubles this number.

The following tables and explanations regard both Russian and Spanish phonetics, their similarities, and their contrasts. The tables contain both phonemes, and standard allophones, since these last ones do not interfere with the methodology of comparing the standard varieties of both languages. The similarities and contrasts among inventories will be classified under the following three categories: *common*, *similar*, and *absent* phones. *Common phones* are identical segments in both inventories or have a minuscule shift in the point of articulation, while strictly maintaining the same manner, voicing, and the same acoustic properties. *Absent phones* are segments that are particular to one of the inventories and, therefore, are non-transferable to the foreign language for being exclusive to that foreign language. However, *similar phones* is a category that privileges acoustic usefulness over articulatory similarity. *Similar phones* are segments that, despite having different articulatory (retroflex, postalveolar, etc.) or phonological (such as palatalization) features, have similar acoustic properties that make them useful to approximate one pronunciation to a particular phone. In the following tables, *common phones* are highlighted with green, *similar phones* are identified with yellow, and *absent phones* are indicated with red. Palatalized consonants will be omitted in the

analysis where indicated, due to the fact that, as previously mentioned, palatalization is a phonological process pertaining only to Russian and not existent in Spanish. Palatalized consonantal phonemes will be identified with purple.

		Bilabial	Labiodental	Dental	Alveolar	Postalveolar	Palatal	Velar
Plosive	Hard	p b		t d				k g
	Soft	pʲ bʲ		tʲ dʲ				kʲ gʲ
Affricate	Hard				ts			
	Soft					tɕ		
Fricative	Hard		f v	s z		ʂ ʐ		x (ɣ) ¹
	Soft		fʲ vʲ	sʲ zʲ		ɕ ʑ		xʲ (ɣʲ)
Nasal	Hard	m		n				
	Soft	mʲ			nʲ			
Lateral	Hard			l				
	Soft				lʲ			
Approximants	Hard							
	Soft						j	
Trill	Hard				r			
	Soft				rʲ			

Figure 1. Inventory of the Russian language. () - allophone.

¹This is a historical phoneme found in preserved Old Church Slavonic words in present Russian, such as Господ and Бога

		Bilabial	Labiodental	Dental	Alveolar	Postalveolar	Palatal	Velar
Plosive		p b		t d				k g
Affricate						tʃ dʒ		
Fricative		f		s		(ʃ)		(x)/(h) ¹
Nasal		m		n		ɲ		
Approximant							(j)	[ɣ]
Lateral					l			
Multiple trill					r			
Simple trill (tap)					ɾ			

Figure 2. Inventory of the Standard Spanish. () - dialectal allophones. [] – standard allophone

¹This pair of phones, corresponding to the letter *j* (or *g + e/i*), represent the same phoneme. The velar [x] is found mainly in Peninsular, and the glottal [h] in mainly Latin American variants. Both are in the same cell to facilitate visualization and analysis; however, it is worth noting that [h] is a voiceless glottal fricative, considered here a *similar phone* and not *common*, while [x] is a voiceless velar fricative, considered as a *common phone*. To simplify analysis, we will consider [x] as the “more standard variant”

Considering only Spanish's standard phonetic inventory (the minimum set of phonemes common to almost all dialects) and comparing it with Russian's, virtually all (Standard) Spanish phonemes are *common* or *similar* to Russian phonemes, and therefore transferable to Russian. Namely, the implications of this within Russian's phonetic inventory are seen in, excluding palatalized segments, 15 out of 19 consonantal phonemes shared between Russian and Spanish either completely (*common*) or virtually (*similar*). This is an important observation that will be explained later on.

Another important observation is that the particular differences of *similar phones* lie either in retroflexion or palatalization. Despite [tɕ] and [ɕ]/[ç] are acoustically similar to [tʃ] and [ʃ] respectively, they are still significantly different in articulation, due to the retroflexed quality of the first set. The same occurs with [nʲ] and [lʲ], which are only different from [n] and [l] in the palatalized quality.

Finally, there are 6 consonantal phonemes particular to one or the other language. While [r] is a phoneme particular to Spanish, the following belong only to Russian: [ʈ], [v], [z], [zʲ], and [ʂ]. Some of these exists in few dialects of Spanish, but in Spanish's standard phonetic inventory these are *absent phones*. From the previous tables, a comprehensive list can be made to visualize the relationships between both phonetic inventories. The following list includes the total pool of phonemes from both languages.

List of Russian and Spanish phonemes

	List	Corresponding letters
Shared	[p b t d k g f s x/h m n r j ʏ ¹]	п б т д к г ф х м н р й
Similar	[tɕ ɕ nʲ lʲ] ≈ [tʃ ʃ ɲ l]	ч ш нь ль
Russian	[pʲ bʲ tʲ dʲ kʲ gʲ fʲ vʲ sʲ zʲ ɕ: xʲ mʲ rʲ v ʂ ʈ z zʲ]	пь бь ть дь кь гь фь вь сь зь щ хь мь рь в л ц з ж
Spanish	[dʒ r]	ll, r (position: V_V)

The following table summarizes the comparison using the same color scheme. Bold, italic, and strikethrough fonts have also been used to identify each category.

	Bilabial	Labiodental	Dental	Alveolar	Postalveolar	Palatal	Velar
Plosive	p b		t d				k g
	pʲ bʲ		tʲ dʲ				kʲ gʲ
Affricate				ʈʂ	tʃ² dʒ		
					tʃ²		
Fricative		f v	s z	sʲ zʲ	f²/ʂ² ʒ		x³ (ɣ)
		fʲ vʲ	sʲ zʲ		eː		xʲ
Nasal	m		n	nʲ		ɲ	
	mʲ			nʲ			
Lateral			l	l			
				lʲ			
Approximants						j	
Trill				r			
				rʲ			
Tap				ɾ			

Figure 3. Similarities and Contrasts of Combined Phonetic Inventories

¹The phonemes [s] and [n], notwithstanding the “minuscule shift in the point of articulation”, they are considered as *common phones* (contrary to *similar phones*, which have a more substantial difference, such as retroflexion or palatalization)

²These pairs are acoustically and articulatorily similar, despite their difference in retroflexion.

³The phoneme [x] was chosen as the “more standard variant” as mentioned in the previous table.

According to the table, excluding palatalized phonemes, only 6 phonemes are opposed between both languages, and 4 have approximate articulatory properties, leaving 14 *shared phones* out of 24 non-palatalized segments; a total of 58.3% of the total Russian phonetic inventory shared with Spanish.

Contrasts of Consonantal Pairs by Voicing

By observing consonantal phonemes organized by voicing in both languages, another noticeable contrast between both languages can be observed: the number of voiced and voiceless phonemes.

As mentioned before, Spanish has a tendency towards voiceless assimilation, and therefore also tending towards voiceless consonants. When consonantal pairs are compared side by side according to voicing, Spanish consists not only of fewer consonants, but particularly much fewer voiced consonants. As seen in the following table, excluding liquids and nasals for not having corresponding pairs, out of all the consonantal pairs, Spanish has only 3 voiced consonants with corresponding pairs, whereas Russian has double the amount with a higher occurrence of voicing assimilation (as seen previously).

Contrast of Consonantal Pairs by Voicing

Voiced			Voiceless			Voiced			Voiceless		
[b]	Бб	Bb	[p]	Пп	Pp	[z]	Зз		[s]	Сс	Ss
[d]	Дд	Dd	[t]	Тт	Tt	[z] ≈ [ʒ]	Жж		[ʃ] ≈ [ʃ]	Шш	(Sh) ²
[g]	Гг	Gg	[k]	Кк	Kk				[tʃ] ≈ [tʃ]	Чч	Ch
[v]	Вв	¹	[f]	Фф	Ff				[ts]	Цц	
									[ɕ:]	Щщ	

¹ [v] does not exist in Spanish, but a spectrum of pronunciation due to betacism does exist. [v] is pronounced mainly as a [β], an approximant between [b] and [v] in word internal positions, and as a [b] in word initial, after pause, or pre-occlusive positions.

² [ʃ] exists in two instances in Spanish: dialects where deaffrication occurs (i.e. Argentinian and Puerto Rican Spanish), and onomatopoeic expressions or foreign words: *¡shhh!*, *shampoo*, etc.

Given the significant difference in inventories, due to the overall tendency towards devoicing both as a phonological process as well as a frequent phonetic feature in the inventory, special difficulty could be expected with voicing consonants. That is, Spanish-speaking students could have difficulty in voicing consonants in general, particularly voicing voiceless variants. For example, a student may have difficulty voicing [f] or [s] into [v] and [z] respectively, both absent in Spanish and requiring a phonological process that is rare in his native language.

Proportion of segments

After analyzing both languages' inventories, the similarities and contrasts can be calculated. The following is a list of phonemes from both languages, similar to the one previously presented, with the calculations of their respective levels of similarity. The percentages are calculated from the total pool of phonemes (38) from both inventories combined, in order to show the proportion of similarities.

Proportion of similarities among Russian and Spanish phonemes

	Russian – Spanish	#	List
Shared segments	36.8%	14	[p b t d k g f s x/h m n r j ʎ]
Similar segments	10.5%	4	[tʃ ʃ nʲ lʲ] ≈ [tʃ ʃ n l]
Total absent segments	52.6%	20	
Absent in Spanish	50%	19	[pʲ bʲ tʲ dʲ kʲ gʲ fʲ vʲ sʲ zʲ ɕ: xʲ mʲ rʲ v ʎ ts z zʲ]
Absent in Russian	2.6%	1	[ɕ]
Total	100%	38	

Contrastive Analysis and Expected Phonetic Errors

As mentioned in a foregoing discussion, the role of Contrastive Analysis in this paper is to “identify the potential areas of interference and errors” (Fisiak 1981: 7). The previous analysis shows that there are not only similarities and differences between both languages, but also various degrees of similarity. Understanding this spectrum contributes not only to adjusting teaching methods to the students’ linguistic context and needs, but also to identifying how the different levels of convergences and differences result in different errors. Based in the previous analysis, this paper proposes as a hypothesis the following potential areas of error for Spanish speaking students of Russian.

The first area of expected error is palatalization. As seen in the phonological analysis, palatalization is an exclusively Russian phonological process. Contrary to English, where, aspirated consonants may count as *similar phones* to palatalized consonantal phonemes, Spanish has no equivalent to palatalized consonants. Therefore, it could be expected that students will “coalesce” (Stockwell and Bowen 1965) palatalized consonants into the Spanish, non-palatalized consonants. Instead of pronouncing the infinitive говорить [gəvə'ritʲ] (to talk), the palatalized т (ть [tʲ]) would be pronounced as *[t], resulting in the third person singular present tense *[gəvə'rit] (he talks). Affrication is also an expected area for errors. Due to either the strong tendency towards deaffrication, a phonological transfer can also be expected. This would result in words like читает [tʃi'tajet] (to read) pronounced as *[ʃi'tajet], which may be confused with считает (to consider) [sei'tajet]. Voiced fricatives are also expectedly difficult, which may result in errors, given not only the already scarce inventory of voiced consonants, but because of the overall total absence of voiced fricatives in Spanish. As a result, students would produce voiceless fricatives, especially in onset positions, as in the cases of жар (heat) *[ʃap], mispronounced as шар (sphere), and жутко (terrifying) *['ʃutkə], mispronounced as шутка (joke). Finally, the mispronunciation of the phoneme [z] is also expected, since this phoneme is almost completely absent in Spanish. This would result in зуб (tooth) pronounced as *[sup] (soup), and забор (fence) as *[sə'bor] (assembly).

Expected Errors

Area	Justification	Outcome	Example
Palatalization	Exclusive to Russian	[–palatalized]	Говорить → *[gəvə'rit]
Deaffrication	Persistent lenition of [tʃ]	[–affricate]	читает → *[ʃi'tajet]
Lenition of plosives	Strong tendency in Spanish	[–approximant]	зовутъ → *[za'βut]
Voiced fricatives	Absent phonemes and few	[–voiced]	жар → *[ʃap]
Phoneme [z]	voiced consonants		зуб → *[sup]

Qualitative Approach to Spanish speaker Errors in RFL

Background

The studied population consisted of Puerto Rican students at university level courses from first-through fourth-semester Russian. The first group initially consisted of 40 students from various departments and colleges, mostly from the Foreign Languages Department. Despite most students had already a varied background in foreign language learning, a significant amount also consisted of first-time foreign language students in their third and fourth years of study. The most advanced groups consisted of approximately 10 students, with a random representation of departments and faculties, and who began without previous contact with the language, most of them having no contact with any other foreign language.

The list was developed after a 2-year period through indirect and anonymous observations. This article's definition of *error* was used to filter the productions into erroneous and permissible. Only erroneous productions were qualitatively classified into *majority* and *minority occurrence*, with respect to the number of students. Productions were recompiled from in-class and in-laboratory exercises.

Qualitative Observations and Explanation

Resulting Errors

Error	Result	Observed occurrences
	[-voiced]	в [v] – ф [f]: враз П *фраз, сова П *софа ж [z] – ш [ʃ]: скажу П *скошу, шар П *жар, жили П *шили
	[z] П [s]	з [z] – с [s]: зад П *сад, розы П *росы, зуб П *суп
3 Lenition	[v] П [β]	[b] ↔ [v]: банная ↔ ванная, бы ↔ вы [b] or [v] → [β]: банная → *ванная or [βан:aja]
3 Coalescence	[-palatalization]	быт → *быть, мат → *мать, говорит → *говорить
3 Deaffrication	[-affrication]	часто → *['ʃastə], царица → *[sarit̪sa], очество → *[oʃestβa]

To correct these and other foreign language errors, it is necessary to assess their constituency and their origin. Errors were classified according to *ambiguity* and *incomprehensibility*. Regardless of the type of error, the students' native language influenced the final productions, resulting in both incomprehensible and ambiguous errors. To understand these productions as errors, they will be explained in the context of both the native language's influence and the implications of each error type.

The devoicing of voiced fricatives can be expected from productions for words like скажи, розы and творительный are mostly [ska'ʃi], [ˈrosi] and [tfa'ritʃelni:]. According to the observations, devoicing errors mostly lead to *ambiguous errors*, whereas *incomprehensible errors* are rare.

To understand lenition errors, the native language should be taken in consideration. As mentioned, the phoneme [v] does not exist in Spanish, but instead the approximant equivalent [β]. This results in a phonological process called *betacism*, where [b] and [v] are confused by the use of this approximant [β]. This is transferred by Spanish speakers to Russian, and seen in productions such as [βi], [βan:aja] and [βit], easily confused with вы/бы, ванная/банная, and быть/выть, respectively. Another case transferred to Russian is the deaffrication of ч into ш. Spanish has a general tendency of softening affricates. When transferred to Russian, this results in productions such as [ˈʃastə], [sa'ritsa] and [ˈofestβa] instead of часто, царица and отчество. Lenition errors produce both *ambiguous* and *incomprehensible errors*, however there is a tendency to appear in the form of *ambiguous errors*, according to the observations.

Palatalized consonants were also one of the most frequent errors. Expected from its absence in Spanish phonology, for almost all consonantal phonemes, palatalized phonemes along with their non-palatalized counterparts coalesced into non-palatalized phonemes. Because of their absence in Spanish, students have no experience with the phonetic realization, much less with its corresponding phonological rule. This coalescence can occur in productions such as [ku'pit] for купить, and [gava'rit] for говорить, frequently causing *ambiguous errors*, since the absent palatalization can result in a completely different word, such as the difference between мать and мат (both produced by Spanish speakers as [mat]).

Conclusion

Contrastive analysis, despite the strong criticism, turned out to be a very accurate approach in identifying potential areas of difficulty. Furthermore, developing a structured definition for *erroneous productions* (errors) led to better balance the dichotomy between prescriptively correcting non-normative productions and pragmatically allowing minor deviations, while also creating an empirical framework to filter deviating productions according to their implications in the target language (comprehensibility and accurateness). Moreover, this paper proved that the influence of the students' native language did help understand the source and constituency of the most common phonetic errors in RFL. In conclusion, the contrastive and qualitative approach to the question of phonetic errors turned out to be very successful. This article will serve as a theoretical and qualitative basis for research on FL errors, and on phonetic errors in the study of Russian as a foreign language for Hispanophones. A quantitative approach to the question is expected to be carried out by the researcher

based on a larger and more detailed corpus. The author hopes that this paper will help draw attention to considering the differences in students' linguistic contexts, and their implications for teaching methodologies, to begin developing more responsive methodologies that respond to other language groups in teaching of Russian as a foreign language.

References

Fisiak, J. (1981): *Contrastive Linguistics and the Teacher*. Oxford Pergamon Press.

Khansir, A. A. (2012): *Error Analysis and Second Language Acquisition. Theory and Practice in Language Studies*. doi:10.4304/tpls.2.5.1027-1032

Lado, R. (1957): *Linguistics across Cultures: Applied Linguistics for Language Teachers*. University of Michigan Press.

Lennon, P. (2008): *Contrastive Analysis, Error Analysis, Interlanguage*, Bielefeld Introduction to Applied Linguistics, Aisthesis-Verlag, 51–60.

Rod, E. (1994). *The Study of Second Language Acquisition*. Oxford University Press.

Stockwell, R. P., & Bowen, J. D. (1965): *The Sounds of English and Spanish*. Chicago: Chicago University Press.

Богатырева, И. В. (1970): Типические фонетические ошибки студентов-латиноамериканцев в изучении русского, *Очерки по методике преподавания русского языка иностранцам*, 40–50.

ASSESSMENT LITERACY OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE (RFL) TEACHERS

Anastasia Drackert
Ruhr-University Bochum, Germany
anastasia.drackert@rub.de

Wolfgang Stadler
University Innsbruck, Austria
wolfgang.stadler@uibk.ac.at

КОМПЕТЕНЦИЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ РКИ В ОБЛАСТИ ОЦЕНИВАНИЯ

Анастасия Ивановна Драккерт
Рурский Университет г. Бохума, Германия

Вольфганг Штадлер
Инсбрукский Университет, Австрия

ABSTRACT

The focus on competence-orientation in the Russian language classroom still confronts RFL teachers with new challenges not only when teaching but also in their assessment of students' performances. We report on the results of a needs analysis whose aim was to survey the assessment practices of in-service teachers of RFL ($N=198$) in Austria, Germany, Switzerland and South Tyrol (Italy) as well as their actual needs in terms of assessing student classroom performances in Russian. We conclude by presenting a list of recommendations for the training of pre-service and in-service RFL teachers.

АННОТАЦИЯ

Компетентностный подход в обучении иностранным языкам по-прежнему представляет особую сложность для преподавателей русского языка как иностранного (РКИ) не только при обучении, но и при оценке знаний учащихся. В статье представлены результаты исследования, цель которого заключалась в сборе данных о существующей практике, используемой преподавателями РКИ в Австрии, Германии, Швейцарии и в Южном Тироле (Италия) при оценивании навыков и умений владения русским языком у школьников, а также в определении их потребностей и проблем, возникающих при оценивании школьников. В заключении приводится список рекомендаций по подготовке и повышению квалификации преподавателей РКИ.

Keywords: Russian language classroom; assessment literacy; needs analysis; classroom-based assessment

Ключевые слова: Русский как иностранный в школе; компетенция оценивания; анализ потребностей; оценивание в классе

Introduction

An understanding of good assessment practices and the ability to apply this knowledge to assessing students, often referred to as ‘assessment literacy’, is fundamental to achieving and maintaining an overall good quality of teaching and learning. This recent acknowledgement of the central role that assessment plays in students’ learning has led to a growing interest in assessment literacy in different educational contexts (Stiggins 1991). Since classroom teachers have been recognized as key agents in educational practice (Leung 2014; Bachman & Damböck 2017), it is only logical that assessment literacy has also become an important component of the professional competence of teachers in general and foreign language teachers in particular.

Language Assessment Literacy (LAL): definition and previous research

Language assessment literacy – understood as a specific type of assessment literacy – is defined as “the ability to design, develop and critically evaluate language tests and other assessment procedures, as well as the ability to monitor, evaluate, grade and score assessments on the basis of theoretical knowledge” (Vogt & Tsigari 2014: 377). In spite of two decades of research in LAL, only few studies have dealt with LAL of classroom teachers, some of them addressing their general LAL (Hasselgreen, Carlsen & Helness 2004; Vogt & Tsigari 2014), others focussing on language assessment literacy in a particular language skill, for example in writing (Crusan, Plakans & Gebril 2016). Among these studies, only one needs analysis has been conducted in Germany (Vogt & Tsigari 2014).

Vogt and Tsigari conducted a large-scale study in seven European countries (one of them being Germany) in order to explore perceived LAL levels of foreign language teachers and their training needs in language testing and assessment. The results of the German sample showed that the majority of the informants, namely teachers of English (EFL) in different educational institutions, had received no or little training in LAL. If training did take place, its focus was on testing micro-linguistic aspects and language skills. Innovative aspects of assessment, such as self-assessment or the use of the European Language Portfolio (ELP), were identified as important areas of professionalization. At the same time, EFL teachers expressed no need for training in the area of developing and marking classroom tests. Having compared the results from seven European countries, the researchers eventually concluded that professional training in assessment should be tailored to teachers’ needs and should take into account their existing practices.

To find out the actual needs and existing assessment practices of RFL teachers – a group that has been neglected so far in LAL-research (Drackert & Stadler, 2017) – we carried out a survey among RFL teachers in four German-speaking countries.

RFL at secondary schools in German-speaking countries

In German-speaking countries, Russian is primarily taught as a second (former GDR), third or fourth foreign language (former West Germany and Austria), with the exception of Waldorf Schools, where Russian is frequently taught as the first foreign language. In many cases, there is only one RFL teacher employed at a school. Russian is considered a minor subject ('kleines Fach') despite the fact that 111,185 pupils were learning RFL in Germany in school year 2015/2016 and about 7,600 in Austria in school year 2014/15 (Source: *Tiroler Tageszeitung* 27.9.2017). Russian ranks fifth among foreign languages taught in secondary education (Mehlhorn 2016: 536).

For Russian there exist no comparative studies as there are for English or German (VERA⁶ or DESI⁷), and there are only two standardized Russian tests (*TRKI, telc*) on the market, neither of which was developed for the secondary school learner population, but for adults. Furthermore, in comparison with English as a foreign language, there is hardly any literature including best-practice examples for assessing language skills in Russian. RFL teachers have only few opportunities to work together with colleagues or deal with external assessment, which has proved to be conducive not only to increasing the quality of tests but also to increasing the teachers' assessment literacy (Stadler & Kremmel 2018: 53). This deficit makes RFL teachers 'stew in their own juice', which has an influence not only on their assessment practices but also on their assessment literacy.

Study

Participants

A total of 198 RFL secondary school teachers took part in the survey: 109 from Germany, 65 from Austria, 17 from Switzerland und 7 from South Tyrol. Their teaching experience ranged from one to 30 years or more. Around 70% of the respondents are involved in conducting or assessing school-leaving exams in Russian. Most of them ($N=141$) teach Russian at grammar schools ('Gymnasien').

Data collection and analysis

A three-part online questionnaire developed by the authors was used for data collection. Part 1 included 12 questions on the teachers' professional background. A total of 13 questions in part 2 dealt with different aspects of assessment practices of RFL teachers with a focus on classroom assessment

6 VERA is short for *Vergleichsarbeiten*, which are written comparison tests that students take in the 3rd and 8th grades (VERA-3 and VERA-8) in Germany (cf. <https://www.iqb.hu-berlin.de/vera>).

7 DESI is short for *Deutsch-Englisch-Schülerleistungen-International (German-English-Classroom Performances-International)*. The study provides basic information on the performance levels of 9th grade students in English and their current mastery of the German language. It also endeavors to explain the differences in achievement levels and students' basic knowledge for educational and school policy intervention measures, the revision of curricula, textbooks and teaching materials as well as for teacher education (cf. <https://www.kmk.org/themen/qualitaetsicherung-in-schulen/bildungsmonitoring/internationale-schulleistungsvergleiche/desi.html>).

such as guidelines and criteria for assessment, the functions of assessment in RFL classes, the frequency of assessing different skills and the frequency of using different task types and test formats. Part 3 consisted of three questions concerning RFL teachers' wishes and needs regarding the in-service training of assessment procedures. The questionnaire can be downloaded from the IRIS database (<https://www.iris-database.org>).

Ten out of 28 questions were in the open-ended format, which allowed teachers to introduce new content and express their opinions beyond the answer options provided. The answers to the open-ended questions were put into different groups by each individual author, then a common categorization was agreed upon, thus the nomination of the categories derives from the authors. For example, answers such as communication, oral communication, and communicative skills were combined into a single category labelled "communicative competence".

The survey was developed in esurv (<https://esurv.org>) and distributed primarily through national and regional associations of RFL teachers in the four countries. The data collection took place in fall and winter 2016/17.

Results

In order to determine the **teachers' workload related to assessment**, they were asked how much time in total they spend – both at school and at home – preparing assessment instruments, developing tests, correcting and marking tests and discussing test performances and test scores (Q16). The results showed that around one third of the teachers spend 20–30% of their time on assessment procedures, and around 20% of the participants each spend either 10–20% or 30–40% of their time on assessment. Teachers who devote between 5% to 10% or more than 50% of their time to assessment procedures make up 10% of respondents in each group.

Regarding their **training in language assessment** (Q11), the results of the survey showed that around 62% of the teachers attended courses at university or during their in-service training that taught them aspects of language assessment, whereas around 38% received no such training at all. It should also be noted that the percentage of teachers who received this kind of training was the highest in the group of teachers who started to teach Russian less than 5 years ago as compared to any other group. This indicates that the topic of assessment has recently started to play a greater role in teacher training than it did in the past. As far as the contents of the assessment courses are concerned, most of the courses dealt with linguistic aspects such as analyzing morpho-syntactic and lexical mistakes and correcting and marking texts.

In secondary school contexts there are certain **legal regulations that determine different aspects of assessment** in RFL classes; therefore, we asked teachers whether they were aware of such

regulations in the specific educational context they work in (Q20). While 51.1% of the informants mentioned that they were aware of the fact that such legal regulations existed, 22.6% stated that there were no guidelines whatsoever that influence their assessment practices. Transferring regulations from other foreign language subjects or from the school-leaving exams was mentioned by about 9% of RFL teachers.

Since assessment procedures should reflect the **learning objectives in the RFL classroom**, the respondents were asked to identify the main goals of their Russian classes (Q13). The two objectives most frequently mentioned by RFL teachers were communicative competence (17.6%) and a basic knowledge of grammar and vocabulary (15.9%). Other frequently mentioned goals were different aspects of multilingualism (12.3%), skills according to CEFR (11.6%), cultural knowledge (9.7%), making learning Russian pleasurable (8.5%), positive attitudes towards and an interest in the Russian language and culture (7.2%), methodological competence, i.e. learning how to learn a foreign language (5.3%), and the ability to perform real-life tasks (5.1%). When the answers ‘communicative competence’, ‘ability to perform real-life tasks’ and ‘skills according to CEFR’ are combined, they amount to 34.1% of all aims listed by RFL teachers, which is twice as much as ‘basic knowledge of grammar and vocabulary’.

The results of the survey also indicated that the **frequency of assessment of different skills** roughly corresponds to the hierarchy of teaching objectives (Q24). The respondents had to rank how often they assess different skills on a scale from 1 (‘never’) to 4 (‘often’). Out of the 13 (sub)skills given, RFL teachers reported testing speaking (3.69), writing (3.59), vocabulary (3.57), and grammar (3.50) most frequently. Mediation (2.63), intercultural competence (2.58), audio-visual comprehension (2.49), and sociopragmatic competences (2.25) were ranked the lowest. Among the traditional four skills, listening comprehension is tested least frequently. Yet the reported frequency of assessing different language skills is not reflected in the **use of different task types and test formats** as reported in the answers to Q24. Out of the five test formats that are used by more than 80% of the teachers (answering questions about a text (audio, audiovisual) using keywords, multiple choice, matching, role play, vocabulary tests), only one format can be used to assess speaking, and not a single task type assesses writing. The task types used least frequently, namely by fewer than a third of the teachers, are portfolios, editing tasks and descriptions of pictures in stories.

Since teachers’ **subjective theories about a ‘good’ test** influence their use of tests, their development and correction, we asked RFL teachers to describe what a ‘good’ test means to them (Q17). A test that corresponds to the instruction and the competence level of the group was the most frequent answer given by the teachers (19.3%). According to the informants, a ‘good’ test should also target different skills (11.6%), differentiate between weak and strong pupils (11.2%), be transparent

in terms of assessment criteria, marking and task types (10%), include different types of tasks (9.6%), be valid (9.2%) and feasible (9.2%), should provide feedback to teaching (7.6%), and be interesting to students (7.6%). Only few answers referred to useful feedback for learners (2.8%) as a ‘good’ test characteristic.

Only if teachers are aware why they actually assess their learners and how to use the information gained in this way, can assessment be valid and useful. As shown in Figure 1, RFL teachers mention 13 different **purposes of assessment**, most of which are also mentioned in the research literature on assessment. The majority of the answers given to Q15 refers to assessment of learning, in other words, summative* assessment (19%), and using assessment as feedback to inform instruction (16.7%). The category ranking third is ‘assessment of knowledge’ (15.8%), comprising answers such as ‘testing of lexis and grammar’ without explicitly mentioning a definite purpose.

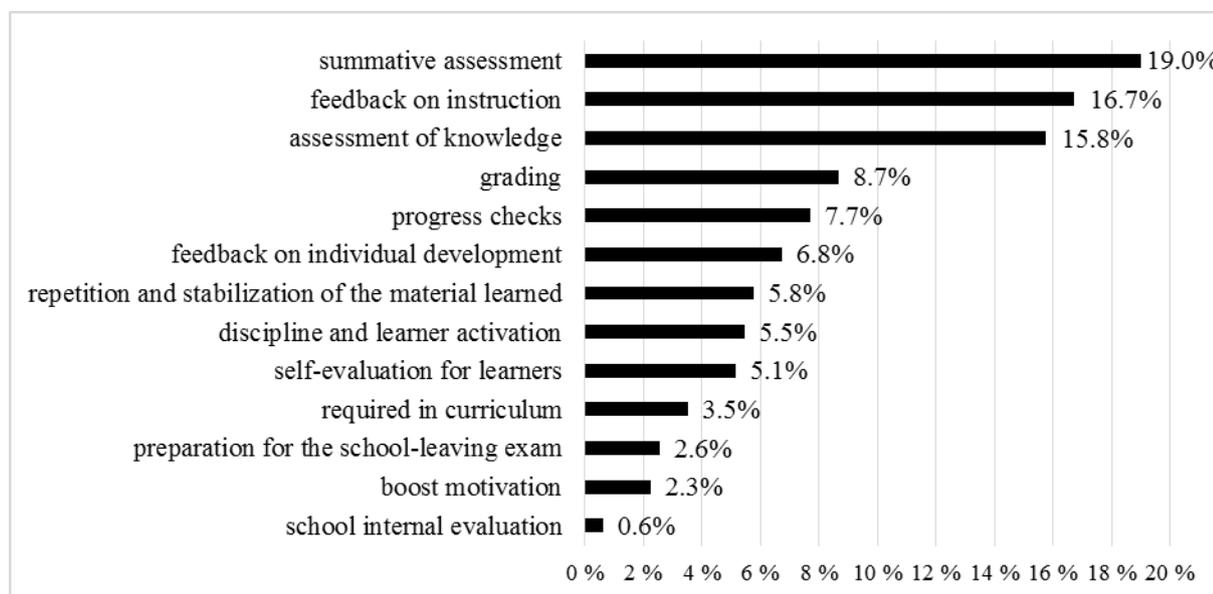

Figure 1. Functions of assessment.

A large percentage of the answers deals with assessment *for* learning (28%): progress checks (7.7%), feedback on individual development (6.8%), repetition and stabilization of the material taught (5.8%), self-evaluation for learners (5.1%) or preparing for the final school-leaving exam (2.6%). These results correspond with the teachers’ answers to Q21, in which they had to rate **the functions of written and oral exams** according to their importance on a 6-point Likert scale from 1 (=‘not important at all’) to 6 (=‘very important’). The four functions that were rated highest deal with both summative and formative assessment: RFL teachers use assessment so that students see what they can do and where they still have problems ($M=5.31$), to give students individual feedback on their strengths and weaknesses ($M=5.26$), to check whether students have achieved the learning objectives ($M=5.11$), and to let them reflect on their own learning process and progress ($M=5.09$).

When asked **to evaluate different components of language assessment literacy** which are important for their job as a RFL teacher on a scale from ‘not important at all’ (=1) to ‘very important’ (=6) (Q23), respondents rated five components highest: making assessment transparent and comprehensible ($M=5.6$), assessing learners in a fair way ($M=5.4$), giving students feedback on the basis of test scores ($M=5.3$), evaluating the impact of instruction ($M=5.2$), and learning about students’ strengths and weaknesses ($M=5.2$).

With regard to the **development of tests** (Q25), most of the respondents reported that they create tests and test tasks on their own (25.9% of the answers), adapt tasks from textbooks or the teacher’s handbook (22%) or recycle old test tasks (16.4%). In only about 12% of all cases do teachers develop tasks together with colleagues or adapt tasks from the Internet.

When asked to express their **wishes and needs for professional training in the area of language assessment** in an open format (Q26), teachers see the biggest need in the training of developing and assessing four-skill-tasks (25.6%). Various teaching-related topics not connected with assessment (17.6%) come second. The other four most frequently mentioned needs deal with creating new test formats for the school-leaving exam (9.7%) and the training of assessing speaking (9.3%), writing (7.5%), and mediation tasks (7.5%). These results correspond to the teachers’ answers to Q27, in which they had to rate a list of topics for professional training sessions on a scale from ‘not important at all’ (=1) to ‘very important’ (=6). As can be seen in Table 1, the most important areas where teachers feel the need for further training are the development and evaluation of classroom tests ($M=4.91$), the development and evaluation of school-leaving exams ($M=4.81$), and the use of evaluation grids for assessing speaking, writing and mediation tasks ($M=4.80$). The three areas of assessment in which RFL teachers consider training least necessary are the Russian certificates ‘Тестирование по русскому языку как иностранному’ (ТРКИ) ($M=3.61$), the use of self-assessment ($M=3.58$), and the use of peer-assessment ($M=3.50$).

Table 1. Topics mentioned for training sessions

Topics	M
Development and evaluation of classroom tests	4.91
Development and evaluation of school-leaving exams	4.81
Assessment scales for speaking, writing and mediation	4.80
Adapting existing tests for one's own classes	4.42
Effective feedback on the basis of test results	4.42
Analysis and evaluation of the conducted tests	4.39
Advantages and disadvantages of different task types	4.34
Testing integrated skills	4.27
Development of test specifications	4.13
Testing intercultural competence	4.11

Evaluation of project work in RFL classes	4.09
Continuous formative assessment in RFL classes	3.86
Russian certificates ТРКИ	3.61
Self-evaluation	3.58
Peer-evaluation	3.50

Discussion of results

Before discussing some of the results in more detail, we would like to mention that we are aware of the limitation of our study, which has so far been conducted by using a questionnaire only. Qualitative analyses such as teacher interviews and classroom observation will undoubtedly have to follow in order to back up our data and reduce the risk of falling prey to social desirability. What came as a surprise in our study is that communicative competence and task-based learning have finally entered the Russian language classroom; this does not correspond with the feedback both authors have received in numerous training sessions from RFL teachers over the years: Russian has to be taught differently because of its morphosyntactic and lexical complexity.

Teachers in Austria, Germany, Switzerland, and South Tyrol are both instructors as well as test developers and assessors. Around 25% of their time is spent testing and assessing student performances, but 38% of the respondents state that they underwent no training in testing and assessing during their university career and/or their in-service teacher training. In our opinion, this calls for an implementation of testing and assessing modules in foreign language teaching curricula. Assessment literacy has only played a minor role in ‘Education Land’ so far (DeLuca & Klinger 2010; Popham 2011: 267). The fact that nearly a quarter of all RFL teachers think that there are no existing guidelines that might influence their assessment practices suggests that teachers need to be made aware of the relevant regulations and decrees during their studies or in-service training sessions.

It is due to the teachers’ double-role as stakeholders that they should equally be taught and trained in the fields of assessment *of, for* and *as* learning. The answers given by the teachers in the survey differ according to the type of question format: in open questions they stress the necessity of summative assessment and its importance as feedback on their teaching, while in closed questions RFL teachers favour formative and diagnostic assessment and individual learner observation as key purposes of a test. Diagnostic testing as a topic for further training is, however, just an ‘also-ran’: only about 1% of the respondents mention it. Equally remarkable is the fact that only 2.8% of the teachers consider a test to be a crucial means of providing feedback to the learner.

Since classroom-based assessment is mainly brought about by justification processes in connection with achievement tests (Bachman & Damböck 2017), the role of norm-oriented marking on the one hand and criterion-referenced grading on the other hand needs to be considered and discussed with more weight in educational curricula. In the survey, nearly 20% of the RFL teachers

emphasize that a ‘good’ test is tailored to the learner group’s level of competence and based on the instruction which has preceded it. Despite the fact that communicative competence has finally entered the Russian language classroom, teachers nevertheless feel that a sound knowledge of grammar is necessary, and that all students – even the weaker ones – should pass the tests and exams given. This situation requires a differentiation of tests, which makes it necessary to introduce dynamic assessment forms and focus on the interplay between achievement and proficiency, curricular validity and construct validity in classroom assessment.

In the eyes of RFL teachers, only 9.2% consider construct validity as a characteristic of a good test. According to them, construct validity means testing the learners’ ‘real competence’. Weak students in one group might be average students in another group – so much for norm-orientation. What really matters is the competence level they should reach according to the CEFR. But if teachers match their tests to their students’ individual abilities, they may want to consider whether the decisions of what their learners’ ‘real competence’ is can be consistent and fair. They will also have to consider whether their scores are comparable to the scores of teachers in other schools, especially when they are the only RFL teachers at their schools. According to our survey, on a scale from 1 to 6, highly ranked components of language assessment literacy are transparency and comprehensibility ($M=5.6$) as well as fairness ($M=5.4$); therefore teachers need to learn how to set up assessment blueprints, write understandable rubrics and develop valid and objective tasks.

Since RFL teachers may have few opportunities to meet with fellow teachers to discuss relevant language performance features and develop test tasks together at the same school, collaborative work needs to be carried out during professional in-service training sessions. And although RFL teachers state that, on a scale from 1 to 4, they mainly test the productive skills speaking ($M=3.69$) and writing ($M=3.59$), which came as a real surprise to the researchers, the test formats they apply most frequently do not back up this information. Only one format named is suitable for assessing speaking tasks: *role-play*. Listening ($M=3.17$) is the receptive skill that is tested less frequently than reading ($M=3.22$), which may have to do with the special difficulties this skill entails. This is why teachers need example assessments and knowledge of best practices of how to prepare and develop specific listening test items that fit their purpose, since a ‘good’ test covers all four skills (as 11.6% of all the answers given suggests).

One of the main differences to Vogt’s (2010) and Vogt & Tzagari’s (2014) report in our study is that their respondents saw no need for being trained in the area of developing and marking classroom tests. Our respondents, however, on a scale from 1 to 6, acknowledge this area as important ($M=4.91$) among their wishes and needs for professional training (Drackert & Stadler 2017). As

already mentioned above, the reason for this dissimilarity may lie in the lack of best practice assessment examples and standardized Russian tests calibrated to the CEFR.

References

Bachman L., Damböck B. (2017): *Language assessment for classroom teachers*. Oxford: Oxford University Press.

Crusan D., Plakans L., Gebril A. (2016): Writing assessment literacy: Surveying second language teachers' knowledge, beliefs, and practices, *Assessing writing*, 28, 43–56.

DeLuca C., Klinger D.A. (2010): Assessment literacy development: identifying gaps in teacher candidates' learning, *Assessment in Education: Principles, policy & practice* 17/4, 419–438.

Drackert A., Stadler W. (2017): Beurteilungskompetenz von Russischlehrkräften in Deutschland, Österreich, der Schweiz und Südtirol (DACHS): Zwischen Status Quo und aktuellen Bedürfnissen, *Zeitschrift für Fremdsprachenforschung*, 1/28, 233–258.

Hasselgreen A., Carlsen C., Helness H. (2004): European survey of language testing and assessment needs. Part one: General findings, *EALTA.eu*. URL: <http://www.ealta.eu.org/resources.htm> (retrieved 2017-08-19)

Leung C. (2014): Classroom-based assessment issues for language teacher education, In: Kunnan A. J. (Ed.), vol. 3. *The companion to language assessment*. Chichester, UK: Wiley Blackwell, 1510–1519.

Mehlhorn G. (2016): Russisch, In: Burwitz-Melzer E., Mehlhorn G., Riemer C., Bausch K., Krumm H. (Hrsg.): *Handbuch Fremdsprachenunterricht*. 6., Völlig überarbeitete und erweiterte Auflage, Tübingen: A. Francke, 534–539.

Popham W. J. (2011): Assessment literacy overlooked: A teacher educator's confession, *The Teacher Educator* 46/4, 265–273.

Stadler W., Kremmel B. (2018): Testprinzipien, In: Stadler W., Hinger B. (Hrsg.): *Testen und Bewerten fremdsprachlicher Kompetenzen. Eine Einführung*, Tübingen: Narr Francke Attempto, 39–55.

Stiggins R. J. (1991): Assessment literacy, *Phi Delta Kappan*, 72, 534–539.

Tiroler Tageszeitung (2017): Spanisch und Russisch sind im Trend – Englisch ist der Dauerbrenner. Nummer 267-ST, 27.9.2017, 20.

Vogt, K. (2010): Assessment Literacy bei Fremdsprachenlehrkräften – Bedarf und Bedürfnisse in Aus- und Weiterbildung. In: Altmayer, C.; Mehlhorn, G.; Neveling, C., Schramm, K. & Schlüter, N. (Hrsg.): *Grenzen überschreiten: sprachlich fachlich – kulturell. Dokumentation zum 23. Kongress für*

Fremdsprachendidaktik der Deutschen Gesellschaft für Fremdsprachenforschung (DGFF) Leipzig, 30. September – 3. Oktober 2009. Baltmannsweiler: Schneider, 267–277.

Vogt K., Tzagari D. (2014): Assessment Literacy of Foreign Language Teachers: Findings of a European Survey, *Language Assessment Quarterly*, 11 (4), 374–402.

TEACHING RUSSIAN LANGUAGE DISCOURSE TO FOREIGN STUDENTS THROUGH THE CULTURE AND WAYS OF LIFE OF THE PEOPLES OF SIBERIA

Svetlana Gural

*National Research Tomsk State University, Russia
gural.svetlana@mail.ru*

Galina Petrova

*National Research Tomsk State University, Russia
seminar_2008@mail.ru.*

ABSTRACT

The article considers the specifics of teaching Russian to foreign students and its acquisition in the higher education institutions of Siberia (Tomsk, Novosibirsk, Khanty-Mansiysk, Irkutsk, Krasnoyarsk, Surgut). As a basic thesis we propose the thesis about the interrelation of language and culture. The characteristic features of the culture of Siberia – a blend of traditions and innovations, the hybridity of its ontology, its polyethnicity and multiculturalism, as well as open-mindedness, peace-loving nature and generosity as traits of Siberian character – motivate foreign students in learning the Russian language. The teacher's methodological goal consists in working out a relevant methodology and its foundation on theoretic and empirical facts that can develop students' interest and motivation.

Keywords: Siberia, aboriginal ethnic groups, indigenous peoples, Russian language discourse, multilinguality, polyethnicity.

Introduction

The academic relevance of the research theme designated in the title of this article is determined by the fact that teaching Russian to foreign students in the Siberian region is carried out under multicultural and multilingual conditions, when local ethnic minorities experience (or have already experienced) a situation of linguistic adaptation both to each other and to the Russian language (which is spoken by the majority of this region). As its referent, linguistic adaptation has cultural adaptation of ethnic groups, and, therefore, cannot be studied without studying cultural processes taking place in the region selected for research. This refers also to the foreign students, who, when learning the Russian language, have, alongside Russian culture in the given locality, to adapt to the culture of peoples living here as well. The Siberian region is characterized by its plurality of cultures, which, however, being concentrated in one place, are united into a certain cultural unity. Such kind of unity also calls forth specifics of adaptation processes, which cannot but influence the learning of the Russian language by foreign students. They have to orient to the Russian language, which could not avoid certain changes under the influence of Siberian peoples' languages.

Thus, teaching foreign students in the conditions of the Siberian region comes across the difficulties caused by the specific nature of polyethnicity and multiculturality, the presence of a specific Siberian culture, idiom and dialects. The above named specific characteristics transfer into the educational environment, and create a problem which the present article is set to solve.

The problem is that in the process of learning the Russian language, it is its literary variety that the foreign students are oriented to acquire. At the same time, here, in Siberia, they come across a plurality of ethnic languages, which are integrated into Russian and create a phonetic and syntactic specificity, which appears to be difficult for acquisition by foreign students. It is not always that they understand the dialectal peculiarities and idiom. The problem set in the article is connected with the solution of the designated difficulties.

Under these conditions, the aim of the article is to work out a theoretical conception of linguistic and cultural adaptation of students, to present the corresponding conceptual and categorical framework capable of methodological description, substantiation and transfer of the named processes to the foreign students as well as to highlight the ways of realization of the found linguistic adaptation methods to the Siberian region. It is also important to follow the principles of humanitarian expertise of the educational processes of teaching foreign students to the Russian language.

The given aim demands setting the following goals: 1. to substantiate and reveal, the specific nature, which is hybrid in its content, of the culture of the Siberian region, and determine the influence of this factor on teaching foreign students to the Russian language; 2. to reveal the sociocultural, sociolinguistic, and psychological specifics of the Siberian region to students as an educational subjectivity which organizes the educational environment in which they are placed.

The expected results of the research and their novelty are connected with the following: firstly, the article presents the hybrid state of the culture of Siberia, and, correspondingly, “the multitude of voices” of the cultural-educational environment where the learning of the Russian language by the foreign students takes place. Secondly, in studying these processes, a methodology and methods framework used in teaching the Russian language in the conditions of polyethnicity and multiculturality are proposed that are relevant for the present times. Thirdly, the authors draw the research community’s attention to the necessity of working out the notion of ethnic adaptation, which would include linguistic and cultural adaptation. But the main scientific result not only of the given article, but of all research work of contemporary linguists and educators must consist in accumulating, theoretically developing and realizing in educational process such methods and such educational material which would reflect the linguistic and cultural specifics of the region. The regional specifics may arouse (and do arouse) the interest of the foreign students, and specific methodology that is relevant to this specifics helps organizing the teaching process effectively.

Methodology

The methodologic-theoretical platform of the given article proceeds from a search for such a model of the subject which would be based on the idea of its continuous generation, an uninterrupted process of movement and a search for ethnic integrity. Certainly, one cannot demand from a foreign student a national or ethnic integrity that characterizes the subject of a concrete local community. The foreign students when studying the Russian language will never find themselves to be integral, self-identical and complete. They are alienated from the world and from themselves, since they live in a sign-based environment of cultural and personality images that is non-authentic to themselves, but understanding the necessity of movement to integrity and adaptation is important for them as well.

Globalization processes, which contribute to the integration of Russia and Siberia as part of it, into the world cultural and linguistic area lead to the attention which is manifested today in the growth of interest in Russian as a foreign language. In its turn, Siberia realizes its role in the contemporary Eurasian area, which was presented for consideration already long ago, but becomes feasible only at present. Already Grigoriy Nikolaevich Potanin – one of the ideologists and initiators of the university education and establishing the first Russian university beyond the Urals, and “the honored citizen of Siberia” – paid special attention to the Eurasian direction in science. Science research expeditions to Altay, Mongolia and Tibet which he organized gained the knowledge of local cultures. Interest in the languages of the peoples of Siberia has also been shown by western researchers in the field of native languages. Thus, a well-known American linguist, Edward Vajda, having shown interest in one of the most enigmatic modern languages – the language of Kets, organized science research in the field of Slavistics, learned himself the Russian language, and worked out in detail the ethnography and folklore both of Kets and other Yeniseian peoples. His summary conclusion testified to the linguistic relation of the Siberian Yeniseian environment and the family of the aboriginal Indian Na-Dené languages – some of the languages of North America. This conclusion, which was at that time hypothetical, was presented and discussed at the international symposium organized in February 2008 on the initiative of Edward Vajda and with the sponsorship of the Max Planck Institute for evolutionary anthropology (Germany) and the University of Alaska in Fairbanks and Anchorage. Nowadays, it is no longer a hypothesis but one of the greatest discoveries in contemporary linguistics: a new language family – the Dené-Yeniseian family (Comrie B. 2010:25-32); (Kari J., Potter Ben A. 2010:1–24); (Vajda E. 2010:33–99). This and other similar examples tell us about a real process of the advancement of the Russian language into the Eurasian area through languages and culture of aborigines, testify to the relevance of studying the Russian language discourse by the foreign students of on the territory of Siberia.

Contemporary Siberia actively attracts foreign citizens in general, and foreign students in this number. Narrative in its nature, the culture of Siberia has the features both of the historical past (and in this sense it can be qualified as traditional), and the rapidly changing contemporaneity, which incorporates innovativeness of the constant movement and change. Tradition and innovation as mechanisms of social development here are organically united, and ensure the cultural specifics of the region, giving it special attractiveness, both for its own population (producing what is called now the ‘Siberian character’), and for foreign tourists, migrants, and, particularly, for students, aspiring to get their education here.

What concretely attracts one in Siberia?

Firstly, one is attracted to the specifics of the historical past, which is manifested even today in the character of the Siberian peoples, who preserve spontaneity in their relations with nature, and directness in interrelations with people. Of interest is Siberia’s historical past since the times when its name emerged and the word ‘Siberia’ itself appeared, and up to its contemporary state, when the effectiveness of the present and the future condition of all Russia is connected in people’s mind with Siberia. The appellation ‘Siberia’, according to one of the versions, proceeds from the ancient ‘Sebur’. That was the name for the Ural Mountains. According to another version, the appellation ‘Siberia’ comes from ‘Sybyr’, which was how the tribes that lived there in antiquity were called (Perevoznikov A.K. 2006: 184). Nativeness, spontaneity, and directness of the Siberian people and character are explained by the long preservation of prehistoric society traditions. Traditionalism of culture is still manifested in the preservation of the traditional kinds of husbandry: reindeer herding, hunting and fishing.

Secondly, Siberia attracts people by its natural wealth: oil, gas, coal, gold, and other natural resources, which are the Siberian asset. Development and exploitation of these natural resources have turned Siberia into a region far removed from the firmly entrenched notions about a bear as the Siberian symbol. The Russian polymath, scientist and writer, Mikhail Lomonosov, wrote yet in the 18th century the following about the potential natural wealth of Siberia: “Russia’s might will grow with Siberia”, the phrase which is often quoted nowadays. This specific of the Siberian region’s development brings about the growth of its population. The population of Siberia has particularly grown in connection with the carrying out the development and exploitation of the natural resources that have been found here. At present, the population of Siberia makes up about 24 million people (URL: <http://biofile.ru/geo/7350>), which is represented by numerous peoples and ethnic groups, most of whom are ethnic Russians. All in all, among the population inhabiting Siberia there are 50 peoples and ethnic groups, of whom native Siberian peoples make up 30 aboriginal entities (Perevoznikov, *ibid.*: 184).

Thirdly, the contemporary Siberian culture, being open to outside influences, takes in elements of other cultures under the influence of globalization processes and as the result of the impact of universal economic, political and other factors of life. Therefore, it represents a hybrid of various cultures, and is unstable in the sense that the traditional way of development, and tradition as its social mechanism are complemented by innovativeness, which contributes to the rapid and continuous development. In this sense, Siberian culture's ontology is constantly changing, and presents a synthesis of various social entities with their specific cultures.

Finally, Siberia draws to itself foreigners by its exotic specifics, when it amazes (even a Russian person) by its territorial expanses. The vastness of the territory is reflected in eight time zones, which embrace the most diverse terrestrial ecosystems: the Arctic, tundra, steppe plains, the wild, and practically impenetrable, taiga, and mountains. The exotica of Siberia are in the might of its nature and in its vast expanses. Here we find the biggest rivers, endless and quaggy marshes and swamps, the wild and harsh taiga, the deepest lake in the world, and one of the most inhospitable (frosty in winter and hot in summer, even though summers are short) and territorially variable climate.

And so, the foreign youth are attracted to Russian, particularly, Siberian educational system, its modern opportunities and the potential practical return for the knowledge gained in Russia and Siberia in their countries after graduation.

If, on the theoretical level, the thesis about culture playing a constructive role in the emergence and specific development of language, explaining it in lexicological, phonetics, and grammar terms, has been stated, the reverse thesis about the influence of language on culture is much less substantiated and developed. This thesis is not frequently stated in research works in Slavistics (Maslova V.A. 2007: 202). The goal of the article consists in making a statement about this thesis as relevant for development and further research.

Description of the language of the region from the positions of linguo-cultural studies

The regional heterogeneity of Siberia, its polyethnicity and multiculturalism lead to the same heterogeneity of the language. In the language of the region there are present dialects and vernacular speech forms, various kinds of stylistics, sociolects and argots. The regional ethnic component of the language and culture gives them special specifics, which are reflected in all social relations. Thus, the region of Tomsk oblast is the territory of traditional habitation for Selkups, Khantys, Chulyms, Tomsk Tatars and Evenks (in the past, also Kets). But according to the Russian Federation national census of 2010, on the territory of Tomsk oblast there are representatives of more than 100 ethnic groups, of whom 90.8 percent are Russians. The rest 9.2 percent of the region's population are autochthonous people and ethnic minorities. These include Turkic people (Siberian Tatars and Chulyms), minor

indigenous peoples of the North (Selkups, Khantys, Evenks, Evens, Mansi, Koryaks, Kets, and Nanais. This group makes up 0.24 percent of the oblast total population. The population of Tomsk oblast also includes the ethnic groups which have their own statehood outside of Russia: Germans, Poles, Jews, Koreans, Ukrainians, Belarussians, Moldavians, representatives of the Baltic republics, Transcaucasia, Kazakhstan, and Central Asia. There are also peoples that have statehood inside Russia: Tatars, Bashkirs, Chuvashes, Mordvins, Udmurt people, and Mari people. Despite the fact that the majority of the oblast's population are Russians, the ethnic appellations of Siberian Tatars, Selkups, and Khants have been preserved in the language (URL: <http://kraeved.lib.tomsk.ru/page/15/>).

The regional toponymy arouses foreign citizens' interest. Moreover, multicultural and ethnocultural education has become a matter of interest for various social and educational structures of Tomsk oblast (Novoslobodskaya S.L. 2015: 4-7); (Kim A. 1998: 10). In Tomsk, a strategy and a program for the development of ethnocultural education have been developed, whose main aim is the formation of a single ethnocultural educational area, and description of the steps in ensuring the achievement of educational results in this direction.

The specifics of social ontology, its narrativity, hybridity, instability, as well as the intensive economic and cultural development of Siberia generate an intellectual growth that is relevant to these specifics, which tells upon the growth of education and, correspondingly, the growth of numbers of foreign students. Foreign students arouse a special interest, since their presence in Siberia generates new goals and problems and leads to the emergence in Siberian higher education institutions of structures for Russian language training. The importance of the Russian language nowadays is growing, and Russian language skills become principally necessary.

In fact, the Russian language is the sixth language in the world according to the number of its speakers (Russian is spoken by 260,000,000 people in the world). It is one of the six working languages of the United Nations and UNESCO; it is the fourth language in world from which translations are made into other languages; it is the second most popular language on the Internet. The Russian language is the language of famous writers, poets, philosophers, outstanding figures of Russian culture and language. This is also the language of science and business (URL: <https://www.nsu.ru/n/education/programs/russian-language/>).

Judging by statistical data, the situation described above attracts foreign citizens, students among them, and Siberia conforms to this interest. Russian language courses are organized at Tomsk State University (http://www.tsu.ru/education/csmop/rus_kak_eng.php), at Novosibirsk State University (URL: <https://www.nsu.ru/n/education/programs/russian-language/>), at Irkutsk State University (http://slovo.isu.ru/ru/lingo/int_student/int_student.html), at the Institute for philology and

linguistic communication of the Siberian Federal University in Krasnoyarsk (<http://structure.sfu-kras.ru/node/2315>), at Nizhnevartovsk State University, at Surgut State University of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra, at Surgut State Pedagogical University (<http://www.doinhmao.ru/yazykovye-kursy-dlya-migrantov/organizaciya-kursov-po-obucheniyu-russkomu-yazyku-dlya-inostrannyh-grazhdan>) and others. The peculiar feature of teaching the Russian language in Siberia is in its application of the method of objective and absolute immersion, as there are fewer opportunities to resort to the English language in communication. The foreign students find themselves completely immersed into the real Russian language environment, and, therefore, develop a real motivation to get Russian language skills not by rote-learning, but by acquiring it pragmatically in every-day practice. Moreover, the colorful cultural specifics of Siberia orient them to participation in this culture, on which the living language exists. Siberian culture provides an opportunity to place foreign students into a concrete practical sociocultural situation, which affects favorably the psychological setting of the students and their internal motivation to acquire the language rather than even to learn it. A language cannot be learned without becoming intimate with the cultural foundation with which it is closely connected. What was referred to in this article as absolute immersion into the language environment, is, in fact, the cultural foundation, acquaintance with which gives the foreign students an opportunity to get integrated in the Siberian mentality, to gain knowledge about the Russian (Siberian) national traditions. All this contributes to the development of the dialogue of cultures.

Substantiation of a need for new methods of Russian language teaching to foreign students

Learning a foreign language is always connected with cognizing the culture of the people speaking this language. Immersion into the culture of Siberia and acquiring its specifics is the basic methodological directive in studying Russian language discourse by foreign students.

The polyethnicity and multiculturalism of the Siberian region bring about a need for developing methods aimed at teaching the Russian language discourse consisting of a multitude of regional components. Since the Russian language is taught to foreign students in the conditions of the language contexts environment of Siberia's indigenous peoples, the modern methods of its teaching in Siberian universities extend their boundaries and propose a new methodological organization of teaching. The new teaching process methods take into account the following circumstances.

On the one hand, the presence of the regional component contributes to the development of interest in the Russian language, displaying its adaptive possibilities; on the other hand, the indigenous toponyms, anthroponyms, folklore of the indigenous peoples, their traditions, beliefs etc. lead to additional difficulties because they create additional obstacles to the acquisition of the literary

language. Foreign students find it difficult to differentiate between the literary Russian language and the adapted language that has incorporated indigenous ethnic components. It is also difficult to differentiate between yet unfamiliar standard Russian and its dialects, or Russian and the language of indigenous ethnic groups. It is here that the acquaintance of foreign students with the specifics of the culture of Siberia and its concrete ethnic regions helps them in orienting in the language situation.

For the Siberian geographic and social area, the fixation of its multiculturalism in the ethnic terminology is quite frequent (Khanty-Mansi Autonomous Okrug - Yugra, Yamalo-Nenetsk Autonomous Okrug, Chukotka Autonomous Okrug, Koryak Okrug, Krasno-Selkup district and others), which is offered to students as terms designating indigenous peoples as part of the whole Siberian and Russian people. These peoples have also preserved their historical, cultural and linguistic heritage in the appellations of villages (Takhtamyshovo, Kurlek are the terms of Siberian Tartars; Kargasok, Varganandzhino, KoltaKup are Selkup terms), rivers (Basandaika, Ushaika), swamps and mires (Vasyugan Mire) and separate social facilities. Vasyugan, Yugan, TukhEmtor are Khanty terms. The interpretation of these terms and appellations is given to the foreign students through the medium of the Russian language. This helps them to understand the history and culture of the region. The Russian folk tales that they hear get them involved in the indigenous folklore, acquaint them with local legends, which help them understand the origins of the appellations of rivers (the Basandaika, the Tom, the Ushaika, and the Vasyugan). The goal of teachers' methods consists in, while getting the students interested in historical and cultural material, ensuring students' interest in the language as well. Interest and motivation in learning process form a basis for methodological guidance books for acquiring material in the educational process. The methods of foreign language education assume intercultural communication as the subject basis. This contributes not only to the trouble-free acquisition of the language, but it is also an educational device which realizes the idea of cultural tolerance.

Of special interest in methodological relation is the regional component as part of the methods materials. Since Russians make up the highest percentage of the regional population of Siberia, the regional component in the teaching process is connected with the Russian culture and, correspondingly, with the Russian language. At the same time, the Siberian polyethnicity is the reason for difficulties in identifying a person by his/her ethnic characteristics. This is the consequence of active interethnic contacts. Thus, the notion of the "Siberian person" presents difficulties for establishing one's ethnic identity. Who is a Siberian person? Is he or she someone who was born and has lived for a long time in Siberia? Or a person who lives in northern climatic conditions and who has become conditioned to Siberian cold climate, and is inured to frosts and respiratory diseases? Or a person who is hospitable, good-natured, fair, hard-working etc.? According to the 2010 population

census, the word ‘Siberian person’ is sometimes explained in the context of national self-determination, for designating a nation (Chernyshev S.2011: 1-13). Such a blend of ethnic, national and regional changes must be taken into account in developing methods of teaching Russian as a foreign language. As ways of teaching the Russian language discourse one usually includes into the teaching materials dialogues about Siberia, Siberian character and in general dialogues about Siberian identity (Gillespie D., Gural S.K., Kim-Maloney A.A. 2017: 8-19). The method of interactive assignments, which is based on acquaintance with the aboriginal ethnic groups, with their history, culture, folklore, religion, languages and customs, is regarded as effective and is used in teaching process.

In the above-mentioned work by David Gillespie, S.K. Gural and A.A. Kim Maloney, “Promotion of the Russian Language in the Eurasian Space through the Culture and Lifestyle of the Peoples of Siberia”, examples are given of folklore texts reflecting the regional specifics and displaying traditions and cultural values of the aboriginal peoples of Siberia. The authors of the work consider that “similar texts can be used as a model for study textbooks with a regional component” (Gillespie D., Gural S.K., Kim-Maloney A.A. 2017: 15). Thus, the first Selkup text was based on the fairy tale “The Mistress of Fire”, and taken down from the words of the female inhabitant of Kargasok settlement of Tomsk oblast, D.N. Chinina (Kuznetsova A.I., Kazakevich O.A., Tuchkova N.A., Kim-Maloney A.A., Glushkov S.V., Baidak A.V. 2004: 380).

“The Selkups treat fire with respect. They don’t throw trash into the fire, and they don’t spit into it. The fire is not touched with metallic objects. They don’t yell at the fire and don’t scold it. Old men are telling a story about a woman who was sitting near the fireplace with a little child. A spark from the fire scorched the child. The child broke into tears. The woman got angry and started scolding the fire, - “What are you doing, fire!? I feed you with pieces of wood, and you have scorched my son. I won’t give you firewood anymore! I will cut you with an axe; I will pour water on you to put you down!” The woman extinguished the fire. It became dark and cold in the chum (a nomadic tent). The child felt cold and started crying. The mother understood her mistake: she tried to start the fire but she could not do it. She ran to the neighboring chum. The moment she opened the door, the fire went out. She ran to another chum, but there the fire went out as well. She went to her mother-in-law. Her mother-in-law scolded her, - “You are mean, and you are foolish. You scolded the fire?” The mother-in-law went to the chum of her daughter-in-law. She tried to start the fire there, but the fire would not start burning. The entire village was left without fire. The mother-in-law went down on her knees, and there below she saw the Mistress of Fire. She pleaded for a long time with the Mistress of Fire to give them the fire back. The Mistress of the Fire got angry with the woman’s daughter-in-law and said, - “I will give you the fire when this woman gives me her son. I will give you fire from his heart!”

The mother of the boy started crying, and her mother-in-law told her, - “Because of you, no one has fire. How will we live? Give away your son!” The mother gave away her son. The Mistress of Fire said thus, - “You, Selkups, take care of the fire and love it”. She touched a dry branch with her finger, and the fire flared up. The Mistress of Fire and the boy disappeared in the fire. The mother-in-law said, - “The Mistress of Fire started the fire with the son’s heart”.

Another text from Khanty folklore is based on the legend “The six-legged elk”. It was taken down from the words of the inhabitant of the NovyVasyugan / Ozernoye of Tomsk oblast, S.M. Milimov. (Filchenko A. Yu. 2012: 329). Collection of annotated folklore and every-day life texts of the Ob-Yenisei languages range // Works of the Department of Languages of Siberia’s peoples, Tomsk State Pedagogical University Tomsk, Vayar, 2012. V.4.18. P. 329).

“God created a six-legged elk and set it free, so that people would hunt it. The hunters pursue the six-legged elk, cannot catch up with it and ask God for help. God heard their complaints and said to his son, - “Put on your skis and catch up with the elk. As soon as you catch up with it, cut off two of his legs”. The son of God put on his skis and ran after the elk. He was chasing and chasing the elk on the earth and in the sky. He caught up with the elk with great effort, and cut off two of his legs. He came back to God. God said, - “Let people hunt the elk themselves now”. In the center of the sky appeared a trace from skis. That is how the Milky Way emerged”.

These and similar beautiful texts containing legends cannot but captivate listeners and cause interest. Interest motivates in studying the Russian language through bringing foreign students closer to the culture of the regions that are part of Siberia and Russia as a whole.

Conclusion

Teaching the Russian language to the foreign students in the Siberian region can be sufficiently effective only in the case when this process is carried out in the process of immersion in the culture and ways of life of the people living here. The educational process is carried out in the Russian language, but the educational materials involve elements from the language and culture of the indigenous regional ethnic groups. The inclusion of the regional component must be recognized as necessary, with the aim to enhance the effectiveness of the educational process, which is achieved through the impact of the indigenous material on the psyche and through emotional perception of the educational materials. The ethnic specifics of the Siberian region— colorful and peculiar – contribute to the active reception and arouse interest both in the culture and in the language of peoples living here.

The goal of the present-day linguists teaching Russian language discourse to foreign students consists in developing curricula, methods aids, and textbooks containing accessible and interesting material concerning the culture of the Siberian regions. The regional component of the educational process, containing the specifics of the culture and languages of the indigenous peoples, should be regarded today as obligatory for teaching Russian language discourse. This material must contain interdisciplinary knowledge from the fields of history, ethnography, folklore, linguistics and others.

References

- Comrie B. (2010): The Dene-Yeniseian Hypothesis: an Introduction. The Dene-Yeniseian Connection, Anthropological Papers of the University of Alaska. New Series. A special joint publication of the UAF Department of Anthropology and the Alaska Native Language Center, 5, 25–32.
- Kari J., Potter Ben A. (2010): The Dene-Yeniseian Connection: Bridging Asia and North America. The Dene-Yeniseian Connection, Anthropological Papers of the University of Alaska. New Series, 5, 1–24.
- Kim A. (1998): The Problems of Preserving the Language and Culture of the Selkups. Bicultural education in the North. WaxmannMünster. New York; München; Berlin, 10, 76–87.
- Vajda E. (2010): A Siberian Link with Na-Dene Languages. The Dene-Yeniseian Connection, Anthropological Papers of the University of Alaska. New Series, 5, 33–90.

Список литературы

- Гиллеспи Д., Гураль С.К., Ким-Малони А.А. (2017): Продвижение русского языка в евразийское пространство через культуру и образ жизни народов Сибири. Язык и культура, 40, 8-19.
- Кузнецова А.И., Казакевич О.А., Тучкова Н.А., Ким-Малони А.А., Глушков С.В., Байдак А.В. (2004). Мифология селькупов. Энциклопедия уральских мифологий. Томск: Изд-во Том. ун-та.
- Маслова В.А. (2007). Лингвокультурология. М. : Академия.
- Новослободская С.Л. (2015): История и современность поликультурного образования. Чита: ЗИПСибУ, 4-7. 122 с.
- Перевозников А.К. (2006): Россия: страна и люди. Лингвострановедение: Учебное пособие для изучающих русский язык как иностранный. Москва: Русский язык. Курсы.

Фильченко А.Ю. (2012).Сборник аннотированных фольклорных и бытовых текстов обскоенисейского языкового ареала. Труды кафедры языков народов Сибири ТГПУ. Томск :Вайар. Т. 4.18.

Чернышев С. (2011):Сибирская идентичность. Эксперт Сибирь. 50, 1–13.

Иркутский государственный университет. Институт филологии, иностранных языков и медиакоммуникации.http://slovo.isu.ru/ru/lingo/int_student/int_student.html (дата обращения 13.08.2018).

Краеведение районов.[URL: http://kraeved.lib.tomsk.ru/page/15/](http://kraeved.lib.tomsk.ru/page/15/) (дата обращения 17.07.18).

Население Сибири. [URL: http://biofile.ru/geo/7350.html](http://biofile.ru/geo/7350.html) (дата обращения: 17.07.2018).

Обучение русскому языку как иностранному <http://structure.sfu-kras.ru/node/2315>(дата обращения 13.08.2018).

Организация курсов по обучению русскому языку иностранных граждан. <http://www.doinhmao.ru/yazykovye-kursy-dlya-migrantov/organizaciya-kursov-po-obucheniyu-russkomu-yazyku-dlya-inostrannyh-grazhdan> (дата обращения 13.08.2018).

Русский язык в современном мире [URL: https://www.nsu.ru/n/education/programs/russian-language/](https://www.nsu.ru/n/education/programs/russian-language/) (дата обращения 21.07.2018).

Русский язык как иностранный.http://www.tsu.ru/education/csmop/rus_kak_eng.php (дата обращения 13.08.2018).

Русский язык в современном мире [URL:https://www.nsu.ru/n/education/programs/russian-language/](https://www.nsu.ru/n/education/programs/russian-language/)(дата обращения 21.07.2018).

“TELLERS OF US”: THE USE OF DIGITAL STORYTELLING IN THE HERITAGE CLASSROOM

Svetlana Korshunova
Princeton University, U.S.A.
sk22@princeton.edu

ABSTRACT

The article examines a digital storytelling project implemented in the *Russian for Heritage Speakers* course at Princeton University. It considers the foundational principles and approaches in language learning and teaching that support the project, the stages of its realization and the preliminary results.

Keywords: heritage language; heritage identity, multiliteracies, digital storytelling.

Our stories are the tellers of us

Chris Cleave

Heritage language learner and her needs

The growth of heritage language programs in the United States highlights their important role in the field of language education and is dictated by the need of specific to heritage language learners teaching methods and tools. The definition of the heritage learner plays a significant role in development of heritage language teaching practices. Nevertheless, the definition continues to be a subject of controversy among the scholars and practitioners. We must note that this difficulty of definition is not unique to the heritage language field: the criteria for defining the native speaker are still hotly debated in many scholarly discussions, but for heritage language instruction, the problem of the definition of the “learner” is complicated by the fact that heritage language scholars and educators have “to apply a single label to a complex situation” (Wiley 2001: 29). In this article, I follow Valdés’ definition and characterize a heritage language learner as an individual “who is raised in a home where a non-English language is spoken. The student may speak or merely understand the heritage language and be, to some degree, bilingual in English and the heritage language” (Valdés 2000:1).

Valdes’ characterization of the heritage language learner reveals that a heritage student brings with herself many ambiguities and complications typically absent in the second language learner but extremely challenging for heritage language educators to deal with. It includes learners of different proficiency levels and demonstrates that transmission of heritage language is not merely horizontal (e.g., formal education in the classroom) but primarily vertical (e.g., across generations in the family

and community). The naturalistic character of heritage language acquisition and functioning explains why even the advanced heritage language learners still need to master the high-level language skills comprising written genres and gain proficiency in the treatment of abstract topics, supporting an opinion and hypothesizing, as well as in constructing of the extended discourse and use of the precise, low-frequency vocabulary.

As our research on heritage learner's motivation (Коршунова 2015) shows, the vast majority of heritage language learners come to the language classroom to re/connect with the heritage cultural/social community, to inherit and maintain the heritage language identity. If we understand identity not as a "collection of static attributes or as some mental construct existing prior to and independent of human actions, but rather as a process of continual emerging and becoming, a process that identifies what a person becomes and achieves through ongoing interactions with other persons" (He 2008: 111), "the performance, verbally and nonverbally, of a possible constellation of attitudes, beliefs, and values that has a recognizable coherence by the criteria of some community" (Lemke 2002: 72), then for a heritage learner, speech becomes the key element that shapes and is shaped by identity. Heritage language learners strive not merely to maintain their heritage language but also to alter it - the dialect, accent, discourse norms, thus re/creating their identity. This means that language educators have to look at heritage language acquisition as a social practice rather than a set of high-level language skills to be acquired.

Multiliteracies approach to heritage language teaching

The digital storytelling project implemented in the *Russian for Heritage Speakers* course is based on the principles of the multiliteracies pedagogy that reflects new aspects of communication in contemporary globalized societies - the use of new technologies, multimodal text production, new concepts of discourse community and literacy practices. The pedagogy of multiliteracies addresses multilingualism and multiculturalism of the globalized societies, represents the new, "fluid" character of literacy, and is particularly relevant to a heritage learner, who thrives in the translingual and transgeneric communities.

The "multiliteracies pedagogy" (a term coined in the mid-1990s by the *New London Group*) identifies the four major dimensions and corresponding pedagogical moves:

- 1) *Situated practice/ experiencing* - the immersion of learners in language use grounded in learners' real-world patterns of experience, action, and interests;
- 2) *Overt instruction / conceptualizing* - direct teaching of "metalanguages" in order to help learners understand the design elements, components of expressive forms or grammars;

- 3) *Critical framing/ analyzing* – learners’ conscious reflection on the available designs and their effects - functions;
- 4) *Transformed practice/ applying* – “application of knowledge and understandings to the complex diversities of the real-world situations”, “making texts and putting them to use in communicative action” (Cope, Kalantzis 2015: 4).

The multiliteracies teaching approach understands *literacy* as “the use of socially, historically, and culturally situated practices of creating and interpreting meaning through texts”, “dynamic – not static – and variable across and within discourse communities and cultures” (Kern 2000: 16). Literacy implies awareness of the relationships between textual conventions and their contexts of use and the ability to reflect critically on those relationships. As Malena Samaniego and Chantelle Warner point out, “by integrating critical awareness with design, multiliteracies pedagogies promote learners’ (re)construction of their hybrid or multiple identities in and across multiple genres” (Samaniego, Warner 2016: 199). In the multiliteracies pedagogy genres (either written / oral or multimodal) are employed as socially available resources and distributed along a continuum ranging from “primary discourses” (typical of the private domains of the home, e.g. informal letters and personal stories) to “secondary discourses” (typical of the public domains, e.g. essays). Within this context, digital stories - usually personal and often autobiographical multimodal narratives with “focused logical or chronological storylines, dramatic storytelling qualities, and often impressionistic or poetic forms of expression” (Vinogradova, Linville, & Bickel 2011: 176) - become a springboard from the primary to the secondary discourse domains and allow students to bring their “lifeworlds,” interests, and experiences into the classroom. The autobiographical digital stories are connected with the community and reliant on social relationships to develop a full sense of self.

Implementation of the project

The multiliteracies pedagogical model was adopted in the “*Russian for Heritage Speakers*” course - a two-semester sequence of literacy courses offered at Princeton University. We chose Victor Pelevin’s short story “The Code of the World” («Код мира», 2001) as a model of the autobiographical narrative. In his typical ironic style, Pelevin presents a “defining” moment of his life within the broad context of the historical, political, and psychological material all the Soviet “dreams” were made of. He gives an account of the transformative experience of a Soviet boy, a “future Soviet cosmonaut” found on the verge of self-identification, the process forecasted in the first sentence of the story: “Человек является наполовину тем, что он есть, а наполовину тем, чем он хотел бы стать, сказал Оскар Уайльд” (Пелевин: 2001). In short, Pelevin tells his readers that at the age of seven or eight, he, like all boys of his generation, wanted to become a cosmonaut. He had been particularly

fascinated by the small, pot-bellied, shining in the sun suitcases which the Soviet cosmonauts carried before the launch of their space ships, the fascination which lasted until that revelatory moment when one of the adults told him that the suitcases were just for the disposal of human “waste”: “Космонавты ведь тоже люди” (Пелевин 2001). After that defining moment, the boy’s “чистый звёздный мир получил в этот момент явную трещину” (Пелевин 2001), and he eventually comes to understanding that all the Soviet people carried with them suitcases. The suitcase becomes “a very precise symbol,” “a code,” unveiling all the horror of the Soviet existence: “советский человек, построивший первые космические корабли и полетевший на них к звёздам, навстречу обитателям других миров, не мог ничего предъявить им, кроме чемодана, полного лагерного говна, тирании и тёмной нищеты” (Пелевин 2001).

Before reading the short story, students were asked to guess what the title of the story might refer to. In groups, they discussed what they had already known about the Soviet “code” and compiled lists of the Soviet historical, political, psychological symbols, as well as their own questions about the Soviet “identity” the answers to which they didn’t know. They shared their family stories and named the objects which represented what they knew about themselves and their Russian background. Students were asked to discuss the PowerPoint images of the Soviet cosmic monuments, strategically built near “хрущёвки,” the posters of the cosmonauts stretching their arms to the stars or holding some little green plants in the palms of their hands, a video of the launch of the first Soviet space ship, as well as images of GULAG prisoners and their suitcases. During this prereading stage students experienced the “*situated practice*” - full immersion in the range of information sources - while having the opportunity to reflect on their “home” experiences and knowledge.

During the reading phase students added new words from the text to the following lexical groups: generation (e.g., *поколение, сверстник, ровесник, однолетка, одноклассник*); cosmos (e.g., *космонавт, космический корабль, ракета, запуск, генеральный конструктор, спутник, приземляться/приземлиться, прилуняться/прилуниться*); revolution and Soviet life (e.g., *рабочий, колхозник, субботник, тирания, нищета*); the city of the Sun (e.g., *мечта, город будущего, барак*), GULAG (e.g., *палаточный лагерь, барак, сидеть в тюрьме / в лагере*); Perestroika and Destruction (e.g., *крах, давать/дать трещину, обман, фальшивь, снимать/снять с постамент, расплавлять/расплавить*). Students were given an opportunity to become active concept-creators when they analyzed the literal and figurative meanings of the words and expressions and discussed different types and contexts of the author’s irony. They identified how the discourse was organized: sequencing of the paragraphs, construction of the timeframe, and interactive and discourse strategies the author employed in order to separate the main ideas from supporting information. The instructor introduced the concept of the comparative conjunctions and parenthetic

words. Students were asked to find what expressions and conjunctive constructions the author used in order to support his opinion and express the meaning of time, purpose, cause, result and concession. The offered grammar exercises helped students to familiarize themselves with the grammar concepts. This stage known in the multiliteracy pedagogy as “overt instruction” allowed students to move from the experiential to the conceptual.

During the stage of conscious reflection on the available designs and their effects, students analyzed the main ideas of the short story, discussed the meaning behind the author’s choices of vocabulary, grammar, and syntactic structures. Students presented answers to the questions that they had discussed before and verified the concepts that they thought they had already known. They were given an opportunity to read against the grain of the text, to take on perspectives different from the author’s. Analyzing critically, students evaluated the personal experience and perspectives presented in the short story and discussed what counter-arguments might be made.

The digital stories that students created became “*the transformed practice*,” application of their knowledge to their “lifeworlds”. Students were asked to produce a digital story about an object (similar to Pelevin’s suitcase) or a situation that symbolically reflected what they thought about themselves as members of the Russian heritage community.

As the name implies, digital stories usually contain some mixture of computer-based images, text, recorded audio narration, video clips, and music. To facilitate the digital aspect of the project, students get acquainted with the Audacity and WeVideo platforms where they were guided through the process of making a digital video. Students were encouraged to use personal photographs and videos and free online resources. Story circle groups were created in order to exchange ideas and, by taking turns, to read the drafts of the stories and to give feedback. Students were instructed to provide feedback using the expression “Если бы это была моя история, я бы... / If it were my story, I would...” Following the digital story presentations, they completed the post-survey.

The main stages of the digital story production in language classroom as outlined by Vinogradova, Linville, and Bickel (2011) are as follows: (1) brainstorming ideas for a digital story; (2) exchanging ideas with classmates in a story circle; (3) writing a script (narration between 400-500 words in order to keep the digital story within the recommended length – about 3-5 minutes); (4) collecting visual images; (5) finding music to accompany the verbal and visual narrative elements; (6) creating an explicit outline of a digital story—a storyboard; (7) recording the audio narrative; and (8) producing a digital story using video-editing software.

As noted by Polina Vinogradova, during the digital story production all the four components of the multiliteracies pedagogy come into play (Vinogradova 2014: 317-318). In the *Russian for Heritage Speakers* course, *situated practice / experiencing* occurred from the very beginning, when students

exchanged their ideas about a possible topic of their digital stories and continued through students' constant interaction with each other and the instructor in story circles. Writing a narrative, storyboarding, selecting video images and music, and combining all these elements into a cohesive and engaging digital story helped students to bring their own, diverse experiences, interests and life-texts to the learning situation. Learners experienced the new while they created a new story, read new texts, collected new data.

Overt instruction / conceptualizing focused on motivating and challenging students to voice their heritage language experience through scaffolding instructional tasks: from guided reading and discussion of Pelevin's short story to working on phonetics and grammar during the production of a digital story.

Critical framing, conscious reflection / analyzing occurred together with situated practice while students discussed with each other content of their digital stories, their choices of words, music, and visual images. They were exploring how to express their experiences within the historical, social, political, and cultural context of their heritage community, how to voice this experience powerfully and at the same time be mindful of different voices and perspectives.

Transformed practice / applying occurred in the process of finalizing the digital story as a result of constant communication between students and their instructor.

Analysis of the projects

In this article I have outlined a model for the digital project based on the multiliteracies pedagogy. Although the analysis of the student multimodal stories is not the goal of it (I plan to offer the project again next year and collect more data), some components of these stories and their production are apparent.

All the digital stories illuminate the challenges heritage language learners face in their exploration of themselves, their families, and communities. The stories show how heritage learners struggle to position themselves into the non-heritage mono-language community. Some of the stories include the moment when a heritage learner decides to abandon the heritage language and cut off ties with it, but all of them show the strength of the ties. Being the authors of their stories, all students presented themselves and their communities in a positive manner.

The stories are deeply emotionally charged: through multiple modes (visuals, narration, music, audio) they create compelling personal accounts of the heritage learner's experience. There is the "butterfly in the stomach" moment in all of the stories.

Digital projects helped students to overcome "heritage language shyness" which, according to Stephen Krashen, is particular to speakers of heritage languages (Krashen 1998: 41-49). The "heritage

language shyness” even became the topic of one of the stories in which a student told of repeated embarrassing moments from the past, when during family reunions his uncle forced him to speak Russian, only to tease for his mistakes later. To avoid humiliation, the student decided to stop speaking Russian at all. Besides, his uncle didn’t speak English well. This opportunity to voice themselves in the multimodal stories helped to boost heritage learners’ self-esteem. Students seemed relaxed as they showed and discussed their stories in class.

Over multiple drafts, discussions, recordings, and feedback, students reconstructed and renegotiated their fluid heritage language identities. Involved in the process of creating meaning, they not only acquired the skills necessary to construct a personal story and express their opinions economically and powerfully, but they transformed their heritage language identity and their position towards their multilanguage communities. The process of the production reflected these changing attitudes. As one of the students said during the discussion, “I rewrote the story because while writing it, I realized that I didn’t think like this anymore.”

Appendix: Samples of Students’ Feedback

“The idea of the assignment itself is very unique to our course - in fact, it's perfect for it. I actually thought about what it means to be Russian more than ever during the course, and still do.”

“The WeVideo project was an incredible way of promoting independent work in Russian 108 to create a meaningful final product that employed high-level Russian writing and speaking.”

“The audio recording is a great way of showcasing and honing native speakers’ inherent fluidity in and command of the Russian language itself.”

After watching the digital story, the grandmother of one of the students told him that she didn’t suspect that he was such a good Russian writer. She suggested that he write more in Russian. “If she only knew how much effort went into this text”, he jokes.

References

Cope, B., Kalantzis, M. (2015): *The Things You Do to Know: An Introduction to the Pedagogy of Multiliteracies, A Pedagogy of Multiliteracies: Learning by Design*. London: Palgrave Macmillan, 1-36.

He, A. W. (2008): *An Identity-Based Model for the Development of Chinese as a Heritage Language, Chinese as a Heritage Language: Fostering Rooted World Citizenry*. University of Hawai’i at Manoa: National Foreign Language Resource Center, 109-121.

Kern, R. (2000): *Literacy and Language Teaching*. Oxford: Oxford University Press.

- Krashen, S. (1998): Language Shyness and Heritage Language Development, *Heritage Language Development*. Culver City: Language Education Associates, 41-49.
- Lemke, J. (2002): Language Development and Identity: Multiple Timescales in the Social Ecology of Learning, Language Acquisition and Language Socialization. New York: Continuum, 68-87.
- Valdés, G. (2000): Introduction, AATSP Professional Development Series Handbook for Teachers K-16: Spanish for Native Speakers. Fort Worth, TX: Harcourt, 1-20.
- Vinogradova, P., Linville, H. L., & Bickel, B. (2011): "Listen to My Story and You Will Know Me": Digital Stories as Student-Centered Collaborative Projects, *TESOL Journal*, 2(2), 173-202.
- Vinogradova, P. (2014): Digital Stories in Heritage language Education: Empowering Heritage Language Learners through a Pedagogy of Multiliteracies, *Handbook of Heritage, Community, and Native American Languages in the United States: Research, Policy, and Educational Practice*. London: Routledge, 314-323.
- Wiley, T. (2001): On Defining Heritage Languages and Their Speakers, *Heritage Languages in America: Preserving a National Resource*. Washington, DC: Center for Applied Linguistics, 29-36.

Список литературы

- Коршунова, С. (2015): Антология как приём: Роль литературных текстов на занятиях по русскому языку для двуязычных студентов, *Русский язык и культура: Изучение, методы, подходы и интерпретации*. Москва: ЛЕНАНД, 2015, 96-102.
- Пелевин, В. (2001): Код мира, Сайт творчества Виктора Пелевина. URL: <http://pelevin.nov.ru/rass/pe-kod/1.html> (дата обращения: 12.08.2018)

THE USE OF FOLKLORE MATERIALS IN RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE LESSON: THE CASE OF IVAN THE FOOL

Roitberg Natalia
University of Haifa, Israel
roitbergnatalia@gmail.com

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ФОЛЬКЛОРНЫХ МАТЕРИАЛОВ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО: СЛУЧАЙ ИВАНА-ДУРАКА

Ройтберг Наталья
Хайфский Университет, Израиль

ABSTRACT

This study addresses the use of folklore materials among intermediate and advanced-level students of Russian. Special attention is devoted to the Russian folk character Ivan the Fool and mechanisms by which the theme of foolishness could be illustrated to foreign students. The paper focuses mainly on a certain types of classroom learning activities, such as reading Russian fairy folk tales and interpreting Russian proverbs about stupidity. The folktale of Ivan the Fool (“The Three Kingdoms”) and a large number of the Russian sayings about fools are observed.

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена использованию фольклорных материалов в обучении иностранных студентов русскому языку среднего и продвинутого уровня. Особое внимание уделено образу русского фольклорного героя Ивана-дурака и средствам, с помощью которых тема глупости может быть представлена на уроке русского языка. Сделан акцент на использовании таких видов аудиторной работы, как: чтение русских волшебных сказок и толкование русских пословиц о пустоголовии. В статье рассмотрено большое количество пословиц о глупцах и сказка об Иване-дураке («Три царства»).

Key words: Russian as a foreign language lesson (RFL lesson); folklore materials; fairy folk tales; proverbs; Ivan the Fool; foolishness.

Ключевые слова: урок русского языка как иностранного (урок РКИ); фольклорные материалы; русские волшебные сказки; пословицы; Иван-дурак; глупость.

Russian Folktales and Ivan The Fool Character

Russian culture is rooted in hundreds of years of traditions, customs, beliefs, folktales which passed down from generation to generation. Many customs and practices still exist in Russia today.

The main aim of this paper is to present the possible ways and techniques to use different folklore materials in Russian as a foreign language (RFL) lesson for advanced and intermediate level students. The additional purpose is to trace the mechanisms by which the theme of stuck hero (Ivan the Fool) and the myth of Russian stupidity are presented in Russian folklore. In this connection,

using Russian folktales of the fool and proverbs about stupidity as the RFL curriculum materials seems to be helpful.

A folktale (or folk tale) is a wonderful phenomenon of Russian national culture. The folk tale is a typically short magical story that usually features folkloric fantasy characters. Russian fairy tales share many plots with European, American, Asian tales, legends, and myths. Since, foreign students can easily guess that certain Russian folk heroes and Russian fairy tales' plots correspond to the ones of their own native culture. It is not surprising, then, that fairy tales are a good source for motivation in RFL learning that help increase students' interest in values across cultures and provide them with a cross-cultural experience.

Use of folk fairy tales offers students an excellent opportunity also to involve with authentic cultural texts of the Russian folkloric tradition, yet enrich themselves by understanding better and deeper the socio-cultural reality of Russia. For many investigators, there is a strong tendency to assume that use of folktales "can act as a bridge for arousing cultural awareness" (Ajibola 2014: 248), and is a "valuable rich cultural and linguistic recourse to teach a foreign language" (Nhung 2016: 23) that should be integrated in foreign language teaching.

Some of scholars analyze certain methodological techniques of the folk tales text use for the linguistic and cultural purposes, emphasizing their educational significance and value (Lwin; Prastiwi; Taylor). Many researches point out the effectiveness of the using Russian fairy tales in RFL teaching (Arysheva; Barsukova; Fliantikova; Matveienko; Shilko). Other investigators stress fairy tales' role in representing Russian mentality (Bordovskaya; Merrill) as well as the cultural and linguistic importance of fairy tale in RFL lessons (Igoshina; Mel`nik; Trygub). Importantly, some researchers emphasize folk hero fool's great influence on perception of Russia in contemporary world (Vorkachev; Zaharenko). In this context, one of the possible efficient ways to give to foreign students a chance to promote understanding of Russian culture is to refer to such characters as Ivan the Fool as the odious figure which represents the specific features of Russian mentality and has specific statute both in society and in culture.

Hence, I would offer folk fairy tale ("The Three Kingdoms") and Russian sayings about foolishness for RFL class work to provide a more complete picture of the myth of Russian mentality in general and the myth of Russian stupidity in particular. The choice of such character as Ivan the Fool among available others was triggered by several factors. First, he represents the Russian culture's uniqueness and its national specifics; second, Ivan the Fool is one of the most frequently encountered folk characters and is one of the most popular Russian "fools"; third, he is considered to be anti-hero, yet he both a "simpleton", naïve loser and a lucky one.

Fairy-tale heroes largely divide into two contrastive types: “the handsome, desirable prince [...] or the irresponsible youngest of three sons, often signally named Ivan the Fool (Ivan Durachok), who lolls indolently on the stove” (Goscilo 2005:12). Ivan the Fool is one of the most favorite, yet paradoxical folktale characters. The popular Russian tales of the Fool are “Emelya the Simpleton”, “The Tale of Bova the King’s Son”, “Ivan the Fool”, and “The Three Kingdoms”.

Ivan the Fool (Russian: Иван-дурак, *Ivan Durak*) is a stock character of lucky fool. One would see Ivan the Fool simply as a symbol of national stupidity, since he is often portrayed as lazy or foolish. He is a very simple-minded. It often seems, that his deeds are senseless, his actions are impractical. However, Ivan the Fool is rarely the fool, he is merely perceived as such and usually emerges winner. It is interestingly to note, that Russian stock character Ivan the Fool corresponds with the German Hans Dump (Hänsel; Stupid Michel) , English John (or Jack), Italian Juvadi, Peruonto, and Peter the Fool, Polish Jasio, Greek Halfman, Jewish Schlumiel and Schlimazel, Danish Lazy Lars, and many others. Obviously, the label of foolery should be applied to those who may live for the moment and act disinterestedly, yet trust fate and believe in a higher power as Ivan the Fool was to do. From this standpoint, the Fool is also similar to the Holy Fool.

The Russian Holiness phenomenon is related to the main moral idea of Russian folklore. According to this idea, it is believed, that the last must come first, and God’s Kingdom will come on earth. The Fool is not “a thinking being. He acts on the first (crazy) idea that comes into his head”, he “doesn’t want to do anything” and “wins with the help of magic power” (Sinyavsky 2007: 41). Noteworthy, that Ivan the Fool is also considered to be “a secular variant of the Holy Fool” (Panchenko 1984: 99).

Saint Basil (known also as The Holy Basil, Василий Блаженный, *Vasily Blazhenny*) is one of the Russian Orthodox saint of the type known as “holy fool for Christ”; юродивый *iurodivy*. The iurodivy is a synonym for Holy Fool. On the first glance, the Holy Fool seems silly and feeble-minded in day-to-day issues, but actually he is a “chosen one”. His only goal is “to subject the total life to God”, to be a “God’s servant” (Pelikan 1955: 3). Therefore, like a Fool, the Holy Fool lives and acts with charity of all.

Reading The Tale About Ivan The Fool (“The Three Kingdoms”)

“The Three Kingdoms” (The Three Kingdoms 2005: 28-31) is the typical Russian fairy folk tale. I’ll concentrate on the character of Ivan the Fool which is represented in this tale as “Ivashko the Stove Sitter”.

According to the text, when the father and mother decided to marry their three sons off and sent them to look for a bride, the oldest son and the middle one met a three-headed dragon which said

them to pull up a big stone to get whatever they wish. But they both couldn't do a thing with it. Nevertheless, the third son - Ivashko - would be able to pull up the stone to get to three kingdoms in each of them there was a maiden.

In the copper kingdom, the silver kingdom, and the golden one he met three maidens. Each of them gave him a silver ring, a golden ring, and a golden ball as a gift accordingly. Although Ivashko was betrayed by his brothers and abandoned, he succeeded to get to Russia. He took the maiden from the golden kingdom away from his brothers, and they began to live together.

The class work with text can be divided into pre-reading and post-reading stages. At all stages, the teacher should prompt, encourage, and involve students in an active discussion, since students' engagement is a key factor for successful realization of teaching tasks.

One can begin (pre-reading tasks) with discussion the definition of a folklore and fairy folktales as one of its elements. After that one can continue with pointing out the ways in which the fairy folktales differ from folktales (occurrence of miracles), and so on. Students are asked what folktales they know. After reading they should give examples of everything that has close connection to Russian folk fairy tales: it might be names of Russian folk heroes, titles of folk stories, the settings of these tales, and so on. Additionally, one can ask students about sorts of things meant to be typically "Russian", about the characters, plots, and moral ideas in folk stories.

The possible questions students can be asked about good character: Do you see a kind, innocent character? Is s/he helped by others? Is the good character clever? and evil character: Do you see a witch? A demon? About magic and enchantments: What is wonder (miracle)? Do you see magical things happening? Do you see talking animals/objects? Have students to discuss answers to the following questions: What can you say about the major characters in this fairy tale? What do this folk tale teach us about Russian culture?

Have students to discuss also answers to the following questions: What interesting things – probably you didn't know before – about Russian people of that time, their fears and hopes, have you learned? What moral lessons does the story of the fool teach? The topics of discussion predominantly will focus on characters the tale and their specific features.

The possible types of activities in the classroom may be also the following ones. Have the students skim this fairy tale individually to find examples of the use of kind and evil character (hero and anti-hero). After that, students can be invited to write a short folk tale that should include the anti-hero and discuss about it.

The Use Of Russian Proverbs About Fools in RFL Lesson

The use of folklore materials in RFL lessons can include not only reading and discussing Russian fairy folk tales but also interpreting Russian proverbs and sayings, since reading folk wisdom of other culture is always an interesting way to gain insight into life and world thinking that native culture might not have. As mentioned above, Ivan the Fool is one of the most popular folk character. Not surprisingly, then, that in Russia there are a lot of proverbs and sayings refer to foolishness and stupidity.

Some Russian proverbs refer to fool as to the problem that all Russians familiar with: Дурака́ учить - что горбато́го лечить (“To teach a fool is the same as treating a dead man”); Дурако́в не се́ют, не жнут, са́ми родя́тся (“There's a sucker born every minute”); Пья́ный проспíтся, дура́к – нико́гда (Literal: “The drunken will sleep it over, the fool – never”) (Dal` 2006).

Other ones point out to the close connection between the fool and the Lord: “God loves a fool”; yet the fool’s unfathomable luckiness and uniqueness: “Fools have all the luck” (the proverb corresponds with the help of magic and/or higher power mentioned above). That’s part of reason why some sayings point out to the wisdom of the fool: Иной раз и дурак молвит слово в лад (“A fool must now and then be right by chance”); Временами и дурак умно говорит (“Fools may sometimes speak to the purpose”). But most of proverbs refer to fool as to silly, stick, yet funny man: С дураком шутить опасно (“Never bray at an ass”); Что ни сде́лает дура́к - все он сде́лает не так (Literal: “Whatever a fool makes, he will make it wrong”); “A fool is not afraid to lose his mind”; “Force a fool to pray and he'll crack his forehead” (the saying is used to describe a person who has resolved to do something and has overdone it); “A silly head gives legs no rest” (the proverb describes the situation when a person needs to make a second trip because he failed to complete some task the first time).

The teacher can ask students to discuss answers to the questions that refer to the proverbs about foolishness: What can be learned about Russia through its sayings and idioms ? The teacher can also offer to students to discuss the extent to which Russian proverbs reveal elements of Russian ethics, mentality, and culture.

Students should use certain examples from the folktales they read and the proverbs they taught to support their statements. As a final assignment, students can be invited to discuss whether they think that people can learn about the everyday life, traditional values, customs and mentality of Russians through Russian folktales and proverbs. Ask the students if they can offer examples of proverbs and common sayings about foolishness in their native culture. Have students to discuss the difference between idioms about foolishness in Russian folklore and these ones in their own culture. What are the similarities and differences?

Watching The Animated Cartoons About The Fool and the Holly Fool

The folk fairy tales reading and interpreting of sayings could be supplemented by using video in the language learning classroom. Importantly, in recent years has seen a sharp rise in cartoons that are based on Russian fairy tales. One of them is a set of animated works with a common series title “Mountain of Gems” includes two stories that refer directly to such characters as Ivan the Fool and Saint Basil. These animated tales are essential to Russian culture and feed into the revival of traditional morals and values. The one of them titled “About the Saint Basil” basically corresponds to Saint Basil’s biography and describes his real life deeds.

The close meeting with the Blessing Basil gives to students’ wide range of historical, religious, cultural and literary associations and joints. For instance, interesting details about one of the main visual symbols of Moscow, one of Moscow’s best known and most photographed sights - the Cathedral of Saint Basil, Russia’s best known church, located on Red Square, are represented in this movie. Animated cartoon about Saint Basil does not only refer to the one of the Russian saints and holy fools, but also represents an essential element of Russian self-consciousness that to a large extent correspond with the holy foolishness in Russia. Therefore, it could be helpful and efficient in RFL lessons.

Students may be asked to both compare and contrast the tale about the Fool (“The Three Kingdoms”) with the movie about the Holy Fool (“About the Saint Basil”) and discuss similarities and differences between Ivan the Fool and the Blessing Basil. Have students to discuss whether is it possible to distinguish clearly the difference between “fool” and “the holy fool”? If so, what are the similarities and differences?

Conclusions

The use of fairy tales (“The Three Kingdoms”), proverbs, and animated cartoons illustrates how literary texts and short video can be incorporated in RFL classes. As it appears, there are certain benefits from the use of suitable folklore materials in RFL teaching.

Firstly, using Russian folktales and folk wisdom as the RFL curriculum materials have a great educational significance and value, linguistic importance in RFL teaching, positive impact on the language acquisition.

Secondly, fairy tales and proverbs are considered efficient tools for RFL students’ deeper insight of Russian mentality. Apparently, folk materials could be seen as helpful in explaining the unique phenomenon of foolishness in general and of Holy foolishness in particular in Russia, since they provide students with more thorough knowledge and understanding Russian fools’ (Ivan the

Fool and St. Basil Fool for Christ) strange behavior and their lives' purpose (that is to make all people happy). Consequently, they could prompt changing students' attitudes towards Russian fool character ("Ivan Durak").

And finally, both Ivan the Fool and St. Basil the Holy Fool who are portrayed here could be perceived as so-called Russian anti-heroes. In fact, students are presented with a new version of the anti-hero, familiar to them from the opening pages of many other different stories (from "Jack Tales" to Huckleberry Finn and Peter Pan). As mentioned before, the Fool is an international hero. As a result, silly characters mentioned above could provide the crosscultural connection between Russia and the other countries.

Standing back from the particular texts observed in this paper and examining the overall tradition of Russian conception of foolishness represented in cliché and aphorisms, we can see that Ivan the Fool is an iconic representation of Russian mentality in general.

While reading and analyzing Russian folk fairy tales and proverbs foreign students do more than simply note similarities between their native culture fairy anti-heroes and that of the Russian culture. They also accept Russian culture's interpretation of anti-hero (Ivan the Fool) as a national hero. It is worth concluding with the following popular statements: "Ivan the Fool for the Russian culture is "the all-Russian national hero" and "the self-consciousness of the Russian people" (Vorkachov 2017: 19).

References

- About Ivan the Fool. Mountain of Gems. URL: https://www.youtube.com/watch?v=S0oHF1I_CGc(Retrieved: 01.12.17).
- About Saint Basil. Mountain of Gems. URL: https://www.youtube.com/watch?v=S0oHF1I_CGc. (Retrieved: 01.12.17).
- Ajibola A. (2014): Integrating Folktales in the Teaching of German – A Practical Approach, *International Journal of Humanities and Social Science*, Vol. 4, No. 11 (1); September 2014, 246-51.
- Arysheva T. (2014): Russkaiia narodnaia skazka na zaniatiiah po russkomu iazuku kak inostrannomu. [Russian folk tale in RFL lesson]. URL: www.kgau.ru/new/all/konferenc/konferenc/2014/g17.pdf.(Retrieved: 27.10.17).
- Baryshnikova E.N. (2006): *Cheburashka i ego druz'ia: posobie po razvitiuu rechi s ispol'zovaniem mul'tfil'mov*. [Cheburashka and His Friends: A Textbook on the Development of Speech]. Moskva, RPF-University.
- Barsukova-Sergeieva O. (2013): Russkaia narodnaia skazka kak instrument formirovaniia kommunikativnoi kompetenzii inostrannyh uchashihs'a. [Russian folk tale as a tool of the formation the communicative competence of foreign students]. *Russkii iazyk za rubezhom*. № 4, 28-35.

- Bordovskaia A. (2005): Mesto skazki kak nazional'no-prezidentnogo fenomena na urokah RKI. [The place of a fairy tale as a national-precedent phenomenon in RFL lessons]. *Rusistics and modernity – Proceedings of the VII International Scientific and Practical Conference. The Herzen State Pedagogical University*, 72-5.
- Dal' V. (2006): *Posloviy russkogo naroda*. [Proverbs of the Russian people]. Moskva: EKSMO.
- Fliantikova E. (2016): Ispol'zovaniie russkih narodnyh skazok na urokah RKI. *Problemy prepodavaniia filologicheskikh disziplin inostrannym uchashchims'a: sbornik materialov IV mezhdunarodnoi nauchno-prekticheskoi konferenzii. Voronezh*, 140-45.
- Goscilo H. (2005): Introduction. In: *Politicizing Magic. An Anthology of Russian and Soviet Fairy Tales* (2005): Balina M., Goscilo H., and Lipovetsky M. (eds.). Evanston, Illinois. Northwestern University Press, 5-23.
- Igoshina O. (2003): *Lingvokul'turologicheskii analiz fol'klornogo teksta pri obuchenii russkomu iazyku nemetskoiazychnykh studentov: dis...kand. ped. Nauk* [A Cultural-Linguistic Analysis of Folklore Texts in Learning Russian by German-speaking Students: Ph. D. Thesis]. St. Petersburg.
- Lwin S. (2015): Using Folktales for Language Teaching. *The English Teacher*, XLIV(2), 74-83.
- Matveienko V. (2013): Ispolzovaniye russkih narodnyh skazok v prozesse obucheniya studentov-philologov RKI s uchiotom sovremennyh tehnologii. *Vestnik RUDN, seriia 'Ruskii I inostranyie iazyki I metodika ih prepodavaniia'*. Moskva, RPF-University. 4, 72-82.
- Mel'nik Y. (2016): *Mul'tfil'm-skazka na zaniatii po russkomu iazyku kak inostrannomu: problemnyi podhod*. [Animated fairy tales in RFL lessons : Problem training]. *Philology and Culture. Filologiiia i Kul'tura*. 3 (45), 190-94.
- Merrill J., Colleen L. (2016): *Russian Folktales: A Reader for Students of Russian*. Indianapolis: Hackett Publishing Company.
- Nhung P. (2016): Folktale as a Valuable Rich Cultural and Linguistic Recource to Teach a Foreign Language to Young Learners. *International Journal of Education, Culture, and Society*. Vol. 1 (1), 23-8.
- Panchenko A. M. (1984): *Smekh kak zrelishche. Smekh v Drevney Rusi*. Leningrad: Nauka, 72-154.
- Pelikan J. (1955): *Fools for Christ: Essays on the Truth, the Good, and the Beautiful*. Philadelphia, Pennsylvania: Fortress Press.
- Prastiwi Y. (2015): Folktales as a medium of teaching English: two primary schools in Solo, Indonesia. URL: dro.deakin.edu.au/eserv/DU:30082775/prastiwi-folktales-2015A.pdf. (Retrieved 09.11.2017).
- Shilko T. (2012): Narodnaia skazka v prozesse obucheniia russkomu iazuku kak inostrannomu. *Teoriia i praktika prepodavaniia russkogo iazyka kak inostrannogo. Vorzlav*, 169-78.
- Sinyavsky A. (2007): *Ivan the Fool. Russian folk Belief. A Cultural History*. Moskva: Glas.

Taylor E. (2006): *Using Folktales: Cambridge Handbooks for Language Teachers*. Cambridge: Cambridge University Press.

The Three Kingdoms. In: *Politicizing Magic. An Anthology of Russian and Soviet Fairy Tales* (2005): Balina M., Goscilo H., and Lipovetsky M. (eds.). Evanston, Illinois. Northwestern University Press. 28-31.

Trygub I.(2006): *Lingvometodicheskii potentsial narodnykh skazok v obuchenii russkomu iazyku kak inostrannomu mladshikh shkol'nikov: avtoref. dis. . .kand. ped. nauk. [Cultural-Linguistic Potential of Folk Fairy Tales in Learning Russian as a Foreign Language for Junior Schoolchildren: Ph. D. Thesis Abstract]*. Moskva.

Vorkachev S. (2017): *Iazyk i etnicheskaiia mental'nost': Ivan-durak kak lingvokulturnyi geroi. Russkii iazyk v polikul'turnom mire. Pervyi Mezhdunarodnyi Simpozium. 8-12 June 2017. Issue II. Simferopol', 14-20.*

Zaharenko I. (2004): *Ivan-durak. Russkoie kulturnoie prostranstvo: lingvokul'turologicheskii slovar'*. Moskva: Gnozis, 198-200.

A BUSINESS RUSSIAN TEXTBOOK FOR ADVANCED LEARNERS: CRITERIA FOR THE SELECTION OF MATERIALS

Dmitri Tsiskarashvili
Trinity College Dublin,
The University of Dublin,
Ireland
dtsiskar@tcd.ie

ABSTRACT

This paper presents the background, context, structure and contents of a Business Russian textbook intended for English-speaking students (recommended level B2 Vantage and higher) and for a broader range of readers with good proficiency in Russian who wish to expand their knowledge of business Russian and of the socio-economic profile of modern Russia. As most of the material is accompanied by English translations, the textbook can also be used by Russian-speaking students wishing to improve their business communication skills in English.

АННОТАЦИЯ

В докладе представлены материалы учебника по русскому языку для делового общения, предназначенного для англоговорящих студентов (рекомендуемый уровень B2 Vantage и выше) и для широкого круга читателей, которые хорошо владеют русским языком и желают углубить свои знания по языку деловой коммуникации и социально-экономическим аспектам современной России. Поскольку большинство материалов сопровождается переводом на английский язык учебник может быть также полезен русскоговорящим студентам, желающим повысить свой уровень владения английским языком в сфере делового общения.

Keywords: textbook, advanced level, business communication, selection of materials.

Ключевые слова: учебник, продвинутый этап, деловая коммуникация, отбор материала.

Background

The Russian Business textbook presented in this article has been developed at the Department of Russian and Slavonic Studies, Dublin University, Trinity College, where, in 1992, a four-year program for a Bachelor's degree in Business Studies and Russian was initiated. This program is divided equally between the study of Russian language for business purposes and the study of business-related subjects. The purpose of this multidisciplinary program is to provide students with the knowledge and skills necessary to communicate and operate successfully in a Russian business environment and to have a comprehensive understanding of the socio-economic characteristics of life in modern Russia. This program is unique in its structure and has no equivalent in any other university in the British Isles, where Russian is currently taught.

Prerequisites

1. The textbook serves as the main course material for the Business Communication IV module delivered to final year students. It is designed to accommodate their intellectual needs and to teach them the applicable skills necessary for solving problems in their future careers. The prerequisite for attending this module is good proficiency in Russian and a good knowledge of the contemporary business environment in Russia. Students acquire the appropriate level of proficiency in Russian by spending their third academic year studying in Russia. During this time students are required to fulfil the following requirements:
 1. Students must attend the intensive Russian language course offered by the host university in preparation for the State Certificate Examination.
 2. Apart from the compulsory language component, students are required to take several business - related modules in both Russian and English and submit all associated continuous assessments.
 3. Students must undertake a two-month work experience placement in a Russian or multinational organisation using the Russian language.
 4. Students must collect data, including available financial reports, and write a preliminary company profile (2000 words in Russian) for their final year Case Study project to be based on an indigenous Russian company of their choice. In the report students are also required to outline any difficulties they may have encountered while trying to collect data and explain how they endeavoured to overcome these difficulties.
 5. Students must take and pass the State Certificate Examination in Russian at the appropriate level – with minimum requirement of B1 or, preferably, higher B2 - as an external yardstick of the student's standard in Russian. The Certificate is viewed as the only valid means for the Department of Russian and Slavonic Studies to determine the progress made and the level of proficiency achieved by students in Russian during the year abroad.

The requirements outlined above ensure that on their return from Russia, students will have a good level of fluency in Russian and the specialized knowledge necessary to evaluate and interpret the information and data presented in the textbook. They should also be able to make independent judgments about social, economic and business issues.

Textbook structure

The textbook is designed for approximately 120 classroom contact hours and an additional 150 hours of personal study. The book consists of 40 units, which are arranged in chronological order and focus on significant points in the development of Russia's economy, from the market reforms of 1992 to the present day. In addition to grammatical, lexical and translation exercises, each unit contains assignments of a creative nature aimed to help students develop their research skills and their ability to think independently

Learning outcomes

Having successfully completed the Business Communication IV module, students will be able to demonstrate proficiency in oral and written business Russian at the advanced level and a detailed knowledge and awareness of the rapidly changing socio-economic and business environment of contemporary Russia.

By using the textbook, students will develop useful oral and written communication skills, which will enable them to:

- read and identify the structure and main points of Russian texts
- analyse, evaluate and critically interpret data presented in the textbook
- write a summary/essay/report/evaluation on topics related to the Russian economy and business environment in accurate Russian using the appropriate register and lexis
- make an oral presentation and express an opinion on topics presented in each unit
- translate accurately and appropriately texts from Russian into English and vice versa
- conduct in-depth research into a Russian company and its business environment and write a Case Study project (10.000 words in Russian)
- communicate in oral and written mode information, ideas, problems and solutions to specialist audiences of Russian speakers;
- develop the skills necessary to manage successfully in intercultural professional and social settings in Russia.

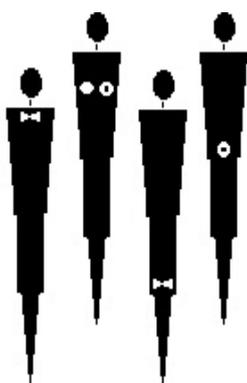
Selection of text materials

The essential key in language teaching is to keep students motivated. Lack of motivation results in poor attendance, sporadic submission of continuous assessment and the gradual deterioration of the classroom environment. The use of challenging text material is considered one of the most important elements in keeping a student's motivation high and in facilitating the creation of a positive classroom atmosphere conducive to learning. The selection of materials for the Business Russian textbook should accommodate the intellectual needs of students and reflect the continuously changing course of events in modern Russia and their importance to the world at large. Throughout the years of teaching this module, the views and preferences of students were always taken into account. Sometimes, topics considered by a lecturer as significant or controversial might seem less important and even boring to students. Therefore, asking students to suggest topics for discussion and to choose texts themselves is a good way to keep their interest alive.

All suggestions from the following wish list proposed by graduates who practice-tested the relevance of materials were taken into account.

1. Introduce the views of leading economists, politicians and business people who are household names in Russia, but little known in the West. Therefore, the textbook includes articles written by Boris Fedorov, Vladimir Dovgan, Yevgeny Yasin, Pavel Bunich, Egor Gaidar, Alexei Kudrin, German Gref and others, to reflect their views on the implementation of market reforms
2. Present events that have had a significant impact on Russia since the introduction of market reforms in 1992 to the present. The textbook covers such topics as the implementation of large-scale privatization in the early 1990s; the "black days" of Russian finances; the impact of the Asian crisis; the denomination of the ruble; the financial crisis of 1998 and its devastating consequences for Russian society; the rapid economic recovery after the default; the overreliance of the economy on world oil prices; the creation of the Stabilization Fund; Russia's long journey to the WTO accession; the recent prolonged recession; the deterioration of Russian business relations with the West and the impact of Western sanctions. The last units of the textbook are dedicated to the medium-term forecast for the Russian economy in the coming decade.
3. Select materials not only from business-oriented publications, such as "Business People", "Kommersant", "Expert", "Profile", "Company", "Russian Focus", "Business Petersburg", "Vedomosti", "RBC", but also articles on economics and business issues from popular publications like "Moscow News ", "Literaturnaya Gazeta", "Argumenty and Factly", "Itogi ", "Izvestia".
4. Select texts, which are clearly structured, coherently organized and informative. Although the language in the textbook is adapted for level B2, it should be complex and idiomatic and employ appropriate and frequently used business lexis.
5. Select texts containing analytical information of a 'timeless' nature and to avoid contemporary descriptive materials related to a particular event, which quickly become obsolete. The texts selected should remain relevant over a long period and be applicable to the analysis and assessment of current events as well as to the forecasting of future developments.
6. Complement materials taken from Russian-language sources with information from English-language publications in cases where the same events are analysed from a different perspective. The presentation of such contrasting views stimulates the interest of students and encourages them to develop their own critical thinking.

Глава 5.
Описание и анализ русского языка.
Фонетика, фонология, морфология, лексикология,
фразеология, семантика, синтаксис.

**К ВОПРОСУ О СЕМАНТИЧЕСКОМ СООТНОШЕНИИ
ТРАНСФОРМИРОВАННОГО ФРАЗЕОЛОГИЗМА-ЗАГОЛОВКА С
ТЕКСТОМ СТАТЬИ**

*Аймагамбетова Малика Муратовна
Казахский национальный педагогический университет имени Абая, Казахстан
aimagambetovamalika@gmail.com*

**ON THE QUESTION OF THE SEMANTIC RELATIONSHIP OF
TRANSFORMED PHRASEOLOGISM-HEADING WITH THE TEXT OF
THE ARTICLE**

*Aimagambetova Malika Muratovna
Abai Kazakh National Pedagogical University, Kazakhstan*

АННОТАЦИЯ

В данной статье говорится о соотношении трансформированных фразеологических единиц в заголовках с текстом статей, о способах их трансформации и функциях. Фразеологические единицы обладают значительным семантическим, стилистическим и эмоционально-экспрессивным потенциалом, что способствует реализации коммуникативных, номинативно-информативных и прагматических свойств устойчивых оборотов в речи и в тексте, особенно в составе газетного заголовка.

ABSTRACT

This article deals with the correlation of transformed phraseological units in headings with the text of articles, on the methods of their transformation and functions. Phraseological units have a significant semantic, stylistic and emotional-expressive potential, which contributes to the implementation of communicative, nominative-informative and pragmatic properties of sustainable speech and text, especially in the newspaper headline.

Ключевые слова: фразеологизм, заголовок, трансформированный фразеологизм-заголовок, семантическое соотношение.

Key words: phraseological unit, headline, transformed phraseologism-heading, semantic relationship.

*Статья подготовлена в рамках гранта № AP05133019 КН МОН РК "Культурные коды современного Казахстана (литературный и медийный дискурсы)"

На сегодняшний день все большую актуальность приобретают вопросы, связанные с функционально-стилистическим направлением лингвистики. Обуславливается это, прежде всего, повышенным интересом науки к коммуникативным функциям языка (Айвазян 2012: 3). Одним из наиболее интересных и значимых (с точки зрения лингвистического анализа современного языка) направлений является исследование фразеологических единиц и их разного рода видоизменений (трансформаций). Как отмечают исследователи, именно фразеологические единицы содержат в себе уникальные сведения о материальном, социальном и духовном мире человека (Багаутдинова 2007: 20). В этом смысле особый интерес вызывает исследование семантического соотношения фразеологизмов-заголовков и содержания текстов (в особенности, текстов статей СМИ). Так, являясь важнейшими компонентами статей, фразеологизмы-заголовки способны нести в себе определенную эмоциональную нагрузку, направлять читателя на скрытые смыслы, указывать на наличие подтекста, придавать тексту ироническую тональность и т.д. (Тин 2016: 1295). При этом важную роль играет степень соотношения фразеологизмов-заголовков и содержания текстов, исследование которого (соотношения) позволяет выявить комплекс критериев, определяющих степень этого соотношения.

Кроме того, актуальность данного исследования определяется тем, что процессы, которые происходят на данный момент в русском языке, достаточно активны, новые явления появляются и развиваются стремительно. К такого рода активным процессам, с нашей точки зрения, относится и употребление фразеологических единиц в трансформированном виде в языке СМИ. В то же время, это не только лингвистические, но и социологические, культурологические явления, которые отражают процессы, происходящие в обществе и в сознании носителей языка. В силу своей актуальности, СМИ представляют собой достойный источник материалов для исследования современной русской речи, поскольку они отображают ее непосредственно, в самом процессе развития.

Проблематика данного исследования также имеет актуальный характер. Анализ специфики семантического соотношения фразеологизмов-заголовков и содержания текстов статей достаточно актуален и представляет литературный и филологический интерес.

Характеризуя степень научной разработанности, следует отметить, что тема «Фразеологизмы» (в той или иной степени) уже многократно исследовалась различными авторами в различных изданиях. В частности, выделяется целый ряд работ, посвященных проблемам понятия фразеологизмов как категориальных единиц языка, их свойств и признаков, а также их соотношения с другими единицами языка (словами, словосочетаниями, предложениями). Так, например, Л.А. Булаховский и А.А. Реформатский отмечали, что

основным признаком фразеологических единиц является непереводаемость на другие языки (Булаховский 1952; Реформатский 1997); А.И. Ефимов выделял образность как основной признак (Ефимов 1954); В.А. Архангельский – внутрикомпонентные связи (Архангельский, 1964: 97); О.С. Ахманова – целостность номинации (Ахманова, 1957); Е.А. Иванникова – лексическую неделимость (Иванникова, 1964); М.М. Копыленко – сочетаемость различных лексем и семем (Копыленко, 1989); Н.М. Шанский выделял воспроизводимость (Шанский, 1996) и т.д.

Другие авторы утверждали, что фразеологизмы обладают целым комплексом признаков. Так, А.М. Бабкин, указывал, что основными признаками фразеологических единиц являются: смысловая целостность, устойчивость сочетания, переносное значение, экспрессивно-эмоциональная выразительность (Бабкин, 1964: 7-36). А.И. Молотков, рассматривая главные категориальные признаки фразеологических единиц, выделяет компонентный состав, грамматическое и лексическое значение (Молотков, 1977: 44-59). Значительное расхождение во взглядах, на наш взгляд, объясняется сложностью фразеологизмов как категориальных языковых единиц.

Особую научную значимость имеют работы, раскрывающие понятия устойчивости и идеоматичности, формы и содержания, тождества и различий фразеологических единиц, знаковых и информативных свойств компонентов, их типологии (Вернер, 1997; Гафарова, 2007; Кулаева, Лискина, 2010; Остапович, 2013; Шиганова, 2015) и т.д. Кроме того, среди исследований, посвященных роли и значению фразеологизмов в СМИ, в большей степени выделяются работы В.Н. Вакурова (Вакуров, 1994), А.Н. Зеленова (Зеленов, 2009), Д.С. Ташимхановой (Ташимханова, 2010), Тина У (Тин, 2016), О.В. Шашковой (Шашкова, 2013) и др. Однако при анализе литературных источников по данной тематике отмечается недостаточное количество полных исследований относительно специфики семантического соотношения фразеологизмов-заголовков и содержания текстов.

Объектом данного исследования являются фразеологические единицы в широком понимании (речь идет не только о фразеологизмах, но и об идиомах, фразеологических сочетаниях и выражениях, клише, цитатах, пословицах и поговорках, устойчивых формулах – все они могут быть охарактеризованы как идиоматичные, воспроизводимые и относительно устойчивые единицы языка). Такой подход позволяет объединить термином «фразеологическая единица» практически все устойчивые выражения. В связи с этим мы рассматриваем не только сами фразеологизмы, но и другие устойчивые выражения.

Предметом исследования является специфика семантического соотношения фразеологизмов-заголовков и содержания текстов, анализ которой позволит рассмотреть

фразеологические единицы и их видоизменения (трансформации) с точки зрения идиоматичности, воспроизводимости и относительной устойчивости, а также содержания сведений о материальном, социальном и духовном мире человека.

Цель работы – провести детальный анализ фразеологизмов-заголовков и текстов статей СМИ с целью предложения критериев, определяющих степень их соотношения. Заявленная цель определила следующие задачи нашего исследования:

- 1) рассмотреть основные особенности фразеологических единиц и их видоизменений (трансформаций), используемых в качестве заголовков текстов статей;
- 2) исследовать фразеологизмы-заголовки с точки зрения идиоматичности, воспроизводимости и относительной устойчивости, а также предложить классификацию;
- 3) проанализировать соотношение фразеологизмов-заголовков и текстов статей СМИ, предложить критерии, определяющие степень их соотношения.

Определенная значимость и недостаточная научная разработанность темы определили научную новизну данной работы.

Теоретико-методологическую базу работы составили три группы источников. К первой отнесены учебники и учебные пособия, справочная и энциклопедическая литература. Ко второй – научно-исследовательские статьи в периодических журналах по данной проблематике. И к третьей – специализированные Интернет-ресурсы.

Итак, как справедливо отмечает Г.И. Алиомарова, фразеология публицистического текста и фразеология общенародного языка – это понятия, которые не совпадают не столько в смысле количественного соответствия, сколько в смысле качественного расхождения. Публицистика, как правило, отображает особенности авторской переработки фразеологических единиц, окказиональное употребление устойчивых оборотов, нестандартные контекстуальные связи – все, что отходит от нормативного употребления, что проявляется как противоречие с принятым в литературном языке способом выражения мысли (Алиомарова, 2003: 71-90). В этом смысле фразеологические единицы, которые включают в себя фразеологизмы, идиомы, фразеологические сочетания и выражения, клише, цитаты, пословицы и поговорки, устойчивые формулы, в готовом виде отображают языковой вкус и тенденцию современного русского языка.

Фразеологизмы-заголовки часто подвергаются семантико-структурным преобразованиям, что, в свою очередь, говорит о том, что современные СМИ ориентируются не только на общий читательский вкус, но и на определенные культурные ценности, лежащие в сознании человека. За счет активизации данных культурологических знаний, СМИ стараются вызвать у читателей некие впечатления, ассоциации, тем самым воздействовать на

них (Бэк Кюн Хи, 2002: 21-59). Газетный заголовок, будучи первым компонентом публицистического текста, передает читателю общее представление о чем будет статья, указывает на основную мысль автора.

Заголовок как важнейшая часть текста, оказывает огромное влияние на построение и содержание текста, а также на его восприятие. Так, по мнению В.П. Жукова, «способность языковых единиц воздействовать на организацию текста зависит, главным образом, от информативной емкости семантически реализуемых единиц <...> чем информативнее те или иные единицы, чем выше их познавательная ценность, тем выше текстообразующая способность таких выражений, и наоборот» (Жуков, 1978: 38-61). Кроме того, заголовок статьи как текстообразующее средство выполняет целый ряд важнейших функций, в частности (Зеленов, 2009: 5-14):

- 1) выступает в роли путеводаителя, поскольку заголовок статьи весьма информативен по своему характеру;
- 2) привлекает внимание потенциальных читателей, а также ориентирует их в материалах издания;
- 3) выступает в роли средства активизации фоновых знаний адресата;
- 4) интригует, вовлекает читателей в языковую и речевую игру;
- 5) «ведет» эффективную пропагандистскую и агитационную работу, формирует адекватное отношение читателей к предлагаемым материалам;
- 6) вводит субъектов общения в процесс виртуального диалога, который определяется особенностями языковой личности автора и потенциальных читателей и т.д.

Заголовки статей, являющиеся фразеологическими единицами, кроме всего прочего, отображают тенденции современного русского языка, при этом они (заголовки) очень часто сами подвергаются различным изменениям, и такого рода изменения тесно связаны с использованием фразеологических единиц и одновременным воздействием языковых норм (Шашкова, 2013: 326-331). Тяга к экспрессии в публицистических текстах при использовании фразеологических оборотов – это, главным образом, их преобразование для решения различных коммуникативных задач и выражения той или иной авторской позиции. Такие окказиональные преобразования могут быть охарактеризованы как отклонения от языковых норм. При этом авторские преобразования фразеологических единиц, которые актуализируют прагматические функции текста для СМИ, определяются стремлением автора добиться экспрессивного эффекта за счет преодоления языковых стандартов.

По мнению А.Н. Зеленова, в практике СМИ были сформированы определенные стереотипы употребления заголовков для публикаций разных жанров, а фразеологизмы, как и

прочие оценочные и экспрессивные заголовки, соотносятся с художественно-публицистическими жанрами (Зеленов, 2009: 5-14). Однако, несмотря на то, что жанровая специфика газетных материалов предусматривает оценочные и экспрессивные заглавия, частотность употребления устойчивых единиц зависит от вкуса и предпочтений авторов.

В качестве примера рассмотрим несколько статей, авторы которых в заголовке используют фразеологические единицы, в частности:

- 1) «Пейте, люди, молоко!» (автор Г. Ланской);
- 2) «Алматинский ипподром: быть или не быть?» (автор Н. Садыкова);
- 3) «Я в художники пойду, пусть меня научат!» (автор Р. Абдыкадырова);
- 4) «На власть надейся, да сам не плошай» (автор С. Горбунов);
- 5) «Длинный язык до статьи доведет» (автор Т. Аубакиров);
- 6) «Любовь спасет мир» (автор Д. Омарова);
- 7) «Что такое хорошо и что такое плохо?» (автор Р. Шулеева);
- 8) «Чарын в иллюминаторе» (автор К. Микоян).

Итак, заголовки данных статей представлены конструкциями, которые совпадают по форме с простым предложением. Как показывает материал, практически все фразеологизмы-заголовки обходятся без подзаголовков. Вероятно, сделано это для того, чтобы создать определенную интригу, вынудить потенциальных читателей обратиться к тексту. Как отмечает О.В. Шашкова, фразеологизмы-заголовки способствуют формированию у читателей определенной оценки материала статьи (Шиганова, 2015: 158-162). Кроме того, фразеологические единицы придают тексту большую образность, экспрессивность, диалогичность и информативность. Например, заголовки «Алматинский ипподром: быть или не быть?», «Любовь спасет мир», «На власть надейся, да сам не плошай» и т.д. являются не только оценочными, но и информационно достаточными, в них заключается основная идея статьи. Заголовок в данном случае оказывается оценочно-информационным, главным смысловым элементом которого является оценка факта (в отрицательном либо положительном смысле).

Рассмотрим данные статьи более подробно.

- 1) «Пейте, люди, молоко!» (автор Г. Ланской);

Данный заголовок является трансформированным вариантом известного выражения «пейте, дети, молоко – будете здоровы!», основной смысл которого заключается в том, что молоко является полезным продуктом, способствующим здоровому и правильному росту ребенка. В статье Г. Ланского «Пейте, люди, молоко!» говорится о возможности создания казахстанско-российского предприятия по выпуску детского питания «из натуральных

продуктов без использования красителей, загустителей и прочих химических добавок, с учетом потребностей детского растущего организма, обогащенных витаминами, фолиевой кислотой, микроэлементами». Заголовок «Пейте, люди, молоко!» в целом определяет основную мысль статьи, при этом он (заголовок) оказывает определенное эмоциональное воздействие, за счет глагола повелительного наклонения «пейте», обращения «люди», а также использования восклицательной интонации.

2) «Алматинский ипподром: быть или не быть?» (автор Н. Садыкова).

В состав данного заголовка входит устойчивое выражение «быть или не быть?» (с англ. *To be, or not to be*) – начало известного монолога из пьесы «Гамлет» Уильяма Шекспира. Данное выражение подразумевает наличие определенных колебаний при принятии тех или иных важных решений. Статья Н. Садыковой «Алматинский ипподром: быть или не быть?» посвящена «исторической достопримечательности южной столицы Казахстана» – Алматинскому ипподрому, который находится под угрозой сноса (вместо него, согласно постановлению акимата Алматы, будет построен жилой комплекс с супермаркетом). Соответственно, заголовок «Алматинский ипподром: быть или не быть?» выполняет определенную информативную функцию, отображает основную мысль статьи (будет ли снесен ипподром или нет). За счет использования вопросительной конструкции создается эффект диалогичности и динамичности.

3) «Я в художники пойду, пусть меня научат!» (автор Р. Абдыкадырова).

Данный заголовок перекликается со стихотворением В. Маяковского «Кем быть?», которое имеет форму искренней эмоциональной беседы, определяющей моральные жизненные ориентиры ребенка при выборе профессии. Рефреном стихотворения служит выражение «пусть меня научат» (например, «...столяру хорошо, / а инженеру – / лучше, / я бы строить дом пошел, / пусть меня научат...», «...инженеру хорошо, / а доктору – / лучше, / я б детей лечить пошел, / пусть меня научат...» и т.д.).

В статье Р. Абдыкадырова «Я в художники пойду, пусть меня научат!» рассказывается об Алматинском колледже декоративно-прикладного искусства имени О. Тансыкбаева, о том, что он (колледж) «славится хорошей школой, качественной подготовкой специалистов», что всем обучающимся в нем помогают сохранить и развить таланты. Также в статье делается небольшой исторический экскурс, отмечается, что широкую известность колледжу «принесли его питомцы, известные деятели изобразительного искусства». Заголовок «Я в художники пойду, пусть меня научат!», как и предыдущие заголовки, также является информационно достаточным, в нем заключается основная идея статьи – выбор профессии. За счет

использования в заголовке элементов восклицания в целом статья приобретает определенную эмоциональную окраску.

4) «На власть надейся, да сам не плошай» (автор С. Горбунов).

Данный заголовок представляет собой видоизмененную пословицу «На Бога надейся, а сам не плошай», которая подразумевает, что нужно надеется не только на Бога или удачу, но и самому прикладывать определенные усилия в решении тех или иных вопросов. В статье С. Горбунова говорится о предпринимателях, которые взяли льготные кредиты на свое дело в рамках программы «Занятость – 2020». Так, значительная часть предпринимателей, на сегодняшний день успешно развивают свой бизнес, отмечается в статье, другая же часть не сумела успешно вложить денежные средства и теперь находится «в конфликтной ситуации с ТОО «Микрокредитная организация «Финансовый центр Павлодара» и исполнительной властью Казахстана». Таким образом, заголовок «На власть надейся, да сам не плошай» выполняет оценочно-информационную функцию, главным смысловым элементом является авторская оценка факта, хотя в заголовке нет прямого указания на основные мысли статьи – проблемы кредитования предпринимательства, а также взаимоотношения бизнес-структур и государственной власти.

5) «Длинный язык до статьи доведет» (автор Т. Аубакиров).

Заголовок данной статьи является трансформированным вариантом поговорки «Язык до Киева доведет», смысл которой на протяжении многих лет менялся и, в конечном счете, стал заключаться в том, что даже если человеку неизвестно точное местонахождение того или иного места или объекта, всегда найдутся люди, которые подскажут дорогу если попросить их об этом.

Статья Т. Аубакирова «Длинный язык до статьи доведет» рассказывает о том, что наиболее важным новшеством, касающимся Уголовного кодекса, стало введение института уголовных проступков. В частности, отмечается, что введение этого института позволяет определять меру ответственности «за распространение информации оскорбительного или клеветнического характера посредством компьютерных систем». Также в статье говорится о том, что «одним из самых животрепещущих вопросов общественности» является вопрос языкового барьера при применении нововведенного так называемого «правила Миранды», который может возникнуть при задержании иностранных граждан, не владеющих русским и государственными языками. Соответственно, заголовок «Длинный язык до статьи доведет» актуализирует прагматические функции текста статьи; при этом трансформация устойчивого

выражения (поговорки) позволяет автору преодолеть современные языковые стереотипы, а также оказать определенное воздействие на читателя.

б) «Любовь спасет мир» (автор Д. Омарова).

Заголовок статьи перекликается с устойчивым выражением «красота спасет мир», которое принадлежит одному из главных героев произведения великого русского писателя Ф.М. Достоевского – князю Л.Н. Мышкину (роман «Идиот»). Говоря о красоте, которая способна спасти мир, герой романа указывает, прежде всего, на внутреннюю красоту человека, его нравственное и духовное начало.

Статья Д. Омаровой посвящена обзору короткометражного фильма «Луна любит Солнце», автором и режиссером которого стал певец, композитор, актер и продюсер Алишер Сулейменов. Фильм рассказывает о людях, которых объединяет одно – «каждый герой хочет любить и быть любимым». В статье отмечается, что фильм демонстрирует десятки способов проявления любви. Заголовок «Любовь спасет мир», на наш взгляд, не в полной мере отображает содержание статьи, в отличие от вышеназванных заголовков статей. Основная особенность данного заголовка – тяга к экспрессии и высокопарности, которая обуславливается стремлением воздействовать на читателя.

7) «Что такое хорошо и что такое плохо?» (автор Р. Шулеева).

Данный заголовок полностью соотносится с названием стихотворения В. Маяковского «Что такое хорошо и что такое плохо», «предназначенного» для юных читателей и выражающегося в наставительных и доверительных интонациях. Композиция данного стихотворения построена на основе антитезы (хорошо/плохо), которая, в свою очередь, позволяет передать ребенку набор нравственных ориентиров.

В статье Р. Шулеевой «Что такое хорошо и что такое плохо?» рассматриваются современные европейские ценности, в частности, отмечается, что в основе глобальных кризисов, возникающих в Европе, и их последствий лежит «кризис ценностных ориентаций и установок человечества, когда в течение последних трех столетий <...> Европа постепенно и незаметно для себя подменила общечеловеческие ценности на индивидуалистические полезности, поставила их соотношение с ног на голову и теперь зашла в тупик». Также в статье затрагиваются проблемы националистических взглядов, плюрализма мнений и толерантности современного общества. Таким образом, заголовок «Что такое хорошо и что такое плохо?» передает основную проблему статьи – что хорошо для человека, а что плохо.

8) «Чарын в иллюминаторе» (автор К. Микоян).

Заголовок статьи К. Микояна «Чарын в иллюминаторе» перекликается с уже ставшим устойчивым выражением «Земля в иллюминаторе» из одноименной песни ВИА «Земляне».

Песня рассказывает о том, что космонавты очень скучают о своем родном доме, что снится им «не рокот космодрома, / ни эта ледяная синева, / А снится нам трава, трава у дома, / Зеленая, зеленая трава». Статья «Чарын в иллюминаторе» посвящена обзору художественной картины молодого режиссера Вячеслава Лисневского «Проект Gemini». Как отмечается в статье, «Проект Gemini» – это история про космическую миссию, которая призвана остановить разрушительное воздействие на Землю загадочного сигнала с другой планеты. Ландшафт Чарынского каньона и стал в картине тем самым загадочным местом, откуда на Землю идет разрушительный сигнал. Заголовок статьи является трансформированным вариантом известного выражения, придает тексту образность и загадочность вынуждает читателя обратиться к тексту.

Таким образом, анализ данных статей показал, что большинство фразеологических единиц являются трансформированными фразеологизмами, устойчивыми выражениями, пословицами и т.д. Степень трансформации фразеологизма, который выступает в роли заголовка, может быть различной от минимальной (или формальной, когда незначительно изменяется один из его компонентов), до максимальной (когда неизменным остается лишь один из компонентов фразеологической единицы) (Вакуров, 1994: 17-25).

К первой степени трансформации относятся фразеологической единицы, которые были незначительно структурно изменены (все преобразования осуществляются на уровне его формы), либо их компоненты были переставлены местами. Например: заголовок «Алматинский ипподром: быть или не быть?». В данном случае устойчивое выражение находится в составе словосочетания «алматинский ипподром», что, соответственно, влияет на его репрезентативные функции. С одной стороны, такое структурное изменение фразеологических единиц не влечет за собой никаких семантических изменений, при этом нельзя утверждать, что фразеологизм подвергся семантической трансформации или дефразеологизации. Такого рода сочетания отображают переходные случаи, которые занимают пространство между группой нетрансформированных и трансформированных фразеологических единиц (Багаутдинова, 2007: 8-19).

Ко второй группе относятся фразеологические единицы с преобразованным стержневым компонентом или большей части компонентов. Например: «Я в художники пойду, пусть меня научат!» или «На власть надейся, да сам не плошай» и др. Также к данной группе можно отнести усеченные фразеологические единицы. Например: «Пейте, люди, молоко!». Усечение фразеологических единиц в заголовках статей выступает как тенденция к экономии языковых средств в памяти читателя, знакомого с устойчивой единицей (Кулаева, Лискина, 2010: 176-179), происходит ее восстановление до первоначального варианта.

К третьей группе относятся фразеологические единицы, представляющие собой более сложную форму преобразования. Изменения касаются как ключевого компонента, так и устойчивой единицы в целом. Например: «Длинный язык до статьи доведет», «Чарын в иллюминаторе» и др. Общим для данной категории трансформированных фразеологических единиц, использованных в заголовке, является то, что к значению устойчивой единицы добавляется значение текста статьи. Экспрессивный эффект в заголовке, в составе которого находится трансформированный фразеологизм, может строиться на взаимодействии слов-компонентов и смешении значений, когда видоизмененный фразеологизм одновременно воспринимается как цельное идиоматическое словосочетание, так и семантически делимое в условиях контекста. Например: «Любовь спасет мир».

В целом ряде фразеологических единиц, несмотря на утрату отдельных компонентов, так или иначе, сохраняется исходная образность и мотивировка. Например: пейте, дети, молоко – будете здоровы! / пейте, дети (люди), молоко. При этом значение фразеологизма расширяется за счет опущения нестержневых компонентов и вставкой на его место других. Например: «Длинный язык до статьи доведет».

Достаточно редки примеры заголовков, в которых автором статьи обыгрывается не только форма фразеологической единицы, но и смысл текста статьи. Например: «Чарын в иллюминаторе» и др. Индивидуально-авторское преобразование фразеологической единицы отличается уникальностью и неповторяемостью произведенных изменений. Авторская игра выстраивается в рамках ограничений компонентного состава фразеологической единицы, а также ее значения, поэтому конечный результат при внешней графической компактности и языковой экономии может включать в себя огромный спектр разнообразных ассоциаций и смыслов (Зеленов, 2009: 9-15). Например: «Любовь спасет мир». Механизмы создания таких типов заголовков, которые включают в себя фразеологизмы, могут быть следующими:

- образование нового слова или словосочетания,
- замена созвучным словом,
- различные многоходовые ассоциации, которые построены на основе парадигматических связей,
- графическое выделение, значимого элемента,
- восстановление значения за счет сходных компонентов и т.д.

Большая часть заголовков состоит только из фразеологизмов, т.е. она воспринимается как языковая единица и используется в готовом виде. Например: «Что такое хорошо и что такое плохо?» Тем не менее, такого рода фразеологическая единица также выступает в роли

образца для образования вариантов, приспособленных автором газетной публикации к решению определенных коммуникативных задач.

Таким образом, фразеологизм-заголовок является наиболее эффективным средством диалогизации речи благодаря взаимодействию этимологического и актуального значений, соотношения двух языковых картин мира. Нетрансформированный фразеологизм-заголовок воспринимается пишущим в качестве языковой единицы, которая воспроизводится в готовом виде, трансформированный фразеологизм используется пишущим как речевая единица, которая всякий раз воссоздается заново по определенной модели. Язык современных печатных и электронных СМИ является яркой демонстрацией мобильности фразеологического материала. Непрерывные поиски свежей экспрессии и усиления выразительности ведут как к активному употреблению традиционных ФЕ в роли заголовков, так и к неизбежному обновлению применяемых фразеологических средств.

Фразеологические единицы обладают значительным семантическим, стилистическим и эмоционально-экспрессивным потенциалом, что в конечном итоге способствует реализации коммуникативных, номинативно-информативных и прагматических свойств устойчивых оборотов в речи и в тексте, в т.ч. в составе газетного заголовка. Фразеологический оборот, выступая в роли газетного заголовка, нередко оказывается более эффективным текстообразующим средством, чем слово, словосочетание и даже предложение. Текстообразующая роль заголовка-фразеологизма заключается в том, что он, как правило, является структурной и смысловой доминантой текста, во многом предопределяя его стилевую, эмоционально-экспрессивную тональность, а также жанровое своеобразие. Текстообразующий потенциал фразеологизма-заголовка активно используется автором для решения разнообразных коммуникативных задач.

Список литературы

- Айвазян О.О. (2012): Коммуникация и речь, Вестник АГУ, 4.
- Алиомарова Г.И. (2003): Трансформированная фразеология как текстообразующий элемент единого целого (на матер. худ. деревен. прозы), Диссер. ... кандидат. филолог. наук, 153.
- Архангельский В.Л. (1964): Устойчивые фразы в современном русском языке. Основы теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии. Ростов.
- Ахманова О.С. (1964): Очерки по общей и русской лексикологии. Москва: «Учпедгиз».
- Бабкин А.М. (1964): Фразеология и лексикография, Проблемы фразеологии, 7-36.
- Багаутдинова Г.А. (2007): Человек во фразеологии: антропологический и аксиологический аспекты, Автореф. ... докт. филолог. наук, 35.

- Булаховский Л.А. (1952): Курс русского литературного языка. Киев: «Радянська школа».
- Бэк Кюн Хи. (2002): Семантико-структурные преобразования устойчивых выражений в заголовках современных газет, Диссер. ... кандидат. филолог. наук, 236.
- Вакуров В.Н. (1994): Фразеологический каламбур в современной публицистике, Русская речь, 6, 17-25.
- Вернер А.В. (1997): Семантическая и функционально-коммуникативная характеристика фразеологических единиц с культурным компонентом значения, Диссер. ... кандидат. филол. наук, 144.
- Гафарова К.Т. (2007): Сопоставительный анализ фразеологических единиц с зоонимами и фитонимами в таджикском, немецком и русском языках, Диссер. ... кандидат. филол. наук, Душанбе, 164.
- Ефимов А.И. (1954): О языке художественных произведений. Москва.
- Жуков В.П. (2009): Семантика фразеологических оборотов. – М.: Просвещение, 1978. – 159с.
- Зеленов А.Н. Фразеологизм в роли газетного заголовка, Автореф. ... кандидат. филолог. наук, Великий Новгород, 19.
- Иванникова Е.А. (1964): Об основном признаке фразеологических единиц, Проблемы фразеологии, 70-83.
- Копыленко М.М., Попова З.Д. (1989): Очерки по общей фразеологии: Фразеосочетания в системе языка. Воронеж.
- Кулаева О.А., Лискина О. (2010): К проблеме устойчивости на фразеологическом уровне, Известия Самарского научного центра РАН, 176-179.
- Молотков А.И. (1977): Основы фразеологии русского языка. – Москва: «Наука».
- Остапович О.Я. (2013): Идиоматика славянских и германских языков. Мифы и реальность «фразеологических компонентов», Когнитивные факторы взаимодействия фразеологии со смежными дисциплинами, 97-102.
- Реформатский А.А. (1997): Введение в языковедение. Москва: «Аспект Пресс», 126-131.
- Ташимханова Д.С. (2010): Фразеологизмы как источник прецедентных текстов, Язык, речь, речевая коммуникация. URL: http://www.rusnauka.com/35_OINBG_2010/Philologia/75702.doc.htm.
- Тин У. (2016): Употребление фразеологизма в современном газетном заголовке, Молодой ученый, 9, 1294-1297.
- Шанский Н.М. (1996): Фразеология современного русского языка. Санкт-Петербург: «Спец. лит-ра.

Шашкова О.В. (2013): Структурная трансформация фразеологизмов в заголовках современных СМИ, Пушкинские чтения, 326-331.

Шиганова Г.А., Юздова Л.П., Свиридова А.В., Чепуренко А.А. (2015): Тождество и различие фразеологических единиц разных семантических классов, Вестник ЧГПУ, 2015, 158-162.

**РОЛЬ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ КАТЕГОРИЗАЦИИ В
ФОРМИРОВАНИИ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА
(НА МАТЕРИАЛЕ РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКОВ)**

Араева Людмила Алексеевна
Кемеровский государственный университет, Россия
araeva@list.ru

Ли Станислав Игоревич
Кемеровский государственный университет
li.stanislav999@yandex.ru

**THE WORD-FORMATION CATEGORIZATION IN THE FORMATION OF
THE LINGUISTIC VIEW OF THE WORLD
(ON THE MATERIAL OF THE MULTI-STRUCTURAL LANGUAGES)**

Araeva Liudmila Alekseevna
Kemerovo State University, Russia

Li Stanislav Igorevich
Kemerovo State University, Russia

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются особенности словообразовательной категоризации в разноструктурных языках. Основное внимание уделяется компактным пропозиционально организованным тематическим объединениям производных слов и устойчивых сочетаний, стремящихся к оформлению специализированными формальными средствами: суффиксами, суффиксоидами, префиксами и префиксоидами.

ABSTRACT

In the article features of word-formation categorization in languages with different structures are reviewed. The main attention is paid to compact propositional organized thematic associations of derivative words and stable combinations, which tend to be formalized with specialized formal means: suffixes, suffixoids, prefixes and prefixoids.

Ключевые слова: категоризация, языковая картина мира, суффиксоид, суффикс, пропозициональная структура, пропозиция.

Keywords: categorization, linguistic view of the world, suffixoid, suffix, propositional structure, proposition.

*Исследование выполнено при поддержке РГНФ, проект № 17-04-00253 – ОГН\18.

Введение

Словообразование, по словам В. Гумбольдта, представляет собой «самую глубокую и самую загадочную сферу языка». Производные лексические единицы, как и типизированные устойчивые словосочетания, выделяют те явления и объекты окружающего человека мира, которые имеют значимость и требуют номинации. Производная лексика позволяет «увидеть, как была воспринята определенная реалья в мире «как он есть» - через отсылки к каким (исходным, мотивирующим) сущностям (объектам, действиям, качествам и т.д.) они были осмыслены и затем поименованы» (Кубрякова 2006: 5). Анализируя производную лексику и устойчивые типизированные словосочетания в аспекте пропозиционально-фреймового моделирования, мы можем понять, какие ментальные механизмы человека задействованы в процессе языковой категоризации действительности. Словообразовательный уровень отличается динамичностью: одним из показателей подвижности словообразовательной системы является внедрение в ее состав строевых единиц языка различного рода.

Словообразовательная категоризация – это механизм, с помощью которого в сознании человека происходит отбор, упорядочивание и закрепление знаний о предметах и явлениях действительности. Словообразование в процессе категоризации действительности предстает как инструмент «ословливания и означивания мира», эта функция словообразования «связана с выделением и фиксацией средствами словообразования новых структур знания, закреплением и объективацией неких концептуальных объединений, рождаемых в актах познания и оценки мира» (Кубрякова 2004: 407).

Материалы и методы

Материалом для исследования послужили производные лексемы и устойчивые словосочетания, составляющие компактные, пропозиционально организованные тематические объединения (фреймы) в русском, китайском, английском, алтайском, киргизском и телеутском языках, извлеченные методом сплошной выборки из толковых словарей. Телеутский язык относится к тюркским языкам, носители этого языка – коренные малочисленные народы России, которых в настоящее время насчитывается около 2500 человек. Большая часть телеутов проживает на территории Кемеровской области, что позволило собирать производную лексику телеутского языка в полевых экспедициях в местах компактного проживания этого малочисленного народа.

При анализе материала использовался метод пропозиционально-фреймового моделирования.

Результаты

Познавая мир, называя новый предмет, человек сравнивает (метонимически либо метафорически) его с тем предметом, который уже имеет название. Веками функционирующие языковые формы направляют создание нового производного слова в пределы уже сложившихся категорий (фреймов). Производные слова (дериваты), равно как и устойчивые словосочетания, создаваясь серийно, сохраняются в долговременной памяти, проявляя особенности механизма работы головного мозга человека по аналогии. Не случайно в современных языках значительная часть словарного состава представлена производными лексическими единицами, а также типизированными устойчивыми словосочетаниями.

Семантика дериватов в виде свернутого ословленного суждения – пропозиции (П) - сформирована в пределах единых для представителей современной земной цивилизации логических схем – пропозициональных структур (ПС). Пропозициональные структуры - наиболее абстрактные суждения, в границах которых субъекты и объекты предикативно связаны, проявляя дискурсивность мыслительной деятельности человека. Производные слова, равно как и типизированные устойчивые словосочетания, хранят исходные смыслы, способные порождать новые смыслы и значения в пределах пропозиций, оформленных в конкретном языке характерными для него грамматическими правилами.

В любом языке наряду с ядерными формальными элементами существуют переходные случаи. Например, наряду с суффиксами существуют суффиксоиды, наряду с префиксами есть префиксоиды. В отличие от суффиксов и префиксов суффиксоиды и префиксоиды могут выступать в высказываниях в качестве самостоятельных слов. Но при этом они могут также выполнять функцию префиксов и суффиксов, которая заключается в создании типизированных устойчивых словосочетаний либо производных слов. То есть в принципе неважно, что оформляют суффиксоиды либо префиксоиды (слова или словосочетания). Важно, что с их помощью создаются серийные, созданные по одной структурно-логической схеме производные слова либо устойчивые словосочетания. Появление подобных переходных компонентов делает возможным постоянное ее развитие и пополнение новыми элементами. На уровне словообразования это проявляется в том, что «пропозиционально организованные компактные тематические объединения стремятся к оформлению специализированным формальным средством» (Араева, Адамовская 2017: 83). Таким образом, помимо ядерного, специализированного формального средства возможны и другие формы, что согласуется с

пониманием естественных категорий Л. Витгенштейна о размытости формально-семантических границ категорий, способствующих динамике языковых процессов (Лакофф 2004).

Компактные тематические объединения, стремящиеся к оформлению специализированными формальными средствами, есть во всех современных развитых языках. Есть объединения, в основе которых в разных языках находятся одни и те же пропозициональные структуры и пропозиции. Это прежде всего тематическая группа «мясо животного».

В русском языке наименования мяса животных, птиц, рыб образуются с помощью суффикса –ин/а/ и его вариантов: -атин/а/, -ятин/а/, -овин/а/, -евин/а/. Ср.: *конина, свинина, поросятина, баранина, курятина, моржовина, медвежатина* и др. В китайском языке данные наименования оформляются суффиксоидом 肉 [ròu] (мясо): 牛肉 [niúròu] – говядина, 猪肉 [zhūròu] – свинина, 鸡肉 [jīròu] – курятина. В тюркских языках также используется суффиксоид: в киргизском – ети; в телеутском – эди, в алтайском – еди. Ср. в телеутском: *мал эди* – конина, *жыбран эди* – суслятина, *уй эди* – говядина, *куш эди* – курятина. В испанском языке для обозначения мяса животного используются устойчивые словосочетания, построенные по одной и той же модели, с формантом *carne* (мясо): *carne de ternero, ternero* – теленок; *carne de vaca, vaca* – корова; *carne de cerdo, cerdo* – свинья; *carne de carnero, carnero* – баран; *carne de alce, alce* – лось и др.

Фрейм «ягода», оформляясь в разных языках специализированными формальными средствами, характеризуется как общими, так и различными пропозициональными структурами и пропозициями, что обусловлено территорией, природными условиями и культурными традициями того или иного народа.

Например, фрейм «ягода» в русском языке оформлен так называемым «ягодным суффиксом» –ик/а/, а также суффиксами: -ин/а/ (*смородина*), -иц/а/ (*кислица*), -ух/а/ (*черемуха*), -их/а/ (*облепиха*), -ник (*крыжовник*). Основной суффикс образует с остальными суффиксами однокоренные синонимы: *голубика – голубица; брусника – брусница*.

Пропозициональную организацию фрейма «ягода» в русском языке можно представить следующим образом:

П «ягода по месту произрастания»: *земляника* – ягода, которая растет на земле, близко к земле; *поленика* – ягода, которая растет в поле. ПС «объект – предикат – место»;

П «ягода колючая, как ёж»: *ежевика*. ПС «объект₁ – свойство – объект₂»;

П «ягода, имеющая форму клубня»: *клубника*. ПС «объект₁ – признак (форма) – объект₂»;

П «ягода, которую поедают определенные представители животного мира»: *журавлика*.

ПС «объект – предикат – субъект»;

П «ягода по наличию в ней специфичных элементов»: *костяника, шиповник*. ПС «объект₁ – предикат – объект₂»;

П «ягода по цвету»: *голубика, черника*. ПС «объект – признак (цвет)»;

П «ягода по размеру»: *малина*. ПС «объект по размеру»;

П «ягода, опьяняющая человека»: *пьяника, пьяница*. ПС «объект₁ – предикат – объект₂».

Фрейм «ягода» в китайском языке оформлен суффиксоидом 莓 [méi]. Его пропозициональная организация выглядит следующим образом.

П «ягода по цвету»: 黑莓 [hēiméi] – *черника* «ягода черного цвета»; 蓝莓 [lánméi] – *голубика* «ягода голубого цвета». ПС «объект – признак (по цвету)»;

П «ягода по месту роста»: 树莓 [shùméi] – *малина*: 树 [shù] – дерево, куст (ягода, растущая на кустарнике). ПС «объект – предикат – место»;

П «ягода по размеру и цвету»: 小红莓 [xiǎohóngméi] – *клюква*: 小 [xiǎo] – маленький, 红 [hóng] – красный (маленькая ягода красного цвета). ПС: «объект – признак₁ (по размеру) – признак₂ (по цвету)». Клюква в русском языке в настоящее время неизменяемое слово;

П «ягода, похожая по цвету на ворона»: 乌莓 [wū méi] – *черника*, 乌 [wū] – ворон (ягода черная, как ворон). ПС «объект₁ – предикат – признак (по цвету) – объект₂»;

П «ягода, ростки которой напоминают по внешнему виду солому»: 草莓 [cǎoméi] – *клубника*, 草 [cǎo] – *трава, солома*. ПС «объект₁ – предикат – признак (по состоянию) – объект₂»;

П «ягода, по вкусу напоминающая уксус»: 醋莓 [cù méi] – *крыжовник*, 醋 [cù] – уксус. ПС «объект₁ – предикат – признак (по вкусу) – объект₂».

В телеутском языке фрейм «ягода» оформляется посредством суффиксоида *жилеги*. Пропозициональная организация этого фрейма выглядит следующим образом.

П «ягода по месту произрастания»: *клюква* – *сас жилеги* (*сас* – болото; *жилеги* – ягода); *малина* – *агаш жилеги* (*агаш* – куст, дерево); *земляника*₁ – *јалан жилеги* (*јалан* – поле, луг);

П «ягода, по внешнему виду напоминающая катышки барана»: *қой жилеги* (*қой* – баран) – *земляника*;

П «ягода по месту произрастания и по форме, напоминающей форму другой ягоды»: *костяника* – *јер кызланат* (*јер* – земля; *кызланат* – красная смородина). ПС «объект₁ – предикат – место – форма – объект₂».

В английском языке ягода именуется с помощью суффиксоида *berry*. В этом языке распространены названия ягод по животному, питающемуся определенным видом ягод. Ср.: в основе названий ягод *cranberry*, *gooseberry*, *cowberry*, *partridgeberry* – именованья представителей животного мира, которые питаются этими ягодами (*журавль*, *гусь*, *корова*, *лиса*, *куропатка*). В русском языке такие названия единичны (*журавлика*, *журавлина* – в диалектах). Есть устойчивое словосочетание *волчья ягода*, но в данном случае присутствует метафора – несъедобная ягода, ядовитая, обыденное сознание связывает данное название с коварностью волка. В обыденном сознании присутствует и такое мнение: ягода, которую едят волки. Данную ягоду также называют *волчье лыко*, *волчягодник*, *волчец*, *бирючина* (бирюком в русских диалектах называют волка). В говорах используется также название ягоды *вороний глаз*. Есть загадка, в которой таится сходство ягоды с цветом и формой глаза вороны: *Из травы под тенью кроны смотрит чёрный глаз вороны*.

Именованья ягоды в английском производится также через указание на время ее созревания, воздействие на состояние человека. Ср. *Juneberry* (ирга) – «ягода, которая созревает в июне»; *wineberry* (малина) – «ягода, которая пьянит». Отмечены метафорические именованья ягод. *Salmonberry* (малина) – «ягода, похожая на икру лосося», *baked-appleberry* (морошка) – «ягода со вкусом печеного яблока». *Checkerberry* (гаультерия лежащая) – «ягода, гроздь которой образуют узор типа “шашечка”»; *cluster-berry* (например, рябина) – «ягода, растущая гроздьями», *strawberry* – клубника «ягода, ростки которой (своей сухостью) напоминают солому» (Араева, Логунов 2011: 91). В китайском языке также обращено внимание на данное свойство клубники: 草莓 [cǎoméi]. В телеутском клубника ассоциируется с ягодой, растущей на земле: *жер жуилеги* (*жер* – земля; *жуилеги* – ягода). Малина в китайском и телеутском языках называется по месту роста плодов. Ср.: 树莓 *shùméi* – малина (树 – дерево, куст; 莓 – ягода); *агаи жуилеги* – малина (*агаи* – дерево, *жуилеги* – ягода).

Во всех рассматриваемых языках зафиксированы наименования ягод по цвету: *черника*, *голубика*; *blueberry*, *blackberry*; 黑莓 [hēiméi] – ежевика (黑 – черный); 蓝莓 [lánméi] – голубика (蓝 – синий, голубой); *карат* (черная смородина), *кара торбос* (черника). При этом в английском черника синего цвета (*blueberry*), а черная ягода (*blackberry*) – это черная смородина. В китайском языке черной ягодой называют ежевику (Араева, Ли 2014: 125).

Для исследуемых языков характерны словообразовательно-пропозициональные синонимы (Араева 2015) в сфере названий ягод. В словообразовательно-пропозициональных синонимах в зависимости от потребностей ситуации общения актуализируются значимые компоненты фрейма. Например, в русском языке *голубика* – *пьяника*; *голубица* – *пьяница*: голубая ягода, оказывающее опьяняющее воздействие на человека. В английском языке такой

ягодой является малина – wineberry (wine – вино; ягода, опьяняющая, как вино). В китайском языке ежевика: 黑莓 [hēiméi] (黑 [hēi] – черный) – ягода по цвету: черная ягода и 刺莓 [cì méi] (刺 [cì] – колоть) – ягода по внешним признакам: колючая ягода. В одном случае акцент делается на цвет, в другом – на тактильные ощущения от ягоды. Человек познает мир, опираясь на свои органы чувств. Можно сказать, что при наименовании ежевики китайцы задействовали два органа – глаза (зрение) и кожу (осязание). В русском языке при наименовании ежевики на основе метафорических ассоциаций создаётся полипропозициональная структура: П₁ «ёж колючий», П₂ «ягода колючая, как ёж». В английском языке ежевику называют двумя способами: blackberry (black – черный, ягода черного цвета), dewberry (dew–роса). Интересно отметить, что в русских говорах среди наименований ежевики встречается *росяника*. Название «*росяника*» связано с росой, которой покрываются по утрам стелющиеся плети. Также встречается наименование куманика, родственное диалектному и древнерусскому слову *комонь*, означающему «*лошадь, конь*», то есть это ягода, которой питается конь. Если у ягоды стелющаяся форма, то её называют *росяникой*, если кустовая, то *куманикой*. В зависимости от конкретной ситуации общения человек может выбрать необходимую ему номинацию. Это позволяет избежать языковой дискретности и повысить эффективность коммуникации. В китайском языке клюква названа по характеру произрастания – 蔓越莓 [mànyuèméi] (蔓越 [mànyuè] – ползти, лоза; ползучая ягода). А также по размеру и цвету – 小红莓 [xiǎohóngméi] (小 [xiǎo] – маленький, 红 [hóng] – красный; маленькая красная ягода). В русском языке наименование клюквы в настоящее время немотивированно, но в говорах клюкву именуют по журавлю, который, как уточняют жители сел, «живет на болотах и питается клюквой». Отсюда и название – *журавлика, журавлина*. В английском языке клюкву, которая в Англии и Америке выращивается на плантациях, называют *cranberry* (ягода, которой питаются журавли; есть и другое объяснение: цветы клюквы напоминают шею и голову журавля). В телеутском клюкву именуют по месту произрастания: *сас жуилеги* (*сас* – болото, *жуилеги* – ягода): климатические условия таковы, что в местах проживания телеутов есть болота, но нет журавлей. Крыжовник в китайском языке называется 醋莓 [cù méi] (醋 [cù] – уксус) – ягода, напоминающая по вкусу уксус, кислая ягода. Еще одно наименование крыжовника – 鹅莓 [éméi] (鹅 [é] – гусь) – ср. в англ. яз. *gooseberry*: *goose* – гусь, гусяная ягода. Англичане из крыжовника готовили соус к жареному гусю.

Таким образом, пересечение происходит в рамках фрейма: функционируют разные мотивирующие признаки, которые актуализируются в зависимости от конкретной коммуникативной ситуации. Словообразовательно-пропозициональная синонимия – это

взгляд на объект действительности с разных сторон, актуализация значимых компонентов фрейма.

Как следует из вышеизложенного, ягоды в разноструктурных языках обозначаются по цвету (Араева, Ли 2014а: 83), месту произрастания, сходству с каким-либо объектом, по животному, питающемуся определенными ягодами, по воздействию на человека, что подтверждает общность дискурсивного мышления людей, относящихся к разным нациям и народностям. Вместе с тем, у каждого народа есть ассоциации, связанные с особенностями культуры, климата, территории.

Таким образом, компактные пропозиционально-семантические объединения (фреймы) присутствуют в разных языках. В одних случаях эти названия формируются в границах одних и тех же пропозициональных структур и пропозиций, в других – наблюдаются различия на уровне пропозиций, связанные с культурными традициями народа, территорией и климатическими условиями. Отмечены компактные пропозиционально-семантические объединения, которые в одних языках имеют индивидуальную оформленность, а в других такая оформленность размыта: есть прототипичные и периферийные для языкового сознания формальные средства. Например, пропозиционально-семантические группы, включающие наименования ягод, цвета в русском языке.

Таким образом, в разноструктурных языках отмечается тенденция закрепления специализированного формального средства за именованиями ягодных культур, составляющих компактные тематические объединения. Это могут быть суффиксы либо суффиксоиды. Суффиксоиды в производных лексических единицах либо в устойчивых словосочетаниях выполняют функцию суффиксов, то есть способствуют серийному созданию наименований реалий одной темы.

Обсуждение

Производная лексика и типизированные устойчивые словосочетания пропозиционально структурированы. Под пропозициональными структурами мы понимаем глубинные структуры мыслительной деятельности, находящиеся в основе построения любого суждения и представляющие различные варианты субъектно-объектных взаимоотношений. Пропозиция является ословленным суждением с обобщенной семантикой на уровне лексико-словообразовательного значения.

В процессе номинации используется определенный образ предмета или явления, вызванный чувствами, уподобление другому известному предмету по внешнему виду.

Человек создает производные слова и устойчивые типизированные словосочетания в результате вторичной номинации предмета или явления, при этом исходное значение производящей единицы меняется, оно наполняется новыми смыслами. Благодаря уже знакомой информации о предмете производная единица и устойчивое словосочетание сопровождается относительной предсказуемостью.

Процесс познавательной деятельности человека проходит путь от базового эмпирического до логико-понятийного уровня. С помощью словообразовательных средств в результате лингвокреативной деятельности человека происходит упорядочение и закрепление предметов и явлений за определенными категориями и рубриками опыта.

Производные слова, равно как и устойчивые словосочетания, хранят исходные смыслы, способствующие порождению новых смыслов; данные единицы являются результатом свертывания суждения в компактную форму, которая подчиняется грамматическим законам того или иного языка.

Заключение

Находясь в кругу языка и воспринимая мир посредством языка, человек познает окружающий его мир, используя веками сложившуюся языковую форму, детерминирующую ее использование в границах характерных для конкретного языка категорий. Идентичность механизма работы мозга представителей современной земной цивилизации (дискурсивность и аналогия) способствуют созданию в пределах разноструктурных языков идентичных категорий (например, категория «мясо животного»). Вместе с тем территория, климат, культурные традиции, а также форма языка провоцируют появление специфичных для каждого языка категорий, что особенно значимо для переводчиков, а также для лингвистов, выявляющих особенности языковой картины мира различных народов.

Список литературы

- Араева Л. А. (2015): Одна из самых загадочных сфер языка (к вопросу о словообразовательно-пропозициональной синонимии), *Язык в пространстве речевых культур: К 80-летию В. Е. Гольдина*. Москва-Саратов: ИД «Наука образования», 154 – 164.
- Араева Л.А., Адамовская В. А. (2017): Языковая картина мира китайцев: на материале фрейма «семейство бобовых», *Языки в диалоге культур. К 70-летию профессора М. Дж. Тагаева*. Бишкек: издательство Кыргызско-Российского Славянского университета, 82-85.
- Араева Л. А., Ли С. И. (2014а): Пропозициональный анализ категории цвета в китайском, русском, английском, телеутском языках, *Международная научная конф. Общетеоретические*

и типологические проблемы языкознания: сб. научных статей. Бийск: ФГБОУ ВПО «АГАО», №3, 83-88.

Араева Л. А., Ли С. И. (2014): Пропозиционально-фреймовый анализ производного слова (на материале наименований ягод в китайском и русском языках), Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. Кемерово: Кемеровский государственный университет культуры и искусств, №27, 124-126.

Араева Л. А., Логунов Т. А. (2011) Пропозиционально-фреймовый анализ производного слова как источник информации (на материале наименований ягод в английском и русском языках). Актуальные проблемы современного словообразования: сб. научных статей. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 91-94.

Кубрякова Е. С. (2006): Образы мира в сознании человека и словообразовательные категории как их составляющие, Известия РАН. Серия литературы и языка. Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Интеграция: Образование и Наука», т. 66, № 2, 3–13.

Кубрякова Е. С. (2004): Язык и знание. Москва: Языки славянской культуры, 407.

Лакофф Дж. (2004): Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении. М.: Языки славянской культуры, 792 с.

ОБРАЗНАЯ ЭКСПАНСИЯ ОККАЗИОНАЛЬНЫХ МЕТАФОР: ДИНАМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РАССМОТРЕНИЯ

Барбазюк Вера Юрьевна
Военный университет, Россия
vera087@mail.ru

FIGURATIVE EXPANSION OF OCCASIONAL METAPHORS: DYNAMIC ASPECT OF CONSIDERATION

Barbazyuk Vera Yurevna
Military University, Russia

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена вопросам эволюции образных единиц речи. Делается попытка систематизации выделенных случаев образного усиления образных единиц речи в контексте на основе динамических принципов рассмотрения. Материалом анализа послужили статьи М.Эпштейна, опубликованные в электронном издании «Частный корреспондент».

ANNOTATION

This article is devoted to the questions of evolution of figurative units of speech. An attempt is made to systematize isolated cases of figurative reinforcement of figurative units of speech in the context on the basis of dynamic principles of consideration. The material of the analysis was the articles of M.Epshtein, published in the electronic edition "Private Correspondent".

Ключевые слова: метафора, образ, контекст, образное расширение

Keywords: metaphor, image, context, figurative extension

В современной науке метафора изучается в семиотике, поэтике, лексикологии. Интересно, что первые крупные успехи в изучении метафоры связывают с именем Аристотеля, который рассматривал ее (метафору) как один из важнейших элементов человеческого познания. Со временем исследование метафоры и образных единиц речи стали центром внимания ученых разных научных областей, что еще раз свидетельствует о неослабевающем интересе к их изучению.

Стоит отметить и то, что долгое время метафора рассматривалась в стилистическом аспекте как средство «украшения» речи. За пределами внимания оставался тот факт, что «метафора пронизывает всю нашу повседневную жизнь и проявляется не только в языке, но и

в мышлении, и в действии. Наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы мыслим и действуем, метафорична по самой своей сути... метафора не ограничивается одной лишь сферой языка, то есть сферой слов: сами процессы мышления человека в значительной степени метафоричны» (Лакофф и Джонсон 1990: 387-388). Таким образом, за рамками изучения оставался тот факт, что метафора помогает соединить в единой картине логически несовместимые вещи. Не учитывалось и то, что метафора достаточно жестко подчиняет себе реальность и неразрывно связана с ней.

Безусловно, изучение метафоры с данной позиции является важным и перспективным. Вслед за д.филол.н, профессором Н.В. Ивановым мы полагаем, что в метафоре виртуальная сторона всегда противостоит реальной стороне (Иванов 2001: 76). Более того, в метафоре соотношение виртуального и реального значений не основано на логической эквиваленции, эти значения неравнообъемны.

Метафора – наиболее «послушная» форма образности, с точки зрения условий и параметров ее приспособления к контексту.

Проведенный анализ статей М.Эпштейна позволил выделить различные случаи виртуальной экспансии метафор в контексте. Рассмотрим данные случаи подробнее.

К первому случаю были отнесены случаи простого однократного применения метафоры в контексте. Метафоры представлены словом/ словосочетанием. Данный случай применения метафор достаточно распространен в анализируемых статьях.

- Коррупция, как известно, одна из самых *трудноизлечимых болезней* российского общества. [Частный корреспондент 08.09.2017]
- Как ни парадоксально, патриотизм — это *маска коррупции*. [Частный корреспондент 08.09.2017]
- Вячеслав Иванов и *титаны советского возрождения*. [Частный корреспондент 12.10.2017]
- Сложные вещи легче создают *иллюзию понимания*. [Частный корреспондент 05.04.2017]
- В постсоветской России пустоводство *достигло новых высот*. [Частный корреспондент 08.06.2016]
- Такое *«сиротство»*, казалось бы, уникальное, на самом деле. [Частный корреспондент 14.03.2017]

Как можно видеть, такая метафора не требует каких-либо дополнительных разъяснений, раскрывающих ее смысл. Внутренняя смысловая форма таких образных единиц самодостаточна. Правильное восприятие такой метафоры возможно лишь в рамках общего

участникам коммуникации лингвокультурного контекста. В примерах представленных выше образные единицы «трудноизлечимых болезней», «маска коррупции», «достигло новых высот», «иллюзию понимания» являются средством негативного представления современного состояния общества; «титаны советского возрождения» ассоциируется с масштабом русских ученых и писателей; «сиротство» с долей сочувствия характеризует обособленность поэта.

Ко второму типу относятся случаи использования нескольких метафор по отношению к одному и тому же объекту.

➤ Трагедия — *это борьба с собой, неминуемость утраты, это «или-или»*, при том, что за каждым «или» встает выбор, чреватый трагедией. [Частный корреспондент 23.09.2013]

➤ Я сейчас оцениваю не уровень их достижений, *а масштаб попытки, скачка, порыва...* [Частный корреспондент 12.10.2017]

➤ Это своего рода *эксперимент, стихотворение-целтон, плод несостоявшегося «соавторства»* двух поэтов [Частный корреспондент 05.04.2017]

➤ Но это не просто *возрождение давно ушедшего, а новое качество широты, всеохватности*. [Частный корреспондент 12.10.2017]

➤ Это признаки более глубокого феномена: *«общества навыворот», структурной реверсии социума*. [Частный корреспондент 08.09.2017]

➤ Предмет жалости — *это слабости любимого, его боль, страдание, незнание, неумение... смертность*. [Частный корреспондент 14.02.2016]

➤ Мы *расприродниваем, развоплощаем* себя по мере культурного становления и самовыражения. [Частный корреспондент 10.02.2016]

➤ Все это и составляет новизну нашего *котлована, нашего нулевого цикла* 21 века. [Частный корреспондент 10.02.2016]

➤ Чем больше страдала природа, тем больше оказывались в выигрыше ее защитники: *ее верные рыцари, ее меченосцы*. [Частный корреспондент 07.05.2014]

➤ Елена – абсолютно нормальный человек, *не злодейка, не сверхчеловек, не Раскольников*, не бредит Наполеоном. [Частный корреспондент 30.11.2011]

Из выше приведенных примеров становится ясно, что образное переименование по большей части связано с тем, что отдельная метафора оказывается неспособной представить все свойства объекта. Отсюда – необходимость образного расширения. Автор стремится как можно точнее охарактеризовать конструктивные свойства объекта через совокупность связанных единой смысловой задачей метафор. Так, метафоры «масштаб попытки», «скачка», «порыва» призваны характеризовать силу изменений, введенных российскими учеными; «общества навыворот», «структурной реверсии социума» дают представление о том, какие

процессы происходят в жизни общества; «эксперимент, стихотворение-центон, плод несостоявшегося «соавторства» дают представление о том, как автор относится к творческим союзам писателей; «еретиками, иноверцами, нехристями, жидомасонами, капиталистами, антикоммунистами, антисоветчиками, русофобами» призваны как можно точнее и ироничнее представить врагов России.

Третий случай – это случай несвязанного распределения образных единиц в контексте, т.е. использование метафор согласно логике описываемой ситуации: каждый объект получает собственное метафорическое наименование. Метафоры не связаны друг с другом концептуально. Различные образные единицы не связываются в единый сюжет.

➤ Но в этой простоте — настоящая живость и задушевность, которую Чехов с *глубокой симпатией, оттененной юмором*, даже сравнивает с *явлением Афродиты*, видимо, *преломляя ее через призму беликовской эрудиции*. [Частный корреспондент 03.12.2015]

➤ Эта женщина *старше, чем скалы*, рядом с которыми она находится; *подобно вампиру*, она уже много раз умирала и познала *тайны загробного мира*. [Частный корреспондент 08.04.2015]

➤ Такой же *титанизм*, еще мало признанный и совсем не осознанный, присущ *фигурам, возникающим из мрака коммунистического средневековья и освещенным слабыми сполохами оттепели*: Сергей Аверинцев, Юрий Лотман, Владимир Топоров, Василий Налимов, Владимир Библиер, Георгий Гачев, Лев Гумилев, Георгий Щедровицкий. [Частный корреспондент 12.10.2017]

В приведенных примерах видно, что образные единицы не связаны между собой и взяты из разных областей: 1) «с глубокой симпатией, оттененной юмором.... с явлением Афродиты..... преломляя ее через призму беликовской эрудиции» 2) «титанизм.... фигурам, возникающим из мрака коммунистического средневековья и освещенным слабыми сполохами оттепели» 3) «старше, чем скалы.... подобно вампиру... тайны загробного мира».

В четвертом случае смыслового развития метафоры в контексте, метафоры связаны между собой, образуя некий сюжет, который, однако, продолжает находиться в полной зависимости от реальной ситуации описания: сохраняется полный сюжетный параллелизм между «метафорическим сюжетом» и сюжетной структурой реального контекста:

➤ Таков нынешний *всплеск современной тревоги* после десятилетий *постмодерной игровой расслабленности*. [Частный корреспондент 10.02.2016]

➤ «*Большой взрыв*» 2001-го *дал первотолчок* вселенной третьего тысячелетия, *своей расходящейся волной* определил динамику современной цивилизации. И продолжился

нулевой цикл новым, не менее *масштабным взрывом*, экономическим, - кризисом 2008-2010 гг., который тоже *волнами расходился от улочки под скромным названием Уолл-стрит, всего в нескольких шагах от взорванных башен Всемирного торгового центра*. [Частный корреспондент 10.02.2016]

➤ *Творческая энергия, сдавленная эпохой жесточайших репрессий, начинает бурлить, выплескиваться из берегов*. [Частный корреспондент 12.10.2017]

➤ Растет *могущество техники*, все плотнее *обступает нас виртуальное царство*, все *просторнее экраны компьютеров и телевизоров*, множатся зоны беспроводной связи, - *коммуникативная прозрачность и переливаемость всего во все, техноутопия* в стиле О. Хаксли... [Частный корреспондент 10.02.2016]

➤ Есть люди *с огромной трасосферой, которая светится их «славой»*, и есть люди неприметные, с *маленькой трасосферой*, но неприметных людей нет. [Частный корреспондент 20.10.2017]

➤ Запертый в настоящем, я чувствую *убывание себя, убивание себя временем*. Я хочу *жить на просторах времени, странствовать в прошлое и будущее*, помнить других, ушедших, и оставаться в памяти тех, кто придет вслед за мной. [Частный корреспондент 20.10.2017]

➤ Да, мы рождаемся в *разных клетках, но и убегаем из них разными путями, и это пространство побегов, а также встреч между беглецами из разных клеток* и образует культуру. [Частный корреспондент 10.02.2016]

➤ Система управления *"бешено буксует"*, т.е. *при большой затрате энергии производит ничего* как продукт труда. [Частный корреспондент 08.06.2016]

В приведенных примерах мы усматриваем образную смысловую связь между контекстуально отстоящими друг от друга метафорами: 1) «Большой взрыв»... «своей расходящейся волной» «масштабным взрывом»... «волнами расходился от улочки под скромным названием Уолл-стрит...»; 2) «творческая энергия, сдавленная эпохой» «начинает бурлить, выплескиваться из берегов»; 3) «могущество техники... обступает виртуальное царство, просторнее экраны компьютеров и телевизоров... коммуникативная прозрачность и переливаемость всего во все, техноутопия...»; 4) «всплеск современной тревоги» «постмодерной игровой расслабленности»; 5) «убывание себя, убивание себя временем... жить на просторах времени, странствовать в прошлое и будущее».

Важно отметить, что в приведенных примерах метафора более весомо, с точки зрения своего выразительного присутствия, заявляет о себе.

Пятый случай – это расширенная, контекстная аллегоризация метафоры (в метафоре может отсутствовать сюжетная завершенность).

➤ Так возникает *ценность следа*. След — это самая общая **категория моего бытия вне меня, это среда, хранящая меня в отсутствии меня самого**. [Частный корреспондент 20.10.2017]

➤ Адамс вдохновился на создание своей музыки, когда увидел кинокадры горящих небоскребов, из которых вываливаются миллионы бумаг, *белой метелью застилают небо*, - документы, факсы, графики, циркуляры, письма, записочки, **вся эта бумажная мишура жизни, которая медленно парит и опускается на землю в то время, как души их владельцев возносятся в небо**.

➤ Но эта *текстуальность полна экзистенциального напряжения*, которое *вырывается за пределы знаков*, передавая абсолютный трагизм и вместе с тем *неудержимое движение человеческих душ в иные миры*. **Знаки, взрывающие знаковость**. [Частный корреспондент 10.02.2016]

Следует отметить, что образно-поэтическое остранение возникает не вдруг, а подготавливается предыдущим контекстом, где также присутствуют определенные метафоры, подготавливающие последующую образную нарративную радикализацию метафоры.

В рамке представлены моменты наивысшего образного аллегорического остранения – т.е. те элементы виртуальной реальности, которые практически невозможно соотнести с элементами реальной ситуации описания. Функция референции в такого рода номинациях предельно ослабевает.

В процессе анализа публикаций М.Эпштейна были выделены и смешанные случаи образной динамики.

➤ Современный стиль - *сочетание корректности, внешней расслабленности, плюрализма, унаследованных от постмодернизма*, - с внутренней напряженностью, повышенным болевым порогом: ведь **каждая жилка этой гладко сплетенной и ухоженной цивилизации в любой миг может порваться**. [Частный корреспондент 10.02.2016]

➤ Авторы фильма не пытаются нас *встряхнуть, устыдить, призвать к жизни иной, настоящей*. У них нет этого обличительно-реформационного позыва. Скорее они нас, как спящих, гладят по головке и **такие мягкие прикосновения, может быть, нас скорее разбудят, чем сильные толчки, побуждающие срочно что-то делать, бить тревогу**. [Частный корреспондент 30.11.2011]

➤ Как будто **энтропия нашей жизни, постепенно накапливаясь и разрастаясь, вызывает вспышку антиэнтропийной, праведно-злой энергии**, которая сначала проявляется в эскападах и **психовывертах героини**, а потом в эскападах **небесной механики**. [Частный корреспондент 30.11.2011]

В приведенных выше примерах мы можем видеть смешение первого, второго и четвертого случаев образного остранения: 1) «внутренней напряженностью, повышенным болевым порогом» // «сочетание корректности, внешней расслабленности, плюрализма, унаследованных от постмодернизма» // «каждая жилка этой гладко сплетенной и ухоженной цивилизации в любой миг может порваться»; 2) «как спящих, глядят по головке» // «встряхнуть, устыдить, призвать к жизни иной, настоящей» // «такие мягкие прикосновения, может быть, нас скорее разбудят, чем сильные толчки, побуждающие срочно что-то делать, бить тревогу»; 3) «психовывертах героини» // «антиэнтропийной, праведно-злой энергии» // «энтропия нашей жизни, постепенно накапливаясь и разрастаясь, вызывает вспышку».

Проведенное нами исследование показывает, что образ должен изучаться в неразрывной связи со словом и контекстом

Особый интерес представляют случаи «рассеянного» использования несвязных образов (их сочетания подстегивают воображение) и случаи использования связанных между собой образов (т.к. это приводит к усилению своеобразия текста, его оценочности). Более того, можно сделать вывод, что, чем детальнее образ, тем он конкретнее, осязаемее, тем сильнее он действует на воображение и, тем вероятнее, что он плод индивидуального творчества.

Список литературы

Иванов Н.В. (2001): Проблемные аспекты языкового символизма (опыт теоретического рассмотрения). Минск: Пропилеи.

Лакофф Дж., Джонсон М. (2004) Метафоры, которыми мы живем. Теория метафоры. Москва: Едиториал УРСС.

АРГОТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПОЭЗИИ

Александр Бирих
Трирский университет, Германия
bierich@uni-trier.de

ARGOTIC LEXIS IN RUSSIAN CONTEMPORARY POETRY

Alexander Bierich
University of Trier, Germany

АННОТАЦИЯ

Настоящая статья посвящена различным типам арготизмов (т.е. лексики, восходящей к языку криминального мира) и их употреблению в современной русской поэзии. Собранный материал был проанализирован в следующих аспектах: а) типы арготизмов и их происхождение (общеуголовное арго, воровское арго, арго наркоманов и т.п.); б) идеографическая специфика арготизмов в современной поэзии; в) стилистическое употребление арготизмов и т.п. Каждый аспект рассмотрения материала подробно иллюстрируется примерами.

ABSTRACT

This article aims to deal with types of argotisms (i.e. lexis derived from the language of the criminal underworld) and its use in contemporary Russian poetry. The collected material was analysed under the following aspects: a) types of argotisms and their origin (common criminal argot, argot of thieves, argot of drug addicts etc.); b) ideographic characteristics of argotisms in contemporary Russian poetry; c) stylistic use of argotisms, etc. A number of examples serve the purpose of demonstrating the mentioned aspects of the material analysis.

Ключевые слова: субстандарт, арго, типы арготизмов, современная поэзия, стилистическое употребление арготизмов

Keywords: Substandard, Argot, types of Argotisms, contemporary Poetry, stylistic use of argotisms

1. С 90-х годов XX столетия русский язык испытывает сильное влияние субстандартных языковых вариантов, прежде всего просторечия, различных жаргонов и арго. Благодаря устранению цензуры в 90-х годах, разработке «тюремно-лагерной» проблематики в литературе и прессе, многочисленным фильмам, телевизионным сериям и романам о гангстерах, бандах, киллерах и т.п. элементы жаргона, арго, сленга, обсценной лексики широким потоком хлынули в разговорную речь. Хотя в настоящее время влияние субстандарта и снижается, но в то же время в средствах массовой информации и в литературе отмечается значительное число просторечных лексем, жаргонизмов и арготизмов, постепенно переходящих в разговорную речь. Не является исключением в данном случае и современная русская поэзия, которая изобилует просторечными, жаргонными и арготическими словами и

выражениями, ср., например, стихотворение Л. Лосева «Нет» с просторечной лексемой *пьянь* и обценной *мудак*:

Вы русский? Нет, я вирус СПИДА,
как чашка жизнь моя разбита,
я *пьянь* на выходных ролях,
я просто вырос в тех краях.

Вы Лосев? Нет, скорее Лифшиц,
мудак, влюблявшийся в отличниц,
в очаровательных *зануд*
с чернильным пятнышком вот тут.

2. Настоящая статья посвящена рассмотрению лишь одной разновидности субстандартных единиц, а именно: арготической лексики и её употреблению в современной русской поэзии. Термин *арго*, к сожалению, ещё не получил в лингвистической литературе однозначной интерпретации, его дефиниции противоречивы и порой диаметрально противоположны. Так, W. Timroth (1983: 90) считает, что термином *арго* следует называть тайные языки торговцев (например, русских офеней-коробейников) и ремесленников-отходников, а термином *жаргон* язык таких социальных групп, как студентов, солдат, моряков, музыкантов, наркоманов, воров, спекулянтов, заключённых и т.д. В.С. Елистратов (1993: 82) определяет *арго* напротив как „сниженный городской язык“, тогда как М.А. Грачёв (1997: 11-12) понимает под *арго* лексику деклассированных социальных элементов (т.е. преступников, нищих, бездомных, наркоманов и т.д.) и делит его на *общеуголовное*, *тюремное* и *специализированное арго*. В настоящей статье вслед за М.А. Грачёвым под термином *арго* понимается язык уголовного мира и деклассированных групп: воров, мошенников, картёжных шулеров, заключённых, нищих, наркоманов и т.д. (ср. соответствующие немецкие термины *Gaunersprache* и *Rotwelsch*).

Среди субстандартных элементов, проникших в русский язык в конце XX– начале XXI вв., арготизмы занимают первое место. Причинами такого широкого распространения арготической лексики являются, с одной стороны, её повышенная экспрессивность, на что обратил внимание уже Б.А. Ларин (1928 г.), отмечая, что «арготические словечки и конструкции часто имеют такой эмоциональный и волевой заряд, какого литературные языки ни имеют ни для кого, а уж менее всего для говорящих на арго» (Ларин 1977: 187). Арго отличает преобладание стилистически сниженной, грубой, вульгарной лексики и экспрессивно-оценочной, негативно коннотированной фразеологии, за которыми стоит система моральных и социальных ценностей преступного мира, противопоставленная системе ценностей всего остального общества.

В чём конкретно это проявляется? Нетрудно заметить, что большая часть арготической лексики и фразеологии концентрируется вокруг таких понятий как «обокрасть», «огрابتь», «убить», «ударить/избить», «доносить», «обмануть», «выпить»,

«изнасиловать», «употреблять наркотики», «вор», «проститутка» и т.д., т.е. именно теми, которые связаны с нарушениями общепринятой морали. Такие семантические доминанты «обусловлены экстралингвистическими корнями арго, носители которого и своими действиями, и своей речью выражают протест против традиционной морали, презрение к правовым государственным институтам, к обществу, к труду, к женщинам, общепринятым нормам поведения и т.п.» (Mokienko/Walter 2014: 2149).

Распространению арготической лексики способствовала, с другой стороны, известная криминализация общества в 90-е годы XX в. и как следствие «расширение сферы влияния уголовного мира, обеспечивающее внедрение в общественное сознание его философии и моральных установок» (Васильев 2003: 158). Проявления этой тенденции можно наблюдать и в русской поэзии конца XX – начала XXI вв., в которой арготизмы занимают большое место. Ср., например, следующий текст Тимура Кибирова («Мы говорим не дискурс, а дискурс...»), большая часть которого состоит из арготизмов, ср. *фраер, феня, финка, перо, покоцать, фильтруй базар* и т.д.:

Мы говорим не дискурс, а дискурс!
И *фраера*, не знающие *фени*,
трепещут и тушуются мгновенно,
и глохнет самый наглый балагур!

И словно *финка*, острый гальский
смысл,
попишет враз того, кто
залупнется!
И хватит *перьев*, чтобы всех
покоцать!
Фильтруй базар, фильтруй базар,
мальш!

2. В поэзию проникают обычно арготизмы, уже получившие распространение в просторечии, молодёжном жаргоне и т.п. Их значение, как правило, расширялось, ср.: *завязать* ‘бросать что-л. делать, кончать с чем-л. раз и навсегда’ (в арго ‘закончить криминальную деятельность’); *заложить* ‘выдать кому-л., открыть кому-л. чужую тайну; предать’ (в арго: ‘предать (выдать) соучастников преступления’); *расколоть* ‘заставить, уговорить кого-л. что-л. купить, отдать и т.п.’ (в арго: ‘заставить говорить правду (обычно преступника)’) и т.д. Большинство из них обозначают: а) ‘милицию или теперь полицию’: *власть, мент, мильтон*; б) ‘алкогольные напитки’: *бухалово, керосин*; ‘водку’: *водяра*; в) ‘деньги’: *бабки, бабло; рваный* ‘рубль’; *кусок* ‘1000 рублей’; г) действия, связанные с обманом, избиением, смертью и т.д., ср.: *наколоть, кинуть* ‘обокрасть или обмануть’, *обуть* ‘обмануть’, *гасить, метелить* ‘бить, избивать’, *скопытиться, двинуть кони* ‘умереть’ и т.д. Ср. несколько примеров:

Дома дым коромыслом — комоды *менты* потрошат,

мемуарная сволочь шипит друг на дружку: не трогай!
 Тихо в тайном отеле, только тонкие стены дрожат
 от соседства с подземкой, надземкой, железной дорогой (Л. Лосев).
Бабло, бабло, кругом бабло...
 От верха и до низа!
 Оно как цель, как смысл оно...
Бабло – и ешь от пуза! (Д. Малиновский).

Особенно часто встречаются в поэзии следующие арготизмы: *феня* ‘язык криминального мира’, *лох* ‘наивный, глупый человек, жертва преступления’, *обуть* ‘обокрасть или обмануть кого’, *наколоть*, *кинуть* ‘обмануть’, *расколоться* ‘сознаться в чем-л.’, *засветиться* ‘открыть, выдать, обнаружить себя’ и т.п. Ср.:

Проживатель единственной жизни, ослушник и мот
 Выбирает себе в достояние ветер и мед.
 Медуницы и осы его *обувают на бабки*.
 У него получается легче и много вольней,
 На него ополчаются орды сановных свиней,
 Он пьянеет с полбанки...» (В. Куллэ «Паучок»);
Лохи живут везде и тут, и там,
 Да, в сущности, и мы *лохи* все тоже.
Имеют нас и по утрам, и по вечерам,
 И кстати днём, и даже бьют по роже. (А. Когадеев).

В процитированном тексте, а также в современном просторечии *лох* обозначает ‘наивного, доверчивого человека, простака, которого легко обмануть’. Это значение восходит к криминальному аргю, в котором *лохом* называли ‘[потенциальную] жертву преступления’. В тюремно-лагерном аргю отмечено и другое употребление этого слова: ‘добросовестно работающий заключённый’. Происхождение слова *лох* окончательно не выяснено, обычно его связывают с диал. псков. ‘разиня, шалопай’ (Даль) или языком офеней, в котором оно обозначало ‘мужик, крестьянин’. Характерно, что это слово отмечено и в польском аргю (*loch*), в котором оно имеет следующие значения: 1) ‘мужик, крестьянин’; 2) ‘жертва преступления’ (Stepniak 1993: 294).

3. Рассмотренные лексеммы относятся к общей части криминального аргю, используемой всеми деклассированными группами. Из специализированных аргю особенно сильное влияние на русский язык оказывает через литературу, кино и прессу тюремное и лагерное аргю. Общеизвестными являются, например, следующие слова: *урка* ‘преступник, уголовник; заключенный, относящийся к преступному миру’, *зек* (*зэк*) ‘заключенный’, *шмон* ‘обыск, облава’, *зона* ‘место заключения осуждённых; лагерь’, *баланда*, *бурда* ‘жидкая невкусная

похлёбка (обычно в тюрьме)’, *вертухай* ‘надзиратель, караульный в тюрьме или лагере’, *запетушить* ‘совершить (совершать) насильственно (по отношению к кому-либо) акт мужеложства’ и др. Почти все из названных лексем отмечены и в современной русской поэзии:

поле гадания... что выпадает? валет
или шестёрка трэф но вали вперёд!
хлопоты злая дорога худые кони
иные вёрсты иные дни
берег твой дальний
там и живу я
где *вертухай* виртуальный
круговую песню поёт
сторожевую (В. Кривулин).

Сюжет стихотворения Л. Лосева «Allegretto: Шантеклер» несомненно навеян стихотворением А.С. Пушкина «Пророк». И в том, и в другом случае речь идёт о преобразении человека в «иную особь», способную «глаголом жечь сердца людей» (у Пушкина) и «склевать людскую россыпь», «распространять холод льда, жар солнцепёка» и т.д. (у Лосева). Но если у Пушкина это преобразование описано библейской лексикой и фразеологией («шестикрылый серафим», «вещие зеницы», «вырвать грешный язык», «вложить жало мудрыя змеи» и т.п.), то Лосев использует для этого средства тюремно-лагерного жаргона: *запетушить* ‘совершить насильственно по отношению к осуждённому акт мужеложства’ и перевести его тем самым на самую низкую ступень в уголовной иерархии, т.е. туда, где находятся *козлы* ‘осуждённые, сотрудничающие с тюремной администрацией; пассивные гомосексуалисты’, *суки* ‘преступники, порвавшие с «ворами в законе»; предатели преступников’, *петухи* ‘осуждённые, с которым совершили насильственный половой акт; пассивные гомосексуалисты’ и т.п. В современной разговорной речи вместо слова *запетушить* чаще употребляется глагол *опустить* в значении «тяжело оскорбить, унижить достоинство личности», при этом соотнесённость с арготическим значением — ‘совершить с кем-л. акт мужеложства или позорящие его действия (например, окунуть головой в унитаз (*парашу*))’ – несомненно, стимулирует использование этого слова.

Портянку в рот, коленкой в пах, сапог на харю.
Но чтобы сразу не подох, недодушили.
На дыбе из вонючих тел бьюсь, задыхаюсь.
Содрали брюки и белье, *запетушили*.
Бог смял меня и вновь слепил в иную особь.
Огнеопасное перо из пор попёрло.
Железным клювом я склевал людскую россыпь.
Единый мелос торжества раздул мне горло.
Се аз реку: кукареку. Мой красный гребень

распространяет холод льда, жар солнцепёка.
Я певень Страшного Суда. Я юн и древен.
Один мой глаз глядит на вас, другой — на Бога (Л. Лосев).

Стихотворение «Весна» Г. Сапгира построено на полисемии слова *подснежник*. В криминальном и милицейском жаргоне *подснежниками* называют трупы, найденные весной под растаявшим снегом. «Столкновение прямого значения слова (названия цветка) с переносным жаргонным задаёт смешение образов живого и мёртвого, вульгарного и сентиментального, светлого и мрачного» (Зубова 2010: 77):

скелет ползал и собирал подснежники на лугу — весна!
подснежники ползали по лугу — скелет их собирал
весна собирала скелеты на лугу
весна собирала скелет подснежника
подснежники ползали ползали... да подснежники ли это?
луга ползали по лугам — весна!
скелет весь в подснежниках — это весна

5. Через молодёжный жаргон в поэзию проникли некоторые слова и выражения из жаргона наркоманов, ср.: *сидеть на игле* ‘регулярно употреблять наркотики (внутривенно)’, *колоться* ‘употреблять внутривенно наркотики’, *ловить кайф* ‘получать удовольствие; приходиться в состоянии блаженства (первоначально – после принятия наркотиков)’, *колеса* ‘наркотики в форме таблеток’, *косяк* ‘сигарета или папироса с наркотическим веществом’, *обдолбанный* ‘в состоянии наркотического опьянения’ и т.д. Ср., напр.:

И если мысль не равнозначна слову,
тогда зачем мы ловим этот кайф? (А. Еременко);
Прапорщик, пройдя афган,
разве что-нибудь напишет,
до смерти он жизнью выжат
и обдолбан, коль не пьян (В. Кривулин);
Когда-то думал о семье,
О доме маленьком, уютном,
Теперь я плотно на игле,
и жизнь моя в растворе мутном.
Хотел другую жизнь прожить,
Другую выбрал я дорогу,
Но удалось игле сломить,
И душу я отдам не Богу. (Е. Галицкий).

С арго наркоманов связано, по-видимому, и выражение *оттягиваться / оттянуться по полной [программе]* ‘приятно проводить время, отдыхая, расслабляясь’. Глагол *оттягиваться / оттянуться* означает в языке наркоманов ‘принимать наркотики’ (Вальтер, Мокиенко 2007: 478). Учитывая разговорное значение слова *тянуть* ‘медленно, с наслаждением курить,

вдыхая табачный дым' (*тянуть сигарету*; ср. также у В. Высоцкого: «Ах! Время – как махорочка, / Всё *тянешь, тянешь, Жорочка...*»), можно предположить, что *оттягиваться* первоначально имело значение 'курить сигарету или папиросу с наркотическим веществом (марихуаной или гашишем)'. Иное объяснение переносного значения слова *оттягиваться* находим у М.А. Грачёва (2003: 636), который связывает его с арготическим *оттягивать* 'совершать половой акт'. Фразеологизм *оттягиваться / оттянуться по полной [программе]* особенно популярен в языке молодёжи, из которого он и попал в современную поэзию. Ср.:

Сникерснуть
 Сделать паузу – скушать Твикс
 Оттянуться по полной
 Почувствовать разницу
 Попробовать новый изысканный вкус
 Быть лидером
 Мочить в сортире
 Не дать себе засохнуть... (Т. Кибиров)

6. Приведённые примеры показывают, насколько богато представлена арготическая лексика в современной русской поэзии. Важным поэтому представляется прежде всего выявление состава арготизмов, а также арготических ключевых слов, наиболее часто встречающихся у различных авторов. К дальнейшим аспектам изучения арготизмов в современной русской поэзии относится их тематическая или идеографическая классификация и описание их источников. С помощью идеографических блоков возможно выявление концептуальных доминант арготической лексики и тем самым реконструкция специфической арготической картины мира в современной поэзии.

Важным аспектом изучения арготизмов в современной русской поэзии является также описание их функций в поэтическом тексте. Понятно, что некоторые из них, как, например, экспрессивная или концептуальная функции, встречаются и в других видах текстов. Несомненно, однако, что в поэзии встречаются особенности употребления арготизмов, характерные лишь для поэтических текстов. Очевидно поэтому, что описание такой комплексной системы как арготическая лексика в поэзии возможно лишь с учётом всех названных аспектов.

Список литературы

- Васильев А.Д. (2003): Слово в российском телеэфире. Очерки новейшего словоупотребления. Москва: Флинта.
- Елистратов В.С. (1993): Наблюдения над современным городским арго, Вестник Московского университета, 9, 1, 80-87.

Грачев М.А. (1997): Русское аргю. Нижний Новгород: издательство Нижегородского университета.

Грачев М.А. (2003): Словарь тысячелетнего русского аргю. Москва: РИПОЛ КЛАССИК.

Зубова Л.В. (2010): Языки современной поэзии. Москва: Новое литературное обозрение.

Ларин Б.А. (1977): О лингвистическом изучении города, История русского языка и общее языкознание. Москва, Просвещение, 175-189.

References

Mokienko V./Walter H. (2014): Soziolekte in der Slavia, Die slavischen Sprachen, Bd. 2. Berlin: de Gruyter Mouton, 2145-2170.

Stępniaк K.; Podgórzec, Z. (współpraca) (1993): Słownik tajemnych gwar przestępczych. London.

Timroth W. von (1983): Russische und sowjetische Soziolinguistik und tabuisierte Varietäten des Russischen (Argot, Jargons, Slang und Mat). München: Otto Sagner.

**РУССКАЯ УСТНАЯ РЕЧЬ В ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР,
ИЛИ ЧТО СЛЫШАТ ОТ НАС НОСИТЕЛИ ДРУГИХ ЯЗЫКОВ**

*Богданова-Бегларян Наталья Викторовна
Санкт-Петербургский государственный университет, Россия
n.bogdanova@spbu.ru*

**RUSSIAN ORAL SPEECH IN THE DIALOGUE OF CULTURES, OR WHAT
DO SPEAKERS OF OTHER LANGUAGES HEAR FROM US**

*Natalia Bogdanova-Beglarian
Saint-Petersburg State University, Russia*

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается специфика современной русской речи, с которой в первую очередь сталкивается иноязычный учащийся в среде изучаемого языка. На корпусном материале рассматриваются все типы функциональных единиц, которые используются в повседневном общении: *собственно речевые*, отвечающие за содержательную сторону текста; *условно-речевые*, помогающие говорящему порождать и структурировать дискурс, а также оценивать результат такого порождения; и *неречевые*, отражающие трудности спонтанной речи. Особое внимание уделено тем из условно-речевых единиц, которые названы в статье *прагматическими маркерами (прагматемами)*: они порождаются говорящим автоматически, составляют значительную часть устного дискурса и могут создавать в русско-нерусском общении целый ряд коммуникативных помех.

ABSTRACT

The article deals with the specifics of modern Russian speech. The corpus material covers all types of functional units that are used in everyday communication: speech proper, responsible for the content side of the text; conditionally speech, helping the speaker to generate and structure the discourse, and non-verbal, reflecting the difficulties of spontaneous speech. Particular attention is paid to those of the conditionally speech units, which are named as pragmatic markers: they are generated automatically by the speaker, form the significant part of the oral discourse, and can create in the Russian-non-Russian dialogue a whole series of communicative barriers.

Ключевые слова: русская разговорная речь, повседневное общение, функциональные единицы, прагматический маркер, коммуникативная помеха, диалог культур.

Keywords: Russian colloquial speech, everyday communication, functional units, pragmatic marker, communicative barrier, dialogue of cultures.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РНФ № 18-18-00242 «Система прагматических маркеров русской повседневной речи».

В свете все возрастающих в современном мире миграционных процессов и сопутствующих им межъязыковых и межкультурных контактов возрастает и интерес исследователей к специфике той формы языка, на которой по преимуществу и осуществляются эти контакты – к специфике русской разговорной речи. Мы, как правило, не замечаем, КАК ГОВОРИМ, но непременно должны думать о том, КАК нас СЛЫШАТ и ВОСПРИНИМАЮТ носители других языков.

Приблизиться к пониманию того, как именно мы говорим, позволяет Звуковой корпус повседневной русской речи «Один речевой день» (ОРД), создаваемый на филологическом факультете СПбГУ и фиксирующий максимально естественную речь носителей языка «на магнитофонном уровне достоверности» (Винокур 1988: 47) (методика 24-часовой записи, речь человека «с диктофоном на шее»). Сегодня это 1250 час. звучания, около 130 информантов и примерно 1000 их коммуникантов, 1 млн. словоформ в расшифровках (см. подробнее об ОРД: Богданова-Бегларян и др. 2015, 2017, 2018; Русский язык повседневного общения... 2016; Baeva et al. 2018). Корпус ОРД, в отличие от большинства существующих устных корпусов русского языка, содержит не монологические тексты, а фрагменты реальной коммуникации, протекающей, как правило, в диалогическом (полилогическом) режиме, ср.: «Единственно адекватной формой словесного выражения подлинной человеческой жизни является незавершенный диалог. Жизнь по природе своей диалогична. Жить – значит участвовать в диалоге – вопрошать, внимать, ответствовать, соглашаться...» (Бахтин 1979).

Анализ корпусного материала хорошо показывает, что единицы, которые мы используем в повседневном общении, неоднородны: это и *собственно речевые единицы* (полнозначные лексеммы), и *условно-речевые единицы* (служебная лексика, вводные и дискурсивные слова), и *неречевые единицы* (речеподобные звуки типа э-э, м-м; паралингвистические элементы (смех, вздохи, кашель, цоканье языком, причмокивание); оговорки, обрывы и под.). Причем употребительность собственно речевых единиц, отражающих содержательную сторону речи, в некоторых ситуациях в разы ниже, чем остальных, ср. (значимые единицы в примере выделены; об особых знаках расшифровки (транскриптов) материала ОРД (*Н, (), (э), @, (...), *П и под.) см. подробнее: Русский язык повседневного общения... 2016: 242-243):

- *а вот (э-э) на... н... вот наше вот это вот (э-э) вот это вот / вот(:) тут / тут сложнее гораздо / @ да // @ потому что / значит / я вот вот э-э вот эти / ну в принципе / значит / ну / н... по моим / понятиям значит / я же не отличу так скажем / таджика от узбека что называется / @ да да да // @ да ? (ИЗ9, муж., фотограф).*

Однако уже и *речевые единицы*, использующиеся в повседневном общении, выявляют много интересного для лингвиста-исследователя и абсолютно непонятного – для

воспринимающего русскую речь иностранца. Так, в устном дискурсе можно отметить расширение круга значений того или иного слова (*гуляющая штатная единица; забить на все лекции*), появление новых единиц, как лексических (*монстрозный собор, внуца, шизеть*), так и более крупных, тяготеющих к идиоматичности (*красавица с накладными мозгами; вылилось в такой гадюшник, в хлам определить, тусоваться по гуглу, влезать в просрочку*), активизация старых словообразовательных моделей (*gonevo, orevo, кидалово* – см. об этом подробнее: Богданова-Бегларян 2015), изменение коннотации той или иной единицы, ср.: *Чувак* – жарг., молод. ‘друг, приятель, знакомый, «свой человек»’ ⇒ нейтр. ‘какой-то молодой человек, мужчина, человек’ (по данным Н. А. Осьмак, именно так воспринимают это слово 64,5 % современных носителей языка разного пола и возраста – см.: Осьмак 2014, 2017).

Заметный эволюционный путь буквально на наших глазах проходит в устной речи и, например, лексема *блин*: от бранного слова («детского ругательства»), эвфемистического заменителя грубой инвективы (Словарь современного русского города 1993: 34; Елистратов 2002; Химик 2004: 48), через статус просторечного, но уже привычного и очень распространенного междометия (Словарь современного русского города 1993: 34; БТС 2009; slovoborg.su; teenslang.su; и мн. др.), с положительной или отрицательной коннотацией:

- *блин / я вчера кассету смотрел* (позитивная эмоция);
- *нам надо было блин ! где Мойка ?* (негативная эмоция) –

до вполне нейтральной, орнаментальной (может быть, ритмообразующей – эта гипотеза требует экспериментальной проверки на корпусном материале) клитики:

- *ах эта контора блин такая-сякая;*
- *после той ... той аварии блин / я понял блин / что рано мне ещё на машине ездить.*

Такое, во многом не междометное, а именно клитическое, употребление в разговорной речи нецензурной лексики не раз отмечалось исследователями, ср.: «в этой функции нецензурные слова произносятся вставочно, для “связки слов”, они не выделяются в потоке речи интонационно, не выделяются громкостью, фонетически примыкают к предыдущему или последующему слову, используются фактически безоценочно и в известной степени – орнаментально, для придания речи эмоциональности» (Стернин 1999: 182-183). Наши корпусные исследования показывают, впрочем, что клитические употребления слова *блин*, во-первых, преобладают в современной речи над междометными и, во-вторых, утрачивают уже и всякий элемент эмоциональности (подробнее см.: Богданова-Бегларян 2014а).

Еще больше нового выявляют *условно-речевые единицы*, особенно *прагматические маркеры* (ПМ), или *прагматемы*, которые практически не обладают лексическим значением, слабо связаны с грамматикой (о «грамматических атавизмах» ПМ см.: Богданова-Бегларян

2018), но очень важны с точки зрения прагматики. Они помогают говорящему порождать и структурировать дискурс, выражают его отношение к самому процессу речепорождения или позволяют оценить результат этого процесса (см.: Богданова-Бегларян 2014б). В отличие от хорошо описанных в литературе *дискурсивных слов/маркеров* (см., например: Баранов и др. 1993; Дискурсивные слова... 1998, 2003; Schourup 1999; Traugott 2007; Массалина 2009; и мн. др.), которые Б. Фрезер определяет как класс лексических единиц, морфологическими источниками которых являются союзы, наречия и предложные обороты (Fraser 1990, 1999), ПМ функционируют почти исключительно в устной речи, порождаются на уровне речевых автоматизмов, отсутствуют в словарях кодифицированного языка даже на периферии словарных статей на базовое слово в их составе и характеризуются исключительно через ту функцию (функции), которую они выполняют в повседневной речи. ПМ в устной речи, как правило, полифункциональны и структурно вариативны. Приведем соответствующие примеры – в соответствии с той типологией ПМ, которая выстраивается на материале ОРД (см. подробнее: Богданова-Бегларян 2014б):

- *хезитативы* (ХЕЗ), как правило, поисковые; кроме вербальных (*это самое, как его (её, их), ну это, щас-щас-щас, (я) не знаю, короче, там*), могут быть и неречевыми (*а-а, м-м*);
- *дискурсивы* – маркеры начала (*стартовые* – СТАРТ) или конца (*финальные* – ФИН) текста/реплики, а также *навигаторы* (НАВИГ) по тексту (*вот, значит, всё*);
- *метакоммуникативы* (МЕТ) – контактные глаголы и прочие контактоустанавливающие маркеры (*знаешь/знаете, понимаешь/понимаете, видишь/видите, заметь/заметьте, (я) не знаю, да*);
- *маркеры саморекоррекции* (САМОКОРР) – *это самое* и под.;
- *ксенопоказатели* (КСЕН) – маркеры, вводящие в повествование чужую речь (в широком понимании этого термина, т. е. не только реальную чужую, но и свою собственную речь, сказанную ранее или планируемую на будущее, а также собственные или чужие мысли и даже «интерпретацию поведения другого человека, его реакции и т. д.» – Левонтина 2010: 284) (*вот, такой/такая/такие, типа (того что), вроде (того что), видишь/видите ли*);
- *заместители чужой речи или ее части* (ЗАМЕСТ ЧР) – *бла-бла-бла, ля-ля-тополя, тэ-тэ-тэ*);
- *заместители перечислительного ряда или его части* (ЗАМЕСТ ПР) – *и так далее, то-сё, пятое-десятое, все дела, (и) всё такое (прочее)*;

- *аппроксиматоры* (АППР) – маркеры «нечеткой номинации» (Подлеская 2013); в терминах Дж. Лакоффа, – *Hedges* (англ. ‘намеренно уклончивое выражение’), «слова, функция которых состоит в том, чтобы делать понятия более или менее четкими» (Lakoff 1973: 421) (*типа, как бы*);
- *ритмообразующие прагматемы* (РИТМ) (следующие примеры размечены с учетом относительной изохронности фрагментов устного текста):
 - *девять тысяч там | с копейками;*
 - *вот мне там в этом | () пенсионном отделе | / одна вот женщина | говорит;*
- *рефлексивы* (РЕФЛ) – маркеры любого рода нетривиальности сказанного или готовящегося к произнесению (кроме словарных *что называется, как говорится, так сказать* и под.) – *или как это? или как их? скажем так.*

Вот как могут выглядеть спонтанные тексты, размеченные (проаннотированные) с точки зрения ПМ:

- 1) *я подошла (э) (ХЕЗ) / ну (ХЕЗ) () первая у кого я спросила / это к Саши_Малахова% / она такая (КСЕН) / да-да-да / Катя% взяла у меня *Н четыре с половиной;*
- 2) *ну (СТАРТ) она мне сказала / что да вот (КСЕН) / она вот (КСЕН) случайно / ну вот так вот сложились обстоятельства / и она что-то там (ХЕЗ) не понимает / и так далее (ЗАМ ПР) что (...) вот (ФИН);*
- 3) *она мне не говорит что / типа вот (КСЕН/АППР) / попроси у Вики% погасить взаимопомощь / и дай мне в долг / а я тебе потом отдам;*
- 4) *про этого самого (ХЕЗ) (...) (э-э) (ХЕЗ) как его ? (ХЕЗ) (...) (м-м) (ХЕЗ) (э-э) (ХЕЗ) судью Ди;*
- 5) *и она ему говорит / *П ой (КСЕН) / дядя_Никита% / а у него как бы (ХЕЗ) / *П вообще у них такая история / вот знаешь (МЕТ) / вот как всё-таки / зависит много / от людей;*
- 6) *я говорю / Кирилл% / только винчестер оставь / он там (ХЕЗ) типа (КСЕН) это (ХЕЗ) / он ... а он такой (КСЕН) / а он загруженный ? я говорю / так ты сам его загружал / @ угу // @ и вообще он новый / на двести гигов / а он такой (КСЕН) / а / *П понял;*
- 7) *ну да (СТАРТ) // это знаешь (МЕТ) / как водопроводчик / которого спрашиваешь / *П что нужно сделать / чтоб типа (КСЕН) унитаз работал нормально / *П а(:) он / ничего не может объяснить // то есть он такой типа (КСЕН/АППР) / а / ничего там (ХЕЗ) / ржавый гвоздь вставлю / и ... *В;*
- 8) *то есть они знают что (...) знаешь (МЕТ) как бы (АППР) это борьба за местом под солнцем # *Н всё-таки ты знаешь (МЕТ) // знаешь (МЕТ) / у него больше здравого смысла *Н если человек работает то он работает / я не знаю (ХЕЗ) // Де... Денис% / @ я не знаю... (ХЕЗ) @ Денис% здесь такой же наёмный рабочий / как и мы с тобой.*

Видно, насколько обильно наша повседневная речь «усыпана» прагматическими маркерами, насколько разнообразны эти ПМ, хотя и вполне поддаются систематизации на основе их функции в дискурсе. Видны также их полифункциональность, как в примерах (3), (7) (КСЕН/АППР), и «композициональность», когда маркеры с одной и той же функцией

(функционально синонимичные) выстраиваются в длинную (чаще всего хезитационную) цепочку – как в примере (4) (*про этого самого (...) (э-э) как его ? (...) (м-м) (э-э) судью Ду*).

Из примеров видно также, как много других коммуникативных помех для иноязычного носителя содержит в себе наша повседневная речь. К ним можно отнести, например, грамматическое рассогласование (попросту – грамматические ошибки носителей русского как родного): *первая у кого я спросила / это к Саши_Малахова%* (1); *борьба за местом под солнцем* (8). По нашим данным, частотность ошибки (отклонения от нормы любого типа) в устной речи сопоставима с частотностью имен существительных (Полевая лингвистическая практика 2010), что можно объяснить следующими соображениями: «в процессе устной коммуникации самой важной задачей говорящего является как можно быстрее передать максимум информации. Для решения этой задачи ему приходится жертвовать правильностью речи. Даже носители языка с самым высоким УРК (уровнем речевой компетенции. – Н. Б.-Б.) часто поступаются нормативностью в процессе порождения УР (устной речи. – Н. Б.-Б.), поддерживая, однако, разумный баланс между скоростью и правильностью» (там же: 125).

Сложности при понимании текста может вызвать и такое, например, сочетание, как *погасить взаимопомощь* (3). См. также обилие явно непонятных для иноязычных учащихся единиц разного уровня в следующих контекстах (единицы, требующие преподавательского комментария, выделены шрифтом):

- **В она привозила с собой этого немца / который () вот явный немец / а косил под русского Ваньку // ему первые два дня было запрещено говорить // *С потом (...) *В он... # под дурачка косил ? # он был первым парнем на деревне // там к сему (...) / к нему все девки (...) @ пока не проговорился @ к нему все девки приставали // пока не проговорился / да / по-немецки / *П пока молчал;*
- *угу // это я на колонке угостил (э-э) немца // *П салом // *П выпьет водки // он долго не хотел / а потом как подсел на это сало / короче // *С и давай один бутерброд за другим наворачивать // просто за друг... (...) перед другими людьми уже неудобно было // *В так понёрло его *В;*
- *ну после пломбировки тоже с... как-то святое / что он болит;*
- *у нас это конечно / *П так не очень дешево / # в районе четырёх;*
- *после резекции конечно желательно так это () выгадать / чтобы у вас потом *В три-четыре дня были свободны / чтобы вы могли дома отлежаться оклемаваться;*
- *столько сделать / перелопатить / мама не горюй грубо говоря;*
- *ну это(:) () господи ! это () н... () находка для шпиона *Н;*
- *давай ты сядешь на табуретку / вот сюда ? # там же Галя% сидит # *Н дали табуретку присесть / да // да я знаешь / пешком постою;*
- *ой / ты знаешь / я этого клиента забыла в экс отнести.*

Думается, что преодолеть подобные коммуникативные помехи в межъязыковом (русско-нерусском) общении можно только одним способом: введением в учебные материалы и в практику преподавания русского языка как иностранного (РКИ) (вероятно – на достаточно

продвинутом уровне обучения и желательно с русским преподавателем) текстов реальной, естественной повседневной русской речи, во всем ее функциональном и содержательном своеобразии. Помочь в этом может обращение к речевым корпусам, которых сейчас становится все больше, в том числе – к корпусу ОРД.

Возвращаясь к прагматическим маркерам, отметим, что фактически все подобные единицы (*это самое, как его (её, их), типа того что, скажем так, или как это?* и др.) показывают (вербализуют) сам процесс порождения речи, что открывает богатые возможности для исследований в области когнитивистики и психолингвистики. Уже поэтому отношение к ним как к «словесному мусору» простительно разве что наивному носителю языка. Лингвист должен бесстрастно фиксировать и анализировать подобные единицы (ср.: «Естественное желание каждого равнодушного к предмету своих научных изысканий лингвиста – схватить эту рождающуюся на наших глазах и быстро ускользающую речевую реальность, зафиксировать момент, а потом уже – попытаться разобраться в том, откуда это, как это меняет наши представления о мире и о нас, кому это нужно и зачем...» – *Иссерс* 2012: 8), преподаватель РКИ должен научить иностранцев правильно их воспринимать (прежде всего именно воспринимать и понимать, отнюдь не произносить!), отделяя, что называется, «зерна от плевел» (речевые единицы – от прагматических маркеров), переводчик должен учитывать их специфику, чтобы не потерять разговорную «окраску» текста (ср., например, английские аналоги многих русских ПМ: *anyway, you know, listen, look, well, like y'see* и под.).

Полный набор таких единиц русского дискурса, с подробным описанием особенностей их функционирования и «привязкой» к говорящему и/или коммуникативной ситуации, может быть полезен также в системах автоматического распознавания, синтеза или обработки устной речи, для нужд лингвистического портретирования (как отдельной языковой личности, так и целого социума), а также в целях лингвистической или судебно-криминалистической экспертизы.

Список литературы

Баранов А. Н., Плунгян В. А., Е. В. Рахилина (1993): Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. Москва: Помовский и партнеры, 208 с.

Бахтин М. М. (1979): Эстетика словесного творчества. Москва: Искусство, 424 с.

Богданова-Бегларян Н. В. (2014а): Об одной из самых частых единиц русской спонтанной речи: блин с лингвистической и социолингвистической точек зрения, Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии, 13 (20). По материалам ежегодной

Международной конференции Диалог-2014 (Бекасово, 4-8 июня 2014 г.), В. П. Селегей (гл. ред.). Москва: Изд-во РГГУ, 76-82.

Богданова-Бегларян Н. В. (2014б): Прагматемы в устной повседневной речи: определение понятия и общая типология, Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология, 3 (27), 7-20.

Богданова-Бегларян Н. В. (2015): Не ГОНЕВО, а лингвистическое ОПИСАЛОВО одной разговорной словообразовательной модели (раздумья над корпусным материалом), Коммуникативные исследования, 3, 67-81.

Богданова-Бегларян Н. В. (2018): Грамматические «атавизмы» прагматических маркеров русской устной речи, Структурная организация языка и процессы языкового функционирования. Москва: Изд-во УРСС (в печати).

Богданова-Бегларян Н. В., Асиновский А. С., Блинова О. В., Маркасова Е. В., Рыко А. И., Шерстинова Т. Ю. (2015): Звуковой корпус русского языка: новая методология анализа устной речи, Язык и метод: Русский язык в лингвистических исследованиях XXI века, 2, Д. Шумска, К. Озга (ред.). Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 357–372.

Богданова-Бегларян Н. В., Шерстинова Т. Ю., Блинова О. В., Мартыненко Г. Я. (2017): Корпус «Один речевой день» в исследованиях социолингвистической вариативности русской разговорной речи, Анализ разговорной русской речи (АР³-2017). Труды седьмого междисциплинарного семинара, Д. А. Кочаров, П. А. Скредин (науч. ред.). Санкт-Петербург: Политехника-принт, 14–20.

Богданова-Бегларян Н. В., Шерстинова Т. Ю., Блинова О. В., Мартыненко Г. Я. (2018): Корпус русского языка повседневного общения «Один речевой день»: текущее состояние и перспективы, Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Москва: Изд-во ИРЯ РАН (в печати).

БТС (2009) – Большой толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / Под ред. С. А. Кузнецова. ГРАМОТА.РУ, <http://www.slovari.gramota.ru> (дата обращения 28.07.18).

Винокур Т. Г. (1988): Устная речь и стилистические свойства высказывания, Разновидности городской устной речи. Сборник научных трудов, Д. Н. Шмелев, Е. А. Земская (ред.). Москва: Наука, 44-84.

(1998): Дискурсивные слова русского языка. Опыт контекстно-семантического описания, К. Киселева, Д. Пайар (ред.). Москва: Метатекст, 448 с.

(2003): Дискурсивные слова русского языка: контекстное варьирование и семантическое единство. Сборник статей, К. Киселева, Д. Пайар (ред.). Москва: Азбуковник, 206 с.

Елистратов В. С. (2002): Словарь русского арго (материалы 1980-1990 гг.) [Электронный ресурс]. ГРАМОТА.РУ, <http://www.padabum.com> (дата обращения 28.07.18).

Иссерс О. С. (2012): Люди говорят... Дискурсивные практики нашего времени. Омск: Омский государственный ун-т, 276 с.

Левонтина И. Б. (2010): Пересказывательность в русском языке, Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии, 9 (16). По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 26–30 мая 2010 г.), А. Е. Кибрик (ред.). Москва: Изд-во РГГУ, 284-289.

Массалина И. П. (2009): Дискурсивные маркеры, Известия Калининградского государственного технического ун-та, 15, 211–217.

Осьмак Н. А. (2014): Лексические особенности спонтанной речи; опыт лексикографического описания (на материале Звукового корпуса русского языка). Дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 235 с. (машинопись).

Осьмак Н. А. (2018): Чувак и чувиха в современной повседневной речи, Коммуникативные исследования, 1 (15), 35-45.

Подлеская В. И. (2013): Нечеткая номинация в русской разговорной речи: опыт корпусного исследования, Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии, 12 (19). По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (2013) (Бекасово, 29 мая – 2 июня 2013 г.). В двух томах. Том 1. Основная программа конференции. В. П. Селегей (ред.). Москва: Изд-во РГГУ, 619-632.

(2010): Полевая лингвистическая практика. Учебно-методический комплекс сложной структуры. Часть 2. Методические указания по обработке, многоуровневой разметке и лингвистическому анализу корпуса звучащих текстов на русском языке, А. С. Асиновский (отв. ред.), Н. В. Богданова (науч. ред.). Санкт-Петербург: Изд-во филологического ф-та СПбГУ, 142 с. (2016): Русский язык повседневного общения: особенности функционирования в разных социальных группах. Коллективная монография, Н. В. Богданова-Бегларян (отв. ред.). Санкт-Петербург: ЛАЙКА, 244 с.

(1993): Словарь современного русского города, Б. И. Осипов (ред.). Москва: Русские словари. АСТ Астрель. Транзиткнига, 565 с.

Стернин И. А. (1999): Некоторые жанровые особенности мужского коммуникативного поведения, Жанры речи. 2. Сборник научных статей. Саратов, Государственный учебно-научный центр «Колледж», 178-185.

Химик В. В. (2004): Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. – Санкт-Петербург: Норинт, 768 с.

References

- Baeva, E., Blinova, O., Bogdanova-Beglarian, N., Martynenko, G., Sherstinova, T. (2018): Towards the Description of Pragmatic Markers in Russian Everyday Speech, SPECOM 2018. Lecture Notes in Artificial Intelligence, LNAI. Springer, Switzerland, in print.
- Fraser, B. (1990): An Approach to Discourse Markers, *Journal of Pragmatics*, 14, 383-395.
- Fraser, B. (1999): What are Discourse Markers, *Journal of Pragmatics*, 31, 931-952.
- Lakoff, G. (1973): Hedges: A Study in Meaning Criteria and the Logic of Fuzzy Concepts, *Journal of Philosophical Logic*, 2. Dordrecht-Holland: D. Reidel Publishing Company, 458-508.
- Schourup, L. (1999): Discourse Markers, *Lingua*, 107, 227-265.
- Traugott, E. C. (2007): Discussion Article: Discourse Markers, Modal Particles, and Contrastive Analysis, *Synchronic and Diachronic, Catalan Journal of Linguistics*, 6, 139-157.
- URL: <http://www.slovoborg.su> (дата обращения 28.07.18).
- URL: <http://www.teenslang.su> (дата обращения 28.07.18).

СРАВНЕНИЯ С ПАРАМЕТРИЧЕСКИМИ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫМИ БОЛЬШОЙ И МАЛЫЙ В АСПЕКТЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ

Боева Наталия Евгеньевна
Санкт-Петербургский государственный университет, Россия
nboeva@mail.ru

COMPARISONS WITH PARAMETRIC ADJECTIVES LARGE AND SMALL IN THE ASPECT OF LINGUOCULTUROLOGY

Boeva Natalia
St.Petersburg State University, Russia

АННОТАЦИЯ

В докладе анализируются сравнительные конструкции, где в качестве признака сравнения использованы параметрические прилагательные *большой и малый*. Собранный материал позволяет нам говорить о разнообразии характеризуемых предметов и явлений (субъектов сравнения) и эталонов, используемых для характеристики размера.

ABSTRACT

This paper is focused on the comparative constructions, where parametric adjectives big and small are used as a sign of comparison. The collected material allows us to speak about the diversity of the characterized objects and phenomena (subjects of comparison) and the standards used to characterize the size.

Ключевые слова: параметрические прилагательные, сравнение, эталон, лингвокультурология.

Key words: parametric adjectives, comparison, standard, linguoculturology.

Сравнение и сравнительные конструкции составляет объект изучения разных наук: логики, литературоведения, риторики, лингвистики, при этом каждая из наук выделяет в объекте отдельный аспект изучения. В отечественной лингвистике теоретическое осмысление устойчивых сравнений началось в 60-ые годы 20 века. Одним из первых на них обратил внимание В. В. Виноградов как на особый тип фразеологических конструкций, в которых внутренняя условность фразы определяется традиционной национальной характеристичностью образа, его испытанной меткостью, бытовым реализмом и экспрессивной внушительностью (В.В. Виноградов 1938). По словам В. М. Мокиенко «Включение их в одну из самых динамичных структурно-семантических частей общей

фразеологической системы оправдано уже самой природой сравнения. Оно – не просто способ наименования окружающей действительности, но и весьма яркое средство ее оценки. Сравнение экспрессивно, наглядно, образно характеризует человека, явления природы, повседневные ситуации. Именно образность и яркость позволяют предпочесть экономное и точное сравнение длинному и расплывчатому описанию» (Мокиенко 2016:38). В лингвистике сравнение рассматривается как языковая единица, выражающая сопоставление двух предметов, имеющих общий признак, с целью выяснения их сходства или различия, а также указания на интенсивность проявления признака предмета. Реализуется это сопоставление средствами различных уровней языка – лексического, фразеологического, словообразовательного, морфологического, синтаксического.

Мы вслед за В. В. Красных эталон понимаем как мерило, с которым сравнивают и по которому оценивают некий феномен (свойство, признак, предмет, действие, этические и эстетические категории (Красных 2016:349). Эталоны отражают не только национальное мировидение, но и национальное миропонимание, поскольку они являются результатом собственно национально-типического соизмерения явлений мира. Эталон-всегда образец, с которым сравнивают что-то, уподобляя это образцу.

Концепты «Размер» и «Величина» являются универсальными категориями культуры. Современные художественные и публицистические тексты показывают большую частотность квалификации предметов с точки зрения их размера. Мы видим большое разнообразие как характеризуемых предметов и явлений (субъектов сравнения), так и эталонов, используемых для характеристики размера.

В данном случае мы остановим свое внимание на сравнениях с параметрическими прилагательными «большой» и «малый», которые рассматриваются в семантическом и лингвокультурологическом аспекте. В нашем исследовании нас интересуют следующие вопросы: 1) определение участков языковой картины мира, в рамках которых функционируют сравнения с параметрическими прилагательными «большой» и «малый»; 2) определение эталонов, которые используют представители русской языковой картины мира для обозначения предметов и явлений, выраженных прилагательными «большой» и «малый» в сравнениях современного русского языка.

Конечным практическим результатом исследования явилось установление эталонов большого и малого размера в сравнительных конструкциях русского языка.

В структурном отношении рассматриваются сравнительные единицы с трёхкомпонентной формулой сравнения (субъект сравнения, основание сравнения, и объект сравнения, вводимый союзом *как*).

Из Национального корпуса русского языка было отобрано около 600 сравнительных конструкций, с параметрическими прилагательными «большой, огромный» и «малый, маленький» Весь собранный материал исследовался в два этапа.

На первом этапе было проанализировано семантическое наполнение левой части сравнения (субъекта сравнения), что позволило определить те участки языковой картины мира, в рамках которых функционируют сравнения с параметрическими прилагательными «большой» и «малый».

Наиболее многочисленной группой являются сравнительные конструкции, где субъектом являются соматизмы. «Соматический, или телесный, код культуры- один из основных в классификации кодов по своей значимости во всех культурно-национальных картинах мира <...>, так как тело человека-древнейший способ самопознания человека» [Ковшова 2013:182]. Наименования тела человека в целом, его внешних и внутренних частей и органов входят в компонентный состав большого числа русских фразеологизмов: *светлая голова, не покладая рук, рукой подать, сесть на шею, ушами хлопать, ни ногой, под ногами, на носу*; пословиц: *Сколько голов-столько умов; дурная голова ногам покою не дает; слушай ухом, а не брюхом* и др. С их помощью человек выражает своё восприятие окружающего мира, пространства, времени. См. примеры: *Не люблю я, граждане, писать эти самые вступления к журналу. Иной редактор, наверное, сядет, фразные фалды откинет, почешет себе бакенбарды и давай писать вступление. Руки шустрые, голова большая, как самовар, глаза вдумчивые и немного грустные от скорби за судьбы человечества. А я что-то не могу.*

Описание глаз, их формы и выражения важно для носителей любого языка. Сравнения с компонентом «*глаз, глаза, глазища, очи, зрачки*» составляют самую многочисленную группу среди соматизмов, так как зрение для человека является одной из высших ценностей. Концепт «Глаза» является важным телесным кодом. См. примеры: *Да и вся она была не столько худая, сколько именно маленькая: и нос у нее, с горбинкой, тоже был маленький, и руки маленькие, только глаза были большие, как крупные вишни, да толстая черная коса...* В русской картине мира большие глаза являются эталоном красоты. В то время как большие уши и большой рот являются «антиэталонем» красоты. См. примеры : *... она, совсем не старая на вид, была как старуха (еще розоволицая, но с отдельными какими-то ужасными чертами, вроде этой челюсти или дряблых ушей, больших, как полуснятые носки), — так или иначе, девочка боялась ведьмы...* Итак, мы видим, что сравнительные конструкции с соматическими компонентами, выраженные параметрическим прилагательным «большой», имеют скорее негативную коннотацию, чем позитивную, за исключением «большие глаза», «большое сердце» и «большая душа».

Обратимся к компаративным единицам с соматическим компонентом, выраженным прилагательным «малый, маленький».

См. примеры:

Она приблизилась к их облупленному круглому зеркалу на стене комнаты, взглянула и показала себе отвратительной: какой-то толстый нос, какие-то толстые губы, какой-то низкий лоб, щеки висят — тьфу! <...>

Нет, нечего ей ждать от жизни — и поделом... Глаза какие-то маленькие, как щелки, — тьфу! «Боже мой, какая я уродина!» — горько подумала Сашенька

или еще один пример:

В это избранное общество допускался только один мужчина — комендант дома, он же счетовод Юго-Западной дороги, — человек с пышной фамилией — пан Себастиан Ктуренда-Цикавский. То был всегда петушащийся стриженный ежиком человек снафабранными усиками сутенера и маленькими, как пуговицы, заносчивыми глазами.

Из приведенных примеров мы видим, что сравнительные конструкции с соматическими компонентами, выраженные параметрическим прилагательным «малый, маленький», имеют скорее негативную коннотацию, чем позитивную. Использование прилагательного *заносчивый* в данной конструкции придает большую экспрессию и усиливает негативную оценку.

Мы полностью согласны с Мокиенко В.М, который говорит, «чтобы быть ярким, образ должен быть актуальным(общепонятным) и зримым. Вот почему ядро многих сравнений составляют образы животного и растительного мира, традиционного крестьянского быта, производственной деятельности человека или духовной сферы жизни, например, мифологии» [Мокиенко 2003: 4]

Второе место в нашей классификации по количеству составляющих группу единиц занимает тематическая группа с субъектом сравнения -- артефактом.

Наиболее частотным субъектом сравнения в нашем материале является *платок (большой, как полотенце, простыня, пеленка, салфетка, наволочка, скатерть)*.

Мотивирующим фактором в использовании сравнений с предметом *платок* является нарушение параметризации, так как эталоном сравнения остаются предметы одной с ним тематической группы. См. примеры: *И сразу было представлено непрошеное доказательство: нос покраснел, лицо скривилось, пришлось поспешно извлечь платок, оказавшийся большим, как полотенце...*

На втором этапе было проанализировано семантическое наполнение правой части сравнения (объекта сравнения), что позволило нам определить эталоны, которые используют

представители русской языковой картины мира в сравнительных конструкциях с прилагательными «большой» и «малый, маленький». Эталоны сравнений весьма разнообразны и многочисленны. Они образуют несколько тематических групп.

Первой самой многочисленной группой являются сравнения, в которых в качестве эталона используются артефакты. Чаще всего используется в качестве эталона признака «большой» следующие предметы : *котел(5), лопата(3), чемодан(3), бревно(3)*.

Чаще всего с *котлом* ассоциируется большая голова ,она часто встречается в соматических устойчивых выражениях, с котлом сравнивают также большой подбородок.

В « Большом словаре русских народных сравнений» мы находим следующее сравнение: «голова(у кого)как(что, с)пивной котёл народн.,Арх.,Мурман.Фольк.Ирон. О чьей-то большой и круглой голове(обычно тупоумного и грубого человека). (Мокиенко В.М.,Т.Г.Никитина 2008:299)

В приведенном ниже примере нет прямого сравнения большой головы с котлом, но шлем, который надевают на голову имеет отношение к голове, таким образом, опосредованно голова все равно сравнивается с котлом. Автор использует прилагательное *безобразные* (шлемы), тем самым усиливая экспрессию ,чтобы придать еще большую карикатурность создаваемому образу.

См. примеры: *Впечатление карикатуры подчеркивалось еще тем, что на голове у этих русских были безобразные английские шлемы — большие, как котел и твердые, как дерево.*

В сравнительных конструкциях с прилагательными «малый, маленький» в качестве эталона используются следующие предметы: куколка, пуговица, наперсток, кнопка, бисер, бородавка .Выше мы говорили, что эталоном большой головы является котел, эталоном маленькой головы является бородавка. См. примеры:

Напротив сеней, подле воды, в боте (долбленной лодке) сидел Коля Пимных. Голова у Пимных маленькая, как бородавка, аудилище в руке висело, как плеть. Котел является также эталоном большого подбородка, эталоном маленького подбородка является пельмень. См. пример: *Лагудов оказался статным упитанным дядькой с густой седеющей шевелюрой. Драматический облик порттили обрюзгшие щеки и маленький, как пельмень, подбородок.*

Очень часто эталон выражен уменьшительно-ласкательной формой существительного, которая усиливает экспрессию, например маленькие глаза сравниваются с изюминками. См. пример:

Андрей стоит перед ним и преданно смотрит прямо в глаза. А глаза у Зайчихина маленькие, как изюминки.
— *Сейчас ты будешь спать, спать, спать....*

Второй группой по многочисленности являются сравнения, где эталоном *большого* служат слова, относящиеся к природным реалиям, естественным природным образованиям. Чаще всего используется в качестве эталона большого размера *гора, море, небо*. Эталонм малого являются зоонимы, часто выраженные в уменьшительно-ласкательной форме кузнечик, лягушонок, мышка, цыпленок, птенец, чижик, воробушек, червяк.

См. примеры: *Желания Надьки сбылись. Наполовину... С Кулеминой Шуша ходила в театры Кулемина была маленькой, как мышка, но рассудительной и грустной, как слоненок.*

Третьей группой по многочисленности являются сравнения, в которых эталоном *большого* являются здания, строения, сооружения. Чаще всего используется в качестве номинации эталона слово «дом»(7).

Сравнивая что-либо с домом, человек стремится выразить масштабность.

В «Большом словаре русских народных сравнений» мы находим : (большой)как дом. Об очень большом и просторном строении нежилого типа(сарай, чердаке, подвале и т.п.)(Мокиенко В.М.,Т.Г.Никитина 2008:172)

У каждого народа дом (в смысле помещения, постройки) имеет свой образ , для одних это каменная или деревянная постройка, для других это юрта, для жителей тундры это яранга. Каким бы ни был дом, использование этого эталона мотивировано различием в масштабе . Мотивирующий образ остается прежним, чтобы выразить масштаб субъект часто сравнивают с домом.

См. примеры: *Имел место высший тундровый этикет. Вечерний блеск огня под чайником, слабый треск горящей полярной березки, запах кирпичного чая, запах шкур яранги, тишина ночной тундры. Как дети, мы любили ночью толковать об интересных и страшноватых вещах. Я слушал про озеро, которое иногда вздувается страшным бугром и бугор тот лопається, распространяя зловоннейший запах, и «о большом, как яранга», буром медведе, который ходит в горах.*

Реализации в тексте в основном совпадают со словарными: но есть исключения, см.например:*он увидел пританцовывающую от нетерпения матрону в безвкусном алом платье с огромным, как витрина, декольте. Увядшее лицо дамы было покрыто толстым слоем косметики и напоминало маску безжалостного сфинкса.*

Неожиданное и далекое сопоставление предметов(в данном случае декольте и витрины) очень экспрессивны, что придает дополнительную эмоциональную окраску образному сравнению.

Таким образом анализ субъекта (левой части) сравнения показал, что сравнения с признаком *большой* чаще всего функционируют в соматических конструкциях с компонентом

глаза(глаз, очи, зрачки, глазища), именно сравнительная конструкция *большие (огромные)глаза(глаз, очи, зрачки, глазища)*, как... является самой частотной .

Анализ семантического наполнения правой части сравнительной конструкции(объекта, эталона)не выявил яркого «эталона-лидера», который бы характеризовал большой размер. В качестве эталона большого размера носитель русского языка чаще всего использует *гора(9)*, *дом(7)*, *лошадь(3)* (*конь, конское копыто, конский хвост ,лошадиные глаза*); *море(6)*,*котел(5)*, *слон(5)(спина слона)*, *медведь(4)*, *небо(4)*, *лопата(3)*, *чемодан(3)*, *бревно(3)*.

Анализ 600 сравнительных единиц подтвердил тот факт, что главным мотивирующим признаком использования сравнительных конструкций с параметрическими прилагательными «большой ,огромный» и «малый , маленький» является а)нарушение параметризации объекта, б)коннотативный аспект. При нарушении параметров объекта у говорящего возникает экспрессия и формируется ассоциативная связь, что позволяет ему использовать в своей речи эталоны, характерные для данной языковой картины мира.

Список литературы

Ковшова М.Л. (2013): Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры.

Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ»

Красных В.В. (2016): Словарь и грамматика лингвокультуры. Москва: Гнозис.

Мокиенко В.М.(2003): Словарь сравнений русского языка. Санкт- Петербург: Норинт.

Мокиенко В.М. (2016) : Устойчивые сравнения в системе фразеологии, монография. Санкт-Петербург-Грайфсвальд.

Интернет ресурсы :

Виноградов В.В.(1938): Грамматика / В.В. Виноградов "Русский язык" тексты.
URL:<http://www.slovari.ru/default.aspx?s=0&p=5310&0a0=26> (дата обращения 15.01.2018)

Мокиенко В.М.,Никитина Т.Г.(2008)Большой словарь русских народных сравнений.
https://docviewer.yandex.ru/url=ya-disk-publi=Mokijenko_Nikitina_Bolshoj_slovar_rus_nar_sravnenij.djvu&page=383&c=576db012403d
(дата обращения 18.01.2018)

Национальный корпус русского языка. <http://www.ruscorpora.ru/>

ДИНАМИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЗООЛЕКСЕМ ВО ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ РУССКОГО, КИТАЙСКОГО И ТЕЛЕУТСКОГО ЯЗЫКОВ

Булгакова Ольга Анатольевна
Кемеровский государственный университет, Россия
bulgakova.o.a@yandex.ru

Денисова Эльвира Степановна
Кемеровский государственный университет, Россия
elvdenisova@yandex.ru

DYNAMICS OF FUNCTIONING OF ZOOLEXEME IN PHRASEOLOGISMS OF RUSSIAN, CHINESE AND TELEUT LANGUAGES

Olga Bulgakova
Kemerovo State University, Russia

Elvira Denisova
Kemerovo State University, Russia

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена раскрытию особенностей восприятия и функционирования зоофразеологизмов и зоолексем русского, китайского и телеутского языков. Для сравнения восприятия зоолексем носителями русского, китайского и телеутского языков был проведён свободный ассоциативный эксперимент, в ходе которого выявлены сходства и различия ассоциативных связей зоонимов с лексемами, характеризующими людей анализируемых лингвокультур. Результаты анализа показали, что далеко не все значения зоолексем определенной лингвокультуры отражены в словарях и справочниках, а восприятие и употребление одних и тех же зоолексем в разных языках имеют семантические отличия, обусловленные спецификой языковых картин мира данных народов. Незнание данных особенностей восприятия и употребления данных фразеологизмов может проявиться в межкультурной коммуникации и затруднить диалог.

ABSTRACT

The article is devoted to the disclosure of the features of perception and functioning zoophrazelogisms and zoolexeme of Russian, Chinese and Teleut languages. To compare the perception of zoolexeme by native speakers of Russian, Chinese and Teleut language, a free associative experiment was during which the similarities and differences in the association of zoonyms with lexemes characterizing people of analyzed lingvocultures. The results of the analysis showed that not all values are zoolexeme certain linguocultures are reflected in dictionaries and reference books, and perception and use of the same zoolexeme in different languages have semantic differences due to the specifics of linguistic pictures of the world of these peoples. Ignorance of these features of perception and use

these phraseological units can manifest themselves in intercultural communication and to complicate the dialogue.

Ключевые слова: зоофразеологизмы; зоолексемы; номен; языковая картина мира; лингвокультура; ассоциация.

Keywords: zoophrazelogsims; zoolexeme; nomen; the linguistic view of the world; lingvoculture; association.

*Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 17-04-00253).

Взаимоотношения человека с животным миром имели и имеют важное значение для развития человеческого общества, а чувства и переживания человека, возникающие в процессе познания животного мира и выстраивания своих отношений с этим миром, нашли отражение в языке в образовании фразеологизмов. Фразеология любого языка содержит сложную эмоциональную гамму, отражающую культурное историческое наследие и особенности восприятия мира. В последние десятилетия утвердился подход к значению, «выявляющий и объясняющий, что знает человек, когда он знает/полагает, что знает значение слова, какие процессы и их продукты связаны со становлением и функционированием значений у человека и о каких формах репрезентации значения в сознании индивида может идти речь» (Залевская 2000: 98).

Устойчивые выражения с зоонимическим компонентом составляют значительную часть фразеологического фонда русского, китайского и телеутского языков и образовались в результате длительных наблюдений человека за поведением и внешним видом животных. Фразеологические единицы всегда антропоцентричны, так как они возникают не столько для того, чтобы описать мир, сколько для того, чтобы его интерпретировать, оценивать и выразить к нему субъективное отношение.

Для выявления динамики функционирования фразеологизмов в речи носителей разных языков и определения когнитивных признаков, являющихся актуальными для обыденного сознания информантов, мы провели свободный ассоциативный эксперимент, в котором приняли участие русские (75 человек), китайские (56 человек) и телеутские (55 человек) носители языка. Материалом для исследования послужили 18 зоонимических наименований: собака, кошка, крыса, корова, свинья, баран, овца, петух, курица, лиса, волк, медведь, тигр, лев, черепаха, ворона, сова, сорока.

Эксперимент проводился методом анкетирования. Информантам предлагалось выполнить следующее задание: «Напротив названия каждого животного напишите человеческие качества, с которыми вы ассоциируете это животное».

В ходе анализа полученных результатов анкетирования мы выяснили, что восприятие и употребление одних и тех же зоолексем в русском, китайском и телеутском языках имеют семантические отличия, обусловленные спецификой языковых картин мира данных народов, детерминированных природными условиями, культурными и религиозными традициями, историческими событиями, эстетическими представлениями. Незнание особенностей восприятия и употребления данных фразеологизмов может проявиться в межкультурной коммуникации и затруднить диалог.

Наибольшее сходство ассоциаций у носителей исследуемых лингвокультур было отмечено у зоонимов: крыса/鼠/камак, свинья/猪/чочко, баран/公羊/куча, волк/狼/пөри, лиса/狐狸/тижи тўлкү, лев/狮子/қаракула. Больше всего отличий оказалось у таких зоонимов, как: корова/牛/ўй, овца/母羊/қой, черепаха/龟, собака/狗/ийт.

Наш анализ начнём с характеристики ближайших к людям главных помощников и любимцев – собаки и кота. На первый взгляд, переносные значения этих номенов должны быть маркированы только положительными коннотациями. Однако анализ выявляет противоположное: «антропоморфные» ассоциации, связанные с собакой и кошкой, почти во всех случаях негативные.

В китайском языке номен *собака* (кит. 狗 *gou*) используется как ругательное слово достаточно широкого диапазона обозначения: 狗才 *goucai* – "бездельник, негодяй"; 狗男女 *gounanni* – "собака, бесстыдный человек, сука"; 狗妇 *goufu* – "сука" (о женщине); 狗猪 *gouzhu* – букв. "собака и свинья" в значении "подонок"; 狗鼠 *goushu* – букв. "собака и крыса" в значении "подлый, низкий человек"; 狗腿子 *goutuizi* – "предатель". Поэтому в китайском языке образ собаки приобретает преимущественно негативное вторичное осмысление.

В русском языке компонент «собака» во фразеологизмах также используется скорее в отрицательном, насмешливом, шутливом смысле – жить как кошка с собакой (отражение неуживчивости собаки, ее нетерпимость), как собак нерезаных (в значении «много»); как собака голоден (голодное состояние человека сравнивается с вечно голодной бездомной собакой); как собака (очень сильно, до крайности, например, устал, голоден, замёрз); вот, где собака зарыта (причина); каждая собака (всякий, каждый, любой); ни одна собака (абсолютно никто); нужен как собаке пятая нога (беспольность), собаке под хвост (без толку); собаку съел

(профессионал в своем деле); собачья радость (восторг); как собака на сене (ассоциация с предельно жадным человеком).

Негативное отношение к собакам свойственно и фразеологизмам телеутского языка. Например, фразеологизм *ийттиң киндеги айагы* (букв. "собачья задняя нога") употребляется, когда человек (его действия, его работа, он сам) лишний. Исторически собака в понимании телеутов олицетворяет никчемность, бесполезность. Старшее поколение, называя человека собакой, выражает ему полную неприязнь. Не зная менталитета телеутского народа, русский человек не сможет понять смысл данного фразеологизма, так как в русском языке есть похожий фразеологизм *как собаке пятая нога*. Собака в понимании русского народа олицетворяет верность, и у нее нет ничего лишнего, поэтому пятой ноги у нее никогда не будет. Спутниками кочевников собаки не были, эта роль принадлежала коням, кочевой народ ценил своего верного коня, являющегося для телеутов священным животным, спутником жизни.

Осмысление номена *кошка* во фразеологизмах китайского языка пошло по пути развития негативных ассоциаций, в чем не последнюю роль сыграли мифологические представления китайцев о кошке – *猫* мао – как об опасном существе, имеющем демоническую силу. Это нашло отражение в таких языковых формах, как: *猫儿溺* maornǐ – "коварные, темные намерения, интриги"; "заговор", *猫鬼* maogui – "колдовство, злые чары".

В русском языке компонент «кошка» во фразеологизмах также используется скорее в отрицательном, шутиливом смысле: как кот на сало – «лстиво, с желанием»; как кошка с собакой – «недружно, постоянно ссорясь, ругаясь»; «будто черная кошка пробежала» – между кем-то испортились отношения, произошла ссора; «живуч как кошка» используется в значении «крепок, устойчив, способен выдержать многие трудности»; «кошки скребут на душе» означает «плохое настроение, состояние беспокойства и чувство тревоги»; «купить кота в мешке» означает «приобрести товар, ничего не зная о нем, его достоинствах и недостатках».

В русскоязычной группе наиболее распространенной реакцией на зооним «кошка» были ответы мягкость и нежность, в то время как в китайскоязычной группе такими ответами были: *矫情* (самоуправность) и *独立* (самостоятельность, независимость). В русской лингвокультуре номен «кошка» имеет скорее положительную коннотацию, чем негативную, в китайской – либо негативную, либо нейтральную.

Неизменной "частью" жилья издавна были не только собаки и кошки, но и крысы.

Так, зооним крыса, согласно результатам анкетирования, имеет самую негативную коннотацию. Во всех группах большинство информантов ассоциируют крысу с подлостью. Однако если в русскоязычной и телеутской лингвокультуре данное качество связано с предательством, то в китайской – с вороватостью (贼精).

Во фразеологизмах китайского языка *крыса* (кит. 鼠 shu) получила устойчивые негативные коннотации. В китайском языке эмотивная сема ограниченности и ничтожности в переносных значениях 鼠 shu выражена ярче и передаёт оскорбительную семантику "подлец, негодяй, вор": 鼠目寸光 shumucunguang (букв. "глаза крысы не видят дальше, чем на один цунь"), образно – «ограниченный человек»; 鼠肚鸡肠 shu-du ji-chang (букв. "утроба крысы и куриные кишки"), образно – «ограниченный, низкий человек»; 鼠肝虫臂 shu-gan chong-bi (букв. "печень крысы, лапки насекомого") в значении «ничтожное существо».

В русском языке номен «крыса» в большинстве своем имеет негативную коннотацию. Как правило сравнение человека с крысой включает значение человека подлого, предателя, ср.: бежать как крысы с корабля – о том, кто покидает кого-либо (что-либо) в трудную минуту, в беде; беден как церковная крыса – очень, до крайней степени беден; канцелярская крыса – чинуша, бюрократ, формалист.

Обратимся к характеристике зоонимов, связанных с сельскохозяйственной деятельностью человека.

Ассоциативное осмысление номена «*корова*» в русскоязычной и китайскоязычной группах отличается. В русской лингвокультуре номен «корова» имеет негативную смысловую окраску и может быть использован для обозначения неразумной, неприятной, неуклюжей женщины. Ассоциируется чаще всего с полной женщиной, что подтверждают такие ответы информантов, как толстая и жирная.

Совершенно иная ситуация в китайской лингвокультуре. Корова для китайцев – символ трудолюбия и упорства. Человека, который упорно идёт к своей цели, обозначают как "тот, кто имеет коровий характер" – 牛脾气 niu piqi. Сказать китайской девушке, что у нее глаза «как у коровы» – значит сделать комплимент.

Важное место занимала корова и в жизни телеутского народа. Так, лексема *йй* в телеутском языке обозначает как дом, жилище, так и корову, что обусловлено важностью той роли, которую играла корова-кормилица в жизни семьи. Как говорят телеуты, корова – это то, на чём держится дом.

По данному зоониму результаты эксперимента практически полностью совпадают со словарными значениями фразеологизмов во всех языках.

Зооним *овца* также различается по ассоциативному осмыслению. В русской лингвокультуре он имеет негативную коннотацию и чаще всего характеризует человека глупого, а вот в китайской – овца ассоциируется с кротостью и покорностью (温顺).

Одна из основных домашних птиц, *курица* (кит. 鸡 jī), в китайском языке образно обозначает недалекого, ограниченного, слабого человека: 鸡肚候肠 jī du hou chang – "недалекий человек", 鸡鹜 jī wu – "обычный человек (обыватель)". Однако зооним курица может означать также материнскую заботу и любовь. Иногда курица характеризует хорошую жену – 嫁鸡随鸡 · 嫁狗随狗 (выйти замуж за петуха – стать как курица, выйти замуж за собаку – поступать как собака (в данном случае собака означает презренного человека)).

В русской лингвокультуре зооним курица также может означать заботливую мать, но с некоторой долей иронии (как курица с яйцами, т.е. очень суетливая). Зооним курица в русском языке используется для обозначения речи испуганной или болтливой женщины: раскудахталась как курица; человека, который чем-либо очень дорожит: как курица с яйцом носится; смешно выглядящего человека: похож на мокрую курицу; человека с неразборчивым почерком: как курица лапой нацарапала; плохо видящего человека: слепая курица.

У русскоязычных информантов номен «курица» вызвал негативные ассоциации. Курицей в русской лингвокультуре называют девушку (женщину) невежественную, суетливую. В китайской языковой группе многие информанты отказались от ответа, а остальные разошлись во мнениях. В этом может проявляться как влияние западной культуры, так и различие в личных ассоциациях: слабость, ничтожность, бесполезность, хозяйственность, заботливость, хлопотливость.

Как в русской, так и в китайской лингвокультурах у *петуха* (公鸡) есть общее коннотативное значение: петуха рассматривают как символ задиристости и боевитости. Это выражается в русском сравнении: сцепиться как два петуха и в китайской пословице 两鸡相斗 (два петуха в одном доме делают жизнь невыносимой).

В русской лингвокультуре лексема петух используется для обозначения мужчины гомосексуальной ориентации, такое ассоциативное осмысление данной лексемы пришло из

тюремного жаргона. В китайскоязычной группе наиболее популярными ответами стали лексемы «высокомерие» (骄) и «пунктуальность».

Образно-ассоциативное осмысление **свиньи** в китайских фразеологизмах (кит. 猪 zhu) не связано с коннотациями нечистоплотности, неблагодарности, эгоистичности и некультурности, что присуще европейскому языковому ареалу. В основном, данная лексема имеет значение ограниченности и тупости: 猪猡 zhuluo – восток. диал., руг. "кабан, свинья" (о дурном, тупом человеке); 猪头三 zhutousan – диал. руг. "свинья, идиот".

Отношение славянских народов к свиньям также было противоречиво. Упитанная и плодовитая свинья – воплощение сытости, богатства и благополучия, и во фразеологизмах с компонентом-зоонимом «свинья» содержится только отрицательная коннотация: свинья в ермолке – «грязный, жадный, с низкими помыслами человек», как свинья в апельсинах – «человек, абсолютно не понимающий чего-либо», подложить свинью – «сделать большую неприятность кому-либо» (Жуков 1980: 144).

В русскоязычной группе наиболее распространенной реакцией на зооним свинья был ответ неаккуратность, тогда как в китайской – лень и глупость.

Теперь рассмотрим зоофразеологизмы, связанные с названиями диких животных, зверей и птиц.

Волк (кит. 狼 lang) символизирует жестокость, безжалостность и жадность не только в европейском, но и в китайском культурном ареале. Так, об алчном человеке говорят: "他是狼贪 Ta shi lang tan" (букв. "Он – волчья жадность"). Жестокий, агрессивный человек описывается как имеющий "сердце волка и лёгкие собаки" – 狼心狗肺 lang xin gou fei или просто обозначается как 狼心 lang xin (букв. "сердце волка"); о человеке жадном, безжалостном, с огромными амбициями говорят: 狼字野心 lang zi ye xin – волчья амбиции.

В русском языке также часто встречаются зоофразеологизмы с использованием лексемы «волк»: волк в овечьей шкуре – «лицемер, прячущий под маской добродетели свои злые намерения»; пожалел волк кобылу – «о человеке, не способном пожалеть кого-либо»; старый волк, травленный волк – «очень опытный, бывалый человек, которого трудно обмануть или перехитрить».

Номен «волк» как у русскоязычных, так и у китайскоязычных информантов репрезентует негативные коннотативные смыслы. Общие ответы в обеих группах: жестокость

(凶狠), дикость(野性), кровожадность, одиночество, так как агрессивные люди не уживаются в обществе.

Лексема *медведь* в китайском языке (熊 *xiong*) демонстрирует как мелиоративные, так и пейоративные образные ассоциации, связанные с этим животным. С одной стороны, медведь выступает общекультурным символом мужской храбрости, доблести и силы: 熊罷 *xiongpi* (букв. "медведи"), образно – «бойцы, храбрые солдаты», 熊心豹胆 *xiongxin baodan* (букв. "сердце медведя, желчный пузырь барса"), образно – «храбрость, отвага»; 熊虎 *xionghu* (букв. "медведь и тигр"), образно – «храбрый полководец».

С другой стороны, на диалектной основе с зоонимом 熊 *xiong* развились коннотации никчёмности и тупости: 熊货 *xionghuo* – "негодяй, дурак, дрянь", 熊包 *xiongbao* – "дрянь, неспособный, ничтожный человек".

В русском языке медведем называют человека неуклюжего, неловкого. Фразеологизм «медвежья услуга» означает услугу неумелую, бесполезную, приносящую вместо пользы вред. «Медведь на ухо наступил» – кто-либо совсем лишён музыкального слуха. «Делить шкуру неубитого медведя» – заранее рассчитывать на результат еще неосуществленного дела. «Медвежий угол» – глухое, лесистое место.

Ассоциативное осмысление лексемы медведь различно в русскоязычной и китайскоязычной группах.

В русской лигвокультуре «медведь» означает человека сильного, но неуклюжего. Может иметь как позитивную, так и негативную коннотацию в зависимости от контекста. В китайскоязычной группе самой распространенной ассоциацией стали лексемы, указывающие на такие качества, как сила и здоровье (强壮, 彪悍).

В китайском языке *тигр* (虎 *hu*) занимает одно из самых почетных мест, выступая носителем храбрости, отваги, величественного достоинства и власти. Последняя, по поверьям древних китайцев, в буквальном смысле слова написана у тигра на лбу, где полосы тигриного окраса образуют иероглиф 王 *wang* – "король, царь". Древние китайцы верили, что тигр имеет большой ум, а прожив пятьсот лет, становится совсем белым, как седой дедушка. В древнем Китае тигр слыл истребителем демонов, поэтому его скульптурное изображение часто размещали у городских ворот и входа в храмы, его голову рисовали на стенах домов и монастырских стен, а также вышивали на детской одежде. Тиграм даже приносили жертвоприношения в знак благодарности за то, что они поедали диких свиней, которые опустошали поля и были настоящим бедствием для китайских крестьян. Все приведенные

этнокультурные ипостаси нашли отражение в языке: 1) храбрость, мужество: 虎士 hushi – «храбрый человек, герой», 虎将 hujiang – «храбрый полководец, военный начальник», 虎劲 hujin – «сильный духом, мужественный»; 2) благородство: 虎驾 hujia – «величественный, вызывающий благоговение»; 虎头 hutou (букв. "голова тигра"), образно – «благородный человек с высокими душевными порывами» (Eberhard 1997: 102).

При всем уважении китайцев к тигру, он также внушал им ужас и, символизируя строгость и жестокость, ассоциировался с опасностью, о чем свидетельствуют следующие языковые единицы: 虎口 hukou (букв. "пасть тигра"), образно – «гибкое место, опасное положение», 虎狼 hu lang (букв. "тигр и волк"), образно «жестокий злодей», 虎口拔牙 hu kou ba ya (букв. "вырывать зубы тигру"), образно – «заниматься опасным делом».

В русском языке зоолексема тигр имеет такие устойчивые характеристики, как «свирепый, разъяренный, злой». Назвать человека тигром будет означать присвоение ему следующих качеств: жестокость, свирепость, «настоящий зверь».

Несмотря на то, что у китайцев тигр ассоциируется с жестокостью, всё же назвать китайца тигром значит сделать ему комплимент.

Лексема *черепаха* (龟 gui) ассоциируется у китайцев с долголетием (龟龄 guiling), силой и выдержанностью. В древних китайских мифах черепаха – символ Вселенной, она стоит рядом с единорогом и фениксом – сверхъестественными существами. По китайским поверьям, черепаха не помнит даты своего рождения и своих родных, поэтому, назвав кого-то в Китае 龟 gui (черепаха), можно человека оскорбить.

По данным, полученным в ходе эксперимента, у русскоязычных информантов номен «черепаха» репрезентирует в основном негативные коннотативные смыслы. Черепахой называют человека медлительного, нерасторопного. Кроме этого, черепаха в русской лингвокультуре ассоциируется с мудростью. В китайскоязычной группе многие информанты отказались от ответа. Как было выявлено в ходе эксперимента, в современной лингвокультуре номен «черепаха» имеет чаще всего негативную коннотацию, если употребляется по отношению к человеку. Одним из популярных ответов китайскоязычных информантов была лексема 混蛋 (сволочь, мерзавец). Назвать китайца черепахой – значит оскорбить его.

Сова, в понимании русского человека, олицетворяет мудрость, а для телеутов сова – воплощение глупости: *Ойлу куш – глупая птица*. Между тем наблюдаются случаи соответствия телеутского и русского мировидения, как например, во фразеологизме *қара қуш*

азраган – черная птица пригрела (кормила). Черная птица, то есть **ворона**, по преданию многих народов, является предвестником беды. Данный фразеологизм употребляется телеутами тогда, когда говорят, что человек – обладатель нехороших качеств, т. е. кто-то сильно ошибся в человеке. Он предал друга, его черная птица кормила. Другой, чуть менее негативного нрава, птицей является **сорока**. Во фразеологизме *саңысқан жырагга – прогонять сороку* слово *саңысқан (сорока)* имеет значение лень, возникает значение – кто-то кому-то прогоняет лень. Похожий фразеологизм *саңысқан жыраган (букв. "гонять сороку")* имеет другое значение. Так говорят о человеке, который просто гоняет сороку, то есть выполняет бесполезную работу. Во фразеологизмах русского языка сорока ассоциируется с болтливым человеком, сплетником (*сорока на хвосте принесла*), вороватым человеком (*сорока-воровка*).

Проведённый нами анализ позволяет сделать вывод, что фразеологизмы с компонентом-зоонимом ярко выражают ментальность народа. Животные являются мерилем как физических, так и нравственных человеческих качеств, что и отразилось во фразеологизмах. При использовании названий животных во фразеологизмах народ чаще был склонен отмечать отрицательные черты, чем положительные. Результаты анализа показали, что восприятие и употребление фразеологизмов могут иметь семантические, структурные и когнитивные отличия, обусловленные степенью образованности носителей языков, способом метафоризации объектов действительности, спецификой языковых картин мира и т. д. Учёт изменений фразеологических значений и особенностей восприятия и употребления устойчивых словосочетаний поможет наладить процесс межкультурной коммуникации, устранить недопонимание и облегчить диалог.

Список литературы

- Жуков В. П. (1980): Школьный фразеологический словарь русского языка. Москва: Просвещение.
- Залевская А. А. (2000): Национально-культурная специфика картины мира и различные подходы к ее исследованию / Языковое сознание и образ мира. Москва: Институт языкознания РАН, 39-54.
- Eberhard W. (1997): Times Dictionary of Chinese Symbols. Singapore: Federal Publications.

МЕТАГРАФЕМИКА В СОЗДАНИИ ЭМОТИВНОГО КОДА РУССКОГО РАССКАЗА XXI ВЕКА

Вяткина Светлана Вадимовна
Санкт-Петербургский государственный университет, Россия
s.vyatkina@spbu.ru

METAGRAPHICS IN CREATION OF THE EMOTIVE CODE OF THE RUSSIAN XXI-st CENTURY STORY

Svetlana Vyatkina
St.-Petersburg state university, Russia

АННОТАЦИЯ

Характеристика ментальной модели восприятия эмотивного кода современного русского рассказа дается на основе анализа опубликованных в литературных журналах (2005-2017 гг.) текстов. Знаки препинания рассмотрены как средство акцентуации в эмотивном коде рассказа, выявлена роль метаграфематики в формировании эмотивных смыслов.

ABSTRACT

Characteristics of the mental model of the emotional code perception of the modern Russian short story is given on the basis of an analysis of the texts published in literary journals (2005-2017). Punctuation marks are considered as a means of accentuation in the emotive code of a story, the role of metagrafics in the formation of emotive meanings is revealed.

Ключевые слова: эмотивный код текста; текст рассказа; метаграфематика; деконструкция текста; ментальная модель восприятия текста.

Keywords: emotional text code; text of the short story; metagrafics; text deconstruction, mental model of text perception.

Проявляющийся в последние годы интерес к графическому и пунктуационному оформлению современного текста предопределен новым осмыслением текста, что связано с такой технической возможностью его создания, как компьютерный набор. Всеобщая компьютеризация и интенсивная интернет-коммуникация, предполагающая письменную фиксацию онлайн общения, заметно меняет как графическое оформление текста (невербальное средство передачи смысла), так и представление о способах декодирования заложенных в тексте смыслов. В данном случае объектом рассмотрения является система графических средств, передающих эмотивные смыслы в тексте современного русского рассказа.

1. Художественное произведение «по всем использованным средствам **должно** обеспечить у адресата формирование его **ментальной модели**» (Кубрякова 2004: 516-517). При этом необходимо учитывать особенности восприятия текста писателем и адресатом его произведения на определенном этапе развития общества. Не менее важной составляющей ментальной модели восприятия текста является эмотивный код произведения — концептуально и прагматически обусловленная система сигналов различных эмоций, «отражающая авторскую интенцию и общий пафос произведения, формирующая эмоциональную тональность текста» (Болотнова 2009: 328).

Рассуждая о современной текстовой культуре, философ и культуролог К. Г. Фрумкин отмечает: в мире, насыщенном электронными коммуникациями, сформировалось клиповое мышление (т. е. мышление сиюминутного восприятия, минутной реакции). С одной стороны, клиповое мышление помогает быстро переключаться между разрозненными смысловыми фрагментами, обладает достоинством скорости обработки информации при предпочтении нетекстовой, образной информации, требует виртуозности и реактивности, обеспечивает большую скорость обработки информации, что необходимо человеку в информационном обществе. С другой стороны, данный тип мышления приводит к неспособности современного человека воспринимать длительную линейную последовательность текста и отражает безэмоциональность (Фрумкин, 2010). Данный тезис предопределил обращение к художественному тексту небольшого объема – к тексту рассказа.

Сопоставляя клиповое и понятийное (словесно-логическое) мышление, психологи выделяют такие моменты их противопоставления, как а) умение быстро переключаться на новый раздражитель ↔ сосредоточенное внимание на одном объекте; б) высокая скорость восприятия информации ↔ высокий уровень анализа и синтеза информации; в) поверхностное изучение объекта или явления ↔ способность длительного восприятия однотипной и одностильной информации и умение вербализовать воспринятую информацию; способность одновременно выполнять несколько операций ↔ умение принимать решения и ставить цели (Горобец, Ковалев, 2015: 99). Клиповое мышление – результат воздействия на современного человека подаваемой СМИ по телевидению и в интернете информации, которая может отражать бесстрастность информирующего, его ориентацию на содержание сообщаемого. Передача эмотивных смыслов уступает информированию.

Вопрос о влиянии интернет-коммуникации на человека интересует многих психологов (например: Шабшин 2005, Усачева 2014, Королева 2004), отмечающих, что интернет-коммуникация характеризуется затрудненностью эмоционального компонента общения при стойком стремлении к эмоциональному наполнению текста (выражается в создании

специальных значков для обозначения эмоций или в описании эмоций словами в скобках после основного текста послания) (Усачева 2014: 278). В интернет-коммуникации снимается ряд барьеров общения, обусловленных характеристиками партнеров по коммуникации (внешний облик, пол, возраст, социальный статус, внешность), при этом реальное невербальное поведение оказывается исключенным из процесса общения, а чувства, отношение к происходящему можно не только выражать, но и скрывать (Королева 2004: 172). Данные психологические характеристики читателя эпохи интернета не может не учитывать и писатель.

2. В связи с вышесказанным целесообразно рассмотреть своеобразный эксперимент с формой текста — произведение Василины Орловой «Прямая речь» (Орлова 2017), представляющее собой записанные автором реплики разных людей, разбитые на различные тематические группы, имеющие строгое шрифтовое выделение автора, которое и воспроизводится; **Женское — мужское** распадается на фрагменты *Женское. Беременность — роды — дети; Женское. Мужчина; Женское — внешность; Мужское. О женщинах; Любовь*. Так строится все произведение. Тексту предпослано авторское предисловие, без которого восприятие текста читателем практически невозможно: «Я собирала речи, на русском и отчасти на суржике, в 2004 — 2008 годах. География — Россия (Москва и Московская область, Сибирь, Дальний Восток) и Украина (Киев и Дударков, село под Киевом). Собирала как есть, не глядя, хороши ли, плохи ли речи, хорошо ли в них выглядят люди, согласна ли я с ними. Теперь, в Остине, пересмотрев их, я вижу, что в каждом коротком предложении отразился особый мир. Антрополог Кейтлин Стюарт считает, что исследование частных опытов дает нам “преизобилие маленьких миров”. Писательница София Федорченко в книге “Народ на войне” использовала, возможно, одна из первых, этот метод — метод вербальной фотографии, метод запечатления цитаты без автора. Писательница Светлана Алексиевич, которую в каком-то смысле, возможно, назвали бы антропологом, этнографом, во многих своих книгах использует этот метод».

Рубрицированный текст представляет собой отделенные двойным вертикальным пробелом завышенные реплики разных людей, отражающие спонтанность говорения и поданные без редакторской правки, например: «*У меня тоже — знакомый. Развелся с женой, потому что она ему девочку родила. Нашел причину. Она выходит из роддома — и куда ей? Я с ним больше не общаюсь, хватит. Наслушался... Хоть сценарий пиши*».

Эмоциональная насыщенность реплик и спонтанность рассказывания графически передается знаками тире, вопросительным знаком при риторическом вопросе, многоточием. Конситуативность воспроизведенных высказываний в некоторых случаях провоцирует

появление в скобках авторского комментария к реплике, например: *«Молоко перегорело»*. (*Забеременела вторым ребенком — первый отказался от груди.*)

Ни редакция журнала, ни сам автор не указывают жанр произведения, но все же перед читателем своеобразно структурированный текст, напоминающий фотоальбом: разные лица, разные ситуации представлены как стоп-кадры. Ознакомившись с авторским предисловием, а затем с предложенным текстом читатель сам должен определить, о чем автор хотел ему сказать. Знаки препинания в данном случае — способ воспроизвести эмоциональность и спонтанность речи говорящих.

3. Собственно художественный текст имеет жанровое определение, в данном случае — рассказ. Любопытно сопоставить фотографию спонтанных реплик с манерой «рассказывания» в «Трех днях блондинки» А. Аркатовой. Начало текста:

В выходной день самое главное — выйти из дома. И не то чтобы как можно раньше, а просто хотя бы выйти. Мусор вынести, например, или лук купить внизу. Но это не всегда. Хорошо еще, если у тебя запланировано. Например, выставка «Пушкин и обезьяны» в Дарвиновском музее. Туда-то еще — раз! — и собралась, раз — и с первого раза по погоде оделась. И едешь в одну сторону долго так с пересадками, а обратно едешь уставшая, сонная, голодная и новую лексику во рту перекатываешь. И твой искусственно просветленный мозг распознает очертания скрытых смыслов.

А если ничего не запланировано, то главное что? Главное, чтобы не было солнца. Вот так. Потому что когда светит солнце прямо с утра — это конец.

Текст структурирован: автор делит его на 3 озаглавленных фрагмента: **ДЕНЬ БЛОНДИНКИ 1. СОЛНЦЕ И ДРУГИЕ; ДЕНЬ БЛОНДИНКИ 2. ХОДЫНКА, БАССЕЙН, СВАДЬБА; ДЕНЬ БЛОНДИНКИ 3. РАЗВОД, НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК, КУРЬЕР**. Сами названия фиксируют пережитое рассказчицей за день. А. Аркатова мастерски воспроизводит спонтанность последовательного детального монологического повествования своей героини. Эмоциональная доминанта текста — самоирония.

4. Одной из самых ярких синтаксических особенностей современных произведений является их деконструкция. (Явления деконструкции, во многом предопределенные компьютерной работой с текстом, описаны на материале крупных произведений: романов, автобиографической прозы (Николина, 2009: 238-292), но характеристика эмотивного кода крупных произведений затруднена.) Она оформляется и графически. Художественное произведение апеллирует к образному мышлению читателя и эмоциональному восприятию содержания. Для декодирования смысла рассказа читателю необходимо наряду с вербальной структурой текста осмысливать метаграфемы, определяющие коммуникативно-смысловую

организацию текста, и учитывать влияние интернет-коммуникации на форму и структуру современного художественного произведения.

В структурировании и организации текста важнейшее значение имеет метаграфемика (Шубина, Антошинцева, 2005: 58-60), понимаемая достаточно широко как

- 1) знаки конца предложения (или их отсутствие), характеризующие особенности микросинтаксиса текста (уровень предложения);
- 2) абзацное членение текста;
- 3) средства рубрицирования текста: озаглавливание фрагментов текста с различным шрифтовым выделением (полужирный шрифт, использование во всем названии только прописных букв, разная степень слитности выделенных как заглавие слов со следующим за ним текстом),
- 4) отделение фрагментов текста двойным вертикальным пробелом и / или звездочками.

Знаки уровня предложения и метаграфемы уровня текста (2 - 4) обеспечивают формирование эмотивного кода небольшого по объему текста рассказа.

Особенности метаграфемики современного русского рассказа определяются, во-первых, новым осмыслением автором текста как ориентированного на устность рассказывания истории и / или на связанный с отражением клипового сознания современного человека фрагментарный, а не линейный тип текста.

Во-вторых, степень деконструкции текста может быть различной, что отражается и в передаче эмотивных смыслов, поэтому анализ функций метаграфем требует учета степени деконструкции самого текста рассказа.

5. При минимальной деконструкции текста, воспроизводящего онлайн восприятие персонажем фрагмента действительности и сохраняющего временную перспективу, эмотивный код реализуется в первую очередь синтаксически, что оформлено с помощью знаков препинания: многоточия, тире, точки при парцелляции высказывания. Эмотивная доминанта рассказа В. Маканина «Ночь... Запятая... Ночь» (детальный анализ см.: Вяткина 2017: 87-88), например, может быть охарактеризована как тревожное ожидание женского счастья героиней рассказа Зинаидой. Синтаксической особенностью нарратива является преобладающий в тексте свободный косвенный дискурс, графически оформленный многоточием (сигнал паузы, незаконченности высказывания), восклицаниями, вопросительными знаками с многоточием – сигналами пауз хезитации, например (выделение курсивом в цитируемом фрагменте – С. В.):

Как только Зинаида поднимется на второй и двинется по коридору ему навстречу, он, конечно, сразу же посторонится... *Уступая комендантше (женщине!) дорогу... Интеллигентный! Чувствует остро... Стоя вполоборота, еще и дружески ей улыбнется. И что?.. И что сказать дальше?.. И где тогда его шея? Глупость какая! Одернуть его не за что...* Перед сном человек может прохаживаться сколько хочет. Ходи себе и думай. *Тем более что на втором плотный, сжирающий звуки дорогой ковер, и....* (Маканин.)

Для сюжетного повествования характерна эмотивная пунктуация: знаки препинания (многоточие, восклицательный и вопросительный знаки, нулевой знак вместо конечного), знак абзаца сигнализируют об эмоциональном состоянии нарратора / персонажа. Эмотивный код создается средствами синтаксиса: парцелляцией, риторическими вопросами, вопросно-ответными конструкциями и т. п. Эмотивная пунктуация – средство усиления эмотивной доминанты связанного текста.

6. При максимальной деконструкции текста (бессюжетный раскрытый текст), которая ярко проявляется в рассказах: «Телеграммы из Альтоны» и «Неведение» А. Иванова, «Вертикальный кольцеброс» (подробный анализ см.: Вяткина 2016: 111-116), — эмотивный код лексически, как правило, не эксплицируется. Средство его создания — метаграфемика. Это воплощается в игнорировании автором знаков конца предложения и прописных букв в начале (А. Иванов 2014), в изменении шрифтового рисунка и озаглаивании фрагментов текста (А. Лебедев 2015), в нарочитом использовании вертикального пробела.

Отсутствие знаков конца предложений декодируется читателем как минус-прием, маркирующий передачу эмоционального состояния персонажа (чувства одиночества, непонятости, ненужности, ощущение суетности своего бытия). Особенно ярко минус-прием представлен в тексте небольшого по объему рассказа (1200 слов) А. Иванова «Телеграммы из Альтоны» (подробный анализ см.: Вяткина 2017: 88-89). Текст рассказа состоит из 19 оформленных абзацным членением фрагментов с дополнительным вертикальным пробелом, например:

у меня мало друзей, и те выдуманные (надеюсь, они мне это простят и вернуться к своим акварелям, писулькам, сцене, забудут меня окончательно); потому что такой я человек

—

мои друзья... один из них наивно верит, что только с ним я — настоящий, а прочим скормливаю двойников, костюмы, жесты, ничего не значащие улыбки, но это проявление его собственной солипсической натуры: с ним я наименее я

Декодирование эмотивного смысла рассказа возможно только в результате анализа заглавия, метеграфемики и структуры текста в целом: перед читателем крик души человека об одиночестве в чужом городе, им владеет страх перед предстоящей премьерой своего произведения. Телеграммы (вполне условная номинация) — это сигнал SOS, эксплицированный только в конце рассказа: *«меня охватывает страстное желание покончить с собой (сравнимое по тяге разве что с желанием ширнуться)»*. Чувство страха — эмотивная доминанта рассказа.

7. В рассказе А. Иванова «Неведение» большого объема (2 189 слов) четче прослеживается сюжет, эмотивный код отчасти вербализован:

Он прикрыл глаза: страх, один из самых первых — от змейкой завинчивавшейся воды, уходящей с клетком.

Его обдало льдом кошмара: уши лопались и глаза прорезались.

В то же время деконструкция текста очевидна: он представляет собой 9 фрагментов-зарисовок разного объема, отделенных друг от друга двойным вертикальным пробелом и тремя звездочками. Читатель должен сам связать фрагменты, чтобы на фоне многочисленных бытовых зарисовок осмыслить описываемое эмоциональное состояние героя (Ракитина), так как синтаксис рассказа (короткие предложения, часто именного строя) служит для фиксации персонажем всего, что он воспринимает онлайн, например:

Дым вылетает и тает. Тяжелая сигарета. Хмурая непогода на сердце и прозрачная осень. Припадочный ветер.

Что-то хотел записать...

Дом хлопнул дверь. Выпустил человека.

Даже если вспомню, записать некуда.

Слепые окна равнодушно отсвечивают. Луч перечеркивает. Голуби взлетают над бульваром. Ветер срывает листья. Голуби, листья, провода, ветки. Дым. Ветер.

Сознанием Ракитина фиксируются мелочи, детали быта, в то время как он сам мучительно ждет предстоящей операции на сердце. Неведение, незнание исхода вызывает постоянную тревогу персонажа, поэтому внешний мир постепенно утрачивает для него значение. Кульминацией оказывается последний фрагмент рассказа:

Но ведь неведомое находится повсюду. Оно не только по ту сторону, уже за пределами брызнувшей жизни, в холоде, где капли свертываются в лед; оно и тут, под солнцем, под кожей, бьется, как мягкий горячий зверек, — тук — тук — тук, кто там? Неведомое... Жизнь — то же Неведомое. Рядом со мной, во мне, в дрожащих пальцах, в пепле, вкусе табака, в желтом свете фонаря на моем лице.

Сердце — на волоске — покачивается...

Автор рассказа графическими средствами характеризует утратившую для героя значимость суетной жизни, переключая внимание читателя на внутреннюю жизнь персонажа, наполненную тревогой и страхом.

Выводы.

Проведенный анализ призван продемонстрировать разное представление художника о тексте малой формы. Раскрепощенность творца, во многом связанная с практикой интернет-коммуникации, позволяет создавать тексты, максимально отражающие устное рассказывание (А. Аркатова), детально отражающие восприятие происходящего персонажем (В. Маканин), экспериментировать со структурой текста, используя различные приемы его деконструкции (А. Иванов). При этом эмотивные смыслы произведений, даже лексически слабо эксплицированные, передаются художником средствами метаграфематики, компенсирующими лексическую безэмоциональность.

По замечанию В. И. Тюпы, рассказ не навязывает определенной перцептивной стратегии, предполагая встречную коммуникативную активность адресата, от которого требуется «установка на известного рода солидарность с авторским сознанием» и «совместимость собственного личного опыта адресата с жизненным опытом героя» (Тюпа 2013: 107). Но анализ метаграфематики текста современного рассказа позволяет декодировать эмотивные смыслы текста.

Источники

Аркатова А. Вертикальный кольцеброс. Литературная икра, Новый мир, 2014, 7. [Электронный ресурс] URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2014/7/8a-pr.html

Аркатова А. Три дня блондинки. Рассказ, Новый мир, 2015, 7. [Электронный ресурс]: URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2015/7/6ark.html

Иванов А. Неведение, Звезда, 2011, 12. [Электронный ресурс]: URL: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2011/12/iv9.html>

Иванов А. Телеграммы из Альтоны, Новый мир, 2014, 5. [Электронный ресурс] URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2014/5/6i.html

Маканин Вл. Ночь... Запятая... Ночь..., Новый мир, 2010, 1. http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2010/1/ma4.html

Лебедев А. На гобеленах, // Новый мир, 2015, 5. [Электронный ресурс]: URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2015/5/2leb.html

Орлова В. Прямая речь. Часть I, Новый мир, 2016, 5. [Электронный ресурс]: URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2016/5/pryamaya-rech-chast-i.html

Список литературы

Болотнова Н. С. (2009): Коммуникативная стилистика текста: словарь-тезаурус. Москва : Флинта: Наука, 2009.

Вяткина С. В. (2016): Отражение клипового сознания в синтаксисе современной прозы, Динамика языковых и культурных процессов в современной России [Электронный ресурс]. Вып. 5. Материалы V Конгресса РОПРЯЛ (г. Казань, 4–8 октября 2016 года). Санкт-Петербург: РОПРЯЛ, 2016, 111–116.

Вяткина С. В. (2017): Степень синтаксической расчлененности текста и функция заглавия современного русского рассказа, Ученые записки Петрозаводского государственного университета, 7 (168), Петрозаводск, 2017, 86-92.

Горобец Т. Н., Ковалев В. В (2015) «Клиповое мышление» как отражение перцептивных процессов и сенсорной памяти, Мир психологии, 2015, 2, 94-100.

Королева Н. Н. Влияние коммуникации в сети интернет на личностные особенности пользователей, Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, 2004, 4 (9), 168-179.

Кубрякова Е. С. (2004): Язык и знание: На пути получения знаний о человеке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. Москва : Языки славянской культуры, 2004.

Николина Н. А. (2009): Активные процессы в языке современной русской художественной литературы: монография. Москва : Гнозис, 2009.

Тюпа В. И. Жанр / Дискурс. Москва: Intrada, 2013.

Усачева А. В. (2014): Психологические особенности интернет-коммуникаций, Вестник Университета (Государственный университет управления), 2014, 1, 277-281.

Фрумкин К. Г. (2010) Глобальные изменения в мышлении и судьба текстовой культуры, Ineternum, Москва, 2010, 1, 26–36, URL: http://nounivers.narod.ru/pub/kf_clip.htm (дата обращения: 10.01.1016).

Шабшин И. (2005): Психологические особенности общения в интернете, Московский психотерапевтический журнал, 2005, 1, 159-182.

Шубина Н. Л., Антошинцева М. А. (2005): Вспомогательные семиотические системы в устной и письменной коммуникации: монография. Санкт-Петербург: ПетроПресс, 2005.

СИМВОЛИКА ВКУСА В РУССКОЙ, СЕРБСКОЙ И ИСПАНСКОЙ ЛЕКСИКЕ И ФРАЗЕОЛОГИИ

Голяк Светлана Владимировна
Белградский университет, Сербия
svetlanagoljak@yahoo.co.uk

Пейович Анджелка
Белградский университет, Сербия
andjelka.pejovic@fil.bg.ac.rs

SYMBOLIC REPRESENTATION OF TASTE IN RUSSIAN, SERBIAN AND SPANISH LEXIS AND PHRASEOLOGY

Golyak Svetlana Vladimirovna
University of Belgrade, Serbia

Pejovic Andjelka
University of Belgrade, Serbia

АННОТАЦИЯ

Символика вкуса пищи (сладкого, горького, кислого и соленого), отраженная в переносе вкусовых ощущений на другие виды восприятия, исследуется в работе на материале лексики и фразеологии русского, сербского и испанского языков. Выявляются общие направления переосмысления вкуса в трех языках, а также некоторые межъязыковые различия, связанные с национальными традициями, вкусовыми привычками.

ABSTRACT

The symbolic representation of taste of food (sweet, bitter, sour, and salty), as reflected in the transfer of taste perceptions to other kinds of perceptions, is examined by studying lexis and phraseology materials in the Russian, Serbian, and Spanish languages. The study sheds light on some common trends in re-interpreting the concept of food taste in the three languages, as well as differences across languages, associated with national traditions and food preferences.

Ключевые слова: вкус, символ, эталон, лексика, фразеология, русский, сербский, испанский.

Keywords: taste, symbol, paragon, lexis, phraseology, Russian, Serbian, Spanish.

*Работа со стороны А. Пейович выполнена в рамках научного проекта «Динамика и структура современного сербского языка» (№ 178014), финансируемого Министерством просвещения, науки и технологического развития Республики Сербия.

1. Перенос вкусовых ощущений на другие виды восприятия и формирование на этой базе различных характеристик и оценок (эстетических, утилитарных, моральных) отражены во многих языках: так, сладкое обычно обозначает что-либо приятное; горькое – неприятное; безвкусное, пресное значит и неинтересное и т.д. В данной работе символика вкуса исследуется на материале лексики и фразеологии русского, сербского и испанского языков. Целью работы было выявление как общих направлений переосмысления вкуса (сладкого, горького, кислого, соленого), так и межъязыковых различий, связанных с национальными традициями, вкусовыми привычками. Соответственно основными методами в работе были сопоставительный и лингвокультурологический.

Сопоставление образной лексики и фразеологии разных языков показывает, что на глубинном уровне здесь мало межъязыковых различий. Выявляются общие направления семантической деривации, одинаковые «структурно-семантические модели» во фразеологии (Мокиенко 1989: 53). Межъязыковые различия на данном уровне объясняются прежде всего «несовпадением техники вторичной номинации» (Добровольский 1997: 37). Образные единицы различных языков отражают одинаковый способ когнитивного освоения действительности, и в них представлены общие базовые метафоры (Лакофф, Джонсон 1987); «макрометафорические концептуальные модели» (Зыкова 2014).

Конкретно-языковая реализация общих моделей во фразеологии, рассматриваемых на концептуальном и семантическом уровнях, может различаться в зависимости от эталонно-символической функции лексем-компонентов, связанных с определенными реалиями. Фразеологизмы выступают как своего рода мера вещей, или «языковленные эталоны» (Ковшова 2016: 182). Например, в рамках переноса 'вкусный' → 'привлекательный' одинаков ли набор соответствующих эталонов в русском, сербском и испанском языках? В связи с этим в работе ставилась задача выявить и сравнить «вкусовые» эталоны ряда качеств (привлекательности, ценности и т.д.) в исследуемом материале.

Материал был взят из основных толковых и фразеологических словарей русского, сербского и испанского языков (сокращенные обозначения словарей приведены в списке литературы). Материал составили следующие единицы трех указанных языков: 1) лексемы со значениями 'вкус', 'сладкий', 'горький', 'кислый', 'соленый': напр., рус. *вкус*; серб. *укус*; исп. *gusto, sabor* и т.д.; 2) словообразовательные дериваты данных лексем: напр., рус. *сладость, подсластить* и т.д.; 3) названия отдельных продуктов с выраженным вкусом и блюд: напр., рус. *сахар, мед*; 4) устойчивые сравнения с указанными лексемами; 5) фразеологические обороты, связанные с темой еды, вкусовых ощущений. Были проанализированы переносные значения лексем и образное основание устойчивых сравнений и фразеологизмов-метафор.

2. 'Вкус', 'вкусный' / 'безвкусный'. 'Вкусная еда' во фразеологии.

2.1. Вкус как одно из пяти внешних чувств человека является способом познания и оценки, человеческой мерой вещей. Об этом свидетельствует и переносное употребление лексем со значением 'вкус', 'ощутить вкус' в современности и истории.

Слова со значением 'вкус' в исследуемых (как и других) языках используются в контексте эстетики, обозначая чувство прекрасного, чувство меры, умение это оценить. Подобное переосмысление вкуса является весьма органичным, независимо от путей появления переносных значений лексем в конкретных языках.

Так, В. В. Виноградов отмечает, что «слово *вкус*, первоначально обозначавшее действие по глаголу *вкусить* <...>, а затем соответствующее ощущение от вкушаемой, принимаемой пищи <...>, около середины XVIII века получило переносное отвлеченное значение под влиянием франц. *goût*, нем. *Geschmack*», и «это европейское, интеллигентское значение и употребление слова *вкус* привело к образованию нового, богатого фразеологического гнезда в русском литературном языке XIX в.» (Виноградов 1999: 96–97). Приводя и критические замечания А. С. Шишкова в связи с употреблением слова *вкус* в новом ключе, В. В. Виноградов, тем не менее, подчеркивает «тесную органичную связь» между старорусским и новым значениями слова. Он указывает, что заимствование только ускорило естественные процессы в русском языке, поскольку «внутренняя семантическая эволюция слова *вкус* на русской литературной почве привела бы к тому же результату (ср. историю значений слова *чутье*)» (Виноградов 1999: 98).

В современном русском языке «эстетическое» переносное значение фиксируется как у слова *вкус*, так и его дериватов, а также у ряда оборотов: *вкус* 'способность человека к эстетическому восприятию и оценке; развитое чувство красивого, изящного'; (*делать что-л. со вкусом, кто-л. со вкусом, безвкусный, безвкусица* и др. (БАС II: 610–611; I: 454). Сербская лексема *укус* и ее дериваты имеют похожие значения: *укус* 'чувство прекрасного; чувство меры, лоск' (РСJ: 1391); *човек од укуса* 'человек со вкусом'; *укусан* 'сделанный со вкусом, красивый, гармоничный' (РСJ: 1391); *неукусан, безукусан* 'безвкусный'; *укусно* 'уместно, прилично': *Није укусно упадати у реч* «Безвкусно перебивать» (РСJ: 1391).

Особенностью испанского языка является употребление двух существительных в значении 'вкус': *gusto* и *sabor*, имеющих некоторое разделение функций. В значении вкуса пищи обычно используется слово *sabor*; именно его дериват *sabroso* служит характеристикой 'вкусный'. Слово *sabor* имеет переносное значение 'впечатление' (ср. *послевкусие*), известен и оборот *dejar algo mal sabor de boca a alguien* (досл. «оставить плохой вкус в чьем-л. рту»)

‘оставить плохое впечатление или вызвать неприятное чувство’ (DRAE: *sabor*); ср. эквивалент *оставить в душе неприятный осадок* (Левинтова 1985: 606). С другой стороны, эстетика выражается словом *gusto*, имеющего значения ‘способность почувствовать или оценить что-л. как красивое или некрасивое’: *Diego tiene buen gusto* «У Диего хороший вкус»; а также ‘качество, делающее что-л. красивым или некрасивым’: *traje de gusto* «стильный костюм», *adorno de mal gusto* «безвкусное украшение» (DRAE: *gusto*).

История слов *gusto* и *sabor*, а также глаголов со значением ‘ощутить вкус’ и под. обнаруживает тесную связь восприятия пищи, с одной стороны, и познания и оценки мира, с другой: известна эволюция значений лат. *gustus*; отметим также, что исп. *sabor* восходит к лат. *sapor*, означавшему: ‘вкус чего-л.; *sine sapore* (о человеке): без вкуса, тупоумный <...>’; ср. также *sapĕre* ‘ощущать вкус; быть мудрым, благоразумным; понимать, смыслить что-л.’ (DRAE: *gusto*; Тананушко 2015: 1000). Пробовать, ощущать вкус издавна означает познавать мир; это проявляется с первых шагов знакомства ребенка с миром. Ср. рус. *вкусить* ‘устар. есть, пить; перен. испытать’ и библейский оборот *вкусить от древа познания добра и зла* ‘приобретать знания, постигать смысл разнообразных явлений’; серб. *окусити* ‘попробовать; перен. ощутить, испытать на своем опыте’; исп. *saborear* ‘<...> не спеша, внимательно пробовать вкус еды или питья; не спеша, с удовольствием ощущать что-л. приятное’ (БАС II: 613, XX: 633; PMC IV: 118; DRAE: *saborear*); рус. *пробовать* – серб. *пробати* – исп. *probar*.

2.2. Вкус также переосмысливается как желание или склонность к чему-либо (чаще в русском и испанском материале в сравнении с сербским): ср. рус. *вкус* ‘склонность, интерес, пристрастие к чему-л.’, исп. *gusto* ‘4) личное желание, выбор <...>; 12) склонность к чему-л.’ (БАС II: 610–611; DRAE: *gusto*); рус. *прійтись по вкусу* ‘отвечать желаниям, склонностям, привычкам кого-л.’; рус. *по чьему-л. вкусу* – серб. *по нечијем укусу* – исп. *a sabor, a sabor de su paladar, a gusto*; обороты со значением ‘стать любителем чего-л., пристраститься к чему-л.’: рус. *войти во вкус* – исп. *tomar el gusto* (досл. «взять вкус чего-л.»), *encontrarle gusto a algo* (досл. «найти вкус в чем-л.») (Млт: 88; БАС XX: 560; DRAE: *sabor, gusto*).

Восприятие вкусной еды как удовольствия широко отражено в исследуемом материале: рус. *вкусный* ‘доставляющий удовольствие, нравящийся’ (БАС II: 612); *вкус к жизни* (мотив радости, удовольствия от жизни); исп. *relamerse de gusto* (досл. «облизываться от удовольствия») ‘испытывать большое удовольствие от еды или чего-л. другого’ (DRAE: *gusto*). При этом отметим тот факт, что только в испанском материале ‘удовольствие’ выделяется как отдельное переносное значение самой лексемы *gusto*, причем в качестве первого из переносных: ‘удовольствие или приятное ощущение вследствие чего-л.’ (DRAE: *gusto*). Данное слово активно используется в целом ряде экспрессивных выражений и

этикетных формул: *con mucho gusto* ‘с большим удовольствием’ (в качестве согласия и под.); *mucho gusto* (досл. «большое удовольствие») ‘очень приятно’ (при знакомстве, прощании); *dar gusto* ‘доставить удовольствие, угодить’: *Me encanta darte gusto* «Обожаю доставлять тебе удовольствие» и др. (DRAE: *gusto*). Тема удовольствия во фразеологизмах с дословным значением вкусной еды рассматривается ниже в п. 2.4.

2.3. Отсутствие вкуса, помимо эстетического контекста, негативно переосмысливается в переносах: ‘безвкусный’, ‘неопределенного вкуса’ → ‘неинтересный’, ‘без выраженных свойств’: рус. *ни рыба ни мясо* – серб. *ни риба ни месо* – исп. *no ser ni carne ni pescado*; (Млт: 403; Оташ: 799; DRAE: *carne*); исп. *desaborido* ‘безвкусный <...>; о человеке: скучный, невыразительный’ (DRAE: *desaborido*); а также образы, связанные с неопределенным вкусом еды и непонятным способом ее приготовления: серб. *ни слано ни папрено* (досл. «ни соленое, ни перченое»); *ни печен ни куван* (досл. «ни печеный, ни вареный») (РМС V: 843).

Отсутствие вкуса еды часто обусловлено недостаточным количеством приправ, прежде всего соли. Так же характеризуется неинтересный рассказ, речь и под.: рус. *пресный* – исп. *insípido*: *пресный анекдот* – *un chiste insípido*; ср. исп. *soso* ‘несоленный; без живости, очарования’ (БАС XIX: 704; DRAE: *insípido, soso*). О символике соли речь пойдет ниже.

2.4. Фразеологические образы очень вкусной еды употребляются для описания привлекательности (чаще женской) или чего-либо приятного, желанного, ценного. Умение это оценить отражено в русском фразеологизме *губа не дура у кого* ‘о человеке, умеющем выбрать для себя самое лучшее, выгодное, воспользоваться чем-л. ценным, полезным’; данный оборот связан с поговоркой: *У него губа не дура, язык не лопатка: знает, где горько, где сладко* (РусФраз: 170). Компонент *губа* связывает здесь тему питания и оценки вещей, умения разобраться, сделать выбор.

Человек или предмет оцениваются как сулящие удовольствие, выгоду в выражениях: рус. *лакомый/жирный кусок/кусочек* – серб. *мастан комад/залогај* (досл. «жирный кусок») (Млт: 218; РМС III: 309); исп. *buen bocado* (досл. «хороший кусок») ‘человек, физически привлекательный’ (DFDEA: 193); ‘исключительность чего-л., напр., выгодное дело’ (DRAE: *bocado*); серб. жарг. *добар комад* ‘привлекательная девушка, женщина’ (Imami 2003: 176); ср. также в фольклоре: рус. *На лакомый кусок всяк накинёт роток*. При употреблении оборота в значении привлекательной женщины (в русском часто с деминутивом *кусочек*) ее внешность рассматривается с точки зрения «полезности» для мужчины, получения удовольствия (БФС: 347). Акцент делается на теле, отсюда использование слов *кусок, кусочек* (мяса).

Привлекательность объекта характеризуют выражения: рус. *пальчики оближешь* ‘1) очень вкусное, аппетитное <...>, о пище, питье и т.п.; 2) очень красив, хорош, интересен,

приводит в восхищение, о ком- или чем-л.’ – серб. *da прсте полижеш* – исп. *para chuparse los dedos* (Млт: 291; Оташ: 763; DFDEA: 372). Удовольствие от такого человека уподобляется наслаждению, получаемому при обмакивании хлеба в тарелку и поедании таким образом вкусного блюда: исп. *de toma pan у тоја* (досл. «подбирать хлебом») (DFDEA: 729).

Реакция при виде или представлении аппетитного блюда, образно передающая желание, отражена в выражениях: рус. *слюнки текут (потекут) у кого* – серб. *иде / удара (некоме) вода на уста* – исп. *hacérsele (una) agua la boca* (Млт: 437; РМС VI: 595; DRAE: *boca*); рус. *глотать слюнки* (Млт: 108); серб. *расту (некоме) зазубице* (РМС II: 119). Показательны и гастрономические глаголы в оборотах: рус. *есть / пожирать глазами кого-л.* (Млт: 155); серб. *гутати погледом* (досл. «глотать взглядом») (РМС IV: 525); а также серб. *да га поједеш* – исп. *para comérselo* (досл. «(хочешь) съесть его/ее»), употребляемые обычно по отношению к ребенку или молодым людям (девушке, парню) (РМС IV: 617; DFDEA: 299).

В качестве конкретных образов вкусной еды в значении привлекательного, желанного, ценного объекта выступают названия сладостей и реже других лакомств: рус. *конфетка* ‘о ком-л., чем-л. хорошем, красивом, привлекательном’ (БАС VIII: 395); исп. *bombón* ‘шоколадная конфета; молодая, очень привлекательная особа’ (DRAE: *bombón*), аналогичным образом в живой речи используются серб. *бомбона* ‘конфета’, *bollicao* ‘рогалик с какао’ и др. Те же эталоны входят в состав сравнений и других устойчивых оборотов: рус. *как конфетка* ‘об эффектно, модно, аккуратно и красиво одетом человеке (чаще ребенке или женщине)’ (Мокиенко 2003: 183); рус. *сделать конфетку из чего-л.* ‘что-л. плохое, негодное сделать хорошим, изменив, переделав до неузнаваемости’: (БАС VIII: 395); серб. *као шећер, као од шећера* «как сахар(ный)» ‘очень милый, красивый, приятный’ (РМС VI: 949 исп. (*dulce*) *como la miel / el azúcar / el almíbar* «сладкий как мед / сахар / сироп» или *más dulce que la miel / el azúcar / el almíbar* «слаще меда / сахара / сиропа») (DFDEA: 646, 169, 133).

В испанском материале отмечены нехарактерные для русского и сербского языков эталоны красоты и привлекательности: (*ser*) *canela fina / canela en rama* (досл. «хорошая корица / веточка корицы»), *estar como un queso* (досл. «быть как сыр»), *estar jamón* (досл. «быть хамоном») ‘быть привлекательной внешности’ (DFDEA: 239, 557).

Далее в переосмыслении конкретных вкусов выделим только приоритетные направления в силу ограниченного объема работы.

3. ‘Сладкий’.

3.1. Сладкий вкус ассоциируется с приятным чувством, удовольствием, в том числе чувственным, что обусловило развитие соответствующих переносных значений лексем: рус.

сладкий ‘4) приятный для слуха, обоняния, осязания <...>; доставляющий чувственное удовольствие’: *сладкий голос, сладкий поцелуй*; ‘5) исполненный счастья, радости’: *сладкое мгновение*; ‘6) заставляющий испытывать удовольствие (о чувствах, мыслях, состоянии человека)’: *сладкие мечты, сладкий сон* (БАС17 XIII: 1141–1142); серб. *сладак* ‘2) а) желанный, полный удовольствия, радости, счастья’: *сон, молодость*; ‘б) приятный для глаз, ушей <...>; симпатичный’: *голос, шутка*; ‘3) а) милый, ласковый; б) прелестный, вызывающий симпатию’ (РМС V: 839); исп. *dulce*: ‘4) приятный, милый, умильный: *сладкий голос*; 5) естественно приветливый, услужливый, мягкий’ (DRAE: *dulce*).

Между исследуемыми языками наблюдаются отличия в референтной отнесенности и частотности некоторых из данных характеристик в речи. Так, сербское прилагательное *сладак* часто употребляется по отношению к предметам (прежде всего в женской речи), а также людям (в первую очередь детям или молодым людям). В русской и испанской речи в таких случаях обычно используются другие характеристики (рус. *милый, симпатичный, прелесть, очаровательный*; исп. *топо, simpático* и под.): например, серб. *сладке ципеле* – рус. *симпатичные туфли* – исп. *unos zapatos muy topos* и т.д.

Положительно окрашенные переносные значения имеют и дериваты рассматриваемых лексем: рус. *сладостный, сладость*; серб. *слад, сладан, сладкиш*; исп. *dulzura* ‘сладость; нежность, радость; <...> ласковое, приятное слово’ (DRAE: *dulzura*), а также обозначения сахара и меда как основных сладких продуктов: рус. *мед* ‘о приятных словах’, *медовый* ‘приятный, сладостный’, *сахарный* ‘приятный в чувственном отношении’: нар.-поэт. *сахарные уста* (БАС XXIV: 485; IX: 653 и 633); серб. *мед* ‘удовольствие’; серб. *меден* и исп. *meloso* ‘приятный’; серб. *шећер* и *шећерни* (РМС III: 325, 327; VI: 949; DRAE: *meloso*).

Образ меда из всех «сладких образов» чаще всего вносит ассоциации, связанные с удовольствием: исп. *quedarse alguien a media miel* (досл. «у кого-л. осталась половина меда») ‘быть прерванным в процессе получении удовольствия’; исп. *dejar a alguien con la miel en los labios* (досл. «оставить кого-л. с медом на губах») ‘не дать наслаждаться начатым’ (DRAE: *miel*) – ср. концовку русских сказок: *И я там был, мед-пиво пил, по усам текло, а в рот не попало*. Известна чувственная символика меда, отраженная и в образе начала супружеской жизни: рус. *медовый месяц* – серб. *медени месец, медени дани* – исп. *luna de miel*. Мед присутствует в образах изобилия, «райской» жизни, что восходит к текстам старинных апокрифов: серб. *мед и млеко (тече)* (досл. «мед и молоко течет»); ср. также серб. *пала му секира у мед* (досл. «у него топор в мед упал») ‘получил большой доход, крупно повезло’ (РМС III: 325); в испанском языке образ лакомства с медом выражает значение чего-либо желаемого, ценного: *miel sobre hojuelas* «мед на слоеном тесте» (DRAE: *miel*).

3.2.1. Сладкий, или чаще чрезмерно сладкий, приторный вкус может получать негативную трактовку, что в русском и сербском материале, в отличие от испанского, отражено уже в значении самих лексем *сладкий* и *сладак*: рус. *сладкий* ‘7) умильный, приторно-ласковый, чрезмерно любезный’ (*улыбка, голос, слова*) (БАС17 XIII: 1140); серб. *сладак* ‘1д) лицемерно любезный, льстивый, снисходительный’ (РСЈ: 1237); ср. также коннотации лексем во фразеологии: серб. *сладак на језику* ‘сладкоречивый’; *слатко лице правити* (досл. «сладкое лицо делать») ‘подлизываться, стараться понравиться’ (РМС II: 592; V: 839). В этом значении употребляются и производные лексем, в том числе сложные слова: рус. *слащавый* – серб. *сладуњав* – исп. *dulzón* (а также слова с другим корнем: рус. *приторный* – серб. *отужан* – исп. *empalagoso*); ср. рус. *сладкоречивый* – серб. *слаткоречив*.

Образы сахара и меда также используются в данном отрицательном значении или являются амбивалентными: они служат для характеристики красноречивости, приятного поведения, однако чаще употребляются в ироническом ключе. В значении ‘слащавый, льстивый’ употребляются лексем: рус. *мед, медовый, сахар, сахарный*; серб. *меден*; исп. *meloso*, а также фразеологизмы: рус. *сахар медович* ‘о льстивом или старающемся казаться благожелательным, допропорядочным человеке’; серб. *мед му тече с уста /с језика, с усана* (досл. «мед течет у него из уст /с языка, губ») ‘(обычно с ирон. оттенком) о том, кто говорит красиво, кто сладкоречив, кто много красиво обещает’; исп. *hacerse alguien de miel* (досл. «кто-л. превратился в мед») и др. (БАС XXIV: 479–480; РМС III: 325; DRAE: *miel, meloso*).

3.2.2. В русском и сербском материале корень *слад-* используется в сложных словах, обозначающих пристрастие к чувственному удовольствию: рус. *сладострастие, сластолюбие, сладострастный* – серб. *сладострашће, сладострастан* и др. По мнению Анны А. Зализняк и А. Д. Шмелева, «целый комплекс вошедших в русский язык церковнославянизмов, указывающих на удовольствие или морально ожидаемую погоню за ними, включает в себя корень *слад-* <...>. Это соответствует общезыковой оценке излишнего пристрастия к сладкому как одной из форм разврата (при том, что склонность к острой или соленой пище оценивается просто как индивидуальное вкусовое пристрастие)» (Зализняк, Шмелев 2003: 348–349). Испанское *dulce* не имеет негативно маркированных переносных значений; связь сладкого и склонности предаваться чрезмерному удовольствию в его словообразовательном гнезде не выявлена.

4. ‘Горький’ и ‘кислый’.

4.1. Горький и кислый вкусы противопоставлены сладкому. Горький вкус, вызывающий неприятные ощущения, используется для обозначения чего-л. трудного, неприятного. Горький

вкус имеет не только горькая еда, но и желчь, полынь и другие объекты, формирующие образы с негативной символикой. Это отражено в переносных значениях слов (рус. *горький*, серб. *горак*, исп. *amargo*), а также во фразеологии: серб. *jesti gorak хлеб* (досл. «есть горький хлеб») ‘трудно жить, с трудом зарабатывать на жизнь’ (РМС II: 601); рус. *(ис)пить горькую чашу до дна* ‘в полной мере испытать трудности, лишения’ – серб. *испити / попити горку чашу* (РМС II: 498). Данные обороты отражают библейскую символику: чаша как сосуд, наполненный гневом Бога; горькая чаша как христианский символ страданий; *испить (чащу)* как выражение идеи единения, сопричастия (БФС: 280).

Действие «сделать блюдо горьким или приготовить горькое блюдо кому-л.» выражает значение ‘навредить кому-л., вызвать неприятность’: серб. *загорчати* – исп. *amargar*; ср. серб. *загорчати радост* – рус. *отравить хорошее настроение*; серб. *умесити коме горку погачу* (досл. «замесить для кого-л. горький хлеб»); исп. *amargarle el caldo (a alguien)* (досл. «сделать горьким суп для кого-л.») (DRAE: *caldo*); ср. рус. *насолить*. Данные выражения вписываются в общий контекст приготовления пищи кому-л. с каким-либо добавлением как способа воздействия, прежде всего с желанием навредить кому-л. (Мршевић-Радовић 1987: 108; Пејовић 2015: 98–99).

4.2. Кислый вкус в русском и сербском материале связан прежде всего с унылым настроением: рус. *кислый* ‘испытывающий / выражающий уныние, скуку <...>, недовольный чем-л.’: *кислое выражение лица*; серб. *кисео* ‘выражающий недовольство, плохое настроение, мрачный, хмурый’ (БАС VIII: 78; РМС II: 712). Подобное настроение передают глаголы: рус. *киснуть* и серб. *киселити се*; а также обороты: рус. *сделать кислую мину* – серб. *направити кисело лице* со значением недовольства (Млт: 131; Оташ: 417, 468).

Испанские прилагательные *agrio* и *ácido* ‘кислый’ описывают не унылое настроение, а используются в значении ‘резкий’, ‘едкий’ (в переносном смысле): напр., *genio agrio* ‘желчный характер’, *respuesta agria* ‘резкий ответ’ (DRAE: *agrio, ácido*). Вместе с тем имеется оборот исп. *mascar las agrias* (досл. «жевать цитрусовые») со значением ‘прикрывать недовольство или плохое настроение’ (DRAE: *agrio*).

5. ‘Соленый’.

Соль является основной приправой, без которой пища остается пресной, безвкусной, а также средством сохранения пищи, очищения, тем самым издавна соль представляет большую ценность для человека. В Библии соль олицетворяет чистоту: в Старом Завете связь между Богом и еврейским народом называется «соленым союзом», а в Новом Завете Иисус призывает своих учеников быть «солью земли», т.е. нести истину Христа, духовную пищу. Для древних

римлян соль символизировала интеллект, остроумие, изобретательность, даже сарказм, а также дружбу и гостеприимство (Ševalije, Gerbran 2009: 856–857). В славянской народной культуре соль является символом достатка, магическим средством, ассоциируется с умом, дружбой и др. (Славянские древности V: 113).

Данная символика соли широко отражена в исследуемом материале: рус. *соль земли* ‘самое главное, самое ценное, самое важное (о людях)’ – исп. *la sal de la tierra* (Млт: 446; Zholobova: 2015); серб. *со соли* (досл. «соль соли») ‘суть чего-л., самое важное’ (PCJ: 1251). В контексте остроумия или других способностей человека используются слова и обороты: рус. *соль* ‘то, что составляет остроту слов, речи; остроумие’ (БАС17 XIV: 239); рус. *аттическая соль* ‘книжн. тонкое, изящное остроумие; изящная шутка’ (Млт: 445); исп. *sal* ‘остроумная манера говорить; хорошие манеры’; исп. *salado* ‘остроумный или шутливый’ (DRAE: *sal, salado*); серб. *имати соли у глави /у тикви* (досл. «иметь соль в голове /в тыкве») ‘быть сообразительным, разумным’ (Оташ: 858); исп. *estar alguien hecho de sal* (досл. «быть сделанным из соли») ‘быть остроумным, веселым, в настроении’ (DRAE: *sal*).

Наряду с собственно остроумием, образы соли выражают значение пикантности или грубой непристойности: исп. *sal gorda / gruesa* (досл. «крупная соль») ‘грубая или примитивная, непристойная острота’; исп. *sal у pimienta* (досл. «соль и перец») ‘пикантная, непристойная или злая шутка’ (DFDEA: 904). Словари фиксируют значение ‘непристойный’ у слов рус. *соленый* и серб. *слан*, при этом в живой речи для этого чаще используется характеристика ‘жирный’ и под.: например, рус. *сальный анекдот*; серб. *масна шала* (досл. «жирная шутка») и т.д. (РМС III: 309).

Традиции гостеприимства, дружбы связаны с обычаем угощения гостя хлебом с солью, описанным античными авторами (Lejavitzer Lapoujade 2008). Эти образы отражены и во фразеологии исследуемых языков: рус. *водить хлеб-соль /хлеб и соль с кем-л.* ‘находиться в дружеских отношениях’; серб. *дочекати (некога) с хлебом и сољу* ‘встретить гостеприимно кого-л.’; *јести с неким хлеб и со* ‘жить в согласии и дружбе’; рус. *забывать хлеб-соль чью, какую* ‘проявлять неблагодарность по отношению к тому, кто оказал гостеприимство и расположение’; рус. *несолоно хлебавши* ‘обманувшись в своих ожиданиях’; исп. *negarle (a alguien) el pan у la sal* (досл. «отказаться дать кому-л. хлеб с солью») ‘отвергнуть кого-л., отрицать чьи-л. заслуги’ (Млт: 507; 74, 160; DFDEA: 730).

Соль и соленый вкус во всех трех языках также часто используются в образах воздействия: рус. *насолить кому-л.* – исп. *salar* ‘навредить’ на Кубе, в Колумбии, Мексике (БАС XI: 350; DRAE: *salar*); см. о связи приготовления пищи и влияния на кого-л. в п. 4.1; серб. *солити коме мозак / памет* (досл. «солить кому-н. мозги / ум») ‘ирон. поучать кого-л,

навязывать свое мнение»; ср. исп. *poner sal a alguien en la mollera* (досл. «добавить соли кому-л. в голову / мозги») ‘вразумить кого-л., наказав’ (DRAE: *sal*).

6. Анализ образной лексики и фразеологии русского, сербского и испанского языков подтверждает важное значение вкуса как способа познания и оценки мира человеком, что восходит к глубокой древности. «Ощутить вкус», «попробовать» означает испытать различные ощущения, получить знания, «вкусить от древа познания добра и зла», т.е. научиться отделять одно от другого. На базе вкусовых характеристик сформирован целый ряд других оценок.

Вкус переосмысливается в контексте эстетики (хороший / плохой вкус), а также желаний и склонностей человека. Вкусная еда, прежде всего сладкая, прочно связана с идеей удовольствия, что широко отражено в лексике и фразеологии исследуемых языков. Значение вкуса как удовольствия в испанском материале оформлено в качестве узуального переносного значения лексемы *gusto* и в целом ряде этикетных формул.

Обозначения вкусной еды, сладостей, а также других лакомств служат эталонами красоты, привлекательности (чаще всего ребенка или женщины, реже мужчины) или чего-либо приятного, желанного, ценного (объекта, жизни в целом). При этом в испанском материале содержатся некоторые эталоны привлекательности, не характерные для родственных русского и сербского языков (корица, сыр, хамон).

Прилагательные, обозначающие сладкий вкус, широко используются для характеристики объектов, которые нравятся; при этом отличительной особенностью сербского языка является активное употребление данных оценок по отношению к предметам, а также детям или молодым людям. Образы сладких продуктов (в первую очередь меда) отражают чувственную символику, передают значения удовольствия, счастья, а также ценности кого-л. или чего-либо.

Негативное переосмысление сладкого вкуса связано с идеей лъстивости, неискренности. Как правило, речь идет о чрезмерно сладком, т.е. приторном вкусе. Данная идея оформлена и в переносном значении рус. *сладкий* и серб. *сладак*, в отличие от исп. *dulce*, имеющем только положительные коннотации. Ряд славянских лексем, включающих корень *слад-*, выражает идею осуждаемого стремления к чрезмерному удовольствию; в испанских аналогах данная связь не выявлена.

Горький и кислый вкусы, воспринимаемые как неприятные, используются преимущественно в сходных образах негативных ситуаций. Кислый вкус в русском и сербском языках больше, чем в испанском, выражает идею уныния, недовольства, тогда как в испанском

материале происходит сближение значений ‘кислый’ и ‘острый, едкий’, на базе чего сформированы характеристики язвительности человека, его характера, речи.

Соль как основная приправа и древнейший символ присутствует в целом ряде образов, восходящих ко многим верованиям, обычаям, ритуалам и т.д. При помощи данных оборотов передаются различные значения, а наиболее часто – значения ценности, сути чего-л., остроумия, гостеприимства и др. Описания невкусной и несоленой еды служат метафорами неинтересного, невыразительного и под.

Русский и сербский как родственные языки обнаруживают бóльшую степень подобия в исследуемом материале по сравнению с испанским языком, однако в нескольких случаях в выявлена бóльшая близость образов в современном русском и испанском материале (особенности переносного употребления лексем со значением ‘вкус’, ‘невкусный’).

Список литературы

- БАС: Большой академический словарь русского языка (2004–2017), 1–24. М.–СПб: Наука.
- БАС17: Словарь современного русского литературного языка (1950–1965), 1–17. М.–Л.: Наука.
- БФС: Большой фразеологический словарь русского языка (2009). Отв. редактор В. Н. Телия. М.: АСТ-ПРЕСС.
- Виноградов В. В. (1999): История слов. М.: РАН.
- Добровольский Д. О. (1997): Национально-культурная специфика во фразеологии (I), Вопросы языкознания, 6, 37–48.
- Зализняк Анна А., Шмелев А. Д. (2003). Компактность vs рассеяние в метафорическом пространстве языка, Логический анализ языка. Космос и хаос. М.: Индрик, 344–349.
- Зыкова И. В. (2014): Роль концептосферы культуры в формировании фразеологизмов как культурно-языковых знаков. Автореферат ... дис. доктора филол. наук. М.: РАН.
- Ковшова М. Л. (2016): Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры. М., ЛЕНАНД.
- Лакофф Дж., Джонсон М. (1987): Метафоры, которыми мы живем, Язык и моделирование социального взаимодействия. М.: Прогресс, 126–170.
- Левинтова Э. И., ред. (1985): Испанско-русский фразеологический словарь. М.: Рус. язык.
- Млт: Молотков А. И., ред. (1986): Фразеологический словарь русского языка. М.: Рус. язык.
- Мокиенко В. М. (1989): Славянская фразеология. М.: Высшая школа.
- Мокиенко В. М. (2003): Словарь сравнений русского языка. СПб: Норинт.

Мршевић-Радовић Д. (1987): Фразеолошке глаголко-именичке синтагме у савременом српскохрватском језику. Београд: Филолошки факултет.

Оташ: Оташевић Ђ. (2012): Фразеолошки речник српског језика. Нови Сад: Прометеј.

Пејовић А. (2015): Контрастивна фразеологија шпанског и српског језика, Крагујевац: ФИЛУМ.

РСМ: Речник савременог српскохрватског књижевног језика (1967–1976). Т. 1–6. Нови Сад – Загреб: Матица српска – Матица хрватска.

РСЈ: Речник српског језика (2007). Нови Сад: Матица српска.

РусФраз: Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И.: Русская фразеология: историко-этимологический словарь. Под ред. В. М. Мокиенко. М.: Астрель: АСТ: Хранитель, 2007.

Славянские древности (2014). Под общей ред. Н. И. Толстого. Т. 5. М.: Междунар. отнош.

Тананушко (2015): Латинско-русский словарь. Минск: Харвест.

References

DRAE: Real Academia Española (2014): Diccionario de la lengua española (23.^a edición). Madrid: Espasa. Электронное издание, доступное на сайте: www.rae.es

DFDEA: Seco M., André O.; Ramos G (2004): Diccionario fraseológico documentado del español actual. Locuciones y modismos españoles. Madrid: Aguilar.

Imami P. (2003): Beogradski frajerski rečnik. Beograd: NNK International.

Lejavitzer Lapoujade A. (2008): El pan y la sal: hacia una poética del gusto en el epigrama de Marcial, Acta Poética 29/1, 203–222.

Ševalije Ž., Gerbran A. (2009): Rečnik simbola. Beograd: Stylos.

Zholobova A. (2015): La fraseología desde la dimensión cultural, XLinguae Journal, 8/1, 11–27.

ПРОЦЕССЫ ТЕРМИНОЛОГИЗАЦИИ И ДЕТЕРМИНОЛОГИЗАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ

Григорянова Татьяна
Экономический университет в Братиславе, Словакия
tatjana.grigorjanova@euba.sk

PROCESSES OF TERMINOLOGIZATION AND DETERMINOLOGIZATION OF ECONOMIC VOCABULARY

Grigorjanová Tatjana
Ekonomická univerzita v Bratislave, Slovensko

АННОТАЦИЯ

В статье анализируются процессы терминологизации и детерминологизации экономической лексики современного словацкого и русского языков. Автор статьи отмечает активность данных процессов, приводящих к взаимовлиянию профессионального и обиходно-разговорного языков. Указанные процессы тесно связаны с тенденциями демократизации и интеллектуализации литературного языка.

ABSTRACT

The article deals with an analysis of processes of terminologization and determinologization of economic vocabulary in modern Slovak and Russian languages. The author of the article notes the activity of these processes, leading, to mutual interference between professional and common language, and are closely related to the tendencies towards democratization and intellectualization of the language.

Ключевые слова: языковые процессы, интеллектуализация, демократизация, терминологизация, детерминологизация.

Keywords: language processes, intellectualization, democratization, terminologization, determinologization.

* Печатается в соответствии с грантом VEGA 2/0067/18 *Medzijazyková homonymia v slovanských jazykoch* и KEGA 013UCM-4/2017 *Vymedzovanie špecifik modelu „ruského sveta“ v ruskom jazyku, literatúre a kultúre.*

Введение

Динамические процессы являются частью естественного эволюционного развития системы языка, но в некоторых переломных периодах развития общества они отличаются повышенной интенсивностью. Наиболее заметно это проявляется на лексическом уровне, который наиболее чувствительно реагирует на социально-политические, культурные и

экономические изменения в обществе. Одной из тенденций в развитии современных языков является стремительное увеличение терминологической лексики, употребляемой не только в профессиональной, но преимущественно в непрофессиональной сфере.

В этой связи проявляются две основные тенденции в развитии лексической системы, – тенденция к демократизации и тенденция к интеллектуализации. Тенденция к демократизации затрагивает область разговорного языка и сопровождается проникновением разговорной и сленговой лексики в общеупотребительную лексику. Тенденция к интеллектуализации отличается активным использованием профессиональной лексики, в том числе и узкоспециализированных терминов, неспециалистами. Это свидетельствует об укреплении статуса и возрастающем значении профессионального языка в обществе. Эти тенденции, в свою очередь, тесно связаны с процессами терминологизации непрофессиональной и детерминологизации профессиональной лексики.

В статье уделяется внимание процессам терминологизации и детерминологизации профессиональной экономической лексики на материале современного словацкого и русского языков. В настоящее время экономическая терминология выходит за рамки чисто профессиональной коммуникации и в актуализированной форме активно используется в различных непрофессиональных коммуникативных ситуациях и соответствующих речевых жанрах.

Терминологизация

Термин является исключительно эффективным средством передачи информации. С точки зрения информационного содержания термин выражает в сжатой форме описание или дефиницию определенного понятия. Это компактный носитель информации, способствующий языковой экономии, которая в настоящее время также считается характерным явлением развития языка.

Под терминологизацией понимается языковой процесс, при котором слово из общеупотребительной лексики приобретает статус термина в определенной профессиональной области (Horecký, Buzássyová, Bosák 1989: 260), причем в результате его адаптации в новом контексте меняется семантика слова и формируется новое терминологическое значение (Poštolková 1984: 92).

Например, лексема *карусель* в значении «развлекательный аттракцион в форме вращающейся кольцевой конструкции» относится к общеупотребительной лексике. Однако в последнее время она стала использоваться в более специфическом значении для названия вида налогового мошенничества, при котором несколько взаимосвязанных компаний незаконно

обогащаются на возмещении государством налога на добавленную стоимость (*daňový podvod typu „kolotoč“ // налоговая карусель*). Это относительно новое терминологическое словосочетание из юридической и экономической области, которое находится на ранней стадии терминологизации. В словацких текстах оно часто выделяется кавычками и пока не фиксируется в соответствующих терминологических словарях. Как и многие другие терминологизированные единицы этот новый термин возник в результате процесса метафоризации по аналогии с движением по кругу (движение фиктивных счетов-фактур по кругу фирм). Постепенное усваивание лексемы в профессиональной области подтверждают производные прилагательные *kolotočový // карусельный* в сочетаниях *kolotočový podvod // карусельная схема*.

В процессе терминологизации значение общеупотребительной лексемы подвергается более точной дифференциации, специализации и последующему сужению значения. Например, для названия биржевых маклеров, спекулирующих на повышении или понижении курса акций на фондовом или криптовалютном рынке, используются общеупотребительные лексемы *býk // бык* и *medveď // медведь*, которые таким образом терминологизировались за счет сужения значения, ограничения лексической сочетаемости и большей специализации. Позже появились также терминологические сочетания *býci, medveďí trh // бычий, медвежий рынок* и др. Следует отметить, что в данном случае мы имеем дело с семантической калькой из английского (*bulls, bears*).

Еще одним примером проявлением специализации термина является присоединение к нему иного компонента или компонентов, например, уточняющих определений, в результате чего возникают составные наименования (Poštolková 1979: 17).

Некоторые терминологические сочетания можно разложить на компоненты (*colná bariéra, daňová imunita // таможенный барьер, налоговый иммунитет*), иные представляют собой единое целое и, как правило, они фразеологизированы (*biele goliere, modrý žetón // белый воротник, голубая фишка*).

Способы терминологизации

Некоторые лингвисты (например, Poštolková 1980: 54-55) выделяют семантическую, словообразовательную, синтаксическую и смешанную синтактико-семантическую терминологизацию. К семантическому типу терминологизации можно отнести процессы, связанные с сужением или расширением лексического значения общеупотребительной лексемы, куда входит в первую очередь метафоризация, метонимизация, а также заимствование терминов из других терминосистем, что сопровождается изменением значения

(Гринев-Гриневич 2008: 123). Семантический способ терминологизации считается весьма продуктивным. Однако важно, чтобы между объектом терминологической номинации и предметом, название которого было использовано в качестве термина, наблюдалась общая связь (Циткина 1988: 46).

Основное внимание мы уделяем метафоризации как семантическому процессу, основанному на модификации значения лексической единицы путем переноса наименования от одного предмета, явления на другой, основанного на сходстве (Валгина 2003: 88). Как отмечает С. В. Гринев-Гриневич (2008: 126), значение непрофессиональной лексемы, как правило, изначально метафоризируется на основе внешнего сходства, а позже – на основе функционального сходства называемых предметов или явлений. Например, лексемы *požnice*, *pyramída*, *prázdniny*, *kobra*, *коридор*, *буферный*, *корзина* терминологизировались посредством метафоризации в рамках терминологических сочетаний *senové požnice* (*ножницы цен*), *finančná pyramída* (*финансовая пирамида*), *daňové prázdniny* (*налоговые каникулы*), *daňová kobra* (*налоговая кобра*), *валютный коридор*, *буферное государство*, *потребительская корзина* и др.

К терминологизации можно отнести и транстерминологизацию, т. е. перенос терминов из одной терминосистемы в другую, сопровождающийся определенным семантическим сдвигом. В принципе, мы имеем дело с межотраслевой омонимией или полисемией в результате заимствования имеющегося термина терминосистемой другого направления (Masár 1991, s. 150). Например, словацкий термин *amortizácia* используется в нескольких значениях: 1. погашение долга; 2. моральный износ; 3. официальное заявление о недействительности документа. Русская лексема *эвакуация* кроме значения „организованный вывоз жителей, техники и т.п. из опасной зоны“ приобрела в словосочетании *эвакуация машины* новое значение „вид наказания за нарушение правил парковки в форме вывоза на штрафную площадку“. Интересно отметить, что в словацком языке такой аналогии мы не находим.

Детерминологизация

Детерминологизация выступает в качестве противовеса терминологизации. Это языковой процесс превращения термина в общеупотребительное слово. Термин, выступая в нетерминологическом контексте, теряет свою специфику, характерные черты, такие как систематичность, точность, уникальность, номинация. Он становится более образным, семантически неопределенным, менее точным, приобретающим свойства

общеупотребительного слова и входящим в состав общеупотребительной лексики (Poštoľková 1980: 55).

Детерминологизация направлена на повышение степени понимания текста. Детерминологизированная лексика теряет свою смысловую определенность, приобретает более общее значение, изменяет свою семантику, стилистическую характеристику, лексическую сочетаемость и переходит от научного стиля к публицистическому, в частности разговорному (Buzássyová, 1983: 135 – 136).

Исследования в области детерминологизации проводятся в нескольких направлениях. Традиционный подход к этому явлению, основанный на концепции А. А. Реформатского (1967), понимает детерминологизацию как процесс, в котором термин, переходя в сферу обиходного языка, настолько меняет свою семантику, что теряет свои существенные свойства и перестает быть термином. Сторонники окказионального подхода (например, Капанадзе 1965, Фомина 2001 и др.) придерживаются мнения, что лексема выступает в качестве термина только в рамках своей узкоспециализированной области, и все случаи ее проникновения за пределы соответствующей терминологической системы следует отнести к детерминологизации. Другие лингвисты (например, Валгина 2003, Лейчик 2000 и др.) под детерминологизацией понимают трансформацию семантического содержания терминологической единицы в результате метафорического переноса наименования в общеупотребительном языке, что в конечном итоге приводит к созданию нового значения.

Постоянное взаимодействие между общеупотребительной и профессиональной лексикой проявляется также в том, что сфера применения отдельных терминов расширяется. Находясь в нетипичных контекстах, узкоспециализированные термины приобретают новые значения, становятся менее точными и более абстрактными. В результате полной детерминологизации термины теряют свои характерные свойства и становятся частью общеупотребительной лексики. Например, лексемой *эмбарго* в экономической и правовой сфере выражается форма запрета на экспорт и импорт определенных товаров в определенные страны. В настоящее время этот термин стал использоваться в более широком смысле в публицистическом стиле для обозначения запрета на любые действия, о чем свидетельствуют словосочетания: *informačné, letecké, privatizačné embargo, embargo na reklamu, информационное эмбарго*. В таких случаях исходный термин сохраняет свой статус термина в определенной терминосистеме, но одновременно используется в обиходном языке как детерминологизированная единица. Такое параллельное функционирование лексемы в качестве терминологической и нетерминологической единицы Б. Поштоľкова относит к явлению межсистемной омонимии (Poštoľková 1980: 56).

Благодаря процессу детерминологизации значительно обогащается словарный запас литературного языка, что тесно связано с тенденцией к демократизации языка, причем, в то же время, процесс детерминологизации можно рассматривать как проявление интеллектуализации языка.

Детерминологизация экономической лексики в публицистическом стиле

Термин, который не является общеизвестным, требует определенного способа включения в непрофессиональный текст. Поэтому принято выделять несколько этапов детерминологизации термина. На первом этапе термин деспециализируется. Это значит, что узкоспециализированная лексема проникает в непрофессиональный текст, причем продолжает сохранять свое основное терминологическое значение, изменив только сферу своего применения, и начинает выполнять другие функции в нестандартном для нее контексте. Таким образом, она реализует свой скрытый смысловой потенциал и стилистические возможности, которые могут проявиться в новом контексте. Термин может быть использован без объяснения его значения, если предполагается, что частым использованием он может стать достаточно понятным для реципиентов, или может сопровождаться пояснительным комментарием. Высокая степень употребления термина в новом контексте происходит на втором этапе адаптации термина в обиходном языке, что уже является его детерминологизацией. Е. В. Кузнецова выделяет три этапа детерминологизации: 1) использование термина в публицистическом дискурсе; 2) адаптация термина за счет изменения его значения и использования в нетипичном контексте в переносном значении; 3) полная детерминологизация слова, которое теряет свое узкоспециализированное значение приобретая новое производное значение, становится нейтральным (Кузнецова 1989: 176-177).

Процессы детерминологизации отражают растущие требования общества, предъявляемые к общему уровню знаний носителей языка. Этому в значительной степени способствует популяризация научных достижений и знаний, которые становятся доступными для широкой общественности. Роль посредника в предоставлении этой информации играют средства массовой информации.

Публицистический стиль специфичен тем, что специальная проблематика интерпретируется в нем в упрощенной популяризированной форме. Термины (в том числе экономические), которые в нем используются, предназначены не только для специалистов, но и для непрофессионалов. В публицистическом стиле термины могут употребляться как в прямом, так и в переносном, метафорическом значении. Если термин используется в публицистическом тексте в переносном значении, он оказывает сильный экспрессивный

эффект на реципиента. Термин, который в основном неэмоционален, как правило, приобретает за счет метафоризации значительную эмоционально-выразительную и оценочную коннотацию.

Процентное выражение терминологических единиц из разных профессиональных областей, используемых в первую очередь в средствах массовой информации, неодинаково. Некоторые термины проникают в эту сферу более активно, что связано не только с развитием и популяризацией определенной специфической области, но и с актуальной социально-политической ситуацией в обществе.

В этой связи Н. Н. Мелех (2004: 54-56) выделяет информационно-приоритетное и информационно-актуальное поле. Информационно-приоритетное поле определяется как терминологическое поле из такой терминологической области, которая в определенный период играет существенную роль в жизни общества, и поэтому это поле и является главным источником, из которого мигрируют термины в обиходный язык.

Исходя из сплошной выборки практического языкового материала, можно констатировать, что очень активно детерминологизируются термины из области медицины (*finančný kolaps, inflačný šok, daňová imunita, финансовая агония, анемичная экономика*), спорта (*hra na burze, ekonomickí hráči, аутсайдеры торгов, инфляция галопирует*), архитектуры (*finančná pyramída, cenový strop рыночная ниша, валютный коридор*), техники (*úverová brzda, úverová špirála, ножницы цен, экономический рычаг*), военной области (*cenová intervencia, cenová vojna, маневры на рынке, защита валюты*) и других. Проникновение большого количества экономических терминов в общеупотребительную лексику обусловлено глобальными процессами в мировой экономике, которые затрагивают общество в целом, и поэтому эта область является важным источником обогащения общеупотребительной лексики (*import demokracie, politický kapitál, дефицит времени, кредит доверия*).

В информационно-актуальное поле входят важные события, которые непосредственно влияют на все общество и инициируют высокую частотность использования определенных терминов или терминологических сочетаний, которые были усвоены носителями языка за относительно короткое время. Как правило, этот процесс сопровождается каким-то сильным эмоциональным фактором. В разных промежутках времени любое терминологическое поле может стать информационно-приоритетным и под влиянием определенного события оно может актуализироваться (Мелех 2004: 54-56). Например, в 1990-е годы в Словакии таким событием была приватизация государственных предприятий, в которой могли принимать участие все не лишённые правоспособности граждане. Тогда посредством СМИ до сведения широкой общественности были доведены новые терминологические сочетания типа *kupónová*

privatizácia, prvá vlna, druhá vlna, previs akcií, malá privatizácia, veľká privatizácia, investičný kupón, kupónová knižka и т. п. Не так давно Европейский Союз, включая Словакию, пострадал от глобального финансового кризиса, последствия которого очень серьезно проявились сначала в Греции. Ожесточенные дискуссии по поиску решения этой проблемы и возможного финансового участия Словакии в финансовой помощи Греции способствовали появлению новых терминов, таких как *prvý, druhý, dočasný, trvalý euroval, finančný stabilizačný mechanizmus, dlhová kríza, záchranná pôžička* и т. п. В России в 1998 году произошло важное событие, которое отрицательно повлияло на все общество в результате принятия финансовых мер, повлекших за собой общую девальвацию рубля и финансовую несостоятельность государства. Такую ситуацию принято в экономической области называть термином дефолт. В Словакии этот термин знают только специалисты, но обычные пользователи языка испытывают затруднения при толковании его значения. Однако в России значение слова *дефолт* понятно почти всем носителям языка, поскольку указанное выше событие существенно затронуло подавляющую часть населения в виде невыплаченной заработной платы или пенсии, потери жизненных накоплений и резкого снижения уровня жизни.

Заключение

Терминологической лексике отведено важное место в лексической системе языка. Будучи элементами терминосистем, термины существенно отличаются от общеупотребительной лексики. Однако терминологическая и общеупотребительная лексика находятся в тесном контакте, подвергаясь взаимному влиянию, что в свою очередь инициирует процессы терминологизации и детерминологизации. При этом много одних и тех же лексем или словосочетаний используются параллельно в профессиональной и непрофессиональной сферах.

Это взаимовлияние проявляется не только в количественном, но и в качественном плане. С одной стороны, в обиходном языке появляются новые терминологические лексемы без терминологического значения, а с другой стороны, в терминологическую систему проникают элементы обиходного языка, выступающие в качестве наименований новых явлений. Важным источником обогащения словарного запаса литературного языка является и экономическая терминология.

Список литературы

Валгина Н. С. (2003): Активные процессы в современном русском языке. Учебное пособие
Москва: Логос.

- Гринев-Гриневиц С. В. (2008): Терминоведение. Учебное пособие. Москва: Академия.
- Капанадзе Л. А. (1965). Взаимодействие терминологической и общеупотребительной лексики, Развитие лексики современного русского языка. Москва: Наука, 23–36.
- Кузнецова Э. В. (1989). Лексикология русского языка. Учебное пособие. Москва: Высшая школа.
- Лейчик В. М. (2000): Проблемы отечественного терминоведения в конце XX века, Вопросы филологии. Москва: Институт языкознания РАН, № 2, 20–30.
- Мелех Н. Н. (2004): Проникновение терминологических единиц в общеупотребительную лексику: Экспериментально-сопоставительное исследование на материале разностилевых английских и русских текстов: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Пятигорск.
- Реформатский А. А. (1967): Термин как член лексической системы языка. Проблемы структурной лингвистики. Москва: Наука.
- Фомина М. И. (2001): Современный русский язык. Лексикология. Москва: Высшая школа.
- Циткина Ф. А. (1988). Терминология и перевод. К основам сопоставительного терминоведения. Львов: Издательское объединение «Вища школа» (ЛГУ).

References

- Buzássyová K. (1983): Dynamika v odbornej terminológii, Jazykovedný časopis, 34, 132-143.
- Horecký J., Buzássyová K., Bosák J. a kol. (1989): Dynamika slovnej zásoby súčasnej slovenčiny. Veda: Bratislava.
- Masár I. (1991): Príručka slovenskej terminológie. Bratislava: Veda.
- Poštolková B. (1979): K terminologizaci slovní zásoby v češtině, Slovo a slovesnost, Vol. 40, No. 1, 11– 8.
- Poštolková B. (1980). K specifčnosti významu termínů, Slovo a slovesnost, Vol. 41, No. 1, 54-56.
- Poštolková B. (1984): Odborná a běžná slovní zásoba současné češtiny. Praha: Academia.

**ОБЩИЕ И ЧАСТНЫЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ ПОРОЖДЕНИЯ
СПЕЦИФИЧЕСКОГО АНЕКДОТНОГО ТЕКСТА: ЧЕРНЫЙ ЮМОР В
РУССКОЙ И ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ**

*Диасамидзе Виктория Григорьевна
Батумский государственный университет, Грузия
victoria.diasamidze777@mail.ru*

**GENERAL AND PARTICULAR REGULARITIES IN THE PROCESS OF
JOKE TEXT GENERATION: BLACK HUMOUR IN RUSSIAN AND
FRENCH LINGUOCULTURES**

АННОТАЦИЯ

Исследование современного городского фольклора способствует сравнительному изучению поведения коммуникантов различных лингвокультурных социумов. В корпусах исследованных нами анекдотов черного юмора значителен разрыв в русском и французском материалах. Французский чёрный юмор лидирует с перевесом втрое по сравнению с данными русских текстов. Как русские, так и французские тексты носят биофильную направленность, выполняя защитную функцию; в редких случаях они имеют некрофильную ориентацию, демонстрирующую проявление силы и агрессии. Содержание текстов тональности мрачного мироощущения не свойственно анекдотам обоих корпусов текстов. В этом плане русский и французский анекдот этимологически ближе к традиционному пониманию юмора. Количественный перевес текстов французского материала объясним давностью традиции, восходящей к сюрреализму Бретона.

ABSTRACT

The study of modern urban folklore contributes to the comparative study of the communicative behavior of various linguo-cultural societies. There is a significant difference between Russian and French jokes of black humor. French black humor jokes are found three times as much as compared to Russian joke texts. Both Russian and French black humour jokes have a biophilic orientation and exercise the protective function. Nevertheless, on very rare occasion, necrophilic orientation can also be observed and is displayed through manifestation of force and aggression. Overall, gloomy tonality for the world perception is not characteristic for both text bodies. In this respect French and Russian jokes are etimologically close to the traditional understanding of humour.

Ключевые слова: городской фольклор, «черный юмор», корпусы текстов, сюрреализм Бретона, анекдот.

Keywords: modern urban post-folklore, jokes, black humor, comparative analysis.

Целью исследования является сравнительная характеристика закономерностей черного юмора и анализ его особенностей в русском и французском лингвокультурных социумах. Актуальность работы состоит в том, что она способствует заполнению лакун в изучении самого продуктивного явления современного постфольклора и выявляет лингвокультурную дифференциацию и универсалии двух различных социумов на обширном лингвистическом материале. Наличие этого явления в современном городском постфольклоре в той или иной тональности – агрессивной, философской, мрачной и др. в различных социокультурных условиях и у разных этносов свидетельствует о единении человечества перед неизбежной реальностью в жизни.

А.Х. Маслоу, один из психологов, серьезно исследовавших позитивные измерения человеческого, считает, что одной из основных характеристик обычного человека, у которого ничто не отнято, является философское, невраждебное чувство юмора, ибо человек, который не может создавать, хочет разрушать (Маслоу 2008: 25). Этим компенсаторным насилием он мстит жизни за то, что она его обделила и отняла способность позитивно проявлять свои специфические человеческие силы, как считает Эрих Фромм, говоря о различных формах насилия. Именно деструктивность отчаяния, возникшая в результате разочарования в вере и любви к жизни, делает человека циником (Фромм 2010: 248). Отметим тесную связь элементов насилия, присутствующих в чёрном юморе, с некрофильной социальной ориентацией, означающей в широком понимании влечение ко всему неживому. «Для некрофила характерна установка на силу, - отмечает Э. Фромм. – Сила есть способность превратить человека в труп... В конечном счёте, всякая сила покоится на власти убивать..., отнять свободу..., «всего только» унижить... Кто любит жизнь, основной полярностью в человеке является полярность мужчины и женщины, для некрофилов существует совершенно иная полярность... Для них существует только два пола: «могущественные и лишённые власти, убийцы и убитые» (там же: 32).

«Игра с внеэтическим пространством, которая состоит в нарушении этики смеха в эстетических целях, создает особый жанр – черный юмор», подчеркивает Н.Г.Брагина (Брагина 2007: 623). В жанре анекдота этот «поджанр» занимает особое место, а в некоторых социумах - одно из центральных мест по частоте встречаемости в исследуемых текстах.

Необходимо учитывать и мнение этологов, в частности, Лоренца, помогающее пролить свет на связь смеха с агрессией и понять некоторые нюансы черного юмора. Связывая смех с агрессией, ученый утверждает, что смех современного человека происходит из феномена исходной животной агрессивности (Лоренц 1994). Ту же мысль мы находим у Н.Г.Брагиной, полагающей неслучайным фактом то, что группа слов, описывающих агрессивный смех – самая многочисленная (Брагина 2007: 615). Критик и теоретик истории кинокомедии Р.

Юрнев приводит около сорока оттенков смеха в зависимости от характера эмоций, сопутствующих юмору. Любопытно отметить, что из приведенного списка лишь менее половины оттенков смеха носят положительный характер (Юрнев 1980). В то же время юмор по определению, в отличие от смеха, всегда по своей сути доброжелателен и выражает позитивное отношение к предмету осмеяния. В этом плане появление в фольклоре XX века т.н. черного юмора даёт повод к размышлению об уровне душевного комфорта и состоянии психического здоровья человеческой общности. С другой стороны, смех и смерть неразлучны, ибо это понятия вечные и философские и не зря философы полагают, что нет ничего ужаснее, чем мир без смеха. Н.Д.Арутюнова отмечает, что «уже в античности смех, вырываясь на волю, соединял в себе безграничные страсти, идущие в противоположных направлениях – к зарождению и расцвету живой жизни и к её увяданию и смерти» (Арутюнова 2007: 5). Таким образом, черный юмор совмещает в себе две ипостаси бытия, - печальный опыт прошлого и неистребимую надежду в будущее, ибо «наш опыт пессимистичен, но наша вера – оптимистична» (Андреев 1978: 285-286).

На почве печального опыта двух мировых войн в 60-е годы прошлого века зародилось одноимённое литературное течение «поколения aquarius», с проявлениями этического и анархичного протеста. Однако теоретическое оформление феномена следует отнести именно к предвоенному десятилетию. Сам термин «черный юмор» появился в XX веке от французского словосочетания *humour noir*. В 1880-е годы встречается у символиста Гюисманса, однако в широкое употребление введён адептами сюрреализма и в первую очередь, А. Бретоном, составившим в 1939 году «Антологию чёрного юмора» (Бретон 1999).

Что же произрастает на почве русского и французского юмора и насколько велик в нем «розарий» тоски и печали? Сравнение общей массы коротких юмористических текстов, содержащих черный юмор, показывает, что русский и французский черный юмор лежат на периферии других тем и не занимают «зрачок», центральную часть обсуждаемых тем городского постфольклора. В отобранных нами корпусах анекдотов обоих языков, с точки зрения количественного присутствия в них «черного юмора», отметим значительный разрыв в русском и французском текстовых материалах. В русском фактическом материале, взятом из периодических сборников и рубрики «Чёрный юмор» в интернете (Серия сборников «Анекдоты»: 2004-2017), такие анекдоты, которые трудно назвать веселыми историями, составляют всего четыре процента от всего материала объёмом в одну тысячу текстовых единиц, то есть всего около сорока текстов.

Прежде всего, отметим, что в подавляющем большинстве проанализированных случаев чёрный юмор выполняет, скорее, защитную функцию. Традиционное присутствие в народном

духе погребального комизма можно объяснить стремлением преодолеть уныние и подавленность «синдрома выгорания». Этим объясняется специфика чёрного юмора, связанного с посещением обитателей печали: — *Ходит охранник по кладбищу и читает: "Здесь покоится..., здесь спит..." Почесал затылок и говорит: "...! Все отдыхают, один я работаю!"* или другой текст о морге: — *Приходит человек в морг по печальной надобности, спускается — а на столе возле входа три трупа мужчин лежат и все трое во весь рот улыбаются. Посетитель обращается к патологоанатому: мол, у вас здесь — морг или цирк, чего это они все улыбаются? — А,... первый пошел в казино, проигрался в пух и прах, перезанял, на последние купил жетон, бросил в "Однорукого" и джек-пот выпал. он от счастья и... — А со вторым что? — Этот вообще примерный семьянин, тридцать лет уговаривал жену... Наконец уломал. И на вершине блаженства от инфаркта к нам и отправился, дело известное, бывает. — Ну а третий чего улыбается? — Этого молнией шарахнуло... — Ну и?.. — Думал, что его фотографируют.*

Трагикомическая «диалектика» особенно свойственна французскому народному характеру, позволяя говорить об искромётном галльском юморе. Регистр французского черного юмора намного вариативнее и по содержанию, и по степени «литературности» текстов, а также превосходит количеством традиционных рубрик. Заметим, что во Франции почти ежегодно выходят Энциклопедии и Большие Словари анекдотов и специализированные Словари Черного юмора, содержащие истории на злобу дня (Le Grand Dictionnaire des blagues: 2012 ; L'Encyclopédie des blagues : 2012).

Как показал фактический материал, французский чёрный юмор лидирует с перевесом более, чем втрое и составляет 13 % от равного и общего количества исследованных текстов. То есть, если в русском современном городском фольклоре каждый 40-й анекдот можно отнести к разряду т.н. черных, то во французских фольклорных коротких текстах мрачная тематика затрагивается в 130 текстах на тысячу, то есть почти в каждом тринадцатом. Отметим, что во французском Большом Словаре Анекдотов печальный опыт жизненного пути, страх смерти, тревоги, всевозможные фрустрации, составляют отдельную статью среди прочих сорока рубрик.

Максимум образцов французского черного юмора приходится на «серый» юмор, не содержащий прямой агрессии (1), касающийся в основном несчастных случаев разного рода, сходных с русским материалом, затем следует также мизогинная и матримониальная тематика(2). Приведем лишь некоторые из них (1) — *Как можно назвать женщину, знающую, где бывает её муж каждый вечер ? — Только вдовой! ; — Жокей погиб в ДТП и его жена пришла в морг на опознание. Санитар приподнимает одну, вторую, третью простынь и снова*

и опять не он. Наконец, подняв четвёртую, жена узнаёт: — Да, это мой бедный жокей-неудачник и, как всегда, не в первой тройке! (— Comment appelle-t-on une femme qui sait ce que fait son mari tous les soirs? — Réponse: une veuve. — Un jockey a eu un accident de voiture mortel et sa femme vient l'identifier à la morgue. Le légiste soulève le premier drap, la femme dit: — Non, ce n'est pas lui! Il soulève le deuxième drap: — Non, ce n'est pas lui!! Le médecin soulève le troisième drap: — Non, c'est encore pas lui!!! Enfin, il soulève le quatrième drap: — Oui, c'est lui! Mon pauvre petit jockey de mari, jamais dans les trois premiers! Как русский, так и французский чёрный мизогинный юмор в основном направлен на «belle mere», т.е. тещу, что косвенно указывает на принадлежность текстов современного городского фольклора трикстерам андроцентричного общества (2) : — Смотри, смотри — на твою тещу лев напал! — Сам напал! — Пусть сам и выкручивается! ; — Весна. Беседуют на лавке двое. — Смотри, как красиво. Все появляется из земли, оживает. — Не говори глупости. На той неделе я схоронил тещу... (C'est le printemps. Deux gars sur un banc discutent: — Regarde, c'est superbe. Tout sort de la terre, tout revit. — Ne dis pas de bêtises, j'ai enterré ma belle-mère cette semaine...).

О русском «чёрном юморе» правильнее было бы говорить как о способе видения жизни, в том числе её трагических начал. «Лучшие» темы по количеству содержащегося трагизма – война, тюрьма, болезнь или смерть. Именно трагизмом, по мнению Ю.Карабчиевского, измеряется глубина анекдота; автор отмечает, что самый глубокий юмор свойствен народам самой трудной судьбы (Карабчиевский 1985: 84). Приведём ещё один пример из русского юмора на выстраданную тему: — Япония обратилась к России с желанием пересмотреть результаты Второй Мировой Войны. Россия:— А давайте мы вам перепокажем! В то же время русский чёрный юмор зачастую напоминает карнавал перевёрнутых ценностей, где участники дискурса затрагивают темы пограничных миров и состояний. Приведём в качестве примеров следующие тексты, содержащие скрытую или явную угрозу: (1) — Вот, приятель книжку дал почитать о России при Иване Грозном - о жестоких пытках и казнях того времени. — Он, наверное, историей увлекается? — Да нет, я ему 2 штуки баксов должен; (2) — Звонок в аварийную горгаза: — Сынки, что такое? Плиту с утра включила, а газ не горит! — Бабуля, а вы спичку зажигали? — Ой забыла, сейчас зажгу... .

«Чернота» французского юмора носит мягкий, ретушированный характер: ни в одном из текстов не обыгрывается происходящее как бы в настоящем, прямое убийство или насилие. Печальный исход рассматривается либо гипотетически, либо комментируется post factum, как имевший место в прошлом. Лишь в исключительных случаях смерть происходит в результате насилия или агрессии, но при этом во встреченных трёх эпизодах, вопреки ожиданию, один из «агрессоров» - мифический персонаж, другой- новобрачная, третий – жестокий родитель...

Источниками потенциальной угрозы в русском чёрном юморе, как правило, являются просто те, кто рядом : приятель, соседи, бабуля, члены семьи и обладатели самых различных профессий: врач, землекопы, крестьяне, нерадивый монах: — *Дело происходит в одном из регионов, где монастыри находятся в горах, на которые возможно забраться лишь в люльке, поднимаемой снизу двумя монахами с помощью веревки. Один турист всё же отважился посетить эти памятники культуры. Когда люлька дошла до середины, турист увидел, что верёвка уже порядком поистрепалась. Он спрашивает у сопровождающего монаха: — Скажите, как часто вы меняете верёвку? — Как только порвётся – так и меняем... Изредка, всего в трёх случаях, действующими лицами являются те, чья деятельность связана с оружием - солдат, десантник, охотник: — Охотник другу: — Иди посмотри, что за зверя я уложил! Тот, возвратившись: — Что за зверь, не знаю, но по паспорту фамилия его Сидоров... Лишь три места действия текстов имеют прямое отношение к теме смерти: плаха, кладбище и морг, а единственный непосредственный киллер-палач всего лишь исполняет служебный долг или весьма своеобразно празднует свой «ДР»: — На день рождения киллера приходит братва, дарят длинную коробку с большим бантом. Радостный киллер срывает обёрточную бумагу — а там серебряный футляр — Вау! Ну, класс! —А ты открой! Открывает — супермодная винтовка, лазерный, оптический прицелы, титановые патроны, разные навороты. — Ну, друзья! знали чем старика порадовать! — Да ладно, ты достань винтовку. Поднимает ствол — а под ним заказ на миллион, фото, информация, всё как положено. — Да-а-а! Не знаю, как вас благодарить! — И это ещё не всё! Спускаются в подвал, включают свет, там на стуле сидит связанный подарок с заклеенным скотчем ртом. У именинника уже глаза горят, он за новую винтовку... — Подожди, ты скотч отклей! Тот снимает скотч и заказанный жалобным голосом: —Happy Birthday tou you, Happy Birthday tou you,...*

Что касается топонимики событий или их упоминаний, то действие происходит в доме, в школе, в больнице, а также на шоссе, поле и даже в библиотеке, Службе Доверия - везде, где могут подстергать случай или судьба: — *Разговаривают бабушки на скамейке у подъезда: — Слыхали, вчерась школьник за городом мину нашёл? — Да, слышно было хорошо. — Телефонный разговор: ... — Да режься!!! — ... — Да колись, да хоть глотай колёса!!! ... — Да топись ты, вешайся. Мне всё равно!!! (Со злостью бросает трубку) Проходит несколько минут. Звонок. Подымает трубку и добрым голосом произносит: — Служба Доверия. Слушаю Вас ...*

В количественном отношении тематическое распределение русских юмористических текстов идёт по убывающей следующим образом. В большинстве случаев (24%) речь в них идёт о несчастных случаях или об их угрозе: падение по неосторожности, ДТП, пожар, газ,

э/ток, атомная станция, отравления и т.п. Далее следует тематика, связанная с происшествиями на авиатранспорте и подготовкой парашютистов (11%) (*— А если у меня парашют не раскроется? — Укладчик парашютов не получит премию; — По салону самолёта проходит пилот с парашютом. Пассажирка интересуется: "Что случилось???" Пилот отвечает: "Да так, ерунда, неприятности на работе."*). Далее следуют в равном соотношении мизогинная и связанная с суицидом тематика (6%) (*— Муж: "Ты какая-то стала злая, раздражительная. Мне кажется, тебе пора куда-нибудь съездить!" — Жена: "Да, пора. Как ты думаешь, куда мне съездить?" Муж: "Я думаю, ... в челюсть!" ; — Телефон доверия. Измученный консультант-психотерапевт уже 4-й час общается с женщиной, у которого жуткая депрессия: — А про самоубийство вы не думали? — Нет... — А вы подумайте, подумайте! и т.п.*).

Любопытно отметить тот факт, что в роли информанта о возможной или предстоящей опасности, о произошедшем несчастном случае, во французском и русском чёрном юморе выступают, за редким исключением, мужчины. Потенциальные жертвы, пострадавшие либо от несчастного случая, либо тяжёлой болезни – тоже в основном мужчины (игрок, пациент, спортсмен, школьник, пираты, друзья, сыновья). Таким образом, французы оставляют воображаемые неприятности на долю мужчин. Впрочем, исключение делается лишь для *belle mère/тёщи*, что даёт основание полагать, что сфера циркуляции подобных текстов – исключительно мужская компания, в которой нередко ненормативная лексика. Отметим её разнообразие и «цветистость» на фоне достаточно скудного французского репертуара. Если пуанта во французских текстах переносится в финал всей истории и в ней вся соль, то в русских текстах ненормативной лексикой акцентуировано примерно 16% встреченных текстов составляет она «соль» анекдота.

Философская и защитная направленность чёрного юмора свойственна французскому мировосприятию, носящему, скорее, биофильную, социальную ориентацию, по Э.Фромму, определившую её, как «любовь ко всему живому по своей сути» (Фромм 2010: 25). Приведём в качестве иллюстрации следующий пример французского текста: — *Напротив кладбища соорудили бар. Его владелец вывесил плакат, гласящий: «Что не говори, здесь лучше, чем напротив!», на что смотритель смиренного кладбища незамедлительно отреагировал другим: «Что не говори, но к нам возвращаются все, кто был напротив!» (Un bar a été construit devant un cimetière. Le propriétaire a installé une enseigne qui dit: "Quoi qu'on dise, quoi qu'on fasse, on est mieux ici qu'en face!" Lorsque celui qui entretient le cimetière a vu l'enseigne, il en a également fait poser une devant celui-ci: "Quoi qu'on dise, quoi qu'on fasse, tous ceux qui sont ici viennent d'en face!").*

Таким образом, в обоих сравниваемых корпусах текстов речь о смерти чаще всего идёт в плане гипотетического будущего или прошедшего времени. В подавляющем большинстве русского чёрного юмора речь идёт об убийствах, покушениях, канибализме, отравлении, готовящемся ограблении или даже о ядерном испытании. Места действия говорят сами за себя: тюрьма, госпиталь, минное поле, магазин оружия (1), печально известный Чернобыль (2) : (1) —В магазине оружия: *Заходит покупатель в магазин, товары разглядывает, удивляется, продавцу замечает: — Какая-то странная у вас комбинация товаров: только саксофоны и револьверы... Как они друг с другом увязываются-то? Продавец поучающе: — Совсем не странная, увязывается всё прекрасно: как только кто-нибудь покупает саксофон, вскоре приходит сосед и покупает револьвер!* (2): — *Представляешь в Москве: коррупция побеждена окончательно, налоги никто не платит, хулиганов нет и можно спокойно гулять по улицам, всюду зелень, тишина и спокойствие, все живут свободными... — Зачем представлять, есть такой город... Чернобыль называется... Ещё один пример на ту же тему: —Идет экскурсия по атомной электростанции. За стеклом два сотрудника, упакованные в специальные противорадиационные костюмы, очень аккуратно несут маленький тубик. Мужчина спрашивает у экскурсовода: — Извините, а что будет, если они уронят этот тубик? — Да в принципе ничего не будет... В радиусе 115 километров.*

В подобных редких для сопоставляемых корпусов текстах присутствует элемент бравады со смертью. Она происходит «здесь и сейчас», присутствуя в сюжете короткой юмористической истории: — *Звонок в дверь. Хозяин открывает, перед ним два парня, один с камерой, другой с микрофоном. — Вы курите? — Курю. Один из пришельцев достаёт ствол и стреляет в хозяина. Поворачивается в камеру: — Вы ещё курите? Тогда мы идём к Вам!* Или пример одного французского текста: — *Папа, почему бабушка такая странная? — Молчи и копай, сынок! (—Papa, pourquoi Mémé a l'air si bizarre? — Tais-toi et creuse, fiston!).* Следует заметить, что обоим корпусам юмористических текстов не характерны нарушения этических норм и запретов, связанных с детьми, к примеру: — *Детский сад на прогулке в лесу. Воспитательница: — Дети, если кушаем ягодки, то срываем по две... Одну ешьте, а вторую — для судмедэкспертизы...; — Мальчик, ты опрокинул снежком наши стаканы. — Дяденьки, я больше не буду! — Да, мальчик, больше ты уже не будешь...*

Таким образом, русский и французский чёрный юмор носят биофильную направленность, выполняя защитную функцию и не имея ярко выраженной некрофильной ориентации с целью демонстрации силы и агрессии. В них не нарушаются общечеловеческие табу и не наблюдается бравада игрой со смертью. Содержание чёрного юмора с тональностью мрачного мироощущения не свойственно анекдотам изученных корпусов текстов и носит

весьма гипотетический условный характер, что объясняет участие фантастических персонажей в некоторых текстах обоих языков : (1) — *Сидят два кирпичика на крыше: старый и молодой. Молодой с грустью смотрит вниз. К нему подползает старый кирпич. — Чего такой грустный? — Да, Иваныч опять каску надел. Эх, вы, молодежь, ничего вы не умеете, всему вас учить надо. Смотри, как надо: "Иваныч!!!" — А???... (2)—31 декабря. Некто ставит табуретку и накидывает верёвку на люстру. Вдруг распахивается дверь и вваливается пьяный Дед Мороз. Плюхается на диван, смотрит на несчастного и спрашивает: — Чего это ты там делаешь? — Да жизнь — кошмар, не могу я больше, надоело!!! Решил вот... Дед Мороз говорит: — М-да... Ну, раз ты все равно на табуреточке, расскажи, что ли, стишок...*

Суммируя вышесказанное, заметим, что русский и французский анекдот этимологически ближе к традиционному пониманию юмора, социальная функция которого состоит в использовании его как антистрессовой защиты, когда смешное смягчает грусть. Для русской юмористической традиции чёрный юмор свойствен в меньшей степени. Ярко выраженная философская позиция отношения к переходу в мир иной, как к неизбежной данности, зачастую окрашивает тональность этого юмора лукавой грустинкой. Приведём один из примеров: *На улице дождь, ветер. Мужик (М) сидит дома. Вдруг раздаётся стук в дверь. М. подходит, открывает дверь: «Ах!» На пороге Смерть, но в то же время – что-то непонятное: на черепе какие-то бантики, саван в рюшечках-кружавчиках, коса с фенечками. М. спрашивает: - Ты кто?! – Не видишь, что ли, я – Смерть! – Какая-то ты нелепая...».*

Чёрный юмор в критике власти, правительства почти не встречается в корпусе французских и русских анекдотов (исключая жёлтую прессу) и критические высказывания о власти составляют в них редкое исключение; пример из русского корпуса текстов: – Какой конец верёвки нужно бросить тонущему депутату? – (С презрением) – Оба.

Итак, в корпусах исследованных нами анекдотов, с точки зрения количественного присутствия в них «чёрного юмора», значителен разрыв в русском и французском материалах: французский чёрный юмор лидирует с перевесом почти втрое по сравнению с данными русских текстов. Французским текстам анекдотов в большей мере свойственно соблюдение речевого этикета вне зависимости от ситуации, поскольку французская лингвокультура характеризуется высокой требовательностью к соблюдению тактичности. В текстах же русского чёрного юмора одну пятую часть составляют короткие юмористические истории с использованием грубой и ненормативной лексики.

Как русский, так и французский чёрный юмор носят, скорее, биофильную направленность, выполняя защитную функцию, лишь в редких случаях отмечена выраженная некрофильная

ориентация, демонстрирующая силу и агрессию. Содержание черного юмора с тональностью мрачного мироощущения не свойственно анекдотам обоих корпусов текстов. В этом плане русский и французский анекдот этимологически ближе к традиционному пониманию юмора, для них не характерен чёрный юмор на грани сарказма, иронии и насмешки. Количественный перевес изучаемых текстов на французском материале объясним давностью литературной и устной традиции, восходящей к сюрреализму Бретона.

Список литературы.

- Андреев Л.Г. История зарубежной литературы. М.: Высшая школа, 1978.
- Арутюнова Н.Д. Эстетический и антиэстетический аспекты комизма//Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма/Отв. ред. Н.Д.Арутюнова. М.: Индрик, 2007. С. 5-17.
- Брагина 2007 Брагина Н.Г. Комическое и безобразное. Области концептуального рассогласования//Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма. М.: Индрик, 2007. С. 614 – 626.
- Бретон А. Антология чёрного юмора. М.: Карт бланш, 1999.
- Карабчиевский Ю. Воскресение Маяковского. Мюнхен: Страна и мир, 1990.
- Лоренц К. Агрессия (так называемое «зло»). М.: Прогресс, 1994.
- Маслоу А.Х. Мотивация и личность. СПб.: Питер, 2008.
- Серия сборников «Анекдоты». Минск: Современный литератор, 2004-2017.
- Фромм Э. Человек для самого себя. М.: АСТ: АСТ Москва, 2010.
- Юренив Р. О комедии. М.: Искусство. 1980
- URL: <http://www.anekdotov.net/anekdote/black/> (retrieved: 20.05.18) ;
<http://www.anekdotovstreet.com/chernyy-yumor/> (retrieved: 20.05.18).

References

- Le Grand Dictionnaire des blagues – 2012. Paris: Editions, ESI, 2011.
- L'Encyclopédie des blagues – 2012. Paris: Editions, ESI, 2011.

**НЕ ПО ХОРОШУ МИЛ, А ПО МИЛУ ХОРОШ: К ВОПРОСУ О
ЗНАЧЕНИИ КРАТКИХ И ПОЛНЫХ ФОРМ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В
СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

Игорь Дреер

Университет имени Бен-Гуриона в Негеве, Израиль

dreer@post.bgu.ac.il

**BEAUTY LIES IN LOVER'S EYES: ON THE MEANINGS OF SHORT AND
LONG FORMS OF ADJECTIVES IN MODERN RUSSIAN.**

Igor Dreer

Ben-Gurion University of the Negev, Israel

АННОТАЦИЯ

В современном русском языке краткая форма прилагательных (далее КФ) – это маркированный член морфологической категории прилагательных, которые употребляются в предложении в роли сказуемого и традиционно либо выражают временные, случайные признаки предмета или лица (далее носителя свойства), либо имеют обобщенное значение наличия признака. С другой стороны, полная форма прилагательных (далее ПФ) употребляется в предложении в роли определения и обозначает преимущественно классифицирующий, т.е. постоянный признак. Цель данного анализа, выполненного в рамках теории языкового знака, – сформулировать общие (инвариантные) значения КФ и ПФ и продемонстрировать на примерах связь между предложенными инвариантами и употреблениями обеих форм в различных языковых контекстах и ситуациях.

ABSTRACT

In Modern Russian, the short forms of adjectives are a marked member of the morphological category of adjectives that are used as a predicate in sentences. They either traditionally designate temporary, occasional features of an object or a person, or give the generalized indication of the existence of a feature. On the other hand, the long forms of adjectives are used primarily as an attribute in sentences to designate a classifying, i.e. constant feature. The purpose of this analysis, carried out in the framework of the theory of the linguistic sign, is to formulate general (invariant) meanings of the short and long forms of adjectives in Modern Russian as well as to illustrate the relationship between the suggested invariant meanings and the use of both forms in different linguistic contexts and situations.

Ключевые слова: полные и краткие имена прилагательные, инвариант

Keywords: long and short adjectives, invariant

Введение

Говоря о значениях КФ и ПФ в современном русском языке, все больше оспаривается мнение, согласно которому ПФ обозначает постоянный, классифицирующий признак, а КФ – временный признак, проявление которого локализовано обозначенной ситуацией (см. Виноградов 2001: 220; Шахматов 1963: 291; РГ 1980, I: 557). Известно, что, с одной стороны, КФ может обозначать постоянный (вневременной) признак (*Жизнь прекрасна*) наряду со значением временного, непостоянного признака (*После дождя эти сады особенно прекрасны*) (Камынина 1999: 93). С другой стороны, ПФ может выражать как постоянный признак, всегда присущий носителю свойства (*Жизнь здесь прекрасная*), так и непостоянный, временный признак (*Погода была прекрасная*).

Современные исследования осуществляются, в основном, в двух направлениях. Первое включает описание правил, предписывающих или запрещающих употребление КФ и ПФ, главным образом, в предикативной позиции (Всеволодова 1971, 1972; Никольс 1985; Руде 2005; Guiraud-Weber 1993; Gustavsson 1976; Nichols 1981), хотя сфера их функционирования не ограничивается предикативным употреблением. КФ широко используется как препозитивное и постпозитивное определение – и не только в поэтическом языке (*Колелеблется воздух, Прозрачен и чист* (Заболоцкий) (РГ 1980, II: 186), см. также (Roudet 1998: 299). Второе направление пытается выделить общее значение КФ и ПФ на основе анализа ряда периферийных значений и типов употребления обеих форм (Воейкова, Пупынин 1996; Groen 1998; Sakhno 2001; van Schooneveld 1983).

Согласно точке зрения М. Всеволодовой, М. Гиро-Вебер, С. Густавссона и Дж. Никольс, выбор КФ или ПФ в именной части сказуемого определяется совокупностью различных факторов: лексических, морфологических, синтаксических, стилистических, прагматических. В отличие от М. Всеволодовой, С. Густавссона и Дж. Никольс, которые ограничиваются описанием обуславливающих факторов или моделей (контекстов), М. Гиро-Вебер предлагает их свести к двум различным моделям в зависимости от типа и формы связки. Такой (бисинхронный) метод предусматривает, что каждая из моделей А и В включает некоторое множество правил, как пересекающихся, так и отличающихся друг от друга. Модель А не предполагает употребления КФ, но и не исключает ее совсем из речи говорящих, тогда как примеры с КФ хорошо представлены в менее употребительной модели В, в которой встречаются также и ПФ.

Р. Руде объясняет выбор предикативных КФ или ПФ структурой предложений.

«...для предикативного прилагательного краткая форма употребляется тогда, когда предложение, в которое оно входит, представляет собой чисто квалифицирующую модель (А); полная же форма будет употребляться, когда мы имеем дело с предложением бытийно-квалифицирующего типа (БА) или таксономически-квалифицирующего типа (ВА)». (Руде 2005: 81)

Там же Руде оговаривается, что такая аргументация может столкнуться с проблемой, когда «трудно решить, с каким типом предложений, таксономическим или бытийным, мы имеем дело» с учетом всего многообразия возможных выражений синтаксических отношений.

В своей работе С. Сахно подчеркивает необходимость принимать во внимание механизм предикативных отношений, которые играют существенную роль в употреблении КФ и ПФ (Sakhno 2001: 78). Семантическое различие между ПФ и КФ, по мнению Сахно, может быть представлено в виде оппозиции «с(о)вершившейся» предикации (*prédication «effectuée»*), соответствующей КФ, и «упомянутой» предикации (*prédication «mentionnée»*), соответствующей ПФ (там же: 84). В первом случае предикативные отношения утверждаются в момент высказывания. Отсюда вытекает их новизна и категоричность. Во втором случае предикативные отношения между субъектом и его свойством представлены как предполагаемые, установившиеся до момента высказывания, которое их просто актуализирует. Исходя из предложенных семантических различий, объясняется использование КФ и ПФ в определенных ситуациях.

С точки зрения М. Воейковой и Ю. Пупынина, семантическое различие между ПФ и КФ основывается, прежде всего, на различии в аспектах признака. ПФ выражает дифференцирующий и интегрирующий аспекты признака, т.е. как то, что отличает одного носителя свойства от других носителей, так и то, что объединяет его с классом подобных ему носителей (Воейкова, Пупынин 1996: 53-54, 56). КФ выражает актуализированный аспект признака, т.е. «речь идет о проявлении свойств данного предмета, которые являются актуальными с точки зрения воспринимающего лица» (там же: 57). По справедливому замечанию М. Воейковой и Ю. Пупынина, важное семантическое отличие КФ от ПФ заключается в том, что КФ «обычно выражает именно одно из свойств в ряду других, т.е. выделяет одно свойство из целого комплекса свойств субстанции», с чем связана «определенная динамика обозначаемого свойства, возможность его наступления, прекращения или смены другим свойством» (там же: 57-58).

Сходную точку зрения высказывает в своей статье Б. Грун. По мнению автора, КФ выражает скорее свойства данной, конкретной ситуации, в которой актуализируются и проявляются внутренние свойства субъекта, тогда как ПФ обозначает свойства, постоянно

присущие субъекту, и тем самым классифицирует его (Groen 1998: 152-153). Поэтому общее значение КФ часто проявляется в такой актуализирующей ситуации, которая подразумевает то или иное ограничение (restriction). Однако это необязательное условие для использования КФ (там же: 153). Далее автор иллюстрирует влияние общего значения КФ, определенного как 'выражение свойства, названного применительно к ситуации' (evocation of the quality mentioned with reference to a situation) (там же: 169) на выбор КФ в различных языковых контекстах и ситуациях.

Исследование К. ван Схонефельда основывается на принципах инвариантности языкового знака, т.е. поиска и определения единого общего значения, которое охватывало и объясняло бы все частные типы употребления граммем. Автор применяет эти принципы к анализу КФ и ПФ в нидерландском языке в сравнении с современным русским языком (van Schooneveld 1983: 404-405). Говоря о семантической разнице КФ и ПФ при предикативном употреблении, ван Схонефельд опирается на точку зрения Р. Якобсона, согласно которой ПФ подразумевает сравнение признаков носителей определенного класса, тогда как КФ абсолютизирует такое сравнение, т.е. соотносит свойства носителя со всеми носителями, обладающими каким-либо свойством (там же: 421). Ван Схонефельд утверждает, что прилагательные как часть речи выражают свойства, которые в своей продолжительности существуют за рамками их восприятия. По сравнению с ними, наречия выражают свойства, которые развиваются во времени и, как правило, не наблюдаются в своей продолжительности. Автор приходит к выводу, что КФ по своему значению приближается к наречиям образа действия на *-о*, т.е. выражает свойства, воспринимаемые непосредственно в данной, конкретной ситуации, в то время как ПФ обладает адъективными свойствами, т.е. указывает на свойства, имеющие продолжительный характер. Развивая точку зрения Р. Якобсона, ван Схонефельд утверждает, что свойство, выраженное прилагательным в ПФ, распространяется только на совокупность субъектов, обозначенную лексическим значением данного субъекта. В то же время КФ выражает свойство субъекта в момент восприятия, выделяя данный субъект на фоне всех возможных субъектов с любым лексическим значением слова (там же: 423-424).

Как видим, многие исследователи сходятся во мнении, что ПФ выражает некие особые свойства носителя, позволяющие его дифференцировать, т.е. отличить от других носителей. А. Исаченко, в частности, считает функцию классификации типичной для ПФ предикативного прилагательного:

«В предложении *Китайский язык очень трудный* утверждается (а) что существует класс трудных языков, и (б) что именно китайский язык включается говорящим в этот класс, мыслится им как элемент данного класса». (Исаченко 1965: 196)

В отношении значения КФ такого единодушия нет, но все же просматривается некоторая ситуативность свойства, выраженного КФ, т.е. его привязанность к данной, конкретной ситуации.

Далее мы предложим анализ значений КФ и ПФ, выполненный в рамках теории языкового знака, разработанной учеными лингвистического кружка Колумбийского университета (далее КЛК) (см. Diver 1995; García 1975; Tobin 1990, 1995). Мы попытаемся сформулировать общие (инвариантные) значения КФ и ПФ и продемонстрировать на примерах связь между предложенными инвариантами и частными употреблениями обеих форм.

Теория языкового знака (КЛК)

Чтобы сформулировать общее значение грамматической формы, прежде всего необходимо определиться, что собой представляет язык. Это определение влечет за собой все последующие теоретические и методологические допущения. Говоря о языке, мы имеем в виду знаковый инструмент, структура которого обусловлена как его коммуникативной функцией, так и психологическими характеристиками его носителей (Dreer 2007: 258). Это определение подразумевает два допущения: (а) язык служит средством человеческого общения, и (б) язык отражает человеческое поведение. Иными словами, структура и характер языка являются прямым результатом его коммуникативной функции. Поскольку человеческое общение нуждается в некотором наборе воспринимаемых сигналов, каждый из которых связан с определенным концептуальным содержанием (Contini-Morava 1995: 2), мы рассматриваем языковой знак (который, согласно Соссюру (1977: 100), представляет собой неразрывное единство означающего и означаемого), как основную аналитическую единицу. Слова и предложения слишком разнообразны для этой цели в отличие от конкретных языковых знаков, без помощи которых «мы не могли бы с достаточной ясностью и постоянством отличать одно понятие от другого» (там же: 144). Коммуникативный фактор также объясняет дистрибуцию (распределение) языковых единиц: знак реализуется в речи в силу того, что его инвариантное значение обладает целевой направленностью, т.е. оно передает информацию, которая служит определенной коммуникативной цели. Говорящий использует инвариантные значения различной степени абстрактности для передачи бесконечного множества конкретных сообщений. Однако связь между инвариантным значением и передаваемыми сообщениями – косвенная: содержание целого сообщения оказывается сложнее всех значений образующих его компонентов, вместе взятых. Таким образом, задача адресата – сделать вывод о содержании целого сообщения, исходя из набора лексических единиц и сопутствующих

грамматических значений, предлагаемых говорящим в каждом конкретном случае. Разрыв между инвариантным значением знака и его конкретными реализациями в речи ликвидируется умозаключительными способностями человека, которые и составляют человеческий фактор в нашем определении языка. Человеческий фактор отражает стремление человека к достижению максимального общения с затратой наименьших усилий.

КФ и ПФ прилагательных в современном русском языке

По нашему мнению, противопоставление понятий КФ и ПФ представляет собой грамматическую систему, позволяющую говорящему принять решение (а адресату сделать вывод) о типе дифференциации носителя (или носителей), с которым(и) соотносится данное свойство. Следуя терминологии У. Дайвера (Diver 1985/1986: 45-46), мы назовем эту систему «Системой дифференциации», в рамках которой ПФ с основным значением «внешняя дифференциация» позволяет выделить носителя данного свойства из ряда других, в том числе однородных носителей (т.е. указать, что именно этим свойством данный носитель отличается от других носителей).

«Конструкции с предикатами – полными прилагательными регулярно выражают именно дифференцирующее свойство... В содержании таких высказываний прослеживается следующая «формула»: существует класс предметов, существует также конкретный предмет (или несколько предметов) из данного класса, отличающиеся определенным свойством». (Воейкова, Пупынин 1996: 56)

КФ с основным значением «внутренняя дифференциация» не подразумевает соотнесения с классом других носителей данного свойства. Напротив, КФ подчеркивает конкретное свойство некоторого носителя, выделяя одно это свойство из ряда других его свойств.

«У конструкций с предикатами – краткими прилагательными имеется собственный положительный семантический признак. ...это актуальное проявление свойства». (Воейкова, Пупынин 1996: 57)

В этой бинарной морфологической категории КФ – это маркированный член: она специально подчеркивает проявление определенного свойства, безотносительно к какому-либо отрезку времени (сейчас и/или всегда), т.е. КФ может называть как локализованный во времени признак в предложениях конкретной референции, так и вневременной признак при универсальном употреблении. ПФ, будучи немаркированным членом, специально не выражает данный аспект того или иного свойства, подчеркивая лишь его дифференцирующий характер, но способна выразить его, используя дополнительные языковые средства.

Рамки статьи не позволяют нам остановиться на всех частных случаях употребления КФ и ПФ, поэтому ниже мы кратко рассмотрим наиболее важные коммуникативные цели, которые ставит говорящий, используя противопоставление внутри семантической зоны «*Система дифференциации*».¹

Как говорилось выше, актуализация одного свойства в ряду других посредством КФ предполагает его динамику, «возможность его наступления, прекращения или смены другим свойством» (Воейкова, Пупынин 1996: 57-58), тогда как выражение дифференцирующего свойства посредством ПФ предполагает, что речь идет о постоянном свойстве его носителя. Иными словами, противопоставление внутри *Системы дифференциации* позволяет использовать КФ и ПФ для выражения соответственно временного признака (как в примере 1) и постоянного признака (как в примере 2). В (3) обе формы представлены в общем контексте, но с тем же коммуникативным замыслом: КФ '*болен*' указывает на то, что сейчас человеку плохо (а в прошлом такого ощущения не было), тогда как ПФ '*больной*' подразумевает, что теперь это уже вообще больной человек.

(1) Даша решила, что юноша не профессионал [...], вел себя слишком суетливо, бегал вокруг жениха с невестой [...], при этом пытался развеселить снимающихся однообразными восклицаниями: «Улыбаемся! Все **счастливы!** Улыбаемся! Все **довольны!**» (Алексей Слаповский. Большая Книга Перемен // «Волга», 2010)

(2) Увидев Русалку, круглолицый Пузырь расплывается в ухмылке. — Эй, ты **счастливая?** — кричит он. — Вот прямо сейчас? — Нет, вообще. (Мариам Петросян. Дом, в котором..., 2009)

(3) Через короткое время после той встречи узнал, что тяжело он **болен** и, **больной**, из больницы пишет самоироничные, как всегда «доходчивые» и совершенно какие-то по-детски искренние стихи. (Виктор Астафьев. Зрячий посох, 1978-1982)

Важно понимать, что временность/постоянство свойства не являются инвариантными значениями КФ и ПФ, поскольку первая не всегда указывает на временное свойство, а последняя способна в определенном контексте выражать временную локализованность признака, как в примере (4). Здесь КФ '*спокоен*', означающая *внутреннюю дифференциацию*, подчеркивает постоянное проявление свойства, а ПФ '*спокойный*', означающая *внешнюю дифференциацию*, подразумевает, что такое проявление свойства отличает собеседника от всех других (в частности, от его коллег, друзей, компаньонов).

¹ Все примеры взяты с сайта Национального корпуса русского языка: <http://www.ruscorpora.ru/index.html>.

(4)Так, нет? Молчишь. Всегда молчишь. И всегда **спокоен**. Чего ты такой **спокойный**? Конкуренты нас обходят, в стране черт-те что происходит, тьма скандалов каждый день! Тебе бы надо подсуетиться — для твоей же выгоды! (Алексей Грачев. Ярый против видеопиратов, 1999)

Сказанное выше в той же степени верно для вневременных высказываний, которые сообщают адресату о постоянстве признака, присущего носителю. Когда речь идет о носителях, которые не могут быть классифицированы, но которые постоянно проявляют то или иное свойство, используется КФ со значением «*внутренняя дифференциация*». (5) может служить неплохим примером:

(5)И вот они живут уже довольно давно втроем, Лиля, Коля и выросшая дочь Даша, которая с подросткового возраста работает, а Коля является фактически сиделкой, но не ропщет, а посмеивается в своей обычной манере: «Любовь **наказуема!**» (Алексей Слаповский. Большая Книга Перемен // «Волга», 2010)

Но как только говорящий воспринимает носителя не как общее понятие (любовь вообще), а как его конкретную реализацию, которую можно соотнести с классом других подобных объектов (цыганская любовь), т.е. дифференцировать, употребляется ПФ, означающая *внешнюю дифференциацию*. Такое использование ПФ представлено в (6):

(6)Цыганская любовь **короткая, быстрая**. Отлюбил, ополоснулся, отчалил. (Борис Евсеев. Евстигней // «Октябрь», 2010)

При этом если прилагательное в составной части сказуемого находится в препозиции к субъекту, то оно, как правило, будет стоять в КФ, как в примере (7), т.к. коммуникативная задача таких сообщений – выделить проявление определенного свойства, одновременно представив его как данность.

(7)**Богат** да и **точен** русский язык! (Леонид Зорин. Глас народа (2007-2008) // «Знамя», 2008)

Семантическое противопоставление КФ и ПФ используется говорящим для субъективной оценки носителей через оценку их свойств: чрезмерность проявления признака представлена в примерах (8)-(9), а указание на его категоричность/смягченность – в примерах (9)-(10). Если в (8) КФ подчеркивает, что субъект является намного меньшим по возрасту, чем допустимо для любовных отношений (*внутренняя дифференциация*), то в (9) ПФ подчеркивает, что субъект является намного меньшим по возрасту по сравнению с другим субъектом (*внешняя дифференциация*).

(8)— Ты хоть понимаешь, о чем говоришь, дурочка! Не успела вылезти из пеленок, а туда же — любовника ей! Ты еще слишком **мала**, а твоему кандидату в любовники голову надо оторвать, если он этого не понимает! (Мариам Петросян. Дом, в котором..., 2009)

(9)Рядом с вами понимаю, что я так... практиканточка. — Ты Женя. — Странно: вы Олег Николаевич, знаменитый Тулин — и вдруг я рядом. Я все время чувствую, что я слишком **маленькая**. (Даниил Гранин. Иду на грозу, 1962)

Что касается выражения более категоричной/смягченной характеристики свойства, то эта особенность КФ и ПФ была отмечена еще В. Виноградовым:

«...значение краткой формы может быть усиленным, более категорическим, так как ею выражается не постоянный, пассивный признак, мыслимый как общая, отвлеченная категория бытия, а признак конкретный, переменный, развивающийся во времени, эволюционирующий». (Виноградов 2001: 221)

Как уже говорилось, значение КФ «*внутренняя дифференциация*» позволяет говорящему акцентировать свойство, т.е. вызвать у адресата представление о его важности и, как следствие, категоричности. Значение ПФ «*внешняя дифференциация*» несколько смещает акцент с проявления самого свойства на его дифференцирующий характер, как бы смягчая данное свойство для адресата. Все сказанное наглядно демонстрируют примеры (10)-(12). Если в (10) ревность субъекта граничит с паранойей, то в (11) субъект относится к ревности супруга скорее с симпатией. В (12) КФ '*жесток*' характеризует только субъекта (Левия Матвея), тогда как ПФ '*жестоким*' сравнивает его с другим субъектом (Иешуа Га-Ноцри).

(10) Раньше он был **ревнив** и проверял женщин на верность. Чего только не делал! ... Как-то, чтобы проверить любовницу, отвез ее на дом к знакомому судмедэксперту. Были взяты анализы. (Михаил Гиголашвили. Чертово колесо, 2007)

(11) — Сerezка у меня, мама Глая, добрейшая душа. Он, когда видит старого человека с протянутой рукой, так страдает! Всем бы хорош, но **ревни-ивый!** Ой, мама моя, какой **ревнивый!** (Владимир Войнович. Монументальная пропаганда // «Знамя», 2000)

(12) Имей в виду, что он перед смертью сказал, что он никого не винит, — Пилат значительно поднял палец, лицо Пилата дергалось. — И сам он непременно взял бы что-нибудь. Ты **жесток**, а тот **жестоким** не был. (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита, часть 2, 1929-1940)

Противопоставление значений КФ и ПФ позволяет говорящему выражать возможность проявления какого-либо свойства в противовес его актуальному (дифференцирующему) проявлению, как показано ниже. В (13) КФ '*умна, коварна*' в придаточном уступительном усиливает возможное проявление свойств (ума и коварства) носителем (крысой) при любых

обстоятельствах, которому противопоставляются свойства другого носителя (человека), выраженные сравнительной степенью прилагательных в ПФ.

(13) Никакие ловушки, мною употребляемые, шмару взять не могли ..., отраву, взятую с колбасного завода, умная тварь игнорировала. Но как бы ни была тварь **умна** и **коварна**, все же человек — тварь еще более **умная** и **коварная**. (Виктор Астафьев. Веселый солдат (1987-1997) // «Новый Мир», 1998)

Известно, что часто прилагательные имеют множество контекстных или переносных значений, производных от основного лексического значения и с виду сильно отличающихся от него. Поскольку в основе таких переносных значений лежит аналогия, сравнение свойств носителя с другими носителями, то в этих случаях, как правило, употребляется ПФ. Сравним примеры (14)-(15), где прилагательное 'глухой' употреблено в «прямом» смысле как в КФ (14), так и в ПФ (15) с примерами (16)-(17), где оно же фигурирует в «переносном» смысле исключительно в ПФ.

(14) Ни о чем подобном Свинецкий и слышать не хотел, да он и вообще был **глух** после контузии. (Дмитрий Быков. Орфография, 2002)

(15) — А кто там у вас? — подозрительно спрашивает Шакал. — С кем вы там разговариваете? Я, между прочим, не **глухой**. (Мариам Петросян. Дом, в котором..., 2009)

(16) — Андрюша, тебе плохо? — присев рядом с ним, спросила Аля. — Наверное. — Андрей наконец нарушил молчание, но голос был **глухой**, такой же странный, как и лицо. (Анна Берсенева. Полет над разлукой, 2003-2005)

(17) В этом месте в излучине Оки располагаются два узких, как ящерицы, острова, — место **глухое** вполне даже летом. (Александр Иличевский. Перстень, Мойка, Прорва, 2005)

Свойства носителей могут проявляться в различных обстоятельствах, выражаемых в предложении распространением, которое часто влечет за собой употребление КФ, т.к. оно конкретизирует наступление, прекращение или смену признака, тогда как ПФ выражает скорее «общую характеристику» и «исключает, чтобы признак, обозначаемый ею, был связан с определенной ситуацией» (Руде 2005: 94, 95). Приведем несколько примеров такого распространения:

Распространение придаточным предложением:

(18) Оба они совсем еще молодые, чуть старше двадцати, были **горды** тем, что им поручена ответственная задача впереди скачущих хайдаров, то есть разведчиков. (М. Б. Салимов. Сказка о последнем хане // «Бельские Просторы», 2010)

Распространение инфинитивом:

(19) Но вы ведь **бессильны** поймать этого знаменитого Пупыря... (Леонид Юзефович. Костюм Арлекина, 2001)

Распространение именительным падежом:

(20) Виноград точно так же стекловатно **волокнист**, как персик, а персик так же **безвкусен**, как огурец. (Татьяна Соломатина. Сони́на Америка, 2010)

Распространение родительным падежом с предлогом ‘для’ и без него:

(21) Считаю, что люди без чувства юмора **опасны** для общества и должны быть от него изолированы. (Анатолий Трушкин. 208 избранных страниц, 1990-2002)

Распространение предлогами ‘по, к’ с дательным падежом:

(22) Он был **равнодушен** к еде и неряшлив в одежде, носил под ногтями траур и подолгу не менял носков. (Мариам Петросян. Дом, в котором..., 2009)

Распространение предложным падежом:

(23) Геннадий был тверд, как железный обруч. Мал ростом, могуч, **широк** в кости. (Леонид Зорин. Глас народа (2007-2008) // «Знамя», 2008)

Заключение

В заключение мы бы хотели подчеркнуть, что теория языкового знака, принятая в настоящей статье, переносит акцент с описания отдельных языковых фактов, отвечающих на вопросы ‘где?’ и ‘как?’, на поиск инвариантных значений КФ и ПФ, которые бы могли объяснить, *почему* обе формы используются в языке так, а не иначе. Постулирование этих значений и демонстрация на примерах связи между предложенными значениями и употреблениями обеих форм является наиболее важным моментом настоящей статьи.

Рамки статьи не позволили нам остановиться на проблеме использования творительного падежа ПФ, который конкурирует с КФ и именительным падежом ПФ. Мы отсылаем читателя к работе (Руде 2005: 96-101).

Список литературы

Виноградов В. В. (2001): Русский язык (Грамматическое учение о слове). Москва: Русский язык.

Воейкова М. Д., Пупынин Ю. А. (1996): Предикативная качественность, Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность. Санкт-Петербург: Наука, 53-65.

Всеволодова М. В. (1971): Употребление кратких и полных прилагательных, Русский язык за рубежом, 3, 65-68.

Всеволодова М. В. (1972): Употребление кратких и полных прилагательных, Русский язык за рубежом, 1, 59-64.

де Соссюр Ф. (1977): Труды по языкознанию. Москва: Прогресс.

Исаченко А. В. (1965): Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Братислава: Изд-во Словацкой Академии Наук. Часть 1.

Камынина А. А. (1999): Современный русский язык. Морфология. Москва: Изд-во МГУ.

Никольс Дж. (1985): Падежные варианты предикативных имен и их отражение в русской грамматике, Новое в зарубежной лингвистике, 15, 342-387.

Руде Р. (2005): Предикативное прилагательное и типы предложений в русском языке, Вопросы языкознания, 3, 80-101.

Русская грамматика. (1980): Москва: Наука. Том I.

Русская грамматика. (1980): Москва: Наука. Том II.

Шахматов А. А. (1963): Синтаксис русского языка. The Hague: Mouton.

References

Contini-Morava E. (1995): Introduction: on Linguistic Sign Theory, E. Contini-Morava, B. Sussman Goldberg (eds), Meaning as Explanation: Advances in Linguistic Sign Theory. Berlin: Mouton de Gruyter, 1-31.

Diver W. (1985/1986): The Grammar of Modern English. TS. New York: Columbia University.

Diver W. (1995): Theory, E. Contini-Morava, B. Sussman Goldberg (eds), Meaning as Explanation: Advances in Linguistic Sign Theory. Berlin: Mouton de Gruyter, 43-114.

Dreer I. (2007): Expressing the Same by the Different: the Subjunctive versus the Indicative in French. Amsterdam: Benjamins.

García E. C. (1975): The Role of Theory in Linguistic Analysis: The Spanish Pronoun System. Amsterdam: North Holland.

Groen B. M. (1998): The Use of the Long and Short Adjectival Forms in Contemporary Standard Russian, A. A. Barentsen. Dutch Contributions to the Twelfth International Congress of Slavists. Amsterdam: Rodopi, 24, 151-174.

Guiraud-Weber M. (1993) : La méthode bisynchrone dans la description de l'adjectif attribut en russe moderne, Revue des études slaves, 65, fascicule 1, 81-95.

Gustavson S. (1976): Predicate adjectives with the copula *byt'* in modern Russian. Stockholm: Almqvist & Wiksell.

Nichols J. (1981): Predicate Nominals: A Partial Surface Syntax of Russian. Berkeley: University of California Press, Vol. 97.

Roudet R. (1998) : Esquisse d'une comparaison de l'emploi des formes courtes des adjectifs en russe et en tchèque, *Slavica occitania*, 6, 283-307.

Sakhno S. (2001) : Les formes de l'adjectif attribut en russe: prédication « effectuée » versus prédication « mentionnée », *Revue des études slaves*, 73, fascicule 1, 77-95.

Tobin Y. (1995): *Invariance, Markedness and Distinctive Feature Analysis: A Contrastive Study of Sign Systems in English and Hebrew*. Amsterdam: John Benjamins.

Tobin Y. (1990): *Semiotics and Linguistics*. London: Longman.

van Schooneveld C. H. (1983): *The Relation between Adjective and Adverb in Dutch and in Russian*, B. J. Amsenga. *Miscellanea Slavica: To Honour the Memory of Jan M. Meijer*. Amsterdam: Rodopi, 403-429.

ЭМОТИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В ПРОИЗВЕДЕНИИ С. ДОВЛАТОВА И ИХ ПЕРЕВОД НА КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК

Е Сянлинъ

*Государственный университет Чжэнчжи, Тайвань
verayeh@nccu.edu.tw*

Сюй Кавай

*Государственный университет Чжэнчжи, Тайвань
kawai@nccu.edu.tw*

Цай Цзели

*Государственный университет Чжэнчжи, Тайвань
jltsai@nccu.edu.tw*

THE CONSTRUCTIONS OF EMOTION IN S. DOVLATOV'S WORK AND THE CHINESE TRANSLATION

Hsiang-lin Yeh

National Chengchi University, Taiwan

Kawai Chui

National Chengchi University, Taiwan

Jie-li Tsai

National Chengchi University, Taiwan

АННОТАЦИЯ

В данной работе рассматривается эмотивное пространство произведения С. Довлатова «Чемодан», проводится анализ семантических ролей в конструкциях с эмотивным предикатом в тексте Довлатова и его переводе на китайский язык. Результат анализа показал, что в китайском языке употребляют больше агентивного описания эмоциональных событий, чем в русском языке. Выявление предпочтения агентивных или пациентивных конструкций при описании эмоциональных событий в двух языках позволяет представить их различия в языковой и культурной концептуализации эмоций.

ABSTRACT

The present study investigates the emotion concepts in S. Dovlatov's "Suitcase" by analyzing the semantic roles of the constructions with emotion predicates in Dovlatov's work and those in its Chinese translation. The analysis shows that the occurrence of agentive constructions for describing emotion events is higher in Chinese than in Russian. The diverse structural preferences across the two languages provide a better understanding of cross-linguistic and cross-cultural conceptualizations of emotion.

Ключевые слова: эмотивная конструкция, семантические роли, художественный текст, перевод, С. Довлатов

Keywords: construction of emotion, semantic roles, literary work, translation, S. Dovlatov

*Работа выполнена при поддержке гранта Министерства науки и технологий Тайваня (MOST) №105-2923-H-004-001-MY3.

В данной работе рассматриваются эмотивные конструкции в произведении С. Довлатова «Чемодан», проводится сопоставление таких конструкций в тексте Довлатова и его переводе на китайский язык.

Выбор цикла юмористических рассказов «Чемодан» как материала для анализа мотивирован тем, что произведения Сергея Довлатова насыщены эмоциональными описаниями героев в разных ситуациях и дают нам обильный объем данных для анализа. Для сопоставления русского языкового материала с китайским языком был использован перевод Лю Сяньпина, изданный впервые в 2005 году (Лю 2005). Сопоставление оригинала с переводом проводится для того, чтобы выявить специфичные для каждого языка лингвистические и национально-культурные характеристики как важные элементы языковой концептуализации.

Как отмечает Анна Вежбицкая в сопоставительных работах по концептуализации эмоций, в английском языке предпочитают адъективную конструкцию, тогда как в русском языке предпочитают глагольную конструкцию. Разница между двумя языками отражает ориентацию носителей английского языка на пассивно переживаемое человеком состояние и ориентацию носителей русского языка на душевное движение (Wierzbicka 1999: 17-18).

Для нас интересно выяснить, имеются ли в русском и китайском языках какие-нибудь структурные предпочтения, с помощью которых выявляется специфика языковой и культурной концептуализации эмоций.

Наш анализ проводится с точки зрения семантических ролей, а именно «экспериенцера» и «стимула» (Talmy 2007), участвующих в описании эмоциональных событий. Семантическая роль экспериенцер – это «участник ситуации, воспринимающий зрительную, слуховую и т. п. информацию» (т.е. воспринимающий/чувствующий субъект). Семантическая роль стимул – это «источник информации для экспериенцера» (т.е. источник чувства или объект восприятия) (Плунгян 2011: 115). В описании эмоциональных ситуаций, таким образом, в роли экспериенцера выступает участник события, который испытывает ту или иную эмоцию, а в роли стимула, соответственно, выступает источник этой эмоции.

Работа «Эмоция страха и специфика ее выражения в русском и китайском языках» (Е, Сюй и Цай 2017) также ориентирована на поставленные выше вопросы, но анализ проводился

на основании языкового корпуса. Грамматико-семантический анализ русских слов *бояться*, *страшно*, *пугать* и семантически сходных с ними китайских слов показал, что в отличие от русского языка все конструкции китайского языка допускают в роли номинативного субъекта как экспериенцера, так и стимул с учетом возможности использования показателя каузатива, глагола чувства или показателя страдательного залога. При сопоставлении слова *страшно* и его китайского аналога *кǎi* выявлено, что общая для обоих языков характеристика заключается в акценте на стимул.

Следует отметить, что яркая национально-культурная специфика наблюдается при сопоставлении русского слова *пугать* и его китайского аналога *ся*. Языковые данные говорят об акценте у русского слова на стимул и у китайского слова на экспериенцера. В русском языке во всех конструкциях присутствуют стимулы, при этом в 27% случаев экспериенцеры не упоминаются. В китайском же языке в 56% конструкций стимул не упоминается. В 79% случаев экспериенцер выражается существительным в номинативном падеже.

В данной работе мы также рассматриваем концептуализацию эмоций на межъязыковом уровне, но на основании другого материала, т.е. художественного текста и его перевода, при этом материал не ограничивается эмоцией страха, а касается всех разных эмоций, которые встречаются в тексте Довлатова. С точки зрения позиций экспериенцера и стимула по отношению к эмотивному предикату различаются два типа описания эмоциональных событий – агентивный и пациентивный. Агентивным мы называем предложение, где позицию подлежащего занимает экспериенцер; пациентивным – предложение, где позицию подлежащего занимает стимул. Представляем следующие примеры:

Таблица 1. Два типа описания эмоциональных событий

Агентивный тип описания	Пациентивный тип описания
1.1. N nom (exp)-Vi-N dat (stim)	1.2. N nom (stim)-Vt-N acc (exp)
<i>Я всегда завидовал тем, кому это удается.</i>	<i>То, что я увидел, поразило меня.</i>

В конструкции 1.1. экспериенцер занимает позицию подлежащего, а стимул в форме дательного падежа, соответственно, занимает позицию дополнения, и, таким образом, конструкция определяется как агентивная. В конструкции 1.2. участвуют номинативный стимул *то* как подлежащее и экспериенцер в винительном падеже *меня* как дополнение. Такая конструкция определяется как пациентивная. По нашему материалу, общее количество агентивных эмотивных конструкций в русском языке составляет 80%; в китайском языке их

количество больше – более 88%. И соответственно пациентивные описания составляют примерно 20% и 12% в двух языках.

Таблица 2. Количество агентивных (А) и пациентивных (Р) эмотивных конструкций в двух языках

	Русский язык		Китайский язык	
А	309	80,1%	340	88,1%
Р	77	19,9%	46	11,9%
	386	100,0%	386	100,0%

Сопоставив конструкции русского и китайского языков, мы получаем такое соотношение количества агентивных и пациентивных типов описания эмоциональной ситуации в русском и китайском языках:

Таблица 3. Соотношение количества А и Р в двух языках

Русский язык	Китайский язык		
А	А	303	98,1%
	Р	6	1,9%
		309	100,0%
Р	А	37	48,1%
	Р	40	51,9%
		77	100,0%

Как мы видим из таблицы 3, среди 309 агентивных описаний эмоциональных событий в русском языке подавляющие случаи (98,1%) при переводе на китайский язык остаются агентивными. Представляем один из примеров:

Таблица 4. Пример русского языка и его перевод на китайский

Русский язык	Китайский язык
N nom (exp)-Vi	N nom (exp)-Vi
<i>Я похолодел от страха.</i>	<i>我'Я' 嚇得'так испугаться' 渾身'весь' 發冷'похолодеть'.</i>

Описание становления эмоционального состояния «Я похолодел от страха» переводится на китайский язык буквально как «Я так испугался, что весь похолодел». Здесь наблюдается соответствие в двух языках агентивного типа описания события. Лишь в единичных случаях (их менее 2%) агентивные конструкции в русском языке при переводе на китайский становятся пациентивными.

Таблица 5. Пример русского языка и его перевод на китайский

Русский язык	Китайский язык
N nom (exp)-N dat (stim)-Vi	N nom (stim)-Causative <i>shi</i> -N (exp)-Vi
<i>Весной снег растаял. "Запорожец" стал плоским, как гоночная машина. Крыша его была продавлена детскими санками. Цыпин этому почти обрадовался: — За рулем я обязан быть трезвым. А в такси я и пьяный доеду.</i>	<i>這'Это' 使'показатель каузатива' 齊平'Ципин' 很'очень' 開心'обрадоваться'.</i>

Как показано в таблице 5, агентивная конструкция «Цыпин этому почти обрадовался» в переводе на китайский звучит дословно как «Это сделало Ципина обрадовавшимся». Номинативный стимул *это* и аккузативный экспериенцер *Ципин*, который стоит после показателя каузатива, составляют пациентивную конструкцию.

Что касается пациентивных описаний эмоциональных событий, то среди 77 таких конструкций в русском языке 48% случаев при переводе на китайский язык переходят на агентивные. Представляем один из примеров:

Таблица 6. Пример русского языка и его перевод на китайский

Русский язык	Китайский язык
N nom (stim)-N acc (exp)-Vt	N (stim)-N nom (exp)-Vt
<i>Мое дело отвести вас на Иоссер. Остальное меня не волнует.</i>	<i>其餘事情'Остальное' 我'я' 不'не' 關心'волноваться'.</i>

Последний фрагмент примера в таблице 6 переводится на китайский дословно как «Об остальном я не волнуюсь». Позиция экспериенцера *я* непосредственно перед предикатом указывает на его синтаксическую роль как подлежащий и стимул *остальное* как дополнение, что соответствует конструкции агентивного типа.

Почти 52% пациентивных описаний при переводе на китайский остаются пациентивными. Рассмотрим один из примеров в таблице 7.

Таблица 7. Пример русского языка и его перевод на китайский

Русский язык	Китайский язык
Vi-N dat (exp)-N nom (stim)	N nom (stim)-Causative <i>tāo</i> -N (exp)-Vi
— Ваш любимый писатель? — надоедал финкам Рымарь.	雷馬里'Рымарь' 開始'начинать' 討 'показатель каузатива' 芬蘭人'финки' 嫌'надоедать' 了'показатель прошедшего времени'。

В данном примере китайский перевод звучит приблизительно как «*Рымарь начинал вызывать у финок раздражение*». При употреблении показателя каузатива экспириенцер *финки* занимает позицию дополнения, и описание остаётся пациентивным.

Таким образом, на основании сравнения художественного текста с его переводом мы получили представление о предпочтении при описании эмоциональных событий в двух типологически разных языках. На данном этапе результат анализа показывает, что в китайском языке употребляют больше агентивных конструкций при описании эмоциональных событий, чем в русском языке. Большинство агентивных конструкций в русском языке переводятся на китайский без изменения, в то же время почти половина пациентивных описаний в русском языке при переводе переходят на агентивные. Таким образом, с помощью анализа семантических ролей в конструкциях с эмотивным предикатом было выявлено предпочтение пациентивного взгляда в русской эмотивной картине мира и предпочтение агентивного взгляда в китайской. Это позволяет представить различия в языковой и культурной концептуализации эмоций в двух языках.

Список литературы

Е Сянлинь, Сюй Кавай, Цай Цзели (2017): Эмоция страха и специфика ее выражения в русском и китайском языках. VII международная научно-практическая конференция «Русский язык и русская культура в диалоге стран АТР», 9-14 октября 2017. Владивосток.

Лю Сянпинь. (2005): Чемодан. Пекин: Жэньминь вэньсюэ.

Плунгян В. А. (2011): Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: Российский государственный гуманитарный университет.

References

Talmy L. (2007): Lexical Typologies, Shopen T. (Ed.) Language Typology and Syntactic Description. Cambridge: Cambridge University Press, 66-168.

Wierzbicka A. (1999): Emotions across Languages and Cultures: Diversity and universals. Cambridge: Cambridge University Press.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ТЕМАТИКИ ДИАЛЕКТНОГО ТЕКСТА И ПОЛА ГОВОРЯЩЕГО (НА МАТЕРИАЛЕ ТОМСКОГО ДИАЛЕКТНОГО КОРПУСА)

Земичева Светлана Сергеевна

*Национальный исследовательский Томский государственный университет, Россия
optysmith@gmail.com*

THE CORRELATION BETWEEN THE TOPIC OF A DIALECT TEXT AND THE SPEAKER'S GENDER (BASED ON THE MATERIALS OF TOMSK DIALECT CORPUS)

Svetlana Zemicheva

National Research Tomsk State University, Russia

АННОТАЦИЯ

На материале записей устной речи сельских жителей, сделанных в диалектологических экспедициях в сибирском регионе в течение 70 лет, проверяется гипотеза о взаимосвязи пола говорящего и выбора тематики текста. Выявлены типично женские, типично мужские и гендерно нейтральные темы. Для исследования использован материал тематически размеченного электронного корпуса.

ABSTRACT

The hypothesis on the correlation between the gender of the speaker and the topic of the text is tested. Typically female, typically male and gender neutral topics are identified. Thematically marked electronic corpus based on the records of oral speech of rural residents made in dialectological expeditions in the Siberian region for 70 years was used for the study.

Ключевые слова: русские говоры Сибири; Томский диалектный корпус; тематическая организация диалектного текста.

Keywords: Siberian dialects of Russian; Tomsk dialect corpus; thematic organization of the dialect text.

*Публикация подготовлена при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02043).

Корпусная лингвистика – активно развивающаяся отрасль науки. При этом всё чаще ставится задача отражения в корпусе региональной специфики языка. С этой целью создаются региональные корпуса (Clua 2006) и корпуса диалектной речи.

Томский диалектный корпус (<http://losl.tsu.ru/?q=corpus/demo>) – электронный ресурс, созданный на материале записей устной речи сельских жителей. Обследовался обширный регион Среднего Приобья – местности, расположенной по течению реки Оби (по современному административному делению это территория Томской и Кемеровской областей

в Западносибирском регионе России). Информантами выступали носители русского языка старшего поколения, чья речь имеет диалектные особенности. Время записи – 1946-2016 гг. Цель создания корпуса – исследование народно-речевой культуры и крестьянской ментальности, отражённой в текстах сибиряков. Важной особенностью ресурса является его *полнотекстовый* формат. Виды разметки, реализованные на момент написания статьи, включают *паспортную* (пол, год и место рождения, уровень образования информанта), *тематическую* и *разметку по типу текста* (диалог информантов, полилог информантов, лингвистический опрос, ситуативные вкрапления, фольклор).

Тематическая разметка присутствует почти во всех созданных или проектируемых диалектных корпусах русского языка, однако перечни тем не совпадают на разных ресурсах. Так, в диалектном подкорпусе национального корпуса русского языка выделено 58 тем, среди которых «Быт», «Война», «Досуг», «Природа», «Семья» и др. (URL:<http://www.ruscorpora.ru/search-dialect.html>).

В Томском диалектном корпусе тематическая разметка осуществлялась на основе следующих принципов:

- 1) тема маркируется на уровне отдельного текстового фрагмента, а не текста в целом.
- 2) список тем включает 72 наименования и «атематический фрагмент», которым помечаются фрагменты, не отвечающие критерию связности (чаще всего они встречаются в ранних записях);
- 3) список тем иерархичен, насчитывает 3 уровня обобщения: макротема – тема – микротема;
- 4) используется «мягкая» разметка с возможностью присвоения одному и тому же фрагменту нескольких тематических меток

В начале каждого текста списком даётся перечень тем, привязанных к конкретным фрагментам, при выборе темы из списка соответствующие фрагменты подсвечиваются (см. рис.1).

Темы:

Условия жизни Образование Одежда и обувь Деньги и документы Вера и суеверия Работа
 Ловля рыбы Выращивание растений Язык и речь Транспорт Покупки и продажа
 Другие соцгруппы Страны, города сёла Шишкойой Прочие работы Домашние вещи Еда
 Сбор дикоросов Праздники Выращивание животных Заготовка кормов Обычаи и обряды
 Местность Атмосферные явления Природа Мораль Прошлое и настоящее Досуг
 Дом и усадьба Стихийные бедствия

Жанры:

Жили бедно, учились в чарочках с опушками. Я училась при царе. Был у меня похвальный лист.
 Приходская школа
 С. 29
 была, три класса. Водили нас в церкву, я пела на крылосе.
 Раньше в крестьянстве работали много. На подёнщину ходили. За двадцать копеек в день. А пуд муки аржаной стоил тридцать копеек, как сходишь два дня, так больше пуда.
 Рыбачили неводами, свои делали. Сеяли конопле', дёргали, мочили, сушили, вязали на и'глицах – дощечка така', наматывашь нитку и вяжешь. Вязали резовки – сети.
 С. 30
 Лодка была – завозка, они длиннее. Были раньше, щас нет. Рыбачить-то раньше откупали озёры. И вот на эти озёры, когда лёд станет, едешь неводить. Приезжали купцы скупать или сами в Томск ходили. Зимой лёд долбишь пешнями. Конец железный, вострый. Рыбу из матки саком выкидывали. Есь ишо самолов, удочки, только большие. Без наживки, рыба
 С. 31
 хвостом и зацепит её. Раньше больше рыбы было: муксун, стерлядь. Ну раньше запрета не было. Сети плавательные, резовки, частушки, они и щас есь.
 На шишку ездили артелями, двадцать копеек фунт. Били ботом – жердь с лесиной прибитой. На когтях ходили по кедром. Орешки продавали купцам, сначала кали'ли.
 Были азямы, зипуны. Азям – из шерсти кругом, ткали
 С. 32
 сами. Надее'тся сверху пальта и мороз уже никакой не продерёт. Чарки' с голяшками и шерстяные чулки и валенок не надо. Сами и мыло варили. Базарного не было. Напечёшь пепла и заваривашь, настаивается как смола чёрная и мешаешь с требухой, салом. По сто комов наваривали. Глиняные чашки были, деревянные ложки, тuesки. Глиняные корчаги для кваса.
 С. 33
 Корчажный квас хороший. Из своего аржаного хлеба. Ва выстоишь хлеб размочен, положишь сена и сливашь. Сперва сусло сбежит. Кулагу делали или с калиной или со смородиной, после обеда пьешь. Щас не сделаешь, мука-то не такая. Хлеб от испечёшь таперь такой! Сами сеяли, был конь с сохой. Молотили деревянными молотильнями. Большинство молотили на озере.

Рисунок 1. Скриншот текста, размеченного по темам.

Всего в Томском диалектном корпусе выделено 73 темы, представляющих «зоны актуального внимания сельского жителя» (по В.Е. Гольдину). Из них 16 имеют статус макротем (ЛИЧНОСТЬ И СОЦИУМ; РАБОТА; БЫТ; ЧЕЛОВЕК ФИЗИЧЕСКИЙ; ЧЕЛОВЕК ДУХОВНЫЙ; ПРИРОДА; ИСТОРИЯ И ПОЛИТИКА; СТРАНЫ, ГОРОДА, СЁЛА; ОБРАЗОВАНИЕ; КРИМИНАЛ; ПРОИСШЕСТВИЯ; ТЕХНИКА; ТРАНСПОРТ; ДЕНЬГИ И ДОКУМЕНТЫ; ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ; АТЕМАТИЧЕСКИЙ ФРАГМЕНТ).

Далее макротемы при необходимости членятся на собственно темы. Это центральный уровень разметки, выделено 54 темы. Наиболее обширна макротема «Работа», включающая 13 тем: «Обработка почвы», «Выращивание растений», «Заготовка кормов», «Выращивание животных», «Лесозаготовка», «Охота», «Ловля рыбы», «Шишкойой», «Сбор дикоросов», «Обработка льна», «Женские работы по дому», «Мужские работы по дому», «Прочие работы», «Профессия». Набор тем отражает основные занятия сельского населения. При необходимости выделяется 3й уровень тематической иерархии – микротемы («Рукоделие» как часть «Женской работы», «Пчеловодство» в теме «Животноводство»). Детализированы также макротемы «Личность и социум», «Быт», «Человек духовный», «Природа», «История и политика». Например, в составе макротемы «Человек духовный» выделяются темы «Досуг», «Праздники», «Вера и суеверия», «Обычаи и обряды», «Язык и речь», «Мораль», «Характер человека». «Атематический фрагмент» маркирует отрезки текста, тему которых определить невозможно (отдельные слова или не связанные между собой фразы, наиболее характерные для ранних записей).

Существуют и теоретические разработки в сфере исследования тематики диалектной коммуникации. В частности, было показано, как происходит тематическое развёртывание диалектного текста в динамике (Косицина 2013). Изучалась также тематическая специфика диалектной речи на фоне литературной (Буранова 2015). Взаимосвязь темы текста и пола говорящего на материале русской диалектной речи, насколько нам известно, не изучалась, чем обусловлена *новизна* настоящей работы.

Гипотеза исследования состоит в том, что существуют темы типично женские и типично мужские. Для её проверки был проведён поиск по каждой теме корпуса с одновременным наложением фильтра «пол». Результаты представлены в таблицах 1, 2 и 3.

Отметим, что Томский диалектный корпус не сбалансирован по гендерному принципу. Из 1000 текстов, включённых в него к моменту написания статьи, более 2/3 являются женскими, 1/3 – мужскими. В связи с этим сравнивалось не абсолютное, а относительное количество определённых тематических фрагментов среди женских и мужских текстов.

Важно отметить, что для большей части тем относительные цифры примерно совпадают (см. табл.1). В таблице приведены: общее число фрагментов данной темы в мужских текстах; процент этих фрагментов среди всех мужских текстов; общее число фрагментов данной темы в женских текстах; процент этих фрагментов среди всех женских текстов. Последняя колонка представляет собой частное от деления столбцов 3 и 5. Она показывает, насколько процент данных текстов выше у мужчин, чем у женщин. Чем эта цифра больше, тем более значительны отличия между мужчинами и женщинами в количестве фрагментов по данной теме.

Коэффициент меньше 1 указывает на преобладание темы в женских текстах, больше 1 – в мужских. В группу гендерно нейтральных попали темы, где этот коэффициент близок к 1 (от 0.8 до 1.2).

В таблице макротемы выделены заглавными буквами, темы – строчными. Проценты приводятся с точностью до сотых долей, итоговый коэффициент – с точностью до десятых.

Таблица 1. Гендерно нейтральные темы диалектной коммуникации

Тема	М всего	М %	Ж всего	Ж %	М% / Ж%
О себе	153	52,76%	464	66,00%	0,8
Жители села	98	33,79%	245	34,85%	1,0
Заготовка кормов	85	29,31%	241	34,28%	0,9
Выращивание животных	120	41,38%	318	45,23%	0,9
Прочие работы	153	52,76%	351	49,93%	1,1
Профессия	76	26,21%	226	32,15%	0,8
Дом и усадьба	105	36,21%	337	47,94%	0,8
Домашние вещи	96	33,10%	309	43,95%	0,8
Покупки и продажа	91	31,38%	248	35,28%	0,9
Условия жизни	14	39,31%	364	51,78%	0,8
Вера и суеверия	87	30,00%	276	39,26%	0,8
Язык и речь	173	59,66%	343	48,79%	1,2
Мораль	67	23,10%	210	29,87%	0,8
Природа	16	5,52%	38	5,41%	1,0
Домашние животные	110	37,93%	291	41,39%	0,9
Растения	85	29,31%	225	32,01%	0,9
Погода и атмосферные явления	63	21,72%	185	26,32%	0,8
Стихийные бедствия	31	10,69%	67	9,53%	1,1
Колхозы и совхозы	101	34,83%	230	32,72%	1,1
Репрессии	46	15,86%	93	13,23%	1,2
Великая отечественная война	116	40,00%	274	38,98%	1,0
Страны, города, сёла	116	40,00%	232	33,00%	1,2
Образование	117	40,34%	325	46,23%	0,9
Криминал	29	10,00%	78	11,10%	0,9
Техника	51	17,59%	105	14,94%	1,2
Транспорт	104	35,86%	205	29,16%	1,2
Атематический фрагмент	94	32,41%	278	39,54%	0,8

В эту группу вошли многие частотные темы диалектного дискурса («О себе», «Жители села», «Дом и усадьба», «Колхозы и совхозы», «Образование», «Криминал»). Сюда попали также некоторые виды работ («Выращивание животных», «Сенокос», «Профессия»),

макротема «ПРИРОДА» и отдельные темы в её составе («Домашние животные», «Растения», «Погода», «Стихийные бедствия»). Хотелось бы обратить внимание, что в число нейтральных тем по результатам подсчётов вошла «Великая отечественная война». Объяснить это можно масштабностью данного события, оно коснулось как мужчин, так и женщин, в значительной степени повлияв на их жизнь. В эту же группу вошли темы «Техника» и «Транспорт», хотя можно было ожидать, что они окажутся специфически мужскими.

В группу типично мужских тем были включены те, для которых коэффициент отношения частотности в мужских и женских текстах составляет 1,5 и более (см. табл.2). «Самыми мужскими» темами оказались «Пчеловодство» (почти в 4 раза чаще у мужчин, чем у женщин), «Охота», «Исторические личности» (почти в 3 раза чаще). В таблице они выделены полужирным шрифтом.

Таблица 2. Мужские темы диалектной коммуникации

Тема	М всего	М%	Ж всего	Ж%	М% /Ж%
Обработка почвы	69	23,79%	112	15,93%	1,5
Пчеловодство	35	12,07%	22	3,13%	3,9
Лесозаготовка	91	31,38%	163	23,19%	1,4
Охота	132	45,52%	116	16,50%	2,8
Ловля рыбы	173	59,66%	207	29,45%	2
Шишкойой	58	20,00%	60	8,53%	2,3
Мужские работы по дому	15	5,17%	23	3,27%	1,6
Вода в природе	108	37,24%	158	22,48%	1,7
Местность	67	23,10%	100	14,22%	1,6
Животные	15	5,17%	11	1,56	3,3
Дикие животные	114	39,31%	107	15,22%	2,6
Экология	19	6,55%	24	3,41%	1,9
История и политика	51	17,59%	69	9,82%	1,8
Исторические личности	44	15,17%	37	5,26%	2,9
Революция, гражданская война	37	12,76%	54	7,68%	1,7

Проведенные подсчёты позволяют довольно чётко выявить доминанты мужского диалектного дискурса. Во-первых, это специфически мужские типы работ: обработка почвы, пчеловодство, лесозаготовка, рыбная ловля, охота, сбор кедрового ореха. Как правило, это работы, связанные со значительными физическими усилиями, а также с пространством за пределами дома (лес, река). Таким образом, диалектные тексты создают стереотипное

представление о мужчине как существе, направленном во внешний мир. С этим связана и частотность тем «Дикие животные», «Вода в природе», которые в текстах часто соседствуют с рассказами об охоте, рыбалке. Показательно, что именно в мужских текстах чаще появляются рассуждения на экологические темы: *Кедра'. Но кедру' эту не резали раньше ши'бко. Она сперва' её считали как она плодовое дерево. Его берегли. А потом это стали срезать. Вот щас много его уничтожили. А оно ведь действительно плодовое.* (муж., 74 года. Шегарский район, Мельниково, 1985).

Направленность «вовне» проявляется и в том, что мужчины чаще говорят о политической жизни. Последнее проявляется в большей, по сравнению с женщинами, частотности тем «Революция и гражданская война», «Исторические личности» в составе макротемы «История и политика» и этой макротемы в целом. Среди исторических личностей при этом чаще всего упоминается руководитель Белого движения во время гражданской войны 1917 г. адмирал Александр Васильевич Колчак, проводивший активные военные действия на территории Сибири: *Сначала пришла сове'тска власть, потом колчаковцы. Они уежжа'ли в Тюмень по Оби. Колчак мобилизовал всё окрестное население.* (муж., 50 лет, Парабельский район, Нарым, 1972) Неоднократно встречаются также рассказы о Сталине, который в 1912 в течение месяца отбывал ссылку в селе Нарым Томской области. Этот исторический факт породил легенды среди местных жителей: *А, правда, приходил какой-то пришелец. Говорил нашему Люберцеву, что он ему дядя родной. Так тот что-то не хотел его признавать. Щас-то он помер. Жена Серафима его жива. Правда, ска'зывают, что тот Сталин приходил. Позже по портретам узнали. Давно эт было. Нет, сельсовета, конечно, не было. Чё-то то ли пятый год был, то ли восьмой. В о'бчем, кода' студентов-то в Сибирь знали. Вот тогда'. <...> А хто его знат. Может, и правда то Сталин приходил. Хто щас скажет. Я-то вишь дома тогда не был.* (муж., Кривошеинский район, Першино, 1958 г.)

Иные тематические доминанты выделены в речи женщин (см. таблицу 3). Для удобства в ней сначала приводятся данные о женщинах, затем о мужчинах; последняя колонка показывает, во сколько раз та или иная тема встречается в женских текстах чаще, чем в мужских.

Таблица 3. Женские темы диалектной коммуникации

Тема	Ж всего	Ж %	М всего	М %	Ж% / М %
Семья и родственники	575	81,79%	173	59,66%	1,4
Межличностные отношения	193	27,45%	42	14,48%	1,9
Характер человека	98	13,94%	23	7,93%	1,8

Выращивание растений	406	57,75%	108	37,24%	1,6
Женские работы по дому	204	29,02%	18	6,21%	4,7
Рукоделие	221	31,44%	35	12,07%	2,6
Быт	111	15,79%	28	9,66%	1,6
Одежда и обувь	375	53,34%	95	32,76%	1,6
Еда	447	63,58%	111	38,28%	1,7
Человек физический	275	39,12%	74	25,52%	1,5
Болезнь	376	53,49%	107	36,90%	1,4
Досуг	305	43,39%	75	25,86%	1,7
Праздники	304	43,24%	56	19,31%	2,2
Обычаи и обряды	220	31,29%	26	8,97%	3,5

Наиболее значимы отличия в темах, связанных с работой. Так, тема «женская работа по дому» (сюда были включены текстовые фрагменты о стирке, уборке, приготовлении пищи) встречается у женщин почти в 5 раз чаще, чем у мужчин. В 2,6 раза чаще встречается микротема «Рукоделие» (сюда были включены рассказы о вязании и шитье, прядении и ткачестве). Отметим, однако, что упоминание этих видов работ в мужских текстах не исключается полностью. К типично женским видам работ можно отнести также выращивание растений, хотя количественные показатели гендерных различий здесь меньше.

Значимые отличия отмечены в темах «Обычаи и обряды» а также «Праздники» – они встречается у женщин чаще в 3,5 и 2,2 раза соответственно. Таким образом, в исследуемом сибирском регионе именно женщины выступают хранительницами традиционной культуры. Приведём фрагмент такого текста: *«О, сёдня там у Аньки, будет просватанье», все бежим, как придётся, де, как-то будут говорить, да как будут сватать. [А как проводили всё это?] Ну, прихо'дют родители, этих, жениха, покло'няются там, боженьке, начинают: «Вот так-то так-то, Марья Ивановна, Иван Михалыч, там кто, вот по таким-то делам, у вас дочка у нас сыночек, вот нам надо как-то подружиться, породниться», и начинают, начинают.* (жен., 81 год, Томский район, Батурино).

Наличие среди «женских» тем таких как «Семья и родственники», «Межличностные отношения», «Характер человека» подтверждает стереотипное представление об ориентации женщины на «ближний круг» а также заинтересованности в психологических аспектах жизни человека. Характерный пример текста, посвящённого межличностным отношениям: *Ну вот эти мячики мы очень любили играть, бегать. С нами мужики взрослые, парни, женатые всё, с нами. Ну жили всё мы очень дружно. Если горе случилось, то всей деревней помогали. Если похороны были, свадьба, уже всей деревней. А теперь же ведь случись у тебя, горе-то тебе, если у тебя нет ложки муки, а другого есть, значит никто не прита'шишит вам этого. А у нас было такое, дружные мы были. И нас всё звали это карагазы, оне' так вроде бы*

староверые, оне', значит, такие дружные (жен., 41 год, Шегарский район, Мельниково, 1984).

Вполне ожидаемо, что женщин также больше волнует быт (темы «Еда», «Одежда и обувь» и макротема «Быт» в целом встречаются в их текстах чаще).

Чаще в женских текстах затрагиваются темы «Болезнь» и «Человек физический». Содержание последней нередко составляют сетования на возраст (*Руки-то как грабли, и в иголку-то не вдернёшь. Глаза не видят*) а также рассказы о рождении детей (*Вечером али днём ли картошку окучивала тут я, а ночью у меня живот заболел. И лежим с мужем и: «Ой, чё-то у меня живот болит». Он: «А ты, – грит, – водички солёной попей, и перестанет болеть». Ну правда, я это... встала, сходила на улицу. Нет, живот болит, свекровке сказала. Она гыт: «Ой, баньку истопим и, и родишь». А такая избёнка ма'ленька была, ну маленько побольше вот как все. А такая орава десять человек. Думаю, ну как я тут рожать буду, все мальчишки». Ну от тут медичку позвали, она посмотрела и говорит – а трамвай ходил по речке, по Парабели, речной трамвай – она говорит: «Сёдня трамвай пойдёт, и поедем в Парабель, и там рожать будешь. И я, – гыт, – с тобой поеду, если чё, дак дорогой приму». Ну я доехала, правда, благополучно, на квартиру пришли мы. Ночью чё-то начало меня схватывать, муж меня повёл в больницу. Ну и родила я Любушку себе. [То есть в больнице рожали, не дома?] В больнице, в больнице, ага. А вторую я рожала дома. Это в декабре было, тоже как раз в субботу, всё прибрала, помыла, баньку истопила, помылись, и схватки начались. Ну медика так же вызвали, и с медиком родила. Ещё одну девочку родила. – жен., 86 лет, Парабельский район, Парабель, 2012).*

Выводы: Томский диалектный корпус представляет собой новый и достаточно репрезентативный ресурс для изучения народной речи, в том числе в ряде новых аспектов (дискурсивном, гендерном). Проведённое исследование подтверждает исходную гипотезу о существовании в диалектной коммуникации типично мужских и женских тем, выявленных на фоне нейтральных. К мужским темам отнесены «Шишкойой», «Охота», «Дикие животные», «Пчеловодство», «Исторические личности», которые встречаются в текстах мужчин в 2-4 раза чаще, чем в текстах женщин, и ряд других, отличия между которыми менее значимы. Женскими темами, по результатам подсчётов, являются темы «Обычаи и обряды», «Праздники», «Женские работы по дому», «Рукоделие», которые встречаются в 2-5 раз чаще в женских текстах, и ряд других. Таким образом, материалы записей диалектной речи свидетельствуют о сохранении в традиционном сознании типичных гендерных ролей «мужчины-добытчика», ориентированного на внешний, «большой» мир, социум и «женщины-хранительницы домашнего очага», чьё внимание сосредоточено на быте, семейной жизни,

традициях и внутреннем мире человека. Дальнейшее исследование заявленной проблематики требует уточнения ряда вопросов, в частности – степени влияния собирателя на выбор темы диалектной коммуникации; ослабления/усиления диспропорции мужских и женских текстов с течением времени; реализации мужчинами и женщинами разных коммуникативных стратегий при раскрытии одной темы и др.

Список литературы

Clua E. (2006): New tendencies in geographical dialectology: The Catalan Corpus Oral Dialectal (COD). *New perspectives on Romance linguistics. Vol. 2 (Phonetics, phonology, and dialectology)*, 31–47.

Буранова А.И. (2015): Количественные признаки языковых идиомов: диалектная речь на фоне литературно-разговорной: на материале русского языка: автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Буранова Анна Игоревна. Саратов. 23 с.

Диалектный корпус национального корпуса русского языка
URL:<http://www.ruscorpora.ru/search-dialect.html> (дата обращения: 12.03.2018).

Косицина Ю.В. (2013): Статико-динамическая модель тематической организации диалектного монологического текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Косицина Юлия Владимировна. Кемерово. 26 с.

Томский диалектный корпус: Демо-версия [Электронный ресурс] URL:
<http://losl.tsu.ru/?q=corpus/demo> (дата обращения: 12.03.2018).

ВСТАВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В РОМАНЕ П. КРУСАНОВА «ЖЕЛЕЗНЫЙ ПАР»

Зорина Екатерина Сергеевна
Санкт-Петербургский государственный университет, Россия
ekaterina.zorina@hotmail.com

EXPLETIVE CONSTRUCTIONS IN THE NOVEL “ZHELEZNY PAR” BY P. KRUSANOV

Zorina Ekaterina
St. Petersburg University, Russia

АННОТАЦИЯ

Изучение структуры художественного повествования предполагает рассмотрение грамматических особенностей в нарративном аспекте. Первостепенной задачей здесь оказывается локализация точки зрения говорящего, для чего необходимо обращение к синтаксическим особенностям повествования. Структура повествования в романе «Железный пар» усложнена на формальном уровне: роман «построен» из двух перволичных повествований, в каждом из которых есть свой повествователь и актуализируются определенные синтаксические конструкции. Вставные конструкции в повествовании от лица героя Руслана выполняют функцию формирования модального плана, на котором реализуется диалог «автор-читатель» в эмотивном аспекте. Это некие надтекстовые комментарии, обращенные к читателю как к участнику художественной коммуникации.

ABSTRACT

The fiction narrative studying is focused on the grammar features of the text. The key here is the position of the narrator. The analysis can be conducted through the syntax structure. The narration of the novel “Zhelezny par” consists of two first person narrations with the certain syntactic structures marked in the modal aspect. The expletive constructions in one of the “narrations” form the level of the author-reader dialogue in the emotive aspect. The constructions include the overtext statements directed to the reader as a part of the fiction communication.

Ключевые слова: художественный текст; художественное повествование; синтаксис текста; эгоцентрические элементы языка; вставная конструкция; точка зрения

Key words: narration; fiction narrative; narrator; syntax; egothentrics; expletive constructions; point of view

Изучению синтаксиса современного художественного текста посвящено огромное количество литературы. Исследования грамматики на материале художественных произведений позволили сделать много важных выводов и наметить дальнейшие пути развития лингвистики и филологии. Определенными этапами здесь стали работы В. В. Виноградова, Г. А. Золотовой, Е. В. Падучевой, Б. Ю. Успенского, В. Шмида,

М. Я. Дымарского и многих других. Внимание к художественному тексту в лингвистическом аспекте привело к формированию целого ряда направлений исследования: исследование категории диалогичности, категории «чужой речи», категории модальности; синтаксических единств, больших чем предложение, и многих других вопросов, рассмотрение которых позволило определить целый ряд синтаксических структур. Основным путем развития науки здесь является описание и изучение субъекта речи.

Признание важности категории субъекта привело к выделению экспрессивной (эмотивной) функции языка как одной из основных функций, выделенных Р. О. Jakobsonом среди других в схеме речевой коммуникации (Jakobson 1975: 203). Язык становится не только средством информативного, но и личного (фатического) общения.

Как отмечает Е. М. Галкина-Федорук, сферы человеческой психики «выражаются и обслуживаются языком, который неразрывен с мышлением, необходимо связан с эмоциональными и волевыми движениями человека», поэтому особую важность приобретает разграничение понятий, связанных с эмоциональностью и другими явлениями, которые называются «экспрессивными» (Галкина-Федорук 1958: 104–105).

На пути к изучению экспрессии в грамматике безусловно, важным явилось признание того, что «грамматика не существует вне текста», а также особое внимание к синтаксису как «организующему центру грамматики» и описание грамматики в коммуникативном аспекте, которое в отечественной лингвистике получило отражение в работах Г. А. Золотовой и ее учеников. А также теория эгоцентриков, разработанная Е. В. Падучевой (1996).

Таким образом, сегодня изучение реализации субъекта речи на синтаксическом уровне необходимо обращается к эмоциональным элементам языка. Однако эмоциональность как таковая признается чисто психологической категорией.

Для описания реализации эмоций на уровне языка В. И. Шаховский вводит понятие эмотивности. Эмотивность определяется как «имманентно присущее языку свойство выражать системой своих средств эмоциональность как факт психики; отраженные в семантике языковых единиц социальные и индивидуальные эмоции» (Шаховский 1987: 24).

На синтаксическом уровне понятие эмотивности связано с понятием экспрессивности. Впервые о субъективно-экспрессивных формах синтаксиса сказал В. В. Виноградов (Акимова 1990: 84-86). А накопленный далее опыт и теоретические знания позволили описать целый ряд конструкций и синтаксических структур. Идеи В. В. Виноградова получили развитие в 1960-ые гг. с появлением и самого термина «экспрессивный синтаксис», который, как пишет Г. Н. Акимова, «применяется при описании отдельных синтаксических явлений письменной речи», то есть экспрессивных синтаксических конструкций (Акимова 1990: 79, 86-87).

Дальнейшее изучение экспрессии на синтаксическом уровне шло в русле определения и описания этих конструкций – конструкций экспрессивного синтаксиса.

Г. Н. Акимова говорит о том, что в основе всех конструкций экспрессивного синтаксиса лежит тенденция к аналитизму, которая является основной для всего синтаксического строя современного русского языка. «Ведущим среди экспрессивных построений является процесс сегментации» (Акимова 1990: 90). Расчленение синтаксической цепочки приводит к тому, что конструкция, состоящая из отдельных частей, вмещает большее количество информации, так как появляется возможность для формирования имплицитных смыслов. Конструкции экспрессивного синтаксиса образуют открытый ряд и описаны многими исследователями. Однозначно к конструкциям экспрессивного синтаксиса относят: парцелляцию, сегментацию и Именительный темы, лексический повтор с синтаксическим распространением, вопросно-ответные конструкции в монологической речи, цепочки номинативных предложений, вставные конструкции и особые случаи словорасположения.

Обращаясь к современному состоянию грамматической науки, следует признать, что при описании языкового материала имеются два возможных подхода:

1) отождествление понятий, тогда экспрессивность включает в себя эмоциональность и образность, которые служат средством усиления впечатления (О. В. Александрова, В. В. Виноградов, Т. В. Матвеева, Р. Р. Чайковский и др.);

2) однако на материале сопоставительных исследований рядом ученых делается вывод о разграничении понятий (В. Г. Гак, Е. М. Галкина-Федорук, И. А. Скрипак). Так Е. М. Галкина-Федорук считает, что экспрессивное шире эмоционального: эмоциональные средства служат только для выражения чувств человека, а экспрессивные усиливают выразительность и изобразительность речи не только при выражении эмоций, но и при передаче мыслей субъекта (Галкина-Федорук 1958: 107–108). В связи с этим при анализе конструкций экспрессивного синтаксиса вводится понятие актуализации.

Основой для разведения понятий также может служить аспект адресата. Тогда оказывается, что эмотивность по сути выражает те чувства, которые испытывает человек по своей воле, а экспрессивность связана с убеждением и воздействием на волю адресата: экспрессивными средствами говорящий будто «вызывает» чувства у собеседника (Коростова 2009: 91).

На материале художественного текста в центре внимания исследователя оказывается читатель и «образ читателя» - термин А. Ю. Большаковой.

Таким образом, наряду с экспрессивным синтаксисом формируется направление, сосредотачивающее свое внимание в большей степени на проявлении эмоций в речи - эмотивный синтаксис. Эмотивный синтаксис определяется как система «синтаксических структур, заключающих в себе потенцию эмоциональности, которая может реализоваться в момент актуализации в силу условий антропологического характера, играющих в конкретном случае решающую роль» (Турбина 2013: 5).

Следует сказать, что синтаксис современного художественного текста представляет собой интересный материал для исследования в грамматическом аспекте. Повествование современных художественных текстов характеризуется целым рядом терминов как нелинейное, многоплановое, многослойное, сложное по структуре, организуемое «образом автора». Так или иначе указанные характеристики связаны с анализом реализации повествующего субъекта. Нарушения синтагматической связности в художественном тексте оказывается шире каких-либо определяемых конструкций и должно анализироваться в аспекте замысла автора с привлечением эмотивного аспекта.

Структура повествования в романе «Железный пар» усложнена уже на формальном уровне: роман «построен» из двух перволичных повествований, в каждом из которых есть свой повествователь. Эти «части» повествования последовательно сменяются друг друга. Роман начинается перволичным повествованием от лица одного из главных героев. Вторая часть оформлена как записи в тетради героя Руслана Грошева. Формально роман организован следующим образом: текст тетради в тексте романа. При этом сюжет построен так, что только на странице 109 читателю становится понятно, что главные герои-повествователи братья-близнецы (об этом тоже говорится не прямо). С этого момента читатель начинает и ему приходится находить связи в сюжетных линиях частей повествования; мысленно возвращается назад, так как начинает понимать некоторые сюжетные движения и отдельные высказывания уже в контексте повествования всего романа, а не отдельной «части».

При таком построении повествование можно определить как нелинейное, расчлененное. Здесь следует обратить внимание на ряд синтаксических особенностей повествования. Повествование в романе реализует описательный тип речи и оформляется репродуктивным регистром. Однако в каждой «части» актуализируются определенные синтаксические конструкции.

В повествовании от лица брата Руслана (которое оформлено как тетрадь его записей) особую роль играют высказывания, оформленные как вставные конструкции. Конструкции маркированы в модальном аспекте. Большое количество конструкций содержат пояснения, связанные с собственно языковым строением текста. Такие высказывания можно

квалифицировать как высказывания, содержащие лингвистическую рефлексию. Надо отметить, что явление филологической рефлексии в текстах Павла Крусанова типично и всегда связано с поиском как бы верного слова у **повествователя**. Однако модальная окраска высказываний, заключенных в скобки, обращена **к читателю**, которому предлагается понять, какую функцию выполняют данные конструкции в смысловом аспекте.

Ряд вставных конструкций в романе содержит высказывания уточняющего, информационного характера:

1. Да, опасаясь ходить под окном. А оно ровно там – в Поварском: старый дом с фонарями (**иначе – эркерами, это у строителей архитектуры одно и то же**) через два этажа – со второго на третий. (с. 16)

Почти всегда такие комментарии ничего не добавляют к сюжетному повествованию романа.

Вставные конструкции могут пояснять синтаксическую конструкцию, когда потенциально в ней заложено двоякое прочтение, однако интересно, что на уровне смысла такое прочтение невозможно: в следующем примере уточнение, что читает НЕ кошка, с точки зрения здравого смысла, является избыточным.

2. Иногда на подоконник усаживается кошка полосатой масти (или кот). Она читает (**не кошка**) и, вероятно, иной раз забывается над книгой. (с. 17)

Пояснения в скобках и здесь не имеют непосредственного отношения к тексту основного повествования.

В части конструкций содержатся синонимы к словам основного предложения. Такая постановка синонимов позволяет автору обратить внимание на смысловые оттенки, которыми они отличаются:

3. Все эти вехи (**этапы**) большого пути. (с. 39)

«Вехи» и «этапы» отличаются как семантически, так и стилистически.

Ряд подобных конструкций реализует еще и функцию реактивного регистра, то есть синонимичный комментарий, заключенный во вставку, передает прямую субъективную

оценку. Синонимы здесь носят текстовый и субъективный характер: *светлые – дельные; паузы-разрывы*. Во второй вводной конструкции присутствует также и метатекстовый комментарий: *а правильно сказать*. В третьей вставной конструкции, которая заключает в себе другую конструкцию экспрессивного синтаксиса – лексический повтор с синтаксическим распространением, – содержится модально окрашенное наречие «открыто». Все это выявляет авторскую позицию по отношению к повествованию:

5. В отличном результате названного принципа легко может убедиться и каждый современный человек – самые светлые (**дельные**) мысли приходят нам на ум тогда, когда мы в движении, а не летим или плывем, приятно грея – не сказать обидно – в уютном кресле зад. (с. 44)

6. В рекламных паузах (**а правильно сказать – разрывах**) художественных сериалов бесследно исчезают кадры и целые иной раз сцены! У нас крадут (**и крадут открыто**) минуты ценного эфира ... (с. 93)

Конструкции с синонимами могут содержать вопрос, обращенный за пределы повествования. Интересно, что в данном случае конструкция работает в модальном плане читателя только в том случае, если читатель способен воспринимать как прямое, так и переносное значение слова «артерия»:

7. Планета возродится как здоровый организм с первозданным небом и синими артериями (**или венами? ведь синие под кожей – вены?**) вод. (с. 43)

Высказывания, оформленные как вставные конструкции, сбивают с толку читателя на уровне сюжетного повествования, так как постоянно как бы прерывают ход рассуждения героя, пишущего тетрадь, но выполняют функцию формирования модального плана, на котором обычно реализуется диалог «автор-читатель». Это некие надтекстовые комментарии, обращенные к читателю как к участнику художественной коммуникации. Более того, автор предполагает читателя, готового воспринимать текст, построенный таким образом.

Отдельно следует сказать, что в тексте тетради Руслана Грошева имеются высказывания, оформленные как вставная конструкция внутри вставной конструкции. И такие построения связаны именно с сюжетным повествованием, с рассуждениями героя, то есть не выходят за пределы повествования на модальном уровне. Так повествование получает следующее

оформление: тетрадь героя, включенная в текст романа; комментарий в тетради; комментарий к комментарию в тетради + высказывания, ориентированные на читателя. Но такая однозначность есть не всегда, так как формально повествователь в тексте все-таки один:

8. Просто я ставлю во главу краеугольным камнем честность самоотчета (**отсюда и тетрадь) четвертая уже**), куда я заносу мысли в порядке производства в гончарне разума и чувств. (с. 16)

9. Откуда? Я ведь уже обжегся так, что выгорел внутри до головешки (**брат выкрал у меня мои мечты (писал об этом: первая тетрадь, страницы 3-12)**), и знаю, как скроен мир этих отъявленных притворщиц: из фальши, видимости, зова неусмиренных тел, стремления блеснуть и получить порцию липких (клейких) слов в награду. (с. 18)

Первая вставная конструкция в обоих примерах логично объясняет рассуждения основного повествования, а вторая – комментирует первую. На модальном уровне, очевидно, героем движет желание упорядочить свои мысли, скрупулезно и честно записав их в тетрадь, а через это упорядочить и весь мир, который рухнул из-за безответной любви.

Следующий пример требует отдельного комментария:

10. Бодуля как-то сообщил (**меня с ним свел злосчастный брат, и мы довольно часто с ним (с Бодулей, разумеется, не с братом) беседуем на кухне, организованной в подсобке его букинистического заведения**), что «Философия общего дела» русского мыслителя Федорова по своей революционной сущности не уступает «Капиталу». (с. 64)

Подобные построения иллюстрируют единство повествователя в тексте тетради и во вставных конструкциях, обращенных к читателю. Здесь также имеется лингвистическая рефлексия: комментарий, касающийся синтаксической структуры (**с Бодулей, разумеется, не с братом**), но данный комментарий заключен в рамки внешней вставной конструкции, как графически, так и с точки зрения смысла. То есть комментарий остается пределах одного модального плана.

Как известно, изучение структуры художественного повествования предполагает рассмотрение грамматических особенностей в нарративном аспекте. Усложнение художественной коммуникации приводит к сдвигу интерпретации эгоцентрических элементов: слов и конструкций, которые содержат отсылку к говорящему. Первостепенной

задачей здесь оказывается локализация точки зрения говорящего. Так как в тексте романа категория точки зрения реализуется многопланово, целесообразным оказывается обращение к эмотивному аспекту. Высказывания, оформленные как вставные конструкции, не участвуют в формировании сюжета; не передают концепцию автора в содержательном плане; не формируют самостоятельного повествовательного плана.

Конструкции работают на уровне диалога автор – читатель, где автор, оставляя за собой главенствующую роль, воздействует на адресата. Однако воздействие это имеет целью не сформировать какое-то представление или подвигнуть к каким-то содержательным размышлениям, а воздействовать на эмоциональное состояние адресата. Вставные конструкции заставляют читателя отвлекаться от сюжетного повествования, не давая при этом почвы для содержательных рассуждений. Читателю предлагается рефлексировать не над сюжетом, а над эмоциональным впечатлением от текста романа. То есть диалога между автором и читателем как такового не происходит: даже эмоциональная сфера адресата оказывается во власти автора. Но именно так и формируется концепция романа: повествование получает единство благодаря семантико-грамматическим связям маркированных синтаксических конструкций; расчлененность повествования оказывается мнимой; повествователь является единым. Суть такого построения повествования в формировании эмоции от прочитанного текста у читателя. В тексте напрямую не задаются вопросы и не предлагаются ответы; важна эмоциональная рефлексия.

Таким образом, синтаксическая экспрессия реализуется не в аспекте актуализации, заданной автором, а в эмотивном аспекте, который предполагает эмоциональное воздействие на читателя. Традиционное рассмотрение художественного повествования с опорой на синтаксическую структуру: сюжет; повествовательная форма; особенности реализации субъекта – оказываются только основой для анализа в эмотивном аспекте.

Список литературы

- Акимова Г. Н. (1990): Новое в синтаксисе современного русского языка. Москва: Высшая школа.
- Галкина–Федорук Е. М. (1958): Об экспрессивности и эмоциональности в языке, Сборник статей по языкознанию. Москва: Наука, 103–124.
- Коростова С. В. (2009): Эмотивность как функционально-семантическая категория: к вопросу о терминологии, Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, 103, 85–92.

Падучева Е. В. (1996) Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). Москва: Школа «Языки русской культуры».

Турбина О. А. (2013): Природа эмотивного синтаксиса и его категорий, Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика», 2, 4–9.

Шаховский В.И. (1987): Категоризация эмоций в лексико–семантической системе языка. Воронеж: Издательство Воронежского университета.

Якобсон Р. О. (1975): Структурализм «за» и «против», Лингвистика и поэтика. Москва: Издательство «Прогресс», 193-230.

АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ СФЕРА КОНЦЕПТА „УСПЕХ“ В РУССКОМ И БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКАХ

Иванова Неля Стефанова

Университет им. Проф. д-ра Асена Златарова, Бургас, Болгария

nelya_ivanova@yahoo.com

AXIOLOGICAL SPHERE OF THE CONCEPT "SUCCESS" IN RUSSIAN AND BULGARIAN LANGUAGES

АННОТАЦИЯ

В современном обществе вследствие динамичного развития и значительных перемен появилось стремление очень интенсивно обсуждать „новую культуру успеха”, а также говорить о „позитивном” или „перфектном” успехе как о социокультурном феномене, характеризующем жизненные стратегии современных людей. В докладе учитывается тот факт, что отношение к успеху, его содержанию, способу достижения и формам проявления, к его носителям традиционно обособляет культурные модели поведения человека и коммуникации в обществе, которые нередко постулируют культ к успеху и превращают его в национальную философию. В фокусе исследования находятся атрибутивные словосочетания с лексемой *успех* в русском и близкородственном ему болгарском языке, которыми выражается эксплицитная оценка говорящих по отношению к успеху, а также имплицитные способы передачи оценки этого явления в семантике номинативных компонентов словосочетаний с лексемой *успех*

ABSTRACT

In modern society, as a result of dynamic development and significant changes, there was a desire to discuss "a new culture of success" very intensely, and also talk about "positive" or "perfect" success as a socio-cultural phenomenon characterizing the life strategies of modern people. The report takes into account the fact that the attitude to success, its content, the way of achievement and the forms of manifestation, to its bearers traditionally identifies the cultural models of human behavior and communication in society, which often postulate the cult to success and turn it into a national philosophy. In the focus of the study are attributive phrases with a lexeme "success" in Russian and closely related to him Bulgarian language, which expresses an explicit evaluation of those speaking on the relation of success, as well as implicit ways of conveying the evaluation of this phenomenon in the semantics of nominative components of word combinations with lexeme "success".

Ключевые слова: концепт „успех“, оценки, русский язык, болгарский язык

Keywords: the concept of success, evaluations, Russian, Bulgarian

Успех является достижением желанной цели и результатом целенаправленных усилий человека. И вместе с этим, успех является потребностью, благом, жизненной философией.

Достижение успеха – важный социальный ориентир современного человека, имеющий отношение к смыслу жизни, житейским целям и стратегиям, к ощущению счастья и удовлетворения жизнью.

Отношение к успеху, его содержанию, к способу достижения и формам проявления, к его носителям традиционно обособляет культурные модели поведения человека и коммуникации в обществе, которые нередко постулируют культ к успеху и превращают его в национальную философию.

В современном обществе вследствие динамичного развития и значительных социальных перемен появилось стремление очень интенсивно обсуждать „*новую культуру успеха*”, а также говорить о „*позитивном*” или „*перфектном*” успехе как о социокультурном феномене, характеризующем жизненные стратегии современных людей.

В созвучии с этим, современные концепции рассматривают *личность* как „*мощную константу успеха*”, а успех как „*гармонию между личностью и средой*”. Именно „*успешная личность*” создает „*семантику культурной среды, которая является истинным отражением самого человека*”, считают философы (Розенберг 2001: 7)

Само сочетание прилагательного *успешный* с одушевленными существительными, называющими субъектов в самом генерализованном представлении /*личность/человек*/, в русском и болгарском языках является сравнительно новым творением, маркирующим сдвиги в социокультурных приоритетах общества (об этом также Левонтина 2008, Новиков 2011).

Подобные изменения и появление новых фрагментов в языковой картине мира русских и болгар привлекают еще пристальнее внимание к вербальной сфере концепта *успех* и, конкретнее, к оценочным словам в атрибутивных словосочетаниях с лексемой „успех“. Особенно интересно провести сопоставительные параллели, поэтому анализ лингвистической информации русского, болгарского, а также английского языка, нам кажется актуальным.

Следует сказать, что в самом прототипическом понятии об успехе содержится элемент оценки (позитивной), так как успех (согласно словарным определениям) – это *положительный* результат, *благоприятный* исход, *удачное* завершение чего-л. (*победа в поединке, хорошие результаты в школе*), в англ. *хороший* результат, *степень достигнутого*: *a degree of succeeding, a good result*), в болг.: *сполучливо* постигане на цел, *сполука* в начинание, в постигането на цел).

В словарных определениях, некоторые из которых мы процитировали выше, *успех* представлен как позитивное явление *эксплицитно* (преимущественно в атрибутивных словосочетаниях), и *имплицитно* (в семантике номинативных компонентов в словосочетаниях): напр., в болгарском словарном определении: *сполука* (*успех, благополучие,*

добро), в русском: **удача** (счастье, везение, счастливый исход, успех), **победа** (успех, надмощие), **одобрение** (признать уместным, добрым), **признание** (не отрекаться добро, ценить талант и заслуги, оказывать почет), **повысить** (сделать больше, выше, увеличить силу или степень чего-либо).

В английских словарных статьях употребляются также самые разнообразные критерии оценки успеха: согласно вертикальной шкале (**high, low**), в количественном (**much**) и качественном измерении (**any, a real success story, great, huge success**).

При этом качественную оценку получает как достижение, так и субъект достижения: *become popular, doing well and becoming famous, rich*.

Но больше всего критериев оценки и множество самых разнообразных качественных определений, „успех” получает в реальной речевой практике.

Наблюдения над современной публицистикой и медийным дискурсом показывают, что сущность успеха раскрывается в метафорах: успех имеет количество, качество, форму, внешний вид, масштаб, уровень, степень, процентный состав, цену, вкус, виды и др., сам успех “превращается” в критерий, показатель, тест, ориентир:

„Успехът на един живот се мери с това, дали човек е щастлив” // „Успех жизни измеряется тем, счастлив ли человек” (Георгиев, Стайков, Спахийски 2012:157)

„Парите мерило ли са за успеха?” // „Измеряют ли деньги достигнутый успех?” (Георгиев, Стайков, Спахийски 2012: 96, 144)

„Каква е цената на успеха? Цената на успеха винаги друг я определя” // „Какова цена успеха? Цену успеха всегда определяют другие” (Георгиев, Стайков, Спахийски 2012: 96)

„Как изглежда успехът – има ли цвят, има ли мирис?” // „Как выглядит успех? Имеет ли он цвет, запах?”

„Няма цвят, няма мирис. Много е важно да мислиш” // Не имеет цвета, не имеет запаха. Очень важно уметь думать” (Георгиев, Стайков, Спахийски 2012: 183)

„Неуспехът е най-големият тест за един човек” // „Неуспех является важнейшим тестом для любого человека” (Георгиев, Стайков, Спахийски 2012: 166)

„Успехът е 97% работа и 3% талант” // „Успех – это 97% работы и 3% таланта” (Георгиев, Стайков, Спахийски 2012: 77)

„Шанс! Шанс 50:50” // „Успех – это шанс. Шанс 50:50” (Георгиев, Стайков, Спахийски 2012: 104)

„Какво е успехът? Успехът е нищо. Успех е да намериш себе си” // „Что такое успех? Успех – это ничто. Успех означает найти себя” (Георгиев, Стайков, Спахийски 2012: 16)

„Что является **критерием успеха**? У этой проблемы две стороны — внешняя и внутренняя“. (Рубинштейн 2007: 36)

„**Единой планки успеха нет и быть не может. Происходит это оттого, что масштаб успеха — понятие очень относительное. Настоящий успех абсолютен для любой системы координат, а не только для личной**“ (Трунин, 2006)

В речевой практике наблюдается также огромное количество атрибутивных словосочетаний с лексемой „успех“.

Словарь русской идиоматики (Academic, 2011), например, содержит данные о 47 таких словосочетаний:

баснословный успех, безумный успех, беспримерный успех, бешеный успех, большой успех, бурный успех, великий успех, внушительный успех, впечатляющий успех, выдающийся успех, головокружительный успех, грандиозный успех, громадный успех, замечательный успех, значительный успех, исключительный успех, колоссальный успех, крупный успех, наибольший успех, настоящий успех, небывалый успех, невероятный успех, невиданный успех, неимоверный успех, немалый успех, необыкновенный успех, необычайный успех, неопиcуемый успех, неслыханный успех, оглушительный успех, огромный успех, ошеломляющий успех, полный успех, поразительный успех, потрясающий успех, серьезный успех, сногшибательный успех, совершенный успех, солидный успех, стопроцентный успех, сумасшедший успех, триумфальный успех, удивительный успех, фантастический успех, феноменальный, успех, чрезвычайный успех, шумный успех’.

Примечательным фактом отражения феномена успеха на страницах и русской, и болгарской современной прессы является персонификация его сущности: об успехе люди говорят как о человеке. Но это человек исключительной породы – у него гиперболизированы до крайности все черты, все характеристики.

Успех имеет *размеры* /р. крошечный, маленький, большой, крупный, громадный; б. малък, голям, огромен/, *внешний вид* /р. солидный, полный; б. солиден, красив, пълен/, *рост* /р. высокие успехи; б. висок, нисък/, *характер* /р. скромный, серьезный, верный; б. жесток, скромн, верен, лъжлив/, *ментальный статус* /р. безумный, бешеный, сумасшедший; б. нормален/, *материальный статус* /благополучный; мизерен/.

Но самое большое число определений зафиксировано в сфере функциональной природы успеха - его *воздействия на окружающих*: на их *зрение* /р. блестящий, блистательный, невиданный; б. явен, неявен, видим, виден, бляскав, искрящ/, на их *слух* /р. оглушительный, громкий; б. мълчалив, шумен, оглушителен/, на *равновесие воспринимающего* /р.

головокружительный, сногшибательный, ошеломляющий, потрясающий; б. зашеметяващ, потресаващ/.

Экспрессия современной речи порождает даже некоторые „опасные“ для очевидцев „формы успеха“, которые содержат угрозу для их жизни: *смазващ, размазващ успех* /букв. раздавливающий, уничтожающий/:

„*Бляскав и смазващ успех на нашите волейболисти*”.

„*Смазващ успех на новия албум на групата ...*” (материалы печати).

В британской речевой практике очень часто как успех, так и его оппозитная сущность – неуспех (и в особенности субъект, испытавший его), - получают качественную оценку в словосочетаниях с прилагательными *good, bad, wrong* (хороший, плохой, неправильный):

„*Well, I think there are actually two kinds of success: good success and bad success. Someone may seem to be successful, but there is no guarantee that it's a good success. Probably that's a bad one. Hence, it is important for us to distinguish between these two kinds of success to make sure that we are not falling to the wrong one*” // „*Я думаю, что есть два вида успеха: хороший и плохой успех. Кто-то может выглядеть успешным, но нет гарантии того, что это хороший успех. Вполне возможно, что это плохой успех. Следовательно, для нас важно разграничивать эти два вида успеха, чтобы не выбрать неправильный*“ (Смит, 2004: 174)

В связи с этим В.И. Карасик, сравнивая русскую и английскую лингвокультуры, указывает на факт принципиального отличия в них **оценки субъекта, потерпевшего неуспех**. Отсутствие удачи в русской лингвокультуре, пишет он, связано с обреченностью (*"неудачник в жизни, по жизни, в любви, бедный, вечный, во всем"*, МАС). Такие люди, пишет автор, вызывают сожаление. В английском *loser* осмысливается как „потерявший или проигравший состязание”, для англичан очень важно, чтобы человек мог преодолевать неуспехи с достоинством: *“A good loser is a person who behaves well and does not show their disappointment when they are defeated; a bad loser is a person who complains when they are defeated”* (Collins English Dictionary). Человек, потерпевший неуспех, не должен показывать своего разочарования и, что более важно, он не должен жаловаться. Критически оценивается неумение субъекта преодолевать трудности и неуспехи (Карасик 2002: 166)

Совет относиться к успеху и неуспеху, как к двум сторонам одной и той же сущности, содержится в знаменитой поэме “If” („Если“), 1910 г., британского писателя и поэта Р. Кипплинга, являющейся /по словам журналиста Дж. Уонзолла/ любимой для всех англичан. Хотя поэма адресована лично сыну писателя, она воспринимается как апофеоз этической житейской философии и послание каждому британцу.

Неслучайно, что именно эти строчки поэмы Р. Кипплинга об успехе и неуспехе записаны на сакральном для англичан месте – на теннисных кортах Уимбллдона.

“... If you can dream—and not make dreams your master;
 If you can think—and not make thoughts your aim;
***If you can meet with Triumph and Disaster
 And treat those two impostors just the same;***
 If you can bear to hear the truth you’ve spoken
 Twisted by knaves to make a trap for fools,
 Or watch the things you gave your life to, broken,
 And stoop and build ’em up with worn-out tools ...“
 “...И если ты своей владеешь страстью,
 А не тобою властвует она,
***И будешь тверд в удаче и в несчастье,
 Которым, в сущности, цена одна,***
 ... И если ты готов к тому, что слово
 Твое в ловушку превращает плут,
 И, потерпев крушенье, сможешь снова-
 Без прежних сил – возобновить свой труд”
 („If” Rydiard Kipling, 1910, перевод С. Маршака)

Динамично меняющийся фрагмент языковой картины болгар в сфере обозначения успеха и неуспеха характеризуется наличием калькированных из английского языка слов, которые наполняют содержанием новые явления в нашей жизни.

Этот факт особенно заметен в языке медий:

„***Правосъдие за лузъри***” (заголовок в газете „Стандарт” (номер 6779 от 30 .11. 2011).

В эту сферу входят также слова „лайфкоуч“ (тренер для успеха в жизни), „дауншифтинг“ (отказ от успеха) и др.

В своей диссертационной работе, посвященной концепту «успех» в русской и американской лингвокультурах, русский исследователь А. Андриенко анализирует успех как ценность и обращает внимание на факт, что в русском медийном дискурсе наиболее употребительной является пара антонимов ***истинный (подлинный, настоящий)*** и ***ложный*** успех. Для русского человека, пишет она, становится принципиальным различать успех „***настоящий***” и „***ложный***”, «ведь именно настоящий успех обладает ценностью» (Андриенко 2009):

«***Успех мнимый и подлинный***, различать эти понятия очень важно... ***Подлинный успех*** всегда предполагает наличие внутренней удовлетворенности, идущей из глубины человеческого существа, веру в себя и в свои возможности» (Ключников 2002: 15).

А. Андриенко также указывает на наличие таких прилагательных с признаком отрицательной оценки в русском языке, как: ***дурной, незаслуженный, пустой,***

незначительный успех, что говорит о полярности ценностной составляющей успеха в русском обществе. Это, согласно автору, можно объяснить исторически сложившимся скорее отрицательным отношением к концепту «успех» в русской культуре (Иванова, Андриенко, 2014: 12)

Тем не менее, несмотря на употребление прилагательных с отрицательной оценкой в сочетании с ключевой лексемой *успех*, концепт «успех» в русском медийном дискурсе в широком смысле, отмечает А. Андриенко, несет положительное значение, рассматривается как ценность, благополучие и предмет стремлений:

«Истинная успешность – это, во-первых, сплав более-менее благоприятных внешних обстоятельств, внешних условий; во-вторых, более-менее благоприятное внутреннее состояние» (Ключников 2002: 189).

Итак, для нас было важно наблюдать, как носители русского, болгарского, а также английского языка говорят об успехе, какие языковые средства ими используются для воплощения своих взглядов, каким образом на базе этих данных можно смоделировать содержание концепта „успех“, параллельно изучая значимое в установках и ценностях современных носителей болгарского, русского и английского языков по отношению наблюдаемого феномена.

Разделяя позицию Н.Д. Арутюновой о том, что „оценки представляют собой специальный когнитивный акт, в результате которого устанавливается отношение субъекта к оцениваемому объекту, чтобы определить его значение для жизни и деятельности субъекта” (Арутюнова, 1999), мы считаем, что ценностям и формулируемым на их основе оценкам следует уделять большое внимание в процессе изучения любого языка как иностранного.

Список литературы

- Андриенко А.А. (2009): Концепт „успех” в американской и русской культуре. Автореферат дисс-ции на ... уч. с-ни канд. филол. наук. Ростов-на-Дону.
- Арутюнова Н.Д. (1999): Язык и мир человека. Москва: Языки русской культуры.
- Георгиев А., Стайков Г., Спахийски Е. (2012): Модельт на успеха 22. Или как да успяваш в България. София: Училище за успех.
- Иванова Н., Андриенко А. (2014): Концепт „успех” в ценностном и языковом измерениях в болгарской, русской, британской и американской лингвокультурах. Съпоставително езикознание, София: 1, 5 – 20.
- Карасик В.И. (2002): Культурные доминанты в языке. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 166 – 205.

- Ключников С.Ю. (2002): Фактор успеха: Новая психология саморазвития. Москва: Беловодье.
- Левонтина И.Б. (2008): Шум словаря. Москва: „Знамя”, 8.
- Новиков В.И. (2011): Словарь модных слов. Москва: Аст-пресс книга.
- Розенберг Н.В. (2001): Архитектоника успеха в культуре. Автореферат дисс-ции на ... уч. с-ни канд. филос. Наук. Тамбов.
- Рубинштейн Н. (2007):Тренинг жизненного успеха. Москва: Эксмо.
- Смит / Smith S. (2004): Money for life. Success Planner. Chicago: Dearborn Trade Publishing.
- Трунин Р.А. (2006): От мечты до успеха. Москва: Эксмо.

ВАРИАТИВНОСТЬ РЕАЛИЗАЦИИ КЛЮЧЕВОГО КОНЦЕПТА ХЛЕБ В РАЗНЫХ ТИПАХ РУССКОЙ РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ

Иванцова Екатерина Вадимовна
Томский государственный университет, Россия
ekivancova@yandex.ru

THE VARIETY OF THE KEY CONCEPT BREAD IN DIFFERENT TYPES OF RUSSIAN SPEECH CULTURE

Ivantcova Ekaterina Vadimovna
Tomsk State University, Russia

АННОТАЦИЯ

В статье ключевой концепт русской культуры ХЛЕБ рассматривается в аспекте изучения константных для всех представителей русского этноса характеристик и вариантных различий в отдельных его стратах. Материалом для анализа послужили данные устной повседневной речи рядовых носителей языка, представляющих разные типы речевой культуры: городского населения, владеющего литературным языком, и диалектоносителей сельской местности.

ABSTRACT

In the article the Russian culture's key concept "bread" is considered to be an aspect in investigation of the Russian ethnic representatives' constant references and variant differences in its separate stratas. The material of the research is presented in the facts about ordinary speakers' everyday oral communication. The speakers are presented by townsfolk, using literary language, and village inhabitants, using dialects.

Ключевые слова: концептосфера, хлеб, русский язык, говоры, литературный язык

Keywords: conceptsphere, bread, Russian language, dialects, literary language

*Исследование поддержано грантом Российского научного фонда (проект № 16-18-02043).

Изучение ключевых концептов национальных культур – одна из актуальных проблем современной науки о языке. К числу таких концептов относится ХЛЕБ. Этот элемент концептосферы различных этносов входит в класс первичных, базовых (по М.В. Пименовой), тесно связан и с материальной, и с духовной сторонами культуры; как культурная константа характеризуется устойчиво существующими длительное время чертами (Степанов 1997: 84). В то же время каждый этнос, наряду с общими закономерностями, имеет свои варианты реализации таких констант; более того, внутринациональные сообщества также дают основания говорить об их вариативности. Эта вариативность является предметом настоящего исследования.

Концепт ХЛЕБ в русистике изучался как внутриэтнически (Синячкин 2002), так и в сопоставительном аспекте с английской, англосаксонской, американской, немецкой, таджикской лингвокультурными общностями (Решке 2012, Мирзоева, 2016, Плисов, 2016 и др.). При его анализе авторы опирались в первую очередь на письменные источники: толковые словари литературного языка, собрания пословиц и поговорок, художественные тексты русских писателей (Синячкин 2002, Дружинина 2016). Обращаясь к народно-речевой культуре, ученые в качестве главного источника привлекали известный «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля; рассматривался также диалектный материал говоров Среднего Прииртышья (Зинковская 2006, Мирзоева 2016). В то же время данные устной речи рядовых говорящих, представляющих собой основную массу носителей национального языка, на диалектном материале изучены слабо, а на литературном пока не рассматривались вообще.

В настоящей статье концепт ХЛЕБ анализируется с опорой на повседневную речь рядовых носителей русского языка в ситуациях неофициального общения. Ставилась задача сопоставления реализации данного концепта у носителей литературного языка, живущих в городе, и диалектоносителей, жителей сельской местности.

Источниками речевого материала послужили данные подкорпуса устной речи и диалектного подкорпуса Национального корпуса русского языка (НКРЯ); в связи с незначительным объемом областных текстов в НКРЯ привлекался также создаваемый учеными ТГУ Томский диалектный корпус – архив экспедиционных записей речи носителей русских говоров Среднего Приобья (ТДК). Для адекватного сопоставления в подкорпусе устной речи горожан, очень пестром по своему составу, была сделана выборка контекстов, записанных в бытовой коммуникации.

1. Материал дискурсивной практики носителей сопоставляемых типов речевой культуры показывает, что максимально широко концепт ХЛЕБ вербализуется в **диалектной языковой среде**. Именно здесь он полноценно представлен в системе значений, отражающей все ипостаси проявления этого понятия в национальной культуре.

Денотативный слой концепта, соотносимый с этим значением, включает ряд его общих и частных номинаций. Растущий хлеб в диалектном дискурсе обозначается прежде всего родовой лексемой *хлеб* (*хлеба'*); в НКРЯ встречается, кроме того, слово *жито*, обозначающее всякий хлеб в зерне или на корню и более конкретные виды зерновых. Среди видовых наименований относимых к хлебу культур отмечены как наиболее частотные злаки *рожь*, *пашени'ца/пшеница*, *ячмень*, не являющаяся злаком *греча* 'гречиха', а также названия злаковых растений по времени посева *озимые* (*зимовка*) и *яровые*.

Хлебопашество как основное занятие крестьян (*Раньше занимались хлебопашеством*) соотносится с обширным полем обозначений трудовых процессов, связанных с выращиванием хлеба, – от подготовки земли под пашню до получения зерна нового урожая: землю *обрабатывали* (*корчевали, копали лопатами, пахали сохой, позднее плугом*); хлеб *выращивали* (*сеяли, пололи, поспевшие зерновые убирали: косили/жали, снопы вязали на полях, скирдовали, на конях возили или на себе таскали собранный урожай*), затем *молотили, сушили...*

В речи сельчан запечатлен коллективный и личный опыт жизни крестьянина, в которой родители приобщали детей к труду с раннего детства: *Меня жать повели семи годов, я ещё не умела, поставили в бороздку: «Ну вот ты жни, дак колос не оставь да и не окроши»; Потом стала работать, маленькая, пошлют колос собирать, хлеб полоть на поля. Вот нас увезут туда на целый день, мошкара' ест, а мы работаем.* Концепт ХЛЕБ в народной среде, несомненно, имеет связи не только с концептом ТРУД, но и с концептом ТРАДИЦИЯ. Привычный цикл трудовой деятельности крестьян, при котором затраченные силы обеспечивали их одним из главных продуктов питания до следующего полевого сезона (*А раньше от что: полоса своя, жито кажное дак нажнут, да соберутся, оммолят, да в гувно в анбары сносят свой хлеб, намелют да пекут, едят*), воспринимался как сложившаяся столетиями норма жизни. Сворачивание земледелия расценивается как исчезновение *порядка*, поддержание которого – основа традиционной народной культуры: *На земли порядка нету, теперь хлеба не сеем, ничё... ну пусть там где-то что-то, а здесь хоть бы животноводство можно держать ведь – всё прекратили.*

Закономерным следствием включенности выращивания хлеба в личную сферу земледельца и тяжелого труда, вложенного в получение урожая (*А серпом раньше хлеб жали. Ух, тяжело было. Всё на руках; Ночью стирдова'ли, дня не хватало; жнёшь-жнёшь, пошто'-то итека'ли руки шибко, итойдёт, ить работа-та чижёла; Да вручную жали, да вручную молотили молотилками, вот так, всё везде выгребешь, чтоб зёрнышко никуда не улетело, хлеб берегли, как он трудом-то доставался везде. (...) тяжело кусок доставался*), является развитый аксиологический слой концепта. Ценность хлеба обусловлена связями концепта ХЛЕБ и с концептом ЖИЗНЬ: *Приехали туда, а там мороз ударил, хлеб побило, хлеб убил и всё, жить нечем было. Гибель хлеба в условиях неурожая влекла за собой голод и возможную гибель крестьянской общины. Оценки растущего хлеба и потенциального урожая всегда носят прагматический характер: *Весна холо'дна была. А хлеба хороши'; Худой хлеб уродился / не налилось ничё одна пелёва.* Эстетические оценки не зафиксированы.*

Диалектные тексты о выращивании хлеба репрезентируют и разнообразные лингвокультурные смыслы, отраженные в приметах, обрядах, верованиях носителей

традиционной культуры. Качество будущего урожая предсказывается во многих народных прогнозах: *Комары толкут к хорошей погоде и если высоко над землёй толкут – значит к высоким хлебам, а низко – значит к маленьким хлебам; На голой лес гром – тожо скота... тожо будёт для хлеба, для урожая.* Показательно, что во втором высказывании *хлеб* становится ситуативным синонимом к *урожай*. В новогоднем обряде обсыпания зерном хлеб приобретает символическое значение достатка семьи: *Родные пришли, ворота на палке, палку сломали и кучей завалились, и к нам, в Новый год этот. И всё пшеницей нас обсыпали. (...) И они нас пришли обсыпали, и давай угощать мы их. И опять вот так справили Новый год. [А зачем обсыпали?] Как? А это что, это чтоб всё было по'лно. Да, в этом году чтоб всё было по'лно, вот так.*

Не менее значимое место в сознании диалектоносителя занимают представления о хлебе как продукте питания.

Денотативный слой этой области концепта представлен лексемой *хлеб* со значением 'вид несладкой выпечки из дрожжевого теста на основе муки (чаще всего пшеничной или ржаной' и названиями разновидностей этой выпечки. В зависимости от того, из какого зерна была смолота мука, выделяется базовая оппозиция *ржаной/аржано'й – пшеничный/пашени'чный* хлеб с синонимичной ей парой антонимов *чёрный – белый* хлеб; для хлеба из высококачественной белой муки, напоминающей крупинки, отмечена номинация *крупчатка*. В некоторых говорах для пшеничного хлеба сохранялось древнее обозначение *пирог* (*Аржаной был хлел, а пашани'чный – пирóх*), за которым теперь закрепилась иная семантика. В диалектах зафиксированы названия хлеба, различавшегося местом и способом выпечки, формой и размером (*подовый хлеб, хлеб на капустных листах, ленивый хлеб, калач, шарaban, каравай* и др.), часто встречается описание их признаков.

Единичный продукт несладкой выпечки из муки, изготавливаемый в русской печи, обозначался лексемой *хлеб* (*хле'бы сажали в печь*), *булка* (*булочка*) или *буханка* (*буханочка*); магазинный хлеб называется также *кирпичом*. В числе обозначений частей испеченного хлеба отмечены *кусок* (*кусочек*), *корка* (*корочка*), *мякиш* (*мякишок*), *крошка*. Отдельную номинацию *сухари* (*сухарики*) имеет особая разновидность разрезанного на части и высушенного хлеба, значимая как способ сохранения черствеющей или не доеденной выпечки для последующего использования.

В синтагматических связях обозначений хлеба находят отражение нормативные свойства этого пищевого продукта: свежесть, пышность, ароматность, вкус. Отмечены и общие оценки (*Мама пекла хороший хлеб (...), а другую поставили, шестьсот грамм, [стучит по столу кулаком — 'твёрдый'] и его только топором разрубить надо, ну он нехороший хлеб*),

и множество частноценочных характеристик (*Хлеб раньше вкусный был. Хлеб выставляют – дух приятный, а щас... Калач-то состряпашь, его вот сожми, а он вот так разойдётся; А он высокой, да мягкой. Хорош хлеб!; Да как вытащишь хлеб из пещки, да вот такой румяный, зажаристый, вот радости было!; Таки булки здоровые были – пышные*). Заметим, что здесь встречаются не только прагматические, но и эстетические оценки. Аксиологический слой концепта характеризуется осознанием высокой ценности хлеба. Он считается главным видом пищи, основой пищевого рациона. Наряду с собственно пищевой значимостью, такое восприятие обусловлено и вложенным в него трудом, и включенностью в сферу своего: *Раньше ещё спишь, хозяйка уже на ногах – стря'пат; Пекли хлеб. Раньше ведь не было в магазинах хлеба*. Традиционная крестьянская культура предполагала не только выращивание зерновых, но и выпечку домашнего хлеба, входящую в обязанности хозяйки. В диалектном дискурсе нередко описываются ситуации выпекания хлеба в своей семье, в том числе самим повествователем. Многочисленны номинации процесса с родовым названием *стряпать* или *печь* хлеб: *варили* из хмеля дрожжи, *заводили*, *заквашивали* квашню/тесто закваской, *месили* тесто, помельником *выметали* печь, *хлёбы сажали* в печь. Ценностные коннотации лексемы *хлеб* отражают также диминутивные формы *хлебец*, *хлебушек*, *мякишок*, *булочка* и подобные, распространенные в речи диалектоносителей.

Частотны при реализации этого смысла концепта оппозиции *раньше/теперь* и *свой/покупной*, свидетельствующие о тесной связи концептов ХЛЕБ, ВРЕМЯ и СВОЁ: *Корку щас не разжужёшь. А раньше, если корочка засохнет, станешь ись, положишь в рот, а он так и рассыпа'тся; И хлеб, дак хлеб-то был не такой, как сеча'с мы едим в То'мскем. (...) Его отрежешь, вон и не крошится, ничё, а щас чуть маленько его отрезать нельзя; А хлеб какой вкусный был. Такого щас хлеба нету; Вы знаете, хлеб, он чем был лучше – выпечка была своя. (...) Конечно, с сегодняшним не сравнишь; Хлеб покупа'м, но и сами пекём. Свой хлеб какой-никакой, всё одно вкусней. Сам подмешаешь чё в тесто, а в магазине из чего попало сделан*.

Оценочная составляющая концепта поддерживается в народной культуре и исторической памятью, вобравшей в себя коллективный опыт предшествующих поколений о *бесхлебице* как следствии неурожая и личный жизненный опыт крестьян о полуголодном существовании их самих и их детей в годы войны: *Путявого хлеба в войну не видели; А как питались-то? Что мы ели? Да что дадут – хлеба граммов триста, а то и совсем уж двести граммов – и эт на весь-то день для человека, которы[й] весь день работат; Хлеб пекли: с ведро картошки, чашечку муки; Я не помню, чтоб у нас было вдоволь хлеба там...*

С хлебом как продуктом питания в народно-речевой культуре связаны разнообразные лингвокультурные смыслы, воплощаемые в обрядовых и магических действиях: в дискурсе

описывается «забытый хлеб», помогающий забыть горе, страдание (*Забытой-то хлеб йшли чтобы забыть. Например вот человека забыть*); гадания (*Иголку улепят в шерстяну нитку, поставят хлеб да соль, печину и уголь*), первый выгон скотины (*Вот буханку хлеба такую испекут, каравай, соли солоницу на каравай и вот пойдёт скотину выгонять*), свадебный обряд (*В избу-ту заходят молодые, дак испекут каравай такой красивой хлеба, и кто больше кусит: жених или невеста кусают*), похоронный обряд (*вот когда провожают душу. Был тако принято кусочек хлеба, на этот хлеб соль крестом де делали и куда-то водички*) и поминальный обряд («*Ты меня уж приди на могилку-ту да и помяни: "Помяни, Господи, там Марью Петровну хлебом и солью, там вечная ей память, вечный покой!"*»), наговоры от болезней (*Она мне вот нащептала на хлеб, кусочек на хлеб, да на соль, вот, на, говорит, прижмай, где зуб болел, прижмай и залезай на печь, и всё (...) я только на печь зашла, у меня сразу же зуб затих, ну, сходу, я сразу же заснула*) и т.д. В большинстве случаев хлеб упоминается в сочетании с солью; оба продукта у славян обладают сакральными и магическими свойствами (Славянские древности 2012. Т. 5: 434–437). В этой же комбинации они употребляются и в обрядах, связанных с содержанием животных: *Идёшь по волости вот, ну, хотя бы по деревни, собираешь у коровы шерсть и муки берёшь у хозяйки, потом перемешаешь всё и в печь. Такой же хлеб, потом коровам раздаёшь. Чтоб коровы ходили в стаде дружно*. Обряды с хлебом восходят к глубокой древности и отражают специфику культуры славянского этноса.

Образный слой лексемы *хлеб* в диалектном дискурсе представлен минимально. Во фразеологизме *зарабатывать на кусок хлеба* (*Мне вот семьдесят лет, а я всё работаю, кусок хлеба зарабатываю*) прочитывается семантика ‘пища вообще, пропитание’ на основе метонимического переноса. Частотная в деревенской среде просьба о деньгах в долг *на булку хлеба* не позволяет однозначно сказать, имеется ли в виду в этих случаях любая пища или же самый распространенный и сытный вид выпечки (*Даа, дак это торкаются-торкаются денег на булку хлеба [просят]*). Как можно видеть, смысловые области рассматриваемого концепта явно отражают конкретность мировосприятия действительности диалектоносителями.

2. Материалы **бытового дискурса городской речи** показывают довольно существенно отличающуюся картину вербализации концепта ХЛЕБ.

В палитре смыслов концепта хлеб как злаковое растение здесь почти не отражен. Единичные высказывания, зафиксированные в устном подкорпусе НКРЯ, связаны с воспоминаниями об участии в сельскохозяйственных работах тех, кто провел свое детство в деревне (*полевые бригады были / вот // Я ещё помню в школу ходила / семь классов я тут закончила / (...) / мы пшеницу пололи / ещё помню я жала... серпом хлеб // Оот так вот*

перевёсла делали / делали эти оот ...снопы / а потом таскали эти снопы), и спонтанным пересказом художественного текста (*крестьяне / занимаются / э-э серьёзными видами сельского хозяйства: / они / сеют хлеб, / м-м / э-м пасут коров, / ну вот, э-э / сады разводят...*). Оценочные характеристики растущего хлеба, связанные с ним обряды, поверья, приметы в этих контекстах отсутствуют.

В материалах устной речи горожан на первый план выдвигается представление о хлебе как продукте питания.

Денотативный слой этой составляющей концепта, как и в диалектном дискурсе, широк. Названия хлеба встречаются обычно в двух ситуациях: покупка хлеба и семейное общение.

Микродиалоги покупателей с продавцом в магазине фиксируют многочисленные наименования видов хлебобулочных изделий: *Здравствуйте. Дайте / пожалуйста / хлеб украинский; У вас за шестнадцать чёрный есть?; Столовый есть хлеб?; Есть городские? Серого нет хлеба?; Две по семь и четвертинку орловского*. В таких высказываниях имеют место официальные обозначения сортов хлеба (*орловский, столовый, украинский, московский, балаковский турецкий*), названия по виду муки (*серый, чёрный, белый*), замещающие их указания на цену (*за шестнадцать; по сорок копеек*) или их комбинации. В бытовой коммуникации между родственниками упоминания сортов редки; как правило, используются прилагательные *серый, белый, чёрный*: *Посмотри / там хлеб нужен? – Да / и белый и чёрный*. Здесь частотна констатация отсутствия хлеба в доме (*У нас дома хлеба совсем нет*) и конструкции с глаголом *купить/взять* (*Я сейчас думаю сходить в магазин/ у меня захон... закончился хлеб – ну-нужно купить; А у нас магазин на Жуковке был/ я зашёл/ я зв/ «А можно булку взять хлеба?»*). Таким образом, в городском дискурсе, в отличие от сельского, хлеб выступает только как продукт потребления.

Названия единиц выпечки хлеба немногочисленны: *булка, буханка, каравай*; в речи эти номинации не семантизируются как общеизвестные. Встречаются обозначения частей формового хлеба: *корочка, кусочек, горбушка, ломоть*; *сухари* упоминаются в основном среди магазинных покупок.

Круг оцениваемых с позиций нормы свойств хлеба более узок, чем у диалектоносителей: отмечается только степень его мягкости (*Мне тоже нравится этот магазин, там всегда мягкий хлеб и выпечка; Это из чёрствого хлеба / это совсем другое*) и вкус (*Абсолютно, безвкусный хлеб; Хлеб какой пресный/ вообще несоленый!*). Они выстраиваются в оппозиции с диаметрально противоположными коннотациями: *мягкий – чёрствый, свежий, свежий – вчерашний, вкусный – безвкусный, пресный*. Встречаются также утилитарные оценки цены

хлеба (*Эх и времена пошли сейчас / бывало / хлеб стоил копейки / а теперь!*). Эстетические оценки испеченного хлеба не отмечены.

Аксиологический слой концепта хлеб у горожан тоже достаточно развит. В городской среде сохраняется поговорка *хлеб – всему голова*, декларирующая главенство, чрезвычайную важность этого пищевого продукта в жизни людей: *Они сейчас повысят на хлеб/ и действительно компенсируют/ хлеб всему голова// а потом отсюда всё будут считать// хлеб повысили в два раза/ значит и мясо тоже// а потом уже без компенсации//*. Ценностный статус хлеба у старшего поколения поддерживается воспоминаниями о недостатке хлеба в тяжелые военные годы и получении его по карточкам: *Вот я всё своё детство стояла за хлебом в очереди// огромные очереди/ вот у меня и воспоминания моего детства//; хлеб много значил и те продукты/ которые давали в институте по карточкам*. Память наших современников хранит и знание о блокадном Ленинграде, когда ощущался прежде всего недостаток хлеба: *А то будем как в голодном Ленинграде/ по корочке хлеба будем выдавать*. Вместе с тем оценочность выпеченного хлеба в обществе потребления ослаблена за счет того, что здесь отсутствует связь с концептом СВОЁ. Диминутивные формы к лексеме *хлеб* в устном корпусе НКРЯ есть (*Дай хлебушек белый нам тоже. – Берите хлебушек. (...) Давайте салатик; Что ты жрёшь опять? – Хлебец... Хочу и тебя угостить... [Разговор двух студентов]*), но гораздо реже, чем в его диалектном подкорпусе и ТДК. Редко вербализуется и оппозиция *раньше – теперь*, соотносимая с концептом ВРЕМЯ.

Лингвокультурный слой концепта, связанный с хлебом как продуктом питания, в городской среде носит иной характер, чем в среде носителей местных говоров. В нем не выявлены приметы; единственное упоминание обряда встретилось только при пересказе фильма, где урядника *встречают хлебом-солью*. Слабый отголосок славянских верований можно увидеть в сохранившемся и в наши дни прецедентном тексте детской игры: беря в руки божью коровку, дети говорят: «Божья коровка, улети на небо, принеси нам хлеба, черного и белого, только не горелого». Мифологическая подоплека этого обряда забыта, но в записанном фрагменте речи 20-летней девушки с рефлексией над данным текстом отражается осмысление хлеба как главного для русского этноса, национально-специфичного продукта питания: *Бред какой-то / я представляю китайца / который уговаривает божью коровку принести ему хлеба / чёрного или белого / скорее бы он попросил риса*. В аллюзиях горожан к библейским текстам упоминаются устойчивые словосочетания *хлеб насущный* и *добывать хлеб свой в поте лица/в трудах: когда от этого зависит твой доход / твой хлеб насущный / тогда ты произвольно подстраиваешься [рассказ предпринимателя]; Мне тут дали сборник рецензировать/ (...) и вот одна из статей посвящена Библии// (...) когда/ Адам и Ева*

согрешили/ то там было сказано/ что Адаму/ нужно будет после этого/ в трудах добывать хлеб свой// – В поте лица своего//. Встретилась также трансформация восходящего к временам римской империи выражения *хлеб и зрелищ*, автором которого является Ювенал: [№ 3] *Это всегда было в женском характере. Они требовали зрелищ / [№ 2] Крови и хлеба. [№ 3] Крови / хлеба. Ходили на бой быков / Смотрели на гибель гладиаторов / понимаешь.*

Образный слой концепта ХЛЕБ в разговорной речи жителей города, как и у диалектоносителей, незначителен. Ряд фразеологизмов также отражает семантику ‘пища, пропитание’. В их числе – *кусочек хлеба (Как мы жили / не спрашивайте. Вот сейчас всё плохо / плохо / плохо / но кусочек хлеба есть / и что-то надеть есть), попрекать кусочком хлеба (Я ей говорю / ты чё (...) / кусочком хлеба меня попрекать будешь?)*; это же значение прочитывается в выражении, восходящем к цитате из Ювенала. Во фразеологических библеизмах *хлеб насущный, добывать хлеб свой в поте лица* хлеб соотносим также со смыслом ‘необходимые для жизни, существования средства’: [Разговор о поступлении в институт] – *Большинство / ребят идут после этого на режиссерский факультет. – Потому что / ну это такое проходящее дело мало ли что такое случилось с голосом еще и ни... ты собственно говоря остался без кусочка хлеба [со смехом]*). Семантически близок к ним относительно недавно появившийся фразеологизм *заработать на кусочек хлеба с маслом: Почему-то я уверена / что тут у меня будет возможность заработать на свой кусочек хлеба с маслом...* Компонент *масло* вносит семы достаточности вознаграждения за труд, удовлетворенности размером заработка.

Сравнительный анализ вербализации концепта ХЛЕБ в дискурсе городского населения, владеющего литературным языком, и диалектоносителей из сельской местности позволяет сделать следующие выводы.

К константным чертам концепта, имеющим сходные признаки в рассматриваемых формах русского национального языка, можно отнести наличие а) ядерного репрезентанта концепта – многозначной лексемы *хлеб* – и ряда его дериватов; б) состава понятийных признаков, среди которых первоочередное значение для различных страт социума имеет представление о хлебе как продукте питания и его характеристиках; в) ценностных признаков концепта, осознаваемого как имеющего для человека особую витальную значимость; г) лингвокультурных смыслов, соотносимых с фольклорными истоками культуры этноса; д) слабое развитие образного слоя концепта в условиях повседневной коммуникации.

Сопоставление выявляет варианты данного элемента концептосферы, отражающие его трансформации. Лексические средства выражения концепта находятся в рассматриваемых дискурсах в отношениях пересечения, имеют общее ядро и несовпадающую периферию. В крестьянской ментальности важное место занимают представления о хлебе как злаковом

растении, дающем зерно, и самом зерне, почти не репрезентированные в речи горожан. Связи с концептом ТРУД, СВОЁ, ТРАДИЦИЯ в народно-речевой культуре проявляются более ярко. В диалектах значительно шире, чем в литературном языке, отражены символические смыслы концепта – «достаток», «гостеприимство», «жизнь», связанные с русской обрядностью, прецедентными фольклорными текстами. В бытовой речи носителей литературного языка отмечены аллюзии к письменным – библейским и художественным – источникам.

Диахронические трансформации концепта ХЛЕБ отражаются в архаизации части его языковых репрезентантов (более длительно сохраняемых говорами) и появлении новых единиц, в том числе фразеологических, постепенном редуцировании его аксиологической и символической составляющих в сознании носителей кодифицированного языка.

Список литературы

- Дружинина Е. В. (2016). Символизация как способ концептуализации (на примере репрезентации концепта «хлеб» в лирических текстах А.Л. Решетова). XXI век – время молодых. Пермь, 17–20.
- Зинковская Л. С. (2006). Репрезентация концепта ХЛЕБ в народно-разговорной речи XIX – начала XXI в.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Омск.
- Мирзоева З. Д. (2016). Концепт «ХЛЕБ /НОН» в русском и таджикском языках: дис. ... канд. филол. наук. Душанбе.
- Плисов Е. В. (2016). Образ хлеба в русской, немецкой и английской картинах мира. Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. 2 (28), 20–31.
- Решке Н. А. (2012). Концепт «ХЛЕБ/BREAD» в языковом сознании представителей русской, английской и американской лингвокультурных общностей. Общество: философия, история, культура. 3, 91–94.
- Синячкин В. П. (2002). Концепт «хлеб» в русском языке: лингвокультурологические аспекты описания: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва.
- Славянские древности: Этнолингвистический словарь (1995–2012). / Под общей ред. Н.И. Толстого. Т. 1–5. Москва: Международные отношения.
- Степанов Ю. С. (1997). Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. Москва: Школа «Языки русской культуры».

КОНЦЕПТ «ЗАКОН» В ЯЗЫКЕ СОВРЕМЕННЫХ СМИ (СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СОЧЕТАЕМОСТИ)

Ивина Мария Константиновна

*Военная академия материально-технического обеспечения имени А. В. Хрулёва, Россия
octavian75@yandex.ru*

Селиверстова Елена Ивановна

*Санкт-Петербургский государственный университет, Россия
selena754@inbox.ru*

THE CONCEPT "LAW" IN THE LANGUAGE OF MODERN MEDIA (THROUGH THE PRISMA OF LEXICAL COMPATIBILITY)

Maria Ivina

Military Academy of Material and Technical Support named after A. V. Khrulev, Russia

Elena Seliverstova

St.-Petersburg State University, Russia

АННОТАЦИЯ

В статье на примере публицистических текстов из Национального корпуса русского языка и отдельных периодических изданий рассматриваются вербализаторы концепта «Закон» в их контекстном окружении – преимущественно в сочетании с глаголами, что позволяет говорить о стереотипных представлениях носителей языка, складывающихся в отношении законов, их нарушения или законопослушного поведения, выявляются экспрессивные и эмоционально-оценочные коннотации. Язык СМИ как система, формирующая нормы и обогащающая русский язык современной лексикой, служит и источником новых семантических приращений, среди которых преобладают отрицательные. Выявляются отдельные признаки, характеризующие частные аспекты представления концепта.

ABSTRACT

In the article, using the example of journalistic texts from the National Corpus of the Russian language and some periodicals, verbalizers of the concept "Law" are examined in their contextual surroundings – mainly in combination with verbs, which allows us to speak about stereotyped representations of native speakers that evolve in relation to laws, their violation or law-abiding behavior, reveals expressive and emotionally-valued connotations. The language of the media as a system that forms norms and enriching Russian with modern vocabulary is also a source of new semantic attractions, among which negative ones predominate. Separate features that characterize the particular aspects of the concept presentation are identified in the course of analysis.

Ключевые слова: СМИ, концепт, закон, семантика, глагол, сочетаемость.

Keywords: media, concept, law, semantics, verb, compatibility.

Язык современных СМИ – безусловно, не только российских – явление специфическое. С одной стороны, он универсален: будучи «усредненным языком нации», он охватывает всю жизнь нации – все, что представляет общественный интерес (Солганик 2012: 17), практически все явления жизни общества, поэтому к сообщениям СМИ предъявляется требование быть предельно понятными, доступными. Очень точно эта мысль выражена Никласом Луманом: «...Они (масс-медиа) генерируют описание реальности, конструкцию мира, и это и есть реальность, на которую ориентируется общество» (Луман 2009: 252). С другой стороны, именно в язык СМИ «вбрасываются» новые оценочно-экспрессивные лексические единицы – при представлении на суд публики злободневных сюжетов, заострении наиболее актуальных тем. Язык СМИ, представляющий собой «широкое функционально-стилевое единство» и объединяющий языковые средства разных функциональных стилей (прежде всего газетно-публицистического), а также нелитературных средств (просторечие, жаргоны)» (Там же: 12), следует рассматривать как систему, участвующую в формировании новых норм в языке, лексическом обогащении и изменении русского языка. Журналист, с одной стороны, использует существующие в языке лексические единицы, а с другой – расширяет семантические и валентностные возможности слова, высвечивает новые грани концептов и понятий, отражающих мировоззрение и мировосприятие носителями языка окружающего мира и происходящего в нем, явления этноментального порядка.

Так, например, согласно данным наших наблюдений, термин *закон*, номинирующий важнейший правовой регулятор в обществе, утрачивает в целом свои строго юридические признаки: под законом все более понимается любое юридическое правило независимо от вида и уровня нормативного правового акта и органа, его издавшего, а также нормы поведения.

В качестве феномена современной отечественной правовой культуры исследователями отмечается наличие у ее носителей представления о необязательности закона, именуемое «правовым нигилизмом» (ср. выражение Дм. Галковского «чудеса законопослушания»), которое имеет глубокие исторические корни: оно связано с неприятием традиционным российским правосознанием формализации права на западный манер, его обособления от морали и исключения из него нравственных ценностей (Маховиков 2015: 19).

Проявления правового нигилизма, трактуемого как «релятивизация аксиологических установок сознания в правовой сфере, по отношению к праву» (Бугаенко 2014: 354), имеют различные формы выражения, среди которых – неверие в эффективность законов, осознанное игнорирование требований закона и несоблюдение установленных норм, противопоставление права (правды, идеала) закону (нормативному акту) (Шергенг 2005: 100), что, в свою очередь, объективируется в языке с помощью таких словосочетаний, как *подменять закон* (чем-л.),

смеяться над законом, прогнуть закон, надругаться над законом, сломать/подмять закон и др. Характер использования глаголов с общей семантикой подчинения (насилия) требует отдельного рассмотрения. Приведем пример: «Вот только что в Подмоскowie обнаружили не вполне обычного ветерана войны. <...> Этот лейтенант стал служить у немцев, да не просто так, а в карательном батальоне. По совести-то старик – предатель, а по закону – ветеран. <...> Можно, конечно, *прогнуть закон* и сказать: «Удостоверение на стол! И разговаривать с тобой нечего», но тут, все-таки, некоторый подвох. В законе никаких правил лишения нет. (Владимир Березин. Закон и благодать // Взгляд. Деловая газета. 04.06.2013).

В качестве одной из характерных черт русской души «наплевательство» и его отражение в языке стало предметом изучения не только юристов, но и отечественных лингвистов. Так, по мнению А.Д. Шмелева, сквозь русское «Плевать!» наряду с безразличием просвечивает идея ничегонеделания, «плевания в потолок» – порой предмета особой гордости, поскольку возвышает «плюющего» над житейской суетой (Шмелев 2002: 100-102). В выражении «плевать на закон» идея «ничегонеделания» преломляется в идею незаконного ничегонеделания, т.е., выражаясь строго юридически, в неисполнение установленных законом обязанностей, что влечет за собой неблагоприятные, юридически значимые последствия.

Анализ процессов вербализации лексическими средствами концепта «Закон», объективируемого в текстах современных российских СМИ, позволяет выявить как стереотипно-нейтральные, так и субъективно-оценочные представления носителей языка, ассоциативные ряды и связи, раскрывающие характер восприятия и осмысления концепта *закон* в русской лингвокультуре. Анализ проводится на материале публицистических текстов, представленных в Национальном корпусе русского языка и отдельных Интернет-источниках. Далее мы подробнее остановимся на одном из аспектов нашего более широкого исследования – отражении сквозь призму сочетаемости с глаголами русского языка представлений об отношении к закону.

Среди используемых со словом *закон* глаголов следует выделить отдельные группы слов: глаголы, способствующие реализации положительного (нейтрального) отношения к закону (1) и нигилистского – отрицательного отношения (2), а также указывающие на необходимость совершенствования законов как необходимом условии для их соблюдения.

В группу используемых со словом *закон* глаголов с положительным или нейтральным значением входят, во-первых, «нормативные» глаголы, вносящие семантику «законопослушности» – должного отношения к закону в гражданском обществе: *соблюдать закон, следовать закону (букве закона), подчиняться закону* и др. Это можно проиллюстрировать следующими примерами:

«В документе, аргументированном и жестком, ставится под сомнение стремление арбитражных судей *следовать закону*» (Евгений Толстых. До лампочки // «Совершенно секретно», 05.05.2003). «Протоирей Всеволод утверждает, что Церковь и ранее соблюдала закон о митингах» (Александра Сопова. Крестные ходы пройдут согласно новому закону о митингах // Известия, 13.06.2012). «Возвращаясь к вопросу про условные сроки, скажу, что Я всегда подчинялся закону» (Андрей Ванденко. Генеральный прокурор России Владимир Устинов: Беру под козырек и делаю! // Комсомольская правда, 25.02.2003).

В отношении среднего гражданина тема законопослушания развивается крайне редко, поэтому использование в контекстах таких выражений, как *дружить (с законом)*; *ладить (с законом)* и др., свидетельствует о желании говорящего акцентировать намеренно-положительное отношение к закону. Сам факт такого намерения говорит о допустимости и иного поведения, в этом можно усмотреть намек на прямо противоположное отношение к закону, наблюдавшееся, например, у определенного субъекта ранее, или отмечаемое у других людей, мысленно сравниваемых с говорящим, или косвенное указание на типичное до некоторой степени поведение в определенной сфере жизни и деятельности – в бизнесе и торговле, в политике, в криминальном мире.

Основная же особенность употребления словосочетаний *ладить с законом* и *дружить с законом* состоит в том, что в текстах СМИ они преимущественно встречаются с отрицательной частицей *не (не дружить / не ладить)*.

Глагол *ладить*, синонимичный выражению *быть в ладах* с кем-л., чем-л., выступает в значении ‘жить согласно, дружно; быть в ладу’ (СРЯ.2: 160), а отрицательная модель имеет, соответственно, противоположное значение – *быть не в ладах* с чем-л. означает ‘быть в разладе, иметь трудности при общении с чем/кем-л., противоречия во взглядах, позициях’ (Тихонов.1: 534).

Анализ текстов СМИ позволил выявить отдельные ситуации, характеризующиеся с помощью этого устойчивого выражения. Так, возможным является указание на противоречие между двумя нормативными правовыми актами, один из которых более высокого уровня, например: «Выступая на Совете Федерации, замгенпрокурора Сабир Кехлеров даже заявил, что закон о создании СК *не в ладах с Конституцией и международными нормами...*» (И к прокурору не ходи // Труд-7, 08.09.2007). В данном случае замену юридических терминов общепринятой лексикой можно объяснить стремлением журналиста сделать сообщение понятным любому читающему.

Изменения, происходящие с течением времени в окружающем мире, влекут за собой и изменения в правовом обеспечении общественной жизни. Это провоцирует порой ситуации,

когда существующий закон не может регулировать общественные отношения и квалифицируется в юриспруденции как «*мертвый закон*»: провозглашаемые им нормы не соответствуют реалиям времени, т.е. закон устарел и нуждается во внесении в него изменений и дополнений либо не учитывает всех возможных сложностей в определенном вопросе. Ср.: «Даже детально расписанный закон не может всего предусмотреть и зачастую оказывается *не в ладах и с реалиями жизни*, и со здоровой логикой, и с правами человека» (Виктор Баранец. Кому лопата милее автомата? // Комсомольская правда, 27.06.2007). Интересно отметить, что словосочетанием «мертвый закон» оперируют практически как термином: «Для того чтобы налоговая амнистия не провалилась, необходимо доверие к власти. Пока же не устранены причины, приведшие к нынешнему положению дел, рано обсуждать размеры платежа в бюджет при легализации доходов. “Иначе мы получим *мертвый закон*, а государство сможет говорить, что предприняло шаги навстречу бизнесу, а он на них не отреагировал”, – предостерегает г-н Беляков» (Екатерина Аккерман. Налогоплательщиков заманивают в западню // РБК Daily, 14.06.2006).

Быть с законом не в ладах – заниматься предосудительной, наказуемой деятельностью, допускать правонарушения – могут и отдельные лица: «...Правда, таким *он* был не всегда: *с законом не ладил* и даже отсидел восемь месяцев в тюрьме» (Алина Аляутдинова. Бэтмен спасает мир. За еду // Комсомольская правда, 14.03.2012); «Теперь, когда пролилась кровь, выяснилось, что *оба* и до армии *были с законом не в ладах*» (Сергей Ищенко. Дезертирство со смертельным исходом // Труд-7, 05.04.2001).

Глагол *дружить* ('находиться с кем-либо в дружбе' (СРЯ.1, 1983: 449), т.е. в дружеских, приятельских отношениях, быть друзьями'), обнаруживает в сочетаниях со словом *закон* широкий семантический спектр. Толковый словарь приводит также значение: 2. Перен. Любить что-н., иметь пристрастие к чему-н. (разг.) (Ожегов, Шведова 1992), что следует учитывать при трактовке отдельных примеров. Однако при огромном «арсенале» в русском языке лексических единиц для изображения отношений дружбы связь между субъектами, предполагаемая словом «друг», является наиболее крепкой (Вежбицкая 2001:112).

Сегодня в России «дружат» с законом как физические, так и юридические лица: «...Однако *с законом* этот фонд *дружит*, за рамки не вылезает, в “бархатных” переворотах не замечен» (Александр Коц. Запад уже дал деньги на «цветную» революцию в России // Комсомольская правда, 27.02.2007); «Они оделись в костюмы корсаров и ходили рядом с памятником Ленину с плакатами “*С законом дружи – не трожь гаражи!*”» (Итоговый выпуск (вечерний). – Екатеринбург // Новый регион 2, 11.01.2006).

Словосочетание *дружить с законом* составляет сейчас серьезную конкуренцию нейтральному выражению *соблюдать закон*. С одной стороны, оно вполне укладывается в устойчивую модель, обнаруживаемую, например, в обороте *дружить с головой*, отмечающем, как правило, некий «непорядок» и характеризующем необъяснимое поведение, нелогичные поступки, странные высказывания, непонимание простых вещей и др. Ср.: «Глава Минобрнауки призвала “дружить с головой” при планировании выпускных (заголовки) Ранее Ольга Васильева также критиковала излишние траты на организацию пышных праздников (подзаголовки)» (Life#Новости; URL: <https://life.ru/t/> – дата 15.04.2018).

Интернет-источники подтверждают и достаточно активное использование выражений *дружить/ не дружить с мозгами* (примеры заголовков в материалах Интернет-источников: Как подружиться с мозгами? Помогите, кто дружит с мозгами; Если ваша соседка не дружит с мозгами... и др.), *дружить/ не дружить с памятью* ... (примеры заголовков: Так давайте дружить... с памятью (статья о том, как тренировать память); Если голова с памятью не дружит), *с крышей не дружит* (выражение приводится в качестве синонима в ряду к слову *глупый*, *выжил из ума*, *без царя в голове*, *с головой не дружит* (Тришин 2013)) и проч.

Аналогичным образом выражение «кто-либо не дружит с законом» – а именно в конструкции с отрицанием и глаголом несовершенного вида) мы обнаруживаем его чаще всего – свидетельствует о беспорядке в отношениях с законом и, следовательно, о неправовых поступках и очевидной в этой связи запятнанности.

Однако случаев «отсутствия дружбы» с законом существенно больше. Следует отметить, что в данном случае выражение «они не дружат» используется преимущественно в качестве объяснения в ситуации, когда речь, в сущности, идет об информации негативного свойства, которую следует (полезно) знать о тех людях, с кем приходится иметь дело, поскольку она может сказаться на ходе общего мероприятия. Так, под пристальным оком журналистов оказываются, в первую очередь, как отдельные чиновники, так и целые организации: «Лидер “Справедливой России” Сергей Миронов сообщил, что правороссы предлагают лишить Илью Пономарева депутатского кресла. <...> Сергей Миронов также утверждает, что господин Пономарев “не дружит с законом”» (Сергей Горяшко. «Справедливая Россия» хочет лишить Илью Пономарева депутатского мандата // Коммерсант, 22.09.2014). «Пока шло расследование, около 15 человек оказались в списке обвиняемых. Среди них — областные прокуроры, сотрудники областного ГУВД и МВД России, а также коммерсанты <...> речь идет о дискредитации не просто какой-то второстепенной структуры, а высшего надзорного органа в государстве. А если он у нас не совсем дружит с законом, то как он может вообще надзирать за соблюдением закона другими должностными лицами и

структурами?» (Алена Кузнецова. Все фигуранты "игорного дела" освобождены из-под стражи // Коммерсант, 10.12.2012);

«...Против бывшего мэра ЗАТО город Железногорск Андрея Катаргина возбуждено новое уголовное дело. <...> То, что Андрей Васильевич и на новом месте успел засветиться, доказывает, что он все же *не дружит с законом*» (Бывшего мэра Железногорска вспомнили в Краснодаре. В Прокуратуре; URL: <https://www.kommersant.ru/doc/605236> – дата 15.05.2018);

«...Затем после проведения аудиторских проверок снимал ч и н о в н и к о в, которые *не дружили с законом* и разворовывали казну...» (Владислав Дорофеев. Геннадий Коняхин: я с плохим прошлым, но избран народом // Коммерсант, 30.09.1997);

«Александр Алексеевич Хабаров <...> депутат и бизнесмен, кандидат педагогических наук и крупный авторитет среди тех, кто *не очень дружит с законом*...» (Сергей Авдеев. Главный уралмашевец задержан для допроса // Известия, 15.12.2004).

Помимо чиновников, отсутствие «дружбы» с законом отмечается у следующих субъектов:

– лиц, находящихся в состоянии алкогольного опьянения во время управления транспортным средством: «Нужно максимальные усилия направить на то, чтобы отделить законопослушных граждан-автомобилистов от тех, которые *не готовы дружить с законом*, то есть от тех, кто употребляет алкоголь» (Альбина Хазеева. "Единая Россия" не отказалась от "сухого закона" для автомобилистов // Коммерсант, 15.10.2012); «Мы сейчас выступаем не просто за отмену “нулевой” промилле, а за введение градации. <...> Нужно отделить законопослушных граждан от тех *людей, которые не привыкли дружить с законом*» (Алена Кузнецова. Премьер-министр разрешил себя убедить // Коммерсант, 15.05.2012);

– представителей бизнес-сообщества: «Ужесточение контроля над банковской системой может сказаться на футбольных инвестициях как законопослушных *бизнесменов*, так и тех, кто *не в полной мере дружит с законом*...» (Кирилл Журенков. Кризисный сезон // Коммерсант, 13.07.2009);

– отдельных юридических лиц: «В отношении “Омскэнерго” возбуждено уголовное дело за уклонение от уплаты налогов в особо крупных размерах <...> Выемка финансовых документов в отсутствие руководителя компании – это обычная практика для тех, кто *не дружит с законом* и обслуживает не государство, а чьи-то интересы» (Ирина Рыбальченко. "Омскэнерго" обвинили в неуплате налогов // Коммерсант, 06.03.2003);

– реже физических лиц: «...результатом преступной деятельности правоохранителя явилось незаконное возбуждение двух уголовных дел <...> Лжесбытчиками оказывались *те*,

кто тоже не всегда дружит с законом» (Иван Ефимов. Наркотики победили полицейского // Известия, 26.01.2011).

Использование именно этого нетерминологического выражения вместо словосочетания *соблюдать закон*, констатирующего лишь факт определенного положения дел, связанного с нарушением закона, с одной стороны, вносит в текст ноту иронии и скепсиса, а с другой – снижает звучание официально-обвинительной семантики, свойственной юридическому термину: «...Но раздачи LSD и даже агитации за легализацию наркотиков не будет – *владельцы РВС дружат с законом»* (Алена Антонова. Клубная критика. Ночные игры для взрослых и свободных // Коммерсант, 24.08.2001). Именно поэтому допустимым является его использование и в текстах с некоторой долей интимизации общения между собеседниками. Показательным в этом смысле является, например, включение в программу обучения в школе уроков на тему «Дружим с законом»: Акция «Дружим с законом» в ГУО «Папернянская СШ» (заголовок) (URL:<http://papernya.minsk.edu.by/ru/main.aspx?guid=13321> – дата: 15.05.2018); «Я провожу беседы в школах и объясняю ребятам, что нужно *дружить с законом* – не нужно совершать преступления...» («Признание-2015» получили трое полицейских из Бурятии; URL:<http://gazeta-n1.ru/news/38952> – дата: 15.05.2018).

Достаточно нейтральное, т.е. безоценочное, отношение, реализуют в сочетании со словом *закон* глаголы с общей семантикой «внесение изменений», которые могут быть актуальными по разным причинам:

1) в свете появления новых реалий. Ср.: «Депутат от “Нардепа” Валерий Зубов, бывший губернатор Красноярского края, предложил *обновить закон* “Об установлении звания Героя РФ” – предусмотреть награждение «за выдающиеся достижения в области хозяйственного и социально-культурного строительства» (Михаил Виноградов. Крепкие хозяйственники – герои. Депутат предложил давать высшую награду страны за трудовые достижения (2002) // Известия, 16.04.2002);

2) в связи с потребностью в детализации отдельных статей и параграфов закона. Ср.: «Предлагается подправить Закон об обязательном страховании автогражданской ответственности (ОСАГО), когда мелкие аварии рассматривались бы на месте без участия инспекторов ГАИ» (Владислав Писанов. Последний балл // Труд-7, 10.06.2004).

Глагол *почистить* – ‘делать чистым, чище, удалив пыль, грязь и т. п. (с поверхности чего-либо), освободить от чего-либо ненужного, лишнего’, применительно к термину *закон* означает приведение в соответствие с другими нормативными правовыми актами, устранение несоответствий, противоречий и т.п. Например: «Не кажется ли вам, что нужно еще раз *почистить закон*? Нет, не кажется, – отрезал глава комитета. – Мы оставили это в законе,

чтобы тем депутатам, которые не понимают, что такое государственный язык, было разъяснено, что речь как раз идет о русском языке!» (Дмитрий Камышев. "Просто позориться не надо!" // Коммерсант, 06.02.2003); «Поправки ЦБ, Минфина и Минэкономразвития позволяют *почистить закон* о кредитных историях...» (Центробанк начал борьбу с ложными кредитными историями; URL:<http://izvestia.ru/news/543678> - дата: 15.05.2018); «Нужно *почистить закон* и привести его в соответствие с другими законодательными актами» (Наталья Кочеткова. Гласность раздавалась как привилегия // Известия, 18.06.2010).

Хотя нельзя не заметить, что любая попытка вмешаться в сферу законотворчества может окрашиваться в определенном контексте в иронические тона. Ср.: «В Петербурге хотят *подправить закон* о тишине (заголовок) <...> За четыре месяца привести в порядок обещают больше четырех миллионов квадратных километров дорог. Это 150 самых «прохудившихся» городских магистралей. <...> Чтобы уложиться в поставленные сроки, ремонтники должны будут работать круглосуточно» (Ирина Тучинская. Шуметь ночью нельзя. Ремонтировать дороги – можно // Комсомольская правда, 01.06.2010).

Итак, мы ограничили свое внимание на данном этапе исследования лексическим окружением основного вербализатора концепта «закон» в текстах СМИ, а именно глаголами, при которых лексема *закон* выступает в качестве объекта, т.е. в условиях реализации общей семантики ‘совершение манипуляций с законом’.

В целом риторика СМИ позволяет говорить о том, что большинство описываемых газетными текстами действий, совершаемых субъектами в юридическом поле и оформляемых соответствующими глаголами, имеют, с одной стороны, явную антиправовую направленность, что подтверждается не только частым использованием со словом «закон» глаголов, использование которых характеризует противоправную деятельность граждан и негативное отношение к законопослушанию (*обойти, прогнуть, насмехаться, подменять, убить* и др.), но также употреблением глаголов с положительной в целом семантикой, но в конструкциях отрицания правомерности определенной деятельности (*быть не в ладах, не дружить с законом*). И те, и другие глаголы («позитивные» менее многочисленны) служат выразительным средством для эмоционально-окрашенного, экспрессивного показа ситуации несоблюдения (нарушения) требований действующего законодательства. В литературе по этому поводу справедливо подчеркивается, что современный текст масс-медиа базируется на ярком стиле изложения материала, «гиперчувственность медиапроизведения провоцирует выбор эмотивной лексики, способной вызвать соответствующую реакцию аудитории» (Ерофеева 2014: 74).

Проанализированные контексты позволяют говорить и о некотором изменении вербального оформления модальности долженствования в отношении соблюдения закона. Людей, «дружащих с законом», можно характеризовать не только как не имеющих по факту нарушений, но и как законопослушных в целом и – тем самым – достойных доверия и расположения.

Утверждение о том, что правосознание большинства в современном российском обществе является антиправовым, не представляется в полной мере обоснованным. Думается, во-первых, что ситуация не столь пессимистична и безнадежна и можно говорить о возрастании роли закона и откровенном, прямом – без иронии – поощрении законной деятельности. Во-вторых, сегодняшний журналист заостряет внимание на фактах, выходящих за пределы нормы – в том числе правовой, поскольку нормативно-правильное законопослушное поведение новостного интереса не представляет.

Тема настоящей работы не исчерпана: она продолжается в аспекте учета других этномаркированных представлений об отношении к соблюдению закона, репрезентируемых современными российскими СМИ.

Список литературы

- Вежбицкая А. (2001): Понимание культур через посредство ключевых слов. Москва.
- Луман Н. (2009): Самоописания. Москва: Логос, Гнозис.
- Маховиков А.Е. (2015): О правовом нигилизме в российском правосознании: философско-правовой аспект, Ценности и смыслы, 1 (35), 19-31.
- Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. (1992): Толковый словарь русского языка. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/53170> (дата обращения: 14.05.18)
- Солганик Г.Я. (2012): Введение, Язык СМИ и политика. Москва: Издательство МГУ, 8-26.
- Словарь русского языка (1983), СРЯ: Москва: Русский язык.
- Тришин В.Н. (2013): Словарь синонимов ASIS. URL: <http://trishin.ne> (дата обращения: 14.05.18)
- Тихонов А.Н. (2004): Фразеологический словарь современного русского литературного языка. В 2-х тт. Москва: Флинта, Наука.
- Шмелев А.Д. (2002): Русская языковая модель мира: Материалы к словарю. Москва: Языки славянской культуры.

К ВОПРОСУ О СИНТАКСИЧЕСКОЙ ОБОСОБЛЕННОСТИ ЗВУКОПОДРАЖАТЕЛЬНЫХ ГЛАГОЛЬНЫХ МЕЖДОМЕТИЙ

Оксана Канерва
Университет г. Турку, Финляндия
oksana.kanerva@utu.fi

ON SYNTACTIC INDEPENDENCE OF RUSSIAN ONOMATOPOEIC VERBAL INTERJECTIONS

Oksana Kanerva
University of Turku, Finland

АННОТАЦИЯ

Традиционный взгляд на синтаксическое оформление большинства междометий в разных языках утверждает, что они либо формируют междометные предложения, либо входят в состав простого предложения в качестве вводных или вставных компонентов. Характерной чертой данных конструкций является их синтаксическая независимость. В русском языке, тем не менее, звукоподражательные глагольные междометия ведут себя по-другому. Анализ Национального корпуса показывает, что конструкции с ними значительно реже выступают в форме вводных и вставных компонентов и не всегда отделены знаками препинания. Целями данной статьи является: (1) оспорить утверждение о синтаксической обособленности звукоподражательных глагольных междометий; (2) экспериментально доказать, что они способны интегрироваться в синтаксическую структуру предложения и выполнять синтаксические функции.

ABSTRACT

Traditionally, interjections across languages are believed to constitute either interjectional sentences, or form interjectional clauses as a part of simple sentences. Characteristic feature of such constructions is their syntactic independence. In Russian onomatopoeic verbal interjections, nonetheless, behave differently. Analysis of the Russian National Corpus shows that constructions with them rarely act as inserted or introductory clauses and are not necessarily separated from the host construction by punctuation marks. The purpose of this article is 1) to challenge the statement about syntactic independence of Russian onomatopoeic verbal interjections; 2) to prove experimentally that they can be syntactically integrated and act as members of a sentence.

Ключевые слова: звукоподражательные глагольные междометия; вводные конструкции; вставные конструкции; синтаксическая интеграция; пунктуация; синтаксические функции; русский язык

Keywords: onomatopoeic verbal interjections; inserted clause; introductory clause; syntactic integration; punctuation; syntactic functions; Russian.

Вступление

Синтаксис звукоподражательных глагольных междометий представляет собой малоисследованную область русской грамматики. В то время как изучению этого аспекта было посвящено сравнительно небольшое количество работ (см. Серeda 2005, Никитина 2012, Виймаранта 2015, Кор Шаин 2008), пунктуационное оформление данных языковых единиц не рассматривалась и вовсе. До настоящего момента звукоподражательные глагольные междометия русского языка в основном анализировались с точки зрения их семантики (Виймаранта и др. 2016, Wierzbicka 2003, Карцевский 1984).

Прежде всего, давайте обратимся к определению междометий. **Междометия** – это неизменяемые и синтаксически обособленные языковые формы, которые зачастую указывают на «изменение эмоционального и когнитивного состояния говорящего» (Heine et.al. 2013: 171) (перевод автора). **Междометием также называется** «общепринятая лексическая форма, которая (обычно) сама по себе выступает в качестве высказывания, (как правило) не формирует конструкций с другими классами слов, (зачастую) односложная, и (в основном) не содержит словоизменительных словообразовательных морфем» (Wilkins 1992: 124) (пунктуация оригинала, перевод автора).

В то время как **большинство междометий** выражают «эмоциональное состояние, действие, отношение или реакцию на ситуацию» (Ameika 1992: 106) (перевод автора), все **глагольные междометия** «обозначают частые, резкие или стремительные движения и могут служить образцом для окказиональных новообразований» (Шведова 1980: §1701).

Ряд авторов относят звукоподражательные слова и “иконические репрезентативы” (Ameika 1992: 112) (т.е. животные выкрики и имитирующие звуки) к междометиям (Bally 1950, Kryk 1992, Cuena 2006).

Вывод: слова типа “бряк”, “хрусть” и “щелк”, с которыми соотносятся основы глаголов “брякать/брякнуть”, “хрустнуть/хрустеть” и “щелкать/щелкнуть”, принадлежат к разряду звукоподражательных глагольных междометий. Они и являются объектом данного исследования.

Синтаксическое оформление междометий в типологическом аспекте

Разобравшись с лексическим значением междометий, давайте перейдем к их грамматическим характеристикам.

В типологическом аспекте распространено мнение, что для синтаксического оформления междометий характерным является то, что они формируют **междометные предложения, т.е.** выступают «не составляющими частями, а эквивалентами предложений»

(Cuena 2000: 31) (перевод автора) или “минимальными предложениями” (Bloomfield 1933: 176) (перевод автора).

Как часть предложения междометия зачастую формируют **«парентетические конструкции»** (Ziv 1985: 190, Petola 1983: 107–108), которые входят в состав основного высказывания как **независимые** синтаксические компоненты (Kaltenböck 2007, Peterson 1999, Espinal 1991, Burton-Roberts 1999), **комментируют** происходящее (Quirk et al. 1985: 1112), и «могут быть **опущены** без нарушения структуры предложения или его значения» [Viber et al. 1999: 1067] (перевод автора).

Вывод: традиционно междометия считаются синтаксически обособленными.

Синтаксическое оформление междометий русского языка

Междометия русского языка зачастую формируют либо междометные предложения (Валгина и Светлышева 1993: §2.9.2), либо вводные и вставные конструкции (Германович 1966: 93), которые в свою очередь входят в состав более широкого понятия под названием «парентетические внесения» (Александрова 1984). По мнению А.И. Германовича (там же), “в составе простого предложения интонационно обособленные междометия имеют функцию модального компонента, т.е. употребляются как вводные и вставные компоненты”.

Вводные слова и сочетания слов выражают отношение говорящего к высказанной мысли, могут содержать общую оценку ситуации, различные указания на источник сообщения или на связь с другими сообщениями. Они синтаксически мобильны, т.е. могут находиться в начале, середине, в конце предложения. Вставные конструкции содержат дополнительные сообщения, попутные сведения, замечания, уточнения, пояснения или поправки и могут располагаться лишь в его середине или в конце (Виноградов 1960: § 1205, Розенталь Джанджакова, Кабанова 1999: § 99-100, Валгина и Светлышева 1992: §2.8).

В грамматической теории «четких критериев различия «вводности» и «вставности» не существует до сих пор» (Александрова, 1984: 49). Если, по мнению одних авторов (Виноградов 1966: § 1205, Валгина и Светлышева 1992: §2.8), вводные и вставные конструкции выпадают из состава предложения, выступая в качестве придаточных частей; то другие утверждают (Коцарь 1966: 15), что вводные конструкции синтаксически обособлены, а вставные могут быть как синтаксически связаны, так и не связаны с основным предложением. Согласно Валгиной, вставные конструкции могут оформляться и как «придаточные части предложения», и «как члены предложения, с сохранением синтаксической связи, такие «члены предложения» выключены из его состава» (Валгина 2003: § 85).

Синтаксическое оформление глагольных междометий русского языка

Согласно Академической грамматике 1980, глагольные междометия русского языка могут либо «свободно вводиться в предложение как слова, синтаксически с ним никак не связанные», либо могут быть «синтаксическим компонентом предложения или входить в состав того или иного его члена» (Шведова 1980: § 2217). ЗГМ в свою очередь имеют те же синтаксические особенности, но «вносят значение неожиданности, внезапности, неподготовленности» (Там же: § 2219).

Вывод: в русском языке звукоподражательные глагольные междометия зачастую формируют междометные предложения или вводные и вставные конструкции, которые могут быть либо синтаксически обособленными, либо интегрированными.

Материал

Материал для исследования был собран с помощью **Грамматического словаря Зализняка (1977)**, **Большого современного толкового словарем русского языка Ефремовой (2006)**. Также был проанализирован список, предоставленный в работе Середы (2005: 159). В результате чего, был получен список из 35 звукоподражательных глагольных междометий. Поиск по **основному Корпусу** русского языка показал, что предложения с 4 междометиями (шарк, шмяк, хряп и бреньк) в нем не представлены (см. Kanerva 2018).

Рисунок 1. Результаты поиска в НКРЯ

Звукоподражательные глагольные междометия русского языка имеют любопытную особенность, с одной стороны являются синтаксически обособленными от основной части предложения, а с другой стороны, способны интегрироваться в структуру предложения и выполнять синтаксические функции.

Количественный анализ корпусных данных показывает, как распределяются эти признаки. Предложения со звукоподражательными глагольными междометиями объединены согласно двум типам синтаксических структур: 1) ЗГМ отделены знаками препинания от основной части предложения; 2) ЗГМ не отделены знаками препинания от основной части предложения.

Таблица 1. Типы синтаксических структур со звукоподражательными глагольными междометиями

	Междометные предложения/вводные или вставные слова и сочетания слов, %	Междометия без знаков препинания, отделяющих их от основной части предложения, %
бах	83,8	16,2
бац	68,9	31,1
бряк	36,1	63,9
бултых	26	74,0
буль-буль	66,7	33,3
бух	54,4	45,6
грох	66,7	33,3
звяк	79,2	20,8
кап	87,9	12,1
плюх	55,8	44,2
пых	75	25,0
скрип	81,1	18,9
стук	71	29,0
топ	67	33,0
трах	76,5	23,5
тук	84,4	15,6
тюк	63,6	36,4
тяп	54,5	45,5
хлесть	36,4	63,6
хлобысь	63,6	36,4

хлоп	50,0	50,0
хлысть	0,0	100,0
хрусть	75,0	25,0
хрясть	35,0	65,0
цок	87,0	13,0
чик	72,1	27,9
чирк	42,1	57,9
чмок	50,0	50,0
шарах	39,1	60,9
шлеп	68,4	35,2
щелк	76,7	23,3

Вывод: в основном ЗГМ синтаксически обособлены. В то же время в Корпусе присутствует достаточно большое количество предложений с синтаксически интегрированными единицами (в соотношении 61,09% к 39,01% соответственно)

Метод

Лингвистический эксперимент, детально описанный в статье Канерва и Виймаранта (2018), представлял собой тест на подбор эквивалентов. Он был проведен в трех группах испытуемых по 10 участников, носителей русского языка, в каждой группе. Общее количество респондентов составило 30 человек. **Стимульный материал** для данного субститутивного теста был подобран из Национального корпуса и состоял из 30 предложений.

Тест должен был проверить, могут ли звукоподражательные глагольные междометия русского языка выполнять синтаксические функции. Анализ результатов должен был установить, отражают ли знаки препинания, выявленные в ходе эксперимента функции данных языковых единиц в предложении.

Результаты исследования показали, что ЗГМ в случае **отсутствия** знаков препинания, отделяющих их от основной части предложения, заменялись глаголами (н-р, ударить, упасть, плюхнуться).

Если после ЗГМ стояли знаки препинания **конца предложения** (а именно, восклицательный знак, точка, многоточие, вопросительный знак), то в большинстве случаев они заменялись существительным (н-р, звон, удар, всплеск).

Запятая подразумевает повторение в зависимости от контекста (глагол, либо существительное, либо наречие).

Двоеточие указывало на то, что ЗГМ получали пунктуационное оформление по принципу прямой речи и заменяли глаголами (н-р сказать, произнести, выпалить).

Тип: неоднородное распределение признаков (требуются дальнейшие исследования)

Вывод из эксперимента: Звукоподражательные глагольные междометия способны выполнять синтаксические функции. Расстановка знаков препинания после анализируемых междометий отражает эти функции.

Выводы

ЗГМ русского языка могут быть как синтаксически обособленными, так и интегрированными. Когда они синтаксически интегрированы, тогда эти языковые единицы выполняют функцию сказуемого и являются членом предложения.

Список литературы

Александрова О.В. (1984): Проблемы экспрессивного синтаксиса. На материале английского языка: Учебное пособие. М.: Высшая школа.

Валгина Н.С., Светлышева В.Н. (1993): Орфография и пунктуация: Справочник. М.: Высшая школа.

Валгина, Н.С. (2003): Современный русский язык: Синтаксис: Учебник. 4-е изд., испр. М.: Высшая школа.

Виймаранта Й., Александрова А. А. и др. (2016): «Водные» звукоподражания в финском и русском языках, Язык и культура, 1 (33), 6–24.

Виноградов В.В. 1960: Грамматика русского языка. М.: Издательство Академии наук СССР.

Германович А.И. (1966): Междометия русского языка: пособие для учителя. Киев: Радянська школа.

Ефремова Т.Ф. (2006): Современный толковый словарь русского языка: в 3 томах. М.: АСТ, Астрель, Харвест.

Зализняк А.А. (1977): Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. М.: Русский язык.

Канерва О., Виймаранта Й. (2018): Функциональная мотивация знаков препинания со звукоподражательными глагольными междометиями, Вестник Томского государственного университета. Филология, 52, 83-97.

Карцевский С. (1984): Введение в изучение междометий, Вопросы языкознания, 6, 127-137.

Кор Шаин И. (2008): Плюх! – плюх – плюхнуть(ся). К вопросу об эволюции нарративных предикатов в свете корпусных данных, Инструментарий русистики: корпусные подходы, под ред. А. Мустайоки, М. В. Копотева, Л.А. Бирюлина, Е.Ю. Протасовой. Хельсинки: Department of Slavonic and Baltic Languages and Literatures, 152–162.

Коцарь Э.Б. (1966): Вводные слова и словосочетания, вводные предложения, вставные конструкции. Учебно-методическое пособие для слушателей отделения повышения квалификации редакторов. М.

Розенталь Д. Э., Джанджакова Е.В., Кабанова Н.П. (1999): Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию. М.: ЧеРо.

Середа Е. В. (2005): Морфология современного русского языка. Место междометий в системе частей речи: учебное пособие. М.: Флинта: Наука.

Шведова Н.Ю. (1980): Русская грамматика. М.: Наука.

References

Ameika, F. K. (1992): Interjections: The universal yet neglected part of speech, *Journal of Pragmatics*, 18(2/3), 101–118.

Bally, Ch. (1950): *Linguistique générale et linguistique française*. Berne, Francke.

Biber, D. et al. (1999): *Longman Grammar of Spoken and Written English*. London: Longman.

Bloomfield, L. (1933): *Language*. London: George, Allen & Unwin. Sapir, Edward, 1921. *Language*. New York: Harcourt, Brace, & Co.

Burton-Roberts, N. (1999): Language, linear precedence and parentheticals. *The Clause in English*, edited by P. Collins and D. Lee. Amsterdam: John Benjamins, 33-52.

Cuenca, M. J. (2000): Defining the indefinable? Interjections, *Syntaxis*, 3, 29-44.

Espinal, M.(1991): The representation of disjunct constituents, *Language*, 67 (4), 726–62.

Heine, B. et.al. (2013): *An Outline of Discourse Grammar. Functional Approaches to Language*, edited by Sh. Bischoff and C. Jany. Berlin/Boston: De Gruyter Mouton, 155–206.

Kaltenböck, G. (2007): Spoken parenthetical clauses in English. *Parentheticals*, edited by N. Dehé & Y. Kavalova. John Benjamins, 25-52.

Kanerva O. (2018): Syntactic value of dash with onomatopoeic verbal interjections, *Scando-Slavica* (in review).

Kryk, B. (1992): The pragmatics of interjections: The case of Polish no”, *Journal of Pragmatics* 18: 193-207.

Nikitina, T. (2012): Russian verboids: A case study in expressive vocabulary, *Linguistics*, 50 (2), 165-189.

Peltola, N. (1982): Comment Clauses in Present-Day English. *Annales Academiae Scientiarum Fennicae/Suomalaisen Tiedeakatemia Toimituksia, Series B*, 223, 101-113.

Peterson, P. (1999): On the boundaries of syntax. *The Clause in English*, edited by P. Collins and D. Lee, Amsterdam: John Benjamins, 229-250.

- Quirk, R. et.al. (1985): *A Comprehensive Grammar of the English Language*. Harlow: Longman.
- Viimaranta J. (2015): Verbal aspect in onomatopoeic interjections in Russian. Paper presented on 13.12.2015 at Slavic Cognitive Linguistics Conference. Oxford.
- Wierzbicka, A. (2003): Interjections across cultures. *Cross-Cultural Pragmatics: The Semantics of Human Interaction*. Mouton de Gruyter, 285–340.
- Wilkins, D. (1992): Interjections as deictics, *Journal of Pragmatics*, 18, 119-158.
- Ziv, Y. (1985): Parentheticals and Functional Grammar. *Syntax and Pragmatics in Functional Grammar*, edited by A.M. Bolkestein et al. Dordrecht: Foris, 181–199.

**ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ НА УРОКАХ
РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО
(АНАЛИЗ ПОЛЬСКИХ УЧЕБНИКОВ ДЛЯ ГИМНАЗИСТОВ)**

Карольчук Мажанна
Университет в Белостоке, Польша
karolczuk.m@poczta.onet.pl

**PROVERBS AND PROVERBIAL SAYINGS ON THE LESSONS OF
RUSSIAN LANGUAGE AS A FOREIGN LANGUAGE (ANALYSIS OF
POLISH TEXTBOOKS FOR JUNIOR HIGH SCHOOL STUDENTS)**

Karolczuk Marzanna
University of Bialystok, Poland

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена вопросам использования пословиц и поговорок на уроке иностранного языка и презентации результатов анализа учебников русского языка, изданных в Польше в 1999-2013 годах. Учебные пособия предназначены для учеников гимназии. Анализ 116 отобранных паремий указывает на то, что они могут дать ключ к пониманию национального менталитета, ценностной картины мира русского народа, однако требуют поиска рациональных путей их дидактической организации.

ABSTRACT

The article deals with the use of proverbs and sayings in a foreign language lesson and presents of the results of the analysis of the Russian language textbooks published in Poland in 1999-2013. The textbooks are intended for junior high school students. Analysis of 116 selected proverbs and proverbial sayings indicate that they can provide a clue to understanding of national mentality, a *value priorities* of the world of the Russian people, but they require a search for rational ways of their didactical organization.

Ключевые слова: пословицы, поговорки, анализ учебников, гимназия, ценностная картина мира.

Keywords: proverbs, sayings, textbooks' analysis, junior high school, *value priorities*.

Давно известно, что мудрость и дух народа проявляется в его пословицах и поговорках. Их знание способствует лучшему пониманию образа мыслей и характера другой культуры, а также более совершенному владению иностранным языком. И. М. Снегирев (2003: 140) отмечал, что «нигде столь резко и ярко не высказывается внешняя и внутренняя жизнь народов всеми ее проявлениями, как в пословицах, в кои облекается его дух, ум и характер».

Таким образом, необходимо подчеркнуть, что изучение иностранного языка, в том числе и русского в польской аудитории, должно учитывать не только языковые знания, речевые

навыки и умения. Следует отметить, что введение пословиц и поговорок в учебный процесс может углублять знания о народе – носителе языка, способствует развитию межкультурных умений учеников и положительного отношения к другому человеку, создает творческую атмосферу в аудитории (Карольчук 2017: 92).

Цель данной статьи – рассмотреть функции пословиц и поговорок, вопросы использования их на уроке иностранного языка и представить результаты анализа учебников русского языка для гимназистов, изданных в Польше в 1999-2013 годах.

Познавательная, воспитательная и образовательная функции паремий

Паремии имеют большую общественную ценность, которая состоит в познавательном и воспитательном значении, если их использовать в образовательном процессе, на уроке иностранного (русского) языка. Пословицы и поговорки позволяют реализовать в процессе изучения русского языка как иностранного принцип соизучения языка и культуры. Однако, использование этих языковых единиц на уроке предполагает объяснение их семантического содержания и ситуации, в которой они употребляются. В литературе подчеркиваются следующие познавательные и образовательные функции пословиц и поговорок:

- являются текстом, основанным на закреплении древнейших ситуаций, переносе и закреплении этих ситуаций на другие случаи жизни (Кацюба 2013);
- составляют память народа, в них отразилась его история, обычаи, быт, верования (Коньшева 2017);
- являются хранилищем прошлого уклада жизни, истории, культуры, слепами исчезнувших теперь образов и представлений (Мокиенко 2015);
- дают характеристику всех сторон жизни общества, представляют многостороннюю картину существования страны (Коньшева 2017);
- выражают моральное сознание, менталитет, дух этноса (Соколова 2015);
- дают представление о воззрениях и взглядах народа и о его понимании явлений действительности (Коньшева 2017);
- дают ответы на вопросы: как культура отражена в языке и какую культурную ценность заключают в себе языковые единицы (Кацюба 2013);
- скрывают культурный, социальный, исторический опыт данного народа, его мировоззренческие, поведенческие особенности; являются материалом, способствующим росту эффективности процесса межкультурной коммуникации (Юсупова, Кузьмина 2017).

Эти языковые единицы характеризуют самые важные для человека стороны жизни, причем, как отмечают Ф.Н. Алефиренко и Н.Н. Семенов (2009: 244), «характеризуют не

беспристрастно, а эмоционально выражают множество оттенков отношения к базовым ценностям». Они отражают народное видение и понимание окружающего мира, принятые у народа нормы поведения, которые являются указателем направления в повседневной жизни, особенности национального менталитета (Пугачева 2011а: 196). Менталитет определяется И.Т. Дубовым (1993: 20) как «интегральная характеристика людей, живущих в конкретной культуре, которая позволяет описать своеобразие видения этими людьми окружающего мира и объяснить специфику их реагирования на него». Менталитет народа отражается «в особенностях его быта, истории, культуры, традиций, обычаев, а главным образом в системе различных единиц речи» (Веретягин, Веретягин 2012: 1). В литературе отмечается, что менталитет охватывает также межнациональные и универсальные черты. Таким образом, не все пословицы и поговорки имеют культурно-национальный колорит. Некоторые паремии не обнаруживают связь с культурой и менталитетом народа, имеют общечеловеческое значение (Чернощеникова 2009: 82). Следовательно, они обладают воспитательным потенциалом, например:

- служат ясным выражением суждений о реальной действительности; в них что-то утверждается или отрицается, раскрываются свойства предметов и явлений; дают возможность развивать характерные воззрения на определенные предметы и явления, на реальную действительность; обсуждают явные положительные и отрицательные явления в жизни, утверждают или критикуют, восхваляют или осмеивают, служат воспитанию положительных идеалов, развивают умение анализировать события, оперируют понятиями добра и зла, чести и бесчестия, формируют нравственные идеалы (Коньшева 2017);
- содержат краткие рекомендации на различные случаи жизни, указания как нужно поступать (Мокиенко 2015);
- передают важнейшие представления о ценностях, как семья, труд, любовь к Родине и др. (Мамышева, Блягоз 2013).

Познавательная и воспитательная функции паремий влияют на формирование образовательной функции пословиц и поговорок в дидактическом процессе, когда учащийся готовится к использованию их в коммуникации и развивает межкультурную компетенцию.

Пословицы и поговорки на уроке русского языка – результаты анализа учебников

С целью проверки присутствия пословиц и поговорок на уроке русского языка как иностранного в польской аудитории, были проанализированы 5 типов учебников («Эхо», «Прогулка», «Кл@ссно!», «В Москву», «Времена»), изданных в Польше в 1999-2013 годах. Все учебные пособия предназначены для учеников гимназии. В нашем исследовании мы

попытались найти ответы на следующие вопросы: 1) Присутствуют ли пословицы и поговорки в учебниках? 2) К каким тематическим группам относятся отобранные паремии? 3) Какие знания, умения, виды речевой деятельности они развивают? 4) Какие знания о России и россиянах они углубляют? Какую ценностную картину мира русского народа они представляют?

В 5 типах учебников мы обнаружили 116 пословиц и поговорок (таблица 1). Анализ учебных пособий для гимназии показывает, что в качестве дидактического материала паремии используются в довольно большом количестве. Учебник «Эхо» предлагает учителю и ученикам 32 пословицы, представленные в 9 упражнениях; «Прогулка» – 51 в 7 упражнениях; «Кл@сно!» – 10 в 2 упражнениях; «Времена» – 15 в 6 упражнениях; «В Москву» – 8 в одном упражнении. Данные единицы, прежде всего, являются средством закрепления фонетических навыков, повторения грамматических явлений и тренировки лексики. В вышеуказанных дидактических материалах встречаются задания типа: а) прочитай пословицы и подбери к ним польские эквиваленты; б) послушай пословицы и поставь ударение; в) прочитай пословицы и выбери из них те, в которых говорится о лентяях; г) прочитай пословицы и подчеркни прилагательные; д) прочитай пословицы и скажи, как ты их понимаешь; е) послушай, прочитай пословицы и переведи их на польский язык. В учебниках отсутствует толкование паремий, т.е. ученики не получают комментария при самостоятельной семантизации пословиц и поговорок, который помогал бы выявить их смысл, понять русскую культуру, взаимоотношения в обществе, отношение людей к окружающему миру, ценности в своей и чужой культурах. Проанализированные пословицы можно распределить по нескольким тематическим группам. Тематическое разнообразие пословиц и поговорок, находящихся в учебниках, могло бы способствовать развитию знаний в области русской культуры, формированию межкультурной компетенции и, в большей степени, развитию четырех видов речевой деятельности. К сожалению, авторы учебных пособий не использовали потенциала языкового материала, каким являются паремии.

Таблица 1. Результаты анализа учебников русского языка

Учебник	Тематические группы	Количество паремий
«Эхо»	«Родина, дом»	11
	«черты характера, межличностные отношения»	6
	«учеба, образование»	7
	«спорт»	5
	«здоровье»	3

«Прогулка»	«черты характера, межличностные отношения»	12
	«труд»	11
	«времена года»	8
	«здоровье»	6
	«обычай»	6
	«учеба, образование»	5
	«Родина, дом»	2
	«друг»	1
«Кл@сно!»	«здоровье»	8
	«спорт»	2
«Времена»	«времена года, природа»	4
	«черты характера, межличностные отношения»	4
	«Родина, дом»	3
	«обычай»	2
	«учеба, образование»	2
«В Москву»	«черты характера, межличностные отношения»	8

Ценностная картина мира русского народа в пословицах и поговорках

Общечеловеческие ценности составляют основу жизни личности, определяя смысл и содержание ее существования как в прошлом, так и в *современном глобализированном мире*. Как показало наше исследование, в учебниках русского языка, изданных в Польше присутствуют многочисленные паремии, в которых отражена ценностная картина мира русского народа и они могут быть использованы на уроке иностранного языка как одно из источников и средств формирования толерантных отношений.

Русские пословицы и поговорки выражают любовь русских к родине. Однако «родина» объединяет два значения. Во-первых, это родина-страна, Россия с ее историей и культурой. Во-вторых, это родина-сторона, место, где человек родился, вырос. Любовь выражается в привязанности к важным местам, болезненной ностальгии при расставании с родиной. Второе значение входит в понятие «малая родина», которое объединяет места детства и юности, деревни, поселки и городки, родной дом, улицу, школу, друзей. Н. В. Баско (2014: 58) добавляет, что «символом родины для русских является белая береза и река Волга, поле колосющейся пшеницы и золотой купол церкви на фоне яркого голубого неба». Понятие «дом» занимает важное место в русской картине мира. В ней отражается культурная модель мироустройства в целом и отдельного человека в частности. Дом ассоциируется с семьей и родственниками, является символом постоянства, надежности, чувства безопасности (Пугачева 2011б: 46). Русский патриотизм это не только любовь к своей стране, ее истории, природе, культуре, но и своеобразное понимание судьбы России, ее «особого пути». В учебниках, мы обнаружили пословицы, в которых отражается вышеуказанная ценность, например: *Каждый кулик свое болото хвалит; Человек без родины – соловей без песни; Родная*

сторона – мать, чужая – мачеха; В гостях хорошо, а дома лучше; Где родной край, там и рай; Не дом хозяина красит, а хозяин дом; Каково на дому, таково и самому; Не место красит человека, а человек место («Эхо»); На чужой сторонушке рад родной воронушке; На чужой земле и весна не красна; Невесело птичке в золотой клетке («Времена»); Всякая птица свое гнездо любит («Прогулка»).

Трудолюбие это одна из особенностей русского человека. Русский народ всегда ценил труд, работу как основу жизни. Труд является главным приоритетом в жизни особенно крестьянства, показателем достатка в доме, а лень высмеивается как главный человеческий порок (Крылова 2014: 146, Гречановская, Крутых 2014: 38). Однако, русский человек может быть и ленив, что, как замечается в литературе, лень «является неоднозначной особенностью русского народа» (Гречановская, Крутых 2014: 38). Отдых также необходим, как и труд. Без отдыха снижается качество выполнения работы (Пугачева 2011б). Как показывают современные исследования (Петров 2008), с одной стороны, только интересная работа приносит духовное удовлетворение, с другой стороны, стоит заниматься любой работой, которая обеспечивает достижение материального благополучия. Труд, отдых, лень отражены в многочисленных поговорках в учебнике «Прогулка»: *Всякая работа мастера хвалит; Терпение и труд все перетрут; Лень – мать всех пороков; Человек худеет от заботы, а не от работы; Кто не работает, тот не ест; Не за свое дело не берись, а своим делом не ленись!; Работа не волк – в лес не убежит; Кончил дело – гуляй смело!; Ленивый и сидеть устает.*

На основе проанализированного материала можно сделать вывод, что учеба, образование в жизни русского человека играют очень важную роль. Даже образование и учебу он относит к духовным ценностям, подчеркивает их необходимость и значимость. Итак, согласно традиционному пониманию поговорок, учиться можно и даже нужно всю жизнь; учеба является нелегким процессом; мудрость и образование свидетельствуют о человеке, а не внешний вид; усвоение знаний происходит во время повторения материала; не надо бояться ошибок – ведь мы на них учимся, например: *Век живи – век учись; Ученье свет, неучение тьма; Не стыдно не знать, стыдно не учиться («Прогулка»); Без муки нет и науки; Для ученика нет старости; Учение образует ум, а воспитание нравы; По одежде встречают, по уму провожают; Знание лучше богатства; На ошибках учатся; Повторение – мать учения («Эхо»); Повторение – мать ученья; Учиться никогда не поздно; Ум хорошо, а два лучше («Времена»).*

В пословицах и поговорках отражены традиции и обычаи, которые в свою очередь открывают национальный характер, менталитет, отношения между людьми, способы мышления. В России возрождается традиция праздновать христианские и народные праздники. В проанализированных учебниках мы нашли поговорки, которые относятся к

традициям празднования Масленицы и посещения бани. Масленая неделя – это со времен язычества любимый, самый веселый народный праздник, настоящий русский карнавал (*Масленица неделю гуляет; Не житье, а масленица*, «Времена»). В свою очередь, с давних времен посещение бани является неотъемлемым атрибутом зимнего закаливания и хорошего настроения. Для русских мыться в бане это не просто гигиена, но и очищение и омоложение души и тела, о чем говорится в поговорках: *В бане веник дороже денег; Хорошая баня лучше сытного обеда; Баня без веника – что клумба без цветов; Баня все грехи смывает; В бане мыться, заново родиться; Душистый пар не только тело, но и душу лечит* («Прогулка»).

Немало поговорок содержит в своем составе концепт «здоровье». Нельзя не согласиться с О. А. Рагимовой и Е. М. Лысенко (2014: 30), что здоровье это «форма гармоничного взаимодействия человека с миром на уровне его законов существования». Отношение к деньгам у русского человека негативное, в первую очередь он заботится о своей душе и о своем здоровье. Здоровый образ жизни и одухотворенная красота человека являются ценностями, характерными для традиционной русской культуры. И. П. Гладилина и Г. М. Королева (2012: 4) подчеркивают, что «духовно-нравственное здоровье определенным образом связано с физическим». Здоровье влияет на активное, творческое и полноценное поведение личности в обществе. Прямым олицетворением этих устоев являются такие поговорки, как: *Больной – и сам не свой; Здоровье дороже богатства; Тот здоровья не знает, кто болен не бывает; В здоровом теле здоровый дух; Крепок телом – богат и делом* («Эхо»); *Здоровье дороже денег* («Прогулка»); *Где здоровье, там и красота; За деньги здоровье не купишь; Кто не болел, тот здоровью цены не знает; Деньги потерял – ничего не потерял, время потерял – многое потерял, здоровье потерял – все потерял* («Кл@сно!»).

Русские поговорки содержат советы, как вести себя, как заботиться о здоровье, например: *Отдай спорту время, а получи здоровье; Со спортом не дружишь – не раз о том потужишь* («Эхо»); *Держи голову в холоде, живот в голоде, а ноги в тепле – проживешь сто лет на земле; Лучшие дышать свежим воздухом, чем пить лекарства; В дом, куда не заходит солнце, заходит врач; Майская трава больного лечит; Кто съест корень морковки, у того прибавит капля крови* («Прогулка»); *Движение – спутник здоровья; Где кашель, там и болезнь; Лучшего средства от хвори нет: делай зарядку до старости лет* («Кл@сно!»).

В России дружба считается важной категорией в сфере глубоких, истинных общественных отношений. Этот феномен ценится с особой значимостью русским человеком независимо от общественных и политических трансформаций. Бывают ситуации, когда отношения между друзьями являются более открытыми, чем между членами семьи. Хотя дружба является одной из главных ценностей в сознании русских, а «слово друг как

лексический репрезентант концепта *дружба* является одним из самых важных слов в словарном запасе русского языка, о чем свидетельствует уже его частотность» (Шутковски 2010: 283), то в проанализированных учебниках мы нашли только одну поговорку с концептом «друг»: *Старый друг лучше новых двух* («Прогулка»).

Особое место занимают пословицы и поговорки, которые содержат образы животных. В литературе обращается внимание, что это «закономерно, поскольку с древних времен человек и животное живут в тесном взаимодействии друг с другом» (Бичер (2014). Посредством животных характеризуются особенности внешности и характера человека. Паремии с зоонимическим компонентом иносказательно обращают внимание на нравы личности, образ мышления, ее менталитет, осуждают качества характера, способствующие разобщению людей или указывают на положительные черты человека. В текстах этих пословиц и поговорок присутствует оценочная составляющая, то есть одобрительная или неодобрительная оценка. Итак, в исследованных пословицах 1) отражаются такие отрицательные черты человека, как неуклюжесть, растерянность, глупость, торопливость, враждебность, сердитость, лицемерие (*Слон, попавший в посудную лавку; Он смотрит, как баран на новые ворота; Они стали делить шкурку неубитого медведя; Она на всех волком глядит; Делай так, чтобы и овцы были целы, и волки сыты!*, «В Москву»), 2) указывается на отсутствие способностей, например музыкального слуха (*Ему медведь на ухо наступил*, «В Москву»), 3) характеризуются положительные качества, например решительность, смелость (*Он сразу берет быка за рога*, «В Москву»), 4) оценивается внешний вид (*Сидит, как на корове седло*, «Прогулка»), 5) предостерегается от поспешных выводов (*Первая ласточка весны не делает*, «В Москву»). В исследуемых учебниках мы нашли и другие паремии, в которых отражается внешность и внутренние качества человека, межличностные отношения, даются советы как поступать в жизни, оцениваются ситуации реальной действительности, в их структуре встречаются соматизмы (*палец, сердце*). Таким образом, они обладают воспитательным потенциалом, например: *Не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня; С кем поведешься, то того и наберешься; Не красная изба углами, а красна пирогами; Москва не сразу строилась* («Эхо»); *Дерево высыхает, камень рассыпается, а человек все выносит; Человек не живет, чтобы есть, а ест, чтобы жить; У дитя заболит пальчик, а у матери сердце; Ты лучше голодай, чем попало ешь. И лучше будь один, чем вместе с кем попало* («Прогулка»); *Первый блин комом; Ум хорошо, а два лучше* («Времена»).

Анализ отобранных паремиологических единиц, несомненно, не является исчерпывающим, однако, указывает на то, что пословицы и поговорки могут дать ключ к пониманию национального менталитета и, в связи с этим, требуют более внимательного

изучения на уроке русского языка в польской школе. Национальный менталитет, ценности данного народа недоступны непосредственному восприятию, а поговорки приоткрывают и воссоздают образ нации. На примерах отобранных пословиц и поговорок можно определить образ русской личности, которая формируется под влиянием различных факторов, например: патриотизма, любви к Родине, к труду; уважения к науке, мудрости, образованию; привязанности к праздникам, традициям, обычаям; *заботе о здоровье. Эти факторы могут помочь сформировать положительное отношение к представителям другой нации.*

В заключение отметим, что эффективность использования паремий на уроке русского языка как иностранного во многом зависит от рациональной организации учебного процесса. Соответствующая дидактическая адаптация пословиц и поговорок позволит развивать умения и навыки речевой деятельности, формируя при этом межкультурную компетенцию учеников.

Список литературы

Алефиренко Ф. Н., Семенов Н. Н. (2009): Фразеология и паремиология. Учебное пособие. Москва: Флинта: Наука.

Баско Н. В. (2014): Русские пословицы и поговорки о родине как отражение национальной ментальности (лингвистический и методический аспекты), Вестник Новгородского государственного университета, 77, 57-59.

Бичер О. (2014): Пословицы и поговорки с компонентом-зоонимом в системе языка и лингвострановедческого знания, Universum: Филология и искусствоведение, 6(8). URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/poslovitsy-i-pogovorki-s-komponentom-zoonimom-v-sisteme-yazyka-i-lingvostranovedcheskogo-znaniya> (дата обращения: 12.11.17)

Веретягин Н. Ю., Веретягин М. Ю. (2012): Отражение особенностей национального менталитета в русских и английских пословицах.

URL: <https://www.sworld.com.ua/konfer29/435.pdf> (дата обращения: 12.11.17)

Гладилина И. П., Королева Г. М. (2012): Роль традиционной народной культуры в консолидации современного общества, Армия и общество, 4(32). URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/rol-traditsionnoy-narodnoy-kultury-v-konsolidatsii-sovremennogo-obschestva> (дата обращения: 22.02.18)

Гречановская А. А., Крутых Е. В. (2014): Житейская психология: русский менталитет в пословицах, Международный журнал экспериментального образования, 6, 37-38.

Карольчук М. (2017): Паремии на уроках русского языка в средней школе в Польше (анализ учебников), Традиции и инновации в методике преподавания иностранных языков, т. 2, ред. Е. Dźwierzynska, М. Dziedzic. Rzeszów: Wydawnictwo Uniwersytetu Rzeszowskiego, 88-100.

Кацюба Л. Б. (2013): Нравственные ценности русских паремий как фактор духовной безопасности, Вестник Челябинского государственного университета, 21(312), Филология, Искусствоведение, 80, 277-280.

Коньшева А. В. (2017): Использование пословиц при обучении иностранному языку в вузе, Современные технологии в образовании: материалы международной научно-практической конференции, 23–24 ноября 2017 г., ч. 2, ред. Б. М. Хрусталева. Минск: Белорусский национальный технический университет, 195-199. URL:

https://rep.bntu.by/bitstream/handle/data/38161/Ispolzovanie_poslovic_pri_obuchenii_inostrannom_u_yazyku_v_vuze.pdf?sequence=1 (дата обращения: 25.03.18)

Крылова Э. О. (2014): Семантическое осмысление пословиц и поговорок о труде в русском и английском языках, Международный журнал экспериментального образования, 6, 146-147.

Кудина Н. Л. (2014): Пословицы и поговорки на уроках русского языка для персоговорящих студентов, (в:) «Контрастивные исследования и прикладная лингвистика», Материалы Международной научной конференции, ч. 2, ред. А. В. Зубов, Т. П. Карпилович, Минск: Минский государственный лингвистический университет, 168-171.

Мамышева З. З., Блягоз З. У. (2013): Воспитательный потенциал пословиц и поговорок в формировании ценностных ориентаций у младших школьников в поликультурной образовательной среде, Вестник Адыгейского государственного университета. Педагогика и психология, 2(117). URL:

<https://cyberleninka.ru/article/v/vospitatelnyy-potentsial-poslovits-i-pogovorok-v-formirovanii-tsennostnyh-orientatsiy-u-mladshih-shkolnikov-v-polikulturnoy> (дата обращения: 12.11.17)

Мокиенко В. М. (2015): Русские пословицы в школе (опыт учебной лексикографии), Вестник Кемеровского государственного университета, 1-1(61)/2015, 101-105.

Петров А. В. (2008): Ценностные предпочтения молодежи: диагностики и тенденции изменений, Социологические исследования, 2, 83-90.

Пищулина Т. А. (2011): Лингвокультурологический анализ английских пословиц и поговорок с антропонимами, Язык и межкультурные коммуникации (материалы III Международной научной конференции), ред. В. Д. Стариченок, Г. Кундротас, И. П. Кудреватых, Минск: Белорусский государственный педагогический университет имени М. Танка, Вильнюс: Вильнюсский педагогический университет, 247-248.

Пугачева Л. С. (2011а): Фразеологический минимум в обучении иностранных студентов-филологов русским фразеологизмам, пословицам и поговоркам (на материале фразеосемантического поля «деятельность человека»), Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, 129, 192-198. URL:

<http://cyberleninka.ru/article/n/frazeologicheskiy-minimum-v-obuchenii-inostrannyh-studentov-filologov-russkim-frazeologizam-poslovitsam-i-pogovorkam-na-materiale> (дата обращения: 12.11.17)

Пугачева Л. С. (2011б): Обучение иностранных студентов-филологов русской фразеологии (на материале фразеосемантического поля «деятельность человека»), Вестник Российского университета дружбы народов, Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания, 1, 45-51.

Рагимова О. А., Лысенко Е. М. (2014): Историко-философский анализ понятия здоровья в естествознании и русской философии, Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика, 1-1, т. 14, 27-32.

Снегирев И. М., (2003): Обзорение пословиц, Русское устное народное творчество: хрестоматия по фольклористике, ред. Ю.Г. Круглова. Москва: Высшая школа, 133-140.

Соколова Л. В. (2015): Русские пословицы и поговорки о языке и речевом этикете, Международный научный журнал «Инновационная наука», 6(6), т. 2, 162-166.

Чернощенко В. О. (2009): Лингвокультурный аспект пословиц, Язык и культура, 1(5), 80-85.

Шутковски Т. (2010): Дружба и друг в языковой картине мира (на материале паремиологических трансформ), *Studia Rossica Posnaniensia*, XXXV, 281-287.

Юсупова Л. Г., Кузьмина О. Д. (2017): Анималистические паремиологические единицы с обозначениями диких животных в русском и немецком языках, Филологические науки. Вопросы теории и практика, 3(69), ч. 3, 193-196.

«ИДУТ ЛАВИНЫ ОДНА ЗА ОДНОЙ»: К ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОМУ ОПИСАНИЮ РУССКОГО И ФРАНЦУЗСКОГО СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ СО ЗНАЧЕНИЕМ ‘ЛАВИНА’

Кользун Лидия Юрьевна

*Лотарингский университет, CNRS, ATILF, Франция
lidia.kolzoun@gmail.com*

Крылосова Светлана Геннадьевна

*Национальный институт восточных языков и культур (INaLCO), CREE, Франция
svetlana.krylosova@inalco.fr*

Польгер Ален

*Лотарингский университет, CNRS, ATILF, Франция
alain.polguere@univ-lorraine.fr*

AN AVALANCHE OF PROBLEMS: TOWARDS A LEXICOGRAPHIC DESCRIPTION OF NOUNS MEANING ‘AVALANCHE’ IN RUSSIAN AND FRENCH

Lidia Kolzoun

University of Lorraine, CNRS, ATILF, Nancy, France

Svetlana Krylosova

National Institute for Oriental Languages and Civilizations (INaLCO), CREE, France

Alain Polguère

University of Lorraine, CNRS, ATILF, Nancy, France

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются семантические различия между французскими и русскими лексическими единицами, влияющие на сочетаемость этих единиц в тексте и, следовательно, представляющие трудности при преподавании и изучении русского / французского языка как иностранного. Сопоставляются русское существительное ЛАВИНА и его французский эквивалент AVALANCHE. Делается вывод о том, что основное различие между ними состоит в «коммуникативной инверсии» центральных компонентов их значений. Показано, как это различие может быть отражено в лексикографическом толковании изучаемых существительных. В заключение рассматривается влияние этого различия на развитие полисемии русской и французской вокабул.

ABSTRACT

This paper deals with subtle semantic differences between French and Russian lexical units which have important consequences on these units' combinatorial behaviour in sentences and, therefore, that are a challenge in the context of foreign language learning/teaching. We analyse the specific case of the Russian noun LAVINA 'avalanche' and its French counterpart AVALANCHE, which leads us to show that there semantic difference lies in a "communicative inversion" of the central component of their meaning. We show how this difference can be modelled in the lexicographic definition of both nouns. Finally, we examine the consequences this difference has on the polysemy of the corresponding Russian and French vocables.

Ключевые слова: толково-комбинаторная лексикология, лексикография, лексическая сеть, русский язык, французский язык, толкование, полисемия.

Keywords: explanatory combinatorial lexicology, lexicography, lexical network, russian language, french language, lexicographic definition, polysemy.

Введение

Лексикографическое толкование русских существительных, обозначающих явления природы, не раз привлекало внимание лингвистов (см., например, статьи ВЕТЕР, ДОЖДЬ, МЕТЕЛЬ в ТКС 1984; Левонтина 2004; Урысон 2010 и др.). Данная статья написана в русле перечисленных исследований, но в отличие от них имеет сопоставительный характер: мы анализируем базовые значения рус. сущ. ЛАВИНА и фр. сущ. AVALANCHE и попытаемся проследить логику развития их полисемии.

На первый взгляд может показаться, что большой разницы в значениях *лави́на* и *avalanche* нет: из русско-французских и французско-русских словарей следует, что они соответствуют друг другу. Однако опираясь только на данные двуязычных словарей, адекватно передать по-русски фразу (1a) не удаётся, поскольку в традиционных словарях обычно не описывается лексическая сочетаемость заглавных слов (см. подчёркнутое):

(1) a. *Une avalanche s'est déclenchée dans le massif de la Chartreuse (Isère).*

b. **В горах Шартрез (французский департамент Изер) произошла лавина.*

Задача данной статьи предложить такое максимально полное лексикографическое описание этих существительных, которое позволило бы объяснить подобные трудности. В основе исследования лежат принципы толково-комбинаторной лексикологии (*Mel'čuk et al. 1995*). Большинство примеров для анализа были взяты из «Национального корпуса русского языка» и корпуса «Frantext», мы опирались также на данные лингвистических экспериментов.

В первой части статьи вводится необходимая терминология (*лексема, вокабула, базовая лексема вокабулы, центральный и периферийный компоненты толкования*). Во второй части предлагаются толкования базовых лексем вокабул ЛАВИНА и AVALANCHE, а также описываются их семантические различия и сочетаемость. Наконец, в третьей части

рассматривается связь между семантическими различиями базовых лексем и полисемией вокабул.

1. Предварительные замечания

Введём несколько основных терминов, применяемых в толково-комбинаторной лексикологии, чтобы затем представить *Лексические сети французского и русского языков* и описать принципы, в соответствии с которыми строятся наши толкования.

1.1. Терминология: лексема, вокабула, лексикографическое толкование

Под **лексемой** понимается элементарная лексическая единица языка, т. е. слово, взятое в одном из своих значений вместе со всеми морфологическими, синтаксическими и лексико-комбинаторными свойствами, присущими именно этому значению (Mel'čuk 1993: 97–107; Polguère 2016: 51). Группа лексем, которые имеют одно и то же означающее и существенную общую часть в означаемых, объединяется в одну **вокабулу** (Mel'čuk et al. 1995: 155–156). Так, вокабула ЛЫЖИ содержит две лексемы. Первая — ЛЫЖИ I — обозначает ‘приспособление для перемещения X-а по снегу [...]’ (*X катается на лыжах*); вторая — ЛЫЖИ II — имеет метонимическое значение: ‘спортивное занятие, состоящее в автономном перемещении X-а на ЛЫЖАХ I’ (*У X-а разряд по лыжам*). Толкование лексемы ЛЫЖИ II включает ЛЫЖИ I, что позволяет объединить их в одну вокабулу. **Базовая лексема вокабулы** — это лексема, толкование которой включено, по крайней мере частично, в толкование других лексем вокабулы, так что именно вокруг неё строится полисемическая структура вокабулы.

Лексикографическое толкование лексемы является представлением смысла этой лексемы. Формально это иерархическая структура семантических компонентов, где строго определены положение каждого компонента и типы его связей с другими компонентами. В вершине толкования находится центральный семантический компонент, к которому в иерархическом порядке присоединяются один или несколько периферийных компонентов (см. Mel'čuk, Polguère 2016). **Центральный семантический компонент** (он же — родовой компонент: *genus proximum*) представляет собой минимальную перифразу толкования, которая содержит указание на семантический класс определяемой лексемы, при этом он принадлежит к той же части речи, что и определяемое. В приведённом выше толковании лексемы ЛЫЖИ II центральным компонентом является ‘спортивное занятие’. **Периферийные семантические компоненты** позволяют отличить одну лексическую единицу от других, семантически с ней связанных.

1.2. Лексические сети французского и русского языков

Работа над *Лексической сетью французского языка (RL-fr)* началась в 2010 г. в научно-исследовательском центре ATILF Государственного Совета по научным исследованиям Франции (CNRS) при Лотарингском университете в г. Нанси (Франция). RL-fr представляет собой электронный лексический ресурс, в котором каждая лексическая единица получает исчерпывающее формальное описание и соединяется с другими единицами посредством стандартных лексических функций ЛФ (Жолковский, Мельчук 1965, Мельчук 1974; Mel'čuk 1996). ЛФ позволяют формально описать парадигматические и синтагматические отношения внутри Сети. Цель создания RL-fr — дать представление о структуре лексики, а также предоставить лексикографу удобные средства для формального описания лексических единиц (лексем и идиом) и установления связей между ними (Lux-Pogodalla, Polguère 2011).

По аналогии с RL-fr с 2014 г. в Париже и Нанси разрабатывается *Лексическая сеть русского языка (RL-ru)*. Работа ведётся в рамках соглашения, заключённого между лабораторией ATILF CNRS, г. Нанси и Институтом восточных языков и культур INaLCO (исследовательский центр CREE), г. Париж (Krylosova 2017).

1.3. Лексикографические толкования в толково-комбинаторной лексикологии

При работе над *Лексическими сетями русского и французского языков* толкования лексем строятся в соответствии с принципами, сформулированными И. А. Мельчуком в работах Мельчук, 1997: 25–27; Mel'čuk 2013: 279–306; см. также Mel'čuk, Polguère 2016: 62–78:

- принцип адекватности (определяющее должно быть необходимо и достаточно для однозначной идентификации определяемого во всех возможных случаях его употребления);
- принцип однозначности (любой элемент в составе определяющего может иметь ровно один смысл, и любой смысл выражается в составе определяющих ровно одним элементом);
- принцип разложимости (любой смысл должен определяться только через более простые смыслы);
- принцип максимальных блоков (определяющее должно состоять из возможно более ёмких смыслов);
- принцип унификации (описание многозначных слов, т. е. вокабул, принадлежащих одному семантическому типу, должно строиться по одному образцу).

Требуется, чтобы толкования из RL-ru и RL-fr могли быть использованы при обучении соответственно русскому и французскому языкам и как родному, и как иностранному. Поэтому в случае конфликта между стремлением соответствовать перечисленным принципам

и общедоступностью толкования выбор делается в пользу последнего. В то же время упрощение толкований не должно заходить слишком далеко: они рассчитаны на студенческую аудиторию, хорошо владеющую не только своим родным языком, но и несколькими иностранными языками (по меньшей мере, в рамках школьной программы). О специальных «педагогических» толкованиях см. Milčević 2016, Sikora 2016.

2. Описание базовых лексем ЛАВИНА I.1 и AVALANCHE I.1

Сравним определения базовых лексем вокабул ЛАВИНА и AVALANCHE (*снежная лавина*) в толковых словарях рус. и фр. языков, чтобы затем предложить наши собственные толкования лексем ЛАВИНА I.1 и AVALANCHE I.1, введённые в RL-ru и RL-fr.

2. 1. Толкования сущ. ЛАВИНА I.1 и AVALANCHE I.1 в словарях рус. и фр. языков

В таб. 1 представлены определения исходных значений (базовых лексем) сущ. ЛАВИНА I.1 и AVALANCHE I.1 из наиболее известных толковых словарей рус. и фр. языков.

Таблица 1. Толкования исходных значений ЛАВИНА I.1 и AVALANCHE I.1 в словарях

ЛАВИНА I.1 в русских словарях	AVALANCHE I.1 во французских словарях
Ожегов: <u>Массы снега, снежных глыб</u> , низвергающихся с гор	Larousse : <u>chute d'une masse de neige</u> qui se détache de la montagne et dévale sur un versant en direction de la vallée
БТС: <u>Массы снега</u> , низвергающиеся с гор с огромной разрушительной силой	Le Robert : <u>masse de neige</u> qui se détache d'une montagne, qui dévale en entraînant des pierres, des boues. ♦ <u>chute de cette masse de neige</u>
МАС: <u>Масса снега</u> , низвергающаяся с гор с огромной разрушительной силой	TLFi : A. <u>Chute soudaine et brutale d'une masse de neige</u> qui se détache de la montagne et s'abat sur la vallée. B. <u>La neige</u> qui constitue cette masse.

Из таблицы видно, что в трёх словарях рус. языка центральным компонентом толкования существительного *лавина* является ‘масса (массы) снега’ (в Ожегов 2015 — ‘массы снега, снежных глыб’). Таким образом, рус. *лавина* относится к семантическому классу ‘сущность’.

В правой половине таблицы ситуация выглядит сложнее. 1. Авторы французского Ларусса выделяют в качестве центрального компонента существительного *avalanche* ‘сход массы снега’; 2. Авторы Робера считают центральным компонент ‘масса снега’ (но при этом отмечают, что в некоторых употреблениях *avalanche* может означать и ‘сход этой массы’); 3. Наконец, лексикографы TLFi делят исходное значение сущ. *avalanche* на два подзначения,

центральным компонентом толкования первого из которых является ‘сход массы снега’, а второго — ‘снег [из которого состоит эта масса]’. Таким образом, Ларусс однозначно относит *avalanche* к семантическому классу ‘событие’, два других словаря — к классам ‘сущность’ и ‘событие’.

В данном случае мы склонны согласиться с авторами Ларусса (*avalanche* — это ‘событие’) и поставить под вопрос правомерность выделения у этого существительного значения ‘масса снега’. Примеры, приводимые в пользу «сущностной» природы *avalanche*, кажутся нам сомнительными. Рассмотрим один из них. В Робере значение ‘масса снега’ иллюстрируется фразой (2а).

(2) а. *Le hameau fut enseveli sous une avalanche.*

б. *Деревушка оказалась погребённой под лавиной.*

Казалось бы, вывод очевиден: *sous une avalanche* значит *под массой снега*. Однако во фр. языке предлог *sous* ‘под’ может использоваться и с «событийными» сущ. (ср. *enseveli sous une chute de casseroles* (*погребённый под падением кастрюль), а значит пример (2а) нельзя использовать в качестве аргумента в пользу того, что центральным компонентом фр. *avalanche* может быть ‘масса снега’.

Таким образом, по нашему убеждению, центральным компонентом толкования рус. сущ. лавина является ‘масса снега’ ([сущность]), а центральным компонентом толкования фр. сущ. *avalanche* является ‘падение’ ([событие]). Собственно, этим и объясняется невозможность дословного перевода таких фраз и словосочетаний как *témoin d’avalanche* (*свидетель лавины, правильно свидетель схода лавины), *une avalanche s'est déclenchée* (*произошла лавина, правильно произошёл сход лавины) и т. д. В отличие от фр. языка, в рус. языке лавины не *начинаются, не *кончаются, не *длятся и не *происходят.

2. 2. Вокабулы ЛАВИНА и AVALANCHE в Лексических сетях рус. и фр. языков

На момент написания данной статьи полисемические структуры вокабул ЛАВИНА и AVALANCHE были представлены в *Лексических сетях русского и французского языков* следующим образом (таб. 2):

Таблица 2. Полисемия вокабул ЛАВИНА и AVALANCHE в RL-ru и RL-fr

ЛАВИНА	AVALANCHE
ЛАВИНА I.1 <i>лавина, которая идёт на Y</i> ‘огромная масса снега, ● которая стремительно перемещается вниз’	AVALANCHE I.1 <i>avalanche qui arrive sur Y</i> ‘glissement accidentel d'une très grande masse de neige’

<p>по склону горы на Y</p> <ul style="list-style-type: none"> ● (и наносит ущерб Y-у)’: <i>Со склона соседней горы сорвалась лавина.</i> <p>ЛАВИНА I.2 <i>лави́на X-а/-ов, которая идёт на Y</i> <u>‘огромная масса вещества или предметов X,</u> ● которая перемещается вниз по склону горы’: <i>После взрыва с гор сошла большая лавина камней и щебня.</i></p> <p>ЛАВИНА II <i>лави́на X-а/-ов, которая падает на Y</i> <u>‘большое количество X-а/-ов,</u> ● которые падают на Y ● единой массой’: <i>Сверху на Петю обрушилась лавина книг.</i></p> <p>ЛАВИНА III.1 <i>лави́на X-а/-ов, которая передвигается к Y-у</i> <u>‘большое количество X-а/-ов,</u> ● которые передвигаются к Y-у ● единой массой ● по поверхности земли’: <i>В густом облаке пыли показалась конная лавина.</i></p> <p>ЛАВИНА III.2 <i>лави́на X-а/-ов, которые воздействуют на Y.</i> <u>‘большое количество X-а/-ов,</u> ● которое воздействует на Y’: <i>Иван Петрович был раздавлен лавиной сплетен, жалоб и прочих карьерных неприятностей.</i></p>	<ul style="list-style-type: none"> ● qui se détache d’une montagne ou d’un élément du relief similaire ● qui se déplace rapidement sur cet élément du relief ● qui atteint Y (et lui cause des dommages)’: <i>Une avalanche s’est produite hier dans le massif alpin en provoquant la mort d’une personne.</i> <p>AVALANCHE I.2 <i>avalanche de X qui arrive sur Y</i> <u>‘glissement accidentel d’une très grande masse de X</u> ● qui se détache d’un élément du relief élevé ● qui se déplace rapidement sur cet élément du relief ● qui atteint Y (et lui cause des dommages): <i>Une Toulousaine tuée par une avalanche de pierres.</i></p> <p>AVALANCHE II <i>avalanche de X sur Y</i> <u>‘chute accidentelle d’une grande quantité de X</u> ● qui tombent sur Y’: <i>Une avalanche de livres s’effondra sur Simon.</i></p> <p>AVALANCHE III <i>avalanche de X sur Y.</i> <u>‘grande quantité de faits X</u> ● qui peuvent affecter, ou qui affectent Y’: <i>Une avalanche de coups de poing s’abattit sur la porte d’entrée.</i></p> <p>AVALANCHE IV <i>avalanche de X sur Y</i> <u>‘effet intense que produit X sur Y</u> ● comme si c’était une avalanche I.1 qui se déverse sur Y’: <i>Ma mère était enfermée dans une chambre, enfouie sous l’avalanche de sa maladie mentale.</i></p>
---	--

2.3. Анализ толкований базовых лексем ЛАВИНА I.1 и AVALANCHE I.1 в RL-ru и RL-fr

Проанализируем пропозициональную форму лексем ЛАВИНА I.1 и AVALANCHE I.1 и сравним центральные и периферийные компоненты их толкований. (см. таб. 2).

2.3.1. Пропозициональная форма

В соответствии с принципами толково-комбинаторной лексикологии, в случае предикатных и квази-предикатных лексем толкование в RL-ги и RL-ft дается не просто для лексемы, а для её пропозициональной формы. **Пропозициональная форма** — это выражение, состоящее из лексической единицы и переменных, которые представляют её семантические актаны (Мельчук 2012: 111).

Как видно из таб. 2, нами толкуется не лексема ЛАВИНА I.1, а пропозициональная форма *лавина, которая идёт на Y*. Переменная Y здесь является потенциальным местом происшествия, как *отель* в примере *В отеле, на который сошла лавина, всё ещё надеются найти живых*. Смысл ‘снег’ в толковании лексемы ЛАВИНА I.1 не представлен переменной, а прямо включён в значение лексемы; поэтому пропозициональная форма лексемы ЛАВИНА I.1 не имеет переменной X (‘снег’ — это встроенный актант, см. об этом Polguère 2012).

Фр. лексема AVALANCHE I.1 имеет схожую пропозициональную форму. Интересно, однако, отметить, что в рус. яз. словосочетание *снежная лавина* допускается (т. е. ‘снег’ внутри смысла ‘лавина’ может быть продублирован прилагательным *снежный*), а во французском выражение *une avalanche de neige* кажется сомнительным и возможно только при введении дополнительной характеристики, касающейся X-а (например, *une avalanche d'une neige lourde et glacée* ‘лавина тяжёлого заледенелого снега’). См. часть 3.

2.3.2. Центральный и периферийные семантические компоненты

В разделе 2.1. было показано, что центральные семантические компоненты лексем ЛАВИНА I.1 и AVALANCHE I.1 не совпадают (для ЛАВИНА I.1 центральным компонентом является ‘масса снега [которая сходит]’, а для AVALANCHE I.1 — ‘сход [массы снега]’. Это различие неизбежно влияет на сочетаемость рус. и фр. существительных и может вызвать трудности при переводе.

Для того, чтобы выявить периферийные компоненты лексем ЛАВИНА I.1 и AVALANCHE I.1, мы проанализировали сочетаемость этих сущ. Нас интересовали такие словосочетания и выражения, как *удар лавины, souffle d'avalanche; жертва схода лавины, miraculé d'avalanche; pris dans une avalanche; лавина смела* и т. д. Выделенные нами периферийные компоненты толкований ЛАВИНА I.1 и AVALANCHE I.1 представлены в таб. 3

(в скобках (+) указан слабый компонент, наличие которого не является обязательным).

Таблица 3. Периферийные компоненты толкований ЛАВИНА I.1 и AVALANCHE I.1 в RL-ru и RL-fr

	огромная	отрывается от горы	быстро перемещается	перемещается по склону горы	наносит ущерб
ЛАВИНА I.1 ' <u>масса снега</u> ', которая	+	—	+	+	(+)
AVALANCHE I.1 ' <u>сход (падение) массы снега</u> ', которая	+	+	+	+	(+)

Легко заметить, что в толкованиях лексем ЛАВИНА I.1 и AVALANCHE I.1 не совпадает только один периферийный компонент — указание на то, что лавина «отрывается от горы». Ввод этого компонента в толкование AVALANCHE I.1 обусловлен наличием ряда употреблений, связанных с началом схода лавины (они не встречаются в рус. яз.): *départ d'une avalanche* (*начало лавины), *avalanche se détache* (*лавина отделяется), *avalanche se décroche* (лавина срывается).

3. Сравнительный анализ полисемии вокабул

Анализ значений базовых лексем ЛАВИНА I.1 и AVALANCHE I.1 позволил нам выявить тот **семантический потенциал** (термин Г. И. Кустовой, см. Кустова 2004: 58), который может реализоваться в производных значениях интересующих нас лексем и повлиять на развитие полисемии внутри вокабул ЛАВИНА и AVALANCHE. Мы исходим из того, что набор **кополисем** (термин А. Польгера) внутри вокабул и их значения не могут быть абсолютно непредсказуемыми, потому что производные значения включают компоненты исходного, т. е. базового, значения «которые заранее известны» (Кустова 2004: 59). Посмотрим, например, как различие центральных компонентов (рус. 'масса' и фр. 'сход') оказало влияние на развитие полисемии ЛАВИНА и AVALANCHE (см. таб. 2).

1. **ЛАВИНА I.2** и **AVALANCHE I.2** (*каменная лавина, avalanche de pierre*). В целом это значение в рус. и фр. языках совпадает, но, как и в базовых лексемах, центральным компонентом толкования для рус. ЛАВИНА I.2 является 'масса', а для фр. AVALANCHE I.2 — 'сход, скольжение вниз', что неизбежно влияет на сочетаемость этих сущ. Ср. **He менее*

четырёх человек погибли в результате грязевой лавины в Колумбии. В пропозициональной форме обеих лексем эксплицитно задан актанта X (*песок, щебень, глина* и т. д.), этим они отличаются от пропозициональных форм ЛАВИНА I.1 и AVALANCHE I.1.

2. **ЛАВИНА II** и **AVALANCHE II** (*лавина книг, avalanche de livres*). Как и в предыдущем случае, единственным (немаловажным) отличием между рус. и фр. лексемами являются центральные компоненты толкования: ‘большое количество X-ов’ для рус. и ‘падение большого количества X-ов’ для фр., поэтому по-русски нельзя сказать, например, **Лавина тарелок длилась всего две секунды.* В обоих языках актанта X может быть выражен и исчисляемым, и неисчисляемым сущ. (*лавина воды, avalanche d'eau*). Любопытно, что именно в этом значении рус. сущ. *лавина* употребляется в словосочетании *лавина снега*. Ср. В *Новом Уренгое лавина снега, сошедшая с крыши, накрыла мужчину* при сомнительном употреблении в базовом значении (ЛАВИНА I.1) *Вчера вечером в швейцарских Альпах лавина снега накрыла пятерых лыжников* (правильно *снежная лавина*).

3. **ЛАВИНА III.1** (*конная лавина*). Значение ‘то, что передвигается единой массой (по поверхности земли)’ (синонимы *море, поток*) отдельно выделяется только для рус. яз. Тот факт, что X в некоторых случаях может быть выражен не только сущ. в род. пад. (*лавина солдат*), но и прилагательным (*танковая, конная лавина*), свидетельствует о высокой степени освоения этого значения рус. языком. Интересно, что толковые словари рус. яз., выделяющие это значение сущ. ЛАВИНА, отмечают стремительность движения передвигающейся массы (Ожегов). Отметим однако, что «эта» *лавина* в рус. яз. может *ползти*, значит высокая скорость движения не должна быть обязательным периферийным компонентом толкования.

Во фр. яз. такое употребление встречается крайне редко. Это расхождение между рус. и фр. яз., на наш взгляд, связано с различием центральных компонентов базовых лексем (‘масса’ в рус. яз. и ‘скольжение [этой массы] сверху вниз’ во фр.яз.).

4. **ЛАВИНА III.2** и **AVALANCHE III** (*лавина комплиментов, avalanche de compliments*). Значение ‘большое количество X-а/-ов, воздействующее на Y’ выделяется как в рус., так и во фр. языках (*лавина аплодисментов, ударов, телефонных звонков*). Между тем, между рус. и фр. лексемами есть существенная разница, и касается она выбора актанта X. Рус. *лавина* в этом значении довольно свободно сочетается и с исчисляемыми и с неисчисляемыми сущ. В последнем случае скорее в значении ‘интенсивное проявление чувства или состояния’ (син. *волна*): *лавина нежности*. Во фр. яз. словосочетания, построенные по модели *лавина +* неисчисл. сущ. (*avalanche d'amour*), встречаются и в корпусе Frantext, и в других источниках, однако у ряда носителей фр. языка такие употребления вызывают сомнения. Ср., например, комментарии к примерам, включающим словосочетание *avalanche d'amour* ‘лавина любви’:

«Речь идёт о любви нескольких человек» или «Речь идёт о множестве разных доказательств (проявлений) любви». Как и в предыдущем случае, эту разницу между рус. и фр. языками можно объяснить несходством центральных компонентов базовой лексемы: в рус. языке *лавина любви* — единая «масса», во французском *avalanche d'amour* — множество событий.

5. **AVALANCHE IV** (**лавина жары*). Сразу следует оговориться, что метафорическое употребление *avalanche* в значении 'интенсивное воздействие X-а на Y' во фр. яз. встречается очень редко (исключительно в художественных текстах) и не всегда принимается «наивными» носителями. Как видно из примера (3а), в отличие от других значений, в AVALANCHE IV акцентируется не 'перемещение сверху вниз' и не 'большое количество', а скорее 'мощное воздействие'. Ср. также пример в таблице 2.

(3)а. *On avançait sous l'avalanche de la chaleur.*

б. *Мы шли по гнетущей жаре* (букв. **под лавиной жары*).

Таким образом, основой для этого редкого употребления послужил не центральный компонент толкования AVALANCHE I ('сход'), а компонент 'мощное воздействие на Y'.

Проследив развитие полисемии ЛАВИНА и AVALANCHE от наблюдаемого (*лавина гряди*) к ненаблюдаемому (*лавина любви*), мы можем сказать, что центральные компоненты базовых лексем, вне всякого сомнения, повлияли на развитие полисемии наших вокабул. В то же время, мы видим, что в основе расширения значения может лежать любой другой (периферийный) компонент толкования базовой лексемы (и даже элементы, не вошедшие в толкование, которые известны говорящему, потому что он знаком с соответствующей прототипической ситуацией).

Заключение

Вернёмся к наблюдению, сформулированному во введении: двуязычные словари в качестве эквивалента рус. *лавина* дают фр. *avalanche* и наоборот. Правы ли авторы словарей? По-видимому, да. В случае с сущ. *лавина* и *avalanche* мы имеем дело с проявлением довольно регулярной, привычной носителям сопоставляемых языков, полисемии (ср., например, 'вещество' и 'падение этого вещества' в сущ. *снег* и *neige*), только на этот раз на межъязыковом уровне. Вне контекста, безусловно, рус. *лавина* соответствует фр. *avalanche*.

В то же время, различие центральных компонентов базовых лексем вокабул ЛАВИНА и AVALANCHE («сущностный» для рус. и «событийный» для фр.) неизбежно влияет на сочетаемость этих лексем. Эта особенность должна учитываться, кроме прочего, при преподавании русского и французского языков как иностранного и при переводе.

Различие центральных компонентов базовых лексем в определённой степени влияет и на развитие полисемии внутри вокабул ЛАВИНА и AVALANCHE, на «набор кополисем», поскольку именно от того, каким было базовое значение, зависит то, «что с ним можно сделать, какие производные значения из него можно получить» (Кустова 2004: 54). С другой стороны, наш анализ показал, что в развитии полисемии определяющим необязательно является именно центральный компонент базовой лексемы, им может стать один из периферийных компонентов: сдвиг семантического акцента может быть обусловлен фокусом внимания говорящего. Таким образом, не всегда можно с точностью предсказать, какое новое значение «вызревает» внутри вокабулы, но при этом, по-видимому, можно выявить возможные пути развития кополисем.

Сердечно благодарим И. А. Мельчука Л. Н. Иорданскую, В. И. Томашпольского, Е. В. Акборисову за ценные замечания, высказанные при подготовке этого текста. Спасибо участникам секции «Описание и анализ русского языка» МКР-Барселона 2018 за содержательное и конструктивное обсуждение доклада. Конечно, ответственность за все ошибки и неточности целиком лежит на авторах статьи.

Список литературы

- Апресян Ю. Д. (1995): Лексическая семантика. Синонимические средства языка. т. 1, 2-е изд., испр., Москва: ЯСК.
- Жолковский А. К., Мельчук И. А (1965): О возможном методе и инструментах семантического синтеза, Научно-техническая информация, 6, 23–28.
- Кустова Г. И. (2004): Типы производных значений и механизмы языкового расширения, Москва: ЯСК.
- Левонтина И. Б. (2004): Словарная статья МЕТЕЛЬ, Новый объяснительный словарь синонимов русского языка, Москва — Вена: ЯСК, 535–548.
- Мельчук И. А. (1974): Опыт теории лингвистических моделей Смысл-Текст, Москва: Наука.
- Мельчук И. А. (1997): Курс общей морфологии, т. 1, Москва — Вена: ЯСК.
- Мельчук И. А. (2012): Язык: от смысла к тексту, Москва: ЯСК.
- Урысон Е. В. (2010): Фокус внимания говорящего, сдвиг семантического акцента и полисемия, Проспект активного словаря русского языка под ред. Ю. Д. Апресяна, Москва: ЯСК.

References

- Krylosova S. (2017): Du projet d'élaboration d'un Réseau lexical du russe (RL-ru), Karpovskie naušnye čtenija, Minsk: IVC Minfina, 11, 1, 243–246.

- Lux-Pogodalla, V., Polguère, A. (2011): Construction of a French Lexical Network. Methodological Issues, Proceedings of the First International Workshop on Lexical Resources, Ljubljana, P. 54–61.
- Mel'čuk I. (1993): Cours de morphologie générale, vol. 1. Montréal: Les Presses de l'Université de Montréal — Paris: CNRS Éditions.
- Mel'čuk I., Clas A., Polguère A. (1995): Introduction à la lexicologie explicative et combinatoire. Louvain-la-Neuve: Duculot.
- Mel'čuk, I. (1996): Lexical Functions : A Tool for the Description of Lexical Relations in the Lexicon, Lexical Functions in Lexicography and Natural Language Processing , Language Companion Series 31, Amsterdam/Philadelphie : J. Benjamins, 37–102.
- Mel'čuk I. (2013): Semantics From meaning to text, vol. 2, Amsterdam/Philadelphie : J. Benjamins.
- Mel'čuk I. (2015): Semantics: From meaning to text, vol. 3, Amsterdam/Philadelphia: J. Benjamins.
- Mel'čuk I., Polguère A. (2016): La définition lexicographique selon le lexicologie explicative et combinatoire, Cahier de lexicologie, 2, 109, 61–91.
- Milčević J. (2016): La définition lexicographique pédagogique : enjeux et difficultés, Cahier de lexicologie, 2, 109, 93–116.
- Polguère A. (2012): Propriétés sémantiques et combinatoires des quasi-prédicats sémantiques, Scolia, Université des sciences humaines Strasbourg, 26, 131–152.
- Polguère A. (2016): Lexicologie et sémantique lexicale. Notions fondamentales. Troisième édition, Montréal: Les Presses de l'Université de Montréal.
- Sikora D. (2016): Activité(s) de définition dans l'apprentissage d'une langue seconde, Cahier de lexicologie, 2, 109, 117–144.

Словари

- БТС — (2014): Большой толковый словарь русского языка. гл. ред. С. А. Кузнецов, Санкт-Петербург: Норинт.
- МАС — (1999): Словарь русского языка. под ред. А. П. Евгеньевой, 4-е изд., стер. Москва: Русский язык, Полиграфресурсы.
- Ожегов — Ожегов С. И. (2015): Толковый словарь русского языка: АСТ.
- ТКС — Мельчук И. А., Жолковский А. К. (1984): Толково-комбинаторный словарь русского языка, Вена, Wiener Slavistischer Almanach.
- Larousse — Le Larousse, URL: <http://www.larousse.fr/> (consulté le 18 juin 2018)
- Robert — Le Grand Robert de la langue française, version 4.1.
- TLFi — Trésors de la Langue Française informatisé. ATILF - CNRS & Université de Lorraine. URL: <http://www.atilf.fr/tlfi> (consulté le 18 juin 2018)

УСТОЙЧИВЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ КАК ЭТНОСЕМАНТИЧЕСКАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ СИНОНИМОВ КОНЦЕПТА «ТРУСОСТЬ» В РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКАХ

Керексibesова Урсула Валерьевна
Кемеровский государственный университет, Россия
kereksibesova@gmail.com

STABLE EXPRESSIONS AS ETHNOSEMANTIC REALIZATION OF SYNONYMS OF CONCEPT «COWARDICE» IN DIFFERENT STRUCTURED LANGUAGES

Kereksibesova Ursula
Kemerovo State University, Russia

АННОТАЦИЯ

В статье через анализ паремий в русском, китайском и тюркских языках обнаружены этносемантические компоненты синонимов, реализующих концепт «трусость». Пословицы и поговорки, являясь культурным кодом нации, выявляют уникальный взгляд на мир и его интерпретацию русскими, китайцами и тюрками. Вместе с тем устойчивые высказывания актуализированы в границах пропозициональных структур, эксплицируя идентичность механизма работы мозга людей, говорящих на разных по структурному устройству языках.

ABSTRACT

In the article, through the analysis of paremiias in Russian, Chinese and Turkic languages, ethnosemantic components of synonyms that realize the concept of «cowardice» were found. Proverbs and sayings, being the cultural code of the nation, reveal a unique view of the world and its interpretation by the Russians, the Chinese and the Turks. At the same time, stable statements are actualized within the boundaries of propositional structures, showing the identity of the mechanism of the brain of people speaking different structured languages.

Ключевые слова: концепт, синонимы, пропозиция, пропозициональная структура, разноструктурные языки.

Keywords: concept, synonyms, proposition, propositional structure, different structured languages.

*Исследование выполнено при поддержке РФНФ, проект №17-04-00253 – ОГН\18.

Паремия присуща всем языкам современного мира. «Устойчивые выражения емко, образно, эмоционально интерпретируют явления окружающего мира. На основе анализа фразеологизмов разных этносов можно выявить особенности мировоззрения нации, народности, понять дух нации, обусловленный языком, в котором он реализован. С одной

стороны, люди современной цивилизации выражают мысль в словах по одним и тем же абстрактным логическим схемам, пропозициональным структурам, с другой – под влиянием внутреннего формально-семантического устройства каждого конкретного языка и культурных концептов, представленных в языке, - пропозициональные структуры реализуются в свойственных конкретному языку вербализованных пропозициях, проявляющих его самостийность» (Араева 2014: 20).

В данной статье мы стремимся через анализ паремий выяснить, как реализуется семантическое пространство синонимов в пределах концепта «трусость» в китайском, русском и тюркских языках. В отличие от русского, алтайского, киргизского языков телеутский язык – язык коренного малочисленного народа России. В настоящее время насчитывается чуть больше 2500 телеутов, примерно 1500 телеутов обосновались в с. Беково Беловского района Кемеровской области. Язык используется только в бытовом общении. Телеуты в результате ассимиляции с русской культурой забывают свои обычаи, традиции и язык. Проблема сохранения этнической культуры языков коренных малочисленных народов является актуальной задачей. Представители коренного населения Севера – телеуты включены в программу ЮНЕСКО «Охрана малых народов мира». Проблемой сохранения языка и культуры телеутов с 2007 года занимается кафедра стилистики и риторики Кемеровского государственного университета под руководством профессора Араевой Людмины Алексеевны. Опыт работы по сохранению телеутской лингвокультуры описан в: (Араева, Булгакова, Калентьева, Керексибесова, Крейдлин и др. 2016; Араева, Крейдлин, Проскурина 2017). Анализируемые в данной статье паремии извлекались из бесед с жителями с. Кош-Агач (Республика Алтай), г. Бишкек (Киргизия), с. Беково. Использовались словари, а также материалы из интернет-ресурсов. Телеутские пословицы и поговорки собирались в экспедициях в с. Беково.

Рассматривая синонимы и устойчивые выражения к слову трусливый в разных языках, мы выявляем, как понимается это качество человека в разных культурах. Наряду с общими чертами, выявляется также специфическое в понимании трусости у разных народов. «Язык, не только понимаемый обобщенно, но каждый в отдельности, даже самый неразвитый, заслуживает быть предметом пристального изучения. Разные языки — это не различные обозначения одного и того же предмета, а разные видения (Ansichten) его. Путем многообразия языков непосредственно обогащается наше знание о мире и то, что нами познаётся в этом мире; одновременно расширяется для нас и диапазон человеческого существования» (В. фон Гумбольдт 1801: 601). Путем рассмотрения паремий о трусости и

синонимов к этому слову, мы обогащаем знания о разных культурах, что будет способствовать пониманию разных культур при межкультурной коммуникации.

Анализ семантического пространства синонимов через пословицы и поговорки, являющиеся своеобразным культурным кодом нации, позволяет увидеть особенности языковой картины мира китайцев, русских и тюрков, особенности познания ими мира. Это исследование может быть полезным переводчикам, людям, изучающим рассматриваемые языки, а также лингвистам, занимающимся анализом разноструктурных языков.

Синонимы, реализующие концепт «трусость», присутствуют в языковом сознании представителей разных лингвокультур, в которых трусость порицается, считается недостойной человека. При этом семантическое пространство синонимов, репрезентирующих данный концепт, в каждом языке оказывается достаточно уникальным, что обусловлено бытом, культурными традициями народов. Культурные традиции, составляющие национальное достояние, образно представлены в пословицах и поговорках. Эти устойчивые выражения дают возможность осмыслить культурные стереотипы конкретного народа.

Синонимы к слову *трусливый* в русском языке: *боязливый, пугливый, робкий, несмелый* (Апресян 2003: 56). Данные слова имеют различительные смысловые признаки. «Для боязливого более характерно чувство тревоги, чем страха. Оно является постоянным фоном его восприятия действительности: субъект все время ожидает, что может произойти нечто плохое для него, и поэтому находится в постоянном напряжении. Пугливый импульсивно и бессознательно реагирует даже на слабое внешнее воздействие, чаще всего на внезапное изменение ситуации, проявляя это в произвольных движениях или негромких восклицаниях» (Апресян 2003: 56). Пугливый в китайском языке: *惊恐的 jīngkǒng de* букв. *удивиться до страха*; *惊吓 jīngxià* букв. *удивится до испуга*. В алтайском языке: *чочын* букв. *пугаться*. Во всех языках данные слова подразумевают бессознательную реакцию на внешнее воздействие.

«Робкий и несмелый, в основном круге употреблений характеризуют свойства личности, а не биологической природы субъекта. Робкие люди не любят проявлять инициативу, склонны к пассивности, стремятся причинить как можно меньше беспокойства окружающим, предпочитают не привлекать к себе внимания, говорят немного и негромко. Данное свойство часто ассоциируется со скромностью, поэтому может оцениваться положительно. Для прилагательного несмелый наиболее характерна ситуация, когда субъект из-за неуверенности в себе отказывается от совершения полезных или нужных поступков» (Апресян 2003: 57). В китайском языке слова, обозначающие робкого и несмелого человека: *生生怯生生*

qièshēngshēng букв. *бояться нового*; *怯懦 qiènuò* букв. *боязливый и робкий*; *怯生 qièshēng* букв. *стесняться незнакомых*. Примечательно, что данные слова в китайском языке используются только по отношению к детям и молодым людям, так как данное качество проявляется из-за отсутствия достаточного опыта.

«Трусливый тоже характеризует свойство личности, состоящее в том, что человек, руководствуясь примитивным инстинктом самосохранения, всеми силами старается избежать опасности, даже в ситуации, когда это противоречит этическим нормам. Трусливый испытывает чувство страха, которое почти не в силах преодолеть, даже когда он осознает, что должен сделать это. С неспособностью смотреть в лицо опасности связана однозначно отрицательная этическая оценка субъекта свойства трусливый и самого этого свойства» (Апресян 2003: 57). Трусливый в алтайском, телеутском и киргизском языках: *коркынчак*, *коркок*. В китайском языке: *胆小 dǎnxiǎo* досл. *маленький желчный пузырь* в значении *трусливый*.

Соматизмы в разных лингвокультурах играют важную роль, что не является случайным: человек, познавая мир, категоризуя, концептуализируя его, опирается на свой телесный опыт. В частности, в киргизском языке разные части гор обозначаются с помощью соматизмов (Тагаев 2014: 169). Как отмечает Е. В. Рахилина: «практически во всех языках человек моделирует ориентацию предметов в пространстве, так сказать, по себе» (Рахилина 2008: 14).

В наивной картине мире многих народов внутренние состояния и ощущения человека, вызываемые каким-либо внешним воздействием, локализируются в каком-то органе человеческого тела. Для китайцев желчный пузырь является пристанищем такого чувства, как смелость и пугливость. Соответствующие коннотации передают указания на отклонения в размере этого органа. Например, *胆大 dǎndà* досл. *большой желчный пузырь* используется в значении *храбрый, смелый*, а *胆小 dǎnxiǎo* досл. *маленький желчный пузырь* используется в значении *трусливый и робкий*. Отсюда, выражение *夺胆 duódǎn* досл. *лишиться желчного пузыря* используется в значении *растеряться, струсить*. Кроме этого, примечательно наличие выражения *胆怯 dǎnqiè* досл. *желчный пузырь боится*, также обозначающего *трусость*. В китайском языке встречаются такие выражения со словом *胆 dǎn* *желчный пузырь*: *胆寒 dǎnhán* досл. *желчный пузырь дрожит* в значении *перепугаться*; *胆虚 dǎnxū* досл. *пустой желчный пузырь* в значении *трусливый, несмелый, робкий*. Кроме этого, в

китайской медицине выделяется такая болезнь, как недостаточность желчного пузыря, недостаточный желчный синдром - болезненное состояние от недостаточности жёлчного Ци. Проявления: бессонница с дисфорией, пальпитация, склонность к испугу и подозрению. Связь желчного пузыря с чувством страха также отмечается в книге «Южная история» (Li Yanshou 1974). Во времена династии Цин в провинции Шаньдун старик решил сходить в гости к родственникам, но по приходу домой неожиданно умер. Тело у него было зеленого цвета, что позволило выдвинуть гипотезу об отравлении этого человека во время трапезы родственниками. После вскрытия тела выяснилось, что старик умер из-за того, что у него лопнул желчный пузырь. По дороге домой старик увидел, как убивают людей, его также хотели убить, но ему удалось добежать до дома. Старик был так перепуган, что у него лопнул желчный пузырь, в результате чего тело покрылось зеленым цветом (Li Yanshou 1974).

Для русской лингвокультуры такой соматизм, как *сердце*, является пристанищем многих эмоций и чувств, в том числе страха и боязливости: *сердце в пятки уходит; сердце обмерло; сердце замерло в груди; сердце дрожит, как овечий хвост; сердце оборвалось; сердце ёкнуло в груди; сердце не на месте* и др.

Во всех рассматриваемых языках существуют выражения, обозначающие трусливого человека через такой орган, как глаза. В алтайском языке: *коркыган торбоктын көстөри тосток* букв. *у напуганного бычка глаза выпученные; коркынчак көзин тозырайта көрөр, коркыбас көзин кезе көрөр* букв. *боязливый глаза выпучив смотрит, небоязливый глазами прямо смотрит*. В киргизском языке: *көз – коркок, кол – баатыр* букв. *глаза – трус, рука – храбрец; коркконго кош көрүнөт, кошогу менен беш көрүнөт* букв. *испугавшемуся все двойным кажется, а с тем, что к нему привязано, пятерным кажется*. В русском языке: *у страха глаза велики*. В китайском языке выражение 触目惊心 *chù mù jīng xīn* то, что бросается в глаза, пугает сердце свидетельствует о связи внешних воздействий с внутренними ощущениями через глаза.

Такой соматизм, как сердце, также представляет вместилище и очаг эмоций. Ощущения одной части тела могут вызывать реакцию другой, например, в китайском языке: 心惊肉跳 *xīnjīng ròutiào* досл. *сердце испугалось, мясо задрожало* в значении *перепугаться до смерти; 心惊胆寒 xīn jīng dǎn hán* досл. *сердце испугалось, желчный пузырь задрожал* в значении *трепетать от ужаса*.

«Трусливый может отказаться от активных действий, которые от него ожидаются, или, поддавшись страху, совершить поступки, приносящие вред окружающим» (Апресян 2003: 57).

Это также отмечается в алтайском языке: *коркынчак анчы ан үркүдөр, коркынчак кижии жон чочыдар* букв. *трусливый охотник напугает животных, трусливый человек испугает народ*.

Во всех лингвокультурах присутствуют устойчивые выражения, обозначающие трусливого человека через сравнение с поведением животных, но в каждой это сравнение проявляется достаточно специфично. Так, например, в китайском языке трусливый человек сравнивается с мышью. В китайском языке: *胆小如鼠 dǎnxiǎo rúshǔ* досл. *быть трусливым, как мышь*. Тогда как в русской и тюркских лингвокультурах трусливым выступает заяц. В русском языке: *труслив, что заяц, блудлив, что кошка; заяц трус — и тот охотиться любит; заяц самого себя боится; пуганый заяц и пенька боится*. В алтайском языке: *койоннын жүрегин жүген* букв. *заячье сердце съел; коркынчак кижии койонго түңгей, турумкай кижии тууга түңгей* букв. *трусливый человек — как заяц, стойкий человек — как гора*.

Наряду со сравнением трусливого человека с поведением животных, в тюркских языках присутствуют пословицы и поговорки, описывающие поведение трусливого человека по отношению к различным животным. Так как тюркские народы в основном занимались охотой и скотоводством, объектом в данном случае выступают наиболее часто встречающиеся животные. Так, например, в алтайском и телеутском языках: *коркыбас айунын бажына адар, жыланнын куйругынан тудар* букв. *бесстрашный медведю в голову выстрелит, змею за хвост поймает; коркыбас айуга бычак уулар, коркынчак конгыска мылтык алар* букв. *бесстрашный на медведя нож направит, трусливый на жука ружье возьмет; коркынчак кулун ажыра бөрүден жажынар* букв. *трусливый за своим жеребенком от волка спрячется*.

Во всех рассматриваемых культурах отмечается, что трусливый человек боится смерти. Так, например, в китайском языке: *贪生怕死 tānshēng pàisǐ* букв. *цепляться за жизнь и бояться смерти* в значении *трусливый*. В алтайском языке: *коркок миң өлөт, баатыр бир өлөт* букв. *трус умирает тысячу раз, герой умирает один раз*. В русском языке: *трус умирает тысячу раз, а смелый один; за трусом смерть охотится*.

В русской и тюркских лингвокультурах присутствуют пословицы и поговорки, в которых отмечается, что трусливый человек может быть смелым только тогда, когда он защищен каким-либо предметом. В алтайском языке: *коркынчак кыр ажыра жүдуругын көргүзөр, кыр ажыра сөзүн угузар* досл. *трусливый из-за горы кулак свой покажет, из-за горы свое слово скажет; коркынчак очок ажыра кекенер, кыр ажыра шыйдам көргүзөр, јеннин ичинде жүдуругын түўнер* букв. *трусливый из-за очага угрожает, из-за горы дубину покажет, в рукаве свой кулак сожмет*. В русском языке: *трус храбр за печью*. Единая пропозициональная структура для данных устойчивых выражений — «субъект по отношению

к объекту», пропозиция «трус храбр, когда прячется за каким-либо предметом». Предметы в этих устойчивых выражениях являются культурно обусловленными. Печь является характерным предметом быта для исконно русской культуры.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что понятие *трусость* во всех рассматриваемых лингвокультурах понимаются по-разному. Каждый народ вкладывает в эти понятия свои отличительные значения. Эти отличительные черты основаны на мировоззрении, привычках, обычаях и культуре народа.

Все паремии, в которых отмечены жадность, глупость, леность, хитрость, привести в одной работе невозможно. Тем не менее, приведенные пословицы и поговорки свидетельствуют о том, что пропозициональные структуры знания, тот глубинный уровень, который направляет мысль человека в реализацию высказывания, для анализируемых лингвокультур един. Это: субъект по действию”; “субъект по отношению к объекту”; “субъект по отношению к результату”; “субъект по отношению к средству”. Пропозиции же, обусловленные суждения (термин Л. Вайсгербера), могут быть как общими, так и различными. Общим является то, что, например, трусливый человек боится смерти. Во всех лингвокультурах присутствуют устойчивые выражения, обозначающие трусливого человека через сравнение с поведением животных. В русской и тюркских культурах присутствуют пословицы и поговорки, где отмечается, что трусливый человек может быть смелым только тогда, когда он защищен каким-либо предметом. В то же время культура каждого народа накладывает национальное видение проявления трусости через предметы, которые характерны для той или иной нации. Сравнение образа жизни трусливого человека с поведением животных в Китае происходит через образ мыши, тогда как в русской и тюркской культурах через образ зайца. *Печь* является характерным предметом быта для исконно русской культуры. Именование данного предмета используется в русских пословицах и поговорках, тогда как в алтайской и киргизской лингвокультурах данный предмет заменяется образом *горы*.

Список литературы

- Апресян Ю. Д. (2003): Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Москва: Школа «Языки славянской культуры», 1298.
- Араева Л. А. (2016): Языковая картина мира телеутов. Кемерово: КГУ.
- Араева Л. А. (2014): Мир во фразеологизмах мира, Слово. Текст. Время. XII. “Фразеология в идеолексии и системе славянских языков. К 200-летию Тараса Шевченко”. Грайфсвальд, 15–23.

Джапанов А. А. (2016): Кыргызско-русский словарь (фразеологизмы, идеоматики, пословицы и поговорки). Бишкек, 376.

Ошанин И. М. (1983): Большой китайско-русский словарь (БКРС). Москва: Наука, 3822.

Рахилина Е. В. (2008): Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. Москва: Русские словари, 416.

Тагаев М. Дж. (2017): Образ мира в языковом сознании киргизов через призму телесного кода культуры, Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета / Серия “Гуманитарные науки”, 17, 169-170.

Li Yanshou (1974): Southern History. China: Zhonghua Book Company Press.

АУТЕНТИЧНЫЕ ВИДЕОМАТЕРИАЛЫ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ РУССКИМ ФРАЗЕОЛОГИЗМАМ НА УРОКАХ РКИ

Ольга Кишиневская
Карлов университет, Прага, Чешская Республика
olgakishinevskaia@gmail.com

AUTHENTIC VIDEO MATERIALS ON RUSSIAN PHRASEOLOGY LEARNING AT THE LESSONS OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

Olga Kishinevskaia
Charles University, Prague, Czech Republic

АННОТАЦИЯ

В статье освещается проблема преподавания русской фразеологии на уроках русского языка как иностранного. Уделяется большое внимание эффективности использования информационно-коммуникативных технологий в процессе обучения данному разделу и аутентичных видеоматериалов, в частности. Кроме того, в работе предлагается несколько видеофрагментов и упражнений, позволяющих наиболее эффективно обучать фразеологическим единицам на занятиях по РКИ.

ABSTRACT

The article is devoted to the problem of Russian phraseology teaching at the lessons of Russian as a foreign language. Focusing on the effectiveness of using communicative informative technology in the language teaching process, in particular, the authentic video materials. Furthermore, it is offered a few video fragments, that allow to teach for Russian phraseology in the most efficient way at the lessons of Russian as a foreign language.

Ключевые слова: фразеология, аутентичность, видеоматериалы, информационные технологии.

Keywords: phraseology, authenticity, video materials, information technology

Построение учебного процесса – сложная и длительная работа, в том числе, если речь идет о преподавании русского языка как иностранного. На данный момент не существует единого подхода к обучению иностранных студентов - несмотря на большое количество методических разработок, нет универсального пособия, подходящего всем преподавателям, всем студентам и соответствующего различным условиям обучения. Как правило, успешный

и опытный преподаватель пользуется большим количеством различных собственных разработок, основанных на множестве различных пособий и своем собственном опыте.

Современный мир и различные инновационные разработки привнесли большой вклад в процесс обучения иностранным языкам. Сегодня стало доступно практически бесконечная информация, содержащаяся в интернет-пространстве. Преподаватели из самых разных стран могут предлагать свои разработки, находить новые идеи, делиться своим положительным и негативным опытом, и т.д. Кроме того, со временем появились различные методики, предполагающие применение информационных технологий на занятиях. Это изменило весь процесс обучения иностранным языкам и открыло большое количество возможностей не только перед преподавателями, но и самими студентами. Теперь многое стало доступно через Интернет: появились различные обучающие программы, видео- и аудиоматериалы, мобильные приложения и т.д.

Отдельно следует отметить расширение возможности использования аутентичных ресурсов преподавателями и студентами, обучающими и обучающимися вне языковой среды. Под аутентичными ресурсами мы понимаем «материалы, созданные носителями языка для носителей языка для неучебных целей» (Савинова, Михалева 2007: 117). Это различные новостные статьи, материалы ЖЖ, фильмы, мультфильмы, записи телевизионных программ и т.д. С их помощью происходит погружение студента в иноязычную среду, более близкое его знакомство с реальным языком носителей и их культурным фоном. «В лингвистическом аспекте аутентичные тексты характеризуются своеобразием лексики: в них присутствует много местоимений, частиц, междометий, слов с эмоциональной окраской, словосочетаний, рассчитанных на возникновение ассоциативных связей, фразеологизмов, модных слов; и своеобразием синтаксиса: краткость и неразвернутость предложений, фрагментарность, наличие структурно-зависимых предложений, употребленных самостоятельно. Также возможна недосказанность, обрыв начатого предложения, предпочтение отдается простым предложениям» (Савинова, Михалева 2007: 117).

Благодаря аутентичным материалам иностранный студент получает информацию не только о том, как используется та или иная единица в речи, но и то, какие мимика, жесты и интонация и т.п. могут ее сопровождать. Дается информация о реальной коммуникации, со всеми ее ошибками и несовершенствами, с одной стороны, и многообразием и красотой, с другой. Знакомство с неподготовленными текстами позволит иностранному студенту узнать то, как мыслит носитель языка, как он логически строит свою речь, каким культурным фоном обладает. Все это в будущем позволит иностранному студенту самому строить свою речь не по шаблону, а так, как это делает носитель.

Хотя внедрять аутентичные тексты в процесс обучения имеет смысл уже с самого начала, в полной мере их применение возможно только на продвинутых этапах изучения языка, когда студент обладает необходимым набором лингвистических и культурных знаний.

Большим преимуществом среди аутентичных ресурсов обладают видеоматериалы. К ним можно отнести художественные и документальные фильмы, мультфильмы, сериалы, различные видеоролики и клипы, фрагменты телевизионных передач, интервью, эфиров и т.д. Исследователи Л. Ю. Денискина и Ю. М. Чернышова выделили 6 функций аутентичных видеоматериалов, к которым отнесли:

1. Информационную (аутентичные видео обладают большим количеством языковой и культурной информации);
2. Мотивационную, под которой исследователи понимают как внутреннюю, «самотивацию», так и внешнюю, направленную на стимуляцию иностранного студента к обучению;
3. Моделирующую: «Использование видео позволяет моделировать множество ситуаций, имитирующих условия естественного общения»);
4. Иллюстративную, которая заключается в отображении студентам того, как могут быть применены на практике полученные знания;
5. Развивающую, которая выражается в совершенствовании навыков восприятия и обработки информации;
6. Воспитательную (студенты изучают новую культуру, обучаются налаживать межкультурную коммуникацию и т.д.). (Денискина, Чернышова 2012: 70)

Одним из главных аргументов в пользу применения видео на занятиях по русскому языку как иностранному является восполнение ситуации языковой среды. В особенности это важно, если речь идет о студентах, изучающих русский язык за пределами страны, в которой данный язык является государственным или вторым государственным. Далеко не каждый студент может себе позволить хотя бы временное проживание в стране носителей, именно поэтому такое «искусственное» погружение в языковую среду имеет особую важность и актуальность.

При просмотре видео студенты получают информацию не только о реальном речевом и культурном поведении носителей, но и отмечают для себя типичные для носителей черты, в том числе их жесты, мимику, интонацию и т.д. В это же время «эффект присутствия» и «эффект сопереживания» (термины А. В. Макаровских) персонажам видео вызывает эмоциональную реакцию у студентов. (Макаровских 2012: 106) Студенты сопоставляют себя с героями видеоряда, превосхищают некоторые реплики, эмоционально реагируют на происходящее, что способствует лучшему усвоению материала.

Помимо этого, благодаря видео студенты могут научиться понимать иностранный юмор, что является показателем знания иностранного языка на высоком уровне. Не менее важна и отработка построения правильной интонации. Так, например, студенты могут узнать, как при помощи одной только интонации можно поменять весь смысл высказывания. Так, например, ответ на вопрос «Ты пойдешь гулять?», выраженный утвердительной частицей «Конечно!» может означать как согласие, так и отрицание, выраженное с помощью иронической интонации.

Регулярное использование видео в процессе обучения языку помогает снять или, как минимум, снизить языковой барьер. Студент, получивший достаточное количество информации о разнообразных речевых ситуациях, начинает чувствовать себя более уверенно при личном общении.

Важно также учитывать, что современное поколение студентов, работающее в основном с электронными носителями, быстро теряет интерес к однообразным формам работы и внедрение видеоряда вызывает, в большинстве случаев, положительную реакцию с их стороны, повышает их интерес и мотивацию.

Кроме того, как отметили Ю. Р. Вольфсон и А. Е. Вольчина «...визуальность становится существенным фактором конструирования социальных практик: взаимодействия социальных групп, элит и активно-пассивного большинства, социального мимезиса, подражания, социализации...» (Вольфсон, Вольчина 2015: 186).

Помимо большого количества плюсов, связанных с применением информационных технологий в обучении, можно обнаружить и некоторые минусы. Так, например, исследователи Н. В. Маханькова и Р.Ф. Фаткулина к недостаткам относят готовность предлагаемого материала: «обучающийся перестает испытывать потребность думать и рассуждать и, в конечном счете, – учиться» (Маханькова, Фаткулина 2015: 91). Специалисты советуют ограничивать количество времени, отведенное на использование информационных технологий в пользу традиционных подходов, предусматривающих общение студентов между собой и преподавателем. (Маханькова, Фаткулина 2015: 92). Преподавателю важно учитывать указанные опасные моменты, поскольку, как показывает опыт, студенты быстро привыкают получать информацию в готовом виде. Им не приходится самостоятельно находить информацию, извлекать подтекст и скрытые смыслы. Вследствие этого понижается их исследовательские способности, они начинают воспринимать видеоматериал исключительно как средство развлечения, что понижает эффективность обучения. А. Н. Щукин справедливо указывает, что «исключительная эмоциональность киноизображения часто отвлекает от

извлечения учебной информации, заключенной в фильме <...> ...занятия, идущие вслед за демонстрацией фильма, проходят с меньшей активностью студентов» (Щукин 1981: 100).

Относительно новой разработкой сети Интернет, которую можно было бы использовать при обучении русскому языку как иностранному, являются подкасты. Под подкастами мы, вслед за А.Г. Соломатиной, понимаем «вид социального сервиса Интернета нового поколения Веб 2.0, позволяющий пользователям сети Интернет прослушивать, просматривать, создавать и распространять аудио- и видеопередачи во всемирной сети». (Соломатина 2011: 102). Другими словами, это «аудио- или видеофайл, записанный человеком и выложенный в сети Интернет, который доступен для просмотра или прослушивания и скачивания на электронный носитель» (Погуляев 2017: 63). Следует отметить, что большинство существующих на данный момент русскоязычных подкастов носит аудиальный характер, т.е. направлены исключительно на слуховое восприятие.

Большим плюсом подобных ресурсов является их доступность: «В отличие от телевидения или радио, подкаст позволяет прослушивать аудиофайлы и просматривать видеопередачи не в прямом эфире, а в любое удобное для пользователя время. Зайдя на сервер подкастов, пользователь может просмотреть выбранный подкаст в сети или скачать выбранный файл на свой компьютер» (Сысоев 2014: 189). Как правило, подкасты тематически объединены, что упрощает их поиск и работу с ними. Также важным аргументом в пользу применения указанного ресурса на занятиях по русскому как иностранному является их лаконичность (чаще всего это аудио/видеозаписи небольшие по длительности).

Учитывая ограниченность времени на каждую из тематик и необходимость изучения большого количества материала, представляется целесообразным использование видео длительностью не более 10-ти минут. Опыт показывает, что за это время у иностранных студентов будет возможность познакомиться поближе с изучаемым языковым и/или культурным явлением, при этом урок не успеет приобрести исключительно развлекательный характер, так как останется время на отработку полученной информации.

Чаще всего подкасты представлены в виде аутентичных аудио или видеозаписей, созданные для носителей языка и не преследующие какие-либо методические цели. Однако существует и такой вид подкастов, как учебные: «аудио или видеозапись, созданная учащимися на иностранном языке в соответствии с языковым и тематическим содержанием учебной программы и размещенную на сервере подкастов для дальнейшего использования в учебном процессе». (Соломатина 2011: 103) На данный момент существует небольшое количество учебных подкастов, которые можно было бы применить для изучения русского языка как иностранного. Среди них можно выделить, например, подкасты «РКИ для всех», «А

spoonful of Russian», «Learn Russian Step by step», «One minute Russian», «Speaking Russian», «Russian Made EASY» и т.д.

Безусловно, учебный процесс должен комбинировать в себе разные методы и подходы, иначе ситуация погружения в языковую среду будет неполной: находясь в стране изучаемого языка, человек занимает не только роль пассивного наблюдателя, ему самому приходится продуцировать речь и активно участвовать в жизни общества.

Лингвокультурная насыщенность видеоресурсов позволяет за ограниченное время передать большое количество информации, что особенно актуально для такого сложного раздела русского языка как фразеология. Под фразеологическими единицами мы понимаем «образные выражения, устойчиво воспроизводимые в речи, выполняющие, как и слова, номинативную функцию в языке» (Баско 2002: 3). Для успешного изучения фразеологических единиц русского языка студентам важно четко понимать, что означает та или иная единица, в каком контексте возможно ее употребление, с какими культурными фактами она связана, какой интонацией сопровождается и т.д. Другими словами, помимо грамматики и стилистики, иностранному студенту необходимо принять во внимание целый ряд экстралингвистических факторов. Такая насыщенность фразеологического материала требует большое количество времени и труда для ее усвоения. Это приводит к тому, что многие преподаватели избегают данный раздел, или освещают его очень коротко, раскрывая семантику только небольшого количества фразеологических единиц.

Применение видео при обучении русской фразеологии позволяет учитывать многие из этих факторов. Студент, просматривающий видеофрагмент, получает наглядное представление о том, что означает та или иная фразеологическая единица, как ее использует носитель и т.д. Получив такое большое количество информации о предложенной единице, о специфике ее употребления, студент сам начинает активно ее использовать в своей речи, что и является целью обучения.

Однако для достижения такого эффекта важно не только познакомить учащихся с той или иной фразеологической единицей посредством видео, но и закрепить ее с помощью различных форм работы и упражнений.

Одной из трудностей подготовки к процессу обучения является подбор материала. В бесконечном пространстве русскоязычных фильмов, мультфильмов, телепередач и других ресурсов сложно то, что будет подходить для обучения.

Чаще всего преподаватели стараются выбирать актуальные видео, отражающие культурные реалии современного носителя языка. При этом они не отказываются и от шедевров советского кинематографа, наполненного большим количеством устойчивых

выражений разного порядка. Так, например, исследователь М.А. Ходаковская предлагает использовать для изучения русской фразеологии следующие фильмы и мультфильмы: «1-й курс – м/ф «Жил был пес», «Гора самоцветов. Жихарка», х/ф «Бриллиантовая рука», «В бой идут одни старики»; 2-й курс – м/ф «Добрыня Никитич и Змей Горыныч», «Простоквашино» х/ф «Кавказская пленница», «Мы из будущего»; 3-й курс – м/ф «Летучий корабль», х/ф «Пушкин. Последняя дуэль», «Остров»; 4-й курс – «Собачье сердце», «Ирония судьбы...», «Служебный роман». (Ходаковская 116)

Не меньшую ценность представляют собой и экранизированные русские народные сказки, насыщенные большим количеством разнообразных эпитетов (добрый (-ая, -ое, -ые) молодец, конь, дело; богатырский конь, меч, сон; уста сахарные; брови соболиные), формул-связок (долго ли, коротко ли; скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается), глагольных синтагм (поклонился/поклонилась на все четыре стороны; ухо к земле приложил/приложила), и, конечно же, фразеологических единиц (за тридевять земель в тридесятом царстве; не разевай роток на чужой медок; хрен редьки не слаще; утро вечера мудренее) (Матвеевко 2013: 76). При их просмотре иностранный студент получает большое количество исторической и культурной информации, знакомится с коренными для русского народа образами Иванушки-дурачка, Ивана-Царевича, Бабы-Яги, Кощея Бессмертного, Елены Прекрасной и другими героями фольклора. Важно при этом понимать, что языковой материал, содержащийся в сказках, может быть слишком сложен для обучающихся, поэтому представляется целесообразной демонстрация небольшого фрагмента с предварительным анализом сложных моментов и дальнейшей их отработкой.

Визуализация некоторых предметов русского быта помогает студентам лучше понять русскую культуру, характер мышления носителей. В дальнейшем это «позволит учащимся выйти на уровень межкультурного диалога и ориентироваться в различных ситуациях общения». (Матвеевко 2013: 79) Следует отметить и набравшие в последнее время большую популярность мультфильмы кинокомпании «Мельница» про русских богатырей («Алеша Попович и Тугарин Змей», «Добрыня Никитич и Змей Горыныч», «Илья Муромец и Соловей-Разбойник» и т.д.). Однако преподавателю следует принять во внимание, что, хотя сюжет предложенных мультфильмов и построен на основе фольклорных образов, тем не менее, он далек от оригинальных событий, описываемых в былинах. С другой стороны, важным аргументом в пользу использования этих фильмов, является современная речь большинства персонажей мультфильмов, наполненная большим количеством фразеологических единиц («не по дням, а по часам», «Пир на весь мир», «край света», и т.д.) Или другой мультфильм

этой же кинокомпании «Иван-Царевич и Серый Волк», где встречаются такие устойчивые выражения как «серый кардинал», «с глазу на глаз» и т.д.

Одним из самых насыщенных информацией ресурсов является портал youtube. Здесь мы можем найти огромное количество и полнометражных мультфильмов, и коротких видеофрагментов, и обучающих видеоуроков и т.д. Так, например, на портале имеется канал «Пословицы и поговорки», содержащий видео, в тексте которых встречаются указанные фразеологические единицы: это мультфильмы о деревне Простоквашино, о Бременских музыкантах, о Чебурашке и Крокодиле Гене, о Летучем Корабле. Вместе с тем на канале имеется цикл видеозаписей, в которых посредством сюжетов русских народных сказок объясняются пословицы и известные народные выражения. К сожалению, указанный портал еще недоработан, на нем имеется некоторое количество неподходящего для обучения видео.

Виды работы, направленные на отработку фразеологизмов, могут быть самые разнообразные, например:

- вычленение фразеологической единицы из контекста видео;
- просмотр фрагмента фильма/мультфильма и т.п. с выключением звука на моменте произнесения изучаемого фразеологизма. При этом студентам предлагается, исходя из контекста и ситуации, предложить свои варианты устойчивой единицы. Упражнение направлено на развитие языкового чутья студентов и более четкого понимания тонкостей семантики и специфики употребления некоторых единиц;

- подбор синонимичных/антонимичных фразеологизмов; (выполнение упражнений предусматривает наличие материала для справок с возможными вариантами ответа) (Ходаковская 117)

- подбор нового контекста к изучаемой единице: студенты извлекают фразеологизм из предлагаемого видеоряда и пробуют подобрать к нему новый уместный контекст. При выполнении студенты сами проверяют насколько полно и правильно они поняли изучаемую единицу и одновременно тренируют ее активное употребление в речи;

- подбор (при наличии) аналога в родном/английском языке;
- соотнесение используемого в видеофрагменте выражения и вариантов его толкования;

Вместе с тем можно использовать интересные упражнения, предложенные исследователем А. К. Новиковой, направленные на «...выявление переносного значения фразеологизма путем сопоставления с прямым значением составляющих слов (одного из компонентов), выявлением связи между ними. Например: 1) указать, какие из приведенных словосочетаний являются свободными, а какие устойчивыми, с последними составить

предложения...2) с каждым из данных словосочетаний составить по два предложения с тем, чтобы в первом словосочетание было свободным, а во втором устойчивым...» (Новикова 2012: 20)

Еще одним способом обучения фразеологическим единицам может стать домашнее задание, заключающееся в том, чтобы студенты написали небольшое сочинение, темой которого может стать одно или несколько изученных на занятии выражений. Таким образом студенты еще раз проверяют и закрепляют полученные знания, и еще раз тренируют умение активно употреблять фразеологические единицы в своей устной и письменной речи.

В зависимости от программы обучения и уровня владения языком упражнения могут дополняться и модернизироваться.

Важными условиями достижения успешного результата при выполнении указанных упражнений является заблаговременная и качественная подготовка материала и высокая профессиональность преподавателя. Необходимо при этом учитывать, что в условиях современных требований к обучению иностранному языку, как правило, ограниченности времени на изучение каждого из разделов языка, представляется невозможным выделения целого урока на отработку одной единицы. В зависимости от цели обучения будет предусматриваться различная наполняемость занятия. Так, например, если фразеологизмы изучаются в контексте курса обучения русскому языку в целом, то имеет смысл предложить для просмотра видеофрагмент, соответствующий изучаемой теме и концентрирующий внимание не только на устойчивых словосочетаниях, но и на других изученных/изучаемых явлениях. С другой стороны, если обучение проводится в контексте курса по фразеологии русского языка, то целесообразным было бы использовать несколько видеофрагментов, концентрирующих внимание на разных фразеологических единицах, объединенных одной тематикой.

Таким образом, в нашем исследовании мы выделили несколько типов видеоматериалов, которые можно было бы включить в процесс обучения фразеологизмам русского языка, указали положительные и отрицательные моменты применения описанного метода и предложили некоторые упражнения, которые, по нашему мнению, могли бы быть успешно применены на занятиях по русскому как иностранному. При этом необходимо еще раз отметить важность использования аутентичных ресурсов, которые не только способствуют развитию языковых умений иностранных студентов, но и обогащает их знания об изучаемой стране и мире в целом.

Список литературы

Щукин А. Н. (1981) Методика использования аудиовизуальных средств.— М.: Русский язык,— 128 с.

Фразеологизмы в русской речи: словарь-справочник (2007) / сост.Н.В. Баско. - 2-е изд. — М.: Флинта : Наука, — 272 с.

Савинова Н. А. (2007): Аутентичные материалы как составная часть формирования коммуникативной компетенции / Н. А. Савинова, Л. В. Михалева // Вестник Томского государственного университета. № 294. С. 116-119. URL:

<http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000473901>

Соломатина А. Г. (2011) Учебные подкасты как средство развития умений говорения и аудирования учащихся // Вестник ТГУ. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uchebnye-podkasty-kak-sredstvo-razvitiya-umeniy-govoreniya-i-audiovaniya-uchaschihsya> (дата обращения: 05.06.2018).

Новикова А.К. (2012): Лингводидактическая система обучения китайских студентов-филологов русской фразеологии с использованием видеоматериалов: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. М.

Макаровских А. В. (2012): Формирование интереса к изучению иностранного языка и будущей профессии через аутентичные материалы: на примере обучения студентов-химиков Томского политехнического университета // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, № 7 (18): в 2-х ч. Ч. II. С. 106–108

Денискина Л.Ю., Чернышова Ю.М. (2012): Аутентичные видеоматериалы как средство развития иноязычной коммуникативной компетенции студентов-филологов // Экология Центрально-Черноземной области Российской Федерации, № 1 (28). - С. 69-74.

Матвеев В. Э. (2013): Использование русских народных сказок в процессе обучения студентов-филологов РКИ с учетом современных технологий // Вестник РУДН. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-russkih-narodnyh-skazok-v-protssesse-obucheniya-studentov-filologov-rki-s-uchetom-sovremennyh-tehnologiy> (дата обращения: 01.06.2018).

Сысоев П. В. (2014): Подкасты в обучении иностранному языку // Язык и культура. №2 (26). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/podkasty-v-obuchenii-inostrannomu-yazyku> (дата обращения: 05.06.2018).

Вольфсон Ю. Р., Вольчина А. Е. (2015): Визуальное восприятие в современном обществе или куда движется галактика Гуттенберга? // СИСП. №4 (48). URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/vizualnoe-vozpriyatie-v-sovremennom-obschestve-ili-kuda-dvizhetsya-galaktika-guttenberga> (дата обращения: 01.06.2018).

Маханькова Н. В., Фаткулина Р. Ф. (2015): Стандарты нового поколения: инновационные технологии в обучении иностранным языкам и культуре // Многоязычие в образовательном пространстве. №7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/standarty-novogo-pokoleniya-innovatsionnye-tehnologii-v-obuchenii-inostrannym-yazykam-i-kulture> (дата обращения: 30.05.2018).

Погуляев Ф. В. (2017): Методические функции видео-подкастов в обучении иностранному языку // Вестник ТГУ. №3 (167). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodicheskie-funktsii-video-podkastov-v-obuchenii-inostrannomu-yazyku> (дата обращения: 05.06.2018).

Ходаковская М.А. (2017): Художественные и мультипликационные фильмы при обучении фразеологии на уроках РКИ//Актуальные научные исследования в современном мире. №3-6 (23) с. 114-119

https://www.youtube.com/channel/UCY-UEp1krT_jjrUz4G2YdTA/featured

<https://www.fluentin3months.com/russian-listening-resources/>

<https://russianpodcast.eu/>

<https://russianmadeeasy.com/>

<http://www.airingpods.com/search/?q=russian>

СОВПАДАЮЩИЕ ОБРАЗЫ И ИСХОДНЫЕ СМЫСЛЫ В РУССКИХ ПАРЕМИЯХ И ИДИОМАХ

Ковшова Мария Львовна
Институт языкознания РАН, Россия
kovshova_maria@list.ru

IDENTICAL IMAGES AND BASIC TRADITIONAL SENSES OF PAREMIA AND IDIOMS

Maria Kovshova
The Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Russia

АННОТАЦИЯ

Предметом исследования являются полностью или частично совпадающие образы в русских идиомах, загадках и пословицах. Цель исследования состоит в том, чтобы в ходе лингвокультурологического анализа выявить исходные смыслы традиционной культуры. Обосновывается идея о том, что сформировавшееся в традиционной культуре символическое прочтение тех или иных предметов или явлений закрепляется в устойчивых образах, сходных в паремиях и идиомах.

ABSTRACT

The article deals with the peculiarities of the cultural semiotics, reflected in proverbs, sayings, riddles and idioms on the base of the notions formed in the ethnoculture. Linguocultural analysis explicates multiple ways of codifying traditional senses in paremia's semantics and idioms' semantics.

Ключевые слова: пословицы, поговорки, загадки, идиомы, образы, исходные смыслы.

Keywords: proverbs, sayings, riddles, idioms, images, basic traditional senses.

*Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 14-28-00130 «Лингвистические технологии во взаимодействии гуманитарных наук») в Институте языкознания РАН.

Идиомы, пословицы, поговорки и загадки имеют много отличительных содержательных и формальных признаков. Пословицы и поговорки – логически и синтаксически законченные образные изречения народа, имеющие пояснительный или назидательный смысл в отношении происходящего. Идиомы – единицы языка, состоящие из двух и более компонентов, утративших своё лексическое значение; идиомам присуща высокая степень переосмысления и устойчивость; образность, оценочность, экспрессивность. Загадки – иносказания, короткие игровые тексты, в которых даётся нарочито усложнённое описание одного предмета

посредством описания другого на основе отдалённого сходства между ними. Пословица (поговорка) имеет право поучать – она выражает не мнение отдельного лица, а массовую народную оценку действительности, создает поучительную формулу, прилагаемую к разным конкретным ситуациям. Идиома в своей семантике или контексте почти всегда выражает оценочную позицию, отношение к происходящему. Загадка свободна от кодирования этических и духовных категорий – загадка кодирует предметный мир с развлекательно-игровой целью (Ковшова 2016).

Однако эти разные знаки языка и культуры могут в своей семантике хранить некие, назовем их – исходные смыслы, на которые указывают совпадающие образы и тексты паремий и идиом. Идентичный или во многом похожий текст может функционировать и как загадка, и как пословица или поговорка, и как идиома. Ср., например:

Загадка. *Зимой и летом одним цветом* (сосна, ель) (Рыбникова 1931: 272, № 481). Пословица о нищете. *Зимой и летом одним цветом* (Даль 1957: 104). Поговорка. *Зимой и летом одним цветом* – ‘О чём-л. неизменном, постоянном’ (Мокиенко, Никитина 2008: 725).

Пословица. *Шуба нова, да в подоле дыра* (Мокиенко, Никитина, Николаева 2010: 1004). Загадка. *Шуба новá, на подоле дыра* (лёд и прорубь) (Климова 1999: 16, №138).

Идиома. *Адамовы лета* – ‘С давних пор’ (Мокиенко, Никитина 2008: 359). Поговорка. *Адамовы лета с начала света* (Аникин 1986: 14).

Идиома. *Тюха да Пантюха (Матюха) да Колупай с братом* – ‘О группе ленивых работников’ (Алексеевко, Белоусова, Литвинникова 2004: 77). *Тюха-Пантюха* – ‘Невежда, неумеха’ (Там же). Загадки. *Два вола еловы, Два сына поповы: Тюха да Матюха* (соха) (Садовников 1876: № 1193). *Два кола еловы, Два сына поповы, Тюха да Матюха* (соха) (Митрофанова 1968: 72).

Поговорка о щегольстве. *Курочка Иваишка о семидесяти рубаишках: ветер дунул – и зад знать* (Даль 1957: 586). Загадки. *У нашей Параше сорок рубашек; вышла на улицу, ветер подул, и спина гола* (курица) (Даль 1957: 966). *Харитоновна жена под тыном шла, семьсот рубах нашла, ветер подул, все рубахи раздул* (курица) (Аникин 1986: 43).

Поговорки, пословицы. *Швея Софья – на печи засохла* (Даль 1957: 510). *Старица Софья о всём мире сохнет, никто об ней не вздохнет* (Там же: 623). Загадки. *Старица Софья весь век сохла, Не пила, не ела, всё вверх глядела* (кол) (Митрофанова 1968: 91). *Мать Софья День сохнет, А ночью отдохнет* (печная заслонка) (Садовников 1876, № 143а).

Пословица. *Зимой – Кузьмой, а летом – Филаретом* (Мокиенко, Никитина, Николаева 2010: 457). Загадка. *Зимой Фомой, а летом Филаретом* (берёза) (Митрофанова 1968: 64).

Загадки. *В Москве рубят, к нам щепки летят (а в деревню щепки летят)* (письмо). *В Москве рубят, а сюда щепки летят* (телеграф) (Рыбникова 1931: 373, 379). Пословица. *В Москве рубят, а сюда (а к нам) щепки летят* (Мокиенко, Никитина, Николаева 2010: 556).

Наличие сходных образов в паремиях и идиомах не представляется случайным. Язык зарождается в культуре, растет и развивается в обществе, в культуре; семантика языковых единиц не может не быть связана с семантикой культуры, в которую язык включен и с которой он взаимодействует. Возникновение паремий и идиом обусловлено формой коллективного мышления, синкретизмом традиционной культуры. Паремии и большинство идиом зарождались в одной культурной, народной, среде, возникали на одной бытовой почве, свойства предметов и явлений, познанные в деятельности, получали переосмысление, обретали символическое значение в традиционном сознании. Сходные образы в идиомах и паремиях указывают на их смысловые связи, существенные для понимания русской традиционной культуры и русской ментальности, в целом. Слово в образных знаках, тех, что имеют связь с традиционной культурой, «отображает традиционные смыслы, а не изображает непосредственно существующее» (Мальцев 1981: 19–23). Вопросы формульности языка фольклора и языковых моделей в идиомах опираются в своем решении на концепцию исторической поэтики (Веселовский 1989), формалистический метод (Пропп 2001), функционально-структуральную концепцию (Богатырев 2006), концепцию структурно-семантических моделей во фразеологии (Мокиенко 1980), культурно-семиологическую концепцию в паремиологии (Топоров 1994), лингвокультурологический метод во фразеологии (Телия 2004). Наше исследование основывается на ключевом для лингвокультурологии положении, согласно которому в разных словесных знаках разными способами объективируется семантическая сущность культуры. В знаках языка содержится культурная информация: «1) культурные семы, т.е. культурно маркированные смыслы, входящие в денотативный аспект значения, обозначающего идиоэтнические реалии (вся безэквивалентная лексика, социально маркированные реалии и т.п.) <...>; 2) культурные концепты, значения которых – итог идиоэтнической концептуализации культурно значимых непредметных сущностей; 3) культурный фон – не входящие в собственно значение культурно маркированные ассоциации, проявляющиеся в дискурсе; 4) культурные коннотации – интерпретация языкового знака на основе ассоциаций с эталонами, стереотипами и т.п. прототипами языка культуры» (Телия 1995: 14–15). Для полноты описания культурной значимости паремий и идиом «необходимо выявить в их значении все имплицитные культурные смыслы, являющиеся тем звеном, которое служит посредником между языком и культурой» (Телия 1999: 9).

По нашей гипотезе, семантика паремий и идиом включает в себе особый компонент – исходные смыслы, из которых происходит и с которыми соотносится актуальное значение словесных знаков, их семантические и формальные инновации. Под исходными смыслами понимается некая сумма содержательных признаков, которые в семантике словесных знаков составляют более ранний культурно-смысловой «слой», связывающий семантику словесных знаков с семантикой традиционной культуры. Исходные смыслы входят тонким «слоем» в семантику паремий и идиом, привнося в значение знака суть того ценностно-смыслового содержания, которое создано в народной культуре и утверждено традицией. Любые инновации осваиваются современным сознанием путем их интерпретации в существующей системе кодов и смыслов; образы идиом и паремий «не отпускают» какие-то важные для сознания базовые представления о мироустройстве и раз навсегда принятых правилах организации мира.

Так, поговорка *Афанасьи беспоясны* (кто опояски при рубахе не носит) (Даль 1957: 586) выражает идею нарушения норм, правил в одежде и содержит порицание по отношению к тем, кто не следует обычаям. Данное порицание формируется в результате референции поговорки к предметной области культуры, к истории костюма, его символической значимости в народной жизни. Пояс обеспечивает защиту тела от холода, поддерживает одежду, которая укрывает тело, опоясывание одежды завершает одевание; развязывание пояса ведет к раздеванию, обнажению тела. Согласно обычаям, находиться без пояса на народе считалось крайне неприличным. Распоясать человека насильно означало обесчестить его (Лебедева 1989). На объективные утилитарные качества пояса наслаиваются мифологические воззрения. Так, согласно поверьям, одежду без пояса носят демоны, косматые, волосатые и беспоясые (Толстая 2011: 280). Образ без пояса был одним из основных признаков inferнальности; по одежде без пояса можно опознать ведьм, вурдалаков и т.п.; ср.: Все идут косматые, волосатые и беспоясые. <...> – «А куда вы пошли?» – «А пошли мы людей губить, костей ломать и сыру землю глотать» (Аникин 1998: 274). Даже спать в отдельных областях ложились подпоясавшись – в целях оберега от нечистой силы; также «существовало и представление, что ангел примет спящего человека за сноп, если у него не снят пояс и не расстегнуты пуговицы» (Толстая 2011: 445). В поговорке *Афанасьи беспоясны* образ человека без пояса не воспринимается в суеверном ключе, но используется для описания нарушения обычаев, норм, правил; ср. также: *развязно везти себя, быть развязным; распоясаться*. В идиомах с образами человека беспоясого и беспоясного семантика развивается в смежных сферах этики и эстетики; ср.: *Афанасий беспоясый* – ‘Неряшливый человек’; *Татарин беспоясный* – ‘Неопрятный, неаккуратный, небрежный человек’ (Алексеев, Белоусова, Литвинникова

2004: 58; 61). В последнем выражении прямо обозначен образ чужого, который не знает обычаев, не соблюдает нормативных требований. Важно подчеркнуть, что в образе подпоясанной одежды как знаке костюмной традиции культура кодирует более общий смысл – значимость следования традициям во всех сферах жизни. Ср. также областную идиому: *ни креста, ни пояса нет* на ком. – ‘Человек без стыда и совести’ (Там же: 154). В загадках со сходным образом, как правило, все подпоясаны, одобрение или неодобрение данному явлению не выражается. Тем не менее, стереотипные представления об устройстве костюма, о том, что верхняя одежда должна быть подпоясана, остаются исходными координатами в построении многочисленных загадок и их вариантов. Ср. лишь некоторые из них: *Маленький Афанасий травкой подпоясан* (сноп) (Даль 1957: 962). *Тысяча братьев одним кушаком подпоясаны* (сноп) (Климова 1999: 53, №112). *Что на поле одним пояском связано?* (скирд: суслон, бабка снопов, копна, стог, одонье) (Митрофанова 1968: 78). *Маленький Ерофейка подпоясан коротенько, по полу скок-скок, под лавкой скок-скок и сел в уголок* (веник) (Климова 1999: 48, №9). *Четыре брата одним кушаком подпоясаны, под одной крышей стоят* (стол) (Там же: 61, №17). *Сам я дубовый, а пояс мой – ивовый* (бочонок) (Там же: 38, №5). *Сто один брат, все в один ряд, одним кушаком подпоясаны* (изгородь) (Аникин 1986: 45).

Те, кто не подпоясался, в образах загадок противопоставлены большинству или даже всему миру, т.е. народу. Ср.: *Сыны подпоясаны, мать нет* (скирд: суслон, бабка снопов, копна, стог, одонье) (Митрофанова 1968: 78). *Все бояре подпоясаны — воеводы распоясаны* (скирд: суслон, бабка снопов, копна, стог, одонье) (Там же: 79). *Весь мир подпоясан, один староста распоясан* (снопы и овин) (Даль 1957: 600). Образы в загадке всегда условны: в загадке и староста не староста, и золотой кафтан не золотой кафтан, и пояс не совсем пояс, но сохраняется главное – быть подпоясанным. Ср.: *Лежит мужичок в золотом кафтане, Подпоясан, а не поясом, Не поднимешь – так и не встанет* (сноп) (Аникин 1986: 48). Условность описания денотата в загадке объясняется ее прочтением в костюмном коде культуры, где пояс не столько указывает на костюмный предмет, сколько вызывает соединенные с ним символические значения, а именно следование культурным традициям, пояс является знаком «своих» (Ковшова 2015). Быть подпоясанным – отвечать требованиям культуры, и не только в костюмной сфере; быть беспоясым, беспоясным – вступать в противоречие с культурой. Быть подпоясанным правильно при любых семантических инновациях в поговорках и идиомах; быть беспоясым, беспоясным всегда неправильно. Ср.: *Без рук, без ног, подпоясанный* (сноп) (Рыбникова 1931: 121). *Бедному одеться – только подпоясаться* (Мокиенко, Никитина, Николаева 2010: 46). *Беспоясному за пояс не положишь* (Там же: 710). Ассоциация с поясом как первоначальным видом одежды, набедренной

повязкой добавляется в общую «копилку смыслов»: с поясом – значит, одетый, т.е. защищен. Ср. поговорку, полную горькой иронии по поводу одежды нищего: *Ещё тот не наг, кто лыком перевязан* (Аникин 1988: 94). Важно отметить, что русское сознание всё хочет видеть подпоясанным, даже если для этого в качестве пояса используется абсурдная дубинка. Ср.: *Идёт мужик: дубинкой подпоясан, котомкой подпирается* (молва, слава) (http://dic.academic.ru/dic.nsf/dahl_proverbs/70/%D0%9C%D0%9E%D0%9B%D0%92%D0%90).

Итак, исходный смысл о значимости традиций кодируется в образах подпоясанных денотатов; по данным паремий и идиом, соблюдение обычаев и хранение традиций и в настоящее время есть смысловая константа русского мировоззрения. Несмотря на современную свободу в костюмной сфере, на открытость в современном обществе чужому и иному, в русских паремиях и идиомах правильный мир по-прежнему предстает подпоясанным. Пока жив всегда позитивный образ подпоясанной одежды и всегда негативный образ беспоясного (беспоясого) в паремиях и идиомах, жив и исходный смысл значимости обычаев своей культуры; паремии и идиомы цепко держат его в своей глубинной семантике, не отпускают. Тем самым, для русской ментальности ценностью остается верность традициям, консервативность, неприятие того, что нарушает традиции, и, наверное, не только в костюмной сфере. Лингвокультурологический анализ сходных образов выявляет самый тонкий, «ранний» слой в семантике единиц, имеющих разные значения и при этом объединяемые исходным смыслом, вокруг которого они могут быть собраны. Данный исходный смысл входит как особая импликатура в семантику паремий и идиом; его можно описать в самом общем виде как прескрипцию: «Нужно соблюдать правила, присущие твоей культуре».

В пословицах, поговорках, идиомах и загадках с костюмными компонентами обнаруживаем и другой исходный смысл – смысл закономерности изменений всего существующего в мире. Отсутствие изменений, однообразие в мире человека, в том числе в его манере одеваться, и окружающем природном мире входит в противоречие с исходным смыслом культуры. Сформулируем его в самом общем виде: «Всё изменяется, изменения естественны и закономерны. Старое уходит, сменяется новым».

В пословицах и поговорках данный исходный смысл, извлеченный из наблюдений о мире, повторяется неоднократно: *В одном перье веку не изживёшь* (Даль 1957: 292). *В одной шерсти и собака не проживёт* (Там же). *Новьё погнало старьё* (Мокиенко, Никитина 2008: 437). *Снову сарафан на всё пригожается, а обносится – по подлабочью навалается* (Даль 1957: 298). *На нови хлеб сеют, на старь навоз возят* (Там же). *Чем старь сеп зубрить, не лучше ли новь купить?* (Там же).

В идиомах исходный смысл выходит в семантический «фокус», ср.: *в одном платье – ‘Без изменений, без перемен’* (Мокиенко, Никитина 2008: 503).

В загадках исходный смысл кодируется особенно часто. Так, представления о цикличности изменений в природе уподоблены представлениям о закономерности смены одежды человеком. Ср.: *Кто в году четыре раза переодевается?* (земля) (Климова 1999: 12, №64). *Матушкой весной в цветном платьице, мачехой зимой в одном саване* (черёмуха) (Даль 1957: 955). В современной загадке мотив переодевания не исчезает, а развивается, превращаясь в мотив выбора модной одежды, ср.: *Эта модница лесная часто свой наряд меняет: в шубке белой зимой, вся в серёжках весной, сарафан зелёный летом, в день осенний в плащ одета. Если ветер налетит – золотистый плащ шуришит* (берёза) (<http://riddle-middle.ru/zagadki/14>). Истоки возникновения исходного смысла обновления выявляются в ходе референции образов загадок к предметной области традиционной культуры – мифологемам «мать», «мачеха», «зима», «весна»; к архетипическим оппозициям «жизнь/смерть», «начало/конец». Цветовая символика, обусловленная онтологией природных явлений, в загадке выражает противопоставление цветного – бесцветному; образы переосмысливаются в понятиях жизненного, активного, и безжизненного, спокойного. Ср.: *Не хилела, не болела, а саван надела* (земля под снегом) (Климова 1999: 12, №70). В загадках по-разному обыгрывается мотив утраты одежды; ср.: *Платье потерялось, а пуговицы к зиме остались* (рябина) (Там же: 78, №164). *Его весной и летом все видели одетым. А осенью с бедняжки сорвали все рубашки* (лес) (<http://riddle-middle.ru/zagadki/53>).

На своем образном языке загадка указывает на нарушение «приказа», который «отдает» природа: *Все паны скинули кафтаны (жупаны), один пан не скинул кафтан* (ель, сосна) (Даль 1957: 955). *Все капралы поскидали кафтаны, один капрал не скинул кафтан* (сосна) (Там же). Однообразие в природе противоречит представлению о необходимости обновления; ср.: *Что летом и зимой в рубахе одной?* (ель, сосна) (Климова 1999: 73, №44). *Чудное дерево! И зимой, и летом зелено, высоко торчит, далеко глядит, весной цветет, летом плод дает, осенью не увядает, зимой не умирает* (ель, сосна) (Там же: 73, №42). *Зимой и летом одним цветом* (ель, сосна, пихта, кедр) (Рыбникова 1931: 133).

Идентичный образ эксплицирует тот же, что и в загадке, исходный смысл в пословицах, поговорках и идиомах. Необходимость обновления эксплицируется в оценочном компоненте пословиц, поговорок и идиом. Негативная коннотация пословицы *Зимой и летом одним цветом* проявляется в самом названии рубрики, под которой она помещена в сборнике В.И. Даля: «Бедность, убожество» (Даль 1957: 104). Поговорка *Зимой и летом одним цветом*, казалось бы, передает нейтральное значение – ‘О чем-л. неизменном, постоянном’ (Мокиенко,

Никитина 2008: 725). Однако примеры употребления поговорки говорят об обратном; ср. (НКРЯ): «Откуда цифры? Почему «*зимой и летом – одним цветом*»? Придумывание же всяких исключений для пенсионеров/непенсионеров якобы для облегчения их участи на практике лишь породит соблазны для всевозможных махинаций, а в ответ – для ужесточения мер учета и контроля, что также будет сделано за наши же деньги» (Георгий БОВТ. Электричество – по карточкам // Комсомольская правда, 2013.08.27). Значение поговорки контекстно зависимо, но ее негативная оценочность сохраняется; ср. (НКРЯ): «Если этикетка содержит реальные сведения о качестве молока, у потребителя есть выбор, если же производитель печатает этикетки миллионными тиражами, а потом "бодяжит" в пакеты неизвестно что (*зимой и летом — одним цветом!*)» (Сергей Алексеев. Молоко в Москве: летом – 'живое', зимой – восстановленное! // Известия, 2006.12.13).

Идиома – «строевая» единица языка, которую зачастую можно заменить эквивалентным по значению словом, выражающим основное значение: *зимой и летом одним цветом* – однообразно; одинаково. Будучи идиомой, выражение *зимой и летом одним цветом* не претендует на интеллектуально-игровую функцию загадки, у нее отсутствует назидательность пословицы. Будучи идиомой, выражение *зимой и летом одним цветом* теряет синтаксическую самостоятельность и предикативную цельность, перестает быть контекстно зависимой, но зато и семантика идиомы сужается, становится более определенной; указывает прежде всего на внешний вид человека. Ср. (НКРЯ): «Ходил *зимой и летом одним цветом*: одежонка сермяжных сукон» (Б. В. Шергин. Изящные мастера (1930–1960)); «<...> бабка — вечная дежурная по дворовой скамейке, *зимой и летом одним цветом*» (Дарья Симонова. Первый (2002)). Вершинным компонентом в семантической структуре идиом является оценочность; однообразие противоречит исходному смыслу культуры, формирующему установку на изменение и обновление. Ср. (НКРЯ): «Вот только захотят ли их дочери 11 лет быть в школе “*зимой и летом одним цветом*”?» (Елена ВАВИЛОВА. В Татарстане учеников переделали в советскую форму // Комсомольская правда, 2010.08.31). Для этого ему нужно давать достойную зарплату, его нужно одеть, как положено, потому что он ходит у нас *зимой и летом – одним цветом*. [Комсомольская правда, 2012.10.23].

Тем самым, в образе загадки *зимой и летом одним цветом* отсутствие изменений, однообразие в мире природы прицельно констатируется. В пословицах и поговорках *зимой и летом одним цветом* содержится нравоучение и предупреждение, апеллирующее к знаниям о законах природы. В идиоме *зимой и летом одним цветом* отсутствие изменений, однообразие перенесено на мир человека; идиома, в силу знаковой специфики, не только характеризует, но и дает оценку внешнему виду человека, а также его образу жизни, характеру, привычкам.

Выводы

Важным указанием на существование исходных смыслов как базовой первоосновы в семантике паремий и идиом является такое проявление их содержательного и формального сходства, как наличие в них сходных образов, с помощью которых традиционная культура не только маркирует, но и обнаруживает свои смыслы. В отличие от культурных сем, исходные смыслы не «привязаны» к безэквивалентной лексике, обозначающей идиоэтнические реалии. В отличие от культурного фона, исходные смыслы не проявляются в виде ассоциаций, возникающих в дискурсе. В отличие от культурных концептов, исходные смыслы представляют собой означивание связей между предметами и явлениями действительности и нормами культуры. В отличие от культурных коннотаций, исходные смыслы формализуются в виде предписаний. Близкие предписаниям культуры, исходные смыслы закладывают основу для их развития. Исходные смыслы могут быть сформулированы в самой общей форме правил, запретов. Важной функцией исходных смыслов представляется то, что их неявное существование в паремиях и идиомах делает данные знаки «живучими» в диалоге с чужим влиянием и с любыми инновациями, которые меняют многое в структуре и семантике паремий и идиом, но не затрагивают этот тонкий смысловой «слой», который и является ключом к ментальности.

Список литературы

- Алексеев М.А., Белоусова Т.П., Литвинникова О.И. (2004): Человек в русской диалектной фразеологии. Словарь. Москва: ООО ИТИ Технологии.
- Аникин В.П. (1988): Русские пословицы и поговорки. Москва: Художественная литература.
- Аникин В.П. (1986): Русский фольклор. Москва: Художественная литература.
- Аникин В.П. (1998): Русские заговоры и заклинания. Материалы фольклорных экспедиций 1953–1993 гг. Москва: Изд-во МГУ.
- Богатырев П.Г. (2006): Функционально-структуральное изучение фольклора (Малоизвестные и неопубликованные работы). Москва: ИМЛИ РАН.
- Веселовский А.Н. (1989): Историческая поэтика. Москва: Высшая школа.
- Даль Вл. (1957): Пословицы русского народа. Москва: Гос. изд-во художественной литературы.
- Ефимова Л.В. (1989): Русский народный костюм. Москва: Сов. Россия.
- Климова Т. (1999): Загадки народов России Москва: РОСМЭН.

- Ковшова М.Л. (2015): Семантика головного убора в культуре и языке. Костюмный код культуры. Москва: Гнозис.
- Ковшова М.Л. (2016): К вопросу о связи загадок и поговорок, Когнитивные исследования языка. Антропоцентрический подход в когнитивной лингвистике. Вып. XXVII. Москва: Институт языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 470–476.
- Лебедева А.А. (1989): Значение пояса и полотенца в русских семейно-бытовых обычаях и обрядах XIX–XX вв., Русские: семейный и общественный быт. Москва: Наука, 229–242.
- Мальцев Г.И. (1981): Традиционные формулы необрядовой лирики, Русский фольклор. Поэтика русского фольклора. Вып. XXI. Ленинград: Наука, 13–37.
- Митрофанова В.В. (1968). Загадки. Ленинград: Наука.
- Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. (2008): Большой словарь русских поговорок. Москва: ЗАО ОЛМА Медиа Групп.
- Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К. (2010): Большой словарь русских пословиц. Москва: ЗАО ОЛМА Медиа Групп.
- Пропп В.Я. (2001): Морфология волшебной сказки. Москва: Лабиринт.
- Рыбникова М.А. (1931): Загадки. Москва–Ленинград: Academia.
- Садовников Д. Н. (1876): Загадки русского народа. Сборник загадок, вопросов, притч и задач. Санкт-Петербург: Типография Н. А. Лебедева.
- Телия В.Н. (1995): О методологических основаниях лингвокультурологии, Логика, методология, философия науки. Тезисы докладов. Москва–Обнинск, 102–104.
- Телия В.Н. (1999): Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры, Фразеология в контексте культуры. Москва: Языки русской культуры, 13–24.
- Телия В.Н. (2004): Культурно-языковая компетенция: ее высокая вероятность и глубокая сокровенность в единицах фразеологического состава языка, Культурные слои во фразеологизмах и в дискурсивных практиках. Москва: Языки славянской культуры, 19–30.
- Толстая С.М. (2011): Славянская мифология. Энциклопедический словарь. Изд. 2-е. Москва: Международные отношения.
- Топоров В.Н. (1994): Из наблюдений над загадкой, Исследования в области балто-славянской культуры. Загадка как текст. 1. Москва: Индрик, 10–117.

Источники примеров в сети Интернет

НКРЯ – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru>.

<http://riddle-middle.ru/zagadki/14>

<http://riddle-middle.ru/zagadki/53>

http://dic.academic.ru/dic.nsf/dahl_proverbs/70/%D0%9C%D0%9E%D0%9B%D0%92%D0%90

**ОБРАТНЫЙ МАШИННЫЙ ПЕРЕВОД КАК ИНСТРУМЕНТ
ОПИСАНИЯ ГЛАГОЛЬНОЙ СЕМАНТИКИ (НА МАТЕРИАЛЕ
КОНСТРУКТИВНЫХ ГЛАГОЛОВ РУССКОГО ЯЗЫКА)**

Константинова Нина Анатольевна

*Кемеровский государственный университет, Российская Федерация
konst-nina@yandex.ru*

Лебедева Наталья Борисовна

*Кемеровский государственный университет, Российская Федерация
nlebedevab@yandex.ru*

**REVERSE MACHINE TRANSLATION AS A INSTRUMENT FOR
DESCRIPTION OF THE VERBAL SEMANTICS (ON MATERIAL OF THE
CONSTRUCTIVE VERBS OF RUSSIAN LANGUAGE)**

Konstantinova Nina

Kemerovo State University, Russian Federation

Lebedeva Natalia

Kemerovo State University, Russian Federation

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматривается обратный машинный перевод как инструмент описания денотативного слоя глагольной семантики в межъязыковом пространстве. Метод обратного машинного перевода предполагает пропустить глагольную лексему через трансляционную цепочку: русская лексема – перевод на иностранный язык – обратный перевод на русский. Такое межъязыковое преобразование позволяет соотнести семантический объем русской лексемы с трансляционными вариантами. Семантико-деривационное развитие слова в межъязыковом аспекте даёт возможность выявить скрытые семантические кванты и охарактеризовать его семантический потенциал.

ABSTRACT

The article focuses on the reverse machine translation as a instrument for description of the denotative layer of the verbal semantics in the interlingual space. The method of reverse machine translation involves passing the verbal lexeme through the translation chain: the Russian lexeme - translation into a foreign language - the reverse translation into Russian. Such interlingual transformation allows to correlate the semantic volume of the Russian lexeme with the translational variants. Semantic-derivational development of word in interlingual aspect allows to lock at the semantic shifts, to reveal hidden semantic quanta and to describe its semantic potential.

Ключевые слова: семантика, обратный машинный перевод, семантическая деривация, межъязыковое пространство

Keywords: semantics, reverse machine translation, semantic derivation, interlingual space

Беспредельность, нелимитированность семантического объёма лексического значения слова, невозможность чётко определить его границы и исчерпывающе описать все его семантические компоненты позволяет рассматривать лексическое значение слова как семантическую бесконечность, считает И.А. Стернин (Стернин 1985:46).

Деривационная энергетика слова может реализовываться разными способами. С одной стороны, слово, как динамическая единица языка, обладает внутренней способностью к семантическому развитию и новые лексико-семантические варианты возникают на основе существующих и зачастую зафиксированы в толковых словарях. Другим способом деривационного развития слова можно рассматривать его выход в межъязыковое семантическое пространство. Данное положение основывается на концепции межъязыковой эквивалентности, восходящей к идеи В. фон Гумбольдта о едином, непрерывном потоке, образуемом разными языками. В. Гумбольдт писал: «В языке таким чудесным образом сочетается индивидуальное со всеобщим, что одинаково правильно сказать, что весь род человеческий говорит на одном языке, а каждый человек обладает своим языком» (Гумбольдт 1984:73).

Семантика слова, как считает Н.Д. Голев, представляет собой непрерывный динамический деривационно-мотивационный процесс (Голев 1989). Лексическая динамика соотносится с представлением В. Гумбольдта об активном характере словарного запаса языка. «Никоим образом нельзя рассматривать словарный запас языка как готовую застывшую массу. Не говоря уже о постоянном процессе образования новых слов и словоформ, словарный запас, пока язык живет в речи народа, представляет собой развивающийся и вновь воспроизводящийся продукт словообразовательной потенции <...> Словарный запас представляет собой единое целое, поскольку его породила единая сила, и процесс этого порождения непрерывно продолжается» (Гумбольдт 1984:112).

Деривационно-мотивационный процесс начинается с исходной семантики. В этом процессе каждое слово выступает носителем потенциала функционирования как деривационно-исходного слова, так и деривационно-производного слова. Словообразовательный механизм находится в постоянной готовности к действию, и его включение зависит как от спорадически возникающей потребности в лексических неологизмах, так и от повседневного речеупотребления. Данный факт может быть

распространён и на межъязыковое пространство, в котором слово прирастает новыми значениями в результате функционирования одновременно в двух или более языках.

В данной работе мы представляем опыт описания денотативного слоя глагольной семантики в межъязыковом пространстве с помощью метода обратного машинного перевода. Метод обратного машинного перевода предполагает пропустить глагольную лексему через следующую трансляционную цепочку: русская лексема – перевод на иностранный язык – обратный перевод на русский. Такое межъязыковое преобразование позволяет соотнести семантический объём исходной русской глагольной лексемы с её «трансляционными вариантами» и выявить возможные скрытые семантические кванты, которые имплицитно содержатся в исходной единице, но подчас не замечаются носителями языка.

Данный методологический подход является развитием идеи В. Гумбольдта о «текучести семантики», о едином, непрерывном потоке, образуемом разными языками, что позволяет рассматривать семантику в межъязыковом пространстве на материале нескольких языков. Межъязыковое пространство представляет собой в данном случае некое «зеркало», в котором отражаются семантические сходства и различия языковых единиц. Известно, что некоторые специфические особенности языка эксплицируются только при сопоставлении, поскольку наше внимание приковано к тому, что изменяется, в гораздо большей степени, чем к тому, что остается прежним.

Деривационные связи между языковыми единицами разных языков являются объективной реальностью, следовательно, понятие "границ" деривационного поля слова в пределах одного языка до определённой степени можно считать условным. Вхождение слова в систему другого языка - это один из этапов его деривационного функционирования в единой семиотической среде по сравнению с языком-источником.

В данном исследовании обратный машинный перевод рассматривается и как метод, и как лингвистический источник для осуществления исследовательских целей, где компьютерная программа является источником получения языкового материала. Следует заметить, что в работе мы не акцентируем внимание на специфике машинного перевода на предмет системных отношений между исходным языком и языком перевода и не анализируем перевод с точки зрения совершенствования качества переводного продукта, поскольку это не входит в круг задач исследования. Нам важен исходный язык, в данном случае русский, и его отражение в зеркале других языков.

Известно, что системы машинного перевода работают при участии человека. По мнению Н.Д. Голева, машинный перевод с одного естественного языка на другой моделирует работу человека-переводчика и является, частным случаем проявления языкового сознания

составителя программы, равно как и данные, полученные в результате металингвистического обобщения семантики слова составителями толковых словарей (Голев 2017:1). «Показания» компьютера, как считает Н.Д. Голев, можно приравнять к «показаниям языкового сознания», которым часто обозначают данные, полученные в результате апелляции к носителям языка и их реакциям. Компьютерная программа опредмечена сознанием её составителей, и этот факт позволяет соотнести её с языковым сознанием рядового носителя языка. Данные машинного перевода являются своеобразным обобщением речевого материала, а наличие элементов обобщенности, искусственности даёт некоторые преимущества показаниям обратного машинного перевода и не является препятствием для получения объективных сведений о естественном языке и речевой деятельности (Голев 2017:2).

В нашем исследовании при переводе мы использовали сервис Google-переводчик, который имеет богатый автословарь, включающий в себя как двуязычные словари, словарь синонимов, так и картотеки слов и устойчивых выражений, которые машина составляет на основе обработки больших объёмов параллельных текстов, за счёт чего словарные статьи машинного словаря получаются достаточно подробными.

Алгоритм машинного перевода в Google-переводчике строится по двум типам:

1) на основе правил (rule-based), является традиционным и используется большинством разработчиков систем машинного перевода ПРОМТ в России.

2) на основе статистики (statistical-based), т.е. на сравнении больших объёмов языковых пар, под которыми понимают языковые единицы на одном языке и соответствующие им единицы на втором языке. Чем больше в распоряжении имеется языковых пар, тем качественнее результат статистического машинного перевода.

В нашей работе метод обратного машинного перевода апробируется на корпусе конструктивных глаголов русского языка, которые относятся к группе денотативных. Интегральным семантическим компонентом конструктивных глаголов является *«создание какого-либо продукта в ходе выполнения определённых креативных манипуляций»*.

Лексико-семантическая группа конструктивных глаголов представлена тремя подгруппами:

1) глаголами созидания, например: строить, шить;

2) глаголами материального созидательного видоизменения объекта, например: декорировать, украшать;

3) глаголами нематериального созидательного видоизменения объекта, например: сочинять, творить.

Для анализа нами был взят глагол созидания *лепить* и его обратный машинный перевод со славянских языков (украинский, белорусский, болгарский, македонский, сербский, словенский, чешский, словацкий, польский) и германских языков (немецкий и английский). Близкородственные и неблизкородственные языки были выбраны намеренно с целью оценки достоверности результатов исследования.

По данным толкового словаря русского языка С.И. Ожегова были выделены лексико-семантические варианты глагола *лепить*:

- 1) создавать какое-либо изображение из мягкого, пластичного материала, например, лепить что-то из глины;
- 2) приклеивать, прилеплять, например, лепить марки на конверты;
- 3) размещать при письме буквы, строчки, слова тесно, без промежутков, например, лепить слова;
- 4) беспорядочно, небрежно, бессмысленно располагать, сооружать, нагромождать, например, лепить дома;
- 5) на лету налипать на что-л., например: снег лепит в окна.
- 6) совершать многократно, последовательно, одно за другим что-л. нежелательное, неуютное, малоприятное, например: он лепит нелепость за нелепостью.

Мы проанализировали первый лексико-семантический вариант глагола *лепить*, который актуализирует сему «создавать какое-либо изображение из мягкого, пластичного материала». При анализе денотативной структуры глагола мы основывались на представлении о глагольной семантике как полиситуативной структуре, разработанной Н.Б. Лебедевой, согласно которой каждый язык выражает определённый набор ситуаций, которые преимущественно закодированы глаголами (Лебедева 2010:27).

Денотативная структура глагола *лепить* включает следующие компоненты:

- 1) **субъект** – исполнитель, активный деятель, который создаёт изображение;
- 2) **объект** - эстетический образ, который включает два элемента: а) ментальный образ-цель в начале процесса; б) результат в конце процесса;
- 3) **материал** - мягкий, вязкий, пластичный;
- 4) **инструмент/способ** – ручной способ изготовления;
- 5) **процесс изготовления** – ручной.

С помощью сервиса Google-переводчик глагол *лепить* был переведён с русского языка на славянские языки. В результате перевода были получены следующие трансляционные варианты:

украинский - *ліпити, ліплячи, зліплювати*;

белорусский – *ляпіц*;
болгарский – *извайвам*;
сербский – *изваја*;
македонский – *sculpt*;
словенский – *skulptura*;
чешский – *vyrezavat*; *tvarovat*, *vytvarovat*;
словацкий – *tvarovat*;
польский – *lepic*.

Далее переводные эквиваленты были вновь переведены на русский язык. В ходе обратного перевода мы выявили следующие особенности:

1) украинские глаголы *ліпити*, *ліплячи*, *зліплювати*, белорусский *ляпіц* и польский *lepic* при обратном машинном переводе вернулись к исходному варианту перевода - *лепить*. В данном случае мы имеем дело с закрытым типом обратного машинного перевода, когда происходит возвращение к исходному значению.

2) болгарский глагол *извайвам*, сербский *изваја*, словенский *sculptura*, македонский *sculpt* были переведены на русский язык *ваять*, что означает «*высекать из камня, дерева или отливать из металла скульптурные изображения*». В данном случае, денотативный компонент «*мягкий, пластичный материал*» нейтрализуется в твёрдый материал, например, камень, дерево, металл.

3) чешский глагол *vyrezavat* был переведён на русский язык *вырезать*, т.е. «*сделать, начертить что-либо режущим, острым предметом*». В данном примере денотативный компонент «*ручной способ изготовления*» дополняется инструментальным, когда воздействие на материал осуществляется, например, с помощью ножа, резака.

4) словацкий глагол *tvarovat* был переведён *формовать*, т.е. «*изготавливать, отливая, штампуя, придавать литейную форму*». В данном случае денотативный компонент «*ручной способ изготовления*» дополняется промышленным, литейным способом.

Второй, третий и четвёртый примеры представляют собой открытый тип обратного машинного перевода, когда происходит удаление от исходного значения глагола по одному из ядерных компонентов, т.е. происходит модификация одного из признаков денотативной структуры. Однако выделяется и полужакрытый тип, когда значение возвращается к исходному, но на определённом этапе имеют место отдельные модификации. Следует заметить, что всегда есть определённая переходная зона.

Следующим исследовательским шагом был перевод глагола *лепить* на германские языки – немецкий и английский. Если в первом случае мы анализировали близкородственные славянские языки, то в данном случае была выбрана совершенно другая языковая семья.

Обратный машинный перевод глагола *лепить* на немецкий язык дал следующие трансляционные варианты:

formen - придавать форму, формировать, формовать, лепить;

modellieren - моделировать, вылепить, лепить, формовать;

kneten - месить, замесить, мять, лепить, массировать.

Анализ семантики трансляционных вариантов позволил выявить у глагола *лепить* как близкие к словарному варианту значения, например, *формовать*, так и дополнительные семантические признаки, например:

1) «*мять, месить вязкий материал*» - акцент на процессуальную фазу изготовления;

2) «*массировать*» - изменение объекта воздействия: неодушевлённый объект воздействия сменяется одушевлённым (массировать можно только человека).

Обратный машинный перевод на английский язык глагола *лепить* дал следующие трансляционные варианты:

sculpt - лепить, ваять;

sculpture - лепить, ваять, высекать, украшать скульптурной работой;

mold- формировать, формовать, лепить, отливать в форму;

model - моделировать, лепить, создавать модель по образцу, формовать;

mould - формировать, формовать, лепить, отливать в форму.

Анализ семантики трансляционных вариантов показывает наличие вариантов значения близких к словарному. Однако появляется эстетический компонент: цель процесса лепки – создание объекта с целью украшения чего-либо скульптурной работой.

Ниже в таблице 1 представлена сравнительная характеристика денотативной структуры конструктивного глагола *лепить* на основе данных толкового словаря и обратного машинного перевода.

Таблица 1. Сравнительная характеристика денотативной структуры глагола *лепить*

Данные толкового словаря	Данные ОМП
субъект – исполнитель, активный деятель	указан
объект – неодушевлённый, эстетический образ, представленный в виде ментальной модели	указан + одушевлённый объект (человек)
материал - мягкий, вязкий, пластичный	указан + твёрдый материал (камень, дерево, металл)
Инструмент/способ – ручной способ изготовления	указан + инструментальный способ (нож, резак) + промышленный способ (литейный, штамповка)
не указан	процесс изготовления - формовать, моделировать по образцу
не указан	цель - создание какой-либо объекта с целью украшения чего-либо

В заключение следует заметить, что вопрос о том, что же конкретно обозначает глагол, всегда будет открытым. По мнению Н.Б. Лебедевой, глагол имеет «плазмовидную» природу, где наряду с достаточно определённым семантическим ядром имеется «растекающееся по разным линиям амёбообразное поле» (Лебедева, 1999:13). Денотативная глубина соотносимых лексем в разных языках не всегда будет совпадать, поскольку по-разному отражается языковая картина мира. И в этом случае метод обратного машинного перевода позволяет проникнуть в глубинные слои денотативной семантики глагола и выявить скрытые кванты значения.

В этой связи актуально суждение В. фон Гумбольдта о природе познания и задачах лингвистического исследования: «Как бы мы ни фиксировали, как бы мы ни выделяли, как бы мы ни дробили, ни расчленили в языке все то, что в нем воплощено, все-таки многое в нем остается непознанным, и именно здесь скрывается загадка единства и одухотворенной жизненности языка. Ввиду этой особенности языков описание их формы не может быть абсолютно исчерпывающим, но оно достаточно, чтобы получить о языке общее представление. Таким образом, понятие формы открывает исследователю путь к постижению тайн языка, к выяснению его сущности. Пренебрегая этим путем, он непременно проглядит множество моментов, и они останутся неизученными, без объяснения останется и масса фактов, и, наконец, отдельные факты будут представляться изолированными там, где в действительности их соединяет живая связь» (Гумбольдт 1984: 72).

Список литературы

Голев Н.Д. (1989): Динамический аспект лексической мотивации. Томск: Изд-во ТГУ.

Голев Н.Д. (2017): Обратный машинный перевод: исследовательские и прикладные возможности (постановка проблем). Статья 1. ОМП как источник материала для решения лингвистических задач. Сайт Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникаций КемГУ. URL: <http://www.rgf.kemsu.ru/articles/1513> (дата обращения: 28.08.2018).

Гумбольдт В. (1984): Форма языков. Избранные труды по языкознанию. Москва: Прогресс.

Лебедева Н.Б. (2010): Полиситуативный анализ глагольной семантики. Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ».

Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. URL: <http://slovarozhegova.ru/> (дата обращения: 28.08.2018).

Стернин И.А. (1985): Лексическое значение слова в речи. Воронеж: Изд-во Воронежского университета.

СИНТАКСИС И ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО, АНГЛИЙСКОГО И ИСПАНСКОГО ЯЗЫКОВ)

Коровкина Марина Евгеньевна
МГИМО, Россия
mekorovkina@gmail.com

SYNTAX AND THE LANGUAGE WORLD VIEW (ON THE BASIS OF RUSSIAN, ENGLISH AND SPANISH LANGUAGES)

Marina Korovkina
MGIMO-University, Russia

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются особенности синтаксиса русского, английского и испанского языков в их взаимосвязи с языковыми картинами мира, выражающиеся в межъязыковых асимметриях. Эти межъязыковые асимметрии обусловлены спецификой концептуализации и категоризации действительности носителями того или иного языка и наблюдаются на всех языковых уровнях, в том числе и на синтаксическом (грамматическом). В статье также проводится сравнительный анализ наиболее важных с точки зрения стиля лингвоспецифичных синтаксических конструкций, объясняющихся спецификой языковых картин мира, например, широкое распространение бессубъектных конструкций в русском языке, грамматический анимизм в английском и присутствие обоих феноменов в испанском языке.

ABSTRACT

The article deals with the specifics of the syntax of the Russian, English and Spanish languages and their interrelation with the languages' world views, which are expressed in inter-language asymmetries. The asymmetries can be explained by the differences in the conceptualization and categorization by Russian, English and Spanish speakers and are observed at all language levels, including the syntax (grammar). The article makes a comparative analysis of the most important lingua-specific syntactic constructions attributable to the specifics of the language world views, for example, widespread constructions without subject in the Russian language, grammar animism in English, and the presence of both phenomena in Spanish.

Ключевые слова: синтаксис, языковая картина мира, межъязыковые асимметрии, бессубъектные конструкции, грамматический анимизм

Key words: syntax, language world view, inter-language asymmetries, syntactic constructions without subject, grammar animism

Синтаксические особенности языков, вызывающие межъязыковые асимметрии, обусловлены различиями в языковых картинах мира представителей того или иного лингвосоциума, спецификой в их концептуализации и категоризации действительности. Они проявляются на всех языковых уровнях и выражаются лингвоспецифичными конструкциями и концептами. В каждом языке можно обнаружить лингвоспецифичные конструкции на

уровне синтаксиса, что имеет особое значение с точки зрения стиля языка. Например, в русском языке широкое распространение получили бессубъектные конструкции. Некоторые ученые (Балли Ш., 2003; Гак В.Г., 1998) объясняют это преобладанием в данном языке феноменологического или импрессионистского подхода, для которого характерно обилие безличных глаголов, часто обладающих переходным смыслом. Например, *по реке несет лед, несет пар из бани* (Балли 2003: 188). В.Г. Гак считает, что при феноменологическом подходе «феномен интерпретируется как внутренняя деятельность» (Гак, предисловие к Балли 2003: 14). Другой концептуальный подход, обнаруживаемый в языке, – каузальный, он отличается тем, что «феномен вызывает идею агенса, производящего транзитивное действие, способное влиять на объект» (Балли 2003: 186).

Анализ синтаксиса современного русского языка показывает, что феноменологическая тенденция продолжает сохраняться, и даже личные глаголы могут употребляться по типу безличных (*Мне не спится*). С одной стороны, это объясняется усложнением мышления и, соответственно, грамматических форм. «С другой стороны, некоторые виды безличных предложений остаются в языке в виде реликтов более старых форм мысли» (Галкина-Федорук 1958: 151). Эту точку зрения поддерживает и Ю.Степанов, по мнению которого архаичные языковые формы восходят к древним индоевропейским языкам, в которых еще не было расчленения между внешним и внутренним миром человека: «... это – не мир мыслей, логики, а мир неких внешних сил, вызывающих состояния духа и чувства» (Степанов 2004: 220). Ш.Балли признает доказанным факт, что в общеиндоевропейском языке было гораздо больше безличных глаголов, чем в более современных языках. При этом «русский имел их больше немецкого, немецкий – больше французского, а французский – больше английского» (Балли 2003: 193).

Таким образом, сложная картина развития категории безличности проявляется как в сохранении архаичных, реликтовых синтаксических конструкций, выражающих безличность, так и в усложнении мышления, языка и речи, связанных с увеличением употребления безличных предложений в современном русском языке. Например, активно используются инфинитивные конструкции с предикатами необходимости и возможности, рефлексивные конструкции, инфинитивные конструкции без модальных слов. А.Вежицкая объясняет такое распространение в русском языке бессубъектных конструкций особым психическим складом его носителей: «богатство и разнообразие безличных конструкций в русском языке показывает, что язык отражает и всячески поощряет преобладающую в русской культурной традиции тенденцию рассматривать мир как совокупность событий, не поддающихся ни человеческому контролю, ни человеческому уразумению, причем это события, которые

человек не в состоянии до конца постичь и которыми он не в состоянии полностью управлять...» (Вежбицкая 1997: 76).

Это представление А. Вежбицкой согласуется с результатами исследований по концептуальному анализу русскоязычной картины мира, выполненных Н.К. Рябцевой: «Действующие в мире силы сильнее человека, неподконтрольны ему... и осмысляются как направляемые особыми, нечеловеческими, сверхчеловеческими явлениями, «силами», которые ненаблюдаемы, неочевидны, их субъект невидим и потому таинствен, мистичен» (Рябцева 2005: 92). Такое мнение объясняет необязательность наличия подлежащего – агенса действия в предложениях русского языка.

Другой чертой, характерной для стилистики русского языка, является тенденция к номинализации, выражающаяся в предпочтении номинативных признаков в описании предметных ситуаций, что ведет к широкому использованию существительных, в том числе и отглагольных. По своему семантическому значению отглагольные существительные не могут быть субъектом действия, при этом они часто играют роль подлежащего в предложении. Данная тенденция также связана с бессубъектностью, так как подобные предложения имеют только формальное грамматическое подлежащее, а по сути являются бессубъектными. Ср.: *Развитие Москвы идет быстрыми темпами. – Москва быстро развивается.*

Иногда отглагольные существительные образуют целые цепочки с другими существительными, представляющие собой особые лингвоспецифичные конструкции русского языка: *В нашей стране коммерческие банки стали создаваться в период формирования основ рыночной экономики.* По наблюдению Н.К. Рябцевой, такие цепочки существительных в основном отражают определительные отношения: «Генитивная конструкция весьма продуктивна и способна к практически бесконечному наращиванию, к инкорпорации большого числа составляющих» (Рябцева 1996: 47).

На наш взгляд, указанные стилистические особенности русского языка (обилие отглагольных существительных и цепочек существительных в родительном и других падежах, связанные, о чем уже было сказано выше, с преобладанием номинативных признаков в описании предметных ситуаций) полнее передают смысловые нюансы. Стремлением передавать смысловые нюансы объясняется и все большее распространение сочетаний двух существительных в русском языке. Это могут быть фразеологически связанные сочетания типа *оказание помощи, одержание победы, нанесение поражения, оказание влияние (услуги, давления)*, или когда первое в сочетании существительное может быть производным от глагола с общим значением действия, например: *достижение независимости (результатов), реализация планов (программ), предоставление займа (кредитов, независимости)*,

образование компаний (предприятий). По мнению В.Г. Гака, словосочетания *оказание помощи, одержание победы* (вместо глаголов *помочь, победить*) становятся более употребительными в русском языке, так как они способны «выражать оттенки значений с более тонкими нюансами, чем отдельные слова» (Гак 1998: 397).

Рассмотрим некоторые синтаксические особенности английского и испанского языков.

Самой главной чертой синтаксиса английского языка является фиксированный порядок слов и обязательное наличие подлежащего. В связи с этим для английского языка характерен грамматический анимизм – метафоризация подлежащего, когда в его роли выступает неодушевленное существительное (называющее место, причину, орудие действие и т.д.). Оно только заполняет валентность подлежащего, а реальный субъект действия отсутствует.

При подобном неодушевленном подлежащем используется антропоморфный глагол. Рассмотрим конкретные примеры.

Например, подлежащее может выражать временной период: *The GDP growth exceeded 7 per cent. Moreover, **the past year saw** a long-awaited growth of investments (more than by 17 percent compared with 20XX)*. В этом случае неодушевленные существительные сочетаются с десемантизированными глаголами английского языка *to see, to signal, to witness*, обозначающими чувственное восприятие и действия, чья семантика логически связана с семантикой таких существительных. Другая группа десемантизированных глаголов английского языка, также используемых в сочетании с подлежащими-синтаксическими метафорами, выражает причинно-следственные отношения. Это глаголы *to cause, to lead to, to bring about, to spark, to result in/from, to trigger (off), to provoke, to entail* и множество других, в которых причина и следствие входят в состав компонентов смысла (каузировать – *to make do smth, to force to do smth*). Необходимо подчеркнуть, что в русском языке причинно-следственные связи передаются не столько глаголами, сколько предлогами, в основном сложными (*из-за, в результате, по причине, за счет, от*). Ср.:

***Из-за** корпоративных скандалов и обвала акций интернет-компаний **произошло** резкое падение инвестиций. – Corporate scandals and the Internet companies' stocks collapse **triggered/caused** a drastic drop in investments.*

*Японские фирмы повезли туда оборудование и технологии, обучили китайских специалистов, **в результате чего** поднялась не только японская, но и местная экономика. – Japanese companies brought the equipment and new technologies and trained Chinese specialists, **which resulted** in the economic recovery of both Japan and China.*

Существительные – синтаксические метафоры, отражающие место протекания действия, в английском языке сочетаются с разнообразной в семантическом отношении группой

глаголов, из которых наиболее частотными являются *to host, to face, to include, to account for, оборот there is*. Например:

*In 1997 indirect marketing **accounted for** only 3.9 percent of the total Russian advertising market.*

*Russia **is hosting** a FATF mission that will decide whether Russia should remain on the black list of countries unwilling to fight against money laundering.*

*These institutions **include** savings and investments funds and insurance companies.*

Вторая характерная стилистическая особенность английского языка, в противоположность русскому, заключается в предпочтительном использовании вербальных признаков при описании предметной ситуации. Поэтому часто отглагольные существительные русского языка соотносятся в английском языке с глаголами. Например:

***Причем после завершения президентской кампании** вновь будут преобладать враждебные поглощения – *After the presidential campaign is over, hostile takeovers will once again prevail.**

Это свойство проявляется также и в широком употреблении неличных форм глаголов (в основном герундиев и инфинитивов), которые также соотносятся с существительными русского языка. Приведем некоторые примеры.

Отглагольное существительное в русском языке – инфинитив в английском:

*В планах проведения реформы предусмотрены **меры по предотвращению** влияния региональных и местных властей на судебное производство и **по увеличению** финансирования судов и судебных чиновников на местах, а также **по обеспечению их независимости** от источников финансовой поддержки на региональном уровне. – *Reform includes **measures to protect** the judicial system against the influence of regional and local authorities, **to increase** financing of courts and court officials in the regions **to make them independent** of their financial support at a local or regional level.**

Отглагольное существительное в русском языке – герундий в английском:

*Фундаментальные цели **совершенствования** государственной службы, **усиления подотчетности и внедрения культуры исполнения** с акцентом на эффективности и снижении затрат четко прописаны в правительственной программе. - *The government is aimed **at improving** the civil service **making it more accountable and performance-oriented** with a focus on cost-effectiveness.**

Указанные стилистические особенности английского языка - вербальность признаков в описании ситуации и обязательность подлежащего, часто представляющего собой синтаксическую метафору – свидетельствуют о специфичности ментального мира

англоязычного лингвосоциума, отражающейся на языковой (и концептуальной) картинах мира. По мнению А.Вежбицкой, в английском языке все события представляются так, как будто «мы всецело управляем ими, как будто все наши ожидания и надежды находятся под нашим контролем» (Вежбицкая 1997: 56). В свою очередь Н.К. Рябцева замечает, что «в английской картине мира выделяется не то, что правит миром и изменяет его, а какие изменения в нем происходят и каков их результат» (Рябцева 1996: 29). Именно поэтому так важен субъект действия: «субъект предложения... представляется как отчетливо выделенный из окружающего его фона» (Степанов 2004: 220), а глагол, в свою очередь, «стремится к тому, чтобы стать (конкретным) знаком отношения между агенсом и объектом» (Балли 2003: 194). Такие отношения наблюдаются при преобладании транзитивной или каузальной тенденции (термины Ш.Балли) в языке, что ярко выражено в английском языке, в отличие от феноменологической тенденции языка русского. В последнем «действие, выраженное глаголом, сосредоточено на субъекте» (там же), что препятствует развитию переходности и, как уже было сказано выше, ведет к увеличению числа бессубъектных конструкций.

Грамматический анимизм свойствен не только английскому, но и некоторым другим европейским языкам. Встречается это явление и в испанском языке: *Este artículo propone analizar...* В. Иовенко объясняет его использованием «в предложении в функции подлежащего имен событийной семантики» (Иовенко 2013: 88). По мнению этого автора, такая особенность наиболее ярко проявляется в испанском языке при оформлении каузативных отношений. «Каузатив в западноевропейских языках, как правило, «объективен», в том смысле, что он направлен от субъекта к объекту, которому сообщается новое действие или состояние» (там же). Например: *La comunicación interna ha actuado al servicio de la empresa, intentando crear estados de opinión irreales y a la vez interesados...*

Своеобразием синтаксиса испанского языка является свободный порядок слов, как и в русском языке. При этом испанский глагол обычно располагается вначале предложения (там же: 124). На наш взгляд, свободный порядок слов делает возможной бессубъектность, поэтому в испанском языке употребляются и бессубъектные конструкции, но они не получили столь широкого распространения, как в русском. Например: *El impacto de este mecanismo no se debe devaluar ..., En este sentido se entiende que hoy en día la comunicación debe trascender dentro de la empresa...;* также конструкции с глаголом *haber*.

Еще одно важное свойство испанского языка связано с предпочтением вербальных признаков описания ситуации, что сближает его с английским языком. Так, В.Иовенко приводит следующие доказательства глагольных тенденций испанского языка: 1. более высокую частотность употребления в текстах глаголов; 2. использование избыточных с

семантической точки зрения предикатов *suced*, *ocurrir*, *haber*, *ser*; 3. широкую распространенность неличных форм глаголов (там же: 130). Например:

Recientemente, se ha descubierto la importancia de la comunicación interna al considerarla como instrumento de gestión de los Recursos Humanos.

Вместе с тем в испанском языке более активно, чем в английском, употребляются цепочки отглагольных существительных, что его сближает с русским. Например:

...los medios de comunicación ... suelen ser la fuente del conocimiento de una empresa y de donde obtienen información.

В заключение можно сделать следующие выводы: в синтаксисе испанского языка выделяются черты, сближающие его с русским: свободный порядок слов и наличие бессубъектных конструкций, хотя они и не получили такого широкого распространения, как в русском. В то же время для испанского языка характерно такое явление как грамматический анимизм, но далеко не в той же степени, как в английском. Что касается вербальных-номинативных признаков описания предметной ситуации, испанскому языку присущи обе эти черты, с преобладающим упором на вербальные признаки. В отношении исследованных синтаксических конструкций русский и английский языки – это два полюса, между которыми расположен испанский. Принадлежащий к романской группе языков, он в какой-то степени обладает и чертами германской группы, но в то же время в некоторых аспектах ближе к русскому языку.

Список литературы

- Балли Ш. (2003): Язык и жизнь. Москва: УРСС.
- Вежицкая А. (1997): Язык, культура, познание. Москва: Русские словари.
- Гак В.Г. (1998): Языковые преобразования. Москва: Языки русской культуры.
- Галкина-Федорук Е.М. (1958): Безличные предложения в современном русском языке. Москва: Изд-во МГУ.
- Иовенко В. (2013): Национально-культурное мировидение в переводческом измерении. Москва: МГИМО-Университет.
- Комиссаров В.Н. (2002): Современное переводоведение. Москва: ЭТС.
- Рябцева Н.К. (1996): Теоретическое и лексикографическое описание научного изложения: межъязыковой аспект. Научный доклад по опубликованным трудам, представленный к защите на соискание учёной степени доктора филологических наук. Москва.
- Рябцева Н.К. (2005): Язык и естественный интеллект. Москва: Academia.
- Степанов Ю. (2004): Константы: словарь русской культуры. Москва: Академический проект.

МЕНТАЛЬНЫЕ ГЛАГОЛЫ В МЕТАТЕКСТОВЫХ КОНСТРУКЦИЯХ

Кустова Галина Ивановна

*Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
Московский государственный педагогический университет, Россия
galinak03@gmail.com*

MENTAL VERBS IN METATEXT

Galina Kustova

*Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
Moscow State Pedagogical University, Russia*

АННОТАЦИЯ

На материале Национального корпуса русского языка рассматриваются метатекстовые (вводные, парентетические) конструкции с ментальными глаголами мнения (путативными: *думать, полагать, считать*) и знания (фактивными: *знать, понимать*) во 2-м лице. Показано, что если пропозиции, ассоциированные с вводными глаголами 1-го лица (*думаю, знаю*), принадлежат 1-му лицу (говорящему), то пропозиции, ассоциированные с вводными глаголами 2-го лица (*думаешь, знаешь*), не принадлежат 2-му лицу (адресату), как можно было бы предположить, а тоже принадлежат говорящему. Внутри группы вводных ментальных глаголов 2-го лица основное различие состоит в том, что глаголы мнения употребляются, главным образом, в вопросах, а глаголы знания – в сообщениях.

ABSTRACT

The paper deals with metatext (parenthetical) constructions with mental verbs (*znat' 'know', ponimat' 'understand', dumat' 'think', schitat' 'believe', polagat' 'suppose'*) in the 2nd person. The following problems are considered: is there a semantic correlation between the proposition and metatext constructions? It was shown that some metatext constructions are used only in interrogative sentences.

Ключевые слова: метатекст, вводные слова, парентезы, адресат, ментальные глаголы

Key words: metatext, parentheticals, addressee, mental verbs

*Исследование выполнено в рамках проекта РНФ № 16-18-02003, осуществляемого в МПГУ.

Введение

В статье мы рассмотрим некоторые особенности конструкций вида *Зачем, думаешь, он туда поехал?*; *Такой, знаете, симпатичный котенок*. В литературе они называются по-разному: парентезы, см. (Urmson 1963); вводные конструкции (также – вводные слова / сочетания слов / предложения / выражения, ср. (Русская грамматика, т. II, § 2221), а также (Апресян 1995а), (Виноградов 1947), (Иорданская, Мельчук 2007: 372), (Ляпон 1986: 47–54), (Остороумова, Фрамполь 2009), (Пешковский 2001)); метатекстовые конструкции, см.

(Wierzbicka 1971). Последние могут иметь узкое понимание (как средства организации текста, ср. *кстати, между прочим, впрочем*) или широкое понимание – как элементы, находящиеся вне синтаксической структуры, «над ней». В данной работе метатекстовые конструкции будут пониматься широко.

Будут рассматриваться метатекстовые конструкции с глаголами мнения и знания во 2-м лице – *думаешь / ~те, полагаешь / ~те, считаешь / ~те, знаешь / ~те, понимаешь / ~те* на фоне аналогичных конструкций с глаголами в 1-м лице. Это противопоставление поможет выявить специфику конструкций 2-го лица в двух отношениях. Во-первых, 1-е и 2-е лицо – естественное противопоставление основных коммуникативных ролей в рамках речевого акта. Местоимения, глаголы и высказывания 1-го и 2-го лица имеют ряд принципиальных отличий, связанных с несимметричностью ролей говорящего и адресата. Во-вторых, мнение (путативные глаголы) и знание (фактивные глаголы) – это естественное противопоставление в группе ментальных глаголов с точки зрения статуса подчиненной пропозиции: при матричном путативном глаголе пропозиция имеет нейтральный (неассертивный) статус, при матричном фактивном глаголе пропозиция фактивная (см., в частности, (Karttunen 1973), (Апресян 1995б), (Апресян 1995в), (Падучева 1985)). На уровне текста эти противопоставления подробно исследовались, однако на уровне метатекста эти группы единиц обычно рассматриваются отдельно друг от друга. В списках метатекстовых конструкций они попадают в разные группы. Формы 1-го лица *думаю, знаю* включаются в группу модальных компонентов (*Он, думаю, откажется от нашего предложения*). Формы 2-го лица *знаешь, понимаешь* обычно считаются контактоустанавливающими: используются с целью «выразить доверительный характер отношений» (ср. (Скобликова 2006: 78); (Апресян 1995б: 242)); в (Розенталь, Джанджакова, Кабанова 1994: 118–119) эти формы рассматриваются как акцентирующие: «служат для подчеркивания, выделения того, что высказывается»; согласно (Правила русской орфографии и пунктуации 2006: 263), функция данной группы – призывать к вниманию. В (Русская грамматика, т. II, § 2221) эти характеристики объединяются: у соответствующих вводных глаголов усматривается «значение акцентирования, подчеркивания, выделения в сочетании <...> с обращенностью к адресату с желанием привлечь внимание собеседника»; отмечается, что *знаешь, понимаешь* могут употребляться как асемантические, «пустые вставки». Наконец, формы 2-го лица *думаешь, считаешь, полагаешь* вообще не попадают ни в какие группы при классификации вводных конструкций.

Задача настоящей работы – выяснить, как трансформируется противопоставление ментальных глаголов на уровне метатекста и сохраняется ли связь с исходными текстовыми

употреблениями. Под текстовыми употреблениями будут пониматься употребления ментальных глаголов в качестве матричных с зависимой клаузой: *Думаю, что он согласится; Ты думаешь, что он согласится?* Соответственно, метатекстовые употребления можно считать соотносительными с текстовыми: *Он, думаю, согласится; Он, ты думаешь, согласится?*

В текстовом употреблении матричный глагол 1-го лица вводит пропозицию (содержание сознания) говорящего, т.е. то, что думает или знает говорящий, матричный глагол 2-го лица – пропозицию адресата. Было бы логично предположить, что это свойство ментальные глаголы сохраняют и в функции вводных. Однако, как будет показано ниже, в метатекстовом употреблении с ментальными глаголами происходят парадоксальные изменения.

Глаголы мнения *думаешь, считаешь, полагаешь*

Итак, текстовые глаголы мнения 1-го лица вводят пропозицию (мнение) говорящего: *Я думаю / считаю / полагаю, что он не подходит для этой работы.* Высказывания с глаголами 2-го лица совершенно несимметричны (и это относится как к мнению, так и к знанию) высказываниям 1-го лица в том смысле, что они прагматически неестественны: в первом случае (*я думаю*) говорящий сообщает адресату свое мнение, во втором (*ты думаешь*) он сообщает адресату мнение адресата. Но говорящий, во-первых, может не знать мнение адресата, во-вторых, даже если знает, сообщение оказывается информационно избыточным. Следовательно, для такого речевого акта нужны специальные условия и обоснования. Например, говорящий хочет актуализировать пропозицию Р, которая ему уже известна: *Ты по-прежнему думаешь / считаешь / полагаешь, что он не подходит для этой работы?; Ты же считаешь, что он не подходит для этой работы, зачем же ты его пригласил?* Если говорящий не знает мнения адресата, он может задать вопрос: *Ты считаешь, что он не подходит для этой работы?* Но в этом случае говорящий сам «составил» пропозицию Р, чтобы выяснить, есть ли такое мнение у адресата. И пока это не известно, пропозиция Р не принадлежит адресату.

Итак, прагматически естественной для форм 2-го лица является ситуация, когда говорящий не знает мнения адресата и спрашивает о нем. Отсюда два важных свойства высказываний с глаголами мнения 2-го лица: эти предложения вопросительные; пропозиция, вводимая глаголом 2-го лица, имеет нейтральный (неутвердительный) статус и принадлежит не адресату, а говорящему.

Аналогичную картину мы видим на уровне метатекста: высказывания с глаголами мнения 2-го лица вопросительные и пропозиция, вводимая глаголом 2-го лица, принадлежит

не адресату, а говорящему. При этом среди высказываний с этими глаголами встречаются несколько типов:

– собственно вопрос (говорящий хочет узнать мнение адресата): *Куда, ты думаешь, он уехал?; Кому, думаешь, он звонил?; — А сколько, ты думаешь, будет стоить эта машина?* [Евгений Сухов. Дело конец – сроку начало (2007)];

– подготовительный вопрос (говорящий не спрашивает, а, наоборот, намерен сообщить адресату новую информацию, но хочет подготовить его к тому, что информация будет неожиданной): *— И куда, ты думаешь, он уехал? — Куда? — В Барселону!;*

– риторический вопрос и другие экспрессивные вопросы: *Взять меня — столько мне хорошего сделал Юрий Михалыч, а я, ты думаешь, хоть раз ему позвонил, сказал спасибо?* [«Столица», 1997.09.02] = не позвонил.

Аналогично ведут себя и другие путативные глаголы: *— В России, полагаете, будет легче, чем в Японии?* [Советский спорт, 2010.01.18]; *— В целом, считаете, этот сезон для вас удался?* [Известия, 2013.05.22].

Итак, предложения с вводными глаголами мнения 1-го лица (*думаю, считаю, полагаю*) и вводными глаголами мнения 2-го лица (*думаешь, считаешь, полагаешь*) не соотносятся напрямую. Предложения с глаголами 1-го лица – как в текстовом, так и в метатекстовом режиме – обычно являются повествовательными и передают мнение говорящего, а сами глаголы *думаю, считаю, полагаю* относятся к группе модальных показателей недоверности, предположительности. Высказывания с глаголами 2-го лица обычно функционируют в качестве вопроса и не передают мнение адресата (поскольку говорящий его не знает), а содержат реконструкцию этого мнения, сформированную говорящим и требующую верификации.

Глаголы знания *знаешь, понимаешь*

Знаешь / знаете

Употребление *знаешь*, как и *думаешь*, в режиме сообщения прагматически странно, и такое высказывание предполагает определенные условия. Это может быть «цитирование» знания адресата с целью его актуализации или в экспрессивных высказываниях, ср.: *Поскольку ты уже знаешь, что он уехал, давай не будем об этом говорить; Ты ведь знаешь, что это невозможно, зачем об этом говорить?* *Знаешь* может также употребляться в вопросительных высказываниях – как с союзными зависимыми клаузами, ср. *Ты знаешь, что он уезжает?*, так и с косвенно-вопросительными, ср., *Ты (не) знаешь, когда собрание?*

В метатекстовом режиме *знаешь*, в отличие от *думаешь*, сочетается не с вопросом, а с сообщением:

— *Какой-то, знаете, он у меня невезучий. На других посмотришь — прямо в руки всё идёт* [Андрей Волос. Недвижимость (2000)]

Я ведь, ты знаешь, писать письма не умею [Владлен Давыдов. Театр моей мечты (2004)]

Интересно, что пропозиция, связанная с глаголом *знаешь* 2-го лица, не является знанием адресата – это информация из прошлого или из внутреннего опыта говорящего, т.е. знание самого говорящего, который передает это знание адресату. В работе (Апресян 1995б: 425–426) описан особый тип текстового употребления *знаешь*, который довольно близок к рассматриваемому метатекстовому. Он встречается в вопросах: *Знаешь, почему он обиделся? Потому что ты его не пригласил.* Конечно, подобные предложения могут быть и обычным вопросом, но речь идет о другом: говорящий обладает определенной информацией, уверен, что у адресата этой информации нет, но на всякий случай спрашивает, – чтобы убедиться, что адресат не знает, а заодно и подготовить адресата к сообщению новости (это можно назвать предваряющим вопросом). К метатекстовому *знаешь* эта конструкция близка тем, что она тоже связана со знанием адресата, правда, еще не сообщенным. С другой стороны, текстовая конструкция вопросительная и содержит вопрос именно о знании адресата, тогда как метатекстовая не совместима с вопросом: **А ему, знаешь, это (не) понравится?* – и передает знание самого говорящего.

Происходит ли в метатекстовой конструкции десемантизация *знаешь* или глагол сохраняет свою семантику?

В грамматиках и учебных пособиях вводное *знаешь* характеризуется именно как десемантизированная единица (контактоустанавливающая, как, например, *слушай*, или акцентирующая, как, например, *учти*, *пойми* и т.п.).

Что касается контакта, *знаешь* скорее не устанавливает, а поддерживает контакт (этот вводный элемент используется не в начале коммуникации, а в продолжении). Но основной функцией метатекстового *знаешь* / *~те* можно считать все-таки подчеркивание, выделение, акцентирование информации, на которую говорящий хочет обратить внимание адресата, которую он считает важной или интересной.

Вводное *знаешь* имеет довольно разные употребления в зависимости от интонации (редуцированное, с понижением тона, с интонацией вставочности, или экспрессивное, с повышением тона) и от смысла основного высказывания. Впрочем, по письменному тексту, при отсутствии интонационной разметки, далеко не всегда можно судить об интонации. Интонация может зависеть и от структуры вводного компонента: это может быть вводное предложение (*ты знаешь; вы знаете*) или просто глагол (*знаешь (ли), знаете (ли)*).

Максимально редуцированное *знаешь / знаете* выступает просто как маркер выделения некоторой информации:

Что заслужил, тем и награждён, товарищ старшина. Старшина безмятежно откинулся на мягкий мох кочки. — А я, знаете, ещё нет. Не удостоился. Разве что у партизан получу [Василь Быков. Болото (2001)]

Посидел так, знаешь, подумал, и решил— да ну этого депутата вместе с его дочками [Андрей Геласимов. Чужая бабушка (2001)]

— А что за роман у этого парня? — Да я, знаете, не читал. Но знаю, что исторический [Ю. О. Домбровский. Ручка, ножка, огуречик (1977)]

Экспрессивное *знаешь* произносится с повышением тона, близким к вопросу. Как и настоящий вопрос, оно призвано вовлечь адресата в диалог, вызвать у него определенную реакцию:

Но, ты знаешь, самое смешное состоит в том, что ничего определенного и не получилось... [Петр Кожевников. Жрец // «Звезда», 2003]

— Что с Аликом? — Ой, ты знаешь, Алик тоже здесь! Это целая история [Андрей Кучаев. В германском плену // «Октябрь», 2001]

А ещё, знаете, перед показом я жутко волновалась: хотелось выглядеть достойно на фоне профессиональных моделей [«Дело» (Самара), 2002.05.26]

Адресат узнает новую информацию, и эта информация становится его знанием – о фактах (*Я, знаете, тоже там был*), о мнении говорящего (*Я, знаете, так не считаю*). Предложение может быть даже побудительным – это все равно мнение говорящего: *Знаешь, ты все-таки позвони ему* – ‘говорящий считает, что адресату следует позвонить’, ср.: *Ты бы все-таки позвонил ему; По-моему, ты должен позвонить: знаешь* смягчает побуждение, переводя его как бы в режим изложения точки зрения.

Вводному *знаешь* и другим подобным метатекстовым элементам приписывается также функция маркера доверительности. Что скрывается за термином «доверительность»? Говорящий строит высказывание так, как будто допускает, что слушающий знает о его жизни, его истории и даже его мыслях, он как бы включает слушающего в свой внутренний мир (ср. понятие личной сферы говорящего, введенное в (Апресян 1995г)). Очень важно, что речь идет о личной сфере и фактах, существенных для самого говорящего (и / или для данного разговора с адресатом), о его личном, заинтересованном отношении к этим фактам. В сочетании с тривиальными, наблюдаемыми, так сказать «голыми», фактами *знаешь* звучит странно, ср.: ¹*Вчера, знаете, был дождь;* ²*За углом, знаешь, трамвайная остановка.*

Наконец, есть случаи, когда говорящий апеллирует к опыту и знаниям адресата: *Она там с одним фертом ходила, знаешь, из таких, из свободных художников* [Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей (1978)] – говорящий предполагает, что адресат видел таких свободных художников, имеет представление о них.

Таким образом, можно считать, что десемантизация вводного *знаешь*, о которой говорится во многих пособиях, несколько преувеличена. Есть случаи, когда говорящий сообщает информацию из своего личного опыта, которую адресат точно не знает, а есть случаи, когда говорящий апеллирует к прошлому опыту (т.е. знанию) адресата, хотя в обоих случаях говорящий сообщает свое собственное знание.

Понимаешь / понимаете

Метатекстовое *понимаешь / понимаете* имеет два интонационных варианта, связанных с двумя разными типами употребления.

В одном типе *понимаешь* относится к группе так называемых слов-паразитов, ср. *значит, вот, так сказать* и под.: *У Маслюковых, понимаешь, засиделся. Мужики собрались* [А. И. Пантелеев. Ночные гости (1944)]; *Напился, понимаешь, друга искалечил, теперь о курсах мечтает!..* [Сергей Довлатов. Чемодан (1986)], произносится пониженным тоном, часто в редуцированном варианте. Этот тип мы рассматривать не будем.

В другом типе *понимаешь* употребляется как «нормальный» вводный глагол, аналогичный *знаешь*, произносится с повышением голоса, близким к вопросу, т.е. с «апеллятивной», «экспрессивной» интонацией (как и в случае экспрессивного *знаешь*), ср.: *Так жизнь моя сложилась, понимаешь, такое непростое место, где я вырос* [Дина Рубина. Русская канарейка. Блудный сын (2014)].

Вводное *понимаешь*, как и *знаешь*, связано не с пропозицией адресата, а с пропозицией говорящего, – т.е. знанием, которое говорящий сообщает адресату.

Текстовое *понимаешь* отличается от *знаешь* тем, что *понимаешь* вводит информацию, которая не очевидна, требует мыслительных усилий или объяснений (ср.: «...Для понимания обычно требуется определенная мыслительная работа, опирающаяся на предшествующие знания субъекта» (Апресян 1995б: 414)).

В метатекстовом режиме это противопоставление не всегда прослеживается, вернее – оно может присутствовать в достаточно завуалированном виде.

Самый наглядный случай – ситуации, которые требуют объяснения, которые непонятны без дополнительной информации; здесь *понимаешь* естественно и при его замене на *знаешь* общий смысл высказывания существенно меняется: — *Мне нужно было бы забежать в музей, ну хоть на пять минут. У меня, понимаете, ключи. Люди не смогут уйти домой* [Ю. О.

Домбровский. Факультет ненужных вещей (1978)] – здесь, действительно, требуется объяснение, и оно дается в предложении, содержащем *понимаете*, ср. странное ?*У меня, знаете, ключи; — Я раньше по-немецки всё понимал, — сказал дед. — А сейчас вот звук знакомый, а ничего не разберу. К нам, понимаешь, сюда в шестнадцатом австрияков пригоняли. Так вот я ими и командовал, сторожил их* [Ю. О. Домбровский. Хранитель древностей (1964)] – здесь человек объясняет, почему он раньше понимал немецкую речь.

В других случаях предложение с метатекстовым *понимаешь* не содержит объяснения, а является констатацией факта, но этот факт сам по себе сложный, требующий размышлений, приводящих к его пониманию: *Но... они другие, понимаешь, — не в том банальном смысле, что смена поколений, а во всем другие: иная эпоха, новая тачскрин-цивилизация* [Дина Рубина. Русская канарейка. Блудный сын (2014)]

Наконец, есть группа случаев, когда метатекстовая конструкция *понимаешь / понимаете*, на первый взгляд, просто призвана акцентировать какой-либо факт, подчеркнуть его важность, выделенность, ср.: *Крышу прошлые хозяева по всем документам починили, а по факту не починили: деньги на ремонт потрачены, понимаете, а дырки в крыше остались* [«Огонек», 2013]. В данном случае речь идет об очевидном, наблюдаемом факте (дырки в крыше), однако замена *понимаете* на *знаете* и здесь неуместна, нежелательна и меняет смысл, поскольку приводится не просто факт, к которому говорящий хочет привлечь внимание, а такой факт, который имеет причину, может быть объяснен, и адресат должен сам сделать выводы из имеющегося в тексте материала или на основе жизненного опыта. Ср. также: *Ты понимаешь, для начала он снял линолеум, меня не спросив... Пока косметолог рассказывала о ремонте дома, который устроил муж, я подремала. — Ну и, понимаешь, он раздолбал всю квартиру, пока я была на море* [«Русский репортер», 2013] – состояние квартиры связано с ремонтом.

Таким образом, *понимаешь* вводит информацию, которую адресат должен не просто узнать (принять к сведению), а использовать для объяснения, осмысления, понимания чего-л. В этом смысле выбор именно *понимаешь*, а не *знаешь*, семантически мотивирован.

При этом парадокс состоит в том, что *знаешь* и *понимаешь* вставляются в предложение, содержащее новую информацию, которую адресат еще не знает, – а будет знать (и сможет использовать для объяснения) только после момента речи, т.к. получит ее из данного предложения.

Заключение

Итак, рассмотренный материал показывает, что несмотря на известную редуцированность вводных ментальных глаголов (по сравнению с текстовыми употреблениями) как в синтаксическом, так и в семантическом аспектах, они все-таки сохраняют семантическое противопоставление мнение vs. знание.

Пропозиция, которая ассоциирована с метатекстовыми *думаешь, считаешь, полагаешь*, не является мнением адресата (как в контексте глаголов 1-го лица) и вообще не является мнением, поскольку имеет статус вопроса, – но предложение с этими вводными глаголами является вопросом именно о мнении. Эти глаголы выполняют важную функцию, т.к. без них это будет вопрос о знании: путативные глаголы «блокируют» исходное предположение вопроса 'адресат имеет информацию P'. Таким образом, глаголы мнения 2-го лица (*думаешь, считаешь*) не могут быть устранены в метатекстовом режиме (так же, как и соответствующие матричные глаголы в текстовом режиме).

Пропозиция, которая ассоциирована с глаголами *знаешь, понимаешь*, не вводит знание адресата, но она все-таки связана со знанием – знанием говорящего, – а в некоторых случаях говорящий апеллирует и к знанию адресата.

При этом метатекстовые элементы *знаешь* и *понимаешь* являются в каком-то смысле избыточными, т.к. вставляются в достоверные сообщения, поэтому *знаешь* и *понимаешь* могут быть заменены на какие-либо другие единицы, ср.: — *Что с Аликом?* — *Ой, ты знаешь, Алик тоже здесь!* → — *Ой, ты представляешь, Алик тоже здесь!*, а могут быть устранены из высказывания без нарушения его достоверности (повествовательное предложение без специальных модальных показателей типа *вряд ли, кажется, думаю* и под. по умолчанию передает достоверную информацию).

Глаголы *знаешь* и *понимаешь*, действительно, выполняют функцию привлечения внимания собеседника (как это отмечается в синтаксической литературе) – но не в том же смысле, как, например, *слушай*; *знаешь* и *понимаешь* маркируют информацию как важную, которую говорящий подчеркивает и на которую поэтому слушающий должен обратить внимание.

Итак, анализ глаголов знания и мнения 2-го лица показывает, что в метатекстовых конструкциях они ведут себя парадоксально: они практически никогда не вводят пропозицию (мнение или знание) 2-го лица (адресата), как это ожидалось бы – ведь ментальные глаголы 1-го лица в метатекстовых (как, впрочем, и в текстовых) конструкциях вводят пропозицию 1-го лица (говорящего). Такое парадоксальное поведение форм 2-го лица объясняется, в первую очередь, тем, что они ориентированы на диалог, т.е. отвечают за взаимодействие с адресатом и воздействие на него, – в отличие от форм 1-го и 3-го лица, ориентированных на нарратив.

Вообще, поведение рассмотренных глаголов 2-го лица в метатексте – одно из многочисленных свидетельств того, что языковые формы, связанные с адресатом, имеют в языке особый статус и особые функции, которые и объясняют их языковую эволюцию (например, превращение в «иллокутивы», см., в частности, (Кустова 2012)).

Список литературы

- Апресян Ю.Д. (1995а): Прагматическая информация для толкового словаря // Ю.Д. Апресян. Интегральное описание языка и системная лексикография. Избр. труды. Т. 2. Москва: ЯРК, 135–155.
- Апресян Ю.Д. (1995б): Проблема фактивности: знать и его синонимы // Ю.Д. Апресян. Интегральное описание языка и системная лексикография. Избр. труды. Т. 2. Москва: ЯРК, 405–433.
- Апресян Ю.Д. (1995в): Синонимия ментальных предикатов: группа считать // Ю.Д. Апресян. Интегральное описание языка и системная лексикография. Избр. труды в 2-х тт. Т. 2. Москва: ЯРК, 389–404.
- Апресян Ю.Д. (1995г): Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Ю.Д. Апресян. Интегральное описание языка и системная лексикография. Избр. труды. Т. 2. Москва: ЯРК, 629–650.
- Виноградов В. В. (1947): Русский язык. Грамматическое учение о слове. Москва.
- Иорданская Л.Н., Мельчук И.А. (2007): Смысл и сочетаемость в словаре. Москва: ЯСК.
- Кустова Г.И. (2012): Об иллокутивной фразеологии // Смыслы, тексты и другие захватывающие сюжеты. Сб. статей в честь 80-летия И.А. Мельчука. Москва: ЯСК, 349–366.
- Ляпон М. В. (1986): Смысловая структура сложного предложения и текст: к типологии внутритекстовых отношений. Москва: Наука.
- Остроумова О.А., Фрамполь О.Д. (2009): Словарь вводных слов, сочетаний и предложений. Опыт словаря-справочника. Москва: Изд. СГУ.
- Падучева Е.В. (1985): Высказывание и его соотнесенность с действительностью (Референциальные аспекты семантики местоимений). Москва: Наука.
- Пешковский А. М. (2001): Русский синтаксис в научном освещении. 8-е изд. Москва: ЯСК.
- Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник (2006): Под ред. В.В. Лопатина. Москва.
- Розенталь Д.Э., Джанджакова Е.В., Кабанова Н.П. (1994): Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию. Москва.
- Русская грамматика (1980): в 2-х тт. / Под ред. Н.Ю. Шведовой. Москва: Наука.

Скобликова Е.С. (2006): Современный русский язык. Синтаксис простого предложения. Москва: Флинта: Наука.

References

Karttunen L. (1973): La logique des constructions anglaises à complément predicative, *Languages*, 30, 56–80.

Urmson J. O. (1963): Parenthetical verbs // Ch. E. Caton (ed.) *Philosophy and ordinary language*. Urbana, Chicago, London: University of Illinois Press, 220–240.

Wierzbicka A. (1971): Metatekst w tekście // Wierzbicka A. *O spójności tekstu*. Wrocław-Warszawa, 105–121.

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТИНА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА В МЕНТАЛЬНОЙ КАРТЕ ДЛЯ ОТРАЖЕНИЯ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

Лежнева Ольга Владимировна

*Российский экономический университет им Г.В. Плеханова. Смоленский филиал, Россия
okleshneva@yandex.ru*

PHRASEOLOGICAL PICTURE OF THE FICTION TEXT IN A MENTAL MAP FORM FOR THE LINGUISTIC WORLD MAP

Lezhneva Olga

PLEKHANOV Russian University of Economics, Smolensk Branch, Russia

АННОТАЦИЯ

Текст художественного произведения представляет собой определенный "слепок" языковой картины мира на конкретном временном отрезке. Путем комплексного исследования фразеологических единиц из текста художественного произведения разработаны ментальные карты фразеологической картины текста для более наглядного представления общезыковой картины современного литературного языка, а также национальной и культурной картины мира США в конце XX века.

ABSTRACT

Any fiction brings the impression of the linguistic world map during the certain period of time. With the help of complex study of phraseological units, taken from the text of the fiction, mental maps are made. They can serve for complex visual impression of the linguistic world map of modern language in the USA at the end of XX century, and give an image of national and cultural aspects of the country.

Ключевые слова: фразеологические единицы, языковая картина мира, визуальное представление

Keywords: phraseological units, linguistic world map, complex visual impression

Язык служит средством выражения наших мыслей и чувств, следовательно, выполняет функцию выражения деятельности мысли. Но язык по отношению к словесному мышлению выполняет еще одну, чрезвычайно важную функцию: он непрерывно участвует в самом формировании мысли. Язык не только средство выражения мысли, но и орудие формирования ее. С точки зрения функции языка: язык есть средство объединения людей и как таковое, средство формирования, выражения и сообщения мысли (Левченко 2001: 136). Любой национальный язык (то есть язык всей нации) представляет собой совокупность разнообразных явлений, таких как литературный язык, просторечие, территориальные и

социальные диалекты, жаргоны. Лексика общества воплощает в себе уровень культурного развития данного народа, способы восприятия мира. Лексика тесно связана с культурой общества и оказывает влияние на мировоззрение людей (Вербицкая 2007: 7). Язык не только связан с культурой, он растет из нее и выражает ее – данный постулат подтверждают в своих лингвистических исследованиях, как русские, так и зарубежные ученые (Вейсгербер Л., Леви-Строс К., Бартминьский Е., Вернадский В.И., Брюкнер А., Иванов В.В., Топоров В.Н., Толстой Н.И. (Маслова 2001: 65). Язык одновременно является и орудием создания, развития, хранения (в виде текстов) культуры, и ее частью, потому, что с помощью языка создаются реальные, объективно существующие произведения материальной и духовной культуры (Маслова 2001: 27). Роль языка состоит не только в передаче сообщения, но, в первую очередь, во внутренней организации того, что подлежит сообщению. Возникает как бы «пространство значений» (в терминологии Леонтьева А.Н. (Леонтьев 1961: 256), то есть закрепленные в языке знания о мире, куда непременно вплетается национально-культурный опыт конкретной языковой общности. Формируется мир говорящих на данном языке, то есть языковая картина мира как совокупность знаний о мире, запечатленных в лексике, фразеологии, грамматике (Маслова 2001: 27). Национально-культурное «присвоение» мира происходит под воздействием родного языка, так как мы можем подумать о мире только в единицах своего языка, пользуясь его концептуальной сетью, то есть, оставаясь в круге, описанным вокруг нас языком (Гумбольдт 1989: 310). Поэтому разные нации, пользуясь разными инструментами концептообразования, формируют различные картины мира, являющиеся, по сути, основанием национальных культур (Вейсгербер 1993: 32).

Произведение Энн Тайлер – это мир идей, мыслей автора, который воплощен в слове. Поэтому изучение содержания во взаимосвязи с формой выражения, изучение языка и стиля писателя способствует более глубокому пониманию языковой культуры в целом. Текст произведения является непосредственно образцом общезыковой картины, современного литературного языка, что представляет собой ценный материал для всестороннего изучения языка как «диалектического синтеза с широкой основой народно-разговорного языка» (Алексеевко 1989: 37). При прочтении текста произведения процесс понимания, следования авторским мыслям сопровождается чувственными восприятиями – зрительными, слуховыми, осязательными, активизацией воображения. Это объясняется образностью речи, разнообразием эмоций, для выражения которых автор активно употребляет ФЕ. Согласно результатам исследования, Энн Тайлер широко использовала ФЕ в качестве испытанного средства эффективного воздействия на читателя, для создания образности, эмоциональности, наглядности и убедительности. Методом сплошной выборки из русскоязычного текста

художественного произведения были обнаружены 726 ФЕ на 220 страницах романа. Текст произведения органически сочетает в себе системы репрезентированных в нем функциональных стилей языка и индивидуальную систему авторского стиля, то есть типологическое и индивидуальное. В процессе исследования установлен и описан фразеологический состав текста художественного произведения. Произведена попытка лексико-грамматической и семантико-стилистической классификации ФЕ из произведения: описаны их грамматические особенности, характеризованы их функции в тексте. Материал исследования обладает обширным иллюстративным материалом и большим идиоматическим потенциалом. Выводы проведенного исследования, подтвержденные статистическими подсчетами, позволяют утверждать, что игра стиля оригинала практически полностью сохранена в переводе. Богатый фразеологический материал произведения рассматривается в качестве объекта фразеологии. Фразеология – одна из важнейших составных частей образно-эмотивной системы языка Энн Тайлер.

Вторичная номинация ФЕ в переводе романа воспринимается в процессе анализа текста как факт, как материал, требующий научного осмысления, но не как отдельный аспект научного исследования, не как проблема переводческого характера. На наш взгляд, только полный анализ ФЕ из текста оригинала и его перевода может дать полную картину фразеологической системы романа Энн Тайлер «Обед в ресторане «Тоска по Дому»». Статистический анализ показал, что межстилевые фразеологические единицы составляют треть фразеологического запаса языка Энн Тайлер, что в общих чертах отражает общезыковую картину. Выявленный пласт книжной фразеологии в тексте богат и тематически разнообразен, в контексте художественного произведения они обладают яркой окраской, что придает речи живость и образность. В материале исследования наблюдаются книжные ФЕ метафорического характера с возвышенной экспрессивно-стилистической окраской, каждая ФЕ обладает яркими выразительными оттенками, которые автор реализует в конкретной речевой ситуации и употребляет в качестве оценочных и характеристических средств для усиления действенности на читателя, передачи ярких образов в контексте произведения. В тексте так же выявлено минимальное количество терминологических книжных ФЕ, в составе которых наблюдаются терминологические и профессиональные компоненты-лексемы ставшие общеупотребительными. Данные ФЕ употребляются автором в своем непосредственном значении, их употребление оправдано контекстом произведения. Автор использует их для индивидуализации речи персонажей, в некоторых случаях подчеркивает яркие образные сравнения при повествовании. Компонентный анализ ФЕ показал отсутствие жаргонизмов и арготизмов в их составе. Народно-разговорные

фразеологические единицы в тексте произведения представляют собой образные, экспрессивные ФЕ, которые обладают немного сниженным, а иногда и фамильярным оттенком. Автор использует их для выражения конкретного отношения персонажей произведения к определенным событиям или предметам. В народно-просторечных фразеологических единицах из текста преобладают компоненты-лексемы со сниженной стилистической окраской, присутствуют вульгаризмы, которые носят яркую экспрессию отрицания и в некоторых случаях выражают эмоции крайнего негодования. Компонентный анализ просторечных фразеологических единиц показал отсутствие компонентов-лексем жаргонного и арготического характера. В речи Энн Тайлер просторечные ФЕ функционируют редко и выполняют номинативную, эмоционально-экспрессивную и конативную функции при обращении персонажей друг к другу.

Образность идиостиля Энн Тайлер глубоко органична – вся образная система произведения базируется на применении фразеологических единиц, в компонентном составе которых преобладает нейтральная лексика и глагольные компоненты-лексемы, вследствие чего автор ярко и динамично ведет повествование и воздействует на читателя. Каждый конкретный случай применения ФЕ в тексте произведения при повествовании, как в индивидуальной речи персонажей, так и в собственно речи автора, обусловлен принципом функциональной целесообразности употребления единиц языка. Посредством образных представлений Энн Тайлер домысливает или преувеличивает признаки изображаемых денотаций, ассоциативно соединяет предметы и явления действительности на основании близости или общности впечатлений от них. В результате образ точно и эмотивно передает авторскую мысль, авторское отношение к изображаемому, следовательно, образность изложения – важнейшее средство эмотивного в языке автора.

Результаты исследования позволили составить двуязычный фразеологический тезаурус ФЕ Энн Тайлер. Который, в свою очередь, послужил источником для разработки нескольких ментальных карт с разными аспектами освещения материала, что позволяет получить более наглядное представление общезыковой картины мира Соединенных Штатов Америки в конце XX века и комплексно осветить национальные и культурные аспекты жизни среднестатистических граждан страны.

Метод ментальных карт представляет собой особую технику визуализации мышления, построенную на создании эффективных альтернативных записей. Существуют и другие названия данного метода: «карты ума», «интеллект-карты», «карты разума», «карты памяти». Данная методика базируется на принципе «радиантного мышления», которое связано с ассоциативными мыслительными процессами. Отправная точка – это центральный объект

(мысль, идея, задача). Радиант - это точка небесной сферы, от которой как будто отходят видимые пути тел, движущихся с одинаково направленными скоростями. Отсюда можно сделать вывод, что «радиантное мышление» отражает бесконечное множество всех возможных ассоциаций, а ментальные карты позволяют зафиксировать их на различных носителях (интернет ресурс: 2018). Ментальные карты в данной статье представлены в двух экземплярах и представляют собой диаграммы в виде древовидной схемы. Первая карта отображает общую классификацию ФЕ в семантико-стилистическом и лексико-грамматическом аспектах. Вторая карта отображает лексико-грамматическую классификацию ФЕ, что позволяет увидеть разнообразие ФЕ из текста произведения в полном объеме и сразу получить комплексное представление. Центральная ветвь первой и второй карты представляет собой основную идею, затем ветви делятся на более мелкие, и отображают полный состав ФЕ из текста произведения с примерами и статистическими данными. Предоставить карты в данной статье не представляется технически возможным, поэтому приводим примеры из презентации доклада:

Разговорные ФЕ дают представление *о бытовой картине мира*:

- Все расплывалось перед глазами и Перл пошла к врачу выписать очки. Тот сказал, все дело в сосудах. Но врач не сомневался, *дело поправимое*.
- Прокатиться на «колесе»! Сейчас, в 1944 году, велосипеды *встречались на каждом шагу*, но совсем другие, совсем не похожие на тот, первый. • В 1931 году болезнь эта считалась очень опасной. Перл совсем *потеряла голову*.
- Наступило лето, дети целыми днями пропадали на улице, *бог знает*, что они могли там натворить.

Об эмоциональном отношении к жизни главных персонажей произведения:

- Большинство его одноклассников родились и выросли здесь, в Балтиморе, между ними завязалась дружба, о которой он, Коди *и мечтать не мог*.
- На другой день к вечеру Дженни приехала в Балтимор. Она *сожгла за собой все мосты*: уволилась с работы, отдала золотых рыбок и забрала вещи.
- Перл понимала, некоторые считают, будто *он ей не пара*

Об отношениях между героями произведения:

- - *Что же это творится на белом свете?* Выходит, я недостаточно хороша для своей родной дочери?
- Как же она будет с ней разговаривать? Но для Эзры Дженни была *готова на все*. Она кивнула в знак согласия.

- Перл догадывалась, что здесь, в Балтиморе ее считали нелюдимкой, этакой ведьмой с Кэлверт-Стрит. **Подумать только!**

Об общем уровне жизни среднего класса населения:

- - А люди кругом смотрят и думают: «Бедная миссис Тулл, ей не по карману купить дочери даже дешевое платье с искусственными цветами. Целый день работает в лавке **как каторжная**, а по ночам ломает себе голову: на чем бы сэкономить?»

- Что касается Коди, то этот ее брат явно **пошел в гору**.

- На автовокзале Дженни не стала дожидаться городского автобуса, взяла такси и **с шиком** добралась до дому.

О семейных ценностях того времени:

- - **Я всей душой** хочу, чтобы Эзра женился. Видит бог.

- Он воображал, как вернется в пятницу домой с работы, а дети выбегут ему навстречу, и **чувствовал себя на седьмом небе**.

- - Если бы у меня не **хватила ума** оставить девичью фамилию, - сказала Дженни, - мой медицинский диплом был бы похож на записную книжку с адресами людей, которые только и делают, что переезжают.

О повседневных традициях:

- - **Подумать только**, - сказал Джо. – Я каждое воскресенье поднимаюсь ни свет ни заря, чтобы отвезти его в церковь, а он, видите ли, прогуливает!

- - **И ты тоже хороша!** Выхожу в воскресенье из церкви, а ты стоишь с этой Мелани Миллер, одноклассницей из церковной школы.

- Коди пнул ногой столб. **Все бы отдал**, лишь бы она походила на других матерей: сплетничала бы на кухне с подругами, они бы накручивали ей волосы на бигуди.

Об отношениях между родителями, детьми, внуками:

- - Не такая уж старая... Она просто показывает, что я **ничего не стою**. Старая гримза.

- - Она любит этих детей так же, как и первую. Будто начала все сначала. Прямо **в голове не укладывается**, как ничего не было. Смотрю – и не верится.

- - Не торопись сынок, - посоветовал отец, - все надо делать, **как следует**.

На примере **межстилевых ФЕ** мы прослеживаем те же категории жизненных ценностей, которые были упомянуты выше, равно как и **культурную картину мира**:

- Бек послан ей господом **в награду за** посещение баптисткой молельни. **К ужасу** своей семьи она стала прихожанкой этого молитвенного дома.

- Ухаживая за Перл Бек не появлялся без шоколада и цветов, а чуть позже и без более серьезных, **с его точки зрения**, подарков – проспектов с описанием товаров корпорации.

- Ничего не поделаешь, компания *ни дня* не может обойтись без него.

Примеры из карты №2: Глагольные конструкции

- Он послал ее к другому окулисту, тот – еще к кому-то.... В конце концов, они *пришли к выводу*, что помочь ей ничем нельзя.

- Но и появление Эзры не *стало* ей уроком.

- Ее окружало множество поклонников, правда, все почему-то *теряли* к ней *интерес*

Адвербиальные ФЕ весьма пестры и разнообразны, и приносят в произведение неповторимую окраску эпохи того времени:

- Каждое утро Перл отправлялась на работу в лавку братьев Суини. Сидела за кассой не снимая шляпки – будто забежала на несколько минут, чтобы *в виде одолжения* немного помочь им.

- Когда мать позвала ужинать, он *твердым шагом* вошел в кухню, исполненный решимости отказаться есть вместе с отцом в его спальне.

- - И вот, наконец, мы отыскали именно то, что надо, - продолжала она, - такое приятное серое платье с кружевным воротничком ручной вязки. Как раз *в ее стиле*.

Именные ФЕ

- Он искусно комментировал действия игроков, рассказывал матери, что происходит на поле, обсуждая с ней *ход игры*.

- - Я думал, это вы прислали нам по почте заказ. Вот ваша подпись: Эзра Тулл. «Да, я намерен приобрести *вечное прибежище* для себя и своих близких. Надеюсь, ваш агент посетит меня».

- «Согласна» - и подписалась. Ответ ее был образцом *деловой переписки*.

В заключение хотелось бы отметить, что ментальные карты как способ представления практических исследований по работе с художественным текстом значительно облегчают детализирование и организацию всех составляющих, что позволяет получить полное представление о семантико-стилистическом и лексико-грамматическом составе ФЕ из текста произведения, что, в свою очередь, позволяет сделать выводы о текущем положении общезыковой картины США в конце XX века, равно как и национальном, культурном, бытовом уровне развития страны, а так же позволяет выделить направления для дальнейшего исследования.

Список литературы

Алексеев М.А. (1989): Фразеология ленинской речи и способы ее перевода. Львов: Изд-во Львов. ун-та.

Вейсгербер Й. Л. (1993): Родной язык и формирование духа. Москва: Русский язык.

- Вербицкая Л. А. (2007): Русский язык сегодня, Президиум МАПРЯЛ. СПб.: Изд-во СПбГУ, 7.
- Гумбольдт В. (1984): О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества, Избранные труды по языкознанию. Москва: Прогресс, 310.
- Левченко М.Н., Лахтюхова О.П. (2001): Теория языкознания. Москва: Народный Учитель, 136.
- Леонтьев А. Н. (1961): Человек и культура. Москва: Наука, 256.
- Маслова В. А. (2001): Лингвокультурология. Москва: Академия, 65.
- Тайлер Э. (1986): Обед в ресторане Тоска по Дому. Москва: Радуга.
- URL: <http://fb.ru/article/138026/mentalnaya-karta-kak-sposob-vizualizatsii-myishleniya> (дата обращения: 20.05.2018)

ИНТЕРНЕТ ВО ФРАЗЕОЛОГИИ И ФРАЗЕОЛОГИЯ В ИНТЕРНЕТЕ

Ломакина Ольга Валентиновна
Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет,
Российский университет дружбы народов, Россия
rusoturisto07@mail.ru

INTERNET IN PHRASEOLOGY AND PHRASEOLOGY IN THE INTERNET

Olga Lomakina
St. Tikhon's Orthodox University, Peoples' Friendship University of Russia, Russia

АННОТАЦИЯ

В статье показано взаимовлияние Интернета и фразеологии русского языка, проанализированы случаи использования как новой, появившейся в сети мнимой фразеологии, так и особенности употребления фразеологических единиц и крылатых единиц в вербальном компоненте Интернет-мемов. Приведённые примеры доказали, что фразеология обладает богатым функциональным потенциалом.

ABSTRACT

The article shows the interaction of the Internet and the phraseology of the Russian, analyzed the cases of using both the new imaginary phraseology that appeared in the network and the use of phraseological units and winged units in the verbal component of Internet memes. The above examples have proved that phraseology has a rich functional potential.

Ключевые слова: Интернет-дискурс, Интернет-мем, фразеологические единицы, крылатые единицы, демотиватор

Keywords: Internet discourse, Internet memes, idioms, Catchwords (winged words), demotivator.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-29-09064

Введение

Язык современности немислим без влияния новых информационных технологий, одним из ярких проявлений которых является всемирная сеть, получившая оригинальные названия в разных языках, в России – Рунет. Вовлечённость большей части россиян в Интернет позволяет говорить о его влиянии как на сознание пользователей, так и на язык в целом.

Поскольку фразеологические ресурсы языка содержат данные о национальной картине мира, менталитете народа, его ценностных установках, то становятся неотъемлемым элементом в ряде Интернет-жанров, прежде всего в Интернет-мемах и его формах –

демотиваторах, комиксах, плакатах, карикатурах. Приведём одно из компрессионных определений Интернет-мема: «семиотически сложное образование, содержащее вербальный и невербальный компоненты и функционирующее в Интернет-среде в качестве особого вида полимодального текста» (Канашина 2016: 4). Демотиваторы, в отличие от других форм мемов, трёхкомпонентны и содержат следующие элементы: 1) изображение; 2) слоган или лозунг, набранный крупным шрифтом; 3) пояснительная надпись, набранная мелким шрифтом. Таким образом, можно говорить о демотиваторе как многоярусном тексте, поэтому характеристика его вербального компонента представляется наиболее интересной (см., например, Ломакина 2018).

К настоящему моменту имеются отдельные исследования, содержащие изучение функций, структуры, стилистических особенностей, а также социально-политических посылов демотиваторов (см. работы Л.В. Бабиной, И.В. Бугаевой, Ю.Ю. Даниловой, Д.Р. Нуриевой, Ф.Г. Фаткуллиной и др.), однако отсутствует целостное описание фразеологической составляющей в демотиваторах, что позволяет говорить об актуальности настоящего исследования.

Цель данной статьи – показать взаимовлияние Интернета и фразеологии русского языка, проанализировав случаи использования как новой, появившейся в сети мнимой фразеологии, так и особенности употребления фразеологических единиц (ФЕ) и крылатых единиц (КЕ) в вербальном компоненте Интернет-мемов.

Методология исследования. Амбивалентностью массива анализируемого материала и сложностью его поиска, связанного с отсутствием индекса популярности фразеологизмов, которые могут быть использованы в создании Интернет-мемов, продиктован доминирующий методологический принцип – приём сплошной выборки из сетевых источников (<http://www.demotivatory.ru>, <http://www.yandex.ru> – в Рунете). Кроме того, использовались элементы дискурсивного, семного анализа, лингвопрагматического анализа. Верификация материала проходила по «Большому словарю крылатых слов и выражений русского языка» В.П. Беркова, В.М. Мокиенко, С.Г. Шулежковой (2009).

Практическая значимость полученных выводов имеет лексикографическую перспективу: Интернет-мемы демонстрируют функциональный потенциал фразеологии (Ломакина 2017: 248) и могут стать иллюстративным материалом в составе словарной статьи паремиографического, крылатографического и собственно фразеографического словаря.

Основная часть

Первое направление исследования – это определение роли Интернета на фразеологический состав языка. Польская исследовательница Я. Тарса в статье «Русская и польская сетевая фразеология» использует понятие *сетевого фразеологизма*, под которым понимает устойчивое сочетание, источником которого является Интернет или которое прошло процесс фразеологизации во всемирной сети (Тарса 2018: 304-305). Процесс появления новых фразеологизмов может иметь различные временные рамки, характеризоваться с точки зрения актуального употребления (активное / пассивное употребление, нахождение в ядре или на периферии фразеологического состава). Наиболее распространёнными доказательствами фразеологизации Интернет-мемов и свободных сочетаний благодаря сети становятся следующие: частотность; раскрытие функционального потенциала путём варьирования плана содержания и / или плана выражения, употребления в других жанровых или стилистических разновидностях.

Я. Тарса к первой группе исследователь относит фразеологизм *Билл умный. Будь как Билл*, в Рунете – *Петя умный. Будь как Петя*, что позволило лингвисту сделать вывод об интернациональном характере единицы (Тарса 2018: 305). На наш взгляд, уместнее говорить о фразеосхеме *Это Х. Х делает что-то. Х умный. Будь как Х*. Подобные единицы обладают устойчивостью, раздельнооформленностью, коннотативно окрашены, однако семантически опустошены, что даёт основания назвать данное языковое явление примером **мнимой фразеологии**. Вместе с тем нельзя не отметить, что рамку Интернет-текстов (рис. 1-2) может организовывать ФЕ:

Рис. 1, 2.

В первом примере используется ФЕ *держат язык за зубами*, во втором – *прорубить окно в Европу*, что характеризует Петю положительно. Кроме того, изображение Петра I имеет социокультурную нагруженность.

Благодаря скорости Интернет-образы получают широкое распространение, а порой кажется, что Интернет-мемы проходят процесс фразеологизации в языке. Флешмоб *Меня интересуют только мыши*, проходивший в пространстве сети, имел многочисленные примеры, однако в настоящее время единица полностью ушла из языка и не может быть отнесена к фразеологическому фонду языка. Демотиватор, приведённый ниже, доказывает это: визуальный и вербальный элементы взаимно дополняют друг друга, не рождая иных ассоциаций.

Рис. 3

Более продуктивным, на наш взгляд, является изучение функционального (в т.ч. трансформационного) потенциала фразеологии в Интернет-текстах: «обстоятельное филологическое комментирование <...> разнородного интернетовского “массового творчества” позволило бы вскрыть социолингвистическую его мотивацию, продемонстрировать разнообразие типов трансформаций» (Мелерович 2011: 256]. Авторы демотиваторов активно используют тематическое многообразие русской фразеологии. В ряде случаев при помощи вербального и визуального компонентов постулируется следующая тематика: загадочность русской души, особенность русского национального характера, дураки и дороги как две беды российской жизни. Превалируют отрицательные образы, что, на наш взгляд, связано с желанием сформировать определённый имидж России. Выбор соответствующих фразеологических средств объясняется ещё и тем фактом, что фразеология, как известно, в большей степени содержит отрицательные оценки.

КЕ В России две беды – дураки и дороги (Н.В. Гоголь) является одним из самых частотных элементов демотиваторов (рис. 4-6).

Рис. 4, 5

Рис. 6

Во всех примерах КЕ представлена в трансформированном виде: происходит усечение компонентного состава КЕ за счёт сокращения и выделения ключевых компонентов. В первом случае вербальный компонент *Две беды – дураки и дороги* дополнен комментарием, сформулированным в вопросительном предложении *Америка выбрала хорошие дороги, что же выбрать России?* Таким образом, автор апеллирует к авторитету США как идеальной стране, при этом визуальный компонент подкрепляет вербальный. В основе вербального компонента рис. 5 – пример комплексного преобразования КЕ (*Две беды России встретились и дураки*). Третий пример представляет собой контаминацию ФЕ *два в одном* и варианта рассматриваемой КЕ – вычленение компонентов КЕ *дураки и дороги*.

Следующая группа примеров также отражает негативное отношение автора к российской действительности. КЕ *Ударим автопробегом по бездорожью и разгильдяйству* из романа И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой телёнок» и КЕ *Умом Россию не понять* – первая

строка одноимённого стихотворения Ф.И. Тютчева – иллюстрируют состояние российских дорог (рис. 7-8).

Рис. 7, 8

В следующих демотиваторах (рис. 9-10) актуализируется значение армии для страны. В первом случае инверсированный вариант КЕ *Было гладко на бумаге, – // Да забыли про овраги* (Л.Н. Толстой) используется в качестве комментария для того, чтобы показать отличие реального положения дел от идеального. Второй пример содержит инвариант КЕ *Хочешь мира готовься к войне* (Корнелий Непот), используемый автором в качестве слогана.

Рис. 9,10

Снисходительное отношение к молодому поколению отражается в следующих демотиваторах (рис. 11, 12) В первом примере в качестве вербального компонента используется вариант пушкинизма *Здравствуй, племя, младое, незнакомое*. Автор прибегает к замене прилагательного *младой* на *молодой*, что направлено, вероятно, на упрощение инварианта КЕ с целью облегчения восприятия демотиватора в целом, а значит, с прагматической целью. Во втором примере в основе вербальной составляющей инвариант КЕ *Не хочу учиться, хочу жениться* – слова Митрофанушки из комедии Д. И. Фонвизина

«Недоросль». КЕ *Не хочу жениться! Хочу учиться!* представляет собой комплексный вариант: инверсия и синтаксическое преобразование сложносочинённого предложения в два простых. Благодаря визуальному компоненту, усиливается свойственная инварианту ирония по отношению к молодому поколению, полному инфантилизма.

Рис. 11, 12

Заключение

Следствием Интернет-эпохи стал полимодальный текст, являющийся предметом изучения Интернет-дискурса. Нельзя отрицать наличие новых ФЕ, появившихся в сети или благодаря сети, однако ряд из них относятся к т.н. мнимой фразеологии: при частоте употребления, реализации трансформационного потенциала языковые единицы лишь условно можно отнести к фразеологии. Фразеологические ресурсы языка, будучи ярким и экспрессивным языковым средством, актуализируются в Интернет-пространстве, раскрывая свои потенциальные возможности. Превалирование крылатки над идиоматикой объясняется грамматическими и семантическими особенностями КЕ. Анализ проанализированных примеров иллюстрирует мнение С.Г. Шулежковой о наличии корреляции «между установившимися в языковом коллективе нравственными и эстетическими ценностями <...> и составом фонда КЕ национального языка и характером их функционирования в речевой практике» (Шулежкова 2002: 264).

Список литературы

Канашина С.В. (2016): Интернет-мем как новый вид полимодального дискурса в Интернет-коммуникации. Автореферат диссертации на соискание учёной степени канд. филол. Наук по спец. 10. 02. 04 – германские языки. Москва

Ломакина О. В. (2018): Крылатика в Интернет-дискурсе: функционально-прагматический аспект, Полипарадигмальные контексты фразеологии в XXI веке: Материалы междунар. науч. конф. Тула: ТППО, 254-260.

Ломакина О. В., Мокиенко В. М. (2017): Роль крылатики в Интернет-дискурсе: к постановке проблемы, Фирсовские чтения. Лингвистика в XXI веке: Междисциплинарные парадигмы : материалы докладов и сообщений Международной научно-практической конференции. Москва, 14–15 ноября 2017 г. Москва, 247-254.

Мелерович А. М., Мокиенко В. М. (2011): Современная русская фразеология (семантика – структура – текст). Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова.

Тарса Я. (2018): Русская и польская сетевая фразеология, Полипарадигмальные контексты фразеологии в XXI веке: Материалы междунар. науч. конф. Тула: ТППО, 304-308.

СФЕРА ДЕЙСТВИЯ В РУССКИХ ИНФИНИТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЯХ С КОНТРОЛЕМ

Лютикова Екатерина Анатольевна

*МГУ им. М. В. Ломоносова / Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина / МПГУ, Россия
lyutikova2008@gmail.com*

Татевосов Сергей Георгиевич

*МГУ им. М. В. Ломоносова / МПГУ, Россия
tatevosov@gmail.com*

EMBEDDED SCOPE IN RUSSIAN CONTROL CONSTRUCTIONS

Ekaterina Lyutikova

MSU / Pushkin State Russian Language Institute / MPSU, Russia

Sergei Tatevosov

MSU / MPSU, Russia

АННОТАЦИЯ

В статье обсуждаются проблемные диагностики подъема / контроля в инфинитивных конструкциях с глаголами речи, среди которых — узкая сфера действия адресата, выраженного отрицательным или неопределенным местоимением, по отношению к инфинитивному обороту. Во-первых, мы представляем новые данные о русских инфинитивных конструкциях, свидетельствующие о том, что лицензирование отрицательных местоимений и других элементов с узкой сферой действия представляют собой два разных феномена. Во-вторых, мы предлагаем анализ обоих феноменов. Мы рассматриваем отрицательные местоимения в этих конфигурациях как отрицательные плавающие кванторы, относящиеся к PRO. Другие элементы с вложенной сферой действия лицензируются только в директивной конструкции, включающей в себя синтаксическую репрезентацию речевого акта и его участников.

ABSTRACT

The paper discusses controversial diagnostics of raising / control in Russian infinitival constructions with speech act matrix verbs that involve embedded scope of the Addressee argument expressed by negative and indefinite pronouns. Our contribution to the topic is twofold. First, we present new data from Russian infinitival constructions suggesting that *ni*-licensing and other embedded scope phenomena have to be treated apart. Secondly, we propose analyses for both of them. We argue that *ni*-pronouns are negative floating quantifiers construed with PRO. Other elements with embedded scope are licensed in the directive construction that involves syntactically represented speech act coordinates comprising Author and Addressee.

Ключевые слова: контроль; подъем; сфера действия; отрицательные кванторы; речевой акт; директивная конструкция; русский язык.

Keywords: control; raising; scope; negative quantifiers; speech act; directive construction; Russian.

* Работа над статьей велась в рамках проекта РНФ 18-18-00462 «Коммуникативно-синтаксический интерфейс: типология и грамматика» в Государственном институте русского языка им. А. С. Пушкина.

1. Контроль и подъем в русских инфинитивных конструкциях

Актантные инфинитивные конструкции во многих языках, в том числе и в русском, характеризуются определенными ограничениями на выражение и референцию подлежащего: инфинитивный оборот часто не может иметь выраженного подлежащего, а подразумеваемое подлежащее референциально не свободно, но определенным образом соотносится с именной группой в главной клаузе. Так, в примерах (1a-b) подлежащее инфинитивного оборота соотнесено с подлежащим главной клаузы, а в (2a-b) — с дополнением главной клаузы.

- (1) а. Я хотел уехать.
 б. Я мог уехать.
- (2) а. Доктор заставил его нырнуть... [НКРЯ]
 б. Отец строго велел ему делать уроки. [НКРЯ]

Тип референциальной соотнесенности в актантных инфинитивах в общем случае задается синтаксическими характеристиками предиката главной клаузы (матричного предиката). От матричного предиката зависит также, какую синтаксическую имплементацию получает «отсутствующее» подлежащее инфинитивного оборота и его соотнесенность с аргументом в главной клаузе. Традиционно выделяется два семантико-синтаксических класса матричных предикатов (Rosenbaum 1965, Bresnan 1972, Chomsky 1973, Postal 1974, Chomsky 1981, Lasnik and Saito 1991): предикаты контроля, при которых реализуется конструкция с контролем выраженного нулевым местоимением PRO подлежащего инфинитивного оборота со стороны аргумента матричного предиката, ср. (3a), и предикаты подъема, при которых подлежащее инфинитивного оборота подвергается подъему в главную клаузу, оставляя после себя след (3b). При предикатах подъема возможны также конструкции, в которых подлежащее инфинитивного оборота остается *in situ*, однако управляется из главной клаузы — так называемые ECM-конструкции, или конструкции с исключительным падежным маркированием (3c).

- (3) а. Bill persuaded **John_i** [PRO_i to leave].
 б. Bill expected **John_i** [*t_i* to leave].
 в. Bill expected [**John** to leave].

Существует целый ряд диагностик, позволяющих определить, строится ли конкретная синтаксическая конфигурация на основе контроля или подъема / ECM. Наиболее универсальные из них приведены в Таблице 1.

Таблица 1. Диагностики контроля и подъема

	Контроль	Подъем / ЕСМ
Селективные ограничения на соотнесенный аргумент главной клаузы	матричный и вложенный предикат	вложенный предикат
Подлежащно-глагольные идиомы	не допустимы	допустимы
Пассивизация в зависимой клаузе	влияет на условия истинности	не влияет на условия истинности
Сфера действия соотнесенного аргумента	главная клауза	главная и зависимая клауза

Далее в этой работе мы обратимся к проблеме синтаксической интерпретации русских актантных инфинитивных оборотов, соотносимых с дополнением матричного предиката, таких как в примерах (2a-b). Во многих предшествующих работах (см., например, Козинский 1985; Vabby 1998; Lasnik 1998; Stepanov 2007; Летучий 2018) указывается, что эти конфигурации имеют свойства конструкций объектного контроля, то есть имеют синтаксическую структуру (3a). В пользу такого решения говорят различные диагностики. Во-первых, матричный предикат накладывает селективные ограничения на дополнение главной клаузы, ср. *Он вынудил друга / *письмо прийти вовремя*. Во-вторых, немногие имеющиеся в русском языке подлежащно-глагольные идиомы (напр., *жаба душит, крыша едет, головы летят*) не могут быть использованы в таких конфигурациях в своем непрямом (идиоматическом) значении (*Я запрещаю жабке тебя душить* ≠ ‘Я запрещаю тебе жадничать’). Примеры из (Бурукина 2017) с матричными предикатами *помогать* и *мешать* (*Я не помешал чёрной кошке пробежать между ними*) также кажутся нам неидиоматичными. В-третьих, пассивизация в зависимой клаузе оказывает влияние на условия истинности предложения (*Я попросил психиатра обследовать пациента* ≠ *Я попросил пациента быть обследованным психиатром*). В-четвертых, при замене инфинитивного оборота проформой *это* дополнение главной клаузы сохраняется, а значит, не входит в инфинитивный оборот (Летучий 2018): *Врач запретил ему [нырять без очков] ~ Врач запретил ему [это]*.

Единственная диагностика, которая ведет себя противоположным образом и свидетельствует не в пользу объектного контроля, а в пользу подъема, — это сфера действия дополнения матричного предиката. Эти данные мы подробно рассмотрим в следующем разделе.

2. Сфера действия именной группы — адресата в инфинитивных конструкциях с контролем

В работах С. Минора (2008, 2011, 2013) отмечается, что ряд русских матричных предикатов, таких как *велеть*, *приказать*, *посоветовать* и др., допускают интерпретацию дативного дополнения (адресата) в составе инфинитивной клаузы. Вложенная сфера действия адресата демонстрируется С. Минором для следующих типов именных групп: квантифицированные именные группы (4), *нибудь*-местоимения (5) и отрицательные местоимения (6).

(4) Учитель велел **двум мальчикам** сбегать за помощью (2 > велел, велел > 2)

(5) Врач посоветовал **кому-нибудь** сходить за лекарствами (*∃ > посоветовал, посоветовал > ∃)

(6) Петя приказал **никому** сюда не заходить (*ни > приказал, приказал > ни)

Легко видеть, что в примерах (4)-(6) требуется, чтобы именная группа — адресат матричного предиката в начале деривации находился в зависимой клаузе. Действительно, предложение (4) неоднозначно, и при второй интерпретации — *учитель велел, чтобы (какие-то, любые) два мальчика сбегали за помощью* — именная группа *два мальчика* должна оказаться внутри сферы действия модального оператора, связанного с инфинитивным оборотом. *Нибудь*-местоимение, представленное в (5), лицензируется только в антиверидикативном контексте (ср. **Врач посоветовал кому-нибудь отдых*) и, следовательно, грамматичность (5) свидетельствует об исходной позиции адресата в составе зависимой клаузы. Наконец, *ни*-местоимения возможны только в клаузах с сентенциальным отрицанием (ср. **Петя приказал никому зайти*), а значит, в примере (6) местоимение *никому* лицензируется в инфинитивном обороте, содержащем отрицательную частицу *не*.

С. Минор предлагает анализировать рассматриваемые примеры как «смешанные конструкции», где именная группа с вложенной сферой действия возникает и остается в зависимой клаузе, однако управляется предикатом главной клаузы и получает от него падеж и семантическую роль. Таким образом, одна именная группа реализует семантические роли как вложенного, так и матричного предиката, чем и объясняются свойства, характерные для контроля.

Такой анализ обладает определенными недостатками. Во-первых, он требует нестандартного допущения, что тематические отношения могут устанавливаться в нелокальной конфигурации. Во-вторых, как и при любых вариантах анализа контроля через подъем (Hornstein 1999), возникают сложности с интерпретацией частичного и разделенного контроля. Наконец, важнейшая, на наш взгляд, проблема состоит в том, что предлагаемый

анализ не способен ограничить «смешанные конструкции» контекстом матричных предикатов речи.

3. Новые наблюдения

Решение проблемы мы видим в тщательном анализе феномена вложенной сферы действия аргумента матричного предиката и исчисления синтаксических конфигураций, в которых он наблюдается. Важнейшее новое наблюдение состоит в том, что лицензирование отрицательных местоимений и лицензирование прочих феноменов, требующих сферы действия во вложенной клаузе, таких как интенциональная интерпретация квантифицированных именных групп и дизъюнкции и лицензирование *нибудь*-местоимений, происходит в разных синтаксических контекстах. Отрицательные местоимения возможны не только при матричных предикатах речи (7), но и в других конфигурациях с контролем, например, при каузативных предикатах объектного контроля (8) и даже при имплицативных предикатах субъектного контроля (9).

(7) Я **просил** никого (/ *кого-нибудь) не выходить из помещения! [НКРЯ]

(8) Сладким угощением были блины и конфеты, а горячий чай **помог** никому (/ *кому-нибудь) не замерзнуть.

[<https://lianozovo.mos.ru/presscenter/news/detail/2594309.html>]

(9) **Удалось** никому (/ *кому-нибудь) не разболеться.

[nashforum.1bb.ru/viewtopic.php?id=1149&p=3]

С другой стороны, прочие единицы со сферой действия в зависимой клаузе — квантифицированные и дизъюнктивные именные группы и *нибудь*-местоимения — имеют общие условия лицензирования и допустимы в одних и тех же синтаксических контекстах.

(10) Нас двое братьев — я и Густав. <...> Когда отец понял, в какую сторону дует ветер, он приказал **одному из нас** (/ ^{OK}кому-нибудь из нас / ^{OK}мне или Густаву) стать наци. [НКРЯ]

(11) Я попрошу **синьора или синьор** (/ ^{OK}кого-нибудь) вынуть одну из вилок... [НКРЯ]

Легко видеть, что эти контексты ограничиваются инфинитивными конструкциями с предикатами объектного контроля (ср. неграмматичную замену в (9)). Далее, среди матричных предикатов объектного контроля выделяется две семантических группы: предикаты речи (*просить, велеть, приказать, рекомендовать*) и каузативные предикаты (*вынудить, заставить, помочь, помешать*). В (Karttunen 1971: 357) английские аналоги этих предикатов противопоставляются по признаку имплицативности: каузативные предикаты являются имплицативными, то есть имплицитуют истинность (или ложность) ситуации, описываемой зависимой клаузой (ср. *Отец вынудил меня уехать* → *Я уехал*), в то время как предикаты речи

относятся к не-импликативным (из *Отец велел мне уехать* не следует с необходимостью ни *Я уехал*, ни *Я не уехал*). Именно предикаты речи оказываются совместимы с аргументами, имеющими сферу действия в зависимой клаузе; каузативные предикаты не допускают таких аргументов, ср. неграмматичность замены в (8).

Можно сделать и еще более тонкое наблюдение. Среди глаголов речи выделяется семантический класс глаголов, демонстрирующих конативную видовую альтернацию: в форме несовершенного вида они описывают речевое действие, являющееся попыткой каузации, а в форме совершенного вида — успешную каузацию. Это видовые пары *уговаривать* ~ *уговорить*, *упрашивать* ~ *упросить*, *умолять* ~ *умолить*, *соблазнять* ~ *соблазнить* и т.п. (интересно, что такая корреляция вида и импликативности в данном классе глаголов отмечается и для финского языка (Lauranto 2017)). Соответственно, при этих матричных предикатах адресат со сферой действия во вложенной клаузе возможен только в несовершенном виде, ср. (12).

(12) а. Рыжая тенью металась у стен, горьким плачем **умоляя** кого-нибудь помочь ее Мальчику. [НКРЯ]

б. * Она **умолила** кого-нибудь помочь ее Мальчику.

Таким образом, итоговая дистрибуция феноменов вложенной сферы действия аргумента матричного предиката по семантико-синтаксическим контекстам выглядит в соответствии с Таблицей 2.

Таблица 2. Дистрибуция феноменов вложенной сферы действия

	Предикаты объектного контроля			
	Каузативные	Альтернирующие		Речи
		СВ	НСВ	
отрицательные местоимея	+	+	+	+
Прочие феномены:	—	—	+	+
— <i>нибуть-местоимения</i>	—	—	+	+
— <i>квантиф. группы</i>	—	—	+	+
— <i>дизъюнкция</i>	—	—	+	+
Пример	<i>вынудить / вынуждать</i>	<i>уговорить</i>	<i>уговаривать</i>	<i>советовать / посоветовать</i>

Учитывая выявленные нами содержательные обобщения о дистрибуции феноменов вложенной сферы действия, мы можем сформулировать основные положения, которые должны быть имплементированы в анализе. Во-первых, лицензирование отрицательных местоимений и прочих феноменов вложенной сферы действия должно объясняться

независимо друг от друга. Во-вторых, импликативные предикаты и предикаты речи проецируют инфинитивные конструкции с разными синтаксическими свойствами, и из синтаксической репрезентации этих различий должна следовать возможность либо невозможность феноменов вложенной сферы действия. В следующем разделе мы наметим анализ, который удовлетворяет этим требованиям.

4. Проспект анализа

Начнем изложение с анализа отрицательных местоимений, лицензируемых во всех конфигурациях с контролем (примеры (7)-(9)). Мы предполагаем, что отрицательные местоимения в этих контекстах представляют собой отрицательные плавающие кванторы, относящиеся к PRO инфинитивного оборота; PRO, в свою очередь, контролируется имплицитным аргументом в главной клаузе. Отрицательные плавающие кванторы ведут себя сходным образом с другими плавающими кванторами, такими как *сам, один, оба, каждый, все*, в отношении дистрибуции и падежных характеристик. Таким образом, предложению (6) мы сопоставляем структуру (13):

(13) Петя приказал *pro_i* [ср PRO_i никому_i сюда не заходить].

В пользу этого анализа говорят следующие факты. Во-первых, только такие отрицательные местоимения, которые могут выступать как плавающие, допустимы в инфинитивных конструкциях с контролем, ср. (14)-(15).

(14) Мы никто (/^{OK}ни один /*никакой ребенок) не заразились больше, а сколько людей умерло, Павличек, если б ты знал! [НКРЯ]

(15) Горячий чай помог никому (/^{OK}ни одному из нас /*никакому ребенку) не заболеть.

Во-вторых, падежные характеристики отрицательных местоимений в этих контекстах аналогичны таковым у плавающих определителей (Babby 1998): допустим либо приинфинитивный датив, либо падеж контролера, ср. (16)-(17).

(16) Из возраста девочки давно выросла, поэтому прошу *pro_i* — [PRO_i никому_i не провожать меня. [НКРЯ]

(17) Председатель попросил *pro_i* [PRO_i никого_i не обижаться]... [НКРЯ]

В-третьих, инфинитивный оборот образует составляющую, включающую отрицательное местоимение, что видно, например, при сочинении (18).

(18) Председатель велел *pro_i* [PRO_i запереть дверь] и [PRO_i никому_i не выходить].

Наконец, спорадически встречаются конструкции с фонологически выраженным адресатом в главной клаузе и отрицательным местоимением в инфинитивном обороте, такие как (19):

(19) Председатель велел нам_i [PRO_i никому_i не вставать].

Таким образом, отрицательные местоимения в конструкциях с контролем возможны всегда, когда инфинитивный оборот содержит отрицание; если аргумент матричного предиката при этом выражен нулевым анафорическим местоимением (*pro*), а падеж плавающего квантора совпадает с падежом нулевого аргумента в главной клаузе, создается видимость лицензирования отрицательного местоимения в позиции аргумента главной клаузы. В действительности, однако, отрицательное местоимение находится в инфинитивном обороте и лицензируется стандартным образом.

Иначе устроено лицензирование прочих феноменов вложенной сферы действия — *нибудь*-местоимений, квантифицированных и дизъюнктивных именных групп. Конфигурации, в которых они возможны, ограничиваются не-имплицитивными глаголами речи. Важнейшее наблюдение, на котором основывается наш анализ, состоит в том, что такие же семантические отношения между адресатом речи и содержанием речи обнаруживаются в императивных конструкциях с неопределенными вокативами — именными группами, используемыми как обращения, ср. (20).

(20) а. Врача! **Кто-нибудь**, вызовите «Скорую помощь»! [НКРЯ]

б. Эй, **Веков или кто-нибудь**, позвоните, пусть мне принесут сельтерской! [НКРЯ]

с. **Кто-нибудь**, да помогите уже ему!

[<https://pikabu.ru/profile/ilitp?scrollto=first&f=rating&page=15>]

Находясь вне императивной клаузы (что видно по просодической границе между обращением и императивом, а также по позиции императивных частиц, ср. (Aikhenvald 2010), (Espinal 2013)), неопределенные вокативы, тем не менее, находятся в сфере действия модальности императива; более того, неопределенные вокативы лицензируются только в контексте императивов и гортативов.

(21) **Кто-нибудь!** Давайте поговорим! Не дайте мне деградировать!

[http://www.liveinternet.ru/community/devka_c_palkoi/post5997233/]

Наш анализ опирается на указанную общность между императивными конструкциями и инфинитивными конструкциями с глаголами речи. Мы предполагаем, что прямые юссивные конструкции (императивы) и косвенные юссивные конструкции (вложенные инфинитивы с глаголами речи, директивы) обладают общими структурными характеристиками. Опираясь на многочисленные работы последних лет, посвященные синтаксической репрезентации прагматических характеристик высказывания (Speas and Tenny 2003; Hill 2007, 2014; Haegeman and Hill 2013), мы считаем, что основные параметры речевого акта, включающие роли Говорящего и Адресата, кодируются в синтаксисе в виде прагматических проекций (saP

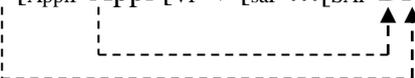
/ SAP) на левой периферии клаузы. Эти проекции присутствуют в независимом предложении, а также в некоторых косвенных речевых актах, и в частности, в инфинитивных конструкциях с глаголами речи. В инфинитивных конструкциях с каузативными предикатами эти проекции отсутствуют, вследствие чего они ведут себя отлично от конструкций с глаголами речи в отношении лицензирования феноменов вложенной сферы действия.

Лицензирование неопределенных вокативов и адресатов с вложенной сферой действия мы представляем себе следующим образом. В соответствии с анализом, предложенным в (Zanutini 2008; Zanutini, Pak and Portner 2012; Alcázar and Saltarelli 2014), мы рассматриваем императивы как расширенные глагольные проекции, вложенные под юссивную вершину, которая кодирует модальность, связанную с императивами, гортативами или промиссивами. Подлежащие императивов порождаются внутри глагольной области, как и обычные декларативные подлежащие; однако, в отличие от обычных подлежащих, они могут подниматься выше, в позицию Адресата речевого акта (Spec, SAP), за счет чего возникает возможность лицензирования неопределенных вокативов, находящихся в сфере действия императивной модальности (см. (22)).

(22) [_{saP} ... [_{SAP} Addressee_i [_{ForceP} JUSSIVE ... [_{VP} Performer_i v [_{VP} ...]]]]]]

Глаголы речи принимают структуру (22) в качестве клаузного компонента, образуя директивную конструкцию. Отличия во внутренней структуре между императивной и директивной конструкцией состоят в том, что императивы лицензируют номинатив подлежащего, в то время как директивы не способны приписать собственному подлежащему падеж. Соответственно, фонологически выраженное подлежащее инфинитивной клаузы может лицензироваться только функциональной структурой главной клаузы; при этом, однако, дополнение-адресат в главной клаузе должно быть имплицитным аргументом, поскольку в противном случае падежный потенциал функциональных вершин будет израсходован на него. Таким образом, лицензирование феноменов вложенной сферы действия в директивной конструкции происходит тогда, когда квантифицированная или дизъюнктивная именная группа, или *нибудь*-местоимение является подлежащим директивной конструкции и поднимается в позицию Адресата. Соответствующая структура представлена в (23).

(23) [_{VP} v [_{AppIP} AppI [_{VP} V [_{saP} ... [_{SAP} DP_i [_{ForceP} JUSSIVE ... [_{VP} DP_i v [_{VP} ...]]]]]]]]]]

Альтернативная структура (24) возникает, если подлежащее директивной конструкции выражено нулевым местоимением PRO, связанным логофорическим контролем (Landau 2015) с дополнением-адресатом в главной клаузе; в этом случае дополнение может быть

фонологически выражено и всегда имеет широкую сферу действия по отношению к директивной модальности.

(24) [_{VP} v [_{AppIP} (DP_i) Appl [_{VP} (DP_i) V [_{saP} ... [_{ForceP} JUSSIVE ... [_{VP} PRO_i v [_{VP} ...]]]]]]]

Таким образом, намеченный нами анализ учитывает как отличия в способах лицензирования отрицательных местоимений и прочих феноменов вложенной сферы действия, так и отличия в структурных характеристиках инфинитивных актантов предикатов речи и других матричных предикатов. Важной особенностью анализа, позволяющей объяснить синтаксические свойства конструкций с предикатами речи, является допущение о синтаксической репрезентации параметров речевого акта. Это позволяет связать семантический класс матричного предиката со структурными характеристиками директивной конструкции.

Особый интерес представляет обнаруженная нами связь между имплицативностью и недопустимостью феноменов вложенной сферы действия, в том числе и у глаголов речи с конативной альтернативой. Мы предполагаем, что имплицативность исключает выражение каузируемого имплицитным аргументом, вследствие чего структура (23) оказывается нереализуемой не только при глаголах каузации, не подразумевающих функциональных проекций речевого акта, но и при глаголах речи.

Список литературы

- Бурукина И. С. (2017): О возможности подъема подлежащего в русском языке. Типология морфосинтаксических параметров. Материалы конференции «Типология морфосинтаксических параметров 2017». Под ред. Е.А. Лютиковой, А.В. Циммерлинга. М.: Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, 34–44.
- Козинский И.Ш. (1985): Коррелятивные связи инфинитивных оборотов в русском языке. Типология конструкций с предикатными актантами. Под ред. В.С. Храковского. Л.: Наука, 112–116.
- Летучий А.Б. (2018): Подъем и смежные явления в русском языке (преимущественно на материале интерпретации местоимений). Рукопись.
- Минор С.А. (2008): Типология подъема аргумента в конструкциях с сентенциальными актантами. Дис. ... канд. филол. наук. М.: МГУ.
- Национальный корпус русского языка [НКРЯ]. Интернет-ресурс. URL: www.ruscorpora.ru, (дата обращения: 14.08.2018).

References

- Aikhenvald, A. (2010): Imperatives and commands. Oxford: Oxford University Press.
- Alcázar, A., Saltarelli, M. (2014): The syntax of imperatives. Cambridge: Cambridge University Press.
- Babby, L. (1998): Subject control as direct predication. *Formal Approaches to Slavic Linguistics: the Connecticut Meeting*, ed. by Ž. Bošković, S. Franks and W. Snyder. Ann Arbor: Michigan Slavic Publications, 17–37.
- Bresnan, J. (1972): Theory of Complementation in English Syntax. Doctoral dissertation, MIT.
- Chomsky, N. (1973): Conditions on transformations. *A Festschrift for Morris Halle*, ed. by S. Anderson and P. Kiparsky. New York: Holt, Reinhart and Winston, 232–286.
- Chomsky, N. (1981): Lectures on government and binding. Dordrecht: Foris.
- Espinal, T. (2013): On the Structure of Vocatives. *Vocative!: Addressing between System and Performance*, ed. by B. Sonnenhauser and P. Noel Aziz Hanna. De Gruyter Mouton, 109–133.
- Haegeman, L., Hill, V. (2013): The syntactization of discourse. *Syntax and its limits*, ed. by R. Folli, C. Sevdali and R. Truswell. Oxford: Oxford University Press, 370–390.
- Hill, V. (2007): Vocatives and the Pragmatics–syntax Interface. *Lingua*, 117, 2077–2105.
- Hill, V. (2014): Vocatives: How Syntax Meets with Pragmatics. Leiden, Boston: Brill
- Hornstein, N. (1999): Movement and Control. *Linguistic Inquiry*, 30: 69–96.
- Karttunen, L. (1971): Implicative verbs. *Language*, 47, 340–358.
- Landau, I. (2015): A two-tiered theory of control. Cambridge (Mass.): MIT Press
- Lasnik, H. (1998): Exceptional case marking: Perspectives old and new. *Formal Approaches to Slavic Linguistics: The Connecticut Meeting 1997*, ed. by Ž. Bošković, S. Franks and W. Snyder. Ann Arbor: Michigan Slavic Publications, 187–211.
- Lasnik, H., Saito, M. (1991): On the subject of infinitives. *Papers from the 27th Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society*, ed. by L. Dobrin, L. Nichols and R. Rodriguez. Chicago: Chicago Linguistic Society, 324–343.
- Lauranto, Y. (2017): The projected directive construction and object case marking in Finnish. *Eesti-ja soome-ugri keeleteaduse ajakiri*, 8(2), 155–190.
- Minor, S. (2011): Control and ECM combined: An unusual control pattern in Russian. Paper presented at CASTL Colloquium (Nov. 2011).
- Minor, S. (2013): Controlling the Hidden Restrictor: A Puzzle with Control in Russian. *Proceedings of the 42nd Meeting of the North East Linguistic Society (NELS 42)*, ed. by S. Keine and S. Sloggett. Oxford: Oxford University Press,
- Postal, P. (1974): On Raising. Cambridge (Mass.): MIT Press.

Rosenbaum, P. (1965): The grammar of English predicate complement constructions. Doctoral diss., MIT.

Speas, P., Tenny, C. (2003): Configurational properties of point of view roles. *Asymmetry in grammar*, vol. I: Syntax and semantics, ed. by A. Di Sciullo. Amsterdam: Benjamins, 315–345.

Stepanov, A. (2007): On the Absence of Long-Distance A-Movement in Russian. *Journal of Slavic Linguistics*, 15(1), 81–108.

Zanuttini, R. (2008): Encoding the addressee in the syntax: Evidence from English imperative subjects. *Natural Language and Linguistic Theory*, 26, 185–218.

Zanuttini, R., Pak, M., Portner, P. (2012): A syntactic analysis of interpretive restrictions on imperative, promissive, and exhortative subjects. *Natural Language and Linguistic Theory*, 30, 1231–1274.

**МАКРОКОНЦЕПТ «РОД, СЕМЬЯ»
В РУССКОЙ ПАРЕМИЙНОЙ КАРТИНЕ МИРА**

*Марфина Жанна Викторовна
Луганский национальный аграрный университет, Украина
lib_inpu@ukr.net*

**MACROCONCEPT «GENUS, FAMILY»
IN THE RUSSIAN PAREMIC PICTURE OF THE WORLD**

*Marfina Zhanna Viktorovna
Lugansk National Agricultural University, Ukraine*

АННОТАЦИЯ

В статье представлена методика лингвокультурологического и лингвокогнитивного анализа фразеопаремийных текстов, предопределяющая установление концептуальных цепочек как семантических звеньев воплощения смыслов, восходящих к макроконцепту «Род / семья». Таким образом, предложено устанавливать фреймовые структуры и сценарии развития процесса познания микроколлективами – семьями, родами – социальных ценностей бытия. Вербализаторы макроконцепта «Род / семья» соотнесены с внутренней семантикой названий артефактов, эмоций, оценок, тактильных и психологических ощущений. Учтены связи концептуальных цепочек с базовыми концептуальными оппозициями «добро – зло», «свой – чужой». В представленном материале отражены архетипичные, сакрализованные и общечеловеческие ценностно-аксиологические координаты оценки роли семьи в жизни сообществ, в частности русского.

ABSTRACT

The technique of the linguoculturologica and linguocognitive analysis of phraseoparemic texts predetermining establishment of conceptual chains as semantic links of the embodiment of the meanings which are going back to the macroconcept "Genus/ family" is presented in this article. Thus it is offered to establish frame structures and scenarios of development for process of cognition by microcollectives – families, clans– the social values of existence. Verbalizes of the macroconcept "Genus / family" are correlated with internal semantics of names of artifacts, emotions, assessment, tactile and psychological feelings. The connections of conceptual chains with basic conceptual oppositions "good – the evil", "your own-someone else's are considered. In the presented material archetypic, sacralized and universal human value -axiological coordinates of assessment of a role of family are reflected in life of communities, in particular Russian.

Ключевые слова: фразеопаремийная картина мира, концептосфера, макроконцепт, концептуальная цепочка, сема, концептуальная оппозиция, фразема, паремия.

Keywords: phraseoparamia picture of the world, sphere of concepts, macroconcept, conceptual chain, seme, conceptual opposition, phrazema, paremia.

В последнее время лингвисты все чаще обращаются к вопросам моделирования фрагментов языковой картины мира. Его неотъемлемой составляющей является фразеопаремийный комплекс национального языка, т. е. система фразеологизмов и паремий как стабильных, стереотипных выражений, «образов ситуаций», предложений, умозаключений, которые не всегда легко дифференцируются, а кроме того, образуют близкие по структуре и содержанию тематические группы. Именно этот комплекс микротекстов наиболее четко представляет информацию о традиционных ценностях, взглядах, культурных стереотипах народа, национальном менталитете, национально-языковых особенностях и пр. (Колоиз, Малюга, Шарманова 2014: 337), об образе мышления, жизненных и морально-нравственных установках того или иного народа, особенностях формирования и развития его культуры. Это, как известно, обусловлено спецификой *фразеологических* единиц, которые, по утверждению ученых, представляют «наиболее конденсированное выражение в языке ее национально-культурного компонента, а, следовательно, их анализ под углом выражения ими языковой картины мира дает возможность проследить взаимосвязь языка, мировоззрения и ментальности нации» (Демьяненко 2011: 252). Важным является и то, что «система ценностей в *паремиях* предстает как объемное, беспристрастное восприятие мира взаимоотношений и предпочтений, сложившихся в ходе развития общества. В этом плане требует определенного акцентирования тот факт, что ценностные представления отбираются таким образом, что несколько столетий, а может быть и тысячелетий, они не меняют своей значимости и оценки. Во многих случаях система ценностей, отраженных в паремиях, относится к прошлому времени, но значима в аспекте настоящего и будущего как непреходящая константа» (Балова, Кремшакалова 2011).

Фразеопаремийные тексты – это целостные лексико-грамматические комплексы, содержание которых предопределено конфигурацией семантики каждой из составляющих. Тексты такого рода отражают сгустки умозаключений, суждений, оценок, взглядов различных поколений, их базовой средой формирования являлся сельский быт, деятельность в котором предопределена родоцентрическими отношениями и акциями, направленными на его сохранение, продолжение, расширение и т. под. Соответственно система базовых смыслов жизнедеятельности – повседневной и ритуально-обрядовой – откладывалась и сформировала в концептуальной и соответственно языковой картинах мира отдельный сегмент – концептосферу «**Род / семья**». Данная концептосфера вербализируется в названиях родства, во фразеологизмах, паремиях, загадках, повседневных метафорах, символах, народнопесенных текстах, в повседневных дискурсивных практиках (быт, политика, реклама).

Стоит подчеркнуть, что концептосфера «Род / семья» как одна из универсальных реализована в любой языковой картине мира. Вопреки различиям в отношении к институту семьи, семейным и родственным ценностям, существующим в культурах разных народов, указанная концептосфера сохраняет свои ключевые позиции практически во всех языках мира. Она сформировалась как сегмент повседневного языкового сознания и широко представлена в частности в русской фразеопаремийной картине мира, тексты которой интерпретируют, формируют вербальное выражение стержневых макроконцептов *род / семья*, отражают архаичное и актуальное в лингвокультурном, социокультурном наполнении вербализаторов понятия «род / семья» – названий различных степеней родства.

Именно лингвокультурологическое содержание фразем и паремий указанной концептосферы рассматривали в своих работах Н. Ф. Алефиренко, В. М. Мокиенко, Н. И. Мазай С. А. Кошарная, Т. Е. Владимировоа, А. Ш. Василова, Т. Р. Аникеева и др. Заслуживают внимания и многочисленные исследования, посвященные анализу, в т. ч. и сопоставительному, реализаций макроконцептов *род / семья* во фразеопаремийных картинах мира различных языков мира (В. Д. Ужченко, В. И. Кононенко, Ю. С. Макарец, О. М. Слипчук – украинского; Е. Ю. Бабина, Р. В. Саттарова – английского; Г. А. Гуняшова – немецкого; Л. В. Борисова – чувашского; Р. Д. Шамилева – чеченского; А. С. Головин – русского, английского, немецкого, З. А. Бигдакирова – татарского, турецкого, английского; С. М. Адамова – английского, лакского; Т. А. Шайхуллин – арабского, русского; Н. К. Гаспарян – русского, армянского; А. С. Ким – русского, корейского и пр.).

Все исследователи, которые обращались к изучению макроконцепта «Род / семья» в различных национально-культурных реализациях, отмечали, что его наиболее полное и концентрированное воплощение, значимость для повседневного языкового сознания, ценностно-аксиологическое содержание отражает фразеопаремийная картина мира. В русской лингвокультуре анализируемый макроконцепт занимает одно из центральных мест, что обусловлено, по мнению Е. В. Добровольской, его этнокультурным содержанием. Последнее предопределено стереотипами сознания, ценностными ориентирами, а также тем, что и «в обыденном сознании современных носителей русской этнокультуры обладает положительной эмотивно-оценочной коннотацией и метафоричностью, характеризуется возрастной дифференциацией» (Добровольская 2005: 13).

Актуальность нашего исследования обусловлена лингвокультурологическим подходом к русским фразеопаремийным текстам, содержащим вербализаторы макроконцептов *род / семья*, т. е. установлением ценностно-смыслового наполнения моделей семантизации человеческих отношений, воплощаемых во фраземах и паремиях.

Новизна исследования состоит в обосновании методики лингвокультурологического анализа фразеопаремийных текстов. Ее суть состоит в том, чтобы из опорных составляющих высказывания смоделировать его семантическую структуру, которая формируется как концептуальная цепочка / пара, выделяемая из фразеопаремийных текстов с помощью следующих знаков: {}. Это позволяет показать определенные сценарии – конфигурации моделей семантизации макроконцептов род / семья, концептуальную, лингвокогнитивную связь названий родства с другими элементами языковой картины мира. Выделенные в квадратных скобках семы ([]) очерчивают семантический сектор, предопределяющий направление (\leftarrow ; \rightarrow ; \leftrightarrow ; $=$; \neq) семантизации концептов *род*, *семья* с другими элементами концептуальной картины мира, указывают на дополнительные смыслы, извлекаемые из тех или иных отождествлений. Отождествление семантики показываем с помощью (:). Такой подход, по нашему мнению, позволяет установить типы семантического сопоставления названий родства с другими понятиями, а также фреймы, обусловленные ходом познавательно-отождествительного процесса представления знания о роде и семье в русской народной культуре.

Основная цель данной работы – на примере исследования конфигураций моделей семантизации макроконцептов род / семья отработать модель лингвокультурологического анализа фразеопаремийных текстов.

Макроконцепт «Род / семья» в русской фразеопаремийной картине мира реализуется во фразеопаремийных текстах в нескольких типах концептуальных цепочек.

Одна из них {**род** \leftarrow [*написано*] \leftarrow **судьба**}: *Кому что на роду написано* (написано = ‘предопределено’, ‘дано’). Такая концепция рода / семьи связана с архетипической сакрализацией доли / судьбы, которая переходит из поколения в поколение, дается свыше, которую невозможно предугадать и которая является воплощением архетипа «Книги Жизни».

Известно, что в основе фразеопаремийных образов нередко лежит сравнение, отождествление. Что касается макроконцепта «Род / семья», то концептуальная цепочка {**человек** \rightarrow **семья** = **завязь, плод, корни** \rightarrow **дерево**} репрезентирует архетипическое представление о Мировом Дереве, роде-Дереве, Вечном Дереве Жизни (Юнг 1991): *Человек без семьи, что дерево без плодов; Дерево держится корнями, а человек семьей*. В такой семантической взаимосвязи «человек – дерево», «семья – это мир растений» обобщается роль природной символики в самопознании, растительный мир становится эталоном жизненной силы, крепости души. Сравнение человека с растением приводил еще Аристотель, который говорил, что всему, что живет и обладает душой, необходимо иметь растительную душу от

рождения и до смерти, чтобы родившееся росло, достигало зрелости и приходило в упадок (Аристотель 1978: 445).

В связи с этим вызывает интерес и точка зрения С. А. Кошарной, которая утверждает, что *род* ассоциируется с корнем родового (генеалогического) дерева, что мотивирует, по мнению ученой, трактовку фразеологизмов типа *Без роду-племени*, *Ни роду – ни племени*, как «‘ни начала, ни продолжения’ = ‘ни корня, ни плодов’» (Кошарная 2018: 378). Учитывая такую интерпретацию, составленная выше концептуальная цепочка может быть интерпретирована как: {человек → род / семья ← [начало] → завязь, плод, корни → дерево}. Ср. также: *Каков род, таков и приплод*.

Таким образом, одной из центральных сем макроконцепта «Род, семья» является сема ‘жизнь’. Наиболее четко, вне метафорического отождествления, она проявляется в таких русских фразеопаремийных текстах, где метонимическое словоупотребление вербализирует оппозитивную семантику – ‘смерть’, например: {человек → род / семья ← [цвет: жизнь : вода] → земля}: *Земля без воды мертва, человек без семьи – пустоцвет*.

Паремия *Род в род идет* отражает концепт единства, единоначалия: {...[начало] ← род / семья ← [начало] ← род / семья ← [начало]...}. Его метафорическое воплощение – кулак, как вот: {род / семья ↔ [кулак] = [единство]}: *Кто родом кулак, тому не разогнуться в ладонь*.

Некий эталон образа семьи (дружной, теплой, сытой и т. под.), которая каждый раз является основой продолжения рода, является ориентиром для некоего «выбора», в частности – жены, например ({семья ← [жена] ← семья}): *Гляди семью, откуда берешь жену*.

В русских фразеопаремийных текстах вербализированы базовые оппозитивные концепты лингвокультуры «добро – зло». Как ценностно-духовные составляющие, они также воплощены в вербализаторах макроконцепта «Род / семья».

Причинно-следственные социальные и вещественные отношения в семье отражает концептуальная цепочка {большая семья ≠ маленький горшок}, как вот: *Семья большая – горшок маленький*. Она воплощает особенности крестьянского уклада жизни до начала XX в. (возможно, и его первых десятилетий, отмеченных бедствием) – большое количество совместно проживающих членов семьи, невозможность обеспечения сытости. В русской культуре горшок традиционно выступал символом сытости и достатка, а в пословичной картине мира актуализирует и значение ‘единение в сытости’: *Горшок на всю семью большой*. Т.е. идеальным воплощением семы ‘единство’ является концептуальная цепочка: {семья ↔ [единство] ↔ горшок}. Употребление пищи – основа жизни, одна из ключевых потребностей человека: *Не велика семья, а все едоки* ({семья = едоки}).

Во фрагменте русской фразеопаремийной картины мира встречаем еще один этнокультурный символ – печь, которая являлась мифологизированным предметом обихода крестьянской семьи, сакральным центром дома. Это обуславливает ассоциативную связь печи с семьей в паремии *Семья – печка: как холодно, все к ней собираются* ({**семья** ↔ [единство : тепло] ↔ **печь**}).

Сему ‘вместе; единение’ воплощают артефакты *крыша, куча* (*Семья сильна, когда над ней крыша одна; Семья в куче, не страшна и туча*), названия еды, продуктов (*Семьей и горох молотят; В семье и каша гуще*), позитивных эмоций – радость, душевное спокойствие (*Дружная семья не знает печали; В семье разлад, так и дому не рад; Вся семья вместе, так и душа на месте*). Таким образом, и предметные, и эмоциональные концепты воплощают сему единства в семье.

По нашим наблюдениям, русские пословицы-максимы через причинно-следственную синтаксическую семантику воплощают определенные идеалы, например, лада (порядка) в семье, т. е. ‘упорядоченности, порядка, согласия’. Подобная семантика в русской фразеопаремийной картине мира разворачивается в концептуальных цепочках, где есть промежуточные оценочные семы, ср.: {**семья** ← [богатство] → **согласие**}: *Согласие в семье – богатство; Согласие да лад – в семье клад; На что и клад, коли в семье лад; {семья ← [крепость] → лад}: Семья крепка ладом; {семья ← [лад, согласие] → счастье, добро}: Согласную семью и горе не берет; В семью, где лад, счастье дорогу не забывает; В семье, где нет согласия, добра не бывает. Высокую степень оценки счастливой семьи передает глагол *дорожить* (концептуальная цепочка {**семья** → [дорожить, беречь] → **счастье**}: *Семьей дорожить – счастливым быть*). Во фразеопаремийных текстах *дружная семья* ассоциативно связана с понятиями *добро, радость*. Ей противопоставляется *недружная семья*, ассоциативно соотносимая с *холодом, печалью, горем* и пр. {**семья** ← [тепло] → **добро, дружба**}. Сравним: *В недружной семье добра не бывает // В дружной семье и в холод тепло*. Примечательно, что паремий с неодобрительной семантикой, проецированной на понятие ‘недружная семья’, ‘недружественные отношения’, в русской паремийной картине мира значительно меньше. Сема ‘взаимопомощь’ воплощена и в близких к книжным сентенциям, как вот: *Семье, где помогают друг другу, беды не страшны* ({**семья** → [радость] ← **помощь**}).*

Паремия *Ссора в своей семье – до первого взгляда* актуализирует особенности внутрисемейных взаимоотношений и подчеркивает незлобливость, отходчивость русского характера.

В различных вербальных знаках концептуализирована семантика дружной семьи. Следует отметить распространенность метафорической модели «Семья – это дом (жилое

здание)» и в других национальных культурах. В русской фразеопаремийной картине мира эта модель номинируется образами *дом, изба, опора* (*Семья – опора счастья; Когда нет семьи, так и дома нет*) – концептуальная цепочка {[счастье] → дом = семья = опора ← [счастье]}.

В русской повседневно-бытовой лингвокультуре семья противопоставлена одиночеству ({один ≠ семья}). Данная оппозиция актуализирована в паремиях с вербальными компонентами *петь – горевать*, напр.: *Семья поет, а одинокий горюет*. Отличительной особенностью русского фразеопаремийного фонда с макроконцептом «Род / семья» является сформированность ироничных текстов, в которых обыгрывается одиночество, отождествленное с незатейливыми лаптями: *Только и родни, что лапти одни*.

Базовая оппозиция «Свой – чужой» также реализована во фразеопаремийной семантике: *В своей семье какой расчет*. Вспомогательными номинациями для их вербализации является артефактная метафора «семья – дом»: *Своя себе семейка – свой порог*. Интимизированность оценочной семантики ('свой') поддерживает сема позитивного восприятия семьи: *В своей семье всяк сам большой*.

Постоянными ассоциатами нуклеарной семьи являются *дед-прадед, отец* (концептуальная цепочка в русских паремиях – {прадед-дед, отцы → [жить : пить : есть] → семья = [традиция]}): *Наши деды живали, да мед пивали, а мы живем – ни едим, ни пьем; Прадеды ели просто, да жили лет до ста; Деды наши ели просто, да лет со сто, а мы пятьдесят, да и то на собачью стать; Жили деды так, и мы поживем; Как отцы и деды, так и мы; Так жили деды да прадеды, так и нам жить велели*.

В паремиях отображено особое отношение в русской семье к детям (концептуальная цепочка {дети → [радость: цветы] → семья}): *Семья без детей, что цветок без запаха; В хорошей семье хорошие дети растут*.

Особенностью традиционной русской культуры семейных отношений является активное участие семьи в жизни ее членов. Значимость института семьи для русского человека, ее воспитательная и направляющая роль представлены в паремии *Семья дает человеку путевку в жизнь*.

В русском фразеопаремийном фонде макроконцепты «Род / семья» также воплощены в текстах, характеризующих индивидуальные – негативные – черты членов семейства: *В семье не без урода*.

Таким образом, макроконцепт «Род / семья» в исследуемом материале проявляет сложную систему семантических связей, отражающую парадигмы взаимодействия концептов общечеловеческой культуры быта, мировосприятия, оценки окружения.

Анализ полученных моделей позволил установить типы семантического сопоставления названий родства с другими понятиями, а также фреймы, обусловленные ходом познавательно-отождествительного процесса представления знания о роде и семье в русской народной культуре.

Список литературы

Аристотель (1978): О душе.

URL:<https://www.litmir.me/br/?b=159356&p=1> (дата обращения: 01.05.18)

Балова И., Кремшокалова М. (2011): Паремии как форма синтеза смысловых миров русской и кавказских культур, Научное общество кавказоведов.

URL: <http://www.kavkazoved.info/news/2011/10/28/paremii-kak-forma-sinteza-smyslovyh-mirov-russkoj-i-kavkazskih-kultur.html> (дата обращения: 01.06.18)

Дем'яненко Н. Б. (2011): Картина світу у польських фразеологізмах, Мовні і концептуальні картини світу, Київ, 36, 250 – 255.

Добровольская Е. В. (2005): Концептуализация семьи в русской языковой картине мира, Автореферат дисс... канд. филол. наук

URL: <http://sun.tsu.ru/mminfo/0200-67460/020067460.pdf> 2005 (дата обращения: 09.06.18)

Колоїз Ж. В., Малюга Н. М., Шарманова Н. М. (2014): Українська пареміологія. Кривий Ріг: КПІ ДВНЗ «КНУ».

Кошарная С. А. (2018): Фразеология как архив и средство трансляции мифологических представлений народа, Полипарадигмальные контексты фразеологии в XXI веке : Материалы международной научной конференции, Тула: Тульское производственное полиграфическое объединение, 376 – 380.

Юнг К. Г. (1991): Архетип и символ. Москва.

ОСОБЕННОСТИ АССОЦИАТИВНОГО ПОЛЯ «УДИВЛЕНИЕ» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА)

Мисисян Серине Седраковна
Российско-Армянский университет, Армения
serine.misisyan@rau.am

FEATURES OF THE ASSOCIATIVE FIELD "SURPRISE" IN RUSSIAN LANGUAGE (ON THE MATERIAL OF THE ASSOCIATIVE EXPERIMENT)

Misisyan Serine Sedrak
Russian-Armenian University, Armenia

АННОТАЦИЯ

Настоящая статья посвящена анализу результатов исследования, проведенного с использованием одного из наиболее популярных и эффективных методов изучения ассоциативного значения - ассоциативного эксперимента. Проведенный цепной ассоциативный эксперимент позволил классифицировать реакции респондентов на основе семантического признака, а также выявить особенности функционирования языкового сознания носителей русского языка.

ABSTRACT

The article is devoted to the analysis of the results of a study conducted using one of the most popular and effective methods of studying associative meaning - associative experiment. The conducted chain associative experiment made it possible to classify the responses of respondents on the basis of a semantic feature, as well as to reveal the features of the functioning of the linguistic consciousness of native speakers of the Russian language.

Ключевые слова: семантика, удивление, ассоциативный эксперимент

Keywords: semantics, surprise, associative experiment

Лингвистическая наука, как и любая другая развивающаяся область научных исследований, характеризуется процессом смен исследовательских парадигм, что предполагает постоянный поиск действенных методов исследования. В антропоцентрической парадигме современной лингвистики центральное место занимают проблемы изучения языкового сознания и языковой картины мира. В этой связи тема настоящего исследования представляется весьма актуальной.

На сегодняшний день одним из наиболее популярных методов исследования языкового сознания считается психолингвистический эксперимент, основывающийся на понятиях ассоциации и ассоциативного значения слова – ключевых понятиях при исследовании ассоциативных полей.

Отметим, что классификационные основы ассоциаций по параметру синтагматики/парадигматики были заложены еще в «ассоциативных» концепциях Ф. Соссюра и А.Н. Крушевского. Привлекают внимание в аспекте проблематики нашего исследования также работы Н.В.Уфимцевой, А.П. Бабушкина, Е.И. Горошко, Г.А. Мартиновича, Ч. Осгуда А. П. Клименко, Дж. Миллера, А.Р. Лурия, Л. Маршаловой, А.А. Залевской и других.

Перечисленные исследования внесли серьезный вклад в развитие теории ассоциативного поля, однако по-прежнему актуальной является проблема классификации ассоциаций с точки зрения их временной обусловленности.

Материал, полученный в результате нашего ассоциативного эксперимента позволяет разделить реакции на основе формального и семантического принципов – с учетом того, что цепной ассоциативный эксперимент, не ограничивающий респондентов в выборе реакций, не дает возможности распределить все полученные ответы по двум вышеперечисленным категориям, а также с учетом тематики и задач данного диссертационного исследования, считаем целесообразным остановиться более подробно на семантической классификации.

Отметим, что при классификации нами не учитывались реакции, относящиеся к категории неадекватных. К их числу мы отнесли ответы типа «реакция нулевая», «нет реакции», «никакая», «не знаю», ответы, данные на английском языке («Pokerface», «Surprise reaction», «Positiveness», «Fulfillment», «Vision», «Energy», «Beauty», «Life», «Nothing»), а также 7 случаев полного совпадения стимула и реакции. В общей сложности нами были выявлены 174 адекватные реакции, которые были разделены по принципу узуальности и окказиональности.

Для разделения полученных в ходе эксперимента реакций на семантические группы воспользуемся классификацией, предложенной Ж.А. Джамбаевой (Джамбаева 2013: 17-21).

Согласно вышеупомянутой классификации, выделяются три типа реакций: реакции как семантические множители, реакции с эмоционально-оценочной коннотацией, реакции, отражающие сферу функционирования объектов.

Взяв за основу работу Ж.А. Джамбаевой, мы модифицировали классификацию, разделив реакции на следующие группы:

1) *Реакции как семантические множители*, позволяющие установить наличие общих семантических компонентов между стимулом и реакцией и отражающие *понятийный компонент* любого концепта или его понятийную составляющую.

Сюда мы отнесли реакции типа «изумление», «недоумение», «эмоция» и т. д.

2) *Реакции, обозначающие каузатор эмоции удивления.*

Наличие в ответах респондентов подобных реакций обусловлено их представлениями о переживании обманутого вероятностного прогноза. В числе реакций, обозначающих каузатор

эмоции удивления, отметим следующие: «неожиданность», «необычайность», «сюрприз», «диво», «чудо», «внезапность», «необычное», «новое», «неизведанное», «дивное» и др.

3) *Реакции с эмоционально-оценочной коннотацией*, в которых выражено отношение информантов к предъявленному стимулу.

Установлено, что каждый стимул включает в себя, помимо смыслового содержания, еще и *оценку*, которая, в свою очередь, содержит *эмоцию* – «субъективно-оценочное отношение индивида к определенному предмету или явлению» и *чувства* – «эмоциональное состояние, равное совокупности X числа эмоций, переживаемых индивидом некоторое время, т. е. характеризующееся продолжительностью и направленностью на конкретный предмет» (Джамбаева 2013: 33). В данный тип реакций вошли *оценочные* или *аксиологические стереотипы*, т. е. слова, обозначающие стандартный набор признаков, которые, по представлениям человека или целого социума, должны быть присущи познаваемой действительности (понятию-концепту) или познаваемой личности. Иными словами, этот стандартный набор признаков является общим для большинства членов данного социума. Реакции с эмоционально-оценочной коннотацией, таким образом, составляют *эмоционально-оценочный* или *ценностный компонент* любого концепта, т. е. служат его *аксиологической составляющей*.

В данную группу мы включили реакции «приятное», «красивое», «позитивные эмоции», «бабочки в животе» и др.

4) *Реакции, отражающие проявления переживания исследуемой эмоции.*

Эти реакции в большинстве своем ориентированы на процессы, происходящие после момента испытания исследуемой эмоции.

К этой группе мы отнесли физиологические реакции типа «поднимаются брови», «расширяются глаза», «улыбка», «изменение выражения лица», «резкий вздох» и др.

5) *Реакции, связанные с возникновением смежных эмоциональных состояний:* «беспокойство», «восторг», «интерес», «страх» и др.

Отметим, что в количественном отношении преобладают реакции второго, четвертого и пятого типов.

Особый интерес представляют реакции, рассмотренные с точки зрения их узуальности и окказиональности. В этих целях считаем целесообразным воспользоваться классификацией, предложенной В.П. Беляниным (Белянин 2004: 131), который делит ассоциации на клишированные и личные.

Клишированные (узуальные) реакции разграничены на основе материалов **Русского ассоциативного тезауруса**, дающего возможность работать с базой данных крупнейшего

ассоциативного эксперимента, проведенного на русском языке в 1988-1997 гг. (<http://www.thesaurus.ru/dict/dict.php>). В числе клишированных (узуальные) оказалось 14 реакций к стимулу «удивление»: «неожиданность» (18)², «радость» (18), «сюрприз» (10), «шок» (9), «восторг» (6), «изумление» (5), «разочарование» (5), «восхищение» (4), «диво» (2), «чудо» (2), «неожиданное» (2), «непредсказуемость» (1), «приятное» (1), «рот» (1).

Мы намеренно обращаем внимание на временную обусловленность реакций: явления окружающей действительности воспринимаются индивидом и отображаются в его сознании так, что это отображение фиксирует связь между явлениями и эмоциями, вызываемыми данными явлениями, вследствие чего образ мира в сознании каждого индивида с течением времени меняется. На основе индивидуальных ассоциативных связей формируется общественное сознание. Этим и объясняется существенная разница между характером ассоциаций экспериментов 1988-1997 гг. и 2017 г. В целях достижения максимально объективного результата при классификации реакций по принципу узуальности/окказиональности мы обратились к некоторым новейшим базам ассоциаций.

К таковым относится, например, проект «Сеть словесных ассоциаций» (<https://wordassociations.net>), позволяющий в онлайн-режиме работать с широким спектром ассоциаций. В основе процесса формирования списка ассоциаций лежит программный модуль, анализирующий классические и современные произведения русской и зарубежной литературы с использованием принципов системного подхода. Ниже приведены узуальные реакции наших респондентов, представленные также в «Сети словесных ассоциаций»: «радость» (18), «восторг» (6), «разочарование» (5), «восхищение» (4), «возглас» (3), «досада» (2), «огорчение» (2), «недоумение» (2), «восклицание» (2), «возмущение» (2), «неверие» (1), «негодование» (1), «недоверие» (1), «рот» (1), «растерянность» (1).

В аспекте проблематики нашего исследования привлекают внимание материалы интернет-ресурса «Карта слов и выражений русского языка» (<https://kartaslov.ru/>). Совпадение ассоциаций между материалами *Карты* и проведенного нами ассоциативного эксперимента наблюдается в следующих 40 случаях: «неожиданность» (18), «радость» (18), «страх» (10), «сюрприз» (10), «улыбка» (9), «шок» (9), «восторг» (6), «изумление» (5), «интерес» (5), «восхищение» (4), «возглас» (3), «вопрос» (3), «новость» (3), «открытие рта» (3), «эмоция» (3), «диво» (2), «мимика» (2), «ах» (2), «волнение» (3), «неожиданно» (2), «чудо» (2), «возмущение» (2), «восклицание» (2), «недоумение» (2), «эмоции» (2), «смех» (2), «рот» (1), «реакция» (1), «внезапность» (1), «печаль» (1), «ступор» (1), «необычное» (1), «новое» (1),

2 В скобках указана частотность реакций

«негодование» (1), «бурные эмоции» (1), «глаза» (1), «мир» (1), «растерянность» (1), «слезы» (1), «смайлы» (1).

В числе личных реакций на стимул «удивление», оказались следующие единицы: «поднятие бровей» (6), «тревога» (4), «расширяются глаза» (3), «смтение» (3), «беспокойство» (3), «поднятые брови» (2), «поднимаю брови» (2), «поднимаются брови» (2), «открытие рта» (3), «большие глаза» (3), «лицемерие» (2), «неординарное» (2), «негативное» (2), «приподнятые брови» (2), «круглые глаза» (2), «анализ» (1), «вдох» (1), «ахать» (1), «бабочки в животе» (1), «высоко поднятые брови» (1), «безразличие» (1), «быстро» (1), «восприятие неожиданного» (1), «восприятие нового» (1), «восторженность» (1), «глаза открываются» (1), «да ну» (1), «движение рук» (1), «делать круглые глаза» (1), «дивное» (1), «доброе» (1), «желание понять» (1), «желание удивить» (1), «желание удивиться» (1), «желание узнать» (1), «задумчивость» (1), «закрыть рот рукой» (1), «заторможенность» (1), «изменение мимики» (1), «изменения выражения лица» (1), «имитация» (1), «красивое» (1), «лицо с высоко поднятыми бровями» (1), «реакция» (1), «неизведанное» (1), «необычайность» (1), «неравнодушный» (1), «ого» (1), «ожидание» (1), «ой» (1), «лоб» (1), «любопытный» (1), «мертвая кошка» (1), «неожиданное» (1), «неожиданное происшествие» (1), «открытие нового» (1), «открытый рот» (1), «отторжение» (1), «офигевать /прост./» (1), «не верить ушам» (1), «непредсказуемость» (1), «неприятие» (1), «ох» (1), «ошеломление» (1), «перемены» (1), «переосмысление реальности» (1), «переоценка мнения» (1), «переоценка позиции» (1), «положительное» (1), «почему» (1), «приоткрытый рот» (1), «слон на площади» (1), «скорость» (1), «резкий вздох» (1), «поднятая бровь» (1), «позитив» (1), «позитивные эмоции» (1), «покачивание головы» (1), «раскрываются глаза широко» (1), «раскрытые глаза» (1), «рассредоточенность» (1), «расширение глаз» (1), «расширенные глаза» (1), «смеяться» (1), «сомнение» (1), «состояние невесомости» (1), «тут что-то не так» (1), «улыбаться» (1), «улыбнуться» (1), «вскрикивание» (1), «ух» (1), «ухать» (1), «хренеть /прост./» (1), «широко раскрытые глаза» (1), «широко раскрыть глаза» (1), «широкое раскрытие глаз» (1), «эмоциональная окраска» (1), «эмоциональность» (1), «эмоциональный всплеск» (1), «этого не может быть» (1), «вопросительный жест руками» (1), «вот так так» (1), «Вы серьезно?» (1), «Да ты что!» (1), «диву даваться» (1), «задержка дыхания» (1), «Как это?» (1), «концентрация внимания» (1), «Кустурица» (1), «Меняется выражение лица» (1), «напряжение» (1), «не может быть» (1), «неожиданная хорошая вещь» (1), «непроизвольная вытянутость лица» (1), «новизна» (1), «округление глаз» (1), «опасность» (1), «приобретение» (1), «приподнятые веки» (1), «приятность» (1), «развести руками» (1), «расширение зрачков» (1), «ребенок с

широко раскрытыми глазами» (1), «сердце замерло», «смешно» (1), «трепет» (1), «цены» (1), «шире раскрываются глаза» (1), «экспромт» (1).

Для наглядности представим количественное соотношение клишированных и узуальных реакций.

Диаграмма 1. Соотношение реакций

Отметим, что многие реакции, не содержащиеся в лексикографических источниках, нами были отнесены к числу личных, однако их повторяемость в анкетах разных респондентов, а также наблюдаемая семантическая общность позволяют прийти к выводу о том, что подобные реакции претендуют на статус клишированных и их употребление в ближайшем будущем приобретет узуальный характер.

Анализ результатов ассоциативного эксперимента показал, что реакции, данные респондентами, в большинстве своем ориентированы на процессы, происходящие после момента испытания исследуемой эмоции. Речь идет о физиологических и эмоциональных реакциях, наступающих после момента удивления.

В ходе анализа результатов эксперимента нами также была предпринята попытка разделения реакций на определенные смысловые группы, куда может переместиться сознания человека при обдумывании заданного слова.

Были проанализированы распространенные оценочные характеристики эмоции «удивление», распространенное эмоциональное переживание заданного концепта, приводящее к определенным реакциям. Речь идет и физиологических и эмоциональных реакциях, наступающих после момента удивления. В предложенной нами классификации реакций респондентов выделяются следующие смысловые группы (со своими подгруппами) ассоциаций: мимические, эмоциональные и психические, просодические.

Повторяемость и частотность подобных реакций дает возможность определить ядро ассоциативного поля удивления.

Диаграмма 1. Ядро ассоциативного поля

Ниже представлены тематические группы, составляющие ядро ассоциативного поля удивления (См. таблицу 1)

Таблица 1.

Стимул	Реакция	Группа реакции	Подгруппа реакции
Удивление	<ul style="list-style-type: none"> • <i>большие глаза</i> • <i>глаза открываются</i> • <i>делать круглые глаза</i> • <i>круглые глаза</i> • <i>раскрываются глаза широко</i> • <i>раскрытые глаза</i> • <i>расширяются глаза</i> • <i>расширение глаз</i> • <i>расширенные глаза</i> • <i>широко раскрытые глаза</i> • <i>широко раскрыть глаза</i> • <i>широкое раскрытие глаз</i> 	Мимические	Изменение формы глазной щели
Удивление	<ul style="list-style-type: none"> • <i>лицо с высоко поднятыми бровями</i> • <i>поднимаю брови</i> • <i>поднимаются брови</i> • <i>поднятие бровей</i> • <i>поднятые брови</i> 	Мимические	Движение бровей

	<ul style="list-style-type: none"> • <i>поднятая бровь</i> • <i>приподнятые брови</i> 		
Удивление	<ul style="list-style-type: none"> • <i>открытие рта</i> • <i>открытый рот</i> • <i>приоткрытый рот</i> • <i>разинуть рот</i> • <i>рот</i> • <i>улыбаться</i> • <i>улыбка</i> • <i>улыбнуться</i> 	Мимические	Движение рта
Удивление	<ul style="list-style-type: none"> • <i>ах</i> • <i>ахать</i> • <i>возглас</i> • <i>вскрикивание</i> • <i>восклицание</i> • <i>да ну</i> • <i>ого</i> • <i>ой</i> • <i>ох</i> • <i>резкий вздох</i> • <i>смеяться</i> • <i>ух</i> • <i>ухать</i> 	Просодически е	Не имеется
Удивление	<ul style="list-style-type: none"> • <i>безразличие</i> • <i>беспокойство</i> • <i>возмущение</i> • <i>волнение</i> • <i>восторг</i> • <i>восторженность</i> • <i>восхищение</i> • <i>задумчивость</i> • <i>заторможенность</i> • <i>изумление</i> • <i>интерес</i> • <i>неверие</i> • <i>негодование</i> • <i>недоверие</i> • <i>недоумение</i> • <i>неприятие</i> • <i>неравнодушный</i> • <i>огорчение</i> • <i>ошеломление</i> • <i>печаль</i> • <i>радость</i> • <i>разочарование</i> • <i>рассредоточенность</i> • <i>смятение</i> 	Эмоциональн ые и психические реакции	Не имеется

	<ul style="list-style-type: none"> • <i>сомнение</i> • <i>страх</i> • <i>ступор</i> • <i>тревога</i> • <i>шок</i> 		
--	--	--	--

Таким образом, опыт проведения ассоциативного эксперимента заслуживает внимания и помогает нам сделать соответствующие выводы о глобальных изменениях в языковом сознании носителей русского языка.

Список литературы

Белянин В. П. Психолингвистика: учебник / В.П. Белянин. – М.: Флинта: Московский психологосоциальный институт, 2004. – 232 с.

Джамбаева Ж. А. Ассоциативный эксперимент: методологические основы. – Астана: Л.Н. Гумилев атындағы ЕҰУ Хабаршысы. – 2013. №1 (92). – 19 с.

Русский ассоциативный тезаурус – интернет-ресурс – <http://www.thesaurus.ru/dict/dict.php> – Последнее обращение 01.03.2018 г.

Сеть словесных ассоциаций – интернет-ресурс – <https://wordassociations.net> – Последнее обращение 01.03.2018 г.

Карта слов и выражений русского языка – интернет-ресурс – <https://kartaslov.ru/> – Последнее обращение 15.05.2018 г.

ДРЕВНЯЯ СЛАВЯНОРУССКАЯ ПЕРЕВОДНАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ И МИРОВАЯ КУЛЬТУРА

Навтанович Людмила Михайловна
Барселонский Автономный университет, Испания
liudmila.navtanovich@uab.cat

OLD SLAVONIC TRANSLATED LITERACY AND THE WORLD CULTURE

Liudmila Navtanovich
Universitat Autònoma de Barcelona, Spain

АННОТАЦИЯ

Переводы в литературе старшего периода играли особую роль, поскольку именно переводные памятники соединяли литературу и культуру Древней Руси и славянских стран с их историческими предшественниками. Но существует и «обратная связь»: дошедшие до наших дней славяно-русские переводные памятники оказываются очень важным наследием на мировом уровне. В статье идет речь об одном из древнеславянских переводов, имеющих несомненное значение для мировой культуры в целом: о памятнике, который сохранился в полном виде исключительно в древнеславянском переводе – о ветхозаветном апокрифе Книга Еноха в ее славянской версии, или Второй Книге Еноха. В статье прокомментированы конкретные примеры, иллюстрирующие особый характер славянского памятника и его важность для мировой культуры.

ABSTRACT

It's undeniable that translations played a very important role in the Old Russian and Old Slavonic literature, because they connected the culture of Old Russia and other Slavic countries with their cultural predecessors, so we can say that Old Slavonic Translations originate from the world culture. However, it works the other way round too: Old Slavonic and Old Russian translations can be really important for the world culture nowadays.

The article deals with such an important Old Slavonic Translation, Old Testament Pseudepigraphon 2 Enoch (this Pseudepigraphon is preserved as an entire text only in Slavonic).

Ключевые слова: древнеславянские переводы; Енох 2; интертекстуальность.

Keywords: Old Slavonic Translations; 2 Enoch; intertextuality.

*Transmedia Catalonia Research Group, 2017SGR113

Термин «древняя славяно-русская переводная письменность» был введен в свое время Н.А.Мещерским и относился ко всем видам переводов старшего периода, осуществленных на славянских землях (Мещерский 1978). На тот момент, в 50-70 годы прошлого века, основное

внимание уделялось изучению оригинальных текстов, и Никите Александровичу важно было обратить внимание на значимость переводного наследия для славянской культуры.

Уже только в количественном соотношении переводные тексты невероятно перевешивают оригинальные, составляя, как минимум, 90 процентов от общего состава дошедших до нас памятников (Мещерский 1978:3).

Однако роль переводов в литературе Древней Руси не исчерпывается лишь количественным перевесом: переводные памятники соединяли литературу и культуру Древней Руси и славянских стран с их историческими предшественниками – культурой античной Греции и Рима, христианской Византии, а также стран Древнего Востока – Египта, Палестины, Месопотамии. Таким образом, переводная литература связывала славянский мир с культурным кругом народов Средиземноморья, с христианскими народами Востока и Запада.

Но существует и «обратная связь»: славяно-русские переводные памятники оказываются очень важным наследием на мировом уровне.

И в этом смысле особую роль играют ветхозаветные апокрифы (в англоязычной традиции Old Slavonic Pseudepigrapha), поскольку ряд этих текстов или сохранился только на славянском языке, или же славянский текст представляет собой особую версию апокрифа. К ним относятся, в частности, «Заветы 12 патриархов», «Откровение Авраама», «Вознесение Исаяи» и другие.

Надо сказать, что в славянских странах существует давняя традиция исследования и издания славянских апокрифов: достаточно назвать только таких крупнейших специалистов в этой области, как М.В.Рожественская (Рожественская 2004 и др.) и Анисава Милтенова (Милтенова 2008 и др.). При этом до достаточно недавнего времени для мирового сообщества в целом славянские апокрифы были «тайной за семью печатями»... Однако «лед тронулся» и особенно за последнее десятилетие мы видим всплеск интереса к этим текстам во всем мире: славянские апокрифы переводят на разные языки, издаются: монографии на эту тему выходят, в том числе, и в таких авторитетных изданиях, как *Brill* и *Oxford University Press* (в частности, Orlov, Voccaccini 2012, Kulik, Minov 2016).

В данной работе я бы хотела немного прокомментировать своеобразие и важность для мировой культуры в целом славянского письменного наследия на примере одного из ветхозаветных апокрифов, который мне особенно интересен и мною наиболее изучен, а именно – Книге Еноха.

Из Библии о Енохе, седьмом от Адама, прадеде Ноя, известно, что он прожил 365 лет и “не стало его, потому что Бог взял его” (Быт. 5.24), “он угодил Богу” и “не видел смерти” (Евр.

11.5), и “не было на земле никого из сотворенных, подобного Еноху, ибо он был восхищен от земли” (Сир. 49.16) и “взят на небо” (Сир. 44.15). Основное содержание апокрифа составляет увиденное и услышанное Енохом на небесах.

Книга Еноха имеет очень древнее происхождение: древнейшие фрагменты апокрифического текста, связанного с именем Еноха, на арамейском и древнееврейском языках, были обнаружены в Кумране и датируются II-I вв. до н.э. (Milik 1976). В первые века нашей эры данное сочинение было не только известно, но и пользовалось авторитетом, о чем, в частности, свидетельствует упоминание о нем в Послании Иуды (14-15): “О них пророчествовал и Енох, седьмой от Адама, говоря: се идет Господь с тьмами святых Ангелов Своих сотворить суд над всеми и обличить всех между ними нечестивых во всех делах, которые произвело их нечестие, и во всех жестоких словах, которые произносили на Него нечестивые грешники”. На Книгу Еноха ссылались в своих сочинениях Иринея Лионский, Климент Александрийский, Ориген, Тертуллиан, но даже и после того, как Книга Еноха не вошла в сложившийся канон Священного Писания, ее читатели (и почитатели) не исчезли, о чем свидетельствует, среди прочего, наличие выдержек из нее у Георгия Синкелла IX в. (см., в частности, Milik 1976, Black 1970). Невозможно с точностью сказать, существовал ли перевод Книги Еноха на латинский язык, тем не менее, даже если не были доступны сами тексты, связываемые с именем праотца Еноха, о них косвенным образом было хорошо известно и на христианском Западе. Следы их обнаруживаются в иконографии и литературе во времена Рима и Византии, а также в Средневековье (Milik 1976). Но и в Новое время имя Еноха не было забыто, например, гравюры с изображением Еноха есть в изданных в Европе в виде увражей иллюстрированных Библиях XVII века (Белоброва 1990).

Но если в странах Западной Европы об апокрифе было известно, скорее всего, по ее “отголоскам” – парафразам из нее в литературе отцов церкви и в составе хроник, то в славянских землях апокриф был доступен благодаря сохранившемуся славянскому переводу. О том, что и у славян произведение пользовалось авторитетом, свидетельствует тот факт, что фрагмент из него был включен в состав юридического сборника Мерило Праведное (XIV в.); есть ссылки на Книгу Еноха у Архиепископа Новгородского Геннадия (XV в.); упоминается Енох и в Повести временных лет (Навтанович 2000). Образ Еноха также встречается и в славянской гимнографии. Например, в Великом каноне Андрея Критского гласа 6 (Песнь 2, тропарь 3) или в каноне на среду сырную гласа 4-го (Песнь 3, тропарь 1). Енох также поминается в службе праотцам во второе воскресенье перед Рождеством и в воскресенье перед Рождеством в службе отцам (родословие Иисуса). В Новгороде в церкви Спаса на Ильине в

барабане купола Енох изображен среди праотцев: Адама, Авеля, Сифа, Ноя, Мелхиседека, с ними же вместе и Иоанн Предтеча (Лифшиц 1987:50).

Как мы видим, имя праотца Еноха было почитаемо с первых веков нашей эры у разных народов. Было известно о существовании Книги Еноха, но сам текст не был доступен. Первые публикации текстов, связанных с именем Еноха, относятся к началу XVII века: первым в 1606 году был опубликован греческий фрагмент, входящий в состав Хроники Георгия Синкелла, в 1703 году появилось издание, содержащее цитаты из Книги Еноха, аллюзии и упоминания ее у греческих и латинских авторов I – IV вв. (см. Milik 1976). Но моментом, положившим начало научному интересу к памятнику, стал 1773 год, когда в Европу из Абиссинии были привезены английским ученым Брюсом 3 рукописи, содержащие полный текст апокрифа в эфиопском переводе (Milik 1976). Данное открытие послужило точкой отсчета для возникновения целого направления в библеистике – литературы о Енохе. По мере обнаружения все новых источников неуклонно возрастал и интерес исследователей к апокрифу, наиболее ценными из всех источников оказались, безусловно, самые древние фрагменты Книги Еноха, обнаруженные в Кумране в 1952 году, которые вызвали еще большее внимание к памятнику. Особый интерес исследователей к данному ветхозаветному апокрифу связан с тем, что его считают предтечей всей раннехристианской литературы, одним из первых произведений апокалиптического жанра: Мартин Хенгель называет Книгу Еноха и Книгу пророка Даниила высшей точкой древнееврейской апокалиптики интертестаментального периода (Hengel 1996:180); Мэттью Блэк относит Книгу Еноха к числу текстов *praeparatio evangelica* (Black 1985:1).

Почти за два с половиной столетия, последовавшие со дня открытия первых списков апокрифа (на эфиопском языке), были обнаружены тексты памятника, сохранившиеся полностью или частично на других языках (греческом, арамейском, еврейском, славянском, коптском), сопоставление которых позволило ученым говорить о существовании трех различных версий Книги Еноха. На сегодняшний день в научной традиции принято выделять три разных апокрифа, связанных с именем праотца Еноха, – 3 Книги Еноха. Их так и называют *Енох 1*, *Енох 2* и *Енох 3*. Всех их объединяет фигура самого праотца Еноха, но сами апокрифы абсолютно различны, как по содержанию, объему, композиции, так и характеру повествования. Под ***Енохом 1*** подразумевают текст, представленный целиком на эфиопском языке, частично на греческом и во фрагментах на арамейском и древнееврейском. Под ***Енохом 2*** понимают версию, которая до совсем недавнего времени была известна только в славянских списках. ***Енохом 3*** называют еврейскую версию апокрифа средневекового периода. По каждой из Книг Еноха существует на настоящий момент огромная научная литература, здесь я ограничусь

лишь с ссылками на отдельные издания текста и его переводы на современные европейские языки: Енох 1 (Nickelsburg, VanderKam 2004, Milik 1976, Black 1985, Knibb 1978, Charles 1912), Енох 2 (Vaillant 1952, Соколов 1910, Macaskill 2013, Навтанович 1999, Pennington 1984, Andersen 1983, Böttrich 1995 De Santos Otero 1984), Енох 3 (Odeberg 1973, Alexander 1983).

Славянская версия апокрифа, или Книга о Всищении Еноховъ Праведнаго, – это «Второй Енох», данное произведение до относительно недавнего времени называли также «Славянским Енохом», поскольку оно было известно только в славянских списках. Тем не менее, уже несколько лет как Второй Енох не может называться «Славянским», потому что 9 лет назад голландский аспирант Йост Хаген обнаружил фрагменты из нее на коптском языке (Hagen 2012).

И все же Енох 2 по-прежнему известен в полном виде только в славянских рукописях конца XV - начала XVIII вв (Навтанович 2000), так что роль славянских списков памятника невозможно переоценить. Повествование в славянском тексте апокрифа начинается с рассказа о том, как Еноху явились 2 мужа (позднее говорится, что это были ангелы) и вознесли его на небо. После этого описываются семь небес, на которые был перенесен Енох, на одном из них он видит осужденных ангелов, на другом – движение небесных светил, на высшем – седьмом небе Енох видит Господа, и Господь рассказывает ему о том, как сотворил мир. Затем архангел Веревилл по повелению господню пересказывает Еноху Книги о тайнах небес, Еноху необходимо записать рассказ и передать данное рукописание детям. После чего ангелы опускают Еноха на землю на 30 дней, чтобы он передал заповеди своим сыновьям и народу. Вторая половина славянского текста содержит наставления Еноха, его предсказания о грядущем Великом Суде над грешниками и вечной жизни, ожидающей праведников. Последняя часть апокрифа посвящена рождению Мелхиседека от Нира (правнука Еноха), брата Ноя.

По поводу данной версии апокрифа: ее происхождения, количества и соотношения редакций, того, с какого языка был сделан первоначальный перевод, когда и где возник предполагаемый оригинал данного апокрифа, по сей день не прекращаются споры, вот лишь отдельные работы (преимущественно последнего времени) из огромного списка трудов, затрагивающих те или иные спорные вопросы: Vaillant 1952, Мещерский 1963, Orlov 2000, Böttrich 2001, Навтанович 2000, Lourie 2012, Shiffman 2012, Stokl Ben Ezra 2012, Badalanova Geller 2010 (исчерпывающая библиография по Еноху 2 на момент 2012 года – Orlov, Voccaccini 2012: 455-471).

Тем не менее, в этой статье я хотела бы отвлечься от всей этой проблематики и, оставив в стороне традиционный текстологический (исторический) подход к тексту, который,

несомненно, мне близок и дорог и которому я всегда следовала и следую, посмотреть на данный древнеславянский текст как на своего рода *ИНТЕРТЕКСТ*, который дает нам весьма причудливое сочетание разнообразных традиций и взглядов, важных не только для славянской культуры, но и мировой культуры в целом.

И если мы посмотрим на Книгу Еноха в таком ключе, мы увидим, что она представляет собой своего рода лоскутное одеяло, созданное из совершенно разнородных по происхождению элементов. Но которые довольно органично вписываются в канву произведения в целом.

В частности, в тексте отражается один из библейских сюжетов (восходящих к 6 гл. Книги Бытия), впоследствии нашедших отражение в мировой литературе – рассказ о восстании ангелов (достаточно вспомнить «Потерянный рай» Джона Мильтона). И предводителем этих ангелов, согласно разным Книгам Еноха является, в одной из версий – Сатанаил, а в других версиях – Азазель. Последнее имя нам знакомо по его италянизированной форме в романе Булгакова «Мастер и Маргарита» – Азazelло. А сейчас все знают его благодаря одноименному роману Б.Акунина. Примечательно, что, за последние 20 лет, как показывает Википедия, как минимум 20 литературных, кино- и теле персонажей, как российских, так и американских, получили это имя. Но впервые Азазель как предводитель восставших ангелов встречается именно в Книге Еноха. Это он научил мужчин войне и искусству изготовления всего необходимого для битвы, а женщин — искусству обмана и соблазнения и, в частности, умению красить лицо и волосы; он научил людей колдовать, но в конечном итоге по повелению Божьему Азазель был связан по рукам и ногам архангелом Рафаилом и прикован к скале, у которой ему суждено пробыть до Судного дня.

А еще древнееврейское имя Азазель в русском языке дало рождение одному устойчивому сочетанию. Слово «Азазель» встречается в 16 главе Кн. Левит, посвященной описанию иудейского праздника Йом Киппур, в русском переводе ему соответствует сочетание «козел отпущения» от еврейского לַזְבֵּחַ לְאָזָזֵל. В данный день к первосвященнику приводились два козла, и один приносился в искупительную жертву Богу, а на другого козла первосвященником возлагались грехи народа, которые символически должны были быть отправлены в пустыню, и этот козел был «козлом отпущения», или «козлом для Азазеля».

Таким образом, с одной стороны, мы видим элементы библейского иудаизма. С другой стороны, в апокрифе есть элементы, не входящие в русло данной традиции, но обнаруженные, в частности, в кумранской литературе. К числу мировых тем, с которыми связано имя Еноха помимо, например, темы падших ангелов, относится и тема астрономическая. С Енохом связывают создание астрономии. И невероятно примечательно, что и в славянском тексте

(самые ранние свидетельства которого в астрономических главах датируются XV веком) есть следы древнего солнечного календаря, найденного в рукописях Кумрана! Это особый календарь, который насчитывает 364 дня в году, в котором все месяцы имеют равное количество дней – 30, а лишние 4 дня – это 2 дня солнцестояния (зимнего и летнего) и 2 дня равноденствия (весеннего и осеннего). Именно этот календарь был в ходу в ессейской общине в первом веке нашей эры.

Помимо иудейских в славянском тексте прослеживаются и христианские элементы. Данный пласт черт связан с греческим языком как оригинальным языком текстов, вошедших в канон Нового Завета и языком трудов Отцов Церкви. В частности, как мы знаем, имя Адам אָדָם переводится с древнееврейского как *человек* и является однокоренным со словами אֲדָמָה *земля* и אֲדָמָה *красный* (по цвету ближневосточной глины). Однако в рассказе о сотворении мира в славянском тексте Книги Еноха говорится, что Адам получил свое имя от четырех сторон света: востока, запада, севера и юга. Такое прочтение имени Адам как анаграммы от названия сторон света невозможно ни на одном другом языке, кроме греческого:

Ἀνατολή *восток*
 Δυσμῆ *запад*
 Ἄρκτος *север*
 Μεσημβρία *юг*

Данная трактовка имени Адама как акrostиха частотна в греческой средневековой письменности, известна она через переводы с греческого и в славянской традиции (см., в частности, Vaillant 1952).

Помимо христианских элементов, есть и более древние элементы, связанные с греческим языком (эллинистические элементы). Например, в рассказе о сотворении мира в пространной редакции, который ведется от имени самого Создателя, как ни забавно это звучит из уст Бога, говорится: *И повелел [я]: да будут светила великие на кругах небесных, на первом круге я поставил звезду Кронос, на втором Афродиту, на третьем Ареса, на четвертом солнце, на пятом Зевса, на шестом Гермеса и седьмом – Луну*, речь идет о планетах - Сатурне, Венере, Марсе, Юпитере и Меркурии только с их именами в греческой мифологии, что относительно близко к описанию планет солнечной системы, но такой рассказ из уст Создателя (с использованием имен языческих богов) звучит, как минимум, необычно.

Но как это ни покажется странным, помимо иудейских, христианских, эллинистических черт, апокриф содержит и собственно славянские элементы, то есть и славянский язык внес свою лепту в мозаику ветхозаветного апокрифа. Каким образом? А вот только один подобный пример. В пространной редакции при описании звезд, сопровождающих колесницу солнца,

указывается их общая сумма – 8.000 (4 тысячи с одной стороны и 4 тысячи с другой). Но этот мотив мы не найдем в остальной апокрифической литературе, потому что он «возник» уже на славянской почве, и в основе его лежит ошибка прочтения. Первоначальный текст говорил о четырех больших звездах, висящих справа от колесницы солнца, и четырех – слева. Однако древнерусский книжник, видимо, прочитал в сочетании звѣзды д̄висаща, вместо висаща – тисаща и переделал фразу, проведя соответствующие вычисления. Так вместо восьми звезд, сопровождающих колесницу солнца, появились восемь тысяч.

Это лишь отдельные примеры, а данный славянский памятник насквозь пронизан подобного рода переплетениями разных культурных, религиозных и исторических традиций. Как уже было сказано ранее, он представляет собой своеобразное лоскутное одеяло, сотканное из невероятного количества разных по происхождению «кусочков». Но даже приведенных примеров, как кажется, достаточно, чтобы продемонстрировать, что славянский переводный памятник может сохранить черты очень древних традиций, и, в случае отсутствия оригинала для славянского перевода (как например, с Енохом 2), древнеславянский текст может являться единственным свидетельством этих древних традиций, что делает древнюю славянорусскую переводную письменность и, в частности, славянские ветхозаветные апокрифы чрезвычайно важными при изучении истории развития мировой религиозной и философской мысли и древних литературных традиций.

Список литературы

- Белоброва О.А. (1990): Древнерусские вирши к гравюрам Маттиаса Мериана, Труды Отдела Древнерусской литературы, 44, 443-479.
- Лифшиц Л.И. (1987): Монументальная живопись Новгорода XIV-XV вв. Москва: Искусство.
- Мещерский Н.А. (1978): Источники и состав древней славяно-русской переводной письменности IX-XV веков. Ленинград: Издательство ЛГУ.
- Мещерский Н.А. (1963): Следы памятников Кумрана в старославянской и древнерусской литературе (К изучению версий Книги Еноха), Труды Отдела Древнерусской литературы, 19, 130-147.
- Милтенова А., сост. (2008): История на българската средновековна литература. София: Изток-Запад.
- Наванович Л. (2000): Лингвотектологический анализ древнеславянского перевода Книги Еноха. Диссертация на соиск. уч. ст. к.филол.н. Санкт-Петербург. URL: <https://ksana-k.ru/?p=27> (дата обращения: 29.08.18)

Рождественская М. В. (2004): Библейские апокрифы в литературе и книжности Древней Руси: историко-литературное исследование. Диссертация в виде научного доклада на соискание уч. ст. д.филол.н. СПб. URL: <http://www.opentextnn.ru/history/istochnik/istXIII-XIX/rojdestvenskaja/> (дата обращения: 29.08.18)

Соколов М. (1910): Славянская Книга Еноха Праведного. Москва: Изд. ОИДР.

References

Alexander P. (1983): Hebrew (Apocalypse of) Enoch, The Old Testament Pseudepigrapha. Apocalyptic Literature and Testaments, ed. by Charlesworth J.H. New York/London: Yale University Press, 223-316.

Andersen F.I. 2 (Slavonic Apocalypse of) Enoch, The Old Testament Pseudepigrapha. Apocalyptic Literature and Testaments, ed. by Charlesworth J.H. New York/London: Yale University Press, 91-222.

Badalanova Geller F. (2010): 2 (Slavonic Apocalypse Of) Enoch Text and Context. Berlin: Max-Planck-Inst. für Wissenschaftsgeschichte.

Black M. (1970): Apocalypsis Henochi Graece. Leiden: Brill.

Black M. (1985): The Book of Enoch or 1 Enoch. Leiden: Brill.

Böttrich C. (2001): The Melchizedek story of 2 (Slavonic) Enoch: a reaction to A.Orlov Journal for the Study of Judaism, 32/4, 445-470.

Böttrich C. (1995): Das slavische Henochbuch. Jüdische Schriften aus hellenistisch-römischer Zeit. Band V. Lieferung 7. Gütersloh.

Charles R.H. (1912): The Book of Enoch or 1 Enoch. Oxford: Clarendon.

Hagen J. (2012): No Longer “Slavonic” Only: 2 Enoch Attested in Coptic from Nubia, New Perspectives on 2 Enoch: No Longer Slavonic Only. Leiden: Brill, 5-34.

Hengel M. Judaism and Hellenism. London, 1996.

Knibb M. A. (1978) The Ethiopic Book of Enoch., 2 vols. Oxford: Clarendon.

Kulik, A., Minov, S. (2016): Biblical Pseudepigrapha in Slavonic Tradition. Oxford University Press, 2016.

Lourie B. (2012): Calendrical Elements in 2 Enoch, New Perspectives on 2 Enoch: No Longer Slavonic Only. Leiden: Brill, 191-219.

Macaskill G. (2013): The Slavonic Texts of 2 Enoch. Studia Judaeoslavica, 6. Leiden: Brill.

Milik J.T. (1976): The Books of Enoch: Aramaic Fragments of Qumran Cave 4. Oxford: Clarendon.

Nielsburg G., VanderKam. J (2004): 1 Enoch: A New Translation. Minneapolis: Fortress.

Odeberg H. (1973): 3 Enoch or the Hebrew Book of Enoch. New York: Ktav Publ. House.

Orlov A., Voccaccini G., eds. (2012): *New Perspectives on 2 Enoch: No Longer Slavonic Only*. Leiden: Brill.

Orlov A. (2000): Melchizedek legend of 2 (Slavonic) Enoch, *Journal for the Study of Judaism*, 31/1, 23-38.

Pennington A. (1984): 2 Enoch, *The Apocryphal Old Testament*, ed. by H. Spark. Oxford: Clarendon Press, New York: Oxford University Press, 321-362.

Santos Otero A. de (1984): Libro de los Secretos de Henoch (Henoch eslavo), *Apocryphos del Antiguo Testamento*, IV. Madrid: Cristiandad, 147-202.

Shiffman L. (2012): 2 Enoch and Halakha, *New Perspectives on 2 Enoch: No Longer Slavonic Only*. Leiden: Brill, 221-228.

Stokl Ben Ezra D. (2012): Halakha, Calendars and the Provenance of 2 Enoch, *New Perspectives on 2 Enoch: No Longer Slavonic Only*. Leiden: Brill, 229-246.

Vaillant A. (1952): *Le livre des secrets d'Hénoch*. Paris: Institut d'Études slaves.

**"ШИРОКОЕ" И "УЗКОЕ" ПОНИМАНИЕ ФРАЗЕОЛОГИИ.
К ПРОБЛЕМЕ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО СОСТАВА РУССКОГО ЯЗЫКА**

*Найдина Татьяна Евгеньевна
Тамканский университет, Тайвань
133212@mail.tku.edu.tw*

*Полякова Елена Константиновна
Петербургский государственный университет путей сообщения, Россия
elenapoliakova14@mail.ru*

**"WIDE" AND "NARROW" CONCEPTION OF PHRASEOLOGY.
TOWARDS THE PROBLEM OF THE LEXICOGRAPHIC DESCRIPTION
OF THE RUSSIAN PHRASEOLOGY**

*Tatiana Naydina
Tamkang University, Taiwan*

*Elena Poliakova
St.Petersburg State Transport University, Russia*

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются проблемы современной русской фразеологии. Основное внимание уделяется тенденции объединения в одном словаре ФЕ - особых единиц языка («узкое» понимание фразеологии) и всех других устойчивых сочетаний и выражений: пословиц, поговорок, крылатых выражений, сложных союзов и т.п. («широкое» понимание фразеологии). Ставится вопрос о невозможности применения единых принципов лексикографического описания для типологически различных единиц языка и о целесообразности создания специальных словарей для единиц, имеющих разный языковой статус.

ABSTRACT

The paper dwells on the problems of modern Russian phraseology. The core attention is focused on the tendency of last decades to unify in one dictionary phraseological units (idioms), which are particular language units according to "narrow" concept of phraseology, and phraseological expressions (according to "wide" concept): proverbs, sayings, quotations, compound terms and conjunctions, etc. The paper raises the question of the necessity of applying different principles towards the different types of language units in their lexicographic description in particular dictionaries.

Ключевые слова: фразеология, фразеография, фразеологическая единица.

Keywords: phraseology, phraseography, phraseological unit.

Активно развивающееся в последние время словарное направление в русской фразеологии как отражение научных представлений об объекте и предмете исследований в этой области языкознания свидетельствует о том, что проблема "широкого" и "узкого" понимания фразеологии, ставшая предметом жарких дискуссий несколько десятилетий назад, по-прежнему не утратила своей актуальности. Анализ лексикографических источников показывает, что в настоящее время немало ученых придерживаются "широкого" понимания фразеологии, о чем свидетельствуют как прямые заявления в предисловии к словарям (Тихонов 2004; Розенталь, Краснянский 2008), так и собственно словники новейших фразеологических словарей, авторы которых на основании таких критериев, как устойчивость, воспроизводимость, образность и целостность значения, включают во фразеологический словарь наряду с идиомами типа **лакмусовая бумажка**, **ветер в голове у кого**, **седьмая вода на киселе** и т.п. и пословицы *аппетит приходит во время еды*; *взялся за гуж - не говори, что не дюж* (Алефиренко, Золотых 2008); *или всех грызи, или лежи в грязи*; *на ловца и зверь бежит* (Ганапольская 2015); *в огороде бузина, а в Киеве дядька* (Баранов, Добровольский 2015); *ешь пирог с грибами, а язык держи за зубами* (Федорова 2013), и крылатые выражения и цитаты *Москва слезам не верит* (Розенталь, Краснянский 2008); *иных уж нет, а те далече* (Баранов, Добровольский 2015), и строки из стихотворений *О вы, отеческие лары, спасите юношу в боях* (Ганапольская 2015), и составные термины *лирическое отступление* (Баранов, Добровольский 2015), и ситуативно обусловленные речевые клише *что-то стало холодать*, *не пора ли нам поддать* (Баранов, Добровольский 2015), и глагольно-именные словосочетания с ограниченной валентностью *иметь значение*, *принести в жертву*, *принимать участие* (Розенталь, Краснянский 2008), и сложные существительные и имена собственные *ангел-хранитель*, *баба-яга*, *Дед Мороз* (Баранов, Добровольский 2015), и сложные предлоги и союзы *в силу*, *до тех пор пока* (Антонова 2013), и строки из известных песен *первым делом, первым делом - самолеты* (Ганапольская 2015), и сравнительные обороты *как в замедленном кино* (Баранов, Добровольский 2015), *как будто решала сложную задачу* (Ганапольская 2015), и поговорки *спасибо этому дому - пойдем к другому*; *с глаз долой - из сердца вон* (Баранов, Добровольский 2015); *ем, да свой, а ты рядом стой* (Федорова 2013), и словосочетания, где одно из слов имеет переносное значение *круглый год* (Алефиренко, Золотых 2008), *золотая молодежь*, *гомерический смех* (Розенталь, Краснянский 2008).

Многочисленность и разнообразие многокомпонентных языковых и речевых образований, составляющих фразеологию в «широком» понимании, не позволяют назвать

чёткие единые критерии для выделения их языке и дальнейшей лексикографической разработки, а имеющиеся классификации и состав словарей в основном опираются на «устоявшуюся традицию» и «интуитивные представления исследователей о сущности различных феноменов, которые входят во фразеологическую систему языка» (Баранов, Добровольский 2012:18). Показательно, что в предисловии к некоторым словарям авторы вообще не дают никакого определения фразеологической единицы (Ганапольская 2015, Федорова 2013), что противоречит самой лексикографической практике. Поэтому, как нетрудно заметить, в один словарь попадают совершенно разнородные языковые и речевые единицы, поскольку устойчивость, воспроизводимость, образность и другие признаки, на которые обычно указывают представители "широкого" понимания фразеологии, хотя и присущи в той или иной степени всем приведенным выше единицам, не являются ни каждый сам по себе, ни в совокупности с другими **категориальными (различительными)**, позволяющими отграничить одно языковое явление от другого. Сравните, например, сложное существительное **ангел-хранитель**, пословицу **аппетит приходит во время еды**, представляющую собой законченное предложение, сложный союз (служебную часть речи) **до тех пор пока**, словосочетание **закоренелый преступник**, строчку из песни **у природы нет плохой погоды** и идиому **лакмусовая бумажка**. Да, они все устойчивы и воспроизводимы, но обладают различным языковым статусом и, следовательно, требуют различного словарного описания.

Не подлежит сомнению, на наш взгляд, утверждение А.И.Молоткова, что **"научная ценность - теоретическая и практическая - любого фразеологического словаря определяется категориальной однотипностью единиц, включенных в него, и соответствующей однотипностью их лексикографической обработки"** (Молотков 2016:15). Включение же в один словарь такого разнородного материала, естественно, влечет за собой отсутствие системности в лексикографическом описании, единообразия дефиниций или их полное отсутствие. Ср., например: **круглый год - целый год, на протяжении всего года** (Алефиренко, Золотых 2008), **дурак ты, дураком и помрешь - говорят глупому человеку; как будто решала трудную задачу - о сосредоточенном выражении лица** (Ганапольская 2015), **что-то стало холодать, не пора ли нам поддать - предложение выпить алкоголя** (Баранов, Добровольский 2015), **ешь (пей) - не хочу - об избытке пищи; не ездок - о том, кто не хочет, не будет ездить куда - либо, бывать где-либо** (Федорова 2013), **третьего дня - указание на событие, произошедшее 3 дня назад** (Баранов, Добровольский 2015), **незванный гость хуже татарина - кто-либо идет или пришел некстати, не вовремя, неизвестно зачем** (Алефиренко, Золотых 2008), **присудить награду кому - наградить кого-либо за что либо** (Розенталь,

Краснянский 2008), и **понеслась душа в рай** - и *начнется, хоть одна живая душа - кто-либо, под задницей* - в *наличии*. *Чаще об автомобиле*, как **душа младенца** *чист - абсолютно, загадочная русская душа - барыня, конечно, сволочь, но собачку мы утопим* - *дефиниция отсутствует!* **О вы, отеческие лары, спасите юношу в боях!** - *дефиниция отсутствует!*(Ганапольская 2015). Если разнотипность в дефинициях в рамках одного словаря можно объяснить типологическими отличиями описываемых единиц, то полное отсутствие дефиниций в словаре (!) вызывает по меньшей мере недоумение.

Кроме того, смешение в одном словаре разнотипных языковых единиц приводит к тому, что в качестве синонимов и антонимов к пословице (законченному предложению) **аппетит приходит во время еды** даются ФЕ, являющиеся членами предложения: **глаза разгорелись у кого**, **ухватиться обеими руками за что**, **хлебом не корми кого**, **моя хата с краю, до лампочки кому что**, **до фонаря кому что** и др.(Алефиренко, Золотых 2008), причем это ФЕ разных лексико-грамматических разрядов. Между тем отношения синонимии и антонимии могут быть только между однотипными языковыми единицами, кроме того, ФЕ разных лексико-грамматических разрядов не могут быть синонимами и антонимами, как и слова, принадлежащие к разным частям речи.

Стремление авторов словарей расширить фразеологический состав языка и "обогащить" лингвистический словарь как можно большим количеством многокомпонентных речевых и языковых образований приводит к игнорированию собственно лингвистической составляющей в процессе отбора и словарного описания ФЕ. Под лингвистической составляющей понимается требование категориального единообразия помещаемых в словарь единиц языка как обязательное условие для установления единых параметров их лексикографического описания, наиболее полно и точно отражающих их языковой статус и употребление в речи.

"Узкое" понимание фразеологии отличается от "широкого" прежде всего признанием ФЕ **особой единицей языка**, представленной в единстве своей формы и содержания и отграничивающейся от других единиц языка по наличию у нее категориальных (различительных, дифференциальных) признаков, которые присущи только ей и в своей совокупности невозможны у других единиц языка. Исчерпывающим мы считаем определение, данное А.И.Молотковым в послесловии к переизданию Фразеологического словаря русского языка (Молотков 1994:537-541), где указывается, что к категориальным признакам относятся лексическое и грамматическое значения, образующие содержание ФЕ, и компонентное строение, характеризующее ее форму. Как особая единица языка она реально существует в языке и реально употребляется в речи только в единстве своей формы и своего содержания. ФЕ

состоит не из слов, а из компонентов, которые лишь генетически, по своему происхождению, восходят к словам, однако в составе ФЕ они лексически и грамматически опустошены, и лексическое и грамматическое значение имеет вся ФЕ в целом, но не отдельные ее компоненты. ФЕ, как и слово, всегда является членом предложения (за исключением модальных и междометных ФЕ, выполняющих в предложении функции, близкие к модальным словам и междометиям) и вступает в связи и отношения со словами по законам лексической и грамматической сочетаемости. ФЕ не может употребляться в речи вне связей и отношений с другими словами в предложении. Как и слово, ФЕ выполняет в языке номинативную функцию (хотя природа номинации у них различна!) и является носителем лексического значения, в основе которого лежат **понятия**.

При таком понимании фразеологической единицы как особой единицы языка за пределами фразеологического состава остаются словосочетания типа *золотая молодежь, волчий аппетит, одержать победу, закоренелый преступник, принять решение, оказывать влияние, впадать в истерику и т.п.*, так как слова, входящие в эти словосочетания, сохраняют все признаки слова с их лексическим (хотя и несколько специфическим или переносным) и грамматическим значением, в то время как компоненты ФЕ лексически и грамматически опустошены. Никаких признаков фразеологической единицы у этих словосочетаний нет, несмотря на их устойчивость и воспроизводимость. Что касается сложных союзов и предлогов типа *до тех пор пока, несмотря на то что, подобно тому как и т.п.*, то у них вообще нет никакого лексического и грамматического значения, и их единственное назначение в языке - выражать определенные связи между знаменательными словами или предложениями.

Отдельного рассмотрения требует проблема отграничения фразеологических единиц от пословиц и поговорок, поскольку ученые, придерживающиеся так называемого "широкого" понимания фразеологии (Архангельский 1964, Шанский 1985, Булаховский 1952, Ройзензон 1973, Ткаченко 1958) безоговорочно относили последние к составу фразеологии. Как уже отмечалось выше, и в современных словарях пословицы и поговорки занимают стабильно большое место. Кроме того, необходимо внести ясность в терминологию, поскольку разные ученые по-разному определяют содержание этих терминов. Приведем некоторые примеры.

Наиболее распространенным является определение, данное Рыбниковой: "пословица - изречение, законченная мысль, выраженная в предложении", а поговорка - это "образный, выразительный по своей форме элемент суждения, характерный для данного языка выразительный оборот речи, идущий на правах языковой единицы" (Рыбникова 1958:515). Сходное определение можно встретить во многих толковых словарях в специальных статьях и исследованиях по фольклору, во вступительных статьях ко многим сборникам русских

пословиц и поговорок. В качестве примеров последних приводятся выражения типа **скалить зубы, на попятный двор, тряхнуть стариной** и т.п., т.е. поговорки отождествляются с ФЕ.

В.М. Мокиенко во вступительной статье к "Большому словарю русских поговорок" определяет поговорки как меткие устойчивые выражения экспрессивно-образного типа, ярко характеризующие человека и окружающую действительность, в отличие от пословиц, которые имеют назидательный смысл и являются логически законченными предложениями (Мокиенко, Никитина 2007). Поэтому в словарь поговорок включены "выражения" типа **бить баклуши; отложить в долгий ящик; ударим автопробегом по бездорожью; чья бы корова молчала, а твоя бы молчала; я корова, я и бык, я и баба, и мужик; бороться и искать, найти и перепрятать.**

Н.Ф. Алефиренко и Н.Н.Симененко считают, что "пословицы - это устойчиво воспроизводимые в речи афоризмы фольклорного происхождения, имеющие как образную, так и "безобразную" структуру значения, характеризующиеся эквивалентностью суждению, относительной независимостью от внешнего контекста и наличием подтекста. Поговорками считаются устойчивые выражения не эквивалентные суждению. Поговорки не обладают семантической независимостью от внешнего контекста, и их функционирование во многом обусловлено способностью украшать и разнообразить речь" (Алефиренко, Семененко 2009:248-249). При таком понимании в число поговорок попадают и типичные ФЕ **до гробовой доски, ни рожи ни кожи, как с гуся вода**, и высказывания в форме предложения **как на духу всю правду расскажу, дело сдвинулось с мертвой точки.**

Приведенные примеры свидетельствуют, на наш взгляд, не только о терминологической путанице, но и об отсутствии четких критериев отграничения ФЕ, пословиц и поговорок.

Нами **пословицы и поговорки** рассматривается в соответствии с русской научной традицией прежде всего как художественные произведения устного народного творчества (малые фольклорные жанры). Они представляют собой законченное высказывание и в грамматическом отношении всегда являются простым или сложным предложением (*аппетит приходит во время еды; не плюй в колодец, пригодится воды напиться; не имей сто рублей, а имей сто друзей; друзья познаются во время беды*). Являясь законченными предложениями, пословицы и поговорки всегда обладают категориями предикативности и модальности и имеют смысловую и интонационную завершенность. В основе их целостного смыслового содержания лежат **суждения**. Наиболее убедительным, на наш взгляд, критерием разграничения пословиц и поговорок представляется наличие или отсутствие индикаторного смысла у этих народных изречений, на что в предисловии к своему словарю указывал В.П.Жуков (Жуков 1966). Специфической особенностью пословицы является ее

двуплановость: наличие у нее прямого плана содержания высказывания, точно соответствующего значению слов, образующих его, и иносказательного, не соответствующего значению слов, образующих предложение-пословицу (*дым без огня не бывает, первый блин комом*). В этом отличие пословицы от **поговорки**, которая, будучи тождественной пословице в структурно-грамматическом плане (она также представляет собой законченное простое или сложное предложение), обладает только прямым планом содержания высказывания (*деньги - дело наживное; все хорошо, что хорошо кончается; мир не без добрых людей*). Категориальное отличие и как следствие невозможность по единым параметрам описать в словаре ФЕ как особую единицу языка и другие в «широком» понимании «фразеологические обороты» можно наглядно продемонстрировать, соотнеся признаки ФЕ и пословиц и поговорок:

Признаки	Пословица <i>Лес рубят - щепки летят</i>	Поговорка <i>Друзья познаются в беде</i>	ФЕ <i>Звезд с неба не хватает</i>
Законченное простое или сложное предложение	+	+	—
Категории модальности, предикативности, смысловая и интонационная завершенность	+	+	—
Иносказательный план содержания высказывания	+	—	—
Лексическое значение	—	—	+
Грамматическое значение	—	—	+
Возможность употребляться вне связей и отношений со словами в предложении	+	+	—
Функция члена предложения	—	—	+

В силу этих различий представляется, на наш взгляд, одинаково некорректным как отнесение к пословицам и поговоркам ФЕ, являющихся, как и слова, единицами языка, из которых строится предложение, так и включение в состав фразеологических единиц языка пословиц и поговорок, представляющих собой художественные произведения устного народного творчества.

Качественное своеобразие ФЕ как особой единицы языка, определяющее ее место в системе языка и ее соотношение с другими единицами, а также особенности ее употребления в речи определяют следующие категориальные и некатегориальные признаки:

Категориальные признаки:

- форма ФЕ (ее компонентный состав, возможности варьирования)
- лексическое значение
- грамматическое значение

Некатегориальные признаки:

- отнесенность ФЕ к определенному лексико-грамматическому разряду
- валентные свойства ФЕ (ее лексическая и грамматическая сочетаемость)
- акцентология
- сфера употребления (фразеология литературного языка, просторечия, территориальных и социальных диалектов)
- стилистическая принадлежность (фразеология книжная, разговорная, стилистически нейтральная)
- эмоционально-экспрессивная окраска (шутл., бран., ирон., неодобр. и т.д.)
- историко-временная характеристика (особенности происхождения и функционирования ФЕ в период ее бытования в языке)

Именно эти признаки должны во фразеографии, на наш взгляд, рассматриваться как параметры лексикографического описания ФЕ в словаре. Впервые такой подход был осуществлен во Фразеологическом словаре русского языка под редакцией А.И. Молоткова (Фразеологический словарь русского языка 1967), где представлено научное обоснование выделения ФЕ как особой единицы языка и ее отграничения от других устойчивых сочетаний, что позволило создать словник, состоящий из однотипных единиц языка, и соответствующую однотипность их лексикографического описания. Научно обоснованное определение ФЕ в свою очередь послужило теоретической и практической базой для дальнейших более глубоких исследований качественного своеобразия ФЕ, в результате которых было установлено наличие у ФЕ особой грамматики (Хуснутдинов 1996), валентности (Ермилова 1994), акцентологии (Найдина 1995), особого синтаксиса (Ляхова 1992), создана классификация состава ФЕ по лексико-грамматическим разрядам (Хуснутдинов 1993), в которых нет и не может быть места иным категориальным единицам языка, кроме ФЕ. Совершенно очевидно, что при "широком" понимании фразеологии научная постановка подобных вопросов невозможна, а вопрос о системных отношениях внутри типологически разнородных элементов, которые относят к "широкому" фразеологическому составу языка, весьма

проблематичен. Именно поэтому учёт категориального статуса языковых единиц, включаемых авторами во фразеологические словари, должен являться базовым принципом при составлении их словников. Каким бы догматичным, по мнению представителей "широкого" понимания фразеологии, ни воспринимался подход А.И. Молоткова к границам фразеологии, определению особого статуса ФЕ, вычленению таких единиц в языке и их лексикографическому описанию, он явился научным основанием для создания в дальнейшем специальных фразеологических словарей, представляющих более глубокую информацию о различных аспектах языковой природы ФЕ и особенностях их функционирования в речи: Фразеологизмы в русской речи (2001), Большой фразеологический словарь русского языка (2010), Словарь фразеологических синонимов русского языка (2009), Школьный фразеологический словарь русского языка (2013) и др.

Признание ФЕ особой единицей языка, объективно выделяющейся в языке и отграничивающейся от всех других многокомпонентных устойчивых сочетаний, и в связи с этим правомерность лексикографического описания таких однотипных единиц в специальных фразеологических словарях по единым параметрам отнюдь не ставит под сомнение необходимость изучения и научного описания всех типов устойчивых сочетаний и выражений с учётом их языкового статуса в своём отдельном научном направлении: пословицы и поговорки как творческие жанры – в паремиологии, составные термины – в терминоведении, составные служебные слова – в грамматике, крылатые выражения – в «крылатоведении» и т.д. – и их описание в специальных словарях, содержащих единицы одного лексикографического типа: пословиц и поговорок, крылатых выражений, составных терминов и т.п., что даст возможность описать формальные и содержательные свойства каждого типа сочетаний и определить их место и функциональное назначение в языке. В противном случае собранный под одной обложкой огромный массив "фразеологических оборотов", включаемых авторами в словари, становится лишь собранным автором материалом, требующим дальнейшего исследования и классификации. Только объективная характеристика всех типов устойчивых сочетаний с учётом уровня развития и достижений лингвистической науки может внести ясность и поставить точку в дискуссию об объёме фразеологического состава русского языка.

Список литературы

Алефиренко Н.Ф., Золотых Л.Г. (2008): Фразеологический словарь. Культурно-познавательное пространство русской идиоматики. Москва: ЭЛПИС.

- Алефиренко Н.Ф., Семенович Н.Н.(2009): Фразеология и паремиология. Учебное пособие. Москва: Флинта: Наука, 248-249.
- Антонова Л.В. (2013): Большой фразеологический словарь русского языка. Москва: Славянский дом книги.
- Архангельский В.Л.(1964): Устойчивые фразы в современном русском языке. Основы теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии. Ростов н/Дону: изд-во Ростовского университета.
- Баранов А.Н., Добровольский Д.О.(2015): Академический словарь русской фразеологии. 2-е изд., испр. и доп. Москва: ЛЕКСУС.
- Баранов А.Н., Добровольский Д.О. (2012): К основаниям классификации фразеологизмов, Человек о языке – язык о человеке: Сборник статей памяти академика Н.Ю.Шведовой. Москва: Издательский центр «Азбуковник», 16-32.
- Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. (2009): Словарь фразеологических синонимов русского языка. Москва: АСТ- Пресс Книга.
- Большой фразеологический слова русского языка /Отв. редактор В.Н.Телия.(2010): Москва: АСТ - Пресс Книга.
- Булаховский Л.А. (1952): Об источниках литературной фразеологии: Курс русского литературного языка. -Т. I. Киев: Радянська школа.
- Фразеологический словарь русского языка / Под ред. Молоткова А.И. (1967): Москва: Советская энциклопедия.
- Ганапольская Е.В. (2015): Фразеологический словарь современного российского детектива. В 2 т. Т.1: А-К. СПб: Златоуст.
- Ермилова М.Л.(1994): Лексическая и грамматическая сочетаемость фразеологических единиц современного русского языка. Автореф .дис. ...канд .филол. наук. СПб.
- Жуков В.П. (1966): Словарь русских пословиц и поговорок. Москва: Советская энциклопедия.
- Жуков В.П., Жуков А.В. (2013): Школьный фразеологический словарь русского языка. Москва: Просвещение.
- Ляхова Т.Н. (1992): Синтаксис фразеологической единицы. Автореф .дис. ...канд .филол. наук. СПб.
- Найдина Т.Е. (1995): Акцентология фразеологической единицы. Автореф .дис. ...канд .филол. наук. СПб.
- Мелерович А.М., Мокиенко В.М. (2001): Фразеологизмы в русской речи. Москва: АСТ Трель.
- Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. (2007): Большой словарь русских поговорок. Москва.: ОЛМА Медиа Групп».

- Молотков А.И. Послесловие к переизданию "Фразеологического словаря русского языка" (1994): Фразеологический словарь русского языка /Под ред. А.И.Молоткова. 5-е изд. СПб : 537-541.
- Молотков А.И. (2016): Русская фразеология и фразеография: аспекты изучения. Русская фразеология и фразеография: К 100-летию А.И.Молоткова. Иваново: Иван.гос.ун-т, 5-23.
- Ройзензон Л.И. (1973) :Лекции по общей и русской фразеологии. Самарканд: изд-во Самаркандского ун-та.
- Розенталь Д.Э., Краснянский В.В. (2008): Фразеологический словарь русского языка. Москва: Оникс: Мир и образование.
- Рыбникова М.А.(1958): Русская поговорка, Рыбникова М.А. Избранные труды. Москва, 515-526.
- Ткаченко П.В. (1958): Вопрос о пословицах как материале фразеологии. Ученые записки Саратовского гос.пед.ин-та. Вып. 30. Саратов: Саратовский гос.пед.ин-т, 101-113.
- Федорова Т.Л.(2013): Фразеологический словарь русского языка.Москва: ЛадКом.
- Фразеологический словарь современного русского литературного языка/Под ред проф. А.Н.Тихонова (2004): Москва:Флинта:Наука.
- Хуснутдинов А.А.(1996): Грамматика фразеологической единицы. Дис. ... д-ра филол. наук. СПб.
- Хуснутдинов А.А. (1993): Лексико-грамматическая характеристика фразеологических единиц русского языка. Учебное пособие. Иваново: Ивановский гос. ун-т.
- Шанский Н.М. (1985): Фразеология современного русского языка. 3-е изд. Москва: Высш.шк.

ПРЕДИКАТИВНЫЙ АТРИБУТ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ. ПРОБЛЕМЫ ГРАММАТИКИ И СЕМАНТИКИ

Найдич Лариса Эриковна

Еврейский Университет в Иерусалиме, Израиль

larissa.naiditch@mail.huji.ac.il

Павлова Анна Владимировна

Майнцский Университет, Германия

anna.pavlova@gmx.de

PREDICATIVE ATTRIBUTE IN THE RUSSIAN LANGUAGE. PROBLEMS OF GRAMMAR AND SEMANTICS

АННОТАЦИЯ

Предикативный атрибут (дуплексив, вторичный предикат, малая клауза) – член предложения, одновременно относящийся к глаголу-сказуемому и к существительному (подлежащему или дополнению). В статье рассматриваются спорные проблемы трактовки этого явления в русском языке. Анализируется распространенное в лингвистической литературе мнение, что ПА выражают лишь временные, переменные признаки. Несмотря на правильность такой общей тенденции, есть примеры, противоречащие этой гипотезе, что объясняется семантикой и грамматическими свойствами глагола. Связь между атрибутивной и глагольной частью предложения часто обогащается дополнительными обстоятельственными значениями (причинными, следственными, уступительными, временными), что ведет к еще большей семантической спаянности отрезков текста.

ABSTRACTS

Predicative attribute (duplexive, secondary predicate, little clause) is a syntactic element referring both to the predicate (verb) and to the subject / object (noun or pronoun). The article deals with controversial problems connected with this phenomenon. Thus, the widespread opinion that the predicative attribute renders only temporary, changing features is considered. Although such general trend really exists, there are examples challenging this hypothesis, caused by semantics and grammatical features of the verb. The connection between attributive and verbal parts of the sentence is often enriched by additional circumstantial meaning nuances (those of causal, consequence, consecutive, and temporal semantics). Such constructions lead to strong boundness inside of a sentence.

Ключевые слова: русский язык, грамматика, синтаксис, предикативный атрибут.

Key words: Russian language, grammar, syntax, predicative attribute.

Введение

Объектом данного исследования является член предложения, одновременно относящийся к знаменательному глаголу-сказуемому и к существительному (подлежащему или дополнению). Мы называем его, следуя Герману Паулю, предикативным атрибутом (Paul 1880; Пауль 1960; Зиндер, Строева 1957: 279; Helbig, Buscha 2005, 1. изд. 1972; Naiditsch, Pavlova 2018). Герман Пауль описывает предикативный атрибут следующим образом:

„Мы охарактеризовали определение как ослабленное сказуемое. Теперь следует упомянуть промежуточную степень, на которой определение обладает еще большей самостоятельностью, менее тесно связано с подлежащим, так что в этом случае было бы правильной считать его особым членом предложения. Сюда относится то, что обычно принято называть предикативным определением, напр. нем. er kam gesund an ‚он приехал здоровым‘. Ту же самую логическую связь могут иметь и предложные определения, например нем. er bat mich auf den Knieen ‚он просил меня на коленях‘, где сочетание auf den Knieen можно было бы заменить причастием knieend ‚стоя на коленях‘“ (Пауль 1960: 169).

В известной грамматике Хельбига и Буши (Helbig, Buscha 2005: 465) мы находим важное дополнение:

„Предикативный атрибут представляет собой нечто вроде второго (семантического) предиката в предложении, это некий дополнительный предикат по отношению к субъекту (или объекту), но неполный и несамостоятельный, т.е. вторичный, предикат [...]. Поэтому, по всей видимости, не существует жестких границ между синтаксическим предикатом и синтаксическим атрибутом [...]“ (Перевод мой – А.П.).

Таким образом, в этой книге дается термин «предикативный атрибут» наряду с термином «вторичный предикат», причем второй служит дефиницией для первого. Смысл высказывания о несуществовании жесткой границы между предикатом и атрибутом можно трактовать таким образом, что предикат способен содержать черты определения, а определение включать в свою семантику черты предиката. Например: *Отец вернулся домой веселый / веселым. Робок и боязлив от природы, Илья все конфликты старался разрешать мирным путём. Неистов и упрям, / Гори, огонь, гори.* (Окуджава).

В лингвистической литературе это явление называется по-разному: кроме термина «предикативный атрибут» и также уже упомянутого «вторичный предикат» (или «вторичный предикатив»), встречаются термины «свободный предикатив» (нем. freies Prädikativ, см. Erben 1980: 142), «дуплексив» (Чеснокова 1973; Kubík, Adamec, Hrabě 1982), «копредикатив» (Plank 1985; Trost 2006), а в англоязычной литературе чаще всего используется термин «малая

клауза» (small clause)³. Примерно то же означает термин «депиктив», введенный Майклом Халлидеем (Halliday 1967: 63), который противопоставил депиктивные свойства („depictive features“) атрибутов результативным свойствам („resultative features“), иллюстрируя это противопоставление примерами типа: ‚he drinks his coffee black‘ – ‚this machine washes clean‘.

ПА встречается во многих языках. В русском он может быть выражен прилагательным (полным или кратким), причастием, существительным, наречием, местоимением, числительным, а также состоять из нескольких элементов, образующих синтаксическое единство, например, существительное с предлогом, деепричастный оборот, причастный оборот. Так, во фразе, открывающей вторую главу романа Булгакова «Мастер и Маргарита», ПА выражен группой существительного с предлогом, которая одновременно характеризует и внешний вид прокуратора, и способ выполнения действия:

(1) **В белом плаще с кровавым подбоем**, шаркающей кавалерийской походкой, ранним утром четырнадцатого числа весеннего месяца нисана в крытую колоннаду между двумя крыльями дворца Ирода Великого вышел прокуратор Иудеи Понтий Пилат.

Среди русских лингвистов первыми указали на существование предикативного атрибута (или предикативного определения) А.А. Потебня (Потебня 1958: 111) и

А.А. Шахматов (Шахматов 1941: 39–40; 1-е изд. 1925). Но несмотря на заложенную ими традицию, этому члену предложения в русских грамматических пособиях и исследованиях до последнего времени не уделялось достаточного внимания. Исключение составляла книга Л.Д. Чесноковой (1973), где этот член предложения, называемый «дуплексив», описывается очень подробно и всесторонне. В последние два десятилетия появился целый ряд статей, анализирующих данное явление; после книги Чесноковой большой вклад в описание ПА в русском языке внесло исследование Nichols 1981. Но многие аспекты проблематики в связи с ПА всё еще не освещены или остаются дискуссионными.

Сложности трактовки ПА

3 В «Новом объяснительном словаре синонимов русского языка» под ред. Ю.Д. Апресяна сказано: «Вторичный предикатив (копредикатив) – зависящий от глагола член предложения, который описывает состояние, свойство, положение или действие субъекта или объекта ситуации, обозначенной этим глаголом. Ср.: *Он бегал по улице без шапки* <раздетый, раздетым> (состояние субъекта ситуации), *Я знал ее молодой*. Вторичный предикатив отличается от похожих на него членов предложения во фразах типа *Я считал ее молодой* тем, что не является актантом глагола». (Апресян 2003).

ПА – неоднозначное, переходное явление синтаксиса. Двойная соотнесенность некоторых элементов предложения, казалось бы, противоречит простым синтаксическим схемам. Даже наличие или отсутствие ПА в отдельных примерах может вызвать споры. Так, в примере (2) мы можем увидеть в маркированном слове простое обстоятельство, относящееся к глаголу *стоишь*, а можем отнести его одновременно и к глаголу, и к необозначенному здесь местоимению второго лица как его определение и рассматривать его как ПА, причем в таком случае *превыше*, возможно, представляет собой сравнительную степень не наречия, а прилагательного:

(2) Стоишь, плечами небо тронув,

Превыше помыслов людских,

Превыше зол, **превыше** тронов,

Превыше башен городских. (Давид Самойлов. Крылья холопа)

Иногда то, что мы бы назвали ПА, выраженным абсолютной конструкцией, может трактоваться как вводное номинативное предложение:

(3) Ксения – **неизменная сигарета в зубах** – сбросила ветровку и сапоги. (Ирина Лобановская. Злейший друг).

В следующем отрывке из стихотворения Ахматовой «Уединение» выделенные нами краткие прилагательные относятся к существительному-подлежащему: *божественно спокойна* и *легка* рука Музы. Но в то же время отчетливо ощущается и их связь с глаголом: именно такие свойства руки дают возможность действия *дописать*. ПА здесь явно выступают как дополнительные (вторичные) сказуемые:

(4) А не дописанную мной страницу –

Божественно спокойна и легка,

Допишет Музы смуглая рука

Связь с глаголом может быть не замечена реципиентом текста, а краткие прилагательные будут тогда рассмотрены как относящиеся только к существительному. В предложении

(5) **Белое и лёгкое** (,) платье мерцало в тёмной комнате

выделенные прилагательные являются определениями, пока они составляют с определяемым существительным цельную синтагму. Но стоит нам отделить их запятой, а в устной речи выделить интонацией, их связь с глаголом, а значит, и трактовка как ПА, становятся очевидными: они превращаются во вторичные сказуемые. Зависимость статуса и семантики ПА от пунктуационного отделения в лингвистической литературе пока, насколько мы можем судить, не описана, в то время как связь между этими явлениями явственно ощутима и значима.

Дискуссионными остаются и закономерности употребления ПА-прилагательного в русском языке в форме согласованного падежа (именительного, винительного и др.) или несогласованного творительного падежа. Например, с глаголом *пришел* допустимы оба варианта (*Он пришел **веселый** / **веселым***), а вот с глаголом *шел* творительный вряд ли возможен (*Он шел **злой** / ***злым***), как и при глаголах положения в пространстве (*сидеть, лежать, стоять*). Нам пока не встретилось ни одного полного научного описания допустимых употреблений творительного или, наоборот, согласованных форм прилагательных в роли ПА в зависимости от семантики глаголов. (Подробнее см. об этом следующий раздел).

Иногда носитель языка чувствует, как можно, а как нельзя сказать, но правила не может сформулировать не только он, но и профессиональный лингвист. Так, неясно, по какой причине ПА-прилагательные должны быть дополнены однородными членами, чтобы фраза показалась нам стилистически корректной. Например, почему-то кажется ненормативным вариант:

(6) ***Здоров**, он собирался выйти на работу,
но нейтрально звучит:

(7) **Здоров и бодр**, он уже принимал гостей.

Или фраза

(8) ***Мальчишка сидел передо мной, **наглый****
кажется странной, в то время как предложение

(9) Мальчишка сидел передо мной, **самоуверенный и наглый**
представляется стилистически корректным.

Ср. также:

(10) ***Князь, старый**, уже не выходил из дома. – Князь, **старый и немощный**, уже не выходил из дома. – ***Старый**, князь уже не выходил из дома. – **Старый и немощный**, князь уже не выходил из дома.

Кажется, что прилагательное – по крайней мере, отделенное в самостоятельную синтагму, – чтобы приобрести статус ПА, часто требует «утяжеления», грамматического распространения. Но так происходит не всегда; особенно много «исключений» в поэзии. Ср.:

(11) Один пред конною толпой

Мазепа, **грозен**, удалялся

От места казни. (Пушкин. Полтава)

(12) Люблю его, когда, **сердит**,

Он поле ржи задёрнет флёром. (Анненский. Ветер)

(13) Вечерних окон свет жемчужный

Застыл, **недвижный**, на полу... (Ходасевич. Вечером синим)

Рассмотрим несколько нерешенных проблем в следующем разделе подробнее.

Обозначают ли ПА только непостоянные признаки?

Мнение о том, что ПА выражают лишь временные, переменные и ограниченные длительностью ситуации признаки, чрезвычайно распространено. Уже Герман Пауль писал о том, что предикативный атрибут по природе своей выражает непостоянный признак предмета (Paul 1920: 142; Пауль 1960: 169). В современном исследовании читаем: «Депиктивные предикаты отображают дополнительные признаки, которые релевантны для предмета лишь до тех пор, пока длится передаваемая предикатом ситуация» (Dölling 2000: 21; перевод мой – А.П.). Аналогичные мнения можно найти и в других работах (Helbig, Buscha 2005: 466; Dolińska 2011: 73). Действительно, имманентные предмету свойства к роли ПА пригодны меньше, чем временные. Эта особенность ПА вызвана его связью с глаголом, т.е. с действием.

В русском языке на проблему постоянства и непостоянства признака ПА, выраженного прилагательным, накладывается другая: непостоянные признаки часто выражены творительным падежом. Несмотря на обширную литературу, вопрос о соотношении употребления творительного падежа и согласованного атрибута до сих пор окончательно не выяснен. Некоторые языковеды уверены, что творительный выражает переменное, непостоянное качество, в то время как согласованный падеж этой семантикой не обладает; постоянное, имманентно присущее предмету качество в принципе не может выражаться творительным падежом прилагательного (Борковский, Кузнецов 2016 – 1963; Timberlake

1986, Filip 2001, Richardson 2001). «Имеется в виду, что предложения типа *он увидел его чистым* (временный, или стадиальный признак) более естественны, чем *он увидел его деревянным* (постоянный, или индивидуальный признак). В целом это наблюдение верно, хотя, [...] такое описание все же требует уточнений» (Кузнецова, Рахилина 2014: 1986). Действительно, многие примеры подтверждают мнение о непостоянстве признака, выраженного творительным падежом. Ср.: *Гулял я молодым* / *Гулял я молодой*, где в творительном явственно ощущается семантика непостоянства признака, а в именительном эта семантика не выражена⁴.

Однако в других случаях обе формы представляются полными синонимами: *Он пришел усталым* / *Он пришел усталый*. Собранные нами примеры дают следующую картину. При непостоянном признаке возможна конкуренция согласованного прилагательного и творительного падежа:

- (14) Он пришёл домой **пьяный**. / Он пришёл домой **пьяным**.
- (15) Он вернулся в семью **поумневший**. / Он вернулся в семью **поумневшим**.
- (16) Она вбежала **разрумянившаяся**. / Она вбежала **разрумянившейся**.

При имманентном предмету признаке употребление творительного обычно невозможно. Так, допустимо сказать: *Я надену это платье неглаженным*; но недопустимо: **Я надену это платье ярко-красным*⁵. Подобные (некорректные) фразы порождают представление о том, что одно и то же платье утром может быть одного цвета, а вечером другого. Уже этот нежелательный эффект «когнитивного диссонанса», вызываемый подобными странными высказываниями, казалось бы, свидетельствует о том, что ПА в принципе способны передавать только непостоянные свойства, которые характеризуют один и тот же предмет в разное время и при разных обстоятельствах. Таким образом, представление о том, что качество, выражаемое в ПА, должно носить временный и непостоянный характер, утвердившееся в литературе, многими нашими примерами подтверждается. Если мы скажем: *Она пришла к нам рыжей*, или *Я знал ее блондинкой*, то напрашивается мысль о последующем изменении цвета волос, т.е. в такой конструкции очевидна непостоянность

4 Под «не выражена» имеется в виду «не актуализирована», «не осознается». Понятно, что молодость в принципе когда-нибудь проходит, но творительный подчеркивает ее мимолетность, в то время как в именительном (согласованном) сема мимолетности, непостоянства «погашена».

5 Впрочем, здесь невозможен и согласованный (винительный) падеж: **Я надену это платье ярко-красное*.

признака: *Она пришла к нам **рыжей**, а вышла **жгучей брюнеткой**. Я знал ее **блондинкой**, а потом встретил **брюнеткой**.*

Однако даже в случае с творительным падежом есть примеры, противоречащие указанной закономерности. Например, с глаголами появления, возникновения (*родиться, появиться на свет*) сочетаются прилагательные, обозначающие постоянные признаки – или, во всяком случае, не ограниченные временем действия глагола. Вполне корректны и представляются полностью синонимичными высказывания: *Девочка родилась **рыжей** / **рыжая**. Она пришла в этот мир **рыжеволосой** / **рыжеволосая**.* Такие случаи, по-видимому, объясняются семантикой и грамматическими свойствами глагола.

В ПА, выраженных согласованными прилагательными, постоянные признаки встречаются довольно часто. Ср.:

(17) Воротился он **бледный от гнева, печали** (Апухтин. Старая цыганка) – временный признак

(18) И **узкое, узкое, узкое**

Пронзает меня лезвиё. (Ходасевич. Баллада) – постоянный признак

В следующем примере постоянные и временные признаки объединены в одном ПА:

(19) Тут вошла девушка лет осемнадцати, **круглолицая, румяная, с светлорусыми волосами, гладко зачесанными за уши...** (Пушкин. Капитанская дочка)

Но бывают случаи, когда постоянство или изменчивость признака представляются величинами относительными. Рассмотрим пример:

(20) Он приходил ко мне, **изможденный, измученный**.

Естественно предположить, что *он* бывал в таком состоянии не всегда. Но возможно, что оно было вообще свойственно *ему*. Если заменить прилагательные, то ясно, что речь может идти и о постоянном признаке:

(21) Он приходил ко мне, **высокий, статный**.

А (20) представляет собой своего рода грамматический омоним.

Неоднозначность решения рассмотренной проблемы, по-видимому, объясняется семантикой глагола и привычными коллокациями с ним (узусом).

Отягощенность ПА дополнительными обстоятельственными значениями

Описывая предикативное определение, А.А. Шахматов приводил следующую фразу: *Жизнерадостный и весёлый, он рассеял скверное расположение, в котором мы находились*. И другой пример: *Старый и одряхлевший князь перестал выезжать из дома и почти не выходил из кабинета* (Шахматов 1941: 39–40; изд. 1, 1925). В обоих примерах, по Шахматову, содержится не обычное определение, а ПА. Шахматов рассматривает атрибуты в этих предложениях как предикативные из-за заключенного в них обстоятельственного значения причины, что синтаксически связывает их с глаголами.

Действительно, во многих случаях ПА, имея двойную соотнесенность, передают некоторые специфические соотношения значений атрибутивной и глагольной части: причинно-следственные, уступительные, временные. Дополнительные семантические связи в предложении возможны не только в ПА. Например, в известной «дразнилке» *Любопытной Варваре нос оторвали*, где прилагательное *любопытной* – обычное определение, несомненно, ощущается причинно-следственная связь между прилагательным и последующим действием: ‘Варваре оторвали нос, потому что она совала его не в свои дела’. Если заменить прилагательное, искажив поговорку, например: *Толстой Варваре нос оторвали*, то реципиент этого высказывания, возможно, будет искать семантическую связь между его частями, но вряд ли ее найдет. Более того, и при отсутствии прилагательного более или менее сильные дополнительные связи, например, между существительным и глаголом, возможны благодаря семантическому строению слов (наличию определенных сем), ассоциациям, пресуппозициям. Если мы говорим: *Отличник блестяще сдал экзамен*, то ощущаем причинную связь между подлежащим и группой сказуемого: ‘раз отличник, так и должно было быть, мы этого и ожидали’. А если говорим: *Отличник провалился на экзамене*, ощущается уступительная связь: ‘хотя и отличник, но провалился’, нарушаются пресуппозиции, и реципиент строит гипотезы: почему так случилось? Такой поиск дополнительных внутренних связей естествен, а для ПА они играют важную роль, еще более объединяя элементы предложения. ПА с дополнительной обстоятельственной семантикой могут быть выражены разными частями речи, разными словосочетаниями. Сравним различные способы выражения ПА, отягощенного обстоятельственными со-значениями:

а) однородные прилагательные:

(22) [...] досыта изыздеваюсь, **нахальный и едкий** (Маяковский. Облако в штанах)
(семантика причины: ,изыздеваюсь, потому что я нахальный и едкий‘).

б) причастный оборот:

(23) Но ей

Не хорошо на новоселье,

Привыкшей к горнице своей (Пушкин. Евгений Онегин) (семантика причины)

в) оборот с кратким прилагательным:

(24) **Извечно покорны слепому труду,**

Небесные звезды несутся в кругу. (Давид Самойлов. Извечно покорны слепому труду...) (семантика причины)

г) абсолютная номинативная группа:

(25) **Дитя сама,** в толпе детей

Играть и прыгать не хотела. (Пушкин. Евгений Онегин) (семантика уступительности)

д) существительное с предлогом:

(26) **В нарядном платье, с красной лентой в косе** девочка выглядела еще милее
(семантика причины).

Таким образом, мы видим разнообразное оформление ПА с дополнительной обстоятельственной семантикой. Последняя очевидно усиливает семантическую связь ПА с глаголом-сказуемым.

Выше мы уже говорили об одиночном атрибутивном элементе, не всегда достаточном для образования ПА. Приведем еще примеры, связанные с обстоятельственным значением.
Ср.:

(27) ***Красивая**, Нина была несчастлива в личной жизни.

В предложении (27), казалось бы, чего-то не хватает – во всяком случае, в бытовой разговорной речи оно кажется странным. Убедительнее выглядит вариант с двумя однородными ПА:

(28) **Красивая и обаятельная**, Нина была несчастлива в личной жизни.

Уступительное значение здесь, несомненно, чувствуется, в то время как в следующем примере оно сомнительно, так как трудно найти соответствующие смысловые связи, и дополнительная семантика осознается только если добавить словосочетание *еще и, к тому же* и т.п.:

(29) **Красивая и обаятельная**, Нина (к тому же) всегда была одета со вкусом.

Дополнительная семантика обеспечивает бóльшую внутреннюю спаянность фразы, а значит, и бóльшую вероятность наличия ПА. Представляется, что отягощенность дополнительными обстоятельственными значениями дает единичным прилагательным право на существование в качестве ПА, но при условии, что такие прилагательные выделены в самостоятельную синтагму. При этом одиночные отделенные на письме запятой (реже – тире или даже точкой) прилагательные носят отпечаток высокого литературного стиля, далекого от разговорной речи. Ср.:

(30) **Хищные**, лисы могут напасть и на человека.

(31) **Остроумный**, он любил розыгрыши.

(32) **Порывистый**, юноша страдал приступами гнева.

Для разговорной речи или публицистического стиля естественнее пары прилагательных. Например, вместо варианта (32), в тексте публицистического жанра написали бы, скорее всего: *Порывистый и нетерпеливый / Порывистый и нервный...* и т.п.

Заключение

Предикативный атрибут объединяет то, что кажется несовместимым: определение соединяется в нем с обстоятельством образа действия. Благодаря двойной

связи: с подлежащим (реже с дополнением) и с предикатом, – ПА как будто цементирует предложение. ПА дает возможность выразить дополнительные семантические связи, поиск которых на основе сем внутри значений отдельных слов, на базе пресуппозиций, контекста и фоновых знаний естественен при восприятии любого высказывания, в том числе отдельной фразы или сверхфразового единства. Соотношение грамматики и семантики в ПА выступает в своем явном, но иногда несколько необычном – с точки зрения простых и привычных синтаксических отношений – виде. Во многих случаях семантическая связь между атрибутивной и глагольной частью предложения обогащается дополнительными обстоятельственными значениями (причинными, следственными, уступительными, противительными, временными), что ведет к еще большей семантической спаянности отрезков текста, так как усиливает их взаимозависимость.

При анализе ПА остается много неясного, гипотетического. Многие закономерности носят вероятностный характер. Очевидно, ряд проблем можно прояснить только учитывая семантику и грамматические связи глагола. Другие вопросы связаны со стилем повествования. Например, в поэзии встречаются случаи употребления ПА, казалось бы, невозможные в прозе. Эта сторона анализа ПА, т.е. его описание с точки зрения грамматики поэзии, еще требует новых исследований.

Список литературы

- Апресян Ю.Д. (ред.) (2003). Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Москва: Языки славянской культуры.
- Борковский В. И., Кузнецов П.С. (2016-1963). Историческая грамматика русского языка. Изд. 6. Москва URSS. Первое издание 1963 г.
- Зиндер Л.Р., Строева Т.В. (1957). Современный немецкий язык. М.: Изд. литературы на иностранных языках.
- Кузнецова Юлия, Рахилина Екатерина (2014). Демонстративы оказались удивительными. *Acta Linguistica Petropolitana*. X. Ч. 2. St. Petersburg, 180–218. URL: <https://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/145333001>. Последнее обращение: 9.04.2018.
- Пауль, Герман. (1960). Принципы истории немецкого языка. Пер. с нем. под ред. А.А. Холодовича. М.: Изд. иностранной литературы.
- Потебня А.А. (1958). Из записок по русской грамматике. Т. I–II. М.: Гос. учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР.
- Чеснокова Л.Д. (1973). Семантические типы членов предложения с двойными отношениями. Ростов-на-Дону: ГПИ.

Шахматов А.А. (1941). Синтаксис русского языка. 2 изд. М.: Учпедгиз. (1-е изд. 1925).

References

- Dolińska, Justyna (2011). Zur Klassifizierung der Prädikative. Doctoral Thesis. Jena.
- Dölling, Johannes (2000). Uminterpretationen bei adverbialer Modifikation: Ein generelles Herangehen. J. Dölling, Pechmann Th. (Hrsg.): Prosodie-Struktur- Interpretation. Linguistische Arbeitsberichte, 74. Universität Leipzig, 271–30.
- Filip, Hana (2001): The Semantics of Case in Russian Secondary Predication. Semantics and Linguistic Theory (SALT) XI. Hastings Rachel, B rendan Jackson, Zsofia Zvolenszky (Ed.). Ithaca: CLC Publications, Department of Linguistics, Cornell Univ., 192–211. URL: http://plaza.ufl.edu/hfilip/russian_sec_pred.pdf. Letzter Zugriff: 15.04.2018.
- Erben, Johannes (1980). Deutsche Grammatik: Ein Abriss. München: Hueber.
- Halliday, Michael A.K. (1967). Notes on Transitivity and Theme in English: Part 1. Journal of Linguistics, Vol. 3, No. 1, 37–81.
- Helbig, Gerhard; Buscha, Joachim (2005). Deutsche Grammatik: Ein Handbuch für den Ausländerunterricht. Berlin, München: Langenscheidt.
- Kubík M., Adamec Pr., Hrabě V. et al. (Hrsg.) (1982). Russkij sintaksis v sopsotavlenii s češkim. Praha: Statni pedagogicke nakladatelstvi.
- Naiditch Larissa, Pavlova Anna (2018). Prädikatives Attribut. Eine Vergleichsstudie für Russisch und Deutsch. Frank & Timme Verlag.
- Nichols, Johanna (1981). Predicate nominals: a partial surface syntax of Russia. Berkeley: University of California Press.
- Paul, Hermann (1920). Prinzipien der Sprachgeschichte. 5. Aufl. Halle: Niemeyer. (Первое издание – 1880).
- Plank, Frans (1985). Prädikativ und Koprädikativ. Zeitschrift für Germanistische Linguistik 13, 154–185. URL: http://ling.uni-konstanz.de/pages/home/plank/for_download/publications/44_Plank_PraedikativKopraedikativ_1985.pdf . Retrieved: 15.04.2018.
- Richardson, Kylie (2001). What secondary predicates in Russian tell us about the link between tense, aspect and case. ZAS, Papers in Linguistics 26. URL: http://www.zas.gwz-berlin.de/fileadmin/material/ZASPiL_Volltexte/zp26/zaspil26-richardson.pdf Retrieved: 15.04.2018. Retrieved: 15.04.2018
- Timberlake, Alan (1986). The semantics of case in Russian predicate case complements. Russian Linguistics, Vol. 10, No. 2, 137–165.

Trost, Igor (2004). Das deutsche Adjektiv: Untersuchungen zur Semantik, Komparation, Wortbildung und Syntax. Hamburg: Helmut Buske Verlag.

НАЗВАНИЕ ВЕРХНЕЙ И ЗИМНЕЙ ОДЕЖДЫ В АРХАНГЕЛЬСКИХ ГОВОРАХ

Ненашева Лариса Викторовна
Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова,
Россия
jazyk@atknet.ru

THE NAME OF OUTWEAR AND WINTER CLOTHING IN ARKHANGELSK DIALECTS

Larisa Nenasheva
Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Russia

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматривается лексика, связанная с названиями верхней и зимней одежды в архангельских говорах: шубы, полушубки, пальто, куртки, а также наименования рукавиц. В статье приводится оригинальный диалектный материал, собранный в экспедициях. Также уточняется семантика и происхождение отдельных слов. Анализируемая диалектная лексика богата фонетическими и словообразовательными вариантами. В статье рассматривается происхождение некоторых слов по материалам исторических и этимологических словарей. Почти все названия верхней и зимней одежды имеют общеславянские корни.

ABSTRACT

The name of outwear and winter clothes in the Arkhangelsk dialects. This article deals with the vocabulary related to the names of outwear and winter clothes in the Arkhangelsk dialects: fur coats, sheepskin coats, coats, jackets, and also mittens' names. The article contains original dialect material collected in expeditions. Semantics and the origin of individual words are also specified. The analyzed dialect vocabulary is rich in phonetic and derivational variants. The article deals with the origin of some words based on historical and etymological dictionaries. Almost all the names of outwear and winter clothes have common Slavic origin.

Ключевые слова: диалектология, архангельские говоры, народный костюм, зимняя верхняя одежда.

Keywords: dialectology, Arkhangelsk dialects, folk costume, winter outwear.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта № 17-14-29005-ОГН «Живое слово Русского Севера».

У русской народной одежды многовековая история. Общий её характер соответствует внешнему облику, образу жизни, географическому положению и характеру труда народа. Из-за холодного климата жители северных территорий надевали на себя больше теплой

одежды, поэтому в севернорусских говорах набор слов, выражающих понятие 'верхняя, зимняя одежда' богаче, чем в южнорусских.

Актуальность исследования определяется как общим интересом современной лингвистики к изучению различных тематических групп, так и необходимостью отбора, систематизации и описания накопившегося диалектного материала. Обращение к данной лексике актуально потому, что в настоящее время значительное количество диалектных лексем из исследуемой группы уже не является принадлежностью активного словаря диалектоносителей, употребляется в их речи в ситуациях, связанных с описанием старого быта, уходит на периферию лексической системы, а отдельные наименования одежды утрачиваются в силу ряда причин как лингвистического, так и экстралингвистического характера. Являясь одним из устойчивых элементов материальной культуры народа, ведущим признаком этнических особенностей, выразителем этногенеза, одежда вместе с тем отражает связи и взаимоотношения русского народа с соседними этносами, а также испытывает изменения под влиянием моды. Этим объясняется тот факт, что наименования одежды представляют собой большой, сложный и пока еще недостаточно изученный пласт лексической системы русских народных говоров.

В данной исследовании вводится в научный оборот диалектная лексика, связанная с названиями верхней и зимней одежды. Некоторые наименования не отмечены в работах диалектологов и не зафиксированы диалектными словарями. Также уточняется семантика и происхождение отдельных слов, приводится яркий иллюстративный диалектный материал, записанный в диалектологических экспедициях, проходивших в районах Архангельской области на протяжении пятидесяти лет.

Традиционно наименования верхней одежды можно разделить на следующие тематические группы: 1) одежда, которую могут носить и мужчины, и женщины; 2) женская верхняя одежда; 3) мужская верхняя одежда.

Так, одежду, которую могут носить и мужчины, и женщины, можно разделить на шубы, полшубки, пальто, куртки. Само слово *шуба* как 'меховое верхнее платье' впервые зафиксировано в древнерусском языке в конце XIV в.: «А шюбы бораньи носити безъ пуху и обувь и до онущь имати у игумена. *Уст. гр. Сузд. арх. Дион. ок. 1382 г.*; А на комъ пригодится опашень или шуба, ини бы припоясывали. *Кипр. м. Посл. Псков. дух. п. 1395 г.*» (Срезневский 1912: 1598). М. Фасмер отмечает, что данное слово употребляется почти во всех славянских языках, и предполагает заимствование этого слова «через ср.-в.-н. *schoube* 'длинное и просторное верхнее платье', нов.-в.-н. *Schaube* из ит. *giubba* от арабского *jubba* 'верхняя одежда с длинными рукавами'» (Фасмер 1987: 482).

Наименования верхней одежды рассматриваются по материалу и по функции использования. Самой распространенной зимней одеждой для русского крестьянина был *армяк*, который шился из грубой ткани, например, из сукна, был очень широким внизу, длинным до лодыжек, с высоким воротником. Надевали армяк поверх пальто или шубы, когда ехали далеко в холодную погоду, например, за сеном или в лес: Армякú куды поедут за сеном али за дровами дак натэгивали навёрх. (Ленский район); В армякэ, конечно, в лесу теплее. (Верхнетоемский район); В армяках мужикú в лес ездили, ис серово сукна шили.// Армякú долги, тёплы, зимой носили.// Армяк надевают на одежду в большие морозы. (Холмогорский район); Армяк ис шерсти, тулуп из ошцыны. (Приозерский район). Слово *армяк*, или *ормяк*, в значении 'верхняя мужская одежда из сукна, шерсти' встречается в приходно-расходных книгах Антониево-Сийского монастыря 1578 г.: «Купил армяк дал 10 алтын, купил кафтан шубной бораней дал 9 алтын» или в описании платья Бориса Годунова 1589 г.: «Ормяк толстой бель, ординской; на немъ 8 завязокъ, шолкъ дымчатъ» (СлРЯ 1975, вып. 1: 47).

Употребление слова *азям* (озям) зафиксировано в исторических словарях с середины XVII в.: «А на техъ де тунгусахъ на нихъ и на женахъ ихъ онъ Гришка видаль круги серебряные и плащи, и въ платье на нихъ кумачи видель же, сделано азямомъ. ДАИ Ш, 103.1647 г.» (СлРЯ 1975, вып. 1: 25). Слово *азям* широко распространено в русских говорах для обозначения верхней, мужской или женской, одежды крестьян (СРНГ 1966, в. 1: 215). Слово употреблялось в архангельских говорах и до сих пор встречается в значении 'верхняя суконная одежда в виде армяка, надеваемая поверх шубы, пальто': Азямы-то на оболóцьку надéнут, как морóзы, да поедут. (Шенкурский район); Сукóны азямы бýли. (Красноборский район); Отéч-от у меня портняжничал, азямы шил. (Вилегодский район); Зимой мужикú надевали азям долгопóлой. (Устьянский район); В одной кожаре-то студенó, дак азяму-то и надéнут. (Красноборский район).

Длинная шуба-балахон из оленьей шкуры с капюшоном, надеваемая через голову, называется *совик*. В этой одежде ездили за сеном на дальние сенокосные участки: Совик шили до пят. Надевали чéрез гóлову. В совикú ездили за сеном. (Пинежский район). В том же значении и также в северных и сибирских говорах слово *совик* зафиксировано в «Словаре русских народных говоров» (СРНГ 2005: 187-188). Жители Холмогорского района носили шубу *казенéтовку*: Шубы бýли сукóнны, крéпки – казенéтовки. Длинную нарядную шубу со сборками называют в архангельских говорах *бекéшей*: Бекéшу надéнут – и в гóрод. (Плесецкий район). Слово *бекéша* в значении 'длинная верхняя мужская одежда с борами' зафиксировано в Пермской области еще в 1919 г., производное от него слово *бекéшка* в значении 'шуба из овчины, покрытая сукном' отмечено в 1890-1893 гг. в Архангельской и Вологодской

губерниях (СРНГ 1966, в. 2: 206). М. Фасмер указывает на заимствование слова бекеша из венгерского языка посредством польского: венг. *bekes*, польск. *bekiesza* (Фасмер 1986, т. 1: 146).

Мужская русская народная одежда была скромнее женской. Северная и южная мужская одежда различались лишь в незначительных деталях и отделке. В архангельских говорах бытует довольно большое количество слов, обозначающих мужскую верхнюю и рабочую одежду. Например, слова с корнем *верх-*, называющие верхнюю одежду, широко представлены и в северных говорах, и в древнерусских текстах: «*верхница* – ‘одежда, надеваемая поверх другой’: А въ коробье, государь, было... двадцеть рубашекъ мускихъ и женскихъ, исподокъ и верхницъ, цена восемь рублевъ. АХУ III, 153. 1633 г.» (СлРЯ 1975, в. 2: 103). В северных говорах слово *верхови́ца* означает ‘верхнюю одежду типа халата или рубахи, надеваемую поверх другой одежды и сшитую из холста’: Верхови́ца из мешкови́ны была́, надева́ли пове́рх оде́жды, што́бы не по́ртилась, при обмоло́шке зерна́. (Каргопольский район); Верхови́ца – это́ портяна́я руба́ха, одева́лась пове́рх оде́жды.// Верхови́ца подпоя́сана кушако́м. Она́ надева́еца пове́рх фсево́.// Дава́й, стару́к, надева́й верхови́цу. Как руба́ха, до колён, столь долга́. (Красноборский район); Верхо́вица потпоя́сывалась домотка́ным по́сом.// В лес ушо́в и верхови́чи не нало́жив.// А спецодё́жда на рабо́те называ́лась верхо́вица.// И вот ра́ньше фсе́ в э́тих верхови́цах в лес по́дут дак. (Устьянский район); Худо́е на себ́я надене́шь, а верхови́цу све́рху надене́шь. (Вилегодский район); Мужики́ в лес по́дут, дак ви́рхови́цы одива́ли. (Приморский район); Ба́тько, не забу́дь верхови́цу надéть, а то осты́нешь. (Верхнетоемский район). Суффиксальным способом образования различаются слова *верхо́вка* и *верхо́вница*, обозначающие верхнюю рабочую одежду: *верхо́вка* – верхняя одежда, куртка из сукна без подкладки и воротника: Пойде́т коро́ф пасту́, так пове́рх ешшо верхо́фку одене́т. (Каргопольский район); *верхо́вница* – рабочая одежда из грубой ткани, надеваемая поверх шубы, пальто: Сшить верхо́вницу. (Красноборский район).

Верхняя рабочая мужская одежда в северных диалектах называется *ка́бат* (фонетические варианты *каба́т* и *ка́бот*) и *кожа́ра*. Слово *ка́бат* означает ‘холщовую длинную рубаху свободного покроя, надеваемую поверх нижней рубахи, вид рабочей одежды’: Да́к каба́ты шу́ли ка́к ве́рхня оде́жда, специа́льно наве́рх одева́ли.// По се́но мужики́ по́ехали, фсе в каба́тах.// Длу́нна хоушшо́ва руба́ха, проста́ е́ка. Одева́ли каба́т на руба́ху.// Ка́бат – домотка́но редну́но, ка́к спецо́вка но́нешня. (Пинежский район). Кабато́м называю́т также верхнюю мужскую рабочую одежду вообще: Рядные штаны́ да ка́бот (до коленей) – все́ своетка́ное.// Кабота́ старику́ оденут, ряди́на така́ натка́нна.// Старику́ кабота́ оденут мешо́чны. (Холмогорский район). М. Фасмер отмечает, что в значении ‘рабочая рубаха, куртка, кофта’

слово *кабат* употреблялось в древнерусском языке, лексема также широко представлена в других славянских языках, происхождение слова ученый связывает с греческим влиянием: кабат от ср.-греч. *καβάδιον* (Фасмер 1986, т. 2: 150). Слово *кожара* в говорах означает 'мужскую длинную рабочую одежду из домашнего холста с подкладкой из меха': Ёздил без кожары.// Оболокú кожару. (Красноборский район). Значение 'верхняя одежда' у данного слова со временем не поменялось, сравни: «Кожара – вид верхней одежды. Да в Осташкова истобнику 5 алтын; до во Тверь дворнику гривна, да кожару ему дают. Кн. ключей, 16. 1547 г.» (СлРЯ 1980: 220).

Мужская верхняя одежда, сшитая из кожи, носит название *кожán* и *лузán*. Словом *кожán* называют долгополую мужскую одежду с подкладом, которая обычно шилась из овечьей кожи, однако верх у нее был из кожи: Мóй-то мужúk не носíл кожán.// Обдélyвают кóжу и шьóт кожány. (Красноборский район). В Пинежском районе верхнюю одежду охотника называют *лузán*, он защищал охотника от сырости и холода. Лузан шился из кожи, одевался через голову и подпоясывался ремнем: Лузán – одéжда ходíть на охóту. Свэрху покрьít кóжей, а внутрú карма́ны нашúты, штóбы всё при сибé бýло и не мóкло. Он понúже пояснúцы шúлся и сбóку застёгивался ремнúями.// Был лузán. Ёто такó ничё, кóжа на плеча́х, ёто так накúдывалосе.// Лузán шúли ис холшчá, ну как мешковúна шчáс, и тúго потягáли свэрху кóжой.// Отéц охóтник был, так он одевáл лузán.// Охóтники в лузán оболóкúца.

Женские шубки и пальто у жительниц архангельских деревень и сел отличались покроем, формой и аксессуарами. Например, в Пинежском районе нарядная праздничная женская шуба с поясом носит название *голánка*: Шúба-та нарядна голánкой назывáлась, с кушацькóм носúлась. В этом же районе была модной женская шуба, отрезная по талии, расклешенная, в шов-клин вшивался карман, сзади делали из ткани три складки. Верх такой шубы обшивался тканью или сукном. Такая верхняя одежда носит название *шúбка казачкóм*: У шúпки казачькóм три склáтки ззáди. Казачькóм шúпка у меня́ придána былá, фсю распорóла да послáла. Шуба, собранная в поясе, также покрытая сукном, называется *кошúля*.

Разнообразны и названия женских пальто. Например, в Няндомском районе пальто называют *брикёткой* и *козачкóм*: Брикётка – пальтó такó. Козачóк-то накúнь. Зимнее пальто, подол которого состоит из пяти клиньев, в Каргопольском районе называют *пятишóвка*: Сибúрка-то шúба мужскá, а пятишóвка жéнска. Зимóй-то пятишóвки носúли. Если шили из семи клиньев – *семишóвка*: А на прáздники семишóвки бýли. Разновидностью верхней женской одежды является *шугáйчик*: Шугáйцык с обóроцьками. Шугáйцык длинóй понúже колéна. (Каргопольский район). В Устьянском районе весной или осенью женщины носили полупальто, украшенное узором. Такой вид верхней одежды носит название *нарукáвник*:

Сарафаны носили – это красики, и нарукавники.// Нарукáвники – это одѣжа нáша.// Старúхи нарукáвники носили.// Э́ти-то нарукáвники давнúшние.// Нарукáвники то́жо из своѣй шѣрсьи, ис сухмáнины.// О прázнеках носили нарукáвники на узóрах.

Куртку или фуфайку как короткую одежду народ прозвал *коротышкой*: Теперь это всё фуфáйки да кúртки, а рáньше всё короты́шки назывáлись. (Верхнетоемский район).

В исследовании также рассматриваются слова, называющие рукавицы.

По мнению Г.В. Судакова, который анализировал употребление наименований *рукавиц* по материалам архивов Вологды и Архангельска, а также многочисленных публикаций текстов XVI–XVII вв., принадлежащих различным территориям Русского государства, «в севернорусских говорах набор слов, выражающих понятие ‘рукавица’, богаче, чем в южнорусских. Однако уже в изучаемый период рукавицы использовались не только для защиты рук от холода, но являлись элементом рабочей одежды и даже использовались в парной бане» (Судаков 2010: 223).

Слово *рукавица* общеславянское, унаследовано русским языком из праславянского, образовано от слова *rǫka. Ср. ст.-сл. *ржковица*, болг. *ръковица* ‘рукавица, перчатка’; сербохорв. *руковица*; словац. *rukavica*; словен. *rokavica*; чеш. *rukavice*; польск. *rękawica* – то же значение (Дерягин 1974: 29). Самая ранняя фиксация слова *рукавица* в памятниках письменности отмечена в «Словаре русского языка XI – XVII вв.» в 1229 году в Смоленской грамоте: «Тиуну на Вьльце дати рукавице, аж бы товаръ пьревьзль без держания» (СлРЯ 2000: 244].

Как отмечает Гурий Васильевич Судаков, характерным для севернорусской территории оставался обычай одновременного ношения двух пар рукавиц: нижних – вязаных и верхних – кожаных и суконных (Судаков 2010: 225). Связано это с бытовыми условиями в суровом климате.

По данным исторического словаря вязаные или валеные рукавицы, надевавшиеся под кожаные, назывались *вареги*, и зафиксировано данное слово только с XVI в.: «Куплено в Вязме дватцатеры семеры руковицы вареги. Кн. расх. болд. М. № 139, 22об. 1585 г.» (СлРЯ 2000: 244); «Пятеры рукавицы съ *варегами*, да пять шапокъ. АЮ, 93. 1584 г. Воровски онъ же, воръ Савка, изъ избы жъ вынесъ татемъ шапку, ... подкладъ овчинной да рукавицы барановые съ исподницы съ *вареги*. АХУ II, 777. 1673» (СлРЯ 1975, в. 2: 19).

Слово *вареги* употребляется и в современных архангельских говорах, например, в Плесецком районе, в значении ‘рукавицы’. Производным от слова *варега* и в современном литературном русском языке, и в говорах является лексема *варежки*. Как отмечает Н.М. Шанский, «Варежка. Собственно русское... Является уменьш.-ласк. формой от *варега*...

Сущ. *варега* является, по-видимому, суффиксальным производным от *варь* ‘защита’, образованного от глагола варити ‘защищать, сохранять, беречь, предупреждать’» (Шанский 1968). В архангельских говорах *варежка* – ‘вязаная шерстяная рукавица’: Рукави́чи таку́ шерстяны́ *ва́решками* называ́ли. (Ленский, Плесецкий, Холмогорский, Онежский районы); *Ва́решки* – рукави́цы вяза́ны. // А мне ба́бушка *ва́решки* кра́сненькие свеза́ла. (Верхнетоемский район).

Фонетическим вариантом слова *вареги* в архангельских говорах являются слова *ва́чаги*, *ва́чеги*, *ва́цеги*, *вачёги*, *вацёги*, *ва́чуги*. Материал по данным лексемам представлен в исследованиях В.Я. Дерягина (Дерягин 1974: 35-38) и Г.В. Судакова (Судаков 2010: 225).

Так, *ва́чагами*, называют ‘тёплые вязаные рукавицы’: В морозы в одних *ва́чагах* холодно было. (Приморский район).

Слово *ва́чеги* (*ва́цеги*) имеет несколько значений: 1. ‘рукавица из сукна, которую надевают или пришивают вниз под основную’: *Ва́цега* – надолоннок кожаной, затылок суконной да напалок кожаной кладут. (Плесецкий район); *Ва́цеги*, когда мужик в дороге поедет, так надевал наверх. (Пинежский район); Мама подаст ему *ва́чеги* да катанки. (Виноградовский район); Вот и носки сушили, и *ва́чеги*, и валенки. (Холмогорский район); А когда морозы сильны были, приходилось оцёфски *ва́чеги* надевать. (Онежский район). 2. ‘верхние рукавицы’: Одень рукавицы шерстяны наверх – *ва́чеги*, не то продует руки. (Холмогорский район); *Ва́цёги*-то на испотки надёрни, дак не прирвутце хоть. (Каргопольский район); 3. ‘рабочие рукавицы’: Это рукавицы для обрежания. // Но если *ва́чеги* оденешь, дак и ничевó, быстрее дело идёт. (Пинежский район).

Слова *вачёги*, *вацёги*, *ва́чуги* обозначают в говорах ‘рабочую рукавицу’: *Вачо́ги* носили в лес. (Верхнетоемский район); В ызбы-то у меня были *вацо́ги* да шубници тожо. (Пинежский район); *Ва́чуги*-то рабочие рукавицы, да на ладонке-то кожей потшуты. (Вельский район).

В архангельских говорах отмечена также уменьшительно-ласкательная форма *ва́чежки*, *вачёжки* в значении ‘тёплые рукавицы’: Поедешь, дак шубници одень. *Вацёшки*-ти худы уши стали. (Пинежский район); Ис толстово сукна надо *ва́цешки* сошить. (Верхнетоемский, Виноградовский районы).

В «Словаре русского языка XI – XVII вв.» зафиксировано слово *вачеги*: «*Рукавицы*. Дал Пятку Черемному... шубу новую болшую... да онучи новые да на вачеги сукна дал. Арх. Бог. Важ. м. № 5, 22. Кн. 1598 г. Возжи обшиты сукномъ. Трои вачеги суконные. Д. патр. Никона, 398. 1676 г.» (СлРЯ 1975, в. 2: 25).

Верхние рукавицы в архангельских говорах носят соответствующие названия: верхницы, верхоньки, шубници; нижние – исподки, опойки. В памятниках деловой письменности

«верхние рукавицы носили соответствующие названия: *верхи, верхонки – верхоньки, верхницы*. Варианты названий были территориально распределены: *верхи* – Вологда, Архангельск; *верхонки – верхоньки* – Архангельск, Онега, Вага, южное Зауралье, *верхницы* – Архангельск, Вага, Вологда, Ярославль, В. Устюг, Сольвычегодск, Якутск» (Судаков 2010: 225). «Севернорусским являлось в изучаемый период слово *исподки* ‘нижние рукавицы, надеваемые под другие, верхние’» (Судаков 2010: 226-227). О традиции на русском Севере носить две пары рукавиц пишет и В.Я. Дерягин, он отмечает, что: «на значительной части севернорусской территории распространены соответствующие родовые обозначения: *вѣрхници, верхонки, верхоньки, верхохоны* и *исподки*» (Дерягин 1974: 32-34).

В говорах Архангельской области зафиксированы следующие слова:

– *вѣрхници (верхни́цы)* – ‘рукавицы для работы из грубого холста, надеваемые поверх вязаных’: *Кóжа замѣсто вѣрхниц топѣрича дублѣная*. (Красноборский район); *Вот уш пошúла бывáло я верхни́ц*. (Вельский район); *Верхни́цы* ис портна порáто крѣпки бýли, не то что сейчáс. (Холмогорский район);

– *верхови́цы* – ‘рабочие рукавицы’: *Вчера́ весь вѣчер верхови́цы штóпала*. (Устьянский район);

– *верховни́цы* – ‘верхние рукавицы’: *Верховни́цы* не забúть. (Красноборский район);

– *верхонки (верхоньки)* – ‘рукавица из сукна или парусины, которая используется в работе. Матерчатая рукавица, которая надевалась поверх другой’: *Шúтые рукави́цы, верхоньки* надева́ют на́верх, штóбы тепло́ бýло. (Ленский район); *Зимóй для тепло́ рукави́цы да верхоньки носúли*.// *Верхонки* – рукави́цы, котóрые на́верх одева́лись. (Приморский район); *Теперь ф софхóзи верхоньки* выдава́ть ста́ли. А рáньше-то фсѣ своѣ имѣть нать бýло. (Лешуконский район); *Пойдѣшь кóли дровá руби́ть, верхоньки* возьми́.// В лес мужику́ *верхоньки* носúли. (Холмогорский район); *Верхоньки* одева́ли для защúты рукави́ц.// *Жѣнка, подáй верхоньки, схожý, дров* поколю́. (Виноградовский район); *У тебá верхоньки-то* из зámши.// А здесь ещѣ назывáют вѣрхни рабóчии рукави́цы *верхонки* да. (Онежский район); *Вирхоньки*, два дня порабóтаешь, да нáдо опя́ть ушивáть. (Котласский район); *Бáбушка застáвила меня́ одѣть верхонки*. (Устьянский район); В *верхоньках* однúх зимóй хóлодна, рукави́цы нать под них. (Пинежский район); *Надѣнь верхонки*, а то рукави́цы порвѣшь. (Коношский район); *Верхонки* синúла. (Вельский район);

– *исподки* – ‘вязаная рукавица из шерсти или сшитая из портна, грубого холста’: *Тяпáк и исподка*, онѣ из одногó вязанья. Где *исподками* назовúт, где *делѣнками*.// *Исподки-те* шúли, ктó в лѣс ходúли за дровáми, на охóту мужику́ брáли. (Плесецкий район); А вóт рукави́цы, напри́мер, рáньше звáли *исподками*.// Рукави́чки и рука́фками звáли, и *исподками*.// Перчáтки бýли, их тóже рукави́цами звáли, а *исподками* не звáли.// Вязáли и дорóжны *исподки*, онú

одним прутом вязались. (Холмогорский район); Однѣ исподку-то.// Рукавицы назывались *исподки*, *исподки* вязали.// Зимой *исподки* носили, рукавицы такі. (Каргопольский, Верхнетоемский районы); А зимой катанцы да *исподки* только и спасли. (Пинежский район); Весь день на морозе, а руки в *исподках* ни мерзнут. (Онежский район); Севодня холодно, надень двои *исподки*. (Красноборский район); *Исподки*-то не холодные, можно работать. (Приморский район); Бывало начнешь на работу собираца и *исподки* порешушь.// *Исподки* пригодились для работы.// *Исподки* возьми, потом рад будешь. (Виноградовский район).

В речи жителей архангельских районов вязаные рукавицы также называются *деленки* и *дельницы*: А с круглым верхом – *деленки*.// На пичурку ложили *деленки* сушить.// Девушки *деленки* шили.// Рукавицы зовутся торговые, а дома вяжем *деленки*.// У *деленки* палец распутился. (Плесецкий район); Паренек потерял *деленку*. (Шенкурский район); *Деленки* – рукавицы.// Вязаные варежки у нас *деленками* называли. (Онежский район); А мне *деленки* подарила. (Каргопольский район); Так *деленки* да катанцы берем. (Верхнетоемский район). *Деленками* называют также ‘рабочие рукавицы, покрытые кожей’: Шерстяные кожаные рукавицы, *деленки* раньше назывались. // На работу *деленки* носили из собачьей кожи. (Плесецкий район) или ‘брезентовые рукавицы’: У миня *диленки* лижат. (Няндомский район). Лексема *дельницы*: Да рукавицы шерстяны сами вязали, *дельницами* зовем. (Плесецкий район); А дельницы больші мне, с рук спадают.// *Дельницы* у меня теплы.// Возьмешь, оденешь катанцы, *дельницы*, кафтан. (Онежский район); Хороши *дельницы* на овечьей шорсти. (Ленский район). В памятниках деловой письменности отмечено слово *деяницы* (Дерягин 1974: 44; Судаков 2010: 227-228).

Некоторая часть названий рукавиц сохраняет форму атрибутивного словосочетания, то есть в названии указан материал изготовления. Например, *волосяга*, *волосяча* – ‘рукавица из конского волоса’: *Волосяги* – это из конских фостов вязали. // *Волосяги* такі, как варежки, свяжут. (Плесекий район); *Волосячи* – это ис коних фостов вязали. (Каргопольский район). Слово *суконка* означает ‘рукавицу, сшитую из сукна’: *Суконки*-то – суконны рукавицы, шили из сукна, сукно ткали, у кого как рука, на работу ходили. (Плесецкий район). Словом *шубница* называют в говорах ‘большую верхнюю рукавицу из овчины или другого меха, мехом кверху’: Шшита ишшубы, дак *шубница* из овечьего меху шили. В морос *шубнички*-те одевали. (Ленский район); *Шубницы* из овчины шили.// Выкроят напалок, отверстие вырезают, *шубницу* кроят. (Плесекий район); Взела рукавицы да ф *шубницы* пехнула для тепла.// То порато богаты ф *шубничках*-то, забольно порато. (Пинежский район).

Географическое распределение названий рукавиц обозначено Л.П. Комягиной на картах Архангельской области в «Лексическом атласе»: вязаные варежки – *рукавицы*, *исподки*,

делёнки, дельницы, вязанки – карта 189; верхние рукавицы – *верхонки, верхоньки, верхницы, вачеги* – карта 191 (Комягина 1994: 223, 225).

Почти все названия верхней и зимней одежды имеют общеславянские корни. Данные исторических словарей показывают, что исследуемая лексика была в активном запасе на протяжении многих веков и укрепилась в языке, в основном, в старорусский период. Эта лексика использовалась в речи русского народа, и до сих пор жители северных регионов употребляют в своей речи эти слова. Анализируемая диалектная лексика богата фонетическими и словообразовательными вариантами. Наименования верхней и зимней одежды в архангельских говорах отличаются также значительным территориальным разнообразием.

Список литературы

- Дерягин В. Я. (1974): Названия рукавиц в русском языке, Диалектная лексика. 1973. Ленинград, 27–50.
- Комягина Л. П. (1994): Лексический атлас Архангельской области. Архангельск: Помор. Межд. пед. ун-т им. М.В. Ломоносова.
- Словарь русского языка XI–XVII вв. (1975): Москва: Наука. В. 1. (В тексте – СлРЯ).
- Словарь русского языка XI–XVII вв. (1975): Москва: Наука. В. 2.
- Словарь русского языка XI–XVII вв. (1980): Москва: Наука. В. 7.
- Словарь русского языка XI – XVII вв. (2000): Москва: Наука. В. 24.
- Словарь русских народных говоров. (1966): Москва–Ленинград: Наука. В. 1. (В тексте – СРНГ).
- Словарь русских народных говоров. (1966): Москва–Ленинград: Наука. В. 2.
- Словарь русских народных говоров. (2005): Санкт-Петербург: Наука. В. 39.
- Срезневский И. И. (1912): Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук.
- Судаков Г. В. (2010): История русского слова. Вологда: Изд-во ВоГУ.
- Фасмер М. (1986): Этимологический словарь русского языка. Москва: Прогресс. Т. 1.
- Фасмер М. (1986): Этимологический словарь русского языка. Москва: Прогресс. Т. 2.
- Фасмер М. (1987): Этимологический словарь русского языка. Москва: Прогресс. Т. 4.
- Шанский Н. М. (1968): Этимологический словарь русского языка. Москва: Московский университет. Т. I. В. 3.

ЧТО ГЛАСИТ МУДРОСТЬ...
(О СОВРЕМЕННОМ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ
МЕТАОПЕРАТОРОВ)

Николаева Елена Каировна
Российский государственный гидрометеорологический университет
Санкт-Петербург, Россия,
elena_kairovna@mail.ru

WHAT DOES WISDOM SAY?
(OBSERVATIONS ON CONTEMPORARY USAGE OF
PHRASEOLOGICAL METAOPERATORS)

Elena Nikolaeva
Russian State Hydrometeorological
University (Sankt-Petersburg), Russia

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена проблеме использования современными авторами конструкций, указывающих на фразеологичность последующих звеньев предметного текста, т.е. вводящих в текст пословицы, поговорки, крылатые выражения (*как говорится, как гласит пословица, поговорка, изречение и т.п.*). Особое внимание уделяется анализу содержания, которое современные авторы вкладывают в понятие «мудрость», используя метаоператор *как гласит + [...]* *мудрость: Ведь, как гласит народная мудрость, «от тюрьмы и от сумы не зарекайся».* Проведенный анализ позволил, в частности, выявить дополнительное значение этого слова, не отраженное существующими толковыми словарями русского языка.

ABSTRACT

The present paper is devoted to constructions used in modern literature to indicate that following elements are phraseological expressions and to introduce into the text proverbs and adages (*как говорится, как гласит пословица / поговорка / izrecheniye, etc.*). In particular, the paper investigates the notion of wisdom, invoked by contemporary authors as they use the metaoperator *как гласит + [...]* *mudrost' 'as wisdom says'*. The analysis allowed uncovering an additional meaning of the word *mudrost' 'wisdom'* which has not been hitherto recorded by dictionaries of Russian language.

Ключевые слова: метаоператор, фразеологизм, пословица, высказывание, гласить, мудрость.

Keywords: metaoperator, phraseological expression, proverb, adage.

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №17-18-01062), реализуемого в Санкт-Петербургском государственном университете.

Метаязык, метатекст начал привлекать внимание ученых-лингвистов со второй половины XX века, после выхода в свет работ Р. Якобсона и А. Вежбицкой. Именно после исследований этих ученых «разграничение «предметного языка» (который описывает предметы действительности и сам может являться предметом / объектом изучения и описания) и метаязыка – языка «второго порядка», средствами которого и ведется описание предметного языка – было «лингвистически санкционировано», как пишет польский исследователь В. Хлебда (2000: 415).

Метаоператоры (метапоказатели) в тексте отражают языковое сознание говорящих, их рефлекссию над своим высказыванием, в строгом смысле слова, «метатекст в тексте» – это «вербализация контроля над вербализацией» [Ляпон 2010: 183]. В статье речь пойдет об одном типе метатекстовых элементов, которые указывают на фразеологичность последующих звеньев предметного текста, т.е. вводящих в текст пословицы, поговорки, крылатые выражения (*как говорится, как гласит пословица (поговорка, изречение, народная мудрость и т.п.)*). Изучение этого материала чрезвычайно важно для фразеологов, ведь задолго до того, как появился сам термин *метаязык*, и фразеология стала изучаться как отдельное направление в языкознании, русские писатели еще в XVIII веке задумывались о том, чем собственно являются различные устойчивые выражения, которые они употребляют в тексте. Осознавая их «инородность» в предметном тексте, они пытались вписать их в ткань своего произведения, используя различные вводные конструкции, которые сейчас принято называть единицами метатекста: *по простонародному речению, яко глаголют, говоря обыкновенным сравнением* и т.п. (что позволяет историкам фразеологии вычленять из их текстов те единицы, которые воспринимались носителями языка XVIII в. как устойчивые); а в ряде случаев создатели различных текстов даже пытались определить лингвистический статус этих единиц, используя различные паремиологические термины: *пословица, присловие, притча, прибасть, погудка, поговорка, приповесть, пословка*: «а мне, как лежит пословица, говорити: «Я именинник, да мне же нет калача» (А.П.Сумароков); «Откуда сия приповесть: долга тому покута, кто когда бабу окута» (Фацеции. Перевод XVII в.); «Присловица у нас в размолвке всякой: Красна брань дракой» (А.Аблесимов), что позволяет проследить процесс формирования паремиологической терминологии (подробнее о значении метаоператоров для исторической фразеологии и фразеографии см. Николаева 1999, 77-85).

Не утратили своего значения подобные метапоказатели и сегодня, хотя с развитием языка и терминологической базы фразеологии несколько изменилась их форма и содержание, в частности, ушли некоторые устаревшие, не вошедшие в язык термины – *погудка, пословка, прибасть*, зато вошли новые: *Словом, такой материал, от которого должна поехать крыша,*

как гласит новая русская идиома. [Георгий Полонский. Был у меня друг (1996)]; Но, как гласит известный афоризм, что скрыто в норме, то явно в патологии. [Р. М. Фрумкина. О нас – наискосок (1995)]. Мне хотелось только сказать, что время от времени мы друг для друга стояли на вассере, как гласит соответствующий жаргонизм, и поделиться некоторыми соображениями на сей счет. [Я. Е. Харон. Злые песни Гийома дю Вентре (1965) // Я. Харон. Злые песни Гийома дю Вентре. Прозаический комментарий к поэтической биографии, 1989]; Как гласит народная молва, хорошо начинать любое серьезное дело в дождь. [КА-226А: первый серийный передан «Газпрому» (2004) // «Вестник авиации и космонавтики», 2004.06.30]. На этих примерах хорошо виден осознанный выбор пишущими термина при характеристике устойчивого выражения в своем высказывании, то, что можно назвать самоконтролем в процессе оформления коммуникативного замысла: новая русская идиома - *крыша поехала* (осознание говорящим типа УС и его неологического характера); афоризм – *что скрыто в норме, то явно в патологии* (выражение хотя и представляет собой предложение, имеет двучленную структуру и выражает суждение, однако пишущий осознает его отличие от исконных пословиц, видимо, подозревая наличие автора этого изречения); жаргонизм – *стоять на вассере* (осознает и подчеркивает нелитературное происхождение оборота). Последний пример (молва) показывает осознание говорящим нефразеологического статуса приметы. Сложнее обстоит дело с разграничением пословицы и поговорки – вопрос, который и во фразеологии не имеет однозначного решения - однако попытки этого налицо: Но, как гласит пословица: «Любишь кататься, люби и саночки возить!» [Анастасия Глинская. Анализируй это (2003) // «Сад своими руками», 2003.09.15]; Как гласит еврейская поговорка: «Из твоих уст да Богу в уши!» [Юлий Даниэль. Письма из заключения (1966-1970)]. «Пахарю пахарево, а кесарю кесарево» — как гласит старая поговорка. [Андрей Ростовский. По законам волчьей стаи (2000)]. Возможно, при обсуждении проблемы разграничения пословицы и поговорки фразеологам имеет смысл обратить внимание и проанализировать использование этих терминов носителями языками: какие признаки этих устойчивых единиц они ставят во главу угла. Но факт остается фактом – в современных текстах выбор слова для обозначения устойчивого словосочетания не случаен.

Все вышеприведенные примеры метаоператоров в качестве глагольного компонента используют слово церковно-славянского происхождения – *гласить*, которое в современном языке практически утратило «высокое» значение (относящееся к высокому стилю) ‘провозглашать, возвещать’ (*Бог гласит его устами*. Мих. 1, 62). В словаре С.И.Ожегова отмечено только одно значение этой лексемы ‘содержать в себе какое-л. утверждение’ с пометой *офици.* (официальное): Параграф устава гласит следующее... (1978: 122). Более полно

она описана в Малом академическом словаре и в Современном толковом словаре под ред. С.А.Кузнецова, где приводятся два значения этого слова, причем на первое место выходит именно значение, которое этот компонент приобретает в метаоператорах: «**ГЛАСИТЬ**, глашу, гласишь; *нсв.* Книжн. **1.** Содержать в себе какое-л. сообщение, утверждение. *Как гласят старинные предания. Пословица г. следующее: "Тише едешь - дальше будешь". Указ, закон, правило гласит следующее (офиц.).* **2.** Провозглашать, возвещать (обычно царский указ, волю и т.п.). *Глашатаи, гонцы гласят. / Град.-поэт. * Они гласят во все концы: - Весна идёт!* (Тютчев)». (Кузнецов, 129). В «Глагольной сочетаемости непредметных имён» (Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Национальный корпус русского языка. 2008) составители О. Л. Бирюк, В. Ю. Гусев, Е. Ю. Калинина отмечают сочетаемость глагола *гласит* со следующими словами: гласит восточная мудрость • субъект, вербализация гласит народная мудрость • гласит русская пословица • мудрость гласит • пословица гласит • правило гласит [<https://abstrnoun.academic.ru/797/гласить>. Дата обращения 05.06.2018]. Сочетаемость в нашем материале значительно шире: как гласит + *пословица, поговорка, молва, идиома, афоризм, жаргонизм* (см. примеры выше), а также *выражение, изречение, фольклорная фраза* и, конечно, *мудрость*: Но наш художник позаботился, как гласит немецкое изречение, чтобы деревья не доросли до неба. [Н. К. Михайловский. О Тургеневе (1883)]; Для таких, как Мехлис, это главный и неопровержимый довод, как гласит латинское выражение — «ультима рацию». [Борис Ефимов. Десять десятилетий (2000)]. Как гласит фольклорная фраза: «Старик, так уже давно никто не играет!» [Максим Ноткин. Слабый пункт не прикрывают (2004)]. Но как гласит восточная мудрость: «Надежда — это веревка, которой многие удавились». [Андрей Андреев. Член «семьи» — изменник Родины (2003) // «Завтра», 2003.07.25].

Во всех приведенных примерах ощущается рефлексия автора высказывания: он задумывается над тем, как определить, семантизировать, к какому фразеологическому типу отнести фразу, которую он привлекает в качестве подтверждения своей мысли. И как мы видели, между употребленными в метапоказателях терминами сложно поставить знак фразеологического равенства (кроме пословиц и поговорок иногда).

Глагол *гласит* сочетается исключительно с конкретными существительными, обозначающими какой-либо текст (если мы выйдем за рамки фразеологических операторов, то можем вспомнить и выражения *как гласит предание, как гласит легенда, как гласит книга*, которые подтверждают наше наблюдение). Но из этого структурно-семантического ряда выбивается абстрактное существительное *мудрость*. Толковые словари не приводят ни одного значения этого слова, которое можно бы соотнести с текстом. Ср. **МУДРОСТЬ**, -и; *ж.* **1.** к Мудрый. *М. решения. М. пословицы. М. человека.* **2.** Глубокое знание, понимание чего-л.

Житейская, народная м. Проявить м. 3. Разг. =Премудрость (2 зн.). Узнать всю м. устройства телевизора. Познать мудрости вокального пения. Не велика м. научиться варить суп (не представляет сложности). ◇ **Змеинная мудрость.** Благоразумие, не чуждое лукавства, хитрости. **Зуб мудрости.** Третий большой коренной зуб (последний в зубном ряде каждой челюсти), прорезывающийся у достигших 20 лет (Кузнецов 2001: 362). Непонятно, какое словарное значение реализует компонент *мудрость* в рассматриваемом метаоператоре; какой смысл вкладывает в него, как оценивает (и с позиций своей лингвистической грамотности) современный носитель языка.

Исследуя этическое наполнение концепта *мудрость* в русской языковой картине мира, Н.М Дмитриева, Е.М Линтовская на материале толковых словарей русского языка разных периодов (начиная с церковнославянского) пришли к любопытным выводам об изменении семантики доминантных дериватов «мудрость» и «мудрый» в области этической составляющей этого концепта. Наибольшая степень этической значимости: «благоразумие, разумность, пронизательность, основанная на смирении перед Богом и любви к Нему» (что перекликается с философским пониманием мудрости как «целостного духовно-практического знания, ориентированного на постижение абсолютного смысла бытия») наблюдается в церковнославянском языке, сохраняется оно и в XIX в., например, в словаре В.И. Даля «премудрость, соединение истины и блага, высшая правда, слияние любви и истины, высшего состояния умственного и нравственного совершенства» (т. 2, 355), но значительно снижается в середине XX в.: слово *мудрость* приобретает значение ‘глубокий ум, опирающийся на жизненный опыт’. «Мудрость, -и, ж. 1. См. мудрый. 2. Глубокий ум опирающийся на жизненный опыт. Народная м. ◇ Зуб мудрости – третий коренной зуб, появляющийся после 20 лет (Ожегов, 1978: 334). В Новом словаре русского языка Т.Ф. Ефремовой, вышедшем в свет в начале XXI в. (2001 г.) как «основную семантическую долю» этого слова Дмитриева и Линтовская выделяют «сложность, замысловатость» (Дмитриева, Линтовская 2016: 81). Я бы не согласилась с этим утверждением, исходя из значений, приведенных в словаре под редакцией С.И. Кузнецова (см. выше): лишь 3-е значение можно рассматривать как «сложность, замысловатость» (у С.И. Кузнецова *премудрость* «2») то, что трудно или кажется трудным для понимания, усвоения» (Кузнецов 2001: 602). Но общая тенденция изменения значения слова за счет снижения этической составляющей прослежена авторами статьи верно. Это подтверждает и наш материал. На примере метаоператоров можно также последить эту тенденцию.

Мудрость является, пожалуй, самым частотным компонентом фразеологических метаоператоров с глаголом *гласить*. По частоте употребления его можно сравнить лишь с

компонентом *пословица* (Это и понятно: пословица – это мудрость народа; пословицы являются кладезем народной мудрости, своеобразным сводом правил и рекомендаций на все случаи жизни, отражая накопленный веками опыт народа.) Наш материал показывает, что *мудростью* в метаоператорах «человек говорящий» называет:

1) исконную народную пословицу - «кладезь народной мудрости» (*Вместе с тем, как гласит народная мудрость, жизнь прожить — не поле перейти*. [Память во имя будущего // «Родина», 2010]; *Недаром народная мудрость гласит: «От сумы и тюрьмы не зарекайся!»* [Эльдар Рязанов, Эмиль Брагинский. Вокзал для двоих (1983)]). Подобные метаоператоры часто содержат дополнительные компоненты, типа *народная, восточная, английская*, не столько конкретизирующие источник мудрости, сколько увеличивающие, по мнению говорящего, ее безусловную авторитетность для подтверждения правильности, справедливости содержания последующего высказывания (предметного текста);

2) трансформированную пословицу (*Народная мудрость гласит: «Скупой красит дважды»*). Это высказывание относится скорее даже не к стоимости краски, а к необходимости проведения подготовительного этапа отделочных работ. [Отделка дома: скупой красит дважды (2003) // «Ландшафтный дизайн», 2003.03.15]; *Научная мудрость гласит: "Днём всё вокруг кошки серо"*. [Александр Зайцев. Загадки эволюции: Краткая история глаза // «Знание - сила», 2003]; *Ведь биатлонная мудрость гласит: поспешишь — людей насмешишь*. [Андрей Митьков. Беги-стреляй. Итоги второго этапа Кубка мира по биатлону (2002) // «Известия», 2002.12.16] – в последнем примере наблюдается семантическая трансформация за счет введения эпитета-конкретизатора к слову *мудрость*, вследствие чего актуализируется именно физиологическая составляющая значения.

3) современные изречения, то, что Вольфганг Мидер называет современными паремиями, примыкают к предыдущей группе (*Народная мудрость гласит: когда кажется — креститься надо*. [Евгений Лукин. Delirium tremens (Страсти по Николаю) (1997)]. В отличие от предыдущих у них трудно или невозможно определить прототип, вписать их в определенную структурно-семантическую модель;

4) афоризм, крылатое выражение, иногда псевдоафоризм, (шутливо-саркастичные высказывания, фразы из анекдотов): *Древняя мудрость гласит: «Tempora mutantur, et nos mutamur in illis»* («Времена меняются, и мы меняемся с ними»). [В. В. Шульгин. Последний очевидец (1971); *Известная народная мудрость гласит, что книга — лучший подарок*. [Сергей Самойленко. Картины к Рождеству (2004) // «Континент Сибирь» (Новосибирск), 2004.12.17]; *Старая мудрость гласит: можно привести коня на водопой, но нельзя заставить его пить*. [Михаил Попов. Призыв к труду. Как заставить мужика работать? (2004) // «Бизнес-

журнал», 2004.08.17]; *Народная мудрость гласит, что наука — это удовлетворение собственного любопытства за казенный счет.* [Григорий Тарасевич. Об удовлетворении // «Русский репортер», № 7 (7), 5-12 июля 2007, 2007]; *Алла Николаевна радовалась, что с мужем полное взаимопонимание — не зря народная мудрость гласит: «Филологиню поймет только филолог».* [Нина Горланова. Филологический амур (1980)];

5) приметы (*Меж тем народная мудрость гласит — как Новый год встретишь, так его и проведешь.* [Андрей Белозеров. Чайка (2001)])

Все вышеперечисленные типы высказываний в той иной степени являются устойчивыми. Даже из нескольких приведенных примеров видно, как может меняться семантическое наполнение лексемы *мудрость* с точки зрения ее этической составляющей (а вместе с тем происходит и снижение стилистического регистра) – от изречения, отражающего накопленный веками опыт народа (Высок. Книжн) до иронически переосмысленных разговорных фраз (Ирон. Шутл.) или бытового совета, носящего название житейской мудрости (Разг.). Как же можно определить значение этого компонента метаоператора и следует ли его описывать в толковых словарях русского языка?

Анализ контекстов, которые вводит в предметный текст метаоператор *как гласит мудрость* (обычно в сочетании с прилагательными *народная, старая* и т.п), позволяет выделить такие общие семы, формирующие значение компонента *мудрость*: во-первых, это изречение (высказывание, фраза, т.е. короткий текст), которое может содержать и отражать «накопленный опыт», «знания жизни», «здравый смысл» (понятийные признаки концепта – Горянова 2011: 4). Вызывает, правда, сомнение выделенный ею признак «глубокий ум». Дровосеков С. Э., Комкова Д. В., например, рассмотрев взаимосвязь мудрости и интеллекта на основе опросника мудрости (SAWS) Дж. Вебстера и шкалы интеллекта, показали, что шкалы мудрости и интеллект не коррелируют между собой и не подтверждают гипотезы о взаимосвязи мудрости и интеллекта (Дровосеков, Комкова 2016: 76-79). Впрочем, ум и интеллект тоже понятия неоднозначные (однако это уже тема другой работы). Наш материал показывает, что выделенные Л.Н. Горяновой признаки могут и отсутствовать в структуре значения этого слова. Таким образом, еще одно значение лексемы *мудрость* (которое, на наш взгляд, должно присутствовать в словаре) можно сформулировать таким образом: ‘изречение, устойчивая фраза, используемая говорящим для подтверждения правоты высказывания, обоснования точки зрения’.

Список литературы

Горянова Л.Н. (2011): Актуализация понятийных признаков концепта мудрость, Вестник Удмуртского университета. История и филология, 2, 3-7.

Даль В. И. (1979): Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. ,. 2.: И – О.

Дмитриева Н.М., Линтовская Е.М. (2016): Этическое наполнение концепта «мудрость» в русской языковой картине мира, Вестник Оренбургского государственного университета , 2 (190), 78-82.

Дровосеков С. Э., Комкова Д. В. (2016): Взаимосвязь мудрости и интеллекта, Научно-методический электронный журнал «Концепт». URL: <http://e-koncept.ru/2016/56668.htm>. (дата обращения 02.06.2018)

Кузнецов С.И.(2001): Современный толковый словарь русского языка. Санкт-Петербург: Норинт.

Ляпон М.В. (2010): Проза Цветаевой. Опыт реконструкции речевого портрета автора. М.: Языки славянских культур.

Николаева Е. (2003): Значение метаоператоров устойчивых выражений для исторической фразеологии/паремиологии (на материале XVII-XVIII вв.) , Slavia Orientalis, № 2.

Ожегов С.И. (1978): Толковый словарь русского языка. Москва: Русский язык.

Хлебда В. (2000): Метаоператоры в тексте и их основные функции, Слово во времени и пространстве, Санкт-Петербург: Фолио-пресс.

Wierzbicka A. (1971): Metatekst w tekście. O spójności tekstu. Red. M.R.Mayenowa. Wrocław, 1971.

Источники:

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. [<http://ruscorpora.ru>] (дата обращения 01.06.2018)

**ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КАТЕГОРИИ КОЛИЧЕСТВЕННОСТИ
ЛЕКСИЧЕСКИМИ СРЕДСТВАМИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ.
ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

Нобис-Влязло Катажина
Университет Яня Кохановского в Кельце, Польша
kasianobis@o2.pl

**VERBALIZATION OF THE QUANTITATIVE CATEGORY BY LEXICAL
MEANS IN THE RUSSIAN LANGUAGE. ONOMIOLOGICAL ANALYSIS**

Nobis-Wlazlo Katarzyna
The Jan Kochanowski University (JKU) in Kielce, Poland

АННОТАЦИЯ

В данной работе исследуется категорию количественности, которая выступает на уровне как когнитивной, так и языковой картины мира и которой свойственна глобальная номинативная реализованность. Она проявляется в пределах основных номинативных категорий, создавая гибридные, переходные номинативные формы, а вербализация данной категории осуществляется с помощью всех частей речи.

ABSTRACT

The aim of this paper is to study the category of quantitivity, which acts on the level of both the cognitive and linguistic picture of the world and which is characterized by a global nominative realization. It manifests itself within the main nominative categories, creating hybrid, transitional nominative forms, and verbalization of this category is carried out with the help of all parts of speech.

Ключевые слова: язык, количество, количественность, ономазиология, функциональный прагматизм.

Keywords: language, quantity, quantitative, onomasiology, functional pragmatism.

Количество – это одна из сложнейших категорий человеческого мышления, которая привлекала к себе внимание с древних времен и до сих пор является объектом исследований представителей разных дисциплин. Интерес к категории количественности в философской и математической науке поддерживает интерес к ее изучению в лингвистике. С точки зрения истории развития философии и филологии категория количества привлекала внимание ученых, в том числе русистов (И. А. Бодуэн де Куртенэ, А. А. Реформатский, В. В. Виноградов, А. Е. Супрун, В. З. Панфилов, Л. Д. Чеснокова и др.).

Проблема исследования этой категории заключается в том, что термин *количество* используется во многих дисциплинах (у одного исследователя такое понятие может толковаться как логическая или семантическая категория, у других же – исключительно как понятие из области математики или лингвистики), а также для номинации нескольких понятий (в том числе и находящихся на разных логических и методологических уровнях).

Методологическую основу для данной работы составляют взгляды И. Канта, для которого количество это одна из категорий, которая представляет собой чисто человеческий способ категоризации опыта. Это трансцендентальная способность человеческого мышления, дающая нам возможность формирования понятий об объектах чувственного опыта (Кант 1990: 171). По мнению Канта возникает 4 группы чисторассудочных категорий – количества, качества, отношения и модальности (Кант 1990: 110). Свои категории Кант понимает как функциональное соотношение трех понятий, их которых два являются крайними точками типологического противопоставления, а третье – соотношением между ними, которое их ограничивает и конкретизирует. В случае категории количества таковую триаду образуют понятия единства, множества и целокупности (где целокупность может пониматься либо как применение идеи множества к единству, либо единства к множеству). Таким образом категория количества дает возможность различения единства и множества, а тем самым понять любой объект как целостный предмет.

Перед изложением лингвистической концепции количественности, следует обратить внимание на весьма важный терминологический аспект т.е. на специфику использования слов *количество* и *количественность*.

Слово *количество*, как было сказано, используется как трансцендентальная категория, формирующая человеческие представления о мире. *Количественностью* мы называем весь спектр проявлений количественной семантики в когнитивной картине мира и в языковой семантике, *количеством* в языке будет только собственно категориальное понятие формального свойства объекта, взятого как элемент или множество.

То есть количественность которая на метауровне тождественна категории целокупности (причем целокупность, в зависимости от того, какой фактор – единства или множественности – в ней доминирует, может иметь разные проявления) на втором – когнитивном уровне может выступать в разных «формах», а поскольку она является одной из базовых категорий, то неизбежно будет вносить свой вклад в образование различных под- и субкатегорий, а также отдельных понятий.

Количественность вступает в отношения с другими чисторассудочными категориями, происходящими от динамических категорий отношения и модальности, образуя понятия

числа, количества, множества, величины, счетного порядка, номера и меры и т.п.

В современном языкознании существует много подходов к пониманию семантики количественности. Мы предлагаем посмотреть на данную проблему с ономаσιологической точки зрения, которая наиболее соответствует

а) **антропоцентризму** – т.к. только при ономаσιологическом подходе исследование языковой системы ведется от значения к форме с учетом человека, стоящего на первом месте;

б) **функционализму** – так как только при ономаσιологическом подходе речевые единицы могут рассматриваться одновременно сквозь призму системно-функциональных смысловых отношений в языковой системе и функционального соотношения с актуальной речевой реализацией смысла;

в) **прагматизму** – так как только при ономаσιологическом подходе мы можем объяснить, с какой целью были использованы те или иные единицы языка, каковы были интенции субъекта речи и, самое главное, установить зависимость между изучаемой единицей и целостной прагматической ситуацией общения.

Поскольку номинация представляет собой некое соотношение между обозначающим и обозначаемым, то номинативная единица, кроме коммуникативно-воздействующей, может выполнять также две ключевые экспрессивные функции, которые условно можно соотносить с семантическим треугольником Огдена-Ричардса. Таким образом, языковая единица одновременно указывает на предметную сферу опыта, а также на понятийное определение этого эмпирического участка, и, как отмечает Кубрякова, «способность служить названием какого-либо элемента человеческого опыта – есть способность отражать не только единичный реальный элемент, но и его обобщенный образ» (Кубрякова 1978: 8-9).

Что касается самой структуры информационного пространства опыта, то в этом вопросе мы ссылаемся на труды О. В. Лещака, согласно которому она является «соотношением дискретных информационных единств (понятий, наглядных представлений, эмоциональных и сенсорных впечатлений, волеизъявлений) по их сходству и смежности. В языкознании эти отношения обычно определяются как парадигматика и синтагматика» (Лещак 2009: 179). При этом очень важным является характер этой связи. «Все функционально значимые единицы языковой системы знаков организуются в парадигматические иерархически соподчиненные структуры по принципу сходства (классы, категории, роды, виды, типы, группы) и в синтагматические ядерно-периферийные структуры по принципу смежности (пары, ряды, поля, последовательности, пространства, концептосферы, фреймы, когитации, императивы)» (Лещак 2009: 179). Дальше О. Лещак обращает внимание на то, что если вся система обладает таким характером, как совокупность парадигматических классов и синтагматических

референтивных полей, то этот характер будет относиться также к каждому номинативному знаку, «который должен представлять семный класс и семное поле» (Лещак 2009: 179).

Что касается самой структуры значения знака, то предложенная О. В. Лещаком структура является трехкомпонентной (Лещак 2009: 184-185). Во-первых она состоит из **категориальной** части, в которой семы упорядочены иерархически и находятся в родовидовых отношениях, основанных на механизмах субституции. Второй частью структуры является **референтивный** компонент, в котором содержится информация, имеющая конкретный характер. Это информация о единичных свойствах объекта и ситуациях «здесь и сейчас», к которым данный объект имеет отношение. Она ориентирована на дискурсивный контекст и основана на механизмах предикации. Находящиеся здесь семы взаимодополняют друг друга и соотносятся по принципу смежности. Очень важным является и третий компонент структуры значения, а именно **сингификат** (структурное ядро значения), «в котором содержится наиболее важные категориальные и референтивные черты данного знака, позволяющие нам установить разного типа рема-тематические отношения между этими частями денотативного значения. При генерализации функцию темы выполняет референтивная часть значения, а функцию ремы – категориальная, при референции же роли составляющих ядра меняются» (Лещак 2009: 184).

Перенося идею трехкомпонентной понятийной структуры на почву номинативного выражения семантики исчислимой количественности, можно отметить, что в зависимости от того, насколько обобщенно или насколько референтивно используется каждое из нумеративных понятий, возможны различные виды нумеративной семантики. Обобщение и отвлечение от субстанции, атрибутом которой является данное количественное понятие, может приводить к тому, что субстантивное количество перестает быть понятием множества объектов, а становится понятием о чистом абстрактном количестве, т.е. понятием числа, атрибутивное же количество перестает восприниматься как понятие о счетном порядке, расположенном в счетном ряду и становится понятием порядкового номера, приписанного данному объекту.

Говоря о семантике количественности с точки зрения трехкомпонентной структуры значения, следует отметить, что она может по-разному проявляться в разных понятиях. Если количественность выступает на референтивном уровне, понятие не является собственно количественным, а количественная и даже нумеративная информация только сопутствует категориальному значению. Примерами могут послужить следующие слова: *чекушка* – в категориальной части значения которого помещается информация о бутылке (причем

небольшой), содержащей обычно водку. В референтивной же части находится информация о емкости данной бутылки – 250 мл.

Так же и в слове *пришить* на категориальном уровне содержится информация о прикреплении чего-то к чему-то при помощи иглы и нитки. На референтивном же уровне в этом слове присутствует значение присоединения какого-то количества частей к целому. Здесь можно говорить о глаголе со значением действия с элементом неисчислимо-количественной референции.

В предложении: *Он получил золото* (т.е. золотую медаль) мы видим, что в значении формы *золото* на референтивном уровне присутствует семантика порядкового места: *получить золото* – значит быть первым среди других, занять самое высокое призовое место. Если учесть отношения в ряду *золото – серебро – бронза*, то оказывается, что мы здесь можем обнаружить следы процедуры упорядочения, т.е. установления мест в ряду победителей, занявших соответственно первое, второе и третье место в спортивных соревнованиях. Но информация о месте в счетном ряду присутствует не в категориальной, а в референтивной части значения. В категориальной наличествует лишь информация о достоинстве полученной медали.

Что важно, квантитатив вовсе не обязательно должен быть мотивирован количественным числительным. Слова *пара, дюжина, пуд, литр, группа, масса, море* (напр., *море цветов*) несомненно являются квантитативами, т.к. информацию о количестве они содержат не только в своей категориальной семантике, но и в сигнификате. Это значит, что эти слова номинируют собственно количественные понятия множества или количественной величины. При этом их внутренняя форма такой информации не содержит.

Следует отметить, что не все квантитативы могут и должны считаться **нумеративами**. Собственно нумеративами мы можем считать только такие слова, у которых в самом сигнификате заключена семантика **исчислимой количественности** (*пять, пятеро, пятый, тройка, трижды*).

Таким образом, определение лексической единицы в качестве количественного наименования, квантитатива или нумератива зависит от характера структуры его семантики, а точнее от того: а) в какой части его семантической структуры содержится количественная информация (категориальной, референтивной или сигнификативной) и б) каков характер этой семантики (исчисляемый или неисчисляемый).

Уже в шестидесятые годы прошлого столетия М. Докулил в своей работе «Словообразование в чешском языке, 1: Теория словопроизводства», выделил четыре типа ономаσιологических классов, обособленных на основании характера обоих противоположных

членов этих номинативных структур, и названных им ономаσιологическими категориями (Докулил 1979: 44-45). Вслед за О. Есперсеном и В. Матезиусом, он выделил такие четыре глобальные группы номинативных понятий как субстанция, процесс, атрибут и обстоятельство. Можно предположить, что категория субстанции выражается через имя существительное, категория процесса – через глагол, категория атрибута – через имя прилагательное, а категория обстоятельства – через наречие. Но это не совсем так. Поскольку выделение вышеуказанных категорий является не классификацией, а типологией, мы можем принять, что между четырьмя категориями находятся, так сказать, переходные моменты, которые номинативно реализуются также через другие части речи.

На уровне номинативном (ономаσιологическом) количественность уже не представляет собой самостоятельной номинативной категории, а формально проявляется в следующих ономаσιологических структурах (классах):

а) в пределах категории субстанции:

- субстантивная количественность – число (*два, три, пять*);
- количественная субстанция – единичность (*горошина, индивидуум*), множество (*совокупность, рота*), количественная величина (*пара, один метр*), мера (*бочка, метр*); номер (*двойка*);

б) в пределах категории атрибута:

- количественно-субстантивный атрибут – номер (*второй [трамвай] = (трамвай) номер два*),
- атрибутивная количественность, т.е. счетный порядок (*третий, сотый*) или несчетный порядок (*средний, последний*),
- количественный атрибут – качественная величина (*длинный, широкий*), количественное свойство (*двойной, огромный*),

в) на стыке категории субстанции и категории атрибута

- атрибутивно-субстантивная количественность – количество (*пять [солдат]*); в именительном и винительном падежах количественные числительные со значением количества (множества) ведут себя как субстанциональные наименования, управляя наименованием считаемых предметов, во всех же остальных падежах – как атрибутивные, согласуясь с наименованиями считаемых объектов,

г) в пределах категории обстоятельственности:

- обстоятельственная количественность, т.е. модусное количество (*дважды, трижды*),
- количественное обстоятельство (*неоднократно, часто, как-то раз, очень*),

д) в пределах категории процессуальности:

- количественный процесс (*удвоить, объединить, прыгнуть, подпрыгивать*).

Следует подчеркнуть, что количественные понятия могут вербализоваться при помощи разных частей речи, в том числе имен числительных, имен существительных, имен прилагательных, наречий, глаголов и др., в зависимости от взаимоотношения между количеством и четырьмя ономаσιологическими категориями субстанции, атрибута, обстоятельства и процесса.

Наиболее тесно связанной с количеством и в наиболее полной мере реализующей ее оказывается категория субстанции, в меньшей степени – категория атрибута. Идея чистой количественности и количественности как атрибута какой-то субстанции составляют одно целое и с частеречной точки зрения предстают как одна лексико-грамматическая единица – **количественное имя числительное**. В семантической структуре каждого количественного числительного наличествуют две соположенные части – категориальная и референтивная. Категориальная часть количественного числительного имеет свойства субстанции, а референтивная же его часть – свойства атрибута.

Хотя субстантивные понятия в подавляющем большинстве реализуются при помощи имен существительных, однако, сочетаясь с количественными понятиями, они также могут создавать гибридные, переходные номинативные структуры.

Разные типы количественных понятий, на уровне языковой картины мира составляют целостные ономаσιологические классы и эксплицируются различными языковыми формами. В рамках категории субстанции можно обнаружить такие категориальные понятия как количественная величина, множество и единичность (сингулятивность). При этом в первую очередь следует говорить о сравнительно «чистых» количественных субстанциях (вроде *тройка*, *сотня* или *штука*), которые содержат в категориальной части семантику количественности или даже нумеративности. За «чистыми» же формами проявления количественности в субстанциальных понятиях следуют формы гибридные, к которым мы относим единичные и множественные субстанциальные объекты (*бутылка*, *буханка*, *триптих* или *агломерация*).

Самой широкой и открытой ономаσιологической группой количественных субстанциальных понятий является класс количественных величин. Понятия такого типа возникают всегда *ad hoc* и чаще всего не обладают стабильной номинацией при помощи отдельных лексических единиц. Измерение количественной величины всегда ситуативно, а ее номинация осуществляется на речевом уровне при помощи свободных словосочетаний (*два сантиметра*, *тысяча гектопаскалей*, *десять рентген*, *ведро песка*). Изредка такие понятия обретают номинативную стабильность. Обычно это связано с экстралингвистическими факторами (культурная значимость, стереотипизация, прецедентное или цитатное

использование). Обычно номинатами таких понятий становятся языковые клише (*тридцать шесть и шесть, сорок градусов, пять баллов, сто грамм, бокал пива*), реже – словесные лексические единицы (*полметра, полкило, сутки, сотка, четвертак*).

С модельной точки зрения здесь можно выделить нумеративные и нenumеративные наименования количественных величин.

К первой мы относим такие единицы как: *трехлеток, четверть (часа), десятилетие, биеннале, триеннале, трехдневка, пятидневка, полчаса, квартал* и т.д.

Во второй группе находятся следующие единицы: *коробка (конфет), рюмка (водки), банка (сгущенки), мешок (яблок), шаг, участок (земли), отрезок, пакет, кисть* и др.

Понятие субстанциального множества может дифференцироваться в зависимости от степени субстанциализации (т.е. степени абстрагирования от атрибутивности в сторону абстрактной предметности и даже субъектности). Здесь можно выделить нумеративные множества – *двойка, пара, дюжина, десяток, сотня*, нenumеративные множества – *разряд, класс, группа* и множественные объекты – *лес, табун, рота, отряд, архипелаг, гряда*.

Последняя ономаσιологическая группа может подразделяться на две подгруппы: холитивов – понятий о целостных объектах и партитивов – понятий о частях объектов. Следует учесть, что деление это условно и динамично: как холитивы могут пониматься в качестве партитивов, так и наоборот партитивы могут восприниматься как своеобразные холитивы в зависимости от точки соотнесения. Итак, *зубок* чеснока может считаться партитивом – если признать его частью *головки* чеснока, состоящей из определенного количества подобных ему зубков. С другой стороны, зубки чеснока, лежащие отдельно на столе, могут быть понимаемы как самостоятельные предметы – холитивы.

С каждой из этих трех групп количественных субстанциальных понятий сопряжена своя группа понятий меры. Класс мер можно подразделить на две подкатегории, из которых первая относится к единичным объектам, другая же – к множественным. В ряде случаев понятие меры может быть производным от понятия количественной величины, множества или единичного объекта.

Даже если в категориальной части субстанциальных лексических понятий мы не наблюдаем семантики количественности (*человек, стол, утро, занятие*), то она у большинства таких понятий присутствует на референтивном уровне в форме грамматической категории числа (единственного или множественного). Таким образом, любое существительное мы можем представить себе либо как что-то одно (сингулятив) либо как некое множество (квантитатив). Здесь может возникнуть вопрос: возможно ли представить себе как множественный объект существительные *singularia tantum* или наоборот – *pluralia tantum* как

объект единичный и где тогда в таких существительных наблюдается количественность? В этом нет необходимости. У таких номинатов семантика грамматической количественности передвинулась из референтивной части в область сигнификата, т.е. в ядро значения, поэтому с формальной точки зрения их грамматическая количественность неизменна.

Категорией, совмещающей в себе одновременно черты количественности и атрибута, является атрибутивное количество, выражающееся в категориальном понятии счетного порядка, выражаемое т.н. **порядковыми числительными**. К ним относятся такие лексемы как: *второй, десятый, двадцать восьмой* и т.д.

Очень близкими по значению к атрибутивному количеству можно считать единицы со значением количественной атрибутивности. Прилагательные, которые являются частичной реализацией этой категории, могут выражать как счетную, так и несчетную атрибутивность. К счетным можем отнести такие слова как: *трехтомный, двуглавый, пятиклассный, четырехугольный, десятиэтажный, семимильный* и др. Носителями несчетной атрибутивности могут быть слова типа: *многокилометровый, долголетний, последний, предпоследний, средний, начальный, начаточный, первоначальный, непервоклассный, следующий, дальнейший* и др. Здесь следует однако заметить, что некоторые лексемы, выражающие значение несчетной количественной атрибутивности, очень близки к словам, выражающим несчетную атрибутивную количественность. Если сравним два ряда типа: *пятый – шестой – десятый* и *первый* (в смысле лучший) – *следующий – последний*, то оказывается, что они обозначают почти одно и то же, причем к первому ряду принадлежат нумеративы, ко второму же – квантитативы (относящиеся к порядку, но не счетному).

Представителем же класса количественных атрибутов можно считать качественную величину. Она вербализуется посредством таких лексических единиц как: *широкий, высокий, теплый, тихий, длинный, громкий, тяжелый, невесомый, объемистый* и др. На основании вышеприведенных примеров хорошо видно, что все они относятся к качественным прилагательным (отсюда и название качественная величина) и представляют собой информацию об объекте к которому они относятся. Особенностью таких единиц, в которых, кстати, семантика количественности присутствует на референтивном уровне, является то, что они, выступая как свойство (признак) предмета (объекта), могут проявляться в большей или меньшей степени, по словам Е. М. Вольф: «меняться по шкале интенсивности» (Вольф 1990: 398). Сравнительная и превосходная степень являются своеобразным способом проявления категории количественности, но уже не столько на лексико-семантическом, сколько на грамматическом уровне. Формы сравнительной степени свойственны исключительно качественным именам прилагательным и образованным от них наречиям, типа: *тяжело*

(*тяжелее*), *далеко* (*дальше*), *густо* (*гуще*), *мягко* (*мягче*), *темно* (*темнее*) и др. Говоря о наречиях, мотивированных значением качественных прилагательных, следует вспомнить также о именах существительных со значением качественной величины. К таким лексемам (в основном – отадъективным по образованию), образованным путем трансформации, можно отнести следующие: *длинный* – *длина*, *высокий* – *высота*, *глубокий* – *глубина*, *широкий* – *ширина* и др.

Особой гибридной формой количественного понятия, находящейся на границе между субстанциальной и атрибутивной количественностью, является понятие **порядкового номера**, которое можно понимать как субстанциальный (или субстантивированный) счетный порядок – *номер пять*, (*квартира*) *тринадцать*, *пятый* (трамвай).

Четвертой категорией, при помощи которой реализуется семантика количественности, является модусное количество. Единицы, выражающие такое значение, представляют собой довольно узкую группу, тем не менее в их семантике содержится информация о образе действия – *дважды*, *трижды* или сочетаниях (аналитических номинатах) *два раза*, *сто раз*. Что касается количественных обстоятельств, то они представляют довольно большую группу устойчивых номинатов (следует обратить внимание на то, что количественность, выражаемая такими лексемами, имеет разные проявления, т.е. может информировать о мере, степени, разных величинах и т.д.), в которой наблюдаются как отдельные слова (*достаточно*, *едва*, *долго*, *вдруг*, *постоянно*, *вдвойне*, *отчасти*), так и языковые клише со значением количественности как на категориальном так и на референтивном уровне. Примерами единиц, у которых значение количественности наблюдается на референтивном уровне, являются: *в конце концов*, *в окрестностях*, *в мгновение ока*, *во весь голос*, *в числе прочего*, *в большинстве случаев* и т.д. На категориальном же уровне семантика количественности заключена в единицах *в одиночестве*, *один за другим*, *более или менее*, *идти валам*, *не совсем*. Следует отметить, что большинство такого рода семантических функций реализуется ситуативно в речи при помощи свободных словосочетаний с ядерным словом существительным а часто и нумеративно-субстанциальными сочетаниями, типа: *два года*, *через три минуты*, *в течение десяти дней*, *в двух шагах*, *за три дня* и т.д.

Самым неразвитым классом следует признать потенциальный класс процессуальных количеств, в котором на сегодняшний день мы не смогли найти хотя бы одной лексической единицы с таким значением в русском языке. Никакого направленного воздействия на количественность со стороны категории процесса мы не наблюдаем. В то же время воздействие в обратную сторону весьма существенно: количественность проникает как в лексическую, так и грамматическую область процессуальной семантики. С точки зрения лексического значения

количественность наблюдается на категориальном (*утроить, вдвоить, приложить*) и референтивном (*увеличить, уменьшить, удлинить, завышать, возрастая, нагреть, стоить*) уровнях.

Подытоживая, семантика количественности, учитывая трехкомпонентную структуру значения, может проявляться в разных понятиях в разной степени. Некоторые понятия содержат количественную семантику в своей категориальной части, в некоторых данная семантика выступает на уровне референтивном, что приводит к тому, что такое понятие не является собственно количественным, а количественная (и даже нумеративная) информация только сопутствует их категориальному значению. С частеречной точки зрения количественные понятия могут вербализоваться при помощи имен числительных (которое понимается как ядро ономаσιологической системы нумеративов), имен существительных, имен прилагательных, наречий, глаголов и др., в зависимости от взаимоотношения между количественностью и четырьмя базовыми ономаσιологическими категориями.

Список литературы

- Вольф Е. М. (1990) Прилагательное, в: Лингвистический энциклопедический словарь под ред. В. Н. Ярцевой, Москва, 398.
- Докулил М. (1979): Теория деривации, Вроцлав, 44-45.
- Кант И. (1994): Критика чистого разума, Москва, 171-174.
- Кубрякова Е. С. (1978): Части речи в ономаσιологическом освещении, Москва, 8-9.
- Лешак О. В. (2009) Онтологические проблемы ономаσιологии и категориальная типологизация семантического пространства языкового опыта, *Studia Rusycystyczne Uniwersytetu Humanistyczno-Przyrodniczego Jana Kochanowskiego*, 179, 184-185.

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ МЕДИЦИНСКОГО ЖАНРА «СКАЗКА» В ДОКУМЕНТАХ «АПТЕКАРСКОГО ПРИКАЗА» XVII В.

Олехнович Ольга Георгиевна
Уральский государственный медицинский университет, Россия
olgaolech@yandex.ru

ESTABLISHMENT AND DEVELOPMENT OF MEDICAL GENRE «TALE» IN THE THE DOCUMENTS OF THE PHARMACEUTICAL ORDER OF THE XVIII CENTURY

Olga Olekhnovich
Ural State Medical University, Russia

АННОТАЦИЯ

В статье представлены результаты лингвистического анализа медицинского жанра «сказка» на основе «Документов Аптекарского приказа» XVII в. Для исследования было использовано более 100 «сказок» различной тематики – докторские, лекарские, аптекарские. В результате анализа были выявлены их общие жанровые черты, а также отличительные особенности. На формирование документа «сказка» в России значительное влияние оказали медицинские тексты на латинском языке, которые создавали некий «языковой стереотип». Это связано не только с гармонизацией межязыковых средств, которые имеют греко-латинское происхождение, но и с организацией текста. При переводе этих документов на русский язык заимствуются не только термины-неологизмы, но и форма документа со своей прагматикой и специальными средствами формальной организации.

ABSTRACT

The article presents the results of the linguistic analysis of the medical genre "tale" on the basis of the "Documents of the Pharmaceutical Order" of the 17th century. More than 100 "tales" on various subjects – doctoral, medicinal, and pharmaceutical – were used for the study. Their common genre features, as well as distinctive features were revealed as a result of the analysis. The formation of the "tale" document in Russia was significantly influenced by medical texts in Latin that created a "language stereotype". This is due not only to the harmonization of inter-language means, which are of Greek and Latin origin, but also to the organization of the text. When translating these documents into Russian, not only neologism terms, but the form of the document with its own pragmatics and special means of formal organization are borrowed.

Ключевые слова: медицинский жанр, докторская сказка, лекарская сказка, аптекарская сказка.

Keywords: medical genre, doctor's tale, medicinal tale, pharmaceutical tale.

*Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 17-06-00376 «Фитонимия русского языка в диахроническом аспекте (XI-XVII вв.)»

В последнее время исследование документов XVII века привлекает внимание не только историков, но и филологов. Заметно возрастает количество работ, в которых исследуются лингвистические особенности текстов отдельных отраслей знания.

Подобные работы дают возможность наблюдения за процессами формирования структуры специальных текстов в их динамике – особенностями номинации, спецификой отбора языковых и стилистических средств.

Исследование осуществлено на материале текстов медицинского содержания из документов Аптекарского приказа периода XVII века – рукописи Аптекарского приказа, хранящиеся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) в г. Москве (Фонд 143, 2724 ед. хр., 1629-1716 гг.); опубликованные Н. Е. Мамоновым в 1885 г. в Санкт-Петербурге «Материалы по истории медицины в России», а также документы 1613-1645 гг. в 1841 г., опубликованные в Санкт-Петербурге в «Актах исторических, собранных и изданных Археографической комиссией».

До XVII века основу медицинской литературы в России составляли компилятивные тексты – лечебники и травники. Несмотря на некоторую схожесть, они не имели единой структуры, а использованная в них медицинская лексика была очень разнородной.

В XVII веке в условиях в целом сложившейся документной системы у старых названий документов расширяется тематика: **сказка, роспись, опись**, позже появляется новый вид документа – **рецепт**. Этому способствовало создание государственного медицинского учреждения в России – Аптекарского приказа, который распоряжался всем медицинским и аптечным делом. Документы Аптекарского приказа постепенно приобретают узкую профессиональную направленность. Их еще нельзя считать самостоятельными, поскольку они связаны с делопроизводством и контролируются государством.

Все документы в той или иной мере содержали медицинскую лексику не только на русском, но и на латинском языке.

Именно в этот период отмечается активный приезд иностранцев, ввозится огромное количество лекарственных средств, создаются аптеки. Русский язык «обогащается интернациональными терминами, воспринимаемыми через посредство не только греческого, но и ученого международного языка средневековой европейской науки – языка латинского» (Виноградов 1978: 190). Реверанс в сторону Западной Европы совсем не означал, что западноевропейские стандарты были приняты в полном объеме. Языковые средства отбирались с максимальным использованием внутренних языковых ресурсов.

Именно в это время значительно пополнялся медицинский словарь, определялся ее состав, оформлялась структура термина. Исследование терминов, функционирующих в медицинском тексте, не должно ограничиваться изучением их семантики и структурного состава, не менее важно их «поведение» в тексте.

Из медицинских документов того периода наибольший интерес представляют **сказки**. Жанровая разновидность деловой письменности «сказка» начинает формироваться в конце XVI в. Определение этому жанру актовой письменности дал Качалкин А. Н.: «Сказки – это письменные показания по определенному вопросу. Подавались они по разным поводам, когда администрации нужны были сведения по какому-либо делу, известные авторам сказок» (Качалкин 1988: 82). Название этого вида документа, вероятно, получило в результате исторического развития слова ‘съказъ’ «– повѣствованіе, сказаніе; – объясненіе, толкованіе» (Срезневский 1912: 715), а «*съказька от казать» (Фасмер 1987: 630). Словарь А. Л. Дювернуа дополнил «Материалы ...» И. И. Срезневского: Сказка – «составляемый по требованию администрации или суда документ, содержащий известные его автору сведения о деле». «Сказка – *indicium* и *narratio*» (Дювернуа 1894: 188) «*indicium*, -i n заявление, показание, донос» (Дворецкий 2000: 392); «*narratio*, -onis f рассказ, повествование» (Дворецкий 2000: 504); «*narratio*, -onis f повествование, рассказывание чего-нибудь, повесть, подробность какого-нибудь случившегося или могущего случиться действия, дела. (Кронеберг 1834: 78).

Сказка с медицинским содержанием обретает форму самостоятельного документа в XVII веке. Некоторые сказки еще имели компилятивную зависимость, но в отличие от лечебников и травников они предназначались для узкого круга специалистов. Сказка в новом понимании – это, прежде всего созидательный документ, а компилятивный текст передавал уже известную ранее информацию.

Поскольку авторами большинства «сказок» были иностранные специалисты, они создавали текст на латинском языке, опираясь на уже существовавшие в медицинской практике композиционно-стилистические традиции. Анализ переводных текстов показывает, что новый вид документа формировался в результате контакта международного медицинского и местного делового текста. По своим функционально-семантическим признакам медицинская сказка выходит за рамки традиционного делового текста, создавая строго фиксированный сценарий со своей прагматикой и специальными средствами формальной организации.

Разновидности сказок обычно связывали с автором текста – доктор создавал «докторские сказки», лекарь – «лекарские сказки», аптекарь – «аптекарские сказки». Авторские названия не всегда отражали содержание. Доктор мог быть автором сказок любой медицинской

тематики, создавая тексты любой сложности. Тематика лекарских и аптекарских сказок была очень ограничена, их авторы создавали небольшие тексты.

С содержательной стороны отметим тематическое разнообразие «докторских сказок» – **истории болезней** («Сказка, данная в Аптекарский приказ докторами о болезни»; «Сказка доктора Самуила Каллинса о болезни гетмана»; «Сказка доктора фон Гадена о болезни стольника»); **рекомендации о распознавании и лечении болезней** («Сказка докторов о лечении болезни “angina”»; «Сказка докторов как распознать и лечить горловую болезнь»; «Сказка доктора Льва Личифинуса о том, как можно излечить жильца Черткова предающегося рукоблудию»); **сказки о больных** – отчеты о вылеченных больных («Сказка окулиста Иоганна Шартлина о вылеченных им больных», «Сказки докторов о лечении царя Михаила Федоровича»); **сказки о лекарствах** – описания лекарственного сырья («Сказка доктора Каллинса о целебных свойствах валериановой травы и лапушника», рецепты приготовления лекарственных средств («Сказка докторов о питье для охлаждения»); **показания докторов об освидетельствовании** («Сказка доктора фон Гадена об освидетельствовании царских певчих»; «Сказки докторов об осмотре ими убитого» (I, 188). «Лекарские сказки» – в основном это медицинские справки и заключения («Сказка лекарей о болезни Ив. Степ. Панова»; «Сказка лекарей о том, какие увечья имеют стрельцы»; «Сказка, данная лекарем Симоном Зоммером о том... что рейтор... не может продолжать службу»; «Сказки лекарей Якова Дементьева и Василия Подураева о том, какие увечья имеют стрельцы Жидовинова приказа Дмитриев и Степанов»; «Сказка лекаря Албануса о непригодности к службе»). «Аптекарские сказки» связаны с приготовлением лекарств («Сказка аптекаря Христиана Эглера о составленном им порошке»).

Интерес исследователей к «докторским сказкам» связан с их тематическим разнообразием, которое неизбежно отливалась в разнообразные формы организации единиц языка.

Именно «докторские сказки» были основными документами, сопровождающими новую научную дисциплину. Поэтому особое внимание уделялось созданию текста, как способа выражения повторяющихся медицинских ситуаций. Они в полной мере отражали уровень медицинских знаний в России в XVII веке. По данным «сказок» можно судить об известных в XVII веке болезнях: *каменная, лихорадочная, водяная, огневая, чечуйная* (геморрой), *ангина, рожа, болезнь, сухотка* (туберкулез). В «сказках» есть сведения о способах лечения болезней, названия всех имеющихся в тот период лекарственных средств и особенности их приготовления. Основными проблемами медицины того времени являлись: распознавание болезни, ее лечение и прогноз.

Авторы «сказок» для разных событий используют единый формуляр, содержащий стереотипные выражения и языковые формулы. С одной стороны, трафаретность документа несколько ограничивает мышление автора; с другой стороны, она подводит его изложение в нужные рамки. Среди возможных вариантов он избирает языковые средства, наиболее соответствующие стилю данного жанра документа. При изучении разных «докторских сказок» были найдены общие и отличительные признаки.

«Докторские сказки», описывающие истории болезней, состояли из 8-10 строк, разделялись на три основные тематические части: начальную, основную и заключение, хотя не во всех исследуемых текстах они представлены в полном составе. В некоторых «сказках» присутствуют рекомендации о лечении болезни.

В реквизитной части обычно указывалась дата (*166-го (1657) Апреля в 12-й день*). Основная, самая объёмная часть, состояла из расспросной (*жилецъ Иванъ Чертовъ въ роспросе казалъ...*) и описательной (*дохтуръ, смотря Ивана Чертова, казалъ, что тотъ блудъ учинился у него отъ порчи и отъ кручины; осмотрилъ онъ дохтуръ у него болезнь некую паралезную особную и сухия жилы ведет и ноги и руки трясутца и ходить не можетъ; бользнь у него у Григорья внутри есть глиста*). Заключительная часть – ‘эпикриз’ (*и за такую болезнь ему Государевы службы служить не мочно; излечить тое руки у него не мочно жь, потому что та болезнь застарелась*). Каждый документ заканчивался подписью врача (*Stephan M[edicinae]: D[oc]tor[is]; Stephan de Gadano medicinae doctor*).

Эпикриз – это заключение врача о выявленном / или невыявленном заболевании (*что де на нихъ никакой болъзни нгтъ – всъ въ чистотъ; а чаеть онъ дохтуръ что у него огневая болъзнь*). В рекомендательной части дается прогноз о возможности продолжать службу (*и что де имъ въ Верхъ ходить мочно, какъ укажутъ*) и инструкции для больного (*А только ему Ивану на лошади сидеть или пгшему ходить много, и у него та болъзнь опять станетъ прибывать и черева выходить. А как ему много гздить и ходить, и отъ того чають смерти; толко ему и помочи учинить, зглатъ поясъ широкой, и тгмъ поясомъ то мгсто подвязывать, и быть дома, и никуды ходить и гздить не мочно*). В некоторых «сказках» даются прогнозы заболевания, не всегда оптимистичные (*излечить тое руки у него не мочно жь, потому что та болезнь застарелась; а лечить его не мочно, потому что болезнь у него застарела жить долго не станетъ*), а также результаты лечения (*...не видгла очми, а нынъ видить, шла слеза, а нынъ слеза нейдет*).

Доктора писали истории болезней на латинском языке, поэтому основная роль в создании русского текста принадлежала переводчикам, которым приходилось не только

передавать точное содержание, но и по возможности соблюдать композиционно-стилистическое единство текста.

Приведем пример оригинала на латинском языке и перевод на русский язык «Показания докторов Блюментроста и Зоммера о причине смерти кн. Н. А. Воротынского» (1679 г.)

Acium d. 24 Julii 1679

Illustrissimus Knesius ac Dominus, Dr. Johans Aleksewitz Waratynsky, Cesilii intimintis Begii Senator, in concessu preconum male sese incipit habere et de summa cordis angustia conqueri: unde monitus domum transvehitur, male subinde sucto, et succedente vomitu pauculae materiae phlegmaticae subito concidit et violenta morte exstinguitur citra sterlorem statim succedente colore faciei et unguium livide, totinsque corporis frigore.

Quesiti de genere affectus, ex quo Illustrissimus, hic princeps tam subito fuit exstinctus?

Respondemus, malum hoc aliud non fuisse, quam S y n c o p e n C a r d i a c a m ex subita interception venarum et arteriarum ad cor pertinentium, unde calor natives et spiritus vitalis fuit suffocatus et exstinctus, male procul dubie exorto ab insigui crudiate circa hypochondria haerente, quae cruditas frequens est hodiernae Sufficationis Hypochondricae.

De caestro nullam hic neque veneni accepti aequae maligni et contagiosi esse suspicionem ex Artis fundamentis certi sumus, ad hanc visitationem reduisti.

Laurentius Blumentrost D. mr.

Sigmund Somer. Mpp.

...И Июля въ 25 день, дохтуры Лаврентей и Симонъ, объ осмотръ боярина князя Ивана Алексѣевича Воротынского подали скаску на латинскомъ языкѣ за своими руками.

А по переводу съ той скаски Посолского Приказу переводчика Стахгя Гадалова написано:

[1679 году Июля въ 24 день, велиможнѣйшій господинъ Иванъ Алексѣевичъ Воротынской, совѣта царского бояринъ, бывъ на сидннїи, нача болѣзновати и жалобу предлагати о зѣльной болѣзни сердечной и стѣсненїи; того ради поволено ему домой ѣхать; и дома такождѣ изнемогающу зѣльнее, и нашедшей блевотѣ мало нѣчто мокроты выкинувъ – абїе послѣ блевоты внезапною смертію угасаетъ послѣдующи измѣненїе лица и нохтей синости и всего тѣла студеность.

Вопрошаеми бываемъ о родѣ или началѣ болѣзни, которою велиможнѣйшій сей князь толь внезапно умре.

Отвѣщаеваемъ: сіе злое ничто иное бытъ (могло) точїю изнеможенїе сердечное, зѣ внезапного захвату жилного къ сердцу лежащаго; отсюду теплота естественная и духъ животной угашенъ бысть; безъ сумнѣнїя же болѣзни сей начавшейся отъ знатной

жестоты и колотья въ вздухахъ, которое частое колотье нынѣшняго возженія вздушиного есть виною.

О прочемъ же, никакому зазору здѣ бытии, ни отравы взятой, ни падучей болѣзни отъ основанія науки извѣстни есмы, на стѣмъ постыщеніи и досмотрѣ были вопрошаеми.

Внизу приписано: Дохтур Лаврентей Блюменторост. Дохтуръ Симанъ Зомеръ.

При сравнении двух текстов мы видим, что они имеют одинаковую структуру. В русском переводе также, насколько это возможно, соблюдаются грамматические и стилеобразующие средства. Переводные документы сделаны по западно-европейскому образцу. Развертывание текста идет последовательно. Каждый отрезок текста представляет собой смысловое и стилевое единство, формируется на базе языковых средств, нацеленных на реализацию информативности. Что касается лексических средств, то в русском тексте в силу слабой терминологичности используются в основном внутренние лексические средства: анатомические термины (*крыльце* ‘лопатка’, *вздухи* ‘легкие’, *лопость* ‘стопа’, *уды тайные* ‘половые органы’, *стволовая кость* ‘позвоночник’, *мозг в кости* ‘костный мозг’); клинические: названия медицинских специальностей (*гортанное дѣло*, *чепучинное дѣло* ‘лечение хиной’); названия специалистов (*водочник*, *костоправъ*); названия болезней (*зельная* ‘острая’ *сердечная болезнь*, *камчюжная болезнь* ‘болезнь суставов’, *свербежь* ‘чесотка’); названия симптомов, выраженные в основном отглагольными существительными, – *стѣснение*, *внезапной захватъ*, *изнеможеніе сердечное*, *колотье во вздухахъ*, *частое колотье* ‘сердцебиение’, *блевота*, *мокрота* и др.

В «сказках» в качестве опорных звеньев текста выступает не только медицинская лексика, но и стереотипные выражения. В этой роли отрезки текста, обладающие смысловым и стилевым единством, являются частью целостного высказывания – *в роспросе сказалъ; смотря болезни; болезнь застарелась; излечить не мочно жь; по осмотру; за своими руками; по его доктурову досмотрению.*

Кроме того, русский текст, следуя латинскому образцу, насыщен причастиями (*захвату жилного к сердцу **належащаго, последующее** изменение лица*).

Для усиления экспрессивности привлекаются усилительные частицы (*же*), отрицательные частицы (*ни...ни*), указательные местоимения (*сей, тотъ*). Кроме того, используются степени сравнения (*велиможнейший господин*). Логичность текста производится с помощью вводных слов, выражающих отношение между частями высказывания. Весьма характерно и употребление наречий в связующей функции: *отсюда*. Как и в оригинале, используются повествовательные и в основном сложные предложения, не характерные для русского текста.

В «лекарских сказках», как правило, отсутствовала развернутая часть. Если и встречались какие-то описания болезней, то они были весьма лаконичны (*Ранень изъ пищали въ правую руку въ ладонь на вылетъ и руку пулкою рвало середний персть оторвало виситъ на кожъ и у перстовъ у встхъ жилы портило и рана болна рука; лъвая прострълена на сквозь и жилы свело; лицо все осыпалось и по нем пупырья; у него въ роте прыщи; у него болезнь чечуйная, и от того бывает у него изтечение кровавое*).

В документах такого типа часто использовалась терминологическая лексика с недостатком номинативности – *огневая* (вместо ‘огневая болезнь (вид инфекционной болезни с высыпаниями на коже)’); *ноги опухли* (вместо ‘опухоль ног’).

Терминологически значимыми в тексте становятся глаголы или глагольные фразеологизмы (*лежитъ при смерти, кончается; небо осыпалось становые жилы свело, сухія жилы ведетъ; ноги и руки трясутца; лъвая рука от пушечнова убою вся высохла; середний персть оторвало виситъ на кожъ и у перстовъ у встхъ жилы портило; из пушки опалило лицо; да у правой руки издробило кости; и глазъ вышибло лъвой и лобъ изломало*). Реже используются краткие прилагательные (*мой сынишка скорбен и увечен, желудокъ и печень и селезенокъ безсильны, печень и селезенка заперты, рана болна, раны тяжелы*). Полные прилагательные выполняют роль определения к слову ‘болезнь’ (*у него болгъзнь чечуйная; осмотрилъ он дохтуръ у него болгъзнь нгкую паралежную особную*) или к названию определенных болезней или их симптомам, указывающим на степень тяжести заболевания (*и на руках опухоль великая; тяжелыми ранами*).

Недостаток терминологичности автор «исправляет» различными способами. Так, в следующих фрагментах текста обратим внимание на неразрывную связь клинических и анатомических наименований. Несмотря на некоторую случайность употребления и тех, и других терминов, мы видим, как автор стремится к точности воспроизведения анатомических названий, прибегая к помощи предлогов – *по правой рукъ ниже плеча по мышкъ; да он же ранень по той же рукъ ниже локтя изъ пищали тяжелыми ранами; да по той же рукъ ранень изъ лука – межъ бошого пальца; да по правой ногъ из лука выше колгна постръленъ*.

Для усиления терминологизации иногда используются слова с количественным значением – *Ротной заимцикъ Савка Перфильевъ: ранень по лъвому плечю – рубленъ саблею въ дву мгъстхъ, да у лъвой же руки порублены два перста середнихъ тяжелыми ранами*.

Репрезентативные возможности у каждого автора индивидуальны, поэтому, так или иначе, внутри жанра они создавали варьирование языковых средств, но такие внедрения в структуру текста не являлись препятствием. «Докторская сказка» лишь упрочила свои позиции как мощная, организованная и в то же время незамкнутая система.

«Сказки о лекарствах представляют» собой описания лекарственных средств (*Въ мишечк корень ангеликовой, корень игирь, и те коренья годятся въ лекарство*), свойства лекарственных средств (*сырые травы, отъ которыхъ въ желудкѣ холодить, по-Латыни зовутся трава барага, трава пултерласкъ, трава понтернела и отъ тѣхъ травъ въ желудкѣ холодить и запахъ въ питьѣ ставится хорошъ*), процедуру приготовления лекарственного средства с указанием точного количества лекарственных веществ (*И тогожъ числа доктуры составъ составлявали; а въ составъ положено: ...водки гладышевы 9 золотниковъ, да цвѣту дерева самбуцыя 2 горсти, мочено и варено въ уксусть ренском свороборинномъ; ...щипать съ тогъ травы мелифоліумъ цвѣтъ съ стѣменемъ да сушить, и изсуша класть въ молодое пиво въ бочки, завязавъ въ платъ, которая бочка будетъ ведеръ в десять и въ тогъ бочку цвѣту положить горсть... и варить тотъ цвѣтъ въ пивѣ столько, как чаеъ сварится свѣжея рыба*), обстоятельства употребления (*отъ повѣтрѣя...давать вскорѣ корень по-Латыни зовется карлина*), рекомендации (*послѣ жилного отворенья добро кушать рыба свѣжея...а жареную рыбу поливать сокомъ лимоннымъ, а редки и хрену не гъсть; именуется та трава которую в пивѣ варить и пити мелифоліумъ, и пити да закутався потъ ть, и такую траву пьютъ варя въ пивѣ и здоровые люди, для обереганья здравье...пить съ утра надобно*).

Некоторые «сказки о лекарствах» представляют собой тексты компилятивного характера, но отличие от них в современных появляются новые признаки: в качестве основных лексических единиц текста выступает латинский язык с переводом на другие языки и чаще русской интерпретацией; кроме практического значения авторы стремились к теоретическому истолкованию; новые тексты отличались меньшим объемом, поэтому отмечалось отсутствие дробления на более мелкие разделы. Имело место реорганизация структуры, прежде всего, отказ от условной подчинительной связи в пользу сочинительной связи, внося, таким образом, единообразие в оформление. Появились новые стилистические приемы. Упрощение структуры текста может свидетельствовать о попытке автора, с одной стороны, систематизировать содержание, а с другой стороны, структурировать форму передачи специальных знаний. Приведем пример текста с компилятивными оттенками, сам автор подтверждает это, ссылаясь на источник:

*Трава валеріана а по гречески ѳу, пристойна: изъ той травы перепускать водка, и та водка годица отъ очной болезни; да тое жъ траву за моремъ кладутъ въ ушечкѣ (*уха, супъ и вообще варево) для всякого здоровья и ядятъ отъ ветру, и у которыхъ людей печень испортица и ото всякого запору и женского полу отъ мѣсячного запору принимать и отъ водяного запору. А коренье тое травы разръзати намѣлко сварить въ рѣнскомъ или съ сокомъ березовымъ или въ винѣ церковномъ, и тѣмъ полоскати ротъ у которыхъ людей въ*

роте осыпалось или иная какая болъзнь или въ деснахъ цынга. Да тотъ же корень принимать отъ огневой и отъ морового повѣтрія; и у раненыхъ людей раны заживаютъ; и у которыхъ людей бываетъ на лице желчь.

В рускомъ травникъ въ 520 главъ написано:

«Аптекарские сказки» касались только приготовления лекарства:

«Сказка аптекаря Христиана Эглера о составленном им порошке»

166-го (1657) Декабря въ 13-й день аптекарь Крестьянь Эглеръ сказал: здѣлалъ порошокъ, а въ томъ порошокъ положено:

Селитры 3 золотника.

Соли и винного камня золотникъ

Стъры полтора золотника, – и то все истолокиши смѣшать и положить того пороку на ложку мѣдную противъ 2-хъ зерень перцовыхъ, и тою ложку держать на свѣчи возженной до тѣхъ мѣсть какъ тотъ порошокъ на ложкѣ лопнетъ.

«Аптекарская сказка» имела свой формуляр, включающий реквизиты, основную часть (перечисление лекарственных веществ с указанием количества вещества), заключительную (приготовление лекарства), построенных по схеме «возьми что-либо и приготовь по правилам». Обратим внимание на маркировку текста – использование отдельной строки для каждого названия, начало каждого ингредиента дополнительно обозначается заглавными буквами. Впоследствии «аптекарскую сказку» заменил новый жанр «рецепт».

На формирование документа «сказка» в России значительное влияние оказали медицинские тексты на латинском языке, которые имели некий «языковой стереотип». Это связано не только с гармонизацией межязыковых средств, которые имеют греко-латинское происхождение, но и с организацией текста. При переводе этих документов на русский язык заимствовались не только термины, но и форма документа со своей прагматикой и специальными средствами организации.

Несмотря на то, что русский язык в XVII в. еще окончательно не сформировался, языковая вариативность, непоследовательность номинации от экономичных до громоздких наименований, не помешали заложить основы организации специального текста. Медицинская документация постепенно выделилась в отдельную группу со своими характерными номинативными и функциональными особенностями, выполняя свою особую терминологическую роль в языке медицины рассматриваемого периода.

Список литературы

- Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. 1613-1645 гг. (1841), Санкт-Петербург: типография Экспедиции Государственных бумаг.
- Виноградов В. В. (1978) История русского литературного языка. Москва: Наука.
- Виноградов В.В. (1982) Очерки по истории русского литературного языка XVII-XIX вв. Москва: Высшая школа.
- Дворецкий И. Х. (2000) Латинско-русский словарь. Москва: Русский язык.
- Дювернуа А. Л. (1894) Материалы для словаря древнерусского языка. Москва: Университетская типография.
- Качалкин А. Н. (1988) Жанры русского документа допетровской эпохи. Часть II. Москва: Изво Московского ун-та.
- Кронеберг И. Я. (1834) Латинско-русский лексикон. Москва: Типография Семена Селивановского.
- Мамонов Н. Е. (1885) Материалы для истории медицины в России. Санкт-Петербург: Издательство медицинского департамента.
- Российский Государственный Архив Древних актов (РГДА). Фонд (Ф.) 143. Опись (Оп.) 2. (1629-1716)
- Соболевский А. И. (1903) Переводная литература Московской Руси XIV–XVII вв. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии Наук.
- Срезневский И. И. (1912) Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Том III. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук.
- Фасмер Макс (1987) Этимологический словарь русского языка. Том III. Москва: Прогресс.

ЭВФЕМИЗМЫ НА ТЕМУ РОЖДЕНИЯ И СМЕРТИ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ РЕЧИ

*Орлова Ольга Сергеевна
Институт языкознания РАН, Россия
OrlovaOlgaS@list.ru*

MODERN RUSSIAN EUPHEMISMS CONNECTED WITH BIRTH AND DEATH

*Olga Orlova
The Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Russia*

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена анализу современных русских эвфемизмов на тему рождения и смерти. Целью настоящего исследования является описание эвфемизмов на тему рождения и смерти, употребляющихся в современной русской речи, и определение языковых способов создания данных эвфемизмов. Материалом исследования служат современные русские эвфемизмы, употребляющиеся в разговорной речи, в СМИ, эвфемизмы, используемые на сайтах и форумах, посвящённых беременности и материнству, в социальных сетях, на сайтах ритуальных услуг, а также эвфемизмы, зафиксированные в словарях эвфемизмов русского языка.

ABSTRACT

The article deals with the analysis of modern Russian euphemisms associated with the topic of birth and death. The objective of the research is to describe the euphemisms under consideration and linguistic means of their formation. The euphemisms to study are found in colloquial speech, in media, on the websites devoted to pregnancy and parenting, ceremonial services, in social networks and in the dictionaries of Russian euphemisms.

Ключевые слова: табу, эвфемизм, рождение, смерть.

Keywords: taboo, euphemism, birth, death.

*Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 14-28-00130 «Лингвистические технологии во взаимодействии гуманитарных наук») в Институте языкознания РАН.

Эвфемизмы – известные с древнейших времён, особые знаки языка и культуры, представляющие собой не прямые именованья предметов, явлений или действий, прямое указание на которые является в данной ситуации неуместным. В Лингвистическом энциклопедическом словаре эвфемизмы определяются как «эмоционально нейтральные слова или выражения, употребляемые вместо синонимичных им слов или выражений,

представляющихся говорящему неприличными, грубыми или нетактичными» (Арапова 1990: <http://tapemark.narod.ru/les/590c.html>). Сходное описание такого явления, как эвфемизм, в котором подчёркивается этикетная сторона данного явления, представлено в словаре А. П. Евгеньевой, ср.: «слово или выражение, употребляемое взамен другого, которое по каким-либо причинам неудобно или нежелательно произнести (по причине его грубости, оскорбительности, невежливости и т. д.) например: «ждёт ребёнка», «в интересном положении» вместо «беременна» и т.д. (Евгеньева 1988: 746). В словаре Д. Н. Ушакова важным является указание на то, что эвфемизм – это «слово (или выражение), употребляемое для н е п р я м о г о (разрядка наша. – О. Орлова), прикрытого обозначения какого-нибудь предмета или явления, называть которое его прямым именем в данной обстановке неудобно, неприлично, не принято (например, “в интересном положении” вместо “беременна”; “если с больным ничего не случится” вместо “если больной не умрёт”» (Ушаков 1935-1940: <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=87066>).

Отличительная особенность эвфемизмов, которая выделяет их среди других знаков языка, на наш взгляд, состоит в том, что в основе эвфемизмов лежит принцип непрямого номинации, который позволяет выразиться иносказательно, используя подходящие, с точки зрения прагматики, в данной ситуации слова, и быть понятым правильно. Под принципом непрямого номинации понимается преднамеренно иносказательное обозначение объекта, примеры чего мы можем наблюдать в эвфемизмах. Ср.: «женщина, родившая для себя» вместо «мать-одиночка»; «прерывание» вместо «аборт»; «ритуальный агент» вместо «организатор похорон», «усопший» вместо «умерший» и т.п. В современной русской речевой культуре принцип непрямого номинации реализуется и в употреблении эвфемизмов в сетевой коммуникации, на форумах и различных интернет-сайтах: *«Я знала всего одну женщину, родившую для себя в 41 год, которая никогда не была замужем»* (<http://www.woman.ru/kids/medley5/thread/4840208/>); *«У меня было прерывание в 25 нед. Переживала очень тяжело!»* (<https://forum.materinstvo.ru/lofiversion/index.php/t768750-50.html>); *«Ритуальный агент значительно облегчает заботы, которые ложатся на плечи родственников усопшего»* (<https://xn-----6kccjemwevfcqhwxggufc2pwa.xn--p1ai/ritualnyij-agent>) и т.п.

Выделяется три разряда эвфемизмов: общеязыковые, речевые и окказиональные (Ковшова 2007: 53). К общеязыковым эвфемизмам, согласно М. Л. Ковшовой, относятся «устойчивые, легко воспроизводимые в речи большинством носителей языка общеизвестные слова и выражения» (Ковшова 2007: 53). Примерами общеязыковых эвфемизмов являются такие эвфемизмы, как: «искусственное прерывание беременности» вместо «аборт»,

«проводить в последний путь» вместо «похоронить», «ритуальное агентство» вместо «похоронное бюро» и т.п. Ср.: *«Как мне пережить искусственное прерывание беременности по медицинскому показанию на позднем сроке – 23 недели (Диагноз Водянка плода, среди них гидроцефалия мозга)»* (https://deti.mail.ru/forum/v_ozhidanii_chuda/beremennost/preryvanie_beremennosti_na_23_nedel_e/); *«Ритуальное агентство понимает, насколько велика потеря родственника или близкого человека, особенно при неожиданности утраты»* (<https://ritual-kedr.ru/>); *«Наши специалисты уделяют особое внимание каждой детали, учитывая все требования и замечания клиентов, чтобы позволить Вам достойно проводить близкого человека в последний путь»* (<http://www.ritual-memory.ru/>).

Основная функция эвфемизмов состоит в смягчении речи. Эвфемизмы служат оптимальным средством для нейтрализации негативных тем и нацелены на уменьшение негативности, семантическое перефокусирование, отчуждение негативного смысла от конкретного денотата. Неоднозначная оценочность, размытая референтность, семантическая диффузность эвфемизмов «уводят» номинацию от определенно-дискретного описания «неприятного» объекта – к неопределенно-целостному его описанию, что подменяет предмет речи и полностью нейтрализует негативную оценочность. Ср.: «не стало» вместо «умер» – *«14 августа не стало знаменитого детского писателя»* (<https://www.kp.ru/daily/26868/3911092/>); «место упокоения» вместо «могила» – *«На Новодевичьем кладбище Петербурга найдено место упокоения архитектора Преображенского»* (<http://www.iarex.ru/articles/52771.html>); «новообразование» вместо «рак» – *«Диагноз злокачественного новообразования — это не приговор. Жизнь на этом не заканчивается, а просто переходит на новый этап»* (<https://forum.na-svyazi.ru/?showtopic=2166027>) и т.п.

Речевые и окказиональные эвфемизмы «не столько способствуют смягчению речи, сколько служат речевыми маркерами, сигналом «свой»» (Ковшова 2007: 55). Речевые эвфемизмы представляют собой «индивидуально-контекстные замены, чья устойчивость и воспроизводимость ограничены узким кругом семейного или дружеского общения» (Ковшова 2007: 53). К речевым эвфемизмам, на наш взгляд, можно отнести, например, распространённые в сетевой коммуникации беременных женщин «Б» и «две полоски» / «2 полоски», употребляющиеся вместо слов «беременность» и «беременна», и «заБ» вместо «забеременеть». Так, при обсуждении долгожданной беременности после неудавшихся попыток стать матерью одна из участниц форума пишет: *«Лишь где-то через 3 мес я смогла взять себя в руки и стала настраиваться на следующую Б. И вот с Нового 2009 года мы вновь старались. Я была уверена, что заБ с первого раза, но увы...»*

(<https://forum.say7.info/topic50521.html>). На другом форуме девушка делится новостью о незапланированной беременности с остальными участницами беседы: «Узнала об этом вчера. Тест показал 2 полоски, я в таком ужасе» (<https://www.7ya.ru/article/Beremennost-podelimsya-radostnoj-novostyu/>).

Окказиональные эвфемизмы «создаются на случай, порой единственный, их употребления в речи» (Ковшова 2007: 54). Например, «новосёлы» вместо «умершие»: «Кладбище — место, где с каждым годом становится все больше «новосёлов» и которое, как и крупные города, со временем исчерпывает лимит на количество прибывших» (<http://zviazda.by/ru/news/20180413/1523604636-posetit-mesto-upokoeniya-ne-svalku>).

Возникновение эвфемизмов изначально связано с мифологическими представлениями о необходимости табуирования определённых тем. Понятие табу как «запрет на употребление тех или иных слов, выражений или собственных имен» (Леонтьев 1990: <http://tapemark.narod.ru/les/501b.html>) появляется на почве суеверий, а первые эвфемизмы возникают для замены табуированных слов в языке. Среди эвфемизмов, которые издревле участвуют в табуировании, значительное место занимают слова и выражения о таких значимых для человека явлениях, как рождение и смерть. Так, например, для именованья смерти в русском языке появились эвфемизмы «она» (Сеничкина 2008: 287), «безноса» (Сеничкина 2008: 64), «косая» (Сеничкина 2008: 164), для умершего – «гостюшка» (Сеничкина 2008: 99), для кладбища – «погост» (Сеничкина 2008: 319), для гроба – «домовина» (Сеничкина 2008: 116), «деревянный тулуп» (Сеничкина 2008: 109). Вместо «быть беременной» в русских деревнях раньше говорили «в тяготе быть» (Сеничкина 2008: 77), «в тягостях» (Сеничкина 2008: 76), «на сносях» (Сеничкина 2008: 204), вместо «родить» – «выпростаться» (Сеничкина 2008: 92), «принести» (Сеничкина 2008: 351). В городской культуре было принято выражение «в (деликатном, интересном, счастливом, таком) положении» (Сеничкина 2008: 75) вместо «быть беременной», «появиться на свет» вместо «родить» и т. д.

Взаимосвязь эвфемизмов и табу отмечалась многими исследователями. В работах Л. А. Булаховского (1954), Б. А. Ларина (1961) и А. А. Реформатского (1967), которые одними из первых в отечественной лингвистике обратились к исследованию эвфемии, эвфемизмы рассматриваются в тесной связи с табу и намечается разграничение эвфемизмов-табу и пришедшим им на смену эвфемизмам, не имеющим связи с суевериями и мифологическими верованиями. Так, Л. А. Булаховский к эвфемизмам относит «предохранительные» формулы («чтоб не сглазить»), замененные названия болезней, замененные именованья злых духов, умерших, смерти, страшных животных, устрашающих явлений природы, стихий, людских пристрастий, человеческой глупости, а также смягчённые выражения общественных деятелей

(Булаховский 1954). Б. А. Ларин понимает эвфемизмы как «новые («подставные») именованья» (Ларин 1977: 101), которые «создаются в замену запретных слов» (Ларин 1977: 101), разграничивая первобытные эвфемизмы религиозного порядка и традиционные эвфемизмы по суеверию, которые объединяет как «переименования по запрету», и современные эвфемизмы, которые «порождаются лживой моралью» (Ларин 1977: 109) или «ужимками жеманности» (Ларин 1977: 109). А. А. Реформатский определяет эвфемизмы как «разрешённые слова, которые употребляют вместо запрещённых (табуированных)» (Реформатский 1996: 56), указывая причины и источники табуирования слов у народов, находящихся на ранней стадии развития и в цивилизованном обществе (мифологические верования, суеверие и предрассудки, цензурный запрет, этикет и боязнь грубых слов, украшательство и тайноречие) (Реформатский 1996: 56-57).

В современном обществе функция табуирования у эвфемизмов практически утрачена. К основным функциям эвфемизмов в современной культуре относятся смягчение речи и вуалирование существа дела; в обиходно-бытовой сфере на передний план выходит этикетная функция эвфемизмов, а в социально-политической – оказание нужного воздействия на адресата. Для речевых и окказиональных эвфемизмов, по М. Л. Ковшовой, одной из основных функций является фатическая (Ковшова 2007: 55). Однако нельзя полностью исключить следы прежних функций, если, затрагивая темы рождения и смерти, и в современной русской культуре предпочитают выразиться иносказательно. Так, в разговоре о смерти об ушедшем из жизни говорят «покойный», «почивший», «усопший» и т.п. Ср.: *«в церкви, когда отпевают, батюшка говорит, кто хочет, может попроситься с покойным. если нет желания, то не надо»* (<http://www.woman.ru/psycho/medley6/thread/4127260/>). Вместо «быть беременной» наиболее распространёнными являются эвфемизмы: «ждать ребёнка», «готовиться стать матерью», «ожидаем прибавления в семействе» и т. д. Ср.: *«Только что узнала что моя лучшая подруга ждет ребенка, я очень ее люблю и рада...»* (<http://club.passion.ru/zhizni/moya-podrugaberemenna-rochemu-mne-strashno-t41935.html>).

Темы рождения и смерти предполагают широкий спектр эвфемизации. Определим основные объекты в рамках данных тем, и представим их в таблицах с примерами эвфемизмов, характерными для современной русской речи. Таблицы составлены на основании данных, собранных в следующих источниках: Краткий тематический словарь современных русских эвфемизмов М. Л. Ковшовой, словарь эвфемизмов русского языка Е. П. Сеничкиной, различные сайты и форумы, посвящённые беременности и материнству, социальные сети и сайты ритуальных услуг. О смерти и рождении, считая, что так смягчают данные темы при их обсуждении, высказываются представители разных культурных и социальных групп, тем

самым многие из приведённых единиц являются маркированными по тем или иным основаниям. Материал, включённый в данные таблицы, отражает всю языковую «палитру» эвфемизации в её узуальном и социальном маркировании, окказиональном разнообразии.

Таблица 1. Эвфемизмы на тему смерти

Тема смерти					
Смерть	Умерший	Гроб	Могила	Кладбище	Похороны
<i>Кончина</i>	<i>Усопший</i>		<i>Квартира</i>	<i>Место</i>	<i>Проводы в</i>
<i>Потеря</i>	<i>Покойный</i>	<i>Ритуальные</i>	<i>Два метра</i>	<i>упокоения</i>	<i>последний</i>
<i>Несчастье</i>	<i>Погибший</i>	<i>товары</i>	<i>Под</i>	<i>Место</i>	<i>путь</i>
<i>Утрата</i>	<i>Павший</i>	<i>Лечь</i>	<i>берёзками</i>	<i>захоронения</i>	<i>Предать</i>
<i>В трудную</i>	<i>Почивший</i>	<i>в землю</i>	<i>Место</i>	<i>Последний</i>	<i>земле</i>
<i>минуту</i>	<i>Приказал</i>		<i>упокоения</i>	<i>приют</i>	<i>Церемония</i>
<i>Вечный сон</i>	<i>долго жить</i>		<i>Место</i>	<i>Под</i>	<i>прощания</i>
<i>Вечный покой</i>	<i>Преставился</i>		<i>захоронения</i>	<i>берёзками</i>	<i>Прощание</i>
<i>Проститься с</i>	<i>Отдал Богу</i>		<i>Последний</i>		
<i>жизнью</i>	<i>душу</i>		<i>приют</i>		
<i>Уйти</i>	<i>Тело</i>				
<i>Не стало</i>	<i>Неживой</i>				
Приближение смерти	Убийца	Убийство	Смертельные болезни	Различные причины смерти	
<i>На ладан дышит</i>	<i>Исполнитель</i>	<i>Физическое</i>	<i>Новообразование</i>	<i>Стать</i>	
<i>Последние дни</i>	<i>Преступник</i>	<i>устранение</i>	<i>Необратимые</i>	<i>жертвами</i>	
<i>доживает</i>		<i>Провести</i>	<i>последствия</i>	<i>террористов</i>	
<i>Готовится</i>		<i>зачистку</i>	<i>Конечная стадия</i>	<i>Трагедия</i>	
<i>отойти в мир</i>		<i>территории</i>	<i>Не исключён</i>	<i>оборвала жизни</i>	
<i>иной</i>		<i>Ликвидировать</i>	<i>летальный исход</i>	<i>Случившееся</i>	
<i>Очень плох</i>		<i>Заказать</i>	<i>Неизлечимая</i>	<i>унесло жизни</i>	
<i>Бог по душу</i>			<i>болезнь</i>	<i>Имеются</i>	
<i>посылает</i>				<i>человеческие</i>	
				<i>жертвы</i>	
Потусторонний мир		Самоубийство		Коммерческая сфера	
<i>Там</i>		<i>Суицид</i>		<i>Ритуальное агентство</i>	
<i>На том свете</i>		<i>Свести счёты с жизнью</i>		<i>Ритуальные услуги</i>	
<i>Все там будем</i>		<i>Наложить на себя руки</i>		<i>Ритуальные принадлежности</i>	
<i>В мире ином</i>		<i>Наделать глупостей</i>		<i>Ритуальные товары</i>	
<i>На той стороне</i>				<i>Ритуальный агент</i>	
<i>В лучшем мире</i>					
<i>По ту сторону</i>					

Таблица 2. Эвфемизмы на тему рождения

Тема рождения		
Беременность	Родить / рождение	Беременная женщина
<i>Б</i>	<i>Произвести на свет</i>	<i>Женщина в интересном / деликатном / таком положении</i>
<i>заБ</i>	<i>Увидеть свет</i>	<i>В положении</i>
<i>Две полоски</i>	<i>Дать жизнь</i>	<i>Будущая мать</i>
<i>Запузычивание</i>	<i>Нашли в капусте</i>	<i>Пузики</i>
<i>Животик растёт не от пиццы</i>	<i>Аист принёс</i>	<i>Беременяша</i>
<i>В ожидании бэбика</i>	<i>Купили в магазине</i>	<i>Коллеги</i>
<i>Тянет на солёненькое</i>	<i>Заказали в интернете</i>	<i>Мама проглотила розовую или синенькую таблеточку</i>
<i>Готовиться стать матерью</i>	<i>Из животика</i>	
<i>Ждать ребёнка</i>		
<i>Ждать малышиков</i>		
<i>Ждём аиста</i>		
<i>Внутри бьётся ещё одно сердечко</i>		
Незапланированная беременность	Беременность вне брака	Рождение ребёнка вне брака
<i>Залететь</i>	<i>Родить для себя</i>	<i>Случайный ребёнок</i>
<i>Залёт</i>	<i>Сама</i>	<i>Одинокая мать</i>
<i>Вышло случайно</i>		<i>Женщина, родившая для себя</i>
Новорожденный	Аборт	Ребёнок внутри женщины
<i>Лялька</i>	<i>Это</i>	<i>Горошинка</i>
<i>Бэбик/Бебик</i>	<i>Операция</i>	<i>Пузёныш</i>
<i>Прибавление в семействе</i>	<i>Прерывание</i>	<i>Бэбик/Бебик</i>
	<i>Не поздно передумать</i>	<i>Семечко</i>
	<i>Искусственное прерывание беременности</i>	<i>Маленькое чудо</i>
	<i>Избавиться от нежелательной беременности</i>	
		Кесарево сечение
Поздняя беременность	Ранняя беременность	<i>КС</i>
		<i>Кесарить</i>
<i>Родить в столь ПРЕКРАСНОМ возрасте</i>	<i>ОЧЕНЬ молодые мамочки</i>	Женская консультация
		<i>ЖК</i>
		<i>Консультация</i>

По материалу, представленному в данных таблицах, видно, что эвфемизмы на тему рождения и смерти, употребляющиеся в современной русской речи, подразделяются на эвфемизмы, берущие свои корни в традиционной культуре, изначально возникшие как замены табуированных слов и выражений, и на эвфемизмы, появившиеся в культуре современной, возникшие как под влиянием традиционных воззрений на тему рождения и смерти, так и отражающие новые веяния в развитии общества. Так, в первую группу входят такие

эвфемизмы на тему смерти, как: «все там будем», «проводить в последний путь», «под берёзками», «покойный», «отойти в мир иной», «предать земле»; эвфемизмы на тему рождения: «произвести на свет», «ждём аиста» и т.п. Для данной группы характерно большое количество эвфемизмов-фразеологизмов; ср. также: «на ладан дышит», «аист принёс», «нашли в капусте» и др. Вторая группа включает такие эвфемизмы, как: «произведена зачистка территории», «имеются человеческие жертвы», «искусственное прерывание беременности», «летальный исход», «тянет на солёненькое», «купить в магазине» и т. д.

К вопросу способов создания эвфемизмов в науке о языке обращались многие исследователи (Л. П. Крысин, Ж. Ж. Варбот, Е. И. Шейгал, А. М. Кацев, Б. Уоррен, В. П. Москвин, Е. П. Сеничкина и др.). Опираясь на существующие в науке классификации, М. Л. Ковшова выделяет наиболее типичные лексико-семантические способы образования эвфемизмов: подмена значения, создание значения неполноты признака или действия, сужение значения, расширение значения, использование заимствованной лексики и создание аббревиатуры (Ковшова 2007: 48-51).

Наиболее распространённые языковые способы создания, лежащие в основе эвфемизмов на тему рождения и смерти, употребляющихся в современной русской культуре, – расширение значения («место упокоения», «вышло случайно», «это», «все там будем» и т. д.) и подмена значения («ждём аиста», «квартира», «под берёзками» и т.п.). В отдельных примерах наблюдаем сужение значения («исполнитель», «ритуальные товары» и др.), использование заимствованной лексики («суицид»), создание значения неполноты признака или действия («неживой») и создание аббревиатуры («КС», «ЖК»).

Особый интерес представляют возникающие в речи беременных женщин новые эвфемизмы, распространённые в сетевой коммуникации: «в ожидании бэбика», «запузячивание», «две полоски», «пузёныш»/«Пузёныш» и т.д. Ср.: *«Вот и снова в ожидании бэбика»*

(<https://www.baby.ru/community/view/431988111/forum/post/561766769/>);

«Две полоски... что делать дальше?»)»

(<https://www.baby.ru/community/view/22562/forum/post/501715063/>);

«<...>На днях мама мне сказала, что когда мы подали заявление в ЗАГС она 3 раза ставила свечку Богородице и молила ее, чтобы у нас появился малыш... Вот в чем заключается чудо моего запузячивания=><...>»

(<https://www.babyblog.ru/cb/sovety/18-nedelya/lenta/550/>);

«<...>Напоследок сказали пить фолиевую кислоту 3 раза в день и витамин Е 2 раза в день. С первым мы согласились, второго боимся, потому что недавно прочитали, что витамин Е

надо пить при подготовке беременности, а не во время неё. А Пузёныш-то уже во мне... Короче, мы все в сомнениях <...>» (<https://www.babyblog.ru/user/lenta/samaya>) и т.п.

В русской речи продолжают появляться и новые эвфемизмы на тему смерти (ср.: «ритуальные товары», «провести зачистку территории», «наделать глупостей» и т.п.). Эвфемизмы-неологизмы на тему рождения и смерти в современном русском языке, как правило, образуются с помощью аффиксации («кесарить», «запузычивание»), и путём лексико-семантического словообразования («две полоски»). В примере с эвфемизмом «бэбик»/«бэбик» (вместо «ребёнок») наблюдаем заимствование из английского языка (от англ. baby – ребёнок, малыш) в сочетании с русским уменьшительно-ласкательным суффиксом -ик, используемым при образовании диминутивных форм, и указывающим на то, что денотат представляет собой нечто небольшое по размеру, маленькое. Ср.: *«когда бэбик рождается, то расходы возрастут и з.п. может не хватить... но я верю, что мы это преодолеем - есть решения...»* (<https://www.cosmo.ru/forumn/topic/67364-хочу-ребенка-и-боюсь/>); *«1,5 года мечтали о детях, лечились, а когда забеременела оказалось, что ничего про беременность и не знаю. Может, если бы у нас все сразу получилось, было бы проще, не было бы таких мыслей, а сейчас так боюсь потерять бэбика»* (<https://www.7ya.ru/article/Sny-beremennyh-zhenwinchast-1/>).

В современной русской речевой культуре особенно заметен поиск новых эвфемизмов на тему рождения, может быть потому, что, во-первых, в обсуждении этой темы в сетевой коммуникации принимает участие массовая аудитория, во-вторых, данная тема становится всё более актуальной для обсуждения, и сама по себе, в отличие от темы смерти, является позитивной. Тема рождения, несмотря на её широкое обсуждение, остаётся сакральной и, в силу суеверий (прежде всего, самих матерей), продолжают появляться новые эвфемизмы. Сам факт увеличения числа эвфемистических именовании в денотативной сфере и рождения, и смерти свидетельствует о том, что данные темы в современной культуре, как и в традиционной, не только имеют большое значение, но и по-прежнему как никакие другие вызывают неловкость при их затрагивании в определённой ситуации, что способствует появлению эвфемистических номинаций.

Выводы.

Темы рождения и смерти в современной русской речи нуждаются в употреблении эвфемизмов. Значительная часть смягчённых слов и выражений несёт на себе «отпечаток» табуирования, являвшегося ведущей функцией эвфемизмов в древние времена. В основе эвфемизмов лежит принцип непрямого номинации, предполагающий преднамеренно

иносказательное обозначение объекта. При обращении к теме смерти эвфемизируется само именование смерти, время приближения и причины смерти, похороны и потусторонний мир, гроб, могила, кладбище, а также другие аспекты ритуальной сферы. При затрагивании темы рождения используются эвфемизмы для именовании беременности (в т.ч. ранней, поздней, незапланированной и беременности вне брака), беременной женщины, самого рождения, ребёнка, находящегося внутри матери, новорожденного, детей, рождённых вне брака, различных медицинских операций, связанных с беременностью и родами, и больничной сферы. Ввиду широкого обсуждения темы рождения в сетевой коммуникации, появляются новые речевые эвфемизмы на данную тему, для которых одной из главных функций является фатическая. Значение таких эвфемизмов понятно узкому кругу вовлечённых в сетевую коммуникацию беременных женщин и молодых мам, а их употребление свидетельствует о принадлежности к этому кругу.

Основными способами создания эвфемизмов на тему рождения и смерти в русском языке являются расширение значения и подмена значения. Кроме того, при образовании эвфемизмов, связанных со смертью и рождением, применяется также сужение значения, использование заимствованной лексики, создание значения неполноты признака или действия и создание аббревиатуры.

Использование эвфемизмов на тему рождения и смерти в различных дискурсивных практиках – от бытовых диалогов до научно-популярной и масс-медийной сферы создаёт широкий диапазон их функционирования и развития в современной русской речи.

Примечание

В приведённых в статье примерах, отражающих употребление эвфемизмов в сетевой коммуникации, сохранена орфография и пунктуация авторов данных текстов.

Список литературы

- Арапова Н. С. (1990): Эвфемизмы, Лингвистический энциклопедический словарь
URL: <http://tapemark.narod.ru/les/590c.html> (дата обращения: 8.06.18).
- Булаховский Л. А. (1954): Табу и эвфемизмы, Введение в языкознание. Часть II. Москва: Государственное учебно-педагогическое издательство министерства просвещения РСФСР, 48-52.
- Евгеньева А. П. (1988): Словарь русского языка в четырёх томах. Том IV. Москва: Русский язык.
- Ковшова М. Л. (2007): Семантика и прагматика эвфемизмов. Краткий тематический словарь современных русских эвфемизмов. Москва: Гнозис.

Ларин Б. А. (1977): Об эвфемизмах, История русского языка и общее языкознание. Москва: Просвещение, 101-114.

Леонтьев А. А. (1990): Табу, Лингвистический энциклопедический словарь

URL: <http://tapemark.narod.ru/les/501b.html> (дата обращения: 8.06.18).

Реформатский А. А. (1996): Табу и эвфемизмы, Введение в языковедение. Москва: Аспект Пресс, 56-57.

Сеничкина Е. П. (2008): Словарь эвфемизмов русского языка. Москва: Флинта. Наука.

Ушаков Д. Н. (1935-1940): Толковый словарь русского языка. URL:

<https://ushakovdictionary.ru/> (дата обращения: 8.06.18).

Источники примеров в сети Интернет

Форум интернет-журнала для женщин Woman.ru. URL: <http://www.woman.ru> (дата обращения: 28.08.18).

Форум Материнство. URL: <https://forum.materinstvo.ru> (дата обращения: 28.08.18).

Сайт 7я.ру. URL: <https://www.7ya.ru> (дата обращения: 28.08.18).

Сайт, посвящённый беременности и материнству, «Бэби.ру». URL: <https://www.baby.ru> (дата обращения: 28.08.18).

Интернет-сообщество родителей «Бэбиблог». URL: <https://www.babyblog.ru> (дата обращения: 28.08.18).

Форум женского журнала Cosmopolitan «КосмоФорум». URL: <https://www.cosmo.ru/forum> (дата обращения: 28.08.18).

Форум онлайн-журнала для женщин Passion.ru. URL: <http://club.passion.ru/zhizni/> (дата обращения: 28.08.18).

Форум SAY7. URL: <https://forum.say7.info> (дата обращения: 28.08.18).

Форум Дети mail.ru. URL: <https://deti.mail.ru/forum> (дата обращения: 28.08.18).

Форум На-связи.ru. URL: <https://forum.na-svyazi.ru> (дата обращения: 28.08.18).

Сайт ритуальной службы Москвы «ритуальные-услуги-москва.рф». URL: <https://ритуальные-услуги-москва.рф> (дата обращения: 28.08.18).

Сайт городской ритуальной службы «Кедр». URL: <https://ritual-kedr.ru/> (дата обращения: 28.08.18).

Сайт похоронного бюро «Единая ритуальная служба». URL: <http://www.ritual-memory.ru/> (дата обращения: 28.08.18).

Сайт газеты «Комсомольская правда». URL: <https://www.kp.ru> (дата обращения: 28.08.18).

Сайт информационного агентства ИА REX. URL: <http://www.iarex.ru> (дата обращения: 28.08.18).

Русскоязычная версия белорусской газеты «Звезда». URL: <http://zviazda.by/ru> (дата обращения: 28.08.18).

**ПРОЕКТ СОЗДАНИЯ ИНФОРМАЦИОННО-ПОИСКОВОЙ СИСТЕМЫ
НА БАЗЕ «СЛОВАРЯ МЕТАФОР И СРАВНЕНИЙ РУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ XIX-XXI ВВ.»**

Петрова Зоя Юрьевна

*Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
zoуар@mail.ru*

Ребецкая Наталия Александровна

*Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
n.reb@mail.ru*

Фатеева Наталья Александровна

*Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
nafata@rambler.ru*

**PROJECT OF THE INFORMATION RETRIEVAL SYSTEM ON THE BASIS
OF THE DICTIONARY OF METAPHORS AND SIMILES OF THE XIX-XXI
CENTURIES RUSSIAN LITERATURE**

Zoia Petrova

Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences, Russia

Natalia Rebetskaya

Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences, Russia

Natalia Fateeva

Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences, Russia

АННОТАЦИЯ

Представляется проект создания информационно-поисковой системы (ИПС), позволяющей решить задачу многомерного поиска информации о компаративных тропах в русской литературе. ИПС создается по «Материалам к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX-XX вв.» (выпуски 1 – 5). ИПС существенно облегчит задачу ориентировки в большом объеме неструктурированной информации и позволит осуществлять контекстный поиск по всем возможным параметрам описания тропов в словаре, которые могут понадобиться исследователю. Большая часть словарных материалов в настоящее время уже преобразована в формат базы данных Microsoft Access, на основе которой будет создана ИПС, ориентированная на достижение максимально эффективной и комфортной для пользователя машинной обработки данных по схеме «запрос – результат запроса».

ABSTRACT

The project of the information retrieval system (IRS) is presented, allowing to solve the problem of multidimensional search for information on comparative tropes in the Russian literature. IRS is created on the basis of the Materials to the dictionary of metaphors and similes of the XIX-XX

centuries Russian literature (issues 1 – 5). IRS will greatly facilitate the task of orienting in a large volume of unstructured information and will allow carrying out contextual search for all possible parameters of describing the tropes in the dictionary that the researcher may need. Most of the dictionary materials have now been converted to the Microsoft Access database format, on the basis of which the IRS will be created, aimed at achieving the most efficient and user-friendly computer processing of data by the «query – result» scheme.

Ключевые слова: информационно-поисковая система, база данных, словарь, метафора, сравнение, компаративные тропы.

Keywords: information retrieval system, database, dictionary, metaphor, simile, comparative tropes.

Мы представляем проект создания информационно-поисковой системы (ИПС), позволяющей решить задачу многомерного поиска и структурирования информации о компаративных тропах в русской литературе.

В настоящее время появилось несколько информационно-поисковых систем на базе электронных словарей, тематически связанных с языком художественной литературы, например: ИПС «Словари русской поэзии Серебряного века» (на основе электронной версии «Словаря языка русской поэзии XX века», авторы В. П. Григорьев, Л. Л. Шестакова, Н. А. Фатеева и др. (СЯРП 2001–2017), ИПС «Образный инструментарий русской лирики» на базе лексикографического источника «Словарь языка поэзии. Выразительные средства русской лирики конца XVIII – первой трети XX века», авторы Н. Н. Иванова, О. Е. Иванова (2015) и др. Наш проект существенно отличается от них по своим функциям. Проектируемая нами система является более специализированной и позволяет реализовать возможности многомерного поиска информации по компаративным тропам русской литературы.

ИПС создается по «Материалам к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX-XX вв.», авторы: Н. А. Кожевникова, З. Ю. Петрова, выпуски 1 «Птицы», 2 «Звери, насекомые, рыбы, змеи», 3 «Растения», 4 «Камни, металлы», 5 «Ткани, изделия из тканей» (2000–2017). Словарь строится на двух основных принципах – идеографическом (принципе семантического поля) и диахроническом. Идеографический принцип создания словаря состоит в следующем: и обозначения реалий, и их образные соответствия в языке художественной литературы группируются в семантические поля, которые образуют метафорическую картину мира. При составлении вышеуказанных выпусков тропеический материал группировался по образам сравнения. Предметы сравнения группируются в семантические классы, охватывающие все разделы идеографической классификации (классификация представлена во Введении к первому выпуску «Материалов...» (Кожевникова, Петрова 2000: 14).

Структура каждой словарной статьи определяется структурой соответствующего семантического поля образов сравнения. В каждом томе учитываются всевозможные отношения элементов в семантических полях. Основные из них – следующие:

“род – вид”, например: *зверь – собака, волк, лиса, медведь, лев, тигр, кошка, свинья* и т.д.; *цветок – роза, лилия, мак, незабудка, василек* и т.д.; *фрукт – яблоко, лимон, апельсин, дыня, груша* и т.д.;

“целое – часть”, например: *дерево – ствол, ветки, сучья, кора, листья, хвоя; цветок – лепесток, венчик, стебель, чашечка* и т.д.;

обозначения совокупностей, множеств, например: *птица – стая; корова, бык* и т.д.– *стадо, овца – отара; конь – конница; цветок – цветник, букет, клумба* и т.д.;

“X – действие, состояние, характерное для X”, например: *птица – лететь, порхать, виться, парить, нахохлиться, щебетать, курица – кудахтать; корова – мычать; кошка – мяукать; конь, лошадь – закусить удила; зверь – сжимать в лапах; растение, цветок – цвести, вянуть, цветок – распускаться* и т. д.;

“X – действия с X”, например: *зверь – укрощать; конь – стреножить; птица – подбить, подстрелить, окольцевать; растение – посадить, пересадить, прививать* и т.д.

Во всех образных полях при группировке тропов учитываются также отношения синонимии и квазисинонимии, например: *лошадь – кляча, кобыла; собака – шавка; лев – скимен, ягненок – агнец; белка – векша; курица – наседка; ласточка – касатка; соловей – филомела; лилия – крин; свёкла – буряк; помидор – томат; арбуз – кавун* и т.д.; различные словообразовательные производные, например: *птица – птичий, птичка, по-птичьи; зверь – звериный, по-звериному, зверек, зверок, зверушка, зверюшка, зверюга* и т.д.

В каждой части словарной статьи материал разграничивается далее по формально-синтаксическим типам конструкций, в которых встречаются опорные слова тропов. Основные из них – метафоры (Мтф.) (включая метафоры-загадки, генитивные метафоры, метафорические перифразы, конструкции отождествления) и сравнения. Среди сравнений выделяются конструкции с формально не выраженным основанием сравнения (Ср.), сравнения-приложения (Ср.- прил.), сравнения, у которых основание сравнения выражено глаголом (Ср. с гл.), прилагательным (Ср. с прил.), субстантивным словосочетанием (Ср. с субст. словосоч.), категорией состояния (Ср. с катег. сост.).

В качестве примера приведем часть словарной статьи “ЛУНА (МЕСЯЦ)” выпуска 3 “Растения”, в которой луна сравнивается с различными фруктами:

«Фрукты»

дыня, дыни, дынка, ломоть дыни, дынная корка, дынная корочка

Ср. с гл.

висеть: А месяц, как **дынная корка**, На небе полночном висит... (Некрасов 1848)

лежать: Когда лежит луна ломтем чарджуйской **дыни** На краешке окна... (Ахматова 1944)

показаться: Сумерки грустно сдували последнее пламя зари, и за косогором показался, как желтая **дыня**, месяц (Есенин 1915)

катить (роль объекта): Ночь, как **дыню**, / Катит луну. // Море в берег / Струит волну (Есенин 1924)

Мтф.

О, родина, О, степь в долине бурок, Где **дыни** лун златят июль бакши (Кусиков 1921), Из облака вызрела лунная **дынка**, / стену постепенно в тени оттеня (Маяковский 1923), Кура, по раннему дымная, / спешит под Верийский мост. / А в небе **корочка дынная** / истекает соками звезд (Окуджава 1959)

апельсин

Мтф.

А впереди, из-за аметистной полоски, из-за гиацинтной ленточки далекого леса выкатывался гигантов **апельсин** – Луна – с кротким добродушием голубоглазого великана (Флоренский 1904), Из кручи туч На круг гостей Глазеет Лунный **апельсин** (Каменский), Полномесiac **Апельсин** (Каменский 1918)

ломтик апельсина

Ср.

И шесть часов сопровождала нас луна, Похожая на **ломтик апельсина** (Луговской 1925-1926)

апельсиновая корка

Ср. с гл.

желтеть: **Апельсиновой коркой** За лиманом желтеет луна (Рыленков 1930-е гг.)

померанец

Ср.

В облаках висит луна Колоссальным **померанцем** (С. Черный 1911)

лимон, ломтик лимона, кусок лимона

Мтф.

Висит в набухшей мгле **лимон** луны огромный (Набоков 1921), А в тучках нежность хризантем, / и для друзей я отмечаю, / что месяц тающий — совсем / **лимона ломтик** в чашке чаю (Набоков 1922)

Ср.

Полумесiac поднялся сонно И достиг верхушки небес. Он казался **куском лимона**, Что от чая слегка облез (Тарловский 1925)

яблоко, яблочко

Ср. с гл.

накатана: **яблоком** накатана луна (Нарбут 1915 (1922))

катиться: Катится, как **яблочко**, Месяц в облака (Клычков 1929-1930)

блестеть: В тумане, будто наливное **яблоко**, Едва блестит клейменная луна (Саянов)

Ср.

Морозное небо / Сквозь листья и кусты, Антоновским **яблоком** / Луна в ветвях... (И.В. Юрков 1927)

Мтф.

Когда мы были голодны Осенней ночью в час дождя, Мы ели **яблоко** луны, Ветвей небесных не щадя (Мориц 1972)

манго

Ср.-прил.

Я знаю много других событий, Живых, как пятнышки в **манго**-луне (Матвеева 1973)

Диахронический принцип заключается в том, что во всех классах тропов материал подразделяется по времени, после примеров в скобках приводится год (или более широкий временной интервал) написания или первой публикации соответствующего произведения.

В дополнение к данному словарю, который решает задачу систематизации компаративных тропов в языке художественной литературы и выявления ее эволюции на протяжении более двух веков, предлагается создать ИПС, существенно облегчающую ориентировку в большом объеме неструктурированной информации и позволяющую осуществлять поиск по всем возможным параметрам описания тропов в словаре, которые могут понадобиться исследователю. Четкая и единообразная структура словарных статей всех пяти выпусков и единая семантическая классификация предметов сравнения дает возможность создать такую систему на основе словарных материалов. ИПС, ориентированная на достижение максимально эффективной и комфортной для пользователя машинной обработки данных по схеме “запрос – результат запроса” в системе “человек – машина”, предполагает создание базы данных (БД). Большая часть словарных материалов в настоящее время уже преобразована в формат базы данных Microsoft Access. Для этого была проведена разметка словарного материала, представленного в текстовом формате. Кроме перечисленных параметров описания тропов в словаре каждому контексту был присвоен символ, обозначающий его принадлежность к поэзии или прозе. Кроме того, метафорам и сравнениям, характеризующим человека, были приписаны символы, обозначающие принадлежность к полу – муж, жен, немаркированный.

БД включает примерно 20 000 тропеических контекстов из произведений русской художественной литературы, как поэтических, так и прозаических, за период с конца XVIII в. по начало XXI в.

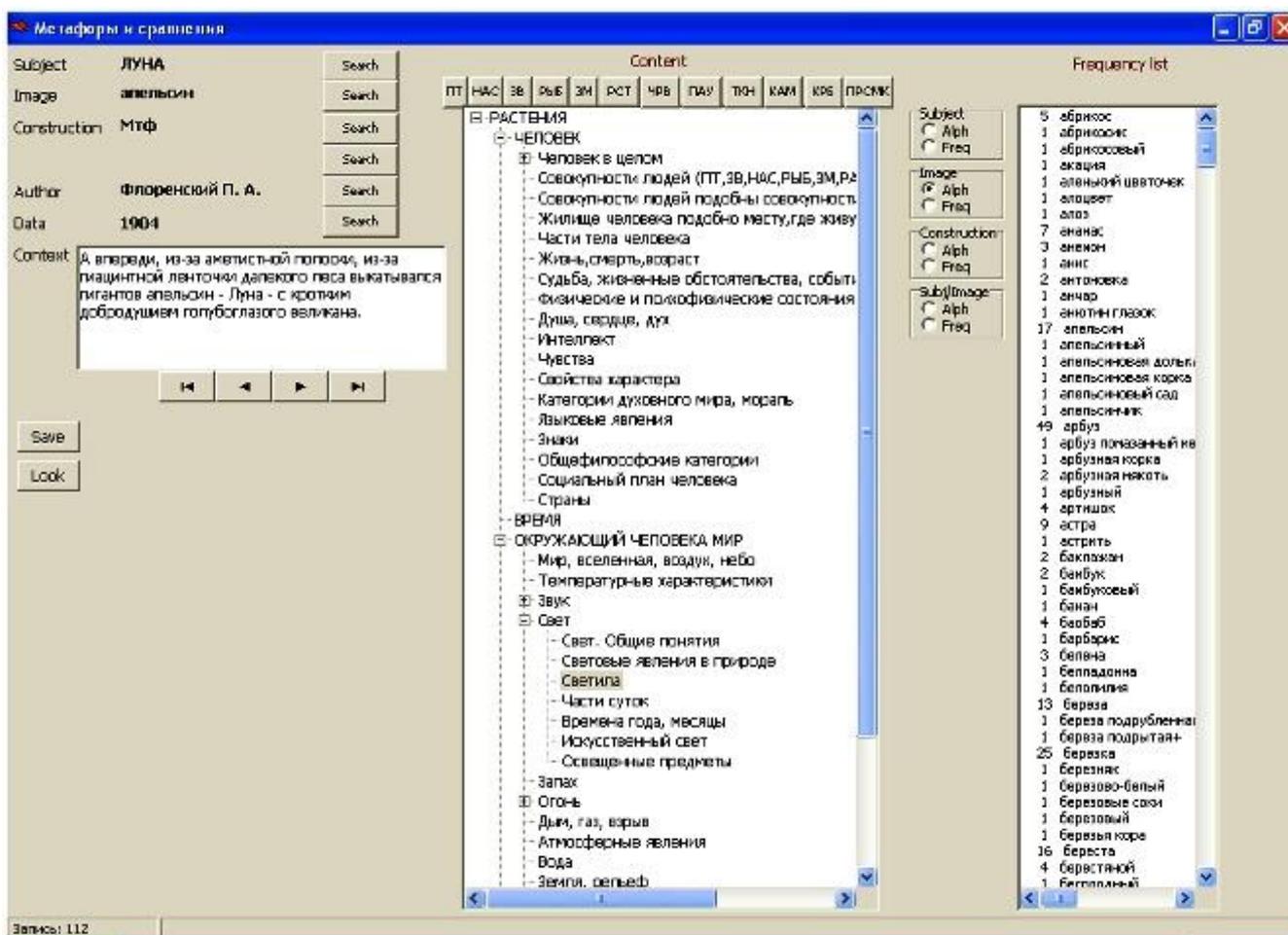
В соответствии со структурой “Материалов к словарю метафор и сравнений” каждая запись базы данных состоит из следующих полей: предмета сравнения, образа сравнения, типа сравнения, контекста, автора контекста и года издания. На форме, созданной в программной оболочке C++ Builder, отображены все поля записи, а также опции поиска по каждому полю за исключением поля Контекст. В верхней центральной части формы расположены кнопки, соответствующие 12 семантическим классам: “Птицы”, “Звери”, “Насекомые”, “Черви”, “Пауки”, “Рыбы”, “Крабы, раки, моллюски”, “Змеи”, “Другие пресмыкающиеся”, “Растения”, “Камни, металлы”, “Ткани, изделия из тканей”, под которым находится Оглавление (Content). Это единое для всех классов дерево (программный компонент TreeView), отображающее иерархические данные, в котором пользователь может выбрать нужный ему узел или узлы. Первый узел дерева соответствует выборке всех записей данного семантического класса.

Дочерние узлы – это разделы идеографической классификации, о которых говорилось выше. Наиболее крупные из них – “Человек”, “Время” и “Окружающий мир”.

Каждому узлу в БД соответствуют таблицы, с содержимым которых можно ознакомиться, перемещаясь по набору данных с помощью стрелок навигатора, расположенного в левой части формы. С помощью кнопки «Save» можно получить все записи выборки в текстовом формате с информацией о числе записей. В правой части формы расположены компоненты, позволяющие отобразить алфавитно-частотные и частотные списки предметов, образов сравнения, их сочетаний и типов конструкции, относящихся к каждому семантическому классу.

Рисунок 1. Фрагмент работы программы, отображающий запись из семантического класса «РАСТЕНИЯ».

Опции поиска, например по полю “Образ сравнения”, позволяют получить ответ на запрос типа “Что сравнивается с мотыльком в литературных текстах?”. В качестве ответа мы

получаем ряд предметов сравнения (всего 53), охватывающих многие семантические классы реалий: ветер, вечер, восток, глаза, голубка, душа, звезды, звуки, листик, метеор, мысли,

огонек, одуванчик, песня, снег, улыбка, цветы, человек и др. Приведем несколько примеров: «**человек – мотылек**»: *Утром первого ноября, светел как майский мотылек, порхнул Виктор в теплицу и нашел там Жанни в горьких слезах* (Марлинский 1831), *Мы ведь дети! Все мы дети, Мотыльки вокруг огней!* (Брюсов 1904), «**глаз – мотылек**»: *Как черный мотылек В бровях блистает глаз* (Хлебников 1921), «**улыбка – мотылек**»: *Улыбка, бледно розовея, Слетает с уст, как мотылек* (Северянин 1915), «**мысль – мотылек**»: *И мысли легкие пускать, / как мотыльки по незабудкам* (Белый 1921), «**огонек – мотылек**»: *В полумраке прозрачный вьется огонек. Так плещет на багряном маке Крылом прозрачным мотылек* (Фет 1856), «**снежинки – мотыльки**»: *И сказочен немой расцвет снегов, Когда мельканье белых мотыльков Наложит власть молчанья на равнины* (Бальмонт 1916), «**цветы – мотыльки**»: *В долине святой реки Крылят цветы-мотыльки* (Северянин 1919).

Выбрав поиск по полю “Предмет сравнения”, мы получим, например, ответ на вопрос “С чем сравнивается автомобиль в литературе?”. Ответ: с **птицей, вороном, филином, конем, жеребцом, быком, мопсом, котом, слоном, китом, мышью, жуком, светляком, мушкой**; все эти образы будут сопровождены контекстами, например: *Там шуба из куньего, пышного и чернбелого меха садилась в авто – точно в злого, рычащего мопса, метнувшего носом прожектор* (Белый), *И автомобили, как коты с придавленными хвостами, Неистово визжат* (Багрицкий), *Летят стальных жуков рокочущие стаи, С глазами круглыми, пронзающими ночь* (Лозина-Лозинский).

Статистические списки и таблицы, подключенные к каждому семантическому классу и ко всему корпусу, позволяют не только выяснить, какие предметы, образы, сравнения встречаются чаще, но и узнать, к какому типу организации художественной речи принадлежит троп, а также – для тропов, образно описывающих человека, – лиц какого пола чаще характеризует определенный образ сравнения.

В некоторых семантических классах образов сравнения наблюдается явная тенденция к соответствию пола описываемого лица и рода существительного – опорного слова тропа, например, в классе “Звери” (см. Таблицу 1).

Таблица 1. Распределение образов сравнения по полу характеризуемого ими лица.

	total	F	M	N
баран	32	1	27	4
барсук	20		19	1
бык	27	1	26	
волк	64	5	56	3
выдра	2	2		

газель	19	18	1	
зверь	170	12	136	22
кобель	10		10	
конь	21	2	17	2
корова	7	6		1
кот	27	1	26	
кошка	56	36	20	
лань	14	11	3	
лев	43	2	41	
львица	12	12		
медведица	17	15	2	
медведь	54		53	
мышь	31	9	15	7
овца	13	4	8	1
осел	22		19	3
пес	37	4	28	5
собака	94	12	70	12
тигр	30	1	28	1
тигрица	7	7		
хищник	21		19	2

Некоторые образы сравнения, такие как *кошка*, *собака*, *мышь*, правда, представляют собой исключения из этого правила, активно характеризую и лиц мужского пола. Особенно интересны такие случаи, когда несовпадение пола и рода происходит в единичных случаях, например, *медведица* – о мужчине (*А профессор – медведица!* (Белый), *Получит / гимназистик // аттестат-листик. // От радости – / светится, // напьется, как медведица* (Маяковский)), *конь* – о женщине (*Сначала при слове: любовь т-lle Вонсourt вздрагивала и навастривала уши, как старый полковой конь, слышавший трубу, <...>* (Тургенев)). В других семантических классах, например, в классе “Растения”, такой тенденции нет или почти нет, хотя и здесь есть образы сравнения (и женского, и мужского рода), гораздо чаще характеризующие лиц женского пола: *березка*, *лилия*, *роза*, *ландыш*, *цветок*.

С помощью опции поиска по полю «Автор» можно выявить идиостилевые характеристики определенного автора. Например, можно будет получить ответ на запрос: “Какие метафоры и сравнения употребляет в своем творчестве Андрей Вознесенский?”. В качестве примера приведем фрагмент результата поиска по такому запросу, представляющий образную параллель «ЧЕЛОВЕК – РАСТЕНИЕ»:

ЧЕЛОВЕК зерно
 ЧЕЛОВЕК лист
 ЧЕЛОВЕК стебель
 ЧЕЛОВЕК сук
 ЧЕЛОВЕК былинка

ЧЕЛОВЕК ветвь
 ЧЕЛОВЕК опенок
 ЧЕЛОВЕК ива
 ЧЕЛОВЕК сосна
 ЧЕЛОВЕК баобаб
 ЧЕЛОВЕК рябина
 ЧЕЛОВЕК яблоко
 ЧЕЛОВЕК апельсин
 ЧЕЛОВЕК роза
 ЧЕЛОВЕК водная лилия
 ЧЕЛОВЕК подснежник
 ЧЕЛОВЕК астра
 ЧЕЛОВЕК вьюнок

Проиллюстрируем данные образные соответствия некоторыми контекстами: *миру по нитке – голая станешь, / ивой поникнешь, горкой растаешь* (Песня Офелии, 1957), *Да здравствуют бабы, / торговки салатом, / под стать баобабам / в четыре охвата!* (1958), *Ты о чем, Ирина-рябина, / поешь?* (1960-е гг.), *Ау, подснежник в сугробе грозном, / колдунья женского ремесла* (1971), *Рыдайте, кабацкие скрипки и арфы, / над черною астрой с прическою «афро», / что в баре уснула, повиснув на друге* (Мулатка, 1979), *Ты плаваешь слабо, мой гибкий товарищ, / ты воздух хватаешь, как водная лилия* (1981), *Женщины на русских площадях / кладут асфальт в оранжевых плащах, / чтобы всем позорище видней – / апельсины наших площадей!* (1990).

Подобные списки для разных авторов позволяют проводить сравнительный анализ их тропеических систем.

Поиск по кнопке «Дата» даст возможность создать широкий диапазон желаемых временных интервалов: век, полвека (первая половина, вторая половина) и т.д., прослеживая таким образом эволюцию заданных тропов и их классов на протяжении двух веков. Кроме того, предполагается создание ресурсов, дающих возможность поиска по узлам иерархического классификационного дерева соответствующих семантических классов тропов. Можно будет получать ответы на запросы типа: «Какие атмосферные явления, по материалам БД, образно уподобляются насекомым в XIX веке?», «А какие в XX в.?». Выбрав семантический класс НАСЕКОМЫЕ, таблицу «Атмосферные явления» и задав поиск по полю «Дата», где поисковым элементом будет служить «XIX», мы получим следующий список:

СНЕГ	мухи (2)
СНЕГ	пчелы
ХЛОПЬЯ СНЕГА	рой пчел
Всего 4.	

А по запросу «XX»:

ВЕТЕР	мотылек
ВЕТЕР	муха
ВЕТЕР	трутень
ДОЖДИК	муравейник
ДОЖДЬ	саранча
ДОЖДЬ	светляки
ДОЖДЬ	шелкопряд
МЕТЕЛЬ	улей пчел
ОБЛАКО	стрекоза
ПЫЛЬ	туча саранчи
СНЕГ	бабочки (4)
СНЕГ	мотыльки (2)
СНЕГ	мухи (3)
СНЕГ	мушки
СНЕГ	мошки
СНЕГ	пчелы (2)
СНЕГ	рой пчел
СНЕГ	стрекозы (3)
СНЕГ	улей (2)
СНЕГ	шмели (2)
СНЕГ	насекомые
ХЛОПЬЯ СНЕГА	мошкара
Всего 33	

Таким образом, можно видеть расширение круга как предметов сравнения, так и образов сравнения этой образной параллели («Атмосферные явления – насекомые») в процессе эволюции поэтического языка. Если в XIX в. насекомым уподоблялся только снег, то в XX – это и ветер, и дождь, и метель и некоторые другие явления. Например, дождь - *шелкопряд*: *Снуй шелкопрядом тutowым И бейся об окно* (Пастернак 1917), *светляки*: *Над градинами фонарей Дождь светляками пляшет* (Уткин 1926-1928), *саранча*: *Дождь идет в никуда, ниоткуда, / как старательная саранча* (Соснора 1976).

Если говорить об образах сравнения, то в XIX в. снег образно обозначается как *мухи* (*белые мухи*) и *пчелы*. Эти опорные слова встречаются в тропах с предметом сравнения *снег* на протяжении двух веков: *мухи*: <...> *по серому небу летают белые, снеговые мухи* (Лесков 1860), *Белые мухи летали – Белые звездочки снега!* (Фофанов 1898), *Серая пелена туч закрыла огненный косяк, и кругом закружились холодные, белые мухи* (Белый 1905), *Вокруг фонаря над воротами – белые мухи* (Замятин 1920), *Опять эти белые мухи* (Пастернак 1941), *пчелы*: *Белые пчелы летали* (Фофанов 1898), *Вот опять, точно белые пчелы, Налетают пушинки снегов* (Гофман 1908), *Снежинок рой кружит сверкая, Одна – пчелой, шмелем – другая* (Кушнер 1960-е гг.) (образ сравнения *снег* может варьироваться словом *снежинки*). В XX веке появляются новые образные соответствия: *стрекозы*, *бабочки*, *мотыльки*, *мошки*, *мошкара*, *шмели*: *Слетит веселый рой на стекла Алмазных, блестящих стрекоз* (Белый 1907), *Тихо*

бабочки снега садились вокруг на деревья (Поплавский, ок. 1930), *Как летом роем мошкара Летит на пламя, Слетались хлопья со двора К оконной раме* (Пастернак 1958). В этом ряду появляется и родовое слово – *насекомые*: *То снежиночки из набежавшего облака: падали; видел: под ботиком ползают, как бриллиантовые насекомые* (Белый 1932).

ИПС станет гибким, наглядным инструментом изучения метафорической картины мира русской литературы, характеризуя компаративные тропы во многих аспектах. Сфера использования проекта может быть самой широкой. Размещение системы в Интернете позволит обеспечить доступ к ней любому кругу заинтересованных пользователей: как специалистов: лингвистов, литературоведов, так и вузовских и школьных преподавателей, студентов, всех пользователей, интересующихся метафорами и сравнениями в художественной литературе. Решение этой задачи имеет научное и практическое значение, круг пользователей системы включит не только специалистов-лингвистов, но и преподавателей, и учащихся, русистов всех стран, пользователей без филологического образования. Технически функциональность информационной системы может быть ограничена только пропускной способностью каналов связи и мощностью сервера.

Список литературы

Иванова Н.Н., Иванова О.Е. (2015): Словарь языка поэзии. Выразительные средства русской лирики конца XVIII – первой трети XX века. Москва: Азбуковник.

Кожевникова Н.А., Петрова З.Ю. (2000 – 2017): Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв. Вып. 1: «Птицы», Вып. 2. «Звери, насекомые, рыбы, змеи», Вып. 3. «Растения», Вып. 4. «Камни, металлы», Вып. 5. «Ткани, изделия из тканей». Москва: Языки славянской культуры (Издательский дом ЯСК).

СЯРП (2001 – 2017): Словарь языка русской поэзии XX века / Сост. В.П.Григорьев (отв. ред.), Л.Л.Шестакова (отв. ред.), Л.И.Колодяжная, В.В.Бакеркина, А.В.Гик, Т.Е.Реутт, Н.А.Фатеева. Т. I: А – В. 2001; Т. II: Г – Ж. 2003; Т. III: З — Круг. 2008; Т. IV: Кругл – М / Сост. В. П. Григорьев, Л. Л. Шестакова (отв. ред.), Л. И. Колодяжная (ред.), А. В. Гик, А. С. Кулева (ред.), Т. Е. Реутт, Н. А. Фатеева; Т. V: Н – Паяц / Сост. В. П. Григорьев, Л. Л. Шестакова (отв. ред.), А. С. Кулева (ред.), Л. И. Колодяжная (ред.), А. В. Гик, Н. А. Фатеева; Т. VI: Пе – Радость / Сост. В. П. Григорьев, Л. Л. Шестакова (отв. ред.), А. С. Кулева (ред.), Л. И. Колодяжная, А. В. Гик, Н. А. Фатеева; Т. VII: Том VII: Радуга — Смоковница / Сост: Шестакова Л. Л. (отв. ред.), Кулева А. С. (ред.), Гик А. В. Москва: Языки славянской культуры (Издательский Дом ЯСК).

ЗАПИСКИ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ В XIX ВЕКЕ: ОСОБЕННОСТИ ПРАГМАТИКИ И ЯЗЫКА

Пушкарева Наталья Викторовна

*Санкт-Петербургский государственный университет, Россия
pushkarevanata@gmail.com*

Руднев Дмитрий Владимирович

*Санкт-Петербургский государственный университет, Россия
rudnevd@mail.ru*

TRAVEL NOTES IN THE XIX CENTURY: PRAGMATICS AND PECULIARITIES OF LANGUAGE

Natalia Pushkareva

St. Petersburg State University, Russia

Dmitry Rudnev

St. Petersburg State University, Russia

АННОТАЦИЯ

В докладе исследуются прагматические и лингвистические особенности описания кругосветного плавания Ф. Ф. Беллинсгаузена, изданного в 1831 г. В его тексте соединяются элементы трех речевых систем – деловой, научной и художественной. Это было обусловлено тем, что описание путешествия Беллинсгаузена выполняло несколько задач: оно было отчетом Морскому министерству об экспедиции, фиксировало результаты научных наблюдений и экспериментов и одновременно знакомило широкую публику с полученными сведениями. Язык путешествия Беллинсгаузена демонстрирует активное взаимодействие делового и научного стилей в первой половине XIX в., поскольку целый ряд научных исследований проводился по инициативе ученых комитетов министерств, а их результаты фиксировались в ведомственных изданиях.

ABSTRACT

The paper investigates pragmatic and linguistic features of the description of the circumnavigation under the direction of Fabian Gottlieb Thaddeus von Bellingshausen, published in 1831. In this text, elements of official, scientific and belletristic speech systems are combined because it had several objectives: was a report about the expedition to the Ministry of the Navy, recorded the results of scientific observations and experiments and simultaneously acquainted the general public with the information received. The language of Bellingshausen's expedition demonstrates the active interaction of styles of official documents and scientific prose in the first half of the 19th century, as many scientific studies was conducted on the initiative of the ministries' scientific committees, and their results were recorded in departmental publications.

Ключевые слова: тревелог; путешествия; русский язык XIX века; деловой стиль; научный стиль; художественный стиль.

Keywords: travelogue; travel notes; Russian language of the XIX century; style of official documents; style of scientific prose; belles-lettres style.

В предлагаемом докладе рассматриваются языковые и прагматические особенности описаний морских путешествий первой половины XIX в. на примере описания кругосветного путешествия Ф. Ф. Беллинсгаузена «Двукратные изыскания в Южном Ледовитом океане и плавание вокруг света». Путешествие было совершено в 1819–1821 гг. и издано в 1831 г. Выбранный для анализа текст представляет интерес прежде всего потому, что относится к эпохе формирования русского литературного языка и реформирования делового стиля.

Фаддей Фаддеевич Беллинсгаузен (1778, о. Эзель Эстляндской губ. – 1852, Кронштадт) в 1789–1797 гг. обучался в Кронштадтском морском кадетском корпусе. В 1796 г. совершил плавание к берегам Англии, после чего был произведен в мичманы. В 1803–1806 гг. участвовал в первом русском кругосветном путешествии на корабле «Надежда» под командованием И. Ф. Крузенштерна.

К настоящему моменту отечественная и зарубежная литература, посвященная трaвелогу (путешествию), чрезвычайно обширна, однако в фокусе внимания исследователей оказывается главным образом литературное путешествие. Вопросы о границах жанра путешествия, его месте в жанровой системе языка, жанровых особенностях остаются дискуссионными. Так, некоторые исследователи (В. А. Михельсон, В. Я. Канторович, Д. М. Молдавский, Б. О. Костелянец) не рассматривают путешествие в качестве самостоятельного жанра, относя его к разновидности очерка. Н. М. Маслова выделяет путешествие как жанр публицистики, тогда как В. А. Михайлов, подобно Ю. М. Лотману, считает его жанром художественной литературы: «Путешествие – жанр художественной литературы, в основе которого лежит описание реального или мнимого перемещения в достоверном (реальном) или вымышленном пространстве путешествующего героя (чаще героя-повествователя), очевидца, описывающего малоизвестные или неизвестные отечественные, иностранные реалии и явления, собственные мысли, чувства и впечатления, возникшие в процессе путешествия, а также повествование о событиях, происходивших в момент путешествия» (Михайлов 1999: 45). Некоторые исследователи, осознавая трудность точной дефиниции жанра путешествия, избегают ее давать (Шадрина 2003).

Мы будем пользоваться в качестве рабочего определением В. М. Гуминского: «Путешествие – жанр, в основе которого лежит описание путешественником (очевидцем) достоверных сведений о каких-либо, в первую очередь, незнакомых читателю или малоизвестных странах, землях, народах в форме заметок, записок, дневников, журналов, очерков, мемуаров. Помимо собственно познавательных, путешествие может ставить

дополнительные – эстетические, политические, публицистические, философские и другие задачи...» (Гуминский 1987: 314). В этом определении важным является указание на возможное наличие у путешествия помимо познавательных дополнительных задач.

Жанр путешествия восходит к глубокой древности и претерпел глубокую трансформацию в связи с изменением и усложнением типа путешественника, целей путешествия и культурной среды, в которой бытует жанр путешествия. Так, с Петровской эпохи к числу известных с допетровской эпохи типов путешественника (паломники, землепроходцы и послы, а также единичный случай купца Афанасия Никитина) добавляются новые типы – студент-стажер (Д. И. Виноградов), ученый в составе академической экспедиции (В. Беринг, С. П. Крашенинников и др.), мореплаватель (И. Ф. Крузенштерн, Ю. Ф. Лисянский и пр.), участник боевых действий (П. А. Левашев и др.), представитель образованного дворянства (А. Г. Бобринский, П. А. Строганов и пр.). На рубеже XVIII–XIX вв. появляются женские путешествия.

Происходит олитературивание путешествия (Д. И. Фонвизин, А. Н. Радищев, Н. М. Карамзин). Под влиянием Л. Стерна путешествие в литературе сентиментализма и романтизма начинает активно использоваться в качестве способа развертывания сюжета, происходит «использование ситуации реального или вымышленного путешествия для расширения емкости романного повествования» (Кублицкая 2017). На трансформацию путешествия повлияла культура чтения: «Для периода Нового времени очевидна связь путешествия с чтением: принимая во внимание большое значение устного межличностного общения, можно утверждать, что именно чтение (учебной литературы, газет, журналов, книг), формировало основы представлений о других странах и народах и детализировало их» (Стефко 2010: 13–14).

Путешественники пишут свои записки в расчете на их публикацию, ориентируясь на ту или иную реакцию читателя. «Уже в XIX в. дневник становится не результатом, а его целью. Путешественники создают свои материалы для образовательных периодических изданий» (Ревенко 2016: 9). Интерес к путешествиям был столь велик, что помимо отдельных публикаций появляются специализированные журналы, посвященные путешествиям. Например, «Журнал новейших путешествий», издаваемый Федором Шредером и Николаем Гречем, выходил в Петербурге ежемесячно с октября 1809 г. по сентябрь 1810 г. Изменение культурного контекста повлияло на манеру письма путешествий не только частных лиц, но и тех людей, которые их создавали в силу служебных обязанностей.

Прагматическая рамка и особенности структуры

Сказанное выше, несомненно, относится к путешествию Беллинсгаузена («Двукратные изыскания в Южном Ледовитом океане и плавание вокруг света»). Оно представляет собой синтез трех формирующихся стилей русского языка – делового, научного и художественного. Вот что говорилось в инструкции Государственного адмиралтейского департамента Беллинсгаузену: «чтобы по возвращении вашем из записок ваших можно было составить любопытное и полезное повествование, не оставляйте без замечания ничего, что случится вам увидеть где-нибудь нового, полезного и любопытного, не только относящегося к морскому искусству, но и вообще служащего к распространению познаний человеческих во всех частях. <...> Старайтесь записывать все, дабы сообщить сие будущим читателям путешествия вашего. <...> Веденный таким образом журнал путешествия вашего по окончании кампании должны вы представить за подписанием вашим в Адмиралтейский департамент» (Беллинсгаузен 1831: 35–36). Таким образом, путешествие Беллинсгаузена имело трех адресатов – Морское министерство (отчет), ученое сообщество и широкая публика. Это неизбежно накладывало отпечаток на особенности его языка.

Путешествие Беллинсгаузена разбито на пять политопических глав, «каждая из которых сообщает о пребывании повествователя не в одном населенном пункте, а в нескольких. <...> Политопическая композиция глав в особенности характерна для путешествий с очень протяженным маршрутом...» (Шадрина 2003: 40). Деление на подглавы отсутствует. Невозможность дать подробное описание всего текста путешествия вынуждает нас ограничиться подробным анализом одной из глав. Для анализа была взята вторая глава «Плавание от Англии до острова Тенерифе, потом до Рио-Жанейро. – Пребывание в Рио-Жанейро» (Беллинсгаузен 1831: 58–109); для сопоставления привлекается сходная по содержанию третья глава «Плавание из Англии к островам Канарским, а оттуда в Бразилию» из путешествия Крузенштерна (Крузенштерн 1809: 45–80).

События путешествия излагаются в хронологическом порядке в виде связного текста. Сбоку от текста даются хронологические ссылки по месяцам, иногда с указанием конкретных чисел. Подобным образом организован текст путешествия И. Ф. Крузенштерна. Особенности указания дат отсылают к деловой практике (учетные книги, судовые журналы и т.д.).

В тексте преобладают мы-формы: Беллинсгаузен описывает события от лица всех лиц, находящихся на судне; я-формы используются в том случае, когда он выступает в качестве командира корабля – в этих фрагментах часто используются глаголы со значением волеизъявления. Например: *В 8 часов утра я приказал держать SSW. Шлюп «Мирный» находился в весьма дальнем расстоянии от шлюпа «Востока»; я сделал при пушечном*

выстреле сигнал, чтобы держался тем же курсом, как мы... (Беллинсгаузен 1831: 62). Подобным образом организован текст путешествий Лисянского и Крузенштерна.

Особенности лексики

Спецификой морских путешествий является подробное описание погоды, особенно ветров. Это обусловлено тем, что движение парусного судна было напрямую обусловлено особенностями погоды. Например: *В полдень ветер отошел к западу; мы поворотили на другой галс и легли на S; к 6^м часам по полудни ветер сделался от NO свежий, мы легли на STW¹/₂W* (Беллинсгаузен 1831: 62). Кроме того, в тексте путешествия значительное место уделяется описанию местоположения судна. Инструкция Адмиралтейского департамента предписывала «все наблюдения, делаемые как для определения долготы и широты мест, так и для поверки компаса и часов, вносить в журнал со всякою подробностью, так чтобы и после, если потребует надобность, можно было поверить вычисления оных» (Беллинсгаузен 1831: 33). Например: *В полдень находились в широте северной 43° 18' в долготы 11° 52' западной* (Беллинсгаузен 1831: 62).

Сведения о ветрах и местоположении судна даются в деловом ключе и рассчитаны прежде всего на морское ведомство. Информация о точном местоположении была очень важна для картографической деятельности; информация о ветре важна для описания действий капитана по управлению судном и скорости передвижения.

К числу сведений, предназначенных для научного сообщества и морского ведомства, относится описание температуры и давления воздуха: *О температуре и перемене воздуха в Санта-Круце в продолжение дня сообщаю среднее показание термометра и барометра из замечаний в четыре дня, ежедневно через шесть часов* (Беллинсгаузен 1831: 76–77; далее идет подробная информация).

Для путешествий в целом характерно широкое употребление глаголов движения, поскольку их содержание определяется маршрутом передвижения путешественника: «в соответствии с маршрутом произведение наполняется теми или иными фактами. <...> Без преувеличения можно сказать, что именно маршрут формирует весь сюжет произведения» (Шачкова 2008: 280). В морском путешествии употребление глаголов движения имеет свою специфику: в соответствии с морским обычаем вместо глагола *плыть* используется глагол *идти*. Например: *При тихом ветре мы подошли к мысу Наго и в 6 часов утра направили курс прямо на Санта-Круцкой рейд* (Беллинсгаузен 1831: 67); *К вечеру приехал с берега от губернатора испанской службы офицер поздравить нас с благополучным прибытием...* (Беллинсгаузен 1831: 69). Реже используются перифразы *направить путь (курс), продолжить*

путь: ...мы снялись с якоря и **направили путь** многим мористее острова Канарии, дабы ночью не заштилеть близ острова (Беллинсгаузен 1831: 77).

Описательные фрагменты текста рассчитаны на различных адресатов. В связи с этим представляют интерес номинации явлений и предметов, с которыми встречаются путешественники. Ср. три фрагмента: *Г. Берх меня весьма обрадовал, удостоверив, что на шлюпе «Восток» нет ни одного человека чем-либо зараженного; сие можно почесть великою редкостью, ибо в Англии больше, нежели где-нибудь, **развратных прелестниц**, особенно в главных портах* (Беллинсгаузен 1831: 61) – *...в Фальмут заходят только пакетботы, отправляемые в разные места, и потому в городе менее **распутных женщин*** (Беллинсгаузен 1831: 61) – *Ныне не видно уже того множества монахов и **развратных женщин**, которые прочим путешественникам здесь встречались...* (Беллинсгаузен 1831: 72). Совершенно очевидно, что первая номинация предназначена не ученому сообществу или Морскому министерству, а широкой публике.

При описании флоры и фауны в тексте путешествия часто содержится повторная номинация на латинском языке, что указывает в том числе и на научную аудиторию: *Сего утра в первый раз показались рыбы **бониты** (*Scomber pelamis*), которые старались предупредить ход шлюпа...* (Беллинсгаузен 1831: 78); *...в воде бониты их [летучих рыб] пожирают, а как скоро, желая спасения, вылетают из воды, **фаетоны** (*Phaeton aethericus*) и другие птицы хватают их на лету* (Беллинсгаузен 1831: 79).

Некоторые фрагменты текста имеют отчетливую беллетристическую природу и испытали влияние предшествующей травелогической литературы. Например:

В обширных морях взорам мореплавателей представляется токмо вода, небо и горизонт, а потому всякая, хотя маловажная, вещь привлекает их внимание. Все служители сбегались на бак, гальюн и бушприт любоваться хищничеством акулы (длиною около 9^{ми} футов), которая непременно хотела полакомиться частью служительской солонины, повешенной для вымачивания. Неудачные ее покушения и удар острой в спину понудили ее отдалиться от шлюпа (Беллинсгаузен 1831: 64); *Неподалеку от города Санта-Крус мы прошли местечко Сант-Андре, находящееся в ущелине. Все с большим любопытством навели зрительные трубы, и каждый из нас сказал: «И здесь люди обитают!». И подлинно, смотря на сии островершинные неприступные скалы, между коими образовались узенькие ущелины временем и водою, из гор текущую, по наружному виду невозможно и подумать о внутренней красоте и изобилии сего острова, на котором живут 80000 человек* (Беллинсгаузен 1831: 67).

В традиционной карамзинской манере дается описание города Санта-Крус: *Тогда представился глазам нашим красивый город, выстроенный на косогоре в виде амфитеатра,*

украшенного двумя высокими башнями, из коих одна возвышалась на западной стороне города с колоннадой вверху, а другая посреди города с такою же колоннадой... (Беллинсгаузен 1831: 67–68). Беллинсгаузен готов использовать в таких фрагментах даже фигуративные средства: *...когда же облака не покрывают остров, что обыкновенно, хотя изредка, случается по вечерам, тогда является взорам серебристая вершина пика, сего огромного исполина, поставленного на неизмеримом плоском пространстве; он первый встречает и последний провожает восхождение и захождение благотворного солнца* (Беллинсгаузен 1831: 68). Описание вулкана Тейде у Беллинсгаузена, впрочем, испытало некоторое влияние со стороны аналогичного описания в путешествии Крузенштерна: *Пик покрыт был облаками, но спустя полчаса от оных очистился и представился нашему зрению во всем своем величии. Снегом покрытая вершина, освещаемая будучи яркими солнечными лучами, придавала много красоты этому исполину* (Крузенштерн 1809: 50). Метафора *исполин* явно взята Беллинсгаузенем из описания Крузенштерна.

В таких фрагментах прослеживается направленность на читателя, который становится со-зрителем описываемой картины, такое описание сильно субъективировано и содержит оценочные слова и конструкции. В то же время эти фрагменты не имеют ценности для научного или морского сообщества. Однако следует отметить, что по сравнению с другими описаниями этой эпохи, средства диалогизации повествования представлены у Беллинсгаузена довольно скупо.

Особенности синтаксиса

Синтаксические структуры, использующиеся в путешествии Беллинсгаузена, отражают, с одной стороны, особенности становления русского литературного языка, с другой стороны – те цели и задачи, которые стояли перед автором текста.

Очень велика доля конструкций, связанных с описаниями: сложные бессоюзные и сложносочиненные предложения, перечислительные ряды, сложноподчиненные предложения с придаточным определительным, пояснительные члены предложения. Описания выполняются как в художественной, так и в научной манере: первое имеет субъективированный характер, во втором выражение субъекта ослаблено, в качестве подлежащего выступают неодушевленные (наблюдаемые / изучаемые) предметы. Приведем в виде примера довольно большой фрагмент, где одна манера описания сменяет другую:

С полуночи к «Востоку» слышен был гром; дождевые тучи со шквалами шли перед носом шлюпов и за кормой, но шлюпы оставались покойны; ночью мы видели в море весьма много фосфорического света, происходящего от множества малых как будто искр и больших

светящихся глыб. Величественное явление сие поражает зрителя; он видит на небе бесчисленное множество звезд и море, освещенное зыблящимися искрами, которые по мере близости шлюпов становятся ярче и в струе за кормой образуют огненную реку. Тот, кто сего не никогда не видал, изумляется и совершенно в восторге. Фосфорическое блистание происходит, как известно, от слизких морских червей (Molusca). Для понимания сих искр и больших светящихся шаров с кормы шлюпа опущен был на веревке в воду флагдучный мешок; вытащили во множестве как больших, так и малых блестящихся животных, из коих по особенному блистанию обратила внимание наше Пирозома (Pyrosoma) длиною до семи дюймов, в диаметре от 1 ¼ до 1 ½ дюйма, с одного конца закруглено, а с другого находится внутрь отверстие, которое почти доходит до другого конца; снаружи наросты разной величины; животное сие кажется будто стеклянное, когда в воде в спокойном состоянии, иногда лишается света; спустя несколько времени с наростов начинает светить, наконец все принимает огненный вид, после того снова постепенно тускнеет, а при малейшем потрясении воды мгновенно блистание возобновляется; все сии изменения происходят, доколе животное не мертво, но потом блистание исчезает. Для опыта дали кошке съесть большую половину сего Пирозомы, кошка съела охотно, и никаких последствий не случилось. Кажется, что и для людей не было бы вредно, но, может быть, и питательно (Беллинсгаузен 1831: 82–83).

Первая часть этого фрагмента выполнена в субъективированной манере, содержит оценочную лексику, тропы и фигуры. Вторая часть выполнена в констатирующей и аналитической манере, отражая результаты наблюдений и опытов. Переход от одной манеры повествования к другой происходит при помощи фразы *Фосфорическое блистание происходит, как известно, от слизких морских червей (Molusca)*, которая выступает шифтером переключения модуса повествования – модус зрительного восприятия сменяется модусом мнения. Во второй части редуцировано выражение субъекта, в фокусе описания находятся обнаруженные признаки. Признаки выражаются как именными предикатами, так и глаголами в форме настоящего времени с качественным значением. Описание выполнено в виде очень большой по размеру синтаксической структуры, где господствующей является бессоюзная связь. Примечательно также, что если первый фрагмент апеллирует к чувствам (*восторг*), то второй – к разуму. В его конце высказывается предположение о возможном использовании человеком. Приведенный фрагмент достаточно хорошо показывает, как происходит соединение разностилевых фрагментов в тексте описания.

Кроме описательных фрагментов, в научных фрагментах текста встречаются конструкции, при помощи которых оформляются отношения вывода. Это оформление

отличается от современного языка, в котором используются конструкции и обороты типа «таким образом», «итак», «можно сделать вывод» и пр. В путешествии Беллинсгаузена они отсутствуют и доминирует конструкция «(не) можно / должно заключить, что». Например: *По мумиям и разным частям, равно и по описанию Г^{на} Гумбольдта, не можно заключить, что гванчи были большого роста* (Беллинсгаузен 1831: 74); *...из чего должно заключить, что птицы сего рода отлетают от берега на сто миль и, вероятно, еще далее* (Беллинсгаузен 1831: 79). *...из сего не должно ли заключить, что Пирозомы (Pyrosoma), имеющие сами свойство светить, убегают света солнечного или дневного...* (Беллинсгаузен 1831: 83).

В тексте довольно редко используется деепричастие. Оно используется преимущественно в повествовательных фрагментах. Из примет делового стиля отметим пояснительные конструкции, вводимые (а) именно: *...но многие из наших офицеров, именно астроном Симанов, лейтенанты Абернибесов, Лесков, Анненков и Демидов, пользуясь данным им сроком на три дня, решились ехать в город Аратову, дабы увериться в противном видимому с рейда* (Беллинсгаузен 1831: 75).

Выводы

Особенности языка путешествия Беллинсгаузена достаточно типичны для других морских путешествий первой половины XIX в., в частности для путешествий Крузенштерна и Лисянского. В путешествии Беллинсгаузена более ярко представлен научный и беллетристический компоненты, тогда как путешествие Лисянского выдержано в отчетливо деловой манере, а Крузенштерна – в беллетризованной деловой манере. Не в последнюю очередь это являлось следствием стилистических сдвигов, произошедших в русском языке в первой четверти XIX в. – языковым дифференцированием различных стилистических систем.

Соединение делового, научного и беллетристического компонентов было обусловлено тем, что описание путешествия Беллинсгаузена выполняло несколько задач: было отчетом Морскому министерству, фиксировало результаты научных наблюдений и экспериментов и одновременно знакомило широкую публику с полученными сведениями.

Однако это не единственная причина такого смешения стилей. В 1810–1830-е гг. происходит трансформация делового языка: в ходе министерской реформы произошла не только смена принципов управления, но и отказ от старого делового языка. Первым, кто отметил факт изменения делового языка, был М. Л. Магницкий, который писал в 1835 г.: «Царствованию Благословенного [Александра I. – Н. П., Д. Р.] предоставлена была со всеми родами славы и та, которая принадлежит ему за образование слога делового и

государственного... <...> Главные свойства сего преобразованного служебного слога суть правильность языка, точность, краткость, благородная простота и нужная в разных случаях сила; обогащение его смелым и счастливым переводом многих слов, кои почитались дотоле техническими или чуждыми слогу деловому; порядок систематический в изложении предметов сложных и согласный с правилами общей словесности в самых кратких бумагах; приличный каждому акту тон» (Магницкий 1835: 18–20).

Язык путешествия Беллинсгаузена отражает происходившую трансформацию делового языка: он лишен элементов подъяческого слога XVIII в. и включает значительное число элементов из иных стилей, в частности научного и художественного. Он демонстрирует активное взаимодействие делового и научного стилей в первой половине XIX в., поскольку целый ряд научных исследований проводился по инициативе ученых комитетов министерств, а их результаты фиксировались в ведомственных изданиях.

Список литературы

Беллинсгаузен Ф. Ф. (1831): Двукратные изыскания в Южном Ледовитом океане и плавание вокруг света в продолжение 1819, 20 и 21 годов. Совершенные на шлюпах «Востоке» и «Мирном», под начальством капитана Беллинсгаузена, командира шлюпа «Востока». Шлюпом «Мирным» начальствовал лейтенант Лазарев. Изданы по высочайшему повелению. Часть первая. Санкт-Петербург: типография Ивана Глазунова.

Гуминский В. М. (1987): Путешествие, Литературный энциклопедический словарь. Москва: Советская энциклопедия, 314–315.

Крузенштерн И. Ф. (1809): Путешествие вокруг света в 1803, 4, 5 и 1806 годах. По повелению его императорского величества Александра Первого на кораблях «Надежда» и «Нева», под начальством флота капитан-лейтенанта, ныне капитана второго ранга Крузенштерна, Государственного адмиралтейского департамента и Императорской Академии наук члена. Часть первая. Санкт-Петербург: Морская типография, 1809.

Кублицкая О. В. (2017): «Homo peregrinus»: к вопросу о типологии образов путешественника в русской литературе, *Universum: Филология и искусствоведение: электронный научный журнал*. № 2(36). URL: <http://7universum.com/ru/philology/archive/item/4293> (дата обращения: 10.06.2018)

Магницкий М. (1835): Краткое руководство к деловой и государственной словесности для чиновников, вступающих в службу. Москва: типография Лазаревых Института восточных языков.

Михайлов В. А. (1999): Эволюция жанра литературного путешествия в произведениях русских писателей XVIII–XIX веков. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Волгоград: Волгоградский государственный педагогический университет.

Ревенко А. А. (2016): Предпосылки возникновения и этапы становления печатных изданий о путешествиях, Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология, 15/6, 7–18.

Стефко М. С. (2010): Европейское путешествие как феномен русской дворянской культуры конца XVIII – первой четверти XIX веков. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Москва: Институт российской истории Российской академии наук.

Шадрина М. Г. (2003): Эволюция языка «путешествий». Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. Москва: Московский государственный областной университет.

Шачкова В. А. (2008): «Путешествие» как жанр художественной литературы: вопросы теории, Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского, 3, 277–281.

ЧИТАТЕЛЬ В ЗЕРКАЛЕ ТЕКСТА: ЯЗЫКОВОЙ И СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Пушкарева Наталья Викторовна
Санкт-Петербургский государственный университет, Россия
n.pushkareva@spbu.ru

THE READER IN THE MIRROR OF THE TEXT: LINGUISTIC AND SOCIOLINGUISTIC ASPECTS

Pushkareva Natalia
Saint-Petersburg State University, Russia

АННОТАЦИЯ

Особенности современных прозаических текстов, обусловленные жанровым и тематическим многообразием, свойственным современной русской литературе, описываются в статье с точки зрения их ориентации на современного читателя. Синтаксические конструкции, графические элементы и расположение текста на странице служат для выделения особо значимых компонентов текста, а также управляют читательским вниманием. Используемые в тексте языковые средства, пунктуация, способы визуализации текстового материала позволяют сделать выводы об интерпретационных возможностях потенциального читателя. Опыт кинозрителя и читательский тезаурус так же важны для восприятия современной прозы, как и владение языковыми нормами.

ABSTRACT

Specific features of the modern prosaic texts resulted from the genre and thematic diversity which is a characteristic of the modern Russian literature are described in the article from the reader-oriented aspect. Syntactic constructions, graphic elements and the arrangement of the text on a page are used for exposing of the most valuable text components and for directing of the reader's attention. Linguistic means, punctuation, the ways of text visualization lead to the conclusion about interpretation abilities of the potential reader. Moviegoer experience and reader's thesaurus are as important for modern prose perception as the knowledge of language norms.

Ключевые слова: русский язык, прозаический текст, читатель, языковые средства, авторская пунктуация, визуальные средства

Key word: Russian language, prosaic text, reader, linguistic means, author's punctuation, visual methods

Читатель в современном информационном пространстве.

Триада «писатель–текст–читатель», характеризующая условия существования (и своего рода актуализации) литературного произведения, оказывается сегодня в принципиально иных условиях по сравнению с прошлыми эпохами. Положение читателей и писателей в современном мире определяется рядом экстралингвистических факторов, сформировавшихся в результате научно-технического прогресса, возникновения новых технологий и

возрастающей информационной насыщенности. Расширение информационного поля, связанного с героями и сюжетом, все сильнее втягивает читателя в совместное с автором конструирование мира романа и его персонажей. Современный читатель разительно отличается от своих предшественников, поскольку изменились экстралингвистические условия формирования современных читателей и писателей. Всеобщая грамотность и наличие у подавляющего большинства людей XXI в., по крайней мере, среднего образования, а значит, и опыта чтения, предполагает знакомство с определенным «культурным минимумом», в том числе и литературным, который позволяет интерпретировать художественный текст. Люди, объединенные одним языком, живут в едином цивилизационно-культурном пространстве, имеющем более-менее общую шкалу ценностей, этических и нормативных ориентиров, следовательно, в рамках одной социокультурной реальности у них складывается общая когнитивная база. Кроме того, современный человек обладает опытом кинозрителя и компьютерного пользователя, что способствует его знакомству с глобальной образной системой. Сложившийся комплекс «растиражированных» образов (Найдина 2017:65) помогает ему не только интерпретировать визуально представленную информацию, но и выстраивать связи между визуально-информационными отрывками.

Доступ к художественным произведениям и источникам справочной информации, обеспеченный новыми технологиями, сделали читателя, с одной стороны, более лояльным к различным способам выражения смысла, с другой стороны, более опытным в обращении с текстами, а следовательно, более избирательным и требовательным. Еще в середине XX в. Р. Барт писал об «аристократическом читателе», способном получать «удовольствие от текста» (Барт 1989: 462—519). Современный читатель характеризуется, с одной стороны, как «образцовый» (Эко 2002:50—51) или «квалифицированный» (Сидорова 2003:16—25). Он готов к работе с текстом, насыщенным языковыми новациями и отличающимся по способам организации от классических образцов. Формирование читателя такого типа происходило параллельно с возникновением новых принципов прозы, которые складывались в XX в. в рамках модернизма (Руднев 1999:237—241) и продолжают развиваться сегодня. С другой стороны, существует читатель массовой литературы, которая «создается в соответствии с запросами массового читателя, нередко весьма далекого от магистральных направлений культуры» (Черняк 2005:170). Примечательно, что оба читательских типа могут прекрасно уживаться в одном человеке.

Изменения, произошедшие с реальным читателем, косвенно влияют на способы организации прозаического текста. Упомянутое выше обращение к фоновым знаниям и визуальному опыту читателя не просто способствует более полному пониманию

развертывания сюжетных линий, но и увеличивает объем фактической и концептуальной информации, воспринимаемой человеком. Прочитываемое произведение встраивается в уже известные читателю рамки традиционных интерпретаций, культурных стереотипов и традиций. Все это влияет на содержательную сторону прозаических текстов. Кроме того, развиваются такие тенденции новейшей прозы, как размывание литературных жанров, стремление к диалогу с читателем, особое внимание к синтаксису (Руднев 1999:237—241). Тематическая и стилистическая нонселекция новейшей прозы сопровождается смещением единиц разных функциональных стилей, языковой игрой, интертекстами, явными и скрытыми цитатами. Прецедентные имена связывают читателя с миром культурных ассоциаций, принятых в обществе в конкретную эпоху, и дают простор для интерпретаций. Синтаксические особенности текста, отражающие нарастающую уже много лет разговорность (Акимова 1990) и демонстрирующие параллельные тенденции к расчлененности и слиянию (Покровская 2006:191—201), способствуют организации процесса чтения таким образом, чтобы читательское внимание направлялось к наиболее важным, по мнению автора, отрезкам высказывания, а читатель участвовал в поисках невербализованного смысла. Разговорность актуализируется, в частности, в форме различных видов неполноты высказывания, создающих у читателя представление об эмоциональном состоянии персонажа. Особую роль играет нестандартный внешний вид текста. Применение монтажного принципа, расположение абзацев на странице, авторская пунктуация, вертикальные пробелы спрессовывают текст и углубляют его смысл. Передача смысла происходит не только словесно, но и с помощью знаков. Как отмечает Н. Л. Шубина, возникает «уплотнение» текстового пространства», которое «создается при помощи сокращения вербальных элементов и увеличения функций параграфемных элементов» (Шубина 1999:176). Параграфемные элементы направляют читателя к информационному центру высказывания или всего текста, активизируют читательское воображение и побуждают обращаться к личному тезаурусу. Отмеченные явления свидетельствуют о дальнейшем развитии актуализирующего типа прозы, которое сопровождается усилением роли читателя как интерпретатора текстового смысла, и эта интерпретация все больше попадает в зависимость от подготовленности и индивидуальных характеристик конкретного читателя.

В силу описанных особенностей новейшей прозы, читатель вынужден самостоятельно решать ряд практических задач. Во-первых, ему необходимо восстановить логику развития событий, то есть обнаружить связи между частями высказывания и реконструировать ситуацию, обозначенную порой весьма схематично. Во-вторых, он должен выявить скрытые смыслы, передаваемые синтаксическими конструкциями и грамматическими формами. И,

наконец, важной задачей оказывается определение интертекстуальных связей произведения. Только произведя все указанные операции, читатель современной литературы сможет собрать воедино весь комплекс смыслов предлагаемого ему произведения.

Языковые особенности прозаических текстов XXI в.

Обращение к примерам, иллюстрирующим особенности текстов современной литературы, позволит предпринять попытку моделирования типологических черт сегодняшнего читателя. Современные прозаические тексты демонстрируют комплексное применение перечисленных выше приемов, поэтому трудно настаивать на превалировании какого-то одного способа в рамках одного отрывка или всего текста. Однако можно распределить примеры в соответствии с доминирующими в нем особенностями.

Экспрессивный синтаксис, авторская пунктуация, нечеткие связи между частями высказывания.

Полнее всего читательская активность проявляется при анализе актуализирующей прозы в ее современных вариациях. В данном случае интерпретация текста происходит на собственно языковом уровне, ее полнота зависит от умения человека устанавливать связи между компонентами высказывания, а также выявлять категориальные значения частей речи и определять интонационные особенности отрывка, ориентируясь на пунктуационные знаки. Кроме того, практически везде абзацное членение и авторские пунктуационные новации применяются как средства указания на смысловые центры высказывания и подталкивают читателя к поискам смысла, не выраженного словесно, но дополняющего общую картину. Так, например, несобственно-прямая речь персонажа позволяет сделать заключение об эмоциях героя: <...> *Словом, было так хорошо, что Глинников даже забыл о третьем тосте. Но вспомнил. Что-то ему об этом напомнило. Какая-то сложная ассоциация: звук – запах – слово – мысль... может, то, что они шли вдоль реки, ну, по реке, а те уходили за реку. Какая-то здесь мерещилась мифология: междумирие, что ли, или нет – река жизни, вот что, вот как правильно. А там, та – река смерти. И Глинников чуял ее дыхание. Он мог там быть. Он почти был там – и тем сильнее его упоение миром, жизнью, Галиной, хлебом, серой солью на газетном обрывке* (Ермаков 2012:169).

Конструкции экспрессивного синтаксиса, прежде всего, парцелляция, затрудняющая процесс чтения, повторы единиц *какая-то, он* и обилие указательных местоимений формируют представление о том, с какой интонацией персонаж мог бы это проговорить, где сделал бы паузы, где использовал бы избыточную конструкцию, уточняя свою мысль.

Отсутствие подчинительных союзов заставляет ориентироваться на иную сигнальную систему, а именно на пунктуацию. Применение тире двояко: в соответствии с нормами, для маркировки противопоставления (*Он почти был там – и тем сильнее его упоение миром <...>*) и для формирования цепочки номинативов, обозначающих сенсорную картину, вызывающую у персонажа образные ассоциации (*звук – запах – слово – мысль*). Каждое слово, заключенное в рамку из пунктуационных знаков (двоеточия и тире), оказывается в своеобразном кадре, привлекает внимание и затрудняет продвижение читателя далее по тексту. Финальная часть отрывка *Он почти был там – и тем сильнее его упоение миром <...>*, разделенная знаком тире, демонстрирует «выпадение» смыслового звена из повествования: читатель должен самостоятельно оценить смысловые отношения между частями высказывания, разделенными знаком тире, оценить цепочку определений к слову *упоение*, чтобы понять, по каким признакам противопоставлены два упомянутых персонажем события.

Неопределенно-личные предложения, расширяющие информационное поле.

Условия для расширения спектра возможных интерпретаций возникают при появлении в актуализирующей прозе неопределенно-личных предложений, отвлекающих внимание читателя от деятеля и фиксирующих его на результате действия. Несмотря на отсутствие формального подлежащего, грамматическая форма глагола в этих предложениях обозначает конкретные группы деятелей: «1) воспринимаемые на слух действия, когда агенс говорящему не виден; 2) общественные реакции, осуществляемые коллективом; 3) действия государственной машины; 4) действия ситуативно обусловленной группы людей» (Тестелец 2001:310—311). Таким образом, в неопределенно-личных предложениях актуализируется особый способ упаковки информации. Эта информация – конвенциональный подтекст, т.е. общеизвестная, или конвенциональная, информация, выводимая из грамматических характеристик определенных языковых средств и безошибочно идентифицируемая всеми носителями языка. Конвенциональный подтекст отличается от фоновых знаний тем, что его присутствие обозначено не лексически, а с помощью конкретного языкового средства (Пушкарева 2012:68). В тексте он указывает на неназванных деятелей, создавая эффект присутствия дополнительных персонажей. Например, герои, пришедшие побеседовать с задержанным человеком, продвигаются по зданию тюрьмы вместе с неназванными, но угадываемыми сопровождающими:

***Впустили.** Они предъявили документы, сдали сумки и мобильные телефоны, прошли сквозь специальные двери, как в аэропорту, и оказались в тюрьме.*

*Их **провели** по коленчатому коридору в крошечную камеру, в которой еле уместились маленький стол и три стула. **Заперли** (Шишкин 2005:397).*

В ряде случаев неопределенно-личные предложения обозначают только основные факты происходящих событий, оберегая читателя от деталей сцен жестокости и насилия:

***Ударили.** Задохнулся. **Ударили** <...>*

*На Саше **порвали** рубаху. **Пообещали**, что сейчас будут бить в солнечное сплетение. Без рубахи очень хорошо видно, куда бить.*

***Кричали, поднимали** за скулы голову его, **размахивали** перед лицом бутылкой (Прилепин 2006:176).*

Обозначение действий и обезличенных деятелей, о которых читателю и писателю все известно, сопровождает возникающее у читателя впечатление об эмоциях, ощущениях, реакциях персонажа, таким образом, информационное поле отрывка расширяется. Вертикальные пробелы не просто делят текст на кадры – процесс чтения состоит в поиске связей между частями текста и в восстановлении логики повествования. Появление пробела «предполагает в процессе чтения некоторое восполнение, реконструкцию тех смыслов, которые «закрыты» пробелом» (Шубина 2012:168). Опора на личный опыт человека и на опыт кинозрителя позволяет решить эту задачу и превратить немногословное описание в динамическую картину.

Расчлененность и неполнота высказывания, нечеткие связи между компонентами высказывания.

Взаимодействие таких факторов как расчлененность и неполнота высказывания, нечеткие связи между компонентами предложения заставляет читателя не просто представлять динамическую ситуацию, но и самостоятельно решать, сколько субъектов речи выявляется в отрывке. Присутствие вкраплений несобственно-прямой речи, которая может соотноситься сразу с несколькими персонажами, делают текстовый отрывок многовариантным – в зависимости от того, как читатель расставит акценты и выстроит иерархию героев, а также от того, сколько точек зрения обнаружит при анализе отрывка:

Ямы, рытвины, кусты, путаница ржавой проволоки, обломки бетонных плит, ржавые двутавровые балки внавал. Но выбора нет. И не было. Пуля с выматывающим душу жужжанием прошла в метре над его головой. В девяноста семи сантиметрах над. Они. За ним. Но и он, хоть и по-своему. Он выстрелил не целясь. Теперь можно. Зажмурившись, вперед. Слава Богу. Нет. Налево. Еще левее. Левее. Теперь сюда. Замер как. Враскоряку сидеть - ну да что ж. Они ведь все равно. Впрочем, он тоже. Пора.

Бросился, обдираясь. Скользнул на глине, упал боком, вскочил, снова побежал. Не стреляют. Если только они не. Тогда - да. Но зарываться в землю - нет времени. Да и ногти. Хорошо бы. Уперся в стену. Где-то здесь (Буйда 2004).

В подобных текстах актуализация смысла происходит в ситуации неполноты высказываний, сводимой к практически полному устранению слов. Однако в отрывке сохраняется обозначение ситуации, которую читатель может представить и развернуть по своему усмотрению. Обозначены своеобразные «признаки» эмоций персонажа, его движений, размышлений, несколько деталей маркируют пейзаж, но собственно описаний нет. Тем не менее, неполнота восполняема: срабатывают представления о стереотипных ситуациях, в которых могли бы прозвучать вербализованные компоненты. Парадоксальным образом неполнота управляет читательским восприятием и достраиванием текста до полноценного источника информации.

Расчлененность высказывания, вертикальный пробел, прецедентные имена.

Расчлененность высказывания в сочетании с вертикальным пробелом, а также прецедентные имена могут приводить к множественным толкованиям отрывка или текста. Основными факторами, влияющими на полноту интерпретации, оказываются в данном случае образованность, читательский опыт, умение, готовность и, возможно, привычка соотносить означенные словом или цитатой смыслы с определенными комплексами информации – с учетом того, что объем и состав этих информационных комплексов у каждого свой:

... Ночью проснулся внезапно, как это обычно бывает после выпивки, ворочался и никак не мог уснуть. За черным квадратом окна было тихо, все горлопаны общежития уgomонились, не лаяли вечные собачки, не галдели дети.

Морока.

Но... разве не этому учил Лев Толстой? Иисус Христос? Будда? Подставь щеку, не убий, не причиняй страданий. Он так и поступил. И вот мается. А... каково этим? (Ермаков 2012:187).

Характерный для прозы XX в. принцип неомифологизма (Руднев 1999:237) проявляется неявно, намеком – в виде прецедентных имен и пересказа общеизвестных сентенций. Упоминание Л. Н. Толстого и основателей мировых религий, а также неточная цитата предоставляют простор для интерпретаций, которые могут совпасть у разных читателей, поскольку эта информация входит в общую когнитивную базу людей XXI в. Помещенное между двумя абзацами номинативное предложение, оказывается в рамке из двух вертикальных пробелов и может быть истолковано по-разному: как описание реакции персонажа на тишину

или как характеристика его состояния. Размытая логика соединения отрезков текста провоцирует неоднозначность толкования.

Сложное осложненное предложение с различными типами связи между частями.

Прозаические тексты часто представляют собой имитацию устной речи, в которой соединены и реплики персонажей, и обозначения компонентов ситуации, и комментарии рассказчика или героев. Все это воплощается в сложных предложениях с различными осложняющими элементами и разными видами связи между частями. Например: *Монстр передвигался, борцовски оттопырив локти и переваливаясь, словно выбирался из воды, – эволюция, недостаток пищи выводит расплотившихся крупнозубых рыбацеров на сушу – и мимо; мимо ожиданий и заготовленных «выражений лиц» и представлений, уже заметно изнемогая, волочил ноги дальше – к жителям, замершим коллективным фото (воспитанные люди дают гостю высказаться первым), нацеленно, словно приметил кого-то знакомого вдруг, дай только дойти! (жители наскоро проводили инвентаризацию своих: к кому?!), служилые люди, не ломая строя, семенили за монстром следом, тесными шажками, какими крадутся в метрополитеновской давке или догоняют «сейчас, сейчас» годовалого малыша (Эбергард затесался в ряды последних, облегчение – и он! и он! свое место! обернулся Гуляев: ты здесь? а журналисты? вижу, порядок!)* (Терехов 2015:98).

Многочисленные знаки препинания разбивают предложение на отрывки, связь которых друг с другом прослеживается не всегда: например, возможны несколько вариантов толкования последовательности передвижения персонажа (См.:...*передвигался ...словно выбирался из воды <...> - и мимо – мимо чего?*), поскольку количество и границы вставных конструкций неясны, а пунктуационная разметка выделяет внутри предложения мини-сюжеты и привлекает к ним внимания читателя. Вставные конструкции являются сжатыми сценариями неких событий, иногда с диалогами: *Эбергард затесался в ряды последних, облегчение – и он! и он! свое место! обернулся Гуляев: ты здесь? а журналисты? вижу, порядок!* Ознакомление с текстом такого типа напоминает просмотрное чтение с одновременным восстановлением знакомой и понятной информации. В то же время отсутствие явно выраженных связей между частями восполняется опытом кинозрителя, в образном тезаурусе которого есть схожие сценарии.

Способы визуального представления текста в современной прозе.

Внешний вид текста, особенности его графического оформления и расположения на странице также участвуют в процессе выявления скрытого смысла и оказывают воздействие

на читателя. Для интерпретации различающихся по способам визуализации материала отрывков жизненно необходим как опыт кинозрителя, так и опыт просмотра новостных источников, документальных или научно-популярных кадров:

Солдат-падишах принялся рассовывать печенье, вафли, подушечки в карманы. Халиф Дурды все взвешивал на глазок. Альфа-ибн-Омега прикупил буханку черного хлеба, сверху ржавую селедку... две селедки!

Сзади – нарастало: шум бегущего с гор стада, поток камней и копыт.

Сдачи не надо! – выдохнул и рванулся прочь, кинулся в стену (Ермаков 2012:20).

Ведущим способом организации смысловых уровней отрывка становится вертикальный пробел (Шубина 2012). Смещение точек зрения и субъектов речи не мешает читателю представить три сцены, разворачивающиеся как на экране. На первом плане описывается процесс покупки солдатом продуктов в автолавке, он сопровождается на заднем плане звуком приближения других персонажей, затем словно камера снова возвращается к основному герою, который в этом абзаце не назван, характеризуются только его действия. Примечательно, что в последнем абзаце автор не обозначает прямую речь, и у единственного знака тире актуализируется выделительная функция: маркируется поворотный пункт сюжета. Вертикальные пробелы обозначают границы сцен и одновременно создают контуры, внутри которых читатель воссоздает всю картину. В результате «смысловая многоплановость текста становится *зримой* [курсив автора статьи – Н.П.]» (Шубина 2012:168).

В прозе последних лет активно появляется написание значимых компонентов высказывания заглавными буквами, которое в сочетании с абзацным членением и авторской пунктуацией текстового отрезка также служит для обозначения самой важной части высказывания:

Я сжимал гранату, сидя по горло в тине, она уже была без кольца. Я решил положить ее в рот. Или швырнуть туда детям. Да. Я хотел это сделать. Но тут увидел, что кого-то

ВЕДУТ ЕЩЕ

Это был Лебедев (Ермаков 2012:64).

Компонент *ВЕДУТ ЕЩЕ* повисает в воздухе – после него нет сигнала завершения предложения. Отметим, что в интернет-переписке большие буквы обозначают крик, и отсутствие точки может навести на мысль о выкрике. Обрамление этого компонента вертикальными пробелами формирует смысловой и эмоциональный центр отрывка. Возникает «*эффект укрупнения информационно-смыслового поля текста* [курсив автора статьи – Н.П.]»

(Шубина 2012:168), в рамках которого невербализованные смыслы восстанавливаются каждым читателем индивидуально.

Заключение.

Условия существования в современном информационном пространстве заставляют человека привыкать к новым способам восприятия информации, а также к новым способам представления информации в прозаических текстах. Эпоха экранной культуры способствует формированию у человека таких новых умений, как «тактика сканирования вербального контента по ключевым словам с опорой на изображения, которые присутствуют на странице или содержатся в памяти читателя в силу их растиражированности» (Найдина 2017: 65). Восприятие печатной информации как единого комплекса, доступного визуальному сканированию, позволяет быстро восстановить ситуативное обрамление эпизода и пойти дальше – к выявлению конвенциональной информации, заложенной в тексте, и к формированию впечатлений об эмоциональном состоянии персонажей. Результаты этих действий у разных читателей могут отличаться, что неудивительно, так как каждый интерпретатор будет ориентироваться на свой эмоциональный опыт, а «эмоциональный репертуар многих людей может включать в себя различные, часто плохо согласованные между собой, а порой и просто взаимоисключающие эмоциональные матрицы» (Зорин 2016:36). Тем не менее, современный читатель вполне в состоянии дополнить текстовый эпизод соответствующими ему эмоциональными составляющими.

Для полноценного восприятия текстов современной прозы читателю необходимы знания об основных тенденциях, памятниках и символах мировой и русской культуры, знакомство с произведениями искусства, составляющими культурное наследие как страны, так и всего человечества. Читатель должен обладать способностью выстраивать аналогии, опираясь на свой тезаурус, а также домысливать несказанное, в том числе и достраивать динамические картины. Он должен обладать читательским и жизненным опытом, чтобы восстанавливать эмоциональный фон описаний и модусные смыслы. А главное, читатель должен быть готов сотрудничать с автором в поисках скрытой информации. Люди XXI века, читающие новую прозу, соответствуют этим требованиям, значит, их интеллектуальный потенциал достаточно высок, а объем знаний значителен – хотя, возможно, состав этих знаний сильно отличается от того, что знал типичный читатель XIX или XX вв.

Проза XXI в. превращается в литературу аллюзий, впечатлений, интерпретаций, основанных на аудиовизуальном опыте восприятия информации. Высокотехнологическое общество изменяет читателя, и это заставляет автора искать новые пути. Отмеченные способы

руководства читательским вниманием направлены на расширение информационно-смыслового поля текста и обусловлены стремлением подвести читателя к восприятию произведения как многомерного образования. Используя потенциал синтаксических и пунктуационных средств, писатель заставляет читателя переживать эмоциональные впечатления, соответствующие описываемой ситуации. В свою очередь «образцовые читатели» готовы и умеют извлекать скрытые смыслы, для них чтение является не просто развлечением, но и возможностью сотрудничества с автором. Однако языковые новации не замыкаются только в рамках литературы для образцового читателя. Приемы и способы руководства читательским вниманием, успешно работающие в литературе для образцового читателя, переходят в массовую литературу, то есть и массовый читатель осваивает новые способы интерпретации текста. Новые языковые и параграфемные способы расширения смыслового поля прозаического текста проходят проверку образцовых читателей и затем перемещаются в массовую литературу, где становятся объектами внимания массового читателя. Таким образом, активная роль читателя-интерпретатора становится одним из факторов, влияющих на развитие в языке новых способов передачи смысла и на актуализацию потенциальных возможностей языковых и параграфемных средств.

Список литературы

- Акимова Г. Н. (1990): Новое в синтаксисе современного русского языка. М.: Высшая школа.
- Барт Р. (1989): Удовольствие от текста. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 462—519.
- Буйда Ю. (2004): Домзак. Октябрь, 6.
URL: <http://magazines.russ.ru/october/2004/6/buida1.html> (дата обращения 16.06.2018).
- Ермаков О. (2012): Арифметика войны. М.: Астрель.
- Зорин А. Л. (2016): Появление героя. Из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII – начала XIX века. М.: Новое Литературное Обозрение.
- Найдина Т. Е. (2017): Грамматика экранного видения. Лингвокультурологический анализ художественного текста в парадигме экранной культуры. Тайбэй: Подводный охотник.
- Покровская Е. А. (2006): Роль прозы шестидесятников в становлении языка неклассической парадигмы: тенденция к синтаксическому слиянию. Известия УрГПУ. Лингвистика. 18, 191—201.
- Прилепин З. (2009): Санька. М.: Ad Marginem.

- Пушкарева Н. В. (2012): Подтекстовые смыслы в прозаическом тексте (лингвистический аспект). СПб.: Изд-во: Филол. ф-т СПбГУ.
- Руднев В. П. (1999): Словарь культуры XX века. М.: Аграф.
- Сидорова М. Ю. (2003): Квалифицированный читатель и массовая литература (лингвистический аспект проблемы). Библиотека в эпоху перемен. 4, 16—25.
- Тестелец Я. Г. (2001): Введение в общий синтаксис. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т.
- Терехов А. (2015): Немцы. М.: Астрель.
- Черняк М.А. (2005): Феномен массовой литературы XX века. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена.
- Шишкин М. П. (2005): Венерин волос. М.: АСТ/Астрель.
- Шубина Н. Л. (1999): Пунктуация в коммуникативно-прагматическом аспекте и ее место в семиотической системе русского текста. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена.
- Шубина Н. Л. (2012): Организация информационно-смыслового поля текста посредством кодовых систем. Университетский научный журнал, 2, 165—179.
- Эко У. (2002): Шесть прогулок в литературных лесах. СПб: Симпозиум.

ЛЕКСИКО-СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ИННОВАЦИИ В СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ МАСС-МЕДИА

Рацибурская Лариса Викторовна
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского, Россия
racib@yandex.ru

LEXICAL AND WORD-FORMATIONAL INNOVATION IN THE MODERN RUSSIAN MEDIA

Ratsiburskaya Larisa
National Research Lobachevsky State University
of Nizhny Novgorod, Russia

АННОТАЦИЯ

Российское медийное словотворчество отражает актуальные процессы глобализации и виртуализации социальной жизни, интернационализации информационной и коммуникативной сфер. В результате возможна не только активизация ранее непродуктивных морфем и возникновение новых словообразовательных элементов, но и трансформация их семантики. Российское медийное словообразование активно использует словообразовательные суффиксы и префиксы интернационального характера: суффиксы *-изм*, *-изаци(я)*, *-инг*, *-ист*; префиксы *супер-*, *гипер-*, *мега-*, *псевдо-*, *квази-*, а также префиксоиды *евро-*, *нано-*, *крипто-*, *кибер-*, суффиксоиды *-ман(ия)*, *-фоб(ия)*, *-гейт*. Либерализация социальных процессов в России находит отражение в моделях универбации, диминутивном словообразовании, процессах контаминации.

ABSTRACT

Russian media word-creation reflects the acute globalization and virtualization processes of social life, internalization of information and communication spheres. It is possible not only to activate previously unproductive word-formation elements and the emergence of new ones in derivational processes, but also to transform their semantics. Russian media word-creation actively uses the word-building suffixes and prefixes of the international character: suffixes *-ism*, *-ization*, *-ing*, *-ist*; prefixes *super-*, *hyper-*, *mega-*, *pseudo-*, *quasi-*, as well as prefixoids *euro-*, *nano-*, *crypto-*, *cyber-*, suffixoids *-man(ia)*, *-phobia*, *-gate*. Liberalization of the social processes in Russia was reflected in actualization of univertation models, diminutive word-building, contamination process.

Ключевые слова: язык СМИ, словообразовательные процессы, аффиксация, аффиксоидация, универбация, диминутивы, контаминация.

Keywords: media language, word-creation processes, affixes, affixoids, univertation, diminutive word-building, contamination.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта 18-№ 012-00195 «Активные процессы в языке Интернета: лингвокогнитивный и прагматический аспекты».

Активные деривационные процессы, которые характеризуют современный русский язык последних десятилетий и результаты которых представлены прежде всего в медийном словотворчестве, во многом обусловлены теми социальными изменениями, которые происходят в российском обществе на рубеже XX-XXI вв. Новые номинации отражают внеязыковые, экстралингвистические данные, соотносимые с определенным историческим периодом в жизни людей, их культурой и социальной принадлежностью.

Анализ медийных неoderиватов «не только дает представление об активности и продуктивности новых словообразовательных типов, моделей, аффиксов, но и позволяет понять, каким именно образом в языковом сознании в ходе номинации осмысливаются новые явления современной общественной жизни» (Коряковцева 2016: 10). Известно, что в языке «означиваются», вербализуются те предметы и явления, их качества, состояния и действия, которые имеют культурную и коммуникативную значимость для человека (Вендина 1998: 222).

«Регулярным в современной речи стало выражение значения динамики процесса через его отношение к признаку или субстанции. Это обусловило высокую степень продуктивности отсубстантивных и отадективных имен действия с суффиксами *-изациj-*, которые стали приметой нашего времени» (Николина 2005: 126): *американизация (искусства), алкоголизация (населения), бандитизация (страны), гомосексуализация (шоу-бизнеса), ваучеризация, долларизация, исламизация, криминализация, чеченизация; Мы живем в век спортивизации* (радио «Вести FM», 02.12.2017); *тотальная латвизация школ* (телеканал «Россия 24», 09.02.2018); *Украинизация как она была. Кризис на Украине далек от окончания!* (Литературная газета, 12.-3.2014); *В шведском языке появилось новое слово «трампизация»* (Российская газета, 01.01.2017); *Тотальная путинизация. Как в Польше борются за традиционные ценности – и против коммунизма, мигрантов и свободы СМИ* (Meduza, 14.12.2017); *стремительная бандеризация Украины* (телеканал «Россия 1», 18.02.2018); *Казахстан медленно, но продвигается по пути казахизации* (телеканал «Россия 1», 15.04.2018). «Новообразования с данным суффиксом обычно называют социально значимое событие или явление, нередко негативного характера» (Николина 2013).

«Новые производные *nomina actionis* с финалью *-изация*, появившиеся в эпоху постмодерна, можно рассматривать как формы реагирования носителей русского языка на внешние, культурно-исторические стимулы, которые в эпоху глобализации создаются

средствами массовой информации, определяющими стиль материальной жизни и мировоззрения, диктующими социокультурные и языковые моды» (Коряковцева 2016: 24).

Наряду с рассмотренными интернациональными суффиксами отвлеченной семантики в российских масс-медиа активно используется также суффикс *-изм* со значением ‘общественно-политическое, идейное, эстетическое, научное направление, связанное с собственными именем (обычно фамилией) лица, его основавшего’ (Лопатин 2016: 349), который присоединяется к основам не только имен нарицательных, но и имен собственных, называющих актуальные значимые фигуры современности, популярных политиков и общественных деятелей, особенно зарубежных: *Обамизм и его последствия* (7 дней, 18.09.2015); *Эту сложную задачу приходится сейчас выполнять клинтонизму* (The экономист, 01.06.2016); *«На самом деле, произошло обратное — к „кемализму“ добавился „эрдоганизм“», — отмечает в беседе с корреспондентом EADaily гражданский активист из Турции, фотограф Умут Ведат* (Eurasia Daily, 10.11.2016); *Поэтому-то горняки и сталевары из американской глубинки, составляющие основу **трампизма**, так похожи на своих российских собратьев с Уралвагонзавода* (Эхо Москвы, 10.10.2016); *«Трамписм» — это решение кризиса неолиберализма* (Кто в курсе, 16.11.2016).

По мнению ученых, вестернизация российской жизни, ее американизация и варваризация отразились и в новообразованиях с английским суффиксом *-инг*: *вининг, водкинг, коньякниг, приколинг, сексинг, троллинг, шокинг* и под. [Коряковцева 2016: 51]; *Российские блогеры даже придумали термин «Псакинг» и употребляют его тогда, когда человек делает безапелляционные заявления, при этом путает факты и обходится без последующих извинений* (Аргументы и факты, 20.02.2015); *Лекция была более чем актуальна, поскольку некоторые ученики этой гимназии участвовали в местных «навальнингах»* (Завтра, 13.08.2017); *На островах получил распространение **балконинг** — прыжки в бассейн с балкона* (телеканал «Россия 24», 31.05.2018).

«“Инговое цунами” заимствований, вызванное американоманией <...> и растущим русско-английским билингвизмом, обусловило полное усвоение суффикса *-инг* и превращение его в терминоэлемент с процессуальным значением, который регулярно присоединяется к основам существительных, не имеющих процессуальной семы в лексических значениях» (Коряковцева 2016).

Еще один популярный иноязычный (заимствованный) суффикс, который часто используется в отонимном словотворчестве, - это суффикс *-ист* с семантикой лица, ‘по своим идейно-политическим, научным, эстетическим и т.п. взглядам являющегося сторонником того, что названо или кто назван мотивирующим’ (Лопатин 2016: 349) существительным: *Все*

метались – то эстонские фашисты, то чеченские ваххабисты, то украинские жидобандеристы, то израильские сионисты, то пиндосские капиталисты, то грузинские саакашвилисты (Новости России, 09.11.2015); *Да и не при авторитаризме бывают накладки – провалили же клинтонисты социологию* (NEWSru.com, 18.11.2016); *«Эрдоганисты» (да-да, некоторые из них так себя называют) не могут придумать другой причины, как преступный сговор* (Федеральное агентство новостей, 07.05.2016); *Нужно понимать, что в случае победы фетхуллахистов они бы тоже не церемонились с побеждёнными <...> Обещают и новую волну репрессий, которая выявит сильно замаскированных так называемых криптоюленистов вне зависимости от их партийной принадлежности* (Аргументы недели, 27.10-02.11.2016); *За первые месяцы команда Трампа разделилась на два условных лагеря: с одной стороны оказались убежденные трамписты <...> с другой – фигуры более привычные для республиканского истеблишмента* (Независимая газета, 21.02.2017). Новообразования на базе антропонимов являются своеобразным отражением социального противостояния и эффективным средством создания имиджа политика, общественного деятеля.

Активизация заимствованных аффиксов в процессах именной префиксации также отражает тенденцию к интернационализации и «амероглобализации», связанную с возрастанием на рубеже XX-XXI вв. масштабности и интенсивности межкультурного и межъязыкового взаимодействия, с глобальным влиянием английского языка (Николина 2013: 83).

Размерно-оценочные префиксы *супер-*, *гипер-* и новый префикс *мега-* проявляя активность в деривационных процессах на базе не только заимствованных, но и исконных слов, демонстрируют такую отмечаемую исследователями особенность, присущую русской ментальности, как установка на гипертрофию общей, моральной или эстетической оценки при номинации лиц, объектов и событий: *Это такое счастье, когда у тебя такая большая семья Помогает ли имя добиваться суперрезультатов?* (телеканал «Волга», 03.05.2018); *Вся эта супермедицина не по карману среднему классу* (телеканал «ННТВ», 20.05.2018); *Это настоящий супермузей* (Радио России, 20.05.2018); *Супершкафы* (Аэрофлот Premium, май 2018); *Это драма, боевик, комедия, музыкальное суперкино* (Россия-24, 22.05.2018); *чай – идеальный абсорбент, суперабсорбент* (1-й телеканал, 01.06.2018); *Это не второй «Мюнхен», это «супер-Мюнхен», не объявление холодной войны, а констатация, что она идет, говорит Федор Лукьянов* (РБК, 01.03.2018); *суперразогретая отрасль <...> автомобилей* (телеканал «Россия 24», 25.03.2018); *Никому не показалось, что такой малый срок за вынос такого суперотравляющего вещества* (радио «Бизнес FM», 21.03.2018);

Говорить о суперпринципиальном отличии валюты Павла Дурова не приходится (радио «Бизнес FM», 21.04.2018); *Коррупция, которая была чудовищной тогда, стала суперчудовищной* (телеканал «Россия 1», 22.04.2018); *Списков по факту два. Один - суперрасширенный* (телеканал «Россия-24», 11.05.2018); *Выбор был супернеожиданный: платье у нее от Живанши* (РБК, 20.05.2018); *суперобильное кровоснабжение* (1-й телеканал, 01.06.2018); *У нас никаких гипернадежд на этот визит не возлагают* (радио «Вести FM», 29.05.2017); *Бывшие жены своей гиперзаботой уничтожают артиста* (телеканал «НТВ», 20.05.2018); *Сделать турнир гипербезопасным* (телеканал «НТВ», 20.05.2018); *все гиперлогично* (радио «Бизнес FM», 30.01.2018); *Всегда все равно я собрана, гиперсобрана* (1-й телеканал, 11.03.2018); *Это была мегасвадьба* (НТВ, 27.08.2017); *Небензя назвал происходящее мегaproвокацией* (радио «Бизнес FM», 06.04.2018); *Мегасрочных новостей пока никаких* (телеканал «НТВ», 03.12.2016); *Пожилый человек может быть мегаполезен* (1-й телеканал, 12.02.2018); *Сможет ли дочь Синди Кроуфорд повторить успех своей мегазнаменитой матери* (1-й телеканал, 11.03.2018); *Это мегамасштабная трагедия* (телеканал «Россия 24», 27.03.2018).

Негативную оценочность вносят в новообразования префиксы *псевдо-*, *квази-* с семантикой неистинности, ложности, отражающие ситуацию господства в обществе фальшивых ценностей и ложных приоритетов: Префиксы *псевдо-*, *квази-* с семантикой неистинности, ложности: *демонстрировать всю эту псевдоактивность* (радио «Вести FM», 01.12.2017); *У нас в стране засилье псевдолечения, псевдолекарств* (радио «Вести FM», 05.10.2017); *я начала заниматься этим псевдопредпринимательством* (телеканал «Россия-24», 11.05.2018); *Если бы активисты, псевдоэкологи понимали, <...> было бы значительно легче* (телеканал «1-й телеканал», 27.10.2017); *истерика, которую начали псевдоправозащитники* (радио «Вести FM», 29.11.2017); *псевдодоборцы за экологию <...> небольшое вложение в этих псевдолюдей* (радио «Вести FM», 12.12.2017); *долбаное допинговое расследование немецкого псевдожурналиста* (радио «Вести FM», 06.12.2017); *Вот выполнивший заказ псевдокиллер* (радио «Бизнес FM», 31.05.2018); *Мы хотим разогнать этот совет псевдодепутатов* (телеканал «Россия 24», 01.02.2018); *Среди попрошайек есть фронтовик, псевдобеременные* (телеканал «Россия-24», 11.05.2018); *речь здесь не о псевдобеженцах* (телеканал «Россия-24», 11.05.2018); *К ним добавлены Делакруа, Домье, Халс — и, как ни странно, две фальшивки: якобы Рембрандт и псевдо-Ван Гог* (Коммерсантъ, 05.05.2017); *Она не гурман, она не стоит в очереди в Макдональдс или другое псевдопитательное учреждение* (радио «Вести FM», 27.08.2016); *Президенту Филиппин не нужны теперь псевдодружественные отношения* (телеканал «Россия 1», 23.10.2016);

Почему нельзя обсудить псевдочастную инициативу?... (радио «Вести FM», 27.10.2017); *Свои территории ИГИЛ расширило и укрепило ... такое квазигосударство* (телеканал «Россия 1», 17.11.2015); *Вариантов ограничений много: от полузапретов до квазизапретов* (1-й телеканал, 13.10.2015); *Там же были какие-то квазиказаки* (радио «Вести FM», 05.10.2017); *Эта тема (захоронения тела Ленина - Авт.) является темой то ли раскола, то ли квазираскола* (радио «Вести FM», 03.11.2017).

Обилие новообразований с данными префиксами в современных российских СМИ отражает неприятие ситуации смены ценностных ориентиров в стране, специфику оценочной реакции говорящего, направленной на дискредитацию ложных ценностей и фальшивых приоритетов.

Заемствованный префикс *экс-* с семой 'бывший' в сочетании как с исконными, так и с заимствованными основами может развивать негативную оценочность, которая поддерживается контекстом: *На новой работе экс-депутат, которому теперь придётся приостановить своё членство в партии, по всей видимости, будет «кем-то средним» между имиджмейкером и политруком* (Ленинская смена, 27.10 – 02.11.2016, № 45); *экс-помощник Дональда Трампа* (РБК, 13.05.2018); *Другая экс-подруга Клинтона, «Мисс Арканзас» Салли Миллер, та самая девушка, к которой губернатор сбежал ночью из супружеской спальни* (Экспресс газета, 17.10.2016, № 42); *Такие мужчины обычно мечтают между женой и любовницей, между двумя экс-супругами – объяснила ситуацию семейных психолог* (Жизнь, 26.10-01.11.2016). Префикс *экс-* отражает динамику общественно-политической жизни, обозначая лиц, утративших свой статус.

В последнее время продуктивность приобрел префикс *недо-* с семантикой: «кто-л. (что-л.), не обладающий(-ее) полностью признаками того, кто (что) назван(о) мотивирующим сущ.» (Лопатин, Улуханов 2016: 124): *Мой город просто кишит недомузыкантами-критиками* (Новая газета в Нижнем Новгороде, 04.12.2009); *Ксения обвинила Катю в том, что у нее комплекс «недозвезды»* (Новое дело, 10-16.07.2011); *недоВЦИОМ* (радио «Вести FM», 25.10.2017); *смехотворный недокандидат* (радио «Вести FM», 31.01.2018).

В подобном префиксальном словотворчестве проявляется такая черта русского «семантического универсума», как аксиологически окрашенная иронически-сниженная реакция на объект номинации, в принципе предполагающий внеоценочное, нейтральное осмысление. Новообразования с подобными префиксами – своеобразная реакция на негативные явления и конфронтацию в обществе.

Актуальность европейских политических событий для современной России способствовала вовлечению в деривационные процессы ряда префиксоидов, и в частности

префиксоида *евро-*, топонимическая семантика которого во многих новообразованиях совмещается с оценочным компонентом: *Европатриоты сами развалиют Украину* (Комсомольская правда в Нижнем Новгороде, 20.07.2015); *Тех, кто не справляется, евробюрократы будут штрафовать* (ТВЦ, 04.05.2016); *Насколько бессмысленными оказались евроограничения...* (телеканал «Россия-1»); *На Украине евромечта не сбылась* (телеканал «Россия 1», 30.03.2016); *Выжимают из тебя пот, чтобы превратить его в брызги шампанского для евродевок* (Завтра, 2013, № 24); *У Сноудена тоже мало шансов - «евролеваки» при закулисной поддержке России уже выдвигали его два года назад* (Собеседник, 2015, № 35); *... прежде чем скульпить об изъятной с родных просторов еврожратве, следовало бы задуматься, так ли уж была она хороша* (Литературная газета, 17-23.12.2015); *Мог сказать: слушай, Владимир, тебя и меня достала вся эта еврошпана* (телеканал «Россия 1», 09.07.2017).

Активизировавшиеся в связи с достижениями научно-технического прогресса префиксоиды *нано-*, *крипто-*, *кибер-* также могут формировать оценочную семантику: *«Нано» поможет продать товар <...> К 2020 году у каждого россиянина будет наноквартира и нанозарплата <...> Нанозарплата звучит правдоподобно, особенно при макроценах <...> Нанопрезидент правит нанонародом, который жрет нанобананы, а свои нано-«Калины» моет в наномойке. И все это – в нано-России* (www.metronews.ru, 28.10.2010); *Наночистка. За что Анатолий Чубайс уволил две трети менеджеров «Роснано»* (Лента.ru, 25.05.2015); *Наноцены на мегаздоровье. Новая отрасль медицины снизит стоимость лечения* (Российская газета, 06.12.2016); *От наноЧубайса я никаких результатов не видел, в том числе и нанорезультатов* (радио «Вести FM», 18.04.2016).

Неодериваты с *нано-* (‘равный миллиардной доле исходной единицы измерения’, ‘имеющий мельчайшие, микроскопические размеры’, ‘связанный с частицами таких размеров’ (Козулина 2009: 161-162) используются также для номинации инновационных технологий и их результатов: *Наноцеллюлоза – и сделанная из неё нанобумага – пользуются повышенным вниманием среди изобретателей миниатюрных устройств* (Наука и жизнь, 12.10.2016); *Наноробот стреляет в десятку* (Российская газета, 22.11.2016); *В Приморье разработали "наношоколад" с водорослями. Продукт отличается от уже выпускаемого на местной кондитерской фабрике аналогичного шоколада значительно меньшим размером частиц ингредиентов и особыми питательными свойствами. За это новая технология получила название "наношоколад"* (Российская газета, 29.03.2017).

В последние годы в связи с распространением криптовалюты возросла продуктивность префиксоида *крипто-* с семантикой ‘относящийся к тайному, неявному, скрытому...’

(Козулина 2009: 126): *Мир охватила криптолихорадка <...> Ушел ли криптопоезд для рядовых пользователей? <...> Последний писк криптомоды <...> Выделяют даже две группы: криптоанархисты <...> и криптореалисты* (1-й телеканал, 02.07.2017); *Криптонеделя* (название рубрики) (телеканал «Россия 24», 14.10.2017); *Криптодобыча будет освобождена от уплаты налогов* (телеканал «Россия 24», 25.03.2018).

В связи с развитием информационных технологий, прочным вхождением Интернета в жизнь современного общества крайне актуальным стал также префиксоид *кибер-* с семантикой ‘относящийся к технической кибернетике (автоматической системе управления)’, ‘связанный с использованием компьютеров, компьютерной сети (Интернета), основанный на их применении’, ‘оснащенный, оборудованный компьютерами’ (Козулина 2009): *В числе самых перспективных разработок – проект «Киберсердце», с помощью которого будет возможно через специальное приложение на смартфоне оценить состояние сердечно-сосудистой системы* (Патриоты Нижнего, 2017, № 48); *Погода не мешает проводить киберолимпиаду, где участвуют роботы* (1-й телеканал, 14.02.2018); *Поговорили в том числе про киберспорт и киберспортсменов <...> Киберспорт на ближайших соревнованиях будет уже демонстрационным видом спорта* (Радио России, 04.06.2018).

Новообразования с *кибер-* выполняют не только номинативную, но и экспрессивно-оценочную функцию: *Иностранные кибершпионы активизировались в России* (ИнфоСМИ.ru, 14.05.2015.); *киберсолдаты* (Наша Версия, 13.-10.11.2016); *Атаки без возмещения. Как страховые компании защищают своих клиентов от киберрисков* (Коммерсантъ, 12.12.2016); *Кибер-дружины сформируют из студентов и старшеклассников, и они займутся противодействием распространению в Интернете негативного контента для детей* (Российская газета, 28.03.2017); *Россию атакуют кибервойска. По прогнозам экспертов, количество кибератак на объекты критической инфраструктуры в этом году возрастет, повысится их общий профессиональный уровень* (Независимая газета, 10.02.2017); *Киберугрозы постоянно эволюционируют* (радио «Вести FM», 11.07.2017); *Киберорда. В мире действуют не единичные хакеры, ворующие данные кредиток, а мощные преступные группировки* (Новая газета, 28.08.2017); *Россия на британские и американские киберобвинения уже отреагировала* (телеканал «Россия 24», 02.05.2018).

Очень популярны в медийных текстах новообразования с суффиксоидами *-ман(ия)*, *-фоб(ия)*, называющие болезненное влечение к кому(чему)-либо и боязнь кого(чего)-либо: *От обамамании до обамифобии всего один президентский срок* (телеканал «Россия 1», 08.12.2015); *Правда, отечественные бизнесмены страдают особой формой «трампомании»*

(Московский комсомолец, 09.11.2016); *В Украине вновь началась волна «савченкомании»* (Аргументы и факты в Украине, 27.05.2016); *Трампофобия* или кому выгодно не допустить избрание Дональда Трампа (Континент, 19.10.2016); *Зато она поведала мне, как видится «клинтонофобия» из Иерусалима* (Postimees, 28.10.2016); *Возможно, потому, что трампомания, трампобобия и прочие социально-психологические эксцессы, с его фигурой связанные, явно пережлётывают через край и внутри США, и во всём мире* (Завтра, 12.07.2017); *Эта новая марксомания появилась и в Германии* (телеканал «Россия 1», 22.04.2018).

В эпоху глобализации, постмодерна и «медийного бума», когда экспрессивность и вербальная агрессия становятся нормами поведения, растёт спрос на скандальную информацию, представляющую мир в упрощённом виде (Коряковцева Е., 2016: 37). Для создания негативного имиджа политика, общественного деятеля журналисты используют новый заимствованный из английского языка суффиксид *-гейт* со значением ‘политический скандал’: *Германия в шоке от «Меркельгейта»* (Окно в Россию, 30.10.2013); *Напомню, именно независимая позиция ФБР и утечки из него в СМИ во многом способствовали и отставке Ричарда Никсона в ходе Уотергейтского дела, и началу процедуры импичмента в отношении Билла Клинтона из-за «Моника-гейта»* (Взгляд, 31.10.2016); *О чём умолчал Обама в своём обращении: «Хиллари-гейт» всё-таки возможен* (Московский комсомолец, 13.01.2016); *Хилларигейт* покруче Уотергейта (Ахаг.az, 30.10.2016); *«Трам-гейт»* российской блогосферы высветил основной вопрос именно здесь: зрелость фашистских настроений (Forum.msk.ru, 19.12.2016); *Трамгейт* состоит из нескольких частей, каждая из которых имеет различную степень подтвержденности и может иметь разные последствия (Макспарк, 14.01.2017); *Пенелопагейт*, как теперь именуют события во Франции (телеканал «ТВЦ», 01.02.2017); *«Пенелопа-гейт»* серьёзно подтачивает шансы Фийона (Аргументы и факты, 07.02.2017); *В истории Слуцкий-гейта* остались одни эмоции (радио «Бизнес FM», 24.03.2018); *Чем полезен «Слуцкий-гейт»? Обозреватель «Коммерсантъ FM», главный редактор проекта «Сноб» Станислав Кучер объясняет, почему, на его взгляд, скандал вокруг обвинений депутата Леонида Слуцкого полезен для всех и каждого* (Коммерсантъ, 26.03.2018); *о развитии бабченкогейта* (телеканал «Россия-24», 01.06.2018); *И что дальше в новичок-гейте?* (радио «Бизнес FM», 07.04.2018); *Его считают одной из ключевых фигур в деле так называемого дизельгейта* (телеканал «Россия-24», 04.05.2018); *Фактически дизельгейт затронул всю немецкую автоиндустрию* (радио «Бизнес FM», 03.06.2018).

Либерализация общественных отношений в современном российском социуме обусловила активное вовлечение в деривационные процессы так называемых маргинальных, стилистически сниженных слов (жаргонизмов, слэнгизмов, просторечизмов), а также разговорных словообразовательных моделей, аффиксов стилистической модификации.

Экономия языковых средств, свойственная разговорной речи, проявляется в активизации разговорных словообразовательных моделей, в частности моделей универбации с суффиксами *-к(а)*: *Только это не должна быть «ювелирка», это должны быть слитки* (Новое дело. Нижний Новгород, 07.01.2016) – *ювелирные изделия*; *Ведь большинство «офисных атлетов» приходят в **тренажерки** утром либо вечером...* (Вечерняя Москва, 30.03.2016) – *тренажерные залы*; *Ну а для этого, как ни крути, надо провести **публичку** – закон обязывает* (Зеркало, 11.11.2016) – *публичные слушания*; *Аналогичная ситуация складывается и для разномастных лоббистов, в том числе и политических. Но теперь, с возвращением «**мажоритарки**», ситуация изменилась в корне* (Наша Версия, 04-10.07.2016) – *мажоритарная избирательная система*; *Любая **санкционка** к нам идет с белорусских морей* (радио «Вести FM», 14.09.2017) – *санкционная продукция*; *Шойгу передел «**оборонку**» в форму* (Московский комсомолец, 04.02.2017) – *оборонная промышленность*; *Сначала ребенок подхватил **кишечку** и ОРВИ* (НТВ, 04.03.2017) – *кишечная инфекция*; *Другое дело, что **позиционка** вообще не в чести у нынешнего поколения* (футболистов – ***Авт.***) (радио «Бизнес FM», 30.10.2017) – *позиционная борьба*.

Большинство суффиксальных универбатов – это производные номинативные единицы с предметной (реже – с отвлеченной) семантикой, которые обычно называют артефакты, связанные с бытовой или профессиональной деятельностью носителей языка. По мнению ученых, универбат несет информацию не только о самом обозначаемом предмете или явлении, но и о речевом облике некоторой социальной или профессиональной среды. «Немаловажную роль в этом словообразовательном процессе играет тенденция к «национализации» лексической семантики. Эта тенденция проявляется в кодировании значения мультивербизма, «свертываемого» в семантически нерегулярный неоунивербат, понятный вне широкого лексического контекста только носителям языка» (Коряковцева, 2016, с. 92): *публичка* (*публичные слушания, публичная библиотека*), *коммуналка* (*коммунальная квартира и польск. муниципальная квартира*), *массовка* (*участники массовых сцен и укр. массовый протест*).

Диминутивы в современных масс медиа имеют не столько размерное, сколько оценочное значение, передавая ироничное, уничижительное, пренебрежительное отношение к объекту. По мнению ученых, «создание иронического эффекта является давней и устойчивой функцией диминутивов. Ироническая коннотация диминутивов охватывает целый спектр оттенков

отношения» (Фуфаева, 2018, с. 310): *Есть такое слово **победка**, которое используется, когда одерживаются какие-то небольшие победы: победила девушка на Евровидении – победка, вернули Надежду Савченко - **победка** (ТВЦ, 05.06.2016); Впрочем, особенно смешными "**обидки**" Трампа на злых русских (которые, может, вмешивались, а может, и не вмешивались в выборы президента США, где Трамп одержал неожиданную и трудную победу над Хиллари Клинтон) выглядят на фоне совсем иного события (Завтра, 12.07.2017); И в этой связи нам в России следовало бы поумерить любование «**Америчкой**», столь свойственное нашей новой элите (Аргументы и факты, 2017, № 39); И это абсолютная часть **элитки** (радио «Вести FM», 28.11.2017); **Стали внедрять шпионов и шпиончиков** (1-й телеканал, 29.09.2017); **Штурмовички**. Почему активисты «антимайдана» и поджигатели «за Матильду» на самом деле не союзники Кремля (Новая газета, 2017, №104).*

В последнее время активизировалось создание прилагательных, наречий, слов категории состояния с иронической оценкой ситуации. По мнению ученых, «современной функцией шутливых диминутивов является избегание пафоса, категоричности и навязывания своих эмоций. В этой роли чаще, чем существительные, выступают диминутивы-прилагательные и слова категории состояния» (Фуфаева, 2018, с. 309): *Если ты весь список будешь читать – у нас программа закончится. – Не закончится. Я буду так **порционненько-порционненько** (радио «Комсомольская правда», 28.10.2014); У нас в Питере все **пряменько, перпендикулярненько, параллельненько** (телеканал «Россия-1», 17.05.2015); Иными словами, все **точь-в-точненько** (1-й канал, развлекательная программа «Точь-в-точь», 22.02.2015); Это выглядит очень специфично для нашего "**толерантненького**" мира, где примирить удалось, вон, даже бандеровца с евреем (Завтра, 2016, № 30); Он весь такой **активненький-активненький** (радио «Вести FM», 13.12.2016).*

Актуальным средством воздействия и социальной оценки являются новообразования гибридного характера – результат разных видов контаминации, т.е. произвольного совмещения формально тождественных частей производящих слов (как в чистом виде, так и с формальными видоизменениями исходных слов). По мнению ученых, «в конце XX века наблюдается словообразовательный «взрыв» в сфере контаминации» (Николина, 2011, с. 44). Гибридные слова «начинают активно участвовать в общественной борьбе, отражая позиции разных социальных групп и политических движений» (Николина, 2011, с. 44).

Распространенной разновидностью контаминации является междусловное наложение, при котором совмещаются формально тождественные части исходных слов: **Генотипично русский**. О национальной идентичности и генах (Огонек, 01.04.2017) – **генотип + типично**; **Бешенцы Европы**. Нашествие мигрантов из Африки может уничтожить европейскую

цивилизацию (Новое дело. Нижний Новгород, 10.09.2015) – *бешеные + беженцы*; *Казалось бы, нам давно пора перестать реагировать на каждый чих, доносящийся со стороны «прибалтийских вымиратов»...* (Завтра, 2017, № 5) – *вымирать + Эмираты*; *Переворотности* судьбы. Юрий Ткачев – о том, как и почему Надежда Савченко стала Антигероиней Украины (Огонек, 17.05.2018, № 16) - *переворот + превратности*. Допинговые скандалы нашли отражение в заголовке «*Орден моченосцев*» (Версия, 11-17.12.2017) на базе устойчивого *орден меченосцев* (*моча + меченосцы*).

Распространенной разновидностью неузуальной контаминации является графическая гибридизация, и в частности капитализация, при которой в рамках одного узуального слова выделяется графически, прописными буквами, другое узуальное слово (иногда с графемными изменениями): *Жировки **вСПЕНИлись**. В октябрьских платежках будут начислены долги за неуплату по статье «капремонт»* (Нижегородский рабочий, 28.09.2016); ***ФОКус** не удался. Область завернула спортпроект на миллиард* (Саров.Net, 18.03.2016); *Кончилось **терПЕНие**. Писательская среда давно не знала таких волнений. За несколько дней из русского ПЕН-центра вышел ряд людей с национальной и мировой известностью* (Газета.ru, 14.01.2017); *В. Третьяк: **эВРИстика** тренера.* (Наша психология, июнь-июль 2017).

Лексико-словообразовательные инновации в современных российских СМИ выполняют различные функции, наиболее важными из которых являются информативно-номинативная, текстообразующая, эмоционально-оценочная и экспрессивно-воздействующая.

Список литературы

- Николина Н.А., Фролова Е.А., Литвинова М.М. (2005): Словообразование современного русского языка: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука.
- Вендина Т.И. (1998) Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). М.: Индрик.
- Козулина Н.А., Левашов Е.А., Шагалова Е.Н. (2009): Аффиксоиды русского языка. Опыт словаря-справочника. Спб.: Нестор-История.
- Коряковцева Е.А. (2016) Очерки о языке современных славянских СМИ (семантико-словообразовательный и лингвокультурологический аспекты). Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny w Siedlcach.
- Лопатин В.В., Улуханов И.С. (2016): Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка. М.: Издательский центр «Азбуковник».
- Николина Н.А., Рацибурская Л.В. (2013): Современный русский язык. Морфемика: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука.

Фуфаева И.В. (2018): Диминутивы в русских иронических дискурсах: от дружеской шутки до сарказма. Национальные коды в языке и литературе. Язык и культура: Сборник статей по материалам Международной научной конференции 1-3 декабря. Нижний Новгород: ДЕКОМ. С. 302-311.

ПРИЕМЫ ЭКСПРЕССИВНОГО СИНТАКСИСА В РУССКОЙ РЕКЛАМЕ

Анна Романик
Университет в Белостоке, Польша
aniaromanik8@wp.pl

SYNTACTIC MEANS OF EXPRESSIVENESS IN RUSSIAN ADVERTISEMENTS

Anna Romanik
University of Bialystok, Poland

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются основные приемы экспрессивного синтаксиса, используемые копирайтерами для создания суггестивного рекламного слогана. Анализируются самые популярные способы достижения выразительности и эмоциональности рекламных текстов, такие как: членение (парцелляция) текста, использование императивов, повторов и т.д. Особое внимание уделяется также пунктуационным и просодическим средствам (интонации и паузе), которые являются неотъемлемыми элементами языковой системы, воздействующей на экспрессию высказывания.

ABSTRACT

The article is devoted to the main syntactic means of expressiveness used by copywriters to create successful commercial slogan. The most popular expressive strategies such as, text segmentation, parceling, imperative construction, rhetorical questions etc. are analyzed. Special attention is also paid to prosodic means (intonation and pause) and punctuation, which are an integral part of the syntactic system and very important factors affecting the clarity and expressiveness of advertisement.

Ключевые слова: императив, пунктуация, расчлененность, реклама, русский язык, синтаксис, экспрессивность.

Keywords: advertisement, expressiveness, imperative text, parceling, punctuation, Russian language, syntax.

Введение

Рекламному дискурсу в современном коммуникативном пространстве принадлежит заметное место. Итердисциплинарный характер исследований современной рекламы дает возможность лучше понять эту форму коммерческого коммуниката. С лингвистической точки зрения она является объектом анализа на всех уровнях языка, т.е. в плане вербального и структурного выражения.

Цель настоящего анализа – выявить самые продуктивные стратегии экспрессивного синтаксиса, которые используются для усиления значения высказывания в рекламе. Объектом исследования явились рекламные слоганы, отобранные из российской глянцевої периодики («Автомир», «Добрые советы», «Домашний очаг», «Женские советы», «Лиза», «Стильные прически», «Elle», «Cosmopolitan», «Harper's Bazaar», «Playboy»), опубликованной за последние годы (2017-2018).

В современной лингвистике феномен экспрессивного синтаксиса актуален, находится в центре многих научных исследований. Экспрессивному аспекту синтаксиса отведено существенное место в научных трудах О. В. Александровой (1984), Ю. В. Ванникова (1969), А. Ж. Кайрамбаевой (2012), Ю. М. Малиновича (1989), Б. Тошовича (2006) и других исследователей. Заинтересование данной проблемой связано также с интенсивным изучением медиатекстов, в том числе рекламы.

Проблема экспрессивности впервые громко прозвучала в работах западных лингвистов в конце XIX века. Основоположником концепции исследования экспрессивных фактов речи считают швейцарского ученого – Шарля Балли, который придерживался теории об аффективных языковых средствах. В русском языкознании интерес к данной проблеме появился в 1950-х гг. и проявляется до сих пор. Как замечает Б. Тошович (2006: 9), экспрессивность является интердисциплинарной категорией, так как стала предметом изучения многих научных дисциплин: стилистики, лингвистики, литературоведения, логики, психологии и др. Ученый в своей монографии «*Экспрессивный синтаксис глагола русского и сербского / хорватского языков*» подробно описывает проблемы толкования термина «экспрессивность», приводя многие примеры разнообразных теоретических концепций. Как показывает исследователь, экспрессивность часто «толкуется туманно, расплывчато, и тавтологически (...) она одна из наиболее нечетких и многозначных в лингвистике» (Тошович 2006: 9). Это связано с тем фактом, что экспрессивность проявляется на разных языковых уровнях. О. В. Александрова замечает, что «экспрессивность как общезыковая категория затрагивает все сферы языка и арсенал его выразительности» (1984: 7).

Экспрессивный синтаксис понимается как свойство языковых средств, которые выполняют при передаче содержания изобразительную функцию и усиливают воздействующую силу коммуниката. Экспрессивные конструкции, на наш взгляд, отличаются некоторыми признаками, например: динамикой, экономностью использования языковых средств, эмоциональной напряженностью и стилистической выразительностью. Все это, используемое в процессе кодирования информации в рекламе, дает огромные возможности

манипулирования человеческим сознанием, позволяет заинтересовать адресата рекламируемым товаром или услугой.

Прием расчлененности в рекламе

Экспрессивность рекламных текстов достигается за счет ряда факторов. Как утверждает Т. Н. Колокольцева (2011: 150), ведущим из них является феномен синтаксической расчлененности. В широком смысле это специфическое дробление содержания высказывания на несколько интонационно-смысловых речевых единиц. Н. С. Валгина определяет расчлененность и сегментированность синтаксических построений, как одну из основных тенденций русского современного синтаксиса и пишет, что: «часто расчлененность письменной речи создается именно за счет прерывания синтагматической цепочки путем увеличения длительности пауз между компонентами синтаксического построения, фиксируемых точками (вместо запятых). В результате общий облик современного синтаксического оформления текста резко меняется: фразы-высказывания становятся более динамичными, актуализированными» (Валгина 2003: 186).

В собранном материале расчлененные конструкции занимают значимое место. Система пауз, используемых для достижения эффекта динамичности, выражается посредством либо пунктуационных знаков (чаще точки и запятой), либо переноса дробленных фраз (синтагм) в следующую строку (/). Очевидной иллюстрацией расчлененных структур являются следующие слоганы:

- *Невидимое покрытие. Мягкое сияние. Без фильтров. Make Up FOR EVER* («Glamour» апрель 2018, с. 19);

- *Длительное увлажнение. Естественная красота / Yves Rocher / HYDRA VEGETAL* («Elle» апрель 2018, с. 105);

- *Доказано наукой. Проверено мной. LIBREDERM LABORATORIES* («Женские советы» июль-август 2018, с. 6);

- *В ритме спорта. В стиле жизни / Orient (часы)* («Playboy» лето 2018, с. 2).

Среди расчлененных структур наиболее востребованные копирайтерами оказались сегментированные с именительным темы, например: *Bourjois Paris. Новая помада. Невесомая текстура. Глубокие оттенки* («Cosmopolitan» сентябрь 2017, с. 99). Это такие синтаксические построения, «первая часть которых включает существительное или субстантивное словосочетание в форме именительного падежа, называющее тему высказывания» (Колокольцева 2011: 151). Тема высказывания – изолированная синтаксическая единица, обычно имя рекламируемого продукта или фирмы. Характеристика

описываемого объекта дается в последующей части конструкции, т.е. в базовой части слогана. Таким образом рекламист акцентирует компоненты, выделяя им довольно автономную позицию. Динамика таких структур усиливается здесь также благодаря интонации и паузам, разделяющим короткие фразы и придающим особый темп целому коммуникату.

В исследуемом материале обнаружено несколько слоганов, которые являются ярким примером особого вида расчлененности – парцеллированные конструкции. Парцелляция – это «такое членение предложения, при котором содержание высказывания реализуется не в одной, а в двух или нескольких интонационно-смысловых речевых единицах, следующих одна за другой после разделительной паузы» (Розенталь, Теленкова 2003: 310). Парцелляция широко используется в рекламном дискурсе как особый стилистический прием, который позволяет усилить семантические и экспрессивные оттенки значений высказываемого. В результате такого приема предложение разбивается на куски, благодаря чему можно сделать акцент, т.е. усилить важную информацию и тем самым создать в высказывании дополнительный речеведческий центр. Роль парцеллированных конструкций определяет также Н. С. Валгина. Она пишет: «Отрыв от основного предложения, прерывистый характер связи в парцеллированных конструкциях, функция дополнительного высказывания, дающая возможность уточнить, пояснить, распространить, семантически развить основное сообщение – вот проявления, усиливающие логические и смысловые акценты, динамизм, стилистическую напряженность» (Валгина 2003: 192).

Примером этого способа передачи коммуниката являются следующие слоганы:

- **Жизнь. Тратьте с пользой** («Домашний очаг» декабрь 2017, с. 87);
- **10 самых матовых оттенков. Чувственные. Изысканные. С парижским шиком** (помады Loreal Paris) («Cosmopolitan» сентябрь 2017, с. 95);
- **Веди за собой. Блистательно. Новый лак для губ L'ABSOLU LAQUER** («ELLE» июнь 2018, с. 5);
- **Лучшее. Настоящее. Из Германии.** («Автомир» № 18-19, 2018, с. 25) – реклама моторных масел.

Динамика разнообразных расчлененных структур достигается посредством фонетических средств т.е. интонации и паузы. Их роль в достижении эффекта выразительности рекламного коммуниката неопределима, так как с их помощью можно выделить и придать большую силу сообщаемого, акцентировать внимание целевой аудитории и придать высказыванию особый темп, образующий его экспрессивность.

Пунктуационные приемы в рекламе

Анализ отобранных слоганов показывает, что чрезвычайно важна связь между вышеупомянутым просодическим выражением синтаксических отношений и пунктуацией, которая является их графической репрезентацией. Следует указать, что в письменном виде коммерческой рекламы для выражения задержки в потоке речи употребляются именно знаки препинания и другие формы указания на паузу, например, абзац. Но роль знаков препинания в рекламе особенно значима. Они обычно употребляются как нормативно закрепленные (формально-грамматические) элементы текста или как «авторские сигналы смыслового, грамматического, аффективного, ритмо-мелодического его оформления» (Ваулина 2009: 141). Пунктуационные знаки передают отношение коммуниканта к высказываемому и одновременно подсказывают эмоциональную реакцию реципиента. Несомненно они обладают большим потенциалом экспрессивности.

О. В. Александрова пишет: «Пунктуация выступает в двойном знаковом качестве, с одной стороны – средством выражения знаковых просодических контуров (...), с другой стороны – регулятором экспрессивного изглашения письменного текста и тем самым адекватно этой экспрессии восприятия текста через внутреннюю пассивную речь читающего» (Александрова 1984: 11).

Надо отметить, что в процессе кодирования коммерческой информации употребляется почти все общеизвестные знаки препинания. Раньше упоминались только запятая и точка, но, по нашему мнению, и другие пунктуационные знаки, обладают ещё большей силой выразительности и поэтому используются для динамизации высказывания. По словам Т. Л. Ваулиной (2009: 142) эмотивность, как смысловой аспект экспрессивности, наиболее ярко передается в многоточии, вопросительном и восклицательном знаках, а также в тире.

В настоящем исследовании сфокусируемся лишь на некоторых знаках, которые, на наш взгляд, придают тексту слогана особую выразительность и несут модальную и эмоциональную нагрузку. Несомненно, такую функцию выполняют тире и многоточие. Н. С. Валгина замечает, что тире является знаком интонационной, смысловой и композиционной неожиданности, оно подчеркивает «эмоциональную резкость, расчлененность фразы, внутреннюю энергию слова» (Валгина 1973: 409), а многоточие используется в роли маркера и смысловой, и структурной неполноты высказывания, указывает на подтекст содержания, который интригует читателя и притягивает его внимание.

Тире и многоточие отмечено в следующих слоганах:

• *Весь мир – твой подиум / шампунь TRESemme* («Домашний очаг» сентябрь 2018, с. 14);

- **Наша страна – наша косметика / NATURA SIBERICA** («Harper's Bazaar» август 2018, с. 71);
- **Новый дизайн – прежняя формула! Bio-Oil** («Домашний очаг» сентябрь 2018, с. 131);
- **Вода – твоя стихия** («Vogue» май 2018, с. 53);
- **Одно лекарство – гармония для двоих! Импаза** (препарат для лечения эректильной дисфункции) («Playboy» лето 2018, с. 29);
- **Больше ухода – меньше цена! Nivea care** («Лиза» 30/2018, с. 13);
- **Высокий тестостерон – высокая потенция! Эффекс Трибулс** («Playboy» лето 2018, с. 37);
- **Ребенок спокоен – развиваться достоин! Темотен** («Домашний очаг» август 2018, с. 75);
- **Wonder me / Косметика, созданная природой...** («Harper's Bazaar» май 2018, с. 131).

Следующим пунктуационным знаком, отмеченным в 43% анализируемых слоганов, является восклицательный знак. Он, как правило, является наиболее четким проявлением эмотивности рекламного сообщения в письменном виде.

Восклицательные высказывания заключают в себе «эмоциональное отношение к содержанию высказывания» (Розенталь 1976: 26) и заставляют адресата обратить внимание на «важный» коммуникат. Восклицательность, как утверждает П. П. Шуба (1998: 493), несет в себе оценочную характеристику, выражается разнообразными эмоционально-смысловыми оттенками. В рекламе это прежде всего модальное значение возбуждения, радости, восхищения, удивления и др., например:

- **Больше, чем просто масло! Bio-Oil** («Домашний очаг» сентябрь 2018, с. 131);
- **faberlic # BeautyBOX / Стань звездой летних вечеринок!** («Glamour» июнь 2017, с. 25);
- **LIBRE DERM / Хочу быть красивой и буду!** («Cosmopolitan» июнь 2017, с. 85);
- **Впервые! Эффект ухода при очищении кожи! Черный жемчуг** («Cosmopolitan» июнь 2017, с. 83);
- **Новая энергия розового! PINK UP** («Cosmopolitan» июнь 2017, с. 69);
- **Становись моложе с каждым днем! КАРНОЗИН** («Elle» апрель 2018, с. 291).

Прием императивности в рекламе

Высокой степенью эксперсивности обладают также императивные высказывания:

- **Начни новый день с блеском! Серия брашингов «Ультра блеск» Karous Professional** («Стильные прически» № 1-2, 2018, с. 57);

- **Возьмите в Новый год только улыбки, а морщины оставьте в прошлом!** («Elle» январь 2018, с. 43);
- **Побалуй свою кожу. Побуди свои чувства.** *Bourjois PARIS* («Cosmopolitan» сентябрь, с. 99);
- *faberlic* / **Сконцентрируйся на результате!** («Домашний очаг» июнь 2017, с. 25);
- *Sugar* / **Управляй миром одним лишь взглядом!** («Cosmopolitan» сентябрь 2018, с. 143);
- **Стань скульптором своего лица!** *Би-сыворотка X-treme Face Sculpt* («Cosmopolitan» сентябрь 2018, с. 185);
- *faberlic # BeautyBOX* / **Стань звездой летних вечеринок!** («Glamour» июнь 2017, с. 25);
- **Поймай меня** / AKILLIS ювелирные изделия («Elle» сентябрь 2018, с. 27);
- **Гипнотизируйте силой взгляда** / Тушь HIPNOSE («Elle» август 2018, с. 2);
- **Становись моложе с каждым днем!** КАРНОЗИН («Elle» апрель 2018, с. 291).

Повелительные конструкции, содержащие директивную информацию, являются яркими примерами вербальной выразительности. Они выполняют главную прагматическую функцию рекламы т.е. привлекают внимание адресата и провоцируют у него конкретное поведение. Императивные структуры могут выражать разные речевые акты: приказ, совет, предложение и др., но в собранном материале не отмечено прямой императивности (никто не заставляет напрямую клиента приобрести рекламируемый продукт). В данной группе слоганов доминируют повелительные конструкции, в которых императивность завуалирована, приобретает форму посредственного предложения, но независимо от того, как убеждает А. В. Олянич (2011: 16), такой коммуникат контролирует поток информации и управляет общественным мнением, т.е. манипулирует поведением адресата, создавая у него иллюзию самостоятельного решения.

Прием повтора в рекламе

В рекламной коммуникации повтор считается одним из действенных приемов манипулятивного речевого воздействия. Его популярность связана с функциями, которые он выполняет. Повтор выполняет одновременно как выделительную функцию, так и суггестивную, а также мнемоническую т.е. способствует легкому запоминанию рекламной информации. Кроме того, он играет роль ритмической организации текста, так как «повторяемые в определенной последовательности и с определенной периодичностью

элементы задают ритм всему рекламному тексту и усиливают его экспрессивность» (Балахонская, Сергеева 2016: 308). В. П. Москвин акцентирует гипнотическую силу повтора и убеждает, что «музыка и ритмика повторов завораживают; выделяя ключевые понятия, поддерживая определенные ассоциации, повтор заметно воздействует на подсознание» (Москвин 2000: 76).

В фактическом материале отмечены синтаксические и лексико-синтаксические повторы. В основе синтаксического повтора лежит многократное употребление одинаковых синтаксических конструкций. Это обычно «повторы синтаксисом или однородных членов предложения с однотипным морфологическим выражением» (Жирков 2011: 187). Примером могут послужить слоганы, в которых повтор выражается однородными сказуемыми. В исследуемом материале обнаружены формы глагольного простого согласованного сказуемого, а также именные формы:

- *Мицелярный очищающий гель / Снимает макияж, очищает, успокаивает GARNIER* («Cosmopolitan» июль 2017, с. 45);

- *Неделя шопинга Glamour / вырезайте купоны, выбирайте наряды, покупайте больше, платите меньше* («Glamour» май 2017, с. 242);

- *Новый KIA picanto / Заряжен. Умен. Неотразим.* («Cosmopolitan» июнь 2017, с. 19).

Отмечены также и другие повторяющиеся однородные члены предложений, например, главный член номинативных предложений, имеющий признаки подлежащего и сказуемого:

- *Энергия, лёгкость, безупречная красота волос #HYENERGYCODE* («Elle» апрель 2018, с. 121).

Эффект экспрессивности высказывания усиливается посредством лексико-синтаксического повтора, то есть «совмещения синтаксического параллелизма с лексическим повтором» (Бобровская 2011: 255). Г. В. Бобровская отмечает, что такая языковая стратегия является характерным типом устойчивого комбинированного использования элокутивных средств и служит усилению выразительности слогана. (2011: 255). В группе исследуемых слоганов примерами параллелизма, в котором синтаксическая симметрия сопровождается лексической, могут послужить следующие конструкции:

- *GUERLAIN / Кастомизируйте Вашу помаду / Выберите Ваш оттенок / Выберите Ваш футляр* («Harper's Bazaar» май 2018, с. 21);

- *Все говорят. Все пишут. Все обещают. А мы делаем. Telo's Beauty* («Glamour» декабрь 2017, с. 83);

- *Больше увлажнения. Больше сияния. Больше гладкости. Увлажняющий гель AQUASOURCE – BIOTHERM* («Cosmopolitan» май 2017, с. 25);

- **Моя страна. Мой стиль. Мой Renault. Renault Kaptur** («Cosmopolitan» апрель 2018, с. 45);
- **Безумно дерзкая / Безумно матовая / Новинка MATTE SHAKER (LANCOME PARIS)** («Cosmopolitan» июль 2017, с. 11);
- **Будь оригинальной. Будь собой. Твои волосы – твои правила! Стайлинг от Bed Head** («Elle» август 2018, с. 45);
- **Мой макияж – мой выбор, моя сила / Lancome PARIS** («Glamour» май 2018, с. 11);
- **Мой Оттенок, Мой Футляр, Мой Стиль #MyRougeG** («Harper's Bazaar» май 2018, с. 21).

Сила экспрессивности данного приема зависит от наполнения синтаксической структуры лексическими повторами. В собранном материале встречаются двукратные повторения слов, но доминируют троекратные.

Прием диалогичности в рекламе

Экспрессивность рекламного слогана усиливается также при помощи диалогичности. Маркером этого приема являются определенные языковые средства. По Т. Н. Колокольцевой (2011: 162), диалогичность проявляется в употреблении глагольных словоформ 1-го и 2-го лица ед. и мн. числа, притяжательных и личных местоимений, побудительных предложений, о которых мы писали выше, а также вопросно-ответных конструкций. Вопросно-ответный синтаксический комплекс содержит риторический вопрос, который не требует отрицания или утверждения. Он лишь провоцирует «динамичный» ответ, активизирующий определенное поведение читателя, например:

- **Вашим волосам не хватает объема? Попробуйте новый Dove / Объем и восстановление** («Glamour» май 2017, с. 101);
- **Экстрастойкий цвет и абсолютный уход? Теперь возможно все! Шампунь COLOR EXPERT** («Cosmopolitan» июнь 2017, с. 109);
- **head & shoulders / Правда?! Это потрясающе!** («Cosmopolitan» июнь 2017, с. 81).

Адресант коммуниката вызывает у читателя иллюзию самостоятельного выбора, хотя на самом деле это он наводит потенциального клиента на выгодные ему суждения. Несомненно, риторический вопрос фокусирует внимание, имитируя общение.

Итоги

Анализ фактического материала показал, что синтаксическую экспрессивность в рекламе создает система разных языковых средств: синтаксические конструкции,

отличающиеся экономностью формы и компрессией информации, просодические и пунктуационные средства, которые устанавливают связь между предикативными единицами и влияют на ритмическую организацию текста. Копирайтеры используют разные стилистические приемы, чтобы придать рекламе динамику и выразительность. Среди них наиболее частыми являются: синтаксическая расчлененность текста (сегментированность, парцелляция, конструкции с именительным темой), императивные высказывания, синтаксические и лексико-синтаксические повторы, диалогичность и др. Особо значимое место в ряду экспрессивных приемов в рекламе принадлежит пунктуационным знакам, которые осмысливают и организуют текст. Они также помогают выражать эмоции в письменной речи и тем самым усиливают рекламный призыв.

Список литературы

- Акимова Г. Н. (1990): Новое в синтаксисе современного русского языка. Москва: Высшая школа.
- Александрова О. В. (1984): Проблемы экспрессивного синтаксиса (на материале английского языка). Москва: Высшая школа.
- Балахонская Л. В., Сергеева Е. В. (2016): Лингвистика речевого воздействия и манипулирования. Москва: «Флинта».
- Балли Ш. (1961): Французская стилистика. Москва: Издательство иностр. лит.
- Валгина Н. С. (2003): Активные процессы в современном русском языке, Москва: Логос.
- Валгина Н. С. (1973): Синтаксис современного русского языка. Москва: Высшая школа.
- Ванников Ю. В. (1969): Синтаксические особенности русской речи (явление парцелляции). Москва: Издательство Университета дружбы народов.
- Ваулина Т. Л. (2009): Экспрессивная функция знаков препинания в организации присоединительных конструкций, <https://cyberleninka.ru/article/n/ekspressivnaya-punktuatsiya-v-hudozhestvennom-tekste> (20.05.2018).
- Жирков А. В. (2011): Приемы манипулятивного воздействия в рекламе, Рекламный дискурс и рекламный текст, Москва: Флинта, 172-191.
- Кайрамбаева А. Ж. (2012): Синтаксические приемы как экспрессивные средства рекламного дискурса (на материале наружной рекламы г. Павлодара), Вестник КемГУКИ, 18, 127-132.
- Колокольцева Т. Н. (2011): Слоган как ключевой компонент рекламного текста, Рекламный дискурс и рекламный текст, Москва: Флинта, 147-171.
- Малинович Ю. М. (1989): Экспрессия и смысл предложения: Проблемы эмоционально-экспрессивного синтаксиса, Иркутск: Изд-ва Иркутского у-та.

Москвин В. П. (2000): *Стилистика русского языка: приемы и средства выразительности и образной речи (общая классификация)*, Волгоград: Учитель.

Олянич А. В. (2011): *Рекламный дискурс и его конститутивные признаки, Рекламный дискурс и рекламный текст*. Москва: Флинта, 10-36.

Сердобинцева Е. Н. (2010): *Структура и язык рекламных текстов: учебное пособие*. Москва: Флинта; Наука.

Сковородников А. П. (1978): *О классификации парцелированных предложений в современном русском литературном языке*, *Филологические Науки*, 2, Москва, 60-64.

Тошович Б. (2006): *Экспрессивный синтаксис глагола русского и сербского / хорватского языков*, Москва: Языки славянской культуры.

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕКСТОВ-КОММЕНТАРИЕВ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ TWITTER

Романова Татьяна Владимировна

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики», Россия

tvromanova@mail.ru

SYNTACTIC FEATURES OF TEXT COMMENTARY IN SOCIAL NETWORK TWITTER

Tatiana Romanova

National Research University

“Higher School of Economics”, Russia

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена описанию синтаксических особенностей Интернет-речи. Эмпирической базой исследования послужила выборка из комментариев социальной сети Twitter, собранная при помощи компьютерных инструментов. Релевантными синтаксическими характеристиками интернет-комментария является использование структур эмоционального синтаксиса, упрощение синтаксических структур и влияние синтаксиса разговорной речи. Яркой особенностью Интернет-речи является эллиптичность, подразумевающая экономию речевых усилий. Виды эллиптичности классифицируются по активной и пассивной валентности пропущенных компонентов, по моделям управления. Установлено, что в исследуемом материале наблюдается также избыточность сегментных средств членения текста (присоединительные конструкции, парцелляция, сегментация, синтаксические повторы и др.). Всё перечисленное формирует такие качества «жанра оперативного реагирования», как динамизм, лаконичность, экспрессивность.

ABSTRACT

This article is about the syntactic features of Internet speech. The empirical basis of the study is a sample of comments from the social network Twitter, collected with the help of computer tools. The use of emotional syntactic structures, simplification of syntactic structures, redundancy of segmented means of text division and the influence of colloquial speech syntax are relevant characteristics of the Internet comments. Ellipse construction, which means saving speech effort, is a striking feature of online speech. All these features form such qualities of the "operational response genre" as dynamism, laconism, expressiveness.

Ключевые слова: интернет-комментарий, синтаксическая валентность, структуры эмоционального синтаксиса.

Keywords: online commentary, syntactic valency, emotional syntactic structures.

Характеристика проблемы и материала исследования

С возникновением Интернета можно говорить о новой форме речи, иногда её атрибутируют как «устно-письменную». Изменение коммуникативных потребностей социума обуславливает также появление новых речевых жанров, достаточно оперативных и сжатых,

которые максимально приближены к жанрам устного общения, но не являются ими. В частности, как самостоятельный жанр в современной жанрологии рассматривается комментарий, под которым понимается высказывание, нацеленное на объяснение и оценку события. Это «жанр оперативного реагирования», с речевой точки зрения он отличается динамизмом, лаконичностью, экспрессивностью. Лингвистический анализ призван ответить на вопрос, какими языковыми средствами и речевыми приёмами это достигается?

Несмотря на возрастающее внимание лингвистов к особенностям Интернет-речи, её синтаксические особенности ещё требуют последовательного описания. В начале нашего исследования была выдвинута гипотеза, что Интернет-речь обладает характерными синтаксическими признаками, которые сближают ее с разговорным стилем устного типа речи. Эмпирической базой данного исследования является выборка из комментариев социальной сети Twitter (350 комментариев), собранная при помощи компьютерных инструментов. Для получения выборки для последующего анализа синтаксических структур использовался код, написанный на языке программирования Python (программа сбора материала написана студенткой программы «Фундаментальная и прикладная лингвистики» НИУ-ВШЭ, Нижний Новгород К Райнич) в интегрированной среде PyCharm. В качестве материала исследования были выбраны тексты именно из сети Twittter, так как, в первую очередь, данная сеть популярна среди Интернет-пользователей, а также на этом сайте можно получить доступ к различным данным с помощью библиотеки tweepy. Кроме того, в Twitter существует ограничение на 140 символов при написании любого текста. Ограниченное количество возможных предложений в тексте представляется более информативным для определения особенностей синтаксических структур данного типа онлайн-коммуникации, так как при анализе объемных постов и комментариев более вероятно, что мы будем иметь дело с индивидуальными характеристиками стиля того или иного пользователя. Выборка состоит из 700 текстов сети Twitter, 350 комментариев и 350 твитов.

Обозначим разницу между двумя такими текстами в Twitter, как твит и комментарий. В широком смысле твит – это любое сообщение пользователя на странице своего профиля, доступное для прочтения любому другому пользователю сети (если профиль находится в ограниченном доступе, то твиты доступны только одобренным подписчикам данного пользователя). В данной статье мы будем рассматривать понятие твит как противопоставление комментарию, т.е. независимое сообщение пользователя, опубликованное на странице его профиля, не являющееся ответом на твит другого пользователя в сети Twitter. Комментарии пишутся Интернет-пользователями в ответ на уже существующий твит с целью продолжить коммуникацию или выразить свое мнение. Как твиты, так и комментарии могут быть

посвящены разным темам (политике, экономике, науке, новостям, бытовым обсуждениям), и для этого в Twitter существуют специальные хэштеги «#тема», которыми пользователи могут по своему усмотрению помечать свое сообщение.

Комментарий свойственна особая структура: в начале автоматически ставится спецсимвол «@» и далее ник пользователя, которому адресован ответ, после этого идет текст сообщения. С прагматической точки зрения, отсылка к предыдущему сообщению (упоминание ника другого пользователя в структуре комментария) может, в первую очередь, создать иллюзию коммуникации в ситуации непосредственного устного общения. Кроме того, такое цитирование имени пользователя или всего его сообщения может быть своего рода приветствием. Действительно, подобные случаи распространены в живом общении, когда, услышав разговор, третий участник коммуникации начинает беседу с цитирования фразы участника коммуникации, произнесенной ранее: *@oldLentach какой полезный закон? Что в нём полезного?*

Методика исследования и результаты

Для выявления общих речевых особенностей и обусловленности речевых особенностей текста комментария особенностями исходного текста твита в ходе анализа синтаксические структуры комментариев сопоставлялись с синтаксическими структурами твитов.

Теоретической базой для анализа послужили труды российских и зарубежных исследователей по вопросам интернет-коммуникации: М.Б. Бергельсон, Е.И. Горошко, М.А. Кронгауза, Д. Кристалла, А.С. Трач, Г.А. Трофимовой; а также исследования, связанные с вопросами синтаксиса русского языка: Г.Н. Акимовой, Н.Д. Аругюновой, Е.А. Земской, К. Кожевникова, А.П. Сковородникова, Я.Г. Тестельца и т.д.

Релевантными синтаксическими характеристиками интернет-комментария является использование структур эмоционального синтаксиса, упрощение синтаксических структур и влияние синтаксиса разговорной речи.

Вначале выявлена частотность использования участниками коммуникации разных моделей предложений, использованную пользователями. В данном случае за основу была взята традиционная классификация типов предложений по структуре.

Таблица 1. Классификация структурных типов предложений, используемых в комментариях

Простые	324	64,8%	Сложные	156	31,2%
<i>Односоставные</i>	143/ 262	28,6%	<i>Бессоюзные</i>	39 (12)	7,8%
Номинативные	26 (16)	5,2%	<i>Сложносочиненные</i>	24 (20)	4,8%
Определенно-личные	42 (33)	8,4%	<i>Сложноподчиненные</i>	67 (20)	13,4%
Неопределенно-личные	23 (13)	4,6%	С разными видами подчинения	3	0,6%
Безличные	40 (37)	8%	Определительные	11 (8)	2,2%
Инфинитивные	10 (19)	2%	Изъяснительные	24 (7)	4,8%
Обобщенно-личные	2 (1)	0,4%	Обстоятельственные	32 (11)	6,4%
<i>Двусоставные</i>	181/ 403	36,2%	<i>С разными видами связи</i>	23	4,6%
Полные	136 (184)	27,2%			
Неполные	24 (23)	4,8%			
Эллиптические	21 (15)	4,2%			
Синтаксически нечленимые				20 (3)	4%

В текстах-комментариях чаще всего встречаются простые распространенные предложения: частота их использования вдвое больше, чем сложных предложений. Над односоставными преобладают двусоставные предложения, которые чаще представлены полными конструкциями. Но именно односоставные и неполные предложения в большей степени свидетельствуют об экономных формах в Интернет-речи. В выборке также встречаются синтаксически нечленимые предложения, которые свойственны разговорной речи.

Несмотря на заметные изменения синтаксиса Интернет-речи под влиянием разговорной речи, «краткие» структуры не вытеснили так называемые «полноценные» синтаксические структуры. Однако стоит заметить, что все виды осложнения предложений, как структурные, так и коммуникативные, статистически представлены в выборке неубедительно.

В синтаксических классификациях (Скребнев, Сиротина 1985) выделяют две большие группы структур разговорной речи. Первая группа структур демонстрирует экспликационную специфику устного синтаксиса, сюда относятся парцелляция (расчленение), разного типа сегментация, повторы и т.п., они названы избыточными материальными элементами. Структуры второй группы демонстрируют импликационную специфику: эллипсис, различного рода грамматическая неполнота – они квалифицируются как экономные формы синтаксиса.

В Интернет-общении наблюдается избыточность сегментных средств членения текста (присоединительные конструкции, парцелляция, сегментация, синтаксические повторы и др.).

Таблица 2. Структуры экспрессивного синтаксиса в твитах и комментариях

Вид структуры	Количество употреблений в комментариях		Количество употреблений в твитах	
Избыточные материальные элементы				
Парцелляция	33	6,6%	11	2,1%
Сегментация	9	1,8%	2	0,4%
Повторы	7	1,4%	6	1,12%
Экономные формы структур				
Эллиптичность	269	53,8%	250	46,6%

Посредством парцелляции выделяется наиболее важная часть предложения, т.е. рематический центр (новое в высказывании). А.П. Сквородников выделяет такие **функции парцелляции**, как изобразительная, эмоционально-выразительная и экспрессивно-грамматическая. Изобразительная функция состоит в конкретизации названного; эмоционально-выразительная – в усилении эмоций, в передаче эмоциональной оценки или эмоционального состояния; экспрессивно-грамматическая функция, по мнению исследователя, реализуется при выражении синтаксических отношений и синтаксического членения одновременно (Сквородников 1978: № 2, 58-67).

В проанализированном материале **парцеллированные конструкции** употребляются в **двух основных функциях**: оценочно-изобразительной (например, *Каклий же афроамериканец крутой) Такооой позитивный) Такой красавец*); *Зато никто не следит за тобой. Ну кроме психически ненормальных из твиттера*»); эмоционально-выразительной (*Медведев забанил Навального в Инстаграме. Потому что может. Потому что сильный. Потому что не Димон; Просто люблю рукопожатия... Если вы понимаете, о чём я*). Приведём примеры реализации экспрессивно-грамматической функции: *просто оформление классное) и потенциал*); *Так и живет большинство. Терпит и терпит; У меня так один день в 4 недели) тоже до пол 8* (в приводимых примерах сохранены орфография и пунктуация источника).

При сегментации за счёт использования конструкции именительного представления актуализируется тема и один и тот же объект получает двойную номинацию.

Повтор - дублирование компонентов высказывания на синтаксическом уровне может быть полным или сопровождаться модификацией структуры. Несмотря на формальную отягощённость конструкций, данные приёмы обеспечивают доступность речи, её понимание, «держат» внимание собеседника либо эмоционально усиливают высказывание. Приведём примеры.

Конструкции с использованием именительного представления:

Шопоголик. Похоже @konstantinkazlo остался жить в одном из магазинов одежды.

Андеграунд интернета. Место где происходит треш и жизнь упрощается до минимума.

Александр Петров - это имя не исправит ни один шрифт.

Повторы: *да, но это было бы очень приятно, очень приятно; ты прав друг... ты прав.*

Особенностью Интернет-речи является **эллиптичность**, подразумевающая экономию речевых усилий. В результате эллипса облегчается структура; она становится более «портативной» и, можно сказать, более коммуникативной. Невербализованные компоненты восполняются сверхсегментными средствами и лексико-грамматическими средствами вербализованной части синтаксической конструкции: *Если вы понимаете, о чём я; к тебе делегация.*

Е.А. Земская, определяя русскую разговорную речь, выделяет конситуативность как первый отличительный признак этой системы: «<...> в разговорной речи ситуация является полноправной составной частью акта коммуникации» (Земская, Китайгородская, Ширяев 1981: 37). При описании русской устной речи К. Кожевникова также определяет как её основной фактор «постоянный учет коммуникативной ситуации, складывающейся в каждый момент времени по-другому, и учет собеседника, т.е. того, что, по мнению говорящего, содержится в каждый конкретный момент речевого акта в сознании собеседника» (Кожевникова 1971: 97). Это является одним из оснований для вывода о сближении признаков разговорного стиля и устной формы коммуникации. В разговорном коммуникативном акте конситуативные высказывания могут определяться следующими признаками: (1) в них вербализован не весь смысл, передача которого является целью данного коммуникативного акта; (2) невербализованный смысл, который необходим для данной коммуникации, не соотносится ни с одним из вербальных компонентов высказывания; (3) вербальные компоненты в соответствие со своей валентностью задают незамещенные позиции (для невербализованного смысла); (4) конкретное лексико-семантическое значение незамещенных позиций обуславливается конситуацией. Итак, в разговорном коммуникативном акте высказывание находится в тесном взаимодействии с конситуацией. В зависимости от того, каким образом можно вербализовать конситуативный смысл в разговорной речи, различаются **два типа незамещенных позиций**. Первый тип – незамещенные синтаксические позиции – сигнализируют не только определенный смысл, но и строго определенную синтаксическую форму компонентов, которые могут заместить эту позицию при развертывании данного конситуативного высказывания в высказывание неконситуативное. Такой тип широко

представлен в кодифицированном литературном языке. Второй тип – незамещенные смысловые позиции – сигнализируют только смысл, а в какую языковую форму следует облечь этот смысл предугадать нельзя. Такие высказывания могут быть развернуты разными способами и регулярны только в разговорной речи. Можно говорить о трех типах факторов, которые влияют на структуру высказывания в разговорной речи: 1. контекст-речевое окружение высказывания; 2. визуально-чувственная ситуация – все, что окружает партнеров, что они видят и ощущают; 3. частно-апперцепционная база – индивидуальный опыт говорящих, который известен только им или небольшому микроколлективу, в отличие от общей апперцепционной базы - некоторого фона общих знаний, свойственных всем носителям языка. Общая закономерность коммуникативного устройства конситуативных высказываний состоит в том, что смысл, имеющий вербальное выражение, обычно является рематическим, информативно наиболее значимым, конситуативный смысл же, напротив, не рематичен.

Я.Г. Тестелец справедливо указывает, что синтаксическая структура предложения определяется селективными признаками входящих в него лексем, так называемыми валентностями (Тестелец 2001: 300). Валентностью вербальных компонентов высказывания называют семантико-синтаксические признаки слова, предсказывающие смысл и морфолого-синтаксические способы выражения зависимого от него слова. Валентность вербальных компонентов высказывания сигнализирует о незамещенных позициях. В роли сигналов используются прямая и обратная валентности слов. При прямой есть господствующее слово, которое своей валентностью сигнализирует незамещенную позицию (*Съедем?*), а при обратной – зависимое слово, сигнализирующее о незамещенной позиции главенствующего над ним слова (*Тебе крепкий?*). Любая валентность может остаться невыраженной в результате эллиптического сокращения.

Примеры из выборки классифицированы по активной и пассивной валентности пропущенных компонентов, по моделям управления (Тестелец 2001:307). Например, **прямая валентность (активная)**:

- кто? подписаться на что? под чем?: *наконец-то ты подписался!* (незамещенная позиция дополнения);
- кто? читать что?: *читай* (агенса не обозначен);
- постараться сделать что?: *надо очень постараться* (незамещенная позиция сентенциального актанта).

I. Прямая валентность (активная)

1. Незамещенная позиция подлежащего:

- кто? начинать что?: *скоро книгу **начнет** писать;*

- кто? сказать что?: я тоже люблю рукопожатия, но не **скажу** почему;

- кто? хотеть что?: **хотел** показать рюкзак, а тут все такие напряженные, просто **хотел** перестроиться в левый ряд;

2. Незамещенная позиция дополнения:

- кто? Закинуться чем?: впервые за полгода **закинулся**;

- кто? Обидеться на кого? За что?: да он то не **обиделся**, людям просто неприятно было зрителям; это шутка если что, что бы @lstrnsnd не **оиделась**;

- кто? Попить что?: я тоже пойду **попью**;

- кто? Подписаться на кого?/на что?: наконец-то ты **подписался!**.

- кто? Читать что?: **читай** – императив, агенс не получает выражение.

3. Незамещенная позиция сентенциального актанта:

- кто? Мочь сделать что?: Медведев забанил Навального в Инстаграме. Потому что **может**;

- кто? Постараться сделать что?: надо очень **постараться**;

- получается делать что?: молодец, очень классно **получается**.

4. Незамещенная позиция обстоятельства:

- кто? Поставить что? Куда?: забыл ник знакомого **поставить**, сори, **поставь** смайлик пчелки если тебя запарли в магазине и не отпускают;

- кто? Банить кого? Где?: их нужно **банить** на неделю.

5. Незамещенная позиция определения:

- расследование какое?: просишь Навального сделать **расследование**;

- шаг какой?: люди хотят что бы с ними общались, но не хотят делать первый **шаг**; один из самых известных производителей телефонов сделал **шаг**.

II. Обратная валентность (пассивная):

4. Зависимое слово – подлежащее – сигнализирует о незамещенной позиции сказуемого, которое можно легко восстановить даже без контекста:

Если вы понимаете, о чём я -> о чем я говорю.

*Че, какте **правила** в Фан Клубе? -> как тебе нравятся правила.*

2. Зависимое слово – определение – сигнализирует о незамещенной позиции главенствующего над прилагательным существительного:

*Но осадок все же остался, потому и **неприятная** [ситуация]» -> восстанавливается только из контекста.*

*Весенний вечерний Нижний далеко не такой депрессивный, как **зимний** -> зимний Нижний.*

3. Прямые (в последнем случае косвенное) дополнения сигнализируют о незамещенной позиции сказуемого:

*Дьявольщина, святой **воды** сюда скорее, **цистерну** -> несите воды, цистерну.*

*У работяг сегодня выходные начинаются))) Но **не у меня**) -> у меня выходные не начинаются.*

4. Зависимое слово – обстоятельство, выраженное существительным или наречием, – сигнализирует о незамещенной позиции сказуемого:

***Помедленней** можно, я не успеваю -> помедленней говорить/объяснять/показывать/диктовать и т.д.*

*Не могу поверить, что завтра в **школу** -> в школу идти.*

*Я так и решила сделать, мне надо по **магазинам** -> пройтись/прогуляться по магазинам.*

*А то все **отрывками да отрывками**) -> читать отрывками да отрывками.*

Отличительной чертой разговорной речи является то, что в ней незамещенные позиции могут базироваться на сложной конструкции. Конситуация называется сложной, если включает в себя несколько разных типов или разные виды одного типа, например, визуально-чувственное окружение, состоящее из ряда компонентов. В условиях сложной конситуации высказывание может быть также нескольких типов: 1) в высказывании есть несколько незамещенных позиций, каждая из которых опирается на свою простую конситуацию; 2) вся сложная конситуация необходима для определения смысла одной незамещенной позиции.

Пунктуационные особенности Интернет-речи

Проанализированный материал показывает также, что в текстах социальных сетей нарушаются канонические нормы пунктуации, пунктуационные знаки опускаются или употребляются в несвойственной им функции. Например:

- Точки не ставятся в конце предложений, из-за этого трудно уловить законченность мысли: *ска скоро книгу начнет писать; надо глянуть; с ником накосячил.*
- Частотно многоточие, которое выражает незаконченность, неоднозначность высказывания; паузу, неуверенность в сказанном; усиливает эмоциональность высказывания: *я бы на твоём месте теперь чаще оборачивался бы. Она девочка странная, эпатажная..., пишите, с меня рандомный смайлик...*
- Особенностью Интернет-комментария является использование вопросительных и восклицательных предложений, употребление двух, трех и более таких знаков свидетельствует об усилении эмоциональности высказывания: *пфф, да что ты знаешь о романтике?; бомжур, красавица!; ты сдала????; Да ладно!!!!*

- Двоеточие и запятые коммуниканты часто игнорируют, либо ошибочно, либо в целях экономии времени при написании ответа: *если нужно терпеть вы либо два подростка, либо два идиота...*

Еще одной специфической чертой интернет-общения является наличие смайликов, или **эмотиконов**. Смайлик – это графема, состоящая из пунктуационных знаков, букв, цифр, небольших изображений. Данная графема компенсирует отсутствие интонации, мимики, является своеобразными знаками препинания, имеющими смысловую «нагрузку»: *там функция рекламы вообще не поддерживается))))); пока ВК сдох, пошли фолловить взаимно? :D; всех с новым днём!!!☺☺☺☺☺*.

Кроме того, в интернет-коммуникации наблюдается еще одно явление – так называемый «капс». Это намеренное написание сообщения заглавными буквами для привлечения внимания и выражения эмоциональности:

<...> как же мама за*бала с темой "друзья по интернету" МЕНЯ НИКТО НЕ ХОЧЕТ ИЗНАСИЛОВАТЬ ПРАВДА Я СТРАШНАЯ МАМ ХВАТИТ УЖЕ...;

Что вы знаете о слове FAIL?;

С НОВЫМ ГОДОМ;

КАК ЖЕ НЕ ХОЧЕТСЯ ЗАВТРА В ШКОЛУ ИДТИ;

ЛАЙК ЕСЛИ ЛЮБИШЬ ДИРИКОВ.

Выводы

По результатам наблюдений можно сделать вывод о формировании узуальных норм коммуникации в интернет-сообществе, в частности в социальной сети, которые обуславливаются в первую очередь критерием коммуникативной целесообразности.

Проанализированный материал показывает, что релевантными характеристиками интернет-комментария в социальной сети являются речевая краткость, использование эмоционального синтаксиса, упрощение синтаксических структур, что свидетельствует о влиянии синтаксиса разговорной речи. Названные синтаксические особенности интернет-комментария отвечают потребностям статусно равноправных коммуникантов в интерактивности, усилении воздействия на адресата, повышении экспрессии, самопрезентации и поддержании социальных контактов.

Рассмотренные синтаксические и пунктуационные особенности речи пользователей Интернета свидетельствуют о том, что мы не можем рассматривать ее как письменную речь в традиционном понимании. Но считать, что мы сталкиваемся только с письменной фиксацией устной разновидности разговорного стиля речи, тоже было бы неправомерным, так как

определенные структурные особенности, характерные исключительно для письменной речи, также сохраняются, но и фиксируются новые черты (например семиотические), не характерные ни для письменной, ни для устной форм речи. Таким образом, в Интернете функционирует «устно-письменная» форма речи, имеющая свои собственные специфические черты.

Список литературы

Акимова Г.Н.(1990): Новое в синтаксисе современного русского языка. Москва: Высшая школа.

Акимова Г. Н., Вяткина С. В. (2013): Синтаксис современного русского языка: учебник для высших учебных заведений Российской Федерации / Г.Н. Акимова, С.В. Вяткина, В.П. Казаков и др.; под ред. С.В. Вяткиной / Учебно-методический комплекс по курсу «Синтаксис современного русского языка». Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ.

Арутюнова Н.Д.(1976): Предложение и его смысл. Москва: Наука.

Бергельсон М.Б.(2002): Языковые аспекты виртуальной коммуникации, Вестник МГУ, Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация, 1, 55-67.

Горошко Е.И.(2009): Интернет-жанр и функционирование языка в Интернете: попытка рефлексии, Жанры речи. Саратов: Наука, Вып. 6, 11-127.

Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н. (1981): Русская разговорная речь: Общие вопросы, словообразование, синтаксис. Москва: Наука, 1981. – 276 с.

Кожевникова Кв.(1971): Спонтанная устная речь в эпической прозае (На материале рус. Худож лит.). Praha: Univ. Karlova.

Кронгауз М.А.(2014): FAQ: Язык в интернете, Постнаука.

URL: <https://postnauka.ru/faq/25925>(дата обращения_04.06.2014).

Сковородников А.П.(1981): Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка. Томск: Томский университет.

Сковородников А.П. (1978): Эллипсис как стилистическое явление в современном русском литературном языке: Учебное пособие. Красноярск: ГПИ.

Сковородников А.П.(1978): О классификации парцелированных предложений в современном русском литературном языке, Филологические науки, 2, 58-67.

Скребнев Ю.М, Сиротинина О.Б. (1985): Введение в коллоквиалистику. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та.

Тертычный А.А.(2000): Жанры периодической печати. Москва: Аспект Пресс.

Тестелец Я.Г.(2001): Введение в общий синтаксис. Москва: Российский государственный гуманитарный университет.

Трач А.С.(2010): Особенности использования письменной речи в сети Интернет, Известия Южного федерального университета. Технические науки, 10, 34-39.

Трофимова Г.А. (2000) О чем молчит Рунет, Мир русского слова.

URL: http://www.gramota.ru/mag_arch.html?id=11(дата обращения: 08.04.2018).

Crystal D. (2001). Language and the Internet, Cambridge University.

URL:http://medicine.kaums.ac.ir/uploadedfiles/files/language_and_%20the_internet.pdf (retrieved 30.12.2017).

ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА В СЕМАНТИКЕ ПОСЛОВИЦ КАК МОДЕЛЬ ЦЕННОСТЕЙ ПОВСЕДНЕВНОЙ КУЛЬТУРЫ

Рябова Марина Юрьевна

*Кемеровский государственный университет, Россия
mriabova@inbox.ru*

Маринова Елена Дмитриевна

*Кемеровский государственный университет, Россия
elmar53@bk.ru*

APPEARANCE IN PROVERB SEMANTICS AS A VALUE MODEL OF EVERYDAY LIFE CULTURE

Marina Ryabova

Kemerovo State University, Kemerovo, Russia

Elena Marinova

Kemerovo State University, Kemerovo, Russia

АННОТАЦИЯ

Цель данного исследования — анализ семиотики одежды как характеристики внешности человека, отражающей его ценностные приоритеты, которые концептуализируются в культуре в лексическом фонде языка в пословицах и поговороках. Одежда как знак характеризуется формой, набором функций и значением. Установлено, что знаковость одежды проявляется в референции трех уровней: себе, при отражении собственной индивидуальности; контексту (повседневность, торжество, др.); общей систематике одежды, принятой в данном обществе. Функции одежды включают: 1) естественная первичная — защищающая, 2) идентифицирующая, 3) этикетная; 4) герменевтическая; 5) декоративная; 6) гламурная; 7) игровая и др. Блок терминов, заимствованных из английского языка, свидетельствует о значительном влиянии английской культуры на повседневную культуру в русском языковом сознании.

ABSTRACTS

The goal of the article is to analyse semiotics of clothes as a basic characteristics of appearance, reflecting value priorities in everyday life culture, conceptualized in a lexicon in a form of sayings and proverbs. Clothes as a sign is characterized by its form, a number of functions and meanings typical of different contexts. Functions of clothes can be summed as follows: 1) defensive, 2) identifying, 3) etiquette, 4) hermeneutic, 5) decorative, 6) glamorous, 7) playing. The block of terms borrowed from English into Russian demonstrates influence of English culture onto the culture of everyday life of Russian linguistic consciousness.

Ключевые слова: семиотика, функция, знак, этикетность, лингвокультура, повседневность, языковое сознание.

Key words: semiotics, function, sign, etiquette, linguistic culture, everyday life, linguistic consciousness.

Внешность человека в повседневной жизни оценивается во многом и по его манере одеваться, так как одежда представляет собой некий знак, который человек посылает миру. При этом принято различать так называемую «дизайнерскую» одежду (т. е. произведенную известными коммерческими брендами) и одежду повседневную, небрендовую.

Например: *«Пол и Том не отставали. Галстуки хлестали по спинам. Большой Джон пытался разнять молодежь — плотный, еще крепкий в свои шестьдесят, в однотонной голубой рубашке, с галстуком от Гермес и в темных отутюженных слаксах, он энергично работал локтями, распространяя аромат дорогого одеколona «Арамис» (Скоттолине, 2010: 17).*

Естественно, что семиотика и того и другого типа резко отличаются друг от друга по своим функциям, имеют свою семантику и символику. О языке одежды было написано много интересного, в том числе и такими известными авторами как Г.Г. Почепцов, Ролан Барт, Георгий Кнабе и др. Так, Г.Г. Почепцов отметил, что «одежда может рассматриваться как достаточно древний вариант знаковой системы. В ней хранятся те отсылки на память человечества, которые уже давно стерлись у нас в сознании» (Почепцов 2002: 85).

Очевидно, что функциональность одежды закрепились в генетическом культурном коде нации и в форме пословиц, семантика которых связана, в том числе, и с теми частично забытыми сегодня, или стершимися смыслами. Например, в русской лингвокультуре известны следующие пословицы и выражения:

(1) По одежке встречают, по уму провожают.

Вероятно, для русского языкового сознания одежда была значима как своего рода «визитная карточка» человека, которая могла рассказать о социальном статусе или материальном положении, о возрасте, гендере, личностных пристрастиях и качествах, привычках, хобби и т. д. Отсюда одна из основных функций одежды — ее этикетность, т. е. формализующий, регулирующий, статусный характер, связанный с предписыванием определенных правил ношения одежды в тех или иных ситуациях.

Сегодня многие граждане активно используют данную функцию одежды, пытаясь иногда расцветить свою внешность, как им кажется, статусными вещами с яркими дизайнерскими этикетками, как бы претендуя на свой высокий социальный и, может быть, имущественный статус. Данная тенденция выражается в неумной любви к ношению брендовой одежды, «от дизайнеров», по любому поводу и в любых ситуациях. Однако, как мудро подмечено во второй части пословицы, общий вывод о человеке все-таки делается не по его одежде, а по тому, что у него в голове.

О людях, которые уделяют чрезвычайно большое внимание одежде, забывая о собственно содержательной составляющей образа — духовном наполнении личности, образовании,

культурном уровне, воспитанности и т. д., говорит другая пословица, смысл которой перекликается с первой и дополняет ее:

(2) *В наряде хорош, а без него на пень похож.*

О какой функции одежды говорит эта пословица? Вероятно, она говорит о декоративной, приукрашивающей, маскирующей роли одежды, о том, что одежда может скрывать истинную сущность и ценность человека, возвеличить его, возвысить его статус или изменить его каким-либо образом, при том, что его внутренняя ценность может быть недостаточно высокой.

Этикетность одежды отражает и такая пословица:

(3) *Большое платье в большое место несет.*

(4) *Соболья шуба впереди себя двери открывает.*

Иначе, одежда должна соответствовать статусу человека, говорить о его социальной роли и положении, и поэтому было важно держать фасон.

(5) *Буду есть мякину, а фасон не кину.* Или:

(6) *В брюхе солома, а шапка с заломом*

(7) *Без порток, а в шляпе*

(8) *Приобуть, приодеть, так и есть на что глядеть.*

Как известно, смысл данных пословиц в том, что для русского языкового сознания важно подчеркнуть статусную функцию одежды, которая позволяет возвысить человека в ситуации привычной повседневности и, может быть, позволить ему занять более высокое и престижное место в жизни.

С другой стороны, если роль одежды и внешности намеренно нивелируется, то это чревато достаточно серьезными последствиями:

(9) *В лохмотьях и царя за нищего примут.* Или:

(10) *В рогожку одеться — от людей отречься.*

Иначе говоря, языковое сознание констатирует необходимость соблюдения неких этикетных норм, в том числе требует соответствия между формой и ее содержанием.

Однако преувеличено большое внимание к одежде вызывает неодобрение в сознании людей, о чем свидетельствует следующая пословица:

(11) *В красной шапке узнаешь дурака;*

(12) *Вырядился как шут гороховый;*

(13) *Ни рожки, ни кожи, да в богатой одежде;*

(14) *Как принарядился, так и возгордился.*

Таким образом, в содержании пословиц можно проследить отражение некоего кодекса поведенческих норм и правил, регулирующих функции одежды в культурной практике

русских. В целом функции одежды можно суммировать в виде следующего списка: 1) естественная первичная — защищающая, 2) идентифицирующая, 3) этикетная, 4) герменевтическая, 5) декоративная, 6) гламурная, 7) игровая.

Этикетная функция в этом списке занимает одну из важнейших позиций и сводится к выполнению таких ролей в различных культурах как: указание на половые различия, статус человека, принадлежность к той или иной категории в обществе (Фокс 2012).

Примечательно, что данная философия культивируется сегодня в формате известной российской телевизионной программы «Модный приговор», в рамках которой дизайнеры пытаются так переодеть участника программы, меняя стиль его одежды, что это будет способствовать, по замыслу авторов, более успешному его продвижению по жизни и реализации его замыслов. Характерно, что в истории мировой культуры во многих странах таких, как Англия, средневековая Япония, и Франция, а также Россия, существовал определенный дресс-код в одежде или правила, предписывающие крой, материал наряда, его цвет и фактуру для людей разного социального статуса, профессии и положения. Отсюда и смысл пословицы — одежда делает человека.

Однако в наш век, век нарушения всех правил, век протеста, игры, бунтарства во всем, никто не придерживается этикетных правил в одежде. Этим объясняется смысл другой пословицы: (15) *Не одежда красит человека, а человек одежду.*

Естественно-первичная функция одежды - защищать от непогоды, обогревать и др., закодирована в базовом смысле следующей пословицы: (16) *Нечем грешное тело прикрыть.* (17) *Гол, как сокол.*

Одежда как атрибут и маркер соответствующих обстоятельств, с которыми должен соотноситься человек и руководствоваться ими, описывается в пословицах. Метафорический смысл пословиц — если человек принимает нечто на свой счет, значит на то есть объективные причины, ср. в русском языке: (18) *На воре и шапка горит.*

Как видно, одежда выполняет весьма важные функции и символизируется в сознании коммуникантов с помощью достаточно объемного набора смыслов, отражающих значимые стороны и черты жизни.

В современном обществе помимо социально обусловленных функций одежда выполняет и функцию самовыражения индивида, даже в том случае если им утверждается прямо противоположное, т. к. претензии «быть выше моды» - заявление социально значимое само по себе и достаточно громкое. Характерно, что в настоящее время эта функция, вероятно, является одной из преобладающих.

Вместе с тем нельзя не отметить, что лексический фонд русского языка сегодня значительно пополнился словами, обозначающими предметы одежды, заимствованными из английской культуры, из области моды, что свидетельствует о влиянии английской культуры повседневна на русский менталитет. Итак, какая же одежда ассоциируется у нас с английской культурой? Лексических единиц, номинирующих предметы гардероба, которые вошли в русский язык, довольно много. Например, *макинтош* [— от английского *mackintosh – a waterproof raincoat made of rubberized cloth (any raincoat)* (Collins 1992: 600)] - плащ; *смокинг* [- от англ. *dinner jacket, smoking jacket – a loose jacket made of soft expensive cloth, worn at home by men in the past* (MacMillan 2011: 1411); *шорты* [- от англ. *shorts - trousers that end at or above the knees* (Ibid: 1377) ; твид [- от англ. *tweed – cloth made of this (thick cloth)* (Ibid: 1615); форма, униформа [- от англ. *form, uniform – a prescribed identifying set of clothes for the members of an organization*] (Collins 1992: 1095) ; бриджи [- от англ. *breeches – trousers extending to the knee or just below, worn for riding*] (Ibid: 119); оксфорды [- от англ. *oxfords – strong leather shoes that you fasten with shoelaces*] (MacMillan 2011: 1615); лоферы [- от англ. *loafers – a low leather shoe that you slip on and do not need to tie*] (Ibid: 885); сникерсы [- от англ. *sneakers – a trainer that you wear for playing sports*] (Ibid: 1414) и др. слова из сферы гардероба и мира моды.

Семиотика одежды достаточно разнообразна и сложна. Нельзя не отметить, что влияние английского стиля на современную моду сегодня очевидно, хотя бы исходя из того большого количества модных терминов, номинирующих предметы одежды. С другой стороны, культура повседневного стиля в одежде также в значительной степени несет на себе следы влияния английской моды, например, уличный стиль панков, так называемый стиль молодежной моды, стиль гранж, модные тенденции в одежде субкультур «готов» и других эксцентричных групп. По сути, одежда — это форма общения, как подчеркивает К. Фокс, это даже «искусство общения». Именно то, что одежда есть определенная форма коммуникации и объясняет, по мнению автора, тот кризис в современной стилистике одежды, который наблюдается в настоящее время, являясь следствием того, что «все аспекты общения представляют для нас (англичан) трудность, особенно когда нет четких, официальных правил, которым мы должны следовать» (Фокс 2012: 332).

Одежда как знак может указывать на время, откуда она пришла и отсылать в современный контекст. Если взять фотографии людей шестидесятых, восьмидесятых и нулевых годов, то глядя на одежду и прически этих людей, можно с легкостью определить в какое время были сделаны эти фотографии, так как каждое десятилетие характеризуется своей стилистикой и модными тенденциями в одежде. Знаковость одежды проявляется в референции трех уровней: себе, при отражении собственной индивидуальности; контексту (повседневность, торжество,

др.); общей систематике одежды, принятой в данном обществе (Почепцов 2002: 75). Одежда несет гораздо больше информации о ее обладателе, чем принято считать. Человека дешифруют по одежде: ее цвету, крою, качеству материала и его стоимости, уместности или неуместности данному контексту.

Суммируя сказанное о значимости одежды в повседневной культуре можно вспомнить слова Марка Твена: «Человека красит одежда. Голые люди имеют крайне малое влияние в обществе, а то и совсем никакого» (Твен 2008: 17).

Список литературы

Почепцов Г. Г. (2002). Семиотика. Москва: «Рефл-бук».

Скоттолине Л. (2010). Папина дочка. М.: Ридез Дайджест.

Твен М. (2008). Марк Твен. Афоризмы и шутки. М.: Litres.

Фокс К. (2012). Англия и англичане. То, о чем умалчивают путеводители /пер. с англ. И.П. Норвоселецкой/. Москва: Рипол классик.

Collins (1992). The New Collins Dictionary and Thesaurus /ed. William T. McLeod / Glasgo: Harper Collins Publishers.

MacMillan (2011). MacMillan English Dictionary for Advanced Learners /second ed/. Oxford: MacMillan.

References

Pochepctsov G.G. (2002). Semiotics. Moskva: "Refl-buk".

Scottoline L. (2010). Father's Daughter. M: Reader's Digest.*

Twen M. (2008). Mark Twen. Aphorisms and Jokes. M.: Litres.

Foxs K. (2012). Watching the English. The Hidden Rules of English Behavior. Moskva: Ripol Klassik.

Collins (1992). The New Collins Dictionary and Thesaurus /ed. William T. McLeod / Glasgo: Harper Collins Publishers.

MacMillan (2011). MacMillan English Dictionary for Advanced Learners /second ed/. Oxford: MacMillan.

ИМПЕРФЕКТИВЫ ТИПА *ХОДИТЬ* И ПЕРФЕКТИВЫ ТИПА *СХОДИТЬ*: СТАТУС АСПЕКТУАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Самедова Незрин Гусейн гызы
Азербайджанский университет языков, Азербайджан
nezrin.samedova@gmail.com

IMPERFECTIVES LIKE *ХОДИТЬ* AND PERFECTIVES LIKE *СХОДИТЬ*: THE STATUS OF ASPECTUAL RELATIONSHIPS

Samedova Nezhrin Gussein gyzy
Azerbaijan University of Languages, Azerbaijan

АННОТАЦИЯ

В статье разрабатывается нетрадиционный подход к глаголам передвижения типа *идти* и *ходить*. Суть его заключается в том, что одному постулируемому традицией непереходному гомогенному глаголу передвижения типа *идти* или типа *ходить* в нетрадиционном описании противопоставляются несколько омонимичных: переходный гомогенный, непереходный гомогенный, переходный негомогенный и непереходный негомогенный. Такой подход позволяет, в частности, постулировать чистовидовые парадигмы типа *ходить* / *сходить*.

ABSTRACT

The paper develops the non-traditional perspective on locomotion verbs like *идти* and *ходить*. The essence of the approach is that it opposes the traditionally postulated non-transitive homogeneous locomotion verb like *идти* or like *ходить* with several homonymous ones, namely transitive homogeneous, non-transitive homogeneous, transitive non-homogeneous and non-transitive non-homogeneous verbs. This viewpoint allows in particular postulating the purely aspectual paradigms like *ходить* / *сходить*.

Ключевые слова: ненаправленные глаголы передвижения типа *ходить*, гомогенные и негомогенные имперфективы типа *ходить*, переходные и непереходные имперфективы типа *ходить*, чистовидовые парадигмы типа *ходить* / *сходить*

Key words: non-directed locomotion verbs like *ходить*, homogeneous and non-homogeneous imperfectives like *ходить*, transitive and non-transitive imperfectives like *ходить*, purely aspectual paradigms like *ходить* / *сходить*

1. Введение

Анализ богатейшей литературы показывает, что традиционные исследования глаголов передвижения типа *идти* и типа *ходить* приводят к различающимся, порой диаметрально

противоположным ответам практически на все возникающие вопросы, см. (Samedova 2016, Самедова 2018). Как представляется, бесценная россыпь блестящих идей и наблюдений, принадлежащих нескольким поколениям исследователей, складывается в единую картину, если в корне пересмотреть традиционное описание глаголов передвижения типа *идти* и типа *ходить*. В настоящей статье мы излагаем наш взгляд на одну из деталей этой картины.

2. Состояние вопроса

Как известно, у глаголов типа *ходить* находят, в частности, значение, описываемое как ‘туда и обратно’ (Исаченко 1960: 324; Маслов 2004: 577; Шведова и др. 1970: 346; Караулов и др. 1998: 87; Апресян 2009: 462; Апресян 2013: 55, 57; Зализняк, Шмелёв 2015а: 100; Kagan 2010: 159). Из литературы следует, что данные глаголы могут иметь это значение в определённых грамматических формах и в определённом контексте (Исаченко 1960: 324; Маслов 2004: 577; Караулов и др. 1998: 87; Гловинская 2001: 182), ср. (Kagan 2010: 154 и далее). Ему приписывается различный статус (Исаченко 1960: 312, 324; Маслов 2004: 577; Шведова и др. 1970: 346; Гловинская 2001: 242-243; Kagan 2010: 152). Ю.Д. Апресян трактует его как одно из самостоятельных лексических значений глаголов типа *ходить*. Он детально обосновывает своё решение в работах (Апресян 2006; Апресян 2009; Апресян 2011; Апресян 2013). При этом лингвист отмечает, что возможны употребления, промежуточные между различными значениями глаголов типа *ходить* (Апресян 2009: 155). Совершенно отличный подход развивает О. Каган. Она убеждена, что рассматриваемое употребление чаще всего вызвано прагматическими причинами, но допускает, что в остальных случаях имеет место сдвиг в их значении (Kagan: 159-160).

В описаниях перфективов типа *сходить*, как правило, подчёркивается их сильное семантическое сходство с соотносительными имперфективами (Исаченко 1960: 271, 324; Караулов и др. 1998: 87; Апресян 2009: 152; Зализняк, Шмелёв 2015а: 100, 127). Ср. замечание в (Исаченко 1960: 324): «Мы имеем здесь дело со случаем своеобразной "конкуренции видов", аналогичной с такими случаями, как *Этот дом построил / строил талантливый архитектор*». Иными словами, у них тоже находят значение ‘движение, совершаемое туда и обратно’ (Виноградов и др. 1960: 601; Slovari.ru). Что касается отличий, то в семантике *сходить* и под. находят элемент ‘однократность’ (Исаченко 1960: 322-324; Маслов 2004: 392; Шведова и др. 1980: 371; Караулов и др. 1998: 87; Апресян 2013: 57); ср. (Зализняк, Шмелёв 2015а: 127). Ю.Д. Апресян указывает ещё на три различия. Первое связано с понятием результативность в двух интерпретациях: «Формы НЕСОВ результативны только в смысле выполнения действия, но не смысле достижения результата действия... Между тем формы

СОВ обозначают... достижение результата действия: *Сходил за хлебом значит, что принес его*» (Апресян 2011: 7) Второе также имеет семантическую природу: «обозначают действие, выполненное за более короткий промежуток времени...» (Апресян 2013: 74). Последнее языковед видит в стилистической окраске: перфективы носят «более разговорный характер» (Там же).

Изложенное объясняет, почему на вопрос о статусе парадигм типа *ходить / сходить* в литературе нет единого ответа. Согласно (Зализняк, Шмелёв 2015а: 100, Зализняк, Микаэлян, Шмелёв 2015 б: 214-215), в описанном значении глаголы типа *ходить* и *сходить* являются видовой парой, так как удовлетворяют критерию Маслова: в итеративном контексте первые заменяют вторые. Ср. утверждение в (Апресян 2011: 7) о том, что это чистовидовые пары, представляющие собой новый, еще не описанный в аспектологии тип видового противопоставления, так как они не соответствуют критерию Маслова. См. характеристику «не совсем точные видовые корреляты» в (Апресян 2013: 74) .

3. Предлагаемое решение

В основе предлагаемого решения лежит опередившая своё время идея Ю.С. Маслова о том, что глаголы передвижения могут иметь как предельное значение, так и неопредельное, см., например, (Маслов 2004 : 32, 79, 80, 315, 316, 318, 458, 556). Мы также показываем, что общепринятый подход создаёт неточное представление об интересующем нас участке глагольной системы, когда характеризует часть постулируемых им глаголов (*ходить, идти* и т.д.) как непереходные (см., например, (Виноградов и др. 1960: 412; Шведова и др. 1970: 351; Шведова и др. 1980: 615; Караулов и др. 1998: 332; Шведова, Лопатин 2002; Горбачевич и др. 1991; Апресян 2009: 151, 156); ср. (Карцевский 2004: 110-111; Добровольский 2007: 164; Викисловарь)).

Другими словами, если традиционное описание постулирует один непереходный глагол передвижения, мы предлагаем различать омонимичные гомогенные переходные, гомогенные непереходные, негомогенные переходные и негомогенные непереходные глаголы передвижения.

3.1. Тип *ходить*^{Г.П.}

...Вплоть до четвертого класса ходил три километра в школу на лыжах (НКРЯ); Для начала не стали мы ездить со своими соотечественниками на автобусе, который отвозил нас в университет и домой. Ходить было всего километра два... (НКРЯ); Да уж, в ноябре ходить этот маршрут за два дня - дело очень, очень сильных но не очень умных (интернет – далее сокращённо: инт.); Стометровку бегаю за десять секунд (НКРЯ); ...Там ходил пешком километров по десять в день, ничего не ел и похудел! (НКРЯ).

Проиллюстрируем ещё два проявления переходности у данных глаголов: *Очень красивый и мало кем ходимый маршрут* (инт.); *Вообще эти километры ходятся не ради километров, даже у самых спортивных туристов* (инт.).

Следует отметить, что, во-первых, у традиционно признаваемых переходными глаголов *весить <1 грамм>* и *стоять <1 рубль>* признаков переходности обнаруживается меньше, см. качественный обзор в (Летучий 2014б); во-вторых, глаголы типа *нести – носить*, в отличие от постулируемых нами транзитивов *идти* и *ходить*, способны присоединять два прямых дополнения (см. о подобных глаголах (Там же: 175)): *Тащил Хашема на себе пять километров* (НКРЯ). Любопытно, что возвратные корреляты таких глаголов являются переходными, но способны иметь только одно прямое дополнение, а именно обозначающее расстояние: *До барака оставалось тащиться еще добрый километр...* (НКРЯ) (см. о таких глаголах другое столь же добротное описание того же автора (Летучий 2014а: 236-237)).

Данные глаголы не имеют актуально-длительного значения.

Не исключена их сочетаемость с беспредложными конструкциями "период времени": *Лично я довольно быстрым шагом хожу 4 км (до дачи) за 45 минут* (инт.) – *хожу 4 км 45 минут*.

Чистовидовые корреляты – перфективы типа *заходить* (ингрессивы), *походить* (делимитативы), *проходить* (пердуративы) и *отходить* (финитивы) (о принятой нами аспектологической теории см. доступные зарубежному читателю работы (Самедова 2010, Самедова 2011; Самедова 2013; Самедова 2015; Самедова 2016а; Самедова 2016б)):

Мы сегодня походили километров 11... (инт.); *Всю жизнь пробегав марафоны, он так и не захотел стать тренером* (здесь и далее пример является сконструированным, если не указан источник); *Отбегав по пыльным дорогам свой личный кросс, Я в землю уйду, и затем из моей могилы. Взойдут одуванчики цвета моих волос* (инт.).

Ингрессивы всегда допускают замену конструкциями *стать / начать+ИНФ*, см. пример, сконструированный по аналогии с *Вейкко, в свои 60е годы пробежал марафоны за 3.06-3.08. А раньше бегал за 4.30* (инт. – здесь и далее орфография и пунктуация источников сохранены): *Вейкко, в свои 60е годы забегал марафоны за 3.06-3.08 – ...стал / начал бегать...*

3.2. Тип *ходить*^{Г.Нен.}

Различаются сущности типа А, Б, В и Г.

Глаголы типа А не сочетаются со словами, эксплицитно или имплицитно указывающими на направление передвижения (маршрут, расстояние, территорию, по которой осуществляется передвижение): *Мальши ходит, держась за мебель; Он плавает в лягушатнике; Человек ходит, рыба плавает, а птица летает*.

Имеют узуальное, актуально-длительное и потенциальное значения.

Не сочетаются с конструкцией "за+период времени". Но сочетаются с беспредложной конструкцией: *Птенец летает одну минуту.*

Глаголы типа Б употребляются со словами, указывающими на пункты передвижения или на его границы: *В парк / До парка ходили за шесть километров; Они вдвоем всюду ходили — в театры, в гости, вдвоем работали, вдвоем ездили отдыхать* (НКРЯ); *Видели неоднократно так как ходили коротким маршрутом в столовку через задний двор* (инт.); *Он бегает на средние дистанции.*

Если указана цель передвижения, возможен эллипсис слов, обозначающих конечный пункт: *Я прихожу каждый день, убираю, хожу за продуктами, готовлю, глажу...* (НКРЯ).

Не имеют актуально-длительного значения.

Сочетаемость с конструкциями "период времени" ждёт исследования: *Он бегает на средние дистанции за рекордное время* (см. один из вариантов восстановления эллипсиса в *Она обожает физкультуру: прыгает в длину дальше пацанов, бегает за рекордное время* (инт.)); *За шесть километров в парк он ходит (за) час* (ср. *Высокий, отрешенный от всего Алексей Александрович обычно ходит на работу пешком, размашистым шагом, всего полчаса через сосново-березовый лес, шурша опавшими листьями* (инт.)); *Коротким маршрутом до столовки ходили минут 5 / за минут 5.*

Тип В обозначает многократное передвижение в течение определённого периода времени в определённом направлении. При этом имплицитно предполагается, что каждый раз имеет место передвижение обратно в исходный пункт. Возможен эллипсис одного из пунктов, особенно если обозначена цель передвижения: *Уже два часа птица летает туда и обратно / из конца в конец ангара / с крыши в сарай; Малыш бегает (за мячом) с горки / к тому дереву.*

Данный тип имеет ярко выраженное итеративное значение и употребляется как узуально, так и актуально.

Не сочетается с конструкцией "за+период времени".

Тип Г обозначает многократное передвижение по множеству мест, обладающих общим признаком, или по определённой территории. Возможен эллипсис слов, называющих конечные пункты передвижений, если указана цель передвижения: *Ольга стремится сделать жизнь как можно более насыщенной и полной. ...Они вместе ходят по театрам, музеям и паркам* (инт.); *Попробуйте следующие неожиданные варианты: - ходите по торговому залу большого гипермаркета. Делать покупки при этом необязательно; - ходите по стоянке крупного торгового центра. Там всегда чисто и светло; - ходите по школьному двору или стадиону* (инт.).

Имеет узуальное значение, не имеет актуально-длительного.

Не сочетается с конструкцией "за+период времени".

Чистовидовые корреляты всех четырёх типов (А, Б, В и Г) – ингрессивы, делимитативы, пердуративы, финитивы. См., например:

Сотворил Сварогъ рыб, зверей и птах. ...Стали птицы летать в подоблачье, стали звери в лесах прорыскивать, а по водам – рыбы заплывали (инт.); После этого случая я забегал на средние дистанции; Он быстро заходил из угла в угол; Под влиянием Ольги он заходил по музеям. Ничего, пожил, походил по земле, хватит!.. (инт.); В общем я два дня походил в парк и был сыт фестивалем (инт.); Походил из угла в угол и успокоился; ...Мы решили немного походить и по музеям... (инт.). Не долго проходил по земле (инт.); Проходила в этот клуб 3 недели... (инт.); Проходил час от сарая к воротам и умирался; Проходили час по музею, вернулись домой. На уход поэта... откликнулся поразительными, бережно-виноватыми строками: Отходил по земле Коваленков... (инт.); Я отбегал на средние дистанции. Теперь специализируюсь на длинных; После того полёта сказал: «Всё. Отлетал я в Африку». После того спектакля сказал: «Всё. Отходил я по театрам».

Ингрессивы всегда допускают замену конструкциями *стать / начать+ИНФ*.

3.3. Тип *ходит*^{Нез.П.}

Сегодня ходила свои несколько ежедневных километров и увидела гранаты (инт.); А еще мы положим в ваш рюкзак груз общественный — десять банок мясных консервов. Мы рассчитываем ходить по двадцать километров в день (НКРЯ); Утром муж все равно на работу в пол 8, и ее отвезет и мне не придется 2 раза ходить эту дорогу (инт.); С месяц тому назад ходил эту дорогу пешком, понравилась, но перед самой деревней – болото (инт.); Где можно узнать результат Разумова Дениса М12? В списках он не значиться совсем, хотя точно бегал дистанцию и проходил через финиш (инт.).

Не имеет узуального значения, но имеет актуально-длительное: *Чичваркина встретил три года назад, когда бегал марафон (инт.); Терри Фокс, парень одноногий, по Канаде когда бегал марафон, чтобы привлечь внимание к раковым заболеваниям, то его сопровождал автомобиль, и они держали коробку для сбора пожертвований (инт.).*

Из примеров видно, что имеет общефактическое значение.

Сочетаемость с конструкциями "период времени" ждёт исследования: *Так ослабла, что свои 4 километра до дачи сегодня ходила два часа; Слепой в маске бежит стометровку за 10.3... между переулками ночью...* (описание эпизода из фильма – инт.).

Чистовидовые корреляты – финальные перфективы типа *отходить, проходить, сходить*. Судя по всему, в описываемом значении все три типа перфективов в словарях не

отмечены, см. (Slovari.ru; ИЛБД). См. иллюстрации и комментарии.

а) Тип *отходить*: *Я только что отбежал стометровку и сидел на трибуне, стараясь сделать вид, что совершенно безразличен и непричастен ко всему, что происходит...* (инт.); *И за два дня, отбегав по болотам, кустам и полям не менее пятнадцати километров и расстреляв почти две коробки старых патронных запасов, был безмерно счастлив...* (инт.)

б) Тип *проходить*: *Замечу, что бетоном залиты под одно и пляжи соседних отелей, проходил метров 500, в обе стороны* (инт.); *Угловой удар Хавьер подает угловой Тайсон проходил метров 30, но отдал неточный пас* (инт.). Укажем, что их следует отличать от омонимичных пердуративов (см., например, (Zinova, Osswald 2014a; Zinova, Osswald 2014b)), ср. *проходить километр за 10 минут* и *проходить 10 минут*. Неправильность **проходить километр 10 минут* объясняется смешением данных омонимов. Из-за смешения с омонимичными имперфективам может возникать неоднозначность: *Школьники проходили маршрут, который состоял из трёх этапов. Первый этап они прошли за 10 минут со скоростью 120м/мин, второй этап они пробежали за 6 минут со скоростью 400м/мин, оставшиеся 500м они проехали на велосипедах. Найди, какой маршрут они преодолели* (инт.)

в) Тип *сходить* (на эти перфективы любезно обратил моё внимание М.Л. Федотов) представляется разговорным: *Кто ходил маршрут "Советские Ботаники" на Ай-Петри? Хотим сходит этим летом* (инт.); *Сходил метров 100 – смотрю вроде неплохая дорога со следами отсыпки и со следами автомобилей* (инт.).

3.4. Тип *ходит*^{Нез.Неп.}

Глаголы типа А обозначают единичное передвижение и употребляются со словами, указывающими на его границы: *Ходили маршрутом с рабочим по Магаданской области в начале 2000-х. Конец мая-начало июня...* (инт.); *В них выступала сборная Италии на Олимпийских играх 1948 года в Лондоне. Оттавио и сам был членом команды – бегал на дистанцию 400 метров с препятствиями* (инт.).

Не имеют узуального значения, но имеют актуально-длительное, а также общефактическое (см. примеры выше): *Эта группа сейчас ходит маршрутом «Советские ботаники».*

Сочетаемость с конструкциями "период времени" ждёт исследования.

Из трёх гипотетически возможных чистовидовых коррелятов – финальных перфективов типа *отходить*, *проходить* и *сходить* (см. описание негомогенных переходных глаголов типа *ходить* и негомогенных непереходных глаголов *ходить* типа В) – нам встретился только один: *Тогда обязательно сходим по всему советскому маршруту, до границы* (НКРЯ); *Сходил метров на 150 вверх по фоткал* (инт.); *У нас еще тысяча дел. Нам нужно поваляться в снегу,*

сбежать наперегонки до стены фабрики... (инт.). Представляется, однако, что перфективы типа *пробежать* и *отбежать* допустимы, см.: *Сам был членом команды – пробежал / отбежал на дистанцию 400 метров с препятствиями.*

Глаголы типа Б обозначают единичное передвижение и употребляются со словами, обозначающими его конечный пункт. Часты случаи эллипсиса этих слов, если указана цель передвижения: *Помню: ходили однажды далеко, километров за десять, в село Городок...* (НКРЯ); *...Помнишь, недели полторы назад, когда мы ходили гулять в любимую мою рошу...* (НКРЯ); *А вот муж с Сашкой нагулялись до позднего вечера. Ходили в зоопарк, в парк Горького, обязательно в Макдональдс (у нас пока нет такого), зашли и на Красную площадь* (НКРЯ); *Каждое утро ходил за молоком.*

Глаголы данного типа выделяются среди всех остальных омонимичных глаголов *ходить* своими специфическими чертами.

Прежде всего это касается парадигмы данных глаголов. Так, нам неизвестны случаи употребления форм настоящего времени (как личных, так и причастия), см. неестественность сконструированного примера: **Я не дома, я хожу в магазин, вернусь – перезвоню.* Можно думать, что рассматриваемая парадигма является в этом отношении дефектной.

Кроме того, с точки зрения правильности различаются ряд утвердительных и отрицательных форм. Ср., например: **Я буду ходить сегодня на пляж – Я не буду ходить сегодня на пляж; *Ходи сегодня на пляж – Не ходи сегодня на пляж; *Я бы ходил сегодня на пляж – Я бы не ходил сегодня на пляж; *Ты хочешь ходить сегодня на пляж? – Ты не хочешь ходить сегодня на пляж?; *Можешь ходить сегодня на тренировку – Можешь не ходить сегодня на тренировку.* Можно видеть, что утвердительными коррелятами неправильных предложений во многих случаях являются предложения с соответствующими формами глагола *идти*, см. о некоторых закономерностях в (Samedova 2016). См. также выразительный пример: *Сам Яковлев в интервью рассказал, что обсуждал с Путиным свое выдвижение: "С Владимиром Владимировичем мы говорили. Он не говорил "не ходи" или "иди" (инт.).*

Специального исследования ждут также синтагматические видовые значения данного глагола. Как представляется, для него характерно общефактическое значение и он неохотно употребляется в актуально-длительном. Так, в известных нам (немногочисленных) сложных предложениях с союзом *когда* он встречается исключительно в придаточной части: *Когда вчера я ходил в школу, я встретил друга* (Карцевский 2004: 137). Ср. данные НКРЯ.

Думается, изложенные факты представляют собой проявления серьезной конкуренции данного типа ненаправленных негомогенных непереходных глаголов с направленными негомогенными непереходными глаголами типа *идти*.

Сочетаемость рассматриваемых глаголов с конструкциями "период времени" ждёт исследования.

Чистовидовой коррелят (как и в случае с глаголами типа А, но не типа В) – финальный перфектив *сходить*: ...*Сходили погулять по улице Ленина, обсуждая во время прогулки новые моды, наведались в театр...* (НКРЯ); *Может, вам сходить, поинтересоваться* (НКРЯ).

Следует отметить, что значение членов рассматриваемых чистовидовых парадигм типа *ходить* / *сходить* не содержит сему 'обратно', ср. (а) и (б) примеры: а) *В конце концов сходил в амбулаторию, оттуда послали его в тубдиспансер...* (НКРЯ) – б) *...ходил в амбулаторию, оттуда послали его в тубдиспансер*; а) *Я сбегал на Сретенку в «Гастроном» купить что-нибудь поесть, но полки были пустые...* (НКРЯ) – б) *...бегал в гастроном, но полки были пустые*; а) *Прохор фыркал, отдувался, гоготал, сплавал на ту сторону, нарвал фиалок и царских кудрей, расцветил букет огнями желтых лилий и поплыл обратно* (НКРЯ) – б) *...плавал на ту сторону, нарвал фиалок..., поплыл обратно*.

Глаголы типа В обозначают единичное передвижение по множеству мест, обладающих общим признаком, или по определённой территории: *Вчера ходили по магазинам — мальчишек одевали* (НКРЯ); *Сегодня, пока бегал по делам, обнаружил в полковом клубе библиотеку, и, говорят, она даже иногда работает* (НКРЯ); *Вчера мы ходили с Петей по зайцам* (НКРЯ); *Вчера ходил дозором по деревне, сильно намерзся и думал* (НКРЯ).

Не имеют узуального значения, но имеют актуально-длительное, а также общефактическое, см. примеры выше.

Не сочетаются с конструкцией "за+период времени".

Чистовидовые корреляты – финальные перфективы типа *отходить*, *проходить*, *сходить*: *Отбегав по лесу в свое удовольствие, вернулась на полянку, достала плащ, надела, вышла из лесу, прошла к городу...* (инт.); *Отбегав по мокрой траве пару часов, я прекрасно позавтракал взятым из дома, нехитрым провиантом и лег спать в машине* (инт.); *Бодро отбегав по процедурам, наговорившись с соседками по палате, пококетничав со всеми врачами-мужчинами, женщина, тем не менее, уверяла сына, что дела ее плохи, как никогда* (инт.); *Отбегав по розариям Дуэ-ля-Фонтена, на закуску мы оставили посещение знаменитого (как мы поняли из Интернета) розария «Жардироз» («Jardirose»)* (инт.). *Пробегав по оптовым рынкам на «Новослободской» и на «Водном стадионе», где от таких названий продащицы краснели, словно я спрашивал что-то неприличное, добрался до Даниловского рынка* (НКРЯ); *Пробегав более часа по всем перекресткам — я остановился* (НКРЯ); *Пробегав по всем знакомым и друзьям, ровно через час Вася опять сидел в кабинете с каким-то свертком и конвертом в руке* (инт.); *Пробегав по всей Зоне и узнав, что Стрелок*

отправился в поход к Центру Зоны, и что он уже почти близко к цели, Лебедев собрал всех своих бойцов и повёл их против врага (инт.). Встав раненько с утра и сбегав по всем своим делам, я снова завалилась спать, ибо надо же подготовиться (инт.); Сбегав по домам, чтобы переодеться, так как утренняя прохлада уже прошла и день обещал быть жарким, парни встретились у дверей (инт.); Эти инвайты я, как правило, не использую, сбегав по ссылкам и посмотрев, куда меня пытаются затащить – ничего интересного для себя не увидела пока что (инт.); Вчера сходил дозором по улице.

3.5. Проблема идентификации

Несмотря на то что каждый из разграниченных омонимов обладает идиосинкратическим сочетанием свойств, конкретные примеры их употребления, естественно, не всегда поддаются точной идентификации, см.: "*... У нас уже так 15 лет никто не бегал*", – сказал Бодров после забега (инт.). Поскольку мы не можем однозначно утверждать, что здесь имеет место эллипсис, *бегал* допустимо интерпретировать как гомогенный или негомогенный, переходный или непереходный. Можно видеть, однако, что имеющая место неоднозначность ничуть не препятствует успешной коммуникации.

4. Заключение

Думается, что разграничение переходных и непереходных, гомогенных и негомогенных глаголов передвижения типа *идти* и типа *ходить* является надёжной отправной точкой на пути, ведущем к их непротиворечивому, исчерпывающему, предельно простому описанию. Уже на данном этапе исследования оно позволяет увидеть, что системные связи и поведение этих слов подчиняются закономерностям русской глагольной системы (Samedova 2016; Самедова 2018). Дальнейший анализ как уже представленного, так и пока не охваченного материала выявит ещё немало тонких, изящных деталей картины, которая сложнее и многообразнее той, что представлялась нам раньше и видится сейчас.

Список литературы

- Апресян Ю.Д. и др. (2006): Языковая картина мира и системная лексикография. Москва: Языки славянских культур.
- Апресян Ю.Д. (2009): Исследования по семантике и лексикографии. Т. 1: Парадигматика. Москва: Языки славянских культур.
- Апресян Ю.Д. (2011): Вид в активном словаре русского языка, Глагольный вид: грамматическое значение и контекст. III Конференция Комиссии по Аспектологии

Международного Комитета Славистов. Падуа: Падуанский университет, 4-9.

Апресян Ю.Д. (2013): Бегать и бежать: словарные статьи "Активного словаря русского языка", Московский лингвистический журнал. 15, 46-74.

Викисловарь. Бежать. <https://ru.wiktionary.org/wiki/бежать> (дата обращения: 10.09.18).

Виноградов В.В. и др. (1960): Грамматика русского языка. Т. 1. Москва: Издательство АН СССР.

Гловинская М.Я. (2001): Многозначность и синонимия в видо-временной системе русского глагола. Москва: "Азбуковник" – "Русские словари".

Горбачевич К.С. и др. (1991): Словарь современного русского литературного языка. Т.1. М.: Русский язык.

Добровольский Д.О. (2007): Структура многозначности в различных языках (на материале глаголов движения русского и немецкого языков), Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции «Диалог 2007». Москва: Изд-во РГГУ.

Зализняк А.А., Шмелёв А.Д. (2015a): Введение в русскую аспектологию, Русская аспектология: В защиту видовой пары. Москва: Языки славянской культуры, 15-151.

Зализняк А.А., Микаэлян И.Л., Шмелёв А.Д. (2015b): Видовая коррелятивность в русском языке: в защиту видовой пары, Русская аспектология: В защиту видовой пары. Москва: Языки славянской культуры, 214-215.

ИЛБД: Интегрированная лексикографическая база данных <http://grammar.spbu.ru> (дата обращения: 10.09.18).

Исаченко А.В. (1960): Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Ч. 2: Морфология. Братислава: Издательство Словацкой Академии Наук.

Караулов Ю.Н. и др. (1998): Русский язык. Москва: Большая Российская энциклопедия: Дрофа.

Карцевский С.И. (2004): Система русского глагола, Из лингвистического наследия. Т. 2. Москва: Языки славянской культуры, 31-207.

Летучий А. Б. (2014a): Возвратность. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. Москва.

Летучий А. Б. (2014b): Переходность. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. Москва.

Маслов Ю.С. (2004): Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание. Москва: Языки славянской культуры.

Шведова Н.Ю. и др. (1970): Грамматика современного русского литературного языка. Москва:

Наука.

Шведова Н.Ю. и др. (1980): Русская грамматика. Т. 1. Москва: Наука.

Шведова Н.Ю., Лопатин В.В. (2002): Краткая русская грамматика. Москва: Педагогическая книга.

Самедова Н.Г. (2010): Об одной аспектологической теории (в связи с вопросом о потенциале структурной лингвистики), Теоретическая и прикладная лингвистика: пути развития: К 100-летию со дня рождения В.А. Звегинцева: Материалы конференции. М.: изд-во Моск. ун-та, 77-78.

Самедова Н.Г. (2011): О статусе видовой парадигмы прыгать / прыгнуть, Категории глагольной множественности в славянских и неславянских языках (синхрония и диахрония). Скопье: филолошки факултет «Блаже Конески», 59-78.

Самедова Н.Г. (2013): Омонимические конструкции *стать+инфинитив*: закономерности поведения, *Acta universitatis szegediensis. Dissertationes slavicae sectio linguistica XXX*. Szeged, 151-170.

Самедова Н.Г. (2015): Перфективность и сема 'процесс': о когнитивном аспекте взаимодействия, Труды Пятой конференции комиссии по аспектологии Международного комитета славистов «Аспектуальная семантическая зона: типология систем и сценарии диахронического развития". Киото: изд-во ун-та Киото Сенгё, 248-254.

Самедова Н.Г. (2016a): К уточнению понятия предельность (взгляд сквозь призму нетрадиционной аспектологической теории), III Международный научный симпозиум «Славянские языки и культуры в современном мире». Москва: изд-во Моск. Ун-та, 35-38.

Самедова Н.Г. (2016b): Об актуальности взглядов Б.Н. Головина на проблему видového значения, Научное наследие Б.Н. Головина в свете актуальных проблем современного языкознания. Нижний Новгород: изд-во Нижегородского ун-та им. Н.В. Лобачевского, 144-148.

Самедова Н.Г. (2018): Традиционное описание глаголов передвижения типа *идти – ходить*: о проблемах и о пути их решения, Труды Института лингвистических исследований РАН. *Acta linguistica Petropolitana* (сдана на рецензирование).

References

Kagan O. (2010): Aspects of motion: On the semantics and pragmatics of indeterminate aspect, *New approaches to Slavic verbs of motion*. Amsterdam: John Benjamins, 141-162.

Samedova N.G. (2016): Verbs of locomotion like *идти (to go) – ходить (to walk)*: some thoughts on their semantic description, *LEGE ARTIS. Language yesterday, today, tomorrow*, 1. De Gruyter Open,

308-358. DOI: 10.1515/lart-2016-0007 (дата обращения: 10.09.18).

Slovari.ru <http://www.slovari.ru/default.aspx?s=0&p=221> (дата обращения: 10.09.18).

Zinova IU., Osswald R. (2014a): A frame-semantic analysis of Russian verbs of motion, Szklarska Poreba Workshop, 11-12.

<https://sites.google.com/site/szklarskaporebaworkshop/program>

Zinova IU., Osswald R. (2014b): A frame-semantic analysis of Russian verbs of Motion (Slides), Szklarska Poreba Workshop. 2014. https://www.academia.edu/6220166/A_frame-semantic_analysis_of_Russian_verbs_of_motion

РЕЧЕВОЙ ЭТИКЕТ И РАСПРЕДЕЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ РОЛЕЙ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ ПОСЛОВИЧНЫХ ЗАПРЕТОВ)

Сванидзе Кетеван Автандиловна
Батумский государственный университет имени Шота Руставели, Грузия
ketevan.svanidze@bsu.edu.ge

SPEECH ETIQUETTE AND THE DISTRIBUTION OF SOCIAL ROLES (BASEN ON RUSSIAN PROVERBIAL PROHIBITIONS)

Svanidze Ketevan
Shota Rustaveli State University, Georgia
ketevan.svanidze@bsu.edu.ge

АННОТАЦИЯ

Обусловленность речи субъектом признаётся лингвистами общим организующим принципом. Сопряжённость текста с практическими действиями человека, его конкретными поступками или творческой деятельностью выводит нас на такой важный аспект в процессе изучения пословичных текстов, как сферы проявления нормативных отношений. В пословичных текстах запретителем является субъект, по воле которого происходит выбор средств запрета. Однако, выбор средств запрета происходит и с учётом социального статуса адресата. И поскольку пословица – это норма, к которой пришло данное общество путём наблюдений на протяжении веков, объектом запрета обычно выступает отдельный индивид, запретителем – общество, а формой запрета – императив.

ABSTRACT

The linguists recognize the conditionality of speech as the general organizing principle. Conjugation of the text with practical actions, its concrete steps or creative activity leads us to such an important aspect in the process of studying proverbial texts as a sphere of manifestation of normative relations. In proverbial texts, the prohibitor is a subject, at whose will there is a choice of means of prohibition. However, the choice of means of prohibition also takes into account the social status of the addressee. And since the proverb is the norm to which this society came, - the prohibition is society, and the freedom of prohibition is an imperative.

Ключевые слова: речевой этикет; эквивалентная и неэквивалентная социальность; субъектно-объектная градация.

Keywords: speech etiquette; equivalent and equivalent sociality; the subject-object gradation.

Еще в древности в человеческом обществе стали наблюдаться борьба и несогласие между людьми в связи с общественным разделением труда. Это первое общественное разделение труда явилось и первой социальной дифференциацией внутри рода, племени, в рамках первобытного строя. Возникли общественные различия. Общество разделилось на две

части – представителям одной части предоставляются почти все права, а на другой взваливаются почти все обязанности. Они не сосуществуют, подчиняя и подчиняясь, безоговорочно и бесконфликтно. Усилились противоречия между ними, кроме того, возросли противоречия не только между, но и внутри классов. Вместе с тем зарождались язык, религия и искусство.

Собственность, неравноправие, классы и религиозные идеологии, изменения в социальной структуре находят отражение в языке. Все единицы языка и их варианты, все формы, все функции и все значения в языке представляют собой социально обусловленные социализированные отношения. Иначе говоря, меняются социальные отношения, меняется язык.

Поскольку люди произвольно разделяют взгляды и позиции того социального класса, к которому принадлежат, «на основе действия сложных внутренних механизмов человек невольно становится представителем и защитником своего класса» (Надирашвили, 1979: 116), соответственно, и норм, удовлетворяющих его запросы и требования, поэтому потребовалось наличие средства усиленного воздействия на человека – представителя противоположного класса или же члена своего же коллектива при внутри коллективных противоречиях. И эту функцию успешно могли выполнять произведения устного народного творчества.

Пословица, будучи неразрывно связана с определенным обществом и конкретным моментом истории, вместе с тем отражает и осмысляет народную мудрость, выведенную в результате долгих наблюдений и умозаключений. Язык изначально отражал жизнь – труд, отдых и многое другое, а далее стал отражать социальные нормы в форме пословиц (и не только).

Пословичные противопоставления основаны, как правило, на полярных оппозициях (*высший свет – нищета*): господствующий класс, с целью (как бы) оправдать свои действия, наделяет неимущих всевозможными пороками, принижает их умственные способности. А простой народ в живой действительности «не видел никакого средства управиться со своими поработителями и должен был безмолвно склониться пред их силою. Но тяжела была ему покорность, и он все не оставлял мечтать о лучшей жизни. И он создавал пословицы – иронически характеризующие бояр» (Добролюбов 1971: 65). Следовательно, происхождение пословиц, как отражений дифференциации общества было обусловлено именно влиянием общества.

Говорящий представляет предметы, события и т.п. посредством текста так, чтобы было достигнуто определенное воздействие на адресата, и чтобы были выполнены определенные коммуникативные задачи. Важную роль в этом плане играют национально-специфические

правила поведения, как речевого, так неречевого. Именно такая особая система социального поведения и устойчивых формул обращения обозначается термином речевой этикет.

Любые средства выражения отношения к собеседнику, будь то слова или жесты приветствия, прощания или др. существуют не сами по себе, а лишь по отношению к другому человеку. И их обязательное повседневное и повсеместное соблюдение и исполнение – необходимое условие общения. Этикет поведения, неречевой этикет вербально обслуживает речевой этикет. Наряду с невербальным он отмечает в акте коммуникации множество социально значимых позиций, в том числе и степень знакомства/незнакомства коммуникантов, равенство/неравенство их в ситуации общения. К вербальным социально-символическим средствам можно отнести выбор стиля произношения, намеренную имитацию произносительных навыков социальной группы, принадлежность к которой демонстрируется, намеренный выбор одной из форм языка в качестве средств общения, выбор форм обращения.

Язык не может не подчиняться определенным правилам, ситуативно-обусловленным употреблением языковых средств, ибо как говорящий, так и слушающий должны обладать навыками, отличающимися высокой степенью сложности:

- с одной стороны – языковой выбор говорящего предполагает значительные сведения о состоянии и статусе адресата;
- с другой стороны – слушающий же, отдает себе отчет в том, кто (по социальному положению) с ним говорит и каков его социальный статус по сравнению с его собственным. В зависимости от этого он оценивает и свою собственную роль, свое значение и место в данном акте коммуникации.

В контактной визуальной диалогической речи проявляется двусторонняя социальность: с одной стороны, социальность речи первого собеседника, с другой – социальность речи второго собеседника. Если оба собеседника являются представителями одной и той же социальной группы, одного и того же поколения, одного мировоззрения, одного и того же общеобразовательного и культурного уровня, то содержание социальности диалогической визуальной речи первого собеседника может совпадать с содержанием социальности речи второго собеседника. Двусторонняя контактная визуальная социальность можно назвать эквивалентной.

Двусторонняя социальность может быть и неэквивалентной. Параметры социальности первого собеседника могут отличаться от параметров социальности второго, т.е. могут не совпадать их общественно-социальный статус, уровень общеобразовательного и культурного развития, они могут быть представителями разных социальных групп и разных возрастных, а также половых групп.

Это – разносоциальные собеседники. Но бывают и случаи, когда одни параметры у двух собеседников одинаковы, а другие – разные. Таких собеседников можно назвать собеседниками со смешанными параметрами или **смешанными социальными признаками**. С практической и теоретической точек зрения важно учитывать эти и другие отличительные особенности проявления социальности в контактной двусторонней визуальной внешней диалогической и монологической речи.

Вопрос о социальных ролях, говорящих в процессе общения существенен для понимания речевого этикета. В пословицах явно проявляется, какие по положению (общественному или другому) люди общаются в данный момент, если не в обращениях, то в других компонентах текста. Обращения типа *Солома, Середа (Солома, с огнем не дружись)* могут быть абсолютно нейтральными, но *не суйся, рыло (Не суйся, Середа, наперед четверга; Ах ты, Вавила! Не берись за вилы, не умывши **рыла**; Со свиным **рылом** в калачный ряд **не суйся!**)* можно сказать лишь равному или стоящему на более низкой ступени общественной лестницы, но ни в коем случае не старшему по возрасту или по общественному положению. Если общаются равные по положению или возрасту собеседники, тогда ситуация оказывается симметричной. А если общаются неравные собеседники, то и это находит в пословицах яркое отражение. Мы встречаем противопоставление по признакам: старший – младший, т.е. различие в возрасте, барин – холоп, различие по общественному положению. В таких (и других) случаях ситуация оказывается асимметричной.

Общество вырабатывает ритуальные формы поведения (в том числе и речевого) при установлении и поддержании контакта с собеседником и требует от носителей языка соблюдения этих правил.

С раннего детства люди научаются пользоваться этикетными знаками, формулами приветствия, прощания, извинения, благодарности и т.д. и негативно реагируют на несоблюдение или нарушение таких правил со стороны собеседника. Носители языка объединены в социум, пользующийся широким набором как общеупотребительных, так и стилистически ограниченных выражений речевого этикета. Поэтому, даже тогда, когда человек, попадает в совершенно различные условия общения, скажем, в одном случае он может быть говорящим, произносящим пословицу, т.е. воздействующим лицом, а в другом случае он сам может стать адресатом, слушающим, следовательно, и объектом воздействия. В зависимости от этого он может иметь различный статус в соотношении старший – младший или учитель – ученик (а также во многих других ситуациях), и в зависимости от социального статуса собеседника, а также, естественно, своего собственного, он способен провести отбор средств языка, речевого этикета при осуществлении общения. Даже воспроизводя,

репродуцируя такие готовые тексты как пословицы, говорящий все же действует не механически, а производит сложную операцию отбора в речевой акт того из наличных выражений, которое оказывается наиболее уместным для данной обстановки общения, включая сложные оттенки взаимоотношений общающихся, как постоянных, так и возникающих в момент контакта.

При отборе и при выборе средств, необходимых для осуществления контакта необходимым требованием является учет их стилистической окраски. И стилистическая маркированность выражений речевого этикета обеспечивается в первую очередь официальностью и неофициальностью обстановки общения, характером взаимоотношений общающихся и их принадлежностью к различным социальным группам.

Теоретическое осмысление речевой коммуникации, – в каких бы представлениях и терминах оно не осуществилось – вряд ли возможно без учета межличностных взаимоотношений в рамках социальных групп.

Всеобщность многих социальных отношений требует включения людей в определенные акты общения, взаимодействия личности с другим членом группы. В языкознании и теории коммуникации любые ситуации общения характеризуются, сопоставляются, классифицируются с учетом (наряду с целью общения, воздействием на адресата, ситуацией общения и содержанием общения) таких компонентов (имеющих место в любой коммуникативной ситуации), как 1) адресант, т.е. говорящий или пишущий; 2) адресат, т.е. слушающий или читающий. Следовательно, речевое общение и такая его разновидность как РВ, и каковым являются функционирование пословицы, адекватно могут быть описаны только в виду системы дополнительных по отношению друг к другу моделей, построенных с точки зрения субъекта воздействия и объекта воздействия.

При описании акта общения как РВ, имеется в виду позиция одного из коммуникантов, который фигурирует как субъект воздействия только потому, что «в глазах наблюдателя он демонстрирует большую активность, продуцируя речевые тексты, в то время как объект воздействия воспринимает их, что предполагает не меньшую активность, но активность внутреннюю» (Тарасов 1990: 9).

Использование схемы «субъект – объект» для описания общения в целом и РВ в частности дает возможность ввести в исследование речевого воздействия развитый понятийный аппарат теории деятельности, а построение дополняющих друг друга моделей акта общения позволяет более адекватно отобразить деятельность коммуникантов.

С точки зрения субъекта речевого воздействия, оно строится как общение, в структуре которого осуществляется побуждение к совершению некоторой деятельности. Если

коммуниканты связаны отношениями субординации в рамках определенной социальной структуры, то речевое воздействие может быть сведено к императивному требованию, адресованному обладателем более высокого социального статуса владельцу более низкого статуса совершить указанную деятельность. Пословичные запреты как раз представляют собой акты общения коммуникантов, связанных отношениями координации, когда субъект воздействия может предъявить императивные требования объекту или, в крайнем случае, побудить к добровольному совершению действия.

Категория субъекта, автора текста является центральной категорией. Повседневному человеческому общению присущи такие прагматические параметры, как автор речи, его коммуникативная установка. Именно автор «манифестирует тот организующий принцип, которому подчиняются прочие языковые средства в их партитурном звучании для создания цельного, связного и, что наиболее существенно с точки зрения проблематики типологии текстов в коммуникативном разнообразии, ситуативной адекватности текста» (Адмони 1988: 211).

Обусловленность речи субъектом признается лингвистами как общий организующий принцип. В пословичных текстах автор представляет в совокупности своих социальных и психологических свойств, создавая в тексте свой образ как доминанту над объектом. Но, поскольку пословицы удовлетворяют запросы общества в целом и его отдельных социальных, сословных, профессиональных групп, отдельных представителей, не удивительно, что среди пословиц любого народа есть самые различные, в том числе и такие, которые отнюдь не выглядят мудрыми. Об этом мы уже говорили выше. Можно лишь добавить, что подлинное произведение искусства всегда несет на себе отпечаток личности его создателя, его взглядов и убеждений. А автором пословицы может выступать любой субъект, любой член общества.

В пословичных запретах субъект является запретителем. Выбор средств запрета происходит по воле автора. Но в нормальной речевой обстановке должны присутствовать как субъект, так и объект, и эти параметры, параметры говорящего и адресата должны быть между собой согласованы, что обеспечивает правильное ведение коммуникации. Соответственно, выбор средств запрета происходит и с учетом социального статуса адресата. И поскольку пословица – это норма, к которой пришло данное общество путем наблюдений на протяжении веков, объектом запрета, обычно выступает отдельный индивид, запретителем – общество, а форма запрета – императив. Обработка речи происходит под давлением фактора адресата. Поэтому необходимо выделить в качестве критерия отбора языковых средств ориентированность на адресата.

Соотношения «субъект – объект» могут быть разные:

а) *общество запрещает индивиду* – соотношение, наиболее часто встречаемое с той точки зрения, что пословицы – результат многовекового наблюдения, возведенный в ранг нормы, правила, именно данным обществом и в пословицах явно чувствуется присутствие общества, его почерк. В них предметом обсуждения становится то, что затрагивает интересы не отдельно взятой личности или выделившейся из общества группы, а непременно всего коллектива как целого:

Без дела жить – только небо коптить;

Не за свое дело не берись, а за своим не ленись и т. п.;

б) *индивид запрещает индивиду* – такое соотношение имеет место только тогда, когда запрет касается межличностных отношений:

Хочешь есть калачи, так не сиди на печи;

Не ищут дороги, а спрашивают;

Не бойся дороги. Были бы кони здоровы и т. п.;

в) *индивид запрещает обществу* – наименее встречающийся тип пословичных запретов.

В таком случае запрет не категоричен, наоборот, он как бы заключает в себе просьбу:

Не спешите казнить, дайте слово молвить;

Не то забота, что много работы, а то забота, как ее нет;

От работы не будешь богат, а будешь горбат и т. п.;

г) *общество запрещает обществу* – такое соотношение, наверное, выводит нас на межкультурные несогласия и противоречия.

Сопряженность текста с практическими действиями человека, его конкретными поступками или творческой деятельностью выводит нас на такой важный аспект в процессе изучения пословичных текстов, как сферы проявления нормативных отношений.

Разнообразными являются и сферы, в которых возникают и применяются пословицы. Языковые средства – это культурные элементы языка, отражающие социальную реальность. На этой основе можно выделить и сферы возникновения и функционирования пословиц.

Основной социально-экономической ячейкой общества являлась патриархальная семья, «включавшая в свой состав на правах ее младших членов и рабов. В хозяйственной жизни и семейных отношениях главную роль стал играть мужчина, следовательно, мы можем размышлять в терминах первичных отношений в первичных социальных группах, или сферах, если использовать распространенный в социолингвистике термин «сфера семьи», содержащая отношения:

(1) семейной иерархии: родитель – ребенок (отец, мать - сын, дочь);

(2) половой иерархии: мужчина – женщина, муж – жена, брат – сестра;

Не менее важное место в пословичных запретах занимает и возрастная иерархия, касающаяся как членов одной семьи, так и разных семей, разграничивая людей старших, «уважаемых за свои лета по естественному чувству крови, которое ставило старика молодому вместо отца» (Афанасьев 1986: 27). К этому чувству крови присоединялось понятие о большой опытности старого человека. Знания приобретаются опытом жизни, испытанием судьбы, бывалостью в различных обстоятельствах. Для всех младших членов семьи (и не только своей) он был вместо отца. Его власти надо было подчиняться, как власти старшего. По этому признаку общество дифференцировалось на старших (по возрасту и по опыту) и младших.

(3) старый – молодой

(4) более опытный – менее опытный, неопытный

Такие отношения проявляются, обычно, внутри общества, трудового коллектива.

Наиболее интересным представляется нам директивная иерархия. В этой связи следует отметить, что раньше фольклор считался результатом мыслительной деятельности лишь простого народа, между тем, как справедливо отмечает В.Е. Гусев, «изучая пословицы хотя бы в сборнике Даля, мы без труда наблюдаем в них переключку явно враждебных голосов

Умная голова сто голов кормит

Нет в голове, нет и в мошне.

Это голос богатства, связывающего зажиточность с умом, с изворотливостью – голос богатея, который считает бедняка дурнем.

Иван-дурак отвечает своими пословицами:

У богатого гумна и свинья умна

Мужик сер, да ум-то у него не волк съел

У барина и свинья барской породы» (Гусев 1970: 235).

В таком случае совершенно ясна классовая природа и таких пословиц, как: *Раб госпоже, что мед на ноже; Холопье слово, что рогатина*

и иерархия: барин – холоп (старший по общественному положению – младший по своему общественному положению).

Было бы неправильно, однако, утверждать, что каждая пословица имеет только один, раз и навсегда в нее вложенный смысл. Тысячи пословиц произносятся при самых различных, иногда - противоположных по значению, случаях.

Кроме всего вышесказанного о социальном взаимодействии людей в пословицах находят отражение все бытовые и жизненные наблюдения народа, ибо пословицы, единицы народного творчества, изменяются, развиваются и пополняются сообразно с развитием жизни народа,

когда идет нарастание, расширение и углубление сфер социального взаимодействия. И что наиболее важно, подлинную историю нельзя знать, не зная устного творчества.

Если структуры сознания понимать как психологические образы явлений реальности мира, при помощи которых человек организует свое восприятие, осуществляет ориентировку в условиях предстоящей деятельности и планирует эту деятельность, т.е. мысленно совершает ее, прежде чем осуществить ее реально, то становится очевидно, что речевое воздействие – прежде всего процесс влияния на сознание объекта воздействия.

Список литературы

Адмони В.Г. (1988): Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики. Ленинград: Наука.

Афанасьев А.Н. (1986): Народ-художник. Миф. Фольклор. Литература. Москва: Сов. Россия.

Гусев В.Е. (1970): Философские труды В.И. Ленина и теоретическое изучение фольклора, Ленинское наследие и изучение фольклора. Ленинград.

Добролюбов Н. А. (1971): О степени участия народности в развитии русской литературы. Москва.

Надирашвили Ш.А. (1979): Психология пропаганды. Тбилиси: Мецниереба.

Тарасов Е.Ф. (1990): Речевое воздействие в сфере массовой коммуникации. Москва: Наука.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ЭТНОНИМИКИ

Сироткина Татьяна Александровна
Сургутский государственный педагогический университет, Россия
sirotkina71@mail.ru

CURRENT PROBLEMS OF MODERN ETHNOMICS

Sirotkina Tatyana Aleksandrovna
Surgut State Pedagogical University, Russia
sirotkina71@mail.ru

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются проблемы современной этнонимии, к которым автор относит: определение языкового статуса этнонима, границ этнонимии и отдельных этнонимов; описание развития этнонимикона и функционирования этнических имен в разных сферах речевой коммуникации; рассмотрение взаимодействия этнонимии с другими лексическими системами; исследование категоризации этнической семантики; построение модели системной организации этнонимической лексики; изучение этностереотипов. Делается вывод о том, что решение их требует привлечения для анализа местного языкового материала, тщательного описания истории развития и современного состояния региональных этнонимиконов, а также создания словарей.

ABSTRACT

The article deals with the problems of modern ethnonymy, to which the author refers: the definition of the linguistic status of an ethnonym, the boundaries of ethnonymy and individual ethnonyms; a description of the development of the ethnonymic and the functioning of ethnic names in various spheres of speech communication; consideration of the interaction of ethnonymy with other lexical systems; a study of the categorization of ethnic semantics; building a model system organization of ethnonymic vocabulary; study of ethno-stereotypes. It is concluded that their solution requires involvement for the analysis of local language material, a thorough description of the history of development and the current state of regional ethnonymy, as well as the creation of dictionaries.

Ключевые слова: этноним; этнонимика; этнонимикон; категория; категоризация; этнический стереотип; лексикография.

Keywords: ethnonym; ethnonymy; ethnonymicon; category; categorization; ethnic stereotype; lexicography.

Этнонимы (названия народов) являются объектом изучения особой науки – **этнонимии**, которая начала активно развиваться в России с 70-х гг. XX в.

В 1970 г. вышел сборник «Этнонимы», предисловие к которому написал В.А.Никонов (Никонов 1970). На многие вопросы, поставленные автором, до сих пор нет однозначного

ответа: «Относить ли этнонимы к ономастической лексике?»; «Какие типы имен включать в разряд этнонимии?» Сам В.А.Никонов, во-первых, относит этнонимы к именам собственным, во-вторых, придерживается широкого понимания термина «этноним», включая в этнонимию названия наций, родов, племен, территориальные наименования жителей. Вместе с тем он справедливо замечает, что «особенность таких названий желательно отразить внутри этнонимии терминологически» (Там же: 8).

А.И.Попов в книге «Названия народов СССР. Введение в этноимику» определил объем термина «этноимика» следующим образом: «Термином «этноимика» будем обозначать тот отдел исторической ономастики, который содержит сведения о названиях племен, фратрий, родов, племенных союзов, различных этнографических групп, народностей, наций, а также связанных с этими данными некоторые наименования областей, земель и стран, – вообще местные имена «этнического» характера» (Попов 1973: 6).

В 1978 г. в «Словаре русской ономастической терминологии» появляется термин *этноним*, служащий для обозначения «любого этноса» (этнической группы, племени, народа, национальности и т.д.) (Подольская 1978: 167). В 1979 г. в энциклопедии «Русский язык» Г.В.Подольская уточняет объем данного понятия, определяя, что термин *этноним* «служит для обозначения любого этноса: рода, племени, союза племен, народности, народа, нации» (Русский язык 1979: 408)

Назовем основные проблемы современной этноимики, которые, по нашим наблюдениям, еще нуждаются в решении.

1. Проблема языкового статуса этнонима. Этноимию как разряд лексики имеет двойственный характер. С одной стороны, этнонимы являются нарицательными обозначениями, с другой – традиционно рассматриваются внутри ономастической системы в качестве периферийных ее единиц. Двойственный характер имеют этнонимы и с точки зрения теории референции. Они, с одной стороны, являются «идентифицирующими» именами (к которым обычно относят имена собственные), с другой – «характеризующими» (которыми традиционно являются аппеллятивы). Логичнее всего, на наш взгляд, определение этнонимов как промежуточного звена между именами собственными и именами нарицательными.

2. Проблема границ этнонимии и отдельных этнонимов. Понятие «этнос» достаточно широкое. Кроме названий племен и народов, в него могут включать названия этноконфессиональных групп, родов, субэтнических групп. Так, в словаре «Какого мы роду-племени?» Р.А.Агеевой (Агеева 2000) наряду с собственно этнонимами (названиями племен и народов) даются и такие именования, как *казаки* (субэтническая группа русских) и т.д. Таким образом, существует узкое и широкое значение термина «этноним». При широком понимании

в этнонимии входят даже коллективные прозвища, которые в этом случае называют микроэтнонимами.

На наш взгляд, основой определения границ этнонимии должны являться границы понятия «этнос», определенные этнографами. «Этнографическая наука выработала свой аппарат понятий и определений, с помощью которого раскрывается феномен этничности» [Черных 2003: 7]. Основным и определяющим является понятие **этнос** – исторически сложившаяся общность людей, характеризующаяся на стадии этногенеза общностью территории и языка, а также приобретающая в ходе своего развития этническое самосознание и общие черты в материальной и духовной культуре. Важным, безусловно, является и понятие **этнической общности**. Существуют этнические общности разных уровней и порядков. К одному уровню, например, относятся *русские казаки* или *поморы* в составе русского этноса, к другому – *русские*, к третьему – *восточные славяне*, к четвертому – *славяне вообще*. Для обозначения внутренних подразделений этноса, части этнической общности, этнографы пользуются определением **этнографическая группа** или **этническая группа**. Этнографические группы складываются на основной этнической территории и не изолированы от этнического ядра. Этнические группы – те части этноса, которые расселились и функционировали вне основной этнической территории, в большем или меньшем отдалении от нее, в иной лингвокультурной среде (Кузеев 1992: 17).

Мы придерживаемся такого определения границ этнонимии, при котором в поле исследования попадают **этнические общности разных уровней**. Однако ученый, описывающий эти разные типы общностей, должен обязательно помнить, об этносе какого уровня идет речь.

3. Проблема развития этнонимикона. Она касается не только этнонимикона определенного языка, но и региональных этнонимиконов.

Например, со временем могут расширяться границы этнонимического поля. На примере этнонимикона Пермского края можно проследить, что в него, помимо имен народов, исторически освоивших данную территорию, в данный момент входят такие этнонимы, как *цыгане*, *армяне*, *таджики* и многие другие.

Развивается этнонимикон и структурно: меняется формантное оформление языковых единиц, чаще всего под влиянием законов речевой экономии и аналогии, сокращается количество единиц в синонимических рядах. Так, по сравнению с обширным синонимическим рядом *башкирец* — *башкирятин* — *башкирянин* — *башкирятенин*, отмеченным в текстах пермских деловых документов XVI – начала XVIII вв., в научных описаниях XIX в. функционирует обычно форма *башкирец*.

Как известно, в начале XX в. многие экзоэтнонимы (*вогулы, остяки, вотяки*) были официально заменены автоэтнонимами (*манси, ханты, удмурты*). В этом случае интересны моменты знания/незнания референции старых/новых этнических имен представителями различных возрастных групп. Современные студенты не могут ответить на вопрос, как сейчас называют *остяков* или *вогулов*. И наоборот, представители старшего поколения носителей пермских говоров отвечают на этот вопрос (записи диалектной речи сделаны в 70-е гг. XX в.): «Не знаю, не видел ханты, манси. Вогулы вот были».

4. Проблема функционирования этнонимов в разных сферах речевой коммуникации. Этнонимы – это и научные термины, и единицы разговорно-бытового общения, и средства художественного описания. В различных сферах речевой коммуникации они выполняют определенные роли, отличаются особенностями функционирования.

Только описав функционирование этнических имен в разных типах дискурса, мы сможем представить более полную картину этнонимикона в целом.

5. Проблема взаимодействия этнонимии с другими лексическими системами. Поскольку этнонимия имеет двойственный характер, логично рассматривать взаимодействие ее 1) с системами имен собственных (прежде всего топонимов и антропонимов), 2) с системой нарицательной лексики определенной территории.

Взаимодействие этнонимической и топонимической систем проявляется в наличии этнотопонимов, например ойконимов, имеющих в основе этноним. Но связь ойконима с этнонимом может быть как прямой, так и опосредованной (через антропоним).

Этнотопонимы исследовали многие ученые: Р.А.Агеева, В.А.Никонов, А.И.Попов, Э.М.Мурзаев, Н.А.Баскаков, Е.М.Поспелов, Л.Л.Трубе, В.А.Жучкевич и др. Данной проблеме посвящен ряд кандидатских диссертаций (см., например, работу С.С.Губаевой «Этнонимы в топонимии Ферганской долины» (М., 1973). Этнотопонимам целиком посвящен сборник Московского филиала Географического общества СССР «Этническая топонимика» (М., 1987) со вступительной статьей Е.М.Поспелова.

Проблемы этнической топонимики обсуждаются в рамках конференции «Ономастика Поволжья». Например, В.С.Картавенко, рассматривая функционирование этнонима «татары» в топонимии Смоленского края, отмечает, что на исследуемой территории «многочисленны названия с корнем татар- и различными аффиксами. Так, название *Татаринка* до сих пор фиксируется в трех районах Смоленской области, *Татарка* встречается дважды, *Татарщина* тоже два раза, *Татарово, Татарск, Татаровщина, Татарки* - один» (Картавенко 2002: 101).

Один из ведущих ученых-ономатологов А.К. Матвеев в своей книге «Субстратная топонимия Русского Севера» поднимает важную проблему установления происхождения

этнотопонимов. «Уже давно установлено, – пишет он, – что очень многие этнотопонимы фактически являются этноантропотопонимами, т.е. географическими названиями, образованными от антропонимов, в основе которых лежат этнонимы, т.е. от этноантропотопонимов» (Матвеев 2001: 66).

Л.М.Майданова на материале географических карт, списков населенных пунктов, записей топонимических и диалектологических экспедиций смогла «выяснить ареалы топонимов и сделать некоторые выводы о расселении финно-угорских народов Урала к XV – XVI вв., то есть к началу колонизации Урала» (Майданова 1962: 22).

В монографии Е.Л.Березович «Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте» рассматривается группа топонимов с семантикой «чужак вообще, чудь», соотносимых в сознании информантов с наименованиями финно-угорских народов. В нее входят топонимы, имеющие в основе этнонимы *зыря* (ручей Зыря), *лопарь* (дер. Лопариха), *мордвин* (ручей Мордвинка), *черемис* (речей Черемисский), *чуд* (д. Чудиново) и др. (Березович 2000: 459).

Г.Н.Чагин, исследовавший топонимию Чердынского уезда по письменным памятникам XVI – XVII вв., выделяет группу топонимов, связанных с родовыми и племенными именами, и отмечает, что «топонимические пласты, восходящие к наименованию племен и народов, живших на территории Чердынского уезда, восходят к очень древним временам» (Чагин 2003: 22).

Такие же сложные связи отмечаются во взаимодействии этнонимии и антропонимии. А.С.Кривощекова-Гантман пишет: «Корни фамилий могут сигнализировать о национальности своего первоносителя: Вотяков, Вотинов (вотяк, ныне удмурт), Перминов, Пермитин, Пермьяков (пермяк – русское название коми), Русаков, Русинов, Русских (русский, а также диалектные русин, русак, русан) и др. В основе названных фамилий – прозвища по этническому происхождению. Так, в г. Чердыни при Яхонтове жили Нежданко Семенов сын Зырян, Офонька Васильев сын Корела, Родька Иванов сын Черемисинов, Иванко Югрин» (Кривощекова-Гантман 1972: 251). Отметим здесь, что слова *пермитин* и *пермичи* в пермских деловых памятниках не являются этнонимами, используются в значении «жители Перми Великой любой национальности» (Полякова 1976: 10).

Вместе с тем человек мог получить прозвище, давшее впоследствии фамилию, не по этнониму, а по нарицательному слову живой диалектной речи, например, *зырянником* в Прикамье могли назвать человека, который таращит глаза (от глагола *зырять* «смотреть»).

Отражению этнических имен в апеллятивной лексике посвящены лишь отдельные статьи. Так, О.М. Белоусова отмечает, что «отэтнонимические наименования составляют значительный пласт в апеллятивной лексике, как литературной, так и диалектной»; ее статья

строится «на материале примерно 900 таких наименований, русских и иноязычных, извлеченных из различных словарей русского языка» (Белоусова 1979). Н.В. Землякова, рассматривая устойчивые образные номинации человека, также обращается к этнонимическим примерам. Как показывает ее материал, номинативных единиц модели «человек как мифологический, литературный и т.п. персонаж – человек» – наибольшее количество. Этнонимы как образные единицы представляют следующие сферы: 1) характер («хитрый» – еврей, цыган, сто китайцев); 2) поведение («вежливый» – англичанин, француз); 3) внешность («узкоглазый» – китаец, монгол); 4) умственные способности («глупый» – чукча) (Землякова 2005: 105).

Вместе с тем использование этнических имен в качестве нарицательных характеристик человека – явление очень распространенное и требующее особого исследования. Например, в жаргоне уголовного мира *башикиром* называют милиционера (Дубягина 2003: 33), *индусом* – отбывающего наказание в штрафной камере или ШИЗО (Дубягина 2003: 79).

По мнению исследователей, семантика любого имени лица может быть представлена в виде многослойной структуры, каждый из слоев которой состоит из набора компонентов, характеризующих тот или иной смысловой аспект имени лица. «Данная структура представляет собой матрицу, состоящую из компонентов, обозначающих признаки человека – объекта восприятия, которые осознаются познающим субъектом как онтологически присущие данному объекту» (Саржина 2005: 9). Таким же образом может быть представлена, на наш взгляд, и семантика этнонимов, выступающих в нарицательном значении.

6. Проблема категоризации этнической семантики.

Согласно классической теории категорий, восходящей к греческой античности, категории определяются на основе необходимых и достаточных признаков. «Часть наших знаний структурируется посредством «классических парадигм» по принципу вариант – инвариант, однако определенная часть нашего опыта организована иным, более сложным способом – лучевых структур с центральными (прототипичными) и периферийными членами категории, которые по-разному демонстрируют некоторые типы подобия с лучшим представителем своего класса» (Борискина 2003: 11).

В 1953 г. в «Философских исследованиях» Л. Витгенштейн писал, что в своей повседневной жизни мы применяем неклассический подход к категоризации. Концептуальные категории и членство в них чаще всего определяются не необходимыми и достаточными признаками, а, скорее, некоторыми факторами, которые могут иметь разные степени важности, границы категории расплывчаты (Витгенштейн 1994: 113).

При исследовании любых языковых категорий неизбежно встают вопросы их структурной организации. Эти вопросы решаются лингвистами по-разному. Один из подходов можно назвать «ярусным» – описываемая категория, представляющая определенный формат знания, членится на ярусы, путем отнесения к каждому из них базовых слов-идентификаторов. Так, И.Н. Ивашкевич, рассматривая категорию «Природные пространства», делит ее на четыре яруса: «Первый ярус микросистемы занимают базовые слова-идентификаторы с самым широким пространственным значением: *space, area, place*. На втором ярусе находятся слова-идентификаторы с более конкретным значением: *land, water*, которые закладывают фундамент дальнейшего членения категории на определенные тематические группы. На третьем ярусе выделяются субидентификаторы, каждый из которых может стать отдельным словом-идентификатором и начать дробление категории на субкатегории. Замыкает данную схему четвертый ярус – это конкретизаторы, которые детализируют категорию и, таким образом, значительно увеличивают и расширяют ее объем» (Ивашкевич 2007: 46).

При исследовании регионального этнонимикона также необходимо выяснить, каким образом происходит категоризация этнической семантики, какие концепты образуют категорию этничности.

На наш взгляд, категоризацию этнической семантики можно представить в виде «семантической сети» (Сергеева 2004: 185), узлы которой репрезентируют оценочные значения разных уровней абстракции. Один из узлов сети – «свой / чужой» является прототипом категории.

В качестве инварианта выступает системно-категориальный абстрактный смысл «представитель определенного этноса», который различным способом интерпретируется в концептах, образующих категорию. В свою очередь, этот абстрактный смысл может быть интерпретирован и на более высоком уровне абстракции. Это открывает возможность для его включения в более обширную категорию с более высоким уровнем абстракции инварианта, например, в категорию посессивности, которая также представляет собой вид отношений принадлежности.

Категоризация этничности обусловлена наличием разных типов концептуальных различий, которые отражаются на интерпретирующем характере языкового значения.

К первому типу относятся различия, имеющие классификационный (таксономический) характер:

репрезентативная линия концептуальных различий отражает степень представленности в языке этнических именовании: *вогулы, татары, русские* и др.;

линия аспектизации этнического отражает основания различий. Соответственно, здесь

выделяются концептуальные области «внешний вид», «язык», «материальная культура», «духовная культура» и т.д.

Ко второму типу относятся такие концептуальные различия, которые противопоставляют определенные классы названий. Основой здесь является объектно-субъектная линия, представленная, например, внутренними этнонимами и внешними этнонимами.

Таким образом, категорию этничности можно считать одной из категорий базового уровня, т.к. ее лексическими составляющими являются в основном имена, которые широко функционируют не только в научных и деловых текстах, но и в живой речи.

Этнонимы как средства репрезентации категории этничности являются ключевыми словами для национальной русской культуры, к которым относят обычно «слова не только с высокой частотностью употребления в повседневной речи, но и обладающие историческим «багажом», позволяющим рассматривать семантическую структуру данных слов с учетом их концептуального содержания» (Семененко 2001: 198).

Данная категория обладает не только лингвистической, но и когнитивной значимостью. Единицы ее достаточно частотны, структурно просты и достаточно информативны – они не только способствуют распознаванию объекта, но и его противопоставлению другим объектам.

7. Проблема системной организации этнонимической лексики.

Названия народов, функционирующие в рамках определенной территории, безусловно, образуют некую систему взаимосвязанных единиц. Эту систему, на наш взгляд, логичнее всего представить в виде семантического поля. Идея построения семантического поля этнонимии не является новой. Так, О.М. Младенова в своих исследованиях обращается к термину «этнонимическое поле» в связи с описанием моделей национального сознания (Младенова 2008).

Она отмечает, что в пределах поля этнонимы связаны отношениями деривации со следующими классами слов:

- 1) существительными собирательного значения, обозначающими этническую группу, а часто также и территорию, населенную этой группой (Русь > русский);
- 2) отвлеченными существительными, обозначающими признаки и свойства (еврей > еврейство, русский > русскость, цыган > цыганщина);
- 3) прилагательными (американец > американский, калмык > калмыковатый);
- 4) наречиями способа действия (француз > по-французски);
- 5) глаголами (русский > обрусеть)» (Младенова 2008: 71).

Однако вопросы конструирования регионального поля этнонимии в современной науке остаются открытыми. Попытка выстроить такое поле на примере этнонимии Пермского края осуществлена нами в (Сироткина 2009).

8. Проблема моделирования объектов и основных понятий этнонимии.

Как известно, одна из важнейших проблем методологии любой науки – моделирование объектов и основных понятий. Важным для этнонимии представляется моделирование понятия «Категория этничности». Рассмотрим, какие факторы необходимо учитывать в процессе моделирования, используя практику моделирования этнолингвистами системы «Этнос», состоящую из 5 основных этапов.

Этап 1 – определение хронологических рамок. «Во-первых, – отмечает А.С.Герд, – моделирование системы... должно быть задано хронологически» (Герд 2005: 50). Например, модель категории этничности относительно языкового сознания жителя Прикамья XIX века и XX века будет разной.

Этап 2 – решение вопроса об источниках. Подбор источников для исследования категории этничности зависит прежде всего от избранного хронологического периода. Так, для периода XVI – XVIII вв. доступными являются памятники деловой письменности Прикамья, для современного периода – целый комплекс текстов различных жанров (научных, художественных, диалектных и т.д.).

Этап 3 – создание сводного максимально полного перечня признаков моделируемой категории – мы назовем их классификаторами. Из всего многообразия признаков этноса, выделяемых этнографами (Там же), наиболее репрезентативными в плане отражения категории этничности являются, на наш взгляд, язык, особенности внешности, материальная и духовная культура.

Этап 4 – выработка терминологического аппарата. «Отдельно при каждом ключевом понятии необходимо собрать все термины-синонимы» (Там же: 51).

Этап 5 – внутреннее моделирование подсистем, образующих категорию.

9. Проблема изучения этностереотипов.

В рамках той или иной этнической культуры формируются представления о различных этносах. Эти представления отражаются в языковой картине мира через набор оценочных смыслов, которые, в свою очередь, находят отражение в национально-культурных стереотипах.

Стереотип есть коммуникативная единица данного этноса, «способная посредством актуальной презентации социально санкционированных потребностей оказывать

побуждающее типизированное воздействие на сознание личности – социализируемого индивида, формируя в нем соответствующую мотивацию» (Рыжков 1985: 15).

Не только этнологи, но и лингвисты, занимающиеся сопоставительными исследованиями, обращаются к проблеме национальных стереотипов. Так, материалом исследований белорусских ученых Е.А.Анисимовой и К.В.Вербовой выступили вербализованные ассоциации, полученные в ходе направленного ассоциативного эксперимента (Анисимова 2008). В эксперименте участвовало 162 студента ГрГУ (Гродно) и БГУ (Минск) – белорусы, русские и поляки. Всего получено 2410 релевантных реакций-прилагательных на слова-стимулы. Авторы эксперимента отмечают: «Создавая в целом положительный образ собственной национальной группы, студенты в отдельных случаях проявляют критичность к определенным качествам своей национальной группы. Среди негативных коммуникативных качеств своей нации студенты-белорусы отмечают: *невежливый, равнодушный, агрессивный*; поляки выделяют такие характеристики как *нудный, злой, суетливый, скрытный, скупой, жадный*. Русские студенты наиболее негативно оценивают отношение представителей своей национальности к труду, отмечая *лень* как самую распространенную черту» (Анисимова 2008: 12).

Этнический компонент регионального языкового сознания исследуют омские ученые, в частности, Л.О. Бутакова, проводившая с этой целью в течение нескольких лет семантические эксперименты, ролевые игры, этнопсихолингвистические процедуры, социологические опросы. В качестве реципиентов выступили студенты 4 курса филологического факультета Омского госуниверситета им Ф.М. Достоевского, изучающие дисциплину «Этнолингвистика» (Бутакова 2010: 19). Ассоциативный и семантический эксперименты, отмечает исследователь, выявили значительные секторы оценки в ассоциативных полях определенных этносов. В АП «Немцы» 87%, в АП «Цыгане» 60,2%, АП «Евреи» 80,8%, АП «Американцы» 67,2%, АП «Казахи» 54%, АП «Лица кавказской национальности» 36,2%, АП «Русские» 33%. Объем оценочных секторов, по мнению автора эксперимента, свидетельствует о нарастающей этнической напряженности в регионе (Там же).

Исследованием этнических стереотипов русских и коми-пермяков занимаются пермские психологи. «Этническая психика», по наблюдениям Т.А. Поповой, насыщена стереотипами о себе, о других этносах, а также представлениями данного этноса о том, какие представления имеют данные этносы о нем» (Попова 2006: 26).

При описании регионального этнонимикона также не обойтись без анализа проблем этнических стереотипов.

Таким образом, актуальных проблем в региональной этнонимии достаточно, и решение их требует от лингвистов многого: привлечения для анализа местного языкового материала, использования новых научных методов, тщательного описания истории развития и современного состояния региональных этнонимиконов, а также лексикографической обработки материала и создания словарей.

Список литературы

- Агеева Р.А. (2000): Какого мы роду-племени? Народы России: Словарь-справочник. Москва: Academia. .
- Анисимова Е.А., Вербова К.В. (2008): Содержание представлений студентов о своем и чужом этносе, Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах, том 2. Челябинск, 11 – 15.
- Белоусова О.М. (1979): К типологии этнонимических наименований в апеллятивной лексике, Вопросы ономастики. Свердловск, 111 – 115.
- Березович Е.Л. (2000): Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. Екатеринбург.
- Борискина О.О., Кретов А.А. (2003): Теория языковой категоризации: национальное языковое сознание сквозь призму криптокласса. Воронеж.
- Бутакова Л.О. (2010): Этнический компонент регионального языкового сознания: лингвистические модели, Концептуальные исследования в современной лингвистике: сб. статей. Санкт-Петербург – Горловка: Изд-во ГГПИИЯ, 18 – 26.
- Витгенштейн Л. (1994): Философские исследования, Л. Витгенштейн. Философские работы. Москва: Гнозис, 75 – 320.
- Герд А.С. (2005): Введение в этнолингвистику: курс лекций и хрестоматия. Санкт-Петербург.
- Дубягина О.П. (2003): Современный русский жаргон уголовного мира. Словарь-справочник. Москва: Юриспруденция.
- Землякова Н.В. (2005): Устойчивые образные номинации человека: структурно-семантический и лексикографический аспекты: дисс. ... канд. филол. наук. Краснодар.
- Ивашкевич И.Н. (2009): К вопросу о границах и строении категории «Природные пространства», Вопросы когнитивной лингвистики, 4, 43 – 52.
- Картавенко В.С. (2002): Этноним «татары» в топонимии Смоленского края, Ономастика Поволжья. IX конф. Волгоград: Перемена, 101 – 102.
- Кривошекова-Гантман А.С. (1972): Фамилии как источник истории языка и его носителя, Актуальные проблемы лексикологии и лексикографии. Пермь, 248 – 253.

- Кузеев Р.Г. (1992): Этнографические и этнические группы (к проблеме гетерогенности этноса), Этнос и его подразделения. Ч. 1. Москва: Наука, 18 – 24.
- Майданова Л.М. (1962): Ареалы финно-угорской этнонимии Урала, Вопросы топонимии. Вып. 1. Свердловск, 20 – 34.
- Матвеев А.К. (2001): Субстратная топонимия Русского Севера. Екатеринбург.
- Младенова О.М. (2008): Этнонимия и национальное самосознание, Вопросы ономастики, 5, 65 – 89.
- Никонов В.А. (1970): Этнонимия, Этнонимы. Москва, 3 – 23.
- Подольская Н.В. (1978): Словарь русской ономастической терминологии. Москва.
- Полякова Е.Н. (1976): Этнонимы Прикамья в русском языке XVII века, Ономастика Поволжья. Саранск, 9 – 12.
- Попов А.И. (1973): Названия народов СССР. Введение в этнонимистику. Ленинград.
- Попова Т.А. (2006): Особенности этнических стереотипов русских и коми-пермяков, Язык, культура, образование в современном мире. Часть II. Пермь, 26 – 27.
- Русский язык: энциклопедия (1979). Москва.
- Рыжков В.А. (1985): Регулятивная функция стереотипов, Знаковые проблемы письменной коммуникации. Куйбышев, 15 – 21.
- Саржина О.В. (2005): Русские инвективные имена лица: комплексный анализ: автореф. ... канд. филол. наук. Томск.
- Семенов Н.Н. (2001): Переходные явления в семантической структуре концепта НАДЕЖДА в контексте русской пословицы, Переходные явления в области лексики и фразеологии русского и других славянских языков. Великий Новгород, 198 – 199.
- Сергеева Л.А. (2004): Оценочное значение и категоризация оценочной семантики: опыт интерпретационного анализа: дисс. ... докт. филол. наук. Уфа.
- Сироткина Т.А. (2009): Региональное поле этнонимии, Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. Москва, 3, 101 – 107.
- Чагин Г.Н. (2003): Пермь Великая в топонимических доказательствах. Пермь.
- Черных А.В. (2003): Основные этапы этнической истории Прикамья в XVI – XX вв., Этнический мир Прикамья. Пермь, 7 – 31.

СЕМАНТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ ГЛАГОЛОВ ВТОРИЧНОЙ ИМПЕРФЕКТИВАЦИИ: ИХ НЕ/СОВМЕСТИМОСТЬ СО ЗНАЧЕНИЯМИ ДЛИТЕЛЬНОСТИ И ЗАКОНЧЕННОСТИ

Соболева Валентина Савельевна
Defense Language Institute FLC, USA
soboleva9@comcast.net;
valentina.s.soboleva@dliflc.edu

ON SEMANTIC PECULIARITIES OF SECONDARY IMPERFECTIVE VERBS IN RUSSIAN: THEIR IN/COMPATIBILITY WITH THE NOTIONS OF DURATION AND COMPLETION

Soboleva, Valentina S.
Defense Language Institute FLC, USA
soboleva9@comcast.net;
valentina.s.soboleva@dliflc.edu

АННОТАЦИЯ

В статье представлены результаты исследования семантических особенностей глаголов вторичной имперфективации, занимающих особое место в глагольной системе русского языка. Эта группа глаголов намного превосходит число первичных глаголов несовершенного вида и тем не менее, по не совсем понятным причинам, остаётся наименее изученной. В исследовании было прослежено поведение трёхсот глаголов вторичной имперфективации при сочетании с обстоятельствами *длительности* и *законченности* действия, а также возможность их употребления для выражения как *актуально-длительного* действия, так и лексически выраженной *многократности*. На основе анализа данных исследования предлагаются пути для решения противоречий и несоответствий в существующих интерпретациях функционирования категории глагольного вида в русском языке.

ABSTRACT

The article presents an analysis of semantic peculiarities of secondary imperfective verbs. The secondary imperfective verbs hold a special place within the verbal system: they significantly surpass primary imperfective verbs in number, yet, strangely, have been receiving an insufficient attention from researchers. The aim of the study was to analyze the behavior of 300 secondary imperfective verbs in their compatibility with indicators of *duration* and *completion*, their ability to express *progressive* actions, and *multiplicity* imbedded in their semantics. Proceeding from the results, the author offers suggestions to solving contradictions and inconsistencies in the interpretations of the Russian verbal aspect functionality.

Ключевые слова: вторичная имперфективация; длительность; актуальная длительность; многократность / итеративность; временная локализованность; точечность; терминативность; тройственная видовая оппозиция, минимальный и расширенный контекст.

Key words: secondary imperfectivity; duration; progressivity; iterativity; localization in time; pointedness; terminativity; tripartite aspectual opposition; minimal and extended context.

Введение

Глаголы вторичной имперфективации (НВ2) занимают особое место в глагольной системе русского языка. Эта группа глаголов намного превосходит число первичных глаголов несовершенного вида (НВ1). Тем не менее, системному исследованию семантики глаголов НВ2 до сих пор, по не совсем понятным причинам, не уделялось достаточного внимания. По словам Карпухина (1999), отсутствие исследований функционирования в языке глаголов НВ2 по отношению к категории вида вообще и к видовым парам в частности отрицательно сказывается на определении сущности категории вида и её системном описании. И это при том, что особенности семантики глаголов НВ2 не раз озадачивали исследователей категории глагольного вида в русском языке. Напр., Якобсон (1970) вынужден был предложить понятие привативной бинарной оппозиции в связи с тем, что глаголы НВ2 не вписывались в систему классической бинарной оппозиции, а Swan (1977) охарактеризовал способность некоторых глаголов НВ2 выражать *законченность* действия своего рода «мистерией». Известно, что определение Якобсоном категории вида как бинарной привативной оппозиции не было принято единодушно; тем не менее, некоторые аспектологи продолжают считать категорию вида бинарной, но эквиолентной оппозицией (Карпухин 2016), в то время как другие считают более целесообразным вообще отказаться от поиска категориальных значений СВ и НВ и описывать категорию вида на основе существующих в языке словообразовательных моделей глаголов (Кравченко 1995: 49-64).

В настоящей статье представлены результаты исследования семантических особенностей глаголов НВ2 (Soboleva 2014: 151-199), в котором было прослежено поведение трёхсот глаголов НВ2 при сочетании с обстоятельствами *длительности* и *законченности* действия, а также возможность их употребления для выражения как *актуально-длительного* действия, так и лексически выраженной *многократности*. Наблюдения автора данной статьи в отношении семантических особенностей глаголов вторичной имперфективации нашли подтверждение также в исследовании Ю. Кузнецовой и С. Соколовой (2016: 215-230).

Объяснение терминологии и условных знаков

В исследовании различаются три типа контекстов: 1) *минимальный* контекст на уровне слова, соответствующий глагольной словоформе без дополнительных видовых индикаторов (*он вчера купил (СВ) / покупал (НВ) машину*), а также два типа *расширенного* контекста: 2) *расширенный* контекст на уровне словосочетания включает глагольную словоформу с видовым индикатором *длительности* (*покупал (НВ) машину три часа*), *законченности* (*купил (СВ) машину за три часа*) или *многократности* действия (*читал (НВ) газету по утрам*) и 3) *расширенный* контекст на уровне предложения, в котором в выражении видовых значений участвуют по меньшей мере две глагольных словоформы: *Когда она читала (НВ1) письмо, у неё по щекам текли (НВ1) слёзы (одновременные действия в прогрессиве)*; *Когда она читала (НВ1) письмо, у неё вдруг по щекам потекли (СВ) слёзы (частичная одновременность действий)*; *Она дочитала (СВ) письмо и тут же вытерла (СВ) слёзы (последовательность действий)*.

В данном исследовании понятия *многократности* и *итеративности* считаются равнозначными в тех случаях, когда значение *многократности* выражается самой глагольной словоформой, т. е. на уровне *минимального* контекста: *Её истинный характер проявлялся (НВ2) во время ссоры*. В приведённом примере, несмотря на отсутствие контекстуального указателя *многократности* действия, форма глагола содержит импликацию повторяемости действия, т. е. её истинный характер проявлялся *всякий раз*, когда она ссорилась с кем-то.

Неприемлемость контекста с тем или иным глаголом обозначается вопросительным знаком, стоящим перед видовым индикатором или глаголом: *Появлялся дома ?минуту*. Отсутствие этого знака говорит о приемлемости контекста.

Методология исследования

Глаголы были отобраны из словаря *The Big Silver Book of Russian Verbs* (Franke 2004) и распределены по 9 колонкам согласно следующим параметрам: (1) *Префикс*, (2) *Глагол СВ* в инфинитиве с пометой на транзитивность, (3) *Глагол НВ2* в прошедшем времени в *минимальном* контексте, (4) *Помета на парность или тройку*, (5) *Длительность* действия (*дуратив*): *неделю / минуту*, (6) *Законченность* действия: *за неделю / за минуту*, (7) *Актуальная длительность (Прогрессив)*: *Сейчас*, (8) *Многократность / Итеративность* на уровне лексем, (9) *Комбинаторный тип*. В принятии решения о приемлемости сочетаемости глаголов с обстоятельствами *законченности*, *длительности* или в *прогрессиве* автор полагалась на свою интуицию носителя языка, а также консультировалась с двумя другими носителями языка (Елена Седова-Хоталинг и Елена Кудинова). В таблице 1 представлено, как выглядело приложение с данными анализа к статье 2014 года; ссылка к нему дана в конце статьи.

Таблица 1.

Prefix	Perfective verb Transitive – t Intransitive – int	Second. Imperf. Verb Minimal Context	Pair / Triplet	Indicator of Duration: 'неделю', /'минуту'	Indicator of Completion: 'за неделю', /'за минуту'	Indicator of Progressive Present 'сейчас'	Iteration: Embedded in verb semantics	Patterns in Combinations of Aspectual Notions
в- /вз- /вс-	вложить - t	Вкладывал деньги в автомат	pair	+	+	+	--	A
	взглянуть - int	Взглядывал на неё	pair	-	-	-	+	B
про-	прочитывать - t	Прочитывал книгу	pair	-	+	-	+	C
до-	дождаться - int	Дожидался его	pair	+	-	+	--	D

Описание данных исследования

В результате анализа данных было обнаружено четыре комбинаторных типа: А, В, С и D, представленные ниже в таблице 2:

Таблица 2

Notions >	Duration (неделю)	Completion (за неделю)	Progression (сейчас)	Iterativity (imbedded in verb semantics)
Type A - 162	+	+	+	--
Type B - 44	--	--	--	+
Type C - 83	--	+	--	+
Type D - 11	+	--	+	--

Самая многочисленная группа А включает в себя 162 глагола вторичной имперфективации (54%). Все они могут сочетаться как с обстоятельствами *длительности*, так и с обстоятельствами *законченности* действия; они также употребляются в *прогессиве*:

(1) Он *задавал задание 10 минут / за 10 минут / Он задаёт задание сейчас* (He had been giving an assignment for 10 minutes / He would give an assignment in 10 minutes / He is giving an assignment now);

(2) Он *заканчивал завтрак 10 минут / за 10 минут / Он уже заканчивает завтрак* (He had been finishing his breakfast for 10 minutes / He would finish his breakfast in 10 minutes / He is already finishing his breakfast);

(3) Он *начинал урок пять минут / за пять минут / Он уже начинает урок*; (He had been starting his lesson for 5 minutes / He would start his lesson in five minutes / He is already starting his lesson);

(4) Она **рожала ребёнка час / за час / она уже рождает** (*She had been giving birth to her child for an hour / She would give birth to her child in an hour / She is already giving birth to her child*);

(5) Молоко **прокисло полчаса / за полчаса / молоко уже прокисает**; (*The milk had been getting sour for half an hour / It would go sour in half an hour / It is already getting sour*);

(6) Озеро **замерзло три ночи / за три ночи / Озеро уже замерзает** (*The lake had been freezing solid for three nights / It would freeze solid in three nights / It is already freezing solid by now*).

При этом в контекстах с обстоятельствами *законченности* действия глаголы этого типа одновременно предполагают *многократность* действия. Перевод примеров (1) – (6) на английский язык иллюстрируют эту особенность: *He would give an assignment in 10 minutes* (1), *It would go sour in half an hour* (5) и т. д.

Следующая по многочисленности группа С включает в себя 83 глагола (27.7%). Этим глаголам не свойственно употребляться с обстоятельствами *длительности* или в *прогессиве* вопреки тому, что они являются глаголами НВ. Эта особенность объясняется тем, что семантика таких глаголов, сохраняя в себе значение *точечности*, свойственной глаголам СВ, от которых они образованы, не позволяет представить такие действия *актуально длящимися*. Если даже и возможно сказать *Он прекращает сейчас работать*, то это только будет значить, что очень скоро, в любой момент после произнесения высказывания, он **прекратит** (СВ) *работать*. Однако глаголам из группы С свойственно употребляться с обстоятельствами *законченности* действия. Этому способствует присутствие в их семантике *терминативной* темы, предполагающей окончание действия по истечении какого-то срока. При этом они также выражают *многократность* действия. Значение *многократности*, возникающее в таких случаях, объясняется наличием в глагольной семантике элемента *точечности*, соотносимого со значением *законченности*:

(7) Он **являлся домой ?10 минут / за 10 минут** (*He would come home in ten minutes*);

(8) Это **случалось с ним ?минуту / вдруг, за минуту** (*It would happen to him suddenly, in a minute*);

(9) Он **простывал ?день / за день** (*He would catch a cold in a day*);

Особо следует отметить невозможность употребления глаголов этого типа для выражения *актуально длящегося* действия. Напр., фраза **?Сейчас он является домой** звучит по меньшей мере странно. Однако, возможно сказать *Сейчас он явится домой*, употребив форму СВ в будущем времени. А в таких примерах как: *Он простывает от сквозняка*; *Это с ним случается*, формы глаголов в настоящем времени, несмотря на отсутствие контекстуального указателя на *многократность*, тем не менее предполагают понимание того,

что эти ситуации происходят *не один раз*, т. е. значение *многократности* включено в саму глагольную форму. Употребление таких глаголов также часто используется в настоящем историческом для передачи ряда последовательных действий, имевших место в прошлом: *Пришёл, увидел, победил – Приходит, видит, побеждает*. (В связи с этим, было бы интересно проверить семантические особенности глаголов, употребляемых в контексте настоящего исторического!)

В группу В входит 44 глагола, или 14.7%. Глаголы в этой группе выражают только значение *многократности* и не способны сочетаться ни с обстоятельствами *длительности*, ни с обстоятельствами *законченности* действия:

(10) Он *взглядывал / взглядывает* на нее незаметно, когда она не могла / может этого видеть (*He would glance / glances at her furtively, when she couldn't / can't see it*);

(11) К вечеру, когда *стихал / стихает* ветер, в саду *замолкали / замолкают* птицы, готовясь ко сну (*By the evening, when the wind died down / dies down, birds in the garden would fall silent / fall silent getting ready to sleep*);

(12) В жаркое лето саженцы деревьев *погибали / погибают* от засухи, а в дождливый сезон – от избытка воды (*In a really hot summer, the seedlings would die out / die out due to the draught, but in a rainy season – due to the excess of water*);

(13) Он *посматривал / посматривает* на нее искоса, не смея сказать ни слова (*He would glance / glances at her out of the corners of his eyes, not daring to say a word*).

Можно сказать, что глаголы вторичной имперфективации в этих примерах представляют собой особый семантический тип благодаря двум особенностям – 1) *нетерминативному* характеру их основ и 2) наличию в их семантике элемента *точности*, перешедшего от их коррелятов СВ: *взглянул, стих, замолк, погиб, посмотрел*. Как уже было отмечено ранее, элемент *точности* препятствует употреблению глаголов для выражения *актуально длящегося* действия, а отсутствие *терминативной* темы в их семантике не позволяет сочетаться с обстоятельствами *законченности* действия. Таким образом, для них остаётся возможным только выражение *многократных* действий благодаря наличию в их основе суффиксов *-а- /-ва- / -ыва- / -ива-*, традиционных морфологических маркеров *многократности*. Значение *многократности* остаётся и в контекстах настоящего времени. Это также подтверждается переводом этих примеров на английский язык – для каждой русской формы настоящего времени в английском языке предпочтительны простые формы настоящего времени (Simple Present tense), а не сложные формы (Progressive / Continuous Present tense), употребляемые для выражения *актуально длящихся* действий.

В группу D входит всего 11 глаголов, или 3.7%: *дожидаться, доверять, доживать, переживать, затруднять, посвящать, раздумывать, сгорать, увлекаться, оставаться и пренебрегать*. Эти глаголы проявляют себя типичными глаголами НВ: они не способны сочетаться с обстоятельствами *законченности* действия и выражают только длительные действия (*дуративы* и *прогрессивы*):

(14) Павел **весь день переживал** о случившемся (*Thinking the whole day about what had happened, Pavel was really taking it hard*);

(15) Мария **доверяла** мужу **целый год**, пока он не обманул её (*The whole year Maria was trusting her husband, until he deceived her*);

(16) Она **долго сгорала** от любопытства, но так и не осмелилась спросить у него, что же произошло, пока её не было дома (*She was dying of curiosity for a long time, and still did not dare ask him what exactly had happened while she wasn't home*).

Обсуждение данных исследования

Рассмотренные случаи употребления глаголов вторичной имперфективации не подтверждают традиционную интерпретацию категории вида, согласно которой глаголам НВ свойственно выражать *длительные* действия, а глаголам СВ – *законченные* действия.

Из трёхсот рассмотренных в исследовании глаголов НВ2, 162 глагола (группа А) могли сочетаться как с обстоятельствами *длительности*, так и с обстоятельствами *законченности* действия (*подкрадывался к дому два часа / за два часа*). 44 глагола (группа В) не могли выражать ни того, ни другого значения. Семантика их основ включала в себя только значение *многократности* действия (*взглядывал на неё ?две минуты / ?за две минуты*; И хотя возможно сказать: *Он взглядывал на неё две минуты* – высказывание предполагает, что в течение двух минут он *взглядывал* на неё несколько раз. 83 глагола (группа С) были не совместимы с выражением *длительности* действия, но могли употребляться для выражения *законченности* действия и его *многократности* (*появлялся дома ?минуту / за минуту* предполагает, что он *появлялся дома* всякий раз за минуту (как волшебник). И только 11 глаголов функционировали как типичные глаголы НВ1, выражая только *длительность* действия (*раздумывал час / ?за час*). При этом подавляющее большинство глаголов из рассмотренных 300 (группы В, С, а также А при выражении *законченности* действия) выражают *многократность* действия на уровне лексемы.

Полученные данные проливают свет на истинные системные отношения между глаголами СВ и НВ, на основе которых ниже предлагается интерпретация функционирования категории глагольного вида, охватывающая все возможные случаи употребления глаголов совершенного и несовершенного видов, а также методические рекомендации.

Очевидно, что описанные случаи употребления глаголов вторичной имперфективации не вписываются в систему бинарной оппозиции. В связи с этим, работа Кравченко (1995: 49-64) представляется интересной и привлекательной тем, что, отказавшись от традиционной теории бинарных оппозиций, он предлагает новый подход при описании видовой системы, исходя из морфологической структуры русских глаголов. Кравченко выделяет три параметра для описания образования видовых форм русских глаголов: (1) первичные глаголы > (2) префиксальные глаголы > (3) производные суффиксальные дериваты. Первичные глаголы могут быть глаголами как НВ (*вести* – НВ1), так и СВ (*дать* – СВ1): напр., *взять* (СВ2) – *взимать* (НВ2), *решить* (СВ1) – *решать* (НВ2) и т. п. Сюда можно также включить видовые корреляции глаголов СВ, образованных при помощи суффикса *-ну-*: *прыгнуть* (СВ1) – *прыгать* (НВ2), *махнуть* (СВ1) – *махать* (НВ2) и т. п.

Как показывают результаты рассмотренного выше исследования особенностей семантики глаголов вторичной имперфективации, в реальности мы имеем дело с тремя видами, поэтому подход Кравченко представляется и убедительным, и полезным, особенно для методики преподавания русского глагола.

Думается, что уже наступило время отказаться от существующей интерпретации категории глагольного вида как бинарной оппозиции и следующей из неё традиции определять видовые оппозиции на основе видовых пар глаголов типа *делать* – *сделать*, *писать* – *написать*, *выписывать* – *выписать* и т. д. Это необходимо сделать, во-первых, потому что принцип бинарной оппозиции не позволяет объяснить наличие в глагольной системе ни «одновидовых» глаголов, ни видовых троек. Более того, сам принцип определения видовых пар до сих пор вызывает горячие споры (Карпухин 1999; L. Janda, Lyashevskaya 2011; Янда 2012; Зализняк, Микаэлян 2012 и 2014; Соболева 2016 и др.).

Во-вторых, условный порядок перечисления видовых пар в словарях и методических пособиях, условно начинающийся с формы НВ: *выдерживать* – *выдержать*, *начинать* – *начать*, *перевоспитывать* – *перевоспитать* и т. д., искажает истинную картину морфологических взаимоотношений между глаголами НВ2 и глаголами СВ1 / СВ2, от которых они образованы: *начать* (СВ1) > *начинать* (НВ2), [*питать* (НВ1)] > *воспитать* (СВ2) > *перевоспитать* (СВ3) > *перевоспитывать* (НВ2), [*держать* (НВ1)] > *выдержать* (СВ2) > *выдерживать* (НВ2), а не наоборот.

В данной работе предлагается описывать категорию глагольного вида как многочленную лексико-грамматическую категорию, исходя из реальных словообразовательных парадигм, используемых в языке при образовании видовых форм глаголов, и тех значений, которые этими формами выражаются. Признание категории вида

лексико-грамматической восходит к учёным 19-го века Потепне и Фортунатову (Виноградов 1970: 390); оно имеет своих сторонников и в наше время (Милославский 1989 и многие др.). Таким образом необходимость выделять видовые пары логически исключается, поскольку каждый глагол СВ или НВ является самостоятельным словом.

Следует признать, что большая часть русских глаголов входит в трёхчленную видовую оппозицию: НВ1 – СВ2 – НВ2: *читать* > *прочитать* > *прочитывать*, *думать* > *подумать* > *подумывать*, *смотреть* > *посмотреть* > *посматривать*, *смотреть* > *пересмотреть* > *пересматривать* и т. п.

В языковой системе имеются также и другие корреляции: как двучленные, типа СВ1 > НВ2: *решить* > *решать*, *прыгнуть* > *прыгать*, *махнуть* > *махать*; так и многоступенчатые, когда от глаголов СВ1 образуются глаголы СВ2 / СВ3, и уже от них – глаголы НВ2: *купить* (СВ1) > *накупить* (СВ2) > *понакупить* (СВ3) > *понакупать* (НВ2).

Заключение

Исходя из вышесказанного, предлагается следующая интерпретация категориальных значений для каждого члена тройственной видовой оппозиции.

1) Отличительной чертой *первичных* глаголов НВ1 является их способность образовывать три временные формы – прошедшее, настоящее и будущее. Главной функцией этих глаголов является просто *называние* действия или состояния. Для обозначения этого значения существуют различные термины в современной аспектологии: *simple denotation* (Forsyth 1970), *нефиксированное* действие (Карпухин 2016), *общефактическое значение* (Рассудова 1968), а также *нелокализованное во времени* действие (Соболева 2011). Это значение обычно реализуется в *минимальном* контексте на уровне глагольной словоформы и, как отмечено Рассудовой (1968), может вступать в *синонимические* отношения с их коррелятами СВ: *Он уже **говорил** (НВ1) мне об этом вчера утром (He already **told** me about that yesterday morning)* и *Он уже **сказал** (СВ1) мне об этом вчера утром (He already **told** me about that yesterday morning)*.

В *расширенном* контексте на уровне словосочетания первичные глаголы НВ1 могут выразить как *длительное* действие, или *дуратив*: ***читал** книгу два часа (read a book for two hours)*, так и *повторяющееся* действие: *каждый день **читал** газету (He **read/s** a newspaper every day)*. В подобных контекстах замена глаголов НВ их коррелятами СВ невозможна: *Каждый день / два часа **?прочитал** (СВ2) газету* (Соболева 2011).

В *расширенном* контексте на уровне предложения первичные глаголы НВ выражают *актуально-длительные* действия, или *прогрессив*: *Когда пришли (СВ2) гости, я ещё **готовила***

(НВ1) *ужин*. (When the guests **arrived**, I was still **making** dinner.) В контексте с глаголом СВ имеет место *частичная одновременность актуально-длительного* действия. В контексте с двумя первичными глаголами несов. вида имеет место *полная одновременность двух актуально протекающих* действий: *Когда я **готовила** (НВ1) обед, ребёнок **спал** (НВ1) (When I was **making** dinner, the child was **sleeping**).*

И в том, и в другом контексте замена глаголов на противоположный вид возможна, однако контексты будут различаться семантически. Напр., при замене глагола *пришли* (СВ2), глаголом *приходили* (НВ2): *Когда **приходили** (СВ2) гости, я ещё **готовила** (НВ1) обед.* (When the guests **arrived**, I would still **be making** dinner), глагол *готовила* всё ещё сохраняет значение *актуальной длительности*, но к нему добавляется дополнительное значение *многократности* на фоне глагола *приходили* (НВ2). В контексте же с двумя глаголами НВ1 *готовила* и *спал* – *Когда я **готовила** обед, ребёнок **спал** (When I was **making** dinner, the child was **sleeping**), замена этих глаголов их перфективными коррелятами даёт два типа контекстов: контекст с частичной одновременностью, если в нём использован один глагол СВ и второй НВ: *Когда я **приготовила** (СВ2) обед, ребёнок (еще) **спал** (НВ1) (When I **finished making** dinner, the child was still **sleeping**)* или *Когда я **готовила** (НВ1) обед, ребенок **проснулся** (СВ2) (When I was **making** dinner, the child **woke up**).* Однако, при замене обоих глаголов типа НВ1 их перфективными коррелятами создаётся контекст с двумя последовательными действиями: *Когда я **приготовила** обед, ребенок **проснулся** (When I **had finished making** dinner, the child **woke up**).**

2) Главной функцией глаголов СВ (любого типа), является выражение *локализованного во времени действия* (Соболева 2011). Из известных мне терминов, используемых для обозначения категориального значения СВ, наиболее подходящими представляются два термина: *фиксированное действие* (Карпухин 2016) и *конкретно-фактическое значение* (Рассудова 1968); однако и *конкретно-фактическое*, и *общефактическое* значения, по мнению Рассудовой, являются контекстуальными значениями, а не категориальными.

Значение *временной локализованности действия* имеет прямое отношение к семантике морфологических средств (префиксов или суффиксов), входящих в структуру глаголов СВ. *Локализованность точечна* по своей природе; она может быть начальной (L-): она *запела*, конечной (-L): он *прочитал* весь текст, целостной (·): *вспомнил* / прыгнул или ограниченной с двух концов (L-L): *поработал* час. Это значение является объединяющим фактором, своего рода общим грамматическим знаменателем для всех типов глаголов СВ: *писать* – *написать* / *переписать* текст; *запеть* песню / *перепеть* все песни; *прыгнуть* вверх, *толкнуть* в спину или *купить* дом, *решить* задачу и т. п.

Особенностью всех типов глаголов СВ является их неспособность употребляться в контексте настоящего времени. Данное ограничение вызвано грамматической семантикой СВ, то есть, неспособностью *локализованного действия* (в виду его *точечного* характера) восприниматься *актуально длящимся* на фоне момента речи. Поэтому глаголы СВ могут употребляться только в прошедшем или будущем времени и всегда выражают *единичные локализованные во времени* действия или ряд *последовательных единичных* действий.

3) Третьим членом тройственной видовой оппозиции являются *вторичные* имперфективы НВ2, образованные от глаголов СВ путём суффиксации. Они представляют собой некий гибрид двух первых. С одной стороны, большинство из них сохраняют семантические характеристики глаголов СВ: *терминативную* тему, а также элемент *точечности*, позволяющие им сочетаться с обстоятельствами *законченности* действия. С другой стороны, присутствие в их обновлённой основе *итеративных* суффиксов *-а/-я-, -ва-, -ыва-/ива-* позволяет им употребляться в настоящем времени, создавая впечатление, что они ничем не отличаются от глаголов НВ1. Однако, на самом деле это не так. Далекое не все из них могут употребляться для выражения *длительности* – только глаголы с *терминативной* основой, но и они, в отличие от глаголов НВ1, могут также употребляться для выражения *законченности* действия. Более того, главная семантическая особенность глаголов НВ2, *терминативных* и *нетерминативных*, заключается в том, что значительное количество таких глаголов приобретают также способность выражать *многократность*, изначальную функцию *итеративных* суффиксов *-а/-я-, -ва-, -ыва-/ива-*. Таким образом, можно сказать, что, отказавшись от первичных *итеративных* глаголов типа *хаживать, сиживать, говаривать* и т. д., языковая система перераспределила существовавшие функции таким образом, что вторичные имперфективы, образованные от глаголов СВ, включили в свою семантику способность выражать и *многократность*, и *длительность*, и *законченность* действия.

Эти существенные особенности в образовании и функционировании видовых форм русского глагола необходимо представлять в самом начале курсов русского языка. Видовая система русского глагола по своей сути является лексико-грамматической: каждый глагол представляет собой самостоятельное слово. Знакомство с механизмами видообразования: НВ1 > СВ2 > НВ2 (*читать > прочитать > прочитывать, думать > подумать > подумывать*) или СВ1 > НВ2 (*взять > взимать, решить > решать*) поможет студентам быстрее усвоить его и использовать в речи. Это будет намного легче и эффективнее, чем запоминание видовых пар, которые не отражают реальных процессов образования видовых форм.

Исходя из существующих в языке принципов образования глаголов СВ и НВ, будет также легче понять и усвоить видовые значения каждого глагола, а также роль контекста для

глаголов НВ, т. е. как и почему возникает значение *многократности*, *длительности* или *законченности* действия и почему значение *законченности* действия выражается не только глаголами СВ, но и глаголами НВ2.

Ссылка к приложению:

https://drive.google.com/open?id=1eR9CK0l367V0zuxsH_10AwUTEcWzdRNg

Список литературы

Виноградов, В. В. (1972): Русский Язык. Москва: Высшая Школа.

Зализняк, А. А., Микаелян, И. Л. (2012): «О некоторых дискуссионных моментах концепции Лоры Янды», Вопросы языкознания, 6, 48-65.

Зализняк, А. А., Микаелян, И. Л. (2014): «Русская глагольная префиксация и проблема видовой парности», Mundo Eslavo, 13, 19-33.

Карпухин, С. А. (1999): «К вопросу о видовых парах в русском языке», Вестник СамГУ. Языкознание, 3, 108-114

Карпухин, С. А. (2016): Избранные работы по русской аспектологии. Самара: Издательство Самарского университета.

Кравченко, А. В. (1995): «Глагольный вид и картина мира», Известия РАН, Серия литературы и языка, 54, 1, 49-64.

Милославский И. Г. (1989): «Вид русского глагола как словообразовательная категория», Филологические Науки, 4.

Рассудова, О. П. (1968): Употребление видов глагола в русском языке. Изд-во Московского университета, Москва.

Соболева, В. С. (2017): «К вопросу о видовой парности русских глаголов: ещё одна попытка решения спорных вопросов», Вестник Самарского Университета: История, Педагогика, Филология, 23, 2, 163-202.

Соболева, В. С. (2016): «Ещё раз о категории глагольного вида в русском языке», Международный Виртуальный Форум. Стамбул. Гуманитарные Аспекты в Геокультурном Пространстве, 258-272.

Соболева, В. С. (2011): «Преподавание глагольного вида в русском языке: проблемы и решения», Russian Language Journal, 61, 163-202.

Якобсон, Р. (1985): «О структуре русского глагола», Избранные работы, Москва: 210-221.

Янда, Л. А. (2012): «Русские приставки как система глагольных классификаторов», Вопросы Языкознания, 6: 3-47.

References

Forsyth, J. A. (1970): *Grammar of Aspect*. Cambridge, Cambridge University Press.

Franke, Jack (2004): *The Big Silver Book of Russian Verbs*. New York. McGraw-Hill.

Janda L. A., Lyashevskaya O. (2011): “Aspectual pairs in the Russian National Corpus”, *Scando Slavica*, 57, 2, 201-215.

Kuznetsova, J., Sokolova, S. (2016): “Aspectual triplets in Russian: semantic predictability and regularity”, 40, 215-230.

Soboleva V. S. (2014): “On Semantic Peculiarities of Secondary Imperfective Verbs in Russian: Their In/Compatibility with the Notions of Duration and Completion,” *Russian Language Journal*, Vol 64, 151-199.

Swan, Oscar (1977): “The mystery of the ‘imperfective completive’”, *Slavic and East European Journal*, 41, 4, 517-525.

ДИНАМИКА ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОГО ЯДРА РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Степанова Людмила
Университет им. Палацкого в Оломоуце, Чешская Республика
ludmila.stepanova@upol.cz

DYNAMICS OF THE INTERNATIONAL PART OF RUSSIAN PHRASEOLOGY

Ludmila Stěpanova
Palacký University Olomouc, Czech Republic

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются русские интернациональные фразеологизмы, описываются разные типы интернационализмов, показывается динамика интернационального ядра русской фразеологии в течение последних десятилетий. В настоящее время русская фразеология заимствует многие новые единицы из американского варианта английского языка, которые составляют интернациональное ядро европейской фразеологии. В западнославянские языки они попали из немецкого языка и существуют в них уже много веков. Благодаря этим новым заимствованиям расширяется круг фразеологических интернационализмов. Материал для анализа был извлечен из «Словаря русских неологизмов», включающего в себя новую русскую лексику и фразеологию.

ABSTRACT

The author analyses Russian international idioms, describes different types of international idioms, shows dynamics of the international part of Russian phraseology during last years. Russian phraseology borrows now a lot of new units from English. They belong to the international part of European phraseology. They were borrowed from German and exist in Slavonic languages of West Europe for a long time. So the group of international idioms becomes larger. The material for analysis was taken from the new dictionary of Russian neologisms.

Ключевые слова: фразеологизм; русский язык; заимствование; английский язык; интернационализм.

Keywords: idioms; Russian; borrowing; English; international idiom.

* Zpracování a vydání publikace bylo umožněno díky finanční podpoře Filozofické fakulty Univerzity Palackého v Olomouci v letech 2018-2021 z Fondu pro podporu vědecké činnosti, grant FPVC2018/14.

Признавая национальное своеобразие культуры, истории и языка каждого народа, лингвисты, тем не менее, отмечают в каждом языке наличие лексических и фразеологических единиц определенного ядра словарного запаса, которые тождественны во всех европейских языках или в нескольких из них. К такому общему фразеологическому фонду обычно относят фразеологические единицы, восходящие к Библии и другим книгам Священного Писания, к античной мифологии, европейской истории и литературе. В трудах последних десятилетий было доказано, что несмотря на общий источник заимствования, эти фразеологизмы по-разному осваиваются европейскими языками и, следовательно, имеют в них целый ряд отличий. Данные фразеологизмы остаются, однако, настолько близкими и узнаваемыми, что получили общее обозначение – *интернационализмы*.

Сам термин не идеален – напр., многие исследователи верно отмечают, что традиционно употребляемый термин *интернационализмы* мы связываем с фразеологизмами, имеющими зафиксированное распространение в европейских языках, факт их использования за пределами Европы не изучен, следовательно, вернее было бы использовать термин *европеизм*. Мы признаем, что в том общем ядре, в котором пересекаются фразеологические фонды европейских языков, можно видеть разные по универсальности типы фразеологических единиц, однако термин интернационализм стал устойчивым как применительно к лексике, так и применительно к фразеологии, поэтому и мы будем им пользоваться, памятуя, однако, его условность. Итак, под фразеологическим интернационализмом мы понимаем фразеологизм, существующий в славянских и западноевропейских языках и отличающийся близостью лексемного состава и семантики.

Проф. В. М. Мокиенко при межъязыковом сопоставлении выделяет генетически и типологически схожие фразеологизмы (Мокиенко 1980, 1986 и др.). Приняв данную классификацию за основу, мы детализировали и расширили ее. Итак, мы выделяем:

1. Генетические интернационализмы. Их можно подразделить на две подгруппы: 1) ФЕ, восходящие к общему для европейских народов культурно-историческому источнику (библейские: *начать с Адама, от сотворения мира, Содом и Гоморра*, античные: *Ахиллесова пята, Авгиевы конюшни*; ФЕ, связанные с общими для Европы событиями, из общеизвестных произведений и т.п.: *Колумбово яйцо, рыцарь печального образа* и т.п.); 2) фразеологические кальки и полукальки, попавшие в славянские и западноевропейские языки разными путями, но совпадающие по структуре и семантике, напр. *разбить наголову* – чеш. *porazit na hlavu* (из нем. *auf Haupt schlagen*), *холодная война* – чеш. *studená válka* (англ. *cold war*) и др.

2. Типологические интернационализмы – это сходные фразеологизмы, которые возникли в разных языках независимо друг от друга в силу сходных природных, экономических и

культурных условий жизни. Это прежде всего фразеологические параллели, отражающие наблюдения над окружающим миром (*работать как лошадь* - чеш. *dřít jako kůň* – англ. *to work like a horse* – нем. *arbeiten wie ein Pferd* и т.п.). Как правило, это ФЕ, построенные по общей для нескольких языков структурно-семантической модели (*покупать коша в мешке* – чеш. *kupovat zajíce v pytli* – нем. *die Katze im Sack kaufen* – англ. *to buy a pig in a poke* – фр. *acheter chat en poche (sac)*). Подобные семантические модели можно наблюдать и в неродственных языках, ср. *ни рыба ни мясо*, чеш. *ani ryba ani rak*, кит. букв. «ни осел ни конь»; *убить двух зайцев одним выстрелом*, чеш. *zabít dvě mouchy jednou ránou*, кит. букв. «убить двух птиц одним камнем» (тождественный эквивалент видим, напр., и в английском языке – *to kill two birds with one stone*).

3. К этим двум группам примыкают универсалии на концептуальном уровне – это фразеологизмы, которые отражают сходные представления европейских народов об окружающем мире, но имеют часто очень разную форму. Так, напр., что-л. непонятное, неясное, запутанное в разных языках сравнивается с написанным на отдаленном для этой страны языке – по модели «это для меня (или для кого-л.) написано (или сказано) на иностранном языке», напр., в русском языке это сравнивается с написанным на китайском языке – *китайская грамота*, также во фр. *etre pour du chinois* и польском *chińszczyzna*, во французском и английском языках это сравнивается также с греческим языком: фр. *etre pour du grec*, англ. *it is all Greek to him*.

Сегодня нас будут интересовать динамические процессы в интернациональной фразеологии. В постоянно изменяющемся мире постоянно развивается и изменяется также язык, но эти изменения происходят неравномерно. А изменяется ли интернациональный фразеологический фонд русского и других славянских языков, который – уже в силу своей интернациональности – часто воспринимается как наиболее стабильный?

Разумеется, стабильность эта весьма относительна и отличается в зависимости от типа интернационализма. Вероятно, наиболее устойчивым ядром остаются генетические интернационализмы, восходящие к общему культурному наследию европейских языков. Хотя и здесь динамика неизбежна – к сожалению, в этой группе число общеизвестных ФЕ сокращается. Так, чешские лингвисты отмечают, что современная чешская молодежь меньше читает и утрачивает активное владение культурными интернационализмами (Šechová 1999: 47-56). Думаю, это верно и для других славянских языков. Касается это и библеизмов: в России девяностых годов наблюдался резкий всплеск интереса к Библии – ранее запретной теме – и библеизмами пестрели страницы всех газет, но ныне этот интерес также постепенно спадает.

Исследования библейской фразеологии, проведенные Д. Балаковой, В. Ковачовой и В. М. Мокиенко среди молодых респондентов из России, Чехии и Словакии, напр., показали, что знание библейских выражений и их точное отнесение к Библии у современных русских студентов часто недостаточны. Нередко определения, даваемые к предложенным оборотам, были неточны либо очень сильно осовременены (см. подробнее Балакова, Ковачова, Мокиенко 2013: 118–150).

Иначе обстоит дело во второй группе генетических интернационализмов, а именно – в группе фразеологических заимствований. Конечно, и в этой группе интернациональность может распадаться – когда в одном или нескольких языках определенный фразеологизм передается забвению – это произошло, например, как показал В. М. Мокиенко, с выражением *отложить в долгий ящик*, которое было известно в немецком, чешском и, возможно, других языках, а теперь употребляется только в русском языке и, более того, некоторыми фразеологами связывается с русской историей (Мокиенко 1986: 35-43). Но уход интернационализма из активного употребления – процесс очень длительный и уловимый лишь со значительной временной дистанции.

Наоборот, самый заметный процесс – это активное обогащение фразеологии за счет заимствований. Новая волна англицизмов (или американизмов), захлестнувшая славянские языки, которую некоторые называют даже «языковой интервенцией», ведет к быстрому расширению интернационального ядра фразеологии.

Воздействию английского подвергаются все аспекты языка, как лексика, так и синтаксис, и словообразование. Не избежала экспансии англицизмов и фразеология. В русском языке в последние два-три десятилетия появились многочисленные фразеологические кальки, напр.: *промывание мозгов, вызвать на ковер, быть в одной лодке, писать в стол, скелет в шкафу, заметить под ковер, моя чашка чая (кофе), музыка будущего, делить какой-л. пирог, золотой парашют* и др. Все эти фразеологизмы существуют также в чешском языке.

Разумеется, мы не утверждаем, что фразеологические англицизмы проникают в современные славянские языки одинаково и одновременно. Некоторые обороты могут адаптироваться только одним из языков, оставаясь неизвестными в других. Так, в русском языке нашли применение некоторые заимствованные фразеологизмы, которые отсутствуют в чешском языке. Это, напр., обороты *бесплатный сыр только в мышеловке, не класть все яйца в одну корзину, выкручивать руки* и некоторые другие.

Начало третьего тысячелетия вызвало следующую волну экспрессивизации русской лексики, в том числе и за счет новых фразеологических единиц. Чешским русистам, проживающим в отрыве от живой среды русского языка, трудно следить за новыми оборотами,

появляющимися в русской речи в последние годы. Однако, с другой стороны, некоторая отстраненность может сослужить и хорошую службу – поможет уловить неологизмы, которые быстро подхватываются носителями языка и скоро перестают ими ощущаться как новые.

Например, в 2007 г. мною были включены в «Русско-чешский фразеологический словарь» (при написании словаря неологизмам было уделено особое внимание, т. к. моей целью было отразить как можно более актуальное состояние русской фразеологии) такие новые в тот момент фразеологизмы, как: *мыльная опера, замести под ковер, делить пирог, скелет в шкафу, золотой парашют, ломать через колено, бесплатных завтраков не бывает или бесплатный сыр только в мышеловке, класть все яйца в одну корзину, выкручивать руки* и многие другие (Stěpanova 2007). При работе над Словарем я руководствовалась дефиницией неологизма Петербургского фразеологического семинара: «Фразеологические неологизмы – это не зарегистрированные толковыми словарями современных литературных языков устойчивые экспрессивные обороты, которые либо созданы заново, либо актуализированы в новых социальных условиях, либо образованы трансформацией известных прежде паремий, крылатых слов и фразем, а также сочетания, заимствованные из других языков» (Мокиенко 2003: XI).

За прошедшие с момента выхода Словаря – более 10 лет – изменилось соотношение некоторых калек в русском и чешском языках. Так, в 2007 г. в Словарь не были включены обороты *это [не] моя чашка чая, это [не] моя группа крови* – в русском языке они встречались редко, хотя уже были известны в чешском языке: *to není můj šálek kávy (čaje), to není moje krevní skupina*. Сейчас были обнаружены и примеры употребления этих оборотов в русском языке. Ср.:

Отель был постоянно шумным, никакой сон, бассейн, окруженный конкретными джунглями с 60-ых, <...> пиво, дешевое & противное. Не моя чашка чая!
<http://www.tripadvisor.ru>.

"Москва – моя группа крови" – Театр – ... "Москва — моя группа крови". Елена Морозова, играющая в новом спектакле Кирилла Серебренникова ... www.timeout.ru

В новой работе по неологизмам, недавно изданном Словаре русских неологизмов (Stěpanova, Dobrova 2018), кроме лексических единиц, фиксируются и многие новые фразеологические обороты:

1) транскрибированные английские выражения: *джаст ин тайм* (точно вовремя), *джаст фор лулз (фан)* – ради удовольствия; для смеха, веселья,

2) фразеологизмы с освоенными английскими компонентами: *легкий лайк* – дружелюбный человек в соцсети, который поставит лайк под всем, что вы запростите;

возглавлять топ – быть лучшим среди лидеров, занять первое место в рейтинге лучших; *поколение игрек, поколение У, Z, поколение некст* – Миллениалы, поколение родившихся после 1981 года, характеризующееся глубокой вовлечённостью в цифровые технологии. Сюда относится и фразеологизм *запастись попкорном* – с интересом ожидать развития событий, ср.:

Ну или просто запаситесь попкорном и наблюдайте, как криптовалюты будут менять наш мир... <http://solvaigsamara.livejournal.com>

Верховный суд вышел за рамки и открыл ящик пандоры. ну а я запасаю попкорном и патронами – дальше будет "лучше, веселее", саш. <https://kuzimama.livejournal.com>

3) полные кальки: *офисный планктон, говорящие головы, игра в одни ворота, черная пятница, родиться с серебряной ложкой во рту*. Последнее выражение отличается от русского фразеологизма *родиться в рубашке*, т.к. означает не «быть счастливым», а «иметь счастье родиться в богатой, зажиточной семье».

4) кальки, которые нам представляются совсем недавними, напр.:

– *стеклянный потолок* «невидимый и формально никак не обозначенный барьер в карьере, ограничивающий продвижение женщин по служебной лестнице по причинам, не связанным с их профессиональными качествами», ср.:

Saxo Bank отмечает, что в 2018 году женщинам все-таки удастся пробить «стеклянный потолок» гендерного неравенства на рынке труда и в среде топ-менеджеров. <https://www.kommersant.ru>

– липкий пол – «длительное пребывание на должности с самым низким уровнем дохода и престижа, без возможности продвижения по службе». Это явление касается главным образом женщин таких профессий как горничные, няни, офисный персонал, медсестры, учителя и др.

– поющие трусы – «неодаренные певицы, компенсирующие отсутствие таланта отважными нарядами»:

...певицы последних десятилетий попсы из серии, как дали определение в СМИ - это «поющие трусы». <http://halidahamid.livejournal.com>

– рука лицо – «обозначение чувства неловкости, стыда за что-л.», ср.:

Мне в таких ситуациях бывает жутко стыдно. Ну, просто невыносимо, вплоть до состояния «рука-лицо». <https://ob-zor.ru>

Большое распространение получил также фразеологизм *наступить на те же грабли*, он фиксируется в Национальном корпусе русского языка с 2003 г., в газетном – с 2001 г. – 34 употребления. Хотя он давно зафиксирован в диалектах, несомненно благодаря прозрачности

внутренней формы, однако в литературном языке распространился недавно, что было вызвано, повидимому, заимствованием из английского языка. Ср.:

Публикуем наиболее характерные истории в надежде, что кому-то из наших читателей они помогут на наступить на те же грабли. Е. Аракелян и А. Добрюха. Дела не так уж плохи, пока живы «лохи»! Комсомольская правда, 2001.05

Как видим, большинство новых фразеологических заимствований имеет англоязычное происхождение. Но есть и исключения. Интересно, например, новое выражение *вишенка на торте*, чеш. *čerešnička na dortu*. Считается, что в русский язык оборот попал из французского благодаря фильму «Карла Бруни. вишенка на торте» (2010) о первой леди Франции, популярность была поддержана следующим францужско-итальянским фильмом с названием в русском переводе «Черешня на пирожном» (2012). Оборот зафиксирован в употреблении с 2010 г. (Федорова 2017, с. 88). Сам образ украшения на торте существует во многих европейских языках, ср. англ. *icing on the cake*, амер. *frosting on the cake*, нем. *das Sahnehäubchen auf dem Kuchen* – букв. глазурь (крем) на торте. В французском языке в качестве украшения присутствует вишня: *C'est la cerise sur le gâteau*.

Есть и немногочисленные заимствования из немецкого языка – например, фразеологизм *визгу много, а шерсти мало*. Этот оборот приобрел особую популярность в русском языке благодаря его употреблению В. Путиным в 2013 г. в связи с делом Стоуна: Это все равно, что поросенка стричь: визгу много, а шерсти мало.

Сравнительно много оборотов пришло из компьютерного сленга и языка геймеров, напр.: *дрова горелые, корелские дрова, король дров* – графический редактор Corel Draw; *мыло* – электронная почта, *скинуть на мыло* – послать сообщение по электронной почте; *смерть вам!* – модем smart one; *кто, что-л. 80 уровня* – о ком-л., чем-л., достигшего максимального уровня профессионализма или другого качества, ср.:

Сегодняшний пост про автомобилистов 80 уровня я посвящаю этим автокемперам и их владельцам - людям, у которых в достатке отвага (решиться на подобный проект) и усердие со смекалкой (для его реализации). Да, для такого руки должны расти из правильного места!
<http://artemspec.livejournal.com>

«Кулинар 80-го уровня»: домашние пироги, какими их еще не видели.
<http://www.telegraf.lv>

С другой стороны, в русском языке сравнительно недавно (прослеживается с начала нашего тысячелетия) появился фразеологизм *держат пальцы за кого*, чеш. *držet palce komu (jemandem den Daumen halten)* – «болеть за кого-л. (напр. при сдаче экзамена), желать удачи кому-л.», зафиксированный в начале XX в. В русском языке этот фразеологизм появился

совсем недавно – по всей видимости, это калька английского *keep one's fingers crossed (for someone)* – и используется в разных вариантах, что характерно для неологизмов, причем не только в форме *держат пальцы за кого*, но и *держат пальцы крестом (крестиком)*, *держат пальцы скрещенными*.

Эти варианты, по нашему мнению, проясняют первоначальную мотивацию ФЕ – до сих пор дети перекрещивают пальцы при виде скорой помощи, аварии или какого-то несчастья, как бы отгоняя злого духа. Но самого оборота в русском языке раньше не было. Когда кто-л. шел на экзамен, он говорил: «болейте за меня» или «ругайте меня». Существовало и суеверие, что мама должна обмакнуть пальцы в чернила, это принесет сыну или дочери удачу на экзамене. В современном русском языке все эти суеверия соседствуют друг с другом и создают новый синонимический ряд выражений со значением «болеть за кого-л., желать ему удачи», ср. призыв на форуме в Интернете:

Господа! Сегодня, начиная с двух часов пополудни, все кому не лень, держите за меня кулаки, пальцы крестиком, нос в чернильнице и делайте прочие трюки, неизменно приносящие удачу.

И через некоторое время:

Спасибо всем, кто меня ругал и держал пальцы крестиком. Всё прошло замечательно.

Подобное явление мы можем наблюдать и в истории других фразеологизмов, напр. *быть в одной лодке*, *ломать через колено*, *музыка будущего*.

Итак, что же происходит в современной интернациональной фразеологии, а точнее – в группе заимствованных фразеологических единиц? Как показывают многие исследования, количество активно употребляемых культурных интернационализмов сокращается. С другой стороны, быстро расширяется группа фразеологических заимствований из западноевропейских языков. Увеличивается количество калек английских (американских) фразеологизмов, которые проникают не только в славянские, но и в другие европейские языки, причем их заимствование происходит неединовременно и неравномерно. В русско-чешском сопоставительном плане наблюдается также расширение состава интернационализмов благодаря появлению в русском языке новых заимствований из английского языка, которые совпадают с фразеологизмами, давно калькированными чешским языком с немецкого языка.

Список литературы

Балакова Д., Ковачова В., Мокиенко В. М. (2013): Наследие Библии во фразеологии. Грайфсвальд: Е.-М.-Arndt-Universität Greifswald.

Мокиенко В.М. (1980): Славянская фразеология. Москва: Наука.

Мокиенко В.М. (1986): *Образы русской речи*. Ленинград: Издательство Ленинградского университета.

References

Čechová M. (1999): *Užití kulturních frazémů v současnosti*. In: *Přednášky z XLII. běhu Letní školy slovanských studií*. D. I. Praha, s. 47-56.

Stěpanova L. (2007): *Rusko-český frazeologický slovník*. Olomouc: Univerzita Palackého.

Stěpanova L., Dobrova M. (2018): *Словарь русских неологизмов*. Olomouc: Univerzita Palackého.

СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ: КОРПУС ЗООМОРФИЗМОВ В РУССКОМ И ИСПАНСКОМ ЯЗЫКАХ

Суарес Куадрос Симон Хосе
Гранадский Университет, Испания
ssuarez@ugr.es

АННОТАЦИЯ

Фразеологические исследования последнего десятилетия демонстрируют возрастающий интерес к этой научной отрасли. Именно такой интерес стал одним из решающих факторов, повлиявших на выбор темы данной статьи. В настоящее время во фразеологических исследованиях в основном уделяется внимание анализу единиц, представленных на нескольких лингвистических уровнях, для того чтобы проанализировать их полное значение. Сложность, характерная фразеологическим единицам, позволила провести исследования с различных сторон. В нашей работе мы постарались отразить трудности, которые могут поджидать переводчика или изучающего иностранный язык, когда он сталкивается с Фразеологической единицей.

ABSTRACT

Idioms are structures with a very complicated nature if we consider composition and semantics. At the same time can make a big difficulty for foreigner students or translator, by different cultural meanings and it can hold. In this paper, we have to mention some of the possible difficulties that students may have a second language and aim some solutions to this problem.

Ключевые слова: Фразеология, Испанский язык, Русский язык.

Keywords: Idioms, russian, spanish.

Фразеологические единицы (далее – ФЕ) – это комплексные единицы, характерные для всех языков. Речь идет о сложных структурах без ясно определенных правил по их составу и построению. Данные структуры зарождаются в устной речи, где они обычно употребляются. Они возникают как отображение обычаев и верований, отображение культуры различных народов, встречаются на протяжении всей истории, развиваясь одновременно с развитием самого языка.

Фразеологические единицы отражают особенности традиций и навыков, приобретенных определенным народом в течение его собственной истории. Фразеология предусматривает все аспекты повседневной жизни каждого народа и его существования. Эти черты, характеризующие ФЕ, превращают их изучение в нечто привлекательное с точки зрения этимологии и культуры. Однако с другой стороны, вышеуказанные единицы становятся большим препятствием для тех, кто изучает иностранный язык. Ведь ФЕ обычно имеют

характерные каждому народу значения, отражают видение мира, присущее этому народу, и это представляет особую сложность при их правильном использовании. По этой причине, можно считать, что любой человек, изучающий иностранный язык, достиг высокого уровня знания этого языка, если он правильно применяет ФЕ, присущие данному языку. Естественно, сложность правильного употребления ФЕ тем выше, чем дальше рассматриваемые языки и культуры.

В нашей работе мы выбрали языки, принадлежащие разным лингвистическим группам, русский и испанский, которые в то же время представляют две разные культурные реальности. ФЕ обоих языков могут содержать культурные аспекты, исторические коннотации или специфичный опыт мировосприятия, присущие культурам русского и испанского народов. Этот фактор, который следует изучить, может превратиться в дополнительную, но не непреодолимую трудность. Например, Б. Н. Ажнюк в своем сравнительном исследовании ФЕ указал, что при сравнении таких отдаленных языков необходимо учитывать преобладание различий над сходствами (1989: 53). Этот принцип действителен и в нашей работе, так как, несмотря на то, что русский и испанский языки входят в индоевропейскую языковую семью, они все же принадлежат к совершенно разным языковым ветвям: русский – к славянской, а испанский – к романской. Однако, хотя речь идет о разных культурах и отдаленных языках, мы удостоверились, что также существуют и схожие элементы, которые совпадают как в форме, так и в значении, предлагая, в зависимости от примеров, удивительные и любопытные результаты.

Тем не менее, следует учитывать тот факт, что при сравнении двух языков из разных групп типы взаимосвязей могут перемешиваться:

- а) в отдельных аспектах организации формальных идей; в данном случае, главную роль играют лексика и семантика;
- б) в их общих содержаниях, а именно, в денотативном и в коннотативном значении.

Прежде чем перейти к некоторым типичным примерам из нашего исследования, хотелось бы внести еще одно разъяснение о характеристиках, которыми должна обладать ФЕ для включения их в наше исследование и, соответственно, для внесения ее в разработанный нами корпус. В начале нашей работы мы отметили, что ФЕ по своей сути являются сложными структурами и, что их очень трудно определить. Также они должны обладать минимальным набором характерных черт. В нашем исследовании мы приняли за основу работу В. М. Мокиенко (1989), который считает, что ФЕ это относительно фиксированное, выразительное и воспроизводимое объединение лексем, имеющее, как правило, неделимое значение. (1989:5). Также мы использовали работы испанской ученой Глории Корпас, специалиста в области

лингвистики, которая посвятила себя в основном изучению фразеологии. Корпас утверждает: «фразеологические единицы, являющиеся предметом фразеологии, - это лексические единицы, состоящие из двух или более графических слов, при низшей границе длины, в верхней границе – составляют сложное предложение. Вышеуказанные единицы характеризуются их частотностью и одновременным появлением их составных элементов, их конституированием, состоящим в их семантическом установлении и специализации, потенциальной идиоматичностью и изменчивостью, а также степенью, в которой проявляются все аспекты различных типов. (G. Corpás, 1996: 20)

Естественно, проведение глобального фразеологического исследования может стать слишком сложной работой. Поэтому мы решили предварительно определить границы нашей работы. Именно по этой причине мы выбрали действительно представительную лексико-семантическую группу (далее ЛСГ) для проведения настоящего сравнительного анализа русского и испанского языков.

Выбранная ЛСГ включает названия животных, так как мы посчитали, что эта лексическая группа является одной из самых характерных во всех языках и может предложить нам множество вариантов при сравнении лексики обоих языков. Эта ЛСГ является одной из самых главных и древних во всех языках и, в то же время характерна повышенной возможностью для составления фразеологических выражений.

Одним из самых важных фактов, представленных в данной группе, является то, что в большинстве случаев данная группа состоит из разных семантических уровней. На первом уровне расположены прямые значения слов, обозначающих самих животных или *зоосемизмы*. Однако более интересным для нашего исследования являются метафорические значения или *зооморфизмы*, которые в большинстве случаев проявляются при описании человека.

Мы использовали термин «зооморфизм» (Зайченко, М.Ф., 1983) как синоним названия животных, которые используются в метафорическом значении для описания характеристик или внешности человека.

1. Фразеологический анализ.

Сравнение ФЕ с одним и тем же компонентом – названием животного в обоих языках иногда может привести к разным видам соответствий.

Обнаружение межлингвистических эквивалентов, то есть схожих элементов в двух или более языках, является одной из самых главных задач лингвистики как науки.

Сравнение нескольких грамматических уровней двух языков может привести к аналогичным или различным результатам. Как утверждает С.В. Евтеев, сходство позволяет определить предмет, подлежащий сравнению. В отношении различий Евтеев определяет два вида: значительные различия (те, которые не проявляют никакой степени сходства) и незначительные различия (проявляющие какое-либо сходство). (С.В. Евтеев, 1992: 51).

По нашему мнению, это явление не очень важно при изучении иностранных языков; тем не менее, его необходимо учитывать, если речь идет о полном владении иностранным языком. Ведь в любом языке присутствуют лингвистические единицы, которые могут быть одинаковыми или, наоборот, могут не совпадать.

Некоторые лингвисты⁶ в недавних исследованиях указывают, что существует склонность к сравнению прагматических групп, синтагм, полей и предложений. По мнению Евтеева, усилие при сравнении высших структур обосновано при функциональном переходе к обнаружению схожих явлений при сравнительном исследовании языков. (С.В. Евтеев, 1992: 52).

Проведенный на данном этапе анализ семантических групп ФЕ русского и испанского языков сводится к систематическому сравнению русских и испанских фразеологизмов. Для этого, мы в основном работали с двуязычными словарями.

Следует отметить, что сравнение лингвистических единиц двух или более языков может привести к совершенно другим результатам, что важно учитывать, так как лингвистическое толкование фразеологических компонентов может привести к ошибочному толкованию фразеологизма.

Лингвист Б. Н. Ажнюк, занимавшийся сравнением английской и украинской фразеологии в культурно-этнических рамках, утверждает, что эти выражения называют качественными суждениями, относящиеся к полному значению (лексема – компонент) в формальной лингвистике. По словам ученого, при сравнении таких разных языков как английский и украинский необходимо учитывать, что над сходствами будут преобладать различия. (Б. Н. Ажнюк, 1989: 53).⁷

Чтобы установить степень эквивалентности, мы, несомненно, учитывали, что русский и испанский языки – совершенно различные языки, как по происхождению, так и по их

⁶ Евтеев, С. В., 1992: Вопросы языковых контактов и сопоставительное изучение языков. Москва. ст. 50-57. ЗАЙЧЕНКО, Н. Ф., 1993: “До питання про системні закономірності в лексико семантичній групі зоосемізмів”, *Мовознавство*, 4, ст. 44-48. ЗАЙЧЕНКО, Н. Ф., 1983: Лексико-семантическая группа «наименования животных» и её фразеобразовательные возможности в современном русском языке. Автореф. Канд. Дисс. Киев.

⁷ Ажнюк, Б. М., 1989: *Англійська фразеологія у культурно-етнічному висвітленні*. Київ.

содержанию. Кроме самих языков, стоит учитывать и то, что речь идет также о том, что культуры обоих народов имеют разное восприятие мира.

А. Д. Райхштейн утверждает, что в двух языках разного происхождения равнозначный интерлингвистический материал ФЕ может иметь одинаковый, несколько странный результат. По этой причине, межлингвистические отношения проявляются только как семантические структуры и не перекликаются при непосредственном сравнении, но находят общее только при отдаленном сравнении, через призму содержания соответствующих трудностей в их фразеологическом и обычном использовании. (А. Д. Райхштейн, 1980: 16-17).

Данный вывод также можно применить к сравнению русского и испанского языков, потому что наряду с полным совпадением и с полным различием в значениях можно установить промежуточные шаги, которые можно считать как не полностью совпадающие отношения. Как русские, так и испанские ФЕ следует разделить на три группы: идентичная, не идентичная и промежуточная группы.

Однако необходимо проявить особое внимание, так как при сравнении двух языков разного происхождения, виды связей могут переплетаться:

а) в отдельно взятых аспектах организаций формальных идей; в этом случае, главную роль играет лексика и семантика:

б) в общих содержаниях, то есть в денотативном и коннотативном значении.

2.1. Классификация исследования.

Было разработано много видов классификации в разных сравнительных фразеологических работах. Однако мы выбрали классификацию, использованную украинской ученой Н. Ф. Зайченко (1983), так как по нашему мнению, предлагаемая в ее трудах классификация является подходящей для исследований такого типа.

С точки зрения видовой организации мы установили несколько уровней эквивалентности по значению русских и испанских ФЕ. Согласно данной классификации различаются следующие виды эквивалентов:

а) Эквивалентные фразеологические единицы.

б) Аналогичные фразеологические единицы.

в) Фразеологические единицы без эквивалентов.

Мы посчитали необходимым разделить первую группу на абсолютные и неполные эквиваленты, которые следует отличать от аналогичных. В неполных эквивалентах, зооморфизм одинаков как в русском, так и в испанском варианте, однако в аналогичных - зооморфизм будет отличаться.

Наконец, и перед тем как перейти к самой классификации, в результате сравнительного анализа выяснилось, что существуют ФЕ с одинаковыми компонентами, но с совершенно разными значениями. Мы их назвали псевдоэквивалентами.⁸

Учитывая все аспекты ФЕ и фразеотематических групп, мы решили установить следующие виды эквивалентности:

2.1.1. Эквивалентные фразеологические единицы.

2.1.1.1. Абсолютные эквивалентные фразеологические единицы.

Абсолютные эквивалентные ФЕ – это единицы, в которых составляющие их грамматические компоненты расположены в одинаковом порядке в обоих языках. Кроме этого, они используют одинаковый зооморфизм и также совпадают в значении. Эта группа ФЕ не представляет никаких проблем, так как в данном случае существует эквивалент в другом языке и при переводе подстановка ФЕ не представляет никаких проблем. Несмотря на это, так как речь идет об исследовании двух языков разного происхождения, эта группа не является одной из самых главных.

Примерами этой группы могут служить следующие фразеологические единицы:

1) *Брать быка за рога.*

Coger el toro por los cuernos.

2) *Верный как собака.*

Fiel como un perro.

2.1.1.1. Неполные эквивалентные фразеологические единицы.

В данном случае эта группа ФЕ характерна тем, что они полностью совпадают по значению, но грамматические элементы ФЕ представлены по-разному. Следует уточнить, что в этой группе компонент – название животных ФЕ одинаков в обоих языках.

1) *Убить курицу, которая несет золотые яйца.*

Matar a la gallina que pone los huevos de oro. (Дословный перевод)

Matar a la gallina de los huevos de oro.

2) *Собака на сене.*

Perro sobre el heno. (Дословный перевод)

El perro del hortelano.

⁸ Термин, внесенный Райхштейном в книге “Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии”. (1980) Москва.

3) *Морской волк.*

Lobo marino. (Дословный перевод)

Ser un lobo de mar.

Для того чтобы указать разницу в порядке слов, в вышеуказанных примерах мы поставили на первое место русскую ФЕ, на второе место – дословный перевод, а на третье – испанский эквивалент. Несмотря на различия, эти ФЕ обладают одинаковым значением, как было указано ранее.

2.1.2. Аналогичные фразеологические единицы.

Третья группа ФЕ схожа с предыдущей, но следует сделать небольшое уточнение. Также как и во второй группе, речь идет о ФЕ, которые как в русском, так и в испанском языках имеют одинаковое значение, но один из составляющих их элементов отличается. Во второй группе элемент, придающий силу ФЕ, то есть зооморфизм, одинаков в обоих языках, что отличает ее от третьей группы. Здесь зооморфизмы в русском и в испанском языке отличаются. Это явление не влияет на перевод, так как одну ФЕ можно заменить на другую, причем контекстуальный смысл не меняется. Но, если главный элемент ФЕ влияет на контекст, то следует использовать примечание переводчика или же прибегнуть к поиску ФЕ, которая великолепно бы подошла для перевода без влияния на контекст. Последний вариант намного сложнее для переводчика.

1) *Убить одним выстрелом двух зайцев.*

Matar con un disparo a dos liebres. (Дословный перевод)

Matar a dos pájaros de un tiro. (Предлагаемый перевод)

Второй пример мы включили, чтобы показать, что в определенном контексте надо соблюдать осторожность: русский вариант имеет положительные коннотации для описания человека, между тем, в испанском варианте предлагает отрицательное значение.

2.1.3. Фразеологические единицы без эквивалентов.

Четвертая группа без сомнений является самой многочисленной. Речь идет о группе русских и испанских ФЕ без эквивалентов в другом языке, что подтверждено в трудах Б. Н. Ажнюка, и о чем было указано в начале данной работы: в языках разного происхождения различия будут преобладать над сходствами. Перевод ФЕ этой группы является более

сложным, так как, если прибегать к дословному переводу в целевом языке могут потеряться важные оттенки общего контекста. С другой стороны, также как и в предыдущей группе, сложно подобрать ФЕ с тем же значением, что и в исходном языке. Далее приведены примеры этой группы ФЕ на русском и на испанском языке.

- 1) *Великий птах.*
- 2) *Как корова языком слизала.*
- 3) *Pájaro de cuenta.* [Мошенник]
- 4) *Ser dócil (manso) como un cordero.* [Кроткий как ягненок]
- 5) *Mirar como un cordero degollado.* [Смотреть как ягненок на волка]

2.1.4. Псевдоэквивалентные фразеологические единицы.

Перейдем, наконец, к самой интересной и самой маленькой группе. В пятую группу включены те ФЕ, в которых совпадают все компоненты, даже компонент – название животных, но они имеют разные значения в разных языках. Несмотря на то, что эта группа небольшая, она хорошо подходит к определению, предложенному А. Д. Райхштейном о псевдоэквивалентных фразеологизмах, поэтому мы решили их включить в отдельную группу. Кроме того, эти ФЕ интересны с точки зрения культурного обозрения, а также являются испытанием для переводческих навыков, так как схожие структуры могут навести любого переводчика на ложный путь.

Испанская ФЕ «*como una rata de sacristía*» [как церковная крыса] описывает человека, который проводит много времени в молитвах в церкви. В русском языке существует фразеологизм «как церковная мышь». Элементы обеих ФЕ почти одинаковы, но в русском варианте речь идет о людях, которые живут в нищете.

Мы нашли еще один пример псевдоэквивалентных фразеологических единиц: «*estar como un cerdo*» («быть как свинья» на русском). В испанском варианте эта фразеологическая единица может иметь два значения. Одно описывает внешность человека, а второе значение описывает степень неряшливости человека в тот или иной момент. Второе значение испанского фразеологизма совпадает с русским вариантом. Однако, в русском языке мы не нашли ни одного примера, совпадающего с описанием внешности человека. По этой причине, мы решили включить эту фразеологическую единицу в две группы, одна из которых – данная группа псевдоэквивалентных фразеологических единиц.

2. Выводы.

1) Названия животных составляют важную лексико-семантическую группу, как в русском, так и в испанском языке, и очень часто встречаются в лексике обоих языков. Сравнительный анализ семантических результатов позволил нам подтвердить, что, как и предвиделось в начальной гипотезе нашего исследования, различия преобладают над сходствами.

2) Как в русском, так и в испанском языке, названия животных приобретают два или более значения; одно из них прямое, а другое используется для описания человека (зооморфизмы).

3) Мы смогли установить, что в обоих языках отрицательные коннотации преобладают над положительными.

4) Русскому и испанскому языкам характерна общая фразеологическая деривация. Названия животных очень часто и активно участвуют в составлении ФЕ. В большинстве изученных зооморфизмах и ФЕ они проявляют идентичные коннотации, что указывает на большое влияние зооморфизмов на полное значение ФЕ.

5) В разработанном корпусе, чаще всего встречаются на русском языке слова: собака, муха, птах, волк и мышь; а на испанском: perro [собака], mosca [муха], mono [обезьяна], gato [кот] и тоgo [бык].

Список литературы

Арутюнова, Н. Д., 1990: (ed.) Теория метафоры. Москва. Прогресс.

Corpás Pastor, G., 1996: Manual de Fraseología Española. Madrid. Gredos.

Corpás Pastor, G., 2000: Las lenguas de Europa: estudios de fraseología, fraseografía y traducción, Granada.

Добровольский, Д. О., 1987: “Национально-культурная специфика во фразеологии”, Вопросы языкознания. 6, Москва. Ст. 37-48.

Евтеев, С.В., 1992: Вопросы языковых контактов и сопоставительное изучение языков. Москва. ст. 50-57.

Зайченко, М.Ф., 1983: Лексико-семантическая группа «наименования животных» и её фразеобразовательные возможности в современном русском языке. АКД, Киев.

Мокиенко, В. М., 1980: Славянская фразеология. Moscú. Высшая школа. 2^a Ed. 1989.

Райхштейн, А. Д. 1980: Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии. Москва.

Телия, В. Н., 1966: Что такое фразеология, Москва, Наука.

РУССКИЕ И ХОРВАТСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С КОМПОНЕНТОМ *БОМБА* (*BOMBA*)

Желька Финк

*Философский факультет Загребского университета, Хорватия
zfink@ffzg.hr*

RUSSIAN AND CROATIAN IDIOMS WITH THE COMPONENT *БОМБА* (*BOMBA*)

Željka Fink

Faculty of Humanities and Social Sciences, University of Zagreb, Croatia

АННОТАЦИЯ

На материале фразеологизмов русского и хорватского языков с компонентом *бомба* (*bomba*) будет показано, в какой мере два его основных лексических значения ('1. разрывной снаряд, сбрасываемый с самолета; 2. взрывное устройство') повлияли на формирование фразеологического значения, сколько общих семантических элементов фиксируется в значении фразеологизмов и как воспринимается данный компонент носителями русского и хорватского языков. С семантической точки зрения фразеологизмы с компонентом *бомба* (*bomba*) делятся на пять групп, причем они относятся к следующим семантическим полям: (1) сенсация, (2) внешний вид человека, (3) опасность, (4) беспорядок, (5) скорость движения.

ABSTRACT

The paper deals with Russian and Croatian idioms with the component *бомба* (*bomba*) including the following analysis: (a) the influence of its two basic lexical meanings (1. airdropped explosive shell; 2. explosive device) on the phraseological meaning of the idioms; (b) common semantic elements that are included in the phraseological meaning; (c) the perception of native speakers of Russian and Croatian towards the component. From the semantic point of view, the idioms are divided into five groups that are related to the following semantic fields: (1) sensation, (2) the look of a man, (3) danger, (4) mess, (5) speed of movement.

Ключевые слова: русский язык, хорватский язык, фразеология, фразеологизмы с компонентом *бомба* (*bomba*), семантический анализ

Keywords: Russian, Croatian, phraseology, idioms with the component *бомба* (*bomba*), semantic analysis

* Работа выполнена в рамках проекта *Primjena frazeološke teorije u frazeografiji* (№ 4054), который финансирует хорватский фонд *Hrvatska zaklada za znanost*.

1. Введение

Несмотря на тот факт, что во фразеологизмах в узком смысле проведена полная или частичная десемантизация, лексическое значение определенных компонентов и некоторые

характеристики предметов в составе оборотов, как известно, все-таки оказывают большее или меньшее влияние на формирование фразеологического значения.

В работе анализируются фразеологизмы русского и хорватского языков с компонентом *бомба* (*bomba*). При этом будет показано, в какой мере основное лексическое значение и признаки данного предмета повлияли на формирование фразеологического значения, сколько общих семантических элементов обнаруживается в значении фразеологизмов двух славянских языков и как воспринимается данный компонент носителями русского и хорватского языков и культур.

В русском языке слово *бомба* появилось в Петровскую эпоху как заимствование из французского (*bombe*). Французское слово происходит в свою очередь от итальянского слова *bomba*, которое восходит к латинскому *bombus* ('шум, жужжание'), а то – к греческому βόμβος. В хорватский язык, с другой стороны, слово *bomba* заимствовано из итальянского. Существительное считается интернационализмом, ср. укр. *бомба*, бел. *бомба*, польск. *bomba*, чешск. *bomba*, словацк. *bomba*, словенск. *bomba*, серб. *бомба*, мак. *бомба*, болг. *бомба*, англ. *bomb*, нем. *Bombe*, франц. *bombe*, итальянск. *bomba*, исп. *bomba*.

Бомба – это название обширного ряда типов боеприпасов и взрывных устройств. Несмотря на то, что большинство бомб предназначается для поражения наземных, подземных и морских целей, можно упомянуть и многочисленные классы бомб для решения других задач, напр. для постановки дымовых завес, освещения местности, фотографирования, подачи сигналов.

В толковых словарях русского языка фиксируются два основных лексических значения существительного *бомба*: '1. разрывной снаряд, сбрасываемый с самолета; 2. взрывное устройство, преимущественно для совершения террористического акта'. Они более или менее соответствуют и основному лексическому значению в хорватских толковых словарях. В словарях обоих языков приводятся и переносные значения данной лексемы⁹.

2. Семантический анализ фразеологизмов с компонентом *бомба* (*bomba*)

Анализ русских и хорватских фразеологизмов¹⁰ с компонентом *бомба* (*bomba*) показал, что, когда речь идет о значении данных оборотов, можно говорить о пяти группах.

2.1. В первой группе фразеологизмов обоих языков значение связывается с какой-либо сенсацией, с каким-либо неожиданным событием (чаще всего неприятным), вызывающим

⁹ В хорватском языке существительное *bomba* имеет и значение, относящееся к спортивной терминологии: 'сильный удар /кулаком или мячом/' и 'прыжок бомбочкой'.

¹⁰ В анализ не включаются диалектные фразеологизмы с данным компонентом.

всеобщее удивление, возбуждение или панику. Все единицы данной группы имеют сравнительную структуру: *взорвалось (лопнуло) как бомба* что и ее синтаксический вариант *взорвалось (лопнуло) бомбой* что, затем *как бомба разорвалась, как взрыв бомбы, odjeknulo je kao bomba što*. Значение мотивируется разрывным действием и сильным ударом, в результате которых слышен резкий звук. Когда речь идет о семантическом аспекте хорватского оборота, оно основано и на переносном значении существительного *bomba*, зафиксированном в толковых словарях ('senzacija, novost koja sve potresa'). В толковых словарях русского языка, с другой стороны, фиксируется близкое переносное значение слова *бомба* – 'нечто важное, вызывающее взрывной интерес, внезапный и сильный отклик'.

Приводятся примеры употребления в контексте:

Новость взорвалась как бомба... Пару месяцев назад известие прозвучало, словно бомба: Egenolf станет генеральным импортером русских сельхоз машин Ростсельмаша. Константин Бабкин, Дневник партийца. babkin-k.livejournal.com/238607.html (доступ: 12.06.2018)

Материал, помещенный в «Трепе», взорвался как бомба. (Д. Донцова, Мачо чужой мечты)

Объявляют результат тайного голосования: Бахирев избран, Вальган нет! Как бомба разорвалась, ей-богу! Тут Уханов возражает: неправильное, мол, голосование. (НКРЯ, Г. Е. Николаева. Битва в пути)

В мирке Роллана, его жены, спецслужб, Коминтерна и всех более или менее завербованной левой интеллигенции это было как взрыв бомбы. (НКРЯ, Б. Носик. «Кто ты? – Майя», «Звезда», 2001)

Priča o dvoje nestalih grčkih atletičara odjeknula je kao bomba. (HFR¹¹ 2014, N)

ODJEKNULO KAO BOMBA

SENZACIJA IZ SVIJETA BORILAČKOG SPORTA: Cro Cop potpisao za američku organizaciju i dogovorio revanš s poznatim licem! (<https://net.hr/>, 05.3.2018)

В хорватском языке иногда в подобном контексте встречается и оборот *to je bomba* (досл. это – бомба), который тоже относится к неожиданной новости, вызывающей огромный интерес.

Приводится пример употребления:

Riječ je o jednoj anketi, ali nema sumnje da je reprezentativna: Crobarometar izmjerio je da OraH na području Rijeke i Istre dobiva 25 posto podrške, a SDP samo 21 posto. Ako je to istina, to je bomba, i u SDP-u će se narednih mjeseci štošta morati dogoditi. (Novi list¹², 30.8.2014)

11 HFR = Хорватский фразеологический словарь.

12 Хорватская ежедневная газета.

Субстантивный компонент данного оборота со структурой предложения употреблен в переносном значении, зафиксированном в толковых словарях, и именно оно оказывает влияние на значение оборота в целом. Оборот употребляется только в таком структурном виде, а значит, устойчивость структуры в данном случае является наиболее важной. Исходя из того факта, что в обороте не проводится дополнительная десемантизация, его можно считать частью фразеологии в широком смысле. Оборот иногда употребляется в качестве реплики или междометного фразеологизма.

Интересно заметить, что слову *bomba* в том же переносном значении иногда добавляются определения типа *pravi* ('настоящий') или *kakav* ('какой'), и с помощью таких сочетаний также выражается сильное удивление, вызванное какой-то неожиданной новостью, сенсацией или неожиданным событием. Сочетание *kakva bomba* часто встречается и в качестве междометного выражения.

Приводятся примеры употребления в контексте:

NA POMOLU PRAVA BOMBA DOMAĆEG MERCATA!? Dinamo u posljednji trenutak kreće u tešku misiju i veliku razmjenu s Rijekom koja uključuje trojicu igrača (Sportske novosti¹³, 31.8.2018)

Kakva bomba! Barcelona želi dovesti sjajnog vatrenog!

Pred našim reprezentativcem su lijepi dani u karijeri, svojim sjajnim nastupima izborio se za interes velikana. (Večernji list¹⁴, 23.7.2018)

2.2. Вторую группу фразеологизмов можно разделить на две подгруппы, причем обороты обеих подгрупп имеют общее значение, относящееся к внешнему виду человека.

2.2.1. В первую подгруппу входят фразеологизмы обоих языков, включающие гендерный элемент, но выражающие разные отношения к женщине.

Хорватский глагольный фразеологизм со сравнительной структурой *izgledati kao bomba* (досл. выглядеть как бомба) относится к красивой и сексапильной женщине.

Приводится пример употребления:

Žena se dobrano muči da bi izgledala k'o bomba

Jennifer Lopez već je godinama na listama najljepših žena na svijetu, no čak se i ova izvanserijska ljepotica mora dobro namučiti da bi izgledala tako zanosno.

<https://net.hr/hot/zvijezde/jennifer-lopez-ustaje-svako-jutro-prije-sest-sati-i-vjezba/> (доступ: 12.6.2018)

13 Хорватская ежедневная газета.

14 Хорватская ежедневная газета.

Такое значение, вероятно, мотивировано переносным значением слова *bomba*, относящимся к сенсации, т.е. к тому, что вызывает огромный интерес, и этот аспект переносится на женщину, вызывающую интерес. Это до определенной степени подтверждается и фактом, что вместо сравнительной части можно употребить наречие *senzacionalno* ('сенсационно'):

Kate je ovaj put izgledala senzacionalno u indigo plavoj haljini s hrabrim dekolteom koja je ocrkala i pripitomila njezine raskošne majčinske obline. <https://zadovoljna.dnevnik.hr/.../plava-senzacija-hrabra-haljina-koja-je-ukrotila-obline...> (доступ: 12.6.2018)

Слово *bomba*, относящееся к красивой и сексапильной женщине¹⁵, сочетается и с прилагательным *pravi*.

Приводятся примеры употребления:

Prava bomba: Ecija Ojđanić u nikad izazovnijem izdanju

Posljednjih godina glumica sve više plijeni svojim dobrim izgledom. Hvale joj mladalački izgled, temperament, energiju. <https://www.tportal.hr/.../prava-bomba-ecija-ojdanic-u-nikad-izazovnijem-izdanju-fot...> (доступ: 31.8.2018)

RAKETINA ŽENA JE PRAVA BOMBA: *Raquel pokazala ubojiti 'underboob' i sve bacila na koljena* <https://net.hr/.../raketina-zena-je-prava-bomba-raquel-pokazala-ubojiti-underboob-i-s...> (доступ: 31.8.2018)

Помимо данных оборотов, в словарях обоих языков регистрируются и сложные слова *секс-бомба* и *seks-bomba* в значении 'женщина, подчеркивающая в своей внешности чувственную страсть, женщина, вызывающая сильное чувственное влечение'. Они подтверждаются во многих текстах:

Мэрилин Монро до сих пор считают секс-бомбой. А она, оказывается, писала пронзительные, лиричные стихи и мечтала сыграть Грушеньку. [irbis.wkau.kz>cgi-bin/irbis64r_91/cgiirbis_64.exe...](http://irbis.wkau.kz/cgi-bin/irbis64r_91/cgiirbis_64.exe...) (доступ: 12.6.2018)

Ne smatram se seks-bombom. Ne bih ništa mijenjala na sebi, moji su najveći aduti komunikativnost i optimizam, a ljudi kažu da beskrajno zračim. (Story¹⁶, 2.7.2010)

В глубинной структуре данных фразеологизмов сопоставляются сексапильные атрибуты женщины с формой взрывного устройства.

С другой стороны, в *Большом словаре народных сравнений* (2008) фиксируется русский просторечный оборот *толстая (полная) как бомба*, выражающий пренебрежение к умеренно толстым женщинам. В том же словаре можно найти и оборот с уменьшительно-ласкательной

¹⁵ В *Словаре хорватского жаргона* (2001) как одно из значений слова *bomba* приводится 'сексапильная женщина'.

¹⁶ Хорватский журнал.

формой компонентов – *толстенька (полненькая) как бомбочка*, употребляющийся по отношению к полной женщине низкого роста¹⁷. Однако, нам не удалось подтвердить употребление данных оборотов в современных русских текстах. И эти гендерно окрашенные фразеологизмы мотивированы формой бомбы.

2.2.2. Во второй подгруппе упомянем лишь один русский фразеологизм, зафиксированный в *Словаре фразеологических синонимов русского языка* (2009) под лексической доминантой «некрасивый»: *страшнее атомной бомбы*. В качестве компонента в нем появляется один вид оружия массового поражения, причем некрасивый человек сравнивается как раз с таким весьма опасным оружием, причиняющим масштабные разрушения и вызывающим массовые потери.

Тем не менее, нами не подтверждено употребление данного оборота в современных русских текстах в значении, обозначенном в словаре.

2.3. Фразеологизмы третьей группы имеют общее значение опасности, а они, с точки зрения более конкретного значения, делятся на две подгруппы: в первой речь идет о реальной опасности, в то время как во второй – о потенциальной опасности.

2.3.1. Оборот *страшнее атомной бомбы* найден в современных русских текстах в значении, не зафиксированном в доступных нам лексикографических и фразеологических источниках: 'опасный, вызывающий чувство страха своей опасностью' (ср. 2.2.2.).

Приводим примеры употребления:

Эта молоденькая жена, существующая так близко под защитой его родных, была для Зинаиды Ивановны страшнее атомной бомбы. (НКРЯ, В. Панова, Времена года. Из летописей города Энска, 1953)

*Когда журналист **страшнее атомной бомбы***

Фотографам в Иране приказано сидеть по домам (Новая газета, 16.10.2009)

Подтверждается и употребление оборота с вариантным прилагательным *опасный*:

*Дурак во власти **опаснее атомной бомбы**.* <https://books.google.hr/books?id=nwZItIRC9TAC> (доступ: 31.8.2018)

*Истина – очень опасное слово, серьезное слово, и лучше всего понимается в безмолвии. Я говорил много раз – истина намного **опаснее атомной бомбы**.* <http://www.mt-kailash.ru/bez-rubriki/drevnie-tsvilizatsii-shambala-i-agarta.html> (доступ: 31.8.2018)

¹⁷ В *Большом толковом словаре русского языка* под ред. Кузнецова (1998) в качестве переносного значения слова *бомба* приводится значение, относящееся к крупной, полной, тяжеловесной женщине, а само существительное *бомбочка* иногда относится и к девочкам.

2.3.2. Субстантивные фразеологизмы другой подгруппы образованы в результате детерминологизации термина *бомба замедленного действия* и *tempirana bomba* ('взрывное устройство, управляемое таймером'). В обоих языках фразеологическое значение относится к потенциальной, грозящей опасности и/или большим неприятностям, которые ожидаются в будущем. Совершенно очевидно, что значение прямо связано с основным назначением устройства и способом его функционирования. Обороты *бомба замедленного действия* и *tempirana bomba* весьма активно употребляются в разных типах текста, причем относятся и к лицу, и к предмету. Сначала приводятся контексты, относящиеся к лицам обоих полов:

Он – бомба замедленного действия. Он опасен и непредсказуем. (НКРЯ, Б. К. Седов, Воровской закон)

– *Да-а, красивая женщина – это все равно что бомба замедленного действия – рано или поздно взорвется.* (НКРЯ, Л. Гурченко. Аплодисменты)

– *Он je tempirana bomba. Otkako je došao iz zatvora ljudi su u strahu jer se kod njega ne vidi niti trunka kajanja ili grižnje savjesti zbog onoga što je učinio prije 20 godina.* (Novi list, 18.8.2015)

Когда речь идет об употреблении по отношению к неодушевленному, то это могут быть отвлеченные понятия, более конкретные предметы, это может относиться к здоровью, к странам и т. д.

По-Митиному выходило, что такое положение – бомба замедленного действия, запущенный и тикающий механизм, куда более опасный для основ церковной жизни, нежели приступы бессмысленной и беспощадной ненависти пролов, сбрасывающих кресты с церковных куполов. (НКРЯ, Е. Чиждова, Лавра // «Звезда», 2002)

– *Эта штука будет сидеть в его легком, как бомба замедленного действия.* (НКРЯ, Ю. Герман, Дорогой мой человек, 1961)

Nemojte da krvni tlak bude vaša tempirana bomba!

<https://zivilim.hr/ucim/nemojte-da-krvni-tlak-bude-vasa-tempirana-bomba/> (доступ: 12.6.2018) BRZI VODIČ ZA PRLJAVCE: VAŠ STAN JE TEMPIRANA BOMBA! Možda niste ni svjesni kakve opasnosti vrebaju u domu, evo kako ga ekspresno i efektno očistiti

<https://www.jutarnji.hr/life/zdravlje/brzi-vodic-za-prljavce-vas-stan-je-tempirana-bomba-mozda-niste-ni-svjesni-kakve-opasnosti-vrebaju-u-domu-evo-kako-ga-ekspresno-i-efektno-ocistiti/7201932/> (доступ: 12.06.2018)

*Jer Argentina je u ovom trenutku **tempirana bomba**, koja može poslužiti kao detonator za krizu u regiji što bi se bez sumnje odrazila na ekonomsku aktivnost u SAD.* (Riznica¹⁸, Vjesnik¹⁹, 2003)

Интересным представляется и жаргонное употребление русского оборота *бомба замедленного действия*, в котором содержится гендерный элемент: 'женщина за рулем'.

2.4. Четвертая группа относится только к хорватскому языку. С помощью фразеологизма со сравнительной структурой *kao da je bomba pala* <gdje> (досл. как будто бомба упала <где>) чаще всего описывается помещение, в котором царит беспорядок, в котором вещи разбросаны. Но иногда он употребляется и шире (ср. второй пример употребления, где указывается на то, как выглядит парк). В качестве окружения обычно встречается глагол *izgledati* ('выглядеть').

Приводятся примеры употребления:

Zbog punog radnog vremena i dvoje male djece, kuća mi izgleda kao da je bomba pala! Trebam povremene usluge čišćenja stana... www.blistavidom.hr/de/slidovi/122-trebam-ciscenje (доступ: 14.06.2018)

...na potezu gdje se probija trasa budućeg parkirališta iz pravca Podpinjola, uz nekadašnji park koji sada izgleda kao da je bomba pala, nalaze se tri kamena stupa... www.lokalpatrioti-rijeka.com (доступ: 14.06.2018)

В данном случае оборот мотивирован результатом, т.е. тем, как выглядит какое-либо место после взрыва бомбы.

2.5. Пятая группа включает русские глагольные обороты со сравнительной структурой *влететь (ворваться, врезаться) как бомба куда, влететь (ворваться, врезаться) бомбой куда, вылететь как бомба откуда, вылететь бомбой откуда*, обозначающие чье-либо стремительное, внезапное и шумное появление или такой же уход. Они, однако, довольно редко встречаются в современных текстах.

Приводятся примеры употребления:

Узнав о внезапном возвращении племянницы из Петербурга, она влетела, как бомба, в комнату, где сидела Лариса, кинулась на шею, дрожа и всхлипывая, и наконец совсем разрыдалась. (НКРЯ, Н. Лесков, На ножах, 1870)

Наконец вечером Александр Михайлов влетел бомбой в мою комнату. (НКРЯ, Н. Морозов, Повести моей жизни. Проблески, 1913)

18 Один из хорватских корпусов.

19 Хорватская ежедневная газета.

3. Заключение

Из анализа видно, что можно говорить о параллельном употреблении фразеологизмов двух славянских языков в контексте (1) какой-либо сенсации или неожиданного события, (2) красоты и сексапильности женщины и (3) грозящей опасности. С другой стороны, в русском языке фиксируются обороты, относящиеся к полноте женщины и к скорости движения, в то время как хорватский оборот встречается в контексте, в котором речь идет о беспорядке в каком-либо помещении.

А это значит, в русском и хорватском языках и культурах бомба воспринимается как опасное устройство, как устройство, которое производит негативный эффект. Помимо этого, на образ в глубинной структуре фразеологизмов обоих языков, а, следовательно, и на их значение повлияла форма взрывного устройства.

Надо также добавить, что ни значение, ни глубинная структура анализируемой немногочисленной группы русских и хорватских фразеологизмов с компонентом *бомба* (*bomba*) не связывается с тематикой военных событий, какой-либо формы вооруженной борьбы или террористических методов, о чем говорится и в статье, посвященной хорватским фразеологизмам, семантически и образно относящимся к войне и миру (Fink 2006: 119).

Список литературы

- Бирих. А. К., Мокиенко, В. М., Степанова, Л. И. (2009): Словарь фразеологических синонимов русского языка. Москва: АСТ-ПРЕСС.
- Большой толковый словарь русского языка (гл. ред. С. А. Кузнецов) (1998). Санкт Петербург: «Норинт».
- Мокиенко, В. М. (2003): Словарь сравнений русского языка. Санкт-Петербург: «Норинт».
- Мокиенко, В. М., Никитина, Т. Г. (2008): Большой словарь русских народных сравнений. Москва: ОЛМА Медиа Групп.
- Мокиенко, В. М., Никитина, Т. Г. (2008): Большой словарь русских поговорок. Москва: ОЛМА Медиа Групп.
- НКРЯ = Национальный корпус русского языка, <http://www.ruscorpora.ru/>
- Огольцев, В. М. (2001): Словарь устойчивых сравнений русского языка (синонимо-антонимический). Москва: Русские словари – АСТ – Астрель.
- Anić, V. (2003): Veliki rječnik hrvatskoga jezika. Zagreb: Novi Liber.

Fink, Ž. (2006): Rat i mir u hrvatskoj frazeologiji, Riječki filološki dani, knjiga VI, Zbornik radova s Međunarodnoga znanstvenog skupa Riječki filološki dani održanoga u Rijeci od 18. do 20. studenoga 2004., Rijeka: Filozofski fakultet, 119–130.

Menac, A., Fink Arsovski, Ž., Venturin, R. (2014): Hrvatski frazeološki rječnik. Zagreb: Naklada Ljevak.

Riznica = Hrvatska jezična riznica, Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, <http://riznica.ihjj.hr/index.hr.html>

Rječnik hrvatskoga jezika (gl. ur. J. Šonje) (2000). Zagreb: Leksikografski zavod Miroslav Krleža i Školska knjiga.

Rusko-hrvatski ili srpski frazeološki rječnik (u red. A. Menac). (A–N, 1979; O–Я, 1980). Zagreb: IRO „Školska knjiga“

Sabljak, T. (2001): Rječnik hrvatskoga žargona. Zagreb: V.B.Z

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ РУССКО-ТУРЕЦКОЙ УЧЕБНОЙ ГЛАГОЛЬНОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

*Хамуркопаран Джахит,
Университет Анadolu, Турция
cahithamurkoparan@anadolu.edu.tr*

THE MAIN TENDENCY TO THE DEVELOPMENT OF RUSSIAN- TURKISH VERBAL LEXICOGRAPHY

*Cahit Hamurkoparan
Anadolu University, Turkey*

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются основные тенденции развития учебной лексикографии, связанной с описанием глагольной лексики русского и турецкого языков; выделяются особенности отображения такой лексики в двуязычных словарях. Делается вывод о том, что изучение глагольной системы языка невозможно без её грамотного лексикографического анализа.

ABSTRACT

The article discusses the main trends in the development of educational lexicography related to the description of the verbal vocabulary of Russian and Turkish languages; highlights the features of the reflection of such vocabulary in bilingual dictionaries. It is concluded that the study of the verbal system of language is impossible without its competent lexicographical analysis.

Ключевые слова: учебная лексикография, русско-турецкий словарь, глагольная лексика, приставочные глаголы, отглагольные дериваты.

Keywords: Educational lexicography, Russian-Turkish dictionary, verbal vocabulary, prefixed verbs, verbal derivatives.

В развитии русской и турецкой учебной лексикографии можно выделить две основные тенденции. А.В. Кирилина определяет их следующим образом: первая тенденция – это создание системно-ориентированных словарей, отражающих целиком лексико-семантическую систему языка, а вторая – возникновение «антропоориентированных» словарей, репрезентирующих усреднённый словарный запас и правила его использования отдельной языковой личностью, средним носителем языка. Словари первой группы имеют справочно-просветительские цели, а словари второй группы – обучающие, направленные на активное овладение языком и поддержание знаний о нём [Кирилина, 1993, с. 10–11].

Можно сказать, что в русской лексикографии глагольная лексика занимает особое место. Она отражена в специальных словарях: *Лексико-семантические группы русских глаголов* (Под

общ. ред. Т.В. Матвеевой, 1988); *Словарь лексико-семантических групп русских глаголов* (Под ред. Э.В. Кузнецовой, 1989); *Русский глагол - венгерский глагол* (Апресян Ю.Д., Палл Э., 1982); *Русские глаголы и предикативы* (Красных В.И., 1993; 2001); *Учебный словарь глагольных форм русского языка* (Толмачёва В.Д., Кокорина СИ., 1988; 1995); *Русский глагол: Словарь-справочник* (Окунева А.П., 2000); *Учим русские глаголы: Словарь-справочник для иностранцев* (Куринина Г.П., 2000); *Русский глагол и его причастные формы* (Сазонова И.К., 1989; 2002); *Большой толковый словарь русских глаголов* (коллектив авторов под ред. Л.Г. Бабенко, 2009) и др.

Кроме того, отдельные аспекты глагольной лексики, рассматриваются в различных типах синхронных словарей. К ним относятся: 1) толковые словари; 2) словари новых слов; 3) словари устаревших и редких слов; 4) словари иноязычных слов; 5) стилистические словари; 6) ортологические (нормативные) словари; 7) частотные словари; 8) словообразовательные и морфемные словари; 9) грамматические словари; 10) идеографические (семантические) словари; 11) ассоциативные словари; 12) словари омонимов; 13) словари антонимов; 14) словари синонимов.

В турецкой лексикографии глагольная лексика представлена менее активно. Среди грамматических словарей можно выделить: *Глагольные формы в турецком языке. Причастия, деепричастия, глагольные имена, наклонения глаголов, послелогии, частицы* (Эйюп Гениш, 2005); *Все глаголы турецкого языка. Словарь-тренажёр* (Ахмет Айдын, 2008); *Словарь турецких глаголов & управление в турецком языке. Падежи существительных, стоящих при глаголах* (Эйюп Гениш, 2012).

В других типах словарей наиболее полно глагольная лексика отражена в следующих изданиях: *Büyük Türkçe Sözlük TDK*; *Güncel Türkçe Sözlük TDK*; *Ekonometri Terimleri Sözlüğü TDK*; *BSTS/ İktisat Terimleri Sözlüğü* (2004); *Ötüken Türkçe Sözlük* (Yaşar Çağbayır, 2007); *Türkçe DEYİMLER SÖZLÜĞÜ* (Sevil İnan, 2007); *Büyük Türkçe Sözlük* (Prof. DR. Doğan Mehmet, 2008); *Modern Ansiklopedik Ekonomi Sözlüğü* (Prof. DR. İlker Parasız, 2007).

Среди двуязычных словарей, наиболее полно представляющих глагольную лексику, нужно особо отметить: *Русско-турецкий словарь* (Мустафаев Э.М., Щербинин В.Г., 1996), *Русско-турецкий. Турецко-русский словарь / Rusca-turkce: Turkce-rusca sozluk* (Лукашевич Д.П., 2006), *Русско-турецкий – турецко-русский словарь / Rusca-Turkce: Turkce-Rusca Sozluk* (Мансурова О.Ю., 2006).

Стоит также выделить распространённые в последнее время электронные словари разных издательств: «Lingvo» (ABBYY «Software House»), «Мультилекс» («МедиаЛингва»),

«Polyglossum» («ЭТС» – «Электронные и традиционные словари») и «Контекст» («Информатик»).

Некоторые из них («Мультилекс») стремятся быть лишь усовершенствованными копиями своих печатных оригиналов. В них последовательно воспроизводится содержание печатных словарей, включая предисловия авторов оригинальных изданий и сопутствующие справочные материалы. Словари «Lingvo» не являются точными копиями бумажных аналогов. Некоторые словари из многоязычного набора лицензированы у таких издательств печатных словарей, как «Русский язык» и «РУССО». Все словари «Lingvo», кроме специальных «Грамматического словаря» и «Словаря произношения», являются двунаправленными с точки зрения пользователя.

Анализ словарей разных типов позволяет сделать выводы о том, что в русской и турецкой теоретической и практической лексикографии разработаны, обоснованы и использованы разнообразные виды лексикографической информации о глаголе: 1) вход словарной статьи; 2) заголовочное слово; 3) зона значения; 4) зоны синонимов, паронимов, омонимов, антонимов; 5) информация о словообразовательных особенностях глаголов; 6) зона контекстов, сочетаемости; 7) орфоэпическая и орфографическая информация; 8) зона ударений; 9) стилистические пометы; 10) зона глагольных форм; 11) примеры, иллюстрации; 12) информация о глагольных фразеологизмах и др.

Однако за пределами этих описаний остаются: 1) зона семантики приставочных глаголов на основе информационной модели словообразовательного типа; 2) презентация лексико-семантических групп однотипных глаголов; 3) информация, ориентированная на описание взаимосвязей между глагольной лексикой и стилевой структурой текстов; 4) зона синтаксических конструкций, обусловленных системностью информационной модели; 5) презентация типовых структурных схем, при помощи которых семантизируются производные глаголы; 7) зона отглагольных дериватов; 8) зона комплексной информации о приставочных глаголах и их производных. В связи с этим встаёт вопрос о создании лексико-грамматического словаря «Глаголы и отглагольные дериваты: русский и турецкий языки» как части полного системного представления русского языка в сопоставлении с турецким. Решением этой проблемы сейчас занимается группа исследователей Университета Анатолу кафедры славянских языков, руководимой профессором Сабзиевой Мухарремовной Макбуле.

При работе над проектом данного словаря исследователи рассматривают две разновидности словарной статьи: «приставочную» и «глагольную».

Первый вариант – «приставочная» словарная статья – позволяет подавать информацию комплексно, блоками. Преимущества такой подачи материала заключаются в следующем.

1. В словаре в алфавитном порядке даются зоны однотипных глаголов, образующихся с помощью тех или иных приставок: *о-* /*об-* /*обо-* : *оббежать, оббежать, оббить, оббиться, обвалить, обвалиться, обдумать* и др., что позволяет рассматривать слова блоками и даёт возможность разработать типовые формулы их толкования и семантизации (значение приставки + значение мотивирующей основы).

2. Глаголы представляются как некая совокупность однотипных единиц семантического поля. Например, глаголы, имеющие значения: а) добыть, получить, найти что-нибудь посредством действия, названного мотивирующим глаголом: *выделить, выдернуть, выдумать, выжать, выжечь, выкопать, вылепить, вырезать*; б) начать действие, названное мотивирующим глаголом: *закопать, залаять, застучать*. Для носителя турецкого языка, в котором приставки отсутствуют, опора на семантику приставок представляется особо важной.

3. Глаголы определяются в связи с закономерностями их функционирования в речи и стилистическими особенностями. Например, глаголы с приставкой *за-* выражают конкретность художественной речи.

Второй вариант – «глагольная» словарная статья – даёт возможность иностранному студенту наглядно представить взаимосвязь мотивирующего глагола с его префиксальными производными. Преимущества такой подачи материала заключаются в следующем.

1. В качестве заглавного даётся мотивирующий глагол, имеющий в русском языке наиболее общее лексическое значение. Соответственно, семантизация может быть осуществлена с помощью турецкой глагольной единицы.

2. Префиксальные производные даются в алфавитном порядке, что облегчает их поиск при определении значения. Семантизация производных осуществляется в соответствии с возможностями турецкого языка.

3. Группы префиксальных производных даются парами несовершенного и совершенного вида, что позволяет сразу представить комплексно варианты глагольных форм. Поскольку в турецком языке оба видовых значения реализуются в одной глагольной единице, значение вида возможно представить в контексте. Правильно подобранные примеры дадут возможность полностью показать видо-временное значение, которое может выражать данный приставочный глагол.

4. Глаголы даются в составе синтаксических конструкций, которые могут быть представлены как схемы словосочетаний или предложений и содержат указание на то, в каких типах предложений наиболее частотны приставочные глаголы. Здесь возможны комментарии на турецком языке, подкрепляющие аналоговые русские конструкции.

По мнению создателей русско-турецкого словаря, раскрытие значений приставочных глаголов значительно облегчается, если: 1) существует «привязанность» мотивирующего глагола к лексико-семантической группе, 2) при этом в словаре заложен гнездовой тип подачи материала, 3) семантизация осуществляется непосредственно в условиях речевой конструкции. Поэтому при отборе лексикографического материала создатели руководствуются двумя основными критериями: во-первых, уровнем языковой освоенности конкретной группы глаголов (это глаголы, дающие наибольшее количество приставочных образований), а во-вторых, степенью включённости глаголов в речевую практику. Для словаря отбираются в основном глаголы, наиболее необходимые в повседневной жизни носителя языка. Это слова, употребляющиеся в таких сферах, как досуг, спорт, медицина, торговля, общественное питание, транспорт и др. Каждый из приведённых в моделях глагол даётся с конкретным распространителем. В учебных целях выделяются только наиболее характерные значения и связи.

Результатом многоступенчатого лексикографического анализа становится формирование групп приставочных глаголов, каждая из которых мотивирована бесприставочным глаголом (на данный момент выделено 110 групп). Среди них особо активны: 1) глаголы речи, мысли, 2) глаголы чувства и состояния, 3) глаголы волеизъявления, 4) глаголы агрессивного воздействия, 5) глаголы движения, 6) глаголы трудовой деятельности.

Для повышения эффективности учебного материала существенно увеличивается число словарных входов. «Словарный вход – это лексикографический инструмент <...>, обеспечивающий читателю доступ к необходимой ему информации» [Морковкин, 1990, с. 190]. Помимо гнездового расположения языкового материала, в конце словаря приводится алфавитный список всех глаголов, вошедших в словарь, с указанием парадигмы, в которую каждый глагол включён. По мнению большинства учёных, при таком подходе появляется возможность отразить системные связи однокоренных слов (в нашем случае – глаголов) с опорой на их семантическую взаимообусловленность [Петров, с. 131].

Лексическую базу словаря составляют первичные бесприставочные глаголы, которые в русском языке преимущественно являются глаголами несовершенного вида (за исключением глагола *купить* и некоторых др.). Префиксальные дериваты целесообразным оказалось сгруппировать вокруг глагола-мотиватора в строго алфавитном порядке. Причём для двуязычного словаря не является целесообразным толкование только мотивирующего слова: носитель турецкого языка каждое приставочное образование воспринимает как новую лексическую единицу, поэтому в толковании нуждается каждый дериват (глагол и отглагольное образование). Раскрытие значений дериватов глаголов в словарной статье

осуществляется поэтапно, для каждой лексической единицы отдельно. Приведем несколько примеров:

Читать

вчитаться – вчитываться, вычитать – вычитывать, дочитать – дочитывать, зачитать – зачитывать, зачитаться – зачитываться, начитаться, отчитать – отчитывать, отчитаться – отчитываться, перечитать – перечитывать, прочитать – прочитывать

вчитаться (сов.): вчитаюсь, вчитаешься несов. вчитываться (в + в.п.) okuya okuya bir metnin inceliklerini kavramak

вчитываться (несов.): вчитываюсь, вчитываешься сов. вчитаться (в + в.п.) bir metni dikkatli dikkatli okumak, kavramaya çalışmak

вычитать (сов.): вычитаю, вычитаешь несов. вычитывать 1. okurken bir şey bulmak я вычитал сообщение о его смерти в газете gazetede ölümüyle ilgili bir haber buldum 2. el yazısını okuyup düzeltmek

вычитывать (несов.): вычитываю, вычитываешь сов. вычитать azarlamak, paylamak

дочитать (сов.): дочитаю, дочитаешь несов. дочитывать 1. okuyup bitirmek 2. (до + р.п.) - e kadar okumak

дочитывать (несов.): дочитываю, дочитываешь сов. дочитать

зачитать (сов.): зачитаю, зачитаешь несов. зачитывать 1. okumak, bildirmek, ilan etmek 2. (kitabı) iade etmemek

зачитывать (несов.): зачитываю, зачитываешь сов. зачитать

зачитаться (сов.): зачитаюсь, зачитаешься несов. зачитываться okumaya dalmak; okumaya devam etmek я зачитался далеко за полночь geceyarısı geçene dek okumaya devam ettim

зачитываться (несов.): зачитываюсь, зачитываешься сов. зачитаться

начитаться (сов.): начитаюсь, начитаешься 1. (+ р.п.) çok okumak, bol bol okumak 2. okumaktan bıkmak, illallah demek

отчитать (сов.): отчитаю, отчитаешь несов. отчитывать paylamak, azarlamak

отчитывать (несов.): отчитываю, отчитываешь сов. отчитать

отчитаться (сов.): отчитаюсь, отчитаешься несов. отчитываться (в + п.п.) bir şeyin hesabını vermek

отчитываться (несов.): отчитываюсь, отчитываешься сов. отчитаться

перечитать (сов.): перечитую, перечитаешь несов. перечитывать tekrar okumak

перечитывать (несов.): перечитываю, перечитываешь сов. перечитать

прочитать ¹ (сов.): прочитаю, прочитаешь несов. читать

прочитать ² (сов.): прочитаю, прочитаешь несов. прочитывать belli bir süre okumak

прочитывать (несов.): прочитываю, прочитываешь сов. прочитать tamamını okumak

Учитывая учебный характер словаря и языковую специфику аудитории, на которую он

ориентирован, нам кажется оправданным включение в словарную статью отглагольных дериватов каждого глагола – существительных и прилагательных. Например:

- Чтение от *читать*: *Okuma*
- Читка от *читать*: *Okuma, okunma*
- Читатель от *читать*: *Okur*
- Читательница от *читатель*: *Okur*
- Чтец от *читать*: *Hatip*
- Чтица от *чтец*: *Hatibe*
- Читака от *читать*: *Okumayı seven*
- Читальщик от *читать*: *Ölenlerin arkasından Kur'an okuyan kişi*

- **Чтиво от *читать*: *Okuma (Kurgu roman)***
- **Читалка от *читать*: *Okuma salonu (Halk dili)***
- **Читальня от *читать*: *Okuma salonu (Edebi dil)***
- **Вычитка от *вычитать*: *Okuma***
- **Перечитка от *перечитать*: *Yeniden okuma***
- **Подчитка от *подчитать*: *Az okuma, önceden okunana biraz devam etme***
- **Считка от *считать*: *Okuyup denestirme***

Поскольку перечисление форм возможных распространителей, которое приводится в подобных словарях, не может дать исчерпывающей информации о возможностях функционирования слов в речи и сложно для восприятия, в словарных статьях приведено максимальное количество примеров, иллюстрирующих отдельные варианты сочетаемости каждого глагола. Примеры приводятся на русском и турецком языках.

По нашему мнению, данный словарь, будучи опубликованным в печатном либо компьютерном варианте, найдет свое место в практике преподавания русского языка. Сопоставительный анализ приставочных глаголов русского языка и их турецких эквивалентов даст новые возможности семантического анализа и изучения словообразовательной (внутриглагольной) валентности различных лексико-семантических групп глаголов.

Список литературы

- Берков В.П. (2004): Двухязычная лексикография: Учебник. – 2-е изд., перераб. и доп. – М: Астрель: АСТ: Транзиткнига.
- Денисов П.Н. (1980): Лексика русского языка и принципы её описания, М.: Русский язык, – 254 с.
- Кирилина А.В. (2004): Стандартные речевые действия как объект лексикографии (на материале немецкого языка): Дис. канд. филол. наук. 1. – М. – 204 с.
- Козырев В. А., Черняк В. Д. (2000): Вселенная в алфавитном порядке: Очерки о словарях русского языка. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, – 356 с.
- Морковкин В.В. (1990): Некоторые утверждения из области теории учебной лексикографии, Русский язык и литература в общении народов мира: проблемы функционирования и преподавания. – М.: Русский язык, С. 182–192. С.190.
- Петров А.В. (2001): Гнездовой принцип описания композитов в учебном процессе // Филологические студии. №2. – С. 130–137.
- Юлдашев А.А. (1972): Принципы составления тюркско-русских словарей. – М., 1972. 3-7.

**ИСТОРИЯ ПОЛИЭТНИЧЕСКОГО РЕГИОНА В «ЗЕРКАЛЕ»
НАРОДНОЙ РЕЧИ: О ПРОЕКТЕ РЕГИОНАЛЬНОГО ДИАЛЕКТНОГО
КОРПУСА**

Марина Харламова

*Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Россия
khr-sbp@mail.ru*

Дмитрий Лавров

*Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Россия
dmitry.lavrov72@gmail.com*

**THE HISTORY OF A POLYETHNIC REGION ON THE “MIRROR”
OF FOLK SPEECH: ABOUT THE PROJECT OF A REGIONAL
DIALECT CORPUS**

Marina Kharlamova

Dostoevsky's Omsk State University, Russia

Dmitry Lavrov

Dostoevsky's Omsk State University, Russia

АННОТАЦИЯ

В статье обосновывается актуальность создания региональных диалектных корпусов русского языка как источника для изучения народной речевой культуры в разных аспектах: лингвокультурологическом, лексикографическом, концептуальном, сопоставительном, сравнительном. Описание этапов работы над грантовым проектом и поисковых возможностей создаваемого корпуса составляет цель статьи. Тематически размеченные фрагменты диалектных текстов, приведённые в статье, демонстрируют специфику передачи «живой» народной речи полиэтнической территории Среднего Прииртышья в региональном корпусе.

ABSTRACT

The article proves the relevancy of creating Russian language corpuses of regional dialects that are the source of material for studying various aspects of folk speech culture, such as lingua cultural, lexicographic, conceptual, comparative and contrastive. The main purpose of the article is to describe the stages of working on the grant project, and the search capacity of the corpus in question. Parts of the dialect texts marked by their themes demonstrate the specific features of the “living” folk speech of the polyethnic Middle Irtysh area in the regional corpus.

Ключевые слова: региональный диалектный корпус, поисковые возможности корпуса, тематическая разметка.

Keywords: regional dialect corpus, search capacity of the corpus, thematic marking.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00519. The reported study was funded by RFBR according to the research project № 18-012-00519.

Введение

Изучение русских народных говоров уже больше 200 лет находится в центре внимания языковедов, и при этом актуальность и значимость работы диалектологов с каждым годом увеличивается в разы.

Основной своей задачей прежде диалектологи считали сбор и классификацию диалектного материала. Теперь же на первый план выходит новая задача – целостное представление накопленного материала в наиболее доступном для широкой аудитории виде. Так как доступ к текстовому диалектному материалу всё ещё ограничен местом его локализации, а работа с бумажной формой не предполагает полное использование эвристического потенциала этого ценнейшего источника, наиболее приемлемый формой хранения и репрезентации диалектной информации становится электронный текстовый ресурс. Как справедливо отмечают О.Ю. Крючкова и В.Е. Гольдин: «Создание электронных программно обрабатываемых корпусов русской диалектной речи – одна из актуальных задач русской диалектологии» (Крючкова, Гольдин 2011: 249). Как известно, корпус имеет два основных составляющих элемента: непосредственно массив текстов в качестве содержательной базы корпуса и специализированную поисковую систему (корпусный менеджер), позволяющую производить отбор необходимых единиц на основании разметки.

Значимость диалектного корпуса не ограничивается лишь возможностью хранения существующей только в устной форме и в памяти носителя диалекта народной речи. Представляется, что интенсивность и продуктивность развития корпусной диалектологии как науки (и других смежных научных сфер: лингвокультурологии, социолингвистики, этнолингвистики, концептологии и др.) зависит от репрезентативности региональных корпусов. Диалектный корпус, как и любой другой, должен стать «филологически компетентным массивом языковых данных» (Захаров 2005: 3). Диалектный корпус может стать **источником** для исследования традиционной речевой культуры в разных **аспектах**: (1) *лексикографическом* (формирование картотек, получение словников, создание словарей активного типов); (2) *лингвокультурологическом* (изучение народных обрядов, символов, образов; народного речевого этикета, фразеологического фонда народной речи и т.д.); (3) *концептуальном* (исследование русской ментальности сквозь призму концептов, их национального своеобразия; анализ метаязыкового сознания, метатексты и др.); (4) *сопоставительном* (общность и специфика слагаемых народной речевой культуры в

сопоставлении с литературным языком); (5) *сравнительном* (выявление диалектной основы разнотипных говоров полиэтнического региона и своеобразия говоров с восточно-славянской и западно-славянской основой; роль заимствований из неславянских языков – татарского, казахского, эстонского, немецкого и др. – в сложении своеобразной языковой ситуации региона и межъязыковой интерференции) и т.д.

Языковое пространство региона даёт новый "живой" материал, который возможно исследовать с точки зрения дискурсивных практик носителей народной культуры разных этносов: русских, чехов, поляков, эстонцев, белорусов, украинцев и др. Таким образом, преимущество регионального текстового корпуса – это его многофункциональность.

Цель сообщения – показать своеобразие проекта и возможности регионального корпуса говоров Среднего Прииртышья.

Этапы работы над проектом

(1) Диалектные тексты, репрезентирующие традиционную культуру региона, представляют собой своеобразные коммуникативные образования, которые должны быть особым образом подготовлены к введению в корпус. Подготовка диалектных текстов к вводу в корпус, полагаем, достаточно трудоёмкий процесс. Сама запись материала, проводимая в диалектологических экспедициях, требует от собирателя специальной подготовки исследователя-диалектолога, организации записи с конкретными диалектоносителями, видеозаписей, предварительной ручной разметки и семантико-грамматического, лексико-фонетического анализа.

На *первом этапе* необходимо архивные материалы – расшифровки аудиозаписей и записи бесед с диалектоносителями от руки – перевести в формат редактора Word. Количество тетрадей с ручной записью – около 230, объемом около 2.530.000 слов. Записи передаются в фонетической орфографии с постановкой ударения, с написанием проклитик и энклитик через дефис с фонетически самостоятельным словом, с сохранением прописных букв и т.д., что, полагаем, лучше передаёт прежде всего фонетические диалектные различия и в отличие от трудоёмкой фонетической записи упрощает (и ускоряет) процесс записи от руки в полевых условиях. Фонетическая орфография ускоряет и расшифровку аудио-или видеозаписей, см.подр. (Харламова 2014: 119-120): **Хлеб мы дажэ из-лукошка сеили// Как отучимся/ нас пасылали хлеп сеить// Я ужэ ф-сороковом году начяла самастаятел'но работать// Фсё набыках да-на-лашыдях//** (с. Кирсановка, Большереченский район, Фиростова Анна Васильевна, 73 г., 5 кл., старож., 1996).

При работе с текстами применяются элементы просодической разметки (обозначение ударения) и дискурсной (обозначены паузы, повторы, оговорки).

(2) Предполагается включить в корпус аудио-и видеоматериалы по разнотипным говором: объём **фонотеки** – 56 часов (2005-2008гг., 2012, 2013г.)

Для этого необходимо оцифровать аудиозаписи диалектологических экспедиций прежних лет (с конца 80-90 гг. XX в.) в приблизительно 52 часов.

В архиве имеются записи разных лет (и одного респондента в том числе), это позволит изучить звучащую речь в динамике и выявить тенденции, действующие в сельской коммуникации.

(3) Разработка концепции словаря. Типы разметки. Поисковые возможности.

Основной разметкой будет тематическая разметка текстов. Полагаем, что все другие известные разметки теоретически (жанровая) и практически (фонетическая, морфологическая) для разметки диалектного текста адекватно реализовать пока невозможно. Как справедливо отмечают исследователи, «тематическая разметка диалектного корпуса не может быть одноуровневой и одноплановой, она должна различать широкие общие темы и узкие частные, предлагаемые исследователями и вводимые самими респондентами, формулируемые собирателем и называемые носителем диалекта, основные темы и фоновые и т.д.» (Гольдин, Крючкова 2006: 72).

Описание поисковых возможностей регионального корпуса полиэтнического региона

Поскольку в рамках проекта будут исследованы тематические персональные дискурсы сельских жителей региона, в том числе порождаемые языковыми личностями разного возраста и представителями разных этносов, издавна проживающих на одной территории, то основной единицей выдачи будет *текст*, который понимается как фрагмент диалектного дискурса, репрезентирующий конкретного респондента и отличающийся признаками единства времени и места записи. Границы текста определяются с помощью формального критерия непрерывности общения и не зависят от таких параметров, как смена темы, жанра, формы речи, изменение коммуникативной ситуации.

Таким образом, по запросу могут быть *выданы целиком тексты* одного респондента, значительные по объёму и разнообразные содержанию.

Репрезентативность корпуса обеспечивается разнотипными текстами (связаны с коммуникативными ситуациями: бытовая речь, официально-деловая, обрядовая, фольклорная), разными формами речи (монолог, диалог, полилог) и тематическим

разнообразием традиционной сельской коммуникации. Предполагается разработка запроса *по форме речи*.

Запрос *по темам* прорабатывается с программистами, которые предложили, как нам кажется, адекватное решение.

Традиционной технологией разработки информационных систем является методика объектно-ориентированного анализа и проектирования (ООАП) (Ларман 2014: 2). Суть методики заключается в анализе прецедентов использования ещё неразработанной информационной системы так, как будто разработка приложения уже завершена. Прецедент – это словесное описание такой работы с приложением. Этап анализа начинается с разбора прецедента. В результате анализа происходит переход к этапу проектирования. Основная задача этапа проектирования – распределение обязанностей между классами.

Далее представлены результаты объектно-ориентированного анализа задачи разработки программного обеспечения для представления регионального корпуса народной речи в виде диаграммы классов UML, представляющей собой модель понятий предметной области.

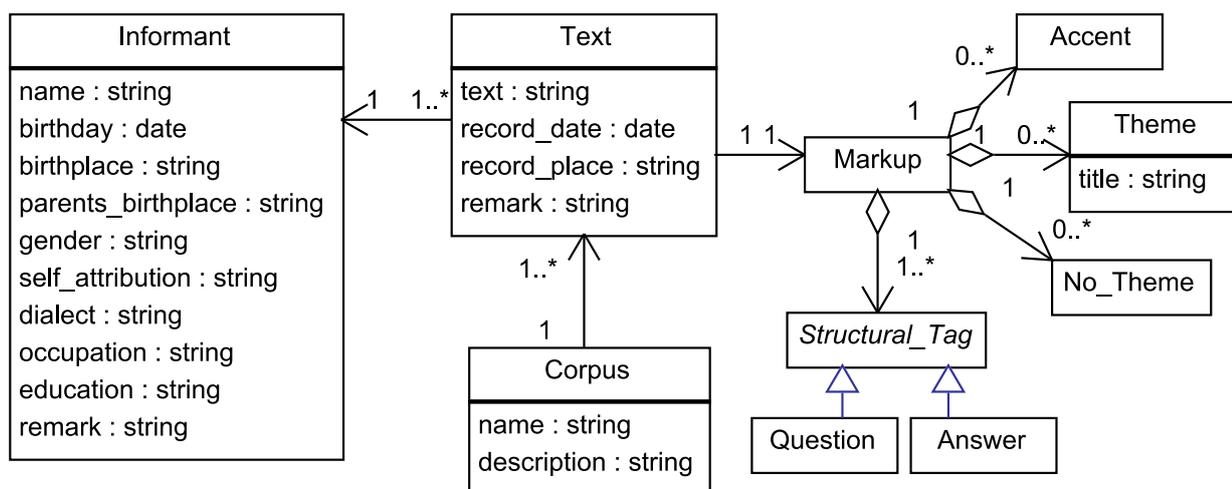

Рис. 1. Концептуальная модель предметной области

Полученное представление может быть реализовано как в виде программных классов или таблиц базы данных, так и в виде тэгов (XML или HTML), расположенных в самом тексте.

При тематической разметке текста существуют ситуации пересечения тем, то есть один и тот же фрагмент текста одновременно принадлежит двум и более темам. Это нарушает принцип XML, запрещающий пересечения (правильную вложенность открывающих и закрывающих тэгов друг в друга). Кроме того, закрывающие тэги в таком случае не могут быть однозначно интерпретированы. Обойти это ограничение можно, двумя способами. Либо избавиться от пересечений, заменив их вложениями. Либо в закрывающие тэги ставить

атрибуты, идентифицирующие открывающийся тэг. Необходимо также обратить внимание на иерархическую структуру тем, что значительно усложняет представление результатов для конечного пользователя. Мы выбрали первый способ.

Пример разметки во внутреннем представлении, реализованной в виде «нестандартных» тэгов и идентифицирующими атрибутами:

<семья:кровное_родство>

Я наряд**и**ла вот чытыр**ё**х/ у-миня два сына и-две доч'ки//**</семья:кровное_родство>**

<работа:род_занятий>

Так вот я работала телятницэй/ последние время свинарка /конюхам/ даяркой// Вопщеим за-фсю жызнь сорок три года у-миня стажу/ вот/ и-за-фсё вот работала-и //**</работа:род_занятий>**

<семья:кровное_родство><образование><местная_топонимика>

А-дети кон'чили вас' милетку ф-Курлян-Дубофки// Эта семь киломитраф у-нас диревня/ Юрьифка/ школа была в-Юрьифки// Ани ужэ сюда ф-Тару/**</местная_топонимика>** Тут учились/ кон'чали училище/ им дипломы/ корач'ки на-руках/ дипломы им/ работайте пожалуста// Идिति работайте/ там-и квартира// **</образование> </семья:кровное_родство>**

В нашем примере тэги **** и **** обозначают ударение в слове (в последующем тексте ударение просто выделено жирным шрифтом), а темы **<семья>**, **<образование>** и **<местная_топонимика>** имеют вложенную структуру открывающих и закрывающих тэгов. При таком подходе оказывается, что текст содержит сразу несколько вложенных друг в друга слоёв, каждый слой представляет собой ту или иную конкретную тему (подтему) и один вид тэга. Название тэгов (меток) **<семья:кровное_родство>** и **<работа:род_занятий>** демонстрирует иерархию тем (после двоеточия указываются подтемы).

Такой формат удобен при обмене данными между подсистемами и при загрузке данных в разрабатываемую информационную систему.

Кроме того, каждая выбранная тема может подсвечиваться в тексте при его отображении в разрабатываемом приложении. Так, в приведенном фрагменте заданная исследователем в поисковике тема **<местная_топонимика>** может быть отмечена, например, зелёным цветом.

Таким образом, размещённый в корпусе цельный текст, в котором с помощью специальных тэгов маркированы зоны тематического соответствия, а не фрагменты текста, отражает, как нам кажется, сложный характер тематической организации диалектных текстов.

Экстралингвистическая информация, или *метаразметка*, размещается в *Паспорте информанта* и *Паспорте текста*.

Паспорт информанта:

1) *Имя:* Блум Мария Павловна.

2) *Пол:* женский.

3) *Год рождения:* 1936 г.р.

4) *Место рождения:* д. Юрьевка, Тарский район, Омская область.

5) *Место рождения родителей:* родители родились в с.Большой Селим Тарского района Омской области.

6) *Кем себя считает* («чалдоном», «расейским», украинцем, белорусом, чехом, поляком, эстонцем): считает себя эстонкой.

7) *Образование:* 4 класса.

8) *Род занятий:* пенсионерка, работала дояркой, свиначкой, телятницей.

9) *Говор:* русско- эстонский.

Паспорт текста:

10) *Место записи:* г. Тара.

11) *Год записи:* 2007 г.

Каждый текст прикреплен к конкретному информанту. По каждой позиции в паспорте будет возможен пользовательский запрос. Если от одного информанта записано несколько текстов в разные годы, то возможно получить текст по любому году записи, например, кроме 2007 г., респондента Блум М.П. интервьюировали в 2009 г. и 2015 г., для чего и создан *Паспорт текста*.

Экстралингвистическая информация даст возможность отслеживать пропорциональную наполняемость корпуса.

Следует подчеркнуть, что различные виды поиска могут комбинироваться между собой. Однако в ходе работы над проектом решили отказаться от жанровой разметки, заявленной первоначально в проекте корпуса, поскольку сама теория речевых жанров, особенно в отношении к диалектной речи, носит во многом дискуссионный характер и не имеет еще адекватного воплощения в корпусной диалектологии.

На данный момент участники проекта-лингвисты делают ручную тематическую разметку текстов и переводят в формат редактора Word архивные записи от руки.

Выводы

Нам близка мысль В.Е. Гольдина и О.Ю. Крючковой: «Текстовый диалектный корпус должен служить моделью традиционной сельской коммуникации на диалекте» (Гольдин, Крючкова 2006: 71-72).

Полагаем, материалы корпуса полиэтнического региона позволяют составить целостное представление о специфике традиционного сельского общения на протяжении полувека. Мы хотим создать репрезентативный электронный диалектный ресурс, в котором бы нашло отражение многообразие форм народной речи жителей полиэтнического региона Омского Прииртышья.

Список литературы

Гольдин В.Е., Крючкова О.Ю. (2006): Тематическая разметка и тематический анализ диалектного текстового корпуса, *Языковая личность – текст – дискурс: теоретические и прикладные аспекты исследования: материалы международной научной конференции: в 2 ч.* Самара: издательство Самарского университета, ч. 1, 71-80.

Гольдин В.Е., Крючкова О.Ю. (2011): Проблемы создания электронного диалектного корпуса, *Русская устная речь. Материалы международной научной конференции «Баранниковские чтения. Устная речь: русская диалектная и разговорно-просторечная культура общения».* Саратов: издательство Саратовского университета, 249-260.

Захаров В.П. (2005): *Корпусная лингвистика: Учебно-метод. пособие.* Санкт-Петербург: издательство Санкт-Петербургского университета.

Ларман К. (2014): *Применение UML 2.0 и шаблонов проектирования. Введение в объектно-ориентированный анализ, проектирование и итеративную разработку.* Москва: издательство Вильямс.

Харламова М.А. (2014): *Константы народной речемысли и их лексикографическая интерпретация: монография.* Омск: издательство Омского университета.

References

Goldin V.E., Kruchkova O.U. (2006) Thematic Marking and Thematic Analysis of a Dialect Text Corpus, *Linguistic Persona – Text – Discourse: Theoretical and Applied Aspects of the research: Materials of the International Scientific Conference: 2 parts. Part 1.* Samara: Samara University Press, pp.71 - 80.

Goldin V.E., Krychkova O.U. (2011): The Problems of Creating an Electronic Dialect Corpus, *Russian Oral Speech. Materials of the International Scientific Conference “Barannikov Readings.*

Oral Speech: Russian Dialect and Colloquial Communication Culture”. Samara: Samara University Press, pp. 249 - 260.

Zaharov V.P. (2005): Corpus Linguistics: course book. Saint-Petersburg: Saint-Petersburg state University Press.

Kharlamova M.A. (2014): Verbal and Cogitative Folk Constants and their Lexicographic Interpretation: monograph. Omsk: Omsk University Press, 290 p.

РЕАЛИЗАЦИЯ СЕМАНТИКИ 'УЩЕРБ' И 'ВОЗМЕЩЕНИЕ УЩЕРБА' В РУССКОЙ ПРАВОВОЙ ЛЕКСИКЕ X – XIV ВВ.

Чащина Елена Анатольевна
Познаньский университет имени Адама Мицкевича, Польша
jelena.c@amu.edu.pl

THE IMPLEMENTATION OF THE SEMANTICS OF 'DAMAGE' AND 'COMPENSATION FOR DAMAGE' IN THE RUSSIAN LEGAL VOCABULARY OF 10TH – 14TH CENTURIES

Elena Chashchina
Adam Mickiewicz University Poznań, Poland

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена анализу лексики, связанной с причинением материального вреда и его возмещением, зафиксированной в русских правовых источниках древнерусского периода. Важное место в законодательных актах занимали преступления против личности, а также имущественные преступления, за совершения которых в качестве наказания предусматривалась выплата компенсации частным лицам, так как законодатели того времени при установлении ответственности за противоправные действия на первое место ставили проблему возмещения ущерба. Нанесенный конкретному лицу разного рода материальный вред обозначался в правовых текстах лексемами *накость*, *пагуба*, *татьба*, *протор* и др. Существительные *урок*, *головничество* содержали семантику 'возмещение ущерба'. Материалами для исследования послужили законодательные акты, а также документы договорного характера.

ABSTRACT

The article is devoted to the analysis of vocabulary related to causing material damage and its compensation fixed in Russian legal sources of the Old Russian period. An important place in the legislative acts was occupied by crimes against the person, as well as property crimes, for which the payment of compensation to private persons was provided as punishment. The material damage inflicted on a specific person of various kinds was denoted in the legal texts by lexemes *накость*, *пагуба*, *татьба*, *протор* and others. Nouns *урок*, *головничество* contained the semantics of compensation for damage.

Ключевые слова: лексика права, ущерб, возмещение ущерба, Древняя Русь

Keywords: lexicon of law, damage, compensation for damage, Ancient Russia

В современной российской правовой сфере ущерб рассматривается как «имущественный вред, нанесенный имуществу гражданина или юридического лица вследствие причинения ему вреда» (ЮЭ 2005: 900). Под возмещением ущерба понимается «компенсация имущественного ущерба, возникшего в результате причиненного вреда» (БЮС 2010: 107). В предлагаемой статье мы рассмотрим реализацию семантики ущерба и его компенсации в древнерусских правовых источниках.

Основными видами преступных действий в Древней Руси являлись преступления против личности и имущественные преступления. За совершение противоправных действий существовали различные виды наказаний, однако во многих случаях предусматривалась выплата компенсации потерпевшим за причиненный вред.

Статьи законодательного характера, направленные против нанесения ущерба и предусматривающие тот или иной размер компенсации, содержатся в ранних древнерусских источниках – договорах Руси с Византией, относящихся к X веку. Статья 9 Договора 944 года о кораблекрушении включает требование к русским людям не причинять ущерба выброшенному на берег греческому судну: *Аще обрящють Русь кубару гречьскую, въвержену на коем любо месте, да не преобидять* (ПРП 1952: 33). Следует отметить, что в Европе того периода существовало так называемое «береговое право», по которому корабль, потерпевший крушение, подвергался разграблению, а люди, находившиеся на нем, обращались в рабство. Однако русское право X – XIII веков защищало людей, оказавшихся в таком бедственном положении, и определяло наказания за преступления, совершенные по отношению к ним (Там же: 19). В приведенном фрагменте договора семантика ‘причинить ущерб’ реализована в лексеме *преобидеть*. В словаре И.И. Срезневского содержатся фрагменты из других источников с использованием данного глагола, в частности, из грамоты князя Владимира 1378 года: *А хто приобидит или отиметь от святаго Ивана церкви, тотъ будетъ проклять оу сии векъ и оу будущи* (Срезневский II, 2 1989: 1439). Показательным является пример из Псковской летописи: *Есмя приобижении отъ поганыхъ Немець и водою и землею и головами*, что свидетельствует об использовании данной лексемы не только в правовой сфере (Там же). По всей видимости, глагол *приобидеть* в рассматриваемый период являлся общеупотребительным.

В статье 11 Договора 944 года со значением ‘причинить ущерб’ используется также глагол *накостить*: *Иже то приходятъ Чернии Болгаре, и воюють в стране Корсуньстей, и велим князю Рускому, да их не пуцаеть и накостять стране его* (ПРП 1952: 33). В данной статье содержится следующая просьба к русскому князю: в случае нашествия черных болгар

в Корсунскую страну не допустить причинения ей ущерба с их стороны. Глагол *пакостити* в словаре И.И. Срезневского дается со значением ‘причинять вред’ (Срезневский II, 2 1989: 862).

В Русской Правде, своде законов Древней Руси, со значением ‘ущерб’ встречаем различные лексемы. В статье 28 Сокращенной редакции содержится существительное *пакость*: *Аще кто, пакости дея, любо конь зарежет, или скотину, продажи 12 гривен, а за пагубу господину урок платити* (ПРП 1952: 199). Зафиксированная в словаре И.И. Срезневского данная лексема с семантикой ‘вред’ сопровождается рядом примеров из русских летописей, в частности, Новгородской: *Подъ Федоромь конь раниша, нь самому не бысть пакости* (Срезневский II, 2 1989: 862).

В статье 83 Русской Правде Пространной редакции встречаем существительное *пагуба*: *Аже зажьжеть гумно, то на поток и на грабежь дом его, переди пагубу исплативию* (ПРП 1952: 117). Приведем перевод данного фрагмента: Если кто-либо подожжет гумно, то следует выдать его на поток (в изгнание или для продажи в рабство), а его имущество конфисковать, причем, сначала выплатить потерпевшему убытки. Остальное, по всей видимости, поступало в распоряжение верховной власти – князя. Как отмечает А. Чебышев-Дмитриев, в наказании за такое серьезное преступление – поджог - «частное удовлетворение брало перевес даже над публичным взысканием» (Чебышев-Дмитриев 1862:91). В статье 84 Русской Правды говорится: *А кто пакощами конь порежет или скотину, то продаже 12 гривен, а за пагубу господину урок платити* (ПРП 1952: 117). Данная статья предусматривает следующую ситуацию: если кто-либо преднамеренно зарежет коня или скотину, то должен заплатить штраф 12 гривен в пользу князя, а хозяину заплатить вознаграждение за ущерб. В договоре Смоленска с Ригою и Готским берегом 1229 года говорится: *Аже тиунъ услышитъ, латинескый гость пришелъ, послати ему люди с колы пьревести товаръ, а не удержати ему; аже удержитъ, у томъ ся можетъ учинити пагуба* (СРЯ 1988: 115). Существительное *пагуба* в словаре И.И. Срезневского дается со значением ‘убыток’ (Срезневский II, 2, 1989: 857)

В Уставе князя Владимира Святославича встречается термин *обида*: *То люди церковные богаделные, митрополит или пискуп ведаеть межси ими суд, или обида, или вражда, или задница* (ПРП 1952: 246). А.А. Зимин рассматривает слово *обида* как имущественный ущерб или преступление против личности (Там же: 251). В *Словаре русского языка XI – XVII вв.* данная лексема фиксируется со значением ‘материальное притеснение, ущерб (особенно ущерб, наносимый более слабым, зависимым)’, приводится пример из Русской Правды о возмещении ущерба в случае похищения раба: *А оже уведеть чюжь холоп, любо робу, платити ему за обиду 12 гривне* (СРЯ 1987: 49). В Сокращенной редакции данного источника в статье 14 утверждается требование выплаты ущерба в результате кражи, совершенной

холопом, его хозяином: *Аже будут холопи тати, то суд княжь, их же князь обиду платит истцу* (ПРП 1952: 198).

С семантикой ‘ущерб’ в статье 38 Русской Правды Пространной редакции содержится существительное *протор*: *а где будет конечнии тать, то опять воротить челядина... и протор тому же платити, а князю продаже 12 гривен в челядине или украдше* (ПРП 1952: 112). В этой статье речь идет об украденном рабе и оговаривается следующая ситуация: когда будет окончательно найден вор, то следует возратить раба своему хозяину, а вор должен платить убытки хозяину. Здесь имеются в виду убытки, которые потерпел истец в результате отсутствия у него раба (Там же: 155). В словаре И.И. Срезневского *протор* – ‘ущерб’: *А попомъ и игуменомъ учинилъ протора много* (Псковская летопись) (Срезневский, II, 2, 1989: 1597).

Убытки, причиненные в результате кражи, в Русской Правде обозначаются термином *татьба*. В статье 27 Пространной редакции фиксируется: *Не будет ли татя, по следу женуть; аже не будет следа ли к селу или к товару, а не отсочать от себе следа, ни едутъ на след или отбьются, то темъ платити татбу и продажу* (ПРП 1952: 116). Здесь определяются следующие условия: если вор, совершивший кражу, не будет сразу обнаружен, то следует его искать по следу. Если не будет следа к частновладельческим территориям, а члены общины (верви) не отведут от себя следа и не поедут разыскивать вора или воспротивятся розыску вора у них, то они платят и убытки, причиненные потерпевшему, и штраф князю. В данной статье мы встречаем словосочетание *платить татьбу* со значением ‘возместить ущерб’. И.И. Срезневский определяет значение существительного *татьба* как ‘стоимость украденного’ (Срезневский III, 2, 1989: 928).

Возмещение ущерба занимает важное место в русских источниках законодательного характера. Далее остановимся на этом более подробно. В Договоре русских с греками 911 г. в случае грабежа (насильственного присвоения чужой вещи) предусматривалась компенсация убытков потерпевшим в двойном или тройном размере: *Аще ли кто или Русин хрестьяну или хрестьян Русину мученья образом искус творити, и насилье яве возметь что либо дружне, да въспятитъ тришчи* (ПРП 1952: 8). Приведем перевод этой статьи: Если кто-либо насильно возьмет что-нибудь принадлежащее другому, пусть возместит убытки в тройном размере. Словосочетание *мученья образом искус творити* имело значение ‘мучать, причинять страдание’. Лексема *дружне* – ‘принадлежащее другому, чужое’ (Там же: 12). Глагол *въспятитъ* употребляется со значением ‘возратить, вернуть кого-либо, что-либо, возместить’ (СРЯ 1976: 54). Данный глагол встречается также в летописях: *Аще ли кто от людие царства вашего ли от города вашего или от инехъ городъ ускочить челядинъ нашъ къ вамъ и принесеть что, да въспятятъ и опять* (Там же). В Договоре Руси с Византией 944 года в 5 статье

говорится о двойной выплате в случае присвоения чужой вещи: *Аще ли кто покуситя от Руси взяти что от людии цесарства нашего, иже то створить, покажен будет вельми; аще ли взял будет, да заплатит сугубо; а аще створит Гръчин Русину, да примет ту же казнь, яко же приял есть и он* (ПРП 1952: 32). Сугубо используется со значением ‘вдвойне’ (Срезневский III, 1, 1989: 595). Как видим, в данном источнике, в отличие от договора 911 года, сумма компенсации уменьшается. В статье 6 Договора 944 года поясняется: *Аще ли ключится украсти Русину от Грек что, или Гръчину от Руси, достоино есть да възвратитъ [е]не точью едино, но и цену его; аще украденное обряцеться продаемо, да вдасть цену его сугубо, и то [и] покажен будет по закону Гречьскому [и] по уставу, и по закону Рускому* (ПРП 1952: 32-33). Таким образом, если будет совершена кража, то предписывается не только вернуть украденную вещь, но и заплатить ее стоимость, а если вещь будет продана, то заплатить двойную цену. Заметим, в указанных статьях договоров Руси с Византией специальной терминологии для обозначения ущерба еще не используется, в них мы встречаем словосочетания *въспятити триичи, заплатити сугубо, вдасти цену сугубо* – ‘вернуть в тройном размере’, ‘заплатить вдвойне’, ‘дать двойную цену’.

В Русской Правде содержится статья, которая касается порчи чужого имущества и устанавливает порядок компенсации за него: *А иже изломить копье, любо щит, любо порт, а начнет хотети его деръжати у себе, то приати скота у него; а иже есть изломил, аще ли начнет приметати, то скотом ему заплатити, колько дал будет на нем* (ПРП 1952: 78). Перевод статьи: А если кто-либо ломает копье, щит или испортит одежду и захочет их оставить у себя, то хозяину следует получить за это компенсацию деньгами; если же, что-нибудь сломав, попытается сломанное вернуть, то заплатить ему деньгами, сколько хозяин дал при покупке этой вещи (Там же: 82-83). Здесь не находим специальной терминологии, встречаем словосочетания *прияти скота у него* – ‘взять у него деньги’; *скотом ему заплатити* – ‘деньгами ему заплатить’.

Историки права обращают внимание на то обстоятельство, что в рассматриваемый период совершенное каким-либо лицом преступление нарушало, с одной стороны, государственный порядок, с другой – права потерпевшего – частного лица. Соответственно, наказанию также был присущ двойственный характер: оно было призвано возместить причиненный ущерб пострадавшему, а также компенсировать нанесенный вред обществу в виде уплаты штрафа в пользу общины или князя (Оспенников 2011: 343). В соответствии с этим в Русской Правде за совершение противоправного действия указывалась сумма штрафа в пользу князя, так называемой *продажи*, а также размер возмещения ущерба потерпевшему. Например, в статье 35 о краже ладьи говорится: *А оже лодью украдетъ, то за лодью платити*

30 резан, а продажи 60 резан (ПРП 1952: 80). Однако в данном источнике используются и специальные термины со значением ‘возмещение ущерба’, в частности, лексема *урок*: *А кто пакощами конь порежетъ или скотину, продаже 12 гривен, а пагубу господину урокъ платити* (Там же: 117). Также в статье 20 Русской Правды Пространной редакции устанавливается за нанесение ущерба кому-либо рабом или несвободным человеком выплата потерпевшему его хозяином: *Аже кто бежа, а поиметь суседне что или товаръ, то господину платити за нь урокъ, что будетъ взялъ* (Там же: 120). В словаре И.И. Срезневского *урок* – ‘пеня, штраф’ (Срезневский III, 2, 1989: 1257).

Одним из видов наказаний, предусматривающих возмещение ущерба, являлась так называемая *выдача головою*. *Выдать головою* – ‘отдать в чью-либо полную власть’ (СРЯ 1976: 197). Данное терминологическое сочетание в законодательных актах начинает использоваться позже, однако суть его содержится в Сокращенной редакции Русской Правды в статье «*О потоплении купца*»: *Аще который купец где любо с чужими кунами истопится или рать возмет или огонь, то не насилити ему, ни продати его; аже ли пропнется, то воля тому, чьи куны, ждуть или продадут, своя им воля* (ПРП 1952: 198 – 199). Таким образом, Русская Правда предписывает отдать во власть истцу того человека, который по своей вине погубил чужой товар: *то воля тому, чьи куны*.

Одной из форм возмещения ущерба в Древней Руси являлась конфискация имущества, которая обозначалась терминами *разграбление*, *грабеж*. Г.Ю Маннс считал, что поток и разграбление – денежное взыскание периода Русской Правды, преследовавшее интересы частных лиц (Маннс 1926: 14). В Русской Правде Сокращенной редакции в статье 3 говорится: *Будет стал на разбои, то то разбоиника люди не платят, то выдадут его всего со женою и з детми на разграбление* (ПРП 1952: 197). В статье 27 читаем: *Аще кто зазжет гумно, то на поток и на грабеж его...* (Там же: 199). Поток и разграбление являлось одним из самых суровых наказаний в Древней Руси и предусматривалось за особо тяжкие преступления, в частности, за разбойное нападение, кражу коня или поджог. Этому наказанию подвергался не только виновный, но и члены его семьи. Ю.В. Оспенников отмечает: «Применение потока и разграбления предполагает реализацию двух функций наказания: 1) фактическое уничтожение личности самого преступника и его семьи (продажа в рабство, изгнание из общины или физическое уничтожение); 2) возмещение причиненного ущерба за счет полной конфискации и распродажи имущества преступника» (Оспенников 2011: 330-331).

В случае совершения убийства в древнерусский период в качестве наказания применялась кровная месть. Такого рода наказание впервые появляется в договорах Руси с Византией, а затем в Русской Правде. Как отмечает И.А. Малиновский, «кровная месть не

ограничивается только лишением жизни виновного или близких ему людей. Мститель уничтожает или захватывает имущество обидчика, обращает в рабство близких ему людей» (Малиновский 1908: 46). Виновный имел возможность договориться с родственниками убитого и предложить денежную компенсацию. И.Д. Беляев поясняет: «Убийца мог вступить в договор о выкупе с родственниками убитого, но прежде этого он должен был бежать в пустыню, в дикие леса и только по прошествии 40 дней после убийства мог вступать в переговоры через своих родственников. Если родственники убитого не соглашались на выкуп, то убийца мог снова возобновить свое предложение через год; если и второй раз его предложение отвергалось, то по прошествии года он мог еще раз вступить в переговоры. Но если и на этот раз не было согласия, то убийца лишался всякой надежды выкупить свое преступление» (Беляев 1888: 77). Постепенно кровная месть начинает ограничиваться. Г.Г. Колоколов замечает: «И вот мы видим, что в случае нанесения вреда, требующего мщения, обиженный уже отказывается от мести, вступая с обидчиком в мировые сделки, по которым последний должен уплатить за обиду известную денежную пеню. Такие сделки – «compositiones» входят постепенно во всеобщее употребление, и месть-самоуправство заменяется, таким образом, системой выкупов или композицией» (Колоколов 1894: 25). А. Богдановский указывает на то обстоятельство, что данные сделки начинают включаться в свод законов: «Мало-помалу такие сделки (compositions)... начинают входить в обычаи, делаются обыкновенным явлением, освящаемым обычным правом» (Богдановский 1857: 19). Таким образом, официальные власти входят в сферу частного правосудия, включают в законодательные акты случаи применения мести, при этом ограничивая круг лиц, которым позволялось мстить. По мнению ряда исследователей, месть, получив государственно-правовое оформление, переходит из системы возмездия в систему композиций и становится более выгодной и рациональной (Георгиевский 2013: 240-241).

Данные условия оговариваются в Договоре русских с греками 944 года: *Аще убьет Хрестьянин Русина или Русин Хрестьянина, да держим будеть створивый убийство от ближних убьенаго, да убьютъ и* (ПРП 1952: 33). Перевод фрагмента: Если же убьет христианин русского или русский христианина, и будет схвачен убийца родственниками убитого, то пусть они убьют его. Кроме того, в ситуации, когда убийца сбежит, а окажется имущим, предписывалось родственникам убитого завладеть его имуществом: *Аще ли ускочить створивыйи убои [и] аще будеть имовит, да возьмутъ именье его ближьнии убьенаго* (Там же: 34). Как видим, совершивший убийство должен был возместить ущерб своим имуществом. Как отмечает М. Дьяконов, уже в самых ранних источниках германского права наряду с местью существовала денежная компенсация, выплачиваемая преступником в пользу

родственников убитого. Решение осуществить месть или получить с убийцы определенную сумму принималось родственниками убитого, а сумма могла определяться соглашением сторон (Дьяконов 1905: 19-20). После выплаты компенсации совершался торжественный акт примирения, в котором род убитого клялся прекратить месть и приносил соответствующую присягу. В русском законодательстве такого рода плата в пользу потерпевших от убийства именовалась лексемой *головничество* и выплачивалась самим убийцей - *головником*: *Будеть ли головник ихъ въ верви зане к ним прикладываетъ, того деля им помогати головнику любоси дикую виру, но платити им воопще 40 гривен, а головничество, то самому головнику* (СРЯ 1977: 65). *Головничество* является дериватом лексемы *голова* со значением 'убитый человек', которая встречается в форме винительного падежа с предлогом *за* в ряде источников: *за голову*. В частности, в договоре Новгорода с Готским берегом и с немецкими городами читаем: *А оже убьютъ новгородца посла за морем или немецкыи посол Новегороде, то за ту голову 20 гривн серебра* (ПРП 1953: 125). Также в договоре Смоленска с Ригию 1229 года фиксируется: *Аже боудеть свободный человекъ убить, 10 гривен серебра за голову* (ПРП 1953:58).

За нанесение ран, увечий нападавший расплачивался своим имуществом, а если он был неимущим, то продавалась одежда, в которой он был, или же продавался в рабство он сам. В статье 14 Договора Руси с Византией 944 года говорится: *Аще ли есть неимовит, да како можетъ, в толико же и продан будеть, яко да и порты, в них же ходитъ, да и то с него сняли* (ПРП 1952: 34). В Псковской Судной грамоте в статье 27 устанавливается обязанность обидчика возместить пострадавшему ущерб за нанесенные побои: *А где учинитя бои у торгу или на улицы во Пскове или на пригороде, или в селе на волости в пиру, а грабежу не будет, а тот бои многы люди видели в торгу или на улицы, или в пиру, а ставши перед нами человеки 4 или 5, а ркучи слово: «того бих», - ино кто бился, того человека их душа выдати в рубли битому человеку* (ПРП 1953: 289). В данной статье поясняется: если где-нибудь на рынке или на улице, на пиру изобьют кого-либо, при этом избитый не будет ограблен, и это избиеие подтвердят многие, а перед нами станут человек четыре-пять, заявив, «того бил», то лицо, нанесшее побои, подвергнуть денежному взысканию в пользу избитого (Там же: 307). В данном контексте используется словосочетание *выдати в рубли* со значением 'выплатить ущерб'.

В заключение отметим, что в древнерусский период формируется терминология, связанная с причинением материального вреда и его компенсацией. Так как в это время частный интерес при наказании преступника играет решающую роль, «частное удовлетворение имеет перевес над общественным взысканием» (Чебышев-Дмитриев 1862: 92). Ущерб именуется лексемами *пакость*, *пагуба*, *обида*, *протор*, *татъба*. Словосочетания

заплатити сугубо, пагубу исплатити, татьбу заплатити, выдати в рубли со значением ‘возместить ущерб’ активно используются в источниках законодательного характера. Имущество преступников, полученное в результате конфискации - *разграбления* и *грабежа*, также направлялось на возмещение нанесенного вреда. Убийство выкупалось *головничеством*. Значительная часть лексики фиксировалась также в летописных текстах и являлась общеупотребительной.

Список литературы

- Беляев И.Д. (1888): Лекции по истории русского законодательства. Москва
- Богдановский А. (1857): Развитие понятий о преступлении и наказании в русском праве до Петра Великого. Москва
- Большой юридический словарь (2010): Под ред. А.Я. Сухарева. Москва
- Георгиевский Э.В. (2013): Формирование и развитие общих положений древнерусского уголовного права. Москва
- Дьяконов М. (1905): Очерки истории русского права. Юрьев
- Колоколов Г.Г. (1894): Уголовное право: курс лекций. Москва
- Малиновский И.А. (1908): Кровная месть и смертные казни. Вып. 1. Томск
- Маннс Г.Ю. (1926): Общее и специальное предупреждение в уголовном праве. Иркутск
- Оспенников Ю.В. (2011): Правовая традиция Северо-Западной Руси XII – XV вв. Москва
- Памятники русского права (1952): Вып. 1. Под ред. С.В. Юшкова. Москва (ПРП)
- Памятники русского права (1953): Вып. 2. Под ред. С.В. Юшкова. Москва
- Словарь русского языка XI – XVII вв. (1976): Вып. 3. Москва (СРЯ)
- Словарь русского языка XI – XVII вв. (1977): Вып. 4. Москва
- Словарь русского языка XI – XVII вв. (1987): Вып. 12. Москва
- Словарь русского языка XI – XVII вв. (1988): Вып. 14. Москва
- Срезневский И.И. (1989): Материалы для словаря древнерусского языка. Т. I – III. Москва
- Чебышев-Дмитриев А. (1862): О преступном действии по русскому допетровскому праву. Казань
- Юридическая энциклопедия (2005): Под ред. М.Ю. Тихомирова. Москва (ЮЭ)

РУССКИЕ ПОСЛОВИЦЫ В ДИАЛОГЕ: ДИСКУРСИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ОПИСАНИЮ

Шаронов Игорь Алексеевич

Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Россия

Igor_sharonov@mail.ru

RUSSIAN PROVERBS IN DIALOG: DISCUSSIVE-PRAGMATIC WAY OF THEIR DESCRIPTION

Sharonov Igor Alekseevich.

Russian State University for Humanities (RGGU), Russia

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена дискурсивно-прагматическим функциям, которые получают поговорки, становясь диалогическими единицами, на примере анализа ряда русских пословиц. Они используются в разговоре как речевые акты или как аргументы при речевых актах. Пословицы получают эти функции в определенной дискурсивной последовательности, а именно после определенных стимулирующих речевых актов собеседника, и в зависимости от темпоральной перспективы речевого акта – отнесенности обсуждаемого события к плану прошедшего или будущего времени. Дискурсивно-прагматическое описание пословиц позволяет не только понимать значение пословиц, но и адекватно использовать их в диалогической речи.

ABSTRACT

The article is devoted to discursive-pragmatic functions of proverbs in dialog. These units are used in conversation as speech acts or as arguments attached to the speech acts. Proverbs get the pragmatic functions in discursive consequences, after the speech or situational stimulus, and according to the temporal perspective of the event the speech act realize: past or future perspective. Discursive-pragmatic descriptions of Russian proverbs give the better chance not only to apprehend the meaning of the units, but also to use it adequately in conversation.

Ключевые слова: пословицы и поговорки, диалог, прагматика, речевые акты, речевые штампы, речевые формулы, коммуникативы.

Key words: Proverbs, sayings, dialogue, pragmatics, stock phrases, routines, speech formulas, communicatives.

Многие языковые единицы в процессе стереотипизации изменяют – вплоть до полной потери – свою семантику ввиду частотного функционального использования. С пословицами этого не происходит ввиду того, что их семантика – важнейшая составляющая их сохранения в языке. Однако использование в диалоге не может не отразиться на их семантике: функциональный (речеактный) аспект «накладывается на их семантику, нетривиальным

образом взаимодействует с ней, разводя некоторые пословицы, которые мы рассмотрим ниже, на два разных типовых употребления.

Введение

Пословицы и поговорки, как известно, это народные сентенции, обобщения бытового опыта, образно передающие житейскую мудрость. Они относятся к паремиям – общеизвестным и воспроизводимым лексическим сочетаниям. Правда, многие из русских паремий, созданные в предшествующие эпохи, уходят из языка последних поколений, поскольку содержат уже забытые и непонятные представления и реалии, однако «ядро» таких единиц прочно вошло в лексическую систему русского языка. Паремии русского языка – объект пристального лингвистического и лексикографического внимания в русистике. Издано уже немало словарей, в которых собраны большие коллекции паремий, даются их описания и примеры употребления. Во многих лингвистических школах паремии относят к фразеологии, поскольку между этими единицами немало общих структурных черт, прежде всего – их идиоматичность. Отличие паремий от фразеологизмов состоит в том, что первые – это обычно предложения, а вторые – словосочетания, используемые как компоненты предложения. Однако эта граница не строго очерчена. Если в повествовательной и описательной речи (нарративных текстах) это чаще всего так, то в диалогической речи многие фразеологизмы также способны выполнять функцию отдельного высказывания, чаще – реактивной, ответной реплики.

Диалогическая речь строится по иным правилам, чем повествовательная. Большую роль в диалоге приобретает дискурсивно-прагматический фактор, снимающий структурные различия языковых единиц при реализации функций коммуникативного взаимодействия собеседников. Фразеологизмы нередко используются как компонент высказывания и как отдельные диалогические реплики, что может приводить к изменению в их семантике и прагматике. В (Шаронов 1996) рассматриваются содержательные отличия двух употреблений фразеологизма *Темна вода во облацех*, взятых из словаря фразеологических синонимов (Жуков и др. 1987):

- 1) А зачем дорога построена, сколько в прошлом году доходов собрано, сколько в нынешнем – все это для него *темна вода во облацех* (Салтыков-Щедрин, Праздный разговор);
- 2) Штатный смотритель уездных училищ, которому хозяин показывал этот лист, долго смотрел на круги, потом вздохнул и сказал: «*Темна вода во облацех*» (Чехов, Злоумышленник).

В первом примере фразеологизм занимает позицию компонента высказывания, а во втором – позицию самостоятельной реплики диалога. В словаре отсутствуют указания на различия в их семантике и особенностях употреблении, а между тем во втором примере, где фразеологизм, используемый как самостоятельная реактивная реплика, обладает признаками, отсутствующими при использовании его в качестве члена предложения. К таким признакам относятся:

1. Семантика: Сужение значения, выражение только непонимания, а не непонимания или незнания.
2. Прагматика: Используется для выражения непосредственной реакции говорящего, а именно эмоции сожаления, (часто полшутливого), устойчиво сопровождающей фразеологизм в диалогическом употреблении. Обычно сопровождается пожатием плеч и/или разведением рук в стороны.

Дискурсивно-прагматические свойства диалогических единиц

Любое отдельное высказывание диалога рассматривается в логико-прагматических исследованиях как действие, целенаправленный речевой акт, совершаемый в определенном месте и в определенный момент. Каждый речевой акт выражает субъективное намерение говорящего лица в зависимости от позиции данного акта в диалоге как коммуникативном взаимодействии двух и более собеседников. Теория речевых актов описывает значение речевого акта как сочетание субъективного значения (иллокутивной силы) и семантики высказывания (Серль 1986). Рассмотрение паремий в диалогической речи в качестве речевых актов позволяет описать их особые свойства, необходимые для адекватного использования этих единиц в речи.

В лингвистических и социолингвистических работах последних десятилетий активным исследованиям подвергаются стереотипные, шаблонные высказывания, условия употребления которых связано с социальной ситуацией и социальными ролями. Таких высказываний (будем называть их коммуникативными единицами) в устной диалогической речи любого языка оказывается достаточно много. В работе (Sorhus 1977, с. 217) был исследован устный корпус бытовой речи канадцев с более чем 130 000 слов. Подсчет показал, что фиксированные фразы, стереотипные высказывания составляют не менее 20% от всего корпуса. Коммуникативные единицы обладают связностью элементов и на этом основании должны являться составной частью фразеологии. Однако условия их идиоматизации несколько отличны от тех, которые свойственны единицам традиционной фразеологии: это прежде всего их дискурсивно- или

ситуативно-прагматическая закрепленность, приспособленность служить короткими знаками речевого обмена в стереотипных ситуациях коммуникативного взаимодействия.

Лингвисты, изучающие коммуникативные единицы каждый со своей позиции, предлагают для этой группы коммуникативных единиц или для их более узких подгрупп разные наименования: шаблонные формулы, или рутины (Coulmas 1981); прагматемы (Мельчук 2005), речевые формулы (Баранов, Добровольский 2006), коммуникативы (Шаронов 1996, 2009, 2016).

Коулмас дает определение стереотипных формул как общепринятых готовых прагматических единиц, возникновение которых связано со стандартизированными коммуникативными ситуациями (Coulmas 1981). В (Баранов, Добровольский 2006) отмечается дейктивность таких единиц, то есть их связь с конкретной речевой ситуацией. В (Мельчук, Иорданская) подробно рассматривается их ситуативная обусловленность. Авторы подчеркивают принципиально иное основание идиоматизации для таких единиц: «параметр «связанность ситуацией» = «прагматическая фразеологичность» не лежит в одной плоскости с параметром «семантическая фразеологичность», а, так сказать, перпендикулярен ему» (2005, с. 234).

Будучи стереотипными речевыми актами, коммуникативные единицы, естественно, обладают характеристиками речевых актов, выявленных в (Серль 1986:). Прежде всего они обладают иллокутивной целью высказывания, которая в свою очередь связана с темпоральной перспективой, то есть соотношением времени передаваемого сообщением события к моменту речи в диалоге. Дж. Р. Серль трактует темпоральную перспективу через понятие направления приспособления между словами и миром. Он пишет: «Некоторые иллокуции в качестве части своей иллокутивной цели имеют стремление сделать так, чтобы слова (а точнее— пропозициональное содержание речи) соответствовали миру; другие иллокуции связаны с целью сделать так, чтобы мир соответствовал словам. Утверждения попадают в первую категорию, обещания и просьбы—во вторую» (Серль 1986, с. 179). Таким образом, интерпретация коммуникативной единицы зависит от того, произошло ли обсуждаемое событие, или оно только предполагается в будущем. Стереотипной коммуникативной единицей может стать слово, словосочетание, предложение. Достаточно легко в список таких единиц входят и поговорки, и в частности, пословицы. Рассмотрение поговорок как стереотипных речевых актов с позиций прагматики их использования дает возможность для описания их адекватного использования в речи.

Постановка задачи

В диалогических текстах пословицы активно используются для решения дискурсивных задач. Эти задачи определяются ролевыми позициями собеседников – инициатора речи и реагирующего на речь. Задача инициатора речи может заключаться в попытке убедить собеседника в чем-либо, успокоить, обнадежить его, побудить к деятельности. Задача реагирующего на речь – согласиться с собеседником, одобрить его мнение или намерение, не поверить, отказать ему в просьбе и т.д. Пословицы помогают участникам диалога реализовывать перечисленные и другие дискурсивные задачи на разных этапах процесса создания собеседниками общего текста. К коммуникативно-прагматическим функциям пословиц в диалоге чаще всего относится использование их в качестве убеждающего аргумента (Баранов, Добровольский 2006, с.), но также и в качестве речевого акта. Темпоральная перспектива речевого акта вносит либо ретроспективный, либо проспективный взгляд на событие. В статье мы сделаем акцент на роли темпоральной перспективы при интерпретации нескольких пословиц в диалогической речи.

Решение задачи

Мы опишем несколько пословиц: *Выше головы не прыгнешь, Любишь кататься, люби и саночки возить; Взялся за гуж, не говори, что не дюж; Назвался груздем — полезай в кузов*, используемых в диалогической речи в качестве аргументированной реакции на речевой акт собеседника. Отталкиваться мы будем от традиционных описаний этих пословиц, которые были взяты из словаря [Жуков 1991], в котором акцент делается на семантике паремий и их культурологическом комментарии, анализе внутренней формы. Такой подход, как уже было указано выше, хорошо «работает» при описании употреблений пословиц и поговорок в нарративных текстах; описание же паремий в диалоге требует дополнительного прагматического аппарата, раскрывающего неявные прагматические и дискурсивные аспекты их использования.

Выше головы не прыгнешь

Жуков 1991: 'Больше того, на что способен, не сделаешь'

В диалоге данная паремия имеет разнонаправленную темпоральную перспективу, что приводит к разведению собранных примеров диалогического использования единицы на две группы с разным прагматическим значением.

1. Ретроспективный взгляд (обсуждаемое событие уже имело место). Попытка оправдаться. Толкование: 'В ответ на реальные или потенциальные обвинения в слабости или отсутствии результата говорящий указывает на объективную ограниченность своих возможностей,

пытаясь использовать реплику как аргумент при оправдании или для косвенного выражения оправдания.

Рисунков, конечно, могло бы быть больше, но нельзя требовать одновременно и качества, и количества. *Выше головы не прыгнешь* (М. Петросян. Дом, в котором). Ну поверьте же, ну поймите же — будет об этом и книга <...> *Выше головы не прыгнешь*. (В. Д. Алейников. Тадзима).

В первом примере говорящий пытается использовать поговорку как оправдывающий аргумент при речевом акте оправдания, а во втором - как косвенный речевой акт оправдания того, что книги до сих пор нет.

2. 1. Проспективный взгляд (обсуждаемое событие планируется в будущем). Аргументированный отказ.

Толкование: В ответ на реальное или потенциальное побуждение к активной деятельности говорящий отказывается, аргументируя это недостаточностью возможностей для ее выполнения.

Пословица как косвенный РА. Говорящий использует поговорку одновременно как речевой акт отказа и как убеждающий универсальный аргумент.

— Наши силы вокруг нас; если мы не можем найти помощников, то, значит, мы сами ничего не стоим. — *Выше головы не прыгнешь*, — возразил Давид. — У нас нашлось бы несколько человек, способных организовать освобождение, но как быть без денег? (Ф. М. Степняк-Личкус. Андрей Кожухов).

Темпоральная перспектива определяет синонимию употребления нескольких пословиц с семантикой связанности решения или намеренного действия с другими событиями — смежными и последующими. К таким пословицам принадлежат, например: *Любишь кататься, люби и саночки возить*; *Взялся за гуж, не говори, что не дюж*; *Назвался груздем — полезай в кузов*.

Приведем толкования этих пословиц из [Жуков 1991]:

Любишь кататься, люби и саночки возить. 'Неизбежно приходится расплачиваться за то, что было сделано с охотой, с удовольствием'.

Назвался груздем (грибом), полезай в кузов. 'Если взялся за что-л., доводи дело до конца, неси все тяготы. Говорится тогда, когда кто-л. хочет, пытается уклониться от выполнения взятых на себя обязательств, обещаний и т. п.'

Взялся за гуж, не говори, что не дюж. 'Если уж принялся за какое-л. дело, не отказывайся, ссылаясь на трудности или свою слабость.'

В приведенных словарных толкованиях «проглядывает» приписываемая паремиям темпоральная отнесенность: ретроспективный взгляд для первой единицы (действию приписывается совершенность), проспективный – для двух других (акцент на решении что-то сделать, действию приписывается несовершенность). Такой подход невольно отдаляет первую единицу от двух других. Между тем, анализ собранного в НКРЯ материалов демонстрирует, что все эти единицы имеют в диалоге возможность использования в о контекстах с обоими типами темпоральной отнесенности.

Любишь кататься, люби и саночки возить.

1. Ретроспективный взгляд (обсуждаемое событие уже имело место). РА отказ от сочувствия.

В ответ на жалобы о трудностях, связанных с деятельностью, говорящий отказывает собеседнику в сочувствии, акцентируя внимание на ответственности не только за принятые решения (связанные с его личными интересами), но и за их последствия.

Протянув бумажку Афанасьеву, я, смеясь, добавил: — Вот такой ценой и создаются лучшие полотна циркового искусства двадцатого столетия. Афанасьев улыбнулся: — *Любишь кататься, люби и саночки возить!* (В. Запашный. Риск. Борьба. Любовь)

Матушка второпях не успела запастись никаким документом. Поэтому, когда корабль наш двинулся вверх по проливу, шкипер пригласил всю нашу семью в трюм, где наскоро приготовил для нас тайное убежище. Но, Бог ты мой, что это было за ужасное помещение! — *Назвался груздем — полезай в кузов*, — сказал Высоцкий. [В. Авенариус. Гоголь-студент]

— Экой ты, Терентьич! Мальчонкам-то трудно ведь. — Мало ли что! *взялся за гуж, будь дюж*. [Ф. М. Решетников. Подлипovsky]

2. 1. Проспективный взгляд (обсуждаемое событие планируется в будущем). Аргументация при отказе, препятствовании намерению уклониться от выполнения действия.

В ответ на намерении уклониться от совершения действия говорящий отказывает в этом собеседнику, акцентируя внимание на ответственности не только за свои принятые решения, но и за их последствия.

Уберемся подобра-поздорову, пока не поздно. — Ищи, ищи! — зло посмотрел на него Санька. — *Любишь кататься, люби и саночки возить...* [А. И. Мусатов. Стожары).

Знаем мы этих знаменитых! — Ни-ни... не отвиливай, братец! *Назвался груздем — полезай в кузов!* Надевай шапку, пойдем! (А. П. Чехов. Средство от запоя).

Егорин сразу обратил внимание на побледневшее лицо Кочерова, поймал его смущенный, виноватый взгляд и резко заметил: — Ну, Ванька, теперь танцевать поздно. *Взялся за гуж — не говори, что не дюж!* — С чего ты взял! — обиженным тоном отозвался Кочеров. (В. Курицын. Томские труппы).

Выводы

Итак, описание диалогических употреблений паремий в диалоге требует специального исследования их дискурсивно-прагматических свойств. Такого рода описание, разумеется, не отменяет традиционного семантического подхода, удобного для использования при пассивных видах речевой деятельности – чтении и слушании, но дополняет их информацией о прагматических условиях употребления. Дискурсивно-прагматическое описание предполагает возможность перехода от пассивных видов речевой деятельности к активному речепроизводству, возможности адекватного использования паремий в устной диалогической речи.

Список литературы

- Баранов А.Н., Добровольский Д.О. 2008. Аспекты теории фразеологии. М.
- Жуков В.П., Сидоренко М.И., Шкляр В.Т. 1987. Словарь фразеологических синонимов русского языка, М. Русский язык.
- Жуков В.П. 1991. Словарь русских пословиц и поговорок М.: Русский язык.
- Мельчук И. А., Иорданская Л. Н. Смысл и сочетаемость в словаре. М., Изд.: ЯСК. 2007.
- Серль Дж. Р. (1986): Классификация иллокутивных актов, Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 17. Теория речевых актов. С. 170-194 – М.: Прогресс.
- Шаронов И.А. 1996. Коммуникативы как функциональный класс и объект лексикографического описания // Русистика сегодня № 2, с. 89-112.
- Шаронов И.А. 2012. «Бог с тобой» Теория и практика толкования фразеологических коммуникативов. Логический анализ языка. Адресация дискурса. М., Индрик. с. 437–448.
- Шаронов И.А. 2015. Поиск и описание коммуникативов на основе национального корпуса русского языка. Методы когнитивного анализа семантики слова: компьютерно-корпусный подход. Изд. "Языки славянских культур". Гл. 5, с. 145–187.
- Coulmas F. 1981. Introduction: Conversational Routine. Conversational Routine: Exploration in standardized communication situations and prepatterned speech. The Hague: Mouton.
- Sorhus H B 1977 - To hear ourselves – Implications for teaching English as a second language. English teaching journal XXXI. 31, 3, p. 211-221

ЕДИНИЦА *ТАКОЙ* В РУССКОЙ СПОНТАННОЙ РЕЧИ: НА ПУТИ ОТ ЗНАЧЕНИЯ К ФУНКЦИИ?

Шклярук Екатерина Ярославовна
Санкт-Петербургский государственный университет, Российская федерация
st050548@student.spbu. Ru

TAKOY IN RUSSIAN COLLOQUIAL SPEECH: IN THE WAY FROM THE MEANING TO THE FUNCTION?

Shkliaruk Ekaterina
Saint-Petersburg state university. Russian Federation

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена изучению функционирования единицы *ТАКОЙ* в русской устной спонтанной речи. Материалом для исследования послужили 213 сочетаний слова *ТАКОЙ* с существительными и местоимениями (в пре- и постпозиции). Главным объектом внимания стали 89 сочетаний типа <сущ./мест. + *ТАКОЙ*>. Источник материала – корпус «Один речевой день». В русской разговорной речи единица *ТАКОЙ* часто встречается в функциях, которые не описаны словарями и грамматиками русского языка (маркер-ксенопоказатель, изобразительный маркер, маркер энантиосемии, хезитативный маркер), при этом ее кодифицированная указательная функция значительно ослабляется. Представляется, что единица *ТАКОЙ* подвергается в устном дискурсе процессу прагматикализации, особенно при употреблении в постпозиции. Это подтверждают самые частотные ее функции: «словарные» – для препозитивного *ТАКОЙ* и соотносящиеся с прагматами «несловарные» – для постпозитивного.

ABSTRACT

The article is devoted to studying the unit *TAKOY* (such) in Russian spontaneous speech. 213 combinations of *TAKOY* with nouns and pronouns (in the preposition and the postposition) were taken as a material of the study. The main object of the study is a group of 89 combinations with postpositive *TAKOY*. The source of the material is the corpus "One Speech Day". In Russian colloquial speech the unit *TAKOY* is often found in functions which are not described by dictionaries and grammars (xenomarker, descriptive, hesitative markers and a marker of enantiosemia), while its codified index marker is noticeably weakened. It seems that the unit *TAKOY* is being subjected to the process of pragmaticalization in oral discourse. Postpositive *TAKOY* is more pragmatical than prepositional especially when used in postposition. This is confirmed by the most frequent functions.

Ключевые слова: прагматикализация, указательный маркер, усилительный маркер, маркер энантиосемии, маркер-ксенопоказатель, изобразительный маркер, хезитативный маркер.

Keywords: pragmaticalisation, index marker, amplifying marker, marker of enantiosemia, xenomarker, descriptive marker, hesitative marker.

Изучение разговорной речи с каждым днем привлекает все большее внимание лингвистов. Несмотря на то что устная речь является самой естественной формой языка, большинство словарей и грамматик по-прежнему опираются на письменную форму его бытования. Таким образом, многие единицы, которые традиционно считаются в лингвистике «сорняками», или «словами-паразитами», остаются за пределами научного рассмотрения, а описание уже изученных явлений порой оказывается неполным.

Настоящая работа посвящена изучению функционирования единицы ТАКОЙ в русской спонтанной речи.

Словари и грамматики описывают ТАКОЙ как указательное (БАС 1963: 58-59) или определительное местоимение (там же; МАС 1999: 334) или как местоименное прилагательное (Русская грамматика 1980: 540; БТС 2000: 1303). Однако в устной речи встречаются такие реализации этой единицы, которые не подходят под словарные описания, основанные прежде всего на частеречной характеристике.

Представляется, что в устной речи единица ТАКОЙ приобретает ряд новых функций. Цель данного исследования заключается в том, чтобы проследить изменения в употреблении единицы ТАКОЙ в русской устной спонтанной речи, а именно – выявить тенденцию к ее прагматикализации.

Источником материала для настоящего исследования послужил корпус «Один речевой день» (ОРД), который разрабатывается в Санкт-Петербургском государственном университете и содержит записи повседневных разговоров носителей русского языка. ОРД является самым представительным на сегодняшний день ресурсом для изучения русской спонтанной речи. Его объем на данный момент составляет 1250 часов звукозаписей речи от 128 информантов и около 1000 их коммуникантов, около миллиона словоформ в расшифровках. Информанты корпуса различаются по гендерному, возрастному (от 17 до 83 лет), профессиональному и социальному признакам²⁰.

В ходе настоящего исследования были проанализированы «речевые дни» 8-ми информантов и 73-х их коммуникантов (всего около 1500 словоупотреблений). Анализировались сочетания типа <ТАКОЙ + сущ. /мест.> (124 единицы; ТАКОЙ в препозиции по отношению к определяемому слову) и <сущ./ мест. + ТАКОЙ> (89 единиц; ТАКОЙ в постпозиции). Объектом внимания в настоящей работе стали последние: сочетания с ТАКОЙ в постпозиции. Данный фрагмент материала был выбран для специального исследования, так как именно в постпозиции единица ТАКОЙ практически полностью

20 Подробнее о корпусе ОРД см., например: Богданова-Бегларян и др. 2018; Русский язык... 2016.

утрачивает свое «словарное» указательное значение и приобретает новые функции, такие, например, как маркер-ксенопоказатель²¹. Обратимся к примерам²²:

- (1) *после заседания суда он говорит / так / ребята / едем со мной / говорит // *П у меня говорит панка **такая** а у вас **такая** // *П вот он забрал Николая / *П они все... э все документы касаемые(:) нас;*
- (2) **Н не получился ли какой ещё // *П я подошла (э) / ну () первая у кого я спросила / это к Маша Астахова / она **такая** / да да да / Настя взяла у меня *Н четыре с половиной.*

В примере (1) ТАКОЙ выступает, как и предписывается словарями, в качестве *указательного маркера* и реализует функцию, заданную морфологической природой указательного местоимения. В качестве такого маркера слово ТАКОЙ указывает на качество, свойство, называемое в предшествующей или последующей речи или устанавливаемое из каких-либо обстоятельств, ситуации, или просто указывает на качество, свойство лица, предмета. Из контекста (1) ясно, что говорящий указывает на реальный объект (*панку*). Сравнив примеры, можно заметить, что ТАКОЙ в данных контекстах различаются своими функциями. В примере (2) единица ТАКОЙ функционирует уже в качестве маркера-ксенопоказателя, т. е. маркирует введение говорящим чужой речи.

Единица ТАКОЙ в своих «несловарных» реализациях приближается к *прагматемам*. Прагматемы – это единицы, которые восходят к обычным лексемам, как полнозначным, так и служебным, и в ряде своих употреблений в повседневной речи утрачивают (полностью или частично) лексическое и/или грамматическое значение и приобретают прагматическое, переходя тем самым из разряда речевых в разряд условно-речевых (коммуникативно-прагматических) функциональных единиц русской речи (Богданова-Бегларян 2014: 7). Приведем некоторые примеры прагматем:

- (3) *а сейчас / а сейчас они вот / (э...э) страхо-вую да [а] сперва? *П (э...э) / ну у кого какая страховая / **понимаешь** ? у кого большая / тому выгодно // а у кого (...) она не повышалась* *П вот (**метакоммуникативный маркер**);*
- (4) *да там какие-то / эти самые / и (ещё вот) / что-то по-моему / она какие-то протоколы разногласия пишет // я не знаю (**хезитативные маркеры**);*
- (5) *ничего не давала // *П главное у неё сегодня этот () как его / (...) лабораторный день / или как сказать ? (**маркер-рефлексив**).*

21 Термин *ксенопоказатель* был введен Н. Д. Арутюновой для описания функционирования единиц *де, дескать* и *мол* (Арутюнова 2000: 437). См. также: Плунгян 2008; Левонтина 2010. Вслед за этими авторами, мы используем данный термин для обозначения единицы, передающей чужую речь. Отметим, что «чужая речь» понимается в данном случае широко и включает и собственную речь говорящего, например, при пересказе диалога.

22 Подробнее о знаках, используемых в орфографических расшифровках материалов ОРД, см. Русский язык... 2016: 242-243.

Рассмотрим полный список функций единицы ТАКОЙ, которые были выделены на материале исследования: указательный маркер, усилительный маркер, изобразительный маркер, маркер-ксенопоказатель, хезитативный маркер, маркер энантиосемии. Кратко охарактеризуем еще не названные функции.

В качестве **усилительного маркера** ТАКОЙ выражает сильную степень проявления свойства, качества, оценки, ср.:

- (6) *покупать карточку какую-то / *П о-о ! с **такими** проблемами / *П а DSL подвести / я так и не сподобился.*

Данная функция отмечена словарями и грамматиками и вместе с указательной входит в группу «словарных».

В качестве **маркера энантиосемии** ТАКОЙ усиливает признак, свойство, качество для указания на противоположное значение, ср.:

- (7) **П Пино гри\$ // *П есть большая / оно тоже ничего / но это всё-таки () не то // # *П тогда мы последние бутылки купили / давно // # *П и всё выпили // # да / мы **такие** пьяницы / Лариса%.*

Изобразительный маркер появляется в речи, когда говорящий чувствует необходимость в характеристике, оценке предмета, но не всегда может выразить ее самостоятельным словом, ср.:

- (8) *когда очень болит // *П ихтиолку / (...) прямо к этой к с... пере... *П к передней пятке / ихтиолку **такую** намачиваю / тряпку / и на ночь привязываю.*

Хезитативный маркер указывает на заминку, колебания говорящего в ходе речепорождения, ср.:

- (9) *вот такой тортик / *П там четыре пирожных // *П угу // @ кусочек мяты ! @ вкусный / он (...) в пластмассовой / прозрачной (...) упаковке... коробочке.*

Появление подобных функций у единицы ТАКОЙ позволяет говорить о том, что она подвергается в устной речи процессу *прагматикализации*. Такой вывод можно сделать при рассмотрении распределения функций на материале исследования (см. рис.).

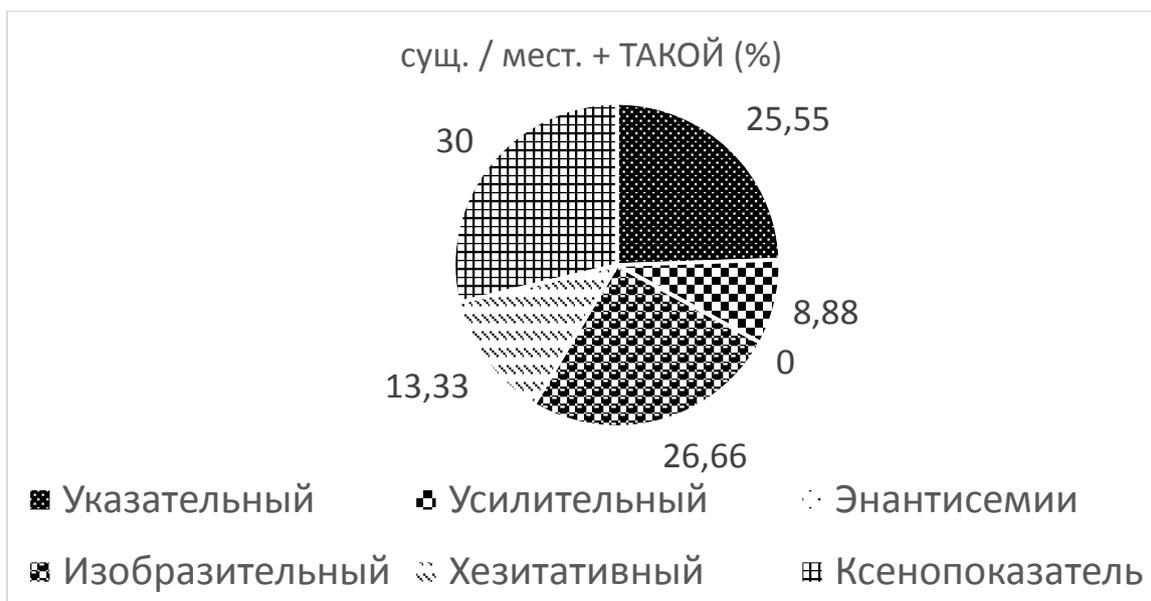

Рис. 1. Распределение функций слова ТАКОЙ на материале исследования

Из диаграммы видно, что бóльшая часть употреблений постпозитивного ТАКОЙ приходится на функцию маркера-ксенопоказателя (30,0 %). Чуть меньшие, но примерно одинаковые доли приходятся на изобразительный (26,7 %) и указательный (25,6 %) маркеры. Еще реже встречаются в материале исследования хезитативный (13,3 %) и усилительный (8,9 %) маркеры.

Интересны в данном случае доли двух «словарных» функций единицы ТАКОЙ: указательной и усилительной. Они описаны словарями и грамматиками и в общем распределении материала занимают лидирующие позиции (см.: Шклярчук 2018). Для препозитивного ТАКОЙ они также являются самыми частотными (там же). Однако для ТАКОЙ в постпозиции самыми частотными стали функции маркера-ксенопоказателя и изобразительного маркера, в то время как указательный маркер оказался на третьем месте по частотности, а усилительный – на предпоследнем²³.

Интересно сопоставить распределение всех функций для препозитивного и постпозитивного ТАКОЙ (см. табл.).

²³ Последнее место занимает маркер энантиосемии: в материале исследования не встретилось контекстов с постпозитивным ТАКОЙ в данной функции. Однако маркер энантиосемии встречается в контекстах с препозитивным ТАКОЙ. Не исключено, что он встретится и в постпозиции – на большем объеме материала.

Таблица 1. Количественное распределение употреблений единицы ТАКОЙ в разных функциях и в разных позициях по отношению к определяемому слову

Модель Маркер	<ТАКОЙ + сущ. / мест.> (%) (препозиция)	<сущ. / мест. + ТАКОЙ> (%) (постпозиция)
Указательный	61,3	25,6
Усилительный	32,9	8,9
Изобразительный	0,6	26,7
Энантисемии	1,3	–
Ксенопоказатель	–	30,0
Хезитативный	3,9	13,3

Из таблицы видно, что постпозитивное ТАКОЙ чаще реализуется в своих «несловарных» функциях, в отличие от препозитивного, которое ближе к своей местоименной природе (61,3 % приходится на указательный маркер). Представляется, что постпозитивное ТАКОЙ в устной речи является наиболее прагматикализированным.

Ясно видно, что единица ТАКОЙ в устной речи утрачивает свои первоначальные указательную и усилительную функции и подвергается процессу прагматикализации²⁴. Под прагматикализацией в данном случае понимается утрата словом лексического значения (или его ослабление) и приобретение новой функции (прагматического значения).

Необходимо отметить некоторую специфику прагматикализации слова ТАКОЙ. Будучи по природе своей местоименным словом, данная единица не имеет как такового лексического значения. Представляется, что в процессе прагматикализации ослабляется собственно указательное значение слова ТАКОЙ и его анафорическая и синтаксическая функции.

Подведем некоторые итоги. В постпозитивном употреблении (относительно существительного или местоимения) единица ТАКОЙ утрачивает значение, которое задано ее морфологической природой, и приобретает новые функции.

Наличие функций, не отмеченных словарями и грамматиками, выделенных только на материале устной речи и близко соотносящихся с классом прагматем (маркер-ксенопоказатель и вербальный хезитатив), а также не выделенной ранее функции изобразительного маркера позволяет говорить о том, что единица ТАКОЙ, функционируя в устной речи, подвергается прагматикализации.

²⁴ Подробнее о прагматикализации см.: Günther, Mutz 2004; Богданова-Бегларян 2014.

Единица ТАКОЙ пополняет класс прагматем русской речи. Следовательно, требует совсем иного лексикографического описания. В перспективе подобные употребления слова ТАКОЙ должны войти в словник «Словаря прагматем русской повседневной речи».

Список литературы

Арутюнова Н. Д. (2000): Показатели чужой речи де, дескать, мол, Язык о языке: сб. статей. М.: Языки русской культуры, 437 -452.

БАС 1963 – Качевская Г. А., Толикин Е. Н. (ред.). Словарь современного русского литературного языка: В 17-ти т. Том 15. Т – Тятя. М.: Наука, 1286 с.

Богданова-Бегларян Н. В. (2014): Прагматемы в устной повседневной речи: определение понятия и общая типология, Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология, 7-20.

Богданова-Бегларян Н. В., Блинова О. В., Шерстинова Т. Ю., Мартыненко Г. Я. (2018): Корпус русского языка повседневного общения «Один речевой день»: текущее состояние и перспективы. Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. М.: ИРЯ РАН (в печати).

БТС 2000 – Кузнецов С. А. (ред.). Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 1536 с.

Левонтина И. Б. (2010): Пересказывательность в русском языке, Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 26–30 мая 2010 г.). Вып. 9 (16). М.: РГГУ, 284-289.

МАС 1999 – Евгеньева А. П. (ред.). Словарь русского языка: В 4-х т. Том IV. С–Я. 4-е изд., стер. М.: Русский язык, 794 с.

Плунгян В. А. (2008): О показателях чужой речи и недостоверности в русском языке: мол, якобы и другие. *Lexikalische Evidenzialitäts-Marker in Slavischen Sprachen* / В. Wiemer & V. A. Plungjan (eds). Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 72. München: Sagner, 285–311.

Богданова-Бегларян Н. В., Шерстинова Т. Ю., Баева Е. М., Блинова О. В., Мартыненко Г. Я., Ермолова О. Б., Рыко А. И. и др. (2016): Русский язык повседневного общения: особенности функционирования в разных социальных группах. Коллективная монография, Н. В. Богданова-Бегларян (отв. ред.). Санкт-Петербург: ЛАЙКА, 244 с.

Шклярчук Е. Я. (2018): Местоименное слово ТАКОЙ в номинативных сочетаниях: попытка функциональной классификации. *Коммуникативные исследования*. № 2 (16), 101-112.

References

Günther S., Mutz K. (2004): Grammaticalization vs. Pragmaticalization? The Development of Pragmatic Markers in German and Italian. What Makes Grammaticalization? A Look from its Fringes and its Components. Berlin: Language Arts & Disciplines, 77–107.

**САКРАЛИЗАЦИЯ И ДЕСАКРАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА
«БЛАГОПОЛУЧИЕ» В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОМ ЯЗЫКОВОМ
ПРОСТРАНСТВЕ**

*Шкуран Оксана Владимировна
Луганский национальный университет
имени Тараса Шевченко, Украина
oksana.shkuran@mail.ru*

**SACRALIZATION AND DESACRALIZATION THE CONCEPT "WELL-
BEING" IN THE EASTERN SLAVIC LANGUAGE SPACE**

*Oksana Shkuran
Lugansk Taras Shevchenko
National University, Ukraine*

АННОТАЦИЯ

К концу XX века разразился кризис многих наук, среди которых оказалась и лингвистика. Антропоцентрический подход к исследованию языка дал толчок для развития смежных наук, а языковая вседозволенность привела к десакрализации культурологических понятий таких, как например, «благополучие». Данный концепт стал продуктом деятельности человеческого сознания, которая привела к профанизации сакрально-языкового познания, и требует исследования. Он объединяет во внутренней форме слова два противоположных полюса – полюс динамики (в данном случае, десакрализации) и полюс удержания – (сакрализации), между которыми и разворачивается концептуальное поле «благополучия». Потенциальная субъективность концепта «благополучие» объединяет общую идею отдельно выбранной эпохи и сакральное понимание, которые помогают выяснить идею изначального понимания внутренней формы слова.

ABSTRACT

By the end of the twentieth century, a crisis of many sciences broke out, among which was also linguistics. Anthropocentric approach to the study of language gave impetus to the development of related sciences, and language permissiveness led to the desacralization of cultural concepts such as, for example, "well-being". This concept became a product of human consciousness, which led to the profanization of sacred language knowledge, and requires research. This concept combines in its internal form words two opposite poles - the pole of dynamics (in this case, desacralization) and the pole of retention - (sacralization), between which the conceptual field of "well-being" unfolds. The potential subjectivity of the concept of "well-being" unites the common idea of a separately chosen era and a sacred understanding that help clarify the idea of an original understanding of the inner form of a word.

Ключевые слова: Концепт, картина мира, сакрализация, десакрализация, благо, благополучие, языковое сознание, духовное саморазвитие.

Keywords: Concept, the picture of the world, sacralization, desacralization, good, well-being, linguistic consciousness, spiritual self-development.

Мировоззрение – это фундамент человеческого сознания. Чтобы жить в согласии с внешним миром и внутренним «я», необходимо упорядочить этот мир в своем понимании на концептуальном уровне. В процессе данной когниции происходит выделение информации, ее осмысление и последующая трансформация в знание. На материале восточнославянских языков и различных смежных лингвистических дисциплин целесообразно разрешить проблему стабилизации концептуальной картины мира, которая имеет синонимичные названия: картина мира (В.Герц, Л.Витгенштейн, Б.А. Серебrenников, Е.А.Кубрякова), модель мира (М.Хайдеггер), образ мира (М.Планк, В.И.Постовалова), когнитивная модель мира или когнитивное пространство (А.Т. Ишмуратов, А.Н.Леонтьев, В.П.Зинченко, Ф.Е.Василюк), ментальная репрезентация (Е.А. Андреева, М.А. Холодная, Ж.Ришар, Р.И.Павиленис) и даже языково-мыслительное единство (Г.В.Колшанский) – и рассматривается в различных аспектах. А результатом концептуализации является формирование системы концептов в сознании людей или коллективном сознании этноса, который воспроизводит в виде структурированных и упорядоченных знаний представления о мире и действительности. Академик Д. Лихачев рассматривал концептосферу как совокупность концептов нации и считал, что «чем богаче культура нации, ее фольклор, литература, наука, изобразительное искусство, исторический опыт, религия, тем богаче концептосфера народа» (Лихачев 1997: 280-287).

По мнению классиков-постмодернистов Ж. Делеза и Ф. Гваттари философия имеет дело только с концептами, которые выступают актуализаторами оригинальной концепции (Делез, Гваттари 1998: 23), Ю. Степанов определяет культурные концепты, которые, трансформируясь, формируют основание национальной культуры. Именно совокупность концептов и их отношений, выражаясь в семиотических рядах – эволюционных, синхронических создают ментальную изоглоссу культуры (Степанов 2001: 126). Важным является квинтесенция концептуальных интеллектуальных практик, которая трансформирует, перестраивает, координирует силовые линии ментального пространства, определяя ценностные ориентации, присущие определенному историческому периоду. Возникает своеобразная интерференция культурных полей мифологической, религиозной, научной картин мира. Все эти влияния отражаются в практике использования языка и специфично окрашивают смыслы разных слов.

Согласно культурно-исторической концепции Г. Г. Шпета, потребность в общении сформировала язык. А в процессе эволюции, по словам Т.Е. Владимировой, языковое сознание наполнилось религиозно-мифологической, художественно-героической, научно-технической, культурно-исторической, философско-культурной речевой практикой и преобразовало «социальный лик человека» (Владимирова, 2017: 127). Поэтому с «энергичной природой» мифологического восприятия языковая личность унаследовала **сакральные** установки и потребность в ориентации на должное поведение, а с принятием православия – на духовное саморазвитие.

Сакральный смысл представлен в речевой практике современных носителей восточнославянских языков. В философском словаре дается такое определение понятия *сакрализация* (от лат. *sacro* – освящать, объявлять священным) – превращение в священное, наделение сакральным смыслом объектов и событий внешнего мира, а также мысленных образов, сценариев, невербальных символов, действий, слов и т.д. (Грицанов 2003: 34).

В данном исследовании мы даем такое определение языковой сакрализации – это универсальная метакатегория, определяющая ценностно-смысловое существование гуманитаристики в этическом, эстетическом, правовом, политическом смысле, в которых присутствует вера и доверие к Богу и миру. Бинарная оппозиция «сакральное (священное) – профанное (десакральное, обмирщенное)» являются ключевыми для языкового сознания. То есть сакральное может присутствовать в обыденной жизни языковой личности как ценностный ориентир для человека и для общества в целом в том виде, в каком человек испытывает глубокую привязанность и ставит его в систему личностных идеалов. А вышеупомянутая концепция Г.Г. Шпета соотносится с данной трактовкой и с вектором языковой сакрализации – «духовной вертикали» (В. С. Соловьев), «духосферы» (П. А. Флоренский), «вершинной психологии» (Л. С. Выготский) и «энергичного самоутверждения личности» (А. Ф. Лосев).

Важным сегментом восточнославянской языковой картины как части картины мира является концепт «благополучие», его моделирование и выявление основных механизмов и закономерностей языковой сакрализации и десакрализации, что и является главной целью данной статьи.

Две аксиологические и этические категории *благо* (в дохристианское время употреблялась синонимичная лексема *добро*) и *зло* выражаются в противопоставлении нужных и вредоносных для коллектива или человека явлениях: доли – недоли, счастья – несчастья, своего – чужого, правильного – неправильного и др.

Дохристианские истоки дуалистических представлений о добре и зле, добрых и злых божествах, противопоставлении Белобога и Чернобога неопределенны. Природные языческие божества, как и низшие духи, наделялись амбивалентными функциями: ср. южнослав. Бог как первоначальное обозначение существа, наделяющего долей, богатством, при укр. богинка 'злой дух, вредящий роженице и младенцу' (также связанный с духами злой судьбы), некоторые положительные функции домовых (ср. его наименования *доброжил*, *доброхот*) и дворовых духов, заботящихся о добре – хозяйстве и т. п. Амбивалентными свойствами наделялись также чистые (святые) и нечистые животные, например, змея, жаба, лошадь и др. Характерны народные представления о добре как о доле, присущей сфере хозяйственных отношений: чтобы продавец не мог отнять добра у скота, новый хозяин крадет соломинку из - под ног покупаемого животного; ср. рус. (др.-рус.) *добро* – 'имущество' и праслав. *dobrъ(jb)*, 'добрый, хороший, прекрасный', болг. *добър*, 'хороший, богатый, состоятельный', добри гости (серб.), которые в колядках приносят хозяевам добрую весть 'добар глас' о приплоде скота и т. п. Если долей (добром) наделяет Бог, то зло – недолю производят бесы, черти: наименование этих злых духов – укр. *злий*, *чортяка*, *чорний*, *проклятий*, *лукавий*, *нечиста сила*, *куций*, *щезник*, *злий*, *бенеря*, *нечистий*, *біда*, *Іван безп'етий*, *біс*, *тот*, *той*, *що в смолі*, *дідько*, *навіть обпаленик* и др., бел. *злы*, *д'ябал*, *сатана*, *дэман*, *нячыцік*, *чэртяка*, *вораг*, *падступны*, *акаянны*, *нячысты* и др. (Шкуран 2011: с.18).

В наибольшей мере противопоставление добра и зла свойственно духовным стихиям, а также дуалистическим легендам о сотворении мира (возводимых иногда к древнеиранскому или средневековому богомильскому влиянию) у восточных славян. Представлениям о предопределенности добрых и злых явлений соответствовали гадания о грядущей судьбе: ср. средневековую гадательную книгу «Рожденик», в которой указывались добрые и злые дни и часы, влиявшие на судьбу новорожденных, знамения 'на добро и на зло', представления о добром и злом времени, добром и злом месте, от которых зависела удача (СДЭС 2012: 183-190).

С принятием христианства на Руси разговорный язык беспрепятственно стал наполняться церковнославянскими словами: *сущность*, *знамение*, *тайна*, *таинство*, *рождество*, *Господь*, *благо*, *крест*, *церковь*, *алтарь* и др.; словообразовательными элементами и конструкциями церковнославянского языка, например, многокорневыми образованиями, восходящие к греческим лексемам: таковы ключевые слова традиционной русской этики и эстетики – *целомудрие* (греч. *so-phrosyne*), *благообразие* (греч. *eu-schemosyne*), *благолепие* (греч. *eu-prereia*). А самым главным словом для христиан стала Благая Весть – Евангелие (Новый Завет), из которой ежедневно при чтении нужно получать духовную

пищу и содержать в благополучии свое внутреннее состояние. «Красота целой грозди слов, сцепляющихся в единое слово, – очень греческая вещь; и она-то была принята к сердцу русским народом, и притом на века» (Аверинцев 1990: 64-72).

Именно с принятием православия восточнославянские языки наполняются сложными словами с словообразовательной морфемой благо-: русск. – *благоверный, благовест, благовещение, благовидный, благовоспитанность, благополучие, благодарность, благоглупость, благодарение, благодатный* и др., укр. – *благовірний, благовіст, благовіщення, благополуччя, благодатний* и др.

Поэтому для толкования христианского понимания «благополучия» обратимся к опыту православного религиозного просветителя XVIII века Тихона Задонского, который писал о состоянии человеческого благополучия так: *Человек из двух частей состоит, из души и тела, то и благополучие двоякое бывает, душевное и телесное. Душевное благополучие есть совесть спокойная, мирная, радующаяся о Боже Спасе своем, на земли небесное веселие чувствующая, в темнице, в узах, в нищете, в бесчестии, в ранах, в изгнании, в болезни и в слезах веселящаяся. Телесное благополучие есть: тела здравие, честь, богатство, слава, насыщение, увеселение* и проч. Далее мы читаем о том, что чаще человеческие душа и тело жаждут диаметрально противоположных желаний и поэтому пребывают в разном состоянии: *тело здорово, да душа нездорова; тело в богатстве, да душа в нищете; тело в чести, да душа в бесчестии; тело веселится, да душа сетует; тело радуется, да душа унывает; тело процветает, да душа истлевет; тело банкетует, да душа гладствует (голодает); тело благоухает, да душа злосмрадную вонь издает* (Тихон Задонский 2017: 11).

Первоверховой апостол Павел в Соборных посланиях Апостолов утверждает о тленности и временности тела и о необходимости внутреннего духовного упражнения: *Если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется* (Феофан Затворник 2000: 16). Но процесс обновления происходит не у каждого, а стремящегося к такому сакральному совершенству как духовная вертикаль.

В середине XVI века известным типографом, лексикографом Памвой Берынды был издан «Лексіконъ славенорѡсскій и именъ Тлъкованіе», в котором лексема «благо» синонимична лексеме «добро». В словарной статье представлены многокорневые образования – *благоволение, благовременно, благоверие, благоговение, благодарение, благодатель, благоздравие* и др. (Памва Берында 1961: 74), подтверждая слова академика Б.А. Рыбакова, что «произошло преодоление некоей локальной ограниченности автохтонных традиций восточнославянского язычества именно с принятием христианства» – и русская культура через контакт с Византией обрела возможность универсальных измерений (Рыбаков 1980: 5).

Группа ученых – Ф. Миклошич, А.Х. Востоков, Я.И. Бередников, И.С. Кочетов в «Словаре древнего славянского языка», составленного по Остромирову Евангелие (1899), – иллюстрируют значительно большее количество новообразованных слов, в которых часть благо- также означает 'добро или доброе дело': *благободренный* – проворный; *благобязненный* – благочестивый; *благобытие* – благодушие; *благобытие* – счастливая жизнь, благосостояние; *благовидность* – приличие, приятная наружность; *благовольный* – добровольный; *благоволение* – согласие; *благовоние* – приятный запах; *благовременно* – в нужное время; *благовозможание* – сила, твердость, мужество; *благовозрастание* – совершеннолетие; *благоверный* – православный; *благോഗлаголание* – красноречие; *благодатель* – благотворитель; *благодержать* – решиться на благие подвиги; *благодушествовати* – ободряться духом; *благожизнь* – безбедный; *благопитание* – хорошее питание; *благополучие* – благосостояние, сопровождаемый успехом, счастьем (СДСЯ 1899: 25-30).

Благо – это лексема или часть лексемы, содержащаяся в словах на обозначение характеристики предметов, явлений или деяний, существующих ради добра или побуждающих проявиться положительной сущности кого бы или чего бы то ни было. Благо – это все то, что стимулирует позитивные последствия и направлено на спасение человеческой души. Благо имеет ценность и смысл лишь в том случае, когда обладающий им содержит в себе честную и законную основу и исключает какой-либо ущерб или нанесения зла для другого человека.

В «Материалах к древнерусскому словарю по письменным памятникам» И.И. Срезневского (1902) лексема *благо* имеет два толкования «добро» и «хорошо», а вот количество сложных слов увеличивается и наполняется новыми лексемами, например: *благоплодие*, *благокрасный*, *благлюбие*, *благообразие*, *благопослушно* и *благополучие* как 'состояние долготерпеливости духа, приводящего к добрым результатам' (Срезневский 1902:102). Ученый очень точно определил сакральную составляющую данной лексемы и проиллюстрировал первоначальный семантический слой концепта «благополучие».

Энциклопедия Брокгауза и Ефрона (1890-1907) комментирует понимание концепта в диахроническом срезе, начиная с античной школы Платона, Аристотеля и до великой проповеди Иисуса Христа, утверждая, что идея о всепрощающей христианской любви и о любви к ближнему в корне меняет представление о благе, потому что идет речь не об удовлетворении собственных выгод и интересов, а о доставление выгоды другому. Господствующее чувство эгоизма начинает конкурировать с величественным началом альтруизма. Именно такое учение постепенно становится достоянием человечества. Поэтому основное определение лексемы «благополучие» – удовлетворение человеческой потребности

или стремления через материальные или духовные блага; спокойствие духа, рождающееся от сознания выполненных обязанностей – нравственного блага, добродетели (ЭСБЕ 1890-1907: 24).

Синтезируя лексикографический материал словарей С.Ожегова, Д.Н. Ушакова «Новый русский словарь» под ред. Т.Ф. Ефремовой (2000), дает такое толкование *благополучия*: 1) Спокойное – без неудач и потрясений – течение дел, жизни; 2) Материальная обеспеченность, достаток; 3) Счастье в любви, в семейной жизни; 4) разг. Обычное – без отклонений от нормы, нежелательных явлений – состояние кого-л. (Ефремова 2000: 78).

Национальный корпус русского языка (НКРЯ) демонстрирует несколько сегментных слоев концепта: *материальное благополучие* – Именно поэтому сегодня, согласно недавно проведённым исследованиям Фонда общественного мнения, своей главной целью порядка 40% молодых людей называют материальное благополучие и обогащение, и только 15% таковой считает получение образования (Олег Головин. Коллективный Маугли (2003) // «Завтра», 2003.08.13); 2) *благополучный отдых* – А если рядом море и солнце встаёт каждый день – это уже полное счастье и благополучие (Александр Дорофеев. Эле-Фантик // «Мурзилка», 2003); 3) *хрупкость нравственного благополучия* – О, как легко человеческое благополучие распадается на груды хлама...(Сергей Довлатов. Дорога в новую квартиру (1987); 4) *физическое благополучие* – Жить, чтобы жить? Жить, чтобы сохранять благополучие тела? Милое благополучие! (Александр Солженицын. В круге первом, т.1, гл. 1-25 (1968) // «Новый Мир», 1990); 4) *демонстрация семейного благополучия* – И раз от раза повторяется одна история: на фото – идеальная семья, демонстрируется всяческое благополучие (Д. Менделеева, Ю. Ратанов. Психотерапевт: Что прячут счастливые аккаунты соцсетей? (2015.11.06)); 5) *национальное благополучие* – Ближневосточным странам – бросить большую часть нефти и газа, на которых строится их национальное благополучие (Александр Аничкин. Brent просит пощады // «Огонек», 2015) и др. (НКРЯ 2018: 1,2,3,4).

В паремиях система ценностей предстает как объемное, беспристрастное восприятие мира взаимоотношений и предпочтений, сложившихся в ходе развития общества. В этом плане требует определенной акцентации тот факт, что ценностные представления отбираются таким образом, что несколько столетий, а может быть и тысячелетий, они не меняют своей значимости и оценки. Во многих случаях система ценностей, отраженных в паремиях, относится к прошлому времени, но значима в аспекте настоящего и будущего как непреходящая константа. Пословицы и поговорки русского народа не употребляют лексику «благополучие», а создают образ христианского Бога, обладающего рядом качеств и выступающего гарантом благополучия. Представленные в Словаре В.И. Даля паремии *Ни*

отец для детей, как Бог до людей; Богу молиться – вперед пригодится; На Бога молишься – не обложись (Даль 1903-1909: 64-65) и некоторые другие позволяют утверждать значимость Бога в культурном сознании русских – во внешнем и внутреннем благополучии, что ставится выше других ценностей. В то же время русская пословица предупреждает, что во всем уповать на Бога и бездействовать нельзя: *Богу молись, а в делах не плошись; На Бога надейся, а сам не плошай; Богу молись, а к берегу гребись* (Даль 1903-1909: 64-65); современный канадский собиратель пословиц В. Плавюк в своей книге «Приповідки або українсько-народна філософія» представил украинские паремии с компонентом «Бог», напр.: *Без Бога ані до порога; Береженого Бог береже, а козака шабля стереже; Бога не гніви, а чорта не дразни; Бог відкладає, але не забуває; Бог дав, Бог взяв; Бог дасть долю і в чистім полю; Боже, помози, а ти, небоже, не лежи* (Плавюк 2018: 1); белорусские паремии представляют так благополучие: *Бог не гуляе, шмат палатна мае, бедным сумкі наготовляе; Бог не гуляе: усе на свеце мяняе; Бог не дзіця дурняў слушаць; Бог не роўна дзеліць: аднаму дае шмат, а другому мала; Бог падманам жыве: у аднаго адбярэ, а другому дасць; Бог сірот любіць, але долі не дае*. Белорусская пословица *Той не чалавек, хто думае толькі пра сябе, а той чалавек, хто думае пра людзей* иллюстрирует сакральную христоцентричную направленность – жить ради других (МРБС 2017: 2-3).

Таким образом, концепт «благополучие» в современной паремиологии представлен такими дифференциаторами: благополучие как духовный дар; телесное здоровье; социальный статус; материальный достаток; нравственный показатель.

Аспекты интерпретации концепта «благополучия» отображают сложную и противоречивую природу самого концепта как сакрального и профанного явления. Согласно с рклигиозным вектором познания «благополучие» рассматривается как состояние христоцентричности – радости от самопожертвования и любви к Богу и людям; с нравственным – умением создавать душевный комфорт для себя и окружающих; с физическим – обладать крепким телесным здоровьем; социальным – высокое социальное положение, может быть, любыми возможными путями; материальным – владение финансовыми потоками и недвижимостью.

Концепт «благополучие» как единица познания переходит от личности на концептосферу общества, а потом на культуру целого сообщества; позже он представляет фиксацию коллективного опыта, который становится приобретением одной языковой личности. Основоположник лингвокультурологической концепции В. Гумбольдт писал: «В языке, как в вечно повторяющейся работе духа не может быть ни минуты застоя, его природа – это непрерывное развитие под влиянием духовной силы каждого говорящего. Дух

непрестанно стремится внести в язык что-то новое, чтобы, воплотив в него это новое, опять стать под его влияние» (Гумбольдт 2000: 372).

В нашем исследовании диахронический срез лексикографических источников разных эпох; анализ сакральных фразеологических единиц русского, украинского, белорусского языков показал, что одновременно в речевой практике и в лексикографических источниках сосуществуют как сакральная семантика концепта – мифологическая, религиозная, так и обмирщенная (десакральная, профанная), никак не сочетающаяся с религиозным сознанием языковой личности. Ведь появление церковнославянских слов, словообразовательных заимствований, среди которых и появилась лексема «благополучие», обязано Благой Вести.

Таким образом, концепт «благополучие» объединяет во внутренней форме слова два противоположных полюса – полюс динамики (в данном случае, десакрализации) и полюс удержания – (сакрализации), между которыми и разворачивается концептуальное поле «благополучия». Потенциальная субъективность концепта «благополучие» объединяет общую идею отдельно выбранной эпохи и сакрального понимания, которые помогают выяснить идею изначальной репрезентации внутренней формы слова.

Список литературы

- Аверинцев С.С. (1990): Предварительные заметки к изучению средневековой эстетики / Древнерусское искусство: (Зарубежные связи), Москва: Наука
- Владимирова Т.Е. (2018): Русская филология и духовный потенциал языка/ материалы XVIII Международной научно-практической конференции «Русское культурное пространство: коммуникативные аспекты». Москва: МГУ ИРЯиК имени Ломоносова, 128-132
- Грицанов А.А. (2003): Новейший философский словарь. Минск: Книжный дом
- Гумбольдт В. фон (2000): Язык и философия культуры. Москва: Прогресс
- Даль В.И. (1903-1909): Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х томах. СПб: Вольф.
- Делез Ж., Гваттари Ф. (1998): Что такое философия? Москва: Институт экспериментальной социологии
- Ефремова Т.Ф. (2000): Толковый словарь Ефремовой. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. Москва: Русский язык
- Лихачев Д.С. (1993): Концептосфера русского языка, Известия РАН – СЛЯ, 52, 3-9.
- Ожегов С.И. (2007): Ожегов С. И. Словарь русского языка. Москва: Оникс, Мир и Образование

- Рыбаков Б.А. (1980): Языческое мировоззрение русского средневековья / Вопросы истории. Москва: Наука
- Святитель Тихон Задонский (2017): Сокровище духовное от мира собираемое. Киев: Киево-Печерская Лавра
- СДСЯ (1899): Словарь древнего славянского языка, составленный по Остромирову Евангелию / под ред. Ф. Миклошичу, Ф.Х. Востокову, Я.И. Бередникову и И.С. Кочетову. Спб
- СДЭС (2012): Славянские древности. Этнолингвистический словарь: В 5 тт. Под ред. Н.И. Толстого). Москва: Международные отношения
- Срезневский И.И. (1912): Материалы для словаря древнерусского языка: В 3-х томах. СПб: Тип. определения русского языка и словесности императорской Академии наук
- Степанов Ю.С. (2001): Константы: словарь русской культуры. Опыт исследования. Москва: Школа «Языки русской культуры».
- СЦСРЯ (1874): Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым Отделением Императорской Академии Наук. Спб
- ТСРЯ (1934-1940): Толковый словарь русского языка: В 4 томах / Под ред. Д. Н. Ушакова. Москва : Гос. ин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов. Феофан Затворник (2000): Собрание писем. Свято-Успенского Псково-Печерский монастырь: Паломник
- ФСУМ (2003): Фразеологічний словник української мови : в 2 кн. – Київ: Наук. думка.
- Шкуран О.В. (2011): Національно-культурне підґрунтя компаративних фразеологізмів східнослов'янських та східностепових говірок Середнього Подінців'я. Луганськ: ДЗ «ЛНУ імені Тараса Шевченка».
- Шпет Г.Г. (2005): Явление и смысл / Мысль и Слово. Москва: Избранные труды.
- Беринда П.(1961): «Лексіконъ славенорусскій и именъ Тлъкованіе» / Підг. тексту і вступ. ст. В. В. Німчука. – Киев. URL: <http://litopys.org.ua/berlex/be.htm> (дата обращения: 29.02.17).
- МРБС (2017): Малый русско-белорусский словарь. URL: www.classes.ru/all-byelorussian/dictionary-russian-byelorussian-proverb-term-185 (дата обращения: 28.05.18).
- Национальный корпус русского языка. Олег Головин. Коллективный Маугли (2003) // «Завтра», 2003.08.13. Александр Дорофеев. Эле-Фантик // «Мурзилка», 2003. Сергей Довлатов. Дорога в новую квартиру (1987). Александр Солженицын. В круге первом, т.1, гл. 1-25 (1968). Д. Менделеева, Ю. Ратанов. Психотерапевт: Что прячут счастливые аккаунты соцсетей? (2015.11.06). Александр Аничкин. Brent просит пощады // «Огонек», 2015. URL: <http://ruscorporu.ru/> (дата обращения: 27.05.18)

Плав'юк В. (2018): Приповідки або українсько-народна філософія. URL: <https://mala.storinka.org/приказки-про-бога-з-книги-волоимира-плав'юка> (дата обращения: 28.05.18).

ЭСБЕ (1890-1907): Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Лейпциг, СПб. URL: <http://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 27.05.18)

RUSSIAN AMONG THE EUROPEAN LANGUAGES

Holger Baumann

*University of Erfurt, Germany
holger.baumann@uni-erfurt.de*

ABSTRACT

In this paper, the Russian language will be discussed from the viewpoint of areal linguistics. From the viewpoint of areal linguistics the Russian language belongs both to the European linguistic area and to the Eurasian linguistic area. In the following paper there will be special focus on the European linguistic area – following B. L. Whorf’s terminology also known as Standard Average European (SAE).

Keywords: European linguistic area, Russian, German, Czech, Spanish

In this paper, the Russian language will be discussed from the viewpoint of areal linguistics. The central category of areal linguistics is the Sprachbund or the linguistic area (Russ. языковой союз). The linguistic area includes languages with common structural features which have developed on the basis of language contact. From the viewpoint of areal linguistics the Russian language belongs both to the European linguistic area and to the Eurasian linguistic area. In the following paper there will be special focus on the European linguistic area (for the Eurasian linguistic area cf. Jakobson 1962: 144). The European linguistic area – following B. L. Whorf’s terminology also known as Standard Average European (SAE) – includes the Indoeuropean languages of the European area (except Celtic); in addition Finnish, Estonian, Hungarian, Georgian and Maltese are also included. In scholarly literature the following features are quoted as the main features of SAE (cf. Haspelmath 2001: 1492):

- (1) definite and indefinite articles
- (2) relative clauses with relative pronouns
- (3) ‘have’-perfect
- (4) nominative experiencers
- (5) the participial passive
- (6) anticausative prominence
- (7) dative external possessors
- (8) negative pronouns and lack of verbal negation
- (9) particles in comparative constructions
- (10) relative-based equative constructions

(11) subject person affixes as strict agreement markers

(12) intensifier-reflexive differentiation

The above-mentioned SAE features shall be compared here to Russian, German, Czech and Spanish. Further there will be special focus on the use of the verb ‘have’ in Russian, German, Czech and Spanish (‘have’-perfect and other ‘have’-constructions).

Definite and indefinite articles occur in German and Spanish, but not in Russian and Czech:

der/ein Junge, die/eine Tür, das/ein Haus;

el/un muchacho, la/una puerta, la/una casa.

In Russian and Czech there is no article. The determination/indetermination of the noun is expressed by other linguistic means, for instance by lexical means:

этот/один мальчик, эта/одна книга, это/одно пальто;

ten/jeden chlapec, ta/jedna kniha, to/jedno dítě.

Relative clauses using relative pronouns are a common feature of Russian and also of German, Czech and Spanish:

Он знал, что нужно делать.

Es geschah, was geschehen musste.

Vyhrali, což nikdo nečekal.

Todo lo que me escribes es muy interesante.

Perfect constructions using the transitive verb ‘have’ occur in German, Spanish and Czech, but not in Russian:

Ich habe den Brief geschrieben. (perfect 1 ‘have’ as an auxiliary)

He escrito la carta. (perfect 1)

Tengo la carta escrita. (perfect 2 ‘have’ as a copula)

Mám dopis napsán. (perfect 2)

For Russian cf.:

Ich habe den Brief geschrieben. He escrito la carta. Я написал письмо.

Tengo la carta escrita. Mám dopis napsán. Письмо написано (мною).

In SAE experience, feeling, state of health and the like are generally expressed by a construction where the experiencer is the subject of the sentence (nominative experiencer). Constructions of this type also appear in German and Spanish:

Ich friere. Ich habe Hunger. Ich habe Kopfschmerzen. Ich bin müde. Ich mag das Lied.

Tengo frío. Tengo hambre. Tengo dolor de cabeza. Tengo sueño. Estoy cansado.

At the same time, constructions appear quite frequently where the experiencer is the object of the sentence (dative/accusative experiencer):

Mir ist kalt. Mich friert (archaic). Mir tut der Kopf weh. Das Lied gefällt mir. Es tut mir leid.

Me duele la cabeza. Me gusta la canción.

In Czech there are subject constructions and, to a great extent, also object constructions for expressing the experiencer:

Mrznu. Je mi zima. Mám hlad. Bolí mě hlava. Jsem unavený. Mám rád tu píseň. Líbí se mi ta píseň.

Je mi líto.

In Russian there are subject constructions for expressing the experiencer, but object constructions are the characteristic feature:

Мёрзну. Мне холодно. Мне хочется есть. Мне хочется спать. Люблю эту песню. Мне нравится эта песня. Мне жаль. Меня знобит. Ребёнок лихорадил (archaic). Его лихорадило.

Moreover, in Russian the experiencer may be expressed by means of an adverbial construction in combination with the preposition *у* (which requires the genitive):

У меня болит голова. У меня ломит спину. У меня мёрзнут руки.

Passive constructions with participles are common in Russian, German, Czech and Spanish:

Окно было закрыто.

Das Fenster war geschlossen.

Okno bylo zavřeno.

La ventana estaba cerrada.

Anticausative verbs provide another feature which is common to all the languages mentioned here.

In the relation “inchoative verb – causative verb”, the causative verb is the derivational basis for the formation of the inchoative verb:

измениться (from „изменить“), открыться (from „открыть“);

sich verändern (from „verändern“), sich öffnen (from „öffnen“);

změnit se (from „změnit“), otevřít se (from „otevřít“);

cambiarse en algo (from „cambiar“), abrirse (from „abrir“).

In the Russian sentences “Он наступил ей на ногу. Она мыла ребёнку голову. Он сломал себе руку.”, the possessor is expressed by a separate noun phrase in the dative (dative external possessor).

This type of construction is also typical of German, Czech and Spanish:

Er trat ihr auf den Fuß. Sie wusch dem Kind die Haare. Er brach sich den Arm.

On šlapl ji na nohu. Ona myla dítěti vlasy. On zlomil si ruku.

Él le pisó el pie. Ella lavaba al niño el pelo. (Ella le lavaba el pelo al niño.) Él se rompió el brazo.

The combination negative pronoun + verb with lack of verbal negation occurs in the German language:

Niemand kam. Er weiß nichts.

In Russian and Czech there must be verbal negation:

Никто не пришёл. Он ничего не знает.

Nikdo nepřišel. On nic neví.

In the Spanish sentence verbal negation does occur or does not occur, according to the word order:

No vino nadie. Nadie vino. No sabe nada. Nada le interesa.

Comparative constructions with particles and relative-based equative constructions are common in the Russian language and also in German, Czech and Spanish:

Мой брат моложе чем я. Он такой же большой, как я.

Mein Bruder ist jünger als ich. Er ist so groß wie ich.

Můj bratr je mladší než já. Je tak velký jako já.

Mi hermano es más joven que yo. Es tan alto como yo.

In German, personal affixes only act as markers of agreement between the verb and the verb's subject. They cannot have a referential function on their own. In the sentences “*Wohin gehst Du? Ich gehe in die Stadt.*”, the personal pronouns cannot be omitted.

In Russian, personal affixes can have a referential function on their own. Personal pronouns can be omitted (in detail, in constructions of the first and second person, singular/plural, present/future tense; in the past tense there are no personal affixes):

Куда идёшь? Иду в город.

In Czech and Spanish personal pronouns are usually omitted:

Kam jdeš? Jdu do kina. Kam jste jel? Jel jsem do Prahy.

¿Adónde vas? Voy al cine. ¿Cómo te llamas? Me llamo Pedro.

The formal differentiation of intensifiers and reflexive pronouns is a feature that applies to all the languages examined here:

сам (intensifier, determinative pronoun) – себя (reflexive pronoun), selbst – sich,

sám – se, mismo – se;

Он сам себя судил. Er hat sich selbst gerichtet. Soudil sám sebe. Él mismo se juzgaba.

Russian belongs to the European linguistic area as it shares a number of features of Standard Average European, such as relative clauses with relative pronouns, the participial passive, anticausative prominence, dative external possessors, particles in comparative constructions, relative-based equative constructions, intensifier-reflexive differentiation. On the other hand, there are some features that the Russian language does not share with SAE, such as definite and indefinite articles, ‘have’-perfect, nominative experiencers, negative pronouns and lack of verbal negation, subject person

affixes as strict agreement markers. Further there will be special focus on the polyfunctional use of the verb ‘have’ as an example of a feature that Russian does not share with SAE.

Most of the European languages use several ‘have’-constructions, including ‘have’-perfect and so they are classified as ‘have’-languages. All Germanic and Romance languages are ‘have’-languages. There are also ‘have’-languages among the Slavic languages (Czech, Slovakian). Russian makes use of the transitive verb ‘have’ with a large number of restrictions. It is a ‘be’-language.

In German the transitive verb ‘have’ occurs in constructions of the type *Geld haben, ein Motorrad haben, Freunde haben, Kinder haben* (implying “possession”). Constructions of this type occur also in Spanish, Czech and in Russian:

tener dinero, tener una motocicleta, tener amigos, tener hijos;

mít peníze, mít motocykl, mít přátele, mít děti;

иметь деньги, иметь мотоцикл, иметь друзей, иметь детей.

There are highly formal expressions in German, such as *die Ehre haben, das Wort haben, Bedeutung haben, den Wunsch haben, die Fähigkeit haben, die Möglichkeit haben, das Ziel haben, die Aufgabe haben*.

The same highly formal expressions using the verb ‘have’ also exist in Spanish, Czech and Russian: *tener el honor, tener la palabra, tener importancia, tener el deseo, tener la aptitud, tener la posibilidad, tener como meta, tener la función;*

mít čest, mít slovo, mít význam, mít přání, mít schopnost, mít možnost, mít cíl, mít úkol;

иметь честь, иметь слово, иметь значение, иметь желание, иметь способность, иметь возможность, иметь цель, иметь задачу.

In German the verb ‘have’ can be used to mean “to hold”:

die Tasche in der Hand haben, das Kind im Arm haben, die Hände in den Taschen haben.

This use of ‘have’ is also common to Spanish and Czech, but not to Russian which uses the verb *держат*:

tener la bolsa en las manos, tener la hija/el hijo en los brazos, tener las manos en los bolsillos;

mít v ruce tašku, mít dítě v náručí, mít ruce v kapsách;

держат сумку в руке, держать ребёнка на руках, держать руки в карманах.

German, Spanish and Czech utilize the verb ‘have’ in constructions with the meaning “to be dressed”:

eine Jacke anhaben, ein Kleid anhaben, einen Mantel anhaben;

tener puesta la chaqueta, tener puesto el vestido, tener puesto el abrigo;

mít na sobě kabát, mít na sobě šaty, mít na sobě plášť’.

In Russian there are no ‘have’-constructions with that meaning, but to express this idea, there are ‘be’-constructions or other alternatives:

(на+prepos.case+быть) куртка, платье, пальто;

носить куртку, платье, пальто.

In German, Spanish and Czech, attributes of a person (outside, inside qualities) are expressed by a ‘have’-construction:

blaue Augen haben, eine schöne Stimme haben, kurzes Haar haben, ein ruhiges Gewissen haben, ein gutes Herz haben;

tener ojos azules, tener voz hermosa, tener pelo corto, tener la conciencia tranquila, tener un corazón de oro;

mít modré oči, mít krásný hlas, mít krátké vlasy, mít čisté svědomí, mít dobré srdce.

In Russian, attributes of a person are expressed by a ‘be’-construction:

(у+gen.+быть) синие глаза, красивый голос, короткие волосы, чистая совесть, доброе сердце.

In German, Spanish and Czech, a physical or mental state of a person is expressed by ‘have’-constructions:

Husten haben, Fieber haben, Hunger haben, Angst haben, Lust haben, gute Laune haben;

tener tos, tener fiebre, tener hambre, tener miedo, tener ganas, tener buen humor;

mít kašel, mít horečku, mít hlad, mít strach, mít chut’, mít dobrou náladu.

Russian in this context doesn’t use ‘have’-constructions:

(у+gen.+быть) кашель, жар, хорошее настроение; быть голодным;

(dat.+быть) страшно; (dat.) хочется.

In Spanish, the age of a person is also expressed by a ‘have’-construction:

Tengo 20 años.

In Czech, there is a ‘be’-construction, and a ‘have’-construction too:

Je mi 20 let. Mám 20 let.

For Russian and German cf.:

Мне 20 лет. Ich bin 20 Jahre alt.

In German, Spanish and Czech, the verb ‘have’ occurs in constructions where it means “to participate in”:

Unterricht haben, Vorlesung haben, Seminar haben, Prüfung haben, (Unterricht im Fach) Russisch haben;

tener clase, tener un seminario, tener examen, tener clase de ruso /tener ruso;

mít vyučování, mít přednášku, mít seminář, mít zkoušku, mít ruštinu.

In Russian, the verb ‘have’ is not used with the meaning of “participation”:

(*y+gen.+быть*) занятия, лекция, семинар, экзамен, русский язык.

Furthermore, in Czech, the verb ‘have’ occurs in constructions with prepositional phrases where it means “have passed, do not have anymore/any longer”:

mít po zkoušce, mít po starostech

(*have + prepositional phrase with after*).

Germ.: *die Prüfung hinter sich haben, keine Sorgen mehr haben, ausgesorgt haben.*

Span.: *haber aprobado el examen, ya no tener más preocupaciones.*

Russ.: *выдержать, пройти экзамен, освободиться от забот, отмучиться.*

Existential relation in German, Spanish and Czech may be expressed by the verb ‘have’:

Heute haben wir schönes Wetter. Heute haben wir Mittwoch.

Hoy tenemos buen tiempo. Allí hay un teatro. Mañana no hay clase.

Dnes máme hezké počasí. Dnes máme středu.

In Russian there is no ‘have’-construction for denoting existential relation:

Сегодня хорошая погода. Сегодня среда.

In German, Spanish and Czech, the verb ‘have’ may appear in combination with an adjective (adverb):

es eilig haben, es nötig haben, es weit haben, es satt (genug) haben;

tener libre, tenerlo difícil, tenerlo fácil, tenerlo claro, tenerlo oscuro;

mít naspěch, mít zapotřebí, mít daleko, mít dost.

In Russian, there are no constructions corresponding to this use:

(*dat.+быть*) *к спеху, нужно, далеко; (dat.) надоело.*

Perfect constructions using the verb ‘have’ occur in German, Spanish and Czech, but not in Russian (see above).

Last but not least ‘have’ in German, Spanish and Czech serves as a modal verb (“to have to, to be obliged”):

Du hast zu antworten. Tienes que responder. Máš odpovídat.

Russ.: *Тебе следует отвечать.*

In Czech, the construction *have + prepositional phrase with to* means “to oblige so. to do sth.”:

mít k práci, mít k učení.

Germ.: *zur Arbeit anhalten, zum Lernen anhalten.*

Span.: *obligar a trabajar, obligar a estudiar.*

Russ.: *заставлять работать, заставлять учиться.*

As mentioned before, most of the languages in Europe are 'have'-languages. In contrast to this, most of the languages in the world – amongst them Finno-Ugrian and eastern Indo-European – are 'be'-languages.

Russian is a European 'be'-language. Together with other European 'be'-languages, it is placed on the periphery of SAE, where it acts as a bridge that connects the European languages to the languages of the world.

References

- Filipec, J., Daneš, F.: Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost. Praha 1998
- Giger, M.: Resultativa im modernen Tschechischen. Bern 2003
- Haspelmath, M.: The European linguistic area: Standard Average European. In: Haspelmath, M., König, E. (eds.): Language Typology and Language Universals. Volume 2. Berlin/New York 2001, 1492-1510
- Hinrichs, U. (ed.): Handbuch der Eurolinguistik. Wiesbaden 2010
- Isačenko, A. V.: On 'have'- and 'be'-languages. In: Flier, M. S. (ed.): Slavic Forum. The Hague/Paris 1974, 43-77
- Jakobson, R.: К характеристике евразийского языкового союза. In: Jakobson, R.: Phonological Studies. The Hague 1962, 144-201
- Moliner, M.: Diccionario de uso del español. Edición abreviada. Madrid 2000
- Paul, H.: Deutsches Wörterbuch. Tübingen 2002
- Stadnik, E.: Das Slawische im eurasischen Zusammenhang. In: Gladrow, W. (ed.): Die slawischen Sprachen im aktuellen Funktionieren und historischen Kontakt. Frankfurt/M. 2003, 51-67
- Sternemann, R., Gutschmidt, K.: Einführung in die vergleichende Sprachwissenschaft. Berlin 1989
- Trubetzkoy, N.: Proposition 16. In: Actes du Premier Congrès International de Linguistes. Leiden (1928). Reprint Nendeln/Liechtenstein 1972, 17-18
- Whorf, B. L.: The relation of habitual thought and behavior to language. In: Whorf, B. L.: Language, thought, and reality. Cambridge, Mass. 1962, 134-159
- Wiemer, B., Giger, M.: Resultativa in den nordslavischen und baltischen Sprachen. München 2005
- Арутюнова, Н. Д.: Язык и мир человека. Москва 1999 (Часть IX: Пространство и бытие, 737-792)
- Ожегов, С. И., Шведова, Н. Ю.: Толковый словарь русского языка. Москва 1992

GERMAN BORROWINGS IN THE RUSSIAN LANGUAGE FORM THE AGE OF PETER THE GREAT AND THEIR EXISTENCE TODAY

(On materials from N. Smirnov's dictionary *Словарь иностранных слов, вошедших в русский язык в эпоху Петра Великого, 1910*)

Marinela Paraskova Mladenova
South-West University "Neofit Rilski" Blagoevgrad, Bulgaria
marinela_mladenova@abv.bg

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ НЕМЕЦКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ ЭПОХИ ПЕТРА ВЕЛИКОГО И ИХ НЫНЕШНЯЯ СУДЬБА

(На материале словаря Н. Смирного *Словарь иностранных слов, вошедших в русский язык в эпоху Петра Великого, 1910*)

Маринела Параскова Младенова
Юго-западный университет им. «Неофита Рильского», Благоевград, Болгария

ABSTRACT

In the Russian cultural history the Age of Peter I is a symbol of reforms that transformed thoroughly Russia and its society at that time. These reforms affected the language directly, which was distinctively observed in its most dynamic system – the lexical one. Based on the excerpted material from Smirnov's dictionary, the main thematic groups to which the German borrowings refer are presented; the archaisms and the historicisms are differentiated in the total volume of excerpted lexis, also, some transformations in the semantics of lexemes with active use in the modern Russian language are commented on.

АННОТАЦИЯ

В русской культурной истории эпоха Петра I является символом реформ, преобразовавших Россию и общество того времени. Эти реформы затрагивают непосредственно язык, отчетливо рефлексировывают на его самую динамическую систему – лексическую. Из западноевропейских языков в русский вошло большое число заимствований, часть этой лексики и по сегодняшний день активно функционирует в системе русского языка. На основании экцерпированного материала из словаря Н. Смирного, в докладе представлены основные тематические группы, к которым относятся заимствованные слова из немецкого языка, дифференцируются архаизмы и историзмы в общем объеме экцерпированной лексики, комментируются некоторые трансформации в семантике лексем с активным употреблением в современном русском языке.

Key words: Russian language, borrowings, German language, 18 century, the Age of Peter I

Ключевые слова: русский язык, заимствованные слова, немецкий язык, 18 век, эпоха Петра I.

*The investigation was held within the framework of the project **Knowledge Exchange and Academic Cultures. Europe and the Black Sea Region***. This project received funding from the European Union's Horizon 2020 research and innovation programme under grant agreement No 734645.

The first occurrences of borrowed words from Western European languages in the Russian language can be traced far back in time (Birzhakova 1972, Kuvshinova 2012, (Potemkina 1971 etc.), but the researchers of its history are unanimous that the first big wave of Western European lexis refers to the Age of Peter I (Sorokin 1964: 43). According to Birzhakova's data, 52% of the total number of borrowed words entered in the 18th century actually took place within the Age of Peter the Great. (Birzhakova 1972: 170, 172). The transfer of people, ideas, technologies, scientific achievements in the direction from Western Europe to Russia shook fundamentally the layers of the then Russian society affecting its language directly which particularly reflected on its vocabulary. Vinogradov points out that the "Europeanization" of the Russian language from the time of Peter I bears the distinctive trace of the government regime (Vinogradov 1982: 59-60). The reorganization of the Army, the establishment of the Navy, the restructuring of the state-administrative apparatus, the instruction of translators and specialists in various scientific fields, the establishment of close diplomatic, trade, military, political and cultural relations with a number of Western European countries were prerequisites for a significant amount of new words (mainly from German, French, English, Dutch and Italian) to enter in the Russian language, a part of which still belong to its active vocabulary. As one of the first attempts to gather and present the Russian Western European vocabulary from the time of Peter I should be considered N. Smirnov's *Словарь иностранных слов, вошедших в русский язык в эпоху Петра Великого*, 1910. Despite the various critical remarks concerning the selection of sources of excerption, the chronology of a part of the borrowings and the ways of their adoption (Ogienko 1911: 356), (Sobolevskiy 2006: 510-515) and others, Smirnov's dictionary is among the main sources, to which all researchers of the history of language contacts and borrowings in the Russian language from the early 18th century refer. In terms of sporadicity and intensity of borrowing foreign words, some researchers compared the Age of Peter I to the post-Soviet period. Grigoryeva notes that "As a matter of fact, regarding the degree of openness to foreign languages Post-Soviet Russia can be compared to the Age of Peter I [...] During this age the foreign words were used without a measure, sense and need. (Grigoryeva 2009:39,40).

The intensive adoption of foreign words was expressively compared to a "flood" and "linguistic intervention" (Kostomarov 1993), (Sklyarevskaya 2001) etc.), while the anxiety about the

“purity of language” in articles of recent times found its analogue in a number of post-Peter’s Age publications and in the early stages of building the Modern Russian language.

These parallels awaken interest in the fate of the first large wave of Western European borrowings in the Russian language and raise a number of questions: how many of them have been preserved in the active vocabulary today, what is the percentage of the so-called “barbarisms”, how many of these nearly 3000 dictionary units are historisms or archaisms, what changes have occurred in their semantics and so on? An attempt to answer to some of these questions will be made with the idea of looking at the past through the prism of the present with which some authors make analogies.

This investigation focuses the attention on the Western European words presented in *Словарь иностранных слов, вошедших в русский язык в эпоху Петра Великого* and their place in the modern Russian language. Due to the restrictions of the volume, the analysis deals only with the borrowings from German; an analysis of the whole content of the dictionary would help to approach the answers to the questions listed above. The German linguistic influence from the Age of Peter I has been researched within monographs devoted to the issue (Bond, 1974, Sherwood 1969 etc.) and in more general publications on the foreign words in the Russian language, as well as in the courses in History of the Russian Literary Language and in Historical Lexicology (Some of them refer to an earlier or later period (Tokareva 2003, Otten 1985, Gainullina 2007 etc). Detailed bibliography from the end of the 19th century to 1970s can be seen in (Birzhakova 1972: 15-19). Some of the recent publications are focused on the thematic lexis and terminology borrowed from German during this period or from a wider span of time (e.g., administrative terminology (Kuvshinova 2007), marine terminology (Popova 2000), on grammatical or semantic adaptation (Grebinnik 2006), (Kuvshinova 2009), the history of their adoption in the Russian language (Potemkina 1971, Rozen 1991 etc.).

A number of extralinguistic factors were a prerequisite for the German language and culture to play an essential role in the process of massive reforms undertaken by Peter I and the opening of Russia to Europe. (See for details Birzhakova 1972, 24-70, Kuvshinova 2007, Rogge 2017, Semenova, Smagina 2017 etc.). Grebinnik pointed out: „The image of Germany takes a specific place in the Russian culture. Europe is most often presented in a German image in the texts of Russian thinkers. Russia’s interest to the West, in particular to Germany, appeared during the Age of Peter I and in the following years it developed in different interpretations, often inadequate and untimely“ (Grebinnik 2005:103). The contacts were direct - through the German specialists, scholars, students, teachers who had arrived after the emperor’s invitation; the Russian youths who were sent to study in Germany; through the intensive translations from German of socio-political, technical and popular science literature. In 1716 Peter I issued a decree for compulsory learning of German by the clerks in his administration. An important place was given to the German scholars in the structure of the first

Russian Academy of Sciences, established by a decree of the emperor in 1724 based on the example of the Paris Academy of Sciences. Among the academics there were some leading European names, of the first thirteen members, nine were Germans led by their German chairman, and in the first years German was spoken in the academy. (Smagina <http://www.genrogge.ru/grbook/04.htm>, (Birzhakova 1972:33-34).

In terms of language, all this had a multifaceted effect on the Russian vocabulary, terminology and phraseology, on the development of the business style and the formation of the norms of the new etiquette. Vinogradov notes: “Europeanization of the everyday life introduced new words and notions, new forms of expression in the system of everyday life speech of the high classes, respectively changing the norms of the etiquette... The servile expressions, the Eastern formulas of exaggerations of the skills of the addressee and praising them, and the expression of the pitiful self-humiliation disappeared from the style of letter writing” (Vinogradov 1982: 64).

The task to analyze the German borrowings in Smirnov’s dictionary from the point of view of their place in the Modern Russian language suggests outlining the main thematic groups to which they refer; to comment on their composition in regard to the changes that have occurred and to specify how many of them have active use in the modern language. One of the problems that researchers of foreign language borrowings face is to define the time of borrowing a given lexeme. For some of the scholars, this is the first fixation of the word, others take into account its background in the source language and note that one and the same material may undergo “several acts of borrowing” (See for more details Kuvshinova 2012:108). Smirnov faced this problem, too, when defining the source and the path of adoption of the borrowing, and in the study in his dictionary, he pointed out that: “... the scientific terms appear simultaneously in different forms, in Dutch or English, or German, in French or Italian. And sometimes one and the same concept is expressed in Dutch or English terminology, as it will be shown below...” (Smirnov 1910:4, 13). Bearing in mind these circumstances, while excerpting the language material, these principles were followed:

1. After the relevant word the German language is stated as a source or mediator in borrowing. In cases where more than one language is mentioned as a possible source, only the lexemes in which the German is mentioned first have been excerpted.
2. Out of the total number of words in which German is mentioned as a source, the borrowings that Ogienko denied as such pointing out that they occurred in earlier sources (Ogienko 1911: 361-369), and those which Smirnov noted that they also dated back to the 17th century but were actively used in the Age of Peter the Great have been excluded.
3. The German words that entered through Polish or other languages are not included; only those words supposed to have been borrowed through a direct contact.

After this selection, a total of 576 dictionary units were excerpted, identified by the author as German borrowings. Their thematic range is quite wide, however, several major distinctive groups have been outlined:

1. Lexis related to military and maritime affairs; 2. Administrative lexis; 3. Specialized lexis from different fields of science; 4. Everyday life lexis; 5. Other.

This classification is certainly somewhat conditional in nature, but nevertheless it gives a relatively clear idea of the main thematic areas in which words borrowed from German were distributed.

Each of the excerpted lexemes is analyzed within the thematic group on the following parameters: if it is present in the active vocabulary of the modern Russian language. A criterion to consider this parameter is its presence or absence in the *Большой толковый словарь русского языка* (Kuznetsov 2014). Among the many contemporary lexicographical sources, this dictionary was selected because it is relatively new (it was published in 1998, in 2014 the second edited edition was published); in the preface the author notes that the basic principle of inclusion of a word in the dictionary is its factual use in literary texts, popular scientific publications, journalism, mass periodical press and oral speech. The dictionary also contains the main terminology of modern science and technology, words indicating phenomena and realias from the productive, cultural and social life and includes about 130,000 articles (Kuznetsov 2014).

The words provided in Kuznetsov's dictionary are analyzed regarding their active use in the modern language, their integration is commented on as well. For this purpose, besides the mentioned source, the data from the National Corpus of the Russian language (<http://www.ruscorpora.ru/index.html>), containing more than 600 million lexemes, have been used.

The final stage of the analysis aims at determining what parts of the passive vocabulary (such as those known to the native speakers of the language but not used or are rarely found outside the specialized lexicographical reference books) are described today as *historisms*, *archaisms* or *barbarisms*.

Military and maritime lexis and terminology

A total of 194 lexemes corresponding to these excerption criteria belong to this thematic group. The comparison with Kuznetsov's (Kuznetsov 2014) dictionary and other modern resources (As an additional reference source the online resources of *Словари и энциклопедии на Академике*: <https://dic.academic.ru/> have been used) has shown that for some of them the source was not German, but another language (Distributed as follows: with French origin – 19 lexemes, Latin –15, Dutch –2 and Greek – 1).

After taking into consideration this circumstance, the number of lexemes with unquestionable German origin was reduced to 157. Among them in Kuznetsov's dictionary there are 32 words, of which the borrowings with the highest frequency (in this case frequency means in how many documents the word appears according to the data of the National corpus of the Russian language. The number is given in brackets) are of the type: *бомбардировать* (127); *командировать* (182); *лагерь* (2126); *лозунг* (1327); *маршрут* (1377); *маршировать* (170); *мундир* (1155); *патрулировать* (35); *блокировать* (228); *провиант* (239); *рапира* (32), *шпион* (705); *шпионство* (113); *штаб* (1715). A small part of the lexemes in Kuznetsov's dictionary are defined as historisms (compare e.g., *юнкер*, *камер-юнкер*; *рекрут*; *обер-офицер*, *генерал-адъютант*), and as more specialized military terminology are classified words of the type: *лафет*, *вест*, *берейтор*, *ефрейтор*, *генералитет*, *гауптвахта*, etc. The main part of the vocabulary – 125 lexemes that are out of the content of this dictionary are historisms that name military ranks and positions that existed before 1917 in the Russian army (e.g., *вахмистр*; *генераль-аудиторъ*, *генераль-аудиторъ-лейтенантъ*, *генераль-вагенмейстеръ*, *генераль-гевальдигеръ*, *генераль-губернаторъ*, *генерал-инженеръ*; *генераль-кавалеръ*, *генераль-квартирмейстеръ*, *генераль-квартирмейстеръ-лейтенантъ*, *генераль-кригс-комиссаръ*, *генераль-полицеймейстеръ*, *генераль-фельдмаршалъ*, *генераль-фельдцейгмейстеръ*, *генераль-фискаль*, *генераль-штабъ-квартирмейстеръ*, *генераль-штабъ-фурьеръ* etc.), military concepts and specialized terms of the type *абшинитъ*, *аванжировать*, *гоф штаб квартирмейстер*, *горниверк*, *винтеръ квартира*, *детаашаментъ*, *болверк*, *аркебузировать*, *амбаркироваться*, *экзерциций-мейстеръ*, *шнява*, *эверсъ*, *шуфель*, *ботелерия*, *кессель*, etc. The number of the so called barbarisms is not big. These are words encountered in Smirnov's dictionary and in some other historical dictionaries; a phonetic or morphological adaption is not observed with them and it is likely that they had a highly restricted specialized usage even then. Lexemes of the type: *бедектеръ-везъ*, *белазеръ*, *болвернъ*, *блендунгъ*, *блокиръ*, *кригскассиреръ*, *кригсрехтъ* and others fall into this group. The words that most draw attention are a part of the active vocabulary of the modern language. Although the data from the National Corpus of the Russian language illustrate their frequency only in written texts (and do not contain information concerning the oral communication), it can be agreed that they are representative enough to illustrate the extent of their integration. The integration is connected to the deeper "implantation" of the borrowings in the system of the language and with its reverse influence on it. Maria Popova considers integration as the next stage of the adaptation (Understood as accommodating the foreign word to the graphic, phonetic, morphological and word-formation peculiarities of the receptor language) of the foreign word in the linguistic system by expressing its stronger involvement in the receptor language by participating in the word formation and participating

in secondary nomination (Popova 2003: 141-142). A number of examples illustrating secondary nomination processes in the meanings of borrowed lexemes in their integration into the new language system can be pointed out. This is not in the scope of the present work since such research would significantly exceed the volume of an article. Certain interesting cases are shown below.

Next to the word **лагерь** in Smirnov's dictionary one reads: нѣм. *lager*, лагерь — *о́полчѣніе*.

In Modern Russian a widening of the meaning with which the word was borrowed is observed, as a result a number of secondary uses have been developed. Compare for instance: **лагерь** (*labour camp, concentration camp, political prison, sports camp, pioneers' camp, health care camp, tent camp, etc.*).

The lexeme **бригадир** was borrowed from German with the basic meaning: *a military rank between colonel and general-major in the Russian army during the 18th century (until 1799)*, which defines it as a historism. In Modern Russian the basic meaning of this lexeme is: *supervisor of a shift*. (Kuznetsov 2014) (The interpretations of all meanings below are according to this dictionary).

In Smirnov's dictionary the borrowing **лозунг** is provided with the meaning: **знак**. It has a high frequency in Modern Russian, but its semantics has undergone a significant transformation.

Compare: **лозунг** 1. *An appeal expressing in a short form a leading idea, task or a political requirement;* 2. *A briefly expressed idea, a leading principle in an individual's life,* 3. *A banner with such an appeal.*

The borrowings from the active vocabulary in this thematic group that have preserved without any changes the meaning with which they were listed in Smirnov's dictionary are: *бейотор, генералитет, рапира, лафет, патрулировать маршировать, провиант*. Some partial semantic transformations or developing figurative meanings are observed among the rest of the borrowings.

1. Administrative lexis

In regard to the administrative lexis collected in his dictionary N. Smirnov pointed out: „All these words from the administrative language amount to approximately one fourth of the whole dictionary. As their source of borrowing must be considered the German language since at that time Germany had particularly developed administration“ (Smirnov 1919:5).

The excerption of the German borrowings, following the defined criteria, proves to a large extent this observation; the administrative lexis is the second most numerous thematic group among those outlined above. It consists of a total of 159 lexemes of which 105 have been proven to have a German origin. The remaining 54, according to the modern lexicographic sources have a French origin (10), Greek (3) or Latin (41) origin. Only 17 of the German borrowings have remained in the dictionary of Modern Russian (Kuznetsov 2014): *авторитет (2236), бухгалтер (693), вексель*

(350), плакат (790), позумент (17), политизированный (16), принцесса (754), провинциал (190), регистратор (142), регистратура (13), факультет (1356), формуляр (103), фабрикант (289) штат (1452), щемпель (281), штраф (1109), юрист (876). Regarding historicisms, 72 borrowings can be defined of the following type: *аудієнець-каморъ, бурграфъ, гермейстеръ, гофъ-мейстерина, гофъ-докторъ, гофъ-маклеръ, ербпринц, камердинеръ, камеръ-фрау, камеръ-фрейлина, бергъ-коллегия, ландъ-комиссаръ, полицеймейстеръ* and others. The number of the so called barbarisms is comparatively small – they were not adapted in the language and are found only in Smirnov’s dictionary, e.g., *кассиреръ, ратсштуб, вагенгелтъ, бургарской, бургер, ландъ-сасъ, легаціонъ, лицентъ, матеріалистъ* (a trader of pharmaceutical goods), *препозитъ, регирунгсратъ*, etc. Interesting semantic transformations of the borrowings from the active vocabulary of the language are observed in this thematic group, too. For example, in Smirnov’s dictionary after *плакат* one reads: **Плакатъ**, нѣм. placat, **билетъ**. In Modern Russian, this lexeme is realized with several possible meanings, but none of them corresponds semantically to the one stated by Smirnov.

Compare: **ПЛАКАТ**, -а; м. [*German: Plakat*]. 1. A fascinating image, a drawing with a brief explanatory text fulfilling the tasks of visual agitation and propaganda, information, advertising, instruction in training 2. A large piece of paper, a piece of cloth, etc., containing a call, condemnation, greeting, etc. 3. A variety of art graphics.

The word **Провинциал** in Smirnov’s dictionary has only one meaning: *a governor of the province* (after the meaning of the **провинция** one reads: *voivodeship, guberniya*) and it can be referred to the historicisms. In modern Russian, this lexeme is realized with a basic meaning: **провинциал** – *a resident of the province*, and with a figurative one, marked with disdain: **провинциал** - *a man with limited interests, narrow-minded*.

Регистраторъ, нѣм. Registrator, in Smirnov’s dictionary denotes a low rank in the table of positions and ranks that was introduced by Peter I in 1722. In Modern Russian the lexeme is realized with three meanings, none of them duplicates the one from Smirnov’s dictionary. Compare: **РЕГИСТРАТОР**, -а; м. 1. An official who registers someone or something; 2. An automatic device for registering a phenomenon. 3. Cardboard folder for storing paper with a device for attaching it.

The number of the lexemes from the active vocabulary that have preserved unchanged their meaning when borrowed is considerably small. These are the borrowings *юрист, штраф, штат, факультет, принцесса, бухгалтер, авторитет*.

Specialized lexis from different fields of science

Borrowings from the different fields of the Humanities and Sciences fall into this thematic group. 103 lexemes, which were defined by Smirnov as having German origin, were excerpted from his dictionary. A reference to modern lexicographical sources showed that 40 of them are related to other languages (Latin – 28, French – 3, Greek – 9), thus reducing the total number of German borrowings to 63. Of these, 13 are detected in Kuznetsov's dictionary. The remaining 50 lexemes can be grouped as *historisms*, *archaisms* and *barbarisms*. Present day lexis includes the following borrowings: *абрис, алгебра, ботаник, гипотетический, грифель, криминалист, пастор, позитивный, семинарист, зондировать, шток, зондировать, шпигель, клинкер*.

The borrowings that can be defined as *barbarisms* are words of the type: *дианента, дендендровать, мурверкь, негоцианнь, нордлихть, оподелдохъ, соціететь, шмельть, шталть, экзерцировать, экзаминировать, екзерцициумъ, фишбеинь, шпаргинентъ, экземпль*.

A small part may be defined as *archaisms* and *historisms*. Compare: *канцель, спеціесь-талерь, шпиаутер, шрейберъ* and others.

It is noteworthy that no significant changes in the basic meaning of the lexemes in Kuznetsov's dictionary have been observed in this thematic group. The only exception is the borrowing **фокус** that in Smirnov's dictionary has one meaning noted: "точка зажигания". In the modern language, the lexeme has 5 meanings.

Compare: **Фокусъ, нѣм.** лат. focus. **ФОКУС**, -а; м. [German Fokus from latin focus - очаг]
 1. Физ. Точка, в которой после прохождения оптической системы параллельным пучком лучей последние пересекаются. 2. Точка, в которой фотографируемый или рассматриваемый с помощью оптического прибора предмет имеет наилучшую чёткость, резкость. 3. Мед. Очаг воспалительного процесса. 4. Средоточие, центр. 5. Матем. Постоянная точка, обладающая особыми свойствами по отношению к произвольной точке кривых линий <Фокальный, -ая, -ое (1, 5 зн.). Ф-ые точки. Ф-ая плоскость. Ф-ая поверхность. Фокусный, -ая, -ое (1-2 зн.). Ф-ое расстояние.

Everyday life lexis

The thematic group *Everyday life lexis* is composed of 66 lexemes of which according to modern lexicographic reference books 47 have the German language as a confirmed source of borrowing.

There are 12 borrowings in Kuznetsov's dictionary (one marked as obsolete). These are: *брак, галстук, лацкан, локон, крендель, пакгауз, сталь, торф, шпалеры, шприц, штилеты, флер (obsolete)*.

The number of barbarisms in this group is significant, some of them are: *аузинейзеръ, барбиръ, гантлангеръ, гезель, гербергъ, гзыизъ, гордина, гульфарба, доцеріваніе, доцерунгъ, каламенокъ, кохъ, мундъ-кохъ, нахцгъйхъ, шпингаусъ* etc.

The number of the historisms is comparatively small; borrowings that can be defined as such are: *штивер, фантаж, фердинг, фуражировать*.

Other lexis

The last group encompasses 52 borrowings of various content and semantics that do not belong to the above discussed thematic groups. The analysis reveals that 38 of these lexemes were borrowed from German, of which 6 are present in Kuznetsov's dictionary. From the rest of them 6 are historisms and 26 are archaisms and barbarisms.

Compare: Historisms: *албертусъ-талеръ, рейхсталеръ, кунсткамера, маринъ грошъ.*

Archaisms: *сасофрасъ, танцмейстеръ, принцметалный, сардель, ревелія, фартка, etc.*

It may be suggested that the group of barbarisms consists of words such as: *штокфишъ, антвортенъ, интересентъ, постирунгъ, субмиссія, крон* etc.

The following borrowings can be seen in Kuznetsov's dictionary: *валторнист (7), гобоист(13), гульден (20), negliжировать (16) (с маркер остар.), полировать (52), сигнал (2358).*

All of them, excluding *гульден* and *сигнал*, are given 1 meaning which is identical to what was written in Smirnov's dictionary.

There are 2 meanings listed after the currency *гульден*: *ГУЛЬДЕН [дэ], -а; м. [нем. Gulden] 1. В Нидерландах: основная денежная единица; денежный знак этого достоинства. 2. Во Франции, Германии и некоторых других европейских странах в 13 - 20 вв.: золотая, позднее серебряная монета.*

Up to the present moment both meanings of the lexeme fall into the group of historisms. It is only the borrowing *сигнал* that reveals processes of active semantic and word-formative derivation as a result of which it is realized with 5 meaning in the modern language and is part of a number of collocations.

Compare: **СИГНАЛ**, -а; м. [нем. Signal] **1.** Условный знак для передачи какого-л. сообщения, распоряжения, команды и т.п. Звуковой, световой с. Секретный, условный с. Штормовой с. Морские, дорожные сигналы. С. отправления, подъёма, сбора. С. к атаке, к штурму. Подать с. фонарём, флажком. Протрубить с. Подъём флага - с. к построению. Передаём сигналы точного времени. С. "SOS". **2.** Техн. Передаваемый импульс

или группа импульсов электромагнитной энергии. Кодированный с. Ответный, отражённый с. Импульсный, синусоидальный, частотный с. С. помехи. С. сбой (информ.). Сигналы радиомаяка. Принимать, посылать сигналы (о приборах). 3. Книжн. Проявление существования, функционирования чего-л., вызывающее ответную реакцию какого-л. прибора или организма. Приём сигналов с отдалённых звёзд. Сигналы внеземных цивилизаций. 4. О том, что служит толчком к каким-л. действиям, деятельности. Замораживание кредитов послужило сигналом к прекращению финансирования предприятия. . 5. Предупреждение, сообщение о чём-л. нежелательном <Сигнальчик, -а; м. Ласк.

The high degree of integration of the lexeme in the system of language is confirmed with the data from the National corpus of the Russian language, as well as by the dictionary of the Russian language, where *сигнал* is marked with 53 synonyms (Тришин 2013).

Conclusion

The brief analysis of the German borrowings in N. Smirnov's dictionary that "invaded" the Russian language during the turbulent age of the reformer Peter the Great gives grounds for some general preliminary observations and conclusions.

1. From the total number of lexemes in *Словарь иностранных слов, вошедших в русский язык в эпоху Петра Великого*, 1910, Smirnov defined 574 of them as German borrowings. A comparison with modern lexicographic sources reduces their number to 410.

2. The most numerous is the thematic group related to the military and maritime affairs (157 lexemes). 25 of them are actively used in Modern Russian. The main part of the borrowed words in this thematic field are historisms naming military ranks, positions and concepts in the Russian Army from the period before 1917. The number of the so called barbarisms is insignificant.

3. The borrowed administrative lexis comes to be the thematic group that is second in number. Out of 105 administrative terms all together, there are 17 functioning in the active vocabulary of Modern Russian. The biggest number of lexemes (72) are historisms naming realia and relations that were characteristic to the period before 1917. In this case the number of barbarisms may be qualified as insignificant.

4. The thematic group containing specialized lexis from different fields of science have 50 German borrowings out of 63 that can be classified as historisms, archaisms and barbarisms. The remaining 13 are in Kuznetsov's dictionary and belong to the active vocabulary of the language.

5. What draws the attention is the fact that the biggest number of barbarisms is in the field of everyday life lexis and in the lexemes in section *Other lexis*. From the total number of 85 borrowings

in both sections, there are 18 words in the active vocabulary nowadays. The remaining 67 are historicisms and barbarisms, the latter significantly dominate.

6. The final result shows that out of 410 German borrowings from Smirnov's dictionary 73 lexemes (20%) are in active use nowadays. The basic part of the analyzed material belongs to the passive fund of the language; however, some of the lexemes appear to be unknown out of the specialized historical reference books and texts (the so called barbarisms that were not adapted within the system or had a short-lived presence).

7. An analysis of this type would show even more interesting results if it is applied to the whole lexis in the dictionary under investigation. The data from it are of interest not only to the historical lexicology; they concern the parallels made with the similar processes of intensive language contacts and mutual influences we witness from the end of 20th and the beginning of the 21st century.

References:

Vinogradov, V.V. Виноградов, В. В. (1982): Очерки по истории русского литературного языка XVII- XIX веков, изд. 3-е. М.: Высшая школа.

Gaynullina, N. I. Гайнуллина Н.И. (2007): Заимствованная лексика в "Письмах и бумагах Императора Петра Великого" (дисерт.).

Grebinnik, L.V. Гребинник Л. В.(2005): Процесс заимствования из немецкого языка на фоне взаимодействия двух культур. Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского Серия "Филология" Том 18 (57), № 1, 103–107.

Grebinnik, L. V. Гребинник Л.В. (2006): Морфемно-словообразовательный аспект освоения немецких заимствований в русском языке. Система і структура східнослов'янських мов: Пам'яті академіка Л.А. Булаховського: Зб. наук. праць (Редкол.: В.І. Гончаров (відп. ред.) та ін.), К.: Знання України, 53–58.

Grigoryeva, T. M. Григорьева, Т.М.(2009): «Чужесловие» в русском языке и русской ментальности. Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences, 2, 38–48.

Erishkin, N. Епишкин, Н. (2010): Исторический словарь галлицизмов русского языка. М.: Словарное издательство ЭТС.

Eshterkina, L. V. Ещеркина Л. В. (2015): История проникновения германизмов в структуру русского языка. Управление в современных системах Челябинск: Изд. Южно-Уральский институт управления и экономики, №2, 29–32.

Kiparskij, V. R. Кипарский, В.Р. (1978): Проникновение элементов западноевропейской лексики в русский язык XVII-XVIII веков. Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций XVIII–XIX веков. М.: Наука, 124-128.

- Kostomarov, V. G. Костомаров В.Г. (1993): Русский язык в иноязычном потоке. Русский язык зарубежом. М., № 2.
- Kuvshinova, N. M. Кувшинова Н. М. (2007): Германизмы в русском языке начала XVIII века как отражение исторической эпохи. В: Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского Серия "Филология". Том 20 (59). №3, 43–48.
- Kuvshinova, N. M. Кувшинова Н. М. (2009): Семантическое освоение немецких заимствований. Современные достижения иностранной филологии. Сборник научных трудов. Выпуск 7. Ужгород, 220 – 226.
- Kuvshinova, N. M. Кувшинова Н. М. (2012): Историко-лингвистический анализ немецких лексических заимствований в русском языке XVII – XVIII веков. Науковий часопис НПУ імені М. П. Драгоманова ВИПУСК 8'2012 Серія 9. Сучасні тенденції розвитку мов, 108–114.
- Kuvshinova, N. M. Кувшинова Н. М. (2014): Немецкие заимствования и пути их проникновения в словарный состав русского языка. В: Система і структура східнослов'янських мов, Вип. 7., 168–174.
- Kuznetsov, A. S. Кузнецов, А.С. (2014): Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт.
- Meshterskii, N. A. Мещерский Н.А. (1981): История русского литературного языка. Л.: ЛГУ.
- Ogienko, I. I. Огиенко И.И. (1915): Иноземные элементы в русском языке. История проникновения заимствованных слов в русский язык. Киев, 1915. 136. [https://www.prlib.ru/item/677459\(10.02.2018\)](https://www.prlib.ru/item/677459(10.02.2018)).
- Ogienko, I. I. Огиенко И.И. (1911): К вопросу об иностранных словах, вошедших в русский язык при Петре Великом. Русский филологический вестник. Варшава, Т. 66, № 3–4, 352–369.
- Porova, M. Попова, М. (2003): Термините “адаптация” и “интеграция” при интернационалните заемки. In: Internacionalizmu v nové slovní zásobě. Ústav pro jazyk český. Academie věd České republiky, Praha, p. 141–149.
- Porova, M. V. Попова М. В. (2000): Германские заимствования в русской мореходной терминологии: автореф. дис. канд. филол. наук. Воронеж.
- Potemkina, N. F. Потёмкина Н. Ф. (1971): Из истории немецких заимствований в русском языке // Вопросы русского языкознания. Ученые записки. Т. 98. Рязань, 171–186.
- Reformatorskii, A. A. Реформатский А.А. (1996): Введение в языковедение. Под ред. В.А. Виноградова. М.: Аспект Пресс, 536.
- Rogge, V. O. Рогге, В.О. (2017): Дворянский род Рогге (Rogge). <http://genrogge.ru/> (25.02.2018)
- Rozen, E. V. Розен Е. В. (1991): Немецкая лексика: история и современность. М., 96.

- Sklyarevskaya, G. N. Склеяревская, Г. Н. (2001)”: Слово в меняющемся мире: русский язык начала ххстолетия: состояние, проблемы, перспективы. В: Исследования по славянским языкам. - № 6. Сеул, 177–202.
- Semenova, A. V. Smagina G.I. Семенова, А.Б.Смагина, Г.И. (2017): Немцы в России. Немцы на государственной и военной службе. <http://genrogge.ru/grbook/03-1.htm> (25.02.2018)
- Smirnov, N.A. Смирнов Н.А. (1910): Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху. Сб. отд.яз. и словес. Имп. Акад. наук. Спб., т. 88, №2.
- Sobolevskii, A. Соболевский, А. (2006): Труды по истории русского языка. Т. 2, 510–515.
- Tokareva, I. V. Токарева И.В. (2003): Адаптация немецких лексических заимствований в русском литературном языке (на материале источников рубежа XIX - XX веков) (дисерт.)
- Trishin, V. N. Тришин В.Н. (2013): Словарь синонимов ASIS.
- Bond A. (1974): German Loanwords in the Russian Language of the Petrine Period. Bern.
- Sherwood P.M. (1969): German loanwords in Russian, 1700–1725. Ph.D. thesis, Manchester.
- Thompson D.F (1983): German loan words in 19th century Russian. D.Phil. thesis. Oxford.

GRAMMATICAL GENDER IN NINILCHIK RUSSIAN

Olga Steriopo
Leibniz-ZAS, Germany
steriopo@leibniz-zas.de

ABSTRACT

This work presents an analysis of grammatical gender in Ninilchik Russian, a highly-endangered dialect of Russian spoken in Alaska. Grammatical gender in Ninilchik Russian is compared with that of Contemporary Standard Russian. This is multi-disciplinary research. The anticipated results will be of interest to theoretical linguists, language typologists, language-area specialists, and language educators. Due to the fact that Ninilchik Russian is on the verge of extinction, the findings will also be relevant to the fields of Education and Endangered Language Documentation, Maintenance, and Revitalization.

Key words: Ninilchik Russian, gender features, morphosyntax, mixed gender agreement

* This research was supported by a DFG (German Research Foundation) research grant to Olga Steriopo (4/2016 – 3/2019). Thank you very much to Dr. Mira Bergelson for her helpful comments.

1. Introduction

Ninilchik Russian is a highly-endangered dialect of the Russian language spoken in the village of Ninilchik on the west coast of the Kenai Peninsula in Alaska. The history of Ninilchik Russian dates back to the second half of the 18th century and is connected to a commercial trading company in Alaska called the Russian-American Company (RAC) (Bergelson and Kibrik 2010). Many Russian traders and officers of the RAC married local women of Eskimo-Aleutian, Athapascan, and other Native American origin. As a result, an ethnically mixed group of people emerged, called Creoles. By the mid-19th century, several RAC-retirees decided not to return to Russia and in 1847, a settlement, later named Ninilchik, was founded for them and their families at the mouth of the Ninilchik River. At first, there were only five families living in Ninilchik. However, by the end of the 19th century, over 80 people called the village home. In 1867, the territory of Alaska was sold to the United States. In the decades which followed, Ninilchik residents were relatively isolated. In the 1930s, an English-language school was opened in Ninilchik and the use of Russian was strongly discouraged. As a result, children ceased to acquire Russian as their first language. At present, only very few, elderly speakers of Ninilchik Russian remain. Though their primary language is English, they still recall how Ninilchik Russian was spoken when they were children (Pereltsvaig 2015).

Ninilchik Russian is a unique dialect of the Russian language, particularly with respect to grammatical gender. Daly (1985, 1986) was the first to observe substantial differences between the grammatical

gender systems in Ninilchik Russian (NR) and Standard Russian (SR). First, the neuter gender agreement is non-existent in NR. Forms that are consistently neuter in SR generally trigger masculine (*moj akoška* ‘my.MASC window’) gender agreement in NR. Second, forms that are consistently feminine in SR can trigger either masculine (*durn-óy bába* ‘foolish-MASC woman’) or feminine (*durn-áya bába* ‘foolish-FEM woman’) gender agreement in NR. And third, forms that are consistently masculine in SR tend to trigger masculine gender agreement in NR (*chórn-ay m'idwét* ‘black-MASC bear’). Thus, the following two research questions arise: First, has NR developed its own distinct grammatical gender system? And second, how can we account for substantial differences between the grammatical gender systems in SR and NR?

All data for the current research come from a single source – a recently published dictionary of Ninilchik Russian (Bergelson, Kibrik, Leman, and Raskladkina 2017). Part of a larger research project started by Kibrik and Bergelson in 1997, it is the only existing dictionary of Ninilchik Russian. The dictionary entries do not indicate the grammatical gender of nouns. In order to determine the grammatical gender of a noun, I have analyzed all phrases and sentences in the dictionary that contain grammatical gender agreement.

2. Data

In §2.1, I discuss gender on personal pronouns, and in §2.2, I discuss gender on nouns.

2.1. Personal pronouns in NR

Similarly to SR, singular personal pronouns in NR that refer to male referents trigger masculine grammatical agreement and those that refer to female referents trigger feminine agreement²⁵. Masculine adjectives in NR carry the endings *-ay*, *-oy* and *-iy* in NOM.SG; and feminine adjectives carry the ending *-aya* in NOM.SG (Bergelson and Kibrik 2010; Kantarovich 2012).

- (1) a. *Ya ustál.* ‘I (male) got tired.MASC.’ *Ya ustál-a.* ‘I (female) got tired-FEM.’
 b. *Ya harósh-aya, ya n’i chud’ú.* ‘I (female) am good-FEM, I am not raising hell.’
 c. *T’i pel?* ‘Did you sing.MASC?’ *T’i pél-a?* ‘Did you (female) sing-FEM?’
 d. *Atkúy t’i pr’ishól?* ‘Where did you come.MASC from?’ *Atkúy t’i pr’ishl-á?* ‘Where did you (female) come-FEM from?’

²⁵ There is one exception in the dictionary, in which a male referent seems to trigger feminine agreement in a reflexive construction. Since there is only one such example, it is treated as exceptional and is listed in the *Appendix A* at the end of this work, where I include all data which seem exceptional (exceptionality is determined by a dramatically low occurrence of instances in comparison to the rest of data).

- e. On w'isók-**ay**. 'He is tall-MASC.' Aná w'isók-**aya**. 'She is tall-FEM.'
- f. On úm'ir. 'He died.MASC. Aná um'irl-**á**. 'She died-FEM.'

The neuter personal pronoun *ono* 'it' used in SR is entirely absent in NR and thus not found in the dictionary. Instead, a substantial number of examples include the demonstrative pronoun *eta* 'it/this'.

- (2) a. N'imnóshka rán'shi **éta** búl-**a**. 'It was a little bit earlier.' (SR: et-o byl-o 'It-NEUT was-NEUT')
- b. Ya dúmayu ya **étu** pat'irál. 'I think I've lost it.' (SR: eto poteryal 'it-NEUT lost)
- c. Ya **étu** waz'mú. 'I'll take it.' d. Ya hachú **étu** wz'at'. 'I want to take it.'

The dictionary contains only three instances of the masculine demonstrative pronoun *etat* 'this' (listed in the *Appendix B*). We can treat these cases as exceptional and thus conclude that the demonstrative pronoun *eta* 'this/it', which is used in a vast majority of cases in NR, has the feminine form. The reason for this assumption comes from the data in (2a-d) above, in which (i) *eta* seems to trigger feminine grammatical agreement with the predicate *bul-a*; and (ii) *eta* is used in the Accusative case in exactly the same morphological form as the feminine demonstrative *eta*²⁶ in SR.

2.2. Nouns in NR

There are significant differences between NR and SR grammatical gender both in human animate and inanimate nouns. First, consider human nouns.

2.2.1. Human nouns

In SR, human sex-differentiable nouns that denote males are usually masculine, and those that denote females are feminine. In NR, this seems to only be the case for male nouns, as in (3) below.

- (3) a. Moy at'éts m'in'é mnóga pamagál. 'My.MASC father helped.MASC me a lot.'
- b. Iwón-**ay** s'in mál'in'k-**oy**. 'His-MASC son is small-MASC.'
- c. Bahát-**ay** muzhík 'rich-MASC man'
- d. T'i hud-**óy** mal'chíshka. 'You are a bad-MASC boy.'

²⁶ However, there are also cases, in which the Nominal form *eta* is used instead of the Accusative form *etu*, as in *On m'in'é pradawát' éta*. 'He (is going) to sell it to me.'

When it comes to female nouns, two options are available and productively used by the same speakers of NR: either (i) feminine gender agreement, similarly to SR, or (ii) masculine gender agreement as shown in (4), which is ungrammatical in SR.

- (4) a. *May-á* star'úha 'my-FEM old woman'; *moy* star'úha 'my.MASC old woman'
 b. *May-á* s'istrá 'my-FEM sister'; *moy* s'istrá 'my.MASC sister'
 c. *May-á* zhiná 'my-FEM wife'; *iwón-ay* zhiná 'his-MASC wife'
 d. *Iwón-ay* dóchka tam. 'His-MASC daughter is there.'

There are also two interesting cases of mixed gender agreement in NR that are ungrammatical in SR.

- (5) a. *Iwón-ay* doch mán'in'k-**aya**. 'His-MASC daughter is small-FEM'.
 b. *Násh-iy* dóchka harósh-**aya**. 'Our-MASC daughter is good-FEM.'

In the data (5a-b), the possessive pronouns agree in masculine gender with the female nouns *doch* and *dochka* 'daughter', while the predicative adjectives agree in feminine gender.

It is important to note that in NR, optionally feminine or masculine gender agreement with a female noun is used productively mostly with possessive pronouns. There is only one case of a masculine possessive adjective *bózh-iy* 'God's-MASC' used with the female noun *mat'ir* 'mother' and one controversial case of a masculine attributive adjective *durn-óy* 'foolish' used with the female noun *baba* 'woman'. Both cases are listed in (6).

- (6) a. *Bózh-iy* mát'ir 'God's-MASC mother'
 b. *Durn-óy* bába 'foolish-MASC woman'; *durn-áya* bába 'foolish-FEM woman'

In (6b), a fluent speakers of NR observes that only feminine gender agreement *durn-áya* 'foolish-FEM' is possible with the female noun *baba* 'woman' and considers the masculine agreement *durn-óy* 'foolish-MASC' to be ungrammatical (Bergelson and Kibrik, 2010, pp. 309-310). Yet, the masculine example is listed in the dictionary, which means that it is acceptable among other speakers of NR. We can therefore conclude that there must be speakers' variation when it comes to attributive agreement with female nouns (note that this is the only example of masculine attributive agreement with a female noun, found in the dictionary).

In contrast, when it comes to predicative agreement (verbal or adjectival), feminine gender agreement is productively used with female nouns. Some examples of verbal agreement are given in (7) below; the examples of predicative adjectival agreement were shown earlier (see mixed gender agreement in (5)).

- (7) a. *Moy-á mat' m'in'á paslál-a w kur'átn'ik.* 'My-FEM mother sent-FEM me to the chicken house.'
- b. *Bábushka m'in'é nakarm'il-a.* 'Grandma fed-FEM me.'
- c. *Máma t'ibé zwál-a.* 'Mama was asking-FEM for you (to come).'

2.2.2. Non-human animate and inanimate nouns

A vast majority of masculine nouns that belong to declension class I in SR ($-\emptyset$ ending in NOM.SG), are also masculine in NR, as shown in (8). There are only three entries found in the dictionary (listed in the *Appendix C*), in which such nouns seem to trigger feminine gender agreement with adjectives.

- (8) a. *Bél-ay król'ik* 'white-MASC rabbit'
- b. *Chórn-ay m'idwét'* 'black-MASC bear'; *kár-ay m'id'wét'* 'brown-MASC bear/grizzly bear'
- c. *Wásh-iy dom bal'sh-óy.* 'Your-MASC house is big-MASC.';
- d. *Dom bul krépk-ay.* 'The house was.MASC strong-MASC.'
- e. *Iwón-ay pál'its atrub'ít-ay.* 'His-MASC finger is chopped off-MASC.'
- f. *Mókr-ay sn'ek* 'wet-MASC snow'; *sn'izh-óy shár'ik* 'snow-MASC ball'

Feminine nouns that belong to declension class III in SR (most nouns end in a soft consonant in NOM.SG) trigger masculine gender agreement in NR. Examples are given in (9).

- (9) a. *Kak-óy u was bol'?* 'What-MASC pain do you feel ?/What-MASC sickness do you suffer from?'
- b. *S'íl'n-ay bol'.* 'Strong-MASC pain'/'It hurts a lot.'
- c. *Spakóyn-ay noch!* 'Have a good-MASC night!'
- d. *Pradáy m'in'é tw-oy lóshit'!* 'Sell me your-MASC horse!'

A vast majority of feminine nouns that belong to declension class II in SR ($-a$ ending in NOM.SG) trigger masculine gender agreement in NR, as shown in (10). There are many such examples in the dictionary. However, there are 12 entries of such nouns triggering feminine gender agreement (given

in *Appendix D*). A majority of these nouns can also optionally trigger masculine gender agreement (shown in *Appendix D* as a comparison in brackets).

- (10) a. Sabáka s'ird'ít-**ay**. 'The dog is mean-MASC.' Sabáka m'in'é prógnal. 'The dog chased.MASC me.'
- b. Kúra yáytsu sn'isl-**á**. 'The chicken laid-FEM an egg.'
- c. Krásn-**ay** r'íba 'red-MASC salmon'; swézh-**ay** pr'isól'n-**ay** r'íba 'lightly/freshly salted fish'
- d. R'íba na sétk'i absóh. 'The fish in the nets went dry.MASC.'
- e. D'ík-**ay** kóshka 'wild-MASC cat/lynx'; krásn-**ay** l'is'ítsa 'red-MASC fox'
- f. U t'ibé bal'sh-**óy** galawá a u n'iwó mál'ink-**uy**. 'You have a big-MASC head and he has a small-MASC one.'
- g. Shéya slamál-**sa**. 'The neck broke-REFL.MASC.'
- h. U n'iwó pálachn-**ay** nagá, d'ir'iw'án-**ay**. 'He has a peg-MASC leg, a wooden-MASC (one).'
- i. Rabóta sam n'i pr'id'ót; iwó náda iskát. 'A job won't arrive by itself.MASC; it is necessary to look for it.MASC.; N'ikak-**óy** rabóta n'i l'óhk-**ay**. 'No one-MASC job is easy-MASC.'
- j. Pl'itá swétl-**ay**. 'The stove is shiny-MASC.' Pl'itá pragarél. 'The stove went out.MASC.'

A vast majority of nouns that are neuter in SR trigger masculine gender agreement in NR, as shown in (11). There are four entries in the dictionary in which such nouns trigger feminine gender agreement (given in the *Appendix E* – one of them is also attested with optional masculine agreement). No data triggering neuter gender agreement have been found in the dictionary (see Daly 1986; Bergelson and Kibrik 2010; and Kantarovich 2012 on the loss of neuter gender in NR).

- (11) a. Moy akóshka tsíst-**ay**. 'My.MASC window is clean-MASC.'
- b. Akóshkaslamál-**sa**. 'The window broke-REFL.MASC.'
- c. Balsh-**óy** spas'íba shto zashól. 'Big-MASC thank you for coming/Thanks a lot for coming.'
- d. Chésn-**ay** slówa. 'Honest-MASC word/I bet.'
- e. Dazhiw-**óy** pal'tó 'rain-MASC coat'
- f. A gd'éta tw-**oy** pal'tó? 'Where is your-MASC coat?'
- g. Myása krépk-**ay** 'meat is hard-MASC'; s'ir-**óy** myása 'raw-MASC meat'

- h. Iwón-**ay** mésta ‘his-MASC place (house)’. Éta mésta bal’sh-**óy**. ‘This room is big-MASC.’
 i. Sukawát-**ay** d’ér’iwa ‘knotty-MASC wood (tree)’; suh-**óy** d’ér’iwa ‘dry-MASC wood’
 j. Kátór’-**iy** wrém’ya? What-MASC time is it? (not used by some speakers)

3. Conclusions

Similarly to SR, personal pronouns in NR consistently trigger masculine gender agreement (both attributive and predicative) referring to a male, and feminine gender agreement referring to a female. However, unlike in SR, there is no neuter personal pronoun *ono* ‘it-NEUT’ in NR. Instead, the demonstrative pronoun *eta* ‘it/this’ is used, the forms of which in NOM.SG and ACC.SG seem to correspond to the forms of feminine demonstrative pronoun *eta* ‘this’ in SR (although not in all NR data). This is summarized in table 1.

Table 1. A comparison of personal pronouns in NR and SR

Personal Pronouns	NR	SR
1-st Person Singular	✓	✓
2-nd Person Singular	✓	✓
3-rd Person Singular MASC/FEM	✓	✓
3-rd Personal Singular NEUT	*	✓

A vast majority of non-human animate and inanimate nouns in NR trigger masculine gender agreement (both attributive and predicative). However, there are a number of examples - all listed in the *Appendices C, D, E* - that seem to trigger feminine gender agreement. They are treated as exceptional cases for the following two reasons: (i) the small number of them found in the dictionary; and (ii) most of them can also optionally trigger masculine gender agreement in NR. No nouns have been found triggering neuter gender agreement in NR, unlike in SR. This is summarized in table 2.

Table 2. A comparison of non-human animate and inanimate nouns in NR and SR

Non-human animate and inanimate nouns	NR	SR
Masculine	✓	✓
Feminine	* (12 exceptions)	✓
Neuter	*	✓

Human sex-differentiable nouns in NR present a very interesting case when they denote females. They can productively trigger two kinds of gender agreement with possessive pronouns: (i) masculine and (ii) feminine. In addition, one example of a possessive and one example of attributive adjectives with both kinds of gender agreement have been found. In contrast, in SR, sex-differentiable nouns denoting females can only trigger feminine gender agreement and masculine gender agreement is ungrammatical, as shown in (12) (compare data in SR and NR).

- (12) a. NR: *May-á star'úha* 'my-FEM old woman'; *moy star'úha* 'my.MASC old woman'
 b. SR: *May-á star'úha* 'my-FEM old woman'; **moy star'úha* 'my.MASC old woman'

In addition, sex-differentiable nouns that denote females can trigger mixed gender agreement in NR, which is ungrammatical in SR. Thus, in the sentences (13) below, the possessive pronoun *násh-iy* 'our-MASC' agrees in masculine gender; and the predicative adjective *harósh-aya* 'good-FEM' agrees in feminine gender with the female noun *dóchka* 'daughter'.

- (13) a. NR: *Násh-iy dóchka harósh-aya*. 'Our-MASC daughter is good-FEM.'
 b. SR: **Násh dóchka harósh-aya*. 'Our-MASC daughter is good-FEM.'
Násh-a dóchka harósh-aya. 'Our-FEM daughter is good-FEM.'

In SR, such data are ungrammatical and only feminine gender agreement can be used (see a comparison in (13a-b)). Although mixed gender agreement is attested in SR with nouns denoting female professions (Corbett 1991, Pereltsvaig 2007; Matushansky 2013, Pesetsky 2013, Steriopolo 2018, among others), it is ungrammatical with human sex-differentiable nouns, as, for example, kinship terms. These findings are summarized in table 3.

Table 3. A comparison of human sex-differentiable nouns (denoting females) in NR and SR

Human sex-differentiable nouns	NR	SR
Masculine	✓	*
Feminine	✓	✓
Mixed gender (masc and fem)	✓	*

References

- Bergelson, M., and A. Kibrik. (2010): The Ninilchik variety of Russian: Linguistic heritage of Alaska. *Slavica Helsingiensia* 40. 320-335. Available online: <http://www.ninilchikrussian.com/documents/documents.html>
- Bergelson, M., Kibrik, A., Leman, W., and M. Raskladkina. (2017): A dictionary of Ninilchik Russian. Minuteman Press, Anchorage. Available online: <http://www.ninilchikrussian.com/recordings/recordings.html>
- Corbett, G. (1991): *Gender*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Daly, C. (1985): Russian language death in an Alaskan village. Paper presented at UCB Linguistics colloquium, 10.
- Daly, C. (1986): Evonaj mat' ves' noc television karaulil – His mother watched TV all night long: On the loss of gender as a grammatical category in Alaskan Russian, Ms. 31 pp. Available online: <http://www.ninilchikrussian.com/documents/documents.html>
- Kantarovich, J. (2012): The Linguistic Legacy of Russians in Alaska. *Russian Contact and Linguistic Variation in Alaska, with Special Attention to Ninilchik Russian*. Ms., The University of Chicago. Available online: <http://www.ninilchikrussian.com/documents/documents.html>
- Matushansky, O. (2013): “Gender Confusion.” In *Diagnosing Syntax*, edited by L.L.-S. Cheng and N. Corver, 271–94. Oxford: Oxford University Press.
- Pereltsvaig, A. (2007): *Copular Sentences in Russian*. Springer: The Netherlands.
- Pereltsvaig, A. (2015): The Fast-Disappearing Ninilchik Russian of Alaska—And Some of Its Linguistic Peculiarities. In *Languages Of The World: Exploring The Rich Diversity Of Human Languages*. Available online: <http://www.languagesoftheworld.info/geolinguistics/endangered-languages/fast-disappearing-ninilchik-russian-alaska-linguistic-peculiarities.html>
- Pesetsky, D. (2013): *Russian Case Morphology and the Syntactic Categories*. The MIT Press.
- Steriopolo, O. (2018): “Mixed gender agreement in the case of Russian hybrid nouns.” *Questions and Answers in Linguistics* 5(1): 1–15. Available online: <https://www.degruyter.com/view/j/qal.ahead-of-print/qal-20180001/qal-2018-0001.xml>

Appendix

(Exceptional cases – non-standard use of grammatical gender in NR in NOM.SG)

- A. On *zaikál-as*. ‘He stuttered-REFL.FEM.’ (compare with: *Aná zaikál-asa* ‘She stuttered-REFL.FEM.’)
- B. *Mayá mat' zawál'iwala, a at'éts n'i l'ub'il .. aná at atsá pr'átala .. état zawal'ít.*

‘My mother chewed snoose, but my father did not like it. She was hiding it from my father .. this snoose.’

Wot **état** mashén’ik tam pr’istál. ‘That rogue hassled (us) there.’

Padazhg’í **état** yáshchik! ‘Burn this box!’

C. Ádn-**a** ras ‘one-FEM time’. Ádn-**a** ras sama rás! ‘Once is enough!’

D’ir’ówn-**aya** yaz’ík ‘village-FEM language’ (compare with: Moy az’ík n’i hóchit skazát’ chiwó ya dúmayu. ‘My.MASC tongue does not want to say what I’m thinking.’)

Aná harósh-**aya** pówar. ‘She’s a good cook.’

D. Bába Yagá kost’an-**áya** nagá; nos w patalók wros ‘Old Lady Yaga had a bony-FEM leg; her nose grew to the ceiling’. Usage: An old Russian saying.

Nóga slamát-**aya**. ‘The leg is broken-FEM.’ (compare with: pálachn-**ay** nagá, d’ir’iw’án-**ay** ‘peg-MASC leg, wooden-MASC’; zád-**ay** nagá ‘hind-MASC leg’)

Póln-**aya** wadá ‘high-FEM water/tide’ (compare with: póln-**ay** wadá ‘high-MASC water/tide’)

Réchka bl’íska búl-a. ‘The river was-FEM close.’ (compare with: star-**ay** réchka ‘old-MASC creek’; zast’íl-**ay** réchka ‘frozen-MASC river’)

Chórn-**aya** pt’ítsa ‘black-FEM bird’ (compare with: chórn-**ay** pt’ítsa ‘black-MASC bird’)

Krásn-**aya** br’úshka ‘red-FEM belly/robin’ (compare with: krásn-**ay** br’úshka ‘red-MASC belly’)

Zap’isn-**áya** kn’íshka ‘note-FEM book’ (compare with: moy kn’íga ‘my.MASC book’)

Krásn-**aya** smaród’ina ‘red-FEM currant’; s’ín’-**aya** smaród’ina ‘blue-FEM currant’

Chórn-**aya** tr’íská ‘black-FEM cod’

Éta may-**á** s’imyá. ‘This is my-FEM family.’

Raspúh-l-**a** zhíla. ‘The vein got swollen-FEM.’

Kúra yáytsu sn’isl-**á**. ‘The chicken laid-FEM an egg.’

E. Akóshka atkr’ít-**a**. ‘The window is open-FEM.’ (compare with: Moy akóshka tsíst-**ay**. ‘My.MASC window is clean-MASC.’ Akóshkaslamál-**sa**. ‘The window broke-MASC.REFL’)

Dóbr-**aya** útra! ‘Good-FEM morning!’

Másla pagásl-**a**! ‘The oil burned-FEM out.’

Usage: a rhyme which people in Ninilchik liked to repeat.

Sám-**aya** gláwn-**aya** kushan’a – p’irók. ‘The most-FEM important-FEM food is cak

